Путешествие в душу моря

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

МАКСИМОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

ПУШНИКОВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

Уважаемые читатели!

Автор предлагает Вашему вниманию свой многолетний труд – книгу «Путешествие в душу моря», состоящую из четырех частей: «И дальняя, дальняя дорога», «Море моё», «Под водой» и «Курилы». В этой книге, можно сказать, вся моя жизнь: открывшееся мне в молодые годы предназначение и понимание, что его, во что бы то ни стало, следует осуществить, позвало меня в дальнюю дорогу. Неутомимое следование своим мечтам по этой дальней дороге предполагало самые невероятные открытия и испытания, и, конечно, переживание необыкновенных приключений, озаривших мою душу радостью и богатыми замыслами. Желание неустанного постижения жизни и устремление к Богу подарили мне встречи с удивительными людьми, многих из которых я по-настоящему полюбил, и иногда ставил в пример тому, кто готов был разувериться в жизни.

Более 20 лет работы над книгой приучили меня к мысли, что неумение найти и сказать при этом единственно верную для всех истину не выглядит каким-либо ощутимым недостатком. Возможность всегда быть требовательным к себе определяла эту книгу-полёт, означающую для парящей души, как и для морской птицы, несгибаемую решимость, терпение и волю. Ничем иным, как желанием добиться справедливости и постижения людьми своей природы, она не обусловлена.

В книге описываются события тридцатилетней давности, когда я, на свой страх и риск, отправился в своё главное в жизни путешествие – к самому себе, и уехал на Сахалин, поступать в мореходку. Вскоре мне пришлось уйти с рыбаками в зимний рейс на добычу минтая в Охотское и Берингово море, затем мы ловили в Японском море иваси и сайру, а через два года моё стремление ещё глубже проникнуть в тайны моря завершилось удачным поступлением в школу аквалангистов в Южно-Сахалинске, куда набор был почти завершён. К тому же, после окончания этой школы, всем её курсантам было предложено попробовать свои силы в ловле морских продуктов на юге острова, в лагуне Буссе, где я впервые столкнулся с красотами подводного мира у берегов Сахалина. Но этой подготовки мне оказалось недостаточно и в скором времени я уехал в Воронеж, в Школу водолазов, которую с отличием и закончил, вернувшись же на Сахалин, в качестве аквалангиста и водолаза в течение долгих лет участвовал в научно-исследовательских экспедициях от ТИНРО, СахНИИ и Областного управления Гидрометеослужбы.

Мне посчастливилось побывать почти на всех Курильских островах, Сахалине, острове Тюленьем, Ионе, Командорах и Шантарах, я прошёл Берингово, Охотское и Японское моря, северо-западную часть Тихого океана, полюбил море и корабли, людей, посвятивших себя морю, и по-настоящему проникся этой замечательной стихией, которая до краёв наполнила меня своей неугасающей энергией.

Сахалин, куда я уехал, оказался для меня тем самым обетованным местом, островом удивительных откровений, а выбрал я его интуитивно, разложив перед собой карту Советского Союза. Все моря, окружающие нашу огромную страну, были привлекательны, и почти везде на их берегах располагались мореходки, но почему-то на самом её краю, к тому же – на острове, задело моё сердце Корсаковское мореходное училище, привлёкшее ещё и своим звучанием. Я как-то сразу понял, что именно там обрету недостающее знание, почувствовал это, и стало удивительно легко, радостно. Уехал, даже не дождавшись получения своего университетского диплома, - до того всё предшествующее уже не занимало, казалось несущественным. И вот, обнаружив свою жизненную дорогу, и отправившись по ней, я именно здесь, на острове, до конца осознал для себя, что надо идти по этой дороге дальше, до недосягаемого, куда даже не долетают птицы… Именно здесь во мне открылось желание искать в мире свою жизнь и понимание, что искать её без людей невозможно.

На Сахалине мне открылось, что наши возможности определяются силой нашего желания. Нужно по-настоящему чего-то захотеть и сделать всё для его осуществления. Решимость при этом – основополагающее качество. При незнании мира, не обладая жизненным опытом и интуицией, вы должны решиться совершить шаг на пути постижения себя и Божественного замысла. Первый шаг определяет все остальные, и останавливаться, конечно, не допустимо.

Я для себя однажды сделал этот шаг, возможность совершить его предоставляется только раз в жизни, и из него вышла вся моя последующая судьба, в которой море оказалось чем-то определяющим, вернее – очень важным составляющим, и если я допускал на этом пути ошибки, то они оправданы, это – моё богатство. Без него я не был бы собой, тем, кем я являюсь теперь и был тогда, хотя эта дальняя, очень дальняя дорога постижения себя и окружающего мира нескончаема. Хорошо идти по ней в молодые годы, когда ничто не сдерживает тебя, и тебе не приходится преодолевать зависимость от инстинктов, поскольку душа твоя занята только духовным, принимая во всём Божью волю.

Я часто думал: что делает человека счастливым? Чтобы счастье это присутствовало в тебе всегда, несмотря на какие-либо неприятности в твоей жизни. Оказалось, что цель. Чем значительнее она, тем больше будет у тебя энергии, чем более затратишь усилий в достижении её, тем высшего результата добьёшься.

Один из самых простых законов жизни гласит: для того, чтобы получить, прежде нужно что-то потерять или отдать. К тому же, отдавать мы должны более, чем получаем, причём, самое дорогое, а им для всех нас остаётся время, половину которого мы тратим на то, чтобы придумать – куда девать вторую половину.

Стать свободным – это тоже естественное состояние человека, его души. Но свобода, как и любое другое понятие или умозаключение не может быть

абсолютной, а значит применимо для человека лишь в той степени, в коей он способен ей воспользоваться. Свобода в понимании человека – это возможность выбирать свой путь, внутренняя независимость от каких-либо закостенелых догм, хоть они и кажутся в понимании большинства верными. Ты должен решиться на что-то очень достойное, и тогда у тебя непременно появятся крылья и всё получится.

Работая в море, я как-то сразу и очень просто для себя осознал, что любое счастье зарабатывается. А потом уже тратится, после чего его снова нужно зарабатывать. Работа эта, получается, выглядит как испытания – неприятности, несчастья, трагедии, и если ты сумел сохранить любовь в сердце, получай заработанное счастье. Не сумел – плати кровью, самым дорогим и желанным. Без испытаний невозможно получить счастье, - это закон. Правда, счастье можно получить в виде аванса, но его всё равно придётся отрабатывать. Не лучше ли заложить его основу при жизни, которая дарована тебе нашим Всемогущим Господом? И я приложил все усилия, чтобы осуществить свои мечты, ибо неосуществлённые желания несут одни разрушения.

В силу своей природы человеку невозможно жить там, где ему всё дано: тогда он забывает о своих великих возможностях, дарованных ему Божественным Существованием. В каждом из нас заложены ростки того, чем мы способны стать, а поможет нам в этом только собственная неутомимость. Боязнь, что риск не будет оправдан, удерживает многих от решающего шага. Но каждый способен нарушить привычный жизненный уклад.

Может быть, именно поэтому существуют на земле такие места, в которые так просто, праздно, не придёшь. А если всё же отправляешься туда за тысячи миль, то осознанно, с пониманием того, что непременно обнаружишь там всё, что искал. Места эти разбросаны по земле, они – оплоты знания о мире. К ним можно пройти только с любовью в сердце, и тогда откроется недостающее понимание, указывая дорогу дальше. Зрение истинного величия и радости не подготовленному человеку недоступно.

Вера в то, что хуже, чем есть, не будет, а неутомимость, если решиться поверить этому, вполне оправдает себя, явились той непреложной истиной, которая в идеале, как оказалось, позволяет любому человеку интересно и с пользой прожить жизнь. И ещё я понял, что область человеческого – это всегда собственный путь к бессмертию, а судьба – это только обозначение пути, которым предстоит пройти человеку в жизни. Каждому по своему суждено познать её тонкости, развить и внести в эту жизнь что-то неповторимое, своё. Дорога обогащает душу человека только в том случае, если он не преследует в своём отлучении мелкие тщеславные цели, если не убегает от себя или окружающей действительности, не скитается по свету просто так, не имея ничего конкретного за душой, а переполнен жаждой невероятных приключений, верный себе в достижении достойной цели.

Многими из нас в те годы двигало довольно-таки неопределённое понятие «романтика», коей любили окрашивать чьё-либо мало-мальски

нестандартное решение или поступок. Особенно «романтичным» признавалось отправиться на край света, завербовавшись на какую-нибудь знаменитую северную стройку, или, ещё лучше, попасть в геологическую партию, хотя бы, простым рабочим. Но пуще всего, на что решались, действительно, немногие, было махнуть на Дальний Восток, к Тихому океану, где по какому-то всеобщему убеждению находилась истина всего сущего, и для того, чтобы её достигнуть, следовало просто решиться на «романтическое» путешествие, непременно с гитарой и сопутствующими этому весёлому событию песнями, когда отправляющийся в дорогу «романтик» сопровождался верными друзьями… Для меня самого оставалось очевидным, что истинно романтичный настрой – это то, что движет человеком в его мечте и чего он, в конце концов, добивается, тогда как легкомысленное понятие «романтика» не содержит в себе ледяную глыбу настоящей неутомимости, терпения и непрекращающегося внутреннего труда, который всегда незаметен.

«Человека-романтика», пожалуй, вполне могла устроить неожиданная смена впечатлений и скорая победа, но никак не верилось, что ему в полной мере подвластны глубокие знания и вдумчивый поиск. Поиск в себе самом Бога, то есть – знания обо всём, о самом главном, представлялся мне совершенно естественным, даже – наиважнейшим в жизни, и я решил быть до конца честным по отношению к себе и миру, и всё сделал для того, чтобы душа моя развивалась, стала сильнее.

Если, всё-таки, оставаться справедливым к овеянному запахом дальних странствий слову «романтика», то следует, наверное, воспринять людей, называемых себя «романтиками», теми, кто не глядит на то, что скажут о них другие, а совершают полезное и нужное дело. Их странность и своеобычие не есть индивидуализм, устраивающий упрямо всё по-своему, вопреки общему восприятию, а индивидуальность, то есть – знание и уверенность в своих действиях, направленных на познание мира. На деле оказалось, что нужно было просто преодолеть себя, свой страх и незнание, и это была самая настоящая жизнь, которую я попытался отобразить в книге.

Тайна счастья… В чём она заключена – я тогда не ведал, даже не задумывался, а более всего меня занимало желание доискаться правды, той самой истины, которая должна непременно всех спасти, или осчастливить хотя бы меня. Разве мог я знать, что счастье заключено уже в том, что ты занят тем, чем хочешь заниматься, и что нет для твоего устремления никаких преград, если бы они даже возникли перед тобой непроходимой стеной.

Ты свободен в выборе своего жизненного пути, и как решишь – так и будет. Если выберешь рост души – будет тебе нелегко, но счастливо, а если останешься там, где стоял, да ещё будешь желать при этом несбыточного, то ничего с тобой не случится, ничто тебя не потревожит, но незаметно ты утратишь то малое, что имел. Всё зависит от твоего решения и затраченных усилий, которые исходят из глубины души: разве можно ей не верить?

Первая часть книги «И дальняя, дальняя дорога» - это есть следование своему внутреннему голосу, что называется – осуществление единственной мечты, когда, несмотря ни на что, ты остаёшься верен самому главному – собственной душе, тому предназначению, которое однажды было уготовано тебе Богом. Я его отгадал, и всё сделал как надо - решился отправиться в дальнюю дорогу, честно приняв всё то, что она мне уготовила. И работу на рыболовецких их судах по добыче минтая и иваси в Охотском и Беринговом море, и ловлю морских продуктов у берегов Сахалина и Курильских островов, и обслуживание под водой научно-исследовательских экспедиций от ТИНРО и Областного Управления Гидрометеорологической службы… Обо всём этом рассказывается в первой части книги «И дальняя, дальняя дорога».

Правда, дороги бывают разные, а путь – один. Это основополагающее утверждение киокусин-каратэ было в полной мере осознано мной в течение всех путешествий, и однажды я понял мудрую простоту этой древней истины: моя «дальняя, дальняя дорога» незаметно привела меня к своему единственно верному жизненному пути, ибо, когда ты честен, нужный путь тебе Бог правит.

Вторая часть – «Море моё». В ней - признание моря самой родной природной стихией, выражение любви к тому, что составляет его суть. Все эти одинокие, почти необитаемые острова, мысы и течения, губительные и загадочные туманы, пугающие своей непредсказуемостью льды, птичьи базары и изматывающие шторма, потаённые лежбища морского зверя – котиков и сивучей, манящая к себе глубина моря, его скрытые от глаз обитатели, и ещё - невообразимая мощь океана, его неописуемая красота, навсегда захватили мою душу, повергнув её в неописуемый восторг.

Тихий океан произвёл на меня неизгладимое впечатление, такое же великое, как и он сам. Правда, находясь долгое время в его окружении, я даже не заметил этого, будто убаюканный им. Мечтая о том, что когда-нибудь окажусь на его берегах, я уже был необыкновенно счастлив, а придя к нему, всегда чувствовал ласковое присутствие этой неведомой силы, способной защитить и тотчас повергнуть.

Именно слияние с Тихим океаном наделило меня недостающей энергией жизни и умением ещё лучше понимать её, когда в результате длительного душевного напряжения к тебе приходит озарение, и ты начинаешь видеть всё другими глазами. Океан в любой ситуации учил меня более правильному поведению, и так, постепенно, сознание обретало возможность переваривать новую информацию, а мировоззрение развивалось. «Море моё» - это как раз очень искреннее отношение к самой родной своей стихии, и до сих пор, уже давно не ощущая её рядом, я всё же переживаю в себе неисчерпаемую энергию Океана, которой он однажды меня одарил.

Третья часть – «Под водой», заключает в себе то, что с детства было самым желанным: подводный мир. Именно он повёл меня в дальнюю дорогу, вынудил читать, мечтать, думать и переживать неописуемую радость, быть

собой. В шестом классе я почему-то попросил родителей купить мне маску, ласты и трубку, а обретя долгожданное – в полной гармонии с собой опустился в ванную, наполненную тёплой водой, и почувствовал себя счастливым. Что такое вода в жизни человека, подумал я тогда, и решил: это необыкновенное благо, таящее в себе, наверное, ещё большее восхищение от переживания всего, что предоставил нам Господь.

Настоящий подводный мир Дальнего Востока очаровал меня, но в то же время я почувствовал себя в нём своим, как будто уже когда-то жил здесь, находясь долгое время, и до того свыкся с этим умиротворяющим царством, что, кажется, готов был остаться в нём навсегда. Погружаясь под воду, даже когда приходилось выполнять нелёгкую работу, я всё равно переживал какую-то необыкновенную приподнятость в восприятии окружающей действительности. Вернее, умиротворяющую радость, и, конечно, не мог не поделиться своими ощущениями и мыслями в этой книге, попытавшись передать скрытую жизнь и красоту подводного мира, что не перестаёт до сих пор тревожить моё воображение.

Я всё-таки осуществил мечту, преодолел все трудности на этом пути, и стал профессиональным водолазом. Самое же главное, всегда оставался верным своим устремлениям, был самим собой, а когда приходилось совсем нелегко – обращался к Богу, и Он никогда не оставлял меня без внимания. С Богом – хоть за море, и тогда горе в нём – не море, выпьешь до дна!

В завершающей книгу части – «Курилы», я старался передать красоту поразительных островов, их потаённую глубь и завораживающую открытость, охраняемых загадочными вулканами, нетронутой природой и Океаном. Об этих островах я задумывался с детства, разглядывая их на картах и в книжках, грезил ими, желал оказаться на их берегах, и мечта моя осуществилась: я побывал на зачаровывающих одним своим звучанием Парамушире и Шикотане, Итурупе, Кунашире, Райкокке, Матуа и Шиашкотане, острове Атласова, Шумшу и Онекотане. Имена этих островов можно перечислять бесконечно, и я знаю, что был там, добился нахождения на их берегах, где разговаривал с Господом, и полюбил их всем сердцем.

Я счастлив, что все эти острова в моей жизни были. И были люди, вместе со мной проходящие эту нелёгкую морскую дорогу, не воспринимая её как нечто особенное: гидрометеорологи и вулканологи, ихтиологи и моряки, рыбаки и водолазы, все те, за кого пьют на суше в первую очередь согласно всем известной поговорке, что кто в море не бывал, тот горя не видывал. Я их всех люблю и желаю им душевного здоровья. Им, а не вздорной чайке на самом деле посвящаю я этот многолетний труд.

С любовью к Богу и всем Вам – Борис Пьянков.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ «И ДАЛЬНЯЯ, ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА»

ПРОЛОГ

Я люблю тебя,
Тебя - морская чайка,
Возле меня
Никогда не садящаяся.

Эрнест Уолис.
«Любовная песнь».

С таким же жизнеутверждающим и трепетным чувством любви принялся я однажды за эту книгу, и, как и в море, сердце моё перевернулось и сладостно ухнуло в какие-то неизведанно манящие глубины. Эта книга – описание моей мечты. Когда я писал её, я менялся вместе с ней. Менялось моё отношение к жизни и взгляды. Книга росла вместе со мной, она – отражение моих мучительных поисков.

Более двадцати лет работы над книгой приучили меня к мысли, что неумение найти и сказать при этом единственно верную для всех истину не выглядит каким-либо ощутимым недостатком. Возможность всегда быть требовательным к себе определяла эту книгу-полёт, означающую для парящей души, как и для морской птицы, несгибаемую решимость, терпение и волю. Ничем иным, как желанием добиться справедливости и постижения людьми своей природы, она не обусловлена.

Всё, что совершается сейчас на земле, подвластно воле и разуму человека. Прожив на ней тысячелетия, пройдя через сотни войн, болезней, непонимания самих себя и друг друга, люди всегда старались оставаться людьми и во все времена стремились понять смысл своего существования.

Многие ушли не разобравшись. Ушли с тоской в необозримую и пугающую пустоту, или просто забылись с безнадёжностью последнего пьянчуги. Но даже самый последний пьяница видит сны, и люди однажды поняли, что всё не бессмысленно, если не посчитать его таковым.

Тысячелетия мучительного познания и поиска, неправедного отношения к душе и Богу постепенно выковали их сознание и жажду жизни, вселяя веру в то, что они способны преодолеть неверие в собственные силы и не казаться себе обречёнными. Что, в конце концов, они смогут заглянуть за горизонт и, отправляясь в эту нескончаемую дорогу, им перестанут представляться обременительными их земные устремления, а следование достойным путём постижения приведёт к обретению ускользающей истины.

Что значила, скажем, Сибирь для Достоевского? Четыре года заключения открыли русскому писателю столько потребностей, надежд и планов, о которых он ранее и не подозревал. Слишком он тогда, раньше, был замкнут. И какая вера в себя, в своё назначение появилась – «мне надо жить,

брат. Не бесплодно пройдут эти годы… Услышишь обо мне», - пишет он брату.

Достоевский, по этапу отвозимый вглубь Сибири, в тёмную жестокую жизнь, которую и жизнью-то назвать было невозможно, без всякой надежды на будущее, и … Достоевский, возвращающийся через годы по тому же этапу, но к свободе, весной, с пробуждающимся в сердце Божественным откровением – это два Достоевского в одном человеке. Пурга, холод, беспросветная тьма впереди, и … хрустящий под санями мартовский снег, сияющее в весеннем чистом небе солнце, жизнь, надежды, неосознанная ещё, но уже глубоко ощущаемая решимость устремления к чему-то неизбежному и величественному. Тогда ему нужна была своя собственная вера, к которой он тянулся всю жизнь, и она, кажется, к нему приходила.

Кто ещё способен на такое, как не человек? Если и существуют где-то другие миры и цивилизации, кажется мне, что никто из них не сможет сравниться с той силой, что заложена в человеке, ибо никто не страдал более, чем он. Силы, создавшие человека, заключены в самой его сущности, и в своём развитии он может так их возвысить, что во всём свете не будет ничего прекраснее и твёрже человеческого духа, освещённого Божественным светом.

Обладая в себе такой тайной, как Бог, можно разгадывать её тысячелетиями. Но человеческая жизнь коротка, и нужно успеть найти своё место в мире вещей и людей, обретя достоинство собственного существования. Как выявить его в себе? Как определить – на что ты способен? Необъятность жизненного пространства, его завораживающая бесконечность, не должны при этом пугать человека, и ему следует, не уставая, пытаться ответить на первородный вопрос всей своей жизнью. В этом, считаю, наш общий человеческий долг.

И однажды я понял: то, что предназначено человеку, должно стать его священной целью, к которой ему следует двигаться несмотря ни на что, но если человек не делает этого – жизнь его будет прожита впустую. Тот, кто подавляет свою внутреннюю природу, разрушает себя.

Чтобы достичь цели, нужно, как ни странно, отказаться от привязанности к её достижению и просто оставаться искренним в своём поиске. Постепенно осознавая в себе Бога, можно увидеть внутреннюю реальность любого явления или предмета, и рано или поздно нам откроется истина, давным-давно находящаяся для всеобщего обозрения на рыночной площади.

Никогда не надо впадать в уныние из-за постигшей тебя неудачи, если ты знаешь, что сделал всё, что мог. Не переставай терпеливо продолжать свои поиски высшего смысла и собственного предназначения в этой жизни, и тогда Высшие силы помогут тебе распознать его. Ответ на твой вопрос когда-нибудь обязательно придёт, ты ясно определишь свой духовный путь, и провидение поведёт тебя по нему. Рано или поздно ты найдёшь этот долгожданный приют, располагающийся, оказывается, в твоей душе.

Золотое правило русских моряков, поддержанное ещё нашим знаменитым мореплавателем и учёным Степаном Осиповичем Макаровым – «пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем», - легло в основу написания этой книги. Конечно, замечание великого мореплавателя относилось, в первую очередь, к ведению судового журнала, требующего чёткости, даже некоторой сухости в отображении фактов, происходящих с судном и экипажем в морском путешествии, и всё же, в своей работе над книгой, мне было очень близко и дорого высказывание знаменитого адмирала, и я руководствовался им насколько это было возможно. Иногда желание и решимость – основополагающие качества в процессе познания себя и окружающего мира, вынуждали меня быть довольно-таки многословным, но это стремление оказывается объяснимым, если дело касается моря.

С тех пор, как я в последний раз видел его – прошло более двадцати лет. Тогда какие-то вещи казались мне незначительными, но сейчас приобрели яркие черты и незабываемое впечатление. И, наоборот, то, что воспринималось когда-то первостепенным и важным, теперь не имеет такого воздействия на мою душу, и, может быть, даже совсем утеряло своё значение. Очевидно одно: я по-прежнему не могу обойтись без моря. Те силы, которые наполняли меня невообразимой энергией, и по сей день пребывают в моей душе, время от времени поднимаются из её неведомых глубин и напоминают – какие они могущественные и великие.

Многое прояснилось по-настоящему только по прошествии многих лет, и моё восприятие давних событий претерпело определённые изменения именно после возвращения к сухопутной жизни. И хотя всё пережитое не поддаётся сейчас точному воспроизведению, некоторые вещи я вижу, несомненно, глубже благодаря тому, что они как бы отстоялись в моей душе, и мне удалось взглянуть на них с разных сторон. Пусть это будет не совершенное отражение того, что мне привелось увидеть, но главное, что всё это однажды случилось в моей жизни и повлияло на мой рост. Оно неукоснительно вошло в мою жизнь именно тогда, когда для этого пришло время, и я совершенно ни о чём не жалею. Я счастлив, что моя встреча с морем состоялась, мне удалось-таки написать эту большую книгу из четырёх частей – «И дальняя, дальняя дорога», «Море моё», «Под водой», «Курилы», и я чувствую, как море до сих пор незаметно приветствует меня, будто заботливо оберегая.

Я всегда чувствовал это ласковое присутствие неведомой морской силы, способной защитить и тотчас повергнуть, и лишь по прошествии многих лет угадал единую для всего живого Божественную тайну: чтобы попасть на небеса – недостаточно ради этого просто умереть, нужно, во что бы то ни стало, избежать смерти душевной, осуществив свои самые сокровенные желания, и тогда счастлив будет твой Бог. Лучшее изобретение

Бога – это возможность быть, но на Земле она ограничена, и поэтому не стоит тратить отпущенное тебе время, живя чужой жизнью, не своей. Не попадайтесь в ловушку того простого довода, когда устоявшееся положение дел, сулящее относительное спокойствие, принимается на веру, как непреложная и неизменная истина, и вы даже не пытаетесь следовать внутреннему голосу. А самое главное, имейте мужество следовать вашему сердцу, ибо оно уже каким-то образом знает – кем вы действительно хотите стать.

Я выражаю искреннюю признательность всем, кого встретил на незабываемых жизненных дорогах, и кто по мере сил и возможностей помогал мне создавать эту книгу, даже не подозревая об этом. Неутомимости и душевного здоровья, таких нерасторжимых понятий, от всего сердца желаю я этим людям.

Бог всегда с нами, и Он ненавязчиво призывает безбоязненно творить свою жизнь. Призванная пробудить в человеке пути достойного следования своим мечтам, она для каждого из нас представляется возможностью стать лучше, и остаётся надеяться, что жизнь всех людей состоится в этом дерзновенном порыве открытия новых и бесконечных путей, способных одухотворить наш жестокий мир.

«ЗНАК СУДЬБЫ»

Когда я был совсем маленький, я думал, что море располагается неподалёку от бабушкиного дома, через улицу, и ещё чуть дальше – за парком, куда надо было подниматься по длинной деревянной лестнице с такими вытертыми от времени ступенями, что даже приходилось переходить к их краю, держась за перила. Хотелось поскорее забраться на горку, чтобы увидеть воду!

Там на самом деле находилась река Кама… Откуда же мне было знать, что это – не море, и здесь, совсем неподалёку от бабушкиного дома, живёт, оказывается, иная стихия, о которой я ничего не ведал. А убеждённость в том, что море где-то совсем рядом - подкрепляло старое здание речного училища, которое не было похоже на другие дома и всегда захватывало моё обострённое восприятие.

Окна училища, выходящие на восточную сторону, выгибались по утрам бутылочным зелёным стеклом, громко и пугающе вспархивали откуда-то сверху неустанные голуби, лепные балконы, охваченные чугунной, застывшей вязью, натужно гнездились со стороны того, что часто в разговорах взрослых упоминалось как «фасад». Вообще, лицо этого учреждения всегда было таким серьёзным и чопорным, что в величественной тени здания невозможно было позволить себе какую-либо непристойную шалость: баловство казалось здесь недопустимым и тотчас наказуемым. Строгость ещё не существующей в твоей жизни морской практики уже предполагала какие-то особые обязательства к собственной, ещё молодой жизни, и будущее столкновение с морем воспринималось неминуемым событием.

Бывало, из резко растворённых дверей на улицу высыпали фигурки молодых людей в форменных, с поблескивающими пуговицами тужурках, и, задорно стуча каблуками по разогретому асфальту, спешили туда, где было неизвестно как, но куда невыразимо тягостно тянуло. В моём разгорячённом представлении это были непременно моряки, которых я, правда, видел только в книжках, но ведь у них такие сверкающие пуговицы и чёрное деручее сукно(!), как-то я ухитрился-таки до него дотронуться, что не оставалось никаких сомнений: где-то рядом – море.

Обычно я отрешённо застывал возле здания речного училища, упиваясь сознанием близости чего-то поражающе неизведанного, невообразимого, не в силах даже дофантазировать его, и только угадывал неслышно звучащую в себе музыку неведомой морской жизни. Представляющееся мне море лежало где-то там, одного взмаха рукой было достаточно, чтобы определить всю его необъятность. И тотчас успокоено уяснялось: наверное, об этом ещё рано думать, просто не пришло время.

Мимо этого здания речного училища мы с бабушкой часто проходили, когда гуляли, а однажды, весной, бабушка повела меня в кинотеатр, тоже находящийся неподалёку, за углом. День выдался пасмурный, но мягкий,

листья на деревьях ещё не распустились, и мы тихонько шли, держась за руки, по мокрой дорожке, и меня отчего-то переполняло непонятное волнение. В зале было уютно, и даже, несмотря на постоянно хлопающие деревянные сиденья кресел, он создавал атмосферу доверительности и теплоты, какой бы фильм ты ни смотрел. И почему бабушка решила повести меня именно на этот документальный чёрно-белый фильм о четырёх героях-моряках, чей катер оторвало в сильный шторм от пирса в заливе Касатка, на далёком курильском острове Итуруп, и носило по морю сорок восемь суток?

Об этом событии тогда говорила вся страна, о нём писали газеты, и бабушке, наверное, очень хотелось посмотреть фильм, а меня не с кем было оставить. Этот день запомнился ещё и потому, что собираясь дома в кино, уже в коридоре, когда бабушка надевала своё поношенное демисезонное пальто, из его рукава вдруг выскочил огромный рыжий хомяк, и скорее не напугал, а очень рассмешил нас. Дом был старый, деревянный, и, спускаясь по скрипучей лестнице, мы с бабушкой тогда решили, что хомяк, наверное, перепугался не меньше.

Несмотря на мой небольшой возраст, фильм буквально приковал всё внимание. Моряки в нём мужественно боролись с захватившей их стихией, не поддаваясь ей даже тогда, когда нечего было есть. Они варили в морской воде обрезки своих кожаных ремней, чтобы те стали мягче и напоминали, хоть отдалённо, запах живой плоти, а потом жевали, подолгу не выпуская измочаленные кусочки изо рта, и, в конце концов, проглатывали. Всё, что потребовало от них разбушевавшееся море, они с честью выполнили и не ожесточились. Каждый бесконечный день моряки доказывали ему и самим себе, казалось бы, невозможное, и море их отпустило.

Каким устрашающим и грозным выглядело море даже в безобидной темноте притихшего зала! Серое, колючее, чужое, несущее только разрушения и несчастья, оно было совершенно неприступно. А что же представляло из себя море на самом деле, в этом недостижимом краю земли, куда, казалось, ни за что и никогда тебе не попасть?!

Так думалось в своём маленьком понимании неведомого мира, очень остро переживалось за отважных людей и ещё обдавало всего каким-то теплом, вернее даже – ощущением… Будто ты сам с этими моряками противостоял бурному морю, неустрашимо боролся с ним и случившейся неудачей, чувствуя, что всё равно останешься в живых. И разве мог ты знать, как через двадцать с лишком лет попадёшь на Курилы и будешь работать под водой именно в заливе Касатка, и зимние шторма будут угнетать своей безысходностью и тебя тоже…

И ты, конечно, вспомнишь тогда захудалый старенький кинотеатр со скрипучими вытертыми креслами, бабушку в поношенном и выцветшем пальто, и то удивительное ощущение слитности с предстоящей жизнью, кажущейся бесконечной. Всё приключившееся в ней и бережно хранимое с раннего детства с неимоверной силой охватит тебя, понесёт над необъятным

курильским ожерельем, и ты позабудешь себя. Проникновенно и властно околдует тогда увиденное, и уже больше никогда не отпустит.

Но всё это будет потом, в необозримом и ещё неведомом будущем, а пока, переполненный впечатлениями, ты вернёшься с бабушкой домой и, раздевшись, заглянешь в комнатку родителей. Там, на стене, в массивной золотистой рамке висела репродукция с картины Айвазовского «Девятый вал». Замерев перед ней, ты уже по-новому взглянешь на бушующее море, которого раньше не замечал. Будешь вглядываться пристально, как это только возможно в четыре года, зачарованно насторожившись перед захватившим всё твоё внимание полотном, и эта дикая безудержная стихия тоже целиком войдёт в тебя. Как, оказывается, огромен мир, и какой вместительной может быть твоя маленькая душа!

Мысли о гигантских морских валах, несущих в себе непостижимую скрытую силу, долго потом не давали заснуть. Я никак не мог вообразить себе это нескончаемое морское пространство, такое сильное, величественное, и где же у него всё-таки конец? Вот бы побывать там, чтобы всё хорошенько разузнать и увидеть, и, может быть, тебе удастся открыть то, чего ещё никто не знает?!

Чуть позже мои впечатления о море подкрепились обнаруженным в комоде бабушки альбомом, принадлежащим дяде, брату моей матери, погибшему на фронте. Сын бабушки Саши, у которой мы тогда жили всем семейством в деревянном доме, дядя с детства мечтал стать художником.

Альбом был старый, с пожелтевшими грубыми листами, и на каждом рисунке в нём изображался корабль, всегда почему-то надвигающийся на тебя своим носом, или форштевнем, как я узнал позднее. Иногда корабль был нарисован с надутыми ветром парусами, но чаще – с многочисленными надстройками, красиво громоздящимися друг над другом и завершающимися дымящейся трубой. Нос корабля был так красив и мощен, что о море, из которого корабль на тебя надвигался, даже не помышлялось. И тогда, маленький, я, конечно, ещё не в силах был постигнуть того, что каждый корабль будто приветствует меня и приглашает ступить на его невидимую палубу.

Все эти корабли, когда-то мастерски изображённые моим дядей, удивительным образом завораживали, и хотелось научиться так же правдоподобно изображать их на бумаге самому. Но требовалось какое-то знание, чтобы правильно и красиво их нарисовать. Больше всего поражало в рисунках то, что корабли надвигались именно на тебя, и ты ровно сливался мысленно с ними, сам превращаясь в устремившийся по своему курсу гордый и сильный корабль.

В детском саду, во время уроков рисования, я пытался достичь сходства с дядиными кораблями, крепко держа их в памяти, но у меня ничего не получалось. Нос корабля, как я ни бился, выходил кривым, борта разъезжались далеко в стороны и иллюминаторы будто повисали над морским пространством, которое тоже получалось каким-то

неправдоподобным. Мне становилось очень горько, что у меня никак не выходит подходящий рисунок, но мечты мои неотрывно были связаны с морем, мерно укачивали на своих волнах и я постепенно успокаивался.

Кстати, на рисунках дяди море редко выглядело спокойным, а больше – бушующим, неукротимым. Тяжёлые чёрные волны вздымались безудержно и круто, море будто стремилось захватить корабли и повергнуть их в свою бездну. Но корабли мужественно преодолевали разгулявшуюся стихию. Море всё чаще захватывало моё воображение и уносило в какие-то неведомые дали, которые даже не представлялись, а только угадывались. Было ли это каким-то знаком?

Потом, при переезде на новую квартиру, альбом, конечно, пропал. Никто из взрослых не позаботился о том, чтобы его сохранить. Но главное, я уже познакомился с ним, запомнил всё, что он нёс в себе, и не забывал никогда, стремясь потом всей своей морской жизнью продлить в себе мечты дяди, осуществляя и собственные. Иначе, зачем тогда я появился на свет?!

Так же, как море, и всё, связанное с ним, в детстве притягивала к себе ещё большая картонная коробка с отцовскими книжками в кладовке, куда нравилось забираться, когда никого не было дома. Усевшись прямо на полу и рассматривая картинки, читать я тогда ещё не умел, обо всём забывалось, и существовал только восхитительный мир книг, где правили величественные фараоны, индейцы охотились за скальпами белых людей, капитан Немо бесстрашно исследовал глубины океанов, а сколько птиц и зверей таилось под покровом первозданного девственного леса! Большинство книг были посвящены, как ни странно, морю, но более всего очаровала книга про китобоев… Зачем она была нужна отцу?

Книга, явно, никем ни разу не читалась, листы её были склеены и в некоторых местах даже не разрезаны, но, тем не менее, она лежала в коробке, почти на самом верху, и когда я впервые раскрыл её, то почувствовал, что где-то уже это видел… На пожелтевших фотографиях плыли по морю киты, выпуская высокие белые фонтаны, и сразу становилось понятно – как им хорошо и привольно живётся в морской стихии. Не понравились только снимки с разделанными китовыми тушами, отрешённо замершими на боку, и гарпунные пушки, зловеще направленные в море. Было жаль убитых больших китов, и захотелось увидеть их живыми, на самом деле.

В полное восхищение поверг меня огромный спрут с извивающимися вокруг корабля щупальцами, изображённый на старинной гравюре в качестве иллюстрации к подарочному изданию Жюль Верна «20 тысяч лье под водой». Загадочное чудовище из неведомых морских глубин казалось нереальным, но именно это неизгладимое переживание, казалось бы, не существующего страшилища в детском буйном восприятии утверждалось как не требующая доказательств данность, и со всею, присущей только детству восприимчивостью безоговорочно принималось. Искренне верилось: ужасные гиганты таинственного подводного мира, конечно, существуют, они

живут где-то там, в чёрной глубине, поджидая бесстрашных открывателей моря, и когда я вырасту, то непременно отыщу их.

Сейчас я думаю, что и «20 тысяч лье под водой» Жюль Верна, и толстая книга про китобоев оказались в нашем доме неслучайно. Они были куплены родителями бессознательно, но именно для меня, как будто они подспудно чувствовали моё будущее увлечение морем и готовились к тому, чтобы я как можно раньше вспомнил про него, погрузился в мир настоящей дикой природы и там нашёл ответы на все вопросы. Вся обстановка в семье, с самого детства, будто подталкивала меня к общению с родной стихией, задавала то настроение, которое впоследствии однажды и привело к морю.

Порой я размышляю: как так случилось, что море однажды привлекло моё внимание, позвало к себе и возбудило до сих пор не ослабевающий интерес? А началось всё почему-то с прибоя, о повадках которого мне так хотелось узнать…

Впервые прибой вошёл в мою жизнь именно в детстве, когда мне было четыре года, и так поразил воображение, что я сразу осознал: всё это безмерное, повергающее своей мощью водное пространство – родное. Когда-то я его уже видел, так же остро переживал ошеломляющую морскую безбрежность и, кажется, был счастлив. Прибой в мгновение вдохнул в меня давние воспоминания о воде, из какой-то прошлой жизни, так что они не отступают до сих пор.

Тогда, в детстве, стоя босиком на мокром песке дикого пляжа под Хостой, я зачарованно взирал на бушующий послештормовой прибой и не в силах был отвести взгляд. Бурно пенящиеся зеленовато-коричневые валы пытались ухватить меня за ноги, угрожающе шипели, но почему-то не пугали. Они лишь вызывали восхищение неудержимой, всесокрушающей силой, берущейся, вроде бы, ниоткуда.

Одни валы в точности повторяли другие, на первый взгляд ничего нового не происходило, но именно это монотонное чередование размеренно надвигающейся на сушу водной толщи и завораживало. Сейчас отчего-то представляется, что тогда я вбирал в себя прибой глазами взрослого, повидавшего жизнь человека, хотя шёл мне всего лишь пятый год. Я хорошо помню это необыкновенное впечатление, и тот первый в моей жизни прибой, наверное, пробудил на короткий миг сознание. Всё в картине прибоя воспринималось необыкновенным и в то же время простым: я уже как будто жил когда-то в этой очаровывающей морской стране, не раз испытывая на себе злую волю шторма и безволие штиля, а шум мерно набегающих на берег морских волн сливался с ударами моего беспокойного маленького сердца…

А вот столкнуться с морем по-настоящему, именно побывав в его утробе, привелось чуть позже, когда папа с мамой взяли меня с собой в ночную прогулку по морю на маленьком пароходике. И так получилось, что единственным впечатлением от неё осталась в моей памяти ужасная морская болезнь… Родителям просто не с кем было меня оставить, и надо же именно в эту ночь случиться сильному волнению на море!

Прогулочный пароходик празднично сверкал огнями, отсветы от огней весело переливались в чёрной воде, под бортом, и поначалу это маленькое путешествие показалось мне замечательным. Хотя моря и не было видно в объявшей судно темноте, я всё же неописуемо радовался приключившемуся со мной событию. Ведь совсем рядом раскинулось настоящее Чёрное море, такое необъятное, неведомое и почему-то дорогое, и родители взяли меня с собой как большого!

Вокруг плыла и томилась жаркая южная ночь… Именно теплотой встречало меня море, какой-то удивительной разнеженностью, с которой только и можно обратиться к ребёнку, и я это запомнил. А вспоминал часто уже потом, через много лет, когда Тихий океан обдавал меня промозглыми ночами ледяной пеной, испытывал на крепость жестокими штормами, и не было над головой тёплых сверкающих звёзд из южной ночи детства, которой одарило меня когда-то Чёрное море. Оно первым вдохнуло в мою душу страсть к его необъятности, глубине, и неодолимую тягу к удивительным путешествиям.

Но первое впечатление об удивительной и загадочной стихии омрачила не на шутку разыгравшаяся на море зыбь… Пароходик раскачивало так, будто он был игрушечный, и даже многим взрослым становилось не по себе, а некоторые и вовсе предпочли удалиться в каюты. Со мной же происходило нечто непоправимое: голова кружилась, к горлу подкатывала неудержимая тошнота, и всё внутри, кажется, выворачивалось наизнанку. Хотя волнение было и небольшое, я очень хорошо помню, как устал в ту ночь от моря, но не разозлился на него. Море как-то сразу околдовало, осторожно напомнив о себе, и, наверное, стало терпеливо ждать, когда я приду к нему осознанно, сам.

Было только неловко перед родителями, что я испортил им отдых. Всё своё внимание они сосредоточили на мне, впервые в жизни приключившейся со мной морской болезни, и от осознания произошедшего я тогда, наверное, был даже горд. Но как мне было плохо!

Правда, это впечатление от зыбкости моря и его угрожающей непредсказуемости удивительно быстро стёрлось, когда я ступил на берег, а днём, на пляже, и вовсе улетучилось. Как будто то был сон, приснившийся неслучайно, со скрытым смыслом, что всё увиденное в нём рано или поздно повторится, но уже наяву, на самом деле, и оно не будет так ужасно.

А через год, прежде, чем пойти в первый класс, мы всем детским садом отправились на лето в Анапу, и моя вторая встреча с морем происходила уже более дружелюбно, я бы сказал – в полном согласии. Меня даже не пугали молочно-прозрачные медузы, в огромном количестве скапливающиеся возле берега после шторма. Когда другие ребята боялись обжечься и не решались к ним прикасаться, а девчонки вообще с ума сходили, если в них бросали скользкую, безжизненную медузу, мне ничего не стоило бродить между ними в воде, с замиранием духа чувствовать их прикосновение и даже играть, перекидывая из ладони в ладонь. Медузы скапливались широкой полосой у

самого берега, и чтобы поплавать в чистой воде, необходимо было преодолеть их студенистую массу. Без резинового круга нам не разрешали заходить в воду, и, пользуясь им, я заплывал дальше всех.

Медузы переворачивались перед самыми глазами, ритмично сжимались и разжимались, и в прозрачной воде, просвеченные солнцем, обретали рисунок. Здесь они уже не воспринимались такими безжизненными, как у берега, а представлялись очень загадочными и тонкими существами. Определённо, что когда-то я уже поддерживал связь с водной стихией, и она имела для меня положительное значение.

Мне всегда нравился запах морских водорослей, выброшенных морем на прибрежную полосу. Водоросли, подпревая, издавали немножко тошнотворный запах, но их крепкий аромат всё равно перебивал дух гниения и необыкновенно дурманил. Ещё меня очень возбуждало ожидание моря…

Медленно тянулся тихий час, потом – полдник с ненавистным пудингом, или это было какао с печеньем, и, наконец, построение, после чего, дружно взявшись за руки, под неусыпным оком воспитателей, мы брели аллеей из грецких орехов к долгожданному морю. Орехи были ещё мелкие, зелёные, а в траве, рядом с дорожками, изредка попадались маленькие черепашки. Уж не знаю – откуда они брались, но иногда нам удавалось поймать одну-другую.

Я как будто был со всеми, оживлённо переговаривался, смеялся, баловался, а внутри всё во мне будто подбиралось от волнения: скоро, через каких-нибудь десять-пятнадцать минут, я увижу море. И море всегда показывалось неожиданно, оно просто повергало, и уже ничего не хотелось говорить, пропадало желание дурачиться, и всего тебя заполняла жгучая и радостная потребность впитывать его звуки и запахи. Присутствие моря приводило в неописуемое возбуждение, и это было, пожалуй, самое первое и сильное впечатление из детства, сильнее и лучше которого невозможно было представить.

Все дни тогда, кажется, были наполнены солнцем, его неудержимым блеском, весело отражающимся от изумрудной водной поверхности, запахом выброшенных на берег водорослей, раковин и крабов, золотого мокрого песка… К этому торжеству южного тепла и света ещё примешивался головокружительный аромат сахарной ваты… Её продавали огромными белыми кусками, напоминающими хлопья морской пены, и ты утопал в ней лицом, словно в роскошном летнем зное, и голова сладостно кружилась от переживаемого счастья.

Но как сделать так, чтобы воспитательница покупала нам эту сладость каждый день? Родители, конечно, высылали иногда деньги на фрукты, но их хватало ненадолго, а сахарная вата, которую продавали по всему побережью, источала такую притягательную душистость, что невозможно было о ней не думать. Дух и лета, и моря, и ваты растекался повсюду, и от всего этого невозможно было не чувствовать себя счастливым. Да только как овладеть завораживающей сладостью, кажется, не сравнимую по вкусу ни с каким

вареньем или пирожным, до такой степени она была необыкновенная, воздушная, созданная именно для детства?!

Однажды, валяясь с мальчишками после купания на песочке, мы возводили из него диковинные замки, как вдруг один из нас обнаружил железный рубль. Затем, кто-то, целую трёшку, а мне вскоре подвернулась под ноги россыпь медных и серебряных монеток. Посетители пляжа, обычно раскладывая свою одежду на лежаках, чаще всего не замечали, как из их карманов высыпаются деньги, а поскольку к вечеру, когда мы после тихого часа приходили всей группой на море, отдыхающие покидали прибрежную полосу, ничто не мешало нам направить всю энергию на отыскание желанных монеток!

Воспитательница быстро распознала наш хитрый замысел, и поскольку она была умная девушка-студентка, проходящая с детьми педагогическую практику, то мы достаточно быстро нашли в подобном развлечении общий интерес: она выстраивала нас перпендикулярно прибойной полосе, и вся группа медленно продвигалась по пляжу, вороша ступнями золотистый песок. Мелочи встречалось очень много, иногда попадались даже пяти и десяти рублёвые купюры, а как-то раз одному мальчику посчастливилось отыскать сиреневую двадцатипятирублёвку! Большую часть денег девушка, разумеется, забирала себе, но мы тоже не оставались в убытке, и если приходили после обеда на море, то она всегда угощала нас сахарной ватой. У этой ваты, кажется, не было вкуса: сплошной восторг и наслаждение!

Но совсем необъяснимым, может быть, даже слаще сахарной ваты, оказалось увидеть … обнажённое женское тело. Видение это тотчас захватило и унесло неизвестно куда, рождая какие-то несказанные предчувствия и догадки. Те, что я никогда ещё не встречал, и они как будто пригвождали меня, так, что я не в силах был сдвинуться или куда-либо идти. Представлялось возможным только взлететь, отрешённо повиснув в своём незнании, что делать дальше… Тело излучало такую тонкую негу и прелесть, что не страшно было умереть.

Та женщина переодевалась в кабинке и возникла передо мной немым откровением, совершенно повергнув моё восприятие. Забылось и море, и резиновый круг в виде медузы, за которым я вернулся, и сахарная вата, продаваемая огромными пахучими кусками на каждом шагу. Похоже, увиденное было неизмеримо лучше её, но об этом ещё, конечно, не думалось, а только угадывалось исподволь.

Больше всего поразила белая, совершенно открытая плоть. Она и вправду была как сахарная вата, и даже, наверное, вкуснее, но как её съесть?! Всё ниже пояса, до самых колен, выглядело так обворожительно, что страшно было смотреть.

И я отвёл свой смешавшийся взгляд, но через какое-то мгновение вновь поднял, а женщина по-прежнему стояла, не прикрываясь, и ничего не предпринимала. Она, кажется, даже улыбнулась одними глазами, подбодрив ими, и продолжала спокойно глядеть на меня, прижав одну руку к плечу, а

другую мягко опустив. Женщина словно давала мне возможность запомнить её вот такой, и при этом ничуть не торопила.

Невозможно было разглядеть всё в отдельности. Я восторженно, с замиранием сердца, охватывал взглядом это дивное тело, и не мог его отвести. Так сладостно, даже для моего шестилетнего возраста, белели эти полные бёдра, выпуклость нежнейшего живота, пухлые колени…

Ещё непроизвольно восхитила и озадачила кошка, что умостилась прямо под животом, и была мохнатая, большая и почему-то без головы… Я тогда подумал, что такое вполне может быть, если всё увиденное на самом деле существует. Ничего другого, кроме свернувшейся в клубок киски, вообразить я был не в силах.

Сколько продолжалось это наваждение – сказать сейчас трудно, но я, помнится, вдруг повернулся и побежал обратно к морю, брызжущему солнцу, по горячему песку, что приятно обжигал ступни, и вскоре обо всём позабыл, потому как более всего притягивало именно оно… В отдельные дни, когда на море случалось волнение, купаться запрещали, а над домиком спасательной станции, на высокой мачте, вывешивали флаг с изображением креста, круга или полосок. Приближаясь к пляжу, каждый из нас стремился первым разглядеть – какой флаг развевается на мачте, а я всегда пытался его угадать: можно ли будет сегодня заходить в воду или нет.

Но даже когда купаться запрещали, на море было просто приятно смотреть, подойдя к самому его урезу. Мутновато-зелёные валы с шумом накатывали на песок, подгоняя к берегу скопища голубоватых медуз, и невозможно было отвести взгляд от этой надвигающейся и непостижимой мощи моря. Я стоял у самой прибойной полосы, там, где разрешали находиться взрослые, неотрывно вглядывался в тяжело переваливающиеся морские валы, и начинало казаться, что море приветствует меня, маленького, будто знает уже давным-давно.

Но более всего, конечно, притягивало море… В отдельные дни, когда на нём случалось волнение, купаться запрещали, а над домиком спасательной станции, на высокой мачте, вывешивали флаг с изображением креста, круга или полосок. Приближаясь к пляжу, каждый из нас стремился первым разглядеть – какой флаг развевается на мачте, а многие пытались его угадать. Но даже когда купаться запрещали, на море было просто приятно смотреть, подойдя к самому его урезу. Мутновато-зелёные валы с шумом накатывались на песок, подгоняя к берегу скопища голубоватых медуз, и невозможно было отвести взгляд от этой надвигающейся и непостижимой мощи моря. Ты стоял у самой прибойной полосы, там, где разрешали находиться взрослые, неотрывно вглядывался в тяжело переваливающиеся морские валы, и начинало казаться, что море приветствует тебя, маленького, будто знает уже давным-давно.

Это ощущение слитности с морем ещё острее проступало в душе, когда его можно было обозревать с высоты, с прибрежных обрывистых скал, где располагался тогда местный краеведческий музей. Нас однажды отвели туда,

и, помнится, мы долго поднимались по лестнице или каменным ступенькам, а внизу торжествующе плескалось о камни дорогое и близкое всем море. До самого горизонта выгибалось оно зеленоватой китовой спиной, и будто радовалось вместе с малышами возможности жить, играть и дарить свои тайны.

С самого крутого места, там, где скалы почти отвесно обрывались в море, я с замиранием духа следил за тем, как внизу, в зелёных разливах между каменистых островков, парит надо дном в ластах и маске с трубкой одинокий пловец… Кажется, он оставался недвижим, пристально разглядывая что-то под собой, и с высоты, сквозь прозрачную воду, хорошо просматривались заросли бурых водорослей, белый песок и фиолетовые камни. Когда тень от пловца ложилась на песчаное дно – её тоже хорошо было видно, но если пловец нырял, ловко взмахнув ластами, различить его уже было трудно, и я только завидовал ему, что он может так свободно парить под водой, наверное, поднимая со дна красивые раковины и выуживая из-под камней большущих крабов.

Одного из таких крабов мы однажды обнаружили на песке, выброшенного разбушевавшимся накануне штормом. Краб лежал на спине, неестественно задрав кверху гладкие кремовые клешни, и уже почти наполовину погрузился в струящийся под ним влажный песок. Мы осторожно перевернули его: краб, несмотря на размеры, оказался достаточно лёгким, а панцирь у него был чёрно-коричневый, с тёмно-бордовыми лысыми буграми и вздутиями. Шарообразные, на ниточках глаза краба побелели и вытянулись, лапки были покрыты редкими волосинками, и весь он источал тошнотворный, и в тоже время сладостный запах моря, которым, кажется, было пронизано всё побережье.

На искрящейся прибойной полосе пузырились грязновато-перламутровые пенные лужицы, повсюду виднелись будто вдавленные кем-то в песок разноцветные мелкие раковинки, валялись скомканные пучки изумрудных водорослей, и надо всем этим, погружённым в знойную голубоватую дымку, вольно простиралось нечто огромное, живое, хотя его и не было видно. Оно очень чутко угадывалось, его было приятно ощущать, переживая какую-то удивительно умиротворяющую свободу, которая будто отрывала тебя от земли, но дальше никуда не уносила. Вероятно, то была душа моря, простирающая на всех свои волшебные чары…

Мы, дети, в первую очередь радовались нахождению рядом с морем, и никак не могли им насытиться. Мы угадывали своими маленькими сердцами его всеобъемлющую благосклонность, стараясь как можно более чутко с ним слиться. Резиновые круги в виде обнимающей тебя медузы или улыбающегося дельфина так волнующе отрывали от земли, а зелёные волны мягко укачивали и будто обещали нечто удивительное. Хотелось бесконечно парить в этом тёплом солнечном торжестве, называемом просто и красиво – «м-о-р-е…» Ни о чём другом просто не мечталось.

И вот, мы оказались в музее, тоже проникнутым морем. Больше всего поразило серо-голубое чучело акулы: удивительно изящное, с синевато-серой, отливающей сталью шероховатой кожей, упругое на вид, оно казалось произведением искусства. Вернее, я ещё не знал, что это такое, и акула, незаметно прикреплённая к стене, воспринималась мною как живая, будто по волшебству оказавшаяся на время в этой маленькой музейной комнатушке. От неё веяло силой и запахом моря, акула была вся пронизана стремительным движением, и мне оставалось непонятным – как она здесь очутилась и находится в неестественной для неё застывшей позе?

С раскрытой зубастой пастью акула словно устремилась к окну, за которым плескались в прибрежных камнях неудержимые волны. Маленькие стеклянные глаза акулы остро вцепились в вольное морское пространство, казалось, она вот-вот вырвется на свободу и шлёпнется в море. Приподнявшись на цыпочках, я попытался дотянуться до шероховатого на вид бока акулы, но у меня ничего не получилось: акула осталась недосягаемой. И всё же, помнится, в душе родилось смутное предчувствие, почти уверенность, что когда-нибудь мне это удастся… Может, то действительно был знак судьбы?!

Прошло около двадцати лет, и судьба опять свела меня с морем. Лето в тот год выдалось особенно жарким. Все дни я проводил на море, стараясь взять от него то, чего обычно так не достаёт зимой. Это были последние дни моих студенческих каникул, и я много купался и загорал.

Морская вода промыла кожу, а солнце иссушило и выдубило её, покрыв ровным оливковым загаром. Тело сделалось поджарым и лёгким, как у какого-нибудь ловкого морского зверя. Особенно ощущалось это в густой маслянистой воде, обволакивающей своей густой ароматной прохладой. Выскакивая из воды, я бросался на раскалённые солнцем гальки, чувствуя, как приятно прикипает к ним мокрое тело, и камни постепенно остывали, а я долго и неподвижно лежал, прижавшись щекой к песку, закрыв набухшие от капелек набухшие ресницы. Сквозь полузакрытые веки, в искрящихся радужных бликах чуть пробивающегося света, мир казался волшебным. Разгорячённое упругое сердце металось в груди, натыкаясь на камни, гулкие его удары мягко отдавались в висках, и в ушах стоял лёгкий шёпот моря.

Море было рядом, и от этого на душе становилось хорошо и покойно. Я, помнится, немножко задремал от охватившей меня умиротворённости, и увидел море во сне… Оно было как наяву: большое, синее, с высокими белыми облаками, повисшими над горизонтом, такое выразительное в своей беспристрастной нескончаемости. Я качался на его волнах, наслаждаясь оказанным приютом, почти растворяясь в неосязаемой воде. Море убаюкивало и манило, нашёптывая какую-то сокровенную тайну, не совсем тогда понятную мне…

Я пробудился, но ощущение этой тайны было очень чувственно и не проходило. Оно начинало приятно будоражить и звать в путь – неведомый и очень желанный. Как будто что-то давно, ещё с детства, жило в тебе, и только сейчас проснулось.

И захотелось вдруг куда-нибудь уехать – далеко-далеко, чтобы увидеть собственными глазами жизнь, и, вмешавшись в неё, сделать и своей тоже. Ещё до конца не осознавая происходящих в себе перемен, я уже догадывался, отдалённо и робко, чего потребует это нежданно пришедшее открытие. Чувствовал, как оно входит в меня, наполняя поднимающиеся в душе паруса самым прекрасным на свете ветром – ветром странствий. За его неожиданным появлением всегда стоит долгий путь поисков и ошибок, когда ты не в состоянии определить – что представляешь в этом мире и что когда-нибудь из этого родиться. Однажды налетая, ветер переворачивает мятущуюся душу, и душа вдруг обретает крылья.

Даже в безвестности тогда жизнь становится не страшна… Но в любом случае человек должен видеть результаты своего труда через оценку его другими людьми. И если под стремлением человека к полёту подразумевать не желание чрезмерной жажды почестей, а истинное осознание полезности избранного им дела, то его можно считать тем благосклонным дуновением судьбы, её знаком, что уносит нас вместе с надеждой и белоснежной чайкой за исчезающий горизонт.

И меня вдруг охватила острая потребность написать обо всём, что я сейчас почувствовал и увидел, не откладывая. Это было так неожиданно и ново, что я растерялся. Приподнявшись на локте и пристально вглядываясь в колеблющуюся синеву, ещё подумал: уж не приснился ли мне сон… До того он был хорош. И тут же понял, что всё реально, и желание с видением не исчезли.

Через несколько минут я уже был дома. В комнате стояла прохлада, и пахло спелыми сливами. Шторы безжизненно повисли в раскрытом окне.

Я взял блокнот с карандашом, и, удобно устроившись в углу постели, попытался записать всё увиденное и прочувствованное там, на берегу. Но ничего не получилось: одного желания, по-видимому, было мало. И всё-таки я понимал, что во мне проснулось что-то очень важное, чего нельзя упустить и растратить, а главное – предать. Нужно, наверное, просто сохранить его, и непременно развить. Всё, что произошло, наверняка, должно было изменить мою жизнь.

В силу своей природы человеку невозможно жить там, где всё ему дано: тогда он забывает о своих великих возможностях, дарованных ему Богом. В каждом из нас заложены ростки того, чем мы способны стать, а поможет нам в этом только собственная неутомимость. Боязнь, что риск не будет оправдан, удерживает многих от решающего шага. Но каждый способен нарушить привычный жизненный уклад.

Больше всего пугает в людях душевная осёдлость и успокоенность, когда в свои двадцать пять у них не возникает настоящих желаний. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье, и разбиваются жизни. Ничего нельзя делать слишком долго, если дело не приносит удовлетворения, и ты никак не реагируешь на происходящие в твоей жизни события или делаешь это неверно. А хочется, чтобы человека подхватили свободные ветры, душистые и солёные, и неудержимо потянули его в неведомые края, где жизнь может раскрыть для него беспредельные дали.

Но есть такие места, в которые так просто, праздно, не придёшь. А если всё же отправляешься туда за тысячи миль, то осознанно, с пониманием того, что непременно обнаружишь там всё, что искал. Места эти разбросаны по земле, они – оплоты знания о мире. К ним можно пройти только с любовью в сердце, с готовностью и желанием открывать себя и мир, и тогда появится недостающее понимание.

Сахалин, куда я вскоре уехал, оказался для меня тем самым обетованным местом, островом удивительных откровений. Однажды обнаружив свою дорогу, именно здесь я до конца осознал для себя, что надо идти по ней дальше, до недосягаемого. Именно на острове во мне открылось желание искать в мире свою жизнь, и ещё понимание, что искать её без людей невозможно.

Я всегда пытался понять тех людей, с которыми мне пришлось столкнуться в море, и помню всех до одного. Многие из них мне были очень симпатичны, другими я восхищался, а некоторых по-настоящему полюбил. Порой приходилось встречать и совсем отпетую братию, но во всех жил художник, пусть маленький, но он жил, и его нужно было разгадать. Миллионы маленьких художников затерялись в сером море безверия в собственные возможности, даже не пытаясь заглянуть в бескрайние глубины своей человеческой сути.

На острове мне впервые стало понятно, что счастье – не самое главное в жизни, есть вещи более значимые. Например, незатихающая радость прозрения, леденящие туманы, дорога и твоя сопричастность с происходящим, то, что позвало тебя, не мешкая, в путь, как бы далёк и труден он не был. Что нет труда более кропотливого и мучительного, чем желание доискаться правды, и подобно взвившемуся в небеса маленькому буревестнику, прозванному моряками за свой неукротимый нрав и любовь к стремительному парению глупышом, человеку тоже надлежит обрести ощущение беспредельности полёта и уже не покидающую его потребность трудиться душой. Что весь смысл бытия определяется не тем, каких благ ты достиг, а тем, как часто вмешивался в жизнь, становясь при этом духовно сильнее.

Хорошо себе представляя существование в мире тысячи правд, я твёрдо усвоил, что всех их объединяет одна горячая не умирающая совесть. Совесть не давала мне покоя, и я открывал для себя вещи почти ошеломляющие, способные, по моему мнению, стать ошеломительными и

для других. Взаимосвязанность совести и мечты – этих двух важных начал, учила бесстрашию к нелегко дающимся поступкам в новой трудной жизни.

Всю свою сознательную жизнь я стремился жить интересно. Но какое свойство не давало мне покоя, и что за сила вынуждала к этому стремлению – я не знал. Сейчас думается: этим свойством было нетерпение души, порождённое незнанием, которое, в конце концов, всегда должно обернуться открытием, если ты жил в согласии с собой. Ничто иное, как жажда постижения и устремление к Богу двигали мной все эти годы и, честно признаться, порой просто окрыляли.

Я мучительно двигался к узнаванию себя и мира. Во мне жило огромное желание добраться до глубины смысла. Я не знал – кем я буду потом и чем займусь в неизведанном будущем, но я видел многое так, как это нужно было видеть, и чувствовал, и понимал, и дотягивался постепенно, и, постигая, рисовал собственными поступками свою судьбу, получая при этом огромное удовлетворение. Мне нравилось творить жизнь собственными руками, и, в полной мере ощущая себя её хозяином, я ни о чём не жалел.

Жизнь – великий дар, думал я, и нужно быть художником, чтобы талантливо и мудро прожить её. Можно не стать поэтом, завоевавшим сердца людей, учёным, потрясшим мир своими открытиями, композитором, очаровавшим людей и раскрывшим им глаза на окружающую природу вещей, но нужно быть в любом выбранном тобою деле творцом. Только тогда ты будешь по-настоящему счастлив и не одинок, и когда-нибудь обретёшь в себе силы идти дальше.

Вера в то, что хуже, чем есть, не будет, а неутомимость, если решиться поверить этому, вполне оправдает себя, явились той непреложной истиной, которая в идеале, как оказалось, позволяет любому человеку интересно и с пользой прожить жизнь. И ещё я понял, что область человеческого – это всегда собственный путь к бессмертию, а судьба – это только обозначение пути, которым предстоит пройти человеку в жизни. Каждому по-своему суждено познать её тонкости, развить и внести в эту жизнь что-то неповторимое, своё.

Дорога обогащает душу человека только в том случае, если он не преследует в своём отлучении мелкие тщеславные цели, если не убегает от себя или окружающей действительности, не скитается по свету просто так, не имея ничего конкретного за душой. Всякие не нашедшие себе применения личности, к тому же стремящиеся отойти от обязанностей члена общества и человека, конечно, не имеют ничего общего с теми, кто переполнен жаждой невероятных приключений, кто до конца верен себе в достижении достойной цели и, не переставая, намечают для себя самые высокие задачи.

Путешествия относятся к тем событиям в жизни, которые непременно несут нам радость новизны. Всё новое кажется человеку очень важным, потому что чувства, просыпающиеся при соприкосновении с ним, составляют, в конце концов, основу всех наших добрых побуждений, мыслей и поступков.

Многое, являясь незначительным, уходит прочь, а в ещё неизведанной возможности открытий кроется целый мир долгожданных находок, без соприкосновения с которыми человек никогда не сможет себя обрести. В существовании их заключён тайный смысл желания путешествовать. Дух человека неустрашим в его неуёмном стремлении видеть новое, в желании сделать жизнь лучше, чем она есть на самом деле.

То, что я не знал точного устройства мира, не мешало мне, тем не менее, продолжать идти по дороге. В ней хватало незабываемых впечатлений, от которых жизнь по-настоящему волновалась. Как мне хотелось тогда научиться понимать весь мир и, главное, надёжно участвовать в нём, полнокровно ощущая на себе это несущееся мимо движение, от стремительности которого сердце сладко и боязливо замирало. Неизвестно откуда, но я знал наверняка, что умение чувствовать жизнь, этот её неподражаемый внутренний ритм, рано или поздно придёт, чтобы продлить себя для других людей.

Когда мир воображаемый оказывается схож с действительностью, все жизненные горести теряют своё значение. Если человека окружают уже проторённые тропы, а его всё же не покидает щемящее чувство дороги, ему следует придумать новый путь.

Найти дорогу туда, где немного больше света, надо непременно самому. И чем дальше ты ушёл в своих поисках, тем с каждым шагом сложнее путь к цели. Но однажды, совершенно неожиданно, она откроется.

Надо понять, что следование проторёнными дорогами - есть не благо, а ущерб, и частое эксплуатирование удобного и знакомого может незаметно завести в тупик. Достойный истинного знания не должен потерять верного чутья до самого конца. Важно то, что жизнь продолжается, так же как продолжается радость от внутреннего чувства сопричастности с вечностью и возможность когда-нибудь приблизиться к ней, и вера в разум человека, и дальняя дорога…

Нужно обязательно успеть пройти её, чтобы в конце пути волны твоей памяти опять с радостью увлекли тебя в открытое море.

Незаметно пролетел ещё один год, и наступила осень. Бывают осенью такие дни, когда воздух будто полон сизого дыма. Дворники метут дворы, сгребая жухлую листву в большие влажные кучи, и, подожжённые, они потом долго тлеют. Горят по дворам тихие костры, и дым вяло клубится в опрятной сырости осенних сумерек.

На улицах стоит вечерняя неповоротливая кутерьма: зазывно гудят автомобили, по-деловому пронзительно позвякивают трамваи, и быстро движутся по тротуарам люди. Дым въедается им в ноздри резким щекочущим запахом жжёного листа, напоминая о недолговечности и красоте всего земного. Но у людей свои заботы: они спешат после работы домой

прочесть свежие газеты, приготовить ужин, заняться воспитанием детей. Так устроена жизнь.

Говорят, лето – время осуществления надежд. Осенью же, когда листья улетают и остаются плоды, подводят итоги. Но если ты однажды, осенним днём, решился хорошо поставленным ударом боксёра среднего веса разбить вдребезги колпак, защищающий тебя от непогоды и свежего воздуха, то честь тебе и хвала.

Год ожидания не поколебал решимости осуществить задуманное, и день для этого наступил. Так серьёзно меня в жизни ещё ничто не захватывало. По-настоящему глубоко и бесповоротно.

Я чувствовал: во мне проснулось что-то очень важное. Оно было где-то рядом, совсем близко, и пришло так же неожиданно, тихо и естественно, как подступает к сердцу настоящее чувство или выпадает однажды под утро первый пушистый снег.

Молодые силы, помноженные на открывшееся знание, остро требовали творческого выхода. Я уже не представлял своего существования без какого-либо захватывающего дела, позволяющего жить радостно, с желанием, и вроде бы обретал его. Дар, требующий к себе самого пристального и ежечасного внимания, оказывается, зачарованно существовал во мне, как и во всех людях, жил в нетерпеливом ожидании, когда его, наконец, отыщут, и, обнаруженный, готов был осветить собой весь предстоящий нелёгкий путь.

Теперь я уже совершенно точно сознавал, какую жизнь выбрал себе, выбрал сам, и уж нисколько не жалел об этом. Ощущать это было приятно. Как неожиданно легко пришло открытие, и как оно сразу всё изменило во мне: мир оставался прежним, а я вырос – смотрел на него теперь глубже и видел то, о чём совсем недавно лишь догадывался.

В отличие от мучительных поисков себя и длительного ожидания поездки, сборы оказались недолгими и лёгкими. Ясно осознавая предстоящий шаг, я методично и спокойно подготовил весь свой нехитрый скарб, уместившийся в небольшой спортивный баул, и вышел немного прогуляться.

Улицы были пустынны, и чуть накрапывал дождь. Пахло корой уже облетевших деревьев, водосточными трубами и мокрым асфальтом.

Редкие прохожие с поднятыми воротниками, как-то неуклюже скособочившись, пробегали, шлёпая по лужам. Тусклые ночные фонари, мерно покачиваясь, отбрасывали на дорогу ломающиеся тени. Жёлтыми размытыми пятнами светились окна. Много-много окон…

Я прощался с этими окнами, осенью, городом, со всеми знакомыми и друзьями, хотя их и не было рядом. Будущее неудержимо влекло, а неизвестность немного мучила. Но решимость была твёрдая.

Домой я возвратился поздно и долго сидел на кухне, не раздеваясь и не зажигая света. Скрипнула дверь и в кухню неслышно вошла мама. В несуразно длинной ночной рубашке она приблизилась в темноте и,

настороженно протянув руку к моему лбу, тихо проговорила: «Что у тебя случилось?» Наверное, почувствовала моё состояние.

Я решился тут же открыться, но она почему-то не поверила и, наказав немедленно укладываться, ушла спать. Стало обидно, и хотя пустоты я не ощутил, всё же захотелось поскорее уехать.

Ночью я слышал, как, не уставая, стучали вдали поезда, и мне казалось, что все они идут на восток: к самому синему морю. Где-то там, на краю времени, жила моя мечта. Стук колёс пробуждал во мне чувство дороги, и зов судьбы увлекал в тревожные рассветные дали.

Быть может, со временем, зов превратится в рок, думал я, но пока нужно сниматься с якоря и поднимать свой флаг, потому как час наступил. Просто не хотелось уже жить как прежде, и мысленно я видел ту далёкую страну, где искренне поклялся когда-нибудь побывать. Непреклонная вера в это ни на минуту не покидала, озаряя теперь всё моё существование цельным и светлым чувством сопричастности с какой-то давней тайной, и её непременно хотелось разгадать. Я отправлялся в путь, которому не было конца.

… Медная пуговица расплывчатого фонаря за окном бросала неясный свет на угол кровати. Я не спал. Я думал…

Моряк заманчивой постели
Предпочитает дальний путь –
Чтоб мачты гнулись и скрипели…
Обними. Поцелуй. И навеки забудь.

Самолёт улетал рано утром. Уходя, я оставил на кухонном столе записку: «Вы ещё будете спать, когда самолёт понесёт меня на восток. Решил не будить. Как только устроюсь – сообщу. Ваш сын и брат».

«СНЫ НАЯВУ»

Сквозь двойное стекло иллюминатора авиалайнера пробивался рассеянный багрянец ускользающего за горизонт солнца. Чуть оторвавшись от утра, мы догоняли закат. Заманчиво было ухватить за хвост уходящий день и хотя бы на миг задержать его, насладившись застигнутым безвременьем.

Это одна из занятных игр, которыми можно развлечься на борту самолёта, зависшего на многотысячной высоте. Ты словно застываешь в быстротечном настоящем между убегающим прошлым и приближающимся будущим. Будто какие-то неведомые силы ещё пытаются удержать тебя. Но останавливаться уже поздно. Белоснежная птица неудержимо выносит тебя на своих крыльях к твоей мечте, с помощью которой можно заглянуть за горизонт, и уже нет сил оглянуться назад.

Удобно устроившись на боку, можно спокойно наблюдать за простирающимся внизу пространством, не отягощённым множеством разнообразного вида облаков, и следить, как меняется его окраска. Если приглядеться получше, то становится заметным, как часто один причудливый оттенок сменяет другой. А когда долго смотришь в иллюминатор, то всё окружающее отходит на задний план, становится несущественным, и ты погружаешься взором в бесконечную даль неба. Постепенно начинает казаться, что это ты сам тихо кружишься над облаками, не боясь провалиться в бездонную глубину.

Мысленно улёгшись на их мягких боках, интересно наблюдать, как зажигаются в небесной тишине звёзды. Жаль, что я не знаю имён созвездий: для человека, глядящего на небо, это недопустимо.

Когда угасает день, там, высоко в небе, пробуждаются они, эти удивительные неведомые светила, с озорством подмигивая людям в окна. Но люди не всегда замечают их, а звёзды не спускаются ниже – им хорошо в своём необозримом небесном пространстве. Вот почему я люблю ночные рейсы: отправляясь в путь, ты обязательно попадаешь в гости к звёздам.

Общение с тёмно-фиолетовым, пронизанным звёздным светом небом не менее приятно, чем с бескрайним океаном воды. Необозримость сближает эти два полюса, отражающиеся друг в друге. И облака этому не помеха.

Мерный убаюкивающий рокот моторов давно усыпил салон, но мне не до сна. Я думаю о том, что ждёт меня впереди. Одно видение сменяет другое, но чёткой картины нет: люди, время и поступки расплывчаты, и только тихо колеблющееся синее море вполне осязаемо. Другим я его пока ещё не знаю. Для меня оно всегда чистое, тёплое и ласковое.

Немного смущает пустующее рядом кресло: кого подарит мне судьба в попутчики? Хорошо, если это будет девушка. Не обязательно красивая, но непременно веселая. Именно её не достаёт сейчас в этом спящем салоне,

когда в иллюминаторе проплывают покачивающиеся звёзды, приглашая в свою незамысловатую, но приятную игру.

Я тихо улыбаюсь им и, закрыв глаза, пытаюсь представить себе эту девушку. Кое-что у меня получается: я вижу длинные распущенные волосы, свободно ниспадающие на плечи, приподнятые в лёгкой улыбке уголки рта, нежный овал лица и зелёные, светящиеся в лёгком полумраке салона глаза… Девушка почему-то подмигивает мне.

До отказа откинувшись в глубоком кресле и прислушиваясь к ровному гулу прямо над ухом, я опять улыбаюсь. Это уже в адрес обладательницы зелёных глаз. Взошедшее на миг лицо вдруг неожиданно исчезает, но блеск зелёных глаз остаётся. Весело поблескивая своим подругам за бортом самолёта, зелёные звёздочки рассеивают тревожные думы. На душе становится легко.

Нет, наверное, так не бывает, думаю я. Такие встречи происходят, когда их не ждёшь, - в этом очарование нашей жизни. Впереди ещё много неожиданных знакомств, одно из которых непременно принесёт радость обладания самым дорогим существом. Нет человека на земле, который бы не жил ожиданием подобного чуда. Тайна эта помогает многое преодолеть и поверить в себя, и, может быть, сделать к ней решительный шаг.

Глубокая ночь. Вынужденная посадка в аэропорту Томска. Где-то рядом, в холодной темноте, залёг хмурый, с неповоротливым названием город. Весёлые зеленоглазые девушки жить здесь, конечно, не могут. Я и забыл, что такими представляются все незнакомые аэропорты, когда ты прилетаешь в них ночью, даже если это только временная посадка. Ещё хуже, когда приходится дожидаться в них рассвета, который приходит очень медленно, а потом оказывается, что идти некуда.

Посередине зала стоял раскидистый фикус. Выглядел он здесь нелепо. И вообще, в аэропорту было зябко и пусто, и хотелось поскорей забраться в своё тёплое, уютное кресло.

Мысль о весёлой попутчице куда-то пропала и больше не появлялась. И море уже не нашёптывало мне свои сокровенные тайны. Вот что происходит с человеком, когда он неожиданно попадает в неприветливую холодную темноту, посягая, кажется, на такое естественное и желаемое, но чаще всего недоступное.

После прохладных объятий местного аэропорта и ветра, продувающего взлётное поле вдоль и поперёк, мягкий, обволакивающий всё твоё существо уют внутри салона самолёта и ободряющие улыбки стройных стюардесс настроили на более благодушный лад. Нерадушный аэропорт вместе с осенней непогодой, как дурной сон, остались за бортом. А пройдя по узкому проходу, выстланному бесшумной ковровой дорожкой, ещё несколько шагов, я и вовсе убедился, что город этот не такой уж мрачный… В моём кресле, до которого я так мечтал добраться, в сером демисезонном пальто и с маленькой

сумочкой на коленях сидела прекрасная незнакомка, что-то пристально высматривая в чёрном иллюминаторе…

-Здравствуйте, - как можно более проникновенно сказал я и уселся в соседнее кресло.- Вы на моём месте сидите.

Девушка повернула ко мне лицо и, вместо зелёных, передо мной загорелись бесовские огоньки не менее прекрасных карих глаз. Тёмные, неопределённого цвета волосы, отливая неясным светом, мягко лежали на её плече. Широкие скулы чётко выделялись под смуглой кожей. Лицо было живым и открытым.

- А мне здесь больше нравится, - просто сказала она и, осторожно ткнув мне в грудь сухую тонкую ладошку, улыбаясь, добавила: - Вика.

Я бережно взял её руку в свою и, представившись, опять подумал, что так не бывает.

- Что с вами? – спросила она.

- Я сейчас подумал, что так не может быть.

- Очень даже может. Вы куда летите?

- На Сахалин, - ответил я.

- Ух ты, - искренне удивилась она. – А зачем?

- Хочу сходить в море.

- Романтика, да?!

- Не знаю… Но очень хочется. Оно мне снится.

- Вон вы какой, - задумчиво протянула она и, отвернувшись, опять начала что-то высматривать в густой черноте стекла.

Глядя на неё, я почему-то подумал, что если бы сейчас наш самолёт потерпел аварию и начал падение, она, наверное, только тихо попросила бы меня обнять её и больше ничего. И ещё я заметил, что волосы у неё очень красивые и мягкие, с ровным тёмно-пепельным оттенком.

- А дальше что будете делать? – быстро повернув лицо ко мне, спросила она.

- Книгу напишу…

- Ух, ты! Так вы, значит, писатель?

- Вовсе нет. Я просто жить хочу интересно.

- А как это, по-вашему, жить интересно?

- Наверное, надо быть неутомимым. Тогда равносильно затраченному труду или опыту получаешь соответствующую отдачу. Своеобразный обмен ценностями, что ли…

- И получается у вас этот обмен?

- В общем, он всегда себя оправдывает, но хочется чего-нибудь стабильного… Понимаете?!

Она утвердительно кивнула головой, и её чистые воздушные волосы, мягко скатившись с плеча, заблестели маленьким зеркальцем, отражая прелесть молодой жизни. Затем лёгкими, тонкими пальцами она изящно отвела их за ухо и улыбнулась.

- Это хорошо, - тихо проговорила она. – Правда, удаётся, к сожалению, немногим.

- Надо к этому стремиться.

- Знаете, оставайтесь таким всегда и никогда не уставайте, - уже нормальным голосом сказала она и тут же добавила: - А я к маме лечу, в Хабаровск. Давно не видела. Я, пожалуй, немножко вздремну. Можно я вам голову на плечо положу?

Я, конечно, не имел ничего против.

Голова её мирно покоилась на моём драповом плече, нежно холодя левую щёку еле уловимой свежестью, а море опять доверяло мне свои тайны, и я подумал, что обязательно их разгадаю.

Каждый аэропорт имеет своё собственное лицо, и даже строительство по типовому проекту не может повлиять на эту очевидную истину. Тот, кто много летал, хорошо это знает.

Оправдывая это утверждение, аэропорт в Хабаровске не был исключением. Весь из стекла и бетона, пронизанный розовым отсветом восходящего солнца, со свежевымытыми полами и несмолкающим гулом бесчисленных пассажиров, он, со всей присущей ему молчаливой беспристрастностью и спокойствием, тотчас заглотил меня в свой сумбурный уют, и я понял, что выберусь отсюда не скоро.

Обслуживая весь Дальний Восток, аэропорт не всегда успевал пропустить через себя многоликий поток желающих улететь, непроизвольно поддерживая тем самым постоянный процент неудачников, обречённых сутками быть прикованными к своим жёстким скамейкам. Здесь никогда не бывало тихо и всегда не хватало мест, но зато предоставлялось достаточно времени, чтобы о многом подумать.

Надсадный вой двигателей только что приземлившихся самолётов раздражал неимоверно, наполняя пустотой. Выйдя на улицу, я долго стоял, наблюдая, как меркнет рыхлый осенний свет, зажигаются фонари, подъезжают и уезжают, мигая зелёным глазом, разноцветные такси, и передо мной неожиданно всплыл образ недавней попутчицы.

В моём воображении Вика сидела перед зеркалом, чуть склонив голову набок, и, плавно взмахивая гребнем, расчёсывала свои роскошные волосы. У неё это очень красиво получалось: волосы ниспадали блестящим потоком, переливались, а губы еле уловимо нашёптывали что-то – что, я разобрать не мог.

Думая об этом, я неотрывно смотрел на подвыпившего мужчину, который нетвёрдо стоял у автобусной остановки. И он это заметил.

Мимолётная встреча в дороге, бывает, застревает надолго в памяти. Всё прошедшее кажется нам со временем более значительным. Выбранный когда-то минимум действий в последующем мы определяем как максимум, считая, что жили полнее и интереснее. Может быть, именно это потом

руководило моей памятью, когда я вспоминал о полуспившемся музыканте, повстречавшемся мне в аэропорту Хабаровска.

Изрядно затасканный болоньевый плащ неестественно топорщился на его нескладной сухощавой фигуре. На вид ему было лет сорок пять. Я не мог объяснить, зачем я это делаю, но не в силах оторваться пристально смотрел ему в лицо. Может быть, я почувствовал тогда потребность в собеседнике?

Сколько помню себя, мне всегда «везло» на уличные столкновения подобного рода: стоял ли я на остановке или шёл по улице, пьяных словно магнитом влекло ко мне. Рядом было полно людей, но каждый раз они безошибочно выбирали именно меня. Безуспешно пытаясь понять причины этого, я находил их в собственном внешнем виде, но он, оказывается, был не при чём. Лишь позже понял, что всему виною, видимо, был мой взгляд, который я, в отличие от других, не отводил в сторону.

Не обращать внимания легче. Но мне почему-то было стыдно не замечать их обострённо открытые лица-души с наигранной грубостью, шутовством или настоящим надломом, всегда откровенно просящие одного – внимания. И я смотрел им в глаза. А в ответ они тянулись ко мне, не всегда находя то, что искали. Но главное – не отвернуться. «Болоньевый плащ» ещё немного потоптался и нетвёрдым шагом направился в мою сторону.

- Засел, парнишка, - шепелявя, дружелюбно прохрипел он. – Здесь клоака. Хана тебе пришла. Чем думаешь заняться?

- Мне спешить некуда. Буду ждать, - сказал я.

Но дело обстояло не совсем так: срок прибытия в Корсаковскую мореходку ограничивался завтрашним днём, а успеть я уже не рассчитывал. Впереди маячила перспектива проторчать ещё сутки в зале ожидания под крышей гостеприимного аэровокзала.

- Нет иллюзий – нет и разочарований, - опять проскрежетал он. – Согреться хочешь? Вмиг организуем.

Он сразу вошёл в свою струю, и его привычно понесло. Ему не нужно было преодолевать себя: маска была давно сброшена, как ненужный элемент в отношениях с подобными себе персонажами, и теперь его ничто уже не сдерживало.

Из внутреннего кармана он ловко вытянул за горлышко порядком опорожненную бутылку коньяка и протянул мне. Не взять – не значило кровно обидеть, но мне не хотелось отказываться от искренне предложенного и, честно говоря, недостающего в данный момент глотка. Необходимо было снять напряжение, и подвернувшееся предложение оказалось подходящим для этого выходом.

Я отхлебнул и сразу почувствовал облегчение. Затем передал бутыль своему новому знакомому, и тот резким движением опрокинул всё оставшееся себе в глотку.

- Ковыряясь в зубах, паря, сыт не будешь, - облизывая нижнюю губу, со знанием дела подытожил он, и, осторожно звякнув пустотой стекла, опустил бутылку на асфальт.

«Болоньевый плащ» явно был подкованным товарищем и, очевидно, уже предвкушал небезынтересную для себя беседу. Сейчас ему было хорошо: коньяк уже делал своё дело, его не прогоняли и, по-видимому, вполне готовы были слушать.

- Шукшина читал? – затаив дыхание, задал он с ходу вопрос и замер в нетерпеливом ожидании.

- Что именно?

- Во-о-бще, - запинаясь, выговорил он.

- Вообще-то читал.

Он хмыкнул. Ему не терпелось, видимо, высказать что-то очень важное, быть может, наболевшее, а я, похоже, никак не подстраивался под его настроение и ход мыслей. Это его задевало.

С этим народом вообще надо быть осторожнее. Они за версту чуют фальшь, и если ты думаешь кого-то из них провести, то это их до глубины души задевает. Обиду они потом трогательно и долго несут в себе, как дети. А дети есть дети. Он и был одним из них. Только, кажется, из бесприютных…

- Вот кто народ по-настоящему понимал, - горестно выдавил он из себя. – Сострадал судьбе народа-то. Понимаешь?! Сострадал! Человек… Всё в нём было – и совесть, и боль. И тоска… Вот ты зачем землю топчешь?

- Не знаю ещё…

- И на том спасибо. Никто не знает. Но кто-то же должен знать?! Меня, может, этот самый вопрос и доконал. Я за спиной музыкалку имею… Когда-то на кларнете в заводском ансамбле играл, а вот теперь… - И он замолчал. – Руки не те стали. Но ты не жалей. Друзья у меня, и того… Я играл… - Он совсем сбился.

- Брось пить.

- Шабаш… Пробовал – не получается. А когда зальешься – всё как бы возвращается.

- Не надоело, значит, быть посмешищем?

- Ты же не смеёшься.

- Чего уж тут смешного, когда видишь, как жизнь уходит.

- Большинству на это наплевать.

- Иметь дело с алкашом – кому охота! Всё равно, что в долг без отдачи давать. И многим это не по душе.

- Браток, тут без этого не обойтись! Что, если этот алкаш судьбою обижен, а сволочью быть не желает?

- И правильно делает, что не желает. Ты-то что завёлся? Вот чего тебе недоставало?

- Долга этого без отдачи, я думаю, - хрипло бухнул вдруг он и зашёлся в рваном кашле.

Есть такой тип людей в нашем народе, что, не страдая особой предрасположенностью к алкоголизму, и не будучи обделённым в жизни чем-то значительным, в силу несовершенства природы или по какой-либо

другой причине чувствует губительную неудовлетворённость собой и, не находя верного выхода, горько и надолго запивает, не теряя при этом достаточного разума, который становится со временем только более изощрённым… По своему общему развитию этот тип может стоять не очень высоко, но воспринимает охватившую его безысходность ничуть не менее остро и неистово, нежели категория людей, относящаяся к так называемой интеллигенции.

Этот тип красиво талантлив в своём горе и, умудрённый нелёгкой судьбой, обострённо восприимчив к чужой беде. Обстоятельства по большей части складываются не в его пользу, и, несмотря на это, он по-настоящему стоек и чист. Этот тип страстно и искренне пытается добраться до правды и часто этого достигает, потому что, в противном случае, незнание это его замучает и погубит. Достав эту правду, он несёт её в себе, трепетно оберегая и не давая в обиду, и часто, сам о том не догадываясь, открывает глаза нуждающимся в ней людям.

Вот к этому типу как раз и принадлежал мой знакомый незнакомец. Кстати, я так и не узнал его имени. Люди, подобные ему, совершенно искренне считая всех родственными душами, при такого рода встречах обычно не интересуются твоим прозвищем и не представляются сами, не находя, очевидно, в этом необходимости.

Мне стало стыдно от своей неспособности помочь этому, несомненно хорошему, сердечному человеку. Стыдно и больно за то, что ему плохо и трудно жить. Сам не зная того, я помогал ему уже хотя бы тем, что слушал его, переживал и не без мук думал над теми же вопросами, пытаясь найти ответ.

Неожиданно вдруг поймал себя на мысли, что называть его «болоньевым плащом» или просто мужиком уже не могу…

Всю ночь мы просидели в полумраке верхнего этажа зала ожидания, разговаривая и изредка выходя покурить и подышать свежим ночным воздухом. Он был очень оживлён и чувствовал себя, по всей видимости, хорошо: читал Тютчева, Пушкина… Очень любил, оказывается, Хемингуэя. Я подарил ему имеющуюся у меня фотографию любимого писателя с прищуром мудрых не смирившихся глаз и томик рассказов. Это его растрогало до слёз. Он попросил денег на вино и умчался в ночь. Больше я его не видел.

Но у меня не было на него обиды. Я не знал таких людей, но чувствовал их и, кажется, начинал понимать. На одной из своих дорог он вполне мог столкнуться с очередной неожиданностью и задержаться на неизвестный срок, чтобы доискаться, допонять, доболеть… Или неумолимая, не отстающая ни на шаг несправедливость могла ударить его в висок своим тяжёлым обухом. С такими людьми, как он, могло случиться всё, что угодно, и про себя я пожелал ему того, о чём ещё совсем недавно просили меня самого.

Дорога и длительное ожидание рейса порядком измотали меня, а потому, добравшись до свободного кресла в самом хвосте самолёта, я тотчас провалился в глубокий сон. Пребывая весь полуторачасовой перелёт в приятном забытьи, я не увидел, как зарождается здесь, на востоке, новый день и как красив в лучах восходящего солнца бирюзовый Татарский пролив, отделяющий остров от материка. Мне суждено было увидеть это позже.

Усталость была так велика, что я даже не услышал, как самолёт совершил посадку. Пассажиры покинули свои места, а я продолжал спать. В нагретом воздухе салона мягко-мягко роились золотистые пылинки. Тёплые утренние лучи осторожно скользили по белым кресельным чехлам. Было тихо, и в этой тишине я улетал в неведомую даль, на самом деле очутившись в непосредственной от неё близости. Всего этого я, конечно, не видел, но полёт всё-таки был сладок, и ощущение его ещё долго жило во мне. К действительности меня вернула стюардесса.

Искристый иней, ровным ворсом устилающий бетонные плиты взлётной полосы, сочно переливался на солнце и, отражаясь серебром, весело похрустывал под ногами. Морозный воздух радостно бодрил, и сердце сжималось от предвкушения близкой неизвестности. Мне почему-то казалось, что море должно находиться где-то рядом, и я пытался определить – в какой именно стороне. Но это было нелегко.

Выйдя к аэровокзалу, я без труда разузнал, каким образом можно добраться до небольшого приморского городка Корсакова. До моря, оказывается, оставалось ещё около сорока километров…

Маленькая оранжевая будочка автостоянки в этот ранний час пустовала. Грузные и неповоротливые автобусы уныло застыли в ожидании редких утренних пассажиров. Я оказался одним из них.

Всё окружающее после резкой перемены казалось очень необычным. По обе стороны дороги простирались ровные низины, поросшие жёлтой выцветшей травой, из которой, выгибаясь выпуклой голубизной, рвалось неудержимо ввысь лёгкое безоблачное небо. Крепко сбитые приземистые сосны стремительно распластали над землёй причудливые ветви. Извиваясь, они тянулись по всему стволу в какую-нибудь одну сторону, что объяснялось особенностями здешнего климата. Сосны были совсем не похожи на наши длинные и стройные деревья с величественными купами у самых верхушек. Но в этой видимой корявости, если приглядеться, было заключено своеобразное звучание смелых, открытых ветров.

Редкие островки лиственниц, уже подёрнутых осенью, слегка оживляли вид нежно-бурыми расплывчатыми мазками. В стелющейся над землёй лёгкой дымке тянулась с севера на юг серо-маслянистая, укатанная лента дороги. Этим ранним утром я стоял на её обочине и смотрел на расположенные невдалеке горы, заслонившие горизонт с востока. Солнце только поднималось, и горы, погружённые в прохладную тень, казались

отсюда голубыми слонами, медленно бредущими в утреннем мареве к реке на водопой…

Время в пути летит незаметно, если за окном проплывает незнакомый пейзаж, и ты с минуты на минуту ждёшь встречи с морем. Манящая синева его изредка взлетает из-за сопок, сливаясь с небом, и вновь исчезает. Море, даже не видимое ещё, привносит какой-то особенный оттенок в окружающую природу. Ничего как будто не происходит, но чувствуешь неуловимые перемены.

Может быть, воздух становится каким-то иным, может, небо голубеет или ветер приносит будоражащие душу запахи, не знаю, но, определённо, море, даже на значительном расстоянии, удивительным образом воздействуют на тебя, вызывая в душе неизгладимые эмоции.

Состояние это ни с чем несравнимо. Особенно ярко оно при самой первой встрече. Постоянное общение с морем в дальнейшем постепенно сотрёт обострённое чувствование его близости, но первое для себя открытие этого поразительного мира останется в сердце на всю жизнь.

Где бы ты ни был потом, куда бы не занесла тебя судьба, ты всегда будешь помнить и нести в себе эту неразделимую связь с морем. Наверное, сама природа говорит во всех нас, когда мы, зачарованные, стоим в молчании перед своим создателем, не в силах что-либо объяснить.

И вот, когда, наконец, автобус вынырнул из-за поворота и взору открылись широкая лазурная бухта с многочисленными судами на рейде, изломанный берег, подчёркнутый в далёкой необъятной сини двумя расходящимися линиями полуостровов, долговязые птицеобразные «гансы», возвышающиеся в шумном, затиснутом морем и сопками порту, то у меня глухо защемило сердце. Кажется, мечта начинала приобретать реальные черты.

«Шмоньку» в городе знали все. Было только неизвестно – кто и когда дал ей такое не совсем приглядное прозвище, которое со временем укрепилось, чётко выражая существующее среди местного населения, может быть, и не до конца справедливое, но довольно точное к ней отношение. Точное потому, что семья не без урода – не семья, и на эту классическую жизненную ситуацию другие семьи никак не могут закрыть глаза. Чужая беда в их нездоровом понимании приобретает невероятно огромные размеры, затмевая при этом их собственные неприятности.

Нельзя, конечно, обвинять в отсутствии трезвого взгляда на вещи всех жителей городка поголовно, но не признать известной доли попугайства некоторой части горожан было бы непозволительно. Обидно было ещё и то, что прозвище это непроизвольно переходило на всех курсантов, и становились они при поступлении в школу вроде бы как и не курсантами вовсе, а «шманцами».

Каждый год молодые, мечтающие о море ребята покидали стены мореходки, уступая место тем, кто приезжал со всех концов страны испытать свою судьбу, а это прочно прилепившееся несуразное прозвище оставалось неизменным. К нему как-то привыкли, старались не обращать внимания, и это было плохо. Чтобы значительно поколебать устоявшееся в городе мнение в отношении мореходки, требовалось второе её рождение, но идея его ещё, по-видимому, не созрела.

Солнце неудержимо и плавно поднималось из-за голубых сопок. Сильно припекало. Я стоял на остановке и смотрел вверх, туда, где розовело, поблескивая оконными стёклами, пятиэтажное общежитие школы. В своём воображении я рисовал его себе немножко иначе и, честно говоря, был несколько разочарован. Но тотчас прогнал это первое впечатление и стал подниматься наверх.

На небольшой площадке перед входом раздетые по пояс курсанты весело гоняли футбольный мяч. Настежь распахнутые на всех этажах окна светились не успевшими загореть за лето спинами. Было воскресенье.

У проходной, в тени, на шатком низеньком стульчике сидел дежурный по школе офицер с бело-голубой повязкой на рукаве и читал. Он недовольно оторвался от книги, и, бросив равнодушный взгляд в мою сторону, попросил документы. Полистав их, он кивнул головой и окликнул по фамилии одного из курсантов:

- Дневальный, проводи-ка вновь прибывшего!

Запыхавшийся от беспорядочной беготни, небольшого роста шустрый паренёк в застиранной голубой робе с выцветшим гюйсом повёл меня по длинному тёмному коридору. Шаги гулко отдавались в пустынных стенах. Не отапливаемые комнаты с битым стеклом на полу и разобранными железными койками, в жалком ожидании своих очередных хозяев, наводили тихую тоску.

- Невесело у вас тут, - в задумчивости проговорил я.

Курсант ничего не ответил. Остановившись у широкой облупленной двери, он указал на неё рукой и побежал обратно к выходу. Я проводил его взглядом и, когда шаги стихли, толкнул ногой дверь.

Просторная комната наполовину была завалена старыми ученическими столами, скамейками и ржавыми спинками от коек. В другой её части, свободной от всякого хлама, громоздились длинный, белого цвета стол и несколько мало-мальски заправленных деревянных кроватей. Было здесь зябко и неуютно, в то время как на улице вовсю светило солнце.

Стояли первые дни октября. Листья, хотя уже и подёрнулись красками осени, ещё цепко держались на ветвях. Те же листья, что уже облетели, медленно свернулись в просящие маленькие ладошечки, хрупкие и нежные, как у детей. Они тоже требовали к себе внимания. В этой изящной просьбе была заключена осенняя поэзия.

Хорошо пройтись ранним утром по заиндевелой, искрящейся в первых лучах аллее, с радостью ощущая каждую клеточку своего тела, молодость и

жадное желание жить. Несмотря на крепкие туманы, воздух по утрам в такую пору бывает чист, сочно алеют переспелые гроздья подмороженной рябины, лёгкий ветерок с залива доносит свежие запахи, напоминающие о близости моря. Хочется осуществить что-нибудь большое, полезное, а сознание того, что всё впереди, делает тебя счастливым и сильным.

День обещал быть солнечным и тёплым. Не предвещая ничего дурного, он словно приглашал к более близкому знакомству, и мне не хотелось отказывать себе в этом удовольствии. Такой день наступает всегда, если ты не опустил руки в беде, и именно в такой день приходит уверенность в своих силах. Так устроен мир, в котором приливы всегда чередуются с отливами, и порой смена эта, вопреки самым доподлинным сводкам, происходит неожиданно быстро и часто, подтверждая в который раз непрерывную изменчивость и многообразие жизни.

Надо заметить, что большинство городов Сахалина, в отличие от материка, имеют совершенно разнообразные черты, неповторимость которых можно объяснить географическим расположением и особенностями рельефа острова, а также бывшим длительным присутствием на нём японцев, оставивших после себя долгую память. Выражена она в многочисленных сооружениях и постройках, начиная от простых хибар-фанз, образующих целые кварталы причудливых восточных пагод с черепичными крышами, крепких основательных домов, и кончая мощно укреплёнными бетонными дзотами и ангарами для самолётов, используемых в последней войне.

Память о японцах живёт в лысых сопках, когда-то покрытых буйным лесом, начисто выжженным и вырубленным на всём юге от мыса Крильон до мыса Анива в первой половине прошлого столетия. И ещё в большом количестве проживающих здесь корейцев, которые остались после войны и пустили корни на этой земле. На Сахалин они попали благодаря японцам, использовавшим их в качестве чернорабочего люда. Многие из них даже не имели советского подданства, но это не мешало им возделывать упрямую сахалинскую почву, получая необходимые для существования средства.

Основной контингент торговцев овощами на базаре составляют именно корейцы, законно обладающие пальмой первенства в этой области, чем порядком порой злоупотребляют. Наибольшим спросом пользуются общепризнанные местным населением блюда-деликатесы – чимча, мочёный папоротник, тушёный трепанг, который корейцы со вкусом продают в аккуратных пакетиках или прямо на маленьких блюдцах, без возврата. Гарантированному качеству товаров соответствует и умопомрачительная цена, которую, наверное, в некоторой степени можно оправдать нелёгким трудом на малоплодородной почве.

Кремовые неулыбчивые лица корейцев хитры и притворно равнодушны, а узкие щелочки их глаз необычайно прозорливы. Корейцы не так просты, какими кажутся на первый взгляд. Я наблюдал не раз, как они переговариваются между собой и как, чуть растягивая и быстро обрывая русские слова, зазывают, предлагая свои товары: мне показалось, что они

терпят нас только как необходимый для себя рынок сбыта, сами не сознавая при этом своей ограниченности.

Нелёгкая жизнь под пятой китайцев и японцев, суровые климатические условия приучили стариков к постоянному трудолюбию и выносливости, чего не всегда можно сказать о молодом поколении, с лихостью и беззаботностью проматывающем заработанное родителями. Собственную обделённость в прошлом старики с успехом возмещают, балуя детей, и тем немилосердно калеча их молодые души. За лёгкость и вседозволенность, сопровождающие их жизнь, молодых корейцев на Сахалине за глаза прозвали «французами». Местные жители, видимо, твёрдо убеждены, что французам живётся легко и вольготно.

Корейцы, вообще, народ практичный, до максимума использующий всё, что им за просто так дарит бездонная сахалинская кладовая. Мне часто приходилось наблюдать, как соблазнительными бурыми копнами громоздились по островным берегам груды сочной морской капусты – ламинарии, терпеливо ожидая добротной хозяйской руки, и она незамедлительно появлялась в лице неутомимого корейца с рюкзаком, тележкой и дружной оравой своей родни. Интересно, думал я, если корейцы веруют, то благодарят ли за щедрость море, дарами которого пользуются?

У И. А. Гончарова есть замечание о корейцах, в котором он утверждает, что они «отличаются лукавством, леностью, упрямством и не любят усилий», так вот проработав на Сахалине много лет, и зная корейцев, даже имея друзей среди них, могу подтвердить замечание И. А. Гончарова лишь в первой его части – «лукавством», да и то отчасти.

Далее он замечает о том, что в них нет тщательности, терпения и порядка, поля их лишь отчасти засеяны пшеницей и ячменём, и больше они вызывают впечатление бедности и печали. Мол, корейцы способны только собирать и мочить морскую капусту, выбрасываемую приливом, а так же ракушки и трепанг, который они сушат.

Да, корейцы не упускают возможности использовать то, что дарит им море, кстати, не в пример многим русским, которые в этом отношении совершенно бесшабашны, но они, как я сам убедился, и прекрасно, со старанием возделывают землю, выращивая в неблагоприятном климате овощи и цветы.

Может быть, я согласен с И. А. Гончаровым в том, что корейцы грубее видом и приёмами поведения, нежели японцы, но этому следует искать объяснение в их нелёгкой национальной судьбе. У того же Гончарова я вычитал, что корейцы называют себя, или страну свою, Чассин или Чаусин, а название Корея принадлежит одной из их старинных династий, которая, не имея довольно силы бороться за свою судьбу, предпочла добровольно подчиниться китайской державе. Китайцы то делали Корею своей областью, то восстанавливали её самостоятельность. А когда на Китай в пятом веке хлынули монголы, корейцы покорились и им. Впрочем, иногда они вдруг находили силы отделяться, настаивая на своей самостоятельности, но

ненадолго: китайцы вновь их покоряли или корейцы сами просили взять над ними опеку.

За это признание старшинства Китая китайцы наделили корейцев многими знаниями: отчасти – языком, кое-какими секретами своих известных изделий и искусством. К тому же, корейцев не балует климат, когда сильные холода зимой и жар летом приносят бесплодие и бедность. Вдобавок рельеф страны – гористый, повсюду видны громады пиков, один другого выше, а территория близкая к морю низменна, песчана и пустынна. Природная скудость, отчасти, может быть и породила большую тягость к собирательству и рыбной ловле.

В силу всех этих причин корейцы не могут похвастаться изысканными манерами и вкрадчивостью, как японцы, они может быть не так смышлёны в сравнении с китайцами, но зато здоровы и крепки, не гнушаются самого тяжёлого труда и, наверное, поэтому попадали нередко в рабство к тем же японцам…

Но как бы ни были своеобразны корейцы, они не новость для тех, кто живёт с ними бок о бок уже много лет. Как это происходит на Сахалине, где почти треть населения острова - корейцы. И хоть они усвоили для себя моральную сторону труда, которому уделяют большую часть своего времени, после более-менее тесного соседства уже не заинтересуешься чем-либо другим в образе их жизни. Разве что тебя привлечёт корейская кухня…

Правда, одну особенность я отмечал у корейцев всегда: это – правдивость и искренность в выражении своих мыслей и чувств. В этом они так же просты, как и в своём отношении к труду. А что ещё надобно, спросите вы, и будете, наверное, правы. Действительно, чего же ещё не достаёт трудолюбивому и правдивому народу, пусть немного замкнутому и лукавому, к тому же хорошо умеющему готовить?

Есть в корейцах, в отличие от китайцев и японцев, какая-то удивительная природная простота. Они как будто не научены достаточно опытом совместной жизни с другими нациями, не накопили в этом знаний, определяющих дальновидную политику во внешней жизни, хотя и повидали немало. Им приходилось много терпеть, сдерживать себя в силу определённых условий, и они постепенно выработали естественную сдержанность, которая никому никогда не навязывалась, и без которой невозможно обойтись. Корейцы как будто не переступили в себе какой-то черты, которая бы, несомненно, связала их с более развитой жизнью, но и не переступив – сохранили природную чистоту и детскую ясность восприятия окружающего мира. Они задержались на этой границе, не в силах решить – что им лучше подходит, но и не очень переживают по этому поводу. Корейцы, несомненно, одна из самых примечательных особенностей Сахалина, который, при всей своей суровости климата, прослыл и у местного населения и у приезжих «Островом сокровищ».

Судьба большинства сахалинских приморских городов – ютиться на довольно-таки узкой полоске земли, с одной стороны – омываемой морем, с

другой – сжатой сопками. Имея одну-единственную улицу, они обычно вытянуты вдоль побережья или укромно залегают в распадке.

Город Корсаков, с которого я начал своё знакомство с Сахалином, - главные ворота острова с весны до осени, кроме зимы, когда первенствующая роль по встрече гостей с моря отводится незамерзающему Холмску. Айны, исконные жители Сахалина, называли Корсаков – «Томари», что означает «гавань». Японцы же прибавили к этому слову своё прилагательное «О» - «большой», и получилось – «Отомари» - «Большая гавань». И в самом деле: Корсаков так расположен, что именно с него начинается, как правило, знакомство с островом. По крайней мере, так происходило раньше, во времена, когда на острове побывал Антон Павлович Чехов…

Корсаковым город был назван в сороковые послевоенные годы позапрошлого столетия в честь известного русского гидрографа, брата композитора Римского-Корсакова, и раскинулся на берегу бухты Лососей, входящей в залив Анива, воды которого омывают всю южную оконечность острова от мыса Крильон до мыса Анива. Эта южная оконечность Сахалина напоминает чем-то голову красивого боевого быка с мощными рогами-полуостровами, которую уже традиционно, как в литературе, так и в народе, принято называть «стерляжьим хвостом», оттого что сам остров очень схож с изображением рыбы.

Большая часть города, более спокойная и тихая, расположена в глубокой пади, которая, спускаясь пологой террасой к берегу, внезапно расступается у самого моря раздвоенной линией, напоминающей торопливый взмах крыльев сорвавшейся в воздух чайки. Чайка эта, будто в оправдание вынужденной застойной сдержанности своей глубинки, выплескивает весёлое и шумное оживление к району, который составляет суть небольшого городка, живущего морем.

Лобное место его – район Пяти углов. Такое название можно встретить в любом приморском городе, и объясняется столь широкое его распространение, по-видимому, непременным наличием беспорядочно гуляющих по оживлённому пятаку ветров, без которых невозможно представить себе Сахалин.

В поисках пятого угла неприкаянно бродят в этом замкнутом пятиугольнике списанные на берег и не находящие себе применения легендарные бичмены, в некотором роде также составляющие своеобразную достопримечательность острова. Суда приходят и уходят, а бичи остаются на неизвестный срок и, бесконечно дефилируя у всех на виду, в какой-то степени, вероятно, влияют на наименование неугомонного центра жизни.

Здесь можно встретить кого угодно: в свеженьких джинсах, только что пришедшие из долгого загранплавания оживлённые компании молодых парней, с непривычки ещё как-то неуверенно ступающих по суше; строгих и подтянутых морских офицеров с гордо поблескивающими на боку кортиками; умело использующих живой людской поток старух-кореянок,

суетящихся в нём со своими детскими колясками, предприимчиво приспособленными под перевоз и хранение гладиолусов; приехавших на путину с материка и почтительно растерянных перед необычным колоритом разношёрстного портового городишка студентов стройотрядов; разного рода затрапезную публику, со знанием дела, без суеты, толкущуюся у пивных ларьков… При довольно-таки однообразной и скудной застроенности, город был интересен именно своей людской многоликостью, в которую и я тоже вносил свою лепту.

Не по-осеннему горячо припекало солнце. В воздухе стояла бодрящая весенняя свежесть. Терпкие запахи выброшенных в прилив водорослей, просмоленной каболки, маслянистого топлива на бортах судов резко ударяли в нос, вызывая непроизвольные слёзы. Все переполняющие душу чувства требовали незамедлительного выхода.

Мудрое племя аборигенов, наученное опытом столкновения с европейцами, не зря утверждало, что судно, доставившее библию, доставило и ром, а потому создавшееся перенасыщение впечатлениями решено было, поудобнее устроившись в каком-нибудь тихом уголке порта, ликвидировать глотком-другим перцовки, в обилии представляющей нехитрый ассортимент вин на прилавках близлежащего магазина.

Выбрав подходящее место на одном из старых причалов, я уселся у самой воды на нагретые солнцем камни и стал наблюдать, как сухощавый старик удит рыбу. Каждые две-три минуты старик вытаскивал небольшую наважку и, сняв её с крючка, равнодушно бросал в тонкий фанерный ящик из-под импортных томатов. Затем он ловко отрезал ножом мясистый кусочек от какой-нибудь рыбины, аккуратно насаживал его на крючок и вновь забрасывал наживку под самый причал.

На дне ящика блестели жёлтенькими спинками десятка два рыбёшек. Судя по безразличному виду старика можно было заключить, что рыбалка не доставляет ему особого удовольствия, а лишь скрашивает существование. Время для него, наверное, тянулось томительно медленно, и ловля рыбы частично развевала невесёлые старческие думы.

В потёртом, кургузом плаще, сгорбившись и опершись локтями о коленки, он сидел на старом кнехте и, смакуя одну папиросу за другой, молча глядел на воду.

Солнечное тепло от нагретого драпа пальто равномерно растекалось по телу, погружая в приятную мечтательную сонливость. Отхлёбывая время от времени пахучую сочную жидкость, я заворожено глядел в искрящуюся светлыми солнечными бликами невесомую даль, думая о том, что она принесёт мне в будущем, быть может, перевернув при этом всю жизнь.

По водной сини тянулись муаровые разводы отработанного топлива. Они были незначительны: море поглощало их своей необъятной чистотой. Сны, кажется, сбывались: тёплая волна мягко укачивала взор, любовно нашёптывая сказки бездонных далей и глубин. Близость моря была ощутима

– можно потрогать рукой, утонуть взглядом в бескрайней синеве, почувствовать на губах многовековую соль…

Всё было так и не так, и, казалось, главного вовек не сказать, несмотря на собственный неукротимый нрав и желание видеть всё глубоко и далеко. Ведь опостылевшая монотонность часто оборачивается захватывающим многообразием, а то заветное, что непреодолимо влечёт, подпуская достаточно близко, порой неудержимо ускользает мягкой бесшумной волной, оставляя в щемящем неведении. Эта неизвестность и ожидание того, что стоит за ней, возможно, оказываются порой даже губительны, но остановиться в поисках истины уже нет сил.

«Море! Я и тебе отдаюсь – вижу, чего ты хочешь, - тихо шепчу я в такт плещущейся о камни воде стихи Уитмена, у которого хватало любви и мужества во всеуслышание восхищаться миром. – С берега я разглядел, как манят меня твои призывные пальцы. Я верю, ты не захочешь отхлынуть, пока не обнимешь меня, идём же вдвоём, я разделся, поскорее уведи меня прочь от земли, мягко стели мне постель, укачай меня дремотой своей зыби, облей меня любовною влагой, я могу отплатить тебе тем же».

- Почему море синее, не знаешь? – повернувшись вполоборота, неожиданно спрашивает с улыбкой старик.

- Солнце тому виной, - отвечаю я со знанием дела, потому как перед отъездом перевернул ворох литературы, в которой хотя бы отдалённо упоминалось слово «море». – Синие лучи – самые короткие в солнечном спектре и первыми рассеиваются над водой.

Дед переваривает почерпнутую информацию. По его лицу трудно определить, что за мысли возникают у него в голове, только непрестанно двигающиеся морщинки на лбу свидетельствуют о происходящей в тайниках его пытливого мозга работе.

- Значит, на самом деле вода не синяя, - после недолгого молчания вопрошающе размышляет интересующийся старик. Какая же она тогда?

- Свинцовая, - отвечаю. – Как в дремучий пасмурный день.

Дед хихикает. Ему занятно внимать моей болтовне.

- Гм-м, понятно, - с глубоким удовлетворением произносит мой новоиспечённый и любознательный друг. – А соли чего там так много – можешь сказать?

Соляной вопрос, очевидно, также не даёт старику покоя. Дед не желает чувствовать себя обделённым в век научно-технической революции. Он при всякой подвернувшейся возможности устремляется к знаниям.

- Это происходит за счёт выщелачивания твёрдых пород земной коры и выпадения соли из водяных паров атмосферы, - в полной форме докладываю я ему со всей серьёзностью. – Ну и органические останки разного морского зверя тут, значит, роль играют, но более всего – выбросы во время подводных вулканических извержений…

Дед смачно крякает и выглядит при этом немного растерянным.

- Кто такой будешь? – после продолжительной паузы сдержанно осведомляется он.

- В мореходку поступать приехал, дедушка, - почтительно отвечаю я и протягиваю ему бутылку.

- Благодарствую. Я своё, поди, отгулял уже. Издалече, стало быть, приехал-то?

- С самого Урала, - торжественно провозглашаю я.

- Вона как, - с нескрываемым удивлением подытоживает дед. – Надо же… Бывал я там перед самой войной.

- Дед, какое оно – море, знаешь?

- А кто его разберёт. Всю жизнь рядом с ним прожил, а так и не привелось побывать там. – И он неопределённо мотнул головой. – Я тебе вот что, сынок, скажу. Пока сам не спробуешь солёной водицы, никто тебе не поможет. Выучишься, и плавай себе на здоровье!

- Ждать долго.

- Больно прыток, как я погляжу. Без ентого, парень, никак теперича невозможно, без науки-то. Заруби это, тэк сказать, того!

Всё это я знал не хуже деда, но поделать с собой ничего не мог. Что-то в глубине души заставляло меня спешить, и ждать у моря погоды было не в моих планах.

Посидев ещё немного и распрощавшись со стариком, я отправился в пивную, расположенную у Пяти углов, на вершине неприметно возвышающейся над морем сопки, с соответствующим названием «Маяк». Двери забегаловки, наскоро сколоченные из неструганных досок и выкрашенные в цвет бледной поволоки над предштормовым морем, были гостеприимно распахнуты. Прямо над входом красовался пробковый спасательный круг с жирно выведенной красной краской надписью, подтверждающей наименование заведения.

Был час пик, а помещение пустовало. Обозримое со всех сторон, это злачное место лежало почти на перекрёстке путей-дорог всего забулдыжного люда, и тишина в его стенах не укладывалась ни в какие рамки.

Внутренний интерьер помещения, если его можно было так назвать, был выполнен в несколько неожиданной манере, свидетельствующей о непреодолимой склонности автора к разудалой морской жизни. Прямо над стойкой висела подёрнутая временем внушительных размеров рында с какого-то шведского судна, бог весть когда затонувшего у здешних берегов. .Вдоль двух боковых стен были развешаны порядком излохмаченные и выцветшие крупноячеистые рыболовные сети, а на третьей красовался намалёванный жёлтой краской осьминог, каждое щупальце которого сжимало кружку пенящегося пива. Ещё полдюжины ободранных спасательных кругов со всех сторон напоминали посетителям о том, в какой «райский» уголок завела их судьба. Окружающая обстановка не на шутку располагала к безудержному пьянству.

Заросший густой чёрной щетиной грузин в белой накрахмаленной куртке со скучающим видом стоял, облокотившись о стойку, тоскливо взирая на входную дверь. Велико стремление представителей вышеупомянутой национальности приобрести свой личный автомобиль, если они, преодолев нелёгкий путь через всю нашу необъятную страну, решаются пустить корни на столь далёкой чужбине. Этот кацо был одним из таких героев.

Как только я вошёл в пивную, он вяло оторвался от стойки и, подойдя к латунному крану, не глядя на меня, стал наливать пиво.

- День добрый, - сказал я и показал ему два пальца. – Что грустим, генацвале?

Кацо посмотрел на меня своими глубокими, грустными глазами и только кивнул головой.

- По родине тоскуешь, да?

- Э-э, откуда знаешь, что думаю? – удивлённо вскинув густые чёрные брови, вопрошающе проговорил кацо. – Насквозь видишь, да?

Сочные ломтики свежесолёной горбуши лакомо розовели в большом эмалированном тазу. Взяв пару кусков, я отошёл к столику.

- Эй, шаман, послушай, - обратился кацо ко мне, в нетерпении перевалившись через стойку. – Что ждёт – сказать можешь?

Меня всегда как-то трогала присущая сравнительно молодому поколению этого народа открытая детская наивность, соседствующая с благородной мудростью стариков. Было в этом чистом и с виду глуповатом откровении что-то очень привлекательное.

- Счастья много ждёт и удача большая.

Уже через минуту передо мной оказались ещё две кружки холодного пива и бутерброды с икрой. Генацвале угощал, подтверждая тем самым распространённость грузинского гостеприимства и радушия. Отказаться – значило обидеть.

Разделавшись кое-как с пивом, я вышел на улицу. Постоял некоторое время, любуясь закатом, и по старой, наезженной, в глубоких колеях дороге стал медленно спускаться с сопки. Огромный алый сноп громоздился уже на западе, стремительно утопая за горизонтом. Синевато-розовые отсветы ровно озаряли небо над морем. Море было спокойно и величественно.

Предшествующая береговому бризу тишина мягко повисла в воздухе и томила неизъяснимым чувством сопричастности всему, что происходило вокруг. Вместе с выпитым она порождала в душе неудержимое и искреннее восхищение этим миром, которое требовало заявить о своём существовании не иначе, как во всеуслышание.

- Пешком, с лёгким сердцем, выхожу на большую дорогу, - громогласно воскликнул я. – Я здоров и свободен, весь мир передо мною, эта длинная бурая тропа ведёт меня, куда я хочу. Отныне я не требую счастья, я сам своё счастье, отныне я больше не хнычу, ничего не оставляю на завтра и ни в чём не знаю нужды. Болезни, попрёки, придирки и книги оставлены дома. Сильный и радостный, я шагаю по большой дороге вперёд. Земля –

разве этого мало? Мне не нужно, чтобы звёзды светились хоть чуточку ниже, я знаю, им и там хорошо, где сейчас, я знаю, их довольно для тех, кто и сам из звёздных миров…

И тут позади глухо взвизгнули тормоза, и меня обдало облачком сухой холодной пыли, смешанной с запахом бензина. Это была непонятная навязчивая тень, которая всю жизнь коварно бродит за тобой по пятам, то появляясь, то исчезая, но всегда безжалостно и неожиданно выбирая момент для нападения исподтишка. Победить её было почти невозможно, если только не обратить в дальнейшем на пользу. Но о пользе я тогда ещё не думал, потому что было просто не до этого.

Строгие лица, подобные грозным ликам на иконах, взирая откуда-то сверху, поинтересовались: что это я во всеуслышание толкую по поводу выхода на большую дорогу?

Неуравновешенность делает человека уязвимым. Эта истина дошла до меня тотчас, как только на три слова сержанта я ответил десятью. Тяжёлая, обитая хромированной жестью дверца небезызвестного всем фургона гостеприимно распахнулась, и мне ничего не оставалось, как подчиниться. Не желая осложнять обстановку, я решил выяснить недоразумение на месте, искренне полагая, что это удастся. Не драться же с представителями законной власти, пусть даже Уитмен был замечательным парнем.

Интересно всё-таки, как повёл бы себя великий американский поэт в подобной ситуации, - ещё успел подумать я в последний момент. Ведь для него, наверное, такое поведение было вполне естественным.

В фургоне было не продохнуть от табачного дыма и застойного перегара. На жёсткие скамейки вдоль стен, до отказа забитые полувменяемой публикой, пристроиться не представлялось возможным. Если неожиданный захват блюстителями закона моментально выбил незначительные остатки алкоголя из моего сознания, то, усевшись на голый повыщербленный пол этой захудалой, повидавшей виды будки и пропустив через себя все городские ухабы, я прибыл к месту назначения уже с чистотой и трезвостью венецианского стекла.

Сквозь малюсенькое зарешёченное окошко было видно, как солнце уже почти совсем скрылось за горизонт. Конечно, ничто не могло отнять у меня того, что принёс с собой этот незабываемый осенний день, но оранжевый краешек солнца неудержимо ускользал, и с ним бесповоротно исчезало утраченное настроение. А потом стало совсем темно и холодно.

В предбаннике вытрезвителя царило оживление. Полным ходом шла непрекращающаяся приёмка тех, кто своим поведением в этот вечер мог запятнать честь родного городка. Приёмкой заведовал небольшого роста, широкоскулый смуглый капитан, по лицу которого трудно было определить, как он отреагирует на причину моего здесь пребывания.

Рядом с ним сидел молчаливый старлей, который неотрывно что-то записывал в журнал. В комнате стоял неимоверный гвалт, и я предполагал, что объясниться в подобных условиях вряд ли представиться возможным.

Прямо напротив капитана, на полусломанном скрипучем стуле, восседал со свежезабинтованной головой вёрткий сухощавый мужик. Он ещё не отошёл достаточно от хмеля, а недавно минувшие и, по-видимому, бурные события окончательно перевернули всю его истерзанную душу, частично наложив отпечаток и на сознание. Он уже десять минут туманил мозги капитану и никак не мог вразумительно объяснить причину своих страданий. Считая себя жертвой жестокой несправедливости, мужик жалобно канючил, и только повторял: «Э-эт, начальник!»

- Что у тебя с башкой-то? – ежеминутно спрашивал у него вконец измотанный капитан.

- Э-эт, портвейн … золотистый, бы-ыл… Нуль-во-о-семь…

- Я спрашиваю – с башкой что? – еле сдерживая себя, настаивал не на шутку взвинченный капитан.

- Э-эт, значить, семьдесят семь… осколков. Сосед… Ию-у-да, - с жалобой в голосе протянул мужик и указал трясущимся пальцем на уже разоблачённого, с головы до пят в сизых наколках, лысого здоровяка, проявившего себя в будке-фургончике лихим и ничего не боящимся мужчиной.

- Кто таков? – строго проговорил капитан.

Лысый, страшно поведя глазами и вызывающе-мутным взором оглядев окружающих, набычился и произнёс сакраментальную фразу: «Я – Котовский!»

Он был достаточно возбуждён алкоголем, чтобы до конца насладиться своим беспутством. Лихому атаману тут же было предложено занять пустующую камеру, из которой потом ещё долго доносились будоражащие неукротимую душу всякого мало-мальски преданного своему делу кавалериста возгласы, призывающие немедленно оседлать боевых коней.

Я вдруг забыл о своих бедах и подумал об этих людях, чумных больше не от вина, а от откровенной растерянности перед жизнью и отсутствия какой-либо помощи со стороны. То, что они оказались сейчас здесь, было закономерно и в некоторой степени необходимо для их же пользы. Но, отрезвив за ночь сознание, их выпускали отсюда всё же с замутнёнными, не разобравшимися ни в чём душами, прояснить которые могло, опять же по их нехитрому разумению, только вино.

- Сила вина несказанна! – глядя вслед лысому и разводя руками, воскликнул обескураженный капитан.

Очередь была за мной.

- Этот за что сюда? – кивнув в мою сторону и устало перелистывая очередную страницу журнала, спросил он. – Что натворил? Вроде тверёзый… Ну-ка, старшина, проверь, - обратился он к толстяку в застиранном до желтизны халате.

- Да выпил я, никто не отказывается, но…

- В чём дело, сержант? – не обращая на мои слова внимания, быстро спросил капитан, глянув на высокого, как жердь, сутулого сержанта, у которого рукава кителя еле доставали до широких костистых запястий. Большие красные руки, как плети, свисали вдоль нескладного туловища, ещё более подчёркивая несуразность огромного роста сержанта. Я, не отрываясь, смотрел на тяжёлые, налившиеся кисти его рук, не в состоянии почему-то отвести взгляд.

- Нарушал покой родного города, - словно старая медная труба, проскрипел сержант с высоты своего несусветного роста. – Декламировал стихи какого-то…

- Уитмена, - чётко произнёс я имя поэта, не задумываясь ещё тогда над тем, почему оно совершенно безразлично сержанту. Равнодушие его меня здорово задевало.

Капитан, откинувшись в кресле, расплылся в улыбке.

- А-а, иностранец, - сказал он.

- Так точно, иностранец, - прогромыхала откуда-то сверху труба иерихона. – Непозволительно громко выражал восторг.

Я с негодованием устремил взгляд вверх, но, опомнившись, тотчас взял себя в руки. Хотелось навзрыд заголосить одиноким, изгнанным из стаи волком о своей несчастной судьбе в этих ненавистных стенах, из которых, я знал, мне уже не выбраться до утра.

- Ба, путешественник… Чуешь! – лениво листая мои документы, обратился капитан к до сих пор не проронившему ни слова старлею. – Куда лыжи навострил, касатик?!

- В мореходную школу вашу, - еле выдавил я из себя.

- Шманец, значить, поздравляю! – почему-то весело заключил капитан и толкнул в бок рядом сидящего старлея. Тот наконец-то оторвался от своей писанины, и по тому, как он посмотрел на меня, можно было догадаться, какого мнения здесь о курсантах вышеупомянутого учебного заведения.

- Что употреблял? – въедливо допытывался капитан.

- Две бутылки «Мизандари», - ни с т ого ни сего бухнул я, словно душа моя безудержно тосковала по хорошему вину.

Капитан поднял от стола голову и, с удивлением воззрившись, озабоченно вопросил:

- Хорошее вино?

- Какая разница, простите, что я пил – денатурат или простоквашу, - не в меру горячась, выпалил я. – Никому от этого плохо не было. И я здесь, считаю, по чистому недоразумению. Стихи на улице читать никем не воспрещено и выражать свой собственный восторг тоже. Поэтому прошу меня освободить сейчас же.

- Егоров, - спокойно проговорил капитан, - проводи вот этого товарища в одноместный номер. Пусть остынет.

Неизвестно откуда взявшийся Егоров любезно предложил разоблачаться.

Я не помню, как меня тогда трясло и трясло ли вообще. Мне было не смешно и пусто. Делать глупости у меня не было никакого желания по причине усталости и безысходности в борьбе с непреклонными блюстителями порядка. Я даже не чувствовал себя несчастным или глубоко обиженным на кого-то. Я трезво и безразлично воспринимал действительность и желал лишь одного: чтобы меня оставили в покое.

Но в окружающей обстановке трудно было остаться до конца безразличным: оба соседа за стенкой требовали самого пристального к себе внимания, выявляя по этому поводу бурный протест повинным во всех их бедах неведомым силам, а в общей камере напротив творилось вавилонское столпотворение – непрекращающийся гул, вопли и ежеминутное бряканье обитой железом двери, которая впускала всё новую и новую клиентуру, доставляемую с разных концов города.

Публика эта была полна желания использовать все доступные способы и возможности, чтобы хоть частично выразить себя в этой всеобщей свистопляске. Здесь подбирались яркие представители разнокалиберной плеяды бичменов, каждый из которых по мере сил желал во всеуслышание поведать миру о себе. Среди них были по-настоящему многогранные в своём роде личности – самородки, но высокий процент желающих провести ночь под «гостеприимной» крышей всё же, по большей части, объяснялся приходом с моря части флотилии, промышляющей всё лето иваси.

Разудалая матросня успевала в считанные дни вчистую просадить весь заработанный нелегким морским трудом куш и оседала затем на нарах вытрезвителя. Это была их последняя, не самая красивая, но в последующем ещё долго не забываемая картинка из лихой и развесёлой былой жизни, к сожалению, очень короткой.

С этих самых пор, если им не улыбалась судьба в лице межрейсового дома отдыха для моряков, или дурдома – так это заведение зовётся в приморских портовых городишках, то до следующего отхода в море им суждено было перебиваться в жалком безденежье по разного рода тёмным холодным углам… Некоторые так и оставались в них, постепенно всё ниже и глубже опускаясь в липучее безвременье полного отсутствия собственного духа и сил, если что-нибудь вовремя не помогало им одуматься или боцман не вытаскивал их на свет божий, забирая с собой в очередной рейс.

Конечно, таких потерявших себя людей была лишь незначительная часть, но она была, тихонько тянула, ни на что и ни на кого уже не надеясь, словом, ниоткуда не ожидая помощи, и поэтому её нельзя было сбрасывать со счетов. Глубоко-глубоко в их душах всё же теплился уголёк надежды и веры, который, зачастую, так и потухал, не ощутив спасительного дыхания. Вот такая публика составляла основной контингент этого заведения. А так как на подходе к порту вскоре ожидалась остальная часть судов, то план местному вытрезвителю на ближайший месяц, надо полагать, был обеспечен.

Я не мог точно сказать, сколько прошло времени, но постепенно раззадоренный людской улей угомонился, и было только слышно, как в коридоре расхаживает, скрипя сапогами, сержант-верзила. Вспомнив о моём существовании и решив, по-видимому, проверить самочувствие клиента, он неожиданно остановился у двери и загремел связкой ключей. Скрежеща своей дряхлостью, замок долго не отмыкался, вызывая по всему телу, до боли в зубах, волнообразную нервическую дрожь. Наконец, дверь отворилась.

- Не желаете, сударь, перебраться в номер-люкс? – ухмыляясь, попытался сострить сержант.

Всё же надо отдать ему должное, подумал я, сержант вошёл в положение и не забыл хоть на сколько-нибудь облегчить мою участь в промозглой бетонной клети.

- Скоро утро, - елейным голосом поведал он. – Осталось – пустяки.

- Покурить бы, - выдавил я из себя таким замогильным голосом, что даже видавшего виды сержанта немного передёрнуло.

- Не положено, - мигом отрезвел он. - Давай, друг ситный, живо перебирайся, пока я не передумал.

Упрашивать меня не пришлось. Мощная дверь общей камеры с уже знакомым бряцанием захлопнулась за моей спиной. Щёлкнул замок, и всё стихло.

То, что я увидел, напоминало картину умиротворённого дантовского чистилища. Высоко под потолком светилась перекрашенная в бурый цвет лампочка. Вернее, она изливала на распростертые обнажённые тела и расхристанные обтрёпанные одеяльца с простынями мутно-коричневые потоки, создавая вовсе не располагающую к размышлениям атмосферу. Мне стало жутко.

Души этих на время усопших несчастных, как это проповедовала католическая церковь, во сне, по-видимому, очищались от грехов, в чём я сильно сомневался, и поутру непременно должны были попасть в рай. Я прекрасно знал: то, что последует за пробуждением, скорее всего, будет напоминать наичистейшей воды адово пекло, и, таким образом, вопреки всяким учениям, души этих грешных из душечистительного периода экзекуций прямиком угодят в умопомрачительный, где им не суждено будет отведать райского яблочка.

Такова была жизнь, и в этой круговерти для них существовали своя правда и ложь, радость и страх, непоколебимые никакими учениями и верами. Эта правда не была большой и сильной, но она, всё же, оставляла за ними право быть людьми – уставшими и обездоленными, но людьми.

Камера была довольно-таки вместительная. Вдоль обеих стенок без окон тянулись обтянутые кожей узкие топчаны. На них и между ними, в самых невероятных позах и распластанные поперёк, так что чья-то голова мирно покоилась на животе одного соседа, а нога – на спине другого, завёрнутые самым немыслимым способом в изжёванные простыни,

скрюченные от холода в жалкий комочек, сидящие в обнимку друг с другом, усмирённые неволей, алкоголем и безуспешностью сопротивления, забылись в тревожном сне эти люди… Некоторые тела конвульсивно подёргивались. Отовсюду доносились стоны, разнотональный храп, раздирающее душу скрежетание зубов и несуразный лепет.

Именно так, только без всякого рода шумов и более благообразно, виделась в моём болезненном воображении настоящая покойницкая. Моё общее состояние вызывало у меня крайнюю озабоченность и тревогу. Надломленная психика безотлагательно требовала забытья. Я просто опустил руки.

В темноте нащупав себе место, я не без труда втиснулся в эту образованную размякшими телами естественную щель, чем тут же вызвал ропот недовольства со всех сторон. Ещё окончательно не успокоившись, я саданул локтем в бок одного из соседей, рискуя нарушить царящий в камере покой и заполучить себе до утра нудного врага, но тот, потеснившись, ответил лишь полутораминутной словесной неразберихой, а потом затих. Мне вдруг стало стыдно, и я почувствовал, как быстро и незаметно вкралась в меня всепоедающая ржа этой растленной обстановки. Я попытался поведать своему незаслуженно обиженному соседу что-нибудь хорошее, но тот уже успел погрузиться в объятия спасительного морфея.

Лёжа на боку и пристально вслушиваясь в потустороннюю жизнь, я пытался вырваться из окружающего кошмара, но это у меня плохо получалось. В этом каменном мешке не было окон, а стены не пропускали ни единого звука. Мерный рокот набегающей волны или шум ветра в голых ветвях деревьев, ударяющих в оконное стекло, были бы сейчас очень кстати, подумал я. Но их не было, и я попытался представить, что они есть.

За этими невесёлыми размышлениями я незаметно задремал, а проснувшись, долго не мог прийти в себя от окружающих меня высоких стен, выкрашенных в зелёную ядовитую краску, и от ярко-красной надписи над дверью: «Пьянству – бой!». Подо мной на кожаном топчане тоненькой верёвочкой скрутилась застиранная простыня, при виде которой мне стало почему-то очень жаль себя. Одеяло по неизвестной причине отсутствовало, и было очень холодно.

Народ помаленьку отходил от липучего забытья и, конечно, долго не мог понять, где он находится и что означают эти холодные, неуютные топчаны и мрачные стены без окон. Это было написано на возрождающихся к жизни лицах, и, глядя на них, я почувствовал, как начинает ныть больной зуб. Моя трезвость в подобной ситуации казалась до невозможности глупой и невыносимой. Кадры вчерашней жизни в замедленной съемке проплывали перед глазами, и не было сил равнодушно смотреть на этот печальный фильм об одном неполном дне из реальной жизни, тем более что ты сам принимал в нём участие.

А на улице, как и вчера, светило солнце. Чуть дрожала в утреннем морозном воздухе хрупкая и нежная осенняя листва. Море неудержимо

накатывало свои валы, оставляя искрящиеся пенные кристаллики на гладких камнях. Высоко в небе, сгрудившись от крепкого порывистого ветра, медленно плыли упругие белые облака, и это спокойное непреходящее движение в природе давало понять, как недолговечна и коротка наша жизнь, и как мы ответственны за то, чтобы не растратить её впустую.

В приёмной начальника школы никого, кроме худенькой секретарши, не оказалось. Мне было предложено обождать несколько минут. Шефа погребли многочисленные заботы, и я представлял в своём лице одну из них. Стало как-то неловко.

В просторном, светлом кабинете меня в упор, очень спокойно встретил взгляд больших внимательных глаз. Сцепив сильные жилистые руки, начальник школы молча посмотрел в окно, за которым лёгкий ветерок чуть ворошил пожелтевшие верхушки деревьев и разлапистые листья клёна неслышно касались чистых, недавно вымытых стёкол. Поизносившиеся позументы тусклым золотом отливали на рукавах его кителя.

Несмотря на предстоящий разговор, на душе лежала какая-то тихая радость, и было очень покойно. Чувства неловкости я уже не испытывал.

- Не в каждой книге сейчас встретишь то, о чём изложено в вашей исповеди, - обратившись ко мне, сказал неожиданно он и ткнул пальцем в исписанные убористым почерком листы. – Мне понравилось. Вы где-нибудь раньше печатались?

- Не привелось ещё.

- Ну-у, у вас ещё всё впереди. В подтверждение этому, - он взял объяснительную в руку и потряс ею в воздухе, - на ваших глазах кладу её для хранения в сейф, и пока я здесь, полностью гарантирую её сохранность.

- Дело этого стоит?

- Буду использовать в качестве уникального образца, - сказал он и, весело звякнув о железо связкой ключей, прикрыл дверцу.

- Что привело к нам? – поинтересовался он, и в голосе его зазвучали жёсткие нотки. – Должно быть… романтика? Если да, то довольно замусоленное слово. Одни, называя себя последними романтиками, утверждают, что им, якобы, удалось посидеть на лапе белого медведя… Таких я встречал достаточно, и, смею заметить, ни один из них не запомнился. Другие же, сетуя на сложности жизни, со спокойным скептицизмом погружаются в бесплодные грёзы, совершая невообразимые путешествия, лёжа на мягком диване, как это делает мой сын. Вы к каким относитесь?

- Честно говоря, - сказал я, - мне это слово тоже не по душе, когда от него отдаёт мечтательной созерцательностью. Но если под ним подразумевается стремление познать окружающую жизнь, - другое дело. Мой взгляд на эти вещи таков: целью должно быть действие, а не отвлечённая идея. Но чтобы приобрести знание, надо, наверное, через многое

пройти, решившись при этом на перелом в своей жизни и не побоявшись тех трудностей, которые он повлечёт за собой. Если всё это соответствует понятию романтика, то я принимаю его.

- Вы что, не мыслите себя без моря? – несколько помедлив, пристально посмотрел он мне в глаза.

Ответом ему было моё утвердительное молчание.

- Командир роты объявит вам взыскание, - уже более сдержанно проговорил он. – Можете быть свободны.

- Разрешите вопрос?

- В чём дело?

- Алексей Константинович, я не смогу ждать целый год. Мне нужно уйти в море сейчас. Не знаю, как объяснить вам…

Он долго смотрел перед собой, затем поднялся и подошёл к окну.

- Зря, - медленно произнёс он. – Ты сейчас попадёшь только к рыбакам на какой-нибудь сейнеришко, а на торговом флоте работать интересней. Подумай.

- Я уже решил, - тихо проговорил я.

- Дело твоё, - не без сожаления, разведя руками, проговорил он. – Удерживать тебя я не могу. Кливер поднят, как говорили в старину, за всё уплачено. В общем, можешь писать заявление.

Он повернулся и тяжело пошёл к столу. Я ещё немного потоптался и, буркнув что-то на прощание, быстро вышел из кабинета.

Ну, вот и всё, - подумал я. Решение принято, и его надо осуществлять. Значит, опять в путь, а куда – неизвестно.

Трудно было объяснить родившееся в глубине души чувство. Что-то нестерпимо влекло оставить этот город, школу и достаточно обозначенную перспективу на будущее, чтобы быстрее узнать всё, чего не могли дать долгими зимними вечерами никакие на свете тёплые и прекрасно оборудованные классы. В какое-то мгновение я вдруг увидел происходящее со стороны. Передо мной всплыли звуки, запахи и цвета, которые несло с собой море, и я понял, как незначительно по сравнению с этим всё остальное…

… Густой аквамарин мягко плещущейся о причал воды, мерное поскрипывание туго натянутых и изрядно измочаленных от бесчисленных швартовок концов, переливающаяся золотистой слюдой под ярким осенним солнцем лёгкая и прозрачная даль моря, весёлое и несуетливое оживление в порту, заражающее здоровьем, вольным трудом на море, чуть ленивый клёкот привыкших ко всему изжёлта-белых чаек… Махнёшь рукой – и сотни их взовьются с тягучим звонким гомоном, и, плавно совершив затяжной круг, усядутся невдалеке. Но уж больше их не трогаешь…

Вот ради всего этого, и ещё многого другого стоило пересечь с запада на восток всю страну, отказаться от убаюкивающего и растлевающего рано или поздно, но такого приятного, если уметь им пользоваться, комфорта, оставить на неизвестный срок родных, друзей и даже встретить однажды

день в невесёлой холодной камере местного вытрезвителя. Дело этого стоило, а значит, нужно было бороться и не унывать. Именно это я желал объяснить людям, и мне очень хотелось, чтобы меня поняли.

Стояли последние дни самой замечательной на острове поры – осени, когда так хорошо думается и мечтается, а по утрам ещё можно ощутить сочный, вкусный воздух, замешанный на холодном инее, который белеет на деревьях, кустах и дорогах… И потому, решившись отправиться в неизведанный путь в ноябре месяце, накануне большой непогоды, утешением для меня служило сознание, что тёплый осенний месяц в моей жизни так или иначе наступит по всем законам природы, так же как печаль в своё время сменится радостью или день придёт на смену ночи. Надо только надеяться и верить: рано или поздно всё станет хорошо, потому что жизнь сама по себе всё же прекрасна.

«БЕЛЫЕ ХОЛМЫ»

Подобно уставшей охотничьей собаке, грязной и вымокшей, тихий пасмурный день, покрутившись, со вздохом улёгся у самых ног, и прогонять его не хотелось. Чуть накрапывая, дождь косыми тонкими струйками прилипал к толстым автобусным стёклам. Струйки, подрагивая, срывались на ходу, а мокрый след от них тут же высыхал.

Путь от Корсакова до областного центра недолог: езды до него тридцать с лишком вёрст. Дорога твёрдая, накатанная, и ехать по ней очень приятно.

Слышно, как успокаивающе ровно гудит за бортом ветер, как с монотонным шипением повизгивают на поворотах колёса и натужно взвывает мотор на подъёмах. Автобус, мягко покачиваясь от хорошо набранной скорости, плавно катит на север среди унылой природы. Такой она представляется, наверное, только на первый взгляд, и ещё потому, что нет солнца.

За окном мелькают редкие посёлки. Все они основаны почти столетие назад каторжным людом, но с тех пор выросли незначительно. Названия посёлков соответствуют расположению, что в некоторой степени обьясняет их характер, если быть достаточно знакомым с особенностями островного рельефа и климата.

Вот дорога то круто спускается, то вдруг стремительно взлетает к небу. Первая падь, вторая, третья… Неширокие, с пологими склонами распадки врезаются со стороны моря в глубь острова. В таких падях обычно и основывались поселения.

В районе посёлка Лиственничное растительность скудна и мало отличается от полярной. Вид оживляют отдельные лиственницы, но и те мелкоствольны и непривлекательны. Плохо пропускающая влагу подпочва способствует обильному росту болотистых трав и мхов.

Ближайший к центру посёлок – Большая Елань. «Еланями» местные жители называют речные долины. Они обыкновенно защищены от ветров и полны буйной растительности, а белокопытник – гигантский лопух с листьями-зонтиками способен укрыть небольшую группу людей.

Травянистая растительность на острове обладает особым свойством роста и развития – гигантизмом. За вегетационный период растение достигает трёх-четырёх метровой высоты, с листьями почти до полутора метра в диаметре. Заросли лопуха характерны для Сахалина и Курил, и очень оригинальны, растут же обычно по долинам рек, где намного превышают рост человека.

Толстые, легко ломающиеся черешки листьев поднимаются прямо вверх, оставляя между собой большие промежутки. Широкие листья смыкаются почти вплотную. В жаркий день хорошо спасаться в таком «лесу»

от палящих лучей солнца в его светло-зелёном полусвете, либо прятаться от дождя.

Растёт лопух очень быстро. Порой, за сутки, он увеличивает длину своих листьев на пятнадцать-двадцать сантиметров. Не зря его научное название «пегазитес», означает по-гречески «широкополая шляпа».

В летние месяцы и ранней осенью в таких зарослях сильно парит. С виду сочная зелень пышна и таинственна, при близком же соприкосновении она отдаёт душной влажностью и затхлой гнилью. Такое обилие и своеобразие впечатлений приятно забавляет, а иногда даже обескураживает.

Примечательно ещё то, что девяносто лет назад по этой самой дороге, из Корсаковского поста на север, ехал Чехов. По тем временам подобная поездка на Сахалин была равносильна настоящему подвигу, и Чехов, с присущей ему очаровательной незаметностью, его совершил.

Причин, побудивших Антона Павловича к путешествию, было достаточно, и главная из них – стремление быть сопричастным с судьбой русских людей, бесправных и приниженных, тысячами погибающих на сахалинских рудниках. Ему до всего было дело, а главное – до людей. Он всегда очень тактично и ко времени умел вмешиваться в окружающую его жизнь. И потом, сама рутина московской жизни с заведомыми обедами, дачами и ужением рыбы стали ему, по-видимому, просто невыносимы.

Решение ехать – глубоко личный осознанный порыв, желание обратиться к струе свежего воздуха и обрести её на кандальном жутком острове, где находились люди, более всего нуждающиеся в человеческом отношении, тепле и доброте. Как чайку белоснежную, понесло Чехова на Дальний Восток, и понимаем мы его более как человека, нежели писателя, возвратившего в переломный момент себе и людям себя самого. И ещё подумалось: как хорошо, что Чехов был. Спустя десятилетия он продолжает жить, невидимо присутствуя в этих неброских сахалинских пейзажах, и незаметно воздействует на наши души. В этом весь Чехов, и в этом его бессмертие.

Окружённый тёмной сыростью холмов, столичный город угрюмо и тихо замер в долине. Бесшумно ложатся на дорогу дождевые капли. Поздняя осень на Сахалине бывает обычно глухой и безликой.

В домах топят печи углём, и от этого город утопает в невидимой едкой пелене. От неё першит в горле, а в сухие пасмурные дни чуть саднит глаза. Зимой же она застывает в густом морозном воздухе и пепельной шелухой покрывает искрящийся снег.

Говорят, все незнакомые города похожи друг на друга, но это только на первый взгляд. Лицо городам придают люди и время.

Люди приходят и уходят, а города остаются. Они – вечные памятники каждому, кто вложил в них крупицу своей души, а значит – жизни.

Японцы называли Южно-Сахалинск «Тойохара», то есть – «Город солнца». И не без основания. Я уже видел, как огромный золотисто-багровый круг поднимается по вершинам сопок, пронизывая розоватыми лучами прозрачную дымку пробуждающейся долины, как он плещется в тёплой синеве, весело поблескивая сочной желтизной, и как ярко-оранжевым пылающим апельсином спешит закатиться за море.

Всё это я успел увидеть, но сейчас солнца не было, и день угасал, стирая расплывчатые очертания домов и улиц. Город готовился ко сну, и я ещё не успел понять его. Дело, конечно, было не в солнце. Просто для понимания, по-видимому, не наступило время.

Надежда на свободный номер в гостинице, как я и предполагал, не оправдалась. А если остаёшься вдруг один на улице, без крыши над головой, когда не к кому обратиться за помощью или не с кем, хотя бы, поговорить по телефону, чувствуешь себя очень глупо. Жёсткая скамейка в тёмном сквере или зал ожидания при вокзале – вполне естественный выход из создавшегося положения, и я незамедлительно обратился к нему, отдав предпочтение вокзалу.

Ситуация, с небольшими изменениями, грозила повториться. Бухнувшись на одну из длинных скамеек, пустовавших в холодном просторном зале, я принялся разглядывать его внутреннее устройство, провожая взглядом всех проходящих мимо. Это было своего рода практическое занятие, в котором я старался с первого раза определить: что представляет из себя тот или иной человек. Скрашивая время таким несерьёзным способом, я и не подозревал, как полезны порой подобные упражнения, в чём мне скоро пришлось убедиться.

- Дозвольте присесть, - с неестественной подобострастностью вопросил возникший передо мной сухощавый, небольшого роста субъект, с залысинами и живым, неприятно ощупывающим взглядом.

- Пожалуйста.

Шелестя ломким плащом, он опустился рядом на скамейку и, вздохнув, забарабанил пальцами по ручке кресла.

- Тэк сказать, дорожный анекдот не миновал и вас, - обратился он ко мне.

- Любопытно… В каком смысле? – неуверенно спросил я.

- Не извольте беспокоиться. Я в отношении того, что неустройство в дороге – это наш бич, тэк сказать, номер два…

Я кивнул головой.

- Что же номер один?

- Пьянство, доложу вам. Ну, да Бог с ним. Уже в гостиницах побывали? – опять, как мне показалось, с каким-то затаенным нетерпением осведомился мой новый знакомый.

- Да, побывал.

- Совершенно напрасно, смею заметить. – В голосе его проскользнуло чуть заметное удовольствие. – То есть, я хотел только сообщить, что вам того знать было не дано…

Я недоумённо посмотрел на него. Подобная увертюра что-нибудь да означала.

- Григорьев… Юрий Николаевич, - поспешил представиться он. – Проживаю в двухместном номере привокзальной гостиницы, в гордом одиночестве, тэк сказать. Напарник перед самой командировкой прихворнул, и вот… Бронь, знаете ли, оно дело надёжное, но одиночество не для нас. Душа требует, тэк с казать, общения…

При этом он многозначительно подмигнул и прищёлкнул пальцем.

Выглядел он несколько напыщенно, даже – щеголевато: превосходно сшитый костюм, высоко вздёрнутые, непонятно – в недоумении или в лёгком кокетстве, тонкие брови, изящные, ухоженные руки, обрамлённые на запястьях отменными запонками, незаметный, но очень деятельный рот. По его слегка возбуждённому виду трудно было заключить что-либо определённое. Подобный тип людей отличает долгая моложавость, что, естественно, затрудняет установление возраста. На первый взгляд, ему можно было определённо дать лет сорок.

- Простите, а почему именно ко мне… - только и успел вымолвить я.

- Понимаю, - с готовностью подхватил он, - и заверяю, что никакого, тэк сказать, криминала тут нет. Вижу в вас человека, способного понять разлад души и оказать дружескую поддержку… Сплошное преимущество для обеих сторон.

- Благодарю вас, и всё же…

- Не стоит любезностей. – Его подвижное тонкое лицо тотчас преобразилось в улыбке. – Рука руку моет.

Юрий Николаевич показался несколько странным, но общительным и живым человеком. Отказываться от идущей в руки удачи при таких обстоятельствах было бы глупо, и я принял его предложение. Тем более, что мне в данный момент необходимо было поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, а он, судя по всему, был человеком, способным понять их. Для него не составляло труда быстро уладить дело и с администратором.

- Такой нюанс, дорогая моя, - изысканно обратился он в вестибюле гостиницы к сидящей за высоким барьером дежурной. – Этому молодому человеку, только что вступающему в жизнь, негде бросить свой усталый якорь, тогда как моя тихая гавань пустует и готова принять заблудшего путника в свои радушные объятия. Что вы можете иметь против такого честного расклада дела перед, тэк сказать, не совсем симпатичной гримасой жизни, которой она нередко угощает нас? Логика её требует, мадам, чтобы справедливость, в конце концов, восторжествовала. Не так ли?

Этим небольшим, но внушительным вступлением он с ходу очаровал миловидную администраторшу, и та, растаяв в улыбке и порозовев от

удовольствия, с нескрываемой радостью предоставила нам ключи от теперь уже совместных апартаментов.

Через несколько минут мы оказались на четвёртом этаже, в небольшом номере, единственное окно которого выходило на подёрнутые гарью железнодорожные перроны. Ежеминутное лязганье потускневших маленьких вагончиков прерывали отрывистые паровозные гудки. Там, за мокрым окном, несмотря ни на что, шла размеренная привокзальная жизнь со своими запахами, звуками, особенностями. А в комнате было светло, чисто и тепло.

Я уже давно замечал, что в такой аскетической обстановке, где нет ничего лишнего, где ничто не отвлекает, очень спокойно и уверенно думается и живётся. Может быть, именно поэтому мне нравились гостиницы, в известной мере, конечно. Вот и сейчас, несмотря на неустроенность, какую-то непогоду в душе, тёплая тишина комнаты, казалось, сулила крепкую защиту ото всех жизненных бед.

Юрий Николаевич подолгу где-то пропадал, и только вечером мы встречались в номере, делясь приобретёнными за день впечатлениями. Несмотря на твёрдые, казалось бы, принципы, он был человеком увлекающимся, весёлым, способным с бесцеремонностью и каким-то неистребимым успехом самого забубённого интригана ухаживать за женщинами, проживающими в гостинице. В нём временами проскальзывали настораживающие меня нотки фальши, и, заметив это, Юрий Николаевич в любом состоянии тотчас одёргивал себя, глаза его загорались трезвым блеском, и мне начинало казаться, что он совершенно не такой, каким старается быть в обыкновенных обстоятельствах.

Часто, с самозабвенным выражением чувств, он наизусть читал Есенина. Круг чтения, говорят, достаточно полно определяет характер человека. По склонности к поэзии Есенина, по многим присущим его поведению особенностям, нетрудно было понять в нём какую-то трепетную надломленность, особенно, когда он напивался до сентиментальности, не переходя при этом, впрочем, границ, и начинал читать стихи.

Я довольно хорошо понимал своего приятеля по номеру, но одна таинственная деталь, всё же, ускользала от меня, не позволяя постичь его до конца. Что-то настораживающее и необъяснимое жило в нём, мешая ему самому, изредка влияя и на меня тоже. Это был невидимый порок. Я понимал его скорее сердцем, чем умом, и потому, по-видимому, не мог принять окончательного решения. К тому же собственные невесёлые размышления насчёт дальнейшей перспективы омрачали моё существование, и мне было не до соседа.

Юрий Николаевич уходил утром, как он говорил, по работе, и возвращался только поздно вечером с охапкой свёртков, со снедью и с бутылками. Так продолжалось всю неделю, и у меня не хватало сил отказать его хлебосольству. Сам я временно мантулил грузчиком, зашибая в день по трояку, которого еле доставало не маломальское питание и плату за крышу над головой.

В тот день мне повезло: пришлось разгрузить лишнюю машину, и незапланированная пятёрка легла в карман. Я купил бутылку вина, кусок колбасы и, придя в гостиницу, стал дожидаться своего соседа. Вскоре появился и он, как мне показалось, чем-то очень возбуждённый, встревоженный.

- Что-то случилось? – спросил я.

- Вынужден оставить ваше приятное общество, - сдержанно объявил он. – Обстоятельства, тэк сказать, превыше нас…

- Стакан вина?

- С удовольствием, - оживился он.

Пил он жадно, большими глотками, с гулким бульканьем, так что худой кадык размеренно пружинил на тщательно выбритой смуглой шее. Затем он устало опустился на кровать и закрыл рукой глаза.

- Юрий Николаевич, давно хотел спросить, вы кто по профессии будете?

На мгновение он весь подобрался и вскинул на меня пристальный взгляд.

- Вор, друг мой, - ровным голосом тихо произнёс он. – Что ни на есть, чистейшей воды карманный вор. Так сказать, джентльмен удачи… Говорю вам это с полной ответственностью и уверен, что вы меня поймёте. Мне начинает казаться, что я знаю вас давным-давно. Вы шокированы?

- Отчасти.

- Почему же отчасти?

- Я о чём-то подобном догадывался, но не был уверен.

- Что ж, это только подтверждает мои мысли о вас как о проницательном человеке… Тем лучше. Я полагаю, вы в достаточной мере благоразумны, чтобы не афишировать этот, тэк сказать, неприглядный жизненный момент. Не скрою, желание подобного признания не сразу пришло ко мне… Только не спрашивайте, пожалуйста, ни о чём! – вдруг быстро добавил он. – Хотите, я почитаю вам Есенина?

Я был, честно признаться, обескуражен и не знал, как теперь себя с ним вести.

- Вы не поверите, - с возбуждением воскликнул он, - жутко люблю его. Вот послушайте: -

… Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми левкой и резеда.

……..

Цветы мои! Не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нём
Мог растопить своим огнём.

Не всякий, длани кто простёр,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка – я на костёр
Лечу и огненность целую…

Его лицо застыло передо мной в скорбном откровении, а голос, сухой и надтреснутый, заставил позабыть всё на свете. Были только вечер с тёмными окнами, мигающий за ними свет, и есенинские «Цветы», которые он знал полностью.

- Что же стряслось с ним в жизни?

- Душа, - тихо выдохнул он. – Есенин был осуждён самим собой на каторгу своих чувств. Не мог он пережить свою огромную печаль, всю грусть земли русской и её народа. Печаль эта и сделала его «звонким забулдыгой»… Да-а… Не мог этот русский паренёк с ясной, как его глаза, фамилией, поступить иначе: в трудную и счастливую пору для своей земли родился, трудно и счастливо пропел своё время. А слов из песни, как известно, не выбросишь…

Он помолчал.

- Вы любите цветы?

- Георгины…

- Почему именно они? – с улыбкой спросил он.

- Воспоминание детства… Под окнами бабушкиного дома, возле мшистых кустов смородины, росли георгины. Только сейчас я понимаю, как они были хороши в капельках росы, застывшие в прохладной утренней тени. В детстве красота воспринимается неосознанно. Но это не суть. Важно, что цветы в жизни есть. Свои цветы…

- Гм-м, любопытно было бы услышать, что они есть для человека?

- То, что делает его, наверное, человеком. Способность радоваться, мыслить и делать дело, которое помогает жить не только тебе, но и людям.

- Вы нашли его?

- Пока нет, - замявшись, ответил я.

- Но претерпели, я думаю, немало.

- Пожалуй.

- Разочарование, следующее за разочарованием, а потом, тэк сказать, крах всем надеждам?

- Настоящий крах – ничего не испытать.

Он как-то странно посмотрел на меня и задумался.

- Может быть, вы и правы, - медленно проговорил он.

В воровском мире Юрия Николаевича знали как «Артиста». Кличка, как и полагается в подобных делах, прямо соответствовала сути, подтверждая его виртуозность, везучесть и неуязвимость.

«Артист» умело проводил национализацию личных вещей граждан по ходу дела. Талант у него к этому был несомненный: он схватывал, по его словам, ситуацию на лету и молниеносно принимал решение, тут же реализуя добытое. Каким образом ему это удавалось – остаётся неизвестным. На руках у него почти никогда ничего не висело.

«Артист» был достаточно знаком с людской психологией, и умело играл на этом, представляя в собственном лице злого гения. Ему фартило. Располагающая общительность делала своё дело, а видимая интеллигентность и благородное обращение довершали его. Он сразу импонировал изысканностью манер, милой, трогательной улыбкой и открытым взглядом, который буквально светился самыми искренними побуждениями. «Артисту» трудно было не поверить, и потому общающийся с ним народ убеждённо признавал про себя, что с этим парнем не пропадёшь.

Что говорить, я и сам попался на эту удочку. Он, конечно, не заставлял себя ждать – безнаказанно шарил по карманам и сумочккам честных советских граждан, не гнушаясь при этом ничем. Был он специалистом широкого масштаба с узким профилем. В положении его временного приятеля я видел причину неприкосновенности собственных карманов. Мы и вправду сдружились за то короткое время: я чувствовал его доброе к себе отношение и, в свою очередь, сам был неравнодушен к нему. К тому же, красть у меня, честно говоря, было нечего, и уж об этом «Артист» был, разумеется, хорошо осведомлён.

Себя он в жизни чувствовал виртуозом, и этого, по его мнению, было вполне достаточно. «Артист» обожал вести лёгкую жизнь. Всю свою «выручку» он тут же пускал по ветру, ничего не оставляя впрок. К труду у него была аллергия. Это был «честный», незаурядный карманник, довольно хорошо знакомый с поэзией Сергея Есенина.

Но одиночество, на которое он себя обрёк, неумолимо шло по пятам, подступая всё ближе. И вот оно дохнуло на него, совсем рядом.

Гулко поскрипывая натёртым паркетом, шаги медленно удалялись, и звук их неслышно прилипал к тишине гостиничных покоев. Рука его сжимала маленький саквояж, в котором, я знал, не было ничего, кроме затёртого томика стихов Есенина. Уходил ещё один человек из моей жизни – так неотвратимо, и мне вдруг показалось, что с ним уходит часть меня самого. Только поможет ли она ему там, за долгой промозглостью непогоды, где, быть может, его ничто уже не ждёт…

За окном затарахтели и залязгали колёса, потянулись молчаливые обшарпанные вагоны. От порывов безудержного ветра свет ежеминутно мигал, тонкие жестяные карнизы на окнах, выгибаясь под его натиском, натужно пощёлкивали. Мимо прокрадывалась холодная ноябрьская ночь, и я опять оставался один.

Ночью ветер разгулялся не на шутку. Я слышал, как он тупыми мощными порывами бьётся в стену и окна. Чтобы не замечать его, нужно было к нему привыкнуть.

Зеленовато-жёлтые лучи прожекторов бросали прерывистый свет на стену комнаты. Я почему-то поверил, что скоро тоже буду рваться, как этот ветер, бороться за что-то в своей жизни и, сознавая, что это последние дни перед бурей, содрогнулся на мгновение и закутался покрепче в одеяло. Пожалуй, именно тогда ветер подхватил меня, и я без сопротивления весь отдался ему, погружаясь в объятия долгожданной согревающей надежды.

Выглянув утром в окно, я увидел горы – их бледную цепочку со скрытыми дымкой вершинами. Сильный ветер по-прежнему рвал низкие тучи, разбрасывая их клочья по небу, поднимал с земли колючие вихри из прокопченной пыли, бумажных стаканчиков, обёрточной бумаги. Было отчётливо слышно, как пронзительно и протяжно завывают в многочисленных щелочках злые отголоски его невидимой мощи.

Мне казалось, что я даже вижу за окном эти закруглённые стремительные завихрения, которые вполне можно запечатлеть красками на листе бумаги. Только вездесущие вороны не боялись ничего и, распластанными затухшими головёшками зависая над склонами сопок, оглашали тугую от влаги тишину необычными вскриками. В отличие от своих собратьев на материке, традиционное карканье у сахалинских ворон получалось с французским прононсом, как будто они перекатывали виноградинку в клюве. Но даже эта диковинная особенность, наряду со многими другими, которые каждый день преподносило знакомство с островом, ничего не изменяла.

Надежда, пучась и дрожа, лопалась в тугих пузырьках пенящихся луж, застилавших собой покоробленный асфальт. Всё, о чём мечталось совсем недавно и что представлялось таким близким, теперь казалось далёким и несбыточным. Непогода явилась именно тем горьким дополнением к теперешней незатейливой и во многом неустроенной жизни, которое поколебало мою решимость.

Климат острова был разнообразен и капризен, подобно хорошенькой женщине, знающей себе цену. Местные жители привыкли к его изменчивости и ко всем неожиданностям, которые он порой преподносил, относились довольно спокойно и сдержанно, ничуть не удивляясь тому, что мгновенно бы поразило приезжего человека и, быть может, навсегда отбило у него охоту к подобного рода путешествиям. Именно это обстоятельство чуть было не заставило меня отказаться от задуманного предприятия, и неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы я вовремя не взял себя в руки и вновь не ощутил глубокую внутреннюю потребность следовать выбранному пути.

В комнате было тихо, тепло и уютно, а бушевавшая за окном стихия совсем не страшила. Что может быть лучше плохой погоды, если тебя никто не ждёт и тебе есть о чём подумать. Поразмыслить на предмет того, зачем ты уже неделю ночами усердно наминаешь бока на гостиничной койке, а днём шлифуешь ящики из-под вина и консервированных продуктов, тогда как в десятках миль отсюда плещется о берег неведомое, но уже вполне реальное море, к которому ты так стремился…

Если считать жизнь зеброй, у которой белые и чёрные полосы идут вдоль тела, а не поперёк, то дело было почти гибельное, потому как я стоял на чёрной и, ползая на четвереньках по кругу, рисковал не сойти с неё никогда. Обежав за истёкшую неделю все организации, хотя бы отдалённо связанные с морем, я везде наталкивался на одно и тоже, вполне законное, но, всё же, не вполне разумное обстоятельство: меня не устраивали на работу по причине отсутствия в паспорте прописки и не прописывали, в свою очередь, потому, что я не работаю. Находясь между небом и землёй, нелегко с ходу разобраться в ситуации и, развернувшись, выбраться на белую полосу. Но уповая на то, что безвыходных положений нет, а есть лишь неправильный путь, я, всё-таки, пытался эту затею осуществить.

Ночами, лёжа с открытыми глазами и думая обо всём этом, я подолгу не мог заснуть. Только под утро удавалось на время отключиться в тревожном забытьи, но и оно не снимало напряжения. А накануне, перед самым рассветом, когда мозг обволакивают причудливые вяжущие видения, мне однажды приснился тяжёлый и странный сон…

… Неясный зимний день клонится к вечеру. Безжизненно раскинувшееся заснеженное поле усеяно мелким кустарником и редкими озябшими берёзками. Дует неровный настырный ветер. Солнце еле просматривается из-за мутной плёнки, затянувшей небо.

На небольшой полянке, среди торчащих из-под снега промёрзших веточек, стоит самолёт старого образца типа «Фарман». Тревожное ощущение вызывают вся обстановка угасающего недоброго зимнего дня и общее состояние необходимости куда-то срочно лететь, что-то изменять, очень важное и безотлагательное, от чего, быть может, зависят жизни многих людей.

Одинокая фигура лётчика в кожаной куртке, поскрипывающем шлеме и сапогах, увязая в снегу, борется с ветром. Губы плотно сжаты, за очками угадываются узкие чёрные глаза. Потом я вижу его в тесной кабине самолёта, где он пытается завести машину, почему-то яростно нажимая на педаль(!), но не в силах этого сделать. Одна нога у него отнята по щиколотку. Он до мозга костей пронизан ощущением этой всеобщей тревоги, но не в состоянии что-либо поделать – мотор не заводится…

Были ли у этого лётчика крылья? Взлетит ли он вопреки всему, что удерживает его на земле? Может быть, это было напоминание о том, что для каждого в жизни есть свой предел? Воображение с подрезанными

действительностью крыльями? Мне же нестерпимо хотелось подняться в воздух и насладиться полётом в вышине.

А жизнь, между тем, шла своим чередом. Днём и ночью по железной дороге под окнами гостиницы громыхали товарные и пассажирские составы, и я уже начинал привыкать к этому, а уборщица нашего этажа поговаривала, что предстоящая зима будет долгой и обильной снегом. Проживающие со мной в номере люди сменяли один другого, оставляя след в моей душе, и одному Богу было известно, когда всё это прекратится.

Я словно перестал существовать и смотрел на окружающую меня жизнь с равнодушным недоумением. Мог безболезненно для собственной совести проваляться до полудня в постели, а потом, выбравшись на улицу, часами шататься по городу, наблюдая, как люди куда-то спешат и чего-то в своей жизни добиваются, с достаточной уверенностью предполагая при этом, что завтрашний день будет точной копией сегодняшнего. Переживая это безвременье, ранее мне не ведомое, я понимал, что это безделье вынужденное, невольное. И всё-таки мне было не по себе.

И вот однажды утром я проснулся от чёткого осознания необходимости поступка. Что-то произошло не только во мне самом, но и в природе, и когда я посмотрел в окно, то увидел холмы в снегу. Они, как шатры из белых шкур диковинных животных, застыли в прозрачной дали девственного утра, неумолимо притягивая взгляд и слепя неестественностью цвета.

Внизу, под окнами, киоски, скамейки и машины безмятежно притихли под снежными шапками. Снега было много, и от того, что он лежал на деревьях, крышах домов, тротуарах и холмах, было очень светло. Снег сиял во всей невинности нетронутой белизны.

Дворники не разгребали его, потому что он был первый, долгожданный и какой-то нечаянный, принёсший с собой после бесконечных дождей и ветров покой, ясность и тихую чистоту. Все острые, зловещие углы, обозначенные долгой непогодой, смягчены и выглядят умиротворённо. Улица будто оцепенела, укрытая снежным покрывалом. В этой радостной белизне было незаметно, что небо серое и неприветливое.

Первый снег принёс с собой дыхание долгожданной зимы, и легкий морозец, притаившись за окнами, слегка прибил его невидимыми хрустальными пальчиками. В прозрачной чистоте мягко вырисовывались тёмные стволы деревьев. Чёрные вороны, притихшие на обрамлённых снежным пухом ветвях, напоминали японские гравюры. Эта бездонная утренняя белизна будила воображение и рождала желание что-либо изменить в своём существовании. Мир казался прочным и радостно-спокойным.

Но взгляд, пробегая по лицам домов и улиц, неминуемо возвращался к холмам. В своей обретённой чистоте они были недосягаемые и близкие, и я, не отрываясь, долго смотрел вдаль. Что-то произошло во мне тогда. Я и

забыл, что молодой, чистый снег имеет такую силу преображения окружающего мира и тебя самого.

Глядя на заснеженные холмы, я вспоминал, как становилась более глухой и менее грозной непогода, длившаяся слишком долго, как одно чувство сменяло другое и как мучительно рождались эта чистая белизна и то состояние цельности, что пришло этим прозрачным зимним утром. Я помнил, как ощущение чуть было приоткрывшейся радости заполняли слабость и разочарование. Взлёты надежды, порывы отчаяния, холод равнодушия – всё это мне пришлось пережить за этот небольшой, но такой бесконечный отрезок времени. Сколько раз я проклинал тот день, когда решился на это путешествие, и вот теперь благословил судьбу, что не повернул вспять.

Прозрение подчас приходит вмиг, по наитию, и то, что я почувствовал, заставило меня подняться, выйти на улицу и на вырученные от проданной рубашки деньги купить билет на автобус до Невельска. Я не знал, чем встретит меня город у моря, и только рука сжимала в кармане кусочек прошитого картона, который теперь олицетворял для меня мечту и все надежды на будущее.

«СТАРЫЙ КУДЕСНИК»

Место, откуда мне предстояло отправиться в манящую неизвестность, как-то не позволяло назвать вокзалом… Но именно отсюда, от небольшого деревянного пристроя, сиротливо приютившегося на краю привокзальной площади, курсирующие по югу Сахалина автобусы начинали свой путь.

Маленький пазик, ныряя на ухабах неустроенной дороги, серпантином вьющейся среди заснеженных зимних холмов, незаметно пробирался к перевалу. Вдали виднелись его вершины и снег на них. На крутых склонах, возвышающихся над дорогой, застыли горбатые ели.

Снегу за ночь навалило в изобилии. Он нарядно белел, своей неестественной чистотой скрашивая эти глухие, неприютные места и погружая лес, холмы и дорогу в сладкую, сонливую тишину. Дорога, выделывая крутые петли, поднималась всё выше и выше.

Взобравшись, наконец, на самое высокое плато, машина покатилась легко, и пассажиры незаметно задремали на маленьких кожаных сиденьях. Моря ещё не было видно, но чувствовалось, что оно лежит где-то недалеко, затаившись в холодном снежном окружении пришедшей зимы.

По эту сторону перевала задувал резкий, колючий ветер. В суматошном вихре бросая крутящиеся снежные хлопья в плексигласовые окна, он напоминал о здешней изменчивости погоды. В салоне автобуса было тепло и уютно.

Вскоре показалось море. Холодной, стального цвета полосой затиснутое у горизонта тяжёлыми низкими тучами, оно замерло, не вызывая ничего, кроме жутковатой неприязни.

Маслянистые волны лизали смёрзшуюся обкатанную гальку и деревянный обшарпанный частокол, защищающий берег от разрушения в шторм. Частокол местами прерывался, целыми пролётами завалившись на камни, и пенистая вода длинными языками плавно забиралась в эти проёмы, постепенно подмывая и заваливая очередной отрезок этих деревянных укреплений.

Нелегко было уберечь от неуёмной морской воды узкую береговую полосу, характерную для острова. Обычно именно по ней тянулись основные пути сообщения между приморскими городами и посёлками, и близость моря порой сильно затрудняла это движение. Так, созерцая невесёлый вид из окна и думая о том, что меня ждёт впереди, я и доехал до места назначения.

Уже начинало смеркаться, когда автобус, устало, притормозил около единственной в городе гостиницы. Обнаружив в окне кабины администратора табличку «Мест нет», я почувствовал в животе спазмы. На пустой со вчерашнего дня желудок нелегко было переварить подобное откровение, и я решил на оставшиеся деньги перекусить в какой-нибудь забегаловке, а уже потом строить планы на сомнительное будущее.

У входа в неприметную столовую на пустом деревянном барабане из-под кабеля сидел лохматый мужик. Прислонив к облупленной стене залоснившийся костыль, он опирался на другой, ежеминутно перехватывая его крепкой рукой, и переставлял с места на место, рыхля стёршимся резиновым наконечником грязный, слежавшийся снег.

Одна нога у него была отнята по самое тулово. Старое, в грязных засохших подтёках пальто было распахнуто на полуголой груди, а из-под лохматых чёрных кудрей в спускавшейся темноте нахально и безжизненно белел варёным рыбьим глазом холодный остановившийся взгляд. То были злость, мольба, вызов отчаявшегося, но не желающего смиряться человека всему живому и устроенному в этот неприютный осенний день.

Он ненавидел свет этих жёлтых окон, скрывающих от него своё участие и тепло, здоровых людей, спешащих мимо по своим неотложным делам, замкнутых только на себе и не желающих оглянуться вокруг, холодный, пронизывающий насквозь ветер, свою исковерканную жизнь, и всем своим несчастным видом требовал внимания к себе. Во мне, как в случайном прохожем, он, должно быть, тоже сейчас видел своего врага, в то же время, уповая на жалкую унижающую надежду. Не говоря ни слова, он, не отрываясь, сверлил меня умоляющим холодом своих глаз. Я нерешительно шагнул в его сторону.

- Слышь, братишка, выручи, - нетерпеливо прогнусавил он, подавшись весь вперёд.

Глаза у него, я успел заметить, были вовсе не белые, а голубые, глубоко запавшие, остановившиеся. Тонкая кожа туго обтягивала высокий лоб и давно не бритые скулы. Белёсая частая щетина остановилась в росте от постоянного употребления алкоголя.

Бледная грудь под худой тельняшкой вздрагивала от налетавших порывов ветра, и он то и дело запахивал полы пальто, которые тут же раскрывались.

Руки с узловатыми негнущимися пальцами были жилистыми и хваткими, по-видимому, из-за долгой ходьбы на костылях. От правого уха вниз, через всю шею, тянулся грязный, плохо зарубцевавшийся бурый шрам. От мужика разило устоявшимся сивушным перегаром и луком.

- Ты прости, что так… - пряча глаза и не в силах больше ничего сказать, с не скрываемым надрывом проговорил он.

Запустив руку в карман, я пошарил и, выбрав из него всю оставшуюся мелочь, высыпал в его протянутую заскорузлую ладошку.

- Больше у меня нет.

Потом повернулся и, сделав несколько шагов, вдруг с пугающим отчаянием ощутил хлёсткий звон пляшущих по каменным ступенькам столовой монет. Я застыл в пустом оцепенении и тут же почувствовал, как краска заливает лицо, и неведомая горячая тяжесть неудержимо окутывает ноги. Медленно обернувшись, я увидел, что по его небритым щекам беззвучно текут слёзы.

- Не могу я, браток… - тихо прошептал он.

Поглубже натянув на глаза кепку и ничего не ответив, я быстро зашагал по пустынной сырой улице, не представляя, куда она меня выведет. Я ничего не чувствовал и не сознавал, а только шёл вперёд, испытывая на себе тупые удары ветра, не замечая, как угасает день. Эта встреча внезапно перевернула во мне всё, заставила забыть о своих неудачах, кажущихся такими ничтожными в сравнении с горем этого человека.

По краям дороги тянулись в почерневшее небо сухими звенящими верхушками конические тополя. Их ветви с гулкой дрожью сталкивались и, нещадно ударяя друг друга, переплетались в тёмной вышине, издавая при этом немыслимый деревянный рокот. Выглядели они сейчас здесь почему-то нелепо, и от этого и ещё от незнания своих сил и от невозможности помочь людям, я ощутил себя таким же пустым, высохшим и звонким от боли, как эти тополя.

Прислонившись к шершавому стволу одного из них и чувствуя лопатками, как гудит ветер в его сухих ветвях, я стоял и смотрел через дорогу на мигающие огоньки афиш кинотеатра. За кинотеатром чернели высокие сопки, поднимавшиеся точно стены неприступной крепости, а со стороны моря слышался завораживающий протяжный гул.

Рядом, в ожидании рейсового автобуса, неловко укрываясь от ветра, стояло несколько человек. Ближе всех ко мне был старик в цигейковой, с кожаным верхом шапке. Сгорбившись и поглядывая по сторонам, он время от времени посасывал мундштук. Когда он затягивался, сигарета вспыхивала жарким огоньком, на мгновение озаряя его лицо, ветер стремительно уносил весёлые искорки, и она опять затухала.

- Это теперь надолго, - спокойно и чуть насмешливо сказал он.

- Здорово задувает.

- Приезжий? – не поворачивая головы, спросил старик.

- Да, - замешкавшись, проговорил я.- Как вы догадались?

- Курить будешь? – предложил он, протягивая раскрытую пачку «Примы».

- Нет, спасибо.

Он сунул пачку обратно в карман.

- И откуда?

- Из Перми.

- Во-о-т как, - многозначительно протянул он, улыбаясь в темноте, и глянул через плечо на меня.

- Да, так, - угрюмо проговорил я.

Ветер бушевал всё ожесточённее. Неожиданно пошёл снег.

- Циклон идёт, - задумчиво проговорил старик.

- Ни разу не видел ничего подобного, - сказал я.

- Не видел – увидишь. Где остановиться думаешь?

- В том-то и дело, что негде.

- Тогда поедем сейчас ко мне. Не против?

- А ничего?
- Дочь гостит у матери. Ты мне не помешаешь.
- Вроде бы неудобно. Незнакомый человек всё же…
- А мы познакомимся. Ну, так как?
- Ладно.
- Ну и хорошо.

Семёныч, так звали старика, жил на южной окраине города, в одном из деревянных домов, приютившихся на берегу маленького залива. В залив впадала речушка, вытекающая из глубокого распадка, а неподалеку от устья через неё был переброшен мост. Когда мы шли по нему, вода так остервенело билась в его опорные сваи, что он весь содрогался.

У моста находилась лесопилка. Груды непригодного горбыля, намокших опилок и прочего хлама громоздились на её дворе. Дом старика стоял на песке, и от него ко всем другим домам и к проходящей рядом дороге тянулись настилы из не струганных досок. Набухшие от влаги, они были скользкими и, прогибаясь, сочно чмокали под ногами. Ветер не утихал ни на минуту.

На лестнице в лицо пахнуло холодной сыростью и неустроенным жильём. Добела стёртые ступеньки пронзительно поскрипывали. Дом был старый и за свой долгий век вынес, должно быть, не одну снежную бурю и не один ураган, но хуже от этого не стал. Обдутый бесчисленными ветрами, вычищенный обильными снегопадами и дождями, просушенный на щедром осеннем солнце, он только крепче ухватился за почву, ещё более надёжно врос в неё своими корнями, и свалить его было нелегко. Он переживал ту прочную мудрую зрелость, которая всегда надёжна и вызывает уважение.

- Давай, давай. Проходи. Сапоги не снимай, у меня не прибрано.

Скинув пальто и кепку, я прошёл в тесную кухонку, и сел на стул у покрытого клеёнкой стола. Снег за чёрным окном превращался в дождь, и было ясно слышно, как беспрерывно шумит прибой.

- Море рядом, - сказал я.

- А-а, бушует. Вот завтра встанем пораньше и пойдём к нему. Я тебе всё покажу.

- Хорошо, наверное, жить в такой близости от него.

- Я уже привык. Ты есть хочешь?

- Ещё как!

- Тогда располагайся. А я что-нибудь приготовлю.

Только сейчас я достаточно хорошо сумел разглядеть его худощавое смуглое лицо, словно высохшее русло реки, изборождённое глубокими морщинами. Бездонные глаза, в зависимости от освещения менявшие цвет и немало повидавшие на своём веку, были лукавы. Тонкие губы, кажется, сию минуту были готовы расплыться в подзадоривающей улыбке, но годы были уже не те.

Между тем, в нём чувствовалась его былая бурная молодость. Неловким напоминанием о ней было ухо, наполовину отхваченное каким-то острым предметом. Оно неестественно топорщилось, вызывая неопределённые чувства. Лучше было об этом не думать.

Я повернулся и стал пристально смотреть в окно, пытаясь разглядеть сквозь непогоду белые пенистые барашки. Я смотрел до тех пор, пока глаза не заслезились, но ничего по-прежнему не было видно.

- Как там сейчас? – задумчиво спросил я.

- Лучше не придумаешь.

- Нет, серьёзно.

- А вот ты сходи и узнаешь.

- Я за этим и приехал.

- В такую погоду суда обычно отстаиваются в укрытии, если есть возможность. Ну, а тем ребятишкам, которых море застало врасплох, я не завидую.

Он достал из портфеля бутылку водки и, зажав горлышко двумя пальцами, аккуратно опустил её на стол. Потом выставил варёную картошку, солёные огурцы и вытянутые рюмки из толстого синего стекла.

- Ну как, хорошо?

Я кивнул.

- А теперь будем знакомиться.

Он вытащил из заднего кармана брюк паспорт и протянул его мне. Я недоумённо посмотрел на него.

- Читай, читай, - осторожно наполняя рюмки, сказал он.

- Место рождения – город… Пермь, - не веря глазам, проговорил я. – Ну, надо же! Такое совпадение.

Семёныч улыбался.

- Я хочу выпить за твои успехи, - приподняв рюмку, сказал он.

- За вас, - ответил я.

Водка показалась крепкой и схватила за горло так, что выступили слёзы. Потом от неё приятно захолодило внутри и, постепенно разливаясь по телу мягким теплом, отпустило. Я почувствовал, как неведомый груз незаметно спал с души. Захотелось говорить обо всём на свете.

- А хорошо вот так сидеть в тепле, когда за окном буря и шумит море, - сказал я.

- Да. Замечательно.

- И когда есть с кем поговорить об этом и о многом другом.

- Тоже верно.

- И если тебя ещё понимают.

- Да. Всё это так, - утвердительно кивнул головой Семёныч.

- По-моему, тут всё дело в тебе самом.

- Что ты имеешь в виду? – заправляя сигарету в мундштук, спросил он.

- Ну, вот то, что ты способен получать радость от всего этого.

- Может быть, - щурясь от резкого дыма только что прикуренной сигареты, задумчиво произнёс Семёныч. – А лучшее время года уже прошло.

- Я успел застать его.

- Тебе повезло. Осень на острове согревает всех. – И его тонкие губы расплылись в довольной улыбке.

- А вот если радость доставляет удовлетворение только тебе и никому больше, можно ли такое состояние считать счастьем?

Закинув ногу на ногу и опершись локтем правой руки о колено, старик, не двигаясь, сидел на табуретке и курил. Сизые плотные кольца дыма, плавно разливаясь, зависали под потолком и синели тягучим теплом кухни. Казалось, он не слышал вопроса. Он смотрел в окно. Я следил за его лицом.

- Своя воля – своя и доля, - медленно произнёс он. – Меру счастья каждый определяет для себя сам.

Он по-прежнему смотрел в окно.

- Да, именно так, - повторил он. – Выпьем?

- Пожалуй.

Семёныч аккуратно, с верхом, наполнил рюмки и, стараясь не пролить ни капли, не торопясь осушил свою.

- Ты закусывай, - сказал он, - закусывай. Вот капуста. Хлеб бери.

- Спасибо, - сказал я.

- Так вот, - после значительной паузы продолжил Семёныч. - Человек имеет полное право быть счастливым, и несмотря ни на что мы все живём в его предвкушении, потому что возможность быть счастливым заложена в нашей природе.

- Значит, счастье всё-таки стабильно?

- Пожалуй, что и так, - сказал он. – Нужно только найти его для себя. Но обнаружив однажды своё счастье, человек не должен останавливаться: он обязан двигаться дальше. Тогда счастье будет постоянно приносить удовлетворение и никогда не убьёт. В счастье нельзя прекращать поиск, потому что само по себе оно инертно, и ничего не даёт и ни чему не учит, если отдаться только его переживанию. Важно развитие, а не успех.

Если уж пытаться определить для себя понятие счастья, как земное состояние, которое человек миновать не в силах, то лучше его представить таким расположением духа, когда даже если всё плохо, всё равно хорошо: в жизни найдено нечто самое главное, всё ненужное отброшено и ты не перестаёшь идти своим путём. В обыденной же жизни счастье, которое боится лишиться комфорта – ловушка.

- Интересно.

- Каждый в силу себя самого определяет жизнь. Ты вот сам определил свою меру?

- Нет ещё, - нерешительно проговорил я. – Я жизнь люблю.

- Ну, её можно любить по-разному.

- Как вам сказать… Я люблю её безмерно, - неожиданно нашёл я определение. – Это не громко?

- Нет, вполне.

- Пасмурный день может испортить только настроение, но не жизнь. Хотя в ней самой есть много несовершенного.

- Всё это непросто, - сказал он.

- Согласен. Но я хочу познать её как можно лучше, чтобы ответить на многие вопросы.

- У тебя всё ещё впереди.

- Да. И я хочу жить интересно.

- Давай за это выпьем.

- С удовольствием.

Мы выпили. Водка уже не казалась такой хваткой. Она ровно растекалась по телу приятной усталостью, увлекательная беседа не позволяла терять разум, и я совсем не чувствовал себя пьяным. Было хорошо.

- Рассуждаешь ты логично, - с одобрением заметил Семёныч, закуривая очередную сигарету.

- А можно с помощью логики объяснить жизнь?

- Хм-м… Человек дал всему свои названия, потому что это удобно, но с другой стороны, кроме него самого этого никто не сделает. Наверное, попытаться всё же стоит.

- Я тоже так думаю.

- При желании можно многое объяснить в жизни, - с достоинством произнёс он. – Скажем, для чего живёт человек…

- А вы для чего живёте? – спросил я.

Семёныч глубоко затянулся, и видно было по нему, что он собирается с мыслями. Я ему не мешал.

- Вот ты собрался сходить в море – это хорошо, - начал он. – Дерзай. Быть может, ты найдёшь себя. Всю свою жизнь я ловил рыбу и не жалею об этом. Я знал, мой труд нужен людям, и я старался делать своё дело хорошо и на совесть. Что может быть для мужчины лучше любимого дела, от которого получаешь удовлетворение? Но в себе я не замыкался: на берегу меня ждали четыре дочери, которым мы с женой дали жизнь и поставили на ноги. Жаль вот только, сына не получилось… На старости лет помаленьку плотничаю. Выделываю резную мебель и дарю её людям, потому что знаю: это приносит им радость, а мне – утеху. Пенсии-то вполне хватает. Так что я своей жизнью доволен.

Старик сидел раздобревший от выпитого вина и ладно высказанной мысли. Испытывая, по-видимому, долгое время недостаток в собеседнике, сегодня он отводил свою душу. Глаза поблескивали молодым задорным огнём, а на лице блуждала неясная, но довольная улыбка. Весь он был воплощением здравого смысла и большого жизненного опыта.

- Теперь, скажем, взять любого другого, - с нетерпением заговорил он опять. – Грех против людей совершает не только тот, кто, зная о существовании в себе таланта, не даёт ему выхода, но и тот, кто не знает и

ничего не делает, чтобы узнать. Человек, имея к тому все возможности, не хочет быть человеком.

- Но сама природа его несовершенна! – воскликнул я.

- Если так, то он – самое совершенное несовершенство, имеющее силы преодолеть его!

- Наверное, просто не надо себя жалеть, - предположил я. – Нужно драться за самое лучшее в себе, за то, что может озарить жизнь каждого человека.

- Если ты ничего не сделаешь, то и останешься ни с чем, так заведено в этом мире. Но ни одно искреннее усилие не пропадает напрасно, если помыслы твои чисты и связаны с развитием души.

- Должно быть не зря на кончиках пальцев каждого человека начёртана его судьба, не похожая ни на какую другую, и он, вероятно, обязан разгадать её, обретя свой путь к постижению единой для всех истины?

- Верно. И помни: за всё существенное в жизни следует заплатить что-то равное, по крайней мере, не меньшее, и что это - как ни твои усилия, терпение и полная самоотдача! А ещё усталость и боль… Ведь ты – человек, тебе свойственно божественное великодушие. И если однажды такое положение существующих вещей доходит до тебя, то значит, ты осознал себя, свою жизнь, и, конечно, понимаешь – кто ты, откуда пришёл и куда идёшь!

Семёныч долгим взглядом посмотрел на меня, потом лихорадочно налил себе рюмку и тут же опрокинул её.

- Совесть не должна погибнуть, - уже более сдержанно добавил он.

- А что такое совесть?

- Совесть – есть наивысшая нравственная сила, и именно она должна определять жизнь человека, а не успех или счастье. Правда, её ещё нужно сначала заработать. Люди не должны верить в заданность обречённости, якобы уготованной им. Человек должен поверить в себя, в своё назначение на земле, потому что каждый – частица всего живого, и эта искорка рано или поздно кого-нибудь согреет. Если в мгновении заложен плод тысячелетий, то тем более несправедливо было бы не верить в будущее. Ведь не зря же за человека погибло столько людей! Ради этого только стоит желать миру добра. Надо любить людей и верить в них. Грош цена в базарный день тем, кто этого не понимает.

Я сидел ошарашенный этими убедительными откровениями человека, который имел полное право на их высказывание. Был повергнут всем чистым, грустным и непонятным, что навалилось на меня за этот нелёгкий день, - беснующимся за окном, под стать моему настроению, морем, ветром, неутихающей болью, и чувствовал себя так, как будто уже прожил целую жизнь.

Длинный песчаный пляж, огибая плавной линией небольшой залив, неожиданно упирался в высокий с крутыми склонами холм, названия которому местные жители ещё не придумали. Вернее, название у него было – Манькин Пуп, но так называют почему-то все не к месту выросшие из земных недр возвышения. Самому же мне казалось, что Манькин Пуп появился именно там, где ему и надлежало быть. Я, как только увидел его, сразу поклялся себе, что заберусь на самую вершину, чего бы это ни стоило.

Холм выгодно отличался от всех других возвышенностей, раскинувшихся поблизости. Их пологие округлые бока лениво покоились здесь в любую погоду, ничем не задерживая взгляд и не пытаясь привлечь к себе внимание. Всё происходящее внизу их ничуть не интересовало.

Долгое время равнодушно взирая на суету людей, смену времён года, на то, как зажигаются над морем зелёные звёзды и рождается день, как жестокий норд-ост нагоняет тяжёлые серые тучи, заслоняя ими горизонт, и как апельсиновой коркой ущербно застывает в предрассветном весеннем небе луна, обдавая мир одиночеством и холодом своего мутновато-оранжевого света, они уже ни чему не удивлялись, а потому когда-то давно погрузились в глубокий сон, не желая уже больше никогда просыпаться.

Дожди чесали им спины холодной прозрачной водой, сильные упругие ветры заботливо утирали плотные могучие тела, снег ласково укрывал своим тёплым покрывалом, но ничего этого они не замечали. Они принимали это как должное. Всю жизнь им суждено было проспать, потому что из-за своего равнодушия и лени они не находили вокруг ничего интересного.

А ведь всё было не так, и холм по соседству с длинным песчаным пляжем хорошо это понимал. Он был ничуть не младше других холмов и тоже немало повидал на своём веку, но каждый день встречал радостно, как на заре своей молодости, когда всё окружающее дурманит, ты не устаёшь восхищаться жизнью, и долгие-долгие годы впереди не пугают нескончаемой чередой однообразия и безысходности.

Мир не казался ему понятным, трагичным и обречённым, он вселял в душу не желающего стареть холма лишь веру в неизменную ценность всего живого. Это было написано на его крутых ребристых склонах, густо покрытых синевой пихты и салатной свежестью гибкого курильского бамбука.

По прочному главному хребту тянулась вверх узкая, еле приметная тропка. Наиболее зелёной стороной холм был обращён к морю, а голым осыпающимся песчаником выходил на север.

Стылый бамбук задумчиво и потаённо похрустывал на ветру. Что-то таинственное было в этом холме. Какая-то загадка, которую непременно хотелось разгадать: заберёшься на него, и, может быть, оттуда откроется такое, чего уже больше никогда и нигде не увидишь. Тайна эта, как мне казалось, хранилась там, на самой вершине, в гуще разлапистых хвойных ветвей, ласково переплетающихся от дуновения просоленного чистого ветра.

Песок у подножия холма был чист от снега. Небольшими островками снег лежал у дороги, на холмах и обкатанных голышах вдоль уреза воды, но на песке его не было. Близкая вода не позволяла ему долго залёживаться, слизывая зелёными тягучими языками его сахарную, ещё не окрепшую плоть.

На берегу валялась всякая всячина: выброшенные водоросли, свернувшиеяс в бесформенные комья и резко пахнущие в морозном утреннем воздухе, старые, отшлифованные водой и излохмаченные камнями ветви деревьев, в беспорядке разбросанные по всему пляжу, мёртвая, ещё не исклёванная чайками и не иссохшая рыба, перевёрнутые скрюченными клешнями вверх бездыханные фиолетовые крабы, разноцветные кухтыли, банки из-под пива, рваные куски каучука, японские туфли и множество самых разнообразных размеров и форм пузырьков… Ведь сосем неподалёку, почти – напротив, располагалась таинственная Япония.

Весь песок был усеян свежими выбросами, и чайки, низко витая над берегом, жадно набрасывались на ещё не тронутую никем добычу. По берегу залива их собралось видимо-невидимо.

Птицы при нашем приближении резко и нетерпеливо вскрикивали, нервно перелетали и, кося ненасытным взглядом и тревожно хлопая крыльями, усаживались в нескольких шагах от покинутого места. В момент крайней опасности, когда уже невозможно было держать допустимое расстояние, они неожиданно взмывали, с неудовольствием оглашая округу гулким гаканьем, но совсем не улетали, не желая покидать только разгоревшийся пир. Они вились над головой как обезумевшие, и крик стоял неимоверный.

Мы сидели с Семёнычем на старом облупленном баркасе, перевёрнутом кверху днищем, и наблюдали, как теряется в лёгкой дымке остров Монерон. Баркас лежал на чистой песчаной отмели, гладкой и отсвечивающей, как зеркало. Было время отлива.

- Далеко до него? – спросил я.

- Миль двадцать будет, - чуть помедлив, ответил Семёныч.

- Весь как на ладони, - с удовлетворением произнёс я.

- Если верхушка ясно просматривается – жди плохой погоды. Здорово, а?

- Да-а…

- А вот там, - он махнул рукой в сторону моря, - на брекватере, весной появляются сивучи. Горланят весь апрель напропалую, а потом уходят. Брекватер тянется вдоль береговой полосы, на которой раскинулся городок, и они почему-то облюбовали место именно здесь, напротив большого распадка, где береговая линия образовала уютную и тихую бухточку. Близость людей их не смущает. Они всё равно как эмблема нашего города.

- Городок-то больно неприметный.

- Это верно – глухомань, да только зачем ему быть больше? Одни рыбаки и живут. А море всех кормит.

- Что это за птицы с вытянутой, словно бутылочное горлышко, шеей? – спросил я, заметив неподалёку густо усеявшую самый край брекватера чёрную стаю.

- Где? – сразу оживился Семёныч.

- Вон, на камнях, - указал я рукой.

- А-а, это «кочегары», - с каким-то даже удовольствием произнёс он. – Так у нас бакланов называют. Оперение у них действительно чёрное, но с металлическим зелёно-фиолетовым отливом. Они превосходные ныряльщики. Японцы используют их в добывании жемчуга. Ночью, при освещении, выходят на лодках в море, привязывают птиц бечевой за лапку и опускают на воду. Ныряя в поисках добычи, бакланы ухватывают клювом всё, что находится в раскрытой раковине, и очень часто им попадаются жемчужины. А может быть, их привлекает блеск драгоценных горошин…

- И глубоко им удаётся занырнуть?

- Однажды у берегов Сахалина нам попался при донном тралении баклан, клюв которого был накрепко зажат створками приморского гребешка. Они порой достигают очень внушительных размеров. Так вот, баклан, видать, сунулся в поисках корма в створ открывшейся раковины, а гребешок захлопнулся. Так их и вытащили вместе. Глубина там, помнится мне, была около сорока метров.

- Ух ты! Никогда бы не подумал! – удивлённо воскликнул я и поглядел на птиц.

Бакланы, тихо усевшись в ряд спинками к берегу и смешно вытянув шеи, смотрели в море. Над ними с надоедливым гамом кружили чайки. Тусклое море было безмятежно в эти утренние часы. Пара бакланов неожиданно снялась и, часто взмахивая крыльями, низко потянула над водой вдоль берега.

- Полёт у них такой же прерывистый, как и у уток, - сказал я, провожая взглядом исчезающие на сером фоне точки.

- Пожалуй, что и так. Только мясо очень жёсткое и отдаёт рыбой. Птенцы гораздо нежнее на вкус. В послевоенные годы мы охотились на них с дубинками. Ночью, с фонарями, подходили на яликах вплотную к брекватеру и глушили их сонных, в темноте, складывая в большие холщовые мешки. Не могу сказать, чтобы подобное занятие доставляло нам удовольствие, но, какое ни на есть, это всё же было мясо.

Семёныч рассказывал об азартной, совершенно захватывающей, но очень изнурительной добыче сайры, когда применяют большие фонари, свисающие над водой и привлекающие своим светом огромные косяки рыбы. Фонари поочерёдно гаснут, сосредотачивая весь косяк в одном месте, под него незаметно подводится ловушка, затем свет полностью тушится, включают пульсирующие красные огни, которые на некоторое время парализуют рыбу, и она оказывается в западне. О том, как японские шхуны-кавасаки забирались в территориальные воды у Курильских островов, бросая краболовки и промышляя ночами сайру, и как наши малые сейнеры в

темноте подходили к ним вплотную и матросы лупили из ружей по фонарям, слыша вопли японцев, которым осколки обжигали лица.

Потом он вспомнил о камикадзе, японском лейтенанте Квантунской армии Тоикаве, чудом уцелевшем во время одного из эпизодов последних дней войны и не имеющим возможности возвратиться на родину… Лейтенант должен был в любом случае погибнуть. Такова была жертва существующей религии. Этого требовал самурайский кодекс чести. Семёныч мало-мальски обучил его русским словам, тайнам рыбацкого ремесла, и они вместе ходили в море. Но японец не мог вынести тоски по родной земле и всё-таки сделал себе харакири. Старик похоронил его на вершине того самого холма, с которого было видно море и остров Монерон. Весной он посадил рядом с могилой хрупкий вишнёвый куст…

Ему было что порассказать, а мне было что послушать. Семёныч знал о жизни всё, что можно о ней знать в его возрасте. От него пахло многими морями, неизвестными мне, прекрасно и не скупясь прожитой жизнью, и табаком. Все эти запахи были пропитаны крепким душевным здоровьем и уверенностью человека, который точно знает, что делает в жизни.

Старик сидел неподвижно, попыхивая сигаретой. Чувствовалось, что он порядком устал от воспоминаний, разбередивших душу. И в то же время это была его жизнь, и ему было приятно говорить о ней. Он улыбался.

Двухэтажный домик, где помещался отдел кадров базы тралового флота, неприметно приютился на небольшой тихой улочке городка, почти у самого моря. Часть его окон выходила непосредственно на один из самых оживлённых причалов, откуда время от времени доносилось натужное поскрипывание вращающихся «гансов», гулкое лязганье, удары о поржавевший металл в рабочем доке и отрывистые гортанные возгласы членов экипажей загружающихся перед дальним рейсом судов.

В воздух то и дело взлетали остроплённые сетки с железными бочками, ящиками, мешками и, молниеносно прочертив уверенную линию в безучастном к бойкой портовой жизни небе, исчезали в глубокой ненасытной утробе вместительных трюмов. Туда же бесчисленными тёмно-зелёными и бурыми кольцами, в тугую перетянутые тросом и расцвеченные жёсткими капроновыми кухтылями, с величественной грациозностью неторопливо вползали траловые сети.

Шум и звон напряжённой портовой жизни наполнял всё вокруг каким-то замечательным смыслом, зажигал неугасимой энергией, и только море оставалось беспристрастным в своём сдержанном великолепии. Море, готовое в любой момент принять в свои объятия очередные экипажи смельчаков, в спокойном ожидании тихо плескалось у причала, завораживая неведомой силой.

В узких облупленных стенах коридоров, давно не видевших спасительного ремонта, было оживлённо, накурено и душно. Ежеминутно

хлопали двери, слышались непрерывный скрежет машинок, обрывки неясных фраз, телефонные звонки, гулкое шарканье и топот многочисленных ног.

Люди, в помятых форменных фурах с крабами, в плащах, шубах и телогрейках, стуча сапогами по истёртым половицам и сталкиваясь между собой, спешили по неотложным делам. Они приветствовали друг друга, тут же обменивались впечатлениями и новостями, решали дела и назначали встречи, спорили и мирились, боцмана вербовали себе команду, а матросы у двери инспектора по рядовому составу не теряли надежды попасть на хорошее добывающее судно, в нетерпении ожидая своей очереди.

Одни, в возбуждённой горячке последних предрейсовых дней и твёрдом намерении довершить оставшиеся на берегу дела, готовились к скорому отходу в долгожданную экспедицию. Другие, с худыми, заросшими лицами, с усталыми от бесчисленных тревожных и бессонных ночей глазами, с натруженными и опухшими за долгие месяцы рыбалки отяжелевшими руками, медлительные в своём пока неловком движении по земле, возвращались к оставленной когда-то и такой желанной теперь жизни…

Здесь принимали на работу, увольняли, комплектовали боевые кадры, стекающиеся со всей страны попытать своего счастья, научиться рыбацкому ремеслу, повидать жизнь и самому принять в ней непосредственное участие. Разные люди, сталкиваясь между собой, в конце концов, притирались друг к другу, а опасная и трудная работа скрепляла их отношения прочной и нерушимой дружбой.

Всё это происходило на ходу, шумно, решительно, но без ненужной суеты, с должным знанием дела и завидной хваткой, которые приходят не сразу, а лишь с годами нелегкой работы на море. Этот водоворот незамедлительно подхватил и меня тоже, и понёс с собой, не давая опомниться. Оказавшись неожиданно в таком пёстром, разноголосом и многоликом окружении, я, честно признаться, растерялся.

Обволакивая непривычной тяжестью, спёртый воздух кабинетов неприятно дурманил. Отяжелевший от затхлых стен и груды бумаг, он стоял во всех помещениях, и на него не обращали внимания. Но после бодрящей свежести улицы с запахами маслянистого топлива вперемешку с морской водой, едко щекочущей нос каболки, краски, окислившегося холодного металла, мокрых сетей, сваленных в огромные вздыбленные кучи, укрытые цветастыми прорезиненными лоскутами, и сладковатого тука, душная комнатная атмосфера показалась невыносимой и неестественной, а навязчивая затея пойти в море – бессмысленной.

В этой суматохе вдруг захотелось, закрыв на всё глаза, развернуться и сбежать, но что-то удержало.

За высоким деревянным барьером, перегораживающим кабинет на две части, сидела пышнотелая инспекторша и, неустанно отвечая на повторяющиеся через каждую минуту телефонные звонки, умудрялась проделывать прорву всяких дел. Ловко управляясь с внушительной кипой

документации, она, видимо, точно для себя представляла, кого, на какое судно и в какой должности требуется направить, а кого списать, соответственно предоставив выработанные за экспедицию отгулы.

Она наперечёт знала почти всех членов экипажей, начиная с капитана и заканчивая матросами, к каждому относилась, как он этого заслуживал: одних встречала с моря или провожала с пожеланиями удачи и добра довольно бурно, других – более сдержанно, но не менее участливо. Долгие годы работы с людьми, тысячами прошедших перед её глазами, приучили к наблюдательности, проницательному взгляду на людские судьбы, внимательному и терпеливому отношению к ним. Богатый опыт зачастую помогал ей в считанные мгновения составить для себя верный портрет незнакомого человека, угадать в нём будущее, ещё скрытые от него самого задатки и возможности, не боясь поставить их обладателя в соответствующие для него условия, чтобы тем самым достичь благоприятного для обеих сторон исхода.

Наблюдая, с каким заботливым уважением и даже некоторым заискиванием обращаются к ней здоровенные, заросшие бородами детины с прокуренными, пропитыми и охрипшими от постоянной работы на пронизывающем холодном ветру голосами, уже давно познавшие горечь настоящих утрат, радостный мир рыбацкого счастья и веру в таких же, как и они сами, парней, а также - не старые, но уже заслуженные тридцатилетние капитаны, успевшие незаметно поседеть, можно было определённо заключить, что Эмма Романовна пользуется безукоризненной репутацией сильной, умной и справедливой женщины, которую за глаза на базе называли «Мамой».

Несколько ошарашенный оживлением в конторских коридорах и размеренной деловой обстановкой назначения на суда, которое представлялось мне сейчас каким-то непостижимым в своей несуетливости, чёткости и уверенности таинственным священнодействием, я никак не решался нарушить этот трудовой порядок своей жалкой, как мне казалось, просьбой – зачислить меня матросом на любое добывающее судно, в ближайшем будущем покидающее землю. Наконец, когда народу несколько поубавилось, я подошёл к разгораживающему кабинет деревянному барьеру, за которым располагалась инспектор, и неловко протянул ей свои документы.

- Чего тебе, милый сын? – ласково проговорила инспектор, раскрывая мой паспорт.

- На работу возьмёте? – сдерживая волнение, спросил я.

- Отчего не взять, рабочие руки нам нужны. Специальность какую имеешь? – не глядя на меня, спросила она.

- В смысле … как?

- Электрик, механик, моторист… - И она вопросительно подняла на меня глаза.

- Я матросом хотел… - неуверенно произнёс я.

- Тогда предъяви свидетельство.

- Какое … свидетельство?

- О том, что ты являешься матросом второго класса. Или первого?

- У меня такого свидетельства нет, - недоумённо проговорил я. – Я даже и не думал…

- Пойдёшь матросом-уборщиком, - спокойно сказала она и начала заносить что-то в потрёпанный журнал.

- Как … уборщиком?! А как же?

Я был совершенно растерян, и Эмма Романовна, конечно, это заметила. Под аккомпанемент добродушных возгласов и улыбок за моей спиной она объяснила, что уборщик на судне – это законный и полноправный член экипажа, пусть с самым маленьким окладом, но с ничуть не меньшей ответственностью и физическими затратами.

- Ну, так как, пойдёшь? – лукаво посматривая на меня, спросила она.

Молниеносно сменяющие друг друга чувства и мысли сдавили меня в своём сковывающем объятии, что-то тупо толкнулось свербящим комком в груди и, цепенящим холодком прокатившись по всему телу, застыло в горле. Мне даже показалось в этот миг, что кругом воцарилась неестественная тишина, затаившаяся в ожидании развязки.

- Пойду, - глухо и даже чуть вызывающе выдавил я, оборвав тем самым все сомнения, неясные и, должно быть, ложные предчувствия, страх перед неизвестностью, а также порядком затянувшийся поиск организации, которая бы взяла на себя смелость моего оформления на работу и прописки.

Решение было принято, и, как всегда бывает в подобных случаях, на душе стало гораздо легче. Но накатившее после длительных переживаний и тревог облегчение легло на плечи не меньшей тяжестью, чем само ожидание. И всё же я уловил в себе приятные нотки удовлетворённости.

- Ну, вот и хорошо, - с удовольствием и чуть заметной усталостью подвела итог Эмма Романовна, и благословила меня на прощание материнской улыбкой, вручив при этом ворох шелестящих направлений на прописку, медицинскую комиссию, курсы по технике безопасности и в межрейсовый дом отдыха для моряков, служивший своеобразным общежитием тем, кто временно находился на берегу. Не робей, мол, малыш, всё будет тип-топ.

Я, в свою очередь, скривившись от переполнявших меня чувств и ещё не отойдя достаточно от всех потрясений, неразборчиво буркнул ей что-то в ответ и пробкой вылетел на свежий воздух.

Город, местами припорошенный лёгким снежным покровом, замер в ожидании настоящей зимы. Но зима приходить не спешила.

Внешний облик Невельска на первый взгляд был очень неприметен, но именно это обстоятельство являлось, как я понял впоследствии, его настоящим достоинством. Подчиняя тебя неведомой, влекущей к более близкому и верному знакомству с собой силе, город брал своей провинциальной непосредственностью, незамысловатой хаотичностью расположения малочисленных домов и улиц, вытянувшихся вдоль всего

побережья, не отягощёнными людским потоком тротуарами и тишиной. Здесь не было кипящей суеты многотысячной толпы, нервотрёпки на больших перекрёстках, тесноты автобусов и трамваев, разнотонального перезвона, гама, гроханья и рёва, с которыми быстро умудряются свыкнуться жители крупных городов на материке, но было самое главное и замечательное, что может иметь такой небольшой приморский городок, - море.

Я быстро привык тут к состоянию, когда идёшь, к примеру, по улице – кругом стоят дома, ничего не видно, кроме них, а сверху – небо, и вот чувствуешь нутром, уж, не знаю как, что за этими домами или забором - раскинулось море… Ощущение это преследует постоянно, и не пропадает. Оно только постепенно стирается, со временем притупляется, но в какой-то момент вновь возникает. Так бывает у всех, кто живёт рядом с морем и слышит его шум.

Вне порта, в котором всё кипело, рвалось и дыбилось, жизнь как будто остановилась в глубоком ленивом раздумье. Сонливость окружающих город сопок передалась его улицам, домам и машинам, невесело переваливающимся через дорожные колдобины. От бесцветных лиц обшарпанных бесконечными ветрами домов, облезлых полузаснеженных сопок, разбитых в мутную грязь дорог веяло промозглой обыденностью и равнодушием, которые, казалось, просочились в дома и людские сердца.

Плескавшееся поблизости море изредка обдавало город свежестью, но неиссякаемая чистота его никак не влияла на некоторых людей, погрязших, порой не по своей вине, в расхристанной неопределённости, преступном безделье и какой-то нечистоплотной вялости. То ли погода так действовала на них, то ли семейные неурядицы, то ли неудовлетворённость собой. Скорее, всё это вместе взятое. Но ужаснее всего было то, что хандра, закравшаяся в одну нарушенную жизнь, неминуемо начинала разъедать и другие, окружающие её души, и приостановить эту цепную реакцию казалось невозможным.

Ощущая вокруг это тягостное затишье, готовое в любой момент взорваться недружелюбием, я подсознательно уже боялся тех трудностей с пропиской, которые, как мне казалось, именно в такой хмурый день возникнут в моём и так весьма шатком положении. Так оно и случилось.

Паспортистка с заметным неудовольствием и плохо скрываемым нетерпением, готовым ежеминутно разразиться открытым раздражением, выслушала мою уже затасканную историю о непрекращающихся мытарствах и холодно сообщила, что беззакония от всяких проходимцев, не удосужившихся за полтора месяца прописаться в погранзоне, ни в коем случае не потерпит, и мой вздор её не интересует.

Глядя в безжизненные глаза этой сорокалетней на вид женщины и не находя в них хотя бы отдалённого отблеска понимания и участия, от захлестнувшего волнения не узнавая самого себя, я что-то громко и настойчиво рассказывал ей. Совершенно забывшись, не помня, где нахожусь,

я размахивал руками перед её невозмутимым, беспристрастно белеющим лицом, пытаясь доказать, убедить и, наконец(!), разжалобить. Но всё было тщётно.

Противно холодящий душу стыд собственной распущенности и унижения, мгновенно настигший после короткого замешательства, тотчас вернул меня к действительности. Я ненавидел себя за эту слабость, что позволил минуту назад здесь, на глазах убивающего безразличия, непробиваемой тоски и неуважения, и не находил средств борьбы с ней. Я был, наверное, очень жалок, стоял обалдевший от этой нечеловеческой неприступности и не мог уже выговорить ни слова. А в её серо-зелёном размытом взгляде не отражалось ничего, кроме … презрения.

- Без визы начальника не имею права, - прошептала она недвигающимися губами.

И опять, только теперь уже в кабинете у высокого чернявого, угрюмо сосредоточенного майора, я лихорадочно и заученно повторял опостылевшие слова, пытаясь добиться одного – понимания…

А через каких-нибудь полчаса, не в силах сдержать своих чувств, я вернулся с официальным разрешением на прописку, и она, с нескрываемой злобой выдернув ящик письменного стола и одарив меня испепеляющим взором, с размаху шлёпнула в паспорт чёрную густую печать.

- Плыви-и, путеше-е-ественник…

Но я уже не слышал конца предательски вонзившейся в спину фразы. Ценой собственной душевной боли, такой огромной и душной, я всё же добился - чего хотел.

Томящая неизвестность судьбы еле ощутимо дохнула мне в лицо, и я вдруг подумал, что в этот невесёлый, набухший тяжестью день нет, наверное, во всём городишке человека более счастливого, чем я.

МДО – межрейсовый дом отдыха, был единственным временным пристанищем моряков, только что пришедших с моря, а для многих из них – чуть ли не родным домом. С виду обычное общежитие, неприметно приткнувшееся к обрывистому склону сопки, неудержимо и в тоже время как-то нехотя взбирающейся ввысь, оно, оказывается, таило в себе много необычного и неповторимого, присущего только подобным заведениям, которые не часто приходится встречать на своём жизненном пути.

Но этой неповторимости нельзя было заметить на его порядком поистрепавшемся фасаде, на лицах администраторш, в полусонном бездействии проводящих нескончаемые дни бессмысленного просиживания у окна, у крикливых дежурных по этажам, бездумно будоражащих запоздалое затишье накуренных, в густом удушье ночного перегара застигнутых утренним светом комнат… Не чувствовалось её и в длинных, узких коридорах, плотно устеленных вишнёвыми ковровыми дорожками, мягко скрадывающими шаги бесчисленных ног… В послеобеденные часы дом

хранил ничем не нарушаемую тишину, и я поверил в это первое впечатление покоя, уюта и белизны, настраивающее на спокойное проживание в обыкновенном четырёхместном номере.

Поднимаясь на пятый этаж по широкой лестнице, выходящей окнами на безжизненные склоны сопок, заснеженную железную дорогу у их подножия и маленький красно-белый шлагбаум, я невольно проникся необыкновенно тихим теплом пустынных коридоров, чистотой светлых подоконников и сокровенным ощущением хотя и временного, неприхотливого, но своего жилья. Частая смена обстановки в течение двух предыдущих месяцев приучила меня быстро и сравнительно безболезненно приспосабливаться вне зависимости от настроения.

В комнате было сумеречно, и в левом верхнем углу окна, изредка вздрагивая, легонько дребезжал кусочек стекла, неопрятно заклеенный по трещине голубой полоской изоленты. Наскоро заправленные койки, симметрично расставленные по углам, дышали нехитрым уютом. Тяжёлый обшарпанный шкаф, неясно мерцая пронизанным мельчайшими паутинками зеркалом, устало прислонился к стене.

В центре комнаты, неловко прикрывая рассохшийся вздутый пол, лежал аккуратно расстеленный, не первой свежести коврик. На стене висела карта Сахалинской области, а на столе, с неумолимой размеренностью, пощёлкивали часы.

Бросив на стул сумку, я зажёг свет и тут же понял, что этого не нужно было делать: что-то важное ускользнуло из комнаты. Нащупав выключатель, я вернул всё в первоначальное состояние и, постояв немного, как бы убеждаясь в верности воцарившегося порядка, медленно подошёл к окну.

Глубоко засунув руки в карманы пальто и плотно сжав их в кулаки, я стоял и смотрел туда, где, нарушая горизонт, небо смешалось с морем, превратившись в сплошную бездну, - недосягаемую, пугающую и всё-таки манящую. Она как будто злилась, недовольно набирая в глубине себя непомерную силу и наливаясь этой пугающей темнотой, величаво нашёптывая вызов, который мог быть по плечу только человеку, принявшему его во имя познания собственной силы…

… Поздним вечером, возвращаясь от Семёныча, я увидел, как лихорадочно посверкивает, подстёгиваемая тугими толчками ветра, болезненная желтизна окон дома. Он нёс в себе что-то необычное и отчасти ерническое, значительно отличаясь от того, каким я оставил его днём. Неожиданно застав дом переполненным, шумным, в дымном угаре, я не мог узнать ничего вокруг, - такие удивительные противоположности таились в нём.

То необычайное оживление, что пробуждалось здесь с приходом вечера, разухабисто несли люди, связавшие свою жизнь с морем. Естественные в восприятии жизни и в своём тяжёлом труде, моряки так же незамысловато отдыхали, нередко сдабривая своё пребывание на берегу крепкими напитками, что не могло не повлечь за собой вытекающие из этого

последствия. В большинстве это были далеко не лёгкие судьбы, но именно они создавали дому репутацию, и поэтому не всегда она была лестной.

Не без труда поднявшись на пятый этаж и преодолев заслон из мечущихся по узкому коридору разгорячённых тел, выкриков, перебивающих друг друга мелодий и гулкого стука шаров в бильярдной, я подошёл к своей комнате и, постучав, отворил дверь.

Под потолком ярко и весело пылала не защищённая абажуром лампочка. На одной из коек, ближе к двери, лежал, уткнувшись в книгу, коренастый веснушчатый парень. Когда он поднял лицо, я увидел, что глаза у него зелёные и чистые, а волосы над самым лбом упрямо свиваются в весёлый, по-мальчишески озорной вихор.

Прямо над его кроватью, на цветной потрёпанной фотографии замер в миг своего сольного исполнения великий Луи Армстронг: лоснящееся от натуги лицо, ноздри раздуты, тугие маслины глаз отрешённо подёрнуты сладостной слитностью с мелодией и инструментом, крепкие коричневые пальцы унизаны громоздким золотом колец… Гимн музыке, одним словом.

- Привет, - сказал я.

- Здорово, - ответил парень. – Это ты днём оставил вещи?

- Да. Где у вас тут свободная койка?

- Бросай кости рядом со мной.- И, не вставая, он протянул для приветствия ладную сухощавую ладонь. – Стас.

Ответив на рукопожатие, я кинул взгляд на стену:

- Труба номер один?

- Она самая.

Стас перевернулся на правый бок и уселся на койку, свесив босые мускулистые ноги.

- Нравится джаз? – скидывая пальто и опускаясь на кровать, спросил я.

- Угу… Он целиком замешан на импровизации, на искреннем душевном порыве. В музыке это главное.

- Да, малый был экспрессивный. То, что он оставил – гениально и, наверное, будет жить вечно.

- Немножко высокопарно, но верно… Начинал он разносчиком молока, угольщиком, шофёром, а вечером отправлялся в кабачок и играл до утра. Спал по три-четыре часа в сутки. После него на трубе просто нечего делать, но хочется повторить, и быть таким же правдивым и естественным…

Он достал из-под подушки весело отливающую золотом трубу и с плавным подъемом, немного вибрируя звуком, выдул начало какой-то известной мелодии. В стену, так что посыпалась штукатурка, загрохотали, и послышалось приглушённое трёхэтажное послание ко всем матерям.

- Не обращай внимания, - спокойно проговорил Стас. – Это Генка, дракон с «Севера». Всё злобствует на меня.

- Весело у вас тут.

- Привыкнешь. Я тоже сначала бесился, а сейчас как-то даже не могу без этой свистопляски. Правда, это ещё цветочки. Ищу покоя в музыке.

- Друзей что ли нет?

- Не то… Музыка подхватывает тебя и уносит на своих крыльях. Когда находишься в этом полёте, воображение неиссякаемо. В общем, непередаваемое чувство.

Он опять осторожно приложил мундштук ко рту, прежде любовно протерев его рукой, и нарастающее ровно полилась в воздухе хрипловатая мелодия. Тотчас стена содрогнулась от ударов так, что зеркало чуть не соскользнуло на пол.

- Вот видишь… Тренируюсь днём, когда никого нет. В море легче, вышел на палубу – и ничего не мешает. А здесь, сам понимаешь, никого моя музыка не интригует.

- Я тоже люблю музыку, но любая песня когда-нибудь обрывается. Лучше песни – дорога. У неё нет начала и конца, она более естественна и длится в душе бесконечной музыкой.

Пошарив в сумке, я извлёк оттуда ещё один оставшийся у меня портрет Хемингуэя и прикрепил над своей койкой. На небольшой фотографии он был изображён в толстом грубоватом свитере, ворот которого тяжёлым кольцом облегал шею: по-юношески сосредоточенный, мечтательно задумчивый и в тоже время - очень земной.

- Взаимообразно, - произнёс я, глянув на противоположную стену. – Довольно редкая фотография. Таким его знают мало.

- Пойдёт, - улыбаясь, проговорил Стас. – Этого парня мы тоже знаем.

- А где остальные? – улёгшись на койку и медленно оглядев комнату, спросил я.

- Ребята сегодня на вахте. Утром придут, - сказал Стас, укладывая своё сокровище под подушку.

- Что они за люди?

Стас посмотрел на меня и понимающе кивнул головой.

- Старые кадры. Проверенные. Живут здесь годами. В море уходят – место остаётся за ними. Возвращаются полноправными хозяевами. Ребята что надо. Угрюмые вот только. Словом не перекинуться. Это хорошо, что тебя к нам подселили.

- Что же тут хорошего?

- Вместе веселее. – И он обезоруживающе улыбнулся.

- Долго засиживаться здесь я не намерен.

- Тебе и не дадут. Под Новый год выгонят всех в море: целая флотилия уходит на митьку голубоглазого.

- Это ещё что?

Он откинулся на подушку и, скрестив конопатые руки, заложил их за голову.

- Минтай так зовут. Главное, попасть на хорошее судно.

- Именно это тебя интересует?

- И это тоже.

- А что ещё?

- Как тебе сказать… Когда четыре года назад я приехал на Курилы с единственной целью – заработать, для меня всё было ясно. Зашибу монету и уеду. Но не тут-то было. Море – сплошное болото, которое незаметно засасывает так, что выбраться уже не хватает сил. Вымотаешься в экспедиции, навкалываешься до одурения, и думаешь: всё, приду из рейса – завяжу, баста! Но проходит в отгулах неделя-другая, и уже сосёт под ложечкой. Это непередаваемо. Пока сам не испытаешь – не поймёшь.

- А как же музыка?

- Музыка … остаётся музыкой, - задумчиво глянув на портрет на стене, проговорил Стас.- И будет всегда, пока жив человек. Как ты думаешь?

- Думаю, ты прав, - сказал я.

Если ты всегда старался делать то, что тебе по-настоящему хочется, и то, что по-настоящему любишь, и у тебя это получалось, то со временем к чувству самоуважения добавляется непередаваемое ощущение подлинной радости и счастья, которое тебе не смогут принести даже самые близкие люди, но которое ты сможешь дарить каждому, кто в нём нуждается. И когда от этого ты чувствуешь в себе спокойную твёрдость, великодушие и терпимость, и ты делаешь то единственное, что должен делать, всё это приятно покалывает твою мужскую гордость. Ты верен себе, своей мечте, и такая жизнь тебе по душе.

Но бывают дни, когда не хочется о чём-либо думать, друзья далеко, тебе некуда спешить, и время становится безграничным. Сухая осень, когда сочный холодный воздух бодрит и наполняет свежестью, а листья приобретают цвет нежных поцелуев и от этого становятся слегка грустными, почти прошла. Незаметно подкрались нудные дожди и сильные ветра, которые срывали жёлтые листья, уносили их неведомо куда, и землю покрывал снег.

С его приходом ветра не прекращались. Они становились только более отчаянными и злыми, и мне очень нравилось, когда снег вперемешку с дождём хлестал в лицо. В такие дни я любил бродить по берегу моря.

Выпавший снег принёс с собой великолепные зимние пейзажи, словно сошедшие с полотен Питера Брейгеля. Казалось, зима пришла окончательно, принеся людям свои неизменные заботы и радости. Но осенняя непогода, со слякотью и хандрой, не желала так просто сдавать своих позиций, омрачая людям настроение.

Настроение, а не жизнь. Испортить жизнь могли только люди, которые, заражаясь осенними неурядицами и тоской, забывали о своём человеческом достоинстве и обо всём том, что делает человека человеком.

В один из таких дней, когда пасмурное тяжёлое небо нависло над землёй, с крыш неожиданно потекло, и сопки в некоторых местах оголились грязными неприглядными плешинами, и случилось то, что обычно не даёт покоя, время от времени подкатывая к сердцу липучей ноющей болью…

… Огромный, грузно покачивающийся хлебный фургон медленно катил по заснеженному распадку маленького приморского городка. По краям дороги тянулись безликие полузанесённые песком и снегом деревянные домики. У входа в барачного типа винный магазинчик царило вялое оживление, в котором, кроме изрядно выпитого накануне спиртного, была повинна ещё и погода.

Уныло вывернув из-за пологого склона холма, фургон уже проезжал мимо окон магазинчика, когда из-под ног топтавшихся у входа щербатых и ещё не опохмелившихся мужиков, вынырнула маленькая собачонка и чёрным лохматым пятном метнулась с захлёбывающимся лаем под задние колёса.

- У-у, холера, - злобно завёлся было один из них, но тут истошный писк невыносимой боли и ужаса разорвал застывшую над распадком влажную сонливость, потом под колесом что-то с хрустом хлюпнуло и стихло. Фургон остановился.

На несколько секунд улица застыла, как будто застигнутая врасплох, и только тугой хлопок дверцы машины вывел всех из оцепенения. Из кабины вывалился мужичонка в затёртом до блеска комбинезоне с цигейковым воротником. Со смятой папиросой в зубах он прошёлся вдоль борта и, встав на одно колено, заглянул под машину. Собаку затиснуло между покрышками.

Громко матерясь, он ухватил её за задние лапы и, выпрямившись, потащил к заснеженной обочине. Обмякшее тело пружинило под собственной тяжестью, а с носа тянулась тёмно-вишнёвая струйка… Размахнувшись, он забросил собачонку подальше в сугроб, так что она бесшумно провалилась в снег, затем брезгливо вытер руки о штаны и, смачно сплюнув, залез в кабину.

- Господи, помилуй, - пробормотала сухонькая старушонка, прибавив шагу и стараясь поскорее миновать то место, где над рыхлым снегом клубился чуть заметный парок… Мотор заурчал, фургон резко дёрнулся и, заскрежетав сцеплениями, медленно покатил дальше по заснеженной улочке.

В это время глухо брякнула щеколда открываемой двери. Толпа мужиков, толкаясь в нетерпеливом ожидании и гремя сапогами, ввалилась вовнутрь, наполнив винным перегаром и без того уже перекисший воздух маленького помещения, и на улице всё стихло. А я всё стоял и отупело смотрел на зиявшую в сугробе страшную рану. Мне вдруг стало казаться, что это у меня в последней судорожной истоме заходится облепленное снежной крошкой и уже почти похолодевшее маленькое сердце…

Вот тогда я и решил взобраться на Манькин Пуп, как будто там можно было обрести спасение от всех жизненных бед или хотя бы попытаться вырваться из этого неумолимо сжимающего свои железные объятия, ненавистного кольца бездушия. Всё равно, как если бы я взялся в порыве горького отчаяния доказать себе что-то очень важное, не допускающее ни малейшей задержки или откладывания.

… Когда я уже начал подниматься на холм, откуда ни возьмись, повалил мокрый снег с дождём. Холодные крупные хлопья забивались в уши, глаза, мешая разбирать силуэты окружающих кустов, деревьев и тропинку, вьющуюся под ногами в бамбуковых зарослях. Снег шёл сплошной стеной, застилая всё вокруг, так что не было видно ни моря, ни вершины холма, с трёх сторон густо поросшего хвоей.

Я старался ступать мягко, не торопясь и не сбивая ритма дыхания, но давалось это нелегко: ноги беспрерывно скользили по грязи, что вскоре вконец вымотало меня. Тропинки уже почти не было видно – следы её чуть приметно мелькали под широкими листьями бамбука, но я всё продолжал подниматься, то прямо, где, как мне казалось, должна проходить тропа, то в обход, огибая густые заросли бамбука и отдельные хвойные деревья. Там, где тропа закончилась, подъём стал гораздо круче и труднее. Склон тут был не такой ровный, как внизу.

Дождь со снегом хлестал сочные и гибкие бамбуковые стебли, и пока я добрался до самой высокой и раскидистой пихты на вершине холма, вымок весь до нитки. То, что я там увидел, останется навсегда во мне. Щека долго ещё ощущала шероховатую поверхность ствола…

От подножия сопки, вплоть до горизонта, еле различимого сквозь пушистую завесу лохматых снежинок, выгибаясь синевато-серой китовой спиной, многообещающе замерло море. Хотя до сих пор я видел море только с берега, ни разу не заглянув ему в душу, моё восприятие его теперь значительно отличалось от того трогательного первого знакомства, состоявшегося сразу по приезду. Мне будто приоткрылась истинная перспектива всего последующего, что только ожидало, и сердце ожило, радостно затеплившись доброй и светлой надеждой…

«У САМОГО МОРЯ»

Выйдя к шестому причалу, я пытался отыскать в безмолвном разнообразии судов именно то, на котором мне суждено было отправиться в рейс. Пристально вглядываясь в их тёмные неподвижные силуэты, и попеременно наделяя каждое нарисованными в своём воображении чертами, я стоял в нерешительности перед последним шагом, отделяющим мечту от реальности. Нерешительность эта происходила, наверное, из-за нежелания так просто расставаться с тем, что долгое время дарило притягательное очарование предстоящих открытий и радостную неизвестность. Я не знал ещё, что если мечта настоящая, то, воплощаясь, она не кончается никогда. Мечта становится частью твоей жизни.

«Стройный» стоял третьим бортом. Как зачарованный, пройдя по скользкому шаткому трапу с натянутой под ним сеткой, я осторожно ступил на широкий фальшборт и огляделся. Палуба была пуста.

Часть досок сепарации, ещё не обработанных и сваленных грудой, мокла под сырым снегом. Вахтенный в широком полушубке, с алой повязкой на рукаве, вяло накручивал измочаленный пеньковый конец на двойной кнехт.

Ветер резко бросал снежные струпья в небольшие наклонённые оконца надстройки. Тёмные и наглухо задраенные, они безучастно взирали на скуку портовой жизни, тихо тоскуя, должно быть, о будущей вольной стихии и необъятной сини. Именно эти чувства прочитал я в зрачках скованного бездействием траулера и, оглянувшись, вдруг совершенно неожиданно для себя обнаружил, что у каждого судна – своё неповторимое лицо, которое, как я убедился позднее, не зависит от экипажа во главе с его капитаном.

В вынужденном бездействии лица судов, как ни странно, обнажены в ярко выраженной индивидуальности: короткие седловатые куттеры, предназначенные для ловли рыбы тралом в прибрежных и мелководных районах моря, - задорные и неунывающие трудяги, не преклоняющиеся ни перед какими авторитетами; логгеры старой немецкой постройки со вжатыми в корму надстройками и чуть вызывающе задранным носом, свидетельствующем о нежелании сдавать позиций и способности дать бой любому сопернику своего ранга, если выдержит порядком поизношенное сердце; большие, средние и малые траулеры, спокойные в своей уверенной нацеленности на удачу, с холодной неторопливостью ожидающие выхода в море. Все они как будто пробуждаются от этого непонятного забытья накануне отхода в экспедицию, и, преображаясь, становятся похожими на всех остальных своих собратьев.

В море суда оживают долгожданной надеждой, ощущением риска и опьяняющей воли. Море возвращает им веру в собственные силы, в своё предназначение, и дарит радостную вереницу бесконечных дней неустанного напряжения.

Но сейчас, накрепко пришвартованные, осыпаемые снегом и обдуваемые колючим норд-вестом, они выглядели присмиревшими и успокоенными, и я, такой же присмиревший, ощутил себя среди них так, как будто попал в невидимые объятия старых и добрых друзей. Тихо и незаметно наладив такие неожиданно приятные отношения, я почувствовал себя гораздо легче и свободнее, и, вдохнув полной грудью сырого ароматного воздуха, легко ступил на измочаленную, бледно-кремового цвета, палубу.

Палуба показалась мне невесомой. Чуть выгнутая, она легонько подрагивала под ногами, незаметно ускользая всей своей плоскостью куда-то в сторону. При этом автомобильные покрышки за бортом, используемые в качестве кранцев, жалобно и протяжно поскрипывали, и было слышно, как лениво хлюпает между бортами загустевшая от холода вода.

- Кто таков? – как будто с небес, отрывисто прогрохотал зычным басом нежданный вопрос и, подхваченный ветром, тотчас растаял в сеявшейся вокруг снежной белизне.

Я поднял голову и увидел сначала широко расставленные ноги в кирзовых сапогах, распахнутый на груди полушубок, мохнатую, из густого собачьего меха, шапку, низко надвинутую на лоб, и потом уже строгое, но с задорно поблескивающими глазами лицо. У растворённой настежь двери рулевой рубки, прямо устремив на меня свой суровый взгляд, стоял здоровенный детина.

Выжидательно и даже с какой-то симпатичной ленцой рассматривая меня с ног до головы, он задумчиво щурился, словно пытаясь с первого взгляда подобрать в отношении со мной верный тон, чтобы уж больше не возвращаться к этой процедуре. Долгое узнавание, отсутствие естественной простоты в отношениях и самокопание, как я уже успел убедиться, не приживались в подобной среде, и эта, на первый взгляд, незначительная частица неизведанного для меня, но здорового мира была очень приятна.

- Мне бы старпома! – что есть мочи гаркнул я, высоко задрав голову. – По делу.

Захлопнув дверь рубки и запахнув, не застёгивая на пуговицы, полушубок, он медленно спустился по почти отвесному трапу и подошёл ко мне.

- Что за дело-то? – уже настороженно взглянув на меня, спросил он.

- Старпом мне нужен, - упрямо повторил я.

Детина нетерпеливо сдвинул на лоб шапку и, щурясь от назойливо летящих в лицо снежинок, произнёс:

- Я и есть старпом. Что дальше?

- Нет, без шуток?

Мрачно сплюнув за борт и в упор устремив на меня спокойный взгляд, он тихо проговорил:

- Если что стряслось – выкладывай сразу. Не томи душу.

- Вот, - протягивая заранее приготовленное направление, сказал я.

- Что это?

- Читайте.

Осторожно взяв бумагу тремя пальцами, он с нетерпением встряхнул её и быстро пробежал глазами.

- Тьфу, чёрт! Дохлого бычка тебе в печёнку, - глухо выругался он. – Раньше-то сказать не мог?

Я безмолвно пожал плечами.

- В море, значит? В первый раз? – нахмурив брови, спросил он.

- Так точно.

- После службы что ли?

- Никак нет.

- А чего тогда отвечаешь, как по уставу?

- Не могу знать.

Он опять встряхнул одной рукой направление, так что оно сразу сложилось, и неловко засунул его в нагрудный карман.

- И откуда ты на мою голову такой красивый взялся? – возвращаясь к своему благодушному наст роению, произнёс старпом.

- Из путешественников я.

- Ага… Значит, из дому убежал, но ещё ничему не научился?

- Вроде того…

Старпом удовлетворённо крякнул и тыльной стороной руки несколько раз провёл по тщательно выбритой щеке.

- В таком случае, считай, что тебе крупно повезло, - сказал он.

- Это в каком смысле? – робко осведомился я.

- Тебе повезло в том, парень, что ты попал именно ко мне, - не без гордости заявил он, с размаху хлопнув мясистой ладонью в свою распахнутую грудь. – Твоему воспитанию не помешает даже моя фамилия, которую я постоянно оправдываю и которая многим не по нутру.

- А что это за фамилия?

- Грешилов моя фамилия.

Криво усмехнувшись, я понимающе кивнул головой.

- И будет действительно непростительный грех, если я не сотворю из тебя настоящего морского волка, - строго пробасил он и ещё раз оценивающе оглядел меня. – Ты чем до того как в путешествия-то удариться занимался?

Тут мне пришлось признаться, что целых пять лет, хотя и не без некоторой пользы, но всё же довольно-таки бездарно, я провёл в университете. Выйдя из его стен, я увидел перед собой необъятное поле жизни и, оказавшись на его пороге, почувствовал себя совершеннейшим щенком. Я осознал это в полной мере, как только отправился на свой страх и риск в свою долгожданную поездку. У старпома, вопреки всем моим ожиданиям, это признание вызвало сначала полную растерянность и уважительное недоверие, а уже потом – необычайное оживление наполовину с неподдельным восторгом.

- Ну, ты даёшь! – хлобыстнув своей ручищей меня по плечу, воскликнул, недоумевая, старпом. – С верхним образованием – в матросы-уборщики! Такого я ещё на своём веку не встречал… Хм-м…

Он зачарованно воззрился на меня, не в состоянии до конца осмыслить только что услышанное.

- Ну, надо же, - опять пробормотал он, находясь в своеобразном шоке, казавшемся сейчас для него, должно быть, даже немного приятным. – И чего тебе недоставало?

- Свежего воздуха.

- Гм-м… Дело, конечно, хозяйское, только сразу скажу – нелегко тебе на нём придётся.

- Я знаю.

- Нет, парень, знать всего, что тебя ждёт, ты не можешь.

- Сейчас уже это ничего не меняет.

- Ну, что ж, - задумчиво произнёс он, - тогда пойдём глядеть апартаменты.

Войдя во внутрисудовое помещение на нижней палубе, мы очутились в узком коридорчике, стиснутом салатного цвета глухими переборками, не пропускающими внешних шумов. Здесь, в укромно и надёжно скрытом чреве судна, было удивительно тихо, и сильно пахло машинным маслом. Запах его, густой и протяжный, обволакивая своей невидимой пеленой, медленно струился по всем углам, перемешиваясь со специфическим духом судовых переборок, вытертых латунных поручней, кожаных длинных диванов кают-компании и тщательно натёртых линолеумных полов…

Этот, ни на что не похожий, с непривычки щекочущий ноздри внутрисудовой дух обладал именно тем достоинством, что намертво въедался в твою память.

Стиснутое железом и деревом, сумрачное помещение подействовало на меня удручающе. Оно давило отсутствием воздуха и заданной скованностью движений, неестественно ограничивая самые необходимые потребности. Застывшая тишина казалась непрошибаемой и невыносимо гнетущей. Хотелось, всё это бросив, развернуться и выскочить на палубу, подставить лицо свежему ветру с колючим снегом и стоять долго, постепенно возвращаясь из тяжёлой тишины к такому приятному в своей доступности дневному свету.

- Жить будешь с кандеем, - пощёлкав ключом в замочной скважине и отворив дверь плечом, сказал старпом. – Его величество до самого отхода вряд ли появится.

Затем он в двух словах обрисовал мою задачу на ближайшую неделю и, обозначив фронт работ, с чувством сносно исполненного долга удалился на верхнюю палубу.

Свежий ветерок, задувая в раскрытый иллюминатор, легко трепал воздушную ситцевую занавеску. На небольшом деревянном столике, намертво привёрнутом к переборке, лежала высушенная морская звезда.

Я сидел и раздумывал обо всём, что привело меня сюда, представляя, как будет выглядеть каюта при выходе в море. Судно казалось каким-то безжизненным, тяжело застывшим в своём глубоком молчании, и пока не верилось, что когда-нибудь, в ближайшем будущем, оно попадёт в жестокий шторм или будет затиснуто в неумолимые ледовые клещи.

Как бы там ни было, я находился у самого моря, на судне, которое не раз рисовал в своём воображении, я был в той самой каюте, в которой мне предстояло отправиться в первое плавание, и я знал: стоит взглянуть в иллюминатор – и увидишь море… Теперь оно будет напоминать о своей близости каждый день, и от предвкушения подобного соседства мне стало совсем легко. Это было и мукой, и радостью, которую я раньше не знал.

Утром, придя на причал пораньше, с надеждой осмотреть судно более тщательно, я не увидел на нём ни души. Ветер за ночь разогнал вязкую пелену, и небо, напрягшись, словно молодая кожа после купания от лёгкого прикосновения прохладного ветерка, низко выгнулось над морем твёрдым тёмно-синим куполом. Белые звёзды, остывая, поочерёдно скатывались с весёлым шипением в воду, таинственно голубея у борта.

Поднявшись по боковому трапу в рулевую рубку, я обнаружил там задремавшего вахтенного матроса, прикорнувшего прямо на палубе, у штурманского столика. При звуке гулко захлопнувшейся за мной дверцы он встрепенулся, но, приоткрыв один глаз и в секунду оценив незначительность моей персоны, ни слова ни говоря, повернулся на другой бок.

В полупрозрачных синих тенях можно было разглядеть блекло отсвечивающие в укромной, изолированной от внешнего мира тиши приборы, истёртые карты, загадочно свешивающиеся со столов и напоминающие о былых и предстоящих плаваниях, нелепо застывшие в рабочем положении, на зигзагообразных пружинистых креплениях, настольные лампы, и множество самых разнообразных по назначению и устройству предметов, без которых работа в море просто немыслима… Все эти вещи, когда-то оставленные человеком и временно обречённые на вынужденное бездействие, несли на себе неясную печаль и тихую неразгаданную тоску.

Стоя в порту, хорошо однажды, вот таким утром, зайти на капитанский мостик, сесть на стульчак у окна и посмотреть на море, представляя себе будущее путешествие. На судне ни единой души, и в носовую скулу еле ощутимо тыкается лёгкая волна. Поскрипывают тали, швартовые изредка натягиваются и обвисают, задувает еле приметный ветерок… Не верится, что это судно скоро, быть может, попадёт в шторм, его будут бросать бесстрастные волны, мирно поблескивающую сейчас от чистоты палубу погребут неудержимые шквалы воды. Но тихо вокруг и лишь жалобное вскрикиванье одинокой чайки напоминает о том, что рядом – неведомое море, а ещё дальше – великий океан.

Суда замерли целыми гирляндами, располагаясь к причалу вторым, третьим, а то и шестым бортом, но эта теснота ни у кого не вызывает недоумения или неустройства: всё происходящее привычно любому моряку и ложится ему на душу легко и просто, со временем - с наскучивающей ленцой: перестой! Как долго и трудно его каждый моряк дожидается, и как быстро это временное бездействие набивает оскомину своей разлагающей пустотой. В какой-то момент начинает казаться, что уже никогда не выйдешь в море, не ощутишь в душе этого несравнимого ни с чем радостного порыва. Но надо перестоять, то есть – перетерпеть, и, накопив силы, соскучившись по морскому труду, наконец, отправиться вновь к долгожданной свободе.

Как ни крути, без перестоя не обойтись. Он не только позволяет привести судно в надлежащий порядок, но и настраивает людей на следующий рейс. Моряку необходимо именно истосковаться по морю, начать им грезить во снах и возжелать встречи. Временный перестой в порту - как ни что помогает ему в этом.

Сейчас я бродил в тишине по безлюдному тёмному судну, и шаги мягко отдавались в его прочных переборках. Судно словно даже и не желало просыпаться вместе с первым дыханием грядущего светлого дня. Оно казалось таким же мёртвым, как и вчера: холодным и неподвижным.

Спустившись с мостика на нижнюю палубу, я принялся за уборку. До отхода судна в экспедицию от меня требовалось тщательным образом выскрести донельзя запущенный камбуз, на котором за время перестоя обосновались неисчислимые полчища тёмно-рыжих тараканов, кают-компанию – всеобщее место самых разнообразных забав, игры в шишбеш и просто пустого времяпрепровождения палубной команды, все бытовые помещения, включая душевую, прачечную, кладовую для провианта и холодильную камеру, на приведение в порядок которой я угрохал не менее пары дней… Вся эта египетская работа, на первый взгляд, представлялась совершенно невыполнимой. Но с молитвой в устах, и со шваброй и тряпкой в руках я, всё же, решился её одолеть!

Помимо этого, приходилось убирать каюты комсостава. Но такое положение дел не обескураживало меня, потому как, запасшись терпением, я связывал большие перемены с выходом в море, думая, что тогда будет интереснее и придёт конец нудной, однообразной текучке. Как ни туго было на первых порах, в тайниках своего сердца я всё-таки хранил надежду на неповторимость приключений, с которыми мне посчастливится столкнуться.

Но всё это было впереди. А пока подменный старпом, не унимаясь, расписывал мне все прелести экспедиционной жизни, не забывая в то же время о невидимом, но прочно установившемся шефстве надо мной в постижении сложной морской азбуки. Если бы я знал тогда, что эта школа лишь блёклые цветочки в сравнении с предстоящей мне в будущем свистопляской под дудку настоящего чифа…Но, не подозревая ничего, я довольно-таки безмятежно привыкал к новой обстановке и всему, что она несла с собой.

Как-то раз я решил не покидать судна и переночевать в своей каюте. В её укромной тиши можно было спокойно переварить всё услышанное и увиденное за день, почитать книгу или просто помечтать о предстоящем плавании. Лёгкий плеск волн о борт еле слышно доносился через открытый иллюминатор, и под этот мерный убаюкивающий звук думалось хорошо и надёжно.

Кроме вахтенного штурмана и матроса, на судне никого не было, все перипетии нелёгкого дня уже забылись и отходили на задний план. Но неотступные мысли, об одном и том же, не давали покоя разгорячённому воображению, вязкая судовая тишина постепенно стала казаться неестественной, и, набросив на плечи пальто, я вышел на палубу.

Прохладная тихая ночь дышала легко и ровно, и было приятно ощущать на себе её размеренный сильный пульс. Глаза постепенно привыкли к свету звёзд, который отражался от воды, и я будто приблизился к этим звёздам. Купаясь в просоленной чистоте, они казались умытыми, вычищенными и ещё более ослепительными.

Луна была тоже чистой, без единого пятнышка. Тонким ломтиком спелой чарджойской дыни желтела она в сгустившейся вышине. Объятое великим покоем, безмятежно покачиваясь на еле приметных волнах, судно осторожно издавало в темноте неясный вздох или шёпот, наполняя душу щемящей сопричастностью с этим миром первозданной тишины и свежести.

- Эй, прыятэль, сигарэтку нэ подкынэшь? – раздался за спиной чей-то беззастенчивый голос, - надтреснутый, нервический. В сгустившейся темноте от него повеяло неприятным холодком и не сулящей ничего доброго настороженностью. Нельзя было не почувствовать этой нарочитой недружелюбности.

Я оглянулся. В свете фонаря, неровно роняющего на палубу рассеянный блёклый круг, стоял, засунув руки в карманы небрежно распахнутого полушубка, сутуловатый, крепко сбитый азербайджанец. Почему я так точно определил его национальность, сказать было трудно, но, увидев в размытом свете властные черты лица, неподвижно чернеющие у переносицы глаза, жёсткие неприбранные волосы, прикрывающие невысокий лоб, - я сразу всё понял.

Подавляя в себе молниеносно вспыхнувшую неприязнь, я сделал шаг в его сторону. Пытаясь разглядеть в темноте выражение его лица, достал из кармана пачку и, протянув её, спокойно проговорил:

- Пожалуйста, закуривайте.

Но парень не двинулся с места. Он как будто врос в лёгкую, еле покачивающуюся палубу, и настойчивая угроза, заключённая во всём его облике, сжалась и в тот же миг по животному радостно и тупо замерла в нетерпеливом напряжении.

- А мы, кажэтся, знакомы, - зло обронил он, по-прежнему не шевелясь и пристально вглядываясь в меня. – Во-о-т, свэла судьба. Нэ прыпомнышь?!

Переминая в руке хрустящую пачку и ещё не решаясь отвести её, я стоял какое-то время в неопределённом ожидании и, глядя на этого человека, не мог до конца осознать создавшегося положения. Пытаясь всё же возродить в памяти несуществующую, навязываемую мне связь, я почувствовал вдруг себя глупцом.

- Я вижу, вы ошибаетесь и с кем-то, должно быть, путаете меня. Мы никогда не встречались, - сдерживая себя, сказал я, по-прежнему держа сигареты в вытянутой руке.

Нагловатая ухмылка вмиг слетела с его лица, и оно исказилось в судорожной гримасе. Сквозь зубы, стараясь тщательно произносить ломкие, неподдающиеся слова, он медленно процедил:

- Нэ-э-т, врошь… Я тэбя сразу признал. А ну! – Он ловко выхватил из-за пазухи нож, и широкое лезвие тускло блеснуло в темноте недобрым бликом. – Так и нэ вспомнышь?

- Чтоб тебя, чахотка! – выругался я и, попятившись к покачивающемуся фальшборту, непроизвольно вытянул вперёд руки. – Откуда ты, дура, на мою голову взялся? Первый раз тебя вижу!

- Что-о-о базлаэшь?! – Тёмный силуэт с завернувшимися краями овчины покачнулся и, резанув раз-другой неуловимым лезвием, присел на обе ноги с выброшенной в напряжении рукой. – Закрывай санаторий, а-а? Нэт вопросов?!

Волна безудержной желчи, застившая его огромные чёрные глаза, замутила и память. Кружась рядом, он в холодном оскале кривил рот и, потихоньку приближаясь, нервно подёргивал плечами, угрожающе наговаривая:

- Я тэбе, курэц, запышу-у сэгодня… Значыт, будэт завтра, послэзавтра, и ещё много послэ, но нэ для твой дэла. Идё-ёт! – осклабившись, зашёлся он в очередном приступе безрассудства. Затем, хищнически поводив ножичком перед собой, почти беззвучно обронил в темноту: - Двэнадцатый барак знаэшь?

- Слушай, гад, хватит, - не слыша собственного голоса, вымолвил я. – Остановись.

- Ну, началнык, ты даёшь, - злобно, уже срываясь, прошипел азербайджанец и, метнувшись в свете покачивающегося фонаря, наотмашь ударил в плечо тяжёлой рукоятью ножа.

Под правой лопаткой заныло, руку тотчас свело. Недоумение прошло и напряжение отпустило, освобождая место подступившему простому знанию: если нет возможности быстро лишить человека способности действовать, остаётся ввязнуть в ситуацию.

- А ведь ты, сучья сука, помрёшь, - проговорил я, переводя дух. – Пожалуй, что точно помрёшь, потому как совсем один.

Это его, конечно, должно было окончательно взбесить, - разгоняющегося в своём мутном, неопрятном горе. Низкий лоб сжался до немыслимо малых размеров, острый кадык, словно поршень какой,

безостановочно вздрагивал на длинной закопчённой шее, непромытые глаза аж зашкаливало, - вот-вот бросится, психопаточный…

При чётком осознании происходящего, всё заслонившая нервическая дрожь, будто ощущение вдруг подступившего холода, не унималась. Я никак не мог сосредоточиться на драке, и это, наверное, было плохо.

- Иэ-эй! – в ту же секунду дохнуло в ухо, и левый бок ожгло горячим прикосновением. Ноги захолодило, как будто даже они на мгновение отнялись, и, наверное, не отпустило бы, если б не тот же леденяще-сладкий говорок: - Мнэ с грузом лэгче.

Вот он и вывел меня из этого губительного забытья. Не чувствуя растекающейся по ноге крови, чуть подавшись назад, словно защищаясь от очередного удара, но с таким расчётом, чтобы в следующий миг опрокинуть неистового восточного жителя на приваренную к палубе чугунную пластину, я рванулся всем телом, угадывая в низ живота ненавистного урки, и, протаранив его чуть ли не до самого противоположного борта, крутанулся вместе с ним на сухих измочаленных досках…

Соперник на ногах не устоял, бухнулся вместе со мной на спину и, ошеломлённый произошедшим, остервенело уставился глазищами: что, мол, гад, вытворяет, ну, я ему щас… Ножичек его при этом, блистая и переворачиваясь, брякнулся о переборку и с гулким дребезжанием сыграл в тёмный угол.

Не давая опомниться раскинувшемуся на палубе врагу, уже не владея собой, я упёрся коленом в тугой живот, вцепился, что было сил, в податливую шею, ощутив пальцами тёплые позвонки, и, не сознавая ничего, давил, наседая, до помутнения, пока не докатился до сознания его обессиленный хрип, вперемешку с перехваченным чахоточным дыханием, - всё самое неуправляемое и задавленное, что обычно таится в животной утробе…

Уткнувшись головой в край облупленной палубной надстройки, подтянув одну ногу к животу, он лежал растерзанный, жалкий… Непонятные звуки вытекали из его перекошенного судорогой, рваного рта, и я отступился, привалившись к холодному шершавому борту, осел, не в силах сообразить, что же сейчас произошло. Резкий, въедливый запах машинного масла и кислой каболки ударил вдруг в нос, вывел из помутнения.

Медленно возвращаясь из приключившегося провала, я с некоторым даже удивлением наблюдал, как расхристанная фигура, подтягивая колени и неразборчиво причитая, опасливо вжимается в угол, поводит остекленелым взглядом, хватает растянутыми в глупом откровении губами воздух, пришепётывая с надрывом:

- Уу-у! Ты-ы-ы! Уу-уу! Гны-ыда… Душы-ы-ыть! Иа-а… Гляды-ы-ы…

- Ага, ожил, шустряга… Тебя мне только не хватало. Моё прошлое – не твоё, и память дохлая тебя подводит, - устало выдохнув, протянул я. – Не было у нас с тобой ничего общего. Понял?!

И тут произошло то, чего я никак не мог ожидать: азербайджанец, этот разошедшийся несколько минут назад ухарь, гроза портовых тёмных закоулков, валет-пижон из заплёванного захолустья, а, в общем-то, несчастнейшее недоразвитое создание, плакал. Слёзы текли по чёрным небритым щекам, острый кадык вздрагивал, и ущербный свет от жалкого фонаря, падая на его левое ухо, срезал угол большого мутного глаза…

Уже в каюте, лёжа с саднящей в боку болью, я думал о том, что ценность жизни заключена уже в ней самой как данности, даруемой природой людям. Только в силу многих обстоятельств человек порой не имеет возможности найти себе применение, а общество, считая его своим членом, всё же бывает недостаточно внимательно по отношению к нему. Человек должен быть поставлен в условия, когда энергия жизни, заложенная в нём природой и Богом, нашла бы своё выражение. Эта потребность преобладала всегда, но не всегда она брала верх…

Много ли добра в жизни видел этот парень с ножом? Зло его отчаяния только умножало общее зло. Мало ли людей за день подают друг другу руки? Но в действительности редко кто это делает по-настоящему, не отдёргивая её, не отводя взгляда. И он как никто другой нуждался в этом искреннем рукопожатии…

Мне стало больно. Поднявшись, я выбрался из каюты на воздух в надежде, что парень ещё там… Но на палубе никого не было.

Через несколько дней судно вышло в открытое море. Правда, это было всего лишь пробное траление, и экипаж должен был в тот же день вернуться в порт, но зато граница неизвестности была наконец-то преодолена.

Оказалось, что морская болезнь – совсем не то, когда болеешь морем, любя его. Укачивать начало сразу по выходу из ковша, хотя волнение было незначительное. Когда-то, в долгих зимних снах, всё это мне много раз представлялось… И вот, только уже наяву, за бортом весело плясала открытая, не сдерживаемая ничем покатая волна, в лицо резко, до тошноты, ударяло сладкой морской свежестью, запах разогретого топлива и звук подрагивающих переборок окутывали с головы до ног, чайки с надоедливым гамом то и дело мелькали в распахнутом иллюминаторе, и было слышно, как на камбузе размеренно погрохатывает посуда. Со всем этим, а более всего с собственным волнением, пока ещё трудно было справиться.

Во время морской болезни, которую вернее всего было бы окрестить ничего не объясняющим в твоём поведении припадком, что и безумием нельзя назвать, а так – полная потеря ориентации в пространстве и нежелании жить, с человеком, действительно, происходит совершенное умопомешательство. В этом состоянии с тобой можно делать всё, что угодно: до такой степени ты потерян, безволен и жалок. Стоит, ей-богу, посочувствовать человеку, очутившемуся, по воле случая, в объятиях бушующего моря, ибо рассудок он теряет полностью, и мало того – в его организме случается настоящая революция, вроде - жуткого обморока, отчего

несчастному, ни с того ни с сего, хочется плакать и хохотать, немудрено, если он пожелает петь, и уж совсем будет неудивительна его попытка выброситься за борт!

Напуганному товарищу в пору будет ударить тебя чем-либо тяжёлым по голове, чтобы прекратить этот бешеный приступ, а между тем возбуждение в теле может привести к таким внутренним судорогам, что кажется – из-под ногтей вот-вот выступит кровь, и они, вообще, вылезут… Вот какой силы напряжение охватывает бедолагу, очутившегося под воздействием безудержной стихии, тем более, в первый раз, и немудрено, если он лишится рассудка. По крайней мере, желание ходить в море у него отпадёт напрочь, а при виде воды – он будет испытывать нервическую дрожь. Такова сила взбунтовавшегося моря, и человек способен с ним сладить, только когда сам воспитает в себе значительную и крепкую силу.

Я долго крепился, мужественно борясь с подступавшим к горлу комком, но удержаться, всё же, не смог. А потом вдруг стало легко, почти неощутимо, если не думать об этом неприятном волнении или заниматься каким-либо делом. Нужно было только привыкнуть, стать очень увлечённым и сильным человеком, как эти люди, окружавшие теперь меня.

Мы вступали в царство моря и рыбы, пока невидимой, но угадываемой под многометровой толщей воды. Происходило какое-то таинство, праздник радостного труда и предвкушение чего-то необычайного.

На палубе, просторной и выбеленной до бархатистости, деловито сновали матросы, и настоящий боцман, жмурясь от дыма папиросы и солнечного света, неспешно, вполголоса, давал указания. На мостике так же царило оживление, все свободные от вахты члены экипажа сгрудились перед раскрытыми квадратными окошками и с нетерпеливым волнением наблюдали, как бесконечно длинная кишка трала вползает по слипу на палубу… На его переливающихся сетчатых краях недвижно висели расчудесные морские дары: огромные, лилового цвета крабы, розовато-глянцевые осьминоги, разноцветные рыбёшки и бычки…

Я, наверное, выглядел страшно довольным, всё сбывалось, до мелочей: канаты, шлюпки, лебёдки, рыбья чешуя, бесчисленные чайки, весёлое солнце и рябь океана… А за бортом траулера – пляшущие в волнах дельфины-белобочки, - приветливые, сильные, независимые. Всё это не было сном, происходило на самом деле, и хотелось петь от счастья, от того, что такая жизнь существует, и она может быть твоей.

Радоваться обыкновенному счастью, что ты находишься в море, среди людей, посвятивших ему свою жизнь, и вокруг происходит простая, но замечательная во всех смыслах история, - удивительно. Я думаю о том, как легко человеку изменить свою жизнь в лучшую сторону, чтобы радоваться этому простому существованию, и как это, одновременно, сложно… Ведь нужно пожертвовать многими важными для тебя вещами, впрочем, на самом деле – не такими уж важными. Самое главное – не предать себя.

Я смотрю на окружающих меня людей – и с радостью осознаю, что не предал себя. Мысли гуляют далеко, там, где остался мой дом и близкие, и мне хочется, чтобы они порадовались вместе со мной тому, чего я переживаю сейчас сам. Ни в каком письме не описать все эти дивные переживания, но не пережить их было бы недопустимо, и я с радостью пережил.

Если честно, я не представлял себе – куда я еду, хотя и воображал эти места, удалённые от больших городов. Ещё неизведанные, они, тем не менее, были понятны мне, и я верил, что когда-нибудь достигну их. Очень хотелось пройти именно свой путь, и я был убеждён – и дальневосточная земля, и Тихий океан примут меня, я обязательно окажусь здесь своим, и море станет мне родным домом.

Французский писатель и драматург Жюль Ренар как-то заметил, что на земле нет рая, а есть только его частички… Но так ли это?

По мне, так рай везде, где бы ты ни был, если осознаёшь в душе Бога. Человек даже не подозревает, как он силён, ведь он – носитель в себе божественного, и это соизмеримо именно с раем. У человека есть все возможности, чтобы наслаждаться жизнью, но он с маниакальным упорством ввергает себя в ад.

Человек достоин рая, он родился в нём, а между тем не желает верить в это, всё время предъявляя претензии окружающему миру и виня в своих бедах других людей. Если бы поверить в собственные силы, что они – неограниченны, понять – рай расцветает в том месте, куда ты устремляешь свои духовные усилия, и если ты честен по отношению к самому себе – неописуемые переживания радости тебе гарантированы. В тебе самом есть райская тишина, к которой ты в любой момент можешь обратиться. Всего-то и нужно – принять этот божественный мир таким, какой он есть, доверяя своему сердцу, и я принял и дальневосточную землю, и Тихий океан, где обрёл для себя рай.

Но больше всего при пробном тралении меня поразила огромная пронзительная синева, которая окутывала судно. Это было небо и море, и казалось, весь этот бирюзовый мир ускользает у меня из-под ног, и я повисаю в этой синеве, не взлетаю и не падаю, а просто наслаждаюсь невесомостью, дарованной сочетанием двух синих оттенков, поддерживающих и взаимозаменяющих друг друга, не существующих порознь.

Что это за удивительное соединение! Либо небо и море постоянно спорят друг с другом – кто лучше, синее и привлекательнее, либо дополняют друг друга, но они не могут существовать раздельно, даже в плохую погоду совершенно сливаясь и составляя одно целое.

Как прекрасен этот союз неба и моря! Как неповторимы все эти цветные переливы, перетекающие из морского состояния в небесное и обратно, их ни за что не воспроизвести человеку! Где он возьмёт в своей душе эту непередаваемую голубизну, манящую зелень, неповторимое

сочетание лазури, пурпура и яшмы? Всё так фантастично и в тоже время реально, обворожительно ярко и удивительно просто…

Но при всём том никогда бы, наверное, не остался жить среди этой северной природы! Есть в ней что-то такое, что неясно давит, беспокоит и тревожит воображение. Это и не тоска, и не боязнь, а какое-то внутреннее смятение, которое не сразу захватывает, подкрадываясь постепенно в неопределенных ощущениях. Нет, не останешься жить здесь надолго, хочется лишь иногда бывать в этих местах с непродолжительными морскими экспедициями, чтобы не успел надоесть север, льды и пронизывающие ветра, чтобы ты мог получать от общения с севером наслаждение, желая вскоре вернуться сюда вновь. Вот этому мудрому восприятию жизни, наверное, и учит удивительное слияние неба и моря, которые удачно дополняют друг друга, но не мешают при этом.

Только в ясный день море может быть радостно-синим. Всё дело здесь в солнце, которое несёт в себе непередаваемую гамму красок. И надо же, так случилось, что повезло именно синему. Ведь цвет предмета определяется совокупностью тех частей спектра, которые не поглощаются, а отражаются его поверхностью. Что было бы, если бы самые короткие световые волны, составляющие солнечный спектр, а они до сих пор были синими, стали вдруг красными или жёлтыми? Восхищались бы люди оранжевым морем, не предполагая, что оно может быть голубым?

Зная его истинный цвет, нам трудно дать верный ответ. И всё же, покойно наблюдая по вечерам, как синее солнце утопает в оранжевых далях, человек, наверное, тосковал бы по чему-то не сбывшемуся, неясному и такому щемящему… Нет, природа не случайно выбрала синий цвет для моря, зелёный для травы и голубой для неба. В своей основе она подразумевает счастье и справедливость, и эти цвета, как ни какие другие, выражают суть этих понятий.

Но почему, всё-таки, именно синий? Может быть – по причине своей мягкости и быстрой растворяемости в воздушном пространстве? Синий цвет, наверное, самый доступный, удобный для восприятия именно морской глубины, что так неудержимо растекается и в твоей душе… Голубой, лазоревый, зеленоватый – лишь дополняют эту доступную всем природную простоту.

Само звучание слова – «синий», подразумевает с-и-н-е-в-у – наиболее тонкое, простое и в тоже время мудрое отношение к самой притягательной земной загадке – морским глубинам, тайнам, которые они скрывают. А понятие «самое синее море» - это ещё и замечательное состояние, порождающее интерес к жизни, стремление её понять.

Преобладающее значение синего цвета относительно всего, связанного с морем, представляется совершенно бесспорным. Даже цвет матросского траура был не чёрный, а синий. Каждый корабль всегда имел для этой цели на борту несколько бочек индиго. Если умирал шкипер или владелец судна,

то релинги, носовая фигура на форштевне, а иногда и бак окрашивались именно в синий цвет.

Но окраска моря непостоянна. Она меняется в зависимости от освещённости – угла падения лучей, облачности, волнения поверхности. Если бы океан был идеально чистым и спокойным, а освещение везде одинаковым, то и цвет воды был бы везде одинаков. Но этого в природе нет.

В человеческий глаз попадают главным образом лучи солнца, отражённые от поверхности. Цвет воды зависит так же от количества мельчайших взвешенных частиц фитопланктона и растворённых веществ. Поэтому окраска моря - вечером одна, в полдень другая. В северных морях, где много взвеси и планктона, вода серо-зелёная, где взвеси и фитопланктона мало, - светло-голубая.

К примеру, вблизи того же Сахалина море может резко менять свою окраску… Тёмно-синий цвет воды, особенно – в северо-западной части Японского моря, выдаёт значительную глубину. Тёмно-зелёный, бутылочный, уже не так глубоко, следует быть внимательным, если идёшь неподалёку от берега на небольшом судне. Зелёный оттенок воды указывает на опасную близость подводных препятствий, в любой момент способных возникнуть под днищем. Тем более, когда продвигаешься вдоль северо-западного побережья острова, которое просто напичкано подводными каменными грядами. Желтоватый цвет воды означает уже явную опасность: глубина в этом месте незначительна, близко песчаное дно, и смотреть нужно в оба.

Сейчас учёные даже выяснили, что каждое море имеет свой собственный цвет, и определяется он световым потоком – его спектральным составом, выходящим из толщи воды. То есть тем, как море поглощает свет и как его рассеивает. Под водой свет распространяется по всевозможным направлениям, в том числе и вверх – к поверхности моря. Но большая часть солнечного света по-прежнему движется в глубь моря, а небольшая доля – назад, образуя восходящий световой поток.

Цвет моря, таким образом, связан со световым потоком, выходящим из его толщи, и именно он определяет окраску каждого моря в отдельности. Например, Средиземноморье считается лазурным, тогда как цвет Жёлтого моря полностью оправдывает его название. Даже все главные морские державы применяют для своих подлодок окраску, имеющую целью надёжно укрыться от воздушных сил противника или, по крайней мере, затруднить их деятельность. Лодки окрашиваются в различные цвета в зависимости от морей, в которых они находятся. Для Атлантики, к слову, применяются серо-зелёные цвета, синие – для Средиземноморья, чёрные – для Красного.

Ещё один фактор, который может влиять на видимый цвет моря, это отражение от морского дна. Конечно, для глубин в несколько сотен или даже тысяч метров его влиянием можно пренебречь, но вот на мелководье окраска дна оказывает существенное воздействие на цвет поверхности. Дно, покрытое зелёными водорослями, придаёт зеленоватый оттенок и цвету

моря, песчаные мели – жёлтый, а светлая галька уменьшает насыщенность его обычной, синей окраски до агатовой…

А ещё цвет моря может зависеть от угла, под которым наблюдатель смотрит на его поверхность. Чем меньше угол между направлением взгляда наблюдателя и поверхностью моря, тем отражённый свет ещё более уменьшает насыщенность цвета моря, которое издали, особенно в штилевую погоду, кажется просто белёсым. Взволнованное же море всегда представляется более окрашенным, потому, что чем круче волна, тем происходит больше преломлений и окраска становится интенсивнее…

Вот и окраска морских животных зависит от морской глубины, на которой они обитают. У рыб в верхнем слое моря обычно светлое брюшко и более тёмная спинка. Сверху спинка хуже различается на фоне тёмных морских глубин, а светлое брюшко менее заметно, если смотреть на рыбу снизу, на освещённую поверхность моря.

Рыб с коричневыми спинками можно обнаружить на глубине триста метров. Это и понятно: здесь света ещё меньше. А вот креветки, обитающие на глубинах до тысячи метров – ярко-красные, потому как в окружающих сине-фиолетовых сумерках такой цвет воспринимается почти как чёрный, и значит – менее заметен для хищников, которые охотятся за ними.

С целью защиты многие морские животные обладают также способностью к активной маскировке, достаточно точно копируя с помощью пигментации окружающий их фон. Так, широко известны опыты с камбалой, которую в аквариуме клали на синий, красный, зелёный и фиолетовый фон, и каждый раз она перекрашивалась в соответствующий цвет. Более того, камбала копировала не только окраску, но и рисунок фона.

Часто просто не находишь слов, чтобы определить цвет воды в море. Тут тебе и небо помеха, что сливается с морем у линии горизонта, отражаясь в нём и перетекая то туда, то сюда, и солнце, пронзающее его волны, и горы, окружающие его берега. Находишь, как правило, какой-то один, именно на данный момент наиболее присущий морю, по твоему мнению, оттенок, и на этом успокаиваешься, тогда как море, может быть, таит в себе совсем иное настроение. Как и глаза человека, отображающие его суть, море несёт в себе переживания своей неизведанной души…

А вообще-то собственный цвет морской воды – нежно-нежно голубой. Таким цветом обладает химически чистая дистиллированная вода, свободная от каких-либо непрозрачных частичек. Такая вода характеризуется так называемой «оптической пустотой». Чем больше в воде непрозрачных частичек, тем больше её цвет смещается в зелёную часть спектра. Растворённые же в воде соли не влияют на цвет морской воды.

Словом, собственный цвет чистой морской воды, как и синего неба, объясняется тем, что вода из всего солнечного спектра в наибольшей степени поглощает, как уже говорилось, именно самые «короткие» - синие лучи, рассеивающиеся в воде во всех направлениях. То же, собственно, можно

сказать и о причинах голубого цвета неба: он обусловлен рассеянием солнечного света молекулами воздуха и воздушной пылью.

После пробного траления мы ещё какое-то время находились в ожидании отхода судна. Требовалось устранить последние неполадки, утрясти все дела с необходимой документацией, а членам экипажа дать возможность попрощаться с родными. Я же каждый день уходил либо к Семёнычу, либо подолгу пропадал на берегу моря, словно, стараясь впитать его целиком. Оно неизъяснимо манило меня, не давая успокоиться, и я с нетерпением ждал с ним встречи.

Глядя на холодное море, неповоротливо и как-то отрешённо вздымающее свои упрямые валы, я почему-то не мог не думать о … бичах. Их тёмные, сгорбившиеся фигуры отрешённо передвигались по осенним, разбухшим от влаги улочкам города в поисках временного пристанища. Поднимая истрёпанные воротники и защищаясь рукой от ветра, они брели, должно быть, сами не зная куда.

Появляясь строго в определённые часы, каждый день, на одном и том же месте, они, порой, на продолжительное время куда-то исчезали, но потом возникали вновь, и всё происходило точно так же, по заведённому неизвестно кем порядку. Беспрепятственно дефилируя по городку, они цепко выхватывали своим размытым взглядом всё малейшее, что может заинтересовать бесприютного бродягу. Их было немного, но они всё же были, жили никому неизвестной, замкнутой жизнью, вернее, еле-еле тянули по ней время от времени затухающим и вновь вспыхивающим огоньком, без всякой цели и желания перебиваясь через сбившиеся в единый глухой комок дни, недели, месяцы… Но самое страшное заключалось в том, что до них никому не было дела.

Ещё с давних времён на флоте не очень жаловали матросов, которые не задерживались подолгу на одном судне и в ближайшем же порту старались самовольно «списаться» - дезертировать. Для таких были названия: «бичкомеры» - прочёсыватели пляжей /или, короче, «бичи»), «летучие рыбки» и «скакуны». Формировались они из представителей всех наций. Отвращение к любой работе, охота к перемене мест, любовь к приключениям или стремление познакомиться поближе с миром во время плаваний – вот движущие силы их кочевой неустроенной жизни.

Но существует и иная версия появления подобного рода людей, произошедшая от событий, связанных с английским словом «бичкремер», что означает «моряк не удел». Когда флотилия судов уходила на путину, на берегу нередко оставались матросы, не нашедшие себе подходящий экипаж. А может быть и сами капитаны по какой-либо причине не пожелали видеть их на своём борту… И вот за этими-то людьми и закрепилось такое

привычное сейчас название, со временем сокращённое до «бичи», которое однажды докатилось и до наших дальневосточных берегов.

Что это были за люди, откуда они взялись и чем живут – эти вопросы непрестанно мучили меня последнее время, подолгу не выходили из головы, и я попытался разобраться в них, потому, что ничто так не страшит в жизни, как неприкаянность человеческой души…

… В самом устье небольшой речушки, там, где южная и самая захудалая часть городка кособоко убегала в узкий неприметный распадок, образующий посёлок Казаки, под мостом, куда время от времени сваливали с крутого откоса полуразвалившиеся складские ящики, коробки и никому не нужную рухлядь, ютился так называемый «Интернационал», состоящий из четырёх членов. Вопреки слухам, пущенным заблудшей частью местного населения, бичи не находили между собой согласия, жили врозь, хотя и в одном месте, вдали от людей, но, вконец осатанев от одиночества, иногда, всё же, встречались друг с другом, на какое-то время объединяясь. Занимались они всем, кто на что горазд: собирали шишки, «пушнину», летом – грибы, ягоды, папоротник-орляк, начинался ход рыбы – промышляли её, солили, вялили и продавали у ближайшего магазина… Тем и жили.

Первой и, пожалуй, самой приметной в нём фигурой был тщедушного вида мужичонка Сенька Ордынцев, вечно сомневающийся и мучающийся над проблемами бытия, за что и получивший ещё при фартовой житухе прозвище Катаклизм. Между сотоварищами Катаклизм слыл за большого грамотея, потому как, угодив однажды на длительный срок за решётку, умудрился одолеть за всё это время немало литературы на животрепещущие темы человеческой истории, и ему, видимо, не терпелось с кем-то поделиться накопленными знаниями, что, кажется, просто распирали его.

- Грамоте учиться, всегда пригодится, ежели цифирь не далась! – утвердительно заявлял Катаклизм. – Иной раз и сам тому не рад, что грамоте горазд.

Бывало, строго воззрившись на своих невольных слушателей, застывших в осоловелом недоумении, и подняв заскорузлый указательный перст, он вращал неистово глазами и вещал свои умопомрачительные истины, от которых у остальных членов «Интернационала» только гулко побулькивало в животах.

- Побольше грамотных – поменьше дураков! – с воодушевлением возвещал он.

Их временное обиталище – глубоко вырытую в песчаном береговом откосе нишу-землянку с отверстием для печной трубы, Катаклизм любовно оборудовал худыми ящиками из-под болгарских помидор, уложив в них по стенкам старые подшивки журналов «Вокруг света», «Техника молодёжи» и «Крокодил», которые спёр ещё прошлой осенью в одном из подвалов жилого дома. Всё в его облике говорило о былой мозговой силе и удали, правда, уже порядком разбазаренной на житейских ухабах.

Вертлявый, спорый на ногу, то и дело используемый всяким встречным-поперечным людом на побегушках, кореец Шо-Шо являл собою второго члена негласного сообщества. Не отличающийся большой рассудительностью, но, всё же, подтверждающий кличку своей постоянной заинтересованностью, выражающейся скорее, в силу тугоухости, нежели любознательности в извечном, обращённом ко всему живому вопросе «что-что?», был он худ телом, лёгок, как воздух, и вездесущ. А поскольку зубы у Шо-Шо почти все были утеряны в мирских передрягах, то неудивительно прозвище, накрепко прицепившееся к нему.

Как бывшему детдомовцу, Шо-Шо, каким-то образом, удалось совсем недолго послужить помощником поселкового ветеринара, после чего он уже никогда не имел ни постоянного занятия, ни настоящего досуга. Так, безработным сиротой отгулял он своё сорокалетие по сахалинской земле, которая для него так и не стала ни второй родиной, ни матерью, ни братом, ни женой. Ничто и никто не может заменить человеку его прошлое, если его к тому же не было, но любая земля, народ и в отдельности каждый человек в состоянии, если он захочет, стать, по крайней мере, неравнодушным к судьбе другого человека, что, в конечном итоге, и является в этом мире любовью.

Шо-Шо не повезло. Он остался за бортом жизни, а потому не имел в своём подотчёте ничего, кроме как «не участвовал», «не состоял», «не привлекался». И всё-таки, вопреки неудачам, сыпавшимся на него как из рога изобилия, он умудрился одному ему ведомым способом сохранить главное в себе – душу. Душа у Шо-Шо отражалась в бездонных, чёрных и трепетных, как у ланки, глазах.

Третьим был немец Пляух, бывший бухгалтер, по кличке Оптимист. Несмотря на возраст, в нём ещё сохранилось что-то степенное и, наверное, благородное. Это было видно даже непосвящённому, и круглая большая «О» в его кличке являлась как бы напоминанием прежней неутомимости и силы. Не какое-нибудь там «Пе» или «Гэ»… Это надо было понимать.

В отличие от Катаклизма и Шо-Шо, так и не изведавших в своей жизни светлых сторон супружества, Оптимист когда-то имел семью. Заведя самозабвенно глаза и причмокивая губами, он иногда вспоминал о тех временах с томным сожалением, на что оба его собрата отвечали только безмолвным тупым созерцанием. Им было невдомёк всё, о чём говорил практичный и совсем не похожий на них иностранец Пляух, но беда сплачивала, как не крути, уравнивала их положение, и они почтительно внимали своему бывалому приятелю.

Оптимист никогда не заговаривал с ними о причинах своего падения, а они, из уважения к его почтенному возрасту, не расспрашивали об этом. Было только известно, что Оптимист пострадал, погорев на каких-то государственных бумагах, и угодил в тюрьму. После выхода на свободу, он стал жутко закладывать и, имея нездоровую тягу к этому самому делу, однажды не выдержал и вовсе сорвался. Не помогла ни жена, ни почётная должность, ни врождённая национальная черта. Теперь бывший бухгалтер,

при всей сохранившейся ещё в нём неистовости, уже ни к чему не стремился, к прежней жизни, особо не теша себя воспоминаниями, почти охладел и, уйдя в этот маленький захолустный мирок на берегу моря, окончательно и бесповоротно замкнулся в нём.

Впрочем, Оптимист и в «Интернационале» держался особняком, не вступая с остальными бичами в какие-либо доверительные отношения, а мой приход к ним почему-то воспринимал с воодушевлением, как-то сразу расположился ко мне, и всегда радовался моему приходу. Однажды я застал его на берегу моря одного, и он рассказал мне, как совсем недавно увидел во сне свою дочь, когда она была ещё совсем маленькая… По его словам, он вдруг совершенно ясно ощутил её милую беспомощность и полнейшее доверие к взрослому человеку, когда тот представляет для ребёнка весь мир. Дочь рисовала свои забавные младенческие картинки, что всегда выходят у малышей необыкновенно осознанными, хоть и немудрёными. В них просматривалась вдумчивая душа маленького человека, ещё, казалось бы, ничего не видевшая в своей короткой жизни, но знающая о ней что-то очень важное…

- Хорошо, когда в твоей душе ещё рождаются такие бескорыстные, чистые мысли, - печально сказал он, - и это означает, что тебя посетило нечто лучшее из всего того, когда тобой правила одна корысть… А тут явилось что-то доброе, светлое, хотя и тотчас исчезло. Но оно было, как-то неприметно обрадовало твоё сердце, и сердце отозвалось радостью. Такую чистую радость не спутать с тем худым и даже – ничтожным, что окружает теперь нашу жизнь…

Видно было, как он обрадовался тому, что к нему пришло нечто достойное, настоящее, в тоже время не зная – как себя с ним вести. Оптимист, конечно, и не помышлял назвать это состояние рождением в себе какого-то неповторимого умозаключения, чего ещё до этого никогда не было, а только тихо умилялся своим скрытым мыслям, тому, что ещё способен на них. Его необыкновенно обрадовало это открытое в себе понимание, что он до сих пор способен переживать проистекающую в нём внутреннюю жизнь, как-то по-новому осознавать её. Может быть, намного трепетней и честнее, нежели это происходило в той, уже навсегда утраченной жизни… И в какое-то мгновение он почувствовал, что давно уже ни о чём таком не думает, позабыл в себе все эти простые чувства и переживания, а вот теперь отчего-то вспомнил, всё это в нём зачем-то опять проснулось.

Оптимист рассказал мне потом о своей дочке, какая она была по-ребячески чистая и наивная, такая тоненькая, что голубые венки на её ручках казались оголёнными… Ей никогда не надоедало рисовать, и на своих картинках она выдумывала множество несуществующих цветов и разноцветных птиц. Но, между тем, разглядывая эти рисунки, Оптимиста, по его воспоминаниям, не покидало ощущение, что и цветы, и птицы на них на самом деле существуют. На лице Оптимиста появилось то выражение, когда человек уже в преклонном возрасте вспоминает что-то очень хорошее и

трогательное, быть может – самое дорогое, что у него было, и он заплакал… Это умиление не сошло с его лица даже тогда, когда мы встретились с ним взглядами, и он только опустил голову и прикрыл ладонью глаза…

- Нет-нет, - горько обронил он. – Вы не думайте, я в порядке… Мне просто легче так.

Каждым из этих бичей, конечно, оберегалось в душе нечто своё, важное из прошлой жизни, оно и помогало им жить. Вернее, они цеплялись за то, что так бездумно когда-то растеряли, и, может быть, именно это привлекало меня в них. Всё остальное было вытравлено из их памяти, как ненужное, и оставалось лишь самое трепетное, чего забыть невозможно, как бы его не подавляла печальная действительность. Оказывается, им было ещё, чем дорожить.

Ещё был заискивающий перед всеми, но не лишённый при этом какого-то вызывающего куражу Чимуха, которого припортовая шушера окрестила за дефект речи не иначе, как Чи-муха – Чи-комар. Чимуха ни на кого не обижался, да до него, кажется, и не доходил смысл собственной фамилии или этого смешного прозвища. В точно установленные для себя часы, Чимуха появлялся на главной улице городка – Береговой, в потрёпанной шинели, затасканной до невозможности флотской фуражке без козырька, но с «крабом», которым он не изменял, надо полагать, даже во время сна, и начинал свой дневной обход.

Никто не знал – где он обитает, но точно было известно, что своего дома у Чимухи нет. О существовании Диогена Чимуха, конечно, не подозревал, и потому не догадывался использовать в качестве жилья обыкновенную бочку. Весь свой досуг, пока позволяла погода, он проводил в полуразрушенной корейской фанзе, на ворохе соломы, которая хоть и немного, но держала тепло. Бочка, видимо, служила ему и столом, и стулом.

С приходом первого снега Чимуха куда-то надолго исчезал, так что о его существовании за длинные зимние месяцы начисто забывали, но с возвращением тепла он вновь появлялся. Несовершенство собственной жизни уже ничуть не беспокоило его, как не беспокоило оно ещё многих из тех, кто потерял себя без всякой притом надежды на воскрешение. Частенько Чимуха захаживал к Катаклизму с Шо-Шо, и вместе они «чифирили», обмениваясь своими нехитрыми новостями.

Временами в нём будто всплывала его истинная сущность, что, по-видимому, не давала ему покоя, и в такие моменты он совершенно преображался. Возникало ощущение, что это совсем другой человек, причём, достаточно трезво рассуждающий о жизни. Глядя на него не верилось, что подобное возможно, и Чимуха тогда представлял из себя чуть ли не образец благоразумия, вступая с Катаклизмом в ожесточённые дебаты.

Чимуха был единственным членом «Интернационала», кто по праву мог называть себя «бичкомером» - моряком, оказавшимся не у дел. Когда-то, давно, он был списан капитаном с судна за пьяную драку, чуть ли не с поножовщиной, учинённую им со старпомом, но вернуться к лихой

моряцкой жизни уже не сумел, не смог осилить свершившийся в своей судьбе несправедливый казус, и сильно запил после того, как отсидел положенный срок. В противовес справедливо устроенному космическому порядку, своё незатейливое жизнеистечение он воспринял не иначе, как дьявольские козни антихриста, сбежавшего от Бога на грешную землю, считал себя заблудшим человеком, чьей душой завладел тот самый, окаянный противник Христа, ратующий против истины и добра.

Согласно Святому писанию, антихрист должен был явиться пред скончанием мира, и открыто совращать благочестивых граждан, к коим Чимуха себя, конечно, причислял, ибо страдал, по его разумению, за правду, но поскольку дьявольская печать, как он полагал, на нём уже стояла, Чимуха сам на себе давно поставил крест. Имея это клеймо, ровно, как паспорт, Чимуха ничему уже не удивлялся, наблюдая конец мира в своём пустом прозябании на земле, не сомневаясь, что когда-нибудь попадёт в геенну огненную.

Всю эту неблаговидную картину дополняло заикание Чимухи, которым его однажды наградили пьяные матросы, избив до полусмерти, после чего он и стал заикой, судорожно отрывая слоги друг от друга, словно спотыкаясь языком… Когда он чудом оклемался, и его спрашивали – как его звать-величать, Чимуха, смущаясь, с запинкой отвечал: «Чи-чи-муха», после чего к нему и приклеилось несуразное прозвище «Чи-муха – Чи-комар».

Постепенно заикание Чимухи сошло на нет, но когда он начинал сильно волноваться – оно вспыхивало с новой силой, и с этим ничего нельзя было поделать. Как говорится: стой – не шатайся, ври – не завирайся, а говори – не заикайся! Впрочем, «Интернационал» существовал дружно, и особых поводов для волнения у Чимухи в последнее время не возникало. Он даже, наверное, по примеру Катаклизма, стал интересоваться его библиотекой, и больше всего ему нравился журнал «Вокруг света».

Чимуха жадно проглатывал напечатанные в нём рассказы про дальние странствия, особенно близки ему были морские приключения, чем он, вероятно, компенсировал нехватку их в собственной, несостоявшейся морской жизни. Своим постоянным устремлением к знаниям, Катаклизм вызывал у Чимухи уважение, и это обстоятельство незаметно сблизило двух товарищей по несчастью.

В отличие от членов Интернационала, с их забитым существованием, известная бандерша с Подгорной Баба Фая вела жизнь, о которой знал весь посёлок… Многие могли сказать, что она делала, в каком виде и в каком состоянии находилась в определённый час, с кем повздорила или что, как говорили поселковые обыватели, отчебучила. Но все эти мнения и сплетни, по своей значительной части, были всё же необоснованными и надуманными: это были грязные, вялые пересуды, которые не минуют даже такие отдалённые морские посёлки, как Казаки. То же, что представляла из себя Баба Фая на самом деле, никто из них знать не мог.

В чём-то эти просто не желающие думать и чувствовать жители посёлка были правы, но не настолько, чтобы судить о ней. Они не видели главного ни в себе, ни в Бабе Фае, ни в самой жизни, и в этом заключалась их главная ошибка. Не то, чтобы они относились злобно к подобным личностям – их в посёлке встречалось в достатке, но Баба Фая была одна-единственная, а люди воспринимали её только так, как это было им удобно. Она стала неотъемлемой частью посёлка, и жители уже не представляли его существование без легендарного ангела-хранителя местных бичей, которых она заботливо и незаметно для них самих взяла под свою скромную опеку.

Баба Фая… Она стала символом и мерилом внутреннего поселкового распорядка, даже не подозревая об этом. Но если бы она когда-нибудь и узнала о своём установившемся авторитете, это никак не повлияло бы на её поведение. Баба Фая осталась бы прежней…

Никто не знал, да и не интересовался, откуда возникла эта неряшливая женщина… Многие считали её старухой. Между тем, ей не было ещё и шестидесяти…

Постоянно находясь на виду у всех, она тихо тянула в глубоком одиночестве, существуя отголосками своей прежней, никому неизвестной жизни… Когда-то она воевала медсестрой, совсем ещё юной девчонкой вытаскивая на себе из-под огня раненых солдат. После войны, по вербовке, приехала на Сахалин и работала на добывающих судах в море. Выйдя замуж, родила сына, и вскоре обоих потеряла… И мужа, и сына забрало море. Судьба и после не преподносила ей ничего утешительного.

Изо дня в день оставаясь совершенно одна в своей хибарке на окраине Старого города, она ворошила в пьяненьком уме картины былой жизни, лихорадочно и хаотично всплывающие из далёкой молодости, и, путаясь и наслаждаясь в накатывающих видениях, тешила свою душу, тихо посмеиваясь и бормоча про себя какую-то свою, не понятную никому правду. До неё уже не доходило теперешнее её состояние. И не было на земле ни одного человека, который бы мог ей чем-нибудь помочь.

Всё дело было в самой Бабе Фае, в той нелёгкой жизни, которую она прожила на белом свете, и в том, что составляло её жалкое существование теперь. Где-то в неведомых глубинах сознания она чувствовала своё падение, если его можно было так назвать, но изменить что-либо у неё не появлялось никакого желания. В этом сейчас для неё просто не было необходимости.

Утеряв нить смысла, она уже не пыталась её отыскать. Баба Фая только заглушала вином нежданные проблески своей состарившейся души, в хмельной хандре находя необходимую капельку того, что ещё поддерживало теплившуюся, как маленький уголёк, жизнь.

Став чем-то неотъемлемым для посёлка, Баба Фая обеспечила себе, сама того не желая, долгую жизнь. Но, тем не менее, в последний путь провожали её только двое, никому неизвестных забулдыг – Сенька Ордынцев, по прозвищу Катаклизм, и маленький Шо-Шо. Провожали, конечно, не с той честью, которой удостаивались прожженные ветрами,

ледяной водой и морской солью «крабы», те немногие, кто заслужил это прозвище за долгие годы непомерно тяжёлого труда на флоте, кто ощутил сомнительную, но не ускользающую удачу, неукоснительную веру в людей и нужность своего ремесла. Провожали неприметно и тихо, двумя скорчившимися душами, выплакав за неё её горькую жизнь…

Все они были очень трогательны и до такой степени побиты жизнью, что, обращаясь к ним, я первое время, не переставая, повторял «извините», «пожалуйста» и прочие слова, которые совсем не вязались с этой обстановкой и этими людьми. Лишь наполовину понимая меня, или же, скорее, совсем не разбирая, что от них требуется, они всё-таки глядели на мир широко раскрытыми глазами. На их прокопченных кострами, изборождённых морщинами и шрамами лицах появлялось что-то наподобие недоверчивой улыбки, когда я пытался завязать с ними душевный разговор. В глазах вдруг проскальзывала невесть откуда появившаяся, смешная, на первый взгляд, деликатность, граничащая с вежливой услужливостью, как это случается у ребёнка, когда он полностью доверяется взрослому, и хотелось заплакать от боли за все их исковерканные судьбы…

И вот, когда проходили первые минуты знакомства, и я проникался к этим людям искренним пониманием, а порой и уважением, я неожиданно ловил себя на мысли, что по-настоящему ж-и-в-у! Меня ничего более не сковывало, я ощущал, как удивительно легко и хорошо на душе от близости этих людей и оттого, что ты можешь быть им хоть чем-то полезен. Я вдруг понимал, что даже с лучшими из своих друзей я не бывал так искренен, и, пытаясь поскорее утвердиться в этом ощущении, боясь утраты этого незабываемого и почти всегда кратковременного чувства, начинал сознавать, как мизерно всё, что ты имеешь, в сравнении с их опытом и бедой.

Так получилось, что бичи обитали в основном на окраинах нашей необъятной страны, предрасполагающих к вольной жизни и тяжёлому физическому труду. Именно в безвестных, Богом забытых таёжных посёлках и приморских городках оседали эти люди, про которых говорили, что у них нет дома. Конечно, у каждого из них уже была когда-то своя крыша над головой, первая, с которой было связано самое дорогое, и которая однажды всё же была утрачена. Но должно ли было это означать полную бесприютность?!

Говорят, истинный дом человека там, где он чувствует себя, как дома, и домом этим была им родина, которая на трудных поворотах своей истории могла потерять многих из них и, конечно, теряла. Но бродяги, оказавшиеся не удел, не желали терять почвы под ногами. Вот таким, сохранившим связь с землёй, не помочь – являлось бы уже преступлением, но многим так и не протягивали руку, а если совершали попытку, то только наполовину, и в результате люди гибли, уходили в безвестность.

У них было достаточно поводов для того, чтобы спиться гораздо раньше, и заслуга их заключалась в том, что они держались так долго. Ведь

не каждый находит в себе силы подняться, хотя бы даже после одного падения. Это так просто и так ужасно в своей простоте.

Но если, всё-таки, отнестись к этой категории заблудших личностей, действительно, серьёзно, и быть предельно точным, то кто они? Чем отличаются бичи от других людей? И поразмыслив, приходишь к выводу, что им присущи абсолютно взаимоисключающие друг друга черты…

С одной стороны – ярко выраженное плутовство, невероятно изощрённое мошенничество, а с другой – кристальная честность по отношению к порученному делу и такому же, как он, собрату – бичу. Доведение себя в тяжёлом, порой – просто изнурительном труде, например, при рытье шурфов в геологической партии, до полного изнеможения, и в тоже время – беспричинная гульба, безудержное пьянство и разгул, когда человеческий лик полностью утрачивается. Наглое поведение, проникнутое совершенным бесстыдством, и тут же – бережное, почти трогательное отношение к нашим меньшим братьям. Неописуемо отчаянная неприхотливость, полное равнодушие к повседневному жизненному укладу, и невесть откуда берущаяся жажда к «красивой» жизни, когда в считанные дни спускается весь полугодовой экспедиционный заработок. Завидное умение мгновенно приспособиться к самым суровым условиям – и отсутствие какой-либо малейшей склонности к беззаботному домашнему существованию. Абсолютная растерянность перед этим самым бытом, неумение, а чаще всего – нежелание хоть как-то организовать себя в нём – и невероятно трепетное, глубокое осознание сути жизни, порой – просто потрясающие мыслительные способности, приводящие к удивительно вдумчивым и точным рассуждениям… А ещё – пренебрежение к собственной личности – и ни с чем несравнимая потребность в независимости; страстное желание колобродить, отказываясь от малейшего участия в жизни общества, быть «как все», и внутреннее, чуть ли не рыцарское стремление к тому, чтобы тебя уважали…

И разве забудешь тут про постоянное устремление русского человека к свободе, нужду в дорогой его сердцу дороге, увлекающей к бескрайним просторам родной страны, где он всегда отыщет для себя и незатейливый кров, и нехитрый стол, укрывшись от навязчивых властей? Неудовлетворённость окружающим существованием, а больше – самим собой, вынуждала этого неудовлетворённого человека становиться постепенно «бичом», подвергать себя разного рода лишениям и возможным опасностям, действуя на удачу, в надежде на счастливый исход, как правило, оборачивающийся безысходной тоской, неумением разрешить животрепещущий вопрос: в чём правда жизни, и существует ли справедливость? Тяжело переживая эту самую несправедливость, нередко доходящую до предельного унижения человеческого достоинства, не имея с раннего детства достойных условий и элементарных возможностей, легко было скатиться в неволю подавляющих душу дьявольских законов, умудряясь при этом сохранить собственную незаурядность…

Ведь нередко случалось такое, что человек мог просто оступиться, или пострадать невинно, а сил, чтобы совладать с неудачей и невезением, не доставало… Сила разума человека постигает и заключает, изобретает и замышляет, но не всегда она способна сладить с бесовскими кознями, которые и её ломят, ежели она не обрела в себе истинное знание… А его необходимо заслужить…

Но откуда ж взяться этому знанию у неготового к его обретению человека, не способного организовать собственную жизнь? Знает сила правду, да не любит сказывать, а кто силён, тот и волен. Но что Богу не угодно, то и несильно.

И всё же, бичи несут в своём существовании нечто необъяснимое, притягивающее к себе… Они будто обрели какое-то скрытое ото всех состояние, или, вернее, понимание о жизни на свой лад, а воспользоваться им пока не умеют. Не ведают, как им распорядиться непутёво отвоёванной у жизни, мнимой свободой, как применить для чего-то сохранённую в себе детскую чистоту, несмотря на закопченные души и лица. А то, что это именно чистота, некая труднообъяснимая и непонятно как уживающаяся в их сметённых душах наивность, - несомненно. Чем они, собственно, и привлекали меня, все эти несуразные и незаурядные судьбы…

Вопрос: так кто такие «бичи»?

Ответ: загадка нашего российского, не сравнимого ни с каким иным мироздания… Одним словом, неразрешимая и, между тем, притягивающая к себе тайна. Сами посудите…

Тот день выдался на удивление тёплым, спокойным, и так же неторопливо текла своим чередом незамысловатая жизнь бичей. Видно было, как им не хочется, чтобы кто-нибудь нарушал их покой. Они сидели под береговым обрывом, у затухающего костерка, и с наслаждением потягивали чифирок.

- Здорово были, - без всякого вступления, обратился я к ним.

- Дал бы Бог здоровья, да денег нет, - нехотя пробормотал себе под нос Шо-Шо.

- Деньги – тлен, а здравый смысл – превыше всего! – не преминул продемонстрировать свою эрудицию Катаклизм.

- Здорового и нужда не берёт, - довершил приветствия уже разомлевший от выпитого Чимуха. – Богаты, так здравствуйте, а убоги, так прощевайте…

- Один здравствуется, другой прощается, понимай, как знаешь! – попытался съязвить Шо-Шо, находясь с утра явно не в духе.

- Не всякое слово всяким понимается! – в благостном умиротворении изрёк очередную истину Катаклизм.

Друзья уже пребывали в разогретом состоянии, но вот на Шо-Шо «ерофеич», как члены «Интернационала» называли чифир, по-видимому, ещё не возымел своего чарующего действия. И тут нужно заметить, что бичам в

их разудалой жизни обойтись без спирта, браги и одеколона никак нельзя, но когда они отсутствуют – спасает только чифир.

Чифир – очень крепкий чай, когда на литровую банку засыпается целая пачка, и, конечно, такой крутой взвар немилосердно садит сердце. Но Ерофеич – зек старой закалки, был чифиристом со стажем, умудряясь подогревать себя этим чудодейственным напитком чуть ли не всю жизнь, проведённую за «колючкой», и для всех членов «Интернационала» являлся непререкаемым авторитетом, хоть и держался всегда особняком. Именно это обстоятельство в дальнейшем и послужило тому, как бичи нарекли для себя это сногсшибательное пойло, называя его между собой – «ерофеич». В честь своего приятеля, в скором времени почившего в иной мир. Чифир всё-таки разрушил его «мотор», но мне ещё удалось застать легендарного бича, и когда я заглядывал в гости к неунывающей компании, Ерофеич, расплываясь в беззлобной улыбке, елейным голосом приглашал всех к костерку:

- Пожалуйте кушать чай! Принудили нашего брата чай без сахару пить, а только вприглядку…

Отхлебнув глоток из закопченной кружки, Ерофеич, наигранно вздохнув, добавлял:

- Хлебца купить не на что: с горя чаёк попиваем!

Изготовление чифиря незатейливо, но требует определённых познаний. Шо-Шо всю важность существования чудодейственного напитка выразил следующей тирадой:

- Чтобы небеса возликовали и грешников в аду не мучили! И когда попробуешь этот божественный коктейль, сердце в томлении благостном забывается, и жизнь уже не кажется такой наскучившей и пресной. Что кому до нас, коли праздник у нас?!

Шо-Шо от воображаемого удовольствия даже облизнулся, и продолжил:

- Берёшь, значиться, пару пачек индийского или цейлонского чая, на худой конец – грузинского, разводишь костерок, и ставишь на него посуду с водицей.

- Хорошо подходит для ентого фокуса банка из-под консервированных персиков или абрикосового компота, - вкрадчиво добавляет Чимуха. – Опять же, лёгкая, и места много не занимает.

- Ага. В такой банке вода вскипает моментом, - деловито поясняет Шо-Шо. – Как только забурлило – высыпаешь содержимое пакетов в кипяток, и даёшь несколько минут потомиться. Затем – помешал прутиком, снял, и всё оставшееся варево сливаешь в кружку. С виду – корчажный дёготь, что выгоняют из бересты огнём, им бы только ворота мазать, а на деле – натуральный продукт, произведение природы, эликсир!

- Как утверждал незабвенный поэт: не нужно золота ему, когда простой продукт имеет! – отличился в знании русской поэзии Чимуха. – Прежде, чем причащаться к блаженному напитку, надо дать ему отстояться, так он душевнее становится, а уж потом – утоляй душевную жажду.

Шо-Шо придвинулся ко мне, и очень вкрадчиво, с какой-то затаенной сокровенностью, чуть ли не с придыханием, произнёс:

- Чифир надо пить с толком, не торопясь, также неспешно беседуя о неповторимости нашего бытия…

При этом он пристально, даже – изучающе, посмотрел мне в глаза, наверное, надеясь увидеть во мне своего человека, и так же проникновенно добавил:

- Благостная жидкость должна плавно покатиться в груди, и пока она не дошла до места – начинается кайф! Когда же всё это благо растечётся во внутрях – наступает пик блаженства…

Шо-Шо осторожно поднёс дымящуюся банку к губам, и с нескрываемым удовольствием прильнул к ней, зажмурив глаза, а потом, переведя дух, прошептал:

- О чём душа радела, то Бог и дал…

Он бережно передал банку мне.

- Давай, пей так же, как я. С радостью…

- Как бы, не обезуметь от неё!

- Наши радости, конечно, перед Богом гадости, но какая корысть от того, что его рабу божьему услада на сердце легла?

Не особо артачясь, я тоже зажмурился, пригубил пахучую жидкость, и сразу почувствовал, как нечто дегтярное и сочное покатилось вниз, в желудок, ёкнуло там и растеклось каким-то неизвестным мне ранее, животворящим теплом, отчего всё внутри замерло и какое-то время не отпускало.

- Ну, как? – с замершей на губах, ошалелой улыбкой, еле промолвил Шо-Шо. – Сам себе на радость, кроме бича, никто не живёт!

Да, было что-то необычное в этом напитке, внутри я почти не ощущал никакой горечи, и даже захотелось попробовать ещё один-другой глоток. Подобных ощущений мой желудок никогда ещё не испытывал, мне вдруг стало интересно всё, происходящее сейчас со мной, и я улыбнулся.

- Кто чужой радости не рад, тот сам себе враг! – объявил во всеуслышание Чимуха, и тоже расплылся в улыбке.

- Рады стараться! – завершил любезности Шо-Шо, дурашливо ухмыльнувшись.

Мы пили эту чёрную тягучую жидкость, и через несколько минут голова как будто отделялась от тела и повисала над прибойной полосой, а ты вдруг попадал в иное измерение, понимая, как чудесна и светла эта беззаботная жизнь у самого моря, куда ты скоро отправишься на полгода, и нужно наслаждаться воцарившимся в душе покоем, несмотря на это сомнительное сообщество. В такие минуты, наверное, и рождается истина, подумалось мне, когда полностью преображаешься в контакте с божественным в себе и со всем, что тебя окружает. Мне всегда было интересно проникать в суть вещей и явлений, находя в жизни верное им применение, научиться понимать истину, несмотря на то, что её, наверное,

невозможно выразить в словах, и, в конце концов, прийти к осознанному восприятию нашего существования, заключающего в себе столько невероятных возможностей. Даже, если ты находишься в некоей прострации от выпитого чифиря. Мне было хорошо.

- Что может быть лучше баночки чифира, с самого утра, - благодушно прогнусавил Чимуха. – Ты – и сам по себе, а вроде как – со всеми. Лепота!

- Эх, сейчас бы спирту, да на салазачках! – мечтательно произнёс Шо-Шо.

- Что ещё за салазачки? – удивлённо спрашиваю я.

- Этот секрет нам с северов Ерофеич подогнал, когда после отсидки, шурфы там, в геологической партии, бил… Дело не хитрое, - разъясняет Шо-Шо. – Зачерпнул из ручья холодной водицы, проглотил её, и сразу, вдогонку, спирту горючего: охмеляющая жидкость! Убогого слеза прошибёт, давай ещё! Разводить – ни-ни, только сломаешь кайф. Влага тянет за собой по пищеводу чистец, и только облагораживает его. Звероподобный смак: хлебай, да причмокивай!

- Про чаёк, конечно, тотчас забываешь, зато на утро – извольте откушать! – со знанием дела замечает Чимуха. – На Руси ещё никто им не подавился, потому как бальзам душевный. Так и живём: чайничаем, да бражничаем!

- Это верно, - соглашается с ним Шо-Шо. – За хлеб-соль спляшем, а за винцо – песенку споём.

- Без вина – одно горе, - вздыхая, вспомнил свой горький опыт Чимуха. – А с вином два: и пьян, и бит…

- Когда тебе не везёт, нужно просто пережить этот момент, - с воодушевлением заявил Шо-Шо.

- Лучшим показателем уровня сознания всякого индивидуума - является умение справляться с жизненными трудностями! – ни с того, ни с сего ляпнул Чимуха, так, что сам несколько опешил от сказанного.

- Не-ет… Ничего не может быть более увлекательного и разумного, чем изучение жизни, - благостно и нисколько не сомневаясь в своей правоте, прошепелявил Катаклизм.

- А я думаю, что каждый день нужно жить так, будто следующий не наступит! – беспечно и без тени сомнений, заявил Шо-Шо. – Хорошего на свете мало, а худого всюду много: чего же его благословлять?

- И значит – здравствуйте, стаканчики, дорогое винцо?! – язвительно вторит ему Чимуха.

- Человек не должен ни к чему привязываться в этом мире, - смело провозгласил Шо-Шо. – Что хорошего, скажем, в жене и детях, ежели они потом отказываются от тебя?

Это, конечно, была больная мозоль Оптимиста, и Шо-Шо безжалостно наступил на неё, хотя хорошо знал о беде своего товарища, но в запале спора забылся, и сразу прикусил язык. Благо, Оптимист, как всегда, отрешённо сидел в стороне, и ничего из сказанного не услышал.

После опрометчивого высказывания Шо-Шо, Катаклизм тоже весь подобрался, побагровел, и ,выдержав паузу, чтобы, значит, подтвердить существование ещё нерастраченного собственного достоинства, тихо и утвердительно промолвил:

- Все мы любим хорошо, только хорошо-то нас любит по выбору. Да и нет в жизни ни плохого, ни хорошего, она едина, и любая крайность в ней однобока.

Он оглядел своих приятелей величественным взглядом, и вкрадчиво добавил:

- Потому как всякая крайность должна иметь свою противоположность, и вместе они составляют необходимую целостность.

Ясно было, что Катаклизм в своей прошлой жизни прочёл много книг. Он и сейчас беспрестанно пролистывал журналы, подолгу водя по страницам корявым пальцем: зрение у Катаклизма сильно подсело, и даже переломанные в нескольких местах очки, замотанные изолентой, видимо, не помогали. Катаклизм натягивал их на нос для проформы, чтобы продемонстрировать свою «интеллигентность», и расставаться с ними не желал.

Вот и речь у Катаклизма была необычная, с вывертом, к которому и Чимуха, и Шо-Шо давно привыкли, а потому не обращали на неё внимания.

Что, казалось бы, может интересовать бича, оказавшегося «не у дел», кроме пропитания и крыши над головой, но Катаклизма, в отличие от его приятелей, бедственное положение ничуть не смущало: его исстрадавшаяся душа, тем не менее, неудержимо устремлялась к знаниям. А что больше всего может занимать непризнанного обществом философа? Конечно, правда жизни!

А ещё – причина страданий человеческих, истинная свобода, существование ада и рая, значение для заблудшего человечества спасительной религии, и всё, к чему оно всегда неудержимо стремится – вера, надежда и суть этой бренной жизни… Но в течение своего нескончаемо страдальческого существования, Катаклизм как-то незаметно для себя забыл, что главный наш враг – находится внутри, так же, как и Господь…

- Сила – в правде, - неожиданно изрёк Катаклизм, и в подтверждение сказанного, с победоносным видом упёрся руками в колени.

- Это вряд ли, - спокойно возразил ему Чимуха. – Глядя на людей, как они безалаберно относятся к своей жизни, создаётся впечатление, что нет в них ни силы, ни правды. Живут так, будто у них вместо одной – существует несколько неповторимых судеб.

- Правда всегда себя проявит благодаря заложенной в себе силе. Всё минуется, а правда останется! – еле сдерживая себя, заключил Катаклизм.

- Ну-ну, ещё скажи, что Бог тому даёт, кто правдой живёт, и что без правды не житьё, а вытьё.

- И скажу! Правда, как говорится, со дна моря выносит, и из огня спасает… Правда есть, так и счастье будет. Она суда не боится!

- У каждого Павла – своя правда, - пригорюнился Шо-Шо. – И не всё то, правда, что про неё говорится.

- Вот и я разумею: по правде тужим, а кривдой живём, - усмехается Чимуха. – Без правды, конечно, жить легче, да и помирать тяжело, но только сила и правда – разные вещи, и далеко не всегда они сочетаются. Чаще всего оказывается так, что правде, как раз, не хватает силы, чтобы победить, и она нередко терпит поражение. Правде, для того, чтобы одержать победу над ложью, необходимо самой накопить в себе достаточную силу…

- Как же это она копится?

- А в результате постоянных духовных усилий, которых нам всем не хватает. Я тебе скажу такую правду, что будет вернее самой мудрёной лжи… Правда-то – всегда на поверхности, и нужно разглядеть – что скрывается под ней.

- И что?!

- А под ней ещё более правдивая истина: не ищи правду в других, коли её в тебе нет. Лучше загляни в себя, потому как только ценой своей жизни сможешь стать подлинным. Соверши свой духовный подвиг! – сдержанно подытожил свой монолог Чимуха.

- А от чего человек боится заглянуть в себя? – осторожно спросил Шо-Шо.

- Да тех самых усилий и боится, что совершать не желает. Надёжнее ведь оградить себя от разных волнений, чтобы ничего не мешало благополучно прозябать.

- Вот тут я согласен, - недовольно подтвердил слова Чимухи Катаклизм. – Страх потерять привычное – сковывает по рукам. Человек лишается важного для себя развития. Ему привычнее просто вести ни к чему не обязывающий образ жизни…

- И почему человеку просто не осуществлять свои желания? – задумчиво произнёс Шо-Шо. – Он всё только мечтает…

- Оттого и мечтает, что благодаря мечте чувствует, что живёт.

- Не делает ничего, а именно мечтает, - настойчиво подтвердил свою навязчивую мысль Шо-Шо. – Скорее всего, в мечтах он стремится избежать той действительности, что его окружает.

Катаклизм тяжело вздохнул, и будто очнувшись от тяжёлой задумчивости, устало произнёс:

- Вернее, не знает, как её применить, а если и догадывается, то сознательно избавляет себя от тех усилий, которые ему надлежит совершить, чтобы достигнуть желаемого.

- И вот человек создаёт вокруг себя мечту с целью заглушить потребность к действию, - спокойно заключает Чимуха. – Проявляя, таким образом, всем нам хорошо знакомую душевную леность. Точнее будет сказано – боязнь, что у него не выйдет задуманное, и главное – он нарушит это самое привычное благоденствие, что уже проверено и не несёт никакого риска.

- Мечта, значит, ослепляет человека?

Чимуха тяжело вздохнул, не спеша оглядел весь «Интернационал», и ровно отрубил:

- Не жизнь наказывает человека, а сам он.

- Зачем это? – недоумённо воззрился на него Шо-Шо.

- Когда идёт против неё, то есть – нарушает божественные законы.

- А что, ежели человек не в силах достичь в себе этого самого благословения?

- Зато с удовольствием отдаётся на волю собственных пустых мечтаний! Жизнь сама по себе прекрасна, и разве способны мечты изменить её к лучшему? Если мечты и необходимы, так только для того, чтобы их осуществлять, иначе они разрушают. Уж убеждался в этом фокусе не раз.

- Получается, реальность жизни такова, что человек, просто мечтая, избегает самого главного в своей жизни?

- Самого себя он избегает, потому, как не живёт естественной жизнью, не исполняет то, что возложено на него Господом!

- Вы что, верите в существование Бога? И в чём же тогда, всё-таки, корень бед человеческих?

- Корни у нас всех одни и те же, - задумчиво произнёс Чимуха. – Но мы сами различны, поскольку не созданы по единому образцу.

- Каждый индивидуй, значит, уникален?!

- Как это случается повсюду в природе. Главная проблема человека в том, что он, действительно, не смотрит в себя, а глазеет, постоянно, по сторонам, пытаясь обрести недостижимое и овладеть тем, чего нет.

- Это, выходит, само провидение встало у него на пути, а против судьбы, как известно, не попрёшь, - нравоучительно прошепелявил Шо-Шо. – Каждый должен знать своё место.

- Самая сложная штука на свете – научиться молчать в тряпочку, и никого не судить. Человека ждёт точно такая же жизнь, какой она была в его прошлом, даже – хуже, потому как ничто не изменяется само по себе.

Шо-Шо, не отрываясь, с недоверием вглядывался в Чимуху, не находя, что ответить.

- Обладаешь тем, чего заслужил, чего непонятного?! Именно вот таким образом выстраивая свою жизнь…

Чимуха, нехотя, кивнул в сторону Шо-Шо. Шо-Шо замер в напряжённой позе, не спуская с Чимухи пристального взгляда.

- Всё хорошее в жизни нужно заслужить, - уже сдержанно подтвердил свою мысль Чимуха.

- Причины многих несчастий и разочарований кроются в том, что люди не понимают и не пытаются понять законы этого мира, - наконец-то обозначил своё присутствие Катаклизм, с грустью посмотрев на своих друзей. – Они никак не могут принять то, что имеют, и постоянно желают оказаться в другом, воображаемом месте, где, по их мнению, гораздо лучше.

- Человеку нужны ни деньги и власть, а то состояние души, когда он переживает в душе радость. Богатство, власть и даже знания не спасают, ничего из этого невозможно будет забрать с собой после смерти… В жизни нужно, наверное, посадить свой сад, - грустно улыбнулся Чимуха, - чтобы быть в нём заботливым садоводом. Вот тогда ты – богач, и переживаешь в себе по-настоящему божественное состояние.

- Вот именно – божественное! – оживился Катаклизм. – От людей часто можно слышать, что Бога нет. А я говорю – Бог есть! Его не может не быть. Ведь Божья благодать – повсюду! Нас Он не от скуки выдумал, как уверяют некоторые грамотеи, а чтобы мы сами вмешивались в дела Господни, проявляли, так сказать, интерес к существованию.

С одной стороны, тебе, вроде бы, свобода воли даруется, а с другой – ответственность за всё живое. Иначе, зачем в тебя самого эту жизнь вдохнули?

- Зачем? – запальчиво выдохнул Шо-Шо.

- А за тем, чтобы тебе, дураку, не скучно было жить на белом свете, ты сам есть свет, и должен нести его другим!

- Скуки, значит, чтобы не было. Эксперимент, что ли, такой? А ежели я копыта отброшу – что со мной станется? Обратно меня с Богом соединят?

- Это вряд ли, - тихо заметил Чимуха. – В тебе свободы воли никакой нет. Ты о ней только всё время зубоскалишь, но на деле – лишь бы, ни во что, не вмешиваться. Бог всё видит и чувствует.

- Вот-вот, - опять оживился Катаклизм. – От людей часто можно слышать, что Бога нет. Иначе бы, Он, якобы, не допустил постоянно происходящие на земле злоключения, а если и существует, то, по непонятной причине, никоим образом человечеству не помогает.

- О чём я и толкую: только ввергает всех нас в пучину разрушительного непонимания, болезней и войн!

- На деле же, Божественное Мироздание помогает человеку уже тем, что просто есть, - с торжествующей усмешкой парирует Катаклизм.

- То есть – одним своим присутствием?! – от неподдельного удивления и без того оттопыренные уши Шо-Шо начали незаметно перемещаться к макушке.

- К тому же, безо всяких чудодейственных воздействий! Нескончаемым потоком добра и силы даже такой дуст, как ты, располагает. Ты просто об этом пока не знаешь.

- Бог с нашей помощью, если мы несём добро, глубокое удовлетворение в себе переживает, радуется…, - опять ненавязчиво вступает в разговор Чимуха.

- Кайф, значит, получает? Ну, а вот когда какому-либо индивидую жрать нечего, кто его чувство голода удовлетворит? Или, скажем, несправедливость голимую, что мне лично, обыкновенному бичугану, житья не даёт, искоренит?!

- Тот, кто утвердился в истинности своего пути. Правда, выглядит он всегда заурядно, - уже спокойно и вдумчиво доносит до него свою правду основательный Катаклизм.

- Как я, что ли? – не унимается Шо-Шо.

- Такой человек ни о чём не беспокоится, он всегда невозмутим, и живёт, вроде бы, беззаботно, - не обращая внимания на слова Шо-Шо, продолжает увещевать его Катаклизм. – О нём часто можно услышать мнение, как об очень беспечном человеке, который ни о чём не заботится…

Шо-Шо - человек, не помнящий родства, всегда смотрел на этот мир спокойно и безмятежно, застенчиво улыбаясь размытой темнотой своих бездонных глаз. Кажется, его действительно ничто не тревожило, со всеми он, в общем-то, был доброжелателен и учтив. Правда, порой, и проявлял свой строптивый характер. Казалось, не было в его жизни ни оскорблений, ни тяжёлых работ, а только одна беспечная радость от происходящего вокруг жизненного торжества. Шо-Шо восхищался любым маломальским проявлением жизни, хотя бы это была обыкновенная, неприметная никем былинка, но божественность мира отчего-то отрицал…

- Всё, что человеку нужно – это быть собой, полагаясь только на себя. Может, кому-то и захочется проявить собственную отвагу или терпение, которые не подарит тебе никто, как ты утверждаешь, даже – родители, но только ты сам способен возжелать быть свободным.

- Что тебе ведомо о свободе, голь перекатная? – с лёгкой усмешкой подзуживает его Чимуха.

- Свобода – это когда ты принимаешь жизнь со всей её радостью и болью! – тотчас ответствует Шо-Шо. – Если уж совсем быть честным, свобода человека выражается в том, чтобы переживать одно удовлетворение, наслаждаясь собственным существованием. Свободным хочет быть каждый, а у меня этой свободы – хоть завались!

- В человеке всё должно происходить по причине его высокой сознательности, - невозмутимо вразумляет и Шо-Шо с Чимухой, и самого себя Катаклизм. – Человек до такой степени становится сознательным, что никто в нём этой осознанности и не видит. И, тем не менее, человек этот не сбился с пути, а наоборот – спустился к нам с высоких вершин, чтобы помочь пробудиться.

- Пробудиться от чего? – не к месту, и с навязчивой дотошностью вопрошает Шо-Шо.

- Пробудиться от собственного мракобесия! Он как бы говорит всем своим поведением: я такой, какой есть, и хочу, чтобы и вы почувствовали в себе красоту обыденности, не считая себя каким-то особенным… Всё – в ваших руках, если захотите быть счастливым.

- Я же говорю – это про меня!

- Пробуждённый человек крепко стоит на своих ногах, - утвердительно заявляет Чимуха, - а относится ли подобное к тебе?

- Вот ты, скажем, идя по тропе жизни, упираешься однажды в непроходимую стену… Что будешь делать? – раздосадовано, еле сдерживая себя, негодует Шо-Шо.

Среди друзей на время повисает вынужденное молчание, и Шо-Шо, выдержав паузу, торжествующе продолжает:

- Не пытайся её, во чтобы то ни стало, преодолеть, а присядь и отдохни, разведи, если потребуется, костерок, завари чифирка, и именно так, спокойно, вернёшься к своим первоначальным истокам… Почувствуешь, что ты – дома…

Но на деле «домом» для четырёх членов «Интернационала» была землянка на берегу моря, где они ютились перед тем, как перебраться на зимние «квартиры» - в обшивающие теплоцентраль дощатые короба, там всегда было сухо и тепло. По рассказам бичей, в них даже зимой было жарко, так что они раздевались до рубах. Жильё освещала свечка, плавающая в банке с водой. Выбирались на божий свет только за тем, чтобы насобирать и сдать «пушнину» - выброшенную несознательными гражданами стеклотару, и затем опять скрывались в своём убежище… Трудно было представить, что человек способен просуществовать в таком положении целую зиму, если их, конечно, не вылавливала милиция, но это было так…

- Три кола вбито, бороной накрыто, вот и весь наш дом, - с горечью заметил однажды Катаклизм.

Катаклизм, как уже говорилось, являл собой яркий пример умудрённого жизненным опытом человека, хотя и имеющего преступное прошлое, но совершенно беспомощного перед суровыми вызовами судьбы, а потому и изъяснялся, по большей части, с намёком на интеллигентность, даже, можно сказать, заумно. Сказывались тяготы лагерного заключения и превратности незамысловатого житейского быта у самого моря…

Но назвать его совершенно опустившимся типом было нельзя. Катаклизм всеми силами старался поддерживать свою «интеллигентную» марку, чтобы совсем не завшиветь, и, имея огрызок черепахового гребня, с чувством отрешённой сосредоточенности совершал каждодневный моцион умывания и расчёсывания остатков волос на своей плешивой голове. Происходило это так…

Ритуал приведения себя в порядок совершался Катаклизмом всегда неторопливо, без намёка на какую-либо спешку, можно даже сказать – очень основательно, и если бы вам вдруг вздумалось досмотреть это священнодействие до конца, вряд ли бы это получилось. Катаклизм вдумчиво наслаждался совершаемым им действием, размеренно расчёсывая засаленные пряди на сторону, чтобы прикрыть поблескивающую лысину, и старался достичь при этом безупречной укладки. Он осторожно повторял свои магические взмахи гребнем бесконечное количество раз, остановившись на миг, скрупулёзно вглядывался в замутнённый осколок зеркала, и только когда производимый эффект удовлетворял его, он начинал производить с волосами тоже самое действие, но только в обратную сторону. Для этого

зеркальце очень бережно перекладывалось им из одной руки в другую, тоже самое происходило и с гребнем, и чудодейственное занятие вновь продолжалось. Так могло повторяться по многу раз, но это никоим образом не влияло на невозмутимость Катаклизма.

- Ну, ты и шарлатан! - завороженный увиденным, восторженно провозглашал Шо-Шо, пристально наблюдая за размеренными движениями Катаклизма. – Но хоть лик свой святи не святи, а он всё в болото лезет.

Катаклизм никак не реагировал на подобные высказывания, но однажды, удручённо поглядывая на себя в зеркало, с горечью заметил:

- Хоть и не хорош ликом, да душа всё равно пришита лыком.

Шо-Шо, выдержав для пущего фурору паузу, жизнеутверждающе добавлял:

- Кто без ангелов ликует, тому завсегда праздник!

- Чёрт тебя когда-нибудь утащит! – беззлобно отзывался ему Катаклизм.

- За что – про что, мы же не фашисты какие! – не унимался Шо-Шо. – Живу – никому не мешаю: какой с меня спрос? Много мне не надо: был бы кусок хлеба, кой-какая одежонка, чтобы, значит, местное население не смущать, чифир и сто граммов спирта… А ещё я абрикосовый компот люблю…

Шо-Шо расплылся в довольной улыбке.

Катаклизм был миролюбивый, но слабый человек, он просто физически не смог бы противостоять любому, даже – самому пропащему бичугану, но своим авторитетом прошлой многострадальной жизни всё-таки производил на собратьев по бедственному положению должный эффект, и из уважения к его былым заслугам Шо-Шо с Чимухой нередко умолкали, когда Катаклизм вдруг принимался философствовать.

Больше всего ему не давала покоя заковыристая суть судьбы-злодейки, по вине которой он, якобы, оказался на её дне, и Катаклизм не без удовольствия принимался поучать совершенно безграмотный, по его разумению, народ, тогда как ни Шо-Шо, ни Чимуха не давали ему для этого никакого повода. Они вообще ничего не придумывали, и жили – как придётся, будто текущий день был для них последним. Даст Бог бичу денёчек, даст и кусочек: куда хочешь – туда его и девай. А минует денёк – и заботу с собой уволокёт. Жили бичи без затей, божьих дней не замечая.

Катаклизм же, кажется, всякий прошедший день примечал, будто он для него что-то значил, и очень уважал индийский чай магаданского развеса. Видимо, ещё со времён отсидки, про которую он никогда ничего не рассказывал. Правда, заваривал нехитрый чифирок только поутру, вечером же, напялив свои покоцанные окуляры, принимался за изучение спёртых откуда-то журналов. В такие часы, поглощая научные статьи и фантастические очерки, Катаклизму, наверное, хотелось увидеть и в собственной непутёвой жизни нечто необычное, поверив в то, что всё ещё в ней может измениться.

- В чём суть жизни?! – в порыве минутного вдохновения, вдруг обратился он однажды к бичам, театрально взмахнув зажатым в руке журналом, так что те, от неожиданности, замерли с открытыми ртами. – Что представляет собой это невероятно чудесное явление?

Лицо у него при этом было настолько одухотворённым и счастливым, что извечно блуждающая на губах Шо-Шо ироничная ухмылка тотчас спала.

- Вопрос, конечно, не терпит отлагательств, и требует пояснений, - в деланном недоумении прошепелявил он.

- Как и полагается быть среди интеллигентных индивидуев, - подхватил словесные выкрутасы Шо-Шо Чимуха. – Не колхозники какие-нибудь.

Шо-Шо криво улыбнулся.

- Так чего же не достаёт человеку для счастья в этом хаосе мирового прогресса, - взывал к справедливости Катаклизм. – Как избавиться ему от душевного изъяна?

- И действительно, как? – подстраиваясь под жизнеутверждающий настрой Катаклизма, пытался сострить Чимуха. – Мы понимаем свою беззащитность перед свершающимися в мире событиями.

Издевательская ухмылка тотчас нарисовалась на физиономии Шо-Шо, и он небрежно обронил:

- Продолжайте, профессор, о смысле бытия, раскрывайте нам, отщепенцам, высокие горизонты.

- Жизнь – просто феномен, на который нет ответа! – вдруг огорошил своих слушателей Катаклизм.

Чимуха, устремив восхищённый взор на Катаклизма, от переполнявших его душу чувств даже зажмурился, а потом выдавил из себя:

- Не дивят меня странности жизни, а удивляют люди, которые их не понимают, и над ними потешаются!

- Один Бог всё знает и видит, да нам не сказывает, - пытаясь изобразить почтительное отношение к обсуждаемому вопросу, вкрадчиво добавляет Шо-Шо. – Придёт пора, что вся правда скажется!

- Человек так устроен, что скорее всё самым тщательным образом в других разглядит, порой – самое нутро, чем что-либо путное в себе увидит, - не обращая внимания на усмешки, наставляет Катаклизм.

- И что есть лучше всего?

- А то, чего нет ни у кого, только у тебя!

- Менять привычное на неизвестное завсегда боязно, - со знанием дела поддакивает Чимуха. – Люди смерти остерегаются, в рай просятся, а в ад с головою лезут, ничего не боятся.

- Бойся, не бойся, - конец один.

- Многие люди почему-то даже не хотят видеть то, что есть на самом деле, - не слушая никого, продолжает увещевать Катаклизм. – Они одержимы только тем, как, по их разумению, должно быть.

- При ести, получается, грош медный, а нет – серебряный?!

- А в основе всего – страх, что на тараканьих ножках бродит.

- Самое важное, между тем, скрывается за фасадом обыденной жизни: рядом с тобой происходит что-то особенное, интересное, но ты не обращаешь на него внимания, - гнёт свою линию Катаклизм.

- И всё из-за той же боязни изменить свою жизнь! – подстраиваясь под него, канючит Шо-Шо. – Как все мы… Живём, будто нас и не было.

- Надо жить так, други, чтобы подтвердить свою самостоятельность… У человека есть всё для этого, он только не желает им воспользоваться. Остальное не играет никакого значения. Знай себя самого!

- А мы-таки и есть единственные в своём роде! – с кривой усмешкой радуется неизвестно чему Шо-Шо.

- Не-е, бродяги. Таинственность жизни означает, что нет никакой возможности её разгадать… Где душа бродит, конечно, неизвестно, но коли нам суть жизни понять не дано, можно ведь её и на своём опыте пережить! – вдруг озаряет Чимуху.

- Ну, да… Ровно, как ты её пережил… Или забыл?!

- Не помнящие себя признаны нашим государством как особый разряд бродяг… Это, конечно. Но разве бродяге, что по свету шатается, не ведая порой – ночь на дворе или день, не заказано душещипательный вопрос жизни разгадать?

- И страждем, и скитаемся, - уныло промолвил Катаклизм. – А всё же прав Чимуха: можно ведь жизнь пережить и по-своему. Через своё переживание ты всё равно придёшь к какому-то пониманию… Например, к тому, что жизнь может обернуться совсем не так, как ты ожидал, но именно в этом её неожиданном сюрпризе и есть замечательная простота.

- Хороша та простота, что искренна, а значит – правдива, - обрадовался вдруг Чимуха.

- Правда, само собой, превыше всего! – довольно улыбается Катаклизм. – Без правды жить легче, да помирать тяжело.

- Ну, ты, Катаклизм, на правду – чёрт! – заявил развеселившийся Чимуха.

- А что есть правда-то? – удивился простоте своего вопроса Шо-Шо.

- Правда, наверное, то, что переживаешь сам, - нерешительно высказал предположение Катаклизм. – То знание, которое приходит к тебе в результате этого переживания.

- Получается, правда – сугубо личное состояние? – ещё более поразившись своей догадке, неуверенно промолвил Шо-Шо.

- И значит, делает человека свободным, - утвердительно воскликнул Чимуха. – Вот тебе и счастье!

А счастье, между тем, со всей своей пугающей очевидностью, миновало существование у самого моря нашего дружного «Интернационала»… Его там, если быть честным, и не было, только теплилась махоньким огоньком робкая надежда на то, что огонёк этот вовсе не затихнет. Теплилась в сердцах четырёх неприметных бичей их маленькая

большая жизнь, о которой они, казалось бы, ничего не ведали, честили на чём стоит свет, страшились её, и всё-таки – любили… Любили, как могли, и не будем их судить за то, что они прожили свои жизни не так, как бы им, наверное, хотелось…

Задайте вопрос себе: довольны ли вы собственной жизнью, смогли ли реализовать своё истинное «я», приблизились ли хотя бы к нему? Вряд ли ответ у всех окажется утвердительный, а потому – не осуждайте никого, каким бы неудачником этот человек вам ни казался, поверьте, что ему, действительно, могло просто не везти, удача была не на его стороне, и в какой-то момент у него не хватило сил противостоять несправедливости… Поддержите, если сможете, заблудшего человека, добрым словом, будьте снисходительны к одинокому существу – всем хорошо знакомому российскому бичу, робко, но надёжно охраняющему дальние, быть может, ещё никем и не пройденные, кроме этих самых бичей, рубежи нашей бескрайней родины!

Спросите: как им это удаётся? И я отвечу: самим своим незатейливым, но каким-то завораживающим ваше внимание существованием, вопреки всякому здравому смыслу, когда, кажется, человека уже ничто не может удержать на этой бренной земле, а он, между тем, продолжает зачем-то противостоять жизненному неустройству.

Только на просторах нашей необъятной родины, со всеми её самыми невообразимыми передрягами, что не миновали, в первую очередь, людей, пополнивших великую армию бичей, совершалась диктатура какой-то измученной, выщербленной, но не изничтоженной до конца совести. Эта совесть позволяла бичам зачем-то продолжать свой неприметный и несуразный путь, вернее будет сказать – жалкое прозябание, в котором беззащитно распахнутая, не смиряющаяся со своим незавидным положением израненная душа кровоточила, но не сдавалась.

Душа бича, призванная, неизвестно зачем, мучиться и страдать, лишалась памяти, теряла сознание, но цеплялась за теплящийся в себе огонёк. Она уже миновала все свои уничижительные угрызения, испытала покаяние, не принимая этого мира, но не покидала его. Глядя на бича, возникало сомнение: а сохранилась ли она вообще в этом тщедушном бренном теле, и если да, то в чём ещё держится? И как-то само собой приходило понимание, что не позволяла растаять заблудшей душе именно совесть, пока та с Богом беседует. В чужую душу, как говорится, не влезешь, тем более – в душу бича. Она – темнее потёмок.

Накопленное в течение своих жизней знание теперь не приносило им ничего полезного. Что было толку в многострадальном тюремном опыте Катаклизма, его умудрённых взглядах на жизнь, вычитанных из книг, в том, как точно умел пролагать для своего судна путь в море Чимуха, или в умении Шо-Шо удачно предугадывать отёл у беременных маток, избавляя их от излишних мучений? Ведь своего поведения по отношению к жизни они изменить уже не могли, для этого просто не хватало ни физических, ни

душевных сил, и самое лучшее, чего они могли – это желать, чтобы завтрашние неудачи не становились больше сегодняшних. Бичи научились довольствоваться малым и радоваться ему, оставаясь обычными доходягами.

Слёзы не имеют запаха разложения, они – свидетельство мучающейся, израненной, но ещё пока чувствующей души, зачем-то одолевающей каждый божий день, чтобы он сменился на такой же, ничем не отличающийся от предыдущего, но почему-то представляющийся в воображении бича более удачным… Да и можно ли было назвать это сообщество опустившихся людей «дружбой», что, наверное, как раз не зарождается в нужде, а только – в достойных человека испытаниях, возникающих, как правило, на пути постижения себя и мира. А члены «Интернационала» оказались, как раз, в беде, в бесчеловечных условиях жизни, ими же самими для себя избранными, и разве можно было назвать эти отношения «дружескими»? Нет, в настоящей нужде человек остаётся всегда один, эти четверо оказались лишь случайными попутчиками в своём одиночестве, и кто знает – где находятся пределы человеческой выносливости и моральной силы?!

Вероятно, всё это таится за пониманием того, что память сохраняет в себе только хорошее. А хорошее – это дружба, когда, собираясь после долгой разлуки, полюбившие друг друга мужчины с радостью встречаются друг с другом, им приятно вспоминать приключившиеся с ними в жизни тяжёлые испытания, и они, конечно, не стыдятся вспоминать своё героическое прошлое. Они счастливы, что это прошлое в их жизни случилось, а всё нелёгкое забылось. Бичам же нечем было похвастаться, и они пребывали в забвении себя.

Я не знаю ни одной социальной прослойки нашего общества, которая бы умудрилась сохранять удивительное равновесие, изо дня в день ступая по лезвию бритвы. Как бы эти люди не хорохорились, я видел, что они презирают себя за такую жизнь, зная – им уже не выбраться из этого болота, они почти потеряли лицо, переводя причину бед и своего заблудшего состояния на государство или его представителей, демонстрируя тем своё неприятие каких-либо законов. Они были убеждены, что государство прошло мимо, когда им требовалась его поддержка, но и с себя ответственности не снимали, понимая: долг твой, ни при каких обстоятельствах, не проявлять слабость, не допуская душевного изъяна, но разве всякий из нас способен на решительность, отвагу и терпение, когда это от нас, действительно, требуется?

Видимо, глубоко скрытое нравственное чутьё подсказывало этим угасшим людям важность сохранения сердечного цветка, побуждающего их ещё тянуться к истине и добру, и они изо всех сил тянулись, боясь окончательно заглушить свою совесть. Робко начиная каждый последующий день, они, наверное, надеялись, что всё-таки существующий, по их мнению, Бог – это для них и есть добрая весть, ибо в ком стыд, в том – и совесть.

Кто были для меня эти люди?

Жизни их не состоялись, семьи не сложились, жёны и дети, если они когда-то и были – теперь не с ними, и всё же в них не угасал огонёк неизведанной душевности… Что же его поддерживало?! И вдруг я понял, что эти люди – сегодняшние безликие бичи, всё-таки имели своё лицо, по-своему, несмотря ни на что, жаждали истины со справедливостью, и я был признателен им за то, что они меня не оттолкнули…

Эх, телогреечки-душегреечки, бесприютный корявый народец! Сколько их, никому неизвестных и несчастных бичей, сгинуло на невидимых фронтах этой затянувшейся жизненной неразберихи, когда человеческому в человеке не уделялось внимания, когда «добродетель», лихо подбоченясь красивыми словами, проскакивала мимо, ненароком зацепив в толпе уверенным плечом неприметную телогреечку, так и не расчухав при этом, что собственное тело греется кое-как, а душа давно уже закисла на дне старого бездонного колодца… Сколько такого, позабытого всеми люда развелось по глухим, самым неизведанным закуткам нашей необъятной родины… Сколько их накопилось и продолжает копиться – людей с душевным изъяном, мимо которых пройти, не поняв, нельзя, если в тебе ещё не умерло человеколюбие, и если ты не равнодушен к судьбе своей страны.

Так, живя ожиданием у самого моря, я искал для себя ответа в надежде, что всё рано или поздно изменится к лучшему, и та таинственная птица, которую невозможно утопить в небесной глубине, лёгкой розоватой дымкой когда-нибудь всё-таки зависнет в сером свете полярного дня, спасёт ото всех бед, и прояснит, наконец, что-то главное в моей жизни… И так неожиданно и страшно было встретить это горе здесь, у моря, которое уже само помогало по-иному взглянуть на жизнь у него и понять, что вода в нём неспроста такая же солёная, как людские слёзы.

«ПОЧЕМУ НЕРОН БЫЛ КРОВАВЫМ?»

Отход судна в море – это событие, это всегда мучительно для портовых властей и сопряжено с неимоверным количеством препятствий, какие им приходится преодолевать, чтобы экипажи благополучно отправились в рейс. Отход – это нервы, напряжение, даже некоторая растерянность и бесшабашность, и требуется необходимое время, чтобы страсти улеглись, и команда пришла в соответствующую для работы форму. К тому же, ожидание отхода судна всегда сопровождается неприятно действующей на общее состояние личного состава неизвестностью, которую преодолевали многие поколения тех, кто хотя бы временно связывал свою жизнь с морем.

Наше судно стояло на рейде, команда рвалась на берег, но портовые власти были иного мнения на этот счёт. Новогоднюю ночь экипажу предстояло проторчать на окутанном морской темнотой судне, за которым, к слову сказать, в порту ходила слава невезучего. Правда, из этой худой славы команде, с божьими молитвами и непрекращающимися прибаутками, всегда удавалось выкарабкаться, нередко даже добиваясь высоких выловов, но невезение, всё же, какое-то время не забывалось.

На этом судне мне предстояло впервые выйти в море, и только через несколько лет я осознал, что так называемое невезение, надёжно закрепившееся за каким-либо судном, есть ничто иное, как наилучшая форма преодоления неожиданностей, которые несёт с собой море. Глубоко осознанное и не раз пережитое состояние, позволяющее экипажу наиболее благополучно справиться со злым роком, стихией и собственной слабостью.

Испокон веков суда уходили в бесконечность неизведанного морского пространства, с надеждой обрести там долгожданный жизненный уют, какое-то нескончаемое счастье, которого не доставало на земле. Как будто за расплывающимся и всё время удаляющимся горизонтом находилась удивительная страна, куда мог попасть каждый моряк, как только он покидал берег. Я был счастлив, что и мне, вместе с этими простыми и замечательными людьми, выпала возможность побывать в ней. Кто знает, думал я, что ждёт меня в этой неведомой стороне, но в душе моей неотступно звучал зов неизведанного, а тяжело ворочающееся в темноте море бормотало что-то неразборчивое под самым боком, уравновешивая монотонностью своих звуков мои неуравновешенные мысли.

На душе было необыкновенно привольно и радостно: я теперь живу собственной жизнью! Я пересёк всю страну, чтобы оказаться здесь, на краю света, и вот-вот отправлюсь в какое-то захватывающее путешествие, конечно, полное приключений, и от всего этого меня переполняет гордость перед самим собой, что я решился на него, преодолел свои страхи, и вот теперь море готово принять меня в свои объятия…

Я даже не думаю об оставленном доме, родных, всё это – моя прежняя жизнь, что ничего уже для меня не значит. Главное – я у моря, на судне, что

понесёт к незабываемым открытиям, и я стану насквозь морским, море проникнет в меня своей тайной и захватит с собой, а я ему с радостью отдамся. Отдамся на волю волн, что помчат меня в долгий путь, я знаю – трудный, и мне хочется поскорее расстаться с этими покатыми угрюмыми берегами, портовыми постройками, застывшими в постоянном ожидании морских вестей «гансами», с брекватером и замершими на нём толстыми сивучами…

Что за страсть живёт во мне, так неудержимо влекущая в неизвестность, несмотря на какие-либо трудности призывающая прямо сейчас, безо всяких прощаний, отвалить от пирса, и не возвращаться к нему целых полгода! Страсть, несомненно, созидательная, пронизанная настоящим морским духом, в котором есть и немножко печальное, и отчасти тревожное, но более всего – радостное, переполненное восторгом дальней морской дороги…

Что заставляет человека устремляться вдаль, забывая родных людей, но соединяться с другими, совершенно незнакомыми, и представляющимися сейчас самыми дорогими? Они заняты знакомым им делом, которое выполняют с воодушевлением, и ты тоже тотчас заражаешься заведённым здесь исстари морским порядком, с удовольствием наблюдаешь за этими людьми, стараясь быть похожим на них, и думаешь о предстоящем плавании и нелёгкой морской жизни.

Но ради чего?! Наверное, только за тем, чтобы видеть море, вдыхать его запахи, будоражащие сердце больше, чем любовь, подставлять грудь безудержному морскому ветру, а плечо такому же работящему морскому человеку, если того потребует своевольная водная стихия… И при этом чувствовать себя частицей моря, нерасторжимой с ним ни при каких обстоятельствах.

Ах, как это чудесно, жить во имя самой жизни, да ещё пребывая в содружестве с морем! Если долго находиться в нём, то будто проваливаешься в бездонную пучину, теряешь чувство времени, и душа твоя уносится с безудержными чайками за линию горизонта, что то взлетает, то опускается, и вновь взмывает в глубовато-стальную вышину… Хорошо, дремотно, и ни о чём, кроме моря, не хочется думать.

Не в состоянии уже что-либо предпринять, я мучительно высиживал эти последние часы ожидания здесь, между сушей и морем, и думал о том, что там, за колеблющейся линией горизонта, через которую, верилось, можно переступить, целую зиму и всю весну будет безбрежная вода, льды, солнце и ветер, много рыбы и тяжёлой работы, и всё это предстояло осознать… Воображение беспрестанно путалось, прорываясь куда-то сквозь возбуждённые оклики матросов, вынужденных так же, как и я, мучиться неведением, гулкий топот ног, мерно подрагивающие переборки. Последняя ночь ожидания у моря незаметно накрыла своим тёмным, волнующимся покрывалом, и погрузился я в тревожное забытье только перед самым рассветом.

Утро выдалось хмурое, седое. Густое, как студень, неопределённого цвета море еле перекатывало небольшие тягучие волны, увенчанные белыми барашками, и с тяжёлым вздохом ухало в борта, над которыми низко кружили чайки. Несильный ветер легко поддерживал их расправленные крылья, в упругую, холодную воду сеялся мелкий снег. Несмотря на непогоду, ощущение мрачности, уныния море не вызывало. И в такое утро в нём чувствовалась жизнь.

К назначенному сроку все члены экипажа собрались на верхней палубе. В натянутых на телогрейки рыбацких робах, в напяленных как попало шапках-ушанках с кожаным верхом - рыбаки выглядели неуклюже. Опухшие лица многих светились заботой.

То и дело закуривая, глухо покашливая и зевая, один за другим они расходились по местам, заговаривая и посмеиваясь между собой вполголоса. Вплотную прижатые к холодным стенкам причала, озабоченно вздыхали истёртые автомобильные покрышки. Из провожающих никого не было видно.

Не обращая внимания на холод, в распахнутой форменной курточке капитан стоял наверху и отдавал какие-то последние распоряжения. Ветер раздувал его русые волосы, закидывал галстук за спину, уносил отдельные слова. Время от времени капитан исчезал в загадочной темноте рубки. Без его маленькой фигурки белая громадина эстээра казалась неуправляемой.

Но вот мотор муторно и жутко застучал, судно потихоньку отработало от стенки, берег плавно двинулся от нас – сначала медленно, а потом всё быстрее, так что стали видны все дома спящего Невельска, и через какой-нибудь час город вовсе исчез из глаз.

Море встретило ещё не виданным привольем и безудержной силой.

Судно неспешно взбиралось носом на волну, двигатель тарахтел так, что маслянистые переборки отбрякивали сумасшедшую музыку, вода под упрямым носом шипела и пенилась… Над морем рождался новый день.

Палуба была опрятно и упорядоченно перегорожена сепарацией под будущий улов и таила в себе еле уловимый запах промысла. Знать его я не мог, но почти угадывал чутьём слабые и нежные волны, исходящие от пропитанных с прошлого рейса жиром и кровью измочаленных досок. Посвист ледяного ветра застревал в высоких судовых снастях и, запутавшись окончательно, рьяно пытался вырваться. Трюм был забит аккуратными грудами новеньких рыже-зелёных тралов, ещё пахнувших берегом и сетепошивкой, что предвещало удачное начало рыбалки.

Всё судно, от кормы до носа, сияло чистотой и порядком, двигатель работал исправно, а в упругой глубине мягко гудел гребной винт. Машина, рубка, ходовой мостик стали в момент рабочими, засветились размытыми огнями, и двадцать четыре человека превратились в хорошо отлаженный механизм, который тотчас закрутился, окунулся в радостную и

долгожданную повседневность. И даже надстройки, зачехлённые шлюпки по бортам и спасательные плотики, весь этот, ставший на полгода родным для нас мир, вдруг неожиданно ожил в сером утреннем свете.

Забегая несколько вперёд, замечу, что обычно, когда уже скрывается из глаз еле приметная земля, на лицах людей нельзя не приметить изображения некоей растерянности, даже уныния, когда они пристально вглядываются в удаляющийся берег, что вот-вот скроется за горизонтом. Мне же сейчас почему-то не доставляло какого-либо неудовольствия удаление от земли. Наоборот, я был счастлив и переполнен самыми приподнятыми ощущениями и мыслями, уходя в бескрайнее водное пространство. Здесь, в море, на душе, как ни странно, становилось удивительно покойно, а дышалось более легко, чем на суше.

К полудню немного просветлело. Снег по-прежнему нещадно сёк воздух. Маслянистые плотные волны, тяжело вздымаясь, медленно ухали вниз, оставляя пенистые островки. Столбики пузырьков, с шипением устремляясь в глубину, придавали воде изумрудный оттенок.

Чайки, полновластные хозяева здесь, чувствовали себя совершенно свободно. Зависая в нескольких футах над колеблющейся поверхностью, они реяли так некоторое время, затем, плавно бросаясь вниз и изламывая крылья, усаживались на воду и снова взмывали, чтобы бумерангом возвратиться на прежнее место. Резкий порывистый ветер стремительно кружил охапки снежных конфетти, а белёсое небо как будто опрокинулось в море.

Я ещё долго не покидал палубы, нет-нет да выглядывая в распахнутую дверь, но ничего особенного не происходило. Судно набирало узлы и уходило в неприютное январское море, не оставляя никаких надежд на скорое возвращение. Первое оживление спало. Кругом было море, небо, горизонт, и требовалось немало усилий, чтобы осознать всё это, постигнуть новую неведомую жизнь, вдруг открывшуюся передо мной.

Впервые попав на судно, я сразу заметил некоторое недоверие к себе, порой доходящее до явной недоброжелательности со стороны членов экипажа. В некоторой степени такое отношение можно было объяснить: осторожность всегда была присуща простым людям наряду с самой открытой прямотой. Стараясь не выделяться, я делал свою работу хорошо и не ограничивался только ею. В мои обязанности так же входило жить жизнью экипажа, неукоснительно соблюдая веками установленные законы, которые вступали в силу тотчас после отхода судна. Но многого я ещё не знал, а потому не всё и не сразу у меня получалось.

Как только судно снималось с якоря на рейде, люди удивительным образом изменялись, независимо от того, к какой части экипажа – палубной команде или командному составу они относятся. Всё, что было возможно в отношениях людей на берегу, теперь частично или полностью исчезало.

Я чувствовал натянутое отношение к себе, а для уверенной, спокойной работы, тем более в таких условиях, очень важны дружеские, добрые отношения, и такие отношения у меня очень быстро установились с одним членом экипажа, временно разжалованным из штурманов в матросы за какую-то дисциплинарную провинность. Он так никогда и не рассказал, что это была за провинность… Проступки на рыболовецком флоте не редки, и связаны они чаще всего с нелёгким трудом в море и лихим характером людей, работающих там.

Вчерашнего штурмана звали Сашка Редуньков. Было ему за тридцать. Тучный, кажущийся медлительным вне работы, он преображался на палубе. Жил он в каюте с боцманом, и это сожительство послужило вскоре для меня новым занимательным откровением из нашей судовой жизни.

Главным образом нас сблизила тяга к истории, но в дальнейшем эти отношения вышли за рамки только лишь околоисторических бесед и приобрели характер более широкий, который устанавливается по прошествии определённого времени, необходимого для достаточного узнавания друг друга.

Редуньков где-то совершенно случайно узнал, что у меня высшее историческое образование, и однажды, затащив к себе в каюту, налив полстакана водки и заставив опорожнить его, тут же открылся, что ему уже давно не даёт покоя одна историческая загадка.

К слову следует заметить, что спиртное на любом рыболовном судне имеет несказанное значение для нормальной жизнедеятельности всего людского механизма, который от него никоим образом не расстраивается, а, по-моему, только становится ещё более жизнеспособным. Водку пили везде и всюду с самого утра и до позднего вечера, словно это был чай. Никто не прекращал работы, не буянил, ну если только самую малость, не оставлял до строго установленного времени своего места и, главное, не терял разума. Мне начинало казаться, что этим людям после скуки портовой жизни необходима постоянная душевная раскачка, и водка дарит забытые ощущения трудностей, которые им в недалёком будущем вновь придётся переживать.

- Ты мне вот что представь, - сконфуженно проговорил он.- Жил в Древнем Риме такой император – Нероном звали. Отчего его Кровавым кличуть? Не скажешь?

В его глазах светилось такое нетерпение и мольба, что я, не успев очухаться от выпитого, и поперхнувшись, поспешил восстановить в памяти образ римского диктатора.

От напряжённого ожидания, выпитой водки и волнения, которое Редуньков испытывал из-за деятеля времён Римской империи, физиономия его покраснела и на лбу выступила испарина. От взлохмаченной макушки до измазанных кирзачей был он в этот миг – воплощённое внимание.

- Мать этого самого Нерона была женщиной властолюбивой, и это не могло не сказаться на её отпрыске, - поднапрягшись, начал я. – В те времена

мамаши, попросту говоря, не имели возможности тешить себя Бенджаменом Споком, а потому испорчен он был, значит, с детства. Когда же малыш стал императором, то всеобщее поклонение окончательно вскружило ему голову. По натуре он был довольно крутым парнем и беспрестанно давил на корню общественное недовольство, а также заговоры завистников, умножая, таким образом, свои кровавые деяния. Ему ничего не стоило отравить своего единокровного брата, претендовавшего на трон, а затем угробить родную мамашу, чтобы уж совсем развязать себе руки от родственных уз.

Редуньков с затаенным дыханием внимал каждому моему слову. На его бордовой физиономии теперь уже отражалось негодование к ненасытному угнетателю.

- И матушку не пожалел, - до побеления в суставах сжав пустой граненый стакан, выдохнул он и, тут же ухватив свободной рукой бутылку, бухнул в него изрядную порцию. – Ну-у, зверю-ю-га!

- Не погнушался он и своим учителем, знаменитым философом Сенекой, - уже войдя в раж, подытожил я императорские зверства.

- А воспитателя-то пошто?! – весь подобравшись и выпучив глаза, взревел Редуньков, и огромный красный кулак с грохотом опустился на стол. – Как его, убивца, земля, опосля, носила?

Я никак не ожидал подобной реакции и, стараясь быть сдержанным, попытался хотя бы немного угомонить своего собеседника и подвёл рассказ к благоприятной развязке.

- В конце концов, - сказал я, - Нерон зарвался и ихний сенат объявил его «врагом Отечества». Ему ничего не оставалось, как бежать из столицы и наложить на себя руки. Что он и сделал.

Пожалуй, ничто другое в этот момент не могло обрадовать Редунькова так, как это известие. У него, кажется, даже слезу прошибло. Он широким жестом долил мне водки, остатки выхлестнул себе и, положив тяжёлую руку на моё плечо, дружески произнёс:

- Вот что, парень, хочу я тебе заметить. Вижу – грамоте ты научен. Силён, прямо скажем, в науках. Так ты подсоби мне по книжной части, то есть – бумагу составь. Времени у нашего брата, сам видишь, кот наплакал. Ну, а уж я тебе всё нашинское ремесло разложу, и ежели какая помощь потребуется – прямиком ко мне. Вмиг, как говорится, просвещу. – И заграбастав могучей пятернёй стакан, он одним махом опрокинул его содержимое себе в глотку.

С тех пор Редуньков не отступал от меня ни на шаг, донимая иной раз даже в ночные часы. Однажды он порядком приложился к припасённой ещё на берегу заначке. Обычно припрятанное на экспедицию «горючее» выпивалось ещё до отхода судна, в чумном угаре расставания с землёй и друзьями, и сохранить что-либо хотя бы до следующего дня не представлялось возможным по той простой причине, что если француз последней рубашки никогда не пропьёт, то наш русский мужик очень даже может. Но Редуньков каким-то образом изловчился и сберёг.

Так вот. В один из серых будничных дней перехода в район лова, обуреваемый тоской и тягой к искусству, Сашка Редуньков, не наблюдая никакого просвета, прикончил последние припасы шнапса, и, достигнув желаемого состояния духа, в два часа ночи завалился ко мне в каюту, слёзно прося процитировать нетленные строки персидского поэта Омара Хайяма.

Вернувшись после трудового дня в каюту, измученный и опустошённый изнурительно-нудной работой и непрекращающейся качкой, от которой мозги становились словно фарш, я испытывал единственное желание – добраться до своего ящика и завалиться спать, а потому я долго приходил в себя, пока понял, чего он от меня добивается. Разобрав, наконец-то, я был обрадован неудержимым стремлением Редунькова к поэзии и прочитал ему наизусть одну из газелей поэта, замысловатая мудрость которой о несказанном достоинстве вина совершенно повергла разошедшегося моряка.

Он долго стоял, не шелохнувшись и устремив на меня преданный взор, затем, размахнувшись, стукнул себя кулаком в грудь, но ничего не сказал, видимо, от переполнявших душу чувств, замотал головой и, покачиваясь, удалился. Я попытался заснуть, но это мне не удалось. Так до шести утра и провалялся я в темноте с открытыми глазами, пока вахтенный матрос не поднял меня.

Начинался очередной нелёгкий день, и при мысли об этом накатывала жуткая тоска. Впереди предстояли бесконечные месяцы в безбрежном океане, монотонная работа, усталость и пустота. Такие чувства одолевали именно ранним утром, зимой, когда я с содроганием выскакивал из-под тёплого одеяла в холодную темень и, натаскивая на ноги стоптанные липучие кирзачи, и ещё окончательно не проснувшись, уже предчувствовал путешествие в отсыревший заржавленный кормовой трюм за овощами, до которого требовалось добираться по неосвещённой качающейся палубе.

Все в это время ещё спали. Бодрствовала только вахта.

В трюме всегда было промозгло и слизко. Две зарешёченные лампочки тускло освещали лишь центральную часть, оставляя в тени серые углы. Прямо посередине был свален запасной трал, а по краям, у стенок, теснились железные бочки с маслом и мешки с овощами. Я не представлял, как могут сохраниться овощи в подобных условиях, а поскольку другого места для них найти второму помощнику не удавалось, приходилось время от времени перебирать мешки, что было занятием малоприятным.

Если бы я знал, чем грозит мне отсутствие крахмала и капусты в будущем, то не покладая рук, ещё более бережно перекладывал бы каждый овощ, часами не поднимаясь наверх. Но по своей неопытности я не мог этого знать. Второй помощник, который отвечал за весь провиант на судне, обязан был хотя бы раз спуститься вниз, чтобы собственными глазами убедиться в плачевности ситуации. Но он пренебрёг этим и, к тому же, не слишком серьёзно отнёсся к моим неоднократным стенаниям. Всё это привело к тому,

что старший механик судна, именуемый на флоте, независимо от возраста, дедом, неожиданно для всего экипажа лишился одного переднего зуба.

Дед тут же во всеуслышание заявил, что на судне началась цинга и повинен в приключившейся беде никто иной, как матрос-уборщик. В качестве доказательства он каждому совал под нос свой зуб и при этом многозначительно поводил глазами. Наглое предложение старпома выбросить «эту дрянь» за борт дед воспринял как личное оскорбление, расстаться с зубом не пожелал и схоронил его в спичечной коробке, которую я, по незнанию, выкинул вместе с мусором, убирая его каюту. Видно, одна только мысль о вероятности того, что его зуб может валяться на дне холодного Бристольского залива, неподалёку от какой-то там Аляски, казалась старшему механику кощунственной…

Когда же он узнал о бесстыдно совершённом варварском акте, то невзлюбил меня ещё больше, при всяком случае вздёрнутыми бровями давая понять крайнюю раздосадованность моим поступком. Каюту с тех пор он стал убирать сам, каждый раз, при уходе, запирая её на ключ, и даже простил своему соседу – второму механику, что тот у себя под подушкой прятал мешочек с чесноком, счастливым обладателем коего являлся. В глубине души я всё же вины за собой не признавал и относил потерю зуба на счёт психованной должности стармеха, за которой тот ничего, кроме здоровья судовых механизмов, не помнил. А вскоре постоянные неполадки в машинном отделении перенесли его вражду на подчинённых ему механиков, и он вовсе забыл о моём существовании.

Так вот, в этот самый трюм, с намертво захлопывающейся дверью и небольшой квадратной шахтой, вёл узкий громыхающий трап. Но прежде чем спуститься по трапу, необходимо было отдраить не всегда поддающуюся дверь. К тому времени, как мне удавалось отворить её, минимум пару раз сверху обрушивалась ледяная волна, так что в трюм я попадал уже наполовину вымокший и злой.

Четырёхметровый трап вместе с тесной шахтой был крайне неудобен для движения по нему даже с пустыми руками, и потому, протискиваясь вниз с дребезжащими вёдрами, да ещё в намокшей телогрейке, я опускался на дно трюма выжатый и ржавый. Но можно ли представить себе, как выглядел я со стороны и что ощущал, когда с ведром картошки пёрся наверх, честя на все корки всех и вся. Держаться за ступеньки трапа приходилось одной рукой, и в хорошие шторма это могло сойти за неплохой цирковой номер.

Главное – добраться до шахты, из которой уж при всём желании выпасть было невозможно. С горем и матом пополам вскарабкавшись до верха, я, совершенно вымотанный, прижимался лбом к холодному железу долгожданной дверцы и, тяжело дыша, отдыхал с полминуты. Однако же, пока я совершал круиз по трюму, постоянно окатываемая забортной водой дверца успевала так застыть на резком холодном ветру, что отпереть её одним плечом, стоя на тоненькой ступеньке с полным ведром картошки, было делом нелёгким. Приходилось осторожно опускать ведро на шаткую

ступеньку, прижимая его одной ногой к трапу и, упёршись спиной в заднюю стенку надстройки, а локтями – в боковые стойки, пытаться другой ногой и двумя скованными руками отвалить дверь…

Подобные упражнения обычно заканчивались опрокидыванием ведра, гулкой дробью рассыпающихся картофелин и душераздирающим бряканьем железа о железо. Потом всё стихало, и было только слышно, как глухо ударяются о борта тяжёлые волны, чуть поскрипывают внизу гуляющие бочки и мерно пульсирует в висках кровь. Я застывал на мгновение, прислушиваясь к биению своего сердца и к тому, что происходит внизу, а потом спускался и начинал всё сначала.

Самое ужасное было в том, что предстояло осилить несколько таких подъёмов. Но Альпы, как известно, надо брать, и я брал их – свои, маленькие, но такие же труднодоступные, хотя и менее прекрасные. Интересно, о чём думал тем холодным сентябрьским днём Суворов, когда вёл своих солдат по крутому склону к Сен-Готарду, находясь, всё время, на глазах неприятеля? Наверное, о том, что обязательно победит. Я тоже хотел победить, но для этого ещё нужно было собрать по скользкой палубе разбросанные качкой стылые капустные кочерыжки, с трудом преодолеть разбитую на секции для рыбы палубу и, увёртываясь от настырных обжигающих волн, пробраться на камбуз, чтобы встретить там гору грязной посуды, оставшейся после извечных ночных шатаний экипажа. Затем - спуститься в холодильное помещение и нарубить мяса, приготовить все необходимые продукты на день, почистить пару вёдер картошки, выполнить неимоверное количество необходимых мелочей и, разбудив кандея, приняться за тщательную уборку всего судна, начиная с кают комсостава.

Это была лишь часть вверенных мне утренних обязанностей. И однажды я подумал, что после них вполне бы мог перещеголять старика Нерона…

Помню, меня всегда злило равнодушное отношение к моим мучениям: света на палубе, когда это требовалось, не зажигали, ссылаясь на память; крутясь весь день как белка в колесе, я ни от кого не слышал ободряющего слова; старпом, как мне казалось, желал только унизить меня и завалить по горло никчёмной работой… Всё было против. Только позже до меня дошло, что так легче переносить все тяготы судовой жизни, что чем хуже – тем лучше для твоего же душевного здоровья, когда ты именно вынужден трудиться над собой. Несовершенство человека требовало строгости и дисциплины, особенно – в неординарных условиях моря, где порядок никогда дела не портил.

Я работал, стиснув зубы, уповая только на самого себя. И вот, когда казалось, что сил уже нет и больше не выдержишь, помощь всё-таки приходила и, как всегда, неожиданно: нахлынет прозрачным солнечным днём что-то неуловимое, защемит приятно в груди от пронзительного крика чайки, принёсшей на крыльях доброе известие из дома – письмо, или чья-то улыбка снимет груз с сердца. Так или иначе – она обязательно посещала тебя, эта

птица, птица-отрада, частицей которой было и море. А в птице почему-то всегда угадывалась розовая чайка…

Намотавшись за утро, я был полностью выжат уже к обеду. В эти утренние часы у меня было полчаса свободного времени, и я любил, забравшись на верхнюю палубу и закурив папиросу, смотреть на синее небо, море и белых чаек. Море – значительное и сумасбродное, с которым всегда было приятно иметь дело, по-прежнему дарило свои тайны, если ты хотел их видеть, обдавало пенистой свежестью дыхания, и я незаметно обретал знание и веру.

Жизнь опять брала своё, а значит, стоило жить, выполняя каждодневную, пусть и надоевшую, но нужную работу. Стоило терпеть эту опостылевшую обыденность и видимое к себе невнимание со стороны окружающих людей, стоило надеяться на то, что мечта – не пустой звук и когда-нибудь, наконец, приоткроется завеса над скрытым для многих людей смыслом, не существующим без дальней, дальней дороги…

Чем прекрасны путешествия?

В них всегда обнаруживаешь то, чего никак не ожидал встретить. Ты мечтал о чём-то ином, по твоему мнению – необыкновенно важном и интересном, не встретить его было невозможно: иначе – зачем путешествовать? Но вот, совершенно неожиданно, тебе попадается нечто абсолютно неожидаемое, и это самое неожидаемое, как потом обнаруживается, оказывается именно тем, чего тебе недоставало.

В этом – колорит любого странствования, казалось бы, редкий, необычайный случай, и всё же появление его – закономерно. Ты находишь то, чего, как правило, не ищут, а оно, тем не менее, приходит. Что это: действительно, случайность? Или, всё-таки, результат начатого тобой однажды поиска, завершившегося неожиданным открытием?

Наверное, и то, и другое, когда ты предан дороге, и ждёшь от неё самых невероятных открытий. И посещает вдруг простая мысль: как важно всё, к чему ты сейчас прикасаешься, и что составляет теперь твою жизнь! То, что ты взял на себя ответственность за собственную жизнь, чтобы она протекала достойно, в гармонии с самим собой и окружающим миром, приближает тебя к истинному осознанию Существования.

А осознание это возможно лишь после того, когда ты дорожишь своим словом, чего бы тебе это ни стоило; не сворачиваешь с достойного, пусть и нелёгкого пути, проявляя терпение и выдержку, когда, кажется, уже нет сил выносить напряжение; не боишься ничего, ясно осознавая, что иной дороги для тебя не существует, и поскольку ты сделал правильный выбор – не изменяешь себе; ты остаёшься верным самому главному в себе – своей божественной душе, призванной к нескончаемо прекрасному путешествию, и при этом – непременно находишь себя в этой жизни, лучшее, что в тебе есть, и стараешься развить его максимально; не обращаешь внимание на непонимание, даже если оно исходит от близких людей – их судьба может быть совершенно отличной от твоей; относишься ко всем людям

уважительно, в каждом различая Бога, независимо от его способностей и положения, ибо невозможно успешно проживать свою жизнь, не замечая других, и ты делишься накопленной в себе энергией, которая неиссякаема, если отдаёшь её с радостью; не отчаиваешься, если терпишь неудачу в избранном тобой деле, потому как в любом случае обретаешь ничем незаменимый опыт; не перестаёшь изучать себя, поскольку это единственный способ преодолеть своё невежество и получить силу; не позволяешь себе находиться во власти ненужных вещей, невольно привязываясь к ним; не растрачиваешь понапрасну отпущенное тебе время и стремишься к изучению окружающей жизни постоянно, ибо это приносит глубокое удовлетворение и переживание радости.

Радуйся жизни, человек! Сколько же можно печалиться по поводу зимнего мороза, летней жары и осенней распутицы? А ещё – из-за нескончаемого волнения на море, безудержного ветра и бури! Может быть, ты всё-таки увидишь и почувствуешь, хотя бы во временах года, или – в волнующемся у скалистых берегов море нечто прекрасное и содержательное, присущее только им?

Осознай, наконец, что ты обладаешь удивительной возможностью радоваться всему этому обыкновенному чуду, на деле являющемуся совершенно необыкновенным. И даже печаль в жизни имеет свой глубокий и замечательный смысл, именно глубокий и покойный, позволяющий каждому из нас просто быть, оставляя после себя только радость и благо, любовь и сострадание, бескрайнее доверие к этому неповторимому Существованию.

«ЛИЦА НОВЫЕ – ЛИЦА СТАРЫЕ»

Весь январь и первую декаду февраля в иллюминаторе виднелось штормовое море. Выгибая свою упругую натруженную спину, оно несло сахарные закрученные барашки, перебрасывая сочные пенные хлопья с одной волны на другую, и глаза уставали от этой напряжённой бессмысленной слежки. В конце концов, всё сливалось в общую колышущуюся массу, неслось, взметая зелёные брызги, и жутко ухало в крутые скулы судна.

Ровно и глухо ревели моторы эстээра, взбирающегося порой на невероятной высоты океанскую волну, недолго тянулись по бушующей поверхности широкие, взбитые винтами, перистые крылья. Размеренный гул из машинного отделения вперемешку с монотонным дребезжанием пластиковых переборок перекрывал собой утробный рокот окружающей судно стихии.

Суровое северное море, потемнев от ярости, рождало бесчисленные бури, и сокрушающие водяные валы беспрепятственно бежали по его поверхности, разбиваясь о встречные корабли. Море неустанно трудилось, вскидывая к низкому серому небу рваные столбы пены, и нескончаемый грохот будто дробил на мелкие кусочки всё это бескрайнее пустынное пространство, неминуемо утопая в его холодных глубинах.

Сырая промозглая тьма повисла над океаном. На десятки миль вокруг не было видно ни одного огонька: лишь посвист ветра, шум волн, да жалобное поскрипывание судовых снастей.

Ежедневно улавливаемые антенной корабля метеосводки не приносили ничего нового: «Судам в море… Всем судам, находящимся на лове в северо-восточной части Охотского моря… Ожидается шторм… Шторм… Шторм… Направление ветра NNO… Сила 9-10 баллов… Всем судам укрыться в гаванях… Всем судам в море… Надвигается шторм…»

Море темнело, неестественно затихало. Отяжелевшие волны лениво ворочались за бортом, изредка заглядывая в задраенные иллюминаторы. Резкий неприятный ветерок пробегал по ногам и, зарываясь в тёмных закоулках судна, ждал там своего часа, когда можно будет вырваться на волю и в едином порыве слиться с непогодой, чтобы с ещё большей силой обрушиться на любую преграду.

Давление повышалось, и тяжёлый воздух, до предела насыщенный влагой, медленно оседал на палубу, залепляя собой стёкла рубок. Матросы, торопливо озираясь, крепили судовые снасти, шлюпки, груз. Неестественно помахивая руками, боцман отдавал какие-то команды, но ничего не было слышно: ветер подхватывал слова и, тупо ударяя о борта, уносил их в невидимую морскую даль. На мостике, за толстым стеклом, тревожно белело лицо капитана. Пристально вглядываясь в море, он заранее был серьёзен и твёрд.

Пока шторм раскручивался, захлёстывая корабли и прибрежные скалы белой шипящей накипью, то и дело тянуло в сон. Судно вздрагивало под тугими ударами волн, раскачивалось, ныряло в бездонную глубину и неожиданно взлетало ввысь, а состояние тупой отрешённости не покидало. В умопомрачительном вое, грохоте и треске безнадёжно ускользало желание что-либо изменить, поставить на место. Судно беспрестанно ложилось в креновые зигзаги – со стола летели тарелки, миски; море хлестало его торжествующе и зло, стремясь проникнуть внутрь судовых помещений; оно ликовало.

Всегда при этом почему-то происходило так, что какой-нибудь предмет оказывался незакреплённым, и тогда матросы пытались взять палубу штурмом, но каждый раз море отбрасывало их назад. Сгрудившись у выхода на палубу, они что-то кричали друг другу, в узких коридорах слышалась весёлая брань, а огромные водяные валы перекатывались через борта белыми потоками.

Расползаясь по палубе, словно живые, волны слизывали всё на своём пути, доски сепарации неистово скрипели, размочаленный такелаж сиротливо бился о гудящие переборки. И только когда всё было закреплено, улажено, судно как будто успокаивалось, приноровившись к неутихающей стихии, и волны начинали обрушиваться на него со строгой закономерностью, - ты понемногу привыкал к воцарившейся вокруг кутерьме. Но ещё немало воды должно было схлынуть с палубы, ещё долго не уходила из тела свербящая дурнота, пока ты начинал воспринимать мятущиеся за бортом волны без страха, даже когда они на глазах вырастали в оглушительно бурлящие горы.

Тело то падало куда-то вниз, делаясь вдруг таким лёгким, что я совсем переставал ощущать свой вес, то, наоборот, медленно поднималось кверху и становилось таким тяжёлым и набрякшим, что стенки койки плотно врезались в спину, не давая возможности даже пошевелиться. Когда же на море устанавливалась мёртвая зыбь, тело начинало неприятно елозить вдоль спального ящика: при скольжении вниз ноги, казалось, сплющивались и врастали в тело, причём туловище неумолимо продолжало сжиматься, затем оно медленно вытягивалось и, переворачиваясь кверху ногами, повторяло малоприятное сжатие, с той лишь разницей, что все внутренности подкатывались к горлу, а голова наливалась кровью и становилась чугунной.

Но хуже всего, конечно, выглядела попытка производить во время штормовой погоды какие-либо работы. Смело вооружившись ведром, шваброй, веником и совком, я отправлялся на палубу, которая, по мнению старпома, недостаточно сверкала чистотой. И к тому же не всегда была достаточно ощутима. Она неожиданно убегала куда-то из-под ног, так что я вместе со всеми своими причандалами зависал где-то под подволоком, а потом, когда неумолимый закон притяжения вступал в силу, палуба стремительно мчалась навстречу, в какой-то момент позволяя «прочувствовать» мощь всего судна. Столкновения эти были безрадостны, но

чем чаще они случались, тем быстрее я, в конечном итоге, преодолевал в себе неуверенность и страх.

Да, всё было именно так: жизнь незамысловато воспитывала меня этим же самым неуправляемым ведром, выматывающей душу болтанкой и крепким ветром, который без устали хлестал обжигающей морской пеной. Жизнь учила быть спокойным, ловким и простым, и не было на свете учителя более мудрого, чем море, а труд на нём закалял и просветлял вдвойне.

По палубе где-то грохотали тяжёлые сапоги, остервенело захлопывалась металлическая дверца, и всё стихало. В такие моменты умиротворение и относительный покой были так долгожданны и хороши, что тут же остро возникала потребность почитать. Вдруг пришедшее желание затмевало собой все впечатления трудного дня, охватывая душу искренней радостью. Состояние это было чудесно, непередаваемо.

Но какие книги взять с собой в рейс, учитывая, что другие уже не увидишь в течение долгих месяцев? Ален Бомбар, пересёкший Атлантический океан на резиновом плоту, причём, без продуктов, посчитал, что у него должны быть все жанры и захватил томик Мольера, полное издание Рабле в одном сборнике, Сервантеса, том Ницше, драмы Эсхила на двух языках, Спинозу, избранные произведения Монтеня… Для удовлетворения своих естественных нужд ему необходимо было пожертвовать какую-нибудь книгу… Он долго колебался и, в конце концов, пустил в ход – что бы вы думали? – томик Рабле, разрешив, таким образом, стоявшую перед ним проблему.

Среди бесконечности морского пространства и несмолкаемого штормового гула Конрад и Грин кажутся просто заблудшими путниками. Ничего здесь так не радует человека, как земные запахи и звуки. Притяжение земли ощущается в любой вещи, захваченной ещё на берегу, но рука, в первую очередь, непроизвольно нащупывает зеленовато-серебристый томик Бунина… Зачарованно перелистываешь плотные матовые страницы, и каюта тотчас наполняется криком засмеявшейся от удовольствия галки, душистым дымом сжигаемых вишнёвых сучьев или крепким запахом грибной сырости… Почему-то именно Бунин оказывался с тобой в рейсе, и именно он первым приходил к тебе в гости, а ты всеми силами пытался удержать его присутствие, не упустить этой внутренней тихой мелодии, которую рождало поэтическое сочетание простых и необыкновенных русских слов.

От земли веяло множеством самых разнообразных запахов и звуков, что теперь угадывались особенно остро. Вместе они возбуждали в памяти незабываемые воспоминания, и тогда море незаметно отходило куда-то, и солнечный душный жар, от которого кружится голова, и мир вокруг радостно немеет, постепенно заполнял собой каюту. Качающиеся, тяжёлые от пыли листья акации и тополей, пряный запах самой пыли, застревающий мохнатым комком в горле, и ещё особое, непонятное оживление, появляющееся с приходом тёплых летних сумерек, наполненных тишиной и

мягким шелестом перелетающих майских жуков, - всё это по-новому возникало перед тобой, и на душе становилось хорошо, покойно.

Почему-то чаще всего вспоминалась пора детства… И от того, как сухая, нагретая за день земля до радостной жути обжигала босые ноги, так же остро и ясно всплывали из прошлого полузабытые радужные картины.

… Вот среди тёмных загадочных елей раскинулось золотистое пшеничное поле. Здесь, в море, оно пахло особенно терпко, душисто и дышать от этого запаха становилось даже труднее. Я бегу куда-то, и прохладные, затвердевшие стебли прокалывают майку, лезут в глаза, рот, уши, закрывают обзор и тихо трепещут под распростёртыми руками.

Всё дальше, метр за метром, по этому бесконечному морю увесистых колосьев ныряю я к самым корням, будто в морские волны, но не нахожу ожидаемой свободы, слитности с таким живым и близким простором. Внимание моё обращается к застывшему над головой голубому жаркому куполу: от прогретой земли к нему поднимаются тёплые и сильные потоки воздуха, но и синее небо не дарит ожидаемого соприкосновения с воображаемым бескрайним морем.

В памяти всплывало ещё и другое поле, которое всегда тихо копошилось в себе самом, также еле слышно поскрипывало упругими жёсткими листьями. Подкладка листьев была нежно-салатная, и когда поднимался лёгкий ветерок, то среди белого солнечного блеска судорожно пробегали свежие зелёные волны. Стоя один в глуби запретного для мальчишек горохового поля, раскинувшегося за дальним от деревни косогором, я вдруг отчётливо начинал ощущать огромный простор земли: жаркую красоту её неба, неповторимую яркость цветов у края опушки и спокойную крепость черёмухи, откровенно растопырившей свои старые ветви возле заброшенной кузницы.

Тугие гороховые стручки приятно холодили кожу, рваная майка отвисала неестественно надутым, тяжёлым животом, и сквозь узкие отверстия в ней топорщились мелкими завитушками упрямые усики. Замирая на какое-то мгновение, можно было услышать размеренную полуденную тишину, повисшую на невидимой трели жаворонка. А подняв к глазам ладони и посмотрев через них на солнце убедиться – они сотканы из тепловатого, розового света. Всего, конечно, не перечесть, если лучшую пору детства ты провёл в деревне, и тебе были близки её откровенные и самые укромные стороны жизни…

За полтора месяца плавания у меня почему-то ни разу не возникало желания ощутить поблизости бесшумный ропот слепого дождя, его гладко-струйную прохладную плоть, приносящую покой и умиротворение. Озадаченный этим, на первый взгляд вполне заурядным открытием, я в то же время никак не мог представить себе радостное с детства событие здесь, в море. Виделось всё, что угодно, только не солнечный дождь.

Находясь в неохватных объятиях воды, вздувающиеся на её поверхности дождевые весёлые пузыри никак не воображались, и снова

вспоминалась деревня, детство и маленькая речушка, медленно катившая свои воды под полуразвалившимся мостом, с которого так хорошо клевала в дождь очень живая и прожорливая рыбка щеклейка…

Противоположный берег речушки, скрытый в туманной дымке, едва угадывался за раскидистыми ивовыми ветвями, свисающими к прозрачным струям. И хотя берег был совсем рядом – верхушки деревьев казались далёкими, недосягаемыми. Узкая полоска уже зеленеющего неба виднелась над горизонтом, отделяя темноту дождевых туч от земли, и от существования этой лазоревой дали на душе становилось надёжно и радостно. Никогда больше дождь не дарил такого восхищённого чувства, как в детстве.

А после дождя туман рассеивался, выглядывало солнце, и влажная летняя земля оживала. Леса, затаив дыхание, стояли умытые, цветы слабо шевелили чистыми головками, низины, наполненные живительной влагой, возобновляли свою скрытую от глаз таинственную работу. От разъезженных глиняных дорог поднимался парок, где-то облегчённо всхрапывала лошадь, и в сердце закрадывалось радостное понимание обратимости всего происходящего…

Человек в море пьянеет от дурманящего запаха земли, позабыв обо всём на свете, стремится к ней, и тогда к нему приходит одно из самых важных знаний, переживаемых в море: он начинает ценить то простое, чему не уделял должного внимания на суше. Это ощущение ценности обыкновенных вещей удивительным образом вдохновляет и подымает настроение. С особенным чувством переживаешь возможность исправить ранее допускаемое невнимание в отношении обыденных, но замечательных мелочей, ждёшь с ними встречи и с нетерпением предвкушаешь приближение сухопутной жизни, которую теперь, как тебе кажется, будешь ценить, воспринимая более мудро.

Ты уже по-особенному скучаешь о красоте земли, когда долго на ней не был, а вокруг только волны и небо. Душа просит этой земной красоты тем явственней и чаще, чем сложнее складываются в море обстоятельства. И тем желанней становятся ранее не замечаемые вещи, которые и составляют прелесть жизни.

Так хочется именно теперь отправиться в обыкновенную поездку за город, скажем, в осенний лес со всеми присущими ему замечательными мелочами, помочь тем, кому когда-то не помог, только сейчас почувствовав в этом потребность, прочесть те книги, что остались не прочитанными, осуществить, наконец, втайне задуманное… Каким чутким начинаешь ощущать себя, надолго оказавшись вне дома… Но богатому, говорят, везде дом, ты же – просто переполнен событиями и жаждой открытий!

Но иногда усталость подкатывалась таким тяжёлым грузом, что, ни о чём, не хотелось думать, а сон подолгу не приходил. Я выключал свет и, лёжа в темноте, тихо прислушивался к себе и к судну. Изредка за бортом раздавался неприятный, скрежещущий звук – это голые льдины, цепляясь зазубренными краями за обшивку судна, обламывались и ловко подныривали

под днище. Холод от этого становился ещё более пронзительным, предательски забирался под тонкое одеяло, не давая сомкнуть уставших за день глаз. Но, в конце концов, надоедливое всхлипывание мёрзлой воды, скрежет льдин за бортом и сотрясения корпуса сливались в единый подрагивающий гул, и сон неожиданно подступал вплотную, нехорошо наваливаясь на лицо промозглой каютной темнотой и кислым запахом непросушенных кирзачей.

Забытье это длилось обычно недолго: нащупывая себе проход в кромешной темноте северной ночи, на каком-нибудь судёнышке завоет пронзительно сирена, тут же ей откликнется тоскливым дальним гудком затерянный в морском пространстве сухогруз, и всё опять стихнет. Но заснуть уже невозможно.

Потом дверца каюты мягко открывается, по палубе ползёт косой треугольник желтовато-усталого света, и до слуха начинает отчётливо доноситься гул машины. Это пришёл вахтенный матрос. Осторожно окликнув или тронув плечо, он стоит, затаившись, в голове коечного ящика.

Убедившись в твоём пробуждении, он тотчас неслышно исчезает: ему осталось стоять на вахте ещё около двух часов и он не хочет расхолаживать себя сонной обстановкой полутёмной каюты. В мелькнувшей в проёме двери согнутой спине можно угадать лишь бессонное напряжение вахты. Густая тёмно-сиреневая мгла крадётся за иллюминатором, и чувство одиночества, оторванности от всего мира невольно просачивается в душу.

А однажды пробуждение подступило пронизывающим всё тело тупым толчком, от которого в груди что-то словно оборвалось, и душная темнота навалилась на плечи. Через мгновение свет часто замигал, потух и вновь загорелся мутноватым вздрагивающим огоньком. Послышался пронзительный скрежет, потом кто-то как будто охнул, и мощная металлическая дрожь прошила всё судно от бака до кормы. Даже дизель, несколько раз захлебнувшись, бешено взвыл, стал неожиданно отрабатывать всё отдалённее, задумчивее, словно желая затихнуть на совсем. Воцарилась жуткая тишина, но в следующий миг уже послышались крики, и несусветная ругань отчаянных рыболовов разорвала нависшую над морем тревогу – наш легендарный «корвет» с ходу, в тумане, почти под прямым углом угодил в борт камчатского эрэса.

Было ещё совсем темно, и еле уловимая тягучая зыбь лениво ворочала между бортов аккуратно белеющие глянцевые льдины. Февральская вода в северной части Охотского моря, надо полагать, не парное молоко, и оказаться в таких «тропических» условиях мало кому климатило, а потому, следуя ни на секунду не угасающему в человеке инстинкту самосохранения и во все времена присущей ему любознательности, вся команда без исключения, кто в чём, повыскакивала на палубу.

После трудно переводимого диалога, состоявшегося между двумя противостоящими сторонами, выяснилось, что наше судно почти не пострадало, а вот эрэс надо было брать на борт: небольшая пробоина чуть

выше ватерлинии кровожадно зияла рваными краями у самой воды, и если бы случилось большое волнение – ошибка, конечно, обернулась бы непоправимой бедой. Халатность – независимо от того, где и отчего она допущена, остаётся халатностью, тем более, если под угрозой гибели оказывается, хотя бы, одна человеческая жизнь. В этой ситуации халатность была на лицо, и то, что столкновение произошло по нашей вине, ещё более усугубляло драматизм положения.

Камчатский капитан с окладистой бородой, в кальсонах и рыбацком свитере, с опухшим от недосыпания и, видимо, чрезмерного употребления накануне алкоголя, осипшим голосом заорал в темноту то, что орут, наверное, в подобных случаях все капитаны: «Полу-у-ндра! Все наверх! По местам стоять!» Так, в кальсонах, и командовал он, стоя на мостике в лучах наших прожекторов. Выглядела эта сцена посреди Охотского моря, во льдах, ночью, более чем, несуразно и, быть может, отчасти смехотворно, но так уж устроена жизнь – всё в ней соседствует бок о бок: горе и радость, утрата и обретение, смех и слёзы…

Уходя в море, я, конечно, начитался всякой литературы, повествующей о кораблекрушениях, и в представлении у меня тогда ясно стояла картина гибели четырёх судов, экипажам которых установлен на горе в Невельске мемориальный памятник. В городе трудно было найти человека, который бы не знал эту историю. Помнится, трагическая судьба моряков поразила меня простотой и реальностью, о ней говорили как о само собой разумеющемся факте, без видимой остроты сопереживания и без надрыва.

Из всех остался живым только один молодой парень… Выбравшись на лёд, он провёл на нём день или два, прежде чем патрульный вертолёт спасательной службы подобрал белого как лунь безумца, боявшегося хотя бы на секунду потерять твёрдую опору и окостеневшими пальцами судорожно цеплявшегося за скользкую ледяную поверхность.

Потребовалось совсем немного времени для того, чтобы я понял одну простую истину: то, что произошло однажды поздней осенью в водах Берингова пролива, отнюдь не единичный случай, а суровая правда нелёгкой работы на море. Её таила в себе необъятная морская стихия.

До сих пор колокол с погибшего в сильный шторм английского фрегата «Лютин», установленный в одном из залов Британского акционерного общества в 1896 году, оповещает мир о новых судах, трагически погибших или пропавших без вести. Это тоже своего рода памятник не только знаменитому фрегату, но и всем неудачам, постигшим моряков в их безудержном стремлении, во что бы, ни стало, плавать.

Шло время, и один день, умирая, порождал второй, чтобы тот неизбежно повторил его судьбу. В этой закономерности не было никакой логики, если человек оставался недвижим. А надо было жить и уметь видеть в беспросветной веренице дней и недель скрытую жизнеутверждающую

причину. Надо было быть уверенным и непоколебимым в том, что всё, по крайней мере, затеянное мной самим, не обречено на забвение и пустоту, что каждодневно повторяющиеся и выматывающие до одурения подъёмы, походы в трюм, рубка мяса, чистка картошки на разогретом камбузе, мойка посуды и многочасовое драенье судна – не бессмысленны.

С непривычки руки мои начали ужасно болеть, на ладонях, так что они стали плохо сгибаться, появились водяные мозоли. Суставы то и дело ломило, кисти рук невероятным образом распухли, и по утрам ими невозможно было что-либо делать. Проходило немало времени, прежде чем я мог их размять, и боль потихоньку отпускала.

Вспоминая сейчас те отрешённые, пронизанные холодным, бесприютным цветом забортной воды январские и февральские дни, промозглые, проводимые всегда в одиночестве ранние утра, когда неясный предутренний свет сиреневым тусклым облачком кралcя над мокрой палубой и бесцветная тугая волна размеренно и упрямо ударяла в судовую скулу, я думаю, что меня выручила неиссякаемая жажда познания… Именно она позволила справиться со множеством трудностей, которые теперь я воспринимаю как обычный труд.

Но мало было преодолеть усталость в себе, нужно было не допустить её в экипаже. Порой она доходила до того, что для людей было невероятной мукой обменяться друг с другом несколькими словами. Из-за этого портились человеческие взаимоотношения, а море, сближая людей, обязывало, между тем, ко многому, и в первую очередь – к терпению. Обтерпишься в морской стихии, говорят моряки, и в аду ничего!

Человек же без терпения и воли к противостоянию разного рода препятствий, погибал в городах, незаметно мельчая в изо дня в день повторяющихся автобусных давках и постоянных перееданиях, беспричинном выматывании нервов своим сослуживцам и близким, в одиноко метущемся отчаянии посреди ночи в уютной, тёплой и почему-то уже не приносящей радости квартире… Человек, не умеющий мужественно переносить лишения – порождение неуёмного до развлечений и лихорадочного века, существо без вины виноватое, без этой же самой вины и надежды на осознание собственной жизни, уходил в темноту, оставляя потомкам только растерянность перед невозможностью понять себя и мир, и ещё, быть может, еле приметную складку-морщинку в уголках рта, не утерявшую, впрочем, доли упрямства.

Трагедия такого человека заключалась в разобщённости с самим собой, в неумении установления подлинных взаимоотношений с другими людьми и окружающими миром. Оборвав однажды пуповину, человек не полетел, а повис и, оставаясь всё время во взвешенном состоянии, никак не находил в себе сил оглядеться, чтобы убедиться в своём неприглядном положении. Всё, то лучшее и светлое в душе, что предшествовало её оскудению, у многих людей, однако, не умерло, и те, кто сохранили в себе способность к принятию решений, обрели возможность и желание летать.

Душа такого человека парила, осуществляя любую мечту. Она взмывала к заснеженным вершинам самых высоких и неприступных гор, а достигнув их, устремлялась выше – в нескончаемо-пронзительную голубизну… Душа погружалась в неведомые морские глубины, чтобы обратиться умным и сильным дельфином, и помчаться по зелёным волнам своей любви ко всему живому. Душа была неуёмна, стремительна, добра и всемогуща, и человек следовал за ней всюду, куда она уносила его в своих исканиях.

Я как-то сразу понял, что случайные люди крайне редки в море. Море объединило в своей утробе тех, кто, однажды выйдя из него и пройдя долгий путь познания и разочарований, вновь обратился к нему в поисках собственной природы, только уже более мудрым, приближенным к собственной сути. Повязанные морем, эти люди были схожи лишь с теми, кто боготворил небо и горы, и удивительным образом соединялись в своём первобытном восприятии мира у его берегов. Лица их не были похожи ни на какие другие, в море они обретали свою сокровенную природу, становясь такими, каковы есть.

ДОКТОР ХАЛИН

Кок на флоте – лицо далеко не последнее и, быть может, даже более значительное, чем об этом принято думать. К коку на любом судне, если он, конечно, этого заслуживает, относятся с уважением, доходящим порой до подобострастной услужливости, которая встречается и у некоторых капитанов. Происходит это из-за острого дефицита истинных мастеров своего дела, несмотря на огромную массу представителей «не мужской» профессии, заполонивших собой бесчисленные рыболовные сейнеры, траулеры, разные катера, буксиры и боты. Но так уж повелось, что весь этот ближний каботаж, в отличие от океанских лайнеров, устраивал только мужчин, каждый из которых зачастую имел опыт работы в каком-нибудь первоклассном ресторане и очень гордился этим.

Наш кандей Ваня Халин, следуя этой традиции и по неумолимому року судьбы, оказался в итоге на суровом каботаже. Без остатка выпивший пьянящее вино поварской славы, и по праву желая всегда находиться в центре всеобщего внимания, он всё же успел свыкнуться с поклонением, и все жертвоприношения, доставляемые к его ногам, принимал сдержанно. Никакого панибратства по отношению к себе он не терпел, при малейшем проявлении такового уничтожал его на корню, и, вообще, с первого взгляда казался неподатливой и дремучей личностью.

Уже в первый свой приход на борт судна, который, кстати, состоялся всего за какие-нибудь сутки до выхода в море, он показался мне человеком неприступным, знающим себе цену и понапрасну своё внимание не разбазаривающим. И как каждый, кто однажды связал свою жизнь с флотом, он к этому моменту, видимо, успел устать от берега, чтобы быть готовым

покинуть его, но ещё недостаточно ясно ощутил в себе тягу к морю, чтобы с головой окунуться в его распростёртые объятия. Он пребывал в очень неприятном для моряка состоянии неопределённости и, не находя из него выхода, выглядел хмурым и раздражительным.

Тонкая кожаная курточка, кое-как наброшенная на плечи, словно подчёркивала его пренебрежительное отношение ко всему происходящему. Не одобряя воцарившегося вокруг нездорового оживления и желая только побыстрее добраться до своей каюты, бывалый кандей неосторожно перешагивал через доски сооружаемой сепарации, инструменты, вёдра с краской и суриком, горы замасленной ветоши, чуть слышно чертыхаясь.

Его то и дело окликали знакомые голоса, выражая искреннюю радость от его долгожданного появления, а он, не смущаясь, мимолётом отмахивался от несущихся со всех сторон приветствий и вопросов:

- Иван Николаич, никак опять на голубоглазого?..

- Халин, не все ещё рубли обобрал?

- Привет Иван Николаичу!

- Когда отходите, маэстро?..

Изредка вынимая из кармана озябшую и неестественно разбухшую, как клешня, руку, кандей что-нибудь отвечал глуховатым голосом и, не дослушав ответа, спешил дальше. Большая кудлатая голова, тугие покатые плечи вместе со всей его неуклюжей фигурой и угрюмый вид почему-то напоминали в нём сказочного лешего, по недоразумению оказавшегося сейчас здесь. По внешнему виду трудно было предположить в нём человека с легендарным морским прошлым, но, тем не менее, это было так.

Маленькие колючие глазки его остановились на мне, и мгновение беспристрастно сверлили холодным непочтительным вниманием. В тот же миг я почувствовал себя до неприличия оголённым и беспомощным, чего нельзя было сказать о могущественном кандее. Не мигая, он продолжал бесцеремонно ощупывать меня пронизывающим взглядом, никак не выказывая своего отношения к моей персоне.

- Ты и будешь новый буфетный? – с хрипотцой в голосе, наконец, произнёс он и, нехотя отвернувшись, сразу словно потерял интерес не только к моему ответу, но и ко всему увиденному.

Не успев ещё толком запахнуться от разделывающего душу острого взгляда, я только умудрился кивнуть в ответ, и хотел было уже задать встречный вопрос, как увидел, что тучная фигура, неуклюже поводя плечами, исчезает в узком дверном проёме. Этот человек должен был стать моим самым непосредственным начальником, и именно с ним в течение нескольких месяцев мне предстояло просуществовать в одной каюте.

Не обратив внимания на наведённый мной порядок, кандей продефилировал в полуподвальное помещение судовой морозилки, и уже через каких-нибудь полчаса до меня очень ощутимо дошло: вся моя самоотверженная двухнедельная подготовка судна к рейсу не стоит и ломаного гроша в сравнении с тем, что предстоит осуществить в реально

подступившем настоящем и не таком уж далёком будущем. Только сейчас я так ясно и просто осознал, какой долгий и трудный путь нам предстоит.

Я не понимал и не знал, что людям придётся неимоверно много работать. Им будет очень трудно там, впереди, в штормах, во льдах, и поэтому их надо вкусно кормить. Надо быть мастером, настоящим поварским чародеем, чтобы готовить в таких условиях добротную пищу. Быть может, кандею, как никакому другому члену экипажа, необходимо сознавать свою особенную ответственность и нужность. Ваня Халин лучше остальных понимал всё это и без суеты навёрстывал упущенное, своими решительными передвижениями по судну наполняя души моряков радостной уверенностью в завтрашнем дне.

Вот тогда, благодаря нашему многоопытному кандею, почувствовал я, что есть на судне команда. Не просто люди разные – штурмана, механики, мотористы, а именно добротная морская команда, с которой и сам чёрт не страшен. За многие годы их спаяла тяжёлая работа на море… И такое от этого радостное чувство охватило меня, что я обо всех своих переживаниях и трудностях забыл. Хорошо всё было очень, надёжно, и ощущал я это состояние впервые в жизни.

В отличие от большинства людей, как на словах, так и в мыслях умеющих с гениальной точностью предсказывать ход дальнейших событий, но поступать для удобства всё же вразрез с личными убеждениями, наш кандей Ваня Халин шагал по жизни непроторёнными тропами собственных, порой не совсем весёлых, размышлений. Ни полуголодное детдомовское существование, ни суровые для его тогда ещё сравнительно юных лет законы исправительно-трудовой колонии, ни трёхлетнее безукоризненное учительство пахана на валке леса не смогли повлиять на самостоятельность и смелость принимаемых им решений.

Замечательно минуя зависимость от воли обстоятельств и вмешательство сторонних мнений, он упорно продолжал следовать своей гордой философии, при этом, ничуть не уставая, а только набирая смак от переполнявших его жизнь противоречий. Не переставая, таким образом, вырабатывать в себе кодекс чести и успев, между делом, закончить поварскую школу, в чём, несомненно, сказалось его природное добродушие, прозорливый кандей в один прекрасный день понял, что рядовая должность повара в одном из приморских ресторанов ничуть не удовлетворяет его душевным запросам. Далёкие острова Фиджи, где круглый год светит солнце и в голубой воде купаются неповоротливые морские черепахи, неодолимо притягивали его своей завораживающей экзотикой.

Правда, время пресловутой романтики вскоре закончилось, и на смену юношеским мечтам пришло осознанное понимание, что хорошие повара необходимы людям на малых рыболовных сейнерах не меньше, чем на океанских кораблях. С тех пор прошло немало лет, и он уже не раз успел разочароваться в выбранном пути, когда неистовый шторм разрывал судно на части и сальные миски с дребезжащим грохотом перекатывались по

голому кафельному полу, так что не было возможности остановить эту умопомрачительную свистопляску; когда проникающая сквозь незадраенные щели иллюминатора стылая вода заливала не первой свежести постельное бельё, а на куртке появлялись не выводимые жирные пятна; когда густой многодневный туман скрывал от глаз все различимые над морем ориентиры, растворяя в себе человеческую память, а рейс по какой-либо причине продлялся на неопределённый срок… И ещё тысячи мешающих работе мелочей изматывали, наполняя душу и тело неимоверной усталостью.

В экспедиции он каждый раз зарекался, что с сумасшедшей работой навсегда покончено, что он бесповоротно завязывает с морями – и это его последнее железное слово. Что пора обзаводиться семьёй, втайне он даже вынашивал планы скорой поездки на Украину за будущей хозяйкой, присутствие которой должно было согреть теплом его холостяцкое обиталище, и что с его дефицитной специальностью можно неплохо устроиться и на берегу. Но заканчивался рейс, и к сердцу незаметно подкатывала щемящая тоска. Не важно, где и как, только неодолимо хотелось вновь ощутить всё то, что ещё совсем недавно раздражало и несло неудовлетворённость. Раз от разу обрекая себя на повторение пройденных ошибок, ему как-то просто и ясно однажды открылось, что обыденное преодоление всех трудностей в море и есть то, без чего его жизнь пуста и бессмысленна.

Когда это дошло до него, он понял, что не расстанется с морем по собственной воле, даже если придётся поступиться здоровьем. Но согласиться на очередной рейс было делом нелёгким: для этого требовалось опять перешибить в себе опостылевшую неустроенность в личной жизни, и с каждым разом делать это было всё мучительнее и труднее.

Характер даже очень сильного человека не сможет без последствий выдержать подобной борьбы, а значит, неминуем жизненный крен. Если к сорока годам мужчина подвергается такого рода завалам, он, так или иначе, обречён на ожесточение. Именно в этом таилась причина угрюмой неразговорчивости кандея, когда, завернувшись в старенькое одеяло и засунув руки в карманы, он, сосредоточенный и отчуждённый, лежал часами в остановившемся сумраке каюты, и всё время думал, думал, думал…

ВЕЛИКИЙ МОТЫЛЬ

В узком проходе, ведущем мимо машинного отделения на палубу, вне зависимости от вахты механиков, всегда мелькала коренастая, с широко развёрнутыми плечами невысокая фигурка мотыля. Цепко и мягко ставя ноги, обутые в загнутые кирзовые сапоги, он ловко перемахивал через комингсы, исчезая за переборками многочисленных внутрисудовых отсеков. Ему было сорок пять, но, глядя на его неутомимое тело, от которого так и веяло силой и здоровьем, каждый понимал, что этот человек ещё сравнительно молод и только начинает нелёгкую морскую жизнь.

Облачённый по большей части в засаленную робу, он выглядел, между тем, свежо и непринуждённо, глаза его казались ясными и светлыми. Успевая с каждым перекинуться незатейливой шуткой, он был всегда при деле, и уж если требовалось принять какое-нибудь нестандартное решение – лучше его этого никто не мог сделать.

Трудно было понять психологию этих механиков, которым всю жизнь приходилось просиживать ниже ватерлинии, в духоте и гуле машинных отделений, но особенно любопытным оказывалось то, что именно механики слыли самыми весёлыми и неунывающими людьми на флоте.

Розовощёкий, с голубыми навыкате глазами и чистым, как у ребёнка, лицом, мотыль принадлежал к так называемой «бабьей» породе мужчин, обычно очень неприятной. Но он этого неприятного чувства не вызывал – был, напротив, многим открыт и близок, и добродушный нрав свой, не размениваясь, выплёскивал неудержимо в общении с каждым. Кроме того, он кое-чему учил меня: как называются те или иные технические части, снасти, показывал вязку хитроумных морских узлов, объяснял суть ведения судна по компасу и по автопилоту в ночное время.

Всегда живой, остроумный, языкастый, мотыль был приветлив со всеми, каждому помогал шуткой, сопровождая её быстрым, рассыпчатым смехом, умел ладить даже с теми, кого в экипаже считали неприступными, и уж, конечно, держал свою марку на вахте, отличаясь удивительной работоспособностью и находчивостью. Точно зная, что без него всё равно не обойдутся, он зачастую появлялся в машинном отделении не в свою вахту, суетился, брал на себя чужую работу, и от переполняющей деятельную натуру энергии и волнения круглый кончик его носа постепенно делался чуть красноватым.

Целыми днями он мелькал на палубе, но никогда попусту не заводился, в драку в спорных вопросах не лез и, как ни странно, эта суета и шумная неугомонность, которые исходили от него, ничуть не мешала работе экспедиции. Скорее, присутствие вездесущего мотыля приносило многим облегчение и улыбку, что было делом немаловажным в конечном итоге.

Но никто не знал - какая печаль гложет сердце Великого мотыля. Сам он никому ничего не говорил, виду не подавал, был волен, как птица морская, весел, неустрашим, и каждый, кто имел с ним хоть какое-нибудь маломальское дело, и мысли не мог допустить, что у мотыля в жизни не всё в порядке.

Жила в мотыле глубоко скрытая тоска. Тоска преследовала и томила его уже много лет, а он никак не мог сладить с ней. Живой образ немецкого солдата с шоколадкой в веснушчатой волосатой руке подолгу не оставлял, накатываясь по ночам невыносимым грохотом кованых сапог и душераздирающим шелестом серебристой обёрточной бумаги. Полуголодное детство подступало к горлу не проглатываемой сквозь слёзы сладостью и жутким, до боли в висках, страхом, что эту сладость отберут. Солдат, в расстёгнутой до пупа гимнастёрке, дико гоготал, задрав к небу белёсое

самоуверенное лицо, а Мишка жадно глотал ломкие шоколадные куски, уже ничего не чувствуя и позабыв о том, что детей у матери ещё шестеро по лавкам, мал мала меньше.

Страх голода неумолимо гнал его через всю войну и собственные унижения, через такое же обездоленное послевоенное время, когда порой было ничуть не легче, а даже тяжелее. Постепенно забываясь и отступая перед спасительной надеждой, голод ещё долго приходил унижающими воспоминаниями в ночных кошмарах, затем забывался, растворяясь в повседневных житейских заботах, и неожиданно возникал вновь.

С рождением двух дочерей страх перерос в обострённое чувство ответственности за судьбу детей, временами доводящее его до исступления. Изводя себя частыми восьмимесячными рейсами, Мишка уже не мог остановиться. Самозабвенно обеспечивая жене и дочерям далеко не безбедное существование, он своей обязанностью считал ежегодно посылать их на Чёрное море, одевать всех троих по последней моде, удовлетворяя малейшую прихоть.

В своей бескорыстной погоне за достатком для родных людей он начисто забыл о собственных нуждах, вернее, не считая их в достаточной мере значительными. Бывало, когда рейс подходил к концу, он, не сходя на берег, подменял кого-нибудь на другом судне, недавно вышедшем в море, и вновь без устали ломался долгие месяцы в маслянистом грохоте машины, совестливо отрабатывая за дочерей своё полуголодное военное детство и память. Имея один более-менее приличный костюм, он даже не пытался что-либо изменить в сложившемся положении, искренне полагая, что оно вполне удобно. Главную задачу он видел в благополучии своих родных и близких.

Но через годы вдруг нахлынула в душу непонятная тоска. Может быть, это усталость накрыла его своим крылом, или старые болезни стали давать о себе знать, только удручённость, которую он, умело, научился скрывать ото всех, без спросу поселилась в сердце. Она порождала тяжёлую пустоту и настороженность. Казалось, ничего хорошего в жизни больше не предвидится.

Когда хандра проходила, неприятный осадок от неё всё же оставался, но тоска, по чему-то не осуществлённому в жизни, не брала верх над его работой и отношением к людям. В этом Мишка Померанцев чувствовал залог своего душевного здоровья. Он ещё вполне мог руководить собственной жизнью, и это забавляло и радовало выносливого морского скитальца. Ведь помимо того, что он был чрезмерно заботливым и чувствительным отцом, в нём жила неодолимая тяга к морю, нелёгкой, весёлой работе на чистом ветру и несокрушимая ничем надёжность.

ФЕРДИНАНД ФЕРДИНАНДЫЧ

Есть люди, присутствие которых никому почти не видимо, но всегда сильно ощущается. О них никогда не слагают од, им не поют дифирамбы, но

зато они надёжны до умопомешательства и никого никогда, за зря, не задевают. Последнее качество, в век оголтелого и безудержного самовыражения, особенно важно.

Присутствие Фердинанда Фердинандыча на судне в основном ощущалось по конечному результату содеянного им. А поскольку боцман жил по принципу «тише едешь – дальше будешь», то, естественно, звёзд с неба не хватал, не зарывался и, что было сил, неприметно для всего экипажа вкалывал, умудряясь при этом никому не попадаться на глаза. Фердинанд Фердинандыч никогда не ругался, ни с кем не ссорился, а в минуты раздражения ещё более ударялся в работу, был неутомим, и именно по такому его поведению можно было безошибочно заключить, что он не в настроении.

Скорее всего, Фердинанд Фердинандыч и не жил по какому-либо принципу, да и смысл этого слова вряд ли достаточно ясно доходил до его сознания. Был он, попросту говоря, от рождения необычайно трудолюбив, в рыбацком ремесле неуёмен и замечательно неприхотлив в быту. Каждый стоящий капитан, верящий в звезду рыбака, стремился завербовать в рейс именно этого боцмана. Боцман знал своё дело и, конечно, ведал про то, как ценится он среди капитанов, но к славе своей на базе относился равнодушно. Кажется, он вообще не замечал её. Без неё ему было просто спокойнее жить.

Внешне Фердинанд Фердинандыч, в противоположность своему громкому имени, выглядел очень тщедушно и смахивал на какую-то невзрачную, неопределённых форм глубинную рыбу. Лоб его сплющивался до немыслимых размеров надвигаемой на самые глаза какой-то задрипанной меховой шапчонкой, тонкие губы, ежеминутно, то складывались в длинную отвисающую трубочку, то вытягивались до лиловых мочек невероятным образом приплюснутых природой к самому затылку ушей. Откровенно прямоугольный голый затылок безответно молящим вопросом возникал из помятого, в традиционной грязи измазанного ватника.

С ватником, к слову сказать, Фердинанд Фердинандыч не расставался круглые сутки, уютно почивая в оном даже в собственных апартаментах. С тихим упорством, невзирая на постоянные стенания по этому поводу старпома, боцман заваливался в подобном виде во время трапезы в кают-компанию и мог даже появиться на мостике, порождая исходящими от него многочисленными ароматами и невозмутимой малиново-сизой физиономией значительные перемещения. Это, естественно, не могло не сказаться на эксплуатации судовых устройств, и поэтому капитан, словно зеницу ока, берёг мостик от присутствия на нём «дракона», допуская его к себе только в экстренных, не терпящих отлагательства случаях.

На фоне тщедушной и худенькой фигурки боцман имел неожиданно большие натруженные руки. Пальцы – заскорузлые от соли и непомерной палубной работы, с широкими приплюснутыми ногтями, несмотря на свою неповоротливость, были очень точны и основательны. Неторопливо двигаясь в пространстве, они, казалось, не могли сделать ни одного лишнего и

ненужного жеста - так их движения были вымерены и бережливы. Собираясь что-либо сделать, боцман всегда ощупывал интересующий его предмет, а уже потом принимался за дело.

Вообще, за свой несусветный и бросовый вид боцману нередко приходилось выслушивать со стороны личного состава ехидные усмешки и разного рода ругательства, но он сносил их без всякого раздражения, словно и не замечая. При всей его способности к замкнутой сосредоточенности, Фердинанд Фердинандыч, вопреки здравому смыслу, всё же обладал какой-то затаенной скромностью, доходящей иной раз до откровенной стыдливости. Даже непонятно было порой, каким образом ему удавалось выбиться в боцманюги, ибо народ этот, в основной своей массе, дошлый, пронырливый и до невероятной силы пробивной.

Любому мало-мальски связанному с морем индивидууму давно известно, что боцманская должность – сплошное страдание. Чтобы, к примеру, ускорить ремонт судна перед выходом в рейс, выписать на складе недостающие снасти или занять ведро сурика у соседского хапуги-боцмана, требовался минимум нахрапистости, коей у Фердинанда Фердинандыча именно в такие моменты не оказывалось. Перед реальной перспективой обращения к кому-либо с просьбой, он пасовал решительно и бесповоротно. С неприкаянным видом и извиняющейся глупой улыбкой он обычно подолгу мотался по палубе из угла в угол, прежде, чем на что-либо решиться. Затем принимался нести сущую околесицу, так что можно было заподозрить его в не совсем здравом рассудке, и, в конце концов, до последней степени измотав себя безысходностью своего скромного поведения, когда уже ничто не страшит и не удерживает, он готов был выброситься за борт, чем, естественно, и жалобил отзывчивые морские души. Вот по причине того, что ему приходилось многое сносить, то есть, иначе говоря, страдать, Фердинанд Фердинандыч, вероятнее всего, и оказался в итоге на неблагодарной боцманской стезе.

Пути боцманской мысли были неисповедимы, как и его страдания. В самый неподходящий момент он застывал, остекленелым взглядом уставившись в палубу, и стоял так с минуту, неслышно шевеля отвислыми губами. Затем брови его, корчась, мгновенно взлетали безучастным домиком к самой макушке, отрешённо оборачиваясь вокруг своей оси, он извергал что-то на недоступном для окружающих языке и, понурившись, вновь принимался за работу. Тот, кому хоть однажды приходилось наблюдать эти родовые потуги боцманского сознания, неминуемо оказывался под гипнотизирующим воздействием его таинственных чар.

Ещё большей загадкой являлась неповторимая речь Фердинанда Фердинандыча. Мало того, что боцман был сдержан на слова, так он ещё ко всему прочему обладал дефектом речи. Неизвестно было - достался ли этот дефект ему в наследство от предков, или же был приобретён на лихих поворотах его суровой моряцкой судьбы, только, что греха таить, никто ни черта не разбирал в его словоблудиях. Но все неизменно делали при этом

вид, что всё наилучшим образом понимают, и скрытые тайны боцманского нерукотворного языка они, наконец-то, познали.

Речь свою, даже не подозревая об этом, боцман строил всегда по примеру неизвестного многим французского слияния, когда буква предыдущего слова неминуемо соединяется с буквой последующего, в результате образуя бесконечный поток невообразимо булькающих созвучий. Все слова, как это было видно по его оживлённой мимике, Фердинанд Фердинандыч произносил обстоятельно, так же добротно и неторопливо, как он делал всю палубную работу. Замечая же некоторое непонимание со стороны матросов, начинал нервничать, комкать и без того уже перековерканные слова и, достигнув бессильного раздражения, завершал всё такой умопомрачительной тирадой, что судно в прямом смысле сотрясалось от оглушительного хохота. Боцман, конечно, глубоко переживал все эти издевательства со стороны экипажа, старался не обращать на них внимания и затаенно ждал такого момента, когда можно будет с наглым вызовом прищучить кого-нибудь из матросов за сачкование и разгильдяйство в исполнении своих прямых обязанностей.

Но самым тяжким для Фердинанда Фердинандыча было объяснение на своём тарабарском языке со старшим командным составом. Требуется, к примеру, раздосадованному мастеру лицезреть перед собой голову палубной команды, и по запарке он, конечно, забывает, что Фердинанд Фердинандыч членораздельно ответ держать не способен. Боцман, в болезненном ожидании очередного спектакля, понурившись, поднимается на мостик, как на Голгофу. А капитана, при виде его неприкаянной фигуры в источающем «ароматы» ватнике, уже бить мелкой дрожью начинает: он от легендарного моримана ясной речи не слышит, по приборным щиткам кулаком стучит, страшно глазами поводит, и на Фердинанда Фердинандыча в остервенении своём норовит наскочить. Старший помощник с электромехаником, что было сил, стараются разбушевавшегося мастера аккуратненько в уголок прижать, ограничить, так сказать, его свободу действий, и с растерявшегося боцмана в то же время глаз не спускают. Последний каменным изваянием посреди рубки застывает и только глазами обескуражено хлопает: мол, довели старика до белого каления, больше ни звука от меня не услышите, и пусть горит всё синим пламенем!

И вот уже по судовой трансляции разносится долгожданное: «Матросу Редунькову в срочном порядке явиться на капитанский мостик!» Весь экипаж от неминуемо назреваемой хохмы бессильно давится, стараясь всеми силами сдержать бурно подступающие эмоции, а матрос Редуньков, поспешая, грохочет сапогами по трапу. Тут нужно заметить, что Редуньков – единственный и неповторимый в своём роде среди всего личного состава «Стройного» индивид, который хитросплетения дремучего боцманского языка очень даже понимает и без особого труда может перевести. Способности этой уникальной он достиг благодаря глубокому и искреннему уважению к Фердинанду Фердинандычу, а также по причине совместного, то

есть, значит, в одной каюте, с ним проживания. Редуньков как личную обиду воспринимал шпильки в адрес боцмана и первым долгом своим считал просвещать кругом бестолковый народ относительно светлой души Фердинанда Фердинандыча. Кстати сказать, прозвище это несуразное – Фердинанд Фердинандыч, боцман получил именно за схожесть своей речи с иностранной. На деле же коренной выходец из-под Воронежа был с рождения наречён Фёдором Фёдоровичем.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТАРШЕМ ПОМОЩНИКЕ КАПИТАНА

Наш старпом казался, на первый взгляд, нудным и, мягко говоря, не совсем далёким человеком. Он просто с ума сходил, и его бросало в мелкую дрожь, когда он видел меня прохлаждающимся, а прохлаждаться мне, следует заметить, удавалось до невозможности редко, и попадался я ему на глаза именно в эти бесценные моменты. Собственно говоря, всё моё прохлаждение заключалось в лихорадочном выкуривании одной «беломорины» в укромном местечке над капитанским мостиком, куда я забирался каждое утро в любую погоду, до боли тараща глаза на море.

А море было всяким… Оно никогда не повторялось, и это было приятно. Приятно было иметь с ним дело, потому что оно многому тогда меня научило или, вернее сказать, способствовало каким-то важным открытиям.

Именно в эти минуты, над мостиком, я напрочь выкидывал из своей жизни злостного чифа, находя успокоение в обществе морских пернатых. Ненавистный старпом растворялся среди переборок где-то там, внизу, под толстой обшивкой эстээра. Это временное забвение помогало, но приходилось, всё же, спускаться вниз, и делал я это, с глубоко затаенным нетерпением ожидая, когда мне этого делать не придётся…

А впереди ещё были долгие недели экспедиции: умопомрачительные и выворачивающие наизнанку шторма, холод Охотского моря, бесконечные авралы в забитом льдами Бристольском заливе, пурпурные восходы какого-то дикого солнца среди крошёного льда, обилие косаток и дельфинов, фырканье неповоротливых сивучей под бортом… И ещё – необозримое море, к которому я так стремился, и в которое всё-таки попал.

Шёл к концу второй месяц плавания, и второй месяц старпом, не переставая, злобствовал, собираясь не на шутку, видимо, уморить меня. Я был не против порядка и чистоты, в душе считая себя закоренелым аккуратистом, и даже очень часто убеждал себя, что в море так и должно быть. Я уже давно уверовал, что мне самой должностью, по неписаным морским законам, суждено крутиться на протяжении всего доблестного похода подобно белке в колесе, и всё же, в глубине души безудержно бунтовал против ненасытного инквизитора, отравляющего моё существование…

Если старпома всякий раз при виде меня праздношатающимся бросало в мелкую дрожь, то я готов был целый день просидеть в морозилке среди наших мясных запасов, лишь бы не попадаться ему на глаза… Вот до чего мы дошли в наших с ним взаимоотношениях! В довершение всего, этот, поначалу не видимый для экипажа, конфликт был однажды замечен третьим штурманом и немедленно обнародован в форме, достаточно соответствующей его юмористическим способностям. В этом плане штурман Кузнецов являлся прямой противоположностью чифу, который расплывался в улыбке только уж при совсем явной шутке, непременно принадлежащей при этом вышестоящему лицу, и в первый подвернувшийся случай не преминул козырнуть этим.

В один из утренних часов, когда на судне повисает непривычно тягучая тишина и, упираясь в подволок, нагоняет на всех сонливую хандру, старший помощник забрёл в безлюдную кают-компанию. Я к этому времени домывал последнюю партию посуды, оставшуюся после завтрака, и был несколько удивлён подобным визитом. Отстояв ночную вахту, чиф обыкновенно отправлялся почивать в собственную каюту, но стрелка на часах показывала ровно десять, а старший помощник пребывал в состоянии бодрствования, и это не укладывалось у меня в голове.

Чиф вошёл хмурый, видимо, занятый собственными невесёлыми мыслями, и по внешнему виду его можно было с точностью определить, что он не способен в данный момент ни на какое зверство. Сейчас его явно не занимала мучительная мысль, чем бы занять своего подчинённого, что было невероятной редкостью. Он был не в себе, и это состояние я готов был поддерживать в нём, если бы это от меня зависело, всё время экспедиции. Но судьбою мне суждено было иное, и в лице её с удовольствием выступил ни кто иной, как наш Пиллерс, то есть – третий штурман, прозванный так за высокий рост, худобу, явную принадлежность к морскому делу и кристально чистый юмор, служащий надёжной опорой всей команде в ходе плавания.

У штурмана, в отличие от старпома, настроение находилось в превосходном состоянии, и на его самодовольной физиономии чёрным по белому было написано, что грустить он не собирается и другим не даст. Это меня, естественно, насторожило.

Усевшись напротив угрюмого старпома и обстоятельно закинув ногу на ногу, он зловеще оглядел помещение. Затем, остановив свой взгляд на моей мечущейся в проёме кормушки фигуре, и даже не учитывая нашего дружеского расположения друг к другу, произнёс сакраментальную фразу:

- Сдаётся порой, что нет у нас на судне должного порядка!

При этом он задумчиво воззрился на не чищенный мною уже в течение месяца подволок и ехидно ухмыльнулся. Внутри у меня с глухим хлюпаньем что-то оторвалось, в глазах начали появляться разноцветные круги, и, выронив из дрожащих рук недомытую чашку, я обессилено поднял глаза к его бесстыдной роже. Господи, думал я, если кому-то доставляет удовольствие зрелище чужих мучений, и он облегчает этим своё сердце, то

не покарай его. Пусть он сам наладит себе путь из мира заблудших, а ты помоги ему исцелиться от жалкой скверны, ибо высшее чудо в этом мире есть ни что иное, как способность переживать за кого-то не меньше, чем за самого себя.

Со стороны третьего штурмана это была, конечно, неудачная шутка, а старпом, в свою очередь, воспринял её слишком серьёзно, как будто именно из этого исходили все его беды и несчастья. В результате, оставшуюся часть дня я провёл за чисткой металлических судовых переборок, которые, в конце концов, приобрели свой первозданный, ещё до спуска судна на воду имевшийся вид. Еле добравшись поздним вечером до своей каюты, я почувствовал себя последним бедолагой, окончательно потерявшим веру в человеческую справедливость.

Старшего помощника за особую вредность по отношению к личному составу, с лёгкой руки всё того же третьего штурмана, прозвали на судне Торквемадой, и прозвище это быстро к нему привязалось. На горе чифу, третий помощник много читал, самым беззаконным образом скопив у себя под матрасом чуть ли не всю судовую библиотеку. Великий основатель испанской инквизиции, конечно, не мог предполагать, что послужит прообразом советского моряка, являющегося к тому же представителем комсостава. Основатель был фанатиком и видел основную цель своей жизни в уничтожении «неверных». Обладая колоссальной энергией, мстительностью и честолюбием, перед которыми трепетали не только жертвы, но и его сподвижники, великий инквизитор стремился к неограниченной власти и славе, и это было объяснимо. А вот что заставляло свирепствовать нашего старпома, понять было нелегко.

Во время экспедиции окончательное и объективное мнение о человеке сложить трудно. Ведь чиф мог быть страстным поборником дисциплины и порядка в море, а на берегу таковым совсем не являться. Правда, я в этом больше чем сомневался, но, всё же, решил, несмотря ни на что, скороспелых выводов не делать. Попытаться, в первую очередь, понять происходящее, а не судить с наскока, - это следовало давно уже взять себе за правило хотя бы потому, что окружающая жизнь в море не терпела сиюминутного, наносного. Она была по-настоящему мудра, и требовалось время, чтобы окончательно убедиться в этом.

Вот тут и произошёл случай, который сделал старпома в глазах всего экипажа истинным героем…

Дело происходило при самой рядовой выборке трала, когда на верхней палубе собирается толпа свободных от вахты прохлаждающихся, и, от нечего делать, глазеет на очередной улов, лениво комментируя происходящее. Со временем, конечно, это зрелище порядком приедается, и любопытство членов экипажа ограничивается справочным бюллетенем, каждодневно вывешиваемым в кают-компании, но день был такой пронзительно ясный и солнечный, что всех неодолимо тянуло наверх, к свежему воздуху, ветру и свету.

Верхняя палуба вместе с мостиком замерла в нетерпеливом ожидании, и было слышно только, как возбуждённо вскрикивают ошалевшие от предчувствия предстоящей трапезы чайки, и в струну натянутые стальные ваера трала истошно подвывают время от времени, словно желая тем облегчить свою нелёгкую участь. В моменты особого напряжения на их вытянувшихся натруженных спинах вздрагивали лиловато-серебристые фонтанчики, и даже судно, судорожно подобравшись, замирало, как будто приноравливаясь поудобнее взвалить на себя эту очередную ношу. Тихий азарт предвкушения удачного замёта постепенно сменялся у всех необъяснимым беспокойством, и тогда неестественная тишина повисала над морем и роящиеся в ней звуки замирали, неожиданно оказавшись в собственных путах.

И вот, в этой онемевшей тишине все вдруг увидели, как по слипу, изредка подрагивая и переворачиваясь с боку на бок, медленно заползает на палубу … мина. Самая настоящая, неопрятно и нагло вырисовывающаяся своими очертаниями, видимо, зацепившаяся за основание одной из распорных досок, мина лежала на палубе нашего мирного сейнера, зловеще поблескивая чёрными боками и наводя на всех тихий мертвецкий ужас.

Уже через какое-то мгновение все доступные места на судне, способные уберечь от разрушительных последствий взрывной волны, были заняты, и никто в дальнейшем не мог объяснить того факта, каким образом электромеханик, находящийся в тот момент у лебёдки, в следующий уже был, по утверждению очевидцев, замечен на баке. Причём сам он долгое время совершенно искренне недоумевал, что жив остался, когда, значит, лебёдку эту, едри её в корень, стопорил. По его сбивчивым объяснениям можно было лишь разобрать, что помирать ему было не с руки, поскольку по предстоящему с супругой разделу имущества половина честно нажитого добра, в случае его кончины, переходила бы, естественно, к ней, а этого светила, даже под страхом жуткой смерти, допустить не мог.

В сложившейся ситуации лишь чиф не потерял голову и, взвалив на плечо кувалду, геройской поступью направился к мине. Подойдя к ней вплотную, он не спеша обошёл её кругом, осторожно дотронулся рукой и, погладив уже более смело, со всего размаху бухнул кувалдой по ненавистному железному боку… Ручаюсь, что в тот миг перед остекленевшими глазами каждого члена экипажа, без исключения, промелькнула собственная жизнь, мир на какое-то время померк, и сердце, заметавшись, оборвалось куда-то в совсем не подходящее для него место.

На наше счастье, мина оказалась учебной. Многие потом, я думаю, из чистой зависти, пытаясь очернить старпома, считали, что он это с отчаяния на мину с кувалдой пошёл и бесстыдную панику среди личного состава ликвидировал. Может быть, отчасти всё выглядело именно так, но только чиф почему-то вырос в моих глазах, даже, несмотря на то, что по-прежнему продолжал относиться ко мне, как к бессловесной жертве. И прошло ещё немало времени, прежде чем для меня, со всей очевидностью, открылось:

всему приобретённому за этот первый в моей жизни выход в море я в большей мере обязан был именно ему – старшему помощнику капитана Виктору Александровичу Попцову.

С виду молчаливый и неприступный человек, он как-то неприметно сумел разобраться в происходящей со мной внутренней борьбе, и не сделал ничего, что бы могло помешать естественному ходу событий. Его неукоснительная строгость, как потом оказалось, сильно выручала меня, не делая, в тоже время, виноватым. Он был суров, но милостив, грозен, но не жесток, и, не допуская в отношении меня какой-либо потачки, будил в моей душе совесть. Если ты жив, дорогой Виктор Александрович, мир и радость твоей душе, будь своею судьбою доволен…

МАСТЕР

Нашему «мастеру» - Михаилу Александровичу Лычику, не было и тридцати, однако он уже слыл хорошим рыбаком с настоящей мужской хваткой, пользуясь среди моряков большим уважением, и тем, кто не боялся преодолевать заведомые сложности, почему-то приключающиеся с судном в каждом рейсе, нравилось с ним работать. Не взирая на не совсем приятную традицию и чёрные слухи, связанные с его родным сейнером, он ни разу не изменил своему «эстээру», поскольку без риска не мыслил себе успешной рыбалки, но именно благодаря этому стремлению рисковать – за СТР «Стройный», помимо успешно перевыполняемого плана, и укоренилась недобрая слава.

Каждый раз, уходя в море, капитан показывал экипажу, управлению Невельской базы тралового флота и всем нечистым силам, как можно справиться с невезением, чем, наряду с усмешками, без которых на базе не обходилось ни одно более-менее достойное событие, вызывал к себе искреннее и глубокое уважение. Капитан не по возрасту был твёрд в принимаемых им решениях, не желая сдаваться перед какими-либо трудностями, и всегда верил в свою звезду. А между тем, звезда его ждала на берегу и в нашей истории сыграла не последнюю роль.

Именно с этим капитаном – Михаилом Александровичем Лычиком, мне довелось впервые выйти в море, о котором я ничего ещё не знал, и только через несколько лет мне предстояло понять, что так называемое невезение, якобы стабильно закрепившееся за каким-либо судном, есть ничто иное, как наилучший способ его избежать. На деле, постоянно поддерживая в себе готовность к любым неожиданностям, которые несёт с собой море, и капитан, и экипаж судна просто не допускали для него недоброго «сглаза». Глубоко осознанное и не раз пережитое состояние такой готовности, а точнее – самодисциплина, позволяло команде судна наиболее благополучно преодолеть злой рок, стихию и собственную слабость.

Судно стояло на рейде, команда рвалась в море, на добычу минтая, но у рыбаков существует традиция, по которой перед самым отходом в рейс близкие родственники имеют возможность последний раз посетить их на судне, чтобы пожелать им удачного плавания и посмотреть – в каких условиях будет находиться долгое время в отрыве от семьи их отец, муж или брат. Иными словами – близким людям рыбаков разрешалось на короткое время проникнуться морской обстановкой, прочувствовав за своего родного человека хотя бы чуточку той нелёгкой доли, которую отмеривало ему на весь рейс суровое море.

Портовые власти в этой ситуации убивают сразу трёх зайцев: из суеверных убеждений моряков на сушу обратно не пускают, пророча тем самым экипажу будущую рыбацкую удачу; дисциплину в их рядах блюдут, ибо известно – чем могут закончиться подобные увольнения на берег перед самым отходом в море; и родственникам рыбаков дают время ещё раз попрощаться, хотя бы отчасти причащая их к морской купели, чтобы попробовав, так сказать, солёной водицы, те прочувствовали – почём фунт рыбацкого лиха! С ковша к судну обычно подаётся плашкоут, близкие расходятся по каютам родных и гостят несколько часов, порой – с утра до вечера, после чего в удовлетворении возвращаются на берег, а экипаж теперь уж точно готов к осуществлению самых немыслимых подвигов.

Вот и к нашему капитану прибыла проводить его в долгий рейс подруга, он тогда ещё не был на ней женат, и оставила у него в каюте, на зеркале, надпись на память: «Я тебя люблю». Написала её ярко-красной помадой, большими толстыми буквами, чтобы, значит, наверное, он её все шесть месяцев помнил, не забывал в тяжёлые минуты своего вынужденного одиночества, и благодаря словам любимой женщины выдержал бы с честью все приключающиеся с ним в море невзгоды. В общем, смотрел бы и заряжался недостающей энергией родного человека, будь он хоть сам капитан! Не обошлось без любви и на краю света, среди бородатых мужчин, собравшихся вот-вот оставить землю на полгода и отправиться на ловлю минтая в штормовое Охотское море. Если бы мне привелось описывать этот случай в отдельном рассказе, я бы назвал его просто – «Про любовь».

Отход судна был назначен на следующее утро, первого января. Не обращая внимания на холод, в распахнутой форменной курточке, капитан стоял наверху и отдавал какие-то последние распоряжения. Ветер раздувал его русые волосы, закидывал галстук за спину, уносил отдельные слова. Время от времени капитан исчезал в загадочной темноте рубки. Без его маленькой фигурки белая громадина эстээра казалась неуправляемой.

Но вот мотор муторно и жутко застучал, судно потихоньку развернулось, и берег плавно двинулся от нас – сначала медленно, а потом всё быстрее, так что стали видны все дома спящего Невельска, и через какой-нибудь час город вовсе исчез из глаз.

Море встретило невиданным ещё привольем и безудержной силой, так, что я долго не покидал палубы, нет-нет да выглядывая в распахнутую дверь,

но ничего особенного не происходило. Судно набирало узлы и уходило в неприютное январское море, не оставляя никаких надежд на скорое возвращение. Первое оживление спало. Кругом было море, небо, горизонт, и требовалось немало усилий, чтобы осознать всё это, постигнуть новую неведомую жизнь, на которую я решился.

С первых дней рейса я старался не выделяться, делал свою работу хорошо и не ограничивался только ею. В мои обязанности входило так же жить жизнью экипажа, неукоснительно соблюдая веками установленные законы, которые вступали в силу тотчас после отхода судна. Но многого я ещё не знал, а потому не всё и не сразу получалось.

И всё-таки я стремился соответствовать занимаемой должности матроса-уборщика, поскольку обязанностей у него было предостаточно. Прежде, чем начать свою кухонную работу в помощь кандею, мне требовалось отправиться в холодный трюм за овощами, затем, нагруженный ими, я должен был преодолеть разбитую на секции для рыбы палубу, увёртываясь от настырно обжигающих волн, чтобы, пробравшись на камбуз, встретить там гору грязной посуды, оставшейся после завтрака и извечных ночных шатаний экипажа. Наведя порядок на камбузе, я спускался в холодильное помещение нарубить мяса, а подготовив там все необходимые продукты на день, поднимался с ними наверх, где чистил пару вёдер картошки, успевая переделывать при этом неимоверное количество необходимых мелочей и, разбудив кандея, принимался за тщательную уборку всего судна, начиная с кают комсостава – стармеха, старпома и капитана. Пусть простят меня читатели, поскольку перечисляя все эти многочисленные обязанности, уже описанные в предыдущих главах, я лишь хотел подвести свой рассказ к главному…

Весь первый месяц, пока мы делали пробные замёты, постепенно продвигаясь в основной район лова, надпись «я тебя люблю» в каюте капитана оставалась нетронутой. Убираясь у него, я, бывало, нет-нет да поглядывал на надпись и мысли мои невольно уносились куда-то, где не было ни ветра, ни шторма, ни изматывающей работы, а светило солнце и мне дарили улыбки красивые женщины. От подобных мыслей всегда становилось неловко, и я почему-то сразу представлял лицо подруги капитана, чем она сейчас занимается и действительно ли думает о нём. Её любовь тогда начинала казаться какой-то нереальной, особенно здесь, посреди зимнего Охотского моря, и о самом капитане у меня уже складывалось впечатление как о несчастливом человеке, вынужденном надолго оставлять свою любимую в течение всей своей жизни…

Трудно, наверное, каждый день видеть перед собой нежные слова, написанные твоей женщиной, если её к тому же нет рядом, а ты - порядком измотан. Ветры, шторма и бессонные ночи постепенно берут своё: глаза краснеют, лицо покрывает многодневная щетина, незаметно превращающаяся в бороду, и если ты всё же забываешься в коротком тревожном сне, то прямо в телогрейке, в которой совсем недавно стоял на

мостике. Жизнь твоя – нескончаемое напряжение, в котором, кажется, нет места любви.

И вот когда рыба пошла по-настоящему, и мы только успевали сдавать её на плавбазу, придя однажды утром к капитану – надписи на зеркале я не обнаружил. Видно было, что оно тщательно вымыто и протёрто, а в каюте наведён порядок. Поймав мой удивлённый взгляд, Михаил Александрович только улыбнулся серыми глазами, и, помолчав, неспешно, но твёрдо произнёс:

- С сегодняшнего дня убирать я буду сам. У тебя и так забот хватает.

Затем достал из стола початую бутылку водки, придвинул мне стакан и, налив до половины, кивнул:

- Выпей… С морским крещением тебя. Вижу – справляешься. Так держать! Но как ты к нам сюда попал? Слышал, у тебя – верхнее образование…

Облокотившись о стол, он чуть подался вперёд и опять улыбнулся, весело заглянув мне в глаза.

- Вы спрашиваете, как я оказался на вашем судне?

Капитан, не прекращая улыбаться, молча кивнул головой.

- Да очень просто!

Капитан только слегка вздёрнул брови.

- Чего не предпримешь, когда тебе всего двадцать три года!

- И ты свободен, как ветер, - он опять устремил на меня свой взгляд, но глаза его уже изливали холодную сталь, отчего лицо в мгновение преобразилось, стало серьёзным. – Может, ты ещё в море с детства влюблён?

- И это тоже, - смешавшись, заметил я.

- Но только не осенью и зимой, когда свирепствует норд-вест?

- Должен откровенно сказать, что знание морского дела у меня отсутствует, но тяга к приключениям огромная.

- Призвал, значит, своё сердце, и был им услышан! Верю. Не призван – не ходи, но ежели море позвало – в нём и пребывай… Так?

- Море, наверное, моё призвание. Я это недавно почувствовал в себе.

- Счастлив человек, что может следовать своему призванию.

- Признаю за собой это право.

- Рабочего человека по рукам признать можно, но как мне в тебе, дорогой, твоё призвание разглядеть?

- Если что, петлю на себя надевать я не намерен.

- Ну, в море – горе, а без него и того нет…

- Молодость привыкла отстаивать свою жизнь. Я мечтал обо всём этом…

- Ну-ну… Бабьи узлы вязать разучишься – и то хорошо! А толк из себя ты сам должен сотворить.

Я же, без всякого колебания, уже давно приступил к исполнению возложенных на меня обязанностей, и был готов совершить любой геройский поступок, чтобы исполнить волю своего первого капитана.

А он, как будто ни в чём не бывало, говорит:

- Наука наша морская – простая: море мучит – уму учит, но ты не давай боли волю!

- Бывает, конечно, тошно, да миновать уже никак не можно. Каждому, товарищ капитан, своя болезнь тяжела, но какое это учение, если от него сплошное мучение?

- Верно, свою болячку не чужим здоровьем приходится лечить, и хоть она и не велика, а спать не даёт.

- Как же быть?!

- Иному горе – мученье, а кому-то – ученье. Наука не мука, ежели понимаешь, ради чего принимаешь страдания.

- А многих тошнит на море?

- Случается, что и мне становится так сладко, что инно тошно. Но как бы море не мучило, а умирать не тошней. Про других сказать не могу: каждый сам себе господин.

- Мы когда на пробное траление вышли, из меня словно пробку вышибло!

- Сразу прорвало? Это хорошо. А то, бывает, нескончаемо тягостно подбирается это общее осоловение, нет с ним ни какого сладу.

- Но меня как-то вмиг отпустило, и сделалось так легко, и так возбуждённо-весело, что я почувствовал себя счастливым человеком!

- Но качка-то, всё-таки, не отступит: куда в море без неё? А ты её не бойся: валяет, ну, да и бог с ним!

- Мне всё это подходит!

Капитан подался ко мне, обнял за плечи, и вдруг возбуждённо воскликнул:

- Дорогой ты мой, человечище!

За бортом что-то угрожающе заклокотало и забурлило, судно вздрогнуло, будто отойдя ото сна, по нему пробежала металлическая скрежещущая дрожь, и оно от этого, кажется, ещё более нажало, чтобы поскорее очутиться на месте лова.

- Ледишка пошёл, - торжествующе произнёс капитан. – Под кем лёд трещит, а под нами ломится!

- А не опасно?

- Если бы не ледок, то где нам, рыбакам, взять удачи огонёк?! Куда одна волна лёд положит, там другая его снесёт. В самый промысловый район идём, с моим удовольствием!

А судно, между тем, мучительно, с каким-то тянущим ощущением нескончаемого подъёма, всё взбиралось и взбиралось вверх, затем, остановившись на секунду в завораживающем дух оцепенении, от чего внутри меня тоже всё поднималось и замирало, ухало вниз, стремительно

погружаясь в какую-то неведомую глубину, пока не плюхалось в бурлящие волны, чтобы через несколько секунд вновь взбираться в головокружительную высь… Это невидимое море дышало под днищем судна, и вместе с ним, мы, то тяжелея и вплющиваясь в банки под собой, то приобретая необычайную лёгкость и взлетая, теряли ощущение собственного тела, и к этому болезненному состоянию необходимо было привыкнуть.

- Ничего подобного мне не приходилось испытывать в жизни…

- От жизненных бурь нигде не укрыться, а уж в море – тем паче. Зато – сколько здесь свежести и простора… Он, как ничто излечивает от качки: дыши глубже, моряк!

- А как ещё можно избавиться от морского волнения?

- Кому-то помогает лимон пососать, а иной раз рыбки солёненькой пожевать захочется… Особенно – вяленой. Морская болезнь всех уравнять норовит, но всякий в ней на свою особинку спасается.

Один старый капитан, с которым я ещё молодым штурманом в море ходил, никогда не расставался с курительной трубкой, попыхивая ею всё время, пока бушевала стихия. Он, вообще, кажется, не выпускал трубку изо рта.

Помнится, один электромеханик, его у нас на флоте «светилой» кличут, не переносил в шторм сдавленной обстановки каюты, и постоянно прогуливался по палубе, несмотря на потоки воды, что обрушивались на неё. Я в рубке стою, смотрю сверху, как нос судна, взобравшись на волну, с возрастающей скоростью валится вниз, с уханьем погружается в кромешную морскую темноту, всё бурлит, шипит, рассерженные волны, вот-вот, слизнут нашего «светилу» за борт, а ему хоть бы что. Стоит, не двигаясь, широко расставив ноги, будто вся эта катавасия ему нипочём, и ещё улыбается при этом, всем своим героическим видом будто увещевая кругом нерешительный народ: это, мол, для вас боязное дело, а я не боюсь никого, кроме Бога одного!

- Не всем такими героями быть.

- Да, качка порой становится настолько мучительной, что сейчас, не сходя с места, хочется умереть: лишь бы только прекратилось это отвратительное ощущение потерянности, безразличия. Качка неимоверно выматывает, она может длиться и день, и другой, и третий, так что охватывает полнейшее равнодушие, и лучше всего прекратить это волнение в себе таким же насильственным способом, как это выходит у моря.

- Как же это?!

- Когда уже, кажется, нет ни воли, ни желания, ни сил, в тебе должна появиться решительность: тогда ты моряк! Подумав, что невозможно обойтись без решительного поступка, - решайся на него, уже не думая. Вот и весь секрет. Всё равно, как бы тебе привелось броситься в огонь или воду для спасения человека. Только в случае с зависимостью от морской болезни, ты должен спасать самого себя.

- Так на что же необходимо решиться?

- Выйти навстречу шторму! И тогда ты почувствуешь, как крепко, свежо и радостно пахнет морским воздухом. Как он тебе, оказывается, дорог, и то, что ты переживаешь сейчас, тебе уже не суждено пережить никогда!

Слушая капитана, я вдруг представил себе, как невероятно цельно и правдиво бушующее море, до такой степени всё происходящее в нём насыщено неподражаемой красотой и силой, отчего мне и самому сразу захотелось рваться и бурлить, сметая любые преграды на своём пути к желаемой цели. Ты и море – едины, вот что я почувствовал за первый месяц плавания, и в соединении с мощью этой природной стихии стал чуточку сильнее.

- Если небесные силы хотят сделать человека счастливым, то ведут его трудной дорогой, сказал напоследок капитан.

- Лёгких путей к счастью не бывает?

- Счастье – это не конечный пункт, а нескончаемый путь. Делай то, что делает тебя счастливым, и каждый день будет приносить радость.

Никогда, наверное, не забыть Михаила Александровича Лычика – самого дорогого капитана, который был и, навсегда, остаётся для меня среди встреченных за жизнь людей первым после Бога!

Когда ты оказываешься в море, то невозможно перезнакомиться со всем экипажем сразу: каждый здесь занят своим делом. Должно пройти достаточно времени, чтобы это самое дело столкнуло тебя с кем-то из штурманов, механиками или мотористом, с матросами и капитаном, наконец, с чифом и боцманом, а о существовании на судне «маркони» - то есть, радиста, ты лишь подозреваешь, потому как за первый месяц плавания вообще его не видел… На судне, во время всего рейса, непременно должно произойти что-то особенное, когда кто-то из членов экипажа обратится к тебе с просьбой, может быть даже пожелает познакомиться, если обнаружит в этом потребность, или ты сам заинтересуешься работой тралмастера или «светилы», как называют на флоте электромеханика, и между вами возникнут товарищеские взаимоотношения. Отношения в море складываются сами собой, так обычно выходит, и это очень верно в том смысле, когда с наскоку ничего хорошего не получается, всему, особенно в море, имеет быть своё время и место, и пока оно не пришло, ты вынужден, в первую очередь, смотреть за тем, чего стоишь сам.

Но кто знает самого себя, если он, хотя бы однажды, не побывал в море? Море не научит ничему худому, оно повышает в человеке крепость и силу ответственности: в первую голову – перед твоими товарищами, ну, и конечно, перед собой. В море человек быстро осознаёт, что хлопнуть дверью у него здесь не получится, и всё, что он когда-то не ценил в своей жизни, имеет свою немалую цену.

Очень скоро ему становится ясно, что обойтись без честного отношения к себе и своим возможностям недопустимо, если хочешь добиться уважения. А что может быть более ценное, когда на полгода уходишь в море?

Разумеется, доброе отношение друг к другу, от добра худа не бывает, потому как добрый товарищ – половина дела, цену ему только в дальней дороге узнаешь…

Завоевать уважение к себе, ясное дело, не просто, так кажется многим. Но если взять за правило делать только своё дело, прежде – определив его для себя, то выйдет, как раз, тот самый честный расклад, что устроит всякого, сомневающегося в тебе человека. Нужно лишь быть честным во всём, и тогда будет нечего и некого бояться.

Ведь всё, что человеку нужно, если быть точным, у него уже есть, он об этом, чаще всего, даже не подозревает, и это – его нескончаемая, ничем не ограниченная свобода выбора, право, которым он может воспользоваться в любую минуту своей бесценной жизни, но, как правило, не делает этого… В море же подобное пренебрежение к собственной природе не проходит, человек вынужден прилагать усилие, да и до моря ему ещё необходимо добраться, набравшись мужества потерять берег из виду… А это требует немалых душевных усилий!

Так кто и как узнает самого себя, если он не совершал этих усилий на пути собственного роста? Далеко не всякий идёт к истине, путь которой сродни с головокружительным восхождением. Но даже, когда вершина близка, и ты, вроде бы, до неё почти добрался, взору открываются новые, ещё более крутые вершины и бездонные морские пространства. Откуда знать: что тебя там ещё ожидает? Наградой твоему пытливому сердцу – собственная решительная отрешённость, с какой ты приносишь в жертву всю свою жизнь, и тогда она оказывается для тебя необыкновенным благом.

Жить своей жизнью, создавая собственное бытие, единое со всей Вселенной, и означает быть самим собой: всё, что нужно человеку. Вы есть – и это уже непередаваемое счастье, ибо правдивое отношение к себе и жизни подразумевает путь к Богу. Доверяйте себе, такому, какой вы есть, этого вполне достаточно, чтобы получать удовлетворение от жизни. Для этого, конечно, необходимо бесстрашие: решитесь на него, и превратите свою жизнь в настоящее цветение.

И вот, если ты однажды, всё-таки, решился отправиться в дальнюю дорогу, преодолел и вытерпел всё на пути познания самого себя, тебе становятся понятными и море, и люди, работающие в нём. Прекрасные простые люди, что всю жизнь ходят в море, выполняют тяжёлую работу, переживают друг за друга и гордятся своим судном. Люди моря…

Сначала я думал, что самое плохое в жизни моряка – это всё время разные люди. Не успеешь узнать человека, как уже надо с ним расставаться и идти в море с другими. Немало морской водицы пришлось выхлебать мне, прежде чем я стал принимать незнакомых людей сразу и бесповоротно.

Человека, если он не один год ходит в море, распознать нетрудно, и тяжёлый характер тут не помеха. Лёгкий человек на поверку часто оказывался занудой и хлюпиком. Такой в море – что кит на пирсе, весь на виду. Долго он не выдерживает и уходит, а море неотступно следует за ним

по пятам, с шумом накатываясь на берег, слизывает равнодушно следы, как будто его и не было на самом деле.

Встреченные мной новые лица неожиданно оказались самыми обыкновенными людьми. Они были по-человечески великодушны и щедры, опасная и тяжёлая работа не сделала их жестокосердными и осторожными. Умея преодолевать себя и быть непримиримыми к трусости и лжи, они, тем не менее, могли опуститься до самого непутёвого простодушия. Впрочем, давно выработанная в себе стойкость и умение собраться в короткий миг не позволяли им достаточно опасно увлечься на этом пути.

Люди эти умели взять себя в руки, не записывая на свой счёт пустой похвальбы о неминуемом исполнении самых недостижимых желаний. Они были просто по-настоящему мудры, не ставили себе это в заслугу, и скромно и надёжно вели своё моряцкое дело. Здесь, вдали от родных берегов, это ощущалось как нигде реально и ёмко.

И я, наконец, понял, что те, кто остаются где-то там, далеко в перенаселённых городах, всю жизнь добывая не имеющие к ним никакого отношения знания и даже не пытаясь им во чтобы то ни стало следовать, неминуемо оказываются не удел, принимая свои неудачи насчёт невезения или какого-либо ошибочного поведения… Они, конечно, уповают на то, что ещё многое сумеют совершить, в этом у них не возникает никаких сомнений, и мечтают когда-нибудь непременно достичь высоких целей, но почему-то не делают этого, между тем, самым старательным образом посвящая всё отпущенное им время на что-то несущественное. На всю эту возню уходят целые годы, вместо того, чтобы с самого начала присмотреться к ценности собственной жизни, внятно прислушаться к глубоко скрытому внутреннему голосу и, открыв, в первую очередь, для себя самого свой неповторимый мир, развить его как можно талантливее. Научившись же понимать голос живущей в себе природы, человек, безусловно, познает смысл деяний единого Творца.

Без всякого страха смотрел я на развернувшееся передо мной море. В который раз открывая, благодаря его красоте и силе, что-то значительное, меня словно осеняла внезапная возможность жить там, где хочется, видеть и слышать то, что есть на самом деле, попытаться найти слова и выразить смысл всего происходящего. Море дарило убеждённость в собственных поступках, и оказавшиеся старыми новые лица с каждым разом только более укрепляли её во мне. За это я был им искренне благодарен.

«РЫЖИЕ, РОЗОВЫЕ, ГОЛУБЫЕ»

Давно известно, что любой флот славен традициями. Традиции на флоте очень сильны, вероятно, потому, что свобода действия у моряков также традиционно ограничена. За свою древнюю историю флот претерпел немало нововведений, многие из которых, как бы нелепо они на первый взгляд не выглядели, всё же помогли одержать морякам ту или иную победу в борьбе с собственными страхами и нерешительностью.

Обычно полюбившееся новое незамедлительно облекалось в традиционную оболочку, зачастую приобретая при этом весьма неожиданные черты и свойства. Эти черты и свойства во многом изменяли первоначальный облик нововведения, не выхолащивая, однако, его действительной сути. Не угасшие и длительное время просуществовавшие в море традиции наиболее бережно хранимы моряками, потому что именно в них заключена надежда на не всегда прочное настоящее и вероятность успешного завершения плавания.

Работая в море, а ранее – много читая о нём, начинало создаваться впечатление, что без укоренившихся на флоте традиций моряки просто не представляли своё существование, и присутствовали эти традиции в их морской жизни в великом количестве. Сродни им были и традиционные суеверия, среди которых оказывались необыкновенно забавные. А сколько во имя этих суеверий было сотворено в море занимательных нелепостей, между тем избавивших от разного рода напастей, и вовсе не перечесть!

Вспомнить, хотя бы, Джошуа Слокам: совершивший на яхте первое кругосветное путешествие, сам он плавать не умел! Как и Эрик де Бишоп, отстаивающий теорию, противоположную Туру Хейердалу: он попытался совершить плавание на плоту из Полинезии в Южную Америку и обратно. До этого Бишоп плавал юнгой на корабле, ходил вокруг мыса Горн, был лейтенантом дальнего плавания, командиром минного тральщика, затем пилотом морской авиации, капитаном каботажного плавания в Полинезии и в 30-х годах прошлого века совершил путешествие из Папеэте в Канн вокруг Австралии и мыса Доброй Надежды на двойной полинезийской пироге… Но плавать так и не научился, и всё же решался каждый раз на очередное плавание! Однажды он сказал об этом так: «Я и не хотел никогда учиться. Был уверен, что как только научусь, сразу же утону после этого».

Никогда моряк не был боязливым, и тем не менее он во все времена оставался суеверным… Это начиналось уже с постройки судна. Чтобы парусник обладал добрыми мореходными качествами, для его постройки следовало употребить несколько краденых брёвен. Под мачту, перед тем как её поставить, клали золотой. Из-за соблюдавшегося прежде пятничного поста считалось предосудительным пускаться в море в пятницу… Издревле форштевни кораблей украшались изображениями зверей, которых почитали как божества, приписывая им чудесные свойства. На многих грузовых парусниках форштевень венчался вырезанной из дерева конской головой:

вера в спасительное действие символа лошади была настолько крепка на кораблях, что вплоть до начала XX века моряки охотно прибивали к грот-мачте конскую подкову.

Великое время носовых фигур наступило в ХУ1 столетии, с началом глобального мореплавания. Испанцы, например, называли большинство своих кораблей именами католических святых, и эти святые плавали вместе с ними в виде носовых фигур. И ни один моряк не нанимался на корабль, сменивший имя и носовую фигуру.

Самой известной и традиционной легендой, которой пугали друг друга матросы, была, конечно, легенда о Летучем Голландце. В каждой стране, оказывается, был свой «Голландец», и далеко не всегда он являлся голландцем по национальности. Основанием же для этой легенды служили встречи в море с таинственно проносящимися мимо безмолвными парусниками, а также исчезновения кораблей со всей командой. За какое-то совершённое капитаном судна или всем экипажем преступление корабль и его команда оказывались наказанными судьбой и были превращены в призраков, обречённых вечно скитаться по морям. Само же название «Летучий Голландец» произошло оттого, что проклятый корабль и в мёртвый штиль мчался под полными парусами.

К примеру, какому-либо судну нельзя было пытаться обойти мыс Горн, южную оконечность Америки, в Страстную пятницу при встречном ветре, но капитан не поверил в суеверия, нарушил святой запрет, отчего и угодил в беду. Несколько дней его корабль боролся со встречным ветром, а потом исчез. И теперь, по велению небес, он будет вечно пытаться обойти проклятый мыс, спустя многие годы попадаясь морякам разных государств. Паруса давно сгнили, и лишь их клочья болтаются на мачтах, но сам капитан стоит на мостике, сжимая в зубах трубку, и по груди его стекает кровь. Если кто-то встретит такой призрак, вероятнее всего, что и ему скоро придётся потонуть. Невероятно крепки на флоте и суеверия, и традиции.

Подрастающее поколение матросов зачастую не знает даже о самых элементарных традициях на флоте, касающихся, к примеру, одежды… И чёрные ленты матросской бескозырки, свисающие с затылка, и широкий, угловато распластавшийся на плечах воротник матросской блузы – всё это следствие достойных глубокого уважения морских правил. Начало этому положил обычай удальцов с парусных кораблей носить косичку, которая закреплялась просмоленной до черноты лентой со свисающими наподобие шлейфа концами. Для того, чтобы при этом не пачкалась куртка, за спиной пристёгивался длинный четырёхугольный воротник из тёмной ткани. В один прекрасный день косички были упразднены, а воротники остались. На них только позднее появилось три белые полоски.

Проявили упорство и чёрные ленты для косичек: их закрепляют ныне на матросских фуражках-бескозырках. Они свисают за спиной матроса, как косички прежних времён, напоминая о лихой моряцкой профессии. На части ленты, опоясывающей околыш фуражки, наносятся литеры названия корабля.

Длина матросских лент иной раз была просто поразительной: их концы свисали буквально до поясницы. Это должно было наглядно свидетельствовать, что владелец лент вернулся из дальнего плавания. Также украшались и проделавшие длинный путь корабли: на фок-мачте такого ветерана развевался длиннющий вымпел.

В кругу моряков, за долгое время общения их с морем, повелось множество поверий, и одно из них, что души моряков после смерти перевоплощаются в какую-либо птицу или морское животное. Например, в черепах, как считали те, кто частенько бывали в морских походах у Галапагосских островов. Внешний облик этих животных заключал в себе отрешённый, проникнутый самоосуждением вид, которого мог быть удостоен только грешный моряк. Ни в каком ином одушевлённом теле не выражалась так очевидно извечная печаль и безнадёжность существования, как в черепахах, что, несомненно, подходило после смерти только человеку.

По другому поверью, бытующему среди скандинавских рыбаков, постоянная неприкаянность и жажда бесконечных странствий обеспечивали ушедшему из жизни моряку обличие малого буревестника или чайки, которое, по их мнению, как ничто выражало вознёсшуюся после кораблекрушения душу. Злыми ли чарами были околдованы души моряков, обернувшиеся в результате кончины в морской пучине в этих надоедливых и вездесущих птиц? А может быть в подобных перевоплощениях нужно усматривать больше романтики морских дорог, преимущественно возвышенную, склонную к мечтаниям душу? Но сколько же их безвозвратно забрало море, и главное – во имя чего? Все поверья, в том числе – связанные с морем, это, наверное, просто глубоко скрытое желание людей вернуться к своей родной стихии.

Кстати, ещё в X1X веке океанологи установили, что животные, живущие в океанских глубинах, после смерти попадают на дно и там сохраняются так, как если бы они покоились в растворе формальдегида. Изоляция от воздушной среды, высокая солёность и огромное давление на глубине, несомненно, делали распад невозможным. В царстве Нептуна рука разложения была бессильна, и даже быстро гниющие вещества, попадая на дно, спасались от тления.

Сотни лет назад моряки также полагали, что море бальзамирует трупы. И когда на борту какого-нибудь корабля или судна умирал моряк, его тело зашивали в койку /койки на старом флоте – это, обычно, подвешенные гамаки-качели/, к ногам привязывали два пушечных ядра, и затем труп бросали в море ногами вперёд. Считалось, что мёртвое тело не будет затронуто разложением, что оно будет «жить» на дне, а душа моряка, в лучшем случае, превратится в чайку.

Это было, пожалуй, одно из основных суеверий, так же как и бытующее морское выражение: «Сыграть в сундук дядюшки Джонса», что означало просто погибнуть. По английским морским преданиям Дэйви Джонс был злой дух моря, а ввели в обиход это выражение никто иные, как

пираты, выходцы с британских берегов. «Сыграть в сундук дядюшки Джонса», по тем временам, считалось делом обычным, как бы неотъемлемой и скорее даже неминуемой частью быта моряка, и потому относились к этому спокойно, даже с юмором. Суровый юмор тоже оставался для моряков утешительной традицией в их нелёгкой морской жизни.

Но вот самой забавной и трогательной морской традицией оставалась, всё же, приверженность моряков к … земле, в какие бы дальние странствия они не отправлялись, вернее – их неистребимое желание брать с собой в море какую-нибудь живность. Бесконечные водные поля, навевающие неистребимую тоску, обезумевшие от собственного однообразия шторма, вдрызг выматывающие душу и мозг, а главное – обречённость людей на длительное существование без земли породили эту своеобразную традицию. Век технических реконструкций и ультрасовременных нововведений в корне изменил обиход моряков, заполонив каюты многоликими телеэкранами, холодильниками, кондишенами, мягкой мебелью и ковровыми дорожками, надёжно хранящими в своих ворсистых шкурах отголоски команд, топот ног, все корабельные звуки. Пришедший на флот комфорт немилосердно сравнял старинную морскую экзотику с почти роскошной осовремененной обыденностью. Но этого представителям суровой морской профессии оказалось недостаточно: они желали бы, наверное, скорее загнуться от крысиных блох, кишмя кишащих в полуистлевших переборках, или, на худой конец, околеть на затиснутом льдами хрупком многомачтовом паруснике, но сохранить за собой привилегию на маленькие человеческие слабости.

Любознательность человека, его стремление непременно заглянуть за горизонт неизведанного, как это ни противоречиво, сильнее чувства самосохранения. Человека неодолимо тянет в дальнюю морскую дорогу, куда ему бывает просто необходимо захватить упоминание о земле. И он берёт с собой предметы, порой самые неожиданные, ничуть не смущаясь и даже радуясь своему постоянству, поскольку ничто так не дарит уверенности в себе, как способность сопереживать.

Теша себя подобного рода развлечениями, моряки приближали к себе ощущения и запахи, свойственные земле. Пример меньших братьев, независимо от обстановки находящихся всегда поблизости, оказывал необходимое воздействие лучше любого, самого эффективного возбудителя. Испокон веков Богом и чёртом крещёные мореходы, уходя в море, брали на борт кошек, собак, козлов, попугаев и даже змей, совсем не считая всю эту тварь панацеей от бед. Зверьё обретало на всевозможных судах приют только лишь в силу обыкновенной человеческой сентиментальности.

Правда, иногда взятые людьми в море звери могли оказать им и верную службу… Древние полинезийцы использовали в море разные способы ориентировки – по солнцу и звёздам, течениям, полёту птиц, но когда их судно окончательно сбивалось с курса, они прибегали к последнему отчаянному средству – бросали за борт … свинью. Уходя надолго в море, они обычно грузили в каноэ с десяток свиней, в первую очередь, на случай, если

кончатся запасы еды, но главное – чтобы отыскать землю. Свиньи помогали в тех случаях, когда рулевой сбивался с курса, а поскольку у свиней особый нюх на землю и они чуют её даже за несколько десятков миль, то животное бросали в воду и наблюдали за его поведением. Если свинья начинала бесцельно кружить у каноэ, все понимали, что надежды почти не остаётся, когда же она после некоторой растерянности устремлялась в определённом направлении, у экипажа появлялась надежда. Всё зависело от расстояния до ближайшей земли, чтобы свинья не выбилась из сил и не утонула. Людям лишь оставалось плыть за своим поводырём, пока на горизонте не покажется желанная земля и молить Бога о спасении.

В смысле приверженности морским традициям, а также отдавая дань любви к родным берегам, заслуживает внимания и тот факт, что профессиональный жаргон моряков просто нашпигован названиями самых разнообразных животных, приспособленными для обозначения предметов совсем иного рода. Под «угрём» моряк понимает канат, а под «конём» - перт, трос, натянутый под реей, стоя на котором матросы крепили паруса и брали рифы. Эзельгофт – двойное кованое или литое из стали кольцо для соединения вершины мачты со стеньгой, являющейся её продолжением, получил своё название от немецкого слова «эзельхаупт» - «ослиная голова». Окон на корабле раньше не было, а были «бычьи глаза». Рыбаков называли «пикшами», червей же в солонине или сыре – «слонами». Имелись, наконец, «камбузные жеребцы» - коки, «собачьи вахты», «девятихвостые кошки» - плети, и «крысиный яд» - водка или ром. «Звериные названия» преобладали и в оценке погоды. При свежем ветре вокруг корабля плавали «белые гуси». При ветре до пяти баллов волны «лаяли», как собаки, при восьми баллах они «бодались, как бараны», а при десяти – «ревели, как быки».

И так, традиция брать с собой в море разное зверьё не обошла стороной и наш эстээр, воплотив в полной мере неиссякаемую древнюю традицию. Имея на борту большущий шарообразный аквариум с чудесными рыбками, обладающий способностью не выливаться во время шторма, светло-рыжую, общительного характера псину – Чижа и самого настоящего поросёнка по кличке Чу, команда ещё раз подтвердила своё непреодолимое жизнелюбие и верность морским неписанным законам.

Светло-рыжий, с загнутым кверху пышным хвостом, пёс по кличке Чиж был всеобщим любимцем экипажа, который дружно признавал в нём своего законного члена. Чиж был совсем молодой и хитрый: любви и уважения не замечать он не мог, но виду не показывал, и каждый раз с максимальной выгодой для себя их использовал. Все это знали и всё же не могли удержаться от хотя бы ласковой фразы в его адрес.

Чиж был весь такой мягкий, живой, и морда его так симпатично расплывалась в длинной улыбке, что всегда хотелось потискать пса за загривок. Пёс не лаял и не рычал, а валился покорно на бок и, повиливая пушистым хвостом, затуманенным от наслаждения взглядом косил

исподтишка, пытаясь до конца удостовериться в благих намерениях по отношению к себе.

Без него не обходилось ни одно дело, требующее хоть малейшего риска и сноровки. В такие минуты Чиж всегда появлялся молниеносно и начинал действовать, но суеты в его движениях никогда не было, словно пёс догадывался: главное – появиться, а возьмут его с собой обязательно. Лучшие куски с камбуза шли капитану и Чижу.

Такой невозмутимой жизнью прожил Чиж на судне около трёх лет и до того с ней пообвыкся, что даже в порту, на перестое, палубы не покидал, на местных красавиц никакого внимания не обращал, словом, выглядел последним сибаритом, вызывая тем самым непроходимую зависть у портовых кобелей и сучек. Когда начинали заводить швартовы или стравливать якорь, Чиж незаметно для всех куда-то исчезал и возникал только тогда, когда трап на берег был спущен, строп-сетка под ним закреплена, и весь экипаж, свободный от вахты, покидал борт судна.

Подобное поведение Чижа вряд ли можно было объяснить его искренней преданностью морской стихии: любое волнение, вплоть до незначительной зыби, пса неимоверно раздражало. Он сразу забирался в какой-нибудь укромный уголок и, ревниво урча на нагло переваливающиеся через фальшборт пенистые солёные волны, терпеливо просиживал в своём укрытии, пока море не успокаивалось. Скорее, здесь был замешен случай, о котором сам Чиж, наверное, вспоминал с большой неохотой.

Дело происходило на одном из островов Малой Курильской гряды. После длительной и утомительной не только для обыкновенной псины, но даже для закалённого матроса, многомесячной болтанки мастер принимает решение зайти ненадолго в пользующийся широкой популярностью среди плавающего люда порт с целью запастись свежей водичкой, кое-каким провиантом и дать ребятам передохнуть день-другой, чтобы, значит, поднять их боевой дух на должный уровень. За всю свою морскую бытность ему приходилось сталкиваться с самым разнообразным контингентом, пунктуальности он был беспримерной, и к точному возвращению на судно он всю команду давно приучил, с твёрдой уверенностью зная: к моменту отхода экипаж, вне зависимости от степени невменяемости, в полном составе будет присутствовать на борту.

Вот и тогда он также своим морским характером блеснуть не преминул: как только ноги трального, в его кованых кирзачах, матросами аккуратно от поверхности причала были отделены, Михаил Александрович приказал всем по местам стоять, со швартовых сниматься, и никто в сутолоке на отсутствие Чижа внимания, конечно, не обратил. А когда хватились – было уже поздно.

Чиж по склонности своего молодого нерастраченного организма портовой сучкой Матильдой увлёкся, обо всём на свете позабыл, и к отходу судна самым бессовестным образом опоздал. По всеобщему признанию команды, Матильда того стоила, потому как была девицей привлекательной

и к тому же не в меру развратной. Чиж, значит, на её неотразимые прелести клюнул, и нелёгкая понесла его по незнакомому посёлку. Но та же, нелёгкая, и вынесла его тугим рыжим шаром с печальным для него опозданием на пустынный причал, и от переполнявших его мятежную душу чувств Чиж в отчаянии чуть не свалился в воду.

Команда полным составом, затаив дух, наблюдала за неимоверными перемещениями своего любимца, то и дело взглядывая в сторону рубки, но мастер оставался твёрд: возвращаться, согласно предсказаниям всякого суеверного люда, встречающегося и на флоте тоже, не пожелал и таким образом ещё раз всему экипажу свою непреклонную волю продемонстрировал. Жалко было, конечно, Чижа на произвол судьбы оставлять на незнакомом для него острове, но делать нечего.

Только через полтора месяца, на обратном пути, радист со светилой с большим трудом выудили Чижа из какого-то захудалого собачьего питомника. Чиж угодил в него по причине своей полнейшей беспризорщины, в то время как Матильда снюхалась с псом по кличке Аванс. От частых переживаний, нежданно-негаданно навалившихся на незакалённые плечи Чижа, тот совсем захирел, и если бы не своевременная помощь – всё могло закончиться очень плачевно. С тех пор Чижа на берег, даже в родном порту, выманить ещё никому не удавалось, и таким образом сделался он насквозь морским псом.

Но была у Чижа одна странная черта, впоследствии послужившая поводом, с одной стороны, для необузданного веселья молодой части экипажа со снисходительными улыбками стариков и, с другой, для беспросветных мучений на протяжении всего рейса старшего помощника капитана.

Навечно утвердившееся в душе Чижа желание ни под каким соусом не покидать борт судна и его довольно миролюбивое отношение к личному составу компенсировалось лютой ненавистью к прихожанам, которых пёс кусал за ноги без разбора и молча. Причём, делал он это не по характеру расчётливо и коварно, как будто сначала даже не обращая никакого внимания на свою жертву.

Пёс, обычно, тяжело вздохнув, лениво укладывался на палубу у самого окончания трапа и, умостив свою большую голову на лапы, умиротворённо закрывал глаза. Вид у него при этом был самый блаженный. Но стоило только какому-нибудь чужаку, вне зависимости от рангов и регалий, ступить на борт, как пёс, молниеносно подобравшись, неустрашимо бросался к опешившему незнакомцу прямо в ноги и, бесцеремонно прихватив того чуть выше лодыжки, уже не отпускал до тех пор, пока кто-нибудь из команды не оттаскивал его прочь.

Прихожанин, понятное дело, выказывал до глубины души оскорблённые чувства и требовал заслуженного возмездия, на что опять же кто-нибудь из команды резонно отвечал, что шляться по чужой палубе без спроса никому не позволено и, мол, любые угрозы псу нипочём, поскольку

он заслуженный член экипажа и чихать хотел на всякие постановления. Ещё при этом обычно перечисляли все его достоинства и напоминали, будто невзначай, о нелишней осторожности на будущее. В итоге оказывалось, что пришелец сам во всём виноват и для него же будет лучше, если он, не отходя от кассы, как говорится, попросит у Чижа прощение за содеянную оплошность. Вообще, портовое начальство уже неоднократно пыталось «списать» Чижа на берег, но неоспоримый авторитет мастера делал своё дело.

И вот, через месяц после начала рейса, к нам на судно флагман присылает капитана-наставника, чтобы тот настрой всего личного состава во главе с молодым капитаном поддержал и своим богатым опытом просоленного волка-моримана поделился.

Высадка мудрого наставника происходила глубокой ночью, под покровом непроглядной черноты, и Чиж такое знаменательное для себя событие, конечно, мимо своих зубов пропустил, потому как дрых без задних ног. Стыковка судов произошла молниеносно, и наставник, как он был поднят в физкультурном костюме, так в таком виде и сиганул к нам на борт с портфелем под мышкой. Присутствующие при этом члены экипажа ещё, помнится, остро пожалели, что Чижа в этот момент не оказалось поблизости, - больно заманчивый объект для нападения являл собой растерянный со сна пассажир.

Поселили капитана-наставника в одной из носовых кают, и для того, чтобы, скажем, пробраться в кают-компанию к завтраку, ему требовалось неминуемо продефилировать возле того места под трапом, где Чиж любил погреть бока в холодное время, потому что разделяющая отсеки переборка всегда дышала жаром машинного отделения.

Наутро наставник, как ни в чём не бывало, отправился заморить червячка, и уже было переступил через последний комингс на пути к гостеприимной кают-компании, как Чиж, ещё задолго до появления наставника почуяв чужеродный запах его физкультурных штанов и кровожадно притаившись в тёплом углу, стремглав ринулся навстречу обомлевшему от неожиданности старичку. Всё это, нужно заметить, происходило без обычных для такого щепетильного случая свидетелей, и старый покоритель морей и океанов, невзирая на свой почтенный возраст и неисчислимые перед флотом заслуги, полным ходом, без отработки, двинул обратно в каюту и не выходил из неё уже до самого обеда.

Наш мастер, так и не дождавшись в кают-компании своего наставника, был немало удивлён его странным поведением, поскольку последний за долгие годы работы на море должен был довести в себе дисциплину до автоматизма, но, решив, что тот с дороги просто отдыхает, не стал попусту беспокоить.

Не появился долгожданный наставник и на обеде, и это озадачило не только капитана, но и старпома, который, в свою очередь, предложил самочувствие почтенного коллеги немедля проверить и тут же об этом

мастеру доложить. Здесь, я подозреваю, чиф преследовал и корыстную цель: наставника, благодаря случившемуся с ним нездоровью, постараться охмурить, и себя в лучшем свете представить.

Растерянному и малость оголодавшему наставнику ничего не оставалось, как открыться во всём старпому, а тот, к своему огромному удовольствию, побожился, что старого мастера в обиду никому не даст и любыми путями, во что бы то ни стало, в кают-компанию проведёт. Ещё старший помощник убедительным образом своего коллегу заверил в несокрушимой никакими тёмными силами его дружеской поддержке, вкрадчиво при этом объясняя, что он сам пса этого терпеть не может и неоднократно об этом мастеру докладывал, что пора, наконец, на судне должный порядок навести, а то сущий зверинец развели, и никто ни за что не отвечает. И он, мол, старший помощник капитана судна, вверенной ему властью обязуется в ближайшее время беспорядок этот в корне пресечь, за что голову свою светлую на отсечение готов отдать, в противном же случае руки на себя наложит.

Словом, подобными заверениями он старенького наставника всё-таки успокоил, и из каюты в коридор за собой уже почти вытянул. Но того, так просто, голыми руками не возьмёшь, он огонь и особливо воду с медными трубами уже не раз в себе преодолел. В итоге - к успокаивающим речам старпома относится осторожно и правильно делает, потому как, тем временем, Чиж вдоль переборки к ним неуловимой тенью подбирается: вот-вот в ехидном оскале готов отвислые штаны наставника куснуть…

Чиф, завидев боковым зрением передвижения ненавистного злоумышленника, в то же время всеми силами отчаянные попытки уважаемого коллеги по отступлению в каюту старается предотвратить, ногой наглого пса в морду пихает и глазами, для пущего идиотизма, страшно поводит. На Чижа подобные действия старшего помощника влияния никакого не оказывают, а только ещё более распаляют, и вместо того, чтобы, наконец, обстоятельно и вплотную чужеродным объектом заняться, пёс неожиданно чифовые портки зубами прихватывает и с неимоверной скоростью начинает головой вращательные движения попеременно в разные стороны совершать.

Капитан-наставник такому раскладу, естественно, только рад: незримым броском, в считанные доли секунды, достигнув долгожданной кают-компании, он трясущимися руками на несуществующую задвижку дверь запирает, ножкой лихорадочно при этом притоптывает и дикими глазами безмолвно опешившим от несуразности происходящего матросам что-то объясняет. Те, со своей стороны, ничегошеньки не в состоянии понять, да и вмешиваться в дела начальства никто из них не желает, потому, как это начальство сам чёрт не разберёт, и в результате виноватым опять же не иначе как тебе оставаться. И уж только когда душераздирающие вопли старпома достигли наивысшей точки своего безудержного отчаяния, насквозь пронзив металлические переборки, помощь ему была оказана.

С того самого момента Чиж никого, кроме старпома, забыв даже вновь прибывшего капитана-наставника, более не замечал и, злобно затаившись под трапом, ежечасно своего неприятеля там подкарауливал. Он, по-видимому, и раньше чувствовал нелюбовь чифа к себе, а теперь лишний раз в этом убедился. Чиф-великомученник перед всем экипажем тоже официально объявил, что Чижу этому паршивому суждено быть на судне только через его, то есть – старпомовский, труп, и что он эту заразу любыми путями выведет. В сложившихся обстоятельствах капитану ничего не оставалось, как удовлетворить жёсткие требования чифа, и Чиж в скором времени, на попутном судне, следующем в родной порт приписки, был под всеобщий траур личного состава отправлен.

Во время расставания, уже на борту чужого траулера, с Чижа всю гордыню как рукой сняло. Опершись передними лапами на тамбучину у кормы, он, вздрагивая всем телом и отчаянно виляя рыжим хвостом, с невыносимой тоской глядел вслед удаляющемуся судну.

Тяжёлые серые тучи равнодушно льнули к самой воде. Мокрый бесцветный лёд, задевая поржавевшие бока траулера, жалобно поскрипывал. Три сиплых гудка, поочерёдно повиснув в тоскливом пасмурном воздухе, медленно растаяли.

Судно уже исчезло в тумане, а команда ещё какое-то время неловко топталась вдоль борта. Всем было очень жаль Чижа и как-то одиноко. Особенно переживал старший механик: Чиж был его главным любимчиком, потому что он сам его щенком на судно в хозяйственной сумке приволок, выходил, выкормил и всяким морским командам обучил. Чиж, в свою очередь, рядом с каютой деда под трапом поселился, поначалу только его одного признавал и, быть может, именно поэтому своё недружелюбие по отношению к незнакомцам каждый раз выказывал. Очень больно было стармеху с Чижом расставаться, и простить такую обиду чифу он, конечно, никак не смог…

Вахта старпома на всех судах, независимо от назначения, класса и устройства, официально морским уставом установлена продолжительностью в четыре часа через восемь, ежедневно с двенадцати до четырёх. Безукоризненно следуя заведённому распорядку, чиф каждый день, после обеда, ровно без пяти минут двенадцать покидал кают-компанию и не спеша поднимался по трапу на мостик, где в ожидании скорого принятия вахты со смаком выкуривал первую послеобеденную сигарету. Но с тех пор, как Чиж покинул борт нашего судна, а старший механик воспылал к чифу вполне справедливым, на его взгляд, возмездием, количество послеобеденных сигарет, потребляемых старпомом, значительно возросло.

Когда, преисполненный служебного долга, чиф, забывая при этом обо всём на свете, устремлялся вверх по трапу, там его уже поджидал дед. Артистично выдержав необходимую паузу, он вдруг выскакивал откуда-то снизу и с остервенелой рожей принимался, бесподобно подражая своему оскорблённому любимцу, заливисто тявкать, рычать, издавать

умопомрачительные, холодящие кровь звуки, не на шутку норовя ухватить старпома за пятки. Ничего не подозревающий старпом, естественно, сначала бледнел, цепенея от охватившего всё его существо ужаса, затем, непроизвольно приседая и растворяя рот, издавал неудержимый вопль души, глаза его стекленели, и через какую-нибудь секунду, в таком идиотском виде, он появлялся на мостике. Там до него, конечно, доходило, что пса на судне, никоим образом, быть не может, и налицо - явные проделки старшего механика. После чего возмущённый чиф строчил очередную докладную мастеру, где излагал своё непозволительно пошатнувшееся в экипаже положение, требуя немедленно оградить себя от злостных и несправедливых нападок не в меру разошедшегося бескультурщины-деда, а то он, старший помощник капитана, за себя, и более того – за сохранность судна, не ручается.

Мастер отечески журил своего не по возрасту разыгравшегося стармеха, но поделать ничего не мог. Обида деда была настолько велика, что он, несмотря на капитанские предупреждения и своё солидное положение, в определённый час неизменно занимал боевую позицию и, особо не утруждая себя разнообразием способов устрашающего налёта, по садистки планомерно изводил несчастного старпома. Чиф в постоянных заботах, конечно, забывал о грозящей ему опасности и, как мальчишка, попадался на бесхитростный трюк деда, каждый раз хватаясь при этом за сердце и, отупело охая, в страдальческом бессилии заводя глаза под давно не мытый мною подволок. Настроение деда от этих экзекуций заметно приподнималось: наслаждаясь мучениями чифа, он довёл свою необузданную деятельность до ювелирного совершенства, и только категоричное вмешательство капитана-наставника с мастером избавило старшего помощника от верного инфаркта.

За всей этой историей команда совершенно выпустила из вида ещё одного представителя животного мира, по воле случая получившего приют на судне, и, наверное, именно по причине исчезновения пса так неожиданно возник интерес к нашему маленькому, худосочному поросёнку.

Нельзя сказать, что этот поросёнок успел совершить в своей короткой жизни что-либо полезное – такое, за что всему экипажу пришлось бы заслуженно им гордиться. Просто нашему радисту, в союзе с третьим штурманом и тральным, пришла под новый год отчаянная идея естественного воспроизводства ценного мясного продукта на борту судна, то бишь - во время плавания. Понятное дело, идея эта пришла в не совсем трезвые головы, а учитывая и без того буйное воображение всех троих, приобрела через короткое время, нужно сказать, мировые масштабы.

Дело встало за соседкой радиста, старухой Капанилихой, давнишней его собутыльницей, известной всему посёлку своей несокрушимой страстью к самогоноварению и выращиванию на дому легендарных свиней-медалисток. Дружно было решено причастить старуху к столу видавших виды мориманов, и по сходной цене сторговать у неё пару животных для будущего племенного стада.

Вопреки известной всем русской пословице, проруха на сей раз миновала бывалую старуху, а заломленная ею цена даже на некоторое время отрезвила неустрашимых покорителей морских просторов. В свою очередь, исправно подливаемый радистом в рюмку Капанилихи самогон, ею же самой, со всею строгостью, приготовленный, должного действия так и не возымел, и с немого согласия всех троих выбор был остановлен на трёхмесячном поросёнке мужского рода, которого проворотливая соседка радиста тут же им в прихожую и подпустила.

Радиста звали Иваном Петровичем. Обнаружив на следующий день, поутру, у себя в квартире некормленое животное, он долго переживал приключившуюся в доме метаморфозу. С помощью соседки кое-как восстановив в памяти бурные события прошедшей ночи, Иван Петрович даже несколько поначалу растерялся, но после предложенной ему на опохмелку чарки воспрянул духом и, прихватив с собой несчастного поросёнка, незамедлительно отправился к причалу.

Судно уже находилось под паром, и поросёнка, до прихода на борт мастера, быстренько запихнули в тёмный трюм, так что о существовании его знали только посвящённые, и чем эта затея могла закончиться, никто в то время с достаточной ясностью не ведал. Как впоследствии оказалось, старуха и здесь нарезала всех троих, всучив изрядно захмелевшим морякам недоношенного порося, но с пьяных глаз этого никто не разобрал. Со слов третьего штурмана было только известно, что поросёнок во время рейса должен быть откормлен до неузнаваемых размеров и в экспедиции безжалостно съеден.

Прозвище своё поросёнок обрёл на второй день плавания, когда боцман, с глубочайшего похмелья, в сопровождении матроса Редунькова отправился в трюм в поисках верёвочного кранца. Именно тогда, чуть ли не нос к носу столкнувшись с поросёнком в липучей темноте, Фёдор Фёдорыч произнёс сакраментальную фразу, благодаря матросу Редунькову тотчас облетевшую судно. Завидя перед собой силуэт неизвестного существа, боцман, отмахнувшись рукой, с присущей только ему гениальной краткостью обронил: «Чу!». Причём, повторил свой словесный шедевр неоднократно.

Сказанное Фёдором Фёдорычем могло лишь означать: увиденное им ни в какие здравые рамки не укладывается, и он сам находится в полном замешательстве, что боцман незамедлительно и продемонстрировал, бухнувшись в лёгкий обморок от переполнявшего всю его растревоженную душу впечатления. Матрос Редуньков, сбегав к старшему помощнику капитана, заведовавшему аптечкой, сунул боцману под нос склянку с нашатырём и от волнения её расплескал, за что, естественно, впал к чифу в немилость. Капитан благодаря докладной записке уставника-старпома прознал о готовящемся на судне факте произвола и был до глубины души возмущён, что всё происходило без его, капитанского ведома. В общем, история завершилась чуть ли не со скандалом, а радисту был вынесен строгий выговор.

Единственным существом на судне, кто извлёк из всего этого хоть какую-то маломальскую выгоду, оказался, как ни странно, поросёнок, потому как, во-первых, был наречён собственным именем, во-вторых, официально зачислен на довольствие и, наконец, в-третьих, приобрёл немало друзей. Конечно, поросёнок даже и не подозревал о всех переменах, связанных с его обнаружением, и потому к всеобщему оживлённому вниманию в свой адрес относился вполне безучастно.

Поросёнок Чу был всегда грустный и задумчивый. Обычно он стоял неподвижно на дне влажного трюма, тихо шевелил смешными длинными ушами, да время от времени вздыхал розовым подтянутым животом. В такие моменты мне становилось нестерпимо жаль бедное животное, которому была уготована такая незавидная судьба, и я приносил ему вкусные картофельные и капустные очистки. Поросёнок, встряхнув ушами, неловко подходил к угощению, и, вяло потыкавшись в него пятачком, отворачивал голову в сторону: после жесточайших зимних штормов он окончательно потерял аппетит, и уже, ничто, казалось, не могло его обрадовать.

При появлении на море волнения поросёнок душераздирающе не визжал, как это случалось раньше, сидел в трюме спокойно, и даже, вроде бы, привык к своему постоянному раздражению. Он только неприкаянно, и очень неудобно для себя занося вперёд худой зад, ковылял по палубе из угла в угол, а устроившись где-нибудь в укромном месте, неприметно затихал.

К штилю поросёнок Чу относился так же равнодушно, как и к ежедневным остаткам обильного матросского харча, вываливаемого к его ногам. Отупелый от постоянного одиночества и темноты, Чу не вскакивал на ноги, даже когда крышка трюма открывалась и в затхлый холод проникал ослепительный свет. Поросёнок, по-собачьи лёжа на боку, не поднимая морды, косил мутным взглядом в белое открывшееся пространство над головой и, не переставая тяжело вздыхать, неровно поводил волосатыми боками. За три месяца своего морского путешествия он незначительно прибавил в весе, зато неимоверно вытянулся в длину и оброс волосами, как настоящий дикий кабан. Рыжая с чёрными подпалинами шерсть лезла из него во все стороны, и от этого он стал выглядеть особенно жутко.

Оказавшись внизу, я всегда старался быстрее оттуда убраться: какое-то неясное чувство неприязни охватывало меня при виде его захудалой, беспомощной фигуры. Наверху это чувство проходило, и я продолжал относиться к поросёнку жалостливо, по большей части вовсе стараясь не думать о нём, как будто его и не было. Но, спускаясь в очередной раз в трюм, мне, так или иначе, приходилось вновь сталкиваться с ним, и неустроенность животного по-прежнему не давала покоя. Поросёнок привык постепенно к нашим частым встречам и вскоре вообще перестал обращать на меня внимание. Он, похоже, даже презирал меня, молча, на расстоянии, и это задевало.

Я знал, что большинство экипажа только и ждёт подходящего момента, чтобы разделаться с бедным поросёнком, тем более, что плавание незаметно

подходило к своему концу. Чем ближе подступало его завершение, тем дороже для меня становился этот поросёнок. Я и не заметил, как сам стал оживать в безответных беседах с Чу, часто ловил себя на мысли, что думаю о нём, - как он там один, в темноте, со своим бестолковым и хрупким пониманием окружающего. В такие моменты мне хотелось чем-нибудь помочь ему, и, захватив заранее припасённую кормёжку, я отправлялся в трюм, включал свет и, усевшись на какой-нибудь тюк, неподалёку от поросёнка, смотрел, как тот с неохотой, без всякого аппетита пожирает принесённое угощение.

«Вот было бы здорово вытащить его к свету, солнцу, к какой-нибудь медлительно несущей свои воды речушке! - думал я. - Чтобы Чу мог порезвиться, пощипать зелёной травки, поваляться на вольном просторе. Ведь он ещё ничего не видел и даже не представляет, что есть на свете такая земля. Причащённый волей несуразного случая к этой солёной купели, Чу, кажется, так и не привык к суровой обстановке, и через свои сплошные мучения глубоко тоскует, не понимая, что всё это означает и когда этому наступит конец»…

Через несколько дней я вдруг с радостью отметил появление на судне своих явных приверженцев. Сначала третий механик подозрительно зачастил на палубу, то и дело шныряя по ней шаркающей походкой с развёрнутым и сверкающем на солнце, как сабля янычара, щупом для проверки уровня масла в танках. За ним последовал неугомонный светила, который давно уже спал не раздеваясь, а заслышав тягомотно взвизгивающий и надсадный гул лебёдки, сломя голову летел первым делом на выход к своему порядком искорёженному за рейс детищу. У меня начинало складываться впечатление, что делает он это умышленно – с затаенной надеждой лишний раз покрутиться неподалёку от трюма или даже посидеть на его крышке, вроде бы, наблюдая за работой непослушных механизмов.

В момент починки трала боцман требовал крышку трюма держать постоянно открытой, чтобы, значит, выражаясь его нерукотворным лубочным языком, - «во христову бога душу мать новёные сетя, прямком, за усища, имать, и опосля хвостьями у передь себе уторкивать». При этом, будто ненароком подковыляв к распахнутому трюмному пространству, Фёдор Фёдорыч перегибался через комингс и, буркнув нечто несусветное в зияющую темноту, норовил ещё стрельнуть в неё сморщенным окурком. Проделывал он всю эту операцию, ясное дело, из гольного любопытства, но виду не показывал и достоинства необходимого не терял.

В первых мартовских числах установились тёплые, солнечные дни, и было решено вытащить поросёнка наверх. Для этого приспособили кусок прочной японской дели, подвешенной на крюк. Поросёнок быстро освоился с непривычной для него процедурой. Дело облегчилось и тем, что, как только матросам удавалось подсунуть сеточку под поросёнка и поднять его в воздух, он растерянно замирал, растопырив все четыре ноги в стороны, и лишь

изредка похрюкивал, выявляя, таким образом, скорее недоумение, нежели неудовольствие.

Оказавшись на палубе, поросёнок, сперва, долго стоял неподвижно, уставив свои маленькие глазки прямо на солнце, причём, свет на него, по всей вероятности, не произвёл никакого впечатления, потом, зашатавшись, медленно брёл к борту, стукался об него головой и только тогда несколько оживлялся.

Осторожно комментируя происходящее, команда с затаенным духом наблюдала за передвижениями поросёнка, а тот, никак не реагируя на всеобщее внимание и ничуть не смущаясь, как-то стянул с аккуратно прилаженной старпомом подставки его сушащийся ботинок и с самым серьёзным видом принялся обнюхивать его. Он лизал его со всех сторон, лазал ногой внутрь, долго там шарил и, ничего не выловив, совал в башмак как можно глубже пятачок, фыркал в нём, время от времени озабоченно похрюкивая. Неожиданные действия поросёнка вызвали неописуемый восторг экипажа: от невыразимого удовольствия дико тараща глаза, гримасничая и залихватски улюлюкая, все подзуживали Чу быть более решительным в отношении ненавистного ботинка.

Однако были дни, когда поросёнок почему-то не желал, чтобы его поднимали на воздух. Подозрительно наблюдая из тёмного угла за чьими-либо приготовлениями, он каким-то образом угадывал, что к нему подходят не просто так, а именно с намерением вздёрнуть на сетке, и, подпустив поближе, неожиданно пускался наутёк. Поймать его в полутёмном, загромождённом ящиками и бочками трюме, было не так-то легко.

Прогулки на свежем воздухе сделали своё дело: поросёнок окреп, тело его налилось жизненной силой, и относиться теперь к нему следовало как к настоящему животному. При моём появлении в трюме, Чу теперь уже не забивался затравленно в угол, а норовил прижать меня самого к стене, самым недвусмысленным образом требуя еды, причём, в неимоверно возрастающих с каждым днём количествах. Завидя меня, он издавал восторженный визг и со всех ног бросался в мою сторону, почти выбивая ведро из рук и принимаясь жадно, без разбору, наяривать челюстями.

Вид безудержно гуляющих в нескольких дюймах от моего незащищённого колена челюстей вызывал в душе противоречивые чувства. Я никогда не питал слабости к семейству свиней, хотя порой не в силах был устоять от очарования и беспомощной непосредственности только что появившихся на свет поросят. Зная, что всё обаяние и прочие личные качества любого свинтуса с возрастом улетучиваются, я старался держаться с Чу несколько настороже, и, надо заметить, не без оснований.

В считанные секунды покончив с трапезой, пару раз удовлетворённо хрюкнув, поросёнок опускал перемазанное рыло к палубе и, выжидающе нацеливаясь неприятными маленькими глазками мне на ноги, застывал так на какое-то время. От этого безмолвного внимания и его устрашающего вида становилось жутко. Из захудалого поросёнка он уже давно превратился во

взрослого порося, обросшего рыжеватой жёсткой шерстью и неимоверно раздавшегося в боках и холке, а чётко обозначившаяся ядовитой ухмылкой, от уха до уха, полость рта с завораживающим откровением оголяла здоровенные зубы. В такие минуты и без того скудный свет мерк вокруг меня, наполняя трюмную тишину заповедными лесными шорохами, и свирепый секач-пятилетка с девятидюймовыми клыками выходил на свою охотничью тропу, пробуждая во мне мирового рекордсмена по прыжкам в высоту.

Тут уместно будет заметить, что зубов у свиньи – сорок четыре штуки, и двенадцать из них – резцы, что выступают наружу. Ещё у неё имеется четыре клыка, они большие и острые, и помогают свинье справляться с огромным количеством пищи, а также – отбиваться от других свиней и хищников. И потому я с каждым разом я всё опасливее относился к попытке Чу вступить со мной в непосредственный контакт, так как в назначенный час он уже нетерпеливо поджидал меня у самого трапа. По виду его можно было решить, что мы не виделись долгие годы, и все они были для него пустыми и безрадостными. Яростно повизгивая и без устали шоркаясь боками о подвесной трап, так что стоять на нём с ведром в руках, да ещё в волнение, было небезопасно, Чу, казалось, буквально упивался встречей.

Я осмотрительно спускался лишь на несколько ступенек, переправляя поросёнку еду на принайтовленном к ведру конце, сам, к своей радости, оставаясь в неприкосновенности. Постепенно меня даже стала забавлять собственная недосягаемость, и если бы в трюм поселили только что выловленного в дремучих лесах неукротимого вепря, мне бы и тогда, наверное, всё было нипочём.

Проделывая однажды очередной фокус с кормлением, я зазевался и нечаянно уронил кепку. Подарок Семёныча был мне дорог, обойтись без него я никак не мог, и, собрав остатки воли в кулак, я предпринял свой рискованный спуск.

Множество слышанных от кого-то или самим прочитанных и до холодящего ужаса пробирающих сердце сюжетов с участием одичалой свиньи – пожирательницы людей, устрашающе замелькали перед глазами… Свинья со смаком пожирает у разбитого деревянного корыта своё только что принесённое потомство, получая при этом необычайное наслаждение… А вот озверевший боров расправляется с жалкими останками ненароком задремавшего неподалёку нерасторопного фермера… Или ещё виделась груда розовых нежных косточек – всё, что сохранилось от несчастного ребёночка, неосмотрительно оставленного родителями без присмотра… В общем, в голову лезла разного рода чертовщина, от которой волосы становились дыбом, и предпринимать что-либо решительное у меня не было малейшего желания.

Исподтишка наблюдая за ненасытно чавкающим животным и стараясь не допустить лишнего шума, я уже почти достиг цели, как вдруг щёлкнул наверху выключатель, с безучастным лязгом захлопнулась крышка входного

люка, и всё погрузилось в темноту. Первым желанием, тут же остро охватившим всё моё существо, было, как можно громче, заорать. Но затем я сообразил, что произошедшее, конечно, не обошлось без участия третьего штурмана на пару с радистом, и те только и ждут сейчас моего сумасшедшего вопля, чтобы от души повеселиться. Подобные развлечения, считал третий штурман, очень хорошо снимают накопившееся в рейсе напряжение, а поскольку доставлять им такого удовольствия не хотелось, я, что было сил, зажал руками рот и, забравшись с ногами на какую-то липкую бочку, поклялся убить обоих тотчас, как выберусь на свет божий.

Сидя с вытаращенными глазами, в кромешной темноте, я прислушивался к каждому шороху, пытаясь определить, чем сейчас занят мой подшефный. Тот изредка пофыркивал, кровожадно поводя при этом челюстями, и так же ненадолго замирал, как будто выжидая что-то для себя. Немыслимых размеров свинья, прижавшая перед нападением уши к затылку, целится перехватить хрупкое человеческое горло – это была, пожалуй, единственная картина, которая в самых живописных красках стояла в тот момент перед моими глазами.

Вконец обезумев от дурных мыслей, я предпринял необдуманную попытку вырваться из кошмарного плена, и в залихватском прыжке преодолев, как мне представлялось, довольно небольшое расстояние до трапа, к своему удивлению его там не обнаружил. Сей неожиданный выпад был, по-видимому, воспринят кабанчиком как вызов: он часто и взволнованно захрипел, мелко засучил копытцами в моём направлении и, бесцеремонно поддав головой под коленки, ошалело закрутился на месте… Не придумав ничего лучше, я наградил поросёнка увесистым пинком в бок, отчего тот так взъерепенился, что я уже не помню, как пронёсся в противоположный угол, укрывшись там в импровизированной засаде. Казалось, что всё это происходит не со мной…

Если кто-то думает, что обыкновенный домашний кабан, помещённый в экстремальные условия, не может заменить образцовую розыскную собаку, то он очень глубоко заблуждается. Никакие земляные орехи и луковицы на свете не могли бы сейчас увести со следа моего ощерившегося противника. Жадно поводя своим отвратительным, всё ухватывающим и чувствующим рылом, Чу безошибочно приближался, и в голове у меня вдруг вспыхнула мысль о том, что человек для удовлетворения своих гастрономических запросов выбрал не лучшее животное создание. Между тем, ненавистный кабан уверенно продвигался вперёд, сводя до минимума площадь предстоящей охоты.

Покоряясь своей судьбе и отчасти обуреваемый паникой, я в отчаянии решил напоследок разрядить сложившуюся не в свою пользу ситуацию геройским поступком: взяв на прицел предполагаемый загривок приближающегося животного, я коршуном бросился на него. На деле же оказалось, что железной хваткой я сомкнул руки вокруг … свинячьего зада, после чего принялся проделывать головокружительные кульбиты,

неотступно следуя за взбесившимся свином. Каким-то образом я ухитрился не разжимать пальцев, в то время как порося, повернув голову и не в силах до меня дотянуться, вовсю лязгал челюстями и брызгал липкой слюной, обрабатывая мои ноги острыми копытцами.

Внезапно он прекратил противоборство и принялся издавать чудовищные, душераздирающие вопли. Кабан орал благим матом вплоть до той минуты, пока меня не осенило,наконец, ослабить хватку. Некоторое затишье, по-видимому, послужило сигналом наверху: крышка люка медленно отворилась, пронзительно-жёлтым светом вспыхнула лампочка, и в отверстие склонились побледневшие, испуганные лица. С участием глядя на мою растерзанную фигуру, они, вероятно, уже не сомневались в потере мной рассудка…

Конечно, человеку в жизни приходится нередко иметь дело с более серьёзными и достойными испытаниями, но подобного рода эмоциональные встряски и далеко заходящие шутки, несмотря на последствия, составляют, порой, чуть ли не главную основу необходимого душевного здоровья. Особенно – в море. Длительное отсутствие земли могло бы породить у многих поколений моряков обременительные комплексы и извращения, если бы не спасительное чувство юмора, благодаря которому каждый, хотя бы относительно, мог разрешить свои проблемы. Наваливающаяся на плечи тяжесть изнурительной работы, всё чаще подступающее по ночам одиночество, безымянная тоска с пустотой были более частыми гостями, чем безмятежные солнечные дни, и тогда незамысловатая игра с животными, высмеивающая маленькие человеческие слабости, опять приходила на помощь, и все неприятности исчезали куда-то, уступая место добрым мечтам и надеждам.

В минуты отчаянной усталости я обычно усаживался возле нашего аквариума, наблюдая за плавными, усыпляющими движениями диковинных рыб. Какие-то неясные миры передвигались в моём сознании, кружились пёстрым колесом, сверкали и дурманили, когда в кают-компании воцарялась неестественная тишина, время замирало, и мир чарующих сказочных существ неслышно возникал перед глазами.

Словно выплывая из неведомых морских глубин, рыбки выглядели загадочными, со слабым серебристо-лиловым отливом… Но попав в полосу искусственного освещения, становились ярко-жёлтыми, играя различными оттенками – от золотисто-огненного до медно-красного, в зависимости от того, под каким углом их чешуйки отражали световые лучи.

Быть может, наиболее поразительной особенностью этого аквариума было то, что всё в нём производило впечатление необычайной лёгкости. Даже каменные украшения на дне, какими бы тяжёлыми они ни были в действительности, имели воздушный вид. Ощущение лёгкости постепенно передавалось и мне, и я начинал чувствовать себя более живым и покойным. Далёкие, ещё не изведанные границы собственной судьбы неудержимо манили, звали к себе, и всё это происходило за неисчислимые доли секунды,

которые были так сладостно хороши, и их дарили маленькие голубые существа, под чьим таинственным и робким знаком мы оказались в лучшее для нас время и в лучшем месте.

« ПОД ЗНАКОМ РЫБЫ»

Бесконечность моря необозрима, но с этим постепенно свыкаешься, несмотря на то, что тайны, заключённые в нём, не перестают возбуждать твою любознательность. Тайн, порождаемых морем на протяжении всего плавания возникает очень много, и всё же они не надоедают, а приносят чувство глубокого удовлетворения.

Мы шли вдоль безжизненных берегов Курильской гряды, и каждый, наверное, испытывал при этом сложное, почти необъяснимое чувство, как это всегда бывает при виде чего-то прекрасного и неведомого. Белые вершины гор, глубокие и узкие ущелья, в которых светились на солнце водопады, курящиеся вулканы невидимым прикосновением трогали сердце и неотступно манили, открывая за каждым мысом ещё более загадочные картины.

Никто не выходил встречать проходящие суда, никто ещё основательно не жил на этой земле, кроме немногочисленных племён айнов, уже давно исчезнувших с её лица… Редкие приморские городки и посёлки на нескольких островах, что были основаны русскими людьми после войны с японцами, казались незаметными, их как будто и не было. Курильская земля была пустынна, таинственна, но тверда своей скрытой силой и неосознаваемой красотой. Казалось, древние духи витали над застывшими в суровом молчании пиками гор, и, должно быть, их не следовало тревожить.

Все зачарованно смотрели на проплывающие за бортом горные цепи, величественно и нескончаемо громоздящиеся у горизонта, на отражающиеся в тяжёлой океанской зыби снежные вершины, и каждый, наверное, опять же благодарил Бога за то, что тот уже однажды предоставил ему и дом, и любимых людей, и дорогую его сердцу сушу. Но каждый, в то же время, должен был признаться самому себе, что отныне и эта дикая земля, так волнительно тронувшая его душу, помимо воли стала ему родной навеки.

Горы вырастали сразу из таинственной бездны, потому что пенистый след штормового наката чуть видимой в бинокль полосой охватывал обрывистые берега. С гор дул ветер и приносил запах льда, а шум прибоя не был слышен. На фоне отливающих голубизной склонов изредка возникал хрупкий силуэт чайки. Чайка, не взмахивая крыльями, уверенно парила в пронизанном чистотой пространстве, и была удивительно свободной в своём полёте, вот именно сейчас представляющемся человеку вполне достижимым…

Под нами, на глубине нескольких тысяч метров, тоже проплывали горы, ущелья и бесконечные впадины, завораживающие своей неизведанностью. Эхолот вычерчивал в торжественной тишине их обрывистые склоны и размытые вершины, и тайны другого, более чужого мира, так же заманчиво роились в недоступном кромешном мраке.

Заворожить человека может любой мир, если он остался для него пока недосягаем, в том числе – и подводный, и человек, вопреки самой безупречной и удобной для него логике, непременно пренебрежёт всеми земными благами, что бы только на шаг подступиться к раскрытию не дающей ему покоя истины. Ведь его философский ум не может не принимать того положения, в котором он оказался: ясно осознавая свою временную отторгнутость от земли, человек стремится возвратиться к ней, не пренебрегая на этом пути самыми притягательными тайнами этого удивительного мира.

Одной из них является постижение человеком секрета счастья. Моряки утверждают, что самый верный путь к нему – это увидеть зелёный луч. Если день выдался достаточно погожим и солнце низко-низко садится в синие волны, то иногда, в момент, когда оно совсем исчезает, на линии горизонта вспыхивает и несётся над водой вместе с последними оранжевыми лучами крохотный зелёный огонёк. Он летит весело, без напряжения, через всё небо, трепеща и переливаясь зелёными крылышками, словно ожидая, что его вот-вот увидят, навсегда запомнят этот краткий миг и оставят при себе. Тогда зелёный луч сможет принести подлинную удачу.

Всё необъяснимое, из ряда вон выходящее, как ни странно, воздействует на умы людей наиболее существенно. Определённая предубеждённость к необычным вещам, конечно, присутствует и нередко удаляет от понимания истинного, но даже вполне научное объяснение такого физического явления, как зелёный луч, не может умалить очарования древней загадки. И люди, достаточно ясно отдавая себе отчёт в этом, тем не менее, будут часами сторожить неповторимый миг счастья, а, не увидев его, ни за что в этом не признаются. Более того, они с присущей в подобных случаях энергией примутся утверждать, что луч действительно возник над морем, такой зелёный, маленький и яркий, и он так сладостно дразнил их своей близостью, что они от счастья позабыли обо всём на свете.

Но зелёный луч всё-таки можно увидеть, если этому способствовало стечение некоторых обстоятельств и тебе повезло. Во-первых, поверхностные синие слои воды должны быть чисты от разного рода взвесей, то есть – фито-и зоопланктона. Во-вторых, небо непременно должно оставаться безоблачным, а атмосфера – ясной… Благодаря этому заходящее солнце не окрашивается в багровый, алый, малиновый или оранжевый цвета, как будто рассеивая и ослабляя свои лучи во всех его переливающихся оттенках, находясь в цветовом отношении целостным, насыщенным ярко-золотистым сочным светом. Солнце, полностью закатываясь за горизонт, и в какой-то момент оказываясь со своей стороны под определённым углом к нашему глазу, чтобы попасть в него, неминуемо пронизывает синюю толщу воды… И тогда, при полном слиянии чистой синевы и ярко-золотистой желтизны, образуется эта самая долгожданная зелень, которая может при определённых обстоятельствах образовать и несколько лучей, вырывающихся будто из-за края земли, вернее, прямо из воды. От этих же,

именно таким образом складывающихся обстоятельств зависит и продолжительность зелёного луча…

Но вот земля совершает ещё один невидимый шаг, мгновенно всё покрывает собой ночь, и только что вспыхивающий над морем луч уже начинает казаться чем-то нереальным, чего и не было вовсе, а только на краткий миг представилось. Но от этого он не становится менее прекрасным, и ты не устаёшь назавтра опять вглядываться в очередной закат над морем, надеясь вновь увидеть это маленькое морское чудо.

Впрочем, не ограничиваясь только устремлениями к собственной лучшей доле, человек ещё желает постигнуть и секреты рыбного царства. Рыбы столь же многочисленны, как и звёзды на небе, и разнообразие их поразительно. Во времена, когда рыбы имели костяной панцирь, все они, вероятно, были на одно лицо. Сейчас же любому известно, что своей неповторимостью рыбы могут поспорить с птицами и цветами.

Среда обитания рыб, во множестве подстерегающих их там неожиданностей, подарила им удивительную и не превзойдённую никакими другими представителями животного царства способность менять «ливрею». Один из обычных способов камуфляжа состоит в том, что рыба сливается с фоном.

Для всех океанских рыб характерны тёмная спина и светлое брюхо. Белое брюхо снизу нелегко разглядеть на фоне освещённой солнцем поверхности воды. Если же глядеть сверху, то спина сливается с морем и тёмным дном. Такое двухцветное одеяние как нельзя лучше подходит для жизни в открытом море.

Здесь нет нужды в кричащих, пёстрых красках и быстрых сменах маскировки. Обыкновенная тихоокеанская сельдь всегда одета в неизменное сине-зелёное платье, а минтай вторит ей голубовато-серым, строгим фраком.

Издавна повелось с морем связывать молчание. Но рыбакам давно известно, что под видимым спокойствием морской поверхности стоит сущий бедлам. Подобно людям, рыбы невольно восклицают, испытывая страх, печаль или недовольство, когда питаются, собираются в стаи или же пытаются отыскать верную дорогу.

Рыболовы наших дней взяли на вооружение многочисленные «Омары» и «Палтусы» - чувствительные акустические приборы, позволяющие отыскивать рыбный косяк в любой толще воды, причём принцип работы такого устройства основан на природе самих рыб. Сигналы – звуковые волны, издаваемые рыбой, наталкиваются на предметы, попадающиеся на пути, и, отражаясь от них, принимаются рыбами обратно. Рыбы благодаря отражённым волнам получают необходимую информацию и даже, кажется, способны почувствовать расстояние до того или иного предмета, каким-то таинственным своим механизмом определяя время, за которое издаваемый ими звук вернулся назад. А поскольку рыбы, избегая ненужных неприятностей, как правило, перемещаются огромными косяками, это

совершенно облегчает задачу эхолота, призванного человеком на вооружение для неминуемого рыбоубийства.

Промысловики всегда поступали так, и даже явная беззащитность рыб не могла их остановить. Несмотря на это, рыбы никогда не плачут, потому что морская вода, постоянно омывающая орбиты их глаз, очищает их от посторонних предметов, заменяя веки и слёзы. Серебристые обитатели морских глубин слишком малы, чтобы выразить человеку своё крайнее недовольство, подобно сильным китам, выбрасывающимся на отмель. Но безмолвное выражение протеста вповалку лежащих на палубе и тихо шевелящих жабрами рыб более чем красноречиво.

Рыбы очень чувствительны и способны осязать всей поверхностью кожи. Свободные нервные окончания разбросаны у них по всему телу, и воспринимать чужие голоса они могут кожей даже на расстоянии. Человек не в состоянии понимать их язык, и это, отчасти, разумно: пропуская через себя эмоциональные волны птиц, зверей и рыб, он тогда просто не вынес бы голоса собственной совести.

Ещё в незапамятные времена люди возвели рыбу в ранг божества. Они верили, будто в образе живых рыб пребывают духи. Население многих древних государств преклонялось перед «священными» рыбами и держало их под заботливым присмотром в превосходных бассейнах при храмах. Иногда им даже приносили в жертву пленённых чужеземцев, веря, что обильный улов зависит от щедрости рыбы, и если она обидится, то удача отвернётся. Кое-где делали фигурки рыб из золота и серебра, их носили на шее, а затем клали вместе с умершими в могилу, надеясь охранить усопших от злой напасти…

В России же рыбаки считали, будто улов зависит от водяного, а заступником рыбаков являлся Николай Угодник. Икона святого хранилась чуть ли не на каждой рыбацкой лодке.

Под знаком Рыбы возвещал ученикам свою истинную веру и любовь при море Тивериадском Богом благословенный Иисус Христос, взывая: «Дети! Есть ли у вас какая пища?». Они отвечали ему: «Нет». Он же сказал им: «Закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете». Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы. Из рыбаков апостолы, помнится, даже выходили.

Символ пищи людской был если не священен, то возведён в знак должного почитания. Явство, данное свыше, могло выражать лишь самую соль земли, её мудрую простоту и добрый труд. Потом и слезой политый хлеб был добыт в праведном отношении к жизни, а свидетельством расположения богов служили доступность и обилие рыбы.

Рыбаки французского порта Сен-Мало, например, никогда не берут первую рыбу, пойманную в начале путины. Они выливают в её в горло полбутылки вина и бросают обратно в море. Рыбаки считают, что её сородичи, почувствовав запах вина, устремятся к поверхности моря, горя желанием быть пойманными.

Ведь рыбы, убеждены все рыбаки, в независимости от их национальной принадлежности, ведут между собой разговор, который человеку, конечно, непонятен, и он может по движениям рыб лишь догадываться о том, что они сообщают друг другу и, разумеется, не могут не передать своим собратьям о гостеприимстве, которое ждёт их наверху.

Рыбы принимают при этом странные позы, в которых без труда распознаются угрожающие или оборонительные. Они весьма выразительны и человеку их не трудно понять. Рыбы наскакивают друг на друга, но не касаются, приоткрывают рот, растопыривают жабры, надуваются, иногда даже становятся на голову… Иные ведут себя важно, медлительно, и в случае опасности – не улепётывают быстро восвояси, а расходятся с достоинством.

Давно известно, что рыбы имеют свой язык и ловко им пользуются. Стайка мелких рыбёшек неторопливо плавает, кормится, но вот к ней приближается другая стайка – и рыбки, до сей поры остающиеся спокойными, в мгновение возбуждаются и исчезают. Что же произошло? Соплеменники, безусловно, предупредили их о приближении хищника, который в скором времени действительно обнаруживает себя.

Сигналы у рыб, очевидно, подаются разными способами. Во-первых, это, конечно, позы. Бывает также, что рыбы трутся друг о друга и таким образом сообщают или получают нужную им информацию. Немалую роль играют и звуковые сигналы. Работая потом много лет под водой, мне часто приходилось слышать писк и стоны, шелест, треск и уханье, щебетание, отчётливые удары разных тонов, цоканье, свист, даже что-то похожее на пронизывающий гул… Мир «тишины и безмолвия» на деле оборачивался полным несмолкаемых звуков, а понятие «нем как рыба» оказывалось абсолютно неверным.

Рыбы, несомненно, и разговаривают, и кричат, и, вероятно, поют, только наше ухо не улавливает большинства звуков, издаваемых животными под водой, так как они воспроизводятся колебаниями, которые находятся гораздо ниже границы восприятия их человеком. И рыбаки любыми способами задабривают море, его обитателей, проявляя при этом удивительную изобретательность. Ведь и рыбы встречаются очень необычные, почти никому неизвестные и своим видом, и повадками…

Так, в Атлантическом океане на глубине 600 метров поймали очень необычную рыбу: её шарообразное тело усеяно разноцветными фонариками, которые, словно прожекторы, светят в темноте. По бокам рыбы проходят пять рядов красных и в центре – большие жёлтые фонари. Всего у рыбы насчитывается 140 источников света! Наверное, она очень эффектно выглядит в тёмных глубинах океана!

У Тура Хейердала описана удивительная рыба, которую он наблюдал на Маркизских островах… Рыба эта умела ходить по суше. Величиной с палец, чёрная, большеголовая, она скользила с волной к скале, подпрыгивала, приклеивалась к камню и начинала скакать так, словно боялась, как бы её не

замочило. Нагуляется вдоволь и ныряет в воду, но ненадолго. Вскоре она уже спешит к берегу с очередной волной.

Но чем хуже давно известные всем рыбы, тем более – рыбакам, которые вылавливают их испокон веков?! Толстолобая треска, изящная селёдочка, муаровый минтай, окуни с торчащими в разные стороны иголками, - все они, вывалившиеся из трала на палубу, как на диковинном детском рисунке, будто это и не рыбы, а неведомые подводные цветы… Целые рыбные груды, переливающиеся разноцветными искорками, чего тут только нет! Рыбы бьют хвостами, соскальзывают с одной на другую, глаза выпученные… Смотришь на всё это шевелящееся, только что вытянутое из-под воды богатство, и внутри всё ёкает!

А воздух свежий, душистый, такого на берегу не бывает, даже у самого моря! Лишь здесь, в его утробе, всё налито запахом морских бездонных тайн, так что не надышишься. Кажется, и твоя жизнь вся перевернулась от этого чудесного морского присутствия, которое всюду! Каким бы счастливым ты ни был потом, в своих лесных вёснах, не сравнить их с теми днями, когда жизнь перед тобой распустилась прекрасным морским цветком, и даже обыкновенные привычные заботы стали восприниматься в ней как необыкновенная радость.

Каждый месяц года обозначается знаком созвездия, в котором солнце в этот месяц находится. Созвездие Рыбы соответствует февралю, но поскольку точка весеннего равноденствия непрерывно перемещается, то солнце находится обычно в двух смежных созвездиях Зодиака. «Рыбные» февраль с мартом по Зодиаку уже давно миновали, и весеннее море выглядело большим неведомым животным, только что пробудившимся от спячки. Ожившее, радостно вспенённое, оно дарило щедрые уловы, и работа не прекращалась ни днём, ни ночью.

Любая выборка трала, особенно ночью, проиносит незабываемые впечатления. В ожидании улова всегда думаешь, конечно, только о рыбе… Но когда из раскрывшегося кутца на палубу вываливается груда переливающихся в огнях судовых прожекторов ярко-красных креветок, то замираешь от неожиданности: всё, что угодно готов был увидеть, но только не это! Огромная масса шевелящихся глубоководных созданий, поражающих, главным образом, своим броским цветом, на какое-то время просто вводит в восхитительное возбуждение… Даже, скорее, в заблуждение, ступор: откуда здесь это чудо, присущее, казалось бы, лишь тропикам? Ведь именно с ними связана добыча самых крупных промысловых креветок, достигающих в длину более тридцати сантиметров, которых в ресторанах подают порциями по одной штуке как отдельное блюдо!

Травяной чилим, что держится обычно в дальневосточных морях в прибрежных зарослях зостеры, только в варёном виде становится красным, а тихоокеанская глубоководная креветка, именуемая как северная розовая, от

рождения – алая. Особенно необычна эта удивляющая яркость воспринимается ночью, когда креветки огромным живым языком выскальзывают на палубу из трала. Прожектор уронит луч на копошащееся скопище креветок, а они так все и вспыхнут накопленным в глубине неожиданным карминовым огнём, будто тысячи фонариков загорелись. Смотришь на них, не отрываясь, и не в силах поверить, что это – суровое Охотское море, зима, и в этой холодной штормовой черноте так жизнеутверждающе, даже – весело, светятся алые креветки, радостно переливаясь в световых лучах…

На больших глубинах, которые называются абиссальными, у большинства рыб расцветка как раз коричневая, тёмно-фиолетовая или чёрная, но у многих креветок «одёжка» очень яркая, часто – алая, почти пурпурная. Непонятно, чем вызваны эти аномалии, ибо красная часть спектра полностью поглощается у самой поверхности моря, а в глубины океана, где живёт креветка, проникает лишь слабый свет синей и фиолетовой частей спектра. В такой темноте алый панцирь креветки действительно становится чёрным, как смоль, то есть - практически невидимым для любого хищника. Но для чего креветка имеет алую окраску, если она ей, на деле, ни к чему, а в поверхностных слоях, куда креветка поднимается в ночное время для кормёжки, её красный цвет и вообще мешает, привлекая к себе хищников? Казалось бы, у этих алых креветок расцветка должна быть именно чёрной, на худой конец – фиолетовой, словом, как можно более незаметной, и креветки, постоянно находясь в полной темноте, как и обитатели глубоких пещер, должны быть хотя бы слегка обесцвечены, однако этого не происходит, и они, вопреки здравому смыслу, выглядят вызывающе ярко!

Вид ярко-красных, просто кричащих креветок, поднятых в трале к поверхности моря, помнится, всегда поначалу околдовывал, поражал, а уже затем озадачивал: в силу чего это происходит? Неужели неведомый мир морской стихии никогда не откроет своих секретов и так и останется непостижимым? И разве может океан быть бессмысленным, совершенно обезоруживая внешним видом и поведением своих обитателей?

Для того, чтобы понять важность и целесообразность окраски для животного, следует вспомнить, что цвет предмета определяется совокупностью тех частей спектра, которые не поглощаются, а отражаются его поверхностью. Так, если животное, обитающее у границы значительных глубин, окрашено в красный цвет, то на тёмном фоне оно будет казаться чёрным, поскольку красный цвет до этой глубины не доходит и, следовательно, нет лучей, которые бы отражались от его тела. Тело той же креветки остаётся красным просто потому, что природа не оставила ей иного выбора: в глубине ты никому не видим, а если подымаешься на поверхность – рискуешь быть съеденным, хотя и выглядишь сногсшибательно.

Итак, в море точно так же, как и на суше, окраска помогает животным оставаться незаметными, но достигается это совсем иным путём, нежели на суше. Об этом непременно следует помнить всякий раз, когда мы видим, хотя

бы на фотоснимках, окрашенных в весёлые тона обитателей морского царства. Животные, снятые в естественной среде вблизи поверхности моря, обычно предстают на фотографии в своих натуральных тонах. Красочные же изображения глубоководных животных, полученные путём подводной съёмки, обманчивы. В естественных условиях эти же животные казались бы тёмно-серыми или чёрными, и в сумраке глубин вы их вряд ли бы заметили.

А на палубе, день за днём, молча, сновали рыбаки, ловко разбираясь в путанице снастей и блоков. Сверху были видны их склонённые спины, обтянутые оранжевыми рыбацкими куртками, взлохмаченная поверхность воды, и то поднимающийся, то опускающийся горизонт. Изредка шальная волна захлёстывала палубу, накрывая рыбаков ледяным гребнем, но они, ни на секунду не отпрянув, кропотливо продолжали заниматься своими делами, время от времени только поглядывая исподлобья на кипящую за бортом воду.

Таяли вдали крики чаек, и дребезжащий голос боцмана был еле различим. Но рыбаки чётко реагировали на исходящие от него команды: на небольшом пространстве, свободном от мокрых снастей, они слаженно двигались в такт покачивающейся корме и тягучему скрипу такелажа. Казалось, качка ничуть не затрудняет их передвижения, а, наоборот, лишь помогает им.

Вдоль палубы бегут, напряжённо дрожа и потрескивая, стальные тросы – ваера. Концы их прикреплены к двум овальным траловым доскам, окованным металлом. Они под напором воды и раскрывают трал. Нижняя – подбора сети, унизанная бобинцами – большими металлическими шарами, сейчас идёт по дну. Смутно представляешь себе этот сумрачный и холодный мир, стараясь долго не думать о нём. Более занимает другое: что окажется в трале?

Ожидание, когда на слипе покажется набитая дарами моря мотня, всех держит в напряжении и даже как-то объединяет. Между наблюдающими членами экипажа всегда царит возбуждение. Но около ваеров с непривычки стоять страшновато: а вдруг лопнут? Тралмастер чутко наблюдает за происходящим на палубе, и сразу же сообщает обо всём произошедшем на мостик.

Иногда в трал попадали красные морские окуни. Некоторые из них достигали чуть ли не метра длины. Завидев в рыбном отделе магазина, за стеклом, замерших в ледяном крошеве маленьких красных окуньков, никогда и не подумаешь, какими они бывают на самом деле…

Здесь же, на палубе, красные окуни поражают гигантскими размерами… Выпученные изо рта плавательные пузыри и тонкие розовые вздутия глаз говорят о том, что эта рыба живёт глубже, чем другие промысловые рыбы: окуней поднимали с глубины до пятисот метров.

Вода сжимается незначительно, а так как её в теле морских обитателей много, внутреннее давление организмов легко уравновешивается с давлением среды. Но при подъёме внутреннее давление становится всё больше

наружного, и животных буквально распирает. Поэтому на поверхность они приходят деформированными: изо рта торчит желудок, глаза выдавлены из орбит, а чешуя отстаёт.

Порой в трале оказывались огромные пятнистые рыбины с человеческий рост, вызывая своими размерами тихое восхищение. Это была треска, которая при сушке, как дерево, расщеплялась или трескалась, что и послужило её названию.

Треска – одна из самых полезных и вкусных рыб у северных народов, и всегда служила для них главною пищей. Можно с уверенностью сказать, что для береговых северных жителей она заменяла хлеб. Её ели свежую, копчёную, вяленую, солёную, одним словом, во всех видах. Но более всего предпочиталось потребление сушёной трески, чем она обязана, конечно, постам, приписываемым католическою и православною церквами. Именно её щепили ножами, и она трещала, а народ треску с удовольствием трескал, то есть – лакомился ею.

В старину рыбаки Нормандии и Бретани ловили треску с судов таким необычным способом: моряки, защищённые от непогоды кожаными передниками, садились в бочки, спущенные за борт и привязанные к корпусу судна. Пока судно несло течением, они бросали в воду пеньковый линь с крючком и тащили его по дну. Не приходится сомневаться в том, что улов был не слишком хорош.

Русскими рыбаками на Мурманском берегу Ледовитого океана и в Белом море применялась ловля трески на «яруса», когда на пути движения стаи трески, на дне протягивались рядами канаты, на которых подвешивались на бечёвках крючки с какою-нибудь приманкой для рыбы. Через несколько часов канаты вытягивались вместе с рыбой, попавшейся на крючки, и затем рыба снималась, а канаты снова натягивались для новой добычи.

В наше время треску вылавливают тралом в открытом море, ибо треска всё-таки стадная рыба и держится большими косяками на глубинах до пятисот метров, иными словами – на материковой отмели и поблизости от её склона. Впрочем, в период икрометания она ищет более тёплую воду, выходя на меньшие глубины. Нерест у трески происходит в течение зимы и приходится на период с января по март. Особо нужно отметить плодовитость трески, самка которой вымётывает 5-10 млн. икринок.

К тому же, треска исключительно прожорлива: она не брезгует любой добычей, включая собственную молодь. Эта её необыкновенная прожорливость очень облегчает её ловлю: она ест всё, что попадается, даже проглатывает совершенно несъедобные предметы, в особенности, если они блестят. Именно поэтому треска просто вгрызается в густые стаи сельди, переливающиеся серебром. Может треска, нередко достигающая в длину метра, прихватить в свою громадную пасть и морскую птицу баклана, которая глубоко ныряет и оставляет за собой чётко очерченную полосу прозрачных пузырьков.

На севере Охотского моря, при одном из замётов, в трал к нам угодила как-то треска в добрую сажень, то есть - длиною более двух метров. Когда же я попытался приподнять её за плавники, чтобы сделать с ней на память фото, то у меня ничего не вышло: скользкая огромная рыбина постоянно выскальзывала из рук, её даже трудно было обхватить!

Вообще, треска очень неприхотлива. Можно долгое время содержать её в неволе – и это никак не отразится на рыбе: она быстро и легко свыкается с предлагаемым ей кормом, совершенно не теряя в росте. Если вода в бассейне содержится в достаточной свежести, а пища в необходимом количестве, то треска не только чувствует себя превосходно, но и выживает многие годы в совсем тесных водоёмах.

На Беломорье рыбаки смотрят по пойманной треске, какая будет погода. Если треска слегка и мелко дрожит, будет северный ветер и погода ухудшится. Не было случая, по словам старожилов, чтобы примета эта подвела. Живой барометр – треска действует в точности, и как им было не воспользоваться опытному рыбаку.

И всё-таки, треска больше всего любит холодную воду и предпочитает её температуру в районе ноля градусов. Может быть, поэтому и окрас её довольно сдержанный, присущий северной, грязновато-свинцовой воде… Обычно треска имеет зеленовато-серую спинку, но иногда попадается и оливкого-бурого цвета, покрытая мелкими желтоватыми пятнышками. Чем дальше к северу, тем более преобладают тёмно окрашенные экземпляры, обыкновенно без всяких пятен.

Ещё треску отличает светлое брюхо, а вдоль боковой линии у неё по всему телу тянется белая полоска. Характерным признаком для трески так же служат и присутствие трёх спинных, двух заднепроходных плавников и одного уса на конце нижней половинки рта. Всё её мощное прогонистое тело свидетельствует о постоянной нацеленности на движение, призванное настигать добычу, которую ясно, треска никогда не упустит.

При этом треска поражает своей отходчивостью: только что выловленная, она не бьётся в исступлении, а лишь изредка шевелит жаберными крышками и подрагивает хвостом. На открытой палубе рыба быстро околевает, превращаясь в тугую, зеленовато-серую дубинку, с ледника же она становится более хрупкой, так что порой, от неосторожного удара, её заиндевевшие хвост и перья плавников обламываются. Рыбаки всегда весело рассказывают, какая из трески выходит уваристая и прозрачная уха, а печень отбирается для выработки пахучего рыбьего жира, от которого с детства осталось ощущение неминуемо-тягучей желтоватой постылости.

В связи с треской очень интересно проследить происхождение витаминов, которые необходимы человеку и то, каким путём они к нему приходят. Всем известно, какой ценный питательный продукт – рыбий жир, а витамин, содержащийся в рыбьем жире, вырабатывается диатомеями – микроскопическими водорослями.

Диатомовые водоросли представляют собой одноклеточные растения. Размером не больше булавочного острия, они настолько малы, что в одной чайной ложке может поместиться до миллиона экземпляров. Диатомовые водоросли размножаются делением клеток, и за короткий срок появляется огромное количество новых особей.

Сначала они переходят в желудки небольших планктонных животных, питающихся диатомовыми, а оттуда к маленькой рыбке мойве. Эта рыбка составляет главную пищу трески, которая живёт в северных водах и добывается рыболовными судами. Так витамин диатомовых водорослей продвигается по пищевой цепи, пока не попадает в аптекарскую бутылку и оттуда в наши желудки.

В тон треске вторит самый многочисленный из тресковых рыб – мягкотелый минтай. Набитый им до отказа трал расползался, выворачиваясь на палубу шлёпающими рыбьими грудами, пропитанные рыбьим соком солоноватые брызги летели во все стороны, вода с шипением подкатывалась к бортам, и как в прорву проваливалась в шпигаты. Уже через минуту вся рыба оглушено застывала, тускло поблескивая оголёнными боками, затем её не спеша распределяли в сепарации и укрывали коробящимся брезентом.

В отличие от трески, минтай не такой крупный. Нам попадались полутора – и даже двухкиллограмовые рыбины, но это происходило нечасто. Собирая сизых, окаменевших от мороза рыб в ведро, я относил их на дышащий жаром камбуз и, пережарив с луком на широком, жирно чернеющем противне, выставлял в кают-компании к вечернему чаю. Рыбаки смачно охали, их разгорячённые лица млели от желанной сытости, и на освещённых столах быстро вырастали горы беловатых сочных хрящей.

С виду минтай лилово-оливкового неброского оттенка, тело его покрыто многочисленными тёмными пятнами, а широко раскрытые глаза – белёсо-голубые, как выстуженная весенняя поволока над морем, отчего рыбаки и прозвали его «митькой голубоглазым». Рыбы выбирают себе платье в зависимости от цвета воды, в которой они обитают, и минтай с треской тусклы и мозаичны в соответствии с охотоморским пасмурным днём, когда ветер рябит зимнюю бесцветную воду, и она, переливаясь, перебегает, словно от удара хлыстом, напоминая переход от тёмной окраски рыбьей спинки к светлому брюшку…

Голубоватый глаз минтая – большой, с чёрным цепким зрачком, будто нацеленным только на то, чтобы ухватить того, кто поменьше. Тело подбористое, гибкое, готовое мгновенно извернуться в любом направлении, чему немало способствуют мощные плавники по всему телу и широкий хвост. Рот же - подхватистый, призванный брать всё, что попадётся: ракообразных, корюшку, песчанку или мойву. Минтай - очень стремительная рыба, и он неутомимо рыщет в толще воды, не переставая интенсивно питаться даже во время нереста.

Запасы минтая, которому совсем недавно не уделяли должного внимания, оказались огромны, уловы его в зимнее время, когда не ловится

другая рыба, достигают колоссальных размеров. Из печени минтая добывается печёночный жир, содержащий витамин А, в четыре раза больше, чем жир, добываемый из печени трески. Но мясо минтая, обладающее почти такими же пищевыми и вкусовыми достоинствами, как и мясо трески, не всегда производит приятное впечатление, так как между его мускульными волокнами нередко обнаруживаются мелкие личинки ленточного червя, имеются они и в кишечнике, ими кишит печень минтая… Правда, все эти паразиты удаляются при обработке и чистке рыбы, червей же, находящихся в печени – удалить невозможно, и потому приходится всю печень пускать на вытопку жира. Черви, обитающие в теле минтая, хотя и наносят вред самой рыбе, для человека не опасны, если рыбу хорошо проварить.

Минтай никогда не слыл особенно ценным видом, мало того – долгие годы он считался сорной рыбой, но пришло, наконец, время, когда по уловам он вышел на первое место и стал очень важным для промысла. Преимущества его – это, во-первых, высокая численность; во-вторых, минтай очень быстро растёт и рано созревает, причём, одинаково и для самки и для самца; в-третьих, минтай хорошо себя чувствует как при положительных, так и при отрицательных температурах воды; и последнее – икра у минтая пелагическая, то есть находящаяся в толще воды, в открытом море, и поэтому он способен размножаться не только в разводьях, но и подо льдом. Охотское море для минтая имеет наилучшие жизненные условия, где он прекрасно себя чувствует.

Всю зиму мы ловили минтай в Охотском море, забирались иногда в Беринговое, в самый северный уголок Тихого океана, побывали даже в Бристольском заливе, но, ни разу, палуба нашего траулера не оставалась без рыбы, хотя безудержные, выматывающие шторма преследовали нас в течение всего рейса. Порой начинало казаться, что море и не угомонится вовсе, что ему суждено пребывать таким во мраке непогоды всегда, среди бурь, ветров и жалобного скрипа судовых снастей, а нам, несмотря ни на что, преодолевать это буйство северной природы, ещё и перевыполняя при этом план по вылову рыбы. И всё же мы не могли представить себя без этой работы, и никогда в ту пору не наваливалась на сердце странная тоска, её просто не могло быть, потому, что мы находились в своё время на своём месте.

Время вообще терялось, когда огромная, тягучая зыбь поднимала судно к небу, солнце, кажется, рукой можно достать, и ветер упругий рвётся, гонит пенных «гусей» к самому горизонту, но разошедшееся не на шутку море вовсе не грозное, оно будто с какой-то затаенной весёлой думкою играет с рыбаками, дразнит их, вовлекая в свою игру. Словом, не даёт успокоиться, держит всё время в напряжении, и будто звуки мелодичные разносятся над волнующейся поверхностью, а солнце всё сияет, и море сияет, и всё выше и выше взбирается наше судно. Море не отпускает его, вроде как норовя донести до самого горизонта, и всё вокруг – отчего-то такое родное, от этой крутой зыби даже не мутит, и хочется глядеть на солнце и море, что слепят

своей напружиненной свободой и чистотой. Ни о чём глубинном, что скрывает море, даже не думаешь, а завораживают лишь громадные волны, на которые взираешь без страха, и все мысли только о том, что принесёт с собой очередной замёт…

Там, в холодной охотоморской глубине крадётся, расправив распорные доски, донный трал… Словно неведомое подводное чудовище неслышно ползёт он в необозримой темноте, захватывая в себя всё, что попадается ему на пути. Сюда, кажется, не проникает волнение, но наверху море неустанно вздымает свои громадные валы, норовя нарушить рыбакам рабочий настрой. А рыбаки не переживают, будто и нет никакого волнения ни на море, ни в их душах, что, наоборот, становятся только более собранными, готовыми к любым вызовам неуёмной стихии.

За первые месяцы плавания на судне уже сохраняется устойчивый запах рыбы, и хоть трал ещё не поднят, доски сепарации источают крепкую рыбью свежесть, отчего крутобокие волны за бортом не пугают, а веселят. На палубе всё - как всегда, вроде бы, беспорядок, но на самом деле ничего не мешает здесь будущему улову, что рассыплется скоро жирным серебром, запляшут вместе, бок о бок, окунь, камбала, треска, ну, и конечно, минтай, - целый рыбий мир! Начнётся чёткая, размеренная работа экипажа по сортировке рыбы, повсюду – пузырящаяся вода, вперемешку с искрящейся на солнце чешуёй, живые груды рыбьих лоснящихся тел в возбуждении шелестят, шлёпаются друг о друга, на палубе всё блестит и играет от этой сытной сырости…

В рыбьей чешуе и все снасти, сапоги рыбаков, оранжевые костюмы, а ветер свежеет, крепнет, словно заводит разговор с рыбаками об удачном улове, радуется за них. Море тоже не отстаёт, ещё сноровистей, веселей обнимает судно, но не свирепо, а с любовью. Сопротивляться северу, холодному бурному морю бесполезно, но можно взять его своею нежною заботою, честным устремлением сердца, и тогда и север, и море уступят, дадут вздохнуть полной грудью, непременно отметят ударную работу всего экипажа. А экипаж старается, рыбный промысел – не шуточное дело, жилы, кажется, вот-вот лопнут, руки от соли язвами идут и подолгу не заживают, про сон на двое-трое суток можно забыть, когда рыбка пошла, прилечь на минутку невозможно, море же всё клокочет, дыбится, бушует… Да-а!

Но вот, наконец, и вправду принялись за выборку трала… На людей, что безоговорочно приняли рыбацкое ремесло, как главное дело жизни, любо-дорого смотреть. Не думать о них невозможно, как и о предстоящем улове, что, конечно, верится, будет удачным.

Солнце ярко сияет в вышине, неуёмные волны разбиваются о борта и форштевень судна, и все в предвкушении того прекрасного мига, когда набитый рыбой трал начнёт потихоньку взбираться по слипу. Сердце рыбака готово оборваться от счастья при переживании этого мига, а лебёдка надсадно гремит, звонкий гул от натянутого троса закладывает уши, и даже море, кажется, подбирается от натуги, желая поддержать рыбаков в их

нелёгкой заботе. Оно пенисто перекатывается от борта к борту, словно смахивая с палубы всё ненужное, что может помешать приёмке рыбы, и низвергается обратно. А чайки уже тут как тут: присаживаются на судовые снасти, реют над самой водой, оглушительно вскрикивают… Чуют желанную добычу!

На мостике уже приметили в пенящейся морской дали пузатые бока набитого до отказа трала, что то показываются ненадолго, то опять погружаются в воду…

- Готовиться к подъёму трала! – слышится команда второго штурмана.

Судно от носа до кормы пронизано скрежещущей дрожью, но, всё же, размеренно вспарывает волны, тащит трал, отчего начинаешь воспринимать его как целостный живой организм.

Капитан со старпомом молча наблюдают за происходящим, вахта неспешно выбирается на палубу, ползут над ней, заунывно повизгивая, блестящие от влаги троса… Вот и распорные доски, после чего команда оживляется, встаёт по местам, изо всех сил звенит лебёдка…

- Как думаешь, старпом, - не поворачивая головы, обращается к нему капитан. – Тонны две подняли?

- Сколько не говори, а ещё на завтра будет.

- Нечего того и говорить, чего в горшке не варить?

Старпом переходит к другому борту, смотрит пристально в бинокль, и чуть натянуто усмехается:

- Поглядим… Уж больно поворот большой на зюйд взяли.

- Я всё ближе к делу, а он – про козу белу!

Траловый мешок неожиданно всплывает неподалёку от кормы, и штурман стопорит траулер, так что тот резко кладёт на бок, а потом даже немного сдаёт назад.

- Ловися, рыбка треска, большая и маленькая, - сдержанно торжествуя, улыбается капитан.

- Оно, конечно, на словах – как на гуслях, а на деле – как на балалайке. Всякое случается.

- А мы с тобой, старпом, как рыба с водой… Али нам не дастся?

- Ваше слово впереди, товарищ капитан, - включается в разговор второй штурман.

- Твоё бы слово, Иваныч, да Богу в уши!

- Не дав слова – крепись, а дав – держись, - гнёт свою линию штурман. – На рыбалке везение – это труд и терпение.

- Не всё с рыбкою, ино и с репкою, - дипломатично заключает старпом. – Рыба не хлеб, ею одною сыт не будешь.

- Дал Бог рыбку, даст и хлеб, - не унимается капитан. – Наше дело – что же делать, а не как же быть!

- А то ещё случается, - оживляется опять штурман, - ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса!

- Не учи рыбу плавать, Иваныч. Тут, чей фарт, того и рыба! Согласен будешь?

- Не в бровь, а в глаз, Михаил Александрович. Отец рыбак, и дети в воду смотрят.

Капитан за словом в карман не лезет:

- От правды не уйдёшь!

- И то верно: на правду слов не много, - уклончиво соглашается старпом.

В этот момент кутец тугим рыбьим шаром обозначился под самым слипом, чайки тотчас окружили его плотным кольцом, так что и рыбы не видать, неистово кричат, сталкиваются между собой. Сплошное светопреставление! Лебёдка же опять натужно взвизгивает, ваера гудят, и набитый рыбой трал тяжело заползает на палубу…

И тут – возня с концами: одни – подтягивают, другие – отпускают, кто-то что-то спешно завязывает, укрепляет, а трал медленно приподнимается стрелами, и вода с него низвергается мутными пенящимися потоками, окатывая рыбаков с ног до головы. Но никто не тушуется, не до этого: знай, вяжи, укрепляй и подтягивай! Боцман хватается за нижнюю завязку, дёргает изо всех сил, и кутец раскрывается: рыбьи тела с влажным шелестом вываливаются на палубу серебристым потоком, и кажется, ему не будет конца. Такое стоит, хотя бы раз, увидеть!

Перед тобой будто распахнули море – водопад из его обитателей повергает своим разнообразием: сколько тут всего! Вот огромная рыба зубатка, длиною более метра, вывернулась из общей рыбьей массы, и ну, давай елозить на брюхе, расшвыривая хвостом всякую мелкую рыбёшку. Пасть у неё пострашнее акульей: два ряда исковерканных жутких зубов, так и норовит ухватить ими кого-нибудь. Тут же – крабы, усеянные колючками, глаза у них, как на шарнирах, бегают туда-сюда, ничего не упустят. За ними только ноги краба успевают, что всё бочком-бочком, куда его душе вздумается. Осьминоги от них не отстают, ловко подтягивают на щупальцах свои желеобразные тягучие туловища, распластавшись на досках, - вроде бы, беспомощные, но сдаваться, явно, не желают. Куда-то тоже устремляются, наверное, воду чувствуют…

Чувствуют воду и рыбы: жадно вздыхают боками, то и дело разевают рот, будто сказать что хотят, а желают, должно быть, только одного – оказаться в родной стихии, поплыть к своим родным местам… Но есть ли они у рыб, что всю жизнь находятся в странствиях? Здесь, на палубе рыболовецкого траулера, их путешествие завершилось, и рыбы не в силах смириться со своей судьбой.

Рыбы – прекрасные существа из неведомого нам мира, не перечесть их цветастое великолепие. Как они прекрасны, даже без движения… В их телах ещё теплится эта чудесная свободная жизнь, они – там, в своём мире, и им, наверное, кажется, что она ещё продолжится. Хорошо бы тоже стать рыбой!

Когда-нибудь я поплыву по волнам своей мечты, я в это верю, для неё ещё просто не наступило время. Но оно обязательно наступит, и я стану таким же ловким и неутомимым, как дельфин, чтобы увидеть и запомнить неведомую для многих потаённую жизнь моря, сделав её своей, и, конечно, расскажу о ней в своей морской книге.

А пока я любуюсь рыбьим царством здесь, на палубе траулера, что вынули рыбаки из морских глубин. Не перечесть его многообразие, где минтай, в обнимку с треской и палтусом, шевелят отрешённо жабрами, жадно хватают ртом насыщенный влагой воздух, сердито топорщат муаровые плавники. Желтопёрая и звёздчатая камбала, тоже, чуть вздыхая, покоится живой грудой за деревянными бортиками, посверкивая белизной нежных брюшек, и ты невольно поражаешься её обилию.

А вот и таинственные скаты… Поднятые из морской пучины, они превосходят других морских обитателей своими размерами, лежат неподвижно, будто уснули, но стоит прикоснуться к их литым мясистым телам, и они оживают, как крыльями волнообразно поводя мощными плавниками, словно требуя немедленно отпустить их обратно, в тёмно-синюю прохладную бездну, где им так вольготно летелось… И вся эта перемешанная между собой, сдавленная рыбья масса первые минуты просто обезоруживает своим обилием и оголённостью, лежит на палубе отупело, оказавшись вне родной среды, она повергнута вынужденным оцепенением, и ты даже сам невольно замираешь от увиденного, не зная – что со всем этим обилием морских даров делать?!

Помимо рыб, тут много такого, что раньше приходилось видеть только на картинках: сиреневые, жёлтые и карминовые, в синеньких пятнышках звёзды, самой причудливой формы; чёрные и бордовые ежи, вспыхивающие на кончиках влажных игл рубиновыми огоньками, а под ними – целый слой бирюзово-фиолетовых гребешков, похожих на игрушечные кастаньеты; и ещё – голубовато-прозрачные загадочные медузы, переливающиеся на солнце каким-то густым глубинным соком… Глядя на всё это богатство, я пытаюсь вообразить подводное пространство моря, его неукротимую и необъятную темноту… Что там творится?! И от этих мыслей вдруг становится так, будто ты неслучайно здесь оказался, не зря морская стихия приоткрыла тебе свои тайны, и ты отчего-то переполняешься гордостью за то, что совершаешь в своей жизни важное дело.

Ну, разве не важно всё это богатство моря, что оно щедро дарит человеку? И эта красота, и энергия подводного мира, что в каждой мелочи кажется тебе новым, а ты рядом с этим чудесным, щедрым миром, прямо сейчас, строишь свою жизнь, может быть даже – решаешь не только свою, но и чью-то чужую судьбу, закладывая для неё верную основу. Свяжешь ли ты её навсегда с морской стихией, сможешь ли обойтись без неё?

Всё в окружении щедрого и красивого моря представляется возможным, и жизнь твоя, ты это понимаешь, проходит не зря. Каким-то шестым чувством ты угадываешь, что всё делаешь правильно, да и разве

может быть иначе, если принимаешь всей душой то, к чему сейчас прикоснулся? Вроде бы, ничего особенного не происходит – люди просто ловят рыбу, но нечто необыкновенное, несомненно, присутствует: здесь, в море, на палубе добывающего рыбу траулера, царит особое уважение людей к своей работе, друг к другу, воздуху и запахам, требующих понимания и любви… А как иначе?!

За каждой судьбой – целый мир, и здесь всё про всех и про всё знают и видят, а главное – ты постигаешь: каков есть сам. Обстановка – лучше и не придумаешь, всё так здорово, что хочется кричать от радости, быть надёжным и сильным, и, конечно, весёлым – чего тужить понапрасну! Ведь вокруг – дорогое твоему сердцу море, замечательные люди, делающие одну работу, причём, выдерживают её годами, а сколько у каждого из них хлопот на земле?!

Будь здоров, если серьёзно подумать, но они не печалятся, радуются доброму улову и своевольной рыбацкой удаче: к удалому и Бог пристаёт! И всё работают, работают, не разгибаясь, чаще всего – в несусветную качку, и ничего, дают стране намеченный план… Хорошо от всего этого становится на душе, радостно ощущать себя участником происходящего праздника жизни, и разве тут заскучаешь?!

О многом хочется рассказать, когда вытягивают на палубу трал, переполненный рыбой: это – незабываемое зрелище! И невольно подумаешь о том, что тебе-то всё увиденное представляется, конечно, в диковинку, а вот людям, связанным с морем всю жизнь, оно, наверное, порядком опостылело. Они, вообще, не видят в своей работе ничего героического, поэзия подвига, кажется, им совершенно чужда. Трудятся ради своих семей, никогда не рассказывают о себе, пока ты их об этом не попросишь, но даже если поинтересуешься – они не особо словоохотливы, чаще всего – молчаливы, даже скупы на слово.

Уже проработав в море много лет, я так и не услышал от кого-либо из этих людей жалоб на свою нелёгкую судьбу или какое-либо недомогание. Да и грусти с печалью за ними никогда не водилось: наперекор несчастьям честно исполняли они свой долг перед государством и близкими, всегда сохраняя в сердце тихое мужество и удивительную скромность. И глядя на этих людей, их бессловесные непростые судьбы, почему-то не покидало ощущение, что ты перед ними в большом неоплатном долгу.

Никогда, наверное, не достичь тебе чистоты их искренних устремлений, не научиться такому вдумчивому и глубокому молчанию… Смотришь на них - и, отчего-то, завидуешь этому душевному покою, житейской стати и неброской уверенности в себе. Что за замечательный простой люд: Богу – Богово, а им всё про свою незамысловатую и добрую жизнь ведомо.

Пока они тебя приметят, ты среди них не один год чёртом прослывёшь, и уж только потом тебе заживётся: может быть, и выведешь себя к свету, станешь настоящим. Что между людей моря водится и в них живёт, то и тебе

стоит пережить. Оно тебя не минует и никогда не подведёт, если его в дорогу с собой возьмёшь, а взять очень хочется.

Очень хочется быть, действительно, настоящим, глядя на этих людей, и ещё – на море, воспитывающее в них душу. Конечно, душу способен развивать в себе сам человек, но как ему обойтись без морской сини, упругого свежего ветра, бушующих пенных волн, нескончаемой, так тревожащей сердце дали? О чём мечтать ему тогда, к чему стремиться, и сможет ли он разобраться в собственной жизни, не заглянув за морской горизонт? На этом пути человеку не миновать людей, не мыслящих себя без моря, без их чуткого понимания этой замечательной жизни на краю света, на берегу Тихого океана.

Если ты не занят своей работой, трудно не заставить себя выйти на палубу при очередной выборке трала… Всё время кажется, что пропустишь что-то очень важное, чего уже никогда потом не увидишь, как ни старайся, и ты выходишь, и чего-то ждёшь, не в силах оторваться от волнующейся поверхности моря. Оно настолько тебе интересно, что ты не можешь не наблюдать, что происходит сейчас на нём, и всё смотришь, смотришь, впитывая нечто почти неуловимое, но такое притягательное. А это – всего лишь обыкновенная выборка трала!

Но ты продолжаешь тихо вглядываться в необъятные морские дали, воображая всю подводную тишину и мрак. Там, разумеется, есть и свой необыкновенный свет: вот бы его тоже увидеть! Мимо тебя пробежит с измочаленным пеньковым концом запыхавшийся матрос, задумчиво глянет тебе в лицо, и неожиданно чему-то, про себя, улыбнётся, но ты не перестанешь оставаться молчаливым и внимательным, даже – вдумчивым, и тоже спокойно посмотришь ему в глаза. После столкновения с этим матросом, выборка трала откроется для тебя уже новой, какой-то незнакомой стороной, и устремляя свой взгляд куда-то вдаль, ты уже почувствуешь себя успокоенным, другим…

Море – ворота в совершенно иной мир, неожиданно подумаешь ты, и за ними открывается загадочная дорога, что ведёт бог знает куда. Между миром человека и миром моря проходит какая-то вещая черта, что отделяет всё знакомое нам от необычайно сказочного, неизвестного. И ты, конечно, испытываешь глубокое волнение при мысли об обилии впечатлений, что могут открыться пред тобой в необозримой морской глубине. Хорошо бы побывать там, неспешно всё рассмотреть, проникнувшись её непостижимой тьмой, чтобы в глубине собственной души открыть долгожданный, незримый свет.

А пока – перед тобой мокрая, скользкая от рыбьей слизи и чешуи палуба, она теперь пуста, и повсюду журчит из шлангов вода. Ею матросы окатывают доски сепарации и борта, со смехом поливают друг друга, и кто-то зазывно покрикивает: «Эй, слышь! Кому голову помыть?» А в ответ: «Я ныне ещё и лица не мыл!» «Как ни мойся, белее снегу не будешь!» И опять: «Боцман, водичку будешь пить?» «Так и быть, окати!»

Люди уже работают не торопясь, расправив, наконец, натруженные плечи, скоро – блаженный отдых. Теперь только в их воображении останется незабываемая картина, как серебристо-жирным потоком валилась сверху рыба, с шелковистым плеском расползалась между бортов, по колени обхватывая холодной, липкой массой, и как напряжены были руки и глаза: нескончаемый поток из живых рыбьих тел способен повергнуть кого угодно… А как головокружительно пахло морем!

В том, что происходило на судне, всё время присутствовало нечто таинственное, присущее только морю. Оно совершалось рядом с рыбаками, и о нём можно было лишь догадываться, но не замечать – невозможно. Как понять душу неведомой морской стихии, когда она - о! – так поразительно чиста, глубока и раздольна! Ты удивляешься этому ничем не заменимому простору, на все четыре стороны света, и обилию необъятного синего цвета… И почему у моря – простор, а в людях – теснота?!

Наверное, от того, что люди ещё не научились осознавать свою жизнь, их души бродят где-то у порога не дающей им покоя тайны. А тайна, между тем, в их сердце. Оно, как и море, вбирает в себя всё, что оказывается рядом. Но должно, видимо, пройти время, чтобы ему стало пусто без захватывающего дела, без необъятной всепроникающей сини, без увлекательных приключений…

Сердце жаждет озарения сознания, оно внемлет Богу, а Бог с морской силой неразлучен, и человек приходит к морю… Не жизнь наказывает человека, когда он идёт против неё, а сам человек, если нарушает её божественные законы. И хорошо, когда жизнь придерживается твоих устремлений, а не ты покорно следуешь за ней, как это выходит у людей, живущих морем. Я теперь тоже живу им…

Каждый день за бортом траулера вспучивалось высокими валами штормовое грозное море, и невозможно было разобрать: утро это, или дело идёт к вечеру. Когда долго находишься в море и видишь одну и ту же картину, всё сливается как будто в единый пенящийся и ревущий временной поток, то взлетающий к самому горизонту, то опускающийся в бездонную водную яму. Проходит, кажется, целая вечность, пока осознаешь со всей ясностью - где ты, что с тобой и когда-то ещё ступишь на далёкий и столь долгожданный берег…

В те зимние дни мы пока не думали про берег, поскольку было не до него: весь экипаж обуревало одно желание – ловить «митьку голубоглазого». С утра до вечера пожирая глазами притягательную, отливающую морской свежестью мягкость рыбьих тел, их такую замечательную доступность, образующуюся сразу после того, как рыб выловили из их чудесной таинственной среды, хотелось утопать во всём, что тебя окружало, и только солёные брызги выводили из этого сладкого помутнения. Даёт Бог рыбку, даст и хлебушка!

А какие палтусы нам попадались! По своему незнанию и отсутствию опыта я и не подозревал, что могут быть такие тяжёловесы: белокорые палтусы, очутившиеся в донном трале, достигали весом трёх-четырёх центнеров при длине почти в два метра! Толщина этих глубоководных красавцев – чуть ли не в туловище человека: не разберёшь – то ли скат, то ли палтус! Каких удивительных подводных жителей создало море, причём, не агрессивных, даже, можно сказать, очень покойных и неприхотливых при их немалых габаритах…

Море-море, палтусы – достойный результат твоего творения! И как вкусна эта удивительная и в тоже время простая рыба… Жирное сочное мясо её тает во рту, а пироги с палтуса, кто их никогда не едал, несравнимое ни с чем, душистое, сытное блюдо! Именно палтусу присуща непревзойдённая ни одной из рыб нежность, я бы даже сказал – сладость какая-то неописуемая, что в тесте приобретает непередаваемые вкусовые качества. Палтус, живущий на самом дне и питающийся, помимо рыбы, ещё и донными останками, отчего-то вобрал в себя неизвестно откуда взявшуюся ароматную прелесть, сок неизведанной подводной жизни, незабываемое наслаждение!

Кажется, всё из своих великих возможностей воплотило море в акулу – в безжалостного, никого не боящегося морского «волка», красивого и сильного существа, способного повергнуть даже такого великана, как кит, и что оно могло дать придонной неповоротливой «квашне», никем и ничем, вроде бы, не интересующейся, кроме как, только высасывающей со дна останки умерших животных, да подкарауливая зазевавшихся у самого дна мелких рыб?! Видать, на то оно и море, и уж, тем более, океан, что они отчего-то вдохнули в медлительного палтуса столько достоинств, и не только гастрономических. Палтус, каким бы странным это ни казалось, скрытая радость и тайна моря, его, не до конца, изученная сила, которую, между прочим, можно легко поймать.

Выдастся, бывало, в море свободный часок, и один из способов отдохнуть от опостылевшей судовой жизни, как бы это смешно ни звучало, та же рыбалка. Только не с помощью трала или сети, а на поддев! Наматываешь на палец или палку крепкую бечеву, снабжённую какой-нибудь приманкой – кусочком плёнки, усаживаешься там, где тебе никто не сможет помешать, скажем, на корме, и закидываешь свою нехитрую снасть в море: ловись рыбка и большая, и маленькая, и разве предугадаешь, что может угодить тебе в руки?

Время от времени подёргивая бечеву сильными рывками вверх и давая ей опуститься, думаешь о том, что и так, находясь в чреве моря, ты ещё как-то пытаешься с ним соединиться. Заигрываешь с ним, что-ли, отдыхая, а сам, втайне, неотступно загадываешь: кто-то ведь всё-таки позарится на твою бесхитростную приманку, клюнет в конце концов?! Опытные рыбаки рассказывали, что именно так, просто, можно поймать большого палтуса, не менее, чем с таз, и при подъёме его на поверхность он, якобы, даже ничуть не сопротивляется. Чудо, а не рыба!

А суть ловли подобным способом заключена в том, что палтуса привлекает не обманчивый вид или блеск наживки, и реагирует он на поддев не своими органами зрения: виной всему восприятие им … колебаний воды! Ведь многие морские животные обладают способностью не только издавать самые разнообразные, иногда довольно сильные или очень слабые звуки, но и тонко улавливают их. И потому весьма вероятно, что палтус просто механически восприимчив к резким подёргиваниям наживки, отчего и попадается на крючок обычно не ртом, а любой частью своего тела, нередко и хвостом.

Американцы называют палтуса «халиботом», что в переводе, собственно, и означает «палтус». На него ставят закидушки, выходя на лодках в море к рифам, расположенным при входе в бухту. Закидушки оснащены крупными стальными крючками. Иногда попадаются огромные экземпляры до двух метров длиной. Такие гиганты оказываются настолько сильными и буйными, что таскают за собой лодку с рыбаком, и для того, чтобы успокоить рыбу, приходится стрелять в неё из ружья.

Широкую рыбу палтус не зря отличает внушительное рыло с гребенчатыми острыми зубами, - настоящие хищные челюсти, а глаза у неё покоятся на левой стороне, не как у родственной ему камбалы, и выражают неожиданную для довольно уравновешенной рыбы настороженность. Будто что-то неведомое, непонятное самому палтусу, неотступно беспокоит его затаенную душу, да он и не особо пытается его разгадать. Живёт в своё удовольствие на дне морей и океанов, весь покрытый тёмно-бурым мраморным рисунком и украшенный жемчужными светлыми пятнами. Хоть и кособокий, а привлекательный!

Оказавшись на палубе, такой палтус мощным хвостом разбрасывает рыбу и всегда привлекает внимание. При его размерах, неожиданно выделяющемся своей волшебной дымчатостью окрасе и обтекаемости совершенной природной формы, палтуса невозможно не заметить. Сразу захочется прикоснуться к нему рукой, а погладив и почувствовав всю его налитую силу, заключённую в этом спрессованном морем могучем теле, непременно поразишься. Не зря рыбаки, зная способность сильной рыбы уходить из трала и ценя вкусовые свойства, обычно применяют для её ловли яруса. Ничего не скажешь: хорош палтус, всем своим видом выражающий таинственность больших глубин!

В придонных холодных водах рыбаки вылавливают ещё ромбовидных камбал, из-за приобретённой с детства однобокой любознательности приспособленных только к жизни на дне, поэтому камбалу невозможно представить парящей в воде, как селёдку или терпуга. Маленькой, камбала плавает прямо и имеет, как обычные рыбы, по глазу с каждой стороны головы. Однако вскоре она почему-то начинает наклоняться в какую-нибудь сторону, и глаз, упирающийся в дно, перемещается к другому глазу. Находясь большую часть времени на одном боку, камбала лишается плавательного пузыря и совсем опускается на дно, превращаясь в настоящую

лежебоку. Распластавшись на дне невидимой лепёшкой, лежит камбала на боку всю жизнь, словно разочаровавшись от такого незатейливого своего пребывания.

Умело используя эту особенность рыб, неунывающие японские рыбаки сложили занятное поверье, по которому в полнолуние, в самый отлив, нужно войти в море по колено, привстать на цыпочки и ждать. Освещённая лунным светом поверхность воды мешает камбале спать, и она ищет укромное, тёмное место, забираясь под ступни ног, бросающие спасительную тень. Тогда рыбак опускается быстро на пятки, прижимая её к плотному песчаному дну, прокалывает рыбу короткой пикой и отправляет в корзину…

На палубе траулера камбалы выглядят какими-то невесомыми симпатичными лепёшечками, тогда как у самого дна они всегда прыткие и юркие. Под водой камбалы принимают окраску песка или камней, облепленных моллюсками, не сразу их и разглядишь, а выловленные из моря, они безропотны и совершенно неподвижны, так что начинаешь воспринимать рыб, как удачно раскрашенные блюдца с разноцветными краями… Возьмёшь какую-нибудь понравившуюся тебе рыбку, слегка зажав между ладоней, перевернёшь её вверх белоснежным гладким животиком, белизна которого неожиданно поразит своей нежностью, и чему-то улыбнёшься: это само море подарило тебе доброе настроение через маленькую камбалку…

В противоположность камбале, сельдь – сущая непоседа. Рыбы, как птицы и как человек, склонны к путешествиям. Точнее сказать, эти странствия – их жизненная потребность, без которой они просто не в состоянии существовать. Вот сельдь постоянно и находится в движении: что-то гонит её из одного конца моря в другой, и, может быть, поэтому она выглядит такой стройной и подтянутой.

Ещё сельдь пленяет серебристой чешуёй с радужным отливом, нежно-изумрудной спинкой и маленьким изящным хвостом, но не красота создала ей повсеместную славу. Рыба – не мясо, и религия разрешала употреблять её в пищу во время поста. Народ, соблюдая религиозный обычай, особенно тянулся к сельди как недорогому и питательному продукту.

Все знают селёдку, будто у всех на устах всегда только она… Как сказал Брэм: «Без трески можно жить, камбалу и большинство других морских рыб доставляют в пищу по большей части лишь береговым жителям, но сельдь достигает до самой отдалённой от моря хижины». Во все времена сельдь была рыбой бедняков. Да и, по чести, нет другой рыбы, которая бы была более необходима, а сладка селёдочка всегда посолом!

Соление сельди в средние века было на особом счету, ей давалась привилегия по сравнению со свежими, копчёными рыбами, она освобождалась от государственных денежных сборов за ввоз в страну и вывоз. Английская королева Мария Тюдор, вошедшая в историю как «кровавая», издала закон, по которому плохой посол рыбы карался смертной казнью.

Укладывать сельдь в бочки придумали датчане. Голландцы же усовершенствовали посол: «… чтобы лучше сохранять сельдей солёных, им распарывали горло и вынимали челюсти, от которых они скоро портились». Заслуга в этом усовершенствовании принадлежит промысловику Вильгельму Бевкелю.

Нововведение в посоле признавалось настолько многозначительным, что в 1556 году император «Священной римской империи» Карл 5, будучи в Нидерландах, специально съездил на родину Бевкеля в провинцию Брабант и почтил его память, посетив могилу. Но голландский метод посола не привился в России, где приемлемым оказался свой, когда по приказу Петра Первого астраханский губернатор обязан был «опробовать солить сельдь, которая в Каспийском море…», укладывая её навалом в предварительно замоченные бочки. В процессе заполнения бочки встряхивают, а верхний слой рыбы засыпают солью. Общее количество соли в бочке зависит от сезона, температуры воздуха и воды, жирности рыбы, температуры в трюмах. Затем в бочки заливают воду на два десятка сантиметров ниже уровня верхнего паза, в течение двух дней выдерживают на палубе и, слив их содержимое и проверив качество рыбы, бочки вновь заливают тузлуком – раствором определённой солёности, закупоривают и опускают в трюм.

В некоторых северных странах сельдь раньше своим массовым появлением доставляла береговым жителям единственные средства к жизни и служила для них главным источником дохода. От удачного улова сельди зависело всё их благосостояние. Трудно сейчас представить себе те громадные стаи сельдей, которые появлялись у берегов и Норвегии, и Шотландии, и России, когда наступало время прибытия этой рыбы в результате её миграции, а рассказы очевидцев просто кажутся невероятными. Стаи длиною и шириною в несколько миль покрывали поверхность моря и ночью отливали фосфорическим блеском, сельдь шла так густо, что лодки, попадающие в стаю рыб, подвергались опасности быть перевёрнутыми, и весло, погружённое в эту рыбью массу, будто бы продолжало стоять, точно его воткнули в землю.

Людей охватывало неописуемое оживление. В каждой маленькой бухточке или заливе скоплялась целая флотилия судов и рыбачьих лодок. На берегу приготовлялись склады и дворы для укладки сельдей в бочки, и все думали и говорили только о сельди, ожидая известий о том, что «рыба идёт». Сердца всех были полны надеждою на счастливый улов, тогда как несметные полчища рыбы просто поражали воображение.

По воспоминаниям старых рыбаков, море, насколько хватает глаз, сверкало и серебрилось чешуёю необозримых стай сельди. Иногда рыба шла такими тесными рядами, что из общей массы множества тысяч сельдей рыба выпирала на поверхность, образуя нечто вроде живых трепещущих холмов, возвышающихся над плывущей стаей. Живая копошащаяся масса сельдей заполняла заливы полностью, так что рыба инстинктивно жалась к берегам. Киты и дельфины, акулы и сивучи, бесчисленные стаи чаек и альбатросов

постоянно сопровождали сельдь во время её хода, и на долю человека доставалась лишь сравнительно незначительная часть рыбы. Но сельдь не всегда появлялась у берегов сплошной массой, и в такие годы береговое население бедствовало совершенно так же, как бедствовали крестьяне от неурожая.

В связи с сельдью, мне сразу вспоминается бухта Сущёва на материковом побережьи Татарского пролива, где колхозные рыбаки угостили нас бочкой отборной хоккайдской сельди… При перегрузке с кунгаса на судно бочка упала, переваливаемая рыбаками через фальшборт, раскололась, и из неё выскользнули на палубу широкие красивые рыбины, совсем не похожие на ту сельдь, которую мы покупаем в магазине. Это был шедевр моря, его одно из лучших творений, сосредоточенное в рыбе, призванной услаждать и китов, и косаток, и дельфинов, и человека…

Сельдь лежала на выбеленной палубе так свободно, легко, а бока её отливали таким радостным и чистым светом, что пролетающие над нами утки ясно запечатлелись в них; собственно, благодаря рыбе - утки и были замечены… Вот такая эта селёдка была широкая и жирная. Словом, роскошная!

Рыбаки, завидя возникшее на наших лицах недоумение, даже растерянность, тоже как-то неловко и широко заулыбались, они были искренне смущены приключившейся с их стороны неосторожностью. Но вид селёдки как бы всех успокоил, присмирил одолевшие души смешанные чувства и незаметно связал невидимыми узами взаимопонимания, одновременно соединив с окружающим диким миром природы. Обыкновенная, казалось бы, рыбка – сахалино-хоккайдская селёдочка, спаяла нас с рыбаками неподдельно дружескими чувствами.

Американские индейцы называли сельдь по своему – «менхаден»… Они применяли её в качестве … удобрения. Индейцы из племени алгонкинов, сажая кукурузу, закапывали в каждую ямку по рыбе, которую они называли «манноквото» - «удобряющая землю». Постепенно это слово превратилось в «менхаден», совершенно нам, русским, ничего не напоминающее о красивой стремительной рыбке, так всеми любимой за своё доступное своеобразие и нежность вкуса.

Ни одной рыбе ихтиологи не уделяли столько внимания, как сельди. Ей посвящено и самое большое количество научных публикаций, что объясняется многочисленностью и ценностью этой рыбы. За последние 500 лет люди съели сельди гораздо больше, чем другой рыбы, и было бы не лишним поставить ей памятник.

Но вообще-то, все рыбы удивляют своей неповторимостью. Они свободны в привычках и порой очень изобретательны. Среда обитания сама располагает их к фантазии, а необычность поведения многих из них заставляет серьёзно задуматься.

Когда на море надвигается тёмно-синий сумрак, для маленькой серебристой сайры наступает покой. Рыбки поднимаются со дна ближе к

поверхности моря и начинают кормиться мельчайшими живыми существами. Светло-трепещущими облачками плывёт сайра в толще воды, совершая неторопливые движения вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, и от этого маленькие облачка превращаются в огромные тучи.

С наступлением темноты рыбаки включают сильные прожектора, лучи которых скользят впереди судна, выискивая косяки жирующей рыбки. При попадании в полосу света, рыбки приходят в большое возбуждение: снуют и плавают друг за другом, время от времени выпрыгивая из воды. Прыжки их становятся всё чаще и выше. Затем они сбиваются в сплошную живую массу и с приближением к судну продолжают смыкаться всё теснее. Движение рыб то замедляется, то убыстряется, и вскоре они образуют сверкающий огромный шар, который кружится в черноте воды, переливаясь радужными отблесками. Околдованная светом сайра уже никуда от него уйти не может.

Подойдя к косяку, судно выставляет бортовую сетную ловушку и лучом ведёт к ней рыбу. Та послушно следует за лучом прожектора к судну, с обеих сторон которого выставлены над водой по нескольку люстр, излучающих красный и синий свет. Когда сайру подведут к судну, лампу одну за другой гасят, кроме красной, находящейся в зоне ловушки. Сопровождаемый не совсем приятным, даже для рыбаков, звуком сирены, красный фонарь начинает ритмично пульсировать в ночи, вводя сайру на время в откровенное заблуждение, после чего ловушку, наполненную рыбой, остаётся только поднять на палубу.

Чем зачаровывают световые ощущения эту маленькую рыбку – неизвестно. Мало вероятно, что сайра во всём своём стадном обитании до такой степени подвластна слепому любопытству, чтобы целыми косяками, без тени сомнения, обрекать себя на вымирание. Скорее всего, беззащитные рыбки днём не решаются подняться ближе к морской поверхности, опасаясь нападения хищников, и делают это под надёжным покровом темноты, во время которой и корм более заметен, и сами они неразличимы. Попав же в неожиданный поток света, рыбки, никогда не видевшие солнца, начинают безумно радоваться, следуя за ним неотрывно и беспрекословно. Этому стремлению серебристых рыбок стоит посочувствовать, на что у рыбаков, конечно, не хватает жалости.

К слову сказать, одушевление каких-либо явлений, предметов, самого судна во время плавания или же вот таких занятных рыбёшек – вещь довольно странная и непередаваемая, и она присуща, наверное, только мужчинам. Мужчины, остающиеся на долгое время одни, превращаются неминуемо в мальчишек, так же как взрослые женщины, сколько бы они не называли друг друга девчонками, никогда до состояния детства не поднимутся. А может быть, у них это происходит по-другому, нежели у мужчин. Так или иначе, но мальчишкой быть несомненно интересней. Мальчишки – большие выдумщики, только они наделены в полной мере стремлением к справедливости, а главное – способностью быть

справедливыми, и это позволяет им любить друг друга несмотря на то, что они постоянно дерутся.

Все рыбаки – тоже мальчишки. Как бы они ни жаловались на свою нелёгкую работу, никто ни за какие блага не променяет суровый удел промысловика на какое-либо земное, спокойное занятие. Каждый из них совершенно искренне любит рыбалку, но ещё более любит пойманную рыбку есть…

Традиционный рыбацкий праздник для непосвящённых – горы перевыполненного плана, но для настоящих рыбаков он начинается с хода корюшки. Корюшка – небольшая стройная рыбка, с телом веретенообразной формы, тёмной спинкой, серебристыми боками и таким же брюшком. Нивхи северного Сахалина всегда добывали корюшку, идущую весной на нерест, в изобилии, так что даже приходилось употреблять её на удобрение. Одно селение на северо-западном побережье острова даже носило название – «Корюшкино» или, по-нивхски, «Арково».

Для нереста корюшка подходит в конце апреля в низовья рек, но вдали от берега рыбаки начинают ловить её уже в марте. Если у Бунина Чёрное море пахло арбузом, а у Паустовского – персиками, то Охотское море в эту пору, без сомнения, благоухает свежими огурцами. Именно такой запах в период своего хода источает эта проворная, изящная рыбка, отчего, помимо своего основного названия – «малоротая корюшка», она ещё именуется и как «огуречник». Прочитав Брэма, я очень удивился высказанному им мнению, будто корюшка издаёт не свежий аромат, а запах гнилых огурцов…

Как бы то ни было, корюшка идёт безостановочно несколько дней кряду, в безотчётном порыве продолжения рода отдаваясь на волю морским волнам, и сумасшествие это неминуемо передаётся всем рыбакам, которые начинают её без устали ловить. Экипаж разбивается на партизанские группки, группки объединяются вокруг добывания посуды, необходимой для засолки рыбы. Поскольку посуда находится в моём ведении, я на добрую неделю становлюсь центральной фигурой на судне, что не без основания тешит моё застоявшееся самолюбие.

Стараясь в первый день хода соблюсти хоть какие-то приличия, рыбаки обращаются ко мне уважительно, лицемерно называя при этом по отчеству, что, впрочем, не препятствует исчезновению в скором времени с камбуза всех пригодных сосудов. Уже на второй день невозможно было отыскать ни одного бачка, необходимого для приготовления пищи, затем в дело пошли столовые миски, а однажды я не досчитался даже помойного ведра. Пропавшая посуда, конечно, лежала на моём подотчёте, но единственным утешением было то, что старпом тоже не удержался и спёр-таки у меня кастрюлю под засолку вкусной рыбки. Это давало мне в руки козырь, который я благоразумно откладывал, надеясь воспользоваться им в чёрный для себя день.

Стремление насладиться лакомым блюдом у наших рыбаков было настолько велико, что, не взирая ни на какие положения дисциплинарного

устава, всё судно насквозь пропахло рыбьим жиром и огурцами, а машинное отделение походило, скорее, на рыборазделочное помещение или какой-нибудь цех по засолке, чем на главный связующий орган судовых механизмов.

Вяленая рыба – предел мечтаний экипажа в длительном рейсе, и дальше своих мелких побуждений команда не желала заглядывать в эти обезумевшие дни. Весеннее море вновь дарило удовлетворение, всегда по-разному доставляя его своим приверженцам, а сколько в нём было ещё того, что таилось в неизведанной глубине…

Вот, скажем, морской дракон – маленькое костистое чудище, сразу привлекающий к себе внимание необычной формой тела и расцветкой. Наверное, он получил своё прозвище за сходство с драконом, каким мы его знаем по древним сказочным изображениям в книжках, в которых у него всегда присутствовала раскрытая клыкастая пасть, торчащие в стороны жаберные крышки с шипами, рогатая голова и мощные спинные гребни с длинными иглами. Морской персонаж и на самом деле являет собой довольно устрашающий и грозный вид, несмотря на то, что не превышает в длину сорока сантиметров. Вернее будет сказать, что это всего лишь морской дракончик с приплюснутым телом, на боках – несколько рядов шипов, кожа очень плотная, шершавая, как наждак, хвост – пронизанное острыми иглами прозрачное опахало, и цвет – непонятный, муаровый, с тёмными и светлыми прожилками и расплывающимися неясными разводами…

Не алый, не коричневый, не пурпурный, не фиолетовый, не багровый, а какой-то сказочный, именно драконовой сути являет собой этот цвет, покрывающий шероховатое тело диковинного существа. Будто смесь всех выше перечисленных красок выплеснул кто-то на морского дракона, призванного то ли устрашать подводных обитателей, то ли удивлять… Просто, этот морской дракончик сам по себе такой, его невозможно обойти вниманием, хотя он и не отличается какими-либо вкусовыми свойствами, словом, дракончик поражает всех своим воинственным и очень впечатляющим видом.

Но, как ни странно, цвет этот удивительно подходит морскому дракону, цвет грязноватый, даже – аляповатый, и с бура, и с красна, и с желта, и с черна, но, тем не менее, словно светящийся изнутри, правда, неброско. Он уместен для этого колючего подводного существа, которое, по-видимому, никого в море не интересует. Только рыбаки за своей однообразной работой порою любуются его навострившейся во все стороны тёмно-багряной красотой, расправляя руками ещё не обсохшие плавники дракона: их сдержанное пламя неведомой морской глубины, приглушённое серыми тонами туманного северного дня, необъяснимо зачаровывает.

Водится морской дракон на больших глубинах, как будто скрываясь там ото всех, его таинственный образ жизни малоизвестен, а вызволенный на поверхность – он становится беспомощным, хотя и не теряет своего

устрашающего вида. Часто попадаясь рыбакам в трал и запутываясь своими колючками в ячеях, морской дракон, конечно, становится предметом всеобщего недовольства, потому как каждого такого обитателя морских глубин приходится тщательно выпутывать, рискуя серьёзно поранить при этом руки. К тому же, в пищу морской дракон не годится, поскольку весь состоит из шипов и колючек: похоже, у него вообще отсутствует мясо. Но, зато, морской дракон ценится своим необычайно фантастическим обликом, и постепенно начинает даже нравиться рыбакам. Будто околдованные этой неведомой красотой, они уже сами начинают колдовать над морским «чудищем», перетягивая и закрепляя его плавники с хвостом лесой в какой-нибудь устрашающей позе, затем подвешивают в машинном отделении и уже после того, как чучело засыхает до каменной твёрдости, с одухотворённым выражением лица покрывают лаком…

Вращающиеся на верёвочках под подволоком, высушенные и поблескивающие в темноте каюты драконы, с растопыренными и округлыми плавниками и страшно разинутой пастью, навевают неясные, а порой и ужасающие образы и в не без того метущихся коротких снах усталых рыбаков, возбуждая что-то волнительное, переживаемое только в море. Куда-то они увлекают за собой, эти вызывающие ощущение полёта волшебные драконы, будто приглашая ухватиться за их плавники или даже оседлать. Очутившись же в машинном отделении и постоянно натыкаясь на разверзнутые пасти, торчащие в разные стороны иглы и страшные рогатые головы мерно покачивающихся драконов, и вовсе примешь их за какие-то диковинные морские игрушки. Постепенно к ним все привыкают, воспринимая как нечто неотъемлемое от судовой экспедиционной жизни.

Однажды, на одном добывающем судне, мне привелось лицезреть в каюте боцмана, которого, кстати, на морском жаргоне именуют не иначе, как «драконом», целую композицию, состоящую из трёх морских дракончиков, изображающих своеобразную подводную упряжку… В качестве кареты в неё была запряжена огромная раковина приморского гребешка, а в ней, удерживая в клешнях вожжи, восседал королевский краб, застывший в этом морском кабриолете на полусогнутых задних конечностях, в напряжённой позе возницы, и всё это, невообразимое на самом деле сооружение, лихо устремлялось в неведомую и манящую морскую даль, поражая своим сказочным своеобразием. Но глядя на такую композицию, в тоже время, сразу представлялось, что в море, среди многочисленного царства рыб, всё возможно.

Впрочем, назвать морского дракона рыбой язык как-то не поворачивается: до такой степени он напоминает нечто дьявольское, какого-то сказочного крылатого змея, у которого и глаза были змеиные, скорее – именно драконьи, да и в своём имени, по-латыни, рыба эта значилась не иначе как TRACHINUS DRACO! Драконья голова, драконьи шипы, драконья пасть, драконий взгляд, драконья неведомая кровь! Как тут не заинтересуешься и не возьмёшь в руки необычное существо, вывалившееся

вместе с треской, минтаем и камбалой из трала на палубу? Оно и лежит всегда как-то отдельно, хотя и вместе с рыбой, будто всем своим видом демонстрируя причастность к некоему особенному подводному ордену, в который не всякий из морских обитателей вхож.

Какой-то морской Змей Горыныч, житель подводной пещеры, хоть и маленький, а приковывающий к себе внимание. Даже в руки его поостережёшься сразу брать: ан, как он – заговорённый самим морским богом и наделённый им неведомой чудодейственной силой?! Чудо, что не объяснишь никакими известными нам законами природы, диво-дивное, в которое всегда верили люди, тем более, в старину…

… Где-то в беспросветной тьме океанских глубин, может быть, до сих пор таится гигантское животное, неведомое пока человечеству… Во всяком случае, мне хочется так думать, и я не раз представлял его себе, особенно в детстве, когда рассматривал прекрасные иллюстрации к «Таинственному острову» Жюль Верна. Там был изображён огромный спрут, с чудовищной длины щупальцами, опоясавшими собой мачты корабля. Его глазницы поражали воображение размером и ужасной отрешённостью, с какой морское чудовище взирало на свою жертву. Люди в ужасе прыгали за борт, а некоторые корчились в сжимающихся щупальцах… Холодящая кровь картина, тем более, что мне искренне верилось: такое чудовище на самом деле где-то существует, и, значит, я его когда-нибудь могу увидеть!

После выборки трала палуба, обычно, бывает ещё усеяна кофейно-крапчатыми скользкими телами кальмаров. В отличие от своих гигантских сородичей, обитающих в немыслимых глубинах, они отличаются гораздо меньшими размерами, но в неистовости истребления мелкой рыбёшки вполне успешно конкурируют с другими морскими хищниками. Движения их легки и стремительны, а в скорости они не уступают неутомимым дельфинам.

Дальневосточный кальмар, временами массами заходящий в ставные невода и тралы, очень популярен среди местных рыбаков. Проплывая во время своих миграций колоссальные расстояния от южной оконечности главного из островов Японии – Хонсю до северной части Татарского пролива, он непременно и не раз попадёт на их обеденный стол. Кальмар держится обычно в районах ловли сайры, ибо так же, как и эта проворная рыбка, собирается на свет. Разве упустит он возможность продемонстрировать чудеса своего гидроактивного двигателя!

Что же касается гигантских сородичей кальмаров, то обитают они на больших глубинах океана, образ жизни их мало изучен, и известно только, что длина пойманных экземпляров, считая со щупальцами, достигает почти двух десятков метров, а диаметр глаз – доброго кухонного тазика. Много гигантских кальмаров, кстати, обитает в прилежащей к Курильским островам части Тихого океана, и поскольку они живут на значительной глубине, то возможность их встреча с человеком мало вероятна. С кем уж кальмарам и приходится чаще всего сталкиваться, так это – с кашалотами. В желудках

кашалотов постоянно находят их остатки, а на коже кашалотов иногда обнаруживают отчётливые следы огромных присосок кальмаров. Причём, это не просто следы, а шрамы длиной иногда в несколько метров, глубиной и шириной в несколько сантиметров. От обилия этих шрамов и сильных царапин старые кашалоты даже приобретают более светлый тон окраски, особенно на голове, которая в первую очередь становится объектом «объятий» гигантских моллюсков.

Б.А.Зенкович в книге «Киты и китобойный промысел» красочно описывает схватку кашалота с таким гигантским кальмаром, увиденную с борта китобойца. Известно, что длина гигантского кальмара-архитевтиса нередко достигает и 15 метров, но самый большой экземпляр, точно измеренный зоологами, был длиной 18 метров и весом, по-видимому, около 8 тонн. Вдобавок, время от времени из разных точек планеты не перестают поступать сообщения о ещё более огромных спрутах, существование которых вполне допустимо.

Но вернёмся к кальмарам, которых может увидеть в их родной среде каждый, если приложит к этому определённые усилия. Длина кальмаров обычно не превышает тридцати-сорока сантиметров, и напоминают они изящные фаянсовые сосуды, искусно выдутые неведомыми мастерами подводного царства. И голова, и мантия, и окружность глаз их украшены перламутровыми пятнышками, часто обведёнными голубовато-зелёными и розовыми разводами. При ярком солнечном свете, когда выбираемый трал весь увешан смирившимися со своим незавидным положением кальмарами, они воспринимаются какими-то ювелирными изделиями, усыпанными драгоценными камнями.

Медленно тянутся из морской глубины эти причудливые гирлянды… И ты, совершенно позабыв, что вытащенные на палубу кальмары, желая отпугнуть назойливых зрителей, способны выбросить на пару метров густую струю «чернильной» жидкости, имеющую в воде защитное маскирующее значение, подходишь к ним и берёшь в руки… Перламутрово-гладкие, нежные тела, ещё несущие в себе трепетную жизнь моря, удивительно завораживают, вызывая в душе неописуемые чувства…

Кстати, кальмары пускают в ход свои «чернила» очень точно, почти прицельно, и могут выбрасывать их длительное время. И даже когда покажется, что запас кальмара иссяк, следует всё равно опасаться очередного выстрела. Кальмар сопротивляется обычно до самого конца, и можно быть уверенным – напоследок он приготовит особый сюрприз.

Общеизвестны превосходные японские шкатулки, покрытые знаменитым цветным лаком и часто инкрустированные перламутром, так вот лак этот в Японии приготовляют из морских животных – кальмаров, вернее – их «чернильной» жидкости. Об этом способе получения лака почти ничего неизвестно. Секрет передавался из рода в род и очень бережно хранился. Мастера этого дела поодиночке выходили на лодках в море и там, вдали от любопытных глаз, варили лак из пойманных кальмаров.

Тем, кто наблюдал кальмаров только на прилавках магазинов – трудно представить, сколь совершенно это создание моря. Плывущие кальмары – живое воплощение скорости, они стремительны как молнии, пронзающие его глубинную суть. Их волнообразная мантия, накачивая и с силой выбрасывая воду из своей полости через узкое отверстие, расположенное на конце эластичной трубки-воронки, работает подобно насосу, а гарпунообразные плавники в задней части тела ещё более усиливают движение. Кальмары без устали носятся взад и вперёд среди косяков сайры и другой рыбы, торопливо засовывая одну жертву за другой в свою маленькую пасть. С виду – ненасытные каннибалы, на самом же деле кальмары обилием поглощаемой пищи компенсируют значительный расход энергии.

Зигзагообразно мелькающие под бортом судна восхитительные кальмары, способные мгновенно уноситься прочь, совершенно очаровывают внимание. Глазом не моргнёшь, а их уже и след простыл. Кальмары будто прилепляются к рыбкам, за которыми гоняются без удержу, складывают в струнку щупальца, вытягиваются и стремглав несутся за добычей, выталкивая из себя воду. А то превращаются в изящных подводных бабочек, что отрешённо порхают в необозримых просторах океана, не ведая – куда себя девать. В порыве же охоты они способны развить такую бешеную скорость, что нередко даже выпрыгивают на палубу! Лежат на выбеленных досках и злятся, наливаясь красочным жаром, или же, от невозможности что-либо изменить, превращаются в невзрачных, почти неразличимых моллюсков, которых уже трудно представить неистово несущимися по волнам…

О летающих кальмарах я слышал и раньше, но одно дело – прочесть об этом в книге, и другое – наблюдать самому вырывающихся из воды животных, которых, почему-то, не удовлетворяют только морские просторы, и они ещё устремляются к парению над ними. Расположенные в мантии кальмара мощные группы мышц и нервные узлы так энергично сокращаются, что он представляет собой живое воплощение реактивного двигателя, на предельной скорости способного лететь по воздуху. Увидев подобное хотя бы раз – глазам не поверишь, но прелесть и восхищение от этого остаются незабываемыми. Ощущение такое, будто кальмар в полёте всё видит, понимает, что с ним происходит, и наслаждается своими удивительными возможностями. Созидающая его сила - великолепна!

Идеально гладкое тело этого морского хищника напоминает какой-то стремительный снаряд, и, покрытое множеством разноцветных и чистых пятнышек, сливающихся со стороны в сплошной розовато-кремовый тон, то вспыхивая, то тускнея, приковывает к себе необыкновенной красотой. Изящные плавники кальмара обёрнуты вокруг его тела так, чтобы не создавать завихрений, максимально вытянутые щупальца плотно соединены друг с другом наподобие липучих застёжек, и всё это выверенное и отшлифованное природой совершенство призвано стремительно и манёвренно лететь, хватать и пожирать. Учёные расходятся во мнениях – как

быстро плавают кальмары, но чаще всего в литературе можно встретить утверждения о том, что скорость их движения достигает 50 километров в час. В воздухе кальмар летит, конечно, ещё быстрее, поскольку сопротивление движению во много раз меньше.

Не исключено, что все эти цифры о скорости кальмаров изрядно преувеличены, но по манёвренности животные превосходят многих рыб. И хотя обычно кальмар движется «задом наперёд», он может, круто изогнув конец воронки, мгновенно изменить направление на обратное. Манипулируя воронкой, кальмар совершает и крутые повороты, и даже движется боком. Большую роль при повороте играет и положение плавников, а также – сложенных пучком щупалец, вращающихся во все стороны. Но если кальмару спешить не нужно, он пропускает через плавники мелкие волны нервических разрядов, спереди назад, и грациозно скользит, изредка подталкивая себя струями воды. Заглядеться можно!

Однажды мне всё же удалось лицезреть кальмаров, во всей своей красе взлетающих над водой и шлёпающихся в неё. Правда, я не мог достаточно ясно рассмотреть – как они вонзаются в колышущуюся морскую поверхность, ибо стоял уже вечер, на море было небольшое волнение, но взлёт белеющих в темноте моллюсков был хорошо заметен, и я сначала подумал, что это – летучие рыбы: откуда бы им тут взяться, ещё промелькнула мысль. Мы малым ходом продвигались вдоль побережья курильского острова Итуруп, в одной из его бухт нам предстояло набрать воды из родонового источника, и вскоре должны были высадиться на берег во время прилива, куда невозможно было зайти в отлив. И вот, уже на подходе к заливу, из чернеющего океана вдруг начали выпрыгивать кальмары…

Их было много, не пересчитать, и все они переливались красными, синими, жёлтыми и фиолетовыми огоньками, фосфорисцирующими в сгущающихся сумерках, и это было так обворожительно, что сидящие в боте усталые люди оживились, восхищённо стали обсуждать увиденное, а затем замолчали, задумавшись, наверное, каждый о своём. Стало совсем тихо, - только струящаяся рядом вода, упруго всплескивающаяся у пластикового борта, какой-то неясный гул, исходящий со стороны берега, вероятно, от прибоя, и вырывающиеся из утробы моря гладкие, плотные тельца кальмаров, тотчас падающие во влекущую к себе таинственную влагу, и опять возникающие из неё: реальные в своей притягивающей красоте, но необъяснимые… Не передать, как было хорошо от переживания всего происходящего, и думалось как-то надёжно, с твёрдой уверенностью, что всё тебе удастся. Опять же, почему-то, благодаря кальмарам, - загадочным морским обитателям, о которых все всё, вроде бы, знают, но никто толком не ведает.

Да и вообще, для непосвящённых нет никакой разницы между кальмарами, осьминогами и даже каракатицами. Всяк видит во всём неизведанном только какой-то необъяснимый подвох, тогда как

посвящённые ясно осознают: кальмары – великолепные, изящные существа, чудные пловцы, до того загадочные, что не знаешь – чего от них ожидать. И если душу океана выражают преданные ему дельфины, мудрость глубины – величественные киты, мечтания – отрешённые глупыши и альбатросы, сновидения – очаровывающие своей таинственной прозрачностью медузы, то безудержные кальмары – это его спутанные мысли, теряющиеся в нём самом поиски выхода необъятной морской энергии, способной, кажется, вырваться из глубин и улететь. Но что-то их не пускает… Наверное, кальмары просто не знают – куда себя деть, так их переполняет великая океанская сила, и они всё мчатся, мчатся, мчатся в зеленовато-голубой толще шелковистой воды, ласково обнимающей их совершенно обнажённые тела…

Здесь уместно будет заметить, что моё знакомство и с морем, и с морской кухней произошло именно благодаря кальмарам. Я только что приехал на Сахалин, ничего ещё толком не знал ни про остров, ни про море, и решил зайти пообедать в привокзальное кафе. Меня сразу привлекли маленькие пиалы с аккуратно уложенными в них нежно-кремовыми, какими-то бестелесными брусочками, так мягко умещающимися в белой простой посуде, почему-то необыкновенно притягивающие к себе. На ценнике значилось: «Кальмары в горчичном соусе, 90 копеек», и я, не задумываясь, поставил на поднос незамысловатое, но очень соблазнительное блюдо. Почему-то сразу поверилось, что это именно море, его маленькая и обязательно вкусная частичка, которую я с удовольствием попробую и полюблю. И я попробовал, и тотчас влюбился в то, чего ещё никогда не видел.

Кальмары, действительно, очень вкусны, ими питаются различные рыбы, птицы, дельфины, тюлени и киты, и почему бы им не оказаться на обеденном столе человека? Вдобавок, кальмары, видимо, любознательны и очень неравнодушны ко всему яркому, цветному, что и порождает их довольно простую и эффективную добычу. Иногда складывается впечатление, будто они желают узнать как можно больше об окружающем мире, поскольку живут лишь год-два, и в этом своём откровенном устремлении часто оказываются довольно суетливы, даже - опрометчивы. Может быть, именно поэтому промысел кальмаров до сих пор ведётся ещё и примитивным традиционным методом – их ловят на поддев, используя в качестве приманки ярко раскрашенный фонарик из светонакопительного стекла в форме небольшой сигары с двумя венчиками острых безбородочных крючков, так называемый – «джиггер».

Ловец, удобно устроившись на корме, наматывает конец лески на палец, бросает снасть в воду и время от времени подёргивает её. Никакой наживки при этом не требуется. Кальмар бросается на яркую блесну и обхватывает её ловкими щупальцами, а овладев привлекательной игрушкой, уже не выпускает её из объятий, тем самым становясь легкой добычей: с такого крючка трудно сорваться. У моряков этот лов кальмаров называется – «удить на самодуры»…

Вылавливая любопытных головоногих подобным, очень доступным для каждого способом, человек как бы вступает с морем в открытое и разумное общение, пока ещё не утратившее налёта старинной, доброй романтики, и в кальмарах, оказавшихся вскоре у человека на обеденном столе, усматривается доброе расположение к нему морской стихии. Море, наверное, не зря посылает человеку кальмаров, чтобы он изредка лакомился его богатствами и оставался к морю благосклонным.

Изредка в трал попадали переливающиеся спокойными радужными оттенками мозаичные скаты. Несмотря на то, что скаты занесены в перечень опасных животных, на палубе нашего траулера они выглядели довольно безобидно. Замкнутые в себе и тихо обескураженные тем, что оказались вне родимой стихии, они неподвижно лежали посреди разнопёстрого улова, лишь иногда волнообразно шевеля боками и как бы тяжело вздыхая.

Не покидало ощущение, что скатов кто-то специально расплющил, и их грудные плавники, постепенно расширяясь, превратились в крылья, покрывая палубу наподобие живого одеяла. Не хотелось дотрагиваться до беспомощно распластавшихся на палубных досках скатов, боясь нарушить ту неуловимую трепетность, в которую они впадали, и только пристально смотреть на удивительных животных, пытаясь представить их скрытую под водой жизнь. Скаты не пугали, а наоборот, всем своим видом действовали умиротворяюще, отчего хотелось дотронуться до их округлых боков и погладить.

Опасными скаты считаются благодаря несомому в себе электрозаряду, и некоторые из них, в основном – из-за внушительных размеров, действительно имеют грозный вид, но никто не помнит случая, чтобы какой-нибудь скат совершил нападение на человека. Конечно, вам вероятнее всего захочется выскочить из воды, увидев рядом мощные многометровые крылья и длинный острый хвост необычного животного, но это только по причине собственного неведения. На самом деле, пугающие «крылья» - есть ничто иное, как расширившиеся со временем грудные плавники, представляющие одно целое с головой и боками.

Скаты, скорее, напоминают не устрашающих чудовищ, а гигантских бабочек или летучих мышей, каким-то чудом оказавшихся в подводном царстве. Особенно наглядно это сходство проявляется в их манере передвижения: края плавников у скатов совершают плавные волнообразные взмахи, вогнутые поверхности крыльев на мгновение замирают, и животное грациозными рывками скользит в водной толще, совершенно зачаровывая воздушностью своего подводного полёта. Кажется, будто в воде «летит» фантастическая бабочка, и происходит это в замедленном темпе.

Но завораживающая красота движений скатов – не главное: с помощью своих крыльев животные выкапывают из песка схоронившихся там моллюсков, а некоторые из них набрасываются на добычу, накрывая её собой. Ската, распростёршегося на грунте, чрезвычайно трудно обнаружить. Своё ложе скаты устраивают, тщательно взбаламучивая донные осадки,

которые потом наполовину погребают их. Крылья скатов слишком толсты и тяжелы, поэтому большинство их передвигаются медленно. Но лентяями скатов не назовёшь. Может быть, поэтому в процессе эволюции клетки мышц у них не производили сокращение, а специализировались на вырабатывании электричества.

Говорят, что лечебное свойство этих рыб было открыто императором Тиберием, который во время купания наступил на электрического ската и обнаружил, что разряд облегчил подагрические боли. Древние римляне, следуя примеру родного императора, стали с тех пор оборачивать скатами ноги и даже клали их на головы, дабы избавиться от душевных болезней. С лёгкой ноги Тиберия и сами того не ведая, римляне ввели в обиход электротерапию.

Обычно электрический заряд, представляющий собой, по существу, серию очень коротких импульсов, используется скатами для отпугивания хищников, вроде акул. Это также превосходное средство, с помощью которого можно добыть себе таких быстроходных рыб, как лосось, сайда или треска. Так называемые «электробатареи» ската представляют из себя плоские дискообразные ячейки, напоминающие пластины автомобильного аккумулятора, и располагаются в крыльях животного. Средних размеров электрический скат способен вырабатывать ток силой в 50 ампер и напряжением около сотни вольт, которого вполне достаточно, чтобы умертвить крупную рыбу или даже сбить с ног взрослого человека.

И всё же, скаты – миролюбивы, к тому же, очень симпатичны, и при своём достаточно грозном вооружении – остром хвосте и способности поразить электрозарядом, ведут безобидный образ жизни. Но если скат окажется подцепленным на крючок или в него вонзят гарпун, то он может долгое время буксировать бот с несколькими людьми. От старых моряков я слышал, что иногда эти животные целиком выскакивают из воды, а зрелые самки будто бы даже производят на свет своих детёнышей в то время, когда взлетают в воздух. Мысленно я ясно себе это представляю, и мне хочется, хотя бы на короткий миг, стать скатом…

Однажды, в самый разгар обеда, мастер появился в кают-компании с толстенным томом «Морской кухни» под мышкой и торжественно объявил всем, что на ужин сегодня будет приготовлен невиданно вкусный деликатес из филейной части акулы, кальмара и ската. Дав мне кое-какие распоряжения по части приготовления этого необычного блюда, капитан, с заговорщическим видом запершись на камбузе с кандеем, проколдовал там часа три кряду. Команда в это время с настороженным вниманием следила за моими подозрительными передвижениями с набитыми морской животиной вёдрами, а третий штурман, опасливо покосившись на закрытую дверцу кормушки, не удержался от своего очередного афоризма: «Когда резвятся слоны, резвятся и собаки, и даже мускусные крысы прыгают вокруг».

К ужину, как всегда, второй помощник пригласил всех по судовой трансляции в кают-компанию, но никто почему-то не отважился съесть хотя

бы один дымящийся бифштекс со щедро выставленного на стол кандеем противня. Решили испробовать новое блюдо на боцмане, поскольку трапеза для Фёдора Фёдоровича была делом, можно сказать, священным, и относился «дракон» к ней с предвкушением удовольствия, так же неторопливо и основательно, как делал он всю палубную работу.

В момент изготовления чудодейственного ужина Фёдор Фёдорович мирно почивал, а потому никоим образом о готовящейся над ним экзекуции не ведал. Войдя в кают-компанию и не заметив гнетущей обстановки ожидания, он без всяких предрассудков сжевал целиком бифштекс, тотчас попросив при этом добавки. То же самое произошло и со второй порцией, но ничего подозрительного с боцманом не случилось. Команда до неприличия откровенно таращилась ему в рот, но Фёдор Фёдорович ничего не замечал и, выхлебав в довершение всего три кружки киселя, в полном удовлетворении удалился.

Старпом тут же со всей присущей ему официальностью заявил, что есть этого «дьявола» ни за что не будет и объявляет голодовку. Для разного рода неучей он добавил, что скаты эти самые сплошь напичканы электричеством, а ещё того пуще – встречаются ужасные хвостоколы с колючими шипами на противном, похожим на крысиный, хвосте… При этом он изобразил на лице отвращение, имитируя припадок бурной тошноты и желудочного расстройства.

- Шипы эти бывают размером с кинжал, - с вытаращенными глазами доказывал раззадоренный чиф свою матку-правду, - и кровопиец-хвостокол вонзает их в несчастную жертву, хлеща её хвостом, словно бичом. И, поди ж ты, разбери, иде скат, значить, нормальный, не психованный, а иде – выродок!

Мне самому, почему-то, думалось, что, несмотря на такое жуткое имя, зловещую внешность и гнусные качества, приписываемые ему старпомом, скат – не хищное, а очень даже уравновешенное и доброе животное. Самое крупное, что они едят, это мелкая рыбёшка, и, конечно, они никогда не нападают на человека зря. Обычно безобидные, в период любви они, должно быть, становятся неузнаваемыми и, обладая такими превосходными крыльями, взлетают в плавном прыжке, чуть касаясь друг друга и поднимая с собой мерцающие радугой облачка солнечных брызг над ласково темнеющим морем.

А вот об акуле, нередкой гостье в наших уловах, написано невообразимое количество научных статей и книг, сняты сотни документальных и художественных фильмов, существуют многовековые легенды и самые невероятные истории, в которых, кажется, всё о ней рассказано. Чего мы ещё о ней не знаем, что может нас по-настоящему удивить и даже поразить?! Способна ли на это акула, если её всегда по большей части только боялись и ненавидели?!

Согласно действительности и многочисленным наблюдениям моряков, акула – одно из самых ненавистных и страшных морских животных. У акул и

врагов весьма мало и друзей почти нет, а страх и невежество людей окутали акулу покровом таинственных предрассудков, изображающих её обычно как не ведающую сомнений убийцу или тупую наглую тварь. Но так ли это?

В акуле, как ни в каком другом существе, воплощены природой её упущения, сложности и загадки. В отличие от рыб она была когда-то обделена плавательным пузырём, и с тех пор обречена на вечное движение с устрашающе разверзнутыми зубами. Незначительная, казалось бы, мелочь породила уйму возмещающих её «достоинств», даже шершавые, как напильник, складки кожи превратив в наружное окаймление пасти. Ненасытная утроба акулы, как правило, совершенно непропорционально велика по отношению к остальному телу, острые как бритва зубы усеивают серповидную пасть, аж, в несколько рядов, а запах ничтожно маленькой капельки крови она в состоянии почуять на значительном расстоянии. Необычайно развив в себе способность к агрессивному образу жизни, акула, сама того не подозревая, приучила многих обитателей моря ценить её, воспринимая в то же время как нечто неотъемлемое от него.

Учёные, занимающиеся акулами, считают, что не существует ни одного достаточно веского объяснения того, что делает или чего не делает акула. В одном случае в воде есть кровь и всё же акула не нападает на плывущего человека. В другом – нет никаких явных причин, которые бы могли спровоцировать нападение, и всё же оно происходит. Каждое нападение представляет собой парадокс, как, впрочем, и сама акула.

Взять хотя бы нелюбовь акулы к белому цвету… Акулы, якобы, всегда предпочитают тушу белой лошади туше гнедой. Туземцы, ныряльщики тропических вод, надевают чёрные сандалии перед тем, как идти в воду, чтобы не были видны более светлые, чем тело, ступни их ног. Греческие охотники за губками, ныряющие в чёрных костюмах, прячут ладошки под мышками, когда поблизости появляется акула.

Однако японские ама, или «морские женщины», ныряют на дно в поисках жемчуга в белых юбках и белых кофтах. Ама считают, что белый цвет, наоборот, отпугивает акул. И женщины, и девочки, так как многие ама - всего лишь подростки, обматывают свои угольно-чёрные волосы белым полотенцем, когда погружаются под воду. Их снаряжение состоит из очков, сумки, куда они складывают добычу, и кривого ножа акойя, которым они срезают жемчужниц с подводных скал на глубине десять и более метров, а белый цвет, по-видимому, им только помогает.

С акулами всегда было связано что-нибудь необычное, например, множество магических заклинаний и обрядов. На Гавайях акул ловили на крючки, которые делались из человеческих костей, и в стародавние времена вождь племени нередко завещал свои кости друзьям и верным слугам, чтобы они выточили из них орудия лова. Особенно ценились кости умелых рыбаков…

Полинезийские женщины чутко уловили всевозможные ухищрения, находящиеся на вооружении этих необыкновенных животных, и кое-чем

даже воспользовались. В древности женщины носили рукавицы, украшенные острыми акульими зубами – для защиты от чересчур назойливых кавалеров.

Думая о коварности этих морских обитателей, вспоминается и одна игра, которую устраивают на бесчисленных океанских атоллах местные мальчишки… Они ныряют в воду с брюками-парео, сложенными в виде мешка, подплывают к акулам и бесстрашно накидывают им мешок на голову. Ослепшая акула начинает отчаянно метаться из стороны в сторону, иной раз ткань плотно прилипает к жабрам и акула погибает. Но чаще мальчишки, позабавившись с разъярённой хищницей, стягивают с её головы свои брюки и отпускают. Это, наверное, не большие по размерам животные, но поражает сам настрой мальчишек, не ведающих страха, и он лучше всего свидетельствует о том, как близки в своих отношениях люди и море.

В наше время акулы не перестают привлекать к себе внимание людей, чего бы это ни касалось. В Калифорнии существуют спортивные клубы аквалангистов, попасть в которые можно лишь прокатившись на … акуле… А в Австралии уже давно заведено общество укушенных вездесущей «злодейкой»!

Акулы недаром заслужили известность своей невероятной прожорливостью и всеядностью. Предпочитая более свежую пищу, они нередко с удовольствием пожирают отбросы с проходящих судов, морских птиц, тюленей, черепах, крабов и даже людей. Если какая-то из акул случайно окажется раненой плавником другой акулы, вся стая набросится на своего сородича и разорвёт его в клочья, так же как и не родственную жертву. Существует история, будто акулы однажды сожрали какого-то заблудшего слона, чудом очутившегося у моря.

Гастрономические вкусы акул очень разносторонни. А их на редкость крепкий желудок может переварить абсолютно всё, что акуле случится проглотить. Обильно выделяемые желудочные соки, одной из основных частей которых является соляная кислота, с такой быстротой растворяют питательные вещества, что не приходится удивляться тому, какой неутолимый голод всегда гложет акул. По мнению некоторых учёных, желудочные соки акул настолько сильны, что они растворяют лак, которым покрывают палубу, и могут постепенно растворить даже металлические предметы, к примеру, подковы, проглоченные акулами.

В желудках выловленных рыбаками акул находили всё, что угодно, начиная со свиных голов и кончая обломками гарпунов, обрывками сетей, кухтылями, заржавевшим будильником, пишущей машинкой и даже деревянными ящиками. Самые невероятные предметы, которые и на берегу-то вряд ли отыщешь, невообразимым способом попадали в животы этих поистине безумствующих хищниц: собачий намордник с поводком, сапоги, мешки с углем, куль с картофелем, пивные бутылки, пальто и водительские права. Кроме этого, незадачливая кошка, старые брюки, оленьи рога и курятник, внутри которого нашли груду косточек и немного перьев. Ещё у одной акулы обнаружили в желудке мешок с деньгами и человеческий череп,

а другая акула, которой приглянулась взрывчатка, проглотила глубинную бомбу, выпущенную с корабля при промерах глубин в Тихом океане.

Выброшенная из трала на палубу, акула всегда выглядит подозрительно успокаивающе. Но стоит только приблизиться к ней с каким-либо самым незамысловатым намерением, и акула тотчас преображается, выделывая сумасшедшие кульбиты туловищем, головой и хвостом, устрашающе щёлкая зубами и злобно взглядывая на вас холодными маленькими глазками, словом, всем своим поведением демонстрируя несокрушимую мощь и жизнестойкость.

Бывали случаи, когда особо крупные, будто отлитые из морской плоти животные выдерживались нами на палубе до часу, но сброшенные за борт – потихоньку оживали и, лениво поводя плавниками, а затем – резко взмахнув хвостом, стремительно ускользали в манящую глубину. Акулы поражали неистовостью и откровенным презрением к смерти. У них было чему поучиться.

Вообще, всё указывает на то, что боль, в том смысле, как мы её понимаем, не существует для акул, а если и существует, то у них очень высокий болевой порог. У человека ощущение боли возникает в определённых нервных рецепторах, которые передают болевые импульсы высокоразвитым нервным центрам в мозгу. По-видимому, чем ниже стоит живой организм на лестнице эволюции, а акулы, утверждают учёные, находятся на одной из нижних ступеней, тем менее они подвержены чувству боли.

«Мёртвая» акула часто ведёт себя совсем как живая. Один рыбак, например, лишился руки, которую откусила выпотрошенная им акула. Морской офицер презрительно пнул ногой мёртвую, судя по всему, акулу, лежавшую на палубе, а она тут же пробудилась к жизни и содрала ему с ноги всё мясо.

Живучесть акул просто неправдоподобна. Известен случай, когда рыбак поймал акулу, распорол ей брюхо, выпустил кишки и кинул её обратно в море. Когда затем он снова забросил крючок с насаженными в качестве приманки внутренностями акулы, он поймал на него … ту же самую акулу!

У нас на судне произошло следующее происшествие. В трал нам попалась сельдевая двухметровая акула, и кандей, желая попотчевать экипаж полезным деликатесом, извлёк из неё печень и вытолкнул акулу за борт, как падаль. Но акула спокойно поплыла прочь, словно с ней не произошло ничего плохого.

Вспомнишь распахнутые челюсти акулы, усеянные круглыми, белыми и очень острыми зубами, и отчего-то засомневаешься – стоит ли пробовать её мясо. Ту акулу, которую я себе живо представляю до сих пор, наши матросы поймали неподалёку от Северных Курил, и когда вытащили вместе с другой добычей на палубу, то даже не сразу обратили на неё внимание. Акула была в добрую пару саженей величиной, спина тёмно-серого цвета, с голубоватым

отливом, брюхо ярко-белое, глаза оловянные и колючие, так что не покидало ощущение, будто она всё замечает и видит насквозь.

Поначалу акула лежала неподвижно, так что это успокоило всех, и они подошли к акуле поближе, желая её лучше рассмотреть. Один матрос даже ухватил акулу за хвост, после чего она зашевелилась, изгибаясь то в одну, то в другую сторону, и вдруг начала трястись, страшно разевая свою зубатую пасть. Акула сжималась в кольцо, подпрыгивала, ударяясь о комингс, и так, постепенно, оказалась у самого борта, после чего опять впала в неподвижность. Все члены экипажа с большим любопытством наблюдали за морской хищницей, многие даже видели её вблизи впервые!

Прошло минут десять, пока тот же матрос решился вновь потревожить замершую акулу. Казалось, она испустила дух, не проявляя никаких признаков жизни. Когда матрос подошёл к ней и ткнул шваброй в бок, акула начала так рьяно изгибаться и хлестать хвостом по воздуху, что не верилось, будто она пробыла на нём значительное время. Акула остервенело билась о борт и обо всё, что возникало у неё на пути, а более менее успокоилась только после того, как её опутали верёвочными концами. Но даже в таком незавидном положении акула продолжала тупо биться, ползать по палубе и дубасить хвостом по доскам. Все не могли наглядеться на эту удивительную несгибаемость и мощь, не в силах понять: откуда акула черпает свою живучесть?

А акула вела себя так, будто её и не извлекали из родной стихии. От кончика тупого рыла до заострённого пера хвоста она являла собой неуёмный сгусток энергии. Кто-то из членов экипажа, кажется, второй механик, саданул акулу в бок кухонным ножом, затем распорол её брюхо, но связанная акула продолжала неудержимо изворачиваться, расплёскивая по палубе кровь и размазывая какие-то отвратительные на вид, серые внутренности. Электромеханик со всего маху обрушил на её приплюснутую голову лом, ещё один матрос пытался затолкать в разинутую пасть акулы металлический багор, остальные же с неиссякаемым интересом наблюдали за происходящим, подбодряя новоиспечённых экзекуторов ошалелыми возгласами. Любопытствующие теснились вокруг, взбирались на судовые надстройки, и всё пытались обнаружить у акулы признаки её кончины, но признаков не было: акула оставалась бессмертна.

Порядком израненная, но по-прежнему красивая, акула продолжала бороться за жизнь и уже у многих начала вызывать симпатию, а не презрение, как к тупой, равнодушной силе, но эти люди боялись показать перед другими проснувшееся уважение к акуле, даже просто жалость, и не решались приостановить развернувшуюся бойню. Некоторым вообще наскучило смотреть, как окровавленное животное бьётся на палубе, и они разошлись. Кто-то всё же осмелился приблизиться к акуле и стянуть с неё верёвки, и акула, как бы в благодарность, затихла.

Пора было убирать её, может быть выбросить акулу за борт, но вот именно в этот момент второму механику вздумалось оставить себе на память

спинной плавник. Только он успел ударить топором в самое основание плавника, посередине хребта, как тотчас его нога в ботинке очутилась в пасти акулы. Обезумевшая от боли, акула принялась судорожно мотать головой, так что у незадачливого моряка слетел второй башмак, и это вызвало поначалу безудержный хохот, но тут же все поняли опасность произошедшего и ринулись на очередное укрощение зверя.

На сей раз акуле досталось изрядно, её били всем, что попадало под руку, но удары почти не доходили до цели, потому что движения акулы были очень порывисты. Ей, кажется, всё было нипочём, и лишь когда на палубе появился разозлённый происходящим капитан, с пистолетом в руке, и выстрелил акуле в голову, чтобы она не мучилась, акула присмирела, конвульсивно дёрнулась несколько раз и даже проползла метра два, оставив на выбеленных досках кровавый след. Второй механик, которого акула прихватила за ногу, с нескрываемой злобой ударил бедное животное обухом топора, а затем отчего-то принялся разделывать её и без того истерзанное тело, но и тогда акула слабо разинула пасть, рванулась вперёд и, изогнувшись, судорожно задрожала. Челюстями она шевелила ещё несколько минут, и только после этого постепенно угасла. Всем стало дурно, и многие поспешили покинуть палубу, а акула презрительно ощерилась своими мощными челюстями, как будто не желая смиряться с уготованной ей людьми незавидной судьбой.

Но обычно появление очередной «малютки» на палубе нашего судна не вызывало среди моряков беспричинно вспыхивающей злости, когда они, как это нередко бывает в затянувшихся рейсах, под предлогом остро назревшей необходимости к развлечению, дубасят беспомощное животное, чем ни попадя, по морде, получая при этом непередаваемое наслаждение. Безобидно застывшие голубовато-глянцевые тела акул чаще всё-таки вызывали у матросов чувство любопытства, и, изредка поглядывая на затихших в стороне хищников, они перекидывались друг с другом незначительными шутливыми репликами. Но в каждом из них отчётливо угадывалась завуалированная видимым пренебрежением заинтересованность вперемешку с не покидающей настороженностью.

Не зря принято думать, что многие люди испытывают к акулам скорее страх и отвращение, нежели уважение. И то и другое порождено, скорее всего, незнанием. Незнание это неудержимо подхлёстывает не на шутку разыгравшееся воображение, и остановить его оказывается делом почти безнадёжным, если сам человек не готов преодолеть собственную ограниченность.

Оттого, наверное, каждая нация, живущая у моря, выработала собственные любимые противоакульи средства… На Гавайях женщины, чтобы предотвратить нападение, татуировали себе лодыжки. На Фиджи ныряльщики за жемчугом смягчали акул … поцелуями! На Соломоновых островах для умиротворения акульего бога использовали заклинания и

человеческие жертвоприношения, а на американском побережье некоторые ныряльщики верят, что акул отпугивают визг и шлёпанье по воде.

Чего только не придумает вечно сомневающийся во всём человек, лишь бы - не быть самим собой, не принять акулу такой, какая она есть! И при этом никак ее не провоцировать, не издеваясь и не проявляя по отношению к ней невероятное бездушие, а увидеть в акуле существо, для которого, так же как и для человека, море остаётся родной стихией! Всплывая из морских глубин и будоража человека своей неразгаданной тайной, акула, несомненно, служит для него учителем и, не используя преподаваемого ею урока, он не имеет права её ненавидеть.

Просто удивительно, как необыкновенно живуча акула, и природа зачем-то не оставила её без внимания даже в экстремальных для животного ситуациях, когда потеря и сотен, и тысяч экземпляров не могла бы нанести какого-либо урона всему акульему виду! Об акуле явно кто-то заранее позаботился…

В середине прошлого столетия американские исследователи, к своему удивлению, обнаружили, что при воздействии электрическим током, во время испуга и при погоне за добычей сердце акулы неподвижно. Это было тем более странно, что именно в такие важные моменты ткани организма испытывают наибольшую нужду в кислороде и питательных веществах, и всё-таки сердце акулы останавливалось, чтобы, наверное, дать возможность её организму переждать последствия стресса. Природа, видимо, оберегает от потрясений того, кто несёт своим существованием необходимые для жизни потрясения другим!

Словом, всем акула взяла, но, несмотря на невкусность заглатываемых ею предметов, а также того, что она пожирает своих собратьев, мясо её очень вкусно. На деле люди съедают больше акул, чем акулы людей. Знатоки утверждают, что приготовленное особым способом свежее мясо многих видов акул – совершенно непередаваемо на вкус. Правда, свежее акулье мясо обладает неприятным запахом, так как в нём содержится много мочевины. Но это легко устранить, вымочив мясо в соляном растворе.

Часто акулы, мясо которых едят во многих странах, появляются на тарелках под чужим именем. Когда торговцу рыбой или хозяину ресторана предлагают, скажем, сельдевую акулу, у него может возникнуть искушение преподнести своим покупателям и клиентам акулу в замаскированном виде. Для этого нужно только отрубить ей голову, плавники и хвост, и разрезать её на куски. В таком виде её мясо вполне сойдёт за мясо меч-рыбы, марлина или тунца, и мало кто почувствует разницу. Даже в рыбачьих портах разные виды акул сходили за палтуса и треску, так что никто и не догадывался о подлоге.

В течение многих лет торговля акульим мясом в США велась только благодаря китайским иммигрантам и их потомкам. По всему тихоокеанскому побережью выходцы из Китая обеспечивают спрос на акульи плавники для любимого супа, который у них считается наивысшим деликатесом. Китайцы

верят, что тот, кто ест акулий суп, разделяет трапезу с самим Богом, и не притронутся к такому лакомству – есть высший грех.

Та же самая сельдевая акула, например, благодаря своим вкусовым качествам, основной поставщик рыбных котлет в ресторанах многих стран мира. Гурманы так расхваливали суп из плавников этой акулы, что и акула получила имя суповой. Правда, когда во время второй мировой войны в её печени было обнаружено большое содержание витамина А, ей дали ещё одно имя – витаминная акула.

Что же напоминает на вкус акула? По мнению всё тех же гурманов акула имеет вполне приличный вкус, хотя мясо её несколько жёстче, чем у других рыб. Для особо изощрённых ценителей она – самая вкусная рыба на свете.

Тропические туземцы убеждены, что если только что пойманной акуле отрубить хвост и выпустить кровь, её мясо от этого становится белее, и, соответственно, вкуснее; не сделав этого – акула не оставляет желать ничего лучшего. Кто-то искренне верит, что акулы просто восхитительны на вкус и некоторые из них весьма напоминают нежных креветок. Отдельные виды акул, такие, как акула-молот и гладкая кунья акула – одно объедение. Вполне приемлемы на вкус колючая и сельдевая акулы, напоминающие мясо тунца и морского гребешка, а американский президент Теодор Рузвельт считал, что у акульего мяса существует непревзойдённый аромат, причём, заявлял об этом публично, чтобы побудить людей есть акул!

Англичане испокон веку едят акул и ничуть об этом не сожалеют. Неизвестный поэт елизаветинской эпохи упоминал в своих стихах наряду с любимыми в народе сельдью, треской и палтусом также морскую лисицу, а у Шекспира в «Макбете» ведьмы используют в качестве одного из ингредиентов в своём снадобье акулу. В начале XX столетия, во время экономической депрессии, необходимо было отыскать такую рыбу, чтобы её можно было дёшево продавать бедным, и ей оказалась колючая акула… Мелкие лавочники, торгующие жареной рыбой, обнаружили, что могут покупать колючую акулу по шиллингу за 30 килограммов; они назвали колючую акулу «горный лосось» и продавали её вместе с жареным картофелем по полтора пенса за порцию – дешевле некуда.

Кстати, анализ мяса скромной колючей акулы, именуемой иначе – катраном, показал, что в нём содержится больше протеина, чем в молоке, крабах, скумбрии, омарах или сёмге, и калорийность его куда выше. В Норвегии же, помимо мяса, употребляют яйца колючей акулы, добавляя их в тесто вместо куриных яиц. В яйцах колючей акулы желтка даже больше, чем в куриных яйцах!

Акулье мясо пользуется спросом и в Австралии. Было время, когда акулу в Австралии осторожно называли «флейк», но в последующие годы её стали продавать под собственным именем, и спрос на неё настолько вырос, что вызвал к жизни коммерческий лов в самом широком масштабе. Мало того, лов акул принял такие размеры, что ведомство промыслового

рыболовства начало компанию защиты некоторых видов акул от полного уничтожения. И это в стране, где купающиеся уже многие годы пытаются найти защиту от акул! Только акулы-людоеды не продаются на австралийских рынках, но остальные виды акул пользуются большой популярностью. Австралийские матери обнаружили одно выгодное свойство акульего мяса: оно без костей и его можно без риска давать маленьким детям.

Жители Кореи и Китая едят акулье мясо с незапамятных времён. Но, возможно, нигде на свете акул не употребляют в таком количестве, как в Японии, где их ежегодный улов исчисляется миллионами тонн. Из акульего мяса более низкого качества делают рыбные хлебцы под названием камабоко, пользующиеся в Японии огромным спросом, а одни из самых распространённых консервов – копчёное акулье мясо в соевом соусе. В общем, из всего вышесказанного явствует, что акула – украшение любого обеда!

Помимо вкусного мяса акула располагает ещё одним богатством-своим жиром, содержащимся в печени. Акулья печень из-за этого была названа «серым золотом», и во время второй мировой войны 75 % витамина А, добываемого в Америке, производилось именно из акульей печени. Витамин А считали панацеей чуть ли не от всех болезней. Обнаружили, что он способствует росту, увеличивает сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям, помогает превозмочь простуду и лихорадки, что он более богат витаминами, чем жир из тресковой печени, и открывает многообещающие перспективы в борьбе с двумя врагами человека, куда более опасными, чем акула, - раком и пороком сердца.

Жир акулы – идеальный предсказатель погоды ценой всего за один доллар. Если выставить на окно запечатанную бутылку с акульим жиром, как об этом сообщалось в Коннектикутском «Календаре погоды», то он мутнеет при похолодании и снова делается прозрачным, когда становится тепло. Вот и на Бермудских островах туземцы используют акулий жир в качестве примитивного, но надёжного барометра. Они утверждают, что жир из печени акулы, помещённый в какой-либо сосуд, мутнеет, когда надвигается шторм.

Но лучше всего человек научился использовать несокрушимо прочную кожу акулы. Акулья кожа начала свою долгую карьеру в Древней Греции, в руках греческих ремесленников, которые применяли её для полировки твёрдых пород дерева. В эпоху парусного флота моряки ловили акул, снимали с них кожу и использовали её для чистки палубы. Акульей кожей оборачивали часть вёсел – ту, которая ходит в уключинах, чтобы уберечь их от быстрого изнашивания. Акулья кожа получила название «шагрень», то есть кожа, которая благодаря своим плакоидным чешуям имела зернистую фактуру и считалась идеальным материалом, например, для рукояток мечей, так как её шероховатая поверхность позволяла крепко держать меч в руках.

Практическую ценность акульих зубов оценили и эскимосы Гренландии, изготовляя из них ножи, которыми обрезали волосы своим детям, так как на железо в этом случае у них было наложено табу. Сами же

взрослые использовали зубы акулы – всё ещё такие же острые, как миллионы лет назад, в качестве бритвы. Кожу полярной акулы они нарезали длинными лентами, соединяли их и использовали в качестве верёвки.

Кстати, гренландские рыбаки утверждали, что мясо полярной акулы ядовито, и наевшись его, собаки обычно делаются сонливыми и «пьяными», а для того, чтобы употребить в пищу мясо полярной акулы человеку, его надо прокипятить в трёх водах… На самом деле у полярной акулы отсутствуют почки, и мочевину она выделяет через кожу, отчего и содержит в себе опьяняющие свойства. Именно поэтому у съевшего мясо полярной акулы начиналось онемение конечностей, подобное состоянию опьянения. Недаром у северных народов такого «пьяного» человека называли «больным акулой».

Море… Оно многолико и всемогуще в желании удержать человека от неблаговидных поступков в отношении своих обитателей… Море убаюкивает его волю мерным бегом неустанных волн, остужает упругим морским ветерком не иссякающий к познанию пыл, но чаще всего отправляет вдогонку верных своих посланников, незаменимых гонцов всевышней воли Посейдона – дельфинов…

Иссиня-серые, с белым брюхом и нежными разводами на литых блестящих боках, дельфины всегда появляются неожиданно, грациозно взлетают над голубой водой и неторопливо погружаются в её маслянистую прохладу. Настолько легко, без всяких видимых усилий несутся они рядом с носом судна, то приближаясь к поверхности, то погружаясь в глубину, что все, словно зачарованные, безмолвно наблюдают за ними, не в силах оторвать взгляд. Дельфины возникают из моря, набирают новую порцию воздуха и ненадолго исчезают. Это поистине великолепный танец морских обитателей, преданных посланников моря.

Если судить по греческим мифам, даже боги дружили с дельфинами. Дельфины были, например, верными помощниками бога морей Посейдона. И когда его строптивая избранница, златокудрая Афродита, спряталась в пещере на дне моря, Посейдон направил на её поиски дельфинов.

Само слово «дельфин» олицетворяется с изображением плавных движений животного, грациозно изгибающего в воде своё тело, с удовольствием взмывающего в воздух и с нескрываемой радостью возвращающегося в море. Тёмно-синее гладкое слово, омываемое пенящейся прохладой морской волны, будто подстраивающейся под скольжение дельфина. Из всех китообразных нас более всего интересует это животное, с таким чудесным греческим именем, и только в дельфине мы почему-то находим своего самого близкого собрата в мире природы.

Древние греки действительно видели в дельфине нечто божественное. Они почитали его выше всех живущих в море существ, потому что приписывали ему свойство оплодотворять море. Это священное животное было близко Апполону, поскольку приняв образ дельфина, он привёл критян в город Дельфы, название которого и произошло от имени этого

божественного животного. Греки были убеждены: дельфины никогда не забывали того, что были когда-то сами людьми.

Длительное и упорное следование дельфинов за судами, вероятно, есть своеобразное проявление периода их младенчества, когда после рождения у детёныша проявляется реакция следования за матерью. Животные не желают расставаться с детством, а может быть, просто не могут, в силу своей врождённой доброжелательности, преодолеть его. Они – провозвестники незамутнённого ничем отношения к жизни, которую очень любят и, кажется, только наслаждаются ей.

Беременность у дельфинов длится год. Детёныш рождается под водой и выталкивается матерью на поверхность, где он совершает свой первый вдох. В течение восемнадцати месяцев он плавает рядом с матерью. Молоко из млечных желез выделяется рефлекторно сильной струёй, когда детёныш берёт в рот сосок, которого по одному с каждой стороны тела и расположены они на брюхе в специальных кожных складках. Кормление детёныша происходит также под водой, и твёрдую пищу, в том числе и мелкую рыбу, он начинает получать ещё до того, как полностью прекратится вскармливание молоком.

Ещё Аристотель в четвёртом веке до нашей эры писал о страстной привязанности дельфинов к своим детям. Он приводил случай, когда в большом стаде, состоящем из взрослых дельфинов и их детёнышей, очевидцы видели двух дельфинов, которые долгое время поддерживали своими спинами мёртвого дельфинёнка, не давая ему погрузиться в воду: они старались не допустить, чтобы его сожрала какая-нибудь хищная рыба. Возможно, подобная привязанность дельфинов к своим детям изредка проявляется и в отношении человеческих детёнышей, чему имеется множество свидетельств…

Плутарх много веков назад писал в своей книге «О способности животных», что первым смертным, познавшим благорасположение дельфинов, был сын Одиссея – Телемах. Ещё совсем маленьким он упал в море и стал тонуть. Оказавшийся поблизости дельфин спас мальчика.

В истории Древней Греции, во времена Александра Македонского, упоминается несколько случаев, когда дельфины подныривали под плавающих вблизи берега детей и возили их на спине по морю. Известный древнеримский историк Плиний Старший, живший в первом веке до нашей эры, в своём многотомном труде «Естественная история» рассказал о мальчике из посёлка Байнаум близ Неаполя, который мог в любое время возгласом «Симо-Симо!»/что на итальянском языке значит «Курносый»/ позвать своего друга-дельфина для совместной игры в водах лагуны. Дельфин охотно брал пищу из рук мальчика и со временем стал перевозить его через залив в школу и обратно. Так продолжалось регулярно много лет. Но вот мальчик заболел и умер, а дельфин продолжал ещё долго приплывать к месту игр со своим другом.

Конечно, все мы достаточно наслышаны о необычных способностях и дружелюбии дельфинов. В природе нет ни одного достоверного случая, чтобы они ранили или просто напали на человека. Вполне возможно, что у дельфинов существует своё, более обострённое восприятие и понимание природы, нежели у нас.

Так, например, выныривание дельфина для вдыхания воздуха легло в основу инстинкта сохранения им собственного вида. Если какой-нибудь дельфин, потеряв сознание, начинает опускаться на дно, другие дельфины выталкивают его на поверхность и удерживают там до тех пор, пока у него не восстанавливается дыхание. Поднятие пострадавшего на поверхность автоматически вызывает у того дыхательный акт. Поэтому самой ценной поддержкой для погибающего животного будет именно выталкивание его из воды, что стимулирует дыхание.

Подобные действия – яркая иллюстрация того, что дельфины – общественные животные, оказывающие помощь друг другу. При этом инстинкт сохранения вида подавляет инстинкт самосохранения особи: помогающие оказывают помощь даже при смертельной опасности для себя. Взаимопомощь у дельфинов существует благодаря унаследованным рефлексам и отшлифована личным опытом. Никто из живущих существ не обладает, пожалуй, в полной мере этим качеством, как они.

В Тихоокеанском Маринлэндском океанариуме существует даже хор дельфинов, которые при взмахе дирижёрской палочки или при соответствующем словесном приказе начинают петь, причём их пение напоминает вой сирены. Каждый хоть сколько-нибудь обученный дельфин начинает высовывать из воды дыхало и издавать звуки в воздушной среде, а не под водой, как он это обычно делает. Следовательно, это дельфины приспосабливаются к нам, а не мы к ним.

Скорость обучения у дельфинов так велика, что мы сейчас даже не можем её точно измерить, но, по-видимому, обучение проходит в столь же быстром темпе, как и у человека. Стоит дельфину показать хотя бы раз какой-нибудь приём, и он уже сразу усваивает его. Нужно только не забывать поощрять животное.

Мозг дельфина по сложности строения не уступает даже мозгу человека: складок, щелей, борозд и извилин в коре мозга у дельфинов больше, чем в коре человека. Общее число клеток в коре головного мозга у дельфинов также выше, чем у человека, а общий вес мозга составляет 1800 гр, что примерно на 300 гр больше, чем у взрослого мужчины ростом 180см.

Дельфины обладают поистине замечательным зрением: в воздухе они видят так же хорошо, как и в воде. Во время сна у дельфинов один глаз обычно открыт, причём, оба глаза закрываются и открываются по очереди. Это ещё одна особенность дельфинов, так как большинство наземных млекопитающих во время сна выключают предметное зрение, закрывая глаза веками, а некоторые животные ещё прикрывают глаза лапами или хвостом. Но интересно, может ли зрительная система дельфинов выполнять

сторожевые функции во время сна? Оказалось, что может: если в поле зрения открытого глаза спящего дельфина бесшумно появлялся новый предмет – это вызывало его пробуждение.

Возможно, такое чередование зрения во время сна у дельфина объясняется работой его полушарий: когда правое работает, левое – отдыхает… И наоборот. Полушарие, находящееся в более активном состоянии, может значительно успешнее, чем другое полушарие, воспринимать и анализировать внешние раздражения и при необходимости вызывать пробуждение животного.

Дельфины могут плыть со скоростью более 30 узлов, и за несколько дней, в поисках пищи или воды нужной температуры, покрывают расстояния в тысячи морских миль. Будучи теплокровными млекопитающими, дельфины дышат лёгкими и при плавании тело и хвост у них изгибаются не в горизонтальной плоскости, как у рыб, а в вертикальной. С точки зрения гидродинамики – хвост дельфина совершенен. Дыша воздухом и имея тёплую кровь, дельфины развивают большую мощность и быстрее восстанавливают мускульную энергию. Рыбам – холоднокровным обитателям морей, требуется в несколько раз более интенсивный кислородный обмен, чтобы сравниться с дельфинами и китами.

Но дельфины снабжены не только самыми мощными двигателями, они обладают и превосходными гидродинамическими обводами. Форма их тела почти совпадает с эллипсоидом, у которого длина в четыре-шесть раз больше диаметра. Любопытно, что большее удлинение приводит к увеличению сопротивления трения, а меньшее – к возрастанию сопротивления формы. Длина тела дельфина как раз идеальна и секрет быстроты дельфина заключён в поразительно малом сопротивлении его тела во время движения, а не за счёт гладкости кожи!

Немногие из тех, кто не боится акул – именно дельфины. Когда самка дельфина должна дать потомство, остальные дельфины окружают её стеной, чтобы оградить от акул, и если акула подходит близко, дельфины набрасываются на неё и ударами головы отшвыривают в сторону. Вы когда-нибудь видели такое? Мне привелось…

Всё происходило вблизи острова Топоркова, где мы как-то наблюдали поселение тупиков и топорков, располагающихся в отвесных береговых откосах, просто источенных миллионами птичьих ходов. Судно стояло на якоре с северо-западной стороны острова, несмотря на обычно туманную в этих местах весну был ясный солнечный полдень, и в чистой воде, где глубина просматривалась на три-четыре десятка метров, матросы заприметили самку дельфина с детёнышем, которого она слегка подталкивала носом к поверхности и, кажется, ничего не предвещало беды. Но уже в следующий миг, откуда ни возьмись, метнулась изогнувшаяся тень серовато-коричневой акулы, детёныш был схвачен зубами хищника и в считанные секунды разорван, так что пока все приходили в чувство – ничего от малыша не осталось. Только маленькое кровавое пятно…

Но акула почему-то не покидала места своего пиршества, нервно кружила беспорядочными рывками у самой поверхности, жадно сглатывая окрашенную кровью воду. Вскоре мы увидели стадо дельфинов, голов в тридцать, стремительно поднимающееся к акуле из бирюзово-молочной глубины, и то, что произошло у нас на глазах в следующее мгновение, можно описать так: невероятно быстрая и жестокая расправа, в сравнении с которой нападение акулы на детёныша даже померкло. Акула просто исчезла, растворилась, как будто её и не было, и какое-то время ещё дельфины с отрешённой неутомимостью разрезали водное пространство, словно пытаясь удостовериться, что ничего более от акулы не осталось, а затем, так же незаметно, как и появились, исчезли…

Было так же замечено, что в Мексиканском заливе дельфины часто прогоняют акул с их «охотничьих угодий». А когда их держат вместе в неволе, дельфины нередко, собравшись скопом, убивают акулу. По всей видимости, они бьют головами по нежным жаберным щелям, а затем, прижав акулу к стене резервуара, не дают ей плавать, и, следовательно, дышать.

Часто нападая на акул и убивая их, дельфины также дерутся друг с другом в брачный период, но они никогда не нападают на человека, даже если он причиняет им боль. Да и между собой столкновения у них – крайняя редкость. У дельфинов, вообще, очень нежный и доброжелательный характер, они любознательны, страстно привязаны к своим детям и им присуще необычайно развитое чувство локтя.

А ещё дельфины, пожалуй, единственные в море существа, которые никогда не теряют бодрости. Как правило, они встречаются на одном и том же месте, будто у них свой, ограниченный невидимыми в воде границами, совершенно определённый район, которого они, по каким-то причинам, неизменно придерживаются. Если в этот район попадает какое-либо судно, дельфины встречают его, долгое время сопровождают, а затем возвращаются. И всегда это происходит у них весело, дельфины неизменно резвятся у носа судна, выскакивая в воздух на два-три метра, и вновь неожиданно исчезают, захватив всех искоркой своей неутомимой живучести.

Куда плывут дельфины в этом бесконечном пространстве воды? Плывут дружно, скопом, целеустремлённо и легко. Будто знают точно, что их там, в морской дали ожидает… Извечные путешественники, в то же время всегда находящиеся у себя дома. Просто, дом их – огромен, бескрайний чудесный океан…

В этом своём путешествии по океану, дельфины часто, помимо охоты, затевают игру… Кажется порой, что это их основная черта жизни: быть игривыми, живыми, необыкновенно привлекающими к себе внимание именно способностью любить жизнь и наслаждаться ею. Поэтому, совершенно заслуженно, наверное, они – её баловни из всех морских жителей.

Дельфины играют всегда всей стаей: кувыркаются у самого борта, мчатся наперегонки с судном, ловко ныряют в прохладную синь и, на

мгновение, исчезнув из виду, вновь вырываются в искрящихся брызгах на свободу. Изогнувшись в дугу, они иной раз пружинисто взмахивают хвостом, застывают в воздухе, и задорно шлёпаются в воду. В полёте, высоко подскочив, некоторые из них порой взглядывают украдкой на судно и как бы лукаво улыбаются, будто зная о людях что-то такое, чего они сами о себе не ведают. Но от этого на душе становится только празднично, привольно, и тебе тоже хочется точно так же, легко, лететь над изумрудными волнами, чувствуя себя совершенно свободным.

Однажды ночью, выйдя на палубу, я вдруг увидел, что неподалёку от судна, среди звёздных отражений, играют в воде два дельфина, то приближаясь вплотную к борту, то резко устремляясь прочь. Долгое время они никуда не уплывали, и только в точности повторяли одни и те же перемещения, отчего складывалось впечатление, будто эти действия выражают нечто осмысленное. Под самым фальшбортом отчётливо раздавались тревожные попискивания, из дыхал животных рвались громкие вздохи, и они с усилием хлопали плавниками по воде.

Я пытался разгадать странное поведение морских животных, но они по-прежнему метались рядом, нетерпеливо рассекая воду быстрыми телами, и мне стало казаться, что дельфины заметили меня и пытаются что-то передать… В морской практике известно немало случаев, когда дельфины «наводили» рыбаков на сети, в которых запутывались их собратья. Животные спасали тонущих людей, предупреждая их о приближении какой-либо катастрофы… Кто знает, не происходило ли сейчас что-либо подобное?! Но судно продолжало идти заданным курсом, и дельфины вскоре исчезли…

Когда наше судно стояло на якоре, то по утрам я часто слышал со стороны моря всплески и шум, похожий на вздохи: это опять появлялись за бортом дельфины. Они будто старались привлечь к себе внимание людей, но поскольку я в такие ранние утренние минуты чаще находился один, то постепенно стал относить появление дельфинов на свой счёт. Мне начинало казаться, что они меня чувствуют и словно хотят что-то рассказать, желают поделиться какими-то своими мыслями, которые, наверное, достаточно просты.

Милые дельфины подолгу не исчезали, и я начинал волноваться от их присутствия, будто тоже желая передать им то, что переживал в душе. Так, незаметно, устанавливалась связь между мной и свободными животными, которые зачем-то, на время, эту свободу желали оставить, ища общения с человеком и легко доверяя ему себя. Я мог поклясться, что это не плод моего воображения, и дельфины действительно добиваются контакта, осуществляя его красиво и просто.

Дельфины дружно фыркали, весело косили взглядом на судно, казалось, точно отыскивая взглядом меня, и не спешили оставлять. Перед тем, как удалиться, они ещё долго описывали в зелёной воде прощальные круги, ловко взрезая её упругими плавниками, и совсем не хотелось, чтобы дельфины уплывали.

Я думал о дельфинах, и всё более убеждался, что они смотрят на нас доброжелательно, с большим любопытством. Они удивительно терпимы к появляющимся в течение последних нескольких лет судам в море, профессиональным пловцам-аквалангистам и просто терпящим бедствие людям, не проявляя при этом какой-либо агрессивности. В дельфинах не чувствуется нетерпения или раздражения, и это не смотря на то, что человек постоянно приносит для морских обитателей больше проблем нежели пользы. Дельфины всё же не отталкивают человека, а наоборот – приветствуют его взмахами хвоста, весёлым настроением и изящными прыжками, кажется, даже улыбкой, застывшей на их доброжелательных мордах. Дельфинам неведомо такое понятие, как эгоизм, и они не несут в себе ничего кроме миролюбивого настроения.

Очевидно, что мчась под бортом корабля, дельфины не только проявляют завидные примеры ума, дружелюбия, весёлости и искреннего расположения к человеку, но и вступают в определённый контакт с ним, вернее, пытаются это осуществить при помощи стремительного бега по волнам, подныривая под форштевень судна и взлетая в фонтане мелких брызг. Доброжелательность дельфинов есть ни что иное, как необычайно развитая за многие миллионы лет удивительная одарённость, благодаря которой они первыми вступают в отношения с человеком, причём делают это с непосредственной открытостью. А что лучше этого может свидетельствовать о состоянии душевного здоровья дельфинов, если у них, конечно, есть душа?

Наверное, она есть. Должна быть, несомненно, у таких глубоких существ, для которых кодекс дружбы и ответственности друг за друга ставится в первую голову. И ведь это только приглашение к столу. А что же последует за встречей, и может ли она в полной мере когда-нибудь состояться?!

По крайней мере, дельфины, видимо, желают её и не боятся при этом получить разочарование. Человеку, в свою очередь, следует преодолеть ограниченность и, запасшись терпением, отправиться ещё дальше по пути познания окружающего мира.

Если бы дельфины могли говорить, они бы, наверное, перестали подстраиваться под медлительно пробуждающуюся мысль человека, когда он пытается познать только себя, не думая о животных. Вероятнее всего, дельфины великодушно относятся к действиям человека, с помощью которых он пытается постичь сковывающую его тайну. При этом малейшая обида, нанесённая животному человеком, оборачивается для последнего его забвением в глазах дельфина, который будет стремиться поддерживать теперь безопасное расстояние, избегая всяких контактов. Это ли не свидетельство чистоты побуждений дельфина, заложенной в нём природой, когда на агрессию животное не отвечает агрессией!

Чтобы обида была забыта, должно произойти что-нибудь из ряда вон выходящее, например, гибель самого человека. Только ситуация, требующая

от животного самопожертвования, может исправить положение, и, оказывая нуждающемуся человеку помощь, дельфин позабудет о мелочном, отбросит его без сожаления одним неповторимым взмахом хвоста, оно незаметно исчезнет в таинственной глубине и растворится там, не оставив следа. Чего по-настоящему заслуживают великолепные животные, так это неподдельного уважения, интереса к ним и ласки.

Не зря древние греки уподобляли корпуса своих кораблей телам животных, предпочитая при этом дельфина. Киль переходил в носовой части в резную голову, которую нередко использовали как таран. Задорные пляски дельфина на волнах, когда он, играя и резвясь, следует за кораблём, его «смеющиеся», почти человеческие глаза вызывали у древних греков беспредельную любовь.

Этой любовью дельфин пользуется у моряков и по сей день. Он как бы являет собой контраст ненавистной акуле. И наряду с альбатросами и буревестниками дельфин причисляется в суевериях людей к животным, в которых переселяются души моряков.

Подобные представления встречаются нам уже в «Одиссее». Когда бог Дионис взошёл на корабль заблудившегося в Средиземном море Одиссея, спутники его испугались, «прыгнули разом они, чтоб спастись от несчастья, в волны священного моря и тут же дельфинами стали».

Сенсационный случай произошёл с японскими рыбаками. В один штормовой апрельский день 1963 года их промысловый бот перевернулся в 36 милях от полуострова Ава-Кацуса. Из десяти человек экипажа шестеро погибли. Остальные продолжали бороться с разбушевавшимся морем и вскоре им на помощь пришли дельфины. Животные всеми своими действиями принуждали погибающих моряков уцепиться за их плавники и подталкивали боком, принуждая усесться верхом, а когда отчаявшиеся люди поверили им и взобрались на спины дельфинам, те быстро преодолели 36-мильное расстояние, отделяющее моряков от родного берега, которого бы без дельфинов им, конечно, не удалось больше увидеть.

После этого необычного случая спасения людей дельфинами, каких в мире зарегистрировано множество, такие древние мифы, как, скажем, миф об Орионе, предстают в совершенно реальном свете. По описанию Геродота, в шестом веке до нашей эры прославленный музыкант и непревзойдённый певец древнего мира Орион, победив в Греции на очередных музыкальных состязаниях, возвращался с драгоценными призами и дарами на греческом судне в Коринф. Команда судна решила убить певца, чтобы завладеть его сокровищами. Певец попросил разрешения у пиратов спеть в последний раз и предпочёл сам прыгнуть в море. Но Орион не погиб, его спасли привлечённые песней дельфины, один из которых поднял певца на спину и вынес на мыс полуострова Пелопоннес. Здесь воздвигли впоследствии памятник в честь Посейдона, изображающий Ориона верхом на дельфине, а вскоре в городах Греции и Италии появились монеты с изображением

человека, сидящего верхом на дельфине. Кроме того, астрономы перенесли Лиру, Ориона и Дельфина на небосвод как созвездия.

Вспоминается и знаменитый дельфин Опопони. Эту самку назвали так по имени прибрежной деревушки на острове Северном, в Новой Зеландии. Недолгая жизнь Опопони была ярка и восхитительна, а началось всё с того, что владелец одного небольшого судна в этой деревне обратил внимание на молодую самку дельфина, которая не выказывала страха перед людьми. Затем её стали замечать и другие. Она любила приближаться к купающимся и постепенно привыкла подплывать совсем близко к берегу, позволяя людям поглаживать её. Особенной её любовью пользовались ребятишки, с которыми она возбуждённо играла и катала на себе.

Во время рождественских каникул заштатный пляж становился всемирно известным местом для туризма с роскошными отелями, ресторанами и кемпингами. И Опопони никогда не подводила: каждый день приплывала на пляж, где её ждали тысячи туристов. Она играла с ними в мяч, доставала со дна разные предметы и резвилась в воде, с большим искусством и изобретательностью проделывая всякие цирковые трюки.

Что ещё интересно, у неё была поразительная способность определять, кто из её поклонников отличается мягким нравом, и она всегда держалась в стороне от тех, кто склонен к грубым развлечениям. Некоторые из приезжающих приходили в такой восторг при виде Опо, что бросались в воду в полном облачении, торопясь поскорее коснуться её. Правительство Новой Зеландии даже издало закон, охранявший Опопони, но в тот самый день, когда закон был обнародован, она исчезла, а позже её тело обнаружили в коралловой заводи неподалёку от деревни. Обстоятельства смерти Опопони так и не удалось выяснить.

Когда в деревне узнали, что дельфиниха погибла, там воцарилось самое мрачное настроение. Вечером, уже в сумерках, тело Опопони отбуксировали к пляжу, где ещё недавно она так весело играла. Позже её похоронили со всеми почестями, какие обычно новозеланцы воздают покойным, а могилу Опопони завалили цветами…

А вот колдуны с островов Микронезии умели и сами, с помощью волшебства, приманивать к берегу дельфинов: они призывали дельфинов во сне, где бы те не находились. И сразу же, будто бы, волшебный дух покидал тело спящего жреца и улетал в море за дельфинами. Отыскав их, дух приглашал дельфинов на празднество в селение. При этом следовало называть дельфинов не иначе, как «наши гости с моря» - в противном случае они не приплывут.

И дельфины, действительно, приплывали в лагуну, спокойно, без всякого сопротивления позволяя себя вытащить на берег, где женщины украшали их гирляндами из цветов. Уже потом, во время отлива, к лежащим на песке дельфинам подходили мужчины и принимались ножами разделывать их. Разумно ли было это делать при обилии рыбы в море? И

достойны ли дельфины такой незавидной участи при том, что они такие замечательные?!

Полные веселья и восторга, летят дельфины по жизни с волны на волну. Невозможно не восхититься лёгкостью их появления и какой-то одухотворённой игрой, которую они тотчас затевают под бортом. Глядя на них, всегда испытываешь радость, и почему-то действительно начинаешь верить, что дельфины приносят удачу.

Дельфины дружно выскакивают из воды вертикально вверх, причудливо изгибаются в воздухе и, издавая чуть слышный звук «пых-пох», бесшумно погружаются в волны. Следуя неотступно по волнам, они словно выполняют волю всесильного морского владыки, желающего оказать морякам своё благосклонное расположение. Радушно сопровождая судно, дельфины, должно быть, напоминают своим присутствием о неразрывной связи людей с морем, о той памяти, которую хранит оно в себе испокон веков.

А море многолико и всемогуще, и оно в силах удержать человека от неблаговидных поступков в отношении своих обитателей. Море убаюкивает его душу мерным бегом неустанных волн и остужает упругим ветерком дальних странствий. Когда над ним выглядывает солнце, то холодное и туманное, оно становится светло-синим и тёплым, и в его водах появляется стадо великолепных животных…

В любой дороге, под любым знаком непременно возникает ожидание некоего восторженного откровения. Всё ближе сталкиваясь с морем, я не переставал убеждаться: море несёт с собой много такого, о чём человек и не подозревает, и если существует какая-то связь между ним и человеком, то она ни на мгновение не прерывается. Может быть, поэтому нам небезразлично всё происходящее там, в глубине, и, оказываясь в непосредственной близости к морским обитателям, мы невольно переживаем за них, печалимся или радуемся.

В такие минуты я мысленно был всегда с ними, и было приятно представлять, будто, проплывая над синими волнами, я вновь встречаю и узнаю их, и они понимающе приветствуют меня неслышными взмахами своих светлых плавников.

«АВРАЛ»

Как только я очутился в небольшом приморском городке Невельске, так почти все повстречавшиеся мне люди, узнав, что я приехал с мечтой отправиться в море, сразу посоветовали подняться на самую высокую сопку, где возвышалась белоснежная скульптурная группа – три рыбака, подающие сигнал бедствия. Вокруг памятника – венки и цветы, а перед ним – гранитная плита со словами скорбного текста: «В результате жестокого шторма, сопровождавшегося морозами до 21 градуса и интенсивным обледенением, 19 января с.г. погибли находившиеся на промысле в Беринговом море средние рыболовные траулеры «Бокситогорск», «Севск», «Себеж» и «Нахичевань». Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР выражают глубокое соболезнование семьям погибших на своём посту моряков советского рыбопромыслового флота.
11 февраля 1965г.»

Помнится, мне стало жутко, когда я представил эту ужасную картину: вокруг только льды и нависшее над ними ледяное низкое небо, морозный ветер пронизывает насквозь, никакой помощи сюда уже не пробиться, а сейнер уходит под воду, в завораживающую своей бездонностью стылую бездну, и жалкие фигурки рыбаков беспомощно цепляются за стремительно ускользающую от них жизнь… Трудно справиться с воображаемой реальностью происходящего, с тем, как бы ты повёл себя в сложившейся ситуации, и от всего этого, глубоко переживаемого, пугающего, тебе, как ни странно, всё равно хочется отправиться в рейс. За этим ты сюда и приехал, и каменное олицетворение простых рыбаков, погибших страшной смертью, вызывает к жизни какие-то глубинные силы и веру – с тобой такого не случится, Бог не оставит тебя в трудную минуту, всё будет хорошо…

И именно в первый рейс, отработав всю зиму на добыче минтая у берегов Курильских островов и вдоль южного побережья Камчатки, мы к весне отправляемся на север Охотского моря, где и оказываемся затиснутыми льдами… Там ко мне приходит недостающее знание о коварности морской стихии, и впервые ощутив в своей душе настоящий страх, я начинаю верить в существование Бога, потому как только в таких условиях ты переживаешь Его присутствие наиболее чутко. В моей жизни появляется неизвестное ранее слово «аврал», строгая необходимость следовать этой твёрдой морской команде, и, наверное, этот опыт значительно укрепляет веру в собственные силы, предоставляя возможность в дальнейшем правильно выстраивать жизненные шаги.

Что же это такое – обледенение судов? Особого объяснения этот процесс не требует, поскольку даже не сведущему в морских делах человеку он достаточно понятен: при сильном волнении небольшое низкобортное судно интенсивно заливается водой, которая под воздействием ветра и

низких температур быстро замерзает, превращаясь в лёд. Центр тяжести судна при этом резко перемещается вверх и тогда достаточно резкого порыва ветра или крутой волны, чтобы оно опрокинулось. Это, несомненно, отчаянная опасность, в коей лучше не оказываться, и огромное напряжение людей, на пределе сил отстаивающих свою жизнь и судьбу вверенного им плавсредства, и, конечно, надежда на то, что всё обойдётся, люди не сломаются, с честью выйдя из создавшейся ситуации, а судно выдержит все нагрузки.

Но лёд не в силах себе изменить, он наседает и сдавливает, уничтожая всё на своём пути, и разве можно ему противостоять?! Лёд – неминуемая смерть, если попал в его безжалостные тиски, ужасающее зрелище, когда неоткуда ждать поддержки, и все члены экипажа, вне зависимости от своего положения, возраста и занятости вынуждены подниматься по авралу и скалывать его настывшие глыбы, сковавшие палубу, борта, мачты и снасти. Всё покрыто льдом, а волны, не переставая, захлёстывают судовое пространство до верхнего мостика, так что уже туда не подняться по трапу – он превратился в сплошную наледь!

«Аврал» - слово повелительное, скорее даже - это команда, в переводе с английского означающая «все наверх». Учитывая особенности парусного флота, когда личный состав располагался внизу, он, естественно вызывался на палубу в случае какого-либо происшествия, требующего напряжения всего судового экипажа или большей его части. Незамедлительность подобного вызова не обсуждалась, повиновение, с коим эта команда осуществлялась, должно было оставаться безукоризненным, потому как экстренность предполагаемой работы не терпела никаких отлагательств. Авральными работами могли быть срочная отдача якоря, съёмка с него, борьба с оледенением судна, чреватое потерей остойчивости и большим креном, ведущим к тому, что судно просто переворачивалось.

Больше ста лет тому назад жил в Англии знаменитый корабельный инженер Джон Рид. Он для каждого корабля делал чертёж, где видно было, как растёт и падает остойчивость при крене. На его чертежах показано, с какой силой корабль сопротивляется крену. Когда его положат на пятьдесят градусов, это значит – он с наибольшей силой старается выпрямиться и встать ровно. Но в шестьдесят градусов уже нет никакой силы у корабля сопротивляться крену. Это значит, что если довести его до этого наклона, то он без сопротивления опрокинется, ляжет мачтами на воду или вовсе перевернётся. Эта линия начерчена для каждого корабля, её знает всякий капитан, она называется диаграмма Рида.

И на нашем эстээре, на котором мы добывали рыбу в Охотском море, у капитана тоже была диаграмма Рида… И он знал, при каком наклоне судно уже не будет сопротивляться крену, не будет больше стараться выровняться, а опрокинется, как сражённый насмерть. Капитан хорошо представлял себе, как это может произойти только здесь, в Охотском море, в момент шторма,

сопровождающегося сильным обледенением. И капитан, конечно, был очень напряжён, впрочем, как и любой член экипажа.

Но что нужно делать, чтобы судно не потеряло остойчивости?! В случае обледенения, тем более, при сильном волнении, только одно – безостановочное скалывание мгновенно намерзающего льда, не прекращая работы ни на минуту, ибо последствия могут оказаться необратимы.

Когда температура воздуха, по крайней мере, на 9 градусов Цельсия ниже температуры воды, и если температура воздуха падает ниже ноля градусов Цельсия, то в море возникает очень своеобразное парение, происходящее в слое толщиной около метра. Если верхняя граница слоя парения располагается ниже уровня наблюдателя, то моряки называют его «белым туманом», если выше уровня наблюдателя – «чёрным туманом». Во время морозного парения капельки воды находятся в переохлаждённом состоянии, так как температура воздуха ниже ноля градусов Цельсия, и когда эти капельки входят в соприкосновение с судном, они мгновенно замерзают, превращаясь в полупрозрачный гололёд, который, при достаточно обильном тумане, нарастает со скоростью две с половиной – три тонны в час. Такое обильное намерзание дают всего лишь капельки тумана, а что уж говорить о штормовых волнах во льдах, беспрестанно захлёстывающих палубу?!

Причиной обледенения судна может быть и дождь при условии, что температура воздуха ниже точки замерзания. Капли воды, попадающие на палубу и надстройки судна, должны иметь температуру, близкую к нулю, или быть переохлаждёнными. В этом случае вода сразу превращается в лёд, который покрывает судно сплошной ледяной коркой. Но самый сильный дождь и арктическое морозное парение, конечно, не дают такого результата обледенения, которое происходит вследствие забрызгивания движущегося судна при ветре силой более 5 баллов. При этом температура воздуха должна быть ниже точки замерзания – минус 1,9 градусов Цельсия, а температура воды близка к точке замерзания.

При обледенении судна на его надстройках может нарасти очень большая масса льда. Особенно опасно обледенение для малых промысловых судов с низким надводным бортом, ведущих добычу в зимнее время. Добавочный вес уменьшает высоту надводного борта, что влияет на остойчивость судна. Опаснее всего, когда лёд нарастает на высоких мачтах, такелаже и надстройках, так как при этом создаётся большой опрокидывающий момент и остойчивость судна снижается. Обледенение может быть настолько интенсивным, что надводная часть судна оказывается тяжелее подводной, потому как сильно повышается центр тяжести судна, и оно переворачивается. Обледенение резко увеличивает парусность надстроек, рангоута и такелажа, что затрудняет управление судном в штормовых условиях. Случаи гибели траулеров вследствие обледенения широко известны и неумолимая статистика свидетельствует о том, что нарастание льда за сутки на этих судах составляет до 50-60 тонн, и, конечно,

подобный перевес несовместим с тем, чтобы судно длительное время оставалось наплаву.

Обледенение судна – это страшное бедствие. Страшное именно своей неминуемой молниеносностью, какой-то безжалостной неукоснительностью, когда, вроде бы, все и ожидают возможность гибели судна, но верят, что всё обойдётся. И всё-таки, перевернуться судно может в самый непредсказуемый момент.

На Дальнем Востоке чаще всего интенсивное обледенение судов случается в Беринговом и Охотском морях, в северной части Японского моря, в северо-западном районе Тихого океана, вдоль Курильской гряды и у восточного побережья Камчатки… В Японии, начиная ещё с 60-х годов прошлого века, ведутся натурные наблюдения обледенения судов. В университете в Хоккайдо была создана специальная лаборатория, целью которой обозначались меры, обеспечивающие безопасность зимнего плавания судов, и прежде всего - предполагалось покрывать синтетическими материалами/например, полипропиленом/ те части судов, где интенсивно откладывается лёд. Было даже проведено испытание на рыболовном судне вблизи Камчатки и северных Курильских островов, результаты которого оказались обнадёживающими.

Каков смысл применения синтетических материалов? Тут, пожалуй, следует позаимствовать понятие из французского языка – «агдезия», что означает силу сцепления двух взаимодействующих веществ. Лёд, попадая на судно, примерзает к различным поверхностям. Это явление отличается от прилипания других тел тем, что образование ледяных отложений проходит через стадию жидкого состояния. Вода – это высокоподвижная жидкость, способная проникать во все микропоры и микротрещины контактирующего с ней твёрдого тела и состояние поверхности последнего существенно.

Так известно, что сила примерзания льда к шероховатой поверхности гораздо больше, чем к полированной, ибо на шероховатой поверхности, кроме молекулярных сил, действуют ещё и механические силы сцепления, которые, подчас, могут оказаться очень большими… Попадая в поры и замерзая, вода образует очень прочную систему. К тому же, превращаясь в лёд, вода расширяется, сжимая соседние впадины, и те давят на своих соседей. В результате общая площадь контакта льда с шероховатой поверхностью увеличивается, и значение агдезии растёт.

Важно и то, с какой скоростью происходит замерзание. Высокое значение коэффициента теплового расширения пластмасс и плохая смачиваемость их поверхности обуславливают меньшее примерзание к ним льда. Вот почему возникла идея разработать различные материалы и покрытия, с помощью которых удаётся снизить силу сцепления льда с твёрдыми телами. Следует помнить ещё и то, что сила сцепления льда меняется в зависимости от самого материала. Так, для меди она равна 8,6 кг/см2, для стали 8,4 кг/см2, а для полиэтилена 0,7 кг/см2.

В нашей стране разработка методов борьбы с обледенением начата сравнительно недавно. Это исследование под условным названием «Лёд» ведётся в трёх направлениях. Во-первых, изучаются гидрометеорологические условия, при которых может возникнуть обледенение, его возможная интенсивность, делаются попытки разработать методы прогнозов и систему наблюдений на судах. Во-вторых, изучаются физические, химические, оптические и другие свойства льда и прочность его сцепления с различными материалами. И, наконец, в-третьих, ищутся и создаются эффективные средства и методы борьбы с обледенением судов. Уже имеются соответствующие документы – инструкции, атласы, помогающие предвидеть возможное обледенение.

Были проведены наблюдения и непосредственно в море. Два средних рыболовных траулера со спасательным судном в поддержку, что называется, были брошены прямо в пасть льву – они вышли в плавание с задачей попасть именно в обледенение. Опыт производился в северо-западной части Японского моря в течение почти всего февраля 1968 года и анализ результатов показал: скорость обледенения судна находится в прямой зависимости от частоты забрызгивания, которая, в свою очередь, определяется курсом судна. При одних и тех же условиях частота забрызгивания будет наибольшей, если судно следует курсом на ветер или под небольшим углом к нему. Когда судно меняет курс на 90 градусов, забрызгивание и следующее за ним обледенение полностью прекращается. Впрочем, это зависит от размеров судна. Наибольшее забрызгивание было при следовании под углом 40-45 градусов к направлению ветра.

В результате эксперимента удалось составить представление об условиях, при которых происходит медленное, быстрое и очень быстрое обледенение, а также - сколько часов оно может продолжаться до наступления критического момента…

Обо всём этом хорошо писать, сидя в тёплом уютном кабинете, лишь представляя вероятное напряжение сил, случающееся с экипажем судна в бушующем северном море в момент обледенения. Но вообразите себе весь ужас происходящего, когда вы оказались участником переживаемого в действительности, находясь в беснующихся широтах зимнего Охотоморья, при температуре воздуха минус двадцать пять-тридцать и шторме в 9 - 10 баллов?!

И так, вы очутились на настоящем рыболовном траулере, когда студёный охотоморский ветер мгновенно обращает водяные брызги в лёд. Руки тоже леденеют, и весь ты сам поначалу будто изледеневаешь, оказавшись на обледеневшей палубе. Всё вокруг быстро покрывается льдом и кажется - вот-вот навсегда замёрзнет, дыхание заледенеет, и сам ты скоро превратишься в ледышку, но именно охвативший пространство ледок и зажигает в сердце неистребимый огонёк. Всё в природе имеет суть, и всякая

суть непременно должна идти на пользу! Но чем могут быть полезны ледовые объятия?

Наверное, льды, как это ни странно, объединяют людей потребностью держаться вместе, когда вокруг холод, а январь с февралём – самые холодные месяцы в Охотском море. Кроме того, зимою здесь очень часты шторма. Это чрезвычайно затрудняет проведение всех океанологических и промысловых работ, в особенности на небольших судах. Оказавшись во льдах, люди неслучайно ощущают друг к другу неразрывное чувство спаянности и братства.

В считанные часы лёд вокруг судна становится настолько толстый, что свободно выдерживает тяжесть нескольких человек. Крутая зыбь с юга и юго-востока уплотняет лёд, гонит на север мелкую шугу и он постоянно обрастает по краям, превращаясь незаметно в мощные ледяные глыбы. Глыбы эти поражают воображение людей скрытой в себе силою, но что может быть более сплочённым и выносливым, чем моряцкая стойкость и дружба?!

Погода в этих суровых северных условиях складывается чаще всего очень неблагоприятная. При морозе до двадцати градусов почти непрерывно штормит, ветер пронизывает ватник вместе с прорезиненной курткой. Особенно тяжело работать в такую погоду с металлическими приборами или орудиями лова. Поднятые из воды, они моментально обледеневают и «жгут» руки, а обогреваться некогда… Холодное дыхание льдов согревает, да собственное усердие.

Попав в изрядный шторм, палуба, лебёдки и рангоут быстро покрываются от забортных брызг слоем льда. Он с каждым ударом волн становится всё толще, и это грозит серьёзной опасностью. Судно под многотонной тяжестью намерзающего льда оседает в воде всё ниже и ниже, или ложится на какой-либо борт и, потеряв остойчивость, переворачивается, что на морском языке называется «оверкиль»… Чтобы этого не случилось, капитан объявляет на судне непрекращающийся аврал.

В аврале задействованы абсолютно все. Штурманскую вахту стоит капитан. Кок обеспечивает морякам бесперебойную подачу горячего чая и бутербродов. Остальные – на палубе.

Вся палубная команда во главе с боцманом и другими членами экипажа дружно скалывает лёд, сгребает его в кучи и затем выбрасывает за борт. Совсем как на городских улицах! Люди сменяют друг друга постоянно, стараясь не давать льду нарастать. Каждый ясно осознаёт – как это опасно, и все, сменившись с вахты, спешат с пешнями, ломами и лопатами на переднюю палубу. Колют, рубят, выбрасывают лёд за борт, но он снова намерзает и намерзает, не давая людям передохнуть. Одежда покрывается сплошной ледяной коркой, судно всё время накрывает водой и она мгновенно замерзает, а капитан, завернувшись в полушубок, стоит бессменно на мостике, наблюдая за морем, людьми и судном. Он один отвечает за всё, и все это хорошо понимают…

… Страшный, безжизненный вид имеет такое море. Непроглядная снежная муть окутывает всё вокруг. Студёный ветер, подгоняя колкую крупу, засыпает ею бак, мостик, копошащихся на палубе людей. Чёрные волны неторопливо и жутко вздымаются за бортом, с какой-то неумолимой неукротимостью захлёстывают всё судно, тотчас превращаясь в пугающие ледяные наплывы. Трудно представить, что существует где-то иной, покойный и цветущий мир. Но нет времени и желания думать об этом мире, что кажется сейчас далёким, почти не существующим.

Со льдом можно бороться целые сутки, двое, а он всё нарастает и нарастает. Опасность положения осложняется силой волнения и мощью ветра, во власти которых, помимо льда, оказывается судно. Ситуация может ухудшаться до крайности, и от капитана с экипажем зависит очень многое: борьба со стихией, несмотря ни на что, должна не прекращаться до самого конца. Присутствие капитана, его поведение, как ничто поддерживает в людях надежду.

Порой при полном отсутствии видимости из-за сильного снегопада и ветра приходится двигаться, не сбавляя хода, то и дело входя в поля разреженного льда и лавируя между льдинами по еле угадываемым разводьям. И это в шторм, при непрекращающемся обледенении, по причине которого судно подчиняется управлению с трудом или вообще временами выходит из-под контроля. Со всех судовых надстроек свисают огромные и страшные наплывы желтовато-грязного льда, превращающие судно в какое-то неведомое полярное чудовище, но работа продолжается, судно не сбавляет хода и оно неукоснительно следует своему курсу, преодолевая все возникающие трудности.

Бывает, ветер утихает, а температура воздуха понижается, и тогда оставшиеся разводья быстро покрываются льдом, и отдельные льдины смерзаются в большие поля. Куда капитану направить судно, как не ошибиться в этих бескрайних ледяных просторах?! Вот когда важно не растеряться, не отчаяться, и сохраняя присутствие духа, планомерно, не теряя между собой взаимоподдержки и понимания, хладнокровно выдерживать этот напряжённый ритм, называемый на флоте коротко и ёмко – аврал! Каждый член команды во время аврала отдаёт себя без остатка, а обезоруживающее своей простотой чёткое морское слово говорит само за себя: все наверх!

Невозможно оставаться в подобной ситуации одному. Один ты думаешь о себе плохо, потому как начинаешь жалеть о том, что однажды вошёл в этот мир, посчитав его своим. А нужно научиться не терять задора, когда жизнь берёт тебя на излом, не забывать про товарищей, чувствовать судно, как часть себя, а себя – продолжением его сокровенной жизни, и, конечно, не падать духом, наоборот стараясь, благодаря сложившейся обстановке, только ещё более его укрепить.

Да, страшно попасть в аврал, зимой, в Охотском или Беринговом море, - какой переплёт может быть ещё более губительным для людей и судна,

подвергшегося настоящему ледовому нашествию?! Но разве это не та самая, настоящая жизнь, о которой ты с детства мечтал и к ней стремился? Разве может быть что-либо более действенным в приобретении верного осознания происходящего и в тебе, и вокруг, когда под встречным неутихающим ветром солёные брызги моментально обледеневают на бортах, свисающем такелаже и палубных устройствах, и с каждым ударом упрямого форштевня о беснующуюся волну слой намерзающего льда стремительно увеличивается, а дальнейшее его нарастание грозит неминуемым оверкилем, случающимся, как правило, за единственный крик раздосадованной чем-либо чайки?!

Всё происходящее с судном в момент обледенения и потери им остойчивости ужасающе мгновенно и просто, а спасти его может только непрекращающееся ни на минуту скалывание льда, своими смертоносными щупальцами, как спрут, обвивающим палубу. Уже ничего не видно сквозь заиндевелый блеск слипшихся ресниц, в горле встаёт стылый ком, мешающий дышать, и от этого, кажется, что лёгкие окаменели и в них даже похрустывают острые хрусталики льда. Но ты не покидаешь палубы, и всё крушишь ломиком мёртвенно пожелтевшие бесформенные наплывы, а бурый от ржавчины судовых снастей лёд всё нарастает и нарастает, и уже не верится, что этому когда-нибудь наступит конец…

В такую пору всё смешивается – и день, и ночь, и ты только думаешь, как бы не перегорел чайный бачок, и люди не остались без согревающего, хотя бы на короткое время, кипяточка, у судовых механизмов и обшивки корпуса хватило бы запаса прочности выдержать натиск безжалостной стихии, и каждый член экипажа нашёл бы в себе силы всё это мужественно перенести… А вокруг, по-прежнему, лишь необозримое ледяное поле, в редких прогалинах – пугающая чернота, и серые тени от облаков, время от времени будто сползающие на такой же серый ледяной покров. И ещё – косые ледяные брызги, обезумевшая ледяная мгла, шквал ледяного ветра, сильнее которого невозможно вообразить… Льды!

Да вероятно ли всё это превозмочь человеку, когда часы сверяют по сдавливающему борта пронзительному скрежету или отрешённому эху, безжизненно отдающемуся в пустом трюме?! Сизый пар тягучей струйкой жалко выбивается изо рта, сбитое дыхание не в силах прорваться сквозь объявшие всё вокруг ледяные завихрения, и нет сейчас для рыбаков более важной заботы, чем борьба за живучесть судна, и эта борьба всех нас, совершенно разных людей, необыкновенно сплачивает.

Определённость критического положения в море, не позволяющего долго раздумывать, тотчас располагает к работе, потому как некогда думать, некуда отступать, за тебя никто ничего не сделает, и от этого работа, как ни странно, делается в охотку, с настроением, понуждая преодолевать любую трудность. Руки, спина, молодое упругое сердце и здоровые лёгкие сразу включаются в безостановочный ритм, не боясь ни больших нагрузок, ни низкой температуры, когда на лютом морозном ветру, постоянно захлёстываемый ледяными волнами, ты вынужден безостановочно отбивать

ломом или киркой намерзающий лёд. Ты заслужил это право: по нескольку часов подряд, не меняя скрюченной позы, без устали откалывать безжалостный лёд, крошить его, чем ни попадя, хотя бы и топором, если достался именно он. Причём, не прекращаешь изнурительную в своём однообразии работу ежечасно и ежесуточно, когда, перед очередной сменой своих товарищей, опухшие кисти рук не разгибаются, а между лопаток начинает тупо ломить лишь при воспоминании о предстоящих нескончаемых часах работы на обледенелой палубе. Нет ничего желаннее в такие минуты уютной тишины кают-компании и обыкновенной кружки горячего чая!

В кают-компании отчётливо слышно, как на палубе чей-то топор гулко вгрызается в ледовые наросты, ему вторят пешня и лом, а мы, отдыхающая смена, в молчании смотрим «Полосатый рейс». Все члены экипажа уже давно изучили этот фильм до тонкостей, и знают его наизусть, но судно, с которым бы можно было обменяться кинофильмами, давно не попадалось, и марконя в очередной раз крутит наскучившую всем киноленту. Фильм, конечно, хороший, но если ты смотришь его в двадцать девятый раз, он, к сожалению, приедается.

Одно хорошо – во льдах нет морской болезни, хотя тягостная бортовая качка временами донимает своей монотонностью, но пуще всего досаждают окружившие нас со всех сторон льды… Столько льда не увидишь даже в ледоход на родимой уральской реке, не то, что в море… Но что такое морской лёд? Просто застывшая и отверделая от стужи жидкость? Нет… Скорее, это полная несокрушимых возможностей сила, способная быть ещё и необыкновенно красивой.

На той же самой речке ледок не в диво – каждую весну идёт, а бывает даже – прёт, трещит, да ломится, но вот в северном море во льду – что в гробу! Одна волна лёд положит, другая его уже не снесёт, заковав, кажется, навеки. Если лёд на реке становится грудами, замечали в народе, то и хлеба будут груды, в море же от ледяных гор гладко никогда не станет: затиснуло – почитай, делу аминь!

Но не только опасным – скучным иногда представляется описание работы во льдах, и как тут не задашься вопросом: а кому нужен этот лёд? Ну, разве только морские звери – моржи и нерпы выбираются на него погреться в лучах скупого северного солнца или когда спасаются от кровожадных косаток. Изредка присаживаются на ледяные торосы вездесущие белоснежные чайки, отчего обнаруживаешь, что лёд – разноцветный: и жёлтый, и розовый, и голубой, и коричневато-серый… По льду лениво расхаживают своими неведомыми маршрутами и белые медведи.

Со льдом крепко связана жизнь и таких животных, как крупные пятнистые киты-нарвалы. Казалось бы, ледовый панцирь – смерть для животного, если оно не сможет выставить на поверхность, хотя бы на самое короткое время, голову с дыхалом, и естественно было бы китам покинуть

опасные места обитания, но нарвалы почему-то не покидают их. Они спасаются тем, что не дают замёрзнуть полынье, или пробивают лёд, делая так называемые «продухи». Киты для этого имеют соответствующие приспособления…

У нарвалов левый зуб верхней челюсти со временем превратился в огромный, спирально закрученный костный бивень длиной до трёх метров. Легко представить себе силу пробойного удара огромного костного стержня, если нарвал весом до двух тонн, развив скорость до 30 км/час, налетает на льдину снизу. Через пробитые «продухи» по очереди дышит всё стадо. И тем не менее, среди бивней нарвалов, собранных эскимосами, чуть ли не половина оказываются сломанными…

Представляя зверей, заселяющие окутанные холодом и покрытые льдами полярные моря, не устаёшь удивляться: отчего звери выбирают для себя такие трудные для жизни места? Дальше всех в высокие широты поднимаются эти редкие в настоящее время киты…

Однако не один из китов не приспособлен так хорошо к жизни во льдах, как полярный кит. Они даже детёнышей рожают среди льдов. В этом им помогает теплоизолирующий слой сала толщиной до 15 см, что вдвое превышает толщину сала даже у крупных усатых китов, например, у финвала. Могучие животные не только прекрасно ориентируются среди ледяных полей, в полыньях и трещинах, но не боятся толстых припайных льдов и могут проламывать лёд толщиной до 50 см!

И всё-таки, никто из китов, живущих в высоких широтах, и даже гиганты полярные киты полностью не застрахованы от попадания в ледовый плен, а при особо неблагоприятных обстоятельствах – и гибели. Известны находки вмёрзших в лёд трупов китов, не имевших никаких следов ранения. Надо думать, что такие животные задохнулись в воде, будучи не в силах пробить «продух» в крепких льдах. Не редки случаи гибели китов, запертых в узком пространстве могучими льдами под влиянием нагонных ветров, когда льды садятся на отмель и не дают животным уйти под водой.

На моей памяти подобный случай произошёл и у нас, в районе острова Итуруп с океанской стороны. Ночью подул сильный ветер, погнал льды на берег, и тогда целое стадо дельфинов было застигнуто врасплох. Под утро льды прижали животных ко дну, они никак не могли выбраться из западни, и на помощь животным поспешили наши матросы во главе со старпомом.

Совместно с рыбаками местного рыболовецкого колхоза они с трудом добрались до берега, где принялись шестами расталкивать льды, освобождая дельфинов из плена. Всего из ледовых объятий тогда удалось вызволить более двух десятков животных, и местные власти объявили нашему капитану благодарность, вдобавок угостив команду мороженой чавычей… Второй механик с радистом прибыли на судно с огромными рыбинами под мышками, и мы с кандеем навертели с них к обеду сочных котлет, после чего лакомый до рыбки экипаж в тот день мошны, как говорится, не завязывал. Но хороша была чавыча не столько для насыщения, сколько для угоды вкуса!

Безо льда сейчас, оказывается, не могут обойтись и многомиллионные мегаполисы… В некоторых роскошных гастрономах Токио можно купить лёд для прохладительных напитков из берегового припая Гренландии. Доставленный на самолёте, он стоит в двадцать раз дороже промышленного льда. Покупают его из снобизма, так как на этикетке стоит надпись: «Возраст – две тысячи лет».

А вот уже более интересный способ применения льда местным населением в низовьях Енисея, Оби и Лены, то есть, по берегам Северного Ледовитого океана, которым оно пользуется для расчистки дна реки от камней и песчаных банок. В толще речного льда выдалбливают широкие углубления, стараясь, однако, не пробить льда насквозь. К следующему дню под оставленною тонкою ледяною корой намерзает новый пласт льда, тогда в новой толще выдалбливают новое углубление и так далее, удаляя день за днём пласты известной толщины, чем заставляют воду замерзать всё на большей и большей глубине, добираясь до самого дна. Таким путём образуется нечто вроде шахты с ледяными стенками, где можно работать с удобствами, оставаясь сухим, поднимать камни, брёвна и вычерпывать песок, где нужно. По-видимому, это весьма практично в условиях суровой северной природы.

Север неразрывен со льдами, так же как невозможно себе представить полярную ночь без северного сияния. По климатическим условиям Охотское море, где рыбакам приходится совершать наибольшее количество экспедиций, мало чем отличается от полярных морей, большая часть его зимой замерзает. Огромные ледяные поля и причудливые остробокие льдины, будто айсберги, блуждают по морю всю зиму, весну и даже лето.

Кстати, противно утвердившемуся мнению, что в Северном полушарии айсберги не встречаются, иногда, они здесь всё же попадаются. Отсоединившись от ледников Северной Америки, айсберги редко достигают открытого океана и выходят лишь к бухтам, заливам и внутренним водным путям Канады и Аляски. Айсберги, образуемые этими ледниками, невелики по сравнению с айсбергами Гренландии, и тают уже в прибрежных водах. Но находясь в конце зимы в Бристольском заливе на добыче трески и минтая, мы одного из таких великанов обнаружили и были поражены тем, как он величествен и неподражаем в сравнении с торосами Охотского моря, если они даже превышают высоту восемь-десять метров…

Что же касается Охотоморья, то его холодные косматые волны всю осень и зиму с оглушительным гулом накатывают на скалы и прибивают груды льда к берегу. Вдобавок, дважды в сутки море наступает на сушу и тогда сильные приливы, которые в северной части Охотского моря достигают чуть ли не двадцати метров, разносят эти льды по многочисленным бухтам и забивают ими Татарский пролив. Когда вода уходит, каменисто-галечные крутые берега красуются голубовато-жёлтыми ледяными останцами, что постепенно и по-хозяйски осаживаются, будто намереваясь навсегда схорониться под этими неприютными скалами от

редкого северного солнца… Сурово Охотоморье, но, между тем, оно – самое богатое из всех дальневосточных морей.

Штормы, пронёсшиеся зимой и основательно взломавшие лёд, превратили его в хаотические нагромождения торосов с зазубренными выступами, которые своими очертаниями напоминают складчатые горы, хотя высота их нигде не превышает нескольких метров. Оторванные друг от друга и переливающиеся в лучах скупого северного солнца, эти ледовые нагромождения величественно передвигаются по Беринговому и Охотскому морю, напоминая крадущихся или уснувших неведомых чудищ, которые сами по себе совсем не пугают… Привлекает в них величественная тишина, что, кажется, вот –вот должна разродиться какой-то неожиданной для людей стороной…

Торосья поменьше – ропаки, так же таинственно нацеленные ледяными зубьями в студёное небо, не менее загадочны, но ведут себя привольнее. Им легче обжиться в обретённой ими свободе, с которой, впрочем, они не знают – что делать… А ещё встречаются цельные ледяные глыбы, совсем не по-морскому называемые моряками «кабанами», и хотя они неповоротливы, никогда не знаешь – чего от них ожидать. Зачарованно наблюдаешь, как эти глыбы, столкнувшись, медленно переворачиваются, вздыхают, и вдруг вообразишь, что они – живые…

Кругом плавают голубоватые льдины размером до нескольких десятков метров. Над извилистыми тёмными разводьями дымится розоватый дымок… И так – до самого горизонта…

Отскакивая и переворачиваясь под напором стального корпуса, льдины торосятся, натыкаясь друг на друга, и издают ровный, мелодичный шелест. Напоминает это какой-то живой, не успокаивающийся звук, будто лёд жалуется на кого-то, еле слышно высказывая неудовольствие.

Море всегда разное, полное контрастов, опять подтверждает свою безграничную изменчивость. Покрытое первозданно чистой черепицей из крупных льдин и мелких льдинок, оно выглядит застойным, сладко подрёмывающим, но и коварным. Крики чаек, как-то покорно опускающихся к спящей воде, мягко тают в ней, но становится понятно, что под этой ледяной, слегка розовеющей черепицей кроется завораживающе стылая глубина…

Успокоенная призрачность окружающего морского пейзажа не влияет на остроту восприятия. Лёгкий аромат крошёного льда, до слёз щемящая в носу морская свежесть, краски неба, отражающиеся и переливающиеся в розовато-белом пространстве - веселят до беспричинного смеха, улыбок и радостных возгласов моряков, далеко раздающихся над водной пустыней. Нигде уже потом у меня не работало так чётко и ясно сознание, и не трудился я с таким удовольствием, как здесь, посреди Охотского моря, накануне трепетной североморской весны…

В такие тихие ясные дни свободные от вахты члены экипажа обычно выстраиваются вдоль борта и, молча, наблюдают, как судно плавно скользит

мимо обломков битого пакового льда. Обломки эти удивительно красивы, кажется, невесомы. И вдруг до слуха доносится поначалу нечто непонятное – «тр-р-р-р, тр-р-р-р, тр-р-р-р, пшы-ы-х!» Это судно с ходу налетает на льдины, они подминаются под борта и вертятся под днищем с такой силой, что стальная обшивка отзывается громким скрежетом и отчаянным скрипом, а потом – «пшы-ы-х!» - очумело выбрасываются на поверхность.

Иной раз какая-нибудь льдина угодит под ход судна только боком, тяжело накренится, и от неё отколется порядочный кусок, после чего оставшаяся глыба, переливаясь в лучах скупого солнца и утратив баланс, тоже начинает, что было сил, крутиться, переворачиваться, нырять, и являет глазу в какой-то момент уже новую фигуру, так что все присутствующие принимаются отгадывать – на что она похожа… Льдина же, словно облизываясь от удовольствия и издавая звуки, очень похожие на урчание сивуча, кажется, вполне искренне реагирует на незатейливые домыслы людей, отчего верится, что она всё понимает, оценивает оказываемое ей внимание, и благосклонно, насколько это способен себе позволить холодный кусок льда, принимает его. И лёд и солнце представляются живыми, и постепенно ледовый плен начинает восприниматься даже привлекательным, а северное море одаривает невидимым теплом.

А тут ещё, бывает, послышится под бортом чьё-то громкое сопение, так, что на минуту, ошарашено, застываешь, не в силах постичь – кто бы это мог быть в царстве вечной стужи и льда?

- Пуф-ф! Пуф-ф! Пуф-ф! – это среди разноцветных ледяных громадин с шумом возятся и фыркают толстые сивучи. Атласные тела зверей притягательно поблескивают, и хочется погладить сивучей рукой, прикоснуться к их мокрым кремовым усам, что задорно топорщатся в разные стороны. Сивучи кажутся такими огромными, а производимые ими звуки такими отчётливыми и громогласными, что представляется, будто животные вот-вот перевалятся через борт и очутятся на палубе.

Не без опаски подходишь к фальшборту, заглядываешь туда, в тягучую стылую воду, и тебя вмиг обдаёт утробный дух морских гигантов, облачка водянистого пара и фонтаны брызг. Покосив огромными тёмными глазами, сивучи тяжело, но без напряжения продавливают собой голубоватое, искрящееся сало, и на короткое время исчезают под водой…

- Пуф-ф! Пуф-ф! Пуф-ф!

А то вдруг заприметишь с полдюжины китов, тесной группой дефилирующих у самых льдов… В тёмно-зелёной воде серые киты тоже кажутся каким-то диковинными льдинами. Невозмутимо передвигаются они вдоль кромки льдов, то почти сходясь друг с другом, то исчезая в маслянистой глубине. Тихо вокруг, первозданно, и только по тяжёлым вздохам животных, вскоре опять показывающихся на поверхности, да вырывающемуся из дыхала пару определяешь, что это живые существа, впрочем, неподдающиеся точному описанию. Нужно просто видеть, как

мощные животные прекрасны здесь, во льдах, где самые обыкновенные чайки воспринимаются как нечто удивительное, даже – загадочное.

До самого горизонта простирается эта внушающая трепет картина: осколки огромного ледового поля. В лучах солнца белые грани тористого льда ослепительно переливаются, играют. Через каждую сотню метров торчат вмёрзшие в ледяной массив большие ропаки, образованные обломками многолетнего льда при сжатии. Возвышаясь над необъятной белой гладью, они тоже, как и плавающие льдины, напоминают причудливые изваяния: одни – покатые, с горбом, порой – закруглённые, другие ощетинились острыми зазубринами, а третьи – застыли с разверзнутой ледяной пастью, куда даже смотреть холодно, так что на душе сразу становится тревожно. Судно неторопливо следует вдоль этой бескрайней ледяной пустыни, то и дело шуршат под его днищем поддавливаемые льдины, которые с уханьем выворачиваются из-под бортов, и мы простосердечно, позабыв обо всём, любуемся их фантастическими формами.

Когда солнце скрывается за облаками, красивые ледяные скульптуры уже не выглядят так симпатично, оборачиваясь другими, самыми неожиданными изображениями. И тогда ещё совсем недавно пронизанные светом льды становятся мрачными, даже зловещими, а воздух безжизненным…

Ночью, при свете прожекторов, представляется ещё более захватывающее зрелище… Со всех сторон нас опять окружают льдины – круглые, плоские, квадратные, но на сей раз они выглядят какими-то слишком чудовищными и зазубренными. Кажется, это совсем не тот лёд, который мы наблюдали днём. Вместо ясно очерченной, переливающейся в лучах солнца ледовой кромки – кошмарное нагромождение гонимых морским волнением и ветром льдин, что уже не выглядят такими уютными…

Но всё-таки огромный ледовый ковёр укрощает волнение, и остаётся лишь мощная зыбь, которая качает и вертит льдины как хочет. Местами мы выходим на широкие разводья, где плавают только куски рыхлого тёмно-синего льда, и несколько минут можно плыть без помех, но это происходит редко и вскоре судно вновь оказывается в окружении нескончаемых льдов. И опять – скрежет, скрип и гулкая мелкая дрожь, тягостно проплывающая через всё судно.

Порой перед самым носом вырастают ледяные гребни, образующие неприступный бастион, который приходится обходить. Пару раз из тумана выплывают громады, отколовшиеся от айсбергов, в несколько метров высотой, и мы с тревогой наблюдаем, как они тягуче и жутковато минуют наше судно. Сближаясь с ними, мы успеваем различить секущие глыбу зловещие трещины, которые грозят скоро обвалиться очередному внушительному обломку. От таких громадин следует держаться подальше, потому, как их может окружать многочисленная свита из подобных им ледяных чудовищ под водой.

Плавание в темноте, среди льдин, оказывает почти гипнотическое действие на человека. Равномерный стук двигателя, влажный мрак в тумане, стонущие под бортом волны и льдины – всё вместе порождает некое чувство отрешённости. Причудливое зрелище дополняют фосфоресцирующие гребни ледовых волн, которые изредка вспыхивают зеленовато-голубыми, белыми или оранжевыми огнями, и ухая вниз, угасают, сбивая с толку усталые глаза. Немудрено на время забыться, но забыть это зрелище навсегда не получается, и ты вдруг понимаешь: только проработав в северных морях достаточное количество лет, начнёшь ценить нахождение среди льдов и их скрытую от глаз многих людей таинственную жизнь…

А многоцветность льда? Разве это не чудесное оптическое явление севера, не упомянуть о котором невозможно?! Даже в полярной ночи лёд излучает своё неподражаемое свечение, и тьме его не объять.

Но и вода морей по цвету и прозрачности не одинакова, каждый бассейн имеет, так сказать, свою индивидуальную окраску. Окраска моря определяется не светом, отражённым от его поверхности, а рассеянным светом, исходящим из глубин моря. Спектральное распределение излучения из толщи моря есть результат процессов поглощения и рассеивания света, как самой водой, так и взвешенными и растворёнными в ней веществами. Так как в различных морях соотношения между этими процессами различны, то моря имеют различную окраску.

Определяющим здесь является процесс рассеивания излучения. Интенсивность рассеянного излучения обратно пропорциональна длине волны излучения. Так как синий цвет имеет наиболее короткую длину волны из всего видимого спектра, он рассеивается больше всего. В чистом льде – та же картина.

Север, конечно, противоположен югу и предполагает более зиму, долгую ночь, нескончаемый ветер и стужу, но именно в силу оптических свойств льда и присущей северу силе самая холодная сторона земли способна согреть сердце полярника и моряка особым светом и необычными цветовыми оттенками. Только северу бывают присущи ночные пазори, зорники, зимние зарницы, багрецы, лучи, переходящие в столбы, сполохи и снопы, которые, в свою очередь, светятся, играют, дышат, идут, бьют и даже гремят, наливаются, мерцают и рассыпаются, а лёд лучисто отражает всё это удивительное многообразие. Со всего свету не собрать порой столько цвету, сколько заключено в северной утробе среди бесконечных загадочных льдов… Но отчего же зависит цвет самого льда?

Самоцветными каменьями отливает лёд северных морей, и все цветовые гаммы, которые он излучает, так же, как и у воды, объясняются его избирательным поглощением световых лучей и количеством примесей. Большая глыба чистого, лишённого пузырьков пресного льда, к примеру, имеет нежно-голубой цвет. В море встречаются льды белые, коричневые, зелёные, голубые, синие и даже чёрные. Их цвета точнее было бы назвать оттенками, заметными только в больших кусках льда. Отдельные же

небольшие куски обычно кажутся белесоватыми со «стальными» прослойками, в которых меньше воздуха.

Коричневатый или желтоватый оттенок выдаёт лёд сухопутного или речного происхождения – окраска его объясняется присутствием глинистых веществ. Белый лёд образуется из снега, в нём много крупных воздушных пузырьков или ячеек рассола.

Из многолетних льдов со временем вообще исчезает почти весь рассол, поэтому они голубые или синие. Высокие ропаки и торосы даже однолетних льдов чаще именно голубого цвета. В голубом льду кристаллы ориентированы одинаково, и структура ярко выражена, он легко колется в направлении кристаллов – обычно это плиты льда спокойного замерзания. Зернистый лёд – зеленоватого цвета, он состоит из слабо выраженных, неправильно расположенных кристаллов. Начальные виды льдов – сало, шуга и тонкий сплочённый молодой лёд – имеют тёмно-серый со свинцовым оттенком цвет. В течение зимы лёд проходит стадии светло-серого, а затем белого цвета. Весной, при таянии, тонкие мокрые льдины вновь принимают тёмно-серую окраску. А ещё её придают льдам колонии бактерий и водорослей.

Вот и молодой жемчужный лёд, который течением, поздней осенью, выносит в открытые воды, делает небо похожим на блестящий перламутр… Но чаще в море можно заметить белое или желтоватое сияние на небе, вызванное отражением льда на нижней границе низкой облачности. Среди моряков, работающих на севере, такое небо называется «ледяным», по этому признаку они безошибочно определяют – как далеко от корабля, и в какой стороне находятся льды. Явление это очень часто присуще Охотскому морю.

Но более всего мне почему-то запомнился и полюбился розовато-кремовый лёд, с золотистыми отсветами от восходящего из-за моря солнца… Именно такой лёд, прозрачный воздух над ним, отчётливость звуков, цветов и запахов, скупой, но удивительно умиротворяющий северный покой, - всё это неизменно, не истрачиваясь, до сих пор стоит у меня перед глазами… И я думаю: это лучшее, что привелось мне увидеть на севере. Картина незабываемого, редкого покоя во льдах вошла в меня навсегда, и даже утробные всхрапывания полуторатонных сивучей за бортом нашего судна не могли его нарушить…

Плавающие в тёмно-зелёной воде льдины сами напоминали диковинных морских животных. Они продвигались тихонько, изредка сталкивались и накренялись, будто играя в одну им понятную игру. Льдины подставляли восходящему солнцу свои чистые бока и спины, отливая нежной розовой позолотой, а когда под напором форштевня переворачивались навзничь, то оголяли беловато-салатное, нежное брюхо, какое бывает только у белухи. Низкие облака, тоже все в розоватых отсветах, и те походили на льдины, беззвучно передвигающиеся по небу, так что всё это необыкновенно завораживало…

Как это ни странно, но именно суровые северные моря со льдами вызывали в моей душе тёплые мысли и краски, и мне до сих пор хочется опять отправиться в дальнее увлекательное путешествие, безотчётно любоваться северными красотами, и думать только о хорошем.

Выйдешь, бывало, на палубу, оглядишься: Боже, сколько же льда вокруг! От одного этого вида сердце готово превратиться в ледышку. Между нами и чистой водой – ледяная стена, и нам ничего не остаётся, как преодолеть её. Но как не крути, а лёд – Божье творение. В общении с ним начинаешь понимать: как мелок ты в сравнении с его монолитной и величественной мощью. И всё-таки стоит, хотя бы раз в жизни, оказаться в этом царстве льдов, чтобы осознать собственную силу, и рассказать об этом другим людям.

Восприятие льда, конечно, относится к таким необыкновенным вещам, что не зависят от собственного опыта, и если тебе, хотя бы однажды, приходилось иметь с ним дело, то уже никогда не захочется это общение возобновлять. Лёд не манит тебя в свои объятия, он противопоказан человеку, и им хорошо любоваться лишь издали, поражаясь его многоцветностью, размерами и северными миражами над ним. И тем не менее, ты нет-нет, да вспоминаешь этот непереносимый холод и пустоту, что несут с собой бескрайние ледовые поля, они отчего-то до конца не отпускают, и ты только от одних воспоминаний о них мёрзнешь душой. Но память опять неминуемо уносит тебя туда, в северные моря, где стоит вечная зима, льды и нескончаемые ветра…

В такие минуты всегда поначалу задаёшься вопросом: а зачем стремиться к тому, чего, как ни старайся, не сможешь отыскать или объяснить? Может быть, его и вовсе нет. Но затем, всё-таки, посещает мысль о том, что всегда можно разгадать причину происходящего, если по-настоящему этого захотеть. Ведь дело того стоит, не правда ли?!

Если отказаться от поиска – ты потеряешь в жизни что-то очень важное. Какие-то очень ценные переживания, способные привести тебя к истине. К тому, что за пониманием этого земного мира лежит иной мир, с совершенно другими законами, и он никогда в полной мере не предстанет перед нами, если мы не отнесёмся честно к своему пребыванию на Земле, а для этого нам необходимо изучать её. Ведь наша душа не подчиняется физическим законам, она несёт в себе ещё присутствие чего-то божественного…

И пока я жив, я буду слушать музыку ветра, дыхание океана и вкрадчивые нашёптывания льда, когда ему не спится. И мне никогда не забыть, как налезающие друг на друга огромные стамухи рассерженно переговариваются между собой, даже порой на что-то негодуют, копошась, как морские звери, прямо под бортом нашего судна. И незаметно всё это ледовое безмолвие добирается и до твоего сердца, и становится ему, как ни

странно, дорогим, и ты понимаешь, что лёд очищает, он, как и море, учит жизни.

Обозревая всё это безжизненное пространство, скованное льдом, не покидала вот какая мысль: находясь на материке, в тёплой домашней обстановке, когда тебе только чудились эти таинственные северные просторы, ты мысленно прилетал сюда, поражаясь увиденному в собственном воображении, восхищался белоснежными и голубыми льдами, нежностью оперения розовой чайки, замершей в выстуженном сером небе, шевелюру твою трепал безудержный стылый ветер, и, счастливо пребывая в этом необычайно романтическом видении какие-то секунды или даже минуты, всё же улетал обратно, втайне надеясь однажды побывать там… Но в душе твоей при этом ничего не оставалось, как бы красочно ты ни представлял себе северное море, забитое льдами, и тогда ты понимал: чтобы пережить всё в полной мере, и оно бы навсегда запечатлелось в сердце, нужно его непременно пережить самому, и переживание это должно стать именно твоим духовным опытом.

Когда-то ты оставил свою прежнюю комфортную жизнь – и перемены не заставили себя долго ждать: ты стал другой. В тебе случилась перемена, которую не сразу и отметишь, но новое уже незаметно вошло в тебя, и необыкновенно обрадовало. Теперь оно будет вливаться в тебя каждый день: прошлое, как нечто ненужное, неминуемо уходит, а новое, такое радостное и крепкое, надёжно утверждается.

Судьба твоя бесповоротно изменяется к лучшему, но для этого тебе нужно было бросить себя в море, на север, когда ещё невозможно определить: прав ты в своём устремлении или же совершаешь ошибку… И всё же – ты решился, старый порядок мыслей отброшен, а новое – несомненно удивительное, идёт тебе навстречу. Ты – здесь, в глубине застылого Охотского моря, посреди голубых и розовых торосов, где всё тебе почему-то кажется родным, и даже нескончаемый ветер, отрешённое поскрипывание серого льда за бортом и власть воцарившейся под нами охотоморской гибельной тьмы не удручает бесповоротно твоего сердца.

Скорее, ты не повергнут, а поражён величием окружающего мира, чувствуя нечто, что увлекает тебя в царство полярного мрака. Думается: вот то самое место, где лучше всего избавляться от гордыни, от всего наносного, что только обременяет жизнь. И где, как не здесь, в царстве кристального льда и бесприютных ветров, обретаешь душевную чистоту и порядок в мыслях. Лучше, всё же, попасть в него, чем мечтать об этой великой морской стране, которой суждено оказаться не каждому, только – по собственной воле, чтобы быть окрещённым в охотоморской солёной купели. Живота своего настоящему моряку ради этого не жаль!

В кают-компании нас четверо: радист Петрович, второй механик, дед и я. Второй механик, по прозвищу Солёный, после длительного молчания отрешённо произносит:

- Чёрт бы побрал этот ветер!

- Среди льдов приходится быть терпеливым, - никак не отреагировав на решительное заявление Солёного, спокойно увещевает Петрович.

- Да-а… Время здесь проходит, вроде бы, незаметно, но часы тянутся и тянутся: нет им конца, - так же отрешённо замечает дед.

- Интересно: сколько под нами кабельтовых? – неожиданно оживляется Солёный.

- У третьего штурмана поинтересуйся, Евгеньич тебе и не про то обскажет.

- Толща воды – не менее километра, а то – и два, - не унимается Солёный.

Я пытаюсь представить себе эту холодную, тёмную бездну, и у меня ничего не получается. Лучше – не думать об этом, воображая, что скоро мы преодолеем ледовый плен и обязательно выйдем на чистую воду. Вода – всему господин, и мы с полной отдачей сил устремляемся к ней, веря, что отыщем во льдах свой путь.

- Лёд – это холодная крепкая вода, сказал однажды Лев Толстой, - неожиданно подытоживает невесёлые рассуждения Солёного Петрович.

- Ты это к чему? – недоумённо вопрошает Солёный.

- Крепость этой самой воды – невероятная!

- Невероятно будет, если мы выберемся отсюда.

И тут в кают-компанию, отстояв утреннюю вахту, заявляется третий штурман. Не говоря ни слова, он выпивает кружку компота, затем наливает себе вторую, и в удовлетворении закуривает сигарету.

- Ну, как там? – осторожно осведомляется дед.

- Грех было бы жаловаться, пока не задул южняк губатенький… Загонит он нас в ледяной мешок!

- А что было бы, если б лёд не плавал, а тонул? – не сводя глаз с Евгеньича, с почтением интересуется Петрович.

- Ты бы, Петрович, ещё озадачился тем, отчего в море вода солёная! – усмехаетсяСолёный.

- А между тем, вопрос-то вовсе не праздный, - выпуская дым в подволок, степенно заверяет всех третий штурман. – Если бы лёд тонул, то все водоёмы на Земле оказались бы заполненными им от поверхности до дна!

- Ежели такое возможно? – искренне недоумевает Петрович.

- Солнце не могло бы растопить эту массу льда, защищённую от его лучей, а вытаивал бы лишь тонкий поверхностный слой. На Земле царил бы вечный ледниковый период, и планета наша стала бы необитаемой!

- Нам-то от этого разве легче? – с негодованием восклицает Солёный. – Лучше бы этот лёд весь потоп, ненадолго…

- Тёмный ты человек, Солёный! – вступает в разговор дед. – Не улавливаешь угрозы мирового катаклизма.

- Мало того, - продолжает увещевать третий штурман, - лёд – наш спаситель!

- Поди ж, ты! – в отрешённом изумлении улыбается дед. – Загадывай загадку, перекинь её через грядку!

Солёный не остаётся в стороне от животрепещущего вопроса, и изобразив на физиономии искреннее удивление, но и с осуждением воззрившись на третьего штурмана, заявляет:

- Давно не удивляют меня странности нашего книгочея, а поражает кругом безграмотный народ, который всему этому верит!

Но Евгеньич, не обращая на него никакого внимания, продолжает:

- Такое простое свойство льда, как способность при охлаждении расширяться – именно и спасает Землю от всеобщего замерзания.

В кают-компании воцаряется тишина, и слышно только, как этот самый лёд крошится под глухими ударами лома, безжизненно рассыпаясь по обледенелой палубе.

- Увеличение плотности воды при охлаждении можно объяснить тем, что молекулы воды замедляют своё движение, и это остаётся справедливым только до 4 градусов Цельсия, когда вода имеет наибольшую плотность. А вот при понижении температуры до 0 градусов Цельсия в молекуле воды происходит перестройка, она меняет свою структуру, становясь менее плотной, и объём воды значительно увеличивается. Такой перестройкой молекул воды и объясняется её расширение при замерзании. Это я перед самым рейсом в одной книге вычитал, знал – куда идём.

Все с нескрываемым уважением устремляют свои взоры к третьему штурману, и дед вдруг разрождается очередным, не дающим ему покоя вопросом:

- А как, вообще, зарождается и растёт лёд?

Солёный только хмыкает.

Третий штурман, не без удовольствия переживая свой звёздный час, размеренно выцеживает вторую кружку компота, с торжественным видом оглядывает всех и в полном удовлетворении провозглашает:

- Сначала на спокойной поверхности моря возникают ледяные кристаллы в виде игл, постепенно разрастаясь, они образуют скопления в виде пятен серовато-свинцового цвета, по виду напоминая сало.

- Поэтому-то скопления такого льда и называют ледяным салом! – воодушевлённо подхватывает Петрович.

Солёный не перестаёт вглядываться в лицо Петровича, не в силах проронить ни слова.

- При обильном выпадении снега на охлаждённую поверхность воды образуется ещё вязкая масса – снежура, а из снежуры и сала рождается шуга!

- Это, значится, уже комки льда покрупнее, - опять встревает Петрович.

Тут Солёный не выдерживает:

- Пружина что ли испортилась, всё выскакивает? А вот мне почему-то не выскакивается, ежели грамотные люди рассуждают!

- Ждать не устать, было б чего и с кем, - не моргнув глазом, парирует Петрович.

Евгеньич же, не обращая внимания на их перепалку, продолжает:

- Следующим по возрасту идёт, кажется, нилас, этот лёд – толщиною уже с ладонь…

- На рыбалке, зимой, замечал за собой, - не перестаёт удивляться Петрович, - чем меньше лёд, тем больше хочется всем убедиться, выдержит ли он!

Солёный, уже не в состоянии сдерживать себя:

- А вот встречается такой лёд, что по нему целый народ может пройти, но кто-то один – ухнет в бездну!

- Вы про лёд слушать собираетесь? – в сердцах восклицает третий штурман. – На ветер слова трачу?

В кают-компании опять воцаряется тишина.

- Значится, нилас… Он уже не трескается, и на ветровой волне быстро образует ступени, что постоянно наслаиваются друг на друга…

- Я ещё слыхал, есть какая-то «склянка», - не выдерживает Петрович.

- Это пока только ледяная хрупкая корка, море ей покрывается, когда остаётся спокойным. Её ещё называют «резун», такой лёд беспощадно режет всё, что стоит у него на пути. А вот нилас постепенно превращается в блинчатый лёд.

- Что-то тёплое, домашнее, - расплывается в улыбке дед.

- Потому что имеет большое сходство с аппетитным круглым блином! Он, вообще-то, получается из сала, шуги и снежуры. Весь этот лёд – серый, он сильно пропитан водой, но когда поднимается над водной поверхностью – становится белым. Так и растёт… В открытых частях моря он никогда не находится на одном месте, а всегда дрейфует.

- А у берегов, в бухтах?

- Это – заберег. Образуется, как и в море, из молодого льда, когда же утолщается – становится припаем, но разрастаясь, постепенно уходит сё дальше от берега в открытое море. Там он соединяется с дрейфующим, растёт вширь и в толщину, и к концу зимы достигает наибольшей мощи…

- Это и есть те самые «стамухи»?

- Стамуха – плавучий лёд, что сел на мель… А может оказаться и на берегу, образуя непроходимые барьеры…

- Хорошо… Ты мне, книгочей, вот что представь… Почему у нас Охотское море так долго бывает забито льдом? Мы в Сахалинском заливе льдины чуть ли не в августе как-то наблюдали!

- В наших северных морях – Охотском и Беринговом, не весь лёд, что возник за зиму, успевает растаять за лето. Появляются многолетние льды, они, в конце концов, образуют пак…

- Я как-то тоже вычитал такой фокус, что будто бы, когда возраст льда достигает года и больше, талая вода из него уже пригодна для питья… Старый лёд – пресный! Вот какое непонятное явление! – в удовлетворении от произнесённого, объявляет Петрович. – В старину такую талую воду

мореходы использовали для пополнения судовых запасов. К тому же, там было написано, что она очень полезна!

- Море на всё гораздо: выкидывает и не такие штуки! – не отстаёт от Петровича Солёный.

- Да… Идти в Охотском море зимой, среди нескончаемых льдов – незавидное дело! В некоторых отношениях Охотское море вообще уникально…

- В чём, к примеру?

- Ну, что ж тут поделаешь: штормовые ветры, туманы и холод облюбовали это море, льды чувствуют здесь себя вольготно. Стоит штиль, течения нет, и поверхность моря покрыта ровным слоем льда. Но вот поднимается ветер, и лёд мгновенно приходит в движение, причём льдины начинают двигаться с различной скоростью. В результате – его сжатие и торошение.

В условиях Охотского моря обычная высота торосов два-три метра, но встречаются и десятиметровые великаны, и если судно оказывается в таких местах торошения – сами знаете, что происходит.

- Верные признаки близости большого льда – резкое понижение температуры воды и внезапное появление тумана! – со знанием дела докладывает дед.

-Ты-то откуда, машинная голова, это знаешь?

- Кстати, наиболее благоприятен для плавания южный угол моря, - не обращая внимания на колкости Солёного, добавляет дед. – Там отмечены наибольшие глубины!

- И температура воды более высокая, - подтверждает третий штурман.

- А вот северный мираж из вас кто-нибудь видел? – не без гордости заявляет вдруг Петрович. – Противоположность широко известного миража пустынь…

Все сразу устремляют взгляды на третьего штурмана.

- Когда на холодной поверхности застаивается массив прозрачного воздуха, его оптические свойства изменяются, и он преломляет свет наподобие огромной линзы, - не моргнув глазом, докладывает Евгеньич. – Мнимое изображение предмета, что находится далеко за горизонтом, появляется над ним и вводит в заблуждение моряков.

Петрович в удовлетворении от услышанного, одобрительно крякает.

- Слушай, Евгеньич, ты, как штурман, всё-таки мне объясни: как так выходит, что лёд захватывает здесь всю северную сторону даже больше, чем это происходит в Беринговом море?

- Ну, во-первых, в Охотском море – суровые и продолжительные зимы, с крепкими северо-западными ветрами они выхолаживают верхний слой до значительной глубины и на обширных пространствах. К концу ноября, лёд, как правило, покрывает почти всю поверхность моря.

Во-вторых, в эти суровые зимы северо-западные ветра прижимают плавучий лёд к Курилам и забивают ближние Курильские проливы, отчего

лёд за зиму и скапливается в Охотском море. В нём нет такого места, где бы встреча со льдом была полностью исключена.

В- третьих, лёд захватывает северную часть моря, прежде всего, потому, что она наиболее мелководна, да и конфигурация берега способствует тому. Ледяной покров держится здесь чуть ли не десять месяцев!

И ещё: циркуляция вод в Охотском море происходит против часовой стрелки. Так же двигаются и льды, создавая в северной части ледяной мешок. Чтобы превратить эти льды обратно в воду – нужно колоссальное количество тепла, а его в северном море почти нет.

- Мы-то только зачем в этот прожорливый мешок влезли?

- А нам бы только подсесть к мешку, дай, и я нагребу! – горестно вздыхает дед.

И верно, это было странным – оказаться с таким опытным капитаном в этом самом, тугом ото льда мешке. Не зря говорят: перед Богом ставь свечу, перед судьёю – мешок. Да только кто же нас мог осудить, кроме нс самих?!

Решение о входе в лёд капитан принял после тщательного анализа ледовой обстановки, поскольку не было возможности обойти ледовый район по чистой воде. Даже, несмотря на то, что в большинстве случаев длинный путь по чистой воде гораздо выгоднее короткого пути во льдах. Судно могло войти в лёд только в том случае, если лёд в этом районе был проходим для него, на поверку это выходило именно так, а имеющиеся прогнозы не угрожали серьёзным ухудшением ледовых условий. Словом, вход в лёд, по мнению капитана и имеющимся прогнозам, не представлял затруднения.

Однако по мере продвижения вглубь льда судно стало встречать всё более уплотнённый лёд. Неблагоприятные погодные условия неожиданно подвергли судно сжатию, информация о вхождении в такой лёд оказалась не соответствующей действительности, а между тем значительные скопления льда быстро сплачивались по бортам, появились вдруг тяжёлые льдины, и капитан стремился противопоставить им самую прочную часть судна – форштевень. К тому же, погода резко ухудшилась, и отыскать в кромке сплочённых льдов место наиболее слабого льда не представлялось возможным. По крайней мере, такой узкой перемычки не находилось…

Приходилось пробовать пробиться сквозь сплошной лёд, а для этого необходимо было подходить к нему с погашенной инерцией и, упершись в лёд форштевнем, постепенно подрабатывать, увеличивая ход, тем самым надеясь раздвинуть ледяную блокаду, поддерживая равномерную скорость продвижения. Вся свободная от вахты часть экипажа собралась в рубке и по бортам, выглядывая спасительные разводья, но их не было…

Чиф послал матросов смотреть обшивку корпуса внутри судна, а боцмана, как наиболее опытного наблюдателя, на корму, чтобы при движении задним ходом, когда гребной винт должен всё время вращаться назад, иметь возможность предупредить механиков не стопорить машину, ибо для остановившегося винта создаётся большая угроза поломки, а

штурману нужно вовремя дать знать о необходимости продвижения вперёд с самой малой частотой вращения, чтобы потихоньку разрядить лёд в районе винтов… Но даже при временной остановке в сплочённом льду судно не должно было оставаться неподвижным, и капитан с вахтенным штурманом периодически давали команду в машинное отделение подрабатывать передним и задним ходом, придавая судну движение.

Для того, чтобы совершить поворот в сплошном или сплочённом льду на судне, с трудом продвигающемся вперёд, нужно было отойти назад по своему каналу, положить руль на борт и дать полный ход вперёд. Что капитан и делал. После поворота на некоторый угол – манёвр повторялся. Маневрируя, таким образом, можно было развернуть судно на нужный курс, что нами нескончаемое количество раз и производилось. Если же при форсировании льда с разбега судно заклинивалось в скуловой части корпуса, капитан перекладывал руль с борта на борт, работая двигателями на полный ход, или резко менял ход с полного переднего на полный назад и наоборот, пытаясь сдвинуть судно с места. Иногда, чтобы освободиться от непрекращающегося навала ледового поля, тралмастер с матросами обеспечивали подачу на верхнюю палубу горячей воды и пара. И надо всей этой слаженной и чёткой работой экипажа повисало низкое ледяное небо, а на судне воцарялась глухая, такая же ледяная тишина.

Охотское море имеет ещё такую необычную особенность, как трёхслойные воды, что является причиной возникновения льдин в открытом море… Вдруг, ни с того ни с сего, в открытой воде на горизонте появляется лёд… Стоит ли обходить какие-то случайные льдины, думает капитан, по всем навигационным пособиям их здесь не должно быть в эту пору, и он, не меняя курса судна, направляет его вперёд.

Но обстановка с каждым часом становится всё серьёзней. Совсем молодой нилас, по виду и толщине не отличающийся от обыкновенного стекла, начинает уступать место большим обломкам, а то и целым полям довольно толстого льда. Судно уже с трудом продвигается в них.

А дело в том, что первый, поверхностный слой, до глубины 50-100 метров, оказывается прогретым. Глубже, от 100 до 250 метров, имеется слой воды с температурами до 0 градусов, то есть – эта вода охлаждена почти до точки замерзания. И все эти холодные воды, вдобавок, подстилаются солёными тихоокеанскими водами с температурами до минус 2 градусов, - так называемый слой вечной жидкой мерзлоты. В результате ветров, глубинных течений и штормов зимой происходит вертикальная циркуляция вод, поэтому в открытом море и появляются значительные пятна льда, не связанные с берегом. Немало судовых донесений о подобных встречах со льдом в открытом море хранится в архивах Дальневосточного пароходства.

Вскоре к нам в кают-компанию заглянул и капитан.

- Ну что, архаровцы, готовы к труду и обороне? Скоро – ваш выход!

- Восстанут рабы труждающие! – Солёный за словом в карман не лезет.

- Как утверждал наш классик Александр Иванович Герцен: хронического счастья так же нет, как и не тающего льда, но мы эту жизненную несправедливость исправим. Верно, братцы? – с усталой улыбкой произносит капитан.

- Михаил Александрович, уж больно рабом льда быть не хочется!

- Поживи в рабах, авось будешь и в господах. Иногда неволей подчиняешься рабству случайностей.

- Значит, одна забота – работай до пота?!

- Египетская работа – тяжкая, а наша – морская, мастера боится! Но и корить лёд нам не пристало: он – достойный противник.

- В чём же его достоинство? – будто только отойдя ото сна, вопрошает Петрович. – От него вода в постоянном стрессе!

- Да, на севере льдом не дорожат, но лёд – он разный… Может быть сначала водой, нагреешь – паром, а если охладить – льдом.

- А сила морского народа сильнее ледохода! – ни к месту встревает Солёный.

- Лёд всегда хранит в себе сюрпризы, - опершись локтями на поручни, вкрадчиво разъясняет капитан. – Вот, скажем, Тимирязев доказал, что семена растений могут прорастать даже во льду!

- И за счёт чего? – опешив от услышанного, растерянно воззрился на капитана Солёный.

- Он это объясняет теплотой, развиваемой дыханием растения, способной растопить лёд в непосредственном соседстве с растением.

- Ну, уж это – полная галиматья! – уверенный в своей правоте, довольно ухмыляется Солёный.

- Но с коварной силой льда не поспоришь, - не отступает капитан. – У Папанина в дневниках есть сообщение о том, что чукотские льды однажды как ножом срезали у корабля вал гребного винта!

- Лёд – он же из воды! – простодушно роняет Солёный.

- А диаметр вала был больше тридцати сантиметров первосортной стали…

Все сразу как-то притихли, и в кают-компании опять повисает напряжённая тишина. Неуёмный ветер порывами наваливается на судно, заунывно вскрикивает, надстройки ему не помеха, он свободен в своём неудержимом волеизъявлении, ветер будто надсмехается над нами…

- А я думаю, лёд – это наше спасение, - задумчиво произносит дед. – Он не позволяет нам опустить руки, а сохраняет честное отношение к тому, что происходит. Лёд показывает всё таким, какое оно есть.

- И нам приходится каждый день соскребать лёд со своей души, - вторит ему Евгеньич. – Мы внутри себя не должны замёрзнуть.

- Это и называется настоящей жизнью? – вступает в разговор Петрович.

- Да, всё, что не уходит под лёд, - заключает капитан. – Будем делать хорошо, а плохо само получится.

- И остаётся нам только оптимизм, который это лёд растопит! – с воодушевлением заявляет Солёный.

- Поблагодарим же царство льдов! – весело воскликнул капитан, и устремился на мостик.

Обрубая лёд, мы сменялись беспрерывно, не говоря друг другу ни слова. Всё происходило само собой. В том, с чем мы столкнулись, не было нашей вины, и экипаж, то и дело обдаваемый морозной пронизывающей пылью, молчаливо вгрызался в лёд.

Одежда при обколке льда так сильно заиндевела, что становилась колом, не давая возможности передвигаться с топором или багром свободно. Чтобы, скажем, перейти на другой участок палубы и закрепиться там, требовалось сначала обломать её, а уж потом удобнее примоститься. Порядочный мороз, ветер и навалы волн творили своё гиблое дело…

Сжавшееся где-то в глубине этой окаменевшей одежды тело будто тоже одеревенело, но продолжало перемещаться от одного ледового наплыва к другому. И что интересно: никто из нас, находясь постоянно, по нескольку часов на обледенелой палубе, под напором резкого ветра и ледяных брызг, не подвергся простуде… На севере не пристало оглядываться назад или задумываться над будущим, это – как будто стыдно, но всегда свойственно верить в лучший исход, не думая о худом.

Оттого, должно быть, здесь и не находит себе приют хвороба, нет и неженок, что простужаются на каждом шагу. Немочь не приживается в суровых местах, ей дай волю, так и киселя в рот не вольёшь, а уж коли упал больно, то поднимайся здоровым. Сердечное тепло моряков терпимо к ледяному холоду…

Из-за пронзительного свиста ветра в ушах тоже стоял несмолкаемый гул. Трещал и скалываемый лёд, и тот, что сдавливал клещами все судовые снасти и механизмы: ничего не было слышно. Чтобы передать команду – требовалось изо всех сил гаркнуть на ухо своему товарищу отрывистое: «Брось!», тотчас самому продолжая сбивать ледяные наплывы. Мы не замечали и времени – сколько находились на палубе, потому как были охвачены этой непрекращающейся борьбою за выживаемость судна. И не существовало для нас ничего, кроме взмахов, ударов и какой-то отрешённой, забитой в глубине души радости, что сокрушена ещё одна ледяная горка, но за ней возникала нескончаемая вереница вмиг намерзающих новых холмов и наплывов, превращающихся в гору. Лёд вставал перед нами необоримой стеной, будто издеваясь над нашими отчаянными потугами, что начинали представляться бесполезными…

За этим, казалось бы, пустым напряжением совершенно не замечалось, как на море наваливалась мрачная мгла. Мглистому, сырому и какому-то отчуждённому небу будто вздумалось взгромоздиться всей своей необъятной тяжестью и на море, и на лёд, и на судно, чтобы вдавить его в необозримую

ледяную бездну, и поглотить там собой на веки. Хоть бы лучик солнца или чистого неба пробился в эту мглу, думаешь ты, сам из себя представляя маленький клочок теплоты в этом обледенелом неживом мире…

Ночью, сидя в кают-компании за кружкой кипятка и согревая им руки, хотелось представлять чернеющее небо – звёздным, с морозными вспышками далёких светил, вздрагивающими ярко, не тревожно… Но выходя опять на палубу приходилось убеждаться в обратном: невыразимо тягучая темнота обнимала всё вокруг, течения света в ней не наблюдалось, а шли третьи сутки авральной работы… Мы всё так же сбивали лёд ломами, топорами, баграми, а судовые снасти только увеличивались в размерах, превращаясь в серовато-мутные, безжизненные наросты.

Ветер к ночи немного утихал, но нарастающий лёд отнимал все силы, хотелось избавиться от него вместе с обледеневшим такелажем, но разве такое возможно?! Невидимые ледяные волны тяжело ворочались под бортом, вздыхали и охали, гулко отдаваясь где-то в утробе судна, и не верилось, что наступит рассвет. Тяжесть наросшего льда ложилась на всех невыносимым грузом, но его следовало сбросить.

Какой цвет был у этого нарастающего, не по дням и часам, а даже - минутам, льда? Цвет мглистого винца, такого же тяжёлого, как и металл, не имеющего никаких оттенков. Лёд этот сковывал все твои мысли и члены одним своим видом. Громады льда чудились повсюду, от них невозможно было избавиться даже в течение короткого беспокойного сна.

И воздух тяжелел, он наваливался на всю команду неповоротливыми мрачными думами, вынуждая становиться меньше, незначительнее… Всё время думалось: где этому конец, и засветятся ли когда-нибудь над нами звёзды?!

Сказать, что эти дни замучили нас – значит, ничего не сказать. Да и говорить, честно признаться, не было никакого желания. Говорить хочется, когда переполнен созидательными силами, работа в твоих руках кипит, и ты окружён друзьями, которые тоже полны заветных устремлений. В таком отношении к работе и жизни можно свернуть горы!

Но что, если друзья – с тобой, море давно приняло вас в свои объятия, но лёд сковал его, наши тела и мысли? Проклятый лёд, холоднее и коварнее которого, наверное, ничего нет, объял собой всё вокруг… Как ему противостоять?!

Только – молча, сжав зубы, иначе – никак. Оттого и лишние слова на флоте не нужны, лишь самые главные, без которых не обойтись: «Паруса поднять!», «Протянуться!», «Отваливай!», «Суши вёсла!», «Шабаш!», «Навались!», «Кранцы за борт!», «Рангоут рубить!». А ещё – «Полундра!», «Огни открыть!», «Право на борт!», «Из бухты вон!», «Свистать всех наверх!». Команды отрывистые, броские, побуждающие к молниеносному принятию решения и его незамедлительному осуществлению. Такие команды не подлежат обсуждению, они призваны чётко повиноваться во имя спасения экипажа и судна, и, конечно, не терпят какого-либо неприятия или

недопонимания. Ты предан капитану, судну и своей морской жизни, и должен стоять на том.

Молчание северного моря сурово, и люди, очутившиеся в нём по воле судьбы, тоже обретают непоколебимый характер. Глухая ледяная немота севера, конечно, сдавливает, как лёд, их сердца, но не ожесточает: в них проявляется стойкость. Говорить здесь много, действительно, не пристало: величественная тишина не позволяет.

Под спудом тяжёлых, кажется, безжизненных небес, что на первый взгляд не иначе, как угнетают, неимоверно тяготят, эта скрытная тишина всё же норовит озадачить: отчего она уготовила себе пристанище именно здесь? Тихое молчание севера – чем не ответ! Именно таким голосом в этих местах Господь говорит, а люди больше молчат: потише – к делу поближе. А дел тут для человека – невпроворот, коли он на севере, во льдах оказался, где уже против себя не повернёшь.

Все мысли и чувства выражаются здесь не в длинных речах, а в поступках: много говорить в подобных условиях – пускать слова на ветер. Слушай и запоминай больше, а говори меньше – вот каков закон севера. Кто же много говорит, тот мало делает: как не крути – молча легче.

Да… Кто в море не бывал, тот и горя не видал: такое поверье ведётся среди людей, побывавших в объятиях морской стихии. Но это не то горе, что убивает, ибо если горе, что в море, выпьешь до дна, то и наберёшься ума, изведав ту самую, нужную для себя правду. Море подарит её тебе, коли не побоишься его штормов, гибельных туманов и ледяного плена. И именно здесь, в глубине Охотского моря, на судне, угодившим в ледяные клещи, я не переставал думать о том, что мне нравится такая жизнь. Нравится постоянное предвкушение опасностей, что каждый раз ожидают нас в самый неподходящий момент, и то, что их приходится преодолевать.

Всем известна и расхожая поговорка про то, что хорошо море с берега, и, конечно, оно добавляет седых прядей, но море и исцеляет душевные раны. Морская свежесть, резкий запах солёной воды и льда – как ничто очищает душу. Она после этого приобретает удивительную крепость, а ум – спокойствие. Так пусть море грохочет, пусть смывает грязь со всего мира, и крепкий морской ветер, вперемешку с ледяными брызгами, бросает тебе в лицо его прекрасный и жизнеутверждающий запах!

Каждую минуту своего пребывания в море было переполнено для меня приобщением к чудесному миру, где всё слагалось на удивление замечательно и просто, так, как могло происходить только здесь, в северном море, на краю света, именно об этом я мечтал на университетской скамье, и был счастлив, что мои ожидания сбывались. Я столкнулся в своей жизни с тем, без чего просто не представлял достойного существования, моя душа пела, несмотря на льды и ветер, а общение с простыми, очень цельными людьми необычайно радовали моё сердце. Я переживал величайшую радость от того, что жизнь, связанная с морем, извлекла для меня из своих потаённых глубин что-то очень ценное для роста моего духа: я стал другим, во мне

проснулось нечто очень живое, большое и чудесное, и эту истину невозможно было отрицать.

Бог всегда помогал мне, но только после того, как я сам делал всё, зависящее от себя. И при этом я никогда не просил Его ни о чём, надеясь только на собственные силы. Я верил в себя, верил в то, что всё делаю правильно, и ничего не боялся.

Порой у меня просто захватывало дух от происходящего, но потом, когда всё благополучно совершалось, я чувствовал, что становлюсь сильнее. Мне было радостно, что я со всем в своей жизни справляюсь сам, и я был уверен: если, действительно, по-настоящему захотеть, то можно добиться всего, что на самом деле всегда и происходит. Сделай всё, что можешь, как бы ни было тяжело, а в остальном положись на Господа, и Он обязательно тебя обнимет.

Нансен, кажется, заметил, что величайшая полярная добродетель – терпение. И мы убеждаемся в этом уже трое суток… Но ветер не прекращается, и в мгновение смёрзшийся лёд охватывает судно своими стальными щупальцами. Нам, действительно, остаётся только терпеть, надеясь на собственные силы. А льды, между тем, диктуют людям свою непреклонную волю.

Ночью незаметно налетел невероятной силы шквал. Ветер со злобным гулом обездоленно пытался забраться в малейшую щель на судне. Яростный свист от него закладывал уши, отчего приходило совершенно ясное осознание, что ты не находишься в безопасности. В любой момент может случиться что угодно, и никто из нас не сможет этому помешать.

Длилось всё это безумство неизвестно сколько: казалось, что ночь продолжается и днём… Да и наступит ли он вообще? Всё на судне ходит ходуном, и это при том, что мы почти впаяны в лёд. «Шабаш!» - хочется закричать и ветру, и льдам, и северном морю: вот уж когда по-настоящему приходится запастись терпением! И ждать, ждать, ждать в надежде на то, что придёт конец этой буре, и она захлебнётся…

И поговорить не с кем, ибо слова твои не будут услышаны даже соседом по каюте. Нет никакой возможности просто скоротать время: остаётся просто лежать, или сидеть, пытаясь успокоить свои мысли. Бороться со стихией, оказывается, можно и так – мучительно переживая её в собственном сознании. А ещё – этот предательский треск льда! Он, кажется, сводит с ума…

Северные грёзы, грёзы во льдах… Об этом я мечтал, мирно проводя жизнь на берегу? Я уношусь в своих мыслях в родные места, будто во сне, и воцарившееся вокруг ледяное безмолвие, кажется. На время отступает.

А в окружившем нас ледяном царстве стихия безумствует, она норовит сломить наш дух в своих безудержных порывах, веря, что нет её ничего сильнее. И тогда приходит в голову, что если она будет продолжаться вечно – самонадеянно будет её победить. Может быть, эта ледяная буря смилостивиться над нами, там, где она зарождается, наконец, иссякнет заряд

сокрушительной энергии? Смять нас, конечно, легко, но отчего бы ей не стать по отношению к нам благорассудной, и не унестись со своим свирепым равнодушием куда-нибудь подальше, на безжизненный север, где этой буре самое место?!

Нам же замёрзнуть никак не пристало, и оставаться навечно в этом царстве льда - мы не желаем. Цена жизни здесь, во льдах, разумеется, велика, но и в царство смерти мы пока попасть не торопимся. Осознание происходящего подсказывает, что жизнь, несмотря ни на что, очень сильна, и мы эту силу готовы любыми способами в себе поддерживать, вернее – копить.

Вокруг – смертоносный лёд, холодная мгла, а в нас живут любимые образы дорогих нам дел и людей, то, чего мы хотели осуществить, но пока ещё не успели… Мы - думаем о жизни, и жизнь незамедлительно выходит нам навстречу…

Под самое утро четвёртых суток разгулявшийся шторм неожиданно взломал льды… Сначала откуда-то издали донёсся неясный гром, затем он превратился в грохот, будто бы океанские валы со всего маху ударяются о неприступные скалы, рвутся у них в подбрюшье, неистово стонут и рокочут. Но скал нет, повсюду – ледяные заторы и серо-свинцовая тяжёлая мгла, а гул, между тем, усиливается, с каждой минутой нарастает…

И вот, груды льда, что окружали нас, зашевелились, послышался оглушительный треск, в глубине судна что-то глухо хряснуло, по палубе пробежала мелкая продолжительная дрожь, и опять, будто из пушки ухнуло, заскрежетало. Грязные льдины хищно полезли одна на другую, зашипели, какие-то стали взбираться вверх, упираясь в борт судна… Море под днищем заколыхалось, пошла крутая зыбь, и показались полыньи, где льдины помельче испуганно закрутились, опять же трепеща и повизгивая своими острыми краями… Вся поверхность моря, совсем недавно наглухо скованная льдом, теперь разверзлась, повсюду поползли трещины, навстречу им – другие, и, наконец-то, нам открылась вода, вся подёрнутая серебристо-прозрачной ледяной плёнкой… На палубе началась оживлённая суматоха, и все свободные от вахты и отдыха члены экипажа высыпали на верх… Путь свободен!

И не хочется уже видеть никакой другой жизни кроме той, что возникает перед обледеневшим носом нашего многострадального, но не сдавшегося траулера, загадочно отражаясь в постепенно открывающейся ото льда синеватой охотоморской воде. И страшен, и чёрен рыбакам вечный холод северных широт, который они благополучно миновали, но нет для них желанней работы, когда б была в ней и охота, и рыба, и стылые, непрекращающиеся всю зиму ветра, и долгожданная полынья, и долгие памятливые разговоры, и то неугасимое волнение, что сопутствует любому отчаянному делу. Суровое зимнее море всегда несёт в себе это неминуемое напряжение и неожиданные всплески восхищения, которые могут выражаться и в тяжелейшем труде во льдах, так что от него захватывает дух.

Да будет крепко рыбацкое братство, мужество отчаянных моряков, не стушевавшихся перед стихией! Честь и хвала тем, кто отправляется в дальние края, оставаясь братом и ветру, и волнам, кто несмотря ни на что предан душою своим товарищам, с которыми преодолевает трудный рейс, кто не падает духом и борется до конца, кто верно хранит морскую честь и всегда держится с достоинством. Им, принимающим попутный ветер за истинную радость жизни, - удачи, семь футов под килем, и пусть их сердца не удручает ни жестокий шторм, ни злой ветер, ни безжалостные льды. Не уставай, моряк, уповать на помощь неба и свято чти своего морского защитника – Николая Чудотворца… Плыви вперёд!

«КТО СМОТРИТ В МОРЕ»

… Семь часов ноль-ноль минут. Старпом включает трансляцию и объявляет по судну приход нового дня. Я его уже давно встретил, но только не разглядел за чередой утренних забот.

Сквозь густеющую на востоке синеву пробиваются нежно-розовые отсветы невидимого ещё светила. На душе становится трепетно и как-то очень хорошо. Хочется, чтобы этот покой никем не нарушался, и команда судна отдыхала долго, целое утро. Тогда можно было бы без боязни бесчисленных потерь подумать о многих замечательных вещах.

Мало ли людей задумывалось над тем, чем именно привлекает их море и что это за чувство – любовь к нему. Именно в своей неохватности, воплощающей в себе неподдельное ощущение свободы, море по-настоящему достойно внимания.

Склонность к безбрежному, радостному и какому-то отрешённому полёту над необозримым пространством выражалась в такие безмятежные утренние часы так же отрешённо и радостно в думах о морском ветре, рождающемся где-то на краю земли. В отличие от алого солнца, он не предупреждает о своём приходе. Это – его привилегия.

Поутру ветер, бывает, ровен, упруг и не надоедлив. Стоит высунуться на свежий воздух, чтобы понять, как он всемогущ и сдержан в собственных чувствах. Вечно молодой, не унывающей рукою он легонько причёсывает упрямые волосы, в мгновение пробирается под куртку чистым холодящим прикосновением, пронизывая насквозь. Но уходить с палубы не хочется… Ветер бы был, наверное, хорошим парнем, если бы превратился в человека.

Я бы и сам с удовольствием обратился в ветер. Подгоняя неповоротливые тучи, носился бы над морем, закручивая упрямые гребешки изумрудных волн и, не на шутку разгулявшись, безмятежно и дико принимал на свою неотягощённую совесть любые жертвы. Морской простор молодит и лечит уставшую от несовершенства душу, а от его необъятных пространств светлеет взгляд. Наверное, я был бы счастлив хотя бы на мгновение породить своими неугомонными усилиями бушующий океан.

Издавна среди моряков ведётся поговорка: «Не море гонит корабли, а ветер». Старые моряки испокон века рассказывали легенду о капитане, продавшем душу дьяволу, а взамен получившем ветры, которые жили на отдалённом острове. Корабль этого капитана однажды разбился, и заключённые в трюме ветры оказались на свободе. С того дня они стали царить в океане.

Моряцкие суеверия относятся ко всем силам природы, в том числе – и к ветру, который был необходим для мореплавания, пока корабли ходили под парусами, и которым не мог командовать никто из людей. Но моряк не хотел признаваться в своём бессилии. Подобно тому, как люди каменного века верили в охотничьи заклинания, так и морской волк был убеждён в том, что,

соблюдая определённые условия, он может повлиять на ветер, это капризное дитя небес.

О ветре во время плавания вообще нельзя было говорить, ибо в противном случае он мог внезапно прекратиться. От свиста на борту мог возникнуть встречный ветер.

Осторожное отношение моряков к ветру повелось ещё с начала плаваний под парусами. Ни на одном грузовом паруснике античного мира не обходились без жертвенника на юте, для ублажения бога ветров первоначально приносились даже человеческие жертвы. На жертвенник клались важнейшие части тела – голова и сердце. Лишь постепенно вместо человеческих в жертву стали приносить голову и сердце морских животных. Об этом обычае напоминает прибивание акульих плавников или крыльев альбатросов к утлегарю – рангоутному дереву на парусных судах, служащего продолжением бушприта. К утлегарю крепились передние косые паруса – кливера.

Ещё в позапрошлом столетии эта корабельная традиция, корнями своими уходящая в античные времена, бытовала на больших парусных барках, доставлявших селитру из Чили или пшеницу из Австралии в Европу. Ибо чем же иным, как не древним жертвоприношением, было то действо, которое совершали капитаны этих самых огромных из всех когда-либо существовавших парусников: вскоре после отплытия они бросали свои фуражки за борт, причём эта культовая жертва считалась обеспечивающей успех лишь в том случае, если приносилась с наветренной стороны!

Чтобы вымолить попутный ветер и моряцкое счастье, в новогоднюю ночь за бортом подвешивали метлу или рождественскую ёлку. Из-за соблюдавшегося прежде пятничного поста считалось предосудительным пускаться в море в пятницу. Рулевой, стоящий у штурвала и произносящий определённые ритуальные слова, мог, к примеру, вызвать желаемый ветер лишь в том случае, если он пользовался медово-сладкими интонациями. Если, несмотря на это, не возникало ни малейшего дуновения, следующее «вещее слово» можно было говорить более напористо и громко, примерно так: «Приди, дорогой бриз, с литаврами и трубами!» Рисковали даже вызвать шторм, совершая решительный призыв ветра: «Ветер, небесный пёс! Навались же, наконец, чтобы мачты задрожали и согнулись, как скрипичные смычки!»

Часто посылали на выбленки – концы тонкого троса, укрепляемые поперёк вант и служащие ступеньками для подъёма на мачту, марсового матроса: он должен был дуть в парус или бить по нему поварёшкой. Хотя при благоприятном ветре всякий свист на борту был запрещён под угрозой строгого наказания, тем не менее, верили, что в штиль ветер можно «высвистать». Его можно было также разбудить, почёсывая мачту. Встречный ветер нельзя было «пришивать»: иголки и нитки в это время отдыхали. У парусного мастера был перерыв в работе.

Были осмотрительные, а были и легкомысленные капитаны. Легкомысленные - не страшились никаких рискованных манёвров и, как множество нынешних автомобилистов, превыше всего считали необходимым выдерживать темп, невзирая на угрозу перевернуться. Среди серьёзных мореплавателей они пользовались репутацией одержимых. Рано или поздно они, как правило, теряли свой корабль.

Но морские просторы бороздили ещё и истинные мастера высокого парусного искусства, с которыми, несмотря на их дерзкую отвагу, никогда не случалось ни малейшей неприятности. Матросские суеверия утверждали, что эти лихие капитаны, подобно герою упоминаемой уже сказки, заложили душу дьяволу. Их якобы можно было узнать по тому, что в солнечный день от них не падала тень на палубу. Так сверхвезучесть или необычные способности человека, которые ничем иным, как дружбой с отцом зла, объяснить не могли, становились источником предрассудков…

Но ветер стоит всех этих пересудов и суеверий, поскольку настоящие морские ветры – посланцы богов. Они заявляют о себе во всеуслышание и открыто предупреждают людей о предстоящих испытаниях и суровых опасностях. И людям следует внимательно к ним прислушиваться и следить за их появлением, проникась глубоким уважением. Но все эти перипетии не простых взаимоотношений с ветром присущи, пожалуй, только морякам, надолго оставляющим родные берега, что, собственно, входит у них в течение жизни в привычку, а вот для большинства людей чаще всего приходится общаться с миниатюрной моделью морского ветра – так называемым бризом.

Бриз – это ровное дыхание моря, которое утром делает выдох и посылает бриз в сторону суши, затем приостанавливается и, «переведя дыхание», делает вдох вечернего ветра, как бы запасаясь воздухом на всю ночь. Причина и морского и берегового бриза одна – разная теплоёмкость суши и моря. Днём земля нагревается быстрее, чем море, давление над ней уменьшается и воздух устремляется к ней. Вечером же всё происходит наоборот.

В этом постоянстве ветра я вижу замечательную попытку не угасать, и при этом – никогда не повторяться, норовя продемонстрировать суше свои любовные чувства… Море – более тонкое существо, чем принято об этом думать, и оно способно совершенно искренне волноваться. Если угадываешь в нём это волнение – и самому хочется любить, полностью доверяя стихии, что бывает, кажется, неуправляемой в своём выражении чувств.

Когда солнце уже скрывается за горизонт, но его пурпурно-кремовые отсветы ещё окрашивают часть небосвода, прилетает этот трогательный, еле приметный ветерок… Не сразу заметишь, как он подул, только вода у самого берега заморщинится, будто затвердеет, а затем вновь расслабится, станет гладкой. Ветерок заиграет мягко, нежно, даже осторожно, никому собой не докучая, как осторожно дует сам человек себе на руку, когда получит лёгкую ранку.

Появление ненавязчивого бриза приносит с собой лишь покой и прохладу. От него даже можно почувствовать нежное тепло, на которое, в первую очередь, откликается лицо. Ветви на деревьях и кустах не качаются, а щёки и лоб ощущают приятное прикосновение чудесного дуновения. Воздух недвижим и лишь нашёптывает что-то сильное и ласковое, чего никак не понять, но внимать ему радостно.

Глубоко и величественно дышит море! В такт его дыхания стараешься упорядочить и своё восприятие жизни. И вспоминаешь вдруг старинную морскую легенду о ветре, носившем название «сорang»…

У моряков существует поверье, что среди бушующих нордов, муссонов и сокрушительных тайфунов скрывается жаркий ветер сорang, дующий один раз за многие сотни лет. Сорang приходит с южных румбов горизонта поздней зимой и обыкновенно ночью. Он приносит воздух незнакомых стран, печальный и лёгкий, как запах неведомых цветов. Сами по себе начинают звонить колокола сельских церквей, проникновенная заря поднимается к зениту, и сквозь снега пробиваются подснежники. У людей от радости темнеют глаза, а маяки зажигают кораблям приветственные огни, переливаются, играют в волнах, как таинственные морские звери… Сорang знаменует приход самого весёлого в жизни праздника – весны.

… Стоял апрель, благодатные тёплые дни. Мы были уже совсем отрешены от берега и чувствовали себя насквозь морскими. Это удивительное ощущение сопричастности с природой каждодневно воцарялось в душе, неизменно поддерживая в ней томительное ожидание полного счастья. А между тем счастье уже тогда было с нами: высушенная на постоянном солнце и ветре палуба белела среди синевы моря, и не верилось, что совсем недавно приходилось не раз играть аврал, чтобы спасти судно от обледенения.

Везде хороша весна с её свежей молоденькой зеленью, большими обещаниями собственного сердца, незабываемыми восходами и закатами солнца над морем. Когда наблюдаешь эти закаты и восходы солнца с борта судна, находясь в длительной экспедиции, то ловишь себя на мысли, что они совсем не такие, какими воспринимаются на берегу или в книгах, и тебе начинает казаться, что всё возможно, и это зависит только от тебя.

Тут, в море, происходит нечто удивительное и неописуемое, и когда тебя обволакивает этот покой, скажем, рано утром, и команда ещё не поднялась, ты переживаешь ощущение неземного покоя. Будто нет ничего более, - только, вот этот, таинственный, завораживающий, и в то же время совсем обыкновенный, даже какой-то робкий восход солнца. Вернее, его предпоявление, очаровывающая прелюдия, а вокруг только тёмно-синее, лазурное, зелёное море, и необъятный простор, который не охватить, и всё же – он в тебе. Причём, не нужно осуществлять для этого каких-либо усилий. Слияние с малиново-розовой небесной мякотью и густой морской синью

происходит как-то исподволь, незаметно: и небесный свет, и морская синь втекают в твою душу совершенно свободно, как будто всегда были неразрывны. И вот это чудесное забытье оказывается, на деле, тем состоянием, к которому ты подсознательно всегда стремишься, а достигнув здесь, в море, обретаешь душевный покой, вернее – равновесие.

Весна незаметно вступала в свои права. Дни становились длиннее. Тяжёлые облака над морем всё чаще разрывались, и по вечерам на горизонте выкатывалось ярко-красное солнце. Оно было очень большое, красивое и близкое. Казалось, протянешь руку – и дотронешься до его покатого жаркого бока. Пылающий таинственной красотой шар отчего-то не давал покоя, в сладкой истоме будоражил сердце, и всё время звал за собой, быстро сгорая за ускользающим горизонтом…

Наблюдая за садящимся солнцем, становишься свидетелем сразу двух явлений. Во-первых, яркость его постепенно уменьшается и наступает момент, когда можно смотреть на него, не ощущая боли в глазах. Во-вторых, солнце заметно меняет цвет, из интенсивно жёлтого постепенно становясь красным. В полдень оно испускает так называемый белый свет, в котором все цвета видимого спектра содержатся в равной пропорции.

На закате солнечные лучи, достигающие верхних слоёв атмосферы, имеют тот же спектральный состав, что и в полдень. Однако заходящее солнце стоит низко над горизонтом, и лучи, прежде чем дойдут до тебя, проходят в атмосфере более длинный путь, чем днём. В результате составляющие солнечного спектра с малой длиной волны – фиолетовая, голубая и зелёная рассеиваются, и к поверхности земли проходят лишь составляющие с большими длинами волн – жёлтая и красная. Поэтому садящееся солнце и похоже на раскалённый шар, а небо окрашено в розовые, алые и кремовые тона.

Днём же небо – высокое, синее и чистое, пронизанное мягкими, всепроникающими лучами солнца, словно ножом разрезающие его на сладкие и сочные ломти. Весенний воздух над морем роится от этого дурманящего аромата взрезанной плоти. Густая и душистая мякоть отдаёт теплом спёкшейся на щедром радостном солнце дыни, источающей мутновато-сахаристый сок. Всё это как сладкий сон из детства, который не прекращается даже после короткого и неожиданного пробуждения, а погрузившись повторно в его ласковую золотистую паутину, ты моментально окутываешься приятной несвободой, завораживающей душу неизвестностью.

Морской воздух на севере поразительно чист… Особенно - весной, когда его, кажется, вообще можно пить, даже есть, проглатывая целыми пахучими кусками, и, наслаждаясь, не наедаться. Трудно выразить это ощущение тому, кто не пережил его сам, и, пожалуй, ради него стоит побывать на Дальнем Востоке, сходить в море хотя бы раз и почувствовать себя счастливым человеком.

Хорошо в такую пору ощущать приход весны, чувствуя, что на берегу, наверное, уже сходит снег, по вечерам воздух становится зыбким, и от этого

слезятся глаза. В особенности днём воздух полон зародившейся жизни: она спешит, неугомонна, потому что молода. Жизнь вступает в свой новый круговорот, обновляя души людей, уставшие от долгого сна, который бы должен быть для них благодатью, легко и незаметно снимающей накопившиеся тяготы. Весна несёт новые заботы, но они ещё в радость. Весна творит жизнь, она рождает планы на будущее.

Так же, как и на суше, в море весна угадывается по своим признакам, которые порой бывают ярко выражены, а иногда воспринимаются лишь с лёгким намёком. Обычно весна в воде начинается со значительного увеличения количества фитопланктона. Потепление воды и увеличение интенсивности света стимулируют размножение этих одноклеточных водорослей. Они бурно размножаются, и вода приобретает зелёный оттенок. Как говорится, наступает «цветение» моря… Начало этого цветения в южной части Японского моря отмечается ещё в феврале.

В иллюминаторе – яркое солнце, голубое небо, на столе в каюте – большая морская звезда, а в скалах у моря, наверное, так же цветёт жёлтый рододендрон… Приближение дома, установившиеся солнечные дни и неплохо сработанный рейс наложили на людей отпечаток уверенности и покоя. Команда вздохнула полной грудью. Чаще слышались шутки, смех, да и я, постепенно привыкнув к морской экспедиционной жизни, находил сошедшее на нас благословенное время открытием для себя чего-то многообещающего нового. Только ли весна была тому виной?!

Но как тяжело начинать каждое утро с того, к чему уже не лежит душа… Так хочется чего-то большего, и это большее кажется таким близким, но яростная, неукротимая сила заведённой в тебе пружины морского порядка исподволь удерживает, нашёптывает свои предсказуемые решения. И ты не смеешь ослушаться этого властного внутреннего голоса, день ото дня и крепнувшего в твоём жаждущем свободы сердце, и утомляющего его.

Временами мне начинало казаться, что нет на судне более бесправного матроса, чем уборщик. Закреплённое неукоснительным морским уставом положение на самой низшей ступеньке внутрисудовой иерархии позволяло, со всей очевидностью, прийти к этому не утешительному для себя заключению.

Ситуация бывала, порой, схожа с небезызвестными гребными банками рабов на древних галерах, которые служили этим рабам одновременно рабочим местом, койкой и гробом. Прикованные к банкам рабы тонули вместе с судном, так как никому до них не было дела. На груди у каждого висел деревянный грушевидный кляп из губки, пропитанной вином, и если, в случае ранения, раб начинал кричать, ему этим кляпом затыкали рот.

В моём случае дело, разумеется, не доходило до таких крайностей, поскольку, следуя тому же морскому уставу, я не заслуживал даже двенадцати ударов девятихвостой кошки за мелкие огрехи – прекословие и плохое исполнение порученного дела, коими в обильном количестве награждались на старом флоте матросы… И всё же каждый день старпом

продолжал немилосердно свирепствовать. Какая-то беспросветность начинала затягивать меня, так что, похоже, требовалось вмешательство случая, который рано или поздно предоставляется, если ты принёс в дар морю свою любовь и стремление к постижению.

И случай действительно пришёл в лице плавбазы, только что спустившейся с севера в новый район лова. Выглядела плавбаза замызгано – она производила удручающее впечатление смертельно уставшего человека. На первый взгляд, маловероятным было ожидать от неё каких-либо перемен к лучшему, поскольку с ней возникали не самые приятные ощущения, связанные с ежемесячной сдачей на её борт постельного белья.

В назначенный час я проходил по каютам и собирал в две огромные матрасовки всё имеющееся в наличии бельё. Поход сей, разумеется, не обходился без определённого рода эксцессов, поскольку я был непреклонен в достижении цели и неустрашимо пускался на поиски недостающего тряпья по всему судну, находя, порой, замасленные обрывки простыней даже в машинном отделении.

Вызывая подобным усердием неудовольствие у бывших владельцев недостающих наволочек, я, быть может, потому был непреклонен в их отыскании, что согбенная фигура старпома, попеременно зажимающего на руках пальцы перед самым моим носом, угрожающе заслоняла собой в такие минуты самую немыслимую изворотливость со стороны команды, желающей любыми способами притупить мой обострённый нюх. Отчётность, по мнению старшего помощника, была превыше всего, потому как не сданные на базу полотенца естественным образом растворялись в небытии, в конечном итоге увеличивая его, старпома, недостачу и, соответственно, уменьшая мою заработную плату.

Но вся нервотрёпка, связанная со сбором и отысканием белья по судну, когда большая часть экипажа была занята сдачей рыбы, не шла ни в какое сравнение с доставкой его на плавбазу, на которую ещё требовалось взобраться. Возвышающаяся многоэтажной громадой над сиротливо приютившимся под её боком траулером, она не снисходила к нему спасительными ступеньками трапа, а как бы нехотя удостаивала вниманием, предоставляя к услугам подозрительного вида покорёженную корзину, сваренную из отдельных прутьев и скреплённую круглым металлическим щитом, используемым в качестве днища. Всё это ненадёжное сооружение спускалось на тонюсеньком тросе, при помощи заедающей в самые неподходящие моменты лебёдки, которую потом подолгу не могли запустить, в то время как кренящаяся плавбаза всей своей мощью то и дело взмывала устрашающе над головой, и стылая вода зловеще всхлипывала внизу, между расходящимися бортами.

Усаживаясь в эту шутовскую люльку поверх набитых тряпьём мешков, цепляясь что было сил за вовсю гуляющие поручни и, не надеясь уже более когда-нибудь ступить на землю, я с замиранием духа начинал свой умопомрачительный подъём, и моё размягчённое тело тотчас охватывал

липкий озноб, когда корзину со всего маху бросало на ржавый борт плавбазы. Жуткий скрежет от соприкосновения металлических поверхностей был под стать безумным вскрикиваниям чаек. Корзина от неловкого столкновения начинала с возрастающим остервенением закручиваться, в нос ударяла застоявшаяся сырость бортов, и только очередной толчок выводил из холодящего оцепенения, в которое я впадал вновь, по мере раскручивания злополучной люльки.

Если учесть, что вся эта эквилибристика происходила на высоте пятиэтажного дома, то становятся совершенно понятными мои опасения за своё благополучное возвращение не только на землю, но и на ставшее близким сердцу судно. В такие моменты мне начинало казаться, что все вокруг только и желают моего унижения, и никому нет дела до мужественно переносимых мною страданий. Всеми силами души проклинал я тогда и этот затянувшийся рейс, и неприветливую плавбазу, и нашего дотошного старпома, и море с чайками, и ветер, и неспособность что-либо изменить в своей жизни.

Вот почему особенно странным было услышать предложение капитана нам с мотылём перебраться на несколько дней на плавбазу, чтобы помочь с перегрузкой рыбы на «Якутию».

Напутствуя нас последним словом, он как-то непривычно горячился, подбадривал:

- Подрасстроились, что ли? Не серчайте. Через пару неделек привернём к вам и заберём уж точно. Что поделаешь? Ну, мужики, бывайте, значит!

Поднятые руки, невнятные выкрики, улыбки, журчание воды под бортом – и скоро потеряли мы своё судно из виду, а потом уж я и не думал о нём, о ребятах, что остались добивать недостающий план, а думал о предстоящих днях, как всегда бывает, когда оставляешь что-то привычное.

Бесперебойно и слаженно трудится плавбаза: приёмка рыбы осуществляется круглосуточно, установленные в рыбоцехах машины обезглавливают её, потрошат, вырабатывают филе и рыбий жир, укладывают продукт в консервные баночки, закатывают, бланширователи обеспечивают обработку закатанных консервных банок острым паром. Отходы от разделки рыбы направляются на рыбомучную установку, которая вырабатывает рыбную муку – отличную пищу для домашних животных и птиц. В начале они попадают на автоматические ножи и рассекаются на мелкие кусочки. Затем сырой фарш поступает в варильники, отжимается, прессуется, рыхлится, сушится раскалённым паром, засасывается вакуумом в специальный барабан, в центре которого, подобно вихрю, вращается диск с корундовыми ножичками, дробящими случайно уцелевшие кусочки. Только после всей этой индустриальной процедуры получается продукция в виде серо-зелёной пыли. Это и есть мука, или как её ещё называют рыбаки – тук.

А вот из рыбоцеха отработанная рыба поступает в морозильное отделение для глубокой заморозки, откуда, в свою очередь, направляется на длительное хранение в трюмы. За одну неделю на судне вырабатывается столько консервированной продукции, что, если все банки поставить одна на другую, получился бы столб выше самой высокой горной вершины нашей планеты. Продукции, которая размещается в трюмах плавбазы, хватило бы, чтобы прокормить город со стотысячным населением в течение года.

Сама база под стать привычным понятиям о море. Длина её такова, что если базу поставить на попа, то она вознесётся к небу выше Исаакиевского собора, высота которого сто два метра. Положив подобную громадину на чашу весов, с целью уравновесить её, на вторую чашу пришлось бы поставить пирамиду из одиннадцати тысяч легковых автомобилей. Вот только какой марки? – статистики не уточнили. Моряку сухопутными понятиями мыслить не пристало, и потому нет для него лучшей мерки, чем собственное судно.

Десятки маломерных судов, словно слепые, беспомощные поросята вокруг свиноматки, теснятся по обеим бокам плавбазы в ожидании своей очереди. Чёрные, бокастые, со вздёрнутыми тупыми носами и круглыми кормами малые сейнеры стоят так родственно-крепко прижавшись друг к другу, что во время крупной зыби мачты кренятся и переплетаются между собой в нечто, напоминающее волнующийся сизый туман, а глядя сверху, кажется, будто по всем этим неприкаянным судёнышкам можно ходить, свободно перешагивая с одного на другое.

Средние траулеры-рефрижераторы тоже, под стать неприметным сейнерам, натружено вздыхают под высокими бортами плавбазы, то взлетая на крутой волне, желая хоть мачтами дотянуться до недосягаемой палубы, то ухают стремительно в освободившееся на какое-то мгновение от мятущихся водяных горбов пространство. Их мокрые палубы, ещё скользкие от рыбы, возбуждающе пахнут свежестью моря. Фигурки матросов в глянцевито поблескивающих и ломких рыбацких робах не спеша окатывают палубы из шлангов, везде по бортам журчит и пенится стылая вода, а капитан, сдвинув со лба фуражку, успокоено попыхивает папироской, с удовлетворением поглядывая на происходящее из узкого рубочного окошка.

И надо всем этим несокрушимым монолитом высится плавбаза. Ветер рвёт брезент на штабелях бочек, ящиков, тросов. Серебристо-матовые тюки с крупнозернистой солью и туком громоздятся под открытым небом. Здесь, наверху, ещё головокружительней пахнет морем, которое зябко морщинится, а затем вздрагивает неожиданными приступами недовольства.

Грязные брызги отработанных отбросов из шпигатов, сносимые ветром, косым веером разлетаются по поржавевшим выпуклым бортам. Людей на палубе почти не видно: те редкие фигурки, что копошатся под хлесткими, сбивающими с ног ударами непогоды, стараются быстрее разделаться с работой и скрыться вовнутрь. И сразу понимаешь, что главное происходит не здесь, а где-то рядом, за глухими переборками, под самыми

ногами. Это тайное действие совершается там, в утробной непроницаемой глубине, и о нём настойчиво напоминает только запах, который наполняет и пропитывает здесь всё своим смыслом.

И нас повели туда, в чрево этой мощи, подчинённой единому всепоглощающему ритму, узкими проходами, крутыми лязгающими трапами, пока мы не вошли в светящийся размытыми огнями цех рыбообработки. Здесь было оживлённо: так же непрестанно журчала вода, омывающая желоба, пол, тачки и транспортёры, отовсюду капала и сочилась влага, работа не прекращалась ни на минуту.

Рыбьи тела с еле уловимым шелестом валились сверху, мчались беззвучно по отшлифованным желобам, между ними сновали спорые руки обработчиков: переворачивали, шкерили, распластывали, солили рыбу, заботливо приготавливая ей временный покой в темноте бочек и банок. Там она будет наливаться вкусным и питательным соком, после перегруза её отправят на материк, а затем рыба появится на столах людей и принесёт им немало радости.

Но руки не перестают двигаться, они напряжены до предела, напряжены глаза и лица людей, и сыровато-мягкий шум обработки захватывает тебя в своей безудержной круговерти. И тоже хочется попробовать, так же, сноровисто, отрезать рыбам головы, ловко укладывая их плотными красивыми рядами в приготовленные бочки, легко разделывать крутящиеся шелковистые тела на сочные розоватые ломти, дышать со всеми этим плотным, постоянно омывающимся и шелестящим воздухом. Что творится на рыборазделке – понятно только тому, кто прошёл через это!

Каждый рыбообработчик прицеливается, ловко хватает с транспортёра рыбу, отсекает ей голову вместе с жаберными крышками, вспарывает брюхо, выскребает нутро и бросает тушку на соседний транспортёр. Поначалу шкеришь по одной-две рыбины за минуту, затем – по три-четыре, но вскоре уже – семь-восемь… Запястья к концу вахты деревенеют, становятся будто ледяные. Это, конечно, с непривычки. Опытные матросы за ту же минуту отшкеривают до полутора десятка рыбин. Руки у них быстрые, сноровистые…

Медленно разворачивается перед глазами забирающая дух картина, что-то смутное и большое прикасается к твоему ошеломлённому восприятию, и ты понимаешь, что смысл всего существующего вокруг имеет запах рыбьего сока, жира, липкого человеческого напряжения. Запахом этим было пропитано всё вокруг, и свежий воздух, невидимой стеной напрягаясь у распахнутых иллюминаторов, не в силах, наверное, был преодолеть его внутреннего сопротивления.

Блуждая глазами по сторонам, я, ко всему прочему, понимал, как трудно быть здесь одному. Один начинаешь думать о себе плохо, потому что не можешь вот так, сразу, войти в этот новый для себя мир, сделав его и своим тоже. Ты не заслужил ещё право по двенадцать часов, не меняя застывшей позы, стоять у рыборазделочной машины или на транспортёре.

Причём, повторять изнурительную в своём однообразии работу необходимо ежесуточно, когда перед очередной сменой опухшие, в ножевых порезах и жестоких рыбьих уколах руки не разгибаются, под лопатками начинает тупо ломить лишь при воспоминании о предстоящих нескончаемых часах, и так - в течение безнадёжно долгих месяцев…

Но окружающая обстановка была схожа с только что оставленной на своём судне, и потому руки, спина, молодое упругое сердце и здоровые лёгкие с первого дня включились в безостановочный ритм работы, не боясь ни больших перегрузок, ни низкой трюмной температуры, когда голыми руками приходилось отдирать примерзшие друг к другу тридцатикилограммовые коробки, находясь на твиндечном дне по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Работа эта была, пожалуй, сродни только тем авралам в Охотском и Беринговом море, когда мы всем экипажем сутками отбивались от ледового нашествия, наверное, самого губительного переплёта, в которое может угодить маломерное судно.

И вот теперь, когда перегруз накопившейся рыбы на «Якутию» требовал такого же ускоренного, бешеного ритма, когда от подступающей натуги охватывала сковывающая пустота, я вспоминал недавние дни, и во мне опять закипало то неугасимое волнение, что сопутствует любому отчаянному делу. Море всегда несёт в себе эти неожиданные всплески восхищения, которые могут выражаться и в тяжелейшем труде, так что от него захватывает дух. И всё становится нипочём: так радостно, с настроением переносится это физическое напряжение, когда жилы, кажется, вот-вот порвутся, и хлынет горячая кровь, и застелет своим розовато-багряным светом опухшие глаза. Что за отчаянное ухарство просыпается в тебе! Что за сила!

В трюме сумрачно, тускло светят лампочки, обтянутые проволокой. Слышно, как за обшивкой борта, где-то над головой, плещется вода. Трюм расположен под ватерлинией.

Температура здесь минусовая. Воздух крепкий, морозный. Металлические трубы, уложенные поперёк шпангоутов, покрыты снежным намерзшим крошевом. Всё тут как зимой!

Скрипит под сапогами подмороженная палуба, мороз щиплет уши и нос, покалывает в кончиках пальцев. Но это продолжается недолго, пока не приступаешь к работе. В смёрзшемся воздухе глубокого трюма, скинув телогрейку и оставшись в одном колючем рыбацком свитере, ты начинаешь размеренно, с приятной ломотой в задубевших со вчерашнего дня мышцах, горбиться, подхватывать, вскидывать и тащить, постепенно наливаясь пузырящейся кровью и делаясь похожим при этом на безответного заводного человечка. Подлетая в несколько шагов к горе слипшихся продолговатых коробок, лезешь, изворачиваясь, на самую верхотуру, исступлённо расшатывая, опрокидываешь хрустящие ряды, и уже другие расхватывают свалившуюся кучу-малу, в считанные секунды высвобождая пространство для новой груды.

Стропа то и дело взмывают в необозримо чернеющее над головами небо, знай, поспевай наваливать, закрепляя ускользающий из рук груз узлом, ухватывая в ходку по две, а то и три коробки, с натугой отдирая их голыми руками друг от друга. По-молодецки ухая и натужно выпрямляясь на вздрагивающих в коленках ногах, яростно и с удовольствием постукиваешь каблуками кирзачей по металлическому трюмному дну. То и дело гулко поскальзываясь и оступаясь, тащишь эти стылые коробки, а затем сваливаешь облегчённо, с молниеносно вымеренной точностью именно туда, куда и следует, чтобы, тотчас воротясь, вновь отрывать, тянуть, кого-то отпихивая и смеясь, может быть, даже мешая…

Слипшиеся волосы скоро превращаются в сосульки, на взмокшей спине выступает иней в два пальца, кровь стучит бесперебойно в висках, так что не слышно ничего, кроме скрипа крановой лебёдки, уносящей в высвеченный блёклыми огнями прожекторов квадрат очередную партию мороженой рыбы. Там, наверху, ждут тёплый, ласкающий душ, ужин в пустынной столовке, который отчего-то тянется непроизвольно долго, размеренно, потом кино и, к большому удовольствию, ещё не всё прочитанное у Киплинга. Но об этом пока не хочется думать, потому что представлять, как всё будет, тоже одно из удовольствий, - маленькое, непритязательное, но очень приятное, и упускать его просто так неразумно.

И опять, только находясь в море длительное время, подмечаешь, что занимать начинают более всего именно обыкновенные, заурядные вещи, и именно они дарят несравнимую ни с чем радость. Но для того, чтобы читать взятый прошлым утром в судовой библиотеке тиснёный, приятно оттягивающий руку коричневатый томик великолепного английского писателя, следовало остаться одному, быть помытым и разгорячено свежим, тихо лежать на спине в уютно освещённой каюте, с удовольствием переживая постепенно прокрадывающееся в душу тепло. И тогда мечты о каком-то необыкновенном будущем становятся ощутимы, еле уловимо касаясь лба неимоверно тонкими, воздушными пальцами.

Удивительное дело – меня окружало то, без чего я, как мне совсем недавно казалось, не мог существовать, то, что, по мнению многих людей, оставшихся по каким-то причинам на берегу, необходимо запоминать, впитывать в себя каждой клеточкой тела, переживать, потому что это и есть истинная жизнь, и, конечно, преступно относиться к ней невнимательно… Но, как ни странно, именно теперь всё это почему-то не занимало.

После работы в рыборазделочном цеху или на перегрузке рыбы в трюме остаётся вполне достаточное время, чтобы отдохнуть, а затем обойти всю базу, тщательно её осмотрев и заглянув в самые укромные уголки: ведь может случиться, что такой возможности тебе уже больше не представится. Или завести с кем-либо из бывалых членов экипажа захватывающий разговор о море, сильных уловах, безнадёжно исчезающей куда-то сельди, посетовать на часто повторяющиеся в последнее время неудачи и, не стесняясь, вдруг порадоваться неохватному морскому простору. Можно, наверное, получать в

этих душещипательных беседах немалое удовлетворение от собственной неиссякаемой любознательности, любви к жизни и опьяняющего предвкушения невероятных открытий, и, конечно, все приобретаемые знания не раз пригодились бы тебе в будущей жизни, даже несмотря на их значимость в настоящем. Но, тем не менее, ты не находишь ничего лучше вот такого вдумчивого общения с книгой, а именно – с Киплингом, когда вокруг так много умиротворяющего тепла и света, и тяжёлое дыхание моря едва угадывается за наглухо задраенными иллюминаторами…

Начиная с возрастом всё более тщательно относиться к собственной жизни, человек всё же очень часто выпускает из внимания обаяние обыденного, присутствующего на каждом шагу. Мелкие житейские прелести постепенно становятся для него вроде надоедливой обузы, без которой, между тем, не так-то просто обойтись, и он вынужден тянуть этот обременительный и не всегда полезный, по его мнению, груз. Когда же человек взрослеет от общения с морем, он обретает мудрость в восприятии простых вещей, тем самым не растрачивая себя понапрасну. Море помогает ему не состариться раньше времени и учит ценить вещи, которые в действительности своей и составляют основу жизни.

Ощущение от хорошо выполненной работы, тщательно смытого с себя тошнотворного запаха рыбьего сока и незамысловатого ужина в просторной столовке, вместе с пониманием, что всё это происходит с тобой в самой середине метущегося за бортом Охотского моря, окаймлённого неведомой ещё Камчаткой, Шелиховским заливом и Удской губой, и позволяли по-житейски просто и мудро относиться ко всему происходящему… Какая-то расслабляющая безмятежность, по-видимому, была связана ещё с непривычными размерами судна… Даже в сильные шторма волнения на нём почти не ощущалось, и только изредка, когда одна из тысяч многосильных волн всё же заставала монолитную громадину врасплох, палуба совершенно неожиданно убегала глубоким креном из-под ног, и было ещё долго слышно, как этот крен, с гулким рокотом пронизывая переборки, прокатывается через всё судно, словно проверяя его на прочность. Там, подо мной, в самой судовой утробе, что-то отдалённо скрипело, выло и визжало, но стоны эти были даже чем-то приятны, и ни чуть не казались навязчивыми.

Здесь, на плавбазе, я неожиданно потерял связь с морем. Оно, конечно, постоянно ощущалось рядом, когда дыбилось, медленно перекатывалось за бортом, даже порой начинало ходить ходуном, и, разумеется, такая неповоротливая зыбь действовала на нервы, но страсть преодоления этой стихии, превозмогание, в первую очередь, самого себя, исчезла. Расслабляющее тепло большого судна действовало обезоруживающе: оно окутывало невидимыми нитями, и уже не хотелось с мальчишеским упрямством дерзить морю, как это происходило совсем недавно на затерянном среди бушующих волн маломерном судёнышке.

Так, иногда что-то негаданно толкнёт сердце и захочется выйти к морю, каким бы оно ни было суровым... Мокрая мелкая пыль приятно

солонит лицо и руки, и тёмная палуба отливает в сумерках скупым, хмурым светом. Судно, без удержу, мотает из стороны в сторону, а ты начинаешь с какой-то даже отчаянной решимостью свою незамысловатую игру – нужно удержаться на одном месте, то есть не сойти с него определённое время, и чем дольше ты сумеешь противостоять мятущейся стихии, тем радостнее достигнутая сопричастность с ней.

Порой удавалось поймать ритм бессистемной смеси качек – бортовой, килевой и вертикальной, но когда уже, казалось, судно выходило на волну, палуба неожиданно летела в пустоту, штопором вбираясь в манящую темь, пронизанную тяжестью волн, я терял равновесие. Решиться на подобное можно только при непосредственном соприкосновении с морем, когда защищающая тебя судовая оболочка сведена до минимума. Если же море витийствует где-то далеко внизу, то все его усилия кажутся напрасными и обременительными для него самого, и самая сокровенная связь прерывается, оставляя, правда, возможность взглянуть на море с недосягаемой для себя высоты. Утерянное равноправие с ним уже не дарит истинной слитности с природой, которую всегда хочется понять, постигнув, наконец-то, искусство человеческой жизни.

И вот, мы опять на родном судне… Несмотря на усталость, мне отчего-то не спится, и я выхожу на пустынную палубу. Охотоморская ночь объяла собой всё вокруг.

Мерно поскрипывают судовые надстройки и такелаж, переборки чуть подрагивают в такт работы невидимых механизмов, однообразно плещутся под бортом равнодушные волны. Лёгкий ветерок, запутавшись в снастях, никак не может успокоиться, бессильно бьётся, изредка его перекрывают вскрикивания морских птиц, и вновь тишина…

Поднимаюсь зачем-то в рубку, и обнаруживаю на полу сгорбленную фигурку капитана, закутавшегося в плащ-накидку. На голове у него – взлохмаченная кроликовая шапка, натянутая по самые глаза, так что не видно – спит он или просто пребывает в задумчивом одиночестве. Но когда капитан поднимает лицо, то я вижу, как оно осунулось, а глаза воспалены от бессонных ночей. Молча поприветствовав меня, он лёгким кивком головы указывает, чтобы я присаживался рядом.

- Рейс, как видишь, складывается у нас не просто.

- Мне всё равно: лишь бы он продолжался так, как и идёт. Я уже освоился со своими обязанностями.

- У каждого человека, конечно, есть выбор, и он может позволить себе уклониться от жизни, если его что-то в ней не устраивает: чтобы, таким образом, защитить себя. НО ты, похоже, не собираешься прятаться, и готов противостоять всем бесовским козням, на которые гораздо море?

- Если честно, то какая польза от того, что продолжаешь оставаться в наскучившей обыденности? И не в силах обуздать свой беспокойный ум,

пребывая в довольстве и праздности? Наверное, не следует скрываться от жизни, когда она предполагает открытия, и правильнее было бы принять мир во всех его проявлениях?

- Так-то оно так, - спокойно проговорил капитан. – Отказываясь от жизни, полной достойного мужчины напряжения, ты на самом деле не приемлешь её… Но отправляясь в море – не бежишь ли ты от себя, или проблем, и разрешит ли оно их?!

- Человеку следует обрести внутреннее равновесие, а его достижение, наверное, невозможно без этого самого напряжения. Как, скажем, доказать неверующему человеку, что Вселенная – божественна, что и в нём есть Бог? Как дать ему понимание, что он наделён огромными возможностями, и в его душе заложен жизнеутверждающий смысл?!

- Этому неверующему самому, должно быть, следует приступить к честному размышлению о жизни…

- Вот видите! Человеку нужно непременно захотеть думать о себе и о мире, о том, например, почему так происходит: ты делаешь что-то хорошее, достойное, но оно не всегда улучшает твою жизнь, даже, скорее, усложняет её…

- Я, как капитан, сталкиваюсь с этим постоянно. И дело тут в том, что подобное действие требуется совершать неизменно, каждый миг, не прекращая никогда. Только тогда будет толк. Ты к этому готов?

- Когда ты честен в своих помыслах и мечтах, чист в восприятии мира, небо должно помогать тебе.

- Правда, не всегда это происходит. Но если, всё же, сохранять в себе жизнеспособность, то у человека будет ровно столько сил, сколько ему нужно на прохождение и переживание определённого события. И ещё – времени, когда он своими усилиями пробуждает глубинную силу, несмотря ни на что добивается желаемого результата, и, в конечном итоге, живёт в гармонии с собой.

- Вот этого я и добиваюсь!

- Никогда у меня ещё не было такого разговора с кем-либо из членов экипажа… Ну, а как одолеет тебя тоска по дому, почувствуешь ты упадок сил и нежелание продолжить рейс, пусть не этот, другой… И придёт, в конце концов, душевная боль, с которой будет не сладить?

- Человек всё в состоянии превозмочь. Важно, я думаю, сконцентрироваться, понять, откуда эта боль исходит, и победить её, приняв.

- Верно. Принять – значит, правильно отнестись к происходящему с тобой, хотя бы это была утрата, одним словом – поражение. Пусть и не очень приятное, но переживание подобного пути обогащает.

- Я всё переживу.

Капитан мельком взглянул на меня, и, вдруг твёрдо произнёс:

- Мы всегда поможем. Лучше будет, если с головой окунёшься в работу, тогда меньше вероятности, что обнаружишь в себе слабовольные нотки…

Он немного помолчал, устало улыбнулся, и, опустив глаза, тихо проговорил:

- Находясь в своё время подолгу в море, я всегда принимал его полностью, со всем, что оно несёт в себе, и потому спокойно преодолевал отсутствие земли, морскую болезнь и одиночество, до возвращения на сушу, в общем-то, не претерпевая особого дискомфорта. Земля всё ставила на место, но благодаря длительному общению с морем – я становился самим собой, даже – лучше.

- Как говорится, если хотите радугу – привыкайте терпеть дождь?

- Надо ни мечтать, ни витать в облаках, а осуществлять задуманное. В этом – весь смысл нашего нахождения здесь, в море. И, конечно, на земле, где мы способны направить свою душу в осознанное русло. Земля – единственное место, где это возможно, несмотря на то, что сердца наши отданы морской сихии.

- Знаю, стать «морским волком» не просто, но мне хочется попробовать морской жизни, на многое самому поглядеть. Я уже год, как о море мечтаю, а берегом давно перестал интересоваться.

- Ну-ну, посмотрим, что из всего этого выйдет

- Выйдет, товарищ капитан. Обязательно выйдет.

- Ты помни одно: препятствия в жизни любого человека необходимы для того, чтобы развить в нём скрытые возможности, а преодолевая преграды – мы увеличиваем свою силу, ищем для неё выхода.

- Бывает такое, что вам самому становится страшно?

- Страх – это всегда напряжение, тогда как нужно расслабиться. Если тебе страшно – просто перестань беспокоиться, и от того твоё восприятие станет истинным, а волнение само собой рассеется.

- Куда же деться в жизни без невзгод?

-Вот именно, и воспринимать их следует исходя именно из представления, что она может быть всякой.

- Важно, как к ней относиться? Мне хочется прожить свою жизнь интересно и достойно.

- Всё, что человеку нужно – это быть самим собой, желая познавать то, что остаётся неизведанным. Счастлив тот, кто, не истратив себя, продолжает всю жизнь учиться, и как хорошо это выходит в согласии с морем.

- Хорошо было бы просто жить естественной жизнью, исполняя то, чего тебе хочется… Тогда, наверное, к тебе и приходит всё заслуженно и просто.

- Всё, что даётся в жизни легко, не приносит каких-либо преимуществ, то есть – ты в этом случае ничего не получаешь.

- Почему?

- Наверное, просто потому, что короткий путь следования для многих людей всегда преобладал над дальней дорогой, был для них достаточен и привычен, они не разожгли огонь своего сердца. Им выгоднее обращаться в молитве к Богу, непременно о чём-либо прося…

- Люди не желают оставаться честными по отношению к себе?

- Попробуй делать только своё дело, которое непременно следует развивать, получая от этого огромное удовлетворение, и тебе не придётся ничего выпрашивать у судьбы. Бей в одну точку!

- Я, кажется, нашёл свою, и значит, я на верном пути?

- Правдивое отношение к жизни подразумевает честное отношение к своим силам, только тогда они буду пробуждены. А если ты не в силах обойтись без молитвы, то это должна быть лишь дань благодарности, что ты живой и здоровый, и это уже – непередаваемое счастье.

- Я верю в свою дорогу, пусть она даже очень дальняя…

- Доверяй себе, такому, какой ты есть, этого вполне достаточно, чтобы получать удовлетворение от жизни. Для этого, конечно, необходимо бесстрашие, но ты, я вижу, решился на него. В добрый путь!

Он опять ненадолго замолчал, затем достал папиросу, но закуривать не стал, отрешенно разминая её между пальцами, пока она вся не высыпалась…

- Совершая свои бесконечные экспедиции в море, я даже не подозревал, что тем самым открываю спящее, уже в себе, внутреннее море, - вкрадчиво произнёс он, повернув ко мне на миг просветлевшее лицо.

- Интересно… Как его можно определить?

- Это – непосредственно тобой пережитый опыт, не заимствованный у других людей или из книг, и порой с ним тоже, как и с морем, не всегда получается сладить… Он есть доказательство того, как ты прожил, и ещё проживёшь отпущенный тебе срок.

- Ведь Существование рано или поздно открывает тебе ту дверь, в которую ты стучишься?

- К чему ты стремишься, то ты и имеешь. Чем больше человек в жизни переживёт, тем скорее обретёт мудрость.

- И всё это определяет твой богатый опыт?

- Если хочешь иметь многое, будь готов охотно отдавать ещё больше, а на это способен только тот, кто обрёл немалые знания. Когда мужчина понимает, что цель жизни ему хорошо известна, он становится покоен и твёрд. Ничего лишнего – только глубокое удовлетворение от того, чем ты занят, и что и кто тебя окружает. Я бы тебе пожелал определиться в своей жизни. Нет ничего хуже, когда видишь, как мужчина занят не своим делом, и значит – губит себя.

- Если в чём-то нет потребности, то и делать этого не нужно?

- Это хорошо отображается в пустых разговорах, которое вполне может заменить молчание… Всё излишнее омрачает жизнь, а дозволяется в ней только необходимое, что избавляет от вековечного непонимания человеком своей природы на пути к благу.

- И его, конечно, нужно заработать?

- Решимость – наиглавнейшее качество человека, основа основ для его развития, и ты молодец, что решился на своё путешествие. Решимость

требует отчётливого понимания, что иного пути не существует, и, следовательно, нужно непременно решаться, для этого пришло время.

- Совсем недавно осознал, что благодаря этой своей решимости, чего бы она ни касалась, я приобрёл некую, кажется, ничем непоколебимую и покойную уверенность в себе. Понимание, что именно её мне и следовало добиваться в жизни.

- Когда ты приближаешься к чему-то важному внутри себя, для тебя всё оказывается по плечу. Жизнь должна быть прожита так, чтобы всё в ней было узнано, услышано и увидено.

- Если человеку дана возможность пить, есть, дышать, то он должен изучать жизнь! И где, как ни в море, это получается лучше всего. Именно здесь перед тобой открываются настоящие характеры, да и сам ты обнаруживаешь в себе много интересного… Простые, казалось бы, люди в море становятся совершенно другими…

- Вернее будет сказать – самими собой!

- Простой человек – это человек, который крепко стоит на ногах, не витает в облаках и живёт самой обыденной жизнью, исполняя какое-то необходимое дело?

- И он делает его очень хорошо, а ещё неплохо разбирается во всём, что происходит в окружающем его мире, имея свой, устойчивый взгляд на жизненные обстоятельства. При этом, он никогда не теряет здравого смысла, чего бы в жизни не приключилось. Такой человек ничем особым, вроде бы, не выделяется, честно работает, и ему просто нравится так жить.

- Вы нарисовали портрет по-настоящему добродетельного человека!

- Так оно и есть. Именно такой человек способен надёжно обустроить отпущенное ему время, и пребывание в море помогает ему в этом. Простой человек, моряк, не верит словам, а живёт делами, признавая их самым важным в жизни. Он ценит жизнь, радуется ей, и не упускает возможности сделать её лучше. Он понимает, что многое зависит от его решений. Простой человек – это всегда свободный человек, он живёт простыми и доступными истинами.

- А что есть истина? И в чём заключена главная задача человека?

- Истина есть сама жизнь, которую ты познаёшь с помощью личного опыта. Чем больше опыта, тем ближе ты к своему природному существу.

- Войдя вглубь себя – истина откроется в тебе?

- Да. Это – не требующая доказательств, существующая сама по себе жизненная реальность, которая должна быть постигнута человеком.

- Получается, что истину достигаешь в момент собственного роста?

- Верно. И открывается она без всяких споров. Споры, вообще, не нужны, они не приносят никакой пользы, лишь попусту растрачивая энергию.

- Как, должно быть, радостно полностью обрести свою внутреннюю природу!

- Смысл жизни в том, чтобы достойно пережить всё, что она способна уготовить тебе в любом своём проявлении.

- И, наверное, нет в жизни ничего хуже утраченных возможностей, которые невозможно вернуть?

- И вот тут, помимо решимости, от человека потребуется воля.

- Воля – это способность преодолевать препятствия?

- Преодоление это способно приносить глубокое удовлетворение от противостояния неудачам… Ведь счастье, если разобраться, ничему не учит, в нём перестаёшь жить осознанно.

- И можно легко потерять себя?

- Если человек не управляет своей жизнью. Воля – это, как раз, приложенные тобой усилия, когда приходится делать не только то, что ты хочешь, но и чего вовсе не желаешь, а не сделать не получается.

- Как это, чаще всего, наверное, и случается в море?

- Вода никогда никого не топит, топит себя сам человек, его собственный страх, который не позволяет поверить в свои силы. Очень важно научиться в жизни идти туда, куда тебя тянет природа, а не твоё эго.

- Меня с самого детства тянула к себе вода, то есть – море. Я просто не мыслил себя без него.

- Пожалуй, единственный грех – это забыть самого себя, собственные возможности, единственная же добродетель – самого себя помнить, а значит – быть верным своей природе.

- А как же страх?

- Страх – это всегда обращение к тому, что может случиться, а не то, что происходит сейчас. Сконцентрируй все свои чувства на том, что с тобой происходит, именно в эту минуту, посмотри на себя осознанно, со стороны, и страх уйдёт.

- А ведь верно, ты всегда только предполагаешь, что может произойти!

- Если уж попал в передрягу, как все мы совсем недавно, не позволяй себе тревожиться, а просто расслабься, стань на какое-то время безмятежным, и ни о чём лишнем не думай, жди.

- И что, недостающее решение обязательно себя проявит?

- Выход из создавшейся ситуации найдётся непременно. Отбрось всё привычное, уже когда0топережитое, и наслаждайся путешествием к новому, чего ещё не бывало в твоей жизни.

- Понимаю… В жизни нужно научиться решаться на многое, в том числе – на познание самого себя. И не важно – сколько времени на это уйдёт?

- Не рискуя – не обретёшь целостности, не отправишься однажды в своё путешествие. Ну, и не пристанешь счастливо к родному берегу. Истинное видение откроется, когда начнёшь доверять своему сердцу.

- Значит, реальность жизни такова, что она уже заключена в нас, и нам нужно просто хорошенько разглядеть её?

- Счастье человека зависит от заложенных в него возможностей, которые всегда находились внутри него, и следует лишь обратить к ним пристальное внимание.

- Выходит, все переживания на этом пути тоже благостны?

- Ты только вообрази: они могут отвлекать тебя от недостойных поступков, и уже этим хороши. Никакого эго. Благослови пришедшие в твою жизнь препятствия, но только не сосредотачивайся на них.

- Не существует такой проблемы, какую бы человек не в состоянии был разрешить?

- Самое главное в жизни – решиться на действие, а приняв важное для себя решение, уже никогда не отступать от него. Пока полностью не исполнишь задуманного.

- Действие, конечно, предполагает движение к самому себе, к чему ты предназначен. Чаще всего, должно быть, люди задаются именно этим вопросом: в чём заключён смысл жизни?

- Очень важно, чтобы человек определил для себя в жизни собственную цель. Без неё просто невозможно отправиться в любое путешествие. Чего желаешь достичь именно ты, что более всего беспокоит тебя в пребывании на этой земле?

- Цель моя проста: как можно более глубоко заглянуть в самую суть жизни, узнать её лучше. Но как нелегка дорога к её постижению!

- Зато, какую огромную радость приносит знание себя и окружающего мира, когда живёшь и с ним и с самим собой в согласии! Как это у поэта:

«Есть Бог, есть мир,
Они живут во век
А жизнь людей
Мгновенна и убога,
Но всё в себя
Вмещает человек,
Который любит мир
И верит в Бога».

- Вы и Гумилёва знаете… А «Капитанов» его помните?

- Читал, но по памяти вряд ли что-то восстановлю… Так, запечатлелись фрагменты, вроде –

«… Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернёт паруса!»

- Браво, Михаил Александрович! Догадывался, что вы – человек разносторонний, но Гумилёв в наше время мало кому знаком…

Капитан только устало улыбнулся, а потом говорит:

- Реальность жизни заключена в том, что узнать её возможно, лишь столкнувшись с ней напрямую, когда всё в ней для тебя становится по-настоящему реальным. Просто честно будь в том, к чему ты устремился,

ничего не выдумывая и не искажая. Многие люди и не подозревают, что сама жизнь и есть великий и радостный смысл, полная свобода от какого-либо беспокойства и страха.

Думая обо всём этом, я пытаюсь представить себе жизнь человека, непреклонно решившего стать моряком, а значит, самовольно обрёкшего себя на очень длительное, постоянно повторяющееся удаление от земли. Пытаюсь понять, как удаётся ему в собственном сознании пересилить это противоречие, в течение всей жизни, наверное, так и не одолев его окончательно.

Жизнь в море протекает совсем в ином измерении, нежели в том привычном мире, который остался на берегу, за много сотен миль. И хотя это измерение – не более чем потерянная когда-то человеком реальность, требуется определённое время и знание для его верного восприятия.

Старые рыбаки утверждают, что ход времени полностью зависит от успеха промысла. Если рыба ловится хорошо, недели и месяцы мелькают незаметно, так что порой невозможно уследить за их стремительным бегом. Нет рыбы – время застывает, и, кажется, нет таких сил, которые смогли бы сдвинуть его с места.

Но вернее всего, что моряки выдумывают сложные отношения со временем, которое просто по-настоящему не учитывается, и то, что оно преподносит в море свои откровения, вполне объяснимо. В море невозможно уйти от него к чему-либо быстро разрешимому, и человек невольно проникается его мудрым течением. Море вынуждает задуматься, величественно и остерегающе одёргивая людей в их искренних заблуждениях, тем более, что собственную разрозненность в состоянии преодолеть только они сами.

Если в море моряк думает о береге, то это вполне естественно, и глупо видеть в этом стремлении какую бы то ни было раздвоенность. Рано или поздно он всё же подступит и укачает моряка покоем, так что тот на время забудет жизнь на судах, всю свою древнюю усталость, разочарования и грусть. Земные запахи опьянят, понесут и закружат его, и только в разговорах с друзьями он будет вспоминать о нелёгкой работе, бессонных вахтах, порядком опостылевшем море…

Но, прожив на берегу неделю-две, моряк однажды утром обнаружит, что мозоли на руках шелушатся, становятся непривычно мягкими и постепенно сходят, все земные запахи кажутся уже пресными, а в душу закрадывается непонятная скука. Душа его прямо-таки отравлена вынужденным бездействием: что и говорить, последние дни он только и думает о том, как бы занять себя, нет-нет да посматривая на море. Мысли движутся не спеша, словно приноравливаясь к порядком изменившейся обстановке, а сердце нерешительно поёживается в сладкой печали. Еле слышимая, но хорошо угадываемая волна вольной жизни неудержимо

поднимается в нём: любовь к этой жизни, ко всем её, не таким уж частым подаркам, если хорошенько припомнить, всё же, постепенно одерживает верх, и охватывает встрепенувшуюся и занывшую душу радостным волнением…

И вот, человек опять смотрит в море, и море зовёт его к себе, тянет неумолимо, и он ничего не может с собой поделать. Необъяснимая тревога вкрадывается теперь в его жизнь и гложет изо дня в день ожившее воображение, только никто из близких людей этой перемены в нём не замечает.

Однажды, навечно причащённый к своей солёной купели, он, в тайне ото всех, вынашивает в себе эту непонятную тоску… Поздно и плохо засыпает, много и без надобности курит на тёмной кухонке, запивая неприятный во рту привкус холодной водою прямо из чайника, которым непременно заденет о плиту и разбудит детей, начиная своими ночными бдениями вызывать всё нарастающее неудовольствие жены…

Под утро, вконец одурев от бессонницы и неясных обрывочных мыслей, ему захочется, как никогда, свежего воздуха, и, позабыв, где находятся скрипучие половицы, он неосторожно ступает по ним босыми ногами, ощущая в то же время их приятную прохладу и какую-то отрешённость всех окружающих предметов. Но никто не слышит его шагов: сладкий сон окутывает весь дом, и от сознания своего неприкаянного одиночества ему становится ещё хуже.

На улице он усаживается на какой-нибудь завалявшийся чурбачок, смотрит с волнением на начинающую розоветь узкую полоску над морем, и всё курит одну за другой помятые папиросы. Их прогорклый привкус опять становится комом в горле, и он не в силах избавиться от приторного дурмана, который неприятно мутит, неотступно напоминая о чём-то близком и уже, казалось бы, виденном когда-то. Это память поднимает на крыльях свои успевшие потускнеть и слиться в единый поток дни, и, выпивая их маленькими торопливыми глотками, невозможно не ощутить, как твёрдая решимость заполняет собой мятущиеся мысли, и тоска постепенно уходит.

Тоска покидает сердце с ночной тишиной, но вместе с ней оставляет его и покой. Покой земли, который бывает в радость после долгого отсутствия на ней. Земля должна быть домом людей, куда им суждено время от времени возвращаться.

Любой человек должен выбирать свою судьбу сам… Но почему-то один становится моряком, не взирая ни на какие тяготы не изменяет своему выбору, а другой, не мысливший жизни без моря, даже не пытается противостоять душевной лени. Ощущение первозданной свободы предполагает возможность отклониться от уже проложенного маршрута, и призывает проложить свой… Это, наверное, и отличает моряка от людей, не стремящихся заглянуть за горизонт.

Люди, отправляющиеся в морскую дорогу, несут в себе большие задатки к справедливости, чем те, кто остаётся, потому что не ищут выгоды,

а хотят обрести смысл. Тайну человеческого существования, предполагающую реальные условия более достойной жизни на земле. Может быть, именно поэтому те, кто смотрит в море, соединяются у его берегов, обретая друг друга и образуя этот неподдельный мир любви и истинного братства.

«ВЕЛИКАЯ ЧАША ЖИЗНИ»

И вот уже всё дальше на юг спускались мы по наезженной морской дороге, и была она удивительно спокойна, и покой этот был радостен, как только бывает радостна неожиданно подступившая тишина после стольких дней безудержного шума волн и бесприютного воя ветра. Дорога каждодневно открывалась необъятным пространством, притягивала к себе, и не хотелось больше никуда идти, кроме как в её распахнутые объятия. Она как-то завораживающе действовала, наполняя всё тело умиротворённостью, а вокруг простиралось море – иногда сумрачное, холодное, но по-прежнему, такое же, покойное, чуточку сосредоточенное в себе.

Пролив Лаперуза ещё был наглухо забит льдом, и нам приходилось огибать остров Хоккайдо по Сангарскому проливу, чтобы, слившись с водами тёплого Цусимского течения, уже без задержек идти на север. В проливе Лаперуза, где летом вода достаточно тёплая, зимой часто создаются тяжёлые ледовые условия. Дело в том, что охотоморские льды, приносимые сюда Восточно-Сахалинским течением, не находят выхода в Тихий океан и спаиваются, часто образуя мощные ледовые поля, когда же льды отсутствуют – по проливу устремляется на восток ответвление тёплого течения Куросио – Соя, тем не менее, постепенно растворяясь затем в холодных водах Охотского моря.

Пролив Лаперуза, связывающий Японское море с южной частью Охотского, расположен между островом Сахалин на севере и островом Хоккайдо на юге, и наиболее удачно предстаёт взору с мыса Крильон – самой южной точки острова. Именно отсюда пролив открывается в полной мере, как Край Света, откуда начинается нечто неизведанное, неизъяснимо притягивающее. Название пятидесятимильного пролива всегда воспринималось мною как единственно верное, почему-то и не предполагающее иного, а нахождение на его берегу представлялось наиболее удачной возможностью наблюдать, как прямо перед тобой сливаются два моря.

Кажется не случайным, что в таком просторном проливе находится единственно опасная для мореплавания скала – Камень Опасности. Расположенная в девяти милях к югу от мыса Крильон, скала возвышается над водой на десяток метров, длина её – 150 метров, ширина – около пятидесяти, и она совершенно лишена растительности. Моёвки с крачками так «выбелили» её вершину, что в солнечные дни она отливает снежной белизной, и благодаря этому заметна уже издали.

Склоны скалы круты и выглядят для мореходов угрожающе. Зато для птиц и животных это удобное место, где можно передохнуть, набравшись сил. Камень Опасности – маленький островок жизни в океане воды, к которому стремится всякий, кому нужно перевести дух и оглядеться, и сплошное море было бы для многих, наверное, непреодолимо. Его давно

облюбовали для себя тюлени и сивучи, рёв которых иногда, бывает, слышен на большом расстоянии.

Район скалы Камень Опасности чрезвычайно опасен в навигационном отношении. Здесь неоднократно отмечались случаи аварий и гибели судов. Несколько затонувших судов находится в непосредственной близости от скалы, а обходить Камень Опасности следует на расстоянии не менее двух миль.

Проходя мимо и глядя на одинокую каменную скалу, посещает вдруг мысль, что в ней заключена не малая сила. Скрытая самим морским пространством, но непреклонная, призванная, скорее, не устрашать, а быть примером несгибаемой стойкости перед бушующей стихией, самой жизнью, скала безотчётно притягивает. Свидетельница былых событий и эпох, она накопила в себе глыбы свидетельств, которыми, между тем, не обременена. Многому, наверное, можно научиться у одинокого морского камня, попробовав однажды самому стать непреклонной скалой.

Следуя этой необычной морской дорогой, стал я подумывать о земле, забывая на время о море. Волны, упругими струями расступаясь вдоль бортов, мерно взбулькивали, даже постанывали от натуги, так что было похоже, будто кто-то с неожиданной переменой настроения удивлённо восклицает, жалуется или плачет. А то вдруг чей-то голос окликал тебя, то справа, то спереди, и только тогда постигал ты собственную усталость, с некоторым даже безразличием разглядывая край необжитый и дикий, что изредка виднелся за бортом. Земля эта казалась всеми забытой, и от того ещё более хотелось попасть на свою, родную, не такую пустынную и голую.

Мы шли домой, и сотни миль нелёгкого пути вставали за нами в бурлящем кильватере. Сон в эти дни был короток, некрепок, и, просыпаясь мгновенно, я чувствовал в теле необычайную свежесть. Как будто и не было сна: всё так же веяло в раскрытый иллюминатор весной, светило ослепительное солнце, пластиковые переборки разгорячено и до привычного уютно подрагивали от работы двигателя, вспенённая вода ласково шипела за бортом.

Как весело было все эти дни после полудня на полубаке, как были оживлены матросы, как на загляденье сноровисто и красиво работали они, приводя утомившееся судно в порядок. Чинили и связывали вытащенные из трюмов сети, привязывали недостающие к ним поплавки из пенопласта, шпаклевали и красили палубные надстройки, а механики беспрестанно копались в машине, лишь изредка выбираясь наверх, где ярко светило солнце, пронзительная синева слепила глаза, а от гомона чаек над палубой можно было оглохнуть.

Вольные чайки, обрекающие себя на постоянное парение вдали от берегов, совершенно непугливы и большой осмотрительностью не отличаются – они настырны. Реют в метре над палубой, в непреклонном желании добиваясь своего неотъемлемого права на обладание отбросами с

камбуза. Чайки здесь полновластные хозяева, и трудно этому что-либо противопоставить.

Надо просто принять их, как неотъемлемую часть окружающего. Для этого, наверное, достаточно одного плавания, и плохо, что его действительно порой хватает, чтобы уже никак не воспринимать оглушительного чаячьего крика. А может быть равнодушное невнимание к морским птицам лишь внешне, и каждый моряк, в глубине души, радуется или клянёт их надоедливое кружение.

Интересно, как чайки относятся к тому, что человек вторгается в их владения? С неугомонным криком вьются они вокруг, оказывая нам самый недоброжелательный приём. Может быть, чайки требуют, чтобы мы убрались из их владений, и, кажется, приходят в отчаяние от бесполезности своих непрекращающихся угроз.

Кроме пользы им нечего ожидать от судов. К любопытствующим существам их не отнесёшь. Чайки знают, что делают. Главная их черта – непреклонность.

Море немыслимо без взмахов над ним белых чаячьих крыльев. Устремляясь к объекту охоты, чайки безмерно возбуждаются, и непонятно – стараются ли птицы во что бы то ни стало перекричать друг друга, или они охвачены единым негодующим порывом. Соприкасаясь крыльями, чайки суетливо перемещаются в волнообразных потоках воздуха, и можно с замиранием духа видеть, как, неожиданно срываясь с вершины своего полёта, они в головокружительном падении входят в штопор, у самой поверхности выхватывают серебрящуюся рыбёшку, и тотчас взмывают в небесную глубину, лёгкие, как тени.

Каждая из птиц представляет собой совершенный летательный аппарат, который по-своему взаимодействует с ветром, неустрашимо вверяя себя его воле. Небесная лазурь, щедро напоённая встающим из-за моря солнцем, по праву принадлежит чайкам.

Задрав голову и вглядываясь в хаотическое переплетение клювов, лап и крыльев, можно легко оказаться загипнотизированным этим безостановочным кружением. Нередко оно вызывает в людях раздражение, и однажды мне пришла мысль, что если бы морские птицы пребывали в своём воздушном балете в полном молчании, то, несомненно, картина выглядела бы более чем зловеще.

В споре за свою долю добычи, чайки становятся злыми и драчливыми. Неистовство одних птиц незамедлительно передаётся другим, и, преодолев нерешительность, изогнув шею и вытянув вперёд клюв, они маленькими молниями низвергаются к воде, видимо, на какое-то время, забывая о вселившихся в них, по древней легенде, душах погибших моряков.

Когда на небе вспыхивают звёзды, недосягаемыми золотыми птицами взмывая под чёрный небесный купол, чайки успокаиваются. Сгущающаяся темнота неудержимо увлекает их в свои сонливые тенёта, и чайки затихают, как пробки покачиваясь между лениво вздымающихся волн. Высвеченные

светом судовых прожекторов, чайки, молниеносно перекувыркнувшись, оставляют на воде пенящиеся шлейфы, и через мгновение предстают на поверхности в сверкающем одеянии, чуть растерянные, опутанные мельчайшей сеточкой воздушных разноцветных пузырьков…

Открытие для себя мира морских птиц всегда незабываемо. Соприкасаясь с ним непосредственно, невозможно не ощущать рядом взмахи их сильных белоснежных крыльев, поддерживающих в моряках веру в возможность возвращения к когда-то утраченной ими стихии, в конце концов, к самим себе. Витая бесчисленными стаями, чайки, как бы исподволь, овевают головы моряков проникновенной прохладой, вдыхая в них первозданную свежесть, способную противостоять любой усталости.

Своим неподражаемым существованием птицы воплощают естественное слияние двух отражённых, друг в друге, великих пространств. Без их свободно парящего полёта, томительных взлётов и падений, неумолкаемого гомона роскошных базаров и даже без надоедливого плача – море бы, несомненно, утеряло часть своего очарования. А кому нужно молчаливое, наполовину мёртвое море, однажды оторвавшееся от небесной синевы и замкнувшееся в себе?

Очень многого не знал я ещё в этой жизни, и в том числе – такого неподражаемого явления, как морские птицы. Порой чайки витали над судном тысячами, не меньше, и все они самым бестолковым образом галдели, так что шум от них гудел в ушах, вернее, душераздирающий вопль - бесподобный по мощи и наглой отрешённости от всего прочего мира, до которого им, видимо, не было никакого дела.

Это многоголосое скопище морских пернатых то создавалось прямо на глазах, то так же мгновенно и с лёгкостью распадалось. Воздушное существование птиц предполагало их неподражаемый ритуальный танец, требующий полной самоотдачи, изящества движений, и мне почему-то однажды подумалось, что он для моря не случаен.

Неустанное птичье кружение открывало миру своих доподлинных артистов, представляющих неповторимый классический театр, который, кажется, не имел себе в природе равных. Беспримерно покоряя собой самое бурное воображение, он желал такого же искреннего выражения своих возможностей. Что, если бы многомиллионные жители этой поднебесной страны вдруг были изолированы от живых существ, кому предназначались бы тогда головокружительные танцы, вскрики и касания крыльями?!

Подобно человеку, обречённому на одиночество, чайки бы в этом случае, пожалуй, тоже отрешённо замкнулись… Хотя их отрешённость от существующего мира, наверное бы, оказалась лишь видимой. Ведь жизнь просто перехлёстывала в птицах через край от радостного ощущения полёта, и даже если бы этот полёт не был никому видим, они не перестали бы безудержно взмывать и падать, взмывать и падать, будто выискивая в морском пространстве что-то утерянное ими, и так недостающее. Возбуждённое восхищение птиц, как бы там ни было, незамедлительно

передавалось людям, и те, как один, задрав головы, замирали, позабыв о времени.

Привлекая к себе внимание и вынуждая людей вглядываться в бескрайне синеющее пространство, птицы, наверное, становятся безмерно счастливы от того, что люди рано или поздно перестают воспринимать их крик как нечто несуразное, раз и навсегда отторгнутое от земли, и что своим неугомонным присутствием они ещё более полнят радостью великую чашу жизни, незаметно очаровывая своим безудержным кружением и человека.

Скоро для моряков должен был настать праздник жизни, а между тем он уже совершался в их душах. Приятно было сознавать, что через пару дней судно придёт в родной порт. Долгие месяцы работы выковали и оставили в нас всё самое необходимое для жизни. Лично я возвращался совсем другим: более сильным, уверенным и чистым. Омытый пеной и солёной водой, продутый ветрами и холодом, выдюживший тяжёлый труд, я чувствовал себя прекрасно, и мне поскорей хотелось ступить на берег. Как он примет меня? Не укачает ли?!

По ночам за бортом проплывали разноцветные огни маленьких японских городов. Притягивающее тепло их вздрагивающего время от времени света будоражило разгорячённое воображение. В размытой от этого волшебного свечения ночной темноте они казались ещё более желанными, хотя и чужими.

Зазывно подмигивая, охваченные еле доносящимся шумом неведомой нам жизни, огни всё-таки настораживали, и почему-то не прельщали. Отражаясь на колеблющейся поверхности воды густыми и сочными мазками, огни рождали в душе, скорее, неясное ощущение лёгкой печали, предшествующее, наверное, скорому возвращению домой.

Что же впервые привело человека в зыбучее царство ветра и волн? Наверное, вовсе не отчаянная отвага вынудила его вступить в спор с морем. Чарльз Дарвин, вернувшись из кругосветного путешествия на «Бигле», которое обернулось для него четырьмя годами морской болезни, заметил: «Лишь крайняя необходимость может вынудить человека выйти в море».

А человека погнал в море … голод. Испытывая ужас перед ревущим океаном, человек всё же вынужден был выйти к морю, обыскивая пляжи в поисках моллюсков. Гигантские груды раковин, найденные на европейских побережьях во время раскопок, указывают на то, что образ жизни и способ добывания пищи связывали палеолитического собирателя именно с морем. Это было более надёжно и не столь утомительно, чем охота на пугливую дичь.

Следующим шагом был переход от собирания выброшенных на пляж морских животных к ловле их в воде. В этот час родился морской рыболовный промысел. Предок моряка – не старый строитель ковчега Ной, а ещё более древний безвестный рыбак. Родословная моряка начинается, таким

образом, от рыбака, и только затем в ней появляются торговец и морской грабитель. Как это ни странно сейчас звучит – именно тюрьма на заре мореплавания стала поставщиком моряков.

Те, кто отправлялись на свой страх и риск в море, по большей части не знали – что их там ждёт. В отношении моря удачно подходит старинная поговорка, что «отсутствие вестей – уже добрые вести», ибо дурные всегда приходят достаточно быстро и неожиданно. Так и море: только что стояла тихая ласковая погода, на воде – полный штиль, и вот уже во все лопатки свирепствует жестокий ураган.

Море, как и человек, повидало многое в отношениях с людьми, пытавшимися его покорить, но единственное, что ему, наверное, запомнилось по-настоящему – это напряжение, которое человек затратил на своё постижение морской стихии. Сколько жертв было положено на этом пути!

Древняя легенда утверждает, что море стало солёным от слёз, пролитых людьми именно за время его освоения. Но почему на самом деле океан солёный? Эта истина, без преувеличения, наиболее загадочное явление природы, хотя большинство людей воспринимает его как заурядный факт.

Вообще-то, океанская вода представляет собой раствор многих химических элементов, большинство из которых составляют таблицу Менделеева. Но учёные убеждены: в ней содержатся все элементы этой таблицы, дело стоит только за методами их распознавания. Если найти способ и осадить содержащиеся в Мировом океане соли, то его дно покроет соляной пласт толщиной 57 метров.

Первые толкования происхождения солей в океане уходят вглубь веков. Аристотель объяснял это явление природы тем, что солнце извлекает со дна океана множество веществ и паров, которые смешиваются между собой и поднимаются к поверхности воды. Там солнце их, как он считал, варит и сжигает, и в результате образуется соль. Ученик и последователь Аристотеля Теофраст полагал, что на дне находятся соляные горы, растворяемые водой. Авторитетный гидрограф эпохи Возрождения Фурнье усомнился в этом, ибо надо слишком много гор, чтобы просолить такое огромное количество океанской воды. К тому же горы эти, не без оснований полагал учёный, в конце концов, растворятся.

Известна ходячая шутка: «Морская вода солёная потому, что в ней селёдки плавают». А действительно, почему в морях и океанах вода солёная, а в реках и озёрах пресная? Это следовало объяснить.

Знания накапливались, развивалась наука о Земле, и постепенно стало ясно, что засоление океана – результат длительных геологических процессов. Первоначально возникла идея, что в момент образования Мировой океан был пресным, а соли в него приносили реки, размывая и растворяя на своём пути различные горные породы. И верно, хотя из-за невысокой концентрации солей речные воды на вкус и пресные, но в общем объёме они ежегодно

выносят в океан многие сотни миллионов тонн растворённых веществ, и это лишь за год, тогда как возраст океана исчисляется миллиардами лет.

Однако преобладающее количество растворённых веществ, приносимых реками в океан, выпадает в осадок, и лишь небольшая их часть должна скапливаться в воде, увеличивая её солёность, что не изменяет сколько-нибудь заметно природы и соотношения солей в океане. К тому же химический состав речных и океанских вод резко различен. Судя по ископаемым организмам и древним пластам горных пород, химический состав Мирового океана, по крайней мере, с начала палеозоя, почти не отличается от нынешнего. Таким образом, идея о засолении океана реками оказалась несостоятельной.

Бытовала среди учёных и такая теория, что происхождение солей связано … с жизнедеятельностью морских организмов. Первоначально морские и речные воды были, по их утверждению, одинаковы, однако со временем организмы для построения своего известкового скелета/раковин, костей/ всё больше и больше извлекали из воды углекислых солей, а хлориды в ней оставались. За миллиарды лет вполне могло накопиться столько хлоридов/солей/, сколько мы наблюдаем сейчас.

Но ближе всего к истине оказалась обыкновенная скандинавская сказка, повествующая о том, что на дне моря работает солемолка, и оттого море – солёное. «Солемолкой», на деле, оказались глубокие расщелины в срединно-океанических хребтах – так называемые рифтовые долины. Это - «живые раны» Земли, и чтобы «залечить» эти раны, словом - «поставить заплатки», из недр поднимается магма, а вместе с ней – насыщенная солями вода, что и стала «прародительницей» воды океанов.

В дальнейшем изучение водных растворов современных вулканических извержений показало, что в них находятся основные химические элементы, свойственные океанской воде, и это заставило учёных обратить внимание на вулканизм как на основную причину засоления Мирового океана. Оказалось, что древние и современные вулканы занимают многие районы дна океана, и их там несравнимо больше, чем на суше. В Тихом океане есть потухшие вулканы-острова с кратерами, заполненными водой из недр Земли, химический состав которой идентичен солевому составу океанской воды.

Из сказанного следует, что на начальном этапе формирования лика Земли первые океанические впадины заполнялись не за счёт конденсации влаги из атмосферы при остывании нашей планеты, а сразу же при образовании дна океанов водой, которая вытеснялась на поверхность из недр Земли за счёт вулканической деятельности. Кстати, молекулы воды входят в состав многих минералов. Сейчас уже почти ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что если не единственным, то, во всяком случае, главным создателем Мирового океана был взрывной и лавовый вулканизм. В его сложном процессе и накапливалась первородная солёная вода – колыбель земной жизни. Океан, рождённый в огне и пламени вулканов, уже был солёным.

Конечно, нельзя исключать и такой источник солей в океане, как эрозия коренных пород земной коры. Некоторые из солей попали в морскую воду, несомненно, из коренных и осадочных пород ложа океана. Но всё-таки вулканические соли оставались основными в насыщении ими океана.

Впрочем, значительная часть попавшей в океан соли возвращается на сушу. Когда ветер срывает гребни волн, вместе с брызгами в атмосферу попадают частички соли, которые могут непосредственно переноситься на сушу, а могут попадать туда вместе с дождём, для которого они послужили ядрами конденсации. Кроме того, соль возвращается на сушу вместе с осадочными породами, поднимающимися в течение геологических эпох со дна океана.

Солёный морской воздух, его дурманящее благоухание, будто очищает, сбрасывает с тебя невидимое бремя и позволяет по-новому взглянуть на всё окружающее и на свою жизнь. Ты начинаешь жить по-другому, более вдумчиво и чисто, и всё это благодаря очищающему присутствию моря. При этом дальневосточным морям присущ более резкий дух, нежели, скажем, Чёрному морю, исключительно из-за обилия водорослей и большего содержания солей.

Все мы – обитатели суши, несём в себе нерасторжимую связь с морем: наша кровь и жизненные соки других животных не что иное, как некое подобие морской воды. Одним из совершенно очевидных свидетельств того, что мы вышли из моря, является количество воды и соли, содержащихся в нашем теле. Оно на 63%, а наша кровь даже на 92%, состоит из воды, этого наследства древнего моря.

Жизненную необходимость соли, находящейся в тканевых соках, доказывает удивительная устойчивость гемоглобина, составляющего белковую часть нашей крови. Он не разрушается только потому, что содержит почти 1% соли.

Находящееся в нас пятикилограммовое пурпурное море с его 22 миллиардами красных кровяных шариков и 30 граммами соли, так же как и морская вода, постоянно находится в ритмичном движении и течении. Если в море под действием Солнца, Луны, испарения и ветра возникают прибой, приливы и отливы, то в нас – это удары пульса, вызванные сердцем, которое ежедневно перекачивает через тело человека почти 10000 литров, а за год – 3500000 литров крови. Но, конечно, наше «внутреннее море» не может полностью заменить нам океан – колыбель всего живого, и ежедневно мы вынуждены вносить в тело некоторый минимум воды и соли, которые, опять же, дарит нам присутствие океана.

Солью питается и «запас» пота и слёз, хранящийся в теле. Кроме того, соль регулирует поток жидкости внутри наших кровеносных и лимфатических сосудов, а полностью обессоленное питание приводит к уремии, опаснейшему задержанию мочи при нарушении функций почек. Вода же выполняет в организме не только функции средства транспортировки и растворителя, без неё не может обойтись и

поддерживающая жизнь «химическая фабрика» нашего организма. Наш организм выделяет ежедневно, не говоря уже о моче и поте, около 1 литра слюны, от 1 до 2 литров желудочного сока, от 0,5 до 1 литра желчи и 0,75 литра сока поджелудочной железы. Таким образом, море совершает свой круговорот и в каждом жителе суши, невозможном без присутствия соли.

А какова солёность воды в океане? В открытых водах содержание солей обычно колеблется от 33 до 38 промиллей, означающих, что в литре морской воды растворено 33-38 грамм соли. К примеру, максимальная солёность Охотского и Японского моря – 35 промиллей, что соответствует солёности стакана воды, в котором размешана чайная ложка соли. По этой причине на берегах дальневосточных морей не встретишь купающихся, вообще не заведены пляжи, по крайней мере – они очень редки, поскольку стоит хлебнуть хотя бы глоток такого крепкого охотоморского рассола, как молниеносно срабатывает рвотный рефлекс. Исключение составляют пловцы с аквалангом или дыхательной трубкой, сжимающие во рту резиновый мундштук, выполняющий защитную функцию.

Крепость морского засола научились использовать и в русском мореходстве. В прошлом веке многие владельцы деревянных судов на Волге старались получить в первый рейс на новые, только что спущенные на воду суда полный груз соли, отказываясь подчас от более высоко оплачиваемых грузов. Такая уступчивость вызывалась чисто меркантильными соображениями: судно за время длительного плавания против течения, в основном - на бурлацкой тяге, настолько пропитывалось солью, что уже практически не подвергалось гниению и служило вдвое дольше.

Высокий процент соли делает морскую воду полностью непригодной для питья, но употребляемая в малых количествах, она полезна, даже живительна и целебна. Старые морские волки знали это и в долгом плавании разбавляли своё питьё на одну треть морской водой. Но положительное воздействие солёной воды оборачивалось своей противоположностью, если тот, кто испытывал жажду, выпивал «морского вина» большую дозу.

Ален Бомбар, переплыв в одиночку Атлантику, доказал, что морскую воду пить не опасно, если пить её умеренно и вовремя, не дожидаясь полного истощения и обезвоживания организма. Тур Хейердал и его спутники, пересекая на плоту Тихий океан, тоже утоляли жажду морской водой, но делали это с умом. Добавляя к норме пресной воды от 20 до 40 процентов морской, они с удивлением заметили, что такая солоноватая смесь хорошо утоляет жажду. Привкус морской воды долго оставался во рту, но никакого недомогания они не испытывали, и это позволило отважным путешественникам значительно увеличить суточную порцию воды.

Тур Хейердал ещё рекомендовал употреблять вполне пригодную для питья воду, получая её из сырой свежей рыбы, если пожевать её, проколоть или просто выдавить из неё лимфатическую жидкость. Ален Бомбар на своём «Еретике» использовал для этого соковыжималку и пил рыбий сок сколько влезет.

В полной мере вкусив солёной морской водицы в первом в жизни рейсе, я всё же осуществил свою мечту. За это время изменилось моё отношение к жизни, а мучительные поиски её смысла приучили к мысли, что нет ничего более достойного и интересного, чем добиваться правды, максимально приближаясь к пониманию сути и моря, и ветра, и скалистых утёсов, грозно поднимающихся из тумана, и людей, навсегда связавших свою жизнь с неукротимой стихией… Первое морское путешествие определило всю мою дальнейшую жизнь как полёт, означающий для любой птицы несгибаемость, а для человека – любовь и веру, желание добиваться справедливости и постижение своей природы, умение, несмотря ни на что, отыскать единственно верную и общую для всех истину.

Благодаря морю, Тихому океану, я открыл совершенно иную жизнь, более высокие горизонты, которые, наверное, и позволили позднее проникнуться мудростью Вселенной. Море, как ни странно, помогло мне в дальнейшем правдиво написать о земле… /Пауза/

Всё чаще обращали мы взоры к морю, всегда такому переменчивому, но непривычно спокойному сейчас, в надежде увидеть долгожданный берег. Раскинувшаяся впереди даль синевы ежедневно растворяла эти взоры в себе, до непостижимости радостно звенела музыкой высокого бездонного неба, криком белоснежных чаек, изломанным знаком застывших в воздухе, пронзала солёными брызгами и необъятным простором окружающей глубины, от близости которой захватывало дух и приятно холодило сердце. Взгляд каждого из моряков, изо дня в день погружаясь в эту неисчерпаемую глубинную синь, по давнему поверью, невольно приобретал её неизбывный во все времена оттенок.

Хочется, чтобы люди поверили в это доброе предание или сами отправились в дальнюю морскую дорогу, поскольку убедиться в истинности происходящего на свете им поможет лишь собственный опыт. Восхищённое удивление овладевает тобой, когда плывёшь по этой синей стране и день, и другой, а ей всё нет конца и края. Ничто не заслоняет твой взор. Всё, что ты можешь охватить взглядом в течение дня, - великий морской простор, напоённый воздухом необъятной воли. И даже существующий горизонт – не предел. То, что лежит за ним, есть мир синевы, простирающейся бесконечно. Мир этот не оставляет тебя безразличным, он безотчётно притягивает своей тайной.

Бесконечна и потрясающе прекрасна тайна моря… Взять хотя бы такие одноклеточные жгутиковые организмы как ночесветки, достигающие в диаметре всего лишь два миллиметра, а на один литр воды их приходится несколько десятков тысяч! В подавляющем большинстве случаев свечение Охотского и Японского моря вызвано именно ими…

Правда, для этого надо вынудить ночесветок светиться, так как светятся они только после раздражения. Таким раздражителем может быть движение воды под воздействием ветра или прошедшего судна, оставившего

после себя колышущуюся кильватерную струю, а возможно рядом проплывёт семейство китов. Особой силы достигает свечение моря при подводных землетрясениях, когда отдельные вспышки могут быть приняты за лучи прожектора. Такой силой обладают почти невидимые существа, которых можно считать наиболее древними предками животных.

На деле же крохотные ночесветки подобным образом лишь защищаются в моменты опасности, когда ночью и в сумерки поднимаются к поверхности для кормёжки, но от зеленовато-голубого свечения моря невозможно оторвать глаз! Винты ли судна взбудоражат вихри воды, испускающие целые каскады света, или играющие перед носом судна дельфины, окутанные искрящимися брызгами, привлекут к себе ваше внимание, вы будете поражены открывшимся зрелищем, описанным многими путешественниками. Гребешки волн светятся чудесными огоньками в черноте хмурой дальневосточной ночи, а ты воображаешь себе тропические моря и сказочные страны.

Существует интересное предположение, что Христофор Колумб принял мерцание подобных ночесветкам планктонных рачков за световые сигналы, подаваемые с неведомой земли. Он описал эти сигналы как свет свечи, которая, то поднималась, то опускалась. Колумб видел таинственные вспышки примерно в 22 часа 12 октября 1492 года. Историки, исследовавшие судовые документы «Санта-Марии», приходят к выводу, что во время наблюдения световых сигналов корабль Колумба находился в 80-85 милях от острова Ватлинг и, следовательно, нельзя было видеть на таком расстоянии никакого пламени.

В то же время естествоиспытатели заметили, что в этих местах в последнюю четверть Луны регулярно к поверхности моря поднимаются светящиеся рачки. 12 октября 1492 года также приходится на последнюю четверть Луны. Вероятно, внимание Колумба и было привлечено свечением планктонных организмов.

То, что подобные вспышки достаточно интенсивны и могут быть видны на значительном расстоянии, убеждает следующий пример. Всего шесть миниатюрных рачков-эуфаузиид, помещённых в стеклянную банку, излучают такое количество света, что человек с хорошим зрением свободно читает газету. Во время второй мировой войны японских офицеров снабжали порошками люциферина, извлечённого из светящихся ракообразных. Намоченный и растёртый на ладони порошок давал достаточно света, чтобы читать донесения в обстановке, в которой использовать электрические фонари было опасно.

А иногда на море, особенно – во время надвигающейся грозы, появляются блуждающие огни… Через три года после описываемых событий, в июле 1983 года, я участвовал в экспедиции от Сахалинского управления гидрометеослужбы по Курильским островам и, совершая переход с острова Шикотан на остров Парамушир, наше судно оказалось в эпицентре сильной грозы. Мы шли мимо острова Симушир, на траверзе вулкана Прево,

было около шести часов вечера, когда небо, и без того насупленное, хмурое, вдруг покрылось чёрно-фиолетовыми облаками. Через полчаса я увидел, как контуры мачт, ванты и надстройки как-то необычно ярко очертились, а ещё через несколько минут на выступающих наверху частях судна появилось свечение, постепенно превратившееся в голубовато-искрящуюся бахрому. Вскоре синенькие огоньки побежали по всему фальшборту, но особых звуков и запахов при этом не было замечено. Те, кто наблюдал за происходящим, ощущали себя как зачарованные, и тоже не произносили ни звука. Всё это длилось чуть более полутора часов.

Позже выяснилось, что подобного рода явление связано с атмосферным электричеством, оно было известно ещё в древности и носило название «огни святого Эльма». В эпоху средневековья в одном из небольших городков Италии стояла церковь, носящая имя ничем не примечательного святого – Эльма. Однако храм пользовался известностью далеко за пределами страны. Служители культа утверждали, что их церковь особенно угодна Богу: здесь, якобы, Всевышний преподносил свои «знамения». Время от времени крест на остроконечном шпиле начинал светиться и пылать голубоватым огнём. Церковь привлекала толпы верующих.

Чаще всего «огни Эльма» видели на кораблях. В эпоху парусного флота это зрелище вызывало суеверный трепет. Об этом писали Гомер и Гораций. В те времена люди также принимали эти огни как счастливое предзнаменование и обожествляли их, назвав именами Кастора и Поллукса – полубогов, покровительствующих морякам.

Позднее среди моряков распространилось поверье, что святой Эльм своими огнями выражает мореплавателям расположение. Если «чудесные» огни загораются на мачтах – значит, рейс окончится благополучно.

Сохранилось предание о том, что флотилия Христофора Колумба на пути в Америку была застигнута в океане жестоким штормом: «Казалось, что буря никогда не утихнет. Измученные тяжёлой работой, напуганные сверкающими молниями и свирепым океаном, матросы начали роптать. Во всём винили Колумба, затеявшего это опасное плавание. И тогда великий мореплаватель приказал всем подняться на палубу и посмотреть на мачты. На их верхушках находились голубоватые огоньки. Матросы обрадовались, посчитав рассыпавшиеся на мачтах огни вестником милости к ним святого Эльма». На самом деле весь секрет «огней Эльма» заключался в облаках, представляющих собой массу заряженных частиц, которые обычно несут отрицательный заряд. В ненастье облака могут очень низко опускаться и своей нижней частью касаться земных предметов: шпилей церквей, башен, деревьев, корабельных мачт и надстроек. Капли воды с отрицательным зарядом встречаются с этими заряженными положительно предметами, и возникают нескончаемые разряды, своего рода микромолнии. Они-то и заставляют светиться шпили и мачты, но от знания причины этого необычного явления оно, помнится, не утратило для нас своей завораживающей тайны.

С морем связано много такого, чего бы никогда не приключилось на суше. Например, в середине 60-х годов прошлого столетия американский подводный аппарат «Алюминаут» обнаружил на дне Атлантического океана, на глубине 2000 футов, под Гольфстримом неподалёку от побережья Флориды кладбище дюгоней, огромных морских млекопитающих. Весят они около 1000 фунтов. Их миловидные морды и женоподобная грудь в течение многих веков поддерживали в моряках веру в существование русалок. Кости валялись буквально по всему дну, они были выловлены и подвергнуты научному исследованию, после чего был установлен их возраст – 25 миллионов лет. Каким образом оказались останки десятков, а может быть и сотен животных на сравнительно небольшом участке дна?

Или вот ещё такой необъяснимый случай… В 1849 году английский парусник «Минерва» покинул один из портов Бермудских островов и направился с грузом в Африку и на Дальний Восток. Долгое время о судне не было никаких известий, и владельцы «Минервы» решили, что экипаж и судно погибли. Но вот несколько лет спустя в одно прекрасное утро жители порта, из которого «Минерва» уходила в плавание, увидели, что «Минерва» вернулась. Посланные на шлюпах моряки не обнаружили на корабле ни одной души. Заглянули в каюту капитана, и нашли там его дневник. Последняя запись была сделана 14 месяцев тому назад. А «Минерва» сама вернулась в родной порт благодаря случайным ветрам и течениям, преодолев при этом без людей расстояние в несколько тысяч миль. Загадка исчезновения экипажа не разгадана до сих пор.

В истории освоения моря нередко встречаются и просто забавные казусы. Так, вторым человеком, совершившим после Магеллана кругосветное плавание, оказался … английский пират Фрэнсис Дрейк, который с небольшой эскадрой прошёл Магелланов пролив и ограбил испанские города по побережью Чили и Перу, где испанцами были приготовлены большие запасы золота и серебра для отправки в Европу. Затем Дрейк пересёк Тихий океан, побывал на Молуккских островах и, обогнув мыс Доброй Надежды, вернулся в 1580 году с огромной добычей в Англию. Тщётно испанский посол в Лондоне требовал от английской королевы Елизаветы возмещений за учинённый Дрейком грабёж. Королева лично посетила прибывший в Плимут корабль, возвела Дрейка в рыцари и назначила его своим адмиралом. Одним из самых крупных бриллиантов, подаренных ей пиратом из числа награбленных им сокровищ, Елизавета украсила свою корону.

Во времена парусного флота одним из простейших и относительно дешёвых способов наблюдений над течениями являлась так называемая бутылочная почта. Первоначально, до изобретения радио, закупоренные бутылки с записками внутри употреблялись и для передачи сведений о кораблекрушениях. Пути, пройденные некоторыми из этих бутылок – ещё одна тайна моря…

В своё время популярность «морских бутылок» была очень велика и ими заинтересовалась даже английская королева Елизавета, учредившая в 1560 году при своём дворе должность «королевского откупорщика океанских бутылок». Первым «откупорщиком бутылок» был назначен некий лорд Томас Тонфилд. За год службы ему доставили 52 закупоренные бутылки с записками. Согласно королевскому указу, любого, кто осмелится разбить найденную в море или на берегу запечатанную бутылку, ожидала казнь через повешение. Должность «откупорщика бутылок» при королевском дворе сохранялась в Англии до царствования Георга 111, то есть до начала Х1Х века.

Можно рассказать много историй о том, как записки в бутылках помогли выяснить причины гибели кораблей, но самое интересное, что подобный способ передачи информации срабатывал порой с удивительной точностью, причём, через столетия, а иногда бутылочная почта приносила с собой очень ценные открытия! Именно записка в бутылке сообщила о судьбе японского пиратского брига, вышедшего на разбойничий промысел из маленькой гавани на острове Кюсю. Бриг направился на юг к берегам Китая и Филиппин, где осенью часто наблюдаются жестокие штормы. Один из них потопил судно, и «рыцари удачи» вынуждены были вплавь добираться до ближайшего необитаемого островка. Без пищи и воды они не могли долго продержаться на острове и вскоре стали умирать один за другим. Последний оставшийся в живых японец Хунасуке Мацуяма написал записку о том, что произошло с бригом, вложил её в бутылку, засмолил горлышко и бросил в море. Океан с невероятной точностью доставил депешу на берег вблизи деревни Хиратемура, где родился Хунасуке, спустя … 150 лет со дня её отправки!

Прослышав о «надёжности» бутылочной почты, многие предприимчивые люди стали употреблять этот способ для самых различных целей. Так, американский священник из города Сиэтл выбросил в море около 20 тысяч бутылок с проповедями. Пастор получил отклики со всех концов Тихого океана: из Новой Гвинеи, Мексики, Аляски и Гавайских островов.

Одна изобретательная норвежская девушка, поместив в бутылку с соответствующей запиской свою фотографию, нашла себе жениха из команды шхуны, выловившей её.

Ещё более необыкновенна история Александра Росса. В 1952 году, находясь на судне, севшем на мель к северу от Дарвина в Австралии, он бросил в море бутылку с запиской – сигналом бедствия. Спустя три года, в 1955 году, когда он уже вернулся в своё ранчо в Уаверли, в Новой Зеландии, прогуливаясь по пляжу, Александр наткнулся на бутылку с запиской, написанной им самим в 1952 году.

Но самая удивительная находка была обнаружена в Гибралтаре в 1856 году. Моряки четырёхмачтового брига «Грифтен» нашли на пляже обросший ракушками ящик. Когда его вскрыли, там оказался кокосовый орех, залитый смолой. В орехе была записка … самого Христофора Колумба. Он сообщал

королеве Испании о том, что каравелла «Санта-Мария» погибла, а моряки каравеллы «Нинья» отказались ему повиноваться. Ящик с этим сообщением путешествовал по океану 358 лет!

На то оно и море, что дарит порой совершенно неправдоподобные вещи и явления. Гидробиологи, изучавшие морские глубины, однажды задумались над тем, отчего для их опытов попадаются только самки «морского чёрта», а самцы отсутствуют? Этот вопрос долгое время ставил их в тупик, пока они не обнаружили, что вместе с самкой всякий раз вылавливают и самца. Оказывается, самец всегда прикреплён к самке, но у взрослых экземпляров этого уже не видно.

В начале своего жизненного цикла самец находит подругу и сразу же прикрепляется к ней, вонзив зубы в её бок. Так он и плавает вместе с ней всю жизнь, питаясь непосредственно соками своей подруги. Многие из жизненных органов самца «морского чёрта» постепенно прекращают функционировать, и лишь половые железы продолжают созревать. По мере развития самки самец постепенно врастает в её тело и, в конце концов, становится малозаметным бугорком на её боку. Но почему природа выбрала столь зверский способ размножения, и каково терпеть всё это самке, умудряющейся при этом ещё и расти!

Удивляясь и отдавая должное таинственной морской стихии, можно упомянуть и известных всем кашалотов, ещё совсем недавно в обилии обитающих в северо-западной части Тихого океана. Когда-то, в далёком прошлом, кашалота назвали спермацетовым китом за то, что его сперма, якобы, находится в … голове. Стоит, конечно, только посочувствовать невежеству этих наивных людей, давших кашалоту такое название, но ведь и мы, современники, не сумели раскрыть секрет гигантского черепа кашалота и того огромного количества маслянистого, воскообразного вещества, которое наполняет сложные лабиринты каналов, клапанов и тупиков его черепной коробки. Природа сочла нужным наделить кашалота таким грузом живой плоти, достигающей весом десяти-пятнадцати тонн, а для чего – до сих пор непонятно. Очевидно одно: значение спермацета в жизни животного в подобном количестве должно быть чрезвычайно велико!

Сказать, что в море существует постоянная опасность и напряжение всех сил – нельзя. Оно, помимо этого самого напряжения и опасностей, дарит массу самых чудесных переживаний, которых вы никогда не увидите с берега, как бы тщательно не вглядывались в морскую поверхность.

Даже сорвавшийся, невесть откуда, ветер может поразить ваше восприятие своим неожиданным напором и запахом, что он приносит из неведомых земель. Эти неизведанные земли сразу представляются вам недостижимыми, но необыкновенно притягивающими к себе, и, конечно, вы начнёте воображать себе какой-нибудь чудесный берег, порождающий магический ветер. А ветер подхватывает вас на своих невидимых крыльях – и уносит в открытое море, что живёт в добром содружестве с ветром, принимает вас в свои радушные объятия, начиная свою завораживающую

игру, и вы не в силах от неё отказаться. Вам приходится либо бороться с ветром и волной, либо отдаться на их волю, и разве это не прекрасно?! Чувствовать себя слитным с этой первозданной стихией, на которую и с берега порой смотреть становится страшно, великое счастье, и вы летите на белых гребнях, ощущая только радость от единения и с морем, и с ветром, и с этим опьяняющим своей свободой воздухом, что, конечно, не встретить на земле…

А бывало, небо распахнётся над морем, и из этого растворённого пространства будто выступят тебе навстречу очертания неизвестного берега… Сначала покажутся обрывистые светлые скалы, над ними – тучи морских птиц, а у подножия скал – белый песок, весь усыпанный разноцветными камнями… Сквозь золотистую туманную дымку вдруг выкатывается огромное солнце, оно пронизывает радостным светом роящийся над водой воздух, и от этой ослепительной картины остаётся только замереть. Даже не сразу сообразишь – хочется ли тебе ступить на этот неведомый берег, где, наверное, ещё не бывало ни одного человека, и ты на нём можешь оказаться первым. От этой мысли непременно вообразишь, что ты уже - на неведомом берегу… Идёшь вдоль покойно плещущегося моря, и отчего-то не покидает тебя желание изучать всякий, открывающийся кусочек таинственной земли, всматриваясь в каждый камешек, что тоже представляется солнечным, светлым, как и весь воздух, и душу твою переполняет только радость от слияния с возникшим перед тобой диким берегом, именно его ты, кажется, и ждал…

И действительно, работая потом долгие годы в море, на Дальнем Востоке, подобное нередко случалось со мной, от чего всегда сладостно замирало сердце, так что даже не верилось, что всё это происходит на самом деле. В такие минуты и думать забудешь про море, будто не оно привело тебя к этому удивительному берегу, и ты только всматриваешься в прибрежные причудливые камни, выбеленный плавник, увязший в плотном песке, радужные солнечные блики, вспыхивающие в прибойной полосе, у самой воды… Всё кажется: кто-то неведомый, как и этот берег, вот-вот появится перед тобой, произнесёт нечто заповедное, и оно непременно окрылит, охватив сердце необъятной радостью. И ты вдруг сразу поймёшь, что и камни, и птицы, и солнечное море неравнодушны ко всему человеческому, если не быть равнодушным и к ним. И тогда море обнимет тебя и обдаст тёплым дыханием из своего безбрежного пространства, и ты почувствуешь себя весёлым и чистым.

Море никогда не было мне непонятным, даже – когда безумствовало в прибрежных скалах, будто норовя их разрушить. Всегда поначалу представлялось, что сила его скоро иссякнет, оно постепенно выдохнется и осядет, отступит, наконец, от своего бессмысленного натиска на неустрашимый берег, но сила моря никогда не ослабевала. Наоборот, море, кажется, становилось ещё более свирепым, совершенно безудержным, но такое его поведение не вызывало раздражения и не воспринималось

страшным. Море, как раз, было понятным, оно вызывало восхищение, а белоснежные пенные гривы на его волнах напоминали гривы диких лошадей, что рвались и ржали в восторге от происходящего. Это был целый ревущий табун великолепных животных, и я был восхищён и повергнут этой неуправляемой природной энергией!

Время, проведённое в море, было самое лучшее время для моей души, ни зачем иным я в ту пору не гнался. И я очень хорошо помню, как необыкновенно чётко и волнительно возникало в душе появление, а затем – осознание цели: цель производила в ней удивительную перемену, с ней не могло сравниться ничто другое. Как только цель возникала в сознании – начиналось упорное, не отступающее ни перед чем устремление к ней. И это было непередаваемо восхитительная радость, связанная именно с морем!

Никогда меня в море не переполняло ощущение пустоты от его беспредельности, и я с трепетом проникался своей духовной близостью с морем, с бездонностью его смысла. Душе моей не были чужды бескрайние морские просторы, отвечающие её внутренней природе. Всё во мне будто расцветало, когда я обращал к ним уже свои глубинные устремления, с упоением обретая среди морской необъятности Бога.

Море просто создано для того, чтобы по нему можно было совершать путешествия, а погружаясь мысленно в его глубины – воображать загадочных подводных обитателей. В его водах резвятся чудесные дельфины, и ими можно любоваться. Когда море выбрасывает на берег разноцветные медузы – оно словно делится своими богатствами, и ими невозможно не восхищаться, мысленно присваивая их. Морские птицы, разрезая пространство над водной поверхностью, своими стремительными росчерками завораживают взгляд, и хочется устремиться вслед за ними, чтобы заглянуть за горизонт. А волны, что разбиваются о прибрежные камни? Наблюдая за ними – сердце так же волнуется, то поднимаясь, то опускаясь в груди: так море дышит, а ты дышишь вместе с ним, наслаждаясь свежестью лёгкого бриза, впитывая каждую его каплю…

Солнце легко и просто растворяется в море, наполняя его волшебной игрой бликов, что не кружат голову, не веселят, а проникают в самое сердце еле угадываемой музыкой. Она тихонько ублажает, укачивает, и хочется слиться с морской синевой, стать ей на неопределённое время, и тоже сиять, ласково переливаясь всеми оттенками глубокого и синего цвета. Цвет моря, его синь, несомненно, дар Господа, и его следует воспринимать только, как благо, необозримо чудесное состояние…

Синий цвет в природе смягчает яркость окружающего солнечного света, а в морской дали – он копит густоту проникновения во что-то таинственное и, верится, доступное. Купаться в этой синеве лучше всего взглядом, потому что она безмерна, и хочется охватить её хотя бы отчасти. Если небу необыкновенно близка только голубизна, то морю – синева. Море заслуженно перетянуло её на себя…

Морская синь – всеобъемлющая радость. Это состояние души, которую не пугают никакие ограничения. Нет ничего лучше, чем парить в ней.

В синеве, быть может, более, чем в других цветах, уютнее всего жить и мечтать, она, кажется, не может надоесть. Божественная мозаика из бирюзы, лазури и проникновенно густой сини мягко подпирают небесный свод, и так же ненавязчиво небо отражается в морской глубине. Именно синий цвет, ни какой другой, наполняет радостью жизненное пространство, и оттого рядом с морем всегда свободно и легко.

Сколько бы не утопал взглядом в морской синеве, она не перестаёт оставаться всегда новой… Как будто ты ещё совсем недавно вглядывался в неё, но она до сих пор не утомляет. Всё так же манит, обещая вот-вот что-то открыть, очень важное для тебя, но при этом по-прежнему изливает завораживающую бесконечность и покой. Огромное лазоревое крыло какой-то неведомой морской птицы нежно прикасается ко всему живому, в том числе – к тебе, и окрыляет…

Как тут не воспылать страстью к путешествиям, что за свойства своей потаённой души скрывает эта морская даль? Чувствуешь сердцем – неприступна таинственная морская глубина, а всё равно не перестаёшь тянуться к её внутреннему чудесному цвету и свету. Чудится, что даже отношения мужчины с женщиной более всего проникнуты именно синим цветом. Его глубина предполагает и нежность луговых цветов, и трепетную синь женского взгляда… Что-то неуловимое прокрадывается в душу человека через синий цвет, цвет непрекращающейся новизны и восторженной надежды, в нём хочется раствориться и остаться там навсегда.

В море меня, действительно, не покидало ощущение постоянной новизны, когда чуть ли ни каждый день случается нечто необычное, ранее невидимое. Мысль о дальних странствиях давно оставила меня, я уже осуществил задуманное, и путешествия стали моим образом жизни. Море утвердилось в моей душе, как само собой разумеющееся мероприятие, я не мыслил себя без него, и, казалось бы, повидал за этот год порядочно, но, тем не менее, меня всегда ожидало такое, о чём я даже не подозревал.

Хотелось написать обо всём этом с той силой, какую несло с собой и море, и люди, работающие в нём рядом со мной, и удивительная дальневосточная природа. Присутствие моря и путешествий превратило все мои дни в сплошной поток радости, так что постепенно я начинал воспринимать весь поток впечатлений, как обыкновенную действительность. И всё же, переживание новизны не проходило, она не покидала меня, и я окончательно убеждался в том, что жизнь моя и должна была сложиться именно так, а не иначе. Я достиг в себе полноту переживаний, что не могла приесться, и, ощущая в своей душе слитность с неповторимой жизнью, просто забывал обо всём. Для меня существовало только море, мои друзья и работа в нём.

В море мне некому было рассказать о том, что я готовлю себя к большому делу жизни, к занятию литературным трудом, которому, я это чувствовал, мне придётся посвятить все свои силы. Осознание этого уже давно совершенно ясно сложилось в моей душе, и я был уверен, что работа в море явится тем непременным, очень важным делом, что только будет сопутствовать в будущем моему литературному творчеству. Я был просто убеждён в своих душевных устремлениях, хотя не написал ещё ни единого рассказа. Но уже почему-то верил, что у меня есть перо, и, несмотря ни на что, я освою когда-нибудь ремесло писателя. А пока необходимо честно трудиться в выбранном мною морском деле, проникая в тайны этого чудесного мира.

Именно в море ко мне пришло осознание, что можно написать о чём угодно, полностью отражая суть изображаемого предмета, если, пристально вглядываясь в него, забыть обо всём, а думать только о нём: не важно – колышущиеся ли это на ветру листочки липы, тонкие блики солнца на них или живая тень от самого дерева… Сидишь напротив такого дерева, спокойно наблюдаешь и за ветерком, и за игрой красок, и не спеша пытаешься понять – в чём суть происходящих рядом с тобой жизненных явлений, что просты, но, тем не менее, ты не в силах оторвать от них взгляд… Вроде бы, ничего особенного не происходит, но все эти природные проявления не минуют твоего внимания, и тебе отчего-то хочется проникнуть в секрет их неотразимого присутствия повсюду, и ты начинаешь думать только о них. Если это происходит постоянно, то суть любой вещи или явления обязательно рано или поздно откроются тебе. Каждая новая мысль в общении с морем производила во мне глубокое потрясение.

А ещё меня в море поразило одно открытие… До того, как отправиться в своё морское путешествие, я уверенно полагал, что в каждом человеке заложены зачатки доброй воли, ему лишь остаётся вызволить их из внутренних глубин своего существа на свет божий. Затем, уже немало повидав, я убедился, что человек не так уж просто меняется к лучшему, большая часть людей и вовсе не помышляет об этом, вызывая во мне, скорее, недоверие, чем уверенность в устремлении к чему-либо светлому. Но оказавшись в лоне моря, я вдруг и совершил для себя то самое открытие, что поразило меня: всех, кто связал себя с морской стихией, отличало нечто особенное, это была какая-то печать, которую не сразу и определишь.

И я опять подумал обо всех этих прекрасных людях, что скоро, наверное, уйдут из моей жизни, и никогда уж больше их в ней не будет, и меня вдруг поразила эта простая мысль. Вообще, вся эта прекрасная жизнь, связанная с моим первым выходом в море, не вернётся, но случится ещё много другой, не менее интересной, и я стал думать о том, что каждый человек, встретившийся в моей морской жизни, уносит с собой частицу меня… Так мне казалось.

Правда, это касалось лишь тех людей, которым я дарил свою любовь, и даже восхищался многими из них. Впрочем, любовь, что я отдавал

окружающему меня миру, только росла от этого во мне, и так продолжалось из года в год, пока я был связан своей работой с морем. Это было удивительное время, и лишь много позже я осознал, что оно – лучшее в моей жизни. /Пауза/.

…Мы шли домой и пенистые волны, будто с укоризной, нехотя, расступались перед неутомимо взрезающим их форштевнем, вызывая лёгкое головокружение, если смотреть на них постоянно. Но головокружение это не мутило, оно дарило чувство полёта, и упруго вспенивающиеся под бортом зелёно-бурые валы, незаметно приобретали оттенок нежно-голубой лазури. За кормой волны постепенно таяли в туманной дымке необъятного водного простора, и там, далеко, уже почти синие у горизонта, обозначали край моря и начало неба. Эта покатистая и всеобъемлющая, на сколько только видит глаз, линия делила всю окружающую тебя жизнь на две перевёрнутые чаши – белую и голубую, которые стремятся друг к другу - и в то же время отталкиваются от надоедающей временами близости. И близость вдруг действительно пропадала, и охвативший тебя мир становился необъятен, и ты исчезал в нём, паря в его бескрайних просторах, где над синим морем и солнце синеет, становясь ещё более загадочным и прекрасным.

А там, впереди, кажется, возле самого носа судна, из моря словно вырастали крылья. Крылья распахивались и, приподнимаясь, ловили золото солнечных лучей, а опускаясь – окрашивались лазурной тенью. Гладкие перья этой неведомой птицы переливались самыми причудливыми оттенками, и птица, уверенно взмывая и неся на себе линию горизонта, являла собой подлинное чудо, выразить которое было невозможно. Птица уносилась по такой же неведомой, как и она, дальней дороге, за море, и оставалось только поддаться неудержимому влечению следовать за ней и, ни о чём не думая, ловить и лелеять это неосознанное устремление.

В море печаль постепенно сходит у человека с лица, он успокаивается, светлеет душой, и возвращается домой усталый, но счастливый. Душа его исцелена, и ему хочется посадить ещё не посаженное дерево, прочесть откладываемые книги, стать, наконец, внимательнее к близким людям. Море побудило его душу к радостному труду, но вспоминает человек о чистоте излечивающей его стихии, опять же, лишь обессилев, вновь идя к морю за помощью. И море его принимает.

Чуть покачиваясь на трапе, моряки сходят на берег очищенные ветром, солью, нелёгким трудом, ошпаренные непогодой, и глаза их приобретают прежний цвет – зелёный, карий, серый, хотя в них ещё играет отблеск недавней голубизны. Море отражается в глазах моряков, когда они находятся в его крепких объятиях, и неохотно выпускает из них, в надежде ещё раз очаровать, продлив минуты расставания. Море любит нас.

Встречающие судно молча стояли на причале… Умытый морем, ухоженный экипажем и будто свободно вздохнувший от завершения непосильной работы «Стройный», медленно раздвигая носом голубоватую, недвижно нависшую над водой дымку, входил в родной ковш. Мимо проплывали, один за другим, знакомые причалы. От их бетонных склизких стенок чуть терпко отдавало холодной тиной.

Вдоль причалов неподвижно замерли только что прибывшие с моря сейнеры и траулеры. К прохладному запаху водорослей и рыбной гнили добавился резко ударяющий в нос налёт солёной ржавчины, которой в долгих рейсах обрастают бока понурых судов, вынужденных, на время, утихомирить свой боевитый нрав.

Было воскресенье, и вокруг не раздавалось надрывно-скрипучего гудения «гансов», лязгающего грохота беспрестанно снующих между причалами автопогрузчиков, резких окликов, властно требующих поостеречься. Нам надлежало швартоваться в самом дальнем углу порта, там, где под кургузыми брезентовыми парусами громоздились бесчисленные груды сетей, ящиков и бухт с тросами, а сопки, покрытые чахлой травой, лениво наползали на замершие причалы. Слева тянулся брекватер, по правому борту проплывали наполовину зачехлённые сторожевики, впереди старый японский ковш уводил в неминуемый тупик. Порт как бы ненароком задремал в неожиданной для него передышке, безучастно свернувшись своим громоздким стальным кольцом у самого моря.

Какие-то незнакомые женщины, одетые в демисезонные пальто и плащи, робко приткнувшиеся к ним дети с цветами, даже дряхленькая старушка, стояли в уже не раз переболевшем ожидании своих родных какими-то настороженными, и потому выглядели на фоне разноцветных гор из сетей и грузов не торжественно, а как-то отрешённо… Каждая из женщин старалась, не теряя при этом определённой доли сдержанности, быстрее рассмотреть своего мужа, брата или отца, и лица их становились неестественно напряжёнными, чуть бледными. Все они ещё продолжали по инерции бояться чего-то неопределённого, как будто оно могло помешать долгожданной встрече, и, только завидев счастливую физиономию глуповато переминающегося у фальшборта отца семейства, начинали так же глуповато улыбаться, часто махать руками, суетливо выставляя напоказ ухоженных и чуточку растерянных отпрысков.

Моряки в этой ситуации вели себя не лучшим образом: словно стадо перепуганных овец, они бестолково сгрудились в узком проходе у борта, неуклюже тёрлись друг о друга перемазанными телогрейками и, по-дурацки улыбаясь, остолбенело глазели на приближающийся берег. Некоторые без всякой надобности начинали суетливо сновать по судовым помещениям, много и беспрестанно курили и, уже не выдерживая обременительного давления молчаливо кричащих переборок, вновь выскакивали наружу, чтобы с радостью в сердце взглянуть на родные, заботливо укрывающие собой маленький городок буроватые сопки. Всюду царило нервное оживление, и

только капитанский мостик излучал деловую сдержанность: пришвартоваться следовало безукоризненно.

Нельзя передать словами, как давят молчание и тишина причала, когда возвращаешься с моря. Как хочется праздничного оживления, музыки, махания рук и женских счастливых улыбок! Я думал, что так оно и будет, и часто представлял себе эту сцену, словно от этого зависело что-то очень важное в моей жизни, без чего невозможно было обойтись. Но потом я понял смысл этой остановившейся тишины, и серый свет, и молчаливо застывшие весенние сопки, когда, кажется, жизнь замерла и только с твоим приходом в природе должно что-то произойти, перестроиться, чтобы с ещё большим желанием начать жить, - более достойно и интересно. То было до конца не осознанное в душе обновление, сбрасывание отвердевшей, почти бесчувственной отмершей кожи.

Удивительно обыденно выглядел наш приход, и на берег я сошёл, даже не подумав проверить, а действительно ли он укачивает? Всё дожидался чего-то необычного, не веря в простоту, доступность происходящего. Нет, я ещё слишком осторожно относился к земле, не нашёл с ней окончательной связи, а только позволил напомнить себе в этом рейсе о её дорогом существовании в соседстве с порождённым ей, и не менее родным миром воды.

Жизнь здесь пока лишь теплилась в сухих ветвях пирамидальных тополей, недвижно застывших вдоль дороги, в покатых склонах бесцветных сопок, с которых уже давно сошёл снег, в жирно поскрипывающем под сапогами плотном прибрежном песке. Всё было удивительно ровным и спокойным: вода, свет, воздух и тишина. Такая стояла погода: словно облака растворились, тучи куда-то улетели, небо растаяло, и солнце ещё не показывалось, а, тем не менее, вокруг светло.

Тело было налито силой, будто набрякшее в ожидании своего скорого применения, и вынужденная расслабленность не затрудняла движение. Не требовалось совершать каких-либо усилий для преодоления этого необычного сейчас земного притяжения: та пленительная дрёма, которой был заботливо окутан маленький городок у моря, сладко охватила и меня самого, и моё возвращение на берег уже представлялось каким-то полузабытым сновидением, что опять вдруг привиделось и околдовало.

Возможно, в другую погоду я был бы более оживлён и отправился бы, наверное, с моряками в ресторан отмечать наш приход, как это заведено – сдержанно, с достоинством и, между тем, весело. В другую погоду были бы видны дальние дали, горы и белеющие пики, и они, конечно, вызвали бы у меня какие-нибудь необыкновенные переживания, но тогда могло и не быть вот такого неторопливого всматривания в себя, словно со стороны, когда ты решил остаться один, наедине с собой. Да и день для этого выдался на удивление проникновенный, мягкий, и я был доволен воцарившейся над землёй тишиной и согласием со всем, что меня окружает.

После долгой разлуки берег был, несомненно, хорош и, может быть, даже казался во стократ многообразней самой пронзительной морской синевы, но только море опять стояло передо мной. Будто кто-то, неведомый, но очень ощутимый, за руку привёл меня сюда, на этот дикий, немного захламлённый во время зимних штормов пляж, отгороженный от приземистых домиков покосившимся выцветшим забором. А затем, постепенно, высвободил из низко нависшей над морем туманной пелены нежное солнце, и залил тихий день удивительно неброским, но радостным для весны светом…

Во всём, что происходило рядом и вокруг, ощущалось присутствие некоей силы, даже – божества, которое уже давно решило устроить всё именно так, как оно это замыслило. И здесь, на этом заброшенном пляже, у моря, я вдруг осознал, как благотворно может повлиять на человека проникновение в этот божественный замысел, когда ты един и с морем, и с землёй, и с самим собой. Страх же прекратить движение к познанию – худшая из бед, которые могут обрушиться на человека, и я верил, что меня ждут чудесные открытия.

В своём первом морском путешествии вера в то, что я делаю в своей жизни всё правильно, ободряла и утешала меня в любых трудностях, и вот сейчас я почувствовал, как она, эта вера, заполняет моё сердце всеобъемлющим удовлетворением, даже благодарностью перед какой-то неведомой силой. И Господь будто снизошёл ко мне на этот пустынный пляж, сквозь мягкую туманную дымку, и я понял, что уже никогда не расстанусь с Ним в своём сердце, и мне захотелось творить, как молитву, добро, быть умным и счастливым, неустанно и непреклонно продвигаясь в достижении истины и блага. В охватившем вдруг умиротворении пришло, наконец, ощущение того, что всегда недоставало именно этого переживания единения со всем, что тебя окружает, и тихая радость счастливо переполнила мою душу, и сердце утешилось необыкновенным покоем…

Сердце сладко ухало за взглядом, что плавно погружался в морскую синеву, и возвращалось назад уже омытым и чистым. Море, словно усыпляя внимание своими сонными отблесками, легко и спокойно, почти шёпотом подсказывало, каким должен быть следующий шаг, в преддверии которого и замер я сейчас в покорном восхищении...

Ещё в детстве избрал я для полёта в собственных мечтах подводную глубину. В ней можно было без особых усилий предаваться удивительному забвению, до щенячьего восторга наслаждаясь исчезновением собственного веса. Готовый умереть от любви к этому миру, лишь изредка показывался я на поверхности, чтобы, набрав в лёгкие воздуха и отразив своим кремовым боком щедрое солнце, с замиранием сердца очутиться там, в глубине. Возвратившись же – вновь с затаенным духом уходить под воду, унося с собой и удовлетворение от проделываемого, и счастье переживания всех этих простых и замечательных истин, и удовольствие, которое не охлаждалось на

дне, а сжималось в сердце упругим счастливым клубком, побуждающим к ещё более радостному возвращению наверх.

Не скажу, что мне было очень весело, скорее, охваченный необъяснимой и необыкновенно увлекающей сосредоточенностью, старался я серьёзно проникнуть куда-то, что пока ещё было недоступно, но верилось, что там непередаваемо счастливо и счастье это не обязательно должно быть заслуженным. Радостно было просто переживать это безудержно-завораживающее скольжение в затаившейся подводной тиши, отдающееся гулкими ударами в висках и отрывистым ёканьем в груди, нестерпимое желание вырваться наверх, к солнцу, и одновременно – томительное намерение дотянуться рукой до недосягаемого дна, ещё немножко, самую малость… Что ещё могло быть лучше?!

Мечта об этом вставала теперь передо мной из морских глубин и, овеянная воспоминаниями далёкого детства, проведённого у манящей к себе тихими заводями зелёной реки, хотя пока и безотчётно, но уже уверенно окрыляла неугомонную душу новым, единственно верным для неё знанием. Мне чудилась опять дальняя дорога, и неизбежное расставание с морем, и томительное ожидание встречи с ним… И всё это, вместе взятое, с каждым мгновением представлялось всё более осуществимым, а решение, во что бы то ни стало, поступить в подводную школу – закономерным, раз и навсегда утвердившимся…

… Песок под рукой был тёплый и, вонзаясь мелкими крупинками в ладонь, слегка пронизывал её мягким прикосновением. Приятное ощущение от него постепенно проникало куда-то внутрь, и затихало там неизъяснимым ощущением слитности с происходящим вокруг. Повсюду виднелись перевёрнутые кверху днищем облупившиеся пузатые лодки. В старинных рыбацких посёлках в таких, отслуживших свой век судёнышках сажали обычно цветы и ставили их перед домом. Цветы, наверное, оживляли людям вид, когда они подолгу смотрели в морскую даль.

Прибой набегал на песчаный берег, и люди обращали свой взор к морю, как будто оно способно было ответить, что ждёт их за колышущимся горизонтом этой великой таинственной чаши. И они, конечно, не видели ничего, кроме трепетного зеркальца чайкиного крыла, на миг озарившего в натруженном изломе полотняную синь океана, но не было преград их неизбывному желанию разглядеть вдали что-то такое, чего нет рядом, и чему следовало бы учиться, не уставая. И люди без устали глядели в море, и тот, кто не переставал надеяться на лучшее, находил в нём свои сбывшиеся надежды, как если бы неутомимый искатель жемчуга, не оставляющий попытки, наконец-то, отыскать перламутровую слезинку океана, всё же однажды добивался своего – достигал на глубине полураскрытой раковины, трепетно дотрагивался пальцами волшебной горошины и, зажав в кулаке невесомую драгоценность, радостно взмывал с ней к желанно светлеющей поверхности…

«РОДНАЯ СТИХИЯ»

Вода… Бескрайний завораживающий мир… Человек, поражённый величием моря, всегда приписывал ему огромное значение, влияющее на всю землю, и это недалеко от истины. Без моря вообще не было бы земли, ибо после вымирания бесчисленного множества морских животных остатки их скопляются на дне или отлогих берегах, и образуют отмели, а порой выдвигаются на поверхность океана в виде островов и рифов. Таким образом, море постоянно трудится над созданием земной поверхности, постепенно образуя новые материки. Испарения воды, разносимые ветром по всему земному шару, поддерживают необходимую для жизни влагу, нужную растениям, а течения, существующие в океане, переносят воду от полюсов к экватору и наоборот, уравновешивая тем самым земной климат.

Абсолютно нерастворимых веществ в природе не существует, а вода обладает особо высокой растворяющей способностью. Благодаря этому она всегда оказывается обогащённой веществами, с которыми входит в соединение, и потому в природных водах находятся самые разнообразные по свойствам химические элементы и соединения. Вода в природе – это сложнейшая химическая лаборатория, где входят во взаимодействие разнообразные элементы земной коры и атмосферы, поэтому в природе не было более благоприятной обстановки для возникновения первичных организмов, чем водная среда.

Жизненные устремления человека охватывают разные стихии, в числе которых вода занимает не последнее место. В ней нет зла, присущего человеку, а лишь несгибаемость и какое-то всеобъемлющее материнское желание всех обнять, прикоснуться к каждому своей силой и разбудить в сердце то, что в нём дремало. Вода утихомиривает пыл неразумной жизни, незаметно вдыхая в человека веру в его духовное начало.

Ещё в утробе матери наш организм уже вёл водное существование, и ты не можешь переживать никакого чувства отвращения или неудобства, попадая в жидкую среду. В какой-то степени ты возвращаешься к самому себе, оказываясь у моря, в тебе просыпается непринуждённость и свобода, и ты, обнаружив в своей жизни утерянное было море, стремишься опять погрузиться в его глубину, чтобы постигнуть себя и Вселенную. Разве можно отказаться от столь захватывающего приключения?

Едва ли не все жидкости в природе содержат в себе воду. Даже твёрдые тела бывают большей частью ей проникнуты и давно известно, что капля камень точит, но не своей монотонностью, а частотой. Вода и сама порой обращается в твёрдое тело в содружестве с известными явлениями, как буря и мороз.

Состоит вода из двух газов – водорода и кислорода. Первый, сгорая при помощи последнего и соединяясь с ним, образует воду. Как чудесно и просто устроена вода, которая сама себе господин, её и царь не уймёт. И хоть

от огня вода ключом бьёт, но ею же огонь и заливают. Все беды, говорят, пропадают, когда в воду попадают.

Именно в необозримом водном пространстве раскрывается перед человеком простор в поступках, отсутствие какого-либо принуждения: ты попал сюда по собственной воле, призывающей теперь только к созидательному действию. Подчиняя себе свою волю, ты обретаешь в море гораздо более достойную долю, чем, если бы остался на суше. Ведь море не только прибавляет незабываемых впечатлений, но и множит нравственную мощь, ту силу, что приходит лишь благодаря миру воды.

Плотность воды, которая при нагревании уменьшается, а при охлаждении – расширяется, предполагает удивительную способность для человека к тому, чего он лишён на земле: к полёту. Вода – это та среда, где можно оптимально воплощать свободу любых перемещений, тело человека в ней обладает положительной плавучестью. Захочешь – поднимешься, вздумалось опуститься – без помех устремляешься ко дну, а то можно оставаться на месте, и всего-то для этого требуется лишь чуть пошевелить ладонями, изредка плавно подрабатывая под собой ластами, и ты паришь…

А вода, запоминающая и несущая в себе любую информацию, по-матерински заботливо и мудро обнимает тебя, наблюдает за тобой, считывает твои мысли и желания, но при этом не меняет свою структуру, хотя способна приобретать новые свойства. Её исконное материнское начало располагает к покою и уюту, кажется, обещая исполнение любых желаний, когда можно легко и привольно лететь. Ненавязчиво окружая твоё тело, ровно убаюкивая его, вода в тоже время на всё очень чутко реагирует.

Вспоминается недавний случай с капитаном Кэри, по воле судьбы оказавшемуся без самого необходимого на маленьком шлюпе в море. Пресной воды у него, конечно, тоже не было, и он внушал себе и окружающему его пространству, что вода за бортом – пресная, и, в конце концов, она такой оказалась. По крайней мере, хотя бы немного изменила свои свойства, и это его спасло.

И почему, подумалось мне, к подобному опыту не прибег известный исследователь моря и человеческих возможностей Ален Бомбар, решившись однажды пересечь Атлантику на резиновом плоту без воды и провианта? Отважному французу понадобилось для этого около двух месяцев, сознание его было ослаблено, тогда, как капитан Кэри находился в море без всего считанные дни, и, наверное, именно это позволило ему быть более сконцентрированным на происходящем, добившись согласия с водной средой.

Воде необходима свобода, она должна существовать и двигаться раскованно, определяя сама своё нахождение и состояние, и лучшее подтверждение тому – море. Вода не должна от кого-либо зависеть, тогда она сохраняет свои чудесные свойства. Так же и человек… Имея в себе 70% воды, каждый из нас несёт в мир информацию и знание, свою программу

жизни. Он – источник энергии, хотя и маленький, но способный на многое. Что – в нас, какие знания, то и передаёт в мир наша вода, мы сами.

Кто знает, возможно, в воде была изначально заложена информация обо всех будущих живых существах, которые, появившись однажды на свет, развивались и достигали своего совершенства. Формула любой жизни заключена именно в воде.

Вода с определённой информацией, введённая в организм человека, несомненно, должна изменить его. Может быть, она обогатит его, а может – повергнет в бездну, если человек утратил с водой связь. Но что происходит, когда ты находишься в водной среде, несущей определённую информацию, достаточно длительное время?

Вероятно, ты тоже её усваиваешь, если чутко выстраиваешь отношения с морем и его обитателями. Вода – связующая среда Вселенной со всем живым на Земле: через неё передаётся знание. Почувствовав в детстве свою древнюю связь с водой, я посвятил ей в дальнейшем многие годы жизни, и, оказавшись на Сахалине, видимо, окончательно вернул древнюю память о самом себе.

Живительное свойство воды может ощутить всякий, кто приедет однажды на побережье любого моря, но лучше, если он обратит своё внимание к дальневосточным морям нашей страны – Японскому или Охотскому. Именно здесь, кажется, где, к тому же, находится самый Великий на земле Тихий Океан, заложена важная вселенская память, и именно на его берегах каждый человек способен созидать для себя неистребимое благо, навечно соединяющее его с божественным замыслом и бесконечной дорогой по его осуществлению. Вода дарит нам всем единственно достойное и здоровое существование, которое невозможно без моря. Ведь старение, это, вероятно, постепенное накопление с возрастом не разрешённых вопросов в считывании предоставленной каждому человеку генетической информации, а море постоянно напоминает о том, как замечательно всё время возвращаться к нему в поисках недостающих ответов.

Возможность, благодаря морю, окинуть взглядом прошлое и в полной мере насладиться настоящим – вызывает непередаваемые ощущения. Когда в твоей жизни появляется дельфин, кит или акула, это знак того, что ты можешь выработать такой же жизненный настрой, воспользоваться примером их поведения. При этом ты начинаешь осознавать, что повадки животных не сводятся к бессмысленному инстинкту, их действия не ограничены только им, и становятся для тебя всё более поучительными в плане собственного роста.

Порой в море встречаешь удивительные вещи, которые необыкновенно обостряют восприятие. Это своего рода послания с призывом тоже открыться жизни и стать сильнее. То, что дарит море – должно, по всей вероятности, означать – чего тебе следует ожидать в будущем… К морю, вообще, не стоит обращать своё внимание, если не готов быть вдумчивым и наблюдательным,

воспринимая всё правильно, в первую очередь, относительно своей судьбы. Море заряжает энергией только того, кто готов к совершению духовных усилий.

Когда ты угадал в себе древний зов моря, и оно откликнулось, неминуемо постигаешь: и море, и все его обитатели представляют часть твоей природы, и когда-то твоё сознание проходило их путь, развиваясь. Ты видел мир глазами осьминога и камбалы, морского котика и белухи, и, впитывая энергию и знания, всё более полнил свой дух. Наша потребность общения с морем, таким образом, пробуждает забытое, то, без чего каждый из нас не в силах стать в полной мере человеком, объединившись когда-нибудь с другими людьми для воплощения на Земле Божественного замысла: да приидет Царствие Его, как Оно есть на Небесах!

Каждый из нас способен смотреть на море – и не понимать его. Каждый может погружаться в глубину, но незначительно и ненадолго. Мы не в состоянии пить его воду, брать большую часть его богатств. Мы лишь поражаемся его размерам и скрытым загадкам, и вынуждены только восхищаться его грандиозностью и красотой.

Море пленяет нас своей силой, и самые отважные из людей посвящают ему свои жизни. Как бы нам хотелось, чтобы воды его разверзлись перед человеческим взглядом, как однажды расступилось Красное море перед израильтянами, и мы бы смогли, наконец, проникнуть в неведомый мир! Но разве возможно рассчитывать на подобные чудеса? Человек должен сам стать волшебником, чтобы со временем изучить море так же хорошо, как и сушу.

Человек никогда не довольствовался уже накопленными знаниями, ибо в самой природе его души заложено стремление к росту. Человеку всегда хотелось заглянуть за горизонт, обогнуть ещё один мыс, провожать взглядом заходящее за море солнце, терпеливо дожидаясь того момента, когда над водой блеснёт долгожданный зелёный луч, открыть новую звезду…

С древнейших времён человек пытался проникнуть в глубины моря. Благодаря морю учился он глядеть не только вверх, вниз и вокруг, но и в себя. Море поддерживало гармонию в природе, оно, как и Космос, во все времена оставалось великим утешением для человека, не перестающего мечтать. Оставаясь землёй обетованной для жаждущих открытий людей, море было зачинателем жизни, которая развилась на всей планете из его маленьких одноклеточных обитателей, и именно поэтому человек всегда стремился соприкоснуться с родной морской стихией.

А что, по сути, есть море? Дорога для мореходов? Предел суши? Грань материков? Огромное лоно, несущее в себе зарождение жизни? Бездна, пропасть, необъятность? Кладовая великих запасов? Необозримое место для заслуженного досуга? Непостижимое пространство? Удивительная и неповторимая взаимосвязь воды, воздуха и суши? Великий учитель? Тайна, которая никогда не может быть разгадана?

Разные люди относятся к морю по-разному, в том числе – и писатели. Вот, к примеру, высказывания о морской стихии Ивана Александровича Гончарова из книги «Фрегат «Паллада». Очерки путешествия», и Марины Ивановны Цветаевой, в одном из писем к Борису Леонидовичу Пастернаку…

Это – Гончаров: «Зачем дикое и грандиозное? Море, например. Оно наводит только грусть на человека, глядя на него, хочется плакать. Рёв и бешеные раскаты валов не нежат слабого слуха, они всё твердят свою, от начала мира, одну и ту же песнь мрачного и неразгаданного содержания». А вот – Марина Цветаева, отрывок из письма: «Борис, но одно: я не люблю моря. Не могу. Столько места, а ходить нельзя. Раз. Оно двигается, а я гляжу. Два. Борис, да ведь это та же сцена, то есть моя вынужденная, заведомая неподвижность. Моя косность. Моя – хочу или нет – терпимость. А ночью! Холодное, шарахающееся, невидимое, нелюбящее, исполненное себя – как Рильке/себя или божества – равно/. Землю я жалею: ей холодно. Морю не холодно, а это и есть – оно, всё, что в нём ужасающего, - оно. Суть его. Огромный холодильник/Ночь/. Или огромный котёл/День/. И совершенно круглое. Чудовищное блюдце. Плоское, Борис. Огромная плоскодонная люлька, ежеминутно вываливающая ребёнка/корабли/. Его нельзя погладить/мокрое/. На него нельзя молиться/страшное/». И ещё, далее: «Главного не сказала: море смеет любить только рыбак или моряк. Только моряк или рыбак знают, что это. Моя любовь была бы превышением прав».

Да… К встрече с морем, конечно, нужно быть готовым. Море надёжно предохраняет и очищает душу от засорения даже малейшими обидами и печалями, не говоря уже о каком-либо большом горе. Важно – как ты сам относишься к дикой неразгаданной стихии, что можешь противопоставить её окружающему натиску и мощи. Когда ты обнаруживаешь в себе достаточную силу и решимость – и море, к твоему удивлению, начинает приветствовать тебя…

Если поразмыслить трезво, без всяких эмоций, то решимость в отношении морской стихии учит очень многому. Это только дилетанты считают, что море хорошо исключительно своими положительными эмоциями, красотой, на самом деле сила его в том, что оно этой силой тебя со всего размаха шибает: устоишь – молодец, не удержался – отправляйся за борт. Простая арифметика, несложные умозаключения, а какая польза!

Например, если тебе страшно, не только в море, вообще, в жизни, не следует спасаться от страха бегством, а нужно принять его во всеоружии и попытаться сделать так, чтобы стало ещё страшнее, увеличивая напряжение от создавшейся ситуации до того самого момента, когда страх перевоплощается в отчаянное мужество. В верности этого незамысловатого секрета убеждался я неоднократно именно в море. Если же тебя посетила боль – не гони её, а живи ей, не желай для себя лучшей доли, и, главное, учись постигать при этом себя, то, что боль учит не смерти, а жизни, она – твой друг.

Только соприкоснувшись с морем, отдав ему полностью себя и не погибнув, понимаешь: в жизни надо научиться, спокойно, убирать дерьмо и выращивать деревья и цветы, при этом, соответственно, не жалуясь и по-пустому не восхищаясь, а надёжно исполняя своё дело.

Лишь в море почему-то открываешь простую истину – нужно научиться получать энергию от всего, что тебя окружает: от неба, гор, травы, ветра, огня, книг, картин великих художников, еды, людей, и, конечно, воды… А ещё благодаря этой обретённой энергии следует постоянно расти, повышая свой энергетический уровень, найти в себе самое главное, то, что определяет именно твою жизнь, и несмотря ни на что развить.

Пройдя шторма, холод, великое физическое и душевное напряжение, ты не можешь пренебречь при этом тренировкой тела, осуществляя физические упражнения ежедневно, желательно – на природе, а совершая любую физическую работу, в море, даже не всегда приятную, необходимо проявлять обыкновенное терпение. Ты никогда не пересечёшь океан, если не наберёшься мужества потерять берег из виду, и только тогда море поможет тебе воспитать в себе решимость и отвагу.

Именно море учит тебя так воспринимать жизнь, чтобы ты не вспыхивал как огонь по любому поводу, но если это потребуется – сразу бы загорелся жизнью, не сгорая при этом.

Удаляясь от земли и от всего родного, вынужденный долгое время находиться бок о бок с разными людьми, ты начинаешь быть честным по отношению к себе и этим людям. Ты перестаёшь надсмехаться над человеческими слабостями и сначала невольно, а потом уже сознательно угадываешь в каждом из них самое лучшее, помогая этому лучшему открыться.

Для любого человека очень важно найти взаимосвязь со своей стихией, и если твой зодиакальный знак – вода, то нужно постоянно и очень чутко вслушиваться в окружающую тебя в море жизнь, всматриваться в неё и быть при этом неутомимым. Ведь до всего ты должен дойти сам, всё пропустить через себя и максимально усвоить, а где, как ни в море, можно быть верным своему сердцу, которое становится в нём безбрежным!

Правильно жить – это значит ставить себе самые высокие задачи и не знать ни в чём преград, в том числе – морских, чувствуя себя и послушным морю, и преодолевающим его мнимое безразличие, и благодарным ему. Не осуществлённые мечты – разрушают.

Море всего лишь плещется тихонько рядом, слегка волнуется, а на деле – его энергия уже переполняет твою душу, которая ничего не боится и только, знай, черпает знания, умудряясь не перебирать через край. Не перебирать через край и ничего не бояться – тоже заслуга, приобретаемая благодаря морю, когда ты знаешь, что с тобой ничего не случится: ты – непобедим, потому как не ограничен в своей утверждаемой духовными усилиями свободе, но не кичишься этим. Усилия души, когда ты находишься в море, залог её здоровья: они способствуют твоему бесконечному росту и

обретению силы, которую уже никогда нельзя потерять. Если тебя хотя бы однажды окружали волны Тихого океана, его энергия навсегда становится и твоей.

Птицы подают голос над морем – они поют для тебя, чтобы ты слушал, набирался сил и не увядал душой, которую бы можно было так же вольно, подобно морским птицам, изливать вокруг себя на суше, не боясь её когда-либо расплескать.

Рыбы или морские животные показывают на мгновение свои поблескивающие бока, даже выпрыгивают из воды, будто приветствуя тебя, и ты тотчас переключаешься на их завораживающую жизнь, обо всём забывая, и сам превращаешься в какой-то миг в морского зверя или рыбу. Но в этой своей отрешённой преданности морю - ты не становишься незащищённым, а наоборот непроизвольно впитываешь умение быстро перевоплощаться, заряжаясь красотой и энергией водной стихии.

Ты что-то планировал в жизни, осуществлял всё правильно и уже близок к положительному результату, и вдруг всё меняется и тебе надлежит вести себя иначе, многое переделывать и, может быть, даже не по разу. И вот, благодаря морю, ты обретаешь силу источника: постоянно перевоплощаясь и приспосабливаясь к новому, всё же продолжаешь струиться с ещё большей силой.

В море со мной никогда не случалось такого, чтобы всё в нём надоело, одним словом, опротивело. Когда мы отбивались в аврал от мгновенно намерзающего льда, и нас выматывали бесконечные зимние шторма Охотского моря, где волны высотой с пятиэтажный дом свободно гуляли через палубу, а как-то в проливе Фриза, на Курилах, судно попало в сильнейший ураган, терпя серьёзную аварию, мы почему-то не думали о возможности перевернуться, потеряв остойчивость, не боялись быть смытыми за борт, и не воображали с ужасом нескончаемость простирающейся под нами многокилометровой водной толщи. Иначе бы, нашему судну невозможно было достичь родного порта приписки.

Всегда, несмотря на какие-либо передряги, присущие морю, в глубине души не покидало ощущение, что всё это совершается не зря, кто-то за нами постоянно наблюдает и ждёт от людей достойных решений и действий. Именно своими каждодневными однообразными заботами, казалось бы, ничего особенного не разрешающими, а наоборот – только угнетающими, коими оделяло нас море, оно, как ни странно, придавало бодрости, завораживая своей тайной… Как же хотелось её разгадать!

Вот и сам остров Сахалин мне нравилось представлять кораблём или судном, ожидающим своего отхода. Казалось, оно терпеливо замерло перед длительным рейсом, что, верилось, будет, конечно, увлекательным и принесёт немало открытий… Так оно и получилось.

Сначала я решил ехать к морю только за тем, чтобы его увидеть. Не Чёрное, всем известное и наскучившее своими отдыхающими, а дальневосточное, с дикими неизведанными берегами и открывающимися океанскими просторами, - Японское, Охотское или даже Беринговое… Но потом мне захотелось в нём поработать, причём, не на берегу, а в самих морских чертогах, чтобы можно было ощутить благодаря морю свою нужность, и главное – найти то, что необходимо тебе самому, чего я пока не ведал.

Не знал я и того, что за вход в любую тайну надо платить. Ты хотел увидеть море и побывать в нём? Пожалуйста. Но тогда нужно что-то отдать: например, свою чёрную шевелюру, которую через несколько месяцев посеребрит седина… Чем интересней тайна, тем выше плата.

Как ни странно, но именно суровые северные моря удивительным образом лечат душу и успокаивают нервы. Ты перестаёшь воспринимать что-либо, кроме того, что тебя окружает: забывается и дом, и близкие, всё то, чем ты раньше занимался, и живёшь только дикими заснеженными берегами, незаметно проплывающими за бортом, суровым колючим морем и отрешённым вскрикиваньем чаек. Близких вспоминаешь, только когда захочется вдруг поделиться с ними скупой северной красотой и тем восторгом, с которым воспринимаешь и дальние берега, и море, и воздух, где глаза становятся зорче, а душа более чуткой. Даже самые, казалось бы, бесчувственные, крутого нрава моряки начинают понимать в этих водах больше и глубже, отмечая нечто важное и в собственной жизни: это я нередко замечал по их лицам.

Грозное, как суд над самим собой, море усмиряет любые страсти, возбуждая к жизни совесть и волю. Именно они теперь определяют твои поступки, тебе открылось то, что пока неведомо другим, но это знание обязывает ещё пристальнее относиться к своим возможностям и людям, быть более чутким к жизни. Море смиряет только слабых, способных же идти дальше, намечающих себе самые высокие задачи, оно поощряет. Ты чувствуешь это не сразу, а лишь после того, как поделился с морем чем-то дорогим, но сам при этом стал лучше.

В море ты будто угадываешь какой-то давно забытый смысл, между тем, очень нужный в твоей новой жизни. Ты восстановил его в себе с помощью моря, возобновил с ним давно утерянную связь, и стал сильнее. Энергия моря теперь присутствует в тебе, она – неотъемлемая часть твоей души и тела, и ты чувствуешь, что ты и море нерасторжимы, а смысл жизни теперь не ускользает от тебя. Ты, наконец, понимаешь, что настоящая жизнь там, где ты находишься в согласии с собой и окружающим миром, и всё самое нужное, оказывается, всегда было с тобой.

Перед тобой – синее море, шумят набегающие на берег волны, кричат чайки, вроде бы, ничего не происходит, но ты уже знаешь, что море несёт в себе возможность постоянно вглядываться в него и учит принимать решения. Вернее, оно способствует этому, терпеливо донося своё дыхание до человека,

и никогда не прекращает этого кропотливого труда. Можно просидеть целый день, всматриваясь в море, и не увидеть ничего, а можно каждое мгновение открывать в нём для себя увлекательные события жизни. Море – постоянно обновляющееся полотно наших судеб, на котором мы воплощаем свои самые сокровенные мечты и поступки, но это никак не обременяет его вечное движение.

Мы порой и не подозреваем, как глубоко и прочно связаны с морем. Вот, например, к нам подкатывает душевная боль, и можно научиться воспринимать её как надвигающиеся на тебя морские волны, используя их энергию. Достаточно представить, что когда волны накрывают тебя с головой – ты заряжаешься их мощью и превозмогаешь благодаря нахлынувшей боли собственную слабость; если же волны спадают – ты отдыхаешь в их отсутствие и набираешься сил, готовя себя к новым важным событиям и переменам.

Море не убывает от того, что на него смотрят тысячи людей: оно, как раз, ждёт их внимания и надеется, что многие увидят в нём себя. От устремлённых к нему взглядов море только обновляется, и его маленькие недостатки, конечно, не могут затмить его большие достоинства. Но разве есть у моря недостатки?

Когда море отчаянно заходится в своей силе – штормит и бушует, человеку приходится очень нелегко, но зато какая это проверка на крепость! После шторма море долго ворочается, вроде бы, негодует на то, что ещё не успело натворить, а человек никак не может успокоиться, сидит в рубке за чашкой чая и всё думает о чём-то, не замечая, что его душу уже давно переполняет ещё неизведанная им до конца сила.

Когда же море впадает в штиль, человека постепенно охватывает печаль, хотя то же море незаметно выводит его из этого состояния, убаюкивая своими глубокими мыслями.

Я принимаю море таким, какое оно есть, и радуюсь всему, что оно с собой несёт. Теперь я уже точно знаю, что море не способно кого-либо повергнуть, если он был ему верен и всё в жизни делал правильно. Море только радуется тому, кто решился с ним на встречу и всегда его бережёт.

Море – живое, и всё в нём воспринимается по-особенному. Если это льдины – то представляется, что они всё время о чём-то думают, если небольшие островки, изредка показывающиеся во вздымающихся бурунах, то те непременно хитро ловчат, не в силах скрывать свою коварную суть, а туман, неслышно подкрадываясь, норовит обхватить всё судно в липучие объятия и задушить. Это от того, что не хватает земного многообразия, и тогда всё на вид в однообразном море сразу оживляется и становится одушевлённым. Даже судно. На перестое, в порту, ничего подобного в нём не ощущалось, но стоит только судну выйти в море – и оно будто стряхивает с себя сонные путы. Море бережно принимает его в свои могущественные объятия, оживляя.

В какой-то момент я понял, что если всё делаешь правильно, море обязательно тебя примет. Правда, долго будет испытывать на прочность, ужасая своей необъятной мощью, порой – чуть касаясь и будто не замечая, а иногда и вовсе скрывая характер, так что перестаёшь воспринимать его несгибаемую суть как нечто неизменное. Тебе начинает казаться, что море уже ничего нового не покажет, больше ничем не удивит, ну, если только в который раз разбушуется… Но море не дремлет, оно затаилось, и только ждёт случая повергнуть тебя одной своей красотой.

Счастлив тот, кто, не истратив себя понапрасну, продолжает искать свою жизнь, и как хорошо осуществлять это, находясь в непосредственной близости с морем. Море вдыхает неутомимость, отсеивая ненужное, выковывает дисциплину и умение признавать свои ошибки. Оно помогает воспитывать в себе самостоятельность, постоянно напоминая, что нужно очень много трудиться, причём, так хорошо, чтобы никогда не возвращаться к тому, что ты уже когда-то делал, но по каким-то причинам не оставался до конца честным. Человеку надлежит учиться проникать в суть своей проблемы, несмотря ни на что решать её, и только в море он перестаёт себя жалеть, уже не перекладывая этого решения на чужие плечи. Если ты совершил в своей жизни хотя бы одну морскую экспедицию, то уже никогда не останешься прежним, непременно становясь лучше.

В море достаточно быстро усваиваешь немудрящую истину, что счастливым можно быть всегда, даже когда просто пристально вглядываешься в окружающую тебя морскую повседневность – колышущуюся водную поверхность, ослепляющую величественным покоем и тишиной, чаек в небе и их неугомонный клёкот, шорох накатывающей на берег волны, неприступные скалы, таинственно чернеющие на горизонте… Даже обыкновенный цветастый камешек, почему-то выделенный тобой из всех других в прибойной полосе, становится тебе необыкновенно дорог. Внимание ко всякой мелочи и постижение её – есть уже огромная радость, только её нужно заслужить, однажды придя к морю.

И ещё я понял, что достижение поставленной цели само по себе не приносит удовлетворения, если ты не поделился знаниями с другими людьми. Часто нас любят не потому, что мы – хорошие, а просто хороши те, кто нас любит: чаще всего именно они работают в море. Чем больше выпадает на вашу долю совместных испытаний, тем содержательнее выстраивается твоя собственная жизнь. После морских путешествий уже не чувствуешь себя одиноким, и радуешься тому, что имеешь, дорожа им. Это, пожалуй, один из самых полезных уроков, который можно извлечь из общения с людьми в море.

А море бывает всяким и никогда не повторяется: так уж оно устроено. И осознавать это очень приятно. Приятно иметь с морем дело, поскольку оно никогда не лжёт, чаще всего – остаётся беспристрастным, но никогда – равнодушным, предоставляя тебе возможность выбора, и в этом – его непреходящая ценность.

Когда человек находит себя – это непередаваемый душевный праздник, и со мной подобное произошло именно у моря. У моря ко мне впервые пришло желание писать, а ещё захотелось отправиться в очередное дальнее путешествие…

В море мне удивительно часто открывалось то, как можно всё просто и замечательно обустроить в жизни, и я уверен, что именно присутствие огромной воды и удалённость от земли породили это простое и замечательное знание. Вдохновение жизнью входило в меня в море каждое свежее утро, обдавая целебной жизненной силой, и открывались все шлюзы души, предоставляя свободу внутреннему миру. Я даже и не предполагал – сколько во мне заключено творческой энергии, и именно благодаря морю я, быть может, и сумел сформулировать в жизни самые главные слова и мысли…

Море… Кто хоть раз увидел его, никогда не забудет. Первое, что поражает при взгляде на морскую поверхность – её безбрежность…

Не переставая, накатывают из этой необъятности на берег неутомимые волны, плещутся о камни и с грозным урчанием отступают. Можно часами смотреть на прибойную полосу и не найти двух одинаковых волн. Вечно изменчивое и неповторимое море бесконечно в своей неописуемой и таинственной силе!

Перед ним не опустишься на колени, как это иногда хочется сделать в лесу, ты даже не помышляешь об этом, и стоишь всегда строго и отрешённо, с восхищением всматриваясь в его бесконечную даль, будто зная, что там, за горизонтом, вся твоя жизнь, до которой можно дойти только достойно, в полный рост, и никак иначе… «Отправляясь в море, грузите полные трюмы терпения», - призывал такой же несгибаемый, как море, Фритьоф Нансен.

Море не прощает малейшего пренебрежения, лености. Оно ожидает от человека мужества, мастерства и уважения к себе. Любой шторм никогда не разразится неожиданно, а заранее возвестит о своём приближении. Если же человек не понимает его предупреждений, то грех обвинять в своём непонимании море, виной всему – твоё собственное самонадеянное невежество.

Нужно поголодать, чтобы оценить пищу, испытать холод, чтобы постичь благо тепла, ощутить оторванность от земли, чтобы полюбить её, и только тогда обретёшь способность по-настоящему ценить жизнь, обнаруживая в ней смысл. Море закаляет волю, а каждой душе необходимо безостановочно упражнять её, без чего мы никогда не разовьём свою силу, оставаясь навсегда никому не нужными и беспомощными. Ведь сердце настоящего моряка своей широтой и необъятностью не уступает морю!

К морю нужно проникнуться уважением, сколько бы ты в нём не проработал, и как бы хорошо оно к тебе не было расположено долгое время. К морю нельзя привыкать, это чревато ошибками, которые можно было бы

избежать, воспринимая водную стихию с искренним интересом и вниманием. К морю всегда следует относиться так, будто ты отправился в своё первое морское путешествие: и со страхом, и с нерастраченным восторгом, и с надеждой, что, вот, оно вдруг разверзнется, напугает, но не поглотит, а наполнит энергией.

Долгое время находясь в море в какой-то миг начинаешь вдруг по-новому видеть и небо над ним, и само море, а ведь совсем недавно, вроде бы, наблюдал просто воду, по которой плывёшь, плывёшь и уже не задумываешься – что тебя ожидает за горизонтом. Но именно так, незаметно, обретаешь в море недостающую мудрость, которую, оказывается, порождает бесконечное однообразие водного пространства, между тем, никогда не повторяющееся. Благодаря морю начинаешь верить, что мудрость – не тяжкая сума, а то знание, что способно обогатить жизнь, сделать её лучше.

В море и сам видишь себя лучшим, чем оцениваешь в обычной жизни. Среди вольной воды и воздуха, где думы о жизни, кажется, теряют свой вес и насущность, ты словно очищаешься от житейской шелухи, и в тебе поднимается широкое, тёплое чувство любви ко всему. Море вливает в твою душу недостающие мысли и мечты, которые бы никогда не появились на суше.

Чаще всего я воспринимал море ни как водное пространство, ограниченное на карте названием – Японское, Охотское или Беринговое, а как некую совокупность всех морей, единое и огромное существо, объявшее всю землю. Оно простёрло свои воды вокруг материков и неутомимо гладит землю равномерным движением приливов и отливов. Море обдаёт всё, к чему прикасается, вечным дыханием жизни, и неустанно в своём мудром благословении. Поднимаясь к облакам невидимыми испарениями, море чудесным образом возвращается на землю в проливных дождях, которые, восторженно журча, наполняют собой озёра и реки, а море вновь обретает себя.

Когда я теперь бросаю взгляд на прошлые события, связавшие меня с морем, они представляются происходящими как-то замедленно, не разделённые между собой временем, будто слившиеся в единый благодатный поток, за которым кто-то наблюдает с неба, и именно благодаря небу этот временной поток оказывается нескончаем. Ничто тогда, как ни странно, не совершалось быстро, стремительно, словно подгоняемое каким-то нетерпением, необъяснимо связанным с морем, а переходило от одного события к другому удивительно размеренно, неспешно, как наплывающие на берег волны… Эту неспешность всегда несло в себе само море, и присутствие его было непередаваемо приятно.

Никогда человек под водой не станет передвигаться с быстротой акулы, никогда он не переживёт срок, отпущенный морским течениям и туманам, ему не удастся построить под водой уютного и прочного жилища,

без которого бы он не смог себя помыслить, но всегда человек будет верить в бесконечную энергию океана, способного быть в ладу со временем, собой и людьми… До всего есть дело человеку, который глядит на воду с глубоко скрытой и естественной любовью, пытаясь проникнуть в её суть. Разве это не заманчивая перспектива, ни одно из самых достойных занятий, что он подыскивает для себя? Глубинная связь с морем не отпускает человека, то и дело тревожит его душу и неумолимо притягивает к себе.

Ощущение морского простора, пустынность дикого пляжа, затиснутого высокими каменными утёсами, мокрая разноцветная галька, еле слышно крокочущая под неспешными накатами волн, - всё это необыкновенно близко и радостно человеческой душе. Может быть, даже ближе и дороже наших нескончаемых российских дорог посреди васильков, ромашек и ржи, тихих тенистых аллей из ясеня и липы, завораживающих лёгких вечеров с непрекращающимся стрекотанием кузнечиков…

В отличие от земли, несущей в себе бесконечное разнообразие, мы ничего подобного, конечно, не увидим на поверхности океана: повсюду – безбрежный простор, и только волны изредка нарушают его. На первый взгляд может даже показаться, что это необозримое водное пространство совершенно необитаемо, пустынно… Смотришь - и не в силах постичь: что так сильно притягивает тебя в этой синеющей нескончаемости?

Поначалу ничего не видишь: пред тобой расстилается безбрежный океан воды, стирающийся у неуловимой грани горизонта. Горизонт как будто слеп к тебе, несмотря на твоё желание проникнуть за его край, в самую суть и моря, и неба, и их непрекращающееся мудрое сочетание. Что интересно: ты никогда не устаёшь этого делать, - смотреть вдаль моря, и тебе это не надоедает; ты можешь только на время отвлечься, а потом вновь вернуться к этому ничему не обязывающему занятию. Но что-то, очень важное в тебе, обязывает к такому сосредоточенному времяпрепровождению, и между тем ты понимаешь, что время при этом не уходит бесследно.

Время, вообще, как будто теряется у моря, о нём забываешь, как о чём-то несущественном, и, тем не менее, именно у моря ты начинаешь по-настоящему воспринимать отпущенную тебе жизнь, угадывая в ней самое главное. Ты словно вспоминаешь своё происхождение, благодаря морской чистоте ни в чём не путаешься, всё для тебя становится простым и понятным. Море вдохнуло в твои члены забытые ими силы и настроило на преодоление любых препятствий. Становится так хорошо и радостно, что веришь: всё задуманное – осуществимо.

А там, в невообразимой морской глубине, кипит такая удивительная жизнь, какой порой не ведает земля, и именно человеку надлежит проникнуть в неведомые недра океана, чтобы жизнь его стала значительнее, лучше. Так, однажды, почувствовал я про себя, и про свою связь с водной стихией, и уже не отступал от этого глубоко затаенного знания, всё более раскрывая себя благодаря энергии моря, вдумчивому общению с ним.

В конце концов, море, благодаря отважным мореплавателям, перестало разделять народы между собою, а напротив, соединило их. Во времена морских путешествий люди подмечали разные интересные явления и изучали жизнь морских обитателей, они стали обмениваться знаниями и поняли, как могут быть сильны. Лишения и опасности только выковали людям характер, и отвагу со смелостью они черпали именно в общении с морем.

Иногда океан пробовал человека на крепость – топил суда, разбивал их о подводные камни, но люди, уже проникнутые духом странствий, не хотели признавать своё бессилие, побеждая ярость бушующих волн и свирепствующий ветер. С каждым новым путешествием они становились умнее, познавая величие ветров и течений, и не боялись единоборства с водной стихией, выходя из него часто победителями. Постепенно люди научились составлять морские карты, отмечая на них более удобные пути, для указания опасных скал и мелей ими сооружались маяки, и, отправляясь в море, они чувствовали себя увереннее.

Так, незаметно, море вдохнуло в людей ту самую энергию, которой не существует даже на земле, ещё у многих первобытных народов в легендах о сотворении мира называемой «дочерью океана». И тот, кто хоть однажды прошёл морскую стихию, навсегда по-настоящему проникся ей и уже не в силах был без неё обойтись, в самые ответственные минуты жизни произносил: «Клянусь морем!» Недаром в народе издавна повелось присловье: кто в море не бывал, тот горя не видал, а значит – и жизни!

А море, между тем, точно так же, как и всегда, бьётся о берег, наполняя всё вокруг своим глубинным запахом, зачаровывает шипением набегающих волн, умиротворяет и окрыляет. И пропадают тогда города и люди, и даже высоко светящийся огонёк маяка уже не привлекает так твоего пристального, очарованного ожиданием тайны внимания… Смотришь прямо перед собой и видишь только море: грозное, с затаенной непостижимой мощью, и в то же время – родное.

В детстве мне всегда казалось, вернее, верилось, что в воде со мной ничего не случится. Я не боялся воды, и не думал о ней плохо, а всегда ждал с ней встречи. Вода околдовывала меня, как волшебная музыка.

Помнится, меня никто не учил плавать, и, будучи шестилетним мальчишкой, я увязался за старшими на речку, хотя до этого ни разу не приходилось даже пробовать проплыть самому, без посторонней помощи, исключая купание с резиновым кругом на море, в Анапе, когда мне было пять лет. Видя, как пацаны, на несколько лет старше меня, бесстрашно сигают с крутого бережка в воду, я тоже разбежался и прыгнул. Прыгнул – и пошёл ко дну, но в какой-то момент остановился, взмахнул руками и легко устремился к поверхности, где сияло солнце, слышался смех ребят, и вместе с этим смехом в меня вдруг мгновенно вошла непоколебимая уверенность, что я никогда не утону, а вода – моя родная стихия.

Почти каждое лето мы с семьёй отдыхали в деревне у бабушки, и я всё время пропадал на деревенском пруду. Вода в нём резко пахла рыхлыми

лопухами, кувшинками и прибрежным камышом. У самого берега она тихонько вздрагивала от изредка набегавшей мелкой волны, и кожа от прохладного ветерка с воды сразу становилась твёрдой и шершавой. На самом же деле, вода была очень тёплой, и когда мы с мальчишками со всего разбегу валились в неё, поднимая прозрачные фонтаны искрящихся брызг, она обволакивала тело густой блаженной истомой, и выходить на берег не хотелось.

У меня была непреодолимая тяга к воде, и эту любовь я выпивал в такие летние тёплые дни до самой последней капли. Заплывая всё дальше и дальше, я нырял в зелёную мутноватую глубину, каждый раз пытаясь ухватить со дна горсть песку или слизкого ила. Когда мне этого не удавалось, я не спеша всплывал на поверхность, и чувствовал себя разочарованным. В случае же удачи, когда ил неожиданно обжигал руку скользким холодящим прикосновением, рвался что было сил из пронизывающей до костей темноты подводных источников к тёплому свету. После всего этого, обычно, было очень приятно лежать на спине, подставив лицо ласковому солнцу, слегка покачиваясь на мелких волнах, и ощущать под собой толщу неведомой глубины.

В особо жуткие минуты, когда я решался открывать под водой глаза, благодаря еле просеивающимся в глубину солнечным лучам можно было рассмотреть вьющиеся бурые водоросли и чёрные плоские раковинки на дне, а если совсем повезёт, то какую-нибудь тускло-жёлтую рыбку размером с детский кулачок. Рыбка под водой казалась совсем не такой, как если бы я поймал её на удочку: она была здесь настоящей и неуловимой. Тайной своей игры я ни с кем не делился.

Так же таинственно нашёптывая о чём-то, набегали на плотный береговой песок в моём далёком и невозвратимом детстве ласковые волны Щучьего озера. Озеро волшебным зеркальцем залегло в глухой лесной тиши, поражая воображение своей нетронутой красотой и дичью, кажущееся необъятным. Какое бы впечатление произвели на меня тогда океанские просторы?!

Но озеро из детства вполне заменяло мне ещё неведомый океан… По берегам озера, в высокой сочной траве, водилось много змей: это были ужи. Мы знали, что они безобидны, различали их по ярко-жёлтым головкам, и не боялись бегать по траве босиком. Когда же под ногу неожиданно подворачивалось что-то скользкое, то сердце на миг холодила приятная истома, которая, впрочем, тотчас забывалась.

Детство, со сладким привкусом парного молока на губах, разогретой на солнце земляникой и только что испечённым бабушкой хлебом, запахом душистого зноя сеновала, в кровь ободранными коленками и неожиданной, даже чем-то приятной болью от укуса пчелы в ладошку, с брошенными по утру в росистых лопухах плотными серебристо-фиолетовыми харюзками, несло с собой ощущение неограниченных возможностей… Верилось, что

они непременно когда-нибудь откроются перед тобой, и принесут много радостных переживаний.

Ничто не сдерживало тогда в этом красочном круговороте первых встреч и открытий, только чудесные неслыханности составляли твою жизнь, и сказка, таким образом, была рядом. Познавая окружающий мир, я рисовал его красками своего безоблачного детства, наполненного чистой музыкой весёлого смеха, улыбок, солнца, и эта раскованность никого не стесняла, потому что уверенность в обладании свободой ещё не была отягощена сонмом условностей и безверием в свои силы. Множество талантов, распирая тебя и не встречая барьеров, вырывалось в эту пору наружу, неся с собой свет.

Как чудесна была та естественная простота, что сопутствовала нашим бесконечным играм и всей жизни! Как легко воспринималось и усваивалось то, на что в будущем уходило вчетверо больше усилий, связанных уже с неестественным надрывом себя…

Одно удивительное увлечение сменяло ещё более удивительное другое, и ты верил, что всё осуществимо. Разве мог ты хотя бы допустить, что не достигнешь когда-нибудь самой важной человеческой правды, которая обязательно всех обнимет и спасёт?! И, конечно, ты мечтал о необыкновенных приключениях, дальних странах, но более всего притягивало к себе царство воды, к которому ты стремился даже во снах. Далёкое и невидимое море, оказывается, уже жило во мне, терпеливо ожидая, когда я его в себе угадаю, и, обнаруженное, наверное, готово было осветить своей мудростью весь предстоящий жизненный путь.

Все мы одинаковы своими общими корнями, но различны подходом к жизни, к самому себе, в конечном итоге – в уровне сознания, зависящего только от нашей работы над собой, и очень важно, если именно с детства ты склонен к постижению мира: это так естественно для начинающейся жизни.

Когда я чуть подрос, то проводил каникулы, в гостях у бабушки, уже каждое лето. Мне всегда нравилось находиться рядом с водой, нырять в тёмно-зелёную глубину деревенского пруда, и, раскрыв глаза, вглядываться в неизведанный мир, стараясь обнаружить там такое же неведомое мне существование того, о чём я даже не подозревал, но верил, что оно непременно есть. Нужно только не побояться заглянуть в это таинственное подводное царство, что почему-то не казалось чужим, и ничего странного в подобном желании я тоже не видел, а только хотелось всматриваться в то, что неимоверно притягивало, возбуждало неподдельный интерес, и нисколько не пугало. Мне нравилось думать о чём-то неизведанном, особенно, если оно было связано с водой, и если выдавалась такая возможность, я оставался на берегу пруда или речки целый день…

В подводном царстве всё не так, как на том же берегу, вблизи пруда или озера, и тем более – в лесу. В нём чувствуешь себя невесомым, и потому можно летать, не ощущая своего тела. Маленькие рыбки и раковинки в воде становятся большими, вместо неба там – прозрачное зелёное стекло, за

которым облака превращаются в гигантских рыб, а вместо земли – разноцветные камешки и волнистый песок. Солнечные зайчики на нём такие же неуловимые, как и наверху, но прохладные, схожие на ощупь с колышущимися лиловыми водорослями. Ничто под водой не отбрасывает тени, всё призрачно, таинственно, и отчего-то очень близко, даже дорого, так что даже не хочется всплывать туда, где ласково припекает солнце.

Удивлённые твоим появлением рыбки останавливаются напротив, и, так и не разобрав в тебе своего, мгновенно юркают в таинственную холодную темноту. Мысленно сразу стремишься проникнуть туда за ними, а вода мягко укачивает тебя на своих невидимых волнах, постепенно упруго сжимает тело, и ты, несмотря не нехватку воздуха, восторженно понимаешь, как приятно находиться в объятиях воды. У поверхности она тёплая, радостно поблескивает в отражающихся от неё солнечных лучах, и даже резкий запах тины у камышей тоже сладок. Таинственно и маняще водное царство, и разве минует оно внимания любознательного мальчишки?!

Когда я только первый раз нырнул и открыл глаза под водой, оказалось, что это совсем не страшно, мне вдруг захотелось вглядываться в этот мир бесконечно, узнавать о нём всё больше и больше, запоминая каждую мелочь. Неизвестное всегда страшит, хотя, как убеждаешься впоследствии, в нём нет ничего пугающего: человек и подводную темноту наделяет тем, чего она не содержит. На деле нас влечёт в неизведанное неразгаданная тайна, желание, чтобы мир оставался неиссякаем для интересных и захватывающих событий.

Тебе, вроде бы, уже всё знакомо на родном деревенском пруду, с его затопленными колодами, прибрежными корягами, зарослями осоки и камыша, загадочными чёрными елями, склонившимися над его покойной водой, островками изумрудных водорослей, но, всё же, что-то самое главное, чего ещё не видел, будоражит твоё воображение, и ты ожидаешь с ним встречи. Очень может быть, что именно сегодня, на этом лесном берегу, я зайду в воду, погружусь туда с головой, и тайное неожиданно откроется мне, и я не испугаюсь, а обрету какое-то важное знание. Как это просто и радостно – ничего не бояться, и стремиться всё в жизни узнать!

После того, как родители подарили мне маску и дыхательную трубку, подводный мир открылся предо мной уже во всей своей красе! Стройные рыбки, со светящимися серебряными боками, словно ласточки в июльском небе кружат вокруг, близко подплывать остерегаются, но при всяком удобном случае так и норовят рассмотреть меня получше, будто ненароком оказываются перед самой маской, а затем бросаются врассыпную. Вода сильно увеличивает предметы, и сквозь толстое стекло они представляются совсем в ином виде: неказистые пескарики вдруг превращаются в изящных и загадочных обитателей пруда, а подвернувшийся однажды у самого берега извивающийся уж так напугал меня своими размерами, что я выпрыгнул из воды!

Совсем неприметные раньше мальки через стекло маски и вовсе вырастают в гигантов, и когда они дружной стайкой устремляются навстречу, кажется, что на тебя надвигается какое-то мохнатое чудовище. Красавец-окунь в сравнении с ними – настоящий великан, нацелил свои страшные спинные иголки в подводную пустоту, и все сразу расступаются перед ним. Только зубастая щука, наверное, не боится бравого окуня, - вот бы её увидеть!

Даже обыкновенные раковинки-перловицы, в обилии устилающие озёрные и речные плёсы, здесь, под водой, становились величиной с кулачок, так что хотелось завладеть каждой, заглянув вовнутрь: а вдруг там прячется драгоценная горошинка? Полдюжины таких тусклых жемчужин уже хранились у меня на подоконнике, в спичечном коробке, и на солнечном свету они преображались, вспоминая, наверное, речную прохладу, струящийся жирный песок и ярко-зелёные водоросли. Всегда приятно было проплывать над ними, чуть прикасаясь к их покатым, бледновато-серым бокам, но они никогда не казались при этом скучными…

В солнечный день под водой даже весело! Зелёные водоросли на мелководье колышутся в такт мерно набегающей волне, будто играют в какую-то свою, понятную только им игру, пытаясь ухватить меня за запястья и щиколотки, отчего становится щекотно. Из холодной сумрачной глубины выбираются на волнистый песок грязновато-карминные раки – принять солнечную ванну, и замирают там, пока солнышко не переместится к береговым камышам: тогда они недовольно начинают шевелить усами, не зная – куда себя деть. Рак – не рыба, ему спешить некуда, и начинает он тогда пятиться обратно в глубину, там ему, видимо, спокойнее.

А ещё под водой происходит удивительная игра света… Стоит только солнцу выглянуть из-за облаков, - розовые, золотые, кремовые лучи, необычно преломляясь при проникновении в воду, устраивают между собой весёлую толкотню: кажется, тронь их – и они тоненько и радостно зазвучат. Этот удивительный перезвон под водой представляется очень ласковым, он укачивает и навевает приятные тёплые думы. Ты – и не на небе, и не на земле, а среди того, что прекрасно и неведомо, необычайно притягательно, где забываешь о самом родном, и живёшь только тем неизведанным, что таится в глубине.

Отчего-то притягивала к себе именно неясная и непонятная темень, которой бы следовало остерегаться, даже – страшиться, как это происходило со многими деревенскими жителями, искренне верящими в существование водяных и русалок. Но меня неудержимо влекло туда, в холодную таинственную глубь, и пусть её нельзя было сравнить с морской пучиной, незримая бездна обыкновенного деревенского пруда, всё же, манила меня не меньше. В глубине души я знал, что там, на самом деле, не страшно, и всё скрытое обязательно откроется когда-нибудь необъятной радостью. «Тиха вода в пруду, да омуты глубоки», - поучала меня бабушка, но я ничего не мог с собой поделать: здорово было бы заглянуть и туда!

Только занимается над лесом ласковая июньская заря, а я уже с маской и трубкой бегу на пруд, где у берега, в привольной солнечной тиши, паук-бокоплав ловко скользит по глади воды на своих невидимых ходулях, тоже радуется жизни. Под растопыренной корягой бойко снуют головастики, солнце щедро распахнуло свои объятия надо всей деревней, и восторгу моему не уместиться во взбудораженном всем происходящим сердце. Мир и благодать там, где есть солнце и вода, её чудесное прохладное таинство, бросающее от счастья сопричастности с ним в дрожь, и как не принять его, не восхищаться им?!

Как вообще можно жить без радости? – думалось всегда возле воды, в зарослях камышей, на краю полянки, обрывающейся высоким берегом к тихо струящейся реке. Если есть вода, чудный берег, поросший осокой, потаённые заводи с кувшинками и краснопёрыми окунями, то это всегда так хорошо, свободно и радостно. И эту радость могут переживать и другие люди, все, у кого при одном виде синеющей водной поверхности и туманной дымки над ней, замирает сердце. Как возможно себе представить жизнь без лесного озера, уютного пруда под деревенской мельницей, свежего ветерка с воды, поутру, что приносит только доброе настроение?! С детства был я захвачен миром воды необыкновенно, а мир этот отвечал мне своею любовью.

И вот, мы сидим на юте, с молчаливой сосредоточенностью отскребая с лееров облупившуюся в рейсе краску. Над нами повисает скучное слово «перестой», что вынуждает вести совершенно безрадостный образ жизни, приводя судно в надлежащий порядок. Скоро нам наскучивает это занятие, и мы бросаем работу, без всякого внимания разглядывая прибрежные голые сопки, словно повисшие в туманной дымке, над самой водой.

Солнце припекает, хотя его ещё не видно из-за густой пелены, объявшей все портовые постройки, «гансы» и прижавшиеся друг к другу сейнеры. Только пришедшие с моря, они выглядят уставшими, осунувшимися. Где-то жалобно вскрикивают невидимые чайки, и тотчас замолкают… Влажно, душно, и ничего не хочется делать.

Под бортом размеренно плещется полное тайн Японское море, тайны его так и остаются для меня неразгаданными. Я полюбил это море, именно оно сейчас представляет для меня сокровищницу жизни. Там, в глуби, таятся какие-то неизведанные жизненные переплетения, о них даже страшно помыслить, но они есть, и мне начинает нравиться думать о них, воображая – как всё гармонично сложится, когда, наконец, удастся, хотя бы ненадолго, проникнуть в эти чудесные морские секреты…

Хорошо в море просто быть… В самой его глубине, в его необъятном чарующем пространстве, где с радостью отдаёшься на волю нескончаемых волн, и чувствуешь себя счастливым. И хотя ты не в силах до конца постичь все тайны неведомой морской пучины, к тебе постепенно

приходит понимание, что счастье – это ты сам, и оно, как и море, живёт всегда рядом, в самом тебе.

И, вроде бы, совершенно естественным оказывается появление на корме матроса с газетой «Советский Сахалин», что он небрежно роняет возле меня, явно желая избавиться от наскучившего времяпрепровождения, а в газете, на последней странице, крохотное объявление: «Завершается набор курсантов в Школу аквалангистов в городе Южно-Сахалинск. Срок обучения – 4 месяца. После успешной сдачи экзаменов, курсантам будет предложено отправиться в экспедицию, в качестве ловцов морских продуктов, на юг острова Сахалин, в лагуну Буссе».

«ЛАГУНА БУССЕ»

Обучение в Школе аквалангистов пролетело незаметно, и когда я узнал, что нам предстоит почти два месяца добывать на юге Сахалина, в лагуне Буссе, трепанг, то был озадачен: никогда до этого я ничего не слыхал об этом морском животном, и даже ни разу его не видел. Трепанг представлялся мне странным существом, по рассказам одного бывалого подводника напоминающим огромную подводную гусеницу, покрытую рядами крупных конусообразных выростов. Как он мне потом объяснил, это – промысловый вид голотурий, относящийся к классу типа иглокожих морских животных, научное название – Стихопус японикус, и достигает он в длину тридцати сантиметров. Рот у трепанга обычно находится на переднем конце тела и окружён венчиком щупалец с известковыми спикулами, на спине же – мягкие выросты, наподобие округлых рожков. Цвет преимущественно тёмно-коричневый, чёрный и даже фиолетовый, очень редко – белый, а обитает трепанг в защищённых от штормов бухтах, где илисто-песчаные площадки располагаются рядом с россыпями камней и зарослями морских водорослей.

После всего услышанного воображение, конечно, рисовало мне что-то подобное, но ясной картины, всё же, не возникало, перед внутренним взором всплывали уж совсем какие-то фантастические очертания этого неведомого животного, и мне не терпелось поскорее отправиться в экспедицию. Мы только что окончили Южно-Сахалинскую школу аквалангистов, никто из нас ещё толком не знал моря, то есть – не опускался в лёгководолазном снаряжении под воду, исключая занятия в бассейне, и все с полной ответственностью готовились к поездке, в который раз перебирая акваланги, приводили в порядок компрессор и отливали из свинца грузовые пояса… Требовалось также подобрать себе удобную маску и подходящий загубник для дыхательной трубки, именно по своему размеру, не перетягивающие ноги ласты, неопреновый костюм мокрого типа. Можно было, конечно, погружаться и в сухом, непроницаемом для воды «Садко», но у него был ряд значительных недостатков, проявляющихся при длительной и напряжённой добыче морских продуктов, и все старались раздобыть себе костюм именно мокрого типа, в который, прежде всего, легче было облачаться.

Отечественная промышленность в те годы почти не выпускала подводного оборудования, и приходилось многое дорабатывать самим, всеми правдами и неправдами пытаясь раздобыть что-нибудь из японского, шведского или американского снаряжения. Стоило всё это, понятное дело, немалых денег, и мы, не колеблясь, отдавали последнее, только бы завладеть боксом для фотокамеры, монометром или подводным ножом. Мы жили морем, мечтали о захватывающих впечатлениях, и нашими неоспоримыми кумирами были Жак Ив Кусто и Жак Майоль, чьи книги только стали появляться в печати.

Пари знакомстве с лагуной Буссе, она показалась нам совсем небольшой. Но впечатление это продержалось до первого спуска, после которого она сразу стала восприниматься огромной. Когда наша дорка направлялась к дальним участкам, отведённым для ловли трепанга, то не покидало ощущение, что мы стоим на месте.

Окружающие лагуну высокие сопки, теряющиеся в голубой дымке, оставались неподвижными, только вода усыпляюще журчала под бортом. Солнце, отражённое от воды, слепило умиротворённым светом. Возле проплывающей мимо устричной банки вольготно покачивались на волнах чайки. Кажется, совсем близко взлетают впереди ярко-красные кухтыли, отмечающие район добычи, но идти до них приходится более часа. В эти томительно тянущиеся минуты лагуна сама представлялась небольшим морем.

Бывало, погода начинала портиться, задувал холодный упругий ветер, а солнце светило по-прежнему ослепительно, будто даже ещё ярче, но нас ничего не останавливало, и мы продолжали добычу трепанга. Волны окатывали с головы до ног, плескали искрящимися на солнце солёными брызгами в лицо, и наши маленькие судёнышки тоже, то ныряли в глубокую до черноты синь исчезающей под носом волны, то, до приятной дрожи в ногах, легко возносились к солнцу. Всё в тебе играло, и дух захватывало от непередаваемо радостного возбуждения при переживании происходящего.

Ощущение полёта, длящееся почти весь путь до синеющего у горизонта мыса, не покидало, помнится, ни на минуту. Бело-голубое небо кренилось к самой воде, рискуя опрокинуться в переливающуюся морскую гущу. Оно отражалось в матовых каплях, цепляющихся за лобовое стекло дорки, и вся лагуна Буссе представлялась какой-то волшебной природной чашей, в которую нам, к счастью, довелось попасть.

Когда на лагуну наползал густой туман и очертания берегов стирались из вида, водное пространство лагуны и вовсе воспринималось бесконечным. В такие пасмурные дни от подводного пейзажа веяло тревожной суровостью. Был он однообразным, серовато-зелёным, и, проплывая над его потаёнными уголками, туда совсем не хотелось погружаться.

А вот юго-восточный ветер всегда приносил с океана не только туманную влагу, но и затяжное ненастье, над островом шли нескончаемые дожди, мутные волны с шумом накатывались на берег, срывая с подводных камней морские водоросли, и выбрасывали их туда, где песок заканчивался, и начинались заросли шиповника с шелковистой травой. Под водой все обитатели прятались, уходя на глубину, и там воцарялся непроницаемый мрак и какая-то неприкаянная пустота. Когда же ветер начинал задувать с материка, небо постепенно прояснивалось, выглядывало солнце и море успокаивалось.

У берегов южного Сахалина и Курильских островов многочисленны глубокие заливы и бухты, изобилующие растительным и животным планктоном, зарослями водорослей и поселениями донных моллюсков, и

лагуна Буссе – уникальный водоём такого типа. Стоит только подойти к урезу воды летним солнечным утром, взглянуть на окружающие лагуну голубые сопки, чуточку вздрагивающие в насыщенном теплом и светом воздухе, и вы почувствуете удивительную особенность пребывания рядом с тем, что уже само по себе представляет особое внутреннее море… Совершенно неповторимая по своей подводной флоре и фауне лагуна, соединяющаяся с открытым Японским морем посредством узкой протоки, где скорость приливного и отливного течения за множество лет сформировала своеобразный подводный каньон, невольно завораживает…

Существование каньона угадывается по устремлённому потоку воды на поверхности протоки, но под водой вашему взору предстанет промытый за тысячелетия коридор, глубиной в три-четыре метра, а шириной - в пять. На дне этого каньона мы впоследствии не раз находили свидетельства стоянки древнего человека – каменные топоры и чаши. Помнится, меня поразил однажды обнаруженный там нефритовый топорик, с идеально выточенными на нём, крест на крест, бороздками для крепления к древку…

Если в нескольких словах постараться выразить суть этой удивительной лагуны, то к ней определённо бы подошли слова – «райский уголок». Конечно, подводная красота лагуны не идёт ни в какое сравнение с неподражаемым великолепием подводного мира Сейшельских островов, которое со знанием дела описывал Жак-Ив Кусто, но для умеренных широт – это совершенно исключительное место.

Лагуна невелика, площадь её чуть превышает сорок квадратных километров, длина береговой линии 27 километров, а максимальный поперечник – около 9 километров. В ней преобладают глубины от трёх до шести метров, но в некоторых местах достигают и десяти. На песчаных и песчано-илистых субстратах в ней произрастают ценные морские травы и водоросли – зостера, филлоспадикс, саргассум, но наибольший интерес представляет анфельция, многолетнее растение с продолжительностью жизни в 10-15 лет. Из неё можно получать агар-агар – растительный студень, без которого не обойтись при изготовлении духов и мармелада.

Здесь обитают также приморский гребешок, гигантская устрица, трепанг, креветка травяной шримс, королевский, волосатый и японский краб, попадается гребешок Свифта и голубые мидии. Районы распространения промысловых беспозвоночных совпадают с зарослями морской травы и водорослей, а оптимальные условия для размножения и роста донных животных и растений приурочены к периферии лагуны Буссе, куда проникают свежие морские воды и где создаются круговые течения. На бурное развитие жизни в лагуне Буссе оказывает особое влияние именно смешивание морских и пресных вод, богатых биогенными веществами.

Дальневосточные моря почти одинаково охлаждаются зимой, а вот летом имеют различный температурный режим. И дело не в том, что в какой-то период года температура для многих живых организмов становится губительной, а в том, что в нужный период всё же наступает необходимый

для жизни температурный режим. Поэтому-то многие, даже субтропические, животные могут жить на крайнем юге Курильской гряды и в лагуне Буссе на Сахалине, хотя на зиму там вода замерзает.

Возникает это удивительное явление природы в результате того, что бухты и небольшие заливы обычно летом прогреваются значительно сильнее, чем прилегающие открытые берега. И чем больше бухта изолирована от моря, и чем она мелководнее, как это являет своим примером лагуна Буссе, тем вода в ней теплее, а значит, есть условия для жизни тепловодных организмов.

При японцах лагуна Буссе носила название Тойбучи, но впоследствии была переименована Н.В. Рудаковским, сподвижником Г. И. Невельского, в честь участника Амурской экспедиции 1849 – 1855 годов – майора Николая Васильевича Буссе. Чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе Муравьёве и назначенный Невельским начальником острова Сахалин, Буссе пробыл там с 21 сентября 1852 года по 1 апреля 1853 года. По возвращении в Иркутск, он управлял штабом войск Восточной Сибири, в котором сосредотачивались все дела по управлению Амурским краем, и, наконец, с 1858-го по 1866 год был военным губернатором Амурской области. Умер в 1866 году.

Сколь отличны в своих действиях Невельской и Буссе, видно из того, что первый не побоялся дипломатических осложнений с Китаем, не поостерёгся действовать вопреки приказаниям правительства, когда ему воспрещалось идти в Татарский пролив и, тем более, в устье Амура, а он пошёл на свой страх и риск, и доказал судоходность Амура и то, что Сахалин является островом; второй же, воспитанник Пажеского корпуса и гвардейских вахтенных парадов, не имел гражданского мужества и в малом превысить имевшиеся у него приказы даже тогда, когда видел, что они повлекут за собою ущерб для дела… Так Буссе поступил в отношении экипажа транспорта «Иртыш», который отправил без продовольствия в Императорскую бухту, и тем самым явился непосредственным виновником гибели многих людей от голода. Нелицеприятно и его равнодушие к исследованиям южной части Сахалина, которые он обязан был производить на острове с осени 1852 года по весну 1853-го. Зато в своих записках, изданных родственниками Буссе после его смерти, он во многом приписывает успех освоения дальневосточных земель себе, тогда как для этого нет никаких оснований.

Кстати, когда я узнал обо всём этом, что касается деятельности Буссе на острове, мне даже стало не по себе, поскольку работая потом не один год в лагуне на добыче трепанга и переживая все прелести подводного труда вместе со своими друзьями, я и подумать не смел, что имя Буссе так замарано. Нам всем представлялось тогда, что эта необычная и красивая фамилия обязательно связана с каким-то подвигом, в ней нам чудилась одна романтика, и мы, конечно, не догадывались – что здесь, на юге острова, происходило на самом деле сто тридцать лет назад.

А вот что касается Н.В. Рудаковского, то он, в отличие от Буссе, довольно тщательно исследовал западный и восточный берега залива Анива. Рудаковский был первым из европейцев, который дал о нём основательное и подробное представление. Он заключил, что лагуна Буссе – это замечательное место, удобное для зимовки судов, сидящих в воде до 5 метров, и оно единственное на всём восточном берегу острова Сахалин от 54 до 46 градуса широты, где, по-видимому, могут безопасно зимовать суда, правда, небольшие. Для окончательного решения, в какой степени безопасна здесь зимовка, предстояло сделать точные промеры и наблюдения над ветрами, а также проследить состояние залива во время закрытия и вскрытия его ото льда, и всё это можно было бы произвести экспедиции Буссе в 1852 – 54 годах, но он опять же не обратил на это должного внимания, хотя это обстоятельство составляло одну из его важнейших обязанностей…

И так, лагуна Буссе… Пожалуй, это – жемчужина из всех сахалинских мест на юге острова, где мне удалось побывать под водой. При первом спуске душу мгновенно охватили острые ощущения, которые поначалу совершенно ошеломили. Они были довольно противоречивы, и, вместе с тем, растерянности я не чувствовал, словно уже когда-то, давно, бывал под водой в открытом море. Но настроения неземного покоя я тогда в полной мере всё-таки не заметил, поскольку ещё не испытывал в нём какой-либо потребности. Волнение быстро сменило очарование от всего происходящего, и оно не покидало даже при самом крайнем напряжении.

Когда я первый раз увидел, как в мутновато-зелёной воде на белом песчаном дне пестреют фиолетово-коричневыми пятнами неподвижные для глаза голотурии, то на секунду опешил: уж слишком неожиданными показались эти существа, больше похожие на сухопутных гусениц. Мягкие выросты действительно обильно покрывали тело трепанга, правда, только его верхнюю выпуклую сторону, нижняя была плоская и усеяна множеством амбулакральных ножек, таких же, как и у морских звёзд. В этой прохладной безмолвной среде трепанги выглядели упругими, с ядрёными пупырчатыми боками огурцами, и, проглядывая меж тонких и блестящих полосок филлоспадикса, представлялись не в меру загадочными созданиями в глубине невыразимо сказочного огромного аквариума.

Словом, при первом столкновении трепанги восхитили меня своим спокойствием и необычной формой. Похожие, действительно, на гигантских гусениц, они казались совершенно неподвижными, и странно было встретить их именно такими, скорее - земными, а не морскими, здесь, под водой. Всё песчаное дно было усеяно замершими животными, которые, как я узнал позже, передвигаются почти незаметно для глаз. Жаль было привыкать к их приятно упругим, словно надутым телам, ведь нам предстояло собирать трепанга вручную целых два месяца, и он мог за это время порядком надоесть.

Но этого почему-то не происходило… Сначала кажущиеся чёрными, трепанги, по мере приближения приобретали свою истинную окраску –

тёмно-коричневую, почти шоколадную, и их продолговатые тельца на вид представлялись достаточно аппетитными. Как-никак, трепанг – любимое лакомство китайцев, кулинарное искусство и вкусы которых не требуют рекламы, и в дальневосточной кухне ему не зря отведено достойное место.

Но и крабы не брезгуют деликатесом. Не раз приходилось мне наблюдать, как воровато-наглые тельмессусы, очень подвижные и настороженные крабы, при приближении ныряльщика опасливо замирают у своей жертвы и вскидывают клешни, не желая покидать место пиршества, а то и вовсе, разгорячившись и обхватив свободными лапками покорно-неподвижную добычу, ловко ускользают с ней в густую зостеру. На гладких лиловых боках трепанга от таких объятий остаются голубовато-сизые язвы, поначалу вызывающие у нас недоумение.

И вот она, разгадка: виновники – крабы. Тонкая слизистая оболочка голотурий и притягивает коварных чревоугодников, которые, удобнее взгромоздившись на покорные жертвы, обсасывают их сочный эпителий. Крабы гурманят в любую погоду на холодном дне жемчужины-лагуны, чувствуя себя в безопасности.

«Трепанг» - слово малайского происхождения. Название это звучно, колоритно и загадочно. Сразу представляется что-то фантастическое и очень вкусное. К сожалению, мне так и не удалось обнаружить значение этого слова, но произносить его было приятно, как будто ты открывал для себя нечто удивительное, причащаясь к какой-то обворожительной морской тайне.

Трепанг и сам необычен на вид, и как уже говорилось – имеет чаще всего тёмно-коричневый, бордовый или чёрно-фиолетовый окрас, но встречаются и жёлтые разновидности, даже – зелёные, и очень редко – совершенно белого цвета. Именно такие альбиносы породили среди промысловиков стойкую легенду о голубом трепанге, имеющем сверхецелебные свойства и потому невероятно высокую цену. Самому мне посчастливилось только пару раз находить белого трепанга, и я подтверждаю, что он действительно имел нежный голубоватый оттенок.

По-видимому, голубого трепанга не существует, и им называют, скорее всего, именно белого-альбиноса. Издали такой трепанг кажется белым, но по мере приближения приобретает нежную голубизну, а у оснований шипов даже розоватые оттенки, поражая своим необычным цветом среди коричневых и фиолетовых собратьев. Если встречаются в природе белые вороны или киты, то почему бы не быть альбиносом трепангу, тем более – с голубоватым отливом?!

Не зря этот морской «огурец» получил название «морского женьшеня», как его называют в дальневосточных странах. Японские целители прописывают переутомлённым и ослабленным людям употреблять в пищу именно трепанга. При умелом приготовлении трепанг очень аппетитен, имеет своеобразный и тонкий вкус, а при кажущейся твёрдости – довольно мягок. Нужно только правильно его обработать, ни в коем случае не

переваривая и лишь обдав кипятком, но лучше подержать с полчаса над паром: тогда трепанг сохраняет нежность, даже некую изысканность, подавать же его можно в любом виде – варёном, обжаренным с луком, и даже – сырым, с добавлением разнообразных специй.

На добыче трепанга к нам в бригаду был вызван рыбокомбинатом повар-кореец, который привёз с собой маленький чемоданчик со всевозможными специями. Когда он открыл его – мы все замерли от увиденного: в отдельных отсеках красовались разноцветные пряности с загадочными корейскими названиями, и всё это были переработанные и высушенные, по строгому рецепту, морские водоросли. Именно ими повар-кореец, впоследствии, сдабривал наши обеды и ужины. Особенно запомнился холодный салат из сырого, мелко порезанного трепанга, с добавлением чимчи – корейской капусты, кальмара, моркови, лука и красного перца. Сначала вся эта смесь приятно обжигала рот, но потом вдруг по нему растекалась необыкновенная свежесть, а ещё через какое-то время появлялся изумительно тонкий аромат, описать который невозможно. Нечто очень душистое, сочное, и, главное, сытное, чего, собственно, нам и не доставало после изматывающего труда под водой. Сырой трепанг добавлял силы, очень быстро восстанавливая истраченную энергию.

Помнится, мы не сразу с доверием отнеслись к пока неизвестным для нас блюдам корейской кухни, во многом основанной на морских деликатесах, но постепенно, по мере улучшения собственного состояния во время добычи, признали, уже не мысля себя без них. Вообще, морская кухня на удивление проста, вкусна и целебна, я отчётливо и с радостью ощутил это потом, за долгие годы работы в море. Даже, если дело касалось обычной рыбы, того же минтая, который всегда был свежим и оттого непередаваемо вкусным, не идущим ни в какое сравнение с тем, что мы покупали в наших магазинах на материке. Что же касается трепанга, то он представлял из себя очень ценный морской продукт, поскольку состоял почти из цельного мяса с очень пикантным вкусом, удалялись из него только ротовые спикулы-радулы и жиденький тоненький кишечник, всё же остальное могло быть употреблено в пищу.

Мне пришлось по душе рагу из трепанга, приготовленного с чилимами, молодыми побегами бамбука, черемшой и обязательным использованием корейских пряностей. А ещё – обжаренный трепанг в сухарях с луком!

На Филиппинах, например, распространено употребление трепангового супа, в который добавляют телятину, а подают, охладив льдом. В Японии с давних времён заготовляются впрок внутренности трепанга. Тщательно промытые в морской воде, они обсыпаются солью, развешиваются на тонких жердях, затем складываются в горшочки и тушатся, сдобренные кусочками курицы или рыбы, а также уксусом и перцем.

А вот консервы из трепанга в собственном соку замечательны тем, что при стерилизации мясо его выделяет значительное количество бульона, что улучшает вкус консервов, и особенно они хороши из варёного трепанга или

обжаренного в растительном масле с томатным соусом. Очень своеобразны на вкус и консервы из варёного трепанга с гарниром из овощей и морской капусты.

Неумолимая статистика морских богатств подтверждает, что мясо трепанга содержит меньше белков, чем мясо морских моллюсков и ракообразных, но зато в нём значительно больше минеральных веществ. Трепанг содержит в тысячу раз больше соединений меди и железа, чем рыба; во сто раз больше йода, чем другие беспозвоночные; в десять тысяч раз больше йода, чем мясо. И при этом трепанг воспринимается естественно, легко, как нечто очень питательное, насыщенное ароматом моря, и к чему просто нужно привыкнуть, что, впрочем, происходит очень скоро.

Для полноты восприятия трепанга следует ещё дополнить его портрет тем, что на переднем конце тела/ именно переднем, а не головном, поскольку голова у трепангов, как и у всех иглокожих, отсутствует/ расположен рот, окружённый венчиком крупных тёмных щупалец. Щупальца голотурий – сильно изменённые амбулакральные ножки. У трепанга нет специальных органов чувств, он совершенно слеп, и потому функции органов осязания выполняют ножки и щупальца. На вершинах спинных выростов расположены папиллы – тоже бывшие ножки, утратившие функцию движения и служащие только для осязания. Но как тогда трепанг перемещается?

В стенках тела трепанга находятся кольцевые мышцы, при сокращении которых тело его утончается и удлиняется. По внутренней же поверхности стенок тела хорошо заметны пять продольных двойных мышечных лент, и при их сокращении тело трепанга уже укорачивается и утолщается. Всё это происходит очень медленно, незаметно для глаз, и, участвуя в добыче трепанга чуть ли не каждый год, я только однажды наблюдал, как он приподнимается при размножении, разбрасывая семя, но так, ни разу, и не увидел, как он передвигается.

Конечно, трепанг – весьма примитивное животное, про него без увеличения можно сказать, что он живёт, чтобы есть. Вот одно из щупалец вытягивается вперёд и своим концом как бы прилипает к грунту, после чего тут же втягивается в рот, а на смену ему приходит следующее. Захватывается самый верхний слой грунта с разложившимися останками животных и растений, чем трепанг очень напоминает известного всем дождевого червя.

Содержание органики в грунте невелико, поэтому, питаясь столь некалорийной пищей, трепанг вынужден есть непрерывно – и днём, и ночью. Из анального отверстия на заднем конце тела он время от времени выбрасывает с силой песчаные колбаски, по которым можно проследить путь трепанга. Иногда колбаски расположены довольно далеко друг от друга, иногда – кучкой: здесь трепанг набрёл на богатое питательной смесью место.

Трепанг живёт своей незаметной, скрытной жизнью, и убеждаешься в этом - только когда его потревожишь. Но он очень крепко цепляется присосками на концах ножек к грунту, так что нередко при попытке поднять

животное – часть ножек отрывается. Стоит взять трепанга в руки, в особенности – на поверхности, как он сильно сжимается, мягкие шипы его тотчас исчезают, и весь он превращается в слизкий плотный комок неопределённой формы. Трудно после этого сохранить к нему восторженное отношение.

Тем более - нелегко обрабатывать его ускользающее из-под ножа тельце. Острый нож норовит резануть вспухшие от работы пальцы, трепанг упрямо не даётся, будто не желая быть выпотрошенным и очищенным от ротовых спикул. Словно живое, прибывающее месиво из него на дне кунгаса обжимает сапоги вязкой прохладой, сдавливает всё сильнее и не даёт возможности переступить. Взобравшееся к зениту солнце неумолимо печёт наши головы, лица горят от крепкого загара, а трепанга, кажется, ничуть не убывает. Обработка его идёт полным ходом!

А бывает, над лагуной опускается промозглый туман. Или нескончаемый дождь принимается испытывать наше терпение, льёт целый день, к тому же – задувает пронизывающий ветер, волна сердито бьёт в скулу кунгаса, но работа всё равно не прекращается: трепанг поднимается со дна, обрабатывается, и всё труднее становится переставлять затёкшие ноги в этой холодной хлюпающей массе. Болотные сапоги расправлены уже до самого верха, а трепанг всё поступает, вываливается из питомзы прямо на стол, вернее, доски, проложенные поперёк судна от борта к борту. Обработчики стоят по обе стороны от импровизированного стола, и только успевают разрезать трепанга вдоль, ловко отсекая ротовые спикулы, после чего разделанная тушка летит вниз, но трепанга не становится меньше. Те, кто наверху, начинают клясть своих товарищей, находящихся под водой: им-то там хорошо, дождь их не мочит, знай, собирай толстые упругие гусеницы, набивая ими до отказа питомзу, да отправляй наверх. Скорей бы и нам под воду!

А на дне в эту пору, несмотря на непогоду, тихо, только вода немного помутнела, и песчаное дно, усеянное трепангом, воспринимается так, будто оно – за стеклом. Но протягиваешь руку – и мясистый упругий «огурец» отправляется в горловину питомзы, затем – другой, третий, и так до бесконечности, когда теряешь ощущение времени, и только стрелка монометра указывает на то, что необыкновенно растянутое подводное нахождение ограничено количеством сжатого воздуха в баллонах твоего акваланга. С лёгкой душой поднимаешься на поверхность: ты неплохо сегодня поработал, и тебе не стыдно перед своими товарищами.

Вообще, водолазный промысел трепанга обычно открывается, как только сходит лёд и продолжается до конца июня, поскольку в июле трепанг начинает размножаться. В период размножения голотурии ведут себя совершенно отлично от своего обычного поведения, когда они инертно лежат в водорослях или на песке, почти не двигаясь. Трепанги неожиданно подымаются на задней оконечности тела, извиваются, и, то и дело сжимаясь,

выбрасывают семя. Это может продолжаться несколько дней, поскольку не все особи достигают половой зрелости в одно и то же время.

Половые органы трепанга представляют собой кисть ветвящихся трубочек, у самок – красновато-коричневого, а у самцов – белого цвета. Икра и семенная жидкость изливаются через проток, открывающийся немного позади щупалец, прямо в воду, где и происходит оплодотворение. Ресничные личинки ведут плавающий образ жизни около полутора месяцев, после чего превращаются в маленьких трепангов, достигающих в длину четырёх-пяти сантиметров. На следующее лето они вырастают до десяти-двенадцати сантиметров, а на третье становятся тридцатисантиметровыми. В общей сложности, если всё сложится благополучно, трепанги проживают до пяти лет.

После икрометания судороги у трепангов прекращаются, и они снова успокаиваются. Можно даже сказать – обессиливают, забираясь в убежище и впадая в оцепенение. Теперь трудно даже представить себе, что эти неповоротливые тёмно-коричневые, фиолетовые и красновато-бурые морские огурцы так отплясывали совсем недавно во имя сохранения вида. Их мускульные мешки потеряли свою упругость, трепанги утратили способность выбрасывать внутренности, и те животные, которые не успели добраться до убежищ, легко превратились в жертву крабов и морских звёзд.

В период оцепенения или, как его ещё называют – «летней спячки», трепанг теряет свои вкусовые достоинства, и его добыча в это время становится бессмысленным истреблением. Восстановление органов трепанга происходит к середине августа, когда можно наблюдать животных с достигшими нормальных размеров кишечником, водными лёгкими и кровеносной системой. Трепанги начинают выползать из убежищ, передвигаться по дну и питаться. Мускульный мешок снова становится упругим, промысел трепангов возобновляется и длится до глубокой осени.

Мы добывали трепанга двумя бригадами, в каждой по десять человек, расходуя за день, в общей сложности, семьдесят-восемьдесят аквалангов. Аппараты забивались сжатым воздухом ночью, в компрессорной, располагающейся прямо на берегу, и отвечали за это два человека, которые днём уже выполняли обязанности мотористов и на двух лодках объезжали подводных пловцов, забирая у них наполненные трепангом питомзы. Питомзы навешивались на специально вбитые в борта лодок штыри, чтобы сама сетка оставалась в воде, и трепанг не пересыхал, затем доставляли трепанга к причалу, где его принимали рабочие рыбокомбината. Там трепанга вываривали в специальных котлах, солили, опять варили, обваливали в пудре из древесного угля и сушили – вначале на солнце, а потом в специальных сушилках. Готовый трепанг приобретал вид чёрных шиповатых цилиндриков, которые могли храниться годами. Их оставалось только отмыть от угля, слегка отварить – и вкусный питательный и полезный продукт оказывался у вас на столе.

От каждого ловца требовалось собрать как можно больше трепанга из расчёта на один акваланг. Трепанг собирался, как уже говорилось, в специально изготовленные для этого питомзы, состоящие из железного круга-горловины и метровой сетки-плетёнки. Когда воздух весь «съедался», а происходило это в пылу работы молниеносно, акваланг заменялся на полный, и работа продолжалась.

При умелом расходовании воздуха, акваланга обычно хватало на 35-40 минут. За это время опытный пловец способен был поднять на поверхность до четырёх, а при достаточном обилии трепанга – шести питонз. Не набранные до конца, они почти не ощущались под водой, но наполненные доверху – волочились по дну с трудом, что требовало достаточной физической подготовки. Запыхаться в подобных условиях – означало начисто сбить дыхание, а это уже грозило опасностью для собственной жизни.

В подъёме же тяжёлых сеток пловцу помогал пенопластовый круг-буй, привязанный тонким фалом к поясу, со стороны спины. Буй неотступно следовал за пловцом на поверхности, одновременно указывая местонахождение пловца и выполняя роль опоры при всплытии. Аквалангист, что было сил, подрабатывал себе ластами и свободной рукой, желая только одного – быстрее выбраться с не пускающим грузом на долгожданную поверхность. Порой приходилось работать ластами с огромным напряжением, так что начинало казаться – тебе уже никогда не подняться наверх, и всё же, в конце концов, ты преодолевал сопротивление, вырываясь к свету.

В ожидании, когда подойдёт катер и моторист заберёт набранный трепанг, можно было лечь на пенопластовый круг и передохнуть, ни о чём не думая, что абсолютно исключено в его отсутствие. Получив же новую питомзу, ныряльщик немедля опускается на грунт. Гул уходящего катера какое-то время сопровождает его, но вскоре затихает, и пловец опять остаётся один на один с подводной тишиной.

Использовав два-три акваланга, ныряльщик поднимался на кунгас, переодевался, завтракал и вставал на обработку, подменяя там того, кто уходил под воду. Трепанг, таким образом, поступал без конца, и мы с трудом успевали его шкерить. Выпотрошённые органы выбрасывались за борт, где их тотчас подхватывали вездесущие краснопёрки. Монотонность обработки трепанга наверху - ни шла, ни в какое сравнение, со сбором его под водой, и все рвались лучше отработать две смены внизу, в холоде, чем потрошить выскальзывающий из рук трепанг.

Вечером катер трогался к пирсу, и загруженные под самый фальшборт кунгасы послушно следовали за ним. Утомлённые пловцы трепанга молча сидели по бортам и словно заколдованные смотрели на убегающую голубовато-зелёную воду. Перекидываясь редкими шутками, каждый из подводников наслаждался достигнутым покоем и думал о своём. Так продолжалось изо дня в день, и однообразие изнуряющих спусков

сглаживалось забавными встречами с подводными обитателями или же вот такими умиротворяющими возвращениями на берег.

Иногда под водой действительно происходило что-нибудь необыкновенное, и это вскоре становилось предметом самого пристального обсуждения. Прокусит ли кому-либо резиновую ласту резвящаяся нерпа, или незадачливый член бригады уйдёт под воду с неисправным лёгочником, так что сразу выскакивает оттуда пробкой, успев при этом пропустить пару-другую стаканов придонного слоя воды, а то вдруг вцепится в его неопреновую перчатку своей отвратительной пастью « морская собака» - зубатка, - всё это, несмотря на явную опасность, веселит неунывающий подводный народ… Ещё толком не оправившись от случившегося, пловцы наперебой начинают подшучивать над «пострадавшим» до тех пор, пока что-либо из ряда вон выходящее не случается с другим членом бригады. Всю накопившуюся усталость подводные пловцы разряжали именно таким незлобивым способом, и виной всему – трепанг!

А ведь дальневосточный трепанг – всего лишь один вид из более, чем тысячи существующих голотурий, известных науке! Большинство из них обитает на относительно небольших глубинах, некоторые даже в приливно-отливной зоне, но вообще-то голотурии относятся к наиболее глубоководным морским организмам. Их неоднократно поднимали со дна океанских впадин, почти лишённых жизни.

Но, несмотря на то, что все эти голотурии принадлежат одному виду, хотя и делятся на отряды, они всё-таки разнятся в строении тела, поведении и местах обитания. В тропических морях можно встретить и огромных, до метра длиной и в пуд весом, похожих на дыни, голотурий, и обитающих на глубине до 20 сантиметров, лежащих почти вплотную друг к другу, так что некуда поставить ногу. Есть голотурии, что всю жизнь проводят под коралловыми обломками или же буравят ходы в толще песка, поедая грунт на пути движения, а некоторые виды определённые часы суток проводят на поверхности грунта, в другое же время закапываются в песок. При этом одни активны днём и ночью «спят», другие, напротив, предпочитают питаться ночью.

Стоит дотронуться до крупной голотурии рукой или ножом, как задний конец тела животного изгибается и через несколько секунд из анального отверстия появляется пучок белоснежных нитей, удлиняющихся на глазах, чего у нашего дальневосточного трепанга никогда не увидишь. Нити приклеиваются ко всему, к чему прикасаются, а пальцы, склеенные ими, невозможно разжать, и их приходится долго отдирать от белой массы. Это – знаменитые кювьеровы органы, чьё строение и роль в организме голотурий во многом остаются загадкой, хотя открыли их более ста лет назад. Очевидно, что кювьеровы органы могут служить голотуриям для защиты от врагов, но сейчас накопилось много фактов, вынуждающих сомневаться в этом: встречаются такие виды, что имея отлично развитые кювьеровы органы, они никогда ими не пользуются.

Ещё одна загадка голотурий – способность выбрасывать свои внутренние органы, например, кишечник. Это также часто объясняют защитными целями – голотурия, мол, избавляется от части своего тела как приманки для хищника, чтобы самой благополучно миновать расправы. В одной из книг я прочитал, что багамская голотурия, обитающая в прозрачных водах Бимини, применяет чрезвычайно эффективный метод защиты от нападающего врага: она разрывает свою собственную клоаку и извергает в воду внутренности, что, как ни странно, не наносит ей никакого урона. Противник же оказывается в облаке разодранных кишок и нечистот. В течение нескольких сезонов добывая в лагуне Буссе трепанга, мне ни разу не приходилось сталкиваться с подобным поведением дальневосточных голотурий, хотя поводов для своей защиты во время того, как мы их добывали, у них было предостаточно.

Имеется и ещё одно объяснение, предполагающее такую естественную для живого организма реакцию, как отбрасывание органов: это – возможность борьбы … с внутренними паразитами. Дело в том, что полость тела голотурий облюбовывают для себя некоторые беспозвоночные, и даже – рыбы. При любой опасности они мгновенно забираются в полость тела своей хозяйки через анальное отверстие. Пока рыбы или рачки – маленькие, они не причиняют особого беспокойства, когда же их величина возрастает, то происходит повреждение внутренних органов голотурий, в результате чего они и выработали такой необычный механизм, как отбрасывание внутренностей.

Правда, отброшенные органы быстро регенерируются: голотурии обладают очень развитой способностью к этому, как и морские звёзды. Стоит трепанга разрезать на несколько частей, как через некоторое время каждая восстановит недостающее и превратится в нормальное животное. Иногда голотурии даже могут размножаться поперечным делением тела на несколько частей. Однажды мы решили проверить способность трепанга к восстановлению и оставили в отмеченном буйком месте нарезанные кусочки трепанга, а через некоторое время их там не обнаружили: успешно восстановившиеся животные расползлись.

Одна из представителей большого отряда голотурий – кукумария, попадается в лагуне Буссе, где мы добывали трепанга. Кукумария, или как её называют в Японском море – кукумария японика, по своему морскому образованию почти всем напоминает трепанга. Как и трепанг, кукумария имеет вытянутое, похожее на огурец тело, но при раздражении, за счёт сильного сокращения мускулов, она сжимается и приобретает почти шарообразную форму. Эта характерная форма тела кукумарии дала повод назвать её «морской картошкой» или «кубышкой». Поверхность тела у неё гладкая, блестящая и покрыта слизистой оболочкой, придающей кукумарии чёрно-лиловый оттенок.

Сила сжатия мышц у кукумарии бывает настолько велика, что под давлением сжатой в полости жидкости оболочка тела её зачастую лопается.

При извлечении кукумарии из воды, упругость тканей животного быстро проходит, а тело приобретает вытянутую, плоскую форму, как бы расплываясь. Такая «текучесть» тканей ведёт к тому, что при хранении кукумарии в решётчатой таре её тело под действием силы тяжести может буквально «вытечь» через отверстия и щели, и эта неустойчивость формы тела затрудняет возможность осуществления её заготовки.

Гладкое шарообразное тело кукумарии напоминает тугой подводный мячик, который почему-то хочется всё время подбрасывать в руке, не относясь к ней так серьёзно, как к трепангу. С трепангом мы её не мешали и старались избавляться, поскольку заготовители отказывались её принимать. И когда кто-нибудь из нас выбрасывал её за борт, то все в шутку произносили: «Ку-ку, Мария!»

Кукумария неподвижно лежит на дне, распустив пышные венчики своих разветвлённых щупалец. К щупальцам прилипают мелкие съедобные частицы, взвешенные в воде, и всевозможная живая мелочь. Кукумария поочерёдно засовывает щупальца в рот и съедает пищу, вроде бы, ведя совершенно безмятежный образ жизни.

Так и трепанг… Медленно, невидимо для глаз человека, продвигается он по дну морской лагуны, прощупывая его своими маленькими щупальцами-ножками, и опять надолго замирает, как будто и вовсе никуда не перемещался. Постепенно складывается такое ощущение, что трепанг всё время находится во сне. Но, тем не менее, во время своих редких прогулок, голотурии, всё же, непрерывно всасывают песок, перемещая огромные его массы, и тем самым способствуют активному перераспределению органических ресурсов.

Трепанг… Необычное чудесное слово, от которого веет не нашими северными морями, а южными, с самыми невообразимыми по красоте подводными пейзажами и приключениями. Недаром название этой голотурии, как уже говорилось – малайского происхождения, но что означает в переводе – никто не знает. Просто – трепанг, нечто загадочное и неповторимое, для него почему-то не нашлось слов на других языках. И какое мелодичное, но, в тоже время, определённое и ясное, открывающее, как волшебный ключик, кладовую удивительных морских драгоценностей…

И так, моё первое знакомство с подводным миром Дальнего Востока состоялось… Я добился, чего хотел: сходил с рыбаками в море, получив, в результате, драгоценный, незаменимый ни чем опыт, прошёл Курсы подводных пловцов и закрепил полученные знания на деле, приобрёл немало друзей, как среди моряков, так и в кругу подводников, полюбил удивительный мир дальневосточной природы с его дикими островами, штормами и водопадами, проникновенной тайной подводных глубин, без которой уже не мыслил своего существования, а главное – мне удалось окончательно осознать свой жизненный путь. Я понял: работая в море, с

удовольствием преодолевая все трудности, совершенно естественные в этой непредсказуемой среде, я незаметно наполнялся его энергией. Это происходило заслуженно, благодаря моим усилиям, и я был счастлив от того, что слагаю свою судьбу. Меня поражало, как легко можно достигать своих целей, просто доверяя себе.

Конечно, при этом мне приходилось преодолевать препятствия в лице людей, что зачастую меня не понимали, не всегда при этом сопутствовала и удача, порой возникали трудности с отсутствием самого необходимого, без чего очень не просто было продолжать дорогу, и, темнее менее, всё рано или поздно устраивалось. Я находил выход из любой, казалось бы, неразрешимой ситуации, и меня всегда, непременно, охватывала радость, что жизнь продолжается, а я исполнил в ней всё, что мог. Вот тогда и приходило ощущение лёгкости, несмотря на тяжёлый труд в море, тем более – под водой.

Подолгу находясь в море, я постепенно стал принимать его полностью, со всем, что оно несёт в себе, и спокойно преодолевал отсутствие земли, морскую болезнь и одиночество, до возвращения на сушу, в общем-то, не претерпевая особого дискомфорта. Земля всё ставила на место, но благодаря длительному общению с морем, я становился самим собой, то есть – духовно сильнее.

«Морем пахнет… Какая проникновенная свежесть!» - так и хотелось воскликнуть, когда мы выходили по утру на наших облупившихся дорках в море… А море ласково раскинулось повсюду, насколько хватало очарованного его тишиной взгляда, и было мне так, что оно всегда такое – до умиротворения покойное, родное. Море не шумело, не сердилось, а приглашало окунуться в свои объятия, и мы безропотно отдавались на его величественную волю. Помнится, мне очень нравилось то состояние моря, часто случающееся именно по утрам, когда оно пребывало в задумчивом безделье…

Вместе с этим необъятным морским пространством что-то ещё более громадное входило в мою жизнь, ему не было имени, но оно наполняло душу простым и в тоже время великим знанием: здесь, в окружении этой неудержимой стихии, с тобой никогда ничего не случится. Мало того, море буде беречь тебя, как свою собственную частицу, и от осознания этого хотелось слиться с ним, и самому стать морем.

«ВДАЛИ ОТ МОРЯ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ И БЛАГОТВОРНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЙ»

Посвящается
– Наталье Евгеньевне
Штемпель

Я возвращался домой, в глубине души невольно ощущая сошествие с недосягаемого когда-то пьедестала, который необратимо вознёс меня на определённую вершину, и в вознесении этом было позабыто однажды оставленное. Возвращение – это в некотором роде насилие над воспылавшим духом, который, обретя желание трудиться и летать, уже требовательно напоминает о недостающем для этого свежем воздухе. Воздух должен быть пронизан чистым светом и надеждой: он непременно призван создавать свободное пространство.

Невозможно себе вообразить, думал я, что поездка бы вдруг не осуществилась… Удивляясь увиденным в дороге неслыханным ранее событиям и сравнивая их с домом, я лишь по возвращении со всей отчётливостью ощутил наметившийся разрыв.

Представший передо мной после долгой разлуки дом вдруг внезапно обрёл свою законченность: с неизменной последовательностью и безразличием он выслушивал внутри себя бесконечные обыденные мелочи и жалобы обитателей. Напоминая о чём-то дорогом, дом теперь уже ничего не давал. Он противоположно отличался от приобретённых в путешествиях веры и знаний, даже не стремясь приблизить к себе, чем-либо завоевать моё внимание. Это совсем не удивило, поскольку в отъезде правда захвативших впечатлений наполнила воображение некоим неизгладимым достоянием, дающимся рано или поздно каждому человеку тем более богато, чем содержательнее он прошёл свою жизненную дорогу.

Увидев всё прежним, не изменившимся в оставленной когда-то жизни, я понял, чего не хочу, по-настоящему боюсь и всеми силами стараюсь избежать: я не желал привыкать к развращающей душу обыденности. Мне уже не хотелось привлекать на свою сторону холодное здравомыслие и осмотрительность, чтобы продолжать удобное и ничем не нарушаемое бездеятельное существование. Я был против того, чтобы зарывать свой талант в землю, по минимуму эксплуатируя данные мне Богом энергию и время, ограничивая себя лишь скороспелыми плодами, удовлетворяющими сиюминутную потребность. И уж само собой разумеющимся представлялось не противопоставлять единственно достойному для человека пути – отчаянное множество шакальих троп, по которым без устали рыскают их обитатели, втайне ото всех радуясь, когда к ним попадает очередная жертва неверия в собственное назначение.

Невежественное отношение к собственным силам – главная болезнь нашего века, призванного, как никогда, возродить их и развить, поскольку незнание всегда приносит душе страдания. Самодовольство умело приноровившихся к себе душевных лентяев уже не способно отличить правду ото лжи. Драгоценное время, проскользнувшее у них однажды меж пальцев, рано или поздно начинает проноситься мимо сплошным потоком. Становясь неудержимым, оно измеряет собой тысячи потерянных для него жизней, оставляя человечеству лишь маленькую толику надежды на возрождение. Даже сама идея обладания журавлём, витающим в недостижимом небе, становится для них порядком захватанной и извращённой, чтобы воспользоваться ей открыто, не вызывая ни с чьей стороны намеренного сопротивления и злых усмешек…

Чтобы попробовать достигнуть давно задуманного, человеку следует самому стать журавлём, а не ловить большую птицу жадным взглядом, уподобляясь тем, кто превосходно обходится такой доступной синицей. Надо суметь оторваться от дома, всего привычного и устоявшегося в нём, от верного достатка на сегодняшний день и располагающего не меньшими надеждами завтрашнего, чтобы, не заблуждаясь понапрасну, для какой-то глубокой человеческой потребности взлететь в высокое небо.

Но великий смысл жизни заключён не в бесконечном отрыве от земли, а лишь в допустимой возможности, вполне реальной и порой осуществимой, взлетев и хорошенько осмотревшись, приземлиться. Не праздника одного ради, а во имя внутренней душевной работы, потому как в полёте успеваешь увидеть и понять гораздо больше. Время вмещает тогда в себя не только всю твою обыденную жизнь, но и мечты, а это уже, значит, б ы т ь, по-настоящему понимая и принимая открывающиеся с высоты собственное назначение и волю.

То, что меня сейчас ожидало, уже не могло не произойти, и время надёжно утверждало свои отличительные знаки, смывая испещрённые когда-то робкой рукой черновики. Впереди лежала жизнь, обещая не то конец света, не то начало весны, а неведомый Воронеж, с его неизвестно для чего удалённой от моря водолазной школой, угадывался в легкой дымке грядущих перемен, потому что энергия поиска в то время как никогда переполняла моё сердце. И ещё вера, что за ближайшим поворотом опять заблестит долгожданное море.

Я так ждал с ним встречи, что в который раз вспомнил оставленную жизнь, заполнившую всё моё недавнее прошлое единственно допустимым смыслом. И сердце вдруг перевернулось от радости, будто съехав откуда-то сверху, с восхитительно недостижимой высоты, и увидело перед собой необычайной красоты море и светлые ряды горных вершин по его берегам. И я стал заново переживать всю эту пройденную уже дорогу с горячим чувством преданности к её крутым поворотам, запахам и теряющемуся в бесконечных далях морскому простору.

Ведь путешествие в душу моря – это, в первую очередь, путешествие к самому себе. Его необходимо непременно преодолеть, в полной мере осознав – кто ты, и для чего сюда пришёл? Только осознав это, ты обретёшь в сердце подлинную радость.

Что может человек знать о превратностях дальнего путешествия, если даже не задумывался о нём, не горел стремлением отправиться в заморские края, ни о чём не мечтал? Всё, что о таком странствии говорили «знающие» люди и писали в книгах, тоже не стало его истинным достоянием. Слова – и ничего более, что с них взять?!

Главное - душевное пробуждение, желание идти, пока, быть может, неизвестно куда, но, непременно, с потребностью сдвинуться с места… Хотя бы, отважиться на этот подвиг, копя уверенность в сердце и решимость для начального шага, вернее – броска в неизвестность, тем не менее, уже обладая зовом дороги. Отчего же так тяжёл человек на подъём, и подолгу не чувствует в себе жизненной силы? Разве совсем не интересны ему предстоящие приключения, новые впечатления и встречи? И как не ощутить при всём этом близость Господа, терпеливо ожидающего от человека справедливого отношения к собственным возможностям, каждый миг ненавязчиво побуждая его к полёту?

Всё в человеке, с самого его рождения, свидетельствует о том, что полёт этот возможен, почему же ему тогда не достаёт самого очевидного: веры в себя и принятие более достойной жизни?! Когда же он обнаружит в своём сердце храбрость, чтобы забилось оно неудержимо, по-настоящему жаждая свободы?!

Возьми за правило, человек, воспитать в себе любовь, чтобы поделиться ей с людьми. Пройди тысячи прекрасных дорог, чтобы увлечь за собой других. Стань неуязвимым для бед и распахни свои объятия навстречу царственной удаче, но не жалуйся, когда жизнь оказывается несправедлива: прими её целиком!

Помни: счастье создаётся твоими шагами на пути к Богу, но нужно положить ни одно существование в поиске удивительных чудес, обрести которые возможно только в дороге. Не требуй от жизни свершения задуманного сразу, не возжелай почестей и побед, ведь отдавая всего себя на возведение собственной неповторимой судьбы, ты переливаешь её незаметно в волшебный меч, благодаря которому завоёвываешь радость любви…

Настоящее чувство начинается там, где не ждут награды взамен собственных душевных устремлений, отдавая себя без остатка, и с наслаждением учатся жить. Любить – значит трудиться, открывая для себя и других огромный, неизведанный мир.

В жизни, конечно, не успеть сделать всего, чего желает твоё сердце, но можно совершить немало интересного, и если это удаётся, и тебе не в чем упрекнуть себя, твой Бог пребывает в радости. И когда ты понимаешь это, то тоже необыкновенно радуешься, восторг от переживания божественного

существования переполняет тебя, и душа твоя уже ни в чём не чувствует ограничений: она – безгранична, как море…

Бывает, оказавшись в незнакомом городе, теряешься и, как бы долго ни находился в нём, никак не можешь открыть его для себя. Порой города вихрем врываются в душу и, перевернув её, столь же молниеносно улетают, оставляя лишь пустоту и утомлённость. А есть города, понимание и любовь к которым приходят как откровение – через любимых людей, значительные события в твоей жизни… И ты оставляешь их в своём сердце навсегда и любишь больше, чем кого бы то ни было. Как будто ощущая в душе праздник…

Таким праздником для меня стали Воронеж, вместе с его рекой, в которой мне пришлось совершить свои первые в жизни погружения в тяжёлом водолазном оборудовании; поэзия Мандельштама, о пребывании которого на Воронежской земле попросил разузнать меня наш пермский писатель Лев Иванович Давыдычев; и женщина… Впрочем, всё по порядку.

Город встретил меня сильной оттепелью. Был он широк и строг в своём каменном одеянии. Широки были его площади, улицы, бульвары, и от этого казался он пустым.

Зима здесь была сродни поздней осени. Над голубовато-серыми и хмурыми зданиями, затянутыми сизой изморосью, неслись с северо-запада низкие, свисающие лохмотьями облака. По нескольку раз на дню, ни с того ни с сего, начинало моросить. И промозглый ветер поднимался колючим и стылым столбом между безликих городских стен…

В такие дни окна домов, исполосованные изнутри душной испариной, сумрачно блестели стекающими по стеклу капельками, отражая в себе серое небо. В воздухе начинало пахнуть сырой древесной корой, кисло-пряной влагой тяжело набрякших мостовых и тротуаров, резко сгустившимся ароматом открытых кофеен и закусочных. Голова с непривычки как-то сдавленно болела, в ушах не проходил гулкий звон, и сердце порой неприятно покалывало.

Непогода длилась несколько дней, но однажды утром в окне мелькнула улыбка чистого неба, а выйдя на улицу, я вдруг ощутил весь аромат ещё невидимых цветов, плодов и листьев. Душисто-терпкие прозрачные молекулы пробуждающейся жизни набились до отказа в организм, толклись в нём весёлою гурьбою, и велели лететь в звенящей синеве, словно ты чудесный шар воздушный. Так женщина иная дыханием обдаст душистым, бесследно ускользая мимо…

С ясными погожими днями пришло желание жить, учиться и ни о чём другом не думать. Уплотнённый график в школе, не позволяя ненужного расслабления, в то же время высвобождал час-другой для занятий в бассейне. Никакой устный рассказ не в состоянии был достоверно передать те эмоции,

которые я пережил, впервые опустившись на рабочем полигоне под воду в знаменитой «трёхболтовке».

Водолаз – это не тот, кто может спуститься под воду, а тот, кто выполняет там необходимую работу и делает это надёжно и верно. Вот истина, которую я в первую очередь должен был усвоить за время обучения в школе, но, предвкушая встречу с морем, в моём воображении было всё-таки больше экзотики, чем обыкновенного труда. Я тогда ещё не подозревал, что сама способность к проникновению в морские глубины принесёт возможность встретиться с неиссякаемыми загадками, которые никогда не надоедят.

Из-за занятости приходилось откладывать поиски материалов, связанных с Мандельштамом, и лишь позже я признался самому себе, что предчувствие необычного всё время не покидало меня и будоражило дух.

И вот однажды я обратился в краеведческий отдел Воронежской областной библиотеки им. И. С. Никитина с просьбой помочь мне обнаружить какие-либо следы пребывания Мандельштама в Воронеже. Библиотекарь быстро отыскала необходимый раздел алфавитного каталога и указала на … единственную карточку. Это была статья доктора исторических наук А. И. Немировского в газете «Молодой коммунар» от 19 августа 1966 года, благодаря которой мне стали отчасти понятны причины, по которым Мандельштам оказался в этом городе.

Поиски в местном архиве не дали результата, так как документы интересующего периода погибли при разрушении Воронежа в годы войны.

Прогуливаясь как-то утром по городу, я набрёл неожиданно на двухэтажное, из бурого от времени кирпича здание краеведческого музея. У входа стояли пушки. На их лафеты и дула мягко падал снег.

Низкая арка вывела в маленький заснеженный дворик. Было очень тихо. У чёрного входа застыли в позах покорного ожидания три каменных идола. Видно было, что никому до них нет дела. Ощутив рукой их холодную шероховатость, вдруг показалось, что толкнулся комочек тепла. Может быть, они мне поверили.

Стёртые камни крыльца… Колокольчик-звонок… Звук его медленно таял в толстых стенах старого здания. Через некоторое время вышла сухонькая старушка. По совету старой служительницы музея, мне следовало отправиться в библиотеку университета, которая славилась своими богатыми фондами.

В отделе библиографии меня встретила очень отзывчивая заведующая и любезно предоставила в пользование дюжину карточек, заметив, что это вся их подборка по Мандельштаму. Это были в основном статьи в «Вопросах литературы», «Литературной Армении», «Литературном критике», и ни одной, касающейся воронежского периода творчества поэта. Заведующая поинтересовалась, что влечёт меня к розыску материалов относительно поэта, и, услышав, что личный интерес, дала телефон местного краеведа,

филолога К. А. С. По её мнению, он обязательно должен был знать что-либо по интересующему меня вопросу.

На следующий день я дозвонился до А. С. , и он предложил встретиться вечером у него на квартире. С нетерпением ждал я этой встречи.

А город с утра ополоумел от солнца и синевы, раскинувшейся куполом над склонами «горы крутопоклонной», с которой Мандельштам, наверное, не раз любовался открывающимися пейзажами, сравнивая их с картинами фламандцев.

Город жил весенним щебетом птиц, восторженным повизгиванием на поворотах трамваев, открытыми улыбками прохожих… В хрусте подтаявшей на тротуарах корочки льда слышен был звон капели, градом срывающейся с крыш.

На углах торговали пышными маслянистыми пирожками, от которых валил душистый парок, и бутербродами с сыром в ломком целлофане. В сочном морозном воздухе крепкий аромат кофе чуть щекотал ноздри, а маленькие тёплые глоточки его приятно сводили скулы. Город гудел и сверкал, был гибок, упруг и роскошен своим весенним многообразием запахов и красок.

Вот таким весенним днём, в ожидании вечера, решил я заглянуть в места, где бывал Осип Эмильевич, да и вообще побродить по Воронежу, познакомиться с ним поближе.

Поднявшись с набережной по крутой извилистой улице Степана Разина, вышел к Петровскому скверу с памятником Петру 1, основателю воронежской верфи, ставшей колыбелью первых отечественных флотилий. Памятник уже новый, установленный в 1956 году. Старый же, пропавший с гранитного пьедестала в 1942 году, обнаружить так и не удалось… Именно у того, старого бронзового Петра, и сидели, беседуя, Мандельштам и Ахматова, примчавшаяся в Воронеж в феврале 1936 года, когда получила ложное известие о том, что поэт при смерти.

Посидел и я немного на лавочке у нового памятника, а затем отправился в Музей изобразительных искусств, расположенный через дорогу. Осип Эмильевич был частым гостем там и подолгу стоял перед произведениями Дюрера и Рембрандта. Сейчас там находятся в экспозиции по большей части незначительные работы, и только греческий зал да чудесная коллекция фарфора с фаянсом приносят радость.

Вечером неожиданно пошёл дождь. Но он не испортил всех впечатлений дня, а, наоборот, лишь ласково отвёл невидимой рукой всю его суету и, пробудив в глубине души уверенность в правильности выбранного пути, прошептал свою тайну. Я тогда, конечно, всего этого не сознавал, а просто жил, верил в себя и очень терпеливо ждал.

… Мы сидели на кухне и пили кофе. А. С. рассказывал, а я слушал и смотрел в окно на серебристые струи холодного дождя в сгущающейся синеве. А потом А. С. сказал, что знаком с женщиной, которая лично знала Мандельштама, и, более того, она дружила с ним. «Она жива, -

предупредительно добавил он, осклабившись, видимо, желая произвести впечатление. – Небольшая формальность… Нужно позвонить, спросить разрешения… Возраст, понимаете ли…». Он удалился в комнату, плотно прикрыв за собой дверь. В толстом дверном стекле мутно маячила его фигура.

Не видя этой женщины, я уже доверился ей в своём воображении, томился, предугадывая предстоящую встречу. Лицо – лишь символ: мудрый, добрый знак. Тёмно-синее платье, недорогая, но значительная брошь. Портреты в тонких рамках на стенах и, конечно, книги, книги… Не знаю - почему, но была твёрдая уверенность, что непременно будет чай с вишнёвым вареньем. «Она ждёт нас», - донеслось откуда-то сверху.

Дождь кончился. Тёмные деревья источали резкий, бодрящий запах коры. Лужи на мостовой отражали причудливые отблески витрин. Вымытый прозрачным дождём воздух был свеж и чист. Всё это отрезвило, и я вдруг почувствовал сильное волнение.

Дорогой А. С. рассказывал историю с воронежским домом, где родился И. А. Бунин, а я, не совсем внимательно слушая его и то и дело перебивая своими незначительными вопросами, воображал себе на разные лады предстоящую встречу. Всё это было для меня необычно, и волнение от этого только возрастало.

Вскоре свернули на Никитинскую. Мокрые лица домов казались сиреневыми от ночных светильников. Нырнули в арку, потом – другую, и оказались в маленьком тихом дворике старого четырёхэтажного дома. В подъезде тусклое освещение. Неширокая лестница. Третий этаж. На двери металлическая пластинка с плохо различимыми буквами – Наталья Евгеньевна Штемпель.

Всё. Так одним из мартовских вечеров я оказался у порога того необычного, что не давало покоя, будоражило воображение и несло очарование жизни.

Она встретила нас в простом цветастом платье, довольно изящном, свободно облегающем её маленькую хрупкую фигурку. Зная причину моего прихода, Наталья Евгеньевна казалась слегка взволнованной, хотя внешне это было незаметно. Она была сдержанна, стояла, чуть придерживаясь сухим кулачком стенки, и внимательно-вопрошающими глазами незаметно оценивала меня. Удивительные то были глаза… Сколько людей, не равнодушных к судьбе поэта и его стихам, побывало в этой квартире, и всегда, должно быть, это было волнующе и радостно для женщины, которая не скупясь, просто, помогала им, чем могла.

У Натальи Евгеньевны были гости. Не помню, на какую тему шёл разговор, но, только почувствовав, что Наталья Евгеньевна немножко волнуется, все вдруг замолчали, воцарилась тишина, и Наталья Евгеньевна

тихо спросила: «Вас интересует Мандельштам? Что именно?» Я ответил, что всё. «Как, Вы совсем?! – Она запнулась. – Хорошо… Вот послушайте:

«Ни о чём не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Тёмная звериная душа:
Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывёт дельфином молодым
По седым пучинам мировым».

А потом была «Армения»:

«Холодно розе в снегу: на Севане снег в поларшина.
Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани,
Сытых форелей усатые морды
Несут полицейскую службу на известковом дне.
А в Эриване и в Эчмиадзине
Весь воздух выпила огромная гора…»

И ещё: «За гремучую доблесть грядущих веков…», «Я пью за военные астры…», «Я скажу тебе с последней прямотой», «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме…»

Она замолчала, задумавшись, вспоминая, видимо, что-то далёкое, ставшее опять очень близким и родным сердцу, и вдруг весело воскликнула: «Давайте пить чай!»

Как объяснить всю прелесть того, что я испытал, окунувшись с головой в теплоту этой маленькой квартиры?! Гроздь сухих листьев в сердолике, вереницы тиснёных томов, бархат анютиных глазок и Модильяни… В тонких, вишнёвого цвета рамках – портреты Ахматовой, Пастернака, Блока…

За столом главенствовала Наталья Евгеньевна. Она была в приподнятом настроении, сидела, слегка откинувшись на спинку стула и, сияющими глазами окидывая гостей, следила, чтобы чашки с блюдцами не пустовали. Много говорила о создании большого альбома, посвящённого Мандельштаму, показывала его фотографии разных лет, расспрашивала о моей экзотической, по её мнению, профессии, которую я решился освоить. Волнения уже не чувствовалось. Было по-настоящему хорошо и свободно. Мы сидели в светлой, уютной кухне и пили чай … с вишнёвым вареньем.

На следующий день Наталья Евгеньевна была дома одна, и мы проговорили до позднего вечера. На ней было лёгкое голубое платье, выглядела она свежей и бодрой.

Глядя, как она, сидя в углу небольшого диванчика, среди маленьких подушечек, положив одну ногу на стоящий напротив стул, читала свои любимые строки, изредка заглядывая в томик, который держала в маленькой сухой руке небрежно, но крепко, перевернув вниз обложкой, горделиво закинув голову с по-детски чистыми глазами, словно милый «щелкунчик», я вдруг ощутил огромный подъём сил, красоту и вкус жизни… Невольно

подумалось, что секрет вечной молодости, неувядаемого с годами душевного здоровья – в непреходящем стремлении беззаветно служить искусству и людям, которым оно помогает жить.

Она читала Ахматову и Гумилёва, Мандельштама и Цветаеву, Рильке и Пастернака… Какие имена и какие великие трагические судьбы многих из них… И как верна была им эта женщина…

Трудные годы не наложили мрачного отпечатка на её восприятие поэзии, прошедшей не менее тернистый путь, нежели те, кто создавал её. Наталья Евгеньевна всё так же молода, глаза её по-прежнему излучают свежесть и любовь, и она не перестаёт верить в «сказки таинственных стран», в «страсть молодого вождя» и в то, что «далёко, на озере Чад изысканный бродит жираф…».

Память её жива. И только цифры смущают – «не говорите мне, Боря, про годы…».

Увидев её впервые в тот незабываемый тихий вечер, когда город не утонул ещё в сиреневой кипени, он только готовился встретить весну, я встретил очаровательную женщину, которую никак нельзя было назвать старушкой… Просто – милая Наталья Евгеньевна.

В первый вечер знакомства она, как мне показалось, неохотно обратилась к воспоминаниям. Но потом я понял, что был неправ. Не составляло большого труда возродить давно ушедшие образы в памяти этой женщины. Для этого нужно было обладать всего лишь одним свойством – любить поэзию. А ещё – понимать и верить в прекрасное, уметь радоваться и удивляться, верить в мечту и добиваться её исполнения. Лишь в те тихие вечера на Никитинской я понял, что поэзией можно выразить то, что никогда не выразить прозой.

Увлекаясь, она вспоминает с удовольствием. Не теряя энергии ни на минуту, может без устали читать стихи, и всё по памяти, в то же время незаметно занимаясь хозяйством. Не теряя интереса ни к чему, она по-детски любознательна. Всё неизвестное её волнует и трогает.

Читая как-то книгу о Пастернаке, я, видимо, про себя улыбнулся невзначай, чем сразу же привлёк внимание Натальи Евгеньевны. Она потребовала зачитать, что заинтересовало меня на этой странице. Я прочёл вслух письмо Хемингуэя, адресованное Борису Леонидовичу в трудное для него время. Она внимательно выслушала, а потом, обратившись к своей старой подруге, приехавшей из Вологды, воскликнула: «Зина! Правда, чудесно?! Я не думала, что Хемингуэй способен на такое». Зная мою любовь к этому писателю, сказала уже мне: «Боря, вы не обращайте на нас внимания. Мы так все развращены на стихах Осипа Эмильевича и Анны Андреевны, что вряд ли уже что способны воспринимать».

Но это было не так… Уже через некоторое время я вновь зачитывал ей понравившиеся строки или какую-либо интересную мысль, и она, обласкивая своих изящных кошек, являющихся поистине украшением этой квартиры, приговаривала: «Кисик, кисик… Боря, я слушаю вас, продолжайте…».

Той ранней весной, когда я проводил наедине с Натальей Евгеньевной многие часы, мои скованность и робость постепенно исчезли. Я ощущал неподдельное дружелюбие Натальи Евгеньевны, видел, что она принимает меня таким, какой я есть, и нет никакой надобности казаться лучше, как это обычно заведено между людей. Постепенно всякие мысли о дистанции, которую бы надо было зачем-то выдерживать, пропадали. Сама эта женщина, со всеми её слабостями и недугами, являла собой причину моего бережного к ней отношения. С этим человеком можно было говорить о чём угодно: о только что прочитанной книге, удачно приобретённой у соседки накидке для дивана, новом платье, Маяковском. Впрочем, одежде Наталья Евгеньевна особого значения не придавала, скорее, она была в ней очень опрятна.

Увлекаясь в наших беседах самыми обыкновенными житейскими вещами, она в то же время не допускала ни малейшей пошлости, и когда, казалось, разговор доходил до мелочей, вовсе не заслуживающих внимания, Наталья Евгеньевна одной умелой фразой легко миновала опасное место, и в этой никогда не изменяющей себе тончайшей внутренней культуре была просто восхитительна… Любую обыденность эта женщина воспринимала под каким-то своим, вовсе не привычным для окружающих её людей, углом; обычные вещи почему-то становились значительными в её устах, и это всегда меня поражало.

Всё, к чему бы она в этом доме ни прикасалась, удивительным образом шло ей. И небольшой диван, на котором она любила сидеть, легко откинувшись и положив одну ногу на стоящую перед ней низенькую банкеточку. И портреты замечательных людей, в непроизвольном почтении застывших на стене, прямо над подвижным лицом очаровательной и неподражаемой хозяйки. И разноцветные, манящие своей прохладной гладкостью морские камни, к которым изредка прикасались её воздушные, крепкие пальцы. И таинственные, полные благородной лености и покоя кошки, являющиеся, по моему глубокому убеждению, живым продолжением её женских, сокровенных мыслей. Они были незаметны, но всегда ощущалось их близкое присутствие. А портреты, обрамлённые в тонкое, густого янтарного отсвета дерево, казалось, еле слышно переговариваются с ней иногда о чём-то глубоко раздумчивом, неторопливом…

… Вот одухотворённый Амедео Модильяни слегка улыбается уголками скорбного рта, и она, конечно, догадывается о его искромётно рождающихся, безусловно, каких-нибудь необычных намерениях… По-мальчишески задиристый, божественный Пастернак, с упрямо сбивающейся на чистый лоб чёлкой и угловато заострившимися к вискам скулами, вдохновенно и ободряюще взирает с недосягаемой высоты своей славы, словно на мгновение желая сбежать к ногам этой женщины… Величавая и незабываемая Анна Андреевна Ахматова, словно пышный жасминовый куст, наполняет маленькую комнату тонким запахом царственного всепонимания… Все они, неподражаемо прошедшие по жизни каждый своей дорогой и успевшие кануть в нескончаемую Лету, теперь, тем не менее, были

здесь, на Никитинской, помогая своей хозяйке чуть уловимым присутствием почувствовать очень многое, может быть, самое родное…

По воскресеньям я обычно проводил в этой уютной и тёплой комнатке весь день. Квартира состояла из двух комнат, но во второй, дальней по коридору, я никогда не бывал, потому что Наталья Евгеньевна всегда принимала в большей по размеру, считавшейся, по-видимому, гостиной и лучше подходящей для этой цели.

Я работал с книгами, помнится, много выписывал, не желая упускать ни единой мелочи, она шила или читала. Потом я отправлялся в кулинарию за углом, покупал хлеб, сыр, молоко, и мы обедали. Обедали всегда подолгу, не спеша. Наталья Евгеньевна, увлекаясь, всегда начинала рассказывать что-нибудь интересное… О том, почему однажды не стало Владимира Владимировича Маяковского, о суровой судьбе Мандельштама, взявшегося писать не ради корысти, о неизъяснимой темноте Блока, его мрачно-прекрасном лице, о тех силах, которые, унося поэта от земли, бывают слишком серьёзны в его конечном отрыве от неё, и о многом-многом другом…

Очень часто меня поражали её неподдельное внимание и чуткость, когда она проявляла их к моим заурядным заботам. От неё ничто не могло укрыться – всегда полное понимание того, как настроен человек, что он чувствует, о чём думает и переживает. Она удивительно умела не ставить ни себя, ни другого, кому оказывала услугу, в неловкое положение отказывающего или принимающего её. Такое её умение всегда незамедлительно вызывало уважение и трогало.

Находясь в довольно преклонном возрасте, живя одиноко, Наталья Евгеньевна не казалась беспомощной в быту: квартира её всегда была прибрана, всё приведено в надлежащий порядок. Многие заботились о ней, помогая каждый в меру собственных возможностей, как бы по очереди беря на себя ответственность за её судьбу на определённый период. Невольным помощником оказался и я. Именно этим, наверное, можно было объяснить частичное отсутствие многих друзей на квартире Натальи Евгеньевны во время моего пребывания в Воронеже. Зная, что я захожу к Наталье Евгеньевне часто, они негласно передали пока эстафету помощи в мои руки, о чём я долгое время не догадывался и порой просто недоумевал. Мне казалось странным такое положение вещей, но в глубине души я даже радовался: все вечера с Натальей Евгеньевной были только моими.

Однажды Наталья Евгеньевна спросила у меня:

- Как вы думаете, Боря, в чём причина всех людских бед? Интересно было бы узнать мнение именно молодого человека, только начавшего по-настоящему жить?

- До того, как отправиться в своё путешествие, я ничего не знал об этом. Я только понимал сердцем, что нужно жить, не откладывая ничего на потом.

- Не перекладывай на завтра то, что можно сделать сегодня? Ах, как мне это знакомо, но всему виной – наши старческие болячки, - со вздохом проговорила Наталья Евгеньевна. – Так хочется успеть завершить Альбом, посвящённый Осипу Эмильевичу.

- У меня было достаточно времени, чтобы понять: жизнь твоя окажется благополучной, и ты не будешь в её конце ни о чём сожалеть, если не предашь самого себя. Ещё учась в университете, как-то подспудно почувствовал: упустишь отпущенное тебе время, его уже невозможно будет повторить, а потому находись всегда в присутствующем моменте, дороже которого, наверное, нет ничего на свете.

- Приятно слышать подобные слова от человека, когда ему всего лишь 25 лет, тем более, что они очень созвучны убеждениям Анны Андреевны Ахматовой. Она никогда не считала жизнь бессмысленной, если открывать в ней одну дверь за другой, не теряя для себя подлинный интерес к каждому мгновению…

- А ещё – достойное отношение к собственным возможностям!

- Верно, - улыбаясь, заметила Наталья Евгеньевна. – Так что же, относительно возникновения человеческих страданий?

- Именно после работы в море ко мне пришло понимание, что несчастье человека – в его бессознательности, и как только он начнёт сознательно относиться к собственной жизни, она перестанет его удручать.

- То есть, смерть не беспокоится о том – кто вы, и привилегия самого человека позаботиться о себе?

- От того, что мы ежедневно делаем, и зависит: как счастлива будет прожита наша жизнь, и, наверное, старость.

Пока человек не поймёт, что он ответственен за каждый свой шаг, ему никогда не откроются его удивительные возможности.

- Рассуждаете вы, Боря, как будто прожили целую вечность!

- Чем чаще тебе приходится принимать ответственные решения, тем более ты начинаешь ценить каждый миг. Я это хорошо осознал именно в море.

- А мне представляется, что надо жить так, чтобы с каждым днём любви в твоей душе становилось больше… Хотя бы – самую малость.

- Это, пожалуй, невозможно, если к тебе не пришло осознание и себя, и окружающего мира.

- Боря, а что вы подразумеваете под сознанием? Природа этого состояния так эфемерна… Простите меня за это выражение.

- Всё, что я успел открыть для себя: осознание – есть достижение целостности, в этом заключён смысл собственного существования.

Осознать – значит, думать только о том, чем ты занят, и ни о чём ином. Осознанность – это когда вы делаете то, что вам и надлежит делать: в вас отсутствует надобность выбирать, всё для вас ясно, в осознанности вы лишены замешательства. В вас только благостная тишина и божественный покой.

- Почему люди предпочитают жить неосознанно, не желая пробудиться?

- Становясь по-настоящему осознающим – у человека неминуемо возрастает ответственность перед собой и миром, которой он уже не имеет права пренебрегать, и для многих возможность этого оказывается обременительной.

- Но ведь и возможность быть здоровым и счастливым при этом повышается?

- Да, и это кажущееся противоречие и есть, должно быть, истинное существование, когда непрекращающаяся радость возможна, если только ты живёшь осознанно!

- Часто люди не знают – чему следовать в жизни, и посоветовать им, получается, можно лишь одно: живите осознанно – и всё приложится?!

- Из этого совета проистекает главная жизненная цель – работа над собой, то есть – познание своего истинного «я», Бога в себе. Это, пожалуй, наивысшая добродетель, и пока вы её не достигли – вас не существует, неоткуда струиться в мир любви и состраданию.

- Ну, а что же, всё-таки, есть само «сознание», а не осознание его в себе? Если можно так выразиться…

- Вероятнее всего, сознание – наша исконная природная суть, те возможности, что великодушно предоставило всем нам Бытие. Это – пуповина, соединяющая человека с тем Миром, что его породил, а осознание себя – это принятие в себе Бога.

Сознание – это состояние, в котором совершенно свободно и ясно воспринимаешь себя частью Великого Целого, подарившего тебе возможность радоваться и творить. Как вы полагаете?

- Вы правы. Осознать себя – значит, именно проявить свою индивидуальность, открыть для себя собственное настоящее лицо, твоё естество, данное тебе от рождения. И здесь, наверное, невозможно обойтись без творчества…

- Во всей своей жизни, как и в детстве, я никогда не прекращал в себе потребность жить интересно. Имея полное право быть счастливым, я и был им. Человеку, если он всё время задумывается над тем – как стать счастливым, я бы позволил себе дать добрый совет: если в ваше сердце проникнет желание творить – создайте что-нибудь достойное, и вы почувствуете себя на вершине блаженства!

- Согласна. Творчество – это желание что-то важное произвести: то, что вас никто не заставляет делать, но вы делаете. Творчество – дар Божий, оно – в генах, и вы не можете не выражать себя через увиденное, через то, что вас заинтересовало и поразило. Это – способ мыслить и поэтично излагать пережитое, стремясь максимально приблизиться к истине.

- Творчество – свидетельство того, что мы услышали Бога в себе, с радостью отправились к Нему, и открываем на этом пути и для себя, и для других чудесные вещи, созидая при этом новые, ещё не бывалые…

- А вот в этом – очень глубокий смысл существования во Вселенной: возможность создавать то, чего ещё, быть может, действительно, не существовало!

- Я уверен, что основываясь на Боге в душе, художнику-творцу следует идти своим путём, ещё дальше, чем задумал Господь! Вероятно, Он создал духовное семя человека из-за большого интереса, с загадкою на длительное время, может быть – на бесконечность: а чего человек добьётся? Что из всей этой задумки получится? А ну, как какой-нибудь человек перещеголяет Меня? Вот будет дело! По-настоящему великое человеческое дело!

- Знаете, Боря, я уверена, что вы в своей жизни никогда не будете зависеть от внешних обстоятельств, до того в вас много всего сосредоточено внутренне… И это, наверное, одно из главных достоинств развитого человека.

- Правда, это сродни тому, как если бы вы практиковали ненасилие, находясь в сибирской тайге и воздерживаясь от желания прихлопнуть хотя бы одного комара, сохраняя при этом спокойствие!

- Вы всё преодолеете, я это чувствую, и море, действительно, ваша стихия.

- Я жил всегда так, что обыкновенная морская галька под ногами выглядела, как рубины и изумруды…

- Творчество – это ещё естественное желание проявить накопленный в себе потенциал, понимание, что уже невозможно ничего откладывать. Тебе хочется жить в полную силу, если ты – творческий человек!

- Хорошо, если людей побуждает творить осознание, что иного пути не существует… И даже когда тебя в твоём творческом пути подстерегает болезнь или смерть – потребность к созиданию не должна покидать твоего сердца.

- Как всё легко и радостно происходит, когда человек любит и творит!

- Мне нравится жить, делая то, что я хочу делать, и что бы ни случилось со мной – всё приходится мне по душе, потому как я честен по отношению к самому себе, а единственный способ донести до мира своё сознание –ест искреннее следование жизненной дорогой, которую ты выбираешь с невинной чистотой ребёнка, как в детстве, когда просил бабушку в очередной раз прочитать уже давно известную тебе сказку.

- А самое лучшее, что есть в жизни, случается само собой, когда ты этого не ждёшь! Величайшее из всех сокровищ – наша возможность жить, открывать себя, стремиться познать не познанное… Что может быть прекрасней?!

- Но приходит это понимание только после того, как ты всё попробуешь и переживёшь. Сделай всё, что только было можно, и никогда об этом не пожалеешь.

- Вы счастливы?

- Моё счастье заключено в моём знании, в том, что я ценю своё время и всегда использую так, будто его у меня совсем не осталось. Жизнь прекрасна

и удивительна, и если для какого-то человека она не оказывается таковой, значит, он просто перекладывает ответственность за своё счастье на кого-то другого. Зачем попусту тратить своё, отпущенное только тебе драгоценное время?

- Вы знаете, Боря, мне порой кажется, что суть жизни можно отыскать лишь в себе, сколько бы вы ни путешествовали и не преодолевали препятствий…

- Конечно, можно прочесть множество мудрых текстов, а ещё существуют всякие диковинные древние сказания… Когда идёшь по проложенной кем-то колее – ничего нового в твоей жизни не предвидится. Чтобы обрести интересное и достойное будущее – нужно ступить на целину, не боясь отдать себя на волю самых невероятных приключений… Только тогда возникает вкус к жизни, тебя охватывает её неподражаемый аромат, и сердце открывается для дальней, захватывающей дороги, где ты становишься, несомненно, богаче.

- Жизнь – прекрасна, но отчего тогда все несчастья?

- Опять же – из-за неосознанности человека, который не то, что утратил, а даже не обрёл свою связь с землёй, воздухом и людьми, всем тем, что даровано ему просто так, ради великой благости.

Я уж не говорю про море… Люблю его. Именно оно представляет для меня сокровищницу жизни. Там, в глуби, таятся самые сложные жизненные переплетения, о которых просто страшно помыслить, но они есть, и тебе, постепенно, начинает нравиться думать о них, пытаясь даже разгадывать, представляя – как всё гармонично сложится, когда удастся, хотя бы чуть-чуть, проникнуть в эти глубинные секреты…

Глядя в море – запасаешься его простором, чтобы и самому нести в жизни умиротворение, покой и счастье…

- Не представляю, как можно находиться в море целых полгода?!

- Перед тем, как отправиться в своё первое морское путешествие, я буквально жил морем, оно мне снилось, и я был переполнен жаждой воображаемых приключений. Это состояние можно сравнить с тем ощущением, когда отец прочитал мне «Остров сокровищ». Мне тогда было лет пять, и я просто грезил дальними странствиями и героическими поступками. Я ещё в раннем детстве почувствовал, что море – моя родная стихия, правда, желание отправиться к нему пришло гораздо позже.

- Как вы можете объяснить эту тягу?

- Вероятно, это было моим предназначением, и мне просто предстояло его осуществить. Всё в доме родителей и бабушек, во всей окружающей меня жизни, как будто предопределяло этот шаг.

- Расскажите!

- Сразу всего и не вспомнить…

- Ну, хотя бы одно событие!

- Даже когда я был совсем маленький, я думал, что море располагается неподалёку от бабушкиного дома, через улицу, и ещё чуть дальше – за

парком, а там, на самом деле, находилась река Кама. Откуда же мне было знать, что это – не море, и здесь, совсем рядом, живёт, оказывается, иная стихия, о которой я ничего не ведал. А между тем, убеждённость в том, что море где-то поблизости, не покидала меня. Только одно присутствие около нашего дома воды - уже предполагало существование именно моря.

Уверенность в этом подкрепляло старинное здание речного училища, мимо него мы с бабушкой часто проходили, когда гуляли, и я, кажется, даже начинал угадывать неслышно звучащую в себе музыку неведомой морской жизни. Особенно, когда из резко распахнутых дверей высыпали на улицу фигурки молодых людей в форменных, м поблескивающими пуговицами тужурках, и, задорно стуча каблуками по разогретому асфальту, спешили туда, где было неизвестно как, но куда невыразимо тягостно тянуло. В моём разгорячённом представлении это были непременно моряки, которых я, правда, видел только в книжках, но ведь у них такие сверкающие пуговицы и чёрное деручее сукно! Как-то я ухитрился-таки до него дотронуться, что не осталось никаких сомнений: где-то рядом – море.

Наталья Евгеньевна в восхищении всплеснула руками, прижав их к груди, и смотрела на меня сквозь очки своими огромными голубыми глазами так восторженно, что я вдруг вспомнил свою бабушку, и тоже заулыбался.

- А однажды, весной, бабушка повела меня в кинотеатр, что тоже находился неподалёку от нашего дома, за углом. Этот день запомнился ещё и потому, что собираясь в кино, уже в коридоре, когда бабушка надевала своё поношенное демисезонное пальто, из его рукава вдруг выскочил огромный рыжый хомяк, и скорее не напугал, а очень рассмешил нас. Дом был старый, деревянный, и, спускаясь по скрипучей лестнице, мы с бабушкой тогда решили, что хомяк, наверное, перепугался не меньше.

Наталья Евгеньевна опять, как девчонка, сначала обрадовано воззрилась на меня, а потом, весело рассмеявшись, воскликнула:

- Как это, должно быть, необыкновенно: обнаружить в рукаве пальто этакого толстяка!

- И вот, мы тихонько шли, держась за руки, и меня отчего-то переполняло непонятное волнение. Я до сих пор не могу себе объяснить, почему бабушка решила повести меня именно на этот документальный, чёрно-белый фильм о четырёх героях-моряках, чей катер оторвало в сильный шторм от пирса в заливе Касатка, на далёком курильском острове Итуруп, и носило по морю сорок восемь суток!

- Я помню этот фильм, об этом событии тогда говорила вся страна, о нём писали газеты…

- Вот и бабушке, наверное, очень хотелось посмотреть фильм, а меня не с кем было оставить. Несмотря на мой небольшой возраст, фильм буквально приковал всё внимание. Моряки в нём мужественно боролись с захватившей их стихией, не поддаваясь ей даже тогда, когда нечего было есть. Они варили в морской воде обрезки своих кожаных ремней, чтобы те стали мягче, а потом жевали, подолгу не выпуская измочаленные кусочки изо рта.

Помнится, каким устрашающим и грозным выглядело море, даже в безобидной темноте притихшего зала, а что же оно представляло из себя на самом деле, думал я, в этом недостижимом краю земли, куда, казалось, ни за что и никогда не попасть!

- Конечно, разбушевавшееся море, наверное, ужасно, но что в этом странного? Ну, если только этот неведомый огромный мир просто пока не умещался в вашем маленьком понимании!

- Да. Очень остро переживалось за отважных людей, и ещё не покидало ощущение, будто я сам, вместе с этими моряками, противостою бурному морю. И разве мог я знать, как через двадцать лет попаду на Курилы, и буду работать под водой именно в заливе Касатка, и зимние шторма будут угнетать своей безысходностью и меня тоже?!

- А вот это уже удивительное совпадение…

- И я вспомню тогда захудалый старенький кинотеатр со скрипучими вытертыми креслами, бабушку в поношенном пальто, и то удивительное переживание слитности с предстоящей жизнью, что уже, оказывается. Приходила ко мне в детстве. Всё приключившееся в ней и бережно хранимое с раннего детства с неимоверной силой тогда охватит меня, понесёт над ожерельем из таинственных курильских островов, и уже больше никогда не отпустит…

- Так увлекательно, Боря, слушать о вашем детстве. Действительно, всё это неспроста пришло в вашу жизнь уже в таком раннем возрасте, и как прекрасно, что вам удалось разобраться в этих знаках, не пропустить их!

- Потом ещё было много всего, и оно, кажется, именно подталкивало меня к мысли, что упоминание о море неслучайно то и дело возникает в моей жизни, как будто подсказывая: вода – твоя родная стихия, и тебе не обойтись без неё.

- Пожалуйста, расскажите что-нибудь ещё.

- Взять, хотя бы, альбом, что я обнаружил в комоде бабушки, он принадлежал дяде Володе, брату моей мамы, погибшему на фронте. Сын бабушки Саши, у которой мы тогда жили всем семейством в деревянном доме, дядя с детства мечтал стать художником.

Альбом был старый, с пожелтевшими грубыми листами, и на каждом рисунке в нём изображался корабль. Иногда корабль был нарисован с надутыми ветром парусами, но чаще –с многочисленными надстройками, что красиво громоздились друг над другом, и завершались дымящейся трубой. Будучи ещё совсем маленьким, я тогда, конечно, не в силах был постигнуть того, что каждый корабль будто приветствует меня, и приглашает ступить на его палубу.

Все эти корабли, когда-то мастерски изображённые моим дядей, удивительным образом завораживали, и хотелось научиться, так же правдиво, изображать их самому. Но требовалось какое-то знание, чтобы правильно и красиво их нарисовать. Больше всего поражало в рисунках то, что корабли надвигались именно на меня.

- Вы почувствовали это?

- Я ровно слился мысленно с ними, сам превращаясь в гордый и сильный корабль. В детском саду, во время уроков рисования, я пытался достичь сходства с дядиными кораблями, но у меня ничего не получалось. Нос корабля, как я ни бился, выходил кривым, борта разъезжались далеко в стороны, иллюминаторы будто повисали над морским пространством, которое тоже получалось каким-то неправдоподобным. Мне становилось очень горько, что у меня не выходит подходящий рисунок…

- Но все мечты ваши, тем не менее, были неотрывно связаны с морем, укачивая на своих невидимых волнах, - с улыбкой заметила Наталья Евгеньевна.

- Мало того, на рисунках дяди море редко выглядело спокойным, а больше – бушующим, неукротимым. Оно будто стремилось захватить корабли и повергнуть их в свою бездну. Но корабли мужественно преодолевали разгулявшуюся стихию, так мне казалось…

- И конечно, море всё чаще захватывало ваше воображение и уносило в неведомые дали?

- Они даже не представлялись, а только угадывались, но при этом я переживал непередаваемое счастье! Потом, при переезде на новую квартиру, альбом, конечно, пропал. Никто из взрослых не позаботился о том, чтобы его сохранить. Но главное, я уже познакомился с ним, запомнил всё, что он нёс в себе, и не забывал никогда, стремясь потом всей своей морской жизнью продлить в себе мечты дяди, осуществляя собственные…

- Вы знаете, Боря, из того, что вам открылось о море, когда вы были ещё маленьким, мне становится понятным, какой интересной может оказаться ваша судьба… Всё, что будет связано в ней с морской стихией, вероятно, дар Бога, благословенный для вас крест, - тихо промолвила Наталья Евгеньевна. – Это очень важно!

- Иначе, зачем я тогда появился на свет?

- А что, вообще, это огромное море может значить для человека?

- Природа моря помогает нам настроиться на целостность жизни, на восприятие себя её частью, всегда оставаясь осознанным участником в постижении таинственной Вселенной. Сколько замечательного в окружающей жизни минует человека, пока он не обретёт способность понимать и впитывать эту мощь моря, силу скалы или мудрость вековой чащи… Когда человек внимателен и неутомим, он берёт из природы всё лучшее, что она в себе содержит, пусть это будет огромное море, даже – океан.

- Сколько же времени нужно провести в нём, чтобы напитаться его силой?!

- Если задуматься – мимолётное счастье не приносит человеку такого удовлетворения, какое доставляет в своей неустанности сама жизнь, чем бы ты ни занимался, главное – любимым делом, и если ты любишь море – оно входит в тебя сразу, бесповоротно, как только ты раскрыл ему своё сердце.

- И тогда счастье оказывается не удачным сочетанием обстоятельств, а состоянием твоего ума?

- Вернее, души… В море я вдруг осознал, что когда ты всей душой отдаёшься любимому делу, то можно трудиться в нём всю жизнь, оставаясь безвестным, не добиваясь славы или успеха, и быть при этом счастливым.

- Кажется, японский поэт – Акутагава Рюноскэ, однажды заметил, что жизнь в безвестности не страшна, если сумел сохранить в сердце цветы жизни?

- Вот-вот… Но только тот, кто не хочет работать, счастливым быть не может, ибо счастье достигается в непрекращающемся труде души, и тогда не почувствовать её другим будет невозможно.

- Сколько же человек должен познать, и от чего отречься, чтобы достичь такой душевной чистоты?!

- Человеку никогда не пересечь океан, если он не наберётся мужества потерять берег из виду…

- Вам это, Боря, удалось…

- Да… И наградой твоему пытливому сердцу – собственная божественная, а значит – и радостная отрешённость, с какой ты приносишь в жертву всю свою жизнь, и если она отдана морю, душа твоя полнится его энергией до краёв!

- А вы пробовали писать? У вас бы, я думаю, неплохо получилось.

- Для этого я и отправился в своё морское путешествие. Если кто-то желает познать себя, он должен понять, что сначала ему следует измениться, стать свободным, ибо для каждого существует только его, собственная правда, на обретение которой ему необходимо решиться, и я решился.

- Вы меня всё больше поражаете этой своей целеустремлённостью.

- Мне кажется, очень важно прийти к пониманию, что нужно прекратить всякое беспокойство, когда из плохого хочется стать хорошим, а из некрасивого – красивым, и просто начать жить, наслаждаясь всем происходящим. Радоваться тому, как всё само собой длится. Нужно принять жизнь!

- Согласна. Жизнь, какова она есть, уже вполне достаточное богатство, чтобы не просить большего. Мы – родились, и только поэтому стоит позволить вещам существовать так, как они устроены!

- Конечно. Если всё в жизни происходит без нашего ведома: и рождение, и смерть, и любовь, то отчего нам волноваться? И если у нас есть возможность радоваться, пока мы живём, то почему бы нам не следовать этому жизнеутверждающему настроению? Мы здесь только для того, чтобы с каждым днём процветать, живя счастливо и богато, ибо Вселенная изобильна, и она всегда и во всём нам помогает.

- Милый, Боря, - Наталья Евгеньевна положила руки на колени, и, опустив голову, на минуту задумалась, а потом радостно спросила:

- А вы знакомы с творчеством Константина Паустовского?

- В одной из его книг я как-то прочитал, что он с детства любил, лёжа, прикинувшись спящим, выдумывать всякие необычайные случаи с собой, или путешествовать с закрытыми глазами по всему свету…

- Я помню это у него, - мягко произнесла Наталья Евгеньевна.

- Как бы это не выглядело странно, я в детстве никогда не мечтал, выдумывать – выдумывал, но как только появлялось то, к чему устремлялось всё моё существо, я тотчас отправлялся в своё внутреннее путешествие, и уж ничто не могло мне помешать. Обнаружив в себе ценное желание, и поставив перед собой цель, я все свои силы направлял на её осуществление. Даже – в раннем возрасте.

- Какой бы далёкой эта цель ни казалась?

- Однажды намеченное, оно сразу оказывалось для меня всем, что составляло суть жизни, и разве можно было делать в ней что-либо достойное, искренне полагал я, если у тебя нет настоящей цели? Цель представлялась для меня с этой поры началом и корнем дела, достижение её становилось первостепенным вопросом жизни, и промаха невозможно было допустить. Так я был устроен.

- Откуда же в вас бралась эта отвага, ведь только с ней возможно достижение задуманного?

- Наверное, из прошлых существований, а значит – и увлекательных путешествий. Захотел пройти океан – и вот я посреди Тихого океана, чего никак не мог представить себе, пока доподлинно не увижу его. Цель моя достигнута, но сколько неизведанного ещё предстоит увидеть! Не есть ли это истинная радость для человека, не мыслящего себя без путешествий и приключений?

- А что дальше?

- Цель любого путешествия – однажды, всё-таки, остановиться, но … ощущая себя наполненным энергией замечательных открытий.

- Получается, целью путешествия являются знания?

- Открытие себя и мира, его красоты… Когда вы скажете: «Я – здесь и сейчас», то значит, вы пришли к Богу. Ваше путешествие завершено, и ваше внутреннее равновесие найдено.

- Я понимаю – о чём вы… Знаю, Осип Эмильевич ощутил это равновесие, оно, кажется, всегда в нём было.

- Не сомневаюсь. Даже прочитав одно его стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков», я уже понимаю, что Осип Эмильевич достиг Источника собственной духовности, и он, конечно, воспринимал это Вселенское Мироздание и своим тоже.

- Абсолютно точно, Боря. Если у поэта есть воздух, еда, крыша над головой – зачем ему желать чего-то большего? Уж кто-кто, а Осип Эмильевич постиг себя изнутри, и, разумеется, достиг своей внутренней природы. Хотите, я прочту вам этот стих?

Наталья Евгеньевна тотчас нашла на этажерке маленькую голубую книжечку, раскрыла её на нужной странице, и, замерев, на одном дыхании пропела нетленные строки поэта:

«За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей.
Запихай меня лучше как шапку в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.
Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт».

- Когда поэт создаёт такие стихи, он может быть покоен душой – путь его на Земле завершён, и он готов к дальнейшему развитию и пониманию этого удивительного мира.

- В смысле, что он – больше не человеческое существо, а божественное?

- Да. И жить должен как просветлённый. Не зря своим просвещённым Учителям в Индии добавляют приставку «свами», что означает – «учитель самому себе». С этого момента просветлённый человек готов направлять к своему истинному «я» других, и это – новое, невероятно увлекательное путешествие!

-Боря, вы – чудо! Из того, с чем вы уже успели познакомиться за наши вечера, что-то вам понравилось у Осипа Эмильевича больше всего?

- Вот это:

«Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа…
Держу пари, что я ещё не умер,
И как жокей ручаюсь головой,
Что я ещё могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой.
Держу пари, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черёмухах цветёт,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывёт.

Не волноваться. Нетерпенье – роскошь.
Я постепенно скорость разовью,
Холодным шагом выйдем на дорожку.
Я сохранил дистанцию мою».

- Мне кажется, вы сейчас так и живёте!

- Да. Я переживаю огромную радость. И ещё – единение со всем миром, что чувствует, и, кажется, приветствует меня.

- Говоря о просвещённых учителях Индии, вы упомянули такое понятие, как истинное «я»… Что вы под ним понимаете?

- Что представляет из себя истинное «я»?

- Да. Как можно просто объяснить это человеку, чтобы не ошарашить, а приблизить его к пониманию себя.

- Наверное, это «я» принимает мир таким, каков он есть, и ему присуща очень развитая интуиция: она позволяет делать в жизни всё, как надо.

Осознание своего истинного «я», мне кажется, это просто естественный человеческий опыт, врождённое право каждого человека найти своё предназначение и развить его, становясь с каждым шагом немного лучше – более добрым, великодушным и покойным. Если вы всё делаете верно, со временем открывается, что вы не отделены от всего Мироздания, и способны видеть совершенство в самом обыденном настоящем.

- Нет при этом никакого надлома, и ты не чувствуешь разобщённости с миром, правда? То, что было раньше недостижимым, теперь, без каких-либо чудес свыше, становится для тебя обычным… Встреча с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной очень помогли мне в этом.

- Простите, Наталья Евгеньевна, а как вы сейчас относитесь к неминуемому в жизни увяданию?

- Тревожные эмоции, конечно, не покидают при этом человека, они – естественное проявление жизни… Просто, к концу её ты становишься человечнее, глубже… Я совершенно спокойно стала относиться к процессу старения, и приближение смерти не причиняет мне никаких страданий.

- Наверное, это происходит потому, что осознав себе истинное «я», человек уже непривязан так к своему телу, оно – лишь очередная одежда для его бессмертной души…

- Вы знаете, Боря, старость прекрасна: она – испытание для духа человека, что подошёл к краю своей физической жизни. Но край этот может быть отодвинут до самого конца, когда просто закрываешь глаза, и улетаешь в иной мир, в Мир душ, где тебя ждёт, в первую очередь, осознание своего жизненного пути. Затем – встреча с Учителями и Верховными Мудрецами, разбор собственных жизненных поступков и размышления по поводу предстоящих воплощений, если в них возникает потребность.

- Даже, когда ты ещё не оставил этот мир, и понимаешь, что ничего уже в нём, скорее всего, не совершишь?

- Мысленно ты всё равно находишься в согласии со всеми жизненными энергиями, с какими тебе привелось быть: и с морем, и с землёй, и с лесом, и

с миром растений и корней, с загадочной потаённостью камня, - как я её люблю… И хорошо, если ты со всеми этими энергиями был честен, а это – главное. Честно относиться к тому, что тебя, действительно, трогает, разве не счастье? Именно в таком отношении к миру заключена любовь, и если ты следуешь путём, что угадывает и предполагает твоё неутомимое сердце, значит, родится в преклонные годы и радость, и желание созидать. А созидать в эти самые годы – ой, как важно!

- В отличие от несовершенного мира человека, мир природы и творчества совершенен, и это необыкновенно успокаивает… Сознание, тогда, утрачивает границы, ты свободен от страха перед жизнью и исполнен блаженством, беззаботно плескаясь в её реке, в своём истинном «я»!

- Скорее – в море… Ах, Боря, как бы мне хотелось тоже попутешествовать! Вы – романтик, недаром у вас такая экзотическая профессия, и вам подвластна «муза дальних странствий».

- В море ты не можешь не преисполниться величием окружающего тебя пространства, в полной мере наслаждаясь его свободой и возможностью пребывать в своей, когда управляешь судном, с радостью устремляясь за неведомый горизонт. Пребывание в своей свободе оказывается невероятно благотворно, но понимание этого приходит только после экспедиции, при возвращении на землю. Познать глубокий смысл вещей – значит, достичь многого в изменении самого себя, а это очень не простая вещь.

- Ведь в нас заключён целый мир, изменить внутри себя такое огромное пространство – всё равно, что постичь Вселенную!

- Но так и происходит, когда оказываешься в море. Именно там приходишь к пониманию своей внутренней природы, и не имеющее границ водное пространство, окружающее со всех сторон, помогает тебе в этом.

- Ну, а если что-то складывается не так, ивы оказываетесь в непредсказуемом штормовом море?!

- В этом смысле, наверное, важен ваш душевный настрой, когда мы сами выбираем – как отнестись к какой-либо ситуации, и здесь, как раз, и помогает эта безграничность моря. Лучше всего – просто принять душой происходящее, видя в этом проявление Божьей воли.

- И принять всё это следует спокойно?

- Даже – с любовью… Жизнь предоставляет тебе замечательный случай – воспитать в себе внутреннее бесстрашие, и как радостно совершать это посреди бескрайнего морского пространства! Глупо было бы им не воспользоваться.

- Как чудесно, наверное, всё это переживать, - с затаенным духом, еле слышно проговорила Наталья Евгеньевна.

- Радостно понимать, что ничего не происходит случайно, и от тебя требуется готовность принимать любые испытания ради постижения жизни. Развить уверенность в себе – это ли не предел мечтаний для любого мужчины, тем более, связавшего свою судьбу с морем?! Моряк никогда не

должен уставать работать над собой в духовном плане, и разве это не пример для того, кому дорого небо или бескрайние лесные дали?!

- Боря, вы меня всё более восхищаете своим отношением и к жизни, и к морю, и как тут не вспомнить Осипа Эмильевича:

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочёл до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.
Как журавлиный клин в чужие рубежи,
На головах царей божественная пена –
Куда плывёте вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам, одна, ахейские мужи?
И море, и Гомер – всё движется с любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит
И море чёрное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью».

- Мне кажется, Осип Эмильевич, несмотря на жестокое непонимание и гонения, что он претерпел, всегда находился в гармонии с собой и окружающим миром, и даже мог при этом только сам признать себя успешным, тогда как другие люди его таким не считали, но, тем не менее, успех был на его стороне.

- А что вы подразумеваете под этим словом – «успех»? Именно в отношении Осипа Эмильевича?

- По-моему, успех – это когда человек находится на своём месте, выполняя именно своё предназначение. А если это так, то он выполняет и волю Бога, как Осип Эмильевич… Его успешная жизнь – лишь ступенька на пути к Абсолютному Свету.

- Боря…

- Только сильный человек может взять на себя груз постижения этого пути со всей его темнотой и муками, потому что уже попробовал на себе их сладостный привкус…

- Как и вы взвалили на себя все тяготы этой морской дороги!

- Миновать её невозможно, если сознаёшь в душе Бога. Человека, обычно, одолевают зной, грех, да проклятие Божие, что он безропотно принимает, ещё изнуряют непосильный труд без радости и неразумная взыскательность к людям, но разве сравнишь всё это с тяготами моряка, что, кажется, никогда не обременён нелёгким трудом в море и оказанием доброй услуги своему товарищу? Хлопоты моряка – ему в радость, потому как совершаются блага ради, и хоть тяжело самому терпеть, а ещё тяжелее других обижать!

- Ваша работа, мне кажется. Так необычна и интересна, что по экзотичности её можно сравнить только со стихами Гумилёва. Помните его «Приглашение в путешествие»?

«Уедем, бросим край докучный

И каменные города
Где вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.
Нежней цветы и звёзды ярче
В стране, где светит Южный Крест,
В стране богатой, словно ларчик
Для очарованных невест…»
- Не могу забыть только это:
«… Я буду изменять движенье
Рек, льющихся по крутизне,
Указывая им служенье,
Угодное отныне мне.
А вы, вы будете с цветами,
И я вам подарю газель
С такими нежными глазами,
Что, кажется. Поёт свирель…»
- И ещё в конце:
«Когда же смерть, грустя немного,
Скользя по роковой меже,
Войдёт и станет у порога, -
Мы скажем смерти: «Как, уже?»
И, не тоскуя, не мечтая,
Пойдём в высокий Божий Рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край».

Наталья Евгеньевна задумалась, с лица её не сходила ласковая улыбка, и так мы какое-то время сидели, молча, в полном согласии с воцарившейся тишиной, а потом она спросила:

- Боря, а чего вам сейчас более всего хочется?

- Спросишь, бывало, об этом какого-либо человека, и тот, почти не задумываясь, начинает стенать о несправедливости жизни, ратуя лишь за материальные блага для себя и своих близких, доброе здоровье, отсутствие каких-либо неудач и препятствий, тогда как истинное сердечное смирение в нём отсутствует… А ведь именно из него исходит настоящая радость и выдержка, когда все причиняемые ему беды человек переносит достойно, может быть только с лёгкой грустинкой, как это было присуще Осипу Эмильевичу, и каким вы, Наталья Евгеньевна, запомнили его навсегда: « с гордо закинутой назад головой, почти с военной выправкой, даже – с королевской осанкой…»

- Именно таким он и остаётся в моей памяти.

- Так вот, я бы хотел всегда видеть мир таким, какой он есть, ведь это – великое благо, но люди продолжают создавать свой, надуманный, и в этом им помогают их беспокойные умственные проекции… Поэтому нужно, для начала, изменить ум, сосредоточив всё внимание на развитии души, а уже

потом управлять и умом, и своей жизнью. Я хочу научиться жить в согласии с самим собой и Богом, чтобы максимально использовать заложенную в себе божественную энергию.

-Каждому человеку, наверное, хотелось, хотя бы однажды, отправиться в путешествие, - вдруг мечтательно произнесла Наталья Евгеньевна.

- На первый взгляд кажется, что путешественником может стать каждый, если, конечно, захочет, но на самом деле для поиска приключений необходимо быть … счастливым.

- Счастливым?!

- Да-да, потому как если вы несчастны, то не сможете решиться на проникновение в неведомое, для этого у вас просто не будет сил, а вот когда вы ими переполнены, то есть – удовлетворены своей жизнью, неизвестное вас никоим образом не обойдёт и не испугает: чтобы ни случилось – Существование всегда с вами!

- Но чтобы быть переполненным счастьем, нужно, наверное, заслужить его, начиная с путешествия к самому себе?

- Ничто не может быть его прекрасней, убедился на собственном опыте. Без этого внутреннего движения вам никогда не встретиться с Богом. Стоит, хотя бы раз, пуститься в своё внутреннее путешествие, и ты уже больше никогда не будешь таким, каким был прежде.

- Можно, должно быть, предпринять долгое путешествие для того, чтобы самому создать нечто прекрасное, как это получилось у Гумилёва, когда он решился отправиться в Египет: ведь ему предстояло прожить именно небывалое…

- И тут нужно быть готовым к тому, что оно далеко не сразу тебе откроется, даже если ты был искренен.

- Почему?

- Вероятно, Существование ещё не успевает освободиться от сомнений относительно твоих, не совсем ясных намерений, пока ты сам не пережил их. Так произошло со мной.

- А что должно явиться самым важным толчком, после чего человек всё же решается на поступок? Ведь отправиться в дальнее путешествие, несомненно, подвиг?

- «Если не сейчас, то когда?» Взяв это утверждение как единственное верное и неотъемлемое жизненное правило, когда решаешься отправиться в путешествие, ты навсегда избавишь себя от необходимости выбирать наименьшее сопротивление на пути продвижения и к своей истинной сути, и ко всему неизведанному.

- Каким бы опасным ни казался этот путь в неизведанное?

- Никто не сможет отнять у тебя то, что ты приобрёл с помощью собственных усилий, а сам ты никогда не овладеешь тем, чего не заслужил.

- Только не всегда тебе в этом сопутствует удача…

- И всё-таки, человеку однажды необходимо устремиться в неизведанное, чтобы открыть себя для великой бесконечности… И тут не

обойтись без мужества и осознанной отваги, когда способен отбросить привычное, всё уже давно познанное, что только мешает твоему путешествию к самому себе.

- Сколько же вам привелось пережить за время своих странствий, что вы научились делать такие верные выводы? В вас, Боря, несомненно, присутствует слог, вам непременно следует писать. Пробуйте, не бойтесь неудач и того, что впереди вас ожидает труд, труд и только труд.

Чтобы чего-нибудь достичь – необходимо что-то отдать, словом, пожертвовать очень ценным, вполне возможно – самым дорогим, и всё только для того, чтобы потом обрести нечто большее.

- Я уже убедился, что именно благодаря воле ты с минимальными потерями проходишь самые трудные времена в своей жизни. Я к радости своей совершенно недавно осознал, что только преодолевая очень дальнюю и длительную дорогу, можно почувствовать в себе любовь к жизни и уважение к малому.

- Вот и Осип Эмильевич, несмотря на превратности судьбы, писал много чудесных стихов, и внутренне был всегда свободен:

«Лишив меня морей, разбега и разлёта
И дав упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчёта:
Губ шевелящихся отнять вы не могли».

- Не берёшь ответственность на себя – не обретаешь собственный свет. Распоряжайся своей жизнью сам, ибо никто не в силах тебе помочь. Ведь чего бы с тобой ни случилось – в ответе за это только ты! А имея возможность управлять своей судьбой – радуйся такой возможности, именно это делает тебя сильнее, и лишь пережив всё, что стоит пережить, ты становишься освобождённым от каких-либо условностей, ты – индивидуальность, и рано или поздно обретёшь божественную истину!

- Вы непременно достигните раскрытия всех тайн, и ничего не упустите. Для того, чтобы понять жизнь – нужно распахнуть ей объятия, как это делаете вы. Не разделяйте ничего на одно и другое – что важно, что нет, всё едино, и чтобы постигнуть смысл существования, нужно сначала прийти к простой истине: всё, о чём вы думаете и во что верите – тем и становитесь. Откройте своё сердце жизни, испейте её до дна, как чудесный напиток, а не горькую отраву, и поверите в себя, в то, что рождены для счастья. Дерзайте, и будьте всегда с Богом!

- Жизнь так устроена, что человеку нужно непременно отправиться в дальнее путешествие, и замечательно, если им окажется море. Преодолевая на этом пути самые невообразимые препятствия, ты обязательно откроешь для себя и других чудесные вещи, а главное – ты достигнешь находящееся в самом себе, только глубоко позабытое, счастье существования, радость отдачи себя другим. И вот это преданное в твоей внутренней природе забвению удивительное состояние однажды предстанет перед тобой

настолько очевидным, что ты вмиг осознаешь: оно, оказывается, раньше тобой просто не замечалось!

- Душа жива тем, что было ею отдано, и жизнь для любого человека подразумевает в себе, кажется, только одно: в ней должно быть сделано что-то прекрасное.

- Да… А у Гумилёва я больше всего люблю «Капитаны», даже прочёл когда-то этот стих своему первому капитану – Михаилу Александровичу, и ему, помнится, тоже очень нравился Гумилёв, в особенности, его «Жираф»…

- Надо же, морской капитан знает стихотворение «Далёко-далёко, на озере Чад, изысканный бродит жираф…», а мои литературоведы, что часто посещают меня, далеко не все даже подозревают о его существовании!

- Мой капитан – замечательный, самый первый, и мне хочется поскорее увидеть его, и говорить обо всём…

- Знаете, Боря, я вам по-хорошему завидую: сколько интересного и необычного ждёт вас впереди, в вашем морском путешествии на пути к неведомому!

Наталья Евгеньевна вдруг оживилась, и, подбоченившись одной рукой, а другой - взмахнув над чуть закинутой головой, торжественно процитировала:

«И взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт,
Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвёт пистолет,
Так что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет…»

Я, конечно, не мог не поддержать Наталью Евгеньевну в её поэтическом порыве представить себя, хотя бы на миг, бесстрашным морским капитаном, и с таким же задором продолжил:

«Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернёт паруса.
Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат!»

Мы опять немножко помолчали, и улыбнулись друг другу…

- Если Гумилёв предпринял путешествие для того, чтобы создать нечто прекрасное, и прожить небывалое, то почему это недоступно тому, кого тоже манят приключения? Сложность и тайна предстоящего пути точно так же притягивает и меня, - немного погодя, сказал я. – Этот путь и предполагает

дерзновенную отвагу в отыскании неизведанного, способного побудить к созиданию…

- А женщина? – воскликнула Наталья Евгеньевна. – Отважная душа мужчины должна, наверное, расслабляться в её ласковой энергетике, наполняясь жаждой последующих приключений и открытий!

- Мне думается, что самую большую энергию даёт изучение своей внутренней природы, что и представляет из себя самое великое путешествие. Но пробудить её может только дальняя дорога…

- Я полностью согласна с вами, Боря. Даже просто быть, ничего больше не делая, уже удивительно прекрасное путешествие, и оно – нескончаемо.

- И всё же, только риск, без оглядки, по-настоящему отчаянный поступок предполагают наполненную приключениями жизнь… Если ты готов к этому, то всегда будешь свободен и радостен. Не хочется тратить свою жизнь понапрасну, просто ничего не делая.

- А что для вас, Боря, означает свобода?

- Каким бы это ни казалось странным, но нет ничего более ответственного по своей сути, чем свобода. Она же, в полной мере, присуща только разумному существу, а значит, подразумевает под собой, в лучшем случае, движение вперёд, к росту.

- И тут никак не обойтись без путешествия? – улыбнулась Наталья Евгеньевна.

- Свобода, это когда тебя ничего не сковывает, ты обрёл в себе Бога, заложенное Им в тебя божественное сознание, развил его, и значит – живёшь свободно.

- И радостно? – Наталья Евгеньевна опять улыбнулась.

-Невозможно не ощущать себя радостным в этом удивительном мире, где всё проникнуто свободной волей, и её нужно лишь почувствовать и принять.

- Очень важно, Боря, чтобы человек определил для себя в жизни собственную цель, без которой просто невозможно отправиться по ней в путешествие. Чего желаете достичь именно вы, минуя понимание смысла существования другими людьми, только вы и никто иной? Что более всего беспокоит вас в пребывании на этой земле, в хорошем смысле – не даёт покоя, и вам бы хотелось добиться самого сокровенного, без чего вы не представляете своей жизни? Есть такое? Если есть, то вы переполнены жизнью… Так что же это за цель?!

- А цель проста, по крайней мере, для меня: узнать жизнь лучше, как можно более глубоко заглянув в самую её суть, побывав в других бесконечных мирах… Ведь так интересно то непознанное Божество, что создало всех нас, а мы Ему не соответствуем. Я уж не говорю про удивительные места, где так хочется побывать!

Мне, например, пришлось пережить невероятное преображение, когда я столкнулся не только с морем, с океаном! Словно родился заново, и понял, что никогда уже не стану прежним, будто получил ключи от удивительных

тайн бытия, открывающих чудесные секреты, разгадать которые суждено мне одному.

- Очень красиво и достойно… Не беря на себя ответственность – не обретаешь собственный свет, это вы точно сказали…

- Я ощутил это именно рядом с океаном, в результате путешествия, что совершил сначала к самому себе, а затем – к нему.

- Это очень хорошо, что вы распоряжаетесь своей жизнью, ибо никто не в силах вам помочь. Знайте: что бы с вами ни случилось – в ответе за это только вы!

- Я уже давно убедился в том, что возможность управлять своей судьбой – не приносит ничего, кроме радости. Ведь именно это делает человека настоящим.

- И всё же, для путешественника, наверное, всегда очень дорого возвращение домой?

- В любом путешествии важнее переживание возможности возвращения домой, нежели сам приезд и встреча с близкими.

- Отчего же?!

- Потому, что встретившись с родным домом, ты уже начинаешь скучать по дороге, тогда как в экспедиции ещё переживаешь все её прелести, и в тоже время – предвкушаешь возвращение…

- Нет, наверное, ничего слаще для путешественника экспедиционных приключений, хотя бы они были связаны с преодолением разного рода мытарств и неустройства, что, тем не менее, обогащают его жизнь?

- Откуда у вас, Наталья Евгеньевна, такие познания о сути путешествий?

- Именно в этом я убеждалась при прочтении дневников и писем Николая Гумилёва, когда он путешествовал по Африке.

- Да, человек способен одолеть любые препятствия – и холод, и голод, и всесокрушающие шторма с бурями, когда он знает, что у него есть отчий дом.

- Но именно в напряжении сил, вдалеке от родного дома, человек, должно быть, обретает крылья и обнаруживает переживание роста… Правда?

- В дороге, когда организм максимально мобилизуется, человек чувствует себя выше, сильнее, в нём пробуждаются лучшие стороны его души, и ему хочется развить это удивительное состояние сопричастности всему живому, не упуская в нём ни капли. Не нужно искать в жизни счастье, необходимо изливать его из себя, а это возможно, только пройдя дальнюю дорогу…

Удивительной теплотой и обаянием были наполнены наши с Натальей Евгеньевной вечера в её маленькой уютной квартирке. Сколько я там бывал, меня никогда не покидало ощущение чистоты и добра. Всегда было светло и радостно, хотелось мечтать и откровенничать. Было по-настоящему хорошо,

и ни разу я не почувствовал, что женщине, дарившей мне неповторимую радость, за семьдесят…

Я смотрел на неё, невольно представляя себе ту Наташу, представшую в своём юном очаровании перед опальным поэтом на одной из его воронежских квартир, и понимал, почему состоялась эта встреча, почему были сохранены воронежские тетради, посвящённые Осипом Эмильевичем ей, «милой Наташе», почему продолжалась многолетняя дружба с Надеждой Яковлевной, его супругой. И ещё на многие и многие «почему?» находил я ответ, глядя на эту прекрасную женщину, о которой сам Мандельштам написал:

«К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идёт, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Её влечёт стеснённая свобода
Одушевляющего недостатка,
И кажется, что ясная догадка
В её походке хочет задержаться –
О том, что эта вешняя погода
Для нас – праматерь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.»

Она находила такие слова, которые убедительно и точно передавали неведомый облик великого поэта, его манеры, привычки, присущие ему странности, большие и малые неурядицы, преследовавшие Осипа Эмильевича на протяжении всей жизни. Передо мной постепенно изо дня в день, по мере знакомства с Натальей Евгеньевной, вырисовывался образ Мандельштама, приходило истинное понимание его трудной, но счастливой судьбы, и становилось вдруг ужасно больно за него его же болью, помноженною на исковерканные судьбы других, таких, как он… Больно и страшно. «Благополучные» тридцатые для кого-то, кто сладко ел и пил, проституировал в литературе и жизни, предавая себя и других; «вороньи» тридцатые – для «Мандельштамов».

Каким был тот барак или дворик, где он встретил своё последнее мглистое утро? Полный чувства собственного достоинства, с высоко поднятой головой и безжалостно редеющими на ней волосами, выставляя острый кадык на тощей, небритой шее… «Я – трамвайная вишенка страшной поры…»

Трудная, но счастливая судьба… Тяжёлое, незабываемое время, в котором жила страна…

При воспоминаниях ушедшего времени и чтении любимых строк голос Натальи Евгеньевны – удивительно певучий, но с твёрдыми, звенящими нотками, молодел, он необыкновенно волновал, проникая в тайники души, поднимая всё лучшее в ней.

Были у Натальи Евгеньевны и любимые воспоминания, к которым она возвращалась охотно и повторяла с большой любовью и трепетом. Это, конечно, знакомство с Мандельштамом осенью 1936 года, поездка по поручению Надежды Яковлевны Мандельштам в Ленинград, к Ахматовой, и тот облик поэта, каким его запомнила Наталья Евгеньевна для себя навсегда: «Лицо нервное, выражение самоуглублённое, внутренне сосредоточенное, а иногда – по-мальчишески лукавое. Голова несколько закинута назад. Очень прямой, почти с военной выправкой, нет, скорее, с королевской осанкой, среднего роста, в руке неизменная палка, на которую Мандельштам никогда не опирался, она просто висела на руке и почему-то шла ему. Не новый и редко поглаженный костюм на нём был элегантен. Вид независимый и непринуждённый… У меня было ощущение, точнее, убеждение, что таких людей, как он, нет».

Незаметно минул по-весеннему неугомонный февраль, ещё быстрее пролетели март с апрелем, и подступил во всём своём великолепии май – с сухими порывистыми ветрами, выдувающими диковинные звуки в верхушках пирамидальных тополей, с арбузной мякотью долгих закатов над вскрывшейся рекой. По утрам из окна номера гостиницы при водолазной школе был виден освещённый солнцем город, раскинувшийся на противоположном правом берегу. В ясные утренние часы он казался розовато-золотым. Влажный ветерок вносил в комнату запах светло-зелёной речной воды, заставляя приятно сжиматься сердце в предчувствии пробуждающейся жизни…

Каждый день, по утрам, пока стояла зима и начало весны, мы приходили на тренировочный полигон и, облачившись в порядком потёртое водолазное обмундирование, опускались под лёд, прямо в вырубленную майну, выполняя разного рода незамысловатые технические приёмы. Буровато-зелёная стылая вода тягуче смыкалась над медным шлемом, многочисленные испуганные пузырьки торопливо бежали наверх, мимо лицевого иллюминатора. Не по размеру вместительную, неуютно коробящуюся перед погружением рубаху, под водой моментально обжимало, так что она намертво присасывалась к телу. Неприятный холод постепенно окутывал с головы до ног, вокруг сгущались рыжевато-свинцовые сумерки, и неожиданный мягкий удар о дно выводил из охватившего на миг оцепенения.

Волнообразный мельчайший песок струился, кажется, прямо за стеклом, на вытянутую от тебя руку, дно было совершенно голо, и каждое движение отдавалось в скафандре каким-то неестественным, потусторонним гулом. Изредка перед глазами пробегали грязновато-бурые непривлекательные раки, но они были так проворны, что мне никак не удавалось поймать хотя бы одного. Постепенно я начинал привыкать к необычности окружающей обстановки, лишь изредка забывая нажимать на головной клапан для стравливания воздуха.

Имея опыт обучения на Курсах аквалангистов на Сахалине, и трёхмесячную работу по добыче морепродуктов в Японском море, мне не составляло особого труда выполнение учебных упражнений, что подготовили для курсантов преподаватели Водолазной школы. На занятиях в бассейне инструктор требовал от нас безукоризненное овладение аквалангом, для чего разбрасывал лёгочный аппарат, ласты, грузовой пояс и маску на дно в противоположных углах, на различной глубине. Курсанту необходимо было в течение 45 секунд включиться во всё это лёгкое оборудование, представ потом целым и невредимым перед лицом мастера. Я умудрялся проделывать это задание за двадцать восемь секунд, что вызывало зависть у товарищей, прозвавших меня за подобное умение «дельфином», преподаватель же , как правило, ограничивался снисходительно-уважительной улыбкой.

Что касается погружений на речном полигоне, то все они тоже не представляли из себя ничего сложного. Так мне, по крайней мере, казалось, когда я сращивал под водой концы или предстояло соединить фланцы импровизированной трубы, продеть в отверстия болты и наживить на них гайки. Прямо у основания трапа, уходящего под воду, был сооружён верстак с тисками, в них следовало зажать деревянный брусок, с начерченными на нём фигурками рыбок, птичек и разных зверушек, и лобзиком выпилить такую фигурку, после чего она на специальном буйке из пенопласта всплывала, а инструктор с секундомером засекал норматив исполнения задания.

Всё это освоение подводных навыков представлялось мне достаточно забавным, при осуществлении не вызывая никаких затруднений. Даже учитывая, что часто мне приходилось возвращаться от Натальи Евгеньевны через весь город и реку пешком, лишь под утро, и на сон совсем не оставалось времени, я, тем не менее, успевал по всем предметам. Наверное, потому, что думал только о достижимых вещах, ставя себе выполнимые задачи. Иначе, как добиться желаемого?

За шесть месяцев обучения я не получил ни единой четвёрки, только отличные отметки, по всем дисциплинам, включая выполнение подводных нормативов в бассейне и на тренировочном полигоне. Куратор нашей группы, преподаватель водолазной техники и подводных работ, зная, что я частенько прихожу в Школу поздно, и, вероятно, принимая меня за завзятого «гуляку», постоянно пытался поймать меня не подготовленным к какой-либо теме. Но я всегда знал ответ и чётко излагал суть вопроса, вызывая у него этим даже некоторое чувство досады.

Преподавателю, не буду называть его фамилию, почему-то очень хотелось подловить меня на незнании предмета, но я лишал его подобной возможности. Помнится, порой он не в силах был сдержать озлобленности, по-видимому, недоумевая – как я, при своих постоянных «гулянках», умудряюсь отвечать на «отлично» по всем вопросам? Я же, наоборот, ещё более тщательно готовился к каждому занятию, вконец обескураживая его

своей осведомлённостью по любому предмету. Он не понимал – как это у меня выходит, а предметов было немало: водолазная техника, единые правила безопасного труда под водой, гидрология, водолазная медицина, водолазные работы, спуски под воду в водолазном снаряжении, выполнение работ под водой…

Кстати, на «отлично» я сдал и все выпускные экзамены… И вот, когда по завершению обучения в Школе стали подводить итоги, то оказалось, что из 70 курсантов только четверо имели по всем предметам самые высокие результаты, и трём из них, помимо похвальных грамот, вручили золотые значки выпускников Школы, а мне – нет. Не скрою – было обидно, хотя виду я не подал и никому никаких претензий не предъявил.

Позже я понял, что награждение это, по сути, ничего существенного бы мне не дало, а вот силу я обрёл. Именно так, подспудно, накапливается в душе мужество, настоящее чувство свободы от какой-либо зависимости, и ещё – великое терпение. Я должен был принять этот удар, понять его и ни на кого не сердиться.

Я рассуждал так: если бы тебя судьба не била, ты бы становился важным, не чувствуя свою истинную значимость. В таких ситуациях наш беспокойный ум обычно создаёт для себя целое несчастье, сплошные и пустые переживания, но когда ты получаешь незаслуженный удар, - тебе больно, и это мобилизует. Подобного рода испытание необходимо – и оно происходит, тебе его нужно просто принять. Это – своеобразная энергетическая помощь, которую тебе великодушно предоставляет жизнь.

По всей вероятности, думал я тогда, Существование просто проверяло меня на крепость. Воспитывало этими препятствиями, выковывая незаметно волю и оттачивая терпение. Настоящая сила вливалась в меня по капле, зато лишиться её было уже невозможно. Я становился её законным обладателем, она насыщала меня энергией надолго, может быть – навсегда.

К слову будет заметить, что оплату за обучение в Школе, включая питание, я производил из собственного кармана, тогда как остальные курсанты пользовались поддержкой организаций, от которых они были направлены на учёбу. Даже по тем временам она была достаточно внушительной, и я во всём ограничивал себя, не позволяя ничего лишнего. Курсанты могли позволить себе полноценный завтрак и обед в столовой Школы, а мой обед состоял из половины пакета вермишелевого супа, что я заваривал у себя в кубрике, и маленькой порции винегрета за 8 копеек из гостиничного буфета. Если бы не поддержка со стороны Натальи Евгеньевны, которая, конечно, догадывалась о моём бедственном положении, я бы, наверное, не осилил своё обучение в Водолазной школе…

Я никоим образом не обижался на все эти незначительные удары судьбы, осознанно принимал их и верил, что рано или поздно всё наладится. Не пугало и то, что, казалось бы, самые обыденные ситуации оборачивались нешуточным душевным напряжением. Притом, что я видел, как благоволит жизнь к другим людям, даже если они этого не заслужили.

Со временем я понял, что у жизни не существует пустых ударов: все они благоприятствуют росту. Если только ты не нанесёшь такой удар себе сам: своим равнодушием, трусостью и ленью. И дело тут в том, как ты всё воспринимаешь, как относишься к своим собственным возможностям. Важно, чтобы для проверки твоей сути пришло время и понимание, что ты должен отказаться от того, что тебе мешает. Это – необходимая жизненная школа, которую следует, не огорчаясь, спокойно пройти.

И всё это происходило при том, что мы с Натальей Евгеньевной почти каждый вечер беседовали о литературе, и я ещё успевал просмотреть множество книг, что она великодушно предоставляла мне для прочтения, но только у себя дома, заботясь о моей безопасности: ведь это были запрещённые тогда авторы – Булгаков, Мандельштам, Гумилёв, Пастернак, Абрам Терц… В такт своим неторопливым передвижениям под водой, во время погружений на полигоне, я невольно начинал думать о Наталье Евгеньевне, о книгах, которые ждали меня в тихой уютной комнатке с кошками, цветами, мерным боем старинных часов, вниманием и теплотой хозяйки. Забывшись, я даже принимался иногда читать стихи, и нетленные строки великих поэтов звучали под водой величаво и неприступно.

В такие минуты я был счастлив от того, что где-то на том берегу, в небольшой квартирке встречала своё утро женщина, подарившая мне такую же радость, какую несла весна. Сознание этого усиливало возбуждение, но, в тоже время, незаметно подкрадывалась грусть – скоро нужно было уезжать…

Вспомнилось, как морозными лунными ночами, пешком, возвращался я через весь город к себе в гостиничный номер, как, оставаясь в нём наедине с «Кипарисовым ларцом» или «Жемчугами», по-особому переживал протяжённость времени, вернее – совсем его не замечая. Проходя по мосту через реку Воронеж, над моей головой кружились нежные хлопья весеннего снега, и я чувствовал себя самым счастливым человеком, не ощущая никакой усталости… И ещё – как обрадовало предложение Натальи Евгеньевны обойти все места, где жил и бывал Мандельштам. Такая прогулка могла бы дать много интересных находок, догадок и мыслей, а имея в качестве гида Наталью Евгеньевну, несомненно, стала бы просто неповторимой. К тому же, мне очень хотелось в один из таких мягких, сухих и пасмурных дней, прямо на улице, подарить этой женщине маленький букетик лесных фиалок… К сожалению, осуществиться этому не было дано…

В тот последний день я пришёл на Никитинскую раньше того, чем мы запланировали. Было ещё утро, и хотя Наталья Евгеньевна придерживалась давно выработанной привычки вставать и ложиться поздно, она всё же предоставила мне возможность поработать с книгами. Я уже дочитывал «Прогулки с Пушкиным», когда, остановившись на пороге комнаты, Наталья Евгеньевна взволнованно произнесла: «Боря! Вы могли уехать, так и не услыхав голоса Осипа Эмильевича! Как я могла забыть?!». Она бережно взяла со стеллажа пластинку в потёртом пакете и, поставив её, предупредила:

«Не обращайте внимания на шум в самом начале. Это пройдёт… Вы услышите музыку его стиха и всё поймёте…»

… Голос Мандельштама звучал тихо, доносясь откуда-то издалека, часто срываясь и проваливаясь из-за давности записи, хоть и реставрированной, словно преодолевая невидимые преграды, но сильно и возвышенно. Это были призыв, восторг, мольба к людям грядущих времён, взывающая к пониманию благородного дела поэта и его души… Он пел свои стихи…

Голос Мандельштама… Наверное, его невозможно описать. Лучше будет промолчать, потому что голос поэта ни с чем сопоставить нельзя, так же как невозможно подыскать достойное сравнение тихо журчащему горному источнику или красочному оперению диковинной птицы…

Пора было уходить, но Наталья Евгеньевна, не желая отпускать, доставала уже другую пластинку… Мне было суждено услышать ещё один необыкновенный голос – милый, по-мальчишески обаятельный, какой-то … совершенно неподражаемый. Я слушал, глядя на застеклённый в рамке портрет: скуластое, чистое, с молодым чубом, открытое лицо, и во мне торжественно, крепнув и нарастая, звучал его «Шекспир»:

«Извозчичий двор и встающий из вод
В уступах – преступный и пасмурный Тауэр,
И звонкость подков, и простуженный звон
Вестминстера, глыбы, закутанной в траур.
И тесные улицы: стены, как хмель,
Копящие сырость в разросшихся брёвнах,
Угрюмых, как копоть, и бражных, как эль,
Как Лондон, холодных, как поступь, неровных…»

… Мне никогда не забыть этого прощания под голос Пастернака, раздающийся во всю свою мощь и прелесть в сводах старого подъезда. В этот подъезд мне всегда страшно хотелось возвратиться, пробежав под двумя низкими арками. А пока, понапрасну не растрачивая всё очарование воронежских дней, я нёс его в себе, наслаждаясь и лелея.

И я тогда ещё подумал, что главное в жизни – ни сколько ты проживёшь лет, а сколько в твоей жизни было вот таких встреч. И, поняв это, я остро ощутил тоску по странствиям, по таким встречам с дорогими сердцу людьми, и без этого уже себя не мыслил.

После встречи с домом, в душе моей затаилось какое-то неизъяснимое чувство потери, неприятно-въедливое и горькое, ни за что не желающее меня покидать. А вот теперь, оказывается, я что-то нашёл, и найденное было даже лучше, чем можно себе представить. Женщина, живущая в истинном времени, сумела без видимого напряжения убедить меня в том, что признание всё равно приходит очень поздно, но следование к нему, по неухоженной дороге жизни, оправдывает любые неудачи.

Уже спускаясь по лестнице, я на миг задержался, в последний раз устремив взгляд к Наталье Евгеньевне. Стоя в простом цветастом халатике,

аккуратно поджав ножку и слегка придерживаясь за перила, она тихонько проговорила: «Боря… Передайте, пожалуйста, от меня привет … Океану!»

«ОСТРОВ – КАК ОН ЕСТЬ»

По возвращению на остров, моё настоящее было таково, что требовалось как можно скорее определиться: от какой организации я в ближайшее время отправлюсь в море в качестве новоиспечённого водолаза 2-3 группы квалификации? Много хорошего у меня уже было связано с Сахалином, и в душе от предстоящих событий я не ощущал ничего, кроме приподнятого настроения и радости. Это настоящее, по моему мнению, было настолько хорошо, что я ни на миг не сомневался в таком же многообещающе раскинувшемся передо мной будущем. Был я молод, полон сил и планов, к тому же – дипломированный подводный специалист, а уж как меня тянуло к себе море – трудно передать.

Но при этом в душе присутствовала серьёзность и последовательность в поступках, я точно знал – чем хочу заняться и зачем вернулся на остров. Я не только рвался исследовать морскую глубину, быть там, ощущая всеми чувствами её темноту и тайны, очень близкие моей душе, но меня охватывало неописуемо восторженное желание постигать и красоту моря, вообще – всей жизни, в которой я ещё очень многого не понимал. Сколько, всё-таки, прелести в окружающем мире, даже – на суше, и всё это необходимо самым тщательным образом рассмотреть и запомнить, а лучше – записать. Само собой разумеющимся представлялось ведение дневниковых записей в предполагаемых экспедициях, в которых, верилось, я непременно окажусь. Но с чего начать своё пребывание на ставшем дорогим для тебя острове, когда убеждён: ты, как никто во Вселенной, достоин её внимания, точно так же, как и она заслуживает твоей любви и преданности?

Чаще всего мы и не замечаем, как судьба преподносит нам свой щедрый подарок, до того он бывает обыден и прост. Эта привычка человека пускать всё на самотёк, не наблюдая в своей жизни божественного промысла и не радоваться мелочам, стара как мир. Но я чувствовал себя тогда самым счастливым человеком, воспринимая малейшее событие за непременную удачу, и когда повстречал на улице руководителя Курсов аквалангистов, набирающего нас год назад на учёбу и возглавившего затем бригаду по добыче трепанга в лагуне Буссе, то сразу ощутил: всё складывается именно так, как и должно быть.

Увидев меня, человек этот несказанно обрадовался, взмахнул руками и счастливо воскликнул: «Боря, уже приехал? Ты-то мне и нужен!» Откуда он мог знать, что я куда-то уезжал, и, тем более – вернулся, мне было неведомо, но обрадовался он при нашей встрече совершенно искренне, после чего, этого уж я совсем не ожидал, крепко обнял меня и, немного отстранившись, но не выпуская из объятий, весело провозгласил: «Есть предложение, от которого трудно отказаться… Мне тебя сам Бог послал!», чем абсолютно меня огорошил…

Оказалось, что его добрая знакомая – заведующая лабораторией Сахалинского Филиала ТИНРО, набирает в научно-исследовательскую экспедицию по Татарскому проливу группу аквалангистов для съёмки нерестилищ сахалино-хоккайдской сельди, и ей, до отхода в море, срочно требуется отыскать хотя бы двух человек. Мне шло в руки именно то, что и было нужно, и разве можно такое предложение моего знакомого назвать простой случайностью или обыкновенным везением? Я сразу почувствовал, что это – знак судьбы, всевышнее согласование Вселенной с волеизъявлением отдельного человека, то есть – меня, и, следовательно, так тому и быть.

Вот что значит, когда благотворные семена падают на подготовленную почву, и это приносит за собой благое преображение, после чего всякая мечта сбывается, если человек Бога в своей душе разглядел и к Нему идёт. И тогда дорогу своей жизни можно считать исповедимой, ты её полностью осознал и сердцем принял. Да здравствуют праведные устремления, а не слепой рок!

Моё же устремление оказалось истинно, и никакие сложности у меня на пути не могли стать препятствием. Случилось так, как и должно было случиться, и всё произошедшее представилось мне достаточно очевидным, поскольку я не привязывался к привычному, что дарило заведомый покой, и не уповал на удачу, что не зря в народе брагой зовётся. Когда ты сам удалец, тогда к тебе и Бог пристаёт.

Для изменения своей жизни в лучшую сторону важна готовность принять ответственность за всё, что ты совершаешь в ней, чего бы это ни касалось, и если такая ответственность тобой осознана и принята – ты открыт для добрых перемен. Жизнь твоя полнится новыми возможностями, и ты готов к её прекрасному созиданию… Всё заключено в твоей ответственности перед самим собой, в способности развести свой внутренний сад, и от тебя зависит – каким ты его сотворишь. А сотворить хотелось праздник собственной жизни, и у меня всё для этого было, а чего не было – приходило в новых незабываемых ощущениях, красотах острова и людях, порой просто вливаясь в меня неохватным благостным потоком…

Глядя с моря на седой сахалинский берег, обычно всё в тебе будто переворачивается, цепенеет, и отчего-то сквозь нависшую над островом туманную хмарь и порождаемую ей непонятную печаль - в душу всё же просачивается гордая уверенность за то, что ты находишься сейчас именно здесь. Но почему я выбрал замкнутое пространство – остров? Не виною ли тому окружающая его вода, неизъяснимо влекущая к себе таинственная морская плоть, повсюду граничащая с не менее могущественной сушей?

Отдавая дань поочерёдно то одной, то другой стихии, а то и обеим сразу, я выбрал остров как место, от которого легче всего можно было бы оттолкнуться для полёта. Здесь, на краю света, лежала удивительная земля,

окрыляющая и заражающая возможностью всей душой устремиться в неизведанное жизненное пространство! И я устремился к этой долгожданной для себя земле, сразу после окончания учёбы в Воронеже вернувшись на Сахалин, и устроившись водолазом в Тихоокеанский институт океанографии и рыбного хозяйства в качестве водолаза. А ещё через каких-нибудь пару недель мы отправились в экспедицию по Татарскому проливу на небольшом судне «Армавир», и я был так счастлив, что во время сборов даже не успел повидать своих друзей.

Самые настоящие неожиданности поджидали нас на каждом шагу, и не оставалось времени, чтобы всё увиденное переварить. Оно требовалось для понимания того, что самое невероятное - есть радость от встречи с давно существующим подводным миром Сахалина, но ещё не открытым для себя. Бесконечность этого пути представлялась единственно достойным состоянием души. Истинность же подобного устремления подтверждалась мудрым слиянием моря и острова, чаще всего – не замечаемого людьми…

Какой доступной при этом становилась исключительность влекущей к себе слитности неба и моря на горизонте! Нигде так остро не ощущались монолитная тяжесть и мощь земли, как на стыке воды с сушей. Обрывающиеся в воду утёсы производили именно такое ошеломляющее впечатление, если не стремиться понять возникающий перед тобой суровый пейзаж.

В здешнем пейзаже всё так плавно и стремительно оборачивалось другим, ранее неизведанным: линии сопок, кроны вытянутых ветром сосен, пышность трав, неслышный шорох многочисленных серебристых речек… Одна за другой сменялись проплывающие по борту картины, и так же отчётливо восхищение в душе сменяло завораживающее угнетение чувств.

По выразительному описанию Чехова, совершившему героическую поездку на остров в 1890 году, сахалинский пейзаж не удовлетворял его, вводил то и дело в грустные раздумья, сводящиеся, в конечном итоге, к тому, что остров тяжёл для души, и нормальному человеку вытерпеть его причуды просто не под силу. Вероятно, охватившая писателя действительность, заключающаяся в каторжном состоянии острова, играла в подобном отношении главенствующую роль. Иначе бы, учитывая все самые неприятные и необыкновенные несуразности сахалинского климата, и имея за спиной незабываемые картины российской природы вместе с Ялтой, Мелиховым, московскими улицами и всем уютом оставленного им родимого дома, Антон Павлович воспринял увиденное им на острове более радостно, открыто. Ведь даже в своей видимой унылости остров был, несомненно, притягателен и интересен для любого неравнодушного человека.

Я постепенно знакомился с островом, и меня не покидало чувство, будто его оригинальная природа по чьей-то неведомой ошибке была признана русской, между тем как на самом деле таковой не являлась, и являться ни в коем случае не могла. Во всём облике Сахалина угадывалось что-то своё собственное, неповторимое и, конечно, ни с чем другим не

сравнимое отличие. Даже относящиеся к русской национальности коренные жители острова, когда я в беседе с ними касался вопроса о среднерусской полосе, такой дорогой и близкой сердцу каждого из нас, недоумённо пожимали плечами, искренне огорчаясь при этом: чем же может очаровать равнина, покрытая в некоторых местах утомляющим внимание однообразием скучных берёз? То ли дело неподражаемая, изумрудная пышность сахалинской растительности, головокружительные взлёты и падения крутолобых сопок острова, хрустальная чистота его горных рек и ручьёв! Нет, среднерусская природа чужда им, непонятна, но, несмотря на это, они считают себя русскими ничуть не меньше, чем те, кто живёт где-нибудь под Владимиром или на Вологодчине.

Отделённый от материка бурным морем, остров, как никакой другой клочок земли, обещал истинную свободу. И он, конечно, в состоянии был подарить её, если бы человек действительно был готов к заслуженному для себя обретению. Но во времена сахалинской каторги эта завидная островная привилегия была в корне извращена и сведена к нулю, оправдывая лишь несвободу и полную безысходность от окружающей действительности. Стремление же к свободе, всегда присущей человеку и составляющей одно из его благороднейших свойств, неудержимо гнало людей с острова, чему на деле не могли помешать ни непроходимая сахалинская тайга с крутыми сопками, ни непереносимая влажность с удушающими туманами, ни безлюдье, голод и медведи, ни страшные затяжные метели…

Тоска по свободе, видимой человеком лишь за горами в голубой дымке на далёком противоположном берегу, заключалась в каждодневном угнетении его духа, так как только истинно отрешённый от самых тяжёлых житейских обстоятельств философ мог бы, наверное, достичь в подобном положении желаемого равновесия и целостности. По тем временам на это не был способен даже Чехов.

Природная уникальность Сахалина и его островное положение были по-своему использованы когда-то царским правительством, которое учредило здесь каторгу, и, таким образом, само свободное существование острова, созданного природой, было в корне извращено. Географическое положение Сахалина избавляло администрацию от нежелательных побегов, к тому же наказание на удалённом от материка островке земли приобретало надлежащую репрессивную силу: оно уничижало воображение заключённого, сознательно не оставляя ему возможности вернуться. Ведь с точки зрения государственной пользы, сосредоточение на Сахалине ссыльных представлялось залогом для упрочения нашего обладания островом. Да и угольные залежи, в достатке присутствовавшие на острове, могли быть с выгодою эксплуатируемы дешёвой рабочей силой ввиду громадной потребности в то время в угле. Природный простор Сахалина с его протяжённостью почти на тысячу километров, именно его уникальность, предполагающая, с одной стороны, удалённость, а с другой – достаточно близкое нахождение от материка, и составляли неповторимость острова,

которая так и осталась незадействована равнодушным и нелюбознательным человеком.

Во времена существования на острове каторги, люди не любили его, при любом удачном случае предпочитали бежать и, конечно, не помышляли о том, что остров способен подарить им ощущение свободы. Каторжан и ссыльных постоянно не покидало сознание необеспеченности, скуки, страха за свою жизнь и будущее детей, а главное – в каждом неотступно присутствовало желание хотя бы перед смертью подышать на свободе и пожить настоящею, не арестанскою жизнью. О материке в этом смысле говорили с любовью, с благоговением и уверенностью, что там-то и есть настоящая счастливая жизнь. И это на острове, который всем своим положением как раз подразумевал свободу, не возможную нигде на материке!

Несмотря на глубинную предрасположенность человека к свободному существованию и постоянному развитию, остров сводил это его неограниченное душевное состояние на нет. Там, где человек мог быть по своей природе по-настоящему свободен, он оказывался совершенно стеснён в своих самых обыкновенных и добрых устремлениях. На острове должны были жить люди непременно свободные духом, и таковыми могли являться местные коренные народы – нивхи и орочи, но и их бесстыдно развратили: сначала – во времена царской каторги, а затем – при советском правительстве. Чехов, во время своей поездки на Сахалин, вспоминает, что встретил на острове только одного человека, который выразил желание остаться на острове навсегда: это был несчастный человек, черниговский хуторянин, пришедший на каторгу за изнасилование родной дочери, и не любил он родины только потому, что оставил там о себе дурную память.

Отсутствие к началу двадцатого столетия на Сахалине общественного управления, медицинского персонала, дурная молва об острове каторги – «кругом море, а посредине горе», - не способствовали его быстрому заселению, какое предполагает обычно любое новое, ещё не опороченное ничем место. Каторга на острове была упразднена 10 апреля 1906 года, в этом главную роль сыграла буря первой русской революции. Но население Сахалина всё более уменьшалось. Остров ничем не привлекал людей: он был неинтересен и чужд им. На нём царило угнетение духа, и это не могло не сказаться на отношении к островным климатическим особенностям. Только в годы первой мировой войны благодаря освобождению жителей Сахалина от воинской повинности население начало возрастать.

И всё же, это было вынужденное переселение, продиктованное тогдашними жёсткими условиями, обрекающими прародителей сегодняшних сахалинских поколений на забвение среднерусского, близкого сердцу пейзажа во имя более спокойной жизни. Людей не одолевала страсть к открывательству, и, по большей части, они стремились освободиться от ярма непосильной жизни, не подозревая об истинной сути острова.

Может быть, именно от безысходности, порождённой кандальной историей острова и всеобщей атмосферой удручённости, царившей долгое время на Сахалине, и возникали разного рода смехотворные версии и рассказы старожилов… Когда-то, ещё во времена сахалинской каторги, на острове сочинили легенду о «происхождении Сахалина», которая была связана с именем старейшего сахалинского офицера, штабс-капитана Шишмарёва. Штабс-капитан этот ходил в вязаном сюртуке с пришитыми погонами, и отличался крутым нравом, называя инородцев «дикими обитателями лесов». Так вот по легенде, когда-то, в отдалённые времена, Сахалина не было вовсе, но вдруг, вследствие вулканических причин, поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидели два существа – сивуч и штабс-капитан Шишмарёв…

На острове существует ещё одна легенда, которая уходит корнями во времена его первооткрывателей… Когда русские заняли остров, установили на нём свои посты и стали притеснять местное население в лице гиляков, то гиляцкий шаман проклял Сахалин и предсказал, что из него не выйдет никакого проку. Так оно будто бы и вышло… Но на самом ли деле Сахалин уж такое гиблое место?

Не имея достаточных условий для передвижения в глуби острова или располагая к тому ограниченными возможностями, поначалу быстро приходишь к мысли, что вся жизнь здесь зачем-то втиснута между обрывистым глиняным берегом и морем. Эта особенность островной жизни удивляет, затем пугает, а потом и вовсе обескураживает: как же тут жить и не упасть душой? Вся жизнь острова будто ушла в эту узкую береговую отмель, ко всему прочему затопляемую в прилив…

И всё-таки, именно своеобразие острова с его необычными рельефом и географическим расположением, погодой и разнообразными климатическими поясами, с изобилием рыбы и богатыми полезными ископаемыми предполагало, как раз, достойное существование для людей, когда они были готовы к восприятию такой природной уникальности. Что с того, если природа создавала Сахалин, казалось бы, меньше всего думая о человеке?! Может быть, как раз видимое отсутствие благополучных условий для жизни и подтолкнуло все будущие поколения острова к созидательному труду, поскольку они считали его своей родиной, несмотря на то, что многие предки их прожили на материке, и эти поколения уже не представляли себе существования вне Сахалина, окружённого морем…

Людей не пугали непрекращающиеся дожди, туманы и ветра, холодные течения Охотского моря и льдины, которые плавают у восточного берега даже в июне, из-за чего всё лето стоит промозглым, но зато привлекала необыкновенная ясность охватывающих тебя мыслей и чувств, когда ты устремлял свои взоры к Тихому океану, на восток. Там лежало нечто такое, чего никогда не ощущалось на материке, а здесь, у моря, переживалось каждый день.

Восточный берег Сахалина производит на неподготовленного человека ещё более удручающее впечатление, нежели западный. Конечно, в глубине острова растительность выглядит достаточно обильной, особенно в северной и южной его части, но чем ближе к морю, тем она становится скуднее. Мало-помалу в общей картине уже преобладает песчаный берег либо болотистая невзрачная низина. С безлико простирающегося вдали севера задувает дикий пронизывающий холодок, и не хочется даже помышлять о том, что он за собой скрывает.

Неурожаи, холодный сырой климат, нехорошая земля – что, кажется, доброго всё это может породить? Зачем, за каким счастьем приезжают сюда люди? И всё же приезжают, обустраиваются и, в конечном итоге, побеждают неблагоприятные условия островной жизни, которые как-то незаметно становятся родными, ничем другим незаменимыми.

Долго я не мог разобраться в этом вопросе, наблюдая в течение нескольких лет за молодыми ребятами, приехавшими на Сахалин, на край света, попытать своего счастья. В основном все их устремления были связаны с морем, с рыбалкой, которая, по их мнению, должна была принести им искомое желаемое. И ради вот этой, ещё не ощутимой удачи, коей они непременно жаждали обладать, и совершались внутренние подвиги, когда оставлялись родной дом, друзья и близкие, самое дорогое и привычное, отсутствие чего потом вызывало необыкновенную тоску. В разговорах люди жаловались на суровые климатические условия острова, даже временами кляли их, но, всё же, не уезжали, оставались. Остров неотступно притягивал их любознательные сердца, обещал чего-то несбыточное, и повинным в этом, наверное, оставалось море, без которого Сахалин не был бы собой, тем, чем он и притягивал и отталкивал.

Тяжело и скучно на острове может быть только ленивому, нелюбознательному человеку. А для того, кто всем интересуется и неравнодушен к окружающему миру, здесь сразу обнаруживается занятие. Уже одно присутствие моря дарит невероятное количество впечатлений, любое из которых способно повести за собой в увлекательную дорогу, и она наполнит ими вашу жизнь до краёв. Невозможно жить у моря и не находить для себя какое-либо замечательное дело.

На многие мили вокруг раскинулось огромное, кажется, совсем бесчувственное море: вода тяжело отливает свинцом, на неё всей грудью навалилось бесцветное небо, а суровые волны бьются о пустынный берег и не слышно даже крика чаек. Зябнет душа, во всём чувствуется только подвох и недружелюбие природы, но в тоже время душа переполняется необъяснимым счастьем от того, что ей привелось здесь оказаться, видеть всё и переживать вместе с островом и морем, ощущая их для себя как нечто самое родное. Часто, несмотря на выработавшуюся к Сахалину и его климату привычку, особенно укладу жизни у моря, я ловил себя на мысли: это чудо, что я нахожусь здесь, за тысячи километров от дома, будто выполняя

чрезвычайно важную миссию, которая мне и самому неведома, а ведома только Богу.

Одинокие острова всегда волнуют, как отшельники, которые в одиночестве накапливают неведомую внутреннюю силу. Заряженные таким наполненным одиночеством, они неминуемо разряжаются при столкновении с кем-нибудь, отдавая свои необъятные силы и знания тем, кто в них нуждается.

Сахалин неотступно притягивал к себе. Такого вольного пространства, не скованного никакими ограничениями, трудно было ещё отыскать. В том смысле, что вольное состояние духа и тела предполагало бы всё необходимое для разбега и парения, как на Сахалине. К тому же остров этот, окружённый морем, был расположен на краю света…

Когда исчезает в туманной дымке островной берег и бесконечный океан теряется в неведомых далях, начинает казаться, будто здесь действительно находится этот самый край, и что дальше уже некуда плыть или идти. Душой овладевает какое-то неясное томление, приятное предчувствие чего-то несбыточного, несравнимая ни с чем радость вперемежку с боязнью, что это состояние так и останется никогда не разрешимым. Совершенно очевидным и вполне естественным в подобном положении представляется, должно быть, только возможность … взлететь, но до этого очень далеко, поскольку нет ещё необходимого знания – нужно ли такое действие, вероятно ли оно само по себе или нет? В этом притягательном священнодействии собственной души и моря ощущается какая-то притягательная тайна.

И если однажды, каким-нибудь самым, что ни на есть, обыкновенным утром, может быть, по-сахалински чуточку ненастным и тихим, вы вдруг попытаетесь пройти на судне вдоль острова, то в береговом неярком облике его обязательно будет угадываться что-то такое, благодаря чему он, по меткому утверждению Чехова, вполне мог бы обходиться без человека. Восприятие открывшегося незамедлительно станет переживаться вами, а затем непременно усилится от гордого осознания, что просто удалось увидеть эти берега. В них действительно заключена непреодолимая притягательность. Всё, что по этому поводу думалось, представлялось не иначе как обретением чего-то необыкновенного, нового.

И, тем не менее, мне не раз приходилось замечать, какое тяжёлое впечатление производит на многих людей сахалинский берег, в особенности весь восточный и за незначительными исключениями западный. Берег этот, как правило, отвесный, с тёмными безжизненными ущельями и неглубокими распадками, или же на многие километры угрюмо спускающийся к морю пологими, глиняными холмами, не отличающийся разнообразной растительностью, прибиваемой частыми и едкими туманами. Берег бывает, разумеется, и весёлый, и грустный, и просто бесцветный, доводящий порой до беспросветной мрачности, но воспринимать его постоянно в чёрных красках было бы неверно, тем более, что отношение к нему диктуется, по

большей части, лишь причудами природы, на которые она в этих местах так горазда.

Мне бы не хотелось живописать островную линию, когда она благополучно обласкана солнцем и теплом, поскольку подобные дни на Сахалине редки и не отражают его истинного лица. В действительности же остров суров, климат его обязывает к несгибаемой стойкости, постоянно требуя к себе достойного уважения и внимания тех, кто однажды ступает на его берег. И ещё остров, будто негласно, призывает людей быть ответственными перед собой, потому что свет в их душах способен всегда преодолеть подступающий к ним мрак, когда невзрачные сахалинские берега наваливаются на человеческие сердца неизъяснимой тяжестью, ввергая их в безотрадное состояние.

То обстоятельство, что Сахалин когда-то не побоялся отправиться в путь в одиночку, что он постоянно развивается, в тоже время, оставаясь самим собой, и до сих пор жив, вынуждает относиться к нему с глубоким уважением. Разъединённость какой-либо части земли – закономерность природы и, как всякая её живая доля, в частности – остров, должна нести на себе определённые жизненные функции. Представляя себе острова живыми, необходимо, наверное, видеть в их существовании единственно допустимый и верный смысл.

Непреклонное стремление отдельной части земли оторваться от материка, превратившись в остров - в его верного посланника в океанских просторах, поистине достойно уважения, поскольку ведёт, в конце концов, не к бессмысленному отрыву, а к разгадке чего-то важного, не терпящего никаких отлагательств и слабости. Подобно человеку, что не устаёт вглядываться в убегающую и манящую даль, и готов в любой момент устремиться в дальнюю дорогу. Может быть, Сахалин действительно когда-то отделился от материка, и происходило это из-за их тесного соседства даже не один раз, но трудно себе отчётливо представить, как на самом деле происходило рождение острова.

Некоторые исследователи считают, что ранее остров являлся частью обширной области, находящейся под водой, и что со временем происходило его постепенное поднятие. Другие же полагают, что в начале четвертичного периода, более миллиона лет назад, не было ни Японского моря, ни Охотского, ни Сахалина, ни Японских островов, а весь этот участок занимала обширная суша. Бурная вулканическая деятельность, наступление и отступление моря, частые землетрясения, подъёмы и опускания суши, всё это, в конечном итоге, определило нынешние очертания Сахалина. Но только в нашу послеледниковую эпоху произошло отделение Азии от Америки, гибель Берингии, окончательное опускание Охотии на дно будущего Охотского моря и исчезновение под воду суши, соединявшую азиатский материк с Сахалином. В результате долгих преобразований – остров Сахалин обрёл форму рыбы, устремлённой на север, и рыба эта будто замерла от

наслаждения, что наконец-то окружена привычной водной стихией и хотя бы на время получила благодаря этому желанный покой.

Так или иначе, но остров, всё же, пожелал остаться один, вернее, к этому его принудило общее непрекращающееся развитие земли. Отторжение отдельных участков её от материков, где бы оно ни проявлялось, сделало остров необычным, ни на что не похожим, и потому подразумевающим в себе не только своеобразный колорит, но и недостающую человеку загадку. Может быть, даже только надежду разгадать её, но и это уже ничуть не мало.

То, что одинокие острова нас так сильно волнуют, объясняется, наверное, их несгибаемостью и волей. Тем, что они своим одиноким существованием свидетельствуют о достойной и интересной жизни. А вольный воздух и морской простор закономерно вдыхают в них, помимо всего прочего, что-то неизмеримо важное, дороже которого нет ничего на свете.

Долгое время не было известно о том, что Сахалин – остров. Неудачную попытку обнаружить это первым предпринял в 1787 году небезызвестный французский исследователь Жан Франсуа Лаперуз. Заключение его было однозначным: Сахалин – полуостров. И даже несмотря на то, что в последний момент Лаперуз засомневался в этом и выслал вперёд шлюпки, они всё же вернулись, не найдя прохода.

В течение последующих восемнадцати лет безуспешные попытки пройти по проливу совершались дважды: первая – англичанином Броутоном в 1796 году, вторая – в 1805 году Крузенштерном, являющимся, кстати, составителем первой карты Сахалина, которая была вычерчена мичманом Беллинсгаузеном, будущим первооткрывателем Антарктиды.

К этому самому времени, к октябрю 1806 года, на юге Сахалина был впервые поднят военный и коммерческий флаг России. Местному населению было объявлено, что оно с этих пор взято под покровительство России, а японцам, находящимся в селении Томари-Анива/современный порт Корсаков/, было предложено покинуть остров. Мера эта выражала желание правительства официально закрепить за собой дальние владения, поскольку ранее этого сделано не было, несмотря на то, что ещё в сороковых годах семнадцатого века Иван Москвитин со своими товарищами увидели западное побережье Сахалина. Затем это удалось сделать экспедиции Василия Даниловича Пояркова, и именно тогда, по некоторым сведениям, русские казаки стали постоянно бывать на острове, собирая с местного населения ясак.

В 1809 году появляется загадочный японский землемер Мамио Ринзо, образ которого я почему-то никак не могу себе представить. Он прошёл пролив, исследовал лиман Амура и составил карту своих плаваний. Но результаты его исследований из-за изоляции Японии не стали достоянием всего мира. Записи его лежали в архиве забытыми. Только в 1834 году их нашёл немецкий учёный Зибольд, но им не доверяли, по-прежнему считая

остров полуостровом. К тому же японец плавал на лодке, а важно было доказать, что проход возможен для морских судов.

В июле 1849 года на палубе транспорта «Байкал», находящегося в водах Татарского пролива, стоял небольшого роста человек, по описанию очевидцев, очень подвижный, беспокойного нрава, доходящего порой до вспыльчивости, и, прищурив узкие глаза, пристально всматривался в безжизненные сахалинские сопки. Был он тогда, должно быть, предельно собран, внимателен и строг. Чем-то встретят его мутные воды лимана, заставят ли вновь повернуться вспять, как это уже было с Лаперузом, Броутоном и Крузенштерном?

Звали этого человека Геннадий Иванович Невельской… Именно ему, правнуку боцмана при Петре 1, капитан-лейтенанту, достигшему к сорока годам звания контр-адмирала, удалось доказать судоходность Сахалинского лимана, так же как и то, что Сахалин является островом. В результате его самоотверженного прохода - вековое заблуждение положительно было рассеяно и истина, наконец, обнаружена.

Кстати, Геннадий Иванович Невельской, произведённый за благополучный переход в капитаны второго ранга, не был награждён орденом и не получил полагающейся ему пенсии, в отличие от других офицеров – участников этой экспедиции, по той причине, что пошёл в Сахалинский лиман без утверждённой царём инструкции, а лишь с её копией. Царские чиновники не прощали ни малейшего ослушания. Интересно: можно ли Невельского, при том, что он всегда поступал не так, как от него ожидали и требовали вышестоящие чины, а как он сам полагал – «чему по правде быть надлежит», назвать романтиком?

Так или иначе, все эти подвиги были совершены ради открытия самого острова, как части суши, окружённой водой, а сколько ещё предстояло всего преодолеть, чтобы познать его глубинную, неведомую суть, для чего требовались судьбы многих и многих поколений?! Здесь, на этом таинственном и продуваемом всеми ветрами острове, всё было так хорошо, надёжно и просто, что поначалу мне даже не верилось в естественность происходящего. Потом ещё минуло немало времени, прежде чем я убедился: остров – это не только отрезанный от материка участок суши, но и часть твоей души, если ты сумел постичь его жизнь и жизнь его обитателей, если ты успел сродниться с ним, как с чем-то самым близким и дорогим, и если ты уже не мыслишь своего существования без него.

Так правильно ли будет подобные душевные устремления ровнять с «романтикой»? Да и вообще, что это такое – романтичное, наверное, глубоко внутреннее настроение, вернее, отношение к жизни, когда хочется, по всей вероятности, удивить всех своими непревзойдёнными по восприятию и переживанию действиями и мыслями, словом, необычайным образом поразить? Быть романтиком, как это, по всей видимости, принято понимать среди большинства людей, склонных считать себя таковыми, значит, отображать своим поведением и взглядами на существование нечто

возвышающее человека, что есть верх его духовности, некое умонастроение, проникнутое мечтательно-созерцательным настроем, не всякому доступное для понимания. Либо романтик способен изящно сочинять нечто феерическое, ни на что не похожее, непременно сводящее с ума своей своеобразностью подавляющую часть человечества, либо он остаётся вольным и свободным, подобно ветру, и не стеснён какими-либо условностями. Отрицая давно известную всем, и оттого опостылевшую обыденность, его не сковывают какие-либо житейские рамки и всеобщая никчёмная суета. Чему только не подвержено, и чего только не отражает это необъяснимое никем, легкомысленное состояние, и, тем не менее, как это ни странно, многих легендарных личностей в истории флота и освоения морской стихии почему-то воспринимали не иначе, как именно романтиками, принёсшими свету в результате своих похождений нечто значительное.

Так что же это за понятие – «романтика», что оно под собой подразумевает, и почему так гордятся некоторые люди тем, когда их называют «романтиками», а в особенности – «последними романтиками», но бесконечно огорчаются, когда в них этого самого «романтизма» не наблюдают? Чем же, всё-таки, пришлось по душе многим людям это достаточно расхожее, даже полюбившееся слово? «Романтик» ли вы, дорогой читатель? И быть может, стоит, наконец, поговорить об этом более серьёзно?!

При этом вы, наверное, совершенно справедливо желаете заметить: а что там с путешествием по Татарскому проливу? Мы были бы не против отправиться вместе с вами по его синим водам, чтобы обозреть необъятную красоту пролива, соединяющего два моря… И нам интересно узнать, в чём заключена тайна чудес подводного царства у берегов Мгачи, Виахту и Трамбауса с их полуметровыми жемчужными кунджами и перламутровыми морскими ушками…

А как поживает всё западное побережье Сахалина, Амурский лиман, загадочный полуостров Шмидта, одинокий остров Иона, затерявшийся среди Шантарского архипелага, и многочисленные потаённые бухты со стороны материкового побережья, а так же угрюмый мыс Сюркум? Где же, наконец, увлекательный рассказ о поиске нерестилищ знаменитой селёдки, что аккуратно откладывает свои кремовые икринки на водорослях саргассума и зостеры? Каким образом, и на каких глубинах водолазы определяют её количество, и помогает ли потом эта невидимая работа в холодных водах Японского моря рыбакам в их уловах?

Сможете ли вы обойтись какое-то время без описания жесточайшего шторма, неумолимо выносящего ваше судно на коварные прибрежные рифы? А может быть вам любопытно будет услышать о том, как пахнут по утрам мокрые полосатые камни у самого уреза воды? И как бесшумно, даже ласково ударяет волна в пластиковый борт судна, когда уходишь под воду, и

густой, как сметана, туман незаметно наползает на берег и море, обнимает своей пахучей густотой, и ты будто оказываешься в каком-то волшебном мире, где самые обыкновенные и простые вещи превращаются в необыкновенные… А как ослепительно сверкает в лучах скупого сахалинского солнца только что выловленная серебристая корюшка, резко пахнущая огурцом, вам неизвестно? И как темнеет море у самого горизонта, перед бурей, когда на сердце становится и тревожно, и радостно, и ты счастлив просто от того, что всё это переживаешь…

Вам это, действительно, интересно? И нетерпение ещё по-прежнему переполняет вас? А если так, то я не подвергну вас долгому ожиданию: я скоро вернусь к вам со своими рассказами о том, как чудесна жизнь, если ты посвятил её морю и дальним путешествиям, и вы, может быть, узнаете то, о чём даже не подозревали… Нет ничего интересней жизни, чем ты сложил собственными руками, и сделал это с любовью. Это и есть самое хорошее в ней, честное слово!

Обо всём этом, дорогие читатели, я расскажу вам в отдельных главах, по-своему красивых и захватывающих, ну, а пока, поговорим, действительно, о таком небезызвестном для всех понятии, как «романтика». Что это за «селёдка», и с чем её едят? Стоит ли, вообще, к этой романтике серьёзно относиться, посвящая ей целую главу? Давайте разберёмся…

« О РОМАНТИКЕ»

Нигде, как на флоте, вы не встретите такие точные и практичные термины, и было бы странно думать, что моряков – таких же точных и верных людей хоть каким-то образом занимает «романтика» - понятие достаточно неопределённое, даже размытое от частого употребления кем придётся, особенно – в последнее время. Но так ли это? Может быть к слову «романтика» и тому, что оно в себе заключает, следует отнестись более внимательно?

Один опытный моряк, проплавав несколько лет на тяжёлых грузовых судах и танкерах торгового флота, по его словам, ни разу не испытал романтики моря. Романтика захватила его только после того, как он освоил … яхту, и мог плыть на ней куда угодно по просторам южных морей. Значит, романтика, по словам этого моряка, есть нечто такое, что наиболее и естественно приближает человека к природе, когда ты не можешь спрятаться за толстые надёжные переборки грузового судна, и разделяет тебя со стихией лишь тонкий пластик, а то и вовсе просто резина, которую в любой момент может прокусить акула… Выходит, «романтика» - это хождение по лезвию ножа, отчаянный риск, своеобразное щекотание нервов по собственной воле, когда ты сознательно обрекаешь себя на самые серьёзные лишения?

Что, скажем, вынуждало Чэя Блайта в конце 60-х отправиться в кругосветное плавание на яхте, в одиночку, не по обычному маршруту с запада на восток, каким до него проходили все яхтсмены, а, наоборот, с востока на запад, навстречу господствующим течениям и ветрам, причём, без заходов в порты? Жажда испытать себя и желание доказать возможность подобного? А может быть, его одолевала мечта к путешествиям? Но отличается ли подобная мечта от романтики, и не одно ли это тоже?

Наверное, истинно романтичный настрой – это то, что движет человеком в его мечте и чего он, в конце концов, добивается. Романтика же в чистом виде не схожа с подобными благородными устремлениями, если только не рассматривать её как глубоко выношенную идею. Да и вообще, стоит ли приписывать романтике все замечательные открытия и подвиги духа, тогда как она всего лишь необдуманное действие, резкая смена обстановки, одним словом, блажь?!

Настоящая, наполненная жизнь, вероятнее всего, не имеет ничего общего с романтикой. Романтика – это что-то сиюминутное, пустое, пусть даже отчасти и красивое, но не настоящее. Жизнь же – серьёзна, она постоянно учит тебя: даже когда всё идёт хорошо – ни в коем случае не расслабляйся и не доверяй себя судьбе, а будь ещё более внимательным и трудолюбивым. Этим ты сохранишь приобретённое и уже никогда его не растеряешь. Губительно также пускать всё на самотёк, когда удача идёт тебе навстречу. И надо не уставать быть требовательным и неутомимым к себе. В жизни постоянно приходится чему-то учиться, и если ты не теряешь

любознательности – жизнь будет вознаграждать тебя всё новыми открытиями, успокоившись же – можешь упустить приобретённое, не закрепив его настойчивым душевным трудом, который никогда не должен прекращаться. Имеют ли подобные умозаключения что-либо общее с понятием «романтика»? Вряд ли…

У А. М. Горького в романе «Дело Артамоновых» по этому поводу написано: «Никто не понимает, что такое романтик… Это – нечто для красоты, как парик на лысую голову, или – для осторожности, как фальшивая борода жулику». Очень точное замечание, если учесть, что за понятием «романтика», действительно, не стоит на деле ничего серьёзного. Так, пустое романтичное настроение, не предполагающее ничего достойного, длящегося значительное время и при постоянно затрачиваемых усилиях. Больше – игра, миг незаслуженной удачи, нежели скрупулёзное и вдумчивое созидание, которое, между прочим, не обходится без замечательных открытий, радости постижения, незабываемой смены впечатлений…

Будет ли, скажем, справедливым назвать романтиками членов экипажей на старинных парусных судах, подвергающих себя постоянной опасности? Ведь команда вынуждена была ютиться на крайне ограниченном пространстве: корабли были небольшие, ещё со времён финикийцев главное место на них отводилось грузам, именно ради их перевозки ходили тогда по морям, а команда была делом второстепенным. Может, для капитанов и штурманов морская служба и была романтикой, для команды же – никогда. Романтика для команды всегда одна и та же: нечеловечески тяжёлый труд и скотское обращение.

Даже во времена великих географических открытий романтикой не пахло и в помине, и она была выстлана костями моряков. Недаром во Франции и Англии тот, кто записывался на морскую службу, полностью освобождался от отбывания наказания. Примечательно, что даже не все каторжники выбирали эту возможность! Именно тогда, наверное, и появилась поговорка: «Кто ни к чему не пригоден на суше, может ещё стать моряком!»

А был ли романтиком сам Христофор Колумб? Когда Колумб отошёл от Канарских островов на трёх маленьких судёнышках с экипажем около ста человек, он не имел ни малейшего представления о том, что его ожидает. У него не было карт предстоящего маршрута, не с кем было установить связь в случае необходимости, неоткуда было ждать помощи в минуту опасности, а кроме того, он даже не представлял себе, сколько времени продлится путешествие или какие неожиданности его подстерегают, но, тем не менее, он решается на него.

Вряд ли ему не доставало одних приключений, маловероятно и то, что он жаждал лишь золота. Скорее, ему было интересно заглянуть за горизонт, и он с отважной неукоснительностью стремился к новым открытиям. Христофор Колумб верил своему чутью мореплавателя и первооткрывателя, той непоколебимой убеждённости, что в задуманном путешествии с ним

ничего не произойдёт, если он будет оставаться честным по отношению к самому себе.

Разве всё это можно уместить в достаточно легкомысленное понятие «романтика», не скрывающего под собой ледяную глыбу неутомимости, терпения и непрекращающегося внутреннего труда, который всегда незаметен? Ведь своей убеждённостью Колумбу следовало заразить весь экипаж, а по тем временам достигнуть этого было очень нелегко. Удалось бы ему осуществить задуманное, если им руководили только романтические настроения? Нет, ибо он точно знал – чего хотел. Штурмана и члены экипажа относились с величайшим уважением к научным познаниям Колумба, они поверили ему и пошли за ним, но главную задачу продвижения экспедиции к неведомым берегам ему приходилось решать в одиночку, и он решил её правильно потому, что надеялся на свои знания и веру.

Романтике же присуще принимать решения недостаточно обдумав их, с лёгкостью, даже некоторой юношеской бравадой, когда важен сам факт совершаемого, а не достижение достойной цели. Романтика вполне устроит неожиданная смена впечатлений и скорая победа, но ему не подвластны в полной мере глубокие знания и вдумчивый поиск. Только по-настоящему продуманный человек, чётко представляющий себе – во имя чего он решается на определённый поступок, способен обрести истину и сопутствующую ей радость овладения, к которой шёл долго и непросто.

Нет, определённо Христофор Колумб скорее оставался бесстрашным исследователем, отважным путешественником и отличным моряком, нежели романтиком. Несмотря на отсутствие знаний о неведомой земле, к которой он устремился, Колумб всё же искренне верил в её существование и, в конце концов, достиг. Разве помогла бы ему в этом одна романтика?

Как хороша, интересна становится наша жизнь, когда относишься к ней реально, без прикрас, в полной мере ощущая окружающий мир и составляя с ним одно целое! Герман Мелвилл, прежде чем написать своего «Моби Дика», отправился в четырёхлетнее плавание на китобойном судне «Акушнет» вовсе не из страсти к романтике. Уходя в рейс, Мелвилл уже хорошо представлял себе работу матроса, так как плавал им ранее на судне «Св. Лаврентий», совершавшем регулярные рейсы на линии Нью-Йорк – Ливерпуль. Да и выбрал он её не из-за привязанности к морю или путешествиям, как до этого к службе рассыльного в Нью-йорском банке, к профессии клерка в меховой компании и учительствованию не во имя карьеры, а по причине безысходности, из желания хоть как-то заработать, просто – не найдя ничего лучше. Романтики в этом не было ни на грош. И конечно, Мелвилл понимал, что морская романтика – понятие весьма относительное. Но соприкоснувшись с миром моря, изучив его достаточно хорошо и приняв, он очень романтично описал всё это в истории о белом ките.

Сама жизнь, связанная с морем, подарила Герману Мелвиллу необыкновенную судьбу, которая и легла в основу его будущих книг. Не выдержав изнурительного труда, смертельного риска и палочной

дисциплины, он дезертировал с китобойца во время его стоянки у Маркизских островов. Затем Мелвилл оказался пленником каннибальского племени тайпи, обитавшего на острове Нукухива, откуда, через месяц, ему удалось бежать на австралийском китобойце «Люси Энн». Спустя два месяца команда «Люси Энн» взбунтовалась во время стоянки у берегов Таити, и Мелвилл вместе с другими матросами попал в тюрьму, из которой вскоре опять совершил побег. Перебравшись на соседний остров Эймео, он завербовался ещё на один китобоец «Чарльз и Генри», через полгода был списан с корабля на Гавайских островах и какое-то время бродяжничал, живя случайными заработками. В августе 1843 года Мелвилл поступил матросом на военный фрегат «Соединённые Штаты», зашедший в Гонолулу. Плавая на фрегате, Мелвилл побывал в Вальпараисо, Каллао, Лиме, Рио-де-Жанейро, потом в октябре 1844 года возвратился в Нью-Йорк, и только после всего этого с морем было покончено навсегда. Мелвиллу тогда исполнилось всего лишь 25 лет… Справедливо ли будет назвать все эти перипетии его непростой морской жизни романтическими приключениями?

Но даже если кто-то думает, что морская романтика, назовём её так, легко даётся, то он глубоко заблуждается. Помню, с каким тяжёлым сердцем отправлялся я в своё первое плавание. Сколько сомнений грызли меня: правильно ли я всё сделал, что решился на подобное, хорошо ли обдумал, не поздно ли повернуть обратно и может быть лучше остаться на берегу?

Прямо скажем, что земля не горела у меня под ногами перед рейсом, и всё-таки я решился на поворот в своей жизни. Поворот, на первый взгляд, неожиданный, с присущим именно романтике авантюризмом, но как впоследствии оказалось – оправданный, потому что был длительное время выношен в душе и осуществлён серьёзно, без романтического необдуманного наскока. Это была даже не альтернатива, потому как иного пути мне тогда и не представлялось. Душа моя стремилась в открытое море, и я ничего не мог с ней поделать. Нужно было, оказывается, просто преодолеть себя, свой страх и незнание, и это была самая настоящая жизнь.

А романтикой, как я убеждался не раз в дальнейшем на деле, оказывались сменяющие друг друга поверхностные впечатления, не подразумевающие глубокого, вдумчивого отношения к чему-либо. В море важны присутствие мысли и напряжение во имя подвига над собой, когда не обойтись без красоты жизненной борьбы и правды, и только потом – поэзия, коей в значительной мере и является романтика.

Когда в детстве мне доводилось читать о морских путешествиях, то казалось совершенно обязательным, что путешествия должны сопровождаться романтичными приключениями и конец этих приключений подразумевался, конечно, благополучный: не погибать же герою ради замечательных открытий, во имя которых он решался на самые захватывающие подвиги? Думалось: какой интерес в путешествии без настоящих приключений?

Потом, когда вырастешь и становишься моряком или подводником, оказываясь путешественником при выполнении своих обязанностей, взгляд на необходимость романтических приключений совершенно изменяется. Ты начинаешь понимать, что путешествие для любого профессионала не развлечение, а напряжённая, повседневная работа, бывает, что и скучная. Приключения же, пусть даже с самым безобидным романтическим налётом, нарушают работу, ставят под угрозу её выполнение. Обычно они отражаются на здоровье членов экспедиции, ведут к неоправданным потерям. Ведь иной раз ситуация складывается так, что во второй раз в одно и тоже место не попадёшь: не хватит ни времени, ни сил, ни средств. А любая экспедиция стоит недёшево, и нужно максимально использовать предоставленные тебе жизнью возможности…

Да и потом нередко разного рода неудачи, как-то – утрата оборудования, провианта или неверный выбор пути следования, чаще всего результат плохой организации и неопытности, что для путешественника недопустимо. К примеру, раз в жизни удаётся попасть в кратер затухшего вулкана, что и приключилось однажды со мной, где тебе суждено провести всего лишь пару часов и куда ты, это известно точно, уже никогда не отправишься, и разве простительно будет растратить такое драгоценное время на пустые блуждания и развлечения?

Нет, хорошо организованная экспедиция должна протекать без какой-либо романтики, приключения – это сама работа, в которой не допускаются никакие огрехи. Всё выверено, продумано и очень надёжно. Тем более, в таких изумительных по красоте местах, как Сахалин и Курилы.

Настоящему путешественнику всегда нужно находиться настороже, быть готовым к непредвиденным случаям и трудностям, так как часто приключения могут произойти сверх всякого ожидания, особенно в районах с необычной, своеобразной природой. Не исключено, что в любой момент разразится стихийное бедствие: шторм, тайфун или метель, не утихающая сутками. Может, наконец, приключиться какая-нибудь и вовсе неожиданная случайность, но всё это должны быть рабочие моменты по выполнению настоящего интересного дела, способного принести важные открытия. Если уж, всё-таки, и оставаться справедливым к овеянному запахом дальних странствий понятию «романтика», то следует, наверное, воспринять людей, называемых себя «романтиками», теми, кто не глядит на то, что скажут о них другие, и совершают они, по их мнению, действительно, что-то очень полезное и нужное. Странность и своеобычие их – не есть индивидуализм, устраивающий упрямо всё по-своему, вопреки общему мнению, а индивидуальность, то есть, знание и уверенность в своих действиях, направленных на познание мира во благо всех.

«ТАТАРСКИЙ ПРОЛИВ»

Посвящается - Галине
Михайловне
Пушниковой

Нелегко рассказывать об единственном дне в году, когда весна вышла тебе навстречу, не таясь распростёрла свои объятия, и вокруг всё ожило, затрепетало, разбуженное пронзительным светом. Как передать те ощущения и мысли, когда, повернувшись лицом к небу, к этому открытому пространству голубой бесконечной дали, лежишь, слегка прикрыв глаза, на каком-нибудь прогретом солнцем бугорке, усыпанном неудержимо вылезающей мать-и-мачехой, и чувствуешь, как в недрах просыпающейся земли струятся живительные соки, наполняя твоё сердце неописуемой радостью и непонятно щемящей болью. Земля тогда словно начинает кружиться под тобой, приподнимая тело всё выше и выше, куда даже не залетают птицы. Если на какое-нибудь время отдаться такому порыву, свободно распростёршись на влажной пахучей земле, и не упускать ничего из того, что происходит в небе, то весна обязательно напитает тебя неизбывной силой, и в течение целого года будет поддерживать необходимой для жизни энергией.

Наблюдая малейшие изменения в природе, я сам оживал и, оттаивая от зимних холодов, в течение которых мы готовились к новым экспедициям, втайне надеялся на осуществление в летние месяцы того, что уже давно было задумано нетерпеливым сердцем. А порывистый ветер налетал с севера, оттуда, где тают громадные льдины, и непрерывно задувал по всей долине, в которой раскинулся город, не давая забыть о промозглом и неуютном марте. Медленно, но верно шла весна по сахалинской земле.

Темновато-бурые холмы, заслонившие долину с востока и запада, незаметно расступались, теряясь в весенней неясной дымке, и дорога неторопливой лентой убегала среди уже позеленевших полей на юг, к морю. Там, на побережье, в одном из многочисленных и неказистых портов нас ожидал теперь уже РС «Георгий Попов», зафрахтованный Тихоокеанским институтом океанографии и рыбного хозяйства, на котором нам предстояло провести исследование нерестилищ сельдевых рыб по всему западному побережью Татарского пролива. Продвигаясь на север, а затем минуя не безопасный для судоходства Сахалинский лиман, мы должны были выйти к материковому побережью пролива, и уже вдоль него, заходя во все доступные для судоходства бухты и заливы, спускаться к югу до мыса Сюркум, после чего вновь вернуться к юго-западным берегам Сахалина, постоянно осуществляя при этом научные наблюдения за водой, беря её на содержание планктона и кислорода, проводя пробные траления и гидрологические разрезы.

Сердце замирало в предчувствии встречи с морской водой и тихо переворачивалось в груди. Даже скрытое холмами, море ощущалось в нетерпеливом ожидании увидеть его вновь. С еле сдерживаемой жадностью обычно впиваешься в него взглядом, когда оно открывается взору, неожиданно возникая из-за поворота дороги, и до рези в глазах, до тихого, но сладкого помешательства наслаждаешься всей его широтой и синью. Сначала утопаешь в этой синеве с головой, напряжённо стремишься дотянуться до моря всем сердцем, не в состоянии унять внутреннюю дрожь, а потом постепенно отходишь, настраиваешься на размеренный лад, способствующий спокойному течению мыслей, и былые переживания, связанные с родной стихией, уже не донимают так ощутимо твоего сердца…

Море чуть беспокойно, но трепетно дышало во мне, и этим всё было сказано. Оно и не думало покидать мою душу, а только ещё более утверждалось в ней, не доставляя при этом какого-либо беспокойства.

Судно давно уже ожидало в порту отхода. Постоянные поломки в течение зимы и весны не отпускали его надолго в море. Липкий, вязкий туман по утрам наплывал с воды, чуть холодил своей угрюмо сочащейся массой, томил тишиной и вынужденным застоем.

Время шло. Окутанные туманом суда застыли у причалов, и каждый звук мгновенно затухал в нём, повисая и теряясь в его плотных складках. Наше судно считалось бесперспективным, потому что не ловило рыбу, а только обслуживало научные работы. Обычно на него направляли не самые ценные в пароходстве кадры, и шли они туда, соответственно, без особого желания. В основном это была проштрафившаяся в чём-либо публика, и ожидать от неё особого рвения в работе не приходилось.

Это был РС, переоборудованный когда-то под научное судно. Экипаж его состоял из шестнадцати человек: капитана, чифа, двух помощников, деда, двух его механиков, мотыля, маркони, трального, боцмана, четырёх матросов и кандея.

Более значительные по размерам сейнера типа СРТМ и СТР, находящиеся рядом на перестое, представлялись с его палубы плавбазами. Они приходили с моря и опять уходили в рейс, а судёнышко всё стояло – тихо, неприметно и безобидно. Казалось, оно без особых эмоций ожидает своего часа, чтобы тотчас окунуться в работу, не жалуясь и не задаваясь ни перед кем. Почти каждый день, не взирая на постоянные обещания капитана, судно что-либо всё-таки удерживало в ковше.

Вечерами, когда город постепенно погружался в тишину, порт зажигал свои огни, а небо у горизонта отбрасывало на воду слабый розовый свет, на брекватере раздавался гортанный, с переливами рёв самцов сивучей, которые к этому времени сбивались в стаи. Будто о чём-то прося, и в то же время независимо, гордо издавали они свой крик в вечерней тишине, и город словно замирал, слушая эти необычные звуки – тревожащие и чем-то зачаровывающие… Может быть, какой-то неизбывной тоской, а может, удовлетворённым желанием и любовью.

Сопки еле заметно отражались в прибрежной тихой воде, таинственно чернея в перевёрнутом виде и в точности передавая картину на берегу. На голубовато-розовом, размытом отсветами исчезающего светила небе блестели своей сырой и сочной желтизной далёкие звёзды.

На Сахалине я впервые почувствовал, наконец-то, общий аромат земли, пробуждающейся весенней жизни. В этом хорошо знакомом и любимом аромате был ещё заключён особенный тёплый запах. Запах от перенасыщенного морской влагой воздуха, душных невиданных трав, какой-то еле уловимой благодати. Даже изменчивый островной климат не в силах был вынудить весну к обману кратким теплом: если уж подошло время рождения новой жизни – долгожданное цветение не перестаёт дарить бесконечные улыбки, весь холод замирает где-то в глубине моря, а совсем, казалось бы, высохшая лиственница, к неподдельному удивлению, начинает нежно зеленеть.

Весна, словно не желая отпускать, томила ожиданием счастья вот в такие мягкие, многообещающие вечера. Быть может, она подсказывала какую-то свою, скрытую от нас истину, предоставляя возможность вдосталь насытиться нарождающимися запахами земли, чтобы мы могли покинуть её наполненными жизнью, жаждой добрых и удивительных перемен.

И действительно, по необъяснимому чудесному случаю, в море мы вышли в первый день лета, под вечер. Был полный штиль. Жёлтое, в мареве, размытое солнце мягко отливало тёплым золотом, слегка приглушённым у горизонта. Этим жёлтым остановившимся светом были покрыты море, надстройки судна и лицо города, постепенно переходящего в узкую мутную полоску на фоне серовато-зелёных молодых сопок. Такое тихое и совсем обыденное начало плавания как будто заранее благоразумно настраивало всех на неторопливую и методичную морскую жизнь. Весна у моря невольно заронила в сердце каждого моряка непоколебимую уверенность: рейс непременно сложится удачно!

Когда судно достигает точки исследований, или – станции, как это принято называть у научных сотрудников, вахтенный штурман даёт распоряжение развернуть судно рабочим бортом на ветер. Благодаря эхолоту глубина известна, и теперь учёным надо измерить температуру воды на разных глубинах и собрать образцы воды для изучения их газового и химического состава. Для этого они употребляют батометры и особые термометры. В батометре заключена проба воды, а в прикреплённом к нему термометре ртутный столбик в капилляре позволяет измерить её температуру. В пробе воды важно, в первую очередь, зафиксировать количество кислорода, ведь им дышат все животные и растения, и уже затем – солёность воды, её физические и химические свойства. Но мало знать температуру воды, её солёность и химический состав, важно ещё определить морские течения, их скорость, для чего используют приборы, называемые морскими вертушками. Пока приборы идут в глубину, белым эмалевым диском Сейка измеряют прозрачность воды, а по особым пробиркам с

разноцветной жидкостью определяют её цвет. Также измеряют высоту и расстояние между гребнями волн, - работы на палубе у гидробиологов хватает!

Традиционное действие любых научных экспедиций – выполнение гидрологического разреза, предназначенного выяснить закономерность распределения температуры, концентрацию биогенных элементов на различных горизонтах для составления схемы течений, а также – изучение растительного и животного планктона, который служит, как известно, основным кормом в питании рыб. Вот участники экспедиции начинают опускать в море длинные шёлковые конусы планктонных сетей, что вызывает уже некоторый интерес у части экипажа. Обычная планктонная сеть имеет более 500 дырочек в одном квадратном сантиметре, но есть планктонные организмы, которые так мелки, что проходят и через эту сеть, и тогда поймать их можно только зачерпнув воду батометром и пропустив её в судовой лаборатории через частый фильтр. Планктонные сети устроены так, что их можно закрыть на любой глубине, причём глубинные слои облавливаются через каждую тысячу метров, срединные – через 100 метров, а поверхностные – через 10 или 25 метров. В баночки собирают организмы, живущие в различных слоях, от дна до поверхности.

По всему борту судна висят тросы с приборами, опущенными в море! Но надо быть очень внимательным, чтобы не перепутать трос своего прибора с тросом прибора соседа, ведь порой трос растянут на сотни метров. Большую помеху тут оказывает волнение моря, нередко переходящее в шторм, который не отменяет работы.

Ну, а венец всей палубной деятельности научного судна – донное траление! Приборы чутко нащупывают рыбу. Как только наскочили на косяк, с мостика раздаётся:

- Отдать стопора!

Ноздреватая кишка трала, уложенная тяжёлыми тёмно-бурыми пластами, начинает шевелиться, раскручиваться, и медленно сползает по слипу в море. И вот – трал спущен, взят на стопор…

Траулеры ловят рыбу на ходу, и трал тащится за судном по дну открытым. Чтобы нижняя часть мешка не зарывалась в ил, между досками по нижней «подборе» протянут толстый трос, на который надеты катушки – «бобенцы». Они катятся по дну как колёса. Чтобы верхняя часть мешка не спадала вниз и трал был бы раскрыт полностью, к верёвке, поддерживающей верх трала, прикреплены поплавки – пустые стеклянные шары, оплетённые толстой сетью. Распорные доски, кроме своего прямого назначения – поддерживать трал открытым, играют ещё другую важную роль: они как бы «сгребают» всю рыбу с большой площади в середину, где она и попадает в мешок трала.

Проходит час, другой, и, наконец, следует команда:

- Ви-и-и-ра-ай!

Машина – сердце судна, лебёдка же – его главный мускул. Именно она выбирает огромное траловое хозяйство. Когда работает лебёдка, судно сотрясается и раскачивается. Механики в машинном отделении стараются вовсю, а «дед» самолично несёт круглосуточную вахту у лебёдки: чутко вслушивается – нет ли посторонних звуков, стуков, хрипов. В непродолжительных паузах, когда рыбу ссыпают в бункера, старший механик вместе со светилой и мотылём буквально прощупывают лебёдку, словно обласкивая её… Нет ей замены на судне!

Надсадно гудит лебёдка. Из воды с плеском выбрасываются распорные доски, всплывают кухтыли. Тралмастер стоит между вздрагивающими от натяжения ваерами, крепко упершись ногами в дощатую палубу.

- Прибавь оборотов! – слышится его осипший голос.

Дымятся стопора лебёдки. Троса на пределе: прикоснись – зазвенят!

За слипом пенятся водяные холмы, из-под них тяжело выгребает трал. Трал полный! Тралмастер ловким движением расшнуровывает «рыбацкий штык»/морской узел/, дёргает циновку, с щелчком раскрывается глаголь-гак, гайтан слабнет, скользит по кольцам-восьмёркам, куток распахивается, и на палубу выливается серебристая рыбная масса… Сотни, тысячи, десятки тысяч великолепных рыбин!

Подъём трала неизменно вызывает живейший интерес, и все свободные от вахты собираются на кормовой палубе. Улов вываливают на выбеленные доски и ихтиологи вместе с аквалангистами едва успевают разобрать его по видам, обработать пробы для анализа, как уже заканчивается следующее траление, и приходится откладывать анализы на потом и заниматься новой разборкой. Обычно после просмотра улова на палубе остаётся груда раковин, медуз, звёзд и камней, и эта добыча уже привлекает к себе сторонних наблюдателей… Идут хорошо известные всем будни экспедиционной работы, за выборкой и разборкой трала опять следуют обязательные вахты визуальных наблюдений, ночью – световые станции, и вновь бесчисленные пробы, анализы, наблюдения…

Работы ведутся и когда полуденное летнее солнце заливает своими горячими лучами палубу и такелаж, и когда сечёт промозглый осенний ливень или заволакивает густой непроглядный туман, а порой даже –в не прекращающееся волнение или шторм! Конечно, работы на палубе хватает всем, но разве сравнишь её с тем, что приходилось проделывать матросам раньше, ещё до появления разного рода измерительных приборов! К примеру, простейший для сегодняшнего дня процесс измерения скорости судна во времена парусного флота производился с помощью лага и длился около минуты. Такое время требовалось, чтобы песок из верхней колбы специальных песочных часов перетёк в нижнюю. За часами обычно следил судовой юнга. Во время этого процесса квартирмейстер – испытанный моряк, который исполнял и обязанности рулевого, вытравливал рукой лаглинь с навязанными на нём узлами, к концу которого был привязан бросаемый в воду поплавок. Бросать лаг следовало слегка в сторону, чтобы поплавок не

двигался вперёд вместе с судном. По сигналу «Стоп!», когда в нижнюю колбу пересыпался весь песок, травить лаглинь прекращали и отсчитывали число прошедших через руку узлов. Оно соответствовало числу морских миль, которое оставляло за кормой судно в течение часа.

К слову сказать, научные исследования, связанные с изучением моря так увлекательны, что ими занимались даже … пираты! Так знаменитый английский пират Вильям Дампир, живший в конце семнадцатого столетия, помимо разбоя собирал в своих плаваниях паразитологические материалы и обрабатывал их. Так же он известен трудами по метеорологии, гидрологии, этнографии, ботанике и зоологии, за которые был принят в члены Королевского общества, то есть – стал академиком Британской Академии наук. После того, как материалы были собраны Дампиром «между делом» в плавании под чёрным флагом, они вошли в две его книги, опубликованные в 1705 и 1714 годах. Чрезвычайно яркая учёная личность, выдающийся мореплаватель и удачливый пират – Дампир прожил жизнь, полную приключений. Кстати, Александр Селкирк, ставший впоследствии прототипом Робинзона Крузо, героя знаменитой книги Даниэля Дефо, был снят с необитаемого острова пиратским кораблём Вудса Роджерса, штурманом на котором в то время был тот же Вильям Дампир. Полагают, что и Пятница, верный спутник Робинзона, появился на свет благодаря именно Дампиру, привёзшему с собой в Англию островитянина, о котором хорошо знал Даниэль Дефо, по-видимому, так же избравший его прототипом своего литературного героя…

Что же касается лова рыбы, то и на добывающих и на научно-исследовательских судах применяются ещё плавные сети и кошельковые невода – ими собирают рыбу с поверхностных слоёв моря, но трал всё-таки используется чаще. Пойманную рыбу ихтиологи измеряют, взвешивают, выясняют, чем она питается, определяют её пол, берут чешую для установления возраста. Части живых рыб в жаберную крышку надевают особыми щипцами метку с номером. Записав в журнале номер метки и место лова, учёные отправляют трепещущую рыбу за борт.

Некоторые экземпляры меченой рыбы попадают в сети рыбакам. Они сообщают о своей находке или присылают метки, и учёные, сопоставляя место, где была выпущена рыба, время её поимки и расстояние, которое она прошла, выясняют пути миграции рыб.

Но этим любознательность биологов не ограничивается. Необходимо ещё увидеть, как ведут себя животные в глубине моря, и к спуску под воду готовятся аквалангисты…

Специфика лёгководолазных работ при обслуживании научных исследований, которые нам предстояло выполнять, была крайне проста. В каждой бухте, куда предположительно сельдь могла заходить на нерест, осуществлялись так называемые разрезы, непременно отмечаемые на карте. Разрезы эти, беря начало на самых незначительных глубинах у берега, постепенно удалялись в море. Вдоль каждого разреза устанавливались точки

погружений, из которых брались необходимые пробы водорослей с откладываемыми на них сельдевыми икринками. Содержимое проб исходило из расчётной квадратной рамки размером семьдесят пять на семьдесят пять сантиметров. Рамка опускалась с бота на дно, и всё, что оказывалось захваченным ею, поднималось лёгководолазом на поверхность.

Обычно длительные погружения по выполнению сложных подводных работ, при таких обследованиях заменялись кратковременными, много раз повторяющимися, и потому подобный ритм требовал определённой привычки. Любой мало-мальски опытный водолаз знает, что самое неприятное при подводных работах – это подготовка к спуску. После тщательной подгонки снаряжения тобой овладевает единственное и непреодолимое стремление оказаться в воде, чтобы в невесомом лёгком парении, наконец, освободиться от немилосердно отягощающего плечи акваланга и сдавливающего диафрагму грузового пояса. Но, избавившись от неприятных воздействий, ты через короткое время уже вынужден был вновь возвращаться к незавидному состоянию ожидания в позе истукана, и это, несомненно, утомляло, несмотря на то, что нас было двое и мы каждый день подменяли друг друга.

Иногда такое однообразие в работе сменялось свободным поиском. Бот отводил нашу лодку к самой гряде, время от времени возникающей вдоль почти всего западного побережья, и мы осуществляли разведку нерестилищ, продвигаясь вдоль неё и заходя в укромные бухточки, которые она образовывала. Один из нас постоянно находился на подстраховке в лодке и внимательно следил за тем, как другой лёгководолаз, с отмечающим его на поверхности пенопластовым буйком, продвигается под водой.

У юго-западных берегов острова, в дымчато-голубой холодной воде часто можно было увидеть фиолетово-розовую с опаловыми пятнами кунджу. Двухфутовые рыбины, медленно поводя стального цвета спинкой, грациозно стояли среди камней, и, казалось, были совершенно не боязливы. Порой они очень близко подпускали к себе и, разглядев нас достаточно, недовольно покидали своё место, растворяясь в ещё мутноватой весенней воде.

Сразу после погружения студёные иглы холода пронизывали пальцы рук, сковывали мышцы лица, так что, казалось, загубник вот-вот выпадет изо рта. Разочарованно убегающие наверх пузырьки воздуха с булькающим гулом отдавались в уголках отрешённого мозга. Глянцево-зелёные тонкие стебли филоспадикса, облепленные по всей длине мелкими гроздьями икры сельди, плавно вздымались над безликим, почти белым песком, словно убаюкивали внимание.

Нередко встречались густые коричневатые заросли саргассума. На них так же были заметны безучастно замершие икряные крупинки, в которых, казалось, уже никогда не возникнуть жизни. Но более всего поражало другое: довольно невыразительный подводный пейзаж, обдавая пронизывающим холодом и одиночеством, между тем, неизъяснимо манил к себе. Неведомая

темнота глубины, отталкивая, в то же время вынуждала заглянуть в себя. До сих пор не могу забыть это ощущение присутствия какой-то силы, даже неведомого существа, сдержанно наблюдающего за тобой, и тогда я это ощущение отнёс к мощи моря.

В отличие от сельди, мойва, или, как её называют местные жители, уёк, маленькая серебристая рыбка с тёмно-изумрудной спинкой, нерестится прямо на берегу, откладывая икру в песок. Вернее, стаи её подходят рваными лоскутами к урезу воды и, обжимая друг друга, подталкиваемые волнами наката и подступающего прилива, выбрасываются на прибрежный плотный песок, становясь при этом лёгкой добычей местных жителей и морских птиц.

Для своих самоотверженных нерестилищ мойва выбирает пустынные песчаные берега, избегая камней. Часто в период нереста можно увидеть неширокую дорожку этой рыбы, протянувшуюся на многие километры. Ярко отливая на солнце сухими слюдяными боками, она слепит глаза, и несведущий человек вряд ли догадается, что мешает ему смотреть на берег.

Однажды я брёл вдоль линии воды в сухой ветреный день, постоянно увязая в песке. Он был упругий, мягкий, приятно пружинил и пощёлкивал. Только позднее я узнал, что шагал по колено в икре…

По ночам судно часто стояло на рейде у западных берегов острова, давая возможность научным работникам взять воду на планктон и кислород, а экипажу отдохнуть от изматывающих штормов. Вот такими ночами с крутых прибрежных холмов спускались на берег лисы… В апреле или мае, когда здесь начинает сходить снег, лисам не хватает еды, и они выходят к морю, в надежде полакомиться выброшенными им дарами…

С узкими короткими мордами, чутко рыскают они в предрассветной мгле, не оставляя следов на плотном песке. В эти промозглые туманные ночи с берега доносится тихое цоканье когтей по битому ракушечнику и гальке, в обилии устилающих свежие отмели. Изредка ещё слышится их отрывистое тявканье, будто лисы взлаивают от удовольствия, наслаждаясь своей привольной жизнью у моря, где они ничего и никого не боятся.

Так ясны были эти звуки среди ночной тиши, что мне казалось, до них – рукой подать, а на самом деле – не меньше морской мили. Но вскоре неясные шаги зверей смолкают и опять – тишина, мрак, да редкое всхлипывание волн в прибрежных камнях. Как будто и не было ничего, а ты всё равно не перестаёшь пристально вглядываться в темноту у моря, которую разбудили ненадолго, вот бы никогда не подумал/!/, чуткие красивые лисы…

Самые невероятные неожиданности поджидали нас на каждом шагу, и требовалось время, чтобы всё увиденное переварить. Мне вдруг вспомнилось, что на Командорах существует интересная история приручения голубых песцов, построенная на выработке условного рефлекса у животных в определённое время получать свою порцию вяленой рыбы или проквашенного мяса.

В положенный час промысловик, волоча за собой на верёвке пахнущую потаску, шёл через весь посёлок и регулярно посвистывал в милицейский

свисток. Едва раздавались первые трели, как из тундры с побережья появлялись, задрав хвосты, дикие голубые песцы, окружали человека, и спокойно шли по улицам, едва не прижимаясь к его ногам, до места выдачи корма. И так изо дня в день до самого отлова. Сейчас же голубых песцов, как и норку, разводят на звероферм ах, раскинувшихся на плато у самого моря, что оказывается более удобным и выгодным.

Лисы, как и песцы, чьё нахальство и вороватость общеизвестны, как видно, тоже порой теряют всякую осторожность и выбираются к прибойной полосе с целью полакомиться, даже если неподалёку присутствуют люди. Лиса на дальневосточном берегу всегда найдёт для себя что-нибудь вкусное: ведь ест она всё подряд, а здесь лисы – незаменимые санитары прибрежной полосы, или, как её называют на Дальнем Востоке, «лайды».

Чего на этой лайде только нет! Рыба, моллюски, крабы, а от запаха морской травы ни за что не укрыться: в некоторых местах берег напоминает своим зловонием добрую помойку. Это в вечно сыром климате гниют полузасыпанные или вовсе занесённые песком водоросли. В таком месте песок или галька не держит вес, и нога проваливается в отвратительную зловонную кашу. Впрочем, мне всегда нравился этот запах перегнившей морской травы, песка и камней, и я, как и лисы, любил часами бродить по такому дикому берегу, тоже находя для себя что-нибудь замечательное: выбеленный морской солью позвонок или ребро кита, таинственный голубоватый агат или мутновато-вишнёвый сердолик…

Особые думы навевал и берег Татарского пролива возле Александровска-Сахалинского, расположенного на нескольких возвышенностях и в долинах двух мелководных речек, одна из которых называлась Большая, а другая – Малая Александровка. На городе и окружающей его местности как будто лежала какая-то глухая тень, веяло былым бесправием и диким каторжным произволом. Утёсы и заливы тоже были пронизаны угрюмой неприступностью, стояли отрешённо-замкнутые, когда мы в молчании проплывали мимо них, и если бы не шум мотора, неутомимым рокотом отдающийся и вязнущий в неповоротливых каменных ущельях, удручённость, воцарившаяся в этих гиблых местах, и нас бы тронула своим невидимым крылом. Долгое время мы не могли избавиться от навалившегося неприятного оцепенения.

По признанию А. П. Чехова, когда их судно пересекло Татарский пролив, выйдя из Де-Кастри, и бросило якорь неподалёку от Александровска, настроение духа его было невесёлое, и чем ближе к Сахалину, тем хуже. «Я был непокоен», - пишет Чехов в своих воспоминаниях об острове, и далее упоминает высказывание судового механика, который заметив, какое тяжёлое впечатление произвёл на писателя берег, заметил: «Тут в Александровске ещё ничего, а вот вы увидите Дуэ! Там берег совсем отвесный, с тёмными ущельями и с угольными пластами … мрачный берег! Бывало, мы возили на «Байкале» в Дуэ по 200-300 каторжных, так я видел, как многие из них при взгляде на берег плакали.

- Не они, а мы тут каторжные, - сказал с раздражением командир. – Теперь здесь тихо, но посмотрели бы вы осенью: ветер, пурга, холод, волны валяют через борт, - хоть пропадай!»

Единственное, что более ста лет назад всё-таки порадовало в здешних местах воображение писателя, были киты, которые, пуская фонтаны, гуляли парочками по гладкому морю и это прекрасное, оригинальное, как он писал, зрелище развлекало его на всём пути. Теперь здесь китов ни за что уже не встретишь, а если подобное и произойдёт, то явится чрезвычайным событием. Несмотря на давний запрет китобойного промысла, поголовье животных восстанавливается медленно.

Помимо Антона Павловича Чехова, тридцатью годами раньше его, в Татарском проливе побывал ещё один русский писатель – Иван Александрович Гончаров… В 1850 – 1852 годах в Петербурге было принято решение отправить дипломатическое посольство в Японию, возглавил эту миссию вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин, а секретарём был Гончаров. Два года парусный 44-пушечный фрегат «Паллада» добирался к берегам Страны Восходящего Солнца, всё это время Иван Александрович вёл путевые заметки, но когда судно прибыло в порт Нагасаки, японская сторона всячески затягивала переговоры, а разразившаяся в 1853 году Крымская война и вовсе расстроила их.

В связи с этим событием российское посольство было вскоре отозвано, и экспедиция направилась к восточным берегам России, где Гончаров пересел на более лёгкую шхуну «Восток». Она и прошла Татарским проливом на север, где секретарь посольства, прежде чем он через Сибирь и Урал на лошадях и лодках благополучно добрался до Петербурга, всё же имел возможность разглядеть неприютные берега Сахалина. Они его, нужно сказать, тоже не впечатлили, мало того – он чувствовал себя в окружении их совершенно удручённым, и берега этого необычного острова, то есть – Сахалина, навевали ему невесёлые мысли, от которых писатель долгое время не мог оправиться. Татарский пролив словно выхолостил ему душу, настроив её перед дальним путешествием через всю Сибирь на суровый, но непреклонный лад: именно здесь, у нелюдимых берегов острова Сахалин, ему надлежало завязать в себе какой-то очень важный, жизненный узел, прежде чем отправиться домой. И, вероятно, Татарский пролив, этой своей отрешённой непреклонностью, помог ему в этом.

Ещё Александровский берег поражал воображение высоким и обрывистым мысом Жонкиер, образованным северо-западным склоном горы высотой около двухсот метров. Именем своим он был обязан французскому мореплавателю Жану Франсуа Лаперузу, возглавившему в конце восемнадцатого столетия научно-исследовательскую тихоокеанскую экспедицию и прошедшему на фрегатах «Буссоль» и «Астролябия» Татарским проливом почти до пятьдесят второй параллели северной широты, то есть до того самого места, где сейчас раскинулся город. О своём

пребывании в здешних местах Лаперуз оставил память, назвав один из каменных мысов именем участника экспедиции де ля Жонкиера.

Время, когда по высочайшему повелению было решено превратить остров в место каторги и ссылки, сохранило свой давний отпечаток мрачным тоннелем, пронизывающим мыс на двести метров. Прорытый политкаторжанами за шестнадцать с половиной лет, тоннель получился жутковатым и каким-то ненужным, хотя и сократил путь от города к маяку. Находясь под его сырыми сводами, хотелось быстрее выбраться к свету, тем более, что на другой стороне тоннеля располагалась скрытая от глаз бухта, пустынные берега которой были усеяны самыми причудливыми полосатыми камнями.

Мыс Жонкиер открывал ещё много своих тайн. Порой на его склонах неожиданно обнаруживались древние отложения с отпечатками давно не существующих рыб, растений или диковинных раковин… Под действием нескончаемых ветров и морского прибоя скалы постепенно разрушались, обнажая необыкновенные образования. Но чаще на подобные сюрпризы можно было натолкнуться под водой, и это представлялось куда более заманчивым…

Так была подарена мне морем каменная внутренность огромной раковины, крупнее самого большого ныне существующего приморского гребешка, достигающего порой тридцати-сорока сантиметров в диаметре. Когда-то давно она мирно покоилась на дне древнего моря, и створки её были широко раскрыты: раковина дышала вольным морским простором… И тут, по-видимому, произошло внезапное землетрясение, расплавленная масса лавы хлынула в её полость и своим давлением захлопнула стенки, навечно запечатлев, таким образом, рисунок всех её замысловатых линий, впадин и изгибов…

Раковина пролежала под водой долго, может быть, десятки тысяч лет, даже – миллионы, и неисчислимые шторма содрали с неё весь известковый корсет. Обкатанная песком и водой, она стала красивой и гладкой, вытянутой в форме гигантской слезы, с одной стороны закруглённой крючком, наподобие мидии. Её так приятно было держать в руках, ощущая эту многовековую тяжесть, и в то же время она казалась лёгкой, даже - живой.

Потом я не раз бывал с экспедициями в здешних местах и неизменно совершал у мыса подобные находки. Среди них встречались отложения с отпечатками исчезнувших животных, насекомых и древовидных веточек папоротника, а однажды подвернулся даже отпечаток рыбьего плавника. Но как бы ни были хороши все эти обретения, дороже раковины, которую я храню до сих пор, уже ничего не попадалось…

Чуть южнее мыса Жонкиер берег тоже представляет из себя высокие скалы, но склоны его местами уже покрыты светло-зелёной растительностью, и если море спокойно, то вода у тёмных скал тоже отливает волшебно-прозрачной зеленью, когда пронизана лучами редкого здесь солнца. Плывёшь на боте вдоль береговой линии, и от переживания этого чудесного

мира на душе становится радостно. Вода за бортом – будто налитое в огромную чашу разбавленное молоко, и всегда угрюмые в непогоду скалы сейчас воспринимаются как мирно задремавшие сказочные великаны…

Но такое здесь – редкость, впрочем, редкость и знаменитые скалы Три Брата, которые предстают взору на рифе между камнем Бурун и мысом Жонкиер. Они вытянуты цепочкой на север, очень похожи друг на друга и различаются лишь размерами. По преданиям нивхов, исконно населяющих Сахалинскую землю, это были люди, когда-то обратившиеся в камни.

Давным-давно три брата из одного старинного рода пошли на море осмотреть выброшенного кита, - гласит древняя легенда. За ними увязались мать и сестра. Нивхские же обычаи запрещают женщинам смотреть на море, когда мужчины там ловят рыбу или заняты чем-то ещё. А тут женщины нарушили запрет. И потому братья окаменели. С тех пор скалы Три Брата, выдерживая на себе удары морских волн, смотрят в воды Татарского пролива. Они будто сторожат город и в то же время являются его своеобразным символом.

Именно Чехов обратил внимание на то, что на Сахалине дают названия селениям в честь сибирских губернаторов, смотрителей тюрем и даже фельдшеров, но совершенно забывают об исследователях, как Невельской, моряк Корсаков, сподвижник капитана Невельского лейтенант Бошняк, Поляков и многие другие, память о которых, как полагал Антон Павлович, заслуживает большего уважения и внимания, чем какого-нибудь смотрителя, убитого за жестокость… Сейчас это положение исправлено, многие достойные имена нашли своё место на географической карте и Сахалина, и Курильских островов, и Камчатки, и всё-таки не хватает названий, отвечающим своей истинной достойной сути, названий колоритных и по-морскому броских.

Чаще здесь можно встретить Чёртов Палец, Зуб Дьявола, Двух или Трёх Братьев и Сестёр, но за редким исключением натолкнёшься вдруг на Бухту Провидения либо звучное французское селение Де-Кастри… Обычно названия, даваемые людьми заливам, морям, островам, не отвечали их истинной сути, не отражали присущего им своеобразия, а выражали, скорее, настроение исследователя, его неудачу, успех или какое-нибудь мимолётное впечатление. Так, капитан Невельской, благополучно миновав низменные кошки у северных берегов Сахалина, назвал их не иначе, как шхеры Благополучия, а Южное море было отмечено Магелланом Тихим только потому, что за все дни плавания не случилось ни единого шторма, изредка дул лёгкий попутный ветер и ночи стояли великолепно спокойные. Подобная неопределённость, кстати, произошла с наименованиями самого острова и пролива, отделяющего от него материк, что со временем, впрочем, не помешало людям по-настоящему привязаться к этим названиям и полюбить, ни на миг не допуская каких-либо иных.

Иностранные мореплаватели называли пролив между азиатским материком и Сахалином – Татарским, по-видимому, благодаря

наименованию «Tartarie», дававшемуся иностранцами всем землям, лежавшим за Уралом. Но оно сохранилось почему-то только за Дальним Востоком, хотя здесь никогда не было никаких татар. Возможно, это название в какой-то мере объясняется русским выражением «провалиться в тартарары», если иметь в виду «конец света», край земли сибирской, начало океана, вулканические таинственные недра…

Что касается названия «Сахалин», то оно дано острову по реке Амур, а произошло это так. В начале восемнадцатого столетия китайский император Кан-хи поручил монахам-миссионерам составить карту Татарии, то есть западного побережья азиатского материка, выходящего к Татарскому проливу. В 1710 голу католические миссионеры составили и выгравировали на медной доске карту Татарии, а один из оттисков карты был послан крупному французскому географу д,Анвилю, с именем которого отчасти связано название острова. У западного берега Сахалина, как раз против устья Амура, на карте имелась надпись, сделанная монахами: « Сахалян улла анга-хата», что в переводе с маньчжурского языка означало «Скалы в устье реки Чёрной». Название это принадлежало, должно быть, какому-либо утёсу или мысу около устья Амура, но д,Анвиль, видимо, по чистому недоразумению понял надпись по-своему, отнеся её к самому острову, и, несколько сократив длинное наименование пекинских миссионеров, обозначил остров просто – Сахалин. Хотя в китайских летописях первые упоминания о земле, лежащей против устья Амура, относятся ещё к 7-10 векам, тот факт, что остров, имеющий в длину 948 километров, площадь которого вдвое больше Греции, был назван в 18 веке просто «Скалами», свидетельствует лишь о том, что в Китае так же, как и в Европе, знания о нём были весьма туманными…

Нивхи Амура называли Сахалин «Тро-миф» - большая земля, казацкие отряды первопроходцев, возглавляемые Москвитиным и Поярковым, - «Гилят», айны, коренное население Сахалина и Курил, - «Таракай» или «Трептун Мосири», японцы – «Карафуто», голландский мореплаватель Де-Фриз – «Портландом», а в древних китайских летописях он назывался «Дачжеу» и «Лючуй». Но на карты мира, с лёгкой руки французского географа д,Анвиля, остров вошёл именно под названием «Сахалин».

По мере нашего продвижения на север берег постепенно понижался, и в северной части становился низким и песчаным, без ярко выраженных скалистых отчуждений, безмолвно довлеющих над морем. Воды Сахалинского лимана встретили нас не растаявшими льдинами, которые противно скрежетали по обшивке судна и не давали ночью уснуть. Лёд затруднял дальнейшее продвижение, и потому было принято решение пока идти к противоположному, материковому берегу, опускаясь вдоль него до мыса Сюркум.

Материковый берег, в отличие от островного, выглядел более дремучим, широким и каким-то колючим. Не было в нём крутобокости

пустынных сахалинских сопок, внезапно взлетающих над морем, не ощущалось рассеянной мягкости дымчатого воздуха, неслышно роящегося в укромных распадках, и даже волны воспринимались здесь иными – не отрешённо набегающими на берег, а внутренне подобранными, готовыми ко всему, бесстрашно мятущимися между скал.

Скалы бухты Накатова тоже отличались от строгих сахалинских утёсов, замкнутых в себе, и выглядели задиристыми, с ощерившимся чахлым лесом на вершине. Густой туман, неторопливо сползая с них, превращался во влажные клочья, из которых неожиданно вырывались утки и так же мгновенно растворялись в нём. Уток было очень много и, медленно продвигаясь на боте вдоль еле угадываемых берегов, мы пытались охотиться на них.

Кто-то один всё время находился в носовой части бота, в любой момент готовый выстрелить, но шум мотора мешал услышать шелест крыльев, и это создавало определённые трудности. Подводные камни так же не давали возможности без оглядки отдаться азарту охоты, и тогда мы глушили двигатель и, поглощённые девственной тишиной, замирали, чутко вслушиваясь в разносящиеся над водой звуки. И только волны настойчиво чмокали под пластиковым бортом, и еле слышно крался возле мокрых скал туман. Отсутствие птиц во время таких кратких стоянок озадачивало нас, мы не понимали того, что утки большей частью сидят на воде, а поднимаются на крыло лишь вспугнутые.

Именно здесь, в бухте Накатова, набрёл я на мокрое каменное яйцо… Этот бледно-сиреневый, с мелкими белыми крапинками камень напоминал чем-то саму бухту, какой она бывала, наверное, в мглистое туманное утро, с еле моросящим сиреневым дождём. Он очень удачно выражал её настроение в это утро, и я решил взять его с собой на память. Я был почти уверен, что некоторые камни содержат в себе столетиями накапливаемый свет окружающего их места.

Бухта Чихачёва устроена природой у негостеприимных берегов Татарского пролива как по заказу, без неё бы судоходство в этих местах было значительно затруднено, и может быть даже невозможно. Бухта эта глубоко вдаётся в материк, в диаметре километров пять, берега её сравнительно невысокие, но обрывистые и скалистые, защищающие её от ветров и с не широким выходом в море. Правда, лишь с восточной стороны, с которой значительную часть года и свирепствуют сильные ветры. К тому же бухта мелководна, и суда бросают якоря в километре от берега, да ко всему прочему семь месяцев в году воды её скованы льдом.

Примерно посредине бухты между её северным и южным берегами тянется цепь скалистых островков – Устричный, Базальтовый и Обсерватории, поросших лесом. Эти окаймлённые рифами острова делят бухту Чихачёва на два рейда – внешний и внутренний, с глубинами 12-14 метров, а лучшее якорное место расположено к западу от острова Устричный, где мы совершили высадку и осмотр прибрежной части. Никогда

до этого не получал такого удовольствия от пахучего, густого тумана и от того, как мы пробирались в нём через огромные, серо-голубые валуны, которые воспринимались живыми, чувствующими все устремления твоей души. Так приятно было к ним прикасаться, к их шероховатым бокам, ощущая под ладонью таинственное внутреннее тепло…

Не забыть и бухту Мосолова – небольшую, в удобном распадке, с неприметно струящимся из скалы чистым ключом, защищённую с одной стороны мысом, далеко выдающимся в море. Семь рыбаков встречали нас на покривившемся пирсе и сразу осведомились – кто мы такие, откуда? Запомнился среди них один старик – худой, в штопанной выцветшей рубахе и штанах, белых от морской воды, потрёпанной безрукавке, старой ушанке, высоких сапогах-болотниках. Невозможно было отвести глаз от его изборождённого морщинами-шрамами смуглого лица, жилистой худой шеи с прилипшими к ней рыбьими чешуйками, складной раскованной фигуры. Он безотчётно притягивал к себе внимание, хотя и не прилагал для этого никаких усилий.

Старик показал нам, где может нереститься сельдь. По его словам он давал полный «гарант» в этом. Посетовав на то, что рыба надоела, а утку стрелять нечем, он получил все наши патроны. Как видно, старик был одним из тех, в чью жизнь с детства было заложено море с его чистотой, ветер, ничего не делающий попусту, и труд. Несмотря на постоянное напряжение, сердце старика не было омрачено несправедливостью, каждый день оно раскрывалось для нелёгкой работы и общения с людьми. Не сумев обрести многое, без чего не могут обходиться в городах люди, он, между тем, нашёл для себя самое главное здесь, в этих забытых Богом местах, и уже не отпускал его… Это чувствовалось во всём его облике, открыто и очень радушно расположенном к нам, вообще – к людям.

Когда бухта скрылась из глаз, и бот вывернул в открытое море, одна женщина, находящаяся среди нас, звали её – Галина Михайловна Пушникова, руководитель экспедиции, задумчиво произнесла: «Знатный рыбак. Он мне очень понравился…» И все оживлённо заговорили о нём, а потом выяснилось, что даже не узнали – как величают этого замечательного старика.

В устье речки Серебряной местный лесничий встретил нас гостеприимным хозяином огромной территории, подлежащей его охране. Жаловался, что из-за обилия корма развелось пропасть норки и что она сильно донимает. Потом показал место с отвесной, поросшей чёрными елями горы, где лежала в леднике туша медведя. Как он попал туда – неизвестно. Вероятней всего, сорвался со скалы, когда полез в гнездо к орлану-белохвосту, за яйцами. Гору прозвали Медвежьей.

Взобравшись на неё, я долго смотрел на замёрзшего во льду медведя. Казалось, он забылся и от всего отдыхает. Густой мех топорщился в разные стороны, а голова покоилась на одной лапе… Всё выглядело таким естественным, что трудно было поверить, будто медведь неживой.

Голубоватый лёд вокруг его тела уже начинал подтаивать, глыба по краям становилась мутноватой и грязной. И почему-то захотелось, чтобы медведь лежал вот так вечно, чтобы лёд никогда не таял, и грязь не касалась его шкуры. Если бы всё это могло исполниться, если бы я знал, что так оно и будет, мне, наверное, легче было бы жить…

Но по большей части здешние берега пустынны, и за несколько сот вёрст береговой линии можно не встретить никаких следов человека. Только однажды мы натолкнулись на завалившуюся дощаную избушку, неприметно притулившуюся под отвесной скалой, в нескольких метрах от уреза воды. Видно было, что устраивалась она временно, из подобранного на берегу плавника, без учёта наступления больших приливов. Да ещё как-то разглядели в бинокль след костра на песке, высадились с бота, и неподалёку от кострища обнаружили труп мужчины, видимо, беглого, с четырьмя ножевыми ранами в живот. Пришлось капитану вызывать пограничников, и только через сутки они нас отпустили, опросив весь экипаж.

Не на чем задержаться глазу, когда идёшь вдоль материкового берега: то попадаются безликие черновато-серые скалы, подёрнутые никогда не исчезающей здесь туманной пеленой, то чахлые ели и лиственницы, угрюмо взирающие с обрывистых и таких же безликих скал. Редкие речушки прорезают пустынные холмы и тотчас теряются среди их диких склонов. Стук нашего мотора повисает в этих неприметных распадках, но быстро тает, будто его и не было. И опять воцаряется дремучая отрешённая тишина…

На всём своём протяжении, почти повторяя длину самого острова, Татарский пролив совершенно непредсказуем, и дарит неожиданные сюрпризы… Мы продолжаем идти на боте вдоль скалистого материкового берега на севере пролива, отыскивая места нерестилищ сельди. Воздух, как и вода, немножко копошится и кажется таким же мутновато-зелёным, даже тёплым. Яркое солнце пробивается сквозь густой туман и на миг становится даже жарко, так что наши телогрейки, ватные штаны и болотники представляются неуместными, хотя по здешним понятиям июнь месяц – ещё не лето.

И действительно, попав через несколько минут в сизо-фиолетовую тень отвесной скалы, нас окутывает промозглая прохлада и затаенный мрак, а набежавший откуда-то ветерок обдаёт лицо такой стужей, что по телу прокрадывается неприятный озноб и хочется поскорее выбраться на открытую воду. Но там липковато-влажный туман уже накрыл собой всё окружающее пространство, и как-то не верится, что совсем недавно выглядывало солнце, и тебе было даже жарко. Север, льды и холодный ветер дают знать о себе здесь и в июне!

Ветер налетает порывами, образуя грязновато-пенные задиристые барашки на тускло-зелёной, безжизненной воде, от чего становится ещё более неуютно, и ты съезжаешь на дно бота, где тоже сыро и неустроенно, но, по крайней мере, не так задувает. Сидишь, весь скрючившись, и, прислонясь спиной к пластиковому борту, неподвижно смотришь на

объявшие всё это пространство мутноватые клубы тумана, а дребезжащий рокот мотора постепенно наполняет тебя ощущением покоя. Ты прикрываешь ресницы, слушаешь, как плещутся за бортом волны, изредка вскрикивают чайки, и эта, обычная на первый взгляд, обстановка, присущая нашей работе, незаметно заполняет сознание значимостью того, что происходит вокруг.

А из тумана неожиданно выплывают … кекуры! Что это за удивительные произведения природы, которые если увидел, хотя бы однажды, никогда не забудешь!

Эти высоко возвышающиеся над водой камни, вернее – отдельно стоящие каменные столбы часто встречаются на Сахалине и Курилах. Они – свидетели прежнего положения береговой линии, остальные же склоны гор постепенно были срезаны морем. У материкового побережья Татарского пролива – это отроги гор Сихотэ-Алиня, а у западного берега Сахалина – Западно-Сахалинский хребет, что часто приближается вплотную к берегу, но иногда несколько отступает в глубину острова.

Кекуры образованы устойчивыми к разрушению породами – кремнистыми сланцами, порфиритами, и расположены обычно на продолжении мысов в виде игл, башен, бастионов, фантастических фигур животных и сказочных великанов. Окрашены они нередко в яркие, красно-оранжевые цвета кремнистых сланцев, или поднимаются над морем тёмными силуэтами порфиритовых скал. Благодаря именно им - однообразные скалистые берега дальневосточных морей становятся живописными, и я никогда не слышал, чтобы их называли здесь иначе, чем «кекуры», а вот на севере Берингова моря они именуются … отпрядышами, видимо, по причине того, что камни однажды отпрянули, то есть – отделились от берега или утёса.

Кекуры всегда необычны на вид, и поражают взгляд своей крутизной, так что на них хочется смотреть долго, не отрываясь… Но более всего они притягивают внимание своей обособленностью… Берег рядом, а они, тем не менее, уединились. Застыли в каменном молчании, повергающем в онемелое лицезрение их непреклонной древней стати. С восхищением рассматривая эти древние каменные изваяния, вызывающие только необъяснимое уважение, сразу понимаешь, что они бессмертны. Столько в них этой непреклонной несгибаемости, скрытой природной воли.

Боцман с нашего «Георгия Попова», может быть, именно от необъяснимости их величия однажды торжественно обронил: « Этим самым кекурам – имена давать надо. Как мысам, морям или заливам…». - И немного погодя, с таким же серьёзным видом добавил: « Например… «Мечта импотента»!

Кекуры… Завораживающие взор загадочные каменные идолы… Что выражают они своей обособленностью, и чего ожидают у самого берега моря?

Стоят кекуры несгибаемо под натиском ураганных ветров и штормовых волн, разбивая их в солёную пыль, и веет от них старинными морскими поверьями, потому как повидали они немало. При их молчаливой величественности – они не замкнуты, даже открыты. Безропотные морские стражи, охраняющие покой земли в непосредственной близости с морской стихией, безмолвные свидетели её пребывающей в веках мощи… Кекуры!

Льдины – тоже частые гости на севере Татарского пролива и в мае, и в июне. Бывает, когда уже забудешь о них думать, какая-нибудь грязновато-оплывшая, но ещё внушительных размеров ледуха тукнется глухо в скулу судна, прошабаркает со скрежетом под килем и с шумом вывернется у другого борта, а ты, недоумевая, лежишь в каюте и думаешь: что бы это могло быть?

Часто льдину затягивает под днище надолго и она там неловко бултыхается в водных завихрениях, вертится очумело, пытаясь хоть куда-либо выбиться, а когда выскальзывает со сдержанным вздохом далеко от судна, ещё какое-то время вертясь и изредка выглядывая из воды, то непроизвольно воспримешь её за небольшого кита или на худой конец – тюленя… Всё бы, кажется, отдал ради таких неожиданностей, связанных и с Татарским проливом, и с открытым морем, когда, к тому же, увлечённо занят любимым делом…

Почти вдоль всего берега пролива, даже под обрывистыми скалами, обычно полно уток… Огарь, нырковые, чернеть, каменушки – все они то и дело с гоготом перелетают, присаживаются на покачивающиеся волны, и вновь куда-то срываются, озабоченно лопочут. Те, что оказываются перед самым носом бота – что есть силы, бросаются врассыпную, почему-то и не думая взлетать, и чаще всего - ныряют, но с бака хорошо видно, как они продолжают удирать, только уже под водой, полагая, наверное, что их не видно. От того, что и утки и бот движутся, утки под водой растягиваются, становясь чуть ли не в два раза длиннее. Их вытянутые назад лапки напоминают развевающиеся на ветру красноватые лоскуточки ткани, и когда они вздрагивают – прозрачную воду прочерчивают искрящиеся шлейфы серебристых пузырьков…

А прямо над нашими головами взлетают и падают кайры с бакланами, будто пересиливая себя в полёте, который для них вынужден и не приносит удовлетворения. Забрав достаточно в море, они вскоре также обеспокоенно устремляются к берегу, словно запинаясь в воздухе, но почувствовав его близость – выравнивают полёт и переходят на парение, присаживаясь на осклизлые камни. Отряхнувшись и обрызгав камни помётом, птицы поворачиваются грудкой к морю, и на какое-то время настороженно замирают.

У самого берега, почти в прибойной полосе, резвятся нерпы… Чёрные, блестящие головки нерп хорошо заметны издали, и они всегда такие изящные, живые, что их никогда ни с чем не спутаешь. Чайки лениво кружат над ними, недовольно вскрикивают и тут же теряют интерес при виде

очередной добычи. Люди же в боте сидят неподвижно, даже оцепенело, давно привыкнув к северной природе у моря…

Но однажды нам привелось испытать на себе в Татарском проливе один из сильнейших тайфунов, который губительным смерчем прошёлся по Японским островам и Сахалину, и со всей мощью обрушился на наше маленькое исследовательское судно… Предельной силы встречный ветер и огромные валы высотой до десяти метров преградили судну путь в проливе. Оно с трудом удерживалось против волн, почти не продвигаясь вперёд.

А дальше случилось худшее: вышли из строя рулевые моторы, и судно стало неуправляемым. Его развернуло бортом к волнам и понесло к берегу, крен приближался к критическому. Стремительная качка парализовала жизнь на судне: она бросала людей на переборки, срывала прочно закреплённые к ним предметы…

Когда до каменной гряды, зловеще выступающей из-под воды вблизи берега, оставалось полмили, старший механик сообщил, что неисправность ликвидирована, судно кое-как развернулось на ветер и стало пытаться покинуть опасное соседство. Но сила сопротивления оказалась так значительна, что судно опять стало сносить на камни, и в сложившейся ситуации пришлось отдать якорь… Его тут же оборвало, то же самое вскоре произошло и со вторым, последним…

Мы, вероятно, были обречены, но море отчего-то не забрало нас, и судно каким-то чудесным образом, всё же, тогда выбралось. Татарский пролив, не уставая преподносить своё неповторимое своеобразие, всё-таки вознамерился испробовать нас на крепость: а достойны ли люди тех красот, которые он им великодушно открывает, и идут ли они им на пользу? Наверное, мы всё делали правильно, потому что стихия смилостивилась над нами, и подарила ещё одно знание, связанное с морем: беда учит не смерти, а жизни. Тем более, если ты находишься в объятиях такого загадочного пролива, соединяющего два удивительных дальневосточных моря – Охотское и Японское, с берегов которых, в свою очередь, берут начало воды самого великого океана…

Татарский пролив… Сейчас, когда я пишу эти строки и вспоминаю те далёкие берега, мне представляется, как они по-прежнему хранят молчание, беспристрастно ждут своих редких посетителей, из которых никому не дано слиться с ними, как бы долго они там не находились. Сердце щемит от мысли, что, вероятней всего, мне там уже не побывать, не ощутить раскованности удивительной дальневосточной тишины, и дикий ветерок, внезапно слетающий со склонов хребта Сихотэ-Алинь, уже никогда не освежит моё открытое лицо, не взъерошит на голове упрямые волосы. Но воспоминание о том, что всё это однажды я видел, наполняет уверенностью, и она незаметно умиротворяет душу.

И тогда вновь дикие пустынные берега Татарского пролива встают передо мной, то появляясь, то исчезая в туманной дымке… Из неё, прямо мне навстречу, изредка вырываются кайры или бакланы. Иногда мимо проносятся суматошные стайки каменушек… Серовато-коричневая студёная вода монотонно шлёпается о пластиковые скулы бота, взлетает в воздух солёными брызгами, обжигая лицо и руки, но ощущения неприятного холода не вызывает. Всё вокруг как будто поворачивается к тебе, покойно смотрит и наполняет жизненной силой.

Только здесь по-новому услышал и увидел я жизнь, проникнувшись этими огромными морскими пространствами, представляющимися для меня самыми уютными, дорогими. И переживая весь свой нелёгкий путь сюда, на берега Татарского пролива, я теперь с горячим чувством благодарности отношусь и к морю с его запахами, и к ветру, и к крикам птиц, и мне хочется с кем-то говорить обо всём этом, чтобы меня услышали, задумавшись о главном: отпущенном тебе времени.

«СТАН»

Бот движется размеренно, время от времени окатывая покойно сидящих в нём людей водяной пылью от столкновения с крупной волной, и никто из них не произносит ни звука. Изредка кто-нибудь из научных сотрудников спросит:

- Далеко ещё?

- С полчаса ходу, - выдержав длительную паузу, нехотя отзовётся моторист на руле, и опять тишина.

Бывает, мотор внезапно заглохнет, и моторист начинает свою неспешную возню с ним, а мы беззвучно качаемся на волнах и слышно только, как волны с глухим плеском разбиваются о скулы бота. Моторист, чертыхаясь вполголоса, что-то подкручивает, продувает, и остальные с каменно-равнодушными лицами наблюдают за его нехитрыми действиями, кажется, ничуть не сомневаясь, что мотор рано или поздно заведётся.

Мотор действительно вскоре начинает тарахтеть, бот разбивает носом волну, и мы опять сидим, молча нахохлившись под неуёмным северным ветерком, косимся на неприютный пустынный берег и скрываем лица за поднятыми воротниками, невольно приподнимая плечо. Вокруг, куда ни посмотрит глаз, желтовато-свинцовые волны, низкое серое небо и безжизненные берега. Всё охвачено первозданным покоем, от горизонта до горизонта лениво переваливает свои холодные воды загадочный Татарский пролив, и вдоль его материкового побережья мы направляемся в бухту Сущёва…

- Митрич, - неуверенно обращается боцман к старпому. – Ты мне сурика ведро выпишешь, наконец, али нет?

Лицо старпома перекосится, будто от зубной боли, и он, немного помедлив, только недовольно обронит:

- И куда нонче селёдка подевалась?

- Ясное дело – к холоду, - кто-то повторяет за ним на корме, и разговор на этом обрывается.

Всех невольно пробирает озноб.

«К холоду, к холоду» - будто вторят людям безучастные волны, ударяющиеся в округлые борта, и из глубины моря на нас надвигается густой промозглый туман. Чисто морской запах, к которому мы успеваем привыкнуть, вскоре сменяется береговым: бот направляется к устью реки.

Неширокая полоса пустынного берега кажется близкой, но мы всё идём к нему, идём, разбивая носом холодные, теперь уже свинцово-коричневые волны, а берег будто и не приближается. Когда долго смотришь на воду, то кажется, что берег и вовсе удаляется… Только что в чернеющем на скалах лесу стали различимы отдельные лиственницы и ели, но уже в следующий миг, после того, как тебя отвлекает удар сильной волны в скулу, берег, вроде

бы, ещё более удаляется. Не сразу привыкаешь к тому, что вода скрашивает истинное расстояние.

На буксире у нас болтается лодочка, в ней покоится невод. Мы хотим с помощью рыбаков сделать пару замётов, в надежде поживиться нежной селёдочкой и жирной корюшкой. Нам хорошо видно, как рыбаки на берегу над чем-то копошатся у самой кромки воды, то сходятся, то расходятся, изредка отлучаясь в складское помещение, представляющее из себя ветхий, выцветший от времени и дождей сарай. Бот наш так незаметно приближается к берегу, что даже не верится, что мы его когда-нибудь достигнем и познакомимся с рыбаками, чьи фигурки кажутся просто крошечными.

Но вот, наконец, и берег! Осторожно, с выключенным мотором, подходим мы к песчаной косе, протянувшейся вдоль береговой линии, и нос бота со скрежетом зарывается в плотный песок. Весь путь до берега лица нам обдавал ледяной ветерок, но при высадке земля, несмотря на весенний холод, дохнула теплом. Все повыскакивали в воду, радостно почувствовав под ногами твёрдую почву, и торопливо взялись вытягивать бот подальше, а кто-то уже занялся неводом, складывая его по порядку.

На взгорке показались дощаные постройки, а чуть поодаль стали вырисовываться вешала с сетью. Сразу приятно запахло каким-никаким жильём, сушёной рыбой, деревом, мхом и камнями, даже, кажется, хлебом… Бригада колхозных рыбаков, пока не пошла основная рыба, видимо, сидела, по большей части, без дела.

У самого берега в нос крепко ударило запахом костра и недавно просмоленных кунгасов, перевёрнутых днищем вверх, неподалёку от уреза воды. Из дощаника один за другим показываются остальные рыбаки, потягиваясь и почёсываясь неспешно выходят нам навстречу, кто-то из них даже приветствует нас, старается помочь принять груз, забредя по колено в воду, но тут же одумывается и, нелепо улыбаясь, уворачивается от набегающих с шипением волн, будто впервые их видит. Всем сразу становится смешно, раздаются радостные возгласы, кто-то, к удивлению своему, обнаруживает старых знакомых… Словом, на берегу воцаряется непривычное для этих мест оживление, но природа также равнодушно и мрачно взирает на происходящее…

Все рыбаки, как на подбор, в выбеленных от соли телогрейках, брезентовых штанах, сапогах-болотниках, и почти у каждого на поясе нож, а на голове зимняя шапка. Большинство – с бородами или многодневной щетиной, вид – самый заскорузлый, сильно потрёпанный, даже – опалённый, но в движениях и руках чувствуется сила и ловкость. Редкая улыбка – что кривая усмешка, не принято здесь много улыбаться, а всё более переживать длительное напряжение, проявляя порой великое терпение, и оттого – лица суровы, замкнуты, но заговори с человеком – и сразу раскроется его почти детская душа: чистая, наивная…

Рыбаки – сами как дети, что затеяли какую-то важную для себя игру у моря. Вроде, копошатся неловко, что-то там то и дело подтягивают, смешно

перебегая, перехватывают и отпускают, вновь осторожно подбирая, а на следующее утро громоздятся по берегу пузатые бочки, в которых сочно серебрится знаменитая декастринская селёдочка. Утки нырковые пронесутся над головой, чётко отразившись в её светлых широких боках, будто в спокойной воде, и подивишься этой нехитрой, но обаятельной поэзии севера…

Места здесь хмурые, солнечная погода – большая редкость, а если ещё разгуляется на море шторм – и вовсе невесело. Когда погоды нет – настроение у рыбаков плохое. Поминутно переругиваясь матом, без нужды цепляют они друг друга, шатаются от склада к засолочному цеху и обратно, или берутся плести сети, но надолго никого не хватает… Не достаёт рыбалки, родного для души и тела напряжения, а на море – великое волнение, и только Богу ведомо, когда оно прекратится. Рыбаки томятся. Скука!

Беспрестанно встающие у берега валы никого из рыбаков не пугают, но помочь это делу не может. Жилой сарайчик отчаянно продувает солёный ветер, и приходится, не переставая, топить печку. Можно, конечно, завалиться на боковую, никто ничего не скажет, и именно так все рано или поздно поступают, да только долго на жёстких досках не лежится. Каждый изредка прикладывается к щёлочке в стене и тут же с тоской отворачивается, со вздохом перевернувшись на другой бок. А если выбежишь до ветру, то опять же – ненадолго, и только справив нужду, хочется уже обратно в сарайку, к жаркой печке. На душе у всех становится неуютно, даже жутко. Когда же рыбалка, долгожданная рыбацкая работка!

К слову сказать, невод – самая большая из всех рыболовных сетей, состоящая из мотни посредине и двух приводов или крыльев. Невод закидывают и вытаскивают на берег, и всё это нехитрое устройство призвано ловить рыбу. На Дальнем Востоке морской невод часто зовут волокушей.

Невод завозят поперёк берега, пускают во всю глубину и загибают вдоль, по стрежню, то есть самому приглубому месту залива или устья реки, впадающей в море, которые обычно и выбирают рыбаки для лова. Старший из рыбаков, как правило, это бригадир, вымётывает невод, стоя на корме рыбацкой лодки. По верхней подборе идут поплавки, по нижней – камни или грузила. Береговой привод, с которого начинают вымётывать невод, крепится на берегу, а ходовой или выбежка, подтягивается рыбаками. Затем оба крыла сводятся вместе, и весь невод притонивается и вытаскивается.

К неводу у рыбаков самое трепетное отношение. Невод кормит рыбаков, это их основное орудие лова, и оттого среди них издавна существует поверье: на невод – не ступать и не плевать, рыба не будет ловиться. Относишься же бережно к своему рыбацкому инвентарю – счастье обязательно вывезет, рыбалка на славу удастся, и, значит, стану – самое место!

Вообще, станом раньше называли место, где путники останавливались на отдых, для временного пребывания. Неводные рыбаки, естественно,

становились таким определённым местом для ловли и обработки рыбы, это было их временное пристанище. В старину рыбачий стан ещё называли ватагой, шайкой либо артелью, на время объединяющей рыбацкое товарищество для совместной работы. За ватагу рыбаков, говорили знающие люди, и одного богача не выменяешь, так дружны и спаяны были между собою рыбаки. Словом, своя рыбачья ватага, своя семья.

Стан в бухте Сущёва, где мы предполагаем провести очередную съёмку проб икры сельди на разных глубинах, хоть и старый, но, как водится, со всем заведением: небольшая пристань на сваях, обшарпанные, но ещё крепкие доры с кунгасами и лодки, снасти, выцветшие сети на вешалах, лачуги бытовые и погреба для засола. На рыбий промысел всякий местный колхоз нанимает обычно бичей, из бывших рыбаков, что оказывается дешёвым предприятием и достаточно верным, потому как люди собираются бывалые, знающие рыбацкое дело и привыкшие к разного рода лишениям. К тому же, каждый из них не прочь неплохо заработать, почти не имея никаких доходов в течение остальной части года, и конечно из кожи вон лезет, чтобы самым лучшим образом себя проявить. Благо, винные магазинчики на этих пустынных берегах отсутствуют и соблазн напиться, таким образом, никому из рыбаков не угрожает. Всё, что они припасли с собой с начала путины, а это, как правило, фляга со спиртом и несколько флаконов одеколона, уже давно выпито, и ещё незамутнённое сознание пока только жаждет нелёгкого рыбацкого труда, нескольких часов сна и нехитрой похлёбки с порцией забористого табака. С милостью божией и своим любимым промыслом именно эти рыбаки так не один план за свою жизнь и побили.

Рыбацкий стан поначалу вызывает ощущение заброшенности, хотя жизнь в нём до конца не угасла. Каждый год, по весне, небольшая бригада колхозных рыбаков всё-таки располагается здесь лагерем и ждёт, когда первая сима с корюшкой пойдут на нерест. На селёдку уж, как бывало, не надеются, хотя мы тут находимся именно за этим: ищем и обследуем нерестилища сахалино-хоккайдской и декастринской сельди…

Глядя на эти полуразвалившиеся, выцветшие от времени, бесчисленных дождей и ветров постройки, всё же не покидает ощущение уюта. За их ветхим и выщербленным видом скрывается преданность делу, которое составляет суть всей жизни рыбаков: ловить и заготавливать рыбу. Несмотря на незначительные уловы последних лет и ощутимый развал рыболовного дела, какую-то даже всеобщую неустроенность, вся здешняя, не совсем обустроенная обстановка не в тягость.

Берег, словно чаячье крыло красивой линией плавно изогнут вглубь материка, песчаный пляж с плавником окаймляет строгая щетина из лиственницы и ели, и даже холодные на вид серые скалы не удручают впечатления. В очертаниях бухты чувствуется простор, и только скудость северных красок несколько омрачает восприятие. Оживляют пейзаж люди…

Наш старпом радостно торопит матросов, находясь в необычном возбуждении.

- Ну как? – неожиданно кричит он нам, восторженно оглядывая постройки, залив, и уже обращаясь к собравшимся вокруг рыбакам, опять радостно восклицает:

- Пошла, что-ли, рыбка, едри её мать?

К этому времени двое матросов перенесли невод на корму лодки, оттолкнулись, и один принялся быстро грести, а другой стал торопливо вымётывать за борт стенку. Остальные матросы, забредя по колено в воду, взялись придерживать свой край, потихонечку подбирая и притапливая низы. Двое же в шлюпке отошли порядочно в море, плюхнули за борт мотню и поворотили обратно. Выметав вторую стенку, они замкнули большое полукружье и причалили к берегу. Разбившись на две группы, все с весёлыми возгласами, дружно потянули невод.

Как это всегда бывает, не обошлось без суеты и показухи. Кто-то проявил особое усердие, нашлись и такие, что бросили тянуть и озабоченно забегали, к месту и не к месту выкрикивая разного рода команды. Когда мотня показалась на мели, её подхватили и поволокли на берег. До самого конца не было понятно – есть ли в неводе рыба, но вот мотня подтянута, и вперемешку с водорослями и песком все в ней увидели сбившуюся во влажный ком серебристую рыбу – мойву, белобрюхую с жёлтым пером камбалку, пятнистую кунджу… Несколько волосатых крабиков копошилось в пучках поблескивающей зостеры, здесь же находилась студенистая прозрачная медуза, две-три иссиня-багряных звезды патирии… А всей рыбы набралось ведра два…

- Что-то в этим годе никудышный прилов, - почесав в затылке, недоумённо пробормотал боцман, руководивший выводкой невода. Но потом, спохватившись, оживился и добавил:

- С прежним, ясно, не сравнишь… А всё равно хорошо! – И повернувшись почему-то ко мне, неожиданно спросил:

- Ты селёдочку-то, декастринскую, когда едал?

Я только помотал головой.

- Ой, жирна! И то говорю: отошла она куда-то… Так ничего уж третий год не попадается. Да мотню-то пообчисть толком! – неожиданно выкрикнул он кому-то, взмахнув рукой. Матросы готовились заводить ещё одну тоню…

И вот, завели, выметали и с нетерпением опять принялись выводить. Старпом, будто позабыв про нас и повернувшись вполоборота к морю, какое-то время настороженно наблюдал, а потом, будто в сердцах, как-то очень надрывно заорал, да тотчас сорвал голос и уже сдержаннее, перейдя на сип, но с тем же азартом любопытствует:

- Ну-у, попало чего?

- Да, камбалёшка одна, мойвочки малёк, да симушка, кажись, - лениво откликнулся кто-то из матросов.

- Ну, это ведь надо! Глаза б не видели… А раньше, бывало… - в расстроенных чувствах чешет затылок старпом.

- Не рано, кому дано, а не дано, - поспевает со своими рассуждениями боцман. – Раньше-то, известное дело, душа пела… - И погодя, будто по-настоящему веря в сказанное: - Богатые, видать, раньше нашего встали, да всё и расхватали.

- Вот и я говорю, раньше… - задумчиво добавляет старпом.

Невод к этому времени вновь распутан, аккуратно уложен, и все чувствуют себя несколько озадаченно. Второй замёт выходит впустую, хоть по нему обухом бей! И тут уже не выдерживают рыбаки: закидываем невод с их помощью, как в сказке, в третий раз…

На берегу все в нетерпеливом ожидании: вот-вот из воды должна показаться мотня, и, конечно, каждому рыбаку верится, что она до отказа будет забита рыбкой. Перед самым выводом улова среди рыбаков случается необыкновенное оживление, слышится сопение и весёлая ругань, плеск воды, скрип мокрых сапогов, в лицо летят солёные холодные брызги… И, наконец, добыча!

Поначалу кажется, что ничего в мотне нет, замёт вышел пустым, но когда уже ничего не ждёшь, разуверившись в рыбацком счастье, в мутно-голубоватой воде возникает белым пятном сбитая в самом кутце рыба… Неважно – какая, да сразу это и не определишь, главное, чтобы её было в достатке. Попадётся корюшка – все вешала вскоре будут заполнены изящными, жирно-светящимися на солнце рыбьими тельцами, и по берегу разнесётся резко ударяющий в голову запах свежего огурца. Набьётся в сетку мелкая мойвочка – тоже неплохо: будут рыбаки жарить вкусную нерестовую рыбку на больших противнях прямо на костре, прихватывать потом развалистое белое мяско пальцами и, обжигаясь и размазывая горячий жир по подбородку, со смаком отправлять его в рот, с удовольствием нахваливая… Ну, а залетит в невод косяк прогонистой, плотненькой симы, либо увёртливая кунджа – тут же на берегу в большом закопченном казане сготовят знатную наваристую ушицу! О селёдочке и говорить не приходится: её рыбаки жалуют особо, - солят, любуются, как она ровными рядками покоится в пузатых бочонках, в воображении своём рисуя сладостную картину того, как будут пробовать её с чёрным пахучим хлебцем и маслицем. Всякая рыбка хороша, коли в невод пошла, и, наверное, спела бы песенку своему весеннему проходу, когда б голос был!

- А ну! А ну! Подналя – яг, станичники! – весело командует кто-то из рыбаков.

- А –ах! А – ах! – сиплыми голосами выкрикивают остальные, и по пустынному морскому берегу задорно перекатывается неуместное здесь ауканье, а потом быстро обрывается, стихает.

Небо заволокли тяжёлые чёрные тучи и от этого оно льнёт к земле, по которой хлещет холодный ветер, бесцеремонно вычёсывая вершинки и без того чахлых лиственниц. Прибрежные обкатанные морем камни замерли отрешённо у самой воды, их глубоких мыслей никогда и никому не

постигнуть, но рыбаки на мгновение, кажется, разбудили это каменное забытье и камни незаметно ожили, даже отчего-то разволновались…

- А ну – у, наддай – ай! – опять разносится рядом отрывистый рыбацкий призыв, и мокрые камни будто даже начинают озабоченно ворочаться, отчего-то недоумевая…

А рыбаки, знай, тянут невод. Неспешно тянется и время, как холодное сахалинское лето. Авось, не пустою будет мотня!

- Ныне рыба измельчилась, уловы никудышные! – жалуется бригадир.

В прежние времена бригадира обычно звали атаманом, предводителем, либо зачинщиком, а теперь просто – старшина! На минуту оторвавшись от наблюдения за выводом сети, он, улыбаясь, спрашивает:

- Присловицу – то про нас слыхивали? Пришли воры, хозяев украли, а дом в окошки ушёл? Воры – это мы, рыбаки, хозяева – рыбка, дом – вода, что в ячейки невода убежала… Да-а … А то случится, что и ни рыбы ни мяса, ни кафтана ни рясы … Под сетью-то только цыган да рыбак греются!

Бросив в очередной раз взгляд на сгрудившихся у воды рыбаков, бригадир ни для кого, а будто только самому себе еле слышно роняет:

- В иную тоньку воз вытащишь, а порой одним трудом мужички сыты. Пойдём-кася, глянем!

Работа у рыбаков идёт споро, одно слово – артель! В ней брюхо да руки – иной нет поруки. А уж в артельный котёл говядины без сетки не спускай, здесь смирный – клад! Пока один горюет, артель воюет: и за столом, и на берегу… Только держись!

- Замечи кромку, чтоб не сыпалась! – слышится чей-то бодрый окрик, и невод тотчас, ещё пуще, замётывается, всё ровно само собой делается.

- Заверчивай, заверчивай, - суетится меж рыбаков тщедушная фигурка боцмана. – Не допусти прорехи!

Замётчики стараются изо всех сил, шапки съехали на взмыленные лбы, некогда и перехватиться. Это тебе не ершей лавливать!

- Соберись, братцы, нажми! – слышится дружная команда.

- Половим маненько!

- Эх, ловцы рыбные, люди гиблые! Не притон поди у нас, ребята? Артель!

- Ухватись! Ловися рыбка малая и большая! – и с удовольствием: - Вишь ты, какой ловкий!

Расторопно действует бригада, а кто неловко возьмётся – тут же перехватится. Зевать некогда – рыбка идёт, а это в здешних местах по весне может быть и селёдочка с мойвой, и корюшка, и сима… Страсть, как любят рыбаки ловить рыбку, но ещё больше – есть, то есть, по-рыбацки, рыбничать…

Рыба в мотне как будто всегда таится, а когда уже невозможно скрываться – начинает неистово биться, вскакивать на боках, изгибаясь, переворачиваясь и перепачкиваясь в сером песке, вздымает серебристо-мутноватые фонтанчики воды. Рыбаки же перебирают раскрасневшимися

руками отсыревшие привода, тянут изо всех сил, опять перебирают и вновь подтягивают, а рыба сбивается в животрепещущий ком и брызги летят во все стороны. Через минуту, когда весь улов оказывается на берегу, рыбаки с осклабленными лицами застывают над ним и зачарованно разглядывают всех этих, в общем-то, давно знакомых им селёдок, корюшек, зубаток, пятнистую красивую кунджу, и только вволю наглядевшись, начинают неспешно выбрасывать рыбу из сетки и раскладывать её по сорту…

Каждая рыбина осторожно берётся за голову или жабры, приподнимается ненадолго, и уже в следующий миг равнодушно отбрасывается, будто наскучив. Кто-то тут же подбирает её, раскладывает на выбеленном, обкатанном плавнике, быстро вспарывает широким рыбацким ножом и тотчас вытягивает кровавыми руками внутренности, а другой уже заполняет ей, ошкеренной, неглубокие плоские ящики, удобные при переноске. Пара рыбаков, тем временем, промывают мотню, очищают ячеи сети от плавника и водорослей, попыхивая папиросками. Как рады рыбаки ощущать свою нужность на этом пустынном берегу, где всё мило их простому рыбацкому сердцу!

От всего здесь дурманяще пахнет морем, сетями в рыбной чешуе, просмоленными кунгасами и ещё водорослями, рыжими высохшими пучками покоящимися на огромных серых, чёрных и коричневых валунах. Ветер изредка треплет эти водорослевые бороды, ворочает ими в камнях, и от этого кажется, что камни сердятся и недовольно переговариваются меж собой. Порой возникают мысли, что стойкий, глубинный запах исходит и от них, но когда камни успокаиваются, он незаметно пропадает. Всё тут просто и одновременно важно, ибо, когда душа твоя неразделима с тем, что её окружает, она так же просто радуется хорошо прожитому дню, результат которого – пойманная сима, корюшка или селёдка, а остальное, находящееся где-то там, на материке, вроде бы, вовсе не нужно и неинтересно…

… Выскользнув из сети, спокойно лежали на песке крупные и чистые рыбины. Некоторые из них ещё взмахивали хвостами. Глядя на их лиловые бока, не покидало ощущение, что день погож и солнце нехотя гасит свои багряные лучи на западе. В этих светлых плотных боках виделся весь залив, опоясанный песчаной отмелью, ветхий рыбацкий стан, маленькие еловые деревца на серой скалистой гряде и даже дикие утки, опять низко протянувшие над водой и исчезнувшие на фоне тёмного леса…

Вся эта неприхотливая картина рыбацкого стана необыкновенно умиротворяла, но обретение настоящего покоя пришло гораздо позже, когда всё произошедшее было выношено в себе и переосмыслено. Сейчас же я переживал только обоюдное проникновение в суть всего, что происходило со мной: меня – в молчаливую хмурость обрывистых берегов серовато-бурого цвета, в тайну никогда не обсыхающих от волн серовато-голубоватых камней с непонятными круглыми знаками, чахлого леса по склонам невысоких

холмов, оголённую бледность поднимающихся в отлив устричных банок; а неприступной природы – в мою теперешнюю и неведомую будущую жизнь, которая, верилось, станет благодаря этому ещё богаче.

При прощании с бухтой Сущёва кому-то из нас пришла в голову мысль бросать в воду монетки, загадывая ещё когда-нибудь вернуться к этим не совсем приветливым берегам. И примета действительно сбылась, в этих местах мне удалось побывать ещё не раз, но больше я уже не бросал в воду монеток и не стоял подолгу, как раньше, на холодном ветру, внезапно слетающим со склонов хребта Сихотэ-Алинь, безотрывно всматриваясь в туманную даль. Всё однажды вошедшее в меня, теперь уже оказывалось пройденным путём, а жизнь требовала открытия иных, более недоступных горизонтов.

И как хорошо было открывать их с помощью обыкновенных замечательных людей – простых рыбаков, которые не спят и день, и другой, и неделю, напряжённо работают, покуда идёт в свой поход долгожданная рыбка… И тогда словно расступаются хмурые, поросшие облезлой лиственницей берега, холодный воздух становится теплее и суровое северное солнце, изредка выглядывая из-за низких свинцовых облаков, наконец, обнажает свою ласковую улыбку. И ты уже точно знаешь: не забыть тебе эти пустынные берега, усеянные редкими раковинами, водорослями и облезлым плавником, ибо будут они вставать перед твоим мысленным взором всегда, пока жив ты и твоя неуёмная до впечатлений морская душа.

«НИВХИ»

Многие подвиги во имя открытия и материкового побережья Татарского пролива, и самого острова Сахалин, как части суши, окружённой водой, а не полуострова, конечно, были совершены русскими первопроходцами, в частности – отрядами Ивана Москвитина, Василия Пояркова, Семёна Шелковника, и уже ближе к нашему времени – экспедицией Геннадия Ивановича Невельского… Но сколько пришлось преодолеть в познании сути дальневосточной земли её исконным жителям – нивхам?! Для этого требовалось время, судьбы многих поколений, и нивхи оказались теми, кто первыми отправились в нелёгкий путь постижения жизни суровой островной природы.

За мысом Жонкиер, всё дальше на север, тянется земля сахалинских нивхов… Устья речек, посёлки и утёсы с отрывисто-плавными, как набегающие волны названиями сменяют один другого, и, кажется, нет им конца: Мгачи, Мангидай, Танги, Хоэ, Трамбаус, Виахту, Уанди, - и так до самого полуострова Шмидта…

«Уанды», кстати, означает по-нивхски «сражение», и наименование своё и посёлок и залив получили с того времени, когда здесь произошло айнско-нивхское побоище. Зная айнов как народ миролюбивый, даже застенчивый, о чём не раз писали многие путешественники и исследователи, трудно предположить, что они явились зачинщиками подобного столкновения. По-видимому, инициаторами произошедшего когда-то инциндента были всё же нивхи, перешедшие с берегов Амура на землю, принадлежащую собственно айнам, посредством перешейка, который раньше соединял материк с Сахалином. Продвигаясь с севера на юг, вдоль всего побережья, нивхи постепенно вытеснили айнов с их исконных земель, почитая остров как свою собственность.

По воспоминаниям Фёдора Ивановича Крузенштерна, побывавшего на Сахалине в начале 19 столетия, нивхи при встрече с ним всегда выказывали дружелюбие, имели в руках по лисьей шкурке и, махая оною по воздуху, не переставая, кланялись каждый раз весьма низко. Свидание тоже было самое приязненное, нивхи даже обнимались с русскими моряками, как друзья. Правда, впоследствии наши путешественники обнаружили, что в лодках у нивхов находилось много пик, луков, стрел и сабель, и нивхи ни за что не соглашались показать своё жильё. Вероятно, нивхами руководило лишь опасение, и взяли они это оружие на встречу с незнакомыми людьми скорее выступая в роли защитников родного селения, но несомненно применили бы его в случае необходимости, что было хорошо заметно по их внешнему виду.

Обыкновенное платье нивхов, как описывал его тот же Крузенштерн, составляет парка из собачьего меха или кишёк рыбьих, которая называется на Кадъяке и Алеутских островах камайкою, широкие и длинные шаровары из толстой холстины и рубашка из синей бумажной ткани, застёгиваемая

двумя медными пуговицами. Сапоги носят вообще из тюленьей кожи, а на голове соломенную шляпу, подобно той, какую употребляет простой народ в Китае. Волосы заплетают по обыкновению в косу, висящую ниже пояса.

Дома нивхов были довольно велики и построены все на столбах высотою от 4 до 5 футов над землёю. Пространство между столбами под домами занимали их собаки. На передней стороне дома сделано крыльцо, шириною около 10 футов, на которое всходят по лестнице, состоящей из 7 и 8 ступеней. Дверь находится на самой середине крыльца: она ведёт в сени, которые занимают большую часть дома, но совершенно пусты. А вообще вся деревня состоит обычно из 15 – 18 домов, в которых проживает, как правило, несколько десятков человек.

Таковым застали устройство нивхских домов на Сахалине в начале 19 столетия Фёдор Иванович Крузенштерн со своими соратниками и, наверное, в подобном же состоянии, без особых изменений, оно сохранялось какое-то время и в последующем. Но чаще, всё-таки, жилища нивхов располагались в верховьях речек, обычно на возвышенных местах, защищённых от северо-восточных ветров, и жильём служили не дома, а землянки. Во многом определил тип жилища климат Сахалина, который практически не изменился за последние тысячелетия, и жилище должно было надёжно защищать людей от мороза, ветров и снежных заносов. Дело в том, что остров, расположенный у восточных берегов Азиатского материка, находится в сфере действия муссона умеренных широт, и для него типичны холодная зима и прохладное дождливое лето. В течение года над Сахалином проходит в среднем около 100 циклонов, вызывающих усиление ветра, пасмурную с осадками погоду, а в конце лета и в начале осени наблюдаются выходы тайфунов, зарождающихся вблизи экватора. Они сопровождаются штормовыми ветрами, достигающими скорости более 40 м/сек, и сильными дождями. На севере острова, зимой, минимальные температуры в отдельные дни могут опускаться до минус сорока – пятидесяти градусов, почвы промерзают на сравнительно небольшую глубину, что обуславливает большой снежный покров. К тому же, суровость сахалинской зимы усиливается частыми и длительными метелями, продолжительность которых может достигать нескольких суток, и самым естественным и удобным в этих условиях явилось жилище именно полуподземного типа, что выглядело более выгодным в сравнении с постройками на столбах.

Для этого выкапывали квадратную или круглую яму, глубиной свыше метра, диаметром до двадцати метров, окружённую земляным валом. Над ней ставили стропила из жердей для конусообразной или двухскатной крыши. На обрешётку из сучьев укладывали древесную кору, сверх которой насыпали дёрн и землю. Вверху оставляли отверстие для дыма, которое иногда служило и входом, причём, вместо лестницы применялось бревно с зарубками. Если вход был сбоку, его устраивали на солнечную сторону. Когда в землянке делалось оконное отверстие, оно закрывалось рыбьим пузырём. Даже в самые суровые и снежные зимы такое жилище,

обогреваемое изнутри одним или несколькими очагами, способно было лучше защищать людей, чем наземные постройки.

Заготовив в достаточном количестве юколы, нивхам глубокой осенью ничего не оставалось, как именно залечь в такие землянки, располагающиеся обычно ближе к лесу, который защищал от буранов и ветра. Даже представив себе в суровых подробностях занесённое снегом жилище, где за зиму сосредотачиваются все запахи замкнутого человеческого быта, далёкого от гигиены, не мудрено будет понять, что гамма исходящих повсюду ароматов вряд ли способна выгнать хозяина наружу в сильные морозы. Если же подобное всё-таки происходит, то, в свою очередь, легко себе вообразить – каким понурым показывается на свет божий опухший и ослабший северный житель, которому судьба уготовила такое нелёгкое существование.

Резвыми в данной ситуации оставались только его собаки, если таковые не были съедены. Сам же нивх, даже на первый поверхностный взгляд, наверное, вызывал бы впечатление крайней неустроенности из-за месяцами наслаивающегося пота. Ведь, по-видимому, чрезвычайно грязная и засаленная одежда никогда им не снималась, в особенности – зимой, и носилась до истлевания на теле, а по выражению приплюснутого лица его, должно быть, можно было заключить, что охотнее бы он оставался дома… И как бы не были умелы руки нивхских женщин, очень красиво отделывающие мехом и вышивкой всю одежду, бытовая личная нечистоплотность неминуемо одерживала верх, а усугубляло подобное положение дел суровость жизненных условий…

Впрочем, и летом бельё не теряло своей замусоленности из-за суеверия, по которому купание в реке, якобы, уменьшало ход рыбы, что могло лишить нивхов их главного средства пропитания. С неводом они ходили по воде, не раздеваясь, до пояса, и от такого купания грязь и кожные выделения размазывались равномерным слоем по всему телу, окружая его такой же равномерной удушливой оболочкой. Из собственного опыта общения с нивхами могу лишь заключить, что предрассудки эти, кажется, так и не были со временем до конца преодолены маленьким интересным народом, хотя в какие-то периоды и изживались. Невероятные же запахи, преследующие нивхское жилище, в особенности – полуподземного типа, по упоминанию всех путешественников посещающих его, повергали их в великое желание поскорее ретироваться, ибо гнетущий дух этого жилища был просто непереносимым.

И, тем не менее, женщины у нивхов оставались женщинами, и носили на себе разноцветные кораллы, всякие медные побрякушки, а края воротника и рукавов вышивали цветными нитками или чаще – тесьмой. Украшая свои платья, изготовляя сапоги из нерпичьих шкур, оленьи шапки и красиво разукрашивая меховую одежду – кухлянки, в противоположность мужчинам женщины зимой были более заняты, а значит - не так подвержены унынию и безделью.

Что же касается землянок, то как-то в одной из маленьких неприметных бухт Татарского пролива, на материковом северном побережье, я натолкнулся на подобное странное жилище полуподземного типа. Даже не помню, почему я тогда оказался один, однако же, в памяти запечатлелось, что было утро, самое начало мая, и над морем вставало солнце. Времени в распоряжении оставалось немного, мы, видимо, разбрелись по берегу в поисках чего-либо занимательного, и вскоре мне необходимо было возвращаться.

Землянка находилась под отвесной скалой, в тени, и обнаружил я её, когда брёл по мокрой гальке, вдоль прибойной полосы. Странно, что землянка эта очень напоминала алеутскую юрту, которую мне пришлось наблюдать на побережье Берингова моря, в заливе Бристоль…

Углублённое в землю, жилище покрывали согнутые жерди, наподобие китовых рёбер, которые были покрыты дёрном, щепою и засыпаны землёй. Я обошёл землянку и обнаружил, что вход в неё находится сверху, в виде небольшого отверстия, куда вставлено белое, обкатанное морем бревно. Внутри землянка имела форму четырёхугольника, по сторонам сделаны небольшие возвышения, на которых под выгнутой крышей, видимо, и располагались обитатели жилища. Посреди землянки находился очаг, следы его ещё оставались заметны среди нескольких крупных камней, где когда-то готовили пищу. Кстати, алеуты, за неимением дров на севере жгли китовые кости, поливая их время от времени рыбьим жиром. Видимо, в таком углублённом в землю жилище проводили холодное время года – зиму, а летом ставили шалаш. Только кто мог соорудить подобное жилище в наше время, как это было заведено у северных народов, в том числе – и у нивхов, но даже у них сейчас позабылось?!

Теперь все нивхские посёлки располагаются в основном по северо-западному побережью Сахалина, и представляют из себя неприметно залёгшие, вернее даже – вжавшиеся между серым небом и таким же безучастным морем жалкие домишки, сам же берег – повсюду отмелый и, кажется, совершенно пустынный. Мысы, если они и встречаются, - не обрывистые, а сильно покатые, окаймлённые осыхающими в отлив рифами, незначительно выступают в воды пролива… Все они, в отличие от материковых, безлесые, голые, и как будто тихо всматриваются в хмурый берег напротив. В их взгляде нет пристальности – за долгие годы мысы достаточно тщательно разглядели всё, что им нужно, и только по причине вынужденного бездействия не прекращают своего отрешённого наблюдения.

Не верится, что кто-то может жить здесь, даже нивхи… Земля пуста и неприветлива, берег изрезан очень слабо и не образует ни единой бухты, пригодной для якорной стоянки. Многочисленные речки и ручейки впадают в море, и в них по весне, наверное, идёт на нерест немало рыбы, но частые песчаные косы не пускают туда людей. Нужно постоянно жить на этом пустынном берегу с его въедливыми туманами, моросью и ветрами, чтобы хорошо разбираться в особенностях суровой северной природы,

приноравливая её к собственным надобностям, и способны были на такое только нивхи…

Когда-то нивхи действительно жили полной жизнью. Строго отмечали все праздники, не забывая обычаев предков, чтили своих богов и, не желая их рассердить, приносили им дары. Но у всех северных народов, в том числе – и у нивхов, нет понятия – «убить зверя». По поверью, зверей не убивают, а они сами приходят к человеку в гости. Про охотника, добывшего какого-либо зверя, говорят: «онерпился», «оморжился», «омедведился».

Раньше после удачной охоты полагалось выполнить особый обряд. Когда глава семьи приходил с промысла, хозяйка встречала его у порога с ковшом воды. Вначале «поила» убитого зверя, потом пил охотник, а остатки воды выплёскивались в сторону моря, на удачу. С убитым животным были ласковы, его просили не сердиться, бросали в море клок шерсти и кусок мяса, приговаривая: «Ты погостил у меня, теперь возвращайся к себе, но меня не забывай – заглядывай почаще».

Особо почитался у нивхов медведь, в честь которого устраивался праздник. На праздник обычно съезжалось много нивхов. Медведь принадлежал одному хозяину юрты, но он должен был разделить его со всеми. За неделю до праздника все желающие участвовать приносят владельцу медведя кто рыбу, кто нерпу, кто рис. Суть этого праздника состоит в том, что женщины собираются перед клеткой, где сидит медведь, пляшут и поют вокруг неё. Пляска, как и пение, грубы и безжизненны, в них нет радости. Женщины и девицы, одетые в собачьи шкуры, составляют круг и ходят, таким образом, до тех пор, пока не устанут; мужчины в этом не участвуют.

В продолжение праздника никому не дозволяется работать, так что если вы оказались в гостях у нивхов во время проведения медвежьего праздника – сами должны принести дров в очаг, либо воды напиться. Когда женщины утомятся, тогда вдруг выскакивают мужчины и, раздразнив медведя, убивают его рогатинами или с помощью луков. Медведь ревёт, а вся публика поёт в один голос, так что получается несносный гам и крик. Когда медведь убит, с него снимают шкуру и делят мясо. Все усаживаются в кружок, но женщины особо от мужчин, а девицы особо от тех и других, и начинается общее угощение сырым мясом, водкой, рисом и нерпой. Праздник кончается обыкновенно тем, что все напиваются.

Что же касается рыбалки, то в этом занятии у нивхов не было недостатка. Весною в каждую речку в изобилии входила корюшка, она была излюбленным кушаньем у нивхов, и её, конечно, успешно ловили и вялили на специальных сушилах. Их конструкция оказывалась чрезвычайно проста, и состояла из четырёх, примерно трёхметровых, пар столбов, врытых в землю на одинаковом расстоянии один от другого. И уже на них, параллельно друг другу, были уложены продольные перекладины.

Рыба нанизывалась на прутья, связанные попарно, а прутья были перевешаны через шесты, положенные концами на продольные перекладины.

Чтобы рыба не сползала, на конец каждого прута, вдоль него, была насажена целая корюшка, а остальные нанизывались на прут головками сквозь жабры. Свежепойманная и нанизанная на прутья корюшка висела на вешалах до тех пор, пока не провяливалась на воздухе. Потом её связками складывали в амбар, это была еда на зиму.

Нивхи готовили юколу так, как и в старину, но тогда её только вялили, поскольку соли у нивхов не было. Чтобы достать её, они жгли деревья, выброшенные морем. Сожгут их, соберут золу и разведут водой из реки. Зола оседала, а вода становилась солёной. Её и употребляли вместо соли. В старинной деревянной посудине наподобие подноса, из которой ели тюленье мясо, вырезали углубление, в него наливали этот рассол, макали туда мясо и ели.

Что и говорить, способ заготовки и употребление рыбы у нивхов был очень прост, даже – примитивен! Но ведь и рыбы на Сахалине – в достатке: весной – корюшка и сима, идущие на нерест во все ручейки и речки, летом – горбуша, осенью – кета. Чем тебе не рыбное раздолье, и это только представители лососевых, да и то не все: есть ещё тающая во рту чавыча, загадочная нерка и восхитительный кижуч! А форель-каменка, голец, кунджа и ленок, жирный палтус с камбалой, огромная, несущая в себе ведро чёрной икры калуга?!

Рыба на Сахалине, как и на всём Дальнем Востоке, конечно, составляет великое богатство, и у многих северных народов она остаётся основным блюдом, но это не означает, что нивхи отказывали себе в растительной пище, которой на острове – точно такое же великое разнообразие. При посещении нивхских жилищ Крузенштерн отмечал, что не обнаружил мест, где бы разводились огородные овощи, которые у китайцев, например, обыкновенны, и сразу сделал вывод: нивхи пищи из царства растений не имеют вовсе, как равномерно ничего и мясного. Наблюдая рядом с домами нивхов только рыбные сушильни, обильно наполненные рыбой, он потому и склоняется к мнению, что она – их основной источник питания, приготовляемая, к тому же, искуснее камчадалов. Но так ли это верно?!

Много путешествуя в дальнейшем по Сахалину, особенно – в его северной части, я как раз убедился в обратном. Нивхи не только пользуются самыми разнообразными растениями и в сыром и в варёном виде, но ещё и употребляют их для жертвоприношений духам гор, лесов и моря. Например, сарану, её корни, а орехи кедрового стланика идут повсеместно в качестве добавления к пище. В Виахту мне привелось видеть, как нивхи с удовольствием ели кедровые орехи и сухую икру, запивая их чаем. Причём, орехи они ели целиком, не выплёвывая шелухи.

Чай нивхи очень любят и пьют его в любое время дня в большом количестве, особенно – при приходе гостей, а приготовляют его из лишайника лиственницы и ещё какой-то неизвестной мне травы. Когда к нивхам пришёл чай кирпичный или в пачках, они заваривали его до такой

густоты, что донышка не было видно, и пили его, нахваливая, из берёзовых чашек.

Немалое место в пищевом рационе нивхов занимают ягоды, которых на Сахалине с его болотистой почвой и мхами – не счесть. Здесь тебе и брусника, и голубика, и шикша с морошкой, и костяника… А ещё - малина, чёрная смородина и клюква, черёмуха, рябина и, конечно, шиповник, называемый на острове из-за своего крупного размера «сахалинскими яблоками». Ягоды употребляются нивхами в их естественном виде, но и идут в качестве добавки к любым блюдам. Поначалу я думал, что нивхи выдерживают рецепты приготовления пищи в строгих пропорциях, но позже убедился – ягоды смешивают, как придётся, и с рыбой, и с мясом, и с тюленьим жиром, и с печенью сивуча, пользующейся у нивхов особым уважением.

Приготавливая, скажем, студень из сваренных кож кеты, растёртых с нерпичьим жиром, нивхи непременно засыпают в это кушанье бруснику или клюкву, тщательно разомнут их и перемешают, а затем поставят в холодное место, где оно застывает. А то просто сделают толкушу из брусники, разотрут с сухой икрой, зальют всё это водой и варят. Когда кушанье сварится, переливают его в корыто и хорошенько растирают деревянным пестиком. После чего подливают немного тюленьего жира и вновь растирают, размешивают, и уже только потом употребляют в пищу.

Нужно заметить, что в качестве бактерицидного и противоцинготного средства, нивхи никогда не обходятся в еде без черемши – дикого медвежьего лука, как они сами его называют, а также – мяса, печени и жира морских животных. Именно эти продукты, насыщенные витамином С, долгое время спасали северные народы от поголовного вымирания, и мало того – становились постепенно любимым кушаньем. Чаще всего, не имея возможности сохранить мясо морского зверя, нивхи проквашивали его, надолго закапывая в землю, и уже затем с удовольствием употребляли в пищу. Как это ни странно, но именно в таком виде мясо приобретало свойства, защищающие организм от разного рода воспалений, но попробовать однажды предложенное мне подобное блюдо я всё же не решился.

Из морского зверя нивхи добывали преимущественно белуху, на других китов не охотились, а кашалота считали священным животным. Белух преследовали на большой лодке, в которой находилось до десяти охотников. Двое были вооружены гарпунами, остальные являлись гребцами. Гарпун метали в голову кита в момент его всплытия. Раненый зверь уходил вглубь, волоча лодку за собой. Это было не безопасно, и охотники выбрасывали в воду два-три надутых пузыря сивуча в качестве поплавков. У доставленного на берег животного отрубали голову, очищали череп от мяса и вешали на дерево у воды. Голову же бросали в море. Иногда вместо головы обрезали конечность морды, или выкалывали глаза. Делалось это для того, чтобы убитое животное оставалось в неведении относительно убийцы.

При отсутствии основополагающих знаний о Вселенной, нивхи, конечно, впадали в неминуемое заблуждение, и потому за всеми природными явлениями им приходилось ставить живые человекоподобные и иные существа. Нивхи считали, что их остров очень схож с фигурой человека, лежащего на правом боку лицом к материку. В своих легендах нивхи ещё сравнивали Сахалин с нерпой или китом: голова – мыс Марии, подбородок упирается в Охотское море, а ласты – это мысы Анива и Крильон. Нивхи настолько свыклись с этими представлениями, что даже и сейчас, когда речь заходит о каком-нибудь населённом пункте, они пользуются собственной терминологией. Так, например, о севере острова говорят: «На стороне головы…»

У нивхов почему-то было очень развито представление о сближении опрокинутого дерева с человеческим обликом, и оттого вывороченный вверх корень у них ставился как надмогильный памятник убитому чужеродцами соплеменнику, чья душа превращается в кровожадную птицу, ищущую отмщения, и, устанавливая выворотень, нивхи, по-видимому, желали добиться сближения опрокинутого дерева с рассерженным человеческим ликом. Такой корень, должно быть, по мнению нивхов, выражал истинное лицо самого дерева, которое могло рассказать своим родичам о нелёгкой судьбе души в потустороннем мире. Не зря предания нивхов повествуют о том, что произошли они от лиственницы!

Возможно, видя в этом дереве прародительницу, они проявляли к нему особое отношение, считая его родовым. Большое сильное дерево, к тому же, наиболее распространённое на острове, было покровителем, и люди, олицетворяя себя в символах-палочках, прислоняемых во время жертвоприношений к его стволу, искали у него защиты и опоры. Именно из лиственницы нивхи вырезали фигурки животных и людей, способных вместить в себя души живых существ.

Неподалёку от селения, в лесу, обычно располагалось медвежье кладбище, ибо медведь, как известно, почитался у нивхов за святого, а рядом непременно находилось родовое дерево – лиственница. Только в лиственнице, произрастающей на острове в изобилии, окружающей жизнь нивхов повсюду, видели они охранительницу и спасительницу своей судьбы, отчего и пытались её разглядеть в корне этого дерева – его лице. Лиственница, кажется, вмещала в себя души всех живых существ, и нивхи никак не могли обойтись без неё в своей жизни.

Все породы деревьев используются у нивхов для изготовления различных предметов, но преимущество сохраняется всё же за лиственницей… Именно из лиственницы выделывают длинные накладки на верхние края бортов у лодки, и из лиственницы же изготавливают гвозди, которыми прибивают эти накладки. Сначала гвозди, чтобы они подсохли, подвешиваются в жилище подле очага к верхней продольной перекладине, а верхние края бортов лодки, чтобы гвозди хорошо в них вколачивались, распаривают. После этого на край бортов накладывают лиственничные

планки, заранее подогнанные к ним, и просверливают их. Затем обмакивают концы лиственничных гвоздей в тюлений жир и вколачивают их в отверстия, проходящие сквозь планку в борт лодки. Потом из лиственницы делают верхние поперечные распорки для бортов и устанавливают их так, чтобы края бортов удерживались на одинаковом расстоянии. Укладывают в корму специальную дощечку – скамеечку для рулевого. Из лиственницы изготавливают шест и вытёсывают рулевое весло, делают черпак для вычерпывания воды из лодки. Из неё же изготавливают и гребные вёсла.

Если зимние лыжи у нивхов производятся из ели, то весенние непременно из лиственницы. Для лука обычно выбирают рябину, древко стрел – из берёзы, а вот стрелы, употребляемые на медвежьем празднике, из лиственницы. Такое знание древесины различных деревьев – это уже элементы подлинного понимания природы. По-видимому, предки нивхов не хуже знали и свойства камней, из которых они готовили орудия труда, правда, то время, даже для нивхов, давно минуло!

Нивхи плохо представляли себе всё то, что было отдалено от них. Но то, что находилось рядом и оказывалось жизненно необходимым, они изучили прекрасно. В море, омывающем берега острова, в реках, текущих со склонов его гор, в лесах, расположенных на нём, нивхи ориентировались безошибочно, поскольку это знание было обусловлено потребностями их хозяйственной деятельности – рыбалкой, морской и лесной охотой, собирательством.

Нивхи обладали блестящим знанием своей территории. В городах люди привыкли к упорядоченному образу жизни, тем ориентирам, которые дают им возможность безошибочно найти разыскиваемое место или лицо. Однако в море, омывающем берега Сахалина, в реках, текущих со склонов его гор, в лесах, расположенных на нём, нет ни улиц, ни домов с номерами квартир, и, тем не менее, каждый нивх блестяще ориентируется на территории в несколько десятков километров, находящейся неподалёку от его селения… Ведь каждый приметный пункт на ней имеет своё название, по которому он его безошибочно обнаружит, но больше всего удивляет то, что во время охоты на тюленей охотники могут договориться о встрече лодки с лодкой в определённом месте на море, расположенном на одной линии относительно какого-либо места, находящегося на берегу. Разве такое обозначение места встречи на море не замечательно?

Подобное знание помогало нивхам в достаточной степени комфортно обустроить жизнь и иметь возможность спокойно созерцать природу, неторопливо думая о чём-то неизведанном и далёком. Тянуло ли их это далёкое к себе? Может быть, именно неодолимость существующих где-то дальних далей помогала нивхам тщательно и по-мудрому относиться к родной стороне. Но как важно было оставить за ними право самим приблизить к себе, если они того пожелают, бескрайне далёкое и неведомое, сохранив при этом близкое, родное.

Нивхи искренне полагали, что земля родилась из моря. Раньше одно оно только было. Потом шторм пришёл, волны большие поднялись. Волны застыли, и так земля появилась. Откуда бы взяться тогда костям рыб, раковинам, которые часто попадались в горах и в верховьях рек, - думали они.

Всё неведомое и далёкое, при внимательном отношении к нему, оказывалось вполне простым и близким явлением. Объяснение его воцаряло в душах людей гармонию. Благодаря гармонии люди постигали всю мудрость покоя, обретаемого на нетвёрдой грани земли и морского пространства. Грань эта, переливаясь из одного состояния в другое, приоткрывала им на короткое время смысл всего сущего.

По представлениям нивхов, водное пространство являлось живой системой, организованной так же, как и человеческий мир. Они сравнивали море с большим домом, в котором жил седовласый старик или старуха. Это были «жители», или «хозяева», воды. Именно они посылали нивхам косяки рыб и стада морских зверей, чтобы те жили в достатке. В свою очередь, нивхи посылали «жителям воды» гостинцы.

Дважды в год нивхи устраивали большие кормления воды, являющиеся у них крупными родовыми праздниками. Кости животных они, как правило, складывали на настил, изготовленный на морском берегу, развешивали на рогообразных шестах или прямо на деревьях черепа морских львов и белух, смазанные едой, а также табак, юколу и чудодейственную траву. До совершения обряда кормления нельзя было ловить рыбу и спускать лодки на воду. Посылая гостинцы во время кормления, они поддерживали с «хозяином воды» добрые отношения. Тот, в свою очередь, посылал косяки драгоценных лососевых рыб. Таким образом, жители земли и «жители воды» находились в постоянной связи, а ведь именно на границе природы и человека нужно искать истину. По крайней мере, где-то совсем рядом, может быть, в самом себе, уже увидевшем её не однажды, но ещё не открывшем в своей душе достаточной глубины.

Надо, наверное, обладать невероятным воображением, чтобы представлять себе Вселенную живой: и небо, и землю, и море, которое всё время дышит. Когда идёт отлив – оно вдыхает в себя воду, когда прилив – выдыхает её. Мне хотелось воспринимать всё окружающее подобно нивхам, и, находясь на Сахалине, у самого моря, я силился почувствовать душу всего живого…

За исключением немногих сохранившихся привычек теперь весь уклад жизни аборигенов островного края претерпел, конечно, существенные изменения. Принято считать, что именно влияние русской культуры, более сильной и могущественной, привело к почти полному вытеснению из повседневной жизни традиционных бытовых предметов и утвари нивхов. Но вопреки распространённому мнению, думается, однако, что столь

незавидную роль своеобразному северному народу уготовило, скорее всего, русское бескультурье, вполне знакомое всем нам.

Оказавшись однажды в посёлке Виахту, славившегося тем, что в советские времена в нём располагался оленеводческий совхоз-миллионер, меня поразили горы оленьих выцветших рогов, бесхозно валяющихся под открытым небом. Они никому не были нужны, а между тем я отправился на север Сахалина и за ними тоже, даже не предполагая, что рога совершенно доступны, да ещё в таком количестве. Ценный природный продукт пропадал почём зря, и мне стало как-то неловко от увиденного, хотя местных жителей подобное положение дел, кажется, вполне устраивало, никто не обращал на рога внимания, будто их и не было.

Остановив проходящего мимо пожилого, сухонького нивха и осведомившись у него – к кому стоит обратиться насчёт этих самых рогов, нивх только в сердцах отмахнулся от меня и тотчас исчез. Подойдя к выбеленной дождями и ветрами груде того, что когда-то представляло гордость и силу чудесных животных, я ещё раз поразился количеству рогов. А ведь это была ни единственная пирамида, неподалёку виднелась ещё одна и, я уверен, при желании нашлась бы и другая, ибо во всём обустройстве посёлка, а вернее – отсутствии такового, чувствовался полный разлад и развал.

Взяв в руки пару рогов, я осторожно ударил ими друг о друга и они от этого сухого стука зазвучали неожиданно бархатно, даже чуточку тревожно. И сразу будто загудела неведомая старинная жизнь, богатая большими событиями в жизни маленького народа… И взволнованно забилось в груди сердце, представляя себе прекрасное былое этих северных людей, живущих когда-то в удивительном согласии с собой и окружающим миром.

Когда-то нивхи действительно славились как отличные оленеводы, охотники и рыболовы, ведь жизнь их напрямую была связана с природой… Но постепенно умение это утеряло свои качества и из внутренне организованного народа, живущего в согласии с окружающим миром, нивхи постепенно превратились в никчёмных жалких людишек, вынужденных прозябать в лесу у моря без настоящего дела. Вот и олени все повывелись, вернее – их поголовно перекололи, потому, как пастбища были порядком подорваны из-за неразумного пользования островом, в первую очередь, русских людей, осуществляющих добычу угля, газа и нефти.

Правда, несколько лет назад осуществлялась попытка восстановить кормовую базу для оленей, перегнав их с одной части полуострова Шмидта, где наличие ягеля было окончательно подорвано, на другую – ещё более менее благоприятную в этом отношении, для чего через весь полуостров, с севера на юг, был возведён деревянный забор. Этим сомнительным предприятием занялась по просьбе нивхов какая-то неизвестная бригада бичей, подвизавшихся на подобную афёру, видимо, из побуждений собственного отчаянного положения и уж никак, конечно, не из стремления повысить оленье поголовье, а учитывая протяжённость необходимого

заграждения и суровые погодные условия северного Сахалина, дело это развалилось, не успев завершиться. Свирепствующие над островом циклоны и тайфуны постоянно заваливали забор, к тому же, этому способствовали в большом количестве обитающие здесь медведи. Видимо, новшество это не пришлось им по вкусу, поскольку ограничивало территории их передвижений, и вскоре деревянное сооружение основательно было разрушено, в чём мы воочию убедились, когда пролетали над полуостровом на АН-2, завершая своё экспедиционное продвижение с юга острова на север. Словом, оленеводческое дело заглохло у нивхов где-то к 70-м годам прошлого столетия, сами они были расселены по нескольким северным посёлкам – Ноглики, Трамбаус и Виахту, что и вовсе связало им руки.

Несколько оленей нам всё-таки удалось увидеть. Правда, не в посёлке, а в лесу. По-видимому, это были одичавшие олени – остатки от тех огромных стад, которые нивхи когда-то перегоняли по полуострову Шмидта. Олени эти были малы ростом, довольно смирные на вид и с кроткими, большими чёрными глазами. Они передвигались короткими робкими перебежками, и замирали настороженно между островками стланика.

Сложены олени были очень стройно, и в малейшем движении их угадывалась былая связь с человеком. Нечто пугливое застыло в глазах животных, кажется, навсегда, и даже не верилось, что осенью головы их украсят ветвистые рога, высотой почти до метра, а весом – до пуда. Под такой тяжестью небольшая голова оттягивается книзу, давая красивый изгиб шеи полукругом вогнутым вниз. Зимою рога покрываются кожей с бархатистой невысокой шерстью, а к весне они линяют и шерсть, лоскутами свисая с них, местами окровавливается. Рога постепенно обламываются, пока не теряются полностью…

Разговорившись с одним нивхом по имени Найтан о том, как бы раздобыть свежие оленьи рога или нерпичью шкурку на обивку охотничьих лыж, нивх долго нахваливал свои рыбацкие подвиги. Разнообразными жестами давая понять – какой он удачливый охотник и за морским зверем тоже, нивх уверил меня в этом полностью, и, выпросив денег на какое-то неотложное по его словам дело, связанное, несомненно, с добычей зверя, в самом приподнятом настроении удалился. Появившись через пару дней с пустыми руками, да ещё порядком подвыпивший, весь в репье, Найтан в искреннем изумлении заключил: «Я посол на нерпуску, а она не посла!» После чего, с виду сильно раздосадованный приключившейся с ним незадачей, он покинул моё временное обиталище, коим оказалась заброшенная местная больница.

Раньше, чтобы проявить себя умелым и бесстрашным охотником, нивх несомненно показал бы все свои самые наилучшие свойства, неважно – необходимо ли добыть нерпу или догнать соболя, но все эти умения давно ушли в прошлое, ибо сейчас среди нивхов главенствуют лень и беспечность. Надо бы наловить идущей на нерест рыбы, чего уж проще, но отнял нечистый всякую охоту делать и это, и лучше оставить всё как есть:

полуголодный образ жизни куда более приемлем, чем каждодневный упорный труд. А уж системный труд, как-то – обработка земли и выращивание сельскохозяйственных культур, совершенно чужд нивхам. Вот во что за короткий срок превратилась маленькая северная нация, столкнувшаяся с полным равнодушием к своей судьбе более могущественного соседа…

Нужно заметить, что на лицо нивхи отчётливо напоминают монгольский тип. Разрез глаз у них не такой косой, как у тунгусов, верхнее веко не совсем нависает и скулы выдаются не очень резко. Лицо плоское, нередко с длинным носом, надбровные дуги высоки, глазные же впадины неглубокие. Цвет кожи грязно-коричневый, а не жёлтый, как у китайцев, и оттого даже самое чистое лицо производит впечатление немытого.

Нивхи низкорослы, походка вялая, даже какая-то равнодушная ко всему, если можно так сказать. Словом, во всей фигуре нивха ощущается явная придавленность какого-то невероятно озабоченного человека, проводящего всю жизнь в тяжких трудах и заботах, что ему, в свою очередь, явно не по нутру. И вот от этой душевной раздвоенности в собственных желаниях и жизненных обстоятельствах, черты лица, помимо воли и сознания их обладателя, по-видимому, и унаследовали некую отрешённость, равнодушие ко всему окружающему. Гуляя по посёлку и общаясь с нивхами, я не раз отмечал для себя, что даже сквозь бодрое расположение духа, глаза и лица их выражают обратное.

В возбуждённое состояние нивха способно привести только вино, брага, либо одеколон, словом – любая спиртосодержащая жидкость, между ними он не видит особой разницы, а так же ожидание скорой выпивки. В тот день как раз должны были завести коньяк, и нивхи уже с раннего утра подтягивались к магазину со всего посёлка, оживлённо переговариваясь, так что я никак не мог разобрать – шутят они или на самом деле бранятся? Меня они как будто не замечали, словно я отсутствовал, и такое невнимание мою персону несколько озадачило.

Впоследствии оказалось, что равнодушие, которое я испытывал к себе со стороны нивхов, было на самом деле притворно. Нивхи вежливо отвечали на моё приветствие, даже с некоторой непринуждённостью, будто выказывали мне честь, но не высокомерно, и, не проявляя каких-либо признаков замешательства или любопытства, как ни в чём не бывало продолжали своё занятие. И всё-таки, я заметил, бегло поглядывали на меня, тихонько и беззлобно над чем-то подсмеиваясь, а когда я остановился и присел рядом на ступеньках ещё закрытого винного магазина, лица их тотчас приобрели озабоченное выражение и они серьёзно спросили: кто я и откуда?

Я ответил, что путешествую, после чего нивхи сразу окрестили меня «геологом». Весь мой внешний вид – штормовка, брезентовые штаны и болотные сапоги, вероятно, располагал думать именно таким образом, и я не стал переубеждать их в обратном. А с нивхов при этом сразу слетела всякая вежливость, они все залились захлёбывающимся смехом, так что я поразился

присущей им открытости и доброму нраву. Нивхи совершенно преобразились…

Несколько раз они пытались по какому-то непонятному мне поводу подзуживать надо мной, занятно горячились при этом, и заливистый смех их то и дело повторялся. Заметно было, что нивхи предвкушают скорое удовольствие, отчего все чувства их выступали наружу, и выглядели они очень наивно. Впрочем, именно эта их черта меня невольно очаровала, я пытался поддерживать наш светский разговор, и тоже стал вместе с ними смеяться, желая расположить нивхов к себе. Через какое-то время я заметил, что у меня это получилось…

Вино всё не привозили, ожидание затягивалось, и вскоре один из нивхов, отчего-то наиболее расположенный ко мне и возраст которого я никак не мог определить, неожиданно предложил мне в подарок … свою жену. Их у него, оказывается, было семь! Он дружески похлопывал меня по плечу, цокал языком и восторженно убеждал, что без этой жены мне никак не обойтись, а на мой недоумённый вопрос: «Да зачем мне она?», с самым серьёзным видом разъяснил: «Однако, Фимка, очень хоросий жинка! Печурку топит, дровишки колет, рыбку вытассит… Бери, геолог, не позалеес!» И я вдруг понял, что прежде, чем отказаться, нужно хорошо подумать.

Не желая расстраивать подобного сердобольства, и более, конечно, для виду, я пообещал Пильтуну, так звали нивха, подумать, чем вновь вызвал его неподдельное возбуждение и заверения, что жалеть мне ни о чём не придётся. «Осень-но будет хоросо, - утвердительно подытожил Пильтун. – Скусная бабёнка. С тебя, геолог, флаконсик!» И опять захлебнулся в хохоте, показывая на меня всем окружающим нивхам своим заскорузлым пальцем.

Когда, наконец, магазин открылся, мне привелось стать свидетелем того, чего лучше было бы не видеть. Маленькие, вполне занятные люди, которые совсем недавно начинали казаться мне даже симпатичными, люди, обладающие древними традициями, интересной историей и прошедшие немалые испытания в освоении ими суровой сахалинской земли, вдруг превратились в нечто невообразимое: они озверели…

Сгрудившись у самого входа, нивхи устроили такую толкотню, что никому из них не удавалось протиснуться вовнутрь. Они натужно кряхтели, сопели, изредка выкрикивая что-то обидное в адрес друг друга, кто-то принимался даже душить находящегося впереди соседа, стремясь любыми способами занять его место, и всё это происходило, в общем-то, с радушным в своём быту народом, которому всегда было за удовольствие доставленная гостям любезность. И всё-таки сила вина оказывалась для нивхов несказанной!

Многие путешественники и этнографы, описывая быт и нивхов, и других северных народов, приходят к единому мнению, что мирные и доверчивые по своей сути племена, благодаря чему их всегда легко эксплуатировали закупщики пушнины, под воздействием алкоголя начисто

теряют доброжелательный облик, да и вовсе человеческий. И повинна в этом их природная чистота, которая не допускает пагубного вмешательства в сознание последствий употребления спирта, когда он действует просто разрушающе.

К подобной невесёлой обстановке дела подвигло нивхов, конечно, отсутствие территорий, на которых они раньше рыбачили и охотились, невнимание к ним должным образом руководства области, сосредоточенного в руках русских. Советская власть, с одной стороны, наделила нивхов многим, чего у них никогда не было, да и, наверное, не появилось бы в будущем, без чего им нелегко было бы существовать. Но и то верно, что она ограничила свободу маленького народа – может быть, главное, чем он обладал до столкновения с русской цивилизацией, а взамен ничего достойного не предложила. Мало того, она ещё и отняла право на самоопределение, подчиняя неокрепшее сознание людей, всю жизнь связанных с природой, техническому вмешательству, далеко не продуманному, грубому и несовершенному…

К этому следует добавить и общие условия быта нивхов, ведущие если не к вымиранию, то к постоянным болезням: потере зрения, слуха, умственным ослабленным способностям и общей утрате организмом своих защитных функций. Грязь, с которой я столкнулся в стойбище, представилась мне невероятной. В месте, где сушилась юкола, вся земля была покрыта живыми, шевелящимися личинками, в самом жилом помещении невозможно было продохнуть от скопившегося смрада, а уж нахождение в нём ограничивалось несколькими мгновениями, после чего хотелось поскорее выскочить наружу. Положение отчасти спасали охапки наломанной пихты, используемые в качестве половиков при входе в жилище. Тщательно растирая их ногами, добивались распространения в воздухе невидимых паров фитонцидов, отчасти очищающих перенасыщенную естественными, но никак не удаляемыми отправлениями атмосферу.

К нечистоплотности следует добавить частые голодания, однообразную пищу – в основном, вяленую рыбу, скученность в проживании, послеродовые хронические заболевания у женщин, неимоверно расшатывающих их здоровье. Во всём образе жизни нивхов, лишённых своих исконных территорий и занятий, и оттого, по-видимому, просто опустивших руки, ощущалось какое-то общее неблагополучие, невероятная внутренняя надломленность. Свою лепту в эти тлетворные условия вносили также ранняя половая жизнь и курение.

Женщин в среде нивхов всегда было меньше, чем мужчин, и уменьшению этому способствовал трудно искоренимый обычай, по которому женщине запрещалось рожать в юрте или доме, так как они после этого становились нечистыми, и продолжать в них жить уже было нельзя. Поэтому женщины рожали в специально сооружённых шалашах, легко продуваемых и не защищённых от холода. Ко всему прочему, недостача женщин нередко вела к случаям купли себе жены, когда она ещё находилась в детском

возрасте. Такую жену нивх брал себе в дом и с наступлением у неё половой зрелости начинал с нею сожительствовать. Но трудно сказать – когда этот муж определял половую зрелость своей жены.

Ну, а что касается курения, то оно безжалостно съедало и мужчин и женщин. Причём, увидеть пожилую нивхянку с дымящейся трубочкой было более вероятно, нежели мужчину. Мужчины, особенно холостая молодёжь, начиная с детства, всё-таки склонялись к занятию разного рода состязаниями, и одним из самых распространённых были прыжки. Главный фокус заключался в том, что присев на корточки, без разбега нужно было прыгнуть на возможно большее расстояние, но опускаться только на одну правую ногу; не останавливаясь, ею же сделать ещё два прыжка, и последний – уже опустившись на обе ноги. Чем большее расстояние удаётся забрать таким манером, тем лучше.

Но всё реже можно наблюдать у нивхов игры и традиционные праздники, главным из которых остаётся медвежий. Порядок его прохождения выше уже описывался, и если кратко повторить суть праздника, то заключается он в следующем… Пойманный небольшим, медвежонок вскармливается/преимущественно рыбой/, и содержится до 3-5 лет в особо сложенной из накатника крепкой клети. В день праздника, приблизительно в конце декабря, его выводят на двух цепях, привязанных к ошейнику, причём, каждую цепь держат несколько мужчин. Женщины в это время колотят в чашки и поют, и под звуки этой музыки кто-нибудь из выбранных мужчин, как правило, им оказывается всеми уважаемый гость, стреляет в медведя из лука. Очень важно убить медведя первой стрелой.

На этот праздник съезжаются гиляки из всех ближайших стойбищ и обычно празднуют столько времени, за сколько удаётся всего медведя съесть. Но в последние годы отношение к строгому исполнению всех традиционных канонов этого знаменательного для нивхов события изменилось: сильные звери, от отсутствия соответствующей заботы, заметно захирели, меткие стрелки как-то постепенно перевелись, так что приходилось стрелять из лука по нескольку раз, а то и добивать зверя ножом, вилами или, того хуже, чему я сам был свидетелем, из ружья… Само отношение к празднику, настроение людей значительно упало, всё происходило без должного задора, будто из-под палки, и всё чаще – в изрядном подпитии… Попойка, вообще, стала выходить в сравнении с другими событиями в жизни нивхов, на первое место, оттесняя и свадьбу, и удачную охоту, и проводы соплеменников в иной мир.

В селе Некрасовка, где проживало немало нивхов, так же как и в Виахту, быт их был порядком запущен. Одно посещение кладбища, с захоронениями уже на русский манер, меня сразило. Не знаю, было ли такое отношение к умершим исправлено позднее, но во время нашего пребывания в Некрасовке, а происходило это в 1985 году, кладбище нивхов было превращено в свалку. Даже могилка единственного Героя социалистического труда – Пойтана Чайки, знатного оленевода, оказалась

совершенно запущенной, вся в мусоре, и это несмотря на то, что вокруг царило великолепие сахалинской природы – густые заросли стланика, чистый белый песок, высокие сосны и синее море… Казалось бы, что мешает обустроить свою жизнь, привнести в неё уют и порядок, но неумолимая ржа равнодушия разъедает любое желание, когда оно ещё даже не успевает зародиться.

Раньше кладбища у нивхов располагались на береговой высокой террасе, поросшей лиственницей и стлаником. Так уж выходило… И как раз на границе такого небольшого лиственничного леса и открытого пространства, устанавливались надмогильные домики нивхов – рафы. Подобные домики мы обнаружили в заброшенном посёлке Уанди/ жителей к этому времени успели переселить в Виахту и Трамбаус/, и по полусгнившим сооружениям было видно, что место это нивхами давно не посещалось.

По обычаю, надмогильные домики устанавливались на месте сожжения умершего, а вокруг домиков на земле раскладывались самые разнообразные вещи, по представлению нивхов, необходимые человеку в мире мёртвых: металлические части ружей, домашняя утварь – чашки, блюдца, тарелки. Назначение надмогильных домиков – вполне определённое: в них душа умершего должна была найти приют на какое-то время, обычно короткое, пока она не соберётся в дорогу и не дойдёт до селения мёртвых. А если ещё не собралась – она нуждается в определённых предметах, заботливо оставленных родичами умершего соплеменника.

Предметы эти, кстати, намеренно повреждаются, на донцах чашек, к примеру, делаются отверстия… Только в таком случае умерший мог взять вещи в селение мёртвых. Ломали даже нарту, на которой привозили умершего, а во время сожжения убивали несколько приведённых специально собак, тут же совершалась и трапеза. После сожжения сородичи ходили на это место три-четыре дня. Проводы души в селение мёртвых, как правило, устраивали через 3-6 месяцев после сожжения, обычно в осеннее время. Одних провожали через небольшой промежуток времени, а других чуть ли не через год. Это зависело от характера и образа жизни умершего. Считалось, что прежде, чем отправиться в мир мёртвых, он должен посетить все места, где бывал до смерти. Подсчитав приблизительно, когда он вернётся назад, устраивали церемонию проводов души покойника. В это время изготовлялся родовой надмогильный домик «раф», если раньше его не было, а также вырезалась из лиственницы фигурка умершего.

Похоронный обряд, при котором ставился надмогильный домик «раф», осуществлялся нивхами в случае смерти от болезни или старости, а так же при самоубийстве. Во всех случаях нивхи сжигали трупы, и этот обряд очень стойко сохраняли. Вплоть до начала 20 века такой обычай соблюдался почти повсеместно, за редким исключением – когда некоторых умерших хоронили в сидячем положении без гроба. По утверждению самих нивхов сжигались обыкновенно правдивые, справедливые люди, а хоронили тех, кто отличался плохим поведением в жизни.

Ещё у нивхов было заведено так называемое «воздушное» захоронение, касающееся только годовалых младенцев. Тельца их заворачивались в бересту и оставлялись на ветвях деревьев, повыше от земли. Считалось, что так души ещё не живших толком детей не успеют уйти в царство мёртвых, а вернутся в утробы своих матерей.

Везде, и в Некрасовке, и в Виахту, и в Трамбаусе с Ногликами у нивхов на лицо во всём просматривается ужасающий упадок… Давно уже нет крепких нивхских селений, налаженной охоты за пушным и морским зверем, на вылов рыбы наложен запрет, а тот лимит, что допускается – вызывает лишь горькую усмешку. Среди маленького народа царит великая распущенность вплоть до кровосмешения, что порождает бесчисленные хвори. К наличию причин, болезненно влияющих на быт нивхов можно отнести и постоянную близость собак, и частые травмы, но обстоятельства не позволяют им воспользоваться возможностью подлечиться, местные же врачи отсутствуют, а та медицина, что представлена у нивхов в лице шаманов – не в силах сдержать многочисленные эпидемии, к которым очень подвержены, вообще, все северные народности.

Нивхов долгое время развращали русские: спаивали водкой, выменивая у них задёшево ценные шкурки пушных зверей, а во времена сахалинской каторги додумались приглашать их к участию в поимке беглых, причём, за каждого убитого или пойманного беглого положено было денежное вознаграждение, либо платили водкой. Начальник острова – генерал Кононович приказал даже нанимать гиляков в надзиратели…

Всё это, в конце концов, и породило в среде нивхов нежелание следить за организацией собственной жизни и своих близких, когда лень отнимает охоту добывать даже разрешённый десяток лососей, а на всю семью – единственную нерпу. И вот тут ты вдруг сталкиваешься с прямой противоположностью тому, что говорят и делают взрослые: их детьми… Вечно улыбающиеся, доброжелательные, любознательные, они, кажется, явились сюда, на север Сахалина, из другого времени и мира, которого однажды не получилось у нивхов сделать здесь.

Мальчишки у нивхов – самый весёлый народ. Все они очень миловидны, почти как девочки. Пухлые их личики и раскосые глазки озорно улыбаются, но худого в себе ничего не несут и унынию не поддаются, несмотря на то, что постоянно видят рядом пьянство и разнузданность в поведении старших, когда мать живёт со старшим сыном, а отец – с дочерью. Грязь эта, по-видимому, пока их не коснулась, и души малышей остаются какое-то время чистыми для будущей, неизвестной им ещё жизни.

Северный посёлок поразил нас своим светом, излучаемым соснами и чистым белым песком, в котором вольготно валялись лайки. Но более всего запомнились именно нивхские ребятишки, очаровательным образом воспринимающие окружающую жизнь. Они просто добавили солнца в эту удивительную северную природу, где солнечные дни – редкость, а всё больше задувают ветра, и на посёлок наползают с моря промозглые туманы.

Подкупающее обаяние нивхских мальчишек проявлялось во всём, вплоть до обычного приветствия, которое выходило у них с неподкупным задором, очень радостно. Своеобразие их жизненного восприятия проявлялось в каждой мелочи, например, в отношении к таким забавным и, казалось бы, совершенно не пригодным ни для чего зверькам, как бурундуки. Но взрослые, ещё несущие в себе уроки стариков, всё же нашли им мудрое применение и превратили их в воспитательную игру для своих детей.

Там, где мы работали, необъятные заросли кедрового стланика подступали к самому морю и изобиловали множеством бурундучков, что то и дело сновали под ногами, забирались в наше жилище, словом, не давали никакого покоя. И хотя мы к ним достаточно привыкли и иногда они нас даже развлекали, зверьки всё же порядком надоели. Терпение наше лопнуло, когда бурундуки за одну ночь перетаскали из нашего ледника почти всё сливочное масло, которое хранилось в большой картонной коробке.

Ледник мы выкопали в кустах стланика прямо за палаткой, положили туда, помимо масла, недавно попавшую в сети калугу и ведро её чёрной икры, но бурундуки из всего этого богатства выбрали именно масло, которое, по-видимому, легко было откусывать и прятать в защёчные мешочки. А поскольку зверьков в прибрежных лесах обитало неимоверное количество, им не составляло особого труда довольно быстро разделаться со всеми нашими запасами, если бы мы вовремя не спохватились. Масло бурундучки старательно припрятали в свои норы, вернуть его уже не представлялось возможным, и, таким образом, на два ближайших месяца наш завтрак значительно оскудел.

Но бурундуки на этом не успокоились. У входа в палатку стоял внушительных размеров мешок с горохом. Как-то после обеда, когда мы отдыхали, бурундук показался перед отдёрнутым пологом очень осторожно, как будто оценивая обстановку, и удостоверившись, что всё спокойно, ловко нырнул в мешок. Пошурудив в нём какое-то время и набив полные щёки, бурундук незаметно выскользнул, но вскоре опять появился.

Утащив определённую порцию гороха, он тщательно умывался на улице, охорашивался и после небольшой паузы отправлялся к нам в палатку за новой порцией. По тому, как часто появлялся зверёк, можно было предположить, что у нас под боком орудовало целое семейство. Все бурундучки были очень похожи и одинаково мило вели себя, думая, что их никто не видит. Но однажды мы решили изловить хотя бы одного, и у нас это получилось.

По всей вероятности, бурундук привык, что он никому не докучает, никто его не преследует, и он может преспокойно заниматься своим делом. Забравшись в мешок через прогрызенное им отверстие, бурундук на короткое время притих, а потом зашебуршал, тихо затрумкал, и когда он стал выбираться, мы его уже ждали. Прихватив бурундучка за задницу, я попытался вытянуть зверька наружу, но он так набил свои защёчные мешочки, что голова его застряла в маленькой дырке. Больше всего

насмешило то, что в дырке застряли щёки бурундука, до отказа набитые горохом…

Так вот приручение бурундуков нивхами было основано на имитации их спасения. Зверьков вначале топили, несколько раз окуная в воду, а затем пристраивали за пазуху, согревая своим теплом, обещая, тем самым, в последующих взаимоотношениях заботу и ласку. После этой весьма неприятной для бурундучков процедуры они становились искренне, насколько это возможно, привязанными к своему спасителю.

Зверьки без устали сновали по карманам мальчишек, лущили кедровые орешки прямо у них на плечах, забирались под рубашки, словом, чувствовали себя совершенно свободно, не собираясь покидать нового прибежища, вполне их устраивающего. Даря, таким образом, своим детям маленьких забавных друзей, нивхи подвергали их души испытанию, и это было очень правильно: друга, пусть даже такого маленького и беззащитного, обретаешь только согрев своим теплом, к тому же, ты за него теперь в ответе, а потому обязан заботиться и оберегать.

Как мудро могли жить нивхи, а на деле порой начинало казаться, что они так ничего и не поняли из огромного опыта жизни, оставленного им предками, или просто утеряли однажды обретённое. Русская и японская колонизация принесли в среду нивхов много не существовавших ранее пороков. Так получилось, что разорение и полную кабалу им обеспечило и товарное хозяйство. А сами нивхи, не в силах сопротивляться пришедшим в их жизнь переменам, довершили развившееся общее неблагополучие: они утеряли собственное лицо, своеобразный колорит жизни, когда можно было так радостно существовать в согласии с собой и окружающей природой, но у них не хватило для этого ни сил, ни рассудка…

Маленький и чистый когда-то народ, как и любой другой, не должен был страдать от чужого несовершенства. Всё, что требовалось от русских, это поддерживать мудрое соседство с нивхами, основанное, в первую очередь, на невмешательстве в их быт и предоставлении независимому народу самому выбирать свой путь. А как здорово и надёжно, наверное, выстраивали нивхи когда-то свой мир! И разве имел кто-нибудь право ограничивать их в этой чудесно предоставленной им природой возможности?

Вынужденная неизбежность кое-как существовать на глазах у совершенно чужих тебе людей и среди чужих, непривычных вещей – вот что потрясало в быте нивхов. Она, эта неизбежность, почему-то не поддавалась объяснению. Убивала тянувшаяся изо дня в день череда несправедливостей, в какую был ввергнут своеобразный народ, постепенно превратившийся в равнодушную людскую массу.

Долго я не мог понять, что даже среди всего чужого можно отыскать близкое и нужное тебе, если не замыкаться только на собственной душе, но разве способны были на это внутренне неподготовленные нивхи, не имеющие каких-либо иных жизненных примеров кроме своего? И как трудно

было оставаться в ладу с собой, когда тебя лишают самого дорогого! Нивхи не были готовы к такой сложной душевной работе.

Зачем жили они, если им, как и многим другим народам, пришлось однажды уходить насовсем?! Неужели только затем, чтобы в ком-то оставить о себе изредка подступающую к сердцу боль или наваливающуюся в редких снах обездоленную память? Память об их блеснувшей когда-то жизненной удаче, впрочем, оставляющей под сомнением собственное бессмертие. Но в памяти этой, наверное, заключалось накопленное знание нивхов о себе, как оправдание их неминуемого исчезновения.

Многие поколения маленького народа трогательно поклонялись неизведанному, может быть, только в необозримом для себя будущем надеясь на истинное возрождение, и умирали… А происходило это на удивительном острове, который, в отличие от людей, никогда не оставался к ним равнодушен, пристально вслушиваясь и вглядываясь в быт народа, не по своей воле утерявшего связь и с морем, и с землёй. Я тоже находился на этом острове – в царстве, где господствовала воля древних нивхских богов, и это ужасно приятно было сознавать.

«ИОНА»

Остров Ионы расположен в 175 милях к востоку от залива Аян в северо-западной части Охотского моря. Хотя скалистые склоны острова почти лишены растительности, и только кое-где на них заметны небольшие пятна травы или кедрового стланика, издали он выглядит большущим стогом сена высотой в 150 метров. Берега острова круты, местами – почти отвесны, но с западной стороны в море выступают небольшие скалистые мыски, между которыми имеются узкие пляжи из песка и гальки, служащие лежбищами для нерп и сивучей.

В ясную погоду остров Ионы открывается с расстояния двадцати миль. При подходе к острову на расстояние полутора миль слышен вначале неясный, а затем всё более усиливающийся рёв сивучей. По мере приближения к острову, к этому сплошному рёву, в котором уже можно различить крики отдельных зверей, прибавляется шум, издаваемый множеством птиц. Летом остров обычно закрыт туманом и необходимо задолго до приближения к нему начать осуществлять измерение глубин, поскольку вокруг острова разбросаны многочисленные надводные камни, достигающие порой в высоту двух и более десятков метров.

Кстати, гомон островных обитателей для плавающих в этом районе судов – своеобразный «сводный хор», вернее – опознавательный знак, по которому не трудно определить местонахождение небольшого острова. Ведь постоянные туманы здесь – явление обычное, и в любое время года они укрывают остров от любопытных глаз.

Скупая статистика «Лоции Охотского моря» совершенно точно отображает положение этих достаточно суровых морских мест. Странно только, что именно здесь, чуть севернее Шантарских островов, в царстве вечных туманов, холодных течений и льдов, обрёл свой покой небезызвестный пророк Иона, предстающий перед взорами моряков в лице маленького скалистого островка. Незадачливый пророк, ослушавшийся самого Бога и за то угодивший во время морской бури в чрево кита, где он провёл три дня и три ночи, был, наверное, действительно схож с одиноким островом, когда-то возникшим посреди Охотского моря, и, должно быть, именно поэтому последний был наречён однажды Ионой…

К слову будет заметить, мог ли кит действительно проглотить Иону? На многочисленных рисунках, иллюстрирующих этот библейский миф, в качестве проглатывающей Иону «рыбы» изображён огромный синий кит – самое крупное в мире животное. На самом же деле через горло синего кита может пройти лишь маленькая рыбёшка, в основном же эти гиганты питаются крилем – мелкими креветками. Более подходящей кандидатурой на роль проглотившей Иону «рыбы» был бы кашалот: китобоям не раз приходилось наблюдать, как загарпуненный кашалот в огромных количествах изрыгает недавно проглоченную пищу и однажды так был

извергнут гигантский кальмар длиной 3 метра и весом более 200 кг. Таким образом, в горле и желудке кашалота вполне может свободно поместиться «взрослый» человек.

Если бы таковой на самом деле оказался в утробе кашалота, желудочный сок животного, разумеется, доставил бы проглоченному неудачнику массу неприятностей, хотя действие его вовсе не смертельно. Кит не может переварить живое существо – иначе бы он переваривал стенки своего собственного желудка, чего, естественно, не происходит.

Возможность быть проглоченным китом оставалась бы, наверное, устрашающим и маловероятным событием, скорее даже – мифом, если бы не приключившиеся на самом деле случаи, описанные очевидцами, к которым, впрочем, можно относиться и скептически. Одно из нападений кашалота на человека зарегистрировано в 1891 году, когда судно «Звезда Востока» находилось на промысле китов в районе Фолклендских островов. Дозорный на мачте заметил большого кашалота в трёх милях от корабля, на воду спустили два вельбота, и через короткое время одному из гарпунёров удалось ранить кита. Второй вельбот также приблизился к киту, но был отброшен ударом хвоста, причём, один из двух китобоев с этого вельбота утонул, а второй исчез. Исчезнувшего матроса звали Джеймс Бартли. Кашалота убили, и через несколько часов он уже был привязан у борта судна. Китобои занялись срезанием с туши подкожного жира. Они работали весь день и часть ночи. На следующее утро они извлекли желудок кита и подняли его на палубу. Моряки с ужасом заметили, что желудок шевелится; вскрыв его, они обнаружили пропавшего товарища, который лежал, скрючившись, и уже не подавал признаков жизни. Его положили на палубу, обмыли морской водой и привели в чувство. В течение двух недель пострадавший бредил. К концу третьей недели он полностью оправился от потрясения и вернулся к исполнению своих обязанностей.

Ещё об одном «проглоченном» сообщает Эгертон И. Дэвис, корабельный врач, который в 1893 году охотился на тюленей в районе Ньюфаундленда. В 1947 году, будучи уже весьма пожилым человеком, он писал: « Одному парню с другого судна не повезло: его унесло на отколовшейся льдине, а после он, на глазах у своих товарищей, свалился в ледяную воду, рядом с огромным кашалотом. Кашалот был явно раздосадован и озадачен внезапным появлением флотилии; было очевидно также, что он случайно оказался в полярных водах в такое время года и чувствовал себя здесь неуютно. Кит проглотил несчастного пловца и тут же направился к одному из небольших судов. Удачный выстрел из небольшой пушки, установленной на корме этого судна, смертельно ранил огромное млекопитающее и заставил его изменить курс; кашалот проплыл ещё мили три и забился в агонии. На следующий день его нашли плавающим кверху брюхом, и хотя разделать тушу не представлялось возможным, охотники много часов мужественно трудились, стараясь добраться до огромного, наполненного газами желудка кашалота, в котором они надеялись найти тело

своего товарища. Отделив желудок от двенадцатиперстной кишки, они доставили его мне, думая, что я извлеку, осмотрю и сумею забальзамировать тело, чтобы его можно было отправить на родину погибшего – в Ардженшию, на остров Ньюфаундленд.

Сначала я попытался вскрыть желудок скальпелем, но очень скоро сменил его на тесак, принесённый с камбуза. Наконец, желудок был вскрыт, отчего кругом распространилось ужасное зловоние, впрочем, не более ужасное, чем зрелище, представшее нашим взорам. Грудная клетка молодого человека была раздавлена, по причине чего, вероятно, и наступила смерть. Однако самые поразительные изменения обнаружились на коже жертвы. Выделения желудочного сока кашалота покрывали всё тело погибшего, и его обнажённые части – лицо, руки и одна из ног, которая не была защищена брюками, оказались изъявлены и частично переварены… Я пришёл к выводу, что он потерял сознание прежде, чем понял, что с ним происходит. Как ни странно, несколько вшей в его волосах остались живы».

Верить ли нет подобным высказываниям – решать каждому самому, но вот, что касается охоты на китов в Охотском море, то два-три столетия назад их в этих водах добывали очень много. Особенно интенсивный промысел китов, в основном – гладких, вёлся в Охотском море в середине 20 века. Здесь плавало до 250 парусных китобойных судов, причём у острова Ионы в некоторые годы промышляло до 100 судов. С 1846 по 1862 год американцы вывезли из Охотского моря уса и жира на 135 млн. долларов. Они же с 1841 по 1850 год в северной части Тихого океана добыли около 1500 гладких китов. В следующее десятилетие добыча китов сократилась до 385 голов, с 1861 по 1870 – до 138, а к концу 19 века киты в этих водах стали встречаться лишь единицами.

Словом, киты здесь давно уже достаточно редки, и даже Антон Павлович Чехов, столетие назад путешествующий в этих местах, уже почти не наблюдал их, как бы ему того не хотелось. Киты обитают где-то далеко на севере, в Беринговом и Чукотском морях, куда лежит дорога не в одну сотню нелёгких морских миль…

Всё необыкновенное разнообразие этого морского пути по дальневосточным землям и морям отмеривает незаменимая «Лоция» - настольная книга мореплавателей. Даже опытнейшие капитаны не имеют права, да и не смеют, идти без неё в открытое море или океан. В ней расписано всё, что судно может встретить в плавании: острова, мели, заливы, подводные скалы, камни, даже когда-то затонувшие корабли. Имея на корабле лоцию, компас и морскую карту, капитан или штурман, образно говоря, могут вести судно даже с закрытыми глазами.

Лоция не интересна только равнодушному, нелюбознательному человеку. За немногословным языком описания бесконечных морских дорог стоит вековая история освоения этих героических мест, где за каждым измерением глубин – подвиг живых людей, их ни с чем несравнимые

терпение и воля, очень тяжёлый, не прекращающийся месяцами, а то и годами труд.

Чем-то необъяснимым, даже - неотступно притягивает к себе «Лоция». Её хочется брать в руки, раскрывая, где придётся, и не спеша рассматривать все эти неизведанные тобой берега, заливы и мысы, запечатлённые в неброских, чуточку даже мрачноватых чёрно-белых фотоснимках. Просматривая сухие, но точные замечания, всегда невольно подивишься их скрытому обаянию, которое не сразу и уловишь. Если ты любишь море и посвятил ему немало лет своей жизни, то невозможно миновать общение с этой замечательной книгой.

В одной из экспедиций на научно-исследовательском судне «Анабар», когда мы совершали учёт морских каланов, старпом отчего-то однажды расщедрился и великодушно презентовал мне все тома Японского, Охотского и Берингова морей, которые я, помнится, сгрёб в охапку и незамедлительно уволок к себе в каюту. Каюсь, был грех из-за неустроенной экспедиционной жизни избавиться от этих тяжеленных книг, поскольку при отсутствии на берегу собственного жилого угла - таскать их за собой было делом обременительным, но, тем не менее, я эти лоции сохранил. Пять тиснёных томиков орехового цвета, словно отлитые из всех этих описанных в них угрюмых дальневосточных мысов и островов, непоколебимо простояли у меня в каюте в течение многих экспедиций, и вот сейчас, когда уже нет рядом моря, они своим сокровенным запахом и шелестом глянцевых страниц, наподобие тихо накатывающегося прибоя, лучше чем что-либо дарят мне его присутствие. И опять перед моим взором встают вулканы Тятя и Алаид, пролив Лаперуза и мыс Терпения, всё незабываемое Курильское ожерелье, и замкнувшийся в своём вынужденном отречении маленький остров Ионы…

Остров Ионы был открыт экспедицией капитана Биллингса в 1789 году. Название своё остров получил скорее всего не потому, что располагался один-одинёшенек в северо-западной части Охотского моря, как и пророк Иона во чреве кита, а именно в честь святому, память которому в тот день была празднуема, то есть – 22 сентября по старому стилю. Так писал об этом в своей книге «Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» соратник Биллингса по экспедиции – Гаврила Андреевич Сарычев. Он в ней отметил, как ещё находясь на рейде в Охотске, обратил внимание на то, что водяные птицы, особливо чайки, всякий вечер улетали от берега в море к югу и поутру рано опять возвращались. Отсюда можно заключить, пишет Гаврила Андреевич, что птицы бывали на острове Ионы, ибо именно на таких утёсистых одиноких островах морские птицы обыкновенно любят делать свои гнёзда: тут их никто не может беспокоить. И действительно, каменный остров Ионы оказался одинок, величиною в полмили и высотой от воды на 100 сажен, напоминающий своими очертаниями египетскую пирамиду.

Будучи неизвестен морякам в те времена, он, конечно, был очень опасен в туманное и ночное время. Многие суда в этом районе пропадали без вести, вероятно, находя покой на дне у его обрывистых берегов, изобилующих, как уже говорилось, подводными камнями и высокими утёсами. Остров и перед нами возник из тумана неожиданно, как на картинке, после чего туман сразу почему-то рассеялся, воздух стал мягче, светлее и неожиданно выглянуло солнце. Пронзительный удар судовой рынды вмиг согнал с островных скал множество птиц, а могучие сивучи с шумом бухались в холодную охотоморскую воду, как-то уж очень задорно вспенивая её у прибрежных камней. Всё происходящее на наших глазах выглядело таким одухотворённым, живым, и почему-то даже не верилось, что это – север.

Помню, меня поразило зрелище необитаемого красивого острова, я безостановочно щёлкал фотоаппаратом, и одна фотография с его изображением до сих пор стоит у меня в рамке, на письменном столе, постоянно напоминая о чудесных местах, в которых мне когда-то удалось побывать. Порой, глядя на фотографию, мне даже не верится, что всё это происходило со мной на самом деле, я жил этой полной прекрасных событий жизнью и ни о чём не сожалел.

На фотографии запечатлён горделиво восседающий на скале взрослый сивуч, сам – как застывшее каменное изваяние, а прямо над ним, раскинув тонкие крылья, завис в прозрачном воздухе светлеющий нежным оперением вольный буревестник… И сивучи, и разнообразные морские птицы – главные обитатели острова, в прибрежных же водах его можно встретить обилие самых удивительных гидрокораллов. Благодаря нежному розовому цвету скелетов этих полипов и превосходным поделочным свойствам - они имеют промысловое значение. Кораллы хорошо полируются, изделия из них держат кромку, и их можно использовать для ювелирных изделий.

Надо же, возник когда-то из моря маленький дикий остров, никто о нём почти не знает и не видит его, но именно здесь постепенно рождается то драгоценное природное вещество, что способно радовать многих людей. В этом – глубокая суть моря, его бескорыстное желание преподносить свои дары, и никто иной, как одинокий, почти неведомый никому Иона – их хранитель.

Но преобладают на острове, конечно, сивучи, которые относятся к семейству ушастых тюленей. Как и котики, они водятся только в северной части Тихого океана. Это достаточно крупные животные: вес самцов порой достигает полутора тонн, самки же значительно меньше, но и они весят до 350 кг. Питаются сивучи главным образом рыбой, а остров Ионы – их крупнейшее лежбище, где они чувствуют полную безопасность. Здесь сивучи спокойно проводят лето и выводят потомство, на зиму же откочёвывают на юг в открытое море.

Сивучи острова Ионы, или как их ещё называют – морские львы, поражают не только своими гигантскими размерами и массой, но и

способностью ловко забираться на самые высокие скалистые уступы. Мы зачарованно взирали, как с виду неповоротливые, передвигающиеся только с помощью ласт животные, словно скользят по камням, легко перенося свои неуклюжие тела всё выше и выше. Одна самочка незаметно добралась до самой вершины острова, где мы её и запечатлели на плёнку, но, даже находясь под впечатлением увиденного, нас не покидала тревога: а сможет ли она, так же свободно, спуститься? Ждать долго не пришлось, самочку что-то потянуло обратно, к воде, и когда она начала движение вниз, мы поняли, что зря переживали: спуск со скалы животное осуществляло даже более ловко, будто ему только и приходилось перебираться по камням и отвесным скалам. В тюленях, по-видимому, явственно просыпается их первобытное прошлое, когда они ещё и не намеревались покидать сушу.

Интенсивный промысел сивучей, продолжавшийся почти до середины прошлого столетия, привёл к резкому сокращению их поголовья. В некоторых местах их выбили окончательно, но в других, в частности - таком труднодоступном, как остров Ионы, животные уцелели. Спасло сивучей от полного истребления своевременное запрещение промысла.

Когда мы отправились к острову на боте, сивучи встретили нас вполне дружелюбно, и даже позволяли брать на руки своих малышей, чем мы, естественно, не злоупотребляли. Соскальзывая с камней в воду, они не уплывали, а кружили тут же, неподалёку, тяжело пофыркивая и шумно, будто с угрожающим рёвом прочищая носоглотку. Но это было лишь видимое впечатление, на самом деле сивучи не проявляли ни малейшей агрессии, хотя и не дооценивать их доброжелательное расположение не стоило. В любой момент сивуч-секач мог углядеть в нас соперника, и бесстрашно броситься в атаку, чего, к счастью, так и не случилось.

Приятно было находиться рядом с этими дикими зверьми, видеть их вздрагивающие толстые усы, настороженно косящие, тёмные глаза и могучие гладкие тела, ловко переворачивающиеся в стылой воде на расстоянии чуть ли не вытянутой руки. Сивучи, кажется, лишь для порядка побаивались нашего неожиданного появления, но чутьё и интерес к новому пересиливали в них природную осторожность, что незамедлительно сказывалось на поведении зверей: они как будто предоставляли нам возможность любоваться собой, не переступая в этом общении допустимую черту. И мы чутко поддерживали это необременительное для обеих сторон равновесие, надеясь продлить приятное соседство как можно дольше.

Птицы тоже оказались на острове совершенно доступными, чуть ли не ручными, потому как не знали человека и не были напуганы. Да и у кого могла возникнуть потребность бывать здесь, высаживаясь на совершенно голые, почти неприступные скалы? Ну, если только появлялось в этих неприютных местах такое же научно-исследовательское судно как наше, да и то крайне редко: часто погода не позволяет приблизиться к опасным скалам, обычное дело, если приключиться какая-нибудь внештатная ситуация, которыми изобилует работа в море, а иногда время экспедиции оказывается

на исходе, и хочешь-не хочешь – поворачивай к родным берегам… Много чего должно сложиться, прежде чем судно благополучно завернёт к одинокому острову и пробудет в его прибрежных водах хотя бы сутки. Нам удивительным образом повезло, всё для этого очень удачно совпало, и мы были благодарны судьбе, что давнишняя мечта побывать на острове, наконец-то, осуществилась.

Что же касается птиц, они на острове действительно вели вольный образ жизни, а птичий базар Ионы славился на весь Дальний Восток. От огромного скопления пернатых к ним невозможно было подступиться. К тому же, большинство из них сидели на яйцах, и тревожить птиц даже запрещалось. Здесь же мы вынуждены были пробираться к вершине острова, чтобы снять для ремонта автоматическую радиометеорологическую станцию, и миновать птиц было просто невозможно, что заканчивалось для нас чревато.

Птицы, по большей части – это были птенцы, при приближении людей разевали огромный рот и исторгали в нас тугие красноватые струи. Из-за каждого камня и расщелины с шипением вылетали фонтаны птичьих защитных струй, немилосердно покрывая одежду густой жидкостью с резким запахом гнилой рыбы. Причём, взрослые птицы вели себя куда более сдержанно. Долго после этого мы ещё счищали засохшую слизь и стирались, пока не избавились от благоуханий, коими нас наградили пернатые Ионы…

Птицы, гнездящиеся на острове Ионы, хорошо известны рыбакам и морякам, поскольку обитают по всему Охотоморью, берегам Японского и отчасти – Берингова морей. Это, в основном, несколько разновидностей чаек – полярная, серебристая, сизая, тихоокеанская, чернохвостая и моёвка. А ещё - чистиковые птицы, среди которых обычно без труда можно отличить кайру, топорка и конюгу. Трубконосые – это буревестники, альбатросы и качурки, и, пожалуй, бакланы – берингов, краснолицый и японский. Всего – порядка двух-трёх десятков видов, и все они по-своему неповторимы, как и облюбованный ими остров.

Взять хотя бы качурок – маленьких, размером с небольшого куличка птичек. Вокруг острова их множество, к тому же качурок легко узнать. Обычно они порхают у самой поверхности моря, резко меняют направление полёта, и время от времени отталкиваются от воды ногами, как бы семеня по поверхности. Качурки так устроены, что не могут обойтись без света, особенно они тянутся к нему по ночам и довольно часто залетают на палубы проходящих судов и даже в иллюминаторы. В штормовую погоду они способны заполнить собой все судовые помещения, перебираясь по полу кают и коридоров словно мыши, и вполне естественно, что их очень много гибнет, когда качурки натыкаются на металлические переборки и многочисленные судовые механизмы. Моряки пытаются их выхаживать, но из этого мало что выходит.

Когда птицы в большом количестве собираются для гнездования в одном месте, они становятся заметнее для хищников. Да и прокормиться

такой ораве, на ограниченной акватории, трудно. И, тем не менее, в совместном обитании пернатые находят много преимуществ. Прежде всего, дружным сообществом легче защищаться. Те же мелкие крачки совместным нападением способны обратить в бегство многих хищников. Интересно, что в едином строю птицы действуют лишь при появлении общего врага, в обычной же мирной обстановке они нередко ссорятся друг с другом и конкурируют за место в колонии.

Какими условиями должно удовлетворять птиц место, чтобы на нём могла разместиться колония? Первое условие – район должен быть продуктивным, то есть - достаточно кормным, иначе большой массе птиц будет трудно пропитаться на ограниченной акватории. Вторым и, может быть, решающим условием является наличие недоступных, чаще обрывистых и скалистых берегов, а ещё лучше – небольших островков, на которых нет хищных млекопитающих, коими оказываются, в основном, песцы, в изобилии уничтожающих и птенцов, и яйца. Но настоящую напасть для колониальных птиц представляют собой крысы, способные начисто опустошить птичьи базары и даже уничтожить их. Не случайно подавляющее большинство колоний птиц в Мировом океане располагаются не на берегах материков, а на небольших островках, подобно Ионе.

Как выглядит его птичье население – описать несложно… Всего на этом клочке суши, по подсчётам учёных, гнездится немногим больше 400 тысяч птиц. Основу базара, как уже говорилось, составляют открыто гнездящиеся виды – бакланы, чайки и кайры, а поскольку остров Ионы слагают гранитные скалы – здесь мало трещин, карнизов и россыпей камней, то это, естественно, уменьшает количество остальных птиц, использующих в качестве гнездовий земляные норы – топорков, конюг и стариков. Жизнь в птичьих колониях бьёт ключом только с конца весны до начала осени, в остальное же время года летнее пристанище птиц выглядит неуютно и сурово.

Весна в этих местах порой не менее холодное время года, чем зима, к тому же – очень хлопотное для птиц, и всё же оно радостно. Сначала птицы появляются на скалах лишь изредка, присматриваются и как бы вспоминают прошлый сезон. Затем – выбирают место для гнезда и борются за него, приводя в порядок, а у некоторых видов началу гнездового периода предшествуют и брачные игры, представляющие набор различных церемоний и ритуалов. Особенно занятно их наблюдать у кайр…

Кайры вообще очень забавные птицы, но при всей своей видимой неловкости и даже непутёвости, они обладают несравненно более зорким внутренним оком и тонким слухом, нежели котики и сивучи. Кайры обычно их неизменные соседи и бдительные сторожа. При малейшей тревоге кайры срываются с гнездовья и носятся над островом, оглашая всю округу пронзительным криком. Этот невообразимый шум способен разбудить кого угодно, не то, что спящих животных!

В какое-то мгновение все птицы оказываются в воздухе, а звери в море. Тогда птичья какофония усложняется басовитым рыканьем высовывающихся из воды и старающихся понять, в чём дело, потревоженных секачей, дополняемом блеянием детёнышей. Если тревога была ложной, спугнутые животные постепенно успокаиваются и занимают прежние места, после чего размеренная жизнь острова возобновляется. Но только до следующего раза, пока кайрам опять не взбредёт в голову поднять суматоху, и так – без конца, в течение всего периода гнездования.

Очень интересно было наблюдать на острове за брачными играми кайр, когда самец демонстрировал свою готовность оказывать внимание своей очаровательной подруге. Пристроившись на каком-нибудь свободном карнизе, он гордо выпячивал грудь, вскидывал голову и направлял остриё клюва ввысь. А его ноги, опушённые над цевкой белоснежными перьями в виде «штанишек», шлёпали по ровной площадке скалы в своеобразном танцующем ритме. Изредка самец прохаживался взад и вперёд на виду у соплеменников, и выглядел при этом очень озабоченным. «Дамы» же всем видом выражали покорность, вели себя очень скромно, и всё время как будто к чему-то прислушивались. В ходе своего ухаживания самцы подбирали со скал мелкие камушки, стебельки сухой травы, перья, и танцующей походкой приближаясь к самкам, складывали эти подношения к их ногам. Вся эта картина птичьей любви до такой степени завораживала, что ты уже не замечал ни сивучей, ни суровой красоты самого острова, ни менее интересного поведения других птиц… Остров Ионы целиком захватил твоё сердце.

И при всём этом неотступно думалось о том, что огромная гранитная скала жива ещё и своей внутренней, незаметной никому жизнью, находящейся где-то там, в неведомой глубине, под водой, откуда она вырастала остроконечной горой, предназначенной утверждать силу земли даже посреди моря. Земли пусть и скалистой, но несущей в себе великий источник скрытой энергии, без которой не обойтись ни птицам, ни животным, ни человеку.

Неполные сутки пробыли мы на острове, а показалось, будто минула целая неделя: столько впечатлений вместило в себя общение с незабываемым Ионой. Редкое здесь солнце ещё с утра растопило густой туман, и весь остров высветился как на ладони: густое синее море, серовато-чёрные скалы с залёгшим в расщелинах розоватым снегом, коричневато-лоснящиеся сивучи, вальяжно разлёгшиеся на мокрых камнях у самого подножия острова, - всё вместе представляло собой незабываемое для этих широт зрелище. Даже носовая рында отливала на фоне темнеющих скалистых отрогов не холодной сталью, а какой-то проникновенно мягкой голубизной. День обещал быть необыкновенно радостным, возможно - даже восторженным, и его хотелось запомнить до мелочей.

Так получалось, что Татарский пролив не только помог побывать в гостях у нивхов, он ещё и благополучно познакомил меня с одиноким островом Иона, когда всё, казалось, было против: и непогода, и нежелание капитана отклоняться от уже намеченного курса, и отсутствие лишнего топлива, но всё-таки мы туда попали… Я потом долго не мог объяснить себе – зачем он мне нужен, этот остров? Что в нём такого, отчего его присутствие не даёт мне покоя? Может быть потому, что я всегда стремился к неизведанному, и одинокий остров Иона неимоверно притягивал меня. Завораживало именно его одиночество посреди Охотского моря, и хотелось разгадать его скрытую тайну…

Казалось, вот я увижу его – и что-то важное в моей душе обязательно откроется. В этом острове, что держится особняком, действительно, таилось нечто неизведанное, и его очень хотелось изведать, а когда я осуществил это, то есть – соединился с ним, он меня обогатил. При этом я почувствовал, как из самого острова оно, это неизведанное, утекло. Неизведанная сила заполнила меня, вернее, она неприметно влилась в моё тело, и стала мной, но в самом Ионе что-то изменилось: он, оказывается, подарил мне себя. Подарил, наверное, потому, что я заслуживал своей любви и преданности морю, всей жизни, и этому острову… Он, конечно, почувствовал мою любовь к нему, и отдал мне свою, и я был ему за это благодарен.

Между людей водится такая пословица, что один и у каши загинет, но это никак не относится к такому величественному, хотя и маленькому острову, как Иона. Достойно и безропотно принимает он на себя безудержные гигантские валы, многодневные ветра, туманы и промозглый охотоморский холод, и по всему видать, ему не тошно находиться в постоянном одиночестве, не забывая оберегать своим существованием многочисленные стаи морских пернатых, котиков и сивучей. Одному за всех легче.

Самый, что ни на есть, независимый остров живёт своей, отторгнутой от других островов Шантарского архипелага суровой жизнью, но, кажется, совсем оттого не тужит. Он и море – едины, чего ещё желать одинокой скале, и если так, то остров находится именно на своём месте в этом морском мире. Он его однажды обрёл, и тем горд, никому не отдаст этой каменной свободы, слушая только своё твёрдое сердце. А оно у него, если внимательно к Ионе приглядеться, бывает и трогательное…

Остров, конечно, торчит посреди моря один, ровно как святой Иона во чреве кита, но ведь и Господь пребывает в одиночестве, хоть вокруг и молельщиков тьма, и это уединение, быть может, и наполняет его, как раз, монолитной силой. Ведь когда ты остаёшься в одиночестве, сознание твоё при этом никогда не угасает: только успевай жить, обретая не иссякающее желание это делать, и не бойся оставаться один. Долголетие и здоровый дух, не важно – человек ты или остров, это способность максимально длительное время сохранять активность, внутренний настрой, а его возможно накопить

только в одиночестве, не расходуя понапрасну свою энергию на длительное общение с другими, пусть и такими же, как ты, скалистыми островами…

Остров, как и человек, может стать самим собой, только когда проявит самостоятельность, не надеясь на других. Он должен ясно осознавать, нести в себе эту правду, что в принятии верных решений ему никто не нужен, он и сам способен на многое, если поверит в свои силы, что и является основой в утверждении стойкости его внутренней природы, природы непреклонного мужественного острова. Назначение таких состояний, как молчание и уединение, очень ценно, без них ни человеку, ни острову невозможно сохранить внутреннее спокойствие, и уж тем более – приблизиться к обретению себя. Тому же, кто боится оставаться наедине с собой, в море делать нечего, ибо истинное общение с ним предполагает именно переживание одиночества.

Если кто-нибудь, кто не добился в жизни того, чего хотел, начинает говорить, что у него не было полной уверенности в своей правоте, когда он не решился следовать жизненному выбору и идти до конца, я почему-то всегда представляю жизнь одинокого острова, как Иона… Не обладая такими возможностями, как человек, он не перестаёт поражать своим непоколебимым упорством, изо дня в день продолжая борьбу за то, чтобы оставаться самим собой, сохраняя свою неброскую красоту и мощь. Происходит это по одной простой причине: помочь острову в его одиноком противостоянии морской стихии никто не может, и остров словно бы сознаёт это и полагается только на себя.

Труд одиночки, несомненно, подвижнический труд, и остров не способен в своей жизни обойтись без подвига, который он незаметно и неутомимо, каждый миг, совершает. Остров мужественен только потому, что – один, он не способен переложить свою ответственность за собственное существование на кого-либо другого, и никогда не отказывается от дарованной ему свободы, в полной мере дорожа ей. Остров вынужден принимать на себя самые решительные удары именно в состоянии одиночества, и это состояние необходимо принять, что он и делает.

Только в одиночестве, если воспринимать его верно, можно становиться сильнее, ни от кого, при этом, не отдаляясь, и то, что человек, дерево или скала ничего не могут одни – неправда. Только одному и можно показать всем, и в первую очередь – себе, что ты способен на многое. Ни человеку, ни острову вообще не следует преодолевать своё одиночество, а нужно только правильно им распорядиться, ибо оно даровано Творцом, который сам мужественно прошёл и проходит через него.

Именно в одиночестве душа и человека, и камня способна осознать собственное достоинство и силу. Всякое живое существо, будь это хоть каменный остров, обязан приучить себя к тому, что полезнее для него будет непрекращающееся преодоление препятствий, а не безоблачное переживание счастливого покоя, какое само по себе ничему не учит, оно – статично. Лишь находясь в состоянии постоянной борьбы и противодействия тебе бурной

стихии, ты сможешь выработать необходимые навыки в овладении внутренней энергии, когда она способна себя восстанавливать. Одиночество никого не должно пугать своей видимой неестественностью или ущербностью, потому как все мы, по земным меркам, одиноки. Но это не обречённое, а необходимое для нашей души состояние, чтобы она могла проявить себя с самой выгодной стороны именно в некоей ограниченности, когда никто, кроме тебя, не в силах подтвердить собственную решимость, силу и правоту.

Чувствовать себя одиноким – это не значит оставаться одному, а лишь только идти достойным путём, быть самим собой, как это и получается у одинокого острова Ионы. Я это сразу понял, увидев его впервые, когда он медленно выплыл из тумана… И как представил, что если мне, прямо сейчас, опуститься под воду у обрывистых берегов острова, постепенно уходя в этой сероватой голубизне всё глубже и глубже, ощупывая взглядом его, кажется, безжизненные камни, а темнота будет сгущаться, то эта холодная стена не станет мне ближе, как если бы я вглядывался в неё наверху, где на её отрогах вальяжно покоятся толстые сивучи, а узкие расщелины дышат сокровенной и тупой мощью. В них бьются упрямые волны, будто разговаривают с внутренней сущностью острова. Большие белые чайки дико вскрикивают над пенящимся морем, неистово взмывают в безликое небо и валятся к самой воде, будто норовя зачерпнуть её крылом. Сивучи, ни с того ни с сего, задирают свои мясистые гривы, и гортанно взрёвывают в насыщенное влагой серое пространство, после чего тяжко вздыхают и бухаются всем своим тучным телом в маслянистую североморскую прохладу: плюю-ю-х… Вот, что мне было нужно!

А остров при этом невидимо улыбается, катает про себя неведомые мысли, чего-то ждёт… Может быть – внимания человека, неравнодушного к своей жизни, и вот такой человек пришёл, и остров будто ожил, весь преобразился, словно, воспрянув от длительного забытья. Взаимопроникновение случилось, остров стал жить мной, а я – проникнулся его одинокой судьбой, и от этого все будто обрадовались: и остров, и море, и даже птицы с сивучами, и я…

В штурманской рубке, на столике, лежала раскрытая «Лоция Охотского моря», а из-под неё свешивался загнутый уголок карты. Было удивительно тихо, золотистые пылинки мягко роились в замершем воздухе, солнечные утренние лучи ласково заглядывали в иллюминатор. Пробегая по чётко очерченным коричневой линией берегам, заливам и островам, они вдруг весело скатывались по краешку свисающей карты и неслышно начинали весёлую толчею под штурманским столиком. В распахнутые двери вольно задувал упругий охотоморский ветерок…

Перед тем, как сняться с якоря, все отчего-то поднялись на палубу и, молча, наблюдали за красивой скалой, действительно напоминающей стог

сена, или – пирамиду Хеопса. Неожиданно из-за неё показалась стайка дельфинов… Дружно выпрыгивая из воды, они на миг замирали в воздухе и исчезали в волнах, чтобы через мгновение вновь свободно взмыть над водой, элегантно изогнув блестящие хвосты. «Пых-пох, пых-пох, пых-пох» - еле слышно доносилось до нас упругое дыхание животных, а остров вместе с неумолкающими ни на минуту птицами и застывшими на камнях сивучами уже тронулся, поплыл за бортом, и на какое-то время показалось, что он тоже ожил от окружающей его бурной жизни, превратившись в неведомого морского зверя. Прощай, Иона, теперь ты будешь видеться нам только во снах, поражая воображение своей дикой северной красотой!

«О ЧЁМ МОЛЧАЛ КОЛОКОЛ ПОЛУОСТРОВА ШМИДТА»

Спокойно и размеренно живёт северный посёлок у моря, где всё проникнуто им: и дома, и улицы, и деревья, и даже забор… Среди ослепительной белизны песка и телесного цвета сосен, мягко упирающихся в ясное небо, посёлок кажется умудрённым и ни с чем не смиряющимся старожилом, знающим цену и себе, и окружающей его жизни. Неожиданной дремучестью окружающих его лесов посёлок напоминает мне родной Урал.

Как хорошо живётся в таком посёлке у реки, впадающей в море, я ощутил сразу. Любая работа здесь делается не спеша, как бы даже с ленцой, но результат оправдывает все ожидания, поскольку дело выполнено наилучшим образом и ничего большего не требуется. Ничто не может повлиять на этот однажды установившийся порядок. Даже погода, каким бы коварством она в здешних местах ни отличалась, и та не в силах изменить жизнь посёлка.

Простая и привлекательная мудрость такой жизни видна во всём: невозмутимые лайки лежат в песчаной пыли, не вскакивая при появлении человека, а лишь провожают его глазами, удобно уложив морду на вытянутые передние лапы. Изредка одна-другая поднимет голову – на этом всё внимание иссякнет, и в то же время ты чувствуешь его на себе – пристальное, без суеты, и это нисколько не мешает, а, наоборот, даже успокаивает.

Людей почти не видно, и складывается впечатление, будто никто в посёлке не живёт. Но жители тут – они всё видят, знают цель твоего приезда и то, куда ты ходишь. Твои странности и черты характера не остаются незамеченными, о тебе сейчас же складывается мнение, и ты негласно бываешь принят как ещё одна составная часть незамысловатой поселковой жизни. Приняв и ничем не тревожа особо, они всё-таки не оставляют тебя без внимания: каждый твой шаг находится в чьём-то поле пристального зрения.

Тебя будут проверять, если ты чего-то стоишь, над тобой будут подшучивать и смеяться. Но хуже всего, когда к тебе останутся вежливо-молчаливы и сдержанны: значит, ты не пришёлся по душе, что-то в тебе самом не так. Тогда разберись, подумай, но не оставляй этого без внимания. Неказистый на вид северный житель глубок и наблюдателен, смекалист и лукав. За его незамысловатой простотой скрываются крепкая хватка, верный глаз и необыкновенное чутьё.

Когда впервые попадаешь в маленький посёлок у северного моря, все его жители воспринимаются особенными, необычными, каждый из них несёт в себе какую-то тайну. Те, кто родились и выросли у моря – не похожи на всех остальных людей. И ты сразу понимаешь, что это не заблуждение или наивное незнание суровой северной действительности, а просто само море накладывает свой отпечаток на тех, кто живёт рядом с ним. Все эти люди слитны между собой, потому как печать, накладываемая на них морским

присутствием, касается неминуемо всех, как общая забота, готовность к чему-то очень достойному, единый душевный порыв.

Уравновешенная жизнь посёлка неизменна. В этой неизменности – великий смысл мудрого существования. Так же размеренно течёт жизнь и на его пустынном побережье, куда мы не спеша пробираемся на стареньком «трумэне».

Машина неторопливо преодолевает низенькие сопки и неглубокие распадки, урчит, тяжело переваливаясь с бока на бок, и тебе даже не верится, что море где-то совсем рядом. О нём забываешь, когда мимо проплывают заросли кедрового стланика, каменные берёзки и корявые лиственницы, в которых изредка мелькнёт вдруг яркий лисий хвост. Или вдруг покажутся редкие северные олени, неспешно убегающие от нас, но не кажущиеся пугливыми…

Водитель так же, не торопясь, под мерное завывание двигателя рассказывает, что их стало совсем мало. Отсутствие корма, болезни и частое браконьерство ускоряют исчезновение животных. Олени вытоптали весь ягель на западном побережье, и их перегнали на восточную половину с целью восстановления ценного растения, а чтобы звери не возвратились сюда раньше времени, почти через весь полуостров протянули деревянный забор. По его словам, таким необычным сооружением занимались трое бичей, но это всё равно ничего не меняет: на значительном протяжении забор имеет заметные прорехи, оставленные неугомонными людьми, ураганными ветрами со снежными заносами и ещё, быть может, медведями…

А море уже изредка сверкает синеньким крылом, и сердце сладко замирает на миг, тихонько переворачиваясь в груди. Скрытое холмами, море ощущается в нетерпеливом ожидании увидеть его вновь. Давно готовый к очередной встрече, с еле сдерживаемой жадностью впиваешься в него взглядом, как только море возникает из-за поворота, и до рези в глазах наслаждаешься всей его широтой и синью. Утопая в ней с головой, напряжённо стремишься дотянуться до него хотя бы взглядом, не в состоянии унять дрожь, и постепенно успокаиваешься. Море теперь, ты знаешь, даже незримо присутствуя рядом, обдаёт тебя своим дыханием, помогая жить, думать и принимать решения.

В устье реки нас дружелюбно встречают несколько рыбаков маленького колхозного стана. Они только что поймали огромную калугу, на которую можно усесться верхом… Чёрной пахучей икры в ней – целое ведро!

Калуга населяет бассейн Амура и хоть в море далеко не уходит, но её нередко можно встретить в Татарском проливе, у северо-западных берегов Сахалина. Это одна из наиболее крупных пресноводных рыб, длина её тела достигает почти шести метров, а весит она целую тонну. Сосредотачиваясь на зиму в Амурском лимане, калуга становится малоподвижной и держится в основном на ямах, с началом же весны опять становится активной и после ледокола, уже со зрелой икрой, устремляется вверх по течению рек. Во время

хода лососей, который здесь начинается обычно с мая, калуга целиком переходит на питание ими, и вот одна из таких нерестящихся рыб попалась к колхозным рыбакам в невод, и после долгих мучений они благополучно вытащили её на берег…

Калуга поразила всех своими размерами, но ещё более удивила её податливость: при длине в четыре метра, эта рыба, напоминающая какое-то доисторическое животное, совершенно не сопротивлялась. Вообще, все осетровые – невероятно терпеливые создания среди рыб. Всё затруднение при выводе этой необыкновенной рыбы на берег было вызвано её весом.

По характеру калуга медлительна, даже когда плавает на свободе в реке или море, зато «живуча» до чрезвычайности! На Енисее издревле принято дарить осетров в подарок друзьям, причём, рыб часто пересылали из одного города в другой, при этом запихивая им под жабры сырой мох или кусок осмоленной пакли, и тогда осётр мог прожить неделю. Этим осетры похожи на акул Ледовитого океана, которые в состоянии жить на льду в течение многих дней даже со вспоротым брюхом!

Удивительно, сколько даёт калуга! Во-первых, икру, во-вторых, мясо, которое считается всегда лакомым блюдом и в свежем, и в солёном, и в варёном, и в вяленом виде/ рыба эта, вообще, очень жирная, жирнее самой жирной копчёной лососины/, а в-третьих, вязигу – спинную струну, которую можно есть и в сыром виде и сушёную, разрезанную на мелкие кусочки, напоминающие крупу. В таком виде её кладут в пироги с рыбой, так называемую кулебяку. Крупа эта становится удивительно вкусной после варки, когда она разбухает и приобретает вид крупного саго.

Осматривая угодившую в невод калугу, наши рыбаки смачно прищёлкивают языками, затем разделывают на крупные сочные ломти и перетаскивают их в ледник. Их оживлённые глаза и некоторая суета свидетельствуют о скрытом удовлетворении. Скоро они будут есть её целыми кусками, замоченными в уксусе с репчатым луком, радостно нахваливать и вспоминать наперебой, как рыба чуть не ушла, но благодаря их умению этого не случилось. В предвкушении долгожданного пиршества рыбаки выглядят словно дети.

И впрямь, немного отваренное, в меру сдобренное специями мясо калуги кажется очень вкусным. Отдалённо напоминая курятину, оно имеет необычный аромат, вроде бы, совсем не относящийся к морю. Бело-розовые, в обилии разваленные на деревянном столе куски манят этой заключённой в себе необычностью, и ты не можешь остановиться перед их аппетитно дурманящим видом, с наслаждением пробуешь и не устаёшь нахваливать…

Так же завораживающе действует вся нехитрая обстановка стана… Здесь в течение двух месяцев нам предстоит обследовать в качестве нерестилищ сельди несколько речек полуострова Шмидта, самая крупная из которых – Пиль. Она впадает в Сахалинский залив в девятнадцати милях к югу от мыса Марии, а низкая песчаная коса Кеми, протянувшаяся вдоль береговой линии, образует обширную лагуну Помрь. Когда-то тут

располагался небольшой посёлок Пильво, от которого ничего не осталось, и только ветер сейчас гуляет над пустынной песчаной косой, слышится крик вечно раздосадованного чем-то воронья, и молчаливо взметаются к небу сопки, поросшие частым лесом.

При первом взгляде на эту неутешительную картину трудно представить, что может по-настоящему занять тебя здесь кроме работы?! И так оно и было несколько дней кряду, пока мы совершали свои поездки на лодке вглубь полуострова в сопровождении проводника-нивха, брали на анализ воду и водоросли, делали пробные замёты, а вечерами любовались сдержанно полыхающими во всё небо закатами. И ещё помогали рыбакам вытягивать из воды переполненные сети, сортировать рыбу по ящикам и перетаскивать их из устья на самый берег моря. Сюда, в большую воду, приходил за ней с посёлка колхозный катер…

Время протекало незаметно, и я, кажется, не замечал в себе никаких изменений. Покоробившаяся от морской воды куртка, пропахший рыбой и вольным воздухом свитер, вечно задранные до самого верха болотные сапоги и разбухшие, красные кисти рук – вот что неизменно сопровождало каждый наш день, и в душе моей также воцарилась ещё не понятая до конца, но приятная размеренность. Всё текло в этом царстве тишины и молчаливой работы своим неспешным чередом, и я даже не заметил, что давно уже предпочёл такую жизнь какой-либо иной.

Устье реки Пиль – ничем не примечательное место, такое же, как и множество других на полуострове. Открытое всем ветрам, у вольно развернувшегося распадка с облезлыми и безликими по весне склонами, покрывающимися в начале лета огромными и рыхлыми лопухами, оно постепенно сужается к первозданному источнику воды, затерявшемуся среди бесчисленных трав и камней. Место и впрямь самое обыкновенное, даже, несмотря на полуразвалившийся дом, одиноко приютившийся в полумиле от моря, под крутым каменистым склоном, кое-где поросшим кедровым стлаником. Подобных хибар, продляющих собой хрупкий человеческий век, на памяти леса у моря более чем достаточно.

Необычным для рыбаков представлялся хозяин дома – семидесятилетний охотник Щербина, прозванный так за свою одинокую и, как казалось многим, никчёмную жизнь. Меня сразу охватило желание побывать в гостях у старого охотника и, может быть, даже подружиться с ним. Мне было приятно думать о нём, когда мы, уставшие, возвращались поздним вечером или ночью с работы, и я представлял, как всё это будет. Щербина виделся мне почему-то мудрым и строгим стариком, и втайне я несколько остерегался предстоящей встречи.

Дом его стоял, скособочившись, крыша, как старая, ветхая шляпа, наехала на глаза-окна, тускнеющие серо-голубоватыми стёклами, стены ушли глубоко в землю, в некоторых местах они обросли светло-зелёным бархатистым мхом. У самого входа на поржавевших толстых гвоздях, накрепко вбитых когда-то в брёвна, висели запущенные охотничьи снасти –

капканы на медведей, соболей, заячьи петли. К дому вела вьющаяся тропка, выложенная дощатым, под бременем лет и непогоды намертво вросшим во влажную почву настилом, а на старой ели, неподалёку от входа, была прибита доска с надписью: «Всяк идущий в дом – возьми с собой полено!»

Казалось, никто не живёт здесь – так вокруг было тихо, да и сам дом открылся каким-то присмиревшим, безропотным. Я вошёл в сени, и на ощупь постучал в дверь.

- Заползай, - послышался густой, с хрипотцой, баритон.

Дверь, обитая изодранным дермантином, подалась с трудом и, жалобно скрипнув заржавленной пружиной, тотчас захлопнулась. Сумеречное пространство избы представилось неожиданно просторным, и даже низкий потолок и выгнувшиеся посредине комнаты половицы не помешали этому впечатлению. Под потолком стоял табачный едкий дым, и пахло каким-то незатейливым варевом со специфическим привкусом моря: может, это были моллюски, морская капуста или мясо какого-то зверя.

За непокрытым столом, у самого окна, сидел старик. В одной руке он держал широкий нож, в другой – недавно выловленного гольца. На столе стояла алюминиевая миска, наполненная крупными кусками рыбы.

- Присаживайся, - сказал старик, и указал ножом на лавку напротив.

Он долго смотрел на меня из-под нависших бровей, не произнося ни слова, и я уже было подумал, что старик задумался о чём-то, но он вдруг пошевелился и спросил:

- Слышал, прибыли вы сюда с научным интересом?

- Проводим съёмку нерестилищ сельди. По всему западному побережью Сахалина.

- Сколько же её раньше у этих берегов было! И куда она вся подевалася?

Старик дорезал рыбу, положил руки на стол, и посмотрел в окно.

- Вот что тебе с моря? – тихо спросил он.

- Смотрю на него – и радуюсь. Не передать словами…

- А надо бы… Какую такую любовь получаешь от моря, что отдаёшь ему свою молодость?

- Большую любовь, и когда, как не в молодые годы, и получать и дарить её?

- Ну, тогда честь тебе и слава от всего морского населения! – воодушевился вдруг старик, и улыбнулся. – Ты на меня не серчай, мало, кто сейчас море понимает: всё больше ухватить норовят. А ты, я вижу, сурьёзным чувством к нему проникся… Вечная память ему за такую красоту!

Старик попытался что-то ещё рассказать, но сильно закашлялся, и махнул рукой. Отдышавшись, он с укоризной обратился ко мне:

- Думаешь, я брешу? Это пусть наскрозь береговые похваляются, а я хоть и не был в нём, а всю жизнь возле прожил. Без моря бы у меня и на суше дела не ладились. Смотришь в него, как дурак какой-нибудь, целыми днями, и разве скажешь, что оно некрасиво?! Всё чудится порой, что белые паруса

увидишь, да только откуда бы им взяться? Теперь белых парусов давно не изобретают…

- Не одиноко вам так, без людей, с одними собаками жить?

- Какой там! – изумился неожиданно старик. – Одно общее дело и с лесом, и с морем сотворяем. Да и то сказать: чего такому, как я, старику в городе прозябать, да к молодым пристраиваться? Я ведь не малое дитё, для государства, покуда силёнки имеются, стараюсь.

Старик говорил спокойно, раздумчиво, и было отчётливо слышно, как волны, так же неспешно, накатывают на берег, будто затаиваются…

- Я мелкой заботой не интересуюсь, - вдруг утвердительно заявил он. – Врать не буду, этою весною сорокового медвяка прибрал.

- ???

-Так-то вот… Всяк на себя хлеба добывает, вот и я не отстаю. Дураки о добыче спорят, а умные её делят. Ступай-ка, вон, в сенцы, да зачерпни из бочки кусок… Зацеп у входа на стене.

В тёмных прохладных сенцах, с низким потолком, я нащупал пузатый бочонок, и отворотив с него крышку, выудил из густого чёрного рассола увесистый шмат медвежатины.

- Есть кус, так гостя нет, нет ни корки, а гости с горки! – оживился старик, когда я вернулся в избу. – Дал Бог кусок, даст и роток.

- Не будь сыт куском, а будь сыт дружком? – подхватываю я.

Старик довольно заулыбался.

- С этим мясом все зубы перемозолишь, - тут же пожаловался он. – Медведушко-то старым оказался: у самого все зубы были поистёрты. Но из горшка, как говорится, мяса не выкинешь.

А через полчаса мы уже сидели с ним за столом, закусывая мутный самогон разварившимися горячими кусками, и я слушал, как следует правильно приготовить медвежью желчь…

Изба старика была приземистая, свет в неё пробивался через маленькое оконце, но ощущения сдавленности не возникало. Комнатка, вроде бы, махонькая, всё в ней по-стариковски неприхотливо и даже голо, а всё равно угадывается незамысловатый уют, жильё человека, живущего лесом…

В окошечко, чуть освещённое заходящими солнечными лучами, проглядывала живая зелень совсем недавно распустившихся лиственниц, над ними – чёрные скалы и каменистый берег речушки, но было ясно, что тут же, за небольшим её поворотом, Охотское море катит свои настырные волны на отлогое песчаное устье реки Пиль, и тёплый воздух полнится его вольным проникновенным простором. Море было совсем рядом, я молча ел мясо последнего медведя Щербины, невольно вслушиваясь в то, как оно по-звериному, будто украдкой, шевелится и вздыхает, а старик сидел с закрытыми глазами…

- А море своё всё равно возьмёт, - вдруг тихо проговорил старик. – Кругом возьмёт. Но если уважение к нему выкажешь, как и к человеку, то

оно обязательно снизойдёт до почтительного к тебе отношения. У моря тоже живая душа имеется…

- Я чувствую это…

- И ты, конечно, уже знаешь, что никогда не пересечёшь океан, если не наберёшься мужества потерять берег из виду?

- И это мне знакомо.

- По тому, как ты пришёл ко мне – уважительно, с поленом, вижу, что тебе ведома и лесная жизнь?

- Да, отец с детства брал меня с собой на охоту. И я с ранних лет полюбил лес. Мне в нём хорошо думается, как и в море. Всё кажется осуществимым, и ты не боишься, что поток добрых мыслей остановится, и ты лишишься права именно так выстроить свою жизнь.

- А я в лесу ни о чём не думаю, будто боюсь вспугнуть удачу. Но при этом не спешу, понимая, что при всей однообразности работы промысловика =- каждый день такой жизни всё же заслуживает описания. И тут важна и интересна каждая мелочь. Если бы я попытался описать за все годы промысла пушнины все случившиеся со мной в лесу приключения, то получилась бы, наверное, не одна книга.

- Почему же вы их не написали?

- Не сподобился.

- Далеко не каждый день, должно быть, заслуживает описания… Случаются ведь и пустые дни?

- Это – как посмотреть… Если любишь свою работу – всё в ней может быть увлекательным. Бывает, за одну ночь услышишь столько звуков – и простых, понятных, и загадочных, беспокойных, что о них, кажется, возможно рассказывать бесконечно…

Живя в лесу, у моря, я даже затрудняюсь сказать – что меня сильнее захватывает. Больше всего я люблю вспоминать, как прошёл день, пока обходишь все капканы.

- А море?

- Притягивает его глубина… Тревожный крик морской птицы… Заслышишь его – и хочется ещё больше узнать о жизни.

- Чем больше знаешь о жизни, тем интереснее жить.

- Верно. Это ощущение дарит море. Хороший человек всегда это понимает.

- А мне раньше интересно было знать про каждого человека: зачем он живёт на свете?

- А ты сам - зачем живёшь?

- Наверное, чтобы разгадывать жизнь, и радоваться.

Мы оба замолчали, вслушиваясь в тишину, повисшую за стенами избушки. Эта тишина простиралась над забытым всеми полуостровом Шмидта, над его застывшими в молчании хвойными лесами и отлогими песчаными берегами, угрюмыми отвесными скалами и потаёнными распадками, убегающими к морю… Такая тишина бывает только в

таинственной стране глухих лесов, словно притаившихся посреди бескрайнего вольного моря…

- Хорошо у вас тут! – невольно произнёс я.

Старик вдруг вздохнул и улыбнулся.

- Я здесь всё знаю, все глухие углы и тропы. Где какая птица заголосит или зверь объявится – вести до меня сразу доходят. Слухай тихонько… Только один слух остался для меня на свете.

- Всё от сердца, я думаю, надо делать.

- Такое, значить, у тебя понятие…

Я только кивнул головой.

- Нету хуже, когда в человеке душа вялая. И что за ласковость, ежели эта душа на тебя ясными глазами глядит! Тогда и помирать сил не хватает, а ведь пропасть в мои годы недолго!

- Когда человек жадный до знаний – его ничего напугать не сможет.

- Одними книжками сыт не будешь. Я вот раньше, уйду на несколько дней в тайгу – и возвертаться не хочется: всё бы разгадывал лесную жизнь и птиц, и зверей, и разных корений… Лес научил меня любить жизнь. А теперь – не то живу, не то помираю.

- Без моря, всё же, всегда чего-нибудь не хватает. Здорово, наверное, вот так, как вы, жить в лесу, у моря…

- Без моря, правда твоя, жизнь совсем никудышная.

А лесной край, загадочный и огромный, простирающийся вокруг на сотни километров, как и суровое северное море, неприметно завораживали наши со стариком души, и мы опять на какое-то время умолкали. Сидели в сумраке приземистой избы, но молчание это нас не одолевало.

- Только бы жить, да наживать счастье, - тихим голосом, еле слышно, произнёс старик. И уже приободрившись, в следующий миг весело заметил:

- Вот видишь, и тебе на что-то сгодился!

Когда-то, давно, у старика, оказывается, была жена, но, похоронив её, он ушёл из посёлка, и теперь коротает остаток жизни в строгом уединении. Щербина небрежно махнул рукой над пылающей печкой… Правда, иногда из города приезжает сын, но это случается редко.

По его словам, он ещё полон сил и крепок – по зиме, по-прежнему, ставит капканы на лису, соболя, стреляет белку. Всё как раньше, когда государство оценило его заслуги орденом Ленина. Вот только ноги теперь иногда подводят: ходит Щербина, опираясь на две гладко выструганные палки, торопиться ему некуда.

Когда сил хватало, и глаза хорошо видели, старик охотился и на медведя – около сорока зверей положил за свою жизнь, точно не вспомнить. Бог миловал, и его ни разу не задело: из всех ситуаций выходил легко, особо не задумываясь и подолгу не задерживаясь на приключившемся несчастье, которое случалось редко.

Сам Щербина не мог объяснить, почему так происходило. По лёгкости характера и данной от Бога удачливости ему не суждено было мучиться

подобными мыслями. Жил он просто, не зная сильных огорчений и глубоких переживаний, и была, наверное, в этом особая мудрость – спокойная, верная.

По своему глубокому убеждению, старик имел большое преимущество в сравнении с посельчанами: жил он на отшибе. Он не создавал ничего нового, и именно этим качеством отличался от них. Люди в посёлке всегда стремились к чему-то, в результате чего наступал хаос, и возникало состояние беспокойства. В понимании этого Щербина был непоколебим. Неспокойные люди изрядно докучали старику, и он уединился, вовсе не считая себя одиноким безмолвным утёсом.

В любом современном городе или посёлке нет такой наполненной тишины, которая необходима людям, она живёт только в лесу, у моря. Море помогает людям обрести свои растерянные мысли, и рядом с ним тебя никогда не застаёт безразличие. У моря хорошо жить в любом возрасте – одиноким стариком или малолетним юнцом: того и другого оно неминуемо коснётся своим благотворным дыханием.

Старик всю жизнь прожил у моря. Он родился в этом мире и не без оснований считал, что знает его назубок, хотя ему ни разу не довелось заглянуть за его горизонт.

Лицо старика отражало все жизненные страсти в той степени завершённости, когда уже вряд ли что-либо может случиться. Глубоко посаженные, затуманенные морской далью глаза излучали только мудрость и простоту, овеянную долгой чередой лет. И хотя в них ощущалось что-то глубоко затаенное, даже - затверделое, взгляд всё же оставался ясным – таким его сделала морская синева.

С годами старя тело, время как будто оттачивало чистоту его лица. Длинный с горбинкой нос завершался добродушными ноздрями. Тонкий разлёт затерявшихся в седых усах и бороде губ, по-мальчишески вздёргивающихся в простой, доступной улыбке, свидетельствовал о скрытой силе. Лицо старика было тронуто умудрённой усталостью.

Старость не коснулась и его способности к длительным пешим маршрутам по полуострову в любое время года: ходить ему приходилось немало. Не то, чтобы старик сумел сохранить неиссякаемый запас оптимизма или неистребимую веру в свои силы, однажды великодушно дарованные ему природой, а просто с годами, в силу того образа жизни, который он вёл, в нём установилась исподволь успокоенная убеждённость: всю красоту окружающего мира, что покорила его мудрым покоем, он успел сделать и своей… Ему не о чем было тужить.

Не было у старика никаких безымянных мыслей, зыбких в своей недостижимости желаний, а было годами установившееся понимание жизни у моря, нежелание что-нибудь в этой жизни менять. Правда, иногда, в какой-нибудь тёплый мартовский полдень, что-то мимолётное, внезапное и очень близкое, точно пробуждение утренней птицы, касалось старика глубоким и безнадёжно утраченным воспоминанием, и тогда он часами сидел, глядя на

море, как будто чего-то ждал, зная, что оно уже никогда больше не придёт и не сбудется, словом, не повторится.

Но всё это не очень огорчало Щербину. К услугам его была окружающая природа, упорядоченная, без особых всплесков и падений работа добытчика зверя, которая составляла всю его жизнь, бесхитростные стариковские радости, закономерный риск. Непонятная и далёкая его взгляду жизнь больших городов, словно содержимое закатанной консервной банки, была недоступна, даже, можно сказать, безразлична ему, и только холодными зимними вечерами тешила его старческое воображение. После бесчисленных забот и треволнений, связанных с поиском и добычей зверя, старику было очень приятно помечтать о бесплодной, как ему казалось, жизни на материке, и в глубине души посмеяться, развлекая себя незамысловатыми представлениями из жизни непутёвых горожан.

В такие спокойные вечера у растопленной печки все тайны легко и просто раскрывались перед ним, и ему представлялось, что он знает этот старый мир с самого рождения, всё ему доступно и понятно, он в состоянии помочь любому нуждающемуся в постижении скрытых истин. Долгие годы отшельничества отгородили его от не прекращающихся в этом мире несчастий, людского отчаяния и ненависти – всего того, что не минуло когда-то и его. Теперь, не забывая о существовании этой грубой стороны жизни, он в то же время ни на минуту не сомневался в торжестве красоты, которую можно было обрести, по его мнению, только в одиночестве: в лесу, у моря…

Едва только приходила весна, жизнь для старика становилась теплее. Он чувствовал это особенно остро, когда яркое солнце и сырой будоражащий сердце ветер с моря заставляли корни деревьев гнать вверх сладкий живительный сок, а согретые им стволы лиственниц, распуская пышные игольчатые ветви, заглядывали в приземистые окна избушки.

День ото дня всё быстрее появлялась молодая листва и всё ярче зеленели склоны близлежащих холмов. Вечерами, когда солнце начинало клониться к закату, его лиловые лучи, отражённые в пахучей морской воде и проскользнувшие в комнату, создавали необыкновенную картину на дальней стене, у самой печки. Улёгшись на скрипучую деревянную койку, старик подолгу наблюдал за ними, тихо радуясь в душе, и слушал, как по-весеннему шумит море.

Вот из таких мало приметных, никем не замечаемых событий и складывалась его жизнь, и старик знал цену каждого мгновения, не пропуская его просто так, мимо. Будничный, неистощимый день наполнял его тысячами забот, радостных сердцу, несмотря на свою повторяемость. Жизнь вокруг не изменялась – она оставалась прежней, и безудержная спешка не одолевала старика. Всё он делал не торопясь, основательно, с душой, потому как чувствовал: познать и проникнуть в окружающий мир суждено только терпеливому и наблюдательному человеку.

Да и однообразие окружающей его жизни не было, как ни странно, монотонным – оно таило в себе залог душевного здоровья и равновесия, без

которого старик не представлял своего существования. Вставая до рассвета, он растапливал печь, с удовольствием наблюдая, как оранжевые языки охватывают в свои жаркие объятия упругие берёзовые чурки, будил Коменданта – подслеповатого кобеля-лайку, последнего из помёта, оставшегося в живых, шёл к роднику, где подолгу, то и дело сливая и вновь набирая в деревянную крепкую кадку студёную воду, добивался исключительной её чистоты, а затем нёс в дом, стараясь не расплескать ни капли, и, устанавливая осторожно на лавку у светлеющего окна, отмечал про себя, какая она прозрачная на вид. Потом старик готовил нехитрый завтрак, съедая его пополам с Комендантом, и, заблаговременно подбросив в печь пару-другую поленьев, отправлялся в лес.

Перед самым вечером, о наступлении которого он угадывал по лёгким теням, падающим от замерших деревьев, старик не спеша, по уже накатанной лыжне возвращался домой, готовил ужин, ничем не отличающийся от завтрака, потому как еда была одна и та же – хлеб, медвежатина, солёная рыба, картофель, чай, и, сначала накормив возбуждённого от переутомления пса, усаживался за стол сам.

Бывало, охотясь и ставя капканы в лесу, он заходил очень далеко, не возвращаясь в избушку по нескольку дней кряду. Старик отнюдь не искал острых ощущений, к которым уже успел достаточно привыкнуть, приняв их как неотъемлемую часть собственного одинокого существования. Он лишь терпеливо и размеренно исполнял то, к чему его обязывал давно сложившийся рабочий уклад, и те неожиданности, что выпадали на его долю, обычно не заставали его врасплох.

Передряги не сделали его угрюмым и мрачным даже тогда, когда всё, казалось, было против него. Однажды осенью, проходя вверх по реке и желая проследить, как далеко зашла в этот год кета, он угодил левой ногой в оставленный кем-то, по безумной неосторожности или забывчивости, капкан. Удар его был очень сильный, но на счастье капкан не был привязан к бревну, и, несмотря на поднимавшуюся в ноге с каждой минутой тупую боль, старик, всё же, кое-как доплёлся к ночи до избушки.

Раненая нога заживала медленно: глубокий порез никак не мог закрыться, до мозга щемящая и въедливая боль, от которой дурно становилось во рту, не проходила, да и кость срасталась совсем не так, как это было нужно. Нога так и не выздоровела вполне: старик передвигался с трудом, опираясь на палки и слегка прихрамывая. Особое неудобство это создавало, когда приходилось набирать воду или нести из сарая дрова. Выносливости Щербине было не занимать – он достаточно претерпел в жизни несчастий, чтобы уделять им особое внимание, но вот везение не всегда оказывалось на его стороне.

А этой весной к нему пришёл медведь… Медведя привлёк ароматный запах крови и живой плоти самки ларги, выброшенной недавним штормом неподалёку от дома на узкую песчаную косу. Зверь спустился с ближайшего холма – косматый, громадный, с обагрившимся ненасытным взглядом, желая

одного – утолить одолевший его в пустые весенние дни неукротимый искус насыщения. Потеряв всякую осторожность, жадно обуреваемый этим естественным для себя стремлением, медведь выбрал самое недобычливое и убогое во все остальные времена место – жилище человека.

Старику мешала незаживающая нога: она не позволяла быстро обернуться за карабином, висевшим в сенях на гвозде. Щербина понадеялся на собак, но всё было тщётно: Ласка с Комендантом, увлёкшись игрой, не чуяли запаха зверя из-под лёгкого ветерка, налетающего временами со стороны моря. А лохматая морда медведя подалась совсем близко, так что маленькие глазки, подёрнутые полубезумной проницательностью извечно лесного жителя, слегка скользнули над землёй и остро впились в лицо старика.

Щербина выдержал этот взгляд, и чудо свершилось: собаки неожиданно выкатились с противоположной стороны разномастными шарами и, уцепившись за бурую шерсть задних звериных ног, повисли на них. Не чувствуя боли в ноге, старик рванулся к ружью и, уже снимая его со стены, расслышал сквозь рык остолбеневшего медведя безнадёжно просачивающиеся, словно бордово сгустившиеся ягодки крови, тонкие завывания задранной Ласки. Волна отчаяния опять на короткое время охватила душу, но через секунду жалость отпрянула, и, спокойно отыскав мушкой нужное место, он нажал спуск.

Большая мохнатая голова медведя дрогнула, зрачки, сузившись, сверкнули безумной животной болью, и раздалось вдруг глухое, исходящее из самого его нутра хлюпающее фырканье, которое тут же сменил истошный рык, обращённый к высоко светлеющим в небе облакам. Зверь, вскинувшись от выстрела на задние лапы, неуклюже двинулся на старика тёмно-бурой грозовой тучей, но, не сделав и нескольких шагов, опустился на четвереньки и, выдохнув горячий, утробный смрад, устало повалился набок.

Это был последний медведь Щербины, встреча с которым ещё раз скрепила невидимой печатью его близость с вековой чащей, но и не дала отклика на окончательную и полную его причастность к жизни леса, на право беспрепятственно брать из его закромов, не принося никакой жертвы. Примером тому была Ласка, терпеливо затихающая под рукой своего хозяина…

Вот так, просто и непритязательно, жил старик в своей уединённой обители, слывя в посёлке за равнодушного чудака, а я проводил у него вечера напролёт, и слушал обо всём, что он претерпел в жизни. И ни о чём не думал, только любил его, восхищался и радовался этой обыденной жизни человека в лесу, у моря. Может быть, никогда я так трепетно и с такой благодарностью не воспринимал её, и в то же время не знал, что делать и как жить, чтобы достойно использовать эту замечательную возможность вглядываться во всё, вслушиваться и любить…

Для всего этого требовалось быть настоящим мужчиной, каким стал этот старик. Неприхотливая жизнь словно обнажала его изначальную суть,

которую он, должно быть, никогда и не утрачивал. Жизнь шла незамысловатым чередом, тем не менее, предрекая и возбуждая в старике пока ещё тёмное знание своего истинного назначения. И однажды оно ему открылось…

Незадолго до нашего отъезда он, всё-таки, рассказал мне, как оно пришло к нему в виде большого чёрно-бурого лиса, на которого старик охотился целый год. Но лис не подпускал его, и Щербина уже было совсем отчаялся, пока, наконец-то, не представилась возможность увидеть зверя прямо перед собой. Он тогда преследовал его почти весь зимний день, совершенно выбился из сил, и только к вечеру до него неожиданно дошло: лисовин не приблизит его к себе с оружием…

Щербина хорошо помнил, как что-то неуловимое и тяжёлое навалилось ему в тот момент на плечи, и он медленно стянул карабин и, отступив на шаг с лыжни, повесил его на ближайший еловый сук. А потом он увидел его: аккуратно обернув вокруг себя пушистый с белым кончиком хвост, лис, как будто не замечая присутствия человека, спокойно поглядывал в чернеющий справа лес. Глубоко посаженные янтарные глаза его смотрели невозмутимо, холодно и зорко.

Старик был поражён красотой лиса и сразу подумал, что никогда не причинит ему зла. Он не убьёт его, потому что это просто недопустимо, и даже если такое стало бы возможным, старик всё равно не смог бы совершить выстрел… Он, оказывается, сроднился с этим зверем и без него чувствовал себя одиноко.

Каждый день старик неминуемо возвращался в своих мыслях к лису, а в последнее время зверь приходил к нему даже во сне. Больше всего старику хотелось стать этим вольным, прекрасным зверем, чтобы лёгкой, сноровистой тенью скользить на рассвете по краю опушки, выискивая зазевавшихся на жировке зайцев, или, игриво перевернувшись на спину, тереться роскошным мехом о пронизанный светом лазурный рассыпчатый снег… И ещё бежать неприметной трусцой по выбитой в снегу звериной тропе, когда светит луна, и мороз, до пугающего временами треска в коре, сковывает стволы деревьев, а лапы ступают легко, бесшумно, воздушно…

Уже дома, куда он с трудом добрался к глубокой ночи, Щербина осознал: нет для него более жизни иной, чем, наблюдая из года в год за рождением мира, быть в нём неотъемлемой частью, той косточкой сердца и разума, что позволяет делать его осмысленным и нужным. И этот прекрасный лисовин – тоже часть всего сущего, а значит, и его жизни, и он не должен был убивать его, иначе все предшествующие смерти, принесённые им в жертву обретённому знанию, были бы бессмысленны и ничтожны.

Неожиданно пришедшее понимание, что и он, и лисовин, и протекающая под боком река, полная рыбы, и поселковые жители есть одно целое, и что старик нуждается в них точно так же, как нуждаются в нём, наверное, и они, сначала тихо поразило, а затем успокоило. Янтарные глаза лисовина, на миг остановившиеся на нём в последний момент, соединили его

сердце с несчётными поколениями других таких же, как он, охотников и рыбаков, и он понял, что его судьба неотрывна от судьбы людей так же, как судьба леса неотделима от судьбы всей земли…

Находясь теперь со мной в сладком полусне воспоминаний, разморённый жаром печки и потрескиванием дров, старик открывал для нас обоих смысл собственного существования. С растекающимся по всему телу теплом приходила твёрдая и спокойная убеждённость в то, что жизнь замечательна своей нескончаемой дорогой, и она прожита не зря, если ты успел ощутить ясное осознание своего единства с окружающим миром.

- Честно признаться, от вас мне в эти дни большая радость случилась, - с благодарностью произнёс я. – Главное, чтобы сердце у вас было в исправности.

- Ну, так и быть – поверю твоему слову! Ты приходи ко мне почаще, пока вы ещё тута. И вот ещё что: до мыса Марии сбегай, не пожалеешь. Там один затворник обитает, вроде меня, только что помоложе… Тагиркой зовут. Благословляй тебя Господь, душа моя!

Когда я уходил от старика, то всегда чувствовал чудесное стеснение в сердце, что возникает только при мысли о настоящем человеке. Мне приятно было думать о нём, даже когда нами завладела увлекательная подводная работа, и мы опять становились насквозь морскими, исследуя все близлежащие бухточки на предмет нахождения в них нерестилищ сахалино-хоккайдской сельди. И полуостров Шмидта тогда становился для меня ещё более особенным и родным.

До мыса Марии путь не далёкий и не близкий: всего каких-нибудь двадцать миль. Если выйти рано поутру, как объяснил мне Щербина, и правильно рассчитать время отлива и прилива, то к вечеру обязательно доберёшься в это заповедное место. Заповедным оно представлялось потому, что завершало собой вместе с мысом Елизаветы весь остров Сахалин, и было значительно удалено от людей, поражая своей нетронутой дичью. Ещё там жил отшельником относительно молодой маячник, а возле маяка, на самом краю обрывистого берега, сохранился будто бы в полной неприкосновенности старинный сигнальный колокол. К тому же, сама возможность пройти в одиночку это расстояние необжитым лесным берегом казалась мне необычайно заманчивой.

Поначалу берег здесь имеет вид сплошного песчаного обрыва, большей частью жёлтого цвета, и ты пройдёшь не одну милю, прежде чем поймёшь: самое интересное находится у уреза воды… Особенно в отлив, когда, оголяясь, каменистый берег поблескивает в себе разными цветами, зовёт побыть с ним некоторое время и, быть может, даже позабыть обо всём…

Я иду по самому краю открывшегося дна, камешки вперемешку с песком приятно похрустывают под ногами, и солнце так радостно высвечивает эти жёлтые застывшие обрывы, что не представляешь для себя

иной жизни. То и дело останавливаясь, я присаживаюсь на колени и с увлечением разглядываю маленькие раковинки, пятнистые звёзды, необычной расцветки камни. В одном месте таких камней попадается сразу несколько, между собой они очень похожи и лежат почти рядом.

Даже при первом взгляде становится понятно: когда-то давно их касалась человеческая рука…Все они тщательно отшлифованы и имеют разнообразную форму: это несколько припухлые и совершенно правильные круги, квадраты и треугольники, значительно удлинённые прямоугольники и ромбы. Цвет камней напоминает все береговые оттенки с лёгким туманным налётом…

Ещё камни оказываются неожиданно легки и на ладони совсем не ощущаются… Взяв самые тонкие, я попробовал ударить ими друг о друга: к удивлению, послышался изящный и очень требовательный звук. Навряд ли камни использовались древними людьми как музыкальные инструменты, скорее, они играли роль каких-то амулетов, которые можно было повесить на груди или положить в мешочек…

Я тоже кладу их в карман и тотчас натыкаюсь у самого уреза воды на окаменевшие внутренности маленьких витых раковин, когда-то попадавшихся мне южнее, у мыса Жонкиер. Это туринделлы, сохранившие в обкатанном камне известково-белый рисунок изнанки своего панциря. А через несколько шагов в глаза бросается то, от чего перехватывает горло: ещё не обсохшая от воды, прямо передо мной лежит каменистая чёрная пластинка, в середине которой чётко, до мельчайшей подробности, желтеет отпечаток какой-то причудливой раковинки… Как точно воспроизвела и сохранила природа все её линии, и как повезло мне, что я нашёл её здесь по истечении многих тысячелетий, пока она покоилась на этом удалённом от людей морском берегу!

Далее на север в песчаных обрывах изредка начинают попадаться крутые каменистые разлоги, из которых к морю ниспадают хрустальные водопады. Со стороны их обычно не видно, и, только приблизившись вплотную, обнаруживаешь, к своему удивлению, широкую, гладко отполированную водой чёрную полосу на пологой стене, и прохладная морось приятно обдаёт твоё лицо. Задрав голову, с замиранием духа смотришь, как через каменистый разлом ухают вниз бурлящие потоки воды, и в них призывно играет множество изломанных радуг.

Полюбовавшись так немного, решишь вдруг забраться по мощным уступам к самому верху, чтобы увидеть, как будущий водопад вырывается из глубины полуострова. Скользкие камни то и дело подворачиваются под ногой, а несущиеся навстречу потоки так устрашающе урчат, что даже не помышляешь смотреть вниз. Только вперёд, к вершине, где ждёт тебя укромный коридор из вьющихся лиан, сырых обкатистых камней и первозданной свежести горной речки. За всем этим – тайны сахалинской природы и их не пугающая нескончаемость.

Часто обрывистый берег вдруг уступал место отлогим распадкам, где прятались устья небольших речек и ручьёв. На первый взгляд ничем не выразительные, с моря они тоже производили впечатление примелькавшейся сахалинской обыденности. Значительной растительности на их склонах не было видно ни какой, сами распадки вместе с ручьями казались словно втиснутыми и в без того придавленный берег, и на душе от представшей картины становилось безрадостно и пусто.

Но стоило всё же пройтись немного по берегу устья, чтобы поразиться обилию кишащих в нём лососей… Я глядел на их толстые тёмно-синие спины, плавно двигающиеся головы, плавники и хвосты, и пустынный берег уже не казался таким безликим, низко нависшее небо – безжизненным, а бесконечный песчаный пляж – равнодушным. Всё вокруг удивительным образом оживало, речка начинала двигаться, и что-то уже влекло тебя отправиться по её руслу в самую глубь острова.

Там ты обнаруживал нечто невиданное, существующее какой-то обособленной и скрытой от глаз жизнью: тебе открывалась сказка, до которой свободно можно было дотронуться. Осторожно погладить изумрудные и мягкие листья, полной грудью вдохнуть их диковинные запахи… И ещё жадно смотреть вокруг на эти чудесные переплетения растительности, влажную тишину и такую нереально чистую и выпуклую воду, что казалось – река сама подымает к тебе на своих ладонях каждый камешек с переламывающегося прозрачного дна…

В северной своей части берега полуострова Шмидта высокие и скалистые. На склонах прибрежных гор растёт хвойный и смешанный лес, который молчаливо смотрит в тебя из глуби своим тёмно-зелёным глазом. А внизу неприступные утёсы уже охвачены всё наступающим приливом и пройти там можно, только высоко подняв болотные сапоги. Местами даже приходится карабкаться по отвесным стенам, с трудом находя расщелину или выступ, за которые удобно было бы зацепиться…

Море вспенивается у подножия нахмурившихся скал, глубоко ударяет им подвздох и ненадолго отступает. Этот миг надо использовать, чтобы успеть преодолеть как можно большее расстояние. Только изредка успеваешь взглянуть вверх, где в редких впадинах между камнями усаживаются чайки, топорки, морские курочки и тупики. Они, без умолку, кричат, то и дело взлетают и вновь усаживаются на голые камни, без всякой надобности кружа над прибывающей водою. Внизу же осклизлые чёрные стены облеплены наросшими на них за долгое время сиреневыми полипами и жемчужным ракушечником.

Опираясь рукой о каменную стену, осторожно ступаешь по мокрым камням, а ракушечник иной раз так саданёт по ладони острыми краями, что в пылу этого необычного следования у самого моря ничего и не заметишь, кровь же вскоре останавливает перенасыщенная солью вода. Весь уже мокрый и оглохший от беспокойного вскрикивания морских птиц, неутомимо пробираешься вдоль скал и чувствуешь, как гул из глубины моря,

порождая этот неудержимый прилив и неимоверно будоража чаек, входит и в твою душу. Он вливается в неё так обезоруживающе мощно, что у тебя просто не хватает сил ему противостоять. Да ты и не желаешь этого, и втайне мечтаешь с ним соединиться, чтобы так же безумствовать в своей силе, куда-то рваться и никогда не уставать.

А вскоре показался и мыс Марии с маяком, ограничивающий залив Северный с юго-западной стороны. Поначалу почему-то подумалось, что мыс назван в честь старшей дочери Николая 11, пожалуй, самой обаятельной и мудрой из всех. Как мне показалось, он производил впечатление такой же мягкости и скрытой силы. Вероятно, это являлось плодом моего воображения, но думать так было очень приятно. И хотя впоследствии выяснилось, что мыс Марии назван именем матери русского императора Александра 1 вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, моё впечатление о нём не изменилось.

С северо-востока же залив завершал мыс Елизаветы, что получил своё наименование в честь императрицы, приходившейся уже супругой российскому императору Александру 1. Это произошло в 1805 году, когда Иван Фёдорович Крузенштерн, во время своего пребывания в Татарском проливе, назвал мыс в её честь. Незримый царский дух витал здесь повсюду, и даже горы спускались к морю широкими террасами величественно, подобно могущественному трону…

О нём напоминал и старинный сигнальный колокол, который я так хотел увидеть. Всего их сохранилось по Татарскому проливу четыре: на мысу Крильон – южной оконечности острова Сахалин, на мысу Жонкиер, что неподалёку от города Александровск-Сахалинский, третий – на противоположном материковом берегу у мыса Сюркум, и последний – здесь, на мысу Марии…

Кстати, в старину колокола играли огромную роль – будили и созывали, радовали и тревожили. В Турине пользовался известностью так называемый «хлебный колокол»: в ранние утренние часы по его ударам хозяйки принимались печь тесто. В Бонне был знаменит «колокол чистоты», который созывал горожан подметать улицы. В Гданьске звучал «пивной колокол», только с позволения его медного голоса открывали по вечерам двери питейных заведений, а в Париже несколько иную роль играл «колокол пьяниц», призывающий их возвращаться домой.

Колокола так и различали: «трудовые» и «добрые», созывающие на работу или оповещающие об отдыхе; «непокорные» - зовущие к восстанию; «набатные» - собирающие на бой воинов; «охранные» - звучащие только в непогоду, чтобы указать путникам дорогу к укрытию. А ещё существует колокол судовой, предназначенный для подачи звуковых сигналов на судне. С помощью его отбивали склянки, на языке моряков – полчаса, отмечающие начало работы и отдыха, принятие пищи, богослужение, пожар или появление неприятеля. Впервые судовой колокол появился на английском флоте во второй половине 15 века, считалось, что он отпугивает «злые

силы», будто бы населяющие моря. Располагали судовой колокол поначалу на корме, иногда – в средней части корабля, а позже – на носу.

Особая судьба у колокола, который висит в центре страхового зала «Ллойда» - ллойдовский бронзовый колокол. Чаще всего можно встретить утверждение о том, что вот уже более двух столетий два скорбных удара в этот колокол возвещают о гибели очередного судна. Но в позапрошлом столетии в него стали звонить ещё и перед тем, как огласить важные события: один раз, когда приходили хорошие известия, два – когда дурные.

Знаменитый колокол изготовлен в 18 веке во Франции для 32-пушечного фрегата «Лютина». Он был захвачен англичанами в Тулоне и стал нести службу в составе британского флота. 10 октября 1799 года «Лютина», с грузом стоимостью до 1,2 млн. фунтов, затонул во время шторма. Груз был застрахован у «Ллойда» на 900 тыс. фунтов стерлингов. «Ллойд» быстро и полностью возместил все убытки владельцам судна. По тем временам это была баснословная сумма.

На протяжении многих лет неоднократно предпринимались попытки найти груз «Лютина». Это удалось лишь частично. Был поднят и судовой колокол.

Колокол у мыса Марии, на севере Сахалина, сохранился в полной неприкосновенности. Мало того, был он ухожен, почищен и отделён от любопытных рук свежевыкрашенной оградкой. Раза в три превышающий по размерам крильонский, колокол возвышался в нескольких метрах от обрывистого западного берега и, всей своей ощутимой тяжестью нависая над морем, таил в себе, должно быть, удивительные истории…

Низ колокола окаймляла отчётливая древнерусская вязь: «Лит в заводе торговаго дома потомственнаго почётнаго гражданина П. И. Оловянишникова и сыновья в Ярославле весу 48 пудов 17 фунтов /1882 года/.» Сверху, словно умиротворяющий и несущийся из души Вселенной навой благолепно оповещал: « Благовествуй земле радость велию. Хвалите небеса Божию славу».

В силу времени отлучённый от своей неугомонной жизни и сохраняющий теперь, по большей части, покой, он всё же излучал благодарность за доброе отношение к себе. О чём молчал он и сколько пережил в душе такого, что могло бы украсить жизнь не одного человека?! Не о том ли, как остерегал от беды отважных мореплавателей, как целый век слушал заунывные завывания северо-западного ветра и шорох льдин, сталкивающихся по весне у его берегов, и о первозданной тишине полуострова Шмидта, его нескончаемых лесных снах у самого моря? Наверное, он знал и о старом охотнике Щербине, живущем в двух десятках миль южнее, и ещё о многом другом, что ты, конечно, не успел увидеть здесь за два месяца пребывания и о чём даже не догадывался.

За изогнутой и крепкой спиной колокола неудержимо взбегала к облакам крутолобая гора Глена… Вообще, во всей тишине и чистоте окружающего пейзажа ощущалась чья-то волевая знающая рука. И у маяка, и

у колокола, и у самого мыса был, оказывается, свой хозяин, которому совсем недавно, как я узнал позже, перевалило всего лишь за тридцать. Звали его Тагир Исмагилов…

Для человека, обладающего столь солидной ответственностью, тридцать лет – возраст не такой уж и малый, чтобы завоевать доверие предметов, для большинства являющихся неодушевлёнными, а ему представляющимися живыми. Это был человек, слившийся с витающим над мысом вольным духом, душа его была наполнена светом, и колокол молчал и по нему тоже.

Невозможно было сразу не обратить внимания на такую черту его характера, как жёсткость, подразумевающую, конечно, и дисциплинированность, и неутомимость. Всё это, скорее, выражало одно свойство характера, без которого не обойтись мужчине, - внутреннюю силу.

Бывает, у человека стоит в глазах тёмная вода, случается в них и свет, а у Тагира взор разил огнём. Взгляд был острый, цепкий, порой – просто испепеляющий, и, глядя в его глаза, думалось: видит он тебя без остатка, всю твою суть, и как бы ты не крутил душой – бесполезно, верное представление о тебе составлено, и ему лишь интересно – можно ли от тебя ожидать чего-то большего. Прищур его глаз, должно быть, редко для кого был выносим, и я за наше короткое знакомство так и не привык к нему, всё время думая, что Тагир видит во мне что-то такое, чего я сам о себе не ведаю, а если бы он и поведал о нём, то уж точно это бы меня не обрадовало… Словом, Тагиру было присуще какое-то внутреннее знание обо всём, что его окружало, и трудно было не поверить тому, что он видит насквозь, несомненно, обладая этой самой внутренней силой.

Два раза в году на траверзе мыса бросало якорь судно, доставляющее горючее, провиант и необходимые инструменты. Всё же остальное время приходилось проводить в одиночестве. Люди забирались сюда редко: в основном это были местные охотники-нивхи и рыбаки, ежегодно приезжающие на путину.

Несмотря на положение отшельника, от людей он никогда не бежал, но что-то было в нём затвердевшее, раз и навсегда зарубленное для себя. Он вызывал чувство уважения, а своей цепкостью и стремлением доводить любое дело до логического конца – даже щемящее чувство восхищения. Этого так недоставало многим другим, с кем я имел дело, и становилось грустно от того, что им уже никогда ничего не суждено было в себе изменить, а Тагир утверждал знание о своей и окружающей его жизни каждый день.

Прямота его была истинная, не терпящая какой-либо фальши. Он много знал, прекрасно представлял себе современную литературу, и это было несколько неожиданно. Ведь свободного времени для чтения у него почти не оставалось – на плечи ложилась прорва хозяйственной работы: подъём воды на утёс, заготовка дров, сменная с женой служба на маяке, постоянная возня с двигуном, словом, не соскучишься.

А тут ещё медведи одолели… Особенно последней весной, когда старый зверь зажал его на узкой приливной полосе, между отвесными скалами и морем. И, как назло, не захватил он с собой ружья: таким оно, по привычке, представилось ненужным, когда следовало отлучиться от маяка неподалёку.

Медведь пошёл на него, как будто зная, что человеку некуда деться. Наверняка он так и думал и ожидал лёгкой для себя добычи, но выручили собаки. Без них пришлось бы туго и, должно быть, не привелось бы нам говорить сейчас обо всём этом…

Но больше всего досаждало одиночество, к которому бы уже давно следовало привыкнуть, и всё же, временами, оно наваливалось неприятной глухой тенью. Особенно зимой, когда, казалось, всё вокруг умирало. Сердце нещадно холодело в её выстуженном крошеве и метелях, и так хотелось вырваться к людям…

Однажды жену пришлось срочно отправить на материк – что-то серьёзное стряслось с матерью. Напарника, сменившего её, вскоре задрал медведь, и Тагир остался один. А потом разбушевалась сильная пурга, чуть ли не на неделю, и уж совсем некстати разболелись зубы…

Выпил бутылку водки – ни в одном глазу, и зубы по-прежнему ноют, хоть ходи по потолку. Взял плоскогубцы, но одолел только один, остальные оказались не под силу. Взвыл тогда зверем от боли и безысходности, а пурга всё заметала и заметала…

… Теперь на полуострове стоит весна, над берегом осторожно крадётся тихий вечер, и огонёк печурки приятно потрескивает на самом верху маяка. Мы лежим на пушистой медвежьей шкуре, пьём неразбавленный спирт и всё говорим, говорим, говорим, втайне умирая от верности к выбранной жизни и друг другу. Всё нам кажется сейчас понятным и достижимым, и мы знаем, что так оно и есть, а море шумит где-то внизу, ровно как плачет или к кому-то взывает…

- Как же долго я тебя ждал, - устало улыбаясь, тихо проговорил Тагир. - Почему-то не покидало ощущение, особенно в последнее время, что кто-то появится, что-то произойдёт… Видимо, в этом назрела острая потребность.

- Раз ты пришёл сюда, в этот мир, значит, ты должен всё пройти… В этом заключается смысл жизни на Земле.

- Всё достаточно просто.

- Не стоит убегать от себя, упуская возможность познать счастье.

- А счастье откроется, когда ты примешь все возникающие перед тобой проблемы и научишься их решать?

- Да, и счастье без решения этих проблем существовать не может. Зачем лишаться того, что сделает тебя лучше?

- Скажем, вот это, неприютное, на первый взгляд, безжизненное море?

Мы оба смотрим туда, в это необъятное водное пространство, кажущееся нам сейчас самым дорогим, без которого мы не представляем себе

своей жизни. И оно будто отвечает нам, радуется, что к нему обратили внимание свои жизни люди, без которых оно себя не мыслит.

- Я только недавно понял, что в море нужно, как и в жизни, принять и этот его неприютный, кажется, безжизненный мрак, и радостную синеву, пронизанную солнцем. Всё хорошо, и счастье можно обрести и в темноте, если будешь видеть в ней свет. Оказывается, глупо было бы стремиться только к счастью, к одному благу, без ограничений и препятствий оно существовать не может.

- Опять выходит, что всё устроено очень просто, и человеку по силам устроить подобное в собственной жизни?

- Сила, на самом деле, находится внутри нас.

- А в чём она заключена? Откуда она берётся?

- Наверное, в мыслях, которые непременно нужно осуществить, вернее – воплотить, в общем, следовать им, но только чтобы они были жизнеспособны…

- Как всё-таки хорошо, что мы оказались у моря, именно оно нас соединило…

Я улыбаюсь всему, переживаемому сейчас в нашей жизни, и неожиданно, в такт набегающим где-то внизу волнам, шепчу:

- Море моё, море моё, море моё…

- Ты его чувствуешь?

- И слышу всегда, даже когда его не вижу. Оно как будто присутствует рядом, а набегающие волны, одна за другой, повторяют удары сердца.

- Мне кажется, что море безразлично к человеку…

- Но его щедрость безгранична, и при умении ей можно, наверное, воспользоваться. Так бы я начал свою книгу о море, если его образ когда-нибудь встанет передо мной во всей своей великой мощи, сквозь которую мне ещё суждено пройти. Вернее, соприкоснуться с мудростью водной стихии, что, не переставая, на протяжении длительного времени, тревожила мою душу, но приближаться не желала. Я сам должен был обратиться к ней, вглядеться в суть происходящего и сосредоточиться на осуществлении задуманного. Стоило только захотеть, и всё получалось. Нужно было лишь совершить шаг…

- Когда ты так говоришь, я верю, что всё возможно.

- У меня не бывает иначе… Смотришь на море – и объемлешь его всего. Или оно втекает незаметно в тебя, и ты чувствуешь, что делает оно это незаметно, ничуть не смущая тебя, и ничем не досаждая. Море с тобой, оно никогда тебя и не покидало. Только ждало, что ты опять обратишь к нему свой взгляд…

- Я чувствую и переживаю то же самое.

Мы смотрим сквозь толстое стекло маяка в нескончаемую туманную даль, где нежно-розовое солнце мягко утопает в водах Татарского пролива, и в душе неминуемо рождаются мысли, многочисленные, как морской песок, как набегающие на берег волны, как птицы, витающие над необъятной

водной стихией, как невидимые существа, скрывающиеся в её неведомых глубинах… И там, в завораживающих своей необозримостью морских просторах, как-то подспудно угадывается что-то родное, оно и притягивает, и пугает. Благословенна жизнь, благословенно море, благословенно время, проведённое в непосредственной близости от него, даже – в нём. Во всём этом видится божественный промысел, и ты уповаешь на Господа, что Он причастил тебя к своему великому детищу… Радуйся!

- Как сложно научиться легко впускать в себя людей, - задумчиво произносит Тагир. – Я только сейчас, с тобой, начал осознавать это. А раньше почему-то никому не доверял. Наверное, просто не был готов к восприятию мира людей без осуждения, принимая их такими, какие они есть.

- И я только недавно вдруг осознал простую истину: если смотреть на мир с любовью, все проблемы неминуемо исчезнут. Внутри себя ты обнаруживаешь покой, а в окружающей природе и жизни – отражение Бога.

- Получается, на что человек обратил внимание в своей жизни, из этого он и строит в дальнейшем представление об окружающем мире?

- Да, и так он создаёт собственную жизнь, наполненную знанием, и лишь в этом случае научится с радостью отдавать. Ведь дарить можно только то, чем сам обладаешь…

- Хорошо, что есть такие замечательные и простые вещи, как море, камни, эти мощные лиственницы, хмурое небо и непроглядный туман… Глядя на них, обнаруживая их постоянно рядом, кажется, никогда не собьёшься с жизненного пути.

- Важно быть хозяином своих желаний и мыслей, чтобы они обязательно привели тебя к открытию для себя мудрой жизни. Зачем действовать наперекор её законам?

- Но отчего же тогда так много людей не делают этого, они оказываются совершенно беспомощными перед жизнью?

- Ты не поверишь, но ответ банален: они просто не хотят этого.

- Но мы-то с тобой очень хотим, иначе бы не оказались здесь и не встретились.

- Значит, мы всё делаем правильно, и Татарский пролив, и Японское море, и весь остров Сахалин – с нами. Ты это чувствуешь?

- Ещё как…

- А ты чувствуешь присутствие в здешних местах духа Марии – матери царя Александра 1, именем которой назван мыс, где ты обитаешь?

- Я даже не подозревал, что мыс назван именно в её честь…

- Кстати, по воспоминаниям современников, одна из самых обаятельных и добрых женщин при дворе…

- О женщинах – ни слова.

- Хорошо.

- Самое главное, что мы знаем – чего нам надо.

- А наши желания составляют суть этого мира…

- И мы можем решать в этой жизни любые проблемы. Важно – действовать, помощь придёт всегда. Вот как ты ко мне припёрся, преодолев за день 38 километров, а ведь тебе было страшно – вдруг там, куда ты идёшь, никого не окажется? Или что-то случится в дороге… Ведь здесь полно медведей, приливы, которые могут неожиданно прижать к отвесному скалистому берегу, да можно просто ногу в камнях подвернуть – и не кому будет тебе помочь. Но ты почему-то рванул ко мне?!

- Сначала так и было… Именно – рванул, боясь неопределённости, того, что ожидает впереди, и к чему ты не всегда сможешь быть готов, но вот постепенно как-то приходило понимание, что всё будет хорошо. Солнце вдруг неожиданно выступило из-за низких облаков, и высветило необычные камни у самого уреза воды, это был, несомненно, добрый знак, а когда попал в какой-то удивительный по красоте распадок с чудесными цветами, то и вовсе поверил в правильность выбранного решения. Ты знаешь, несмотря на отсутствие людей в этих безлюдных местах - ощущения одиночества не возникало. Чудилось всё время, что кто-то находится рядом. Причём, не человек. Но где-то оставленные тобой люди тоже не забывались, и будто даже помогали тем, что они вообще есть.

- Я рад, что кто-то, наконец, пришёл ко мне сюда просто так, из любознательности, а не с какой-то конкретной обязанностью доставить недостающую технику или провиант. В душе я ждал тебя. Не тебя, конечно, а просто какого-то хорошего человека. А когда увидел, как ты устало, с этим твоим рюкзаком поднимаешься к маяку, после только что случившегося прилива, чудом не прижавшего тебя к камням, даже захотел пожалеть, обнять, но только увидел глаза – опять вернулся в себя…

- Почему?

- Потому что осознал силу, которой не нужно помогать, а нужно понимать. Я и сам такой. Только ещё более жестче… И это, наверное, мне мешает.

- Ничто не мешает, если так есть. Это твоя жизненная драгоценность, незнание себя, которое предполагает дальнейшее развитие. Ты благодаря этому жить потом счастливо будешь много лет…

- У меня от жены вестей никаких уже второй месяц… Должна родить.

- На пустом месте ничего не возникает, у всякого события, пусть самого маленького, незаметного, есть своя причина. Она кроется в нашем поведении, последствии наших мыслей… Будет сын, вот увидишь. Ты же его очень хочешь?

- Да, в жизни очень важно проходить правильно разные ситуации, но иногда, когда оказываешься по многу месяцев один, начинает казаться, что ты их как раз и не проходишь, удалившись от всего мира…

- Ситуации, в которые мы попадаем, это – уроки, которые мы должны пройти. Ты сам определил ситуацию, в которой подолгу остаёшься один, а значит должен приложить усилия, чтобы её преодолеть. Ведь никто тебя

здесь не держит, ты в любой момент можешь прекратить это отшельничество, и принятие решения только за тобой.

- Ещё раз убеждаюсь, что тебя ко мне Бог послал. Это я сейчас осознаю совершенно ясно.

- Да, это Он призвал меня сюда, и я не воспротивился этому позыву в себе, и принял всей душой. Иначе, наверное, и быть не могло.

- Давай за это выпьем.

Конечно, кому-то, может быть, покажется странным, что в столь возвышенном и умудрённом жизненным опытом тоне могут рассуждать двое довольно-таки молодых парней, но и то верно, что этим двум молодым людям было уже за тридцать, и нам обоим к моменту нашей встречи немало привелось передумать и пережить. Я к тому времени уже пять лет проработал в море. Мы были честны по отношению к себе, а это большого стоит, учитывая, что чаще всего человек всегда находит оправдание своего бездействия на пути к тому, чтобы стать лучше.

Люди даже не подозревают, как они могут быть сильны, какие возможности открываются перед ними, когда они не покривят в отношении себя душой. Нам-то, как раз, всё представлялось простым и доступным, и мы были уверены, что поступаем верно, но разве расскажешь – как это тебе давалось… Главное, мы пытались жить так, чтобы не было стыдно, даже более того – нас переполняло ощущение радости и свободы! И уж совсем гиблым выглядело бы какое-либо отступление… Нет, всё в нас было обращено к поиску, борьбе, всё было пронизано неугасающей надеждой, что тебе откроется то, чего другим ещё не открывалось…

… Море внизу по-прежнему шумит, мечется неистово в скалах, но ничто не мешает нам оставаться совершенно свободными, вызывая в воображении и мечтах что угодно, и общение от этого только выигрывает. Так бывает всегда, когда встречаются два человека, сродни друг другу душою, два человека, которым есть что сказать. Сказать не в пустоту, а с уверенностью, что эта встреча, если даже она единственная, не изгладится из памяти и западёт в сердце на долгие годы, может быть, даже на всю жизнь, и тебя обязательно будут слушать потом и другие люди, воспринимая каждое твоё слово как самую необыкновенную, недостающую ценность.

Узкий разрез тёмных глаз Тагира поблескивает бесовским огоньком, весь холод недоверия от первого знакомства давно растопился в обступившем нас печном жару. Монголоидное лицо, чётко очерченные скулы, отливающие медным отсветом пылающего огня, ни капли лжи. Такое никогда не забудешь. Приятно ещё было в нём то, что, общаясь с такими людьми, понимаешь: зависеть от их воли, опыта, обаяния или дерзости тебе не придётся.

Люди часто зависят друг от друга больше, чем им самим хотелось бы. Это порождает враждебность, непонимание, жесточайший эгоизм. Ты можешь увести человека своими чувствами и мыслями туда, куда вздумается,

но не забывай: ты в ответе за него, верни его разыгравшееся сердце на землю, прежде наделив его частицей своей любви.

Зависеть от кого-либо и не погибнуть – это значит принадлежать навечно друг другу, даже если между людьми надолго легла вынужденная разлука. Когда ты зависишь от кого-то больше, чем тебе самому хотелось бы, чувствуешь себя на краю пропасти: и дух замирает от невероятности восхитительной высоты, и страх падения ложится на плечи цепенящей тяжестью. Но, сорвавшись однажды окончательно, ты порой обретаешь любовь…

Именно с любовью, так приятно расточившейся в наших сердцах этой ночью, мы прощаемся наутро, и я прошу у Тагира позволения ударить в колокол… С волнением вхожу в оградку, трогаю рукой его прохладные бока и смотрю вдаль, куда сейчас понесётся его призывно-стонущий звон. Там ничего не видно из-за густой туманной дымки, и даже очертания маяка расплывчаты. Только колокол вырисовывается чётко и строго: такой большой и древний, он совсем рядом, и на душе от этого становится необыкновенно трепетно.

С волнением беру я в руки внушительную сердцевину-било, что было сил, раскачиваю её и вдруг ощущаю, что куда-то лечу… Неуловимый всепроникающий гул вливается в меня, полнит до краёв и поднимает к небу. Маяк, постройки, сопки – всё кружится там, внизу, а ты воспаряешь выше и выше, и уже летишь над морем, и твои руки и лицо мягко соприкасаются с лучами восходящего солнца. Совсем другое настроение возникает тогда в твоей душе, и земля с восторгом принимает тебя невероятно очищенным и смелым.

Только раз ударил я в этот волшебный сосуд, отлитый человеческими руками, а сколько всего поднялось в душе и воспылало неутолённой жаждой?!

Тагир же смотрит мимо меня – туда, где скрыто туманной пеленою солнце, и где я летал миг назад. Он тоже, верно, воспарил со мною в этом колдовском звучании, но ещё не опустился. Видно по нему, что лишний раз он колокол не потревожит, и тот в мудром молчании копит свои знания о камнях, море и людях.

Мы не обнялись, а только крепко пожали на прощание руки. И ещё посмотрели друг другу в глаза, и я отправился в обратный путь по верхней тропе, которую он мне указал. Я шёл и чувствовал, как пристально смотрят мне вослед маяк с колоколом, а сверху, успокоено и чинно, взирает крутобокая гора Глена, и знал: Тагир уже занялся каким-то неотложным делом, но в глубине души желает мне удачи и доброго пути. Того же попросил для него у Господа и я…

А над полуостровом неслышно улёгся пасмурный сахалинский день, в воздухе повисла вязкая туманная дымка, и с моря, по-кошачьи мягко и настойчиво, пахнуло его свежей необозримостью. Всегда захватывающая нежданно, она вмиг окутывает тебя с головы до ног непередаваемой

приподнятостью и, чуть отпустив, остаётся с тобой на всю жизнь. Ты ещё не успел посмотреть на море, а оно уже в тебе: плавно колышется в душе, неутомимо струит свои волны, влечёт к себе зелёновато-синей густотой.

Тропинка вьётся уверенно по самому краю обрывистых скал, местами неприметно утопает в глубоком мху, и всё неотрывно манит своей неизведанностью. Из-за густых зарослей кедрового стланика моря не видно, но это тебя уже не беспокоит. Ты тихо ступаешь по неведомой ещё для тебя тропе, впитываешь все её запахи и ни о чём не сожалеешь.

Удивительное и близкое море нашёптывает свои заповедные северные сказки, и ты разгадываешь их в еле доносящемся шёпоте волн, их мерном накатывании на пустынный берег, в нависшем над ним неравнодушном сером небе. Ты идёшь не спеша, и так же спокойно думаешь о хозяине маяка, его одинокой жизни здесь, на мысу Марии, и о том пути, что предстоит тебе сегодня одолеть. А ещё - о медведях, встреча с которыми так волнительно ожидаема и в то же время страшна. Что, если в самом деле попадётся навстречу этот лесной сахалинский исполин, пользующийся таким уважением среди нивхов, и ты, конечно, будешь разговаривать с ним так же вкрадчиво и доверительно, как с морем, и медведь почувствует твоё отношение к нему и ничего не предпримет?!

В неглубоких распадках море вырывается к тебе зеленовато-серым или голубым лоскутком, маленькие снежные буруны тихо пенятся, как будто играют, а вокруг стоит такая тишина… Кажется, и морские птицы куда-то исчезли, оставив море наедине с собою, и оно нисколько на них за это не осерчало, и только обрадовалось своей нескончаемой свободе. Столько настроений, наверное, приходится пережить ему в своей невообразимой утробе!

Ещё больше их переживаю я, и по-прежнему вспоминаю узкий разрез глаз, смуглое скуластое лицо и шрамы на нём. Старинный колокол что-то молчаливо вызванивает в моей душе, а я вижу с высокой скалы одинокие и редкие здесь суда. С ними на такие вот позабытые всеми земли приходят дружеские рукопожатия и улыбки, дороже которых нет ничего на свете. Они видятся в снежном крошеве непролазной сахалинской пурги, в здешних сумасшедших ветрах и ядовитых туманах, во всей безысходности и одичалости замкнутого существования на пустынном полуострове Шмидта…

В нём пребывает и сам полуостров, с таким подходящим для него почему-то названием. Название полуострова закреплено за ним геологом Н. Тихоновичем в 1908 году в честь первого геолога, посетившего Сахалин – Фёдора Шмидта, который в 1860-1861 годах, вместе со своим спутником – ботаником П. П. Гленом, производили на острове геологические и ботанические исследования от мыса Елизаветы на севере до мыса Крильон на юге. За долгие месяцы упорного труда они исходили пешком, изъездили на собаках и лодках многие тысячи километров, поднимались на сотни горных вершин, и дали первую научно обоснованную характеристику растительности острова. И я начинаю думать уже о Фёдоре Шмидте, об этом

замечательном учёном, и его образ, непременно с окладистой и седеющей бородой, мягко выплывает на меня с изумрудным дымом из только ещё распускающихся лиственниц… Волосы, густые и вьющиеся, аккуратно зачёсаны назад, серые же глаза смотрят пристально, даже – с улыбкой…

Он, как и Тагир, тоже где-то рядом, и мне не хочется их обоих отпускать. И я спрашиваю их о жизни, а они молчаливо, с достоинством, отвечают. О том, как беспросветна бывает отупелая морская жизнь, и как следует оставаться в ней мужчиной… Они не перебивают друг друга, никуда не спешат и, изредка вглядываясь в тебя, искренне надеются, что ты тоже будешь себе верен.

Как были дружны и преданы своему делу Георгий Байдуков и Валерий Чкалов, чьими именами названы острова в северо-западной части Сахалинского залива, совсем неподалёку отсюда… Совершая в 1936 году беспосадочный перелёт из Москвы на остров Удд, а затем через Северный полюс в США, они тоже, должно быть, разговаривали с теми, кто пытался проходить этот путь до них. Первопроходцы помогали друг другу постичь эту необъятную землю, и были так непреклонны и сильны.

Где-то чуть севернее, у Шантарских островов, нашёл свой покой и небезызвестный пророк Иона, вновь обрётший себя в лице маленького скалистого островка. Иона тоже почему-то не идёт у меня из головы, и я вспоминаю, как мы недавно, огибая Сахалин с севера, открыли его для себя по всё более усиливающемуся крику сивучей, исходящему с его лежбища. Иона предстал перед нами тогда из моря непревзойдённой сказкой, и носовая рында возвестила об этом миллионам морских птиц, облюбовавших его обрывистые утёсы…

Думая сейчас обо всех этих живых и давно ушедших людях, я начинал чувствовать их незримое присутствие, и одиночество моё оседало на самом дне сердца и лопалось там, как пенистые пузырьки моря. На душе становилось так хорошо и свободно, что хотелось объять весь этот загадочный полуостров с его тишиной и каким-то неземным покоем. Даже медведи, кажется, не могли бы его нарушить…

Я иду и слышу только, как погрохатывает за спиной в подвешенном к рюкзаку котелке бордовый морской камешек. Причиной этому необычному способу отпугнуть находящегося неподалёку медведя – предупредительность Тагира. Его опыт и знание вызывают во мне глубокое уважение, и я опять остаюсь признателен ему в душе за проявленную ко мне заботу.

Камешек побрякивает в такт моим шагам и мыслям, и я не подозреваю, что ждёт меня перед открывающимся впереди глубоким распадком. А там, в густой и сочной траве на его склоне, кормятся три медведя. Шкуры их лоснятся жирным серебром, и при малейшем движении так начинают колыхаться, что создаётся впечатление, будто медведи поднимаются вверх галопом.

И они на самом деле побежали, когда услышали постукивание моего камешка, - так ловко и легко в своей видимой неповоротливости. Мне было

приятно смотреть на их удаляющийся бег, тёмно-бурые мохнатые спины и уши, и как смешно вздрагивают пушистые круглые зады… Было очень радостно сознавать, что я оказался с ними рядом, невольно подглядел эту лесную тайну у моря, и ещё я почему-то не чувствовал в себе никакого страха.

Как не чувствовал его, когда забирался, подобно медведю, к гнезду орлана-белохвоста на высокой прибрежной скале у самого устья реки Пиль, где расположился наш лагерь. Медведь, незадолго до этого попытавшийся полакомиться орлиными яйцами, оказался неопытен и сорвался, вероятно, напуганный неожиданно появившимся отцом будущего семейства. Это был пестун – двухгодовалый одинокий зверь, отчаявшийся отыскать себе по весне пропитание.

Медведь, непристойно, для своего звериного положения, распластанный, неподвижно лежал на гальке неподалёку от уреза воды, и на него не хотелось смотреть. Когти глянцевыми крюками безжизненно впились в золотистый песок, кудлатая голова неестественно вывернута… Только мех чуть заметно колышется от налетающего с моря лёгкого ветерка.

Я стоял над медведем и не замечал, как тот же ветерок так же ласково ворошит волосы и на моей голове. А на следующий день кто-то вырезал когти у мишки, и когда я это увидел, сердце моё сжалось и застучало бешено, а потом отпустило, и только вздрагивало изредка, как тот бордовый камешек в котелке…

Так, между двумя одиноко обитающими здесь людьми, и протекало наше время, заполненное работой у моря, тишиной, запахом идущей на нерест корюшки и симы, мягкими отсветами маслянисто-гладкого оранжевого сердолика в прибрежной воде. Двумя мысами обозначили время эти два человека, и оно тянулось неторопливо и вдумчиво. Его совершенно не нужно было завоёвывать, а хотелось только успокоено внимать ему, ощущая при этом неповторимую радость и удовлетворение.

По утрам, когда я выходил из палатки, стоящая вокруг тишина оглушала, и в душе воцарялся удивительный покой. С моря еле слышно доносился прибой, незаметно растворяющийся в этой тишине, поверхность же реки была неподвижна. Изредка на ней появлялись круги от гуляющей рыбы.

Каждое утро над распадком парили в небе два орлана-белохвоста: гнёздо их располагалось на одной из ближайших прибрежных скал, откуда, совсем недавно, сорвался молодой медведь. Умываясь в тихой речной воде, я часто видел их застывшее отражение и, задрав голову, заворожено вглядывался в этот неподвижный, удивительно притягивающий к себе полёт. Так же неподвижно и величественно преломляли свои кроны в утренней глади реки и тёмные ели…

К полудню сюда слетались вездесущие вороны, которые степенно расхаживали по разогретому песку и, замерев на мгновение с приподнятой лапой, что-то терпеливо высматривали в ярко отражающей солнце воде. Птиц всегда было много, и они с хриплым гарканьем носились над косой, обезумев от присутствия людей… Казалось, что их интересует каждая мелочь.

Эти были сытые вороны, и, по-видимому, не желали покидать здешние края. Рыбы и прочего корма им хватало вдосталь, но при этом они оставались очень любопытны, и ничего не боялись. Никто их здесь большую часть года не донимал, и они ещё не успели разочароваться в человеке. Постепенно мы привыкли к постоянному соседству непоседливых птиц, и когда вороны почему-то не прилетали, нам даже становилось без них скучно.

И вот одну из них однажды подстрелили… Откровенно безжалостно и, главное, впустую. Так, ради какой-то глупой забавы, а больше – от душевного безделия… Да, к тому же, не насмерть: перебили только крылья…

Ворона взлететь не может, из последних сил бьётся о землю, вся, ошалело, нахохлилась. Кто-то взял и привязал ей к ноге верёвку, другим концом закреплённую на высушенном плавнике, - знай, себе забавляются. Бедная ворона сидит на привязи, остервенело хрипит, пытается вырваться, а все вокруг будто заняты своим делом, и никто на птицу не обращает внимания.

Но это только видимое впечатление, на самом деле - во всём ощущается какая-то общая неловкость. Заметно, что люди чувствуют в себе неясную растерянность, и никто из них не знает, что делать. На душе становится горько, и как-то неопрятно.

Мысли вперемешку с раздирающими чувствами проносятся одна за другой, и, кажется, не найти на них ответа. Отчего-то начинаешь верить, что ворона на самом деле живёт на свете около трёхсот лет и, может быть, она даже присутствовала при том, как Крузенштерн проходил здесь туманным утром на своём бриге, и Сахалинский лиман ещё крепко держал в себе свою тайну, не разгаданную ни одним из предшественников отважного морехода. Его моряки высаживались на эту песчаную косу, а ворона была невольной свидетельницей давно происходящих событий, и никто тогда по ней не стрелял…

Если ворона и живёт так долго, думаю я, то природа наделила её этой способностью не зря. Что-то продолжительное и важное обязана была делать птица в отпущенные ей немалые годы, когда результат становится по-настоящему достойным заложенного труда и терпения. Кто знает, не приходилось ли этой вороне со своими сородичами ликвидировать длительные последствия стихийных эпидемий? И сколько этим санитарам природы потребовалось времени, чтобы обезопасить от губительной заразы какой-либо участок местности, хотя бы этот же полуостров Шмидта, с устьем небольшой речушки Пиль, отвесными скалами, и глухим распадком, теряющимся в глуби острова?

Всё это, и многое другое может представиться человеку с обострённым воображением, глядя на отчаянные попытки подраненной вороны. Но только не тому, кто ни с того ни с сего выстрелил по ней. Всё, виденное вороной за жизнь и запечатлённое в её памятливом поведении, внезапно, прямо сейчас, погибает, и никто, кажется, не несёт за это ответственности, а обезумевший хрип птицы, не прекращаясь, стоит в ушах…

Нащупав в кармане складной нож, я поднимаюсь с нар, выхожу на улицу и не спеша направляюсь к беснующейся птице. Всё во мне вскипает пузырящейся злостью, кровь неистово ударяет в виски, и ноги становятся непослушными, ватными. Потная рука судорожно сжимает в штанах гладкую рукоятку, и я чувствую, как все смотрят на меня и чего-то ждут. Тишина от этой настороженности становится ещё более занемелой и гулкой…

Ворона, конечно, почувствовала происходящее, и немножко притихла. Она как бы вжалась в окровавленный песок, распластав по нему вывернутые крылья, и дико покосила в мою сторону чёрным глазом. По-видимому, она ещё чего-то боялась и на что-то надеялась. Надеялась прожить столько, сколько ей было отмерено природой, а боялась, наверное, нависшей в этот момент над косой тишины.

Привыкнув к широкому безмолвию своего северного дома, ворона, естественно, не понимала в этой тишине безмолвного присутствия человека. Человек в её представлении всегда казался существом непостижимо, даже для её изощрённого ума, непоседливым, что, разумеется, забавляло ворону, но сейчас ей было страшно. Она, верно, никак не могла поверить в то, что больше никогда уже не удастся ей отдаться на такие восхитительные мгновения вольному потоку воздуха, возносящему её высоко-высоко над полуостровом, прочертив затем усталый, но радостный полёт к земле.

Подходя к вороне, я почувствовал её отчаянное состояние, и мгновенно оно передалось мне. Но решение было принято, тем более, что перешибленные дробью крылья вряд ли удалось бы залечить. Отсечённая голова птицы упала на песок бесшумно и как-то воздушно.

Достаточно было того, что я не остался равнодушным к этой вороне, отгадал её, и собственной волей перенёс в будущее. Недоступное птичье восприятие стало неожиданно доступным, тогда как жизнь самой вороны оборвалась. И ещё показалось, будто кто охнул за спиной, слышно только мне одному…

Душа несчастной птицы неслыханным криком унеслась, наверное, к старинному колоколу, и колокол запомнил её страдания, и стал молчать и о ней тоже. Чтобы когда-нибудь, потом, благовестно возвестить виденные им за долгие годы победы и горести полуострова, и его потаённую красоту. Возродить своим глубоким знанием незатихающую волю Тагира, мудрую непритязательность никому не ведомой жизни Щербины, и метущееся от боли сердце вот этой самой вороны… Всё это должен был услышать человек, обрётший право однажды прийти к старинному колоколу, и ударить в него.

«ОТКРОВЕНИЯ КРИЛЬОНА»

Мы ехали на самую южную оконечность острова – мыс Крильон, и в окружении неповторимой сахалинской природы меня не покидало щемящее чувство невозможности написать обо всём виденном так, как оно того заслуживало. Осознание своей беспомощности было очень остро, но для того, чтобы научиться воплощать всё пережитое в безукоризненную словесную форму, не теряя при этом связи с окружающим миром, требовалось время, а оно ещё, видимо, не пришло.

Хотелось думать, что невидимый, но приближающийся Крильон приоткроет новое знание, и именно с ним будет связано в дальнейшем окончательное утверждение веры в дорогу, которая тянулась сейчас через ухабистые высокие перевалы в глубине острова, по разбитым в пыль узким распадкам, уже давно не видевшим дождя. Машины превратили её покрытие в сухую массу, поднимающуюся из-под колёс непроницаемой стеной, забивавшей глаза, уши, рот и волосы. Эта пыльная завеса не позволяла наблюдать за всем происходящим вокруг, остановив для всех нас время на неопределённый срок, пока дорога не вывернула к морю и не потянулась по самому побережью.

Теперь можно было смотреть на морской прибой, высокие плотные сопки со светло-зелёными боками, которые так и хотелось потрогать рукой, и вдыхать свежий солёный воздух с лёгким налётом цветущего шиповника. Эти сопки, застывшие на фоне бледно-голубого неба неповторимой линией своих очертаний, казались тихо уснувшими у самого моря неведомыми зверьми. И хотя ни крик чаек, ни шум прибоя, ни урчание нашей машины, пробирающейся по пустынному берегу, не могли нарушить их глубокий многовековый сон, казалось, ты слышал неуловимое дыхание этих диковинных зверей, проникаясь, в то же время, силой и величием всего тебя окружающего.

По отливу нередко попадались большие королевские крабы, перевёрнутые на спину, кверху своими светло-лимонными животиками, хорошо отличимыми на сером песке, отчего их можно было легко заметить издали. Некоторые из них ещё шевелили лапками, и таких мы выбрасывали обратно в море.

Попав в родную стихию, крабы подолгу сидели на одном месте, плотно прижавшись ко дну и будто наслаждаясь привычной обстановкой, и только затем медленно уползали на глубину, растворяясь среди камней. Забавно было наблюдать за их настороженными передвижениями.

Вскоре показалась скала Стол, местные жители называют её ещё Коврижкой, выдающаяся далеко в море. Издали она напоминала большой вулкан с правильными склонами и как будто неизвестно кем обрезанной верхушкой, так что вполне могла служить местом трапезы для какого-нибудь

сказочного людоеда. По крайней мере, скала действительно вызывала ощущение гигантского стола с идеально ровной поверхностью.

Путешествуя по Сахалину и Курильским островам, я сразу успел убедиться в том, что вот таким замечательным природным образованиям люди дают совершенно пустые, ничуть не выражающие и просто не достойные их названия. Мне очень часто приходилось сталкиваться с Горбом, Демоном, Карликом, Чёртовым Пальцем, Клыком, Кинжалом и Зубом Дьявола. На смену занимательной таинственности и сказке, так украшающих нашу жизнь, почему-то обязательно приходил элемент дьявольской силы и злобной неприступности, будто все эти природные сооружения были призваны именно устрашать.

Но мир устроен так, что когда человек долетает, наконец-то, до белой звезды, ему хочется отправиться на зелёную, а добившись своего, он уже стремится к оранжевой, и ничто его не может остановить на этом пути, потому что весь мир в его руках. Человек волен давать всему свои имена, будь это гора, звезда или далёкое лесное озеро, выражающие его внутренний мир, и, таким образом, эта звезда, залив или город могут стать на какое-то время только твоими, потому что всё в этой божественной жизни взаимосвязано и она едина для всех.

Вот что я подумал, когда смотрел на эту скалу, широкое ровное плато которой могло стать немалым полем для воображения всех тех, кто проезжает мимо. Пусть вершина её не будет просто будничным застольем, а послужит началом полёта для всех, кто хочет летать или уже давно забыл, как это делается…

… Шла середина сахалинского лета. Душное, с роскошной буйностью трав, огромными бабочками, витающими над чистыми ручьями в укромных распадках, с мягко наседающей по вечерам на сушу томительной влагой и необыкновенной бодростью по утрам, оно превращало всю окружающую жизнь в чудесное откровение.

Восприятие необычности лета мягко пронизывал сладковатый и приятный запах золотого корня, почему-то представляющийся желтовато-кремовым. Запах неожиданно подступал тёплыми волнами, подхватывал и нёс куда-то вдаль, будто звал за собой, и обещал что-то несбыточное, оставляя ни с чем. Запах этот был неотъемлемой частью сахалинского лета, с ним оно казалось таким же желтовато-кремовым, многообещающим, чуточку тревожным.

Поражало обилие совершенно неведомых трав, покрывающих склоны сопок. Золотой корень был наиболее известным мне растением, обладающим удивительными свойствами, но где-то здесь таился не менее чудесный и таинственный элеутерококк, что поднимался до трёхметрового роста и, тем не менее, терялся среди буйной сахалинской растительности. Не раз подтверждая целительные достоинства семейства аралиевых, он чуть ли не

превзошёл в них саму родоначальницу – аралию, представлявшую из себя чаще невзрачный колючий кустарник.

Не уступал им и достаточно распространённый на острове китайский лимонник, пятнадцатиметровыми лианами цепко обвивающий деревья и кустарники, со свисающими с них душистыми белыми цветками, ближе к осени превращающимися в шарообразные оранжевые ягоды, собранные в плотную кисть. Сбор его запрещён, но весьма доступный и легко распознаваемый в разнообразии сахалинской флоры, он является объектом усиленного промысла и заготовки среди местного населения. Тяга островитян к такому близкому и потому представляющемуся родным богатству оказывается непреодолимой.

По склонам распадков и в речных низинах в обилии произрастает луковичное растение с душистым чесночным запахом – черемша. Учитывая суровый климат Сахалина, далеко не каждый может вырастить овощные культуры, и отсутствие соответствующих витаминов удачно пополняется этой травой. Когда-то у постовых солдат и ссыльных сахалинской каторги черемша считалась верным средством от цинги, и по тем сотням пудов, что ежегодно заготовлялись на зиму военной и тюремной командами, можно судить, как распространена была здесь эта болезнь, являющаяся результатом однообразной пищи.

Цинга влекла за собой серьёзные последствия и чаще всего угрожала здоровью и жизни моряков. Антонио Пифагетта, участвующий в кругосветном путешествии Магеллана, в своём дневнике отмечал, что в продолжение трёх месяцев и двадцати дней они были совершенно лишены свежей пищи. «Мы питались сухарями, - писал он, - но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили жёлтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твёрдой. Мы замачивали её в морской воде в продолжение четырёх-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали её. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать».

Не мудрено, что в дальних плаваниях под парусами особенно разрушительно действовал на людей недостаток витамина С. Он и приводил к цинге, отчего кровоточили дёсны и шатались зубы. В конце концов, вся полость рта превращалась в сплошную рану, а тело покрывалось гнойниками. Моряки не могли жевать и глотать, и буквально умирали от голода.

Нередко от цинги страдали почти три четверти экипажа, и кок должен был придумывать такие блюда, чтобы их можно было есть даже с расшатанными зубами и распухшими дёснами. Тогда и возникло профессиональное матросское кушанье «лабскаус» - мелко рубленная

варёная солонина, смешанная с перемолотыми солёными селёдками и истолчённая затем в жиденькую, сдобренную перцем кашицу. Этот «мусс» могли глотать даже тяжелобольные. Немало матросов обязаны были ему жизнью. Само название «лабскаус» пошло от норвежцев, и дословно означает «легкоглотаемое».

Рецептура лабскауса с течением времени менялась, и в более поздних плаваниях в него стали добавлять также лук, солёные огурцы и картофель. Лишь значительно позднее врачи открыли, что цинга вызывается отсутствием в корабельном рационе свежих овощей и фруктов. При цинге не помогали никакие лекарства, кроме свежей пищи, как мясной, так и растительной – зелени, фруктов, брюквы и других овощей, без которых зубы почти полностью оголялись от дёсен, а сами дёсны распухали в палец толщиной.

Лишь большие потери в людях на кораблях военного флота заставили прибегнуть к поискам профилактических мероприятий от этой напасти. Английские военно-морские врачи Линд и Прингл, узнав из старинных нормандских источников, что ещё викинги имели обыкновение брать с собой в дальние походы кислую капусту, настоятельно рекомендовали британскому Адмиралтейству включить в корабельный продовольственный рацион квашеные овощи.

Однако оказалось, что наличие на корабле, отправляющемся в дальнее плавание, бочек с кислой капустой ещё далеко не решало проблемы. Это подтвердили экспедиции Байрона и Уоллиса, а также первое кругосветное плавание Джеймса Кука. Цинге объявлялся шах лишь в том случае, если это профилактическое средство употреблялось в пищу регулярно, в качестве ежедневной закуски. Между тем создавалось впечатление, что английские матросы предпочитают лучше погибнуть от цинги, чем взять в рот квашеную капусту. Ни разъяснения, ни добрые слова не помогали.

Тогда во время своего второго путешествия Кук избрал иную тактику. Он распорядился к каждому обеду демонстративно приносить для офицеров с камбуза в кают-компанию большое блюдо кислой капусты. Камбузный юнга получил указание носить это блюдо к «ютовым гостям» ничем не прикрытым, держа его перед собой на вытянутой руке, чтобы привлечь внимание обитателей бака. Всё, что получали офицеры, казалось простым матросам значительно лучше и вкуснее того, чем кормили остальной экипаж. Впрочем, в большинстве случаев так и было. Подобный трюк с кислой капустой немедленно произвёл в умах матросов соответствующую переоценку её достоинств, и «парни с бака» охотно начали её есть. Кук возвратился из своего второго кругосветного плавания, не имея ни единого случая смерти от цинги.

Те же англичане вскоре обнаружили, что хорошим профилактическим средством против косящей людей цинги является крепкий лимонный сок. В 1795 году британское адмиралтейство предписало дополнить ежедневную выдачу рома порцией лимонного сока. Сперва офицеры и команды других

флотов издевались над этим нововведением. Английских моряков презрительно называли «лайми» - лимонниками. Однако вскоре и другие флоты решили прибегнуть к этому средству и стали брать с собой лимонный сок: ведь это обходилось дешевле, чем уход за цинготными больными.

Но как оказалось в дальнейшем, средство от цинги было уже давным-давно открыто народностями севера. Называлось оно «копальхен» - квашеное моржовое мясо, в прошлом почти постоянная еда береговых чукчей, охотившихся на этого морского зверя. Кто ел копальхен, тот не болел цингой, но редко кто без привычки отваживался попробовать её – запах у копальки был убийственный.

Интересно замечание В. М. Головнина в его книге «Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершённое под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807, 1808 и 1809 гг.» о способе борьбы с цингой. Иногда в море он приготовлял напиток из так называемой спрусовой эссенции и раздавал по полкружки на человека в день. Спрус – это канадская или чёрная ель, из её экстракта варился суррогатный настой, считавшийся противоцынготным средством. А вот капитан И. Ф. Крузенштерн, совершивший в истории российского флота первое кругосветное путешествие в начале 19 столетия, рекомендовал употреблять … обыкновенное пиво.

Страшная болезнь цинга унесла жизни многих славных сынов России, осваивающих её дальневосточные рубежи. Особенно во времена достопамятных зимовок на берегах Татарского пролива Г. И. Невельского и его товарищей, доказавших, что Сахалин – не полуостров, как считалось ранее, а остров. Весной 1854 года начальник Константиновского поста Н. К. Бошняк сообщал Невельскому, что в продолжение зимы из 12 человек команды умерли 2 человека, из 48 человек экипажа транспорта «Иртыш» - один офицер и 12 человек нижних чинов, а всего из собравшихся в глухую осень на Константиновском посту 84 матросов и офицеров умерли 20 человек, то есть каждый четвёртый был похоронен.

До сих пор стоит на месте Константиновского поста в Советской Гавани старинный памятник из гранита с высоким чугунным крестом и надписью: «Умершим от цинги в зиму с 1853 на 1854 года. Транспорта «Иртыш» штурман поручик Чудинов и 12 человек нижних чинов. Корабля «Николай» 4 матроса и 2 матроса постовой команды».

Нельзя без волнения читать подобные посвящения, и ведь спасение находилось у людей под боком: дикорастущая трава черемша в изобилии покрывала близлежащие сопки. В море же, у самого берега, держалась нерпа, чья печень являлась богатейшим источником витамина С. Но если нерпу ещё нужно было добыть, то черемша произрастала здесь вдосталь.

Ещё задолго до открытий экспедиции Г. И. Невельского многие наши землепроходцы и мореплаватели утверждали, что человек может подписать себе смертный приговор откровенной ленью, когда отказывается, может быть даже по нежеланию, пить свежую оленью кровь вместе с так называемой

ложечной травой. Именно она, якобы, являлась самым действенным средством против цинги, и эта «ложечная трава» была ничем иным, как черемшой…

На Сахалине и Курилах черемшу ещё называют «медвежий лук»… Нивхи крошат и едят её вместе с юколой, сырой и варёной рыбой или варёным тюленьим мясом. Однажды, в посёлке Виахту, я наблюдал, как жена одного нивха готовила ему еду. Она срезала ножом боковину свежей кумжи, затем мелко-мелко искрошила рыбу на доске, также мелко порезала черемшу и, перемешав её с рыбой, подала на стол. При помощи китайских палочек он быстро расправился с этой смесью.

Вообще, я заметил, что черемшу на Сахалине любят все, не только нивхи, всегда мелко крошат её и добавляют в виде приправы к любой рыбной или мясной пище. Черемша, действительно, вкусна и питательна, но не всякому приятен её запах, и как только к вам близко подходит человек, употребляющий в пищу черемшу, то становится не по себе, даже душно, хотя сам я с удовольствием всегда ел черемшу, находя в ней непередаваемый, присущий только этому растению аромат.

На Сахалине много небольших речек, впадающих в Охотское и Японское море. В их поймах раскинулись лиственные леса из ивы и тополя, представляющие собой какое-то удивительное жизненное раздолье. Попав сюда – хочется жить. И не просто, как это происходило раньше, а по-новому, необыкновенно…

Сразу появляется желание неутомимо изучать этот удивительный край, где особенно поражает высокотравье из гигантских папоротников, лопухов, какалии, крестовника, шеламайника, крупный зонтичных и других растений. Эти гигантские травы, выше человеческого роста, хорошо себя чувствуют под пологом пойменного леса.

Высокие травы, может быть, одно из главных своеобразий Сахалина и Курил, ибо густота зарослей, состоящих чуть ли не из древовидных стеблей-стволов, повергает. Нечто такое, чего, вроде бы, и не должно быть, но оно есть. Слишком непривычно видеть такие внушительные травы, это никак не укладывается в голове, тем более, что многое из окружающего в природе схоже с материком. Но ходить по этим зарослям несложно, в отличие от зарослей бамбука или стланика, потому что травяные стволы – мягкие, податливые под рукой, их легко можно раздвинуть или сломать.

Огромные лопухи раскидываются над головой, они закрывают собой небо, и ты оказываешься в таинственном влажном сумраке. Здесь густо пахнет разными кореньями и травами, а стоит надломить какой-либо ствол – и в нос ударит опьяняющая сочность. Дурман такой насыщенный, что тотчас захочется выбраться на открытое пространство.

Вот, к примеру, курильская гречиха – травянистое деревце трёхметрового роста, которое без труда можно свалить, наступив сапогом на основание его ствола. Или огромный крестовник, тоже трёхметровый, верхушку которого украшают жёлтенькие цветочки. Тут же и хорошо

известный всем, кто живёт на Дальнем Востоке, в особенности, на Камчатке – шеламайник, легко поддающийся удару сапога. И наконец, самый толстоствольный великан среди сахалинских и курильских трав: дудник, или медвежий корень, зонтичное растение с крупными соцветиями в виде распахнутых парашютов. Вообще, неспешное движение по этим травянистым дебрям приносит ощущение чего-то первобытного, будто ты находишься там, где не ступала нога человека, и от древности переживаемого ты испытываешь незабываемые впечатления.

Как-то я шёл с нивхами в селение Мгачи. По пути они увидели гигантский лопух. Вытащив ножи, нивхи срубили стебель у основания, отсекли вершинку с листьями, содрали верхний корковый слой, и стали его есть. Очищенный ствол растения был зелёного цвета и просвечивал на солнце. Глядя, как нивхи едят это растение, я тоже решил его отведать, и мне оно показалось каким-то пустым. Но я с интересом наблюдал за нивхами, которые уплетали эти салатные кусочки с видимым удовольствием, или же пытались убедить меня в этом.

Нужно заметить, что склоны речных долин и холмов на Сахалине обычно усыпаны ещё одним распространённым на острове растением – дикорастущей лилией саранкой. Саранка имеет синий и розовый цвет, и чудесно смотрится в сахалинском пейзаже. Но главное, что сладкая луковица этого растения богата крахмалом, и плод этот также охотно употребляется в пищу нивхами.

В 1849 году нивхи охотно угощали сахалинской сараной Невельского и его спутников, приготавливая из неё так называемый «пахнущий суп». Все съедобные растения, употребляемые для супов, нивхи готовят примерно одинаково. Предварительно корнеплоды сараны отмывают от песка, тщательно размельчают и кладут варить в котёл. Затем добавляют свежую или сухую икру, разминая ложкой икринку за икринкой, пока не разомнут всю, а в довершение спускают в варево кедровые орешки.

Буйность островных трав и их разнообразие были бы, наверное, ещё более обильными, если бы не туманы, не прекращающиеся в течение всего сахалинского лета. С севера, вдоль побережий, идут холодные воды, дрейфуют льды, а с юга подступает тёплое Цусимское течение. Какая-то часть его уходит по проливу Лаперуза направо, образуя большой круговорот, рассыпается у юго-восточного побережья Сахалина в Охотском море и носит название Соя, другая же следует на север, вдоль западного побережья острова, и превращается из тёплого в холодное где-то примерно у Холмска.

Невидимыми обьятиями дополняя друг друга, холодные и тёплые воды образуют в месте своего слияния обильные туманы, которые постепенно передвигаются вдоль западного побережья на север. В таком месте порой побеждает тепло, но ещё до конца не преодолим холод, изредка сияет солнце и господствуют пронизывающие ветры, словом, возникает томительная недосказанность. Неожиданно навалившись неведомо откуда на сушу и въедливо поглощая под собой всё живое, эта туманная неопределённость

через какие-нибудь полчаса неприметно ускользает, оставляя место вольному островному пространству. Таков неподражаемый Сахалин…

Если бы Сахалин представлял из себя равнину, большая часть, если не вся его поверхность, была бы тундрой. На растительность острова пагубно влияют в основном ветры: по этой наиболее главной причине в долинах и низинах острова общий тепловой режим значительно суровее, чем на склонах гор. Это положение подтверждается тем фактом, что в долинах и низинах острова развиты тундровые ландшафты.

Холодные ветры с моря, наступая на горные склоны, отражаются от них: чем круче поверхность гор, тем сильнее отражаются частицы холодного ветра, и, наоборот, чем положе горные склоны, тем больше по ним скользят холодные ветры.

Северная часть низменного восточного побережья острова вообще почти вся представляет собой торфянистую низменную тундру, насыщенную водой, изобилующую озерками и болотцами. На глубине полуметра здесь начинается вечная мерзлота. В этих низменных местах произрастает много клюквы, морошки, разнообразных осок, ядовитого багульника и пушицы.

Только по берегам рек и на водораздельных возвышенностях растут невысокие леса из лиственницы. Чем дальше к северу, тем всё ниже и уродливее становятся деревья. Лиственница тут прячется в торфянистых низменных пространствах и имеет вид низких корявых деревцев, обвешанных лишайником. Всё чаще она держится обособленными небольшими группами или отдельными, далеко отстоящими друг от друга деревьями.

На многих японских картинах или китайских вазах, которые встречаются почти в каждом сахалинском доме, поражают причудливые хвойные деревья, кроны которых необычно вытянуты и искривлены, так что, поначалу, кажется, будто художник специально старался добиться подобного эффекта. Но побывав на Сахалине, очень схожим по растительности и климату с японскими островами, понимаешь, что причудливые деревья с горизонтально вытянутыми в какую-нибудь одну сторону ветвями, всегда изогнутыми, обыкновенная реальность, к ней постепенно привыкаешь, так же, как и к привычным для себя уральским могучим соснам и елям.

Короткие, толстые стволы хвойных деревьев, точно срезанные с одной стороны и простирающие ветви в противоположную, как правило, в глубь суши, - результат упорных ветров с моря или океана. Обычно рост деревьев не превышает нескольких метров, крона их несимметрична и однобока, а на отлогих берегах вообще лишь флагообразна. Но в этом есть своя дальневосточная поэзия, некая недосказанность, как в японских стихах танка или хокку.

С уважением всегда разглядываешь такие деревья, они начинают казаться тебе совершенно необыкновенными. Причём, подобную форму приобретают не только лиственницы и сосны, но и пихты, ели, и даже ольха с берёзой. Сама природа подсказала художникам необычные сюжеты для их

замысловатых картинок, которые, несмотря на свою суровость, в то же время воспринимаются очень обаятельными и простыми.

На юге острова всё обстоит иначе... Даже воздух, насыщенный влагой, воспринимается здесь по-другому, свободно и радостно. Постепенно продвигаясь по юго-западному побережью, нам часто приходилось наблюдать, как перед машиной выплывают из пронизанного тёплым светом тумана самые невероятные повороты почти забытой всеми дороги. То неожиданно покажется какое-нибудь пёстрое стадо вальяжно развалившихся у моря коров, поражающее вполне допустимой этому случаю неуместностью, либо вырастают, из ниоткуда, одна оживающая под взглядом сопка за другой. Их несколько размытые очертания, как ни странно, не обостряли неминуемое дорожное напряжение, а почему-то сглаживали его, и именно так, спокойно и просто, перед нами, наконец, появился давно ожидаемый и по рассказам довольно знаменитый на острове Кузнецовский перевал…

Перевал не спеша громоздился куда-то в непредсказуемый верх, по мощи своего основания представляющийся величавым, невероятно красивым, но пока полностью не видимый, и, конечно, с предугадываемым тайным отношением и тотчас возникшей необъяснимой расположенностью к нему. Увиденное молниеносно поражало, но со следующего мига воспринималось уже как давно известное, наряду со всем встреченным полюбившееся. Как будто в какой-то другой жизни ты видел это, но по непонятной причине позабыл, и вот теперь вновь открыл в себе, чтобы уже никогда не потерять.

И опять нас не отпускала дьявольская сила, созданная по воле чьего-то досужего неведения. Чёртов мост – тяжёлый каменный перешеек, вылепленный однажды природой, был сохранён ею отчасти. Уже достаточно разрушенный временем, он еле перехватывал смело вздымающиеся сопки, и потому был опасен.

Невозможно было преодолеть его на машине в непогоду, но и для ясного полдня это было не каждому под силу. Камни осыпались под колёсами, и неслышно было их падения. Они возбуждали в душе страх, а рёв мотора порождал неясный кружащийся над перевалом гул, который долгое время не стихал и всё звенел в ушах, отталкиваясь от крутобоких безмолвных склонов.

Чёртов мост, по рассказам старожилов, захватывал людские души, и в пылу его преодоления трудно было этому не подчиниться. Необходимо было справиться с чарами сковавшей камни силы, стать от неё свободным и с замиранием духа заглянуть в бездонные скальные проёмы. Там, среди увитых плющом и лианами отвесных стен, потаённо сбегающих и теряющихся в пышности ядовито-влажной зелени, слышались необыкновенно родные сердцу птичьи трели: на самом дне огромных зелёных чаш неугомонно превозносили восторженность жизни сахалинские соловьи.

Как только мы одолели перевал и начали спуск, всё вокруг сразу обмерло, дорога выправилась, и небо необыкновенным образом прояснело. Зажурчали в расщелинах невидимые ранее ручьи, сопки как будто успокоено перевернулись на другой, более отдохнувший и светлый бок, спуск с перевала стал приятным. У самого его подножия засверкала ожидающая нас своим покоем заповедная речка Шистама…

Остановившись неподалёку лагерем, нам было весь день до удивления приятно и радостно наблюдать неторопливо протекающую по её берегам жизнь. Сами воды речушки несли в себе некую мудрую размеренность, волшебную доступность прохлады и чистоты, в которой в обилии попадались большие серебристые рыбины: приложи минимальные усилия – и будешь вознаграждён. Тотчас мы выхватили у самого берега увесистую симу, безудержно бьющуюся на брюхе в скользких камнях, и принялись варить уху.

Вскоре на берег выскользнула из кустов проникновенно чуткая норка. Изящно перегибаясь и лоснясь на солнце, она начинала подкрадываться к струящейся воде, время от времени останавливаясь, принюхивалась, и вновь неслышно продолжала путь. Как зачарованный, неотрывно, наблюдал я за её действиями, и очнулся, только когда в её зубах затрепыхалась рыба, почти превосходящая норку по размерам. Грация хищного зверька не могла не восхищать.

К тому времени, как солнце поднялось к своему зениту, налетел лёгкий ветерок. Он никак не изменил нашего отношения к окружающему, по-прежнему всё было так же открыто и свободно. Запахи и тишина не сбивали с толку, убегающие за спиной нежно-салатного цвета склоны сопок лишь немножко кружили голову, и море, бесконечно близкое и пустынное, не отягощало своей беспредельностью.

Солнце сияло, море ослепительно синело, и, забредя по колено в воду, можно было наблюдать за буровато-алыми, в зеленовато-грязных разводах королевскими крабами. Крабы неторопливо наползали друг на друга, то и дело соскальзывали и вновь неутомимо забирались наверх еле шевелящейся живой лепёшки. Таких крабовых скопищ, достигающих в диаметре двух-трёх метров, было много, и располагались они на небольшой глубине.

Вглядываясь в преломляющуюся прозрачность, я с необъяснимым чувством восхищения приближался к затаившимся крабовым нагромождениям, стараясь не волновать водную поверхность. Крабы сидели тихо, только изредка какой-нибудь из них начинал медленно передвигаться, неуклюже запинаясь о колючки своих собратьев.

Присмотревшись, я вдруг обнаружил, что не все крабы одинакового цвета. Те из них, которые находились в самом низу, имели нежно-розовый, с матовым отблеском оттенок спинки: они, видимо, только что сбросили старые панцири, а новые ещё достаточно не окрепли. Панцири были мягкими, свободно продавливались под пальцами, и от этой крабьей оголённости у самого на коже начинали появляться неприятные мурашки.

Свою незащищённость крабы прятали под ещё не сброшенными панцирями тех, кто находился наверху. Как могли, они оберегали друг друга от подстерегающей под водой опасности, и именно с этой целью перемещались с глубин поближе к берегу.

Но избавив себя от одной угрозы, они, в то же время, подвергали себя прямой вероятности побывать в кипящем котле. Несколько заторможенные в период смены своего покрова и потому легкодоступные, крабы почти не сопротивлялись, вяло потягивая ослабевшими ножками. Клешни их ещё не обрели свою коварную цепкость, колючки пока не заострились, а лишь мягко покалывали ладошку, и крабы безропотно падали один за другим в плывущую за спиной на привязи капроновую корзину, тотчас переворачиваясь в ней навзничь.

К обеду ветер так и не улёгся, но день продолжал быть ясным и солнечным. На берегу жарко дымил выбеленный плавник, в котле бурлила круто засоленная природой морская вода, сладкий запах крабьего мяса дурманил голову, выжимая во рту липкую слюну. Всё было так просто и хорошо, что ни о чём не хотелось говорить, только вдыхать приятный солёный дымок, и вместе с набегающим время от времени ветерком плавно кружиться в мыслях над белой песчаной косой…

На протяжении всего оставшегося до Крильона пути берег дарил нам немало интересного. Сначала это было полузатопленное ржавое судно американской постройки типа «Либерти», выброшенное на мель в 1952 году. Мёртвое и просвечивающее со всех сторон, оно, тем не менее, оживляло берег, напоминая огромного усталого кита, прилёгшего на неопределённое время отдохнуть и в обременении своих усталых снов ещё не проснувшегося.

Проезжая мимо, почему-то не хотелось ни о чём говорить: громадность недвижимых боков судна удивительным образом зачаровывала, так что выйти из этого состояния нам удалось не сразу, и даже когда «Либерти» уменьшилось до размеров спичечного коробка, мы продолжали оглядываться на него, провожая остановившимися долгими взглядами. Надо заметить, что во время второй мировой войны США обязались переправлять СССР через Атлантику и Тихий океан военные грузы: это были поставки по Ленд-лизу – так называлась помощь заокеанского союзника нашей стране, сражавшейся с гитлеровцами. Из американского порта Сиэтл шли в Мурманск и Владивосток суда с грузом сахара, канадской пшеницей и свиной тушенкой в банках, которую наши солдаты прозвали «второй фронт». Правда, помощь эта была не бескорыстной, а в долг, расчёт же осуществлялся после победы. Так вот по этому Ленд-лизу в нашу страну поступали не только продукты, но и военная техника, в частности – суда. Кстати, на Дальний Восток, а именно – через Аляску пришла почти половина Ленд-лиза.

При постройке судна приходится учитывать сопротивление корпуса, который должен быть таким, чтобы выдержать и силу ударов волн, и напряжение при подъёме корабля на волну. Небольшое судно иногда лучше выдерживает шторм, чем крупное. Короткие суда обычно «въезжают» на

один склон волны и «съезжают» с другого, тогда как длинные проходят по волнам на ровном киле. Опасная ситуация возникает, когда нос и корма попадают на два последовательных гребня волн, а центральная часть судна попадает на ложбину и испытывает прогиб, либо когда середина судна попадает на гребень, а нос и корма «повисают». При особо сильных напряжениях судно может разломиться надвое…

В частности, именно этому обстоятельству обязаны своей печальной известностью некоторые типы американских кораблей, переправляемые нам по Ленд-лизу. Например, «Либерти». Эти суда были построены в доках военного времени на скорую руку, обшивка их сваривалась из покрытых ржавчиной стальных листов, а иногда они и вовсе держались на заклёпках, так что вся конструкция лишь напоминала морское судно. При шторме подобного рода суда часто не выдерживали нагрузки и, конечно, переламывались…

Суда, оставшиеся после войны целыми, мы обязаны были отдавать или оплачивать, но после скорого запрета на сдачу техники, решено было передавать её народному хозяйству. Судно, отслужившее свой срок по состоянию корпуса и благополучно вернувшееся к родным берегам, приписывалось портам, где его использовали в качестве плавучего склада или бранд-вахт. В случае же, когда по истечении нескольких лет работы в море оно гибло, его исключали из списков флота… Обычно выброшенное в отдалённых и труднодоступных районах на мель, судно так и оставалось там на долгие годы. Наш «Либерти» оказался как раз из числа подобных кораблей-призраков…

Ещё через пару километров, неподалёку от устья реки Луки, мы заметили возвышающуюся над горой длинную серую трубу. Водитель объяснил, что мы видим остатки небольшого японского крабозавода, что завод был подземный, пройти туда невозможно, потому как все входы и выходы в своё время были взорваны, и осталась только торчащая из-под земли труба, поражающая здравый смысл напоминанием о непостижимых японцах, устраивающих всё на свой непонятный никому лад.

Потом я ещё долго гадал, зачем японцам понадобилось уходить под землю, и постепенно пришёл к мысли, что за видимой непостижимостью скрывается обыкновенная практичность, которую они не поленились по неведомой нам причине самым тщательным образом осуществить. Может быть, японцы, таким образом, пытались уберечь свои объекты от вражеского налёта с воздуха? Но учитывая трудоёмкость произведённых работ, причём, в короткие сроки, опять поражаешься удивительной изощрённости японцев, этой их способности, не задумываясь, жертвовать собой во имя общего блага…

Но как бы ни был разнообразен берег, море оставалось морем. Оно всё время находилось у нас справа и не могло оставлять равнодушным. Глядя, как оранжевое солнце опускается в него, невозможно было думать о чём-либо другом, и только посвистывающий в ушах ветерок обдувал лицо

душистой прохладой, и едкий морской запах приятно щекотал ноздри, а убегающая под колёса машины дорога по упругому мокрому песку представлялась нескончаемой.

На Крильон мы приехали поздней ночью. Над мысом загадочно дышала дурманящим туманом размеренная темнота, ничего не было видно, и только маяк напряжённо подмигивал что-то неопределённо-тревожное своим гигантским жёлтым глазом. Здесь, в этом медлительном царстве туманов, нам предстояло пробыть неведомые два месяца…

Из «Лоции Японского моря», по которой происходило моё первое знакомство с Крильоном, я узнавал названия неведомых ещё мысов, островов и заливов. Благодаря их наименованиям здесь ощущалось постоянное присутствие бесстрашных первооткрывателей, в честь которых они были названы. В этих, казалось бы, не подходящих для французов местах никто иной, как Жан-Франсуа де Гало Лаперуз, возглавивший в 1785 году исследовательскую тихоокеанскую экспедицию на фрегатах «Буссоль» и «Астролябия», в 1787 году проник из Японского моря в Татарский пролив до 51 градуса 30 минут северной широты. Следуя вдоль берега Сахалина от мыса Жонкиер на юг до мыса Крильон и открыв на пути остров Монерон, Лаперуз прошёл между Хоккайдо и Сахалином к Камчатке, откуда уже повёл свои фрегаты к островам Самоа.

Именно Лаперуз увековечил имена своих соратников и видных людей Франции, придавших впоследствии неповторимый колорит уголку дальневосточной природы. Обнаруженному им у юго-западного побережья Сахалина острову Лаперуз дал имя инженера экспедиции – Монерон. Залив в северной части Татарского пролива получил название благодаря морскому министру Франции – Де Кастри. Нетленный дух члена Туринской Академии и корреспондента Королевской Академии наук Ламанона до сих пор витает над небольшим мысом в средней части западного побережья острова. Непревзойдённой чести был удостоен капитан одного из судов экспедиции – Де Лангль, чьим именем был наречён обширный залив на юго-западном побережье Сахалина. И наконец, Крийон – знаменитый французский генерал, участник Семилетней войны, своей дерзостью и умом дал повод обозначить собой на карте южную оконечность Сахалина. Имя самого Лаперуза соединило два достойных друг друга моря – Японское и Охотское.

Наличие французских имён будто обогатило эти берега, вдохнуло в них недостающую жизнь. Но чем дольше находился я там, тем более понимал, как хороши они сами по себе, в своей невзрачной, незаметной красоте.

Бывало, в сырые чёрные ночи, когда тревожный луч маяка безнадёжно зарывался в неумолимо наплывающем, нескончаемом тумане, на душе становилось как-то душно, даже – жарко, и сон не шёл. Запотелые окна в домике метеостанции дышали спёртым воздухом, сердце гулко ударялось в груди, и тянуло выйти на улицу. Туман тотчас въедался в кожу, наполняя душу неопределёнными желаниями, и будто распылял мечты.

И хотелось вернуться в комнатную духоту, в надежде там обрести успокоение, но и тянуло остаться и стоять неизвестно зачем, подставляя лицо липкой холодящей мороси. Было что-то приятное в этой неосознаваемой вдумчивой отрешённости, а в бесшумно ускользающих минутах начинало вдруг угадываться: эта отрешённая туманная тишина обязательно принесёт очень важное, близкое только тебе одному…

… Великий путешественник приходил тогда ко мне неясным образом, не улыбался, не был серьёзен, а только спокойно заглядывал в душу, был удивительно понятен и близок. Строгий мундир из тёмно-зелёного сукна, блёклые опрятные пуговицы, чуть белеющий в темноте парик… Без него невозможно было представить этого открытого лица. Отдав себя на волю собственного безбрежного воображения, можно было представить Жана Лаперуза с чёрными, как ночь волосами, и тёмно-синим глубоким взглядом…

Вероятно, он и был таким – смелым, великодушным до отчаяния, честным. Может быть, только чуточку корыстолюбивым, что, вполне возможно, даже помогло ему совершить своё плавание. Ему выпала по-настоящему достойная мужчины жизнь, он её не упустил, и вот теперь, навсегда оставшись в этих местах, что-то подсказывал мне своим присутствием.

Луч расплывающегося маячного света метался в неясной темноте. Неловко переваливаясь с одной стороны на другую, чем-то необъяснимым приковывал. Невидимая морская бездна и блуждающие в ней корабли почему-то не представлялись сейчас такими важными, а только сам свет маяка, ослепительное лицо линзы и бьющиеся вокруг неё птицы.

Птицы не успевали вскрикнуть, с размаху ударяясь о пылающее белое стекло. Их почти не было видно в рассеивающемся сыром свете. Только надтреснутое оханье, выхваченный на миг из мрака болезненный излом крыльев, неясный шум, который тут же утопал в перенасыщенном влагой воздухе. Сердце тяжело немело при мысли, что птицы бесследно проваливаются в туманном мраке, и их обмякшие тела разбивают о безжизненные камни настырные волны.

Когда-то, поздней осенней ночью, мы шли проливом Фриза на север, и море с ветром словно стремились превзойти друг друга в разгулявшемся надрыве. Доверчивые морские голуби, обезумев от рвущейся непогоды, налетали пепельными грудками на оконное стекло в рубке, жалобно чиркали о него длинными клювами и чёрными растопыренными лапками, и безжизненными тельцами валились на палубу. Еле внятное туканье неслось со всех сторон и казалось, будто птицы существуют за неизвестной стеклянной жизнью, где они не могут управлять своим полётом, и не в силах обрести родную для себя свободу.

Невозможно было помочь им, ежеминутно подлетающим с упрямой надеждой на спасение и тут же погибающим. От такого зрелища впору было напугаться самому человеку. А море рвалось неустанно под судовым

днищем, и ветер разбивал в пыль ледяные брызги. Нас тогда было трое в рубке, и, молча наблюдая за происходящим, каждый, должно быть, чувствовал, как самое доброе в душе куда-то незаметно ускользает…

И вот теперь опять, спасительный для кораблей, но одновременно притягивающий очередные птичьи жертвы, луч маяка безразлично взлетал и падал, и никак не мог разрешить моих неясных сомнений. Всегда принимая без затей обыкновенную сущность любого маяка, я вдруг с удивлением обнаружил, что ничего не подозреваю о его внутренней жизни. О том, что питает в ночные часы его силы, откуда берётся его неистощимость, и уж такой ли он на самом деле коварный? Почему маяк рождается и живёт вместе с морем дольше человека?

Обычное дело здесь, на Дальнем Востоке, маяки с проблесковым огнём, когда вращающаяся установка поочерёдно посылает в море то зелёный, то красный луч. Сектор маяка охватывает более двухсот градусов, высвечивая вместе с морем и часть скалистого берега с лесом, и голые сопки, и густую туманную завесу. Среди моряков бытует давно укоренившееся мнение, что маяк, посылая в штормовую тьму спасительный свет, придаёт всем уверенности, подымает настроение, а уж насчёт его навигационного свойства вроде как и непринято даже упоминать: это нечто само собой разумеющееся…

Но вот если ты находишься на берегу, а не в море, свет маяка производит совсем иное впечатление: он – завораживает, и даже пугает. Его немигающий, кажущийся от этого неживым зелёный глаз не вызывает ничего кроме неясной тревоги, и всё же ты с затаенным любопытством всматриваешься в его бег по волнам и не можешь отвести взгляд. На душе отчего-то становится жутко, и уже невольно не завидуешь тем храбрецам, что оказались в штормовом ночном море, и хочется очутиться, наоборот, там, где покойно и тепло, и где тебя не будет преследовать неприятно мерцающий, зеленоватый до мертвенной бледности луч. Заглядываясь на высоко светящийся над морем огонь, всё вокруг обретает какую-то неуютную призрачность, а немые крадущиеся лучи маяка только ещё более усугубляют страх от бушующей стихии…

Маяк неразлучен с морской стихией. У её обрывистых берегов, на пути следования кораблей, стоит он для указания пути мореплавателям. С заходом солнца на его вершине зажигается огонь, который поддерживается всю ночь, с восходом маяк засыпает.

Маяки возводят на высоких неприступных мысах или других каких-нибудь опасных местах прибрежья. Основание и башню обычно выкладывают цилиндрической формы, чтобы снизить сопротивление ветру. И хотя ветер маяку не брат, живут они с пониманием извечного существования друг с другом.

Вольному ветру, не скованному пристрастием к осёдлости, легко подшучивать над неповоротливым богатырём. Он с размаху ударяется о могучую каменную грудь, без устали беснуется, будто подзадоривает его.

Маяку бывает нелегко справиться с одолевающими его желаниями, он сердится, но, всё же, стойко преодолевает обрушивающиеся на него испытания.

Особо не важничая своим неприступным видом, с достоинством несут маяки свою службу. Им, кажется, можно доверить любое, самое ответственное дело с полной уверенностью, что они его обязательно и наилучшим образом исполнят.

Портовые маяки помещаются при входе в порт, на головах портовых молов. Чувствуя за собой напряжённое оживление городской жизни, овеянные теплом тысяч уличных фонарей, квартирных окон и заводских труб, они не замечают своей избалованности. Вальяжно стерегут эти маяки морские подступы к городу, только изредка позволяя волнам лизать их каменное подножие. Жизнь их проходит сравнительно спокойно, без каких-либо нервных потрясений. Похоже, они вовсе не испытывают зависти к своим собратьям, несущим службу на далёких островах.

Настоящие маяки-труженники – это маяки указательные, возводящиеся в открытом море, на отдельных небольших скалах и отмелях, а иногда и на искусственных возвышениях дна. Они служат главным образом для того, чтобы дать возможность судну, приближающемуся к берегу, ориентироваться относительно своего положения и проверить правильность своего курса.

Как бы тяжело не приходилось маякам в жестокие осенне-зимние шторма, они всегда настроены по-боевому. Переживать отчаяние им не пристало, так же как не пристало поддаваться благодушию. Открытым, ни от кого не зависящим, им редко удаётся насладиться отдыхом, поскольку живут они для других, и в этом всецело черпают для себя истоки искреннего долголетия.

Знаменитейший из всех маяков древности был маяк Александрийский, на острове Фарос, вследствие чего название острова сделалось нарицательным именем для маяков вообще. Александрийский фарос причислялся к так называемым семи чудесам света. Он был построен Состратом около 283 г. до н. э. и существовал ещё в середине 14 столетия. Высота его достигала 170 метров. Не меньшею известностью в древности пользовался Родосский колос.

К наиболее знаменитым маякам позднейшего времени принадлежит построенный в 17 столетии маяк Кордуанский. Маяки Венгерокский и Скагенский, на северной оконечности Дании, существуют более 400 лет. В конце 19 века самым старинным уже считался маяк Коруния в Испании, построенный императором Траяном. Возобновлённый в 1634 году и снабжённый в конце 19 столетия проблесковым освещением, он получил вторую жизнь.

Раньше считалось, что чем выше маяк, тем дальше он виден: маяки старались возводить уходящими в поднебесье, недоступными ни для кого, кроме птиц. Однако, впоследствии оказалось, что при большой влажности

воздуха, снижающей прозрачность атмосферы, свет высоких маяков виден плохо, а невысоких - хорошо. Но высоким маякам, наверное, не стало хуже от того, что кто-то из их собратьев более различим в непогодном мраке. Выстроенные на совесть они по-прежнему оставались горды собой.

Помимо различия в характерах, внешнем виде и окраске, маякам, для возможного различия в тёмное время и для предотвращения весьма опасных ошибок в этом отношении, присваивалось только им одним присущее освещение. Для этого вводились цветные стёкла фонарей, не всегда, к сожалению, способные к употреблению, так как на больших расстояниях цвет огня терялся. Поэтому различие маячных огней достигалось переменами света, для чего устанавливались его разделения на постоянный, вертящийся, мерцающий, постоянный с проблесками, проблесковый и переменный.

В древние времена для освещения маяков жгли костры из дров или каменного угля, бочки со смолой и смоляные факелы. Источником света для маячных огней в 19 столетии служили большей частью лампы с несколькими концентрическими светильнями, с полным притоком воздуха между ними и полным сгоранием масла, обыкновенно сурипнаго. Из минеральных масел, которые впоследствии вошли в употребление вследствие их дешевизны, применяли бензин и керосин. Однако, они портили стёкла, которые тускнели.

Такое же влияние имел китовый жир и спермацет, которые были весьма употребительны для маячного освещения в Америке. Масло накачивалось в лампу из запасного резервуара с помощью насоса, который приводился в действие часовым механизмом.

Газовое освещение было удобно лишь в тех случаях, когда маяк располагался на берегу вблизи города, в котором имелось газовое освещение. На смену газовому освещению, вскоре пришло освещение электрическое, включающее систему отражательных и преломляющих линз, концентрирующих излучаемый источником света поток в пучок с небольшим углом рассеяния.

Дальность действия современных маяков составляет от 20 до 50 км, тогда как на рубеже 19 и 20 столетий свет двух самых мощных маяков – Ла-Гевского в Гавре и на мысе Пенмарк, близ Бреста, был заметен за 50 морских миль. Молодость, как видно и у маяков не всегда преимущество, если она не обуздана. В полную силу дана возможность трудиться только тому, кто, обретя седины, достиг наивысшей крепости духа и чистоты помыслов.

Маяк на Крильоне был не так уж молод, как это показалось мне при первой встрече. Вернее, я даже совсем не обратил на него внимание. Перестроенный заново при японцах, он не отличался с виду чем-либо знаменательным.

Старые добротные постройки строго обрисовали его двор и казались невыразительными и скучными. Острые углы их поддерживали серые каменные желоба, по которым во время дождей вода стекала в подземный колодец, расположенный посреди двора. Подземные оттоки к нему были выложены морской галькой вперемешку с листьями ламинарии, и служили

отличными фильтрами. Нехватку пресной воды на мысу японцы решили с присущей им практичностью – мудро и просто.

Часто, проходя мимо, я замечал, что эти незначительные строения хранят останки лучшего времени для Крильона, способного быть очень важным в узнавании острова. Здесь было слышно, как уходит тонкое понимание японцами небезразличной им земли, неумолимо сменяемое нашим равнодушием. Только одинокий маячник, с его неизменно восторженной речью неся на себе всю тяготу этой настоящей действительности, ещё, кажется, ждал от неё чего-то лучшего. Довольно безнадёжными представлялись порой его ожидания…

Хозяином маяка на мысе Крильон числился богообразного вида старичок Евсеич, по прозвищу «Огород без грядок». Небольшого росточка, с весёлыми голубенькими глазками и седым чубом, так же залихватски торчащим у него над самым лбом, он не вызывал ничего, кроме чувства всесокрушающего оптимизма. Весь облик его предполагал неистребимую доброжелательность, и если бы не малиновый нос, её следовало бы, не задумываясь, принять за ничем неискоренимое свойство характера, что, впрочем, нисколько не умаляло его по-настоящему жизнеутверждающего настроения.

Евсеич, как мальчишка, непременно желал знать всё на свете, и с трепетной доверчивостью относился к редким гостям на его маяке, стараясь расспросить их обо всём, что им в жизни интересно, не забывая при этом поделиться и собственными советами на предмет познания им животрепещущих жизненных вопросов. Если твой удел – только постоянное терпение и одиночество, то его можно было понять. Ведь одинокое пребывание на маяке питается, по большей части, одними воспоминаниями: чем ещё можно было украсить своё существование?

Однако предаваться одним и тем же думам жизнедеятельному Евсеичу было не с руки, и в день нашего приезда на Крильон, с самого утра, он тотчас, как-то незаметно, очутился рядом, самоотверженно помогал в выгрузке оборудования и даже пытался руководить. Сил его с избытком хватало и на маяк, и на нас, и всем сразу полюбился этот доброжелательный и весёлый старик.

Сам про себя Евсеич говорил так:

- Характер у мене, можно сказать, шибко неуживчивый, я с ним порой вовсе не совладаю, но так мой внутренний механизм устроен, ибо беспорядок его более всего тяготит. Ежели узрю, что какое-то дело творится невпопад – не остаётся в моей душе никакого снисхождения. Порядок – огород без грядок!

- Известное дело – порядок всему голова, - подзадоривал деда кто-нибудь из нас.

- Которым порядком ехать-то, надо ещё поглядеть! – тотчас вразумлял он.

- И каким же порядком велено строиться? – не отставали мы от него.

- Боевым порядком, что на флоте бейдевиндом называется! – бодро докладывает дед. – Решительней курса не сыскать! На всё только он угоден, и никак иначе: порядок – огород без грядок!

- И чего же он в себе заключает?

- Как есть такой расклад, что ни единого дела не испортит, и любую заблудшую бестолочь из самого непроходимого запущения выведет.

- Вам-таки, порядком этим, изрядно, видать, досталось!

Но дед гнёт свою линию:

- Порядочный человек беспорядка никогда не допустит: порядок – огород без грядок!

Однажды, оказавшись в гостях у деда, на маяке, я в шутку заметил:

- Уж больно ты, дедушка, грозен!

- Бог пути грешных правит, а я, значить, ему подсобляю, ни чуть не смутившись, заявляет старик. – Так выходит! Государь правит царством, а я – своим маяком.

И это была чистая правда: на маяке у Евсеича царил исключительный порядок. Даже при его закоренелой любви к «зелёному змию» - это вызывало недоумение: как старику удавалось поддерживать всю маячную службу в порядке, не опасаясь оступиться – только одному ему было ведомо.

- Дело знай, да правду помни, а кривда сама себя рассудит, - не унимался Евсеич. – Бережение всему требуется: что Бог даст – бери, а своё – береги!

Но тут же, склонив ко мне голову, и прищурив глаз, весело, будто по секрету, добавлял:

- Как поп попадью бережёт…

И против этого трудно было поспорить.

- Нет ничего лучше, чем справлять своё дело как положено! – к месту и без оного любил торжественно заявить Евсеич, более создавая вокруг беспокойства, нежели любимого им распорядка. Впрочем, досаждал он этими рассуждениями ни кому-нибудь, а самому себе, что его, кажется, ещё пуще воодушевляло.

- Красота! – в неописуемом восторге восклицал он, завершая покраску оградки вокруг маяка. – Вот выкрашу к празднику всю маячную станцию в ярко-красный цвет – и вовсе ослепнуть можно будет!

- А почему именно в красный? – спрашиваю я у него.

- Ты это брось, - неожиданно рассердился Евсеич. – Тоже соображать надо! Али не разумеешь, что в нём – соединение истинной красоты и добра, что по всей нашей необъятной стране разлита. Красный – значить, огневой, всем цветам цвет, что ни на есть – самый налив: никогда не завянет!

- Не всякий умён, кто в красное наряжён, - осторожно замечаю я.

- Поживи с наше – увидишь ещё краше. Краснее красна не вырядишься, и красный цвет, я так разумею, существует для украшения жизни человеческой. Согласен будешь?

Мне ничего не оставалось, как утвердительно кивнуть головой. Старик оживился.

- Я хоть и стар, а люблю завести ниточку в иголочку.

Как-то мы поднялись на башню для осмотра фонаря, и я был поражён открывшемуся морскому пространству, с белыми, как чайки, бурунами и туманно-серебристыми далями. И сразу в груди защемило ранее неведомое, головокружительное ощущение, будто ты летишь в эти неясные дали, не чувствуя своего тела, ничто тебя не сдерживает, и тебе важно не то, куда ты устремляешься, а сам полёт, это непередаваемо зачаровывающее кружение, когда паришь и не думаешь, что можешь упасть. Завлекало парение именно над морской стихией, и такого я не испытывал даже на маяке у Тагира.

Море выгнулось серовато-голубой китовой спиной прямо перед нами, необыкновенно радостно было гладить его взглядом, и всё смотреть, смотреть, не отступая… Вывел меня из задумчивости проникновенный голос Евсеича:

- Уж, почитай, полвека смотрителем маяка значусь, а всё никак не привыкну к этому простору… Раздолье такое, что дух захватывает, и всё хочется полететь… У моря, как и у Бога, завсегда простор, да в людях теснота, не поворотишься. Тем туточки и спасаюся.

- Зря, значит, говорят, что в тесноте люди живут, а на просторе – одни волки?

- Отчего же, птица морская тоже необъятное пространство привечает. Когда простору – на все четыре стороны, душе вольготней. Да, и ум простор любит: где ещё можно так свободно поразмышлять, дать мыслям развернуться? Правда, не всегда себе это можно позволить.

- Отчего так?!

- Забот у меня на маяке – невпроворот! Море несёт на себе корабли-пароходы, а я, вроде как, при нём охранителем: смотри – не зевай, содержи вверенное тебе хозяйство в исправности. За всем пригляд должен быть, и примечание…

Знай, подавай навигационный сигнал проходящему мимо судну, а для ентого, будь любезен, обеспечь бесперебойную работу прожекторов! Обслуживание оптики – наипервейшее дело, а ещё успевай отвечать за надёжную службу всех систем: что случись – нужно уметь разобрать и собрать дизель, он – живое существо… Быть ночным смотрителем и радистом, постоянно наблюдая за напряжением аккумуляторов – тоже моё дело. Опять же – на маяке не обойтись без покраски: солёный туман с ветром съедает металл буквально на глазах.

До всего на маяке следует оказывать внимание, каждый день обустраивая его жизнь. Шторм вышибает окна в станционном домике – стекли. Ступеньки, ведущие к самому сердцу маяка, обветшали, - чини. Провизию вот тоже не всегда получается доставить, больше – из-за непогоды, и приходится куковать чем бог послал…

А как-то нашествие крыс приключилось – на силу отбился… Изничтожили всё, что только было возможно: в конце концов, за табуретки принялись! Чем они-то им не угодили?! Кабы на этих супостатов ни пара котов – курильских бобтейлов, что мне начальник метеостанции с соседнего острова завёз, не на шутку бы одолели. Маяк для меня – родимый дом, вся жизнь ему отдана.

Предметы обычно усиливают ощущение времени. Как правило, они живут дольше людей, и маяк на Крильоне не был тому исключением.

Правда, был этот маяк не такой уж старый, чуть более ста лет, но и так долго человеку жить не хочется, ибо самое радостное ощущение жизни мы переживаем в молодые годы, когда даже самые старинные предметы удивительно легко теряют свой возраст в череде переживаемого тобой нескончаемого счастья. Молодость растворяет в себе седое прошлое, о нём не хочется думать, прославляя только настоящую жизнь. Впрочем, прелесть её бывает заключена и в воспоминаниях, что часто оказываются сродни сказке, которая уже не повторится, и оттого всегда, вспоминая, хочется придать пережитому нечто несбывшееся, и оно тогда по-прежнему дарит радость. Для старого маячника такие воспоминания представляли из себя волнующий, полный самых ярких событий мир…

Свет его маяка был путеводной звездой для многих поколений моряков, неугасимым Сириусом или Венерой. Он нёс свой мерцающий свет над скалистыми обрывами и песчаными отлогими берегами, над тёмными вершинами вытянутых в сторону суши лиственниц и всем этим дремучим лесным краем, где не живут люди, а слышен только шум прибоя, видится блеск неясных созвездий и ощущается цепкий холод бездыханной приморской ночи… Только одинокая луна, как и вздрагивающий огонёк маяка, взбирается к полуночи на безликое небо, и таким же вздрагивающим, неясным пятном скупо освещает скалистые утёсы. Тишина, мрак и яркий луч невесомого, но ощутимого света, - спасение для терпящих бедствие и надежда, что тьма рано или поздно расступится…

Глядя на величественный маяк, в ночи, становилось понятным, почему Евсеич испытывает чувство уважения к таким предметам, вернее – сооружениям, что не могут не вызывать восхищения.

- Маяк, прямо скажем, корабельное строение! – любил повторять он. – Не зря мне пришлось почти полвека маячить, но маячить – не значит мельтешить, а верно подавать знак. Как никак – государственная забота!

Евсеич, действительно, любил своё детище.

- В стародавние-то времена, между прочим, профессия маячника передавалась по наследству, - не без гордости добавил старик. – Знаешь ли ты это? Целые «маячные династии» возникали, и должность смотрителя маяка была очень престижной. Поддержанием навигационных огней занимались даже монахи, почитая это как одно из служений ближним… Во как!

Евсеич задумался.

- Маяк для меня – храм Божий, как ему не порадеешь! А о чём душа радела, то Бог мне и дал: я ведь о море с детства мечтал, да по здоровью в мореходку не прошёл… Голодное блокадное детство. Но гидрографом всё-таки стал! Здесь, рядом с морем, мне каждый день всё интереснее и интереснее жить на свете…

Старик неловко улыбнулся.

- И не пугает вас всё это однообразие?!

- Что ты!

- Возле моря, я давно это заметил, очень быстро привыкаешь к его шуму. Слух по-прежнему улавливает его, но уже не сосредоточен на нём. Вскоре ты совсем перестаёшь замечать звуки, исходящие от моря. Даже в шторм не воспринимаешь его гул…

- Если вдуматься, то душа, на самом деле, не устаёт угадывать разное движение волн. Звук набегающей волны вовсе не надоедает ей, и она очень трепетно вслушивается в него, отмечает все оттенки и чутко несёт в себе. Всё это происходит незаметно.

Шум моря вливается в тебя неугасимым потоком, побуждает дышать с ним в едином ритме, и наполняет энергией. Море распространяется в твоей душе безраздельно, оно – неповторимо, а ты этого порой и не замечаешь.

- Это помогает в работе?

- Раз живёшь морем, значит, живёшь и маяком. Ты не можешь не чувствовать его.

- Дед, а что для тебя здесь, на маяке, дороже всего?

Как будто услышав мои мысли, Евсеич, тяжело вздохнув, тихо проговорил:

- Знаю, о чём ты подумал…

- О чём же?

- Что я, мол, не могу обойтись без «зелёного змия»?

- Да нет, как бы ты справлялся при этой беде со всеми своими обязанностями! Тебя ведь держит что-то другое?

- Море меня держит… Если не слышен шум прибоя – я чувствую себя не в своей тарелке. Мне чего-то не достаёт, очень важного, что вынуждает жить и получать радость. Без шума накатывающего на берег прибоя – в голове моей не рождаются мысли, а душа оказывается обездоленной. Когда же с моря наносит густой туман, и его можно хватать ртом, как куски сахарной ваты, вместе с этим ароматным туманом в меня входит душа моря… Как же я могу его оставить?!

- Когда я впервые окунулся в такой туман на Курилах, я назвал его обыкновенным чудом…

- Лучше и не скажешь. Вроде бы, и обыкновенное явление, тем более - здесь, на дальневосточных берегах, но и совершенно неповторимое. Как это ни странно звучит, но меня туман учит терпению.

- А рокот океана?

- Воображению… Чего только не услышишь среди чёрных скал и белоснежных бурунов, прибегающих к нам из его неведомых глубин! Порой – самые волшебные вещи… Океанский накат сродни порыву человеческого духа.

- В такие отрешённые штормовые дни, наверное, несложно представлять маяк своим кораблём?

- Я ощущаю это постоянно.

- И я полюбил рёв ветра в корабельных снастях… Вероятно, когда-нибудь, мне будет сильно его не хватать.

- Щедрость моря безмерна… Даже, когда оно находится в глубоком сне, без единого всплеска. Я кожей ощущаю всегда его присутствие. В море – всё существо красоты этого мира.

- Хорошо слушать жизнь рядом с морем…

- И тогда ты понимаешь, что она не проходит даром.

- А как, всё-таки, справиться на маяке с одиночеством?

Евсеич только вздыхает.

- Я ближе к делу, а он всё про козу белу!

- И всё же…

- Бывает, ночью не спится, выйду из маячной сторожки, и сижу на берегу, гляжу на мерцающий свет маяка. Луч вспыхивает, скользит по еле различимой поверхности моря, что представляется мёртвым, и на душе отчего-то становится так отрешённо, даже – пусто. Будто это и не я служу на маяке, кто-то другой, и я тут оказался случайно. И тогда охватывает какая-то странная дрожь, дикие мысли лезут в голову, что на материке, за проливом, сейчас полная событий жизнь, огни и шум городов, на улицах слышится музыка и смех, а меня там нет… Я как будто и не жил.

Евсеич на минуту задумывается, цепкими пальцами разминает папиросу и закуривает.

- И что тогда? – осторожно спрашиваю я.

- Наваждение, конечно. Чего только не передумаешь, когда один. Иной раз хочется уехать куда-нибудь, к иной, более счастливой жизни. Сердце, как непутёвый щенок, тыкается, ворочается в груди, особенно по молодости сомнения всё более одолевали.

Евсеич глубоко затянулся, с наслаждением закашлялся, глаза его заслезились…

- Часто начинаешь воображать всю эту неведомую для себя жизнь, и сердце опять отчего-то затревожится. Но вот вдруг заслышишь гудок какого-нибудь проходящего мимо парохода, и встрепенётся что-то в душе, будто отойдёшь ото сна, и вся твоя вольная, на особицу работа сразу предстанет значительной. Так отчего, думаешь ты, тебя одолевает эта прекрасная тоска, когда многие люди, там, на материке, наверное, только мечтают оказаться на твоём месте, удалившись от наскучившей суеты? И хочется тебе, чтобы твоя редкая и очень нужная для людей работа продолжалась, и маяк по-прежнему дышал на тебя своим утробным машинным теплом, и ты бы с удовольствием

начищал внутри него всякие медные и латунные детали, и жизнь твоя представлялась бы для тебя необыкновенной…

- И так оно и есть?!

- Да, опять обозначает себя одна забота: не стала бы работа!

- И не тяготит уже, что один?

- Нет. Таким понятным и нужным кажется твоё маячное дело. Великой печали будто и не бывало! Так же, как совсем недавно становилось одиноко и тоскливо, теперь ещё пуще бьёт в тебе фонтан энергии.

И думается: как мог ты по целым дням хандрить, и чего уж кривить душой – начать порой выпивать! Выпиваю я, правда, понемногу, работу по маяку никто не отменял, ну, да когда приведётся нужда до вина, то и пил бы, и лил бы, и скупаться попросил бы. Только вино ремеслу не товарищ!

- А я, вот, люблю одиночество.

- Да и я его не отвергаю. Хорошо было бы понимать – для чего оно нам дано. Пожалуй, нужно не бояться оставаться одному.

- Ведь сознание при этом никогда не угасает, и только в одиночестве, наверное, обретаешь не иссякающее желание жить?

- Человек может стать самим собой, когда проявит самостоятельность, не надеясь на других. Вот что истинно.

- Это мне хорошо знакомо.

- Давно приметил, что душевное спокойствие начинаешь испытывать, только в полной мере пережив одиночество. В одиночестве ясно осознаёшь, что в принятии верных решений тебе никто не поможет, и ты сам способен на многое, если поверишь в свои силы. Я так полагаю.

- Не зря, находясь в напряжении, человек интуитивно ищет спасения в одиночестве…

- Уединение очень ценно для человека, без него ему невозможно сохранить и укрепить спокойствие духа.

- Да… В одиночестве ты не способен переложить ответственность за собственную жизнь на кого-либо другого, и вынужден дорожить ей.

- Каждый человек по сути своей одинок… И принимать ответственные для себя решения, как ни крути, мы вынуждены в состоянии одиночества.

- Это состояние, получается, необходимо просто принять?

- Но не замыкаться при этом! Жить среди людей, постоянно оставаясь наедине со своими мыслями и умея совершать верные шаги, есть неотъемлемое условие жизни.

- А это означает, что недопустимо терять отпущенное тебе время.

- Именно здесь, на маяке, осознаёшь это в полной мере. Только в одиночестве, если оно воспринимается верно, становишься сильнее, ничуть не отдаляясь от других людей. Человек способен на многое, если не опустит руки, а наоборот – проявит отвагу и терпение, когда ему одиноко.

- Мне кажется, что человеку вообще не следует преодолевать своё одиночество, а нужно, благодаря ему, учиться…

- Проводя здесь, на Крильоне, бесконечные бессонные ночи, особенно – зимой, можно осознать собственную силу.

- Если с тобой что-либо случится, то ведь и подниматься суждено будет самому!

- Да, и ты обязан приучить себя к мысли, что находясь в состоянии постоянной внутренней работы, и преодолевая все неустройства жизни, ты и вырабатываешь характер. Одиночество вообще не должно волновать или пугать тебя, потому как это не обречённое состояние, а необходимое для нашей же души. Таков жизненный порядок, огород без грядок!

А море тихонько шумело за стенами маяка, где-то вдалеке захлебнулся в собственном гудке тяжёлый сухогруз, и сразу захотелось прикрыть глаза, представляя, как кружат над пенистым морем белоснежные чайки, кричат, что есть мочи, но их не слышно, и вдали, у самого горизонта, где небо сливается с морем, вспыхивает еле уловимое зелёное свечение… Хотелось, не открывая глаз, слушать и море, и чаек, и даже дизельный гул, исходящий из подбрюшья маяка, откуда-то снизу, отчего начинало чудиться, будто ты опять на судне, корпус его чуть заваливается то вверх, то вниз, и мысли твои гуляют далеко-далеко, будто ты уже давно в море, в привычной для себя обстановке, а не на маяке, с его старым смотрителем… О чём все эти чувства и мысли – и не выразишь, но вдруг, в мгновение, накатывают на тебя дивные воспоминания, связанные с работой в море, и тебе опять хочется отправиться в дальнее путешествие, не боясь потерять берег из виду.

Уже более пяти лет проработав в море, я привык к тому, что здесь, на Дальнем Востоке, с виду непримечательный человек, на деле может оказаться очень значительным, даже – необыкновенным, при этом сохраняя свою скромность. В Евсеиче, если быть честным, совершенно невзрачном на вид обитателе здешних пустынных мест, открывалась неутомимая личность исследователя, и всё новое не миновало его самого искреннего внимания. Интерес ко всему необычному просто переполнял его тщедушную фигурку, к тому же, под незавидной внешностью смотрителя маяка скрывалось его доброе и заботливое до всего сердце, что выражалось в трепетном отношении к любой мелочи. Больше всего Евсеич любил читать научно-популярные журналы, жадно черпая из них не дающие ему покоя знания. И ещё, за всё наше пребывание на мысе Крильон, я никогда не слышал от старика жалобы на однообразие окружающей обстановки, что на самом деле являла собой достаточно невыразительный, и даже – скучный вид.

В «Лоции Японского моря» о мысе Крильон сказано следующее: «Мыс Крильон является одновременно юго-западной оконечностью острова Сахалин, западным входным мысом залива Анива и южным входным мысом бухты Морж. Берега бухты Морж – возвышенные и скалистые, прорезаны отдельными ручьями и речками. Вдоль берегов тянется узкий песчано-каменистый пляж. Во многих местах в прибрежной полосе шириной не более 2 кбт разбросаны камни.

Глубины у берегов бухты ровные; южная часть более глубоководна, чем северная. Грунт вблизи берегов камень и галька, а мористее – ил и песок.

Сам мыс Крильон высокий, обрывистый и соединён с берегом узким низким перешейком. С 10-12 миль мыс имеет вид острова. На расстоянии до 3 кбт мыс Крильон окаймлён частично осыхающими рифами. При волнении над рифами образуются буруны, а при спокойном состоянии моря над ними заметны сулои, иногда распространяющиеся на 2 мили от мыса.

Мыс Крильон рекомендуется обходить на расстоянии не менее 2-3 миль».

Прямо скажем: картина – безрадостная, но это обстоятельство никоим образом не отражалось на настроении смотрителя маяка. Бесплодная, каменистая местность, сырой и прохладный климат, сильные западные и юго-западные ветры, приносящие продолжительные шторма, как будто только способствовали бодрому настроению Евсеича. Сколько я его помню, он не терял присутствия духа никогда, не переставая ратовать за дорогой его сердцу порядок.

Всякого рода обязанности не переставали возникать на пути его следования по маяку и всему полуострову. Был он по уши в своих извечных хлопотах.

- Всяк хлопочет – себе добра хочет, а я имею беспокойство за всё морское хозяйство: чего мне с него взять?! Неволей, конечно, можно кого угодно заставить, да попеченья не вынудишь: понимание должно быть! Порядок, огород без грядок…

Даже по отношению всеми забытому старинному колоколу, простреленному когда-то японскими солдатами, он проявлял усердное радение, соорудив вокруг него оградку и выкрасив её в коричневато-зелёный неброский цвет, наподобие морских водорослей, что в обилии оголялись в отлив возле всего полуострова. В своём беспокойном попечительстве к окружающим его предметам, Евсеич, не без гордости, провозглашал:

- Не то забота, что много работы, а то забота, как её нет. Вот, колокол церковный бездушен, да только благовестит во славу Господню!»

Здесь, наверное, к слову будет упомянуть обо всех колоколах, несущих службу на благо мореплавателей по берегам Татарского пролива. Старинные церковные колокола были установлены рядом с каждым заметным маяком на острове для подачи сигналов в тумане. По всему Татарскому проливу их было 9: на материковом побережье – 5, и на Сахалине – 4.

Колокол на самой южной оконечности острова – мысе Крильон, был отлит из сплава меди и олова с добавлением серебра на Гатчинском императорском заводе в 1895 году. Высота его – 1, 05 метра, диаметр – 85 см, а вес – 30 пудов 20 фунтов. Поверхность колокола украшена барельефами Александра Невского и Марии Магдалины, изображения подписаны: «Святой Александр Невский» и «Святая Марина Магдалина».

Длительное время гатчинский колокол «работал» на маяке Крильона, в него били во время тумана, циклонов и штормов, чтобы подать сигнал

проходящим в районе мыса кораблям. Но в 1979 году его перевезли в г. Корсаков, а ещё через год в Корсакове был сооружён памятник в честь первых русских гидрографах Тихоокеанского флота, и центром всей композиции стал гатчинско-крильонский колокол со следами пуль.

Правда, первый маячный колокол появился на Сахалине в 1886 году, на мысе Жонкиер. О нём упоминал Чехов в книге «Остров Сахалин». Высота его – 88 см, диаметр по низу юбки – 81 см. Отлит он был ещё в 1644 году, при правлении Михаила Фёдоровича Романова, а теперь он находится в Покровском храме г. Александровск-Сахалинский.

Скорее всего, колокол попал сюда с Синеозёрского монастыря Благовещенья Пресвятой Богородицы. На колоколе – соответствующая надпись: «Государь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси дал сей колокол животворныя Троицы в святые Богородицы Благовещенью Пустыню Синозерскую при строителе чёрном ионе Моисее лета 7159 марта 8 дня».

Колокол на мысе Марии был отлит в Ярославле на заводе, принадлежащем семейной династии Оловянишниковых, в 1882 году. На мысе Марии он находился с 1935 до 1992 года, и служил звуковым ориентиром для проходящих мимо судов. Когда побережье окутывал густой туман, что для Сахалина дело обычное, а огни на маяке были недоступны взору моряков, звон колокола, распространяющийся на несколько десятков километров в округе, предупреждал моряков об опасном приближении берега. Сейчас колокол находится в краеведческом музее г. Охи.

Вес колокола - 775 кг, диаметр - 1 м 17 см, высота - 1м 24 см. В средней части купола, по кругу, нанесён орнамент с изображением святой Марии с младенцами и тремя апостолами. Над ними надпись – «Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу».

Колокол с мыса Елизаветы имел вес 24 пуда 25 фунтов. Его нижний диаметр был 95 см, верхний – 50 см, высота – 95 см. По низу колокола нанесена надпись: «Сей колокол сооружён усердием крестьян деревни Алтыновки Приморской области при священнике Андрее Зимине в 1906 году». Выше значилась надпись: «Лит в заводе торгового дома Петра Гилёва сыновей в Тюмени 1906 год, вес 24 пуда 25 фунтов».

На самом верху надпись: «Радость великую благовествуй земле». Колокол производил двухударный звон один раз в минуту, и служил на маяке мореплавателям до 1997 года – в течение 65 лет, пока командующий флотом не отдал его для строившейся церкви в г. Елизово на Камчатке.

Для меня всегда было загадкой: какое из обстоятельств заставило церковные колокола, отлитые на материке, оказаться на далёком острове. Очевидно, что и колокол с мыса Марии, и с мыса Жонкиер, и с мыса Елизаветы, и с мыса Крильон отливали не для того, чтобы они служили сигнальным ориентиром для моряков. Скорее всего, изначальным местом их «жительства» были какие-нибудь соборы. А после революции, когда начались гонения на церковь, видимо, было решено часть колоколов приспособить под нужды народного хозяйства.

Не исключено, что все колокола были установлены в 20-х годах 20 столетия, после издания советской властью «Извещения мореплавателям» в марте 1923 года, когда вновь вводились в строй маяки Тихого океана. Снятые с разрушенных церквей – колокола подвергались переплавке, и повезло тем, что попали на маяки Татарского пролива.

Светосигнальное оборудование, которым оснащались в те времена маяки, было слабеньким, и лучи просто-напросто не могли пробиться сквозь густой туман. Поэтому на некоторых маяках дополнительно устанавливались колокола, звон которых и служил предупреждающим сигналом для спасения моряков.

Когда море штормило, и все работы откладывались на неопределённое время, я любил иногда забираться на маяк, без устали вглядываясь в бескрайнюю водную поверхность. Что за мысли посещали меня тогда – я даже не могу сейчас вспомнить, но определённо мне нравилось наблюдать, когда хмурое небо перемешивалось со свинцовым морем, особенно – в непогоду, и сквозь разноголосицу бури до слуха долетали только бессильные удары волн о скалы. Бушующее море неистово врывалось в многочисленные расщелины, будто пытаясь расколоть неуступчивые камни, и потом с остервенелым грохотом откатывалось, образуя под скалами бурлящие сулои. Шум бури заглушал все звуки, даже – мысли, отчего не хотелось ни о чём думать, сливаясь с ней воедино.

В каждую экспедицию я неизменно брал собой томик Ивана Алексеевича Бунина, и вот, совсем недавно, перед тем, как нам прибыть на полуостров, прочёл его стихотворение «На маяке». Теперь оно одно, кажется, звучало в моей душе, перекликаясь с воем прибоя и ветра, и я размеренно, в такт бушующей непогоды, повторял строки любимого писателя. Трудно было выразить всё, что накопилось у меня в душе за недели работы на Крильоне, и я только вслушивался в штормовые удары, внутренне обретая и силу моря, и выносливость скал, и непоколебимость ветра. Покойный и величественный образ поэта вставал передо мной в туманной дымке, над морем, и так же покойно и величественно звучали, перекликаясь с неукротимой стихией, его слова:

«В пустой маяк, в лазурь оконных впадин,
Осенний ветер дует – и, звеня,
Гудит вверху. Он влажен и прохладен,
Он опьяняет свежестью меня.

Остановясь на лестнице отвесной,
Гляжу в окно. Внизу шумит прибой
И зыбь бежит. А выше – свод небесный
И океан туманно-голубой.

Внизу – шум волн, а наверху, как струны,

Звенит-поёт решётка маяка.
И всё плывёт: маяк, залив, буруны,
И я, и небеса, и облака».

Сам маяк при этом выглядел довольно осанистым и крепким. Существуя более чем столетие, он успел достаточно свыкнуться с неизменно существующим пустынным ландшафтом и, не находя достойного для своего внимания объекта, словно врос в скалистый грунт безликого мыса. За долгое время существования к этому его вынудили нескончаемые ветра и туманы.

По определению А. П. Чехова, при солнечном освещении мыс Крильон представлял из себя довольно привлекательное местечко, и одиноко стоящий на нём красный маяк был похож на барскую дачу. Антон Павлович, с присущей ему лаконичностью, довольно точно, в нескольких словах, описал южную оконечность Сахалина как большой мыс, покатый к морю, зелёный и гладкий, как хороший заливной луг. Поле далеко кругом покрыто бархатною травой, и в сентиментальном пейзаже, пишет Чехов в своей книге «Остров Сахалин», недостаёт только стада, которое бродило бы в холодке у края леса. Но говорят, что травы здесь неважные и сельскохозяйственная культура едва ли возможна, так как Крильон большую часть лета окутан солёными морскими туманами, которые действуют на растительность губительным образом…

И это правда… Связанная с маяком достопримечательность неожиданно напоминала о себе с наступлением темноты, когда над морем зажигались световые огни маяка с линзой, привезённой сюда когда-то из Франции. По рассказу маячного служителя, четырёхтонная уникальная линза стоила России миллион рублей золотом. Напоминая о том, что в те времена в России отсутствовала должная отечественная оптика или, по крайней мере, внимание к ней, под линзой красовалась латунная табличка, поясняющая, что конструктором первого крильонского маяка является французский изобретатель Франсуа Барбиер, 1894 год.

Здешние места и воздух словно были заговорены французским присутствием, и в сочетании с откровенной пустынностью мыса - это приобретало своеобразие и красоту. Я начинал проникаться уважением к изящным именам французов, постепенно обретая в душе благодарный отклик за их, не растраченные попусту, жизни.

Но навечно поселившиеся здесь французские имена давно перестали привлекать к себе внимание немногочисленных обитателей Крильона. Сигнальная пушка, когда-то оповещающая суда о приближении к невидимой земле, теперь лежит у входа в областной краеведческий музей. Долгое время не слышен был и звон колокола, кем-то безобразно простреленного, и давно неприкрыто валяющегося неподалёку от маяка. Никому до него не было дела.

Раньше он был подвешен на перекладине, поддерживаемой двумя крепкими столбами, и давал гулкие сигналы проходящим мимо судам. Считалось, что звон колокола отпугивает «злые силы», будто бы населяющие

моря. Колокол нередко являлся произведением искусства, его отливали мастера по специальному заказу с декоративным орнаментом на наружной поверхности, где указывались год и место отлития.

Побывав на самой северной оконечности острова, на мысу Марии, мне привелось увидеть старинный сигнальный колокол ухоженным, благодаря заботливым рукам маячника он излучал уверенность и покой. Крильон же длительное время был обделён ими, и даже памятник освобождавшим его от японцев бойцам был запущен и убог. Он был попросту забыт людьми, обязанными верно хранить свою память. Маленький обелиск одиноко ютился на самом краю обрывистого утёса, с которого начиналось невероятно открытое пространство, наполненное воздухом, водой и светом.

Но незадолго до нашего приезда, военные помогли Евсеичу водрузить колокол на надёжную опору, а смотритель маяка обустроил для него красивую оградку. Не остался без его внимания и обелиск погибшим бойцам… И тогда подумалось мне о том, чего ещё в достатке осталось Крильону и поверх почвы, и в воздухе, и у самого прибоя. Всюду были скрыты его достоинства, которым всегда сопутствуют находки. Их следовало разглядеть…

Осознание же, что отсюда ты одновременно видишь два моря – Японское и Охотское, не потрясало. Ощущалось только величие окружающей сахалинской природы, её неукротимость и свобода. И ещё - собственная гордость от того, что ты добрался до неё, и теперь ничто не сможет тебе помешать слиться с ней, хотя бы на время, а может быть даже навсегда…

Но ощущение слитности с морем, небом и этим берегом, так же, как и переживаемое при этом чувство сопричастности с островной природой, касалось сердца лишь краткий миг. Переполняя восторженное восприятие, оно тотчас успокаивалось, когда я в лёгкой задумчивости отправлялся в отлив побродить по открывшейся береговой полосе, разглядывая в мелкой воде голубовато-мутные агаты, и тогда море, небо, берег и знаменитый крильонский маяк начинали казаться обыкновенными: всё затмевали собой неподражаемые полудрагоценные камни.

Это странно, но почему-то редко вспоминаются маяки, что повстречал в своих странствиях по Дальнему Востоку… Как всегда отрешённо и ровно мерцает сквозь тьму их загадочный свет, длинными лучами осторожно скользя по поверхности моря… Да и думалось о маяках почему-то по большей части равнодушно и отдалённо.

Высокие силуэты маяков, расположенные, как правило, на краю мысов или отвесных утёсах, представлялись чаще безликими, в них не чувствовалось жизни. Казалось даже, что там, внутри, никого нет и происходит всё само собой: сами зажигаются и движутся разноцветные фонари, сами потухают под утро… Никогда, помнится, не хотелось подойти к какому-нибудь маяку, отворить его дверь и подняться по крутой винтовой лестнице на верх, чтобы всё там рассмотреть, а главное – увидеть оттуда

море и корабли, представляющиеся совсем маленькими. Маяк обычно воспринимался как нечто само собой разумеющееся, призванное непоколебимо стоять на страже у моря, предупреждая об опасности корабли.

Иногда только охватит какая-то необъяснимая внутренняя дрожь, и, поглядывая издали на маяк, вдруг захочется заглянуть в его тайную жизнь. Ведь она есть, невидимо протекает мимо тебя, а ты о ней и не знаешь! Какие тайны скрывает в себе маяк, особенно когда зажигает вечером свои огни? Почему так тоскливо иной раз мигает его жёлтый, красный или зелёный глаз, а порой даже с тихой и радостной надеждой?

В связи со спасительностью маячного огня, постоянно напоминающего мореплавателям о верном следовании морской дорогой, и учитывая французское присутствие в здешних краях, уместно, наверное, было бы вспомнить и писателя Флобера. Своим преданным отношением к творчеству он сам олицетворял неугасимый маячный свет. Жил он в Круассе, на берегу Сены, около Руана, и окна его кабинета выходили на реку. Всю ночь в кабинете Флобера, заставленном экзотическими вещами, горела лампа с зелёным абажуром: писатель работал по ночам, и лампа его гасла только на рассвете.

Её свет был постоянен, как огонь маяка. И действительно, в тёмные ночи флоберовское окно стало служить маяком для рыбаков на Сене и даже для капитанов морских пароходов, подымавшихся по реке из Гавра в Руан. Капитаны знали, что на этом участке реки надо было, чтобы не сбиться с фарватера, «держать на окно господина Флобера». Таким образом, борьба за совершенство прозы неожиданно оборачивалась для моряков недостающей поддержкой, при этом они, наверное, могли и не догадываться, что верный путь им указывает великий писатель Франции…

На Крильоне мне ни разу не привелось увидеть, как плывут по небу облака. Их очень недоставало. И только выплывающие из тумана капельки янтаря в прибрежном песке, тишина и сонная медлительность набегающих на мыс волн чуть уловимо существовали рядом.

Волны лёгкого утреннего прибоя монотонно выбрасывали на берег хлопья пены, и те, шипя и искрясь, через некоторое время исчезали, оставляя на мокром песке еле видимые разводы. Когда разводы полностью растворялись, сквозь песок, свежие огрызки водорослей и прочий мелкий мусор начинали проглядывать тёмные кусочки застывшей древесной смолы…

Нелегко отыскать долгожданный янтарь. Ноги осторожно ступают по упруго поблескивающему отливу, чуть склонённая спина напряжена, глаза пристально всматриваются в песок. Кажущиеся воздушными на ладошке камешки встречаются нечасто. Особенно редок крупный янтарь, с густым винным оттенком, по замечательной случайности заключающий в себе

какого-нибудь насекомого или кусочек растения. Такую находку непременно надо заслужить, и дарить её потом только очень близкому тебе человеку.

Среди немногочисленного местного населения были заведены утренние прогулки у моря. Бушевавшее всю ночь, оно выносило с далёких берегов самые невероятные предметы – пластмассовые ящики из-под пива, кухонную посуду, цветные бутылки, обувь и целлофановые пакетики с неизвестной пищевой приправой. Чаще всего вода выбрасывала яркие капроновые кухтыли от рыбацких сетей и разной формы жестяные банки.

В каждом доме на подоконнике красовались затейливые морские дары как, неотъемлемые атрибуты Крильона. В них редко что-нибудь насыпали или наливали, но, тем не менее, для чего-то долгое время держали у себя. Когда же море дарило что-либо ещё более интересное, старые предметы выбрасывали, и они до поры опять становились никому не нужными.

В отличие от наиболее полюбившихся даров, что увозили с собой на материк, они всё же не теряли надежды вновь стать для кого-нибудь близкими и необходимыми. К тому же море, по которому они привыкли путешествовать и без которого не мыслили своего существования, оставалось рядом.

Фиолетовыми студенистыми цветками замирали распластавшиеся на песке медузы. Оказавшиеся оторванными от воды, некоторые из них всё же оставались живы: это было заметно по их слегка настороженным прозрачным бокам. Такие медузы выглядели со стороны подобранными, чутко хранящими в себе огонёк простора морских глубин. Те же, что расплывались бесформенной пахнущей массой, не пробуждали в душе ничего, кроме желания наступать на них ногой, ощущая при этом приятную упругость сопротивления и лёгкое пощёлкивание. И всё-таки иногда на душе становилось тягостно: как будто ты исподтишка коснулся не принадлежащего тебе, хотя и мёртвого.

Здесь, на Крильоне, впервые встретилось мне название моллюска, проживающего в спирально завитой неприметной раковине. Совсем не похожее на французское, а скорее близкое к греческому, оно как будто отрезвляло и озадачивало, нетерпеливо заявляя о себе: натика!

Так ни разу и не увиденный мною таинственный моллюск, несмотря на очень скромные размеры, отличался достаточной агрессивностью. Нападая на большие раковины, он наползал на них, хоботком проделывал отверстие в довольно прочном известковом панцире и, умерщвляя ядом жертву, поедал её.

Не в силах справиться с обилием добычи, он делил её с вездесущими жадными птицами, не упускающими случая поживиться за чужой счёт. Остатками совместной трапезы служили время от времени попадающиеся по берегу раковины с аккуратно выгрызенными круглыми отверстиями, до белизны вычищенные внутри. Раковины эти представлялись совершенно омертвелыми и пустыми, их хотелось ткнуть сапогом. Но в последний момент желание это почему-то исчезало.

Сильные отливы, обнажающие за собой большие площади дна, оставляли также много интересного. В основном это были обширные прибрежные банки, укутанные разноцветными водорослями. Острые каменные углы сглаживались их пузырящейся бахромой, которая к тому же скрывала тысячи замерших на время организмов. Организмы вздыхали, выпуская тонкие водяные струйки, попискивали, создавали вокруг еле слышный незатихающий шёпоток. Наиболее крупные из них были хорошо заметны и, не красуясь, в нетерпении ожидали возвращения к прежней жизни.

Сколько-нибудь приметными всегда оказывались так называемые морские блюдечки. Одностворчатые конические шапочки, наподобие распространённых азиатских соломок, защищающих от солнца, обильно усеивали обнажившееся дно. Их полосатые заостряющиеся головки присасывались к скалам с такой цепкостью и силой, что не всегда удавалось оторвать даже ножом.

Мелкие и совершенно неброские, на первый взгляд, известковые балянусы вовсе оставались без внимания… Эти каменные цветки могли поразить воображение только на значительной глубине, где они вырастали до гигантских размеров и становились волшебными.

Однажды вечером, в часы самого большого отлива, когда все уже собрались ужинать, с берега прибежал мальчик, сын начальника погранзаставы, и взволнованно сообщил, что у восточных скал косатки загнали на отмель дельфина. Захватив матрасовку, через несколько минут мы были на месте. Лёгкий прибой у самого края рифовой гряды успел выбросить дельфина на камни и изредка поднимал над водой его тёмно-синий хвост.

Изогнув суховато поблескивающий бок, дельфин оставался неподвижным всё время, что мы шли к нему по оголившимся скользким камням. Чайки с криком вились вокруг, низко снижаясь над тем местом, где лежал дельфин. Чувствуя скорую добычу, они становились настырными и не обращали никакого внимания на наше приближение.

Одна глазница у дельфина зияла пустотой, и он был уже мёртв. Это оказалась самка с сохранившимися на брюхе следами молока, которым, видимо, кормила перед разыгравшейся трагедией своего детёныша. Детёныша не было видно, и можно было заключить, что он пропадёт.

Начинающийся прилив огромной невидимой массой наваливался из опускающихся на море сумерек, и мы поспешили возвратиться на берег. Окоченевшее тело дельфина затвердело переворачивалось на матрасовке при ударе о камни: оно казалось очень тяжёлым. Не желая оставлять дельфина на растерзание морским птицам, мы, молча, тащили его за собой, ещё не зная, что будем с ним делать. Невозможно было относиться равнодушно к этой мельчайшей частице всемогущего моря, неожиданно оторванной от него и предоставленной самой себе.

Дельфина мы засолили в небольшом деревянном бочонке и съели. Мясо оказалось очень вкусным. Оно почему-то отдавало сосной и отчасти

напоминало мясо боровой дичи. Это было удивительно и, тем не менее, оставалось фактом.

Запах его вперемешку со свежесваренным кофе приятно щекотал нам ноздри по утрам, возбуждая зверский аппетит. Ежедневная подводная работа требовала того. Вообще, утро было лучшим временем дня на Крильоне, когда ещё не начинала одолевать разбивающая тело усталость, едко курящиеся над берегом туманы не становились утомительными, и в сердце твёрдо жила уверенность, что уж сегодня непременно выглянет долгожданное солнце.

За время нахождения на мысу он воспринимался, по большей части, голубовато-дымчатым или жёлтовато-спокойным, неброским. Береговой покой незаметно переходил в подводный, и тогда мутновато-голубая вода в заливе, многометровые столбы жёлтых саргассумов и белое песчаное дно напоминали на глубине краски берега.

Голубизна по мере увеличения глубины наливалась свинцовой темнотой, она отпугивала и в тоже время манила. Ужасно хотелось пробиться сквозь свой страх в эту холодную черноту, хотя бы на мгновение заглянуть в неё. Но берег упрямо не отпускал от себя, вдыхая в озябшее тело невидимое земное тепло.

Приятно было всплывать на поверхность, ощущая лицом прогревшийся верхний слой, видеть сквозь преломляющееся в воде стекло маски пошатывающиеся голубые склоны и обрывистые мысы, бесконечно далёкое небо.

Но под водой мы забывали обо всех прелестях берега, потому как этого требовала нелёгкая работа по обслуживанию мареографа, предназначенного контролировать колебания уровня моря. Принцип действия этого прибора прост. В установленный на берегу каменный колодец, в нижней части сообщающийся с морем, помещается поплавок. Поплавок, соединённый с тросом, следует изменениям уровня воды в колодце.

Вертикальные движения поплавка и связанного с ним троса приводят в действие червячную передачу, связанную с пером, которое вычерчивает на диаграммной ленте кривую, соответствующую движению поплавка. Часовой механизм протягивает ленту с постоянной скоростью, а период оборота составляет 24 часа. Благодаря совместному движению пера и диаграммной ленты воспроизводится непрерывная кривая подъёма и понижения уровня воды.

Всё это сооружение помещается в будке или небольшом домике, который защищает прибор от ветров, волн и прочих неблагоприятных воздействий местного характера, способных повлиять на точность показаний. От самого дна колодца, расположенного под землёй, в море, в горизонтальном положении, выходит металлическая труба, длина которой зависит от рельефа дна и приливно-отливных особенностей данного района. Иногда, скажем, из-за значительных мелей, она может достигать двух сотен метров, а порой, сразу выходя на глубину, не превышает и двух десятков. На конце трубы, для её остойчивости во время штормов, сооружается оголовок,

представляющий из себя большую железную решётку, вернее – клетку, заполненную камнями или мешками с цементом, и вот в отверстие этой трубы и поступает вода, по суточным приливным графикам которой можно составить таблицы за месяц или за год.

Этот простой способ использовался на Сахалине и Курильских островах ещё японцами, после которых по берегам некоторых заливов до сих пор сохранились высокие башни, сложенные из камня. Места для башен были выбраны так удобно, а сами сооружения оставались настолько надёжными, что нам приходилось только изредка осуществлять их профилактический ремонт, и лишь подводной части. Эти башни-колодцы поражали своей удивительно сливающейся с берегом монолитностью. Японцы в который раз подтверждали свою замечательную жизнестойкость. И ещё мудрую предусмотрительность, обычно очень долго не стираемую временем.

Со своей стороны, мы обязаны были осуществить смену старой трубы на новую, что представлялось делом весьма трудоёмким и кропотливым. Труба проходила под каменистым дном, которое необходимо было разгребать. В воде такая работа сопряжена с массой незапланированных трудностей, и каждая из них норовит сорвать её. Например, если требуется соединить два колена, имеющие на своих концах необходимые для этого фланцы, двое водолазов кантуют трубу ломами, а третий должен в это время в совпадающие на мгновения отверстия вставлять болты, прихватывая их на гайки. Как правило, болты в отверстия лезть не желают, зато это хорошо удаётся пальцам, то и дело попадающим между грубо заваренных и опасно вращающихся фланцев.

Или, скажем, необходимо очистить трубу от каменного грунта, основу которого составляют массивные валуны, протянувшиеся на десятки метров. Валуны под водой гулко ударяются друг о друга, и ты начинаешь казаться себе каким-то сказочным великаном, воспылавшим неодолимым для простого смертного намерением. Если это повторяется изо дня в день, позавидовать тебе остаётся только последнему умалишённому.

Но нет ничего хуже, чем сбить под водой дыхание. Терпение быстро покидает разгорячённые работой лёгкие, и они уже жаждут спасительной порции воздуха, которая всегда строго ограничена. В такие мгновения придонная тишина давит тебя своей безжизненностью, сердце тупыми сгустками бросает кровь в голову, и хочется только поскорее вырваться наверх.

Соблазн тотчас отринуть этот не пригодный для человека мир - неимоверно велик, но ты должен сдержать себя, не совершив при этом поступков, за которые бы пришлось в дальнейшем краснеть перед своими товарищами. Освободиться же от заполняющего всё твоё существо страха способен далеко не каждый. И тут спасением оказывается твоё волевое напряжение, осуществить его – невероятно сложно, для этого следует пересилить себя, желание тотчас всё бросить и вырваться на поверхность,

чтобы глотнуть воздуха, но необходимо решиться прижать всё твоё существо ко дну, слиться с ним, и, всё же, победить собственную растерянность…

К этому следует добавить выматывающее душу морское волнение, не дающие сосредоточиться подводные течения, собачий холод, стеснённость движений и прочие неудобства, легко преодолеваемые на суше. Но об этом лучше не думать под водой, где земля всегда представляется тёплой и трепетной. Надо заслужить возвращение к ней, чего бы это тебе ни стоило.

И, тем не менее, ты занимаешься всем этим, если и ропщешь на свои мучения, то только про себя, последними словами кляня тот день, когда решился посвятить себя подводному делу. Но выбравшись на берег и увидев бесконечно далёкое небо, забываешь только что пережитое и радуешься ощущаемым в твоём усталом теле молодым силам. Всё главное в твоей жизни представляется тогда ещё не осуществлённым, а проживаемое сейчас – лишь подготовкой к нему. Пройдёт немалое время, прежде чем ты постигнешь всю тонкость уже происходящего с тобой обыкновенного чуда, которое никогда не повторится.

Уезжая домой, мы видели, как одиноко и молчаливо застыл в лёгкой дымке мыс Крильон. Плавно удаляясь, он как будто вызывал чувство чего-то, до конца, не понятого или, может быть, не досмотренного. Затем неожиданно подступивший густой туман отделил его от основного материка в месте узкого перешейка, еле различимого и почти уже не угадываемого издали, и мыс стал похож на флагманский военный корабль, полный чувства собственного достоинства и невыразимой гордости.

И душа сразу успокоилась, а удаляющиеся безжизненные берега стали такими родными, что я поверил твёрдо: когда-нибудь мне придётся умирать от тоски по этим голубовато-серым, растворённым в тумане таинственным берегам. Берега будто сдержанно отображали в себе такое же неприступное море, почти невидимое небо и загадочно-дымчатые агаты, халцедоны и сердолики. Камни, неприметно покоясь в прохладе прибрежной воды, надёжно хранили в себе историю великих открытий и отваги, что повидали на своём веку эти легендарные места.

«ЛЕДЕНЯЩИЕ ТУМАНЫ»

Остров Тюлений расположен к востоку от южной части Сахалина, на границе залива Терпения, в двенадцати милях от мыса того же названия. Он представляет собой вытянутую с северо-востока на юго-запад узкую, в большей своей части отвесную скалу, заканчивающуюся наверху почти на всём протяжении ровным, преимущественно голым, каменистым плато с обрывистыми краями.

Подножие скалы переходит в песчаный, с примесью гальки, берег, образующий низменный пляж вокруг всего острова. По концам скалы, на северо-востоке и юго-западе, пляж выдаётся довольно далеко в море. Общая длина острова составляет около семисот метров, наибольшая ширина – чуть более ста метров, длина скалы – четыреста пятьдесят пять метров, высота плато над уровнем моря – пятнадцать-двадцать метров.

Зимой в районе острова Тюлений преобладают северо-западные и северные ветры, а летом – южные. С апреля по сентябрь часто наблюдаются туманы. Начиная с октября, число дней с туманом уменьшается, и в ноябре туманы почти отсутствуют.

Издали остров очень похож на мыс Терпения и в ясную погоду открывается с расстояния десяти-двенадцати миль. На северо-западной стороне острова Тюлений имеется несколько жилых построек, а в юго-восточной части, на участке песчаного берега, находится лежбище котиков. Пресной воды на острове нет…

Статистика «Лоции Охотского моря» суха и официальна, но, тем не менее, точно отражает надёжно скрытую от людских глаз суть острова. В общем-то, это довольно безрадостное место… Занесённая хилым весенним снегом серая полоска суши без единого намёка на растительность. Даже скалы не оживляют пейзаж…

Если бы сюда каждый год не приходили тюлени и многочисленные птицы не облюбовали суровые утёсы под свой базар, острову трудно было бы найти название. Просто – скалистый осколочек земли посреди угрюмого Охотского моря. И всё же, он привлекает к себе по весне жизнь, и остров словно оживает, что происходит благодаря тёплому ответвлению Куросио – Сое, направляющемуся частично на север и северо-восток мимо Тюленьего к мысу Терпения…

До своей поездки на остров я никогда не был на нём и не встречал его изображения на фотографиях, но то, что привелось увидеть, полностью отвечало всем возникшим в воображении представлениям. Вплоть до изгибов главной скалы острова, каменистой пляжной линии, и различных цветовых оттенков и запахов. Остров словно жил во мне и только ждал, когда я обращу к нему своё внимание.

На самом удобном для загона южном мысу при любых условиях залегает больше промыслового зверя, чем на других участках острова. В этом

мне пришлось убедиться в первый же вечер пребывания на нём. Главная скала острова удачно отделяет неумолкаемый шум многочисленных гаремов зверей от человеческого жилья. Обширные каменистые рифы с восточной стороны защищают котиковые скопления от штормовых волн, а малыши безбоязненно могут учиться плаванию неподалёку от берега.

Не сразу можно определить характерную черту морских котиков. А между тем она лежит в основе их названия. Уже через месяц после рождения котики начинают понемножку плескаться у берега, а затем учиться плавать. Они играют и возятся друг с другом, как настоящие котята.

С возрастом звери отнюдь не утрачивают своего затейливого характера, а, наоборот, ещё более преображаются. Так благотворно действует на них море. В воде котики превращаются в ловких и стройных зверей с красивыми линиями тела.

Там, за широкой полосой мелководья, где начинается просторное море, котики беззаботно резвятся на широких волнах, гибко изворачиваются и кувыркаются, как акробаты. Блестящими мячиками мелькают их тёмные головы, взлетают над водой крутые, словно лакированные спины, сверкают на солнце чёрные ласты. Ещё не успевает завернуться белый гребень, а котики уже тут как тут – с умилёнными усатыми мордами вытягиваются на волне, раскинув в стороны ласты, и несутся на ней к следующей, что опять подхватит их гибкие тела, и так – до бесконечности… Вот такая игривость, вероятно, и дала повод назвать этих тюленей морскими котиками.

Западный берег острова считается самым пустынным. Кроме человека в его южной части, на нём никто не обитает. Котики никогда не выходят сюда. Они не любят, чтобы их тревожили, пугаются людей и не выносят какого-либо шума и запаха дыма. Дымящуюся папиросу котики чувствуют на очень значительном расстоянии, и потому при каждом отгоне зверя курение строго запрещено.

Лишь перед непогодой отдельные котики начинают плавать вокруг всего острова и изредка встречаются у западной его стороны, высовывая свои чёрные головы и выпрыгивая из воды, как дельфины. Но и в это время они здесь на сушу никогда не выходят.

С западной стороны остров выглядит уютным и тихим. Впервые попавшие на него люди обычно недоумевают: воображение рисовало им иную картину. Но когда поднимаешься на главную скалу, тебя сразу оглушают гомон птиц и рёв зверей, в мгновение перекрывающие собой шум бесстрастного северного прибоя.

Нет ни одного клочка земли, не занятого птицами или зверями. Всё кругом движется, кричит, и больше всего поражает именно неожиданность увиденного.

Когда-то здесь осуществлялась ежегодная заготовка кайровых яиц и добыча самих птиц. Промысел птиц обычно производился после первой массовой кладки, в первой половине лета. Если начинать промысел до начала кладки, то хозяйство в этом случае не доберёт тысячи яиц, так как в числе

добытых птиц будут отловлены тысячи самок, способных произвести кладку. Кроме того, при промысле, когда птицы ещё не спаривались, может быть нарушено соотношение между самцами и самками, из чего возможно, что часть самок окажутся холостыми, да и птицы будут распуганы и не останутся гнездовать на острове, переселившись на соседний базар – на мыс Терпения.

Лов кайр осуществлялся с помощью сеток, и заключался в следующем… На пляже острова, в двух десятках метров от подножия скалы, расставлялись сетки, стенки их укреплялись на вкопанных в грунт пляжа жердях высотой до шести метров, имеющих небольшой наклон в сторону скалы, а общая, огораживаемая сетями площадь составляла порядка полутора сотни квадратных метров. Со скалы два-три человека спугивали птиц, подгоняя их к обрыву против того места, где были расставлены сети, и птицы в огромном количестве падали вниз, попадая в отгороженный сетями участок, куда заходили рабочие с палками и производили их забой.

Такой способ промысла был чрезвычайно прост и удобен как массовый, но имел свои недостатки: при загоне кайр в сети всегда приходилось беспокоить весь птичий базар, многие птицы прорывались через сеть и, получив увечья, уплывали в море, где погибали, становясь жертвой хищных птиц и животных. После массового отлова тушки забитых кайр разбрасывали на морском пляже и оставляли лежать в течение десяти-двенадцати часов, пока не остынут, после чего их грузили в трюмы шхун и вывозили к местам сбыта. Кстати, хорошо приготовленное мясо кайры по вкусу мало отличается от мяса нырковых уток.

Во многих северных странах лов кайр и сбор их яиц на птичьих базарах составляет целое ремесло, которым занимаются птицеловы, передающие его из рода в род по наследству. Люди эти отличаются необыкновенной смелостью и неустрашимостью, они не боятся никаких опасностей, и потому, конечно, нередко погибают. Ведь им надлежит карабкаться на высокие, почти неприступные утёсы и затем сползать с них при помощи длинного каната, раскачиваясь во все стороны, достигая, таким образом, самых укромных карнизов с кладками яиц. Внизу, под ногами такого отчаянного птицелова шумит и пенится море, кругом возвышаются острые уступы скал, и малейшее неосторожное движение может привести к его гибели, что рано или поздно происходит, но не служит уроком для другого добытчика. Жажда наживы и привычка к постоянно переживаемым опасностям делают своё дело.

В Гренландии кайр добывают довольно оригинальным способом. Пока лёд не взломается, птицы имеют обыкновение приходить ночевать на свои прежние места, то есть туда, где были их гнёзда, и там они проводят короткую ночь в крепком сне. Гренландцы подмечают, когда кайры возвращаются на свой утёс, и по их прибытии осторожно взбираются на скалу и затем вспугивают птиц внезапным криком и выстрелами. Бедные кайры, перепугавшись спросонья, забывают, что море внизу ещё оковано льдом и бросаются вниз головой, чтобы искать спасения в морских волнах:

но вместо волн они встречают лёд, о который и разбиваются. Людям остаётся только подбирать их…

… А между тем огромное котиковое лежбище живёт своей таинственной жизнью. Десятки тысяч зверей сплошным колышущимся ковром голубовато-бурого цвета устилают берег у подножия обрывистых скал плато. Днём и ночью над островом стоит непрекращающийся рёв, и нужны время, понимание происходящего и достаточная физическая усталость после забоя, чтобы привыкнуть к разворачивающемуся перед тобой каждый день величественному зрелищу дикой звериной жизни, и тем более – заснуть.

Северная оконечность острова наиболее отдалённая, таинственная и туманная, но и она выполняет свою не сразу бросающуюся в глаза роль во время пребывания зверя на лежбище. Омывающее остров с северо-восточной стороны течение подхватывает в морских глубинах тела по какой-либо причине погибших детёнышей котиков и бережно выносит их на оконечность северного мыса, заботясь о продолжении жизни их маленьких и неокрепших душ. Ощущение от их присутствия не покидает, пока находишься на северном мысу. Так и не выросшие, черныши изредка приходят к нам во сне и не позволяют сделаться совсем бесчувственными при забое взрослых котиков.

По ночам за стеной дома тревожно копошатся и вскрикивают неугомонные кайры. Недоступные для человека перипетии их птичьей жизни возбуждают в засыпающем сознании какие-то необыкновенные картинки. Потом всё смешивается, затихает и оглушает только где-нибудь посреди тягучей ночи, когда птицы, растревоженные чем-то, взбудоражено просыпаются и начинают дикое столпотворение.

Вслед им, на противоположной стороне острова, вторят разбуженные котики, и рёв их сливается с неугомонным хлопаньем крыльев, вскрикиванием, стоном. Как это ни странно, сквозь всеобщий поднимающийся над островом шум прорывается далёкий и непрекращающийся гул моря, который почему-то не различается в не потревоженной ночной тишине.

Может, вспугнутые неизвестно чем кайры усаживаются на море, может, в каком-нибудь другом месте, но только поднятая ими разноголосица быстро утихает. Опять липкий туман окутывает облепленные птицами скалы, и отдалённый гул моря вновь притупляется, так что не разобрать сразу – далеко оно или совсем близко. Остров погружается в свои хмурые северные сновидения до следующего внезапного пробуждения.

Поутру кайры выглядят несколько оживлённее. Изредка некоторые из птиц срываются в пике с обрывистых уступов и выходят из него у самого уреза воды, почти касаясь желтоватым от помёта брюхом её поверхности. Совершив трепещущий и какой-то неугомонный круг над морем, они возвращаются на своё место, зажав в клюве по две, а то и три маленькие серебристые рыбки.

Кайры – сравнительно небольшие птицы, размером со среднюю утку. Шея у них короткая и толстая, крылья узкие, кайры ими часто взмахивают, отчего полёт у них не планирующий, а быстрый. Довольно длинная грудина и рёбра, выступающие за пределы таза, позволяют птицам безболезненно соприкасаться с водой, когда они со всего маху врезаются в неё. Это своего рода природные «рессоры», своеобразные перьевые подушки, с помощью которых посадка на водную поверхность происходит у кайр очень мягко и воздушно.

Обычно брюшная сторона и бока тела кайры белые, а спина – тёмно-коричневая, почти чёрная. Когда птицы плюхаются в воду, они поднимают фонтанчики голубовато-зелёных брызг, и на их белоснежно-атласном оперении капли становятся алмазными слезинками, стекающими обратно в воду. На это короткое мгновение довольно прямолинейные птицы просто преображаются, даже становятся загадочными… Интересно отметить, что среди кайр мне доводилось встречать и альбиносов, совершенно белых птиц, и что ещё более любопытно, обыкновенные кайры не сторонились своих необычных соседей…

Но вернее, всё-таки, то, что все кайры – птицы необычные. Вот и передвигаются они спокойно, вперевалочку, как бывалые моряки. В полёте же отличаются тонким вытянутым клювом и относительно изящной небольшой головой. Изредка кайры летают даже с открытым клювом, а с виду неловко плюхнувшись в воду, великолепно плавают и ныряют. При этом тело птицы держат довольно высоко над водой, но при опасности почти полностью погружают его в воду, оставляя на поверхности голову, шею и часть спины. Купаясь, кайры могут плавать на боку, иногда привстают на воде вертикально, часто хлопая крыльями, ныряя – передвигаются под водой со скоростью до 20 км/час с помощью крыльев, опускаясь на глубину в несколько десятков метров.

Дело в том, что природа далеко не всегда имеет неограниченное количество вариантов в выборе путей развития. Как в северных широтах северного полушария, так и в южных широтах южного полушария какая-то часть морских птиц приспособилась добывать себе пищу при помощи ныряния. В северном полушарии по такому пути пошла группа чистиковых птиц, к которым относятся всем известные кайры, топорки, конюги, старики и тупики. При освоении подводной среды у них постепенно уменьшились крылья. Они стали походить на ласты, ведь длинными крыльями под водой махать трудно, а быстро – просто невозможно. Всё это пошло в ущерб летательным способностям чистиковых птиц, а один вид – бескрылая гагарка, совсем разучилась летать, была очень доверчива, и из-за этого к концу 19 века была полностью истреблена.

Но вернёмся к кайрам… Работая на Тюленьем, мне всегда хотелось подобраться к птицам поближе, чтобы рассмотреть их, но это на острове, вообще-то, запрещено, потому как идёт кладка и выведение птенцов, и своим приближением ты вспугиваешь птиц. Кайры заталкивают птенцов под себя,

втискивают их животами в маленькие углубления, а сами поворачиваются спиной к внешнему миру. Все скалистые карнизы улеплены птицами, на них и без птенца-то удержаться сложно, а кайры умудряются как-то приспосабливаться, пытаясь сохранить равновесие, и, конечно, срываются, заполошно взмахивая крыльями. По всему такому базару шум стоит несусветный, птицы перекликаются на разные голоса и сквозь этот птичий говор прорывается настойчивое –« ара-ара-ара…» Это – кайры возвещают во всеуслышание о своих нескончаемых заботах…

Море, кажется, вскипает от дождя падающего сверху помёта: кайры ринулись в море за кормом для своих птенцов. Помёт серо-белыми наплывами покрывает скалы этого древнего острова, отчего они сливаются с серовато-белыми клубами тумана и низким серовато-белым небом. Ощущение, что всё вокруг имеет одну чудесную, первозданную основу, и ничто здесь не изменилось с тех незапамятных времён.

Очутившись в гуще взлетающих птиц на склоне скалы, наклоняешься вперёд, пригнув плечи, будто съёжившись под видимой тяжестью навалившейся на тебя живой массы, и выдерживая на себе прикосновения лап и крыльев, не можешь избавиться от впечатления, что эта застывшая в воздухе птичья туча сейчас тебя раздавит. Птицы заполняют собой воздух, всё морское пространство, и ты просто теряешь ориентацию, полностью подчиняясь этому всеобщему безумию. Кайры создали такое необыкновенное состояние, да и глохнешь от птичьего гомона на острове как-то по-особенному: вроде бы, шум стоит невообразимый, а ты всё слышишь и в себе и в окружающем пространстве, проникнутом могущественным присутствием моря… Велико кайровое столпотворение!

Всеобщее головокружительное передвижение среди птиц наступает ближе к полудню. Сизые чайки и вдвое превышающие их бургомистры, хохлатые конюги и уравновешенные красноносые тупики, то и дело мельтешащие косяки каменушек и более всех подверженные неразберихе кайры до такой степени исчерчивают пространство над островом, что кажется невероятным отсутствие столкновений между ними. Всё здесь подвержено ещё невесть когда заведённому внутреннему устройству, по законам которого и существует эта поразительная, с виду ни от чего не зависящая и необязательная жизнь, но кайры в ней остаются ещё и самыми многочисленными среди всех птиц.

Наблюдая за этими своеобразными пернатыми, мы пробовали заменять яйца кайр чужими, и они не замечали этого, продолжая высиживание. При перемещении же яиц даже на небольшое расстояние в десять- двадцать сантиметров птицы по-прежнему садились на старые места, где раньше лежали яйца, и усердно согревали голый камень. Над плато царило всеобщее, ничем непоколебимое возбуждение, и для человека, впервые прибывшего сюда, оно казалось необъяснимым.

При слишком близком приближении птицы взрывали воздух огромным грязно-белым крылом, ложились в непрекращающийся над плато круг,

тревожили других, ещё не вспугнутых птиц. Непозволительно было каким-либо неосторожным действием согнать весь базар, нарушить сокровенную тайну созревания продолговатых остроносых яиц изумрудного, розового и белого цветов. Только однажды, при первом заезде на остров, люди забирались сюда, принося в жертву своему чревоугодию начальную кайровую кладку.

Недосчитавшись ещё не появившегося на свет потомства, кайры повторно откладывали яйца и так же усердно высиживали их, как будто это была единственная возможность избежать смерти рода. Мне приходилось слышать, что некоторые птицы способны отложить и третье яйцо, если первые два у них по какой-либо причине исчезли, но происходит это крайне редко.

Груды облепленных помётом шероховатых яиц складывали на пол холодной бильярдной, расположенной на самом высоком месте острова. Их накрывали широким брезентовым тентом, и они лежали так, не портясь, почти всё лето. Каждое утро туда поднималась буфетчица, набирала полный таз холодных, едко пахнущих птичьими испражнениями и сыростью яиц, и затем шла с ними к морю. Тщательно отмыв их, так что они становились ярко-голубоватыми и нежно-розовыми, буфетчица варила яйца на завтрак и выставляла в столовой на самом видном месте. Крупные кайровые яйца, втрое превышающие куриные, все ели с удовольствием, обильно намазывая их горчицей.

Между собой кайры живут в высшей степени дружно. Даже когда между ними возникает переполох из-за того, что какие-нибудь птицы, вернувшись с моря, не могут обнаружить своё насиженное гнездовище и, заполошно перелетая с места на место, нарушают спокойствие своих собратьев, вскоре среди них обнаруживается понимание. Драки, как таковые, отсутствуют и подразумевают всего лишь беззлобную толкотню, заканчивающуюся непременным перемирием. Да и с другими птицами, которые не могут быть для кайр опасны, они также поддерживают самые доброжелательные отношения. Со своей стороны, кайры не надоедают никакой другой птице, живущей рядом с ними, на одной скале, скорее стараясь быть услужливыми, насколько это может быть применимо к птице.

Связаны между собою тесной дружбой и семейные пары у кайр. Кайры постоянны в своих самых важных жизненных побуждениях: они придерживаются единобрачия и стремятся ежегодно занимать на утёсе одно и то же место для гнезда. Перед тем, как сменить друг друга при насиживании яйца, самец и самка на несколько минут замирают рядышком и, как бы извиняясь за то, что вынуждены покинуть его, сочувственно кивают головой, словно раскланиваясь. Потом один из них срывается вниз и улетает в море, по возвращении же – процедура передачи яйца повторяется.

Иногда кайры начинают нервно перебирать клювом перья, но происходит это скорее от возбуждения, вызванного переживанием гнездового периода. По большей части птицы милуются друг с другом,

трутся шеями, и вдруг в одно мгновение бросаются в море, сообща ловят рыбу и вместе возвращаются на гнездо, где впоследствии опять разделят все заботы по выводу птенцов. Подобное поведение птиц может выказывать только одно: кайры удивительно благопристойны и внимательны, и заслуживают всяческого уважения.

Вообще, весь брачный ритуал, заведённый между этими птицами, поражает именно необыкновенной обходительностью и дружелюбием, можно даже сказать – трогательной заботой, которую кайры, кажется, проявляют с самым искренним желанием. Ритуал этот сопровождается необычными позами и криками, впрочем, не переходящими в неконтролируемое поведение. Все звуковые контакты у кайр глубоко продуманы природой, имеют индивидуальную «окраску», и только у птенца различается около десятка типов крика, которые лишь способствуют более чуткому пониманию его родителями.

Период ухаживания у кайр также сопровождается и «танцами» на воде, которые предполагают замысловатое плавание кругами. Птицы выписывают разнообразные фигуры, вертятся вокруг себя, ныряют и, появившись на поверхности, вновь начинают своё кружение. А то вдруг будто привстают на цыпочках, вытянувшись вертикально, и, вспенивая лапками воду, «бегут» по ней какое-то время, неожиданно переворачиваясь на бок… Замечено, что кайрам свойственно игривое настроение даже когда они насиживают яйца и выводят птенцов!

Среди моряков мне не раз приходилось слышать такое мнение, что кайры – птицы глупые… Но зачем им, опять же по человеческим меркам, быть умными? Всё, что нужно птицам, чья стихия – море, жить своими природными инстинктами, в период гнездования выбираясь на сушу.

Кайры держатся колониями, зачастую в сообществе чаек и других морских птиц, и чаще всего занимают отвесные утёсы по берегам и островам в богатых рыбой районах Охотского и Берингова морей. Здесь, по уступам скал, и располагаются так называемые птичьи базары, где обычно первенствуют кайры. Именно первенствуют, преобладая и количеством, и красивой посадкой, когда птица спокойно замирает в вертикальной позе, с достоинством выпятив свою белоснежную манишку, аккуратно заправленную в чёрный сюртучок, удивляя, к тому же, ещё и своим необычным поведением. Но вот глупое ли оно?

На всех берегах дальневосточных морей живут два вида кайр – тонкоклювая и толстоклювая. На первый взгляд они почти неразличимы. Но различие есть – и в оперении, и в поведении, и в крике, и даже в питании. Так, если тонкоклювая кайра предпочитает почти исключительно пелагические и донные виды рыб, то толстоклювая, вдобавок к этому, питается и морскими рачками.

Чтобы добыть необходимую для птенцов рыбу – молодь минтая и трески, песчанку или мойву, кайре требуется, в первую очередь, взлететь, а имея короткие и узкие крылья сделать это не просто. Оттого она и

предпочитает высокие отвесные скалы, с которых легче слететь к морю, успевая набрать достаточную скорость. Чем выше каменный уступ, тем больше будет продолжаться парение, приносящее кайре уверенность, что она способна на многое, и может управлять полётом так, как ей захочется. Сорвавшись с крутого обрыва, кайра, наверное, обретает ощущение, какое в течение всей своей жизни переживает альбатрос или чайка.

Конечно, наблюдая со стороны за манерой поведения кайры, когда чудится, что она и вовсе летать не умеет, сначала становится смешно: ну, надо же, думаешь ты, как ей вообще удаётся держаться над морем, имея такой ниспадающий со скалы полёт?! Всё, кажется, что вот-вот кайра угодит в волны и уже больше не поднимется в воздух, словом, сгинет. Но нет, кайра тянет над волнующейся морской поверхностью, тянет, и, постепенно выравнивая полёт, в следующий миг будто затормозит и бухнется на воду: она – в родной стихии! Вроде бы, ничего смешного…

Забавляет более другое: то, как кайра натыкается на возникшую на её пути преграду, не в силах отвернуть или обойти препятствие. Это, по-видимому, и порождает пренебрежительное к ней отношение, что давно бытует среди моряков. Они видят в подобном поведении недалёкость кайры, не способной осуществить обычный для любой другой птицы манёвр, и именно поэтому, должно быть, считают её тупой…

И действительно, не покидает впечатление, что кайры, облечённые способностью к стремительному полёту, всё-таки несколько прямолинейны в нём. Срываясь со скал, они то и дело натыкались на различные препятствия, не являющиеся, в тоже время, таковыми для других пернатых обитателей острова. Нас очень смешило, например, как кайры ударялись в забор, ограждающий площадку для обработки забитых котиков, не имея возможности вытянуть к морю и набирая недостающую высоту в своём планировании. Но как им ещё нужно было проявить своё искусство успешно миновать препятствия, при всём желании этими птицами непреодолимые, если они созданы таковыми?!

Каким-то чудом не переломав себя при падении, кайры деловито отряхивались, переминаясь с ноги на ногу, и, неожиданно наклонив туловище, бросались по скользкому дощатому полу пирса к морю. То и дело оскальзываясь и спотыкаясь, они стремглав топотали друг за другом своими перепончатыми короткими ножками, неловко срывались у самого края и плюхались в пенящуюся воду. Сделав несколько стремительных зигзагов, кайры замирали и так успокоено покачивались долгое время на лёгких волнах.

Только потом, терпеливо наблюдая за птицами, я понял, что у кайр очень короткие крылья. Вследствие этого птицы не могли создать достаточную начальную скорость, необходимую для того, чтобы взлететь с земли, и им приходилось перед взлётом планировать с какого-нибудь более высокого места. Поэтому все оказавшиеся на траектории их полёта предметы и оставались непреодолимыми.

Нет, кайры, скорее, милые птицы, имеющие немало замечательных свойств, нежели бестолковые. Всегда удивляет и восхищает способность этих птиц безошибочно, в любую погоду, находить своё место на утёсе, представляющее из себя совершенно голый, очень обширный камень. Кайры удивительно быстро, почти что сразу, обнаруживают на нём своего птенца или одно-единственное яйцо, затерявшееся среди тысячи таких же яиц. А ещё кайры охотно принимают под крыло чужих птенцов, и в случае гибели своего малыша воспитывают приёмыша, потерявшего родителей. Если же случилось так, что по какой-либо причине яйцо утеряно, кайры нередко начинают насиживать любое подвернувшееся или даже похожий на него камень.

В северных широтах, исключая, пожалуй, только осень, всегда, как правило, стоит сплошной туман, так что в двух шагах ничего не видно. В таких условиях, конечно, нет никаких ориентиров, но кайра, не сбиваясь с курса, попадает прямо на свой карниз и приземляется там, где ей надо. Сунет в рот малышу рыбёшку или самец сменит на яйце самку, и обратно в море, рыбу выуживать. Бывает, из-за случающегося между птицами столпотворения, кайра усаживается чуть правее или левее нужного места, и ей приходится пробираться мимо своих соседей, а те, разумеется, не преминут потрепать мимоходом её перья, даже раз-другой клюнуть… Но происходит это беззлобно, скорее, для какого-то внутреннего птичьего порядка, или по той известной причине, когда ни за что не удержишься подтолкнуть побеспокоившего тебя соседа, хотя бы, ты не испытывал к нему никакой неприязни.

Из-за переживаемого на птичьем базаре беспокойства, кайрам часто приписывают не свойственное им чувство ревности… Предположим, какая-то самка, вернувшись с морской прогулки, застаёт у гнезда другую самку, и та поднимает истошный крик, якобы, проявляя отчаянное возмущение подобным вмешательством в личную жизнь. На самом же деле она просто крикливо выражает недовольство, так как хозяйка яйца вынуждена расталкивать соседей, усаживаясь на своё место.

Вернее всего, что ревность чужда птичьим сердцам, и они более охвачены любовью к своим детям, а гортанное ворчание по этому поводу соседей – «кгээ, кгээ, кгээ», лишь являет их временное раздражение происходящим. У каждой самки – свой птенец, и она чудесным образом рано или поздно его обнаруживает. Кайра – заботливая мамаша, ведь яйцо-то у неё, как правило, одно, и беречь ей его приходится в оба глаза, вернее – в четыре, вместе с самцом.

Но случается и среди кайр настоящий сумбур во взаимоотношениях, когда, как по цепной реакции, ссора между двумя кайрами перерастает во всеобщее раздражение. Сидящие рядом птицы неизменно включаются в перепалку, и начинают щипать и толкать друг друга, оглашая округу невообразимым гамом. Постепенно возбуждённым состоянием загорается

весь скалистый уступ, все карнизы, и в воинственный азарт, наконец, включается весь «базар». Что тут происходит!

Вниз летят перья, сыплются мелкие камни и вместе с ними голубые, розовые и изумрудные яйца, птицы срываются со скалы и тотчас перемешиваются, а через мгновение всё это пернатое скопище разрывается и с неимоверным шумом рассеивается над морем. Повсюду слышится пронзительное «арра, арра, арра, ар-р-р-р», из-за чего, наверное, птиц и назвали кайрами, и этот многоголосый гул, кажется, превратился в воздух, объяв всё вокруг. А у подножия скал повсюду валяются разноцветные скорлупки яиц, на камнях – брызги желтка, и начинает вдруг казаться, будто природа допустила непростительный для себя просчёт: сколько кладок утрачено, и далеко не у всех птиц они смогут в этом сезоне возобновиться! Но скорее всего предупредительная природа позаботилась о том, чтобы птичий род не извёлся, и, допуская возбудимость кайр в гнездовой период, она не случайно поддерживает их неисчислимое количество.

На недоступных человеку обрывистых скалах, от самого подножия и до верха, лепятся по карнизам тысячи кайр. При той тесноте, которая существует на птичьих базарах, кайрам не до гнезда, уместиться бы самой! Поскольку яйцо кладётся прямо на камни, кайра при насиживании прижимает его к телу, закрывая яйцо с боков перьями, а снизу подсовывает лапки. Этим компенсируется отсутствие подстилки на камнях, но когда напуганная чем-либо птица резко срывается с места, яйцо нередко падает с утёса, и дальновидная природа позаботилась об исключительной прочности яйца: скорлупа его иной раз выдерживает удар о камень. Для того, чтобы выдуть яйцо кайры, сохранив в качестве сувенира, его приходится сверлить шилом, иглой ни за что не проколешь.

Но природа не была бы собой, если не предупредила бы и падение яйца кайры, придав ему конусовидную форму: именно это удерживает яйцо от того, чтобы оно не скатилось даже на покатом уступе. Стронутое с места взлетевшей птицей или потревоженное ветром, яйцо кайры начинает крутиться на краю скалы, всё время поворачиваясь тупым концом к обрыву. Так как центр тяжести будет всегда оставаться в месте соприкосновения яйца с камнем, оно никогда не упадёт.

Кстати, и нахождение кайрового яйца на голой скале не случайно: повышенная влажность северных широт привела бы к быстрой гибели зародыша, если кайра отложила бы пористое яйцо в траве, и, потому, птицы избегают гнездиться на карнизах, поросших какой-либо растительностью. Яйцу кайры необходим свежий воздух, вечно обдувающий яйцо ветерок, и открытый камень – лучшее место для неприхотливого гнездовища. Да и окраска яиц кайры под стать пёстрым камням, она варьирует от дымчато-голубой, серовато-белой, до кремовой, зелёной и даже розовой, испещрённой буровато-чёрными пятнами и штрихами. Ещё одна уловка природы, чтобы закамуфлировать яйца дорогих для неё птиц от врагов.

Главный враг кайр – клуши, и хотя на Тюленьем эти птицы гнездятся в небольшом количестве, значительное число их регулярно прилетает сюда по утрам с побережья Сахалина, нанося обитателям острова непоправимый урон… Клуши преимущественно кормятся павшими детёнышами морского котика и последами, оставшимися после щенки, но одновременно залетают на птичий базар, где пожирают яйца кайр и таскают маленьких птенцов. За один присест клуша способна уничтожить до десятка яиц кайры, которые она очень умело расклёвывает и всё содержимое выпивает, а развитых наполовину зародышей проглатывает целиком. Когда кайры насиживают или обогревают птенцов сплошной массой, то клуши на них не нападают, достаточно же кайрам оставить яйца открытыми, как сейчас же налетают клуши и начинают «грабить» базар.

Ещё одни вредители птичьего базара – трёхпалые чайки моёвки. Они гнездятся большой колонией на острове Тюленьем, и также очень охотно, причём, в огромном количестве, расклёвывают яйца кайр. Моёвки даже умудряются вырывать не проглоченных рыбок из клювов птенцов кайры, отчего последние погибают.

Зато бесчисленным чайкам ничто не мешает часами безбоязненно парить в невидимых воздушных потоках. На распростёртых в изломе крыльях они поднимаются всё выше и выше, обозревая свои необъятные владения. Являясь, как и кайры, вечными спутниками котиков, они вовремя предупреждают зверей о надвигающейся опасности.

Впрочем, опасность на берегу могла исходить только в одном случае – от людей. Как и все животные организмы, люди, основываясь на своей природе, привыкли брать там, где легче. Полную свободу котики обретали в море, и даже коварство вездесущих косаток, что постоянно охотились на них, не могло быть тому помехой.

Но не тайные красоты острова привлекли меня сюда, а Смерть. Запах человеческого ничтожества и убийства, безнаказанно совершаемого из года в год вполне нормальными людьми, достойными лучшего воплощения своих сил.

На первый взгляд, это было более чем неожиданно, если учитывать, что все мои предыдущие путешествия посвящались Жизни. Но только на первый взгляд, поскольку смерть является логической переходной формой любого существования: смерть естественная, покойная, с ясным осознанием неминуемости происходящего. Меня же заинтересовала смерть насильственная, когда кто-то берёт на себя право убивать, недостаточно ясно представляя, зачем он это делает. И даже если человек, наверное, утвердился в этом тонком вопросе, решение его не может быть однозначным.

Смерть – самое таинственное и мудрое состояние, в котором приходится пребывать каждому живущему, но далеко не каждый воспринимает его как должное. А как относиться к человеку, не разобравшемуся в собственной жизни и взявшемуся решать судьбу чужой, хотя бы она и принадлежала животному или птице?

Людям всегда была присуща изощрённая жестокость в отношении животных, тем более – приносящих огромные доходы, и всегда человек, желая достичь максимальной прибыли, играл на самом сокровенном – любви взрослых зверей к своим детёнышам. Так, зная, что моржи – преданные родители, профессиональные охотники широко пользуются этой особенностью чадолюбивых родителей: поймав детёныша, они бьют его, пока тот не начинает громко реветь, и взрослые моржи, устремляющиеся со всей окрестности на этот отчаянный призыв о помощи, становятся их лёгкой добычей.

Массовый забой котиков на острове Тюленьем был ярким тому примером, и я решился приехать сюда, чтобы познакомиться с людьми, ежегодно убивающими по нескольку тысяч зверей. Мне хотелось понять, что ими движет и каково их душевное здоровье. Мне хотелось разобраться, что такое смерть и смогу ли я без особого ущерба для себя убивать зверей в течение всего периода заготовки. Мне хотелось увидеть, как сами звери воспринимают смерть, почему они, ежегодно преследуемые, оттуда не уходят, и что в их жизни первостепенно. При их стадности и невозможности, подобно человеку, изменить свою жизнь, проследить это было бы крайне интересно. И потом, попасть на остров Тюлений возможно было только являясь законным членом бригады забойщиков, и я убедил себя: всё, что мне предстоит пережить здесь – того стоит.

Остров Тюлений, как лежбище котиков, был открыт в 1852 году, и, по японским данным, китобойные суда добывали на нём в это время десятки тысяч зверей. Но потребовалось всего лишь сто лет бесконтрольного их уничтожения, чтобы к началу текущего столетия количество котика на острове сократилось до нескольких тысяч голов. Столетие, проникнутое жалкими человеческими устремлениями, слепой наживой и страхом, не породившее в итоге ни единой живой мысли и погрязшее в крови, оставляло в наследство лишь слабую надежду на то, что когда-нибудь человеческий разум и знание восторжествуют, и в лице людей морские котики, наконец-то, обретут для себя верных друзей. Так нужно было думать, чувствовать, верить и становиться хотя бы немножко лучше, преодолевая в себе безжалостный порок – неистребимую жажду убивать, легко наживаясь на этом.

Биология котика определила в некотором роде его судьбу. Размножается он на строго определённых, исторически сложившихся лежбищах, куда приходит в мае и остаётся до ноября. Остальное время он мигрирует в Охотском, Японском и Беринговом морях. Странам, на чьих территориях располагались лежбища морских котиков, не было смысла щадить их, так как во время миграций в море котики истреблялись промышленниками других государств. И только заключение международной конвенции, запретившей морской промысел котиков, спасло этих животных от окончательного истребления.

Однажды кем-то было сказано: каждая в отдельности погибель на земле не содержит в себе ничего страшного, а лишь мера вынужденная и в какой-то степени даже облегчительная… Один же из самых благоразумных выводов человеческой жизни гласит: погибель может быть только насильственной, совершаемая над другими или над самим собой. И лишь в противном случае – это естественный уход, предвосхищающий грядущее, хоть и очень далёкое воскрешение. Воскрешение, которого всегда ждало лживое человечество, но, в тоже время, не предпринимало ничего достойного на этом пути.

Но как обстоит дело теперь? И что представляет из себя механизм современной машины, способной, в отличие от своей давней предшественницы, должно быть, более чётко организовать убийство?

Система организации котикового промысла проста и определяется своеобразием жизни этих зверей. Большую часть года котики проводят в море, а в летние месяцы образуют крупные береговые лежбища на островах. Являясь полигамными животными, котики на береговых лежбищах создают так называемые гаремы, в которых на одного самца приходится до пятидесяти самок. Поскольку самцов и самок рождается примерно равное количество, в стаде котиков образуется большая группа «лишних» самцов, не участвующих в размножении. Поэтому забой некоторого количества самцов не отражается на нормальной жизни и росте стада.

Принято считать, что наилучшим качеством меха обладают котики в возрасте трёх-пяти лет. Самцы этого возраста, называемые холостяками, и являются промышленной группой котиков, обречённых на выбивание. Именно они - эти трёх-, четырёх- и пятилетние звери, никогда не ощутившие природную силу воздействия на беспрекословно подчиняющихся им самок, ещё не познавшие великую степень отцовства, не подвергшиеся в жестоких стычках секачей испытаниям на отвагу и не понёсшие в них боевое крещение множеством запёкшихся от времени шрамов, и предназначены были отправиться под нож того, кому менее всех была интересна их судьба.

На острове Тюленьем котики обычно наблюдаются с середины мая. Более ранний подход их сюда бывает затруднён сплошными льдами, окружающими остров весной.

Первыми появляются секачи. Самые сильные и выносливые среди котиков, они быстрее всех преодолевают путь к острову. По прибытии, каждый из них занимает себе территорию, на которой в будущем образуется гарем.

Выбор места обуславливается положением котиков в стаде. Сильные и опытные секачи занимают территорию подальше от моря, ближе к подножию главной островной скалы. Здесь они чувствуют себя более вольготно и спокойно, большую часть времени проводя в беззаботной дремоте и ожидании подхода самок.

Лишь изредка какой-нибудь из них лениво приподнимает голову и издаёт грассирующий негромкий рык, после чего голова его опять

беспомощно опускается на песок. Время от времени вздрагивая, котики, словно веерами, перебирают в воздухе задними ластами. Они такие сухие, морщинистые и гибкие, что неудержимо хочется ощутить рукой их шероховатость.

Каждый секач окружён свободной зоной, которую впоследствии займут самки с детёнышами, и потому короткий путь до воды они преодолевают беспрепятственно. Редкие драки, что случаются в это время между секачами, ещё вполне безопасны и происходят, по большей части, с целью демонстрации силы. Секачам по мере приближающегося ответственного периода в их жизни необходимо всё чаще напоминать соседям о своём существовании.

Высохшие и перевалявшиеся в песке котики приобретают приглушённый тёмно-бурый или грязновато-оливковый окрас, их не сравнить со зверьми, только что вышедшими из воды. Освежённый пенистой морской синью мех животных даже в пасмурные дни приятно переливается неисчезающей дымчатой синевой. При солнечной погоде шкуры зверей лоснятся жирным серебром.

Кстати, мех морского котика может показаться грубоватым, к тому же – у него неприятный буровато-серый оттенок. Вроде бы, он не идёт ни в какое сравнение с мехом соседа по морским прибрежьям – калана, но это только на первый взгляд. Искусные меховщики делают из котикового меха очень привлекательный товар, для чего длинную ость выщипывают, а оставшуюся короткую подпушь красят. И вот уже вам чудесный мех – то ли каланий, то ли бобровый, или, неужели, - это … котиковый?! Правда, котик котику рознь, ведь у этих зверей сильно выражена возрастная и половая изменчивость волосяного покрова. У старых зверей мех перерастает, мездра грубеет, а самые лучшие шкурки получают от холостяков – двух-трёх-летних самцов, у которых очень короткий, но густой волос.

Вслед за секачами приходят в одиночку или небольшими группами холостяки, не участвующие в оплодотворении самок. Само гаремное лежбище, где происходит размножение морских котиков, расположено под скалой на юго-восточном и восточном берегах острова. Холостяки, полусекачи и безгаремные секачи ложатся по его концам, на прилегающие к нему с северо-востока и юго-запада участки. Простираясь вдоль берега, эти два холостяковых лежбища заходят далеко за края островной скалы.

Расположение гаремного лежбища на юго-восточной стороне острова, очевидно, связано с нахождением против этого места в море барьера из рифов, о который разбиваются морские волны даже при сильном ветре. А поскольку сильных штормов с этой стороны летом в районе Тюленьего, обычно, не бывает, то не умеющие плавать детёныши котиков находятся в относительной безопасности. Когда наступает время привыкать к воде, черныши свободно плещутся в затишье у берега.

Холостяки держатся отдельно, но, пока не прибыли самки, они решаются выходить на берег в месте будущего гаремного лежбища и

устраивают между собой небольшие потасовки. Молодая кровь побуждает котиков, в отличие от умудрённых возрастом секачей, много двигаться, играть и купаться. Котики, по-видимому, ещё не чувствуют в себе потребности в самках, они радуются переполняющей их жизни, счастливой возможности целое лето жить на этом острове и учиться чему-нибудь полезному у старших.

Несмотря на свою игривость, молодые котики осторожны и боязливы. У них очень развит стадный инстинкт: стоит одному-двум куда-то побежать, и остальные бросаются за ними. Они ещё не в состоянии отличать настоящую опасность от лёгкого намёка на неё, и потому создают много шума и суеты.

Остров с каждым днём всё более оживает, подлетают новые стаи птиц, организующие на безликих скалах свои бесчисленные колонии. Стремительно носятся они над водой, передавая друг другу радостное возбуждение от встречи с родимыми местами. Всё движется, шумит, но неистовство это ещё не достигло своего пика. Жизнь только начинается здесь, и будет продолжаться несколько долгих месяцев, пока не иссякнет это возбуждение, и существование островных обитателей, наконец, не войдёт в свою обычную колею.

Кайры выведут своих птенцов и обучат их летать, детёныши котиков незаметно подрастут и окрепнут для своего первого серьёзного путешествия по морю, только что освободившиеся от бремени самки вновь понесут в себе драгоценный для них плод. Суетливая и громогласная островная жизнь ещё долго не прекратится и, как будто существующая сама по себе, будет незаметно копить силы, которые затем насытят собой весь этот морской мир.

Подход самок на остров начинается с первой половины июня. В эту пору и происходит образование гаремов – событие в жизни острова самое ответственное и неповторимое. Самки сами выбирают себе секачей, и суета самцов при этом не играет никакой роли.

Бывает, количество самок в гареме достигает двух сотен, и это значит, что кто-то из секачей более чем другие задел их за живое, именно в нём почувствовали носительницы жизни здоровую силу и обаяние, и только ему одному вверили свою волю. Плотным кольцом окружают они гордого секача, жмутся к нему поближе, с трепетом ловят его запах и замирают при звуках трубного рёва. И завершается тогда для самцов благословенное время безделья, немало усилий требуется от них, чтобы совмещать бесстрашную защиту гарема с лаской. Здесь вступает в силу незыблемый закон звериного стада, так же неукоснительно действующий для всех его членов, и очень редкий секач, который должен обладать незаурядным жизненным заделом, может противостоять ему.

Половозрелыми самцы становятся в три года, но гаремами обзаводятся в восемь-десять лет. Немалый срок должен пройти, прежде чем холостяки станут полусекачами, полусекачи, в свою очередь, превратятся в секачей, уже способных побороться за право обзаведения хотя бы небольшой семьёй,

а какие-то безгаремные секачи, долгое время остающиеся не у дел, наконец обретут право и возможность продлить не иссякающую жизнь рода.

Часто можно наблюдать, как к довольно крупному секачу, занявшему вполне благопристойный участок, жмутся всего лишь шесть-восемь, а то и две-три самочки, что, по-видимому, свидетельствует о его неопытности и ещё сравнительно небольшом возрасте. Такие секачи скромны и спокойны, никогда не зарятся на брачную территорию своего соседа и не провоцируют других. Им в этом сезоне достаточно их тихого, небольшого счастья, и они довольны, что судьба его подарила.

С началом прихода самок самцы располагаются, как на смотринах, образуя по всему пляжу живые полосы согласно своему весу и достоинству. Если под скалой, с наибольшей территорией владения залегают опытные и мощные секачи, то у самого уреза воды, на прибойной полосе плотного песка, ожидают своего часа самцы, ещё достаточно не созревшие, но уже на что-то претендующие. Они, в свою очередь, сдерживают огромный наплыв нескончаемо подходящих к острову холостяков и молодых секачей, страстно желающих тоже чем-либо отличиться и попытаться прорвать кольцо наиболее опытных. Но тяжело противостоять уверенному в своих правах большинству, когда ты сам ещё достаточно не окреп и только кровь неистово будоражит по весне твоё тело, а душа теряется от переполняющих её чувств.

Стать настоящим секачом не просто. Всё в стаде подчинено строгим законам, и невозможно их раньше положенного времени преодолеть, не поплатившись за это. Вот какой-нибудь бодрый холостячок, несколько часов кряду прокруживший в прибрежной воде, наконец, набирается мужества штурмовать себе участок. Приводя в слепое негодование восседающих возле берега самцов, он с головой бросается сквозь их плотные ряды, на ходу отворачиваясь от жестоких укусов и ударов, то и дело огрызаясь, но всё же двигаясь вперёд.

Тело его, как снежный ком, всё более обрастает рассерженными соперниками, и вот уже нет никакой возможности продолжать движение, после чего начинается натуральное избиение. Кровь смельчака безостановочно хлещет из рваных ран, застилая нападающим глаза, а обезумевшие безгаремные самцы всё наседают и гонят отчаявшегося в своём поступке котика прочь, так что, кажется, ему не добраться до спасительной воды, не вынести этот сокрушительный позор… Это – настоящая живодёрня!

Тягучая морская прохлада принимает изнурённого бойца в свои объятия, и он отлёживается так, длительное время не показываясь на поверхности. Только зеленовато-бурое облако крови медленно рассеивается над ним, постепенно ускользая в невидимую глубину, и котик оживает, чтобы уже более умудрённым, наученным опытом бойцом вновь отважиться на следующий бросок. Так зарождается характер, так безудержно противостоит крылатая жизнь догматическим стадным канонам.

Но что же самки? Как они знаменуют свой приход на остров, где их в нетерпении ожидает более сильная половина? Что привносят они с собой в эту закипающую звериную жизнь?

Половой зрелости самки котика достигают уже к двум годам, однако начинают принимать участие в размножении лишь с четырёх-, пятилетнего возраста. Именно с этих пор, и до конца своей тридцатилетней жизни, если, конечно, ей ничто не помешает, поведение самки будет обуславливаться необходимостью из года в год выходить на берег за несколько дней до родов, оставаться какое-то время при новорождённом малыше, зачинать от приглянувшегося секача следующего, а затем уходить в море, оставляя щенка в совершенном одиночестве… Таков неумолимый закон природы.

Только раз в неделю возвращается самка из моря, чтобы отыскать среди тысяч слоняющихся по всему берегу, орущих и пытающихся сосать любую самку щенков именно своего, накормить и снова уйти надолго в море. В разгар летней береговой жизни примерно треть любого стада остаётся рассеянной по океану вблизи острова. Помимо нескончаемо подходящих к берегу холостяков, уже родившие и вновь понёсшие в своём чреве жизнь самки, по-видимому, совершают своеобразный ритуал очищения.

Вообще, не очень тесная привязанность матерей к детям, а родителей друг к другу – довольно заметная черта жизни котиков на лежбище. По мере разворачивания островных событий, всё большее участие в происходящем принимают щенки, или черныши, как их зачастую называют на острове. Имея от рождения чёрный мех, молодые котики хорошо отличимы для постороннего глаза, что, впрочем, не мешает взрослым секачам нещадно давить их в ходе своих отчаянных потасовок.

Первый месяц черныши не плавают, а разбредаются по лежбищу и образуют детные залёжки. Скапливаясь толпами испуганных зрителей на безопасных местах, они постепенно смелеют, крепнут и растекаются по всему берегу, всё чаще и чаще заглядывая в уголки ещё недавно сокрытой от них жизни. Удивительно, но всего лишь четырёхмесячными щенками котикам вскоре предстоит уйти от своего родного лежбища в открытый океан почти на год, и в этом во многом обязаны они раннему отчуждению, мудро проявленному к ним родителями.

Вольное звериное существование, кажущееся человеку в применении к себе холодным и недопустимым, предполагает в своей основе такое жёсткое расписание жизни. Всё в ней, на первый взгляд, как будто способствует скорой гибели котика. Длительная продолжительность беременности у самок, составляющая около трёхсот шестидесяти дней, ставит её в зависимость от конкретной, часто сменяемой обстановки и, тем самым, повышает риск потери зародыша. Это первое серьёзное препятствие, возникающее для ещё не родившегося морского зверя.

Появление котика на холодном и негостеприимном для него лежбище также не сопряжено с теплом и спокойствием. Пока ещё нерасторопному и потерявшему мать чернышу неминуемо грозит гибель, и, наверное, главное

чувство, которое в момент появления на свет испытывает несмышлёный малыш, это собственная ненужность. Ненужность матери, тотчас покидающей своего детёныша, безразличие взрослого самца-производителя, немилосердно подминающего черныша под себя, и даже те небольшие хлопоты, что доставляет ему большая североморская чайка – птица по характеру скверная и задиристая, приводят к такому неутешительному выводу.

Ранний разрыв жизненной нити, связывающей котика с матерью, несомненно, способствовал вероятности его гибели и в дальнейшем. Пережив это, молодой тюлень следующие несколько лет жил относительно спокойно в океане, совершая недолгие визиты на берег. Но и потом, уже взрослый трёх-пятилетний котик, связанный необходимостью найти своё место на лежбище, вынужден был в который раз определить для себя собственную социальную зрелость и вступать из-за этого в очередной конфликт.

Переживая в течение всей последующей жизни время от времени повторяющиеся и усложняющиеся кризисы, зверь возводил собственным опытом многолетнюю, невидимую глазу архитектуру, подчинённую, в конечном итоге, одному – здоровому восполнению своего стада, а значит – продолжению жизни. В этом был заключён секрет природы, приоткрываемый на острове в момент счастливого рождения и трагической жизненной ломки.

После оплодотворения самок секачи по-прежнему несут вахту на своих местах, но места выбывших уже не всегда оказываются заселёнными из-за постоянного уменьшения числа претендентов. Постепенно в стаде появляются всё новые и новые бреши, и к концу лета оно окончательно разваливается. Лежбище становится таким же беспорядочным скопищем разнополого и разновозрастного зверя, как и холостяковая лёжка.

Именно в этот период – в конце лета и осенью, у котиков начинается линька. Секачи не обращают внимания на присутствие холостяков и самок, и лежат рядом с ними буквально бок о бок. В эту успокоенную пору наладившейся жизни между секачами наступает терпимость, великодушно стираются все грани, и более сильные не замечают чужой слабости, а последние, в свою очередь, способны претендовать на ранее невозможное. Лишь иногда можно увидеть одного или двух секачей, пытающихся удержать около себя облюбованную самку.

Правда, поздней осенью, когда уже как будто всё затихло, на лежбище вдруг начинается второй пик активности, связанный то ли с восстановлением сил у ветеранов, то ли с приходом свежих опоздавших секачей. Бывает ли осенью оплодотворение или это всё действительно только «ложный гон», неизвестно.

Не связанные больше ничем звери покидают лежбище, рассеиваясь по океану. Многочисленные птицы готовятся к своим дальним перелётам. С осени до весны остров остаётся необитаем.

Одиноко и неприютно становится тогда здесь. С ноября наступают крепкие холода, задувают свирепые ветры, и огромные волны перекатываются через крохотный островок. Трудно представить, что совсем недавно на этом краешке земли, вовсю, бурлила неугомонная жизнь.

Каждый год, в одно и то же время, на остров приходили люди. Ещё не отошедший от зимних штормов и пронзительных ветров, остров встречал их хмуро насупившимся, угрюмым. Резкие вскрикивания пока немногочисленных птиц непонятным образом настораживали, а во всей окружающей обстановке чувствовалась какая-то неопределённая отрешённость.

Намытые за зиму горы мокрого песка забивали все помещения нижнего этажа здания и доходили до самых окон. Груды мелкого ракушечника толстым слоем устилали бетонные углы комнат. Пересохшими скрюченными гирляндами безлико повисали на заградительных поручнях водоросли. Неузнаваемое запустенье повергало людей во временное уныние.

Как только руки касались привычной работы, настроение сразу поднималось и появлялось желание жить. То и дело прибывающие на остров котики оглашали первозданную тишину трубным рёвом, этот рёв доносился с противоположной стороны острова и, смешиваясь с шумом морского прибоя, возбуждал в душе необъяснимые чувства. Сооружая оградительный забор на главной островной скале, загон для зверя, забойную площадку и пирс, оборудуя жилые помещения, баню и вырывая на берегу моря потайные тоннели, каждый с волнением думал о предстоящем для себя сезоне – достаточно он будет удачным или нет.

Само по себе добывание морских котиков настолько просто, что в прежние времена добычу их сравнивали с разведением домашних животных, с той лишь разницей, что котики, не требуя ни корма, ни присмотра, ни ухода, дают человеку ежегодно верный и лёгкий доход. Доход этот будет тем больше, чем меньше беспокоить котиков до промысла, и пугая и мучая их во время него.

Забой производится в июне и первой половине июля следующим образом: выследив место, на котором расположился табун холостяков, забойщики рано утром забегают на берег моря, отрезая тем самым зверю путь к отступлению, и палками гонят табун к месту забоя. Котики настолько беспомощны, что десяти-пятнадцати человек достаточно, чтобы гнать стадо до тысячи голов. Для забоя обычно выбирают благоприятную погоду – чтобы было не жарко и не очень сыро. Из общего табуна отгоняют в сторону кучку в двадцать-тридцать зверей и оглушают, ударяя по голове дрыгалкой – палкой длиною в два-три с половиной метра, в то же время, выбирая вполне годные по возрасту, полу и качеству шкурки, экземпляры. Покончив с одной кучкой, принимаются за другую, и так далее.

Одновременно с производством забоя другие рабочие занимаются сниманием шкур. Оглушённые котики растаскиваются и укладываются по всей площадке в ровные ряды. Кто-нибудь из «старичков» с остро отточенным ножом и дубинкой идёт вдоль рядов и добивает тех, кто подаёт признаки жизни. Следующие за ним рабочие делают на шкурах продольные надрезы и обрезают ласты. Чтобы обеспечить быстрое снятие шкурок, несколько человек тут же скальпируют головы зверей, стараясь сделать это наиболее быстро и аккуратно.

Успеху в подобных операциях обычно способствует правильная и заблаговременная заточка ножей, которые на острове каждым членом бригады тщательно наводятся и оберегаются. Незамысловатого фабричного производства – с толстыми деревянными рукоятками и широкими тонкими лезвиями, они в разных руках по-разному преображаются, приобретая, помимо своего характера, и отличимый от других ножей знак. Являясь главным орудием труда, ножи требуют к себе соответствующего внимания и заботы, в чём легко можно убедиться вечером, зайдя в любую из жилых комнат: вас встретит упорное скрежетание наждачных брусков и жалящий блеск стали.

Навыки в обдирании шкур приходят далеко не сразу, и потому короткие и редкие перекуры почти не снимают накапливаемого напряжения. Дрожь в руках подолгу не утихает, и становится трудно держать нож, в висках гулко ударяет разгорячённая кровь, а к горлу подкатывается подташнивающая слабость. Но впереди тебя ждёт нескончаемая работа, и ты уже не замечаешь живущего рядом моря, и птиц, и высокого синего неба. Всё твоё внимание сосредоточено на липкой от крови площадке и повисшем над ней утробном зверином духе, сытно и бессмысленно испускающего запах застылого жира. Так, обычно, пахнет только бедой…

В сравнении с недавним прошлым - шкуры с котиков снимаются не вручную, а с помощью лебёдок. Оскальпированная с головы шкурка прихватывается металлическими щипцами и немного подтягивается. В это время двое обработчиков втыкают тяжёлые двухзубчатые вилы в тело котика и, что было силы, упираются создаваемому лебёдкой сопротивлению. Важно при этом воткнуть вилы правильно, чтобы голова или шея при сильном натяжении не оторвались. Здесь более требуется сноровка, чем сила, любая же остановка в работе расслабляет и мешает соседям.

Натужно взвизгивая, лебёдка своей невидимой силой выворачивает шкуры наизнанку, с липучим треском соскальзывает с них белое плотное сало, и теперь уже окончательно безжизненные тела безлико замирают на потемневших от крови досках. Свободные обработчики собирают по площадке освежёванные шкуры и перебрасывают их в специальные чаны, где, залитые морской водой, они будут отмокать в течение нескольких часов. Затем шкуры подвергнутся мездреванию, и о нём, несомненно, нужно сказать несколько слов.

Какую бы работу на острове не выполнял человек, она всегда была нелегка. Отсутствие пресной воды, например, обеспечивало массу ничем не устранимых забот, связанных с разгрузкой тяжёлых и скользких бочек, сначала с баржи на кунгас, а затем с кунгаса на берег. Задачу усложнял почти не затихающий морской накат, после которого бочки ещё нужно было катить вверх, по разложенным на берегу доскам, и устанавливать их неподалёку от кухни. Ту же самую операцию предстояло проделать с ещё более тяжёлыми топливными резервуарами и заготовленными на острове бочками с салом. Разгрузочные и погрузочные работы занимали если не основную, то довольно значительную часть островного времени.

Можно было бы бесконечно долго перечислять ожидающие здесь человека трудности, сделав при этом, в конечном итоге, вывод, что ни перед одной из них он не пасует так, как перед мездреванием шкур. Мездрение, сочетающее в себе значительное физическое напряжение и тщательность, ум и осторожность, ловкость и смекалку, являлось высшим критерием твоей надёжности. Именно мездрением проверялись на острове неумелые новички, только открывающие для себя перипетии жизни. Я тоже был здесь новичком, и также открывал для себя мир, который при обработке шкур застилался едким потом…

Да, это было действительно нелегко – с непривычки очистить от сала и сухожилий до трёх десятков шкур в день, ни одной не прорезав. Время от времени нужно было не забывать протирать коробящийся прорезиненный фартук, чтобы пятна крови не оставляли следов на мездре. Вода находилась в деревянной бочке, которая стояла рядом, и на краю её висела холодная мокрая тряпка. Холод шёл от бетонного пола, усеянного лохмотьями стылого котикового сала. Кроме этой оголённой застылости всей окружающей обстановки, и разгорячённого собственного тела, ничего более не замечалось. С ощущением какой-то безвольной радости привязывал я к отмездрённой шкуре очередную пронумерованную бирку.

В случае недобросовестной мездрёвки - шкуры возвращались по специально изготовленному в бетонном полу желобу, и бригадир выкрикивал соответствующий номер. Нужно было успеть выловить бегущую к тебе по воде шкурку и довести её до ума. Подобное могло произойти со следующей шкуркой, и ещё с одной, и ты начинал понимать, что лучше с самого начала делать основательно, а не надеяться на пресловутое авось. Доделывание, как правило, не приносило удовлетворения, да, к тому же, занимало более времени, чем если бы ты выполнил всё, как следует, сразу.

Между членами бригады устанавливалось негласное соревнование. Каждый втайне стремился завершить работу быстрее других, поскольку это, во-первых, обеспечивало известное моральное удовлетворение, заключающееся в неистребимом человеческом самоутверждении, и, во-вторых, увеличивало твоё свободное время. Правда, тебя ещё ожидала чистка жирных чанов, уборка своего рабочего места, засолка срезанного сала и

затаривание его в бочки, но всё это ни шло ни в какое сравнение с мучительной мездрёвкой, и воспринималось после неё как отдых.

В то время, как другая часть бригады занималась засолкой очищенных от сала шкур, освободившиеся принимались перетаскивать разделанные тела котиков на край пирса. Для улучшения их скольжения доски тщательно поливались водой, так что, ухватив две, а то и три туши, можно было беспрепятственно добежать на одном дыхании до самого края. Туши цеплялись приготовленными для этого железными крюками с загнутыми ручками, и лучше было брать их накоротке, что значительно уменьшало сопротивление.

Затем рабочие отмывали дощатый пол забойной площадки, упругими струями из брандспойта сметая оставшиеся кусочки печени, мозга и лёгких, всё как будто успокаивалось, а выпотрошенные тела с пересохшими ластами кровавыми безжизненными грудами неподвижно лежали на пирсе, ожидая ещё одной незавидной участи: им предстояло отправиться в последний для себя путь – на звероферму. Обеспечивая кормом неугомонную европейскую норку, великодушные люди не смогли придумать для изувеченных котиковых тел лучшей доли.

Конечно, моё пребывание на острове обусловливалось тяжёлым физическим трудом, приносящим незаурядное удовлетворение, неожиданно открывшейся необъятностью дикого мира природы с потрескавшимися от времени скалами, ветром, туманами, редким солнцем и обыкновенными людьми, и всё это, несомненно, тихо восхищало, но всё-таки постепенно создавало душевное неприятие, какую-то необъяснимую пока внутреннюю несвободу. Ощущение, что некое важное на острове действие происходит не так, как это бы следовало, не покидало.

Прежде всего, настораживал сам механизм машины, призванной чётко организовать убийство. Не слаженная его работа, а те бездушность и глухота, которые ему оказывались присущи. Все здесь, кажется, твёрдо были убеждены, что так и должно происходить, что это важная часть неотъемлемой от их жизни работы. Всё было проникнуто сознанием честно исполняемого долга.

Бухгалтерия, кадры, жилищно-коммунальная служба, отдел снабжения – все они оформляли, инструктировали, устраивали и снабжали необходимым, не представляя истинного положения происходящего на острове. Ни разу не побывавшие на острове, а если и побывавшие, то так ни в чём до конца и не разобравшиеся, «ничего не ведающие» чиновники непоколебимо стояли на страже чинимого произвола. Скорее, здесь более было заключено бездумности и бездушности, нежели беспорядка, и, тем не менее, машина по уничтожению прекрасных морских животных исправно крутилась, ежегодно доставляя мнимую прибыль.

В чём же была заключена причина и суть существующей развращённости? Ответ, наверное, следует искать в природе самого человека, прежде определив его отношение к Смерти. А понимание её таково:

человеку, по сути своей, легче всего убить, нежели не сделать этого, чтобы добиться скороспелых результатов.

Большинство людей, как правило, идут по пути наименьшего сопротивления. Желая загладить собственное невежество, они натягивают на лица воодушевлённые маски, а лживые поступки облекают в красивые одежды. Некоторые из них искренне верят в надобность происходящего, и такие представляют наибольшую опасность. Даже под угрозой собственной смерти - они способны только на короткий миг по животному напугаться, после чего сами будут без зазрения совести убивать, возводя это убийство чуть ли не в ранг священнодействия.

Наблюдая за забойщиками котиков на площадке, я с определённостью испытавшего на себе человека могу поклясться: их человеческая суть в эти страшные минуты протестовала учиняемому зверству, это было написано на их лицах. Но она не в силах была побороть животной растерянности перед надвигающейся ответственностью, и легче было с размаху ударить по мятущемуся ворсистому загривку и, видя, как он неожиданно взбухает алой шапкой, неистово добивать изворачивающегося в предсмертной судороге зверя, направо и налево колотить свежевыструганной увесистой палкой, выкрикивая при этом что-то непонятное, жалкое.

Лица казались взбудораженными, помятыми нерешительностью и от этого жестокими и страшными. Люди словно злились на себя за то, что им приходится исполнять это неблагодарное дело, им вторили другие, и над забойной, заляпанной кровяными сгустками площадкой витали жалкая озлобленность и неудовлетворённость.

Постепенно вид крови застилал глаза, дыхание становилось размеренным, и, хотя леденящая судорога по-прежнему не отпускала руки, нервная дрожь из них всё же уходила. Разгорячённое тревожащее молчание людей неприятно устраивалось плечом к плечу с захлёбывающейся кровавыми пузырями жизнью, тут же безотчётно приканчивая её жалкие остатки. Вскоре всё затихало.

В сравнении с открывшейся оголённостью увечных тел животных, этой мрачной окоченелостью мясного пейзажа, всплывающие в памяти полотна голландских мастеров академического натюрморта с ярко-сочными окороками и грудами набитой птицы представлялись сущей безделицей. Клубящийся над развернутыми утробами животных пар будто сглаживал воцаряющееся повсюду напряжение от бессмысленности содеянного варварства. Придавленные только что произошедшим, люди, не снимая окровавленных рукавиц, жадно курили на корточках, скрывая друг от друга встревоженные взгляды. Надтреснутая озабоченность и тревога быстро утекали из разбитого сердца, а на смену им приходило усталое равнодушие…

Так происходило изо дня в день, и люди каждый раз боялись, но убивали. Убивали, потому что не могли себе позволить любоваться этими животными. Они не в состоянии были понять открытой для них природой простой и чудесной жизни.

А начиналось всё с души человека, с её пассивного сопротивления происходящему в тревожные ночные часы. В это бесконечное время твои мозг и душа были не бездеятельны, хотя и казалось, что спят они среди ватных облаков промозглого тумана, бесшумно наползающего с моря. Копошащиеся разрозненные мысли одолевали уже незадолго до отбоя, попеременно возбуждая картинки происходящего за день, и когда на остров наваливалась невнятная роящаяся тишина, начинала трудиться душа.

У каждого по разному, у кого-то совсем примитивно и однобоко, но, всё же, работала, не замирала вовсе, и вот именно благодаря этому, её самому неуловимому и слабому переживанию, всегда оставалась малая надежда на выздоровление. Эта слабая Божья искра лелеялась в метущихся душах людей и никогда не прекращалась, лишь изредка затихая до очередной, непонятно откуда взявшейся оттепели…

… В ожидании серой рассветной поры, наиболее удобной для загона, сердце успевало не раз переболеть предстоящим жутким жертвоприношением. Разделочные ножи доводились в нетерпеливой вечерней лихорадке нескончаемых и, как правило, пустых разговоров, а нервозность порождала длительную бессонницу. Всё было подчинено самым ответственным на острове минутам, и каждый, ещё с вечера, предупреждался об этом.

Всегда сопряжённое с плохо скрываемой тревогой ожидание, в первую очередь, начиналось с подготовки одежды. Её следовало заблаговременно просушить и развешать неподалёку от койки. Подъём на загон происходил ранним утром, и от забойщиков требовались немалый жизненный опыт и воля, чтобы в наиболее глухое и сонное время чётко и без промедления подняться, одеться и через три минуты достаточно бодрым и проснувшимся быть на забойной площадке.

Выстроившись тремя звеньями, с заблаговременно прихваченными длинными палками, забойщики производили своим видом грозное и, вместе с тем, несколько смехотворное впечатление. Чаще всего, они выглядели не только не проснувшимися, но и плохо представляющими, что же от них, в конце концов, требуется. Именно им, ещё окончательно не пришедшим в чувство, предстояло оборвать десятки и сотни чужих, не принадлежащих им жизней, и это невменяемое состояние не покидало, должно быть, каждого. Мне самому, в частности, привелось в полной мере ощутить на себе парадоксальную неминуемость возникающей ситуации, избегать которой было бы нелепо, ведь именно за этим я приехал на остров.

Представляемое в тяжёлом сне бесчисленное количество котиков, устремившихся на тебя, повергало в неизъяснимый трепет перед тёмной звериной жизнью, и, воображая себе предстоящий день, просто не верилось, что будешь убивать. А убивать нужно было быстро, смело, тогда, как никто не проинструктировал тебя на этот немилосердный счёт. И вот теперь, ощущая утробное дыхание залёгшего неподалёку и ничего не подозревающего стада, ты крался по сыпучему песку в рассветных сумерках,

сдерживая вырывающееся дыхание с волнением, слышал напряжённое молчание своих товарищей, и при этом был полон надежды, что стадо почувствует приближение человека и заблаговременно уйдёт от очередной живодёрни.

По сигналу старшего всё звено устремлялось к берегу с целью отрезать отступление гонимому двумя другими звеньями зверю, и нужно было не потерять ни секунды, оттесняя зверя от воды палками, и кричать при этом что-то неразборчивое и устрашающее. В нос резко ударяло морской свежестью, мокрый песок с галькой плотно поскрипывал под сапогами, а обезумевшие звери, налезая друг на друга и сбиваясь в беспорядочную кучу, пытались прорваться к прибою. Здесь их ожидали несколько человек, готовых любым способом остановить животных, и лучший из этих способов – вал из тел забитых котиков, который отрезал зверю путь к воде.

Два первых звена, крадущихся к берегу по подземным тоннелям и неожиданно появляющихся у самого уреза воды, должны были произвести среди залегающего зверя основное смятение. Именно поэтому им категорически запрещалось переговариваться в тоннеле и даже курить перед загоном. При всех этих действиях требовались напряжённая слаженность, чуткое руководство и желание каждого, во что бы то ни стало, добыть зверя. При общем настрое среди участвующих в загоне людей достичь этого поголовно охватившего оцепенения было не так уж сложно.

Я сам стоял по колено в воде и, охваченный обуявшей всех лихорадкой, со всего маху дубасил рвущихся к воле котиков по упругим затылкам. И холодные солёные брызги, словно слёзы, стекали у меня по лицу, и от них почти насквозь вымокали штаны и свитер, а я всё бил и бил, и уже не в силах был остановить удары, сыпавшиеся на спины, бока и ласты, и, тем более, не чувствовал причиняемой ими боли. В этот постыдный и страшный миг я не ощутил покачнувшееся на своих плечах небо, не услышал громогласно воспротивившегося содеянному стихийного внутреннего зова, и только метущееся в груди разбитое сердце гулко отбивало свои глухие удары, не оставляя никакой надежды на малейшее помилование в будущем…

Впоследствии я часто задавался вопросом: зачем был дан этот остров людям? Только ли затем, чтобы убивать и в глубине души терзаться от непрекращающегося варварства, творимого заведомо на собственное обречение? Но в том-то и дело, что угрызения совести рождались лишь на забойной площадке, в самый кровавый момент, и злая душевная растерянность подминала всё под собой, как будто расправляясь с человеком за его минутную слабость…

Что делать, если люди не могут поверить в свою силу, не причинив кому-либо жестокости? Они не в состоянии вывести что-либо ценное из творящейся вокруг них беды, и скорее откажутся думать о ней, чем будут тревожить свою душу. Но лицо выдаёт внутреннюю муку и боязнь от совершаемого безумства. Совершаемого словно исподволь, против своего разума, по наилегчайшему пути жизненного скольжения, а не полёта души.

Так вершится преступление против всего божественного в себе, в угоду липкому и ужасному мгновению своей человеческой слабости.

То и дело возникающие вопросы одолевали, и казалось, им не будет конца. Однозначно ли само по себе убийство, и имеет ли человек право вообще убивать? Как убить, кому убить и ради чего? Все они были ничуть не маловажны для общества, которое пока не в состоянии отказаться от убийства в любых его формах.

Но если даже предположить, что это общество научилось бы не скармливать норке ценный продукт, целительные свойства желчи и внутренних гормонов морских животных справедливо распределять среди своих членов, не отсылая их на экспорт, а драгоценные шкуры не гноить самым бездарным образом годами в прокисших бочках, - разве бы не выглядело оно, в конечном итоге, противоестественно, убивая великолепных живых существ, призванных украшать этот божественный мир?

Конечно, не всё так просто, как кажется на первый взгляд, и убивать, наверное, способен далеко не всякий, а только обретший знание. Но как, без ущерба для души, можно сначала обрести право убивать, чтобы потом умело от него отказаться? На понимание всего этого уходит целая жизнь…

И тогда человек самонадеянно успокаивает себя мыслью, что, по необъяснимому состоянию мироустройства, убийство является законной частью немилосердного, но неминуемого очищения, через которое человеческой душе просто необходимо пройти, чтобы окрепнуть, и он … убивает.

Одного древнего мудреца спросили, что самое удивительное в этом мире? Самое удивительное, ответил он, то, что хотя люди каждый день сталкиваются с фактом смерти, никто из них не думает о том, что умрёт сам. Если бы люди думали о том, что умрут, они вели бы себя иначе, и, размышляя о том, что смерть может прийти в любой момент, ценили бы отпущенное им время, и уж, конечно, не убивали бы других живых существ. Разве достойны были своей духовной природы люди, в неограниченном количестве забивающие таких чудесных, милых котиков?!

Временами мне тогда даже казалось, что весь мир провалился в морскую бездну, и только мы одни каким-то чудом застряли на этом непомерно маленьком клочке скалистой земли. Не существовало больше утопающих в летнем сумраке вечеров пустынных таинственных аллей, мягко освещённых желтовато-лиловыми фонарями, ни весёлой зелени умытых садов, трепетно замерших после дождя, ни уютной лесной дороги, которая вела к тёплым земляничным полянам… Были только туман, неотступной стеной надвигающийся на остров, его въедливая липкость, леденящее дыхание и опасение, что вопиющее уничтожение животных, возведённое в обыденную власть привычки, никогда не прекратится.

Ещё были скрытая тайна моря, его неведомый мрак и жалобный крик конюги, трепетно стелющийся над тихой ночною водой. Сердце не покидала робкая надежда на то, что когда-нибудь остров окажется для людей не только

великим снисходительным благом, но и их совестью, благодаря которой они всё-таки заплатят за своё запоздалое раскаяние, начнут расти душой, и станут, хотя бы немножко, лучше.

«ЭТО – САХАЛИН!»

Я сижу на корме удаляющегося от острова Тюлений плашкоута, вглядываюсь в опостылевшую за полгода серую морось над островом, и переживаю только одно: больше мне не хочется быть здесь… Но я, несомненно, рано или поздно заскучаю по нему, представляя его себе уже в устоявшихся спокойных воспоминаниях или спутанных ночных забвениях. Правда, не знаю – как сильно, потому что кроме острова Тюленьего мою душу тронул весь Сахалин, этот милый сердцу дальневосточный край, где обретение недостающего неизведанного становилось вполне простым и радостным делом, несмотря на то, что иногда это знание приходило через кровь… Но как иначе жить в этом мире, желая только одной правды и счастья?!

Нет, постижению истины всегда сопутствует смерть, и её нужно пройти, чтобы стать сильнее в этом мире нескончаемых надежд, потерь и устремлений. В мире, где закон действия и противодействия, покоя и движения – повсюду, нужно понимать, что обе силы, действующие в противоположном направлении, должны уравновешивать друг друга, лишь тогда в жизни начинает господствовать гармония, а значит – душевный рост и мудрое равновесие.

В жизни каждого человека есть время, когда ему щедро, будто авансом даётся Божья благодать, когда всё у него получается – с чего не начни. Очень важно не упустить именно это время, не говоря уже о простом, протекающем незаметно, вроде бы, и неизвестно для чего, но, тем не менее, с ещё более требовательной потребностью трудиться, не покладая душевных сил…

У каждого при этом – своя дорога и крест, но не каждая дорога приводит к Господу, и не всякий крест несёт на себе знак святости. Или так: выбранная дорога рано или поздно приведёт тебя к согласию с собой, а значит – и с Богом, только далеко не сразу… Всё, конечно, в руках Божьих, да тем жизнь и хороша, что убеждения свои можно отстаивать и мечты осуществлять.

Я, как мог, осуществлял, порой – даже истово, с какой-то монашеской исступленностью, так что, кажется, все чувства просто выплёскивались из тебя, после чего ты должен был, вроде бы, совершенно их лишиться, но веселья в сердце не убывало, и бодрость духа тебя не покидала. Находясь в то время в полном согласии с собой, я каждый миг переживал в душе присутствие Бога, и все мои мечты сбывались.

Но ощущал ли я Бога на Тюленьем, убивая ни в чём неповинных животных? Расправляясь так жестоко с милыми, необыкновенными котиками, которые, как бы это странно ни звучало, стали мне очень дороги, я осознавал совершенно точно: Бог меня не покинул. Он жил во мне всё время, когда сердце моё надрывалось, обливаясь их кровью, а моя собственная, кажется, куда-то утекала, не лишая, между тем, возможности

жить и чувствовать. Всё это было возможно перенести без ущерба для своей души, конечно, только с Господом, который, оказывается, жил тогда во мне, а если и отсутствовал какое-то время, то я знал, что Он всё видит. С нами Бог, хоть Он и бывает милостиво непредсказуем!

Непредсказуема и сахалинская погода… Даже летом она на острове не балует, и нет-нет да и выкинет коленце: вместо мягкого, почти незаметного ветерка поутру, казалось бы, обещающего вполне покойный и ласковый полдень, вдруг налетит шквал, принесёт холодную свинцовую тучу, и вот – ледяной дождь. Мало того, его заряд может обернуться и снеговой сечкой, но и это ещё не полное отражение сути сахалинской погоды. Всё нарастающий, совершенно отчаянный упорный ветер, взявшийся невесть откуда, бросается срывать с прохожих шляпы, бежать за которыми не имеет смысла, ибо не догонишь, выворачивает наизнанку зонтики, безжалостно ломая их, а вскоре в мгновение исчезает, уносясь куда-то за сопки, будто его и не было, и над этими самыми сопками вспыхивает разудалое яркое солнце…

Невозможно не любить Сахалин! Какой-нибудь час назад ты не мог обойтись без тёплой куртки и драпового пальто, и вот уже к полудню день так расходится, что остался бы в одной рубашке… Погода на острове ровно сама себе определяет настроение, и то безо всякой причины хорохорится, а то постепенно отпускает. И море, и остров, и находящийся поблизости океан – главные законодатели всех этих природных устремлений, и от того, как они распорядятся своей свободой – слагается, в общем-то, привычный для местных жителей, но всё-таки необыкновенный сахалинский денёк.

Суровый климат, свирепствующие непогоды в весеннее и осеннее время, обилие льдов, препятствующих раннему началу навигации, в особенности – у северных берегов Сахалина, стремительные и переменные течения, скорость которых доходит до семи узлов, крайне разнообразные приливы и отливы моря, достигающие местами десяти и более метров, упорные и густые туманы, вследствие обилия влаги в воздухе – частые дожди: вот основные черты, присущие Сахалину и Охотскому морю, омывающему собой почти две трети береговой полосы острова. Тихие и ясные дни – как исключительная редкость, в основном же – льды и туманы… Но что определяет здесь подобное течение погоды?

Повинны в этом, в первую голову, воздушные потоки, обусловленные особым распределением и изменениями атмосферного давления… Дело в том, что зимой над азиатским материком располагается огромная устойчивая область высокого атмосферного давления, или, как говорят метеорологи, антициклон. Летом, наоборот, здесь располагается не менее устойчивая область низкого давления, или так называемый циклон. Причина такого распределения давления – большее охлаждение воздуха над материком зимой и большее нагревание его летом, по сравнению с воздухом над океаном в тех же широтах. Поскольку от большего давления воздух перемещается в сторону меньшего, то зимой ветры над Охотским морем преимущественно северо-западные, они обуславливают низкую температуру

и влажность воздуха, а летом – южные, предполагающие высокую облачность, влажность и повторяемость туманов.

Эти южные, господствующие летом ветры приносят тёплый и влажный воздух. Он быстро охлаждается в нижнем слое, в результате соприкосновения со значительно более холодной водой Охотского моря, и приходит в состояние насыщения. Именно поэтому так обычны в здешних местах густые и устойчивые туманы.

Кстати, в связи с тем, что туманы образуются в приземном слое холодного воздуха, при выносе их на берег понижается его температура. Наиболее глубокое проникновение тумана вглубь острова осуществляется по долинам, и ещё в периоды выноса туманов устанавливается холодная сырая погода со слабыми ветрами. Сплошные туманы в большинстве случаев наблюдаются в ночное время, удерживаются подолгу, а над побережьями и морем висят буквально целыми неделями.

В общем, климат Сахалина и его прибрежных вод довольно суров. И это несмотря на то, что северная его оконечность лежит на широте Тулы, а южная на широте Одессы. Зима на Сахалине холоднее, чем на южных берегах Белого моря, находящихся по широте значительно севернее. Исключением является юго-западное побережье острова, где благодаря тёплому Цусимскому течению климат значительно мягче. Причина суровости и зимы, и климата Сахалина, как и всюду на Охотском море, - леденящие ветры с насквозь промороженного материка и холодные воды самого моря, покрытого льдами, как правило, и в июне.

Сильные пронизывающие ветры – неотъемлемый атрибут Сахалина. Зимой они сгоняют снег в низины, и он иногда целиком засыпает постройки. В таких местах очень важно, чтобы двери открывались внутрь помещения. Я был свидетелем того, как на курильском острове Парамушир местные жители сооружают выходные отверстия даже на крыше, в виде небольшого домика-скворечни, что всегда вызывает недоумение у приезжих. Но старожилам хорошо известно, чем может закончиться такое невольное заточение, когда за пару дней снегу наметает под самые карнизы…

Не только суров, но и необычен островной климат… На юге Сахалина цветёт магнолия, тогда как его северная часть отмечена обширным существованием тундр с нехарактерными для этих широт торфяниками мощностью до двух с половиной метров. В целом же, для острова обычны более влажная, чем на материке, зима; холодная затяжная весна с поздними снегопадами и туманами; прохладное в первой половине, особенно в июне, и дождливое во второй лето; тёплая, сравнительно длительная солнечная осень, когда температура суши и воды выравнивается, достаточно прогревшись, и между ними уже не существует большой разницы…

Осень на Сахалине, пожалуй, единственная пора, когда она радует всех, так что забываешь за чередой ярких осенних дней мрачноватую сущность острова, которая почему-то приятна. Это необъяснимо, но именно серая дождевая мгла ненавязчиво ублажает твою душу! Таков – Сахалин.

Самая долгожданная золотая пора на острове – сентябрь. В августе ещё может случиться тайфун, но пришедшая осень незаметно всё восстановит, загладит приключившиеся с природой огрехи. Прекращаются, наконец, и затяжные дожди, а в результате общего прогревания морей исчезает большая облачность. На море спокойно, жарко пригревает солнце, и до слуха доносятся лишь лёгкие вздохи волн…

Во всё же остальное время недостаток тепла и большое количество атмосферных осадков обуславливают избыточное увлажнение везде, где недостаточно большой сток. Это и влияет на буйную растительность, особенно на юге. Да и прогревание воздуха над Сахалином протекает медленно, что происходит в связи с большой затратой тепла на испарение атмосферных осадков.

Порой представляется, что вся суть острова сосредоточена в хлюпающей под сапогами влаге, густом промозглом тумане, надоедливо сеющейся мороси и постоянном ощущении, что всё это никогда не кончится. Куда не обратишь своё внимание – всюду сыро, промозгло, холодно. Проходит время, и ты убеждаешься: человеку недостаёт такого постоянного переживания непрекращающейся непогоды, когда ты способен научиться ценить каждый день, хотя бы мгновение, но этого постоянного напряжения человек не переносит, да и не в силах пока выдержать предлагаемого жизнью урока. Зачем он живёт, во имя чего совершает свои незначительные усилия?! Сколько характера нужно иметь человеку, чтобы преодолеть хотя бы даже не самую крайнюю степень напряжения души и тела?!

А между тем обыкновенный сахалинский денёк хорош! Он радостен именно своей непредсказуемостью, мягкостью красок, неброской красотой. Взял бы и отправился вглубь этих дремучих сахалинских сопок, кажущихся живыми, замершими в ожидании именно тебя. Какая жажда преодоления трудностей рождается в душе, стремление обрести новые важные открытия! И всё, вроде бы, благодаря обыкновенной сахалинской непогоде, которая удивительно обаятельна, уютна…

Даже и не подумаешь, что погоду Сахалина, помимо муссонов, определяют какие-то невидимые течения… Они омывают остров с обеих сторон, причём, восточному берегу, как более открытому течениям и ветрам, приходится принимать наибольшую долю непогоды. Условия здесь, в прямом смысле, самые суровые и вся растительность несёт на себе такой же суровый, полярный характер.

Западный берег, особенно его юго-западная и южная часть, намного удачливее, и влияние холодного течения и льдов, спускающихся с севера, смягчены тёплым Куросио. Вернее – отходящим от него в пролив Лаперуза рукавом Соя, который омывает южную оконечность острова, включающую мыс Крильон, залив Анива и мыс соответствующего названия, достигая мыса Терпения и острова Тюлений, тем самым позволяя морским котикам устраивать на нём свои лежбища. Ответвление же, устремляющееся на север по Татарскому проливу, именуется Цусимским течением. Достигая среднего

Сахалина в районе Александровска-Сахалинского, это ответвление постепенно сходит на нет, смешиваясь с водами холодного течения и, завихряясь, растворяется в нём. Но оно, всё же, оставляет свой след в растительности по юго-западному побережью, где она более нежная, чем на восточном побережье, и отличается сочностью. Такая сочность присуща именно распадкам, отличающимся на Сахалине и Курилах своей потаённой прелестью.

В этих распадках, по которым стекают в море маленькие сахалинские речушки, а берега их отличает какая-то неестественная даже растительная пышность, витают огромные бархатистые бабочки – махаон Маака, мечта любого коллекционера. Размером с чайное блюдце, чёрно-фиолетовые красавицы с золотыми глазами уверенно парят над прибрежными волнами, продолжая свой полёт и над морем, всё дальше на восток… Залюбовавшись на них солнечным утром, призадумаешься: отчего такие хрупкие создания не обходятся потаённой роскошью сахалинских распадков, а непременно им нужно устремиться неведомо куда, не боясь открытых морских пространств?

Что же касается приречных долин, что обычно защищены от холодных ветров и называются среди местного населения «еланями», то растительность в них поражает ещё и обилием разнообразных трав, раза в два превышающих рост человека. В летние душные дни земля здесь парит, воздух от влаги роится, и чувствуешь себя как в бане. Спасает только прозрачная ручьевая вода, стекающая с холмов, на берегу же моря – лёгкий прохладный бриз.

Заросшие бамбуком и кедровым стлаником, склоны распадков крутые, по ним ни за что не пробраться. По дну распадков текут незамутнённые ничем ручейки и речки, впадающие в море. Нередко такие ручьи обрываются на вершине скалы и ниспадают водопадом хрустальных брызг.

Распадки зачаровывают своей влажной дичью, таинственной глубиной и сумрачностью. Чтобы хотя бы отчасти проникнуть в эту глубину, нужно двигаться по их дну, вернее, руслу, в поднятых болотных сапогах. Ручьи, как правило, мелководны, с галечным дном. В конце лета или осенью можно наблюдать, как по таким галечным мелям ползут на брюхе вверх по течению большущие рыбины - кета… Плавники у них оторваны, кожа в рваных ссадинах и язвах, но рыбы преодолевают любые препятствия, желая достигнуть своей цели – оставить потомство.

Вот и тёплое течение Куросио, лишь ненадолго обогрев южные берега Сахалина и остров Тюлений, постепенно оттесняется в открытый океан, а весь восточный берег оказывается под влиянием холодного Сахалинского течения Охотского моря, проникающего почти до южной части острова. Поэтому на Сахалине восточное побережье более холодное, чем западное. Горные хребты, вытянутые вдоль восточного побережья, ещё больше усиливают эту разницу.

О Куросио стоит сказать несколько слов, поскольку оно наиболее мощное течение Мирового океана. По тому влиянию, которое Куросио оказывает на океанологический режим и климат северо-западной части

Тихого океана, его по праву сравнивают с Гольфстримом в Атлантике. Образовавшись от Северного Экваториального течения, повернувшего от Филиппин к северу, Куросио переносит много тепла из южных широт в умеренные области северо-западной части Тихого океана, оказывая существенное влияние на климат Сахалина и Южных Курил. В переводе с японского языка Куросио означает «Чёрный поток». Это название происходит от цвета морской воды – от черновато-ультрамаринового до кобальтово-синего. И действительно, этот поток при непосредственном наблюдении резко отличается от прибрежных зеленовато-голубоватых вод.

Слово «куросио» слагается из двух иероглифов: «куро» и «сио». И если первому соответствуют слова: чёрный, страдание, печаль, бездна, проникновение в тайну, то иероглиф «сио» означает соль жизни, существо сущего. Другими словами, в понятии Куросио фиксируется явление, отражающее совокупность всех воздействий океана. Оно может приносить с собой тайфуны, высокие волны и обильные осадки, а может изменять численность промысловых рыб. Ещё в глубокой древности у рыбаков возникла своеобразная формула – «Куросио управляет промыслом».

Маленькая рыбка сардина-иваси – настоящее дитя этого течения, в нём она появляется на свет и проходит первые стадии жизни. Эта рыба может по нескольку десятков лет находиться в депрессивном состоянии и как бы выжидать подходящего для успешного размножения состояния течения Куросио. Когда такой благоприятный момент, обычно совпадающий с эпохой потепления, наступает, иваси буквально «взрывается» и численность её возрастает в десятки раз! В своё время, соответственно, случится и такая ситуация, когда иваси придётся исчезнуть, и в этом опять будет виной течение Куросио…

Исключительно богата зона течения Куросио рыбой, запасы которой интенсивно используются людьми уже много веков. Французский исследователь морских глубин Жорж Уо в своей известной книге «20 лет в батискафе» следующим образом описывает погружение в зоне течения Куросио: «В поле нашего зрения повисло облако, состоящее из миллионов светящихся точек – планктон казался невероятно густым. На глубине более 1000 метров мы попали в слой настолько густого планктона, что за иллюминатором буквально ничего не было видно, кроме сплошного белёсого тумана, в котором иногда попадались медузы разного цвета и формы, висевшие в самой толще этого питательного пюре».

Кстати, первым обстоятельно описал Куросио наш русский исследователь Иван Фёдорович Крузенштерн. В советской литературе под названием «течение Куросио» понималось звено северного субтропического круговорота от острова Тайвань до 160 градусов восточной долготы. Куросио – одно из самых сильных течений Тихого океана. Даже по средним данным скорость его достигает двух узлов, в стрежне потока – три-четыре узла, и отмечены случаи, когда скорость течения доходит до шести узлов. Словом, Куросио движется со скоростью быстротекущей реки.

На всём протяжении это течение образует несколько крупных меандров, своеобразных «излучин» в потоке вод. По внешнему виду они напоминают изгибы речных русел. Кто летал на самолёте в здешних местах, тот прекрасно видел эти ответвления сверху.

Воды Куросио всегда имеют температуру выше 15 градусов Цельсия в поверхностном слое и солёность более чем 34,5 %. Для них характерно низкое содержание растворённого кислорода и поэтому они отличаются высокой прозрачностью. Белый стандартный диск Сейка исчезает из поля зрения только на глубинах сорока-пятидесяти метров. Ширина потока Куросио изменяется от 50 до 120 миль, мощность по вертикали – до километра. Какая невидимая, но сильно ощущаемая мощь!

И так, хорошая погода на Сахалине случается не часто… Вследствие большой влажности сахалинского воздуха и изобилия дождей, а также испарений, идущих, кажется, отовсюду, над городом, если вы находитесь, скажем, в областном центре, постоянно висит почти не видимая, но хорошо ощущаемая серовато-белёсая мгла. Порой она становится даже приятна, создавая какой-то своеобразный парниковый эффект, в котором тебе приходится жить и работать, и ты постепенно привыкаешь к нему, находя своё обаяние. Сами местные жители говорят про Сахалин, что климата здесь нет, а есть дурная погода, и что этот остров – самое ненастное место в России.

Климат здесь, конечно, морской и, как и море, отличается непостоянством. Зато на Сахалине постоянно дует холодный ветер, к которому тоже быстро привыкаешь. Ветер этот не только холодный, но и очень пронзительный, кажется, дующий на пределе возможностей, никогда не ослабляющий своего упрямого дыхания. Он задувает так неукротимо, сильно и длительно, будто норовит выдуть из всего живого душу. Думаешь: ведь когда-нибудь он непременно остынет и угомонится, но нет – напряжение его, ни на секунду, не угасает, ещё более силится, и через всё нарастающее вместе с ним раздражение ты начинаешь проникаться к ветру уважением. А потом понимаешь: только слившись с ним, приняв его неукротимость, ты становишься достойным его хотя бы отчасти, ты – сахалинец!

Безотрадная сахалинская непогода способна тянуться неделями, небо сплошь покрывается низкими серыми облаками, и кажется, будто всё это, как и ветер, будет продолжаться бесконечно. Естественно, подобное настроение природы не может не располагать к невесёлым думам, но, между тем, именно беспросветная пасмурная погода, её, вроде бы, ни к чему не располагающая размеренность незаметно настраивает тебя на вдумчивую внутреннюю работу.

Пройдёт не один год, пока приспособишься к холодному, сырому и резко переменчивому сахалинскому климату. Тело твоё должно постоянно вырабатывать тепло, которого так не хватает сахалинцу, тем более, работающему в море. Чтобы возмещать потери, вызываемые низкою

температурой и чрезмерной влажностью воздуха, необходимо то и дело двигаться, чего не может не предполагать труд моряка или подводника.

Отметка градусника, показывающего температуру воздуха, близка к нулю, вода у грунта чуть превышает эту отметку, а от тебя валит пар: плотное шерстяное бельё, прорезиненный комбинезон и напряжение подводного труда вытесняют из членов всякий озноб, разгоняя кровь к собственной радости от совершаемого тобой действия. Какое это чудесное, незабываемое ощущение, когда вокруг промозглый холод, дождь или ветер, суровая волна наотмашь бьёт судно в скулу, а ты счастлив от того, что находишься здесь, на краю света, надёжно выполняя ответственную, нужную работу, и благодаря усилиям воли становишься равным неукротимой стихии… Вот в такие минуты и спадает с души уныние от неприглядной сахалинской погоды, которая теперь только веселит, твоё противодействие ей порождает бодрость духа, способного одолеть любое препятствие, и угрюмую береговую линию, еле просматривающуюся в туманной дымке, ты уже воспринимаешь без всякого равнодушия. Это – земля, куда тебе хочется вернуться после нелёгкой подводной экспедиции.

А вообще, весь Сахалин тем уже занимателен, что неповторим. Какое место на нём ни возьми, оно на особинку! Значительная протяжённость острова в меридиональном направлении, при длине 948 км, и горный рельеф обуславливают 12 климатических поясов, и каждый из них, в силу определённых условий, своеобразен. Именно по этой причине Сахалин часто называют «Островом сокровищ», несмотря на все его природные выкрутасы.

Не повезло, кажется, Сахалину с климатом, ровно семь погод собирается у него на дворе: и сеет, и веет, и крутит, и мутит, и рвёт, и сверху льёт, а снизу-то как метёт! Недаром, именно в самую непогодь, на Сахалине говорят: «Погода идёт!» Тут редко, когда одно другому не противоречит: что-нибудь да не так!

Проведя на острове хотя бы несколько лет, привыкнув к его климату и даже обнаружив в нём какие-то привлекательные стороны, к сахалинскому земледелию продолжаешь относиться скептически. И всё же корейцы добились значительных успехов в своём труде на этой упрямой земле, обладая не менее упрямым характером. Они научились подчинять себе своевольную сахалинскую почву, добиваясь от неё удивительных результатов в виде овощей и фруктов, а своё особое умение подтверждали обычно под праздники, предлагая неизбалованным цветами сахалинцам нежные гвоздики, гладиолусы и георгины…

Что поделаешь, но противоречивость сахалинской погоды – лицо острова, его неминуемая судьба, а скорее даже – неотъемлемая суть, без которой не был бы он собой. Погода в этих местах определяет ход жизни: суровый, не всегда разрешимый в своей непредсказуемости, но достойный совершаемыми усилиями и очень интересный. Это – Сахалин, земля настоящего подвига во имя обретения человеком дорогих для него знаний и силы!

ВТОРАЯ ЧАСТЬ «МОРЕ МОЁ»

«ДЫХАНИЕ МОРЯ»

Удивительные явления можно подглядеть на берегу моря, когда живёшь рядом с ним постоянно! Обычно, дважды, реже – раз в сутки, море то уходит от берегов, то приходит к нему. Неопытный человек сразу и не поверит своим глазам: совсем недавно, какие-нибудь два-три часа назад, он высадился с товарищами у этих скал, на боте, и волны неистово ударялись в их отвесные чёрные склоны, а сейчас вся подводная часть у подножия скал обнажена, и по ней, в искрящихся между голых окатышей лужицах, перебегают вездесущие длинноносые зуйки и неспешно бродят важные чайки, разыскивая червей, рачков или рыбок, оставшихся в небольших ямках, наполненных водой, или закопавшихся под камни и в песок. Так величественно и с неизменным постоянством дышит необъятное морское пространство: вдох означает - отлив, выдох – прилив…

Жизнь в океане куда обильнее, чем на суше, и подавляющее количество организмов, составляющих его многообразие, - обитатели мелководных окраин морей и океанов, чьи воды постоянно обогащают приливы и отливы. Изобилие жизни в этой зоне, называемой «литоралью», не случайно.

Ритмичное дыхание моря, наряду с ветрами, волнами и течениями, перемешивает воды, обновляя запас кислорода, необходимый для жизни, и постоянно снабжает её питательными веществами, одновременно удаляя вредные отходы. Приливы, словно заботливые родители, трудятся изо всех сил, поддерживая создаваемую ими жизнь. Ещё во владениях прилива всегда присутствует живительный солнечный свет, чтобы обитатели прилива могли выжить.

А выжить, несмотря на благоприятные условия морского мелководья, бывает нелегко. В особенности - в береговой полосе, где по прихоти приливов и отливов морские организмы оказываются то на воздухе, то в воде. Образно говоря, они страдают то от засухи, то от потопа. Им приходится выносить колебания солёности и давления воды, противостоять палящему солнцу и постоянным хищническим набегам своих естественных врагов. Нигде на нашей планете нет столь переменчивых условий окружающей среды и, конечно, все эти живые существа давно приспособились к длительному отсутствию воды, когда долгое время остаются на открытом пространстве без привычной для себя водной стихии.

А если к этому добавить, что обитатели литорали постоянно подвергаются непрерывным ударам волн, порой – совершенно разрушительным, то становится понятным напряжение, которому подвергнуты обитающие здесь животные, причём, небольшие, и их расплющенные, обтекаемые тела, несомненно, уменьшают разрушительное действие волн. Маленькие животные приливной полосы были вынуждены

постоянно бороться, и это не могло не отразиться на их особой приспособляемости к окружающей среде, не всегда для них благосклонной.

Во время отлива на десятки метров открывается большая полоса дна моря у берега. Хорошо в эту пору пройтись по обнажившимся от воды скользким камням, когда они не успели просохнуть, разглядывая загадочных обитателей прибрежной полосы… Почти все камни обросли многочисленными водорослями, что прилепились к их округлым бокам, в углублениях же между ними, ещё заполненных в некоторых местах лужицами прозрачной воды, под слоёвищами ламинарии, филаспадикса и зостеры, можно заметить морских звёзд, ежей и мелких рыбок. В песке здесь живут черви-нереисы и голотурии, а кое-где на берегу попадаются выброшенные волнами студенистые медузы и белые позвонки морских животных…

Приливы и отливы создают настолько своеобразные условия жизни, что развилась особая прибрежная фауна и флора, не погибающая при уходе воды. Во время отлива большинство плавающих обитателей, конечно, уходит вместе с водой, многие скопляются в ямках и углублениях, зарываются глубоко в ил и песок или подлезают под камни. Но главная масса донных организмов по своей природе неподвижна, и одни из них просто плотно закрывают створки своих раковин, другие прячутся в домики, водоросли же, живущие в зоне прилива, вовсе не боятся временного обнажения, тогда как их собратья из более глубоких частей моря быстро погибают от обсыхания. Есть и такие прибрежные животные, что приспособились получать кислород за счёт распада органического вещества своего тела!

Когда уходит вода, на обнажившемся дне появляются песцы, лисы и медведи, вороны, галки, кулики и различные чайки… Обеденный «стол» соблазнительно обилен: море оказывается щедрым для всех.

Отлив на море частенько называют «кроткой водой»… Может быть оттого, что её становится мало, и она, крадучись, сбегает в море, как будто прячется в нём на какое-то время, и то, что можно увидеть после того, как вода убежала: удивительное представление! Разве удастся вам ещё когда-нибудь походить пешком по дну, где совсем недавно было море, а вот теперь – чего тут только не увидишь! Не надо и в костюм водолазный наряжаться: бери с собой палочку с питомзой - и двигай в самую утробу моря!

Отливы на Дальнем Востоке, как и приливы, огромные, может быть даже – наиболее выдающиеся в мире! И когда вода уходит, то все цветастые водоросли, рыбы и ракушки самой причудливой формы с ежами и перламутровыми медузами, - как на блюде… Лежат себе на песчаной отмели, отдуваются, запуская в воздух серебристые фонтанчики. Ещё не обсохшие камешки переливаются всеми цветами радуги, не сразу и разберёшь – где среди них халцедоны, опалы и сердолики, а может быть даже – голубовато-молочные агаты?!

И не покидает при этом радостная мысль, что будто бы все эти драгоценности ждали именно тебя, когда ты к ним, наконец, пожалуешь? А

вокруг – ни души, тебе одному ушедшее море всё это богатство оставило, отводи влюблённую в него душеньку! И так весело на сердце становится, вольготно, что шагаешь без памяти по оголившемуся влажному песочку, теряясь в догадках: налево лучше всего устремить своё внимание, или – направо? А то, может быть, броситься прямо во след убегающему морю, где уж, верно, самые драгоценные дары тебя дожидаются! Сколько же их у моря в запасе, не сосчитать, и всё тебе хочется непременно рассмотреть, хотя бы краешком глаза…

Множество моллюсков и усоногих рачков кажутся поначалу мёртвыми, но стоит только увлажнить камни водой, брызнув на них сапогом из маленькой лужицы, как створки раковин вскоре раскрываются, а те, кто сидят, плотно прижавшись к камням, начинают издавать писк: из-под краёв створок выступают пенящиеся пузырьки, и то там то здесь взлетают в насыщенное влагой пространство крохотные фонтанчики… Всё это, как правило, повторяется до тех пор, пока камни не высыхают. Таким путём морские моллюски вылавливают из воды и воздуха мельчайшие организмы: как только на камнях не остаётся воды, всякое проявление жизни опять прекращается.

Наиболее многочисленны в отлив улитки – округлые, с красиво завивающимися, плавными линиями, длиной в несколько сантиметров. Бросается в глаза их разнообразная раскраска: у одних – жемчужно-белая, у других – кремовая, у третьих – нежно-голубая. Попадаются и многоцветные, чья пестрота и многообразие оттенков – одна из форм приспособляемости. Иногда находишь очень неожиданные по расцветке раковинки, принимая их за камешки. Такими они, наверное, представляются и вездесущим чайкам, благодаря неожиданной окраске оставаясь живыми.

Самые распространённые обитатели зоны отлива – балянусы. Балянусы относятся к отряду усоногих раков, и наиболее часто встречаются именно в приливно-отливной полосе. Прикрепившись к скользким камням с помощью специальных цементных желез, балянусы живут своей неприметной жизнью вблизи берега. Шесть пластинок раковины балянуса образуют усечённый конус, прикрытый двухскатной, раздвигающейся крышечкой. Раздвигая крышечку, рак ритмично выбрасывает ножки, подгребая ими пищу – мельчайшие планктонные организмы. Когда вода отступает, рак захватывает пузырёк воздуха и немного влаги, чтобы поддержать жабры во влажном состоянии. Если какое-то время не двигаться и постоять рядом с семейством балянусов, плотно прикрепившимся к камням, то можно будет увидеть, как они дружно выпускают тоненькие фонтанчики, как будто ободряя себя в ожидании прилива и что-то тихо и радостно «нашёптывая». Рачок в течение всей жизни, слой за слоем, наращивает толщину своего наружного скелета, за счёт которого может несколько дней прожить без морской воды, но стоит ему погибнуть, как прочность сцепления со скалой нарушается и раковина отваливается.

Часто встречаются и морские блюдечки. Их отличает конусообразная раковина-домик и широкая нога, с помощью которой улитка присасывается к камням. Образ жизни у блюдечек, естественно, осёдлый, и даже если они ненамного передвигаются в поисках корма, то после «охоты» обязательно возвращаются на старое место, где моллюск приспосабливает свою раковину к любой неровности грунта. Только это позволяет улиткам достаточно прочно закрепиться и, таким образом, не погибнуть во время отлива, когда отмель выступает из воды и высыхает.

С отступлением воды отмель заполняется крохотными крабиками, которые выбираются из своих норок и тотчас принимаются кормиться. Быстро и ритмично зачерпывая клешнями песок, они отделяют его от органических частиц и подносят к жаберным щелям, откуда вся влажная масса поступает в фильтровую полость, очищается от загрязняющих крупинок и обогащает организм краба кислородом. Так, вокруг норки, постепенно растут холмики отработанного песка, причём, правильной формы, в виде своеобразного защитного вала. Своей чёткой, целеустремлённой работой крабики просто завораживают: такими примерными и озабоченными они выглядят со стороны, как будто им нет никакого дела до огромного моря, в котором они живут. Море на время отступило - и крабики тотчас принялись устраивать свои дела, не теряя ни минуты.

Издавна приливы способствовали зарождению и распространению в морях растительной жизни. Большая часть этих растений приняла вид мельчайших плавучих водорослей, переносимых приливами, иные же уцепились за каменистое прибрежное дно, довольствуясь тем, что приносят им набегающие волны. И хотя голый камень диких берегов встретил их недружелюбно, подобно хорошо организованной армии растения захватили эту сушу, создали из скал почву и научились сами вырабатывать кислород. Так повела себя ламинария, морская капуста, которая образовала у порога суши целые леса, насыщенные богатой жизнью.

Ламинария живёт в прибрежной полосе, как будто наслаждаясь сменой приливов и отливов. Купается в них, вальяжно переворачиваясь и посверкивая сочными боками. Даже самые жестокие шторма не в силах оторвать листья ламинарии от скал, к которым водоросли намертво прикрепляются ризоидами – своими подводными корнями.

Сколько красочных и причудливых существ можно обнаружить во время отлива! Но меня почему-то всегда более привлекала россыпь окатанных морем валунов самой причудливой формы. Многие из них оказываются обёрнутыми буровато-зелёными фукусами и ульвой, напоминая яйца неведомых животных, живущих у моря. Когда дно совсем обсыхает, тонкие листья фукуса и ульвы опадают и лежат поникшие, пока их высушивает солнце. Постепенно они темнеют, и, кажется, совершенно погибают, но стоит водорослям оказаться снова в воде, как они

расправляются, набирают влагу и становятся упругими. Вместе с растениями оживают и валуны…

С началом прилива водоросли всплывают благодаря тому, что имеют вздутия, наполненные газом, которые и служат водорослям поплавками. В период низкой воды листья водорослей плотным одеялом укутывают камни и защищают от высыхания многочисленных обитателей литорали: под их густым влажным покровом прячутся маленькие рачки бокоплавы, крохотные змеевидные рыбки, морские жёлуди и словно покрытые лаком чёрные двустворчатые раковины мидий. Как и балянусы с блюдечками, лишённые возможности свободно перемещаться в поисках пропитания, мидии лишь открывают рты, чтобы проглотить обед, приготовленный для них самим морем.

Мидии удерживаются на камнях при помощи прочных шелковистых нитей, так называемого биссуса, вырабатываемого, как и у балянусов, специальной железой, а сопротивляться ударам волн мидиям помогает раковина, имеющая обтекаемую форму. Плавные линии её створок хочется погладить, и, прикоснувшись к скоплениям мидий рукой, сразу ощутишь силу сжатой в них жизни: мидии ещё более сожмутся и будто охнут, от чего вокруг возникнет какое-то невидимое движение. Но не дай, Бог, ступить на эти скопления мидий босой ногой – страшного пореза не избежать!

Стоит опасаться в прибойной полосе и ежей с прочными коническими иглами, которыми животные намертво расклинивают свои тела в подходящей полости между камней. Сам ёж величиной всего лишь с небольшое яблоко, а то и вовсе с монетку, но бродить по оголившемуся от воды дну лучше в сапогах. Ёж ничем не прикреплён к камням, он только упирается иглами в стенки убежища, однако силы руки не всегда хватит, чтобы вытащить его оттуда. Когда выглядывает солнце, капельки воды на иглах ежа переливаются всеми цветами радуги, так что начинает казаться – ёж радостно охорашивается!

Некоторые из обитателей приливной полосы, живущие на границе двух миров – моря и суши, выработали своеобразные привычки. Раки-отшельники, будучи лишены раковины-защиты, которой природа снабдила большинство ракообразных, ищут себе подходящее переносное жилище на берегу, не пренебрегая и изделиями человеческих рук. Они устраиваются в брошенных трубах, черепках, детских пляжных игрушках или вынесенных штормами рыбацких кухтылях. Причём, крадут всё подряд. Если неподалёку от моря располагается какое-то селение, раки-отшельники совершают набеги на дома в поисках пищи, могут лазить по деревьям, воруя плоды, и даже забираются в постель к людям.

Губки, чтобы их не сносили приливные и отливные потоки воды, прикрепляются ко дну. Когда-то их принимали за растения, но теперь установлено, что губки – животные. Омывающие губок воды оплодотворяют их так же, как ветер опыляет растения. Некоторые учёные даже считают губок предками всех животных, населяющих Землю сегодня.

Кормятся милостью приливов и прелестные актинии, которые известны тем, что, не удовлетворяясь своей исключительно продолжительной жизнью, почти до ста лет, иногда обретают своего рода бессмертие: одряхлев, они распадаются на две части, и таким образом возникают два существа вместо одного, каждому из которых опять предстоит долгая жизнь.

Актинии, по виду напоминающие цветы и великолепно, очень разнообразно окрашенные, - самые распространённые обитатели царства приливов. Они даже изменяют свой внешний вид в зависимости от ритмичных колебаний уровня моря. Во время отлива актиния свёртывается и уменьшается вдвое, а с возвращением прилива вновь разворачивается и выпускает свои нежные смертоносные щупальца, готовая ужалить насмерть жертву. Иногда она вступает в неожиданный союз с другими животными, например, с раком-отшельником, который зачастую позволяет актинии ездить верхом на своём домике и питаться остатками со своего стола; взамен рак получает защиту, благодаря мощному оружию своего арендатора.

Многочисленные стада рыб тяготеют именно к тем зонам, где в изобилии планктон и где достаточно кислорода, а всё это есть именно в царстве приливов. Такая распространённая на Дальнем Востоке рыба, как треска, мечет икру только в приливной зоне. Сельдь, по существу, тоже пленница приливов и приливных течений, в том числе – хоккайдская, что в изобилии водится у берегов Сахалина. Приливы обеспечивают циркуляцию питательных веществ и устрицам, чьи белеющие издали банки располагаются во множестве на мелководье по всему Татарскому проливу, а в заливе Анива услугами приливных течений пользуются креветки ширимс, которых местное население называет чилимами.

Благодаря морю, и в том числе приливам, каждый может обнаружить на своём кухонном столе такой продукт как соль, которая в давние времена использовалась и в религиозных обрядах, и как валюта. Разумеется, соль в океанах – повсюду, не только в приливных зонах. Но, может быть, ключ к её открытию дала та самая белая кромочка, которую мы привыкли наблюдать на берегу при отливе, где полоска соли – результат её естественного выпаривания под действием солнечного тепла.

Все обитатели приливно-отливной полосы на редкость жизнеспособны. Вспоминается случай с одним итальянским анималистом, который держал более трёх лет на своём письменном столе, без воды, сто морских желудей. Каждые два-три месяца он помещал их на один-два дня в воду. Из тысячи тридцати шести дней морские жёлуди находились в воде лишь пятьдесят девять, и, тем не менее, ежегодно умирало не более десяти-двенадцати животных.

Правда, жизнеспособность моллюсков испытывается на крепость не только в отлив, а и в прилив, когда на берег обрушиваются его неумолимо наступающие волны… Но как ни велика сила прибоя, всё же эти огромные массы воды не могут оборвать жизнь в прибрежных районах моря. Бесконечное количество раз согнётся и опять разогнётся мягкая морская

водоросль зостера или филаспадикс, и останется цела. Куда, как ни легче поднять со дна пудовый валун и оттащить его за десяток метров подальше от прибойной полосы, чем отодрать накрепко приросших к каменистому дну мидий и балянусов. Вот когда по-настоящему пригодятся присоски тем морским организмам, кто способен крепко присосаться к скалам, как морские блюдечки! Как бы ни были угрожающи накатывающие на берег волны, блюдечки их просто «не замечают»…

Прибой же будто злится на упорных моллюсков, ещё более неистовствует, обрушиваясь всей своей мощью на незаметных прибрежных жителей, и всё бушует, бушует, бушует…

Стремление познать океан – это нечто большее, чем просто любознательность. От уровня наших отношений с ним зависит будущее человечества, а неизменные приливы и отливы лишь терпеливо свидетельствуют об этом. Уходя с отливом, море оставляет человеку девственное пространство для благих дел и мыслей, возвращаясь с приливом, сдержанно негодует: отчего мы опять ни на дюйм не продвинулись в постижении его мощи? Наступая на сушу, вечно метущийся и непревзойдённый в своей силе, океан напоминает, что недаром в наших жилах течёт солёная кровь.

Что же заставляет океан дышать? Главным виновником этого удивительного приливно-отливного явления оказывается Луна и, в меньшей степени, Солнце. Ведь взаимное притяжение тел в пространстве существовало задолго до образования Земли, и приливы, должно быть, накатывали на пустынные берега других планет в бесконечных скоплениях звёзд.

На нашей собственной планете, ещё до того, как возникла Луна, притяжение Солнца уже порождало огромные приливы, хотя она представляла собой пока только расплавленную массу… В какой-то момент эти приливы стали настолько сильными, что Земля однажды захватила Луну, а та, в свою очередь, постепенно породила высокие приливы из образовавшейся на Земле влаги, которые меняли очертания континентов и вымывали из твёрдых земных пород соль.

Со временем Луна стала отделяться от Земли, приливы слабели и, наконец, стали такими, какими мы наблюдаем их сегодня, но и теперь они достаточно ощутимы. И всё же незаметно приливы ослабевают, а через многие миллионы лет, вполне возможно, и вовсе исчезнут, но сможет ли Земля без них существовать? Если бы это случилось раньше, наш мир, наверное, стал бы иным. Завораживали бы нас своим доисторическим обликом суровые утёсы по берегам Тихого океана, дикие скалистые бухты, величавые горные хребты вдоль всего Курильского архипелага? И может быть, наконец, вообще не существовало бы жизни в приливной зоне, жизни, которая кормит всех столь щедро, ибо нас самих когда-то сотворил прилив.

Прилив, отлив… Издревле жители морского побережья заметили, что подъём и спад поверхности океана связан с фазами Солнца и Луны.

Некоторые народы воспринимали Землю живым существом, а приливы – проявлением его дыхания. Другие полагали, что воды океана – это кровь Земли, приливы же – биение её пульса. За пределами Европы, от берегов Китая до Малой Азии, прилив считался проявлением гнева морского божества, которого следует умилостивить человеческими жертвоприношениями. Более возвышенный взгляд проповедовал такую истину: ангел, что сидит над морем, ставит свою ногу в море, и вот наступает прилив; потом он поднимает её, и вот наступает отлив.

Согласно закону всемирного тяготения, открытому Исааком Ньютоном в 1687 году, все тела в пространстве притягиваются друг к другу с силой, зависящей от их размеров и расстояния между ними. Поскольку Луна и Солнце наши ближайшие соседи в пространстве, и вода на земле, будучи жидкой и подвижной, реагирует на их притяжение в первую очередь, то воды океана притягиваются этими двумя планетами. В результате под ними образуется горб, который перемещается вслед за Луной и Солнцем вокруг Земли в виде всё время меняющейся приливной волны.

Но почему приливы ведут себя столь своеобразно: в одних частях света бывает два прилива в сутки, а в других – только один? И почему даже там, где бывает два прилива в сутки, они иногда равны по высоте, а иногда - совершенно различны? А ещё, порой, прилив наступает так стремительно, что если он застал тебя под отвесной береговой скалой – ты пропал. Но, в том же месте, на следующий день наступление воды происходит медленно, даже как-то неспешно, и ты не в силах найти ответа у моря, которое всегда непредсказуемо…

Да, прилив не ждёт никого, каждый день он наступает в разное время. Точнее говоря, сегодня чуть позже, чем вчера. Происходит это потому, что наши солнечные сутки разделены ровно на 24 часа, а лунные сутки длятся несколько больше, отчего Луна, медленно обращаясь вокруг Земли в том же направлении, что и Земля, не возвращается в заданную точку, и тем самым удлиняет период своего вращения.

Точно такую же роль играет в образовании приливов и Солнце. Но положение Солнца и Луны относительно Земли постоянно меняется, и поэтому силы притяжения Солнца и Луны то действуют заодно, то противоборствуют. Когда Луна и Солнце расположены на одной прямой с Землёй, две приливообразующие силы объединяются и создают приливы выше обычного, когда же Солнце и Луна расположены под прямым углом друг к другу, они противоборствуют, и тогда действие Солнца уменьшает действие Луны, и в это время приливы меньше, чем обычно. Таким образом, если Луна управляет приливами, Солнце всегда является соправителем, иногда действуя заодно с Луной, а иногда противодействуя ей, в зависимости от их взаимного расположения. Кроме того, на силу приливов в данном месте влияет то обстоятельство, что в течение месяца меняется расстояние от Земли до Луны, а в течение года – от Земли до Солнца.

Приливы вообще не так просты, как это на первый взгляд кажется. В открытом море приливное движение охватывает большую площадь, чем у берегов, и оттого оно воспринимается незначительным, но суша образует преграду этому движению, воде некуда деться там, где её встречает поднятие дна, мели или зауживание береговой черты в бухтах и заливах, и высота прилива значительно увеличивается. Очертания береговой линии в известной мере определяют высоту прилива и скорость приливного течения, и в некоторых местах Земли уровень воды поднимается до поразительно больших высот – восемьнадцати метров в заливе Фанди/Канада/, тогда как в нашей стране самые большие по высоте приливы бывают на побережье Охотского моря – 12,9 метра. К тому же, каждый водный бассейн, то есть – океан или море, имеют свой собственный период колебаний, своеобразный ритм дыхания, который усиливается за счёт ветров и течений, и это тоже в значительной мере влияет на приливы. Ещё на приливы воздействует эффект силы Кориолиса/по имени французского учёного, который первым объяснил это явление/, вызываемой вращением Земли. Эффект проявляется в отклонении воды вправо в северном полушарии и влево – в южном. Причём, очень значительно.

Природа приливов и отливов начинает восприниматься ещё более глубже и многообразнее, когда ты сам оказываешься свидетелем этого удивительного явления, связанного с морем, имея возможность наблюдать его каждый день в течение длительного времени. И тогда ты понимаешь, что в каждом месте – свой прилив, и каждый местный прилив имеет свои характерные особенности.

В Тихом океане, к слову сказать, имеют место смешанные приливы, то есть – полусуточные и суточные. Там полная вода наблюдается дважды в сутки, но одна из них достигает большой высоты, а другая – незначительной. Собственный ритм колебаний у Тихого океана очень своеобразен, он вступает в борьбу с лунными приливами, с изменением склонения Луны в сторону от экватора, и в результате получается не совсем ясная приливная картина.

Особенно большой силы приливы достигают примерно раз в 1850 лет. Это бывает в те периоды, когда плоскости вращения Луны вокруг Земли и Земли вокруг Солнца совпадают, а расстояние Луны от Земли и Земли от Солнца наименьшее.

Океан ни на минуту не знает покоя: день и ночь вздымается его исполинская грудь. Наблюдая, с какой огромной силой набегают на берег пенящиеся валы, человек с давних пор пытался заставить океан работать на себя. В одной из жалованных грамот Ивана Грозного Кирилло-Белозёрскому монастырю на землю и угодья в Турчасовской волости на Белом море упоминается о мельнице Никиты Павлова в Усть-Золотице, а также о других мельницах, разбросанных по берегам Онежского полуострова. Хотя в тех местах высота прилива не превышала 3,3 метра, однако и этого было достаточно, чтобы вращать мельничные колёса. На Соловецких островах до

сих пор сохранились остатки водяных колёс лесопилки, построенной в16 веке. В Европе океан заставили работать ещё раньше. Имеются сведения, что почти 1000 лет назад во Франции, Англии и Шотландии на приливной волне работало много мельниц.

Нехитрым было устройство приливных мельниц в те времена. Жернова вертелись лишь в одну сторону, и поэтому они работали только во время отлива – на стоке воды из бассейна в море или океан. Лишь в 60-е годы 18 века, после изобретения криволопастного колеса французским инженером Болидором, водяные колёса мельниц завертелись в обе стороны – они стали работать и во время прилива и во время отлива.

С начала прошлого века делаются попытки запрячь океан в упряжку современной энергетики – использовать огромную силу прилива для получения электрического тока. Ведь по самым скромным подсчётам энергия приливов Мирового океана оценивается в 40 млрд. киловатт. Подсчитано, что только на трение и перемешивание водных масс расходуется 11 млрд. киловатт.

Особенно перспективны берега Охотского моря, где электродвигатели могут быть особенно удобны для обслуживания маяков и барж, стоящих на якорях… Они найдут себе применение на берегах Камчатки, на Курильских и Командорских островах. Совсем недавно в Японии появился проект, предлагающий использовать течение Куросио для получения электричества. Самым главным источником снабжения человечества электроэнергией, по-видимому, со временем станет «тяжёлая вода». Запасы её достигают поистине астрономической цифры – 274 млрд. тонн. В одном только Тихом океане тяжёлой воды содержится свыше 140 млрд. тонн. Один кубометр морской воды по количеству калорий равен 350000 литрам бензина, или 2888000 тысячам киловатт-часов электроэнергии.

Морская вода становится носительницею необыкновенной мощи и возбудительницею множества явлений в природе лишь потому, что поглощает и распределяет энергию космических лучей, исходящих из глубины необъятной Вселенной…

Всё, что касается моря, заслуживает самого пристального внимания. Это в полной мере относится и к приливам с отливами: если вы, хотя бы однажды, ощутили на себе их скрытую мощь, они оставят самое незабываемое впечатление в вашей душе. Тайна приливов и отливов вынудит вас позабыть на время даже восход и заход Солнца.

Прилив и отлив – не укрощённая и властвующая над океаном сила, могущественней которой вряд ли можно себе представить. Может быть они важнее для нас, чем сама Луна, их порождающая. Прилив – это вызов человеческому воображению, бросаемый ему каждый божий день, это – сердцебиение океана, чей пульс мы ощущаем везде и всегда.

Большинство из нас принимают приливы как нечто само собой разумеющееся и, конечно, не задумываются, какое огромное влияние они оказывают на нашу жизнь. Особенно, если вы живёте у моря, рядом с тайной, которая исподволь проникает в душу каждого. Человек и не сознаёт, насколько это соприкосновение серьёзно, но море, через приливы, привносит в его жизнь энергию и удачу, а вместе с отливом незаметно забирает ненужное, то, что мешает. Ценой неустанного невидимого труда море постоянно очищает наши жизни, но мы почти ничего не предпринимаем для овладения скрытой силой всесильного прилива и не менее загадочного отлива. Море же, не прекращая, зовёт нас дерзать.

С приливами связано много занимательного… В древности обладание знанием о приливах могло снискать удачу в морском сражении, и тот, кто владел этими знаниями – оказывался победителем. Так, в 1588 году испанская «Непобедимая Армада» вышла в море, чтобы завоевать Англию, и когда сэру Фрэнсису Дрейку, известному в прошлом пирату, доложили о приближении испанцев к Плимуту, он даже не прервал игру на лужайке. Это не было бравадой. Дрейк знал, что в тот момент приливы были против него: он не мог поднять паруса до наступления темноты. Но под покровом ночи его флот выскользнул из гавани вместе с отливом и захватил испанцев врасплох.

Во время второй мировой войны приливы были важным фактором военно-морской стратегии. В одних случаях они способствовали успеху военных операций, в других – препятствовали ему. Немцы, делавшие упор на применение подводных лодок, научились использовать приливные течения. Пользуясь тем, что в Гибралтаре поверхностный и глубинный слои воды движутся в противоположных направлениях, то есть в толще воды выделяются два слоя с резко отличающимися значениями плотности, немецкие подлодки проходили в Средиземное море и покидали его под самым носом у британской артиллерии, не включая двигателей, шум которых мог бы их обнаружить…

А вот в 1898 году произошла весьма любопытная история, героем которой, наравне с приливами, стало … золото. Известно, что в кубическом километре морской воды содержится 250 грамм золота. В Новой Англии группа ловких дельцов заявила, что если должным образом фильтровать воду, то можно добыть достаточно золота, чтобы всех сделать миллионерами. Они создали предприятие в штате Мэн и начали продавать акции. Механизм операции был гениально прост. Ящики, которые именовались «аккумуляторами», погружались в море при каждой смене прилива и отлива, а водолаз слегка посыпал их золотым песком. Акции шли нарасхват. Когда махинация была раскрыта, жулики, положив в карман 10 миллионов долларов, удрали в Европу.

А жемчуг, ещё одно драгоценное порождение моря? Знают ли очаровательные и элегантные женщины, чьи шеи украшают его перламутровые нитки, что этот морской продукт – результат кропотливого

труда приливов? Задумываются ли они над тем, почему жемчуг приобретает и сохраняет особый блеск при соприкосновении с кожей человека? Быть может, это – свидетельство родственной связи человека и приливов, поданными которых мы все когда-то были?

Ещё приливы терпеливо слизывают за человеком следы его бездумного отношения к жизни, очищают наши устья рек и бухты, дважды в день умывают материки на благо их жителям. Страшно подумать, во что превратились бы наши заливы и пляжи, если бы не приливы. Они были бы забиты всевозможным мусором, кишели микробами и уж, конечно, были бы непригодны для занятий подводным плаванием.

Такой город, как Венеция, например, вряд ли продолжал бы существовать, если бы не приливы. Они не только смывают городские отбросы, но и освобождают ото льда разветвлённую сеть каналов – основных путей внутригородского сообщения. У южных берегов Сахалина, омываемых водами Татарского пролива и пролива Лаперуза, порты остаются свободными ото льда только благодаря приливам.

Приливы способны влиять и на климат, который так же воздействует на человека. При определённых условиях они усиливаются настолько, что смещают полярные льды к югу и нарушают режим океанских течений. В результате наступает период суровых зим и недружелюбного лета, а если, благодаря соответствующим приливам, мы обладаем мягким климатом, то он даёт возможность выращивать зерновые и скот, то есть обеспечивает нас, в общем-то, достаточным количеством продуктов, получаемых от земли.

С одной стороны, мы видим огромную пользу, которую приливы приносят человечеству, обеспечивая нас энергией, минеральными богатствами и продуктами питания, но приливы влекут за собой и зло, нарушая нормальную работу морского транспорта, а порой и обрушиваясь на наши побережья. Что несёт нам соседство с приливами в будущем?

Заглядывая на тысячелетия вперёд, мы можем уже сейчас сказать, что приливное трение постепенно замедляет, и будет продолжать замедлять вращение Земли. Наши сутки, которые в момент зарождения Луны продолжались всего 4 часа, удлинились до 24 часов, а в неопределённо далёком будущем станут во много раз продолжительнее, чем теперь. И это же самое трение переместит Луну значительно дальше от Земли, и в то же время Луна будет всё медленнее обращаться вокруг земного шара, пока, в конце концов, лунные приливы не прекратятся вовсе. Не исчезнет ли тогда и человек с лица Земли, а если будет жив, то установит ли к этому времени самое тесное сотрудничество с океаном?

По своей природе приливные волны «невидимы» благодаря своей огромной длине… Длина приливной волны в северных полярных морях равна почти двум тысячам километров. Следовательно, длина волны более её высоты в сотни с лишним тысяч раз.

Очень велика и скорость приливной волны, она составляет 160 км в час. Беда, если, увлёкшись сборами даров моря на обнажившемся в отлив дне, вы отойдёте далеко от берега и забудете о времени наступления прилива… Убежать от прибывающей воды будет очень непросто, а порой – и некуда.

Бывает, на собственный страх и риск устремишься по лайде – узкому береговому промежутку, зажатому скалами и наступающим морем, рассчитывая его проскочить, и чувствуешь, что не успеваешь, тебе здесь явно не пройти, а вода всё подступает, и каждый накатывающийся вал вздымается всё неумолимее и хищнее. Оглядываешься: поворачивать уже поздно, слишком много пройдено с тех пор, когда береговая полоса лежала более раскидисто, не стиснутая отвесными скалами, а что ждёт впереди – неизвестно… Что же предпринять?!

Подобная история приключилась со мной однажды на полуострове Шмидта, где в северной его части берега высокие и скалистые. На склонах прибрежных гор растёт хвойный и смешанный лес, который молчаливо смотрит в тебя из глуби своим тёмно-зелёным глазом. А внизу неприступные утёсы уже охвачены всё наступающим приливом, и пройти там можно только высоко подняв болотные сапоги. Местами даже приходится карабкаться по отвесным стенам, с трудом находя расщелину или выступ, где удобно было бы зацепиться…

Гул моря рождается где-то вдали от берега, и благодаря ветру, который приносит его сюда, к скалам, становится сильнее и громче. Внизу пенистая вода бьётся в отвесные камни, клокочет и злится. Прибой с ветром мечутся, завывают в расщелинах скал и не в силах преодолеть возникшую преграду, устремляются обратно в море, отталкиваясь от обрыва. Страшно смотреть вниз, в этот кипящий каменный котёл, где бушует необузданная стихия…

Когда море яростно вспенивается у подножия нахмурившихся скал, глухо ударяя им подвздох, и ненадолго отступает – этот миг надо использовать, чтобы успеть преодолеть как можно большее расстояние. Только изредка успеваешь взглянуть вверх, где в редких впадинах между камнями оживлённо ведут себя чайки, топорки, морские курочки и тупики. Они, без умолку, кричат, то и дело взлетают и вновь усаживаются на голые камни, без всякой надобности покружив над прибывающей водою. Внизу же осклизлые чёрные стены облеплены наросшими на них за долгое время сиреневыми полипами и жемчужным ракушечником…

Ракушечник иной раз так сильно саданёт ладонь острыми краями, что в пылу такого необычного следования у самого моря ничего не заметишь, а кровь вскоре остановит перенасыщенная солью вода. Весь уже мокрый и оглохший от беспокойного вскрикивания морских птиц, ты неутомимо пробираешься вдоль скал и чувствуешь, как гул из глубины моря, порождающий этот неудержимый прилив и будоражащий чаек, входит и в твою душу. Он вливается в неё так обезоруживающе мощно, что у тебя просто не хватает сил ему противостоять. Да ты и не желаешь этого, и втайне

мечтаешь с ним соединиться, чтобы так же безумствовать в своей силе, куда-то рваться и никогда не уставать.

Но надо спешить… Скоро прилив войдёт в свою силу, а сколько ещё впереди прижимов – неизвестно. «Прижимами» на Дальнем Востоке называют непроходимые места, которые можно преодолеть только в полный отлив. Пока всё-таки удаётся преодолевать эти непропуски моря, оно как будто сердится, спешит перекрыть человеку дорогу, урчит недовольно, торопясь подтянуть к обрывистым скалам всю свою мощь.

Сейчас ты живёшь только этими мокрыми камнями, ощупываешь их в поисках удобного выступа, на море даже не смотришь, но чувствуешь его всем своим существом. Хорошо в такие моменты воспринимать море как нечто родное, не бояться его, радоваться тому, что оказался здесь, и сердце твоё тоже бьётся и дышит в такт дыханию морской стихии: прилив-отлив, прилив-отлив…

Вода прибывает на глазах, начинает казаться, будто её цель – повергнуть именно тебя, раздавить, уничтожить, и вода от этого радуется, безоглядно беснуясь, с рвущимся шипением накатывая на скалы. Вот она уже под самым её основанием, готова втиснуть меня в камень, хоть бы какие-нибудь приступочки попались под ногой, чтобы убежать выше, зацепиться, а там, может быть, и переждать? И кто ж тебя гнал сюда, да ещё под вечер, думаешь ты, не лучше ли было отправиться в путь верхом, хотя бы это и было сопряжено с долгим подъёмом? Но нет, захотелось обернуться быстрее, с надеждой, что пронесёт, а оно вон как оборачивается…

Ух! Ух! Окатило сначала ноги, следующая же волна накрыла уже с головой… Весь мокрый… Даже страха почему-то не стало, когда почувствовал на губах морскую соль, и вдруг будто что-то проснулось в душе и выстрелило: нужно поворачивать, причём, тотчас, не медля ни секунды.

Как оказалось впоследствии, это молниеносное решение спасло, ведь я не знал – какой берег меня ждёт впереди, может быть, там километры неприступных отвесных скал, а путь назад всё же известен, и если повезёт, то успею добраться до обширной песчаной бухты, которая не должна быть вся затоплена. И я рванул… Тут уж не приходилось думать – быть или не быть замоченным, остаться бы живу!

Море всей своей тяжестью придвинулось ко мне вплотную, и вскоре я уже почти плыл, лишь изредка нащупывая под ногами камни и, как можно сильнее, отталкиваясь от них. Прилив бросал меня на скользкие скалы и кое-где я пытался цепляться за выступы руками, и так, прижимаясь всем телом к холодным камням, передвигался, отчаянно стараясь не думать, что очередная волна обрушится сверху и скроет под собой. Пары таких мощных накатов было бы, наверное, более чем достаточно, чтобы захлебнуться. При всём моём отчаянном положении я почему-то был твёрд, как будто кто-то наблюдал за мной и держал за невидимую ниточку, которая вот-вот должна была не выдержать, но почему-то не обрывалась.

В конце концов, я поплыл, по-настоящему, поскольку вода прибывала так быстро, что дотянуться до дна уже было невозможно. И ещё мелькнула мысль: как удачно случилось, что в последний момент, перед выходом из лагеря, я отказался от болотных сапог, и остановился на туристических ботинках, иначе бы давно пропал.

Ситуация складывалась так, что нужно было идти напролом, я сам подобное допустил, но ничего другого не оставалось. И воды уже порядком нахлебался, внутри всё горело, и одежда сковывала движения, а всё равно не тонул, даже, кажется, приспособился немножко: что-то толкало меня изнутри, и я, как живой поплавок, потихоньку продвигался к своему спасению. Очень помогло ещё отсутствие сильного волнения, просто шёл мощный прилив.

Перед самым пляжем неожиданная волна бросила меня на огромный каменный выступ, весь испещрённый глубокими круглыми отверстиями, за края которых я, что было сил, ухватился, и так, постепенно, начал передвигаться. Полз уже не чувствуя рук, и неожиданно оказался в небольшой нише, куда почти не достигала вода: здесь можно было отлежаться и перевести дух.

Какая сила/!/, подумал я тогда, и мне привелось с ней соприкоснуться, хотя бы краешком… Ведь я мог погибнуть, и это бы ничего не изменило: море бы по-прежнему вольно плескалось под безмолвными скалами, билось об их неприступность и никого при этом не жалело.

И всё же, мне опять на миг показалось, что кто-то в самый критический момент поддержал моё тело и, мало того, наполнил энергией. Воспринимая себя сейчас совершенно измождённым, вымокшим до нитки, я в то же время ощущал, что стал несравненно сильнее.

Прилив – отлив, вдох – выдох… Это дыхание моря завораживает. То совсем недавно ты переживал запах отлива и обсыхающего морского дна, которое всегда так неожиданно открывает свои тайны и оттого становится даже каким-то ненастоящим, то в скором времени тебя совершенно поражает мощь и быстрота прибываемой воды, особенно – в отвесных берегах… Так и хочется самому ещё более глубоко вбирать в себя всеми лёгкими живительный морской воздух и с неохотой выпускать его.

Дыхание моря и нахождение рядом с ним наполняет неописуемой лёгкостью и силой. Море дышит, живёт своей удивительной таинственной судьбою, и при виде его великолепия ты словно открываешь для себя второе дыхание. Дух захватывает!

Ночью, находясь на судне, когда, бывает, не спится, можно слышать, как море дышит во сне… Это – удивительные мгновения в общении с таинственной стихией. И ведь такое соединение с ней, когда, кажется, вбираешь душу огромного неведомого животного, приходит не сразу, а только после нескольких лет, проведённых в морских экспедициях. До этого

ты, вроде бы, так тонко водную стихию не воспринимал, не был готов к этому…

Ты вдруг начинаешь по-новому чувствовать море, даже – понимать его, и в какой-то момент, неожиданно для себя, открываешь: сколько бесчисленных ночей провёл ты уже в его объятиях, но даже не задумывался о чутком сне и дыхании моря, не осознавая, что дышишь с ним в едином ритме. Изредка какая-то потерявшаяся волна, словно пробудившись, слегка плеснёт о борт судна, и опять затаится, а ты улыбнёшься, будто она коснулась твоего сердца, и вновь тишина… Так, незаметно забудешься в охватившем тебя морском забвении до утра, и сквозь чуткий сон всё дышишь вместе с морем, дышишь, дышишь…

Только потом, подспудно, находясь в напряжении подводной работы, вдруг всплывёт в душе потаённая ночная тишина моря, и поразит простая мысль, что вот эта ночь, с её вкрадчивым дыханием, оказывается для тебя нужнее, чем многие годы из прошлой жизни. Вереницы людей и событий проходили сквозь неё, все они сейчас кажутся пёстрыми, неживыми, а вот эта сокровенная тишина моря и его трепетное дыхание неожиданно входят в сердце как самое дорогое, без чего вся предыдущая жизнь была неполной, в ней чего-то не хватало.

Величие стихии тогда полностью насыщает тебя собой, даже – порабощает, но от этого на душе становится не тяжко, а легко. Непонятности от всего происходящего не возникает, и я впервые ощущаю глубинную связь с морем. Не возникает и глупого недоразумения по поводу того, что море – такое большое: любовь к нему настолько очевидна, что я перестаю думать о море, как об огромном неведомом животном, и воспринимаю его теперь как доброго верного друга.

«БЕРЕГА»

В физическом смысле наш мир можно разделить на три среды: землю, атмосферу и океан. Эти среды отделяются друг от друга тремя границами. Именно на границе суши и атмосферы протекает вся деятельность человека. Вечно неспокойная граница океана и атмосферы – второй рубеж их соприкосновения. Третья великая поверхность, о которой пока ещё известно очень мало, дно океана, и она всегда соединяется с берегом, а берег, в свою очередь, не может не взаимодействовать с морем. При всём этом береговую линию безоговорочно следует признать самой «жизненной линией» на земле, ибо здесь сходятся все три великие границы.

Берег… Берег моря или океана… Сколько о нём написано, а сколько мне самому приходилось жить на этой границе, разделяющей и соединяющей порой самое интересное в жизни!

И Сахалину, и многим Курильским островам присуща такая низменная прибрежная полоса, как лайда, на которой обычно удерживается только плавник – всякие случайные брёвна и прочий дрейфующий хлам, что, в свою очередь, удобно для разведения костров в случае, если вас застала в дороге ночь, непогода или вы высадились на незнакомый берег, промокли и вам следует обсушиться… Правда, во время прилива такая полоса может оказаться капканом, так как упирается в отвесные скалы, и нужно быть очень осмотрительным, чтобы не быть застигнутым подступающим морем.

Что же касается плавника, то о нём стоит рассказать подробнее. Дело в том, что природа Курил не богата на высокоствольный строевой лес, такие деревья только в небольшом количестве встречаются на южных островах или Северном Сахалине. Большей же частью – кривой березняк и ольховник, тонкоствольный бамбук и перепутанный между собой стланик, уж совсем не пригодный для какого-либо строительства. Редко-редко в укрытых от ветра долинах, за горными хребтами, защищающими от сильных ветров и туманов, может встретиться прямое дерево. Ель или берёза до десятка метров высотой – великая ценность, дома же здесь, в основном, строят именно из плавника – древесины, выбрасываемой на берег морем. А в море плавник поступает преимущественно через большие реки, которые в половодье несут много подмытых водой деревьев. Брёвна также попадают в море из рек, по которым его сплавляли и где растут рослые деревья: в основном – из Сибири, с Камчатки, из Японии и Америки.

Бывает, широкая песчаная полоса берега бесконечной лентой тянется на многие километры, ещё более расширяясь в отлив, и ничто не задерживает на ней взгляд кроме этого сухого белого плавника, обглоданного морем. Попадаются сучковатые гладкие коряги, идеально отшлифованные водой и песком, доски, у которых будто специально обтёсаны и закруглены острые края, и даже целые брёвна, что всосались накрепко в песок, иногда –

торчком, и на них любят отдыхать чайки, которые отрешённо сидят, смотрят на море и почему-то не произносят ни звука.

Само слово – «плавник» околдовывало необычностью своего звучания, схожего с чем-то диким и морским. Ещё недостаточно познакомившись с этим удивительным краем, я думал что плавник – это большие высохшие плавники каких-то диковинных морских рыб или животных, которые во время шторма выбрасывает на берег, и они там долго лежат и сохнут на солнце, обдуваемые ветром, пока не побелеют. Невероятным представлялось однажды высадиться на такой пустынный морской берег, и обнаружить там этот чудесный плавник.

Ещё я думал, что плавником могут быть кости каких-то гигантских морских животных, и при этом мне почему-то сразу воображались акулы с китами. Самого животного уже давно нет, - погибнув, оно было выброшено на берег и растерзано птицами, лисами и песцами, а скелет сохранился. Морские волны постепенно разбивали его крепкий остов, хищники растаскивали по всему берегу, и так эти выдубленные солью и ветром кости оказались повсюду, вызывая интерес и недоумение своими формами и цветом.

Только проработав в море какое-то время, узнал я, что плавник – обкатанное и выморенное в морской воде дерево, очутившееся однажды на берегу. Море потрудилось над ним так тщательно, что отшлифовало его до белизны и гладкости кости. Топить им костёр можно вечно, ибо спрессовавшееся, выдубленное солью и почти окаменевшее, дерево, кажется, не сгорает!

Набредёшь на такой сияющий неестественной белизной предмет, торчащий из песка, взвешиваешь на руке, разглядываешь, и к удивлению своему понимаешь: это всего лишь кусок дерева, вернее – его выбеленная и высушенная суть, которую не в силах было уничтожить даже море. Оно только видоизменило дерево, превратив его, действительно, в крепчайшую костяную структуру, напоминающую, скорее, моржовый клык. Так вот, оказывается, что такое «плавник», думаешь ты: обыкновенное дерево, благодаря морю ставшее необыкновенным!

По усеянной битым ракушечником и плавником лайде в основном и осуществляется всё движение на берегах Берингова, Охотского и Японского морей. Идти бывает очень нелегко, ноги постоянно оскальзываются на мокрых камнях, представляющих из себя порой невообразимые нагромождения, будто наваленные неведомым великаном. А то случаются береговые отрезки с перемолотым морем ракушечником вперемешку с песком и мелкой галькой, и в таком мокром месиве сапоги обычно вязнут как в болоте. Потом опять тянутся осклизлые и острые камни, вмиг сбивающие дыхание, когда приходится перепрыгивать с одного на другой, и ты бредёшь тяжело, обливаясь потом и задыхаясь, и надеешься, что за следующим мрачным мысом камней будет поменьше. Берега дальневосточных морей, как правило, схожи в своём строении: крутые сопки чередуются распадками, а

бухты разграничены каменными мысами, что тянутся один за одним и, кажется, никогда не прекратятся…

Море с такого берега видится тоже холодным, серым, неприютным. Волны озлобленно бьются о его неприступные скалы, будто не в силах постигнуть: зачем они это делают? Остановившись передохнуть, взглянешь направо – тянутся бесконечные угрюмые мысы, посмотришь налево – та же неутешительная картина. Тут, на диком дальневосточном берегу, тобой поначалу овладевают тяжёлые думы, но пристально вглядываясь в бушующее море и вслушиваясь в его грозный гул, ты неожиданно ловишь себя на ощущении, что стоял бы так без конца, теряясь в догадках, - чем приманивает тебя это однообразное движение волн, их мерный рокот, и неизменная на протяжении бесконечных километров прибрежная полоса – лайда?

Людей здесь нет вовсе или почти нет. На весь пустынный остров, если вы оказались на Курилах, Шантарах и Командорах, либо на каком-нибудь удалённом от жилья сахалинском мысу приходится, как правило, один маячник, которому обычно помогает нести службу супруга, и больше никого. Всё вокруг очень просто и первозданно.

Не покидает ощущение, что серо-коричневые сопки и изредка сменяющие их чёрные скалы будто подкрадываются к воде, но заглянув в её мутные волны, снова незаметно отодвигаются, вспомнив, видимо, как это всё однообразно и, в общем-то, порядком им надоело. Смотришь и думаешь, что нет на свете более обыкновенных мест, однако же – каковы они, эти сахалинские берега, описать ты не в силах. Берега притягивают именно этим своим однообразием, и одновременно ничего вроде бы не открывают, так что недоумеваешь: чем же зачаровывают тебя эти загадочные дальневосточные земли?

И всё-таки ты почему-то пристально всматриваешься в хмурые берега, как будто пытаешься увидеть то, чего здесь просто не существует. Потребность ли это в более насыщенном красками пейзаже или, наоборот, твоя не знающая покоя проницательность, желание всё видеть, чувствовать и постигать, - ты не находишь ответа. Странное ощущение переживаешь ты, когда находишься здесь и, действительно, не можешь отчего-то не попытаться постичь суть удивительного острова – Сахалина, его угрюмых туманных берегов.

Берега так невыразительны, что, кажется, застыли, и только струящаяся под бортом тускло-серебристая вода даёт понять, что судно всё же движется. На фоне этих безмолвных берегов ход его представляется неуклюжим, как бы через силу. В сыром воздухе завязли жалобные вскрикивания редких чаек… Серо, пасмурно, тоскливо, и всё же чем-то эти берега завлекают.

Только лунной ночью хмурые сахалинские берега светлеют, ровно очищаются от туманного грязного налёта, и ощущение ущербности от этих мест пропадает. Днём было грустно, веяло невыразимой безысходностью и тоской, а теперь – хорошо, даже как-то покойно становится на душе.

Природа острова, как на юге, так и в средней его части по западному побережью не отличается большим разнообразием. Она уныла, почти на всём своём протяжении западный берег Сахалина вообще обходится без какой-либо растительности, исключая траву. Частое присутствие туманов съедает буйство природы, присущее острову в его глуби, где травы поражают своим ростом, особенно в низменных долинах и распадках. Идя на судне вдоль западного побережья, и изредка взглядывая на сменяющие друг друга голые, лобастые сопки и обрывистые угольные скалы, на душе постепенно возникает чувство безысходности и скуки, после чего вообще пропадает желание изучать эти невыразительные места.

Здесь, в средней части Сахалина, и ещё севернее - по его западному побережью, деревья встречают серьёзного врага в лице неблагоприятной почвы, представляющей из себя вершок-другой перегноя, а подпочва – галька, которая в жаркие дни нагревается так сильно, что сушит корни растений, в дождливую же пору не пропускает влаги, так как лежит на глине, и предполагает гниение корней, их неразвитость. Оттого и олицетворением сахалинского берега, на большей его части, является мелкоствольная, корявая, даже будто иссохшая лиственница, которой не даёт развиться эта самая подпочва, не пропускающая воду. Лиственница здесь служит признаком захудалости всего климата острова, где она чаще портится, не дожив до старости, и совершенно несравнима с нашей уральской или сибирской красавицей. Без вреда для себя на такой почве могут уживаться лишь растения с крепкими, глубоко сидящими корнями, как, например, лопух, без которого невозможно представить островную растительность.

Чем выше к северу, особенно в районе посёлков Мгачи, Танги, Хоэ, Трамбаус и Виахту, тем природа становится ещё печальнее и беднее. Невысокие волнообразные возвышенности вдоль берега напоминают наносы песка и глины, иногда неожиданно обрывающиеся. В основном же, на всём своём скудном протяжении, западный берег являет собой совершенную тундру, вернее даже невзрачную равнину, которую изредка украшают полоски невысокой лиственницы или чахлого кедрового стланика, беспомощно стелющегося по земле. Местами оживляют вид островки сахалинского бамбука, но и они малорослы, прибиваемые нескончаемыми ветрами. Только на северном конце острова, на полуострове Шмидта, местность вновь делается холмистою, природа на нескольких десятках километров неожиданно преображается в сосновую, еловую и лиственничную чащу с таинственными речными распадками, поросшими сочными травами, деревьями, увитыми лианами, и душа как-то незаметно успокаивается.

В самой северной своей части берег полуострова Шмидта утёсист, местами встаёт стеною, которая лишь изредка прерывается понижениями в узких ущельях, и вскоре опять взлетает кверху, внизу же, в затиснутых

камнями тёмных гротах бьются неудержимые волны. А в том месте, где северная оконечность острова сужается, будто затянутая верёвкой горловина огромного вытянутого мешка, начинается низменный песчаный берег, простирающийся далеко на юг, куда не хватает взора. Сменяющие друг друга песчаные холмы, разные по высоте, и почти отвесные отвалы из песка и глины, несмотря на явную схожесть, представляются, между тем, достаточно живописными, если светит солнце. Сахалин вообще неповторим в этой простой и трудно описуемой живописности, но понимаешь это далеко не сразу, только отдав ему всю душу.

И всё-таки во всём природном облике Сахалина чувствуется какая-то надтреснутость, необъяснимая недоговорённость, будто кто-то неизвестный и очень могущественный распорядился не быть острову прекрасным краем, а человеку обязательно надлежит превозмогать суровый островной характер. Берега Сахалина на большем своём протяжении выглядят действительно очень негостеприимно, за весь апрель-май, когда мы обычно начинали работу в Татарском проливе, здесь может быть случалось два-три солнечных дня, и вообразите себе – какого нам приходилось в эту пору, да ещё под водой!

Берег Сахалина у Александровска-Сахалинского, расположенного как раз в средней части острова, произвёл на Чехова очень удручающее впечатление, особенно, мыс Жонкиер, своею тёмной тяжёлою массой выдающийся в море… Берег совсем отвесный, с мрачными ущельями и угольно-чёрными пластами не вызывал ничего кроме растерянности. Каторжане, которых ссылали в те времена на остров, впервые завидя его неприветливые берега – плакали. И всё-таки именно эти, удручающие своим мрачным видом берега с обычными для них ветрами, промозглыми туманами и оголяющимися в отлив острыми камнями, меня очевидно, в глубине души, всё же радовали…

К тому же, когда выглядывало редкое солнце, то, что совсем недавно пугало и наводило полное уныние, уже не производило такого удручающего ощущения. Напротив, поблескивающая на такелаже судна роса, лёгкая туманная дымка и розовеющий воздух, пронизанный несравнимой ни с чем морской свежестью, создавали удивительную картину первозданности этих удалённых от мира человека мест, чем-то необыкновенно завораживая. Хотелось заглянуть за эти чёрные скалы: что там, в глубине острова, который начинал представляться загадочным животным, растянувшимся у самого океана на сотни морских миль с юга на север…

Впрочем, берега здесь опасны, потому что обрывисты и имеют перед собой широкую полосу каменистых подводных рифов. В отлив зазубренные верхушки этих бесконечных подводных нагромождений значительно оголяются, угрожающе предостерегая тех, кто осмеливается приближаться к берегу, в прилив же скрываются, не теряя при этом своей коварно подстерегающей сути. Их трудно угадать, между ними невероятно сложно лавировать даже на лёгком боте, и лучше всего наблюдать издали – как

вспениваются над опасным местом мутновато-серые буруны и тотчас гаснут. Коварство этих подводных банок испытало на себе не одно судно.

Во время хорошего шторма волны, расшибаясь об отвесные каменистые стены, достигают чуть ли не самого их края, и от этих многолетних ударов скалы постепенно трескаются и осыпаются. Иногда в отколовшихся кусках горной породы попадаются различные древние отложения – отпечатки папоротников, рыб, насекомых или ракушек. Особенно часто такие находки попадаются именно у мыса Жонкиер, отличающегося своей высотой и монолитностью, таящего в себе множество неразгаданных тайн.

А порой берег Сахалина на всём своём протяжении столь низок, что виден только в близком расстоянии, но и находясь от него неподалёку – с трудом обнаруживаешь отличительные места. Правда, там, где берег горист – ряды всё новых гор открываются вашему взору, но ни одна из них не запоминается ни особенною высотою, ни видом. Берега Сахалина или низменны, незаметны, или однообразно утёсисты и всегда приглушённо жёлтого, грязновато-бурого цвета.

Строение западных берегов Сахалина, впрочем, как и восточных, в значительной степени связано с особенностями строения прибрежной суши. Так, в непосредственной близости от моря, почти вдоль всего острова, простирается Западно-Сахалинский хребет, то приближаясь вплотную к берегу, то несколько отступая вглубь, и соответственно, там, где морем срезаются отроги гор, берега высоки и обрывисты, а где к морю подходят пологие склоны предгорий, берег снижается.

Смотришь на этот пустынный, безжизненный берег, который то однообразно высокий, то неизменно низкий, и не находишь в нём ничего примечательного. Пытаешься всмотреться во внутренность острова, в покатые безликие горы, которые покрыты скорее мраком, чем как-то освещены, и опять ничего не обнаруживаешь. Наводящая грусть удручённость Сахалина повсюду, но именно в ней постепенно угадывается скрытый свет, который придаёт острову глубину и создаёт его суть. Мрачность света, если хотите, но не отсутствие его, лицо этого необыкновенного острова, совершенно неповторимого, по-особенному одинокого и почему-то родного. За этот брезжущий во мраке свет Сахалин и стал особенно любим мною, однажды войдя в сердце болью радостного постижения. Угрюмый, когда-то кандальный остров пробудил во мне сначала робкое, а затем – неистребимое чувство признательности ему, даже – преданности, которое со временем только крепло, становясь непоколебимым.

Чем ещё интересна береговая линия Сахалина?

Почти на всём протяжении западного побережья встречаются чистые песчаные пляжи, ширина которых на разных участках колеблется от пяти до двадцати пяти метров. Но мощность песчаных накоплений незначительна, такие пляжи, как правило, кончаются у самого уреза воды, а местами из-под песка обнажаются коренные скалистые породы, похожие на неуклюжих

старых моржей или сивучей, которые будто задремали под усыпляющий шёпот набегающих волн и ничего их здесь не тревожит.

Для западного берега Сахалина характерно и обильное расчленение берега молодыми распадками и небольшими речками, которые очень часто открываются к морю висячими устьями, образующими водопады. Водопады худосочные, к тому же – не высокие, и вода ниспадает вниз почти неслышно, рассыпаясь в мелкие брызги о выступающие из моря камни. Смотришь неотрывно на такой водопад и вскоре подступает ощущение необъяснимой неудовлетворённости, как и от значительной части береговой полосы острова. Водопад будто завис в воздухе от осознания собственного бессилия, ему не хватает внимания могущественного острова, который, кажется, тоже забылся в своих туманных думах…

Ещё береговая линия острова часто образует плавные изгибы, что зависит от характера пород, образующих её. В основном это сланцы, туфы, глины и песчаники, которые легко разрушаются водами суши и морским волнением. Как равномерно море накатывает свои валы – так равномерно и плавно размывается берег, создавая правильно изогнутые и изящные, как линия чаячьего крыла, берега…

Местами мягкая осадочная толща прорвана вулканическими выходами на поверхность твёрдых пород – базальтов, образующих небольшие береговые площадки, а иногда из таких базальтов сложены целые выступы суши, как, например, мыс Ламанон в средней части западного побережья Сахалина. Вообще же, при знакомстве с берегами Сахалина, прежде всего бросается в глаза простота очертаний, и многие отрезки на протяжении десятков километров совершенно прямолинейны. Море тщательно поработало с островными берегами, за тысячелетия срезав большинство их неровностей, будто намеренно оттачивая линии огромного лосося, с которым часто сравнивают Сахалин, и готового устремиться на нерест, к своей северной родине – в одну из многочисленных речек северо-западного Охотоморья…

Вообще, и берег, и остров производят совсем иное впечатление, когда поднимешься на какую-нибудь прибрежную скалу, и твоему взору откроются воды Татарского пролива. Здесь, наверху, тебя уже ничего не сковывает, над тобой не давлеют монолитные угрюмые утёсы и вроде как становится легче дышать. Смотрел бы и смотрел сквозь туманную дымку на шевелящиеся внизу волны, необозримость морского пространства, в отличие от сжатого берега, уже не пугает, и хочется доглядеться до какого-то скрытого во всём этом смысла. Взял бы и полетел, как чайка, над бескрайней водной поверхностью, впитывая её ширь и глубинную тайну, и мысли твои мало-помалу превращаются из береговых, приземлённых – в свободные, морские. Тут только понимаешь, как тяготит человека сахалинский берег и как нелегко не думать на нём о далёкой родной земле.

Далёкий материковый берег как-то неясно манит к себе, и ты вдруг открываешь, что он не менее грустный и тоскливый, чем сахалинский. Тем

более, что он хорошо знаком тебе, когда в многочисленных экспедициях от ТИНРО ты проходил на научных судах вдоль него, работал в не менее однообразных и серых бухтах, взирал на унылые тёмные скалы, поросшие чахоточными лиственницами и елями. Порой начинало даже казаться, что не выберешься отсюда уже никогда, как бы твоё сердце не желало свободного полёта.

И вот тогда, только после нескольких лет работы в этих суровых местах, в душе незаметно возникало спокойное преодоление в себе желания непременно когда-нибудь выбраться с острова… Это было осознанное, постепенно выношенное стремление уже во чтобы то ни стало остаться и довести начатое до конца, разобравшись в сути острова, в его непривлекательных берегах, постоянных туманах, нескончаемых дождях и великом счастье обладания всем этим.

В жизни любого моряка наступает момент, когда путешествие подходит к концу, и он испытывает неодолимую потребность полечиться от дальнего плавания берегом. Ещё немного усилий, может быть – неделя, другая, и вы ступите на берег, дороже которого ничего, кажется, не существует. Как встретит он вас, не укачает ли?

А между тем, по мере приближения, берега родного Сахалина воспринимаются как-то негостеприимно: они выглядят неприступными. Отвесные чёрные скалы, особенно на северо-западной стороне острова, страшат, здесь нет и намёка на признаки жилья, да и кому оно здесь нужно? Изредка на голый берег выходят медведи, время от времени взвизгивают чайки, и опять странная тишина. Кстати, в переводе с языка айнов, населяющих когда-то остров, «Сахалин» означает «чёрная речка», по-видимому, вытекающая из его глубин к морю среди чёрного и серого камня.

Пусто, порой до невозможности голо вокруг, и если вас не занимает этот пейзаж, вы почувствуете потребность спуститься в каюту. Улёгшись в шконку, сразу постараетесь заснуть, но сон не пойдёт к вам. Одеяло покажется слишком жёстким, подушка – неуютной, сбившейся в маленький твёрдый ком, да и на душе – какое-то неясное беспокойство… Так, вроде бы, ничего существенного, а неприятно. Сам не осознаёшь: чего тебе не хватает?

Лежишь, будто ни о чём и не думаешь, но отчего-то опять хочется оказаться поближе к воде. Повертевшись с боку на бок, всё же встаёшь и медленно поднимаешься по трапу, где, конечно, ударяешься о какой-нибудь металлический предмет, в сердцах чертыхаясь. Наверху – ветер, вдали – берега, которые будто тянутся за его устремлениями и трепещут упругой полоской сурового полотна на фоне неуютного морского неба. Но только на мгновение представляется возможность подобного, после чего скалы у горизонта вновь тяжелеют и угрюмо замирают.

Характер здешнего места совершенно очевиден: вглядывание в эти суровые берега не приносит удовлетворения. И всё же привилегия путешественника не позволяет тебе оставаться равнодушным к линии берега. Ты пристально всматриваешься в него и постепенно эта окаменелость

оживает, пусть даже ты пока и не получаешь какого-то важного ответа. Главное, что можно не спеша обдумывать свои впечатления, и если даже это – безжизненные утёсы, в них всегда скрыта притягательная тайна.

Как берег ни хорош или, наоборот, ни пустынен, к нему загорается огонёк интереса лишь когда он обитаем. Проходя же вдоль сахалинского берега, жизни не встречаешь, и его немота потихоньку сжимает сердце. Спросить бы у этих понурых холмов и одиноких каменных кряжей, - когда они впервые увидели свет, и что происходило на их долгом веку?

Даже искушённому в путешествиях человеку, жадному до любых знаний вскоре станет скучно среди этих пустынных берегов. Надо быть, наверное, невероятно одарённым и очень чутким, чтобы наслаждаться величием однообразных каменных изваяний, с молчаливым равнодушием взирающим на человека. Неужели он может посчитать горы облизанных морскою пеною камней как нечто близкое для себя и дорогое?

Судя по себе, отвечу: да, может. Здесь, в маленьком уголке России, в десятке тысяч вёрст от нашей столицы, среди неумолчного рокота волн, расшибающихся о необжитый и дикий берег, мне становилось всё более интереснее жить и работать, находя в окружающей природе радость от её постижения, и однажды я вдруг совершенно отчётливо для себя осознал, что нахожусь … дома!

«КРАЙ СВЕТА»

Дальний Восток – удивительный край, где можно всегда применить энергию во имя замечательных открытий. Край обетованный, исконный, куда многие отчаянные головы очень сильно стремились попасть, и сила его, благодаря всем этим устремлениям, не уменьшалась, а только росла. Край ещё и незабываемый, какой-то неземной именно своим необъятным величием, притягивающим нескончаемое число первооткрывателей и землепроходцев. С одной стороны – край манил своей доступностью, до которой, при известных усилиях, вполне реально было добраться, а с другой – какой-то околдовывающей нескончаемостью, которую даже при непременном пионерском духе всех путешественников невозможно было охватить. Только бы прикоснуться, хотя бы заглянуть за этот вожделенный краешек земли или морской горизонт, что притягивали к себе неотвратимо, бесповоротно.

Что-то тут было раньше, как выглядели эти берега в глубокой древности? Если попытаться заглянуть в далёкое прошлое, то все наши три дальневосточных моря – Беринговое, Охотское и Японское, считают геологи, подвергались затоплению постепенно. Если впадина Берингова моря в южной своей части получила основные очертания в кембрий около 500 млн. лет назад, а пространство, занимаемое теперь Охотским морем, подверглось первой трансгрессии в девон – 400 млн. лет, то часть суши, занимаемая в настоящее время Японским морем, была затоплена лишь в нижний карбон… Соответственно, во времени это выражалось уже тремя сотнями млн. лет до нашей эры, и в момент заполнения земной чаши водами будущего Японского моря в полном расцвете находились кораллы, появлялись первые ракообразные и рыбы селахии…

Какой первозданностью дышало тогда древнее море! По его берегам ещё не ходил человек – собиратель раковин моллюсков, сушу только заселяли первые позвоночные и древовидные папоротники, и часто, стоя на обрывистом берегу мыса Крильон – самой южной оконечности Сахалина, и глядя на простирающееся до горизонта морское пространство, я уносился в мыслях туда, в далёкую палеозойскую эру, представляя себя древней диковинной рыбой или каким-либо причудливым ракообразным, уже вкусившим морского бытия и не без удовольствия, наверное, открывающим его неограниченные возможности… Древнее море на краю времени не могло не отразиться в здешних местах, и былые отголоски его до сих пор тревожат наше жаждущее открытий сердце.

Оказавшись в этих местах, начинаешь думать, будто ты – первый, кто ступил на первозданный дикий берег. Во всём, что окружает, нет ничего, напоминающего присутствие человека. Лишь галька, выбеленный плавник, туман и море, которое вроде бы остаётся безучастным к происходящему, но,

между тем, всё запоминает, сохраняя в своих таинственных чертогах. Сразу проникаешься пониманием, что здесь – край…

Здесь, на Краю Света, тебя не покидает ощущение, что ты находишься на пороге какой-то тайны, и кажется, что вот-вот распознаешь её для себя, и завеса незнания спадёт с твоих глаз, и ты откроешь то, к чему давно подспудно стремилась твоя душа…

… Проходит, к примеру, один из рядовых рейдов по обследованию прибрежной акватории у северо-западного Сахалина, которые мы обычно совершали сотни раз за каждую экспедицию, снаряжаемую от Тихоокеанского института океанографии, и всегда тебя не покидает ощущение, что ты находишься на Краю Света, где нет никого кроме тебя и твоих товарищей, угрюмых скалистых утёсов и сурового моря… Всё удивительно пустынно, дико, и в то же время наполнено невероятной скрытой силой.

Наш бот тихонько продвигается в тумане вдоль отвесных серовато-бурых скал, и на слегка колышущейся зеленоватой воде, прямо под ними, мерно покачиваются утки – чернеть и каменушки. Вспугнутые, утки устремляются в разные стороны, судорожно взмахивают крыльями, но не взлетают. За расплывающимися в стороны утками на воде остаются изумрудно-вспенённые дорожки, а у самых близких к боту птиц заметны оранжевые лапки, которыми они быстро-быстро перебирают, образуя серебристые ниточки мельчайших пузырьков…

В густом тумане звуки тарахтящего движка глохнут, бот движется как в немом замедленном фильме, и дикая первозданность этих берегов отчего-то вдохновляет. Чувствуешь себя чуть ли не первопроходцем, который первым оказался в Богом забытых северных местах, на Краю Света. Хочется кричать от переживаемого восторга, и в то же время чутко вслушиваться в неестественную для слуха тишину. А тишина эта просто повергает своей неизведанностью… Вернее, завораживает.

Завораживает именно простота происходящего и то рождающееся радостное понимание, что тебе, оказывается, не составило особого труда открыть для себя этот мир, и ты сразу осознал, что не представляешь без него своего существования. И как бы ни были промозглы здешние липкие туманы, и угрюмы отвесные серые утёсы, ты любишь их какой-то особой любовью, как будто уже когда-то жил в этом мире, наслаждаясь его неброской красотой, а очутившись сейчас в нём – лишь вспомнил и обрадовался. Край Света – твой родной край, где ты просто давно не был…

После знакомства с удивительной дальневосточной стороной, сразу посещает мысль о том, как тут всё необыкновенно – и сурово, и замечательно, даже – божественно. Переживая встречи с морскими животными, заливами, мысами, островами, просто наблюдая за обыкновенной чайкой или бакланом, ты во всём, исподволь, не скрывая истинного восторга обнаруживаешь частицу собственной души, когда-то основательно позабытой и оставленной, но при этом не чувствуешь себя

опустошённым, а наоборот – незаметно перерождаешься в ещё более сильного и восприимчивого человека. Край Света окрыляет, делает чище и возвышеннее, потому как здесь ты предоставлен только самому себе: на что решишься – так и будет.

Я полюбил этот край сразу, бесповоротно, как только увидел однажды на остановке вываливающегося из автобуса рыбака… Он, видимо, только что пришёл из дальнего рейса, приехал в областной центр из небольшого приморского городка, ещё не успев переодеться, потому, как был облачён в рыболовецкий оранжевый костюм, а красными натруженными руками крепко обнимал маленького тюленёнка, живого, с усами, и это его появление с ещё необычным для меня морским зверем посреди большого города почти не вызывало недоумения или удивления у прохожих. Вероятно, что-то похожее им уже не раз приходилось видеть, и жители областного центра относились к подобной картине довольно спокойно. Здесь это было обычным делом, и такого рода экзотика совершенно меня очаровала…

Захотелось тоже, как и этот рыбак, попасть туда, где живут тюлени, иметь возможность наблюдать за ними, работая рядом, и чтобы такое соседство никогда не прекращалось. И ещё, чтобы можно было видеть могучих серых китов, белобоких стремительных косаток и игривых дельфинов, отрешённо парящего над морской равниной альбатроса, только на мгновение, когда солнце опускается за море, вспыхивающий у горизонта таинственный зелёный луч, настоящий тихоокеанский ураган, который, конечно, принесёт с собой самые невероятные события, и ты их, несомненно, с достоинством преодолеешь, почувствовав свою неразрывную связь с могущественной морской стихией… Всё, что бы не приключилось на твоём пути, ты обязательно выдержишь, товарищей в беде не оставишь, и куда бы не завела тебя беспокойная судьба – будешь всегда помнить дорогую сердцу дальневосточную сторону, Край Света…

Главное в жизни – ни сколько ты проживёшь, а сколько в твоей жизни будет событий, созданных, по возможности, самим тобой. Одним из таких событий для меня оказалась встреча с Тихим океаном, на Краю света…

Как ни странно, но именно в молодые годы, когда, казалось бы, у тебя нет ещё никакого жизненного опыта, ты особенно способен на решительные поступки, и для тебя ничего не стоит взять и уехать на Край света. Понимание того, что ты должен действовать во чтобы то ни стало именно сейчас – скорее только угадывается в тебе, чем отчётливо осознаётся, но откуда же в двадцатилетнем возрасте возьмётся знание законов, предполагающих развитие души? А Край Света, между тем, сразу принимает тебя, хотя и начинает тотчас проверять, и все его проверки представляются поначалу такими незначительными, что их, в общем-то, не замечаешь. Ясным становится только одно: ты – в каком-то необычном мире, в котором многое из того, что ещё совсем недавно было очень близко и дорого, теперь

почти ничего важного для тебя не содержит или просто отсутствует, тогда как всё новое вдруг становится дорогим и близким, вмещая только неизведанное. Это неизведанное, наверное, и оказывается первопричиной того, что ты очутился на Краю Света.

Край Света – это такое необычное, удивительное понятие, которое никогда раньше серьёзно не занимало моего воображения, да и, честно признаться, я о нём не подозревал. Оно, это понимание существования некоего края, где всё только по-настоящему начинается, наверное, подспудно жило во мне, ненавязчиво подсказывая, что когда-нибудь воплотится в действительность, если ты этого очень захочешь. И это однажды произошло, потому что ты действительно очень захотел достичь задуманного, выносил в себе это желание и, наконец, добился его исполнения.

И вот, материк пересечён, я – на Сахалине, в самой южной его точке, на мысе Крильон, и прямо передо мной – Японское море, вернее – пролив Лаперуза… Неведомый край, к которому я так стремился! Морской воздух, запах соли и выброшенных водорослей, ощущение чего-то нового и неведомого, того, что будто распахивается от взмаха чаячьих крыльев, бесповоротно охватывает тебя, и лежащее перед тобой огромное пространство воды преображается в простирающееся уже в твоей душе неописуемое состояние, когда проникаешь и в даль, и в ширь, и в глубь, и в бесконечные небеса, бездонно отражающие весь этот необозримый морской простор…

В своём неустанном стремлении на Восток, к Краю Света, душа твоя словно увеличивается, не успевая впитывать в себя всё новые и новые впечатления, как будто ей открылась доселе неведомая страна. Стремясь вобрать как можно больше, душа не боится при этом переполниться, и всё впитывает и впитывает, переваривая немыслимое количество открытий. Невероятно, но именно эта занимающая твоё восприятие насыщенность происходящим и перегруженность событиями незаметно приводит в тебе всё в надлежащий порядок, который и помогает безбоязненно заглянуть за нескончаемо возникающие горизонты. Постепенно ты обнаруживаешь, что только здесь, на Краю света, лежат удивительно бесконечные пространства, таящие такие же бесконечные возможности, и они терпеливо ждут внимательного отношения к ним неравнодушного человека.

А к юго-востоку от Сахалина, на курильском острове Шикотан, там, где отвесные скалы и утёсы расположены рядом с ярко-зелёными склонами, песчаные пляжи соседствуют с причудливыми нагромождениями огромных глыб и валунов, с пещерами и гротами, можно увидеть и настоящий «Край Света» – так называется один из мысов острова. Мыс Край Света – плоский, приглубый, но являясь оконечностью полуострова, выступающего в море на три кабельтовых от северо-восточного берега острова Шикотан, служит хорошим радиолокационным ориентиром, и именно благодаря устремлённости в океанские дали, наверное, и получил своё имя.

И остров Сахалин с проливом Лаперуза, и Курильские острова, и Тихий океан действительно предполагают именно особое состояние устремлённости духа, которое можно ощутить только здесь, на Дальнем Востоке. И ещё – удивительно радостное переживание чувства сопричастности тому, что открывает взору эта дальняя сторона. Какое здесь раздолье и воля, на все четыре стороны света – мудрая простота и красота самого синего цвета! Нет всему этому великолепию конца и края, где ты проникся ощущением полёта и … полетел.

Разливающийся повсюду свет, излучаемый и небом, и морем, и воздухом – тоже особенный, каким он присутствует именно здесь, на рубеже суши и океана. Стоит только преодолеть земное притяжение, отправившись в морское путешествие, и открывается уже иное свойство этого дальневосточного светового состояния: свет тут как будто раздвигает морские горизонты, образуя вокруг необыкновенно светоносную сферу, что ощущается повсюду, и, по всей видимости, не ведает границ. Удивительно возвышенными ощущаются теперь и душа, и тело, и вся твоя жизнь, будто ты заново родился. Белый свет человеку на волю дан, а где ещё сыщешь такую свободу, как не здесь? На Дальний Восток попал – свет увидал!

«Жилуха» - так на Дальнем Востоке, особенно на Сахалине и Курилах, местные жители называют обжитые территории материковой части страны. А здесь, про себя, гордо и независимо провозглашают: «Край Света-а!»

Как будто предполагают там, на материке, не вполне серьёзную жизнь, удалённую от какой-то важной человеческой истины, присущей только этим местам с их суровым климатом, всей природной обособленностью, Тихим океаном, течением Куросио… Там, в больших городах, люди, вроде как, забывают о своём высоком предназначении, разменивая себя на недостойные внимания мелочи, и только очутившись на Дальнем Востоке, на Краю света, человек, по мнению старожилов, способен в полной мере осознать смысл жизни, поверив в собственные силы.

Вот и отношения между людьми в этих удивительных местах сводятся большей частью к первобытному коммунизму, когда во всём присутствует какая-то первозданная честность. К ней трудно сразу привыкнуть, но с ней легко жить. Вероятно, иначе нельзя – это залог жизни, иные отношения здесь просто невозможны. И не напрасно именно на самых окраинах нашей необъятной страны, на Краю Света, собираются настоящие люди…

Тот, кто приезжает сюда подзаработать, обычно больше двух-трёх лет не выдерживает… Но вот те, кого увлекает на Дальний Восток белоснежная морская чайка, возле человека никогда не садящаяся, и они не представляют себя без работы, связанной с морем, оседают надолго. Мне посчастливилось угадать в своей душе потребность быть на далёком острове Сахалин, и, не смотря ни на что, я не побоялся сюда приехать.

Отсюда я будто чувствую весь мир, всё вижу и понимаю, и меня больше никуда не тянет. Ну, если только в наш уральский лес… А ещё очень остро ощущаешь здесь свою нужность, какого бы малого дела это ни

коснулось, и именно поэтому, наверное, знаешь, что всего себя отдашь людям, которые точно так же, если понадобится, отдадут себя тебе. Все тут отвечают друг другу одним и тем же – удивительной спаянностью, простотой отношений, переживать это – непередаваемо радостно, и только здесь, на Краю Света, невозможное оказывается необходимым. Край света – особенное место для того, кто задумал найти себя и познать мир, потому как где ещё переживёшь такие чистые и сильные чувства, как ни на берегу самого великого океана? Ты счастлив, что находишься рядом с ним, и переживаешь его жизнь как свою.

Всегда чувствовать себя ближе к настоящему мужскому делу, отчаянному напряжению сил, даже – к опасности, на Дальнем Востоке обернулось для меня не громким словом, а непреложной истиной, которая на поверку оказывалась для мужчины единственно достойным и наиболее верным состоянием. Тем же, кто бежал от такого жизнепонимания, эта самая жизнь уже не сулила ничего примечательного, заслуживающего внимания. И ещё именно на Дальнем Востоке никогда не покидала уверенность: всё, что мы тут делаем – настоящее… Отними у человека эту возможность заниматься любимым делом, быть в нужное время в своей географической точке, и он становится незаметным, ровно себя теряя, вернее – не обретя. По-настоящему интересно в жизни только то, что по-настоящему трудно.

Всё необыкновенное, кажущееся недостижимым – на самом деле удивительно просто, и нет ничего интересней, чем разгадывать его. Ведь у человека всегда достаточно сил, чтобы осуществить любую мечту. Одной из самых прекрасных возможностей, чтобы воплотить переживания своего сердца в жизнь – есть непоколебимое устремление отправиться в море.

Для человека не может быть ничего важнее, чем его собственный достойный и интересный путь, но никто так не мешает ему следовать им, как он сам… Если же решишься однажды отправиться в дальнюю дорогу, то будешь уже следовать по ней долго, может быть – всю жизнь. Важно не останавливаться на полпути, не идти на поводу предательских сомнений…

Здесь, на Краю Света, можно было учиться у дельфинов, прибрежных голубоватых агатов, промозглой сырости и нескончаемости туманов… Всё имело свою обособленную чудесную жизнь, между тем, не отделимую от всеобщего целого, объединяющего и сушу и море. Море воспринималось исконной и непоколебимой древностью, оно было самым мудрым из всего, что я знал и видел, и как было хорошо и интересно отправиться к неизведанному краю самых невероятных возможностей!

Но дальневосточный морской простор – это не безусловная, относительная пустота, а насыщенное жизнью пространство, океанское вольное раздолье, где душа, не испытывая никакого стеснения, вроде бы может праздно парить в оказавшейся свободе, однако же скоро эта душа понимает, как она здесь ограничена именно нравственно. Белый свет,

говорят, не клином сошёлся, простору много, да только надобно правильно себя в нём приложить, применив всё своё умение и волю, а более – терпение с неутомимостью, без которых никакой радости не сыскать… Особенно – в море! Это только на первый взгляд простору здесь – на все четыре стороны, но попав в бескрайний водный мир, призадумаешься: а не большая ли воля живёт в твоей душе? До неё ум в последнюю очередь доходит, прежде в достатке морской водицы испив, и если в море тебе, наконец, начинает слышаться простор собственной души, значит, стал ты насквозь морским человеком.

В первую очередь здесь воспринимается именно море, всё отвечает и определяется принадлежностью ему одному: и небо, и прибрежные камни, и чайки, и ветер, и ты сам, пронизанный морским духом насквозь. Быть здесь, работать, преодолевая трудности, мечтать, - этого требует всё твоё существо, а море для тебя – самое великолепное явление в мире.

Воды дальневосточных морей представляются тоже бескрайними, но когда их стремительно разрезают плавники косаток и дельфинов, над ними взметаются фонтаны китов, а на покачивающиеся волны присаживаются утомлённые чайки, они оживают и воспринимаются близкими, даже родными, так что сразу забывается их необъятность. Если безмерный морской покой воцаряется вокруг надолго, то кажется, что его уже и вовсе не растревожить. Но крепок покой моря до поры, пока оно не вздумает показать свою бескрайнюю удаль, на Краю Света…

Край Света и океанские просторы неразделимы. Именно остров Сахалин, растянувшийся сразу за материковым побережьем почти на тысячу вёрст и открывающий собой эти огромные, манящие к себе пространства, можно в полном смысле слова назвать Краем Света, даже – порогом дома, в двери которого бьётся могучий Тихий океан. Если вы пришли к порогу этого дома заслуженно, совершив достаточные душевные усилия, вашему взору предстаёт совершенно новый, неизведанный мир.

Остаётся только толкнуть дверцу и, набрав полную грудь воздуха, устремиться в завораживающую бескрайность… Уверяю вас, вы – не разочаруетесь, более того – поймёте, что до этого самого момента просто не жили.

Крыша этого великого дома – небо, а опорой ему служат необузданные волны и неприступные скалы. Бесценные каменные нагромождения, которые никто и не пытается никак оценить. Они – молчаливые хранители великой тайны, которую скрывает океан.

Эти скалы, находясь на берегу ревущего океана, с невозмутимым видом прислушиваются к гулу тысячелетий и несмолкаемому грохоту прибоя. Попробуйте себе представить величие этой мощи и терпения! Здесь невозможно испытывать разочарование, а жить в этих местах нужно только тому, кто многое чувствует, и стремиться постичь, он научился этому устремлению на пути к Краю Света и заслуженно на нём оказался.

Тихий океан… Океан неизведанных знаний и силы, ненавязчиво стучащийся в наши сердца. Лишь Время старше его… Тихий океан постепенно учит пониманию: как ценно время, половину которого мы тратим на то, чтобы придумать – куда девать вторую… И ещё – необходимости делать то, чего ты не делать никак не можешь. Это – твоё предназначение, неразрывная с морской стихией судьба.

Даже когда океан настроен миролюбиво, биение его пульса очень ощутимо. Океану присуще такое явление, как крупная зыбь: волнения вроде бы и нет, а нос судна то взлетает вверх, то с шумом окунается в воду, так что замирает дух. Жить в такт океанскому дыханию, значит - обрести собственное.

Океан не испытывает никого без всякой на то надобности, он не предлагает вам одуматься или остановиться. Придя к нему – вы уже нашли силы преобразовать свою жизнь к лучшему, и если океан повергает вас, вы просто не готовы к его восприятию. А воспринимать океан следует осознанно, с полной отдачей сил и готовностью ко всему, что он может тебе предложить. Разве возможно отказаться от его великодушного отношения, ведь это – океан, суть многого из того, о чём ты и не подозревал, а вот теперь способен впитывать и сделать своим. Решившись однажды на путешествие к Краю Света, к Тихому океану, ты, несомненно, становишься богаче.

Край – это, на первый взгляд, самый конец, предел, за которым, кажется, ничего не должно быть, рубеж земли, куда тебя привёл долгий путь, та дальняя сторона, где лежит неизведанное… Словом, кромка, грань или пустынный берег, за которым взгляду открывается уже нескончаемый горизонт. Всё, чего было возможно достичь, ты, вроде бы, достиг, дальше – только бескрайний мир воды…

Так я думал раньше, пока не решился на это дальнее путешествие и не преодолел в себе многое, что обычно удерживает человека на привычном для него месте. Когда же преодолел, добрался и увидел всё собственными глазами, то понял: всякий край – это, конечно, предел чего-то, но возможно его принять и за начало… Здесь, на так называемом «крае земли», только начинается дальняя дорога, которая никогда не прекратится. Мало пройти из края в край, непременно следует отыскать в себе терпение к бескрайнему пространству.

Все, кто однажды решились отправиться в неизведанное морское путешествие, руководствовались одним неистребимым для путешественников желанием – посмотреть мир и узнать: а что скрывается там, за горизонтом, и ещё дальше? При этом они готовы были находиться целые месяцы и даже годы в окружении воды, терпеть многие лишения и неудобства, и всё только для того, чтобы удовлетворить свою любознательность и быть может – что-нибудь открыть, чего ранее никто и не

ведал? Край для открывателей всегда оказывался рубежом, отправной точкой для будущего полёта их мыслей и поступков, и, наверное, не было ничего более сокровенного и дорогого для отправляющегося в дальний путь, чем возможность преодоления неведомой грани, в первую очередь, в себе, когда ты, бесстрашно перешагивая через край, вырастаешь…

Когда А. П. Чехов преодолел на пароходе «Байкал» Амурский лиман и его взору за туманной пеленой открылся каторжный остров Сахалин, ему показалось, что тут конец света и что дальше уж некуда плыть. Дикий берег, теряясь в собственных извилинах, исчезал во мгле на неведомом севере и, по словам писателя, душой его овладело чувство встречи с чем-то необыкновенным, даже устрашающим.

И действительно, несмотря на то, что Дальний Восток ещё с 17 столетия стал привлекать внимание первых исследователей его богатств, это почти дикое огромное пространство до сих пор остаётся как бы нетронутым. Но тем сильнее возникает желание проникнуть туда и непременно что-то открыть для себя. Огромность дальневосточного пространства и его дичь, конечно, предполагают верную возможность осуществления этого: ведь дикая природа чаще всего пытается убедить человека в его беспомощности, которую он преодолевает с присущими ему смелостью и упорством.

Пугая человека, эта неисследованная дальневосточная пустыня всё же больше располагает его к поиску, нежели повергает своими размерами, суровой стихией и неизвестностью. Действительность, конечно, внесёт свои решительные изменения в твои путешествия, поставит перед многими неожиданностями, да только человек растёт не ощущением безудержного счастья, а препятствиями, и потому всё преодолимо, было бы желание открывать, переживая при этом наивысшую радость.

«ДОРОГИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ»

Дальний Восток всегда манил человека своими богатствами – и драгоценными минералами, и полезными ископаемыми, но когда человек только начинал свои путешествия в дальневосточные земли, ни нефть, ни каменный уголь, ни руды его не влекли – он их плохо знал и мало в них нуждался. Пищу, укрытие от непогоды, средства передвижения и многое другое людям давали флора и фауна.

Вот и получилось, что если западные конкистадоры в тёплых морях искали золото и пряности, то русские люди, совершавшие великие географические открытия в Сибири и на Дальнем Востоке, во многом были обязаны, в первую очередь, соболю, составлявшему основную часть «мягкой рухляди», морскому бобру – калану и моржу с его клыками – «рыбьим зубом». Именно эта своеобразная валюта 17 века влекла в дальневосточные края многочисленные ватаги промышленного, торгового и служивого люда.

Трудно представить, в каких условиях совершались в давние времена дальние плавания… При маломерности судов длиною в два-три десятка метров на них обычно располагались десятки людей. Ужасная теснота, скученность и предельная неблагоустроенность отличали всю корабельную обстановку. Люди месяцами спали, не раздеваясь, на палубе или в трюме, в зависимости от того, какая стояла погода. Отхожих мест не было, облегчались прямо за борт/если позволяло состояние моря/, дезинфицирующие средства – один уксус, съестные припасы уже после двух недель плавания становились затхлыми, пресная вода предназначалась только для питья и всегда выдавалась по норме. Если вы хотели умыться или постирать бельё, что считалось высшей роскошью, надо было самому доставать воду за бортом, только когда не слишком штормило. И всё это длилось месяцами, а то и годами. Если же вы заболевали или получали ранение, то оставалось только уповать на Господа, беспрестанно произнося покаянные молитвы.

А те, кто пробирался к морю просто на собачьих упряжках, лошадях или даже пешком? Что переживали они, какие неслыханные испытания пришлось им одолеть на этом нескончаемом пути преодоления себя? И всё только чаще лишь за тем, чтобы увидеть эту бескрайнюю морскую даль, и в скором времени, быть может, устремиться ещё дальше – в неизвестность…

Порой отважные мореходы в погоне за богатой добычей всё дальше уходили в неведомые моря, открывали всё новые и новые острова, иногда проводя на них по нескольку лет. Одним из них улыбалось счастье, и их суда возвращались гружённые сотнями и тысячами бобровых, котиковых и собольих шкур. Другие находили вечный покой в холодных водах Тихого океана. Но всё-таки, не смотря ни на что, на следующий год вновь отправлялись в дальние странствия очередные экспедиции смельчаков, вознамерившихся попытать и свою удачу.

Да, в основном все плавания, совершающиеся в 16 и 17 веках, предпринимались большей частью с целью обогащения: в северных морях – в поисках котиков, каланов, моржей и китов; в экваториальных и южных широтах – для овладения новыми землями, изобилующими золотом, серебром и пряностями. Но, всё же, были и такие мореплаватели, которых не соблазняла только нажива, а влекло великое дело первооткрывательства, ибо не хлебом единым сыт человек!

На такое опасное путешествие, даже ради наживы, по тем временам мало кто мог решиться! И конечно, отправляющиеся в дальнюю дорогу смельчаки не обходились в своих устремлениях к неведомым землям без доли романтики. И наверняка душами их владели идеи и чувства, возвышающие человека. Предчувствие неизвестно чего сулящего в путешествии, к тому же – в чужеродной стороне, не могло не настраивать человека на романтический, открывательский лад, когда представление рисовало ему не только вороха каланьих и котиковых шкур, но и увлекательные приключения. Как было обойтись без них?!

И всё же Семён Дежнёв, первый из русских в 1648 году прошедший пролив Беринга/названный так уже впоследствии/, об этом своём великом географическом открытии говорит порой очень скупо, главной увлекательной заслугой считая нахождение знаменитого моржового лежбища на Анадырской карге – так называемой Русской Кошке. А после того, как был быстро истреблён сибирский соболь, его место занял морской промысел калана и котика. Значение экспедиции Беринга, возглавившего две Великие Северные экспедиции в первой половине 18 века, не только в том, что она усмотрела с востока берега Америки, но и привезла на Русь первые сведения об этих животных. Именно за ними устремились сюда промышленники, завершившие географические открытия на севере Тихого океана. А потом Север манил песцом/десятки Песцовых островов, мысов, рек, озёр разбросано по всей Арктике/, ибо горностаевые и лисьи меха всегда уступали ему в своей численности, а оленьи и медвежьи шкуры – в стоимости. Но как можно было обойтись людям в те нелёгкие времена, в не менее суровых краях, без тёплых шкур этих животных и вкусного питательного мяса?!

Много споров в этом отношении ведётся и вокруг бесследно исчезнувшей морской коровы… Морскую корову, обитавшую у Командорских островов, открыл и описал в 1741 году спутник Беринга Георг Стеллер. Это был большой и безобидный зверь, длиной до восьми-десяти метров и весом до трёх с половиной тонн, питавшийся водорослями на мелководье. Охота на него была несложной, а мясо вкусным. Для моряков в долгих странствиях он играл роль живых консервов, для чего в тёплых морях использовались большие черепахи. Поэтому морскую корову истребили уже к 1765 году.

Конечно, промысел морских коров вёлся крайне неумеренно и добытчиков легко судить с высоты наших сегодняшних знаний об этом животном, но если поставить себя на их место, то вряд ли бы мы поступали

иначе… Для людей того времени, находясь в очень суровых природных условиях, это была не праздная охота, а зачастую вопрос жизни и смерти. Ведь им тогда было невдомёк, что это животное уникально и больше нигде, кроме, как на Командорах, не встречается. Они ступали на неведомую землю и видели невиданных доселе зверей, которых и били себе на пропитание.

Когда в 1743 году императрицей Елизаветой была приостановлена деятельность Второй Камчатской экспедиции, поиск новых земель вёлся только по инициативе промышленников. Ими были открыты и освоены все острова Алеутской гряды. Одним Андреяном Толстых в 1761 году была открыта целая группа островов, которую мы называем сейчас Андреяновскими. Причём русские мореходы и купцы вывезли с Алеутских островов пушнины и морского зверя в «государеву казну» на 200 тысяч рублей. Именно это возродило интерес к окраинным землям России и привлекло на Восток якутских, сибирских и других купцов, способствовавших развитию Охотска, Усть-Камчатска, Петропавловска-на-Камчатке. В свою очередь, Командоры служили мореходам и промышленникам как бы трамплином, откуда можно было, перезимовав и «мяса коровья вдоволь запасаясь, в вояж пускаться». Можно смело утверждать, что морская корова была принесена в жертву ради открытия Алеут и Аляски.

И потому огульно причислять к браконьерам наших мореходов и промышленников нельзя. Тот же Андреян Толстых в 1750 году завёз и выпустил на остров Аттак несколько молодых голубых песцов, отловленных на острове Беринга. Как писал побывавший там спустя двенадцать лет купец Черепанов «… на одном алеутском острову песцы размножились до тысячи, и оттуль ныне промышленниками улавливаются, а до завезения на том острову песцов не было».

Беспокоила наших первопроходцев судьба животных, в том числе – и морских коров. Уже в 1755 году купец Пётр Яковлев, посетивший Командорские острова, советовал запретить промысел морских коров, чтобы «не чинить искоренение» этих животных. В конечном итоге дело свелось не к тому, что была сознательно организована охота на последнюю морскую корову, а скорее всего из-за выборочного промысла разрушились семейные ассоциации коров, что и могло явиться основной причиной угасания стада. Били-то, в основном, менее подвижных самок, а животные эти, как отмечал Стеллер, держались в окружении своего потомства, которое, естественно, тоже погибало.

Но если вернуться несколько назад, то первые русские ступили на дальневосточные земли намного раньше выше описываемых событий. К слову сказать, стихийное движение россиян на Восток было обусловлено многими причинами, и одна из них – уход от крепостничества. Сюда шли выходцы со всей земли русской: мезенцы, холмогорцы, пинежане, вологодцы, те, кого нельзя было запугать ни холодами, ни отдалённостью неизведанных земель, ни прочими трудностями многолетнего

изматывающего пути в неизвестность. И шли они поначалу не столь за наживой, сколь за свободой. А первому, как известно, всегда труднее, ибо ему за всем не уследить: он – первый, вынесший на себе всю тяжесть впервые проторённого пути. Первый взваливает на свои плечи принятие самых неожиданных решений, за последствие которых приходится отвечать ему самому, он решается преодолевать такие невиданные трудности, которые ещё никому и не снились, он оказывается первым именно по той причине, что первый отважился пройти дорогу, до него никем не проходимую, он её прокладывает первым.

А если что не так было сделано или где-то сил не достало, то первого и Бог прощает, потому как кто первее, тот и правее, и, совершив ещё до него не существующее, отважный первопроходец, наверное, перво-наперво помолится Господу. Как молились своим таинственным богам древние племена тончей, ороков, айнов и нивхов, впервые пришедших на далёкие восточные земли за лучшей жизнью. Как взывали к Богу первыми прошедшие вокруг света моря и океаны путешественники. Как молятся про себя поколения современных первооткрывателей знаний, в которых будут нуждаться их потомки. Все первооткрыватели – всегда первопроходцы, потому что идти – это, значит, в первую очередь, решиться на первый шаг: благослови Бог почин! И кого же нам ещё сейчас благословлять, как ни первых отчаянных героев, наших дорогих русских землепроходцев – первооткрывателей Дальнего Востока, что однажды отправились за счастьем для всех людей, не задумываясь отдавая на этом пути свои силы и жизни!

Первым из русских людей увидел неведомые европейцам просторы Тихого океана Иван Юрьевич Москвитин, через горы и дремучие леса, по рекам и озёрам прорвавшийся в 1639 году с группой томских казаков числом тридцать один человек к Охотоморью. В этот же год они вышли в море, совершая незначительные по продолжительности и времени походы вдоль морских берегов. От местных жителей казаки узнали о существовании острова Сахалин, на котором проживают «сидячие гиляки» и «мохнатые айны». Да и сами они, доходя на своих кочах по Татарскому проливу вплоть до Амурского лимана, не могли не видеть северо-западное побережье острова.

До недавнего времени многие историки считали, что первыми из европейцев Сахалин открыли участники голландской экспедиции Мартина Геррица де-Фриза/15 июля 1643года/. Теперь же, на основании новых данных, выяснилось, что именно Иван Юрьевич Москвитин и его спутники смогли увидеть сахалинские берега ещё за три года до того, как голландские моряки побывали у берегов южного Сахалина. Следовательно, первыми из европейцев остров Сахалин открыли русские, а не голландцы, которые, кстати сказать, принимали сахалинское побережье за северную часть острова «Иессо», то есть – Хоккайдо.

Знаменитый русский историк Карамзин несколько напыщенным слогом описывает подвиг Ивана Москвитина: «Достигнув берега Великого

океана, он не стал, подобно испанскому конкистадору Бальбоа, крестить море мечом и не вошёл в его холодную воду с королевским флагом, а построил зимовьё и поселился в нём на берегу открытого им океана». Но разве в столь суровых краях у Ивана Москвитина с товарищами оставался иной выбор? Идя вверх по Мае, с Лены, казаки вышли к берегу Охотского моря западнее теперешнего Охотска, и поставили там, среди тунгусского населения, ясачное зимовьё, потому как им не оставалось ничего иного, а в ближайшие годы люди из отряда Москвитина разведали берег Охотского моря на восток до Тауйской губы. Так был основан первый русский опорный пункт на берегах Тихого океана, открытого русскими «охочими людьми», и их подвиг справедливо можно назвать одним из величайших событий в истории открытия Земли, когда они за какие-нибудь тридцать-сорок лет бескровно освоили огромные, тысячевёрстные пространства Сибири и прочно стали на берегах Тихого океана.

Участники следующего похода под водительством Василия Даниловича Пояркова в 1645 году вышли к берегам Охотского моря чуть севернее отряда Ивана Москвитина. Правда, путешествие это началось ещё в 1643 году, когда воевода Пётр Головин отправил из Якутска «на Зию и Шилку реку» письменного голову Василия Пояркова и с ним служилых людей 112 человек. Казаки уже знали о существовании Татарского пролива, о том, что зимой Амурский лиман и наиболее узкая часть Татарского пролива замерзает, и по льду с материка на Сахалин и обратно издавна совершают поездки нивхи/гиляки/. По-видимому, поярковцы даже высаживались на Сахалине, когда собирали с местного населения острова ясак.

Отправившись весной 1645 года в бурное Охотское море из Амурского лимана на небольших плоскодонных судах, Василий Данилович Поярков со своими соратниками совершил беспримерное по тем временам плавание: двенадцать недель морские волны бросали судёнышки, когда отважные путешественники шли вдоль материкового берега по Татарскому проливу, и, наконец, пристали в устье реки Ульи, где несколько лет назад основал зимовьё Иван Москвитин. Перезимовав на реке Улье, Поярков в 1646 году, через горы, вернулся по Мае и Алдану с 33 служилыми в Якутск, потеряв в течение трёхлетнего похода сто человек, но привезя чертежи пройденного пути и подробный отчёт о плавании, не забыв рассказать о быте и нравах населяющих те места народов. И Иван Юрьевич Москвитин, и Василий Данилович Поярков несомненно обогатили русскую географическую науку, первыми совершая свои труднейшие по тем временам плавания по Амуру и Охотскому морю. Им, конечно, хорошо были видимы берега неведомой земли – Сахалина, но мы, к сожалению, не знаем подробностей их морского путешествия и того – бывали ли эти отважные первопроходцы на острове.

В 1647 году путь Ивана Москвитина и Василия Пояркова повторил казак Семён Шелковник, он прошёл от реки Ульи/где Москвитин поставил струг и перезимовал в 1639-1640 годах/ сто километров на северо-восток до реки Охоты/тунгусы называли эту реку Ахоть, что значит «большая»/ и в

трёх верстах от её устья тоже заложил зимовьё. Острожек, основанный здесь и выросший впоследствии в первый порт России на Тихом океане, получил название Охотска. Кстати, во времена Москвитина и Пояркова Охотское море называлось Ламским от тунгусского слова «лама», означавшего «море», «вода», или Ламутским и Тунгусским по имени населявших берега Охотского моря народностей. Но именно благодаря реке Охоте, которой достиг казак Семён Шелковник, и родилось утвердившееся теперь название прилегающего к материковой земле моря. Охотское море имело прежде и другие названия, например, Камчатское и Пенжинское, представляющие в географическом смысле более широкие понятия, но остановились в наименовании моря всё-таки на маленькой речке…

Три года провёл на берегах Охотского моря участник похода Шелковника казак Алексей Филиппов с группой товарищей. Выйдя на кочах из Охотского острожка в июне 1648 года, он исследовал большой участок северного побережья и подробно описал его. Это была первая лоция Охотского моря, которое в теперешнем своём виде появилось меньше, чем миллион лет назад. Тогда же Тихий океан соединялся с Ледовитым через Берингов пролив, а Сахалин только превращался в остров.

И так, основанный при участии Ивана Москвитина, Василия Пояркова, Семёна Шелковника и Алексея Филиппова, Охотск надолго стал главным опорным пунктом русских в их движении на восток и в освоении Тихого океана. В годы расцвета Российско-Американской компании отсюда ежегодно шли суда со снабжением русских поселенцев в Америке, здесь была база всех новых экспедиций, исследовавших просторы Тихого океана, а проложенный к Охотску Аянский тракт, вплоть до начала двадцатого века, служил главным Транссибирским трактом, соединяющим западные и восточные рубежи нашей Родины.

Здесь, в Охотске, был создан один из первых атласов дальневосточных морей и Тихого океана – «Атлас Кашеварова», названный так по имени своего составителя, коменданта Охотска и капитана Охотского порта. Однако гавань Охотска не была удобной для морских судов, и новый шаг в освоении дальневосточных морей был сделан открытиями капитана Геннадия Ивановича Невельского, проложившего морской путь от устья Амура к берегам Приморья через весь неведомый до этого Татарский пролив и водрузившего русский флаг на южной оконечности Сахалина. Это случилось в 1848 году, а вскоре за тем были открыты залив Петра Великого, залив Находка, и уже в 1860 году был заложен город Владивосток, ставший столицей Дальнего Востока и одним из лучших портов нашей страны.

Но всё это было потом, почти через два столетия после описываемых выше событий, и понадобились усилия ещё многих отчаянных храбрецов, чтобы все эти неведомые земли на краю Тихого океана были хотя бы частично освоены. Таковыми явились и участники четвёртого похода под водительством Онуфрия Степанова Кузнеца, сменившего на посту главы отряда небезызвестного Ерофея Хабарова, которые в 1655 году предприняли

очередной выход к устью Амура, совершили переход через наиболее узкую часть Татарского пролива и побывали на Сахалине. Богатства «земли гиляков» произвели исключительно большое впечатление на амурских казаков, но по предположениям некоторых историков все эти казаки были впоследствии убиты нивхами.

Помимо участников официально организованных походов со второй половины 17 века на Сахалине могли также побывать русские люди, самовольно пришедшие на Амур. Как раз в середине 50-х годов 17 века в Сибири начались многочисленные побеги казаков и крестьян на вольный Амур, который встречал беглецов сурово: одни гибли от голода, другие от рук местных жителей, третьи попадали в плен к маньчжурам. И, несмотря на это, некоторые из русских людей всё же умудрялись добираться по Амуру до далёкой земли гиляков, то есть – острова Сахалин, и даже оседали там.

К тому же, очень многое в исследованиях русских землепроходцев на Дальнем Востоке оставалось неизвестным … из-за нехватки бумаги. На Руси 17 века все «начальные люди» от московских дьяков до приказных и целовальников самых отдалённых острожков и зимовьёв обязаны были вести различные учётные книги. На местах особое внимание уделялось составлению так называемых «ясачных книг», в которых вёлся поимённый учёт собранной дани/ясака/, «записных книг» - по учёту десятинной пошлины, собранных при различных сделках, «книг судовых запасов», в которых вёлся учёт расхода полотна на паруса, пеньки и бечевы, якорей и различного инструмента, используемого при строительстве морских и речных судов и т. д. Велись, также, книги, в которых фиксировался расход «зелья»/пороха/ и свинца на пули или регистрировались «известные челобитные» и судебные дела. Однако казна далеко не всегда обеспечивала «начальных людей» бумагой для ведения всех этих книг. В те времена бумага ввозилась из-за границы и потому её часто не хватало. Отписки и челобитные русских казаков, осваивавших Сибирь и Дальний Восток, полны жалоб именно на нехватку бумаги. На это жаловались и Семён Дежнёв, и Михаил Стадухин, и многие другие землепроходцы. Очень часто из-за нехватки бумаги путешественники вынуждены были предельно кратко сообщать о своих замечательных географических открытиях.

И всё-таки, несомненно одно: все походы, совершаемые русскими людьми с начала 50-х годов 18 века не прошли даром, особенно – для русской картографии. Активный участник этих походов Стенька Поляков, который в августе 1652 года ушёл от Ерофея Павловича Хабарова служить в низовьях Амура «своей головой», смог не только собрать богатые сведения о Сахалине и первым из русских на Дальнем Востоке поведать о далёких японцах – народе «чижем», но и представил чертёж Сибири, где был изображён Амур с притоками и остров Сахалин.

Тогда же, во второй половине 17 века, в Тобольске стали создаваться общие чертежи Сибири, на которых Сахалин стал показываться в виде

маленького островка в самом устье Амура. Первые такие чертежи появились в 1667 году.

По мнению многих историков, есть основание предполагать, что первый общий чертёж Сибири с изображением Сахалина попал в 1673 году в Амстердам, а в 1687 году там была отпечатана знаменитая карта Татарии Н. К. Витсена, оттиски которой в 1691 году, в марте, были отправлены одновременно в Россию и Англию. Конечно, изображение Сахалина на карте Витсена было ещё весьма примитивным: остров там показан в виде небольшого треугольника. По-видимому, такое представление было заимствовано с каких-то русских чертежей, составленных на основании рассказов жителей Приамурья, нередко называвших Сахалин «трёхмысовым островом». Вероятно под «тремя мысами» имелись в виду северная и южная оконечности острова, а также мыс Терпения, достаточно отступающий от основной островной части Сахалина. Именно благодаря русским первопроходцам остров только начинал обретать в сознании людей свои истинные границы.

Честь освоения восточных берегов Охотского моря тоже выпала на долю русских казаков и первым на Камчатку попал коч Федота Алексеевича Попова, вместе с Семёном Дежнёвым показавшим в 1648 году всему миру, что Азия отделена от Америки проливом и не следует принимать обе части света за один материк. О подвиге Семёна Дежнёва и Федота Попова долгое время в Европе не знали, хотя в Сибири память о них переходила из поколения в поколение. Так получилось, что во время этого великого путешествия кочи мореплавателей разбросало штормом, и Дежнёв с товарищами оказался на Анадыре, а Попов – на Камчатке. Позже, в конце 17 века, из Анадырского острога, основанного Семёном Дежнёвым, казаки настойчиво стали продвигаться на юг, и теперь известно, что самые ранние походы русских на Камчатку относятся к 1686-1688 годам. Это отряды Ивана Голыгина, Василия Кузнецова, Луки Морозко, а исторический поход Владимира Васильевича Атласова в 1697-1699 годах закрепил успехи русских и именно Атласов основал на Камчатке первые остроги.

С шестьюдесятью служилыми людьми в начале 1697 года Атласов вышел из Анадырска к устью реки Пенжины, откуда первые две недели шёл к югу вдоль западного берега Камчатки, а затем, повернув к востоку, вышел на восточный берег Камчатки у реки Олютора. Разделив здесь свой отряд на две части, он послал одну из них к югу вдоль восточного берега Камчатки, а сам отправился со второй на западный берег к устьям рек Полак, Тигиль и Камчатки, куда и дошёл 18 июня 1697 года. Встретившись здесь с камчадалами, Атласов направился вдоль западного берега Камчатки дальше на юг к устью реки Голыгиной. Отсюда он видел остров с вулканом Алаид – самый северный в Курильской гряде, названный позднее его именем.

Несомненно, что Федот Алексеевич Попов не мог не видеть во время своего плавания хотя бы первого Курильского острова. И, наверное, он рассказал бы об этих островах, если бы остался в живых, но первое

упоминание о Курильских островах и Японии принадлежит Владимиру Атласову, в 1700 году записавшему в своём отчёте: «А против Первой Курильской реки, на море, видели вдали, как острова кажется, и иноземцы сказывают, что подлинно там острова есть, и на тех островах города каменные, и в них люди живут царственные, а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют». С тех пор интерес к Курильским островам значительно возрос.

Несмотря на свои организаторские способности, силу духа и неоспоримые заслуги перед отечеством, Владимир Атласов оказался жестоким человеком, и в 1711 году среди казаков вспыхнул бунт, закончившийся его гибелью. После бунта казаки избрали своим атаманом Данилу Анцыферова, а есаулом – Ивана Козыревского, которые и возглавили восстание. Под их руководством казаки продолжали служить на Камчатке и собирали ясак. Проведывая всё новые места, они вскоре сообщили сибирскому воеводе об убийстве нелюбимого и жестокого приказчика, и, желая оправдаться перед сибирскими властями и памятуя о пользе государственной, решили просить разрешения отправиться на приобретение новых земель, лежащих к югу от мыса Лопатка, являющегося оконечностью Камчатки. О землях этих слышали они от местных жителей.

Отсюда на байдарах смельчаки в 1711 году переправились на первый курильский остров – Шумшу. «На сем острову живут иноземцы, званием Курила. И на дальние острова, которые ходят и те головы свои бреют до затылку по тамошнему обычаю и кланяются на коленках. Також из дальних островов приходят ради покупки бобров и лисиц, и орлов, и орлового перья». Так описал Козыревский первые впечатления об острове, дальше которого они в тот год не пошли. 29 сентября 1711 года путешественники возвратились в Большерецк, на Камчатку, и этот день считается датой открытия жемчужного ожерелья Дальнего Востока – Курильских островов, а отчёт Козыревского – первый письменный документ о посещении Курил.

В феврале 1712 года Данила Анцыферов с 25 служилыми был убит камчадалами на реке Аваче, но Иван Козыревский не отказался от затеи побывать на Курильских островах и в 1713 году во главе 55 служилых и 11 камчадалов ещё раз отправился «для проведывания морских островов и Японского государства». Козыревский на этот раз посетил два острова – Шумшу и Парамушир/возможно, побывал и на третьем – Онекотане/. Он составил «чертёж как Камчадальского носу, такоже и Морским островам, коликое число до Матмайского и Нифона островов неведомо…», и собирал ясак, по тем временам невиданный.

Здесь стоит упомянуть несколько слов об Иване Козыревском, как о незаурядной личности, прожившего богатую на события жизнь. В 1717 году Козыревский постригся в монахи и стал монахом Игнатием в Успенской обители – между устьем реки Камчатки и Нижнекамчатским острогом, но однажды неосторожно высказавшись об убийстве Владимира Атласова и о властях на Камчатке, впал к ним в немилость и его арестовали.

В Якутске Козыревскому удалось оправдаться, и в 1721 году он строил Покровский, а в 1722 году Спасский монастырь. Затем он опять попался – присвоил деньги, и в том же Спасском монастыре был посажен на цепь. В 1724 году он бежал, а после побега просился на Курилы и в Японию. В Якутске 6 июня 1726 года с ним беседовал сам Витус Беринг! Козыревский представил Берингу историю проведывания Камчатки, Курил и чертёж Камчадальского носа с Морскими островами, но в экспедицию его не взяли. Вместо Курильских островов Козыревский на судне «Эверс» в 1727-1729 годах ходил по Лене до устья. В 1730 году он поехал в Москву, там добился у сената решения о постройке Успенского монастыря на Камчатке и об ассигновании на это 500 рублей, а затем опять всплыло дело об убийстве Атласова, и как ни доказывал Козыревский, что он хотя и был в заговоре, но сам никого не убивал, ничего не помогло. Оказавшись в Московской тюрьме, он скончался там 2 декабря 1734 года.

После путешествия Атласова походы русских людей из Якутска на Камчатку стали обычным делом, но все они были сухопутными вдоль берега Охотского моря, в обход Пенжинского залива, и требовали много времени. От Якутска до Анадырского острога только шли полгода! Да и, кроме того, такие путешествия были очень трудны как для самих путешественников, так и для местных жителей, которым приходилось обеспечивать приезжающих всем необходимым. С 1703 по 1716 год по дороге из Анадырска на Камчатку погибло около двухсот человек, поэтому возник вопрос об отыскании морского пути на Камчатку.

В 1713 году Пётр 1 подписал указ об отыскании морского пути на Камчатку, повелев прислать из Петербурга в Охотск опытных мореходов и кораблестроителей, выходцев из Охотска. По размаху принимаемых правительством мер можно было судить о том значении, какое придавалось регулярному мореплаванию из Охотска на Камчатку и обратно. В состав экспедиции вошли: начальник Кузьма Соколов, опытные мореходы во главе с Никифором Треской да 21 служилых с пятидесятником Михаилом Кривоносовым. Экспедиция прибыла в Охотский острог 23 мая 1714 года и весь 1715 год ушёл на постройку лодьи «Восток», длина которой была восемь с половиной саженей, ширина три, осадка три с половиной фута. Эта лодья – была первая, построенная в Охотске, да и вообще на всём море-океане Восточном русскими мастерами-кораблестроителями.

В июне 1716 года экспедиция отправилась в неизвестный путь, не без приключений всё-таки добралась до Камчатки, зазимовала там, а в мае 1717 года пустилась в обратный путь, прибыв в Охотск 8 июля. Морской путь на Камчатку был открыт. А. С. Пушкин писал об экспедиции Соколова-Трески: «Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно, экспедиции следовали одна за другою, и искать неведомые земли стало проще, для чего необязательно было совершать путешествие до Анадырского острога, а потом ехать через всю Камчатку».

В 1719 году по указу Петра 1 снаряжается экспедиция, в которой впервые участвуют геодезисты, окончившие курс наук в Морской академии, первые флотские офицеры, прибывшие на Тихий океан – Иван Михайлович Евреинов и Фёдор Фёдорович Лужин.

В открытой инструкции от 2 января 1719 года говорилось: «Ехать вам до Тобольска и от Тобольска взять провожатых ехать до Камчатки и далее куды вам указано. И описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно зделать не только сюйд и норд, но и ост и вест, и всё исправно на карту поставить». Кроме того, геодезисты имели секретную инструкцию – «… и далее куды вам указано». Курильские острова были особым предметом их исследований.

Плавание было совершено на той же самой соколовской лодье «Восток». Она вышла из Охотска в сентябре 1720 года под командой Кондратия Мошкова и Андрея Буша, благополучно подошла к берегам Камчатки и зазимовала в реке Иче, а ранней весной перебралась в Большерецк.

22 мая 1721 года экспедиция покинула Большерецк и направилась к шестому острову Курильской гряды. Описания этого плавания не сохранилось. О нём можно судить лишь по некоторым документам да по составленной карте. Ясно одно: экспедиция осмотрела первые шесть островов. На острове Райкоке искали таинственную серебряную руду, о которой доносил в своё время Козыревский, пытались найти эту руду на следующих островах, а может быть, отыскивали морской путь в Японию. Геодезисты осмотрели острова Матуа, Расшуа, Ушишир, Кетой и стали на якорь у острова Симушир. Штормом сорвало лодью с якоря, долго носило по морю и на седьмые сутки принесло к острову Парамушир. Ничего больше не оставалось делать, как идти на Камчатку. В конце июня лодья пришла в Большерецк.

Двадцать лет потребовалось для того, чтобы освоить Камчатку, проложить туда морской путь и нанести на карту Курильские острова, открытые Иваном Козыревским.

В 18 веке наступление русских на Востоке России успешно продолжалось. За кратчайший исторический срок, менее чем за одно столетие, русские землепроходцы сумели пройти всю Сибирь, выйти к берегам Тихого океана, обосноваться на севере Сибири и завершить свои походы крупнейшим географическим открытием Федота Попова и Семёна Дежнёва, подтвердившим предположение, что Азия отделена от Америки проливом.

Но требовалось завершить и научно обосновать все открытия первых землепроходцев в 17 веке. Сведения о великом географическом открытии Дежнёва и Попова в течение длительного времени были похоронены в сибирских архивах. Учёные в России и в Европе не имели ясного

представления о том, соединяется ли Азия с Америкой или между ними есть пролив и, следовательно, возможно ли плавание из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Слухи о Японии, Курильских, Шантарских островах, о близком соседстве Америки с российскими владениями доходили до Европы и требовали подтверждения. Россия была жизненно заинтересована в этом. И Пётр 1 незадолго до своей смерти, 23 декабря 1724 года подписывает указ о снаряжении экспедиции, которую должен возглавить офицер русского флота Витус Ионссен Беринг. Причём, в 1724 году Беринг по неизвестным причинам вышел в отставку в звании капитана 2-го ранга, но вскоре специальным указанием Петра был возвращён на флот с чином капитана 1-го ранга.

Экспедиция отправилась из Петербурга в Охотск в начале 1725 года, а прибыла туда только в январе 1727 года. Летом 1727 года спустили на воду построенный в Охотске шитик «Фортуна», другое же судно, названное «Святой Гавриил» - в июне 1728 года. В июле 1728 года экспедиция вышла в море и направилась к устью Анадыря.

Войдя в пролив, называемый теперь Беринговым, и достигнув широты 65градусов 30 минут, Беринг 13 августа собрал совет офицеров, чтобы обсудить, что делать дальше. Из-за густого тумана при прохождении пролива с судна не был замечен американский берег, поэтому нужно было принять решение о дальнейших планах экспедиции.

На совете лейтенант М. П. Шпанберг, назначенный помощником Беринга, предложил плыть на восток до 16 августа и затем повернуть обратно, считая, что если и дальше нигде не будет видно американской земли, то, следовательно, она не соединяется с азиатской.

Другого мнения придерживался лейтенант А. И. Чириков, второй помощник Беринга в этой экспедиции, который настаивал на плавании вблизи берега до тех пор, пока судно не подойдёт к устью Колымы. В этом случае было бы совершенно точно доказано существование пролива между Азией и Америкой. Но начальник экспедиции послушался совета Шпанберга, и «Святой Гавриил», добравшись до широты 67 градусов 18 минут, то есть, находясь уже в Чукотском море, повернул обратно.

В проливе между Азией и Америкой судно снова застиг густой туман, и увидеть берега Америки на этот раз тоже не удалось. В проливе был открыт остров Диомида/на самом деле там два острова и скала; другое их название – острова Гвоздёва/.

1 сентября экспедиция возвратилась в Нижнекамчатск, где и зазимовала. В следующем году Беринг предпринял ещё одну попытку пройти на восток в поисках земли, о которой он слышал от Козыревского, когда был на Камчатке, но помешали сильный ветер и туман. Беринг дошёл морем до Большерецка, а оттуда 23 июля 1729 года прибыл в Охотск. В марте 1730 года после пятилетнего отсутствия экспедиция возвратилась в Петербург.

Несмотря на то, что экспедиция не разрешила окончательного вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой, значение её было

велико. Беринг представил много очень интересных этнографических сведений о якутах, чукчах, камчадалах, коряках. Экспедиция произвела несколько точных астрономических наблюдений и составила карту Чукотки на основе достоверных данных. В течение пяти лет в судовом журнале накопилось не малое свидетельство о географических открытиях, но труднообъяснимая особенность записей в нём состояла в том, что моряки «Святого Гавриила», за редким исключением, не присваивали собственных названий всем впервые увиденным или положенным на карту географическим объектам, а предпочитали описательные названия: «зюйдовый угол острова высокого, горы каменная» и т. д. Совершенно естественно, что более поздние мореплаватели, в том числе и иностранные, ошибочно считая себя первооткрывателями, давали этим же географическим объектам свои названия…

Первая экспедиция Беринга была разведкой, прологом к дальнейшим исследованиям Северо-Востока Азии. Сам Беринг хорошо это понимал и писал по возвращении, что «Америка, или иная, между оной лежащая земли, не очень далеко от Камчатки…

Не без пользы было, чтоб Охотской или Камчатской водяной проход, до устья реки Амура и далее, до Японских островов, выведывать…

Ежели за благо разсуждено будет, северные земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены, к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путём выведывать».

В этих словах Беринга заключается суть его проекта, поданного по прибытии в Петербург в Адмиралтейств-коллегию и озаглавленного «О мерах к устройству Охотского края и Камчатки, о проведывании пути к Америке и Японии для учреждения с оными странами торговли и о проведывании северного берега Российской империи между Обью и Леной».

В проекте Беринг предусматривал многие мероприятия по устройству Охотско-Камчатского края и Чукотки и выдвигал требование о создании сильного военного и торгового тихоокеанского флота, предполагал устройство в Охотске порта.

Проект был одобрен и 16 марта 1733 года последовал именной указ об организации экспедиции, которая теперь по праву называется Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедицией. Начальником её вновь был назначен Беринг, помощниками – прекрасно себя зарекомендовавшие А. И. Чириков и М. П. Шпанберг. Экспедиция эта являлась грандиозным предприятием, общий состав участников её доходил почти до шестисот человек. Главный отряд, называемый иногда Второй Камчатской экспедицией, под непосредственным руководством Беринга и Чирикова должен был отправиться к берегам Америки и исследовать северную часть Тихого океана; отряд, руководимый Шпанбергом, описать Курильские и Шантарские острова, а затем идти к Японии и постараться завести с японцами дружественные сношения. Кстати, вместе с Берингом в плавание отправился натуралист Стеллер, благодаря которому впоследствии и была названа

небезызвестная всем морская корова, а также в отряде находился будущий известный исследователь Камчатки С. П. Крашенинников.

Беринг прибыл в Якутск в октябре 1734 года, ещё раньше туда прибыл Шпанберг, вскоре отправившийся в Охотск подготовить суда, а подготовка в Якутске к отправлению в Охотск всего необходимого продолжалась три года. Достаточно сказать, что для пропитания участников экспедиции требовалось в год 16000 пудов различных продуктов. Доставляли их сначала в Якутск, а оттуда в Охотск. Такие тяжёлые предметы, как, например, железные якоря и бухты каната для кораблей, приходилось распиливать или разрубать на части, перевозить в таком виде в Охотск и там снова соединять или сращивать. Тысячевёрстный путь от Якутска до Охотска таил на каждом шагу опасность. Дорога проходила горными тропами, и пробираться по ним можно было только верхом на лошадях. Таким путём перевозили все грузы. Многочисленные горные речки и реки приходилось переходить вброд. Метеорологические условия тоже были очень сложными.

Все участники Тихоокеанской экспедиции собрались в Охотске к осени 1737 года. Там под наблюдением Шпанберга были выстроены два новых судна: бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда», а также отремонтированы старые боты «Святой Гавриил» и «Фортуна», на которых Шпанберг и вышел в плавание к Курильским островам и берегам Японии 18 июня 1738 года.

К началу 18 века берега Японского моря были ещё не обследованы. На картах крайней северо-западной части Тихого океана господствовала необычайная путаница. Некоторые из них изображали восточнее японских островов несуществующую землю Гамы, другие присоединяли остров Хоккайдо к Америке, третьи отождествляли его с Камчаткой. Первое выяснение местоположения островов Японии и их частичная съёмка обязаны трудам именно Великой северной экспедиции. В мае 1739 года М. Шпанберг на трёх судах вышел из Большерецка и подошёл к берегам Японии на широте 39 градусов. Повернув к югу и не найдя никаких признаков земли Гамы, он высадился на берег под 38 градусом 20 минутами северной широты, впервые сделав попытку познакомиться с японцами, принявшими его с большим гостеприимством. Лейтенант Вальтон, командовавший другим судном экспедиции Шпанберга, подходил к японскому берегу под 35 градусом 10 минутами северной широты и обследовал его до 33 градусов 30 минут северной широты. В 1742 году Шельтинг – третий участник отряда Шпанберга – подошёл к восточному берегу острова Сахалин на 50 градусе 10 минутах северной широты и обследовал его до пролива Лаперуза. Эти мореплаватели совершили весьма важные для того времени географические открытия. Они нанесли на карту Курильские острова, доказали отсутствие земли Гамы, нашли путь к Японии с севера и положили на карту её восточные берега. Позднее, в 1745 году, вновь полученные материалы были использованы при составлении Академического Российского Атласа, на

котором Курильские острова, берега острова Сахалин и Японии нанесены по данным Шпанберга.

В то время как Шпанберг с товарищами уже начал свои морские исследования, на охотских верфях для главного отряда экспедиции строились двухмачтовые пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел», которые в июне 1740 года были спущены на воду, а в сентябре вышли в море. Пакетботом «Святой Пётр» командовал Беринг, а пакетботом «Святой Павел» - Чириков. Суда благополучно двигались на юго-восток, чтобы выяснить, существует ли мифическая земля да Гамы, но во время сильного шторма они потеряли друг друга из виду.

Беринг решил двигаться на северо-восток, и после трёхнедельного перехода, находясь в широте 58 градусов 14 минут, моряки увидели на горизонте высокие горы. Это была Америка.

20 июля подошли к острову Каяк/Беринг назвал его островом Св. Ильи/. На берег был послан «для сыскания гавани» Софрон Хитрово с командой из 15 человек. На другой шлюпке на остров был высажен натуралист Г. Стеллер в сопровождении казака Фомы Лепихина. В течение шести часов Стеллер сумел произвести многочисленные наблюдения, собрать богатые коллекции, сделать ценные находки.

Беринг торопился с выходом. Его беспокоил обратный путь. В ответ на нападки Стеллера он с горечью заметил: «… Мы воображаем, что всё открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как ещё далеко нам до дому? Что ещё может с нами случиться? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку не хватит…».

На рассвете 21 июля пакетбот «Святой Пётр» снялся с якоря и взял курс на юго-запад, придерживаясь берегов Америки. 26 июля прошли близко от острова Кадьяк, который был виден с судна. 2 августа открыли остров Укамок. Условия плавания ухудшились. Из-за недостатка свежей пищи появились больные, началась цинга. В конце августа умер матрос 2-й статьи Никита Шумагин. Его похоронили на одном из островов, названных Шумагинскими. Во время стоянки у этого острова впервые встретились с жителями Алеутских островов – алеутами, которые подъезжали к судну на байдарах. Несмотря на то, что времени было мало, Стеллер, Ваксель и Хитрово сумели и здесь произвести достаточно точные и подробные наблюдения.

Путь от Шумагинских островов к Камчатке становился всё более трудным. Начался сентябрь, а с ним и штормовая погода. С 8 сентября штормы почти не прекращались, а 23 сентября разразился шторм такой силы, что старый штурман Эзельберг, избороздивший все моря и океаны, признавался, что не видывал в своей жизни ничего подобного. Положение судна было тяжёлым. Большая часть команды болела, не хватало воды и продуктов, члены экипажа, даже не больные цингой, были до того измучены качкой, что не могли ничего делать. С каждой новой волной ожидали гибели судна.

Наступил октябрь. Бури не утихали, люди умирали один за другим. К концу месяца скончались от цинги и голода двенадцать человек. Тяжело заболел капитан Беринг. Он не мог подниматься, и управляли судном Ваксель и Хитрово.

Два месяца беспрерывных мучений, когда не было возможности ни лежать, ни сидеть, ни стоять, в конец измотали людей, да и смерть товарищей угнетала оставшихся в живых. Мало кто надеялся возвратиться на Камчатку. Понятна была поэтому радость, когда 4 ноября увидели перед собой прямо по курсу на расстоянии около 15 миль высокую землю. Всем хотелось, чтобы это была Камчатка. Многие даже узнавали очертания берегов.

Вечером 5 ноября пакетбот «Святой Пётр» выбросило на берег. Это был остров – теперь остров Беринга в группе Командорских островов. Стали готовиться к зимовке: нарыли землянок, запасались топливом. Остров был богат морским зверем. Больше всего пришлась по вкусу морская корова, описанная Стеллером.

Всё было подчинено единственному желанию – выжить. Но был человек, который не только выжил, но и упорно занимался изучением того клочка земли, на который волей судеб они были заброшены. Даже в этих страшных условиях учёный оставался учёным. Этим человеком был Георг Вильгельм Стеллер. Впоследствии он напишет: «Я был один, под открытым небом, должен был сидеть на земле, мне мешали холод, дождь, снег и часто беспокоили звери; у меня не было нужных инструментов, и при том, я не надеялся, чтобы когда-нибудь моя работа сделалась известной и принесла кому-нибудь пользу». А сделать он успел многое. Менее чем за год учёный собрал большой гербарий и описал 224 вида растений. Чтобы оценить это, следует напомнить, что сейчас полный список всей флоры островов насчитывает около 400 видов. Здесь же, на острове, им была написана работа «О морских животных», в которой он впервые описал легендарную морскую корову, сохранившуюся только на этих островах и впоследствии выбитую поголовно. Ныне это единственное подробное описание громадного животного.

Такие тяжёлые испытания были уже не под силу больному шестидесятилетнему капитан-командору Берингу, и 19 декабря 1741 года он скончался. «В яме/землянке/, в которой он больной лежал, песок со сторон всегда осыпался, заваливая у него ноги, коего он напоследок больше огребать не велел, сказывая, что ему от того тепло, а впрочем де он согреться не может. И так песку на него навалилось по пояс; а как скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтоб тело пристойным образом предать земле», - вспоминал Г. Ф. Миллер.

Сорок шесть человек благополучно перезимовали, а весной 1742 года из остатков пакетбота и из плавника начали строить новое судно, которое летом было готово. 13 августа вышли к берегам Камчатки, а 26 августа почти на вёслах вошли в Петропавловскую гавань, где все считали их погибшими.

Стеллер был незаурядным учёным и необыкновенно трудолюбивым человеком. После столь трудной зимовки он, будучи больным, всё же нашёл в себе силы продолжить исследования на Камчатке, где сменил Крашенинникова. Уже возвращаясь в Петербург, он успел завершить свой последний труд «Путешествие от Камчатки к Америке вместе с капитан-командором Берингом». Но силы были подорваны, и уже ничто, даже работа не смогли поддержать его. Стеллер умер в Тюмени в 1746 году, так и не добравшись в столицу и не увидев опубликованными свои труды.

Разлучившись с Берингом 20 июня, Чириков продолжал путь самостоятельно сначала на восток, а потом на восток-северо-восток. 15 июля увидели землю. В журнале Чирикова есть запись: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда ещё не очень было светло, того ради легли на дрейф; в 3-м часу стало быть землю свободнее видеть». Это была Америка. Пакетбот находился вблизи мыса Аддингтона острова Бейкер в широте 55 градусов 20 минут. Чириков послал к берегу шлюпку со штурманом А. М. Дементьевым. Она не вернулась. Искали её неделю и затем послали вторую – с боцманом Сидором Савельевым. Но не возвратилась и вторая шлюпка. Гибель посланных так и осталась загадкой.

Чириков долго ещё был у берегов Америки, но продовольствие кончалось, и 6 августа пакетбот пошёл к Камчатке. На обратном пути открыли несколько островов Алеутской гряды: Умнак,Уналашку и другие. 20 сентября с острова Адак в группе Андреяновских островов приезжали на байдарах «американцы». В начале октября был открыт остров Агатту из группы Ближних островов. Чириков, как и многие из команды, был болен. Пакетбот вёл штурман Иван Фомич Елагин. Вскоре умерли офицеры И. Чихачёв и М. Плаутин. Лишь 22 октября удалось войти в Петропавловскую гавань. Из 75 человек возвратилось 51, а из офицеров только двое – Чириков и Елагин.

После смерти Беринга экспедицию возглавил Чириков, который ходил на поиски пакетбота «Святой Пётр», был рядом с островом Беринга и не знал, что там лихорадочно готовятся, строят судёнышко, чтобы добраться до Камчатки. Так ему и не удалось найти товарищей – они добрались сами.

Героическое плавание русских моряков завершилось открытием Северной Америки со стороны Тихого океана и открытием Алеутских островов, а отряды Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции в это время заканчивали свои работы по описи всего северного побережья Сибири. Инициатор, организатор и руководитель экспедиции Витус Беринг до конца исполнил свой долг перед Родиной. На всех картах мира море, по которому он плавал, носит имя Беринга; пролив между Азией и Америкой назван Беринговым, острова, куда выбросило пакетбот «Святой Пётр», называются Командорскими, а остров, где отважный капитан-командор нашёл вечный покой, именуется островом Беринга.

Привлекая к себе пристальное внимание отважных русских путешественников, смелых и предприимчивых землепроходцев – людей, бескорыстно преданных делу служения своей отчизне, Дальний Восток начинает будоражить умы и у деятелей культуры. Желание проникнуть в дальневосточные земли морским путём высказывают в 18 веке – М. В. Ломоносов, а в 19 веке – Д. Н. Менделеев, представляя правительству свои докладные записки. Так, к экспедиции капитана Чичагова, состоявшейся в 1765 году, М. В. Ломоносов подготовил «Примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном», в которой присутствовала любопытная деталь: Ломоносов предлагал «для признания в близости земель взять со Шпицбергена на каждое судно по нескольку воронов или других птиц, кои на воде плавать не могут, и в знатном отдалении от берегу пускать на волю. Ибо когда такое животное увидит землю, в ту сторону полетит; а не видя земли и уставши опять на корабль возвратится».

Очень трогает и поэтическое высказывание Михаила Васильевича об освоении русскими Тихого океана, которое он написал в 1752 году:

«Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С брегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок».

Главное, что в его словах звучит удивительная радость: Тихий океан открывают отважные люди, которые описывают свои открытия в воспоминаниях и отображают в картах, и то, что его соотечественники побывали на краю Земли первыми – его необыкновенно воодушевляет.

Хвала неукротимому человеческому духу, и морю, и всей Природе за то, что были Семён Дежнёв и Михаил Васильевич Ломоносов, Василий Поярков и Иван Козыревский, Витус Беринг и Георг Вильгельм Стеллер! Они обессмертили свои имена только тем, что были честными по отношению к самим себе и самому главному в жизни, на свой страх и риск устремившись в неведомые дальневосточные земли. «Государству не может быть инако яко к пользе и славе, ежели будут такие в нём люди, которые знают течение тел небесных и времени, мореплавание, географию всего света и своего государства», - было записано в Регламенте Академии Российских наук в 1747 году. Будьте же честными по отношению к себе и вы, все читающие эти строки, и подумайте о том хорошем, чего вы всегда желали достичь, но по каким-то причинам не совершили этого.

Но, несмотря на подвиг отважных участников Великой Тихоокеанской экспедиции и её замечательные итоги, открытия Дальнего Востока на этом не прекратились. Историю освоения Охотского моря, его побережий в 18 веке невозможно представить и без имени Фёдора Ивановича Соймонова – учёного-гидрографа, администратора и политика, ещё в 1722 году

предлагавшего Петру 1 заняться исследованием Северо-Востока России. В своё время Соймонова приговорили к смертной казни по обвинению в государственной измене, но затем сослали на Дальний Восток. В сентябре 1741 года бывший коллежский прокурор, виднейший гидрограф и картограф России, автор крупных трудов по теории и практике мореплавания, составитель атласов Каспийского и Балтийского морей в качестве колодника прибыл в Охотский острог. Вскоре, однако, он был помилован и возвратился в подмосковную деревню. Через 11 лет вынужденного бездействия он вновь принимается за дело. На 61-м году жизни Соймонов возглавил Нерчинскую экспедицию с целью возобновления работ камчатских экспедиций Беринга. Для России в тот исторический момент стало крайне необходимо обеспечить беспрепятственные плавания по Амуру и морем к Охотскому и Удскому острогам. Предстояло войти в контакт с жителями новых, неизвестных ещё мест, и склонить их в подданство российское.

Кстати, русские казаки, собирая с местного населения ясак, в то же время брали их под свою защиту от японских и американских браконьеров. Многие айны, например, уже во время плавания Шпанберга в 1739-40 годах были обращены в христианство. По ревизии, проведённой в 1781-87 годах, все айны Курильских островов считались православными.

Особые интересы царского правительства на Дальнем Востоке привели даже к отмене в 1779 году всяких сборов ясака с населения Курильских островов и Приамурья. «Курильцев, - писала Екатерина 11, - оставить свободными и никакого сбору с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому же не принуждать…»

Что же касается Фёдора Ивановича Соймонова, то став сибирским губернатором, он прилагает много усилий к развитию судоходства по Охотскому морю и северной части Тихого океана, изучению Курильских островов, и специализации хозяйствования на Северо-Востоке России с учётом размещения местных природных ресурсов. Вернувшись в Москву, он предлагает правительству проявить заботу об интенсификации земледелия на Камчатке.

Вообще, по праву первооткрывательства, новые земли, а также вновь открытые Алеутские острова и Шантары, вместе с островом Ионы, обнаруженным к северу от Сахалина экспедицией И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, естественно становились собственностью России. Общая их площадь поражала современников своими размерами: она составляла свыше полутора миллионов квадратных километров! Полвека спустя, в 1799 году, для освоения богатств этого огромного края по инициативе «Коломба росского», рыльского купца Григория Шелихова – человека большого, государственного кругозора, основывается Российско-Американская компания, в последующем способствовавшая укреплению позиций России на тихоокеанских берегах, а также географическому изучению и освоению этих территорий. Имея право «… на монопольное использование как прежних русских открытий в северной части Тихого океана, так и на дальнейшие

открытия, торговлю и освоение земель, не занятых другими державами, от 55 градуса северной широты на американском побережье до Берингова пролива и за оный, а также на островах Алеутских, Курильских и других», она надолго становится самым восточным российским форпостом. И хотя главной своей целью вновь утверждённая компания ставила в первую очередь получение пушнины и промысел морского зверя, она в тоже время организует заселение Алеутских островов, а также и американского побережья. С этой целью основываются прекрасные гавани: Трёх Святителей, Николаевская, Константиновская, Павловская, Деларовская, Капитанская и другие. Строится крупный порт Ново-Архангельск, закладывается крепость Росс. На огромном американском побережье от Аляски до северной Калифорнии воздвигаются десятки русских поселений, крепостей и редутов.

Предпринимая попытки завести хлебопашество, скотоводство и промыслы, компания в ещё большей степени способствует укреплению позиций России на Тихоокеанском побережье, распространяя тем самым русское влияние на всё северо-западное побережье Америки. Но только ли русские первооткрыватели обессмертили в походах свои имена, которые были увековечены на географических картах, в названиях островов и заливов, мысов и бухт дальневосточных морей?

Ещё в середине 17 века, в 1643 году, голландцем Фризом был открыт один из островов Малой Курильской гряды – Итуруп. На исходе 18 века в Охотское море заглянули англичанин Кук и американец Броутон, а в водах северной части Тихого океана, примерно в это же время, начинают появляться английские и американские купцы с промышленниками. Выменивая в русских колониях пушнину контрабандным путём и выгодно сбывая её в китайский порт Кантон, они тем самым подрывали традиционное развитие русско-китайской торговли через Кяхту. Кроме того, не довольствуясь контрабандной торговлей, американцы и англичане, снабжая местные племена порохом и свинцом, нередко подстрекали их к вооружённым нападениям на русские поселения.

Когда во Франции уже назревала Великая буржуазная революция, 1 августа 1785 года из гавани Бреста, расположенного на французском Атлантическом побережье, отправились в научное кругосветное путешествие два фрегата – «Буссоль» и «Астролябия», возглавляемые известным французским учёным Жаном-Франсуа Лаперузом, чтобы через несколько лет на картах Дальнего Востока появились имена его отважных соратников – Крильон, Жонкиер, Ламанон и Де-Лангль… Кстати, в список участников экспедиции тогда не внесли имя одного из учеников Парижской военной школы, отчего он был сильно опечален, даже разгневан, и это был ни кто иной, как Бонапарт…

Из Лоций Японского и Охотского морей, по которым тоже происходило моё знакомство с Дальним Востоком, я узнавал названия неведомых ещё мысов, островов и заливов, сравнивая их впоследствии с

увиденным… Благодаря их наименованиям здесь ощущалось постоянное присутствие бесстрашных первооткрывателей, в честь которых они были названы. В этих, казалось бы, не подходящих для французов местах именно Жан-Франсуа де Гало Лаперуз проник из Японского моря в Татарский пролив до 51 градуса 30 минут северной широты. Следуя вдоль берега Сахалина от мыса Жонкиер на юг до мыса Крильон и открыв на пути остров Монерон, Лаперуз прошёл между Хоккайдо и Сахалином к Камчатке, откуда уже повёл свои фрегаты к островам Самоа.

Именно он увековечил имена своих соратников и видных людей Франции, придавших впоследствии неповторимый колорит уголку дальневосточной природы. Обнаруженному им у юго-западного побережья Сахалина острову Лаперуз дал имя инженера экспедиции – Монерон. Залив в северной части Татарского пролива получил название благодаря морскому министру Франции – Де Кастри. Нетленный дух члена Туринской академии наук Ламанона до сих пор витает над небольшим мысом в средней части западного побережья острова. Непревзойдённой чести был удостоен капитан одного из судов экспедиции – Де Лангль. И наконец, Крийон – знаменитый французский генерал, участник Семилетней войны – своей дерзостью и умом дал повод обозначить собой на карте южную оконечность Сахалина. Имя самого Лаперуза соединило два достойных друг друга моря – Японское и Охотское.

Наличие французских имён будто обогатило эти берега, вдохнуло в них недостающую жизнь. Но чем дольше находился я там, тем более понимал, как хороши они сами по себе, в своей невзрачной, незаметной красоте.

А между тем освоение этих дальневосточных красот продолжалось, и, конечно, время требовало иных путей освоения неисчислимых богатств удивительного края. Поводом к возникновению русских кругосветных плаваний послужило неудобство снабжения российско-американских владений сухим путём, через Сибирь, и осуществили их первыми капитаны Иван Фёдорович Крузенштерн и Юрий Фёдорович Лисянский. В 1803 году два судна Российско-Американской компании «Надежда» и «Нева» вышли под командой выдающихся мореплавателей в кругосветное путешествие. Экспедиция наряду со многими гидрографическими и океанографическими поручениями должна была доставить посольство в Японию. Обогнув мыс Горн и пересекши Тихий океан, Крузенштерн 2 июля 1804 года прибыл в Петропавловск-Камчатский, отсюда – в Нагасаки, и после пятимесячного пребывания в Японии приступил к съёмке западного берега Японского моря до пролива Лаперуза, чрез который он вышел в Охотское море, продолжая съёмку южного и восточного берегов острова Сахалин.

Кстати, ещё в 1786 году, задолго до плавания Крузенштерна и Лисянского, состоялся указ о снаряжении экспедиции для плавания кругом

света. Начальником её был назначен капитан Г. И. Муловской. Но по случаю войны с Швецией и Турцией экспедиция была отложена.

Будучи определённым ещё 15-летним пареньком в Морской корпус с обычными для екатерининских времён грубыми нравами, казённой муштрой и изощрённой бранью, которые неимоверно тяжело переносились подростками и юношами, Иван Фёдорович уже в этих жестоких условиях жил мечтой о морской жизни, о боевых кораблях и дальних плаваниях, о борьбе со стихией и героических подвигах.

Впоследствии, как истинный патриот, он подавал докладные записки царю Павлу 1 о необходимости для России строить корабли на русских верфях в Балтийском море, грузить их всевозможными товарами для Русской Америки и направлять мимо мыса Горн через Тихий океан к Аляске и Алеутским островам. Разгруженные же на Севере суда должны были , по его мнению, принимать пушнину и доставлять её для продажи в Китай, где возможно также закупать китайские товары, затем суда возвращаются в Россию, огибая Африку. Для того времени это являлось необычайно смелым предложением, которое не было услышано, и только при новом царе Александре 1, бывшим даже пайщиком Российско-Американской компании, проект Крузенштерна вспомнили, сам он был вызван из Ревеля и ему предложили отправиться морем в северную часть Тихого океана для установления морской торговли с Китаем и Японией.

Иван Фёдорович тщательно готовился к дальнему плаванию. Помимо экономических целей, он предусматривал обширную научную деятельность экспедиции, а для этого поддерживал связь с Академией наук, был избран в члены-корреспонденты Академии наук и в течение всего трёхлетнего плавания присылал туда свои научные заметки и многочисленные коллекции, вёл переписки со многими русскими учёными.

Иван Фёдорович, как всякий настоящий капитан, любил и уважал русского матроса, ценил в нём умение, сноровку, смелость и выносливость – те качества, которые необходимы моряку. Перед своим кругосветным плаванием, начавшимся 26 июля 1803 года, когда «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта, он сумел выхлопотать матросам жалованье: 120 рублей в год. В те времена, когда на корабли набирали матросов из крепостных, не справляясь о их желании, это был первый и совершенно исключительный случай. Вся команда была снабжена хорошим платьем. Запасы провизии отличались прекрасным качеством и даже были взяты противоцынготные средства. Вообще, в своих докладных записках Павлу 1, Иван Фёдорович первым предлагает кроме обычных молодых дворян, принимать в морской кадетский корпус ещё по сто человек из других сословий. По мнению Крузенштерна, капитаны флота, из соображений приобретения весьма полезных для государства людей, обязаны выбирать из числа корабельных юнг/подростков/ наиболее способных для определения в корпус.

Каковы же были намерения Крузенштерна в этом первом кругосветном плавании русских моряков к Великому океану? «И так, намерение моё состояло в следующем: обозреть юго-западный и северо-западный берега Японии и определить пролив Сангарский, которого ширина по всем лучшим картам составляет более ста миль, но японцы полагают одну только голландскую милю, или четыре итальянских; исследовать западный берег острова Иессо/Хоккайдо/, отыскать остров Карафуто, который по японским картам должен находиться между Иессо и Сахалином и которого существование казалось мне весьма вероятным; описать с точностью сей пролив и исследовать остров Сахалин от мыса Крильон до северо-западного берега, откуда, если найдётся там хорошее якорное место, намерен я был послать баркас в канал, разделяющий Сахалин от Татарии, дабы, действительно, увериться, возможен или нет проход оным и определить положение устья реки Амура, наконец, пройти новым проливом между Курильскими островами севернее канала Буссоли. Таков был мой план, который удалось исполнить счастливо, хотя и несовершенно. Не нашед безопасного якорного места у берегов Сахалина, увидели мы, что посылка баркаса сделалась невозможною и внимания достойное исследование осталось неисполненным. Основательное определение западного берега Японии и пролива Сангар должно быть предоставлено пользующимся японскою благосклонностью голландцам, которым, может быть, теперь не поставлено будет в преступление, если осмотрят берега своих приятелей. Берег Кореи от 36 до 42 градуса широты, в настоящее время благодаря предприимчивости европейцев, не останется, конечно, долго в неизвестности. Торговля с населяющим оный до ныне незнакомым народом обещает такие выгоды, которых тщётно искать в Японии. Обстоятельнейшее исследование восточного берега Иессо и дальнейших к югу островов Курильских, конечно, будет довершено нашими мореплавателями».

Так писал И. Ф. Крузенштерн, так он мечтал и осуществлял свои мечты, и я глубоко признателен этому человеку за то, что он был. Я бы, наверное, отдал многое, чтобы стать участником его кругосветной экспедиции в качестве обыкновенного матроса, чтобы воочию насладиться лицезрением множества китов возле берегов южного Сахалина, где их сейчас практически встретить невозможно… «Даже и малый залив Лососей наполнен был ими столько, что с осторожностью должно было ездить на берег. Корабль наш при входе в залив и выходе из оного окружён был китами. В заливе Терпения видели мы оных едва ли не более», - писал Иван Фёдорович в своей книге «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Неве». Разве не стоит хотя бы одно это того, чтобы перенестись на двести лет раньше и оказаться с Крузенштерном и его товарищами там, в бухте Лососей, в самой южной части Сахалина?!

В отношении Курильских островов следует заметить, что благодаря плаванию Крузенштерна он открыл среди них четыре каменных острова, названные им «Каменные ловушки». Течение около них было настолько

сильное, что при свежем ветре и ходе 8 узлов корабль не только не двигался вперёд, но его даже относило на подводный риф. Теперь на карте Курильских островов можно видеть проливы Надежды и Крузенштерна, острова Ловушки – память о работе экспедиции в этом районе.

Правда, основываясь на исследованиях уважаемых Иваном Фёдоровичем Броутона и Лаперуза, считавшими, что Сахалин – полуостров, а также собственных неудачных попытках Крузенштерн тоже ошибочно пришёл к выводу, что Сахалин – полуостров и соединяется с материком низменным песчаным перешейком. Он не обратил должного внимания на старые карты Сарычева, составленные им в результате путешествия в 1785-1793 годах, на которых Сахалин был показан островом, и даже сам Г. А. Сарычев, отличающийся большой скрупулёзностью и точностью в своём «Атласе северной части Восточного океана», изданном в 1826 году, показал Сахалин/ссылаясь на Крузенштерна и доверяя его авторитету умелого мореплавателя/ полуостровом. Эта ошибка была окончательно исправлена лишь в 1849 году Геннадием Ивановичем Невельским.

Кстати, здесь следует отметить отношение Крузенштерна к названиям посещённых им островов. Иностранцы обычно давали какие-нибудь свои названия вновь открываемым островам в честь святых или покровителей. Однако, из-за плохой информации и ненадёжных определений их положения, бывало, что одни и те же острова получали разные названия, вследствие чего возникала путаница, карта была усеяна множеством несуществующих островов, которые затем постепенно стирались с неё. Крузенштерн правильно считал, что называть острова надо, по мере возможности, местными названиями, под которыми они значатся у туземцев – тогда будет гораздо меньше неразберихи. Начиная с Крузенштерна, так и делали все русские мореплаватели, которые открыли немало новых островов.

В дальнейшем, после путешествия «Надежды» и «Невы», продолжавшееся 3 года и 12 дней, в первой половине 19 столетия русские совершили ещё около 40 кругосветных плаваний – значительно больше, чем англичане и французы, вместе взятые, и многие из них, такие как Ф. Беллинсгаузен, Ф. Литке, О. Коцебу являлись участниками легендарного плавания И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского.

Героическую эпопею представляет собой также плавание к берегам Сахалина и Курильских островов Гавриила Ивановича Давыдова и Николая Александровича Хвостова. В 1802 году они поступили на службу в Российско-Американскую компанию и прибыли на Камчатку. В том же году на шхуне «Святая Елизавета» эти офицеры совершили переход в Русскую Америку и обратно. В 1802-1803 годах они составили описание островов Алаид, Парамушир, Ширинки, Маканруши, Онекотан с проливами между ними. В 1803-1804 годах они через Сибирь добрались до Петербурга, затем вернулись обратно на Камчатку, а в следующем году на судне «Святая Мария» совершили вторичное плавание в Русскую Америку.

В это время Николай Петрович Резанов – дипломат, которого Александр 1 назначил посланником в Японию для установления дипломатических отношений, один из инициаторов учреждения Российско-Американской компании, находился на Камчатке и разрабатывал план постройки большого порта на острове Уруп с тем, чтобы связать Аляску и Курильские острова с заливом Анива на Сахалине. Получив сведения, что японцы захватили острова Кунашир, Итуруп и хозяйничают в заливе Анива, Резанов, зная самоотверженность офицеров Хвостова и Давыдова, поручает им изгнать захватчиков.

В октябре 1806 года Хвостов на бриге «Юнона» подошёл к заливу Анива, высадился с небольшим отрядом на берег и обезоружил японский гарнизон. Всем японцам он предложил покинуть русскую землю и никогда не появляться здесь, кроме как в целях торговли. Обнаружив на берегу незаконно построенные склады, он сжёг их, а запасы риса и соли раздал айнам.

8/20/ октября 1806 года команда «Юноны» в присутствии большого числа айнов на берегу Анивского залива вблизи нынешнего селения Южное установила русский государственный флаг. Старшине айнского селения Хвостов выдал свидетельство, в котором говорилось: «1806 года октября 12/24 российский фрегат «Юнона», под начальством флота лейтенанта Хвостова, в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под всемилостливейшее покровительство российского императора Александра Первого, старшине селения на западном берегу губы Анивы пожаловал серебряную медаль на Владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно, как российское, так и иностранное, просим старшину сего принимать за российского поданного. Подписано: Российского флота лейтенант Хвостов. У сего приложена герба фамилии моей печать».

Весной следующего года Хвостов и Давыдов вышли из Петропавловска на судах «Юнона» и «Авось», чтобы утвердить права России на южные Курилы. Как выяснилось позднее, японцы, прослышав после приезда Резанова о богатствах открытых русскими островов, уничтожили на Кунашире и Итурупе наши государственные знаки, убили несколько зверопромышленников и всячески притесняли айнов, называвших себя русскими поданными.

На Итурупе Хвостов и Давыдов, высадившись с горсткой храбрецов, обратили в бегство японский гарнизон. Восстановив государственные знаки на Итурупе и других южных островах Курильской гряды, русские моряки отправились на исследование Хоккайдо. Побывав ещё раз на Сахалине и убедившись, что японцы туда не возвращались, Хвостов и Давыдов вышли в Охотск.

К слову будет замечено, оба отчаянных морехода – Давыдов и Хвостов, пройдя моря и океаны, несуразно погибли не где-нибудь, а в родном Петербурге в 1809 году. Давыдов с Хвостовым допоздна засиделись у друзей по Русской Америке – натуралиста Г. И. Лангсдорфа и судовладельца

Вульфе. Возвращаясь домой, мореходы не успели перейти через Неву – мост уже развели. И тут Давыдов подбил Хвостова на очередное безрассудство: давай перепрыгнем! Но друзья не рассчитали прыжка, и оба утонули в Неве, в своё время беспрепятственно преодолев необъятные пространства Тихого океана…

В 1807 году Российско-Американская компания организует вторую кругосветную экспедицию под командой капитана Василия Михайловича Головнина. 29 июня 1807 года шлюп «Диана» выходит из Кронштадтского порта на Камчатку и прибыв в Петропавловск, Головнин свыше двух лет посвящает изучению Камчатки и Русской Америки. 1 мая 1811 года «Диана» отправляется к островам Курильской гряды.

«Работы Головнина, - писал М. А. Сергеев, - составили целую эпоху в исследовании Курильских островов. Им самим и штурманами Хлебниковым и Новицким определены на Южных Курилах 34 астрономических пункта и произведены описи этих островов; до 1870-х годов Курильская гряда всегда наносилась на карту по съёмкам Головнина. Многим обязана ему историческая география островов. Он внёс окончательную ясность в порядковое исчисление и названия островов. Установленное им в полном согласии с историческими данными исчисление сохранило свою силу до сегодняшнего дня. Все названия южных островов были им проверены путём опроса населения - айнов, причём были исправлены ошибки Крузенштерна».

Производя описание этих островов, экспедиция дошла до Кунашира. Здесь в бухте, называемой ныне Залив Измены, Головнин, штурман Хлебников, мичман Мур в сопровождении четырёх матросов и переводчика-айна сошли на берег, чтобы запастись водой и продуктами, но были вероломно схвачены японцами и отправлены на Хоккайдо. Из мести за урок, полученный от Хвостова и Давыдова, японцы всячески издевались над группой Головнина, морили русских моряков голодом.

Помощник и друг Головнина лейтенант Пётр Иванович Рикорд принимал все меры к тому, чтобы спасти товарищей. Три раза на корабле «Диана» он подходил к берегам Японии. Только 23 сентября 1813 года, узнав о разгроме Россией наполеоновских войск и опасаясь прихода русских военных судов, японцы освободили русских моряков, продержав их в плену 26 месяцев и 26 дней.

Прибыв на Камчатку, Головнин сушей добрался оттуда до Петербурга. В 1817 году он был назначен снова начальником кругосветной экспедиции, которую совершил на шлюпе «Камчатка». Описание обоих путешествий и книга члена-корреспондента Академии наук, вице-адмирала, писателя В. М. Головнина о пребывании в японском плену, а также исследования адмирала, академика П. И. Рикорда явились крупным вкладом в русскую и мировую науку.

С 1825 года после того, как Российско-Американской компанией были основаны русские посёлки на Шумшу, Симушире и Урупе, начались ежегодные плавания туда компанейских судов.

В освоении природы Охотоморского побережья можно ещё выделить трудное и опасное путешествие академика А. Ф. Миддендорфа, который в 1842-45 годах на кожаной байдаре совершил смелое плавание по морю вдоль западных берегов к Шантарским островам. Во время пребывания в Охотском море Миддендорфом были собраны богатые коллекции моллюсков и других морских животных, описанные им в трудах, до сих пор представляющих крупную научную ценность. Им же были собраны хорошие коллекции по млекопитающим, птицам и пресмыкающимся. Обработка этих данных позволила составить первое представление о характере фауны побережий Охотского моря.

Интересно, что освоение прибрежной полосы и Охотского, и Японского, и Берингова морей началось именно с моря, а приобрело это изучение масштабность и систему в середине 18 века, когда энергичный и опытный офицер русского флота Геннадий Иванович Невельской в августе 1849 года привёл из Кронштадта к устью Амура парусный транспорт «Байкал».

Невельской досконально обследовал устье Амура, и после многих неудачных попыток ему удалось найти фарватер, соединяющий Японское и Охотское моря, и тем самым исправить неверное предположение своего прославленного предшественника – И. Ф. Крузенштерна, что Сахалин – полуостров. Геннадий Иванович Невельской доподлинно установил, что Сахалин является островом. К тому же им была доказана доступность устья Амура для морских кораблей и основан Николаевский пост, выросший впоследствии в главный портовый город Приморской области – Николаевск-на-Амуре.

Понимая важное значение для России прибрежных районов страны, Невельской направил экспедицию под командованием лейтенанта Бошняка для исследования побережья Татарского пролива. А вообще Амурская экспедиция 1849-1854 годов под руководством Невельского проделала огромную работу по описи и гидрографическому обследованию материкового берега Японского моря от нынешнего пролива Невельского до Советской Гавани/бывшая Императорская/, Амурского лимана и западного берега острова Сахалин. На берегу же залива Анива, в Бухте Лососей, членами экспедиции под руководством Д. И. Орлова был основан пост Корсаков – ныне крупнейший порт на Южном Сахалине.

В пятидесятых годах 18 столетия Англия, Франция, Америка и другие государства стали проявлять повышенный интерес к Дальнему Востоку. В Тихоокеанских водах стали появляться иностранные корабли. Залив Посьет впервые был обследован французами в 1852 году. Два года спустя прославленный писателем Гончаровым фрегат «Паллада» под командой адмирала Е. В. Путятина вошёл в залив. Не зная о проведённой французами работе, русские моряки исследовали и описали залив, назвав его в честь одного из офицеров «Паллады» - Посьет. Этой же экспедицией был открыт залив Петра Великого.

В 1858 году с Китаем был заключён Айгунский договор, закрепляющий права России на владения Приамурским и Уссурийским краями, и гидрографические работы на прибрежной полосе Японского моря продолжились. Большой вклад по его изучению внёс военный моряк штурман Василий Бабкин. Имея под своим командованием корвет «Новик», клипер «Разбойник», корвет «Клевала» и паровой буксир, он обследовал и изготовил точные карты огромной прибрежной полосы Японского моря с заливами Петра Великого и Татарского пролива. Сотни географических объектов получили название и были внесены им на карту, талант же писателя Гончарова осветил немеркнущим пламенем славы исследовательскую работу фрегата «Паллада».

Гораздо меньшей известностью пользуется парусно-моторная шхуна «Восток», которая была построена в 1851 году на английской судоверфи. Шхуна имела стальной корпус и парусное вооружение. Купленная русским морским министерством для исследования малоизвестных берегов Дальнего Востока, она была подвергнута реконструкции с установкой паровой машины. 6 января 1853 года шхуна вместе с фрегатом «Паллада» покинула берега Англии. Суда проделали долгий, полный опасности путь к берегам Приморья и прочно связали свою судьбу с дальневосточными морями. Им предстояло открывать новые острова, мысы, заливы и погибнуть.

Относительно малая осадка, крепкий корпус и паровая машина сделали шхуну «Восток» незаменимой на Тихом океане. С отрядом русских кораблей под командованием адмирала Путятина шхуна побывала в портах Японии, Кореи, Китая, проводила гидрографические исследования у берегов Сахалина. Шхуна первой в июле 1854 года прошла через пролив Невельского из Японского моря в Охотское, доказав его судоходность.

Около трёх десятилетий скромный корабль-труженник бороздил дальневосточные моря, участвуя в гидрографических исследованиях Японского, Охотского и Берингова морей, развозя корреспонденцию и выполняя различные поручения. В 1883 году шхуна была одним из самых старых судов русского флота, производя промеры глубин в районе архипелага островов на стыке Уссурийского и Амурского заливов, а затонула в июне этого же года, налетев на рифы во время шторма у острова Красный. По мнению краеведов, шхуна «Восток» за своё тридцатилетнее исследование морей Дальнего Востока сделала намного больше, чем знаменитый фрегат «Паллада».

К первопроходцам Сахалина, которых в полной мере можно назвать «пионерами», следует отнести и наших русских солдат, потому что они жили на острове до учреждения каторги. На солдатах, по уставу, как их прямая обязанность, лежало исполнение всех работ, которые затем несли на себе каторжане. Остров был не обжит, на нём не существовало никаких строений и дорог, и именно солдаты должны были раскорчёвывать участки под

жилища, осваивать необследованные территории сахалинской тайги, участвовать в транспортировке грузов. Нечего было и думать о какой-либо езде, скажем, верхом, а только пешком, по заваленному валёжинами лесу, через крутые сопки, сквозь густой кедровый стланик и бамбук. Основные усилия в этих нелёгких условиях ложились, таким образом, на плечи солдат.

Солдат на Сахалине служило немного, но они были разбросаны почти по всему западному, южному и юго-восточному побережью. Места их пребывания назывались постами и были, в прямом смысле, оплотами русского государства на далёком дальневосточном острове, имеющем задатки будущей колонии. В то время по всему южному берегу можно было встретить японские дома и сараи, и очень возможно, что это близкое соседство японских построек не обошлось без влияния на русские посты, на их внешность, какие-то еле угадываемые черты, которые затем так же незаметно передавались и последующим поколениям русских на острове. По воспоминаниям очевидцев посты эти имели вид поселений какого-то особенного типа, который, как ни странно, трудно было назвать чисто русским или японским, даже инородным, с налётом жизни коренных обитателей острова – айнов и гиляков, и было им присуще нечто чисто сахалинское.

В каждом посту – по десятку человек, отделённые друг от друга пространством в несколько сот вёрст, отданные под начало унтера, жили эти обители русского государства на острове совершенно дико и просто. Уединённость и значительная удалённость предполагали крайне однообразное и скучное существование. Обычно посты находились на берегу моря, куда в летние месяцы приходило судно, оставляло солдатам провиант, обмундирование, инструмент, и уходило. Изредка, может быть, раз-два в год, приезжал священник, зимою же посты были предоставлены самим себе. Какое-то оживление вносило в жизнь присутствие гиляков да несчастья: то беглые нападут, как это случилось с маяком на Крильоне в 1885 году, когда каторжники разграбили всё имущество и убили матроса, бросив его со скалы в пропасть, то какого-нибудь солдата задерёт медведь, то в пургу, которая на острове за обыденность, занесёт весь пост, а иной раз так разыграется море, что унесёт с собой людей или разрушит постройки…

Служба на острове была тяжкая. От отсутствия разнообразия, от стеснённых жилищных условий, от постоянной смены с караула в конвой, а так же на перетаску грузов, солдаты не успевали овладеть военным делом, что, в свою очередь, сопровождалось разного рода недоразумениями и выражением недовольства. Подобное положение дел скорее приравнивалось к наказанию, а за что его должен был испытывать несчастный служивый – оставалось неизвестным. Антон Павлович Чехов в своей книге «Остров Сахалин» писал, что солдаты, гоняясь в тайге за беглыми, до такой степени истрёпывали свою одежду и обувь, что однажды сами были приняты за беглых и по ним свои же стреляли.

Как это не прискорбно звучит, но про удивительный и неповторимый Сахалин, называемый сейчас многими старожилами не иначе как «остров сокровищ», во времена существования на нём каторги говорили так: «кругом вода, а в середине беда». Не замечали в нём обделённые свободой люди, к которым, в общем-то, относились и солдаты, необыкновенного простора, который он в себе всегда предполагал, и мечтали только о побеге или скорейшем возвращении на материк, хотя это было и нелегко. Причём, главным препятствием в этом видели как раз ни море, а непроходимую сахалинскую тайгу, непрекращающуюся сырость, по нескольку дней кряду метели, болота и комарьё. И всё-таки бежали, даже солдаты, поскольку не искали выхода в покаянии, - тревожила сердце не утихающая в нём жажда жизни. То, что составляет в любом человеке главное – и гнало его к свободе.

А свобода, между тем, была рядом, её просто не замечали из-за постоянной угнетённости духа и, конечно, думали, что истинное счастье – жить в России, на материке, где-нибудь в Екатеринбургской или Вологодской губернии. О Сахалине, о здешнем климате, растительности, море говорили с пренебрежительным отвращением, досадой, а о русском воздухе лесов и равнин как о недостижимом благе. Невозможно было представить, чтобы житьё на острове кто-либо воспринимал за счастье или того пуще мечтал здесь пустить корни, занимаясь исследованием необжитого края. Только бы помереть дома, а не на далёкой чужбине, у непонятного дикого моря: кому была радость тут оставаться!

А свободой был замечательный остров, который невозможно было представить без моря. Море, Татарский пролив, отделяющий Сахалин от материка, пролив Лаперуза, через который почти угадывалась загадочная Япония, сам остров, напоминающий, как утверждали те же старожилы, почему-то рыбу стерлядь, непередаваемый воздух и незабываемый климат, то нечто удивительное и неуловимое, что составляет островную суть, - всё это определяло сахалинскую неповторимость. Но нелегко и не сразу было разглядеть тайну острова, которому предназначалось быть оплотом на пути проникновения людей в ещё более таинственную страну, и потому, став сахалинцем, ты поначалу обращал внимание только на материковый берег в самом узком месте Татарского пролива, между мысами Погиби и Лазарева, что манил своей туманной полоской земли с красивыми горными вершинами и чёрным морем тайги. И разве не являлись первопроходцами все мы, жадные до приключений молодые ребята, что отправлялись в дальнюю дорогу на свой страх и риск, по существу тоже впервые открывая для себя такие притягательные дальневосточные земли, где мы надеялись обрести своё счастье, которое заключалось ни в материальных благах, а в достижении правды жизни?

Странное впечатление возникало у меня, когда я просматривал отчёты всех походов первооткрывателей на Дальний Восток: по большей части в них отсутствовал остров Сахалин. Он был всё равно как обетованная земля, находящийся сам по себе, отдельно, который и изучать надлежало как-то

отдельно, с расстановкой, предполагающей, к тому же, особый интерес… Но какой интерес тогда мог вызывать невзрачного вида остров, значительную долю времени находящийся в тумане или скрываемый за непроницаемой стеной дождя, где, казалось, ничего существенного не растёт, никто не живёт и ничего не происходит? Создавалось впечатление что остров ни у кого не вызывает достойного интереса и внимания. Зачем же он был нужен?

Продвигаясь вдоль его мрачного побережья, русские первооткрыватели и мореходы, вероятно, не предполагали в существовании острова какую-то глубоко скрытую природную идею. Они обследовали прохождение судов через Амурский лиман, пытаясь доказать судоходность Амура, северо-западную часть Охотского моря вместе с Шантарскими островами, расположение на них лежбищ морских котиков и сивучей, в конце концов – само присутствие острова Сахалин с нелюдимыми и невзрачными берегами, непонятной сутью и тайной, почти не привлекающей, но, между тем, тревожащей душу. Как будто всем первооткрывателям было дело только до высоких широт с богатыми залежами моржовых бивней, песцовыми, котиковыми и каланьими шкурами, соболем – разменной монетой при всех этих бесхитростных сделках, не имеющих в конечном итоге никакого смысла…

Да, пожалуй, так всё и обстояло, и потому, думается, что первооткрывателями больше двигало стремление наживы, а не постижения, вот отчего удивительный во всех отношениях остров Сахалин оказывался в тени, несмотря на внимание к нему таких отдельных исследователей, как Крузенштерн и Невельской. И всё-таки Сахалин явился предметом их изысканий, они видели в нём его прошлое, настоящее и будущее, поскольку научились понимать и постигать жизнь, которой, по их мнению, не могло быть без такого необыкновенного острова, как Сахалин. Именно Сахалин для них заключал тайну, суть которой они стремились разгадать, и нужно заметить – не напрасно…

Читая на картах имена первопроходцев, узнавая из книг об их отчаянных путешествиях и восхищаясь мужеством в освоении Дальнего Востока, словом, покорённый романтикой этого неподражаемого морского и сухопутного подвига, я совсем упустил из виду, что предки этих самых первопроходцев появились на дальневосточных землях ещё в глубокой древности, тысячелетия назад, и задумался я о первых людях, пришедших на дальневосточные берега… В особенности после того, как обнаружил однажды под водой, в лагуне Буссе, изделия из камня времён неолита…

Обнаруженная на дне протоки чашка, аккуратно выдолбленная из кварцита, и нефритовый топорик, изящно вытянутый, с безукоризненно отточенным остриём и пересекающими друг друга ложбинками для бичевы, которой к топорику крепилось древко, до такой степени захватили моё воображение, что я, помнится, позабыл и про напряжённую добычу трепанга,

и про сильное течение в протоке, которое мешало, постоянно отвлекая внимание, и про забавных подводных обитателей… Чашка с топориком тотчас были извлечены на поверхность, уложены на выбеленную корму кунгаса, и когда я тщательно рассмотрел свои неожиданные находки, то был поражён техникой обработки и их цветом. Чашка оказалась тёмно-бордовой, почти чёрной, а топорик – серо-зелёным, с чёрными вкраплениями, но будто светящийся изнутри. И до того мастерски выделанные, море, по-видимому, ещё более отшлифовало за тысячелетия эти каменные орудия древнего человека, отчего они выглядели уж совсем какими-то приглаженными, будто даже не настоящими. Я сидел на палубе в мокром неопреновом костюме, смотрел сквозь слипшиеся от влаги ресницы на свои чудесные трофеи и никак не мог представить себе древних людей, которые их изготовили.

Как быстро и глубоко захватило меня это дыхание неведомой древности, так что всё до сей поры самое восхитительное, связанное, конечно, только с морем, сразу отошло на второй план. Время будто остановилось, и всё в моей душе радостно замерло от ощущения, словно я нахожусь в этих местах в эпоху неолита… Моря здесь тогда, конечно, не было, оно омывало берега ещё не существующего Сахалина где-то южнее, а вот под нами, где находился сейчас на якоре промысловый кунгас, располагалась, видимо, древняя стоянка, и древние люди, может быть, ели из таких каменных чашек рыбу, и разрубали каменными топорами из нефрита крепкие кости морских животных…

Да, когда-то на этом удивительном острове жили люди, которые не знали металлов. Это были жители каменного века. Задолго до Пояркова, Москвитина, Крузенштерна и Лаперуза с Невельским они осваивали эти суровые края и, по-видимому, не уступали им в отваге и неутомимости. Вероятно, они даже превосходили наших замечательных исследователей неведомых земель в своём мужестве, были терпеливее и наблюдательнее, замечали и усваивали мелочи, на которые русские казаки-первопроходцы и вовсе не обращали внимание. Древние люди были ближе к окружающей их дикой природе, понимая её в той мере, в какой она это позволяла, а им вполне хватало дарованных ей знаний для жизни.

Однажды на западном берегу полуострова Шмидта я нашёл кремниевые пластинки, предназначенные, скорее всего, для игры или украшений, поскольку отпечатанные на них природой ещё в большей древности раковинки и веточки растений были сознательно обпилены, так чтобы изображение оказалось посередине пластинки. Поскольку кремня на Сахалине никогда не было, можно было заключить, что древние люди получали его от соседей с материка, а значит, когда-то давно, перешеек в самой узкой части Татарского пролива всё же существовал, и во времена неолита древние люди передвигались по нему, устраивая на своём пути временные поселения.

В результате археологических раскопок, производимых в Сибири, в частности – в Приамурье, стало ясно, что первые переселенцы проникли в

Азию и на Американский континент в период, когда на Амуре жили люди нижнего палеолита, выделывавшие свои примитивные орудия из целых галек кварцита. Древний человек, соотносительно идентичных находок в Сибири, Центральной Азии, на Японских островах, Сахалине, Курилах и Камчатке, видимо, постепенно передвигался из Азии в Америку, и происходило это не только через узкое место Берингова пролива, который когда-то являлся перешейком, но и по островным цепям Курил на Камчатку и далее по Алеутским островам. Большинство исследований склоняются к мысли, что впервые человек появился в северо-восточной Азии и на Американском континенте около 30 тысяч лет назад, ибо многие сибирские вещи имеют прямые аналогии с материалами древних стоянок Аляски и Алеутских островов.

Вероятно, это были племена, стоящие на относительно невысокой степени развития, которые веками вырабатывали способы защиты от холода, жажды и голода, жили просто, сравнительно небольшими общинами, и пока не являлись народом осёдлым. Обработка каменных орудий труда постепенно достигала у них совершенства, отчего и появились зачатки игры и украшательства, но вот железные предметы ещё отсутствовали.

Камень был единственным удобным материалом, из которого можно было выделывать не только орудия и различную хозяйственную утварь, но и игрушки, украшения и даже, быть может, магические знаки, с помощью которых самый просветлённый член общины помогал соплеменникам справиться с невзгодами сурового существования. Так, помимо кремниевых пластин с отпечатавшимися на них раковинками-сердцеведками, веточками папоротника, рыбьей чешуи и каких-то диковинных насекомых, на том же полуострове Шмидта, в месте, где когда-то остров, вероятно, действительно соединялся с материком, я натолкнулся на россыпь буровато-сиреневых камешков из песчаника. Были здесь и круги, и квадраты, и ромбы, и прямоугольники, и камни самой причудливой формы, явно обработанные человеческой рукой.

По тому, как они располагались на песке, было понятно, что камни находились вместе, возможно так хранились, и представляли чей-то древний загадочный интерес. Может быть с помощью их кто-то пытался гадать, возможно, они являлись набором для священнодействия какого-либо древнего шамана или ими просто играли, наподобие шашек и шахмат, не исключено также, что с помощью камней зачем-то издавали какую-то дивную музыку, - они, кстати, очень мелодично звучали… Словом, камни, как и обнаруженные на дне лагуны Буссе предметы, тоже поразили, даже заворожили, и я их до сих пор храню, иногда показываю тем людям, что приходят ко мне в гости, и у всех обнаруживаю на лице неподдельное удивление, сопровождаемое длительным молчанием… И мне начинает казаться, что те неведомые древние люди будто неслышно оказываются в моём доме, ощущаются рядом с камнями, но никак больше себя не

проявляют. Такие они древние, почти неуловимые, действительно, наверное, первыми появившиеся на берегах Охотского моря…

Азиатские племена продвигались по материку на север, вдоль побережья, и конечно, не могли миновать и Сахалин, и Курилы, по которым попали на Камчатку и далее, на Чукотский полуостров, откуда уже перебрались по Берингову перешейку на Аляску. Какими представляются эти первобытные открыватели неведомых дальневосточных земель, о которых никто не помнит и даже не упоминает? А ведь именно они, может это были люди в первобытных шкурах, неуклонно двигались племенами или в одиночку на север и восток, робко открывая для себя пугающие их поначалу земли. С нехитрым скарбом, примитивными орудиями труда и охоты, эти первые люди совершали подвиг при столкновении с неизведанным, и можно только восхититься их мужеству, отваге и великому терпению в овладении элементарными знаниями о жизни, когда их души были так незрелы. Кто же были они, действительно первыми открывшие эти таинственные земли на краю ещё более завораживающего мира великой воды, таящей совсем уже необъяснимые загадки?

Об этом остаётся только предполагать, но на основе сравнительных данных, полученных в результате исследований Сахалинского отряда Дальневосточной археологической экспедиции института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством выдающегося учёного А. П. Окладникова, проведённых на огромных пространствах всего Дальнего Востока, сейчас доподлинно известно, что культура древнейших обитателей Сахалина и Курил разделена на три периода. Первый относится ко второму и первому тысячелетиям до нашей эры, второй – с конца первого тысячелетия до нашей эры до конца первого тысячелетия нашей эры, третий этап – от конца первого тысячелетия нашей эры. По материалам двух первых этапов можно сделать вывод, что древнейшими жителями Сахалина были тончи, и пришли они, вероятно, из Приамурья и Приморья. Часть тончей ассимилировалась позднее с айнами, а большинство их, теснимое айнами и нивхами, переселилось ещё позже на Алеутские острова.

Очень сложной представляется история и айнов. Неожиданно появились они во втором тысячелетии до нашей эры на островах Охотского моря, резко отличаясь от прежних обитателей видом и обычаями. Ещё в 1565 году монах де Фроэс в «Японских письмах» отмечал: «… айны почти европейским внешним видом и густыми волосами, покрывавшими голову, густыми бородами и усами резко отличались от безбородых монголоидов». Их воинственность и выносливость, обычай женщин чернить губы, одежда, сводившаяся иногда лишь к поясу стыдливости, столь распространённому среди островитян тропической зоны Тихого океана, - всё это поражало воображение путешественников. Некоторые даже называли айнов чёрными людьми. В записках Василия Пояркова за 1644-1645 годы говорилось об острове, лежащем к востоку от устья Амура/очевидно, речь шла о Сахалине/,

о нивхах, населяющих его северную часть, и «чёрных людях», живущих на юге и называемых «куями».

По мнению профессора Л. Я. Штернберга, культура и антропологические признаки айнов сближают их с некоторыми народами Южной Индии, Океании и даже Австралии. Айны с островов, прилегающих к Австралии, переселились сперва на острова, занятые современной Японией, оттуда, вытесняемые японцами – на Сахалин и Курильские острова. Между айнами и тончами часто происходили сражения. Люди никогда не могли обрести между собой мирного сосуществования, к какому бы времени и национальности они ни принадлежали…

В более близкие к нам времена на Сахалин с низовьев Амура переселились уже эвенки, орочи и нивхи, жизненное обустройство которых представляло собой первобытную родовую общину, но и им не удалось найти здесь лучшей жизни, ибо айны, начавшие значительно раньше меновую торговлю, ушли несколько вперёд нивхов, и из всех народностей, входивших в дальнейшем в состав Российского государства, нивхи, вследствие этого, и ещё своей изолированности на Сахалине, находились на самой низкой ступени общественного развития, которое и в дальнейшем не отличалось особым ростом.

Только в период интенсивного, но хищнического забоя котиков, моржа и нерпы нивхи жили в относительном достатке, но этот достаток стал последним пиршеством уже смертельно больной нации. Повальные болезни привели к почти полному вымиранию небольшого народа. Причин было много. И прежде всего дикие семейные обычаи: с восьмилетнего возраста – свадьбы, кровосмешение, обмен жёнами. К этому примешивалось и другое зло – пьянство. Это и так называемое зюйдварение – приготовление браги из сахара, корешков папоротника, сока ягод и хмеля, курение и жевание лемешины. Здоровые дети были чрезвычайно редким явлением, у основной массы – туберкулёз, порок сердца, катар кишечника и прочие болезни. Многие дети были умственно отсталыми, учились с трудом, почти не воспринимая и не запоминая новый материал. Весь маленький народ был болен не только физически, но и нравственно, не приучен к систематическому труду, несмотря на целые поколения охотников и рыболовов, занятые промыслом по большей части сезонно, забит и безынициативен. И не помогла им даже советская власть, которая, подарив нивхам надежду на лучшее будущее, всё сделала в дальнейшем для того, чтобы его отобрать.

Как показывает жизнь во все времена: люди ленивы и не любознательны. Лень – это нежелание ставить перед собой какие-либо задачи, уж тем более – самые высокие, и добиваться их осуществления. Легче – не ставить, так спокойнее, и люди, мечтая о дальних странствиях, морях и звёздах, всё же не в силах отправиться к ним. «Все мы сидим в

сточной канаве, но лишь немногие из нас смотрят на звёзды», - сказал один мудрец. От себя добавлю, что ещё меньше находится таких, кто отправляется к ним.

Почему же так происходит? Может быть – всему своё время, и для каждого оно определено? Но отчего его не в силах определить для себя человек, хотя бы раз в жизни возжелавший открытия неизведанного?!

Невежественное отношение к собственным силам и предоставляемым жизнью возможностям – главная беда человека, призванного, между тем, развивать их, поскольку незнание всегда приносит страдание сознанию, а самодовольство умело приноровившегося к себе равнодушия не способно отличить правду ото лжи. Время, проскальзывающее меж пальцев у тех, кто его не ценит, вскоре проносится мимо них уже сплошным потоком. Становясь неудержимым, оно, в конце концов, измеряет собой тысячи потерянных для него жизней, оставляя человечеству лишь толику надежды на возрождение. Даже сама идея обладания недостижимым прекрасным журавлём, витающим в небе, становится порядком захватанной и извращённой, чтобы воспользоваться ей открыто, не вызывая намеренного сопротивления и злых усмешек тех, кто во всеуслышание презирая какой бы то ни было полёт, не перестаёт поносить упрямо воззрившихся в небо, обвиняя их в вопиющем несходстве с собой…

Время для них – источник накопления личных меркантильных достижений, спрос на которые с каждым часом неумолимо возрастает, судорожно выхваченные куски уже не лезут в рот, и только единственное желание – не отстать в накапливании материальных богатств, ещё подхлёстывает мозг в своём разбушевавшемся тщеславии. Истинная подлинность человеческой жизни ставится ими под оскорбительное сомнение, с видимым вызовом противопоставляя единственно достойному для человека пути – отчаянное множество шакалиных троп, в пустынных дебрях которых без устали рыскают их обитатели, в тайне ото всех радуясь, когда к ним попадает очередная жертва неверия в собственное предназначение.

Чтобы попробовать достигнуть давно задуманного – человеку следует самому отправиться в путешествие, то есть – стать журавлём, а не ловить большую птицу жадным взглядом, уподобляясь тем, кто превосходно обходится такой доступной синицей. Надо суметь оторваться от дома, всего привычного и устоявшегося в нём, от верного достатка на сегодняшний день и располагающий не меньшими надеждами завтрашний, чтобы, не заблуждаясь понапрасну, для какой-то глубокой человеческой потребности, понятной, быть может, пока только самому себе, взлететь в высокое небо. Но великий смысл жизни заключён не в бесконечном отрыве от земли, а лишь в допустимой возможности взлетев и хорошенько осмотревшись – приземлиться более богатым духовно.

Всё это в полной мере было присуще нашим дорогим первопроходцам – и Ивану Москвитину, и Василию Пояркову, и Семёну Дежнёву, и

Владимиру Атласову, и Ивану Крузенштерну, и Геннадию Невельскому, и именно в этом был заключён для них секрет нескончаемости любого путешествия, когда в полёте успеваешь увидеть и понять неизмеримо много. Время тогда вмещает в себя не только всю твою жизнь, но и твои мечты, а это уже значит по-настоящему б-ы-т-ь, заслуженно открывая для себя с высоты своё назначение и волю. В этом полёте незамедлительно приходит величие и простота совершаемого, позволяющие самому человеку измерить своими поступками время – либо останавливая его, либо подвигая.

Сладостные попытки открытий в длительных хождениях по неведомым дорогам правды рано или поздно приводят к глубоко желаемому, ещё небывалому. Оно, это небывалое, по моему убеждению, должно быть всегда прекрасным, потому как является самой жизнью. Выбрав надёжный корабль, следует только определить верный курс для своего большого путешествия за секретом совершенства человеческого духа. Управлению парусами предстоит овладеть непосредственно в пути.

Избирая себе дальнюю дорогу, человек не имеет права уклониться от подвига. Он должен научиться принятию разнообразия человеческих сердец и, избавившись от обременительных иллюзий, что всё рано или поздно произойдёт само собой, создать своё истинное жизнепонимание, прожив именно свою жизнь. Всё это даётся не сразу, и приходится часто сходить с дороги, оступаясь, а потом возвращаться и вновь подвергать себя испытаниям, с горячим чувством преданности переживая её крутые повороты, запахи, энергию поиска и исчезающий в нескончаемых далях морской простор.

Во имя Ивана Фёдоровича Крузенштерна, Василия Михайловича Головнина, Геннадия Ивановича Невельского и ещё многих-многих первооткрывателей неведомых земель, я и поклялся себе, что во чтобы то ни стало напишу эту книгу о прекрасных далёких краях и неизведанных морских путешествиях, потому как мы обязаны использовать всю силу наших сердец, волю и мужество, чтобы заставить поверить других людей в то, как это важно: мечтать и осуществлять свои мечты, ставить себе настоящие цели и добиваться их. Для тех, кто живёт настоящим, следует понимать – будущее невозможно без решения насущных теперешних дел, связанных с открытием себя и окружающего мира. Это так ощутимо осознаёшь, когда верен своей самой сокровенной мечте и долгу, предполагающему отдачу собственных сил во имя прекрасного будущего для всей Вселенной.

Больше всего мне хочется написать в этой книге именно о становлении души, которая по малейшим знакам угадывает свой путь к Богу. Если душа отважилась на него, ничто не сможет воспрепятствовать ей при этом: душа тогда становится сильна и целеустремлённа, она живёт в согласии с телом. И ещё с окружающей Природой, частью которой является, но должна думать в первую очередь о себе самой, о том, какой она предстанет пред Богом.

Достойно предстать пред Богом способна только развивающаяся душа, которая внемлет и звёздам, и ветру, и морю, - всему окружающему миру. Душа решается на многое, она готова пожертвовать уже существующим, устоявшимся образом жизни только ради того, чтобы узнать больше. Жить только своей внутренней жизнью и не воспринимать отголоски мудрой Вселенной, проявляющиеся во всём, значит не понимать сути жизни. А суть жизни заключена во внимательном отношении к ней, когда ты и любишь, и веришь, и терпеливо надеешься на то, что все устремления твоей души не окажутся напрасны, и, вмешиваясь в окружающую жизнь, ты преобразуешь собственную, становясь содержательнее, мудрее.

И, наверное, именно поэтому, я, простой уральский парень, проживший молодые годы вдалеке от моря, но почему-то любящий его, решился в своей жизни на поступок: отправился на Дальний Восток, ничего о нём не зная, но чувствуя манящую притягательность этой неведомой земли. Наверное, мои духовные и мысленные устремления были сродни устремлениям наших российских первооткрывателей, но ведь они шли первыми, до них никто там не был, не осмелился решиться на подобное, а я всего лишь повторял множество раз пройденный путь, хотя и впервые именно для себя, для своей неповторимой жизни. Это было, видимо, важнее всего, когда ты преодолевал собственную лень и страх, к тому же, Дальний Восток манил неимоверно, притягивая тем, чего я не ведал, но чувствовал.

Сахалин был так необычен, непохож ни на какое другое место, что мои личные воспоминания о нём, даже по прошествии многих лет, никогда не теряли своей свежести. Уже окончательно вернувшись с острова на родной Урал, я отсчитывал жизненные события не иначе, как с момента отъезда на Сахалин или возвращения с него. Я благодарил судьбу за то, что она предоставила мне возможность совершить своё главное в жизни путешествие, что я не спасовал, не повернул назад, когда стало страшно, и жажда странствий во мне ещё более обострилась. Поездка на Сахалин, работа в море, только усилили моё восприятие жизни, которая дарила на острове необычайные впечатления. Это путешествие соответствовало моему внутреннему миру и дополнило его, а самым важным в нём стал труд над собой, определяющий самые высокие цели.

Мне ни разу в жизни не приходилось бывать заграницей, и я даже не был в Петербурге, но думается, что впечатления от самого красивого города России не затмили бы увиденное на Сахалине и Курильских островах, где я обрёл зачатки истинной радости, предполагающей нескончаемо увлекательный внутренний рост. Я будто заново родился на острове, выпил приобретённое там знание до дна и стал мудрее. Придавая очень серьёзное значение своей поездке, встрече с Океаном и дикими островами, как-то незаметно возникло желание стать лучше, а главное – захотелось творить… И ещё я всегда переживал на Дальнем Востоке неослабевающее ощущение того, что и сам в какой-то мере являюсь первопроходцем, открывая в этом путешествии и себя, и неповторимый мир дальневосточной природы.

«ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»

Все мореплаватели, побывавшие в дальневосточных морях, всегда жаловались на необыкновенно густые и длительные туманы, не только губительные для судоходства, но ещё и препятствующие близкому подходу к берегам для осмотра и описи оных. Я и сам не раз испытывал подобное неудобство, когда во многих экспедициях высаживался с товарищами на берег, и составил впечатление об этом явлении как совершенно удивительном. Порой эти туманы меня пугали, если обстоятельства складывались почти безвыходными, временами же – очаровывали, чудесным образом увлекая, но одно очевидно – они никогда и никого не оставляли равнодушными.

Туман для Сахалина и Курильских островов - неотъемлемое и поразительное явление, то, без чего нельзя себе представить Дальний Восток. Это как будто волшебный занавес, за которым природа скрывает не менее волшебную землю. Туман здесь бывает такой густой и сказочно-таинственный, что, бывает, месяц с лишним пройдёт в рейсе, а судно так и не покинуло промозглой туманной пелены.

Туман повсюду и звук рынды вязнет в нём как в вате. Порой туман так плотен, что представляется, будто судно находится в каком-то тесном колодце. Это ощущение не пропадает даже ночью, и когда на палубе зажигаются прожекторы, от работающих людей на туманную стену ложатся длинные тени…

Днём туман тоже удивляет своим необычным видом и самым неожиданным появлением. Только что перед тобой было открытое море, как вдруг, прямо по курсу судна взгромоздились высокие скалистые вершины. Откуда, почему? – вахтенный штурман в ужасе бросается к карте и, затаив дыхание, пытается быстро оценить обстановку, но на самом деле вокруг бескрайние мили чистой воды… Это неожиданно надвинулась граница спустившегося не весть откуда тумана.

Бывает и так: нос судна не виден – скрыт туманом, а за кормой почти чистый горизонт. И наоборот: случается, что обозреваешь только незначительную часть палубной надстройки, на которой стоишь, вокруг же – сплошная туманная завеса. Кажется, ступишь шаг – и провалишься в бездонную серую пропасть, под которой нет даже моря.

Попадают и такие места, где туман образует круг. Внутри круга ясно и вверху виднеется безоблачное небо, а вокруг плотная белая стена. Это районы так называемых холодных морских пятен, где в результате особенно интенсивного перемешивания тёплых вод с холодными глубинными температура воды на поверхности значительно ниже, чем на окружающей акватории. Смотри не зевай, если не желаешь угодить носом в чей-нибудь проходящий рядом борт!

Иной раз механики то и дело застопоривают ход/машину/, вахта на мостике пережидает, вглядывается, вслушивается… И только убедившись, что поблизости никого, малым ходом, потихоньку, судно возобновляет продвижение в обволакивающем тумане. Порой такой туман прозрачен и лёгок, в нём даже дышится спокойнее и ничего на тебя не давит, но иногда туман просто душит, и хочется вырваться за его границы!

А что такое туман с научной точки зрения? Туманом называется скопление мельчайших, видимых глазом капель воды, взвешенных в атмосфере вблизи земной поверхности. Согласно международному определению, туман уменьшает горизонтальную видимость в атмосфере до одного километра и менее. Над водой обычно отмечают два вида туманов: адвективные туманы, вызываемые переносом тёплого влажного воздуха над холодной водной массой, и туманы испарения/морские туманы/, обусловленные прохождением холодного воздуха над относительно тёплой водой.

Сахалину присущи именно адвективные туманы, которые и в Татарском проливе, и в проливе Лаперуза, и в Амурском лимане, и вдоль восточного побережья наблюдаются преимущественно с апреля по август, чему способствуют юго-восточные и южные ветры, которые несут с юга большое количество влаги. Тёплые воздушные массы, попадая на более холодную подстилающую поверхность, охлаждаются и при этом образуются устойчивые туманы.

Число дней с туманом в разных районах неодинаково и чаще всего они возникают там, где имеются холодные течения или выходы глубинных холодных вод. В Татарском проливе – это льды, движущиеся весной с севера, со стороны Охотоморья; вдоль восточного побережья острова на юг перемещаются стылые воды Восточно-Сахалинского течения, а с северо-запада, от берегов Камчатки и, минуя Курильскую островную дугу, к южным берегам Сахалина направляется холодное течение Ойясио… Сахалин можно с уверенностью назвать туманной страной.

В здешних местах никогда невозможно предугадать: где и насколько долго застигнет тебя туман? Весной, из-за контраста температур между успевшей прогреться почвой, тёплыми потоками воздуха с юга и ещё холодным морем непроглядный туман может появиться будто из-под земли и тотчас исчезнуть, а порой над берегом всплывает лишь узкая ватная полоска тумана и держится так, изредка прерываясь, не одну милю целыми днями…

Тончайшая туманная занавеска не скрывает береговой линии, лишь придаёт ей таинственность, и хоть такой туман и жидок – всё-таки иной раз приходится обходить подозрительные буруны, одерживая бот или судно мористее. А вот когда сквозь туман пробивается солнце, но его самого пока не видно, на душе всегда становится радостно, и уже заранее знаешь: стоит только вырваться из этой лёгкой туманной завесы – и прямо по курсу откроется упёршаяся в море радуга. Вот за тем ближайшим мыском или чередой кекуров, переливаясь с одного конца моря на другой, радуга вдруг

так засияет, что на мгновение ослепит своей чистотой, и ты тоже неожиданно почувствуешь в себе сохранившуюся с детства свежесть восприятия, как казалось давно утерянную.

Какие ещё бывают туманы? Этот вопрос может показаться странным для того, кто никогда не был на Дальнем Востоке и живёт где-нибудь на Вологодчине или в Подмосковье. А между тем туманы являют собой значительное различие…

На Сахалине и Курилах туман обычно низовой, он льнёт к холодным дальневосточным водам, будто не желая с ними расставаться, и всегда создаёт какую-то особую дымку, которую на материке и не встретишь. Её тонкой, голубовато-молочной вуалью окутано всё, что тебя окружает у моря на Дальнем Востоке, но это не придаёт морскому пейзажу туманной пасмурности. Туман пронизан изнутри своим особенным светом, отчего воспринимается как нечто живое, будто только что родившееся благодаря морю обыкновенное чудо.

Чистое и белое, чудо это будто спускается с неба как чудесное облако, тогда как выше сияет солнце. Такой туман пронизан светом, он не вызывает удручённости духа и дарит предощущение чего-то радостного.

Благодаря такому туману массивные скалистые берега представляются воздушными, а вода – матово-стеклянной поверхностью, на вид вполне твёрдой, по которой можно ходить, не опасаясь, что провалишься, и постоянно не покидает ощущение, что очутившись между небом и землёй, ты находишься в каком-то взвешенном состоянии, которое очень приятно.

Парящие чайки возникают из туманной пелены будто японские бумажные журавлики, бездыханно витающие на ветру и тут же исчезая из вида. Как ни странно, в тумане не слышно их привычных жалобных вскрикиваний, стонов, и кажется, чайкам тоже удивительно приятно существовать в этом сыром и неуютном для человека мире, в котором далее двух десятков метров в любом направлении ничего не видно.

Даже лёгкие колебания непроницаемого воздуха в этом тумане начинают дышать в лицо теплом, будто идущим от близкой земли; на самом же деле – за бортом только мрачные отроги скал, источающие непреодолимый ледяной холод. Даже настырные, неопределённого цвета волны теряют свою силу у их подножия, и как будто смирённые такой неприступностью, тоже сердито замыкаются в себе, еле слышно всхлипывая. И ты понимаешь, что призрачное тепло порождено туманной дымкой…

Бывают туманы промозглые и рваные, своими грязными лохмотьями словно цепляющиеся за скалы, с неясными просветами, которые уже не радуют и не несут душе никакой доброй надежды. Эти туманы наиболее часты, по ним моряки и судят о их гибельности, а о рейсе – как надоевшем, порядком вымотавшем все силы…

… Будто утопая в стылом «молоке», судно почти беззвучно идёт вдоль скалистой береговой гряды, и постепенно начинает чудиться, будто весь мир состоит из мокрых неприступных скал, бесконечно простирающихся куда-то

кверху, в неведомую высоту, серовато-зелёных волн, лениво хлюпающих под пластиковым бортом, густой туманной пелены, окутавшей собой всё пространство, и необычно молчаливых, будто неживых морских птиц… Всё утонуло в этом безбрежно-промозглом мире тумана и воды, и пробирающая до костей въедливая сырость, кажется, выхолаживает и душу.

Часто туман возле берегов Сахалина напоминает собой чьи-то злые чары… Стоит мёртвый штиль, нет никакой надежды на ветер, который бы разогнал эти зловеще роящиеся клубы тумана, и его непроницаемость почему-то становится жуткой. По крайней мере, так начинаешь воспринимать его влажные, нерасторжимые объятия, что окутывают своей липкой плотью и, кажется, даже не дают дышать.

Вся эта белёсая сыроватая мгла производит впечатление какой-то неприятной неопределённости и держит в ожидании неведомой опасности, которую никак невозможно предотвратить. На ум постоянно идут бесчисленные подводные гряды камней, коими так изобилует западный берег Сахалина. Всё время представляется, что судно внезапно наскочит на них и разобьётся. Недаром моряки не любят туманы, предпочитая им ураганы и шторма. Неизвестность – вот что самое неприятное несут в себе коварные туманы, когда нервы до предела напряжены, все ожидают самого худшего, но ничего не происходит. От туманов можно уберечься только в результате звукового предупреждения, и оттого на особо опасных местах следования судов, как правило – на выдающихся в море мысах, исстари устанавливались колокола…

Случаются ещё туманы тяжёлые, ватные, до предела насыщенные влагой. Стоит попасть в такой туман и побыть в нём некоторое время, как одежда твоя тоже быстро становится влажной. Сквозь эти туманы абсолютно ничего не видно и не слышно, они обнимают весь мир своими ватными объятиями и будто душат. В них мгновенно гаснут любые звуки, и в какой-то момент хочется остановиться и замереть от ощущения, что весь мир пропал, и ты остался один.

Вот и на береговую растительность туманы действуют разрушающе благодаря большому содержанию соли и сырости, отчего высокие деревья почти отсутствуют, кустарники жмутся к земле, бамбук не вырастает выше пояса, да и обыкновенная трава случается не везде, и бывает, как правило, редка и худосочна. Чаще береговая линия представляет из себя облезлые камни, чёрные скалы и голый песок.

А иной раз, на такую неприютную землю опускается обыкновенная мелкая морось, будто сотканная из хмурых туманных останков непогоды. Она висит в воздухе и, кажется, не падает, поддерживаёт в нём туманные очертания прибрежных валунов, обрывистые утёсы, контуры морских птиц, которые уже покинули пространство над берегом, но ощущение их пребывания здесь осталось. Порой даже начинает представляться, что птицы и вовсе не в силах преодолеть этой скопившейся в воздухе влаги, задержались на неопределённое время и не знают, как им поступить

дальше… Туман-морось объемлет всё островное пространство, воздух над ним, море и твою душу. Если ты знаешь – зачем находишься здесь, на Краю Света, что хочешь найти для себя и чем сейчас живёшь, такой туман не одолевает тебя безысходностью и мрачным настроением, а наоборот, создаёт присутствие тайны, которую хочется разгадать.

Постоянно думаешь: вот, расступится туманная дымка и взору предстанет то, ради чего ты не побоялся приехать сюда за тысячи километров. Это придаёт всему, что с тобой происходит некое обаяние, и ты веришь, что обретёшь драгоценное знание, которое уже нельзя будет потерять. Знание заключается в умении ценить самое обыденное и неприметное – пасмурную погоду, въедливые туманы, пронизывающий холод под водой, ветер, готовый унести тебя с собой, мерный гул моря, как живое существо переворачивающееся с боку на бок, утомлённо вздыхающее… Всё это учит тебя дорожить любой жизнью, которая не бывает не интересной, если ты не посчитаешь её таковой, и ещё укрепляет веру: следует, не уставая, трудиться душой, обретая в борьбе с самим собой лёгкость воспарения обыкновенной белоснежной чайки, чтобы уже ничто не смогло удержать тебя от радостного полёта.

Туманам присущи разные цвета и оттенки… К примеру, густой туман с преобладающим в нём агатовым нежным переливом, исходящим от усыпанного камнями берега, отчего-то ненавязчиво волнует душу, вызывая незнакомое доселе беспокойство. Что-то неясное тревожит сердце, будит непонятные мысли, даже куда-то зовёт… Скорее всего, влечёт заглянуть за этот туманный цветной занавес, в сам туман: а что там внутри и за ним? Верится, что и туман, и то, что он скрывает, как и чудесные агаты, тебя не разочарует.

Бывает туман и душистым… В нём вроде бы можно даже купаться, да только об этом не мыслишь, а просто воспринимаешь его как нечто родное, движущееся тихонько на тебя и от тебя. За таким туманом хочется наблюдать, впитывать его дух, быть зачарованным этой клубящейся пахучей завесой, которая скрывает то, что почему-то воспринимается всегда знакомым и близким.

Но попробуй войти в туман и сразу почувствуешь, как он освежил душу. О том, что может быть сокрыто в тумане, забываешь: приятно само прикосновение этого туманного волшебства, его переживание рядом, возможность быть тут, на далёких дальневосточных берегах, делать неспешную морскую работу и чувствовать себя счастливым.

А порой туман такой густой и сочный, что его, кажется, можно резать ломтями. Он всё наплывает с моря, громоздится над узкой песчаной полосой, лезет по скользким камням наверх, к самой вершине, и ты ловишь себя на мысли, что воспринимаешь туман живым существом. Сразу представляется что-то сказочное в нём, а вернее – в том, кто его волшебным образом откуда-то вынимает и льёт без устали на эти дикие берега, острова и море. Что за

неведомая исполинская сила движет всем в этом царстве камней, воды и тумана?! Какими неслыханными сюрпризами она ещё располагает?

Собственные догадки тоже наплывают на тебя какими-то необыкновенными туманными клубами, и, затаившись в душе, ровно дремлют, ничего не проясняя. На туманном острове туманными становятся и помыслы, и душевные устремления. Всё незаметно подминает под себя загадочный сахалинский туман, навевая такие же расплывчатые видения и образы. Но трудно оторваться от этой белой густой пелены, и всё время кажется, что оставив – пропустишь что-то очень диковинное, дорогое.

В таком особенном тумане и сам Сахалин возникает перед глазами неким загадочным существом, остров будто парит над обступающей его голубоватой дымкой. Весь он, конечно, не обьятен для взгляда, это не какой-нибудь островок, Сахалин – огромный кит, вольготно распростёрший своё могучее тело в юго-западной части Охотского моря. Растворяясь в туманных далях, теряется у горизонта его воображаемая голубоватая спина – вершины многочисленных хребтов, высота которых, издали, кажется одинаковой. Хорошо видна только какая-нибудь часть острова, растянувшегося с юга на север на целых девятьсот сорок восемь километров, отчего начинает казаться, будто кит-остров то погружается в туманную дымку, то всплывает, и ты поражаешься его природной мощи.

Сырой расплывчатый мир сахалинских туманов очаровал мою душу. Правда, сначала он поверг её в необъяснимую растерянность и даже – тоску, но по мере узнавания – наполнял знаниями, силой и поэтикой этих северных вод, которые не могут обходиться без туманов. Туманы – лицо и душа Сахалина, его неотъемлемая замечательная суть, над которой можно гадать бесконечно и быть ей очарованным. Можно читать о туманах, слушать о них рассказы бывалых моряков, смотреть научно-популярные, очень познавательные фильмы, но действительность превосходит все ожидания, поскольку туман – это само море, море романтических тайн, звуков и переживаний, что в мгновение проникают в тебя, и ты сам становишься частью удивительного туманного мира. Так этот мир необъясним и глубок, призрачен и в тоже время реален, он – бескрайний морской парус, что, отражая в себе и воду, и небо, и воздух, движет нашими мечтами.

Туман, туман… Как не хватает его мне, оказывается, сейчас, когда я пишу эти строки и уже давно не ощущаю на себе его липучее, именно по-сахалински промозглое прикосновение, со временем оборачивающееся чем-то необыкновенно приятным. Приятны и воспоминания о сахалинском тумане, и сам туман, и то, что его порождает. Приятно просто жить, радоваться возможности бывать в таких удивительных местах и видеть то, чего никогда не увидишь, если не приложишь к этому достаточно душевных усилий.

Сложно объяснить это туманное ощущение, когда всё в твоём восприятии острова, вроде бы, сопряжено с его природной неустроенностью, а между тем она тебе приятна! Виною тому – и сырая туманная погода, не прекращающаяся порой в течение всей весны и большей части лета, и суровый серовато-дымчатый пейзаж, в котором не на чем заострить внимание, и постоянный ветер, перемежающийся с нудно моросящим дождём, и какая-то присущая этому удалённому от людей краю угнетающая тоска, когда хочется синего неба и солнца, но они не показываются, и начинаешь думать, будто солнечный свет здесь уже никогда не появится… Трудно оставаться невозмутимым, если подолгу окружают голые камни и сопки, угрюмые берега и утёсы, за которыми прячется нескончаемая туманная пелена, а всё равно что-то неуловимое ненавязчиво ублажает твоё сердце, и ты не сразу почувствуешь в себе это благостное настроение, поначалу поддаваясь лишь неустроенности сахалинской погоды. И всё-таки тебя не может не коснуться обаяние этих мест, несмотря на то, что туман часто сменяет лишь пасмурная погода и дождь.

Изредка туман будто замирает, даже затаивается, и тогда над островом устанавливаются мягкие, проникновенные дни, в которые хоть ничего и не видно перед собой более чем на дюжину метров, но всегда чудится нечто завораживающее. Звук в таком насыщенном влагой воздухе будто повисает, украдкой обволакивает предметы, но не вязнет. Шорох еле накатывающегося прибоя слышится отчётливо, шаги на прибрежных камнях разносятся на удивление громко. И тебя вдруг начинает забавлять такое пребывание в тумане, причём, он совершенно непохож на то, что ты уже узнал о нём благодаря лесу, у себя на Урале, и ты незаметно проникаешься любовью к тому, что сейчас вокруг происходит.

Туман, кажется, даже вступает с тобой в игру, пытается тебя расшевелить, если видит, что ты замкнулся, и ненавязчиво подводит к какому-нибудь открытию. Может быть - это сиреневато-дымчатый красивый камень в форме яйца, по раскраске напоминающий пасхальное, подвернувшийся под ногу, а может – маленький дикий пляж, о котором ты не подозревал и, конечно, не ждал с ним встречи, но он неожиданно появился в окружении чёрных скал и удивил своей потаённостью вместе с затейливой береговой линией… Временами же туман становится такой рельефный и густой, что его можно принять за скалистый берег…

А бывает, даже сквозь очень густой туман начинает проглядывать солнце, но ты это замечаешь не сразу. Туман потихоньку наполняется светом, звуки в нём становятся ещё более отчётливыми и уже угадываются невидимые ранее очертания береговой линии и скалистых уступов. Прибойная полоса окрашивается нежно-кремовыми разводами, над голубовато-молочной водой роится лёгкая розовая дымка, и камни у самой воды радужно переливаются. И вдруг – словно раскрывается театральный занавес, и всё вокруг обретает своё лицо… Но как было хорошо, когда туман ещё не рассеялся, а неведомый морской пейзаж оставался сокрытым!

То, что туман обычно скрывает, всегда занимает своей таинственностью. Ведь загадки диких дальневосточных берегов неисчерпаемы. Что-то, думаешь, откроется на сей раз за этим мутновато-белёсым загадочным пологом?

Случается, что так ничего и не открывается: туман стоит несколько дней кряду, даже – неделями. Вокруг – туманное море, к липковатой сырости которого просто привыкаешь. Туман не покидает тебя ни утром, ни вечером, ни ночью, и ты уже забываешь, что ещё совсем недавно хотел отправиться по этому необъятному и таинственному миру за замечательными открытиями.

И всё-таки ни одно самое красочное описание не передаст живое восприятие дальневосточного тумана и морского воздуха. Туман действует успокаивающе на человека, который по собственной воле оказался в этих недружелюбных на вид местах. Всё здесь, на Краю Света, устроено по-другому, ни как на материке, но ощущение дискомфорта это не вызывает. Чаще мне приходилось испытывать чувство неловкости в городской обстановке, среди людей; в бескрайнем же царстве воды, подёрнутом густым туманом, там, где из него выплывают неведомые острова, я себя чужестранцем не воспринимаю, и только переживаю тихий восторг единения со всем, что окружает.

Ты и морское пространство – одно целое, гигантское море вместе с бесконечными скалистыми утёсами и туманами не давлеет над тобой, не взирает сверху вниз, а приглашает войти в свою неподражаемую по глубине и чистоте обитель. Более того, море какое-то время еле слышно всплескивает у твоих ног, будто ластится, и ты не должен пропускать оказанного им тебе внимания. В такой проникновенной обстановке лучше всего оставаться самим собой, впитывать окружающую действительность до последней капли и благодарить море за его красоту и силу, а туманы – за их непредсказуемость и тайну.

Но рано или поздно наступает момент, когда однообразие тумана над морем может порядком наскучить, стать даже убийственным, но вот вдруг услышишь, как протяжно и ненавязчиво постанывают где-то морские птицы – качурки, будто управляющие в открытом море судном, и настроение сразу меняется. Море опять представляется необъятной доброй чашей, а туман – обыкновенным чудом, находясь в котором угадываешь Божественное присутствие.

«ОДИНОКИЕ УТЁСЫ»

Так уж сложилось, что одинокие утёсы или мысы на Дальнем Востоке – это всегда негостеприимные и пустынные скалы. А между мысами прячутся бухты, заметные только с моря. Чаще всего отстоящие друг от друга на километры, мысы всё же соединяются вогнутой в линию берега отвесной скалистой стеной, отчётливо отображающей пласты давно минувших геологических эпох. Когда прилив или штормовой прибой окатывают холодной пеной эту неприступную стену, она преображается и из невыразительной, бесцветной превращается в живую, будто придя в себя, вспоминая свою глубокую древность. Именно эти слои, обычно скрытые от глаз и составляющие суть скалы, и придают её очертаниям недостающее своеобразие.

Изредка, в местах соприкосновения разных эпох наружу выступают зазубренные карнизы, которые по цвету подстать своему слою. Там впору уместиться только морским птицам и они непременно рассаживаются по этим каменным полкам, чуть ли не прижавшись к друг другу. Чаще всего ими почему-то оказываются вездесущие кайры и неловкие бакланы. Выпятив вперёд грязновато-коричневые и пепельные грудки, в них между тем нет никакой горделивости, и они просто замирают так в отрешённых позах, кажется, ничего не замечая. Сверху донизу скала испещрена подтёками их белёсого помёта, и весь этот зачарованный покой нарушается лишь сиплыми завываниями ветра, да шумом прибоя. Неприступные каменные громады открыто противостоят могучему океану, который так же открыт в своём бесконечном противодействии любой преграде, возникающей на его пути…

Море веками пыталось овладеть сушей и это не могло не отразиться на ней. Именно на границе моря и суши возникает её совершенно своеобразный рельеф: то это огромные наносные террасы, то исключительно причудливый рисунок береговой линии, образующей заливы, и только мысы остаются непоколебимы под натиском метущихся морских валов, сохраняя неизменную непреклонность.

Отчуждение и одиночество отдельных утёсов, выдающихся далеко в море, хотя они и являются продолжением берега, остающегося в сравнении с мысом непримечательным, порой оказывается слишком очевидным. Так берег, обычно более приземистый в отличие от самого мыса, безнадёжно пропадает в туманной дымке, ползущей над береговой полосой. Утёсы, как военные корабли, отчаянно устремлены в морскую неизвестность: ничто их, кажется, не удерживает, но всё равно чего-то им в последний момент не хватает, чтобы окончательно оторваться от земли. Они и стремятся в манящую неизвестность, и в последний момент будто задумываются: а всё ли они должным образом исполнили на границе воды и суши? Что-то как будто позабыли, вспоминают, вспомнить не могут и потому остаются не движимы. Но уважение своей целеустремлённостью всё-таки вызывают и не дают

сидеть без дела, словом, зовут за собой, между тем, оставаясь на месте. И при этом каждый утёс живёт на свой лад.

Так воспринимаются утёсы с моря, но другое впечатление возникает, если наблюдаешь за ними, когда идёшь по береговой полосе, мучительно преодолевая нескончаемые расстояния между ними, а они всё не кончаются. На смену одному, огромному, замкнувшемуся в себе, вскоре появляется другой великан, ещё более угрюмый и таинственный, а за ним из туманной пелены выступает третий… Идёшь, и всё думаешь: откроется ли за очередным скалистым массивом нечто, способное принести долгожданное отдохновение, а может быть тебя ожидает там встреча с чем-то неизведанным? Как бы то ни было, но думы эти помогают преодолеть нелёгкий путь.

Тяжело, но интересно преодолевать расстояние между мысами, и при этом не находишь слов, чтобы передать плавные очертания бухт, сменяющих одна другую. Вроде бы, они и схожи между собой, но чем-то неуловимым отличаются. Каждая бухта отделяется от другой далеко выдающимся в море высоким утёсом, который тоже имеет свой характер.

Все морские мысы, вышедшие из-под искуснейшей руки природы, на первый взгляд почти всегда воспринимаются одинаково. Неудивительно, что иногда они страшат людей. На деле же скалистые чудовища не страшны, и удручают только своим обречённым на неподвижность существованием.

Появившись благодаря вулканическому извержению и представляющие собой языки расплавленного камня, одновременно устремившиеся к воде, мысы, по-видимому, так же в одно время когда-то и застыли. Их замершие обличья по большей части величественны и непреклонны, порой – угрожающи, но никогда эти грубые с виду, безжизненные каменные глыбы не вызывают равнодушия.

Повторяющаяся торжественность этих вздыбившихся над морем каменных изваяний не утомляет, и хочется поскорее увидеть или угадать – каким будет следующий мыс, потому что он всегда несёт в себе нечто новое. Обычно подобная игра воображения вместе с ожиданием отвлекают от однообразной утомительной ходьбы по осклизлой гальке…

Когда долго идёшь по нескончаемому скалистому берегу, то он неминуемо начинает казаться невыразительным, и способен вызвать самые тоскливые ощущения, даже если ты не можешь обойтись в своей жизни без этих серых скал, густых туманов и одичалого завывания ветра в глубоких расщелинах. Но при кажущейся схожести во всех этих монолитных горных породах, застывших так десятки, а может быть и сотни тысяч лет назад, угадывается не только чья-то гигантская суровая воля, но и поразительное своеобразие. Каждый мыс – словно занавес, скрывающий от тебя очередную долгожданную надежду увидеть что-то удивительное. Идёшь километр, другой, и начинает казаться, что вот за этим угрюмым и неприступным мысом откроется, наконец, нечто такое, что поразит внимание. Но нет – это опять угрюмый, неприступный и какой-то бесцветный в своей извечной

окаменелости мыс, скрывающий за собой бесконечную цепочку точно таких же, бесцветных, и уже порядком надоевших частей суши, выдающихся острым углом в море.

Порой скалы так угрюмы, что приходит мысль, будто в них способен заскучать сам дьявол. Редки здесь даже отчаянные вскрикиванья чаек или вопль одиноко сидящего на прибрежной скале баклана. Неизвестно откуда вдруг налетят тучей раздосадованные чем-то пернатые, с истошным клёкотом облепят верхушку молчаливого утёса и метят серыми кляксами его шероховатые бока, а внизу им вторит прибой. Массивные волны бьются в незыблемую скалу, их солёные, как слёзы, брызги летят вверх, до самых птиц, и кажется, будто морские валы тоже несут неприступным каменным отрогам мрачные слова угрозы.

Внимая этой немыслимой мелодии, и сам проникаешься какой-то неприступной твёрдостью. Взмывая над твоей головой, стаи кричащих птиц уже не кажутся ужасными, без дела орущими, и взмахивания их упругих крыльев воспринимаются как жизнеутверждающие. Заслоняющая свет серая туманная пелена расступается, незаметно привнося во всё успокоенность и мягкость. Вот когда захочется тебе взобраться на один из этих утёсов, что само по себе покажется достойным занятием, к тому же – с него можно обозреть прилегающие окрестности.

Утёс поднимается вверх на десятки метров от поверхности моря подобно какому-то сказочному собору. Такое в нём чувствуется напряжённое внутреннее содержание. Видимый на расстоянии многих миль, утёс, несомненно, вносит свою неукоснительную лепту в нескончаемый скалистый пейзаж, и атмосфера таинственности, витающая над этими пустынными берегами, только усиливается благодаря одинокому морскому утёсу.

Если утёс выдаётся далеко в море, то издалека, подёрнутый туманной завесой, он напоминает нос флагманского корабля, гордо устремившегося с рейда в очередное героическое странствие. Иногда же, освещённый редким солнцем, пробивающимся сквозь насыщенную влагой пелену, одинокий мыс воспринимается величественной грот-мачтой, увешанной разноцветными парусами. Паруса наполнены ветром, напряжены, и парусник вот-вот тронется, выйдет из тумана на чистую воду и засверкает во всей своей красе. Так и плывёт неслышно, подёрнутый золотисто-голубоватой дымкой, но подойдёшь поближе – и призрачный корвет тотчас превращается в обычную серую скалу. Всё значительное, обычно, видится на расстоянии…

Отвесные стены некоторых скалистых мысов во многих местах бывают рассечены от вершины до поверхности моря прямыми трещинами, порой очень широкими, напоминающими гигантский каменный гребень. Иные мысы стоят одинокими гладкими утёсами, кажется, навеки задремавшими, а иногда встречаются такие устремлённые, острые, что не покидает ощущение: они вот-вот рванутся в открытое море и ничто их не удержит.

Облик отдельных мысов слагают чёрные, красные, серые, желтовато-коричневые и белые пласты, которые перерезают скалы вдоль и поперёк, но

все эти краски имеют несколько приглушённый оттенок, и лишь море, вспучивая неутомимые валы, освежает скалы своей прозрачно-зелёной, чистой влагой. Зеленоватыми становятся и тучи, подсвеченные снизу водой, которые, кажется, умышленно уцепились за верхушки стометровых скалистых глыб, не желая их миновать. И тогда безмолвие этих каменных нагромождений почему-то не давит, а только скрывает их неизведанные думы и таинственные желания. Глядя на парящих в вышине чаек - в очередной раз жалеешь, что не умеешь летать, не можешь вознестись над этими геологическими эпохами, не в силах постичь могущество камня, солёное дыхание моря, едкий запах мокрого песка и морской травы…

Но зато ты можешь бывать в этих местах, видеть всё и сопереживать происходящему вокруг… А ещё стремиться больше узнать и разобраться во многих вещах, научиться не останавливаться на достигнутом, и идти в изучении жизни дальше, до конца осуществляя задуманное. Ты в состоянии преодолеть любые трудности, чтобы познакомиться с удивительным миром дальневосточной природы. В том числе – и с одинокими утёсами, всей своей завораживающей монолитностью устремившимися в безбрежность океана. Но иногда мысы, позабыв о море, замыкаются в себе, будто наслаждаясь собственной необычностью и красотой…

Взять хотя бы остров Кунашир, с охотоморской стороны, где обращает на себя внимание результат изумительного мастерства природы – скалистый утёс шестиугольной формы, мыс Столбчатый… Излившаяся порода – кварцевый андезит, при застывании образовала здесь узкие шестигранные столбы около 20 сантиметров в поперечнике. Столбы эти составляют сплошной массивный выступ, омываемый волнами моря, и поднимаются высокой стеной. Что-то наподобие гигантского природного органа, на котором морской ветер выдувает замысловатые природные мелодии.

Столбы слегка наклонены друг к другу в верхней части, веерообразно расходясь к основанию. У подножия столбчатой стены лежат в беспорядке, подобно ровно отпиленным дровам, отшлифованные бруски светло-серого цвета. Морские волны выровняли эту вымощенную каменными кусками платформу, и попав на неё, ты невольно начинаешь ощущать себя в громадном органном зале, изваянном земными недрами и морем.

Мыс Жонкиер, названный так Лаперузом в честь одного из участников его экспедиции, уже нечто совсем иное. Расположенный на западном побережье острова Сахалин, высокий и обрывистый, он образован северо-западным склоном горы высотой около двухсот метров. Со стороны мыс напоминает громадное доисторическое животное, которое задремало, опустив голову в воды Татарского пролива, но не покидает ощущение, что туловище его с высоким горбом готово в любой момент двинуться, чудовище встанет во весь рост и море расступится перед его невероятной мощью. Смотришь зачарованно - и не в силах поверить, что всё это только игра твоего воображения, так правдоподобно природа образует изваяния из камня…

А вот на северо-восточной оконечности курильского острова Итуруп взгромоздился над морем красавец-мыс Илья-Муромец, восстав из морских глубин непобедимым богатырём во имя неведомого для него самого подвига. Он стоит на страже покоя земли у Края Света непоколебимо, готовый, если понадобится, низвергнуться опять в океанские глубины. Так бы и человеку: стоять за кого или за что-то горою, несгибаемым морским утёсом, несмотря ни на что защищать, утверждая: надейся на меня, что на каменную гору или, вернее, непоколебимый морской утёс, потому как если гора только мышь родила, то утёс у моря рождает в человеке уверенность в собственных силах, твёрдость в принятии решений и понимание, что не за дальними мысами лежит счастье, а в тебе самом, если ты крепок как скала, безропотно выдерживающий нескончаемый натиск морских волн, олицетворяющих собой жизненные невзгоды и несправедливость.

«Пусть бес качает горами, только не нами, моряками», - может смело заявить любой, кто хотя бы однажды сходил в море, высаживался на диких островах у одиноких мысов, любовался их неповторимой красотой и силой. И, может быть, даже преодолевал нескончаемые километры от одного гордо выступающего в море мыса к другому, невольно заглядываясь на их величественную и непостижимую стать. Именно для них, не равнодушных к собственным возможностям людям, связавшим свою судьбу с морем, угрюмое молчание этих неприступных утёсов никогда не будет казаться беззвучным. Сквозь тишину древних, застывших отложений они всегда уловят еле приметную музыку горделивого таинственного камня, какой-то и печальный и жизнеутверждающий напев, напоминающий дыхание времени в бесконечном вселенском пространстве, у скалистых берегов Великого океана, в который первыми глядятся одинокие и загадочные утёсы…

«КАМНИ МОРЯ»

Морские камни… Что, кажется, могут принести они, кроме отрешённого любования ими? Позабыв обо всём, разглядываешь на ладони цветастый прохладный кружочек, почти не ощутимый на вес, но и не воздушный, со скрытым в себе значительным содержанием. И посещает вдруг мысль, что существует он не пустой забавы ради, так сказать, по причине случайного природного каприза, а по чьему-то неведомому и мудрому провидению, что определило ему быть вот именно таким – не больше и не меньше, со своим неповторимым оттенком, и, значит, настроением. Призван, видимо, этот камешек невидимой силой смущать души людей, вынуждая их невольно задумываться о чём-либо простом и глубоком, о чём они без него бы ни за что не помыслили.

Невидимо и почти неощутимо несёт в себе камешек свою загадку, будто ненавязчиво подзадоривая человека: а, ну-ка, отгадай мою таинственную каменную сущность! Чем я таким привлёк твоё внимание, отчего ты протянул ко мне руку и бережно положил на ладони, и почему-то трепетно и напряжённо вглядываешься в мои разноцветные прожилки, изредка подкидываешь и как-то уж особо заботливо поглаживаешь пальцами, то и дело переворачиваешь, не уставая всматриваться? Видишь ли ты во мне то, свидетелем чего явился я сам? А может быть, ты способен пойти ещё дальше в разгадывании моего далёкого прошлого?

Хорошо, оказывается, внимать обыкновенному камешку, обнаруженному у самого уреза воды: ни халцедону, ни сердолику, ни агату, и даже ни красиво раскрашенному природой песчанику, превращённому морем в плоский, переливающийся всеми цветами радуги блинчик, а простой гальке, напоминающей собой светло-сиреневое яйцо морской птицы, будто скатившееся с уступа скалы к её подножию… Из всех камней почему-то отличишь именно его, затем, подняв, ощутишь приятную тяжесть, полюбуешься, как оно безукоризненно выточено морем и, поднеся каменное яйцо к глазам, различишь, что сиреневый оттенок создают серые, бурые, чёрные, белые и голубоватые вкрапления-точки. Яйцо хоть и каменное, но настоящее, живущее своей неведомой жизнью здесь, у северного моря, особенно когда волны накатывают на берег и оно становится фиолетовым, почти чёрным… Как не взять его с собой?!

Но забрав камень, ты начинаешь замечать, что со временем он блёкнет, теряя свой внутренний свет, и даже если опустить камень в воду, он лишь на время оживает, но уже без прежней силы, которая почти растратилась. Вернее, она осталась там, на берегу солёного моря, где камень жил вместе с другими камнями долго-долго, наполняемый силой морской воды, вольного ветра и воздуха, и оторванный от родного места, он захватил только её часть, постепенно угаснув… Жизнь в нём чуть-чуть теплится, не проявляясь даже под твоим долгим взглядом, и лишь когда ты достаёшь камень из шкафа и

берёшь его в руки, он еле ощутимо откликается. Камень утратил свою силу, но находясь рядом с другими камнями, всё-таки живёт, о чём-то переговаривается с ними, особенно ночами, а под утро отрешённо замирает. Нужно ли было забирать камень с собой, лишая его своей силы?

Тогда ты об этом не думал. Тебе хотелось увезти с собой воспоминание о море, чтобы оно присутствовало хотя бы в камне или раковине, и утешало твоё разгорячённое воображение. Ты так горел путешествиями и морем, что само собой разумеющимся считалось собирать камни и яйца птиц, изготавливать чучела, составлять гербарии. Разве мог ты предположить, что камню в неволе когда-нибудь станет плохо, и он угаснет? Но может быть камни, собранные тобой когда-то на берегах дальневосточных морей и находящиеся долгое время рядом, просто постепенно отдали свою энергию тебе?

Само слово «камень», вроде бы твёрдое в произношении, несёт в себе глубоко скрытую мягкость того, из чего оно когда-то возникло. Однажды, после вулканического извержения, остынув, камень долгое время держал в себе мягкую силу, затвердевая постепенно по краям. Оболочка эта всё более затвердевала, веками нарастая, но и мягкость, сжимаясь, до конца не уходила, будто заключая в себе суть камня. Чем больше проходило времени, тем загадочнее становился камень, и тайна его скрывалась уже не за семью, а за семьюдесятью семью печатями. Эта тайна – душа любого камня, не позволяющая затвердеть ему до конца, и наполняющая его жизнью.

Какой камень ни возьми – в нём ощущается жизнь. Порой совсем махонькая, еле-еле пробивающаяся сквозь его окаменевшие бока, она всё же пульсирует в сжатых древностью каменных глубинах. Чтобы почувствовать её, нужно натолкнуться взглядом на камень, обнаружив в себе желание поднять именно его, а взяв в руки – подержать какое-то время, тихонечко поглаживая, может быть, положить в карман, даже позабыв о нём, и обнаружив – радостно удивиться произошедшей с ним перемене. Камень тоже почувствовал тебя, вернее, твоё тепло, и откликнулся на него, мягко в себе перевернувшись. Ты, конечно, не мог этого пропустить.

Отмечаешь всегда один какой-то камень, он, вроде бы, и сам показал себя тебе, удачно попался на глаза и сразу привлёк своим цветовым рисунком или необыкновенной формой. Но чтобы камень подвернулся под руку – его обнаружения следует желать точно так же, как и открытия тайны. Нужно всегда искать необычное, жить ожиданием встречи с ним и оно обязательно себя проявит. Камни в этом отношении – бесконечно разнообразное и глубоко скрытое царство, впрочем, постоянно напоминающее о себе, если ты терпелив, вдумчив и наблюдателен.

А иногда, бывает, проходит год, пять, десять, а ты ровно и не ощущаешь в найденном камне жизни: зачем однажды ты им заинтересовался, взял с собой и привёз домой из дальней экспедиции? Шероховатый, большой, желтовато-бурого или серебристо-серого цвета, он лежит у тебя дома, в шкафу за стеклом, и ровно ждёт, чтобы ты к нему прикоснулся. Для

него, видать, ещё не наступил черёд в коллекции собранных тобой когда-то на Дальнем Востоке камней, и он терпеливо прислушивается к тому, что происходит вокруг, тяжело и неспешно переваливая в себе свои неясные мысли. О чём они и как давно всё это было?

Когда-то камень образовал всю толщу земного шара, омываемую морями, и поэтому любой камень состоит из солей – соединения щёлочи с кислотою. Камень может быть как самым обыденным, вроде бы ничего полезного из себя не представляющим, так и с содержанием добываемого выплавкою металла, называемый рудою. Порой встречаются камни полудрагоценные и драгоценные, употребляемые в наряде и украшениях, имеющие особую цену. Но чаще всего попадаются просто красивые камни, воспринимаемые из-за этого необыкновенными. И хоть говорят, что с камня лык не надерёшь, и от него не может быть плода, как и от вора добра, да только любой, даже самый обыкновенный камень несёт в себе скрытую силу и загадку, а случается и такое в жизни, что откусил бы и от камня!

Чаще всего камни можно встретить на берегу моря… Любой, наверное, слышал, как морские волны перебирают разнообразные по величине и цвету камешки, и те тихонечко крокочут между собой. Волна нахлынет на берег – и камешки будто оживают, волнуются, когда же сходит – они вздыхают раздосадовано, ожидая её возвращения. Камешки не могут обойтись без моря, которое к ним тяготеет.

Если вырос камешек в крутой горе, на берегу дикого бескрайнего океана, - разве место ему лежать промеж атласа и бархата? Лучше, если он опять однажды окажется на границе суши и моря, омываемый солёной пеною и обдуваемый ветрами. Обхватят его всей своей мощью морские волны, закружат в безудержном водовороте, и камешек наполнится когда-то утраченной силой. Сила камня – в его неразделимой связи с окружающей природой, где он появился, и его омывают чистые ручьи, дожди и море, а обдувают солёные ветры. Попал камень на волю – и сразу взял силу! Ведь даже жемчуг на шее красавицы тускнеет…

Но как бы ни был крепок камень, а и его, бывает, рушат. Вот и от огня он трескается, вода же, попав в узкие щелочки на его поверхности и замёрзнув, способна и вовсе камень расколоть. Сила камня ещё и в его терпении, которого не занимать только воде, что каплей его точит, в своей частоте достигая небывалых результатов. И камень поддаётся любой настойчивости, если она велика.

Я всегда любил морские камни, отчего-то выделяя их среди других природных предметов. Это кажется странным для человека, проживающего в городе, где такие камни отсутствуют, но мне пришлось долгое время быть связанным с морем, а работать в море и не встречать самые разнообразные камни невозможно. Они – всюду, и порой обыкновенный, ещё не обсохший после ночного шторма дикий пляж совершенно преображается, зачаровывая человека выброшенными прибоем морскими дарами.

Чего только не выбрасывает море на дикие пляжи, особенно после шторма, и порой самые пустяковые находки на берегу обретают значимость бесценной добычи. Выброшенные морем предметы, уже оттого несущие в себе тайну, могут оказаться обыкновенным рыболовецким кухтылём, пластмассовым ящиком из-под пива японского производства или детской игрушкой, но когда такая штука валяется на мокром песке, ещё не обретя своего хозяина, в ней видится нечто неизведанное и манящее.

Не спеша, пытаясь унять сбивчивые удары сердца, подходишь к своей находке, уже издали завидев её приманивающий цвет или форму, и всегда пытаешься отгадать – что скрывается за ней, а приблизившись – иной раз даже вскрикиваешь от восхищения. Именно этого предмета тебе отчего-то и не доставало, драгоценней его сейчас, кажется, нет ничего на свете, и ты вот так, замечательно и просто, становишься его обладателем. В этом завораживающем поиске нет никакой жадности, только, наверное, стремление обрести то, что соединяет берег и море, составляя их чудесную суть. Сами по себе все эти находки, на взгляд многих людей, ничего интересного из себя, вроде бы, не представляют, но мною всегда воспринимались просто необыкновенными.

Даже выбеленный морской солью до цвета кости плавник, в изобилии встречающийся по берегам дальневосточных морей, я поначалу принимал за останки каких-то неведомых подводных обитателей, по воле случая оказавшихся на пустынном морском берегу. Окинешь взглядом такой берег, теряющийся в туманной дымке за дальними утёсами, и почувствуешь вдруг, как легко и надёжно укрепляется твоё сердце.

Кстати, морфологически человек мало специализирован к добыванию определённой пищи, и его исходная экологическая ниша – именно собирательство плодов, корней, раковин, яиц. Способ, конечно, малопродуктивен и требует достаточно энергии, поскольку пищевые ресурсы ограничены. Отсюда, развитая веками целеустремлённость человека в подобном поиске, неискоренимое желание, во что бы то ни стало, отыскать искомое, овладеть им и сделать навсегда своим.

Даже и не передать, как мне нравилось ходить по прибрежной полосе и рассматривать выброшенные морем предметы. В этом была какая-то особая прелесть нахождения у моря, когда живёшь рядом с ним долго, но оно не надоедает и каждый день дарит что-нибудь замечательное, если ты любознателен и неутомим. Тебя безоговорочно, хотя и ненавязчиво охватывает замечательная морская романтика, ещё с детства навеянная прочитанными книжками о пиратах, с выброшенными в морские волны бутылками, взывающими о спасении, затонувшими сокровищами погибших кораблей и подводными чудищами. Порой начинало казаться, что океан можно постигать и на берегу, причём, с не меньшим интересом, чем в море или на глубине, под водой…

Когда на море надвигался шторм, и появлялось свободное время, я всегда без устали бродил по пустынному берегу, надеясь встретить какое-

либо морское животное, птицу, забавных крабиков или причудливые водоросли. Словом, искал какого-то разнообразия при невозможности работать из-за непогоды, и этим разнообразием чаще всего оказывался тихо замкнувшийся в себе мир самых обыкновенных, а иногда - и полудрагоценных камней… При сборе морских камней очень важно иметь верный глаз, чувствовать, куда море выбрасывает красивые, необычные камни. Берега дальневосточных камней славятся самыми причудливыми камнями, и порой их встречается так много, что теряешься. Даже не захватывая камни в горсть, и не пересыпая на ладони, можно часто отыскать среди них яшму, халцедон, сердолик, агат, янтарь или просто замысловатые по форме и раскраске камни.

Самые красивые камни, которые не взять было невозможно, я находил у кромки прибоя, особенно после штормов, и лучше всего эти вылазки удавались рано поутру, когда тебя ещё никто не мог опередить, день выдавался спокойным и мягким, с нежной туманной дымкой над морем, и тогда самые ценные находки оказывались твоими. Идёшь неторопливо по укатанному прибоем песку и с удовольствием разглядываешь всё вокруг.

Почему-то интересные камни встречаются именно у самого уреза воды… Чуть глубже – уже нечто серое, невзрачное, выше – совсем обыденное, примелькавшееся, а вот у черты прибоя, особенно когда море спокойно и волны не набегают, а лишь размеренно накатывают на берег, камни будто сами стараются попасть на глаза и, освежённые водой, тихо и радостно поигрывают цветастыми боками.

Природа – мастер самых неожиданных сочетаний, и то, чего она достигает в камне – оказывается порой совершенством. Красивые, необычные камни очень редко встречаются в жильном проявлении, то есть, не бывает такого, чтобы их было рядом много и из одной породы, а скорее обнаруживаешь такой камешек в единственном экземпляре, в форме какой-нибудь небольшой, овальной и очень гладкой разноцветной галечки или пластинки. Будто маленькое сокровище, исполненное самой природой, неожиданно открывается перед тобой…

Конечно, эту красоту надо старательно поискать и поиску этому должно сопутствовать непременное везение. Постоянно находимые тобой прекрасные камни должны ждать лишь тебя, открывая себя только твоему взору.

Морские камни удивительным образом развлекают, так что обо всём забываешь. Даже не думаешь про море, которое плещется совсем рядом. Не зря, наверное, в старину верили, будто камни способны исцелять раны, лечить и успокаивать. Несомненно, в камнях заложена чудодейственная сила, скрытая, непонятная, но что-то из них, в тоже время, и излучается, особенно у тех, от которых глаз не отвести.

Тут может играть роль и форма, и цвет, и вес, и ощущения, остающиеся от прикосновения к камню, например, его мягкая гладкость. И всё же,

невидимое энергетическое излучение составляет, пожалуй, главную суть камня, суть, которую ты безошибочно угадываешь.

Несомненно, что некоторые морские камни излучают таинственный свет, а иные – невидимую энергию, еле ощутимо угадываемую человеком. Конечно, можно легко, с помощью научных доводов, объяснить это излучение законами физики, но ощущение таинственности при этом не пропадает. Трудно примириться с мыслью, что камень, излучая свет, какое-то только ему присущее тепло, не обладает своей, внутренней энергией жизни, даже – душой. Чаще всего этот каменный огонь невидим глазу, но его всегда можно угадать, какое-то время подержав камень в руке. Безусловно, что все эти цветовые, световые и тепловые особенности камня вызывают в нас загадочное чувство, а красота его кажется необъяснимой.

Хорошо и очень удобно, что большинство камней на берегу – мелкие, потому как попадают в море в результате разрушения древних террас, некогда намытых и наслоенных именно такой мелкой галькой. Так и чередуются эти отложения едва ли не с конца третичного периода, с той поры, когда на Дальнем Востоке мало-помалу затихла, наконец, вулканическая деятельность, угомонилась клокочущая огненная плоть, уйдя в глубокие недра. Более ранняя стадия образования самоцветных камешков – это заполнение в морских подушечных лавах пустот-пузырьков, из которых вышел газ массой халцедона, а уж халцедон под действием химических процессов постепенно и преобразовывался в агаты, сердолики, опалы и яшму…

У мыса Крильон – южной оконечности острова Сахалин, живут в прибойной полосе такие чудесные камни, как агаты – природный сплав кварца и яшмы, сердолика и халцедона. Неприметно покоятся они в прохладе прибрежной воды, надёжно храня в себе историю этих берегов, но стоит опуститься перед ними на колени и рассмотреть поближе, как тебя непременно очаруют их чистые и нежные краски.

Вода здесь совершенно прозрачная и каждый камешек на дне отчётливо виден, но более всего поражает обилие агатов… Они и на берегу, и под водой. Можно собирать целыми горстями, но как раз этого делать не хочется, а хочется класть их в карман по одному, каждый внимательно разглядывая и любуясь.

Сразу почему-то угадываешь самый красивый камень, как будто уже знал его давно, только потерял на время, а вот теперь, к радости своей, обнаружил. Но агатов много, и сколько бы ты не собирал их, они не кончаются, мягко крокочут под волнами, набегающими на берег, чуть слышно переговариваются. Наверное, о том, что повидали на своём долгом веку, и ещё - как им привольно живётся на стыке двух необыкновенных морей – Японском и Охотском, на берегу далёкого пролива Лаперуза.

Загадочно-дымчатые и голубоватые, белые и кремовые, им всегда присущ удивительно тонкий рисунок, который хорошо различим внутри камня даже без его распилки. Рисунок, вроде бы, является свидетельством

временных наслоений, застывших в полупрозрачной окаменелости, но иногда эти наслоения приобретают форму какого-либо реального изображения, и именно это поражает более всего. Глазки, колечки, чуть ли не рукотворные кружева можно рассмотреть в агате, но как образовалось это чудо? Тайну загадочной слоистости агата не могут раскрыть до сих пор, и она ждёт своей разгадки. Уж больно тонка её вязь, совершенны вылепленные природой образы!

Вот и опалы – туманно-молочные, изящные и в тоже время простые, нередко встречающиеся на южной оконечности острова, очень напоминают собой агаты. Чаще всего попадаются камни именно такой расцветки, но иногда натыкаешься и на беловато-сиреневые, будто слабо светящиеся изнутри. Холодный язычок еле угадываемого трогательного пламени переливается внутри камня только под солнцем, когда камень поднесёшь к глазам, в остальное же время – опалы будто затаиваются в своих туманно-нежных сонных переливах, так же затаенно ожидая чего-то загадочного и неисполнимого.

Если вам никогда не приходилось рассматривать в микроскоп шлиф агата или опала – тончайший срез камня, то вам трудно будет представить, насколько он прекрасен. Даже самый неприметный на вид камешек, подобранный где-нибудь у прибойной полосы, имеет внутри множество радужных прожилок и оттенков. Обо всём забываешь, когда держишь в руках такую легковесную, почти воздушную природную миниатюрку, отрешённо разглядываешь её, а море с шипением подкатывает к ногам, ластится, будто одобряя твой выбор…

К чудесным камням моря с уверенностью можно отнести и янтарь. Он появляется за счёт моря, хотя и не является в полной мере его продуктом. Янтарь состоит в основном из окаменелой сосновой смолы. Образование янтаря приходится на период, предшествующий раннему четвертичному. Именно тогда, 35-40 млн. лет назад, росли по берегам древнего океана сосны янтарного леса.

Можно предположить, что из всех хвойных деревьев – сосны, пихты, ели и лиственницы, сосны были особенно легкоранимы, и из мест излома выделялись целые потоки смолы, так как иначе трудно объяснить происхождение огромных запасов янтаря на Сахалине. Смола образовывала на взрослых деревьях большие комки, которые в течение миллионов лет окаменевали и затем были погребены под илом последующих морских вторжений.

Особенно крупные скопления янтаря сосредоточены на южном и юго-восточном побережье Сахалина, в районе посёлков Стародубское и Взморье. Правда, на берег волны выбрасывают значительно меньше янтаря, чем оказывается сокрытым на дне моря. Но мне почему-то приятнее сознавать, что большая часть этих драгоценных сгустков остаётся под водой нетронутым природным богатством, и, воображая себе неведомую

прохладную глубину, находящуюся под морем, отчего-то не содрогаешься, а только ещё более загораешься романтикой путешествий.

Эту окаменевшую древесную смолу на острове называют «солнечным камнем», и о нём, конечно, нельзя умолчать, рассказывая о Сахалине. Первые его находки здесь относятся ещё к середине 19 века, а заслуга в их открытии принадлежит участникам Амурской экспедиции под руководством Г. И. Невельского.

Сахалинский янтарь на редкость красив… В отличие от прибалтийского, имеющего светло-жёлтые оттенки, островной янтарь привлекает густым вишнёвым цветом, а на свету издаёт приятное тёплое мерцание, напоминая душистые капельки гречишного мёда. Янтарь этот отлично полируется и высоко ценится. Происходя из угленосных отложений, образовавшихся миллионы лет назад и вымываясь из углей, янтарь переносится течениями вдоль восточного побережья Сахалина, и местные жители в обилии собирают его, изготавливая самые причудливые ожерелья. Наиболее крупные куски янтаря – до шести с половиной килограмм весом, геологи обнаружили около посёлка Остромысовского.

Нелегко отыскать долгожданный янтарь. Ноги осторожно ступают по упруго поблескивающему отливу, чуть склонённая спина напряжена, глаза пристально всматриваются в песок. Кажущиеся воздушными на ладошке камешки встречаются нечасто. Особенно редок крупный янтарь, с густым винным оттенком, по замечательной случайности заключающий в себе какого-нибудь насекомого или кусочек растения. Всегда почему-то думалось, что такую находку непременно надо заслужить.

Вначале, во времена третичного периода, смола хвойных деревьев была вязкая, клейкая, и служила смертоносной ловушкой для животных. В основном, конечно, пленниками липкой смолы становились насекомые и, замурованные в янтаре, прекрасно сохранились до наших дней. Среди них много всевозможных муравьёв, мух, комаров, уховёрток, цикад, жуков и пчёл.

Помимо насекомых в янтаре часто попадаются пауки, скорпионы, сколопендры, улитки и даже ящерицы. В жидкой смоле могли оставить следы своих лап неизвестные звери. А ещё она хранит довольно чёткие отпечатки птичьих перьев, плавники рыб и, конечно, самые разнообразные ракушки.

Янтарь, таким образом, интересует не только ювелиров, но ценен и для науки. Около шести сот лет до нашей эры учёный-грек Фалес Милетский открыл удивительные свойства янтаря. Если натереть его сукном, янтарь обретёт загадочные свойства притягивать к себе сухие листья, травинки и вообще все лёгкие предметы: он – наэлектризовывается. По-гречески янтарь называется «электрон», от него и произошло слово «электричество».

Однажды на берегу бухты Де-Лангля, расположенной чуть севернее мыса Крильон по западному побережью Сахалина, мне довелось обнаружить кусочек янтаря размером с шарик для игры в пинг-понг. Янтарь был почти

округлый, тёмно-вишнёвого цвета, и в серединке его застыл в настороженной позе длинноногий древний комарик, будто пытающийся приподняться на цыпочки. Хорошо различимый в чистой застывшей смоле, он, казалось, вот-вот взмахнёт тоненькими крылышками и улетит. На ощупь янтарь был всегда тёплый, и постоянно хотелось рассматривать его, поднося к яркому свету. Помнится, долгое время хранил я этот янтарь, изредка показывал родным и близким, пока не подарил одному хорошему человеку.

А как-то мою коллекцию морских камней пополнила окаменевшая внутренность огромной древней раковины, крупнее самого большого ныне существующего приморского гребешка. Натолкнулся я на неё, погружаясь под воду у мыса Жонкиер, при выполнении работ от Тихоокеанского института океанографии. Мыс Жонкиер всегда славился у местных жителей интересными находками и нередко на его склонах неожиданно обнаруживались каменные отложения с отпечатками давно не существующих рыб, животных и растений. Под действием нескончаемых ветров и морского прибоя скалы постепенно разрушались, обнажая необыкновенные образования. Но чаще на подобные сюрпризы можно было натолкнуться именно под водой, и это представлялось куда более заманчивым.

Когда-то, давно, раковина мирно покоилась на дне первобытного моря, и створки её были широко раскрыты: она дышала вольным морским простором. И тут, по-видимому, произошло внезапное землетрясение, расплавленная каменная масса хлынула в полость раковины и своим давлением захлопнула створки, навечно запечатлев, таким образом, рисунок всех её замысловатых линий, впадин и изгибов.

Раковина пролежала под водой долго, может быть, миллионы лет, и неисчислимые шторма, приливы и отливы содрали с неё весь известковый корсет. Обкатанная песком, гальками и водой, она стала красивой и гладкой, вытянутой в форме гигантской слезы, с одной стороны закруглённой крючком, наподобие мидии. Её так приятно было держать в руках, ощущая эту многовековую тяжесть, и в то же время она казалась лёгкой, живой.

Когда я увидел под водой это чудо, которое для своего времени ничего особенного, в общем-то, не представляло, оно меня околдовало. В мутновато-голубеющей холодной воде, на глубине десять метров, среди серых камней и галек умиротворённо покоилось свидетельство чего-то неизмеримо далёкого и в тоже время родного. Как будто я увидел кусочек древней жизни, к которой принадлежал и сам, он был мне очень дорог, но многое из этой жизни я забыл. А сейчас вспомнил и обрадовался.

Ещё внутренность раковины напоминала слепок ступни какого-то неведомого чудовища. От неё веяло именно древностью, которая почему-то не представлялась суровой и выглядела обыденно. Когда я осторожно взял в руки этот первозданный оттиск невообразимо далёких времён, то вдруг остро осознал, что к нему никто не прикасался миллионы лет…

Потом я не раз бывал с экспедициями в здешних местах и неизменно совершал у мыса Жонкиер подобные находки. Среди них встречались отпечатки исчезнувших животных, насекомых и древовидных веточек папоротника, а однажды подвернулся даже отпечаток рыбьего плавника. Но, как бы ни были хороши все эти обретения, дороже раковины уже ничего не попадалось.

Теперь окаменевшая внутренность древней раковины лежит у меня дома, в шкафу за стеклом. Иногда я подхожу к ней и дотрагиваюсь её холодного бока, после чего мне сразу вспоминаются мрачные скалы мыса Жонкиер, промозглые воды Татарского пролива и серовато-голубеющая немая глубина. Я гляжу на окаменевшую раковину, и мне постепенно начинает казаться, будто прошлое вернулось, я опять нахожусь на Сахалине, и меня нисколько не пугают капризная островная погода, нелёгкая работа под водой и неприглядные чёрные скалы.

Но между тем эти высокие и обрывистые скалы, образованные северо-западным склоном неприступной горы высотой около двухсот метров, таили за собой удивительно покойную и уютную бухту, которую мы назвали «Бухтой полосатых камней». С берега в неё можно было проникнуть тоннелем, прорытым политкаторжанами во времена сахалинской каторги, но в прилив – только со стороны моря. Скрытая от глаз, бухта, наверное, неслучайно хранила свои берега от постороннего взгляда, ибо была усеяна самыми причудливыми разноцветными камнями.

Когда мы высадились на берег, то в лица нам дохнуло застоявшейся дикой теплотой… Сразу появилось такое ощущение, будто до нас здесь никого не было. Крутой берег резко уходил вглубь, создавая впечатление громадной чёрной бездны, но мягкие краски камней и теплота роящегося в бухте воздуха сглаживали неприятное ощущение. Казалось, оступись – и полетишь куда-то вниз, в неведомую холодную глубину, где не слышен пенистый шум прибоя.

Среди камней не было ни одного, который походил бы на другие. Вытянутые и округлые, сдавленные в лепёшку и напоминающие птичьи яйца, камни очаровывали не только формой, но и расцветкой. Зелёные, песочно-бурые и розовые с лазурью разводы на них, казалось, совсем не вяжутся с пасмурной, даже – чёрной окраской острова, и, тем не менее, камни скромно горели в себе, не теряя при этом какой-то обаятельной, внутренней гордости.

Камни на самом деле были горды от изливаемого ими света и, конечно, чувствовали, как нравятся тем, кто их находит. Перед ними сразу хотелось опуститься на колени и, позабыв обо всём, восхищённо разглядывать, осторожно трогать рукой, а наиболее замечательные, быть может, даже присваивать. Обладание такой драгоценностью было ни с чем несравнимо.

Особенно много встречалось полосатых камней, покрытых разноцветными слоистыми кольцами, жилками или пятнышками, что создавали на их шероховатых боках самые невероятные картинки. Порой

перед тобой открывались целые пейзажи, причём, морские, чуть ли не в точности повторяющие окружающие. Иногда же подворачивались камешки с тонкими рисунками зверей, насекомых и растений. Чаще это были почему-то папоротники…

Меня тихо радовали все эти пёстрые, округлые камни. Как-то по-хорошему волновало их безмолвное пребывание здесь, наедине с набегающими на песок шипящими волнами, за которыми так же неторопливо набегали мысли о причине скопления в одном месте стольких красивых камней, о неизбежности скрытого смысла их нахождения в непосредственной близости от постоянной сырости и мрака.

Если камням суждено было до скончания века быть омываемыми морской пеной, изо дня в день подставляя бока солёному ветру и неприкаянным дождям, значит, всему на свете, в том числе - и человеку, отводилось своё место и время. Их только нужно было определить, как определили это для себя разноликие и прекрасные морские камни.

«ШТОРМА»

Прошедшей ночью я вдруг совершенно ясно осознал, что мне удивительным образом не хватает шторма, переплёскивающихся через борта серо-зелёных волн, куда-то улетающей из-под ног палубы… И тут же родилось и счастливое, и немножко горестное чувство, что всё это было в моей жизни, было и ушло. Но всё-таки случилось, и необычайно озарило молодость только начинающего жить человека, сделало эту жизнь настоящей!

Правда, как бы кто-то не любил море и не знал его, никому, наверное, не дано достаточно полно и выразительно описать шторм. Ведь многие слова, которыми мы обычно располагаем, например, «гул», «мощь», «шквал», «ужас» и «буря» - давно обесцвечены повседневным употреблением их многими поколениями моряков в борьбе со стихией. Чудовищная сила шторма настолько превыше всех этих, пусть даже искренних восклицаний, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, что, кажется, она не подвластна описанию, и более того – истинному пониманию её сути. Действительность, как правило, оказывается бесконечно страшнее, могущественнее, чем мы пытаемся передать её даже самыми верными словами.

Шторм потрясает и изматывает, а если это повторяется изо дня в день, в течение месяца и более, - охватить всю его силу и максимально проникнуться ей, не потеряв верного восприятия, неимоверно сложно. Нужно слиться с безумствующей стихией, подчиниться ей, но при этом - умудриться не потерять над собой контроль, постоянно управляя ситуацией. Победить свой страх, не разозлиться на беспрестанно охаживающие тебя высокие волны, несмотря ни на что поддерживать с ними внутреннюю невидимую связь, не дав ей порваться, - значит быть достойным безудержной морской силы.

Не возгордиться и не упасть, а выдержать этот ритм, заданный природой, - единственно верное в подобном положении устремление. Мало того, тебя должно всё устраивать в море, и ты не должен сердиться и уповать только на спасение; ты обязан жить всем, что тебя окружает, дышать, рваться вместе со штормом, затаиваться на мгновение и вновь бушевать, как это делают коварные волны. Ты и море, море и ты, в буре этой – вы едины, и главный урок, который преподаёт неукротимая стихия: умей наслаждаться жизнью, как бы она ни была тяжела!

Опасность шторма может исходить откуда угодно, просто только потому, что это – шторм, явление, не похожее ни на какое другое, существующее на земле, трудно описуемое и ещё более мучительно переносимое, никогда и никого не оставляющее равнодушным, невероятно закаляющее дух, если ты его достойно преодолел, и, конечно, не забываемое… Это может быть и так называемая волна-убийца, в несколько

раз превышающая среднее волнение и повергающая всё на своём пути. Не менее опасно совпадение волновых впадин, когда образуется огромная яма, в которую судно ухает как в бездну. Порой подобное совпадение может прийти с самой неожиданной стороны, а довершает серьёзность ситуации наличие нависающих над этой бездной огромных разрушительных волн.

Губительна и беспорядочная волновая толчея, моряки называют её «толкачик» или «сулой», когда отовсюду наваливаются великие океанские гребни: волнение в этих сулоях, действительно, толкучее, похожее на кипящую воду, и воронки водоворотов могут закрутить и опрокинуть судно. Невозможно примениться к системе волн в сулое – они возникают на поверхности в самых неожиданных местах, то есть - совершенно хаотически, не образуя характерных для обычного ветрового волнения гряд. Даже, казалось бы, самые обычные приливо-отливные течения, как это случается в Курильских проливах, доставляют немало хлопот мореплавателям, и, достигая в проливах скорости более 10 км в час, как щепку выносят судно либо в океан, либо в Охотское море, и чтобы совладать с волнением и привести судно в заданное место, надо быть смелым человеком и хорошо знать время смены течений…

Но при всём этом море не ведает ни ярости, ни гнева, оно просто не может не быть таковым, и лучше всего не беспокоить себя попусту мыслями о разрушительной силе морской стихии, ибо двум смертям не бывать. Не всё ли равно – когда это случится, если ты относишься к своей жизни честно? А лишения только обостряют жизненные силы и видение, в полной мере давая то, что соединяет наше сознание со всей Вселенной…

Чарльз Дарвин, вернувшись из кругосветного путешествия на «Бигле», которое обернулось для него четырьмя годами морской болезни, сказал так: «Лишь крайняя необходимость может вынудить человека выйти в море». Но отвага и жажда познания вынудила его вступить в спор с морем.

Да, нелегко длительное время оставаться среди свирепствующего шторма и не поддаться его яростному натиску и собственным страхам, воспринимая его к тому же естественно, как нечто родное. Нелегко потом даже рассказывать об этом знакомым, пытаясь как можно живее передать его захватывающие перипетии. И уж ещё более непросто написать об этой ничем не сдерживаемой силе так, как она того заслуживает, но я всё же попытаюсь…

Есть род путешественников, которые, отправляясь в дорогу, стремятся собирать любые впечатления, и в свою восприимчивую котомку набирают постепенно не то, что нужно, тогда как существенное, вполне готовое к восприятию, ускользает, оставаясь просто незамеченным. Надо же, чтобы после твоих долгих и упорных усилий по изучению себя и мира, открытия приходили к тебе неожиданно, и накапливались в душе так, как будто ты их и не ждёшь, а они возникают. Только такие впечатления заслуженны.

Большая ошибка, когда люди думают, что всё им рано или поздно откроется, - стоит лишь куда-нибудь уехать. Отыскивать свою жизнь нужно в самом себе, в преодолении собственного страха, лени и равнодушия. Ты даже можешь вообще никуда не уезжать, но при этом должен жить полной жизнью, постоянно реагируя на происходящие вокруг события. Важна твоя реакция на них, то, какие шаги ты совершаешь.

Лучше всего совершать их на краю света, рядом с океаном, где всё подразумевает борьбу и испытания, настоящий порыв и чудесное проникновение в тайны жизни. Одним из таких испытаний оказывается обыкновенная качка, проявления которой не заставят себя долго ждать, если вы отправились на свой страх и риск в море. Тем более - в зимнее, штормовое, как будто вознамерившееся разнести всё, что встречается ему на пути, в щепки, не оставив следа.

Началась на море качка, изволь соответствовать её хаотическим, необузданным желаниям. Ходи по палубе - будто притоптывая, широко раздвинув локти. Случится отправиться в какое-нибудь нужное тебе место, не стоит роптать, коли угодил ненароком в другое, да при этом набил себе шишек… Следи постоянно, чтобы посуда была закреплена в специальных для этого приборах и дверцы шкафов были надёжно обвязаны резинкой. Да сразу и не примешь всех мер безопасности против неприятных случайностей, которые несёт с собой качка.

Вам придётся привыкать даже к такому обычному делу, как отход ко сну, засыпая в такт раскачивающейся шконке, когда голова, кажется, убегает куда-то в ноги, и через секунду внутренности уже подкатывают к самому горлу. А вокруг – топот ног, ужасающий скрип металлических уключин, такелажа и звонкая дрожь переборок, извечная суматоха машинной команды с судовыми механизмами, железный распорядок вовремя сменяемой на мостике вахты, и надо всем этим – невообразимо завораживающий, глубинный гул беснующегося моря…

Ещё совсем недавно вы пребывали у себя в каюте в спокойном расположении духа и даже не подозревали, что через какой-нибудь час-другой вам придётся противостоять разбушевавшейся стихии. Качка застаёт вас во сне, и когда вы приоткрываете свои полусонные очи – на вас обрушивается треск в переборках или поток забортной воды, хлынувшей в растворённый иллюминатор, который вы не потрудились с вечера задраить. Что такое? – не можете вы ничего понять спросонья, где я нахожусь? Но холодная охотоморская вода быстро приводит вас в чувство, и вы вскакиваете с постели и со всех ног бросаетесь ловить упавший графин или книжку, судорожными движениями рук пытаетесь закрутить барашки иллюминатора, при этом больно ударяясь о край стола и чертыхаясь. Раздосадованный и ещё толком не пришедший в себя, вы,наконец, осознаёте происходящее, но очередной удар волны вновь бросает вас на стол, уже изрядно поддав распахнувшейся дверцей шкафа, с верхней полки на вашу голову сыплются раковины, засушенные морские звёзды и бычки, и тут

повторный удар сотрясает всё судно, мутновато-зелёная, будто озлобленная чем-то вода хлещет в стекло иллюминатора, а лампочка в подволоке лихорадочно мигает. Заснёшь ли тут опять?

Вообще, качка – пренеприятное событие, если вы к ней достаточно не привыкли, не находились в длительных экспедициях, после чего она не воспринимается в диковинку, и хотя донимает порой своей нескончаемо-утомительной монотонностью, но не так остро, как поначалу. Человек ко всему привыкает и, порядком измучившись, рано или поздно засыпает, уже не пробуждаясь после каждого удара волны, пусть и сокрушающей всё на своём пути. Слова «буря», «шторм», «волнение» постепенно становятся родными, не пугают, и тебе даже иной раз захочется подняться на палубу, «подышать свежим воздухом», несмотря на то, что не только стоять, а сидеть в подобных условиях очень не просто.

Помнится, однажды, в свой самый первый рейс, я решился подняться на верхнюю палубу. Ходить по ней было невозможно, да и небезопасно, и я остался стоять какое-то время в двери, наблюдая, как беснуется море, и не мог на него наглядеться. Больше всего захватывало дух, когда море вдруг совсем скрывалось из глаз, исчезая где-то под трапом, и палуба перед тобой возникала стоймя, а то она неожиданно пропадала, и вместо неё поднимался столб воды, который наступал неотвратимо, рушился и готов был вот-вот погрести всё под собой. Но страх вскоре проходил, потому, что как бы грозно не выглядела надвигающаяся волна, она непременно исчезала в этом безграничном пространстве воды, надо было только постараться быть внимательным и осторожным, правильно выбирая положение тела и место и, конечно, за что-нибудь держаться. Подолгу простаивая в этом немом созерцании бушующей стихии, меня удивляло, что другие члены экипажа, не задерживаясь, проскакивают мимо по своим делам, оставаясь совершенно равнодушными к происходящему. Оно, конечно, интересно увидеть всё впервые, а если каждый год, да не по разу, то впечатления постепенно снисходят до привычного однообразия: качка становится скучным, обыденным делом.

Прошло года три, пока я стал воспринимать штормовую погоду в море как нечто само собой разумеющееся, но, всё же, нет-нет, да любовался на морское волнение, не в силах отказать себе в этом удовольствии. Раньше я, помнится, уставал от одной досады, что ничем невозможно занять себя в качку, даже – почитать, теперь же, сидя ли, лёжа ли, с книгой или за обедом, вроде бы, как и вовсе не думал о равновесии, машинально упираясь то ногой, то рукой, а то всем телом ловя единственно верное положение. Всё происходящее воспринималось на подсознательном уровне, естественно, и прежде я предпринимал что-либо, уже потом думая и чувствуя.

Впрочем, даже среди бывалых моряков, проходивших в море не по одному году, нередко встречаются и такие, что в качку бледнеют и сереют лицом, страдая неимоверно. Порой сутками не выходят из каюты, нарушая всякий морской распорядок, когда день смешивается с ночью, а завтрак

превращается в ужин. Лежат пластом, искусывая в муках углы подушки, зарекаются бросить море, проклинают его, на чём только свет стоит, но стоит завершиться рейсу, или уляжется шторм и установится хорошая погода, и все мучения позабыты. И уже не вспоминается, что совсем недавно не было никакого житья от этого шторма, и был совершенно убеждён: ты занят не своим делом. Не знал - кого бранить!

Всё привычное, к чему вы были в течение жизни приучены на берегу, здесь, в море, когда на нём разыгрывается шторм, теряет своё значение. В каюту ты не входишь, а влетаешь; держа в руках обычное ведро воды, в качку оно тебя просто вдавливает в палубу; ты кое-как добираешься до родной кают-компании, до которой рукой подать, нужно только пересечь коридор; и уж совсем смешно, когда изо всех сил стараешься удержаться на ровном месте, упираясь ладонями в надвигающиеся на тебя переборки… Ахнуть не успеешь, как набьёшь себе шишек, нужные вещи, всегда находящиеся под рукой, потеряешь и уж отыщешь не скоро, скорее всего – случайно, в гости к тебе никто не приходит, да и сам ты не особо расположен кого-либо видеть, одним словом – качка!

Качка бывает килевая, то есть идущая вдоль судна, продольно килю, боковая, кидающая судно поперёк – то на один борт то на другой, а ещё встречается смешанная, представляющая из себя умопомрачительное сочетание всего перечисленного, когда не знаешь – куда и упасть: всюду туго и не к месту, полный кавардак! У кого-то при этом в голове лишь одно – караул, кому-то же всё происходящее безобразие – за истинную морскую поэзию, полную неповторимой прелести и красоты! Одних качка по-хорошему злит и будит скрытые силы, у иных вызывает ярко выраженное неприятие, но находятся и такие, кого шторм, каким бы свирепым он не разыгрывался, ровным счётом никак не занимает.

Взять хотя бы нашего боцмана по прозвищу «Сизый» с легендарного «Дальневосточника», принадлежащего Сахалинскому Управлению Гидрометеослужбы, когда-то давно переоборудованного из среднего рыболовного траулера немецкой постройки в научно-исследовательское судно, на котором боцман и проходил оставшуюся часть своей морской жизни. Так вот этому самому Сизому, прозванному подобным образом за огромный сливообразный нос соответствующей окраски, было вообще всё едино: штиль ли за бортом или всесокрушающая буря. Заглянув к боцману в каюту во время самой отчаянной качки можно было застать его за вязанием … банных тапочек, рукавичек и мочалок, над коими он сосредоточенно склонялся с крючком, что-то непонятное шепелявя себе под сизый нос. Было очевидно, что в такие моменты всё боцмана в наилучшем виде устраивает, и на лице его всегда присутствовало полное умиление. Качка, похоже, его нисколько не раздражала, а наоборот – приводила в самое доброе расположение духа, когда он, оторвавшись от близкого своему сердцу времяпрепровождения и воззрившись в иллюминатор, вдруг торжественно провозглашал беззубым ртом: «Ну, ты ешо поражговаривай у мене,

шволочь!», после чего опять умилённо улыбался и принимался старательно накручивать петли. Затворив тихонько дверь, и достаточно проникнувшись увиденным и услышанным, тебе и самому всё происходящее за бортом начинало казаться пустою забавою, и ты невольно проникался к боцману уважением. Если морская природа ни разу в жизни не угостила вас своими сюрпризами, достойны ли вы тогда подобного отношения?

И, тем не менее, встречаются на белом свете любители, которые не прочь насладиться качкой с берега: зачем им быть участниками этого небезопасного предприятия? Чего уж тут хорошего, убеждены они, когда огромные валы в жутком вое перехлёстывают друг друга, с остервенением беснуются и поднимаются чуть ли не до неба, пытаясь повергнуть всё, что попадается им на пути, в том числе судно, на котором кто-то в данный момент находится? Другое дело, если вы наблюдаете за всем происходящим со стороны, может быть, даже сидя на диване, перед телевизором, и восхищённо замираете при виде, как судно взбирается на гребень волны, вздрагивает от напряжения и, падая на бок, начинает скользить с пенной горы куда-то вниз, чтобы в следующее мгновение, перевалившись на другой бок, взлетать уже на новую гору из метущихся волн. Водяные стены, вздымающиеся по обеим сторонам судна, кажется, вот-вот сомкнутся и погребут его, но оно почему-то не исчезает под их натиском, а наоборот – вытягивается, к вашему удивлению, вертикально… Что-то переживают там отважные моряки?!

В глубине души вам, конечно, хотелось бы быть сейчас там, на судне, мужественно противостоящему стихии, но её неудержимая мощь всё-таки наводит на вас страх. А между тем, в самый разгар качки, на борту судна у членов экипажа на лицах нет и тени сомнения, или осознания какой-либо опасности: моряки лишь стараются лучше исполнить свои обязанности. Они упираются, тянут, безропотно подставляют плечо своему товарищу, когда в этом возникает потребность, и горя им нет от того, что судно в который раз катится с вершины волны к её основанию, в самый водоворот, где, кажется, должно разлететься от сокрушительных ударов в щепки. Знайте, праздно смотрящие и извечно колеблющиеся наблюдатели, что эти удары не вызывают у моряков чувство покорности, а возбуждают в них лишь здоровую злобу соревнования с морем, с самим собой, когда они не спят сутками, только забываются в полудремоте от усталости, и в этом состоянии способны выполнять любую отчаянную работу. Водяные бугры, с шумом и брызгами, кажутся им родным домом, так же как вам сейчас уютная постель в покойных стенах – воображаемой и никогда недостижимой каютой. Что ж поделать, такова прекрасная и одновременно жестоко отрезвляющая действительность!

А вот я нахожусь в своей каюте, на настоящем судне и его обнимает ревущий океан. Когда-то я не побоялся отправиться к нему через всю страну, преодолел множество препятствий, чтобы только устроиться на рыболовецкое судно в качестве матроса-уборщика, выполняющего самую

грязную работу и, конечно, мечтал о дальних островах и настоящей морской качке. Добившись же своего, вдруг понял – как всё в жизни замечательно и просто устроено. Нужно только очень захотеть, непременно осуществив свою мечту, и тогда эта достигнутая тобой простая истина невероятно обогатит для тебя окружающий мир и собственную жизнь.

Каждый шторм показывал мне тёмную сторону океана и мою собственную, но и вдыхал в душу знание: величие и морской стихии, и человека – в красоте и мечте, в её осуществлении, в том, чтобы быть верным самому глубокому в себе – Божественному присутствию, что открывается только, когда ты побывал в пучине моря. Таков закон Бытия, призванный чтить и в себе, и в мире радость и великолепие существования. Если ты принял его – ты настоящий морской пёс.

Шторм, как это обычно водится в морской жизни, приходит чаще всего без предупреждения, неожиданно. Вдруг резко переменится ветер, затем внезапно задует с другой стороны, вмиг затянут небо тучи, и вот уже нешуточные валы сталкиваются между собой, подгоняемые ветрами, поднимается тяжёлая зыбь, и ударяет шторм. Всё происходит очень быстро, что требует от экипажа чёткой, слаженной работы, когда малейшее промедление может обернуться в дальнейшем немалыми бедами.

Стоит испытать в своей жизни хотя бы один настоящий шторм, тем более – лобовой! Я испытал, и не раз, и это одно из самых запоминающихся событий, которые произвели на меня огромное впечатление в жизни и наделили знанием и недостающей энергией. Однажды меня потрясла встреча с Тихим океаном, который меня, оказывается, ждал, и произошло это на острове Уруп, а потом я пережил в его метущихся недрах сокрушительный шторм, и стал ему родным.

Такой шторм развивается безудержно, мгновенно захватывает всё вокруг и ширится постоянно, то и дело крепчая, когда, кажется, дальше уже наращивать свою мощь невозможно. Измерить его энергию никто не в силах, не в силах постичь это всесокрушающее смятение морских сил, неудержимый шквал и истошный вой, когда всё рушится, рушится весь мир, и нет, кажется, никакого спасения… Но человек может выдержать всё, в том числе и это: нужно просто самому нести в себе бурю, любить её, не бояться быть слитным с морской стихией, и тогда ты сам превратишься в морской ветер, обрадовавшись этой необыкновенной слитности и перевоплощению!

Шторм вдохнёт в тебя такую силу, благодаря которой ты преодолеешь любые препятствия. Нужно уметь жаждать шторма, встречая его всегда достойно, и тогда всё с тобой будет в порядке. Море чувствует человека и постоянно проверяет его, наказывая за малейшую гордыню. Нужно и самому чувствовать его ритм, стараться жить в такт с ним и не приносить в море ничего своего: в нём достаточно знаний и сил на всех, ими только надо уметь воспользоваться. Лучше – не перечить морю, относясь к нему с уважением. И

конечно, его стоит любить, не теряя с ним никогда связи. Море всегда возвращает то, что оно получает…

… В море всё бело от взбитой пены и густой дымки из брызг. Хорошо, если шторм застал судно далеко от берега, когда не нужно опасаться подводных рифов. Удары волн огромной силы несутся прямо на тебя, сотрясают весь корпус судна, а пенистая свинцовая вода гуляет по всей палубе. Иногда судно вообще полностью скрывается под ней и, кажется, ему уже не выбраться, но, всё же, другая мощная волна выносит его на поверхность, подымает чуть ли не до небес, и опять бросает в жуткую кипящую бездну. Выдержать это зрелище способен только духовно сильный человек, который не боится смерти, потому что всегда готов к ней. Конечно, в море встречаются и менее выдержанные люди, но они всё равно проникнуты духом единства и волей морского труда.

Капитан стоит на мостике и, не мигая, смотрит в несущуюся на него огромную волну. Через несколько секунд она ударит прямо в лоб судовой надстройки, кажется, погребёт под собой всё судно, но капитан спокойно произносит: «На румбе двести двадцать. Так держать». И всем становится спокойно, команда верит, что судно преодолеет все преграды и благополучно вернётся в родной порт. Капитан уверен в себе, уверена в своих силах и команда. Ничто не сможет поколебать стойкости моряка.

Но вот одна из волн начисто срезает контроллер, прибор, представляющий из себя металлический столб, предназначенный для поднятия и стравливания якорной цепи. Мало того, эта же волна, а вслед за ней и другая, третья, пробивают в этом месте палубу, и холодная вода устремляется в носовую каюту. Это уже чревато, и матросы со шлангами устремляются туда, чтобы откачать воду, но огромные беснующиеся валы, постоянно перекатывающиеся через палубу, не позволяют им этого сделать. Ничего не остаётся, как преодолевать сопротивление стихии, ибо иного пути, как через палубу, туда нет.

Всё кругом металлическое – борта, комингсы, лебёдка, тамбучины с кнехтами, талрепы, о них может ударить волна, но поскольку всё из перечисленного довольно обтекаемое, хоть и крепкое, удержаться за него не представляется никакой возможности… А преодолеть палубу нужно, иного выхода просто не существует, но как это осуществить – непонятно. Совершенно очевидно, что приходится рисковать, все это понимают, и потому готовятся к решительному штурму. Может спасти шланг, за который все держатся, он - что-то вроде связующей пуповины, и именно таким образом, на «ура», увёртываясь от наибольших по силе волн, матросы пытаются осуществить свой бросок…

А шквальный ветер совсем обезумел, абсолютно ничего неслышно: бескрайний зев моря устрашающе раскрылся и его не обозреть. Как совладать с этой звериной пастью?

Повсюду скрежет, грохот, гулкая стукотня и вой. Страшно подумать, какие чёрные глубины простираются под днищем судна. Здесь, где мы сейчас

находимся, а именно – в проливе Екатерины, разделяющей острова Кунашир и Итуруп, они достигают нескольких сотен метров и это при очень сильных, часто случающихся шквальных ветрах.

Мы же – лишь щепка в необъятном морском пространстве, судно может вот-вот опрокинуться, на морском языке – совершить «оверкиль», но об этом лучше даже не помышлять. Бездонная морская пропасть – не самое страшное, чего стоит опасаться людям, которых застиг шторм, главное – не потерять веру в себя. И потому – аврал, аврал для всей команды на борьбу со стихией и за выживаемость судна, аврал с самим собой, чтобы прогнать страх.

Ситуация же, казалось, вот-вот выйдет из-под контроля… Льялы откачивали каждые двадцать минут, а потом уже и вовсе без перерыва. Помещения на баке залило водой, металлические трапы со спардека на палубы сорваны, релинги на полубаке либо отсутствовали начисто, либо были погнуты и смяты. Одну шлюпку разбило и смыло, контроллера нет, палуба на баке продавлена запасным винтом так, что он оказался в одной из носовых кают, где вырвало и двери, и лежанки, выдавило иллюминаторы… Словом, стихия побушевала на славу, но при этом нам ещё повезло: можно было считать, что мы легко отделались, ибо оставались на плаву!

В таком положении, конечно, можно на время лечь и в дрейф, то есть отдаться на волю волн, тогда чудовищные массы воды примутся швырять и бить судно, как им вздумается, полновластно распоряжаясь его судьбой. Страшные стены морской толщи вырастают перед глазами, прямо за бортом, и просто гипнотизируют своей неохватной мощью. Скорее бы добраться до родных берегов, но шторм только начался, он продолжается всего несколько часов, а длиться ему не один день…

Аквалангисты тоже переоделись в гидрокостюмы и, обдаваемые волнами, потянули через заливаемую многотонными валами палубу шланги водопомпы. Людей, которые держались на палубе только за счёт того, что обхватывали кишку шланга, не имея возможности уцепиться за такелаж, бросало на борта, разбивая в кровь лица и руки… А в это время исполинская сила срезала как ножом металлические части палубных механизмов, с корнем вырывала закреплённые троса и закручивала металл в узел. Уродливые куски палубной обшивки торчали вкривь и вкось, звенели и гудели, сила шторма только нарастала…

В следующее мгновение сорвало шлюп-балки, следовало немедленно их закрепить, а болтающийся такелаж обрезать. Палубная пробоина в носовой части, под воздействием многотонных валов быстро расширялась, нужно было срочно завести на пробоину пластырь, но его смыло огромной волной, а один из матросов, помогавший при транспортировке пластыря, потерял сознание, ударившись головой о комингс, и его чудом не выбросило за борт.

Когда первая аварийная группа спустилась в носовую часть судна, там творилось невообразимое: катались канистры и посуда, плавали матрасы и

спасательные жилеты, как бешеный метался в темноте сорванный контроллер… Следовало всё убрать, тяжёлые части приварить или хотя бы взять на оттяжки, откачать воду.

Слышно было, как в машинном отделении звучали короткие и длинные звонки, тревожно орал «ревун», странным казалось, что удары волн всё ещё не разбили стёкла иллюминаторов в судовых надстройках. Но каждый работал по мере сил, матросы прибегали в судовую кают-компанию промокшие до нитки, и старпому вновь, скрепя сердце, приходилось их посылать туда, где через борта перекатывались волны многометровой высоты. Совесть не позволяла никому расслабиться, каждый отдавал себя полностью. Главное же, приходилось всё время выскакивать на палубу, чтобы перебраться в нос, и это всякий раз было сопряжено с риском для жизни.

Вода вообще не успевала сходить с палубы. Судно как будто двигалось под водой, и было странно, что мы ещё не тонем. Неистово ревел ветер, где-то бухало металлом о металл, натужно скрипели снасти: всё судно словно кричало от боли. Общая тревога давно превратилась для всего экипажа в привычное дело. Вторые сутки никто не спал. Да и как уснуть при такой сумасшедшей болтанке и душераздирающем скрипе? Но капитан непоколебимо уводил судно в море, чтобы к подходу основной силы тайфуна быть подальше от берегов.

А ветер усиливался час от часу. По синоптическим картам становилось понятным, что центр тайфуна неукротимо надвигается прямо на нас, и, кажется, должен вскоре просто уничтожить, - так велика была мощь ветра. Стрелка на шкале, показывающая его силу, уже давно прыгнула за «30». Из рубки было видно, как неудержимо растут водяные валы, прикреплённые к металлическим стойкам канатами бочки, словно сумасшедшие, начинают носиться над задраенными трюмами, легко сбивая барашки на крышках люков. Всё на судне давно было закреплено по-штормовому, но от бешеной качки и порывов ветра крепления постепенно развинчивались, всё вокруг трещало, ухало, в помещениях накапливалась вода. И нельзя было запретить выходить экипажу на палубу, который самоотверженно боролся за живучесть судна.

Один раз меня самого захлестнуло волной, потащило и ударило лопатками о лебёдку… В глазах померкло. Хорошо, рядом оказался наш водолазный старшина, оттащил под трап, привёл в чувство. Постепенно я отдышался, и опять – выжидаем, когда волны откатятся, и бежим, сломя голову, на бак, в носовую часть, где вода не только не уходит, а прибавляется. И что поразительно, в этом хаосе и полном разгроме на лицах людей проскальзывают улыбки, звучат уверенные нотки в голосах. И всё это тогда, когда одному - приходится работать, чуть ли не распластавшись по палубе, а двум другим прижимать его своими телами, чтобы не смыло за борт. Море само вдыхает в людей мужество.

Но, вот, помпа поперхнулась и … встала: тьфу, чёрт, все предыдущие усилия оказываются напрасными. Снова спешим обратно, в машинное отделение, враждебная же сила океана нас не пускает, и становится вовсе не по себе. Когда же этому безумию конец: не успеешь с огромными усилиями предотвратить одну беду, тотчас наваливается другая, а вместе с ней неисчислимые потоки воды? Совсем недавно воспринимаемая как друг, теперь вода оказывалась врагом, с каждой минутой утяжеляя обстановку.

Время от времени прекращалась подача воды для охлаждения двигателей. И приходилось переключаться на балластные насосы, забирающие воду из кингстонов. Но и они иногда, когда судно приподнимало на волне, засасывали воздух, а по палубе уже метались не только бочки, но и бог весть откуда взявшиеся кислородные баллоны, сметая леерные устройства и вентиляционные футштоки, возвышающиеся над палубой.

Между тем помповый шланг оборвало и выбросило за борт… Матросы в спасательных жилетах, держась друг за друга, замерли вдоль борта, выстрел из линемёта – и оплетённая на конус груша, совершив круглую траекторию, чёрной точкой перехлестнула извивающуюся в кипящей воде кишку. Попали! Все, навалившись, хватают линь и ведут его к носу, горы же воды обрушиваются на людей, норовят увлечь в своих бурлящих потоках. Вот, наконец, показался шланг, его хватают и тянут изо всех сил, тянут эту тяжёлую брезентовую плеть толщиной в ногу. До чего же всё надоело! Но главное – не потерять головы, двигаться, держаться друг за друга, и, даст Бог, стихия смилостивится…

Силами полдюжины отважных матросов и аквалангистов, ежеминутно избиваемых тоннами ледяной воды, всё же удалось пробраться на бак, откачать воду и худо-бедно заделать в палубе пробоину. Но чего это стоило?! Впрочем, матросы выполняли свои прямые обязанности, подтверждая силу морской спаянности и хватки.

Двое суток не прекращалась борьба за живучесть судна. Двое суток не спали, не отдыхали, почти ничего не ели. Да, и не лезла в глотку никакая пища, все были охвачены напряжением. Была, конечно, беготня, суета, крики, но без паники. Все смотрели на капитана, его спокойствие передавалось экипажу, и начинало вериться, что шторм мы рано или поздно одолеем.

И вот, моторы снова ревут, не безнадёжно пытаясь перекрыть рёв моря, и судно медленно переваливается с волны на волну. Впереди – длинная морская дорога, сколько ещё всего может случиться, а застывшие матросы в кают-компании уже греются за горячим чаем, перекидываются шутками. Не всё во власти морской бури!

Когда судно оказывается ввергнутым в шторм, команды на мостике звучат одни и те же: «Больше право!», «Больше лево!», «Средний назад!», «Полный вперёд!», «Ветер крепчает до 9 баллов…», «Держать бейдевинд!». Крутая охотоморская волна проходит право по борту, а за ней – другая, по

левому, и так – до бесконечности, только успевай перехватывать руль. И каждый навал моря – это сосредоточенное внимание всего экипажа, расслабляться нельзя ни на секунду, ведь судно должно продвигаться вперёд, не теряя обороты двигателя. Шумит и негодует Охотское море, ни на секунду не утихая, и только ещё более отчаянной становится волна…

Нигде я не испытывал такого напряжения физических и душевных сил, забывая обо всём, а когда начинал потом вспоминать эти суровые дни, то понимал, что ничего лучше в моей жизни никогда и не было. Буря неистовствует, рвёт всё на своём пути, но иначе она не может, и нужно не противостоять ей, а принять, слившись с этой неуправляемой и грозной силищей. В какой-то миг до твоего понимания доходит, что нет у тебя никого больше, только вот эти безудержные волны и ветер, и их можно пересилить, если не бояться моря, даже – дружить с ним, и ни о чём худом не думать.

Перед глазами, в рваных белёсых клочьях пены, качается свинцовая мгла моря, а ты на неё не серчай, не гони от себя, и воспринимай, как захватывающий фильм. Тогда преодолевать шторм становится не так муторно и нудно. Нужно, вообще, взять за правило радоваться в море всему, что оно преподносит, но только когда этому научишься?! А учиться приходится каждый миг, если хочешь стать настоящим морским «волком», и море постепенно отпустит, смилостивиться над тобой, обернув всю свою лихую натуру в забавную игру…

Учиться у моря – одно удовольствие, ибо оно много чего знает, желанная же суша порой только портит. Выпало счастье быть учеником у морской стихии – будь ей благодарен, да смотри не пропускай уроки, переучиваться некогда будет, ежели терпения в своё время не проявил. Приучайся к собственному жизненному порядку. Ученье лучше богатства!

Когда по глазам стегает ветер, а лицо обдаёт солёной водяной пылью, жить становится намного веселей. Одичалая буря извивается и воет за окнами надстройки, время, захваченное ею – остановилось, но ты не поддавайся на её ухищрения, пусть себе бурлит и бранится. На то она и буря, и если уж она взялась поздней осенью за своё губительное дело, то скоро не остановится… Ты же – набирай свою силу!

Только после двух-трёх лет работы в море стал я замечать, что у штормов бывает разный цвет. Он либо окрашен в решительные, резкие тона, отличающиеся ясностью и даже чистотой, либо это – злобная, неразборчивая муть, объявшая собой всё водное пространство. Когда море злое, с тяжёлыми тягомотными волнами, то и на душе становится тяжко, а если разбушевавшаяся стихия набрасывается на корабли и скалы в открытую, желая тотчас растерзать и повергнуть, то отчего-то принимаешь эту его бесшабашность, так что и самому становится весело, задорно. И тогда уже недобрые ощущения в душе уступают место собственной, неизвестно откуда взявшейся лихости, что тоже побуждает в душе желание побороться со стихией, не спасовать, и в голове даже рождаются необузданные мечты: ты

рвёшься в них куда-то, кому-то что-то пытаясь доказать, а худые думы исчезают.

Хорошая штука шторм, когда всё в нём ясно, и нужно только проявить терпение и отвагу, отчего сердце радостно, как щенок, тыкается, просится на свободу, и ты не в силах его сдержать. Невтерпёж же держать в себе разгневанное, непонятное море, и ты, кажется, не взрослеешь с ним, а только мучаешься. Но что тут поделаешь: стихии моря присуще беспокойство, такова его природа, и человеку надлежит пребывать с ним в добром согласии, сопоставляя собственные мысли и чувства с его настроениями, и как это замечательно, если между тобой и морем устанавливается взаимопонимание: тогда и горе не берёт!

Охотское море вообще очень коварное. Шторма тут налетают внезапно, да и синоптики к тому же довольно часто ошибаются, но в море никогда не прогадаешь, если будешь ожидать худшего, оставаясь начеку при любых обстоятельствах. Чаще Охотское море выглядит громыхающим, вздыбленным, и тогда кажется, что оно не может быть иным. Вдобавок, дыхание севера сковывает это море льдами, нагромождая их вереницей искристых торосов, и лишь под ними море успокаивается до будущей весны.

Коварство стихии начинается с того, что небо у горизонта вдруг забелеет, зелёная вода будто подёрнется серой плёнкой, солнце засветит как-то тускло, и неожиданно исчезнет в ещё совсем недавно отсутствующих тучах. Мгла из пепельного марева зароится над водой, подует лёгкий порывистый ветерок и появится зыбь. А через каких-нибудь пять-десять минут в судовые борта уже бьёт накат, водяные валы растут на глазах, верхушки на них лихо пенятся, и ощущается порядочный крен. Давно ли мирно синело небо, ласково светило солнце, но будьте уверены: ещё полчаса – и вас захватит жестокий охотоморский шторм!

А пока в скулы судна бьют ещё небольшие волны, хотя каждый новый порыв ветра сильнее предыдущего. И вот, наконец, загудело, завыло всё пространство над морем. Солёные хлопья, вперемешку с брызгами воды оторвало и бросило в окна надстройки, судно неожиданно зарылось носом в волны и стремительно скользнуло вниз, задрав корму и оголив винт. Мотор в такие моменты начинает быстро набирать обороты, работая вхолостую. Значит, стихия даёт уже баллов семь, а то и восемь!

Если же посмотреть на бушующее Охотское море с высоты птичьего полёта, той же самой большой североморской чайки или малого буревестника-глупыша, то вы будто воспарите над грозным скалистым ущельем, окутанным густой туманной завесой и низкими мрачными тучами. Перед вами предстанет нечто невообразимо-хаотическое и необъятное, почти неописуемое в своей бескрайней вздыбленности оголтелых волн. Граница между морем и небом в этом таинственном мире исчезает вовсе, а огромные водяные валы, кажется, не знают, куда им мчаться. Кем ты чувствуешь себя здесь и почему ты оказался в самом жерле этой разбушевавшейся стихии?!

А то ещё, вдобавок к шторму, напорется судно на потерянные рыбаками или утащенные бурей сети! Сети не тонут, а, гонимые волнами и течением, кочуют в море, угрожая бедой судам. Винт траулера, бывает, подцепит такого «кочевника» и становится беспомощным, как малый ребёнок. В безветренную погоду моряки умеют быстро освобождать винт от такого «сюрприза», но если нагрянет шторм – быть беде!

Вот и приставать в качку к борту судна на боте либо шлюпке – тоже задача не из лёгких. Шлюпку то и дело приподнимает, чуть ли не до фальшборта, порой даже выше, и нужно найти в себе ловкость тотчас среагировать на такое молниеносное сближение. Как только подоспел подходящий момент, цепляйтесь за борт и прыгайте на палубу, так делают все, кто связал свою жизнь с морем, и ничего задорного в этом нет. Но вот если вы прозевали, а то, ещё хуже, струсили, волна вмиг отступит и утащит шлюпку на добрый десяток метров, после чего уже совершить удачное сближение удаётся не сразу, и вы в волнении ожидаете подходящего случая, который подолгу не подворачивается, и к своему неудовольствию чувствуете, как сердце охватывает смятение. Ничего не попишешь: море проверяет вас на прочность.

В шторм и просто ступать по палубе – нешуточное дело, когда она вырывается из-под ног и словно взлетает, а ты остаёшься в каком-то непонятном, взвешенном состоянии, в то же время не чувствуя веса собственного тела. Нужен хороший вестибулярный аппарат, изрядный опыт и даже своего рода особое искусство, чтобы, выбрав необходимые паузы, умело пробираться по ней, не набив себе шишек. Вряд ли при этом встретишь на своём пути какого-либо члена экипажа, и кают-компания, обычно оживлённая, теперь пустует, потому, как все отлёживаются по каютам. Слышен неустанный гул моря, скрип раскачивающегося такелажа, да однообразный стон переборок. Судно упрямо штурмует непогоду, в глухо задраенные иллюминаторы бьются могучие пенные валы, и ревущий вой ветра проникает в малейшие щели. Вздрагивает и гудит днище, корма, устремлённый в бурю нос судна, а шторм только усиливается, всё более свирепеет.

Качка из размеренной - незаметно превращается в порывистую болтанку, но вскоре судно и вовсе куда-то проваливается, будто не чувствуя под собой водной тверди. Оно летит, бухаясь в непроглядную тьму, и страсть от этого затяжного неведомого падения целиком охватывает твоё сердце. За что держаться и стоит ли вообще предпринимать к этому какие-либо усилия в таком безудержном парении – тебе ничего не приходит на ум. Только бы уже упасть куда-нибудь, в любую бездну, и быть охваченным ею навечно: чего уж думать о том, как дела наверху?

А между тем – происходит обыкновенное дело на море! Чем-то оно схоже с нашей действительностью, в которой жизнь каждого человека – это нескончаемое поле загадочных поступков и ошибок. Но море не должно повергать тебя своими размерами, так же, как и жизнь, ибо ошибки эти –

неисчислимое богатство. От того, как ты ими распорядишься – и будет зависеть ценность прожитого тобой времени, дороже которого ничего и нет. Море, как ничто, напоминает об этом, ненавязчиво присутствуя рядом: ты можешь его не заметить, а можешь обратить свой внутренний взор к его неиссякаемой энергии. И в штиле, и в качке оно необыкновенно полезно.

Как писал Константин Паустовский – «штормы проветривают сердце»… Что означает для человека испытать красоту шторма, его дикую отчаянную силу? Только ради этого стоит сходить в море, чтобы почувствовать небывалость штормовой стихии, всю её нескрываемую мощь. Шторм неутомимым голосом призывает человека в свои объятия, но никогда при этом не обманывает. Он несёт в себе энергию необыкновенной глубинной чистоты…

Странно, но шторм в ясный солнечный день воспринимается более величественно и грозно, нежели в хмурую, ненастную погоду. Море от самого горизонта будто кипит, не зная – куда ему деться, и когда долго видишь перед собой эту безудержную толчею волн, закрывающую горизонт, голова незаметно начинает кружиться. Невозможно смотреть одновременно и на пляску волн, и на солнце, которое, кажется, тоже слегка пританцовывает, пытаясь удержаться в небе над бушующей морской стихией. Хорошо ощущать в такой день слитность со штормовым морем, переживая только радость.

Ощущения во время девятибалльного шторма – непередаваемы! Это нужно прочувствовать самому, на собственной шкуре, и это есть настоящее испытание для человека не только на физическую выносливость, но и на силу духа, поскольку шторм изматывает всех уже через сутки, а может длиться и двое, и трое, сколько угодно… Главное, ты не знаешь – на какой срок рассчитывать, и тут самое лучшее жить в ритме с морем, подстроиться под его буйный лад и терпеть, умея получать при этом ещё и удовлетворение. Вас должна охватывать приятная, бодрящая злость от всего происходящего, иначе вы - не моряк. Море – просто не ваша стихия, ведь тихо оно бывает, пока стоишь на берегу.

Палуба кренится, чуть ли не на пятьдесят градусов то в одну, то в другую сторону, и нужно иметь хладнокровие не обращать внимания на подобную свистопляску, умело и быстро изменять положение тела, и при этом не бросать выполняемой работы. Руки беспрестанно перехватываются за разные выступы и опоры, ноги выделывают невообразимые кренделя, тело, кажется, напружинено до предела, предельно напряжены и нервы: легко ли находиться в таком состоянии длительное время?

Замечено: самые настоящие моряки в этой штормовой ситуации – хладнокровные, почти не замечаемые люди, внешне никак не реагирующие на происходящее. Их немилосердно кидает, бьёт о механические части механизма, если это, скажем, механики, но они будто не обращают на происходящее никакого внимания и всё делают, как давно заведено. Штурмана и матросы неизменно сменяют друг друга на вахте, буфетный

рубит мясо и чистит картошку, кандей варит щи и печёт хлеб, маркони выходит в эфир, а мотыль измеряет щупом уровень масла в танкерах. Всё идёт своим чередом, и каждый, на своём месте, старается надёжно исполнить возложенные на него судовые обязанности. Судно, несмотря ни на что, живёт обыкновенной экспедиционной жизнью, и это спокойствие отражается в лицах моряков.

В своём первом морском рейсе я нет-нет, да пытался разглядеть за этой размеренной морской обыденностью скрытую браваду, то и дело всматривался в лица моряков, но ничего у меня не получалось: все члены экипажа были совершенно искренни в своём поведении. Да и сам я скоро понял, что к шторму, в конце концов, привыкаешь. Ни как к чему-то занудному, что вынужден, несмотря ни на что, терпеть, а как к неотъемлемой части твоей жизни, посвящённой морю. Постепенно, даже не замечая того, ты перестаёшь думать о страшных глубинах, простирающихся под днищем судна, гигантских волнах, готовых его низвергнуть в неведомую пучину, о морской болезни… Она перестаёт тебя навещать, если ты занят делом.

Волны и глубина уже воспринимаются как нечто неотъемлемое, без чего ты, оказывается, не представляешь собственной жизни, и тебе даже нравится всё то, что тебя сейчас окружает. Можно сказать, что ты даже счастлив, правда, ещё не до конца осознаёшь это замечательное состояние. Веришь, что вопреки любой буре, будешь всегда идти к намеченной цели, чего бы тебе это ни стоило. И уже не удивляешься ничему в окружающей тебя морской жизни, а только радуешься, как может радоваться свободный человек: повелевать волнами ты, конечно, не в силах, но вот становиться с каждой экспедицией немного лучше, сильнее, вполне осуществимо.

- На румбе 190! – доносится сквозь рёв моря и ветра с капитанского мостика, и понимаешь: ты находишься там, где и должен находиться, и всё у тебя в полном порядке.

- Ну, как? – спросит тебя однажды в лихую качку бывалый матрос. – Не растабанило?!

- Ничуть, - резво отвечаешь ему. – Даже – хорошо, злить начинает малость…

- Ну-ну… - лукаво косится матрос. – Поначалу-то любого разболтать может. Пока ещё пообтерпишься! А есть такие храбрецы, у которых в первый шторм ровно пробку вышибает, и уж потом – хоть кверху ногами ходи, всё тебе нипочём! Кто-то же, наоборот, всю жизнь в море провалandается, но так никогда и не привыкнет. Тут, брат, свой расклад иметь надобно!

У меня, похоже, сразу обнаружился «свой расклад», и я уже потом никогда не отступал от него, каким бы сильным шторм не оказывался. Помнится, ещё при первом выходе в море, на пробное траление, укачивать начало сразу, хотя волнение было незначительное. За бортом плясала открытая, теперь уже не сдерживаемая брекватером, покатая волна, и в лицо резко, до тошноты, ударяло сладковатой морской свежестью. Запах разогретого топлива и звук подрагивающих переборок окутывали с ног до

головы, чайки с надоедливым гамом то и дело мелькали в распахнутом иллюминаторе, и было слышно, как на камбузе размеренно погрохатывает посуда. Со всем этим, а более с собственным волнением, пока ещё трудно было справиться.

Я долго крепился, мужественно борясь с подступавшим к горлу комком, но удержаться, всё же, не смог. А потом вдруг стало необыкновенно легко, волнения почти не ощущалось, и если заниматься каким-нибудь делом и ни о чём плохом не думать, то и вовсе становится как-то удивительно свободно. Нужно только ко всему немножко привыкнуть, сделаться увлечённым, более сильным человеком, и тогда окружающее тебя штормовое море воспринимается радостно, с предвкушением чего-то таинственного и необычайного, как нечто родное.

Именно так, по-родственному и очень просто воспринимают разбушевавшееся море старые моряки. Сколько раз потом приходилось мне присутствовать при самом обыденном обсуждении шторма этими моряками, и я не переставал удивляться тому сдержанному обаянию, с которым такие беседы происходили.

- Однако, наваливает! – с серьёзным видом, бывало, заметит вахтенный штурман, стараясь принять такое положение, чтобы не стукнуться. – Ещё вчера, с вечера, когда выходили с Малокурильской бухты, изрядно засвежело!

- В точности так, Кузьма Петрович, - благодушно подытоживает боцман. – Капитан всю ночь не сходил с мостика. Только прилёг… Погода – не приведи, господи! Ровно наши сахалинские сопки качаются…

- Ты сам-то, боцман, остерегаешься болтанки? – от нечего делать интересуется штурман.

- Не без этого, Кузьма Петрович! – простодушно отвечает боцман.

- А вот капитан наш ничего не боится! С любым штормом справится, и всегда смотрит ему в лицо, - авторитетно замечает Кузьма Петрович. – Самая адская качка ему нипочём!

- И то верно, - с напускной небрежностью вторит ему боцман. – Долг дисциплины, знаете, обязывает.

По лицу боцмана видно, что он пытается скрыть волнение, и оно не оставляет его.

- Ну, и рвёт! – в лёгком возбуждении, будто самому себе, произносит боцман. – Пронзает наше судёнышко наскрозь!

- Потихоньку выдюжим, - как бы задумавшись, покойно убеждает и себя и боцмана штурман.

- Никуда не денешься.

- А ушёл бы? – усмехается Кузьма Петрович.

Боцман какое-то время молчит, а потом еле слышно добавляет: - Рази отседова уйдёшь? Кругом вода!

И действительно: океан поглотил собой всё видимое пространство, сокрушая своими мощными ударами судовые надстройки. Штурман же

глядит в окна, не мигая, и когда очередная водяная гора погребает всё судно, он только недовольно крякает и потирает усы.

И всё же, в преддверии шторма, каждый моряк, каким бы опытным он ни был, собирает всю свою волю в кулак и полон решимости на этот раз, наконец, не поддаться морской болезни. Всегда чутко прислушиваешься к себе – появляется ли ощущение тошноты, и если нет, то испытываешь глубокое удовлетворение: ты сроднился с морем, вошёл с ним в единый жизненный ритм, и твоё сознание от этого крепнет, оно становится ещё более поставленным, а значит – управляемым. Ничто теперь тебе не страшно, и оглянувшись вокруг – ты понимаешь, что чувствуешь себя по-настоящему счастливым.

Вообще, наступление морской болезни располагает к сдержанности даже самые отчаянные головы. Обычно шумные и вездесущие, члены экипажа, с началом шторма, довольно внезапно перестают общаться со своими товарищами, куда-то надолго исчезают, так что о них все даже забывают, а то присаживаются в каком-нибудь укромном местечке на палубе, и в таком забытьи вглядываются тихо вдаль, как правило, в направлении исчезающих берегов. Ничто теперь, кажется, их не интересует, даже – вкусный обед, аппетитные запахи от которого немилосердно распространяются с камбуза, и наши присмиревшие приятели без сожаления пропускают обычно всегда желанную трапезу. Сейчас для них нет ничего прекрасней, чем подышать прохладным морским воздухом – солёным и свежим, как будто это только что сорванный с грядки огурец. И вот они переходят от борта к борту, не в силах им надышаться, и тошнота, вроде бы, отступает, но пока они и помыслить бояться о том, чтобы спуститься во внутренние помещения… Свежий морской воздух – лучшее лекарство от морской болезни!

А однажды нас вылечил от морской болезни напряжённый труд всего экипажа, ибо труд лечит и от тоски и от всех бед на земле. Дело в том, что каждый район моря обычно диктует свои особенности плавания по нему, и их, конечно, следует учитывать. И как тут не вспомнишь, что почти на всём протяжении Татарского пролива, вдоль западного побережья острова Сахалин, располагаются под водой каменистые гряды, что в прилив совершенно не видны…

Часто здесь по весне и в начале лета задувает с моря норд-ост, он быстро усиливается до степени шторма, а рейд вдоль западного берега, особенно – вблизи Виахту, Мгачи и Дуэ открыт для этого ветра. Уйти в море, как правило, невозможно, а прямая береговая линия без удобных бухт и заливов, в свою очередь, не предполагает возможным укрыться от непогоды, и судно должно пережидать шторм на якорях, если оно застигнуто им врасплох. Якоря же не выдерживают, машина порой не в силах выгрести против ветра, и часто якорные цепи рвутся и судно выбрасывает на камни.

И вот, в одну из экспедиций от ТИНРО, нас и понесло неотвратимо на эти гибельные «кошки», что-то случилось тогда с машиной… И, конечно, я

сразу невольно представил себе капитана, как он напряжённо раздумывал, еле удерживаясь на мостике, что тут можно ещё предпринять: стравить якорь-цепи до жвака-галса в надежде, что те, коснувшись грунта, зацепятся за него, и … ждать?! «Вытравить до жвака-галса» - означает выпуск якорной цепи на всю её длину, а поскольку основным назначением жвака-галса является сцепление якорной цепи и корпуса судна, то в случае необходимости якорная цепь с его помощью отсоединяется от судна, и тогда оно, может быть, выгребет благодаря сопротивляющемуся якорю от этих проклятых камней?

Оставалось, действительно, только ждать, что какая-нибудь неизведанная, но сопутствующая человеку сила отворотит судно от каменных рифов, над которыми, это уже хорошо видно, вздымаются осатанелые буруны, желая разбить эти камни вдребезги. А судно взлетает и падает, и его всё так же, неудержимо сносит в эту каменную западню… Вся надежда – на якоря, но сколько выдержат они на скальном грунте, в такое волнение?

Ведь волны бьют, не прекращаясь, на смену одним – подступают другие, и нет им конца. А шторм только ещё более свирепеет, он и не думает утихать, будто подсмеиваясь над бесполезными усилиями людей, набирает неизвестно откуда берущуюся мощь… Наверное, из самых таинственных глубин океана!

В конце концов, эта безудержная мощь сначала обрывает один якорь, а затем – и второй. Но ничего не поделаешь: море есть море. Что такое девятибалльный норд-ост – знает любой моряк на Сахалине, хотя бы раз прошедший море. У моря свои законы, их нельзя нарушать, а можно только следовать им, не забывая, что и человек живёт не только по земным законам, но и по божественным, и они предполагают, порой, совершенно непредсказуемый расклад, когда за существование людей, если они достойны своего звания, вступаются божественные силы, помогая миновать, казалось бы, безвыходную ситуацию. И мы тогда каким-то чудом всё-таки выбрались в пролив…

Вернее даже будет сказать, благодаря догадке «деда», который безрезультатно хлопотал у двигателя со своими механиками весь день. Все, помнится, извелись и уже не замечали ни времени суток, ни мощь шторма, а только чувствовали, что и судно и людей может спасти единое напряжение сил, направленное на борьбу за выживание нашего многострадального старенького сейнера, которого стихия немилосердно сносила, между тем, на каменные гряды. Сигнал «SOS» был послан, но кого ожидать в такую непогоду? К тому же район для подхода спасателей был очень уж неудобным… Оставалось, не покладая рук, бороться изо всех сил, до самой последней возможности уповая на себя и Бога.

- Пока до нас кто-то доберётся, расцелуемся со скалами, - невесело замечает вахтенный матрос.

- Не боись, выберемся, - отвечает ему второй штурман. – Наш «дедушка» что-нибудь обязательно придумает!

А капитан хмурится… Сейнер, тяжело подвывая машиной, карабкается почти в отвесную гору воды, вершина которой щетинится пенными барашками: только бы отойти подальше от берега! Оголившийся винт с завыванием бессильно сечёт воздух, только изредка касаясь лопастями серой воды, волна же на глазах всё растёт, вздымается, и не пускает судёнышко дальше в море, отбрасывая его к коварным подводным грядам… Ну что здесь поделаешь?

И тут на мостике появляется «дед»… Вид – самый измочаленный, какой только можно себе представить, словом – никакого лица на нём нет, и, несколько замявшись, обращается к капитану:

- Я, Михалыч, вот что подумал… Сейнеришко у нас, конечно, старенький, но двигатель-то новый, только установлен во время зимнего капремонта. Может нам ограничитель-то, того, значится, снять?

А нужно заметить, что любой новый двигатель имеет два предела мощности. В начальный период эксплуатации на двигателе стоит ограничитель, и пока механизм не отработает положенного времени, и его детали ещё, как следует, не притрутся, разрешается достигать лишь первого предела. Впоследствии, когда все детали приработаются одна к другой, разрешается снимать ограничитель и пускать двигатель на полную мощность. Наш «Армавир» был только недавно оснащён двигателем с завода, и ему ещё долго предстояло работать с ограничителем…

- И действительно, - размышляет вслух капитан. – Отчего не снять, коли этакая катавасия приключилась, а про то, что срок не позволяет, мы как бы забудем. Рискнуть, да и закаяться! Ну, ты, дед, голова! Кабы на ней капуста росла, так был бы огород, а не плешь!

И вот пломба с ограничителя снята, наш сейнер вздрогнул, всё в нём задребезжало, заныло, будто натянулось, но не лопнуло, а стало, будто, выправляться… Мощно заработала машина. В рулевой рубке оживление:

- Ай, да, дедушка, молодец! Ещё бы чуть-чуть – и ночевать нам на камешках! Придумал-таки выход! – радостно восклицает штурман.

- Стихия слепа, а мы люди! – вторит ему старпом.

- И то верно! Богу молись, а сам трудись. Без труда не будет добра!

А маленький сейнер, которым управляли люди, их знания и воля, и который совсем недавно терпел настоящее бедствие, благополучно выходил в пролив. И хоть по-прежнему стёкла рулевой рубки заливали клокочущие потоки воды и громадные волны перекатывались по палубе, настроение у всего экипажа было совсем иное.

К слову сказать, за потерю якорей капитана лишают диплома, и он, наш дорогой и любимый Михалыч, уже позже вспомнил, что несколько лет назад какое-то судно утопило свой якорь в ковше Чехова, чуть южнее, куда мы и направились после того, как шторм улёгся, желая восполнить потерю хотя бы одного якоря. В результате долгих поисков аквалангисты якорь всё-таки

отыскали, подвели под него стропы, и подняли на поверхность, что опять же не обошлось без приключений, и честь капитана была спасена. Но долго ещё все не могли забыть коварные каменистые гряды, скрывающиеся под водой у северо-западных берегов острова, и сплочённый труд всего экипажа, незаметно избавивший нас от переживаемых мучений: за напряжённой работой мы и думать забыли о морской болезни!

В такие моменты, что даются неслучайно, вдруг невольно подумаешь: и очень даже хорошо, что море так растабанилось! Когда ещё увидишь подобное? Нет, жизнь для того и дана, чтобы попробовать в ней всего в достатке, хотя бы вот этот девятибалльный шторм.

Только в такую бурю ты начинаешь слышать своё сердце, недоверчивое отношение к жизни отступает, и в тебе рождается какой-то иной человек, что готов поспорить и с безудержной морской стихией. А почему нет?! Спокойное житие, как ты уже не раз убеждался, не приносит глубокого удовлетворения, но такое штормовое море тебе по нраву, его ещё нужно заслужить в собственной жизни, ну, а уж если оно заглянуло в гости – прими его достойно, и оно, ты не поверишь, обрадуется тебе!

Ты только не предавай себя, той чудесной возможности, что предоставляет тебе Существование, и тогда, может быть, море примет тебя, и ты не будешь бояться любой передряги, потому как эти неожиданные напасти учат вольной, настоящей жизни. Тебя захлестнёт от радости эта твоя моряцкая лихость, но лишь на короткое время, пока ты тотчас не остепенишься, не возьмёшь себя в руки, и не станешь незаметно сильнее… Всякое случается в жизни, всё может быть в море, и это, наверное, есть самое чудесное, что отличает наше существование на земле, по соседству с морем, проверяющему людей на крепость.

- Тавота и грифеля не жалей при смазке троса, тогда он выдержит любую бурю! – любил говорить наш боцман.

Уйти на долгие месяцы в штормовое море, и вернуться живым, - это ли не радость?! Чайки опять станут кружить над твоей головой, махая белоснежными крылами, а ты будешь пьянеть от того, как судьба испытывала твоё терпение и волю, и ты выдержал её буйный нрав, и если так, то можешь петь гимн этой жизни, что не подвела тебя. Ты завязал ещё один морской узел!

Когда судно находится вдали от берегов, оно порой начинает балансировать на гребне волны высотой с многоэтажный дом, и кажется вот-вот должно ринуться в пропасть, но этого почему-то не происходит. Такие волны иногда приходят в сильный шторм, они не опасны, и, поняв это, ты даже начинаешь получать удовольствие от такого головокружительного балансирования. Когда я их замечал, у меня появлялось острое желание быть к ним поближе, смотреть неотрывно и как будто проникать в их суть. Так можно было отвлечься от приступов морской болезни…

А судно, тем временем, спокойно ползёт и ползёт вверх по склону этой бесконечной, как будто заснувшей волны, и потом, также спокойно, вниз, и ничего ужасного не приключается. Эти гигантские волны временами даже успокаивали, и отчего-то я всегда чувствовал себя при них ещё более уверенным в себе, нежели при полном штиле.

Смотришь на волны – и постепенно тебя завораживает то беспокойное копошение, с которым они накатывают друг на друга, неизвестно зачем беснуются, шумят. Какую волну не выхватишь взглядом из общей непонятной толчеи, всякая, кажется, старается забраться выше других, гонит собой остальные, вроде как пытаясь себя показать. А на неё уж с шумом наваливается иная, завиваясь белым пушистым гребнем, и тут же – ещё одна, более свирепая, да всё с безудержным натиском, как-то одичало…

Скоро голова начинает кружиться от этого беспорядочного волнения, и вот уже воображается, будто в штормовом море нет никакого смысла. Жалость ему не присуща, хоть бы в этом штормовом жерле гибли корабли и люди: море бы без всякого сожаления разбивало суда, погребало под собой людей, не разбирая никого – ни достойного, ни труса. Одну жестокость несёт бушующее море, рушит всё на своём пути, не боясь ни молний, ни ночного мрака, ни собственного отрешённого одиночества, и лишь ветер ему брат. Всё штормовому морю нипочём, и если бы случилось ему иметь душу, то оно точно также бы, наверное, рвало, метало и безжалостно крушило. Не видать вокруг ни краешка земли!

В какой-то момент провалы между волнами так страшно начинают чернеть, что чудится, будто это таинственная морская глубь пытается вырваться наружу, отчего-то истосковавшись по неведомому для неё свету. По-видимому, долго сдерживаемая мощь таинственной глубины порождает ближе к поверхности неописуемое волнение, которое, между тем, холодит кровь. И тогда в глубине души тоже начинает подниматься нечто тяжёлое и тёмное, напоминающее неизведанную морскую глубину и её отчаянное волнение. Как тут не «заболеть»?!

Далеко не всегда ты ощущаешь себя при шторме полным сил и энергии. Часто тебя одолевает вялость, сонливость. Таково следствие бессистемной качки, вернее же – непрерывно меняющегося биоритма, с неполноценным отдыхом, всегда с каким-то не проходящим напряжением и готовностью к авралу, постоянным нервным накалом.

Интересна в этом отношении эволюция переживаний людей, вызванных длительной оторванностью от земли, одиночеством и постоянной болтанкой. Сперва на человека наваливается ещё непривычное для его тела притяжение, когда неимоверная сила будто вдавливает тебя в палубу, трап, всё металлическое оборудование судна, которое, со своей стороны, стремится всей непроницаемой тяжестью втиснуться в твои члены, и ты не в силах понять – отчего этого на самом деле не происходит. Мысли в такой начальный период шторма обычно сразу становятся сбивчивы, обрывисты и переваливаются в голове подобно сорвавшейся со столов в кают-компании

посуде – дребезжащих по палубе кружек и чашек, после чего в скором времени вообще перестают присутствовать. Нечто схожее, наверное, случается с перебродившей в бутыли брагой, которая готова вот-вот вырваться наружу, но пока лишена этой возможности.

Неприятные ощущения от разгорающегося не на шутку шторма следует, как правило, просто мужественно перемочь, но для многих, даже бывалых членов экипажа такое преодоление себя оказывается непереносимым, и часто не менее половины его впадают в лёжку, отдаваясь на волю разбушевавшейся стихии. Для них восприятие действительности на неопределённое время перестаёт существовать, и сами для себя они тоже как будто исчезают, проваливаясь в какую-то неминуемую безысходность, которая/вот уж безумие!/ оказывается неотъемлемой частью их любимой работы. Только суровое в своей неукоснительности слово «вахта» способно ненадолго вывести страдающую морскую душу из непрекращающегося кошмара, когда нет ни низа, ни верха, ни прошлого, ни настоящего, а есть лишь неописуемо отвратительное, ни с чем другим несравнимое состояние, называемое среди моряков просто – «морская болезнь».

Но не тот, говорят, болен, кто лежит, а тот, кто над болью сидит. Больному-то всё горько, ему и киселя в рот не вольёшь, а дай боли волю, полежав, так и умрёшь! Многих, конечно, на море тошнит, только не всякий это показывать должен.

Слов нет, тошно в жестокий шторм жить, выполняя ко всему прочему нелёгкую работу, но ведь и умирать не находка. Остаётся одно: надо терпеть. А вырвало, да и скинуло с души!

Но об этом несколько позже, а пока попробуем разобраться с теми, кто в эту самую лёжку не впадает или быстро выходит из неё. На флоте таковых, конечно, большинство, и они, только каждый по-своему, научились преодолевать неприятное недомогание. Так сказать, в силу длительного морского опыта обрели некий секрет или способ вывода организма из состояния потерянности и переживание неразрывной связи с морем, которая подразумевает содержание в нас воды и соли, как и в самом море.

Кстати, эту самую соль, посыпанную на сухарик из чёрного хлебца, бывалые моряки и рекомендуют употребить, когда у вас в организме начинается известного рода томление духа. Когда от качки лицо человека зеленеет, принимая цвет морской воды, и его выворачивает наизнанку – советуют так же пожевать кусочек солёной, а ещё лучше – вяленой рыбы. Кому-то помогает дикий чеснок черемша, пахучие листья которой нужно держать во рту, изредка сглатывая или сплёвывая в зависимости от переживаемых ощущений. Находятся страждущие, что не гнушаются пососать гудрон или, на худой конец, лимонные и апельсиновые корочки, а особо утончённые не в силах обойтись без плитки шоколада. Так или иначе, но все эти вкусовые причуды, скорее всего, свидетельствуют о внушаемости человека, пытающегося подобным образом избавить себя от одолевающей

напасти, и у каждого моряка спасительным может оказаться любой продукт, якобы способствующий его исцелению.

А Нельсон?! Известный английский адмирал всю жизнь не выносил качки, и всё же выиграл много морских сражений, справляясь с собою тем, что в любую погоду поднимался на капитанский мостик, преодолевая подступающие приступы морской болезни. Воспоминание о знаменитом адмирале, его мужестве, тоже, как ни странно, помогает взять себя в руки, и человек в подобных думах успокаивается, и больше не хнычет.

Обычно самый сильный недуг от морского волнения переживается только поначалу, его нужно переболеть, словом – испытать на себе в полной мере, и в дальнейшем неприятные ощущения отступают. К качке действительно можно привыкнуть, если ходишь в море часто и постоянно делаешь там работу. Работа в этом смысле очень отвлекает. Ничего не поделаешь, море требует плату за те секреты, что открывает человеку, такое положение вещей просто следует принять, и чем раньше это произойдёт, тем лучше.

Порой разыграется такой шторм, что даже и у бывалых моряков начинает сосать под ложечкой, и они, как правило, нагоняют на себя равнодушный вид и молодцевато передвигаются по палубе или трапу. Мол, шторма для них – обычное дело, сам чёрт им не брат, и в гробу у дядюшки Джонса видали они это волнение. Но бушующий седой океан, характерный вой ветра в снастях и постоянно ударяющая в лицо водяная пыль тотчас возвращают тебя к морской действительности, и мысли тоже незамедлительно настраиваются на экспедиционный лад. Ты – в море, а не на земле, и как бы ни было там хорошо, твоя теперешняя жизнь – здесь, в бескрайнем царстве воды, где надлежит вести себя особо…

Но бывает, величественный вид бушующего океана незаметно прикуёт твоё внимание, наполнит душу благоговейным трепетом перед неудержимой стихией, и ты вдруг обо всём позабудешь, покорённый осознанием слитности с этой могучей силой. Кажущиеся издали не такими уж и большими, морские валы вблизи преображаются в неодолимые горы, меж которыми как щепку бросает маленькое судёнышко. Его крутит, раскачивает в разные стороны, бешеные волны разбиваются о борта судна и перекатываются через всю палубу, а ты будто сливаешься и с судном, и с морской стихией, и, прочувствовав в полной мере это слияние, уже ничего не боишься, ни какая морская болезнь тебе уже не страшна. Ветер же ревёт, срывая целые верхушки гигантских волн, рассыпает их серебристой холодной пылью, и всё воет, воет, воет, точно негодуя, что не может применить свою сокрушительную силу в полной мере.

Ну и, конечно, встречаются в море такие индивидуумы, что вовсе не подвержены даже самому грозному штормовому волнению. Что для этого нужно? Во-первых, великолепный вестибулярный аппарат, который есть абсолютно гармоничное восприятие себя в окружающем пространстве, где бы вы ни находились, когда вам не мешает темнота, чтобы мгновенно

отыскать в ней дверную ручку, либо ходящая ходуном под ногами палуба не вызывает у вас особых затруднений для её беспрепятственного преодоления. Кстати, по-научному «морская болезнь» так и формулируется: ухудшение состояния человека/головокружение, тошнота, рвота/ в результате раздражения вестибулярного аппарата при качке судна, которое усиливается от жары, духоты, запахов и других воздействий на нервную систему.

Затем – беззаветная любовь к тому, чем вы сейчас занимаетесь, в том числе – и к морю, каким бы своенравным оно порой не бывало. Непременно – и знание дела, которому вы посвятили всю свою жизнь и не перестаёте получать от его выполнения непередаваемую радость. Ещё следует, наверное, отметить доброжелательность и жизнелюбие, с коими вы относитесь и к поставленной задаче и к товарищам, когда для вас не составляет труда после своей честно проведённой вахты, отстоять и вахту приятеля, если он занемог или же страдает от злополучной «морской болезни», которая вас лично не особо донимает. Любые преграды, хотя бы и в бушующем море, преодолеет организм восприимчивый к окружающей его среде, не равнодушный и ясно представляющий для себя – чего он хочет.

Жизнь, где бы она ни протекала, на суше ли, на море, везде одинакова, с присущими ей радостями и печалями. Одним из таких неминуемых морских неудобств, как ни крути, во все времена оставалось для мореходов последствие сильного волнения на море, когда вы не в состоянии ни работать, ни заниматься каким-либо даже самым маломальским делом. Вы только лежите и проклинаете и море, и свою судьбу, помышляя лишь о спасительном береге, который вы так опрометчиво покинули, на время отказались от него, и во имя чего?! Как потом окажется, и вполне резонно, в том числе и ради вот этой безудержной качки, когда вы не находите себе места, часто бегаете травить в гальюн, и опять клянёте своё незавидное положение, на которое сами же себя и обрекли.

Нередко случается так, что морская болезнь вызвана даже не сильным волнением, к которому организм всё же скоро привыкает, а тем, что происходит вокруг, то есть – общей напряжённой атмосферой. Стиснутая железом сумрачная обстановка оказывает удручающее впечатление на человека, только что очутившегося в штормовом море, тем более – в первый раз. Обстановка эта давит отсутствием воздуха и вынужденной скованностью движения, очень естественно ограничивая самые необходимые потребности. Застывшая тишина кажется непрошибаемой и невыносимо гнетущей. Хочется, всё, к чертям, бросив, развернуться и выскочить на палубу, подставить лицо свежему ветру с колючим снегом, и стоять долго-долго, постепенно возвращаясь из тяжёлой тишины к такому приятному, в своей доступной простоте, воздуху и свету.

Наверху, на ветре, ощущение морской болезни не так мучительно, как внизу, в духоте каюты, и хотя качка, когда ты стоишь на палубе, и воспринимается страшнее, но переносишь её гораздо легче. Видя перед собой гигантские водяные валы, испытывая на себе резкий, холодный ветер,

чуть не сбивающий с ног, и постоянно осыпаемый мелкой водяной пылью, ты, как ни странно, чувствуешь большую свободу, а главное – слитность с бушующим морем, рёвом, стоном и свистом ветра в снастях, и незаметно преодолеваешь жгучий страх, а страдания от морской болезни, кажется, уменьшаются…То, что в каюте воображалось ужасным и страшным, здесь, на свежем воздухе, воспринимается постепенно как нечто обыденное, хотя и незабываемое.

К любой, даже самой жестокой качке всё же привыкаешь… И не пугают уже огромные водяные валы, суровый напев ветра в снастях, жалобно поскрипывающие переборки. Досадно только, что качка сковывает твои действия и движение, кусок пищи в горло не лезет, и нет-нет да сосёт под ложечкой неприятное ощущение оторванности от твёрдой почвы под ногами, привычной для тебя среды. Не слышно обычных оживлённых разговоров, шуток и смеха, и кажется – всё на неопределённый срок уснуло, забылось, даже – умерло. Судно охватила безопасная, но очень неприятная «морская болезнь»…

Кают-компания постепенно пустеет… На столах приподняты штормовые бортики, чайники, чтобы не скользили по столу, поставлены на мокрые полотенца. Принимать пищу приходится, придерживаясь одной рукой за стол, а уж если нужно нарезать хлеб – широко расставляешь ноги. Правда, редко кто выходит завтракать, обедать или ужинать.

В задраенные иллюминаторы ухает обезумевшая волна, и потом, на миг, напряжённая тишина… Судно будто проваливается в какую-то онемелую одурь и начинает казаться призраком, который движется сам по себе, напоминая легендарный «летучий голландец». Но это ощущение возникает лишь потому, что палубных работ нет, и у экипажа остаётся время для ремонта оборудования или плетения мочалок. А кто-то принимается, наконец, за обработку даров моря: отбеливает щёлоком раковины, аккуратно закрепляет на фанерках многолучевые причудливые звёзды, прежде чем засунуть их подальше от глаз старшего механика в машинном отделении, развешивает на ниточках под подволоком изогнутых морских драконов, покрытых лаком. В море каждый найдёт себе дело даже во время шторма, ибо никогда не пропадает у настоящего моряка забота.

И тогда, за каким-нибудь нехитрым морским делом, как чудный сон вспоминаются бесконечно долгие, идиллические вечера во время штиля… Оранжевое солнце садится, нежно озаряя весь небосвод, и вскоре уже море утопает в объятиях бархатной звёздной ночи, вокруг – проникновенная тишина, и только вода чуть плещется под бортом, да поскрипывает штурвал. Штурман изредка шелестит картой в рубке, мурлычет себе что-то под нос, и ты думать забудешь, что по нескольку дней кряду случаются отчаянные, выматывающие душу шторма, когда всё в твоей жизни уходит на задний план, а остаётся только великое напряжение сил и борьба с жестокой стихией.

Но и в штиль суда, особенно при парусном флоте, претерпевали лихо… Тот же Беринг, обречённый на медлительность судов в отсутствие ветра при возвращении в Петропавловск-Камчатский, передвигался в таких случаях с помощью верпов – малых якорей. Эти верпы завозились на шлюпках, и к ним вручную подтягивалось судно. И как только вообразишь всю усталость от такой изматывающей работы, то захочется тебе опять неутихающего шторма и безумствующего ветра, наполняющего паруса свободой, а сердце – жаждой жизни. И уж более не клянёшь море за его непредсказуемую силу, а наоборот – принимаешь её всем сердцем.

Ведь море не может быть иным, оно просто существует, и следует воспринимать его таким, каким оно бывает чаще всего – неспокойным, непредсказуемым, штормовым. Это наиболее очевидно для того, кто связал с ним свою жизнь. Что значит настоящее морское волнение, скажем, для обывателя? Для него это нечто неописуемое и совершенно непередаваемое, ибо в представлении обывателя, если бы он хотя бы на секунду оказался в эпицентре шторма, увиденное было бы сравнимо с катастрофой. А морякам в подобных условиях приходится работать всю жизнь.

Равнодушие моря или его свирепая неприкаянность и даже одержимость не должны вызывать в человеке раздражения, так же как человека не должна смущать мысль о собственной ничтожности в сравнении с ним. Море необходимо воспринимать как огромный живой организм, существующий по своим глубинным законам, и человек обязан принимать эти законы целиком, даже в их мелких проявлениях, ничего не пытаясь переделать, или изменить. Общаясь с морем, человек должен постоянно изучать его, хорошо знать, оставаясь при этом в согласии с самим собой, особенно, когда судно подвержено риску крушения.

Часто можно услышать расхожее мнение о том, что, якобы, гибель кораблей впрямую зависит от разыгравшегося шторма… Однако у кораблекрушений существуют свои законы, которые, как ни странно, исходят не из закономерностей штормовой погоды. Большинство судов терпит аварии вблизи берегов, попадая на мели и подводные камни. Гибель судов вдали от берегов случается редко. В открытом море суда могут погибнуть от столкновения друг с другом или с плавучими льдами, от пожаров и реже всего от бурь.

К тому же, навигация приобрела надёжность и уверенность с появлением на флоте гирорулевого, то есть, как его ещё часто называют, автомата. Волшебный этот прибор – «гиро»! Конечно, плавание с ним стало чуть менее романтичным, зато более надёжным. Покинув порт, пройдя мели и прочие опасности, в открытом море, где долгие часы предстоит следовать одним курсом, включают «автомат», соединённый с гироскопом на дне трюма. С этого момента он с сухим пощёлкиванием неугомонного сверчка, будто спрятавшегося за приборной доской эхолота, ведёт судно, выправляя положение руля после каждого крена, тогда как вахтенному штурману или матросу остаётся только следить за поверхностью моря.

И всё же, никто не застрахован от вероятности угодить в штормовую погоду на мель, либо напороться на камни, а что вода берёт, говорят моряки, обратно не отдаёт. Но нужно не забывать, что потерпевший кораблекрушение попадает в естественную среду, хоть и не безопасную, где у него имеется не малая возможность выжить. Ведь в одном м3 морской воды в 200 раз больше питательных веществ, чем в м3 земли! Главное же спасение человека – в его психологическом состоянии, когда разум, всё существо человека, может возобладать над страхом и победить его.

В этом отношении знаменателен пример с гибелью «Титаника», 14 апреля 1912 года столкнувшегося с айсбергом. Первые суда подошли к месту катастрофы всего через три часа после того, как пароход исчез под водой, и в спасательных шлюпках уже было немало мертвецов и сошедших с ума, но среди тех, кто поплатился жизнью и безумием за свой панический страх, не было детей моложе десяти лет. Малыши, по причине своей душевной чистоты и отсутствия какой-либо испорченности неблаговидной жизнью, не успели испугаться так сильно, чтобы довести себя до сумасшествия!

Вообще, сильнейшие штормовые ветры, а дополнительно к ним – льды, внезапные туманы, песчаные отмели, или коварные подводные рифы привели к образованию в Мировом океане целого ряда «кладбищ кораблей». В так называемом «Гнилом углу» Атлантики только у мыса Гаттерас за последние 400 лет затонуло более двух тысяч судов, причём, несмотря на навигационные ограждения, этот мыс продолжает оставаться «пожирателем» кораблей и в наши дни. «Кладбищем кораблей» называют также район Багамских островов. В Бискайе и у мыса Горн скелеты судов громоздятся друг на друге, образуя порой целые пирамиды. Галионы, каравеллы, фрегаты, клиперы, парусные барки, пароходы, дизельные грузовые суда и танкеры – все они покоятся здесь вот уже многие века, словно немой памятник морской стихии, жестокому шторму…

Кстати, на примере отношения к жесточайшему шторму именно наших моряков - можно было судить о чистоте русской души! Ни у одного народа не было заведено такого обычая, как у русских матросов: перед возможными крушениями они всегда надевали чистые рубахи. Это какой внутренней чистотой следовало обладать обыкновенному русскому человеку, зачастую – неграмотному, пришедшему на флот из крестьян, чтобы уважать в себе и мире божественное, несмотря на близкую смерть ему просто и искренне поклоняясь!

«Кто на море не бывал, тот Богу не маливался», - гласит русская пословица, да только правда здесь в том, что не от страху молится человек в море, а оттого, что ближе ощущает и в себе и над собою Бога, явственнее чувствуя его присутствие. Ведь Богу в первую очередь интересно быть там, где человек себя преодолевает и становится лучше. А что до страха в бушующем море-океане, так это всё обыкновенные для него происшествия. Конечно, случаются в море кораблекрушения, гибнут суда и люди, да разве на берегу народу гибнет меньше?!

Часто можно услышать мнение, что человеку особенно страшно оказаться за бортом, в открытом море, когда под тобой простирается бездонная водная толща, и ты предоставлен только воле Всевышнего… Жутко становится, как только представишь подобное, и уж не пожелаешь такой участи даже врагу своему. Оказавшись совершенно один, в этом бескрайнем мире воды, тобой, по всей видимости, овладевает ощущение брошенности, своей ничтожности, и воля твоя неминуемо приходит в упадок.

Должно быть, легче было бы пропасть на суше, думаешь ты, от какой-либо болезни… Тогда хотя бы кто-то окажется рядом и поддержит тебя в твою последнюю минуту. В море же ты предоставлен самому себе, а твои товарищи, скорее всего, вынуждены будут переживать то же, что и ты, разделив такую же судьбу.

И всё же – так ли это плохо, если вокруг тебя играют зелёные волны, вытягиваясь и обласкивая своей нежной прохладой, над головой вскрикивают чайки, может быть, сквозь тучи изредка пробивается солнце? И даже когда на море наваливается серое небо, твоё тело подбрасывают серые, почти бесцветные валы, и нет никакой надежды на спасение, разве не оберегает тебя величественная стихия, не причиняя при этом никакой боли, а лишь убаюкивает, и ты постепенно будто засыпаешь? Если угодно, море даже заботится о тебе, забирая к себе бескровно, постепенно и ласково заключая в свои материнские объятия. В море – горе, а без него нет и того!

Да, в борьбе со штормом человеку, конечно, не совладать, слишком велика мощь морской стихии, но находить согласие с ней, благодаря своей смекалке, ему иногда всё-таки удавалось. Так, чтобы уменьшить волнение, в старину на поверхность моря выпускали масло. Достаточно 50 кубических сантиметров жидкого масла, чтобы оно в течение 20 секунд растеклось на площади в 1500 кв. метров тончайшей плёнкой в 0,0002 миллиметра толщины, и погасило бы мелкие волны. С этим явлением хорошо были знакомы русские поморы ещё в древние времена. Академик Лепехин в 1772 году писал: «Средство сие состоит в ворванном сале, которое во время заплёскивания судна льют в море, или пускают подле боков судна мешки, наполненные оным. Средство сие издревле нашим поморянам известно и за многие годы прежде было у них в употреблении, нежели европейские ведомости о сём средстве, как некоем важном открытии, были напомнены».

Понятно, что таким способом нельзя погасить большие волны. Но это даёт возможность спустить при волнении моря шлюпку и посадить на неё людей, а в древние времена, когда плавали на мелких судах, можно было избегнуть сильной качки и заплёскивания. К тому же, подобный способ мог облегчить перегрузку туш убитых морских животных – котиков, каланов, моржей, когда этого требовала экстренная ситуация после непосредственной добычи зверя в момент разыгрывающегося шторма.

За всю историю морского флота моряки разных стран учились бороться со штормом, постепенно приобретая в этой борьбе необходимые знания и средства, одним из которых является международный сигнал бедствия. В

радиорубке каждого морского судна обязательно имеются большие настенные часы с белым циферблатом. Они похожи на все часы мира, только поперёк их циферблата наклеена узенькая бумажная полоска. Не знающему неписаных законов моря человеку она может показаться совсем ненужной, ибо закрывает несколько минутных делений. Однако это не так.

Чуть только минутная стрелка приближается к бумажной полоске, на всех судах мира замолкают радиостанции. Радисты прерывают всякие разговоры и лишь слушают эфир. Дважды в течение часа – с пятнадцатой до восемнадцатой и с сорок пятой по сорок восьмую минуты – в эфире царит бдительное молчание. Сорок восемь раз в сутки корабли во всех морях и океанах земного шара одновременно прислушиваются, не звучит ли на частоте 500 килогерц сигнал бедствия – призыв о помощи. Неписаный международный закон моряков в эти минуты молчания разрешает посылать в эфир лишь единственный сигнал –SOS! Услышав этот международный сигнал бедствия, все находящиеся поблизости суда должны спешить на помощь тем, кто её просит.

Сигнал «SOS», передаваемый азбукой Морзе в форме … - - - … короткий и ритмичный, состоящий из трёх точек, трёх тире и трёх точек, он может быть легко понят, если даже его начнут передавать очень быстро и непрерывно. В начале своего появления, по подписанной 3 ноября 1906 года в Берлине Международной радиотелеграфной конвенции, сигнал «SOS» не имел ничего общего с трагической фразой «Спасите наши души». Уже значительно позже моряки различных стран стали истолковывать сочетание этих трёх букв такими английскими фразами, как «Save Our Souls»/»Спасите наши души»/, «Save Our Ship»/»Спасите наше судно»/, «Send Our Succour»/»Пошлите нам на помощь»/, а от обозначения сочетания этих трёх букв на русском языке «СОС» - была придумана фраза «Спасите от смерти».

А как принято измерять на море силу ветра и волнения? Морякам всего мира известна тринадцатибалльная шкала английского адмирала Бофорта, введённая в 1805 году и просуществовавшая почти полторы сотни лет. А некоторые пользуются ею для определения силы ветра и сейчас. Нулём - оценивался полный штиль, при котором, например, дым из трубы поднимается вертикально вверх без малейших отклонений.

Лёгкий и слабый ветер по шкале Бофорта характеризовался от 1 до 3 баллов. Для умеренного и сильного ветров были соответственно баллы 4, 5 и 6. Крепкий ветер оценивался в 7 баллов, а ветер в 8 баллов назывался штормовым. По мере дальнейшего усиления шторма он именовался или сильным – 9 баллов, или крепким – 10 баллов. А для ещё более мощного шторма в 11 баллов было особое название – жестокий шторм. Наконец, 12 баллов – это ураганный шторм, причиняющий катастрофические разрушения.

Чтобы определить балл ветра, пользовались, например, такими признаками: если ветер ощущается лицом как лёгкое дуновение, если он слегка колеблет флаги с вымпелами, и листья на деревьях временами

шелестят, то сила ветра 2 балла. Если ветер свистит в ушах, полощет флаги и колеблет большие деревья – 5 баллов. Восьмибалльный ветер раскачивает большие деревья, ломает ветви и сучья и затрудняет движение против ветра. А в 9 баллов он ломает небольшие деревья, сдвигает с места лёгкие предметы и повреждает крыши.

На корабле балл ветра определялся в зависимости от того, сколько и каких парусов мог нести корабль, взяты ли рифы, то есть, уменьшена ли площадь парусов, какой ход имеет судно или как выглядит поверхность моря. Шкала Бофорта включала даже такие, например, признаки: для ветра в 7 баллов – «одномачтовые рыболовные парусные суда в море не выходят, а суда, уже находящиеся в море, ложатся в дрейф»; для ветра в 8 баллов указывалось, что «все суда, находящиеся в море, направляются в укрытие, если оно близко».

Понятно, что, пользуясь такими признаками, очень трудно определить действительную силу ветра, тем более в 12 баллов: в этом случае скорость ветра превышает 29 м/сек, а может достигать 40-50 м/сек., и выше.

Чтобы точнее характеризовать силу ветра в баллах, в 1946 году ввели новую шкалу с 18 баллами.

Однако правильнее и удобнее всего определять скорость ветра не в баллах, а в метрах в секунду или же в старой, понятной всем морякам мере скорости – узлах. Один узел есть одна морская миля в час, или 1,852 км/час.

Миля – единица не случайная. Это путевая мера длины, единая у моряков всех стран. Происхождение её – чисто земное, ибо миля есть линейная протяжённость такой дуги меридиана на поверхности Земли, угловая мера которой равна одной минуте. Но сухопутные мили не отличаются постоянством: в разных государствах длина одной мили различна.

А теперь о баллах волнения. Эти баллы учитывали преимущественно внешний вид поверхности моря, а главный для моряков показатель – размеры волн, для разных баллов характеризовался весьма неопределённо. Например, небольшие чешуеобразные волны – 1 балл, волны становятся длиннее – 3 и 4 балла, начинается образование гребней большой высоты – 5 баллов, высота и длина волн заметно увеличиваются – 7 баллов. Только для 8 баллов характеристика была весьма красочной – высокие гороподобные волны. Любопытно описание волнения в 9 баллов: «Высота волн настолько велика, что находящиеся в поле зрения корабли временами скрываются за ними».

Из-за недостаточной конкретности и определённости признаков для оценки балла - появилось очень много различных шкал волнения. Почти в каждой стране действовали свои баллы волнения, и даже в одной и той же стране существовало одновременно по нескольку шкал. Однако во всех шкалах был один общий момент: самый большой балл волнения равнялся девяти.

Понятно, что разнобой шкал породил неопределённость количественной характеристики волнения. Чтобы этого не было, в 1951 году

вместо всех существующих шкал ввели единую, для всех акваторий: океанов, морей, озёр и водохранилищ. Она была названа шкалой степени волнения. Балл степени волнения определяется теперь строго и однозначно в зависимости от высоты волн: чем больше высота волн, тем больше балл.

Чтобы оценивать внешний вид поверхности моря, временно сохранили ещё одну шкалу, которую так и назвали – шкала состояния моря. В настоящее время балловые оценки волнения употребляются всё реже: когда нужно охарактеризовать высоту волн, чаще пользуются просто метрами. Это просто, удобно и вполне определённо. Дело лишь за тем, чтобы правильно измерить высоту волн, а это можно сделать только с помощью специальных приборов.

В последнее время спутники обнаружили в океане чудовищной величины и мощи бродячие волны, которые, кажется, не подпадают ни под какие баллы. Они, как призраки, возникают вдруг стеной из океанской глади, обрушиваются на палубы кораблей и исчезают неизвестно куда. По подсчётам экспертов жертвами бродячих волн ежегодно становятся сотни судов.

Высота этих волн достигает не менее 25 метров, её засекли радары со спутников, нацеленных на океан. Обычно высота волн зависит от силы ветра, от того, сколько времени он дует, а также от площади открытой воды, но даже за неделю, при сильном ветре и площади открытой воды в несколько тысяч километров, волна способна достигнуть не более 15-20 метров, бродячие же волны порой вырастают до 30-35 метров и учёные готовы поверить, что на просторах океана можно ожидать волн и по 50 метров! И это на весьма ограниченном пространстве и без сильного ветра. Может быть, эти волны возникают там, где ветры тормозят быстрые океанские течения, а ослабев, отпускают воду, которая устремляется дальше чудовищным валом? Учёные более склоняются к версии, по которой в отдельных районах океана имеют место обширные гравитационные аномалии, то есть – выпуклости и вогнутости на поверхности воды глубиной в несколько десятков метров. Первыми эти чудеса заметили с орбиты космонавты, и суть этих необычностей заключена в том, что аномалии имеют разницу в силе тяжести с окружающей водной поверхностью, к тому же они способны, вероятно, перемещаться, что возможно и порождает гигантские волны.

И ещё одна странность: некоторые монстры-волны поднимаются из океана по три, четыре, а то и пять гигантских стен и преодолевают, не опадая, тысячи километров. Что лежит в основе такого необычного волнообразования – пока остаётся неизвестным, но ясно одно: гигантские волны существуют и ждут своих исследователей, для которых поле изучения остаётся поистине необъятным. Ведь мировой океан изучен на 1-2 %, и можно только догадываться – какие чудеса он скрывает.

Взять хотя бы тот же шторм, вернее то, что происходит с морем, когда шторм начинает сходить на нет… Ошибкой было бы считать, что с ослаблением ветра и волны теряют свою силу. Очевидно, что они постепенно

принимают сглаживающую форму, но из беспорядочных волн на поверхности моря появляются не менее мощные правильные колебания, называемые зыбью.

Чаще всего зыбь вызвана именно штормом, когда волны уходят в районы, где ветра нет. Но не следует думать, что зыбь – это лёгкое и безобидное волнение, ибо впечатление спокойствия, которое она производит – обманчиво. Волны зыби обладают иногда такой силой, что, обрушиваясь на незащищённый берег, могут вызвать огромные разрушения. Становится жутко, когда наблюдаешь, как в море, где не ощущается ни малейшего дуновения ветерка, зыбь срывает суда с якорей и превращает пристани и молы в бесформенные массы стали и бетона.

На побережье Тихого океана разрушительная зыбь – довольно обычное явление, а волны зыби, регулярно обрушивающиеся на берег, заслужили настолько дурную славу, что даже получили особое название – «бешеное море». Такая зыбь иногда распространяется на много сотен и даже тысяч километров от центра штормовой области. Известны случаи, когда зыбь, порождённая штормами у берегов одного континента, разрушала портовые сооружения у берегов другого. Даже при полном безветрии зыбь существует и называется мёртвой.

По мне, так крутые и совершенно непредсказуемые волны зыби куда опаснее и неприятнее, чем обычные – штормовые. Никогда не знаешь – чего можно ожидать от волн зыби, они будто издеваются над судном, играют им, а когда оно попадает в затяжные провалы между коварными валами, то сердце просто обрывается и летит в пропасть, тогда как непрекращающаяся зыбь уже бросает судно в другую сторону, и вертит им как хочет. Невероятно сложно привыкнуть к подобной бессистемной болтанке, нередко продолжающейся и сутки, и двое, и трое…

И действительно, порой буря на море не особенно опасна, гораздо страшнее оно тогда, когда ветер не управляет движением волн, и они толкутся в самом непредсказуемом направлении. Такое неопределённое состояние морской поверхности называется в морской практике «толчеёй» или «сулоем», о чём вкратце упоминалось в начале этого рассказа. Среди морских терминов, как ни в какой другой области, наверное, встречаются поистине поразительные, оставаясь, между тем, простыми, поскольку море не принимает напыщенности. «Толчея» и «сулои» - верное тому подтверждение.

Попасть прямо в сулой или толчею – само по себе событие, если вы серьёзно посвятили себя однажды морю. Сулой не всегда можно встретить, даже находясь в самом жестоком шторме, и должно присутствовать сочетание нескольких непременных обстоятельств, благодаря которым он возникает. Главное, чтобы осуществилась встреча изрядного ветра и стремительного течения. Вот они и порождают ту неописуемую морскую ситуацию, которую дай Бог вам не знать.

И всё-таки лучше, если вы когда-нибудь отважитесь попытать своё счастье в море. Чего стоят эти духовные и физические потуги, вам будет не стыдно вспоминать, когда вы их преодолеете. Конечно, ожидание опасностей, которыми изобилует морская профессия, а так же неуверенность и страх – присутствуют в душе каждого моряка, пусть даже самого прожженного, прошедшего не одну бурю, но разве выгоднее не подвергнуть себя достойному испытанию, расходуя свой интерес к жизни по мелочам?

Несмотря на то, что беды и огорчения не оставляют нас и на берегу, и ради того, чтобы их избежать - совсем не обязательно его покидать, человеку от рождения присуща отвага: необходимо поддерживать её в своём сердце, чтобы преодолевать робость и закалять решимость. Ведь человек неминуемо проигрывает, когда противопоставляет дальнему морскому путешествию домашний комфорт и уют, а награда за собственную смелость представляется ему недостижимой. Но не попробовав настоящего шторма - разве постигнешь вкус самого пьянящего из вин, волю? И уж, конечно, никогда не узнаешь, что такое «толчея» или «сулой», это удивительное смятение волн и ветра, порождённое морской стихией!

И так, сулой – это встреча ветра и течения, образующих порой огромную и очень неприятную зыбь. Волны, сшибаясь, вздымаются на невообразимую высоту, предугадать их форму и движение невозможно, и, стремительно наваливаясь на судно, они подхватывают его словно щепку. Затем метущаяся вода неожиданно разверзается - и судно, продолжая ход, какое-то время как будто повисает в воздухе, а когда начинает стремительно лететь в пропасть между волн, какая-нибудь из них, которая превозмогла всех своей мощью, подхватывает судно и несёт его уже вверх, так что ощущение морской твердыни опять теряется. А тут ещё налетает вновь возникшая водяная гора - и судно в очередной раз летит в томительную пустоту, бешено загребает воздух винтом, но звук двигателя даже не слышен. Разъярённые волны хлещут через палубу, судну, кажется, больше не сдюжить эти безудержные потоки воды, и вот-вот не миновать беды… Но сулой проверяет на крепость больше людей, чем судно.

Умозрительно я всегда представлял себе под толчеёй такое сложение волн, которое происходит, когда встречаются различные по свойствам водные массы: холодные и тёплые, глубинные и поверхностные, имеющие неодинаковую скорость и направление. И действительно, чаще всего сулой образуется в таком месте на поверхности моря, где в условиях небольших глубин встречаются течения противоположных направлений. При их столкновении возникают беспорядочные всплёски, завихрения, и вода словно кипит, никуда не двигаясь. Попавшие сюда суда, особенно в давние времена – парусники, подвергались опасности быть выброшенными на мель, и затем быть разбитыми на ней волнами. Ярко выражено это явление на севере Татарского пролива, в Амурском лимане, а так же почти вдоль всего северо-западного побережья Сахалина, где присутствует множество подводных камней – целых гряд, протянувшихся на многие мили вдоль береговой линии.

Глядя на это водное кипение, когда ты в него попадаешь, иногда начинает чудиться, что это не Охотское море и не Японское, а какое-то иное, на другие вовсе и не похожее, ибо присутствует здесь удивительное своеобразие. Может оно предстать и вздыбленное небывалым штормом, и подёрнутое густым пахучим туманом, и пронизанное солнцем, с зелёными упругими волнами в белых барашках, и уныло-свинцовое, бесконечное и прекрасное в своей завораживающей тоске однообразия…

Вот серое небо, кажется, навалилось своей тяжёлой грудью на море, где тысячи белых холмов высоко вздымаются и замирают, упершись в него своими верхушками, а вода между ними крутится, будто кипит в огромном котле, и, наблюдая с судна за этой толкотнёй морских волн, не приходит на ум иного сравнения, чем «толчея». Волны именно толкутся меж собой, и поначалу в этом их завораживающем движении не наблюдаешь ничего кроме самих волн, переплетающихся белопенными верхушками, но постепенно угадываешь ритм совершающегося волнения и зачарованно вглядываешься в него, будто боясь чего-то упустить. Думаешь: чем-то всё это должно закончиться?

Может быть, море расступится, или, наоборот, всё покроет гигантская волна, вырвавшаяся из неведомой глубины? Но нет, ничего не происходит, по-прежнему в глазах рябит от сталкивающихся и неистово крутящихся волн, и надо всем тяжело дышат серые низкие тучи, а шум стихии изредка пронизывает плачущий стон чаек… Толчея повсюду – и в море, и в небе, и, кажется, в твоей душе.

Море с толчеёй волн - всегда изменчивое, живое, и кровожадно подстерегающая в нём опасность непременно соседствует с обаянием. Такое необычное море не надо побеждать, а следует приноровиться к его дыханию, попытавшись согласовать с ним свои усилия. Но даже когда тебе кажется, что ты с этим морем сроднился, понял его суть, оно всё равно остаётся для тебя тайной. Толкается своими непредсказуемыми волнами в твою душу, не даёт успокоиться, и ты, конечно, его принимаешь…

Всё я видел в море: и бурю, и шторм, и надоедливую толчею волн, и тяжкую зыбь с могучими водяными валами, и бесперебойную осатанелую качку с борта на борт, будто кто намеревается перевернуть судно… А ещё - полный равнодушия штиль, и послештормовое, широкое морское пространство, вольное до неудержимости, и неумолимо сковывающие судно льды, может быть, самое страшное, что уготавливает тебе непредсказуемая водная стихия… Но никогда, глядя на море, не снедала меня тоска, и ни на миг не испытывал я разочарования и скуки. Море всегда, каким бы оно ни было, сулило только жизнь, полную непредсказуемых тайн и прекрасных событий.

«ЛЬДЫ»

Что такое морской лёд?! Просто застывшая и отверделая от стужи жидкость? Нет… Скорее, это полная несокрушимых возможностей сила, способная быть ещё и необыкновенно красивой.

На речке тоже ледок не в диво – каждую весну идёт, а бывает даже – прёт, трещит, да ломится, но вот в северном море во льду – что в гробу! Одна волна лёд положит, другая его уже не снесёт, заковав, кажется, навеки. Если лёд на реке становится грудами, замечали в народе, то и хлеба будут груды, в море же от ледяных гор гладко никогда не станет: затиснуло – почитай, делу аминь!

А вроде бы, кому нужен этот лёд? Ну, разве только морские звери – моржи и нерпы выбираются на него погреться в лучах скупого северного солнца, или когда спасаются от кровожадных касаток. Изредка присаживаются на ледяные торосы вездесущие белоснежные чайки, отчего обнаруживаешь, что лёд – разноцветный: и жёлтый, и розовый, и голубой, и коричневато-серый. По льду лениво расхаживают своими неведомыми маршрутами белые медведи…

Со льдом крепко связана жизнь и таких животных, как крупные пятнистые киты – нарвалы. Казалось бы, ледовый панцирь – смерть для животного, если оно не сможет выставить на поверхность, хотя бы на самое короткое время, голову с дыхалом. Китам было бы естественно покинуть опасные места обитания, но нарвалы почему-то не покидают их, а спасаются тем, что не дают замёрзнуть полынье, или пробивают лёд, делая так называемые «продухи». Киты для этого имеют соответствующие приспособления.

У нарвалов левый зуб верхней челюсти превратился в огромный, спирально закрученный костный бивень длиной до трёх метров. Легко представить себе силу пробойного удара огромного костного стержня, если нарвал весом до двух тонн, развив скорость до 30 км/час, налетает на льдину снизу. Через пробитые «продухи» по очереди дышит всё стадо. И тем не менее, среди бивней нарвалов, собранных эскимосами, чуть ли не половина оказываются сломанными. Представляя зверей, заселяющих окутанные холодом и покрытые льдами полярные моря, не устаёшь удивляться: отчего звери выбирают для себя такие трудные для жизни места? Дальше всех в высокие широты поднимаются эти редкие в настоящее время киты.

Однако ни один из китов не приспособлен так хорошо к жизни во льдах, как полярный кит. Они даже детёнышей рожают среди льдов. В этом им помогает теплоизолирующий слой сала толщиной до 15 см, что вдвое превышает толщину сала даже у крупных усатых китов, например, у финвала. Могучие животные не только прекрасно ориентируются среди ледяных полей, в полыньях и трещинах, но не боятся толстых припайных льдов и могут проламывать лёд толщиной до 50 см!

И всё-таки, никто из китов, живущих в высоких широтах, и даже гиганты полярные киты полностью не застрахованы от попадания в ледовый плен, а при особо неблагоприятных обстоятельствах – и гибели. Известны находки вмёрзших в лёд трупов китов, не имевших никаких следов ранения. Надо думать, что такие животные задохнулись в воде, будучи не в силах пробить «продух» в крепких льдах. Известны случаи гибели китов, запёртых в узком пространстве могучими льдами под влиянием нагонных ветров, когда льды садятся на отмель и не дают животным уйти под водой.

На моей памяти подобный случай произошёл у нас в одной из экспедиций по Курильским островам. Ночью в районе острова Итуруп подул сильный ветер и погнал льды на берег. Целое стадо дельфинов было застигнуто врасплох. Льды прижали животных ко дну, и они никак не могли выбраться из западни.

На помощь дельфинам поспешили рыбаки местного рыболовецкого колхоза. С трудом добравшись до места, люди принялись шестами расталкивать льды, освобождая дельфинов из плена. Всего из ледовых объятий тогда удалось вызволить более десятка животных.

Безо льда сейчас, оказывается, не могут обойтись и многомиллионные мегаполисы… В некоторых роскошных гастрономах Токио можно купить лёд для прохладительных напитков из берегового припая Гренландии. Доставленный на самолёте, он стоит в двадцать раз дороже промышленного льда. Покупают его из снобизма, так на этикетке стоит надпись: «Возраст – две тысячи лет».

А вот уже более интересный способ применения льда местным населением в низовьях Енисея, Оби и Лены, то есть, по берегам Северного Ледовитого океана, которым оно пользуется для расчистки дна от камней и песчаных банок. В толще речного льда выдалбливают широкие углубления, стараясь, однако, не пробить льда насквозь. К следующему дню под оставленною тонкою ледяною корою намерзает новый пласт льда; тогда в новой толще выдалбливают новое углубление и так далее, удаляя день за днём пласты известной толщины, чем заставляют воду замерзать всё на большей и большей глубине, добираясь до самого дна. Таким путём образуется нечто вроде шахты с ледяными стенками, где можно работать с удобствами, оставаясь сухим, поднимать камни, брёвна и вычерпывать песок, где нужно. По-видимому, это весьма практично в условиях суровой северной природы.

Север неразрывен со льдами, также как невозможно себе представить полярную ночь без северного сияния. По климатическим условиям Охотское море, где нам приходилось совершать наибольшее количество экспедиций, мало чем отличается от полярных морей, большая часть его зимой замерзает. Огромные ледяные поля и причудливые остробокие льдины, будто айсберги, блуждают по морю всю зиму, весну и даже лето.

Кстати, противно утвердившемуся мнению, что в Северном полушарии айсберги не встречаются, иногда они здесь всё же попадаются.

Отсоединившись от ледников Северной Америки, айсберги редко достигают открытого океана и выходят лишь к бухтам, заливам и внутренним водным путям Канады и Аляски. Айсберги, образуемые этими ледниками, невелики по сравнению с айсбергами Гренландии, и тают уже в прибрежных водах. Но как-то в экспедиции к Бристольскому заливу, на добыче трески и минтая, мы одного из таких великанов обнаружили и были поражены тем, как он величественен и неподражаем в сравнении с торосами Охотского моря, если они даже превышают высоту в десять метров.

Что же касается Охотоморья, то его холодные косматые волны всю осень и зиму с оглушительным гулом накатывают на скалы и прибивают груды льда к берегу. Вдобавок, дважды в сутки море наступает на сушу, и тогда сильные приливы, которые в северной части Охотского моря достигают в высоту чуть ли не двадцати метров, разносят эти льды по многочисленным бухтам и забивают ими Татарский пролив. Когда вода уходит, каменисто-галечные крутые берега красуются голубовато-жёлтыми ледяными останцами, что постепенно и по-хозяйски осаживаются, будто намереваясь навсегда схорониться под этими неприютными скалами от редкого северного солнца. Сурово Охотоморье, а между тем – оно самое богатое из всех дальневосточных морей.

Штормы, пронёсшиеся зимой и основательно взломавшие лёд, превратили его в хаотические нагромождения торосов с зазубренными выступами, которые своими очертаниями напоминают складчатые горы, хотя высота их нигде не превышает нескольких метров. Оторванные друг от друга и переливающиеся в лучах скупого северного солнца, эти ледовые нагромождения величественно передвигаются по Беринговому и Охотскому морю, напоминая крадущихся или уснувших неведомых чудищ, которые сами по себе совсем не пугают. Привлекает именно окружающая их величественная тишина, что, кажется, вот-вот должна разродиться какой-то неожиданной для людей стороной…

Торосья поменьше – ропаки, так же таинственно нацеленные ледяными зубьями в студёное небо, не менее загадочны, но ведут себя привольнее. Им легче обжиться в обретённой ими свободе, с которой, впрочем, они не знают – что делать. А ещё встречаются цельные ледяные глыбы, совсем не по-морскому называемые моряками «кабанами», и хотя они неповоротливы, никогда не знаешь – чего от них ожидать. Зачарованно наблюдаешь, как эти глыбы, столкнувшись, медленно переворачиваются, вздыхают, и вдруг вообразишь, что они живые…

Кругом плавают голубоватые льдины размером до нескольких десятков метров. Над извилистыми тёмными разводьями дымится розоватый дымок. И так – до самого горизонта.

Отскакивая и переворачиваясь под напором стального корпуса, льдины торосятся, натыкаясь друг на друга, и издают ровный, мелодичный шелест. Напоминает это какой-то живой, не успокаивающийся звук, будто лёд жалуется на кого-то, еле слышно высказывая неудовольствие.

Море всегда разное, полное контрастов, опять подтверждает свою безграничную изменчивость. Покрытое первозданно чистой черепицей крупных льдин и мелких льдинок, оно выглядит застойным, сладко подрёмывающим, но и коварным. Крики чаек, как-то покорно опускающихся к спящей воде, мягко тают в ней, но становится понятно, что под этой ледяной, слегка розовеющей черепицей кроется завораживающе стылая глубина…

Успокоенная призрачность окружающего морского пейзажа не влияет на остроту восприятия. Лёгкий аромат крошёного льда, до слёз щемящая в носу морская свежесть, краски неба, отражающиеся и переливающиеся в розовато-белом пространстве - веселят до беспричинного смеха, улыбок, далеко раздающихся над водной пустыней радостных возгласов моряков. Нигде уже потом у меня не работало так чётко и ясно сознание, и не трудился я с таким удовольствием, как здесь, посреди Охотского моря, накануне трепетной североморской весны.

В такие тихие ясные дни свободные от вахты члены экипажа обычно выстраиваются вдоль борта и, молча, наблюдают, как судно плавно скользит мимо обломков битого, пакового льда. Обломки эти удивительно красивы, кажется, невесомы. И вдруг до слуха доносится поначалу нечто непонятное – «тр-р-р-р, тр-р-р-р, тр-р-р-р, пшых-х!» Это судно с ходу налетает на льдины, они подминаются под борта и вертятся под днищем с такой силой, что стальная обшивка отзывается громким скрежетом и отчаянным скрипом, а потом – «пшы-ы-х!»: какая-то льдина очумело выбрасываются на поверхность.

Иной раз льдина угодит под ход судна только боком, тяжело накренится, и от неё отколется порядочный кусок, после чего оставшаяся глыба, переливаясь в лучах скупого солнца и утратив баланс, тоже начинает, что было сил, крутиться. Она переворачивается, ныряет, и в какой-то момент являет глазу уже новую фигуру, так что все присутствующие принимаются отгадывать её. Льдина же, словно облизываясь от удовольствия, и издавая звуки, очень похожие на урчание сивуча, кажется, вполне искренне реагирует на незатейливые домыслы людей, отчего верится, что она всё понимает, оценивает оказываемое ей внимание и благосклонно, насколько это способен себе позволить холодный кусок льда, принимает его. И лёд, и солнце представляются живыми, и постепенно ледовый плен начинает восприниматься даже привлекательным, а северное море одаривает невидимым теплом.

А тут ещё, бывает, послышится под бортом чьё-то громкое сопение, так, что на минуту в недоумении застываешь, не в силах постичь: кто бы это мог быть в царстве вечной стужи и льда?

- Пуф-ф! Пуф-ф! Пуф-ф! – это среди разноцветных ледяных громадин с шумом возятся и фыркают толстые сивучи. Атласные тела зверей притягательно поблескивают, и хочется погладить сивучей рукой, прикоснуться к их мокрым кремовым усам, задорно топорщащимся в разные

стороны. Сивучи кажутся такими огромными, а производимые ими звуки такими отчётливыми и громогласными, что представляется, будто животные вот-вот перевалятся через борт и очутятся на палубе.

Не без опаски подходишь к фальшборту, заглядываешь туда, в тягучую стылую воду, и тебя вмиг обдаёт утробный дух морских гигантов, облачка водянистого пара и фонтаны брызг. Покосив огромными тёмными глазами, сивучи тяжело, но без напряжения продавливают собой голубоватое, искрящееся сало, и на короткое время исчезают под водой. «Пуф-ф! Пуф-ф! Пуф-ф!»

А то вдруг заприметишь с полдюжины китов, тесной группой дефилирующих у самых льдов. В тёмно-зелёной воде серые киты тоже кажутся какими-то диковинными льдинами. Невозмутимо передвигаются они вдоль кромки льдов, то почти сходясь друг с другом, то исчезая в маслянистой глубине. Тихо вокруг, первозданно, и только по тяжёлым вздохам животных, вскоре опять показывающихся на поверхности, да вырывающемуся из дыхала пару определишь, что это живые существа, впрочем, не поддающиеся точному описанию. Нужно просто видеть, как мощные животные прекрасны здесь, во льдах, где самые обыкновенные чайки воспринимаются как нечто удивительное, даже загадочное…

До самого горизонта простирается эта внушающая трепет картина: осколки огромного ледового поля. В лучах солнца белые грани тористого льда ослепительно переливаются, играют. Через каждую сотню метров торчат эти вмёрзшие в ледяной массив большие ропаки, образованные обломками многолетнего льда при сжатии. Возвышаясь над необъятной белой гладью, они тоже, как и плавающие льдины, напоминают причудливые изваяния: одни – покатые, с горбом, порой – закруглённые, другие ощетинились острыми зазубринами, а третьи – застыли с разверженной ледяной пастью, куда даже смотреть холодно, так что на душе сразу становится тревожно. Судно неторопливо следует вдоль этой бескрайней ледяной пустыни, то и дело шуршат под его днищем поддавливаемые льдины, которые с уханьем выворачиваются из-под бортов, и мы простосердечно, позабыв обо всём, любуемся их фантастическими формами.

Когда солнце скрывается за облаками, красивые ледяные скульптуры уже не выглядят так привлекательно, оборачиваясь другими, самыми неожиданными изображениями. Ещё совсем недавно льды были пронизаны радостным светом, теперь же они - мрачные, даже зловещие, а воздух вокруг них становится безжизненным.

Ночью, при свете прожекторов, представляется ещё более захватывающее зрелище… Со всех сторон нас опять окружают льдины – круглые, плоские, квадратные, но на сей раз они выглядят какими-то слишком чудовищными, хищно зазубренными. Кажется, это совсем не тот лёд, который мы наблюдали днём. Вместо ясно очерченной, переливающейся в лучах солнца ледовой кромки – кошмарное нагромождение гонимых морским волнением и ветром льдин, что уже не выглядят такими уютными.

Но всё-таки огромный ледовый ковёр укрощает волнение и остаётся лишь мощная зыбь, что качает и вертит льдины как хочет. Местами мы выходим на широкие разводья, где плавают только куски рыхлого тёмно-синего льда, и несколько минут можно плыть без помех, но это происходит редко и вскоре судно вновь оказывается в окружении нескончаемых льдов. И опять – скрежет, скрип и гулкая мелкая дрожь, тягостно пробегающая через всё судно.

Порой перед самым носом вырастают ледяные гребни, образующие неприступный бастион, который приходится обходить. Пару раз из тумана выплывают громады, отколовшиеся от айсбергов, в несколько метров высотой, и мы с тревогой наблюдаем, как они тягуче и жутковато минуют наше судно. Сближаясь с ними, мы успеваем различить секущие глыбу зловещие трещины, что грозят вскоре обвалиться очередному внушительному обломку. От таких громадин следует держаться подальше, потому, как их может окружать многочисленная свита из подобных им ледяных чудовищ под водой.

Плавание в темноте, среди льдин, оказывает почти гипнотическое действие на человека. Равномерный стук двигателя, влажный мрак в тумане, стонущие под бортом волны и льдины – всё вместе порождает некое чувство отрешённости. Причудливое зрелище дополняют фосфоресцирующие гребни ледовых волн, которые изредка вспыхивают зеленовато-голубыми, белыми или оранжевыми огнями и, ухая вниз, угасают, сбивая с толку усталые глаза. Немудрено забыться…

Но как лёд зарождается и растёт? Сначала на спокойной поверхности моря образуются мелкие ледяные кристаллы в виде игл и пластинок. Постепенно разрастаясь, они образуют скопления в виде пятен или тонкого сплошного слоя серовато-свинцового цвета, по виду напоминающего сало. Поэтому-то скопления такого льда и называются ледяным салом. Пятна ледяного сала неравномерно распределены на поверхности моря, приобретающей от этого вид муара. При обильном выпадении снега на охлаждённую поверхность воды образуется вязкая масса, называемая снежурой.

В свою очередь, при волнении из сала и снежуры рождается шуга, представляющая собой губчатые белесоватые комки льда по нескольку сантиметров в поперечнике.

Следующая возрастная стадия – нилас, тонкий эластичный лёд толщиной до 10 см. Он мягко изгибается, не трескаясь на ветровой волне, и при сжатиях образует ступенчатые наслоения. В море встречается тёмный и светлый нилас… Тёмный – относительно более рыхлый, непрозрачный бесснежный лёд толщиной до 3-5 см, его тёмно-серая, с белесоватыми полосами поверхность влажна от рассола. Светлый же – матовый лёд без снега, с плёнкой рассола, толщиной более 5 см, он образуется в результате нарастания или наслоения тёмного ниласа и при смерзании шуги или снежуры.

Когда море совсем спокойно и становится холоднее, поверхность покрывается хрупкой блестящей ледяной корочкой – склянкой. Она образуется, главным образом, в распреснённой воде непосредственно из ледяных кристаллов или ледяного сала. Склянка прозрачна, тонка и на волне легко и звонко разламывается на куски, похожие на стекло.

На некоторых морях, например на Каспийском, склянку толщиной в два сантиметра принято называть резуном. Нетрудно заметить, что названия, данные различным видам льдов, очень выразительны и обычно сами как будто говорят о том, каков же этот лёд с виду. Слово «резун» указывает и на действие – этот лёд режет, причём, беспощадно всё, что стоит у него на пути. Он может перепилить при своём движении мачту, надстройки, разрезать борт деревянного судна.

Блинчатые льды – круглые, серого цвета, диаметром от 30 см до 3 метров и толщиной до 10-15 см. Почему такое тёплое, домашнее название дали этому льду? Оказывается, за очень большое сходство с аппетитным круглым блином. Край «блина» обычно оторочен валиком более светлого цвета, образующимся при трении льдин друг о друга. Блинчатый лёд получается из ледяного сала, шуги и снежуры при слабом волнении на море или из внутриводного льда, всплывающего на поверхность в тихую погоду. Он может образоваться также, когда разламываются и окатываются нилас, склянка или серый лёд.

Начальные виды льдов обычно тёмного стального или свинцового цвета, так как из-за своей малой толщины они сильно пропитаны водой. Утолщаясь, лёд приподнимается над водной поверхностью и вначале делается серым, а со временем белым. Эта возрастная группа – молодые льды, в неё входят серый и серо-белый лёд. Серый лёд – молодой лёд толщиной 10-15 см, менее эластичный, чем нилас, ломается на волне, а при сжатии обычно наслаивается. Серо-белый лёд – толщиной 15-30 см, при сжатии чаще торосится, чем наслаивается.

В дальнейшем формируются зимние льды, которые подразделяются на две категории: серо-белые льды, толщиной от 15 до 30 см и белые льды, толщиной от 30 см до 2 метров. На неарктических морях белые льды являются предельной стадией формирования льдов.

В открытых частях наших морей лёд никогда не находится на одном месте, а всегда дрейфует, плывя под действием ветра и течений. Поэтому-то он и называется дрейфующим. Формы дрейфующего льда бывают самыми разнообразными: ледяные поля, обломки полей, крупно-и мелкобитый лёд, ледяная каша. В зависимости от размеров ледяные поля называют обширными, большими и малыми. К крупнобитому и мелкобитому льду относятся льдины от 2 до 200 метров в поперечнике. Ледяная каша – это скопление обломков льда менее двух метров.

Помимо различных форм плавающего льда, в морях имеется и неподвижный лёд, образующийся вдоль берегов и, главным образом, в бухтах. Вначале этот лёд, так же как и в открытом море, состоит из ниласа,

молодого льда, и носит название ледяного заберега. Когда же он утолщается, то называется просто припаем. Та часть припая, которая прочно соединена с берегом и не подвержена вертикальным колебаниям, носит название подошвы припая.

Неподвижный лёд окаймляет берега и острова. После того, как появились забереги, переходящие затем в припай, начинается распространение неподвижного льда всё дальше от берегов в открытое море. Там он соединяется с образовавшимися в море льдами, растёт вширь и в толщину, и к концу зимы достигает наибольшей мощности. Чем мелководнее район, чем изрезаннее берег, чаще острова и мели, тем больше ширина припая.

Лёд, скреплённый со дном, вне зависимости от происхождения, называется донным. Плавучий лёд может сесть на мель или оказаться на берегу. Севшие на грунт большие торосистые образования называют стамухами. Они могут быть одиночными, а могут образовывать барьеры. Стамухи встречаются не только в северных, но и в южных морях.

В северных морях не весь лёд, возникший за зиму, успевает растаять за лето. Появляются двухлетние и многолетние льды толщиной 2,5 метра и более. И, в конце концов, образуется постепенно то, что принято называть паковыми льдами, или просто – паком.

Обычно состояние льда принято оценивать по десятибалльной шкале. Например, лёд считается трехбалльным, если приблизительно тридцать процентов поверхности воды покрыто плавающими льдинами. Когда же покрыта вся поверхность, лёд – десятибалльный, наиболее тяжёлый. Правда, и он различается: может быть сплошным или в виде отдельных льдин, между которыми пространство забито ледяным крошевом.

Да и сами льдины бывают разные. Старые и грязные, они грозят судну своей подводной частью, выступающей далеко за пределы видимой надводной части. Более молодые – сияющие девственной белизной даже в пасмурную погоду. А иногда попадаются льдины, излучающие такую пронзительную синеву, что, кажется, будто бы они попали в реальность из какого-то чудесного фантастического мира. Но красота их обманчива. Это опреснённый лёд, и твёрдость его едва ли уступает граниту, столкновение с ним опасно даже для ледокола.

Со льдом вообще связано много занимательного… Скажем, при какой температуре замерзает морская вода? В отличие от пресной, она не имеет определённой точки замерзания, и температура, при которой образовываются кристаллы льда, зависит от солёности. При средней для океана солёности 35 % температура замерзания равна минус 1,9 градусов Цельсия, и когда начинается ледообразование, большая часть соли остаётся в воде, что понижает температуру замерзания. Кстати, образование кристаллов льда способствует возникновению кашеобразной смеси воды и льда, и когда эта смесь смерзается, появляется тонкий, пластичный слой льда, изгибающийся

под действием волнения. Такое «ледяное сало» значительно уменьшает высоту волн.

Вот и, казалось бы, такое простое свойство льда как способность при охлаждении расширяться – спасает Землю от всеобщего замерзания. Увеличение плотности воды при охлаждении объясняется тем, что молекулы воды замедляют своё движение, но это справедливо лишь до температуры 4 градуса Цельсия, при которой вода имеет наибольшую плотность. В диапазоне температур от 4 до 0 градусов Цельсия в молекуле воды происходит перестройка водородно-кислородных связей и возникает иная молекулярная структура. Новый вид межмолекулярной связи образует менее плотную упаковку молекул, так что объём воды увеличивается на 9%. Такой перестройкой молекул воды и объясняется её расширение при замерзании.

Что было бы, если бы лёд не плавал на воде, а тонул? Если бы лёд тонул, то все водоёмы на Земле оказались бы заполненными им от поверхности до дна. Солнце не могло бы растопить эту массу льда, защищённую от его лучей, а вытаивал бы лишь тонкий поверхностный слой. На Земле царил бы вечный ледниковый период, и планета наша была бы необитаемой.

А какова солёность морского льда? Морской лёд состоит из кристаллов пресноводного льда, между которыми заключено небольшое количество рассола. Солёность морского льда составляет от 2 до 10 %, и когда ледообразование идёт быстро, в промежутки между кристаллами попадает больше соли, отчего рассол становится более концентрированным. Но захваченный морским льдом рассол тяжелее самого льда, поэтому он постепенно просачивается вниз. Когда возраст льда достигает года, талая вода из него уже пригодна для питья: вот почему старый лёд более пресный. В 19 веке такую талую воду мореходы иногда использовали для пополнения судовых запасов воды, да ко всему прочему она была ещё и очень полезна.

В Охотском море суровые и продолжительные зимы с крепкими северо-западными ветрами выхолаживают верхний слой до значительной глубины, вызывая обильное льдообразование, захватывающее обширные морские пространства. Ежегодно в осеннее время, приблизительно в конце ноября, происходит появление льда, постепенно покрывающего почти всю поверхность моря, затем, в течение зимы, под влиянием ветров и течений, он подвергается непрерывной перегруппировке, и весной, обычно к началу июня, выносится в Тихий океан, где на протяжении первых же 50-100 миль разрушается и тает. Таким образом, шесть-семь месяцев Охотское море находится в ледяном покрове, и если иметь в виду, что в суровые зимы плавучие льды северо-западными ветрами прижимаются к Курильским островам и забивают некоторые Курильские проливы, а в отдельных бухтах появляется лёд местного образования, то вполне очевидно, что в зимнее

время, особенно с декабря по март, в Охотском море нет такого места, где бы встреча со льдом была полностью исключена.

Образование ледяного покрова обычно начинается в опреснённых приустьевых районах северо-западной и северной частей моря, в заливах, бухтах и прибрежной части острова Сахалин и Камчатки, но в основе своей он остаётся неподвижным и называется припаем. Лёд захватывает, прежде всего, северо-западную часть моря как наиболее мелководную и глубоко вдающуюся в быстро охлаждающийся осенью материк. Ледяной покров держится здесь нередко даже по восемь месяцев, а иногда и более.

Вслед за замерзанием заливов в конце ноября лёд появляется в открытой части моря, особенно вдоль восточного берега острова Сахалин, и это уже лёд плавучий, представляющий основную форму льдов Охотского моря. Постепенно нарастая по высоте и площади распространения, в январе-феврале ледяной покров занимает всю северную и среднюю часть моря, а к весне южная граница сравнительно устойчивого ледяного покрова простирается от пролива Лаперуза до мыса Лопатка на Камчатке.

Таким образом, благодаря течениям и конфигурации береговой линии крайняя северо-западная часть моря более других забивается льдом. В средней части моря лёд часто взламывается и почти всегда дрейфует обширными полями. Эти поля, покрывающие значительную часть водного пространства Охотского моря, имеют те же формы, что и в северных морях – Беринговом и Чукотском. При сильных штормах, очень частых зимой, ледяной покров здесь достигает метра, а то и больше, и при взламывании образует мощные торосы, что представляет серьёзные препятствия для плавания судов.

К тому же общая циркуляция вод в Охотском море происходит против часовой стрелки. Так же двигаются и льды. Они приходят в северо-западный угол моря всё в большем количестве и, в конце концов, создают здесь ледяной мешок. Чтобы превратить их вновь в воду, нужно колоссальное количество тепла, а его в этом северном море не так много.

Ещё более необычные условия замерзания льда наблюдаются в Сахалинском заливе, на севере Татарского пролива. По причине постоянного притока в залив охотских вод, вынос льдов из него всегда задерживается. Вместе с этим идущее с севера Северо-Охотское течение вносит в залив лёд, образовавшийся в далеко отстоящих от него районах моря. Поэтому Сахалинский и до некоторой степени смежные с ним заливы тоже превращаются в своеобразное скопище льда, где он порой задерживается не только до июля, но и до августа. Обычно же, всё Охотское море бывает свободно ото льда только в конце августа и в сентябре.

Идти в Охотском море зимой, среди нескончаемых льдов – незавидное дело! Но что ж поделаешь: штормовые ветры, бураны, туманы и холод облюбовали это море, и льды чувствуют тут себя вольготно.

Охотское море вообще в некоторых отношениях уникально… Например, ему присуще явление взлома припая зимой, и особенно часто оно наблюдается в Татарском проливе. Причиной тому служат приливы и ветер.

Стоит штиль, течения нет, и поверхность моря покрыта ровным слоем льда. Но вот поднимается ветер, и лёд мгновенно приходит в движение, причём, льдины начинают двигаться с различной скоростью. В результате этого, а также влияния сопротивления берегов и банок движению льда – происходит его сжатие и торошение, сопровождающееся образованием самых причудливых нагромождений.

В условиях Охотского моря обычная высота торосов один-два метра, но иногда встречаются торосы до 15 метров высотой, и если судно оказывается в таких местах торошения льда, то ему грозит большая опасность. Известно немало случаев в прошлом, когда суда были раздавлены при сжатии льда.

Суда, плавающие в Охотском море, всегда должны быть готовы к встрече со льдом. Резкое понижение температуры воды или внезапное появление тумана – верные признаки близости больших масс льда. Наиболее благоприятен для плавания юго-восточный район моря, что и неудивительно, так как здесь отмечены наибольшие глубины и более высокая температура воды. У самого берега Камчатки широкая полоса чистой воды может сохраняться всю зиму, тогда как вдали от берега держатся очень тяжёлые льды, с которыми трудно справиться даже мощному ледоколу. Недаром капитаны судов, следуя из портов Южного Сахалина в Магадан или Охотск, избирают именно этот путь в холодное время года.

А ещё Охотское море имеет такую необычную особенность, как трёхслойные воды, что является причиной возникновения льдин в открытом море. Вдруг, ни с того ни с сего, в открытой воде на горизонте появляется лёд… Стоит ли обходить какие-то случайные льдины, думает капитан, по всем навигационным пособиям их здесь не должно быть в эту пору, и он, не меняя курса судна, направляет его вперёд.

Но обстановка с каждым часом становится всё серьёзней. Совсем молодой нилас, по виду и толщине не отличаясь от обыкновенного стекла, начинает уступать место большим обломкам, а то и целым полям серого, довольно толстого льда. Судно уже с трудом продвигается в них. Немало судовых донесений о подобных встречах со льдом в открытом море хранится в архивах Дальневосточного пароходства. Наблюдают такие льды и лётчики с самолётов. Мнение моряков и океанологов относительно этих льдов всегда было на редкость едино: появление осенью льдов в открытом море не считается случайным и связывается с выносом их ветрами и течениями от берегов.

Однако льды в это время могут образовываться и в открытом море. Летом в средней части Охотского моря воды располагаются тремя слоями: сверху – поверхностные воды, прогретые летним теплом до глубины 50-70 метров; правда, их температура нигде не бывает выше 17 градусов. Глубже,

от 50 до 250 метров, имеется слой воды с температурами на верхней и нижней границах 0 градусов и в середине слоя – 1,6 градусов, то есть эти промежуточные воды охлаждены почти до точки замерзания. Эти холодные воды подстилаются солёными тихоокеанскими водами с температурами 1,5-2,0 градуса. Таким образом, в Охотском море существует слой вечной жидкой мерзлоты. Ближе к северным берегам, там, где тихоокеанские воды исчезают, этот холодный слой соприкасается с дном, но у самых берегов и он исчезает, и там тёплые воды распространены от поверхности до дна.

Когда море начинает охлаждаться, воды, находящиеся на самой поверхности, делаются холоднее глубинных, а раз холоднее, то и тяжелее. Поэтому они опускаются вниз и взамен их поднимаются на поверхность более тёплые глубинные воды. Так продолжается до тех пор, пока глубинное тепло не израсходуется. Тогда образуется лёд. Это явление носит название вертикулярной зимней циркуляции. Так вот, в этих местах слой прогретых вод у берегов мощнее, чем в открытом море, и процесс охлаждения вод протекает быстрее, чем у берега. Поэтому осенью и появляются в открытом море пятна льда, не связанные с берегом.

Здесь, в охотоморских водах, нередко можно наблюдать и противоположность широко известного миража пустынь – северный мираж. Когда на холодной поверхности застаивается массив прозрачного воздуха, его оптические свойства изменяются, и он преломляет свет наподобие огромной линзы. Мнимое изображение предмета, находящегося далеко за горизонтом, появляется над горизонтом и вводит в заблуждение моряков. Причём, иногда оно бывает сдвоенным, а верхнее – опрокинуто.

Масса воздуха высокого давления покоится на каком-нибудь могучем леднике, который служит источником яркого отражённого света, и моряки наблюдают его отсвет далеко за пределами обычно видимого горизонта, догадываясь, что в той стороне есть земля. Подобное явление могли использовать древние мореходы, не обладающие знаниями морской навигации и компасом.

А многоцветность льда, разве это не чудесное оптическое явление севера, не упомянуть о котором невозможно?! Лёд в ночи полярной светится, и тьме его не объять. Но и вода морей по цвету и прозрачности не одинакова, каждый бассейн имеет, так сказать, свою индивидуальную окраску. Окраска моря определяется не светом, отражённым от его поверхности, а рассеянным светом, выходящим из глубин моря. Спектральное распределение излучения из толщи моря есть результат процессов поглощения и рассеивания света, как самой водой, так и взвешенными и растворёнными в ней веществами. Так как в разных морях соотношения между этими процессами различны, то моря и имеют различную окраску.

Определяющим здесь является процесс рассеивания излучения. Интенсивность рассеянного излучения обратно пропорциональна длине волны излучения. Так синий цвет имеет наиболее короткую длину волны из

всего видимого спектра, он рассеивается больше всего. В чистом льде – та же картина.

Север, конечно, противоположен югу и предполагает более зиму, долгую ночь, нескончаемый ветер и стужу, но именно в силу оптических свойств льда и присущей северу силы самая холодная сторона земли способна согреть сердце полярника и моряка особым светом и необычными цветовыми оттенками. Только северу бывают присущи ночные пазори, зорники, зимние зарницы, багрецы, лучи, переходящие в столбы, сполохи и снопы, которые, в свою очередь, светятся, играют, дышат, идут, бьют и даже гремят, наливаются, мерцают и рассыпаются, а лёд лучисто отражает всё это удивительное многообразие. Со всего свету не собрать порой столько цвету, сколько заключено в северной утробе среди бесконечных загадочных льдов. Но отчего же зависит цвет самого льда?

Самоцветными каменьями отливает лёд северных морей, и все цветовые гаммы, что он излучает, так же как и у воды, объясняются его избирательным поглощением световых лучей и количеством примесей. Большая глыба чистого, лишённого пузырьков пресного льда, к примеру, имеет нежно-голубой цвет. В море встречаются льды белые, коричневые, зелёные, голубые, синие и даже чёрные. Их цвета точнее было бы назвать оттенками, заметными только в больших кусках льда. Отдельные же небольшие куски обычно кажутся белесоватыми со «стальными» прослойками, в которых меньше воздуха.

Коричневатый или желтоватый оттенок выдаёт лёд сухопутного или речного происхождения – окраска его объясняется присутствием глинистых веществ. Белый лёд образуется из снега, в нём много крупных воздушных пузырьков или ячеек рассола.

Из многолетних льдов со временем вообще исчезает почти весь рассол, поэтому они голубые или синие. Высокие ропаки и торосы даже однолетних льдов чаще именно голубого цвета. В голубом льду кристаллы ориентированы одинаково, и структура ярко выражена, он легко колется в направлении кристаллов – обычно это плиты льда спокойного замерзания. Зернистый лёд – зеленоватого цвета, он состоит из слабо выраженных, неправильно расположенных кристаллов. Начальные виды льдов – сало, шуга и тонкий сплочённый молодой лёд имеют тёмно-серый со свинцовым оттенком цвет. В течение зимы лёд проходит стадии светло-серого, а затем белого цвета. Весной, при таянии, тонкие мокрые льдины вновь принимают тёмно-серую окраску. А ещё её придают льдам колонии бактерий и водорослей…

Вот и молодой жемчужный лёд, который течением поздней осенью выносит в открытые воды, делает небо похожим на блестящий перламутр… Но чаще в море можно заметить белое или желтоватое сияние на небе, вызванное отражением льда на нижней границе низкой облачности. Среди моряков, работающих на севере, такое небо называется ледяным, по этому признаку они безошибочно определяют – как далеко от корабля, и в какой

стороне находятся льды. Явление это очень часто присуще именно Охотскому морю.

Но более всего мне почему-то запомнился и полюбился розовато-кремовый лёд, с золотистыми отсветами от восходящего из-за моря солнца. Именно такой лёд, прозрачный воздух над ним, отчётливость звуков, цветов и запахов, - всё это неизменно, не истрачиваясь, до сих пор стоит у меня перед глазами.

Думаю, это лучшее, что привелось мне увидеть на севере, и тот удивительно умиротворяющий северный покой во льдах, что величественно заключил нас когда-то в свои объятия, вошёл в меня навсегда. Даже утробные всхрапывания полуторатонных сивучей за бортом нашего судна не могли его нарушить. Захотелось вдруг, чтобы цветные льды никогда не таяли, только добавляя северу очарования, и красота бы его никогда не прекращалась.

Плавающие в тёмно-зелёной воде льдины сами напоминали диковинных морских животных. Они продвигались тихонько, изредка сталкивались и накренялись, будто играя в одну им понятную игру. Льдины подставляли восходящему солнцу свои чистые бока и спины, отливая нежно-розовой позолотой, а когда под напором форштевня переворачивались навзничь, то оголяли беловато-салатное, нежное брюхо, какое бывает только у белухи. Низкие облака, тоже все в розоватых отсветах, и те походили на льдины, беззвучно передвигающиеся по небу, так что всё это необыкновенно завораживало.

Как это ни странно, но именно суровые северные моря со льдами вызывали в моей душе тёплые мысли и краски, и меня до сих пор не покидает желание опять отправиться в дальнее увлекательное путешествие, безотчётно любоваться северными красотами, и думать только о хорошем.

«О ЯПОНИИ»

Прежде, чем высказать свои мысли о Японии, которая меня всегда привлекала более, чем какое-либо другое государство, не мешает вспомнить, как складывались отношения японцев и русских, что их связывало, а что разъединяло на протяжении последних четырёх столетий. Почему больше было непонимания и конфликтов, а не мирного сосуществования? Как могло так получиться, что до сих пор отсутствует ясность: кому по праву принадлежат эти богатейшие дальневосточные земли - и Сахалин, и Южные Курилы, и что нужно сделать, чтобы справедливость восторжествовала?

Если уж и говорить о связи русских и японцев, то следует особенно отметить японцев, проживающих на Хоккайдо, как наиболее близкому к России острову из всего Японского архипелага, да и всё общение японцев с русскими происходило именно в прилегающих и к России и к Японии морях – Японском, Охотском и северо-западной части Тихого океана. 7 февраля 1855 года был подписан русско-японский договор об открытии порта Хакодате, вместе с портами Симода и Нагасаки, для захода русских судов, а в 1858 году – русско-японский договор о дружбе и торговле. Оба эти договора были подписаны с русской стороны адмиралом Е.В.Путятиным, который в ранге посланника царского правительства с 1853 по 1858 год неоднократно посещал Японию.

С тех пор прошло 160 лет, и за это время история связей России и Японии, история освоения и заселения Курил и Сахалина нередко намеренно извращалась. Но тщательное изучение исторических фактов и материалов неоспоримо показывает, что освоение, описание и заселение Сахалина и Курильских островов производилось в большей мере именно русскими мореплавателями и промышленниками, причём – планомерно и настойчиво, и, в отличие от японцев, оно подкреплялось рядом дипломатических шагов правительства России. Да, и простые русские люди всегда с дружелюбием относились к японцам, искренне желая познать их нравы, язык и культуру, постоянно оказывая помощь японским рыбакам и мореплавателям на море.

Японские источники, как и русские материалы, относят первое знакомство русских и японцев к концу 17 и началу 18 столетия, когда бурное освоение русскими берегов Тихого океана, естественно, приводило к встречам с японскими рыбаками и мореплавателями. На ранней стадии знакомства двух народов это было, в основном, оказание помощи русскими поселенцами и моряками на Камчатке, Сахалине, Курилах, Командорах и Алеутах потерпевшим бедствие японским рыбакам, занесённых течениями или штормами в районы, заселённые русскими.

Так, во время своего похода в 1697-1699 годах по Камчатке Владимир Атласов, в бытность на реке Иче, узнал, что у камчадалов имеется пленник, как оказалось впоследствии – японец из города Осака. Пленник, через посредство камчатского толмача, объяснил Атласову, что он шёл на

бусе/большой лодке/ из Осаки в Токио. На пути случилась буря, и судно носило по морю шесть месяцев, пока не выкинуло на берег Камчатки, к югу от реки Большой. Японец – его звали Дэнбей, был доставлен в Москву и 8 января 1702 года представлен в селе Преображенском Петру 1. Это был первый японец в России. В январе 1702 года Дэнбей дал в Москве, в Сибирском Приказе, чрезвычайно любопытное показание о своём плавании, о Камчатке и Японии, после чего в Москве и Иркутске были открыты специальные школы, где стал изучаться японский язык.

В 1710 году помощником Дэнбея в преподавании японского языка в Петербурге привлекается ещё один японец – Санима, также оказавшийся на Камчатке после долгих скитаний по морям, и со стороны российского правительства ему было выказано самое доброжелательное отношение. Россия уже тогда понимала необходимость изучения языка и культуры своего восточного соседа, но вот Япония вела себя при этом очень странно. Японское правительство, благодаря Российское государство за возвращение своих поданных в родное отечество, потерпевших бедствие в море у российских берегов, объявило, что русские могут их оставить или взять с собою, как им угодно, ибо японцы, по своим законам, не могут их взять силою, предполагая, что сии люди принадлежат тому государству, к которому они занесены судьбою и где спасена их жизнь при кораблекрушении. Такое положение дел, несомненно, являлось отражением политики изоляции, которую японское государство проводило в те годы, а вынуждены были страдать простые японцы, лишающиеся права вернуться к своим близким.

Первая половина 18 века – это время усиленного освоения именно русскими людьми Курил и Сахалина, и даже японские источники отмечают взаимоотношения только между русскими и айнами, населявшими эти земли. Имена же японцев вплоть до 1786 года упоминаются только как потерпевшие бедствие и случайно попавшие на Курилы. И лишь 1786 год является годом, когда экспедиция сёгуната на Эдзо/Хоккайдо/ в составе нескольких японцев прибыла на остров Уруп. Первая же русская экспедиция на Курилы относится к 1713 году, когда Иван Козыревский/якутский казак/ посетил Онекотан, Шумшу и Парамушир. Кстати, именно Иван Козыревский с Данилой Анциферовым составили первую карту Курильских островов, и именно в эти годы был установлен русской Камчатской администрацией контроль над Курильскими островами.

В 1739 году морская экспедиция под командованием лейтенанта Мартына Петровича Шпанберга побывала у побережья острова Хонсю, где она имела контакты с японцами, и русские моряки побывали на незнакомом им доселе берегу. В 1739-1741 годах эта же экспедиция производила обследование и описание Курильских островов, включая Южно-Курильские острова и острова Малой Курильской гряды. В 1756 году первое русское судно побывало в Аккеси – юго-восточное побережье Хоккайдо, а в 1778 году этот же порт посетили русские Очеретин и Каретов. Они, видимо,

высказали пожелание открытия острова Хоккайдо для торговли, так как заселение русскими Сахалина и Курил, а также поселения на Камчатке настоятельно требовали торговых связей со своими соседями, но им было отказано.

В 1765 году казачий сотник Иван Чёрный побывал на Курильских островах Расшуа, Итуруп и Уруп, где у него случались конфликты с айнами, но не с японцами. Русские в это время не просто посещают Курильские острова в период летней навигации, но и остаются на зимовку. Так, в зиму 1767/68 года на острове Уруп зимовало около 50 русских. В 1771 году Иван Чёрный вновь высадился на острове Уруп и начал охоту на морских бобров; однако вскоре вынужден был прекратить её опять же вследствие противодействия местных жителей. После примирения с ними в 1773 году охота на морского зверя и торговля возобновились.

Здесь же, на острове Уруп, в зиму 1775/76 года зимовало русское судно «Наталия». В последующие годы оно постоянно плавало в водах Курильских островов, обслуживая поселения русских, а в 1779 году было выброшено на берег волной цунами после сильного землетрясения. Наверное, в честь именно этого судна на карты и было занесено имя «Наталия», обозначившее залив, вдающийся в северо-западный берег острова.

Вообще, даже в японской литературе, в частности – в трудах японского историка Окомато Рюуносукэ встречаются данные, что японцы стали появляться на южной оконечности Сахалина только в годы правления Кансей, то есть в 1789-1800 годах. «Однако, - писал О. Рюуносукэ, - это продолжалось только в течение немногих месяцев года от лета до ранней осени», когда японские рыболовы приезжали в половине апреля в залив Анива, собирали добытый жителями звериный промысел и жили до октября, пока производился лов. При этом он признавал, что до той поры «с древнейших времён никто из японцев не высаживался на этом острове». Японцами даже не был достаточно освоен остров Хоккайдо, который они окончательно признали своим лишь в 19 веке.

Часто в японских источниках упоминается ещё факт о судьбе японцев со шхуны «Синсе-Мару», которая в эти же годы была выброшена во время тайфуна на берег острова Амчитка Алеутской гряды островов. Спасшимся тогда пяти из шестнадцати членам экипажа было оказано покровительство в Иркутске и Петербурге. Японцы были приняты тогдашней императрицей России Екатериной, и трое из них в сентябре 1792 года возвратились на русском корабле «Екатерина» в Немуро на Хоккайдо вместе с русским посланником Лаксманом, призванным осуществить первую официальную миссию в Японии.

Первое официальное русское посольство во главе с Адамом Лаксманом прибыло в сентябре 1792 года на рейд порта Немуро/восточная часть Хоккайдо/, отсюда Лаксман послал в Эдо/будущий Токио/ свои верительные грамоты, которые уполномачивали его вести переговоры о торговле с Японией. Но так как законы «самоизоляции» продолжали действовать,

сёгунское правительство отказалось вести переговоры о торговле и разрешило заход ежегодно лишь одного русского судна в порт Нагасаки. Этим разрешением Россия смогла воспользоваться только в октябре 1804 года, когда в Нагасаки вошёл корабль «Надежда», на котором находился посол Резанов.

Кстати, так называемый период «самоизоляции Японии» просуществовал более 200 лет. С 1611 по 1639 год последовал ряд указов японских властей об ограничении влияния иностранцев на японское население, на быт и культуру японцев. Так, были изданы указы о запрещении христианской религии, об изгнании из Японии миссионеров, был запрещён въезд в Японию испанцев и португальцев, а затем и всех иностранцев. Был также запрещён выезд и самих японцев за границу, а проживающим за пределами Японии - въезд в свою страну. Судам всех стран было запрещено посещать порты Японии, только Нагасаки остался открыт для голландских судов в виде небольшой торговли.

Таким путём Япония изолировала себя от остального мира. Однако жители Хоккайдо продолжали свои связи с русскими и в это время. Японские рыбаки и купцы спасались от штормов в бухтах и портах русских берегов, потерпевшие бедствие на море японцы подбирались русскими судами, а затем возвращались в порты острова Хоккайдо. В связи с этим порт Хакодате стал неофициальным приёмным пунктом спасшихся во время кораблекрушений в северных водах японцев. Таким образом, в действительности и во время «самоизоляции» осуществлялись связи русских и японцев.

Между тем, заселение Курильских островов и Сахалина русскими поселенцами продолжалось. К 1785 году на острове Итуруп проживала значительная колония русских. Имеется документ, в котором говорится, что в 1785 году и на соседнем острове Уруп уже обитало свыше 60 человек русских во главе с промышленником Каретовым. Они занимались охотой на морских бобров и торговали с местными жителями острова Итуруп. Существует упоминание от 1797 года о проживании русских и на Кунашире.

Но японцев такое обстоятельство дел не устраивало, и в 1798-1800 годах воинские отряды с Хоккайдо высаживаются на островах Кунашир и Итуруп, где уничтожают поставленные русскими кресты и столбы с надписями о принадлежности островов России, воздвигая свои столбы с японскими надписями. Однако же такие противозаконные акты в те времена ещё не означали перехода этих островов во владения Японии, да и центральные власти этого государства в конце 18 века не только Курилы, но и северную часть острова Хоккайдо не считали территорией Японии, как уже говорилось выше.

Вообще, к концу 18 века безусловной ясности в том, что Сахалин принадлежит России или Японии ещё не было. Никто сейчас не может с точностью сказать, как всё обстояло на самом деле. Слишком уж велики и не обжиты были эти дальневосточные места, много неопределённого оставалось

и с границами собственных владений, как России, так и Японии. Может быть, чуть большую инициативу в вопросе освоения новых земель проявляли русские, которые значительно организованнее стремились взять эти земли под собственный контроль. Японцам, вроде бы, сам Бог велел заняться распространением своих владений на север, ибо и Сахалин и Южные Курилы находились у них чуть ли не за порогом, что называется – по соседству, но осуществляемые ими попытки оставались хаотичными, слишком поверхностными. Словом, полной уверенности в том – кто здесь хозяин, ни с одной из сторон пока не проявлялось, а ведь на этих землях издревле проживали ещё и их исконные старожилы – племена тончей, орочей, нивхов и айнов.

К началу 19 столетия отношения русских и японцев на Сахалине и Курилах оставляли желать лучшего. В 1806 году на Сахалине побывала экспедиция члена правления Российско-Американской компании капитан-лейтенанта Хвостова, которая обследовала сахалинские поселения русских и айнов, но главное, чем приходилось заниматься Хвостову – это жечь японские склады, которые японцы без разрешения русских властей начали создавать в русских владениях для торговли с местными жителями. А в 1811 году русский корабль «Диана» производил съёмку берегов острова Кунашир, и находившиеся на берегу капитан этого судна В.М.Головнин и 8 человек экипажа «Дианы» были схвачены по распоряжению правителя княжества Мацумаэ. Японцы впоследствии убеждали русских, что арест капитана Головнина был произведён по ошибке японскими чиновниками, принявшими его, якобы, за Хвостова, который сжёг японские склады на Сахалине. Так это или нет, однако В.М.Головнин и другие моряки с «Дианы» пробыли в плену в Хакодате до сентября 1813 года.

Русские не оставляли попыток освободить мирным путём В.М.Головнина и его спутников. Уже ранней весной 1812 года в район острова Кунашир и в порт Немуро вновь прибыла «Диана» с большой группой японцев, которых спасли русские в северных водах. Русские намеревались обменять В.М.Головнина и 8 моряков с «Дианы» на этих японцев, однако Головнин освобождён не был.

Осенью, возвращаясь на Камчатку, «Диана» арестовала на Кунашире японскую шхуну «Кандзэ-Мару» с хозяином этой шхуны Кахэем Такадая на борту. Японские источники так и пишут, что «шхуна «Кандзэ-Мару» и Кахэй Такадая были взяты в плен на острове Кунашир». Тем самым их источники прямо говорят о принадлежности самого южного из Курильских островов – Кунашир к России, признавая, что Россия имеет право пленения японских судов и граждан на территории и в водах этого острова. В мае 1813 года «Диана» под командованием П.И.Рикорда, старшего офицера корвета, прибыла в пролив, отделяющий остров Кунашир от Хоккайдо, и через Кахэя Такадая потребовала освобождения Головнина.

В сентябре 1813 года корвет «Диана» прибыл в Хакодате, где были проведены переговоры с чиновниками сёгунского правительства, в

результате чего В.М.Головнин и его спутники были освобождены. В успешном завершении переговоров важную роль сыграл Кахэй Такадая, сам он был русскими освобождён, а отмечая его заслуги, русские власти разрешили К.Такадая свободно плавать в русских северных водах. Отмечая этот факт, японские документы говорят, что чиновники сёгунского правительства признали факт ошибочного задержания Головнина властями княжества Мацумаэ. Находясь в плену в Хакодате, В.М.Головнин обучал японцев русскому языку.

После возвращения на родину В.М.Головнин издал книгу «Записки В.М.Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах с приобщением замечаний его о японском государстве и народе». В книге отражена жизнь за 2 года и 3 месяца. Книга ознакомила русских с обычаями жителей Хоккайдо, а также с деятельностью японских чиновников. Она послужила хорошим путеводителем для русских исследователей и коммерсантов, которые хотели ознакомиться с Японией.

Несмотря на нередкое непонимание в это время правительствами двух государств, приток русской культуры в Японию и японской – в русскую всё же постепенно усиливается. Вот несколько примеров в пользу этого, сообщаемых самими японцами. Японец Городзи Накагава, спасшийся 25 апреля 1807 года во время кораблекрушения около острова Итуруп и находившийся в течение 6 лет в Москве, не только обучился русскому языку, но и приобрёл широкие познания в медицине у русских врачей. Накагава обучился способу прививки оспы. В 1812 году Накагава возвратился домой. Он является основоположником прививки оспы в Японии.

Перед жителями Хоккайдо и Хакодате, в частности, открылись возможности всё чаще видеть суда европейского типа. Это послужило стимулом появления в Японии первого судна европейского типа шхуны «Хакодате-Мару», которую построил Тоёджи Цудзуки – корабельный плотник, житель Хакодате.

Японец Мацусабуро Иокояма выучился технике живописи русского стиля у художника Лемана – члена экипажа фрегата «Диана», который прибыл в Хакодате в 1854 году. Иокояма считается пионером-мастером живописи западного стиля в Японии. Он выучился литографии и фотографии, став впоследствии преподавателем живописи в военной академии Японии.

Японские материалы того периода прямо говорят, что в большинстве случаев спасшиеся японцы во время бедствий своих судов и получившие кров у русских на Сахалине, Курилах и Камчатке приносили с собой на Хоккайдо прогрессивную технику рыболовства, кораблестроения, а также технологию обработки металлов, пошива одежды и приготовления пищи высокого качества.

Вот и масштабы исследовательской деятельности русских в дальневосточном регионе в сравнении с японцами оставались куда более выгодными. Взять хотя бы небезызвестную кругосветную экспедицию

И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского в 1803-1806 годах, когда два судна Российско-Американской компании «Надежда» и «Нева» не только доставили посольство в Японию, но и выполнили огромную гидрографическую и океанографическую работу по съёмке западного берега Японского моря до пролива Лаперуза, через который они вышли в Охотское море, продолжая съёмку южного и восточного берегов острова Сахалин, исследовали Курильские острова и проливы между ними, а также юго-западное побережье Камчатки. Со стороны Японии в 1808 году было предпринято лишь одно плавание на байдарке мужественного землемера Мамио Ризо, которому удалось подняться на несколько десятков миль вдоль юго-западного побережья Сахалина по Татарскому проливу, но оно так и осталось незамеченным. По-видимому, у японцев к этому времени мало было уверенности в своём праве на эти земли и вели себя они нерешительно.

По воспоминаниям того же Крузенштерна, находящегося в заливе Анива в момент необычайно богатого хода сахалинской сельди, когда вода просто кипела, сетей и неводов у японцев, черпавших рыбу вёдрами, он не наблюдал, из чего сделал вывод, что рыбная ловля у них на широкую ногу не поставлена, и по всей вероятности, это были первые японские колонисты, может быть даже – беглые преступники или же побывавшие на чужой земле и за это изгнанные из отечества. Японцы только начинали знакомиться с соседним островом и возможно даже вынашивали планы об этой загадочной для них земле как сельскохозяйственной колонии, но попытки в этом направлении совершали незначительные, поскольку суровые сахалинские зимы были для них неприемлемы. Они приходили сюда на джонках только летом, ничего не сеяли, огородов не держали и скотом не занимались, а всё необходимое привозили с собой. По-настоящему их привлекала на южном Сахалине только рыба, которая приносила большой доход, так как ловилась в изобилии.

Сахалин интересовал японцев исключительно только с экономической стороны, но после того, как в 1853 году на берегу залива Анива, в Бухте Лососей, членами экспедиции под руководством Д.И.Орлова, товарища и последователя Г.И.Невельского, был основан Муравьёвский пост – ныне крупнейший на Южном Сахалине порт Корсаков, японцы стали проявлять и политическую заинтересованность. Понимание, что они могут потерять на Сахалине хорошие доходы и даровых рабочих в лице местного населения – айнов, вынудило их усилить своё влияние на острове в противовес русскому. Но опять-таки, по-видимому, за отсутствием уверенности в своём праве, эта борьба с русскими происходила нерешительно и ограничивалась тем, что японцы распускали среди айнов сплетни про русских и хвастали, что перережут их всех, на деле, по словам А.П.Чехова в его книге «Остров Сахалин», оставаясь мирными людьми и посылая русским солдатам осетров…

И всё же длительные усилия именно русских по установлению дружественных и официальных отношений со своим восточным соседом

оказались более действенны и были, наконец, завершены подписанием в городе Симода русско-японского договора, по которому были открыты для посещения русскими судами порты Симода, Хакодате и Нагасаки. Этому событию способствовало прибытие в 1853 году в Нагасаки русской эскадры под командованием адмирала Е.В.Путятина, который имел полномочия посланника Российского правительства, а также - предписание во чтобы то ни стало добиться торговых отношений с Японией и договориться с ней о границе между русскими и японскими владениями. Правительство сёгуна обещало дать ответ. Ведь 1853 год был годом прекращения сёгунским правительством политики «самоизоляции», которая проводилась с начала 17 столетия.

В августе 1854 года адмирал Е.В.Путятин на фрегате «Диана» заходит в Хакодате, где встречается с губернатором Хоккайдо, и ими оговариваются основные положения будущего договора о дружбе и торговле между двумя странами. Затем Путятин уходит в Осаку для продолжения переговоров, а в декабре 1854 года, как это уже достаточно хорошо известно, «Диана» погибает в порту Симода в результате сильной волны цунами после землетрясения. Из остатков шхуны в 1855 году в деревне Хэда на полуострове Идзу русскими моряками «Дианы» вместе с японцами сооружается шхуна «Хэда». Интересен факт, что лишь 8 пушек с фрегата «Диана» устанавливаются на «Хэде», а остальные – русские моряки дарят сёгунскому правительству, после чего перекочёвывают уже на японский военный корабль «Кайтэн».

Бурное заселение и освоение русскими Охотского побережья, Сахалина, Камчатки, Курильских и Алеутских островов требовали наличия в этой далёкой окраине России большого военного и транспортного флота, суда которого, естественно, нуждались в ремонте и отстое зимой в незамерзающих портах. Требовались также базы для отдыха экипажей и пополнения запасов. К тому же русские поселения на Дальнем Востоке нуждались в сбыте своей продукции, для чего ближайшим торговым партнёром могла выступить именно Япония, да и потребляемые товары невозможно или очень трудно было завозить из центральной России. Всё это подсказывало насущную потребность заключения русско-японского договора о дружбе и торговле, который и был в 1858 году подписан.

Естественно, что подписание этого договора послужило прибытию в порт Хакодате в сентябре 1858 года первого русского консульства во главе с Осипом Антоновичем Гошкевичем, о чём следует отметить особо, ибо событие это имело для Японии очень значительную роль, да и открытие порта для русских было крайне необходимо. Консульство прибыло на русском военном клипере «Джигит» в сопровождении корвета «Америка». Надо сказать, что Гошкевич не был новичком в Японии; ещё в 1853 году он в ранге переводчика дипломатической миссии адмирала Путятина побывал в Японии.

Первый консул О.А.Гошкевич внёс большой личный вклад не только в укрепление добрососедских отношений между Россией и Японией, но и в распространение русской культуры, науки и знаний среди японского населения Хоккайдо и Хакодате. Так, Гошкевич составил первый в истории связей двух стран словарь под названием «Японо-русский словарь», значение которого трудно переоценить. Он также преподнёс городу Хакодате барометр. Всё это подкрепляется документами, хранящимися в музеях города. Документы говорят и том, что по инициативе О.А.Гошкевича был установлен у входа в порт Хакодате фонарь-маяк, по типу установленных русскими на Балтике, для обеспечения безопасного входа и выхода судов.

Документы говорят и о том, что семья консула Гошкевича обучила японца Иокити Кидзу методу шитья одежды европейского покроя. Позднее Иокити открыл портновскую мастерскую для иностранцев и пользовался прекрасной репутацией. Иокити Кидзу также выучился у консула Гошкевича и у врача консульства Залесского методу фотографирования. Причём, японцы считают, что с точки зрения технического мастерства Иокити Кидзу превосходил тех японцев, которые двумя годами ранее открыли фотоателье в городе Нагасаки. Своё фотоателье он открыл в 1864 году.

При прямом содействии консула Гошкевича в июле 1865 года была направлена первая группа японских студентов для обучения в России. Консул Гошкевич сделал денежное пожертвование в финансирование этой поездки в сумме 14 тысяч ре/старинная японская денежная единица/. Эта группа из шести молодых людей отправилась из Хакодате на русском военном корабле в июне 1865 года, а в начале февраля 1866 года прибыла во Францию, а затем по суше – в Петербург 16 февраля 1866 года.

Наличие русского консульства в Хакодате, открытие этого порта для русских судов, дружеские и торговые отношения с этим портом были необходимы России и Японии в равной степени. Во-первых, это был главный город ближайшего к русским берегам японского острова Хоккайдо. Во-вторых, это самый большой и наиболее благоустроенный порт на острове, причём – незамерзающий, он имел большие запасы топлива, воды и продовольствия.

Ко всему прочему, в Хакодате и в других близлежащих портах базировался основной промысловый флот Японии, занимавшийся рыболовством в тех же дальневосточных водах, что и русские рыбаки. Это был ближайший большой торговый центр, через который русские поселения на Дальнем Востоке торговали с Японией. В свою очередь Приморье, Сахалин и Камчатка были основными районами ввоза японских товаров. И ещё порт Хакодате расположен географически очень выгодно для русских коммуникаций на Дальнем Востоке: курсы судов из Владивостока на Охотское побережье, Камчатку, Чукотку и в Арктику пролегали мимо этого порта. Зимой же, когда плавание осуществлялось только Сангарским проливом, значение порта Хакодате трудно было переоценить.

В пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы позапрошлого столетия особенно показательны связи русских с портом Хакодате. Русские эскадры, осуществляя опись берегов Приморья, Сахалина и других районов Дальнего Востока, когда замерзали заливы и бухты Приморья, вынуждены были искать порты-убежища, и они заходили в порт Хакодате, который был в те годы базой отдыха русских моряков, ремонта флота, портом снабжения топливом, водой и продовольствием.

Если бы русское правительство вняло здравому смыслу во благо всей державы, которой было так выгодно расширять своё влияние на Дальнем Востоке! Если бы оно поддержало и продлило всё то замечательное, чего удалось достичь в Японии Осипу Антоновичу Гошкевичу! А ведь ещё до появления в Японии первого консула, здесь, на Дальнем Востоке, жил и работал Геннадий Иванович Невельской, благодаря которому весь этот исследованный им и его сподвижниками край можно было с уверенностью называть российской стороной уже в 1850 году! Сколько полезного для России и её потомков совершил только один этот человек!

Но, тем не менее, царское правительство откровенно игнорирует достижения своих лучших сынов, оно безинициативно и недальновидно, вопросы, требующие скорейшего решения – подолгу замалчиваются, так и не дождавшись своего рассмотрения, по-настоящему отличившиеся – преследуются за непослушание, как это случилось с самим Геннадием Ивановичем Невельским, офицеры же, не имеющие собственного мнения, но послушные – поощряются. В результате в 1867 году заключается договор, по которому Сахалин стал принадлежать обоим государствам на праве общего владения. Русские и японцы признали друг за другом одинаковое право распоряжаться на острове, то есть - ни те, ни другие не считали остров своим, а лишь пробовали свои силы, скорее примериваясь к открывающимся возможностям. Возможности же представлялись поистине неограниченными…

Как уже говорилось выше, японцев на Сахалине интересовала главным образом рыба, и они на юге острова составляли большую конкуренцию русским поселенцам, производя ловлю рыбы контрабандным путём, либо за пошлины, отчего недалеко было то время, когда ссыльный, при организации японцами настоящей рыбной ловли, стал бы принимать в ней участие не как хозяин-промышленник, а лишь как батрак. Этому несправедливому положению русских, в сравнении с японцами, конечно, способствовало существование на острове каторги, бездумное ведение дел.

Только по этой причине со стороны в договоре была допущена значительная ошибка и, вероятно, именно по желанию японцев в него был внесён пункт, чтобы порабощение айнов происходило на законном основании. Риск заключался в том, что инородцы, если они входили в долги, по этому пункту могли производить уплату их работою, или какою другою услугой. А между тем на Сахалине к этому времени не было ни одного айна, которого японцы не считали бы своим должником. И всё это, несомненно,

значительно и незаметно уменьшало влияние русских на острове, тогда как японцы, вроде бы, постоянно не живущие здесь и только время от времени наезжающие, чувствовали себя полноправными хозяевами.

Конечно, не всё было так плохо… Прижившиеся на юге Сахалина японские бакалейные лавочки торговали мелкими товарами, которые пользовались успехом у русских, и между двумя народами существовали вполне доброжелательные взаимоотношения. Японцы и русские ходили друг к другу в гости, принося угощения и подарки, обе стороны могли находить и находили достаточные средства и возможности для поддержания отношений. Вот дословная выдержка из обращения, отправленного японским консулом управляющему Корсаковским округом: «Господину начальнику Корсаковского округа. На отношение от 16 августа сего года за №741 мною сделано распоряжение о раздаче присланных вами для довольствия потерпевших крушение на бриге и джонке – четырёх бочек солёной рыбы и пять кульков соли. При том я, по имени оных бедных, имею честь выразить вам, милостивый государь, весьма искреннюю признательность о ваших сочувствии и пожертвовании дружественной вашей соседней нации вещами, которые здесь для них столь важны, об этом я вполне уверен, что всегда остаются в них доброй памяти. Консул японской империи Кузе». Ведь мог белый флаг с красным солнцем мирно развеваться и среди русского населения!

Не лучшим образом повела себя Россия и в 1875 году, когда Сахалин хоть и вошёл весь в состав Российской империи, но Япония получила в вознаграждение почти все наши Курильские острова. По щедрости великой, а вероятнее всего по неискоренимой российской дурости мы опять хватили через край: отдали японцам богатейшие полезными ископаемыми, рыбой и морским зверем земли, которые сразу стали приносить им миллионные доходы, тогда как достаточно было поделиться полудюжиной островов – ближайшей к Японии Малой Курильской грядой. Но даже если бы наши политики уразумели наличие не сравнимого ни с чем богатства, которое они запросто так отдавали в руки японцев, и острова остались за нами, вряд ли бы Россия смогла ими в полной мере, верно, воспользоваться, поскольку и сейчас/!/ это не всегда удаётся.

По большому счёту, вопрос о принадлежности дальневосточных земель России или Японии не имеет под собой моральной опоры, ибо хорошо известно, что их истинными владельцами ещё до прихода русских и японцев являлись местные тунгусы – тончи и орочи, айны и нивхи, с которыми бы и русским и японцам следовало жить в согласии, не вторгаясь в их культуру и не навязывая своей… Но разве возможно было преодолеть собственную алчность, когда неграмотный, не ведающий хитрости, но богатый своей доброй душой инородец почти даром нёс тебе в руки шкурки калана и нерпы, лисы-чернобурки, котика и соболя, и ещё при этом испытывал великое счастье от того, что получал взамен маленькое чудесное зеркальце! Зачем было глумиться над этой природной чистотой, во имя быстрого обогащения

спаивая несчастных людей, и продолжать при этом воспринимать себя вершителем их судеб? Подобное отношение к местным племенам инородцев можно отнести как к русским, так и к поданным Японии. Так всё это далеко от истинного понимания жизни, которая никак не сближала две самобытные народности, и они продолжали враждовать, докатившись к началу 20 столетия до откровенной войны!

В начале 20 столетия противоречия между Россией и Японией ещё более обострились из-за Маньчжурии и Кореи. Японское правительство развернуло деятельную подготовку к войне с Россией, обеспечив себе фактическую поддержку Великобритании и США, и в феврале 1904 года японцы внезапно нападают на русские эскадры в Порт-Артуре и Чемульпо. Начинается русско-японская война, опять надолго изменяющая судьбу Сахалина.

Русское правительство даже не хотело думать, что когда-нибудь здесь придётся вести боевые действия с Японией, и ничего не предприняло для укрепления обороны острова. Япония же выжидала удобного момента, чтобы напасть на Россию и захватить Приморье и Сахалин. Русские моряки на судах «Варяг», «Кореец», «Дмитрий Донской» и «Новик» проявили чудеса беззаветного мужества, но предательство одних и бездарность других военачальников, разложение, царившее во всём государственном аппарате, привели к тому, что 20 декабря 1904 года Порт-Артур пал.

Не опасаясь наступления русских армий, японцы направили в июле 1905 года для захвата Сахалина дивизию Харагучи в составе 12 батальонов, одного эскадрона и одной пулемётной команды общей численностью до пятнадцати тысяч солдат, и все десантные части подошли к острову на десяти пароходах в сопровождении эскадры Катиока, имевшей 40 морских судов. После высадки японского десанта губернатор острова вместе со своим штабом сразу сдался в плен, но отряды защитников Сахалина, истинные патриоты, продолжали сражаться с врагом ещё почти два месяца, вплоть до 23 августа 1905 года, когда царским правительством, под нажимом США, был подписан несправедливый Портсмутский договор.

Оккупировав Сахалин, японцы стали жестоко расправляться с русским населением и нивхами, подозреваемыми в помощи защитникам острова, вырезая пленников сотнями. Грабежи и насилия вынудили русских бросить землю, ставшую родною, и выезжать на материк. Опустели десятки русских селений.

По Портсмутскому договору Япония захватила южную часть Сахалина и ещё более утвердилась на Курилах. По 50-й параллели была прорублена просека шириной 120 метров и длиной 130 км. Россия лишалась на Дальнем Востоке выхода в океан.

После упразднения в 1906 году общеизвестной каторги, Сахалин был объявлен свободным для вольного заселения, но остров, пользующийся в стране мрачной славою, не привлекал людей, и царское правительство решает предпринять вербовку на Северный Сахалин китайцев и корейцев, а в

1914 году объявляет, что переселяющиеся на остров и занятые там на работах - освобождаются от воинской повинности. Нужно заметить, что Сахалин в эти годы переживает состояние крайнего упадка, поскольку японские оккупанты вывезли всё, что можно было захватить, вплоть до оборудования шахт, средств рыболовства и культурных ценностей. Но, тем не менее, в 1909 году на территории Северного Сахалина образуется Сахалинская область с центром в городе Александровске.

После долгих перипетий, связанных с захватом Северного Сахалина в 1918 году белогвардейцами, в 1920 году его оккупировала и Япония, желая превратить в свою колонию. Оккупанты сознательно проводили политику японизации Сахалина, намереваясь закрепить его за собой. В течение короткого периода они завезли на Северный Сахалин около 4 тысяч японских и корейских рабочих, в результате чего многие русские оказались без работы. Как результат произвола, в 1920-21 годах наблюдается усиленный отток русского населения с острова на материк, а японцы в январе 1923 года даже предложили всем желающим в семидневный срок покинуть Сахалин, указывая на дороговизну жизни и безработицу.

Русское население на Сахалине было поставлено в невыносимые условия. Японцы произвели перепись всех граждан, учёт скота и инвентаря на Сахалине, и предупредили, что ни один владелец не имеет права производить убой и продажу скота без ведома японских властей. Была ограничена свобода передвижения русского населения. Даже похороны совершались только с ведома японского командования. Оккупанты ввели особые пропуска, заставляли русских снимать головные уборы и кланяться начальству и часовым, которые были расставлены на всех перекрёстках. В случае невыполнения этих требований – расстрел.

Оккупационные власти японизировали русские школы, в них был обязателен японский язык, и только на этом языке должны были разговаривать учащиеся. Японские власти запретили русским разработку горных рудников, весь уголь отправлялся в Японию, нельзя было добывать даже камень, песок, глину, что каралось 20-летним тюремным заключением. Пользование лесом русским было запрещено, тогда, как сами японцы хищнически хозяйничали в тайге, истребляя колоссальные лесные массивы.

То же самое обстояло и с рыбными промыслами, сельское хозяйство пришло в упадок, русские, если и работали, то только на подсобных работах. Что могло остановить это варварское разграбление острова? И вообще, как могло так случиться, что вежливые японцы, с которыми мы неплохо ладили каких-нибудь два-три десятка лет назад, стали необыкновенно коварны, даже вероломны, и из наших дальневосточных собратьев превратились в отчаянных врагов?!

А виной всему – опять грязная политика, вырастающая из боязни каждого русского или японца именно справедливо распорядиться предоставленной ему от рождения свободой. И при этом проявить обязательную решимость в осуществлении достойного желания, тогда как

легче всего переложить и свою волю, и все необходимые усилия в руки того, кто, якобы, не сомневается – как всем этим богатством распорядиться, и, конечно, идёт наилегчайшим путём обмана. Японцы в этот период своей истории позабыли об исконных народных традициях, о самом лучшем, что составляло суть их нации, и ввергли себя и других в жерло войны, не проявив присущей им мудрости. Япония потеряла себя в эти годы, но в ней всё-таки были живы свежие силы, как ни странно, ими оказалась Компартия Японии, более всех пекущаяся о благе любого народа, и вот эти силы и вынудили правительство страны пойти на сближение с Советским Союзом, подписав наконец-то 20 января 1925 года мирную конвенцию, после чего Япония вывела свои войска с Северного Сахалина.

Но долгого мира опять не получилось… С конца 30-х годов Япония, поддерживаемая Германией, берёт курс на захват и колонизацию громадных территорий, организуя вооружённые провокации против Китая, СССР и Монголии. В июле 1938 года японские войска вторгаются на советскую территорию в районе озера Хасан, где терпят от нас сокрушительное поражение, а 11 мая 1939 года части Квантунской армии вступают уже на территорию МНР в районе озера Халкин-Гол, но советские и монгольские войска к августу месяцу громят японских захватчиков и здесь.

В течение всей мировой войны японцы продолжали держать на границе с Советским Союзом отборную Квантунскую армию около 1 млн. человек, не отменяя плана нападения. Это сковывало значительную часть советских войск на Дальнем Востоке и являлось фактической помощью со стороны Японии гитлеровской Германии. Япония снабжала Германию военно-разведывательными данными о Советском Союзе, закрыла для советских судов проливы Лаперуза и Сангарский, топила советские корабли, создавая серьёзные препятствия советскому судоходству. Учитывая все эти факты неоднократных нарушений пакта о нейтралитете со стороны Японии, советское правительство 5 апреля 1945 года объявило о его денонсации, а 8 августа 1945 года, выполняя обязательства, взятые на себя по соглашениям с союзниками, и стремясь к быстрейшему окончанию 2-й мировой войны объявило, что с 9 августа 1945 года будет находиться в состоянии войны с Японией и присоединяется к Потсдамской декларации 1945 года правительств США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 года, требовавшей безоговорочной капитуляции Японии. Наступление наших войск привело к освобождению Маньчжурии, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов, и после скорого завершения войны 2 сентября 1945 года был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Так, вкратце, можно описать отношения двух держав, когда бы все эти четыре столетия они могли мирно сосуществовать, и всё у них для этого было… Но не хватило мудрой решимости в преодолении своей алчной природы, созидающей потребности достигнуть гармонии и в общении друг с другом, и с местными племенами, искреннего стремления совместно овладеть правдой жизни на богатой дальневосточной земле, способной

бесконечно одаривать всех без исключения, к какой бы национальности ты не относился.

Кто же такие японцы, что столь длительный срок являлись нашими ближайшими соседями, и с которыми мы так и не достигли гармонии во взаимоотношениях? Кто они, эти загадочные услужливые люди, думал я о них, впервые прогуливаясь по областному центру – Южно-Сахалинску, который японцы в свою бытность на острове называли «Тойохара» - «город солнца»? Способны ли мы сами достичь с ними солнечного согласия, учитывая все сложности наших не простых взаимоотношений в прошлом?

Двум великим государствам выпала судьба быть соседями, но до 18 века они почти ничего не знали друг о друге. Впоследствии Россия совершала, может быть, несколько большие усилия к сближению, причём, действовала не с позиций силы, а методом кропотливого и терпеливого убеждения. Немало было сделано Россией, чтобы первой проникнуть в закрытую для иностранцев страну и понять – кто они, японцы? Ведь жизнь слагают люди, и именно Япония имеет богатую событиями историю, а японцам было не чуждо всё человеческое, когда они тоже пытались преодолеть различия с русскими и со своей стороны постараться понять их.

Долгое время работая рядом с Японией, нередко общаясь с простыми японцами-рыбаками, мне невольно захотелось написать об их силе и слабости, порой очень не простых попытках жить достойно, потому как пути следования и русских и японцев за долгие годы существования в непосредственной близости часто соединялись, разъединялись, а иногда они даже не могли друг без друга обойтись… Мне захотелось написать о самой Японии, какой я её видел с берегов Сахалина, ощущая присутствие японцев повсюду, и о том, как постепенно шёл к её зелёным берегам, зачитываясь с юности историей этой удивительной страны. Ещё меня просто завораживали её неправдоподобно доступные и в то же время загадочные вулканы с заснеженными верхушками, и совершенно непостижимые, но очень простые боги. А разве могли не заинтересовать неутомимые ныряльщики за жемчугом – ама, опускающиеся под воду во всём белом, и отчего белый цвет – траурный на Востоке, и он является фоном для восходящего красного солнца на государственном флаге Японии?

А японские пословицы? Они одни сводили с ума своим изысканным обаянием и простотой, глубоким своеобразием и тонкой поэтичностью, изящным вкусом и проникновенной просветлённостью, лёгкостью недосказанности… Но эта лёгкость не была случайным даром: подобному «озарению» в жизни японца должна была предшествовать длительная работа духа, упорное изучение ремесла, а потом уже человек должен был достичь всего своей духовной энергией. И для него чуткое ощущение природы и жизни означало обретение истинной свободы, когда он вырывался из узких рамок временной индивидуальности, соединяя свою сущность с сущностью

окружающего мира, которым для него являлась маленькая Япония, располагающаяся на множестве островов.

Так, вот, пословицы… Огромным удовольствием было перечитывать эту диковинную восточную мудрость, словно пересыпая в руках перламутрово-розовые жемчужины, добытые с неведомой глубины. Порой начинало казаться, что все эти пословицы никем не сочиняются, а рождены сами по себе из проникновенного японского воздуха, цветов и деревьев, окружающего японцев моря. Взять хотя бы несколько, вроде бы – простых, и в тоже время – очень непохожих ни на какие другие, принадлежащие иному народу. Каждая – будто притча, маленькая житейская мудрость, которой кто-то великодушно поделился с трудолюбивыми, старательными людьми, чтобы облегчить им жизнь.

«Жемчужина истины находится на рыночной площади». «Не открывай сердца женщине, даже если она принесла тебе семерых детей». «Сколько гальку не шлифуй – алмазом не станет». «Хорошее лекарство всегда неприятно на вкус». «Маленькие недостатки не могут затмить большие достоинства». «Если хочешь сделать человека слабым, не переставай хвалить его». «Обслуживать лень, значит, воспитывать негодяя». «Встреча – начало разлуки…»

Впервые я почувствовал на Дальнем Востоке – что такое Япония, когда увидел в областном центре Сахалина японскую пагоду со львами, в которой располагался краеведческий музей. Конечно, раньше я встречал изображение добротных японских зданий с загнутыми кверху краями крыш, выложенными изящной черепицей, но только на картинках или в фильмах, и оттого необычность настоящего строения меня просто зачаровала. А главное, во всех линиях постройки, даже в их цвете ощущался совершенно другой мир, иное мышление, и я сразу попытался представить себе этих неведомых мне людей – японцев, какие они собранные, с таинственной вдумчивой душой, что могут возводить такие строгие и в тоже время художественные здания. Правда, зданий по всему областному центру насчитывалось немного, они лишь изредка, в самых неожиданных местах, напоминали о былом присутствии здесь японцев… Но в сочетании с крутыми сопками, причудливой формой деревьев и каким-то удивительным дальневосточным воздухом, проникнутым необычной, присущей только ему историей, всё это навевало удивительно проникновенные и тонкие мысли о Японии и японцах.

Я сразу заметил, что даже если постройки, часто встречающиеся на Сахалине, явно и не принадлежали японцам, в них чувствовалось присутствие их духа. Вообще, Сахалин больше отличает каркасно-сарайная «архитектура», то, что поражает на острове в первую очередь. Ты будто попадаешь в Японию, но это не Япония, во всём угадывается лишь её близость и былое нахождение здесь японцев. Тогда почему до сих пор всё это сохранилось?

Обыкновенный сахалинский пейзаж с крутолобыми сопками и глубокими таинственными распадками околдовывает именно своей

непохожестью на то, что ты видел раньше. Всё здесь необычно, несравнимо ни с чем другим в России, и как-то таинственно обособленно, но в тоже время – открыто. Как будто бы и все эти хрупкие постройки, и разноцветные пятна сахалинской тайги по осени, и величественно замершие вокруг сопки пристально смотрят на тебя и лукаво про себя улыбаются… Ну, прямо как японцы, которые всегда знают про всех их тайну, но никогда не выдают своего знания. И гостеприимны, и сами себе на уме.

И так, архитектура на Сахалине, вроде бы, японская, а на самом деле совсем не японская. У японцев не только внутренние, но и внешние стены делаются раздвижными, лёгкими. В субтропическом климате это вполне обосновано. Такое жилище легко проветривается, летом оно спасает от духоты.

Но на Сахалине японцы поняли, что с его суровой зимой в раздвижных «фонариках» не проживёшь, а строить утеплённые дома, на манер русской избы, не умели, и тогда они обратились за помощью к … американцам, опыт которых уже, к тому времени, проник на Дальний Восток. Ведь местное население – нивхи и айны, сооружали для себя крытые землянки, и у них нечему было научиться, а американцы, всё чаще в этих местах появляющиеся, изобрели в освоении своих северных земель быстрый и более надёжный «каркасный» стиль, который японцы назвали хоккайдским, потому что, наверное, впервые применили изобретение американцев на своём самом северном острове, не отличающимся тёплой зимой.

И всё же эти каркасные строения были не надёжны в условиях Курил и Сахалина, с постоянными вьюгами, дождями и тайфунами. Скорее, в них подкупала японцев быстрота постройки, к тому же, на острове, особенно на юге, остро ощущалась нехватка дерева. Те же японцы, уже к началу второй мировой войны, извели запасы леса на Южном Сахалине напрочь!

Кстати, в первые годы после войны, основную часть гражданского населения Южного Сахалина и Курил ещё составляли иностранные подданные – японцы, отчасти – корейцы, дожидавшиеся репатриации, а власть на островах осуществлялась особым Гражданским управлением. Японцев здесь к этому времени оставалось десятки тысяч, географические названия ещё не были переведены на русские, а нужно было подумать и о судьбе коренного населения – айнов и нивхов, и всё это создавало необычное своеобразие вместе с вышеупомянутой американо-японской «архитектурой», которую в послевоенную пору, из-за быстроты и неприхотливости возведения, восприняли и русские. Но и в этой перемешанности стилей угадывалось более именно японское…

Известно, что белый цвет – траурный на Востоке, и в Японии он создаёт основу государственности на её флаге, как бы подчёркивая особое отношение японцев к смерти. Траурный – он и торжественный, совершенно неотъемлемый в жизни, призванный воспринимать действительность, как нечто неразделимое с божественным. Белые снега Японии, заснеженная верхушка священной Фудзиямы, чистота и трогательность чуткого

отношения к родной земле, - всё это олицетворение тонкого внутреннего мира японца, стремящегося к единству с окружающим. Из чёрного не сделаешь белого, а вот белое – начало начал, бесконечный простор для деятельной и чистой души, и только японцы избрали самый чистый на свете цвет – своим.

Именно на белом фоне замирает и утомлённое и радостно забившееся сердце самурая, вознамерившегося преподнести его Богу. Просто, как подарок, завоёванный скорее не в борьбе с врагами, с самим собой. Самураем не по военному званию, а по духу может быть и обыкновенный японский агроном, и учитель, и рыбак, между тем, не слагающий с себя потребности внутреннего роста в дисциплине, решительных поступках, чаще всего остающихся незамеченными, отношении к старшим. Вообще, главные качества, к которым стремятся японцы, это - самообладание и забота о других.

Внимание друг к другу у японцев обусловлено тем, что им не к кому ходить и ездить в гости, кроме как к своим соседям, живущим на тех же островах, что и они сами. Этим, наверное, обусловлено одно из главных качеств, к которому всегда стремились японцы – самообладание! Чтобы обрести его, нужно было научиться заботиться о других, и времени для этого у японцев всегда оставалось в достатке. Разве будешь ссориться с соседом, от которого, быть может, зависит твоё будущее? Чтобы сдержать себя – необходимо самообладание, способность улыбнуться, когда этого, вроде бы, и не хочется, и даже вежливо поклониться… Мол, знай наших, между тем, подобная духовная работа, не прекращающаяся века, незаметно приносила свои плоды: японцы действительно становились вежливыми.

Известная на Востоке угодливость, являющаяся олицетворением хитрости и коварства, не идёт с вежливостью японцев ни в какое сравнение. Конечно, при присущей японцам подлинной вежливости, и со стороны Японии нередко совершалось в её истории вероломство, но сколько душевных побед над собой нужно одержать, чтобы на место услужливости, непременно сопровождающей злое намерение, пришло учтивое снисхождение, основанное, в первую очередь, на требовательном отношении к себе!

Потому японская вежливость и не приторна, она симпатична, и как писал Антон Павлович Чехов в книге «Остров Сахалин», такая вежливость не вредит, ибо согласно поговорке – масло каши не испортит. Японцы часто хвалят всё чужое, пусть это будут даже никчёмные безделушки, не из-за желания угодить, а лишь по мгновенному устремлению души, стремящейся порадоваться за других, показать гостю своё душевное расположение к его жизни и обычаям, тонко намекая на то, что они никак не претендуют представить нечто более превосходное. Лишь бы человеку, находящемуся с ними в любой среде было комфортно, ничто его не угнетало, точно так же как и им самим складывающиеся жизненные обстоятельства приходились бы по душе. Как важна эта тонкая душевная расположенность,

свидетельствующая, на поверку, о великой духовной силе, без которой невозможна никакая культура!

Несомненно, что такая тонкая душевная расположенность и к людям и к жизненным обстоятельствам – есть ничто иное, как мудрость. У японцев это проявляется во всём. Взять хотя бы их отношение к власти… В другой какой-либо стране эта часть жизни неминуемо приковывает к себе интерес всего населения, правительство всегда на виду, оно совершенно открыто или, наоборот, втайне и очень пристрастно обсуждается, но только не в Японии. По древней японской пословице наиболее мудрое государство, которое по-настоящему печётся о судьбе своего народа, им обычно даже не упоминается и остаётся незамеченным, до такой степени людей всё устраивает и они могут спокойно жить и работать, не переживая за будущее своих детей. По крайней мере, так было раньше, и жалко, если подобного отношения к власти в последнее время становится всё меньше. Даже японский микадо – сын неба, никому не показывался в течение жизни и жил затворником. Открыть себя народу в Японии считалось для верховной власти неприличным.

Правда, подобная непритязательность одних и мудрость других, от кого и зависело в итоге народное благо, не всегда в Японии возобладало над желанием всё-таки заявить о себе… Но разве можно представить себе другую страну, где наиболее соразмерно, без значительных потерь для собственного душевного здоровья, можно было бы достичь так не достающей всем нациям гармонии!

Не зря именно здесь, на Дальнем Востоке, в частности – в Японии, сложилось такое жизненное поведение, вернее – отношение к жизни, как молчаливое сосредоточение. По убеждению японцев достичь вечного блаженства или рая при жизни мог всякий верующий, независимо от сословия, путём соблюдения определённых обрядов, главными из которых были – непротивление злу и уничтожение в себе всех земных страстей, и на это было способно лишь любящее сердце: весь мир един, и он является объектом моей любви. Таково вдумчивое восприятие действительности любым японцем, и оно - совершенно естественно.

Но почему истинная мудрость всё-таки не возобладала над алчностью и хитростью, и вместо подлинного деяния во имя собственного внутреннего роста у японцев часто преобладала суетная деловитость, которая в одной из пословиц, японцами и сотворённая, ими же и отвергалась: «Кто хочет много сделать – не суетиться, кто суетиться – тот ничего не сделает»? Наверное, потому, что политические вершители судеб страны часто извращали добрую идею, направляя сердца людей не в созидающее русло, и превратили её в удобное для себя орудие управления. Ведь та же японская пословица гласила: «Дураки толпами ходят».

А какой необыкновенно богатый духовный материал был накоплен японским народом за столетия?! Весь он постепенно сложился в неувядающие постулаты, подтверждающие неизменность вещей: мгновенность в восприятии истины, которой, впрочем, должна была

сопутствовать длительная внутренняя работа; необходимость познания самого себя, как единственно надёжный путь постижения этой истины; передача мысли непосредственно от сердца к сердцу… И ещё – взаимное озарение с не прекращающимся просветлением, равенство каждого человека и внешнего мира, а точнее – убеждённость, что плохое и хорошее – едины, горе смерти и радость жизни – не расчленёны. Главное же, что определяло эти мудрые постулаты – непосредственность и простота.

Нужно просто увидеть лучшее, создать его образ в своём сердце, и это будет сотворчество человека с небесами в не таком уж далёком от них мире. Познавшие сердца – подобны солнцу. Не следует делить явления на ошибочные и правильные, и вы с вашей чистотой достигнете нирваны – блаженного состояния освобождения от ненужных забот и стремлений, слитности с Богом.

Чтобы достигнуть просветления – совсем не требуются исключительные обстоятельства, какой-либо ритуал или особые условия. Тот, кто практикует озарённость, пребывает в ней всегда, ходит он или стоит, лежит или сидит, ибо постоянная истинность и есть непосредственность. Японцы называли это состояние «изысканность простоты», когда любое действие не создаётся, а получается.

Отсюда и понимание сути жизни – как непрекращающееся служение Богу. Чем бы ты ни был занят, твоё естественное состояние души – в творении, пусть это молитва, постройка храма или лодки, создание художественной миниатюры с изображением цветов и птиц. Кстати, трогательное отношение японцев к природе тоже вытекает из постепенно утвердившегося убеждения, что только обратившись к ней лицом и постигая всё своим умом, можно познать истину. Как это по-японски, и как правильно и важно всё на земле открывать самому, облегчая свою судьбу лишь приобретёнными самим собой знаниями!

Постепенно вглядываясь в Японию и начиная смотреть на мир «японскими глазами», эта страна, в конце концов, перестаёт быть для тебя экзотикой. Ты вдруг начинаешь осознавать, что Япония, её дух – в тебе самом, когда ты выбираешь в окружающей жизни лишь то, что созвучно твоему естеству. Для этого стоит только раскрыть глаза, и где бы ты ни находился, сразу почувствуешь себя японцем, то есть – вдумчивым, тонким человеком, способным охватить душой весь мир. Это удивительное состояние невозможно пережить, если ты не побывал в Японии или, хотя бы, не жил где-то рядом, в непосредственной близости, постоянно ощущая на себе её просветляющее и загадочное присутствие.

Японцы – народ более тонкий, нежели проживающие рядом китайцы, поскольку последних во много раз больше, а японцами, замкнутыми на своих островах, правительству руководить легче, следовательно – успешнее, с пользой для многих людей. Японцы, в силу своей обособленности и немногочисленности, глубоко и умело обустроили свою государственную систему, и до сих пор не сходят с этих позиций, ещё и усовершенствуя их.

Когда ты невольно ограничен в свободе передвижения, ты начинаешь совершенно естественно признавать созерцание, оно для японца – волевой акт самоуглубления, чем бы он ни занимался. Единственный и, в то же время, доступный каждому путь постижения истины. Недаром так развито было в Японии военное сословие, для которого проповедь духовного подвига была естественна и созвучна с жизненной моралью японца. Основа основ её – в индивидуальной дисциплине, постоянной тренировке духа через тренировку тела, закалка воли и как результат этого – умение скрывать свои чувства, преодолевать не только физическую боль, но и страх смерти, то, что называлось в Японии элементами «бусидо», так называемого кодекса воина, его чести. Обрести её мог только просветлённый, то есть – открывший в себе истинную природу – природу Будды, отсюда у японцев и значительность любого повседневного деяния, и через него – возможность просветления при жизни в собственных поступках.

То, что имело дело непосредственно с фактами жизни, а не с концепциями, очень привлекало ограниченных в территории японцев. Будь сам себе светильником: вот основной постулат любого японца, если он – истинный. Будь свободен как птица в небе, как рыба в воде, потому что только непосредственное переживание факта и непосредственное его воплощение в жизни позволяет передать природу вещи, свою слитность с ней. Всё окружающее японца, любая мелочь – важно, поскольку по душе ему естественность, спокойствие и абсолютная свобода. Простота такой морали была по душе широким слоям населения, и, конечно, прижилась в Японии. Разве это не замечательно: жить легко, непринуждённо, но до краёв наполнено!

Выходило так, что территория у японцев ограничена, а окружающий мир для них – мир безграничного свободного пространства, в котором они - полные хозяева. Кроме их любимых богов, конечно. Правда, боги, наверное, тоже погружены в самих себя и созерцание окружающей обычных людей природы, иначе были бы они так любимы этими людьми – рыбаками, земледельцами, монахами и даже суровыми самураями? Все эти простые вещи, так же просто вытекающие одно из другого, веками и созидали духовное единство нации, цельность японской натуры, у которой, к сожалению, не всегда получалось наполнить жизнь духовностью.

Нахождение рядом Японских островов, прямо по соседству, за проливом Лаперуза, почему-то приносило удивительное ощущение сказочной реальности, которую было очень приятно переживать. В ясный солнечный день северная оконечность Хоккайдо хорошо просматривалась с Южных Курил и будто повисала на горизонте между морем и небом. Нечто голубовато-серое, с тёмными горными прожилками, чуть заснеженное… «Япония» - как-то воздушно и почти ненавязчиво думалось, очень легко воспринималось и отчего-то радовало. Радовало присутствие этой древней страны, с загадочным и трудолюбивым народом, которая всегда выделялась

мною среди других стран, и я всю жизнь как будто шёл к ней своим неведомым путём, и знал, что встреча произойдёт непременно.

Однажды я даже написал о Японии курсовую работу, посвящённую влиянию учения дзэн-буддизма на творчество Ван-Гога и Матисса. Тема, прямо сказать, оказалась неожиданной для преподавателей, но у меня почему-то порождала самое серьёзное намерение довести её до логического конца, и я всё-таки убедил одного из профессоров взять надо мной шефство. Мне было близко творчество Ван-Гога и Анри Матисса, и, угадывая в нём восточные настроения, которые тоже очень привлекали, захотелось во всём этом разобраться, тем более, что Япония вызывала неподдельный интерес, даже – восхищение, а сложность темы не пугала. Всё, что касалось Японии, несмотря на прочитанное о ней, пока оставалось для меня сокрытым за тоненькой бумажной ширмой, попасть за которую, между тем, было очень не просто…

И вот, Япония лежала рядом… По-прежнему - загадочная, туманная и, тем не менее, отчего-то родная. Кто как не японцы были способны с такой обаятельной непосредственностью переносить в создаваемые ими вещи и в отношение к миру содержание своего чуткого сердца? И кого как не их всегда отличала та самая изысканность простоты, присущая состоянию души человека, творящего во имя Бога?

И так, как уже говорилось выше, своеобразие Сахалина объясняется не только неповторимостью его географического положения и особенностями рельефа, но также длительным присутствием на нём японцев, оставивших после себя долгую память. Выражена она в многочисленных сооружениях и постройках, начиная от простых хибар-лачуг – фанз, образующих целые кварталы, и заканчивая крепкими основательными домами, представляющими из себя причудливые восточные пагоды с черепичными крышами. Память о японцах живёт в голых сопках, когда-то покрытых буйным лесом, но начисто выжженным и вырубленным ими на всём юге от мыса Крильон до мыса Анива в первой половине прошлого столетия. А ещё в большом количестве проживающих здесь корейцев, которые остались после войны и пустили корни на этой земле… На Сахалин они попали именно благодаря японцам, использовавшим их в качестве чернорабочего люда. Многие из корейцев даже не имели советского подданства, но это не мешало им возделывать упрямую сахалинскую почву, получая необходимые для существования средства.

Бродя по улицам Южно-Сахалинска и наблюдая, как золотисто-багровый круг солнца поднимается по вершинам сопок, пронизывая розоватыми лучами прозрачную дымку над пробуждающейся долиной, в которой раскинулся областной центр, невольно приходило на ум название, данное островной столице японцами – «Тойохара», то есть «город солнца». И от этого город почему-то воспринимался ещё более привлекательным и

таинственным, а о японцах ты начинал думать с уважением, даже с затаенной завистью, что не удастся уже никогда побывать в их солнечном городе, наверное, совсем не похожем на современный Южно-Сахалинск. Уже позже, работая в приморских городах Сахалина – Корсакове, Холмске и Невельске, Чехове и Александровск-Сахалинском, тоже имеющим при японцах свои необычные и загадочные названия, и любуясь, как огромное солнце плещется в морской синеве, весело поблескивая сочной желтизной, и как потом ярко-оранжевым пылающим апельсином спешит закатиться за море, я всё же вспоминал именно «город солнца», хотя он и не находился у моря, и опять неизменно размышлял о японцах…

Старый рыбак Семёныч, с которым я познакомился в городе Невельске, откуда мне пришлось совершить своё первое морское путешествие, рассказывал о том, как японские шхуны-кавасаки забирались в наши территориальные воды у Сахалина и Курильских островов, бросая краболовки и промышляя ночами сайру. А наши малые сейнеры подходили к ним в темноте чуть ли не вплотную, и матросы лупили из ружей по разноцветным фонарям, слыша вопли японцев, которым осколки обжигали лица. Это происходило сразу после войны, когда между двумя странами оставалось ещё много недоговорённостей и неразберихи. Пограничникам попадались в основном бедные рыбаки, которых они сопровождали в Корсаков, либо на Кунашир. Рыбаков судили, давая обычно не более трёх лет, а затем их вывозили в море и обменивали на наших рыбаков, по воле случая оказавшихся на чужбине, или передавали в руки местных властей. Японские рыбаки были даже довольны своему пребыванию в нашей тюрьме: их кормили, бесплатно лечили, в основном все они страдали аппендицитом, потому как на родине употребляли в пищу лишь рыбу, и острые косточки часто способствовали возникновению воспаления…

После войны многие японцы какое-то время оставались на Сахалине и Курилах. По воспоминаниям Семёныча, они перебивались на мало-мальски оплачиваемых работах, промышляя - чем могли. Кому-то удавалось пристроиться в городе фотографом или в сапожной мастерской, а бедняки добывали морскую капусту, собирали папоротник и черемшу, ловили на болотах полозов. Полозы в эту голодную пору пользовались спросом, и чтобы сохранить их для копчения, японцы засовывали змей за пазуху, под мышки. Живые полозы, хоть и в неволе, сохраняли свои вкусовые качества, ибо тепло голого человеческого тела было сродни затхлому теплу болота, в котором они обитали. Как и бесправные японцы на Сахалине, но не сами ли они были тому виной?

Когда к зиме пролив Лаперуза наглухо забивается льдом и суда обычно следуют по проливу Сунгари, разделяющему японские острова Хонсю и Хоккайдо, ты попадаешь в Японию, в тоже время, не находясь в ней. Япония тогда представляется и таинственной и родной, она переливается разноцветными огнями своих ночных городов и посёлков, где живут неведомые японцы. Судно тихонечко двигается проливом, а ты стоишь у

фальшборта и любуешься проплывающими мимо картинами, будто перебирая набор диковинных японских открыток.

Но постепенно, когда огни за бортом исчезают, и судно опять обнимает темнота, ты удаляешься в кают-компанию, где взгляд твой останавливается на маленьком панно, по удачному случаю, оказавшемуся когда-то на стене уютного внутрисудового помещения. На панно мягко и загадочно поблескивает выложенное цветными чешуйками перламутра ночное Токио. Как очутилось оно на судне, для меня осталось загадкой, но панно очень удачно гармонировало со всем увиденным по берегам Сунгарского пролива, после чего ты вдруг начинал ощущать глубину этих вод и красоту отражающихся в них красок, то, как окружающий тебя мир звучен и силён. А всему причиной – загадочная Япония, до которой рукой подать, а не достанешь! Идём вдоль японских берегов и сами себя чувствуем японцами. Непередаваемое ощущение!

Особенно жива память о японцах на Северных Курилах, где мы часто бывали в экспедициях. На острове Парамушир взгляд поражает панорама пустынных бетонных ангаров для самолётов, отрешённо застывших у подножия горного хребта. Ангары – словно безмолвные памятники, напоминание о суровых временах, которые переживал остров в середине прошлого столетия.

Все эти бетонные сооружения так крепки, что не поддаются воздействию взрывчатки, и оттого им не могут найти должного применения. То же касается и бесчисленных дотов, до сих пор устрашающе зияющих своими мрачными бойницами в сторону океана, откуда шли когда-то на кинжальный огонь врага наши матросы…

Матросы шли навалом на неприступные укрепления японцев, пока у прикованных цепями к пулемётам камикадзе не иссякали патроны или они уже не успевали перезаряжаться. Много лет прошло, но не настолько, чтобы эти склоны, изрезанные окопами и дотами, позабыли о когда-то увиденном и пережитом. Горы, сопки и долины рек оставались, как и наши бойцы, суровыми и выдержанными свидетелями произошедших здесь событий.

Но самый укреплённый у японцев остров был Матуа, на нём находились резиденция микадо, главный штаб, подземный оружейный завод, множество складов с боеприпасами, аэродром. Остров небольшой, шесть на девять километров, был весь изрыт окопами, путями сообщений, а в отлогих берегах устроены через каждые пятьдесят-восемьдесят метров доты или капониры для орудий. Удобной обороне острова сопутствовала его холмистость, сопки тянулись к вулкану Сарычева, образуя беспрерывные конические склоны, казалось, совершенно неприступные. Японцы очень умело использовали природные условия Курил, превратив их в настоящую крепость.

А ведь практичная смётка и основательность, свойственная японцам, могла использоваться ими и во благо. Как на маяке мыса Крильон, самой южной оконечности острова Сахалин. Перестроенный заново при японцах,

маяк не отличался с виду чем-либо замечательным. Старые добротные постройки строго обрисовали его двор, и казались невыразительными и скучными. Однако острые углы построек поддерживали серые каменные желоба, по которым во время дождей вода стекала в подземный колодец, расположенный посреди двора. Подземные оттоки к нему были выложены морской галькой, вперемешку с листьями ламинарии, и служили отличным фильтром. Нехватку пресной воды на мысу японцы решили с присущей им практичностью – мудро и просто. Здесь, на крильонском маяке, я, помнится, как раз и почувствовал, как безмолвно уходит в прошлое тонкое и созидательное понимание японцами небезразличной им земли, которую они не уродовали, в отличие от Курильских островов…

Вот и каменные башни-колодцы – мареографы, предназначенные контролировать колебания уровня моря, сохранились после японцев в целости и порядке. Башни, как и всё у японцев, были на удивление надёжны, и поражали своей сливающейся с берегом, почти незаметной монолитностью. Японцы в этих добротных сооружениях в который раз подтверждали свою замечательную жизнестойкость. И ещё мудрую предусмотрительность, обычно, очень долго не стираемую временем.

Не поддалась всеразрушающему времени и дорога, вымощенная японцами обкатанным морем булыжником на острове Парамушир. Ведущая к вулкану Эбеко, в кратер которого мы на свой страх и риск решили спуститься с вулканологами для забора проб грунта, она удивительно хорошо сохранилась, ни один камень не вывалился из своего гнезда. Дорога была гладкая, прочная, от чего сразу представилось, каким обустроенным и уютным был ранее остров. Она вела к богатым залежам серы, вздымающейся на горном плато поразительными, ярко-лимонными искрящимися столбами, высотой по три-четыре метра, которую японцы в обилии здесь добывали. Поразила именно тщательность, с какой дорога была выложена. Что и говорить, японцы строили на совесть!

Казалось, японцы в своём тщательном отношении к любому делу выражали удивительную предусмотрительность, они будто бы строили на века, не сомневаясь в верности выбранного пути и того, что им кто-либо может помешать следовать им. Недаром просто увидеть у японцев – значило уже создать, а замечательность производимого оставалась делом второстепенным. Она уже подразумевалась изначально, когда только задумывалась, к тому же познание истинности вещей у японцев не требует исключительных условий. Обстановка, предмет или явление могут быть самыми обыденными, простыми. Именно таково отношение японцев ко всему, что их окружает: к горам, морю, шелестящим на ветру листьям бамбука, к собственным человеческим возможностям.

Глядя на то, как просто и ладно японцы обустраивают свою жизнь – и самому хочется обустроить её подобным ладным образом. Чтобы не было в этой жизни ничего лишнего, отвлекающего от главного, когда само существование – есть истинная суть. Его и обрести не просто, но и потерять,

однажды обретя, уже не удастся: достигнув этого невидимого, но чудесно существующего блага, оно оказывается самой жизнью японца надёжно закреплено.

Поэтому в отношении к любому делу японца и выдаёт лёгкость, когда он выражает себя как будто без всякого напряжения. Но эта лёгкость только видимая, так как для того, чтобы её достигнуть – нужно долго и усиленно работать над собой, изучать секреты мастерства, и только потом жить легко и непринуждённо. Такое отношение к жизни отнюдь не допускало примитива, напротив, оно отличалось тонким вкусом и глубиной.

У японцев всегда очень хорошо просматривалось глубинное слияние с природой, растворение собственного «я» в окружающем мире, чуткое постижение тех изменений и превращений, которые происходят в ней, и через это – понимание истинной внутренней сущности вещей, когда она неразделима с твоей собственной сутью.

Может быть, поэтому именно на Дальнем Востоке Япония постепенно перестала быть для меня только экзотикой: я начал выбирать и видеть в ней то, что было созвучно моему человеческому существу. Для этого следовало лишь раскрыть глаза и впитывать, что лежало прямо перед тобой. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что мне хочется брать пищу палочками, они так просты, удобны и изящны, и это было совершенно естественно.

Находясь рядом с Японией, с удовольствием проникаясь её чудесным, ненавязчивым присутствием, а так же воздействием моря, тумана, камней и ветра, я стал легко ухватывать в мимолётном видении мгновенное впечатление, как японский художник, и это необыкновенно радовало. Вообще, я сразу заметил, что здесь, на Дальнем Востоке, чувства и мысли мои посвежели, рождались и развивались просто, непосредственно. Даже в тяжёлые, пронизанные влагой дни, когда мы работали под водой неподалёку от берегов Японии, ощущение лёгкости никогда не покидало, и было приятно представлять себе где-то поблизости японские шхуны кавасаки, так же, как и мы, застигнутые густым проникновенным туманом…

Здесь, на краю света, где присутствовала такая замечательная страна Япония, я совершенно ясно осознал, что каким бы путём ты ни пошёл – все они будут плодотворны. Это понимание оказалось так удивительно, что поначалу даже не верилось в его доступность. Ты как будто заслужил его тем, что пришёл сюда, и благодаря затраченным усилиям обрёл долгожданную истину. То, как просто она откроется, конечно, не ожидалось.

Стремление к раскованности, а вернее - естественности в выражении себя, более всего присуща, наверное, именно японцам. Свобода личности от всякого рода духовных пут, в частности от пут известности и славы, которые нередко портили европейцев, пожалуй, одна из основополагающих национальных черт в Японии. Никакой японец не мог, по определению, быть пленником себя самого, чьих-либо взглядов или успеха. Кажется, братья Гонкуры писали, что японские художники эпохи расцвета несколько раз в течение своей жизни меняли имена, ибо хотели сохранить свою свободу.

Европейцев поразило творчество японских художников, когда в 1856 году, впервые, в Париж попал томик гравюр на дереве японского художника Хокусаи. А вскоре после этого различные любители искусства обнаружили, что цибики чая, импортированные из Японии, завёрнуты в прекраснейшие цветные гравюры, стоимость которых в Японии не превышала стоимости газеты. К 1862 году в Париже была открыта лавка для продажи этих и других японских редкостей… Но поражает другое: как просто японцы относились к тому, что вызвало в Европе огромный ажиотаж. В этом – та самая разница, разделяющая Запад и Восток, то непонимание европейцами единственно верного отношения к жизни, когда ты находишься в согласии с самим собой и Вселенной, может быть даже, длительное время, оставаясь в безвестности, но сохраняя при этом в сердце цветы жизни.

И ещё одно замечание о японских художниках: они часто обменивались картинами. Это доказывает, что они любили друг друга. Их взаимоотношения, видимо, были братскими, они не жили интригами. Чем больше европейцы подражали бы им в этом и проникались подобным образом жизни, тем лучше было бы для них.

Сама природа, что окружала японца с детства, предначертала ему жить с ней в гармонии. Заснеженные горы и цветущие долины, соседство моря с его нескончаемыми богатствами и неприступно-молчаливые скалы - всё это находилось на непохожих друг на друга островах, чьи свободные, но таинственные линии оставляли неуловимое ощущение непосредственности, как и японские иероглифы… Каллиграфия восточной природы у моря, штрихи которой построены на слиянии суровой простоты с подлинной поэзией: именно так чувствует и живёт японец, не противопоставляя эти понятия друг другу, а воспринимая их в единстве. Каждый японец переживает это единство как неделимую протяжённость всех своих островов, частью которой является сам.

Япония растянулась от 32 до 40 с лишним градусов широты, и в ней господствует и уживается многое из того, что в отдельности порой создаёт лицо одного государства. Да, там есть и высокие горы с заснеженными пиками, а есть зелёные, обливаемые солнцем морские берега и цветущие сады, но что дороже всего для самих загадочных японцев? Может быть, хрупкая, как ветка сакуры по весне, но стойкая, подобно самурайскому кодексу чести, вера в справедливость, с какой Бог постарался всё обустроить на земле, и к которой, между тем, ни у одной нации, кроме японцев, такой трепетной тяги не сыскать?

В чутком согласии с природой и самими собой японцы осмеливаются жить своим умом, ни на кого не похожим, в тоже время не противопоставляя свои внутренние законы – чужим. Мол, была кому нужда, тот сам до всего дойдёт в нашем обустройстве мира, мы никому ничего не навязываем, но уж если предлагаешь нам дружбу – держись японской веры. А какая она, японская вера, несгибаемо и немногословно выстраивающая свой взгляд на жизнь?

Во-первых, эта вера основывается на том, что всякая мелочь для японца представляется знаменательной особенностью. При этом обстоятельность отношения к каждой такой мелочи безоговорочно воспринимается второй основой веры, твёрдо соблюдается и, боже упаси, если будет нарушена. Не допускающее поблажек и очень требовательное отношение к собственной личности в этом случае – третье условие японской веры. А ещё у японцев необыкновенно ценится чувство собственного достоинства, несмотря на то, что многое в их культуру пришло от китайцев.

Что же касается детской непосредственности, присутствующей наряду с необыкновенной волей и выдержкой, то это – чисто японская черта, и она говорит, скорее, о замечательном простодушии, нежели лукавстве. Между прочим, японца легко обмануть, но обманув его раз, вы навсегда потеряете к себе доверие, наталкиваясь теперь уже только на непреодолимую твёрдость, свойственную разве что самурайскому клинку.

Истинно доброжелательное обхождение – вот ещё один зарок японской веры, по которой японец безоговорочно чтит чужую. Уважение к чужакам, кем бы они ни были, внушает к японцам глубокое доверие. Таким обходительным, каким выказывает себя всякий в Японии, может быть лишь человек культурный, то есть мудро относящийся к себе и окружающему миру. Японцы культурны во всём, прежде всего к любому проявлению жизни.

Вглядываться в жизнь с любознательностью ребёнка и не раскрывать рот от удивления, обходясь по большей части молчанием, которое – золото, тоже в чисто японском стиле, и это очень импонирует уставшему от показухи европейцу. Как тут обойтись без слов, сказать сложно, но не сложнее было бы, как и японцы, обходиться и в разговоре и в жизни малым, самым ценным, отчего рано или поздно в тебе должно быть проснулось бы уважение не столько к себе – сколько к собеседнику, приятелю, соседу. И всё это делается с удивительной простотой, приоткрывая истинный смысл существования.

Но взглянув на лицо японца – засомневаешься: да постигает ли этот народ, на самом деле, радость? Улыбается ли он от всей души, смеётся широко, свободно? Судя по строгому, будто отрешённому взгляду и сосредоточенному лицу, в это трудно поверить. А может быть, обаяние японской нации в её серьёзности, в том, как целеустремленно она старается преодолевать присущие всем нам лень и гордыню?

Поклонение небесным духам у японцев - не есть нечто привилегированное, доступное высшим слоям, в отличие от менее знатных, а присуще абсолютно всем. Причём, опять же просто, без религиозного фанатизма, но с господством нравственно-философского выстраивания жизни. И в связи с этим – редкостное трудолюбие, отличающее ту же высокую духовность, которая не требует иных доказательств, кроме мудрого отношения к самому себе, соседу, одиноко стоящему дереву, всей волшебной природе, окружающей японца. Не покладая рук трудиться для него, значит –

любить возделываемую им землю и отпущенное тебе время. Допустить же равнодушие – просто неприемлемо.

Земли у японцев всегда было мало и этим объясняется то обстоятельство, что они научились её ценить, а, следовательно, точно так же бережно относиться к каждому мгновению нахождения в поднебесном царстве. Недаром и название своей страны соприкасается у них непосредственно с верховной властью божеств, которые располагаются прямо над Японией, совсем рядом, там, где восходит солнце, и нужно приложить максимум усилий, чтобы не ударить перед ними лицом в грязь. Отсюда – и осознанное старание, и уверенность, что без усилий не будет роста до небесных духов, и отсутствие какой-либо боязни, даже – отчаянная отвага и смелость: если случится пожертвовать жизнью во имя достойной цели – японец отдаст её, не задумываясь!

Жить рядом с Японией и не думать о ней, невозможно. А если думаешь, то, конечно, и воспринимаешь жизнь её обитателей как свою, потому что ты теперь … почти в Японии, до неё рукой подать. От этого воображение разыгрывается и неминуемо касается всех вопросов, которые бы, по твоему мнению, интересовали и японцев, и ты, согласно своему восприятию, следуешь их примеру. Что делать: от желания побывать в Японии и от непосредственной близости с ней ты начинаешь представлять себя японцем!

И, правда: приятно разобрать на досуге, с помощью собственных наблюдений и догадок, обыкновенную жизнь и восприятие её японцем, если ты находишься неподалёку от страны восходящего солнца. По утрам, в ясную погоду, узкая северная оконечность Японского архипелага приветствует тебя недвусмысленной лукавой улыбкой восточного жителя, словно излом чайкиного крыла застывшей над сияющей морской гладью, если ты находишься на одном из южных островов Малой Курильской гряды. Отправившись погулять вдоль прибойной полосы, ты обязательно наткнёшься на какие-нибудь затейливые предметы, выброшенные ночью морем, и это будут предметы, непременно, японского обихода: либо яркий рыбацкий кухтыль, либо пластмассовый ящик из-под пива, либо детская игрушка. А когда остановишься и возьмёшь в руки, с любопытством разглядывая, непроизвольно подумаешь про невидимое японское течение Куросио, которое, может быть, и принесло от берегов Японии эти занятные безделушки. Впрочем, будучи изготовленными на совесть, они неизменно находят применение у местных жителей, и существует даже своего рода конкуренция в том, кто соберёт больше интересных японских вещичек. Всюду здесь присутствует напоминание о японцах, которых, вроде бы, и нет, но они постоянно рядом.

Иметь непоколебимое ничем и очень уважительное отношение к родителям – для японцев норма. Они и помыслить не в силах – как можно обидеть старого человека, в чём-то его ограничить, даже мало-мальски ущемив права. Вероятно, в восприятии японцем самых высоких и не

обсуждаемых по важности реликвий в первую очередь остаётся именно забота о родителях, а уже потом – поклонение богам.

На Сахалине меня однажды познакомили с японцем по имени Сугиама, с которым я впоследствии даже подружился. Причём, произошло это очень легко, без каких-либо проверок с его стороны, предполагающих осторожность и недоверие к русским. Сугиама был молодым человеком, почти одного со мной возраста, и имел на руках неизлечимо больных родителей, их ему постоянно приходилось именно переносить, сами они не ходили.

Помнится, меня поразило его трепетное отношение к беспомощным старикам, а более всего – отсутствие какого-либо надрыва, обычно присущего тому, кто обречён на подобное незавидное положение. Ведь он был молод, но, кажется, совершенно не отчаивался из-за того, что львиную долю своего времени ему приходится затрачивать на поддержку немощных родителей. Слава – так звали моего новоиспечённого японского друга, был всегда светел лицом, ласково и очень обаятельно улыбался, он абсолютно не унывал ни по какому, вроде бы, самому обременительному жизненному поводу. Даже когда жизнь, я это точно знал с момента нашего сближения, преподносила ему свои жестокие сюрпризы, он и тогда никак внешне не реагировал на её испытания.

У японцев вообще нет закостенелости в лице и манерах вопреки мнению, что им, якобы, присуща некая, ничего не выражающая маска, но, тем не менее, они отличаются удивительной скромностью, она заметна и, как ни странно, всеми поощряема. Японцы, как будто, абсолютно довольны своей участью, даже если имеют очень мало, и эта уверенность в спокойном отношении к жизни выгодно отличает их от самоуверенности и себялюбия европейцев.

Вячеслав, помнится, взялся обучить меня занятной японской борьбе на руках… Два соперника сцепляются в крепком рукопожатии, чуть присаживаясь, полусогнутые ноги при этом широко расставлены – одна впереди, другая сзади, тем самым обеспечивая для тела устойчивое положение, и, замерев на несколько мгновений, выжидают наиболее выгодную ситуацию, чтобы перетянуть противоборствующую сторону на себя, и соперник бы переступил хотя бы одной ногой… Обязательное условие при таком необычном единоборстве – не потерять равновесия, в состязании участвуют лишь тело, плечи, руки, и нужно поймать подходящий момент и вынудить другого человека сойти с места. Довольно-таки простая, по сути, игра, не требующая никаких дополнительных предметов, но имеющая маленький японский секрет, с помощью которого мой молодой друг неизменно меня обыгрывал, не переставая загадочно и очень обаятельно улыбаться. Этот простой секрет, положенный в основу многих восточных единоборств, как оказалось на деле, и отображал суть загадочной японской души, наконец-то, приоткрывшейся мне…

Среди нашего разношёрстного морского люда можно встретить много лиц, как будто, совершенно похожих, ничем друг от друга не отличающихся, у японцев же, наоборот, при общей внешней схожести, приглядевшись пристальнее, отметишь в каждом человеке много оригинального, присущего только ему. Чувствуется, что каждый из этих, с виду одинаковых людей, достаточно своеобразен, даже неповторим, но в чём тому причина – ответишь не сразу. Скорее, и вовсе затруднишься что-либо сказать, ибо одного живого взгляда для разрешения этого вопроса недостаточно, а нужно быть допущенным в японскую жизнь полностью и надолго, искренне признавая их образ существования, как самый достойный.

Вот и непритязательность японца одновременно с переживанием в себе какого-то удивительного самоуважения, не покидающего его даже в самой невыгодной ситуации, всегда вызывали во мне не то чтобы восторг, но искреннее преклонение. Взять хотя бы такое, часто случающееся в море явление как «ченч», то есть – обмен между моряками продуктами питания или разного рода предметами. Что греха таить, наши рыбаки, повстречавшись в море с каким-либо добывающим японским судном, не упускали возможности заполучить у доверчивых японцев нечто более выгодное в отличие от того, что могли предложить сами. Например, желанное каждому моряку, порядком истосковавшемуся по вольной портовой жизни, пиво в длинных тёмных бутылках, или толстые порнографические журналы, для получения коих достаточно было ободрать с железных баночек зелёного горошка бумажные этикетки, бессовестно выдавая их за особенно любимое у японцев сгущенное молоко. Японцы же, обнаружив подвох, никогда не показывали себя разочарованными, а только весело восклицали что-либо, дружелюбно помахивая руками со своей палубы нашим рыбакам, и улыбались. Казалось, они были совершенно счастливы.

Часто я ловил себя на мысли, что японцы, как, кстати, и корейцы, комично наивны и обладают какой-то ограниченной весёлостью, не имеющей под собой глубины, но впечатление это опять оказывалось верным лишь на первый взгляд. На самом деле, если общаться с японцами достаточно долго, изредка, к своему удивлению, вдруг замечаешь в их глазах вспыхнувшее сознание собственного превосходства, какую-то даже избранность, коей многим другим народностям - не достаёт, но японцы, по их разумению, ей в полной мере обладают, и тем необычайно интересны. Только вот до поры свою скрытую силу они никогда не показывают, иной раз так ей и не воспользовавшись. Ценность подобного внутреннего убеждения, вернее – состояния, думается, заложена в их скрытых внутренних ресурсах, накопленных за тысячелетия и проявляющихся крайне редко, а выдаёт эти возможности, как ни странно, удивительная сдержанность, спокойствие, что вынуждены, для собственного же душевного здоровья, иногда приоткрывать заключённую в себе тайну.

При каменном лице и строгом взгляде японца в нём вдруг загорится на мгновение огонёк любви ко всему живому и тут же погаснет, но ты уже

успеешь стать пленником этого человека, почувствовав его всем сердцем. И ещё позавидуешь удивительной выдержке и скромности, с какой было выражено безграничное великодушие. Никто, пожалуй, не контролирует свои эмоции с таким хладнокровием, как японцы.

А всё, наверное, потому, что у японцев отсутствует известная восточная роскошь, ничего подобного у них нет и в помине. Бывая в домах японцев, проживающих на Сахалине, я не раз убеждался в этом, проникаясь в тоже время их духовным богатством. Напротив, обнаруженная обстановка выявляла опять же ту самую непритязательность, где всё выглядело очень скромно и просто, порой даже до удивления скудно, но, тем не менее, отчего-то такая простота не теряла свежести и новизны. Это небывалое сочетание невидимого внутреннего богатства и внешней простоты, некоей духовной наполненности со строгостью не сразу бросается в глаза, его следует почувствовать, а почувствовав – с удовлетворением принять как нечто, желательно бы присущее и тебе. Во всём японском образе жизни вас никогда не поразит нелепая пестрота, лишь сдержанность чудесных красок и тонких настроений всего бытового обустройства.

Вообще, если жители Ближнего Востока, относящиеся к мусульманской вере, не проявляют, в силу каких-то национальных черт, должного внимания к труду, более выражая себя в нескончаемой воинственности, а православные христиане полагают труд делом богоугодным, то вот японцы воспринимают трудовую деятельность, независимо от проповедуемых в Японии даосизма или буддизма, только как дело полезное. Труд, по их разумению, умножает силы и увеличивает срок жизни! Даровое, как говорится, на ветер, трудовое же - в сок, да в корень.

Японцам присуща необыкновенная опрятность, как в домах и одеждах, так и в жизненных правилах. Ещё у них приятные и ненадоедливые манеры, обходительное обращение, но после всего этого почему-то складывается ощущение, что ты им всё-таки равнодушен. Кажется, что они бы с удовольствием устроили всё на самом деле по-иному, как-то более удобно, уютнее для себя, но отчего-то не могут изменить заведённого порядка и непреклонно следуют ему. Виною тому, думается, строгое отношение к себе, заведённое ещё с давних времён, дисциплина духа, переступить которую японцы не в силах. Иначе бы они просто не были японцами.

А за всем этим, между тем, скрывается удивительная живость, желание показать себя и непременно ещё и выиграть! Видно, что непомерные способности и силы сдерживаются в обычных вещах, даже просто в общении. Должно пройти, наверное, достаточно времени, чтобы японцы полностью избавились от этой сдержанности, больше надуманной, чем необходимой. В Японии всё может быть, что у других народов не бывает.

Отношение японцев к жизни проявляется и в отсутствии резких, кричащих красок, например, в одежде или живописи, а всё больше нежная, смягчённая смесь различных тонов, очень тонко выражающих определённое настроение. Всё у японцев выглядит натурально и естественно, даже среди

простолюдинов, когда преобладает какой-нибудь один, довольно сдержанный цвет. Конечно, допускаются и отклонения, но всегда с определённой строгостью и вкусом. Японец никогда не будет выглядеть попугаем, и отличит его скорее неброская изысканность обыкновенной птицы.

Японцы очень поэтично называют свою родину страной восходящего солнца, и это не случайно: в Азии его много и люди даже прячутся от солнечного света, стараясь не подниматься на значительные возвышения, быть открытым и строить дома с большими окнами. Но при этом трепетно чтут замечательное светило, терпеливо занимаясь своим земным делом, не забывают – какое оно великое, не уставая приносить ему опять же земные поклоны и, наверное, именно из-за неизменного расположения к недостижимому солнцу опускаются на пол перед старшим человеком или гостем. Такова японская манера заслуженного поклонения миру света, предпочитая при этом нахождение в тени.

Японское достоинство… Думая о японцах, приходится говорить чаще всего именно о нём. Но что оно под собой подразумевает, и существует ли на самом деле? Не миф ли, получивший распространение с тех пор, когда Япония была закрыта от всего мира, упорно не признавая ничего нового и боясь развития, вопреки огромным жизненным силам, что копились всё это время в ней. Оттого эта страна, наверное, и держала себя всегда с холодной важностью и строгостью, даже – высокомерием, которое, впрочем, у многих представителей других национальностей – голландцев, американцев, русских, часто бывающих в эту пору на Дальнем Востоке, вызывало доброжелательную улыбку…

Да, отчасти именно это породило в лицах и характере японского народа известное всем величие и сдержанность в выражении своих чувств, но потом, в какие-нибудь десятилетия, эта же неокрепшая строгость незаметно перевоплотилась в удивительную стойкость по достижению поставленной цели, проявляя не менее удивительную выдержку и отвагу. И так сформировалась уже осознанная национальная философия, затвердившая в чертах лица японцев продуманную несгибаемость.

Из всех народов Дальнего Востока японцы, наверное, считаются первыми по наиболее мудрому обустройству жизни, а также им нет равных в изысканности нравов, которыми они способны совершенно очаровать. Порой эта утончённость так проста и доступна, что её даже не воспринимают как нечто необычное, а уж если восхищаются, то не в силах передать свои чувства на словах. Всё, что увидено в Японии и узнано о ней – необыкновенно радует воображение, и его хочется запомнить и оставить навсегда с собой. Японцы же только сдержанно улыбаются: чего проще, кажется, быть самими собой, когда окружающая природа к этому и располагает. Поэтому, наверное, японцы и отличаются простотой нравов, скромностью и умеренностью, а значит – мудрым образом жизни. Что может быть более достойно?!

«КИТЁНОК»

Киты и люди… Огромная разница в размерах, кажется, разделяет их непреодолимой пропастью, и киты, обитающие в недоступном пока для человека океане, представляются просто необычайными существами из другого мира. Но, тем не менее, нас многое объединяет.

Когда ты встречаешь в открытом море стадо китов, хотя бы и с палубы судна наблюдая неторопливые взмахи их гигантских, завораживающих своими плавными движениями хвостов, слышишь громкие вдохи и выдохи, с которыми животные набирают в лёгкие воздух, то тебя переполняет какое-то тёплое, родственное с китами чувство, будто ты не зря оказался вместе с ними среди морских волн… У китов, как и у людей, тёплая кровь и крупный мозг, они – млекопитающие, и у них тоже есть четырёхкамерное сердце, а самки, как и человеческие матери, кормят своих детёнышей сосцами. Вот и многие из недугов морских исполинов имеют немало общего с болезнями человека: у китов отмечены почечно-каменная болезнь, цирроз печени, воспаление лёгких, плеврит, язва желудка и двенадцатипёрстной кишки, цинга, диабет, у самок китов встречаются даже случаи воспаления молочной железы – мастит, психозы и нервные расстройства. Специальное изучение сердечно-сосудистой системы показало наличие у всех видов исследованных китов явлений, сходных с атеросклерозом, а у одного старого кашалота в области межжелудочковой перегородки сердца были обнаружены явные следы/рубец/ перенесённого инфаркта миокарда! Но люди очень странно относятся к животному царству, не только к китообразным, и почему-то привыкли считать, что жить по-настоящему могут лишь они.

Киты же, кажется, вполне довольны собой, ибо, как и каждое живое существо, существовали всегда. Они, конечно, проявляют свой склад ума, и вполне могли бы, наверное, мирно сосуществовать в любые времена с человеком, обладающим в отличие от них интеллектом, но если киты каким-то образом и сталкивались с людьми, то большей частью это были китобои. Китобои задолго до биологов, изучающих образ жизни, болезни животных и описывающих у них инстинкт взаимопомощи, научились использовать его в своих целях: они старались ранить детёныша, зная, что мать непременно явится искать его, и тогда можно будет легко убить не только детёныша, но и китиху. Среди экспонатов Музея китобойного промысла в Нью-Бедфорде есть акварель 1840 года: на ней изображена самка кашалота, поднявшаяся над волнами, а в пасти у китихи умирающий детёныш и из окровавленного бока детёныша свисает линь гарпуна. Ужасное зрелище, и как прекрасен маленький, серо-голубой китёнок, скользящий в лазурной толще воды вместе с мамой!

А ведь в суровом Охотском или Беринговом море маленьких китят ожидают жестокие шторма! Они узнают, каково сутками не есть и не спать.

Слабые – погибают, выживут лишь отчаянные. Многие потом будут выброшены на берег и пропадут в безвестности, как будто их и не было.

Но китёнку, о котором я хочу рассказать, повезло – мы обнаружили его рано поутру, на пустынном берегу, когда собирались выйти в море на добычу морского ежа. Увидев китёнка, я оторопел: ведь я никогда раньше не встречал китов, тем боле, рядом, когда можно просто подойти к нему и полюбоваться.

Китёнок был ещё мокрым, он не обсох, и гладким. До него всё время хотелось дотрагиваться, проводить по нему рукой, и восхищаться: какой большой! Хотя и малыш по китовым понятиям, совсем ещё дитя… Всего каких-нибудь пять-шесть месяцев, но не верится в это, когда стоишь рядом и смотришь на гору мяса в два человеческих роста. Китёнок!

Я медленно обошёл китёнка, не переставая гладить его серо-голубое, упругое тело, и меня не покидало ощущение, что он – живой. Только впал на время в полусонное состояние, какое-то забытье, но стоит его окатить водой - и он встрепенётся, взмахнёт красивым хвостом и уплывёт. Я так и сделал: зачерпнул в ладони морской воды и облил лоб китёнка, но он никак не прореагировал на мою заботу. Глазик его уже подёрнулся мутновато-белёсым налётом и был устремлён в мокрый серый песок… У меня перевернулось сердце.

Я распростёр объятия, прижался к гладкому доступному телу красивого обитателя морских глубин, и привиделось мне, будто я сам китёнок, угадываю звуки, которая издаёт моя мама, и плыву к ней изо всех сил. И она встречает меня сурово, но ласково. Как такое может быть? Попробуйте сами обнять однажды китёнка, по воле случая замершего на берегу, как будто уснувшего… Мне это удалось.

Обычно китовое сообщество устроено полигамно, и поведение китов в стаде одинаково – все они исполняют одни и те же обязанности. Взрослые самцы, а в некоторых случаях самки иногда играют роль вожака, но все «рядовые» члены племени проявляют одинаковую заботу о молодняке. Когда один из членов сообщества ранен или подвергается опасности, все взрослые киты, находящиеся в пределах досягаемости, бросаются ему на помощь. Имеется множество достоверных сообщений о том, как киты поддерживали больного товарища на поверхности, чтобы он не захлебнулся. Киты вообще отличаются от подавляющего большинства животных тем, что иногда приходят на помощь особям других видов.

Что же произошло с этим китёнком? Почему он остался один?

Уже давно существует загадка о морских исполинах-китах: они почему-то выбрасываются на берег и погибают под тяжестью своего веса, по неизвестной причине лишив себя родной стихии. Что вынуждает китов покидать океан, не совершая никаких попыток возвращения в воду?

В последние годы об этом всё чаще пишут в прессе, говорят по радио, комментируют по телевидению, хотя первые достоверные записи случаев выбрасывания китов были зарегистрированы ещё в 13 веке. Британский музей естественной истории даже выпускал периодические специальные обзоры о выбрасывании животных на берег, так часто они случались. В последнее время случаи, так называемого, «обсыхания» китообразных приобрели просто массовый характер, не избежало их и побережье наших дальневосточных морей…

Так, на одном из курильских островов – Итурупе, в заливе Касатка, мы – водолазы, вместе с сотрудниками ТИНРО наблюдали, как два кита подошли вплотную к прибрежному мелководью и, несмотря на уменьшающуюся глубину, продвигались всё ближе и ближе к берегу до тех пор, пока не потеряли способность передвигаться. Спасти китов не удалось. А через несколько лет в северной части Татарского пролива, при обследовании мелководных бухт на наличие в них нерестилищ сельди, нами был обнаружен крупный кашалот, который, с помощью местных колхозников, был вытащен трактором на берег, потому что сам не был способен освободиться из сухопутного плена. Подобные сообщения часто поступали и из Приморья, где в заливе Петра Великого были не раз замечены выбросы бутылконосов, и всегда поражало то, что обсыхают в подавляющем большинстве киты – обитатели открытых океанских просторов, не приспособленные к жизни в прибрежных водах. К тому же, это были высокоорганизованные животные, имеющие великолепный аппарат эхолокации.

Голова китов – своеобразный генератор звуков невероятно широкого диапазона. А ещё - гидролокатор с передающим и принимающим устройствами, состоящими из целой системы воздушных мешков и проходов, жировой линзы, иногда сложно устроенной, как объектив, рефлектором в виде сферической поверхности черепа и нервно-рецепторным аппаратом… Все эти природные устройства китов выгодно отличаются от созданных человеком: они более устойчивы к помехам, с большей шириной спектра излучаемых колебаний и богатством модуляций. У специалистов для китов появилось даже такое понятие, как звуковое видение мира, которое, разумеется, не было бы таковым без вмешательства Всевышних Сил, и это, несомненно, выделяет китов из великого сообщества живых существ.

Поэтому стоит, наверное, немножко отвлечься и, упоминая совершенное устройство китов, вспомнить здесь об очень интересном способе их охоты на сельдь… Используя этот своеобразный природный эхолокатор, то есть – посылая узкий пучок высокочастотных колебаний, киты принимают отражённый звук, таким образом «просматривая» окружающую их толщу воды на несколько миль вперёд. Обнаружив косяк сельди, кит направляется к нему со своей обычной скоростью в несколько узлов, а приблизившись к цели – резко разгоняется, чуть ли не удваивая скорость. Затем кит изменяет курс и принимается сужающимися кругами

носиться вокруг косяка. При этом он поворачивается на бок, обратив к сельди своё огромное белое брюхо, наделённое высокой отражающей способностью, и окружённая этим сверкающим кольцом света сельдь сбивается в плотный косяк, после чего кит, широко разинув свою чудовищную пасть, внезапно бросается в самую гущу сельди. Ошарашивающий рыбу световой эффект, излучаемый от брюха, играет роль своеобразного заградителя для рыбы, какое-то время она не в силах его преодолеть и кит успевает воспользоваться её растерянностью.

Да, навигационное устройство китов действительно весьма совершенно, оно позволяет им одолевать большие пространства с точным выходом к нужному месту миграций на кормёжку или рождения потомства, но тем не менее это устройство иногда даёт сбои… Почему?

Оказывается, потеря пути при дальних перемещениях животных обусловлена таким явлением, как магнетизм Земли, вернее – наличием «магнитных силовых линий», которые животные рано или поздно минуют и в результате оказываются лишёнными верного компаса, после чего и выбрасываются на берег.

Силовые линии, искривляясь, обычно идут, обтекая береговую линию. Но в некоторых местах они следуют не параллельно берегу, а поперёк его, и киты, совершающие длительные перемещения, то есть – не «местные», попадают в подобных точках в геомагнитную западню, погибая сотнями. В глазах не искушённых людей это явление представляется необъяснимым, а драма китов – до боли глупой, и всё-таки киты из года в год погибают, следуя, видимо, закреплённой в генетической памяти схеме…

Дело в том, что многие животные и птицы содержат в своём организме кристаллики магнетита – вещества, образуемого в недрах Земли в расплаве магмы при высоких давлениях и температуре. Магнетит мог создаваться в живых организмах с целью нахождения ими верной дороги к дому в условиях пасмурной погоды или шторма, когда не видно ни звёзд, ни солнца. Как это происходит, скажем, у птиц, когда они совершают длительные перелёты по весне, к местам гнездовий, и осенью – на юг. Птицы летят, устроившись в такой невидимый магнетический поток, уверенно следуя им к цели, а как только отклонятся – сразу почувствуют это всем организмом и возвращаются. Вот и киты, напоровшись на так называемую «магнитную силовую линию», в силу заложенного в себе магнетита искажают свой путь следования, которому подчиняла двигаться их сущность, и выходят из определяемого внутренней природой коридора. Оказавшись в магнитном потоке, исходящем от Земли, животные рано или поздно выносятся на берег, не в силах этому противиться.

Чаще всего киты выбрасываются группами, причём, как правило, на пологие песчаные берега. Напрашивается мысль, что близ таких берегов эхолокационные анализаторы животных не получают достаточно сильного отражённого сигнала, либо его нет совсем. Ветер и волны способствуют дезориентации, взмучивая песчаное или илистое дно: взвешенные частицы

мешают получению ясного эха. Кит не видит преграды, продолжает движение и оказывается в невидимой ловушке. А когда коснётся брюхом дна, он уже не может избежать полного обмеления, так как для разворота ему необходима значительная глубина под брюхом для изгибания тела в вертикальной плоскости. Кит, застрявший на мели, беспомощен и обречён: он задыхается под тяжестью собственного веса.

Но остаётся непонятным, почему животное, когда его удаётся столкнуть в воду, тут же, вновь, оказывается на берегу. Только в очень редких случаях удаётся отогнать такое животное в море. Некоторые учёные пытаются объяснить нежелание животных вернуться в море их стадными инстинктами. Приняв на веру ошибочное утверждение, что китообразные всегда выбрасываются группами, эти люди утверждают, что сброшенное в воду животное вновь идёт к берегу на голоса своих сородичей. Но такое толкование неверно, потому что известны случаи, когда животные выбрасывались на берег поодиночке несколько раз подряд. Что, впрочем, не исключает стремление китов быть вместе.

Существует ещё одно объяснение, по которому животное ищет спасение на берегу в состоянии стресса, как это делали его далёкие предки миллионы лет тому назад. В таком кратком изложении данная гипотеза может показаться весьма неубедительной, но её подтверждают многочисленные бактериологические обследования выбросившихся китов, у них взяты гистопатологические пробы, отображающие микроскопические явления, происходящие в тканях при различных заболеваниях, и сделан вывод, что выбрасывание на берег не является результатом патологических изменений в организме, а вызвано какими-то естественными процессами, например, … страхом.

Не исключена и теория обнаружения на берегу … больных и умирающих животных… Многие из осмотренных китов, выбросившихся на берег, были очень старыми животными. Это наводит на мысль, что киты могут выходить на отмель сознательно, когда почувствуют, подобно другим млекопитающим, приближение смерти, и чтобы не захлебнуться/а попадание воды в дыхательные пути для них так же мучительно, как и для других животных/, плывут к спасительной земле.

И уж совсем неправдоподобной, но, тем не менее, длительное время муссируемой в прессе, представляется гипотеза о выбрасывании животных на берег как протесте, в котором ценой собственных жизней киты призывают людей задуматься о своём бездушном отношении ко всему живому. Киты – высокоорганизованные существа, а поскольку человек не делает никаких выводов, оставшиеся в живых китообразные продолжают выбрасываться на берег, обрекая себя на полное исчезновение. В этом молчаливом и совершенно обезоруживающем в своей безысходности обращении, бедные животные решаются на последний шаг: они покидают родную среду обитания, то есть – сознательно идут на гибель. Но человек не внемлет здравому смыслу и угрызения совести его не снедают. Раскается ли он хотя

бы когда-то, вне зависимости от того, что движет китами при оставлении ими моря?!

Не хотелось бы, конечно, подробно упоминать сейчас об осознанном истреблении людьми китов, называемом охотой, но зародилась она именно здесь, на северо-востоке нашей страны, и первыми китобоями можно с уверенностью считать местных жителей Чукотки, Сахалина, Курильских островов и Аляски. Известно, что эскимосы Арктики добывали китов ещё до нашей эры. Китов били с байдар из луков с ядовитыми стрелами, а ещё ловили сетями, которые изготавливали из моржовых копчёных ремней толщиной в человеческую руку. Аборигены Чукотки выезжали далеко в море на больших лодках, обтянутых лахтачьими кожами, по восемь-десять человек, и, подплыв к киту, бросали в него ручной гарпун, привязанный ремнём к надутому китовому пузырю, чтобы видно было, где вынырнет кит. По ремню подтягивались ближе к животному и снова бросали гарпун, пока кит не утомится, и все лодки к нему не прикрепятся, а затем тащили кита к берегу.

В более позднее время, когда появились китобойные флотилии, промысловики охотились на китов не только зимой, но и летом, хотя знали, что в это время года убитые животные тонут. Суда не имели ни механического оборудования для подъёма массивной туши кита на поверхность, ни средств, необходимых для её удержания на плаву во время буксировки на береговую базу или разделки у борта судна. Но это не останавливало китобоев, которые считали, что туша убитого ими кита всё равно попадёт им в руки благодаря явлению, которое они называли «вспучиванием». Правда, и при этом огромное количество подбитых китов погибало.

Когда кит умирает и погружается под воду, температура его тела начинает быстро повышаться, а не понижаться, как можно было бы ожидать. Это происходит потому, что тепло, выделенное при разложении внутренних органов, остаётся внутри прослоенного жиром тела, превращённого в подобие скороварки. За пару дней внутренние ткани действительно начинают «вариться», и выделяемого количества газа вполне достаточно, чтобы сообщить плавучесть даже стотонной туше затонувшего кита. Но и поднявшись на поверхность, туша, в конце концов, лопалась, причём, иногда с такой силой, что куски мяса разлетались в разные стороны. То, что после этого оставалось, уже навсегда погружалось под воду.

Вот и подраненный кит, которого не удавалось добить специальными копьями, всё равно погибал от инфекции, против которой у него нет природного иммунитета. Уйдя от своих преследователей, кит заболевал и, умирая, опускался на дно, где разлагался. Если китобои приводили к родным берегам хотя бы одного из каждых трёх поражённых ими китов, то это уже считалось, по-видимому, достаточным вознаграждением. Не мудрено, что при таком расточительном отношении к промыслу, поголовье китов катастрофически уменьшалось.

Достаточно будет привести хотя бы один пример варварского отношения людей к богатствам моря. Когда китов было много, жители норвежских фиордов загоняли стаи малых полосатиков в глубину своих узких и длинных заливов, перегораживая затем выход из них сетями. Оказавшихся в ловушке китов они атаковали не гарпунами или копьями, а стреляли в них из самострелов специальными стрелами, которые они предварительно выдерживали в чанах с гнилым мясом. Микробы, занесённые в организм китов с помощью таких «инъекций», были настолько опасными, что кит умирал в течение трёх-четырёх дней, и его раздувшаяся туша, казалось, клокотала от гангрены и сепсиса. Мясо такого кита было, естественно, не пригодно для использования, но китовый жир не портился и шёл на изготовление … лампового масла!

Но в китовой истории существуют и страницы, свидетельствующие о благородстве людей, их здравом смысле. Так, в Японском море, например, расположен небольшой остров Сэйкай-то. Остров сам по себе непримечательный. Но есть у него одна редкая особенность: на Сэйкай-то расположено не совсем обычное захоронение – кладбище китов. Оно сооружено на средства японских рыбаков и китобоев, которых бесконечно трогала материнская нежность и любовь, проявляемые самками китов к своим детёнышам.

По сложившейся традиции, при погребении детёнышей, извлечённых из чрева убитых животных, китобои приносили богатые жертвы, а монахи исполняли религиозные гимны так серьёзно и с таким чувством, как если бы они погребали людей. Служители храма аккуратно вели реестр, куда заносили каждого погибшего китёнка, при этом нарекали его буддийским именем и регистрировали точную дату гибели.

В древности люди представляли себе Землю, держащуюся, по их пониманию, на китах: воображение рисовало им почему-то именно трёх животных. Большинство легенд и сказок про морское чудо-юдо и проглоченного Иону также связано с китами. Для жителей морского побережья киты были основным источником жизни, обладая вкусным мясом, салом, китовым усом, спермацетом, амброй, и всё бы ничего, если только китов не стали бы истреблять в высоких широтах северного полушария все государства! Разве прекрасное животное было достойно уготованной ему человеком участи?! Но судьба очень своеобразных китов – серых, сложилась наиболее трагично, поскольку они были единственными, кто питался придонной пищей – бентосом, и поэтому вели в основном прибрежный образ жизни.

Особенно беспощадно истребляли серых китов в мелководных лагунах, на местах их размножения. В городе Монтеррей/Калифорния/, где в прежние годы китобойный промысел был сильно развит, приезжим обычно показывали небольшую прибрежную улицу, выложенную позвонками именно серых китов. Серые киты, обитавшие в водах Японского и Охотского морей почти исчезли к началу 19 века не столько в результате промысла,

сколько в связи с отсутствием спокойных прибрежных мест, пригодных для размножения.

В наше время азиатская популяция серых китов стала постепенно восстанавливаться. Изредка в прессе и по телевидению появляются сообщения, что серых китов встречали в проливе Лаперуза, возле Шантарских островов, вдоль восточного побережья Сахалина… Причём, количество замеченных животных возрастает, и вот совсем недавно лётная разведка засекла на севере Сахалина, у мыса Елизаветы, стадо серых китов в несколько десятков голов.

Серые киты давно находятся под охраной, но наш китёнок, принадлежащий к этому виду, оказался на берегу совсем по иной причине, корни которой кроются в самой биологии кита, его физиологических особенностях. Серый кит распространён только в северной половине Тихого океана. Некогда серые киты были многочисленны и в Атлантике, охотно посещали Балтийское море, заплывая в Финский залив. Но сейчас они сохранились только в Тихом океане.

Когда-то здесь существовало два самостоятельных стада – американское и азиатское, одно из них было почти уничтожено, другое же сохранилось лучше. В 1947 году, когда в этом стаде осталось всего 250 особей, на добычу серого кита был наложен запрет, и благодаря охране сейчас киты размножились и насчитывают несколько тысяч голов.

Лето серые киты проводят в северных районах Японского и Охотского морей. Следуя через пролив Лаперуза, по Татарскому проливу, и вдоль восточного побережья Сахалина, киты достигают Сахалинского залива, заходя в мелководные бухты и лагуны, а также нередко направляются ещё дальше на север – в арктические воды Берингова и Чукотского морей. Несмотря на холод, северные моря богаты кормами, где животные в огромных количествах поедают крохотных рачков – амфипод, равноногих рачков, червей-полихет и даже водоросли, нагуливая столько жира, что зимой почти не едят. С наступлением холодов серые киты откочёвывают в южные районы Японского моря, вступают в брак и рожают детей. При этом они покрывают расстояния в тысячи километров, двигаясь иногда со скоростью до 20 км/в час.

Повадками серый кит не похож на своих собратьев, он – обитатель прибрежных вод. Ему не по нутру океанские просторы и он постоянно тяготеет к берегу, практически не покидая пятикилометровую прибрежную зону. Зимой его особенно тянет на мелководье в тёплые заливы, куда не заплывают касатки, злейшие враги китов. В море же киты избавляются от преследований касаток на глубине, где неподвижно замирают на какое-то время. Как правило, серые киты способны задерживать дыхание на десять-пятнадцать минут.

Часто в отлив серых китов можно увидеть именно на отмели. Иногда они даже заходят в устья рек. Пресная вода смертельна для многих морских организмов, в частности – для различных накожных паразитов,

поселяющихся на теле кита, и серые киты приходят в мелководные заливы, чтобы избавить себя от них…

В питании серых китов много необычного. Они единственные среди морских исполинов опускаются на дно и роются в иле. Набрав полный рот ила, кит процеживает его через специальный цедильный аппарат, состоящий из двухсот пластин китового уса, а оставшихся во рту червей, рачков и прочую придонную мелочь отправляет в желудок. Не удивительно, что к старости морда кита покрывается бесчисленными шрамами и в его желудке всегда оказываются камни. Именно поэтому серые киты часто и заплывают на галечные пляжи, в зону прибоя, и трутся о каменистое дно, счищая впившиеся в кожу ракушки. Кстати, своё название киты получили благодаря тому, что пятна белых балянусов, прикрепившихся к их тёмной шкуре, придают им сероватую окраску.

Интересная деталь: китам вообще не свойственна яркая окраска, они потому всегда тёмного или серого цвета, что плохо различают цвета… У этих животных, наверное, просто отсутствует потребность отличать друг друга по окраске, тогда как совершенен механизм эхолокации – восприятие родных для себя особей с помощью звуковых колебаний, на длительные расстояния распространяющихся в толще моря. Природа невероятно рассудительна в выражении своих великих достоинств и возможностей, даже экономна, потому что мудра, и наделяя удивительных животных способностью не видеть, а чувствовать, очень тонко всё окружающее тебя угадывать, скорее, проявляет совершенную чуткость, до которой человеку следует дорасти, как, впрочем, и до замечательных китов, что ещё не перестают восхищать нас своим существованием… Как было бы хорошо для человека поверить в них, в красоту и нужность этих чудесных зверей, как и в то, что ты сам, каждый из нас, сможет сделать мир лучше.

Так вот, приспособление серого кита к питанию беспозвоночными, в обилии обитающих в мелководных бухтах и заливах дальневосточных морей, сопровождалось длительным развитием морфологических признаков, защищающих его от обмеления. Наиболее важным и своеобразным приспособлением против обмеления является килевидный выступ на нижней челюсти. Благодаря этому выступу кит вовремя задерживается в воде, не доходя до мели.

К тому же, по наблюдениям эскимосов-охотников за китами, серый кит, попав на мель, способен скатиться с неё, если рядом есть более глубокое место. При этом кит выгибается дугой, упирается в грунт хвостом и концом рыла в тот момент, когда ударившая в берег волна откатывается назад и влечёт за собой тело животного. Но на такие действия оказывается способен лишь взрослый, опытный кит, чего не скажешь о малышах.

Любовь к мелководью, таким образом, чревата для серых китов серьёзной опасностью. Стоит киту зазеваться, забыть об отливе, увлёкшись поиском и сбором корма, и он - на мели. Но что интересно, в этом случае серые киты не впадают в панику, они спокойно лежат на мелководье,

сохраняя силы, в надежде, что последующий прилив их освободит. Матери при этом не бросают своих севших на мель детёнышей, и вместе с приливом возвращаются к берегу, чтобы забрать малыша.

В южных дальневосточных водах серые киты появляются в мае, когда мы обычно начинали добычу морского ежа и ламинарии. Нам нередко доводилось наблюдать, как самки выгуливали малышей в прибрежных водах, где они употребляли в пищу многочисленных ракообразных и морскую капусту. Порой заливы, удобные для кормёжки молодых китов-сеголетков, бывают забиты ими до предела, и, несмотря на небольшой возраст, составляющий 5-6 месяцев, детёныши достигают уже семи метров в длину, что само по себе удивительно. Маме-китихе, конечно, нелегко углядеть за таким «малышом», если он, тем более, проявляет излишнюю самостоятельность, и она любыми способами старается уберечь своих детей.

Благодаря привязанности к береговой полосе серый кит всё время находится, так сказать, на глазах, а следовательно, и изучен значительно лучше своих собратьев. Несмотря на это, у учёных до сих пор нет единого мнения – способны ли серые киты издавать какие-либо звуки? Наконец, совсем недавно удалось сделать около трёхсот записей издаваемых ими звуков, включающих «вздохи», «бульканье», «стуки» и особенно часто – «стоны», позволяющие предположить у китов общение внутри стада. Животные «стонут» и днём и ночью, когда плывут поодиночке и стайками, однако замечено, что «стонут» не все киты, две трети из них молчат, а самые говорливые – именно самки…

«Стоны» представляют собой звуки большой силы, до 160 дб, продолжительностью около двух-трёх секунд, частота которых колеблется от 20 до 200 гц. С какой целью издаются эти звуки, определить с предельной точностью пока не представляется возможным, однако не исключено, что это именно коммуникационные звуки, облегчающие взаимоотношения животных, ничто иное как реакция на какие-то внешние воздействия, на шум близкого прибоя или отдалённого шторма. Вероятно, таким способом мамы призывают неугомонных детёнышей к дисциплине, пытаясь руководить их поведением, когда того требует обстановка, заботятся и поощряют.

Что же касается кормления малышей самками, то, несмотря на гигантские размеры животных, продолжительность его, как ни странно, невелика. Особое строение молочных желез, соска и высокая калорийность молока благоприятствуют скорому насыщению детёнышей, размеры которых при рождении уже составляют три и более метров. За сутки самка серого кита продуцирует несколько десятков литров молока, то есть, китята употребляют его вёдрами, и потому растут не по дням, а по часам, прибавляя за день в росте чуть ли ни полметра, а весу – центнер.

Сосок самки залегает в кожной складке и во время кормления детёныша он выдвигается наружу, прямиком попадая в углубление передней части нижней челюсти новорождённого китёнка. Язык китёнка сворачивается желобком и прижимается к нёбу. Таким образом, язык и нёбо

образуют изолированный от морской воды канал, по которому молоко стекает в глотку, и недавний сосунок быстро обретает природную силу, уже через год достигая в длину более десятка метров.

Наш китёнок был метров шесть в длину, и сначала мне показалось, что это грузовик стоит возле самой линии прибоя, но потом я подумал: откуда бы ему тут взяться? Может быть – скала или большущий валун, которые в достатке попадаются на островном берегу? На худой конец – мираж, коими также изобилуют морские просторы, результат искривления световых лучей в неравномерно нагретых слоях воздуха. Но нет, это был самый настоящий кит, хотя и маленький, и я в восхищении замер возле него, не веря своим глазам.

Случилось это чуть севернее Холмска, неподалёку от посёлка Яблочное, где мы стояли базой. Рядом с нами располагался небольшой рыборазделочный цех, переконструированный под разделку морского ежа, икру которого закатывали в пятидесятиграммовые баночки вперемешку со спиртом. Именно в такой консистенции икра ежа разжижала радиацию в крови человека.

Собственно, вся эта добыча и обработка ежа на юго-западном побережье Сахалина была затеяна по распоряжению местного облисполкома, сразу после случившейся в Чернобыле трагедии, и начальство требовало от нас как можно больше морского ежа для пострадавших в Чернобыльской катастрофе, в особенности – детей… Довольно быстро нам удалось наладить добычу, которой мы раньше никогда не занимались, работа производилась всё светлое время суток, а тут – китёнок… Прямо возле рыборазделочного цеха!

Сгрудившись вокруг китёнка, все, не переставая, выражали свой восторг от увиденного короткими обычными фразами или зачарованно молчали. Каждому хотелось погладить его упругую гладкую кожу, потому что ничего подобного на суше не существовало. Завораживала больше всего именно эта гладкость, скорее даже – нежная сила, созданная Богом и взлелеянная морем: её нескончаемая обтекаемость, увлекающая самого стать таким же чудесным морским зверем.

Мне и раньше, восхищаясь этой переливающейся в воде монолитной упругостью китов, порой начинало казаться, будто они состоят из какого-то более чуткого и чудесного материала, чем живая плоть. А наблюдая, как при всём своём весе киты парят в толще морской воды, и вовсе создавалось впечатление об их какой-то замечательной и необъяснимой гармоничности, порождаемой таинственной глубиной океана. Изящество этих огромных животных, достигших гармонии со своим миром, было поразительно, и сразу приходила мысль о том, что человеку её, должно быть, никогда не достигнуть.

Это море, за миллионы лет, сделало тело китёнка таким совершенным, и трудно себе представить, что эмбрион кита в материнской утробе повторяет этот процесс. Процесс, который начался около 100 млн. лет назад,

когда многие сухопутные млекопитающие начали возвращаться в море, а спустя 50 млн. лет уже прочно там обосновались. Возможно, они были вынуждены искать убежища в воде из-за неблагоприятных условий жизни на суше или жестокой конкуренции в борьбе за пищу и жизненное пространство. Однако, вероятнее всего, эти существа с сильно развитой способностью приспосабливаться просто-напросто воспользовались изобилием пищи в море.

За 50 млн. лет – с геологической точки зрения срок незначительный, они научились благополучно жить в море и производить на свет детёнышей, которые уже умели плавать, едва оставив материнское чрево. Примерно 20 млн. лет назад эти животные утратили уши и задние ноги, тело их приобрело торпедообразную форму, у них появился хвост, похожий на рыбий, они лишились волосяного покрова, а ноздри сместились к верхней части головы. Тот факт, что киты приобрели рыбообразную форму, свидетельствует о конвергентности эволюции – процесс, когда две группы животных, имеющих разное происхождение, в ходе приспособления к одинаковым условиям приобретают одинаковые внешние формы.

К тому времени, когда эмбрион кита достигает величины около пяти сантиметров, у него исчезают все внешние следы задних ног. Передние ноги вначале напоминают руки человеческого зародыша. Затем кости плеча и предплечья в значительной степени укорачиваются и расплющиваются, но конечные суставы, или «пальцы» сохраняются. Все пальцы огромной китовой «кисти» заключены в мускулистую оболочку, образующую короткий, плоский плавник обтекаемой формы. Эти плавники служат китам, как грудные плавники – рыбам в качестве стабилизатора и руля. Движителем же оказывается мощный хвост…

… Хвост китёнка покоился в воде, был какой-то незаметный и ещё не привлекал внимание так, как тело – могучее для его возраста, просто огромное! Совсем недавно китёнок был счастливым и беззаботным, резво гулял с мамой по просторам северных морей, и чудесная солёная вода заботливо окружала его тело. А теперь, вот, лежал отрешённо, чуть касаясь прибоя своим ещё неразвитым хвостом, и не дышал. Всем было жаль китёнка.

При всей своей величине, китам, конечно, не под силу тягаться с человеком, вероломно истребляющим их на протяжении сотен лет. К тому же животные размножаются медленно: китиха обычно производит на свет не более чем одного малыша, да и то - через год-два. Двойняшки у китов бывают не чаще, чем у людей – в одном случае из ста, и за двадцать-тридцать лет своей жизни самка приносит от полудюжины до десятка детёнышей.

Самке приходится около года вынашивать малыша, а потом ещё почти год выхаживать его и всему обучать. Только через полгода у детёныша отрастает китовый ус, через который он может, наконец, процеживать воду и питаться планктоном и крилем. Но до поедания сочной морской капусты и

более крупных ракообразных ему ещё далеко. Кстати, серые киты относятся именно к усатым, а не зубатым китам.

Помимо того, что серые киты – усатые, предпочитают прибрежный образ жизни и единственные из китов, кто опускается на дно и роется в иле, они ещё, ко всему прочему, и пример игривости: взрослые киты иногда выскакивают из воды! Часто такие выкрутасы повторяют и касатки, но они намного легче, и потому совершать им подобные действия явно сподручнее. А вот что вынуждает больших пятнадцатиметровых китов целиком выпрыгивать на поверхность, иногда ещё и производя над водой сальто, никому неизвестно. Мало того, неизвестно и то, почему некоторые самцы и самки, обхватив друг друга плавниками, взвиваются в воздух одновременно… Когда киты падают назад в воду, раздаётся такой гулкий всплеск, что его слышно за несколько миль.

Случайно ли происходит всё это? Думается, что нет, и ты рано или поздно склоняешься к естественной мысли, что серые киты так любят друг друга. В этих движениях животных-великанов, несомненно, проглядывает трепетная забота и ласка, и даже если у тебя нет рук, ты можешь прикоснуться к своей любимой нежным белым животом или плавниками, разрядив при этом расположенный к гармонии воздух утробным «возгласом» - у-у-ы-ы-х, фу-у-у-х!

Таким образом развлекают себя взрослые киты, а что же китята? Большую часть времени они, понятно, держатся неподалёку от матери, но вот когда всё китовое стадо оказывается на мелководье и увлечено кормёжкой, китята способны позволить себе сбежать от мамы. По крайней мере, так им кажется, в такие моменты они воображают себя большими и забывают об опасности, которая в море подстерегает всюду. Не успеешь оглянуться, как окажешься в зубах касатки или стаи акул, а тут ещё эти коварные отливы…

Конечно, детёныши серого кита не способны забавляться подобно дельфинам-бутылконосам, которые считаются в море самыми признанными затейниками: танцуют на хвосте, носятся вокруг судов, подбрасывают ввысь мёртвых рыб и чуть ли не играют ими в баскетбол, дразнят других рыб и хватают их за плавники… И всё же, китята – дети, а любые дети, как известно, подвержены игре. Игра непременно должна нравиться животным, ибо и звериным детёнышам присуще такое поведение, когда они тешатся и резвятся, словом, забавляются, а значит, получают от игры удовольствие и радость. Китята, играя, выражают отношение к окружающей жизни, в которой они оказались, и в жизни этой для них встречается, скорее, больше удивительного, чем страшного, но сама жизнь порой подразумевает в себе существование чего-то неведомого, способного обернуться безысходной ловушкой…

Дело в том, что вдоль всего юго-западного побережья Сахалина, несколькими сотнями метров мористее, тянутся каменистые гряды… Изредка они прерываются, большей частью оставаясь под водой, и создают

своеобразные бухты, замкнутые водные пространства, которые становятся хорошо заметными в отлив. Если какое-либо морское животное увлекается охотой за кормом или игрой, и попадает в такую природную заводь, то на время оно оказывается запертым в нём и обычно погибает, не найдя выхода.

По-видимому, китёнок, отбившись от китихи, в большую воду проник в такую бухту, но с уходом воды – растерялся и очутился на мели. Море быстро уходило, и китёнок, привыкший к тому, что его всегда поддерживает вода, погиб от собственного веса. Не выдержала нагрузки его грудная клетка, которая всё больше прижималась к каменистому грунту, и китёнок постепенно задохнулся. Прилив только довершил дело, выбросив уже обессилившего малыша далеко на берег, к самому рыборазделочному цеху, где мы его и обнаружили.

И не сведущему в море человеку было понятно, что перед ним не кит, а лишь китёнок, но даже для китового детёныша он поражал своими размерами. Мы все смолкли перед величием природы в виде китёнка, и стояли какое-то время в растерянности. Всё казалось: китёнок оживёт, он только притворился, чтобы нас позабавить, а через каких-нибудь пару минут вновь вернётся к жизни, она наполнит живительной энергией его тело и китёнок возобновит свои обычные забавы. Не верилось, что такое красивое животное уже больше никогда не перекатится в воде с боку на бок, не совершит свои завораживающие прыжки, не будет качаться на волне, то подныривая под неё, то с брызгами вырываясь на поверхность. Ведь он ещё такой маленький, и всё играет!

Совсем недавно, всего несколько месяцев назад, этот китёнок появился на свет. Сначала показалась пара сморщенных хвостовых плавников, затем – туловище, а последней вылезла голова, и новорождённый, полностью оторвавшийся от матери, быстро всплывает на поверхность, чтобы совершить свой первый вдох. В этот момент он необыкновенно красив, весит уже почти 700 кг при «росте» в три и более метра!

Мать сразу подталкивает детёныша к поверхности, и в результате её резких движений обрывается пуповина. А вскоре детёныш начинает неуклюже обыскивать тело матери в поисках пищи. Самка помогает ему в этом и, повернувшись набок, пристраивается так, чтобы кормить его у самой поверхности воды.

Наконец, детёныш добирается до одного из двух продольных кожных карманов на материнском животе, надавливает на него своим беззубым ртом, и из кармана выскакивает гигантский сосок. Сильные грудные мышцы матери выталкивают из млечной железы желтоватое молоко прямо в рот детёнышу, и если китёнок теряет сосок, молоко бьёт фонтаном на 1,5 метра вверх, пока новорождённый вновь не отыщет источник пищи. В перерывах между кормлениями мать и дитя в полудрёме раскачиваются на волнах.

Словно зная, как важно для малыша умение плавать, мать намеренно лишает его поддержки, сразу приучая к самостоятельности. Отчаянно барахтаясь, чтобы удержать над водой голову, китёнок постигает искусство

делать вдох в нужный момент. У новорождённого кита ещё мало жира, так, что держаться на поверхности ему трудно, и тут хорошим подспорьем оказывается солёность морской воды, которая в дальневосточных морях очень высока.

В удивительно короткий срок детёныш научается всплывать после лёгкого погружения и давать маленький фонтанчик, который забавно смотрится рядом с материнским. Мать неотступно следит за малышом, готовая в любой миг прийти на помощь. Она постоянно страхует его, отводя от берега или коварных песчаных мелей. Если с китёнком вздумают поиграть дельфины, они очень любят это делать, мать нервничает и тотчас отгоняет их. Но особенно зорко самка следит за тем, нет ли поблизости акул, которые охотятся за отбившимися китятами.

Немного подросший китёнок кормится уже не так часто, заглатывая под водой огромное количество молока. Кормление протекает быстро, за один нырок, и китёнок всплывает на поверхность для вдоха. Малыш поначалу растёт не по дням, а по часам, быстро прибавляя в весе, что оказывается хорошей подготовкой к долгому путешествию на север, которое обычно начинается в марте и попадает туда китёнок в шестимесячном возрасте.

А пока, набираясь сил перед дальней дорогой, китёнок много играет, поддерживая постоянную связь с мамой. Самка же внимательно наблюдает за всем, что происходит вокруг, и в случае опасности предупреждает детёныша, хлопая по воде лопастями грудного и хвостового плавников. Китёнок тотчас откликается на мамин призыв, думая, что она приглашает его к игре, тоже колотит хвостом по воде, поднимая маленькие фонтаны брызг, и мама терпеливо сносит буйные выходки своего отпрыска.

С первого месяца жизни китёнок привыкает к материнскому ритму плавания, вместе они ныряют и переворачиваются, и детёныш быстро соображает, что легче всего плыть, тесно прижавшись к боку матери, где поток воды сам несёт тело вперёд. Так, рядом с матерью, китёнок учится ощущать силу волн и течений, сам крепнет и растёт, набирая собственную силу. Всё чаще мама забирает его в открытое море, подготавливая китёнка к нелёгкой и долгой дороге на север…

Иногда, по неопытности, китёнок на этом пути действительно забывается в спокойствии вод какой-нибудь лагуны, теряет бдительность, и попадает на мель в отлив, увязая под весом тела в песке. Отчаянно барахтаясь, он будет лишь глубже проваливаться и оседать, а подоспевшие акулы молниеносно расправятся с лёгкой добычей. Немало новорождённых китов погибают такой безжалостной и быстрой смертью.

Некоторых китят матери просто бросают из-за того, что они больны или родились с какими-либо дефектами. Инстинкт диктует им, что жертва необходима для блага всего вида. Вынесенные на берег тела погибших китят становятся пищей для лисиц, чаек и крабов. Кем был этот китёнок, что бездыханно лежал сейчас перед нами?

Может быть, он погиб вовсе не из-за того, что заигрался, а более прозаично – от обезвоживания, поскольку не дополучал необходимого его росту жирного молока. Мать его, возможно, погибла при переходе на север, и китёнок, оставшийся без поддержки, просто не смог бороться за свою жизнь один. Наверное, он пытался подплывать к чужой матери, исступлённо толкая её в брюхо и ища сосок, но успевал сделать всего лишь несколько глотков молока, после чего раздосадованная подобным наглым поведением китиха отгоняла его мощным ударом плавника. Сирота вновь оставался один и, в конце концов, сдался: силы покинули его.

Для китихи важно выживание только своего детёныша и она кормит его положенный срок. Чужого же китёнка китиха кормить не станет, он обречён. Кстати, серый кит кормит своего отпрыска до десяти месяцев, почти год, самка кашалота же выхаживает последыша около двух лет. Но мы, всё же, предположим, что мама нашего китёнка осталась жива, просто не в силах была оказать ему помощь, и китёнок расставался с жизнью, воображая себя рядом с ней.

Вообще, склонность серых китов собираться для размножения и кормёжки в мелководных лагунах – неоценимое качество для человека, который любознателен, и стремится узнать об их жизни как можно больше. Но в нашем случае подобное устремление животных закончилось плачевно: китёнок оказался пленником лагуны, очутившись во время отлива на отмели. Человек уже добыл сотни тысяч китов ради того, чтобы получить от них жир, мясо, амбру и спермацет, и гибель ещё одного животного, причём, совсем ещё маленького, казалось, не могла ничего изменить. И, тем не менее, мы все были повергнуты увиденным, а я никак не мог избавиться от необъяснимой горечи, вернее, ощущения, будто это ты сам оказался оторванным от чего-то очень дорогого, родственного, и ничего уже нельзя поделать…

Кто хоть однажды видел кита в море, тот знает, какое это восхитительное зрелище, и его не передать словами. В китах всё кажется невероятным и замечательным, и даже выбросившийся на берег кит не перестаёт удивлять наше растревоженное морскими впечатлениями воображение. Он нереален в своём появлении на суше, вне водной среды, и воспринимается каким-то невиданным морским чудищем, которое так поражает нас, что мы не в силах произнести ни слова. Зачарованный этим зрелищем, стоишь и смотришь, как поблескивают на его матовой коже ещё не обсохшие капельки воды, а мысленно уже погружаешься вместе с китом в неизведанные морские глубины. Как важны и трогательны подобные встречи, несмотря на гибельность складывающейся ситуации, и как они по-хорошему редки…

… Китёнок оказался на берегу, когда не заметил начинающегося отлива, и предупреждающие возгласы матери тоже не возымели на него должного действия. Он был слишком увлечён игрой с упрямыми волнами, совсем недавно убегающими от него на берег, и вот, теперь, вдруг обратившихся вспять. Китёнок и не разобрал, как его окружило губительное

мелководье, и разноцветные камешки мягко закрокотали под его бархатистым брюхом: только тогда он услышал стоны матери… Она была где-то рядом, но уже почти недосягаема.

Такие заигравшиеся китята, выброшенные на сушу во время отлива, не редкость, и часто мать серого кита ещё какое-то время держится неподалёку, несмотря ни на что не покидает бухту, зовёт своего малыша, и, бывает, спасает его, если случается скорый большой прилив. Китиха помогает детёнышу отыскать более глубокое место, подталкивая его головой и боками, но чаще китята, всё же, погибают. Вот и наш китёнок проник на берег слишком далеко, а сильный ночной прилив лишь усугубил его незавидное положение. Китёнку не исполнилось и года…

День ещё, наверное, только клонился к вечеру, когда дыхание китёнка остановилось. Тушу его вынесло далеко на берег, и плотный туман окутал весь пляж. Потом с моря налетел упругий порыв холодного ветерка, но кожа китёнка никак не отреагировала на него. Последние лучи заходящего солнца вспыхнули закатным отсветом и на мгновение отразились в остановившемся глазу китёнка, уже подёрнутого мутноватой плёнкой. Ещё минута - и солнце опустилось за море, а вместе с ним вознеслась над берегом душа китёнка, который так и не стал большим и сильным китом. Тишину нарушал лишь шум прибоя.

Перед тем, как душе покинуть тело, китёнку, наверное, привиделось, как он держится рядом с большим серо-голубым телом матери и бессознательно пытается подражать ритмичным движениям её сильного тела. Китиха берёт на себя основное сопротивление воды и китёнку только остаётся следовать возле неё: это составляет его повседневное существование, хотя и не совсем простое. Иногда ему удаётся поддерживать скорость её движения, а порой он отстаёт и, что было сил, прибавляет ходу, возвращаясь к спасительной близости матери. Когда китиха сбавляет скорость и неподвижно зависает у самой поверхности, детёныш трётся уголком пасти об её сосок, прося молока. В полусне мать несколько минут кормит его, потом приходит в себя и пускается в путь дальше, а китёнок с новыми силами устремляется за ней.

В своём предсмертном видении китёнку было радостно думать только о матери и её вкусном молоке, потому что ничего другого он в жизни не изведал. И ещё его не покидало ощущение игривого настроения, которое он всегда мог себе позволить. Ведь по понятиям старожилов моря, он был ещё совсем маленький, ничего не ведающий о его жизни…

… Китиха потом ещё долго не покидала бухту, вспенивая бурунами зелёную воду у самой гряды камней, и издавала такой пронизывающий, идущий, кажется, из самого моря стон, что у несведущего человека он мог вызвать необъяснимую тревогу, может быть даже - страх. Но китёнок её уже не слышал.

Душа его, следуя отдалённому зову матери, тихонько поднялась в воздух, играючи спланировала почти у самого берега, ненадолго

задержавшись между острыми серыми камнями, и вдруг неожиданно устремилась над волнами, представляя себя молодым красивым китом с переливающейся, уже в лучах восходящего солнца, мокрой, серо-голубоватой кожей. Китёнок, ещё не обучившись толком плавать, и верно вести себя в необозримом таинственном море, впервые в жизни летел…

«КАЛАНЫ»

Каланы, называвшиеся в прежние времена морскими бобрами, когда-то были широко распространены на всех островах северной части Тихого океана. По свидетельству Стеллера, соратника и члена одной из экспедиций Беринга, каланов было столько, что вначале не хватало рук их бить, они покрывали берег целыми стадами и до такой степени не боялись человека, что подбегали к огню. Так было когда-то, и подвёл каланов изумительно красивый, тёплый и очень прочный мех, шубу из которого носила сначала матушка, потом её дочка, внученька, а ноский мех становился только более ворсистым и шёлковым.

Бобровая шубка и вправду была страсть, как хороша! Не зря в старину приговаривали: «Настя, Настенька, шубейка красненька, сама черноброва, опушка боброва!» Славился бобровый мех на весь белый свет.

Но если быть точным, то погубил зверей, конечно, не великолепный мех, а появление в этих суровых местах людей, охотников за шкурами и каланов, и котиков, и песцов. Первые сведения о каланах принесли наши казаки-первопроходцы, что добывали морского зверя без удержу, до того его в северных водах было много. Нахождение человека в высоких широтах, несмотря на их гибельность, оправдывалось именно обилием морского зверя: как можно было не воспользоваться такими доступными животными, приносящими по тем временам баснословный доход?!

Не представляло никакой сложности подойти к ним на самое близкое расстояние и добыть, но осуществляя подобное хищническое истребление долгое время, довольно скоро, уже к концу 18 столетия, была полностью изведена корова Стеллера, значительно пострадали стада котиков и моржей, и это удивительно, как каланы, имея такой драгоценный мех, избежали подобной участи. Ведь обладая чудесной шубкой и покойным нравом, они были подвержены уничтожению в первую очередь, но Бог, как говорится, миловал.

К концу 19 столетия каланы были почти полностью выбиты и остались только на одном из Командорских островов – Медном, да и то в количестве трёх-четырёх сотен. В настоящее время, благодаря строгим мерам охраны, численность каланов, конечно, возросла, и всё же часто эти миролюбивые животные гибнут от бескормицы, болезней и штормов. Однажды, на острове Симушир, в прибрежных камнях, мы обнаружили такого мёртвого калана, внешностью несколько напоминающего нашу речную выдру, колесом вращающуюся в родной водной стихии. Вот и калан, имеющий более короткий, чем у выдры хвост и похожие на ласты задние ноги, в которых самый длинный – наружный палец, обладает так же весёлым, добродушным и доверчивым нравом. Взять, хотя бы, его обаятельную особенность тщательно ухаживать за мехом…

Никто так не следит за мехом, как каланы, и некоторые из них употребляют даже пучки морской капусты, чтобы вытирать свой мех. Причина тому – поддержание терморегуляции, с нарушением которой зверь умирает от холода, поскольку держится в северных морях. Любая царапина или пятно мазута могут погубить калана, поскольку свалявшийся мех его скоро намокает и наступает переохлаждение. Наверное, поэтому между зверьми никогда не увидишь драки, а только игры и забавное поведение.

Многие ластоногие, в особенности – самцы, в пору любви ведут себя достаточно агрессивно, они устраивают между собой кровопролитные схватки, и, тем самым, наносят ущерб своим кожным покровам, умирая от холода при соприкосновении с водой. Каланы же – дружелюбны, между ними, как правило, царит любовь и согласие, и если даже случаются небольшие потасовки, то проявляются они, скорее, лишь в угрожающих позах тела. Каланы – очень мирные существа, они никому не несут зла, и оттого у них, видать, мех такой крепкий и нежный, отражение их милой природной натуры.

Мех калана на удивление тонкий и шелковистый, с обильным подшёрстком, будто это вовсе не морское животное, а живущее на берегу, где бы оно могло им покрасоваться. У взрослого калана мех имеет однотонный, тёмно-коричневый окрас, скорее – чёрный, с возрастом же он постепенно сереет, и к старости становится совсем седым. В противоположность тюленям и китам, калан не имеет подкожного жира, и от сурового климата его защищает только густой мех: густота опушения такого меха не имеет себе равного в мире.

Благодаря особому расположению шерстинок, слой воздуха, заключённый в подшёрстке, обеспечивает постоянную температуру поверхности кожи. В уходе за мехом калану помогает сама природа: когда, во время линьки, у него выпадает какая-нибудь шерстинка – она немедленно замещается другой.

Досужие учёные даже подсчитали, что на один остевой волос в шкуре приходится около ста пуховых волосков, и такая пушная прослойка воздуха в пышном волосяном покрове зверя позволяет ему легко держаться на воде. Но сбитый мех теряет теплозащитные качества и может привести к гибели животного, именно эта особенность калана, по-видимому, и позволяет продолжаться его линьке почти весь год, а самому зверьку также тщательно, в течение всего этого времени, ухаживать за своей шкуркой.

Забота о мехе – это самые усердные хлопоты каланов в их жизни. Работы для них без этой заботы нет, а забота и без работы живёт. Словом, не то забота, что много работы, а то забота, как она отсутствует! Недаром половину своего времени каланы проводят за приведением меха в порядок, это – главное условие их выживания.

Калан ухаживает за своим мехом, находясь и на берегу, и в воде. Часто можно увидеть, как он то и дело переворачивается в воде, отчего создаётся впечатление, будто зверь всё время играет. На самом деле, таким образом,

калан ухаживает за мехом, «вдувая» воздух в подшёрсток, который под намокшим волосяным покровом должен оставаться всегда сухим. Разве не обаятельны эти милые зверьки, что так заботливы в отношении своего туалета?

Кстати, в неволе на расчёсывание шкурки каланы расходуют большую часть своего времени, поскольку становятся беззащитными от постоянного пребывания в тесной клетке и загрязнённой воде, где теплоизоляция меха нарушается, и даже самый маленький дождик может погубить зверька. Если какие-то животные и переносят неволю, сравнительно легко приноравливаясь к новой обстановке, то только не каланы. Калан, чья стихия – суровые воды северной части Тихого океана, оказывается безоружным против холода в неволе, а спасает зверей именно суровая свобода, когда они могут находиться в воде столько, сколько им захочется. Хотя каланы и сроднились с морем, но родство это не всегда надёжно, и, может быть, потому они и не уходят далеко от берега, чтобы иметь возможность в случае надобности прибегнуть к защите земли.

Издали блестящий мех калана сродни самому дорогому бархату, а благодаря изящным и быстрым движениям зверя он переливается необыкновенно жирным, притягательным блеском. Калан – прекрасный пловец, к тому же, очень ловок на суше, и когда зверь бежит по прибрежным обкатанным камням, кажется, будто он наряжен в чудесные шёлковые одежды – блестящие, чёрные, густые. Между промысловиков давно было замечено, что самые бодрые и проворные звери имеют самый красивый мех. А вот если зверь попадается совершенно седой, с серебряным налётом в шкуре, то это, несомненно, старый калан, мех которого уже не ценится так высоко, но сам зверь, зато, отличается необыкновенной хитростью, и потому добыть его бывает очень сложно.

Правда, ради объективности, следует добавить, что на суше калан всё же не так проворен, как в воде. Он способен развивать скорость, оставаясь при этом достаточно увёртливым, лишь на коротком расстоянии, когда очень испуган или устремился с лежбища в сторону моря, и под горку. Впрочем, каланы стараются устраивать свои залёжки не на берегу, а на камнях-островках, находящихся в прибрежной части моря, где они чувствуют себя в большей безопасности.

Очень часто каланов можно заметить на обнажающихся в отлив рифах. Особенно нравится им отдыхать на скалах, обросших водорослями. Они не только любят заворачиваться в длинные листы ламинарии, мерно покачиваясь на волнах, но и просто лежать на естественной перине из морской травы, в обилии покрывающей камни. Каланы ждут времени наступления отлива, когда из моря показываются блестящие тёмно-бурые фукусы, макроцистис и морская капуста, накрепко прикрепляющиеся ризоидами к обнажающимся скалам, влезают на них и, позёвывая, до прихода воды дремлют. Окраска каланов настолько удачно сливается с поверхностью оголяющихся мокрых камней, что пройдёшь на боте

поблизости и различишь зверей только, когда они, потревоженные, соскальзывают в воду. Впрочем, подобное в наше время случается очень редко, каланы, изрядно напуганные преследованиями человека, уже давно не подпускают его к себе и задолго до появления человека уходят.

Каланы, вообще, проводят большую часть жизни в море, на худой конец – закутавшись на мелководье в листы морской капусты, обустроив себе в них что-то вроде гамака, и уж совсем редко ночуют на берегу, как правило – это старики-одиночки. Но вот сильный шторм – сущее бедствие для водолюбивых зверей, он вынуждает их питаться в укромных, но подчас совсем бескормных бухтах, и если непогода затягивается на несколько дней, каланы голодают и гибнут. В этом отчаянном положении каланы совершенно доступны и добыть их не составляет особого труда, но при отлове зверей, если таковой случается, они ведут себя всегда смирно и, попав против своей воли в руки человека, настолько доброжелательны, что сразу же принимают из рук кусочки кальмара или рыбы, а особенные смельчаки даже отвечают своеобразным рукопожатием, трогательно обхватывая протянутую человеком ладонь своей шершавой лапкой… Золото, а не зверь!

Когда я об этом услышал, то подумал: быть такого не может! В смысле, чтобы морской зверь выказывал вам своё расположение, да ещё протягивал для приветствия лапу… Ведь сколько мне всего уже привелось повидать за время своих лесных и морских странствий, а всё равно этому не поверил, принимая за одну из очередных баек, на которые горазды досужие до всего люди. Вот какие дела… И разве мог я тогда вообразить, что сам окажусь тому прямым свидетелем, но всё по порядку…

Представьте себе, что вы – калан… Получается? Для того, чтобы это случилось, необходимо ясно осознавать себе образ жизни этого занятного морского зверя, весь его симпатичный облик, и то, что ему больше всего нравится. А нравится калану – в благостном довольстве переживать своё нахождение в море, как правило, неподалёку от побережий диких островов, где их никто не может потревожить.

Хорошо быть каланом, если под водой, возле этих самых островов, полно морских ежей и капусты, вода – кристально чистая, а укромные бухты – мелководны, в них не разгуляться кровожадным касаткам. Ваш мех от такой доброй жизни мягко лоснится жирным серебром, ласково поблескивает волей и здоровьем, и как тут не крутануться от радости вокруг себя, в упругой лазурной волне, да так весело, свободно, что глядя на такую жизнь, тебе невозможно не позавидовать. Ты – чудесный морской зверь, калан, и этим всё сказано!

Калан – на самом деле очень необычный зверь, и чрезвычайно любопытна его реакция на музыку… Давно замечено, что к подобной склонности привержены многие морские животные, в том числе – дельфины и белухи. В одной из экспедиций, проводимой по учёту каланов возле островов Уруп и Симушир, у нас произошёл забавный случай. Научно-исследовательское судно «Анабар» стояло в тот день на якоре у островов

Чёрные Братья, расположенных в 16 милях к северо-востоку от острова Уруп, а мы тихонько продвигались к нему на боте, вокруг камня Бобровый, когда вдруг неподалёку, среди оголившихся рифов, заметили небольшое скопление каланов, после чего сразу заглушили мотор…

Каланы мирно покачивались на спинах, замотавшись в листы морской капусты, и, кажется, не замечали нашего присутствия. Бот, по инерции, уже было приблизился к борту, когда по судовой трансляции электромеханик включил музыку, был какой-то праздник, после чего каланы мгновенно оживились, и, изумительно точно следуя мелодичному ритму, в бодром темпе закрутились в воде.

Всех это необыкновенно развеселило, до того подобное зрелище выглядело необычно. Каланы ныряли, совершали в воде самые невообразимые кульбиты, кажется, совершенно не обращая внимания на людей. Но когда музыка неожиданно стихла, что-то там произошло на судне, звери тотчас успокоились, и вновь, как ни в чём не бывало, разлеглись на покрытых водорослями камнях. Такого мы ещё не видели…

Уже вернувшись на судно, руководитель экспедиции попросила капитана ещё раз включить музыку, на что он ответил согласием, хотя мы и спешили перейти в следующее место работы, помнится, близился шторм, и каланы опять, позабыв обо всём, устремились в воду, продолжив свои своеобразные «танцы». Так мы и удалялись от них под музыку, а каланы «плясали» в воде, явно очень радуясь происходящему, и весь свободный от вахты экипаж неотрывно провожал зверей взглядами, чему-то невольно улыбаясь и тоже радуясь. Каланы подарили нам незабываемые впечатления, доставив, наверное, немалое удовольствие и себе. Я потом ещё нередко вспоминал всё увиденное, и благодарил судьбу, что она связала меня с морем.

Однажды, сидя на корме судна, я очень долго наблюдал за качающимися в волнах каланами, и никак не мог разобрать: что их отличает от других морских животных? И котики, и тюлени, и морские львы с моржами, и даже нерпы – все друг друга напоминали, были очень схожи в своём поведении, а вот каланы ни на кого не похожи. Вроде бы, тоже обитают в море, как правило, неподалёку от берега, и иногда выбираются на него, чтобы привести в порядок шкурку, но живут на особинку. Так в чём же она?

На первый взгляд кажется, что больше всего им нравится спать, отрешённо качаясь на волнах… Море вздыхает размеренно, и так же размеренно покачиваются на спинах каланы, осторожно поджав свои лапки, чем-то напоминая человеческие ладошки…

То они начинают ими неспешно почёсывать баки, но глаза при этом не открывают, не желая, наверное, прерывать приятную дрёму, то просто потирают, как будто выражая тем полное довольство собственной неспешной жизнью. Иной раз, порядком выспавшись, какой-нибудь калан подплывает к

соседу и упирается своими лапками ему в грудь, приглашая немножко позабавиться, на что сосед отвечает ему точно такими же неторопливыми движениями, переворачивается вокруг себя, и опять засыпает. Если приятель продолжает докучать ему своей ленивой лаской, он, лёжа на спине, прикрывает лапками глаза, тем самым давая понять, что он спит, и мешать ему не надо. Приятель, впрочем, тотчас успокаивается, тоже закрывает глазки, и погружается в сон.

Такое очарование, как не крути, отличало всегда только каланов… Каланов будто ничего не тревожило. Создавалось такое впечатление, что они оказались здесь случайно, по чьей-то необъяснимой воле, о них забыли, и милые животные не ведают – куда себя применить. Оттого и предаются большую часть отпущенного им времени сну и еде, что, впрочем, присуще и другим морским животным – тюленям, котикам и львам, но у каланов всё это выходит очень мило.

Наблюдение за каланами как-то незаметно зачаровывает, и ты даже не заметишь, что обо всём позабыл: тебя привлекает только их забавное существование, и ничего больше. Каланы околдовали твоё восприятие, и ты готов без конца вглядываться в их плюшевые фигурки, в чём-то – даже игрушечные, с затаенным духом ожидая – чего ещё милые зверьки выкинут в следующий момент.

Вести себя самым забавным способом и есть, кажется, их природное предназначение, ивы точно не заскучаете, уделив им внимание. Не потехи ради, а по причине своего обаяния тешат ваше сердце добродушные каланы, и если белуха поражает наш взор девственной белизной, то каланы умиляют именно добрым нравом. Всяк в своём добре волен, а уж каланы щедры им в полной мере, так что невозможно не улыбнуться.

Милота, по-видимому, основная черта каланов, которым море, кажется, как среда обитания, подходит больше всего. Море их нисколько не угнетает, каланы живут в согласии с ним, отчего, наверное, и ведут себя так просто и доброжелательно. Они принимают его таким, какое оно есть, а потому и не боятся.

В них абсолютно отсутствует тревога и какие-либо переживания, но каланы не ведут себя вальяжно: звери действительно просто очень обаятельны и милы, они на самом деле напоминают плюшевых игрушек, что вдруг, неожиданно, ожили, и воспринимают окружающий мир тоже как игрушечный, не представляющий для них угрозы. Во всех движениях каланов угадывается их обаяние, какая-то детскость, в суровом северном море она представляется необъяснимой, даже – неуместной, и всё-таки милые зверьки – его дети, и оно их великодушно охраняет.

Но оставаться милым ребёнком в этих краях не просто – того и гляди появятся касатки, и тогда доброжелательное отношение каланов к окружающему их миру разоблачит в них беззащитную жертву. Касатки – морские волки, они рыщут по морям в поисках любой добычи, не побоятся

напасть даже на кита, выедая у него нежный язык. Никуда не деться от их острых зубов и тюленям, а уж маленького калана проглотят – и не заметят.

Правда, каланы порой ведут себя так, будто им всё нипочём: маленькое не мало, коли столько и есть. При этом, в который раз, подивишься, что самая отличительная черта калана – доброжелательная беззаботность. Как говорится, чего мало, то и в диковинку.

Всем хорош этот обаятельный, ни на кого не похожий зверёк, и как тут не упомянуть про его умение применять в своей жизни … орудие труда! Калан нырнёт под воду, засунет небольшой камень под мышку и ещё прихватит с собой ракушку. Поднявшись на поверхность, он устраивается удобнее, несколько ловких ударов камнем – и раковина расколота. Прежде, чем отведать содержимое раковины, калан всегда ополоснёт её в воде, и уж затем проглотит. Какой ещё зверь так может?

На загляденье ловко расправляется калан и с морскими ежами, которые играют важную роль в его питании. Нырнув, иногда - на десяток метров, калан захватывает передними лапами и зубами несколько ежей и, прижав их к груди, поднимается наверх. Здесь он переворачивается на спину и укладывает добычу в обширные складки на животе. Затем зверь по очереди извлекает из неё ежей, зубами и лапами обламывает иглы, прогрызает панцирь и съедает внутренность.

Когда же зверю попадаются ежи с крепким панцирем или крупные раковины моллюсков, калан использует для их разбивания плоские камни. Захватив такой камень, иногда массой до трёх килограмм, калан укладывает его на груди и, ударяя по нему добычей, раскалывает её твёрдые покровы. Когда камень не нужен, зверь может положить его под мышку и плавать с ним какое-то время, пока он ему не надоест.

Честно признаться, мне всегда хотелось подсмотреть, как калан это делает, и однажды, работая с научной экспедицией у Большой Курильской гряды, мы высадились на берег одного из её островов. Уютную бухту накрыл густой туман, нм нужно было обойти мыс, чтобы преодолеть гряду прибрежных камней, недоступных для высадки с бота, и когда мы обогнули каменный утёс, то нам открылась такая картина… Шёл отлив, на оголённых камнях блестели листы морской капусты, а за открывшимися от воды прибрежными рифами мы увидели парочку каланов, что не обращая на нас никакого внимания, покачивались на спинах, усердно разгрызая морских ежей.

У одного калана на груди покоилась целая охапка ежей, но чтобы лёгкое волнение при отливе не мешало ему поглощать пищу, он замотался в приоткрывшиеся над водой слоёвища морской капусты, и они, как якоря, удерживали его на месте. Мало того, из-под мышки калана торчала большая плоская галька, он прижимал её к себе лапкой, другой же, прихватив ежа, ловко раскалывал его о камень, тотчас выедая внутренности.

Всё это священнодействие продолжалось у калана не менее получаса, и поскольку мы наблюдали подобное проявление энергии зверя впервые, то

терпеливо замерли за прибрежными валунами, решив досмотреть его до конца. Калан же, разделавшись со своей добычей, ловко кувыркнулся вокруг себя колесом, и исчез под водой на минуту, после чего процедура поедания ежей повторилась. Его камешек, но только уже под другим боком, опять был с ним.

По всему было видно, что калану даже нравится таскать с собой камень, оттого он с ним и не расстаётся, пока не обнаружит на дне более подходящий. Существует даже предположение, что калан с помощью такого камня сбивает под водой со скалистого грунта друзы мидий, что явно свидетельствует в пользу сметливости зверя. Смышлёность калана, свойственная не всякому зверю, долго не выходит у меня из головы, и я опять думаю о том, что как бы было замечательно увидеть и эти его проделки, но только уже под водой. Ведь без приглянувшегося калану камня, ему приходится сбивать гроздь прикрепившихся к скале мидий лапой, когда он энергично колотит ей по ним до тех пор, пока они не отвалятся, и это опять же выгодно отличает его от других морских животных.

Интересно, что в тех местах, где каланы пожирают тонны ежей – свою излюбленную пищу, морские водоросли растут пышно и густо. Этот факт, в свою очередь, даёт повод к размышлению о том, что каланы играли важную роль в выживании гигантских млекопитающих – морских коров, питавшихся бурыми водорослями. Таким образом, логическая цепочка просматривается достаточно ясно: хищническое истребление в своё время каланов привело к массовому размножению ежей, уничтоживших на больших площадях ценные заросли морской капусты – единственный корм морских коров, которые, в результате, вымерли.

Конечно, над исчезновением коров изрядно постарались добытчики морского зверя, но, кстати, именно эти самые русские добытчики и, как ни странно, сами каланы явились непосредственным стимулом для ранних исследований Аляски. Правда, сейчас, после успешного проведения мероприятий по охране и переселению каланов, а также благодаря планомерной добыче ежа подводными пловцами, численность его снизилась и равновесие восстановилось.

Калан – красивое и приятное во всех отношениях животное, отличающееся именно забавным нравом, и очень хорошо это заметно в его семейной жизни, в которой он крайне ласковое и влюблённое существо. Гон у зверей проходит в конце весны и летом, а море служит каланам местом и для любовных игр, и для брачного ложа, и для рождения детёнышей. С ласковым и доброжелательным характером каланов можно сравнить лишь заботу их самок к своему единственному детёнышу. Через девять месяцев после спаривания, у неё появляется на свет один хорошо развитый каланёнок, размером с кошку, и сразу после рождения малыша самка уходит в море, где вскармливает и выхаживает его.

Чистый мех – залог здорового существования каланов, и как только малыш появляется на свет, он тотчас принимается приглаживать свой мех, а

мать ему в этом помогает. Она кладёт каланёнка себе на грудь и вылизывает его с головы до хвоста, поворачивая во все стороны, после чего тщательно расчёсывает, и, нежно обняв, в удовлетворении засыпает. В таком умиротворённом состоянии животные могут находиться по нескольку часов кряду, и разбудить их способен лишь голод.

Самка ныряет за пищей, это могут быть моллюски или морские ежи, иловко разгрызает их, лёжа на спине. Если раковины не поддаются, каланиха пускает в ход уже известный нам камень, что обычно прихватывает на дне и употребляет его в качестве наковальни. Спрятав камень под мышкой, она поднимается с ним на поверхность, укладывает камень на груди, и разбивает о него ракушки, скармливая их содержимое малышу.

Забавно ещё то, что этих маленьких, пушистых щенят у каланов зовут «медведками», и это недалеко от истины. Ведь морской бобёр относится к семейству куньих, как и хорошо всем известные обитатели наших лесов – куница, барсук, хорёк и россомаха, обладающие пушистым мехом, а поскольку сам калан тоже славится своей богатой шубой, то наблюдательные люди подглядели в нём эту обаятельную черту, и прозвали «медведкой», выражая ему свою симпатию. Трудно не залюбоваться этим симпатичным зверьком, вызывающим, кажется, одно умиление!

«Медведка» и в самом деле напоминает крохотного «мишку», вернее – «медведёнка», являющегося естественным продолжением своей мамаши, будто он – настоящая живая куколка, и каланиха с ней управляется очень заботливо, но просто. Всё время со дня рождения самка держит детёныша на своей груди, её теплом он и согревается в ненастные, студёные дни ранней весны: здесь он спит, умывается и кормится. Соски у каланихи располагаются в задней части брюха, поэтому каланёнок, когда сосёт, лежит головой к хвосту матери. Мать в это время поднимает хвост детёныша и лижет под ним, производя необходимый туалет.

Обычно же детёныш располагается головой к голове матери, а она, обхватив его передними лапами, нежно прижимает к себе. Первые недели после рождения каланёнок по большей части спит, и если самке надобно подкрепиться, то она приподнимает спящего детёныша своими передними лапами и аккуратно укладывает его рядом с собой на воду. Детёныш при этом даже не просыпается и плавно покачивается на волнах, напоминая младенца в колыбельке. Самка же, между тем, ныряет за кормом и, доставая очередную порцию, неизменно подплывает к детёнышу и ест, только находясь рядом с ним.

Если каланиху что-то начинает беспокоить, она поднимается в воде «столбиком», а детёныш сразу просыпается и быстро подплывает к ней. Стоя столбиком и продолжая пристально разглядывать то, что её насторожило, самка одновременно обхватывает детёныша лапами и в следующий момент ныряет в обнимку с ним, показываясь снова уже далеко от этого места. Так может повторяться несколько раз.

Когда детёныш берёт пищу от матери, и она уходит под воду, то он часто подвергается нападению вороватых чаек, что постоянно крутятся около кормящихся зверей. Оставаясь на поверхности воды в одиночестве, каланёнок начинает кричать, и этот пронзительный, очень высокий писк не в силах заглушить даже шум прибоя. Мать, заслышав зов детёныша, сразу же бросается к нему на помощь, но птицы обычно не прекращают своего преследования, присаживаясь на воду чуть поодаль.

Иногда самки выкармливают и воспитывают чужих детёнышей, по какой-либо причине осиротевших, и проявляют по отношению к ним не меньшую заботу, как если бы это был их малыш. Самка кормит лежащего у неё на груди пушистого детёныша и перевозит его с одного места на другое, порой совершая довольно длительные переходы, до десяти-пятнадцати километров за раз, в поисках пищи и укрытий от непогоды. Каланы – какие-то неуловимые и робкие звери, иначе о них не скажешь, но в этой их робости, даже – милости, настоящая природная сила, что хорошо просматривается именно в отношении самки к детёнышу. По описаниям одного исследователя жизни каланов сердечные чувства у них развиты до такой степени сильно, что смерть детёныша вызывает слёзы на глазах матери, а издаваемые ей при этом звуки подобны рыданию…

Заботливость каланов о своих сородичах очень хорошо просматривается по местам их сосредоточения. Не сразу было подмечено, что животные образуют своего рода холостяковые скопления. При учёте каланов, мы наблюдали подобное у островов Парамушир и Уруп, и скопления эти объединяли сотни зверей, преимущественно самцов. Похожие сообщества каланов исследователям приходилось наблюдать и на Алеутских островах.

В чём же заключалась причина таких групп, и почему они возникают у одних островов, а в других местах их нет? Оказалось, что те благоприятные места, где имеются хорошие защитные условия и богатая кормовая база, отдаются самцами самкам со щенками, предпочтение остаётся именно за ними, остальные каланы довольствуются менее выгодными районами вблизи побережья. Невероятно чудесное обхождение! Причём, оно проявляется всей группой самцов, как бы им самим туго не приходилось на менее выгодных для обитания местах.

Вообще, каланы удивительно миролюбивы. Это проявляется даже в их привычке выходить с добычей на поверхность, поскольку каланы не едят её под водой. Наверху добродушных зверей уже поджидают вездесущие чайки и, только заметив в лапах калана какую-либо пищу, тотчас же подлетают к нему и норовят утащить её. Чайки вытворяют подобное лишь потому, что абсолютно уверены: каланы позволят ограбить себя с совершеннейшим равнодушием, покорно отправляясь под воду за очередным кормом. Также безропотно каланы уступают свои места на надводных скалах сивучам, котикам и даже небольшим нерпам – ларгам.

Миролюбие у каланов, несомненно, соседствует с деликатностью, я бы даже сказал – с вежливостью и мягкостью в обращении с другими живыми существами, обитающими с ними по соседству. Каланам как будто очень затруднительно поступать нетактично, и оттого они невероятно чутки, их поведение проникнуто стремлением к сохранению мира. Чудесные зверьки не желают с кем-либо ссориться, и своим характером демонстрируют всему морскому миру именно доброжелательное настроение, будто призывая: мирись наперёд всего с совестью своею, только мирное согласие способно сохранить эту прекрасную жизнь. Но разве такое в мире природы возможно?

Ещё одна миролюбивая черта каланов – их постоянное позёвывание… На первый взгляд кажется, что это у них естественная привычка, проявляющаяся, как и у любого животного существа, после сна. Но поскольку каланы зевают в течение всего дня, причём, очень часто и со вкусом, а спят лишь изредка, то понимаешь: причина позёвывания заключена в чём-то другом. Скорее всего, подобное поведение связано у каланов с развитием ими жевательных мышц, они у них находятся в непрерывной и напряжённой работе, когда зверям приходится разгрызать панцири ежей или раковины моллюсков.

С такой же, чуть ли не показной, но очень милой отрешённостью, каланы реагируют на набегающие волны, вернее даже будет сказать, что совсем на них не реагируют. Вот, какая-нибудь крутая прибойная волна подкатит к задремавшему зверю и смоет его, а он и не пошевелится, ровно ничего не произошло, и плывёт себе по качающейся водной поверхности, пока не натолкнётся на выглядывающие из-под воды рифы или не упрётся в скалистый берег. Вытянувшись в струнку, на мгновение удивлённо воззрится своей усатой мордой в одну точку, затем перевернётся в воде и, смачно фыркнув, уляжется опять на спину, принявшись теребить передними лапками мех, но ненадолго, потому как вскоре снова задремлет, мирно покачиваясь на волнах…

Ну и, пожалуй, калан – необычайно любопытен. Он с интересом следит за действиями людей и очень любит рассматривать и изучать незнакомые предметы. В старинных японских книгах рассказывается, что при охоте за каланами к ним нужно подплыть на лодке и показать … яркий лисий хвост. Тогда калан, никогда не видевший ничего подобного, сам устремляется к лодке и высовывается из воды, подставляя себя стрелам. Чего только не придумают люди в отношении милых и забавных зверушек, что достойны более достойного отношения и радостной судьбы.

Размеренный образ жизни каланов, их спокойные движения и обаятельный облик, в чём-то даже напоминающий человека, выгодно отличает их от обитающих поблизости котиков и сивучей. Что же касается нежного отношения матери к детёнышу, то они совершенно подчиняют себе даже агрессивно настроенного, грубого человека. Не раз мне приходилось наблюдать, как порядком заматеревший, ко всему привыкший морской народ, из числа рыбаков, водолазов или добытчиков морского зверя,

изменялись в лице, наблюдая за поведением каланов. Глубокие морщинки на задубелой коже лица размягчались, и люди эти словно отходили от постоянного напряжения и лишений, становясь чуточку лучше, добрее, а всему виной – милый морской зверёк, что в своём непосредственном поведении на удивление привлекателен и задорен. Не случайно алеутские сказки и легенды именно «очеловечивают» калана.

Часто можно наблюдать, как калан, свернувшись в кольцо и держась передними лапами за свой хвост, подолгу вертится в вертикальном положении, наподобие юлы. А то, бывает, начнёт вращаться винтом, вокруг продольной оси своего тела, как веретено, в какой-то миг резко останавливается, и, видимо, от радости происходящего с ним, с силой ударяет передними лапами в грудь, поднимая фонтан брызг. Видно, что калану нравится резвиться на воде, ведь большую часть жизни он проводит во сне, а в редких играх как будто компенсирует недостаток мускульной работы. В этих нехитрых забавах морского зверька опять же проявляется его доброжелательный характер.

Вообще, калан в своём поведении действительно очень напоминает досужего человека. Это хорошо заметно не только в приёме пищи и игре, но и в совершении им своего туалета. Чаще всего он начинает его с хвоста, без конца теребя и прополаскивая передними лапками. Затем, обхватив передними лапками заднюю, он тщательно массирует её, растирает, то же самое проделывает с другой задней лапой, ещё более старательно поглаживая грудь и живот.

В довершение всего, продолжая покачиваться на спине, калан закидывает одну из передних лап за голову и начинает почёсывать затылок, всем своим видом как будто демонстрируя полное довольство, как это обычно происходит у нас, людей, с закоренелым лежебокой, которого обуревает единственной желание – хоть как-то убить время. При этом он неспешно расправляет усы, сладко зевает, и, подложив лапы под щёки, умиротворённо засыпает, напоследок негромко фыркнув. Это ли не свидетельство вполне вольготной жизни, когда обаятельному морскому зверьку почти ничего не мешает сладко есть, спать и с удовольствием ухаживать за собой!

В воспоминаниях людей, изучающих поведение каланов, даже упоминаются случаи, когда они на самом деле чистят свою шкурку пучком морской травы! Впрочем, стоит ли беспокоить это славное животное, когда оно так старательно, и в тоже время трогательно, занято собственным туалетом?! Оставим калану его свободу, это самое дорогое, что у него есть, и нужно иметь доброе сердце, чтобы доверчивые каланы допустили тебя к себе, и, быть может, восприняли, как самого близкого собрата, приглашая полакомиться вместе с ними вкусным морским ежом или сочной мидией. Им, явно, не достаёт общения, поскольку по природе своей они очень миролюбивы, и потому - не разочаровывайте, люди, этих милых животных, проявите к ним, пожалуйста, своё великодушие, и Божественное

Существование не оставит вас без внимания. Оно откроет вам ещё много чудесных картинок, будто ненавязчиво подсказывая: будь всегда в согласии со мной, это не только ценно, но и приятно, и если ты научишься воспринимать все живые существа, как неотъемлемую часть себя, ты станешь достойным своей божественной природы.

А что, собственно, обозначает само слово «калан»? Почему оно так привычно ложится на эти таинственные северные края, где преобладают голые скалы, выматывающие своей безысходностью шторма и гиблые туманы? Только ли оттого, что мы действительно привыкли ассоциировать их с этими обаятельными, очень необычными зверьми?

А может быть, это шелковистый и изящный каланий мех возымел действие к тому, что имя «калан» стало так удачно подходить этому морскому зверю? Слово «калан» всегда олицетворяло богатство и процветание, а значит, легко запоминалось, становилось, само по себе, ценным не только из-за великолепного меха, но и благодаря бесстрашию и предприимчивости русских первооткрывателей обширных областей Восточной Азии в России и Северной Америки.

И так – «калан», что означает сие имя?! Французское слово «calandre» - это «лощёный», а «calan», скорее всего, «лоск», нечто блестящее и гладкое, можно даже сказать – безукоризненное по своей красоте. Если же дело касается меха, то название «калан», то есть – животное, имеющее такую изысканную шкурку, может значить только одно: оно – обладатель меха, что несравним ни с каким иным, и этот мех имеет необычайно шелковистое и густое опушение.

Ко всему прочему, мех калана очень прочен, и ему нет сносу. Русские аристократы 19 века не могли себя представить без шуб и шапок, пошитых из чудесного каланьего меха, а русские промышленники назвали калана морским бобром. Уж больно и повадками, и своей богатой шкурой напоминал он им обитателей наших лесных рек…

Калан… Всё, что можно было узнать об этом обаятельном морском животном, я, кажется, узнал, пока в мою жизнь не пришёл ещё один милый зверёк…

Работая на Курильских островах по обслуживанию подводной части мареографов, нам не раз приходилось находиться под водой рядом с котиками, сивучами и чаще всего – с нерпами. Эти любопытные звери нередко подплывали к нам вплотную, и даже пытались заигрывать. Как-то раз котик прокусил мне ласту, впрочем, не проявляя при этом какой-либо агрессии: животным, по-видимому, просто нравилось именно играть, и они забавлялись, кружась вокруг места нашей работы и разглядывая, чем мы занимаемся.

Но вот однажды, осуществляя замену оголовка, фиксирующего устойчивое положение на глубине трубы, ведущей к колодцу мареографа, мне посчастливилось погружаться вблизи небольшого стада каланов, а

происходило это у берегов острова Матуа. Обычно любопытные котики и нерпы сразу бросались к нам, желая непременно находиться рядом, но трудно было предположить – что думает калан, когда возле него оказывается непонятное существо в скафандре или с аквалангом, шумно испускающего гирлянды рвущихся к поверхности пузырьков…

Первенство по нырянию среди тюленей принадлежит котику и моржу, часто они достают корм с глубины почти 100 метров, тогда как калан собирает себе моллюсков и ежей почти у самого берега. Да и обходиться без пополнения запасов воздуха калан может буквально считанные минуты, тогда как тот же морж, обыкновенный тюлень или дельфин, уж не говоря про китов, способны погружаться на десятки метров. Кашалотов же, что запутались в подводных кабелях, поднимали даже с глубин более полутора километров, где они способны находиться без воздуха до двух часов!

Словом, калан, как и обычный человек, способен задерживать дыхание на 2-3 минуты, больше ему не требуется, чтобы насобирать в свою подмышечную сумку дюжину ежей, и когда один из каланов, ближе всех расположившихся к нам на поверхности со своей добычей, увидел человека, он в недоумении замер. Бережно прижимая к груди недоеденного ежа, он какое-то время никак не реагировал на происходящее, а затем вдруг поднырнул под меня и заглянул прямо в лицо…

До сих пор не могу забыть его обаятельную мордочку, с очень внимательными глазками, немножко седоватую, с длинными и такими же седыми усами, с большим интересом воззрившуюся на меня. Почему-то не хотелось его разочаровывать, до того мило выглядело внимание зверька к человеку, которого он, быть может, никогда ещё в своей жизни и не видел, и я не придумал ничего лучше, как протянуть ему свою руку в перчатке. Но до какой степени я был поражён в следующий миг, когда калан, видимо, пребывая в таком же оцепенении, осторожно протянул мне навстречу свою корявую лапку. Чёрные глазки его смотрели на меня, не мигая, он как бы даже подался немножко назад, чтобы инстинктивно и обезопасить себя, и в тоже время лучше разглядеть мою персону, отчего я невольно рассмеялся, после чего гроздья пузырьков забурлили между нами, калан ещё более отстранился и взмыл наверх.

Я посмотрел ему вслед, помахав рукой, и вдруг тотчас ощутил, какой удивительно мудрый покой царит сейчас в этом холодном северном море, и он так доверительно отозвался на моё пребывание здесь, вдали от оживлённых городов и их огней. Покой окутал меня с головы до ног своим проникновенным существованием, вдохнув желанную энергию севера, а я проникся к нему благодарностью за этот сдержанный, но доброжелательный приём…

Чёрные скалы нависли над неприветливым морем, с виду оно, вроде бы, относительно спокойно, но у самого берега находится в непрерывном волнении, сердито накатывает, бормочет, и в неумолчном гомоне птичьих голосов представляется совершенно диким, а берег – неприступным. И

только меховые тела покачивающихся на волнах каланов оживляют суровый вид водной поверхности с океанской стороны. Большинство из них – мирно спят, сложив лапки на груди, кто-нибудь вдруг начинает ухаживать за мехом, иной обеспокоенно приподнимет голову, прислушается, и вновь впадёт в дрёму… Покойнее чувствовать себя под водой, где, проникнувшись потаённой тишиной, неспешно принимаешься за работу…

Густые заросли морской капусты сочно ворочаются под напором неугомонных волн, наподобие гигантских змей устрашающе бросаются навстречу и недовольно отползают, а мне, несмотря ни на что, приятно выполнять своё незамысловатое, но нужное дело. Подгоняя фланцы трубы друг к другу, приноравливаешься половчее вставить в отверстия болты и наживить на них гайки, затем затягиваешь их, прижимая с другой стороны гаечным ключом головки болтов, чтобы не проворачивались, и изредка поглядываешь вверх, где различаешь округлые спины качающихся на волнах каланов, и тебя опять охватывает проникновенный покой в мрачном царстве камней, ветров и туманов. Мысли хоть и заняты работой, а не покидает радостное ощущение, что ты здесь не один, в непосредственной близости от тебя находятся милые морские существа – каланы.

Как здесь, действительно, хорошо и покойно, думаешь ты, отчего на душе становится так же радостно и тихо, и ты совершенно ясно постигаешь, что всё так и должно было случиться, чтобы ты однажды отправился в своё морское путешествие, и очутился вот именно здесь, на далёком курильском острове Матуа, где море оказалось благожелательно к тебе, и неожиданно открыло таинственную жизнь каланов. Ты даже поздоровался с одним из них за лапку, и зверь не испугался, а по-своему тоже проявил свой интерес к незнакомому живому существу.

Море стало доступным тебе вместе с этими чудесными животными, только благодаря великодушию Господа, наверное, созданными Им ласковыми и миролюбивыми, может быть, именно в противовес тому, что существуют такие жестокие животные, как касатки. Но касатки, слава Богу, не достигают маленьких глубин, где каланы чувствуют себя в относительной безопасности, и лишь подстерегают тот момент, когда каланы зазеваются, заснут, и окажутся в открытом море.

Правда, и в этом случае каланы научились затаиваться, не производя всплесков воды, поскольку касатки чутко реагируют на движение ластоногих, и тотчас устремляются к ним. И котики, и каланы, заметив касатку, ложатся на спину, прижимают к груди лапки, и терпеливо ждут, когда минует опасность. Каланы, чтобы избежать зубов хищного животного, даже способны прикидываться … мёртвыми.

Вы можете себе подобное представить?! То есть, каково ему, этому тщедушному забавному зверьку, завидев огромного зубастого хищника, взять и притвориться, что он не дышит? Ему при этом должно быть очень страшно, не то слово – он, наверное, просто готов сойти с ума от

переполняющего его ужаса, но калан, всё-таки, находит в себе толику мужества, и … борется за свою жизнь.

Милый калан трогательно отдаёт себя на волю безжалостного морского животного, действительно приняв вид плюшевой игрушки, будто в нём нет никакой жизни, а только трепетное равнодушие ко всему происходящему, в надежде, что касатка не обратит на него внимания, он её не заинтересует… И ведь если беда его минует, зверёк, как ни в чём не бывало, продолжит свою незатейливую жизнь: примется тщательно расчёсывать шкурку, утомившись – обернётся в листья морской капусты и надолго погрузится в сладкое забытье, а проснувшись – пустится играть со своими товарищами, радуясь возможности жить морем, редким здесь солнцем, вкусными ежами и мидиями… Вся жизнь калана – это, кажется, ничем не замутнённая радость, он ей – полный хозяин, и если говорят меж людей, что сам себе на радость никто не живёт, то это – не про нашего героя сказано.

Радость калана – в нём самом, а у моря – в нём, что ненавязчиво оберегает покой обаятельного зверька, и тем живёт. Так бы и нам: дарить всем живым существам свою сердечную радость, ибо в радости сыщут, а в горести забудут, и коли доброе чувство в мир несёшь, то и любовь пожнёшь.

Всем хорош калан, и то, что вся его активная жизнь проходит в воде, почему-то не сделало его неземным. Наоборот, часто тебе вспоминается не плывущий на спине калан, ловко разгрызающий раковины моллюсков, а сидящий на берегу или на отмели, подолгу и тщательно расчёсывающий свою красивую шерсть. Весь его оригинальный облик всегда необычайно симпатичен, и когда видишь, как он ловко действует передними лапками, ну, словно, руками, невольно зверьку отчего-то позавидуешь. Также, покойно, сложил бы руки на собственной груди, улёгся, как и зверь, спиною на воду, и с лёгкостью отдался на волю волнам, медленно уносясь по ним к затуманенным и загадочным Курильским островам, Командорам или Алеутам… Мир вам, чудные и ласковые каланы, и я к вам!

«СИВУЧИ»

У А. П. Чехова в книге «Остров Сахалин» имеется забавное упоминание об одном известном на острове офицере, что будто бы поселился на Сахалине в доисторические времена, когда ещё не начиналась каторга. Это казалось до такой степени давно, что даже сочинили легенду о «происхождении Сахалина», в которой имя этого офицера было тесно связано с геологическими переворотами… Когда-то, в отдалённые времена, Сахалина не было вовсе, но вдруг, вследствие вулканических причин, поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидели два существа – сивуч и штабс-капитан Шишмарёв…

Но оставим в покое непутёвого штабс-капитана, и сосредоточим своё внимание на животном, прозванном за свой серовато-пегий, сивый окрас – сивучем. Это – морской лев. А почему, собственно, «лев»? – наверное, спросите вы. То, что «морской» - понятно, но вот «лев»?!

Сразу, конечно, приходит на ум грозный обитатель африканской саваны, с косматой шевелюрой, мощными лапами и огромной зубастой пастью, а тут – спокойно возлежащий у моря, на скалах, зверь… Нет у него ни густой шевелюры, ни мощных лап с когтями, да и пасти с оскаленными зубами тоже не наблюдается, но во всей его горделивой осанке угадывается некая монументальность. Вашему взору, действительно, предстаёт преисполненный внутреннего достоинства зверь, внушающий почтение к себе всем своим внешним обликом, какой-то не поддающейся описанию статью, что, впрочем, тотчас теряется, когда сивуч погружается в воду.

К тому же, всё его независимое поведение, кажется, выказывает наличие у него выдающихся внутренних свойств, что вызывают одно преклонение. Важность собственной персоны у сивуча подчёркивается, в первую очередь, величественной позой, внушительными размерами и непоколебимым спокойствием, в присутствии которого тоже хочется замереть истуканом на берегу моря, почувствовав и себя величественным и покойным, проникнутым непередаваемой значимостью проистекающего повсюду вдумчивого умиротворения у дикого северного моря. Фотография такого великана до сих пор стоит у меня в кабинете, на рабочем столе, и поглядывая изредка на этого морского льва, взобравшегося на скалу, как на постамент, и отрешённо замершего там, на фоне серых камней, я сразу представляю себе обрывистые берега острова Ионы, мириады парящих над ним крикливых моёвок и холодные волны Охотского моря, тяжело ворочающиеся у гранитных скал. Действительно, настоящий морской лев, горделиво охраняющий покой дикой северной природы! Кто же он, этот сивый зверь?

Сивучи на Сахалине – его визитная карточка, что-то, вроде, местного оберега. В большей мере это относится к Невельску, небольшому городку на

юго-западном побережье Сахалина. Ранней весной сивучи возвращаются из тёплых морей на знакомые лежбища, чтобы продлить там свой род, и одним из таких временных пристанищ животные выбрали брекватер напротив этого города, расположенный там для защиты его берегов от разрушительного воздействия морских волн.

Каждый год, начиная ещё с зимних месяцев, сивучи появляются на голых, казалось бы, ничем не примечательных для них бетонных сооружениях, протянувшихся возле береговой черты города, оглашая округу громогласным призывным рёвом: так они обозначают свою территорию, хотя бы на время ставшую для них домом… Не у спев порядком обосноваться на новом месте, самцы уже во всеуслышание заявляют неукоснительные права на границы подвластных им гаремных участков, что из года в год остаются неизменными. Здесь сивучи дожидаются вскрытия льдов в Татарском проливе, чтобы через него потом устремиться в Охотское море.

Рокочущий рёв сивучей… Не забыть его никогда, где бы ты ни был, и часто во мне, как память, звучит этот призывный рёв зверей, будто понуждая опять отправиться в дальнюю дорогу, на необжитый северный остров. Туда, где на обрывистых скалах восседают остроносые кайры, у самого уреза воды теснятся дружной семьёй котики с сивучами, и надо всем этим забытым островком скалистой земли стоит неумолчный гвалт миллионов птичьих голосов…

Воздух здесь полнится запахом морского зверя и выброшенной на берег морской капусты. Ветерок лёгкими волнами доносит со скал удушливые испарения от птичьего помёта, которым обильно облеплены все каменные уступы. Нередко может засеяться невесть откуда взявшийся дождик-бус, а то навалится с моря густой туман. Все звуки в нём сразу завязнут, будто повиснут в воздухе, и проникнувшись всем этим диким пространством у моря, ты вдруг почувствуешь себя необычайно счастливым.

Туманные, северные берега… Как они, оказывается, близки твоему сердцу, и ты ещё долго не можешь объяснить самому себе – чем так тревожат тебя эти не тронутые человеческой цивилизацией края. Может быть – этой самой нетронутостью, отрешённостью своего сурового существования, куда человеку и вовсе надлежит не заглядывать, не беспокоить непуганых зверей и птиц? А если и пожаловать к ним в гости, то с большой осторожностью и уважением к обитателям этой далёкой северной стороны.

Ревёт океан, ревут сивучи, неистовствует бесприютный ветер, и от всего этого становится так до безумия радостно, что не вымолвить слова… Одно желание – слушать, вбирать этот мир, быть его частью. Раскинув руки, тоже готов зареветь от охватившего восторга, но ты только продолжаешь вбирать в себя вскрикивания птиц, шум моря, рык морских гигантов – сивучей, что, на деле, крупицы в океанском просторе…

Но всеохватные дали почему-то не завораживают, сколько бы ни пытался проникнуть в них взглядом, а занимает более именно то, что рядом… Стали на якорь, садимся в бот, и, прыгая на волнах, направляемся к

мрачным скалистым берегам. Вокруг туман, из-под самого носа ошалело бросаются в стороны каменушки, но не взлетают, оставляя на воде гирлянды хрустальных пузырьков. Их карминовые лапки так часто вздрагивают под водой, что ты не можешь оторвать от них взгляд, и потом только обращаешь внимание на то, какие они голенькие, беспомощные. От осознания этого становится зябко, ты поудобнее заворачиваешься в плащ-накидку, прячешь ладони между коленями и пристально вглядываешься в тёмно-зелёные упругие волны, со всего маху ударяющие в пластиковые борта бота.

Солёные брызги оседают на лице, ресницах, но смахивать их не хочется, и вскоре ты чувствуешь, каким кургузым становится намокший капюшон, тяжелеют от влаги плечи, но тебе и тогда не хочется менять положение тела. Сидишь, как истукан, и вдруг подумается: не отправишься сюда, так и Бога в себе не услышишь… От этой мысли вдруг всё в тебе оживится: что с тобой сталось?!

А тут и звери подоспели – выплывают, как на экране, из тумана, вольготно разлёгшись на каменных уступах, только головы чуть повели в нашу сторону. Они не зря избрали для себя эту холодную, с виду – угрюмую страну, где чувствуют себя свободно. Величественные гордые звери, с какой стати им нас бояться?!

Вокруг – великие расстояния великого морского пространства, оттого и зверю здесь надлежит быть великим. Вернее, горделивым и покойным от переживания своей дородной и простой жизни, где есть всё, что нужно: много чистой воды, вкусной рыбы и столько же воли! Зверю, живущему морем, ничего более и не надо, только бы крепок был этот мир покоем…

Сивучи, обычно, лежат на отдельных прибрежных камнях и не подпускают к себе человека, и чтобы, скажем, подстрелить зверя, как утверждали местные охотники-нивхи, нужно находиться рядом с сивучем, на самом близком расстоянии к нему, и это, конечно, требовало особого искусства. Но даже если подобное удавалось, необходимо было, вдобавок, ухитриться попасть зверю в темя или висок, что, несомненно, тоже требовало должного умения. Ведь только по этим двум местам сивуча и можно было убить, в противном случае, при его тяжёлом весе, он мгновенно уходил под воду, и достать его уже не представлялось возможным, а зверь мучился, долго борясь за жизнь, и нередко она побеждала в нём, но сивуч уже оставался ущербным. Кстати, нивхи едят мясо сивуча с превеликим удовольствием, и оно, действительно, вкусно, в чём я однажды и сам убедился, но, всё же, долго питаться им не будешь, хотя оно и не имеет никакого отвратительного запаха рыбы или морских растений.

Ископаемые находки последних десятилетий показывают, что эти ластоногие появились у дальневосточных берегов ещё 10-15 миллионов лет назад. Первобытные морские охотники использовали морскую добычу очень полно. Так, шкура убитого сивуча шла на обтяжку байдары, мясо – в пищу, кишки – на водонепроницаемую одежду, зубы и кости – на поделки, а жир - для освещения и отопления жилища. Волну же первых переселенцев с

Европы и русских промышленников, столкнувшихся с невиданным богатством дальневосточной природы, интересовала больше товарная стоимость меха и ворвани…

В северо-западной части Охотского моря лежит остров Ионы, на котором в конце прошлого века, по отчётам зверобоев, было, якобы, взято две с лишним тысячи котиковых шкур и лежбище иссякло. Но побывав на этом острове, трудно было поверить в существование здесь всего сто лет назад гаремного лежбища котиков, по причине суровых условий, исходящих из его небольшого размера, означающего стеснённость, а также существование скалистых, почти отвесных берегов. Скорее всего, это была ошибка в отчётности, не получившая, к тому же, подтверждения от более поздних наблюдателей и охотников, и, таким образом, лежбище сивучей, которое существует на острове и по сей день, по ошибке было обозначено в отчёте котиковым…

Для котиков на нём отсутствовали пляжи из песка и гальки, необходимые для лежбищ большого числа зверей. Правда, от западного берега Ионы местами выступают небольшие скалистые мысы, между которыми имеются узкие пляжи, но они малы для тысячи беспокойных во время гона животных. Остров облюбовали именно сивучи, предпочитающие скалистые берега, и Иона подходил им, как нельзя лучше.

Мрачные утёсы острова постоянно окутаны туманом. Здесь ничто не беспокоит зверей, и они тысячами собираются на вершине этой подводной горы, величественно возвышающейся над морем, напоминая огромный стог сена. Их не испугаешь высотой, и они могут подниматься почти по отвесным карнизам до 25 метров над уровнем моря, откуда при необходимости бросаются в воду. Сивучи не так осторожны, как нерпа-ларга, и восседая на отдельных валунах, подпускают движущийся к ним бот на довольно близкое расстояние, а затем плюхаются в воду рядом, поднимая фейерверк ледяных брызг и обдавая ими сидящих в боте людей…

Следует отметить, что сивуч – именно холодолюбивый вид. Он не боится студёной воды, даже образует временные залёжки на дрейфующих льдинах в Беринговом и Охотском морях. Зимой сивучи часто лежат на обледеневших и заснеженных скалах Курильских островов. Описан случай, когда сивуч, прижатый тяжёлыми льдами в Охотском море, пешком по глубокому снегу пересёк остров Кунашир и благополучно добрался до незамерзающего Тихоокеанского побережья.

Лежбище сивучей, при его первом посещении, оказывает на человека незабываемое впечатление. Лежащие вповалку звери издали напоминают огромные, обтёсанные морем каменные валуны, но если вы подойдёте ближе, и до зверей донесётся подозрительный запах, то они настороженно поднимут головы, силясь разглядеть нарушителя спокойствия. Сивучи, как и все тюлени, близоруки и больше доверяют чутью и слуху, чем зрению. Однако они замечают резкие движения человека, пугаются их, и дружно, гурьбой, кидаются в море.

К осени, когда все страсти на лежбище утихают, сивучи становятся безразличными, им ни до чего нет дела. Но вот весной на гаремном участке от спокойствия зверя ничего не остаётся, и самец-сивуч превращается в огромную слепую силу. Налитые кровью глаза, вздёрнутые кверху головы с ощерившейся пастью и разносящийся на многие километры непередаваемый рык зверей поистине потрясают! Каждый сивуч – это необычайно сконцентрированное внимание, постоянная нацеленность на схватку: в мгновение и с удивительной лёгкостью подлетит к сопернику, собьёт грудью, зацепит его клыками и отбросит мощным рывком к морю, где солёная вода залечивает кровавые раны повергнутого зверя… Действительно, настоящий морской лев!

В своих экспедициях по Сахалину и Курилам нам нередко удавалось увидеть великолепных сивучей. По утрам, в стылой прозрачной воде, усеянной затейливыми островками голубого пакового льда, они оживлённо копошились под самым бортом судна, громко пофыркивая и оставляя в морозном воздухе запашистые клубки пара… То и дело переворачиваясь с боку набок, а иной раз, несмотря на внушительные габариты, как веретеном ловко пронизывая маслянистую воду своими могучими телами, они устраивали возле судна бесплатное представление.

Обычно сивучи с удовольствием воспринимают тепло редкого на севере солнца, подставляя ослепительным лучам золотисто-рыжие, толстые бока, и их игривая активность зависит от времени года. Особенно энергичны они ранней весной, когда, полные сил, возвращаются из тёплых морей на родной север, и ни за что не упустят возможности проявить себя с самой неожиданной стороны. Что необычного, может быть, в сивуче? Чем отличается он от других ластоногих, обитающих в северных морях?

Среди всех тюленей, пожалуй, одни только сивучи отличаются необыкновенными манерами, если о них можно так сказать… Они любят сидеть на прибрежных камнях, застыв гордым изваянием, и очень забавно наблюдать, как внушительных размеров звери с лёгкостью бросаются с отвесных скал в море. Когда ты видишь, как огромное тело весом в тонну свободно пикирует вниз и с шумом, в фонтане ледяных брызг, уходит под воду, такое забыть невозможно.

Наверное, прыжки сивучей с обрывистых скал – именно та особенность, которая, в полной мере, присуща только этим морским животным. Ведь если зверь какое-то действие постоянно повторяет, оно является его отличительной чертой, то это действие, явно, ему нравится, оно приносит удовлетворение, и по нему можно догадаться, или – хотя бы предположить, что для него, помимо инстинкта размножения и продолжения рода, немаловажное значение имеет и маленькая забава. Может быть, это – необъяснимое, даже для самого зверя, самоутверждение, когда ему просто хочется взять и … полететь с обрывистой скалы в море, плюхнуться туда изо всех сил и погрузиться в родную купель, где тоже можно лететь, легко расправив ласты и наслаждаясь подводной тишиной…

Так, наверное, сивуч проявляет своё пристрастие к дорогому для него морскому существованию, и эта необычная черта разоблачает в нём удивительное жизнелюбие. С виду, как говорится, сивуч неповоротлив и тих, да обычаем лих.

От осознания, что на какой-то миг ты понимаешь это морское животное, что между вами, как будто, устанавливается невидимая внутренняя связь, тебе тоже захочется стать насквозь морским, почувствовав себя здесь, в этой далёкой северной стороне, своим… Какое счастье!

Я всегда испытывал глубокое удовлетворение, когда мы оказывались в экспедиции на севере, и, несмотря ни на что, любил мрачное низкое небо, подворачивающиеся под днище судна льдины, тёмную, почти чёрную воду с изумрудными бурунами, и неожиданно возникающие прямо под бортом усатые нерпичьи головы. Поначалу они всегда напоминали неизвестно откуда взявшиеся резиновые мячики, что ловко перевернувшись, тотчас исчезали под водой. Нерпы очень оживляли суровый северный вид, и я начинал любить север ещё больше, где так вольно дышалось полной грудью, и не нужно было ничего бояться. Пусть здесь холод и серо-сиреневая мрачная мгла, закрадывающееся по ночам чувство одиночества и отрезанность от мира, но разве не достойно для человеческой души претерпеть все эти передряги, присущие северу, чтобы стала она более восприимчивой и живой, и научилась радоваться таким дорогим сердцу жизненным мелочам?!

Люди уходят в море, наверное, потому, что не могут без него жить. Потом они очень устают от долгого общения с ним и окружающими людьми, но по прошествии какого-то времени по-прежнему продолжают его любить. А море всегда разное и совершенно непредсказуемое, оно полно самых невероятных неожиданностей, хотя порой – безгранично в своём однообразии, особенно – на севере. И утренний, и вечерний горизонт здесь одинаковы, но вот что странно: чехарда оставленной за спиной городской жизни, со всеми своими видимыми прелестями, уже давно не увлекает тебя, и представляется какой-то ненужной, мелочной. А вот эти, беспрестанно переворачивающиеся под бортом, грязные льдины, напоминающие каких-то неведомых животных, да и сами морские львы, нерпы и котики с каланами воспринимаются невероятно живыми, и они никогда не приносят огорчения.

У всех морских зверей – свой характер, есть он, конечно, и у сивуча… На первый взгляд он кажется величественным и спокойным. При всей своей мощи, а размеры сивуча, действительно, достигают очень внушительных размеров – тело длиною до трёх метров и вес иногда превышает тонну, большую часть года, особенно – осенью и зимой, он ведёт беспечный образ жизни, кажется, ни до чего ему нет дела. Правда, сивучи плохо видят, и когда их что-либо пугает, они, при всём своём грозном виде, бросаются наутёк в море: не важно – возлежат ли звери на брекватере, или – на прибрежных камнях…

Но вот с приходом весны, прежде, чем отправиться на гаремное лежбище, звери, чтобы набраться сил, прямо в открытом море, безо всякого страха, забираются к рыбакам в тралы, полные рыбы, и в волю лакомятся ей. Сивучи в эту пору часто сопровождают рыболовные суда, и, бывает, так увлекаются, что оказываются вместе с рыбой на палубе, ведут себя при этом как хозяева, даже – очень агрессивно, и чтобы избавиться от непрошеных гостей, рыбакам приходится очень постараться.

Зрелище это для новичка совершенно незабываемое: представьте, что прямо перед вами по слипу поднимается из моря огромный морской зверь, недовольно оглашая приключившуюся с ним неволю громким утробным рыком! Шлёпая по палубе массивными ластами, и оставляя после себя целые лужи, сивуч выглядит очень отчаянно, не в силах сообразить – что с ним происходит, и где он очутился? Когда рыбакам надоедает присутствие зверей, ведь нужно убирать рыбу и готовиться к следующему запуску трала, они разного рода приспособлениями подталкивают животных к фальшборту.

Сивуч воспринимает попытки избавиться от него во всеоружии, не подпуская людей, пытающихся оказать ему помощь, и когда он, наконец-то, оказывается за бортом, все облегчённо вздыхают, позабыв за таким нелёгким занятием об улове. Рыбаки, проявляя немалую изобретательность, чтобы не доставить сивучу каких-либо повреждений, открывают в борту специальные задвижки, и сивучи валятся в воду, прямо с палубы траулера, что порой достигает в высоту более шести метров. Тут вот неожиданно и открывается эта необычная способность сивучей: они обладают способностью свободно прыгать с высоты в море, кажется, получая от этого удовольствие! Ещё долго потом раздаётся под бортом фырканье животного, по воле случая оказавшегося в плену у людей, но, наверное, не по причине недовольства, что его отправили за борт и он шлёпнулся в воду, а из-за того, что лишили возможности лакомиться вкусной рыбкой…

Мало того, на острове Ионы мы наблюдали случаи, когда и старые, и молодые самцы сигали в море с отвесных скал, причём, в этом не было никакой необходимости! Мы подолгу внимательно за ними следили, как сивучи забирались по острым камням наверх, ловко используя расщелины между ними, удобно укладывались там, замерев на какое-то время, и вновь срывались в морскую пучину, поднимая фонтаны холодных брызг… Это казалось почти невероятным при их массе тела!

Сивучи, в отличие от котиков, часто используют в качестве гаремных лежбищ отдельные скалы, располагающиеся неподалёку от берега. Это удобно тем, что не всегда галечные пляжи свободны, их занимают более многочисленные секачи котиков со своими самками и «детскими яслями» недавно народившихся малышей. К тому же, сивучу со своим гаремом спокойнее находиться отдельно от других свих соплеменников, это его вотчина, которую он облюбовал по приходу сюда ранней весной, и ему только остаётся поддерживать порядок на закреплённом за собой участке.

Как правило, самец лежит на такой скале в окружении своих самок весь день. Когда ему захочется поплавать, он тяжело срывается в воду и кружит какое-то время возле камня, издавая грозный рык, разносящийся далеко над морем. Завидев какого-нибудь соперника, подбирающегося к скале, хозяин её торопится взобраться на неё.

Ловко выбрасывая передние ласты, и зацепившись ими за острые края скалы, он выгибает спину и подтягивает заднюю часть тела, затем упирается и совершает резкий толчок. Так, достаточно быстро, он взбирается наверх, опять оглашая морское пространство своим оглушительным рёвом, после чего соперник бежит. А бывает, собираясь поскорее выйти из воды, сивуч использует подвернувшуюся прибойную волну, если на море волнение, и взбирается на свою гаремную площадку в считанные мгновения.

Глядя на эти выкрутасы тяжёловесного зверя, непременно подивишься его умению совершенно преображаться при этом. У сивуча – могучая шея и очень сильный плечевой пояс, что и позволяет ему находить выход из любого положения, проявляя невероятную изворотливость.

А вот морда у сивуча не вытянутая, как, скажем, у котиков, а курносая, что придаёт ему добродушное выражение. Глядя, как он спит, вытянувшись на камнях, и нос у него незатейливо задирается кверху, сразу отметишь в нём эту черту, придающую сивучу обаяние. Не верится, что зверь с такой простецкой мордой способен на злобное поведение. И действительно, если сивуча не беспокоить, не вторгаться в его владения, то он будет оставаться миролюбивым животным.

Я не перестаю думать о том, почему же всё-таки морда у сивуча такая сплющенная, с задранным вверх носом, и вспоминаю, в каком удовлетворении нежатся они обычно на прибрежных камнях… Могут пролежать так целый день, если их ничто не потревожит. Может быть, от переживаемого удовольствия сивучи и выглядят всегда такими умиротворёнными, и их добродушные физиономии, со вздёрнутыми носами, есть отражение полного довольства от их незатейливого и простого существования. Нужды нет, что нос курносый, главное – не зазнаваться, чего сивучу, при его вольготной жизни, не грозит: всего в его владениях вдосталь!

Ещё сивучам присуща такая интересная черта, как заглатывание галек… Звери часто заглатывают морскую гальку, чтобы она помогала перетиранию пищи в желудке. Отплыв порой на значительное расстояние, животные вылезают на берег и здесь, после переваривания пищи, отрыгивают камни. Часто, не зная этого пути распространения гальки, человек становится в тупик, обнаружив на берегу обломки необычных для здешних мест пород. Причём, они всегда лежат как-то отдельно от других камней, будто ожидая чего-то.

Не раз я находил такие необычные камни, которые и попадают в желудки сивучей порой тоже очень необычно. Дело в том, что питаются сивучи в основном рыбой, и ассортимент её весьма разнообразен: это и сельдь с треской, и палтус, и лосось, и минтай с корюшкой и мойвой, но

иногда рацион сивучей составляют и головоногие моллюски – кальмары и осьминоги. Так вот осьминоги во время нападения на них сивучей цепко охватывают щупальцами камни, и сивучу волей-неволей приходится глотать желанную добычу вместе с тяжеловесной добавкой…

Сивучи очень привлекательны своей упорядоченной, без суеты, жизнью. Самка, выводя детёнышей, оставляет их спокойно на несколько дней и, возвращаясь, находит среди сотен других благодаря обонянию и голосу, который они подают ей. Самцы же, заведя в момент гона гарем из дюжины самок и оплодотворив их за месяц, уходят затем в море. Они всегда могут вернуться, но при этом обычно сталкиваются с занявшими их место сородичами. Выяснение отношений, как правило, не затягивается надолго: поверженный зверь уступает место наиболее достойному, не прибегая в будущем к злонамеренной мстительности.

Что же касается родительских инстинктов, то они развиты у сивучей слабо. Самцы пекутся о своих детях немного, и имея столь внушительные размеры, сонные, либо в порыве бойцовского настроя при выяснении отношений с иными животными, нередко давят щенков, чаще всего даже их и не замечая. Однако сивучихи всё же более заботливы, чем самцы или самки котика. Они не только защищают детёныша от нападения, но и в случае надобности вытаскивают щенка из воды, если его смоет прибоем, а когда на лежбище появляется человек, то хватают своё чадо за шиворот, спускаются в воду и отплывают с ним на сотню-другую метров от берега.

Ко всему прочему следует добавить такой любопытный факт из жизни сивучей, совсем недавно прозвучавший громкой сенсацией благодаря сообщению американского эколога Джентри, суть которого заключалась в следующем: на одном из лежбищ островов Прибылова сивучи питаются … щенками морских котиков! По наблюдениям этого учёного, в 1975 году общие потери щенков котиков вследствие поедания их сивучами составили в абсолютном выражении в три-четыре тысячи голов за сезон. С других мест совместного обитания сивучей и котиков, как, например, на острове Тюлений, подобных сообщений не поступало, хотя на каждом лежбище котиков всегда залегает некоторое количество сивучей, причём, немалое.

Чем вызваны такие пищевые отклонения именно прибыловских сивучей, пока неизвестно. Скорее всего, это не проверенные домыслы недобросовестного учёного, а щенки котиков в немалом количестве гибнут от больших североморских чаек и взрослых самцов, во время их драк с соперниками за своих самок и места на лежбище.

Вообще, образ жизни сивучей не позволяет им опуститься до заурядной осёдлости и, когда детёныши подрастают, звери отправляются все вместе в длительное путешествие по морю. Всю зиму нагуливают они себе жир и хорошее настроение, а спят прямо в воде, забавно повиснув в ней на боку и сложив вместе ласты. Глаза у них в такие моменты открыты, и от этого, кажется, что звери о чём-то думают. На самом же деле так сивучи

защищаются от своих главных врагов – касаток. На берегу же им не дают покоя люди…

У Германа Мелвилла в одной из книг рассказывалось о несчастном матросе, угодившем на необитаемый остров, где он спас свою жизнь, в конце концов, тем, что взял взамен жизнь другого существа. Когда на берег выполз большой сивуч, этот несчастный бросился на него, ударил его в шею ножом, а затем, припав к трепещущему телу животного, жадными глотками напился из раны крови, тем самым утолив жажду, мучавшую его несколько дней.

Другой моряк, выброшенный в шлюпке на такой же необитаемый остров, вообще не посещаемый судами из-за многочисленных мелей, убил уже двух сивучей и, содрав с них кожу, соорудил что-то вроде поплавка, с помощью которого перебрался на другой остров, где ему была оказана помощь. Находчивость человека и, главное, шкура известного морского животного вновь выручили его из беды.

Но если кому-то сивуч представляется совершенно добродушным и неповоротливым зверем, коего можно с лёгкостью добыть себе на пользу, то он, разумеется, окажется неправым, ибо разъярённый сивуч-секач – грозная сила! Да и сами посудите: вес «матёрого» самца порой достигает полторы тонны, а длина тела – 3,5 метра. Самки весят вдвое меньше и имеют длину тела до 2,5 метров при общей массе 350-400 килограммов. Когда видишь, как грузные сивучи возлежат на камнях, величественно задрав головы в сторону моря, то, несомненно, проникаешься уважением к этим самым крупным представителям семейства ушастых тюленей. Морские львы – лучше и не скажешь!

Сивучи – настоящие тяжеловесы, они очень тучны, и когда наблюдаешь, как звери с трудом передвигаются в прибойной полосе, кажется, еле-еле перемещая на передних ластах самую могучую часть тела, невольно пожалеешь животных, которые обречены на такой неловкий образ жизни. И всё-таки, как это ни странно, сивучи гораздо «изящнее» моржей – настоящих великанов прибрежных северных вод. Но речь сейчас не о них…

Мощная голова, огромная, чаще всего – разинутая пасть, удлинённые волосы на загривке у самцов-секачей, напоминающих гриву, вполне оправдывали в старину имя сивуча – морской конь, и разве могли тогда люди, при незнании ими природы вещей и многих явлений, представить себе такого великого зверя иначе?! На деле же, крупный морской лев оказывался просто сивым зверем, отчего и прозвали его «сивучем».

Как только подумаешь – «сивуч», так и представляется могутный свободный житель дорогих тебе северных морей. Его возможность жить так свободно, при огромном весе никому не досаждая, парить в утробе моря, которое благоволит к нему, притягательна. Вот бы и тебе, думаешь ты, обрести этот долгожданный покой, навсегда соединив свою судьбу с удивительной морской стихией!

Унылые, серые от постоянных туманов берега… Мрачные тучи, скрывающие дальние мысы, вот-вот навалятся и на наше судно… Не покидает ощущение пустынного края, никому не нужного и оттого кажущегося заброшенным, но отчего-то хочется вглядываться в него, причём, не отрываясь, и резкое всхлипывание холодных волн в чёрных каменных расщелинах, как ни странно, ублажает твою душу.

Забудешься так на неопределённое время, а когда придёшь в себя, то и не вспомнить – о чём были твои думы. Север зачаровывает своей гулкой тишиной, ты оказываешься словно околдован им, и приходишь в себя, только оказавшись на материке. Но по прошествии незначительного срока, мысли твои опять принимаются непроизвольно плутать над этими серыми скалами и низким небом, по цвету напоминающее эти мрачные утёсы, а потом неожиданно обрушатся на сердце, и оно начинает, неизвестно отчего, томиться.

Кажется, никого и ничего живого не существует здесь: одни камни, никогда не тающие в их углублениях льды и вечный покой. Лишь одичалые вскрикивания глупышей над ним оживляют эту сумрачную картину, без которой тебе почему-то никак не жить. Мне нравится, что в моей жизни однажды появился север, и я принимаю всё, что приходит с ним, думая о скупом и редком здесь солнце, въедливом запахе птичьего помёта на скалах, и неповоротливых, добродушных сивучах, горделиво, но без тени самодовольства перемещающих на скалах свои тучные тела. Суровый север вкрадчиво хранит в себе мои неясные думы о нём, а вместе с ними – покой зверей, и они, кажется, с благодарностью внемлют его безмерной силе.

«БЕЛУХА»

Вы бывали на севере? Если «да», то непременно усвоили, как внимателен север к человеку. Это только кажется, что он необычайно суров, на самом же деле – север неравнодушен ко всему живому, но он уважает сильных духом. Таких же сильных, как и он сам.

Как часто человек откладывает свою жизнь на потом! Вот, на следующий год уж обязательно отправлюсь на север, чем-то он меня манит, не важно – Сахалин это, Камчатка или Бристольский залив в Беринговом море. Там, на севере, всё представляется каким-то простым и надёжным, что только увидишь – и сразу полюбишь, в этом нет никаких сомнений, ведь даже солнце там особенное, и глядеть на него всегда приятно. Краски скупые, но ёмкие, запоминающиеся, с началом лета повсюду ещё плавают льды, а на горизонте, в воздухе неожиданно встают еле уловимые миражи…

Пахнет приятной прохладой и рыбой, по пустынным берегам белеет источенный ветрами и солью плавник. Будто останки неведомых морских животных… Кажется, ничего особенного не происходит, не на чем зацепиться глазу, а уже не хочется покидать этот берег, и до такой степени глубоко проникает он в сердце, что невольно думаешь: вот бы остаться здесь на несколько дней, половить мясистую кунджу или золотобокого ленка, разжечь костёр прямо на камнях, поставить палатку, а по ночам глядеть на разноцветные хвостатые звёзды, падающие с неба, и слушать, как всплескивает неподалёку от берега осторожная нерпа. Отчего-то тебе хочется породниться с этим вольным берегом, по крайней мере – унести его в памяти, потому что в разлуке, ты знаешь, тебе не обойтись без воспоминаний о севере и его неброских красотах.

Посмотришь в бинокль, и вдруг заметишь у горизонта переливающиеся на солнце белушьи спины, плавно утопающие в маслянистой воде и вновь возникающие на поверхности. Белухи будто бьют поклоны кому-то под водой, их размеренные движения на удивление слаженны и красивы, они просто завораживают твоё внимание, и тебе начинает казаться, что ты тут родился и вырос, до такой степени всё увиденное представляется родным и знакомым. А как сладко пахнет на севере неуютное, колючее, но отчего-то дорогое твоему сердцу море! Белухи в нём – самое трогательное его украшение.

Безмолвные берега дышат выброшенными в шторм крабами и водорослями. Но их гнилостный дух почему-то не вызывает неприятия, ласково кружит голову, и будто приподнимает над усыпанной серой галькой косой. Бесцветное небо, чуть тронутое блёклой голубизной, выгнулось над морем чаячьим крылом, и застыло, а в этой его безжизненной вышине бьётся упрямой струнко глупыш-буревестник… Оголённое северное раздолье, но

никакой удали: только вкрадчивое всматривание во всё, что происходит вокруг, вдумчивая размеренность и покой.

Но покой этот обманчив: точно так же, как север поманил вас в дальнюю дорогу, он может и забрать всякое желание противостоять ему, если вы не отнеслись к нему с почтением. Всё здесь проникнуто уважением ко всему суровому, силой духа, что, кажется, исходит от каждого камня, прибитого к берегу льда и истошного вскрикивания чайки. Не раз было замечено: когда долго находишься на севере, почему-то совсем не тянет в тёплые края.

Ты привыкаешь к северу, к его неброским краскам и скованной тишине, и этот покой не надоедает тебе. Его всё время хочется разгадать, это желание как-то подспудно теплится в твоей душе, и ты никак не можешь успокоиться, хотя внешне тебя ничто не раздражает. Тебе повезло, и ты оказался здесь, в краю непуганых птиц, среди безликих камней и неповоротливых морских львов: не каждому выпадает такая удача, и нет, конечно, никаких причин для печали.

Тебе не зачем думать о том, что ты совсем недавно оставил там, на материке, где тепло, светло и весело. Мечты твои исполнились – ты на севере, но что за необъяснимая, хотя и лёгкая тревога касается твоего сердца?

Какое-то внутреннее чувство и радости, и невыразимой грусти посещает тебя именно в том месте, куда ты давно и упорно стремился. Твои сердечные хлопоты сбылись, но вот сбивает радостное настроение непонятная кручина, будто ты в какой-то миг понимаешь, что и здесь тебе чего-то не хватает, и душа твоя устремляется ещё дальше, где только льды и нет птиц. Вроде бы, и жить там некому, а что-то влечёт туда неудержимо, и ты пристально вглядываешься в бездонные северные дали, будто надеясь почуять в них для себя какие-то добрые вести, и не можешь отвести взгляд…

И вдруг тебя пронизывает мысль, что не покоя, оказывается, просит твоё сердце, а чего-то иного, может быть, близкого твоему далёкому прошлому? И ничего, если выходит всё это у тебя немножко грустно. Главное, ты улавливаешь нечто необычное, отчего начинаешь прислушиваться к окружающей тишине более чутко, и даже вскрикивания морских птиц не помеха: они, наоборот, подчиняют тебя своему полёту, и душа твоя, безо всяких усилий, начинает парить над серым морем и фиолетовыми скалами, обретая абсолютно безмятежное состояние.

Но ты чувствуешь, что это уже не мертвенный покой севера, что почудился тебе поначалу, не только пронизанное холодом безликое и безмолвное пространство, а ещё и его мудрое вглядывание в тебя, отчего и лететь становится шире, вольготнее. И вдруг ты понимаешь, что необъяснимая грусть куда-то ушла, тебе не хватало именно вот этого отрешённого полёта над самим собой, когда хочется лететь неизведанно куда, ждать чего-то замечательного и ничего уже не бояться.

Хорошо, всё-таки, на севере… Больше юга любил я всегда именно север. И когда сейчас пишу о нём, то с неизбывной тоской вспоминаю, как

выступают из тумана голые скалистые утёсы, притаившиеся под скалами глыбы сиреневого льда и фиолетовые тени в укромных расщелинах, и сердце отчего-то переворачивается в груди, словно крохотный птенец конюги в каменной россыпи, неловко копошится и замирает в приятной истоме. Это значит, что солнце твоей жизни всходит именно на севере, ибо только он способен вызвать в человеке отвагу и решительность, и они никогда так открыто не проявятся на юге.

Но для того, чтобы увидеть красоту севера, ты, всё-таки, должен решиться отправиться туда, а для этого тебе может помочь только твоя собственная отвага. И тогда ты будешь поражён открывшейся тебе восхитительной картиной: нежной белизной безукоризненно отлитых природой тел чудесных морских животных – белух.

От увиденного тебе сначала становится необыкновенно радостно, затем твоё сердце охватывает стесняющая его тревога при мысли, как этим прекрасным животным, должно быть, холодно постоянно находиться в этой ледяной купели… Но потом ты понимаешь, что это – их родной дом, и беспокойство сразу уходит. Ты вдруг представляешь – какие у них, наверное, нежные животы, нежнее, чем у самых роскошных женщин: такие белые, бесконечно трогательные, неземные…

Белуха для меня и есть морская красивая женщина. Добрая тётушка… Или – девушка на выданье, что мила, скромна и пригожа, ей нет равных среди морских обитателей по красоте и обаянию…

Она есть чистая любовь Всевышнего и к морякам, и ко всем нам, людям, живущим во славу Господа, и к самой Природе. Белуха – это её нежность, если животное может выражать такое тонкое природное чувство, и эту нежность зверобои сотнями загоняют в невода и … убивают. Как такое возможно?!

Мысли об этом никак не укладываются у меня в голове. Ведь больше всего поражает в белухе вот эта, совершенно открытая белая плоть, когда все другие китообразные, подстраиваясь под морскую среду, выбирают более сдержанные тона – чёрные, серые, коричневые и тёмно-синие, на худой конец – светло-голубые, они не обезоруживают себя, а стремятся слиться с окружающей их свинцовой, серой, тёмно-синей или голубой водой. Белуха выглядит так обворожительно открыто, что порой страшно на неё смотреть.

Белуха словно даёт тебе возможность запомнить её вот такой, и при этом ничуть не торопит, давая наглядеться собой. Ты восторженно, с замиранием сердца охватываешь взглядом её дивное белое тело, и не в силах его отвести. Так завораживающе и радостно белеет в синих волнах её нежный хребет, а уже в следующий миг белуха предстаёт перед тобой белой таинственной раковиной, и душа твоя начинает рокотать нескончаемым прибоем о незнаемых морях.

Безбрежно постижение этих чудесных морских далей, что сулит только радость открытия и внутреннее чувство глубокого удовлетворения от сопричастности с этим удивительным морским миром. А дарит его

непревзойдённое по красоте белое тело белухи, что в своих округлых линиях и чистоте таит для мира спасительную негу. Недаром эти животные имеют самый беззащитный в природе белый цвет, и ты счастливо поёживаешься при мысли о том, что тебе довелось увидеть это чудо.

Белее снега нежная белуха, ив этой своей незащищённой белизне она открыта всему миру, так что, кажется, не остерегается никого. Всем своим видом она будто проповедует любовь к жизни, ко всем её чудесным проявлениям, и тебе непременно самому захочется стать, хотя бы на короткое время, белухой, чтобы ощутить её удивительную свободу, когда ты никого не боишься и волен делать то, что захочешь. Нежна белуха своей ненаглядной белизной, и так, белоснежной красавицей, живёт. А кто красив, тот и бел.

В прибрежных водах Сахалина белуха встречается главным образом в северной части Татарского пролива, и лишь весной спускается в его южную часть, сопровождая такие голубовато-белые, как и она, льдины, что не сразу отличишь – где ледяные обкатные стамухи, лениво переворачивающиеся в стылой воде, а где – красивые грациозные киты. На севере белух называют ещё «белугами», и известное выражение «ревёт как белуга» относится именно к ним, а не к рыбе. Действительно, во время хода – белухи иногда отрывисто ревут, и этот рёв несколько напоминает рёв быка и одновременно хрюканье поросёнка.

Белухи плывут медленно, со скоростью 8-10 километров в час. Обычно они следуют за стайной рыбой – горбушей и симой, особенно когда рыба подходит к рекам, и белухи поджидают её там, но происходит всё это подстерегание добычи у животных как-то уж очень спокойно, беззлобно, будто бы белухи и не думают нападать на устремляющихся на нерест лососей, и только хотят с ними позабавиться. Белухи не зря получили своё название за незапятнанную ничем чистоту своей кожи, и ещё какую-то нежность в натуре, которая, неизменно, их всегда отличает.

Кстати, чисто белыми белухи становятся только с пяти лет, у них хорошо выражена возрастная изменчивость окраски тела. Новорождённые сосунки, не превышающие в длину и метра, обычно – пёстренькие, с набором же веса и увеличением роста белушата постепенно светлеют, приобретая на короткое время даже голубенький цвет, а достигнув трёх-четырёх метров, молодые особи становятся сплошь серыми. Позднее, вследствие ослабления серых тонов, когда следы пигментации кожи незаметно исчезают, тело взрослых животных приобретает белую окраску. Возрастное изменение цвета кожи белух связано с ослаблением её пигментации, когда эпидермальный слой, по мере роста животного, постепенно утоньшается, вытягивается и рано или поздно сходит. К старости, а белухи проживают до 50-60 лет, постепенно стирается и белизна, отчего кожа животных, слегка, желтеет…

Чисто белая или слегка кремовая окраска взрослых особей – самое характерное отличие белух от других дельфинов. Ещё стоит отметить голову животных – короткую, округлую, с выпуклым лбом, почему-то создающим впечатление натянутой на него каски. Вот и форма тела белухи имеет великолепно обтекаемую линию, спинной плавник отсутствует, а хвостовые лопасти изящно симметричны, с глубокой развилкой. Вообще, весь вид белухи вызывает чувство недоумения, удивления и радости, что такое чудесное животное сохранилось, его не выбили по причине легкой доступности, как корову Стеллера, и можно ещё, хотя бы изредка, наслаждаться этим непередаваемым зрелищем – белоснежным морским зверем, настоящей красотой севера.

Когда видишь, как белухи, молча, кружатся в зеленовато-голубой воде, словно воплощение самых чистых помыслов моря, то и самому на ум приходят чистые, лёгкие мысли, скорее, правда, напоминающие чаек. Душевным же переживаниям моря должны, непременно, сопутствовать именно большие белые животные, такие, как белухи. Белухи - изумительные существа, они обитают в прибрежной зоне северных и дальневосточных морей, в том числе – в Японском и Охотском, достигают в длину пяти-шести метров и относятся к подотряду зубатых китообразных и семейству единорогов… В общем-то, животные хорошо всем известны, но, тем не менее, мало изучены.

Когда-то белух в этих местах водилось великое множество и знаменитый исследователь природы Дальнего Востока В.К.Арсеньев, ещё в двадцатых годах прошлого столетия наблюдал в одном из полётов над Сахалинским заливом стадо белух, насчитывающее до десяти тысяч голов. Местные жители – гиляки, добывали белух ручными гарпунами со льда или караулили в устьях рек. Позднее, когда появились ружья, стреляли и ловили сетями, перегораживая ими небольшие речки после того, как звери заходили в них во время прилива. Когда же в отлив звери оказывались на мели – их кололи копьями и ножами. Однако при таком промысле белух добывалось немного, и носил он случайный характер.

Да и в самом животном много загадочного: зверобои не знают – в каких водах белуха появится в этом году и почему так упорно избегает те пути, которыми не раз ходила раньше. Белуха хорошо приспособлена к жизни в суровых условиях и отлично чувствует себя среди ледовых полей повышенной плотности, может переходить подо льдом до трёх километров и для дыхания ей вполне достаточно небольших разводий, а при необходимости она способна воспользоваться даже отдушинами тюленей. Благодаря большим запасам жира белуха долго остаётся без пищи, и поэтому, в отличие от большинства китообразных, она не уходит для деторождения в тёплые широты. Даже весь внешний вид белухи говорит о том, что это северное животное, взрослые особи которого не зря имеют чисто-белую, под стать здешним туманам и льдам окраску. И, может быть, именно по причине неприхотливости и приспособленности к суровым

условиям, какая-то часть белух, на зиму, остаётся на севере моря, забитом льдами, тогда как немалое количество животных отходят на зимовку к югу. Нелегко проследить время и место зимовок этих удивительных животных, для которых ледяная стужа – родная стихия, и белухи в холодных северных водах – их истинное украшение.

Удивительные это животные – белухи… Никто, действительно, не знает – когда и где они появятся, живут своей потаённой жизнью, никому особо не досаждая, ну, если только рыбкой полакомятся. Киты – те только и делают, что выискивают огромные косяки рыб, и всё время кормятся ими, а белухи, кажется, и не питаются ничем, существуя только для того, чтобы украсить собой море. Более деликатных и милых животных трудно себе представить.

Белухи, как и дельфины, очень дружны, также «разговаривают» между собой, недаром моряки издавна называли их морскими «канарейками», но в отличие от дельфинов ведут себя очень скромно, и необыкновенно ласковы друг с другом. Нежность белух, какое-то их трогательное отношение к окружающему их миру, проявляется во всём: даже будучи взрослыми – белухи плачут, как дети, когда их обижают или они сильно волнуются. Трудно вообразить, что они, как кашалоты, ныряют в таинственные океанские глубины, чтобы охотиться на гигантских кальмаров, а держатся ближе к поверхности, чтобы, наверное, оживлять своими белыми телами однообразие бескрайней морской стихии…

Белухи не более прожорливы, чем другие морские животные, к тому же охота у них, как уже говорилось, протекает совершенно незамысловато и не торопясь, я бы даже сказал по доброму. И, тем не менее, в общей сложности, они поедают не мало рыбы, за которой следует постоянно мигрировать. Преследуя косяки лососей, белухи подходят к берегу как бы волнами и, нагуливаясь на этих рыбьих скоплениях, они нередко устремляются в реку, а иногда поднимаются и вверх по течению. Известны случаи, когда белух наблюдали даже под Хабаровском, в тысяче километров от вод Татарского пролива! Именно поэтому добыть белуху не составляет особого труда, ловили её обычно у берега и главным образом – большими неводами.

Дело ещё и в том, что белухи – стадные животные, их глубинные инстинкты подсказывают им держаться всё время вместе, а основой такого стада является долголетняя семейная группа, состоящая из самки и её потомства разного возраста. Учитывая, что самка и детёныш очень привязаны друг к другу, малыш всегда плавает рядом, вплотную к телу матери, отчего часто создаётся впечатление, будто взрослая белуха носит детёныша на спине. Это неверное мнение промысловиков долгое время бытовало даже в научной литературе, и почему-то ни у кого не возникало сомнения: как может белушонок удерживаться на спине матери из-за отсутствия каких-либо приспособлений?! Но, как бы то ни было, привязанность животных остаётся на лицо, и держатся они вместе не случайно, что было издавна подмечено человеком.

Однажды мы работали в Беринговом море, в заливе Бристоль, и так получилось, что нашего капитана пригласили поучаствовать в охоте на белуху, от чего он, конечно, не смог отказаться. Капитан взял с собой ещё трёх человек, в том числе – и меня. Помнится, предвкушение чего-то необыкновенного переполняло весь день, и то и дело охватывало тревожное, но сладостное чувство: идём на белуху!

Как оказалось, всё уже было подготовлено: рыбаки наладили невода, место загона оговорено, кунгасы просмолены, моторы отрегулированы, и оставалось только ждать. Успеем ли, ведь до отхода судна оставалось от силы день!

Белухи появились, как всегда это у них бывает, неожиданно. Старпом поднял нас чуть свет, и вот мы уже летим на боте с волны на волну, и некуда спрятаться от ледяного дыхания севера. Голый пологий берег сливается вдалеке с морем, и с каждым падением в очередную воронку воображается, будто он и вовсе погружается в воду. Изредка мимо борта проскальзывают грязновато-белёсые льдины, неловко переворачиваясь, еле слышно охают, и от этого их стылого, равнодушного присутствия хочется плотнее запахнуться и съехать на дно бота, что я и делаю, прислоняясь спиной к холодному пластику. И в то же время ощущение напряжения, важности происходящего не даёт покоя, и ты представляешь себе этих великолепных животных, и неизвестно чему улыбаешься.

Бот постоянно меняет курс, обходя льдины, берега уже давно не видно, но глубины здесь, даже далеко от суши, уменьшаются порой внезапно, отчего можно наскочить на камни. И надо же – именно это и происходит! Мы - в отчаяние, времени до отхода судна остаётся совсем мало, а тут такое…

В боте начинается оживление, перекрикивая шум мотора, стармех с бригадиром зверобоев призывают всех подняться и, что было сил, раскачивать борта, разделившись поровну. Но ничего толкового из этого не получается, мотор сбавляет обороты, и все устало опускаются на дно бота. Сидят тихо, разочарованно оглядываясь и не зная – что делать. А ветер дико задувает над пустынным морем, не на чем задержаться глазу, и вся наша затея поохотиться на белуху представляется бессмысленной…

Капитан нервно кивнул стармеху, и тот в раздражении заглушил мотор. Нас тотчас замотало на месте, волны остервенело шлёпались в борта, и в тоже мгновение бессильно спадали. Я попросил у старпома бинокль, и стал выглядывать у линии горизонта присутствие каких-либо морских животных. По всему заливу были рассеяны маленькие льдины, так что поначалу я, было, принял их за белух. С океана, порывами, налетал безудержный стылый ветер.

И тут вдруг показалось, что кто-то призывно заревел в непроглядной морской дали, будто далеко в океане что-то случилось, но мы пока этого не видим. Всех внезапно охватила невнятная тревога: непонятное волнение передавалось от одного другому, оно неожиданно опять придало всем энергии, что позволило, наконец, сдвинуться с места, после чего стармех

сходу запустил двигатель, и бот, хлёстко разбивая носом ледяную волну, помчался мористее, всё дальше удаляясь от берега. По лицу деда было хорошо заметно, что он совершенно счастлив.

Старпом, криво улыбаясь, выхватил у меня из рук бинокль, и тоже принялся шарить им по раскинувшемуся перед нами водному пространству.

- А ведь не может такого быть, чтобы они не пришли! – не в силах сдержать волнение, обращается он к капитану. – Как думаешь, Иван Данилыч?

- А ну-ка, дай, Петрович, глянуть. Что это там такое? – забеспокоился капитан. – Навроде, как чтой-то белеет…

- Да, то ропаки – обломки прошлогоднего льда, - невозмутимо поясняет стармех.

- Нет, ты погляди! – не унимается капитан. – Какой год уже – и всё пусто. Ты чего молчишь, Макарыч?

Стармех на руле только посмеивается в усы.

- Раньше, конечно, веселее бывало…

- А я о чём?!

- Так ведь и промысел-то какой был, а?

- Это верно.

- Вот оттого труда теперича много, а добычи мало, - досадует стармех. – Только дураки, вроде нас, о ней и спорят.

- Эх, ловцы рыбные, люди гиблые! – подхватывает Петрович.

- Прав, Макарыч, - щурится капитан.- Только бы поглядеть на них сейчас одним глазком!

- А я видел в прошлом годе целую семейку, - еле слышно подсказывает бригадир зверобоев.

- Да когда такое было?! – недоумённо восклицает Петрович.

- Ей, богу… И до чего, всё-таки, славные животные!

- Вишь ты, какой ловкий! – не унимается старпом.

- У нашего бригадира всё ловко, - степенно примечает Макарыч. – С молоду, понятное дело, в охотку всё ладилось, и зверь не переводился, а под старость – будто в неволю попадаешь: то, что было – след простыл, а нонче – одна тоска смертная.

- Как не крути, - неизвестно чему радуется старпом, - а охота – природа человека!

- Охотка-то, когда есть – сладко съесть, - вздыхает Макарыч. – Да только уж мордочка коротка.

- Бог приведёт, ещё поохотимся, - будто успокаивает его бригадир.

В боте воцаряется тишина, и только слышно, как недовольно перекатываются, шипят под днищем волны, да ошалело взвизгивает прямо над нашими головами большая североморская чайка. Вокруг море, редкие льдины и белёсое солнце, что, кажется, изнемогает от невозможности обогреть эту суровую северную землю.

Напряжение как-то сразу спало, все расселись вдоль бортов и на дне бота, уютнее завернувшись в меховые куртки, но каждый будто замер в предвкушении чего-то необычного. По всему было видно, что присутствующие не теряли надежды хотя бы увидеть редких морских животных, и ждали появления белух. Ах, эти удивительные белухи, звери, неисповедимым божьим промыслом появившиеся миллионы лет назад, что до сих пор радуют наши взоры!

И вдруг – белухи! Не иначе, как именно для нас! И такое возбуждение внезапно охватило всех, что мы похватались за борт, скучились с одной стороны, и смотрим напряжённо, как из светло-зелёной, густой воды возникают и тотчас скрываются в ней белые гладкие туши…

Белухи держались небольшой сплочённой группой, почти беззвучно вспенивая сияющие на солнце бирюзовые волны. Шли они дружно, чуть ли не касаясь друг друга, так что невозможно было сразу разглядеть – сколько их в стаде. Мне хотелось более тщательно рассмотреть хотя бы одну из них, но только я выхватывал взглядом какую-нибудь белуху, как она тотчас, коротко взбулькнув точёным хвостом, скрывалась под водой, стараясь, наверное, быстрее скрыться от нашего преследования. Впрочем, движения животных были так величавы, что на ум приходило только одно: белухи совсем никого не боятся, а просто следуют своей неведомой морской дорогой, не обращая на нас никакого внимания.

Красота их сразу показалась какой-то необычной. Во-первых, ослепительная белизна, что представлялась уже более яркой, чем окружающие их льдины. Затем – неожиданно крутолобая голова, какой не обладал ни один из китов или дельфинов, и, глядя на неё, мысли действительно уносились в первобытные времена, в какой-нибудь триас или миоцен, когда на земле ещё и человека не было, а белухи были.

С тех пор они, должно быть, никак не изменились: по-прежнему – недоступные и прекрасные, без каких-либо усилий устремляющиеся в морские дали. Великолепные существа с блестящей атласной кожей, ведущие в холодных северных морях свою непостижимую для человека жизнь. Наверняка, они очень умные и смелые, и, конечно, с великодушным доверчивым сердцем, после чего в который раз подумалось: как же их можно убивать?

Старпом, раскорячившись у борта с биноклем, заполошно замахал руками и сдавленно заорал:

- Ну, ты видел, а? Гляди, как идут, не дрогнут… Нет, ты наблюдал когда такое? Каковы!

От возбуждения он чуть было не свалился за борт.

- Эх, ребята… Такие красавицы повинуются лишь божьей воле!

- У человека – воля, а у животного – побудка, но без Господа тут не обошлось, это верно, - соглашается Макарыч.

- Дай этим зверям волю – они и две возьмут! – радостно восклицает капитан.

- Воля для них – сам Бог! – будто пытаясь убедить всех в какой-то своей сокровенной правде, не унимается старпом.

- И как по ним палить изо всех пушек? – подстраиваясь под душевные стенания старпома, заключает стармех, обращаясь к бригадиру зверобоев.

Бригадир только криво улыбается.

И действительно, какими ничтожными кажутся все эти слова в сравнении с прекрасными животными, только что проследовавшими перед нами! Как говорится, дай человеку волю, тотчас заведёт его в неволю, которая ничему не учит…

- Вольному воля, а спасённому рай, - облегчённо вздыхает старпом после того, как белухи, развернувшись у горизонта, дружно устремились по проливу, на север. – Экое чудо! Сами не знают – как они хороши…

Только на короткий миг показываются они на поверхности, так что стараешься успеть выхватить какую-то важную подробность их тела, образа жизни, привычки, но происходит всё слишком быстро, и белухи с ласковым всплеском скрываются в глубине. Прекрасные неведомые существа, несущие в себе нечто невыразимо первобытное, чужое, и, тем не менее, доступные, отчего-то даже родные. И чудилось в них ещё что-то от тех земноводных, которые жили давным-давно, может быть, они выходили на берег… Или тогда земли и вовсе не было, и всё находилось под водой?!

Мы не могли налюбоваться на это восхитительное зрелище. Позабыли и про то, что сели на камни, и что белухи минуют невода, уходя значительно мористее, и что надо бы сообщить на другие боты – где сейчас следуют животные, и все лишь смотрели и радовались тому, как белухи прекрасны! Гладкая, как атлас, белая кожа переливается радужными отсветами, её непременно хотелось погладить, дотянуться рукой, хотя бы мысленно…

Все, открыв рты, замерли в самых неподходящих позах, не в силах постичь – что требуется от них в данной ситуации, а бригадир зверобоев неистово замахал руками людям на соседнем боте, подавая знаками – чего им следует предпринять. Но белухи, плавно шевеля идеальной формы хвостами, неспешно, но стремительно несли свои упругие тела в водной толще, постепенно скрываясь от наших взоров, подальше от загонов, что приготовили для них люди, и я молился за то, чтобы все они остались живы. Слава Богу, что мы не могли догнать прекрасных животных в их непостижимой и неподвластной для человека морской жизни…

Это удивительно, но белухи – единственные представители из мира морских животных, кто может выражать свои эмоции с помощью мимики. Увидеть доброжелательно улыбающуюся белуху довольно просто: достаточно приблизиться к ней, но только при условии, что вы точно так же, доброжелательно, будете настроены к ней. Белуха тогда непременно одарит вас своим чутким вниманием, только не обижайте, пожалуйста, белуху!

Как поднимутся над водой белые спины – вы лишь радуйтесь, наблюдая за ними, ничем не беспокойте. Помните, что у вас одно дело: у моря сидеть и на него глядеть, ничего не упуская. Это только на первый

взгляд, кажется, что в нём ничего не происходит: вода спокойна, солнце сияет, горизонт чуть вздрагивает… Но если сидеть неподвижно, даже – оцепенело, обязательно покажется на поверхности усатая нерпичья морда; красноносый топорок, откуда бы ему, казалось, взяться, вдруг вынырнет с зажатыми в клюве песчанками, и устремится к берегу, в свою норку, чтобы накормить беспомощных птенцов; из-за угрюмого мыса, как-то незаметно, появится рыбацкий катер, что непременно зарывается носом в волну, и будто остаётся на месте… Переведёшь взгляд на купающегося в вышине глупыша, отрешённо наблюдаешь, как он совершает свои отчаянные броски к самой поверхности воды, а когда опять взглянешь на катерок – его уж и след простыл: покачивается чёрной точкой у самого горизонта. И мысли твои опять возвращаются к белухам…

Когда-то, давным-давно, кто-то первым назвал это животное «белухой», и так с тех пор и пошло. Надо же – совсем белый зверь в синем море! Ладно бы он только во льдах одних держался, ничуть не отличаясь от них, а то ведь ещё и летом, и осенью, и весной бесстрашно обозначают своё восхитительное присутствие в морской синеве чудесные звери, хотя и в эту пору льды подолгу не покидают воды Охотского моря, и, тем более, Берингова пролива…

Белизна белух необыкновенно их оживляет. Наблюдать за ними – одно наслаждение. Жаль только, что это не может продолжаться вечно…

… А над морем вдруг выгнулась широкой лентой радуга, рванулась высоко в небо, будто гигантская чайка, и замерла там нежным отражением ненадолго показавшихся над водой белых чудесных тел, с шёлковым плеском разрезающих волны. Робкое солнце неожиданно показалось из-за облаков, и его слабые блики высветили далеко впереди белые, чуть ли не женственные бугорки над зелёной водой, которые всё удалялись, и вскоре совсем исчезли из виду, как будто их и не было. Белухи следовали своей необъяснимой дорогой, на север, к ещё более суровому Ледовитому океану…

«МАТУШКА-НЕРПА»

Ничто так не влияет на человека, как устремлённые на него глаза другого живого существа, не важно – человек это или животное, отчего в душе его сразу рождаются неясные чувства и думы. Человек вдруг вмиг понимает, что ему открывается какой-то иной мир, со своей красотой и тайной, на которую, как и на солнце, не всякий во все глаза взглянуть сможет, и оттого он их тотчас опускает, точно увидев в них неописуемую чистоту или глубину. А иной раз устремлённые на тебя глаза так очаруют, что ты не в силах отвести от них взгляд. Это и произошло у меня однажды с одной … нерпой.

Нерпа высунулась тогда из воды в двух метрах от меня, и приковала к себе своими огромными чёрными глазами. Открытость этого взгляда тотчас поразила, и мне вдруг показалось, будто нерпа никак не насытится им, заглядывая в самую душу. Ровно перебирает всего тебя по косточкам, от этого проникновенного взгляда не укрыться, но откровение это не утомляет, а наоборот – вынуждает и тебя самого распахнуть сердце. В глазах нерпы я увидел истекающее из её души спокойствие, чуточку настороженное внимание: что-то неизведанное, ранее оно ещё не встречалось, появилось в поле её зрения, и нужно убедиться, что оно не опасно.

Нерпа осторожно внимала увиденному, со своей стороны не желая доставлять беспокойства, и когда я встретился с ней взглядом, то сразу понял, что смотреть такому чуткому морскому зверю в глаза, значит, выражать своё повиновение: нерпа берёт тебя им за душу. В этом тёмном взгляде неслышно проплывали дикие морские звери, вскрикивали неведомые птицы, а морская тьма исподволь поднималась откуда-то из глубины, ненавязчиво всего тебя окутывая, даже – усыпляя… В больших чёрных глазах зверя стояла бездонная темнота, но прежде – свет, потом уж только неизведанная темень… Чернотой своего взора, нерпа, как ни странно, оживляла морскую глубину, полнила её для человека духом самых дерзновенных исследований и открытий.

Засмотришься на такие пытливые глаза зверя, с их неизведанной темнотой, а нерпа ими незаметно поведёт, ровно, как женщина, когда она мужчину завлекает, и тут же плюхнется перед тобой под воду. Что в этой темноте может ожидать человека – никто не знает, но мне почудился интерес, и даже – робкое умиление, с каким она со мной попрощалась. Так я подумал, нерпа же через несколько мгновений вынырнула вновь, мягко фыркнула в усы и удивлённо воззрилась на меня, будто увидев впервые… А я вдруг почувствовал, как темна, наверное, для неё самой её душа… Она манит через эти бездонные чёрные глаза, пьянит своей глубиной, и, кажется, влечёт тебя на дно глубокого колодца, имя ему – таинственное море…

Нежная темнота нерпичьих глаз туманит дух своей необъяснимостью: зачем морскому зверю в сумрачном подводном мире такой проникновенный, щемящий душу взгляд? Ты смотришься в эти глаза, в волнении пытаешься разглядеть в них пленительную неисчерпаемость, и всё-таки они остаются непостижимыми. Будто бы это и печаль необъятная, и милость, что не ведает счастья нахождения в этой морской купели, отчего и глаза нерпы захватывают своей бездонной чистотой, отражающейся в безбрежном чёрном цвете…

Но не всё то чернит, что чёрно. Чернота в природе, чаще всего, выражает тревогу ипечаль, нередко – погибель, а нерпичьи чёрные глаза, действительно, смотрят так, будто любую прихоть твою готовы исполнить. Сладостное забытье охватывает тебя, когда встают перед тобой из-под воды эти нежные глаза со своей всеохватной притягательной чернотой.

С чёрными глазами у женщины в народе почему-то больше связывали беду, нежели радость. «Чёрный глаз, карий глаз – минуй нас!» - часто можно было слышать среди людей. И если женщина выплакивала, то непременно чёрные очи.

Чёрные глаза слыли самыми таинственными и загадочными: в них пугала темнота, что была темнее ночи. Чёрным взглядом можно было укротить любую нечисть, и только им наводили на неугодных людей хворобу. В некоторых глазах чернота была сродни слепоте, потому что в них светилась чёрная зависть.

И правда, глубина чёрных глаз рождает в сердце неприкаянность, какую-то неизъяснимую тоску. Кажется, и обойтись без неё уже почти невыносимо, и убежать нет сил. Безотчётно летишь в чернь этой ямы, так глубоки чёрные глаза своими чарами: чернота женского взгляда сильна и необъятна.

Иногда эта чернота замирает в женской душе выпуклым лошадиным взглядом – вот-вот встрепенётся и понесёт. А то вдруг затуманится неутолимой томностью – вроде, обещает открыть свою самую сокровенную тайну, но не открывает. Не сучок, а пропасть видится в ней, и пока не окунёшься – не успокоишься. Конечно, с чистотой и прозрачностью женских глаз на ум, чаще всего, приходят цвета весёлые, радужные, но хороши по-своему и чёрные очи: в них таится своя красота.

Бывает, в темноте женских глаз чудится задор… И тотчас забываются опаска и увещевания знающей бабки, что черница счастья не принесёт. А ликующая смоль ещё более пьянит, всякая болезнь спадает с души, и даже забываешь синий с голубым цвета.

Перед собой видишь только сладкий чернослив… Со свеже-матовой, упругой кожицей и дивной мякотью плода. Это – фруктовый взвар долгожданной близости с женщиной, в которую влюблён мужчина.

А как же воспринять черноту нерпичьих глаз? Такую трогательную необъятность чего-то не востребованного никем, что и сама нерпа не знает: во имя чего она такой создана? Это не глубокий взгляд женщины,

вразумляющий трепетно отнестись к её глубинной тайне, а нечто иное, совершенно необъяснимое, но именно поэтому, должно быть, не можешь наглядеться на нерпичьи глаза.

Одни нежные чувства вызывает этот морской зверь, что и зверем-то назвать язык не поворачивается: трогательное дитё моря, нежная матушка-нерпа… С таким существом и обращаться пристало только с нежностью, уж никак не расправляясь с ним из-за нежного шелковистого меха, что лишь слабое отражение милого существа. Весь вид нерпы понуждает её любить, быть обходительным в обращении с ней, как и она обходительна в отношении окружающего её морского пространства. Много в море хороших зверей живёт, а такого милого, как нерпа, нет.

Вот и смотрит нерпа, будто глазами ласкает. Не глаза, а глазища! Глаза у нерпы и говорят, и слушают, и чувствуют, они дороже её бесценной шкурки, и несут в себе невиданную нежность: где мило – тут и трогательные нерпичьи глаза.

Но не глаза у нерпы видят, а душа, они лишь её отражение. И до чего же эти глаза чуткие и трогательные, что в мгновение задевают за живое! Они, конечно, устроены такими для того, чтобы нерпа могла свободно ориентироваться под водой, она проводит в ней большую часть своей жизни, как и каланы, и котики, и сивучи… Но ни у кого из них нет в глазах такой трепетной открытости, нежности и глубины, как у нерпы.

В выражении всяких и всем известных чувств – нежность самое сердечное, и оно в полной мере может быть свойственно такому чудесному зверю, как нерпа. Вернее даже, детёнышу нерпы – бельку, что представляет собой совершенно очаровательное создание, и вводит в неописуемое умиление. Только однажды взглянув на белька, его тотчас хочется окружить заботою и лелеять. Глаза белька, кажется, огромнее его самого, и так обезоруживающе трогательно, с самого рождения, внимают к миру, что невозможно не проявить к нему душевную чуткость.

Самые нежные чувства вспыхивают в душе, когда вглядываешься в эту девственную чистоту милого зверька, уже с самого рождения содержащую в себе глубинную тайну и моря, и всей Вселенной. Белёк, только появившись на свет, кажется, знает об этом мире всё, и несёт в него только ласковое и доброе. Тельце беленькое, а глаза, хоть и чёрные, но безумно чистые и огромные, как этот прекрасный мир. Нет в них ничего худого, и белёк народился только для того, чтобы радоваться жизни в согласии с другими существами, в том числе – и с человеком.

И у мамы, и у детёныша глаза, действительно, такие выразительные, что, кажется, не только открыто взирают на тебя, а просто кричат! Как будто эти существа пришли из другого, более гармоничного мира, с удивлением, порой – даже с ужасом взирая на этот, очень жестокий… Отчего он такой? – трогательно недоумевают чудесные нерпы…

Неслучайно детёныша нерпы отличает именно беленький цвет, ничем не запятнанный и первозданный, он ровно первый снег. Цвет, выражающий

девственную непорочность, олицетворяющую собой исконную чистоту Существования, из которого родилось всё. Белёк даже белее и снега, и льда, на котором появляется в марте, он безупречен в отображении того, каким должен быть радостный для всех мир.

Именно в начале весны взрослые самки устраивают тесные залёжки на ледяных полях, неподалёку от берега. В случае, если во льду отсутствуют естественные разводья, нерпы проделывают в нём лунки, и через них выходят наверх. Лунки имеют округлую форму, в точности повторяя форму тела тюленя, и, оказавшись на льду, самки родят детёнышей.

В течение двух-трёх недель они вскармливают их жирным молоком, отчего малыши растут необычайно быстро, поправляясь, каждый день, на 2-3 кг. Где вкусное мамино молочко – тут тебе и любовь. Всё у белка есть для того, чтобы становиться красивым морским зверем, оправдывая тем сердечную привязанность к нему матушки-нерпы…

Правда, шкурка новорождённого белька не белая, и в первые дни имеет желтовато-зелёный оттенок. Причина тому – долгое воздействие околоплодной жидкости в материнской утробе. Поэтому только что появившегося на свет детёныша называют «зеленцом».

Лишь через несколько дней его мех приобретает белый окрас, и маленький тюлень становится бельком. Пушистым и белым он остаётся несколько недель, пока питается молоком матери. Потом мама оставляет детёныша, после чего мех его начинает линять, и вскоре становится гладким и серым.

Белёк – благодать Божья, подарок Господа и напоминание о том, как трогательна и прекрасна созданная Им природа, и как мы должны ценить дарованную нам возможность радоваться, любить и созидать. Так зачем же мы этих чудесных, похожих на нас животных преследуем и убиваем?!

Кстати, одна из самых неожиданных особенностей нерпы заключена в том, что она может приостанавливать беременность, когда обстановка для неё неблагоприятна. Эмбрион прекращает развиваться, но не погибает и не разрушается, а просто впадает в анабиоз, который длится до следующего брачного периода. И тогда нерпа рождает сразу двух детёнышей.

Происходит это в жизни нерпы именно по необходимости, а вернее – по её удивительной чуткости, когда нерпу что-то сильно тревожит, и она не в силах позволить себе произвести на свет малыша, уже заранее заботясь о его благополучии. Мало того – беременность нерпы длится 11 месяцев, удивительное событие в существовании животного мира, и это не может не отразиться на таком радушном отношении к своему последышу, когда усердные хлопоты по его появлению на свет становятся ещё более беспокойными. Забота в сердце матушки-нерпы никогда не прекращается, и она его не сушит.

Если вдуматься, то у всякого зверя можно углядеть много необычных черт, присущих именно человеку, и, наверное, только поэтому он эти черты с удивлением для себя отмечает у животных, принимая их проявление, как

нечто необыкновенное. Но так ли это? То есть, почему бы какие-то особенности, всегда отличающие и человека, не могут принадлежать и зверям? И когда это осознаёшь, то до тебя тотчас доходит: мы все очень похожи, и любое проявление знакомый нам черты в поведении зверя воспринимаем, порой, чуть ли не с радостью.

Взять, хотя бы, как нерпы передвигаются… На первый взгляд несколько неуверенно выбравшись на лёд, нерпа поначалу озирается, подслеповато оглядев окружающее пространство, и в удовлетворении всхрапывает, мотнув блестящей головкой. Кажется, она не знает, что ей предпринять, и, уцепившись острыми коготками за лёд, пытается бросить гибкое тело то в одну, то в другую сторону… Двигается она по льду, опять же, как-то неловко, кажется, ей с трудом даются передвижения, ровно это не выспавшийся человек, что не ведает – какие действия ему необходимо предпринять после неожиданного пробуждения…

Осуществляя передними ластами, одновременно, короткие толчки, нерпа изгибает тело то вправо, то влево, набирая, таким образом, более быстрый темп. И вот, как-то вся преобразившись, скользит уже по прямой, продолжая попеременно отталкиваться передними ластами, причём, задние конечности при этом никак в движении не участвуют, просто волочась по льду, но на них не обращаешь внимания. Смотришь только на то, как нерпа скользит, словно на саночках, по блестящей ледовой поверхности, разгоняясь всё быстрее и быстрее…

Порой нерпа так разгонится, что уже не остановиться: вертится на брюхе вокруг себя, колесом… Если увидишь такую картину, когда и небо синее, и мартовское солнце светит во все лопатки, и лёд белоснежный, а нерпы – серо-коричневые, то обо всех своих горестях позабудешь. Глядишь, не отрываясь, как, замерев в вынужденных неповоротливых позах, плывут по белому полю довольные нерпы, а про себя подумаешь: вот бы и мне катнуть так, только ещё пошибче, во весь дух!

Каковы нерпы сами, таковы у них и сани. Закрывают глазки и катятся, как на салазках… Чудесные северные игры – нерпичье катище на саночках! Раз0ве мы и звери во всех этих устремлениях не похожи?!

Имея такой гладкий мех и плотное тельце, нерпам одно удовольствие скользить по ледяному полю, что кажется бесконечным. Издали представляется, будто это детки выбрались на лёд, чтобы устроить весёлую забаву. А когда затихнут – укладываются под солнышком на бок, задрав хвосты, и щурятся от удовольствия в усы. Мордочки их выражают полное довольство!

Но что же наш нерпёнок? Случается, что он, по какой-либо причине, отбивается от матери, и если мама-нерпа начинает его разыскивать, то двигается по его следу, время от времени издавая переливчатый, подрагивающий звук, напоминающий слияние двух одинаковых тонов, вернее сказать, трель… Какую-то неописуемо приятную, не слышанную ранее тонкую музыкальную дрожь, укромно повисающую в морозной

чистоте пронизанного запахом моря воздуха. Всё равно, как засвистел неизвестно откуда взявшийся северный соловей, а нерпа услышала неведомую ей мелодию, она ей понравилась, и попыталась повторить её. При этом нерпа озабоченно скребёт когтями снег, и всё тягуче посвистывает, зовёт малыша, заводит свою ненадоедливую томительную мелодию. А детёныш, заслышав мать, испускает протяжное и жалобное – «ма-а-а, ма-а-а, ма-а-ма…»

Трогательная песенка малыша, призывающего маму, одна из пленительных черт, присущих этим милым существам, будто пришедшим к нам из иного мира. Она не похожа ни на блеяние ягнёнка, ни на требовательное попискивание оленёнка, а скорее – на умоляющую просьбу человеческого дитя оказать ему, наконец, недостающую помощь. Но это не плачь, а трепетный зов, по существу своему такой искренний, чистый, что увидев ещё и беленькую шелковистую шубку, и огромные чёрные глаза, всё в тебе встрепенётся от нежности, и вынудит прослезиться от неё. Белёк, конечно, умоляет маму поскорее отыскать его и покормить вкусным молочком, но не жалуется при этом, и уж, тем более, не винит никого в своём маленьком горе, вот что удивительно, а делает это как твой ребёнок, чем вызывает искреннее изумление.

Звуки в мире природы отображают её первозданную божественную чистоту, и та нежность, с какой только что родившийся нерпёнок взывает к маме, есть вся суть отношения к этому чудесному жизненному пространству, где все мы – едины. Звуки природы как будто взывают именно к человеку быть заботливым и чутким ко всему, что его окружает, не обходя вниманием ни единую живую былинку, ибо кто малого не ценит, того и Бог не бережёт. Хочется слышать эти звуки, не прерываясь, не забывая повторять: позвучали бы они ещё!

Когда у нерп начинается сезон размножения, как уже говорилось, происходит это в конце февраля – начале марта, взрослые самки образуют большие залёжки на ледяных полях. Но если естественные полыньи отсутствуют, нерпы умеют проделывать продухи – отверстия во льду, и через них, скребя когтями передних конечностей, выходят на лёд. Сверху – шапка из снега, а под ней – продух.

Обитая в холодных морях и охотясь за рыбой, нерпа часто выбирается на льдины, чтобы отдохнуть. Толстый слой жира, конечно, надёжно предохраняет тело морского зверя от потери тепла, но нерпе необходим воздух, и она вынуждена иногда оставлять воду.

Совместно несколько нерп способны именно «продышать» лунку… Работая как-то у берегов Симушира, местные рыбаки рассказали нам, как нерпы это проделывают. Животные собираются вместе, порой – до 6-8 особей, и, уткнувшись мордами в лёд, обычно они выбирают для этого какую-нибудь трещину, дружно втягивают и выдыхают воздух.

Своим дыханием, от которого подо льдом образуются пузыри, нерпы протаивают лёд со стороны воды. Через несколько часов в этом месте

образуется лунка, а уже затем животные, с помощью когтей, доводят её до более свободной полыньи. Такое открытое во льду пространство для нерпы – растворённое в мир окно, без которого это морское животное не может обойтись.

Вот и получается, что дыхание и лёд, казалось бы, совершенно не подходящие друг другу понятия, но они, между тем, совмещаются в жизни нерпы, и, мало того, составляют чуть ли не всю её суть. Вода с ледком для нерпы в зиму не в диво: где одна вода лёд положит, там другая вода и дыхание нерпы его снесёт. На том и стоит обходительная с любой бедой матушка-нерпа!

Море дышит, нерпа дышит, вздымается и падает невидимая грудь Вселенной, и всякое дыхание хвалит Бога, а мы, люди, должны быть счастливы от всего, что происходит вокруг. Каждому из нас необходимо задуматься – каково ему самому дышится: легко ли, а может – с одышкою? Не сразу научишься вдыхать божественную энергию вкрадчиво, с мудрою расстановкой, потому как поначалу очень просто задохнуться от отсутствия знаний, но нужно обдышаться, как это делает нерпа, когда пробивает себе во льду «продух», и уж потом вдохнуть с радостью полной грудью. Именно этого ждёт от нас чудесная Вселенная!

Было бы непозволительно не упомянуть о нерпах, как о великолепных пловцах… Плавать, резвиться в прибрежной полосе диких дальневосточных островов для нерпы одно наслаждение. Это видно невооружённым глазом, если вы оказались в тех местах, где обычно обитает нерпа. Животное именно радуется своему пребыванию в вольготной морской среде. Нерпа – непревзойдённо быстрый и ловкий пловец, что ныряет на глубину до 200 метров, и находится под водой до получаса. Море для нерпы – её родимый дом.

Всего в море в достатке, и что по нему и в его глубине плывёт, то Бог даёт. А нерпы в нём – непревзойдённые пловцы, родившиеся только для того, чтобы парить в его синеве неустанно. Играют в воде, плещутся, то и дело всплывая и на мгновение выпячивая толстенькую спину колесом, и опять скрываются в глубине. Всё время думаешь, что это одна нерпа, а их, оказывается, несколько, и все похожи, как две капли морской первозданной воды. Вода – всему господин, тем более – морская, её и огонь боится, а нерпу в её чудесной купели никому не унять, она – дитя моря, и море для неё – единственная и любимая отрада.

Часто можно увидеть, как нерпы лежат и на берегу, изогнувшись, как лодочки, именно по этой позе их можно отличить от других ластоногих. Ещё они очень любопытны, и всегда реагируют, когда рядом с ними что-то происходит. Двигаетесь вы на боте вдоль береговой полосы, и тотчас покажутся из-под воды усатые морды, с интересом разглядывающие ваше судно. Первое впечатление, что это легководолаз в обтекаемом шлеме вынырнул и смотрит на вас с недоумением: кто это потревожил его за ответственной работой? Поначалу воспримешь нерпу именно за человека,

непонятно по какой причине оказавшегося здесь, где, конечно, сейчас никого из людей быт не должно… И лишь по усатой морде определишь: это – нерпы.

Бывает, нерпы высовывают головы прямо под бортом, и при этом нисколько не боятся, а больше выражают удивление, забавно топорща усы. Но, не приметив ничего, что может действительно их заинтересовать, исчезают под воду, возвращаясь к своим делам. Их тотчас сменяют другие животные, и так продолжается до тех пор, пока мы не высаживаемся в какой-нибудь из бухт. Правда, нерпы не упускают нас из виду и тогда, подплывая порой почти к самому урезу воды, и как поплавки показываются то в одном, то в другом месте, явно, не до конца удостоверившись в нашей безопасности.

Невозможно представить ни один из островов северо-западной части Тихого океана без этих славных животных. Встречаются они и у мыса Крильон, где я и познакомился однажды со своей нерпой. Мы тогда проделывали привычную для нас работу по замене подводной части мареографа… Но всё по порядку.

До того, как вся эта история с нерпой произошла на Крильоне, я встречался с нерпами неоднократно, ибо работа наша была связана с морем, и животные попадались нам постоянно. Они то и дело посещали остров Тюлений, когда мы производили на нём забой котиков; ранней весной, с зоологами, нам привелось проводить учёт нерп на острове Онекотан, где располагалось их лежбище; да и в экспедициях от ТИНРО по Татарскому проливу, когда приходилось производить съёмку нерестилищ сахалино-хоккайдской сельди, животные не оставляли нас без внимания… И вот, мы оказались у южного мыса острова Сахалин – Крильон, вернее, на нём, чтобы осуществить починку подводной части мареографа, самописца уровня моря.

О мареографе в этой книге написано уже достаточно, и я остановлюсь на главном. Сама по себе работа по профилактическому осмотру и ремонту трубы с оголовком не представляет ничего сложного, если исключить, что для начала необходимо разобрать валуны, которыми труба завалена под водой. Шторма безжалостны ко всему, что находится неподалёку от берега, хотя и на глубине.

Тоже самое можно сказать и об оголовке – металлической клетке, два на два метра, фиксирующей оконечность трубы. Для остойчивости оголовка, опять же, чтобы уберечь его от волнения на море, клеть заполняется мешками с цементом. К этому не мешает добавить разбор трубы на части, когда она будет освобождена от внушительных валунов, транспортировка её на берег, и замена на новую, которую нужно собрать, завалить этими же камнями, в точности повторив операцию и с оголовком. Учитывая неблагоприятные погодные условия, свойственные этим местам, мы рассчитывали провести на мысу почти всё лето.

День, помнится, выдался ясный, солнечный. Под водой, на песчаном дне, красовались ярко-синие патирии, сиреневые амурские звёзды и бордовые эвастерии. На фоне островков из изумрудного филаспадикса с

зостерой они выглядели яркими причудливыми цветами. Казалось, протяни руку – и звезда твоя.

К слову заметить, особенности мыса Крильон таковы, что на расстоянии 3 кбт мыс окаймлён частично обсыхающими рифами. При волнении над рифами образуются буруны, а при спокойном состоянии моря над ними заметны сулои, иногда они распространяются на 2 мили от мыса. Глубины неподалёку от мыса не превышают 5-7 метров, но дальше – резко обрываются до нескольких десятков метров.

Часто играющие нерпы, и даже дельфины, заходили в эти рифы в полную воду, и будто наблюдали за нашей работой, проявляя явное любопытство. Правда, только под водой, кружась неподалёку, но на поверхности приближаться опасались, высовывали свои усатые морды и пристально разглядывали нас своими огромными чёрными глазами. Всё время казалось, будто им не терпится о чём-то расспросить нас, а может быть нерпам просто хотелось пообщаться, и они, таким образом, выказывали свою доброжелательность. То, что нерпы очень милые, против своей воли, одним своим видом вынуждающие относиться к ним с большой симпатией, ни у кого из нас не вызывало сомнений.

Морда нерпы, действительно, выражает только кротость и доброжелательность, еле сдерживаемое желание пригласить тебя поиграть с ней, хотя бы немножко, после чего складывается впечатление, что ей сейчас отчего-то одиноко. Она пристально смотрит на тебя, будто призывая всё бросить и пуститься с ней в подводный пляс. Нерпе, видимо, некуда девать накопленную в себе энергию, и ей очень хочется этой энергией с кем-нибудь поделиться.

Подобное поведение, конечно, присуще только милому и доброжелательному существу, никому не приносящему каких-либо переживаний. Милость – свойство доброго существа, наделённого природой к радушному расположению духа, склонному к благому существованию на благо себя и окружающих, и милость нерпы – поражает. А более всего то, как богат Бог милостью, адресованной всем живущим на свете созданиям. Ведь если одному милость, то всем обида, а Господь ею всех оделил.

Вот и моя нерпа, о ней я уже упоминал в начале этого рассказа, вдруг совсем рядом показалась из воды, и, замерев, сосредоточенно воззрилась на меня. Она даже не пыталась исчезнуть: что-то удерживало её от того, чтобы сразу испугаться человека. Нерпа, видимо, не решалась на это, и, вроде как, чего-то ждала. Я не сразу это понял, и, очарованный глазами зверя, тоже не в силах был отвести свой взгляд.

Нерпа с большим интересом продолжала рассматривать меня. Вернее, я это уже позже понял, самым пристальным образом вглядывалась в мои глаза, но ненавязчиво, и не из простого любопытства, а ровно желая удостовериться в чём-то важном для себя, и заключалось оно именно в моей персоне… Так мне почудилось, и от подобного внимания со стороны дикого

морского зверя, душа словно встала на своё место, я бы даже сказал – очистилась.

К тому же, был я в лёгководолазном костюме «Садко», имеющего жёлто-чёрный контрастный цвет, руки – в неопреновых перчатках, на голове – маска, и я тоже замер, с интересом разглядывая свою неожиданную соседку. Умилительная то была, наверное, картина: подводный пловец, только поднявшийся из-под воды, а в трёх метрах, напротив, недоумённая нерпа… Молча взирают друг на друга, поверхность воды не колыхнётся, на море – полный штиль, и солнце светит так радостно и ярко, что от всего происходящего в душе тоже только радость и переживание счастья, что ты – молод, находишься там, где и должен находиться, а компанию тебе в твоём нелёгком, но приятном труде составляет замечательный морской зверь – нерпа.

Я давно заметил, что у всех морских зверей – котиков, каланов, белух и даже – у могучих сивучей во всём облике, а точнее – в выражении их морды, присутствует некая доброжелательная расположенность ко всему, что их окружает, какое-то покойное радушие, да и на что этим морским существам сердиться? Само море, наверное, настраивает своих обитателей на доброжелательство к собственной, хоть и не всегда простой, жизни, оно вдыхает в них покой и уверенность, что помимо приносимых им бед и хлопот, дарует и заботу. Море наделило и каланов, и котиков, и нерпу стойкости, способности противостоять любым вызовам природы, а если ты обрёл в себе твёрдый, не уступающий опасностям нрав, то честь тебе и хвала в твоём радостном восприятии жизни.

Не помню – сколько времени мы смотрели друг на друга… Время, кажется, остановилось, и был только этот морской мир, я и нерпа, обрывистые берега, узкая полоска песка у самого уреза воды, и огромное небо, перетекающее в море, а море – в его необъятную голубизну… При виде рядом чудесного морского зверя, относящегося к тебе с интересом, время вовсе перестало существовать, всё происходящее составляло простую суть жизни у моря, когда ничего никуда не уходит, а остаётся с тобой. Ты пребываешь в радостном переживании настоящего момента, и даже не помышляешь о том, чтобы оно не прекращалось. Время живёт своей, неведомой жизнью, ты его не замечаешь, потому как счастлив.

Счастлива, вроде бы, и нерпа, что беспрестанно ныряет, плещется возле меня, и наблюдая за ней, я и сам начинаю казаться себя таким же вольным морским зверем, совершенно забывая, что ты – человек. Жаль, что я не нерпа, думается мне, а то бы поплыл за ней, чтобы узнать – о чём мне нерпа хотела сказать, но не сказала. Даже просто играть с ней, кружиться в зеленовато-прозрачной тишине и переживать вместе с морским зверем эту удивительную свободу слияния с морем – великое наслаждение, неподдающееся описанию.

А вскоре мне привелось быть спасённым нерпой, вернее – её жиром, более живительного средства от порезов и ожогов на Дальнем Востоке не

сыскать. Обслуживая подводную часть мареографа, мы жили в маленьком домике метеостанции, прямо на берегу залива Анива. Пищу готовили себе сами, в основном – из морепродуктов: морской капусты, крабов, осьминогов, брюхоногих моллюсков и рыбы. Всегда кто-нибудь из нас оставался дежурным по кухне, он и занимался сбором даров моря и рыбалкой, работающим же под водой каждый день попадалось что-нибудь съестное – маленькие осьминожки, скопления ежей или мидии, целыми друзами прицепляющиеся к камням.

В проливе Лаперуза, омывающего мыс Крильон, действуют сильные суммарные течения, особенно интенсивные при больших склонениях Луны. Скорость суммарного течения у мыса Крильон достигает 8 узлов. Такое течение, в особенности – при наличии ветра, способно снести судно с курса в любую сторону на значительные расстояния, а уж загнанную касатками нерпу или даже дельфина тем более. Как-то, в прилив, на отмель выбросило подраненную ларгу, и пока мы до неё добрались – она погибла, после чего нам ничего не оставалось, как засолить её мясо в бочке, а сало перетопить на жир…

В тот день я как раз остался дневалить по кухне, высушенный до состояния кости плавник разгорался в печке плохо, и я решил поддать жару, замахнув в огонь плошку бензина. Но консервная банка с горючкой при этом выскользнула у меня из рук, ударившись о дверцу печки, и пока я её подхватывал – пламя через расплёсканное топливо переметнулось на рукава моей рубашки, вмиг охватив живот, грудь и плечи, а затем – и колени. Рядом стояло ведро с водой, но окатив себя ей, пламя удалось сбить лишь со штанов, и я выскочил из дома, что было сил, рванувшись к морю…

Рубашку, застёгнутую на все пуговицы, расстегнуть не представлялось возможным, я бежал, как очумелый, а пламя на мне только ещё более разгоралось под встречным потоком воздуха. Со стороны всё происходящее выглядело, наверное, очень забавно, скорее даже – странно, но остановиться было никак нельзя, и пока я преодолевал сотню метров до прибойной полосы – обгорел весь с головы до ног. Бухнувшись в солёную воду, сначала ощутил облегчение, но затем тело будто опять обожгло огнём, захотелось всё сорвать с себя, и когда мне это удалось сделать, обнаружилось, что кожа вздулась пузырями, местами – висела лохмотьями, из тела же сочилась слизистая сукровица… Особенно пострадал живот, грудь и ноги выше колен, я стоял в растерянности, не зная – что предпринять, а обед так и не был приготовлен.

Вскоре вернулись с работы ребята, кто-то вспомнил про котелок с нерпичьим жиром, вытопленным хозяйской рукой нашего плотника – Петра Ефимовича, и весь вечер я провёл за обработкой ран, наложив на них затем чистую марлевую повязку. Казалось, о подводной работе не могло быть никакой речи, во влажном климате сахалинского лета мечтать о скором выздоровлении не приходилось, и я стал уже подумывать о возможности возвращения в город, стараясь как можно быстрее попасть в больницу. Кто

бы мог тогда предположить, что через несколько дней я буду париться в бане!

В это трудно поверить, но после снятия повязок – кожа оказалась чистой, на ней не было заметно никаких рубцов, осталось лишь небольшое покраснение, а главное – ничего не болело и не жгло, как в первый день. Я ещё для верности смазывал какое-то время слегка воспалённые места, но вскоре прекратил за ненадобностью, и уже через неделю натягивал на голое тело неопреновый костюм, не испытывая какого-либо неудобства. Это было удивительно, и все воочию убедились в целительных свойствах нерпичьего жира, который мне, не иначе, даровал владыка морских глубин. Спасибо и матушке-нерпе, спасшую меня от страшных ожогов! Уезжая через год на материк, в отпуск, я прихватил с собой бутылочку чудесного дальневосточного снадобья, восторженно рассказывая о его силе всем своим близким и знакомым.

Незаметно лето подошло концу, мы выполнили свою работу, и стали собираться в обратный путь. Нерпа до самого конца, по-прежнему, приходила ко мне в гости, резвилась с другими нерпами рядом, иногда на какое-то время пропадала, но вскоре опять объявлялась, радуя своим присутствием. Жаль было расставаться с полюбившимся морским зверем, ведь общение с нерпой будило во мне нежность.

Было приятно сознавать, что дикий морской зверь, о существовании которого ты совсем недавно и не подозревал, вдруг заинтересовался твоей особой, каждый день подплывает к тебе, когда ты работаешь, и неотступно находится рядом. У меня почему-то не было сомнений, что это одна и та же нерпа, хотя все они между собой очень схожи.

Но нет, как только завижу вблизи нерпу, сразу безошибочно для себя отмечаю, что это именно та самая нерпа, моя, иначе просто и быть не может. Я даже отличие от других животных для себя в ней приметил: два чёрных пятнышка в обеих уголках рта… Когда нерпа подплывала чуть ли не вплотную – они создавали иллюзию улыбки, и я тоже ей улыбался. Хотелось думать, что нерпа угадывает её сквозь стекло маски, доверяя мне ещё больше.

Ничего не существовало для меня в такие моменты, и сердца касалась уверенность, что со мной уже происходило подобное когда-то, в своей далёкой жизни я был связан с морем, и оно так же, как и сейчас, укачивало меня своим вниманием. В нём было приятно просто быть, чувствуя его дыхание и скрытые мысли, но не тревожится по этому поводу, а переживать глубокое, покойное удовлетворение. Хорошо, если осознаёшь в себе такой опыт, и тогда окружающий мир начинает благоволить к тебе, и любые цели становятся достижимы. Ты – сам целен, как этот мир, и в тебе ещё более укрепляется вера в то, что ты всё делаешь правильно, а это море, нерпа и мыс

Крильон – твоя судьба. Лишь позже я понял, как важно в течение всей жизни, по крупицам, копить уверенность в себе.

И тут я вспомнил, как совсем недавно эта маленькая морская зверюга ухватила меня за ласту… В пылу работы я и не почувствовал это сразу, а когда ощутил, что меня что-то держит, подумал: неужели зацепился за оголовок? Но когда развернулся, то увидел нерпу, колесом крутанувшуюся вокруг моей ноги: она, конечно, со мной играла, и … улыбалась. Милое дитя природы, я совсем на неё не сердился, хотя она и прокусила мне ласту.

Потом я даже гордился этим, в разных экспедициях демонстрируя своим товарищам оставленную нерпой память – маленькую дырочку в основании ласты. Память относительно незабываемого прошлого, произошедшего со мной, что необыкновенно тронуло душу, и она стала ещё более возмужалой и внимательной. Ведь я тоже тогда, благодаря нерпе, на какое-то время почувствовал себя морским животным – свободным и единым с морской стихией, и это был неприхотливый дар нерпы человеку, благосклонное отношение ко мне самого моря, что, наверное, следило за нашей дружбой, и радовалось вместе с нами.

На прощание, помнится, я вышел на берег, присел на камень, и стал смотреть на море, в надежде увидеть свою нерпу. Море немножко волновалось, будто тоже предвкушая расставание, мерно накатывало на берег, ненавязчиво преподнося своё внимание, и я проникся его величавой ласковой мощью. Подойдя к самому урезу воды, присел на корточки и слегка коснулся ладонью набегающей волны, а она чуть вздрогнула и обрадовано заиграла, как нерпа, с шипением накатываясь на песчаный берег и тотчас убегая…

Не хотелось лишаться этой удивительной привязанности и к морю, и к чудесному морскому животному, и я взял с собой желтовато-пёстрый округлый окатыш, напоминающий по цвету мех нерпы, и горстку мутновато-кремовых агатов… Разлука, говорят, любви учит, и пусть эти чудесные камешки напоминают туманный мыс Крильон, нашу нелёгкую подводную работу и милую матушку-нерпу, что дарила мне всё лето сердечную радость и свою неуловимую «улыбку».

«СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

Мы возвращались с Северных Курил, после проведения профилактических работ по ремонту подводной части мареографа на острове Парамушир и Матуа, и в заливе Наталии, что располагается со стороны Охотского моря, на острове Уруп, намотали на винт обрывки рыбацких сетей. Берега в заливе Наталии окаймлены многочисленными скалами, рифами и банками, выступающими в море до 2 миль, а глубины при входе в залив – 500 метров, но ближе к берегу, они резко уменьшаются. У берегов разбросано много надводных и подводных камней, между которыми в обилии растут водоросли. Вдоль берегов залива полукругом высятся горы, и эти горы хорошо защищают залив от всех ветров, за исключением северо-западных. Наш «Анабар» бросил якорь в трёх милях от мыса Шаутен, являющегося входным мысом залива Наталии с юго-запада. Требовалось срочно оценить обстановку…

В случае, когда капитан или штурман не успевают во время распознать проблему и остановить вращение винта, то это может привести к тому, что плотность намотки становится всё больше, и бывают случаи, когда под воздействием этой силы смещается вал. Чем больше оборотов сделал винт, тем сложнее снять намотку. И тогда, либо нужно поднимать судно с помощью крана, в доке, что в нашем случае было не допустимо, либо устраняют намотку водолазы.

Решение проблемы с помощью водолазов, конечно, более дешёвый и доступный вариант, но очень трудоёмкий. Всё, ещё, зависит оттого – какой материал намотало на винт, и как сильно. Если это металлический трос, то, чаще всего, приходится прибегать к подводной резке.

После осмотра подводной части судна оказалось, что «Анабар», слава богу, намотал на винт старую рыбацкую сеть, но её пеньковые обрывки затесало на шейку винта до такой степени плотно, что он встал, причём, намертво, и судно, в итоге, полностью потеряло ход. Спасти ситуацию могли только молоток с зубилом, пилка по металлу и усилия водолаза. Нас на судне – трое, и мы решаем работать поочерёдно, пока винт не будет полностью очищен.

Всегда, когда я опускался под воду, это не вызывало во мне страха, только – небольшое волнение, как и полагается перед исполнением ответственного дела. Не на свой страх и риск потянуло меня однажды под воду, а по глубоко осознанному стремлению быть там, куда влекла меня моя природа, где было страшно интересно оказаться и всё самым тщательным образом рассмотреть и исследовать. Ни о каком страхе не могло быть и речи, хотя бы это было и море, работа под водой, и переполняло меня всегда только трепещущее в груди переживание радости.

Страшиться можно было лишь не исполненного тобой долга, и потому – знай, водолаз, одну совесть. Со всех подводных угроз, если они тебя не напугают, будет тебе великий рост, Бог милостив, ибо, где грозно, там и честно. Иного море не принимает: живёшь, бок о бок, с опасностью – уважай её.

Ну, и, конечно, в таком деле решимость должна присутствовать: что-то ведь тебя толкает на ответственный шаг? Послештормовая зыбь тогда, помнится, никак не желала уняться, немножко даже подташнивало, если быть честным, но на вопрос старпома: «Не жутковато ли мне?», я поспешил с улыбкой его заверить, что для беспокойства нет никаких оснований. Тщательно оправил манжеты на запястьях, одел облегчённые свинцовые калоши, и, накинув дыхательный аппарат, решительно шагнул к носовому трапу. Старпом с уважительным пониманием осклабился, и по-отечески хлопнул меня по плечу, что, разумеется, прибавило сил. И ещё, как это всегда случается перед самым погружением, в груди приятно захолодило от всего того, что должно последовать за ним, тело охватило пьянящее чувство соединения с родной стихией, и это тотчас вызвало бесшабашную удаль: морская вода забила ключом и в тебе!

Но работа, хоть и привычная, предстояла не простая… Никто из окружающих тебя сейчас людей не должен догадаться о том, что ты волнуешься, или не уверен в себе, потому как вся надежда у них на тебя. Если не освободить винт от намотанных на него обрывков сети, судно застрянет здесь неизвестно насколько, а это, по многим причинам, нам невозможно было себе позволить. Показать всему экипажу, что ты чувствуешь на самом деле, значит – подорвать и надежду на благополучное избавление от ненавистных пут, и уверенность в самом себе, от кого оно, собственно, и зависит.

В такой напряжённый момент не возбраняется и сыграть на публику, как будто тебе, действительно, всё нипочём, и ничего не стоит перерубить обыкновенным зубилом неподатливый трос, в несколько оборотов затиснутый вокруг вала гребного винта, соединяющего его с лопастями. Для человека, спускающегося под воду, для выполнения экстренной работы, всегда важно видеть и чувствовать вокруг себя людей, их настроение, и вести себя так, чтобы не вызывать у них никаких сомнений на свой счёт. Твой собственный настрой помогает успешному разрешению дела, и в мыслях ты не отделяешь себя от всего экипажа. Это придаёт уверенность и силы.

Ничего особенно трудного не было в том, чтобы опуститься по трапу под воду, примостившись прямо под лопастями винта. К одной руке, на запястье, прикреплена небольшая кувалда, с другой свисает зубило… Время – и за тобой, и перед тобой, а при тебе его, вроде как, и нет вовсе, поскольку, когда ты погружаешься в такой непростой труд – обо всём забываешь. Находиться постоянно на весу, когда при ударе кувалдой по зубилу тебе не на что опереться, очень утомительно, отчего плечи, спина и руки сразу затекают. Усталость начинает сказываться с первых минут работы, но

хорошо бы только она докучала при этом, главное затруднение испытываешь из-за недостатка воздуха, и его нужно беречь, тогда, как дыхание сбивается…

Придёт время, думаешь ты, будет и твой черёд, но пока оно не настало – остаётся одно терпение… Ты терпишь, дело терпит, а времени от этого не легче, ему бы всё бежать поскорее, когда тебе, как раз, нужна передышка. Спешить нечего, шепчешь ты ему, потерпи, да оно не слушает – бьёт неумолимо усталостью, сводит члены, запасы сжатого воздуха в баллонах немилосердно съедая… Но терпеть – не беда, было бы чего ждать: ведь терпя – и камень треснет!

Весь экипаж, с плохо скрываемым волнением, ждёт от тебя скорейшего освобождения из этого вынужденного оцепенения, и ты его не подведи, ибо, если пошёл на водолазную службу – терпи и нужду. И ты – терпишь, несмотря на затёкшие спину и руки, не дотерпеть никак нельзя, иначе – какой ты водолаз?! Не зря меж людей пословица ведётся: коли на этом свете не устанешь, так на том не отдохнёшь, а обтерпишься – и в аду ничего!

Работа под водой – сущая преисподняя, но если сумел справиться с усталостью, отсутствием вольного воздуха и собственной слабиной – честь тебе и хвала. Терпение исподволь всегда своё возьмёт, только с ним и обретёшь спасение и умение. И кому, как не водолазу это знать. А справился с собой – и люди будут тебе кланяться: делу, как говорится, аминь.

Получается, что никто не сможет тебе помочь, ты рассчитываешь только на свои силы, и если какая-то опасность и может исходить сейчас под водой, когда ты находишься рядом с судном, на пустяковой глубине в 3-5 метров, то она, в общем-то, сведена к нулю. Я размеренно ударяю по зубилу кувалдой, и в такт гулкому стуку, так же отрешённо, но неотступно копошатся в моём сознании ненавязчивые мысли о какой-либо возможной угрозе… Подо мной зияет бездна в несколько сот метров, её густо-зелёная темень безотчётно завораживает, как бы ты ни пытался гнать от себя её пронизывающий холод, исходящий из этой неведомой глубинны, и отвлекает только напряжение, что ты сейчас переживаешь. Что таится в этой неведомой тьме – невозможно было представить.

И тут во мне пробудилось какое-то неясное предчувствие, что-то изменилось в окружающем пространстве, я уловил это на уровне подсознания. И только я осознал происходящую вокруг себя перемену, как ощутил рядом чьё-то присутствие, а когда чуть повернул голову вправо, то увидел её: это была полярная акула, и признаться, я впервые увидел возле себя такую обворожительную хищницу, эту фиолетово-песчаную красавицу длиною в добрые полдюжины метров… До сих пор не могу забыть, как она бесшумно проследовала совсем рядом, холодно заглянув в меня, и всё внутри перевернулось, стало другим.

Сначала я подумал, что акула меня не заметила, проскользнув жуткой тенью в ледяной толще воды. Вероятно, её привлёк звук кувалды под водой, которой я пытался перебить пеньковый трос, намотавшийся на шейку винта. Но вскоре она вернулась, и прошла так близко, что я совершенно отчётливо

разглядел её застывший голубой глаз, шероховатую, будто утыканную острыми льдинками голову, и словно отлитый из стали серовато-кремовый плавник, проследовавший мимо с устрашающей неукоснительностью.

Взгляд акулы был холоден, однако в нём таилась умудрённая опытом прожитых лет величавая красота, ледяное приволье, но не безразличие. На этот раз акула, явно, обратила ко мне своё внимание, и оно тоже было царственным. Акула не взирала, а степенно изливала то, что знала только она, это было её, скрытое во льдах знание, что вынуждало по-иному отнестись к ледяным северным водам, где акуле так привольно, и всё доступно, а человеку, если он любознателен и смел, страшно интересно. Таково и восприятие акулой всей окружающей безмолвной обстановки, это – её бескрайний покойный дом, со своим ледяным, но не безжизненным огоньком…

Огонёк этот угадывался в пронизывающем с головы до ног акульем глазу, остановившемся на тебе: акула будто покойно изучала – кто ты, и зачем оказался здесь? Мало того – она вернулась, чтобы в чём-то удостовериться, а может быть – ничего не разобрала, и решила ещё раз взглянуть на то, чего никогда до этого, не видела…

Акула, обычно, глядит, как чувствует: холодно, спокойно, но не с безразличием… Недобрым её глаз не назовёшь, взор у неё полон жизни, хоть она и не бурлит в акуле, зато – прям. Это, видать, исходит от её холодного спокойствия: как взглянет, так и будет, но угрозы при этом в её глазах не чувствуешь. Глаза полярной акулы взирают с мудрою, величественной простотой, в ней – соразмерность переживаемого и того, чем она обладает. Этой акуле не с кем здесь тягаться… Ну, разве что касатки, которые, впрочем, не обращают на неё никакого внимания.

Научные опыты показали, что аппетит акул зависит от изменения температуры воды, а поскольку средняя температура воды Охотского и Берингова моря в ноябре месяце не превышает двух-трёх градусов выше нуля, то вероятность нападения с устрашающим видом маячившей рядом хищницы неизмеримо меньше, чем возможность удара молнией. К тому же, обитающие в северной части Тихого океана сельдевая, колючая и полярная акулы совершают свои завораживающие перемещения исключительно за стайными пелагическими рыбами – сельдью, скумбрией, треской и лососями, правда, изрядно досаждая рыбакам тем, что путают и разрывают их снасти. В отличие от полутораметровой колючей и двухметровой сельдевой, последний вид акулы – полярная, достигает в наших северных водах пяти, шести, и даже – восьми метров.

Преисполненная величия, полярная акула, в отличие от любой другой из всех известных акул, предпочитает холодные северные воды, будто желая уединиться. Поэтому она, наверное, холодна и безмятежна, покойно протекает её громадная жизнь длиною в сто лет, да ещё с такими значительными размерами. Всегда кажется, что из большого ничего не

выпадет, оттого оно и такое внушительное… Словом, много - хорошо, а больше – лучше того.

Но, тем не менее, величие этих размеров не потрясает, а успокаивает, настраивая восприятие на размеренный, неравнодушный лад. От её спокойствия, скорее, веет холодом, но при этом не отталкивает им, а притягивает. Хочется последовать за акулой, и разгадать её тайну, что заключена, скорее всего, в природе самого животного.

Странно было встретить эту акулу у охотоморского побережья Курил, поскольку она предпочитает ледяные воды Арктики: холод для полярной аулы – благодать. Удаётся ей это потому, что среди органов тела полярной акулы отсутствуют почки, а вывод мочевины происходит у хищницы через кожу, отчего мышечная ткань акулы содержит, так называемый, «природный антифриз» - триметиламин азота, вещество, не позволяющее ей замёрзнуть при отрицательных температурах. Именно поэтому у съевшего мясо полярной акулы начиналось онемение конечностей, подобное состоянию опьянения. Недаром у северных народностей такого «пьяного» человека называли «больным акулой».

Что касается триметиламина азота, то он имеет отвратный запах: это запах гнилой рыбы и смерти. Он – продукт разложения, но содержится в организме рыб и других представителей морской фауны для понижения температуры замерзания. Полярная акула, по причине своей необычной физиологии, просто переполнена этим смертоносным ароматом, даже не подозревая об этом.

Кстати, медлительность полярной акулы, вероятно, объясняется содержанием в её организме этого самого «природного антифриза». Полярную акулу, обитающую в Тихом океане, рыбаки прозвали спящей, или – сонной акулой. Когда же акула медленно проследовала мимо меня, в каких-нибудь трёх метрах, скосив свой большой голубой глаз, я поначалу окаменел от присутствия рядом с собой «спящей красавицы». Откуда мне было знать, что при своих великих размерах, эта ледяная акула имеет абсолютно такой же ледяной, можно даже сказать – безучастный ко всему происходящему рядом характер!

Полярная акула не только медлительна, она ещё и совершенно не агрессивна: стремительные атаки и броски ей противопоказаны, и, сохраняя полную невозмутимость, она сберегает, таким образом, свою драгоценную энергию. Если эта акула даже попадает в сеть, то и тогда ведёт себя очень спокойно, напоминая огромное бревно. Размер этой акулы, действительно, впечатляет, хотя внешне она не особо привлекательна: веретенообразное могучее тело имеет тёмно-коричневый или серый окрас с буровато-фиолетовыми пятнами. Увидишь её – и не сразу даже догадаешься, что это – акула, до того она кажется неподвижной, с виду – какой-то чудовищно несоразмерной, с большим вздутием посреди своего неловкого тулова, словно и на самом деле – затонувшее от накопленной в себе влаги и усталости дремучее бревно, отчего-то ещё не опустившееся на грунт…

Но как тогда она, при такой медлительности, питается? В этом ей помогает щёчный насос: акула засасывает оказавшуюся поблизости рыбу, моллюсков или даже водоросли, как это делают усатые киты. Но и зубы с клыками у этой акулы тоже имеются, правда, она ими редко пользуется, а когда, всё же, их применяет, то складирует запасы в своей большой печени…

Внушительных размеров печень помогает полярной акуле … парить в водной толще, она выполняет роль поплавка. Известно, что акулы, из-за отсутствия плавательного пузыря, вынуждены всю жизнь проводить в движении, чтобы не утонуть. А вот полярная акула, имея большую жирную печень, легко поддерживает своё массивное тело в состоянии плавучести, спешить ей некуда…

То, что полярную акулу называют «спящей», будто почивающей в прохладных североморских водах, понятно, она нетороплива благодаря своей физиологии. Глядя на эту акулу, создаётся впечатление, что она вот-вот заснёт: соня, говорят меж людей, походя спит. Движения её ленивы, акула, кажется, и не подразумевает вести активный образ жизни, и только ищет способа поскорее забыться. Но сколько не спать, а завтра – не миновать, и полярная акула вынуждена медленно нести своё огромное тело в морской тиши, навевая подобным поведением отрешённое успокоение: не спит, а чуть дремлет. Словом, хоть спала, хоть не спала, да такая за ней слава.

Но вот если кто-то спросит – почему полярная акула «красавица»?, то я отвечу: акула эта, на самом деле, красива. Правда, красота её – на особинку: она – величественна, и, кажется, непостижима для человека, постоянно находясь в недосягаемости его внимания… Акулу эту не встретишь в море так часто, как сельдевую или колючую. Да и человек, чаще всего, устремлён в своих мыслях к полёту и созиданию, нежели они подвержены желанию проникать в таинственную и мрачную глубину, проявляя себя злонамеренно, ничего не опасаясь, как это свойственно многим акулам.

Каждая акула, как вид, сама по себе всегда скрытна, она, как тень, неслышно пронизывает бескрайние пространства такого же величественного океана, не стремясь выставлять себя напоказ. Её красота непригожа, она спрессована в акульей хищности, таящейся в безукоризненно вылепленном природой теле, нацеленном на постоянное устремление вперёд, к неминуемой добыче, и в этой нацеленности на атаку – акула не превзойдённое украшение подводного царства. Она здесь – полноправная хозяйка, царица, что может позволить себе всё, что угодно, никого не остерегаясь, и наблюдать за еле уловимыми движениями её великолепного тела – околдовывающее таинство.

Тайна красоты акулы в том, что она ей не красуется, а живёт, стремительно и красиво убивая свою жертву. Одарённая непревзойдённой в океане дикой силой, акула так же необузданно красива, когда стремится настичь её и присвоить себе. Глядеть на эту красоту хорошо, да жить с ней нелегко: остаётся – принять, впрочем, не переставая восхищаться.

Но наша акула, несмотря на своё мощное тело, не несёт в себе нечто злонамеренное, безжалостное, она – не сравнимое ни с чем прекрасное умиротворение, растворённое в бескрайнем холоде охотоморских вод. Краса её не жестока, она обладает плавными, обтекаемыми линиями, и можно только поразиться, неожиданно заметив её в тёмно-зелёной толще северного моря, будто появившуюся ниоткуда, и так же неприметно исчезнувшую в ней… Полярная акула – сокрытое ото всех северное чудо, которое и разгадывать-то некому.

В океанских глубинах встречаются и более совершенные существа, чем наша полярная красавица… Словно подводные птицы парят в морском пространстве волшебные скаты, они совершенно завораживают своим покойным скольжением, и ты забываешь, что находишься под водой, воспринимая снизу поверхность моря, как небо… Или твой взор поразит идеально вылепленный морским божеством дельфин-белобочка, весь – устремлённая отрешённость и сила, неповторимая чуткость восприятия и пластика, будто танцовщица, изящно взлетая и кружа над волной…

А великолепная касатка? Уж кто, казалось бы, способен сравниться с ней в грации и мощи, с её обтекаемым, налитым энергией телом, способным прорезать толщу воды, как нож масло… А ещё быть непревзойдённым украшением моря, оставаясь неотразимой при всей своей нацеленности на гибельный бросок!

И всё же, полярная акула пленяет внимание человека, будто погружая его в сон. Сон не обременительный, а лёгкий и чуткий, позволяющий находиться в волшебной реальности… Мимо тебя проплывает огромное дивное существо, и ты безотчётно начинаешь видеть в его плавных, еле уловимых движениях глубоко затаенный, но простой и мудрый смысл существования нашей прекрасной Вселенной, что создана Высшим Разумом только для цветения и радостного проникновения в его чудесную суть. Когда счастье жизни видишь, смелее по ней идёшь.

Что ещё сказать про фиолетово-муаровую подводную красавицу, когда она, еле поводя хвостом, парит в морской тишине, как во сне, и ты и видишь её, и в тоже время не знаешь – правда ли это? Уж больно нереальным представляется её присутствие рядом с человеком, вернее – человека возле неё, и если подобное происходит, то это, несомненно, чудо.

А бывает, полярная акула одевает песчано-кремовый наряд, с каким-то вкусным молочным оттенком, если сквозь толщу воды проникают скупые лучи солнца, и акула преображается в них. Даже движения её становятся более живыми, будто акула радуется этому солнцу, редко проникающему в морские глубины, пытаясь продлить своё пребывание в нём, несмотря на то, что предпочитает холод. Полярная акула меняет своё цвет в зависимости от настроения окружающего её пространства, и тогда она становится ещё более загадочной.

Прикосновение к этой тайне – и удача, и несомненное счастье. Присутствие её ощущается даже на расстоянии. Вероятно, это происходит

оттого, что я думаю об акуле неотступно, и её существование внушает мне добрые мысли, и все они – о море.

Трудно представить себе северное море без полярной акулы, даже не допуская мысли, что она может, как корова Стеллера, когда-нибудь исчезнуть. Чтобы этого не случилось, человеку, наверное, требуется постоянно отрабатывать мудрое отношение к себе великой морской стихии. Ведь соприкосновение с ней – есть всегда возможность перехода к лучшей, более глубокой жизни. Тайна моря и всех его обитателей незаметно околдовывает нас, наделяя переживанием чего-то настоящего, и мы, очарованные ей, возвращаемся в свои города, наполненные светом её чудесной глубинной темноты, и из этой таинственной морской глубины в наших сердцах рождается трепетная забота и любовь к земле.

Не всякому повезёт встретить полярную акулу, в глубине океана, но если это произошло, ты почувствуешь, что открыл для себя нечто, ранее в твоей жизни не существовавшее. И тебе, конечно, захочется завоевать внимание акулы, чтобы проверить себя: способен ли ты выдержать её взгляд и принять? Ведь в такой подводной красавице заключена невероятная жизненная красота, спокойствие и сила, даже несмотря на то, что она всегда выглядит медлительной, чуть ли не спящей… Оставаться равнодушным к загадке полярной акулы было бы недопустимо, и Существование не зря подарило мне эту удивительную встречу. Я захвачен ей до сих пор, заимствую из неё жизненную энергию и тепло, и живу ими.

И ничего, если и тайна моря, и загадка полярной акулы останутся неразгаданными… Так же, как тайна самой жизни. Просто, мужчина не должен уклоняться от движения к ней, пренебрегая отпущенным ему временем. Достигать счастья в постижении и жизни, и своей судьбы – путь, достойный любого человека, и на нём для него не должно существовать никаких преград: его любовь к вдумчивому и кропотливому вглядыванию в Существование способна открывать любые запечатанные врата.

Грациозно парящая в глубине полярная акула – одна из чудесных тайн моря, но хорошо ли, если всякая тайна въяве будет? Всякая тайна тем и хороша, что очарованием крыта, и пусть так и будет, оставаясь на века в своей прелестной и неразрешимой загадочности…

Всю жизнь акула скрывает в себе ото всех свою акулью тайну, кажется порой, что и от себя самой, и в этом – вся её природная суть. А может быть, просто слепо подчиняясь воле великого морского божества, даже не представляя, как она красива. Тайна её, и скрытая от неё самой красота не докучает акуле, и та и другая – неосознанная акулья природа, что она давно в себе приняла, и живёт ей.

А я в эту её жизнь на миг окунулся, и отчего-то до сих пор в себе несу. Чудо полярной красавицы – в её неведомой красоте, которую мы не умеем объяснить по известным нам законам природы. И это, наверное, хорошо, ибо только Богу чудеса доступны, а нам интересно их разгадывать. Пусть

Господь всякими чудесами нас очаровывает, мы от этого ещё более радостными и сильными становимся!

С тех пор прошло много лет, но я всё не могу забыть свою «спящую красавицу», что живёт, как утверждают учёные, до ста лет, а то и больше. Может быть, она жива и сейчас, и когда я начинаю думать об этом, то представляю себе эту акулу.

Плывёт в толщине тихоокеанской темноты моя «спящая красавица» - полярная акула, и я радуюсь, что увидел её однажды, а она – меня. Как бесконечна эта океанская ширь и глубина, как вольно живётся в ней ледяной акуле… Но такая ли она ледяная по духу, хоть и предпочитает холодные северные воды?

Таится ли в её сердце лёд, что чувствует она, когда предаётся своему бесконечному путешествию по океанским водам, что переживает, когда всё её устраивает? Ведь у неё – идеально выточенное природой тело, внушительные размеры и безупречное чутьё… Она располагает всем, что может быть у такого совершенного существа, обитающего под водой… Не скучно ли ей?!

Тихо несёт полярную акулу солёная, как слёзы, тихоокеанская вода… Текут её неведомые подводные года, наверное, не замечаемые акулой. Она просто плывёт, не уставая, потому что движение – её жизнь. Скользит неслышной тенью в сумраке океанских глубин, всю жизнь – одна, и никто ей, наверное, не нужен.

Совсем рядом проследовала тогда акула, а показалось даже, будто – во мне… И главное, когда она уже растворилась в густой синеве, я почувствовал, что она осталась со мной: появившись в моей жизни, акула и не думала меня покидать. И это было удивительно…

Всё то время, что я возился с винтом, я ни на секунду не забывал про неё. Казалось, она и не уплывала, а стоит поблизости и наблюдает – что я делаю? При этих мыслях я улыбался, было приятно представлять всё это, между тем, как работа незаметно продвигалась. Акула помогала мне своим невидимым присутствием, и невозможно было передать красоту этой неописуемо чудесной связи…

Акула показалась мне на пару минут, а будто заполнила собой все эти дни и месяцы работы в море, и я был благодарен ей за это. И ещё подумалось: акула неслучайно появилась рядом со мной именно в этот день, именно в этих водах, омывающих загадочный остров Уруп, и я почувствовал себя счастливым. Какая радость, что есть на свете Тихий океан, касатки и дельфины, каланы с котиками, белуха и нерпа, и … таинственная полярная акула, моя «спящая красавица»…

Помнится, я тогда обернулся акуле вслед, и никого не обнаружил. Как будто акула мне привиделась. Но я ещё долго ощущал её присутствие, и то, как она на меня посмотрела.

Мне даже показалось, что сквозь излучаемое от неё ко всему безразличие – в акульем глазу всё-таки зажглась, на мгновение,

растерянность перед мощью Вселенной, когда мы встретились с ней взглядами. Она ведь лишь акула, подумал я, хотя и великолепная в своей неустрашимости и силе. И, наверное, мне бы захотелось побыть ей хотя бы один день, с холодным бесстрашием планируя в безбрежном океане воды.

Мне очень радостно сейчас сознавать, что я хотя бы однажды видел полярную акулу, тем более, что она проплыла со мною рядом. И я до сих пор вспоминаю суровое Охотское море, густые северные туманы, что, кажется, можно было резать ножом, бесшумно скользящую в зеленой воде коричнево-агатовую акулу, за какой-то миг ставшую для меня родной…

Теперь, по прошествии многих лет, для меня становится совершенно очевидным: не то, чтобы я всегда, особенно – в молодые годы, желал для себя чего-нибудь необычного, даже – опасного, а скорее – интересного, и если ты не равнодушен к жизни, то непременно в ней, рано или поздно, появится и то, и другое… И приходит оно всегда неожиданно, так что, поначалу, конечно, растеряешься перед возникшей правдой жизни оттого, что так внезапно открылась необходимость принять в ней непосредственное участие, и мало того – кроме тебя этого никто сделать не сможет. Так случилось, что именно от твоего умения, терпения и решительности зависит исполнение важного дела, отыграть ситуацию назад уже не получится, а на принятие единственно верного решения – минуты, если ни секунды… Вот он, твой миг радостного и мужественного созидания, не упусти его!

Те годы были для меня самыми любимыми… Я любил море, ожидание выхода в экспедицию, и тот момент, когда необходимо было спускаться под воду. А особенно – всё это будоражащее душу напряжение, когда задание уже известно, все ждут от тебя его благополучного завершения, и ты, преодолевая в себе это приятное возбуждение, решительно бухаешься за борт.

В такие моменты окружающие люди подчиняются любому твоему слову, желая угодить тому, кому скоро будет тяжелее во много раз, чем им, и они стараются предугадать малейший твой жест, что-то поднести или убрать, лица их по-хорошему напряжены и открыты, глухие голоса отрывисты и чётки, и тебе не может это не нравится. Тебе очень дорога эта забота твоих друзей, их добрая суета и отрывистые команды, маслянистый плеск покатой волны в борт судна и резкие вскрикивания морских птиц, и на душе от всего этого становится как-то легко и даже весело. Скорей бы – под воду!

А ещё мне всегда доставляла удовольствие та спокойная минута, когда, после успешного завершения работы, можно было с полным правом подняться на верхнюю палубу, долго стоять там, положив руки на леера, и смотреть вперёд, в мутноватую морскую даль, будто надеясь, что она растворится, и тебе откроется нечто необычное, такое же, как и под водой, загадочное… Ведь оно, непременно, достойно твоего пристального внимания! Любая тайна, связанная с морем, только и ждёт, чтобы ты обратил к ней свой спокойный взор, и стал не разделим и с морем, и, конечно, с небом, сливающимся с морской синевой у самого горизонта, в

тоже время, чувствуя всем телом судно, размеренные обороты его двигателей и мерные удары нескончаемых волн.

От переполняющего счастья ты не летишь высоко, а находишься как будто повсюду, и именно это всеобъемлющее и всепроникающее бытие составляет теперь твою жизнь. Что это за тихий и чарующий восторг, когда проживаешь свою жизнь так, как она этого заслуживает! Ничего лучшего быть просто не может: я радуюсь, птицы, скалы, море радуются вместе со мной, дельфины с касатками рукоплещут возможности резвиться в чудесной водной стихии, быть слитными с ней, солнце улыбается, шторм ураганный торжествует, а Господь ликует от всего содеянного: великая радость и блаженство утверждаются на Земле…

Так протекает жизнь у тех, кто един со всем Мирозданием, готов душу положить за доброе существование всех живых существ, неся в сердце устремление к безусловной любви. Мир богат своей беспредельной радостью, порадуйтесь и вы. Будите в себе совершенство, якоже Отец ваш небесный совершен есть!

А какая совершенная жизнь окружает тебя! Крутая зыбь от недавнего шторма неохотно смиряет свой буйный нрав, уже лениво, а не хищно накатывает с моря, но от этого она ещё более желанна: шторм почти утих, работа выполнена и лёгкая качка только приятна. Можно даже не укрываться от холодной водяной пыли, время от времени слизывая с губ солёную влагу, и густой морской воздух, кажется, с любовью окутывает твоё тело, наполняя его энергией. Так радостно, что погода на море, наконец, расходится, и, несмотря на крутую зыбь, с удовольствием вспоминаешь, как было покойно под водой, и всё не можешь забыть огромную полярную акулу, что загадочно и важно проследовала мимо тебя…

Чем она сейчас, интересно, занимается? Вспоминает ли тебя, как и ты её? Или, быть может, акула, на самом деле, ничего не почувствовала, и уже где-то далеко-далеко, в необозримой тихоокеанской глубине… Но она тебя увидела, ты побывал в её обители, и вы встретились взглядом… Разве это ни прекрасно, и ты заглянул в эту совершенную подводную жизнь, и сделал её своей.

«ПТИЧИЙ БАЗАР»

Одинокие скалистые острова… Истошный крик чаек и грохот прибоя, запах сырых камней и водорослей, резко ударяющих в нос… Странное чувство, что ты когда-то уже был здесь и прожил целую жизнь, а теперь вернулся, и эта твоя холодная родина необыкновенно тебе мила. Есть что-то притягательное и в воздухе, и в красках, и в неброской природе северных широт, которую однажды узнав, уже больше никогда не забудешь.

Глядя на эти суровые края, голые скалы, холодное море, призадумаешься: а для чего птицы весной возвращаются на север, осенью улетев на юг? Осенью – понятно, на севере для них не находится корма, и в случае, если бы они остались, их ожидала неминуемая гибель, но вот отчего птицы не остаются в тёплых краях навсегда, не выводят там птенцов, а всё равно устремляются на север… Говорят – птицы возвращаются на родину, но почему родиной им не может стать во всех отношениях благодатный для них юг?

Оказывается, птицы возвращаются, скорее, не к местам своих гнездовий, а к человеку, чтобы быть ему полезными, принося радость. Спросят: а чего потеряли пернатые на самом Крайнем Севере, на берегу Ледовитого океана? Ответ прост: бывает человек и там, неодолима его тяга к дальним странствиям, как и неиссякаемая жажда открытий!

Так же и мы: не можем обойтись без этого сурового северного края, где птицы устраивают свои незабываемые «птичьи базары». Все гранитные уступы на таком «базаре» усыпаны птицами, а внизу, в холодных расщелинах, бьются обезумевшие волны. В некоторых из них ещё белеют оплывшие глыбы льда. Иногда даже принимается идти снег, отчего начинает казаться, будто череда времён года по какой-то неведомой причине нарушилась, и на смену зиме пришла поздняя осень. Только крик всё подлетающих и подлетающих птиц выводит из этого охватившего тебя студёного затмения, и ты понимаешь, что вокруг всё-таки воцаряется весна, хотя и очень робко. В этих местах она приходит на месяц, а то и два позже.

Море тяжело вздыхает, медленно пробуждаясь от зимнего сна, лёд, застрявший в расщелинах, глухо потрескивает и охает. Сырой порывистый ветер мчится над водной поверхностью, разбрасывая солоноватую пену, и невольно думается о том, что север для тебя ближе, чем юг, и его неописуемая свежесть ни с чем несравнима.

Кругом море и камни, камни и море, и ещё светло-серое, с жидкими белыми облаками небо, на фоне которого то и дело мельтешат подлетающие птицы. Подняв к глазам бинокль, не покидает ощущение, что мелькание пернатых в воздухе будто учащается, смешивается и скоро на глазах наворачиваются слёзы. Пронзительный северо-западный ветер только усугубляет невозможность что-либо разглядеть… Совсем недавно ещё замершую тишину всё более нарушают заунывные возгласы гагар и чаек,

тупиков и кайр, монотонно поскрипывают в расщелинах чистики… Север встречает нас своим студёным дыханием.

С волнением смотрю я на голые скалы, на этот голубовато-серый туман, окутывающий их будто покрывалом, на мутновато-зелёную глубину под бортом, и не могу поверить, что я здесь. Так долго мечта представлялась неосуществимой, а дикие острова с их неописуемо завораживающими птичьими базарами недосягаемыми. И вот я здесь…

Могучи вздохи прибоя у северного моря, спокойны и сдержанны северные краски, широки и ладны спины рыбаков, встающие и исчезающие в холодных водах, когда рыбаки в спокойном темпе выгребают кунгас с волны на волну… Всё здесь проникнуто приливом сил и сдержанной бодростью, так что, работая целый день, не замечаешь усталости. Север лечит тебя своим размеренным и простым ритмом жизни, если ты болен, и вдыхает в сердце студёную, бодрящую свежесть, отчего хочется круглые сутки лазить с биноклем по скользким скалам, отыскивая птичьи гнёзда с яйцами непривычно яркой для севера окраски. Дни, кажется, длятся вечность, превращаясь в нескончаемо прекрасные недели. Где ещё я был так счастлив, как здесь, на севере, и что может сравниться с ним по глубине переживаний?

Нелегко, но радостно писать про север, ибо мысли о нём более всего переполняют душу. Так случилось, что самые главные события в моей жизни произошли на севере, на Краю Света, и укачивало меня своей любовью именно студёное море, у которого так замечательно и просто жилось, и каждый день оказывался неслучаен. Утверждение, что на севере преобладают скупые краски, - не верно, всё здесь живо и имеет свою внутреннюю красоту, которая неприхотливо просится на свет. Север, скорее, не убаюкивает, а будоражит, так что уже нет сил оставаться равнодушным, и ты незаметно становишься сильным и ловким, чутким в восприятии жизни.

Каждый день на севере встречает твоё пробуждение приятной прохладой. Холодный воздух совершенно спокоен и пронизан такими же спокойными глубокими красками. Спокойно и море, что случается здесь редко, и от всего этого хорошо и спокойно становится на душе.

Состояние покоя способны нарушить лишь птицы, что собираются по весне на диких островах в огромные стаи для выведения потомства. Каждая птица стремится устроить своё гнездо с наименьшей безопасностью для своих будущих детёнышей. В некоторых случаях безопасность птенцов достигается путём колониального гнездования, когда на скалистых берегах морей и океанов вместе оказываются самые разнообразные птицы.

У большинства морских птиц сильно выражен именно гнездовой консерватизм. Можно сказать, что им больше, чем большинству не морских птиц, свойственны верность своему острову, карнизу на скале, брачному партнёру. И как бы далеко их не уводили морские дороги по необъятному океану, они стараются вернуться на родину.

Неприглядные голые скалы не отпугивают, а привлекают птиц. Весной, когда вся перелётная птица подаётся в родные края, именно эти одинокие

острова становятся пристанищем для чаек, гагарок, бакланов, многочисленных уток и чистиковых. В пути и молодёжь мужает, и старики закаляются, многие, конечно, гибнут, а оказавшись на пустынном каменном острове – словно возрождаются. И чему бы, казалось, радоваться, если вокруг – не до конца растаявшие льды и промозглый холод, а у тебя даже хворостинки не найдётся, нечем устелить своё гнездо, да и нет его вовсе – только голый камень. Причём, с наклоном, и это – на продуваемом всеми ветрами маленьком острове, теряющемся в необъятности морских далей… Разве тут постигнешь неудержимые птичьи устремления всё дальше на север, когда уже, кажется, не зачем и некуда больше лететь, и здесь хорошо. Но летят неутомимые птицы к местам своих неизбывных гнездовищ, и эта их приверженность родным суровым краям вызывает в сердце только тепло.

На птичьем базаре, конечно, не услышишь умиротворяющего сердце пения, как в нашем уральском лесу. Волнующее душу смятение, когда заслышишь по весне голос кукушки, вы вряд ли встретите здесь. Морские птицы в основном молчаливы, когда парят над бескрайними морскими просторами, а на гнездовых колониях вас просто обезоружит надвигающийся отовсюду гвалт, отдалённо напомнив пронзительное карканье ворон, когда они собираются вечером в огромные стаи.

У птиц в этих широтах не увидишь и красивого оперения, какое присуще снегирю и иволге, чечевице и скворцу, сойке или даже обыкновенной синице. Лишь розовая чайка способна очаровать ваше воображение, когда пасмурным туманным утром вам однажды посчастливится углядеть её изящный силуэт, воздушным облачком повисший над хмурым свинцовым морем. Да ещё, пожалуй, ваше внимание привлекут массивные ярко-красные клювы топорков и тупиков, которыми они обычно схватываются между собой в кратковременных драках за гнездо. В облике птиц, ежегодно посещающих птичьи базары, всё больше красок, присущих северу, - беловато-серой и пёстрой, бурой и чёрно-коричневой, и если даже присутствуют какие-то зелёные, красные или жёлтые оттенки, то непременно с преобладающей в них холодной сумрачностью.

Зато морским птицам, как и самому птичьему базару, присущи строгость и отточенность форм, в которых нет ничего лишнего. Холод и суровость жизненных условий не допускают чего-либо случайного, всё здесь тщательно продумано природой и уже не подлежит каким-нибудь изменениям. Зачем, спрашивается, усовершенствовать и до того безукоризненно работающий механизм, если крохотный кайрёнок в месячном возрасте бесстрашно бросается в море со стометровой скалы, чтобы стать по-настоящему сильной и красивой птицей?! В нём уже присутствует красота, и будущая сила, и великая радость жизни.

Океан живёт, он – колыбель жизни, но забываешь на время о его мощи, когда оказываешься на птичьем базаре, у которого свои масштабы и величие. Есть в нём что-то необъяснимо притягательное, что волнует даже больше, чем море, и если морская даль зовёт за горизонт, то миллионы птиц,

устраивающие свои гнёзда на одиноких голых скалах, вынуждают замереть перед совершенным торжеством природы. Всё, что связано с птицами, возвращением их по весне на холодную родину и заботой о выведении потомства, вынуждает твоё сердце биться учащённо, а душой совершенно забыться, всецело отдаваясь беспокойным птичьим устремлениям.

Чайки, буревестники, бакланы, кайры и старики становятся твоими друзьями, и красота их жизни сливается для тебя с бескрайним простором океана, грозно пенящимся и разбивающимся о скалы прибоем и упругим солёным ветром, неутомимо поднимающим птиц на крылья. Не передать словами, как и ты сам поднимаешься в себе, обнаруживая в птичьем базаре пример собственного, неудержимого устремления к жизни.

Жизнь на птичьем базаре только на первый взгляд, кажется, сложна, но стоит достаточно присмотреться, и ты поймёшь – как просто она здесь устроена. Вдыхая вместе с обитателями птичьего базара морской бриз, можно увидеть, как волны разбиваются о скалы, слышать, как постанывают конюги со стариками, пьянеть от солёного бодрящего воздуха, пропитанного запахом водорослей, выброшенных на камни приливом, и при этом прекрасно понимать все перипетии беспокойной гнездовой жизни, её томительные всплески, забытье и ещё более жаркое возбуждение, - ведь всё это так близко человеку! И хотя мы сильно мёрзли от пасмурной и ветреной погоды, и постоянный промозглый туман не давал нам возможности высушить до конца одежду, радости от соприкосновения с миром пернатых не было предела, а на все неудобства мы не обращали внимания. Когда ещё посчастливится побывать на настоящем птичьем базаре!

Почти у всех птиц, посещающих птичьи базары, кроме топорков и тупиков, вырывающих в земле длинные норы, снесённые яйца находятся на открытом месте, и этим, конечно, не могли не воспользоваться во все времена люди: они собирали яйца для собственных нужд, когда нечего было есть, а также – на продажу или обмен. От несведущих людей часто можно слышать, что разорение гнёзд птиц недопустимо, и сбор яиц, даже в самых незначительных количествах, следует запретить. Однако для человека, всю жизнь связанного с морским промыслом, давно стало вполне очевидным, что на севере чайки, особенно – серебристая, большая морская и трёхпалые моёвки, не приносят заметной пользы, скорее причиняя вред… Конечно, истребляют рыбу и другие виды морских птиц – тупики, конюги, кайры, старики и топорки, море способно прокормить многих, но эти крупные чайки ещё и нападают на гнездовья, утаскивают птенцов, а иногда даже не гнушаются детёнышами котиков, когда некоторые из них, совершенно беспомощные, остаются в одиночестве. И потому, наверное, не имеет оснований слишком бережное отношение к гнёздам, достаточно вспомнить прожорливых пернатых хищников, в огромных количествах похищающих и яйца и птенцов, и когда ты попадаешь весной на гнездовую колонию чаек и набираешь для всей команды наволочку яиц, оставляя птицам возможность восстановить кладку, - это не преступно. Промозглая весна на севере тянется

долго, незаметно переходя в такое же ненастное лето, прошлогодние запасы заканчиваются, рыба к берегам ещё не подошла, и питательные яйца диких птиц – хорошее подспорье работящему человеку, да и люди в здешних местах редки. Разве можно тут говорить об уничтожении гнездовых птичьих колоний?!

Сахалинские нивхи, живущие в прибрежных районах, всегда собирали для еды яйца чаек и других морских птиц. При заготовке яиц на зиму их отваривали, очищали от скорлупы и складывали в тюленьи желудки, заливая тюленьим жиром и завязывая. Что любопытно, многие северные народности, в особенности – нивхи, заливали тюленьим жиром все скоропортящиеся продукты, даже … морошку.

Вот и эскимосы, исконные жители севера, великолепно знающие его природу, издавна заготавливали по нескольку сотен гагарок, посещающих птичьи базары. Забивая птиц, они засовывали их в брюхо убитого моржа, закапывали на много недель, а потом доставали – и ели. Морские птицы всегда являлись их добычей, и если бы не охотники за каланьим и котиковым мехом, - поголовье красивых птиц вряд ли бы пострадало… Северные народы, учитывая суровые условия их жизни, не могли не воспользоваться по весне, когда кончалось пропитание, невообразимо величественным и таким же многочисленным птичьим присутствием и, тем более, первыми птичьими кладками… Это было совершенно естественно.

Мне пришлось побывать на трёх птичьих базарах – на острове Тюленьем, острове Ионы и острове Монерон, и все они, несомненно, могут дать много ума неравнодушному человеку, ибо обладают мудрым устройством, которое, каким бы это неправдоподобным утверждением не показалось, отличает строгий порядок. Случалось мне наблюдать за большими скоплениями птиц и на некоторых Курильских островах, но они были незначительны, и располагались на маленьких, отдельно стоящих скалах. Истинную мощь птичьего базара, этого великого скопища морских птиц, начинающего свою жизнь по весне, можно наблюдать только там, где никого нет, кроме этих самых птиц. Скала или остров, на котором птицы располагаются, достаточно высоки, вокруг этого острова присутствуют течения, приносящие обильный корм в лице фито-и зоопланктона и рыб, существует возможность не опасаться хищных зверей, в особенности – песцов, и если все эти условия стекаются в одно целое, то птицы прилетают и выводят птенцов…

Это странно, но присутствие на птичьих базарах всегда что-то переворачивало во мне, я начинал иначе смотреть на мир и свою жизнь в нём. Это птичье возбуждение, вернее – природная гармония, просто повергали. Оказавшись здесь, среди безжизненных скал, холодного моря и этой поражающей воображение возбуждённой жизни, ты понимал, что жил до этого как-то не так, не совсем верно, и именно птичье огромное сообщество со своим неудержимым стремлением к продолжению рода, помогало разобраться в себе. А почувствовав себя среди птиц более цельным

человеком, совершенно обновлённым, тебе и самому хотелось оставить всё своё человеческое и воспарить над морем… Ты, оказывается, тоже в душе птица, и тебе непременно нужно куда-то лететь, к чему-то стремиться, оставив на время свои повседневные заботы. Ты словно перерождаешься вместе с многочисленным птичьим племенем и становишься неудержимым в своих душевных устремлениях.

Северные полярные моря гораздо богаче морскими птицами, нежели южные. Морские птицы зачастую гнездятся такими несметными массами на неприступных скалистых утёсах, что это зрелище невольно поражает и одновременно зачаровывает каждого путешественника, отправляющегося на север. Такие утёсы, избранные птицами своим местожительством, совершенно справедливо называются «птичьими утёсами», а само место обитания – «птичьим базаром», и составляют характерную принадлежность берегов северных морей.

Целые тучи птиц постоянно окружают подобные утёсы. На всех выступах, углах и карнизах утёса в обилии сидят птицы, как по команде, словно солдаты, выстроившись рядами и горделиво выпятив свою белую грудь. Сотни тысяч птиц перемещаются около утёса то вверх, то вниз, и сплошная масса их покрывает море у подножия скал, беспрестанно ныряя и выуживая добычу из воды. Зрелище, что и говорить, в самом деле, потрясающее, и если вы оказались свидетелем всего происходящего впервые, вам, конечно, трудно будет скоро привыкнуть к нему и не переставать восхищаться увиденным.

На птичьем базаре все птицы, на первый взгляд, вьются над островом невообразимо скученной и беспорядочной гурьбой, предполагающей, тем не менее, необходимое и даже дружное жизнеустройство, и если приглядеться, то постепенно различишь, что и кайры, и чайки, и тупики с топорками, и конюги придерживаются своих законов и привычек, которые неукоснительно соблюдаются. Это только кажется, что птичий базар – полнейший хаос, на самом же деле – очень упорядоченное жизнеистечение. «Базар» - само по себе понятие жизнестойкое и цельное, подразумевающее у людей – сход и съезд со всех окрестных мест для купли и продажи особенно жизненных припасов, оживлённый торг между ними, а у пернатых – шумную птичью ярмарку, означающую не только утверждение молодой и здоровой жизни, но и истинную красоту природы.

Жизнь кипит ключом на таком птичьем базаре, и даже само слово «базар» бледнеет перед тем столпотворением, которое воцаряется в царстве пернатых по весне, у моря. От постоянно перелетающих птиц мельтешит в глазах, ор стоит неимоверный, но при этом ты быстро обнаруживаешь, что многочисленное население базара выявляет удивительное миролюбие. Между птицами редко когда возникают драки из-за места или добытой рыбы, несмотря на тесноту все они между собой чаще всего очень дружелюбны, и,

находясь долгое время бок о бок, скорее проявляют во взаимоотношениях доброжелательность, нежели раздражение. Птицам, кажется, нечего делить.

Парочки, то есть – самец и самка, принадлежащие к кайрам, тупикам, топоркам, старикам, конюгам или чайкам-моёвкам, всегда выказывают друг другу самую нежную привязанность. Вместе они летают и бросаются в море за рыбой, и так же дружно затем возвращаются в гнездо, сообща ухаживая за своими птенцами. Ну, если только изредка сцепятся клювами два тупика, кувыркаясь в воздухе, валятся вниз, к морю, но со стороны это выглядит более забавно, чем пугающе. К агрессивному поведению птиц может подвигнуть только какая-то неординарная ситуация, предполагающая, скажем, вынужденную бескормицу либо противостояние хищнику.

Птичьи базары – бесценная слава и краса диких тихоокеанских островов… Не котики, каланы и песцы, а именно птицы царствуют здесь. Это целая империя пернатых, только они в полной мере владеют островами, и стоит преодолеть немало трудностей, чтобы хотя бы раз соприкоснуться с этим удивительным миром.

Кстати, появились птицы на планете около 150 млн. лет назад – в юрском периоде мезозойской эры. В следующем периоде мезозойской эры – в меловом, птицы активно стали осваивать морскую среду, и Тихий океан для этого был наиболее предпочтителен. Это подтверждено ископаемыми данными, и к тому же уместно будет напомнить, что в мезозойскую эру Африка, Южная Америка, Индия, Австралия, Новая Зеландия и Антарктида образовывали единый материк Гондвану. Тогда ещё не было Атлантического и Индийского океанов, а вот Тихий океан был всегда, он в то время простирался до Южного полюса, так как Антарктида была сдвинута на север в сторону современного Индийского океана… Тихий океан является самым древним океаном по сравнению с другими, и его геологическая судьба тянется с докембрия, более 1 млрд. лет назад.

Так вот, почти на всех прибрежных скалах и труднодоступных местах Тихого океана кипит разноголосая и, вроде бы, безалаберная жизнь птичьих базаров. Кого тут только нет: крикливые чайки, беспокойные глупыши, неуживчивые топорки, остроклювые забавные кайры, вечно голодные бакланы и ещё великое множество стариков, конюг, тупиков и прочих шумных обитателей островов. Птицы даже самим островам подарили свои имена: Арий Камень на Командорах назван в честь кайры, по-местному – ары, остров Топорковый – напротив острова-вулкана Матуа, островки Птенец и Базарный неподалёку от Парамушира, там же – мыс Бакланий, посёлок и гора Буревестник на Итурупе, скала Чайка…

И повсюду поражает обилие и доверчивость птиц… В местах гнездований к ним можно подойти на расстояние вытянутой руки – птицы лишь вертят головами, настороженно поглядывая на пришельца, но взлететь не спешат. Этой доверчивостью нередко пользуются песцы, протоптавшие целые тропы к гнездовьям. Но песцы, несмотря на свою кровожадность, не нарушают сложившегося равновесия, и на скалах не умолкают весёлый гвалт

и суета. Гвалт этот именно весёлый, наполненный безудержной жизнью, и трудно представить себе скалы пустынными, когда наступают поздняя осень и зима…

И среди всего этого гама, от которого не только глохнешь, но и дуреешь, пробивается порой несмолкаемый писк ещё одних морских птичек – чистиков, который усиливается почему-то ночью, когда другие птицы немного замолкают, а под утро уже так надоедает, что не знаешь – куда от него деться. Неприхотливая птичка, маленькая и невзрачная, а шума – не приведи Господь! Гнёзда она, как и многие морские птицы, не устраивает, достаточно подходящей расщелинки в скалах, так что иногда даже яйцо в ней заклинивается, да только птенец всё равно это препятствие рано или поздно преодолевает. Но об этом чуть позже…

К слову будет заметить, что эти маленькие птички, ко всему прочему, весьма любопытны, они безбоязненно подплывали к нашему боту вплотную, когда мы обследовали литораль острова Тюлений, и при малейшем намёке на опасность – ныряли, а вынырнув чёрными поплавками – опять устремлялись к медленно движущемуся боту… Любопытствующие чистики очень занимали нас. Особенно приятно было, когда плотные стайки пролетающих мимо чистиков обдавали лёгким ветерком, плюхались неподалёку от нас, и их игра продолжалась. Крохотные чистики были просто воплощением игривого любопытства, и трудно было понять, почему подобным образом не ведут себя более крупные птицы…

Вероятно, щедрая расточительность природы в прежние эпохи была так велика, что большое разнообразие древних птиц отличал их гигантизм, что, несомненно, не могло не отразиться на их исчезновении. К примеру, среди предков альбатросов были виды с размахом крыльев до семи метров, они представляли собой лёгкую добычу, и природа, чтобы сохранить себя, постепенно пришла к необходимости мельчания. Маленькие птицы могли позволить себе излишнюю доступность, не рискуя когда-либо исчезнуть: кому нужны такие милые крохи?!

Но кроха крохе рознь, и из крошек слагается кучка. Вот и чистики, устраивая свои гнёзда в глубоких расщелинах скал и под навалами камней, где обычно бывает очень сыро, выстилают своё гнездо … мелкими камешками, чтобы яйца не подмокли. В отличие от других морских птиц маленькие чистики могут быстро и ловко бегать, и в глубоких пещерках оказываются совершенно неуловимы. К тому же, в тёмных расщелинах их надёжно скрывает чёрное оперение, и лишь красные лапки выдают обитателей каменных укрытий.

Интересная деталь: вроде бы, преданные своему потомству, чистики-родители зачастую покидают место гнездования до вылупления из яиц птенцов. Оставшись одни, птенцы копошатся в надтреснутых яйцах: они шевелятся и из них доносится писк. Благодаря этому шевелению, яйца сами выкатываются из нор, падают на нижние карнизы или галечный пляж, и разбиваются. Только теперь почему-то появившиеся птенцы опять начинают

вызывать заботу у своих родителей, так что те беспокойно кружат над ними в воздухе и истошно кричат, будто бы не зная – что им предпринять, но, всё же, очень переживая. Необычность такого поведения родителей поражает, и многие из птенцов при этом, конечно, становятся жертвами кровожадных чаек, которые непременно воспользуются странной оплошностью чистиков. Учёные объясняют отсутствие родителей рядом с появляющимся на свет птенцом тем, что самец и самка заняты добыванием для него корма, разыскивание которого для крохотных птиц является делом далеко не лёгким, и на самом деле чистиков отличает очень заботливое отношение к своим деткам.

Чистики, несомненно, занятные существа, да и имя своё они получили, по-видимому, тоже благодаря одному их занятному качеству… Дело в том, что охотятся чистики, ныряя с прибрежных скал, и, погрузившись под воду, именно «летают» в водной толще, размахивая своими крохотными крылышками. Движения их действительно напоминают обычный полёт в воздухе, так они изворотливо лавируют под водой, и, достигнув дна, тщательно обследуют камень за камнем. Но появившись на поверхности с зажатой в клюве рыбёшкой или рачком, чистик никогда сразу не проглотит добычу и не улетит с ней к гнезду, а непременно «прополощет» её, несколько раз опуская в воду и наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. По всей вероятности эта привычка и дала название чистикам, проявляющим себя как настоящие «чистюли»…

Ещё чистиков прозвали на Дальнем Востоке «каюрками», потому что они протяжно свистят. Но почему – «каюрки»? Слово это, и в Сибири, и на Дальнем Востоке, обозначало проводника, кучера при езде на собаках, словом – «каюра», который правил упряжью, всё время посвистывая. Чистики, наверное, свистят оттого, что чрезвычайно обеспокоены тем, как прокормить своих птенцов, за то и получили, казалось бы, совсем не подходящее им прозвище, а поскольку малы, то слово «каюр» было преобразовано людьми в «каюрки», то есть – постоянно посвистывающие от переживаемой заботы милые птицы.

Ещё один, достойный внимания мелкий чистик с серовато-зелёным верхом, белым брюшком, чёрной головкой и светленькими полосками на ней, появляющимися в брачном наряде вдоль боков темени до самых глаз, именуется «стариком». С каким-то благообразным выражением глаз и трогательностью, составляющей весь его маленький облик, старик вызывает такое же трогательное отношение к себе, когда сидит «столбиком» на голом камушке, или лежит, опять же, как будто робко опираясь грудью на почвенный субстрат. На суше птицы большую часть времени неподвижно лежат на одном месте, хотя при необходимости перемещаются довольно резво: старики либо ползают, отталкиваясь лапками, либо прыгают, перемещаясь за один прыжок на фут, либо передвигаются короткими перебежками, во время которых держат туловище наклонно. Благодаря цепким коготкам старики хорошо лазают даже по почти отвесным скалам…

Чем-то они напоминают нашего лесного обитателя – поползня, передвигающегося по стволу дерева ползком или быстрой перебежкой.

Старик – мал, а тем не менее – причудлив в поведении, оставаясь неординарным во всём… Взять, хотя бы, его способность взлетать с воды без разбега: сидящая птица, отталкиваясь ногами, подпрыгивает на полметра от поверхности воды и начинает полёт. Сходным образом взлетает старик и с суши. Ну, чем, казалось бы, не молодец? Как солдатик, вытянувшись в струнку, взмывает старик в воздушное пространство, будто окунаясь в море, и, наверное, находит в этом удовольствие. Старик – очень занятная морская птичка из семейства чистиков, ни на кого из своих собратьев, между тем, не похожая при схожести между собой всё тех же многочисленных чаек…

Вот и странное имя – «старик», откуда оно взялось? Что лежит в его основе? Может быть то, что птица всегда сидит в наклонном положении или вовсе лежит, проявляя таким образом «старческие» наклонности? Старик как будто «старится», держа себя на суше так, и это, вероятно, происходит по той причине, что птица старается оставаться незаметной.

Но, так или иначе, старика не назовёшь тихоней, и задора ему не занимать, не взирая на его не великие размеры. Обосновавшись в колонии после прилёта, старик становится очень криклив, особенно – в начале размножения и во время перехода птенцов из гнезда в море. И если птенцы, выбираясь из гнезда, попискивают негромко – «пси-пси-пси…», то взрослые птицы провозглашают совершающееся действие во всеуслышание, очень настойчиво и с постепенным усилением звука к концу – «ции…ции…циии-и, црриври, црриври, црриври-и!» Облечённые родительскими заботами, старики становятся независимыми, даже, кажется, бесстрашными.

Гнёзда свои старики, как и все чистиковые, устраивают в камнях, выискивая между ними глубокие трещины или пещерки, где их никому не достать. Но если тебе всё-таки удаётся усмотреть чистика в какой-нибудь расщелинке и ты попытаешься прихватить его пальцами, чтобы лучше разглядеть, то птичка неожиданно выплеснет в тебя струю пахучей жидкости и исчезнет в камнях, а то – проворно плюхнется в море и поплывёт стремительными рывочками вперёд, вытянув шею и воровато оглядываясь. Дело в том, что многие из морских птиц, гнездящихся на птичьих базарах, кормят своих птенцов, отрыгивая полупереваренную рыбу, и некоторые из них, такие, как чистики, даже вырабатывают настоящее «птичье молоко» - особую маслянистую жидкость, или желудочный жир. Вырабатывается он железистой стенкой желудка, главным образом – из употребляемой пищи. Таким путём птица запасает пищу на несколько дней, улетая далеко от колоний, а когда возникает необходимость обороны – тотчас пользуется желудочным жиром, отрыгивая его в нарушителя своего спокойствия пахучей струёй.

Одна очень милая черта чистиков, правда, только очковых, - их белые пятнышки по обеим сторонам головы. Они сразу вызывают ощущение того, что птица – в очках, душки которых аккуратно заправлены за уши, и чистик,

таким образом, будто пытается разглядеть что-то в окружающей жизни, стараясь не пропустить. Эти воображаемые очки, точно как и ярко-красные лапки, очень идут чистику и заметно его выделяют. Маленькая птица воспринимается уже совсем по-другому, с большим вниманием, хотя сами чистики об этом ничего не ведают, и светлые пятнышки на их головках, вероятно, всего лишь способ отличать друг друга в многообразии пернатого сообщества, населяющего птичий базар.

На средних островах Курильской гряды – Симушире, Шиашкотане, Экарма, Чиринкотане и Райкоке, собираются многотысячные стаи морских конюг, птиц с очень занятными хохолками на голове из загибающихся вперёд узких перышек. Клюв у них – яркий, оранжево-красный с желтоватой вершинкой. Большая конюга, хоть она так и называется, размерами несколько превосходит скворца, вернее – с перепёлку, а малая конюга и совсем мелкая, с воробья. Эти небольшие птички окрашены в тёмно-серый, аспидный цвет, а на воде кажутся чёрными. В местах, где расположены их гнездовые колонии, конюг скапливается так много, что они «роятся» в воздухе, как пчёлы. Когда стая таких морских пичуг оказывается по ходу судна, они, пытаясь избежать встречи, испуганно разбегаются по воде или разлетаются в стороны.

На птичьих базарах конюги очень крикливы. В весеннее время, когда устанавливаются ясные безветренные дни, голоса конюг, похожие на лай, разносятся далеко над водой, а поскольку конюги обычно держатся стаями, иногда – очень большими, то можно себе представить – какие звуки они издают. Одиночные птицы попадаются крайне редко.

Гнездятся конюги обычно в открытых осыпях, а иногда даже занимают старые норы топорков. Бывает, что пары устраивают гнезда в щелях скальных обрывов, но случается, что и зарываются в землю на глубину в несколько метров. После особо снежных зим, когда снежные наносы лежат на птичьем базаре до середины лета, конюги могут откладывать яйца прямо на снег… Большая и малая конюги такие непредсказуемые птицы, что не знаешь – чего от них ждать, да и вообще сведения по поведению конюг скудны.

Но хорошо известно, что конюги – очень деятельные птицы: они не только с вечера до утра напоминают всем о своём существовании пронзительным криком, а ещё и забавно ведут себя во время тока… Самец, прежде чем начать свои ухаживания, несколько раз встряхивает головой и взъерошивает перья на шее. При каждом новом встряхивании он всё выше и выше поднимает голову, выпячивает вперёд грудь и издаёт лающие звуки, совершая резкий выпад головой вверх при каждом новом крике, а соприкоснувшись клювом с клювом самки, начинает издавать низкую мелодичную трель. При этом и самец, и самка медленно склоняют головы к земле, чуть ли не ложась на неё, оставаясь в таком умилённом состоянии довольно длительное время. И не мешает птицам творящееся вокруг всеобщее сумасшествие, в которое, впрочем, и конюги вносят свою

посильную лепту. Стоит невообразимый галдёж, и, кажется, что сам остров ходит ходуном!

Но сумеречный скрытый образ жизни этих кукольных птичек, особенно – малых конюг, делает их малозаметными среди вездесущих чаек, шумных кайр и беспокойных тупиков. Днём конюгу и вовсе редко увидишь, лишь иногда плавают они стайками в море, а больше – всё светлое время сидят в укрытии, в каких-нибудь каменных завалах, насиживая одно-единственное яйцо. Вечером же и в ночное время, когда поверхностный слой воды наиболее насыщен всплывшим из глубин планктоном, конюги вылетают в поисках пропитания. В эту пору они делаются очень разговорчивыми, будто вознаграждая себя за длительное дневное молчание, и до утра громко и без умолку тарарычат, за что и получили среди моряков прозвище – «тараторки».

Невозможно не упомянуть и об очень красивой птице, похожей на топорка и тупика, но имеющей, в отличие от них, белоснежное брюшко, тогда, как и у тупика и у топорка животики чёрные, как северная ночь. Это – ипатка, своеобразная птица, почти весь год проводящая на воде, а потому привыкшая переносить штормовое волнение, промозглые туманы и сильные ветры. Лишь в гнездовой период ипатки появляются на суше, и сразу обращают на себя внимание своей занятной внешностью. Вернее даже будет сказать – импозантной, не подходящей своей броскостью к здешним угрюмым широтам. Ипатка – очень яркая птица, так что ею невозможно не восхищаться.

Впервые увидев ипатку на острове Ионы, располагающегося в самой холодной северо-западной части Охотского моря, я был поражён и её обликом, и тем, что такая диковинная птица здесь очутилась. Её приземистую, крепко сбитую фигурку отличает точёность линий, природа зачем-то безукоризненно вылепила эту птицу, а постоянно приподнятая аккуратная головка – удивительно изящна. Ипатке даже присуща некоторая интеллигентность, поскольку и в благородной посадке головы, и в умных, агатово-дымчатых глазах птицы с завораживающей точкой посередине, угадывается скрытое достоинство.

Это ощущение подчёркивают и красные веки, и чёрные кожистые брови над ними, и неоперённые выросты, напоминающие рожки. Всё в облике ипатки как будто навострено, нацелено на очень существенное, что ей непременно суждено пережить, ну, а ребристый и достаточно весомый лимонного цвета клюв с красной вершинкой и вовсе усиливает необычный вид птицы. Кажется, что такой массивный клюв вот-вот перевесит её, птице тяжело с этим справляться, но ипатка крепко стоит на своих красных лапках, даже – почти вертикально, и напоминает маленького рыцаря на краю высокой скалы, лихо запахнувшегося в тёмный плащ и готового в любой момент сразиться с неприятелем, защищая свою честь. Но тем не менее в позе ипатки не чувствуется ничего угрожающего, а наоборот – только миролюбие и доброжелательность, какой-то очень милый и тихий покой

совершенно небоязливой птицы, способной, между тем, отстоять своё право на принадлежащее ей законное место в этой будоражащей воображение гнездовой колонии пернатых.

Несмотря на ошеломляющую красоту ипатки и непонимание того, зачем нужна такая красота седому и дремучему северу, тебе почему-то не просится на язык, что ипатки – до красок ярких падки, и ещё до чего-то такого, до чего ни человеку, ни им самим всё равно не дотянуться… Но птицы, всё-таки, как-то по-своему стремятся быть вот такими неотразимыми, и ими невозможно не восхищаться. Как невозможно не восхищаться самой природой, способной на подобное во имя чего-то непостижимого, но, оказывается, досягаемого: ведь увидел я этих чудесных птиц, мирно ютящихся на голых островах, озадачился их необъяснимой принадлежностью к северу, и отчего-то возмечтал в душе никогда ему не изменять.

А полёт у ипатки – стремительный, даже, можно сказать, красивый. Но когда почти потеряешь ипатку из виду, и частые взмахи её коротких крыльев постепенно начинают сливаться в глазах, создаётся впечатление, что ипатка теряет краски и их сила преображается в полёт птицы. И тогда вдруг на минуту самому захочется стать никому ненужной северной птицей-ипаткой, воспарившей над морем. И как представишь, что ты летишь, тоже постепенно растворяясь вдали, то и забудешь о своём минутном перевоплощении, оно оказывается совсем ненужным: ты и так весь насквозь проникнут морем, севером и бушующей в нём жизнью.

Занимая одни и те же острова, разные виды птиц живут каждый своей жизнью. Описывая обитателей птичьих базаров, и учитывая, что чайки на них – преобладают, невозможно не упомянуть моёвок – наиболее запоминающихся птиц из всего чаячьего сообщества. Моёвки, по-видимому, и самые многочисленные чайки из всех, что обитают на Сахалине и Курилах. Очень много их на островах Тюленьем и Монероне. Моёвки – типичные птицы морских прибрежий и мелких островов, а все неприступные скалы – их излюбленное место.

Если кайры, к примеру, гнёзд не делают, то моёвки устраивают гнёзда, и нередко очень громоздкие. Они умудряются прочно закреплять их там, где, казалось бы, вообще нельзя удержаться. Причём, птицы не выбирают совершенно чистые, без почвенного покрова скалы, но там, где появляется земля и растительность – селятся с удовольствием.

Моёвка, или трёхпалая чайка, как её ещё называют, является представительницей особого чаячьего рода, отличительным признаком которого служит отсутствие или очень малое развитие заднего пальца. Если искать другие отличительные признаки, то их можно обнаружить в более тонком клюве и относительно коротких ногах, пальцы которых, однако, довольно длинные и между ними находятся большие перепонки. Оперение

взрослой птицы на голове, шее, задней части спины, хвосте и нижней части тела – ослепительно белое, верхняя часть спины серовато-голубая, маховые перья беловато-серые, а кончики их, как и лапы, чёрные. Глаза карие, ободок вокруг глаз кораллово-красный, и лимонно-жёлтый клюв.

По земле моёвка ходит довольно плохо и делает это редко, но плавает охотно и продолжительно, даже при самом сильном волнении. Летает моёвка легко, иногда махая крыльями, иногда паря и неподвижно держась в воздухе, и при полёте производит разнообразные и красивые повороты. Время от времени она ловко бросается с высоты в воду, чтобы схватить приблизившуюся к поверхности воды рыбу или другое животное, а потом взмывает в небо, оглашая округу громкими и резкими вскрикиваниями – «хэ-э, хэ-э, хэ-э, дак-дак, дак-дак, дак-дак, ка-ка-тай, ка-ка-тай, ка-ка-тай!» Моёвки, кажется, вообще не способны молчать, и даже когда несут сор в клюве для постройки гнезда или рыбу, продолжают беспрерывно издавать хриплые горловые звуки…

Оказавшись в среде других птиц, моёвка отличается удивительной склонностью к обществу себе подобных, что чаще всего объясняют её, будто бы, кротким нравом, даже некоей преданностью своим сородичам, но на самом деле моёвке присущи совершенно обезоруживающая неприхотливость, непредсказуемая живучесть и невероятная жадность, необыкновенно сплачивающая птиц. Отдельных моёвок можно встретить лишь редко, всё больше они держатся огромными стаями, и, объединившись, совершенно преображаются: не дай, Бог, оказаться у них на пути!

С чего начинается птичий базар для моёвок? Птицы, конечно, должны прилететь, и как только воды Охотского моря очистятся ото льдов, что происходит в начале мая, тут же появляются моёвки. После прилёта птицы сразу начинают вести себя агрессивно – много и, кажется, безо всякой необходимости перемещаются и без умолку кричат. Пары ещё не образовались, но поведение птиц самое, что ни на есть, приподнятое: всё в их действиях предполагает сексуальную озабоченность – выбор места для гнезда, его постройка, знакомство с симпатичной для себя особью противоположного пола, долгожданное спаривание и насиживание яйца, а когда птенец вылупляется – неутомимая забота о нём при равно затрачиваемых усилиях обоих родителей. И всё это сопровождается неумолчным криком, который вспыхивает сразу после того, как самцы захватывают небольшие временные участки, иногда в самой колонии, но чаще возле её границ. Это – так называемые предварительные территории…

Заняв их, самцы ведут себя всё время настороженно: осматриваются по сторонам, привстают на цыпочки, даже подпрыгивают, но выбранного участка не покидают, и стоит какой-нибудь чайке пролететь мимо, как они тотчас реагируют продолжительным криком. А поскольку и на скалах, и в воздухе над колонией находится множество чаек, и крик испускают все птицы, протестующие против возможного вторжения, это временное место обитания птиц характеризуется несмолкающим оглушительным гомоном, так

что если вы попытаетесь поделиться своими впечатлениями с находящимся рядом человеком – у вас вряд ли что получится, поскольку вы просто не будете услышаны.

Интересно, что в отличие от возбуждённых самцов, усиленно ударяющих в полёте крыльями, самки ведут себя спокойно и крыльями взмахивают коротко и плавно. Они как будто присматриваются ко всему происходящему, время от времени опускаются на землю возле кричащего самца, но не приближаются. Самцы от такого поведения самок ещё более воодушевляются, уже пытаясь разыгрывать перед ними спектакль… Вскоре и самец и самка занимают распластанную позу, широко раскинув на камнях крылья, какое-то время неподвижно остаются в ней, и вдруг, внезапным рывком выпрямившись, резко отворачивают друг от друга головы… Так начинается у чаек брачный ритуал.

Поскольку окраска у самца и самки одинакова, различить их можно по агрессивному поведению самца, когда он раздувает шею, ещё более истошно кричит и теребит у самки перья. Видно, что он находится в состоянии чрезвычайного напряжения, впадает в явную нетерпимость по отношению к другим птицам и даже принимается исступлённо клевать землю. Очевидно, что самец переживает пик любовного возбуждения, и одновременно отстаивает необходимое для своей пары жизненное пространство… Вид у него при этом самый воинственный!

Как только пара окончательно сформировалась, и между самцом и самкой, наконец, устанавливается умиротворение, поведение самца в корне меняется, и он смягчается. Птицы привыкли друг к другу, самка перестаёт кокетничать с другими самцами, и начинает выпрашивать корм только у своего, а он заботливо кормит её. Затем сформировавшаяся пара подыскивает внутри колонии не занятый подходящий участок для будущего гнезда, и, найдя, защищает его от всех прочих чаек, не переставая издавать умопомрачительные крики: «китт-уээйк, китт-уээйк, китт-уээйк!» Гласно взывая ко всему окружающему миру – не нарушать их отвоёванного счастья, моёвки тем самым его и закрепляют. Орать – не зевать!

Но кричат, да бранятся моёвки весь Божий день не потому, что они вздорны: само существование на птичьем базаре молчать не велит. Это кричит рождающаяся жизнь, ибо кто умирает – молчит, а моёвки своим громогласным криком утверждают будущее своего рода. Они рвутся к нему, бьются за лучшее место ради него, даже негодуют, когда оно им не достаётся. Как говорится: не всяк кричит, кого бьют, моёвки – только во имя жизни, за всё неистребимое пернатое племя, за всех своих собратьев, ради счастья, которое переживает каждый, кто попал на это птичье сборище и остался им очарован, если даже он не птица. Не перекричать, одним словом, чаек-моёвок, да и кому придёт в голову соперничать с ними? Без голосу, как говорится, не кричится…

При всей своей шумной агрессивности в отношении других видов птиц, посещающих птичьи базары, моёвки придерживаются строгого

единобрачия – пары держатся вместе весь сезон, причём не редко и не один год. Встретившись по весне на территории гнездовой колонии, самец и самка легко узнают друг друга по каким-то только им известным признакам, ибо каждая птица обладает индивидуальными отличиями. Они могут проявляться во внешнем облике, например, в форме пятна на кончиках крыльев, в поведении, когда одни птицы ведут себя очень активно, а другие проявляют робость, в особенностях крика… Так или иначе, моёвки быстро определяют знакомых им особей, тем более – близких родичей, и безо всякой подготовки создают пару. Эта наблюдательность и память, которую обнаруживают птицы, отличает почему-то именно моёвок.

Ничто не препятствует моёвкам быстро увеличивать своё количество, поскольку птицы действительно очень неприхотливы, скорее даже – необычайно жадны. На острове Тюленьем моёвки не гнушаются во время забоя котиков мясом и салом забитых зверей, отчего птенцы развиваются и растут быстро. К тому же, моёвки поедают яйца кайр и отбирают корм у их птенцов.

Ко всему прочему моёвки не пугливы, поскольку гнёзда свои устраивают на краю высоких обрывов, куда не в силах забраться хищники, и это способствует спокойному выведению потомства. Но благополучно предоставленные самим себе и избавленные от присутствия врагов, моёвки, между тем, отличаются неуёмной драчливостью между собой, так как вынуждены отстаивать наиболее узкие и безопасные для них карнизы, попадающиеся нечасто. Если сравнить места гнездования прочих чаек и те, что занимают моёвки, то последним требуются самые края обрывов, причём, еле-еле выдающиеся на отвесной стене, чтобы на них никто, кроме моёвок, не смог уместиться.

Моёвки очень щепетильны в выборе подходящего места для устройства гнездовища, лишь немногим из них достаётся подходящий уступ, тогда как остальные вынуждены длительное время вести ожесточённые сражения в попытках отвоевать приглянувшийся карниз. Схватки не прекращаются в течение всего сезона, и многим моёвкам так и не удаётся обзавестись своим местом, а значит – они остаются без детёнышей, что, наверное, ещё более ожесточает птиц.

Трудно себе вообразить состояние птицы, прибывшей ранней весной на птичий базар и весь сезон, до осени, активно проявляющей себя на нём, но в итоге так и не выведшей потомства… Что должна она переживать при этом, как себя вести?! Становится понятной мера привязанности двух птиц, всё-таки нашедших друг друга…

Моёвки, в отличие от других чаек, удивительно трогательны в своих взаимоотношениях… Если самец перестаёт теребить перья у своей подруги, значит они уже достаточно привыкли друг к другу. Во время кормления самки самец никогда не отрыгивает пищу, а удерживает её в горле, откуда самка её и выклёвывает, едва самец откроет клюв. Со стороны кажется, что птицы целуются… Даже в тех случаях, когда самка этого не делает, он не

выбрасывает пищу на землю, как прочие чайки, и снова её проглатывает. Такое поведение – результат приспособления птиц к особым условиям существования на своих крохотных карнизах, где пищевые отходы неминуемо накапливались бы и разлагались, тогда, как другие чайки обитают на больших участках и отрыгнутые и не подобранные остатки пищи рассеиваются повсюду, не доставляя им каких-либо помех. Моёвки заботятся о чистоте своего маленького гнезда, и с той же предосторожностью впоследствии кормят птенцов, проявляя завидную предусмотрительность.

Но прежде, чем вывести птенцов, моёвки должны обустроить гнездо, которое тоже отличается от гнёзд остальных чаек, в подавляющем большинстве наскоро выскребающих под собой неглубокую круглую ямку, а моёвки, обитающие на узких каменных карнизах, нередко – с наклонной плоскостью, начинают с того, что самец приносит с морского побережья сухие водоросли и ил, скрепляющий их. Затем они с самкой тщательно всё утаптывают, пока не образуется твёрдый, плотно прилипающий к скале коврик. С одной стороны – он расширяет площадь будущего гнезда, а с другой – выравнивает его и обеспечивает устойчивость, где в течение последующих нескольких дней совершается кладка двух-трёх охристых или оливково-бурых с тёмными пятнами яиц.

Самка первое время постоянно обогревает птенцов, а самец пять-шесть раз в день приносит пищу в виде отрыжки. Самка перехватывает отрыгнутую пищу и делит её между птенцами. К концу лета птенцы моёвки уже поднимаются на крыло. Тщательность, с какой моёвки сооружают свою гнездовую площадку, обнаруживает в них особый ум, соответствующий особенностям мест их гнездования.

Любопытно, что отвесные утёсы с узкими карнизами определяют и поведение птенцов: у моёвок оно имеет своё отличие. Если птенцы прочих чаек начинают вылезать из гнезда и расхаживать вокруг него на второй или третий день жизни, то птенцы моёвок гнезда не покидают. Они лежат в нём или стоят на его краю, отрешённо повернувшись к обрыву, но шагов никаких не предпринимают. Послушание, выказываемое родителям, проявляемая птицами основательность и, казалось бы, не свойственное молодым птицам терпение, - поражают. Птенцы остаются сидеть точно на том месте, куда посадили их папа и мама, в таком поведении проявляется, в конце концов, их безопасность, и это свойство также выгодно отличает птенцов моёвки от других птиц.

Птенцы моёвок отличаются красивым серебристым нарядом, тогда как другие молодые чайки могут похвастаться лишь невзрачной покровительственной окраской коричневого, серого или чёрного с пестринами цвета. У птенцов моёвки, при их обитании на коварных и очень узких уступах, где им не грозят хищники, не возникает потребности в маскировке, и они могут позволить себе покрасоваться. К тому же, моёвки – единственный вид, птенцы которого имеют на шее чёрную полоску, не только выгодно подчёркивающую ровный серебристо-дымчатый окрас, но и

свидетельствующую об особенном приспособлении моёвок подавать спасительный для себя сигнал: осторожно, мы не так просты какими кажемся!

Обыкновенная моёвка не больше сизой чайки, и очень на неё похожа, но меньше серебристой, которую тоже сильно напоминает. В отличие от этих двух чаек – моёвка держится исключительно по берегам и на островах, и как бы наиболее выражает своим характером и поведением всех чаек, создаёт их образ. Образ неудержимой и не сдерживаемой ничем свободы…

Когда я вижу, как моёвки садятся на воду, не обращая внимания на ветер и высокие гребни волн, я ощущаю вместе с ними эту свободу. Чайки, похоже, ничего не боятся и берут от своей жизни, приверженной морю, абсолютно всё. Они – неотъемлемая часть морской стихии, далёкой от каких-либо раздумий и переживаний. Всё, что нужно чайкам – это быть самими собой, отрешённо и в тоже время неукоснительно заполняя необъятное морское пространство, расчерчивая его и смыкая, преодолевая и утопая в нём, превозмогая и пытаясь вырваться за его пределы, но не в силах сопротивляться этой оглушительной бесконечности – вновь с головой бросаться в холодящую морскую необозримость. Само необозримое пространство подымает чаек на крылья, а затем ввергает в умопомрачительную бездну, которая, кажется, ещё более окрыляет безотчётные судьбы этих вольных птиц, и чайки будто надсмехаются над своей неприкаянной жизнью, с жалобным криком растворяясь между небом и морем.

Стая чаек – это не просто сплошной колышущийся ковёр, а целая держава, господствующая над другими видами птиц своей неисчислимостью и всеохватывающим оглушительным надрывом. Разве место в ней какой-либо иерархии с отдельными княжескими персонами? Нет, только общее, объемлющее каждого члена этой птичьей необъятности устремление быть всегда вместе, скопом, покрывая собой, словно гигантская волна, скалы, воздух, всё морское пространство. Настоящее базарное торжище, где первенствуют чайки-моёвки…

В небе происходит безостановочное кружение… Каждый тип чайки представляет собой совершенный, и в тоже время чем-то отличный от других птиц летательный аппарат. Скоро я научился безошибочно определять для себя – какой особенной чертой отличается каждый вид чаек, и все они создавали в небе незабываемое зрелище, которое возможно увидеть только вот на таких затерянных в океане островах с благословенными и таинственными названиями – Ионы, Монерон, Тюлений, Экарма…

Глядя на чаек, всегда начинает казаться, будто они требуют, чтобы ты убрался с их территории, и приходят в отчаяние от тщётности своих усилий. Слетающиеся к малейшему объекту охоты, чайки всегда выглядят быстрыми, злыми и драчливыми. Как обезумевшие, бросаются они за каждым куском, не обращая внимания на соседство себе подобных. Небо от их силуэтов темнеет, а чайки только ещё более раззадоривают себя хотя бы

предполагаемой поживой. Почуять корм и в последний момент уступить его собственным собратьям, - они не в силах. И так, неистовство одних птиц передаётся другим, и невозможно, будучи чайкой, не принимать участия в этом ожесточённом споре за свою долю явств.

Чайки обычно чувствуют себя настолько полновластными хозяйками береговой полосы, что прогонят любого, кто, по их мнению, претендует на добычу, которую они приписывают только себе, и человек для жадных птиц не исключение. Если кто из морских птиц и готов к отчаянному нападению на человека, так это именно моёвки. Они его совершенно не боятся и готовы наброситься в любой момент, даже если человек ничего не собирает, а просто прогуливается по пустынному дикому пляжу. Что уж говорить, когда ты потрошишь у кромки воды рыбу: тут чайки способны обезуметь, бесстрашно нападая на человека.

Чайки тучей сосредотачиваются у тебя над головой, от соприкосновения их крыльев стоит угрожающий треск, и птицы нападают с таким упорством и смелостью, что поначалу становится просто не по себе, а вскоре ты уже всерьёз вынужден отбиваться от птиц обеими руками, и, в конце концов, бежать… Смешно чувствовать себя затравленным птицами, но именно это однажды и произошло со мной, когда я вышел к прибою с полным тазом только что выловленной кунджы…

Сначала мне было на самом деле забавно ощущать на себе внимание негодующих чаек, которые вырывали кишки чуть ли не из рук, кружили рядом плотным скопищем, взвизгивали от нетерпения, галдели, схватывались то и дело между собой. Я подбрасывал им в воздух хвосты и головы, и птицы не давали им опуститься в прибрежную пенящуюся воду, они, кажется, застлали собой и воздух, и небо, и я уже начал не на шутку беспокоиться от их бесцеремонного присутствия, когда вдруг несколько птиц сходу ударили меня крыльями по голове, плечам, одна даже вцепилась в рукав, и от такого обращения уже несколько обезумел я… Птицы выглядели неуправляемыми, а главное – меня поразило ощущение, что они целенаправленно и совершенно осознанно атакуют меня.

Согнувшись над тазом и стараясь прикрывать от этих жестоких ударов, в первую очередь, лицо, я лихорадочно продолжал потрошить рыбу, стараясь теперь не разбрасывать кишки, но от этого чайки обезумели ещё больше. Они лезли ко мне уже не с воздуха, а пешком, чуть ли ни протискиваясь под мышками с обеих сторон, большая же масса наседала сверху. В какой-то момент я отчётливо осознал, что если не предприму сейчас же нечто неожиданное, то окажусь попросту заклёванным разбушевавшимися птицами. Но что можно было противопоставить этой дикой стае, кроме как удариться в позорное бегство? И я побежал.

Чайки гнались за мной по пятам вдоль всего пляжа, немедленно наседая всем скопищем, стоило мне остановиться на мгновение, чтобы передохнуть или изменить направление. Больно было чувствовать своё незавидное положение, но что же поделаешь? Чайки ловко лавировали в

воздухе хвостами и крыльями, ударяли меня клювами и по-прежнему безумолчно галдели. Казалось, они собрались со всей округи, чётко представляя для себя, как я напуган, и, по-видимому, стремились запугать ещё больше. Создавалось впечатление, будто птицы застали меня за кражей яиц из их собственных гнёзд, - такими они выглядели раздосадованными.

В какой-то момент я даже вынужден был остановиться, поскольку чайки вставали передо мной сплошной стеной, с тыла же нажимали другие, и двигаться я не мог. Вдобавок те, что пританцовывали в воздухе над моей головой – тоже с раздражённым криком бросались вниз, придавливая меня к земле. Вконец вымотавшись, я вдруг по-настоящему испугался.

Так знайте, дорогие читатели, что тот, кто отваживается подобным образом раздражать видом лёгкой поживы этих дотошных птиц, рискует подвергнуться немедленному нападению целой стаи чаек, как я это описал. И, конечно, он не избежит испытать на себе силу ударов чаячьих крыльев и клювов, всю эту неистраченную птичью энергию, которой, кажется, нет конца. Ведь надо помнить, что прелесть чаек проявляется, в первую очередь, в том, если их не наделять человеческими чертами, а воспринимать отвлечённо от нашего мира, только - в морском, где чайки погружены в свои заботы и выглядят замечательно отчуждённо, как, впрочем, и подобает обитателям первозданной природы.

Внешне – грациозная и красивая, по своему образу жизни чайка взбалмошна, криклива и очень жестока, порой просто отчаянна в добывании пищи… Птица эта хищная, и в открытом море не знает жалости, так как главное для неё – найти пропитание. Люди, потерпевшие кораблекрушение, представляют для чайки обычный корм, а если они мертвы, то расправиться с ними совсем не составляет труда. Когда же человек жив и беспомощно барахтается в воде, лучше всего сначала выклевать его глаза. Никакой опыт не закрепляется у хищников так быстро, как тот, что связан с добычей пищи. Этого требует инстинкт самосохранения.

Во время морских сражений в годы второй мировой войны морякам приходилось часто вылавливать в море людей с пустыми глазницами и растерзанным лицом, и потому несчастным, оказавшимся в воде в ярком оранжевом жилете, особенно привлекающим птиц, нельзя было позавидовать. С каким ужасом, наверное, приходилось взирать этим людям на приближающихся к ним чаек, которых совсем недавно они воспринимали как неотъемлемую часть морской экзотики, совершенно для них безобидной!

Вот и оказавшись на птичьем базаре, поначалу теряешься: как вести себя здесь, что противопоставить великому птичьему исступлению?! С наступлением утра всеохватный гвалт быстро растёт, раздирает рассвет на части и это повергающее птичье возбуждение неминуемо превращается в дикое празднество. Всё новые стаи слетаются откуда-то, вступая в воздушный хриплый ор, в то время как уже сбившиеся в огромное облако птицы жмутся к воде и вода вскипает от их белопенного неудержимого вторжения. Сквозь этот хаос, кажется, невозможно пробраться даже кораблю.

А морские хозяева вовсю пируют, пьянея от обилия корма и воли. Живое облако превращается в торжествующую тучу, способную взбудоражить, наверное, даже подводный мир. И всё-таки, в своём несметном количестве чайки чрезвычайно красивы, необычны, и сделали бы честь любой птичьей стае, вознамерившейся кого-либо повергнуть или хотя бы удивить. В чайках поражает остервенелая индивидуальность их бесчисленного племени, в котором каждый член – несгибаемый и неумолчный дух, очаровывающий своей непревзойдённой воздушной формой, цветом и устремлением.

Чтобы художнику, скажем, передать эту всеобъемлющую многочисленность, необходимо, должно быть, выписать каждую чайку с её жадностью, неслыханным бесстрашием и красотой. В тоже время не устаёт поражать неслыханная доверчивость этих прекрасных тварей! Замечая любую возможность поживиться, даже если это бесхитростная человеческая приманка с леской и крючком, тысячи пернатых безумцев начинают бороться за право быть пойманными. Восхитительные и глупые чайки! Безмозглая жертвенность красивых птиц вынуждает пребывать в таком же красивом неведении относительно людей, способных на многое высокое, но пользующихся необоснованно низким малым…

Когда рассвет над морем перетекает в роскошный, полный жизни день, чайки, устав добывать пропитание, постепенно разлетаются и воздух будто пустеет. Вспенённая водная поверхность сверкает в золотистых солнечных лучах, словно переливающаяся груда несметных драгоценностей, и в этот миг перед вашим взором, наконец-то, предстаёт море, какое оно есть: с всепобеждающей синью и глубиной, радостное, таинственное и очень мудрое…

Однако вернёмся к всепобеждающему и жизнеутверждающему царству морских пернатых, среди которых белая чайка – ещё одна из птиц, чаще других посещающая птичьи базары. Кажется, она олицетворяет чистоту и моря, и неба, и незамутнённого ничем студёного воздуха, который до предела насыщен присутствием пернатых. Птицы – повсюду, и среди них – белые изящные силуэты, необыкновенно оживляющие суровое северное пространство. Из-за ослепительной белизны птиц создаётся впечатление, будто они только для этого и созданы, и, конечно, ты забываешь о том, какие чайки надоедливые, крикливые, а порой - просто невыносимые.

Белая, как полярный снег, чайка эта ещё более ослепляет, подчёркивая свою белизну коротким зеленовато-жёлтым клювом и красными краями век. У молодых птиц случаются на крыльях тёмные пестрины, но и они лишь привносят в белизну присущую ей чистоту. Белая чайка – это неподдельная радость, которую хранит в себе море, и её обитание на диких дальневосточных островах придаёт ему ещё большее обаяние.

Белые чайки всегда присутствуют на птичьих базарах, без них он не полон, не насыщен таким очарованием, которое приносит нежный излом белых крыльев, и даже когда чайки дерутся между собой, это не вызывает

какого-либо отторжения. Белая чайка – истинное украшение северной природы, у моря, когда всё живое радуется приходу весны, в том числе – и мы, люди, взирая на кружащих над головой белых чаек. Суровое ледовое окружение для этой чайки привычно, всю жизнь она проводит среди снегов и льдов, и тёплые края её не привлекают.

Взирая на кружащих над головой белых чаек, всегда выделишь среди них какую-то одну, почему-то приглянувшуюся тебе, и уже стараешься не упустить птицу из виду. А чайка, будто чувствуя твоё внимание, и вести себя начинает соответственно своим переживаниям: она, по-видимому, всё понимает и старается не изменить себе, уделяя внимание человеку. Чайка чувствует твою энергию, кружит рядом, то приближаясь, то удаляясь, но не в силах оставить приглянувшийся ей, необъяснимый источник чего-то притягательного: птице хорошо с тобой, она, кажется, становится ещё более счастливой от того, что прилетела на птичий базар и встретила там неизвестную, но дорогую для неё энергию. Чайка может даже обезуметь от переполняющих её чувств, и от тебя, наверное, зависит, - как глубоко ты сам чувствуешь и понимаешь её незаметную птичью судьбу, способную, оказывается, и к сопереживанию.

Глядя на белую чайку, всегда почему-то представляется, что все чайки непременно должны быть белоснежными. Таково первое впечатление, когда сталкиваешься с этими оживлёнными морскими птицами. Но, присмотревшись к ним повнимательнее, вскоре уже так не думаешь, захваченный более их своеобразием: чайки могут быть и сизыми, и серыми, и пёстрыми, и даже розовыми, каждая при этом неся и отстаивая своё, ни на кого не похожее «я». Белая чайка в этом многочисленном ряду – как будто начало начал бесконечного птичьего рода, испокон веков приносящего человеку больше пользы, нежели вреда.

Во-первых, белые чайки всегда радовали человека, побуждая осуществить свою самую сокровенную мечту. И человек, благодаря присутствию рядом с собой этих птиц, действительно начинал жить по-новому, более достойно, воплощая в делах и поступках то, что совсем недавно казалось ему недосягаемым. Своей сокровенной белизной и стремительно-зависающим, кажущимся совершенно отрешённым от всего полётом, хотя это и не так, чайка просто убаюкивает и сознание, и восприятие, и даже чуткую сосредоточенность души, когда неутомимо следишь за птицей, боясь упустить её из виду. Так она прекрасна, и не надо думать, что получается у неё всё это волшебство случайно… Нет, чайка – убедительная вдумчивость природы, её чудесный лёгкий сон, надежда для того, кто сам себя в себе оставил, не веря в заложенные в него силы, а разглядев на горизонте белоснежную прекрасную птицу, чудесным образом вернулся к своей неповторимой душе.

А белая чайка будто торжествует, казалось бы, никчёмная в сравнении с нашими огородными горихвостками, уничтожающими за день до пяти тысяч вредных насекомых и сберегающих урожай, но, несомненно, птица

совершенно незаменимая в море, когда ты надолго покидаешь берег. В восхищении взирая на белую чайку, тебе невольно вспоминается занесённая дорогими сердцу снегами среднерусская полоса, оказывается, совсем позабытая за морскими красотами, и именно белоснежная чайка тебя к ней возвращает. Одиноко парящая над морем белая чайка напоминает собой необъяснимо любимую, родную снежную безбрежность, её непревзойдённую белизну, и на душе вдруг становится так, будто ты только родился, уже точно зная, что никогда не умрёшь…

Много интересного связано с чайками, в том числе – и с белыми. С помощью этих хорошо заметных птиц, например, английские моряки в годы второй мировой войны довольно успешно охотились за подводными лодками противника. С учётом того, что у чаек отличное зрение и что они подбирают в море судовые отбросы, английским подводным лодкам было дано задание – в проливе Ла-Манш оставлять за собой следы из камбузных отходов. Это стало привлекать тучи чаек, которые привыкли видеть тень лодки, а затем появление корма. Постепенно у них выработался рефлекс – кружиться над всеми подводными лодками в ожидании пищи. А так как передвижение своих кораблей командование ВМС Великобритании чётко контролировало, то всегда было ясно, когда чайки летали над чужими подводными лодками.

Конечно, может возникнуть ощущение, что чайки в своих действиях подвержены природному инстинкту, но они вовсе не глупы, и доказательством этому может служить случай, произошедший с одной пожилой американкой. Восьмидесятидвухлетняя американка Флинн Рэйчел, прогуливаясь по берегу моря, оступилась, упала с высокого откоса и сильно расшиблась. Рядом с женщиной опустилась морская чайка, которую Флинн постоянно подкармливала хлебом. Через минуту чайка взмыла в небо, подлетела к дому Рэйчел и стала отчаянно биться в окно. На шум вышла сестра Флинн и, догадавшись, что всё это неспроста, поспешила за птицей, которая привела её к месту несчастья. Флинн спасли только благодаря быстро оказанной помощи.

Чайки – превосходные летуны, и когда они скользят по воздушным струям, можно вскоре с уверенностью ожидать перемены погоды к худшему: погода неустойчива, раз есть восходящие токи воздуха, давление понижено. А раз достаточно сильно понизилось давление воздуха, чайки выбираются на песчаные или галечные берега, оправдывая известную пословицу – «чайка ходит по песку, моряку сулит тоску». Следует ждать шторма и, скорее всего, затяжного, и, значит, поднимающийся ветер и волны понесут к берегу всякую поживу, до которой так падки чайки.

Зато, когда чайка села на воду или даже на оснастку корабля, чтобы только не летать, тогда можно надеяться на устойчивую хорошую погоду. Чайки присаживаются на воду потому, что нет им поддержки от восходящих воздушных потоков – вода холоднее воздуха и давление высокое. Кстати, тело чайки неглубоко сидит в воде при плавании, поскольку кости у неё не сплошные, они наполнены воздухом, и, вероятно, резкое понижение

давления воздуха, предшествующее шторму, вынуждает их нещадно ныть, от чего особенно выразительными становятся крики и стоны чаек в штормовую погоду. Словом, по поведению чаек можно безошибочно определить погоду, и это, несомненно, было ощутимой поддержкой морякам в прежние времена, когда они были лишены таких точных приборов, как барометры. Различимая в любую погоду, белая чайка не раз, наверное, спасала отчаянных мореходов.

Но если в море можно, наверное, ориентироваться по птицам, исходя из их укоренившихся привычек, то находясь на птичьем базаре, эта возможность совершенно пропадает. Опытный моряк знает, что днём морские птицы летят хаотично: они просто парят над водой, выжидая, когда на поверхности появится рыба, чтобы мгновенно на неё спикировать, а ближе к вечеру они своим поведением могут подсказать моряку, близка ли земля. Если птицы опустятся на воду и будут спокойно сидеть, покачиваясь на волнах, значит, земля далеко. Когда же они взмывают высоко в небо и устремляются всей стаей в определённую сторону, земля близко, и птицы хотят отдохнуть там за ночь.

С помощью белых чаек айны, коренные жители Курил, промышляли лис. Привязав чайку к чему-нибудь в том месте, где приметят лисьи следы, окружали её петлями, а охотник сидел, притаившись, чтобы лисица не успела, попавшись в петлю, перегрызть её. Зверь, услышав порхание свободолюбивой птицы, не знающей покоя, и тем более – скоро завидев её, тотчас бросался на свою добычу и попадал в петлю. Таким образом, неугомонность заметной чайки с выгодою использовалась местным населением, которое хорошо знало окружающий мир природы.

Белая чайка, наверное, именно за свой неугомонный нрав и яркость оперения, служила у мудрых айнов приманкой ещё для одного хищника – орла. На берегу они ставили небольшой шалаш с одним отверстием на самом верху. Внутри шалаша, сразу под отверстием, привязывали белую чайку. Орёл, спустившись, вцеплялся в неё когтями, и пока он силился добычу свою оторвать или оставался пировать на ней, его убивали.

Белую чайку невозможно было не заметить, и люди, тесно связанные с природой, ценили её свойства, отдавая дань в своём культе морской птице. Скульптурные изображения птиц имеются на многих предметах, которые, благодаря этому, на взгляд айнов, приобретали все лучшие качества птицы: хорошую ориентировку, возможность легко преодолевать значительные пространства, изощрённую способность к добыванию пищи, а значит – выживанию и продлению рода, вольного и красивого образа жизни. Символическое значение имела фигурка птицы, вырезанная на коньке крыши надмогильного домика, предполагающая положительную роль для находящейся в домике души. Гармония, установившаяся между птицей и человеком, кажется, не несла ничего худого ни тому, ни другому.

Но что, если птицы живут одним грабежом, которому они подвергают менее слабых чаек, кайр, чистиков и топорков, а иногда даже детёнышей котиков? Как это делают, к примеру, большие североморские чайки…

Возможна ли в природе подобная кровожадная отрешённость, когда одни птицы всё время преследуют других, и ничего более их не занимает?

Беспримерная настырность этих крупных чаек скорее не озадачивает, а поражает, и всё-таки, несмотря на их беспощадность, они, между тем, не приносят особого вреда всем вышеперечисленным видам. Наоборот, благодаря жестокой нацеленности большой североморской чайки, кажется, не без удовольствия осуществляющей свои нападки, происходит отбор самых приспособленных и поддерживается здоровье и постоянный уровень жизнедеятельности всех членов популяции птичьего базара. Как на острове Тюленьем, славящимся и многочисленными гнездовьями пернатых, и ежегодным приходом на остров морского зверя…

Вдоль всего котикового лежбища, возле серо-голубых скал, нависших над ним, торопливо пролетают старики, конюги, топорки, кайры и бакланы, поглощённые своими птичьими заботами, и только большие североморские чайки никуда не спешат, а назойливо парят поблизости, высматривая поживу. Вот одна опустилась близ недавно родившей матки, попыталась подойти к ней, чтобы утащить детёныша, но зверь отогнал птицу. Чайка терпеливо выжидает. Наконец животные привыкают к присутствию птицы настолько, что теряют в какой-то момент бдительность, и хищник беспрепятственно хватает мощным жёлтым клювом малыша, вытаскивая его на свободный участок лежбища. Но тут новое осложнение – на чайку набрасывается самец, и птица вновь отскакивает, терпеливо выжидает, а когда зверь возвращается к гарему, спокойно оттаскивает добычу ещё дальше и принимается её расклёвывать. Конечно, больно наблюдать за этой трапезой, жалко несмышлёных малышей, но такова суровая жизнь у самого моря, которая неотступно притягивает своей открытой и доступной красотой.

Эти извечные спутники морей и диких скалистых берегов, несмотря на свою хищность, действительно красивы. Они вооружены длинными жёлтыми клювами, загнутыми на конце, как пиратские кинжалы. Острые и цепкие, они не знают жалости ни к своим пернатым собратьям, ни к их потомству, ни к беспомощным чернышам – детёнышам морских котиков. Эти сильные североморские чайки – жестокая изощрённость, живущая у моря и питающаяся чужой слабостью.

Их не назовёшь ненасытными, они почему-то именно злые и безжалостные, оказывающиеся именно там, где в этот миг нужна поддержка, а не насилие. Но они несут с собой только насилие и страх, всех повергая своим появлением в смятение. Молниеносное нападение, удар и расправа, чтобы в следующий миг повторить то же самое. Им некого страшиться, может быть - только без ущерба для себя опасаться, и большие чайки вовсю бесчинствуют, наводя среди пернатого населения прибрежных скал и диких островов ужас.

Впрочем, переживают ли в полной мере ужас совершенно беззащитные птицы или маленькие животные, когда они оказываются повергнутыми безжалостными «воздушными пиратами» мгновенно? Успевают ли они хоть

как-то отреагировать на происходящее? Ведь мгновенность – суть жизни морских стервятников, и они безукоризненны в своей природной приверженности. Движения их отточены и ловки, устремления же однозначны: большие и сильные чайки берут то, что принадлежит им по праву, а подвергнувшиеся нападению птицы даже не успевают ужаснуться.

Но при этом большие североморские чайки не всегда прямолинейны, как принято о них думать. Им, оказывается, присуща изворотливость, которой можно только позавидовать, учитывая, какие эти чайки настырные. По всей вероятности, это самое качество в условиях жёсткой борьбы и предопределило у птиц неминуемость наглого натиска, когда неограниченная ничем сила достигла пика.

Большие сильные чайки превратились в холодных палачей, за что и получили, должно быть, среди моряков, большинство из которых были выходцами из среднерусских деревень, своё отчаянное прозвище – «мартыны», суть которого – в настигающей их на птичьих базарах некоей бездушной слепоте, обуревающей по весне, на Мартына-лисогона, лисиц, теряющих над собой контроль. Знающие русскую природу, бывшие мужики, ставшие моряками, видели в лихой безудержности чаек неподдающуюся описанию весеннюю взбудораженность зверей, заключающуюся, по их мнению, в ёмком, каком-то оторванном и брошенном в пространство имени – «мартыны». А ещё «мартынами» в России называли чернорабочих артельщиков, которые шли в работу к купцу бесплатно, устраивали крытые лубьями и рогожами амбары, принимали, меряли и ссыпали пшеницу на свой ответ, всею артелью живя воровством и обмером, кражей хлеба у продавцов. Понятие «мартынничать» или «мартышничать» - означало промышлять мошенническим занятием, и пошло оно, по-видимому, от слова «мартышка», от зверя, также проживающего мошенничеством и кражей.

Изощрённость «мартынов», конечно, отлична от простой изворотливости, присущей рядовым чайкам, и несёт в себе идеальное угадывание ситуации, которую можно максимально обернуть в свою пользу, порой даже доведя до абсурда. Вот, самка морского котика отлучилась в море, чтобы привести себя в порядок от последствий постоянного ухаживания взрослого самца, а один из её многочисленных детёнышей на какое-то время остался один. Я наблюдал подобный случай неоднократно, причем, вблизи, и всегда поражался умению «мартына» мгновенно оценивать конкретную обстановку, когда вокруг расположилось звериное стадо в несколько сот голов…

«Мартын» безошибочно примечает оставшегося без присмотра малыша, в мгновение оказавшись рядом, и прикидывается обыкновенной любопытной чайкой, не предполагающей какого-либо злого умысла. Он опустился на песок меж блестящих, распластавшихся тел котиков как будто случайно, чтобы просто передохнуть. И вдруг – бросок, молниеносный удар по неокрепшему черепу и хладнокровно выклеванные маленькие голубые глаза… Разве мало ему поблизости корма и во имя чего он так

неистовствует? Причём, спокойно, совершив этот вандализм – тотчас забывая о нём и нацеливаясь на другой подходящий объект.

Мало того, у большой морской чайки, имеющей длину тела более семидесяти сантиметров, а размах крыльев около двух метров, зачем-то существует двойник – большая полярная чайка, обладающая такими же внушительными размерами. Родиной этих прекрасных птиц служит крайний север, и большая полярная чайка также охотно посещает птичьи базары, где для неё – полное раздолье, ибо не существует врагов. Большую полярную чайку неслучайно прозвали «бургомистром»…

«Бургомистр» в северных балтийских губерниях – градской начальник, а в русских деревнях помещик ставил бургомистром над вотчиной старосту из крестьян. При Петре 1 в 1699 году посажены были по городам бургомистры или бурмистры, подчинённые московской бурмистерской палате или ратуши. Словом, «бургомистр» - всему голова, выше его – никого нет. По этому значению, видимо, и отметили звучным именем крупную полярную чайку, задающую порядок среди морского пернатого царства, её постоянно путают с большой североморской, и неслучайно, но это, всё-таки, разные птицы, хотя и схожие по характеру и внешнему облику.

И ещё несколько слов о главенствующих на птичьих базарах птицах, отличающихся значительными размерами и наглостью: не стоит путать большую морскую чайку, кем-то называемую «мартыном», и большую полярную, именуемую «бургомистром», с тихоокеанской клушей. Как и «бургомистр», и «мартыны», клуша, несмотря на своё непутёвое имя, осуществляет набеги на кладки яиц кайр и их птенцов, поедает плаценту, оставшуюся после щенки самок морского котика, нередко атакует павших детёнышей морского котика и даже новорождённых, сначала выклёвывая им глаза. На острове Шикотан клуши даже питались во времена китового промысла останками китов, выбрасываемых в море китобойным комбинатом.

В общем, клуша, как и большая североморская чайка, и бургомистр, - грозный морской хищник, и прозвали её так, видимо, из-за частичного сходства с квохчущей наседкой, какой она себя проявляет, когда насиживает яйца очень плотно: к насиживающей самке можно подойти почти вплотную, и она не оставит гнезда. А поскольку «клушей» испокон веков называли ещё и дурно одетую или закутанную, чем ни попадя, женщину с серыми быстрыми глазами воровки, что очень напоминает эту птицу, имеющую ко всему прочему очень растянутую линьку, и, следовательно, постоянную взъерошенность, то, может быть, всё вышеизложенное и послужило основой для наименования большой и несколько неопрятной тихоокеанской чайки «клушей». Но стоит увидеть клушу в действии, когда она нещадно терроризирует обитателей птичьего базара, и вы позабудете о её несколько неожиданном для неё прозвище: ведь, скорее, она – хищник, нежели «клуша» в той мере, в которой её больше воспринимают?!

Конечно, чаще всего эта птица держится на морских побережьях, где питается выбросами моря: морскими ежами и звёздами, крабами и

ракообразными. На Курилах я видел, как клуши охотятся за ходовой рыбой, поджидая движение сельди. На острове Тюленьем клуши охотно поедают яйца и птенцов кайр, а также рыбу, приносимую кайрами для птенцов. На Сахалине какая-то часть клуш даже улетает далеко от морских берегов, в глубь острова, где они охотятся за полёвками. Нередко клуши забивают детёнышей морского котика и даже новорождённых… Но, тем не менее, эта тихоокеанская чайка – ещё одна необыкновенная птица, украшающая собой прибрежные скалистые обрывы, небольшие острова, разбросанные по морю, или отдельно стоящие в море кекуры…

… Жизнь у моря, при видимой размеренности происходящего, необыкновенно кипуча и таинственна. Поначалу ты начинаешь чувствовать себя здесь каким-то затерявшимся несмышлёнышем, которого, как и этого несчастного котика-черныша, забиваемого чайками, кто-то водит за нос и наслаждается от ощущения твоей растерянности. Вот когда нужно собрать свою волю в кулак, и вслушиваясь, всматриваясь в окружающий мир – попытаться почувствовать себя ему сопричастным.

Птичий базар околдовывает и будоражит, и ты рано или поздно, оказавшись на нём, откажешься от несущественного в своей жизни и воспрянешь духом, если хотя бы на миг утратил его присутствие. Тебе, опять же, помогло море и те существа, которые слагают его суть, - морские птицы…

Какая радость, думаешь ты, что однажды море предстало перед тобой, ты жил в нём и желал для всех такого же счастья обладания тем, что никогда нельзя потерять. Радость обладания была всегда так огромна, что хотелось делиться ей, никого при этом не обременяя. Но разве возможно обременить счастьем обладания такой необъятной радостью, как море?

На первый взгляд безмерность его ограничена уровнем развития твоей души… Но потом ты понимаешь, что как бы развита ни была она, море всё равно остаётся безмерным и непостижимым. И птичье царство на краю его будет всегда лишь свидетельствовать о морской безбрежности, несущей в себе притягивающую необъятность, обаяние нескончаемой широты, куда можно всегда отправиться в путешествие. Птицы, несомненно, украшают удивительное морское пространство, они его ещё более насыщают жизнью.

Пожалуй, хватит перечислять особенности птиц, посещающих птичьи базары, тем более, их всех не перечесть, так они многочисленны и неподражаемы. Птичьи базары хороши именно своим необыкновенным птичьим сообществом, тем, что вместе собираются непохожие друг на друга птицы, и все они – по-своему неповторимы. А люди стремятся к ним, и, как ни странно, пытаются найти среди этих птиц своё счастье. Вернее, самого себя, то, на что ты способен.

Птицы, оказывается, помогают человеку почувствовать себя другим, лучшим, готовым посвятить свою жизнь нескончаемому путешествию к

Божественному тождеству, к возможности воспарить над собственной нерешительностью и достичь недостающей гармонии со всем миром. Стать птицей в собственной душе, означает – полететь, и мысленно и наяву к самому дорогому, что может быть для человека, к Богу. И чайки, и тупики, и конюги со стариками, и топорки, и даже клуши, кажется, осознанно приглашают нас к какому-то очень важному, внутреннему учению, не считая человека чужим. Вот что почувствовал я на многоголосом и не поддающемся точному описанию птичьем базаре, где и мысли, и душа моя, и сам я превратились в морскую птицу, мужественно отстаивающую свою способность быть свободным, вольно паря над бескрайней морской стихией, не отрываясь сердцем от суши.

Интересно находиться на птичьем базаре, когда и одинокая скала, и море окутаны туманом… Птиц не видно, но вскрикиванья их перемешиваются и, благодаря туманной пелене, будто приближаются к тебе вплотную. Вот-вот чудится, что обеспокоенные туманом птицы налетят на тебя и сшибут с ног, и тебе не удержаться на голых, скользких камнях. Все птицы воспринимаются большими, еле различимыми тенями, и вдруг где-то прорвётся туманная завеса, выглянет солнце и в коротеньком разрыве откроется холодная небесная синева, и упругая зелень моря… Необыкновенно радостно станет на душе!

А уже через несколько мгновений туман, подобно театральному занавесу, раздвигается, и взору открываются серовато-голубые скалы, где густо, плечом к плечу, сидят чайки и кайры, оглашая всё близлежащее пространство неумолчным криком. Каменный остров – сплошная копошащаяся птичья колония, где каждому, как это ни странно, находится место, ибо когда одни птицы срываются в полёт, другие, возвращаясь с моря, тотчас их заменяют. Во истину – птичий рай, несмотря на жуткую тесноту и плотность!

Чайки, словно снег, покрывают обрывистые отроги. Они не боятся человека, и смело нападают, непрерывно обстреливая серовато-белыми брызгами помёта, который ударяется о камни и медленно сползает длинными рваными полосами. А сидящие на краю карниза кайры, то и дело поливают жидкими испражнениями других птиц, сидящих ниже на скале.

Вокруг стоит неописуемый ор, и невозможно различить, кто шумит более – птицы или море? Самки с криком встречают подлетающих с кормом самцов, особенно усердствуют моёвки, и тяжело вздыхает внизу прибой. Гам, шум, крик налетают какими-то рваными порывами, а лицо приятно обдаёт сырой тёплый воздух, принося солоноватые запахи взбитой волнующимся морем пены, холодного камня и смрада птичьего базара, в котором перемешаны горечь оплывающего грязного льда и затхлость полуразложившейся рыбы, зловоние птичьего помёта и разбитых яиц, терпкая морская свежесть… Кипит великое птичье сообщество, состязаясь с самим морем, и необыкновенно радостно быть здесь и всё это видеть!

И всё-таки, намаявшись от нелёгкого труда у моря, с его промозглой сыростью и ветрами, неустроенным бытом и опостылившей ломотой в суставах, перенасыщенных азотом, захочется тебе, рано или поздно, сухого тепла и домашнего уюта. Экспедиция подходит к своему завершению: сколько незабываемых впечатлений увозишь ты с собой, счастливый от переполняющих тебя эмоций! Не терпится поделиться ими с друзьями и родными, с нескрываемым восхищением передавая увиденное, а потом вдруг успокаиваешься, неожиданно замкнувшись… Север научил тебя быть сдержанным, несмотря на шумное многоголосье разнопёстрого птичьего базара, куда ты вскоре вновь мечтаешь отправиться, чтобы до глубины души проникнуться его скупыми красками, запахами и неугасимым жизненным ритмом… Птичий базар неотступно манит тебя в новое увлекательное путешествие.

«БАКЛАН»

В безлюдных дальневосточных просторах, среди угрюмых скал, обитает не похожий на других морских птиц баклан. Море в изобилии даёт ему корм, а неприступные скалистые кручи служат птице укрытием и местом гнездования. Бакланы всегда встречаются недалеко от земли.

Бытует мнение, будто бы наличие птиц в море – есть верный признак близости земли. Это далеко не так, поскольку есть птицы чисто водяные, которые держатся постоянно над водой и к ним относятся альбатросы и разного рода буревестники. А вот появление рядом с судном бакланов означает, что берег должен быть где-то поблизости. Бакланы более привержены берегу, нежели открытому морю.

Этих необычных на вид существ – бакланов, редко увидишь вместе с кайрами, тупиками, топорками или какими-либо чайками. Чаще они держатся в одиночестве, когда часами, совершенно неподвижно, просиживают на прибрежных скалах или отдельных камнях у самого моря. Такое задумчивое пернатое племя, на первый взгляд, непонятно для восприятия, потому как большинство морских птиц крикливо, и ведёт себя всегда очень оживлённо. И, тем не менее, бакланы не выглядят птицами, желающими только чтобы их не заметили, а наоборот, как бы даже приподнято насторожены в своём терпеливом ожидании у моря.

«Чёрные птицы»… Так называют бакланов впервые увидевшие их люди, и довольно мрачное первое впечатление развеивается только после того, как они познакомятся с ними поближе. Бывает, на уступах скалы, от её подножия до верха, по самым узким карнизам, умещаются тысячи морских птиц, гнёзда их – повсюду, но бакланы почему-то предпочитают держаться в отдалении – на прибрежных камнях, хотя и рядом с бесчисленным птичьим сообществом. Бакланы не белят так скалы известью, как чайки.

Оперение бакланов действительно чёрное, с зеленовато-бронзовым оттенком, который можно различить лишь вблизи. Крылья у бакланов короткие, закруглённые, и по этой причине птицы не могут долго парить над морем. Ноги же у них отнесены далеко назад, что облегчает бакланам плавание и особенно – ныряние. Вдобавок, стержни грудных перьев у баклана сильно изогнуты, и поскольку при нырянии оперение испытывает в воде большое давление, то изогнутые стержни слегка разгибаются, не прижимаясь к телу птицы, и перья намокают не сразу. С таким расположением ног, оперением и короткими крыльями баклану легче передвигаться под водой, чем по воздуху.

Ещё у баклана клюв загнут на конце крючком, что придаёт птице сосредоточенный вид, даже некую основательность. Но такое строение клюва необходимо для удержания сопротивляющейся добычи, будь то маленькая рыбёшка или моллюск. Отыскав добычу, баклан ловко зажимает её в клюве и устремляется на поверхность, где, резко откинув голову назад,

тотчас проглатывает. Ни секунды не передыхая, он, в мгновение перевернувшись, вновь бросает себя в очередной нырок, и до того у него это получается целеустремлённо и расковано, что ты невольно начинаешь завидовать птице. Вот бы и тебе так же озорно и стремительно освоить погружения под воду, а ведь баклан способен нырять на несколько десятков метров!

Под водой баклан совершенно преображается! Как молния проносясь в толще воды значительные расстояния по горизонтали, баклан способен опускаться на глубину и по вертикали, зигзагообразно сложив крылья и вытянув шею. Со стороны сначала покажется, будто это запущенный кем-то бумеранг, разящий без разбору каждого, кто попадается ему навстречу.

Манёвренность прохождения под водой у баклана невероятна: он гребёт и взмахивает крыльями в толще воды точно так же, как и в воздухе. Во время нырка баклан может молниеносно менять направление, вкручиваться в глубину наподобие штопора, вертеться на месте и крутить сальто с такой лёгкостью, что даже засомневаешься: не рождена ли эта птица для подводного обитания и так ли свободно она нацелена на добычу в воздухе?

Причём, ныряет баклан чаще всего из положения на плаву, и под воду уходит мгновенно, находясь там минуту и даже более. Судя по всему, баклан чувствует себя в воде увереннее, чем на берегу, а главным движителем его оказываются лапы с широкими перепонками. Короткие же крылья используются как их дополнение, для манёвра. Необыкновенная птица, порождённая неповторимой морской стихией!

Однажды, работая под водой, я был напуган подобным нырком баклана, который вошёл в воду совсем рядом, оставив за собой пенящийся шлейф. Его тёмно-коричневое оперение мгновенно покрылось мириадами воздушных пузырьков, и баклан предстал прямо перед моими глазами в сверкающем одеянии, лихо наброшенного на его выпуклые плечи. Баклан даже, кажется, скосил на меня свой карий глаз, и ещё более остервенело рванулся вниз. Поначалу я подумал, что это свалился с прибрежной скалы камень…

Прошло больше минуты, а баклан не появлялся. Наверное, он уплыл куда-нибудь в сторону, подумал я, и прошло ещё с полминуты, прежде чем я заметил, уже в значительном удалении от себя, устремлённую наверх птицу. Баклан теперь выглядел каким-то сдавленным, как будто он похудел на глубине, и чуточку истощённым, но всё равно плыл к поверхности уверенно, в этот раз не взглядывая на меня. Всё его спрессованное подводным давлением существо было нацелено на высвобождение от глубинных пут и баклан что было сил молотил перепончатыми лапами, будто бежал по земле. Вскоре он исчез, и лишь серебристая дорожка мелких пузырьков какое-то время напоминала об этом отважном ныряльщике.

Бакланы действительно отменные пловцы и способны погружаться на очень значительные глубины, демонстрируя восхитительную технику

ныряния. Недаром японцы использовали этих птиц при добыче жемчуга, когда бакланы, опускаясь на дно, выхватывали из раскрытых раковин драгоценные горошины, привлекающие их своим блеском, и, зажав в клюве, поднимались с ними наверх, к своему хозяину. Баклан, при своей склонности погружаться на значительную глубину, мог поднять со дна гораздо большее количество жемчуга, чем ныряльщик.

Держась больше у берега и добывая себе пищу, в основном, подводным способом, баклан, тем не менее, довольно быстро летает. Правда, полёт у него какой-то прямолинейный, не манёвренный, как у чаек, и когда он летит, вытянув длинную тонкую шею и часто взмахивая крыльями, то несколько напоминает уток или гусей. В облике баклана вернее обнаружишь нечто сухопутное, отчего поостережёшься сразу назвать его «морской птицей», и более того, сразу после первого знакомства с ним, возникает ощущение, что полёт для баклана – довольно тяжёлая работа. И всё же некоторые бакланы не преминут из любопытства лишний раз облететь проходящее мимо судно, в удовлетворении усевшись в скором времени на камни.

Сидит баклан на оголившихся после отлива камнях обычно с полуразвёрнутыми крыльями, будто настороженно всматриваясь в простирающееся перед ним водное пространство, готовый вот-вот ринуться туда, и поначалу начинает казаться, что он высматривает добычу. Но приглядевшись, убеждаешься: баклан словно отчего-то забылся или даже задумался, отрешённо взирая на море, и вроде бы даже не помышляет о рыбе. А может быть он, таким образом, просто передыхает от напряжения, которое испытывает на глубине…

Вероятнее же всего бакланов можно часто видеть торчащими столбиками на прибрежных камнях потому, что они вынуждены всё-таки время от времени просушивать перья. Пепельно-коричневое оперение бакланов недаром грязновато, до черноты, под стать прибрежным невзрачным камням, но как бы бакланы не маскировались, их всё равно сразу отличишь по неподвижной вытянутой фигурке, напоминающей кувшин с длинным горлышком или бутылку шампанского.

Что высматривают бакланы в бесконечной морской дали, о чём их непостижимые птичьи думы, - непонятно. Может быть, они силятся что-то вспомнить или им просто некуда девать своё время? Но ведь другие морские птицы не ведут себя подобным образом, и даже присаживаясь отдохнуть на какое-то время, вскоре вновь срываются в стремительный полёт над морем, на который они обречены всем своим образом жизни… Бакланы же продолжают своё отрешённое созерцание морской поверхности, кажется, не в силах оторвать от неё взгляд.

Устроившись поудобнее на голых скалах, бакланы обычно сидят, не двигаясь, лишь изредка поводя головой из стороны в сторону, и вновь на долгое время замирают. Иногда они утробно курлычут – «урр…урр…урлл, урр…урр…урлл…», как будто чем-то недовольны. Но так, правда, беспокоятся по весне и в начале лета только заботливые бакланьи мамаши,

которые закрывают растопыренными крыльями своих длинношеих детёнышей, наклоняя на бок головы, - видно, что у них на уме одно беспокойство и тревога за своих малышей.

В таком положении бакланы подпускают к себе очень близко, и можно подобраться к ним на несколько метров, хорошо разглядев зеленовато-сизое горло и грудь, чёрно-угольную спину и в бурых подпалинах крылья с хвостом. Глаз у баклана тоже какой-то зеленовато-сизый, с чёрной точкой посередине, и он почему-то всегда тревожно сверкает, то и дело вздрагивает, как тёмно-серый мешочек под клювом – своеобразная кошёлка для рыбы. Малыши обычно бесцеремонно заглядывают в него и шарят там в поисках рыбы, у каждой мамы их не меньше трёх.

Бывает, бакланы сидят на камнях у самой воды, в цепочку, и вспугнутые чем-либо, также все вместе поднимаются в воздух. Птицы летят вслед друг другу, вытянувшись в длинную вереницу, словно нанизанные на невидимую верёвку неведомые чёрные рыбины. Получается это у них так неторопливо и ровно, что, кажется, – нырни сейчас первый баклан под воду, и остальные тоже размеренно, ни секунды не колеблясь, дружно последуют за ним. Вся эта бакланья живая гирлянда завораживает именно своей размеренной неразъединённостью полёта, даже – тишиной, поскольку бакланы не издают при этом ни звука. Но самое поразительное, что они не меняют дистанцию между собой, сохраняя то расстояние, на котором отрешённо восседали рядом на камнях. Кажется, даже ружейный выстрел не нарушит этого выдержанного птичьего порядка.

Кстати, об охоте на морских птиц… Во времена Витуса Беринга на Командорских островах обитал очковый баклан, который довольно быстро был сведён на нет из-за своей доверчивости. Те самые, потерпевшие крушение матросы из экспедиции Беринга, и били птиц палками, и большие глуповатые птицы, а потому, отчасти, и неповоротливые, ничего не могли этому избиению противопоставить. Они действительно были порядком тяжёловесны, о чём свидетельствовал член экспедиции Беринга зоолог Стеллер, кстати, его именем впоследствии будет названа морская корова, так же, как очковый баклан со временем выбитая, так вот этот Стеллер утверждал, что одного очкового баклана с избытком хватало на троих измученных голодом людей. Вес этих птиц, опять же по воспоминаниям очевидцев, достигал 30 фунтов, то есть – двенадцати килограммов, и именно его большие размеры, доверчивость и вкусное мясо привели к тому, что за несколько десятков лет баклан этот полностью был уничтожен.

Что же касается вкуса мяса других морских птиц, то он даже для голодного человека неприятен, а кому-то и вовсе противен, поскольку запах морских растений, присутствующий в нём, очень чувствителен, и кусок птичьего мяса просто застревает в горле. В давние времена, когда судно уходило в море на два-три года и начинало скоро сказываться отсутствие свежего провианта, моряки ловили альбатросов и чаек на уду, после чего сразу в пищу пойманную птицу не употребляли, а некоторое время держали в

так называемом «курятнике», кормя мукой, разведённой на тёплой воде. Мясо птиц от этого постепенно теряло неприятный вкус и запах, отчего альбатросов можно было сравнивать даже с гусями, чаек же – с утками.

Мясо бакланов тоже сильно отдаёт морскими водорослями, а вдобавок – рыбой, к тому же – оно жестковато, и от долгой варки совершенно деревенеет. Когда нам пришлось однажды голодать около двух месяцев на острове Атласова, о чём будет рассказано позже, то легче всего получалось стрелять именно бакланов, поскольку сидели они на камнях у береговой полосы и были более доступны, нежели другие птицы. При отсутствии какой-либо другой пищи, за исключением ягод, отбитые бакланьи тушки шли у нас на «ура».

К слову заметить, мясо морских животных, а именно – дельфина или тюленя, не имеет подобного неприятного привкуса рыбы и водорослей, и даже более того, отдалённо напоминает, на мой взгляд, лесную дичь. Не знаю, чем это вызвано, но мелкопорезанные и пережаренные с луком кусочки мяса самки дельфина возбудили однажды в моей памяти ничто иное, как аромат хорошо пропечённой глухарятины. Впрочем, чего только не вообразит себе изголодавшийся желудок!

Но почему только баклан считается менее пригодным в пищу?! Вероятно, виной тому его способность нырять на довольно значительную глубину, когда у него оказываются задействованы все мышцы, и упражняясь таким образом в течение тысячелетий, эти птицы укрепили себя до невозможности: тела их стали твёрдыми и выносливыми. И где уж тут до кулинарных опытов, если мясо птиц трудно подчиняется обработке для приготовления самого неприхотливого варёного блюда, пусть даже для кого-то воспринимаемого изысканным?!

Да, бакланы – непревзойдённые ныряльщики! Конечно, есть морские птицы, которые и летают, и плавают, и ныряют несравненно дальше, быстрее и глубже, но разве можно сравниться с загадочным, каким-то совершенно необъяснимым в своём отрешённом поведении бакланом, когда он сидит спокойно на прибрежных скалах, так что трудно ожидать от него какого-либо неожиданного, не вяжущегося с его покойным образом поведения, и вдруг, сорвавшись, молниеносно врезается в морские воды, надолго исчезая в них. Неужели баклан погиб?

Раньше, ещё до того, как я стал погружаться под воду, мне всегда хотелось заглянуть туда, где волны только что сомкнулись над этой удивительной птицей, и посмотреть, как там у неё всё получается? Но прежде, чем погрузиться вместе с бакланом в глубину, я с какой-то необъяснимой привязанностью любовался, как он отрешённо сидит на скале, всем своим видом давая понять: уединённость – моя стихия, и точно так же, как я отрешённо держусь в одиночестве на берегу, я свободно парю и под водой. Мне нет равных в способности нахождения у моря с самим собой, когда я совсем один, и это состояние соответствует моему глубинному птичьему настрою.

Баклан как будто специально удалён от всего, исключён на время из жизни, может быть даже отлучён кем-то? Баклан и отделён от других морских птиц, существующих сообща, но в тоже время – с ними, только находящийся неподалёку. Возможность быть отрешённым обязывает баклана ко многому, ведь пропитание легче добывать себе в море дружным сообществом, и всё-таки – он один, а одинокому везде дом – и на голой скале, и на неприютном утёсе, и на открывающихся в отлив острых рифах.

Одна голова, как говорится, не бедна, а и бедна, так одна. Баклан не может быть иным, и лучше принять его таким, какой он есть, - непохожим ни на кого, задумчивым, даже по загадочному бесстрашным, составляющим одно целое с вольным морским простором.

С присущей бакланам необычностью, они и места обитания выбирают недоступные. Или это высокий, затерявшийся в море островок, или камни у прибрежной скалы, где даже в отлив никакой полоски суши нет, и к гнездовью не подойдёшь. Да и подплыть к нему вплотную тоже нельзя: участок воды у подножия скалы ограждён от вечно наседающих волн то появляющимся, то исчезающим под водой каменным барьером. Лучше сюда не соваться!

Мутновато-свинцовые воды тяжело и отупело бьются о груды скользких камней, неохотно разлетаясь на бессчетное количество холодных брызг, но не в силах сокрушить их. А бакланы сидят, как ни в чём не бывало на этих самых голых камнях, и не нужно им какого-либо другого убежища, где бы птицы почувствовали себя более свободно. Их дом – здесь, среди затерянных в тумане бухт и скалистых островков. Счастье бакланов – это именно неприхотливые птичьи радости, которые птицы переживают в необъятности неприютных северных морей, и которых лишить себя они не могут: жив баклан – живо и море, несущее всему живому своё спасительное дыхание.

Обычно, приближаясь к одинокому скалистому островку, застаёшь невообразимый птичий гвалт. Птицы, обременённые своими домашними заботами, улетают, снова прилетают и кормят птенцов. Поначалу всё это птичье столпотворение покажется сущей несуразицей и не поддающейся объяснению неразберихой, пока не соприкоснёшься с неизведанным миром величайшей жизненной энергии и не ощутишь на себе его силу. А когда ощутишь, то и себя почувствуешь неутомимым ныряльщиком – бакланом, с полным зобом возвращающегося с моря.

Вот, ты подлетаешь к утёсу, идёшь на посадку, и приспускаешь крылья, делая ещё что-то очень по-птичьему простое, присущее только баклану. Словом, включаешь какие-то «внутренние тормоза», на самом деле уже давно существующие в тебе, но не мешающие. Главное, что ты отчаянно не хлопаешь крыльями, не горланишь по чём зря, не жадничаешь, вытаскивая рыбу из-под других птиц, не хлопаешь отчаянно крыльями, стараясь создать ненужное возбуждение вокруг себя, чтобы насладиться сиеминутной победой… Вся твоя жизнь сейчас – это предоставленная тебе природой

возможность научиться преодолевать, казалось бы, непреодолимое, и разве обойдёшься при этом без обилия всех тех природных образов, что дарит море?!

А бакланам порой действительно приходится нелегко, особенно – в штормовую погоду, когда птенцам приходится нередко голодать, так как в эту пору бакланам добывать корм нелегко или почти невозможно. Удастся бакланихе возвратиться с промысла нагруженной рыбой – и малыши, а их у бакланов бывает по трое в гнезде, по очереди с пронзительным воплем буквально погружаются с головой в горловой мешочек матери, жадно вытаскивая рыбу и тут же проглатывая её. Детёныши изо всех сил стараются насытиться немедленно, ибо неизвестно – когда ещё мамаше удастся добыть корм! Самцы обычно свободны от семейных дел, и их задача – нести сторожевую службу. Тёмными вытянутыми силуэтами застывают они по краям утёсов, намётанным глазом поглядывая за тем, что происходит в бухте.

Словно неведомые сторожевые, как солдаты, располагаются бакланы по вершинам одиноких скал и утёсов, оборотившись к морю все в одном направлении. Обычно бакланы пользуются одним и тем же, раз избранным местом, и происходит это, по-видимому, ещё оттого, что ходьба для них весьма затруднительна и представляет собой жалкое ковыляние. Лучше – замереть, так что, заприметив птиц, поначалу подумаешь, будто кто-то оставил на прибрежных скалах изящные кувшины, вызывающие притягательное ощущение наполненности…

Да и самих бакланов нельзя обвинить в отсутствии содержательности, вернее – понятливости. Недаром в Японии и Китае бакланов издавна приучали, помимо охоты за жемчугом, ещё и к ловле рыбы, когда птицы беспрекословно исполняли волю человека. Дрессировать бакланов начинали с раннего возраста, вынуждая молодых птиц бросаться в воду, нырять и выносить на поверхность пойманную рыбу по приказанию хозяина. Естественное желание проглотить её баклан осуществить никак не мог по причине того, что на шею ему надевалось металлическое кольцо. Птице, волей неволей, приходилось плыть к лодке, где рыбак принимал у неё добычу, или он накидывал на баклана сетчатый сачок и подтягивал птицу к себе, так как часто случалось, что крупную рыбу баклан терял. Затем рыба отнималась, а в вознаграждение птица получала немного корма, после чего баклану давали отдохнуть и, вскоре, вновь посылали под воду. Чтобы смышлёная птица не удрала с рыбой, ей за ногу привязывалась бечёвка…

… Глядя на одиноко сидящих у самого уреза воды бакланов, у тебя, в конце концов, действительно возникает ощущение, что они о чём-то думают, в неподвижности взирая вдаль моря. Могут птицы находиться в таком состоянии и час, и два, и ни разу не поворотят головы, не обратят внимание на появление сивуча или человека. Ничто их, кажется, не интересует: только бы сидеть вот так, в одиночестве, на прибрежной скале, и созерцать бесконечность морского пространства. Баклан – это какое-то необъяснимое морское упорство, внутренняя нацеленность на то, чего ему совершить

никогда не суждено. Но баклан об этом не знает или не догадывается, и самозабвенно сосредоточен на своей неизведанной, может быть даже непонятной ему самому мечте, переживая, наверное, нечто непередаваемое, и, тем не менее, отчего-то близкое его трепетному птичьему сердцу, даже – приятное.

«КАЧУРКИ»

Не сразу и не всегда разглядишь над морем маленьких морских птичек – качурок… Имеющие оперение тёмно-коричневого цвета, в пасмурную погоду качурки кажутся и вовсе чёрными, неприметными. Впрочем, сквозь тёмно-бурую окраску иногда слабо проглядывает беловатый рисунок, но он бывает заметен лишь в ясный солнечный день и когда качурки находятся на достаточно близком расстоянии, а ещё лучше – в руках, после того, как столкнулись в непогоду с судовыми надстройками и, оглушённые, на время потеряли ориентацию. Осторожно проводя пальцем по взъерошенным перышкам, ты непременно разглядишь эти белёсые пряди и ещё более бережно разгладишь их, ощущая под рукой трепетное биение маленького птичьего сердца.

Наверное, именно из-за своего небольшого размера, стремясь остаться незаметными, качурки и ведут, по большей части, ночной образ жизни. В пору насиживания и выкорма птенцов устраивая норки, а где это невозможно – находя себе самые узенькие и глубокие закоулки и щели в скалах, качурки, в целях самозащиты, летают только ночью, днём же – беззвучно сидят в укрытии. Привычка хорониться от хищников, по-видимому, обуславливает и миграционные перелёты в ночное время, когда, как это нередко случается, птицы и попадают в непогоду, и поскольку летят качурки низко – они наталкиваются на судовые надстройки и во множестве гибнут.

Птиц, встревоженных бурей, словно охватывает какое-то безумие. Рассекая маленькими крыльями насыщенный влагой воздух, они мечутся над палубой, ударяются о ванты и рубку, истошно кричат, будто стараясь перекричать шум волн. Взмывая в метущуюся черноту, а затем камнем падая вниз, на палубу судна, птицы издают громкие и очень пронзительные вопли ужаса. Качурки обезумели от непрекращающейся непогоды, но их то и дело мелькающие в воздухе маленькие силуэты не кажутся зловещими. Скорее, они вызывают острое сожаление, что невозможно никак им помочь.

Птицы и воздух как бы сплавляются, становясь похожими на живую рваную тучу, разбивающуюся о судовые надстройки. Нет сил смотреть на всё это, но моряки ничего не могут поделать, и вынуждены только наблюдать за тем, как бьются несчастные птицы. Однажды в сильный шторм привелось подобное увидеть и нам, и все свободные от вахты члены экипажа, не сговариваясь, приняли участие в спасении попавших в беду морских ласточек, насколько это было возможно. Может быть, именно по причине сопереживания моряками незавидной доли этих маленьких морских птиц, они однажды и стали называть качурок «ласточками»…

Только вообразите себе… Ночь, штормовое море, и вы стоите на вахте, у руля, а в стёкла рубки, прямо перед вашим взором, ударяют волны… Сила волн такова, что при каждом ударе кажется, будто вот эта волна непременно сметёт всё на своём пути и, в том числе, вас. И точно с такой же силой,

вперемешку с мутновато-зелёными потоками воды, ударяются в окна надстройки и маленькие, коричнево-пегие птицы – качурки, не способные сопротивляться разбушевавшейся стихии.

Совершая долгий перелёт, птицы, по-видимому, абсолютно вымотались в борьбе с непогодой. Ураганный ветер высосал все силы из этих птах, они ударялись о такелаж судна, соскальзывали по стёклам рулевой каюты на мокрую палубу и оставались лежать там. У кого из них ещё хватало сил, прятались - куда было возможно, некоторые даже опять пытались взлететь, но сбиваемые смерчем, вновь ударялись о стальные борта и погибали.

Под утро те из птиц, что ещё остались живы, были истощены до такой степени, что отдавались в руки моряков без какого-либо сопротивления. И всё же, недоверие к людям не проходило, птицы, даже в каютах, старались спрятаться подальше, забиться под койку, в самый угол. Они были очень напуганы. И удивительное дело: маленькие пушистые комочки, избитые ветром и непогодой, как бы это странно ни звучало, дополняли суровую простоту судового быта и скрашивали вахту и часы отдыха экипажа, стремящегося хоть как-то помочь птицам. А сколько морских ласточек погибает в пути от переохлаждения!

Качурки до того хрупкие и стройные птички с массой тела всего в тридцать-сорок граммов, что на первый взгляд трудно даже вообразить, что они приспособлены к жизни в море. Английские моряки, имея, наверное, это в виду, уже давно прозвали их «цыплятами матушки Кери». Под матушкой Кери подразумевалась Святая Дева Мария. Богородица считалась покровительницей моряков, поэтому они уважительно называли её «наша Леди». С её покровительством связывалась, в частности, благоприятная погода, что было особенно важно во времена парусного флота:»Наша Леди, - говорили моряки, - попутный ветер».

У качурок есть ещё одна интересная особенность: в отличие от крохотного тела они имеют непропорционально длинные, буквально как ходули, ноги. При добыче пищи качурки, подняв крылья, танцующей походкой семенят по воде, бросаясь из стороны в сторону, и это, действительно, создаёт иллюзию танца. Так, пританцовывая, они и держатся всегда над морем, будто не желая терять с ним связи, и это выгодно отличает их от других морских птиц, гораздо больших по размеру, которые всё больше парят над морской стихией, словно опасаясь к ней приблизиться.

Вобщем, наблюдая за качурками, не перестаёшь удивляться, что такие крохотные птички – морские. Но и на суше качурки довольно беспомощны. Как и буревестники, они не могут даже стоять на ногах и при передвижении по земле опираются на всю цевку. И всё-таки, их стихия – море, и именно морю посвящают морские ласточки свой порхающий полёт и трепетные жизни.

К слову заметить, с этой частой гибелью птиц в непогоду связано, по-видимому, их настоящее имя. Предполагают, что оно произошло от

«качуриться» или «окочуриваться», что на самом деле и происходит во время шторма. Качурки в прямом смысле слова, побившись, - околевают, издыхают, «качурятся», более всего вызывая интерес моряков, наверное, именно этим.

Правда, на море качурки из-за своих малых размеров не очень привлекают внимание, если не собираются в большие стаи. Они как бы теряются среди волн и морского простора. Тем не менее, моряки с качурками знакомы лучше, чем со многими другими морскими птицами, потому как они чаще попадают в беду, и надолго отлучённым от родной земли людям, самим порой оказывающимся в очень непростых ситуациях, представляются ближе и приятнее сердцу.

Из-за своей хрупкости качурки, конечно, не способны спорить с сильным ветром, отчего нередки случаи заноса их в большом количестве в глубинные районы суши. Но как бы то ни было, морские ласточки – птицы открытого моря, море является родным домом для этих внешне беззащитных пернатых крох. При жестоких штормах качурки стараются держаться между валами волн, где ветер потише, и можно кормиться даже в плохую погоду. Это ещё одно завидное свойство маленьких птичек, выгодно отличающее их в море от своих собратьев.

Кстати, на островах Пасхи морские ласточки издавна являлись предметом культа человека. Оказывается, на небольших островках, разбросанных вокруг основного острова, гнездятся эти маленькие чёрные ласточки, которых местные туземцы считают священными. Морские ласточки – перелётные птицы, и в определённый день они прилетают к своим гнездовьям. Тогда лучшие воины острова кидаются в море и плывут к островкам наперегонки. Тот из воинов, кто первым находит гнездо ласточки и приплывает с ним обратно, не разбив при этом ни одного яйца, становится героем, а его хозяина провозглашают человеком-птицей, равным богам. Ритуал охоты за ласточкиными яйцами проходит ежегодно, и специальные жрецы решают – когда наступает знаменательный день.

Нет сомнений, что на островах Пасхи гнездятся, помимо ласточек, и другие морские птицы, но жрецы почему-то выбрали в качестве ритуального поклонения именно качурок, может быть, даже не зная, что они так называются, и наделяют почестями героев, добывших яйца только морских ласточек. Чем замечательным отличились эти маленькие морские птицы, что их отметили люди – неизвестно. Вероятно, морские ласточки привлекли к себе внимание незначительною величиною, при том, что совершают длительные перелёты в любую погоду, стройным поджарым тельцем, лёгким полётом, действительно напоминающим головокружительное парение ласточки, и чудесным белоснежным оперением под хвостом, пронизывающим пространство над водой изящной вилочкой. Трудно найти более обаятельную и кроткую птицу, бесстрашно вступающую в единоборство с морской стихией. Не зря моряки называют качурок штормовыми ласточками!

Питаются качурки очень мелкими рыбёшками и крупными планктонными рачками. Эти изящные морские пташки вьются в шторм вблизи корабля, следуют за ним, низко летя над его кормовой струёй, и используют сравнительно спокойную воду кормовой струи корабля для того, чтобы ловить там пищу, недоступную при штормовом волнении. Вероятно, винт, вращаясь, глушит всякую мелкую живность, и она, всплывая в кормовой струе, тоже приманивает морских ласточек. Ко всему прочему качурки очень любят ворвань, отчего приходят в большое возбуждение, завидя дохлого кита или тюленя, за что моряки прозвали их ещё и «китовыми птицами».

Что же касается крика, то он у качурок чирикающий, с переливами, и очень напоминает щебет ласточек, только тоном пониже, а когда птицы, неожиданно появившись из темноты, осыпают всё судно, то возникает ощущение, будто движется и шелестит воздух. Совершенно не остерегаясь людей, птицы вьются над палубой - даже когда шторма нет, и всё норовят попасть на свет, залетая и в рубку, и в каюты. Трудно сказать – чем привлекают морских ласточек световые потоки, но вот плохую ориентацию их можно объяснить тем, что глаза у качурок располагаются где-то сзади, чуть ли не на затылке, и возможно из-за такой странной постановки глаз они и видят плохо впереди себя, натыкаясь на мачты, стены рубки и освещённые стёкла иллюминаторов. Если бы морские ласточки не бились даже в отсутствие непогоды, и не падали раненые на палубу, после чего они уже не в силах подняться в воздух, то можно было бы назвать их кружащие над морем стайки весёлыми и радостными.

Впрочем, таковыми качурки и являются, несмотря на то, что гибнут в огромном количестве, и вызывают ещё уважение, стоически перенося свои увечья и неволю. Те птицы, что не разбились насмерть сразу, ведут себя, как ни странно, очень скромно: не подавая вида, что им плохо, и стараясь оставаться неприметными, они кособоко передвигаются вдоль переборок, как можно более незаметно приволакивая перебитые крылышки. Так и хочется брать каждую из них в руки, пытаясь хоть как-то облегчить им мучения, и в этом случае птицы всегда ведут себя смирно, не вырываются, как будто понимая, что им не желают зла, и эта их миролюбивость, при сильно трамвированном тельце, до глубины души трогает.

Однажды я набрал к себе в каюту с десяток покалеченных птиц, и все они выявляли удивительную безропотность. Лишь по причине отработанной в них природой защитной реакции, качурки изредка всё же отрыгивали в лицо и на руки струю бурой маслянистой жидкости – ворвани, совершая подобную процедуру, скорее, машинально, но я нисколько не сердился на беззащитных птичек. Птиц требовалось только немного обогреть и успокоить, может быть, именно своим вниманием вдохнув в них недостающую им энергию. И птицы быстро это понимали, и так же скоро шли на поправку, после чего я их по очереди, торжественно, выпускал на свободу, и морские ласточки бесшумно взмывали вверх, в своём ныряющем

парении тотчас подстраиваясь соответственно движению волны. Порхая на одном и том же уровне, ласточки точно ластились к волнующейся воде, несмотря на недавно приключившееся с ними несчастье, вновь играя. Ведь Тихий океан редко бывает спокойным, и даже крохотные его обитатели к этому давно, конечно, привыкли.

Качурки – самые прелестные и грациозные создания из числа морских птиц. Они и гнездо своё устраивают так же ненавязчиво и грациозно, будто опасаясь хоть немножко кого-либо побеспокоить: это ничто иное, как небольшая вмятинка в песке или гальке, иногда едва приметная, посреди совершенно голого пляжа. Ласточка приземляется, припадает к грунту и быстро начинает работать жёлтенькими ножками, вращаясь вокруг своей оси. Песок с мелкими камешками летит во все стороны, и такое нехитрое строительство занимает совсем немного времени.

Но самое интересное заключается в том, как эти милые птички украшают свои гнёзда камешками и осколками ракушек, в каждом из которых находятся два или три яичка голубовато-зелёного оттенка с буроватыми крапинками. Ласточки подбирают на берегу мелкие кусочки морских ракушек и обкладывают ими кромку чаши гнезда, словно формируя замысловатую цветную мозаику. Думая о такой чудесной способности этих птичек, часто разбивающихся в непогоду о судовые надстройки и безжизненными тельцами покрывающими всю палубу, неожиданно пообещаешь себе впредь выстраивать свою жизнь так, чтобы другие люди угадывали в ней только достойные поступки, которые бы, как и гнёзда морских ласточек, отражали их красоту и трепетную силу.

«МОНЕРОН»

Много лет проработал я на Сахалине, привелось не раз бывать на Курилах и Камчатке, острове Тюленьем и Шантарах, Командорских островах и Прибылова, одиноком скалистом островке Ионы, затерянном в северо-западной части Охотского моря, но вот Монерон как-то всегда приходилось миновать, хотя и очень хотелось попасть в этот удивительный уголок дальневосточной природы. Чем-то неизъяснимым притягивал к себе Монерон, о нём постоянно думалось, и даже только одно имя острова – «Монерон», завораживало. Словом, Монерон необыкновенным образом волновал моё воображение, и мечты о нём незаметно перетекли в действительность: однажды, спасаясь от надвигающегося шторма, мы вынуждены были завернуть в его укромную бухту Кологераса, вдающуюся в северный берег острова между мысом Северный и мысом Сивучий. Моё надолго затянувшееся желание посетить остров наконец-то осуществилось, но какое-то время было неясно – сможем ли мы подойти к острову… У Монерона, почти со всех сторон, разбросано очень много камней.

Остров Монерон, названный Лаперузом в честь инженера его экспедиции, довольно гористый, и лежит в 47 милях к северу от японского острова Ребун и в 26 милях к западу от западного берега южной части острова Сахалин. Самой высокой точкой острова является вершина горы Старицкого высотой 439,3 метра, расположенной в его средней части. Все вершины, возвышающиеся на острове, почти лишены растительности, отдельные участки поверхности острова поросли травой, а на береговых скалах гнездятся чайки. Но наиболее забавные из всех селящихся здесь птиц, помню, как сейчас, были тупики…

Именно тупики первыми попали в поле нашего зрения, да, вобщем-то, и составили самое главное впечатление об острове, поскольку находились мы у его берегов недолго, только ожидая окончание шторма. Помнится, всё моё восприятие этого, как будто заколдованного каменного существа, затаившегося где-то в немыслимой глубине, выразилось именно в живых милых птицах, как мне тогда казалось – очень непутёво устраивающих свою жизнь. Остров словно ждал, что его кто-то разбудит, в своём отрешении ото всех выглядел могучим и неповоротливым, а забавные тупики очень оживляли его суровые берега. Мало того, они, несомненно, выражали своими несущественными перемещениями скрытую душу острова, и, наблюдая за ними, нам становилась понятной его глубинная, но в тоже время очень жизненная и простая суть…

Тупики похожи на сказочных гномов или маленьких клоунов, и гнездятся обычно не только на Монероне, но и в юго-восточной части полуострова Крильон и на Малой Курильской гряде. Почвы в таких местах очень рыхлые, песчано-глинистые или с мелкой галькой, где тупики и вырывают свои норы-гнёзда. Глубина их достигает двух метров, но иногда в

отверстие норы хорошо видно насиживающего тупика, и глубина такой норы не превышает 20-30 сантиметров, тогда как входное отверстие всего лишь 15 сантиметров. Часто норы соединены между собой и образуют сложную подземную сеть. При ходьбе по такой колонии ноги то и дело проваливаются в норы, что небезопасно, поскольку склоны острова крутые и, оступившись, немудрено сорваться.

Прилетают тупики в места гнездовий рано, в марте месяце, когда ещё не растаяли снег и лёд, но, тем не менее, птицы приступают к расчистке гнездовых нор, делая это постепенно, по мере оттаивания земли. Массовая кладка яиц происходит уже в середине мая. Тупики откладывают всего одно яйцо, редко – два. Яйца больше куриных, расцветка – беловато-кремовая. Своё единственное яйцо парочка тупиков тщательно оберегают, и насиживают его родители поочерёдно.

Птенцы появляются в первой декаде июня и всегда покрыты густым и нежным пухом, по цвету напоминающим окраску голубого песца. Родители кормят птенцов в течение ночи, принося с моря рыбу тоже по очереди. Остатки пищи можно, как правило, обнаружить у норы и чаще всего – это тихоокеанская сельдь, иваси, корюшка и песчанка.

Мясо тупиков по вкусу ничем не отличается от мяса кайры и топорка. Оно вполне съедобно, но слегка суховато и требует длительной варки. К тому же, немного отдаёт рыбой, чего не замечаешь, только когда ты сильно голоден.

Тупик – очень занятное существо, и передвигается он тоже очень забавно. Находясь в совершенно спокойном состоянии, он вдруг бросается в какую-то прижимающуюся к земле побежку, семенит ножками так часто, что становится очень смешно наблюдать за ним, и при этом старательно приседает, весь напрягается и усердно покряхтывает. Тупики – само совершенство, сочетающие в себе, казалось бы, совершенно не сочетаемые свойства. Они – лучшее, что могло произвести море, когда ты ни летать толком не можешь, ни нырять, как бакланы, ни корм добывать в таком количестве, чтобы птенцы горя не знали. И всё-таки - тупик и летает, совершая 400 взмахов в минуту, несмотря на короткие крылья, и довольно неплохо ныряет, погружаясь на десяток метров и оставаясь под водой минуту, и старается прокормить своих малышей, неумело отбиваясь от настырных чаек, постоянно пытающихся отобрать у него рыбу, которую тупик очень умело зажимает в клюве, порой удерживая до десяти песчанок одновременно, но часто – не в силах противостоять их напору. Остаётся тупику надеяться на самого себя, и только самому себе может он доверить свои сокровенные ночные покряхтывания, когда ему на самом деле кажется, что он – лучший. Звук этот напоминает некое протяжное утробное томление, как будто кто-то время от времени нажимает на игрушечного резинового совёнка, и тот, вбирая в себя воздух, очень мило, с присвистом, посапывает.

Представляешь сразу, как тупики это делают, - смешные и славные птицы, не доставляющие никому беспокойства. И воображая себе чудных

тупиков, их занятные повадки, становится понятным неприхотливое существование птиц у моря, предполагающее между собой скорее милое обхождение, нежели раздоры. Тупики так обаятельны в своём возбуждённом поведении, то и дело скрываясь в норках и неожиданно выныривая из них, что и самому непременно захочется подурачиться, перебегая мелкой побежкой, присесть и … рассмеяться. Ты – тупик, в это трудно поверить, но тебя не покидает желание побыть милой птицей, маленьким птичьим клоуном, и ты искренне отдаёшься мысленно этой незамысловатой игре, пробуя на себе привычки забавного тупика.

Сходство с клоунами у тупиков проглядывает в постановке косолапых ножек, постоянно принимаемой ими забавной позе и треугольных ярко-красных клювах, с помощью которых птицы отстаивают свои гнездовья, яростно сцепляясь этими клювами и не разъединяясь порой до получаса. Ухватившись за клюв соперника, тупик неоднократно поворачивается вокруг своей оси, но хватки не прекращает. При этом опять же утробно кряхтит, озабоченно постанывает и, кажется, нет ему не до чего дела, как только выстоять и не отступить. Сцепившиеся птицы кувыркаются по крутому склону, валятся с обрывистых каменных козырьков вниз, ударяясь о камни, а клюва ни за что не разомкнут. Милому тупику присуща и такая черта, как упрямство.

В отличие от многочисленных чаек, достаточно схожих между собой, тупик, конечно, выделяется среди других морских птиц своей внешностью. Хотя, если не брать во внимание его яркий клюв, как и у топорка сжатый с боков и напоминающий секиру, то ничего необычного в нём вроде бы и нет: тупик как тупик. Забавный коротыш с нескладным плотным тельцем, очень схожий с небольшой морской уточкой серовато-чёрного цвета. Глаза голубовато-белёсые, с желтизной, но невероятно пронзительные, будто тупик неотступно что-то высматривает, всегда обратя голову к морю.

Само его имя – «тупик», выражает в нём чудесное обаяние, какое-то несказанное природное таинство, присутствующее в этой птице. Тупик, кажется, как раз не «тупит», а именно проясняет обыкновенное для всех обитателей прибрежной полосы моря пространство, будто разрезая его своим красивым носом. Из-за него тупика прозвали «носорогом», хотя он ничего общего не имеет с этим внушительным зверем, и очень мило и неброско устраивает свою жизнь поблизости с морем, без которого не может существовать.

Иногда тупики любят отдыхать на воде. Только что они в возбуждении сновали над морем, неистово ныряли в поисках рыбы, и вот – неожиданно замерли на волнующейся морской поверхности, как раскрашенные деревянные уточки, и в ус не дуют, что их появления ожидают птенцы: выглядывают вопросительно из-за колышущихся волн, что-то высматривая, понятное только им… Это поведение птиц выражает в них какую-то милую природную отрешённость, как будто тупики впадают в некую, очень необходимую для них задумчивость, не пытаясь её преодолеть, а только

отдаваясь ей совершенно. Тупики – чудные существа, и даже когда они отчего-то негодуют, к примеру, спасаясь бегством от чаек, или схватываются между собой, будто от нечего делать, - обаяния своего от этого не теряют. Чудесные птицы, волшебное украшение природы, для которой они, кажется, всё время пытаются что-то очень милое совершить, но это им никак не удаётся.

Виной милому образу, который тупик производит сразу при первой встрече, - его ноги… Они сильно отставлены назад, поэтому на суше тупик постоянно находится как бы в настороженной позе, держа тело почти вертикально, опираясь на цевку и пальцы. В спокойной позе тело его расположено слегка под уклоном, но всегда возникает ощущение, что тупик насторожен, находясь в ожидании того, что как-то может повлиять на его жизнь. Тупик – как крохотный маячок с ярким клювом-огоньком, предназначенный для ещё более крохотных морских обитателей, в бесчисленном количестве витающих вокруг острова в тумане или сумрачным днём. Этот его яркий цвет сразу привлекает к себе их внимание: благодаря ярко-красным светящимся огонькам морские птицы угадывают своё гнездовище… Хорошо заметен и красный цвет лап тупика, которые он растопыривает в воздухе, руля ими. Эта птица, с компактным обтекаемым телом, крупной головой и контрастной окраской – верх чёрный, а низ белый, без всяких сомнений привлечёт внимание любого, кто желает насладиться дальневосточной экзотикой.

Тупики, как и морские ласточки, сумеречные птицы, вернее даже будет сказать – ночные, и днём, втихомолку, отсиживаются в норах. Но если вдруг почему-либо возникает тревога, тупики, как по команде, выбираются наружу, всматриваются пристально во все стороны, пытаясь определить причину своего беспокойства, и тихонько переговариваются между собой, будто решая – что предпринять дальше. С заходом солнца они опять отправляются в море в поисках пищи.

Срываясь с крутого склона в полёт, тупики смешно растопыривают лапки. Дело в том, что хвоста у них нет, и птицам приходится рулить именно лапками, то и дело меняя их направление. Тупик, тормозящий в воздухе этим своеобразным способом, несомненно, вызывает невольную улыбку.

Такими я и застал тупиков впервые в одной из укромных бухт Монерона, наблюдая, как они, необычно для птиц, лавируют в воздухе, увёртываясь от надоедливых чаек. Благополучно добравшись с зажатыми в клюве песчанками до своих гнёзд и покормив птенцов, тупики вскоре выбирались наружу, смешно оглядывались, так же забавно перебегали то туда то сюда, и непременно отчего-то опять схватывались между собой в занятные драки, не вызывающие какого-либо опасения за их жизни. За тупиков не было страшно, даже когда они валились с самых высоких скал, кувыркаясь по крутому склону вниз, и ударялись о каменные выступы… Но тупики не расцеплялись вплоть до самой воды, которая отрезвляла птиц, и они, уже успокоенные, принимались неторопливо взбираться в гору,

напоминая маленьких усердных человечков, поставивших себе целью непременно взобраться на самую вершину острова, чтобы только следовать своему неизведанному птичьему пути.

Было непонятно, как тупикам удаётся вышагивать по почти отвесному склону, но они упрямо продвигались вверх, обстоятельно обходя повсюду торчащие камни, и так притягивали к себе этой обстоятельностью внимание, что ты невольно начинал улыбаться, не в силах оторвать от них взгляд. Можно было часами смотреть на птиц и это тебе ничуть не надоедало. Более того, ты незаметно привязывался к чудесным тупикам, открывая в них для себя нечто полезное, чему невозможно научиться у кого-либо другого.

Сидя на палубе и улыбаясь ото всего увиденного, я и себя отчего-то начинал представлять маленьким беззащитным тупиком, в тоже время умеющим постоять за своё потомство. И вместе со мной улыбались скалы, море, небо, и даже ещё кто-то выше, кого я не видел, но Он видел меня прекрасно, и точно так же, как и я, радовался всему происходящему. Глядя на забавных птичек, мне становилось хорошо и покойно от одной мысли, что я нахожусь именно там, где и должен сейчас находиться, - у берегов острова Монерон, по соседству с очаровательными тупиками. Соседство с чем-то божественным никогда не покидало меня на Дальнем Востоке.

Меня всегда привлекала в птицах их воля, но и она обычно подвержена своим непререкаемым законам, порождённым великой силой природы. Тупик – одно из её чудесных воплощений, как, впрочем, и человек, способный на всё. Захочешь – и полетишь птицей, хотя бы как тупик; родится в сердце мечта – ты можешь осуществить её, несмотря ни на что.

Отправляйся в дальнюю дорогу, живи полной жизнью, как звери и птицы, и ничего не бойся. Изучать себя и мир, - лучшее, что можно осуществить в своей жизни, и обретение счастья при этом неминуемо. Но помни – чтобы стать счастливым, нужно оставаться честным, в первую очередь, по отношению к собственной душе, никогда не переставая искать своё предназначение, а обнаружив его – уже не оставлять усилий в осуществлении задуманного, открывая и для других людей возможность более гармоничного существования.

Поскольку на Монероне мы находились неполный день, а лишь часов шестнадцать, значительная часть из которых приходилась на тёмное время, то нам удалось высадиться на берег только один раз, выделив для себя именно тупиков, которые были более заметны среди всех птиц, обитающих на острове. Милые тупики стали для нас олицетворением Монерона, его сутью, которая, конечно, гнездилась где-то в его глубинной каменной утробе, может быть ещё в чём-то очень важном и великом, для нас всех пока непостижимом, а птицы лишь дополняли красоту его надводного существования и облагораживали всё окружающее пространство.

И, тем не менее, именно благодаря маленьким тупикам почувствовал я скрытую жизнь этого неведомого острова, существующего отдельно ото

всех, но в глубинах своей души, наверное, не представляющего себя обособленным от всего живого. Что можно было с этим поделать?!

Вероятно, только рассказывать обо всём увиденном, надеясь ещё раз побывать в чутком уголке природы, на острове Монерон, зачем-то оказавшемся в скромном уединении, однажды отдалившись от своего величественного соседа – Сахалина, но сохранившего при этом свой незабываемый и до конца не постижимый облик.

«КАЙРЁНОК»

Представьте себе птичий базар в самый разгар весны, всеобщее птичье столпотворение, и вот посреди всего этого природного безумства, на первый взгляд, совершенно беспорядочного и не поддающегося никакому осмыслению, папа с мамой кайры выводят к краю скалы своего единственного птенца-кайрёнка, ненавязчиво склоняя его … броситься вниз, в бушующее у подножия скалы море. Зачем? – спросите вы, поражённые нарисованной картиной, на самом деле ежегодно и тысячекратное количество раз повторяющейся на каждом птичьем базаре испокон веков. И я вам отвечу: только для того, чтобы продлить свой род, находясь в полной убеждённости за наличие у будущего потомства истинной жизнестойкости и силы.

Нет в подобном жизнепроявлении ни глупого жеманства, ни самовлюблённого ломания и кокетства, ни лживых оправданий собственной лени, равнодушия и невежества, ни хамства, ни глубоко скрытого желания во что бы то ни стало добиться власти или славы, ни каких-либо иных эгоистических побуждений, присущих человеку, а есть только единственное и ничем неугасимое стремление выжить, чтобы следующей весной опять огласить всю близлежащую к острову округу неумолчно-пронзительным – «кгээ-э, кгээ-э, кгээ-э, арра-арра-арра-арр!» Но что предшествует появлению на свет нашего героя?!

Сначала в первых числах мая на гнездовьях появляются взрослые птицы. Зиму они провели в Японском море, у берегов острова Хоккайдо, Сахалина и у южных островов Курильской гряды. Особенно много кайр зимует в проливе Лаперуза, на берегах которого я однажды пережил незабываемое ощущение от слияния двух морей – Японского и Охотского.

Пока остров Тюлений и мыс Терпения окружают льды, кайры, другие морские птицы и котик в этих местах не появляются. Впервые попав на остров, недоумеваешь: как могут быть дороги птицам эти холодные, казалось бы, совершенно безжизненные скалы, где они опять безо всякого удобства начнут скоро выводить новое потомство, которое на следующий сезон будет также заботиться о своём?! И всегда, из года в год наблюдая за одним и тем же чудесным действием, непроизвольно задумываешься: как бы и тебе обустроить свою жизнь так, чтобы может быть остепениться и больше уже никуда не ездить, а просто жить тем, что тебя окружает, довольствуясь малым?!

А между тем наступает массовый прилёт птиц на остров, после чего совершается спаривание: природа берёт своё! Всё это невообразимое священнодействие сопровождается драками между самцами из-за гнездовых участков. Кайры обычно стремятся захватить под гнездовье ранее занимаемые ими места, где они уже выводили потомство. Кладка яиц начинается уже через неделю после появления птиц. Случается, что один

самец кроет сразу двух и более самок, но самки оказываются не против: главное – всеутверждающая жизнь, призванная к нескончаемому продлению рода.

Птицы откладывают яйца на ровной каменистой поверхности плато острова, если таковое имеется, в противном случае – на карнизах и выступах обрыва скалы. Порой, на отдельных участках базара, представляющих собой большие и малые кекуры, нередко располагающиеся вдали от острова, в море. Яйца кайр лежат так тесно, что между ними нельзя просунуть палец, не сдвинув их с места. Но кайрам это, кажется, ничуть не доставляет неудобства.

Среди некоторых учёных распространено такое мнение, что кайра насиживает только своё яйцо. Это утверждение справедливо лишь по отношению к базарам карнизного типа и, наоборот, оно ошибочно для плоскостных базаров. К тому же, на плоскостном базаре яйца сильно запачканы калом и грязью, от чего внешне малоразличимы. Уже по одному этому легко допустить, что кайры могут насиживать не только отложенные ими яйца. Трудно вообразить, что в таком огромном и тесном скоплении птиц, когда они постоянно перемещаются и дерутся, возможно находить только свой яйцо, ни на миг не упуская его из виду, а также обнаруживать его в этом птичьем столпотворении даже после короткого отсутствия.

Кайры занимают буквально все свободные площадки скал, лишь бы они не были покрыты травой и на них могли держаться, не скатываясь, яёца. Яйцо кайры не случайно имеет форму конусообразную и вертится на каменистой голой поверхности как магнитная стрелка, не скатываясь и не разбиваясь. Центр тяжести яйца находится в его тупой округлой части, получается эффект ваньки-встаньки, при котором яйцо как бы ни крутилось - остаётся в целости. Но, несмотря на это, известны случаи, когда кайры, всё же, подкладывали пластинки сланца под яйцо для его устойчивости.

Обычно кайры имеют в кладке всего одно яйцо и лишь в случае его гибели откладывают второе, а иногда даже третье. Как правило, яйца имеют белую, кремовую, голубовато-зелёную и иногда аквамариновую окраску со всевозможными крапинками коричневого, бурого или чёрного цвета, а у молодых птиц даже встречаются яйца с ярко-красными пятнами. Но грязь и помёт делают своё дело, и при сборе нами яиц на острове Тюленьем все они выглядели одинаково, а обретали своё лицо только после того, как их тщательно отмывали в прибойной полосе.

Яйца кайр очень крупные, грушевидные, достигающие весом почти двухсот граммов и в длину десяти сантиметров. Если сравнивать калорийность яиц кайры из расчёта числа калорий в 1 кг, то у кайры оно будет составлять – 1988, у говядины – 1358, у мяса куры – 1288, и у коровьего цельного молока – 683. Как видно, питательная ценность яиц кайры высокая. Желток яйца кайры ярко-оранжевого цвета, белок, сваренный в крутую, имеет голубовато-синюю окраску. Принято считать, что длительное хранение яиц кайры крайне затруднено из-за большой

пористости скорлупы и даже слегка насиженные яйца портятся в течение 4-5 дней, так как бактерии проникают через поры. Но мы, собирая яйца кайры при забое котиков на острове Тюленьем, держали их на бетонном полу в старой бильярдной, и поскольку погода в течение всего сезона, с мая по сентябрь, стояла прохладная, яйца сохранялись довольно долго.

В насиживании яиц у кайр принимают участие оба родителя, что подтверждается наличием наседного пятна и у самца, и у самки. Срок насиживания длится максимум до 35 дней, поскольку последний сбор яиц мы производили на острове Тюленьем в первых числах июня, а первые птенцы появились в конце первой декады июля.

За сутки до выклева зародыш пищит и шевелится в яйце, слегка покачивая его. Вылупление продолжается ещё один день, пока птенец полностью не освободится от скорлупы. Интересно, что птенец появляется с остатком желточного мешка, содержимое которого обеспечивает его питанием в первые два-три дня. В течение недели желточный пузырь полностью рассасывается, но иную пищу птенец начинает принимать лишь на третий-четвёртый день.

Первые дни после вылупления птенцы обогреваются родителями и остаются на месте выклева. Правда, природа уже позаботилась о них и наделила коротким жёстким пухом, более похожим на шерсть. Жёсткость пуха затрудняет раздувание его ветром, и поэтому такой пух оказывается весьма целесообразным на обдуваемом ветром уступе скалы. Развитие птенцов кайры идёт очень быстро и уже к концу первого месяца они покрываются контурным пером, тогда как пух остаётся только на темени. Всё это способствует тому, что птенец покрывается плотным оперением, которое препятствует теплоотдаче организма и противостоит намоканию.

Кайры – удивительные птицы, созданные природой, в отличие от других морских птиц, по-особому. Природа почему-то выделила этих птиц, постаравшись сделать так, чтобы уже с раннего возраста птенцы кайры были готовы к суровой жизни северных широт. По-видимому, кайр не случайно отличает и одно замечательное свойство: эти птицы очень доверчиво относятся к человеку.

Кайры будто по какому-то своему природному чутью или знанию не считают его врагом, и к ним можно подойти очень близко, когда они открыто сидят на скале или утёсе. Даже если люди неоднократно забирали из-под кайр яйца, птицы, кажется, не воспринимают подобное обращение за что-то худое и продолжают вести себя открыто, по-прежнему подпуская человека на близкое расстояние, чем ему, конечно, не стоит злоупотреблять. Кайры – очень милые птицы, и особенно проявляется это их качество в отношении своих птенцов, когда они подрастают, и родители находят нужным приступить к их обучению.

Какая оживлённая возня тогда происходит около гнезда, которого, впрочем, нет: своё единственное яйцо кайры сносят на голые камни. Бывает, что после того, как яйцо по какой-либо причине пропадает, птицы сносят ещё

одно, очень редко – третье, ограничиваясь, как правило, первым. Весь период выведения птенца родители-кайры обычно крайне волнуются и издают пронзительные крики, будто предваряя своим озабоченным поведением предстоящее для него испытание: это очень торжественный и ответственный момент в жизни птиц!

И тут уместно будет заметить, что птенцы кайр покидают родные уступы менее чем через три недели после появления на свет. В отличие от них птенцы чистиков и конюг, устраивающих гнёзда в узких каменистых расщелинах, остаются в своих тесных, но безопасных убежищах два месяца. Какое преимущество имеет перед ними кайрёнок, так рано начавший самостоятельную жизнь!

Только кайры сводят своих птенцов на воду задолго до того, как малыши научатся летать: так легче их прокормить, ведь иначе на скалах у гнезда постоянно вынужден дежурить один из родителей, потому как птенцов могут сожрать чайки. Стоит родителю зазеваться – и птенец уже схвачен, ненасытная клуша или большая морская чайка заглатывают его целиком. Вот ещё одно подтверждение того, что моряки выбрали для воплощения своих душ после смерти далеко не лучших птиц!

Занятно наблюдать, как кайра-мама и кайра-папа сопровождают малыша к краю скалы. За ними почему-то увязываются и следуют гуськом другие кайры, наверное, свободные почему-либо от родительских обязанностей. Вся эта процессия, торжественно и в тоже время деловито поспешая, приближается к обрыву… Трогательный ритуал приобщения птенцов к будущей большой и интересной жизни происходит у кайр именно на краю высокой скалы, откуда птенец должен сигануть вниз, в воду, которая ударяется мощными валами в прибрежные острые скалы.

Что-то подобное существует у золотоволосых пингвинов, которые, правда, в отличие от кайр, находятся в море, и, поджидая удобную волну, несущуюся к высоким обрывистым скалам, бесстрашно бросаются в неё, чтобы у самого их подножия, на этой же бушующей и вздымающейся вверх волне, взметнуться к узким карнизам, и, на мгновение замерев, ловко присесть на них, застыв там настороженными столбиками, тогда как волна с сокрушительным грохотом рушится вниз. Карнизы эти начинают располагаться с середины скалы, они способны уместить на себе лишь небольших, плотно прижимающихся к каменным стенкам морских птиц, тогда как волны ударяются в неприступные берега с такой остервенелой силой, что остаётся непонятным: как пингвинам удаётся не разбиться, и даже задержаться на них, долгое время при этом оставаясь неподвижными, сохраняя равновесие? Интрига, и в случае с летящими вниз, к бушующему в камнях морю кайрятами, и играющими со стихией пингвинами, в общем-то, одинакова: и те и другие подвергают себя неимоверному риску… Поражает иное: золотоволосые пингвины довольно крупные существа, к тому же – это уже достаточно взрослые особи, тогда как кайрята – ещё толком не

оперившиеся трёхнедельные крохи… Но не размеры определяют характер, а природная отвага!

И так, когда птенец подрос и обрёл способность самостоятельно передвигаться, он подводится своими родителями к краю скалы. Самец и самка при этом необыкновенно возбуждены, но стараются всё-таки сдерживать обуревающие их чувства, и птенца с обрыва не сталкивают, как утверждают некоторые исследователи, предоставляя ему самому принять решение. Остановившись неподалёку от края, кайры-родители лишь убеждают его совершить прыжок, терпеливо наговаривая: «Арра…арра…ррры…ррры…арра-а…» И между тем озабоченно поглядывают по сторонам – не видать ли чаек?

Бедняжка, кажется, ужасно трусит, тогда, как родители продолжают ободрять его резкими возгласами, пока кайрёнок переминается с ноги на ногу, то и дело смешно заглядывая в пропасть, куда ему сейчас предстоит отправиться. И вот, наконец, птенец решается: неловко подковыляв к головокружительной пропасти, он раз-другой повернётся туда-сюда, немножко покрутившись у самого края, пискнет коротко, и – пошёл вниз, одним прыжком бросаясь в море! Как только на такое действие оказывается способным столь маленькое существо, умещающееся на ладони?!

И, тем не менее, кайрёнок летит на оголяющиеся из-под воды камни, рискуя разбиться, и родители обеспокоенно наблюдают за ним, готовые в любой момент отправиться вслед. Жутко даже сделается от этого зрелища, а птенец уже в воде оранжевыми лапками изо всех сил под себя подгребает, стараясь от опасных камней подальше убраться. Великое таинство кайрового рода совершилось, и инстинкт сохранения вида взял своё: кайрёнок обещает вырасти в большую здоровую птицу, которая продолжит кайровый род!

Если кайрёнку повезло, и он живым и здоровым выныривает из воды, то сразу ищет защиты у родителей, боязливо прижимаясь к ним и норовя забраться на спину, но те побуждают кроху ещё раз совершить свой подвиг, опустившись под воду. И так – несколько раз, пока кайрёнок не сделается смелее и не перестанет остерегаться водной стихии. Родители учат его, как отыскивать себе пищу, и когда он достаточно научится всему тому, что следует знать морской птице, чтобы вести самостоятельное существование, родители вместе с ним отправляются в море, куда собираются и другие семьи, и там уже полувзрослые кайрята заканчивают своё воспитание.

Птенцы научаются бороться с непогодою и смело парить над бушующим морем, когда садятся на гребни вздымающихся волн и добывают себе рыбу. Но далеко не все из птенцов оказываются на волне окружающего их многообразия жизни, многие платятся ей за свой первый прыжок в море: сгинул кайрёнок в бушующей у прибрежных скал морской пучине, не выплыл, как бы сильно не волновались и не поддерживали его родители, значит, не судьба быть продлённым именно этому птичьему роду, не иметь ему здорового потомства… Подвергая своего птенца такому испытанию, самец и самка проверяют крепость своих птичьих уз во имя будущей

здоровой жизни, и если маленькая птица, не умеющая ещё толком управлять своими движениями, с размаху падает на камни и разбивается на смерть, - природа обнаружит своё достойное продолжение в других, более удачливых и выносливых птенцах.

Именно такой, удачливый кайрёнок, поразил меня однажды на острове Тюленьем, когда бросился в метущиеся волны с высокой скалы, смешно растопырив в стороны оранжевые лапки. Наверное, он в одно мгновение сразу снискал для себя счастье ожидающего его вольного существования в суровых северных морях, на диких птичьих утёсах, привлекающих миллионы таких же счастливцев нескончаемого семейства пернатых. Признаюсь, ничего более трогательного в природе до этого я не видел…

Это было своего рода жизненное крещение, и кайрёнок справился со своим страхом, решившись броситься с отвесной скалы навстречу неизведанной для него стихии: ему повезло, он выжил. Как тут не подумаешь и про человеческих отпрысков, готовящихся выйти на жизненную дорогу! Так ли правильно, в отличие от кайр, ведут себя родители у людей, чтобы их ребёнок вырос в настоящего человека, и не пример ли это для него, в отличие от кайрёнка имеющего гораздо больше возможностей преодолеть собственную нерешительность, но, тем не менее, не совершающего в своей жизни достойного шага, тогда как недалёкие, казалось бы, птицы как раз этим необходимым знанием обладают, и очень умело им пользуются?! Никто иной, а именно крохотный птенец своим чудесным бесстрашием побуждает нас стать сильнее, обретя в себе недостающую для жизни радостную уверенность.

Но трудно учиться тому, начало чего сам в себе не пробудил. Так, совершите же свой прыжок с высокой скалы навстречу долгожданному и выношенному в себе желанию или мечте, и вы станете ближе к Богу, которому в радость, когда человек упражняется в своей воле. Учись, как говорится, доброму, а худое и само придёт, к нему только нужно быть готовым, полностью это худое приняв, чтобы было и Богу, и людям. А всего лишь побуждает тебя к полной и достойной жизни крохотный кайрёнок, неотъемлемая частица нашего мира, в том числе – и моря, где всякому найдётся своё место, если он готов к восприятию своей судьбы как единственной и неповторимой.

«ПРИБОЙ»

За долгие годы работы в море я так свыкся с ним и полюбил, что прибой звучит в моих ушах непрерывно, и днём и ночью. Даже сейчас, когда я пишу эту книгу, он постоянно беспокоит меня, укачивает душу, но не доводит до смятения, а лишь умиротворяет. Прибой…

Шум волн проникает в моё сознание безостановочно, в момент утреннего пробуждения он уже со мной, и некоторое время, не подымаясь с постели, я обычно вслушиваюсь в его отдалённый рокот, убеждаясь, что прибой ни на мгновение меня не покидал. Я лежу и вспоминаю, как так случилось, что море привлекло моё внимание, позвало к себе и возбудило до сих пор не ослабевающий интерес. Началось всё именно с прибоя, о повадках которого я попытаюсь рассказать…

Впервые прибой вошёл в мою жизнь в детстве, когда мне было четыре года, и так поразил воображение, что я сразу осознал: всё это безмерное, повергающее своей мощью водное пространство – родное. Когда-то я его уже видел, так же остро переживал ошеломляющую морскую безмерность и, кажется, был счастлив. Прибой в мгновение вдохнул в меня давние воспоминания о воде, из какой-то прошлой жизни, так что они не отступают до сих пор.

Тогда, в детстве, стоя босиком на мокром песке дикого пляжа под Анапой, я зачарованно взирал на бушующий послештормовой прибой и не в силах был отвести взгляд. Бурно пенящиеся зеленовато-коричневые валы пытались ухватить меня за ноги, угрожающе шипели, но почему-то не пугали. Они лишь вызывали восхищение неудержимой, всесокрушающей силой, берущейся, вроде бы, ниоткуда…

Одни валы в точности повторяли другие, на первый взгляд ничего нового не происходило, но именно это монотонное чередование размеренно надвигающейся на сушу водной толщи и завораживало. Сейчас отчего-то представляется, что тогда я вбирал в себя прибой глазами взрослого, повидавшего жизнь человека, хотя шёл мне всего лишь пятый год… Я хорошо помню это необыкновенное впечатление, и тот первый в моей жизни прибой, наверное, пробудил сознание. Всё в картине прибоя воспринималось необыкновенным и в тоже время простым: я уже как будто жил когда-то в этой очаровывающей морской стране, не раз испытывая на себе злую волю шторма и безволие штиля, а шум мерно набегающих на берег морских волн сливался с ударами моего беспокойного маленького сердца…

С тех пор я уже не мог обойтись без шума прибоя, его неудержимого мощного наката, и всегда обращал свой взор к морю. И когда вырос – уехал на Дальний Восток, поступил в мореходку, и вскоре ушёл с рыбаками на путину. Потом был подводным пловцом морского ежа, ламинарии и трепанга, а ещё позже закончил водолазную школу и работал много лет на научных судах вместе с биологами, вулканологами и метеорологами, обойдя

морскими дорогами всю северо-западную часть Тихого океана, включая Сахалин и Курилы, Камчатку, Командорские острова и Шантары… И везде, куда бы не занесла меня беспокойная моряцкая судьба, с восхищением переживал нахождение с водной стихией, с неутихающим властным прибоем… Прибой и рядом, и в твоей душе, - природа ваша неразделима!

В прибое кроется лишь мизерная часть необъятной силы моря, но и её достаточно, чтобы быть по-хорошему захваченным его энергией. Даже жалко становится, что волна, появившись на свет где-то в неведомых глубинах океана, путешествует к континенту тысячи миль, затем, достигнув его, закручивается в бурун, вырастает и … разбивается при соприкосновении с земной твердью… Но такие же бесчисленные волны следуют за ней по пятам, и днём и ночью происходит это нескончаемое шествие, и будет продолжаться до тех пор, пока не дрогнет сердце Земли и она не исчезнет во времени.

Представив это, начинаешь воспринимать волны внутренним зрением, чутко улавливая их нескончаемые перевоплощения как плод вселенского дыхания, переживаемого и тобой. Волны то набегают, то отступают, будто разговаривают, и вскоре начинает уже казаться, что море смывает собственные мысли, а сам ты становишься лёгким, свободным… Порой же чудится, словно море беседует именно с тобой, терпеливо растолковывает что-то, пытаясь донести, вобщем-то, простое: будь самим собой, будь самим собой, будь - собой… Так прибой неутомимо наставляет человека.

Созерцать волны лучше у берега, а не в море, где они теряются. Прилив обостряет это зрелище, когда прибой словно расправляет плечи, будто стараясь превзойти своими размерами и землю, и небо. Но насколько восхитительна подобная картина, настолько она и быстро надоедает, если волны накатывают на берег еле-еле… Тогда ни лазурь моря, ни отражающийся в ней солнечный свет, ни доводящий до слёз запах соли и выброшенных водорослей – не вдохновляют, а равномерно сменяющие друг друга пенистые бурунчики скоро становятся утомительны для восприятия…

У прибоя особая красота, в которой ощущается, как ни странно, нечто земное. Земля неподвижно внимает наступающим на неё водам и, в тоже время, будто испытывает трепет перед могучим голосом Природы. Ведь морские волны – это её пульс, и без соединения земли и моря невозможна жизнь. Ритм волн, населяющих морские просторы, олицетворяет биение пульса трепетной земной плоти.

Прибой, как и море, никогда не бывает одинаков, он всегда многозначен и неповторим. Монотонность звучания набегающих на берег морских волн лишь видимая, на самом деле они несут в себе целую гамму звуков. В них слышится ниспадающее журчание водопада, грозное гудение необузданной космической стихии, ласковое шипение и перезвон далёких неведомых колоколов… Если напрячь слух, то всё это – совершенные звуковые сочетания, присутствующие во всём, что окружает тебя здесь, у моря, и море будто объединяет все эти звуки в единую музыку и бескорыстно

льёт её на берег: так у него много этой нескончаемой энергии, незаметно переливающейся в гармонию.

Слушая, впитывая, проникаясь происходящим – и сам достигаешь в себе гармонического звучания, сообщающего тебе какие-то важные известия, навеянные морем по воле Вселенной, и ты задумываешься о хорошем, о главном, и оно кажется тебе вполне достижимым. Музыка моря и музыка твоей души, оказывается, - одно целое, они звучат воедино.

Но услышать прибой, как это ни странно, не так просто: к нему нужно быть готовым. Доступность его звуков достигаема по мере взросления твоей души, и если совсем недавно мелодия набегающих волн не порождала в ней ничего нового, то вот сейчас, вдруг, всё в душе переворачивается и воспаряет. Как хорошо быть рядом с морем, чувствовать, как оно вливается в тебя и пробуждает забытые напевы, благодаря которым хочется ещё более взволнованно жить, ощущать каждой клеточкой тела и море, и солнце над ним, и всю Вселенную. А прибой мягко накатывает, иногда величаво всплескивается, вроде бы, на что-то негодуя, и вмиг повергает своей мощью… И всё нагоняет и нагоняет искрящуюся пену на гладкий плотный песок: ши-ши-ши-и-и…

Можно ли назвать прибой своенравным, когда его причуды порой оказываются несравнимы даже с женским непостоянством? Или он, скорее, отражает достоинства мужчины, которому, на деле, чаще всего нечего противопоставить его настойчивости и терпению? Прибой, наверное, несёт в себе отголоски чего-то более совершенного, чем просто мужское и женское начало, отчётливо улавливая чуткий ритм бесконечного пространства Вселенной.

Вслушайтесь в его не иссякающий гул и попытайтесь не упустить хотя бы начальный час подъёма воды или её ухода… Ведь по мере нарастания приливной энергии моря – шум прибоя усиливается, а отступая – вода не менее яростно борется, не желая сдавать своих несокрушимых позиций!

Волнительно замирание воды перед её отступлением в море… Отражённые волны, спешащие теперь оказаться подальше от берега, необыкновенно напряжены, звучат по-особому и звук этот ещё более завораживающе действует на слух, чем рокот наката. Море в такие моменты, кажется, объявляет войну собственному, установленному природой ритму: так оно велико и своевольно.

Но прибой всё-таки более проникновенен в своей настойчивости, когда, кажется, пробуждает даже бессловесные камни: камни начинают тереться друг о друга, перешёптываться и еле слышно охать. Порой, если замереть и набраться терпения, можно даже уловить в этом шевелении какие-то восклицания, относящиеся, должно быть, к еле угадываемому говору земли, с великой древности находящейся в самом близком соседстве с морем. А может быть, это неведомые обитатели морских глубин зачем-то взывают к тебе почти ясными голосами и, наверное, надеются, что ты отзовёшься им… Хорошо жить у моря и слушать его прибой, рассказывающий о многом.

Рано или поздно ты начинаешь чутко вслушиваться в прибой, а наиболее чувствительным по отношению к нему становишься к вечеру, потому как перед ночью прибой обретает иную ритмику, - его мерное дыхание незаметно заполняет собой подступающую темноту и ласково сливается с ней. Хорошо лежать в постели какого-нибудь небольшого дома, стоящего неподалёку от прибойной полосы, и через закрытое окно угадывать это морское дыхание, не уставая им наслаждаться.

А бывает, дышит только кромка прибоя, когда на море – штиль. Даже в тихую погоду не всегда доносится до твоего слуха этот еле угадываемый прибойный шорох. Лишь лёгким всплескиванием, иногда, напоминает о себе угомонившаяся на время стихия, и тебе не верится, что это ласковое море может порождать громовые раскаты, нагоняя на берег разрушительные валы.

Но чаще всего ритм прибоя нетороплив, размерен, несмотря на настроения моря. Порой он понижается, порой возрастает, а то звучит своим чарующим глубинным тембром, отчего пробуждается в душе желание отправиться в дальнее путешествие. И тогда время наполняется необыкновенной торжественностью, а ты обретаешь недостающую волю в принятии самых ответственных решений.

И всё же самое незабываемое зрелище, когда прибой разрастается во всепобеждающий рокот, предшествующий последней дерзостной атаке воды на сушу. Война эта объявлена давно, длится, наверное, бесконечность, но не перестаёт быть неутомимой. Такова суть моря и прибоя, его могучая сила нескончаемого процесса созидания и разрушения, рождения и смерти. В рёве прибоя море, вероятно, пытается донести до человека постоянное стремление к более высокому уровню внутренней энергии…

Проще говоря, и Вселенная и море неутомимо работают над тем, чтобы у человека, наконец, хватило сил ощутить присутствие во всём Единого Творца, и беспрестанно набегающий на берег прибой ненавязчиво пытается донести до него это замечательное действие. Чтобы человек прислушался к созидающей всё вокруг Силе, изменил своё отношение к Жизни и, приняв её истинную красоту, тоже стал необыкновенно силён. Божественными раскатами отдалённого грома море напоминает человеку о том, каким он может быть могущественным, потому что человек – неотъемлемая часть его несгибаемой сути, и прибой будто подсказывает ему своим неумолчным, но ненадоедливым говором: «Слушай больше, говори меньше, и сила твоя любой камешек обточит, если будешь, как и я, на дела достойные безбрежен…» А человеку, в благодарность за такое великодушное расположение к нему морской стихии, остаётся только, подобно набегающей на берег прибойной волне, вторить ей своё, еле различимое и вкрадчивое: «Море моё, море моё, море моё…»

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ «ПОД ВОДОЙ»

«МИР ВДОХНОВЕНИЯ

Почему и для кого пишешь книги? Конечно, не из любви к себе, и не для себя. Для людей? И «да», и «нет». Но это не главное. Что-то глубинное понуждает тебя браться за перо, причём, не только радость восприятия этого удивительного мира, а нечто ещё более значимое, исходящее через тебя из неведомого, бесконечно мудрого Источника…

Конечно, своим творчеством ты способен доставлять незабываемое волнение кому-то, пробуждая в нём чудесные искорки озарения, помогающие открыть и свой внутренний мир, и ты делишься с людьми искренними поисками истины, более всего желая разобраться в ней сам. В письме ты мыслишь и выражаешь своё исконное «я», тебе, почему-то, непременно требуется достичь его, нестерпимо хочется добиться этого, и ты не можешь не делиться своими поисками с кем-то ещё, ощущая близость устремлений с тем, кому также необходимо жить осознанно, понимая смысл собственного существования. Или ты вдруг постигаешь, что одному тебе осуществить подобное не под силу?

А может быть, ты просто радуешься восприятию этого удивительного бытия, когда невозможно этого не делать? Так пленительна эта жизнеутверждающая сила, так заразительна её созидательная мощь, тем более, если дело касается отображения морской стихии, её таинственных глубин. Как мне не писать, не выстраивать поэтично свои мысли, когда что-то неудержимое внутри меня просится на бумагу, как будто ты обязан донести его до мира, несмотря ни на что, развив в себе способность и потребность совершать это, совершая с удовольствием, но и не без великого напряжения?!

Несомненно, кто-то Великий движет моей рукой, и я сам не могу не открывать свою подлинную душу, у меня хватает на это духу, посвятив созидательному труду всю жизнь, и все ответы я ищу в собственной душе, в самом себе. Только тогда открывается правда, ибо и искусство, и жизнь есть истинное всё, и если ты осознал в себе Бога, ты никогда не отойдёшь от неё, неся в себе божественное, а значит – истинно правдивое, и без сомнения – радостное.

Именно неведомое, но близкое всем нам Божество наделяет каждого человека частицей своей энергии, чтобы поведение его было исполнено понимания этого, и он бы поступал соответственно заложенной в себе божественности, то есть – рос, изменяясь к лучшему, а это, конечно, невозможно без совершения над собой душевных усилий. Ощущать в себе Бога – это значит постоянно работать над собой, ничего не прося у Него, и тогда благословение придёт к вам заслуженно, и вы будете готовы принять его.

Разве не должен человек взрослеть в постоянно изменяющейся Вселенной, развивая своё сознание и душу? Конечно, должен, а во имя этого

ему необходимо знать как можно больше, решаться на самые высокие задачи, не боясь отправиться даже к недосягаемым морским и небесным рубежам. Если люди готовы что-то по-настоящему ценить в своей жизни, то это – именно рост, приобретение божественных качеств, свойственных Существованию, и на этом пути человеку не обойтись без стремления к постижению.

Да, писатель, как никто, расположен к познанию окружающего мира, и он не может не писать. Однажды я обрёл в себе это знание, как своё главное дело жизни. Но если и существовало на свете что-нибудь, чем бы я занялся кроме желания проникать в суть вещей и явлений, максимально приближаясь к истине с помощью письма, то этим, без сомнения, оказалась бы работа в море, под водой.

Все те, кому посчастливилось хотя бы раз погрузиться на глубину, должны быть благодарны одному человеку по имени Жак Ив Кусто, изобрётшему чудесный аппарат – акваланг, своеобразные «лёгкие», с помощью которых можно длительное время находиться под водой. В год моего рождения Кусто, в сообществе своих друзей с «Калипсо», только начинали свои подводные изыскания, ведя у острова Гран-Конглуэ раскопки греческого корабля, погибшего около 205 года до нашей эры. Профессор Пикар в это время строил в Италии свой батискаф «Триест», в котором с сыном Жаком, чуть позже, опустился на три тысячи сто метров. А Жорж Уо с инженером Пьером Вильмом достигли в Атлантике ещё большей глубины – 4тысячи 50 метров… Освоение подводных глубин шло полным ходом, притягивая исследователей своей неизведанностью, необъятностью открывающихся задач, и я с раннего детства, благодаря попавшим мне в руки книгам о море, уже грезил захватывающими дух погружениями под воду, мысленно паря в голубой тишине… Как сладостны были эти мечты-наваждения, как я верил в то, что когда-нибудь обязательно их осуществлю.

Увлёкшись в 12 лет подводным плаванием, я, конечно, не мог себе представить, что в один прекрасный день мои нереальные тогда фантазии о необыкновенных островах станут реальностью, и я собственными глазами увижу подводный мир у берегов Сахалина и Курил! И почему-то, как бы ни приукрашивали в многочисленных фильмах и книгах красоты тропических вод, я был предан именно нашим северным морям – Японскому, Охотскому и Беринговому. Эти названия несли в себе то, что было связано с историей России, в них присутствовали отмеченные летописцами и совсем безымянные судьбы первооткрывателей дальних морей, какая-то неизведанная тайна, которая бесконечно копилась в их глубинах, а однажды, в силу заслуженно сложившихся обстоятельств, была ухвачена кем-то, и выражена ясно и просто: «Беринговое» - в честь великого капитана, исследователя северных земель Витуса Беринга, «Охотское» - благодаря неисчислимым дружинам охотников за неисчерпаемыми дарами этого моря, «Японское» - отображающее близкое к российским границам присутствие известного всем своим своеобразием архипелага…

Именно здесь, неподалёку от берегов таинственной и манящей Японии, я и осуществил своё первое в жизни погружение. Точнее – в лагуне Буссе, на юге Сахалина, где мы тогда добывали трепанг. Я помню, как мною овладело ощущение необыкновенной приподнятости, когда я оказался во власти двоякого чувства. С одной стороны, меня манило проникновение в тайны подводного мира, с другой, скрывало незнание того, что меня там ждёт. Море слегка волновалось, упругий ветерок устраивал на поверхности воды небольшую толчею, и это волнение моря ещё более усиливало моё возбуждение.

Я проверил давление воздуха в баллонах – сто восемьдесят атмосфер. Стараясь ни о чём не думать, поплевал на стекло маски, сполоснув её в воде для того, чтобы стекло не запотевало при погружении, затем осторожно приладил маску на лице, заложил в рот мундштук, отдающий тальком, и прыгнул солдатиком с борта. Мириады серебристых пузырьков охватили тело со всех сторон, восторженно сопровождая меня в свободном парении ко дну, и на мгновение показалось, что барабанные перепонки не выдержат этого первого напряжения. Тело почти не воспринимало возросшего давления, но болезненные ощущения в ушах не покидали, и я, зажав рукой нос, совершил несколько продуваний, как это обычно делаем мы в самолёте, когда он набирает высоту. Боль быстро исчезла…

Что меня сразу поразило под водой, так это то, что я не испытывал никаких страхов, переживая лишь удивительную свободу. Правда, не покидало ощущение, что ты здесь посторонний, нарушивший чьи-то владения, но впечатление это быстро исчезло, а когда я опустился на песчаное дно и осмотрелся, необъяснимая тревога и вовсе куда-то улетучилась. Было легко, радостно, и еле улавливаемое на слух журчание пузырьков, которое совсем недавно вызывало смешанные чувства и чуточку пугало, теперь удивительно успокаивало.

Я летел над островками тёмно-зелёных водорослей, а на белом песке стали попадаться чудесные яркие звёзды и – о, счастье! – их можно было взять в руки. Изредка встречались чёрные ежи, тёмно-коричневые, почти фиолетовые трепанги и ещё какая-то белая травка, перекатывающаяся по дну. Тут же сновали мелкие краснопёрки, и, проплывая по инерции рядом с ними, почему-то подумалось, что я чем-то схож с ними. От этой мысли стало ещё более радостно: акваланг автоматически подавал чистый, свежий воздух, уравновешивая наружное давление, и я совершенно успокоился, ощущая себя под водой как в родной стихии. Не верилось, что несколько минут назад неведомый подводный мир лишь настораживал, вызывая сильное душевное смятение. Я ощутил огромное, просто не передаваемое счастье!

Глянув вверх, я опять увидел стайку краснопёрок. Поверхность моря светилась мутноватым зеркалом, и здесь, под водой, никакого волнения не ощущалось. Посмотрев же под собой, туда, где песчаное дно убегало вниз, теряясь в сгущающейся тьме глубины, я вдруг почувствовал к ней

неимоверную, совершенно неописуемую тягу… Переживаемые с детства грёзы наконец-то обретали восхитительную реальность.

Долго ещё, после этого погружения, каждый новый спуск под воду воспринимался мною как самый первый, и приносил свои особые ощущения. Всякий раз почему-то не покидало волнение, и даже наработав со временем тысячи часов погружения, я не переставал переживать внутренний трепет перед очередным спуском. Уж слишком необычен был подводный мир, всегда оставаясь неповторимым, а то, что ты в нём переживал, оказывалось ни с чем несравнимо.

Тот, кто не парил среди подводных скал, покрытых сказочной растительностью, не опускался в глубокие каньоны между ними, не заглядывал под нависающие утёсы и в мрачные гроты, не чувствовал себя при этом настоящим подводным обитателем, - не ощутил всю полноту жизни. Но погрузиться на дно и в один вдох сделать открывшийся мир своим – дано далеко не каждому. Именно родившегося под знаком воды, сразу после погружения не охватывает острое желание устремиться обратно, на поверхность, а только вглубь моря, увлекаясь настолько, что почти забываешь о необходимости скорого возвращения на землю. Родиться в согласии с водной стихией – значит выбрать её для себя как самую дорогую и удобную, способную открыть то, что никогда не подарит земля.

И всё-таки, рано или поздно, чувство одиночества под водой начинает постепенно угнетать вас, и как ни прекрасен окружающий мир, приходится подниматься на поверхность. Радость возвращения тоже ни с чем несравнима, поскольку оказавшись в привычном, дорогом для вас мире, вы ещё переживаете то, что только что случилось с вами под водой, и радуетесь этой замечательной возможности жить на прекрасной земле, оставляя её иногда ради необыкновенного подводного царства.

Не сразу отходишь от всего того, что в этом царстве увидел, когда забираешься на бот или выходишь на песок, к прибрежным скалам. Хочется посидеть какое-то время одному, отрешённо наблюдая за всем, что происходит вокруг, но внутренне при этом оставаясь ещё там, под водой, в плену поразительных красок, звуков и ощущений.

С удовольствием вспоминаешь проплывающих мимо рыб, будто не замечающих тебя, отчего начинаешь более ответственно вглядываться в себя: кто ты и зачем здесь находишься? Постоянно наблюдать за миром подводных обитателей с точки зрения человеческих возможностей невозможно, и не вооружись ты определёнными техническими средствами – гибель твоя была бы неизбежна. Но чужой для подводного мира, ты всё же не чувствуешь страха, вернее – его преодолеваешь, и, наверное, на короткое время превращаешься в какое-то подводное существо, пытаясь максимально слиться с окружающей жизнью. Только так ли уж ты далёк от воды, большей частью составляющей твой организм и причащающий тебя к одной из четырёх загадочных и мощных стихий?!

Мысль о том, что плавно продвигаясь в толще синей воды, над белым песчаным дном, ты вполне естественно начинаешь ощущать себя морским животным, не покидает тебя. По какой-то причине ты просто долгое время отсутствовал в родной стихии, но вот вернулся и всё вспомнил: нигде на земле не встречал ты такого покоя и тишины. Может быть именно здесь, в этом самом месте, до тебя из людей никого и не бывало, но при этом - ты не чувствуешь себя в одиночестве. При полной тишине всё вокруг дышит чьим-то незримым присутствием, скрытой жизнью, которая не сразу становится заметной, и ты понимаешь, что больше тебе не обойтись без этого подводного пространства, и тебя будет неизменно тянуть в морскую глубину.

Джеймс Олдридж в своей книге «Подводная охота» очень точно подметил, что когда подводный пловец всматривается в глубину – значит, он смотрит скорее в неволю, нежели на свободу, и это совсем не то, что смотреть в воздушное пространство или в небо. Следует только уточнить: в неволю эту он всматривается, устремляясь в неё по собственному желанию, и это – удивительное состояние, которое возможно переживать лишь под водой.

Когда вы попадаете под воду, глубина и плотность окружающей вас среды мгновенно создаёт впечатление свободы, несравнимое даже с полётом в вышине, и, тем не менее, вы не вольны, как на суше, но необыкновенно желаете этой обволакивающей вас, таинственной несвободы. Попав в неё, у вас будто вырастают крылья, которые невозможны на земле, стихия, вроде бы, подчинена вам и ничто не может в ней помешать этому парению, а между тем быть околдованным полётом под водой – губительно, если полностью отдаться этому ощущению. Следует ясно отдавать себе отчёт в том, что углубляясь в подводную темноту – вы закабаляете себя всё больше и больше, рискуя однажды потерять верное восприятие действительности. Ощущая себя под водой созданием с невидимыми крыльями, хорошо было бы научиться не терять головы, постоянно чувствуя своё тело и душу.

Придав себе, в начале погружения, сильное ускорение ногами, в последующем вы почти освобождаете своё тело от этой функции, лишь чуть подрабатывая ластами и, вновь на какое-то время отрешённо замирая, наслаждаетесь переживанием ненавязчивой сопричастности со всем окружающим. Избавление тела от надоевшей обременённости находиться постоянно в вертикальном положении – поразительно, и вы должны с благодарностью впитывать эту дарованную вам Богом радость, не сожалея, что рано или поздно придётся возвратиться на землю. Поднявшись на поверхность после двух-трёх часов пребывания под водой, лучше будет не сожалеть о том, что вам пришлось оставить удивительный подводный мир, а радоваться возвращению на прекрасную сушу, находящуюся по соседству с такой же прекрасной водой. Прелесть от этой неразделимости двух стихий – одно из самых захватывающих в жизни наслаждений.

Только пузырьки воздуха соединяют вас с землёй, когда вы находитесь в водном мире. Ниточка их, будто пуповина, неразрывно тянется из

таинственной глубины к поверхности, и словно поддерживает тебя в твоей радостной невесомости. Без этого ускользающего воздуха тебе не увидеть подводных красот, и следует терпеливо его экономить, несмотря на охватывающую восторженность чувств. Радость от первого глубокого вдоха наверху, после всплытия из глубины, станет намного дороже, если к воздуху, что поступал в ваши лёгкие из баллонов акваланга, вы относились бережно. Вокруг необъятное царство притягивающей тайны, куда хочется безоглядно броситься и окунуться целиком, а нужно неспешно и размеренно вдыхать и выдыхать, вдыхать и выдыхать, и не терять над собой контроля.

Размеренность подводного дыхания, в особенности – при добыче морепродуктов, когда воздух следовало просто беречь, удивительным образом приучила меня к обыкновенному терпению. Ведь чем меньше сжатого воздуха, находящегося в баллонах, ты потреблял, тем больше мог собрать ежа или трепанга: именно это обстоятельство вынуждало дышать размеренно. Мало того, что размеренное дыхание закалило мою сердечно-сосудистую систему, так оно ещё незаметно поставило вдумчивое отношение к жизни, основу верного осознания и своего существования, и окружающего мира.

Сжатый воздух, которым дышат аквалангисты, содержит в два раза больше кислорода, и эта особенность дарит более приподнятое, лёгкое восприятие действительности, если, конечно, твоё пребывание под водой не сопряжено с выполнением каких-либо серьёзных работ. Но нередко за удивительное нахождение под водой и проникновение в её глубины приходится платить собственным здоровьем, а о том, что там существуют разного рода неудобства - не стоит и говорить. Ну, если только упомянуть необходимость справлять естественную потребность организма, что под водой сопряжено с массой хлопот. Хорошо, если вы облечены в мокрый неопреновый костюм, можно помочиться прямо в него – морская вода всё промоет, но вот с костюмом сухого типа случается сущая морока: всякий раз приходится подниматься на поверхность, чего обычно не позволяет работа, и остаётся только терпеть.

Часто под водой, это касалось напряжённых дней, когда мы работали на добыче морепродуктов и «съедали» за день по 3-4 акваланга, действительно возникала острая проблема с необходимостью подниматься на поверхность, чтобы справить естественную нужду. Организм, страдая от переохлаждения и серьёзного напряжения, требовал этого значительно больше, чем на поверхности, но поскольку приостановить добычу, по многим причинам, было невозможно – мы приспособились мочиться прямо в гидрокостюмы. Неопреновые костюмы были мокрого типа и свободно позволяли это, поскольку одевались на голое тело. Скоро морская вода, циркулируя между костюмом и телом, вымывала остатки мочи, к тому же, моча на какое-то время производила обогревающий эффект. Вечером, после завершения погружений, костюм тщательно прополаскивался, просушивался и никаких следов не оставалось.

После длительной работы в течение двух-трёх месяцев у многих ребят нередко возникали сложности с воспалением половых органов, сопровождающимся раздражением и зудом, и лучше всего в этом случае помогало … тёплое молоко высокой жирности: необходимо было только какое-то время подержать член в нём, долго потом не смывая. Образовавшаяся сыворотка стягивала кожу, очень надёжно и быстро очищая её, и сыпь постепенно исчезала. Но молоко не всегда присутствовало в походных условиях, и вот здесь на выручку опять приходила … моча, которая использовалась точно так же, как и молоко: нужно было только подержать в ней воспалённый орган, какое-то время, опять же, не промывая его. Естественное лекарство давал сам организм, и оставалось лишь умело воспользоваться им, причём, никто не видел в этом ничего зазорного.

Однажды судьба забросила меня на западное побережье Чукотского полуострова, в Беринговое море, где мы выполняли работу от ТИНРО, и во время одного из выходов на берег я узнал, что чукчи время от времени поят своих оленей человеческой мочой для возбуждения в них бодрости и силы. Оказывается, сия влага действует на животных подобно тому, как валерьяновые капли на кошек, олени жадны до неё, и по ночам не дают людям покою, бродя вокруг их жилища в ожидании любимого питья, а когда мочу наконец-то выплёскивают из какой-нибудь юрты на снег, производят между собой драку. Каждый чукча хранит мочу в отдельной посуде, из которой постоянно поит оленей, и когда ему нужно собрать их, то он выставляет этот сосуд и призывает животных протяжным голосом, после чего животные быстро прибегают.

Неудобства при выполнении подводных работ возникают во множестве, и некоторые из них даже способны вывести пловца из душевного равновесия. Что же вызывает под водой страх или, по крайней мере, раздражение и тревогу?

В одной из книг о море я как-то прочитал, что автора, подводника-океанографа, пугало под водой всё большое: рифовые банки, скалы, островки водорослей или затонувшие корабли. Это большое и пугающее, всегда неожиданно, выплывало откуда-то, и в ограниченной видимости вызывало неприятные ощущения. Как будто что-то неведомое наступало из неведомых глубинных недр, готовое вот-вот раздавить, расправиться с тобой…

Но по собственному опыту я знал, что пугает всегда неизведанное. Как только ты преодолеваешь барьер неизвестности – страх пропадает. Может остаться волнение, рабочий зуд, но страха уже не переживаешь.

Опасность под водой может подстерегать неожиданно в самой безобидной ситуации. Внешне ваше подводное оборудование, вроде бы, исправно: костюм без порезов, швы хорошо проклеены, грузовой пояс отрегулирован на необходимую вам плавучесть, маска подогнана, акваланг забит сжатым воздухом под завязку и работает хорошо. Нет никаких поводов для беспокойства. Но причина неполадки акваланга может быть любая, самая

незначительная, на которую сразу не обратишь внимания, пока она не даёт о себе знать.

Например, вы работаете на грунте, глубина 20-30 метров, и вдруг сильная струя воздуха выбивает у вас изо рта загубник. Хорошо, если вы привыкли держать загубник во рту плотно, а не мягко, и удар воздуха поймал вас в момент, когда в лёгких ещё осталось его достаточная порция, в этом случае есть вероятность, что сориентировавшись и не поддавшись растерянности, вы всплывёте на выдохе и всё обойдётся… Но что же произошло, ведь вы тщательно проверяли аппарат перед погружением, и он был в полном порядке?!

Лишь разобрав на поверхности лёгочный автомат, вы выясняете причину его неисправности: это вырвало в дыхательном автомате диафрагму, и воздух под давлением пошёл в камеру вдоха. Поломка произошла из-за сетчатого фильтра, который стоит перед клапаном редуктора, предназначенного для понижения давления воздуха, поступающего из баллона в дыхательные пути. Край сетки фильтра немножко отошёл в теле прокладки, и он утратил своё назначение. Под клапан редуктора попала окалина, клапан стал неплотно прижиматься к седлу, и режим работы лёгочного автомата был нарушен: воздух под высоким давлением начал свободно проникать в камеру редуктора, отчего и вырвало диафрагму. А ведь какая мелочь, которую легко не заметить!

Несмотря на защищённость тела достаточно плотным и прочным неопреновым костюмом, не исключена под водой и опасность ожогов от медуз, порой образующих в море значительные скопления. Ты продвигаешься в толще воды, увлечённо выполняя конкретную рабочую задачу, и не всегда обратишь внимание на медуз-крестовичков, незаметно облепивших тело. Эти крестовички, несмотря на свои крохотные размеры, способны доставить большие неприятности. Ожоги от их прикосновений страшно губительны, и могут даже привести к летальному исходу, если вовремя не оказать потерпевшему помощь.

Вероятны и случаи нападения зубатки… Эта метровая рыбина, с зубами, способными раздробить лодочное весло, всегда скрывается в водорослях, и первой реакцией на вмешательство в её обитель, обычно, оказывается молниеносный бросок к вашей руке, которую уже не спасёт неопреновая перчатка, и скорее всего вам придётся обращаться к врачу с рваной раной, как это произошло однажды со мной. Шрам на левой руке до сих пор напоминает мне о том счастливом времени, когда я ничего не боялся, и, несмотря на все перипетии нелёгкой подводной работы, был здоров и счастлив.

А вот такие достаточно крупные животные, как котики и нерпы вреда причинить не могут, но играя, способны укусить вас за ласту, случается даже – за лодыжку, и тем изрядно напугать, если вы ещё недостаточно опытный подводный пловец…

Если вы решили поохотиться на осьминога или тоже затеяли с ним игру, он способен прицепиться к вашей руке, незаметно обвив всё туловище, а другими щупальцами ухватиться за камни, что может вызвать, опять же – у неопытного пловца, панику. Не лучше, когда осьминог сорвёт с вас маску или даже выдернет изо рта лёгочный автомат, что он, кстати, проделывает без злого умысла… Пройдёт немало времени, пока вы разберётесь со своими страхами и научитесь понимать поведение этих милых подводных отшельников.

Ещё велика вероятность запутаться в водорослях, когда они колышутся под воздействием подводного течения либо штормового волнения. Спешка при этом – плохой союзник, и лишь неторопливое продвижение в переплетающихся зарослях и уравновешенный внутренний настрой способны будут избавить вас от ненужных недоразумений. Морская трава, в особенности – ламинария, может быть так коварна, что в борьбе с ней не мудрено лишиться самообладания, а надо-то всего лишь замереть, успокоиться, и тогда её стебли сами ослабят свои сковывающие путы.

Нельзя забывать и о мировосприятии человека под водой, когда оно, значительно, сужено в сравнении с нахождением на суше. Человек не сразу привыкает к переменам, что происходят рядом с ним под водой. Ведь дальность видения ограничивается здесь максимум – двадцатью, а то и несколькими метрами, и кроме того, по мере удаления от поверхности падает освещённость. Начинает проявляться такое свойство, как проприорецепция, не замечаемое на земле. Под водой вы скоро теряете информацию о понятиях «низ-верх» и «слева-справа», поступающие на суше постоянно от контакта с окружающими вас предметами, и вы вынуждены сами определять для себя их, испытывая значительные неудобства от постоянной опасности потерять ориентировку.

К этому надо добавить, что под водой для ныряльщика теряет значение такой важный информационный канал, как акустика, поскольку строение органа слуха человека исключает или затрудняет определение направления на источник звука. Касатки и дельфины обладают эхолокационным аппаратом, с помощью которого они великолепно ориентируются при любой освещённости и прозрачности воды. Человеку же без применения техники под водой никак не обойтись, ну, а если следует выдержать определённый курс, то он и вовсе может легко потеряться. Под водой пловца сбивают с толку разного рода звуки, отсутствие каких-либо ориентиров, и помочь ему способен только огромный опыт общения с подводным миром.

Ориентирование под водой равноценно поиску дороги слепым, у которого, к тому же, отсутствует спасительная палочка. Психологи проводили опыт на площади перед собором Св. Марка в Риме. Испытуемым завязывали глаза и направляли к фасаду собора, имеющего в длину порядка восьмидесяти метров. В лучшем случае требовалось войти в двери собора, на худой конец – хотя бы угадать сам фасад, но из ста привлечённых к эксперименту человек, большинство, вообще, промахнулось, не поверив в

себя и, в результате, сильно отклонились в сторону. Ориентирование под водой сродни попыткам человека, пытающегося с завязанными глазами двигаться в заданном направлении. Нужен многолетний опыт работы и уверенность в себе, чтобы выдерживать под водой верный курс.

Во-первых, вода сокращает расстояние, и то, что представляется тебе почти рядом, на самом деле - значительно от тебя удалено. Во-вторых, хорошо, если под тобой видно дно, относительно которого можно по разным предметам на нём фиксировать правильное направление, но если дна не видно и ты вынужден плыть в толще воды, задача твоя усложняется. В-третьих, различные шумы, очень ощутимо воспринимаемые под водой, тоже отвлекают тебя, способствуют твоему излишнему волнению, да и само пребывание на глубине неординарно: нужно иметь изрядное хладнокровие, чтобы не отвлекаться на несущественные детали, которые для новичка кажутся чем-то из ряда вон выходящими.

Временами после работы под водой побаливают уши и лобные пазухи: это значит, что ты недостаточно хорошо продулся, погружаясь на глубину. Бывает, поторопишься, не дождавшись улучшения самочувствия после продувки, и с лёгкими неприятными ощущениями, всё же, продолжаешь погружаться… То ли работа заела, то ли ты уже совершал подобное и это как-то сходило тебе с рук, отчего и появляется опасная успокоенность, будто облегчение всё равно наступит, и ты не реагируешь должным образом на тревожные симптомы, а в результате получаешь впоследствии боль, в худшем случае – лопнувшие кровеносные сосуды или даже ушные перепонки, что грозит воспалением. Тогда ты отлучаешься на время от спусков, но вот восстанавливаешь себя опять с помощью моря: чудодейственны ингаляции подогретой морской водой!

При каждом погружении следует учитывать, что наши уши и лобные пазухи представляют собой полости с жёсткими костными стенками, отчего они не могут сохранить равновесие с внешним давлением и сильно мешали бы ныряльщику, если не были связаны с дыхательными путями при помощи каналов – так называемых евстахиевых труб. Благодаря этим каналам в полостях с жёсткими стенками необходимое противодавление создаётся воздухом, который поступает сюда из эластичных лёгких, но евстахиевы трубы поддерживают эту необходимую связь с некоторыми перерывами, что можно облегчить, с силой сглатывая слюну, либо же - время от времени совершая резкие выдохи носом под маску, плотно прижатую к лицу.

После такого продувания устья евстахиевых труб в ушных раковинах обычно открываются и давление выравнивается. Правда, не всегда это удаётся сделать сразу, иногда приходится выдувать воздух несколько раз, и если необходимого результата добиться не получается, лучше от погружения временно отказаться, подняться к поверхности и попробовать нырнуть ещё раз. В случае очередной неудачи целесообразно, вообще, на сегодняшний день больше не пытаться совершать подводные спуски, перенеся их на следующий день.

Когда открытие евстахиевых труб запаздывает или совсем не происходит, что случается часто при насморке, барабанные перепонки уступают давлению окружающей среды на их внешнюю поверхность и стремятся вдавиться. Это неминуемо вызывает резкую боль и является верным признаком того, что пока глубина не пускает тебя к себе и к этому нужно обязательно прислушаться. Если же, несмотря на боль, ты продолжаешь погружаться, то на глубине около 12-15 метров барабанная перепонка с шумом лопается, словно при взрыве, причиняя при этом острую боль.

Правда, барабанные перепонки потом очень хорошо срастаются, так что несчастный случай такого рода не особенно серьёзен. Боли, предшествующие разрыву, опасны тем, что нарушают равновесие очень нежного механизма среднего уха, к которому приливает кровь. В результате получается длительное повреждение, по крайней мере, у водолазов, которые не обращают внимания на полученное предупреждение и не всплывают. Острота слуха при этом может быть серьёзно нарушена, отчего некоторые старые водолазы нередко становятся глухими.

Лобные пазухи обычно менее болезненны, так как у здоровых людей сообщение между ними и дыхательными путями значительно лучше. Впрочем, лица, страдающие синуситом или подверженные простуде, чаще всего не могут нырять на глубину более трёх метров, так как у них начинаются боли, особенно острые уже с глубины двух метров. У любого подводника, в течение многих лет погружающегося на глубину, хотя бы с полдюжины раз происходят несчастные случаи с лобными пазухами, которые не очень серьёзны и наблюдаются значительно реже, чем с ушами. При этом статистика показывает, что после таких повреждений 9 человек из 10 могут вновь погружаться в воду. Следует лишь не поддаваться беспечности, не забывая, что мелочей в подводном деле не существует.

На большой глубине потребление воздуха повышается во много раз по сравнению с объёмом воздуха, поглощаемым пловцом в поверхностных слоях, и это, конечно, тоже следует учитывать. Ведь на определённой глубине наступает глубинное опьянение, или как его ещё называют подводники – «эйфория», когда пловца охватывает неописуемый восторг от всего происходящего, и он способен забыться, потеряв над собой контроль. Воссоздать ощущения человека, находящегося в подобном, необычном для него волшебном состоянии сложно, нужно побывать в нём самому, сумев взять себя в руки и вернуться к здоровому восприятию действительности, что удаётся далеко не каждому. Радоваться необыкновенным переживаниям, приходящим к тебе на глубине, и в тоже время не терять при этом головы – великое умение, приходящее заслуженно, со временем.

Но что действительно страшно под водой, так это холод. Чтобы не замёрзнуть, тебя спасает толстый неопреновый, либо сухой костюм, в котором можно опускаться и под лёд. Что же касается оборудования, тем более, старых «АВМ-ов» и «Украины», с которыми нам приходилось

работать, то от низкой температуры воды всегда существовала опасность замерзания лепестковых клапанов в лёгочном автомате, что влекло за собой приостановку поступления сжатого воздуха из баллонов акваланга. Если пловец находился на значительной глубине, происходящее было чревато его гибелью. Трудно предугадать, как поведёт себя подводное оборудование, которое раньше в подобных ситуациях никогда не подводило, но в один прекрасный момент, всё же, даёт сбой… Любой человек не всегда окажется к этому готов.

Холод… Воздействие его на ныряльщика может оказаться губительным. Даже если вы облачены в тёплый неопреновый костюм, и вас спасает от внешнего неблагоприятного воздействия погоды напряжённая подводная работа, организм ваш всё же подвержен переохлаждению. Хорошо, если сразу после выхода на поверхность у вас имеется возможность перебраться на какое-нибудь плавсредство с тёплой каютой. Или, скажем, вы работаете вдалеке от судна, на боте, совершающем станционные разрезы на предмет обнаружения на разных глубинах донных обитателей, и ваши товарищи приготовили сухую одежду, в которую можно тотчас переодеться и попить горячего чаю. Но вот когда нет ни того ни другого – лучше всего пристать к берегу, развести два костра и обогреться между ними.

Несмотря на постоянную подачу воздуха из баллонов акваланга, от тяжёлой работы под водой запас его в лёгких быстро истощается, и как только концентрация углекислого газа в организме достигает определённой величины, ныряльщик оказывается во власти безусловного рефлекса выдоха-вдоха. Новую порцию спасительного кислорода хочется вдыхать всё чаще и чаще, и это не может, в конечном итоге, не сбивать дыхание. Жаждущие воздуха тело и мозг, в считанные секунды, вынуждают тебя сорвать маску, рвануться к поверхности, чтобы вдохнуть полной грудью желанного воздуха, и перебороть себя в эти минуты невероятно сложно. Вырваться на поверхность, всё бросить, каким бы ответственным не являлось задание: эта единственная мысль неотступно пронизывает всё твоё существо. Избавить человека от этого рефлекса может только увлечённость работой или какое-нибудь неожиданное событие, полностью овладевающее его вниманием. Только при этих условиях человек не ощущает аноксии – недостатка кислорода в тканях тела, и не чувствует непреодолимого желания повторить вдох.

Но обычно воспалённый мозг терзает лишь одно устремление – спастись, отказаться от борьбы, поскорее избавиться от своего подводного одиночества. В душе царит невообразимый сумбур. И вот здесь необходимо взять себя в руки, на пике отчаяния не отдаться страху, а обуздать его и нормализовать дыхание. Как это тяжело – способен осознать только оказавшийся в подобном положении, но именно так возможно сохранить контроль над собой и выжить.

Победить слепой панический порыв, подавить приступ ужаса, не поддавшись его парализующему действию, значит, овладеть ситуацией. Если

тебе удалось преодолеть себя, хотя бы раз, в следующей переделке ты, несомненно, окажешься сильнее. Так, постепенно, приходит недостающий опыт и слагается характер, без которого невозможно занятие подводным делом. Либо ты растёшь и укрепляешь знания, либо терпишь поражение, нередко – ценою в жизнь. Иного в общении с морем, тем более, при работе под водой, не дано!

«Кессонка», то есть – кессонная болезнь… Пожалуй, это – основная опасность и болезнь ныряльщиков, и связана она с тем, что человек, находящийся под давлением, вдыхает азот, который не выделяется целиком обратно при выдохе, а растворяется в крови и тканях. Когда ныряльщик переходит в область пониженного давления, то есть – начинает подниматься на поверхность, растворимость азота понижается, и он собирается в пузырьки. Если вы слишком быстро осуществляете подъём, пузырьки азота не успевают раствориться и закупоривают кровеносные сосуды, что может вызвать паралич конечностей или даже смерть. В лучшем случае человек отделывается ломотой в суставах.

В отличие от аквалангистов, киты, скажем, не только могут стремительно погружаться на глубину порядка километра, где перепад давления составляет около 100 атмосфер, но и безостановочно подниматься на поверхность. Китам позволяет это делать то, что они совершают вдох при атмосферном давлении, поэтому в их крови и тканях растворяется лишь незначительное количество азота. Аквалангисты же дышат газовой смесью, находящейся под давлением, соответствующим глубине погружения, и вынуждены всплывать постепенно, с небольшими задержками, чтобы пузырьки азота успевали раствориться и не закупорить кровеносные сосуды.

Многие считают, что ныряльщику, уходящему под воду без акваланга или мягкого скафандра со шлемом, кессонная болезнь не грозит. Он мало времени проводит на дне, сжатого воздуха, как и киты, не вдыхает, и остатки воздуха в его лёгких выжимаются в бронхи, откуда газ в кровь не поступает. Всё это верно, если говорить об однократном погружении, но, когда ныряльщик уходит под воду несколько раз подряд, в его крови постепенно накапливается избыточное количество азота. И в конце серии погружений, ныряльщик должен ощутить хоть какие-то признаки кессонной болезни. Есть только один путь для того, чтобы избежать накопления избыточного количества азота в крови: надо нырять с большими интервалами, в течение которых полностью восстанавливается нормальная концентрация азота в организме.

Коварное действие сжатого азота, как уже говорилось выше, именуется в среде подводников ещё азотным отравлением или опьянением. С водолазами на глубине начинает твориться что-то невообразимое: совершенно забывая о работе, они вдруг принимаются играть с подводными обитателями. Некоторые водолазы ощущают непреодолимое желание вынуть изо рта лёгочник, избавиться от «обременительного» акваланга, а кое-кто

даже перерезали собственной рукой шланги, подающие воздух в шлем. Жак-Ив Кусто назвал это явление «зовом бездны…»

Азотное отравление подстерегает аквалангиста или водолаза в скафандре со шлемом, если он дышит атмосферным воздухом на глубине свыше 30 метров. Восприимчивость к отравлению носит индивидуальный характер, так что некоторые водолазы спокойно работают на глубине 60 метров, а кое-кто не слышит «зова бездны» даже на глубине 90 метров. Избавить человека от опасностей азотного отравления может только переход на дыхательные смеси, не содержащие азота, например, гелиево-кислородные. Сейчас принято считать, что сжатый азот, растворяясь в крови, действует подобно алкоголю или слабым анестезирующим и наркотическим средствам. Чем выше давление, тем сильнее проявляется это действие, всё более напоминая действие «веселящего газа» - закиси азота.

Простым ныряльщикам, не имеющим ни аквалангов, ни мягких скафандров со шлемами, азотное отравление, видимо, не грозит. На большие глубины, туда, где существует опасность такого отравления, они попадают очень редко, бывают там недолго, кроме того, запас воздуха у них в крови и лёгких очень ограничен. Но не исключено, что, сумей кто-то из них задержать дыхание на несколько минут и погрузиться на глубину свыше 60 метров, как это делают морские млекопитающие, такой смельчак рисковал бы услышать «зов бездны».

Ещё одна особенность нахождения под водой – неестественно большие размеры того, что тебя там окружает. Аквалангистам, пользующимся маской с плоским стеклом, подводные объекты кажутся увеличенными примерно на 30 %. Это вызвано различием коэффициентов преломления света в воде и в воздухе, заключённом в маске. Впрочем, аквалангист к этому быстро привыкает и бессознательно вводит соответствующую поправку, однако при подводной фотографии всё же возникают серьёзные трудности. Для того, чтобы устранить искажение объекта, стёкла в подводных фотобоксах делают изогнутыми. Путём подбора кривизны можно добиться того, что искажения будут минимальными.

А вот если обитателей морских глубин касается пучок электрического света, то перед глазами водолаза оживает целый мир ярких красок, которые без этой искусственной подсветки выглядят отнюдь не такими привлекательными, чаще даже и вовсе неприметными. Свет мощной электрической лампы или прожектора мгновенно превращает монотонный синевато-зелёный пейзаж в палитру художника, содержащую самые разнообразные краски.

Невольно при этом задаёшь вопрос – к чему под водой яркая раскраска медуз, кораллов, асцидий, рыбок и прочих морских животных? При естественном свете человек её не видит. Но, может быть, её видят глаза обитателей подводного царства, устроенные иначе, чем у человека? И именно для них она предназначается?

Общепринятое мнение таково, что у рыб зрение слабое, однако они дальнозорки, и глаза их способны увеличивать контрастность плохо освещённых предметов. Впрочем, может быть, за яркой окраской морских организмов кроются более важные причины, не имеющие отношения к тому, любуется ими кто-нибудь или нет? Вероятно, красящий пигмент в коже морских животных отражает одни лучи и поглощает другие только потому, что они необходимы для жизненных процессов?

А почему организмы, скрытые от наших глаз и понимания на дне, становятся бесцветными с глубины 2000 метров? И наоборот, некоторые виды креветок, бесцветные в верхних слоях океана, на глубине нескольких тысяч метров окрашены в красный и фиолетовый цвета? И разве помогает нам знание того, что цвет предмета определяется отражаемыми, а не поглощаемыми им лучами?!

Несомненно, что в некоторых случаях окраска носит защитный характер. Так, у большинства рыб, живущих в верхних слоях океана, спинки тёмные с синим, зелёным или серым отливом; такая окраска сливается с поверхностью моря, если смотреть сверху. Зато брюшки у них светлые, даже белые; если глядеть на такую рыбу снизу, она сливается с поверхностью моря, которая из глубины представляется светлым сверкающим потолком. Медузы, ярко окрашенные в верхних слоях океана, часто имеют однообразный коричневый цвет, если живут на глубине 300-400 метров. Глубоководные рыбы, бесцветные или окрашенные в чёрный, тёмно-фиолетовый и красный цвета, вероятно, трудно различимы в тёмных глубинах океана. Некоторые морские животные обладают способностью, подобно хамелеону на суше, менять окраску тела, приспосабливаясь к окружающей среде. Например, если палтуса или камбалу положить на шахматную доску, их спинки покрываются рисунком, сходным с шахматной доской, а у ослеплённых рыб этого не происходит. Значит, изменение окраски у них управляется нервно-гормональной системой.

Секрет окраски животных и даже человека был раскрыт совсем недавно при изучении эндокринной системы скромной серой морской креветки. Оказалось, что любая окраска наружных покровов животного – результат той или иной плотности содержащегося в них особого вещества меланина, выделяемого специальными пигментными клетками. Чем плотнее решётка из зёрен меланина, тем темнее окраска, а сам цвет, какой бы он ни был, результат отражения света в преломленной решётке меланина.

И всё же, отчего глубоководная креветка, остающаяся невидимой под водой, у поверхности моря обретает свой истинный цвет – ярко-красный? Там, где, казалось бы, и должна оставаться незаметной? Неужели только за тем, чтобы очаровывать воображение рыбаков, наблюдающих за выборкой трала ночью, при свете прожекторов?

Так или иначе, но подводный мир таит в себе неимоверное количество необъяснимых загадок. Он – кладезь совершенно особого знания, возможно, способного когда-нибудь объяснить нам природу собственного прошлого.

В связи с погружением под воду существует множество самых необычных секретов, включающее и нахождение в водной среде, и подготовку к спускам. Например, общение под водой подразумевает хорошо отработанную систему знаков, передаваемую аквалангистами с помощью рук: если показать двумя пальцами себе на глаза – значит, смотрите на меня, а покачивание ладонью – проблема. Но вот если вы погружаетесь в водолазном скафандре, то переговорить со своим товарищем можно прижавшись, друг к другу, котелками шлемов. Лишь тогда, к вашему немалому удивлению, все подводные шумы, включая стравливаемый воздух, куда-то отходят, и будто в собственном шлеме слышится гулко-дребезжащий голос приятеля. На мгновение вы даже потеряете ощущение действительности, поскольку отчётливо покажется, что вас ничто не разделяет, а водная среда – ваша родная стихия.

Что-то подобное происходит и перед погружением под воду. Есть магическое средство, не дающее запотевать стеклу в подводной маске. Оно было открыто одним из пионеров подводного спорта, Тайе, который поделился своим секретом с Кусто и Дюма: перед тем как надеть маску, надо окунуть её в воду, затем вылить из неё воду, плюнуть на внутреннюю сторону стекла и размазать слюну пальцем. После этого остаётся сполоснуть маску в воде ещё раз, и стекло будет сохранять полную прозрачность. Неоднократное количество раз проделывал я эту процедуру во время подводных спусков, и она не только не срабатывала, но ещё и успокаивала, действительно являя собой какое-то магическое действо: забыл его совершить – может случиться какой-нибудь казус, исполнил – всё лучшим образом устроится.

Тем, кто работал под водой, хорошо известно, что и время здесь течёт по своим законам. Иногда, кажется, что проплавал всего несколько минут, а выйдя на поверхность, к удивлению своему обнаруживаешь – прошло около часа. Случается и наоборот: минуты ползут удивительно медленно, и ты успеваешь много увидеть и сделать. Начинаешь даже беспокоиться – отчего воздух не перестаёт поступать так легко, как будто ты ещё не работал и только что спустился под воду, то и дело поглядываешь на манометр, поднявшись же на поверхность, убеждаешься – отсутствовал ты всего лишь пятнадцать-двадцать минут. Про себя отчего-то радуешься этому необычному истечению времени, и уже с нетерпением ждёшь следующего погружения, сознательно желая ещё раз забыться в удивительном подводном мире.

Вот и разные вещи под водой ведут себя по-разному. Среди водолазов хорошо известна история гибели на Чёрном море судна «Днепр», разорванного набухшим горохом… Вроде бы, обычное зерно, пустяк, а какую силу в себе имеет в соединении с водой!

Водолазы знают, что лучше всего сохраняются под водой металлы и мука. Мука не превращается в тесто, как можно было бы думать, а покрывается тонкой коркой и может пролежать в воде десятки лет. На одном

судне в северной экспедиции пекли хлеб из муки, пролежавшей в затопленных трюмах ледокола около трёх лет.

Такая же корка, как на муке, образуется на тёртых в порошок красках. Они не растворяются и не окрашивают морскую воду во все цвета радуги, а лежат в трюме совершенно сухими много лет.

Железо покрывается тонкой ржавчиной – не больше миллиметра. Её очень легко отбить и счистить. Громадные судовые машины, например, ничуть не разрушаются за десятилетия. После подъёма их просушивают, смазывают, и они ещё долгое время служат людям.

Стекло, фарфор, дуб, красное дерево – всё это тоже сохраняется прекрасно. Только чугун как бы раскисает от воды: первые несколько часов после подъёма он очень мягок, не твёрже свинца, но потом снова твердеет. Да ещё цинк в морской воде превращается в порошок…

Бывает, с самого утра, с первого за день погружения, почему-то всё идёт наперекосяк: уши не продуваются, что-либо не ладится со снаряжением, холодный колючий ветер настырно гонит серую неприютную волну, которая, что было сил, колотит ей о пластиковый борт бота, не переставая раскачивать его и, тем, мешая подготовке к погружению. На душу ложится какая-то неизъяснимая, подобно этой непроглядной серой пелене над морем, хмарь: всё, за что ни возьмёшься, валится из рук, создаёт лишнее раздражение и проблемы. Неоднократно приходит в голову мысль, что в пору бы бросить сегодня работу, а то ещё вдруг толкнётся в сердце ледяное дыхание неуверенности и страха… Как тут быть?

Но через минуту этот же страх диктует не сдаваться ни в коем случае, взять себя в руки, успокоиться… И вот, ты присаживаешься на комингс, щуришься от взлетающих над бортом солёных брызг, пытаясь урезонить разбушевавшееся в груди сердце. Не сразу, но постепенно это удаётся, и тогда уже серые волны начинают восприниматься не такими дикими, а в волнении моря ты замечаешь некую его игру, пытающегося тебя не на шутку раззадорить, чтобы ты себя позабыл и, может быть, обрёл в душе какое-то важное знание, скорее даже – уверенность. И в этот миг в низком небе послышится вдруг проникновенный крик чайки, который покажется тебе жизнеутверждающим и родным.

Взглянув на небо, ты поначалу даже не поверишь глазам: там, сквозь кромешное ненастье, неожиданно проглянет узкая полоска света, а затем, мутноватым пятнышком, засветится еле пробивающееся солнце. Впрочем, оно тотчас погаснет, но настроение несомненно улучшится. Что-то перевернётся в твоей душе и утвердится в уже непоколебимой уверенности: всё будет хорошо, нужно идти на погружение.

Конечно, не тебе одному решать – погружаться сегодня или перенести спуски на другой день, когда погода, может быть, успокоится… И всё же, в первую очередь, учитывается внутреннее состояние и мнение именно

погружающегося под воду, того, кто уже облечён в водолазный костюм и кто достаточно ясно представляет для себя подводную обстановку, непосредственно столкнувшись с ней, чувствуя её по-другому, в отличие от своих товарищей, находящихся хоть и рядом, но не в воде, которая дарит свои знаки. Тот, кто готов их воспринимать, обращают к морю всю свою душу…

Я не сразу понял, что самое обременительное при подводных погружениях, как ни странно, не работа под водой, а подготовка к ней. Когда же опускаешься под воду после длительного переодевания, иногда просто изматывающего своей тщательной монотонностью, какой-то отрешённой сосредоточенностью, то молниеносно наступает умиротворение. Прохладная вода приятно остужает твоё разгорячённое настроение, тело словно лишается тяжёлых, сдавливающих оков, а рой устремляющихся к поверхности пузырьков – успокаивает и настраивает на неспешное восприятие всего окружающего. Напряжение, которое, казалось, продлится и под водой, наконец-то, спадает, и ты забываешь обо всех треволнениях, что совсем недавно досаждали наверху. Нахождение под водой переносит тебя в иной мир восприятий и дарит то, чего бы ты никогда не ощутил при достаточно тягостном порой земном притяжении: переживание полёта!

Ну, а вечные ссадины, сопутствующие нелёгкой подводной работе, если честно, вообще не воспринимаются серьёзно, ибо знаешь: любые мелкие травмы заживают в море мгновенно. Поцарапаешь ли ты руку о створки раковины и острые каменные полипы, уколешься о иголки бычка или длинноиглого ежа нудуса, - всё залечивает благодатное морское пространство, призванное природой, наверное, именно к этому. Но если ты после полученного повреждения долгое время находишься на поверхности, не погружаясь, то ранки, по причине большой влажности воздуха, затягиваются крайне медленно, вызывая длительные болевые ощущения. К тому же, после месяца подводных работ от перенасыщения суставов азотом начинает, как правило, ломать суставы рук, особенно – от локтя до кончиков пальцев, кожа на ладонях постепенно шелушится и сходит целыми струпьями. И всё же ты переживаешь огромную радость от того, что связан с морем, эту неразрывную связь ты ощущаешь в себе постоянно, а на все те неудобства, что несёт общение с ним, просто не обращаешь внимания: море – твоя судьба.

Работу под водой описать сложно, если сам её не попробовал, и даже когда хорошо представляешь себе – о чём хочешь рассказать, неизменно теряешься при наличии совершенно простого факта: как найти для своего рассказа нужные слова? Ведь дело касается подводного мира, и лучше, наверное, опуститься под воду самому… Собрать, хотя бы, две-три питомзы трепанга на один акваланг, освободить пилкой по металлу судовой винт от намотанного на него троса, завести на полученную судном пробоину пластырь, разобрать старую трубу подводной части мареографа и собрать новую, размыть от ила и песка, с помощью помпы, оголовок этой трубы, и

ещё осуществить множество самых разнообразных операций по ремонту и подъёму из-под воды пострадавшего в шторм судна, а также – по обслуживанию научно-исследовательских экспедиций с океанологами, биологами, гидрометеорологами и вулканологами… Всего не перечислишь, и если ты однажды всё это испытал, объяснять тебе ничего не придётся.

И всё-таки, как рассказать о своеобразии водолазных работ тому, кто никогда ничего такого не видел, и вряд ли намеревается в чём-либо подобном участвовать, но ему было бы небезынтересно обо всём этом послушать, представляя себя на месте человека, бесстрашно опускающегося под воду? Предоставим ему эту возможность?!

Вот, скажем, следует судно проливом, в тумане, а судоводитель поторопился и не учёл присутствие сильного течения, так что оно рыскнуло, да распороло днище о камень… Стоит теперь, как вкопанное, а долго стоять некогда: прилив, как на грех, двинулся, вода быстро отсеки затопляет, в них – груз, что ждут люди, и времени на раздумья – кот наплакал. Всё, что плохо и не годится – тут как тут!

Необходимо срочно заводить пластырь, откачивать воду и цементировать пробоину… Вроде бы, не таким уж сложным делом предстоит заняться, а какой характер и терпение со знанием нужно проявить, чтобы всю эту «простую» работу надлежащим образом выполнить!

На суше всё всегда представляется гораздо проще, даже самое незаурядное задание, но вот под водой сложность исполнения его удваивается, если не утраивается, и уходя под воду, у водолаза уже не должно возникать никаких вопросов или сомнений по осуществлению этого порученного ему дела. Всё в тебе должно быть сконцентрировано на предстоящей работе, опыт тебя не подведёт, ты это твёрдо знаешь, и череда всех предстоящих операций чётко стоит перед глазами. Необходимо лишь твоё спокойствие и выдержка, а их тебе не занимать, и потому ничего тебе не страшно, когда ты уходишь под воду, и вырывающиеся из скафандра воздушные пузырьки будто приветствуют твоё появление в родном для тебя мире…

Нет ничего прекрасней этих первых минут напряжения, и что может быть лучше для мужчины, когда он делает трудную и опасную работу! Всё это всегда было приятно мне, но каковы размеры и характер пробоины? Нужно поскорее это выяснить…

Хорошо, если края пробоины ровные, или, ещё лучше, вмяты ударом о камни вглубь трюмного отсека, тогда на неё наскоро можно наложить мягкий парусиновый пластырь, если время и положение днища судна под водой терпят. Главное – увести его с опасной каменистой мели, от которой лучше десять раз поворотить, чем один раз на неё сесть. Но вот когда края листов обшивки разорваны так, что заусенцы торчат наружу, мягкий пластырь не годится, он скоро порвётся об эти самые рваные выступы, и нужно срезать все неровности автогеном, что, естественно, долго, и приходится заводить жёсткий пластырь, что состоит из двух слоёв досок с прокладкой из

парусины между ними. Тогда пластырь закроет и пробоину, и её неровные края.

Но легко сказать, попробуй всё это сделать, когда в затопленных трюмах что-то постоянно скрежещет, якорные цепи тревожно вздрагивают от натуги, надоедливые льдины, то и дело, скребут по ржавым бортам, а под водой – обжимающий тело и душу пронизывающий холод… От него нигде не укрыться, и, собравшись с духом, приходится лезть в этот промозглый сумрак, настраивая себя на рабочий лад. Ледяное дыхание северных вод где угодно пробьёт себе дорогу, его не удержишь, тебе же надлежит устранить пробоину, завести на неё заплатку, такое дело!

Правда, дело делу – рознь, иное – хоть брось, да только тебе бросить никак нельзя, потому как ты – горой за дело, а дело – за тебя… Под водой оно шуток не любит, в нём – словно один держит, другой – не пускает. Но ежели пообвыкся, и настрой нужный имеешь, любую задачу одолеть можно, потому как хорошему работнику мало уменья, нужна верная привычка, а она – та же природа того, кто постоянно работает под водой!

Природа водолаза – доводить начатое до конца, и тут настрой важен, когда привести свои мысли в согласие с исполняемым делом – единственно верный лад: и сам всё умеешь, и ладно делаешь. Лады-то – всего дороже, а в подводном деле им цены нет. Человек, опускающийся под воду для исполнения там ответственной работы, по своей внутренней природе должен нести в себе знак воды, без чувствования этой природы ему там делать нечего. Тебе именно надлежит быть прирождённым водолазом, и только тогда вода за твой труд и пот тебя вознаградит.

Словом, если не родился под водным знаком – нечего тебе под водой делать: природа её к себе не пустит, и секретов своих не раскроет. Но прежде, чем своё единение с водной стихией ей демонстрировать, ещё необходимо наверху умение проявить, сколачивая пластырь, когда за бортом качка, и гвозди на холоде всё время норовят выскользнуть из посиневших рук, а молоток ударяет по пальцам. Ещё следует, для скорости заделывания пробоины пластырем, подкильные концы так удачно завести, чтобы он в заусеницы не упёрся, не застрял на днище судна… Тогда как вода в трюмах не ждёт – уровень её неумолимо повышается, и если пластырь сразу на место не встанет, нужно будет водолазу под воду спускаться, а это очень опасно, поскольку судно быстро садится, и один Бог ведает, когда и как оно на грунт неожиданно ляжет. Всегда жди беды от большой воды…

Наконец, этот самый решительный миг в жизни водолаза настаёт… В общем-то, рядовой случай в его каждодневной работе, но … кривой. Смерть, как водится, тоже дело рядовое, однако же, служить ей не пристало, и если, всё-таки, судно прекратит медленное погружение, в один миг ухнет на водолаза, и … раздавит, что тогда станется?! Но, как не крути, без подводной головы тут всё равно никак не обойтись, и наш герой уходит под воду…

О профессионализме водолаза, будьте уверены, можно не беспокоиться, он справится с возложенным на него заданием, каким бы

опасным оно не представлялось. То, что он преодолеет волнение и страх – и в этом тоже можно не сомневаться: человек, сделавший работу под водой своей постоянной профессией, без труда прогонит от себя всё, что может ему помешать. Благодаря многолетней практике, он уже давно выработал в себе все необходимые навыки, и хорошо представляет, как напряжён и сложен изнурительный труд водолаза на грунте. Но вот сослужит ли ему службу его счастье, ибо в чужое, ни за что, не заедешь? И будет ли удача на его стороне, причём, не по расчёту, а заслуженно: ведь участь свою человеку самому в жизни приходится решать, и случайностей здесь быть не может.

Счастье должно быть твоим, и никак иначе, поскольку оно – в нас, а не вокруг да около, и если счастье к тебе пришло – это только твоя заслуга. С таким счастьем всегда на клад набредёшь, без счастья же и гриба не найдёшь. Но и то правда, что счастье и к глупому придти может, тогда как умному его Бог даёт. Значит, этот умный человек над чем-то основательно порадел в своей жизни, оттого и Бог его счастлив, и он сам. Выходит: всё упирается в собственный опыт, те испытания, что ты претерпел за годы подводного труда, именно они подарили тебе знание и уверенность, и ты достаточно искушён во всех его перипетиях…

Но где взять этот самый неоценимый опыт, если тебе всего двадцать или двадцать пять? Ты, конечно, уже изрядно хлебнул морской водицы, и твой Бог до сих пор тебя берёг, а как будет на сей раз? Что, если удача, по какой-либо неведомой, может быть, даже совсем незначительной причине, всё же на миг отвернётся, и ты окажешься обречён?

И вот, ты уже облачён в шерстяное водолазное бельё, натянул очень удобные двухпалые варежки и мягкую шапочку. Этому белью стоит посвятить отдельные добрые слова, и мы ещё вернёмся к нему. Товарищи, не сговариваясь, все разом рванули в стороны резину шейного кольца скафандра, ты привычным движением ловко всунул себя в ворот резиновой рубахи, сунув ноги в пудовые башмаки, потоптал ими, и, раздвинув руки, присел, приноравливая на себе покоробившееся водолазное одеяние…

Теперь можно попросить груза, тут же ощутив на плечах хомут со свинцовой бляхой… С непривычки при этом всегда расставишь ноги и, чуть согнув их в коленях, слегка подбросишь груза, как бы найдя для них более удачное положение, после чего, не без сожаления, опять прочувствуешь всю эту гнетущую тяжесть… В голове же – одна мысль: «Скорее бы – под воду!»

Сразу и не заметишь, как на неё, оказывается, уже водрузили медный шлем, и гаечные ключи дружно застучали по нему, гулко отдаваясь в ушах. Затем скрипнула, и мягко замерла винтовая нарезка, в шлеме зашипела пробная порция воздуха, и сначала в телефонах послышался треск, а потом – голос водолазного старшины, проверяющего слышимость. Кто-то уже прилаживает на твоей талии шланг-сигнал, и остаётся только двинуться к трапу, прежде неловко перешагнув через невысокий бортик, и повернуться к воде спиной. Всё готово к твоему погружению, ты, несмотря ни на что, в окружении родной стихии, и, совершив несколько шагов по скользким

ступенькам, с облегчением отталкиваешься от поручней трапа и бухаешься в маслянистую, тёмно-зелёную воду, кажется, по-матерински объявшую твоё ограниченное на время тело, в следующий миг обретающего долгожданную свободу…

Но строптивые волны всё-таки норовят проверить тебя на крепость, размерено и хмуро всхлипывают где-то над твоей головой, холодный сумрак быстро сгущается, и вот уже прорезиненная громоздкая рубаха, совсем недавно топорщащаяся на тебе, теперь плотно обхватывает тело. Тяжесть грузов сразу перестаёт давить на плечи, ты медленно поворачиваешься вокруг себя, чтобы оглядеться, и тебя в мгновение пронизывает холод, поднимающийся из неведомой глубины. В неё тебе предстоит опускаться прямо сейчас, в эту промозглую пустоту, и ты машинально откидываешь голову назад, затылком, до конца, нажимая клапан, стравливающий воздух из скафандра…

Вырвавшиеся из него пузырьки весёлой гурьбой стремительно уносятся ввысь, а ты валишься вниз, вскоре намертво влетая в вязкий илистый грунт, и облако серовато-коричневой мути окутывает тебя с головы до ног. Ноги на какое-то время остаются недвижимы, но когда облако рассеивается, ты начинаешь различать в мутной воде неясную громадину нависшего над головой судна… Когда ты под ним, и оно может в любой миг сорваться, ведь вода в трюмах прибывает, в душу закрадывается неприятный холодок от собственной беспомощности: как бы ты того не хотел – это незавидное положение исподволь удручает твоё настроение.

Первоначальное волнение, связанное с подготовкой к спуску, вроде бы, улеглось, но проходит ещё несколько минут, прежде чем ты, наконец, оказываешься возле пробоины, пластырь застрял прямо под ней, зацепившись за её рваные края. Теперь всё зависит только от тебя, и ещё от чьей-то неуловимой и загадочной воли, что приносит в твою жизнь недостающее везение: оно, ты знаешь, не обманет, когда верно выстраиваешь её. Поэтому мы оставляем нашего героя один на один с подводным холодом и темнотой, в надежде, что он преодолеет и минутную растерянность, и страх, и своё подводное одиночество, уповая только на собственные силы.

Сейчас ему предстоит быть очень внимательным, постоянно подбирая шланг-сигнал, не позволяя ему зацепиться за какой-нибудь выступ или загнувшийся лист обшивки, и время от времени стравливать воздух из скафандра, поддерживая необходимую плавучесть, чтобы удобнее примоститься к застрявшему у пробоины пластырю. Подавая наверх необходимые команды, водолазу необходимо попытаться сдвинуть пластырь, и, осторожно протягивая его вдоль днища, подвести прямо к пробоине, а закрыв её – скомандовать, что можно начинать откачку воды из затопленного отсека.

При этом нужно понимать, что движения твои скованы, в запале работы ты не всегда успеваешь стравить воздух, и тело твоё мгновенно перестаёт слушаться тебя: его, вообще, может перевернуть и отбросить

течением намного в сторону, после чего очень не просто будет вернуться в прежнее положение. А пластырь, между тем, уже сдвинулся с места благодаря перемещению подкильных концов, и всё приходится начинать заново… Невольно тебя охватывает раздражение, пот же предательски заливает глаза, его за стёклами иллюминатора не поправишь, тогда как воздух опять переполняет скафандр, и ты уже оказываешься подвешен под днищем вверх тормашками…

Вдобавок, водолаза может подстерегать любая, на первый взгляд, совершенно невинная случайность: ноги его, обутые в свинцовые башмаки, вдруг запутаются в затянутом илом обрывке рыбацкой сети; от днища судна, обильно покрытого ракушечником, оборвётся куст наросшей на нём водоросли, и облепит шлем с иллюминаторами и шланг-сигнал; в самый неподходящий момент намокшая от пота шапочка слезет на глаза, закрывая всякий обзор, и как раз в этот момент, не видя ничего, ты нечаянно натолкнёшься на рваные края железа, и распорешь костюм. Словом, чего только под водой не бывает, но ведь ты – водолаз, человек, который любит море и радеет за свой нелёгкий труд, что приносит, как всякое доброе дело, душевный покой и благо, и ты непременно должен исполнить свой долг…

Из опыта достоверно знаю: если однажды выработал в себе привычку быть счастливым – везение никогда не покинет тебя, как бы тяжело, на первый взгляд, не складывалась ситуация, в которой ты оказался. А привычку эту возможно обрести благодаря собственным мыслям и душевным устремлениям, которые должны быть правильными, и тогда они создают не страх и страдания, а радость, что в полной мере можно отнести к работе водолаза.

От тебя зависит – что ты сделаешь со своей жизнью, и только ты сам способен приносить себе удачу, даже, если находишься под водой, выполняя там опасную работу. Всё происходящее вокруг тебя – отражение твоего отношения к жизни, и если ты настроен на радость в общении с морем, на желание исполнять нелёгкую, но интересную работу, на стремление открывать в себе неизведанные стороны собственной природы, то удача всегда будет сопутствовать тебе. И потому – не бойся ничего, будь бодр духом и уверен в собственных силах, и мир принесёт тебе огромное удовлетворение.

Досужий читатель, конечно, не преминёт озаботиться совершенно естественным для него вопросом: а что же вас принуждает к этому неимоверному напряжению? Если всё описанное вами, действительно, несёт в себе такое сосредоточение сил, переживания и риск, то стоит ли посвящать подобному делу свои лучшие годы и силы?! И этот досужий читатель будет, разумеется, поражён моим ответом: именно потому, что это – мои лучшие и неповторимые годы!

Да, мне совершенно искренне хотелось посвящать свою молодость этому опасному и интересному труду, в непосредственном соприкосновении с морем, с верными товарищами, потому как ни в какое иное время

осуществить это уже будет невозможно… И оттого стоит ли пренебрегать этой драгоценностью, называемой твоей собственной и неповторимой жизнью, достойной самого проникновенного к ней отношения, и я с большим трепетом отнёсся к ней, и ничего из неё не упустил.

Годы, связанные с работой под водой, для меня – самые счастливые, несмотря на все невзгоды, что привелось в них пережить. И как бы не волновалось море, не сковывали его льды, и ветер не гнал навстречу тебе неудержимые волны, а глубинный холод предательски не сковывал твои члены, ты никогда не предашь в себе потребность жить достойно и интересно. Конечно, с пользой для себя и других, искренне полагая, что иного пути для утверждения себя, как божественной души, не существует!

Жак Ив Кусто писал, что главное богатство океана – не подводные сокровища, а то вдохновение, которое можно черпать из него бесконечно. Что черпал из него, в первую очередь, я?

Наверное, именно то удивительное ощущение полёта, которое позволяло легко передвигаться над подводными богатствами, разглядывать их и будто участвовать во всём происходящем. Мы, люди, рождённые Великой Вселенной, в силу её могущественности стремимся хоть как-то обрести эту силу на Земле. Нас необыкновенно привлекает свобода бесконечных пространств, и море – одно из них.

Мы любим воду за возможность парить в ней мысленно и физически, переживая этот безграничный простор. Приятно сознавать, что ты можешь, как рыба, скользить в водной толще, принимая любое положение без особых усилий. Руки твои становятся плавниками, и то удивительное ощущение, что ты в море, овевает тебя своей бескрайней силой и мощью.

Сила и мощь океана необыкновенно завораживает человека, и хоть он понимает, что ему никогда не познать до конца его тайны, и не сравниться с ним в его возможностях, человек не оставляет попыток проникнуть в морскую глубину, сделать её доступной. А для этого, наверное, нужно просто изменить своё отношение к морю, не разрушая его и не противодействуя естественным природным потокам. То есть, действовать осознанно, сообразуясь со своей энергией, над которой необходимо, не покладая рук, работать.

Наверное, сложно, даже – невозможно осуществить всё это без поддержки водной стихии. Тихий океан – источник великой энергии, необозримо огромный в своей скрытой силе, которую я переживал и в нём, и на его берегах. Когда ты осознанно погружаешься в эту божественную красоту, уходишь под воду, то чувствуешь, как его красота переливается в тебя, и происходит всё это на удивление легко и просто.

Я всегда ощущал тягу к путешествиям и приключениям, ко всему, что хранит тайну, и меня переполняло огромное желание разгадать её. Океан в полной мере выражал все эти устремления, и я даже не представлял себе

жизни без него. За много лет работы в океане мне даже однажды показалось, что это не я растворился в нём, а он незаметно влился в меня, наделив необыкновенной силой.

Эта сила жива и сейчас, и она, я знаю, не оставит меня до конца моих дней. Можно сказать, что присутствие рядом океана – перевернуло мою жизнь, по крайней мере – изменило её. И я подумал, что только так и можно наполниться силой великой стихии, относясь к ней с любовью, совершенно искренне, и только в этом случае единение оказывается истинным.

Тогда и приход к морю заслужен, ибо в твоём поиске всегда должна присутствовать постоянная потребность постижения истины, что, несомненно, несёт в себе созидание. Без него не обойтись человеку и в подводном мире, ведь всё сущее чрезвычайно осознанно, то есть – божественно, чего, конечно, нельзя не сказать и о водной стихии. А происходит это единение потому, что каждый из нас связан со всеми другими существами, и взаимоотношения их должны основываться на переживании единой всепоглощающей радости, способной одухотворять этот чудесный мир.

В нашем подсознании мы несём в себе тысячи животных, которых каждый из нас пережил на своём пути эволюции, и на этом пути мы не могли миновать тех существ, что обитали в море, а значит – уже достаточно близки с водной стихией. Чего уж там говорить: наш организм не зря большей частью состоит из воды! И потому мы совершенно естественно обнаруживаем в себе потребность однажды прийти к морю, погружаясь в его глубину.

Оказавшись на Дальнем Востоке, я сразу почувствовал жизненную силу океана как свою собственную, осознав себя частью этого огромного мира. И мне не трудно было понять океан, потому что внутренне я был готов вместить в себя весь этот водный мир, включая и дельфинов, и китов, и многообразные водоросли с моллюсками, и витающие над ним ветра, и составляющие его течения… Всё, что есть в океане, внутри него, я почувствовал своим.

Мало того: работая в море, я постоянно испытывал огромное сопереживание всему, что встречал в нём, чего бы это ни касалось. Хотя бы это были крохотные морские ласточки или невидимый для меня обыкновенный планктон. Я ощущал в себе целый морской мир, который необыкновенным образом радовал меня, и точно так же способен был сопереживать ему я, когда, например, прекрасные киты оказывались выброшенными на берег… Это было удивительное состояние, излучающее и любовь, и радость, будто кто принёс в мою жизнь свет, а это, оказывается, был я сам, обратившись душой к морской стихии.

Мощь океана, вибрирующая их самых его глубин, была непередаваема… То, что я оказался на берегу Тихого океана, представлялось мне совершенно естественным, ведь я сознательно и очень долго шёл к этому, но в тоже время я никак не мог поверить в то, что сделал это.

Чувствуя себя безмерно счастливым, посещала вдруг мысль, что подобное невозможно было осуществить без чьей-либо посторонней помощи, без участия какой-то внушительной и очень значимой силы.

И всё-таки, сила эта заключалась во мне… Благодаря именно ей прикоснулся я к океану, а он ждал моего появления на своих берегах. Только подумайте: необъятный великий океан ожидает прихода к нему человека! Это ли не свидетельство удивительной взаимосвязи всего сущего, когда часть может достигать в себе Целого?!

Но при этом я никогда не воспринимал себя как нечто особенное, наделённое недостижимыми для других полномочиями. Придя к океану, я почувствовал, как радостно полностью отдать себя этой необозримо величественной стихии, ощутив с ним совершенно естественную слитность, его первозданную чистоту. Рядом с океаном ум мой был сразу приведён к совершенному покою.

Оказалось, что океан, как ничто другое, смывает с человека проблемы и очищает его, наполняя удивительной энергией. Достаточно просто побывать в нём на судне, даже не погружаясь в его недра, и ты обязательно обретёшь неиссякаемую силу, которая будет помогать тебе всегда, всю оставшуюся жизнь.

Океан – прекрасен! Даже нахождение рядом с ним учит многому: например, умению не потворствовать своим скоропалительным чувствам, они, чаще всего, бывают обманчивы, а служить только самому лучшему в себе. Океан в любого вдохнёт жизнь, он для всех доступен, и каждый может прикоснуться к этому неиссякаемому источнику. Я был счастлив просто оттого, что оказался на его берегах, даже не помышляя о каком-либо вознаграждении.

Само то, что это случилось, и океан принял меня, уже было божественно. Именно рядом с ним я впервые в своей жизни ощутил присутствие Бога. Океан, при всей его величественности, просто поразившей, удивил тем, что встретил меня как родной человек, несмотря на свою мощь – очень проникновенно. Океан приветствовал моё появление, я это осознал молниеносно, и в какой-то миг даже показалось, что он заботится обо мне.

Проработав много лет на Сахалине и Курилах, Тихий океан стал восприниматься мною, как нечто неотъемлемое от моей жизни, до такой степени он был мне близок. Так обрадовано и трогательно он катил свои мощные валы при каждой нашей встрече… Всегда верилось, что океан просто прочитал мои мысли задолго до того, как я появился у его берегов, и они не затерялись в его бескрайних водах, а были сразу подхвачены волнами. Океан ждал меня, ждал с радостью, и этого невозможно было не ощутить.

Как велика океанская стихия… Ты действительно чувствуешь себя очищенным после соприкосновения с ней. Океан неповторим в своей силе, он – как божественная любовь, которая всех объединяет и сплачивает. Ничто не сравнится с ним в своей чистоте, и, наверное, одним своим появлением на

свет люди призваны к тому, чтобы доискаться этой необыкновенной чистоты.

По-настоящему я осознал свои внутренние силы, когда оказался именно на Сахалине и Курилах, и впервые увидел океан, каким его можно себе представить только в бурном воображении. Пожалуй, это было самое мудрое и величественное из всего, что я встречал в жизни: океан был велик, но не грозен, и так великодушно дарил свою силу земле, что казалось – его энергия распространяется по всему свету. Я сразу почувствовал это своеобычие и неповторимость океана, то, как он вольготно и мощно существует, пробуждая осознанное единение со всем сущим. Океан повсюду источал чистую энергию, и для его постижения даже не надо было погружаться в глубину, такой очевидной представлялась его прекрасная мощь.

Человеку есть чему поучиться у великой стихии… Ну, хотя бы тому, что в присутствии океана очень сложные вещи представляются самыми простыми. Да и твоя собственная сущность становится тебе более понятной. К тебе приходит вера в осознание себя таким, какой ты есть: ты и сам, оказывается, очень значим, как океан… Прояви же к себе внимание!

Когда вглядываешься в мощь океана, никакие худые мысли тебя не посещают. Хочется лишь неотрывно взирать на его непоколебимое могущество, с замиранием духа отдаваясь в его необъятную волю, и ничего больше не желать. Я был просто повержен развернувшейся передо мной стихией, и всё увиденное представлялось для меня единственной и совершенной реальностью. Я вообще позабыл обо всём.

В первобытные времена вся наша планета, наверное, была океаном, и, постепенно отступая, он повсюду оставлял свидетельства своего величия: окаменелые скелеты рыб и животных, мёртвые раковины, солёные озёра и высокие горы… И всё же, обретая свои современные границы, океан оставался для человека бескрайним. Именно поэтому, вероятно, человеку всегда хотелось его покорить, вернее – освоить.

Тихий океан укачивает своей силой, убаюкивая одним названием… Но все моряки, между тем, знают о тысячах чертей, вольно обитающих в его глубинах. Тихие океанские воды жизненной силы никогда не замутят!

Что бы тебе ни захотелось рассказать об океане, прежде всего, следует не забывать о его величине, ибо любое упоминание о тихоокеанских красотах не обойдётся без неё. Это она определяет мощь океана, направление его ветров и течений, особенности климата, черты характера, присущие жителям тихоокеанских побережий, и уж, конечно, оказывает незабываемое воздействие на тех, кто решился однажды отправиться в его нескончаемые водные просторы, чтобы, благодаря им, отыскать в себе правду.

Необъятность Тихого океана своеобразна, и это своеобразие водного могущества невозможно выразить каким-то одним эпитетом. Вся его цельность – в совершенно, казалось бы, несопоставимых чертах, но именно соединение их и создаёт истинное лицо Тихого океана. Он может быть

разрушительным, страшным, и в тоже время – необычайно нежным, затем – коварным, и вновь кротким. Ну, а уж зачаровывающая таинственность океана не знает границ! И вот что странно: Тихий океан почему-то вполне заслуживает названия, данного ему Фернаном Магелланом. А может быть, люди просто к этому названию привыкли…

Когда стоишь на берегу Тихого океана, взгляд способен охватить лишь немногую его часть! Остальное же пытаешься представить… И тогда дух захватывает от ощущения бесконечности океанской мощи.

Это ощущение ещё более усиливается, когда знаешь, что глубина у берегов не увеличивается постепенно, а убегает вниз сразу, одним стремительным скачком, в необозримую океанскую тьму. Тихий океан, по сравнению с другими океанами, ещё и наиболее глубокий, а самое глубокое место в нём находится к востоку от острова Гуам, составляя 11000 метров. Это на 2000 метров больше высоты Эвереста!

Что и говорить: океан достоин, чтобы о нём писали, говорили и думали. Он даже более заслуживает внимания, в отличие от большинства людей. Лишь немногие из них положили свои жизни, чтобы только оказаться на его берегах, однажды прийти к нему и замереть в восторге. Что жизнь человека в сравнении с этой непостижимой мощью и всесокрушающей энергией?!

Может быть, именно Тихий океан наиболее близок людям… Медленно проникает в него твоя душа, пытающаяся всё постичь и охватить, жаждущая слиться с тихоокеанской синевой. Синева эта – особенная, и так безоговорочно располагает к себе, что ты не в силах противиться её притягивающей к себе глубине, летишь в неё и любишь всё происходящее с тобой в этом необозримом пространстве, незаметно наполняясь огромной силой.

А сила эта тоже бескрайна, как и тихоокеанская синева. Ты даже не представляешь – что входит в тебя вместе с ней, и как незаметно и прекрасно всё, происходящее с тобой!

Понимаешь это позже, только через много лет, и когда вдруг постигнешь и почувствуешь, то не обрадуешься, как раньше, в молодости, а поразишься мощи, уже давно, оказывается, поддерживающей тебя в жизни и приносящей в неё самые необыкновенные вещи. Только Тихий океан мог так смутить твои чувства и возвратить тебя себе. Благодаря ему ты однажды обретаешь то, что не могли дать ни звери, ни птицы, ни вселенский ветер, ни творчество…

Думается, что встреча с океаном вполне может предопределить судьбу человека, так что он и не заметит, как сам превратился в океан – кипучий, могущественный и, наверное, очень земной. Ты, конечно, почувствовал это в себе, и обнаружил, что океан дышит вместе с тобой, а в ушах твоих шумит что-то вечное, огромное, такое радостное и простое. Ничего подобного я в жизни ранее не видел, и, наверное, этот метущийся океан был первым настоящим событием, что взволновало моё сердце больше всего.

Океан показался мне по-особенному огромным, и хотя у моря тоже не видно ни конца ни края, беспредельность океана просто поразила… Какой простор был здесь! Какое необыкновенное океанское приволье! Находясь у океана, начинает мниться, будто его звуки и думы принимают видимую форму, и весь этот неизмеримый, разнообразный мир дарует такое же видимое и неописуемое блаженство. Внимая этой завораживающей музыке океана, ты незаметно воображаешь, что всё это торжество совершается для тебя одного.

Какое счастье разом обнять душою всю океанскую жизнь и почувствовать все заботы океана, как свои! Я сразу почувствовал, что на пустынном океанском берегу мне никогда не будет одиноко: и океан, и песок, и выброшенные алые губки, и скалы с растительностью на них воспринимались родными, они сами излучали интерес и внимание к человеку, и все мои мысли тоже устремлялись к ним. Мне было очень радостно переживать единение с этим диким, почти не тронутым миром, и я каждую секунду ощущал, какой океан живой, а значит – не может не реагировать на оказанное ему внимание…

Я чувствовал, что океан, будто нарочно, рассказывает о своих переживаниях, словно желая поделиться ими. Он явно проживал какие-то особые минуты, чувствуя появление вблизи человека, и только позже я осознал, что океану не доставало именно общения, и он точно разговаривал всегда со мной, даже, кажется, звал…

Океан – не только мир вдохновения, он, действительно, залог и источник нескончаемой энергии. Океанская среда и восхищает, и необыкновенно пробуждает дух, на примере водной стихии ты готов именно к созиданию.

Пребывание под водой тебя необыкновенно воодушевляет. К тебе почему-то приходит осознание, что ты так и не совершил простых и важных дел, всё откладывая их на потом, а вот теперь, побывав под водой, тебе становится неловко от собственной бездеятельности, и ты удивляешься – отчего до тебя не доходило раньше это простое, в общем-то, понимание.

Теперь-то ты твёрдо намерен исправить это досадное упущение, в тебе незаметно, как-то подспудно, рождается желание быть честным, и жить интересно, осуществляя всё задуманное. Странно, что ты не догадывался об этом раньше, вернее – откладывал, убеждая себя, что для исполнения мечты ещё не пришло время, а вот сейчас, наполненный подводной тишиной, вдруг открываешь: если не сейчас, то когда? Проникновенная гармония моря способна излечить любую душу, даже когда она искренне заблуждается, не в силах отыскать для себя верного ответа…

Мало того, всеобъемлющая тишина океанской глубины, пребывание в ней, постепенно и ненавязчиво учит силе. Она не наполняет тебя ей, а именно – воспитывает, подсказывая: учись преодолевать непростые особенности нахождения в водной среде, приноравливая их к созидательному труду и на земле, и внутри себя, сделай так, чтобы ощущать

себя в море так же, как и на берегу, тогда и станешь сильней. Ты осознаёшь это, поднявшись наверх, и тогда самая напряжённая работа на суше покажется тебе сущим пустяком. Ведь ты преодолел и свой страх, и скованность движения, и недостаток воздуха, и при этом, сам того пока не понимая, обрёл силу.

Сила моря, его красота и возможности, сродни божественным качествам, и оттого они кажутся неограниченными, а прочувствовав на себе тяжесть подводной работы, сила моря становится и твоей силой. Сила воды неодолима только тогда, когда ты не несёшь в себе собственную несгибаемую крепость, присущую этой всесокрушающей стихии, и тебе непременно следует развить её. А прежде – почувствовать силу морской стихии и принять, как неотъемлемую частицу своей души. Вся сила моря – в кипучем накале, так и ты: куй, пока кипит!

Вот и созидание рождается, только когда обрёл силу, способную ещё более укреплять себя, иначе ничего не построишь. Созидай дом свой с божьим именем, ибо без него и море тебя не примет, а оно всегда готово поделиться с человеком своими возможностями, если он к нему прислушивается. Прими на себя, человек, такой труд, последуй за достойными устремлениями сердца, и ощутив незабываемый прилив сил. Это море побудило тебя к душевному подъёму, и ты должен быть благодарен ему за подаренную им энергию.

Эта энергия когда-то была тебе недоступна… Ты приходил к морю – и сразу погружался в это удивительно простое и ясное состояние, схожее с какой-то непередаваемой радостью, в которой очень сладостно было находиться… То была удивительная энергия моря, и тебе, конечно, хотелось обладать ею. Но что для этого нужно сделать? Как вести себя? Может быть, даже чем-то ценным пожертвовать?!

А что ценного ты мог бы отдать морю, чтобы оно поделилось с тобой душевными тайнами? Должно быть, свою молодость, годы, что ты посвятил своим морским путешествиям, и даже – любовь… Без неё бы ты не проник в морскую душу, наверное, предполагающую только честное отношение к себе. Причём, любовь безусловную, когда тебе не жаль своей жизни, и ты дарил бы свою признательность морю совершенно искренне, не требуя ничего взамен.

Тебе просто всегда было хорошо рядом с морем, ещё более трогательное отношение у тебя вызывала океанская стихия, но и любовь твоя была взаимна. Никакой жертвенности не было и в помине, ты отдавал всего себя взаимоотношению с морем, и оно платило тебе тем же. Хоть и незаметно, энергия медленно проникала теперь уже в твою душу.

После того, как полдня провёл под водой, несмотря на усталость, не покидает ощущение, будто побывал в гостях у задушевного друга, и хочется поделиться общению с ним со своими друзьями и близкими. Но поднявшись на поверхность, понимаешь, что общение это было до такой степени сокровенным и трогательным, что не решаешься о нём никому рассказывать,

несёшь в себе, как нечто очень дорогое, драгоценное. Да и слов никаких для этого не находится, и ты только устало улыбаешься, переживая в душе огромное удовлетворение, такую же сокровенную и тихую радость. Что может быть лучше проникновения в душу моря, когда оно только и ждёт этого?!

У моря, несомненно, есть душа, иначе бы оно не могло так чувствовать всё живое, в том числе – и человека. А какой душевной полнотой располагает океан? Душа бескрайней водной стихии объемлет собой всё, предоставленное ей Богом пространство, но если ты оказался в нём неслучайно, эта обитель морской души, как и Бог, тотчас оказывается рядом с тобой. Тебе лишь нужно бесстрашно отправиться в путешествие к её истокам, и она тебя непременно примет.

В случае, если ты находишься под водой, восприятие моря от этого становится ещё более проникновенным, душа его перетекает в тебя мягко, с любовью, как это может выходить у матери или бабушки, когда они проявляют свою ласковую заботу. Ты этого не замечаешь, перетекание души моря в тебя происходит незаметно, отчего естественную соединённость с морской водой ты начинаешь принимать на свой счёт, будто именно ты её так тонко чувствуешь и понимаешь. Под водой всё упрощается, ты един с морем до такой степени глубоко и тонко, что впитываешь воду, как воздух. Всё вокруг, под водой, тогда кажется благодатью, ты и думать перестаёшь о суше, даже не вспоминая о ней.

Морская вода – вот твоя обитель, и иного ты для себя не мыслишь: тебе там хорошо и просто. Это – твой дом, здесь много всего близкого, дорогого, хотя это и не обитаемая для человека среда. Да только любознательному человеку – везде родимый угол, что каждый раз покидаешь с неохотой.

Ты отгадал предназначенное тебе судьбой место, и душа твоя успокоилась, она даже возликовала в тесном содружестве с морем. Нужно только слушать себя: человек всегда знает – что ему следует делать, но не проявляет должного внимания к своему внутреннему чутью. Он бездумно растрачивает энергию вместо того, чтобы преумножать её, а это возможно, лишь, когда занимаешься в жизни своим делом, и тогда приливы энергии в неё никогда не прекратятся. Море всегда поделится с тобой своей энергией, если ты обратил к нему свою душу.

Но чтобы наполнение энергией происходило максимально, следует воспринимать окружающее тебя морское пространство осознанно. Работая в море, тем более – под водой, ты способен научиться многим вещам: тело твоё постепенно становится ловким и гибким, а вестибулярный аппарат – более уравновешенным и цепким, что не может не сказаться на характере, умении вовремя сконцентрироваться на любом деле, и благодаря таким натренированным качествам, жизнь твоя складывается уже по-иному, с лучшими результатами и большими для тебя возможностями… После нескольких лет подводного труда – тебе по плечу решение любых жизненных задач, и всё только благодаря тесному общению с водной

стихией, зарядившей на многие годы, может быть даже – на всю жизнь. А главное – укрепляется твоё сознание, но тот, кто равнодушен к миру окружающих его энергий, не получает ничего.

В общении с морем, в особенности – погружаясь на глубину, я сразу понял, что энергию обеспечивает именно радость. Когда мы делаем что-то от души, пусть и не совсем простое, а порой даже очень тяжёлое, переполняющая нас радость высвобождает мощный поток энергии, которая никуда не улетучивается, она перераспределяется и течёт в теле сбалансировано, прочищая все жизненные каналы. Но часто люди, находясь в море, воспринимают такое напряжение, только как нечто обременительное, непременно стараясь поскорее его преодолеть. Они почему-то уверены: то, что ждёт их впереди, будет, безусловно, ценнее и легче того, что происходит сейчас. И вот так, по собственной воле, вернее – по неразумению, мы отказываемся от переживаемого, очень важного для нас напряжения, устремляясь в несуществующее будущее, а энергия радости бесследно утекает.

Жить нужно не ради будущего результата, а во имя настоящего действия, тогда ты наполнен энергией. Наполненность – это когда ты удовлетворён тем, что у тебя есть, и не желаешь того, чего нет. Того, что у тебя есть – более, чем достаточно, чтобы уже ничего не желать.

Прими то, чего ты добился, радуясь простирающейся повсюду прекрасной жизни. Ты можешь видеть, слышать и осязать окружающий тебя мир: чего же ещё желать? Море в достатке вознаградило тебя, так просто пользуйся его дарами!

Давнишняя мечта человечества – заглянуть в морские глубины, существовала ещё в древности. Сохранился, например, барельеф, высеченный на камне за 1000 лет до нашей эры. Он изображает ассирийского воина, лежащего под водой и дышащего воздухом из кожаного бурдюка.

Кстати, первыми водолазами считались уже первобытные люди – ихтиофаги/рыбоеды/, употреблявшие рыбу как основной продукт питания. Они жили в Аравии, на берегу Персидского залива, и по свидетельству Плиния плавали с такой же стремительностью и ловкостью, как морские животные и рыбы. Ихтиофаги были не только пловцы – они почти жили в воде, и в совершенстве владели искусством ныряния и плавания под водой. Им это нужно было для ловли рыбы.

В древности подводному миру ещё не уделялось достойного внимания, и потому в качестве водолазов использовались чаще всего рабы, но, тем не менее, одна из старинных легенд приписывает подвиг подводного погружения даже великому полководцу Александру Македонскому. Эта легенда повествует о том, как Александр Македонский будто бы спустился на дно морское в огромном хрустальном сосуде, в котором был устроен трап, позволяющий собирать жемчуг и другие драгоценности со дна моря. Сосуд

якобы спускался на длинной цепи и был охвачен прочным железным каркасом, предохранявшим хрустальные стенки сосуда. В легенде говорится, что Александр три раза спускался на морское дно, причём, дважды спуску мешало какое-то огромное морское чудовище, едва не разбившее хрустальные стенки сосуда. Лишь в третий раз Александру удалось благополучно достичь морского дна и вдоволь налюбоваться жизнью подводного мира.

Мало того, Александр Македонский создал отряды воинов-водолазов. Это были самые настоящие пловцы, обученные для сражений по принципу современных бойцов морских коммандос: выносливые, сильные, они использовали для дыхания наполненный воздухом бурдюк или трубку, очень похожую на ту, которой мы пользуемся сейчас, для плавания в море.

Сведения о простейших водолазных приспособлениях встречаются во многих литературных памятниках Древнего мира: в «Илиаде» Гомера, у Фукидида, Аристотеля, Плутарха и в работах других историков, учёных и литераторов древности. Упоминаемые приспособления были самыми примитивными. Например, Аристотель рассказывает о сосуде, который опускали отверстием вниз, и поэтому он наполнялся не водой, а воздухом; таким образом, якобы, водолаз-ныряльщик мог дышать под водой.

Древнеримский военный писатель Вегеций в книге «О правилах военных» описывает водолазные приспособления для воинов, изготовленные из кожи и напоминающие водолазные маски. В прорези для глаз вставлялся какой-то прозрачный материал. Дыхание производилось через кожаную трубу, а чтобы верхний конец её не тонул, его привязывали к наполненному воздухом кожаному мешку. Глубина погружения в подобном аппарате не превышала 1 метр.

А вот греческий писатель Дикеарх даёт описание города в 3 веке до н. э., где главным занятием жителей была рыбная ловля, и водолазное дело являлось их стихией: «Городок не велик, он расположен на самом берегу Евбейского моря. Почти все жители добывают себе пропитание рыбной ловлей, добычей пурпурных ракушек и губок. Они проводят всю жизнь на берегу, среди водорослей. У них всех худощавые фигуры, а от постоянной работы в морской воде почти совсем изъедены ладони рук и ступни ног…»

В летописях можно найти упоминания о том, что и древние славяне погружались в воду, дыша через тростниковые трубки. В 16 веке запорожские казаки скрытно подбирались к врагу в опрокинутых челнах, используя, в сущности, принцип устройства водолазного колокола.

Создание первого известного нам водолазного колокола следует отнести именно к 16 веку. По описаниям, это был очень большой горшок, внутри которого были настланы доски. Горшок был снабжён свинцовыми грузилами. Первый спуск под воду происходил в 1538 году, в городе Толедо на реке Тахо. Внутри горшка сидели два человека, с зажжённой свечёй, что нам сейчас трудно себе представить… Да и о глубине погружения сведений не имеется: очевидно, она не могла быть большой.

В 1660 году водолазный колокол построил немецкий физик Штурм. Этот колокол имел высоту около 4 метров. Свежий воздух добавлялся из бутылок, которые брали с собой, и по мере надобности разбивали, - что уж и вовсе сложно вообразить…

В 1682 году итальянец Борелли подал замечательную идею: удалять из подводного аппарата выдыхаемый воздух, подавая вместо него свежий. И хотя аппарат Борелли не был построен, его идея была положена в основу конструкции водолазных скафандров.

В 1717 году английский астроном Галлей построил более совершенный водолазный колокол, имевший отверстие для удаления выдыхаемого воздуха. Несмотря на то, что колокол был деревянный, он опускался на глубину до 20 метров.

В 17 веке водолазные колоколы были известны и в России. В книге Волкова под названием «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное, напечатанная в царствующем великом граде Москве лета 1708 в иулии месяце» рассказывается о способах погружения в колоколе с целью подъёма затонувших ценностей.

Первое автономное водолазное снаряжение было представлено в России в 1719 году. Его изобретатель – крестьянин подмосковного села Покровское Ефим Никонов, предложил проект первой подводной лодки, названной им «потаённым судном». По замыслу изобретателя «потаённое судно» должно было скрытно доставлять водолаза к вражескому кораблю; затем водолаз выходил из «потаённого судна» и подрывал корабль неприятеля. Проект понравился Петру 1, и по его приказу судно было построено. Его постигла та же судьба, что и многие изобретения того времени: при испытании судно было повреждено, а после смерти Петра 1 казна отказала Никонову в средствах, необходимых для ремонта и усовершенствования судна.

Водолазный аппарат Клингерта, изобретённый в 1798 году, имел уже многие качества, свойственные нашим современным скафандрам. К нему подводились две гибкие трубки для подачи свежего и отвода выдыхаемого воздуха. Аппарат давал возможность водолазу передвигаться по грунту и даже нагибаться. Для того, чтобы исключить обжатие, верхняя часть туловища водолаза была закрыта панцирем, который прикреплялся к надетой под ним кожаной куртке с рукавами. Глубина погружения водолаза не превышала 23 метра. Впоследствии, чтобы увеличить глубину погружения, изобретатель соорудил «машину» - снабдил водолаза большим резервуаром воздуха. Воздух, сжимаясь в резервуаре с помощью поршня, на который давила вода, поступал по трубке к водолазу.

В 1829 году русский изобретатель Гаузен предложил водолазный аппарат, состоящий из медного шлема, удерживаемого на плечах водолаза металлической шиной. На водолаза надевалась рубаха из непромокаемой ткани. Скафандр был вентилируемым – воздух для дыхания подавался через гибкий шланг ручным насосом; избыток воздуха выходил из-под шлема.

Отсутствие невозвратных воздушных клапанов и герметического соединения шлема с рубахой делало погружение в аппарате небезопасным, но после усовершенствования этот аппарат применялся в русском флоте вплоть до 70-х годов.

В 1830 году англичанин Август Зибе предложил водолазный аппарат, похожий на аппарат Гаузена, - снизу шлем аппарата был открыт. В 1837 году Зибе существенно изменил конструкцию аппарата, сделав соединение шлема с рубахой герметическим. Теперь аппарат превратился в мягкий скафандр, нашедший применение на всех флотах мира и прозванный среди водолазов «трёхболтовкой»…

Трёхболтовка… Она, конечно, достойна того, чтобы посвятить ей целый рассказ. Внешне трёхболтовка не очень элегантна, но при тяжёлых водолазных работах незаменима. Это очень умело отцентрованное снаряжение для человека, уходящего надолго под воду. Трёхболтовка, по своему устройству, проста и удобна.

Впервые подводный мир открылся для меня благодаря сухому костюму «Садко», именно в нём я совершал свои первые погружения у юго-западного побережья Сахалина. Но трёхболтовка помогла овладеть какой-то незаменимой ничем уверенностью, которая приходит только тогда, когда ты погружался в настоящем водолазном обмундировании, смотрел на подводных обитателей через стеклянные иллюминаторы шлема, ощущал на себе, как сдавливает водолазную рубаху подводное давление и чуть ли не летал над грунтом, отталкиваясь от него тяжёлыми свинцовыми галошами. Разве понял бы ты всю тягость подводного труда, если, хотя бы раз, тебе не водрузили на грудь огромную свинцовую бляху? Или, оказавшись под водой, ты бы не забылся от переполняющих тебя впечатлений и не закувыркался, второпях нажимая головой на травящий клапан в шлеме и удаляя, тем самым, из костюма лишний воздух? И ещё не прочувствовал бы на себе, как со свистящим шёпотком поступает в водолазную рубаху с поверхности сжатый воздух и постепенно даже умиротворяет своим незамысловатым звучанием?!

В водолазной школе, спускаясь под лёд на реке Воронеж и выполняя там разные технические работы, нам, молодым курсантам, привелось в полной мере ощутить на себе все тонкости этого легендарного подводного снаряжения, представляющегося уже тогда допотопным. К тому же, водолазные рубахи были, как на подбор, самого большого размера, порядком изношенные, и поначалу даже не верилось, что в них вообще возможно спуститься под воду без какого-либо ущерба для себя. Когда я был впервые облечён в это очень старое, но, тем не менее, настоящее водолазное оборудование, состоящее из огромной водолазной рубахи, нагрудной свинцовой бляхи и истёртых галош, а также - помятого медного шлема, мне показались нереальными малейшие передвижения в нём, даже в более разреженной среде под водой. Скорее, я ощутил себя ещё неведомым миру космонавтом, вознамерившимся осуществить нечто героическое во благо

всей Вселенной. Эта неподъёмная миссия с такой тяжестью навалилась на мои незакалённые плечи, что я чуть, было, не рухнул тут же, на тренажёрном трапе, к которому меня заботливо подвели мои товарищи. Всё было готово к тому, чтобы покончить со всеми мучениями разом, уже более не обрекая себя на подобные испытания.

Но, кое-как, сойдя по гулко дребезжащим металлическим ступеням в ледяную воду, обжигающий холод которой я даже не почувствовал, поскольку помимо прорезиненной рубахи был ещё одет и в толстое шерстяное бельё, я, зато, сразу был охвачен, как мне показалось, тысячами невидимых железных щупалец, так цепко сдавивших моё тело, что рубаха будто намертво срослась с ним… И я вдруг перестал чувствовать её сковывающие объятия, и все накопившиеся, за долгое время безжалостной эксплуатации, огрехи этой водолазной амуниции, и неприятную неуверенность в собственных силах, и будто сбросил с души какой-то неведомый груз, уже давно не дающий мне покоя. Я был готов к полёту, и действительно полетел, как только ноги мои коснулись илистого волнистого дна. Главное было – не забывать стравливать головным клапаном накапливаемый в шлеме избыточный воздух, чтобы тебя не перевернуло вверх тормашками и не вынесло под всеобщий смех всей водолазной братии несуразно раздутым, беспомощно кувыркающимся пузырём на поверхность. Если ты не зря проводил теоретические занятия в учебных классах и был внимателен к словам дотошного инструктора, тебя ожидала только неописуемая радость, появляющаяся неведомо откуда сразу после погружения под воду. Эту радость можно было ощутить даже в непомерно тяжёлой и неудобной наверху трёхболтовке, здесь, на глубине, превращающейся в невидимые и лёгкие крылья…

Кстати, само море помогло развитию водолазного дела в России. Всё началось 27 ноября 1854 года, во время Крымской войны, когда у берегов Крыма разразился жестокий шторм, разбивший два десятка кораблей и судов о прибрежные скалы. Среди затонувших был и «Принц». Гибель «Принца» была большой потерей: в его трюмах хранилось тёплое обмундирование, боезапас, продовольствие и многое другое для снаряжения английской армии. Позже поползли слухи, что на «Принце» находится 5 миллионов фунтов стерлингов золотыми монетами в бочонках! Они, якобы, предназначались для выплаты жалования английской армии.

Время шло, за кораблём закрепилось название «Чёрный принц», а сумма золота в рассказах возросла до нескольких десятков миллионов. Но в те времена на глубину 70-80 метров, где лежал «Принц», никто не отважился бы спуститься.

Спустя полвека «Принцем» заинтересовался русский инженер В. Я. Языков. Он долго обивал пороги царских министерств и ведомств, добиваясь разрешения на поиск «Принца», которое было получено только в 1914 году. Однако началась первая мировая война, и дело заглохло.

После революции и гражданской войны Языков снова вернулся к мысли о «Принце» и с группой инженеров пришёл в ОГПУ, где их принял Ф. Э. Дзержинский. Доводы инженеров и представленные ими документы показались Дзержинскому убедительными, и в результате 17 декабря 1923 года при ОГПУ создаётся «Экспедиция подводных работ особого назначения»/ЭПРОН/ для поиска «Принца». Так и не подтвердившаяся впоследствии легенда о богатствах «Принца» принесла всё же пользу: благодаря этой легенде в России образовалась неплохо организованная и технически оснащённая водолазная служба, до этого представляющая из себя мелкие частные фирмы, полукустарно ведущие отдельные водолазные работы. Первый камень в фундамент подводного дела нашей страны был заложен, и всё это произошло благодаря морской стихии, её неудержимой, таинственной сути.

А на севере одними из первых непревзойдёнными подводниками оказались … эскимосы, которые в своих маленьких лодках из тюленьей кожи – каяках, не боялись преследовать даже кита. В коже, обтягивающей корпус каяка, делался лаз из костяного кольца, к которому крепилась водонепроницаемая куртка гребца. Нередко эскимосы были вынуждены сами опрокидывать свои крошечные судёнышки, чтобы высокие тяжёлые волны не сломали им шею. Поэтому они предпочитали на время погрузиться в воду. Для того чтобы вынырнуть на поверхность, они применяли так называемый эскимосский переворот, делая под водой гребок коротким веслом. Это было, кстати, первое, чему сын учился у своего отца в море.

У всего, что связано с морем, тем более, с постижением подводного мира, помимо присущих ему многочисленных особенностей и загадок, имеется одно, может быть, даже самое важное, своеобразие… Дело тут не в том, что человек, несмотря ни на что, хотя бы частично освоил глубину и оказался бесстрашен при выполнении работы под водой, которая и на поверхности-то не всегда оказывается легка… И даже не потому, что он приноровился преодолевать себя, подчиняя воле свои сомнения и страхи. Главное, чтобы при нахождении под водой душа человека была гармонично связана с окружающим её миром, чувствовала его, постигала и постоянно училась.

А ещё, чтобы она не возгордилась, была осторожна в своём подводном парении и самое необходимое – оставалась бы благодарной Богу за то, что была допущена к морской стихии. Душа человека, погрузившегося на глубину, должна быть сопричастной всему, с чем она соприкасается в подводном царстве, и только тогда подводный мир обогащает её недостающими открытиями.

И, тем не менее, как бы это ни звучало странно, при известной во все времена пристрастности человека к миру моря, природа … не создала его для деятельности под водой. Не то, что дельфин, часто называемый чуть ли ни самым близким человеку существом, который как раз устроен так, что в воде температура его тела остаётся примерно такой же, как и у нас. Океанские

течения мало что значат для дельфина: ведь он движется со скоростью 20-30 км/час. Физиологические адаптации позволяют ему нырять на большие глубины и раз за разом повторять эти погружения, едва вернувшись на поверхность. Да, морские млекопитающие дышат воздухом, но даже бутылконосый дельфин, живущий обычно на мелководье, умеет задерживать дыхание на шесть-семь минут, а некоторые киты остаются под водой по часу и больше.

Однажды достигнув высокой степени развития, эхолокация у дельфина с успехом заменяет ему зрение в мутной воде и во мраке морских глубин. Слух у этого животного очень острый, под водой он без труда определяет направление, с которого приходит звук. Человек же, хотя и не без желания погружаясь в глубины моря, не может не испытывать огромных трудностей…

Строение человеческого тела и его мышцы предназначены не для плавания, а для ходьбы или бега. Человек может задержать дыхание всего на две-три минуты. В воде он быстро теряет тепло, потому что теплопроводность воды в 25 раз больше, чем теплопроводность воздуха. Пребывание в течение часа в воде, имеющей температуру 4 градуса Цельсия, может оказаться роковым для человека.

Человек, обладающий нормальным зрением, под водой видит лишь расплывчатые очертания. Человеческие органы слуха под водой также гораздо хуже справляются со своими функциями: в лучшем случае человек с трудом определяет направление, с которого приходит звук. К тому же, человек не способен противостоять давлению, что увеличивается с каждым десятком метров на целую атмосферу!

Конечно, в последние годы появились великолепные неопреновые костюмы, предохраняющие аквалангиста от потери тепла, гибкие ласты, увеличивающие мобильность, удобные маски, имеющие хороший обзор видения, и самые разнообразные модели аквалангов, позволяющие чувствовать себя под водой легко и комфортно, без каких-либо помех… Вооружившись всем этим, вполне доступным инвентарём, человек способен успешно действовать в водной среде, выполняя порой достаточно сложные задачи, но подумайте: так ли эффективна эта его деятельность?

Никакие, самые современные ласты не позволят вам сопротивляться морскому течению, которое просто сведёт все ваши усилия к нулю, поскольку аквалангист плывёт со скоростью всего лишь 3-4 км/час. Маска даёт ему возможность видеть, но только в прозрачной воде. Задержавшись на глубине свыше 10 метров, ныряльщик с аквалангом должен возвращаться на поверхность очень медленно, с остановками, иначе он рискует заболеть кессонной болезнью. Если ныряльщик погрузился на 45 метров и хочет быстро вернуться, ему нельзя оставаться на глубине дольше 5 минут. В соответствии с декомпрессионными таблицами военно-морского флота после этого ему запрещается опускаться под воду в течение 12 часов – в противном случае он может серьёзно заболеть. Но соблюдение этих правил

отнюдь не гарантирует его от опасностей. Даже на глубине 30-40 метров он подвергается угрозе азотного отравления, от которого у него может помутиться сознание и он впадает в состояние «глубинного опьянения». Хотя новейшие методы и оборудование позволяют водолазам-профессионалам работать на глубинах в несколько сот метров, холод, темнота, скованность движений и стресс давления остаются для них серьёзными препятствиями.

Работа под водой опасна, с нею связано много неразрешимых проблем, и всё-таки человек не представляет себя без моря. Заглянув однажды в подводный мир, он навсегда остаётся там душой. Ведь мир этот настолько загадочен, увлекателен и сказочно красив, что, оказавшись в нём, невольно быстро забываешь трудности и всё, что оставил на берегу. Страсть познания и какое-то подсознательное желание самоутверждения в этом таинственном мире не дают тебе покоя до тех пор, пока ты не оказываешься под водой.

А вообще-то, работа под водой – обычный труд, требующий только железной дисциплины. Примером истинной дисциплинированности и основательным подходом к работе под водой могут служить легендарные японские ама, совершающие свои погружения совсем неподалёку от нас, на юге, у берегов Японского архипелага. Принято думать, что способность к погружению на длительное время присуща им от рождения, и будто бы физически они более приспособлены к этому роду деятельности в отличие от других людей. На деле же, обыкновенные девушки из бедных крестьянских семей, живущих на берегу моря, вынуждены заниматься подобным ремеслом, как одним из немногих, дающих хоть какой-либо заработок, а раз они занимаются таким подводным трудом, значит, освоили его сложности, продолжая всё время совершенствовать.

Ама могут быть на удивление неутомимыми, в течение дня множество раз погружаясь под воду совсем на непродолжительное время. Конечно, среди них случаются и рекордсмены, но в основном – это обычные девушки, достающие со дна моря жемчужины. В этом нет ничего романтичного, если представить себе нелёгкую подводную работу. Нужно быть близким морю, самому пройти череду неоднократных подводных погружений, чтобы понять то напряжение, которое испытывает на себе ныряльщик, тем более, если это женщина, уходящая под воду без какого-либо специального снаряжения, исключая защитные очки и зажим для носа.

Я думаю, что обыкновенной японской девушке, с присущей ей основательностью и внутренней дисциплиной, было не так уж сложно обратиться к морю, соединив с ним свою душу. Однажды ей привелось заглянуть в его глубину, затаив дыхание на более продолжительное время, чем обычно, и это было присуще её духовной природе, которая всегда предполагала терпение. Именно это национальное качество способствовало появлению обаятельных ныряльщиц за жемчугом…

Ещё нужно хорошо представлять себе, что погружение за дарами моря не есть какой-то необычный эпизод в жизни ныряльщика, это – сама жизнь, которая подчинена строго сложившимся обязательствам по отношению к

себе, родственникам и морю. Дело в том, что молодые японские девушки своим подводным трудом отрабатывали долги родителей, отдающих их в «подводную кабалу» на десять, а то и более лет. Девушки были отлучены от родного крова на весь этот срок, ничего не получая за свою каторжную работу, и только смерть какой-нибудь из них или несчастный случай, повлёкший за собой потерю работоспособности, могли оборвать негласный уговор между хозяином и её родителями.

Не менее дисциплинированны и даже горды в своём непосредственном отношении к жизни моря и себе японские ныряльщики-мужчины: итомены. Но о них – лишь к слову, в качестве улыбки, присутствующей и у неприступной водной стихии. Итомены, помимо великолепного знания моря и тайн погружения на глубину, проявляют своё достоинство и непреклонность ещё в настоящем женоненавистничестве, не допуская присутствия женщины на борту, кто бы она ни была. По их утверждению, женщина создаёт проблемы уже одним своим существованием, и даже дома итомены являются полновластными хозяевами. Женщин они презирают до такой степени, что продают добытые дары моря собственным жёнам!

Туземные ныряльщики Полинезии, к примеру, тоже погружались под воду без всяких приспособлений, только в маленьких узких очках, сделанных из дерева, так как стекло ещё не было известно в древние времена. Линзы очков представляли собой чешуйки черепах, искусно утончённых вручную до состояния почти полной прозрачности. Подобные очки найдены не только на островах Тихого океана, но и на побережье Красного моря, даже – в Персии.

В этих очках ныряльщики спускались на глубину до сорока-сорока пяти метров, находясь под водой две-три минуты, при этом успевая найти и бросить в корзину дюжину раковин или губок. В самый разгар подводного сезона такие туземные «рекордсмены» ныряют более сотни раз в день, и так по пять дней в неделю. Для того, чтобы поддерживать соответствующую форму, перед каждым погружением ныряльщики совершают гипервентиляцию лёгких.

Ныряльщик выполняет её в течение 5-10 минут, которые предшествуют первому погружению, следуя очень характерной технике: длинный вдох, 2-3 секунды задержки дыхания и глубокий выдох, сопровождающийся долгим свистом сквозь губы, сложенными буквой «О». Благодаря такой гипервентиляции наибольшее количество альвеол, находящихся в дыхательных путях, максимально расширяются, наполняются кислородом, а почти половина углекислого газа из них уходит. Может быть, именно от туземных полинезийских ныряльщиков, с древнейших времён опускающихся под воду, этот способ дыхания постепенно дошёл до мастеров йоги и монахов Тибета, в созданной ими гимнастике «Пять тибетских жемчужин», в которой после завершения упражнений губы при выдохе также должны принимать форму буквы «О».

Неутомимость полинезийских ныряльщиков и их организованность, несмотря на то, что они ещё не обладали глубокими секретами работы под водой наравне с теми же ама и итоменами, не вызывает сомнений. Ведь им приходилось начинать с нуля, когда до них никто подобных погружений на значительную глубину ни делал, причём, с такой интенсивностью и без каких-либо вспомогательных средств. И вырабатывали эти первые подводные пловцы достаточно совершенную для себя систему дыхания сами, с помощью которой возможно было добывать недостижимые ранее морские дары. Для этого требовалось обладать, в первую очередь, решительностью, непреодолимым желанием заглянуть в неизведанное, что недопустимо без серьёзного отношения к пребыванию под водой.

Полинезийские ныряльщики были одними из первых, кто решился совершить шаги к материнскому лону, обратно в океан, не в силах изменить своей древней привычке погружаться под воду и находиться там как можно дольше. Именно этот неугасимый и могучий инстинкт неумолимо влечёт нас всех к морю, рождая в сердце любовь, и мы не можем противиться ему, казалось бы, совершенно противоестественно своей природе задерживая дыхание. И нас даже не страшит возможность задохнуться, как будто мы знаем, наверное: что-то произойдёт с нашими лёгкими и они задышат под водой.

За этим, видно, я и отправился на Сахалин, к Тихому океану, ибо не мог, да и не хотел противиться своему рефлексу погружения на глубину. Рефлексу, который привёл меня в родную колыбель, до сих пор укачивающую моё сердце. Не ради приключений отправился я на Дальний Восток, а именно благодаря стремлению проникнуть под воду, отыскав там себя. И океан ждал меня, и я удовлетворил его внимание, обретя в слиянии с водой свои морские корни. Я вернулся домой…

Все дальневосточные моря очень похожи и имеют, как и работа под водой, свои особенности. Во-первых, завораживает суровая красота этих мест. Каменные осыпи, застывшие у самого моря потоки камней, отдельные причудливые скалы, многочисленные ущелья, рассекающие голубовато-серые обрывистые стены, в которые в прилив тяжело ударяются мутновато-зелёные стылые волны, а по каменистым уступам сверху ниспадают серебристые каскады воды. Так обычно выглядит берег дальневосточного моря.

Нагромождения скал кажутся такими чудовищными, что не покидает ощущение – они не случайны. В некоторых местах из узких чёрных расщелин вырываются безмолвные ручьи и устремляются по галечному руслу к морю: из-за гула набегающих на камни волн их совершенно неслышно. Чаще всего берег представляет из себя нависающие над морем чёрные и серые скалы, отвесно уходящие в глубину. Белые отметины во впадинах скал, видневшиеся высоко над головой, свидетельствуют о том, что до этих пор достигает вода в прилив. Две силы – воды и камня, смыкаются здесь в нескончаемом и упорном противоборстве, не помышляя о каком-либо

примирении. Суровы холодные дальневосточные воды, как неприступен и пустынный скалистый берег.

Во-вторых, особенность и Японского и Охотского моря такова, что береговая линия их являет собой обычно голые скалы или сопки, по которым иногда стелются заросли кедрового стланика. Кусты, переплетаясь между собой корявыми сучьями, порой создают непроходимые препятствия. Ещё более редки рощицы курильского бамбука и даурской лиственницы, источающих тонкий аромат. И скалы и сопки чаще всего имеют одни и те же цвета: тёмно-коричневый или серый, скорее даже – чёрный.

Но вот когда наступает время отлива, береговая полоса совершенно преображается, и невысокую, лишь местами пробивающуюся травку и лишайники на камнях сменяет разноцветная полоса широко оголяющегося дна, представляющая взору захватывающую картину… Это ещё одна особенность дикого дальневосточного побережья, как правило, окутанного густым голубоватым туманом. Повсюду виднеются небольшие жёлтые холмики выбросов червей пескожилов, ещё не обсохшие серые валуны, расцвеченные бордовыми и фиолетовыми полипами, сплошные россыпи коричневой, чёрной и белой гальки, кремовые пирамидки балянусов, выпускающих в насыщенный влагой воздух жемчужно-серебристые фонтанчики, изящные домики акмеи, бледновато-лимонными холмиками накрепко присосавшиеся к каменистым осколкам, оранжевые крабики, пурпурные, синие и тигровые звёзды, шоколадные и сочные слоёвища ламинарии, устилающие впадины между камнями, похожие на круглые ванны… Каждая лужица здесь полна живых существ, что переливаются и будто заманивают своей неземной красотой, а уж во впадинах и подавно, причём, вода в них остаётся в течение всего периода отлива. Дальневосточное море великодушно демонстрирует свои скрытые сокровища!

Что, кажется, может превзойти подобное разнообразие? И только погрузившись под воду, ты открываешь очередную, присущую дальневосточному морю особенность: сплошные заросли крупных бурых водорослей вдоль края берегового рифа. Водоросли образуют основной фон в здешнем подводном пейзаже, а под ними, на камнях и песке, располагаются красно-синие патирии с эвастериями, розовые солястеры, сиреневые амурские звёзды, скопища короткоиглых фиолетовых ежей, голотурии, крабы, брюхоногие моллюски-нептунии и рапаны, многочисленные бычки, поселения усоногих раков, размещающихся в опустевших раковинах, пурпурные, изумрудные и светло-коричневые актинии, пузатые яркие асцидии, гирлянды голубых мидий… Всего обилия подводных жителей и не перечислишь, и всё это великолепие подводного мира создаёт картину, отличную от других морей, где тоже встречаются разнообразные растения и животные, но такую богатую совокупность их возможно встретить только в Японском и Охотском морях, это – особенность дальневосточного побережья, вернее – прибрежной полосы дна.

В отлив во всех углублениях и лужицах на поверхности воды вытягиваются мясистые листы морской капусты, мерно качаются лиловые кустики фукусов, а между ними поднимается пушистая пузырчатка-ульва… Это дружное сообщество водорослей, вдруг оголившееся на огромной площади, повергает своими масштабами. Водоросли тяжело ворочаются между камней, поблескивают жирными боками, и невольно начинаешь воспринимать их какими-то подводными чудищами, не по своей воле очутившимися вне водной среды, и изо всех сил стремящиеся в неё ускользнуть. Колышущиеся листы ламинарии, будто змеи, крепко обвивают ноги и на самом деле представляются живыми, готовыми затянуть тебя в неведомую пучину. Спешишь поскорее высвободиться из этого тягучего плена, но водоросли не пускают…

Легче обстоит дело, когда скользишь под водой меж переплетающихся слоёвищ в неопреновом костюме, ловко преодолевая самые густые скопления мельтешащих перед глазами растений. Не покидает ощущение, что плывёшь над кронами раскидистых подводных деревьев, основания которых теряются где-то под тобой, на глубине нескольких метров. Но когда, всё же, преодолеваешь эти заросли, и водоросли расступаются, тебя вдруг охватывает смятение: куда двигаться дальше? Дело в том, что повсюду – лишь серо-зелёная толща воды, и это также одна из характерных черт дальневосточных морей.

Только начиная работать на Сахалине водолазом, я никак не мог привыкнуть к тому, что вода и в Охотском и в Японском море имеет малую прозрачность. Да и в Беринговом она не отличалась особой чистотой. Но что тому было причиной?

Искренне полагая, что явление это временное и когда-нибудь прозрачность воды всё же улучшится, я и не заметил, как привык к нему. Но, тем не менее, на протяжении всего лета, пока мы работали у южной оконечности острова – мыса Крильон, вода оставалась зеленовато-серого цвета, и это, несомненно, мешало. Особенно, когда требовалось быстро подогнать друг к другу фланцы трубы мареографа и вставить в сошедшиеся отверстия болты, а малейшая неточность могла свести на нет все предшествующие усилия.

Так вот, малая прозрачность воды дальневосточных морей объясняется тем, что она перенасыщена минеральными солями, поднимаемыми со дна течениями, и питательными солями, приносимыми с суши многочисленными реками и ручьями. Всё это создаёт богатую среду для массового развития в верхних слоях моря мельчайших водорослей – фитопланктона. Основу его составляют диатомовые водоросли, которые начинают бурно развиваться с резким увеличением солнечной освещённости, то есть – летом, отсюда и малая прозрачность воды.

И ещё: обилие фитопланктона предполагает богатую подводную жизнь, и может быть главная особенность того же Охотского моря заключена в том, что оно одно из самых плодородных. Фитопланктон способствует развитию

мелких животных, а многочисленными мелкими животными питаются более крупные – ракообразные и рыбы, их в свою очередь поедают большие рыбы. На этих богатых морских «полях» нагуливаются косяки сельди, минтая, наваги и пикши, сайры и иваси, в огромных количествах обитает камбала и палтус, не говоря о лососевых рыбах – горбуше и кете, симе и нерке, чавыче и кижуче. По запасам рыбы Охотское море занимает первое место среди дальневосточных морей, оно – настоящая рыбья уха!

Вода… Бескрайний завораживающий мир… Впрочем, и у моря есть свой край. И даже – у океана. Но только как дойти до него через этакие глубины? Как познать их?

Взять, к примеру, знаменитую впадину Тускарора, располагающуюся неподалёку от Камчатки и Курил, с океанской стороны, и превышающую в глубину десять километров! Что кроется там, в неведомой таинственной темноте? Какие загадки, невообразимые даже для любознательного и неустрашимого человека, ожидают его на первобытном нетронутом дне?

Вот что завораживает на самом деле в морском и океанском просторе – необъяснимая и всеохватывающая глубина, затягивающая в себя любое, даже самое смелое воображение, пусть и предполагающее тягу к знаниям, к раскрытию тайн. В них непременно, несмотря на околдовывающий глубинный страх, хочется проникнуть, чего бы это ни стоило, и, конечно, вернуться, чтобы ощутить ещё большую радость от пребывания на земле, у самого моря.

Море привольно и таинственно, всегда как будто сосредоточено на своей внутренней глубинной жизни. Оно мягко ворочается, как бы пристраиваясь к самому себе, и ровно прислушивается: что происходит там, в самой глубине? Всё ли соразмерно тому, каким его воспринимают на поверхности? Всем своим неизмеримым естеством море стремится быть подвластным только тем устремлениям, что зарождаются в его утробе, а на прикосновения солнечных лучей и ветра остаётся внутренне равнодушно.

Море, конечно, отвечает на их приветствие, но без взволнованности, сдержанно. Оно будто снисходительно терпит и солнце, и порывы ветра, но ни солнце, ни ветер не в силах изменить его глубинной сути. Море неподвластно чьему-либо влиянию, оно – море, вынужденное всё же на ограниченное пребывание среди утомлённых под его накатами терпеливых берегов. Оттого, наверное, и сосредоточено больше на своей глубине, где теряются его собственные мысли.

Попадая в море, ты сразу оказываешься окутанным этим глубинным немым покоем, и, купаясь в нескончаемом переживании радости, будто постигаешь сокровенную глубину морской души. Ты точно заворожен этой морской колыбелью, сравнить которую не с чем. Ей не находится аналогов на суше, что бы ты ни воображал. Только море способно так заботливо

укачать душу, и только оно, несмотря на свою необоримую глубину и силу, дарит неземную ласку.

Теперь уже известно, что дно океана имеет такую же структуру, как и суша, с той лишь разницей, что здесь много загадочных трещин, ущелий и гор, которые по своей протяжённости, глубине и высоте не имеют себе равных на континентах. Вообще, различают три большие топографические области под водой: ещё примыкающую к суше материковую отмель или шельф, материковый склон и ложе океана, который там, в глубине, всё же представляется бездонным…

Кстати, материковая отмель, или шельф, тянется вдоль всего побережья Тихого океана, но если в западной его части такие отмели занимают тысячи квадратных километров и протягиваются далеко в океан, а тем более в окраинные его моря – например, дно Японского моря, то у побережья Южной Америки материковая отмель предельно сжата, и составляет порой километр, а то и меньше. Подводная же окраина материка Южной Америки, её материковый склон, является самым крутым на планете.

Хорошо, что в Японском море дно опускается на глубину не сразу, а постепенно. Плавая чаще по мелководью, на глубинах до двадцати-тридцати метров, всегда тянет заглянуть туда, где шельф круто обрывается, уходя в бездну, и светлая голубизна вдруг сразу переходит в густую, почти чернильную синеву. Миновав эту границу, ты будто повисаешь над обрывом, с опьянением паря в водной бесконечности, и тебе становится не по себе от ощущения радости, которая быстро сменяется страхом.

Не малого труда стоит удержаться и не уйти вниз. Это притяжение неведомой глубины сложно было объяснить сразу, но оно жило во мне, неожиданно просыпаясь и в миг околдовывая. Верилось: не испугаешься, устремишься в эту тьму, и рано или поздно дойдёшь до … света.

Торопливо работая ластами, с облегчением возвращаешься обратно, не переставая думать о зияющей внизу черноте, и всё же она неумолимо притягивает твой внутренний взор. Сказочный мир глубины пугает, он неподвластен твоему воображению.

Где-то там, в незримой подводной глубине живут неведомые морские чудовища, которые не давали покоя ещё с детства, когда ты с замиранием сердца рассматривал отцовские книжки, хранящиеся в кладовке, в большой картонной коробке. Взрослые почему-то запрещали туда заглядывать, но когда дома никого не было – книжные тайны приоткрывались. Ничто не могло быть сравнимо с переживанием трепетного восторга, с каким ты перелистывал пожелтевшие глянцевые страницы. Чёрно-белые старинные иллюстрации моря приковывали к себе так сильно, что обо всём забывалось. Как на той границе шельфа и бездны, где ты, будто заворожённый, застывал на мгновение, не в силах принять какого-либо решения. Тайна моря охватывала всецело, напрочь, будто ты опять возвращался в детство, в котором любая мечта представлялась осуществимой.

Рядом с раскрытой картонной коробкой, полной замечательных книг, разложенных мною на полу, я уже, наверное, знал, что когда-нибудь попытаюсь заглянуть в эту таинственную глубину, соединяя свою судьбу с морем. А по прошествии нескольких лет работы в море был уверен, что оно серьёзно держит меня своей глубиной, отчего-то не отпуская. То коварное, непонятное, то настроенное по ласковому, благодушно, море будто исподволь, почти незаметно изучало тебя. Порой казалось, что оно вовсе забывало о твоём существовании, а когда ты тоже переставал о нём думать, неожиданно напоминало о себе, чтобы спросить: «Ты, наконец, преодолел сомненья, разобрался в себе, успокоился душой, проникая в мои сокровенные глубины»?

Там, в глубине, на океанское дно постоянно, в течение тысяч и миллионов лет отлагались разнообразнейшие осадки: мёртвый планктон; продукты выветривания земной коры, которые выносили реки, льды и ветры; отмирающие организмы устилали дно своими скелетами; вулканические извержения заливали его лавами, покрывали пеплом; на дне возникали различные химические соединения… Средняя скорость накопления осадков на дне океанов оценивается в 1 см за тысячу лет, поскольку поверхностные, а затем глубинные течения уносят эту мелкую взвесь очень и очень далеко. Но сколько там сосредоточено того, о чём позабыл, наверное, сам океан?!

На недоступной для человека глубине обитают неизвестные науке животные, присутствует какая-то неведомая сила, объяснений которой никто не находит. Глубина просто повергает этой своей таинственностью и темнотой, способной сбить с толку любые логические доводы, но она и манит…

Проникая в глубины моря, человек не только получает огромное удовольствие от сближения с природой, но понимает и чувствует свою неразрывную связь с ней. Он переживает колоссальный эстетический эффект, который оздоравливает душу и тело, позволяя ему незаметно обрести более высокий уровень развития. А ещё, побывав на глубине, человек не может не ощутить единство всего мира, независимо оттого – какой бы недоступной не представлялась подводная стихия.

Первыми, кто заглянул на дно глубочайшей впадины Мирового океана – Марианской, были исследователи – швейцарец Жак Пиккар и американец Дон Уолш. В лучах прожектора, на глубине 10919 метров, они увидели неизвестную рыбу и креветку, свидетельствующих о том, что и здесь, на максимальных глубинах, есть жизнь. Трудно вообразить эту вечную ночь и вечный холод, где всё-таки обитают существа, не знающие солнца. Что же там, в этой неизведанной глубине происходит?

Если представить себе характер глубинной морской среды, то нас поразит колоссальное давление, которое всех этих обитателей окружает. На поверхности моря каждый квадратный сантиметр нашего организма при давлении в 1 атмосферу испытывает давление в 1 килограмм, ниже поверхности моря давление возрастает на 1 атмосферу на каждые 10 метров

глубины. Таким образом, на глубине 5000 метров давление составляет около 500 килограммов как изнутри, так и снаружи живых тканей организмов, но даже наиболее хрупкие и изящные рыбы не страдают от этого.

Ещё одна особенность больших глубин – низкая температура воды. Тёплые течения – Гольфстрим, Куросио и другие, захватывают только поверхностный слой толщиной в несколько сот метров и не соприкасаются с холодными массами глубинных вод. Холодные же воды, направляющиеся от высоких широт к экватору, движутся на значительной глубине. Характерно, что во всех океанах температура воды на глубинах около 1000 метров равна 3-4 градуса Цельсия, и по мере дальнейшего погружения, она постепенно понижается от плюс 2 до 0 градусов на глубине 6000 метров, и от 0 до минус 2 градуса на глубине 8000 метров. Солёность же воды и высокое давление препятствуют превращению её в лёд. На глубине 10000 метров термометр обычно показывает небольшое повышение температуры – до 0 градусов.

Относительно низкие температуры в глубинах океана сами по себе не являются существенным препятствием для нормальной жизнедеятельности – такую же температуру мы наблюдаем на поверхности северных морей, изобилующих рыбами и другими организмами. И всё же, животный мир океанских глубин сравнительно беден.

Несомненно, что важнейший фактор, отрицательно влияющий на жизнедеятельность на больших глубинах, - это полное отсутствие света. Расчёты учёных показывают, что даже в прозрачных водах солнечный свет становится полностью невидимым на глубине около 600 метров, а в более мутных водах эта глубина, естественно, ещё меньше. Ввиду того, что видимый «белый» свет фактически представляет собой целую цветовую гамму, то есть колебания волн различной энергии и длины, они не все проникают одинаково глубоко. На глубине 10 метров полностью поглощаются красные лучи, и до глубины 40 метров преобладающим цветом становится оранжевый. В свою очередь, оранжевый цвет исчезает на глубине около 45 метров, а жёлтый – 90 метров. На глубине 250-300 метров исследователи наблюдают лишь густейшую, какую можно себе только представить, тёмную синеву. Опускаясь же глубже, можно собственными глазами увидеть наступление царства вечной ночи: тьма на глубине 1000 метров кажется чернее чёрного.

Отсутствие света на глубинах, соответственно, означает и отсутствие наиболее разнообразной и доступной для рыб растительной пищи. Ведь фитопланктон развивается только в верхних, освещаемых лучами солнца слоях воды. В свою очередь, множество мельчайших животных, питающихся растительной пищей, также практически недоступно для большинства глубоководных рыб. Казалось бы, бесчисленное множество медленно тонущих, отмирающих в верхних слоях растений и животных могло бы служить пищей глубоководным обитателям… Но, как показали наблюдения, органические остатки по пути вниз очень быстро разлагаются, и на глубине

1000 метров и ниже они полностью окисляются, и лишь их твёрдые скелеты или пустые оболочки продолжают свой путь ко дну.

Однако, кто же они – эти обитатели неведомых глубин, чем всё-таки питаются и каким образом находят себе пищу? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Несомненно, что огромное значение в пищевых взаимосвязях глубоководных животных имеют суточные вертикальные миграции. Замечено, что отдельные виды глубоководных рыб и креветок мигрируют с глубины 800 и более метров в верхние слои воды, где они интенсивно питаются.

Конечно, животный мир подводной бездны не так богат, как в верхних слоях, но он существует. По подсчётам специалистов, из 140 тысяч известных науке морских животных на глубине 5-6 километров можно найти лишь 600-700, а в океанических впадинах – только 120 видов. Трал, опущенный на глубину 10819 метров, принёс 108 животных, принадлежащих четырём различным группам. Исследовав уловы с различных глубин, учёные установили, что губки встречаются до глубины 7000 метров, морские звёзды – до 7230, креветки – до 9000, морские анемоны, брюхоногие и двустворчатые моллюски – до 9300 метров. На дне океанских впадин обитают многощетинковые черви, офиуры и голотурии.

Те немногие люди, которым посчастливилось совершать путешествия в пучины океана, рассказывают о том, что вечная ночь глубин иллюминирована живыми огнями. «Несколько раз неизвестные организмы так ярко светились, что свет их на несколько секунд слепил мне глаза, - пишет в своих воспоминаниях о погружении в батискафе у Бермудских островов Вильям Биб. – Часто количество светящихся точек было так велико, что напоминало звёзды в ясную безлунную ночь; непрерывное движение мешало сосредоточить взгляд, но сделав усилие, мне удавалось проследить перемещение созвездий, что позволяло определить очертания рыб».

У некоторых рыб светится вся поверхность тела, у других отдельные участки на голове и кончике хвоста. Они могут зажигать и гасить свои огни. Есть рыбы, светящиеся красным, синим, зелёным светом. Отдельные вспышки света по своей силе превышают общую освещённость в 200, а подчас – в 1000 раз. Только некоторые из этих рыб известны учёным.

В середине прошлого века у Коморских островов было выловлено несколько доисторических рыб – целакантов, обитавших в морях 300 миллионов лет назад! А потому нет никаких оснований не верить и многочисленным рассказам очевидцев, которые видели «морского змея» - какое-то доисторическое существо, к какому бы виду оно ни принадлежало. Ведь если реликтовые животные и растения, намного пережившие эпоху их давнего расцвета, сумели сохраниться до наших дней на суше, то отчего, кажется, не допустить существование подобных реликтов в Мировом океане? История с целакантом лишь подкрепляет это мнение, и уже не оказывается фантастичным предположить, что на земле сохранились плезиозавры и тилозавры, возраст которых, в сравнении с целакантом, всего лишь 150

миллионов лет. Такой факт никоим образом не ниспровергал бы никаких зоологических и биологических основ, а лишь говорил бы об уникальной пластичности животных организмов.

До сих пор не существует бесспорной теории, объясняющей быструю/в геологическом отношении/ гибель гигантских ящеров и многих видов других животных и растений примерно 65 миллионов лет назад, произошедшую в результате мировой катастрофы. Воды Мирового океана наверняка были для них лучшей защитой, чем воздух, а потому вероятность дожить до наших дней у морских исполинов выше, чем у сухопутных. Океан более стабилен во всех отношениях, и если уж ящеры дожили до наших дней, то доисторических животных надо искать именно в океане.

А после того, как в мае 1952 года у западных берегов Мексики подняли с глубины 3590 метров трал с десятью моллюсками неопилин, которые появились на земле примерно полмиллиарда лет до появления первых млекопитающих, нет ничего невозможного в том, что в океане живут неизвестные науке чудовища. Нам почти не известен животный мир глубин более шести километров. Туда практически никто не заглядывал. Спуски тралов исчисляются лишь десятками. По некоторым глубоководным желобам – всего по одному спуску. В этом нетронутом мире могут сохраниться очень древние обитатели планеты!

Я навсегда запомнил своё первое знакомство с глубиной, а произошло оно у острова Матуа. Мы в тот год работали от Сахалинского управления Гидрометеослужбы на Курилах, в течение всей осени осуществляя профилактический ремонт мареографов, расположенных по островам Шикотан, Кунашир, Итуруп, Матуа, Уруп и Парамушир. Некоторые из мареографов достались нам в наследство ещё от японцев, но, несмотря на это, хорошо сохранились, поскольку башни были выложены из морской гальки с добавлением в раствор водорослей. Требовалось лишь изредка менять подводную часть сооружения, укрепляя оголовок трубы, разбиваемый штормами, на что при благоприятной погоде уходило, как правило, две-три недели.

Несмотря на то, что наступил декабрь, не покидало ощущение только начавшейся осени: таким безоблачно-синим выглядело небо, в умиротворённом спокойствии замерло море, а склоны холмов отливали всеми цветами радуги. Остров Матуа с возвышающимся на полторы тысячи метров действующим вулканом Сарычева был хорошо заметен издали. Склоны его занимали почти всю площадь острова, с западной, северной и восточной стороны – скалистые, с южной же – песчаные, холмистые и плавно повышающиеся к самой вершине. И вот именно у южной оконечности острова Матуа, по соседству с расположенными неподалёку несколькими скалистыми островками и скалами, и находился наш очередной мареограф. В море от него протянулся постоянно обсыхающий риф, который через пару кабельтовых резко обрывался на большую глубину.

Человека никогда не покидала убеждённость в том, что в глубинах моря, причём, относительно допустимых для проникновения, существуют неизвестные науке чудовища, может быть даже – исполины! Но помимо этого убеждения меня лично часто не покидало ощущение, будто кто-то за тобой под водой наблюдает, и воспринималось подобное присутствие неведомой силы чуть ли не физически. Именно какая-то необъяснимая сила, а не животное приближалось к тебе под водой, так что охватывало непередаваемое волнение, даже страх, отчего хотелось, с одной стороны, избежать столкновения с ней и поскорее выбраться на поверхность, а с другой, наоборот, слиться и разглядеть – что она собой представляет.

Осматривая оголовок, где труба покоилась в зацементированном боксе, я невольно увлёкся притягивающей магией глубины и, как загипнотизированный, завис над ней, внутри себя и ужасаясь, и восхищаясь воображаемой бездне. По словам старшего помощника капитана нашего исследовательского судна глубины здесь не превышали трёх-четырёх сотен метров, но было ощущение, что эта иссиня-чёрная водяная толща длится нескончаемо, и дно там, в сгущающейся кромешной темноте, совершенно отсутствует. Такое складывалось впечатление от замершей внизу насыщенной синевы, которая будто копошилась или, вернее, роилась своей зачаровывающей непредсказуемостью.

Я решил немного погрузиться, будто это непременно должно было раскрыть мне то, что уже давно непреодолимо приковывало. С явным любопытством взирая на мои передвижения, чуть поодаль кружил одинокий дельфин. Мне даже показалось, что он неслучайно появился рядом, словно о чём-то предупреждая, и когда я медленно опускался вдоль каменной стены, поросшей разноцветными водорослями, помнится, было приятно переживать его присутствие.

Наконец, я очутился на подводном уступе, дальше которого простиралась чёрная пропасть, и, заглянув туда, в эту повергающую восприятие неизвестность, вдруг даже отшатнулся. Дальше продолжать погружение было опасно. Подняв голову к светлеющей поверхности, я обнаружил, что дельфин совершает зигзагообразные манёвры, будто его охватило непонятное возбуждение. Я опять посмотрел вниз, в эту чернеющую бездну, и сразу почувствовал, что вода стала заметно холоднее.

Температура отчего-то быстро падала, и одновременно я заметил, как из пучины поднимается какая-то тёмная масса. Она всплывала очень медленно, и когда на неё упал струящийся с поверхности свет, я различил нечто огромное, свинцово-фиолетового цвета, с колышущимися рваными краями. В мгновение, без каких-либо сомнений, пришло осознание, что эта пульсирующая масса - ничто иное как живое существо, хотя невозможно было различить ни глаз, ни конечностей.

Продолжая вздрагивать и колыхаться, жуткое видение почти поравнялось со мной, и стало вдруг очень холодно. Краем глаза я заметил, что дельфин замер, чуть пошевеливая хвостом, будто тоже парализованный

воздействием этой неведомой силы. Завороженный, я наблюдал, как это огромное чудище достигло поверхности воды, кажется, даже привсплыло. Прислонившись спиной к каменистому выступу, я, не отрываясь, взирал перед собой, не смея шевельнуться, а тёмно-фиолетовое пятно стало сжиматься, медленно погружаясь в глубину, после чего вода опять стала зелёной, дельфин же, взмахнув хвостом, тотчас исчез.

Что это было за существо, появившееся из неведомых глубин, я и до сих пор не знаю, но то, что ко мне приближалась какая-то жуткая глубинная сила, я не сомневался. Всё обошлось благополучно, со мной ничего не случилось, и всё же ещё долгое время я не мог избавиться от ощущения, что в душу мою закралась большая тайна, как ни странно, наделившая её и страхом, и силой, и я несу её в себе, по сей день… И ещё вспоминаю, как эта сила внезапно растворилась в голубовато-зелёной дымке океанской пучины, будто её и не было.

Разве перечесть все те ощущения, что переживаешь под водой? Оказываясь во взвешенном состоянии, между двух миров, ты часто ловишь себя на мысли, что звуки земли, здесь, под водой, приглушённые и порой почти еле различимые, становятся, как ни странно, более ощутимыми. Доносясь откуда-то сверху, они теперь наплывают на тебя, касаясь восприятия очень ненавязчиво, мягко, и от этого воспринимаются ещё более внятно. Шум моторной лодки, вскрикивания чаек, удары по обшивке бота или судна ты начинаешь улавливать в самой воде, её невидимых колебаниях, несколько по-другому, и эта мягкость достигающих тебя звуков позволяет принимать их как большую ценность, а не так, чтобы ты просто слышал всё это, находясь на поверхности. Вода сглаживает жёсткие земные углы и, обтекая тебя, они становятся глубоки и объёмны. По крайней мере, ты начинаешь исподволь задумываться о том, чего раньше не замечал, и всё это благодаря магическому нахождению под водой.

Когда ты уходишь под воду глубоко, восприятие земли постепенно всё же стирается. Земля как будто вовсе исчезает, и это ощущение так тебя захватывает, что ты на какое-то время действительно о ней забываешь, вдохновлённый чудесным миром неземной тишины.

Но море, всё же, не безмолвно, как это на первый взгляд кажется. Оно шипит, скрежещет, гудит и стонет, подкрадывается к тебе из-за спины с пронизывающим свистом, а то наваливается всеобъемлющей гулкой тишиной, которая, между тем, тоже звучит чем-то необъяснимым, не давая ни на секунду расслабиться. Тишина моря поначалу даже обескураживает наличием в себе неизъяснимого желания вслушиваться в неё.

Один из самых чарующих звуков, который вы непременно услышите под водой – звук вырывающихся из лёгочного автомата упругих пузырьков… А ещё удивительно звучат под водой ударяющиеся друг о друга камни… В детстве, купаясь в море, я всегда с удовольствием рассматривал камни на дне

и заглядывал под них: кто там живёт? Камни хранили в себе, кажется, ещё большую тайну, чем море.

И всё же, красота и необычайное разнообразие подводных пейзажей просто ошеломляют… Иначе не передать того впечатления, что испытываешь от столкновения с подводными красотами. Смотришь, впитываешь увиденное, как губка и, забывая обо всём, сливаешься с водным пространством, перетекая в него душой… Сколько же тут всего, чего никогда и не упомнишь, и не опишешь!

Вот перед тобой открываются заросли бурых, фиолетово-красных, коричневых и зелёных водорослей, целые луга из них, и ты невольно ощущаешь себя на неведомой планете, где обитают только фантастические травы и стоит волшебная тишина…

Или появляются вдруг разноцветные рыбы – большие и маленькие, юркие и ленивые, даже спящие на ходу и с любопытством подплывающие чуть ли не вплотную… Что за радость находиться в этом царстве грёз, чувствуя себя частицей моря!

А песок на дне белый-белый, но ни как сахар или снег… Под водой он какой-то особенно чистой, волнующей белизны, что переливается жирным серебром… В свете же проникающих в этот волшебный сумрак солнечных лучей – песок начинает казаться живым золотом…

Ещё под водой поражают взор пещеры и гроты, представляющие из себя таинственные города… Как будто кто-то специально их здесь возвёл и оставил, и эти загадочные сооружения замерли в покорном ожидании, что в них кто-нибудь заглянет. Проплывая мимо – кожей ощущаешь, как вопросительно взирают на тебя подводные каменные своды и темнота уходящих вглубь скал завораживающих пустот.

Сочетание ровного песчаного дна и поднимающихся к самой поверхности колонн из многометровых водорослей и вовсе потрясает. Задрав голову, оторопело взираешь вверх, куда убегают чуть-чуть колышущиеся колоссы, и не можешь поверить, что это – растения…

Когда же натолкнёшься на ускользающую в бездонную черноту отвесную скалу, целую гигантскую стену из гладкого, неизвестно кем отшлифованного камня, с прикрепившимися на ней моллюсками и полипами, цветами актиний и асцидий, то позабудешь – где ты…

Даже вид голубоватых подводных валунов и крупной голой гальки, без примеси песка и водорослей, не удручает твоё избалованное подводными красотами восприятие: валуны напоминают пузатых уснувших рыбин, яйца каких-то неведомых подводных ящеров или необъяснимое нагромождение бокастых, вальяжно разлёгшихся на глубине медуз. Миллионы лет назад землетрясение разбросало камни, придав им самую причудливую форму и цвет, а море постепенно округлило и будто позабыло о них, после чего камни, довольные своей судьбой, успокоились…

А то откроется бесконечная равнина дна, волнообразно разбегающаяся перед тобой и будто передающая волнение всему подводному пространству,

и ты плывёшь над ним, плывёшь, ожидая увидеть, наконец, что-то удивительное, а ничего существенного не попадается, но знаешь наверняка: рано или поздно какой-нибудь подводный пейзаж обязательно поразит твоё воображение!

На поверхности моря почти ничего не происходит, но в глубине царит необыкновенно многообразная жизнь. Её хочется увидеть, и моя подводная работа, то, что мне удаётся пережить во время неё, лишь жалкие крупицы в открытии для себя этого неведомого мира. А если бы можно было парить под водой бесконечно?! Я бы с удовольствием посвятил этому занятию целую жизнь. Но разве возможно человеку воплотиться в дельфина или тюленя? Человеку приходится довольствоваться непродолжительным, по времени, пребыванием в море, лишь относительно постоянным общением с ним.

Жизнь на морском дне настолько занимательна, что трудно удержаться от соблазна без конца говорить о сказочных красотах животных, населяющих его. Иногда ты позволяешь себе под водой игру с морскими обитателями… Это может быть небольшой осьминог, который не сможет причинить какие-либо неприятности, либо неуклюжий полуметровый бычок, несмотря на свою внушительную лобастую голову, вызывающий лишь улыбку. А иногда тебе вдруг готов составить компанию забавный морской котик…

Правда, несмотря на свой дружелюбный нрав, котик, в приступе игривой погони за ныряльщиком, способен прокусить ему не только ласту, но и мышцы ноги своими сильными челюстями. Мне не раз приходилось наблюдать, как ловко разделываются котики с разного рода моллюсками, заключёнными в крепкую известковую раковину, которая вмиг разлеталась под давлением их зубов. Ухватив меня однажды слегка за ласту, и убедившись, что я не несу ему никакой угрозы, котик принялся кружить вокруг, то переворачиваясь на спину, то заплывая вперёд и будто заглядывая мне в лицо. Может быть, он приглашал меня порезвиться вместе с ним, а может, никак не мог разобрать – кто я, но, тем не менее, не проявлял агрессии. Скорее, его занимало непостижимое для него существо, и котику, наверное, просто хотелось поиграть. Но мне нужно было работать и, изредка поглядывая через плечо на неугомонного морского животного, я принялся за сбор ежа. Кстати, уже поднявшись на поверхность, я обнаружил, что ласта моя в нескольких местах прокушена насквозь…

Но больше всего мне нравилось наблюдать с борта кунгаса, на котором мы добывали морскую капусту, ежа или трепанга, за тем, что происходит под водой. Тень от днища кунгаса передвигается по дну, будто туча, но это не мешает разглядывать камни, раковины, морские звёзды и водоросли. Морское дно – настоящий сказочный мир. Нигде на земле не встречается такого удивительного разнообразия, и описать его невозможно. Можно лишь попытаться осуществить это, но как отыскать слова, чтобы передать подводную красоту!

Продвигаясь осторожно на боте вдоль берега в поисках зарослей капусты или отыскивая значительные скопления морского ежа, кому-нибудь

из ныряльщиков обычно приходится лежать ничком на носу, пристально вглядываясь в воду. Подводный мир укромных бухточек поражает своей первозданностью и чистотой. Дикие берега, на которых никто не живёт, отрешённо замерли, отражаясь в спокойной воде. Затаив дыхание, паришь над проплывающим под тобой дном, и открывающиеся твоему взгляду картины ненадоедливо сменяют друг друга, так что забываешь обо всём на свете.

Вот в воздушной толще воды куда-то устремляется весёлая стайка краснопёрых рыб, а у самого дна, плавными толчками, перемещается маленький осьминожек… Неожиданно он затаивается между камнями, наверное, поджидая добычу, и в мгновение сливается с ними. Тебе отчего-то хочется быть похожим на него, беззаботно паря в этой невесомой синеве…

Возможность остановиться и повиснуть в воздухе – пока не осуществима для человека, но в воде это становится доступным, и когда ты впервые ощущаешь подводное парение, то уже не можешь ему изменить в течение всей жизни. Вода более враждебна человеку, чем воздух, но, тем не менее, подводный мир неумолимо притягивает нас к себе, и мы ничего не можем с собой поделать.

В увлечении подводным миром большое значение играет предрасположенность человека к воде… Если её нет от природы, с самого рождения, то как бы вы ни стремились освоить подводное дело, каким бы современным оборудованием не располагали, и как бы отлично не были подготовлены физически, вас, в конце концов, всегда ожидает разочарование. Только рождённый под знаком воды в полной мере может ощутить истинную взаимосвязь с ней. В море ты всегда чувствуешь себя одним из его бесчисленных обитателей и, главное, не видишь в этом ничего особенного. Воспринимая свою сопричастность с морем естественно, ты бесконечно счастлив, и всегда только радуешься общению с ним.

Чтобы насладиться подводной экзотикой, необязательно уплывать в тропические моря: в установившееся сахалинское лето достаточно отправиться на юг острова, к берегам лагуны Буссе, одному из самых уникальных мест на Дальнем Востоке. Ощущение, когда выходишь на дикий берег дальневосточного моря, непередаваемо. В лицо вдруг резко пахнёт залежалой морской травой, слегка замутит, но в тоже время станет необыкновенно свежо и до головокружения приятно. Неизвестно почему - красоту дальневосточных берегов нередко называют угрюмой, что, конечно, не соответствует действительности. Наверное, подобным образом думают только угрюмые люди.

В ясное спокойное утро вода иногда становится такая прозрачная, что лучи солнца проникают в самую толщу, и даже на пятнадцатиметровой глубине смутно просматривается дно. Нырнув же под воду, можно рассмотреть отдельные морские звёзды, причудливые камни, островки фиолетовых и бордовых ежей. Неминуемо пытаясь охватить весь этот диковинный мир, внутренне замираешь от переживаемого счастья, и на

поверхность возвращаешься необыкновенно воодушевлённым, даже сбитым с толку.

Становится неуютно оттого, что на спине – акваланг, который мерно позвякивает о грузовой пояс в такт лёгкому волнению. Ощущение такое, будто, покачиваясь на гигантском прозрачном покрывале, заглядываешь в бездонную пропасть. Ноги в ластах беспомощно болтаются над этой голубой пустотой, тело, кажется, вот-вот сорвётся вниз, но почему-то не падает, и только руки остаются живыми, пытаясь удержаться за воду. И наслаждение парения, и скрытый страх неизвестности, и жажда познания этой немой глубины… Не передать, что ощущаешь, оказавшись один на один с морской необъятностью, пытаясь проникнуться её величественной мудростью и простотой.

Рыбы снуют поблизости: куда ни посмотришь – они то и дело подплывают вплотную и бесстрашно заглядывают в маску, а когда отмахиваешься от них рукой, с неохотой отдаляются, вскоре вновь возвращаясь. Рыбы повсюду, им нет числа, и поэтому они быстро надоедают. Рыбы, как и окружающая тебя вода, естественны, но совсем по-другому воспринимаешь то, что находится на дне…

От картины подводного мира перехватывает дыхание, настолько она поражает своей дикой красотой. Только здесь, в этом удивительном царстве, начинаешь сознавать, как много открытий ожидает человека, если он будет продолжать попытки проникновения в ещё большие глубины, кажется, совсем недоступные для нас. Я совершенно отчётливо помню, как поразил меня обычный речной мир, когда я даже и не помышлял о море, со своими кувшинками на прозрачной зелени воды, тихими заводями и холодной темнотой таинственных омутов, которыми издавна пугали в деревне взрослые ребятишек…

С детства у меня была непреодолимая тяга к воде, и эту любовь я выпивал в тёплые летние дни до последней капли. Заплывая всё дальше и дальше, я нырял в зеленовато-мутноватую глубину, каждый раз пытаясь ухватить со дна горсть песку или слизкого ила. Если мне этого не удавалось, я не спеша всплывал на поверхность и чувствовал себя разочарованным. В случае же удачи, когда ил неожиданно обжигал руку скользким холодящим прикосновением, я рвался, что было сил, из пронизывающей до костей темноты к тёплому солнцу и свету. После этого, обычно, было очень приятно лежать на спине, подставив лицо ласковому воздушному теплу, чуть покачиваться на мелких волнах и с лёгкой внутренней дрожью ощущать под собой многометровую толщу неведомой глубины. Ощущение её оставалось главным во всех устремлениях к воде, и эта водная темнота не пугала, а только возбуждала к ещё более радостной жизни.

В особо жуткие минуты, когда я решался открывать под водой глаза, благодаря еле просеивающимся в глубину солнечным лучам, можно было рассмотреть вьющиеся бурые водоросли и чёрные плоские раковинки на дне, а если совсем повезёт, то и какую-нибудь тускло-жёлтую рыбку размером с

детский кулачок. Рыбка под водой казалась совсем не такой, как если бы ты поймал её на удочку: здесь она была настоящей и неуловимой. Тайной своей игры я ни с кем не делился.

И вот – морское дно… Оно – цель многих водолазов, потому как притягивает своей надёжной успокоенностью. Это – своего рода опора, к которой водолаз начинает стремиться, ещё даже не погрузившись, а при прохождении первых метров, толком не избавившись от давления на носовые пазухи и уши, уже мечтает о донном пейзаже.

Дно… Какое оно на этот раз, чем встретит водолаза? Поразит ли, как это часто бывало, или убаюкает своими неповторимыми картинками? И что нового откроет ему среди песка, водорослей и скалистых нагромождений?

Как бы ты ни готовился к встрече с дном, тебя всегда поджидает изумительное зрелище. Даже может быть не совсем красочное на первый взгляд, но поражающее воображение. Это всё потому, что ты находишься в другом мире, под водой, где ожидаешь самого непредсказуемого и, как правило, оно не заставляет тебя долго ждать: непредсказуемое здесь – на каждом шагу. Его невозможно не разглядеть, потому что за очередным взмахом ласт тебе открывается неведомое. Главное при этом – не потерять головы, быть чутким и честным по отношению и к самому себе, и ко всему, что тебя окружает.

Вот удивительный скалистый грот, кишащий грациозными серебристыми рыбками, вот мощная каменная стена, усыпанная изящными подводными цветами – актиниями, а там – грандиозные очертания какого-то старинного корабля, своими мачтами устремляющегося во мрак. По гармоничности линий изумрудные, янтарные и багряные водоросли не уступают самым красивым деревьям. Водоросли не подавляют, как их наземные собратья, а вызывают мистические чувства. Величественно парящая в голубой воде черепаха будто совершает ритуальный танец. Везде, куда бы ты ни направил себя плавными движениями тела, присутствует прекрасная, таинственная жизнь, и поневоле возникает желание оставаться здесь как можно дольше, чтобы сродниться с этим неземным миром и его неземной красотой.

И вдруг ты начинаешь сознавать, что находясь сейчас под водой, вдали от берегов, вроде бы, в не совсем привычной для себя стихии, которую окружают дикие молчаливые скалы, а просторы её оглашают проникновенными, но, тем не менее, чужими для тебя возгласами неутомимые чайки, ты всё делаешь правильно… На первый взгляд кажется, что тебе здесь не место: слишком суров и нелюдим этот далёкий край, где ты постепенно начинаешь чувствовать себя отторгнутым. Чайки, котики, дельфины и киты существуют здесь сами по себе, они не нуждаются в твоём присутствии, и даже добравшись до этих диких мест, преодолев немалые трудности на своём пути, ты понимаешь, что не можешь привнести ничего нового в этот удивительный мир первозданной природы. Всё, на что ты способен, - только пристально впитывать, всматриваться, вслушиваться,

постигая возможности обретения неограниченной энергии моря, которое всё равно остаётся к тебе равнодушным. Оно как будто даже надсмехается над тобой временами, когда наблюдает, как ты борешься за то, чтобы просто быть здесь. Иметь возможность работать, просчитывая каждый шаг, быть предусмотрительным и осторожным, ни в коем случае не подводить товарищей, а если подобное всё-таки случилось – стать мужественным и отважным, исправляя свои ошибки. И при этом ни на минуту не позволять себе возгордиться, воспринимая ситуацию так, как будто ты победитель, не покладая рук – трудиться, выжимая лень с равнодушием по капле, но и не считать себя недостойным рядом с морскими обитателями. Выжил – значит, имеешь право на существование среди невидимых течений и ветров, нескончаемых штормов и одурманивающих тебя въедливых туманов, а ещё - какой-то отрешённой смены приливов с отливами, которые незаметно очищают твою душу от всего ненужного.

Ты можешь наслаждаться всем этим, своей сопричастностью с красивой и вольной жизнью, возможностью продлять такую жизнь столько, сколько ты пожелаешь, но никогда не забывай учиться у всего, что тебя окружает. Это, пожалуй, единственное, ради чего ты можешь оправдать своё длительное пребывание в море, благодаря которому обретаешь недостающую энергию. Впоследствии энергия моря поможет тебе духовно расти, проникать в суть вещей и явлений, получая доступ к ещё большей силе. Море приводит тебя к ясному осознанию своего духовного пути, оно становится его неотъемлемой частью.

Работая под водой, я постоянно переживал кровную связь с морем, и это ощущение переполняло меня радостью. О дне я, действительно, начинал думать задолго перед погружением. Грезил им, и именно оно, почему-то, а не само море убаюкивало меня, погружая в какой-то сладостный сон. Запаса воздуха в баллонах хватало как раз на то, чтобы увиденное очаровало твоё восприятие, ты успел позабыть обо всём и, придя в себя, от радости переживаемого, вернулся к действительности, поднявшись на поверхность.

В первую очередь всегда не терпелось поделиться пережитым с товарищами, а уже затем ощутить всю прелесть удивительной возможности быть под водой, отдыхая от земли, и, успев соскучиться по ней за небольшой отрезок времени, тотчас возвратиться. Это одновременное переживание в себе двух миров было непередаваемо приятно.

Так вот, дно, а не водное пространство более укачивало, когда ты приближался к нему. Сначала – сине-зелёная, манящая толща, ты скользишь сквозь неё вниз, чуть подрабатывая ластами, и всё ждёшь: не покажется ли какое-нибудь видение, всегда не такое, которое ты ожидаешь, но его всё нет и нет. Забеспокоишься на короткое время, почудится на миг, будто летишь в какую-то бездну, и станет вдруг - жутко… Может быть, лоция устарела, а глубиномер врёт?!

Хлопья органических останков мягко кружат в зеленоватых сумерках, в ушах стоит какой-то вселенский гул, и в тоже время тебя объемлет не менее

глубокая тишина, которая роится таинственно вокруг, пристально, но ненавязчиво вглядывается в тебя и, кажется, всё о тебе знает. Это ощущаешь только на подсознательном уровне, а в момент погружения стремишься поскорее увидеть дно, коснуться его и, достигнув, наконец, успокоиться. Странно, но именно на дне ты полностью приходишь в себя после волнения, связанного со спуском, и пока ты не преодолеешь весь этот путь до конца, что-то не даёт тебе расслабиться. Вероятнее всего, это страх неизвестности, который ты ещё не в силах в себе преодолеть, и каждый раз страшишься неопределённости, потому что сила моря велика, тогда как ты – слаб, и только пытаешься познать его тайну.

Под водой я часто ловил себя на мысли, даже каком-то непередаваемом ощущении, что кто-то за мной, как уже упоминалось выше, пристально, но ненавязчиво наблюдает. Этот кто-то, неведомый, никак не пытался грубо нарушить моё энергетическое пространство, такого не было, но порой мне вдруг казалось, что «он» или «оно» - всесильно. И главное, я тотчас забывал о нём, когда поднимался на поверхность, или когда был очень увлечён подводной работой. Эта сила, как ни странно, не пугала, скорее – завораживала, и ты отчего-то невольно начинал более ответственно относиться к собственной жизни, и в первую очередь – к своему поведению под водой.

И так, ты – на дне, оно приняло тебя, ты обрёл недостающую уверенность, но успокоив тебя, эта твёрдая опора ничего не пообещала: по достижении морского дна перед тобой открылась как будто другая, ещё более притягивающая реальность, которую тебе предстоит освоить. И вот, ты уже позабыл обо всём, что осталось на поверхности, словно привычного для тебя мира и вовсе не существовало, а есть теперь только тот, где ты сейчас находишься. Именно он определяет все твои устремления, и оттого, как ты себя здесь поведёшь в тот или иной момент, зависит твоя жизнь. Но до чего же, всё-таки, эта жизнь прекрасна в своей непредсказуемой подводной обособленности!

Ты начинаешь думать об этом неохватном царстве воды, и тут же теряешь нить размышления из-за неожиданности сменяющих друг друга картин. Ты только успеваешь понять, как привлекает нас море, как оно неотступно манит к себе, и ощущение под собой дна для аквалангиста сродни тому, когда мы на земле обретаем под ногами твёрдую почву. Подводная жизнь неразрывна с земной, и обе они, оказывается, составляют одно целое!

Но дно не ограничивается только земной корой, покрытой морскими водами: это ещё и те живые существа, которые тесно связаны с ним. В этом смысле морское дно заключает в себе неисчислимые богатства и являет собой колыбель многообразной жизни, почти не изученной. Мои робкие попытки это осуществить приводили меня в дикий восторг или просто на долгое время околдовывали, так что я не мог поверить в реальность

происходящего. Но завеса неизвестности, с каждым погружением, всё же, потихонечку, приоткрывалась…

Неизведанность воды, её необъятная нескончаемость, и пугает и манит. Манит и завлекает удивительной гармонией, которую начинаешь переживать уже на подступах к водной стихии, когда только собираешься погрузиться. Эта гармония подмывает совершать под водой безрассудные поступки, страх вдруг растворяется в этой влекущей необъятности, и в тебе зарождается ощущение бессмертия. А может быть, ты просто возвращаешься к самому себе, к тем первобытным таинственным истокам, что давным-давно создали воду, китов и человека.

Начинается всё именно с того, что ты будто прокалываешь поверхность воды, эту чарующую, даже завораживающую лазурную плёнку, таящую под собой многометровую толщу, полную неведомого… Прокалываешь, какое-то мгновение скользишь вниз, сквозь устремляющиеся вверх пузырьки, и, преодолевая шум в ушах, делаешь свой первый подводный вдох. Он проходит гладко, легко, почти как на поверхности, и ты сразу успокаиваешься, очарованный происходящим с тобой.

Холодная вода обхватывает лицо, устремляется за шиворот, в рукава, и тотчас ты ощущаешь её уже у поясницы, что приводит тебя в дрожь. Но вот первое неприятное ощущение преодолено, плечи и спина быстро привыкают к температуре окружающей среды, и ты уже воспринимаешь себя ловким морским зверем, очутившимся в родной стихии. Кажется, что всё тебе по плечу.

Вроде бы, ни о чём не думаешь, стараешься только слиться с глубиной, стать единым с морем, а когда ощущаешь эту слитность, то вдруг посещает мысль о том, как легко и незаметно всё происходит. Ты ещё не успел коснуться дна, а уже чувствуешь себя здесь, под водой, своим: как рыбы, вёрток и свободен, подобно раковинам – таинственен, зачарованно шевелишь водорослями-мыслями, и ничего не боишься. Непередаваемо волшебна эта возможность растворения в морской глубине, сливаясь с которой сам ощущаешь себя её частицей.

Порой под водой ощущаешь себя так легко и свободно, что кажется – остался бы тут навсегда. Но впечатление это обманчиво: хорошо, когда ты занят под водой какой-либо работой, а если занять себя нечем, вряд ли ты выдержишь это подводное одиночество достаточно долго.

Интересное испытание состоялось в апреле 1959 года на базе военно-морской авиации в Норфолке штат Виргиния. Во время этого испытания пятеро боевых пловцов с дыхательными аппаратами оставались под водой не менее двух суток. Они могли перемещаться в резервуаре, наполненном водой, могли сидеть, а пищу получали через трубки. Коротать время им помогал телевизор и пропитанные особым составом журналы и газеты,

которые, как оказалось, можно было читать и под водой, если перелистывать осторожно. Больше всего испытуемые жаловались на скуку.

Когда, наконец, их подняли на поверхность, то в результате длительного пребывания во взвешенном состоянии они не могли стоять на ногах. По словам очевидца, они скорее напоминали трупы, чем живых людей: руки и ноги их словно бы высохли; они походили на скелеты, обтянутые дряблой кожей. Только через несколько часов они немного пришли в себя.

Я никак не могу вспомнить случая полного расслабления при работе в море, под водой, до такой степени мы были всегда напряжены и сконцентрированы. Чувство покоя охватывало тебя обычно только после завершения экспедиции, когда ты оказывался на берегу, и только тогда в душе ты начинал ощущать полную гармонию с водным миром, в котором до этого работал словно в забытьи. Гармонию с морем, природой, со своими товарищами ты, как ни странно, воспринимал в полной мере лишь в удалении от моря, по прохождении определённого времени, когда успокаивался и мог, не торопясь и ни на что не отвлекаясь, подвести итог своему труду.

Ты вытягиваешься на домашней койке в позе полного расслабления, закрываешь глаза, и в тот же миг понимаешь, что душа и тело жаждут нового напряжения, и покой совсем не радует тебя, а морские дали, пронизанные солнцем, вновь волнуют и манят. Морской воздух кажется тебе особенно сладким, и ты тотчас уносишься к нему в своих воспоминаниях, на мгновение теряя представление о времени и пространстве, остро представляешь себе это соприкосновение с родной для тебя стихией, и ничего больше не желаешь. Море опять с тобой, оно, оказывается, и не думало тебя покидать.

Тебя захватывает вихрь образов, которые возникают в памяти как чудесные откровения, независимо оттого, были ли они связаны в море с чем-либо тяжёлым, даже катастрофическим. Главное, что они напоминают о тех важных событиях в твоей жизни, которые ты выстроил сам. Ты жил так, как хотел, ты не боялся осуществлять самые смелые свои мечты, и то хорошее, что происходило с тобой в море, было бесконечно. Море теперь, ты знаешь, будет неотступно присутствовать рядом на протяжении всей твоей жизни.

В воде всё воспринимается по-особенному, да и разве может быть иначе? Морская глубина воздействует на человеческую душу удивительным покоем, схожим, наверное, с космическим, и тем приближает её к родному дому. Это очень хорошо ощущаешь в состоянии невесомости, какой-то вседозволенности, когда ты можешь беспрепятственно летать. Полёт для человека, скорее, состояние подводное, нежели земное. В воде он быстрее осваивает свои бесконечные возможности.

Сейчас я испытываю гордость от того, что сам бросил себя в эту полную тайн стихию, изучал её очень терпеливо, вкрадчиво, обретая для себя нечто очень существенное. Я как будто оказался в родном для себя, давно

забытом мире, и этот мир тоже обрадовался моему приходу к нему, и даже, как мне временами казалось, гордился моими усилиями на этом нелёгком пути.

Поначалу всегда кажется, что под водой всё упрощается, ты, вроде бы, волен поступать как захочешь: охватившая тебя свобода безотчётно завораживает твоё существо, даже – пьянит. Но при этом, неминуемо, ты рано или поздно начинаешь относиться к себе строже, ты теперь всегда внутренне дисциплинирован, понимая: чем большими возможностями тебя наделяет мир воды, тем ответственнее становишься ты сам.

Под водой не ощущаешь себя птицей, но достаточно чуть шевельнуть рукой или ногой, и ты начинаешь плавно перемещаться в нужную сторону. Это и не полёт и не пребывание в космической невесомости, и всё же ты прекрасно владеешь своим телом, которое становится удивительно послушным. Ощущение от этого вольного парения непередаваемо.

Вдыхаемый из баллонов воздух легко вливается в твои лёгкие, и ощущение необыкновенной лёгкости ещё более усиливается. Ты как будто вдыхаешь саму воду, удивляешься этому, и в тоже время радуешься. Вокруг тебя царит полная радостных возможностей среда, где, кажется, можно творить любые чудеса, а выбираться на поверхность совсем не хочется… Об этом даже не думаешь!

Под водой не ощущаешь себя и рыбой… Скорее, каким-нибудь грациозным морским животным, но столкнувшись, на самом деле, с каким-либо живым существом, молниеносно начинаешь чувствовать себя человеком, которому, к счастью, стало доступно очень многое, и он поразился этой замечательной доступности, приняв её как должное. Удивительно радостно воспринимать себя тем, кто ты есть в непривычной среде, в тоже время, сознавая свою неразрывную слитность с ней.

При погружении вода так приятно обволакивает тебя, она такая прозрачная и голубоватая, что порой ты её просто … не замечаешь. Лёгочный автомат издаёт привычную музыку, в такт вдохам из него разносятся своеобразные хрюкающие звуки, а серебристые пузырьки воздуха, вырывающиеся из-под его крышки, словно нанизанные на ниточку стеклянные бусы, тянутся неудержимо к поверхности воды, разрастаясь в пышные воздушные опахала. Никогда почему-то не подымаешь голову, чтобы полюбоваться на них, и сосредоточиваешь всё своё внимание именно на дне, где видимость несколько улучшается за счёт света, отражённого от поверхности песка, и всегда появляется желание овладеть тем, что ты там встречаешь, особенно, когда только начинаешь заниматься подводным плаванием и работой.

Если мимо проплывает рыба – тебе непременно нужно коснуться её, чтобы хотя бы на миг удержать рядом и лучше разглядеть. Если тебе попадается какой-нибудь моллюск в раковине – ты обязательно возьмёшь раковину в руки, с удовольствием ощутив шероховатость её створок и вес. Всё, что встречается тебе под водой – хочется приблизить к себе и завладеть

им, потому как ты уверен, что это возможно: такая возможность дарована тебе неведомым морским божеством.

Ощущение, что всё тебе здесь доступно и дозволено, и ты можешь прикоснуться к любой тайне, сделав её при этом своей, - удивительным образом переполняет твоё восприятие, порой даже мешая трезво оценивать обстановку. Только с опытом к тебе постепенно приходит понимание, что лучше не вмешиваться в жизнь подводных обитателей, какой бы загадочной и притягательной она не представлялась, и нужно лишь осторожно наблюдать её со стороны, не нарушая гармонии подводной жизни.

Время под водой проходит очень быстро. Оно здесь, как, наверное, и в отдалённых уголках Вселенной, течёт по своим особенным законам. Вернее даже – ты воспринимаешь его под водой таким растянутым, несуетливым, и за короткий отрезок успеваешь пережить то, что на суше уложилось бы в совершенно иные временные рамки.

Точнее, время под водой будто приобретает другое измерение, а порой даже начинает казаться, что оно и вовсе останавливается. Ты паришь в безвременье, и эту чудесную успокоенность совсем не хочется прерывать. Выходишь на поверхность только по причине израсходованного воздуха в баллонах, мечтая вновь, поскорее сменив акваланг, опуститься под воду…

Переживание этой свободы не располагает к размышлениям – ты просто проживаешь здесь, под водой, нечто очень важное, приобретая для своей души какой-то неповторимый опыт, который невозможно обрести на земле, но тебе его непременно следует пройти.

В конце рабочего дня, когда «съел» три-четыре акваланга, обычно появляется убеждение, что ты ничуть не хуже какого-либо подводного обитателя: так сроднился ты с подводной средой, слился с её почти не ощутимой чудесной плотью. В этом, скорее, убеждаешь себя, и это, конечно, далеко от истины, но переживание подобных ощущений очень приятно.

И всё-таки, несмотря на твою тягу к таинственному подводному царству, однообразие каждодневного непрерывного труда постепенно начинает влиять на душевное состояние. Ни красота подводного мира, ни дружба подводников, ни чувство юмора уже не помогают в полной мере справляться с усталостью. Они лишь на время смягчают наваливающуюся апатию, и молодость может оказать в этом неминуемом угасании настроения серьёзную поддержку, да ещё опыт, который делает людей более сдержанными, терпеливыми и чуткими друг к другу. К тому же, всегда находится тот, кто способен повести за собой, и тогда каждого опять охватывает удовлетворение от сопричастности с происходящим, и уже долгое время не покидает.

Как гласит древняя восточная мудрость: в уме начинающего – много возможностей, тогда как у профессионала – нет сомнений. И это в полной мере относится к труду водолазов, которые на своём опыте убедились: не борись с морем, тем более – под водой, пусть оно помогает тебе. Это один из самых разумных принципов для человека, работающего в море, и особенно –

для водолаза, когда единственно верный путь – осторожно приспособиться к водной стихии, благодарно принимая её дары.

Любой человек, будь он смел, отважен или просто горделив, при желании способен обратить своё внимание к морю, и даже погрузиться на глубину, при условии определённой подготовки. Море не окажет ему при этом сопротивления, но и не предупредит об опасности: оно живёт по своим могущественным законам, не приемлемым для человека. Человек может только удачно подстроиться под них, в какой-то миг угадать благосклонное расположение моря и проникнуть в его бесконечные тайны на короткий отрезок времени. Обычно море хмуро глядит на невежественную смелость человека, и чаще всего остаётся к нему равнодушным, привечая, пожалуй, лишь по-настоящему любознательного и неутомимого.

Погружение человека под воду – это его возвращение к тому, что ему суждено постигать бесконечно, раз от разу с ещё большим удовлетворением от проникновения в тайны моря. Чувствуешь близость воды – и это ощущение оказывается ни с чем несравнимо; ты стремишься к ней – и она как будто всегда тебя ожидает. Перед погружением можно опустить в воду руку с маской и плеснуть ей в лицо, а можно просто смотреть на разбегающиеся по воде круги, и всё это, в итоге, создаёт непередаваемое воздействие на душу. Твоё возвращение состоялось, и море миролюбиво плещется совсем рядом, как будто ты никогда и не покидал его.

Выйдя однажды из воды, человеку нет необходимости «завоёвывать» её, а нужно, наоборот, постараться найти себя в ней, обретая утерянную связь с морской стихией. Главное, что человек всегда ощущает после соприкосновения с водой, это её удивительные физические и психологические свойства, ещё далеко не понятые им. Вода - родная среда человека, и она призвана оздоровить и украсить его жизнь. В глубину воды не проходит солнечный свет, но кажется порой, что любознательный ум человека способен озарить подводную тьму, созерцая скрытые в ней тайны.

Человек, познающий законы воды, будет относиться к ней с той же самой радостью, с какой это совершают киты и дельфины. И будет он это делать – не думая о выгоде, а только по устремлению души, умножающей свои знания и энергию, не стремящуюся, в свою очередь, нарушать равновесие Земли и Моря. Достичь же гармонии со своей родной средой – есть наивысшее благо для человека, который уже обрёл эту гармонию в себе, и в этом слиянии заключена самая важная жизненная необходимость. Благородство такой развитой души будет воплощением истинного достоинства, и составит вместе с другими ценностями мира его неиссякаемую сокровищницу богатств, благодаря которой каждый познавший её овладеет своей божественной сутью, а значит и пониманием, что невозможно быть чужим Океану и всей Вселенной.

… Моросит мелкий, косой дождичек. На залив медленно наползает сахалинское пасмурное утро. Палуба – сырая от обильной влаги, повисшей в воздухе, задувает лёгкий упругий ветерок и волны упрямо ударяются в борта судна, но мы, всё же, готовимся к спуску. Занятие это не простое, и быть может даже самое сложное во всей подводной работе… Подготовка к погружению!

На непогоду никто не обращает внимания, потому как здесь, у хмурых сахалинских берегов, она – обычное дело. Прогрохотала якорная цепь, тяжёлой металлической змеёй выскользнув из клюза, ушла на дно вместе с якорем, и снова тишина, пронизанная промозглой сыростью и настойчивым ветром. Изредка вскрикивают над водой чайки, в нос ударяет дурманящая морская свежесть.

Где-то там, под толщей коричневато-свинцовой холодной воды нам предстоит вскоре выполнять свою работу: брать образцы водорослей, моллюсков, пород шельфа… Работа эта не сложная, и больше всего меня привлекает в ней возможность бывать вот в таких диких местах и переживать ни с чем несравнимые ощущения, иногда выходя на совершенно пустынный берег сурового северного моря… Потому я и соглашаюсь на все эти экспедиции, а подводная работа – мой откуп всем исследовательским устремлениям, без которых не мыслит себя никакая развивающаяся личность.

Что представляет из себя обычный рабочий день аквалангиста, обслуживающего, скажем, работу биологов в море, связанную с поиском нерестилищ сельди? С помощью металлической рамки 0,75 х 0,75 см, брошенной прямо с бота, мы определяем количество икры на вырезаемых водорослях. Это могут быть фукусы, саргассум, зостера или филласпадикс, на которых сельдь откладывает икру. Рамка опускается на дно, захватывает определённый кусок водорослей, облепленных икринками, а мы аккуратно собираем её содержимое и отправляем в специальной сетчатой питомзе на верх. Точки сбора таких проб, сменяя друг друга через строго установленное расстояние, составляют разрез, протягивающийся от берега в море на сотни метров. Как правило, в каждом заливе намечаются несколько разрезов, и на их прохождение уходит обычно целый день, а то и больше. Всё это зависит от погоды, плохой видимости под водой, разного рода технических неполадок или просто необъяснимого невезения, нередко случающегося при осуществлении подводных спусков.

Для определения количества животных, обитающих на отдельном участке дна, используется уже метровая измерительная рамка. Аквалангист отыскивает наиболее характерные колонии животных, где представлены разные морские обитатели, и, наложив на них рамку, начинает сбор. Чаще всего в неё попадают многочисленные моллюски, ежи и звёзды, собрав которые, аквалангист поднимает их на поверхность, где биологи осматривают, сортируют и учитывают все эти необыкновенные дары моря.

На первый взгляд такая однообразная работа, кажется, должна быстро наскучить, и всё же отыскание и сбор сельдевых икринок, образующих на водорослях переливающиеся разноцветными огоньками гирлянды, постепенно захватывает целиком. Несмотря на холод и мучительную подготовку к спускам, когда приходится подолгу облачаться в подводную амуницию, а потом неисчислимое количество раз погружаться в точках разреза, под водой наблюдаешь настолько много неожиданного и интересного, что поднявшись на поверхность, уже по-иному воспринимаешь серые берега и пасмурный день. Век бы не покидал эти невзрачные места, содержащие скрытую поэзию севера, таящего в себе суровый, но радостный свет. Его не всякий приметит, но он удивительно сокровенный, без какого-либо лукавства, и если даже, на чей-то взгляд, скуп, то не скуден.

Мне всегда было интересно жить, а знакомство с водой только добавляло радостной увлечённости в восприятии окружающего мира. Я всегда любил ходить под воду, несмотря на то, какой это тяжёлый труд, но за многие годы работы иногда думалось, что чувство восхищения подводным миром всё равно постепенно притупится. И всё же, этого не происходило, я по-прежнему испытывал волнение перед каждым погружением, и желание вновь побывать в подводном царстве оставалось непреодолимым. Даже когда под воду уходили мои товарищи, я им завидовал и испытывал непередаваемое возбуждение. По-видимому, такое состояние объяснялось необычностью нашей профессии, в которой почти всегда присутствовали и риск, и напряжение, и ожидание чего-то неизведанного.

Бывало, приходили к нам и случайные люди, их, прежде всего, привлекала в подводной работе нажива. Такого человека сразу было видно по отношению к своим обязанностям… В воду он уходил последним, долго и нудно подгоняя своё снаряжение, из воды же возвращался первым, каждый раз сетуя на какие-то непредвиденные обстоятельства, приключившиеся с ним во время работы. Наверху такие люди были словоохотливы, даже болтливы, когда же требовался настоящий рабочий задор, своеобразный подводный кураж, без которого не обходилось ни одно серьёзное задание, они тотчас поникали, неприятно для окружающих замыкались в себе. Как правило, в подводниках они надолго не задерживались, да и назвать их таковыми было нельзя, поскольку не чувствовалось со стороны залётных «искателей приключений» полной отдачи своему труду, и моря они не любили.

Удивляла в подобных случаях та лёгкость и полная безответственность, с какой эти люди решались на такую опасную работу. Ведь она требовала от них ежедневных погружений на значительную глубину, не только в тёплое время года, но и зимой, в шторма, выполнения тяжёлой работы по добыче морепродуктов или проведения каких-то сложных технических задач, может быть даже по спасению людей, а они думали, в первую очередь, о вознаграждении… Как же, при этом, нужно не любить жизнь, чтобы так бездумно отрекаться от неё!

Я неоднократно был свидетелем того, как подобного рода люди могли погибнуть, и гибли/!/, но, поражаясь, не в силах был объяснить этой отрешённости. Теперь я думаю, что причина её заключалась в обаянии моря, которое было безмерно. Оно не могло не привлекать к себе даже жадных людей, в глубине души, наверное, тоже жаждущих радостного умиротворения. Море неумолимо притягивало их, и они не в силах были сопротивляться этому глубинному притяжению. Им, конечно, казалось, что они достигнут желаемого и произойдёт это как-то само, без работы над собой. Но море не терпит поверхностных людей, жестоко наказывая их за равнодушие и леность.

Сейчас, много лет спустя, все мои подводные погружения кажутся каким-то далёким, давно виденным сном. Всё в этом сне, несмотря на то, что оно происходило в действительности, удивительно волшебно. Подводные картинки возникают одна за другой естественно, будто я до сих пор нахожусь в загадочной глубине, плавно проплывают перед глазами, а задерживаются только тогда, когда я хочу разглядеть их подольше. Не передать, что переживаешь, заново просматривая однажды произошедшее с тобой в чудесном подводном царстве!

Ещё задолго до моих занятий подводным делом, да и во время своей работы на Дальнем Востоке в качестве водолаза, мне действительно часто снился один и тот же сон, в котором я путешествовал по каким-то неизведанным морям и землям в команде единомышленников, на огромном красивом паруснике. Я отчётливо вижу этот величественный корабль, застывший на якоре в укромной бухте, у скал, где мы погружались под воду. По моим ощущениям это была глубина метров в пятнадцать, и там, на дне, находилось нечто таинственное… То ли затянутое песком древнее судно, то ли какое-то затопленное каменное строение. Нужно было проникать вовнутрь, где почему-то всё играло красками, и было светло. Ощущение возникало совершенно непередаваемое.

Я очень хорошо помню, как обрадовался, обнаружив торчащие из песка статуэтки. Вокруг стояла темнота, а статуэтки были освещены, будто сами источали какой-то внутренний свет. Я сразу почувствовал их драгоценность и то, как они дороги именно для меня. Поражало то, что обнаруженное под водой, по моему мнению, никак не должно было здесь находиться, но, между тем, находилось, и я, помнится, естественно воспринял свою находку, которая представлялась необыкновенной.

Но вот что происходило затем, я никак не могу припомнить. Статуэтки не были подняты на поверхность, они остались под водой, и вроде бы я лишь любовался ими какое-то время, переставлял с места на место, но отчего-то не взял. Что вынудило меня так поступить и что означало это сновидение?

И ещё я не в силах сосредоточиться и вспомнить: что эти статуэтки изображали? Просто маленькие фигурки, может быть какие-нибудь божества, очень древние и ценные, но почему они воспринимались мной такими дорогими и я не забрал их с собой? В глубине души я был убеждён,

что всегда смогу вернуться на это дно, к этому затонувшему когда-то кораблю и, погрузившись под воду, опять буду разглядывать свои волшебные статуэтки. Так они там и хранятся в моём сне, и я до сих пор не знаю: для чего?

Теперь я часто возвращаюсь в воспоминаниях на Дальний Восток, к морю, не спеша восстанавливаю все детали своих погружений под воду, и мне очень хочется опять попасть в тот сон, но он почему-то не приходит. Зато я объездил с морскими экспедициями от Тихоокеанского института океанографии и рыбного хозяйства весь Сахалин, с юга на север, не раз прошёл вдоль побережья Татарский пролив, захватив и островной берег, и материк, побывал на Монероне, Шантарах, а также на одиноком, затерянном среди охотоморских вод острове Ионы… С самой южной оконечности Сахалина – мыса Крильон, усеянного мутновато-голубыми агатами, мне посчастливилось любоваться знаменитым проливом Лаперуза, соединяющего Японское и Охотское море, а неподалёку от сахалинского мыса Терпения, на острове Тюлений, я имел возможность с весны до осени наблюдать за жизнью морских котиков, охотиться на них и постоянно находиться рядом с оглушительным птичьим базаром, который просто повергал своим многоголосьем и первозданной жизненной простотой.

Видел я и китов в Беринговом проливе, с рыбаками добывал в Охотоморье минтая и треску, в Японском море – иваси. Вместе с зоологами от Сахалинского научно-исследовательского института участвовал в экспедиции по учёту морских каланов у Курильских островов Уруп и Симушир. А от Областного управления гидрометеорологии мне удалось побывать почти на всех Курилах, включая самые известные – Шикотан, Кунашир, Итуруп, Онекотан, Матуа и Парамушир с островом Атласовым, представляющим из себя действующий вулкан Алаид…

Тихий океан долгие годы был моей колыбелью, учителем и другом, чья мощь незаметно перетекла в мою душу, необыкновенно обогатила её и укрепила, наполнила силой. Морская стихия многому научила меня, она чуть было не захватила с собой в трёх кораблекрушениях, как будто чувствуя моё трепетное отношение к себе, постоянно испытывала на стойкость собственных замыслов и устремлений, пытаясь устрашить, и всё же притягивала к себе. Несмотря на неописуемую энергию и красоту, море более всего завораживало меня глубиной, возможностью заглянуть туда и сделать её своей, зачем-то всё время подталкивало к этому, еле слышно нашёптывая свою манящую тайну. И однажды я поддался его ненавязчивым уговорам, посвятил морской глубине всю душу и, как мне показалось, слился с ней.

«ВРЕМЯ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ДЛЯ ЛОВЦОВ ЛАМИНАРИИ И МОРСКИХ ЕЖЕЙ»

ПОСВЯЩАЕТСЯ – Андрею Тугину, Виктору Тарасову, Сергею Василенко, Сергею Павлёнку, Юрию Шатилину, Владимиру Завалкову, Ивану Хону.

… Я сижу на большом камне у самого моря и смотрю на воду. Когда набегающая волна откатывается, раздаётся чуть слышный рокот – это камни переговариваются между собой. Каждая волна словно выводит их из забытья: камни на короткое время оживают.

Сплошная полоса морской капусты стелется широкими слоями по каменистым грядам вдоль берега. Плотным непролазным ковром, лениво поворачиваясь под накатом волн и время от времени оголяя сочно поблескивающие на солнце бока, капуста поражает своим обилием и доступностью. Глядя на её размеренно колышущиеся в воде листья, ко мне подкрадываются воспоминания о том, как мы добывали эту морскую траву вдоль юго-западного побережья Сахалина, а называлась она ламинарией.

Под водой, я знаю, гряды резко обрываются, убегая в глубину отвесными каменными стенами, шероховатыми от домиков балянусов и красновато-фиолетовых глазуревых наростов. Отдельные листы капусты свисают с них и словно диковинные морские змеи устрашающе извиваются, охраняя подступы к своему обиталищу. Если вести себя неосмотрительно, то можно угодить ногой или рукой в эти развевающиеся щупальца, запутаться в них и, торопясь поскорее выбраться, сбить себе дыхание, что, в конце концов, чревато под водой паникой.

Сама по себе морская капуста совершенно безобидна. Повстречав на своём пути её колышущиеся заросли, нужно только плавно скользнуть в их гущу, осторожно раздвигая водоросли руками, и, чуть подрабатывая ластами, стараться не делать резких движений. На какое-то время можно представить себя морским животным – ловким, досконально изучившим свою среду обитания и неустрашимым. Последнее очень важно для человека, опускающегося под воду, поскольку нерешительность и неумение преодолеть в себе зависимость от окружающей среды влекут за собой не свойственные ей поступки. Свободное парение под водой подразумевает раскованность духа.

Плотные и гладкие листы ламинарии стелются вдоль тела, с вкрадчивым шёпотом касаются гидрокостюма и акваланга, монотонно мельтешат перед глазами. Медленно пробираясь вперёд, обычно с нетерпением ожидаешь конца этим зарослям, когда водоросли вдруг расступаются и перед тобой открывается дымчато-зелёная толща воды. И тогда сразу забываешь однообразие колышущейся коричневой массы, не скованное ничем тело движется легко и свободно, тебя охватывает пьянящее

чувство сопричастности с этим дымчато-зелёным миром и жажда постижения в нём каждой мелочи.

Но иногда, оказавшись в окружении плотных листов ламинарии, невольно приходит на ум небезызвестное Саргассовое море, по легенде – с множеством увязших в его густых зарослях водорослей кораблей. Именно поэтому, наверное, оно с детства занимало моё воображение. В старину считалось, что море это чрезвычайно опасно для судоходства: когда корабли попадают в его ловушку, водоросли, якобы, опутывают и затягивают их хуже, чем любые сети. Известно было даже, что никто там будто бы ни разу не выловил ни одной съедобной рыбы.

Саргассы, как известно, не имеют корней, а шариков-поплавков на них так много, что растения, похожие на виноградные кисти, свободно дрейфуют по морским волнам. Северное экваториальное течение и Гольфстрим образуют в средней части Атлантики как бы гигантский водоворот, охватывающий в окружности примерно пятнадцать тысяч километров, и за сотни лет здесь было собрано столько саргассов, что место их скопления и названо Саргассовым морем, - морем без определённых очертаний и берегов.

Кстати, название ему придумали португальские моряки средневековья, которые первыми обнаружили эти бурые водоросли, усеянные множеством шаровидных поплавков. На безымянном глобусе пятисотлетней давности Саргассово море называлось «Травянистым морем», а слово «трава» применил Колумб, когда открыл Саргассово море во время своего первого плавания в «Новый Свет» в сентябре 1492 года. Сам Колумб предполагал тогда, что эти водоросли оторвались от какой-то близлежащей отмели.

Учёные долго не могли решить вопроса о том, откуда берутся водоросли Саргассова моря, пока не предположили, что первоначально саргассы прикреплялись ко дну в мелководных прибрежных районах тропической зоны, во время штормов они отрывались от дна и увлекались течениями в открытый океан, но оторванные – продолжали жить, размножаясь отростками, то есть – «почкованием», причём, совершенно независимо от суши.

Конечно, водорослей в Саргассовом море предостаточно: желтовато-коричневые кустики саргассума, величина которых до полуметра, образуют на поверхности воды миллионы тонн, но все рассказы о том, что водорослей в Саргассовом море так много, что они способны задержать корабль, и уж тем более – потопить его, не иначе, как красивая легенда. Никогда не наблюдалось, что саргассы препятствовали продвижению хотя бы гребной шлюпки. Зато вполне возможно намотать саргассовые водоросли на лаг или засорить ими приёмные отверстия для морской воды. Скорее всего, эта легенда родилась в то время, когда корабли надолго застревали в Саргассовом море с повисшими от безветрия парусами во время штиля. В течение многих монотонных дней бездействия команда наблюдала эти водоросли – чаще целые заросли, и если учесть, что всё это время люди с ужасом ожидали момента, когда кончатся запасы питьевой воды, то

неудивительно, что Саргассово море приобрело печальную славу кладбища кораблей.

В северной части Японского моря, на протяжении почти всего западного побережья Сахалина, в его бухтах с прозрачной чистой водой тоже растут раскидистые кусты саргассовой водоросли, достигая порой до трёх-четырёх метров высотой. По весне эти кусты бывают облеплены икрой хоккайдской сельди, идущей на нерест. Агатовые мелкие икринки обильно покрывают желтовато-коричневые веточки саргассов, как бы являясь их продолжением вместе с естественными шариками-поплавками, которые ещё называют «подводным виноградом». Медленно продвигаясь на боте вдоль унылой береговой полосы в поисках залежей морской капусты, ты невольно залюбуешься этим подводным пейзажем, воспринимая достаточно однообразные водоросли саргассов уже как какие-то волшебные гирлянды, неизвестно кем и для чего усыпанные живым переливающимся бисером.

Бывает, кустики саргассов прикрепляются к небольшим камням или раковинам двустворчатых моллюсков – морским гребешкам, и нередко у стенок ставных неводов, мысов, на рифах и просто у поверхности воды можно найти всплывшие саргассовые кусты с прикреплёнными к их основанию раковинами. Гребешки, как правило, живые, им никуда не деться, как бы они не хлопали створками, стремясь возвратиться к своему обычному «прыгающему плаванию». Дело в том, что гребешки передвигаются под водой, перелетая, вернее, совершая стремительные прыжки, и оказавшись оторванными от дна – страдают.

Особенно много саргассов всплывает в августовские и сентябрьские дни, когда эти однолетние водоросли достигают наибольшего в году роста. Такие кусты всплывают, как только их «положительная плавучесть» перевесит «отрицательную плавучесть» камня или моллюска, на котором поселилась в своё время водоросль. Плавучесть же водоросли, как уже говорилось, создаётся сотнями и тысячами поплавков-пузырьков, растущих на каждом кусте и помогающих ему отвесно стоять в воде.

Но чаще всё-таки водоросли отрывает от грунта штормовое волнение, вместе с течением разнося их по обширным просторам океана. Способность очень долго жить, а может быть – и размножаться в плавучем состоянии подобно саргассам, имеют и некоторые бурые водоросли, на Дальнем Востоке растущие, по большей части, у берегов Курильских островов. Это – хорошо известный биологам макроцистис, достигающий в длину несколько десятков метров.

Недаром название «макроцистис» означает «водоросль-великан». Говорят, что длина его превосходит даже две сотни метров, и таких растений на суше, пожалуй, не отыщешь. Растут эти водоросли плотной массой, выделяя слизь, которая крепкой плёнкой покрывает поверхность моря.

К тому же, ко дну макроцистис прикрепляется настолько крепко, что иной раз всё же выдерживает напор штормовых волн. Более того, эластичные и легко изгибающиеся растения, образуя иногда густые заросли, в

значительной степени умеряют волнение, предохраняя берега от разрушения и защищая бухты. Однако входить в эти водоросли судну не рекомендуется – водоросли наматываются на винт.

Макроцистис не только самая крупная, но и наиболее распространённая из гигантских водорослей, её ещё называют большой пузырчаткой. В северной части Тихого океана эта водоросль образует настоящие подводные леса на глубине до 50 метров. У неё нет длинных и разветвлённых корней, как у наземных деревьев, и прикрепляется она к подводным скалам и гальке короткими выростами, которые действуют как присоски, заменяя морским гигантским растениям корни. У основания каждого листа-пластины имеется полое, величиной с яблоко, утолщение – своеобразный воздушный пузырь. Одно взрослое растение имеет несколько сотен таких пузырей, благодаря которым слоёвища поддерживаются в вертикальном положении.

И, тем не менее, вся эта величавая подводная конструкция нередко обрывается… Ослабленные разрушительной работой морских ежей, крабов и сверлящих моллюсков-двустворок, корни-присоски не всегда могут устоять перед ураганным штормом, который производит среди подводного леса настоящие опустошения. При отрыве от грунта, благодаря наличию воздушных пузырьков, эти водоросли всплывают на поверхность, образуя целые островки, что самостоятельно путешествуют по бескрайним морским просторам.

Работая однажды у берегов острова Матуа, мы случайно подцепили кошкой такой островок и попытались вытащить его на палубу, чтобы тщательно осмотреть: уж больно необычной по размерам представлялась нам эта подвернувшаяся водоросль. Вначале дело подвигалось легко и нам казалось, что вот-вот мы завершим эту операцию. Но вытащив метров пятнадцать, мы почувствовали, что конца этому растению не видно. Основной ствол в руку толщиной пошёл ветвиться, тащить становилось всё труднее и труднее, а сам островок и не думал уменьшаться в размерах. Наступил момент, когда усилия чуть ли не всей команды уже не давали никаких результатов. Отвоёванные на небольшой зыби метры водорослей океан забирал обратно при очередном своём вздохе.

Может быть, при штилевой погоде мы смогли бы достичь желаемого, но в сложившейся ситуации нам ничего не оставалось делать, как перерубить слоёвище. Длинные, шоколадного цвета пластины-листья, вместе с полым внутри стеблем-стволом, покрытые липкой слизью, ещё долго сползали за борт, а мы не в силах были вообразить общую длину макроцистиса, поразившего нас своими гигантскими размерами…

Кстати, с этой водорослью связан довольно забавный случай. Пилот патрульного самолёта, совершавшего полёт вдоль побережья острова Кадьяк, не поверил своим глазам, когда увидел на поверхности моря огромное, длинное бурое животное, шевелившее щупальцами. Снижаясь, он успел сделать снимок, прежде чем наползавшая полоса тумана скрыла от него

находку. Наутро газеты, публикуя нечёткий снимок пилота, вышли с сенсационными шапками: «30-метровый гигантский кальмар у берегов острова!», «Морской змей в схватке с крупным кальмаром!». К вечеру того же дня катер береговой охраны, выйдя в указанный район, не обнаружил там ничего, кроме плавающей на поверхности водоросли-макроцистиса, длина ствола которой действительно была внушительной – 53 метра.

Обильно окаймляет берега Японского моря филлоспадикс, который теснит морскую капусту, борясь с нею за место существования. Вытянутые ленты филлоспадикса напоминают киноплёнку, они воздушны, легки и, не спутываясь между собой, свободно колышутся в воде. Филлоспадикс – растение многолетнее, но лентовидные листья его на зиму отпадают. Корневища филлоспадикса, которые при случае могут пригодиться в качестве еды, достигают больших размеров и прочно держатся в грунте, укрепляя его от размыва волнами и течениями. Часто приходится наблюдать, как в мелководных гаванях морская трава предохраняет их края от размыва и заноса песком и илом.

Многие водоросли крепятся ризоидами к подводным камням и остаются без богатой питательной среды, тогда как филлоспадикс своими корнями усваивает все полезные вещества из грунта. Именно поэтому, наверное, он ценен тем, что даёт прочное шелковистое волокно до 40 см длиной, которое идёт на изготовление лёгкой и крепкой пряжи, пакли для конопатки судов и, наконец, эластичной и очень прочной бумаги. Не зря его ещё называют морским льном.

Было бы странным, если филлоспадикс, образуя на глубинах до пяти метров обширные подводные луга, никак не был полезен. Эти самые луга, а вернее – леса морской травы служат убежищем или пастбищем многим морским животным. В норах между корневищами филлоспадикса скрываются бычки, здесь в обилии обитают двустворчатые моллюски, прячутся под листьями и ползают по дну голотурии, крабы, морские ежи и звёзды. Среди стеблей скачкообразно передвигаются теплолюбивые креветки – травяные шримсы, или, как их ещё называет местное население, чилимы.

Чилимы предпочитают глубины до 10-12 метров, но чаще их можно встретить на мелководье, продираясь в зарослях филлоспадикса и зостеры. Цвета бутылочного стекла, лёгкие и прозрачные, они как кузнечики висят вертикально между травами, чаще у самой поверхности, и в зелёном полумраке воды их нелегко увидеть. Стоит лишь немного приблизиться, как чилимы, подтягивая хвосты к животикам, молниеносными скачками исчезают, как будто их и не было.

При дневном свете эти прибрежные креветки - грязновато-зелёные, как филлоспадикс и зостера, в которых они обитают, и поэтому со временем у них появилась защитная окраска – зелёные и коричневато-чёрные полосы по бокам тела перемежаются со светлыми. В случае опасности чилим ещё способен плавать вперёд головой, работая особыми плавательными ножками

брюшного отдела. Кроме того, чилим может передвигаться по дну на трёх парах грудных ног, этими же ногами цепляясь за травинки.

Жизнь моря своеобразна во всём, не миновала она в этом своеобразии и чилима… Оказывается, хорошо известный жителям Приморья и Сахалина травяной чилим – их излюбленное лакомство, - гермафродит. Каждая креветка, фигурально выражаясь, живёт дважды.

В первой половине своей жизни, до достижения двухлетнего возраста, она принадлежит к мужскому полу. После выхода из яйца, что происходит в мае или июне, личинка ведёт планктонный образ жизни: несколько раз линяет, растёт и к осени превращается в рачка-«малька». «Мальки» забираются в заросли морской травы и присоединяются к косякам живущих там взрослых креветок. К осени следующего года рачок вырастает до 12 сантиметров в длину и становится половозрелым самцом. В это время у травяных креветок начинается период размножения. Самец при спаривании приклеивает около грудных ножек более крупной самки два липких комочка, содержащих сперму.

С наступлением осени, когда листья зостеры отмирают, травяные креветки уходят на глубину 25-30 метров и возвращаются обратно только весной. К этому времени прошлогодние самцы успевают превратиться в самок, и начинается их вторая жизнь. В половой железе развиваются яйцеклетки, и осенью оплодотворённые самки/бывшие самцы/ уже носят на своих брюшных ножках несколько сотен яиц, с которыми они отправляются на зимовку. А через полгода из яиц вылупляются личинки. Самки, достигающие иногда 18 сантиметров, способны отложить яйца ещё один или два раза.

Добыча чилимов у местного населения – что-то вроде нашей грибной охоты. Правда, правилами Сахалинрыбвода установлены некоторые ограничения на вылов чилима: его запрещено, например, вылавливать с 15 мая по 15 июля. Но как только установленные сроки запрета минуют – на побережье устремляются тысячи любителей поживиться излюбленным дальневосточным лакомством.

Промышляют чилимов обычно при помощи мелкоячеистого сачка, а также устанавливая в зарослях травы ловушки с приманкой. Переодевшись в прорезиненный комбинезон и вооружившись самодельным сачком с широкой горловиной, нужно, не торопясь, продвигаться в этих самых зарослях вдоль берега, не забредая глубже, чем по грудь. Сачок следует держать перед собой, не производя резких движений, и время от времени выбирать из мотни крупных креветок.

Креветки длиной 10-12 сантиметров уже вполне пригодны в пищу и потому долгое время считались промысловыми. Ловцам, конечно, не могло прийти в голову, что у креветок пол не определяется при появлении их на свет, а зависит от возраста. В результате самки, как наиболее крупные и соответственно более ценные, вылавливались в первую очередь, а в косяке

креветок оставались только «мальки» и самцы. Поучительный пример того, как важно изучать биологию животных, прежде чем налаживать их добычу.

Пойманные, чилимы колючи на ощупь и, оказавшись в ведре, издают сухие щелчки, напоминающие треск горящих веток. Чилимов нужно варить непременно в морской воде, которую зачерпываешь тем же ведром, полным чилимов, а костёр разводят тут же, на берегу, используя выбеленный плавник, валяющийся обычно повсюду.

В закипевшей воде чилимы становятся оранжевыми, а полоски приобретают ярко-красный цвет. Долго варить чилимов не стоит, им достаточно закипеть – и они готовы: сочные, очень вкусные, чилимы ни с чем не сравнимы, и есть их можно, кажется, бесконечно. Сколько бы не было поймано чилимов и сварено, никогда не помню, чтобы хоть что-либо оставалось: чилимы съедались без остатка, как бы ни был сыт человек. У всех сахалинцев варёные чилимы вызывают непередаваемое удовлетворение от полученных ощущений, и напоминанием о совершившемся пиршестве оказываются только горы сладковатой чилимьей шелухи.

Частая гостья дальневосточных морей и зостера… На Сахалине встречаются бухты, где она произрастает непроходимой чащей. Тонкие, ярко-зелёные стебли этой морской травы растут очень часто, а постоянно переплетаясь, и вовсе создают впечатление сплошной травянистой массы, преодолеть которую, даже в неопреновом подводном костюме, невозможно. И это действительно так, ибо уже при виде зарослей зостеры, подводный пловец никогда в них не углубится и отвернёт, может быть, проследует вдоль их края, стараясь встретить что-либо необычное. Ведь именно на границе травянистых островков под водой держатся самые разнообразные обитатели моря: наблюдая за всем происходящим в открытой воде и чаще всего – выжидая добычу, они готовы тотчас исчезнуть в случае опасности.

Зостера обычно разрастается там, где к песку примешан ил: здесь свой особый мирок. На травинках качаются, уцепившись хвостом, морские коньки. Их вытянутые тельца не сразу разглядишь в переплетающихся стеблях. Но в случае опасности самец морского конька издаёт низкий щёлкающий звук, по которому не сложно отличить это странное существо, фигуркой своей напоминающее лошадку, а на деле являющееся рыбкой.

Ещё между листиками зостеры часто прячется морская игла. Она, как и конёк, становится на хвостик, отчего разглядеть её не так-то просто. Имея странную форму тела, эта рыбка всегда вызывает любопытство, к тому же проявляя своеобразную заботу о потомстве. При нересте самка откладывает икринки в выводковую камеру самца, который таскает икру с собой, а после выхода мальков первое время пасёт их, не выпуская за пределы зарослей зостеры.

Вообще, зостера больше похожа на обычную траву, чем на водоросль, и потому её чаще всего так и называют – «морская трава». Подводные луга зостеры очень богаты, и потому в некоторых местах, где наблюдаются сильные отливы, её скашивают. Высушенная, обмытая пресной водой и ещё

раз хорошенько просушенная, она используется для набивки тюфяков и матрасов.

Под водой заросли зостеры плавно колышутся то в одну то в другую сторону, неожиданно прижимаются ко дну и как-то волнительно, даже с лёгкой тревогой стелются над ним, затем вновь поднимаются во весь рост, и этими непредсказуемыми движениями напоминают загадочное зелёное море. Зимние жестокие шторма срывают зостеру с камней и наваливают горами на мели, где, перегнивая, она вскоре теряет свой изумрудный цвет, превращаясь в коричневатую, почти чёрную массу. Я давно заметил, что зелёные водоросли держатся на мелких местах, бурые лежат глубже на скалах, а на самых глубоких – растут красные водоросли… Произрастая на небольшой глубине, зостера, таким образом, придаёт морской воде зелёный цвет, отражаясь от поверхности лучезарным живительным светом. Тонкие, даже изящные стебли зостеры будто сближают нас с необозримым морским пространством, благодаря знакомой по земле зелени делая море как бы роднее.

Ещё одна водоросль – анфельция, замечательна тем, что совсем не прикрепляется ко дну. В лагуне Буссе, где в течение нескольких лет нами велась добыча трепанга, довольно часто можно было встретить тёмно-коричневые пласты сплетённых между собой невзрачных растений, которые мы, по неопытности, принимали за мёртвые. На самом деле – это и была анфельция, водоросль, существующая сама по себе. У неё не было корневых ризоидов, как у ламинарии, и она не росла из подводного грунта, наподобие зостеры или филлоспадикса, а передвигалась по дну в зависимости от течений, приливов и штормовых перемещений воды.

Анфельция бывает как прикреплённой, так и неприкреплённой формы. Промысловое значение имеет неприкреплённая, размножающаяся лишь вегетативным путём, и, образуя из хрящевидных спутанных нитей что-то наподобие причудливой мочалки, анфельция всегда вызывает какое-то неоднозначное отношение. Её переплетающиеся нежные нити - словно узоры на окне, а когда анфельция тихонько передвигается по дну, создаётся впечатление, будто она нащупывает окружающее подводное пространство.

Когда-то на берегу лагуны Буссе существовала биологическая станция. Научные сотрудники разбили всю лагуну на промысловые поля, которые поочерёдно использовали для добычи водоросли анфельции, а на Корсаковском рыбозаводе из неё делали лучший в стране агар-агар. С тех пор от биологической станции ничего не осталось, запасы анфельции были изрядно подорваны, но она, всё же, нет-нет, да попадалась нам, порой – целыми подводными залежами, когда в одном месте, по какой-то причине, анфельции скапливалось так много, что она покрывала песчаное дно сплошным ковром.

Плывёшь обычно над песчаной равниной дна, и время от времени на ней появляются какие-то странные катыши бурых водорослей, на которые всегда обратишь внимание. Однообразно колышущийся филлоспадикс

порядком наскучил, изумрудный ковёр тонко вытканной морем зостеры уже почти не привлекает, какая-то обыденная, испещрённая мелкими дырками ульва вообще очень скоро приедается, так же как и длиннющая мясистая ламинария, которая, временами, хотя бы зачаровывает открывающимися под ней чудесными островками морского дна, - и вот оттого неожиданно выкатившаяся, откуда ни возьмись, маленькая анфельция приятно околдовывает… Что это за подводное «перекати-поле»?

Почему-то хочется протянуть руку, взять такой катыш и, ощутив его воздушную плоть, разглядеть… Что-то в нём завораживает твоё внимание, хотя ничего особенного он из себя, вроде бы, не представляет. Водоросль – и водоросль, правда, название загадочное, почти – волшебное: анфельция…

Будто имя чудесной девушки, вышедшей из моря… В звучании этого необычного имени угадывается нечто воздушное, как само растение, почти не имеющее веса, а тонкий аромат разложенной на крыше для сушки морской травки вообще пленяет, еле заметно кружит голову и уносит в необъятное море чувств. Кажется, сами по себе, как эти спутанные подводные катыши, легко и воздушно возникают чуткие и очень милые желания, которые быстро укрепляются в душе, взрослеют. Всего несколько раз, в полную грудь, вдохнёшь живой и чистый воздух, даруемый морем этой пряной морской водоросли, а видение красоты невероятно быстро усиливается, проникает всюду, куда бы ни направил свой чуткий внутренний взгляд. Хочешь – лети, но если не возникает подобного желания, то только потому, что и так всё чудесно.

Взяв в руки только что поднятый на поверхность ароматный и невесомый комочек анфельции, весь переливающийся от множества разноцветных капелек, и поднеся его к лицу, тотчас попадаешь в поток одно за другим нарождающихся ощущений, способных унести без чувств за колышущийся горизонт. Как приятно наслаждаться одним лишь взглядом на море, вздохом у него, а порой тебе хватает единственного прикосновения к такому маленькому пахучему комочку водоросли, называемой анфельцией.

Помимо лагуны Буссе, анфельция ещё встречается в заливе Измены на острове Кунашир, где из неё также добывали агар-агар высокого качества, представляющий собой смесь различных органических веществ, главным образом углеводов. Агар-агар, как ни странно, не имеет запаха и вкуса, а ценится в основном из-за его способности образовывать студни. Для получения довольно плотного студня достаточно на литр воды добавить всего 20 грамм агар-агара, то есть – высушенного экстракта. Само слово «агар-агар» - малайского происхождения. На малайском языке оно обозначает красные водоросли, принадлежащие определённому роду, а поскольку малайцы часто повторяют слова, то и говорят они, имея в виду данную водоросль, - агар-агар.

Агар-агар широко применяется в пищевой промышленности, для производства мармелада, пастилы и нечерствеющего хлеба, а также в бумажной и текстильной промышленности – для улучшения качества бумаги

и тканей. Он предохраняет консервированную рыбу от почернения и привкуса жести, что делают консервы непригодными для продажи. Очень перспективно применение агар-агара в фотографии, где он употребляется при изготовлении светочувствительных пластинок и плёнок. Агар-агар используется при отделке кожи для улучшения её блеска и прочности. В кулинарии агар-агар незаменим для придания супам и соусам большей густоты, он широко известен как незаменимый загуститель в приготовлении сливочного мороженого и пирожных. В некоторых странах агар-агар применяют в пивоварении, виноделии и при изготовлении кофе, его используют даже как основу сапожного крема, а ещё одна особенность агар-агара может оказаться весьма важной в медицине: он обладает свойством препятствовать свёртыванию крови.

Трудно себе представить, что на всё это способна одна маленькая подводная водоросль, к тому же - достаточно невзрачная на вид, пусть и с необычным красивым названием, но, тем не менее, помимо всех своих удивительных особенностей, агар-агару присуща и такая замечательная тонкость как способность закреплять запах духов. Порождённый в неведомой утробе моря, этот комочек водорослей, таким образом, возвышает и дух человека, его настрой, околдовывая изысканным природным ароматом. Он возбуждает к жизни изящные чувства, такие же тонкие, невесомые, как и сама водоросль.

Кто же назвал это удивительное морское откровение «анфельцией», причём, так удачно и загадочно, с лёгкой грустинкой и простой жизненной правдой? А ведь правда мудрого моря всегда почему-то воспринимается более обаятельно и надёжно, чем правда только стремящегося к совершенству человека…

Морские водоросли имеют очень древнее происхождение, в своё время они дали начало земным растениям. Зарождение одноклеточных микроскопических водорослей, подобных тем, которые составляют в основном морской фитопланктон, было событием большого геологического значения. Имеющиеся в настоящее время останки этих первых водорослей датируются учёными тремя миллиардами лет. Эти первые микроскопические водоросли приводили к обогащению биосферы свободным кислородом с одновременным обеднением её углекислотой. Появление свободного кислорода, хотя ещё и в малых дозах, стимулировало массовое развитие микроорганизмов, и, таким образом, водоросли сыграли роль крупных геологических деятелей.

Лучистая энергия Солнца и значительные запасы углекислоты в биосфере, пополнявшиеся при вулканических извержениях, способствовали развитию водной растительности не только плавающей, но и донной. Воды морей, ещё слабо солёные, но богатые бикарбонатами кальция и магния, легко осаждали их химически. Подщелачивая воду, водоросли незаметно создавали очень своеобразные накопления известняка, и даже - древнейшие рифы и банки.

Именно водоросли, и только они, примерно за 2 млрд. лет извлекли из биосферы колоссальные количества углекислоты, образовав на её основе столь же колоссальное количество органических веществ. Этим они существенно изменили свойства среды жизни на Земле, сделав её пригодной для появления и развития животных.

Водоросли первыми, освоив прибрежные зоны бассейнов, вышли на сушу, довольно быстро распространились на увлажнённых почвах, и этот выход заставил их приспособиться к самым разнообразным условиям обитания. Хотя название «водоросль» буквально означает «водяное растение», не всё, что произрастает в водной толще, относится к водорослям. Описанные выше филлоспадикс и зостера, например, это – настоящие цветущие травы, прекрасно освоившиеся в морской среде.

Одни водоросли стелются вдоль дна, другие – парят в толще воды, а есть и такие, что просто свободно лежат на грунте в неприкреплённом состоянии, но, ни корней, ни стеблей, ни листьев у водорослей нет. Эти органы нужны наземным растениям, чтобы закрепиться на суше и выкачивать воду из почвы, дыша воздухом. Когда же со всех сторон окружает вода, достаточно небольшого разрастания таллома/тела водоросли/ на нижнем конце, чтобы прицепиться к чему-нибудь, и утолщений в верхней его части – наполненные воздухом, что служат поплавком.

В морях нашей планеты известно около тридцати тысяч видов водорослей, и одни из самых распространённых – бурые, они часто образуют под водой настоящие леса… Именно к ним и относится морская капуста, давным-давно вошедшая в обиход у народов Дальнего Востока.

Морская капуста – это крупная пластинчатая водоросль семейства ламинариевых, растущая на глубине до двадцати метров. Слоёвища морской капусты бурого или буро-коричневого цвета достигают тридцати сантиметров ширины, пяти миллиметров толщины и пятнадцати метров длины. Свежие водоросли содержат почти восемьдесят-девяносто процентов воды, поэтому для предотвращения порчи их надо высушивать или замораживать. Сушёная морская капуста почти не теряет своих качеств и очень удобна для перевозки и длительного хранения.

Химический состав морских водорослей во многом сходен с составом луговых трав и овса, но водоросли содержат гораздо больше минеральных солей, особенно микроэлементов, и в этом их значительные преимущества перед наземными растениями. По количеству минеральных веществ морская капуста превосходит многие овощи, она содержит такие витамины, как А, С и витамины группы В.

Интересно напомнить, что во времена императора Кан-Си в Мукденской провинции среди населения сильно распространилась зобная болезнь. И по совету китайских учёных Кан-Си издал приказ, обязывающий каждого жителя провинции съедать в течение года не менее пяти фунтов сухой морской капусты. Её лечебные свойства дали благоприятные результаты. В настоящее время в странах Востока благодаря употреблению в

пищу морских водорослей заболевания зобом почти не наблюдаются, и виной тому – частое употребление в пищу морепродуктов, в том числе – капусты.

Японцы, кухню которых невозможно представить без морепродуктов, не только в обилии употребляют в пищу ламинарию, но и давным-давно выращивают её на подводных фермах у своих берегов. Урожай можно собирать круглый год. Кстати, из всех видов морской капусты, идущей на изготовление салатов, наиболее вкусной остаётся именно японская ламинария. Пластина у неё мясистая, довольно широкая, с тонкими волнистыми краями, посередине пластины тянется утолщённая полоса, ограниченная с боков продольными бороздками. Такая структура капусты обеспечивает ей великолепные вкусовые качества и сочность.

Обычный рацион японцев включает много блюд, приготовленных из капусты, например, суп – его называют «даси конбу», гарнир – «конбу маки», блюдо из водорослей – «нории цукудани», которое готовят с сахаром и соевым соусом, морской латук и «оборо конбу» - порошок из водорослей для быстрого приготовления супов. Те же жители японских островов, что лишены возможности пользоваться продукцией подводных ферм, а добывать капусту не в силах, поскольку произрастает она часто на глубине более десяти метров, просто собирают её, выброшенную на берег.

Морскую капусту можно с успехом использовать во множестве блюд, она очень питательна и полезна. Причём, очень проста в приготовлении и прекрасно сохраняет свои свойства в замороженном виде. Приведу здесь, для примера, лишь два рецепта приготовления салатов, основу которых составляет именно ламинария.

В первом случае капусту нужно промыть, и пусть она потом покипит в воде минут тридцать-сорок. После этого – порезать, как лапшу, затем наперчить, посолить, залить уксусом, чтобы она постояла ночку. Уксус нейтрализуется в капусте присутствием йода. На следующий день в салат крошатся яйца, лук, заливается всё это подсолнечным маслом – и вас за уши не оттянешь от такого кушанья.

В другом салате капусту можно и не отваривать, всё зависит от вкуса, и если вам по нраву капуста сочная, приятно похрустывающая на зубах, её можно пошинковать прямо свежую, только, желательно, тонко. На небольшую мисочку капусты обычно добавляется баночка горбуши в собственном соку, из расчёта два к одному. Рыбные консервы придадут сырой капусте недостающую мягкость. Потом неплохо будет нарезать туда моркови и лука, опять же – кому как угодно: в сыром виде либо - в варёном. И непременно включить в состав блюда пропаренного над кипятком кальмара или осьминога, покрошенного мелкими рубчиками. Всю эту смесь, в конце концов, рекомендуется сдобрить сметаной, не помешает и майонез, а затем – тщательно перемешать. У вас получилась чудесная холодная закуска – лёгкая, аппетитная и очень пикантная!

На Сахалине ламинарию добывали ещё в старину с помощью обычных деревенских вил, прикреплённых к деревянным ручкам, или длинных палок с металлическими крюками на конце. Работали обычно на небольших судёнышках – дорках, по двое-трое человек на каждом, и, как правило, на мелководье, по отливу, когда большая часть зарослей морской капусты оголяется, притягивающее поблескивая толстыми боками на солнце. Капусту подцепляли ближе к основанию куста, проворачивали древко несколько раз, пытаясь зацепить как можно больше листов, и тянули что было сил. Нелёгкая эта работа – в ручную отрывать от грунта многометровые тяжёлые слоёвища ламинарии!

Ризоиды – корневища морской капусты, крепко-накрепко прирастают к камням, не так-то просто вызволить её на поверхность. Дорки, постепенно заполняясь сочными тяжёлыми листами, сильно оседают, так что порой не сдвинуть их с места, и приходится отчаянно работать шестами, всеми способами раскачивая судёнышки, чаще всего – спускаясь в холодную воду. Наполнив дорки с верхом, капусту переправляли на берег, где её развешивали для сушки на специально расставленных неподалёку от моря вешалах или раскидывали на крыше дощатого сарая. Учитывая, что побережье острова в весеннее и летнее время изобиловало туманами и обильной влагой, сушка капусты тоже оказывалась делом нелёгким.

Обильно разрастающаяся почти вдоль всего побережья Сахалина, ламинария образует на поверхности воды плотный, тёмно-коричневый покров. От постоянно набегающей волны он колышется, переливается в лучах солнца; во время же отлива и прилива лоснится своей тяжеловесностью, простирающейся, кажется, бесконечно. Идёшь на боте вдоль берега, и только видишь нескончаемые поля вздымающейся из-под воды морской капусты. Будто какое-то подводное чудовище показывает свой огромный бок, волнуется и вот-вот исчезнет опять под водой, но не торопится этого делать.

Водоросли бесшумно вытягивают свои буро-коричневые руки, будто пытаясь схватить кого-то и удержать. Порой возникает ощущение, что они охотятся за пугливыми стайками рыб или корявыми крабиками, воинственно растопыривающими клешни навстречу любой угрозе. Но, приглядевшись получше, создаётся впечатление, будто водоросли играют… Те же, что держатся в глубоких расщелинах, кажется, страдают от безысходности своего одиночества и всё норовят взметнуться к самой поверхности.

После сильного шторма, особенно – ближе к осени, на плотном, укатанном набегающими волнами песке образуется громадный вал из ламинарии вперемешку с кусочками ульвы и фукуса, которые в отличие от прочных листов морской капусты тонки и рвутся при малейшем волнении. Выброшенная морем, капуста всегда издаёт приторно-сладковатый запах, к которому можно постепенно привыкнуть, поскольку он не такой уж противный. Для моря этот запах обычен, с той лишь разницей, что в тропиках водоросли менее цельные и за счёт жары быстро перегнивают, что,

несомненно, муторно для восприятия; северное же море будто бережёт их, они почти не разлагаются и лишь создают свой, непередаваемый аромат, вдыхать который иногда становится даже приятно.

Не раз мне приходилось наблюдать, как трудолюбивая чета пожилых корейцев тотчас, по завершению шторма, устремлялась с тележкой на берег. Тщательно отбирая сочные листы капусты, корейцы терпеливо перетаскивали её домой, пока она не заканчивалась, затем тщательно промывали их и развешивали сушиться. По всему берегу разносился дурманящий запах свежей ламинарии, кружил голову и будил вольные думы.

С некоторых пор морскую капусту на Сахалине стали добывать с использованием труда лёгководолазов. Вернее, когда мы организовали по её добыче первую на острове бригаду. Способ этот оказался, конечно, намного эффективней вышеописанного, но добывая морскую капусту с помощью акваланга, можно легко запутаться в её зарослях, плотным ковром покрывающих подводные скалы. Водоросли, как уже говорилось, намертво прирастают своими ризоидами к скалам, и оторвать их почти невозможно. Чем больше вы будете совершать усилия, пытаясь вырваться из их цепких объятий, тем больше будете запутываться, наматывая вьющиеся слоёвища на руки, ласты и части акваланга, рискуя перетянуть или повредить дыхательные шланги. Можно при этом сорвать маску и вообще потерять её в колышущихся зарослях травы.

В окружении густых водорослей обычно сразу пробуждается воображение, и тогда длинные слоёвища, загадочно переплетаясь между собой, будто оживают, заманивая в неизведанную бездну. Самое разумное, к чему следует прибегнуть в подобной ситуации, это замереть, не совершая каких-либо движений, и постараться успокоиться, а восстановив дыхание с сердцебиением, не спеша, допуская лишь плавные гребки, попытаться выбраться из капусты. Порой же пребывание в лесу водорослей даже внушает чувство защищённости от того же необъяснимого и грозного моря. Словно эти водоросли растут сами по себе, и внушают своим присутствием какое-то подсознательное ощущение покоя. Густые заросли, кажется, оберегают тебя, укрощая самые яростные штормовые волны, и вроде как обласкивают всего, стремясь, чтобы ты чувствовал себя здесь, под водой, уютно, как дома.

В конце мая, когда вода успевает достаточно проясниться, в море выходят несколько десятитонных кунгасов, сопровождаемые небольшими катерами. Добыча производится неподалёку от берега, как правило, вдоль подводных каменистых гряд, на которых в обилии и произрастает капуста. Выбрав удобное место и отбуксировав кунгас с ловцами к самой гряде, катер покидает его и уходит мористее, где и становится на якорь. При этом все кунгасы непременно должны быть снабжены вёслами, баграми и якорями-кошками, с помощью которых экипажу следует занимать наиболее благоприятную позицию для промысла.

Каждый кунгас обслуживают, обычно, четыре человека. Пока двое готовятся к спуску под воду, двое других обеспечивают удобную постановку судна на якорях, с расчётом, чтобы ветер и отлив не сносили его. Сам кунгас разделён переборками из обыкновенных досок на три одинаковых отсека, проходящих вровень с поверхностью фальшборта. Отсеки изнутри выстилаются надёжно связанными строп-сетками, в которые и укладывается добытая под водой капуста. Происходит это достаточно оригинально и просто.

Когда двое ловцов, опустившись под воду, подыскивают для себя наиболее богатые «грядки», двое оставшихся на борту приводят в порядок тридцатиметровые концы с легко расстёгивающимися карабинами, с помощью которых в дальнейшем и вытягивается из-под воды капуста. Подготовленный конец, для положительной плавучести имеющий посередине пенопластовый буй, бросается находящемуся под водой ловцу, тот, в свою очередь, оборачивает им капустный куст и, дав сигнал работающему с ним в паре наверху товарищу – чуть поднабить, подрезает его обыкновенным серпом. Затем весь этот пахучий и сочно похрустывающий пук, переливающийся мириадами капелек морской воды, целиком вытягивается на борт, и процедура в точности повторяется.

Конечно, при кажущейся простоте описываемого предмета любому читателю легко впасть в заблуждение, посчитав при этом не заслуживающей внимания такую работу, но только не тем, кто хотя бы однажды столкнулся с ней, с морем и людьми, которые в нём работают. Тем, кто в полной мере на себе испытал ядовитую липкость прибрежных туманов, от которых насквозь сыреет одежда, дикую ломоту в не сгибающихся поутру суставах опухших рук, нескончаемую морскую болтанку, а хуже всего – монотонно ударяющие в спину накаты волн, размётывающие с трудом собранные пуки и валящие с ног. И ещё невозможность встать на прежнее место, когда вырывает крепёжные кошки, и адский труд, затрачиваемый только на то, чтобы удержать уносимое судно, и кровавые мозоли, и онемевшее от холода тело под водой, и свербящая голову единственная мысль, что надо бы бросить всё это к чёрту…

Но ты никогда ничего не бросаешь, и продолжаешь без конца тянуть зацепившийся в глубине якорь так, что, кажется, вот-вот лопнут жилы. Режешь окоченелыми руками капусту, каждый день неизменно встаёшь в шесть утра, а ложишься в двенадцать. И всё это ты делаешь только потому, что рядом находятся люди, которых ты не можешь подвести, и которые никогда не подведут тебя, а главное, что ты не в состоянии предать в себе способность быть там, где тебе и надлежит быть.

Так каждую весну, неизменно, встречались у моря несколько человек на добыче морской капусты и морских ежей. Все мы к тому времени крепко сдружились, успели не раз поссориться и в тоже время увидеть то, что раньше друг в друге не замечали, сумели разобраться во многих вещах и не упустить в отношениях между собой что-то немаловажное, обрели, в конце

концов, себя… Но всё это было ещё в несуществующем будущем, после того незабываемого и неповторимого времени, когда нас впервые собрала и сплотила вокруг себя подводная работа.

С тихой, щемящей грустью вспоминаю я это время. Его уже никогда не повторить, а нам не стать такими молодыми, весёлыми и неустрашимыми. Мы только начинали открывать для себя мир, и он не казался нам безжалостным. Скорее, наоборот: он дарил удивительную, не прекращающуюся новизну, при восприятии которой всё остальное отходило на задний план. Её было так много, что мы просто не успевали всё усваивать.

Новизна вливалась в нас всепоглощающим солнечным потоком. Незамутнённые молодые души впитывали всё без разбору, и горести бесследно оседали в них вместе с удивительными открытиями. Несмотря на нелёгкий труд, холодную воду и ветер, сердца наши бились горячо и неутомимо. В такие моменты мне казалось, что я начинаю понимать нечто самое важное, связанное и с морем и с людьми, которые находились рядом.

В это понимание входило многое из того, что нам всем довелось пережить вместе: и тёплые тихие вечера, когда солнце, словно не желая уходить, нежилось, переливаясь недоступным алым светом у горизонта, и еле уловимый шорох убегающей волны в отлив, и резкий запах громоздящихся водорослей на отмелях, и гулкий стук весла, издали донёсшийся и вдруг растаявший над водой… Сюда входили чистый блеск звёзд, повисших над морем, ощущение полноты проживаемой тогда жизни, прелесть невозможности до конца высказаться из-за отсутствия опыта и молчаливое понимание этого состояния твоими друзьями, которому сопутствует оттенок истинного восторга, уважения и любви, когда тебе немного за двадцать, а ты уже решился на многое в своей жизни.

Мне уже тогда думалось, что каждый из нас в глубине души всё-таки благословил день и случай, когда мы собрались все вместе у моря и, не давая обещаний друг другу, решили не расставаться, пока не почувствуем быстротечность дней. Когда живёшь полной жизнью, к тебе не приходит мысль, что каждый день надо жить как последний. Всё происходит более естественно, чем того требует известное выражение, и ты не испытываешь ничего, кроме глубокого удовлетворения и радости.

Каждый день я парил над самым дном, снова и снова вглядываясь в необычный подводный пейзаж, словно не веря в то, что я нахожусь здесь, на берегу Японского моря. Возбуждение моё, сильно обостряющееся при спуске, быстро проходило. Вскоре я уже не испытывал такого могучего прилива чувств, что испытывал при первых погружениях, и становился подозрительного уравновешенным… Я был совсем спокоен, спокойнее, чем когда находился в самой безобидной обстановке на суше.

Потом я часто размышлял об этом, не в силах ответить на вопрос: почему бурные переживания наверху, в окружении своих

единомышленников, за считанные минуты сводились на нет, когда ты оказывался на глубине, а потом они уступали место состоянию, схожему с чудесным падением в бездну, как это бывает в безмятежных снах? Словно организм сам открывал под водой свои дополнительные ресурсы, которые я был ещё не в силах постигнуть разумом, настраивая тебя на умиротворённый созидательный лад.

Чего я ожидал от этих погружений, и возникала ли у меня потребность в подводном одиночестве? Поначалу мне действительно недоставало некоторой новизны, переживая при этом необъяснимое противоречие между реальностью, своими природными инстинктами и мечтой. Но желание слиться в единое целое с водной средой, поскольку это почему-то представлялось необычайно важным, перебарывало всё остальное.

Непреодолимое влечение к воде, заложенное во мне, по всей вероятности, самой природой – этим могучим распределителем энергии и знаний, поначалу выглядело как что-то стихийное, неуправляемое. К тому же, размеры моря, его таинственная глубина только подчёркивали человеческую уязвимость и ограниченность. Но никому из нас, в том числе и мне, не приходило в голову искать пути обратно: все наши чувства были нацелены на погружения. Ведь именно в них было заключено существо этих устремлений.

Иногда казалось, будто я наблюдаю картину сотворения мира. Я был среди моря и словно видел его со стороны. Оно было, пожалуй, таким же первозданным, как сотни миллионов лет назад, когда из него вышла первая жизнь. Ничего другого мне в голову просто не приходило. Лишь на мгновение порой я ощущал, как невидимая тёплая волна проходит сквозь моё невесомое тело, унося в какие-то неизведанные времена…

С отрешённым от земли подводным шумом воздух размеренно поступал из баллонов акваланга, загубник неумолимо впивался в онемелые дёсны, холодный придонный слой воды уже становился привычным для тела. Вместе с неуловимым покоем в сознание исподволь закрадывалось понимание, что всё окружающее реально. Чтобы убедиться в этом, я слегка касался глянцевитой выпуклости водорослей, шероховато насторожившегося бока морской звезды или убаюканной мягкости песчаного дна.

Через неопреновую перчатку все подводные реликвии ощущались с трепетом, вполне живыми. Тело же становилось ловким, послушным и, в противоположность возникающим из глубины диковинам, как будто существующим в волшебном сне. Каждый участок дна не был похож на предыдущий, и непременно дарил что-то своё, необыкновенное… Необыкновенным в этом чудесном мире, в конце концов, казался себе ты сам.

Ещё ты всё время не перестаёшь ощущать под водой затаившуюся вокруг голубую тишину… Но на поверхности эта необыкновенная тишина неожиданно оборачивается смыкающейся над лагуной зеленью сопок и опьяняющим воздухом, отчего утраченная на время подводная чистота

вновь манит к себе, несмотря на усталость. И ты с нетерпением ждёшь очередного погружения под воду, чтобы на этот раз обязательно уловить ускользающую тайну наслаждения этой безотчётной невесомостью. А при погружении опять забываешься охватившей тебя тишиной, живёшь только ей одной и приходишь в себя уже на поверхности: уверенный в своих силах, проницательный и умиротворённый.

Но иногда тишина под водой перетекает в неясную, но непередаваемо чудесную музыку… Её даже не сразу распознаешь, а начинаешь замечать только после длительного нахождения в водной среде, когда достаточно проникся ею, наполнился до краёв, но не пресытился. Ты вдруг перестаёшь замечать своё напряжение от подводного труда, и будто перерождаешься в какого-то другого человека, не похожего на прежнего тебя, и всё благодаря … музыке, льющейся под водой… Что же она из себя представляет?

Пожалуй, верным будет утверждение людей, посвятивших морю не один год, а порой – всю жизнь, что тишина в море – вещь невозможная. Богатейший мир звуков окружает человека, когда он погружается на глубину. Океан устроен так, что оркестр его ни на минуту не умолкает…

Пощёлкивания неразличимых ракообразных, скрежет крошечных чилимов и креветок, хрюканье и гуденье множества рыб, странное подвывание и трескотня дельфинов, постанывающие голоса морских птиц над волнами, пыхтение китов и морских львов, взвизгивания котиков, урчание каланов, - всех звуков и не перечесть. А шуршание гальки, вечно движущейся воды и свист ветра? Множество самых невероятных звуков постоянно доносится до тебя, когда оказываешься под водой, и ты не только слышишь эту музыку, а и воспринимаешь её всем своим телом: даже находясь в неопреновом костюме, кожа твоя постоянно ощущает малейшие звуковые колебания, которые распространяются в воде.

Каждый океанолог знает, что звук в морской воде за одну секунду проходит полтора километра, и по разнице времени между посланным сигналом и возвратившимся эхом он легко может определить расстояние до предмета, отразившего звук. Моряки и океанологи, таким образом, определяют расстояние от корабля до корабля и от корабля до поверхности дна. За один час звук проходит 5400 километров. Однако скорость его не везде одинакова. Там, где температура, солёность и плотность воды больше, она возрастает. Повышение температуры на один градус увеличивает скорость звука примерно на три-четыре метра, а увеличение солёности на одну промилле – на один метр в секунду. Увеличение давления на одну атмосферу влечёт повышение скорости звука на восемнадцать сантиметров в секунду. У океанологов есть специальные таблицы, где указано, какая скорость звука соответствует определённым температуре и солёности в разных морях.

Подводный мир – это не мир молчания. Каждый подводник, тем более тот, кто часами просиживает у гидрофона, хорошо знает, что косяки угрей издают звуки, напоминающие бурление кипящей воды, а стада креветок –

отрывистые хлопки, наподобие выстрелов. Киты издают звук, похожий на скрип ржавых петель тяжёлой дубовой двери… Некоторые обитатели водных пространств «играют на скрипке», тогда как другие визжат, мурлыкают, издают звуки флейты, пищат, барабанят и мычат. Учёные установили, что столь своеобразные звуки издаются зубами, чешуёй, плавательным пузырём и всем, чем только возможно для подводных обитателей. Поскольку звук в воде распространяется с большей скоростью, чем в воздухе, и так как в океане значительно больше представителей мира животных, чем на суше, море полно самых невообразимых звуков…

Исследователь моря Ганс Хасс попробовал однажды воздействовать на его обитателей, воспроизводя в море с помощью специального подводного громкоговорителя всевозможные необычные шумы: коровьи колокольчики, револьверные выстрелы, детский крик и тому подобное. Но все они не производили на рыб никакого впечатления, пока Хасс не использовал звуки вальса Иоганна Штрауса. По его воспоминаниям вода возле него мгновенно потемнела, и он стал свидетелем поразительного явления: несколько сотен больших серебристых звёздчатых ставрид подплыли сплошной массой и начали кружить вокруг громкоговорителя. Они держались на расстоянии каких-нибудь трёх метров и двигались, словно в большом хороводе. Звуки венского вальса очаровали рыб, в лучшем случае, они привлекли животных, и впечатление складывалось такое, будто рыбы услышали нечто родное.

Впрочем, море и само как будто издаёт музыку, заполняющую собой всё вокруг. Эту музыку не всегда угадаешь, порой кажется, что она вообще пропадает, но чаще всего ненавязчиво льётся над водой, проникает в тебя отовсюду, даже через переборки судна, если ты находишься в каюте, и удивительным образом умиротворяет. Музыка ласково заполняет всё море, и тона её улавливаются совершенно чисто, без помех.

Под водой музыка тоже течёт чисто, никак не искажаясь, и морские обитатели, по-видимому, не обращают никакого внимания на эти звуки или просто живут в гармонии с мелодичной средой. Они давно подчинены морскому ритму, который невероятно музыкален, и потому движения их напоминают танец. Иногда мне удавалось его наблюдать…

Конечно, ты не сразу начинаешь понимать значение всех этих морских звуков, и многие из них вообще навсегда остаются для тебя загадкой, за исключением тех, с которыми ты связан по работе. Может быть, какие-то из этих звуков послужили для тебя однажды источником опасности или даже пищи, с помощью отдельных – ты определял расстояние до животных, плавающего средства, либо просто до обычного бревна… Но все они, так или иначе, повторялись, и ты их запомнил и стал отличать от других, принимая уже как знакомые. А часто я ловил себя на мысли, что некоторые звуки смутно известны мне с самого рождения… Как будто их издавали твои ближайшие родственники и ты безошибочно угадывал эту давным-давно звучащую в тебе музыку, кажется, доносящуюся из космоса.

И всё же, несмотря на обилие самых разнообразных звуков, море называют «безмолвным». Правда, подобные выражения подбирают ему люди, на деле достаточно от него далёкие, и уж никак не мореплаватели или рыбаки. Последним, как никому другому, доподлинно известно, что под поверхностным слоем океана царит сущая какофония звуков…

Малайцы, прежде чем забросить свои сети, опускали голову в воду, прислушиваясь к рыбьим сигналам. Жители островов Тихого океана и побережья Западной Африки испокон веков слушают море, прижав ухо к ручке весла. Звуки моря – завывание ветра над бескрайней водной поверхностью, плеск волн о борт судна, отдалённый гул надвигающегося шторма всегда неминуемо отражались в самобытных песнях и ритмах тех, кто надолго покидал сушу.

Морские песни отличаются от других песен тем, что возникли в целях облегчения работы, как упорядочивающая и стимулирующая сила в коллективном труде. К примеру, рабы-гребцы на древних галерах могли двигать их вперёд - только непрерывно напрягая свои мышцы в едином ритме, а для этого необходимо было подавать тактовые сигналы. Ещё первые европейские мореплаватели, побывавшие в Южных морях, сообщали, что пение островитян – это сочетание звуков ударных инструментов, диких выкриков и движений, напоминающих греблю, вычерпывание воды и постановку мачты.

Можно совершенно точно утверждать, что пение создал труд, в большей мере – морской, а многие музыкальные инструменты были первоначально ударными и духовыми, предназначенными для подачи рабочих тактов, команд и сигналов: от барабанов и гонгов до дудок, флейт, рожков и больших морских раковин, будто специально самой природой созданных для выдувания музыкальных звуков. Мелодия и текст, конечно, играли не малое значение, но главное – ритм! Ведь и сам человек от природы подчинён ритмике и периодичности – взять хотя бы стук сердца, этих наших внутренних часов! Только ритм способен был совершить чудо и заставить группу людей, занятых коллективным тяжёлым морским трудом, работать в такт, загореться общим воодушевлением и объединить свои усилия в единую мощную энергию, а помогало в этом человеку море, его звуки.

Было время, когда на кораблях не говорили, а скорее как бы пели. «Земля на горизонте!» - выпевал стоящий на клотике вперёдсмотрящий матрос. Очередную вахту поднимали не как-нибудь, а со специальной, для этого ритуала предназначенной песней, и процедура эта так и называлась – «распевом»: «Во славу Господню, семь миновало, минует и восемь. Аминь!» На менее музыкальных судах о каком-либо знаменательном событии оповещалось просто свистом боцманской дудки или ударами в судовой колокол-рынду.

Ну, а самый главный звук моря, наверное, его рокот, тот шум, который оно издаёт подобно ветру. Слушайте, слушайте музыку морских сфер! Вечно прекрасная мелодия звучит в ритме катящихся волн, из-за горизонта, словно

по волшебству, показывается оранжевый рассвет, нежным отсветом загораются облака, и сердце ваше трепещет и переворачивается как морская птица…

Моря, как и ветра, можно и не видеть, но можно вслушиваться в его рокочущую, никогда не затихающую жизнь, угадывать перекатываемые им мысли и желания, думать о нём, и у него же учиться. Для тех, кто любит море, слушать его звуки – счастье!

С детства меня манила вода. Постепенно рождающееся желание – стать подводным пловцом, укрепилось не сразу, но когда оно завоевало сознание полностью, я уже не мог противиться ему, вернее, предпочесть другому.

Вода открыла мне моё прошлое, подсказала прелесть молодости, пробудила зов и дух предков. Я почувствовал себя неотделимым от неё. Вода отдавалась в душе девственным отношением к жизни. Бесшумно подкатываясь к сердцу, волны её ненавязчиво тревожили его, наполняя сладкой и необъяснимой болью. И хотя через несколько лет я понял, что по-настоящему меня занимает только земля и люди, я не переставал болеть бескрайним синим пространством, таящим в своих глубинах, казалось, непревзойдённые возможности.

Ни от какого другого труда я так не уставал и не получал столько удовлетворения, как от этого. Я любил действие, когда имеешь возможность тут же наблюдать за его результатами, с хорошим здоровым напряжением, стоящим мужчин, смелым азартом, расчётливым и чуть безголовым мальчишеским риском, и труд под водой был именно таким. Здесь не могло быть предательства, и ты не ждал удара из-за спины – хитроватого, пакостливого, безжалостного. Здесь собирались люди, на которых можно было всегда положиться. В жизни они отнюдь не были святыми, но в море их присутствие было незаменимо.

Происходило всё это в такой чистоте воды и красок, выпестованных солнцем, что сердце не могло не ликовать от ощущения переживаемой полноты, но состояние это было не вечным, и приходилось с ним расставаться, порой надолго. И ты ожидал со скрытым нетерпением того дня, когда, поднявшись из-под воды, можно будет усталым и счастливым взглядом посмотреть на синие сопки, утопающие в белёсой жаркой дымке вдалеке, и со смаком, молча, выкурить папиросу, забыв при этом, что давно бросил курить.

А начиналось всё с пронизывающего весеннего ветра, который долго сушил бока кунгасов, прежде чем мы начинали конопатить и смолить их. Выцветшими скелетами неведомых морских животных лежали они на берегу, не надеясь уже выйти в море. Мы дарили им вторую жизнь, а поскольку попадались нам по большей части старенькие судёнышки, то получали они, быть может, и третью, и десятую жизнь. Нам же доставляло

удовольствие работать с ними, не замечая, как приходит вечер. Такая работа, когда нет спешки, всегда очень приятна.

Настырный южняк всегда нёс с собой неведомые тревожащие запахи, совсем неземные, и душа неминуемо начинала томиться морем. Когда к ним примешивался запах отлива, обсыхающего морского дна, она и вовсе теряла то спокойное и мудрое состояние, что рождает жизнь у моря в самых отдалённых краях.

Потом, после нескольких выходов в море, мы забудем, как с утра до вечера работали на суше, как болели по ночам сбитые киянками руки и горели обветренные лица. Проплывая ежедневно мимо покатых зелёных берегов, песчаных береговых обрывов, минуя торчащие из воды нерпичьи головы, с любопытством встречающие и провожающие стук мотора, мы будем наслаждаться увиденными картинами, начисто забыв при этом, как неустанно и надёжно трудятся не замечаемые теперь нами кунгасы. Напрягая под тяжестью груза и волн свои крутые бока, обдирая о каменистые мели и без того израненные днища, эти незаменимые судёнышки безответно помогут нам успокоить свои смятения, наполнив свежим воздухом душу и сердце.

Правда, что случалось очень редко, каждый из нас обнаруживал для себя существование кунгаса с очень неожиданной стороны – из-под воды. Обычно ныряльщик, с удивлённой отрешённостью находясь на дне, не поднимает голову и очень редко смотрит вверх. Только натолкнувшись на замершую под водой тень от широкого судового днища, ты замечаешь нависшую над головой громаду, и приятное ощущение от лёгкости проникновения в недоступную для многих среду тотчас охватывает тебя. Веселит то, что эта неощутимая тяжесть никогда не накроет тебя, а в переживаемое состояние свободы вливается ещё и твоё исполненное желание – возможность парить без конца и без края в своей лучезарной мечте…

Это было, пожалуй, одно из главных достоинств, которые дарил нам подводный мир. Свобода, какой бы независимой, относительно чего-либо, она не представлялась, продолжалась и жила во всех мелочах, составляющих тогда наше существование. Мелочей было много, но не все из них замечались… Например, роскошно распускающиеся, крупные цветы шиповника, в достатке окружающего наш дом у самой воды, казались никому не нужными, но безотчётно притягивали, когда ласкающий тёплый морской ветерок разносил по воздуху нежный аромат дикой розы…

Прямо перед домом плещет и блистает на солнце синее море, а чуть отступя от него, тянется по песчаным буграм широкая лента цветущего большими карминовыми бутонами шиповника. Это – морщинистый шиповник с морщинистыми листьями, который украшает дюны морских берегов Сахалина и Курил. Его цветы гораздо крупнее, чем у шиповника центральной полосы европейской части России, а окраска темнее и ярче.

Из-за морского песка, который быстро продвигается вглубь суши, гибнут трава, кусты и деревья, прямо на глазах чахнут, вроде бы, выносливые

лиственницы, и только шиповник не боится этого песчаного нашествия, даже предпочитая песок другим почвам. Он смело селится прямо на песчаных дюнах, цепко внедряется в них своими корнями и будто стремится удержать песок от перемещения, останавливая и предохраняя от него берег, даже когда его пытается развеять ветер. Как это мудро для соседства с морем, и в тоже время необычно, красиво!

Причём, цветёт шиповник всегда обильно и, разросшийся по берегу моря, напоминает роскошные садовые клумбы: на Сахалине и Курилах они воспринимаются, как нечто неправдоподобное, но именно эта сбивающая с толку диковинка создаёт суть удивительного края. Местами шиповник образует сплошные цветочные массивы, простирающиеся на несколько километров. Плоды шиповника тоже необычны, как необычно на Сахалине и Курилах каждое растение или их сообщество: местные жители называют их сахалинскими и курильскими яблоками…

Они достигают в диаметре целых пяти сантиметров! Мякоть плодов мясистая, ароматная и нежная, а запах – необыкновенно дурманящий. Высушенный на печном жару шиповник не теряет витамины, и вместе с лимонником и диким виноградом даёт целый набор для ароматного и живительного сахалинского компота.

Густые июльские туманы, чуть ли ни ежедневно наползающие на берег, не в силах были прибить цветы, а только оставляли на матовых лепестках шиповника обильную влагу. Под кустами, в траве, валялись добытые накануне, растворённые раковины. Возле самого дома, на деревянных вешалах, сушились волнообразные листы морской капусты. Капуста с резким йодистым запахом, цветы шиповника и останки мягкотелых морских моллюсков источали приторно цепкий морской дух и по утрам приятно кружили голову, так что иногда начинало чуть-чуть подташнивать.

Никто из нас не придавал подобным ощущениям какого-либо значения, однако это неимоверно приятным образом сказывалось во время работы под водой, или когда мы только начинали готовиться к спускам. Сам настрой всей добычи морской капусты или ежа, размеренная обстановка подготовки к ней, способствовал этому.

Ранние пробуждения полезны для человека любого возраста. Самые благотворные, они удлиняют жизнь, поддерживают и развивают в человеке силы, сбивают всё ненужное, мешающее истинному восприятию. Утром твоё сердце широко распахнуто устремляющейся тебе навстречу необъятной энергии моря…

Ещё до конца не проснувшись, мы все уже были озадачены заботами родившегося дня, вынуждены были собирать свои просохшие за ночь неопреновые костюмы, ласты, маски, трубки, свинцовые пояса. Хорошо, если ты не поленился и с вечера залатал прохудившиеся от подводной работы перчатки, урегулировал грузовой пояс, запасся пусть не совсем свежим, но сухим бельём. Свой главный подводный инструмент – акваланг, от которого

зависело не только выполнение суточного задания, но и твоя жизнь, ты должен был осмотреть и привести в необходимый рабочий режим ещё накануне.

Дурманящий запах цветов шиповника и моря кружил нам головы, когда мы перетаскивали акваланги по прогибающемуся пирсу. Каждый брал по два аппарата и, размеренно вдыхая густой морской воздух, осторожно ступал с ними по постанывающим доскам, непроизвольно прокручивая в своём воображении подводные картинки, уже виденные когда-то, но перепутавшиеся между собой.

Душа в предвкушении подводного, окончательно взбадривающего после сна холода съёживалась, сердце замирало в приятной истоме от ожидания того, что могло произойти под водой… Любое мало-мальски значительное действие было преисполнено только предстоящими погружениями. Всё сопутствовало им, даже исходящая от людей лёгкая раздражительность, приподнятость настроения.

Гремят по пирсу болотные сапоги, слышатся всё более раскрепощённые шутки, первые солнечные лучи ласкают наши лица и руки. Бывает, утро выдастся пасмурным, туманным, и тогда приглушённые голоса разносятся над водой далеко, а затем теряются неведомо где. Так и человек легко может исчезнуть, когда бесцветные волны смыкаются над его головой, но это только видимое впечатление, не отвечающее его неустрашимой сути. Туман, холод и серые волны не в силах противостоять нацеленному устремлению, и когда долгожданное дно вновь возникает перед маской, ты мягко отталкиваешься от него руками, радостно переворачиваешься и паришь: это - твоя стихия!

Здесь, под водой, когда прохладная тишина поглощает всё вокруг, иной раз начинает вдруг казаться, будто мир исчез, и тут же хочется подняться на поверхность, чтобы удостовериться в обратном. Под водой как будто остаёшься с кем-то невидимым с глазу на глаз. Надо преодолеть это почти физически ощущаемое присутствие, избавиться от многочисленных оттенков мистического восторга и преклонения, не благословить предоставленную тебе возможность столкновения с этим подводным н е ч т о, и в тоже время - не пугаться его напрасно.

Уже не помню, с каких пор я начал понимать эту подводную тишину… Скорее даже – какое-то мистическое наслаждение от проникновения в неизведанное. Вероятнее всего, когда практика в моей работе дошла до автоматизма, и когда я стал опускаться без внутреннего содрогания, а только с приятным волнением от совершаемого. Свободное парение под водой раскрепощяет дух и тело, и только тогда ты способен увидеть и почувствовать то, что раньше было сокрыто: возможность осознанного проявления своей воли.

Свобода… Кто только, и как не пытался её выразить, убеждая себя, что именно он-то и разгадал её суть, дознался, наконец, исконной истины. Пройдёт ещё немало времени, прежде я открою для себя, что свобода –

благостное и, в общем-то, достаточно простое состояние, когда ты лишён в своей жизни какого-либо недовольства. Тебя всё устраивает, ты, действительно, свободен.

Как этого добиться? Вы от всей души желаете каждому человеку обрести себя, и искренне радуетесь, если кто-то этого достигает. Длительное, очень честное общение с морем помогло мне однажды раскрыть этот секрет, и я ему безмерно благодарен.

Какая-то необъяснимая жадность к морским богатствам охватывала всех нас. Порой она была так остра, что мы собирали под водой всё, что могло привлечь собой наше избалованное внимание. В любом кусочке коралла, обыкновенной, ничем вроде бы непримечательной раковине или морской звезде виделось главное, та самая тайна, без открытия которой, казалось, тебе никак не обойтись. В каждой удивительной мелочи, однажды увиденной под водой, хотелось захватить с собой частицу этого очаровывающего мира, ибо никакие воспоминания в дальнейшем не смогли бы выразить её лучше, чем сам красавец-краб, морская звезда или раковина с перламутровой гладкой внутренностью, в известняковых наростах, шероховатая и колкая под рукой, даже если она с годами порядком иссохла и утеряла свой цвет…

Чудо природы, однажды её создавшее, до сих пор теплится в ней неуловимым присутствием, наполняет внутренним светом, непрекращающейся музыкой гудящих волн. Веками накапливаемая в моллюске сила ещё бесконечно долго будет поддерживать в раковине невидимую жизнь, которую бережно ощущаешь, когда держишь её в руках. И, конечно, как-то само собой захочется поднести раковину к уху, осторожно приложить её и послушать… Раковина непременно отзовётся на твоё внимание отдалённым вселенским гулом неведомого прошлого, временем, когда на земле ещё никого не было.

Если рассмотреть под микроскопом или сильной лупой поперечный срез раковины, то можно увидеть, что она состоит из трёх слоёв. Верхний, образованный роговидным органическим веществом, называется конхиолиновым. У многих раковин он довольно легко стирается, и тогда из-под него выступает второй – так называемый «фарфоровый» слой, состоящий из сравнительно крупных кристаллов извести. Наконец, у раковин многих моллюсков имеется ещё третий – внутренний слой, образованный тончайшими известковыми пластинками. Благодаря неравномерному отражению света от пластинок - этот слой приобретает своеобразный радужный блеск, за что и получил название перламутра. Чем многочисленнее и тоньше эти пластинки, тем красивее и ярче перламутр. Но только ли красота и загадка прельщает в раковинах?

Давно известно, что наиболее древней формой воздействия человека на водные организмы является не аквакультура, и даже не рыболовство, а

собирательство. В начале палеолита собирательство было основным занятием древних людей, живших на побережье. Рыболовство же возникло позднее, когда появились первые примитивные орудия добычи.

Собирали, как правило, раковины различных моллюсков, используя в качестве скребков, ножей, сосудов для хранения жидкостей, из раковин делались украшения и предметы быта, музыкальные инструменты и детали одежды; находили они применение и в качестве … денег.

Почти плоские полупрозрачные раковины плакуны, достигающие в диаметре 15 см, издавна использовались народами Дальнего Востока для замены оконных стёкол. Жители Приморья хорошо знают крупного съедобного моллюска – гребешка. Характерный облик раковины этих моллюсков издавна использовался в разнообразных художественных и архитектурных орнаментах. Но далеко не все знают, что раковины гребешков в средневековой Европе являлись эмблемой рыцарской доблести. Возвращаясь из Палестины, рыцари-крестоносцы привозили диковинные по тем временам заморские «раковины Св. Якова» как доказательство своего участия в войнах с «неверными», а их потомки гордо носили раковины гребешков, пришитые к плащам, как знак принадлежности к роду «освободителей Гроба Господня».

Очень широкое применение имели гигантские раковины тридакн – крупнейших из двустворчатых моллюсков. Жители некоторых коралловых атоллов, не знавшие до появления европейцев не только металла, но и обыкновенного камня, выделывали из раковин тридакн, достигающих 1,5 м длины и 200 кг массы, разнообразные топоры, тёсла, рыболовные крючки; использовались раковины также в качестве сосудов и ванн. В парижском соборе Св. Сульпиция хранятся две кропильницы из раковин тридакн, подаренные королю Франциску 1 Венецианской республикой.

Нашли применение раковины и в качестве музыкальных инструментов. Придворная знать времён Екатерины 2, прогуливаясь по дорожкам Петергофа, услаждала свой слух «устрицыевыми звуками», которые, резонируя при ветре, производили заморские раковины, укреплённые на подставках. Гигантские раковины тритонов получили своё название по имени древнегреческого бога-получеловека, полурыбы. Бог этот почитался как усмиритель морской стихии; поднимаясь в бурю на поверхность, Тритон звуками раковины-трубы успокаивал волнующийся океан. И поныне жители некоторых островов применяют полуметровые раковины тритонов в качестве труб, предварительно высверлив небольшие отверстия в суженной части завитка. Такой инструмент звучит подобно горну.

Но, пожалуй, шире всего используются раковины в качестве украшений в ювелирном деле. В Японии издавна существует довольно крупный промысел «морского ушка», или – «галиотиса». В России, кстати, он в обилии встречается у берегов острова Монерон.

Галиотисы, раковины которых снабжены несколькими дыхательными отверстиями, добываются не только ради вкусного мяса, но и для получения

ценного перламутра красных или зеленоватых тонов. Искусство инкрустации перламутром вообще очень широко распространено среди жителей морских побережий, да и не только среди них. Кому не знакомы китайские и японские статуэтки, шкатулки, броши, мебель и ширмы, украшенные радужными кусочками перламутра?

В Индийском и Тихом океанах распространены трохусы с закрученной, как волчок, конусообразной раковиной, дающей прекрасный перламутр, который ранее, до наступления «века синтетики», широко использовался для изготовления пуговиц. А вот раковины благородной пинны – крупнейшего из средиземноморских двустворчатых моллюсков, достигающего тридцати сантиметров, ценны так называемым биссусом – тонкими блестящими и шелковистыми волокнами, которыми пинна прикрепляется к различным подводным предметам. Этот биссус идёт на выработку драгоценной ткани – вискона и кружев.

У многих любителей раковин имеются похожие по форме на крупные кофейные зёрна с зубчиками на внутренней стороне бороздки ципреи. Эти гладкие, как бы отполированные «раковины Венеры» - так называли ципрей в средневековой Европе, считались талисманом от бесплодия и различных болезней. Ими расшивалась одежда и украшалась сбруя лошадей, а китайские ювелиры использовали ципрей для развития чувствительности пальцев, часами поглаживая поверхность раковин.

Но далеко не все владельцы ципрей знают, что в их распоряжении находится своеобразная валюта, пожалуй, самая древняя в истории человечества. Раковины ципрей, получившие в своём «валютном» варианте название каури, стали употребляться в качестве денег ещё более 1500 лет до нашей эры – сначала в Японии и Китае, откуда они проникли в Индию, Индокитай и постепенно распространились до Северной Европы.

Однако наибольшее распространение эта валюта получила много западнее от места вылова раковин – в странах Африканского континента. Дело в том, что до появления европейцев народы Африки не имели какой-либо определённой денежной системы. Блестящие ракушки пришлись по вкусу африканцам: они были прочны, удобны в обращении, кроме того, их невозможно подделать.

Первые партии каури были завезены в Африку ещё в конце 15 века. Купцы имели огромные барыши, сбывая почти ничего не стоящие ракушки в обмен на слоновую кость, золотой песок и другие драгоценные товары.

Особенно способствовало распространению этих денег развитие работорговли. Экспорт каури приобрёл в тот период необычайный размах: в архивах Лондонской купеческой гильдии сохранилась запись о том, что в одном только 1849 году англичане ввезли в Африку более 300 тонн каури, а всего за столетие на этот материк, главным образом на Гвинейский берег, было доставлено 115000 тонн ракушек. Последствия «ракушечной лихорадки» не замедлили сказаться: произошла подлинная девальвация этой валюты. Если в 1624 году, как пишет в своей книге «Промысловое

использование моллюсков» А. В. Иванов, покупка невольника обходилась всего в 2-3 пригоршни раковин, то столетие спустя цена возросла до 80 тысяч штук, а ещё позднее для приобретения такого «товара» требовалось уже около 25 кг каури. Обнаружение у берегов Занзибара крупных скоплений местных ципрей окончательно подорвало эту валютную систему. В наши дни, обесцененные каури используются некоторыми африканскими племенами лишь как украшения для парадной одежды.

В древние времена люди собирали раковины моллюсков исключительно в практических целях, в основном – употребляя в пищу, но в наше время собиранием даров моря стали увлекаться ещё и из чисто эстетических побуждений. Мечта многих коллекционеров – стать обладателем крайне редкой разновидности раковины конуса, известной под названием «Слава морей». Поверхность её украшает сложный, как бы вытканный из крохотных треугольников узор. «Слава морей», стоимость которой достигает несколько тысяч долларов, имеют в своих собраниях лишь десятки коллекционеров. Однако самыми редкими считаются раковины белозубой ципреи. Лет тридцать назад их было известно всего два экземпляра: один хранился в Британском музее, а второй – в Гарвардском университете.

Правда, труд профессиональных сборщиков раковин, как и любителей, при всей его кажущейся простоте и некоторой романтичности, тяжёл и опасен. В тропиках тела ловцов режут острые ветви кораллов и подстерегают морские хищники. В период массового промысла моллюска трохуса, раковины которого шли на производство пуговиц и украшения, ловцы раковин были самыми частыми жертвами акул. Особенно опасно работать в тех морях, где много брюхоногих моллюсков конусов, раковины которых отличаются красотой и разнообразием узоров. Многие разновидности этих моллюсков ядовиты: особым хоботком конус может нанести человеку, неосторожно наступившему на него или взявшему моллюска в руки, крохотную ранку, в которую выпускает содержимое ядовитой железы. В памятке для сборщиков моллюсков на Новой Каледонии имеется характерное предупреждение: «Собирая конусы, помните: вы шагаете по минному полю!»

Богатые возможности для создания коллекций имеются и на нашем Дальнем Востоке. Так, только вдоль побережья Японского моря обитает не менее 250 видов брюхоногих и двустворчатых моллюсков. Много раковин их встречается в береговых выбросах и на мелководье.

Здесь можно найти пурпурные или оранжевые изнутри раковины рапаны – грозы устричных банок. Незабываемо красивы, чуть ли не со столовую тарелку, кремовые створки приморского гребешка. Чуть меньший по размерам, веерообразный гребешок Свифта сразу притягивает взор своими розовато-лиловыми и фиолетовыми переливчатыми тонами. Массивные слоистые раковины гигантской и японской устриц – словно воздушные нагромождения морской пены. Гирлянды голубых мидий – это поистине неподражаемые дары моря, которые оно великодушно оставляет у

своих берегов целыми гроздьями. Круто завитые временем, белоснежные букциниды, кажется, вот-вот разразятся трубным глубинным зовом. Изящные туринделлы, наоборот, вытянуты в тонкие трубочки-пирамидки, напоминающие головные уборы сказочных гномов. Пузатенькие, словно ларцы-кубышки мактры – скрытны и вроде как заключают в себе какую-то непредсказуемую находку, так что раковинку не сразу и откроешь, даже уже высохшую, пустую…

Всегда хочется непременно завладеть такой красотой и как можно дольше сохранять её… Но как это сделать?

Для сохранения биологических сборов применяются в основном два вида фиксаторов – разбавленный формалин и спирт. Не всех животных можно хранить в формалине: он растворяет скелетные образования, содержащие кальций, например, тонкие раковины. Точно так же и спирт не всегда пригоден, он обесцвечивает водоросли и животных, ткани в нём сильно сжимаются. Иногда, если предполагается особенно тщательное исследование собранных организмов, пользуются специальными жидкостями, содержащими сулему, пикриновую кислоту, четырёхокись осмия и другие сильные яды, которые моментально убивают ткани и сохраняют их без последующих изменений.

Чтобы материал остался в хорошем состоянии, сохранив и форму и цвет, мы придумали свой метод, который оправдывал себя полностью, и был прост и надёжен. Конечно, знание его пришло не сразу, и было испорчено множество прекрасных экземпляров морских звёзд, рыб и крабов, восстановить которые уже не представлялось возможным. Но пробуя и с огромным сожалением теряя дары моря, мы всё-таки однажды открыли единственно верный способ, а суть его в следующем…

Только что поднятые из-под воды экспонаты нужно тотчас поместить в пресную воду, ещё перед выходом в море залитую в широкие ванночки из нержавейки. Объёмными они должны быть для того, чтобы в них вместилось как можно больше морских даров, и они друг другу не мешали, то есть – не могли бы себя повредить. А широкими ванночки используются для устойчивости, когда помещаются на дне бота или кунгаса.

Пресная вода не позволяет морским организмам сжиматься, морщиниться, и быстро их усыпляет. Выдержанные таким образом не менее трёх-четырёх часов, звёзды, хитоны, асцидии и даже рыбы, не получив никаких повреждений, осторожно раскладываются и крепятся на дощечках, либо подвешиваются на нитках, после чего незамедлительно переносятся в калориферную, где обычно хранятся и сушатся подводные костюмы.

Жаркий, сухой воздух калориферной довольно быстро и равномерно высушивает все экспонаты, не нанося им никакого ущерба: образцы морской фауны не теряют своей формы, то есть – «не сдуваются», как это происходит, когда их просто оставляешь сушиться на открытом воздухе, насыщенном морской влагой. Они совершенно не блёкнут, сохраняя все, присущие им, цветовые оттенки. После нескольких дней содержания в

калориферной, красивая морская звезда остаётся точно такой, какой вы подняли её на поверхность, только сухой, почти воздушной. Причём, сохраняет и форму и цвет на долгие годы.

Дары моря, особенно раковины, необыкновенным образом притягивают к себе людей, словно обещая открытие им вековечной тайны бескрайнего водного пространства, и люди неотступно тянутся к морским богатствам, собирают их и бережно хранят. Один учитель из японского города Фукума, например, коллекционирует вообще любые предметы, выброшенные морем на берег. За 15 лет он собрал около 6000 морских «сувениров», среди которых – различные тропические плоды, сельскохозяйственные орудия, рыболовные принадлежности, бутылки, банки, детали потерпевших крушение судов и даже … купальные костюмы, словом, всё, что используют люди. Меня же интересовали только камни, раковины и морские звёзды…

Как роскошно было разнообразие подводных сокровищ, многие из которых забрать с собой просто не представлялось возможным, поскольку неповторимая прелесть их исчезала вне водного пространства. Пурпур бархатистых актиний, напоминающих небольшие древние сосуды, чудом сохранившиеся благодаря морю, на какое-то время просто очаровывал. Страшно было притронуться к их пронизанным неведомым жаром бокам. Каким образом в этой сумеречной прохладе мог сохраниться такой живой и пронзительный свет?! А белый как снег коралл, например, найденный на глубине, вплетается в морскую синеву ещё органичнее, чем белые буруны и белоснежные чайки над ними.

Сдержанно сияют в глубине амурские звёзды, отдалённо напоминая печные изразцы… Их незатейливый глазуревый рисунок изящен и в то же время прост. Звезда кажется непритязательной, мирной, вопреки своей природе, встречается очень часто, и потому подплываешь только к самым крупным. Дно сплошь усеяно нежно-сиреневыми цветками-звёздами, но глаза не устают любоваться ими: они неотъемлемая часть этого загадочного мира. Когда солнечные лучи нежно дотрагиваются их сиреневых волшебных боков – на какое-то время застываешь над ними, не в силах продолжить свой подводный полёт дальше.

Эвастерии сетчатые всегда крупны и округлы, словно надуты изнутри какой-то переполняющей их неведомой силой, но не заносчивы, покойны… Плавно возникая из окружающей синевы, они неторопливо притягивают к себе, словно убаюкивают. Почему-то не возникает желания сразу брать их в руки, а только плавно кружиться над ними, внимательно рассматривая и изредка прикасаясь. Скорее даже мысленно…

Эти звёзды – неисправимые молчуны, если можно так выразиться о морском безмолвном моллюске, но они на самом деле как-то замкнуты и тихи, и вроде бы не желают никому вреда. При подъёме на поверхность -

эвастерии сразу обмякают, проникнутые, наверное, печалью расставания с родной средой, но не расплываются в руках, а остаются упругими, гордо фиолетовыми, с набухшими от переживания кораллово-карминовыми прожилками. К ним, почему-то, в первую очередь проникаешься симпатией.

Из множества покрывающих морское дно звёзд чаще всего попадаются ромбовидные и пятиугольные патирии… Патирии располагаются целыми колониями, похожи на маленькие морские подушечки, и своим видом словно приглашают к себе на отдых. Окрашенные в густой синий цвет, с разбросанными по телу узорами из алых и оранжевых пятен, звёзды, в самом деле, действуют успокаивающе. Только почему-то при одинаковом пятилучевом строении мне ни разу не встретились две похожие друг на друга звезды: все патирии различались своей формой, а значит – и характером. Среди них можно было увидеть озорных, замкнутых в себе, беззаботных и недалёких, напыщенных и важных. В самом же названии звёзд чудились древнеримские надменные патриции, их цвета морской волны и цвета крови плащи, и ещё что-то недосягаемое и величественное.

Краб тельмессус, окрашенный в красивый золотистый цвет и покрытый короткими мохнатыми волосками, несмотря на свой обильный покров, кажется оголённым. Такое впечатление создаёт именно его телесный окрас. Но между тем тельмессус очень цепкий краб, быстро реагирующий на малейшие перемены. Стоит протянуть к этому неповоротливому на вид подводному пауку руку, как он мгновенно преображается. Словно привстав на цыпочки и ощерившись, он прытко бросается в сторону, прижимается задом к какому-нибудь камню и угрожающе раскрывает свои клешни, попеременно поводя ими перед собой. Демонстрируя, таким образом, свою неприступность, краб не допускает ни единой для себя возможности ретироваться.

Осуществляет он этот манёвр мгновенно, свободно передвигаясь и разворачиваясь на своих заострённых конечностях, как на хорошо смазанных шарнирах. Со стороны все эти перемещения схожи с беспрерывно раскручивающейся и завораживающей внимание кинолентой: вы не теряете краба из поля зрения, но он, тем не менее, остаётся недосягаем. Что-то, действительно, околдовывает в этой безрезультатной погоне. Наконец, вы оставляете краба в покое, а он ещё какое-то время продолжает свой кособокий бег в прохладных сумерках, пока не остаётся совсем один…

Если ничем не докучать морским обитателям, то благодаря невесомому нахождению под водой можно было беспрепятственно наблюдать за их жизнью. На мелководье часто попадались брюхоногие моллюски, прячущиеся в спирально закрученных раковинах разной формы. Тут же по камням ползали вечно озабоченные чем-то раки-отшельники. Когда какой-нибудь моллюск погибал, раковину его тотчас занимал рак-отшельник и, взвалив её ловко на себя, исчезал в первой попавшейся в камнях расщелине.

Большую часть жизни рак предпочитает находиться в своём домике и оставляет его только в случае замены на другой, более приглянувшийся.

Когда это происходит, рак оказывается уязвим, и потому он старается побыстрее поменять убежище. Трудно сказать, что заставляет рака менять свой домик. Порой, наблюдая за тем, как рак с трудом передвигает своё пристанище, почему-то становится жаль отшельника. Непроизвольно складывается впечатление, будто однажды провинившийся в чём-то рак был обречён на отшельничество. При этом он обрёл непоседливость, выражающуюся в частой смене своего обиталища.

Рак именно вынужден влачить существование, всеми правдами и неправдами оберегая нежную часть своего тельца. Только во имя сохранения этой ахиллесовой пяты рак наделён крепким наспинным панцирем, мощными клешнями и двумя парами цепких ног, с помощью которых он способен волочить за собой раковину, порой в два-три раза превышающую его по размерам. Раку-отшельнику в его подводной жизни приходится очень не просто.

При наблюдении во время погружений за осьминогами поражала в первую очередь их экзотическая внешность в отличие от других подводных обитателей. Рядом с маленькими серебристыми рыбками, устрицами, многочисленными морскими звёздами, любопытными нерпами – существовало и такое неповторимое, казалось бы, совсем не похожее на подводного жителя животное с множеством щупалец и очень выразительными глазами.

Ещё с раннего детства, при рассматривании иллюстраций к любимому Жюль Верну, запомнился ужасающих размеров спрут, обхвативший щупальцами рубку судна, с холодным глубинным взглядом выпученных глаз, в неосознанности своего случайного пребывания вне привычной среды способный в мгновение расправиться с любым возникшим препятствием. И вот увлекала именно эта невообразимая мощь и невероятность существования такого морского чудища, против воли поднятого из жутких неведомых глубин, которые, по своей тайне, представлялись ещё более невероятными, чем это таинственное животное. Их темнота никак не поддавалась воображению…

Запечатлённый с детства в сознании образ могущественного спрута сохранился, но не вязался с увиденным воочию. Восемь больших щупалец, снабжённых присосками, морщинистое студенистое тело, остановившийся неживой взгляд – всё это присутствовало в осьминоге на самом деле, и в то же время - в нём не было устрашающей необъяснимости. Осьминог был понятен, его можно было потрогать, слегка потянуть за щупальцу, испытав на себе силу её многочисленных присосок, просто поиграть с ним.

Правда, не всегда осьминог поддерживал такое отношение. Скорее всего, он не испытывал подобного желания вовсе и допускал какие-либо вольности, лишь находясь в благодушном настроении, после того, как ему удавалось хорошо пообедать. Но и в этом случае нельзя было оставаться слишком назойливым, можно было, лишь слегка подзадоривая животное, понаблюдать за ним подольше с самого короткого расстояния.

Чаще всего осьминог забирался в какой-нибудь каменный грот или расщелину и, выставив кончики щупалец, недовольно шевелил ими, вздымая со дна туманные песочные облачка. Если поблизости от его убежища находились мелкие камни, осьминог прихватывал их, ловко подволакивая к входу, и тогда я убеждался, как точно устроено его восприятие, сложность ответных реакций и поведения. Не было никакой возможности извлечь осьминога из его укрытия, и требовалось приложить немало усилий, чтобы расшевелить безобидное животное. В этом случае требовалась недюжинная смекалка…

Мясо осьминога очень необычно на вкус, и к нему непременно нужно привыкнуть. По моему мнению, оно отдалённо напоминает сочную нежность телятины, не имеющей, конечно, присущего осьминогу своеобразного привкуса, не похожего ни на какие другие. Не составляло большого труда отыскать осьминогов, поскольку все они придерживались более или менее определённой территории, и мы, работая в одном и том же районе, заранее знали, где их встретим. Даже в мутноватой зелёной воде, когда и камни, и песок тоже казались зелёными, можно было разглядеть распластавшихся на дне осьминогов, если не торопиться и быть внимательнее.

Как только твои руки дотрагивались до осьминога, тело его вздымалось тугими буграми, из бледно-розового - он перекрашивался в интенсивный багровый цвет, и щупальца начинали сердито извиваться, стараясь за что-нибудь ухватиться. Как правило, таким предметом оказывалась маска или трубка лёгочного автомата, что, само по себе, было небезопасным. Только оторванный от камней и поднятый на поверхность, осьминог выглядел совершенно безвольным, вялым.

Когда осьминога извлекали из морской среды - почему-то всегда не покидало ощущение, что именно его не следует лишать своего дома. Что-то живое, трепетное и тайное было заключено в нём, словно осьминог сам не понимал, в силу чего он оказался пленником этой зелёной тишины, достойный, несомненно, на иное, неведомое, и более достойное его существование. Однажды мне даже показалось, что осьминог чувствует и понимает всё не хуже человека, но по какой-то неведомой ошибке природы вынужден в одиночестве переживать своё никому не нужное знание.

Но, может быть, природа вовсе не ошиблась, а только собрала в мире тишины всех тех, кто не смог быть удостоен лучшей участи на земле. Природа благоволила к нашим меньшим братьям, уготовив им более достойную долю. Там, в морской глубине, вместе с китами, тюленями и дельфинами, осьминоги должны были обрести для себя желанный покой.

Предметом особой охоты для многих из нас служили длинноиглые морские ежи – нудусы… В отличие от обыкновенных и часто встречающихся интермедиусов, обладающих короткими иголками, длинноиглые попадались каждому пловцу не более одного-двух раз в день, да и то не всегда. Может быть, именно по причине приковывающей к себе экзотичности этих ежей,

море старательно оберегало их от чужих глаз, наделив длинными и очень острыми иглами?!

Длинноиглые ежи начинали попадаться с глубины не менее десяти-двенадцати метров. На склонах буровато-серых и чёрных каменных глыб они замирали ощетинившимися чёрными шарами, как будто ловя своими иглами слабо пробивающийся сквозь толщу воды рассеянный, солнечный свет. Осторожно прихватив с собой ежа и приподняв его на ладошке у самой поверхности, можно было увидеть, как вспыхивают на концах игл красные искорки, а сам он, неожиданно, наливается изнутри нежным рубиновым соком.

Наверху ежи ещё какое-то время излучали свой тихий чарующий свет, но затем потухали. Становясь замкнутыми, бесцветными, они всё же оставались по-боевому ощеренными, готовыми в любой момент ожить. В глубине себя ежи словно не переставали надеяться: их час ещё придёт, и изящные иглы вновь наполнятся радостным светом, каким всегда наделены драгоценные слезинки моря – жемчужины.

В дальневосточных морях многие мидии, гребешки и мактры содержат жемчужины, но жемчуг этот мелкий, тёмный и некрасивый, не представляющий какой-либо ценности. Встречается жемчуг и в тонкостенных перловицах, в меньшей мере – в беззубках, что больше используют на Дальнем Востоке в качестве перламутрового сырья. И всё-таки, несмотря на дешевизну нашего жемчуга, приятно увидеть в раковине переливающееся жемчужное зерно, уловить его приглушённый, ни на что не похожий блеск, устремиться к нему и овладеть.

Радостно само пребывание в толще чудесной морской воды, и надо же – в ней повсюду находятся совершенно непередаваемые явления, о которых ты, конечно, раньше подозревал, но и не думал, что они такие удивительные. А главное, все эти богатства моря так просты и доступны, что даже не верится.

Живые ракушки имеют плотно сжатые створки, и чтобы извлечь жемчужину из раковины – нужно либо разбить створки, либо перерезать тонким ножом мускул-замыкатель. А иногда, после извлечения из воды, ракушка сама открывает створки, в результате чего заключённая между створками жидкость вытекает, и это ускоряет гибель моллюска. По мере того как моллюск в отсутствии воды ослабевает, мускул-замыкатель теряет способность стягивать створки, они под воздействием эластичного тела, расположенного в замке раковины, раскрываются и свету предстаёт матовая жемчужина…

Жемчуг – одно из самых драгоценных сокровищ, даруемых морем человеку. «Застывшие слёзы нимф» - так называют моряки жемчуг, но как образуется в раковинах это неподражаемое совершенство природы?

Всё самое лучшее и прекрасное в жизни обычно просто: стоит какой-нибудь песчинке угодить в раскрытую раковину – и через три-четыре года появляется на свет очаровательное чудо природы – жемчужина. Какое это

прекрасное, нежное слово: загадочное и простое, возбуждающее в душе самые необыкновенные чувства! Драгоценность моря, его волшебный продукт, вынуждающий людей в волнении и радостно восклицать восхищённые слова… И всё это – из воды!

Неправильно было бы думать, что жемчуг состоит из какого-то особого вещества. Как показывает химический анализ, жемчуг – это всего лишь шаровидное отложение перламутра, состоящее из углекислого кальция, которое возникает внутри мягких тканей моллюска под влиянием попавшего туда раздражителя. Но совершенно неповторимо жемчуг распространяет вокруг своё зачаровывающее свечение…

Как только песчинка оказывается в утробе раковины, попадая между створками моллюска, мантия её выделяет вокруг постороннего тела слой перламутра, идентичный тому, который покрывает внутреннюю поверхность её створок. Так рождается жемчужина. С этого момента, в зависимости от реакции мантии на присутствие постороннего тела, жемчужина начнёт расти или будет выброшена во внешнюю среду, как мешающий моллюску паразитический организм.

Искусственно выращиваемые жемчужины ничем не отличаются от настоящих, только происходит весь процесс уже не случайно, а при вмешательстве человека. Небольшой перламутровый шарик обволакивают кусочком мантии, взятой из раковины-производителя, а затем вводят в тело такого же здорового моллюска. Когда введённый кусочек прирастает – прививка завершается. С этого момента первичный перламутровый шарик обрастает новыми слоями, и по истечении нескольких лет образуется прекрасная чистая жемчужина.

Жемчуг, жемчужина… Откуда, вообще, появилось такое удивительное слово? Слово, заключающее в себе силу и нежность, обаяние и завершённость, магию ещё непознанной жизни, способной легко вынудить человека удивиться этому миру и задуматься о своём месте в нём. Сколько бы сил и средств понадобилось для этого у несовершенных людей, тогда как совершенная жемчужина в мгновение всех очаровала и отчего-то побудила стать лучше?

Что такое жемчуг, эти самородные красивые шарики, образующиеся в раковинах и отчего-то становящиеся для людей драгоценными? Происхождение слова следует искать в древности, когда море воспринимали как землю, также приносящее свои плоды в виде красивых зёрен-горошин. По-видимому, слово «жемчуг» изначально и произошло от «земли», и именовалось прежде как «зем-чуг», а по истечении времени, незаметно, поменялось на «жем-чуг», как нечто дорогое и диковинное, пришедшее из заморских земель.

Какие раковины обычно образуют жемчуг? Практически на это способны все моллюски, раковины которых имеют перламутровый слой. Жемчужины встречаются даже … в консервах из мидий. Однако львиная

доля мирового промысла жемчуга приходится на морских жемчужниц птерий и пинктад, обитающих в тропиках.

Большое количество неплохого жемчуга дают морские трохусы и пресноводные жемчужницы, чей жемчуг чаще называют бисер. Нужно сказать, что жемчуг можно найти и в моллюсках, раковины которых лишены перламутра. В витринах некоторых ювелирных магазинов на Западе выставлены огромные – почти с детскую голову «фарфоровые» жемчужины, что находились в гигантских двустворчатых моллюсках – тридакнах. Стоимость такого жемчуга, понятно, невелика, но он поражает воображение своими размерами и необычностью форм.

Взять, хотя бы, небезызвестную «голову Аллаха», самую крупную жемчужину из всех добытых в море. Не так давно она была представлена в одном из ювелирных магазинов в Нью-Йорке. Морщинистая, дольчатая, напоминающая голову мусульманина в чалме, эта жемчужина весом 6350 граммов, длиной 23 сантиметра и поперечником 14 сантиметров была добыта из гигантских волнисто-ребристых створок тридакны в Тихом океане у Филиппинских островов. Среди суеверных жителей Филиппинских островов огромная жемчужина считалась волшебной, так как при её добыче погиб сын одного из туземных вождей. Его нашли мёртвым на глубине нескольких метров с рукой, зажатой между створками тридакны. Сына вождя и тридакну вытащили на берег. При помощи ломов и кинжалов раскрыли створки тридакны и обнаружили гигантскую, тускло поблескивающую жемчужину. В Америку эта жемчужина попала как дар вождя врачу, вылечившему от опасной болезни другого его сына.

Жемчужина, это волшебное зерно, рождающееся в морской глубине, не только прекрасна сама по себе, но и придаёт неповторимое очарование всему, что оказывается связанным с ней. Будто один чудесный перламутровый слой сменяет другой, и так – до бесконечности…

Хорошо известно, например, что определённые вариации в окраске жемчужин характерны для тех местностей, откуда происходит жемчуг. Так, японский и индийский жемчуг имеет нежно-розовый цвет с сильным блеском, австралийский – совсем белый или серебристо-белый, панамский – золотисто-жёлтый. А вот на Таити ловцы добывают чёрный жемчуг.

Так уж повелось, что добычей жемчужных раковин всегда занимались не водолазы, а лёгкие пловцы, обладая лишь набедренной повязкой и зажимом для носа. В наши дни добыча жемчуга строго регламентируется, но по-прежнему его добывают без скафандров. Нежное, очаровывающее и мужчин и женщин волшебство природы будто не допускает к себе хотя бы малейшее техническое вмешательство, и отдаёт себя в руки лишь трудолюбивого простого человека, отчаявшегося променять своё здоровье на драгоценную красоту подводных глубин.

Бывает, одна раковина может содержать несколько жемчужин, порой – несколько десятков… Как большая редкость описан случай нахождения даже до 150 жемчужин в одной особи!

Правда, жемчуг жемчугу рознь… Часто принято думать, что перламутровые зёрна «живут» полной жизнью только, когда их носят: тепло человеческого тела согревает жемчужину, оберегая её от высыхания и раздражения. Но существует и иное мнение, признающее воздействие человеческой энергии на жемчуг как губительное. Что тут верно?

По-видимому, всему виной возраст жемчужины, а точнее – когда она была добыта. Если очередной перламутровый слой завершил цикл своего обтекания вокруг зерна – жемчужина зрелая и хорошо противостоит каким-либо тепловым воздействиям. В случае же, когда этот слой только начал обрастание, но жемчужине не дали дозреть и подняли на поверхность, она подвергнута быстрому разрушению. Мягкий жемчуг, в отличие от твёрдых драгоценных камней, достаточно капризен и требует заботливого ухода.

К тому же, интенсивный промысел жемчужных раковин на протяжении тысячелетий привёл к тому, что жемчужины не успевают развиваться. Если 100 лет назад многочисленные красочные атоллы Полинезии были «жемчужными островами», то сейчас раковин здесь настолько мало, что вряд ли их назовёшь даже «перламутровыми островами». Давно прошло то время, когда ныряльщик был недоволен, если на каждый десяток раковин не находил по меньшей мере одну-две крупные жемчужины. Но стоит ли испытывать долготерпение морской стихии, желая обладать всё большими и большими богатствами?!

Не зря на Востоке считалось, что жемчуг рождён из капель прозрачной росы, и оттого способен наделить своего хозяина чистотой души и благородством помыслов, а заодно и приносит удачу в житейских делах. Однако перламутровые шарики могут осчастливить не каждого – лишь того, кто по-настоящему любит и ценит их, предпочитая всем прочим украшениям. К слову, японцы по этому поводу считают, что подарить избраннице жемчуг – значит, признаться ей в любви, тем самым отдавая дань и жизни, и морю, и возможности не терять с ним связи.

При всём своеобразии морских богатств нахождение под водой не подразумевало беспечности в любовании ими. Довольствуясь удивительно малым, львиную долю времени мы всё же посвящали работе по сбору ежей. Только потом эти разрозненные кусочки приобщения к неведомой жизни сливались в непрекращающееся, щемящее сердце воспоминание, так что казалось, будто не было изнурительной работы, глухого короткого сна, невыносимой ломоты в суставах и сковывающего душу подводного холода, рано или поздно сменяющегося радостным подъёмом к солнцу. А всё это было…

Было начало дня с преодолением в себе страха, равнодушия и неповоротливости души, если не быть достаточно настойчивым в своих жизненных устремлениях. Прежде, чем приобщиться к подводному равновесию и гармонии с самим собой, следовало успокоиться, не спеша

облачитившись в холодный неопреновый костюм, нацепить грузовой пояс, глухо позвякивающий по бортам литым свинцом, и смочить ласты, чтобы они свободнее налезали на ноги. Затем, сдерживая рвущееся из груди сердцебиение, подогнать маску, незаметно потрогать рукой прохладные бока замершего в ожидании акваланга и, открутив до отказа его вентиль, осторожно накинуть акваланг на плечи… Только после этого можно было на минуту присесть, отдышаться, посмотреть на плещущуюся под бортом воду, плотнее подтянуть перчатки.

И вот – всё готово, откладывать больше некуда. Ещё раз проверив крепление маски, смачиваешь её в воде, тщательно подгоняешь на лице, берёшь в зубы пахнущий резиной упругий загубник, делаешь контрольный, отдающий тальком трубный вдох и, собравшись с духом, шумно бухаешься за борт.

Мириады рвущихся к поверхности пузырьков в момент поглощают тебя, и ты возбуждённо лопаешься и шипишь вместе с ними, но, всё же, неудержимо скользишь вниз, радостно переживая вновь забытое ощущение лёгкости и свободы. Ты – летишь!

Когда погружаешься в голубовато-мутную бездну, лёгкая тревога в ожидании дна на какое-то время не покидает тебя, уши сдавливает режущая тяжесть, от которой следует тотчас избавиться с помощью продувки, но вот уже возникают из темноты изумрудные островки водорослей, и как будто другая, неведомая планета открывается твоему взору.

Незаметно для себя сразу увлекаешься, позабыв обо всём, что оставил наверху. Но работа по сбору ежа требует собранности, ответственности перед самим собой и своими товарищами, простой и неподдельной честности. Тебя никто не может проверить, под водой ты остаёшься один на один со своей совестью.

Сбор ежа осуществлялся в небольшие капроновые корзины, любезно предоставленные нам японцами. Корзины эти оказались очень удобными именно при добыче ежа. Они были легки, ёж в них не обдирался, не теряя товарный вид, как если бы подобное происходило при применении сетчатых питомз, подходящих только для сбора гребешка и трепанга. К тому же, корзину можно было использовать в качестве руля, держа её перед собой и слегка подрабатывая ластами.

Наполнялась корзина только в половину, чтобы иметь возможность сохранять пловцу положительную плавучесть. Заметив на дне полянку с замершим на ней ежом, пловец опускал корзину на грунт, собирал в неё ежа и отправлялся дальше, в поисках его новых «залежей». Как только начинало ощущаться неудобство при перемещении с тяжёлой корзиной, добытый ёж поднимался на поверхность, пловец получал новую корзину и уходил под воду.

Морской ёж, в действительности, очень напоминает своего «тёзку» из млекопитающих животных, так как всё тело его защищено иглами, и он имеет шаровидную форму. Правда, он её не меняет, как наш лесной ёжик,

благодаря присутствию крепкого известкового панциря. В отличие, опять же, от своего лесного собрата, шустро передвигающегося на четырёх лапках, морской ёж прикрепляется ко дну при помощи огромного числа длинных, прозрачных ножек, но переползает с места на место очень медленно, почти незаметно. Некоторые ежи способны перемещаться даже на своих иглах, как на ходулях.

На облысевшем морском еже, вернее, на известковом панцире, хорошо видны пластинчатые придатки его иголочек, ровными пупырышками спускающиеся от верхнего «полюса» ежового шара – к нижнему в виде меридианов, и когда берёшь в руки такого мёртвого ёжика, то на ощупь он – приятно шероховатый, воздушный, но вполне крепкий. Всего таких пластинок 20 рядов, а каждой ножке соответствует пара дырочек. В самом низу, на предполагаемом брюшке, где у ежа находится ротовое пространство, покрытое тонкой кожицей, в центре которого сверкают 5 белых мелких зубов, располагается большое отверстие, в которое можно засунуть мизинец, даже большой палец, а вот заднепроходное отверстие, как ни странно, обнаруживается наверху. Ёж будто перевёрнут вверх ногами, хотя выглядит очень симметрично и естественно.

При жизни весь панцирь ежа покрыт тонкой мягкой кожей, которая заключает в себе многочисленные клетки, играющие роль органов чувств. Клетки эти находятся в связи между собой при помощи нервной сети, находящейся с наружной стороны известкового панциря. Весьма подвижные иглы ежа представляют собой самостоятельно возникшие остроконечные скелетные образования, имеющие форму клиньев, иглы эти бывают иногда длиннее диаметра животного и у основания игл находятся ямки, которым соответствуют головки, то есть – те самые пупырышки на известковых пластинах. Каждая игла соответственно притянута к такой головке при помощи мышц, а они и поворачивают иглу во все стороны.

Ёжик двигается еле заметно по морскому дну, иголки его вращаются во всех направлениях, как на шарнирах, и от этого вид у ежа становится достаточно грозный, хотя невозможно смотреть на него без улыбки. Незамысловато, на первый взгляд, выглядит медлительный морской ёж, зато очень мило, на самом деле напоминая обыкновенного ежа. Он, правда, поменьше размером, но иногда в морских глубинах встречаются настоящие гиганты, о чём чуть позднее…

Кстати, между иглами морского ежа разбросаны ветвистые щипчики, покрытые ресничками и очень чувствительными клетками. Главная их функция – уничтожение мелких личинок паразитических животных, стремящихся поселиться на морском еже, и поддержание чистоты поверхности тела, а также они служат для питания. Мелкие животные, попадающие на морского ежа, захватываются этими щипчиками и передаются ими ножкам, которые, в свою очередь, передвигают добычу ко рту.

Морской ёж – очень чистоплотное существо, и даже немного понаблюдав за ним, убеждаешься, что он так щепетилен не только к собственной шкурке, но и ко всему подводному сообществу: ползает по дну, незаметно его подчищает, словом, наводит порядок, и ничего особенного за это не требует. Лишь бы не трогали мирное ежовое скопление без надобности, не беспокоили это неторопливое жизнеистечение на благо моря, а если ежами пожелают полакомиться симпатичные каланы, так то не беда: ведь на всё воля самого морского божества, устроившего подводное житьё-бытьё по своему чудесному образу и подобию, и ежи, наверное, только рады, что могут кому-то оказать приятную услугу, если даже этот кто-то желает ими пообедать…

Что же касается ротовой полости, то начальная часть кишечника, располагающегося внутри ежа, окружена объёмистым жевательным аппаратом, похожим на фонарь, названный Аристотелевым, с которым великий философ, должно быть, пытался рассмотреть неизведанное. А если серьёзно – он его первым описал. Так вот этот аппарат, действительно похожий на подвесной фонарь, - геометрически правильное и чрезвычайно рационально «продуманное» природой устройство.

Его основная часть – пять дугообразных двойных пирамидок, служащих держателями для зубов, а зубы ежей представляют набор изогнутых пластинок. Когда ёж ест, крайние пластинки стираются, и на их место выдвигаются новые: зубы самозатачиваются. Они ещё и растут в течение всей жизни ежа, приобретая только ещё более чрезвычайную прочность. Порой ежи используют зубы не только по своему прямому назначению, но и для передвижения, отталкиваясь ими ото дна.

Питаются ежи мелкими животными, а также водой и илом, содержащими пищевые частицы. Но больше всего они предпочитают водоросли, в особенности – морскую капусту, и если численность иглокожих достаточно велика, то зарослям ламинарии может быть нанесён значительный урон, чему, впрочем, успешно противостоят морские бобры-каланы, с удовольствием поедая ежей, несмотря на их колючесть. А иногда, там, где вода неглубока и силён прибой, ежи просверливают даже гранитные и базальтовые скалы…

Бывает, заприметишь под водой гладкую скалу, между тем источенную странными овальными ямками, подплывёшь поближе и обнаружишь, что почти в каждой из них сидит морской ёжик. Причём, порой ежи используют уже готовые углубления, а могут высверливать гнёзда и на ровной поверхности камня. Вначале они выгрызают породу зубами, а по мере углубления норы подключают иглы и, поворачиваясь вокруг оси, работают ими как фрезой, постепенно углубляя и расширяя норку. Гнёзд ежи не покидают иногда в течение длительного времени, питаясь тем, что принесёт вода. Но основная функция такого укрытия – не защита от врагов, как иногда полагают, а предохранение от разрушительного действия прибоя и высыхания в отлив.

Что любопытно – каждый ёж, даже если он не сам соорудил норку, очень энергично отстаивает её от нашествия других ежей. При попытках захватить чужие жилища - между ежами происходят целые баталии, в ходе которых соперники толкаются, переворачиваются по спинам друг друга, а случается – пускают в ход и зубы. Иногда схватки длятся часами, но всегда хозяин норы возвращает себе законное убежище, если неосторожно оставил его на время, как бы обладая моральным превосходством. Это его преимущество рано или поздно оказывается очевидным, и, тем не менее, сражения происходят. Наблюдать всё это тем более удивительно, если не раз являлся свидетелем, как ежи, образуя скопища в сотни и, может быть, тысячи голов, лежат друг на друге очень сплочённо, даже дружно, как говорится, чуть ли - не в обнимку, ни на что, вроде бы, не претендуя.

Именно в такие моменты ежи и становятся, по-видимому, удобным предметом охоты, когда кто-либо хочет полакомиться их икрой. Икра ежей – желтовато-оранжевого цвета, как и у лососей, но по своей структуре волокнистая, нитевидная, и по объёму занимает в еже одну-две чайные ложечки. Попробовав внутреннее содержание нескольких ёжиков – не сразу и разберёшь: какова икра на вкус? Отдалённо напоминая рыбью икру, икра ежа – нежно-солоноватая, даже, можно сказать, пустоватая… Скорее, она – находка для гурманов, не представляющих себя без морских деликатесов.

Японцы употребляют икру ежа в пищу с удовольствием, почитая как особое кушанье. Они добавляют икру в салаты, варят из неё супы и даже сушат, максимально используя ценный морской продукт. Нас же ежи привлекали ещё как морские экспонаты, которые мы выставляли сохнуть на крыше коттеджа, где ветерок с моря быстро продувал их внутренности, и затем они представляли из себя что-то вроде колючих погремушек тёмно-коричневого, чёрного и даже бордово-фиолетового цвета. Несколько таких ёжиков до сих пор хранятся у меня в шкафу за стеклом.

Интересно, что пигментный покров панциря и игл у ежа содержит очень устойчивую к действию света чёрную окраску, так что после выварки сырого панциря в воде полученную фиолетово-чёрную жидкость употребляют для окраски сетей и кож. Ёж по своей внутренней сути точно такой же, каким воспринимаешь его внешне: фиолетово-чёрный. И когда всё это фиолетово-чёрное, колючее полчище плотно облепляет листы бурой морской капусты, стелющейся над белым песчаным дном в зеленовато-голубой воде, а вокруг зажигают свой внутренний свет асцидии, актинии и многочисленные морские звёзды, понимаешь, что ёж и должен быть таким, каким его изобрела природа – со своим незабываемым морским обликом.

Увлекательно также было собирать в отлив известняковые панцири ежей… Эти ежовые скорлупки невозможно было не заметить, и хотелось брать их в руки, рассматривать и забирать с собой. Это были обыкновенные, часто встречающиеся ежи интермедиусы, до того как облысеть – усеянные короткими частыми иголочками, а вот длинноиглые морские ежи нудусы попадались каждому пловцу не более одного-двух раз в день, причём, не

всегда и только под водой. Может быть, по причине заключённой в ежах экзотичности, обычно приковывающей внимание аквалангистов, море старательно оберегает этих ежей от чужих глаз, наделив их длинными и очень острыми иглами.

Ежи эти начинают попадаться с глубины не менее пяти-восьми метров. На склонах буровато-серых и чёрных каменных глыб они замирают ощетинившимися бордовыми шарами, как будто ловя своими иглами слабо пробивающийся сквозь толщу воды рассеянный, солнечный свет. Осторожно прихватив с собой ежа и приподняв его на ладошке у самой поверхности, можно увидеть, как вспыхивают на концах игл красные искорки, а сам он наливается изнутри нежным рубиновым соком.

Наверху ежи ещё какое-то время излучают свой тихий чарующий свет, но затем потухают. Становясь замкнутыми, бесцветными, они всё же остаются по-боевому ощеренными, готовыми в любой момент ожить. В глубине себя ежи словно не перестают надеяться – их час ещё придёт и изящные иглы вновь наполнятся радостным светом.

В неопреновых перчатках ежами можно жонглировать под водой, что, кажется, не доставляет им какого-либо неудобства. Ежи плавно взлетают, медленно опускаются на грунт и, кувыркнувшись пару раз, отрешённо замирают. Ничто не может поколебать их подводного вольного состояния, ежи никому не угрожают, несмотря на постоянную нацеленность и боевитость. Впрочем, ежи всё-таки призваны оберегать свою единственную драгоценность – нежную икру, к ним просто так не подступишься. Они вполне оправдывают своё название, растопырив иглы.

А вот песчаный ёж не имеет игл, он бежевого цвета, с красивым рисунком на голом панцире, будто нанесённом искусной иглой. И оттого, чаще всего, он действительно зарывается в песок, выставляя небольшую часть макушки. Плоский, имеющий небольшое вздутие в серединке, этот ёж напоминает старинную монету, вывалившуюся из пиратского сундука. Недаром на американском побережье песчаных ежей называют «долларами» и «центами».

Но плоская форма ежей предназначена, конечно, не для красоты. Так им легче закапываться в песок, а волнам труднее перевернуть ежа. Ведь если подобное произойдёт – это равносильно для него гибели, поскольку плоский ёж не способен самостоятельно перевернуться «со спины на живот».

Форма панциря с плоским дном и выпуклым верхом имеет ещё одно практическое значение. Такой панцирь – великолепное гидродинамическое устройство, воздействующее на характер движения водной среды. Он действует подобно крылу самолёта, только с другой целью: за счёт разницы давлений у плоской и выпуклой поверхности панциря происходит завихрение потока и оседание в нём взвешенных пищевых частиц, которые затем по пищевым желобкам направляются ко рту. Панцирь плоского ежа сплошь покрыт короткими щетинками, уколоться ими никак нельзя, а сверху он имеет рисунок в виде цветка из пяти лепестков, слагаемый из еле

приметных дырочек, с помощью которых ёж и засасывает органические частицы, содержащиеся в воде и грунте.

Порой плоскими ежами усыпано всё дно, причём, чистое, без водорослей и камней. На некоторых участках дна плоские ежи образуют сплошные скопления в виде «мостовых», а иногда даже располагаются в несколько слоёв, что не случайно. Особи отделяет ровно такое расстояние, которое необходимо, чтобы использовать токи воды, отклоняемые соседями. Пространство, образованное лежащими друг на друге ежовыми дисками, обеспечивает максимально полное использование ресурсов придонных течений.

Иногда плоские ежи, для лучшего улавливания питательных взвесей, располагаются на дне в вертикальном положении, они как бы воткнуты ребром в песок. Угол наклона тела ежа к горизонту и расположение его тела при этом соответствует направлению и силе течения. Вода вокруг голубая-голубая, песок волнистый, почти белый, а ежи стоят неподвижно, будто чьи-то плоские скелетики, навсегда забытые в этом отрешённом подводном мире. Плывёшь над ними и представляешь себя на другой планете.

Несмотря на то, что ежи очень чистоплотны, они не прочь порой замаскировываться, зачем-то покрывая себя разными предметами, например, раковинами. Иногда ёж способен так плотно облепить себя ракушками, что его самого совсем не видно и наблюдая за ним, начинает казаться, что ёжик играет. А может быть он на самом деле хочет от кого-то спрятаться, умудряясь заматываться даже в листья водорослей, в частности – в морскую капусту, в обилии произрастающую у берегов Сахалина.

Джеймс Олдридж описывал в своей книге «Подводная охота» морских ежей Средиземноморья, в колючках которых часто обнаруживаются застрявшие там обрывки морских водорослей, правда, не у всех. У тех, на которых есть трава, имеется пять цветных желез, являющихся частью их органа размножения. Те же ежи, на которых нет обрывков морской травы, обладают недоразвитыми органами и в пищу не употребляются. «Съедобные» ежи у жителей Средиземноморского побережья считаются большим деликатесом.

На Дальнем Востоке я встречал подобных ежей, по крайней мере, похожих, и у них действительно ярко выделялись цветные полоски, располагающиеся от макушки до ножек, но наряду с обычными – коричневого цвета ежами, разноцветные или, если угодно, полосатые ежи обладали точно такой же ярко-оранжевой икрой, которая никаким особым вкусом не отличалась.

Вообще, у юго-западного побережья Сахалина ежа, как и морской капусты, очень много. Часто он сбивается на мелководье в огромные чёрные лепёшки, где его хоть лопатой греби, но, по большей части, ёж всё-таки держится на глубине, а собирать мы его приноровились, как уже упоминалось выше, прямо в капроновые вместительные корзины, которыми нас снабдили японцы. Очень удобно было передвигаться с корзиной под

водой, держа её перед собой, и даже наполненная ежом, она была не очень тяжёлой. В неё входило более десятка килограммов, и на один акваланг, при обилии ежа, можно было набрать четыре, а то и пять корзин.

Ещё при всём этом хорошо было чувствовать себя молодым и здоровым. Это позволяло надеяться, что при любом напряжении интерес к жизни ты всё-таки не потеряешь. Необходимость постоянно действовать была способна излечить любые душевные муки, усталость и сомнения.

Не скрою, что опасность зачастую сводилась к нулю, и экспедиция не содержала в себе, в общем-то, явного риска, какой допустим в самой банальной житейской ситуации на суше, но, тем не менее, дело, которое на два месяца сплачивало вокруг себя дюжину человек, не выглядело уж совсем безобидным. Тех небольших трудностей, которым мы подвергались, вполне хватало для того, чтобы кто-то начинал заметно испытывать их влияние на себе.

Как, например, при вынужденном подъёме морского ежа из-под воды во время разгорающегося шторма или даже ночью. Складируемый нами на дне в больших капроновых ящиках и обтянутый строп-сеткой, ёж хранился так живым до самого прихода японцев с Саппоро, которые забирали его у нас каждый четвёртый, а то и пятый день. Но при сильном волнении ежи, обтираясь о колючие панцири друг друга, могли стать совершенно лысыми, погибали при этом, и тогда приходилось спасать их, чтобы не пропал даром недельный подводный труд.

Вот где требовались весь твой опыт и знание, умение сконцентрировать силы на главном. И ещё - вера в находящихся рядом людей, в приобретённую за многие годы совместной работы под водой сплочённость. Может быть, лучше таких авралов у меня ничего в жизни и не было!

Шторм, как на зло, разыгрывался именно на ночь глядя, и приходилось спешно подымать корзины в сплошной темноте, в жуткую болтанку, вокруг творилось нечто невообразимое, но и мысли не возникало отступить, всё бросив. Места, где находился под водой ёж, мы отмечали разноцветными буями, которые в крутую зыбь не так-то легко было разглядеть. Буи проваливались между свирепствующими волнами, и можно было пройти на боте совсем рядом, но ничего не заметить. Бот тянул за собой на буксире десятитонный кунгас, куда следовало перегружать корзины, всё это создавало понятные неудобства, и требовалось немало терпения и выдержки, чтобы просто занять на беспрестанно колышущейся водной поверхности верное расположение.

Непослушное судно сносит от находящихся под ним, в глубине, ребят, одичалый ветер вертит им как щепкой, и руки немеют от безрезультатных попыток вырвать зацепившиеся на дне якоря-кошки. На море судорожно наваливается тревожная мгла, всё более чернеющее небо, кажется, сливается с ним в неистово завывающую стихию, будто нацелено вознамерившуюся нас уничтожить. А под водой ничего не видно от подымающейся мути, тело

сковывает холод и к горлу подкатывает предательская тошнота, но ты всё-таки чувствуешь, что живёшь.

Под водой, конечно, во много раз хуже, ибо помимо отсутствия какого-либо освещения, исключая мутноватое пятно от небольшого фонаря, которым пытаются подсвечивать тебе сверху, с мечущегося из стороны в сторону кунгаса, ты лишён какой-либо ориентации. Все свои действия ты предопределяешь только относительно складированных на дне корзин, которые неимоверно быстро разбрасывает по дну шторм, а обнаружить их в полной темноте не представляется возможным, тогда как тебе ещё необходимо поднимать оставшиеся на поверхность, где кунгаса, конечно, не оказывается, его давно отнесло, и огромные волны подбрасывают тебя, крепко обнявшего корзину, в другую неведомую черноту… И вот что интересно: не было страшно, только, может быть, тревожно, когда всё это происходило с тобой в первый раз, в последующем же подобное повергало только своим напряжением, которому ты всегда мог противопоставить волю и опыт.

Но, даже обнаружив после долгих мытарств потерянное место, стоило огромных усилий вновь закрепиться на нём, что не всегда получалось, и приходилось опять неутомимо отыскивать в кромешной темноте этот небольшой пятачок. Камни, что придавливали под водой строп-сетку, в который раз раскатывало, саму сеть срывало и уносило, ежи расползались, бились, и от постоянного соприкосновения друг с другом облезали, теряя свой товарный вид. Вернее будет сказать, что море их просто безжалостно размётывало по дну, и не было уже никакой возможности собрать их…

Я хорошо помню это неистовое напряжение по спасению ежа, за которого нашей стране шла хорошая валюта, но главное, всё-таки, заключалось в людской сплочённости, которую воспитывало море, и, несмотря ни на что, мы оставались ему бесконечно преданы, как бы это громко ни звучало.

Ну, а о том, какие сюрпризы дарит нахождение под водой в такую погоду, лучше и не пытаться передать, потому, как стоит всё это увидеть самому. Твоё восприятие пытается проникнуть в окружающую темноту, желая хоть как-то успокоиться, но вокруг чудятся самые невообразимые напасти и жуть. Ночью море представляется страшным и мрачным животным, угрожающе переворачивающим свои непонятные человеку мысли. Ничего, кажется, не изменилось в нём с того момента, когда мы работали здесь днём, но что-то неясное надвигается на тебя и поначалу вынуждает думать о море незаслуженно плохо.

Ты гонишь от себя эти мысли, стараешься не поддаваться мрачным ощущениям, предоставляя море самому себе, но никак не можешь успокоиться. Слишком много в море неизведанного, ещё от бесконечно далёких древних времён, с которыми человеку совладать очень не просто. И всё же, несмотря на страх, ты почему-то довольно легко отдаёшься ему, полностью вверяя себя в его необъятные тёмные объятия.

Кто не вкусил работы в море, тем более – ночью, под водой, тот не познал чего-то особенного, чего днём ни за что не почувствуешь и не угадаешь, когда переживаешь заботу о людях, находящихся рядом, как о самых дорогих. Когда ты уходишь в море, где тебя встречает ночь, посещает особое стоическое ощущение, открывающее тебе неизведанное, какую-то неразрывную связь с морем, которая становится чем-то глубоко личным, будто ты соприкоснулся с самым радостным событием в своей жизни. Ночью, в море, словно подымаешься над самим собой, как это ни странно, становясь могущественнее, живее, а воспринимая всё остро, обнажёно, и совершить в подобном состоянии всегда удаётся очень много. Потом, в дневное время, поражаешься тому, сколько было сделано за ночь, будто осуществлял всё в необъяснимом волшебном забытье.

В любом случае, такая совместная работа у моря десятка мужчин, объединённых одной целью – желанием познавать окружающий мир, оказывалась очень полезной. Она заставляла человека активизироваться, чего не могло происходить в подобной степени в городе, где всегда можно уйти, хлопнув дверью, или же вообще не открывать её. В море уйти некуда, и ты вынужден жить бок о бок с людьми, терпеть бесконечные невзгоды и работать не покладая рук, как мы это делали на этой самой добыче ежа, трепанга и морской капусты.

Так вот, добывая ежа для японцев, что происходило с ведома существующего тогда Облисполкома, мы этим же Сахалинским управлением были поставлены перед фактом добычи, в ещё большем количестве, этого морского продукта для Чернобыля, где в то же время, а именно – в 1986 году, произошла трагедия на атомной станции… Это может показаться странным, но именно икра морского ежа, представляющая из себя оранжевые длинные волокна, содержащиеся внутри известкового панциря этого морского существа, и являлась одним из лучших средств, способствующих разжижению и выведению из крови радиоактивных элементов, причём, в первую очередь, у детей. Именно на этом Управление Облисполкома заострило наше внимание, заверив, что любые пожелания членов бригады будут удовлетворены, нас снабдят всем необходимым, вплоть – до мелочей, в ответ же мы обязаны поставить нуждающимся в помощи людям как можно больше морского ежа, а вернее – его икры.

Следует пояснить, что икра в весенне-летний период, когда она, собственно, и присутствует в еже, находится не в каждой добытой особи: икру содержат в себе, естественно, только самки. Но как же различить под водой, среди всего этого ежового многообразия и обилия, где в нём располагаются существа женского рода? Причём, икра присутствовала далеко не в каждой самке, а в какой-то – значительно меньше, чем в другой, вроде бы, ничем не отличающейся от неё. И даже при всём этом никто не мог гарантировать того, что икра вообще будет, ведь год на год не приходится, - это касается любых живых организмов.

И всё же, с чернобыльцами дело обстояло гораздо легче: сколько бы мы ежа не добыли – его уже невозможно было приумножить, и он весь шёл в переработку. В короткие сроки, прямо на берегу Татарского пролива, в маленьком рыболовецком цехе, была поставлено производство ежа, подразумевающее под собой отделение икры, её промывку и закатывание в 50-граммовые баночки с добавлением спирта. Именно в таком сочетании, а точнее – четыре чайных ложки икры на одну чистого спирта, икра ежа и приобретала целительные свойства, что нас скорее даже не занимало, а приободряло: ведь мы помогали людям. Но за тяжёлой работой этого не осознавалось.

Что же касается японцев, издавна владеющими искусством тонкого понимания моря, непосредственно с которым они взаимодействовали столетиями, что, в свою очередь, не могло не сказаться на их культуре, они мгновенно уцепились за возможность покупать у нас морской ёж, предоставленную им советскими властями. Японцы приходили к нам с острова Хоккайдо, расположенного от Сахалина не так уж и далеко, но и не близко, только лишь за тем, чтобы забирать достаточно незначительное количество икры ежа, - единственно ценное, что в нём содержалось. И конечно, это было для них очень даже немаловажно, иначе бы - зачем им, достаточно щепетильным в делах бизнеса людям, обязательным и продуманным, было гонять судно из-за какой-то там ежовой икры, к тому же – в очень незначительном объёме. Но они это, тем не менее, делали, а происходила приёмка ими икры у нас очень просто…

Кто-нибудь из японских представителей, как ему это заблагорассудится, отбирал из разных корзин горку ежей, укладывал её на чашу весов, и затем из этой партии вынималась вся содержащаяся в ней икра, количество которой оценивалось уже по заранее обговорённой шкале. Обидно было, когда в отобранной партии ежей попадалось минимальное количество икры, и, соответственно, получали мы вознаграждение за свой труд именно по нему, тогда как в других ежах ценного продукта могло содержаться гораздо больше. Но помнится, нас не очень волновала происходящая несправедливость, потому что все наши помыслы были захвачены жизнью у моря, погружениями, дарящими неиссякаемую радость, дружбой, которая, казалось, будет длиться вечно…

Кстати, когда волнение на море отсутствовало, а поднимать ежа к приходу японцев всё же приходилось именно ночью, такое погружение оказывалось самой замечательной сказкой. В северных морях, конечно, невозможно полюбоваться «полётом» гигантских мант и величественным царством кораллов и губок, но в их глубинах скрываются не менее завораживающие тайны и даже обыкновенные заросли саргассума и зостеры при ночном освещении подводными фонарями способны околдовать так, что вы позабудете обо всём на свете. Сама темнота моря, её неиссякаемость, вызывает ни с чем несравнимые переживания. С восхитительным ощущением от ожидаемого соскальзываешь с борта кунгаса в чернеющую

воду, как в нескончаемую бездну, а если ещё над головой твоей простирается ночная бездна звёздного неба – переживания просто непередаваемы.

Даже днём каждая морская звезда или длинноиглый ёж воспринимаются как праздник, а уж ночью – и говорить нечего: радости твоей нет предела! Трудно вообразить, что человеческая жадность и непрекращающаяся страсть к обогащению принесут сюда когда-нибудь опустошение. Пока этот уголок подводного мира остаётся не тронут, и обилие жизни в нём переполняет восторгом.

Созерцание подводного мира никогда не надоедает, тем более – ночью. Она действует слегка опьяняюще, и ты не ведаешь лучшего вина, чем морские красоты. Глядя на то, что представляется взору под водой, ночью, забываешь, что сам ты привержен суше, где светит солнце, но незаметно для себя совершенно преображаешься в какое-то неведомое существо, когда оказываешься на глубине.

Жак Ив Кусто, так же не представляющий своей судьбы без моря, описывает в одной из книг, как он во время ночного погружения возле Сейшельских островов, в частности, в проливе между Сент-Мари и Мадагаскаром наблюдал массовую миграцию морских ежей, скорость перемещения которых составляла 400 метров в час! Ещё в Красном море Кусто заметил, что ежи перемещаются по ночам с места на место. Морских ежей сопровождали морские звёзды, которые лакомятся иглокожими, к тому же всё это ночное шествие замыкали моллюски, тоже не теряющие времени даром.

Судить об истинности этих данных не берусь, потому, как вполне доверяю авторитету Кусто, но сам при добыче ежей возле юго-западного побережья Сахалина не раз наблюдал, как ловко и достаточно быстро ежи выбирались из капроновых корзин, в которые мы их собирали, и также проворно, но как-то незаметно для глазу, расползались по дну… У нас не было времени проследить за скоростью передвижения непоседливых иглокожих, но для морских обитателей, которые большей частью лежат на дне, ежи выглядели очень необычно, когда в два счёта улепётывали прямо из-под нашего носа. Вот тебе и тихони!

Может быть от того ежи и казались нам обычно неторопливыми, что наблюдали мы их только днём, когда они ведут спокойный образ жизни, вполне умиротворённый и ни от кого, казалось бы, независимый. И разве вообразишь себе, что ночью ежи совершенно преображаются, отправляясь в заросли водорослей за кормом. Двигаются своим ежовым полчищем размеренно, настырно, а море несёт над ними свои могущественные водные валы и будто оберегает. Днём же опять отсиживаются в углублениях, пещерках или просто отрешённо замирают, сгрудившись и выставив иглы. То ли ежи не ведают – куда им деть дарованную природой острую защиту, то ли просто нацелены на окружающее их подводное пространство, всегда несущее для них неведомое.

Словом, то, что ёж ведёт малоподвижный образ жизни – большое заблуждение. С виду он, конечно, представляется закоренелым тихоходом, которому незачем куда-либо торопиться, но только не в случае, когда его существованию что-либо угрожает. Тогда ёж просто преображается, его ритмично шевелящиеся иглы, причём – одновременно в разные стороны, создают необычное впечатление от их замедленного движения, которое околдовывает и притягивает. Иглы ежа напоминают волнующиеся под порывами невидимого подводного ветра стебли какого-то диковинного растения. Смотришь и не можешь оторвать глаз.

Иглы у ежа очень острые, к ним иной раз не рискуешь прикоснуться даже в неопреновых перчатках, особенно – к нудусу, но, всё же, постоянно ловишь себя на мысли, что их хочется погладить. Хочется посмотреть, как ёж отреагирует, как нацелит свои длинные иглы и угрожающе поведёт ими. Вспомнишь вдруг опять нашего обыкновенного лесного ёжика, у которого острые иголки всегда воспринимаются почему-то нежной шкуркой, но вот в лесу вряд ли подумаешь о морском обитателе. Морской ёж не кажется таким дорогим и близким, как лесной, он более холоден и безлик, хотя и, по-своему, незабываем.

Особенно, когда иглы его начинают переливаться бордовыми и фиолетовыми огоньками, зажигающимися на самых их окончаниях. Рано или поздно, конечно, ежи потеряют свои иглы, лишатся и внутренней плоти с загадочной желтовато-оранжевой икрой, и превратятся в зеленовато-белые известковые скелеты, имеющие форму изящных мандаринок. Только многочисленные пупырышки, являющиеся основаниями для иголок, будут напоминать о былом могуществе этих иглокожих обитателей моря.

Когда на каком-нибудь участке дна встречаешь большое количество разных ежей: одни – крупные, другие – поменьше, третьи – совершенно одинаковые, то невольно задаёшься вопросом: а не семьи ли это, да и образуют ли их вообще ежи? До того сплочённо залегают они, именно плотно прижавшись друг к другу, чуть ли не сгрудившись в бесформенные кучи и отрешённо в них замерев. Как объяснить эти многочисленные ежовые скопления?

Скорее всего, ежи находят себе какую-то пищу, скапливающуюся только в определённых местах. Например, вдоль жирного листа морской капусты, который от этого нашествия постепенно превращается в излохмаченную ленту, всю в дырах, а затем и вовсе исчезает под настырным натиском ежей. Иной раз обнаружишь ежей на совершенно голой подводной скале, или они сбиваются в какой-нибудь тёмной расщелине, где отсутствует всякая растительность… Глядя на это хаотическое сосредоточение иглокожих, порой располагающихся в несколько слоёв, подумаешь о ежах, как существах достаточно неприхотливых, поскольку их вполне устраивает невидимая глазу слизь, в изобилии накапливающаяся на камнях: ежи методично соскребают её своими крепкими зубками, подолгу не покидая облюбованное место.

Но «ежовое поле» у берегов Сахалина не сравнить с таким же обилием ежей-диадем, облюбовавших коралловый риф где-нибудь у Новой Гвинеи. Стоит чуть потревожить скопление этих диковинных ежей, и они начинают шевелить 30-сантиметровыми чёрными иглами. Из-за большой длины амплитуда их колебания очень велика – ежи буквально размахивают иглами. Если хоть на миг потерять бдительность и прикоснуться к одному, вся рука окажется просто нашпигованной отломившимися кончиками игл. Особенно удивляет лёгкость, с которой иглы проходят сквозь толстую неопреновую перчатку. Вытаскивать ежовые иглы – занятие не из приятных, ведь каждая игла состоит из хрупких члеников, снабжённых направленными назад мельчайшими зубчиками!

В тропиках, в частности – у берегов Таити, ещё встречаются ежи, чьи иглы по длине напоминают вязальные спицы, только они ещё острее и наполнены ядом. Иглы такого ежа всегда находятся в движении – чуть только на него упадёт тень, он тотчас нацеливает свои иглы на предмет, отбросивший эту тень, и ощетинивается, точно фаланга воинов с копьями. Яд же его имеет жуткий фиолетовый цвет. Наступить на ежа голой ногой, - это равносильно тому, если вы наступите на раскалённую сковороду. А средство избавления от приключившейся с вами незадачи только одно: нужно обломать иголки и смазать место укола скипидаром, в мучении ожидая, когда через несколько недель иголки рассосуться сами. Нас спасало то, что мы работали в плотных неопреновых костюмах, на чулки натягивали ласты, сплошь обтягивающие ступню, и на руках – перчатки с кожаными пластинами, защищающими ладони и пальцы.

Но один вид ежей, встречающийся в Юго-Восточной Азии, всё-таки способен отправить человека на тот свет: яд его очень быстро поражает нервную систему, и пловец, уколовшийся об его иглы, рискует утонуть. Чрезвычайно острые иглы не перестают сжиматься и вводить в рану яд даже после того, как их срежут с тела ежа или обломают уже на теле человека. Меня поразила эта способность довольно-таки небольшого морского животного, и без того защищённого острыми и длинными иглами, содержать в себе ещё и мгновенную смерть для любого, кто к нему прикоснётся. И я вдруг вспомнил, что у берегов Австралии живёт малюсенький, с виду совершенно безобидный скат, он свободно умещается на ладони, так вот если кто-либо покусится на его незаметное подводное существование, то скат способен разразиться электрическим зарядом в 600 вольт! Как заботливо море к самым крохотным своим обитателям, наделяя их подобной силой…

И тем более странно было бы думать, что такое совершенное морское создание, как ёж, защищает только себя! Когда большие рыбы преследуют маленьких, размером с монетку, эти малыши юркают в гущу игл длинноиглого ежа и тем самым спасаются. Малютки превосходно знают, что здесь они надёжно защищены острыми подвижными штыками. Даже самые грозные обитатели морских глубин остерегаются морского ежа, несмотря на

желание полакомиться его икрой. Наткнёшься на него – игла обломится, и ядовитое остриё прочно застрянет в ранке. Попробуй его потом вытащить!

Морской ёжик… Внешний облик его прост, но именно благодаря простоте своей формы ёж и обретает для себя, по-видимому, определённые преимущества. Почти все жизненные органы ежа расположены внутри надёжной известковой скорлупы, полностью состоящей из углекислого кальция, а снизу этот известковый аппарат снабжён прочными зубами, способными сверлить, как уже говорилось, даже гранит с базальтом, где ежи устраивают себе уютные норки. Снаружи верхний покров ежа составляют сплошные ряды острых игл, так что к нему не подступиться, и всё это простое шаровидное строение неуязвимо, если только в дело не вмешиваются чьи-либо мощные челюсти, например, как у морского бобра - калана. Ёж удивительно органичен, и безграничная изобретательность природы в его лице нашла наилучшее своё отображение.

Не зря ёж, наверное, и самый многочисленный вид из всех донных животных, поскольку ему комфортно вести неспешный образ жизни. И хотя мы убедились в присущей ему временами изворотливости, ёж всё же, по большей части, медлителен, да и куда ему торопиться?! Всё, что ему нужно – водоросли, мелкие рачки, взвешенная в воде пищевая смесь, находится рядом, и он просто наслаждается своим подводным существованием.

Правда, панцирь ежей не вполне шарообразен, а имеет уплощённую нижнюю сторону и куполообразную вершину. Такая форма обеспечивает ему наибольшую прочность при надавливании сверху, если, конечно, это не челюсти морского млекопитающего, для которого ежи – излюбленное лакомство. Чего не скажешь о человеке, хотя, как уже отмечалось, японцы не мыслят свою кухню без ежовой икры. Впрочем, как и без всех морепродуктов.

А вот в Средиземноморье, кстати, в пищу употребляют мякоть морских ежей, называя морским плодом и считая превосходным блюдом. Мне самому приходилось пробовать только икру, показавшуюся довольно пустоватой, слегка солоноватой на вкус, но не без приятного аромата, который изощрённые любители морских деликатесов считают восхитительным. Вкус ежовой икры превозносят даже над мидиями и устрицами, подразумевая в нём неповторимое своеобразие океана. Запальчиво утверждают, что маленькая горстка такой икры необыкновенно освежает рот, а переживаешь при этом совершенно необыкновенные ощущения…

И действительно, ёж – чрезвычайно любопытное существо, способное подарить самые незабываемые впечатления. Вы только подумайте: один морской ёж даёт до восьми миллионов икринок, и все они умещаются на языке!

Удивительно общение со всеми подводными обитателями, и особое удовольствие при добыче ежа нам доставляла охота за осьминогами, что

были очень осторожными: завидев пловца, они тотчас исчезали в каменистых расщелинах и гротах. Оставив на поверхности лишь шевелящиеся кончики щупалец, осьминоги как будто поддразнивали тебя, приглашая к своей непонятной игре. Нужно было иметь достаточно терпения и выдержки, чтобы, приняв её, обхитрить осторожное животное.

Осьминоги по-разному реагировали на проявленное к ним внимание, и начинали сердиться только при явной опасности. Щупальца их тогда быстро скручивались в тугие колечки, багровели и бессильно выстреливали, пытаясь кончиками уцепиться за руку, шланг или даже маску. Не видя тебя из своего убежища, осьминог словно предугадывал все твои движения и был предельно осмотрителен.

Стараясь не подставлять осьминогу самые уязвимые части снаряжения, следовало не раздражать забившегося в камни моллюска, а успокоить его нечастыми и ласковыми прикосновениями. Слегка забавляя осьминога своим настойчивым присутствием, нужно было стать на время ни к чему непритязательным морским обитателем, которому бы он поверил и принял. За этим перевоплощением ты вдруг замечал, как обретаешь на миг какую-то ошеломительную свободу…

А осьминог уже тянулся к тебе, выставляя напоказ свою великолепную мантию, под которой волнами перекатывались пурпурные, бордовые, тёмно-синие и фиолетовые бугры… Его печально настороженные глаза всё более округлялись, удивляясь увиденному, и он на какое-то время замирал, неторопливо переживая твоё непонятное для него присутствие. Ты же должен был потихоньку поглаживать осьминога, не вызывая у него никаких подозрений, и, может быть, даже чуть-чуть прихватывать за щупальца, незаметно подтягивая к себе. На всё это заигрывание уходило, как правило, пять-десять минут, а иногда и полчаса.

Обманутый таким усыпляющим образом осьминог в какой-то миг с силой обхватывал твою руку, желая, по-видимому, познакомиться, и ты, воспользовавшись моментом, так и поднимался вместе с ним на поверхность, где тебе осторожно помогали от него избавиться. Вне воды осьминог вяло извивался, становился каким-то беспомощным, не похожим на себя, и быстро прекращал всякое сопротивление. Вечером, ненадолго обданный паром и слегка обжаренный на большой сковороде со специями и луком, он был неподражаемо превосходен.

А на утро, валясь с аквалангом за борт, словно в бездну, ты опять уже совершенно не думал об оставляемой водной поверхности, желая только достичь дна, чтобы отыскивать и собирать ежа, дивиться, между делом, всеми подводными богатствами, что неожиданно выплывали из тёмно-зелёной, таинственной глубины, и вновь в ней, также незаметно, исчезали. Хотелось бесконечно утопать в этой неведомой морской глубине, куда тянула непреодолимая сила: именно там ты обретал свою жизненную энергию!

Сколько же её у моря, всегда думаешь ты, и начинаешь чувствовать море каждой клеточкой своего тела… Даже, кажется, по-настоящему понимаешь его, и в какой-то момент, неожиданно для себя, открываешь: сколько бесчисленных дней провёл ты уже в его объятиях, но даже не задумывался о чутком дыхании моря, не осознавал, что дышишь с ним в едином ритме…

Работа под водой дарила необыкновенную радость, и я незаметно забывался в охватившем меня забвении морем, паря в его невесомой тишине. Только одна мысль посещала при этом: время, проводимое сейчас в согласии с морской стихией, оказывалось нужнее, чем многие годы из прошлой жизни. Вереницы людей и событий проходили сквозь неё, все они сейчас казались пёстрыми, неживыми, а вот эта сокровенная глубина моря и его трепетная, даже – завораживающая тишина входили в сердце как самое дорогое, без чего вся предыдущая жизнь казалась неполной, в ней чего-то не хватало…

А разве забыть, представляющееся на первый взгляд совершенно обычным делом, разматывание винтов у малых рыболовецких сейнеров, что промышляли по соседству с нами от местного колхоза каботажным ловом? Оно тоже оборачивалось для нас неподдельным интересом, и действительно воспринималось как нечто необычное, поскольку было связано с морем, с работой под водой. Маленькие судёнышки, при вымётывании кошелькового невода, нередко не успевали сманеврировать и ваера наматывались на винт, что невозможно было устранить без помощи водолазов. Но где же их взять в горячее время путины? Благо, мы находились рядом, постоянно общались с рыбаками, которые угощали нас крабами и рыбой, и, конечно, не могли отказать им в поддержке.

Правда, обычным это разматывание винтов представлялось только несведущим людям, наверное, из-за своей видимой простоты и неприхотливости. Думали, как правило, так: лёгководолаз опускается без труда под корму, тем более - со страховкой, разрезает ножом запутавшийся кошель или трос, и дело с концом. Операция занимает каких-нибудь пять минут, да к тому же выходишь на поверхность героем для всего экипажа судна минимум на неделю, что, в свою очередь, обеспечивает тебя и твоих товарищей на этот срок отборными камчатскими крабами, недоступными для аквалангиста, по причине обитания ракообразных на больших глубинах, раковинами вкусного моллюска-трубача и не менее аппетитными осьминогами… Но на деле всё обстояло совсем иначе.

Требовалось, во-первых, немало физической подготовки, чтобы, постоянно подрабатывая себе ластами и, то и дело, меняя руку на насадке, висеть, таким образом, длительное время, когда порой не хватает даже одного акваланга для устранения неисправности. Чаще всего под воду приходилось опускаться вдвоём. При этом ты пытаешься с помощью ножа, а вернее всего – молотка и зубила, высвободить хотя бы небольшой краешек затиснутого на шейке винта троса, но это тебе не сразу удаётся. Хорошо,

если он целиком состоит из пеньки и капрона, без разного рода металлических вкраплений, а то недолго сбить дыхание, и тогда уже хочется только вырваться на поверхность, содрать маску и глотнуть желанного воздуха.

Но этого делать нельзя даже потому, чтобы не выглядеть посмешищем в глазах товарищей. Следует тотчас взять себя в руки, постепенно успокоиться и продолжать начатую работу, сантиметр за сантиметром освобождая намертво скованную шейку винта. Только терпение, кропотливая неутомимость и выдержка могут оказать тебе в сложившихся обстоятельствах дружескую услугу, и ты ощутишь потом незабываемое удовлетворение от того, что всё же помог людям, проявил себя и подтвердил свою профессиональную выучку.

Как бы там ни было, но на твоих глазах при этом всегда раскрывались разные человеческие характеры всех членов подводной бригады, их отношение к жизни. Одна судьба, особо не открываясь другой, без труда миновала её, незаметно для себя обгоняя, так и не соприкоснувшись. Какие-то судьбы, неожиданно соприкасаясь, какое-то время представлялись друг для друга неразлучными, но затем неприметно разъединялись. Иные же, не находя в своём вынужденном соединении ничего особенного, в скором времени переплеталась уже намертво. Были и такие, что бесповоротно запутывались в переплетении собственной нерешительности и пустых мечтаниях. Кому-то удавалось, хотя и с потерями, проскакивать наиболее опасные места, некоторые оставались совершенно непрошибаемыми, а кто-то двигался по жизни лихо, ничего не боясь и особо не задумываясь, относясь ко всему с юмором.

Происходило нечто, известное каждому, но далеко не каждым объяснимое и посему проскальзывающее мимо внимания, как само собой разумеющееся, привычное. На самом же деле всё обстояло гораздо серьёзнее, чем это казалось, и временное соединение наших жизней в одно целое, тем более – при работе под водой, было тому прямым подтверждением.

Выходило, что каждый человек, как бы полно он ни рассчитывал на живую помощь товарищей, шёл к собственному «я» своим путём. Один знает, что делает, и в этом ему помогают обстоятельства, другой плетётся в конце, переступая с великими мучениями, постоянно оглядываясь, не решаясь отправиться вперёд решительно, третьему, ничего толком не ведающему, на всё глубоко наплевать, ему важно только собственное благополучие, а кто-то ушёл очень далеко и уже ни для кого недосягаем.

И вот, однажды, им всем суждено встретиться, чтобы хорошо исполнить какую-то работу. Представляя себе эту, отчасти, условную картину, совершенно логично будет предположить, что все они, эти люди, разные, и обладают, соответственно, различными возможностями и уровнями знаний. Человеку сильному, например, предстояло бы не возгордиться и, оставаясь снисходительным к чужим слабостям, суметь сохранить при любых обстоятельствах свою жёсткую, но верную позицию лидера. В силу

превосходящего над другими людьми опыта и преобладающими в его характере волевыми качествами, он должен был испытывать чувство ответственности за каждого, кто нуждался в его поддержке.

Невозможно пройти этот путь, никого не обидев. Обида будит в человеке зачастую не лучшие качества, но именно с её помощью удаётся вытащить на свет пропасть человеческих добродетелей, главная из которых – неравнодушие к собственным возможностям и силам.

Слабому человеку всегда хочется пройти до цели кратчайшим путём. Безошибочно угадывая о том, что его может ожидать, если он будет честен по отношению к самому себе, человек пренебрегает самой дорогой, не подозревая, что короткий путь не есть самый верный. Полагая, что честная дорога недостойна его внимания и совсем необязательно прилагать в жизни максимальные усилия, он пытается перескакивать через целые куски своей судьбы, и его, конечно, рано или поздно постигает разочарование. Для преодоления своих неудач и раскрытия собственной сути ему необходимо участие в подобных сообществах, какой была наша бригада на протяжении десятка лет, поскольку в одиночку человек со своим незнанием никогда не справится.

Теперь, вспоминая то время, когда нами были совершены самые разнообразные по характеру и сложности экспедиции, я всё чаще задаю себе вопрос: что же такое дружба? Всплывающие из глубины человеческой души робкие пузырьки внимания и привязанности, безнадёжно лопающиеся на поверхности? Как те, что оставались после нас, в голубой воде, упругие и стремительные от скрытой в них силы, летели они к своей неминуемой гибели, так, что ничего нельзя было поделать. Неведомое количество пузырьков, устремляясь ввысь, случайно сталкиваются и, на короткий миг, соединившись, возносятся к открытому воздуху, создавая феерическое торжество, неописуемую радость сопереживания, а потом – их нет…

Дружба – это, наверное, всегда первооткрывательство… В силу необъяснимых обстоятельств или симпатий кто-то кого-то находит, восторженно признаётся в этом себе и другу, и долгое время бережно пользуется. Часто к гордости обладания примешивается безмятежность, и тогда, вскоре, твоя мечта и обладание чем-то дорогим, прямо на глазах разбивается в прах, исчезает в неведомой дымке, как привидевшийся мираж. С утерей постепенно приходит понимание, что, открывая и приобретая, берёшь на себя великую ответственность. Но случается, что мечта, припадая на одно крыло, умирает, так и не взлетев. Нередко я начинал думать и о том, что дружба – это, скорее всего, общение по интересам, и такие отношения предполагают, наверное, лишь товарищество, нежели действительно дружбу, поскольку дружба – это, несомненно, любовь… А любовь крайне редка и рождается на небесах: не важно – мужчину ты любишь или женщину. Настоящая любовь – это всегда отдача себя, без всяких условий.

Любовь друг к другу возникает, по большей части, в молодости, потому, что именно в эту пору наиболее часто и крепко зарождаются разного

рода мужские сообщества. Молодая кровь и ожидание от жизни самых невероятных приключений, как ничто, способствует этому. Редко кому удаётся миновать простую и испытанную в жизненных боях схему: знакомство, необузданные заверения в верности и неминуемое расставание. Лишь овеянный истинным знанием жизни неподвластен злой силе разъединения, да только откуда же ему взяться в двадцать пять лет?!

После нескольких экспедиций мы поняли, что неприятности обычно подстерегают нас не во время явной опасности, когда нервы и усилия всех максимально собранны и напряжены, а при расслаблении, в самые безобидные моменты, при непростительной утере внимания друг к другу, и возможности руководить своими чувствами и поступками.

Чрезмерная усталость, накапливаемая неделями, часто выплёскивает из человека всё, что в нём есть неосознанного. Рано или поздно вскрывается внутренняя сущность человека, если она не была выявлена ранее. Ведь суровые условия обнажают человеческую душу до самых её глубин. Этот момент надо постараться во время уловить и понять. Но как добиться понимания, если не прошёл путь испытаний?!

Ни чем не рискуя, ничего не достигнешь. Окунуться в мир открытий и приключений дано не каждому. Только очень смелый человек может пойти на значительные жертвы ради того, чтобы острее чувствовать жизнь во всех её проявлениях.

Преодоление страха также является одним из самых серьёзных устремлений человека к постижению. Боятся все, но преодолеть себя оказывается подвластным далеко не каждому. Выше всего ценятся жертвы, принесённые во имя познания, а это есть – духовные усилия.

Тот, кому не терпелось познать мир, кто постоянно ощущал свою ответственность за находящихся рядом людей, в любой ситуации и очень быстро овладевал собой. Таких, как правило, находилось двое-трое – не больше, но они никогда не переводились. Только они могли взять на себя смелость принятия решения и повести за собой остальных.

В море ты рассчитываешь, в первую очередь, на живую силу – силу своих товарищей, а потом уже и на собственную. Всё остальное только даёт иллюзию, что на него можно положиться. Помощь «стариков» всегда была оправдана, но, беря на заметку только опыт их жизненных сил, нельзя было быть уверенным, что он беспрекословно себя окупит. Наивность воззрений новичков, их неукротимый задор порой определяли в деле немало. В любом случае, благодаря усилиям всех участников экспедиции обстановка в бригаде, когда этого требовалось, постепенно приводилась в порядок, изгонялось всё ненужное, и в результате оставалось только то, что необходимо для жизни.

В конце каждой экспедиции ты чувствовал, что нет для тебя на свете дороже людей, чем те, что окружают сейчас. Ты испытывал потребность быть с ними всегда вместе. Это ощущение спаянности – лучшее, что дарили нам молодость, наша неукротимая жажда приключений и море.

Их союз казался непоколебимым. Он таким и остался для всех нас, правда, мне становится грустно при мысли, что ни одна из этих экспедиций уже никогда не повторится. Но главное – они были!

… Слушая, как переговариваются между собой камни, я успокаиваю себя мыслью, что каждый из нас никогда не забудет ничего и будет нести эту память в себе всю жизнь, что бы с ним ни случилось. А потом, когда-нибудь, достанет из шкафа большую белую раковину, даст её послушать сыну и по блеску в его глазах поймёт, что прожил свою молодость не зря.

ДАРЫ МОРЯ

Когда погружаешься в голубовато-мутную бездну, лёгкая тревога в ожидании дна на какое-то время не покидает тебя, уши сдавливает режущая тяжесть, от которой следует избавиться с помощью продувки, но вот уже возникают из темноты изумрудные островки водорослей, и как будто другая, неведомая планета открывается твоему взору. Ты – под водой, в волшебном царстве, полном самых причудливых драгоценностей, когда даже один вид их необыкновенно волнует сердце!

Радостно само пребывание в толще чудесной морской воды, и надо же – в ней повсюду находятся и случаются совершено непередаваемые по красоте явления, о которых ты, конечно, раньше подозревал, но и не думал, что они такие удивительные. А главное, все эти богатства моря так просты и доступны, что даже не верится, что их можно увидеть и даже прикоснуться к ним. Тебя охватывает непередаваемый восторг: дары моря теперь принадлежат и тебе тоже!

Как роскошно разнообразие подводных сокровищ, многие из которых забрать с собой просто не представляется возможным, поскольку неповторимая прелесть их исчезает вне водного пространства. Страшно порой дотронуться до пронизанных неведомым жаром пурпурных актиний, напоминающих небольшие древние сосуды. Каким образом в этой сумеречной прохладе мог сохраниться такой живой и пронзительный свет?! А белый, как снег, коралл, найденный на глубине, вплетается в морскую синеву ещё органичнее, чем белые буруны и белоснежные чайки над ними.

Сдержанно сияют в глубине амурские звёзды, напоминающие печные изразцы: их незатейливый сиреневый рисунок изящен и в тоже время прост. Бордовые эвастерии всегда крупны и округлы, словно надуты изнутри какой-то переполняющей их неведомой силой, и плавно возникая из окружающей синевы, они неторопливо притягивают к себе и убаюкивают. А вот – ромбовидные и пятиугольные патирии: они располагаются на дне целыми колониями, похожи на маленькие морские подушечки, и своим видом словно приглашают к себе на отдых. Окрашенные в густой синий цвет, с разбросанными по телу узорами из алых и оранжевых пятен, звёзды, в самом деле, действую успокаивающе…

Даже через неопреновую перчатку все подводные реликвии ощущаются с трепетом, вполне живыми. Тело же становится ловким, послушным и, в противоположность возникающим из глубины диковинам, существует как будто в волшебном сне. Каждый участок дна обычно не похож на предыдущий, и непременно дарит что-то своё, необыкновенное… Необыкновенным в этом чудесном мире, в конце концов, кажешься себе ты сам.

Какая-то необъяснимая жадность к морским богатствам охватывала всех нас, когда мы добывали морские продукты на юге Сахалина, в лагуне

Буссе. Порой она была так остра, что мы собирали под водой всё, что могло привлечь собой наше избалованное внимание. В любом кусочке коралла, обыкновенной, ничем, вроде бы, непримечательной раковине или морской звезде виделось главное, та самая тайна, без открытия которой, казалось, тебе никак не обойтись. В каждой удивительной мелочи хотелось захватить с собой частицу этого очаровывающего мира, ибо никакие воспоминания в дальнейшем не смогли бы отобразить однажды увиденное под водой лучше, чем сама раковина с перламутровой гладкой внутренностью, в известняковых наростах…

Чудо природы, однажды её создавшее, до сих пор теплится в ней неуловимым присутствием, наполняет внутренним светом, непрекращающейся музыкой гудящих волн. Веками накапливаемая в моллюске сила ещё бесконечно долго будет поддерживать в раковине невидимую жизнь, которую с трепетом ощущаешь, когда бережно держишь её в руках. И, конечно, как-то само собой захочется поднести раковину к уху, осторожно приложить её и послушать… Раковина непременно отзовётся на твоё внимание отдалённым вселенским гулом неведомого прошлого, временем, когда на земле ещё никого не было…

А какое разнообразие раковин встречается вдоль всего побережья Японского моря! Здесь можно найти пурпурные или оранжевые изнутри раковины рапаны – грозы устричных банок. Незабываемо красивы, чуть ли не со столовую тарелку, кремовые створки приморского гребешка. Чуть меньший по размерам, веерообразный гребешок Свифта сразу притягивает взор своими розовато-лиловыми и фиолетовыми переливчатыми тонами. Слоистые раковины японской устрицы – словно воздушные нагромождения морской пены. Гирлянды голубых мидий – это поистине неподражаемые дары моря, которые оно великодушно оставляет у своих берегов целыми гроздьями. Круто завитые временем, белоснежные букциниды, кажется, вот-вот разразятся трубным глубинным зовом. Изящные туринделлы, наоборот, вытянуты в тонкие трубочки-пирамидки, напоминающие головные уборы сказочных гномов. Пузатенькие, словно ларцы-кубышки мактры – скрытны и вроде как заключают в себе какую-то непредсказуемую находку, так что раковину не сразу и откроешь, даже уже высохшую, пустую, попавшуюся на берегу… Всегда хочется непременно завладеть такой красотой и как можно дольше сохранять её.

В мутновато-зелёной воде, на белом песчаном дне, пестреют тёмно-коричневыми пятнами неподвижные для глаз голотурии – трепанги, что представляются неведомыми существами в глубине какого-то сказочного аквариума. Неподалёку от них снуют по камням вечно озабоченные чем-то раки-отшельники, стараясь отыскать себе более удобный домик. Когда какой-нибудь моллюск погибает, раковину его тотчас занимает рак-отшельник, и, взвалив её ловко на себя, тотчас исчезает в первой попавшейся расщелине.

А вот, возле зарослей зостеры, крадётся мохноногий краб-тельмесус, окрашенный в красивый золотистый цвет… Стоит протянуть к этому неповоротливому подводному пауку руку, как он мгновенно преображается. Словно привстав на цыпочки и ощерившись, он прытко бросается в сторону, прижимается задом к какому-нибудь камню и угрожающе раскрывает свои клешни, попеременно поводя ими перед собой.

Рядом с маленькими серебристыми рыбками, устрицами, морскими звёздами и любопытными крабами существует и такое неповторимое, казалось бы, совсем не похожее на подводного жителя животное с множеством щупалец и очень выразительными глазами, как осьминог. Иногда его можно было потрогать, слегка потянуть за щупальцу, испытав на себе силу её многочисленных присосок, просто поиграть с ним. При добыче морского ежа и трепанга мы часто даже пытались потанцевать с осьминогами, расправив их щупальца, когда они были оторваны от дна, и эти необыкновенные морские существа иногда отвечали нам взаимностью.

Совершенно поражают восприятие и длинноиглые ежи-нудусы… На склонах буровато-серых и синих каменных глыб они замирают ощетинившимися чёрными шарами, будто ловя своими иглами слабо пробивающийся сквозь толщу воды рассеянный солнечный свет. Осторожно прихватив с собой ежа и приподняв его на ладошке у самой поверхности воды, можно увидеть, как вспыхивают на концах игл красные искорки, а сам он, неожиданно, наливается изнутри нежным рубиновым соком.

Неповторимо по красоте подводное царство… Повсюду здесь – головокружительное разнообразие форм, цветовых оттенков и самых причудливых повадок, и всё это – на дне, в сумраке сурового дальневосточного моря. Может быть, поэтому мир подводных обитателей так пристально притягивает к себе внимание людей, словно обещая им открытие вековечной тайны бескрайнего водного пространства. И люди неотступно тянутся к морским богатствам, по возможности собирают их и бережно хранят.

«УСТРИЦЫ»

Устрицы… Кто не слышал этого распространённого названия моллюска, которого, между тем, далеко не каждый едал. И всё потому, что обитает он у нас преимущественно на Дальнем Востоке, у побережья Южного Приморья и Сахалина.

Помнится, меня немало озадачивало обилие раковинных куч по побережью мелководных, хорошо прогреваемых летом бухт и заливов в Татарском проливе, представляющих собой остатки именно устриц. И действительно, устрицы обычно живут колониями, на так называемых устричных банках или устричниках, но те, что попадались нам вдоль Сахалинского побережья, имели, скорее всего, искусственное происхождение, то есть – появились в своё время не без помощи человека. На Сахалине это впервые происходило, видимо, несколько тысяч лет назад, когда остров осваивали племена кончей и айнов.

Всё становится на свои места, если для объяснения этого факта привлечь сведения о самых примитивных формах ведения устричных хозяйств, сохранившихся ещё до наших дней в странах Восточной Азии. Для выращивания устриц в Японии и Китае с незапамятных времён применяют простой способ. На мелководье раскладывают или разбрасывают параллельными рядами гряды из камней и пустых раковин, к которым и прикрепляются личинки устриц. Через 2-3 года, когда они вырастут, устриц достают и на освободившееся место вновь добавляют раковин и камней, а также бросают молодь устриц, которую открепляют перед варкой взрослых моллюсков. Следовательно, такие устричники, скорее всего, являются остатками подводных огородов, а устрицы в раковинных кучах – продукт выращивания их примитивными методами.

Сейчас устричные банки уже немногочисленны, потому как моллюсков никто давно не разводит, да и шторма с приливно-отливными течениями постарались – многие из банок разбиты. И всё же, встречая белые устричные островки, на которые любят присаживаться неугомонные чайки, отчего-то радуешься неизвестно чему и долго смотришь, пока они не скрываются из виду. Вероятно, взгляд просто привлекает всё, что выступает из воды, подсознательно напоминая человеку об оставленной им, хотя бы на время, суше, и он вмиг пытается зацепиться им за ушедшую из-под ног твердыню, втайне не надеясь на зыбкую водную стихию.

В отличие от перемещающегося под водой приморского гребешка, устрицы относятся к неподвижным сидячим формам, и, образуя между собой тесное содружество, они прирастают к створкам своих соседей, составляя самые невообразимые гирлянды. Имея, к тому же, витиеватые тонкие окончания, наподобие хрупкой морской пены, эти гирлянды раковин и вовсе будоражат воображение, когда впервые взираешь на устричное скопление,

представляющее собой нечто, к чему хочется приблизиться и с удивлением рассмотреть. Правда, края раковин очень тонкие и острые, как лезвие бритвы, и не дай бог наступить на них хотя бы даже в ластах, не говоря уже о неопреновых носках: последствия могут оказаться самыми плачевными.

Характерная особенность устрицы заключается в том, что прирастает она к камням левой створкой раковины. Вследствие этого раковина у неё асимметрична – левая створка более объёмиста и играет роль вместилища, в котором находится тело моллюска, тогда как правая, плоская, является как бы крышечкой. В отличие от левой створки - правая сохраняет подвижность: когда она приоткрывается, обнажается вход в мантийную полость, засасывающую воду и пропускающую её через своё тело.

Устрицы, как и рыбы, дышат жабрами, но их жабры действуют также и как фильтр, задерживающий фитопланктон. Происходит это благодаря тому, что жабры покрыты клейким веществом. Крохотные волоски, называемые ресничками, перемещают пищу от поверхности жабер к ротовому отверстию. Слишком крупная пища отбрасывается и смывается затем течением. Только одна гигантская тихоокеанская устрица, обитающая в Японском море, у южных берегов Сахалина, перекачивает в сутки десятки литров воды, отфильтровывая планктон и остатки организмов, составляющие её пищу. Всё занятие устриц заключается лишь в том, что они открывают и захлопывают створки своих раковин, довольствуясь тем, что приносит им море.

Размеры раковины у разных видов устрицы различны. Наша тихоокеанская устрица, принадлежащая к наиболее крупным формам, у сахалинских берегов с благоприятными условиями жизни достигает сорока сантиметров в длину при ширине в двенадцать сантиметров. Вообще, раковина устрицы сильно изменчива, потому как при росте левая, прикреплённая створка повторяет неровности грунта.

Обычно раковина не окрашена, и более или менее светла, но нередко, однако, у дальневосточной устрицы попадаются особи с лимонно-жёлтой, зеленоватой, фиолетовой и даже пятнистой и полосатой раковиной. На поверхности раковины всегда видны многочисленные линии роста в виде неправильных концентрических слоёв или пластинчатых гребешков, которые и придают устрицам разнообразные оттенки.

Под водой устрицы чаще всего держатся сросшимися друзами, волнистые створки раковин всегда чуть приоткрыты, и весь такой известковый монолит напоминает какой-то диковинный каменный цветок, невесть зачем оказавшийся на морском дне. Обычно устрицы накрепко прирастают нижними створками раковин к твёрдой поверхности, словно скрепляясь с ней при помощи неведомого раствора, так что оторвать их практически невозможно. Если только сбить чем-нибудь тяжёлым, например, крупной галькой, но и тогда не будет гарантии, что вы окажетесь обладателем желанной устричной друзы. Порой устрицы не поддаются даже зубилу или ломику, в отличие от более доступных мидий, которые отдирать от подводных камней гораздо проще.

Пребывание под водой, когда вы исследуете донное пространство, сравнимо с самым настоящим чудом, и так оно и есть. Вы медленно продвигаетесь в серо-зелёной толще воды, всё тщательно осматриваете, и вам постоянно попадается что-нибудь новое. Вот вдали, на довольно обширной полянке, вы замечаете какое-то большое белое пятно… По мере приближения, очертания его становятся всё более отчётливыми, и скоро вы понимаете, что перед вами – целая глыба из громадных раковин-устриц…

В онемелом восхищении оплываешь это подводное диво, разглядываешь и даже не догадываешься прикоснуться к нему. До того увиденное необычно, и тебе становится так радостно на душе от всего, что с тобой сейчас происходит! Вот бы забрать такую красоту с собой, думаешь ты, поставить дома на стол и любоваться. Здесь, на Сахалине, подобное кажется вполне осуществимым, словом, обычным делом, и ты веришь, что эта устричная ваза будет, действительно, украшать твою квартиру, что уже немыслима без моря, она давно – подводный музей! Чудесные устрицы, верится тебе, найдут в ней своё место.

На оголённых же устричных банках, где сохраняются большей частью мёртвые раковины, они невзрачны. Светло-серые шероховатые устрицы покоятся громадной грудой, омываются солёными валами, и когда долго смотришь на них, чудится, что они оживают и начинают шептаться между собой. Прислушиваешься даже, склонившись над устрицами, и воображаешь себе неизвестно что, но спохватившись – улыбнёшься… Ты, устрицы и море, - как это чудесно!

Обширная мелководная отмель часто образует сплошной устричник… Широкой полосой, в десять-пятнадцать метров, тянется он параллельно берегу, завораживает своей белизной. Будто это – устричная мостовая, что ведёт к неведомым морским тайнам…

Раковины устриц лежат вплотную друг к другу, но такое ощущение, что они не особо этому рады. Как будто вынуждены находиться вместе, но и не могут никуда убежать. Да им этого, наверное, и не хочется, - только бы быть в море, жить его судьбой, становясь с ним одним целым.

Устрицы отличает от других раковин моллюсков волнообразные наросты на створках, подобно бесконечно набегающим на берег морским волнам. Наросты эти растекаются тонкими плёночками, даже – хлопьями, будто слоёное тесто, но притронувшись к ним – отдёргиваешь руку: об их острые края можно легко порезаться. Края створок тоже извиваются, плотно прилегая друг к другу, а приоткрывшись – оголяют мышцы мантии, прилепившейся к стенкам внутри раковины. Устрица обладает невероятной силой, когда неожиданно сжимает створки, в чём мне пришлось однажды убедиться, почувствовав её на своих пальцах: мощь мгновенно захлопнувшейся раковины выбила на глазах слёзы, и не окажись рядом приятеля с ножом, плохо было бы моё дело…

На рост этих морских моллюсков и их вкусовые качества влияет, как ни странно, малая степень солёности воды. Наиболее жирные и лучшие по

качеству устрицы собираются в тех местах, где солёность выражается всего лишь в двух-трёх процентах и морская вода разбавлена хорошим притоком пресной воды, как правило – у устья большой реки, впадающей в море. При большом процентном содержании соли в воде устрицы тоже растут неплохо, но тело их становится жёстким и неприятным на вкус. Это уже было известно в Древнем Риме, где собранных из разных мест устриц долгое время выдерживали перед употреблением в пресноводной бухте Лукрино, и только после этого подавали на стол императора.

В лагуне Буссе, на юге Сахалина, где мы добывали трепанга, морского гребешка и анфельцию, устрицы в обилии водились именно напротив впадающей в неё речушки. После работы мы обычно собирали раковины на небольшой глубине, значительно пополняя свой пищевой рацион, ибо ничто не придавало столько энергии при длительном напряжении, особенно - под водой, как ценный морской продукт.

Чем же ещё, как не своим содержанием, могут привлекать к себе устрицы, внешне представляя из себя коварные известковые нагромождения?! Дело в том, что нога у этих раковин совершенно отсутствует. Открыв устрицу ножом, это хорошо видно. Но рядом со слабо развитым туловищем раковины, опять же - из-за отсутствия ноги, можно сразу увидеть столбик мяса нежно-белого цвета: он и является целью промысла устриц, устремлением кулинарных гурманов.

Мясной столбик моллюска имеет такой же нежный вкус, попробовав который хотя бы однажды, уже не забудешь его никогда. Эта морская сочная мякоть, даже в чём-то пустоватая, - непередаваемое, подаренное морем блаженство, растекающееся во рту сладостно-душистой, ароматной негой, сравнения коему ни за что не отыщешь среди великого множества земных продуктов. Именно – сладость, невообразимая морская душистость, острая терпкость крохотного, созданного великой стихией кусочка, почему-то так притягивающего к себе самых отменных знатоков кухни. В нём - и холод неведомых морских течений, и упругость играющей под ветром волны, и сила, вернее, неописуемо-аппетитный, густейший смак, поднимающийся из самых глубин… Устрицы – неуловимая плоть и аромат морской воды!

Но не только человек любит насладиться мясом устриц: они составляют излюбленную добычу для многих животных. Молодые устрицы в массе уничтожаются различными рыбами и привлекают к себе крабов, которые не прочь полакомиться их нежным мясом. Морские звёзды, при помощи сильного желудка, прекрасно открывают устриц, запуская его внутрь раковины, и начисто опустошают её содержание. А натика, эта неприметная, казалось бы, морская улитка ловко просверливает крепкие раковины устриц и поедает их. Наконец, мидии иногда так густо облепляют сверху устриц, что последние задыхаются под ними. А бывает, что обширные устричники заносят песком длительные и сильные шторма, и тогда белые устричные банки превращаются в жёлтые песчаные косы…

Напротив нашего дома, на берегу залива Буссе, в тени кустов цветущего шиповника обычно всегда валялись раковины разных моллюсков. Разделанные и оставленные так просто гнить, чтобы потом приготовить из них красивые морские экспонаты, раковины источали сладковато-приторный запах, который душными волнами внезапно накатывал и так же быстро куда-то улетал. Ко всему этому аромату примешивалось крепкое и чистое дуновение с моря, сразу переворачивающее всё в тебе, обновляющее и зовущее к подводному труду. С раннего утра уже оказываешься там, в голубовато-зеленеющей прохладе, на дне, и забываешь обо всём, ловко собирая, одну за другой, упругие мясистые гусеницы шоколадного цвета – трепанг. Но, то и дело, поглядываешь по сторонам: не видать ли белых тарелочек приморского гребешка или, на худой конец, загадочных устриц?

С виду не такие уж и привлекательные, чаще – беловато-жёлтого, серого или даже грязноватого цвета, сплошь покрытые гроздьями мелких балянусов и известняковыми наростами, прилепившимися в несколько слоёв, раковины устрицы всё-таки притягивают взгляд. А когда раскроешь створки раковины и проведёшь пальцем по её нежно-голубоватой внутренности, представляющей из себя шелковистый фарфоровый налёт, то и вовсе залюбуешься… Густая по краям, синевато-бежевая окантовка светлеет к середине, где в маленькой впадинке, будто выдавленной чьим-то неведомым морским пальцем, располагается сам моллюск. Нежный, жемчужно-кремовый кусочек – изысканный на вкус морской деликатес, омываемый в раковинке таким же нежно-жемчужным соком, придающим моллюску особую пикантность. Предвкушая на губах тонкий аромат, вмиг забываешь о несуразности известковых нагромождений вокруг этой нежности, но и нежность мясной мышцы и меловая твёрдость самой раковины порождены морем. Разве может оно быть грубым?!

Ради такого завораживающего, но короткого питательного наслаждения невзрачные раковины потом тысячами, уже никому ненужные, выбрасываются, и лишь немногие из людей забирают устрицы с собой, на сувениры, чтобы привезя домой, опять же – забросить их в какую-нибудь коробку. И устрицы лежат там, в темноте, и, наверное, вспоминают, как совсем недавно они поднимались из воды белеющими среди морской синевы маленькими банками… Чайки с удовольствием облюбовывают их, и по птицам, собственно, и можно определить, что в этом месте находится почти невидимый, сливающийся с морской поверхностью устричный островок. Чайки почему-то никогда здесь не кричат, и неспешно расхаживают среди замерших раковин, как будто заняты чем-то важным. Впрочем, что может интересовать этих вездесущих морских пернатых кроме возможности чем-либо поживиться?

Устрицам же вольготно чувствовать себя рядом и с морем, и с птицами, и они, конечно, не ведают, что рано или поздно будут отлучены от родной стихии, наполняющей их такой нежной и трогательной силой, которую вскоре сдобрят лимонным соком, пряностями, сухим вином, и с аппетитом

съедят. А может быть, устрицы так и останутся навсегда в своей обители, и море будет омывать их крепкую известковую оболочку, ласкать нежные внутренности, и однажды в раскрытые створки раковины попадёт песчинка, которая постепенно обрастёт перламутром и превратится в драгоценную морскую слезинку – прекрасную жемчужину.

«ГРЕБЕШОК»

Донное население океана отличается поразительным разнообразием форм жизни и поистине чудесным приспособлением к ней. Многие учёные полагают, что и сама жизнь впервые появилась на его дне. Особенно незабываемы многочисленные донные животные на шельфе, то есть на глубинах от уреза воды до 200 метров. На эти глубины ещё проникает свет, в воде здесь очень много органических веществ, и это даёт возможность существовать самым разнообразным ракушкам. Главные из них на Дальнем Востоке – устрица, мидия и приморский гребешок…

Все ракушки обычно привлекают к себе внимание в силу того, что скрыты от взоров наблюдателя, а также по причине своей малоподвижности, но именно их скрытность, частично отображающая таинственное морское дно и его обитателей, и вызывает к ним, в тоже время, неподдельный интерес. Кто из нас ни желал хотя бы раз в жизни стать обладателем красивой большой ракушки, которую бы можно было поставить дома на полку, изредка брать её в руки и прикладывать к уху, с трепетом вслушиваясь в отдалённый загадочный гул, настойчиво исходящий из её завитых глубин? К тому же притягивает к себе изменчивость форм раковин, их причудливые очертания и неведомый для многих из нас образ жизни.

Как ни странно, но примитивное строение ракушек, несмотря на внешнюю привлекательность, подразумевает их сложное внутреннее устройство, которое включает и желудок, и кишки, и печень, и сердце, и почки, и нервную систему, состоящую из нескольких пар нервных узлов. Есть у раковин и рот, мускулы-замыкатели, с помощью которых створки открываются или закрываются, заднепроходное отверстие, выводящее переработанные продукты питания, жабры, половые железы, нога… У них нет только головы. Ракушки – удивительные живые существа, приспособленные к жизни под водой.

Но как раковины передвигаются? Этому способствует нога, непосредственно переходящая в туловище. Действие этого органа можно легко наблюдать при содержании ракушек в аквариуме на слое песка толщиной в несколько сантиметров. Лишь только ракушка успокоится, её раковина приоткрывается, края мантии слегка выпячиваются, и наружу высовывается передний конец ноги подобно языку. Если кругом безопасно, нога высовывается всё дальше, погружается в песок, и ракушка начинает продвигаться вперёд или закапываться в грунт передним концом, приподнимаясь на своей ноге. Пройденный ею путь оставляет след в виде неглубокой бороздки.

И всё же, большая часть ракушек вынуждена оставаться неподвижной, в отличие от гребешков, что приспособились … летать под водой. Да-да, именно летать, совершая сначала небольшие прыжки, ну, совсем как

лягушка, а затем – стремительно перемещаться под водой на несколько метров. Гребешок - ещё одно из нескончаемых подводных чудес!

Обычно гребешок лежит неподвижно, и его неодинаковые створки, одна – выпуклая, на которой он и покоится, и вторая – плоская, прикрывающая первую, наподобие крышечки у сказочного ларца, - приоткрыты… По обе стороны макушки выдаются плоские усики, а к краю раковины лучами расходятся более или менее выпуклые рёбра. Между краями створок располагается мантия, усаженная многочисленными щупальцами и глазами, которые блестят как бриллианты. В темноте глаза моллюска, число которых превышает сотню, светятся зелёным светом, устроены они довольно сложно и имеют светопреломляющий хрусталик. Так что эта ракушка видит!

Правда, глаза морского гребешка могут «видеть» лишь то, что находится в самой непосредственной близости от них. В этом легко убедиться, поместив гребешка вместе с его самым яростным преследователем – морской звездой. Ракушка лежит спокойно, пока опасный враг не приблизится почти вплотную. Только тогда глаза гребешка становятся способны его различить, и тотчас следует поспешное бегство. В этот момент у гребешка мгновенно сокращается очень чувствительный мускул, который быстро захлопывает створки, с силой выталкивая из раковины воду, в результате чего и происходит скачок, а в некоторых случаях – планирование. Этому способствует ещё и очень округлая форма раковины гребешка, напоминающая совершенный летательный аппарат.

Недаром, наверное, округлённые по линии створок края мантии гребешка называют парусами, с помощью которых раковина, собственно, и захлопывается, а затем – перемещается. Это совершается следующим образом. Когда створки раковины раскрываются, запустив воду, а затем быстро захлопываются, вода, находящаяся в мантийной полости, с силой выталкивается наружу. Но по краю створок она встречает сопротивление парусов мантии, которые обычно загнуты внутрь, и в этот момент они расправляются, образуя своего рода клапан, не пропускающий воду. Поэтому вода выбрасывается двумя сильными струями вблизи места соединения обеих створок, так как здесь паруса отсутствуют. В результате тело животного получает настолько сильный толчок в противоположном направлении, что, отделившись от грунта, совершает прыжок, а порой даже – стремительное планирование, которое не всегда и приметишь, до такой степени оно молниеносно.

Долгое время я был убеждён, что гребешок имеет особенность двигаться за счёт реактивной струи, возникающей при резком захлопывании створок раковины только вперёд. То есть – по ходу естественного движения, используя свои обтекаемые формы, когда две упругие струи воды вырываются сзади, из ушек, и гребешок летит столь далеко, насколько сильно сработали его внутренние мышцы-замыкатели. Но для меня явилось полной неожиданностью то, что гребешки могут двигаться в сторону

открытых створок, причём, когда они растворены. Правда, не так далеко, как бы это происходило по естественной инерции движения, после мускульного толчка, зато с резким поворотом вокруг собственной оси.

Лишь гораздо позже выяснилось, что движется гребешок с открытыми створками вперёд тогда, когда спокоен, и выбрасывает он воду двумя струйками сзади, через щели около замка. А вот потревоженный моллюск начинает выталкивать воду с силой через сами створки, двигаясь замком раковины вперёд. Ну, чем не аквамарина с естественным подводным двигателем!

Кстати, наиболее расположены к передвижению маленькие гребешки, живущие как бы стаями, и продвигаются они по дну моря одновременными прыжками. Нам-то кажется, глядя на спокойную поверхность океана, что и на глубине его всё относительно спокойно, и разве помыслит какой-нибудь достопочтенный гражданин, что над дном там летают стаями молодые раковины-гребешки! Только самые крупные, старые, как и пожилые люди, которым наскучило жить, наверное, не стремятся к этому, потому как слишком тяжелы на подъём.

Гребешок обитает на глубинах до 50 метров. Поскольку он может перемещаться, то, когда у берегов ему становится слишком «жарко» - вода нагревается, он откочёвывает вглубь, а при похолодании выходит на мелководье. Мне приходилось лишь раз наблюдать подобное передвижение гребешка, причём, это был единичный случай, и поначалу я даже не сразу сообразил, что это перелетел с места на место именно гребешок. Уж слишком неправдоподобным показалось мне увиденное, и нужно обладать, наверное, достаточно буйным воображением, чтобы представить перемещение под водой целой оравы гребешков, молниеносно устремляющихся в толще воды к лучшей жизни!

Мало того, при необходимости перемены места и будучи потревожен, гребешок двигается зигзагообразно, совершая короткие прыжки. На новом подходящем месте, прежде чем успокоиться, он делает несколько круговых движений, благодаря чему его нижняя выпуклая створка немного зарывается в грунт. Створка эта, как правило, белая или желтоватая, а вот верхняя, выполняющая, как уже говорилось выше, функцию затворной крышки, уже более тёмная – коричневого или даже фиолетового цвета, благодаря чему гребешок надёжно маскируется на дне.

Интересна ещё у гребешков способность всегда соблюдать равновесие, ловко совершая переворот. Для этого у моллюсков существуют специальные органы, соединённые каналом с наружной средой; причём левый развит значительно сильнее, чем правый. Если после своего перелёта ракушка случайно опускается на дно плоской створкой вниз, которая у неё обыкновенно выполняет роль крышки, моллюск сейчас же переворачивается на 180 градусов, совершая это так стремительно, будто боится, что его застанут в неподобающей для него позе.

К слову сказать, из прямых врагов гребешка, помимо морских звёзд, на первом месте, по-видимому, стоят всё же осьминоги. Эти умные головоногие часто оставляют характерные кучи раковин гребешка с обломанными ушками или краями у замка. По этим кучам водолазы узнают о близости крупного осьминога.

Бывает, на поверхности раковины гребешка селятся асцидии и актинии – непревзойдённые по красоте подводные вазы и цветы, и гребешок этому соседству, кажется, только рад, оно ему нисколько не мешает. Наоборот, подобного рода симбиоз предполагает только взаимное удовлетворение, поскольку асцидии с актиниями таким образом перемещаются к более насыщенным кормами водным слоям, они теперь не привязаны к одному месту, а гребешок, благодаря им, обретает надёжную маскировку.

Но вот если гребешок облюбовали для себя ламинария или саргассум, образуя на его верхней створке целые заросли, то моллюск обычно погибает. Водоросль разрастается, плавучесть её постепенно превышает вес гребешка, и вскоре она всплывает на поверхность воды, поднимая и моллюска. Во время штормов поднятые со дна водорослями гребешки гибнут массами, будучи выбрасываемы на берег.

Среди выбросов на берегу нередко можно найти раковины самых разнообразных моллюсков, и местные жители, собирая их чуть ли ни ежедневно, используют раковины в качестве домашней утвари или для украшения жилища. Благодаря своей красивой форме и расцветке, ракушки, кажется, самой природой предназначены для этого. Совершенно естественно, что такие удобные и оригинальные предметы стали заменять старожилам пепельницы, скребки или даже посуду.

Мне всегда было безумно интересно просто собирать раковины, открывая для себя их таинственную, причудливую сущность. Отыскивать после шторма, угадывая в занесённых песком фрагментах что-то дорогое, очень близкое, радоваться обретённой красоте и удивляться непревзойдённому мастерству природы, необыкновенно родному для всех нас морю…

Именно поэтому, наверное, людям нравится прикладывать раковины к уху, пытаясь услышать отголоски стихии, когда-то породившей их самих, но вот гребешок удовлетворить этого желания не в силах: створки его достаточно плоские, не несущие в себе никакой скрытой тайны. Поражает взгляд только плавная округлость белой ракушки, порой достигающей размером столовую тарелку! Глядя на такие раковины приморского гребешка, самые крупные среди всех ракушек, обитающих в дальневосточных северных водах, почему-то приходят на ум гигантские тридакны…

В южных морях, среди кораллов, живёт этот моллюск, напоминающий ребристыми выпуклыми створками своего дальнего сородича. Его массивная раковина достигает в длину два метра, а весит более двухсот килограммов. Правители Венецианской республики поднесли королю Франциску 1 две

тридакны, которые и по сию пору находятся в парижской церкви Сен-Сюльпис и служат в качестве купели.

Аквалангисты, ныряя в тропических морях, могут наблюдать яркую мантию моллюска, окаймляющие створки раковины по всей длине в виде полосы красивого изумрудного цвета. Если поднести к створкам руку, они закрываются, правда, не очень быстро. Моллюск оснащён специальным органом, который оповещает о приближении посторонних предметов заранее, и ему нет надобности захлопывать створки резко. Они закрываются медленно и не могут причинить никакого вреда пловцу, будто бы намертво зажимая его руку, после чего он становится неминуемой жертвой моря. Истории о незадачливых пловцах, оказавшихся в этом живом капкане, вероятнее всего, сильно преувеличены.

Для нашего приморского гребешка, во много раз уступающего по размерам тропической тридакне, присуща способность захлопываться именно мгновенно, что оказывается губительным для морских птиц, в частности, для баклана, которому гребешок зажимает клюв, когда тот пытается полакомиться его внутренностями, или птицу привлекает жемчужина, изредка попадающаяся в раскрытых створках этого моллюска. Баклан – великолепный ныряльщик и пловец, и способен опускаться за кормом на глубину в несколько десятков метров. Работая на рыбодобывающих судах, нам частенько приходилось обнаруживать в донном трале этих птиц, задохнувшихся в крепком капкане из створок гребешка, и всегда было жаль пострадавшую птицу, но поражала и непреклонная сила моллюска, с такой неумолимостью не отпускающего свою жертву, самого себя при этом обрекая на гибель.

Этому печальному факту чаще всего способствует образ жизни гребешков, которые обычно торчат среди водорослей вертикально, воткнувшись в донный грунт «шарнирными соединениями» своих створок. Как будто смотрят вверх и чего-то ждут, чуть приоткрывшись. Их замершие позы свидетельствуют скорее об отрешённом покое, нежели настороженности. Но так, по-видимому, гребешки обедают, профильтровывая через себя богатую питательными веществами воду.

Впервые я увидел их в таком положении в лагуне Буссе, на глубине трёх-четырёх метров. Как правило, их всегда оказывалось больше у берега, в зарослях зостеры, чем в середине лагуны, на иле. Раковины стояли не шелохнувшись, как часовые, но когда к ним подплывёшь и протянешь руку, они захлопывались и молниеносно скрывались в водорослях, оставляя после себя облачко мути.

Немудрено, что стремительные ныряльщики – бакланы, успевали-таки сунуться клювом в раскрытые створки, но оказывались пленниками. Хорошо, если гребешок попадался маленький, и баклан мог подняться с ним на поверхность, попытавшись его сбросить, но когда раковина большая, она даже не даёт птице оторвать себя от дна, и птица погибает.

Для человека в гребешке особую ценность представляет мускул-замыкатель. Эта массивная, беловато-кремового цвета мышца соединяет обе створки раковины и при своём сокращении захлопывает их. По объёму эта мышца составляет значительную часть тела гребешка, и ради неё-то в основном и добывают моллюска. Мышца эта очень вкусна и питательна. Её едят и в сыром, и в жареном, и в запеченном виде.

Добывая в лагуне Буссе трепанга и морского гребешка, мы, конечно, не могли не включить его в свой рацион. Исключительно сочные и душистые столбики нежного мяса, просвечивающие насквозь даже в туманный день, они и своим видом, сырые, вызывали аппетит, не говоря уже о впечатлении, когда наш повар-кореец запекал их в тесте. Маленькие круглые пирожки, с удивительно ароматным соком, образующимся внутри, вызывали среди подводников особое восхищение. После такого завтрака в теле ощущалась необыкновенная приподнятость, настрой на работу, и мы не сразу поняли, что виной тому был именно гребешок, его нежное и вкусное мясо.

Ещё гребешка можно отварить минут пятнадцать в слабом соляном растворе, а затем, обваляв его в муке, обжарить с луком в масле до тех пор, пока он не покроется румяной корочкой. В сочетании с овощным гарниром мясо гребешка непередаваемо вкусно! Так же морского гребешка запекают, для чего мясо мускулов слегка отваривают и помещают в вымытые раковины, добавляя к нему сливочное масло и яйца. Перед тем как запеканку подать на стол, её посыпают тёртым сыром.

В старину гребешка добывали двумя очень своеобразными, но, в тоже время, простыми способами: ловлей с лодки сачком, насаженным на длинный шест, и на шнур. В первом случае ловец, сперва, высматривает гребешков на дне, и затем поддевает их сачком. Для разглядывания дна служило так называемое «корейское окно» - приспособление, широко распространённое у народов Дальнего Востока. Деревянный ящик, открытый сверху и снабжённый стеклянным дном, погружается стеклом в воду, и наблюдение ведётся через стекло. Благодаря этому рябь на поверхности моря совершенно не мешает наблюдению и в тихую погоду один ловец за день вылавливает сачком 100-200 гребешков. После дождя лов сачком невозможен, так как вода становится мутной.

Ловля гребешка на шнур – тоже любопытный и весьма древний способ, правда, возможный только на участках с очень ровным дном. Сначала ставят буёк с камнем или якорем. К последнему привязан шнур в 1-3 мм толщиной и около 200 метров длиной. На шнуре, через правильные промежутки, укреплены свинцовые грузила. Во время лова, ловец медленно плывёт на лодке, описывая вокруг буйка круг и держа всё время шнур натянутым. При движении по дну шнур легко попадает между приоткрытыми створками гребешков, лежащих на грунте. Раздражение шнуром заставляет моллюсков захлопывать створки, и тем крепче, чем чаще ловец дёргает шнур. Вытащив шнур в лодку через некоторое время, ловец снимает висящих на нём гребешков.

Способ, конечно, не очень эффективный, поскольку раковины цепляются случайно, какие-то из них могут быть раскрыты в противоположную сторону или вообще затворены, да и при приближении шнура они, как правило, быстро замыкаются. Гораздо рациональнее осуществлять добычу гребешков с привлечением труда лёгководолазов, когда они собирают раковины в сетчатые питомзы. Один лёгководолаз способен выловить в день несколько тысяч гребешков.

Бывает, гребешки располагаются на дне целыми грудами, будто сваленная, неизвестно кем, немытая фарфоровая посуда… Смотришь и не можешь поверить, что к этим залежам не прикоснулась чья-то всесильная рука: до такой степени неестественны эти скопления крупных раковин, напоминающих неглубокие изящные пиалы. Фарфоровая белизна присуща только внутренней поверхности приморского гребешка, тогда как внешняя окрашена в нежнейшие оттенки самых разных цветов: белого, розового, жёлтого, сиреневого, коричневого и даже фиолетового.

А ещё трудно избавиться от впечатления, что под тобой, самим Японским морем, великодушно рассыпана гора японских вееров, которые округлы, ребристы и каждый содержит в себе особый рисунок… Будто неведомые зрители в спешке покинули этот подводный театр, но представление по-прежнему продолжается, где актёры – морские лисички и коньки, крабы и звёзды, мидии и медузы, а занавес – изумрудные заросли филлоспадикса и зостеры. Даже не театральное представление, карнавал!

Чем только не представляются раковины приморского гребешка: и фарфоровыми тарелочками, и чудесными пиалами, и театральными веерами, и потаёнными подводными ларцами, вернее – шкатулками, и испанскими кастаньетами, ибо пара створок его скреплена чёрным лакированным сухожилием, напоминающим именно скрепление этих изящных музыкальных инструментов, и боевыми самурайскими щитами, и какими-то нагрудными знаками, бляхами, даже – орденами… Но люди приноровились использовать выпуклые створки этих раковин без особых затей в качестве … пепельниц, что я неоднократно наблюдал на рыболовецких судах, метеорологических станциях, у маячников, и просто в домах местных жителей, обитающих по берегам суровых дальневосточных морей. И всё же, однажды, раковины гребешка обрели свой священный смысл … на тулье шляпы пилигримов – паломников из Европы, устремляющихся тысячелетие назад к святым местам христианской религии.

В то время обычай паломничества в Палестину был уже достаточно распространён, и при отсутствии посуды глубокая и лёгкая створка гребешка применялась в качестве сосуда для питья. Пешеходы-пилигримы особенно использовали её для этой цели. В Палестине, перед возвращением домой, они выходили на берег моря, собирали на песке выброшенные штормом створки гребешка и прикрепляли на свою одежду. Так и стала раковина своего рода символом пилигрима, возвращающегося на родину после поклонения «гробу Господню».

В 12 веке паломничество сменилось крестовыми походами, и Палестина стала недоступна для бедняг-пилигримов. Заменителем «гроба Господня» стали служить другие христианские святыни, например, собор Сант-Яго де Компостелла в испанской провинции Галисия. А для того, чтобы привлечь именно сюда паломников, лишённых возможности попасть в Палестину, епископ Сант-Яго де Компостелла добился разрешения папы римского на продажу около собора раковин гребешка. Специально для этого на побережье Атлантического океана собирали вогнутые створки. Пилигримы, возвращающиеся домой, снова могли украшать свои лохмотья знаком паломничества. А гребешок в результате приобрёл ещё большую популярность в Европе. В Италии он назывался «святая раковина» или раковина Сан-Джиакомо, в Испании раковина Сант-Яго, во Франции – раковина Сен-Жак.

Между тем, рыцари-крестоносцы, совершая в Палестину «паломничество» с мечом и копьём, тоже не были чужды тщеславия и цепляли раковины гребешка на свои доспехи. Получалось что-то вроде наклейки на багаже туриста. Привезённые домой, эти раковины благоговейно хранились и передавались из поколения в поколение. Так они попали в гербы некоторых родовитых семей, ведущих своё происхождение от участников крестовых походов.

Когда наступила эпоха Возрождения, стало вновь волновать души людей и будить их воображение забытое на тысячу лет искусство античных времён. При раскопках выжженных холмов Анатолии и руин Греции часто находили статуэтки Афродиты, которая родилась из морской пены в раковине гребешка, его можно было увидеть на стенах садов Помпеи, в мозаиках Геркуланума, в нишах древних храмов. Особенно часто встречался гребешок на погребальных памятниках. Он украшал свинцовые гробы римской Британии и мраморные саркофаги в Малой Азии, присутствовал в орнаментах на византийских гробницах.

А затем произошло с раковинами ещё одно внезапное превращение. Из символа исполнения высшего, по мнению церкви, долга христианина – паломничества к святым местам, раковина превратилась в символ … нищенства. Среди нищих распространился обычай выдавать себя за пилигримов и протягивать к прохожим зажатую в руке створку гребешка, чтобы туда бросили монетку…

Картина же того, как мы добывали гребешок на Сахалине, в лагуне Буссе, очень хорошо стоит у меня перед глазами. Солнышко только поднимается из-за моря, а наши дорки уже отходят от причала и направляются к самым потаённым уголкам лагуны, туда, где обитает на дне этот необыкновенный моллюск. Беловато-розовые раковины гребешка лежат среди водорослей неподвижно, ничем не обеспокоенные, и мы тихонько продвигаемся к ним на своих небольших судёнышках, готовим к погружению акваланги и подгоняем снаряжение. Лагуна протянулась вглубь

острова на добрый десяток километров: есть время, чтобы помечтать о предстоящем погружении!

Вскоре долгожданная прохлада окутает наши тела, сонм серебристых пузырьков устремится на поверхность, и ты останешься один на один с подводной тишиной. Вот уже показалось песчаное дно, местами слегка колышутся островки зостеры, и, залюбовавшись на мгновение происходящим вокруг, тотчас настраиваешь себя на поиск. Нужно успеть добыть на один акваланг три-четыре, а то и пять питомз гладких, тяжеловатых раковин, будто покорно ожидающих того, когда ты их отсюда заберёшь.

Почему-то сразу ощущаешь, как гребешки замыкаются в себе, те, что были полуоткрыты – окончательно закрываются, и тишина под водой, кажется, ещё более замирает. Но обилие раковин приводит тебя постепенно в приподнятое настроение, и ты уже не замечаешь ничего, кроме возникшего напряжения. Быстро наполняешь раковинами питомзу и слушаешь, как они гулко ударяются друг о друга, будто переговариваются: донк-донк-донк!

Ещё вспоминается, что толстые розовые складки мантии по краям раковины похожи на губы, и, раскрывая створки, моллюски как будто улыбаются во весь рот. Любуешься этим «воздушным» поцелую под водой, и просто радуешься. Стоит протянуть к раковине руку, как гребешок захлопывает верхнюю створку, поднимая при этом облачко мути. Если он и не видит руку, то чувствует колебания воды.

Но иногда гребешок почему-то позволяет дотронуться до себя, не захлопываясь… Только чуть приоткроет створки, будто прищурится, и ты сразу ощущаешь, что этот подводный моллюск полон жизни: он видит тебя и понимает. А перелетает он не только когда спасается, но и, наверное, радуясь приключающемуся с ним обстоятельству побывать в новом месте, где его, может быть, перестанут, наконец, беспокоить и гребешок раскроется, ничего не опасаясь.

До сих пор представляю, как в зеленовато-голубой толще воды, над самым дном, сорвалась с места изящная тарелочка гребешка, подняв облачко песка, и исчезла в глубине, будто её и не было. Так и моя мысль попыталась угнаться за ней, но замерла, поняв, что не получится, и остаётся лишь восхититься волшебной стремительностью моллюска, призванного, между тем, по большей части лежать неподвижно на грунте, время от времени раскрывая и затворяя створки. Как мне хочется опять оказаться в зеленовато-голубых водах Сахалина, тихонько продвигаться над дном, чуть подрабатывая ластами, и радоваться неизвестно чему: то ли возможности просто быть здесь, чувствуя себя слитным с окружающим миром, то ли любоваться на подводные красоты… В том числе – на этого забавного гребешка, такого удивительного и простого, божественно вкусного, совсем неземного!

«МИДИИ»

Когда плывёшь вдоль береговой полосы Сахалина под водой, летом, то застаёшь здешних обитателей в полном здравии и довольстве. Они, кажется, благополучно пережили и суровую зиму, и строптивую весну, и нескончаемые жестокие шторма, умудрившись ещё дать немалое потомство. Обилие жизни под водой в эту пору поражает: длинноиглые ежи нудусы вперемешку с меньшими по размерам интермедиусами образуют внушительные скопища под колышущимся лесом из листов ламинарии, фукуса и ульвы; тут и медлительные, отрешённо замершие на песчаном дне трепанги – мясистые, шоколадного цвета гусеницы, называемые местным населением «подводным женьшенем»; вокруг снуют разноцветные маслюки, терпуги и камбалы, нет счёту разномастным и очень забавным бычкам, по самые глаза зарывающимся в ил; на каменистых уступах горят немеркнущим подводным огнём ярко-красные кувшинчики-актинии, так что приостановишь движение и в недоумении любуешься на это незабываемое чудо, зачем-то обладающее такой неописуемой яркостью; и куда не упадёт взгляд – повсюду, будто диковинные ордена, украшают дно морские звёзды – фиолетовые, оранжевые, чёрные и сиреневые в белую полоску…

Ну, а про раковины брюхоногих и двустворчатых моллюсков и говорить нечего, их – великое множество: морские блюдечки и сердцевидки, нептунии и улитки, рапана и галиотис, приморский гребешок и устрицы… Как и гребешок, и устрицы, к двустворчатым моллюскам относятся ещё мидии с мактрами, так же в обилии попадающиеся в шельфовой прибрежной полосе, и если мидии живут дружными семействами, то мактры лежат на морском дне в одиночку. Необозримо богат и красочен подводный мир у берегов Южного Сахалина!

Из-за этой скученности, мидиям, может быть, и приходится среди моллюсков тяжелее всего, ибо главный их враг – студёная зима, она сурово испытывает подводных обитателей на прочность. Ведь мидии, большей частью, держатся у берега, и в течение шести холодных месяцев приливная вода поднимает и опускает огромные ледяные поля, безжалостно наваливаясь на раковины своей массой. Множество мидий, обитающих на банках-отмелях, гибнет от такого соприкосновения. Гибнут моллюски и от переохлаждения, вмерзая в нижний слой льда. Весной же, когда огромные массы пресной талой воды стекают с побережья в море, они перемешиваются с разрушающимися ледяными полями, превращаясь в опреснённую снежно-ледовую кашу, и этот слой может достигать толщины двух метров. Такая студёная ванна не менее пагубна для мидий, чем ледовый плен, и моллюски бедствуют неделями, плотно сжав створки раковин.

Но и тем мидиям, что пережили зиму с весной, приходится нелегко: в естественных условиях им нет уже спасения от морских звёзд, с лёгкостью вскрывающих их раковины. Часто можно наблюдать, как эти животные

просто пасутся на поселениях моллюсков. Уничтожая последовательно одного моллюска за другим, они проделывают настоящие просеки, и если поселение небольшое, то со временем ликвидируют его полностью.

Морские звёзды никогда не пренебрегают роскошным обедом из мидий, чьи пустые раковины в изобилии потом встречаются на банках. Постепенно раковины становятся хрупкими, и прибойная волна обычно разбивает их в куски, а при последующем разрушении – раковины мидий превращаются в голубоватый ракушечный песок. Когда идёшь по такому песку, всегда не покидает ощущение, что почва исчезает под ногами, и ты тоже куда-то постепенно проваливаешься, но страха при этом не испытываешь. Приятна эта переживаемая у самого моря воздушность, что только ещё более соединяет тебя с родной стихией, и всё – благодаря чудесным голубым мидиям.

Не прочь полакомиться мидиями и крабы. Но чтобы добраться до мяса моллюска, им приходится изрядно потрудиться. Улучив момент, краб проворно всовывает конец клешни в приоткрытую щель между створок и не даёт им сомкнуться. А затем другой клешнёй выщипывает мантию до тех пор, пока обессиленный моллюск не откроет створки.

Что же касается обилия мидий, то оно способно оказывать и полезное воздействие. Неподалёку от одного английского городка в Девоншире построен длинный мост в 24 пролёта, подвергающийся действию приливно-отливных течений, которые настолько мощны, что цемент долго не выдерживает их разрушительного действия. Здесь на средства городской общины содержатся специальные суда для доставки мидий, и последними затыкают пазы, образующиеся между камнями, из которых сложены устои моста. Мидии, прикрепляясь крепкими биссусными нитями к камням, надёжно удерживаются, несмотря на силу приливно-отливных течений, и предохраняют постройку от дальнейшего разрушения. По особому постановлению никто не имеет права собирать здесь мидий, иначе как с согласия и в присутствии уполномоченных общины: нарушение этого правила рассматривается как преступление и влечёт за собой изгнание провинившегося.

Чем ещё замечательны мидии? У мидий прочные раковины и они очень плодовиты… Самки мидий вымётывают за сезон до 20 миллионов яиц, а поскольку живут они до ста лет и половозрелыми становятся уже на пятый-шестой год, то нетрудно себе представить, какое множество потомков производит за свою жизнь всего одна самка мидии. Так мидии противостоят своей нелёгкой судьбе, постоянно испытываемой на прочность их же породившим морем.

Особое значение разведению мидий уделяют французы, а именно – в бухте Ане-дел - Эгюйон. Предание гласит, что здесь в 1235 году потерпел крушение корабль, на котором плыл некий ирландец Уолтон. Спасся только он один.

Кругом была пустынная местность, а есть Уолтону было нечего. Он попытался ловить морских птиц. Сплёл из травы сети и привязал их к кольям, вбитым на илистой отмели. Птиц он не поймал, но вскоре обнаружил на сетях и кольях нечто вполне съедобное – мидии поднялись из ила и осели на них. Мидиями он с тех пор и кормился, пока его не подобрали люди.

Его-то, Уолтона, считают основателем одного из способов разведения мидий – на плетнях. Французы называют этот способ «бушо».

На мелководье, в приливно-отливной зоне, вбивают в ил колья высотой в четыре-пять метров – это так называемые заколы, или бушоты. Первый ряд кольев близко к берегу, где он обнажается во время отлива, второй за ним, дальше в море, и так следуют друг за другом много рядов заколов. Наиболее удалённые в море ряды служат коллекторами для сбора молоди мидий. Личинки оседают на них в апреле – мае. К июлю они подрастают настолько, что их можно собирать мешками.

Но лучшим считается способ выращивания мидий на плотах, на которых они растут в несколько раз быстрее, чем на грунте. Плоты крепятся на разного рода буйках неподалёку от берега, и с нижней стороны плота вниз, в глубину моря, свешиваются верёвки с грузилами на концах. Верёвок бывает до нескольких сот у плота средних размеров в двадцать квадратных метров. Плоты выставляют в море весной, и очень скоро на них оседают личинки. Они превращаются во взрослых мидий и растут быстро, так что к осени с каждого плота собирают до пятидесяти тонн мидий.

Перед продажей на рынок – мидий, как и устриц, обязательно помещают на несколько дней в очистительные бассейны с проточной водой. Весь улов – нежнейшее мясо с приятным вкусом и запахом, богатое белком, витаминами и весьма необходимыми нам микроэлементами, которых в мясе сухопутных животных мало. А ведь мясо более ценный в пищевом отношении продукт, чем любой овощ. Поэтому разводить мидий выгоднее, чем выращивать, например, картошку.

Всё в мидии идёт в дело: мясо – на консервы, створки раковин – на подкормку домашней птицы, а своей красотой они способны перещеголять всех двустворчатых моллюсков! В отличие от этих моллюсков, чьи раковины обычно имеют белый или желтоватый цвет, мидии представляют из себя чёрные, тёмно-синие или голубые лакированные коробочки, изящно изогнутые в форме слезы… Будто застывшие переживания моря, которые оно никому не желает показывать.

Створки мидии совершенно одинаковы, ни как у гребешка, и если смотреть на них сверху, то морская коробочка обретает ещё и обаятельную пузатость, такой уютный объём, что в нём чудится какое-то необыкновенное содержание. Хочется поскорее открыть её, хотя, конечно, понимаешь, что внутри – только органы моллюска, да может быть ещё жемчужинка, и ничего более, но форма раковины почему-то позволяет надеяться на чудо. А уж когда увидишь под водой гирлянды из мидий, то и вовсе захочется забрать их с собой все, целой связкой.

Удивляет ещё цепкость биссусов – корневых нитей, с помощью которых мидии крепятся друг к другу и держатся за грунт: отдирать их приходится с огромным трудом. Чаще всего вместе с друзой мидиевых раковин выдираешь гроздь увесистых подводных камней, и отделить их возможно только на берегу, воспользовавшись каким-нибудь тяжёлым предметом. Глядя на плотно сцепившиеся чёрные и тёмно-синие раковины - почему-то приходит на ум небольшая горная деревенька, так же дружно уместившаяся на склоне ущелья… Обычно створки многих мидий покрыты, как мхом, водорослями и известковыми наростами, напоминающими крыши крошечных домиков, отчего впечатление, что это – именно карликовая горная деревушка, особенно усиливается.

Правда, соединение с помощью биссусных нитей непостоянно: моллюск может оборвать их и передвинуться, как гребешок. И тоже - на свой манер: он выбрасывает эти самые биссусные нити в сторону движения, закрепляется ими и постепенно подтягивает в ту же сторону всю раковину. Как говорится, медленно, но верно. Затем выделяет свежие нити из особой железы, наподобие паука, плетущего свою паутину, и заново приживается в более благоприятном месте.

С возрастом мидии уже не ползают по камням, и, прикрепившись к полюбившемуся участку дна своими биссусными нитями, остаются на нём до самой смерти. Может быть, именно поэтому они образуют значительные, очень плотные сообщества, ибо им уже некуда спешить и что-либо менять в своей жизни. Порой мидии образуют слои поселений толщиной в несколько десятков сантиметров, и заметив под водой подобное мидиевое сборище – опять же только подивишься.

В самом названии этих двустворчатых моллюсков угадывается нечто простое и в тоже время необыкновенное: м-и-д-и-я. Вроде бы, совсем не схожее с суровыми северными водами, а более подходящее к тёплому Средиземноморью, может быть даже имеющее в корнях что-то греческое, изящное, и уж никак не основательное, волевое. Какое-то ласковое женское имя, принадлежащее загадочной, но не строптивой гречанке, живущей, непременно, у моря, и тихо черпающей от него силы… И всё же, не минула эта трогательная нежность и дальневосточных берегов.

Если вы угодили на какой-нибудь необитаемый дальневосточный остров или просто оказались, по воле случая, в одиночестве на пустынном берегу и вам нужно, во чтобы то ни стало, отыскать пропитание, то особых проблем вы с этим не ощутите: ведь повсюду вас будут окружать продукты моря. Это могут быть выброшенные штормом морские ежи, содержащие внутри вкусную оранжевую икру, многочисленные крабы и моллюски, прилепившиеся к камням, а в отлив можно легко поймать какую-нибудь зазевавшуюся рыбу или насобирать мидий.

В Японском море обитает гигантская мидия Грайяна, размер створок взрослой особи у которой достигает почти двадцать сантиметров. В такой раковине порой находится до килограмма богатого белками мяса, но есть

мидий сырыми - не рекомендуется. В отличие от нежной черноморской мидии, которую знатоки едят сырой прямо у моря, дальневосточную мидию необходимо печь прямо в раковине или варить, на худой конец – промывать в пресной воде, ибо Чёрное море изрядно опреснено, солёность его редко превышает 18 промилле, тогда как солёность Японского моря достигает 35 промилле. Поэтому содержащаяся в черноморской мидии вода лишь подчёркивает пикантность блюда, после же первой съеденной дальневосточной мидии можно обжечь солью горло. Съесть дальневосточную мидию сырою – это всё равно, что напиться морской воды, что само по себе будет достаточно чревато для вашего организма.

Кстати, в консервах из мидий часто попадаются жемчужины, о которых можно, наверное, сломать зуб. Очевидцы утверждают, что обнаруживали в банке с мидиями даже целую россыпь мелкого жемчуга. Правда, жемчуг этот тусклый, и совершенно непригодный в ювелирном отношении. Но мидии от этого не становятся хуже…

… Мне всегда были по душе скромные раковины северных морей. Своей простотой они привлекали больше, чем их замысловатые тропические соплеменники. В витиеватости южных раковин есть что-то вычурное, неземное, они – словно ненастоящие, а кем-то придуманные. Северные же раковины, несмотря на невзрачность, притягивают, безотчётно манят.

Даже попытаешься послушать неглубокую раковину мидии, прикладывая её к уху и надеясь угадать нечто неведомое. Пузатенькая, изящно выпуклая и удобно умещающаяся в ладони, мидия, как и витые раковины брюхоногих моллюсков, несмотря на свою незамысловатость, всё-таки вызывает такое желание. К удивлению своему обнаруживаешь, что и она дышит давними временами, зачем-то поддерживая невидимую связь с тобой, и хочется ещё глубже познавать море, благодаря ему открывая себя.

«МОРСКОЕ БЛЮДЕЧКО»

Морское блюдечко – типичный обитатель прибойной зоны дальневосточных морей. Он встречается на прибрежных камнях и скалах, плотно присасываясь к их поверхности, обычно – в неглубоких выемках и расщелинах.

Раковина морского блюдечка состоит их одной створки, спирально завитой в правую или левую сторону, и на поверхности её, так же спиралеобразно оборачиваясь вокруг, располагаются хорошо различимые линии роста. Как правило, их количество не превышает двадцати, и по ним можно судить о вероятном возрасте моллюска. Форма же раковины может быть самой разнообразной: чуть приплюснутой, с верхушечкой, смещённой на бок, или, наоборот, возвышающейся правильной пирамидкой…

Вообще, этот моллюск характеризуется именно упрощённой симметричной раковиной, имеющей форму колпачка или опрокинутого вверх дном блюдца, отчего и получил своё название. Правда, назвать такую раковину блюдцем можно с большой натяжкой, ну, если только бы она служила в этом качестве какой-либо махонькой морской птичке, например, качурке. Несмотря на свою видимую хрупкость, раковина морского блюдечка очень крепкая и способна выдерживать беспрестанно набегающие упрямые волны, не боясь самого сильного прибоя.

Конечно, форма раковины морского блюдечка довольно примитивна, и всё же моллюски эти притягивают к себе внимание именно простотой своего домика, представляющегося очень обаятельным и укромным. Настырные волны не в силах сбить эти раковины с прибрежных камней, и морская вода, будто злясь на непокорных обитателей прибрежной полосы, свободно стекает с их гладких конических стенок. Верхушечки же раковин боевито заострены, и, несмотря ни на что, всегда настроены на рост. Так и хочется оторвать морское блюдечко от скалы и заглянуть – что находится у него внутри?

Приближается ли прилив, идёт ли отлив, внешне блюдца никак не реагируют на происходящее и со стороны выглядят совершенно равнодушными ко всему существами, даже – ленивыми. Это их исконное место обитания, где они живут, прочно присосавшись к береговым скалам, кажется, испокон веков. Конусовидные раковинки с голубовато-серыми, бежевыми и кремовыми верхушками прижимаются к камням так плотно, что между ними невозможно протиснуть лезвие ножа. Даже когда каменистая поверхность оказывается шероховатой и неровной, края раковины тоже становятся неровными и зубчатыми, следуя за всеми неровностями камня, что и даёт моллюску возможность прижиматься намертво.

Когда моллюска тревожат, он прижимается к камню, на котором сидит, с огромной силой, и чтобы преодолеть силу присасывания этой обыкновенной маленькой раковины, нужно загнать между раковиной и

камнем острый железный предмет. Затем, действуя им как рычагом, следует постараться отделить моллюска от камня, от чего чаще всего он разрывается: присосавшаяся нога остаётся на камне, а раковина с мантией и внутренностями отрывается. Но вот если моллюск сидит, приподняв раковину так, что голова его и боковые части тела остаются открытыми, то достаточно лёгкого удара, чтобы блюдечко отделилось от места своего прикрепления.

Долгое время считалось непонятным, как происходит прикрепление морского блюдечка: приклеивается ли оно выделением особых желез, или удерживается исключительно благодаря раковинному мускулу. Сейчас уже известно, что поначалу, действительно, выделяется слизь из множества кожных желез подошвы ноги, служащая для заполнения мелких щелей между подошвой и камнем, а уже после этого начинает действовать со всей силой раковинный мускул, кольцевая форма которого только спереди нарушается небольшой выемкой, благодаря чему он имеет сходство с подковой. Мускул напрягается при каждой волне прибоя, а также во всё время отлива, пока моллюск открыт действию солнечного света.

Раньше существовало ошибочное суждение, что из-за очень прочного прикрепления к скале морское блюдечко, якобы, никогда не меняет своего места. Однако оказалось, что моллюск всё-таки совершает путешествия, правда, только ночью. Замечательно, что, двигаясь определённым образом всегда в левую сторону, он, в конце концов, возвращается к исходной точке своего пути и укрепляется на старом месте точно так же, как сидел там раньше. Моллюску помогает при движении равномерное отклонение от прямой линии и его ориентация в бескрайнем морском пространстве ограничена всего лишь метром!

Морское блюдечко очень привязано к своему месту жительства. Оказывается, что только в том случае, если место, где моллюск живёт, претерпело коренные изменения во время его отсутствия, он решается на поиск нового и ни в коем случае не селится, где попало. При выборе более удобного места моллюск руководствуется потребностью в достаточно насыщенном водяными парами воздухе, поэтому и предпочитает расщелины в камнях, в особенности – их теневую сторону. Но что вынуждает морское блюдечко путешествовать, да ещё ночью?

Ночные странствования морского блюдечка служат преимущественно для утоления голода, и делать это в ночную пору менее безопасно. Моллюск во время своего передвижения объедает поверхность скалы, и обглоданная полоска выдаёт его путь, потому что всё время, пока животное ползёт, его радула, представляющая из себя толстые крепкие лезвия – прекрасный соскабливающий инструмент, постоянно находится в действии. Пищей моллюску служат различные микроорганизмы, обрастающие скалы, а попутно и небольшие растения, как ульва и фукус, но их он не отыскивает нарочно, поедая, главным образом, всё то, что может сбрить по дороге с поверхности камня своей радулой. Его прочные зубцы вполне соответствуют

своему назначению в прибойной каменистой зоне, но эта работа, однако, ведёт к чрезвычайно быстрому изнашиванию орудия, и когда оно стирается полностью, моллюск погибает от невозможности кормиться, после чего раковина его отваливается, пополняя пустой ракушечник у прибойной полосы, где незаметно перетирается волнами в песок.

Но по берегам Японского и Охотского морей блюдечек встречается так много, а учёные обнаружили их здесь не менее 11 видов, что можно не опасаться: моллюск этот никогда не переведётся. Наиболее крупное из морских блюдечек – бледная акмея, встречается у Южного Сахалина и Южных Курильских островов. Её крепкая, толстостенная, почти белоснежная раковина достигает 6-8 сантиметров в длину.

Когда такая раковина, уже без моллюска и тщательно вылизанная морем, попадает к тебе в руки, её хочется взвешивать на ладони, проводить пальцем по гладким внутренним стенкам, в итоге не зная – что делать с ней дальше? Но сразу избавиться от раковины ты не в силах, и опять принимаешься вертеть её в руках, рассматривая и любуясь, пока не заберёшь на память, чтобы подарить затем какому-либо, хорошо знакомому тебе человеку. Помнится, я насобирал этих блюдечек великое множество, потому как все они привлекали своей формой либо окраской, и остановился я в своём увлечении только тогда, когда понял, что раковины стали повторять друг друга. Многие из них и теперь лежат у меня в шкафу, за стеклом, и я иногда зачем-то дотрагиваюсь до их прохладных боков или даже беру в руки, с сожалением возвращая обратно. Вы не поверите, блюдечки до сих пор тихонечко издают лёгкий гул накатывающегося прибоя, и мне кажется – совсем не переживают, что я лишил их любимого сахалинского побережья…

И вспоминаются опять изрезанные островные берега с глубокими распадками и чёрными скалами, песчаные косы и подводные гряды, плотно облепленные морскими блюдечками. Маленькие конические раковинки из хрупкого известняка всегда почему-то вызывали у меня робкое желание улыбнуться. Может быть потому, что стойко сопротивляются настырному прибою, и ещё напоминают так называемые «китайские шапочки» из соломы, с помощью которых китайские и японские рыбаки обычно спасаются во время работы от солнца, а моллюски и от многочисленных врагов…

Благодаря акмеям, плотно прилепившимся к мокрым камням, в памяти возникают именно трудолюбивые азиатские жители, когда же увидишь японцев или китайцев в соломенных головных уборах, перед глазами появляются изящные раковины морских блюдечек, что живут у самого моря. Виной тому, наверное, и удивительно схожие формы, и хрупкое обаяние линий, содержащее чуткую затаенность обычной природной правды, не стремящейся себя приукрасить, а лишь желающей защититься. Словом, в морских блюдечках заключено что-то очень трогательное, что и объяснить невозможно.

Иные раковины акмеи так выразительны своим окрасом, что поначалу даже примешь их за морские улитки или литорины: в самой середине, на верхушечке, они имеют голубоватые пятнышки-отливы, окаймлённые нежной зеленью, напоминающей выброшенные после шторма водоросли. Удивительно неброское и ласковое сочетание этих красок как будто даже увеличивает раковину, делает её живее. Самого моллюска не видно, но домик его отличает изящество, и оттого хозяин этого домика воспринимается тоже изящным и милым. Маленький, с горошинку, моллюск, судя по своему обиталищу, живёт в нём вполне надёжно и радостно, ровно волшебная горошинка.

Нежное имя раковинки – акмея, и её оформленный природой аккуратный внешний облик вызывают в памяти не менее трогательное словосочетание – камея: украшение из камня с художественной резьбой и выпуклым изображением, чаще это оникс или агат. А иногда, как ни странно, изящная камея навевает воспоминание о море, при виде же самой акмеи, чутко прикрепившейся к мокрому камню, вспоминается изысканная драгоценность, без которой невозможно представить трепетное отношение к любой красоте. Красота моря несёт в себе множество бесценных сюрпризов, и все они слагают его таинственную, чарующую негу. Море само является непревзойдённой голубой жемчужиной в обрамлении красного, чёрного и серовато-зелёного берегового гранита.

Чаще, всё же, акмея остаётся неброска, совершенно незаметна, ну, если только ты обращаешь на неё внимание в отлив, когда ещё не обсохшие раковины и камни блистают своими истинными красками. Имея в самой своей серединке, у верхушечки, голубовато-дымчатый налёт, который тоже представляется как лучезарное озерцо, окружённое тёмными скалистыми берегами, акмея, в миниатюре, напоминает породившее её море. Но вот лёгкий ветерок с неведомой для неё земли налетит, обсушит раковинку, и она опять замкнётся, став совершенно неприметной. Кто сейчас обратит внимание на эту неброскую красоту?

Мне всегда нравилось отмечать для себя эти неприметные проявления морской жизни, разглядывать их и запоминать. Так я однажды познакомился и с акмеей, сначала не зная, как называют эту аккуратную, изящную раковинку, а когда услышал её необычное, даже для моря, имя, ещё более возликовал от охватившей радости нахождения рядом с морским миром. Чего в нём только не сокрыто, и вот, пожалуйста, такая неприметная и трогательная данность – акмея!

Нечто воздушное, но и крепкое, неотделимое от мрачных каменных берегов. Словом, тонкое и строгое, кажется, еле уловимое, но всё-таки угадываемое маленькое имя моря: акмея. Чарующие подводные грёзы, убаюканный морскими волнами сон неведомого моллюска, его неизменная приверженность несгибаемым скалам…

Хоть и хрупка раковина акмеи, и изящна, а нелегко отделить её от этих неподатливых, угрюмых и обкатанных волнами могучих валунов. Акмея

сама напоминает морскую галечку, уютно пристроившуюся в какой-либо расщелине, и у меня никогда не возникало желания лишить раковинку среды её обитания. Лишь однажды я попытался отделить подводным ножом одну из приглянувшихся мне раковин с голубой каёмочкой, но чуть не сломал кончик лезвия, пока оторвал несколько моллюсков, добрую половину из которых просто раскрошил. Раковинки прикреплялись к камням намертво, и лучше было подбирать уже отсоединившиеся, пустые, чем нарушать живые.

Правда, старые известняковые домики выглядели уже невзрачно, они были по большей части грязновато-серого цвета, и лишь обкатанные за долгое время морем становились белоснежными. Да ещё форма раковин по-прежнему оставалась конической, возвышенной, как будто устремляющейся, несмотря ни на что, к чему-то недостижимо прекрасному. Лучше было, всё-таки, оставить всё, как есть: что хорошо, то и так хорошо, красивее не сделать. Море же тебе за то своим воздушным поцелуем одарит…

Вообще, в море меня постоянно не покидало ощущение, что оно знает обо мне всё, знает, что я не забуду о нём никогда, и когда-нибудь напишу о его течениях, туманах и ветрах, обитающих в глубине животных и таинственных зарослях водорослей, упомяну, конечно, и о камнях, тем более, о раковинах. Раковины и камни каким-то невообразимым образом чувствовали меня, делали всё, чтобы я их обнаружил в какой-либо подходящий момент, и если даже не забирал с собой, то обязательно бы рассмотрел, взяв в руки, затем аккуратно возвратив на место. Всё, что окружало меня в море и рядом с ним, было живое, оно излучало свою невидимую энергию, которая мною необъяснимым чутьём угадывалась, и от этого взаимопонимания с родной для тебя стихией жизнь становилась ещё более радостной.

«ГАЛИОТИС»

Всякий, кто бродил в часы отлива по оставшейся в углублениях скал воде, знает, сколько самых причудливых существ появляется здесь в это время. На первый взгляд кажется, что жизнь обитателей отливной зоны гораздо проще, чем у глубоководных организмов, поскольку она изобилует пищей, светом и вода здесь достаточно насыщена кислородом. Но с другой стороны - эти обитатели подвергаются непрерывным ударам волн, и дважды в сутки, во время ухода воды, вообще остаются без неё, отчего природа и наделила их высокой конической раковиной со сравнительно узким основанием, как, например, те же блюдечки или балянусы…

А вот моллюски, обитающие в более укрытых местах или на глубине, обладают низкой раковиной с широким основанием, и к ним относится галиотис, или – морское ушко, как его часто называют. Объяснить это можно только тем, что от животных, обитающих в незащищённых от волн местах, требуется значительно больше усилий, чтобы противостоять ударам волн и удержать раковину на месте. У тех же, кто находится в более выгодных условиях – в расщелинах скал или на глубине, поверхность раковины остаётся гладкой и обтекаемой, оказывая минимальное сопротивление воде.

Обитая, как правило, на небольшой глубине в несколько метров, морские ушки ведут схожий с морскими блюдечками и хитонами образ жизни, питаясь водорослями и крайне вяло ползая, перемещаясь за десять минут всего на несколько сантиметров. Сходство с упомянутыми обитателями прибрежных скал проявляется также и в характере прикрепления к ним. Моллюск присасывается к скале большой плоской ногой, связанной с раковиной мощным мускульным столбиком, и в момент опасности, в противоположность большинству брюхоногих моллюсков, тело морского ушка не втягивается в раковину: оно, при довольно плоской и обтекаемой створке, обеспечивает ещё более плотное прилипание. Морским ушкам, таким образом, повезло: им живётся спокойнее, нежели иным моллюскам.

Может быть, именно поэтому раковины галиотиса имеют на своих внутренних стенках удивительный перламутровый узор. Не зря морские ушки издревле использовали как украшения и деньги. Слой переливающейся радуги из нежно-проникновенных цветов, когда раковина галиотиса попадает тебе в руки, зачаровывает. Всё ожидал ты от чудесного подводного мира, но увиденное - ни с чем не сравнимо: ни в гребешке, ни в мидии, ни в устрицах подобных переливов не обнаружишь.

Любопытно поведение галиотиса, когда его переворачивают на спину, отодрав от скалы… Иногда это удаётся сделать, если ты подстерёг момент, когда моллюск приподнимается на камне или переползает. Нужно только слегка сдвинуть моллюска в сторону, отчего он теряет силу притяжения, и перевернуть…

Перевёрнутый на спину моллюск сразу начинает совершать попытки вернуть себя в прежнее положение, чем очень напоминает маленькую черепашку. Концы ноги вытягиваются то в одну, то в другую сторону, ища точку опоры, и как только задний или передний конец ноги натыкается на какой-нибудь, хотя бы самый незначительный каменный выступ, соответствующий участок подошвы сейчас же прилипает к нему, а затем получает опору и вся подошва, и моллюск занимает нормальное положение. Моллюск не желает оставаться открытым, он для чего-то призван природой хранить свою внутреннюю красоту…

В чём же суть перламутра, смысл этой внутренней красоты раковины галиотиса? Как это ни странно прозвучит, но, возможно, все скрытые прелести его – результат тщательной работы природы, предназначенной … охранить самого моллюска. Одностворчатая раковина морского ушка, достаточно приплюснутая, оплывшая, будто голубовато-серая слеза моря, растёкшаяся по поверхности подводного камня, именно оберегает свои внутренности, в том числе – и мантию, образующую створки раковины, одевающие тело ракушки.

Створка раковины у галиотиса, как, впрочем, и у других моллюсков, слагается из трёх основных слоёв. Первый - наружный, состоит из органического вещества конхина, обладающего эластичностью и высокой сопротивляемостью против разрушающего действия различных химических веществ, даже сильных кислот, и служит, таким образом, защитой для более нежных внутренних слоёв. Оба же других слоя, образуясь из склеенных органическим веществом известковых призмочек или пластинок, которые в среднем слое располагаются перпендикулярно к поверхности раковины, а во внутреннем, перламутровом, слое параллельно ей, ещё более надёжно укрепляют раковину галиотиса. Благодаря такому расположению пластинок в этом слое получается интерференция света, которая и вызывает характерный блеск и радужные переливы перламутра. Последние тем разнообразнее и богаче, чем тоньше пластинки, слагающие перламутровый слой. В общем, все эти слои раковины выделяются именно мантией и в случае её пролома они на повреждённом месте постепенно образуются вновь.

Кстати, истинное значение названия «галиотис», как это принято думать, не «морское ухо», будто бы произошедшее от греческого «халис» - море, и «отис» - ухо. Греки называли море «понтом», а «отис» у них выражало такое понятие, как «внимательный», «тонкий», «чуткий», на худой конец – воспаление этого органа. На самом деле, название его произошло от первой составной части сложных слов «гелио»/ от греч. Helios – солнце/, что означает «относящийся к Солнцу, солнечным лучам, солнечной энергии»… К тому же, «гелиотис» - это общее название перламутра, добываемого из раковин брюхоногих моллюсков, который отличается своей непревзойдённой окраской.

И ничего, что слово «перламутр» с немецкого переводится, как «мать жемчуга». Хотя, мы знаем, что жемчуг в морских ушках почти не

встречается, его, как ни странно, скорее можно обнаружить в мидиях, устрицах и гребешках, внутренние стенки створок которых не отличает такой богатый перламутровый слой, как в галиотисе.

Перламутр галиотиса необыкновенно будоражит наше воображение, когда мы перебираем в пальцах почти невесомую, изящно изогнутую створку раковины, переливающуюся красками закатного неба. Любуемся и не можем налюбоваться этой красотой, скрытой ото всех на дне моря, отчего она представляется холодной и совершенно бесчувственной, но, тем не менее, прекрасной. Розовые, зелёные, фиолетовые и пурпурные отсветы навевают какие-то неизъяснимые думы, не связанные с морем.

Как и морское блюдечко, этого моллюска нелегко отделить от камня, к которому он присасывается крепко-накрепко. Морским ушком галиотис, действительно, назван ещё и из-за характерной уховидной формы раковины, имеющей на внешней стороне, с одного края, череду маленьких отверстий, напоминающих собой вулканчики. Через них галиотис питается и дышит, постепенно наращивая в себе очень вкусный кусочек мяса. По этой причине его усиленно и промышляют, не забывая про толстый слой красивого перламутра. В дополнение к сказанному стоит заметить, что наличие отверстий на раковине галиотиса – его весьма характерная особенность… Учёные рассматривают эти образования, как остаток древнего разделения раковины на правую и левую половины.

Снаружи обросшая известковыми водорослями и бугристая, буровато-коричневая раковина галиотиса почти неотличима на камне, и её скорее отыщешь на ощупь, обследуя подводный горизонт скалистой литорали. Особенно много встречается морских ушек в прибрежных водах Камчатки и острова Монерон, располагающегося в 26 милях к западу от южной части острова Сахалин. Берега острова Монерон скалистые, незначительно изрезаны и окаймлены большим количеством рифов и камней, на которых в изобилии и попадаются морские ушки, отчего камни под водой представляются живыми, а дотронувшись до них рукой в неопреновой перчатке, начинает казаться, что они вот-вот зашевелятся и двинутся в холодную глубину. Так остро могут воздействовать на тебя галиотисы, плотно облепившие подводные камни своими вздутыми створками-желвачками.

Размер раковины морского ушка обычно не превышает 10-15 сантиметров, но известны виды с более крупной, до 20 и даже 25 сантиметров, раковиной. Отделить такого моллюска ножом не удаётся, для этого используют специальное орудие лова – особо изогнутое долото, насаженное на деревянную ручку. Острым загнутым краем поддевают край раковины и, действуя как рычагом, отрывают морское ушко от скалы, к радости обнаруживая неожиданно ослепительную игру красок…

В давние времена на Дальнем Востоке из морского ушка чаще всего изготавливали сушёный продукт. Сперва улиток чистили, отделяя от раковины довольно объёмистый мускул столбика и ногу, остальные части

тела и внутренности либо выбрасывали, либо пускали на изготовление сои. Вычищенное мясо складывали в сосуды и засыпали солью, а через пару дней, когда начинал выступать сок, откидывали на решёта, промывали и, наконец, чтобы отделить слизь и грязь, мяли ногами, обутыми в чистые соломенные лапти. Затем мясо мыли ещё раз, варили и сушили попеременно - то на солнце, то на огне в течение недели, и иногда коптили.

Особенно развит промысел этого вкусного и красивого моллюска в Австралии, где чаще всего и встречаются наиболее крупные экземпляры. Правда, для сборщиков галиотиса здесь существует постоянная опасность нападения акул. У акул в этой стране, кажется, нет более непримиримых врагов, чем профессиональные подводники. В Австралии даже существует общество укушенных акулами, и количество членов его с каждым годом неукоснительно возрастает.

Что же касается северных вод, то обитающие в них сельдевая, полярная и колючая акулы опасности не представляют, да и на добычу морских ушек здесь давно наложен запрет. Зато раковины галиотисов пользуются спросом среди подводников, и некоторым из них порой удаётся раздобыть красивый экземпляр в качестве экспоната для собственной коллекции морских даров. Что и говорить: галиотис, к тому же, если он ещё и достаточно крупный, заключает в себе для нашего, не избалованного тропическими красотами, любителя-коллекционера особенную гордость.

У меня тоже есть небольшая раковинка галиотиса, правда обнаружил я её не под водой, а прямо на песке, между камнями, в южной части острова Монерон. Раковина лежала внешней стороной створки кверху, выглядела невзрачной, и поначалу мне даже не хотелось её подбирать, если бы - не изогнутая, в виде ушка, форма. Но когда раковина оказалась у меня в руке, и я перевернул её на ладони, то невольно заулыбался от увиденного…

Стоял пасмурный день, рядом замерли чёрные скалы, серое небо навалилось на хмурое море, а внутренность маленького галиотиса озаряли розовато-нежные, бирюзовые и сиреневые отсветы… И тогда вдруг на мгновение показалось, будто бы угрюмые тучи над морем расступились, небо прояснело и на нём выступило ласковое солнце.

«НАТИКА»

Мыс Крильон, раннее утро, я иду по пустынному песчаному пляжу, облизанному настырными штормовыми волнами, и пытаюсь разглядеть всё необычное, что выбросило за ночь море. Часто попадаются беловатые и серые раковины брюхоногих моллюсков, большинство их которых – нептунии. Они или зарылись в плотный песок, или лежат на поверхности у самого уреза воды, среди камней и россыпей гальки.

Все раковины, как правило, пустые, но меня неожиданно привлекает нептуния с аккуратно проделанной в боку дырочкой. Привлёкшая внимание дырочка абсолютно круглая, и это тем более удивительно, поскольку известковые стенки раковины очень крепкие и нужно обладать огромной силой, чтобы так точно вырезать в них отверстие.

Лишь через несколько лет узнал я, что такие аккуратные, словно сверлом выточенные отверстия оставляет после себя хищный брюхоногий моллюск натика. У неё весьма интересный и необычный способ нападения: крепко присосавшись подошвой ноги к створке раковины, она начинает методично сверлить её в месте прикрепления мускула-замыкателя. Крепко сомкнутые или толстые створки и человеку бывает сложно открыть, а тут маленький, умещающийся на ладони моллюск с лёгкостью справляется с, казалось бы, совершенно невыполнимой задачей: взламывает прочную известковую «броню» и лакомится мясом жертвы. Каких только сюрпризов не уготовит море!

У морских моллюсков есть разные способы достичь своей цели. Крупные особи силой собственных мышц преодолевают действие мускулов-замыкателей жертвы, открывая её раковину. А мелкие имеют на ноге специальный сверлящий орган, которым они проделывают в створке добычи маленькую дырочку. У некоторых моллюсков имеется даже своеобразный шип и им они продавливают подвернувшуюся раковину.

Невероятно разрушительна, к примеру, сила моллюсков-камнеточцев, этого бича молов и других портовых сооружений! Различные виды камнеточцев ухитряются протачивать плотные известковые скалы, камень и сланец. На один квадратный метр породы порой приходится свыше тысячи отверстий!

У натики роль сверлильного инструмента выполняет тёрка-радула, усаженная острыми, очень крепкими зубами. Брюхоногий хищный моллюск высовывает эту радулу из ротового отверстия, и начинает скрести раковину своей жертвы. Проделать в раковине хоть маленькую дырочку – главное.

После того, как отверстие готово, хищник может пустить в ход ещё одно грозное оружие – химическое. У большинства брюхоногих моллюсков в мантийной полости имеется особая железа, вырабатывающая слизь, которая служит для очищения мантийной полости от попавших туда посторонних частиц. Натика смачивает такой слизью выбранный участок раковины,

содержащей серную кислоту/!/, и она размягчает стенку раковины. Эта серная кислота у моллюска содержится в секрете слюнной железы, и ещё её выделяет особый, присоскообразный придаток ноги. Через пробитое или просверленное в раковине отверстие слизь в большом количестве попадает внутрь и парализует мускулы-замыкатели, после чего натика своей радулой размельчает мясо жертвы и извлекает его через отверстие.

Долгое время я не в силах был в это поверить, вернее – никак не мог представить себе, что такой крохотный моллюск способен на подобное. Факт этот мне казался неправдоподобным даже после того, как я прочитал о нём в научной книжке. Впоследствии я насобирал целую коллекцию раковин, явившихся предметом нападения для натики, и большая часть из них оказывались нептуниями, хотя хищный моллюск проделывал дырочки и в рапанах, и в букциниях, и в устрицах, и в гребешках.

У некоторых двустворчатых моллюсков выработались особые приспособления для защиты от хищников: на их раковинах имеются глубокие складки и выступы. Они затрудняют или делают вообще невозможным присасывание хищника. У нептуний же раковина обычно гладкая и тонкая, что и позволяет натике беспрепятственно лакомиться их мускулом. Нептунии ничего не могут с этим поделать, ко всему прочему - обитая по соседству с натикой, и постоянно подвергаясь её набегам. Они вынуждены терпеть нашествия маленького хищника, которого редко можно увидеть.

Впрочем, у натики есть соперники, доставляющие ей немало неприятностей: это – сверлящие губки, способные пронизывать своими ходами не только раковины моллюсков, но и толщу камня в несколько сантиметров. Очень часто сверлящие губки поселяются в раковинах живых и мёртвых двустворчатых и одностворчатых моллюсков, в том числе – и в домике натики. Поселившись в раковине натики, губка сверлит её, создавая себе убежище, так быстро, что такое «домостроительство» вскоре оставляет её саму без крыши и стен. Улитка постепенно умирает, раковина разрушается, а губка разрастается, превращаясь в «свободно лежащую» большую губку, принимающую форму булки. Ведь губки не передвигаются, не ползают, а просто лежат на дне, незаметно превращаясь в целые пироги!

Думая о маленьком морском хищнике, приходит мысль и о его загадочном имени… Натика… В названии моллюска слышится нечто греческое, древнее и … изящное, что, пожалуй, соответствует действительности, если разузнать получше об образе жизни моллюска, который тотчас начинает представляться если не изощрённым, то очень необычным. Правда, как и во всём, что порождает море, удивительная природа.

И ведь каким трудоёмким способом он добывает себе пропитание: скоблит, сверлит, режет, тогда как сам зачастую намного уступает в размерах избранной жертве! А ещё натика обладает особенностью выкапывать из ила ракушки, которыми питается. Это привело к тому, что нога её

приспособилась набирать воду, после чего бесформенно набухает, но при малейшем раздражении натика выпускает воду и тело её возвращается к обычной форме. Воду в ногу она набирает через маленькие отверстия, которые вслед за этим замыкаются, и общим сжатием кожномускульного слоя вода вгоняется в расширившиеся разветвлённые полости, лежащие между мускулами ноги, что и оказывается полезным при откапывании ракушек. В конце концов, натика обволакивает свою добычу разбухшими частями ноги, ну, а дальнейшее своеобразное овладение ракушкой уже описано выше.

При всей кровожадности этого необычного моллюска, он очень щепетилен в сохранении собственной безопасности. Икру натика помещает в песочную ямку, тщательно обволакивая капсулы яиц слизью, а затем подрастающая молодь снабжается волосками-иглами, оказывающими хорошую услугу при защите от раков-отшельников и морских звёзд. Причём, нападения этих хищников привели к выработке у молодой натики ещё одного защитного рефлекса: если до неё дотронуться, она начинает кувыркаться с неимоверной быстротой… Морю все чудеса доступны!

Ещё долгое время обнаруженные в прибойной полосе пустые раковины с отверстиями правильной формы по-прежнему вызывали у меня недоумение: кому и каким образом удалось совершить подобное? Но тут же я спохватывался: ведь это – натика, один из самых таинственных моллюсков, раковину которого мне так и не удалось раздобыть!

Каждый день, в течение всего подводного сезона, преодолеваешь над дном значительные пространства, но не увидишь ни одного этого моллюска. Лишь весной и в начале лета можно встретить недалеко от берега его большие специфические кладки, представляющие собой набор содержащих яйца капсул, скрученные в песчаные ленты, которые так округлены, что напоминают перевёрнутые пиалы без дна. В конце развития молодь выходит из такого песчаного домика, и он постепенно рассыпается.

Может быть, именно из-за своей своеобразной формы раковины этих моллюсков и назвали пупочными, а в других странах – лунными, скорее всего благодаря их ночной активности. Ведь натика осуществляет все свои действия не только под водой, но и ещё и ночью. Ни разу я не наблюдал натику, охотящуюся за внутренностями раковин днём, скажем – в отлив.

Дома у меня до сих пор лежит лишь небольшая раковина нептунии с идеально круглым отверстием, когда-то прогрызенным натикой. Я изредка взглядываю на неё, и вспоминается прибойная полоса, усеянная выброшенными звёздами, медузами и раковинами, так что сразу в нос будто ударяет терпкий запах водорослей и соли, а на глазах выступают слёзы, вызванные и печалью и радостью. С лёгким сожалением переживаешь, что больше не удастся всё это когда-нибудь ещё раз ощутить, но и испытываешь удовлетворение: такое сильное чувство могло в тебе возникнуть только благодаря морю, необыкновенной природной стихии, породившей не менее

чудесного и загадочного моллюска, между тем, прозванного обаятельно и просто – натика…

«БУКЦИНИИ И НЕПТУНИИ»

Эти два вида брюхоногих моллюсков схожи формой раковины, которая всегда спиралеобразна и различается лишь размерами, да рисунком на шероховатых боках. Самые крупные букцинии встречаются чаще всего на глубинах от ста до двухсот метров и никогда не поднимаются выше, чем на глубину нескольких метров ниже уровня воды во время отливов. Нептунии почти не уступают им, и как те, так и другие приурочены большей частью к северным морям.

Не имея возможности опускаться на большие глубины, мы компенсировали нехватку такого вкусного и не достающего в пищевом рационе моллюска за счёт колхозных рыбаков, с помощью кошелькового невода ведущих на малых траулерах каботажный вылов рыбы – горбуши, камбалы и морского окуня. Раковины букциний и нептуний в обилии попадались рыбакам в невод, а поскольку он имел особенность при замёте наматываться на винт, то естественно рыбаки не могли обойтись без нас, аквалангистов, добывающих вдоль юго-западного побережья Сахалина морских ежей и капусту. В обмен за оказанные услуги по очистке винтов и приведении их судов в надлежащее для работы состояние, мы имели возможность в достатке пользоваться дарами моря, к которым относились не только раковины букциний и нептуний, но и камчатские крабы. Рыбаки щедро угощали нас своей добычей, поскольку не могли обойтись без нашей поддержки, и вскоре мы вообще крепко сдружились, помогая друг другу, чем могли.

Уже с самого утра у плиты нашего повара всегда стояла пара вёдер крупных раковин, которые мы вываривали недолго в морской воде, затем легко отделяя мясо моллюсков от их домиков, и, остудив, мелко нарезали вперемешку с морской капустой и луком, иногда используя и обычную, качанную капусту. Капусту необходимо было отжать руками, и в сочетании с этим соком мясо моллюсков приобретало удивительный аромат. Такой салат почему-то никогда не надоедал нам, был очень питательный и великолепно восстанавливал силы.

Что же касается отбеленных при варке раковин, то самые красивые из них мы оставляли себе на память, так что вскоре у нас были завалены ими все полки в колориферной комнате, предназначенной для сушки подводных костюмов. У каждого члена бригады ловцов морских продуктов постепенно накапливались ещё и высушенные огромные камчатские крабы, самые разнообразные морские звёзды, и всё это представляло для нас неоценимое богатство. Если точнее, а это касалось именно раковин, они имели над нами какую-то необъяснимую власть, точно такую же, какой они обладали в древности, вернее – их трубный зов, который, якобы, заставлял стихать морские волны и сулил безопасность путешественникам…

Не зря такие раковины становились атрибутами священных храмов, в них трубили во время торжественных церемоний. У крупных раковин отпиливали кончик, применяя их в качестве «священного рога», вызывающего божество и созывающего верующих. Кстати, в Древнем Риме раковины, которые хриплым рёвом подавали сигнал к началу битвы, называли … букцинами.

Среди большого количества правозавёрнутых раковин исключительно редко встречаются левозавёрнутые, которые благодаря этому становились священными. Индийских раджей благословляли на царствование, изливая на них из священных раковин священное масло. У правителей Бирмы священная раковина, верхняя часть завитка которой была целиком оправлена в золото и драгоценные камни, служила скипетром. Согласно индийскому поверью, верховный бог индуистов имеет трёх продолжателей в сфере земной жизни: Брахму – творца всего сущего, Шиву – разрушителя, и Вишну – защитника. Так вот Вишну испокон веков изображают в виде четырёхрукого человекоподобного существа, держащего в каждой руке определённый символ: молнию, палку, цветок лотоса и … раковину, да не обыкновенную, а именно – левозавёрнутую.

Левозавёрнутая раковина столь редка, что нашедший её счастливый рыбак мог надеяться на большую прибыль от её продажи. Считалось, что украшения из неё – амулеты и браслеты, приносят успех и счастье их обладателю. Из Индии культ таких священных раковин проник в Индонезию, а затем в Китай. Известны священные раковины, которые звучали во время богослужений в дацанах – ламаистских монастырях Тибета и Тувы.

Кстати, отпиливали кончик у раковин только в бассейне Средиземного моря. Жители островов и побережий Индийского и Тихого океанов пробивали дырочку сбоку одного из привершинных оборотов раковины. Это позволяло модулировать звук.

В тропических морях, где можно нередко встретить большие, спирально закрученные раковины семифузусы, их до сих пор употребляют как музыкальные духовые инструменты, а также для подачи всевозможных звуковых сигналов во время разбушевавшейся стихии, когда зов раковины перекрывает вой ветра и грохот волн. Не одно маленькое судно, сорванное в шторм с якоря, как это часто случается в тропиках, было спасено благодаря трубному звучанию раковины. Мощность звука раковины оказывалась вполне достаточной, чтобы пострадавших услышали. А всего лишь – порождённый морем моллюск, вернее – его раковина, поднятая однажды людьми со дна моря.

Представить себе в качестве подобного «священного рога» букцинию Японского или Охотского моря совсем несложно, если хотя бы раз держал в руках эту раковину, достигающую в длину двадцати, а порой даже двадцати пяти сантиметров. Видеть такие раковины мне приходилось на рыболовных траулерах, добывающих рыбу с помощью донного трала на глубинах в двести-триста метров. Трал захватывает в свою ненасытную «пасть» всё, что

попадается ему на дороге, в том числе – осьминогов, крабов, акул и скатов, ну и, конечно, беловато-кремовые раковины букциний и нептуний, поначалу неразличимые в вываленном на палубе донном иле, и лишь после промывки всего улова предстающие искушённому взору рыбаков.

Крупную тяжёлую раковину всегда хочется взять в руки, погладить её выпуклые бока и слегка подбросить, почувствовав, как что-то живое хлюпнуло в её глубине и замерло. После чего поднесёшь раковину к уху, но ничего не почувствуешь кроме резкого запаха моря, чуточку пряного, даже приторно-сладковатого, и опять с восхищением воззришься на её беловато-притягивающую округлость. Такую раковину не найти в прибойной полосе, и хотя букцинии и нептунии встречаются на устричных банках, привязанность к глубинам выказывает в них благородство морских обитателей, которые по-настоящему преданы морской стихии и не изменяют ей даже когда море вынуждено отходить. Эти моллюски никогда не показывают себя, будто охраняя ведомую им одним тайну.

Сколько помню, все моряки, ходят ли они на добывающих, спасательных или научно-исследовательских судах, всегда отмечают в этих раковинах, пожалуй, самых крупных из обитающих в дальневосточных морях, скрытую тайну морской стихии, и почти на каждом судне и в каждой каюте можно увидеть на столе беловато-розовую округлую букцинию или изящно вытянутую нептунию с голубоватым оттенком… Находясь длительное время в ограниченном пространстве, среди порядком приевшихся предметов, морякам, так или иначе, попадаются на глаза и раковины, которые они отчего-то выделили для себя однажды, и, всматриваясь в них, моряки, наверное, невольно представляют таинственное морское дно, манящее их своей неизвестностью, и неведомые морские просторы, которые им приходится преодолевать. Море тогда, благодаря этим раковинам, будто присутствует в каютах моряков, и они, таким образом, словно поклоняются ему, для чего-то пытаясь ещё более его приблизить.

Но никто не может объяснить: в чём заключается так притягательно воздействующая тайна, заключённая в раковине, вернее даже – в неописуемо волнующем и неумолчном рокоте, который доносится из её глубин? Ты осторожно берёшь в руки красивую витую раковину букцинию величиной с три-четыре кулака, покрытую светло-серым известняковым налётом, трепетно прижимаешь её к уху, и, закрыв глаза, почти ощущаешь, как море надвигается на тебя. Сначала где-то далеко-далеко зарокочет прибой, волны с гулом обгоняют друг друга и пенятся. Ветер шумит, бросает чаек к самой воде, и чайки пронзительно вскрикивают, но море погребает собой все звуки, оно всесильно. Гул его – великая тайна.

Ну, а если всё-таки взять и просверлить в верхнем завитке раковины букцинии дырочку? Как жители тихоокеанских островов и побережий, попытавшись затем потрубить в этот морской «рог»? Поистине удивительно, каким неожиданным и даже чудесным образом самая простая раковина может так неожиданно воздействовать на человека! Невидимые каналы

морской судьбы внутри раковины сплетаются между собой, из глубины веков дотягивается до тебя, кажется, музыка самой Вселенной, и её мелодичная ниточка вливается в сердце непрекращающимся ручейком, незаметно порождая в нём целое море. Не в силах постигнуть – почему ты так любишь этот гул веков, всё вслушиваешься и не можешь никак оторвать приложенную к уху раковину.

Ты ощущаешь море совсем рядом, и, переживая его аромат и головокружительную свежесть, как нечто самое родное, начинаешь чувствовать, что море уже катит свои волны в твоей душе. Солёные брызги летят в лицо, слышится еле уловимый шорох камней в прибрежной полосе, и опять где-то далеко-далеко зарождается новый гул, совсем не принадлежащий морю. В этом нарастающем гуле уже угадывается иная сила, порождающая само море, но вскоре она сливается с его воем, и ты уже не можешь что-либо различить, весь охваченный неукротимой божественной стихией.

И вот ты уже невольно прикладываешь раковину к губам и силишься представить, что выдуваешь мелодию, схожую со звучанием моря. Взываешь на природной трубе какую-то необъяснимую песнь радости, и на мгновение тебе начинает казаться, будто это не раковина поёт, а твоя душа. Звучно, протяжно, в такт раскатистому глубинному гулу из моря, означающему, что и его душа проснулась, неумолимо увлекая тебя своей непревзойдённой музыкой за исчезающий горизонт.

«ХИТОН СТЕЛЛЕРА»

В Японском, Охотском и Беринговом морях на скалах и каменных грунтах, по соседству с брюхоногими и двустворчатыми моллюсками, живёт ещё и панцирный моллюск-хитон, достигающий длины пятнадцать-двадцать сантиметров. Раковина у него отсутствует, а спина целиком обрастает мантией, под которой лежат пластинки, напоминающие жаберные щели акулы. Моллюск обычно окрашен в тёмно-коричневый, иногда – красновато-серый или даже бордовый цвет, и этот общий тон окраски как нельзя лучше соответствует цвету скал, на которых он сидит.

Впервые увидев под водой такого моллюска, я не то чтобы удивился, что-то подобное мне приходилось уже встречать в книжках о морских обитателях, а скорее замер в недоумении: до чего необычная форма у этого подводного жителя, из чего он состоит внутри и каким образом передвигается? Уж больно загадочным выглядел моллюск, который по своему, достаточно простому, внешнему виду, вроде бы, не должен так воздействовать на восприятие. И всё же он воздействует, его хочется взять в руки и разглядеть, чтобы, наверное, увидеть в нём его чудесную суть.

Само название моллюска необычно – хитон Стеллера… Что касается «хитона», то у древних греков это был род шерстяной или льняной рубашки до колен или ниже, с рукавами и без рукавов. Хотя нередко таким хитоном им служил всего лишь кусок ткани, его набрасывали на правый бок, скрепляя на левом плече, и вот его, видимо, и олицетворяли чаще всего с этим морским моллюском. Вернее, с его телом, целиком облечённым в подобную мантию, состоящую, к тому же, из восьми частей…

Имя же «Стеллера» присвоено моллюску благодаря Георгу Вильгельму Стеллеру – путешественнику и учёному-натуралисту, участнику Второй Камчатской экспедиции 1733 и 1743 годов, который вместе с Витусом Берингом совершил плавание на пакетботе «Святой Пётр» к берегам Северной Америки. Во время плавания Стеллер вёл дневник, в котором подробно отражена история экспедиции, где он не только впервые дал описание природных условий западного побережья Северной Америки и Алеутских островов, но и записал свои наблюдения об их населении и занятиях. В других своих трудах Стеллер воспроизвёл внешний вид и образ жизни морских животных, которых наблюдал во время плавания и вынужденной зимовки на острове Беринга, в том числе – редких морских коров, полностью исчезнувших уже к концу 18 века, и названных позднее так же в его честь.

Правда, вот маленький панцирный моллюск, что оставался неизвестным вплоть до середины позапрошлого века, был обнаружен и описан не Стеллером, а академиком Российской академии наук Александром Миддендорфом. Имя Александра Миддендорфа связано с изучением фауны

русского Севера и Сибири, основанием научного мерзлотоведения, проблемами орошения земель и скотоводства.

Неутомимый исследователь много путешествовал. В 1844 году он добрался до Охотского побережья, где вместе с геодезистом Вагановым смастерил из шкур и ивовых прутьев байдарку, на которой два отважных человека отправились в бурное Охотское море. Они плыли вдоль берега, составляли карты, собирая коллекции растений и животных. Пропитание добывали себе, охотясь в тайге, не гнушались и сбором съедобных моллюсков. Во время этого беспримерного плавания и был добыт первый хитон.

Впоследствии А. Миддендорф, обрабатывая коллекции в Зоологическом музее в Петербурге, дал научное описание моллюску, назвав его в честь предшественника в изучении фауны Дальнего Востока доктора Стеллера - «Стеллеровым криптохитоном». Названный именем немецкого биолога, оставившего столь заметный след в науке, хитон уже в этом несёт в себе притягательную необыкновенность. Казалось бы, с виду – очень доступный и простой в своей правильной обтекаемой замкнутости, он не должен вызывать каких-либо не разрешаемых дополнительных эмоций, и всё же именно благодаря этой бросающейся в глаза обыкновенности моллюск и привлекает к себе внимание. Неподвижно лежит на какой-нибудь подводной скале, будто и вовсе никогда не предпринимает попыток к передвижению, и ты обязательно задержишься возле него и подивишься: какой же этот моллюск, оказывается, интересный, даже – забавный!

Возьмёшь моллюска в руки и не знаешь – как поступить: то ли выбросить обратно в море, то ли забрать с собой. Жалко отказываться от этого загадочного существа, которое к тому же, не так уж часто встречается, но что с ним делать дальше? Может быть, всё-таки, не выбрасывать, а оставить хотя бы на время и понаблюдать – что с ним будет?

Однажды я осуществил-таки свою затею, засунул подвернувшегося под руку хитона в питомзу, когда собирал под водой трепанга, и обмыв затем от песка – положил сушиться на крышу веранды, надолго позабыв о нём. Хитон постепенно весь сжался, высох до каменного состояния и превратился в тяжёленький шершавый комок, очень отдалённо напоминающий нечто морское. Изменившийся до неузнаваемости, хитон почему-то не вызывал былой заинтересованности в нём. Осталось только воспоминание, как ты его обнаружил и чуть-чуть восхитился, всё-таки решив овладеть затейливым созданием моря.

Хитон, действительно, очень интересный моллюск. Бывает, проведёшь у моря несколько подводных сезонов на добыче трепанга или морского ежа, а ни разу не встретишь этого моллюска, и неожиданно попавшись на глаза – он обязательно вызовет у тебя интерес. Скорее всего, потому, что держится больше узких подводных расщелин, предпочитая обязательное присутствие скал. Моллюск, если и исчезнет, то вместе с ними, поскольку скалы – его родной дом, только на них он и сидит.

В свободное от добычи время, когда позволяет погода, и перекатывающиеся волны не набегают неистово на скалы, можно просто поплавать с аквалангом в прибрежных гротах, на небольшой глубине, и помимо сидящих на камнях всевозможных животных обязательно увидишь и хитонов. Моллюски обычно располагаются на скалах небольшими группками и, как правило, недалеко от поверхности воды. Хитоны будто замерли в ожидании чего-то неизведанного, что способно принести только море, и тихо радуются своему незатейливому существованию, никому не докучая.

Даже дотронувшись до них рукой, хитоны никак не реагируют на прикосновение, сохраняя неподвижность. Словно они – часть скалы, но всё равно в загадочных моллюсках чувствуется жизнь. Можно каждый день наведываться в это место, но хитоны по-прежнему будут оставаться на облюбованной ими скале.

И всё-таки, моллюски осуществляют движение, правда, очень медленно: может быть, несколько сантиметров или даже миллиметров в сутки, оставляя за собой чистую от обрастаний поверхность камня. Передвигаются, наверное, ночью, но даже если днём – разве это увидишь? Ведь не будешь сидеть часами рядом, наблюдая за их удивительно размеренной жизнью! Захочется посмотреть что-либо другое, тут же отвлёкшее твоё внимание: море таит в себе столько чудесных загадок, разве всё пересмотришь?

Но вот когда тебе захочется ещё и подержать хитона в руках, то оторвать его от поверхности камня бывает не просто: моллюск, порой достигающий в длину двадцати сантиметров и весом в килограмм, присасывается к скале очень плотно. Хитон сворачивается в тёмно-коричневый сердитый шар, ну, совсем, как наш обыкновенный ёжик, когда его потревожат, после чего уже моллюска не хочется беспокоить, и, опустив его в воду, наблюдаешь, как он медленно разворачивается, образуя плоский овал величиной с кокосовый орех. Дальневосточному жителю, конечно, сложно представить именно такое чудодейственное перевоплощение, но ничего другого на ум, почему-то, не приходит: шаровидная форма и шершавый волосяной покров хитона напоминают, как ни странно, именно тропический плод, остающийся для понимания здесь, на берегу холодного моря, всё-таки недоступным.

Раковины у моллюска, вроде бы, нет, но есть восемь прочных пластинок, причём предыдущая ложится задним краем на последующую… Каждая пластинка имеет по краям мелкие зубчики, которые крепко соединяют пластинки раковины с телом животного, сохраняя подвижность. Это-то и позволяет моллюску свернуться в шар, прикрыв тело снаружи, словно панцирем. Этакий неприступный подводный броненосец, но что же он, такого ценного, в себе содержит?

Если перевернуть хитона брюшком кверху, то посередине его увидишь ногу, которой он и присасывается крепко к каменной поверхности. В

передней части чётко выделяется голова с ротовым отверстием, где имеется тёрка-радула с многочисленными зубами. Очень медленно передвигаясь по скалам, хитон соскабливает этой радулой небольшие обрастания водорослей, чем, собственно, и живёт.

Незамысловат образ жизни этого причудливого на вид животного, предпочитающего лишь твёрдый грунт: никогда не увидишь хитона на песке или зарывшегося в ил. Хитоны попадаются и на значительных глубинах, больше километра, но чаще они, всё же, населяют зону прибоя. Может быть, именно поэтому у них и существует хорошо развитая крепкая оболочка, чтобы противостоять действию волн, плотно присасываясь к поверхности скал. Чем сильнее бушует прибой, тем плотнее прижимается к камню моллюск; если волны всё же срывают его, хитон сворачивается кольцом на брюшную сторону, превратившись в прочный шар, способный противостоять самым безжалостным ударам стихии, а разворачивается – лишь, когда опасность отступает.

В общем, панцирные моллюски – малоподвижные животные, и тебе иногда отчего-то хочется растормошить их… Проплывая над ними, ты вдруг остановишься рядом и затеешь с затаившимися в себе животными своеобразную игру: осторожно подбрасываешь их в толще воды, после чего хитоны мгновенно сворачиваются, наверное, очень сердясь, но не в силах выказать недовольство, безропотно терпят твоё вмешательство в их размеренное существование. И тебе на какое-то время станет стыдно, что потревожил этих совершенно безобидных морских жителей.

Даже не подумаешь, что при этом за тобой наблюдают тысячи глаз, называемых у хитона раковинными и представляющие собой своеобразные органы чувств, служащие, по-видимому, для более тонкого восприятия окружающей действительности. Интересно, что по мере роста раковинных пластинок у их края постоянно образуются новые глаза, и это продолжается почти в течение всей жизни животного. По подсчётам специалистов, число глаз у одной особи может превосходить десять тысяч!

Между тем, существуют свидетельства, что среди хитонов встречаются и такие формы, которые передвигаются относительно быстро. Так, например, один исследователь моря наблюдал, как хитон легко полз вверх по якорной цепи, и, конечно, подобная прыть от довольно замкнутого существа воспринимается неожиданно. Возможно, что наше представление о подвижности хитонов несколько неправильно, так как они, скорее, всё-таки ночные животные, и более подвижны именно в эту пору, а не днём.

Уже говорилось, что пища хитонов обычно состоит из растений, облепляющих скалы, а наличие органа чувств, лежащего под радулой, указывает на некоторую способность моллюсков к вкусовому отбору: хитоны, оказывается, ещё и гурманы! В кишечнике хитона часто находят диатомовые водоросли, переработанные ниточки зостеры и филлоспадикса, а глубоководные виды этих моллюсков поедают даже губок! Учитывая приспособленность к определённой пище, некоторые моллюски встречаются

и на определённых ракушках, однако не доказано, что эта связь с ракушками обусловлена исключительно тем, что только благодаря им моллюски находят необходимую им пищу… Может быть, хитоны в обществе ракушек просто забавляются, ожидая, когда они раскроются, и так, незаметно, происходит общение морских обитателей.

При всём том, что хитонов нечасто встретишь – плодятся моллюски в огромном количестве. Типичная для панцирных моллюсков форма размножения – хранение отложенной икры в жаберных бороздках, так что последние превращаются, таким образом, в выводковые камеры, внутри которых и развивается молодь. Из яйца появляется личинка, у которой ещё до вылупления по бокам тела образуются личиночные глазки, на спинной стороне – подобие раковинных пластинок, а на брюшке – зачаток ноги. Если моллюску повезёт, и шторм не выбросит его на берег, в зимнюю пору не раздавит ледовый припай или в младенчестве не проглотит какой-либо хищник, то ему суждено прожить больше десяти лет.

Старых хитонов часто легко можно отличить от более молодых по степени разрушения их раковины от механического действия волн, песчинок и различных организмов, которые поселяются на его панцире. Такое разрушающее действие на хитона оказывают водоросли, проникающие в его жаберные каналы, самые разнообразные мшанки, усоногие раки и морские жёлуди. На одном хитоне, поднятом с глубины в трале, обнаружилось несколько десятков таких морских желудей, которые густо покрывали спину животного.

А однажды, в прибрежных камнях, я обнаружил выброшенный штормом, уже мёртвый хитон, покрытый глубокими укусами чьих-то зубов. Может быть, молодой сивуч развлекался таким образом, то прихватывая, то отпуская бедного моллюска? Выглядят подобные экземпляры «ветеранов» впечатляюще, вызывая уважение своими размерами и рваными рубцами, так что искренне подивишься: зачем-то этому незаметному моллюску удаётся так долго сопротивляться стихии, чаще всего остающейся к нему не благосклонной!

Известны даже редкие случаи находок хитонов в желудке акул, которые никогда не отличались тщательностью в выборе своего меню: чего только не находили в их алчном чреве! А недавно я узнал, что этот самый, совершенно несъедобный с виду хитон, всё равно, что какая-то растительно-каменная кубышка, не интересующая ни одного морского животного, употреблялась в пищу алеутами, японцами и китайцами! Наверное, это может лишь говорить о том, что эти народы, жившие у моря, не всегда переживали в своей истории лучшие времена…

Так или иначе, но неприступные с виду панцирные моллюски всё-таки употребляются в пищу человеком, в частности, в них ценится мясистая нога, а в некоторых случаях и икра. Конечно, это не самое вкусное мясо, море порождает в своей утробе и более деликатесные существа, вызывающие в человеке изощрённые кулинарные пристрастия, но, всё же, кому-то однажды

достаётся правда жизни в лице самых обыкновенных хитонов, когда он остаётся один на один с морем, камнями и собственным голодным одиночеством. Может быть, именно с этих пор хитоны и стали употреблять как амулеты, якобы приносящие исполнение всех желаний.

Сама форма хитона вполне предполагает использование его в качестве талисмана, охраняющего от какой-либо порчи или недуга. Красивый плотный овал, удобно умещающийся в руке, хочется положить перед собой и рассматривать его, скорее всего любуясь именно формой, которая завораживает магией линий. Наверное, не смотря на свою простоту и доступность, хитон действительно предназначен морем быть человеку драгоценным оберегом.

«РАК-ОТШЕЛЬНИК»

Иногда, прогуливаясь по дикому сахалинскому побережью, оказывается просто невозможным найти пустые раковины брюхоногих моллюсков, хотя ты знаешь наверняка: здесь водятся и нептунии, и рапана, и многочисленные литорины. Что же тому причиной? А всё дело в раках-отшельниках, которых порой у берега скапливается так много, что возникает настоящая нехватка раковин, используемых этими мягкохвостыми существами в качестве надёжной защиты, то есть – как домик!

Рак-отшельник в полной мере оправдывает своё название, поскольку живёт в уединении, сам по себе, но пустынником его не назовёшь. Он не удаляется от всего суетного подводного мира, а лишь прячется от него. Имея довольно длинное брюшко, лишённое какого-либо твёрдого покрытия, рак, чтобы защитить его, засовывает заднюю часть туловища в пустые раковины брюхоногих моллюсков, свёрнутых спиралью в правую сторону.

Брюшные ножки превратились у рака в своеобразные крючочки, с помощью которых он цепляется изнутри к раковине. Вытащить его оттуда очень трудно, можно даже разорвать рака пополам. В случае опасности рак-отшельник забирается в раковину целиком, а вход, как крышкой, закрывает большой клешнёй.

Рак-отшельник вынужден всю жизнь таскать за собой своё убежище, чтобы защитить уязвимое брюшко, представляющее лакомый кусочек для прожорливых подводных хищников. Однако, по мере роста, то есть – при каждой линьке, ему приходится менять свою квартиру, и тогда, на какой-то период времени, он совершенно обнажается, озабоченно блуждая в поисках нового убежища.

От этого осознания своей наготы, рак-отшельник совершенно теряет покой и становится очень забавным. Он пробует одну за другой все попадающиеся ему на пути раковины, хотя сразу видно, что некоторые слишком малы для него, но рак упорно пытается втиснуться в них, стараясь быстрее спрятаться. Потерпев неудачу, он не пропускает и большие, которые оказываются непосильно тяжёлыми, и, протащив их кое-как, в отчаянии бросает. Наконец, после множества неудач, раку подворачивается та, что совершенно его устраивает, и он спешит обосноваться в ней до следующей линьки. Взирая на подобные мучения, вряд ли позавидуешь беспокойному хозяйству этого забавного рака и его недолгому удовлетворению!

Но рак как будто не замечает собственного неустройства, он очень ловок, и, натолкнувшись на подходящую раковину, мгновенно переворачивает её отверстием вверх, вскакивает в неё и, прошмыгнув внутрь, закрывает вход клешнёй, затаившись. Заселение благополучно завершилось!

Забавно наблюдать за молниеносными передвижениями рака, но уж больно много охотников на его незащищённое тельце, и оттого рак

щепетилен в поисках нового жилища. Впрочем, и с тяжёлой раковиной на спине рак не теряет изворотливости, продвигаясь по дну стремительно. Даже не различишь, как шустро семенят его тоненькие ножки, когда рак совершает свои перебежки, ориентируясь с помощью длинных усиков, располагающихся на голове. Только они и видны из-под спасительной раковины, да иногда ещё высовываются глаза на шарнирах, подобно маленьким перископам обследующим окружающее пространство. Быстро оценив обстановку, рак тотчас или скрывается в своём домике, или ныряет в какую-нибудь укромную пещерку, под камни, откуда через мгновение опять появляются настороженные шарики глаз и шевелящиеся усы. На недолгое время рак обретает долгожданный покой.

Пользуясь подобной озабоченностью рака-отшельника, можно устроить с ним беззлобную подводную игру. Вынудив рака покинуть своё дом, заранее заготовив для него более вместительную раковину, ты подсовываешь её ему, и рак, в мгновение, ощупав вход передними конечностями и убедившись, что раковина свободна и достаточно просторна, втискивает туда заднюю часть туловища. Рак-отшельник может довольствоваться и небольшой раковиной, лишь бы в неё вошло брюшко, но при первом же удобном случае стремиться сменить раковину на более просторную.

Обретя новую, более удобную для себя раковину, рак на какое-то время полностью оправдывает свою отшельническую суть и замирает. Кажется, раковина совершенно пуста, никем не занята, и, проплывая мимо, ты попытаешься взять её в руки, но, только дотронувшись до шероховатого бока ракушки, ощутишь вдруг, как она в последний миг выскользнула куда-то и, подняв облачко песчаной мути, устремилась от тебя. На мгновение даже опешишь, но потом, конечно, догадаешься, что виной всему – хозяин раковины, рак-отшельник, который, по натуре своей, вездесущ и непредсказуем на неожиданные манёвры.

Когда рак, проникнув в новую раковину, осмотрится и привыкнет к ней, он обязательно проверит – как отреагировали окружающие обитатели на его появление. Поначалу из-под раковины покажутся шевелящиеся усы, затем шарниры глаз, заострённая голова и клешни, которыми рак для порядка щёлкнет пару раз, как бы демонстрируя свои возможности. Глаза его настороженно повернутся вокруг себя, так что покажется, будто это и не глаза вовсе, а чуткие уши, и рак мгновенно юркнет обратно, так что раковина чуточку пошатнётся и опять замрёт. Вроде бы, никто не против, что он тут появился, а если его потревожат, то рак задаст обидчику порядочную трёпку своей грозной клешнёй: щёлк-щёлк!

И рак, действительно, так сделает – пощёлкает клешнёй, залихватски выбросит её вперёд, крутанёт усами, а ты вдруг поймаешь себя на мысли: как чудесно всё это наблюдать, быть молодым и здоровым, радоваться самым простым и обыкновенным вещам, до которых ещё нужно суметь добраться, быть счастливым и благодаря этому маленькому раку, ведущему, вроде бы,

отшельнический, неприметный образ жизни… Ощущая себя единым с окружающим морским пространством и удивительным подводным отшельником, ты начинаешь и себя воспринимать намного чище и лучше, как до этого даже не мог помыслить. Спасибо раку-отшельнику, забавному мягкохвостому существу, по воле морского бога почему-то не обладающего собственным домом и браво отстаивающего свою трогательную незащищённость!

Но иногда раки-отшельники устраивают свои жилища не только в раковинах. В Индийском океане есть вид раков-отшельников, которые обычно живут в обломках бамбука. Брюшко у этих раков имеет цилиндрическую форму, как ствол бамбука. Когда из-за недостатка подходящих раковин на дне моря возникает жилищный кризис, раки-отшельники устраивают себе жилище из всего, что только обнаружат. Один исследователь, наблюдая в Калифорнийской лаборатории за морскими животными, описывает забавный случай, когда два рака поселились в разных концах трубчатого домика кольцевого червя, и, во что бы то ни стало, хотели двигаться в разные стороны, хотя было очевидно, что от сотрудничества оба только выиграли бы.

Бывает, опустевшую раковину использует не одно поколение раков, отчего она порядком истирается, но, тем не менее, нуждающийся в новом домике рак никогда от неё не откажется, и если обнаружит для себя более подходящую, старую занимает другой отшельник. Так раковина и переходит из клешни в клешню, в ней постепенно появляются отверстия, известковые стенки её тончают, и, наконец, никому не нужная, она оказывается выброшенной на берег. Правда, и там её кто-нибудь да употребит для своей надобности: заберётся вовнутрь крохотный крабик или набегающая волна заплеснёт в раковину малька, а то - и только народившуюся личинку моллюска. Искрящаяся морская пена ненадолго задерживается в маленьких отверстиях раковины, постепенно врастающей в песок, и тогда она действительно становится похожа на игрушечный домик с окошками, уже, кажется, никому не нужный, который ты всё-таки поднимешь и рассмотришь…

Словом, всякий, хотя бы понаслышке, знает этого необычного и во всех смыслах симпатичного рака, который собственного домика не имеет и находит приют в чужих раковинах, оставленных своими хозяевами. А поскольку рак растёт, подобно всем животным, то ему рано или поздно, как уже говорилось, приходится менять своё жилище, совершая это с большим проворством и предельной скоростью, сводя к минимуму время пребывания в обнажённом и, значит, уязвимом состоянии. И вот здесь проявляется ещё одна замечательная черта рака – боевитость, какая-то постоянная нацеленность на схватку, когда он не гнушается даже превосходящим по силам соперником.

Так, если пустой раковины не оказывается, то рак-отшельник не останавливается перед поединком со своим сородичем, чтобы его выселить.

В этой связи очень интересно отметить, что рак-отшельник, сопротивляясь, скажем, пинцету зоолога или просто любопытному человеку, пытающемуся вызволить рака на свет божий, позволяет разорвать себя на части, чтобы только не покинуть убежище. Но, признав превосходство в силе себе подобного, уступает ему свою раковину.

Занимателен рак и в своей неутомимости, когда отыскивает подходящую раковину. Разумеется, он всегда при этом исследует её внутренность клешнями, и если в раковине находится улитка, то рак немедленно принимается за её уничтожение и, покончив с нею, поселяется в её домике. Если же ему попадается раковина, набитая песком, то смышлёный рак берёт её клешнями и встряхивает, совершенно так, как это делаем мы со своими ботинками, когда в них набивается песок или камешки.

Мало того, старую раковину рак часто не бросает, продолжая крепко удерживать её клешнёй. Делает он это на тот случай, если новое помещение оказывается почему-то неудобным. Так и таскает за собой запасную раковину, что со стороны выглядит очень забавно. Конечно, вид резервного жилья побуждает других раков немедленно начать драку за его обладание, и счастливому обладателю двух раковин приходится с одной всё же расстаться…

А ещё забавный рак-отшельник служит интересным примером сожительства с различными животными. В Японском море в обилии встречаются самые разнообразные по цвету актинии, и нередко попадается рак-отшельник, водрузивший себе на раковину одну из них. Красивая зелёная, красная или голубовато-жёлтая актиния сидит на раковине рака как украшение, но на самом деле она схватывает своими щупальцами довольно крупных животных, вследствие чего никогда не остаётся без добычи, и кое-чего из неё перепадает раку.

Когда рак меняет свою раковину на более удобную, он часто пересаживает на неё и актинию, к которой привыкает. Схватив актинию своими клешнями, рак приподнимает её и затем, посадив на новое место, придерживает в неподвижном положении в течение нескольких минут, после чего осторожно отнимает сначала одну, потом другую клешню, пока актиния не оказывается плотно сидящей на желаемом для него месте. Иногда маленькая актиния поселяется на клешне рака, и когда рак прячется в свою раковину, она закрывает в неё вход.

Не менее занятное явление представляет рак-отшельник, однажды водрузивший на свою раковину губку. Хорошо известно, что губки ведут неподвижный образ жизни. Но часто можно увидеть, как ярко-красная или розовая губка … бежит по дну, забавно семеня ножками. Оказывается, эти ножки принадлежат раку-отшельнику. Сначала этот рак поселяется, как обычно, в спирально закрученной раковине, затем на раковине селится губка и, постепенно разрастаясь, она охватывает раковину, растворяя её полностью. Если теперь разрезать такую губку, то в центре её будет виден

точный отпечаток раковины со всеми её завитками. В этой-то полости и живёт рак-отшельник.

Обитая большей частью на материковой отмели, рак, несмотря на своё прозвище, и попадается чаще других животных, порой выбираясь на берег очень далеко, так что даже засомневаешься – действительно ли он настолько морской? Тур Хейердал, побывав на Маркизских островах, так описывает добычу раков островитянами, использующими их привычку удаляться от моря. Обычно добытчик идёт по берегу ручья, впадающего в море, в одной руке у него находится миска из высушенной тыквы, в другой – тонкое двухметровое копьё с металлическим наконечником. Он разжёвывает кусочек кокосового ореха и выплёвывает кашицу в воду, течение уносит ореховые крошки под камни, где их уже поджидает рак. Рак хватает лакомство, тем самым объявляя себя, и копьё молниеносно пронзает его. Каких-нибудь полчаса – и миска полна раков. Раки почему-то предпочитают пресную воду морской, устраивая охоту на сухопутную жертву.

Самому мне довелось однажды наблюдать раков-отшельников на суше у мыса Крильон, вернее, это был залив Де-Лангля, на юго-западном побережье Сахалина. Сгущающиеся сумерки застали нас в дороге к самой южной оконечности острова, куда мы пробирались на стареньком «трумэне», прямо по отливу, и на ночлег пришлось останавливаться тоже на берегу, почти у прибойной полосы. Волны с лёгким шипением набегали на берег, и мы разложили спальные мешки не в машине, а на свежем воздухе, прямо у моря, рассчитывая хорошо выспаться и отдохнуть. Но на деле ночь выдалась на удивление беспокойной, заснули мы только под утро, и виной тому явились именно раки-отшельники.

Оказалось, что на этом берегу, в заливе, обитает множество раков-отшельников, которые в отлив выбираются на берег полакомиться выброшенными за ночь дарами моря: мелкими моллюсками, рыбками, крабиками и прочей живностью. Всю ночь напролёт они бродили туда и обратно, шуршали своими краденными раковинами о камни и песок, неутомимо таская их на себе. Некоторые из раковин размерами были больше, чем в ладонь, а сам рак свободно входил в её небольшое отверстие, грозно поводя своей боевой клешнёй, высунув её наружу. Другую – маленькую, служащую раку как средство передвижения и поддержки, порой даже не сразу заметишь. А вот боевая – всегда более яркая по цвету, заметная, созданная, видимо, именно для устрашения.

Рак выглядит несколько несуразно со своей непомерно разросшейся правой клешнёй. Она никогда не влезает в ракушку, а лишь прикрывает вход. Отшельник похож на обороняющегося бойца, защищающегося в боевой стойке от неведомого врага, и всегда своим бойцовским видом вызывает уважение, несмотря на то, что тело его тщедушно в сравнении с устрашающей клешнёй. Но и она не в силах защитить уязвимое мягкое тело, и рак прячет его в раковину, в течение всей жизни волоча её за собой. От неизбывности судьбы, быть может, и развилась у отшельника его огромная, в

сравнении с телом, клешня, а тот, кто пробовал хоть раз на себе силу её давления, не забудет никогда!

Так вот, самые нахальные раки упорно пытались протиснуться под спальные мешки или карабкались на нас, ничуть не обращая внимания на то, что мы шевелились и пытались их сбросить. Раки, кажется, только злились от этого, ещё больше пытаясь при всяком удобном случае ущипнуть своей бойцовской клешнёй, причём, действовали без всякой жалости. В конце концов, перед самым рассветом, терпение наше лопнуло, мы выбрались из мешков и решительно стряхнули с себя своих мучителей, после чего большинство раков спрятались в свои домики.

Может быть, они тоже утомились и решили передохнуть, а может - приближался прилив, и ракам пришло время отступить в море. Мы надолго запомнили этих раков, и когда я потом ночевал в спальном мешке у себя дома, в уральском лесу, то всё время вспоминал этих неугомонных раков, море, туманный мыс Крильон, и мне очень хотелось, чтобы опять всё повторилось и уже больше никогда меня не покидало.

«ЗВЁЗДЫ»

Перед тем, как мне отправиться в первое морское путешествие, в своей каюте, на пустом столе, я обнаружил большую морскую звезду бордового цвета, и когда взял её в руки, то почувствовал в душе трепет. Я и сейчас помню это непередаваемое ощущение приподнятости, когда ты в мгновение постигаешь: жизнь только начинается…

Звезда была тяжёлой, шероховатой, вся усыпанная мелкими колкими пупырышками, приятно обжигающими ладонь, и я, помнится, никак не мог на неё наглядеться, потому что никогда до этого не встречал настоящей морской звезды. И потому не хотелось выпускать звезду из рук, а только поворачивать её, рассматривая со всех сторон, зачем-то поглаживать выпуклые бока, и поражаться размерам: очень красивая, огромная, пятилучевая звезда. Я даже и не думал, что такие существуют!

Вот только истинный цвет её, явно, не сохранился, по всему было видно, что звезда, кем-то незаслуженно позабытая, уже давно покоится в этой каюте, может быть совершив вместе с её хозяевами не один далёкий рейс… Я вдруг попытался представить себе звезду живой, как она выглядит, когда находится на дне моря, но у меня ничего не получилось. И ещё я подумал, что звезда попалась мне на глаза не случайно.

Впоследствии оказалось, что эта впервые встреченная мною в жизни звезда – эвастерия сетчатая, всегда очень крупная, словно надутая изнутри какой-то переполняющей её неведомой силой, но не заносчивой от этого, а покойной. Такой она и была, когда я взял её осторожно в руки. Уже работая под водой, я часто находил этих звёзд на довольно большой глубине, и всегда они возникали из окружающей синевы неожиданно. Эвастерии необъяснимым образом притягивали к себе, словно убаюкивая и своими размерами, и сдержанным, фиолетово-карминовым окрасом. Никогда почему-то не возникало желания сразу брать их в руки, а хотелось только плавно кружиться над ними, внимательно рассматривая и изредка прикасаясь.

Кстати, среди всех морских звёзд – эвастерии неисправимые молчуны, если, конечно, можно так говорить о звёздах, которые все, в общем-то, не издают никаких звуков. Несмотря на свой настырный, хищнический характер и внушительные размеры, они, кажется, никому не желают вреда, лежат на дне укромно, даже как-то затаенно, отчего, вероятно, и возникает впечатление, что звёзды эти стараются быть как можно более незаметными. Вот и при подъёме на поверхность, эвастерии чуть-чуть обмякают, проникнутые, должно быть, печалью расставания с морским дном, но в руках не расплываются, а остаются как будто подобранными в себе, мягко поигрывая фиолетовыми, бордовыми и карминовыми прожилками. К ним почему-то в первую очередь проникаешься симпатией, а в себе обретаешь

уверенность, даже – счастье от того, что попал сюда, всё это увидел, и в лучшем случае – можешь только рассказать об увиденном чуде людям, большинство из которых вряд ли отправиться за ним на край света.

Хорошо идти потихоньку на боте вдоль береговой полосы, рассматривая проплывающие под бортом заросли морской капусты, и так же тихо поражаться подводным красотам. Морское дно просто расцветает самыми диковинными звёздами и почему-то совсем не напоминает ночное небо. Подводные чудеса намного ближе нам, мы даже можем взять эти звёзды в руки, если очень постараться, чего никогда не добиться от небесных светил. Правда, морские звёзды светят людям со дна моря почти невидимо, и только водолазы способны разглядеть и по достоинству оценить это своеобразное свечение.

Часто при этом мне приходила мысль, что яркая окраска звёзд дана им для того, чтобы обозначить себя на безликом морском дне, которое в северных морях не отличается своей яркостью. Ведь звёзды как будто именно вынуждают тебя заметить их, узнать лучше, и может быть полюбить, незаметно вызывая своей броской красотой искреннее уважение. Так ведут себя только те, кто ничего и никого не боится. Но оправданно ли подобное вызывающее поведение там, где разумнее оставаться незамеченным?!

Не сразу при этом допускаешь, что яркость звёзд сопутствует, должно быть, их общению между собой, а также отпугивает возможных претендентов на место кормёжки. Звёзды всем своим ярким видом будто провозглашают: эта территория нами занята, мы будем её, во чтобы то ни стало, отстаивать и чужакам сюда лучше не соваться. Подводная жизнь, как и на суше, требует от всех морских обитателей, в том числе – и от звёзд, немало изворотливости и изобретательности. Прекрасным морским звёздам это удивительным образом красиво и просто удаётся.

Ослепительно сияют морские звёзды ярко-красным, фиолетовым, оранжевым, жёлтым и лазоревым цветом среди тёмной зелени колышущейся травы, существуя, словно для украшения подводного пейзажа, как чудесные ордена на груди морского дна. Иногда звёзды лениво приподнимают кончики лучей - и тогда можно увидеть желобок, вокруг которого шевелятся белые, жёлтые или розоватые ножки, более короткие и плотные, чем у морских ежей. Вот несколько присосок прикрепились к раковине, и звезда постепенно подтягивает её под себя, всё больше напоминая уже не прекрасную звезду, украшающую собой подводный мир, а настоящего хищника, желающего только одного: насытившись, тотчас отправиться на поиски новой жертвы.

Из множества покрывающих морское дно звёзд чаще всего попадаются ромбовидные и пятиугольные патирии, которые располагаются целыми колониями. Патирии похожи на маленькие морские подушечки, всем своим видом, словно, притягивая к себе на отдых. Скорее даже они напоминают аккуратные квадратные помпушечки, что вешали на стены у комодов наши бабушки, втыкая в них иголки, и выглядят как-то по-домашнему.

Окрашенные в густой синий цвет, с разбросанными узорами из алых и оранжевых пятен, эти звёзды, в самом деле, успокаивают.

Только почему-то при одинаковом четырёх и пяти-лучевом строении мне ни разу не встретились две похожие друг на друга звезды: все патирии различаются своей формой, а значит – и характером. Среди них можно увидеть озорных, замкнутых в себе, беззаботных и недалёких, напыщенно-важных. В самом же названии звёзд чудятся древнеримские надменные патриции, их цвета морской волны и цвета крови плащи-накидки, и ещё что-то недосягаемо-величественное, трогательное и боевое. Патирии – как щиты, защищающие себя от чьего-то неведомого подводного наваждения, спасающиеся, кажется, и на берегу, выброшенные в шторм разбушевавшейся стихией.

Чего только не надумаешь, любуясь подводными красотами, когда плывёшь над ними в боте, и вода прозрачная-прозрачная, спокойная, над крутыми сахалинскими сопками встаёт солнце, высвечивая мир под водой, где всё и так необыкновенно. Вот сдержанно сияют в глубине сиреневые амурские звёзды, отдалённо напоминающие печные изразцы… Их незатейливый глазуревый рисунок изящен и в тоже время прост.

Амурская звезда кажется самой непритязательной из всех звёзд, да и встречается очень часто, и потому подплываешь, оказавшись под водой, только к крупным, отчего-то желая к ним прикоснуться… Дно сплошь усеяно нежно-сиреневыми амурскими цветками, но глаза не устают любоваться ими. Звёзды – неотъемлемая часть этого загадочного, полного чудес мира.

На отмелях, покрытых россыпями двустворчатых раковин, в особенности – с обилием поселений моллюсков мидий, можно нередко встретить загадочную дисталостерию… Её длинные, тонкие лучи покрыты рядами белых шипов. Прогуливаясь как-то по берегу Южно-Курильской бухты, на острове Кунашир, я обнаружил в камнях, во время отлива, целые залежи этих звёзд, которые сразу вызвали изумление: что вынуждает такие необычные существа выходить на берег, совершенно открывая себя?

А дело всё в том, что у этих звёзд отсутствуют враги, тогда как сами они представляют нешуточную угрозу двустворчатым моллюскам. Дисталостерии наползают на раковину такого моллюска, приподнимаются над ним на всех своих пяти лучах, как балерины, затем плотно сжимают в своих объятиях и вскрывают. В плоских ложбинках, в особенности – во время отлива, можно наблюдать кучи пустых раковин мидий, мактры и гребешка: здесь совсем недавно пировали дисталостерии!

Иногда из расщелин показываются совершенно чёрные звёзды… Кажется, будто они и не из моря вовсе, уж очень непривычная для него у них расцветка. Зачем им быть такими незаметными, даже невзрачными, вернее – невыразительными, если по соседству существуют яркие патирии, эвастерии и амурские звёзды? Может быть, чёрные звёзды не переносят света, оттого и

держатся больше глубоких и тёмных расщелин? Море неподражаемо в своём таинственном многообразии…

Избалованный этим звёздным разнообразием – не ждёшь встретить что-то ещё более поражающее воображение, но только до тех пор, пока тебе не попадается многолучевой солястер малинового цвета… Тем более, что для мелководья он крайне редок и ассоциируется чаще с глубиной, но вот в одной из курильских бухт Итурупа мне посчастливилось натолкнуться на многолучевую алую «голову Горгоны», и я сразу ощутил в ней подарок моря, ибо без божественного промысла никогда бы не владеть такой редкой красивой звездой. Солястер будто светится изнутри алым, малиновым либо ярко-оранжевым огнём, а его восемь, двенадцать, шестнадцать и даже тридцать два луча распространяют вокруг себя необыкновенно проникновенное внутреннее свечение. Берёшь такую звезду в руки и не можешь налюбоваться: до чего же море привольно в своих душевных волеизъявлениях!

И ещё хочется упомянуть об одних звёздах – тигровых, которые названы так за схожую с тигром расцветку. Если приглядеться, то в полосатой окраске этих глубоководных, как и солястер, звёзд нет ничего необычного, когда хорошо представляешь себе морской грунт. Ведь он бывает и чёрным, и серым, и коричневым, и жёлтым, в общем – полосатым чаще всего, отсюда – потребность маскироваться, никак не проявляя себя с яркой стороны. Впрочем, и полосатая зигзагообразная расцветка тигровых звёзд с их оранжевыми, белыми и серыми пятнышками поначалу сбивают с толку, и они тоже воспринимаются как откровение огромной, непознанной глубины, что и дарит человеку свои красоты, и скрывает от него много неизведанного.

Человек любуется поднятыми со дна, выброшенными на берег и попавшими в донный трал звёздами, приятно озадаченный их непонятной красотой и обилием, обязательно попытается взять в руки и внимательно рассмотреть, и отчего-то в сердцах посетует, что не в силах постичь всей тайны моря. Положив звезду на ладошку, он подумает о том, какая она красивая, ладная, можно даже сказать – волшебная, но для чего дана эта чудесная маленькая радость, неожиданно осветившая твою жизнь? Неужели только за тем, чтобы славить честь всемогущего океана, как орден на его потаённой груди? А может быть - в награду тебе за то, что всё-таки пришёл к морским сокровищам и не побоялся добиться их открытия, сделав себя чуточку богаче? Звезда будто подсказывает человеку: возьми меня с собой на память и сбереги, как свидетельство моего искреннего расположения, как дань уважения за стремление к знаниям, за проявленную перед морской стихией отвагу.

Всю свою жизнь проводят морские звёзды на океанском ложе, ползая по нему, закапываясь в него или прикрепляясь к камням, но на первый взгляд

кажутся всё-таки неподвижными. Правда, стоит только прикоснуться к звезде, и она изогнётся, приводя в движение все свои лучи. С нижней стороны лучей хорошо становятся заметны трубчатые ножки с маленькой присоской на конце, и, извиваясь, они тянутся в поисках твёрдой опоры. Звезда словно скользит по поверхности камня или дну на своих бесчисленных ножках, пытаясь убежать. Эти ножки могут сокращаться и вытягиваться на значительную длину, и когда звезда выбрасывает их вперёд и присасывается к поверхности дна, она затем сокращает ножки и таким образом передвигается, а приводятся ножки в действие благодаря водно-сосудистой системе.

На верхней стороне любой звезды можно заметить небольшое светлое пятнышко: эта известковая пластинка – вход в её водно-сосудистую систему, с помощью которой и создаётся необходимый ток воды. Пройдя ряд полостей, вода попадает в радиальные каналы, идущие вдоль лучей, а удлинение ножек происходит под действием нагнетаемой внутрь их воды. Сокращаются же ножки под действием продольной мускулатуры.

Все морские звёзды – завзятые аккуратисты! Наличие большого количества известковых шипов и игл на их теле вынуждает их держать его в чистоте. Внутренние края этих шипчиков имеют зубчатые выступы и, захватывая ими различный мусор и грязь, оседающий на поверхности звезды, а затем, передавая друг другу, они отбрасывают его прочь. Ведь на теле звезды располагаются важные органы дыхания, что поддерживают её нормальную жизнедеятельность.

Ещё морские звёзды обладают удивительным чутьём, угадывая добычу на значительном расстоянии. Стоит положить на дно кусочек рыбы или крабового мяса – и тотчас из-под камней к нему устремляются звёзды, стараясь, опередить друг друга. Нередко встречаются звёзды, сбившиеся в клубок: лучи их переплетены, словно в жестокой схватке. Это у них как раз идёт борьба за добычу – какого-нибудь моллюска или морского ежа.

Но поистине вызывает изумление то, с какой лёгкостью звезда вскрывает створки моллюска, сжимающиеся с невероятным усилием. Даже водолазу, вооружённому ножом, с большим трудом удаётся просунуть его лезвие между створками раковины, а уж о том, чтобы раскрыть створки руками, не может быть и речи: ну, если только разломать их каким-нибудь тяжёлым предметом! Звезда обхватывает лучами раковину со всех сторон, присасывается к ней ножками, и затем начинает методично их сокращать. Постепенно мускул моллюска, замыкающий створки, утомляется, они приоткрываются, и звезда вводит внутрь раковины свой желудок, который она может выворачивать через ротовое отверстие. Убив моллюска выделениями желудка, звезда, через несколько часов трапезы, выбрасывает наружу лишь чистые осколки раковины.

Звезда удовлетворила своё желание, какое-то время она умиротворённо лежит на песке, но вот медленно, сантиметр за сантиметром, вновь начинает своё продвижение по дну в поисках очередной добычи. Создаётся

впечатление, что звезда хорошо угадывает свой предстоящий обед, чувствуя его на расстоянии, и безошибочно двигается в необходимом направлении, ничуть при этом не торопясь. Образ жизни звезды на морском дне размерен, даже вальяжен, он не подразумевает никакой спешки.

Удивительно и умение звёзд восстанавливаться… Известно, что от нашествия морских звёзд - страдают поселения мидий и устрицы, и ловцы их – подводные ныряльщики, наловив звёзд, раздирают их на части и бросают в море, полагая, что таким образом предают хищниц мучительной смерти. Но количество звёзд на устричных банках при этом не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. Дело в том, что звёзды обладают высокой способностью восстанавливать утраченные органы.

Не раз у берегов Сахалина попадались мне на дне звёзды с одним или двумя-тремя лучами гораздо меньшего размера, чем остальные: молодые лучи росли у них взамен утраченных. Наиболее часто из числа когда-то подраненных звёзд, встречались почему-то именно амурские звёзды. Порой даже приходилось наталкиваться на участки дна, напоминающие место настоящего побоища, где звёзды валялись с откусанными и оторванными лучами: здесь уже пировала рыба зубатка, называемая подводниками «морской собакой».

Кажется, звёзды погибли, им не пережить такого хищнического разгула, но стоит через некоторое время вернуться в это место - и к удивлению своему обнаружишь, что тела звёзд распрямляются и обрастают недостающими частями. Целая звезда может восстановиться даже из одного луча, а некоторые звёзды и вовсе иногда размножаются, сами разламываясь пополам, и затем каждая половина восстанавливает недостающие части. У какого-то вида звёзд, не помню точно, от центральной части тела отрываются все пять лучей и отползают в стороны, после чего у каждого луча на месте отрыва начинает формироваться центральная часть тела и отрастают остальные четыре луча, которые со временем достигают нормальной величины. Возможности звёзд кажутся неисчерпаемыми!

Необычно и то, что тело у морских звёзд имеет, как правило, пятилучевую форму, форму совершенства и проникновенности во все сферы жизни именно благодаря этому звёздному расположению, которое, между тем, просто приятно воспринимается на глаз. Как будто пятилучевое состояние звезды визуально, а потом уже и мысленно предопределяет шар-сферу, нечто самое гармоничное для наполнения и выражения себя, своих мыслей. И вот, по этой причине, видимо, морскую звезду хочется брать в руки, рассматривать, мысленно вертя, и на самом деле медленно вращая, и от этого возникает в душе, в конце концов, энергетический вихрь, способный закружить все силы жизни, направляя их в единственно верное русло.

Главное, самому научиться познавать свою жизнь глубже, спиралеобразно и методично продвигаясь к совершенству. Да и не только свою – жизнь всей Вселенной, которая от этого только оказывается

довольной. Ей по нутру подвижническое напряжение воли человека, что не утихает и становится сильнее, когда он стремится к неизведанному.

Впрочем, кто воспринимает морскую звезду такой сложной? Она – лишь одно из прекрасных разнообразий подводного царства, где все находятся в одинаковых условиях, располагая более или менее равными возможностями. И только человеку нет в нём места, и он, несмотря ни на что, пытается проникнуть в глубины моря, желая хоть как-то возместить своё бессилие.

Морские звёзды, действительно, будто ордена на подводной груди океана, сверкают и переливаются ему в награду. Почти никому не видимые и недостижимые, они, конечно, светят самим себе, не находя достойных обожателей, но для тех, кто любознателен и отважен, дарят заслуженную радость. Я их наблюдал, тоже радовался увиденному, даже восхищался, а теперь пытаюсь рассказать, понимая, что всё это переживать одному однажды становится непереносимо.

Когда ты уже не видишь моря, не чувствуешь его аромата, хорошо поделиться своими знаниями с другими людьми, с удовольствием вспоминая таинственную морскую стихию, и в том числе – звёзды, незабываемые цветы моря, призванные, в первую очередь, очаровывать.

«АСЦИДИИ И АКТИНИИ»

Как роскошно разнообразие подводных сокровищ, многие из которых забрать с собой не представляется возможным, поскольку неповторимая прелесть их исчезает вне водного пространства! Пурпур бархатистых асцидий, напоминающих небольшие древние сосуды, чудом сохранившиеся благодаря морю, на какое-то время просто зачаровывает. Страшно даже притронуться к их пронизанным неведомым подводным жаром бокам. Каким образом в этой сумеречной прохладе может сохраняться такой живой и пронизывающий цвет?!

Вернее даже, асцидии – это ярко-красные, насыщенные светом амфоры, грациозно украшающие подводный пейзаж. Пока они находятся в виде личинок, то принадлежат к свободно передвигающимся существам, достигая же взрослого состояния, прикрепляются своими коническими основаниями к каким-нибудь подводным предметам – камням или раковинам, а стенки их облачаются в шелковистую тунику с преобладающими красными и оранжевыми тонами. Правда, вместо одной горловины, наверху, как это можно наблюдать у древнегреческих амфор, асцидии имеют в своём теле два коротких, трубкообразных выхода-воронки, действительно, очень напоминающих и горло-вход в глиняный кувшин, и глиняную ручку, за которую берёшься, чтобы насладиться содержащимся в нём напитком.

Оба сифона представляют из себя достаточно сложный для подводных обитателей аппарат, включающий и пищеварение, и сердце, и лёгкие этого экзотического животного, поскольку кровеносная система у асцидий не замкнутая. Асцидия всю дальнейшую жизнь проводит в перекачивании воды, и тем, наверное, постоянно обновляет себя. Стоит неподвижно на дне морей и океанов необычное даже для подводного царства существо, и будто ждёт чего-то… А вернее, накапливает в себе свет чудесной энергии, желающей найти выход: люди, обратите внимание на неотразимую асцидию! Но внемлют этой красоте только подводные пловцы…

Асцидия питается мельчайшими организмами, приносимыми вместе с водой, и внешне у неё незаметно каких-либо признаков движения, но стоит задеть её или даже поколебать воду, как она, тотчас же, закрывает сифоны и начинает сжиматься, словно пурпурный шар, из которого выходит воздух. На глубине свыше двадцати метров, где красная зона солнечного света поглощается в верхних слоях воды, асцидия приобретает уже насыщенный зелёный цвет, поражая воображение застывшими в зыбком сумраке изумрудными «вазами»…

В Охотском море обнаружено не менее пятидесяти видов асцидий, и к числу наиболее крупных и красивых относится золотистая холоцинтия, своим названием так же, как и натика, созвучная чему-то древнему и

прекрасному. Стенки её окрашены в ослепительно алый или розовато-оранжевый цвета, а высота их достигает двадцати пяти сантиметров. Некоторые крупные виды асцидий вполне могли бы служить источником ценного сырья ванадия, который они накапливают в своём организме, и всё же промыслового значения не имеют, отчего, наверное, и стоят покойно на дне морей и океанов, напоминая маленькие древнегреческие сосуды. Но вот у берегов Антарктиды, в холодной глубине, встречаются асцидии в человеческий рост!

Актинии же, в отличие от асцидий, это уже волшебные чаши, неизвестно зачем оказавшиеся под водой… Точнее даже будет сказать – завораживающие своим подводным нахождением «хризантемы» и «астры», у которых мерно развевающиеся щупальца-лепестки живут какой-то своей жизнью, а стебля нет вовсе, так как разноцветные чаши прикрепляются к скалам всем своим нежным основанием. Что за удивительное очарование красок и форм, нахождение чудесных подводных обитателей там, где им, казалось бы, не суждено быть!

Но уж как водится в этой жизни, под безмятежностью роскошного подводного «цветка» и даже, можно сказать, его совершенно невинным видом скрывается прожорливый хищник. Своей сбивающей с толку прекрасной наружностью, призванной природой как раз вводить в заблуждение, а не очаровывать, актиния именно заманивает несведущего обитателя морских глубин в губительные для него объятия. Нежность и коварство соединены в актинии для добывания себе пищи, и вы бы очень удивились, наблюдая какое-то время за этим животным, как быстро и ловко проглатывает оно большие куски мяса и рыб. Бывает, актинии захватывают в свою желудочную полость такую крупную добычу, что она торчит у неё изо рта, соблазняя других морских хищников, например, рака-отшельника или краба, которые запускают свою клешню в желудок актинии и вытаскивают оттуда уже почти проглоченную ею добычу.

Благодаря своему аппетиту, актиния, случается, проглатывает и совсем несъедобные для себя предметы – ракушки, причём, достаточно крупные, так что такая раковина перегораживает желудок актинии на две половинки, полностью нарушая у неё процесс пищеварения. Но актиния, как ни странно, не погибает, и мало того – в полном смысле слова возрождается, поскольку у её подошвы, у того места, которым она крепится к камню, постепенно открывается новое ротовое отверстие, и актиния, таким образом, становится счастливой обладательницей двух ртов и двух желудков, захватывая в свою загадочную утробу ещё большее количество животных, которые, наверное, и не ждут от неё подобного подвоха!

А всё дело в том, что щупальца актинии снабжены особыми стрекательными клетками, в каждой из которых расположена крохотная капсула, заполненная ядовитой жидкостью. Внутри капсулы находится уложенная, как пружина, длинная нить, сама же капсула закрыта крышечкой, и снаружи из неё торчит лишь тонкий чувствительный волосок. Любое

прикосновение к нему возбуждает стрекательную клетку: крышечка капсулы открывается и, упругая нить, подобно гарпуну, пронзает покровы добычи. В крошечные ранки и поры изливается яд, вызывающий паралич и смерть, после чего ловчими щупальцами актиния направляет парализованную добычу в легко растяжимый рот и через несколько минут уже ничто не напоминает о недавней трагедии – актиния вновь приветливо раскрывает хищные объятия будущей незадачливой жертве.

Жители моря, чаще всего, непредсказуемы, так и актинии: в случае крайней необходимости эти подводные «цветки» могут … переползать на небольшое расстояние. Размером с тарелку, актинии действительно воспринимаются как чудо, и если вам попадается ярко-красный или бордовый подводный «цветок», то немедленно приходит на ум наш садовый георгин… Отдельные щупальца этого живого «цветка» медленно шевелятся, и сквозь их тончайшие покровы просвечивает студенисто-солнечная мякоть, которая может быть и кремовой, и розовой, и крапчато-зелёной… Ты восторженно смотришь на неожиданно открывшуюся под водой красоту, и воображаешь, будто очутился в тропиках…

Правда, это своеобразное морское животное прекрасно лишь под водой, ибо стоит ему оказаться на поверхности – и от всей его красоты ничего не остаётся. Его студенистая основа, как и у медузы, просто растекается, цвет сразу блёкнет, и спасти такое подводное чудо, чтобы вы не предпринимали, не представляется возможным. Тем более от чудесного подводного создания ничего не остаётся после пробного научно-исследовательского траления, когда трал волокут по каменистому дну, а потом поднимают на борт уже не нежные разноцветные актинии, а комки бесцветной слизи. Такая актиния ещё живёт несколько дней в садке или оцинкованной ванне, даже пытается расправить щупальца, но, в конце концов, погибает.

Актинии крайне чувствительны к малейшему прикосновению, тем более – к грубой попытке оторвать их от скалы. Попытавшись сделать это несколько раз, желая, во что бы то ни стало, овладеть неописуемой подводной красою, скоро понимаешь – как бесполезно подобное занятие. При этом животное съёживается, втянув мягкие щупальца в твёрдую подошву, ещё сильнее прижимается к скальной поверхности, и если даже вам удалось оторвать актинию и, подняв наверх, поместить её в ведро, таз или ванную, она принимает почти шаровидную форму и безвольно катается по дну, опять же становясь совершенно невзрачной, будто протестуя. Актиния хороша только под водой, на суше её красота пропадает.

Незабываемо очарование удивительных актиний, самых ярких существ в наших дальневосточных морях. И, наверное, дело тут не только в красивой окраске, а и в необычной форме животного, которое в отличие от настоящих астр и георгинов постоянно движется, меняя оттенки, и его прозрачное тело, переливаясь всеми цветами радуги, просто околдовывает. Кажется, что актинии выдуты из цветного стекла! Смотришь и не можешь насмотреться,

до конца не веря, что такое чудо может быть присуще холодным северным водам.

Порой под водой попадаются такие многочисленные поселения актиний, особенно – в Японском море, что создаётся впечатление, будто отвесную скалу покрывает разноцветный ковёр. Не перечесть всех тех оттенков, что он в себе содержит. Но иногда актиния зарывается в песок, оставляя на поверхности только щупальца, которые тоже маскирует мелкими камешками и осколками раковин, так что её почти не различишь на морском дне.

Излюбленное же место обитания у актиний – длинные и узкие расщелины, где приливное течение или прибой создают освежающий приток воды. В переливающихся и завихряющихся водных потоках актинии вспыхивают как драгоценные сокровища, сокрытые ото всех под водой, и невозможно передать богатую игру их красок! Тем более, что встречаются актинии с самым неожиданным сочетанием цветов: оливково-кремовым и бордовым, золотисто-крапчатым и изумрудным, фиолетово-чёрным, бархатно-пурпурным и даже белым. Поневоле задашься вопросом: для чего актиниям такая причудливая окраска? Но не находишь ответа…

В солнечные дни все эти разноцветные актинии пронизаны лучами света, отчего и вовсе преображаются, необыкновенно оживляя холодное подводное пространство. Чуть подрабатывая ластами, тихонечко продвигаешься в каком-нибудь укромном ущелье, где каменные стены сплошь украшены колышущимися цветными букетами, и забываешь, что ты – под водой. Будто плывёшь в красочном сне, наслаждаешься покоем садов Нептуна и не сомневаешься, что сон этот будет длиться вечно…

… В уютной курильской бухте, окружённой угрюмыми скалами, бьётся о камни яростный прибой, а под водой тихо, незаметно ускользает вниз отвесная каменная стена, которую украшают бежевые, зеленоватые, пурпурные и чёрные цветы. Это – уже хорошо известные мне актинии, окружённые такими же разноцветными щупальцами, напоминающими лепестки. Медленно и плавно колышется их цветная шевелюра, и актинии действительно начинают напоминать экзотические цветы, на вид вполне безобидные, движения их усыпляющие…

Но стоит какой-нибудь маленькой рыбке задеть одно из щупалец, как нежно колышущийся цветок, зачаровывающий своими прозрачными лепестками, превращается в хищное существо, стремящееся только убить. Прикоснувшаяся к актинии рыбка мгновенно цепенеет, медленно переворачивается вокруг себя: кажется, она заснула. Её поразили невидимые ядовитые стрелы, которыми снабжены изящные с виду щупальца актинии. Однажды я тоже имел неосторожность коснуться такого подводного цветка голой рукой, ещё не подозревая о коварстве актинии, и вскоре ощутил резкое жжение, даже онемение. Цветок поразил и меня.

Если актиния кого-то поражает, то в движение приходят все щупальца, шевелятся, обвиваются вокруг тела жертвы, и постепенно её становится не видно, она оказывается у самого рта актинии. Рот был сомкнут, и оставался неприметным, а теперь открылся и поглотил несчастную жертву. Щупальца опять ласково колышутся, играют зеленоватыми, бежевыми и пурпурными красками, зачаровывая взгляд.

Неспешно продвигаешься вдоль подводной стены, рассматриваешь разноцветные актинии и начинает казаться, будто актинии никогда не покидают насиженного места. Однажды появившись на нём, они так и остаются здесь навсегда, пока от чего-нибудь не погибнут. Но на деле, как уже говорилось, актинии способны не просто передвигаться, а плавно скользить по скале благодаря неприметным сокращениям своей подошвы, и делают это так легко, воздушно, что покажется на миг, будто сами камни задвигались под водой, пытаясь унести от тебя подальше, скрыть глубже свои неописуемые сокровища.

А иногда, если актиниям что-либо не нравится там, где они привыкли проводить большую часть своей жизни, они отделяют подошву от каменной опоры и, опрокинувшись, летят в подводную бездну. В полёте актинии сжимаются, закрывшись, кувыркаются, ударяясь о попадающиеся на пути утёсы и, опустившись на какую-нибудь площадку, вновь раскрываются. Если место им понравится, актинии обретают новое обиталище и по-прежнему украшают подводное царство. Но больше всего актиниям нравятся потоки свежей воды, и, почувствовав их, актинии раскрывают навстречу течению свои нежные щупальца, так же нежно шевелят ими, а ты, позабыв об их коварстве, понимаешь, что ещё одно подводное таинство навсегда околдовало твоё сердце.

«КРАБЫ»

Я плыву над глубокими расщелинами, куда не добираются солнечные лучи, и с какой-то необъяснимой для себя радостью ощущаю удивительный мир и покой. Кое-где на каменных склонах вырисовываются разноцветные пятна морских звёзд, будто подсвеченные изнутри, а в зеленовато-туманной толще воды отрешённо замерли молочно-фиолетовые купола медуз, только после прикосновения к ним начинающие плавно пританцовывать. Всё здесь проникнуто ласковыми таинственными переливами и необыкновенно насыщенной, но не утомительной тишиной, волнение волн совсем не ощущается, и не хочется прекращать этот завораживающий полёт.

И вдруг всё словно ожило, задвигалось: это прямо передо мной перебежал песчаную полянку, и скрылся в зарослях зостеры, волосатый краб… Был он по-крабьему кособок и ловок, молниеносно переставляя свои коренастые ножки, и то приподнимался на задних, двигаясь бочком, то устремлялся вперёд, семеня всеми десятью, включая и устрашающие клешни. Совершая при этом неимоверные зигзаги, краб, будто, кого-то запутывал. Сразу становилось понятным, что ведёт себя он, таким образом, неспроста, его поведение – отражение особенного, изворотливого существа, призванного под водой больше нападать, нежели обороняться.

А был это – краб тельмессус, что, несмотря на свой обильный волосяной покров, казался всё же оголённым. Такое впечатление создаёт его розовато-золотистый телесный окрас. Но, между тем, тельмессус очень цепкий краб, быстро реагирующий на малейшие перемены, возникающие вокруг. Правда, это отмечает почти всех других крабов, но тельмессус – по-особенному боевит, в нём угадывается какая-то первозданная дикость, непреклонное стремление позариться на какую угодно добычу, и отстоять её.

Стоит протянуть к этому неповоротливому на вид подводному пауку руку, как он тотчас преображается. Словно привстав на цыпочки и ощерившись, краб прытко бросается в сторону, прижимается задом к какому-либо камню и угрожающе раскрывает свои клешни, попеременно поводя ими перед собой, как боксёр в боевой стойке. Демонстрируя, таким образом, свою неприступность, краб не допускает для себя ни единой возможности ретироваться, как будто заявляя: отступаю я лишь на время, чтобы в любой момент напасть!

Эта непреклонность краба хорошо выражена и в его имени - коротком, ёмком, стремящемся завладеть даже тем, что ему не принадлежит: «краб»! «Краб» - это отсутствие всякой боязни, совершенно чёткая определённость и желание только брать, «крабить». И в тоже время - крабу присуща лёгкость, способность не замыкаться на одной добыче, что по какой-то причине ему не досталась. Тогда он тотчас переключается на другую, если с предыдущей жертвой у него что-то не сложилось: краб, действительно лёгок, подвижен,

но и не упустит своего… Мы-то им за это и восхищаемся, почти ничего не зная – как на самом деле складывается его подводное существование!

Угрожающе растопырив клешни и встав на дыбы, краб пугает всем своим видом, и от его решительного настроя ты невольно улыбаешься. Надо отдать ему должное, ведь ты намного крупнее краба, но он не боится твоих размеров и выглядит очень отчаянным. Впрочем, это его привычная защитная поза: кроме неё и устрашающих клешней в арсенале краба ничего не остаётся. Даже когда поднимаешь краба на поверхность, он продолжает грозно пощёлкивать ими, вызывая звук, напоминающий клёпку стальных листов на судостроительном заводе.

Краб просто передвигается по дну в поисках добычи, но во всём его облике просматривается неукоснительный нахрап, даже некоторая наглость. Краб не предполагает в своём поведении каких-либо прелюдий, и очень чётко и быстро даёт понять, что не собирается ни с кем церемониться. Он – сама жёсткость, стремительный напор, каким его можно допустить для подводного обитателя. Краб, только ненадолго замерев, всегда нацеливается как на устрашающий выпад, так и на то, чтобы по-быстрому ретироваться. В нём, похоже, не присутствуют какие-либо переживания по поводу вынужденного отступления, поскольку это лишь часть его будущего решительного наскока. Браво!

Свои манёвры любой краб осуществляет мгновенно, свободно передвигаясь и разворачиваясь на заострённых конечностях, как на хорошо смазанных шарнирах. Со стороны все эти перемещения схожи с беспрерывно разматывающейся кинолентой: вы не теряете краба из поля зрения, но он, тем не менее, остаётся недостижим. Что-то завораживающее, в своей безрезультативности, есть в этой погоне, и вы никак не можете оторваться от краба, от его неожиданных выпадов и молниеносных перемещений. Наблюдать за ним - увлекательное зрелище! Наконец, вы оставляете краба в покое, а он ещё какое-то время продолжает свой кособокий бег в прохладных сумерках, пока не остаётся совсем один…

Имея надёжную броню из хитина – рогообразного органического вещества, которое крабы извлекают из океана, и мощные клешни, они обеспечивают себе относительно спокойное существование, умея и нападать, и обороняться. Один из крабов, обитающий в тропиках, даже так и называется – краб-боксёр. Но вот среди крабов, обитающих на литорали дальневосточных морей, самым боевитым признаётся тельмессус…

Весь его облик - именно бойцовский, поскольку краб имеет плотно сбитое тело – прочный головогрудный щит и мощные подбористые ноги. Правда, в отличие от внутреннего скелета позвоночных, внешний скелет краба не может расти вместе с ним, и краб должен время от времени линять, то есть сбрасывать свою оболочку, когда она становится слишком тесной. Это - естественное действие, без которого был бы невозможен рост краба, и после каждой линьки краб вырастает и прибавляет в весе, поэтому линька происходит более часто в молодом возрасте, а также при обилии пищи.

Такова судьба не только тельмессуса, но и всех остальных ракообразных, обитающих в дальневосточных водах: литодеса, или, как его ещё называют местные жители, королевского, японского стригуна, загадочного дориппе, и самого крупного – камчатского…

У омаров и креветок, например, панцирь трескается сверху, и животное, пятясь, вылезает из своей «одёжки», у краба же панцирь лопается посередине, и животное с мягким телом выходит наружу, вытаскивая поочерёдно ноги. Наблюдая этот процесс, поневоле удивляешься, как крабам удаётся протащить свои мясистые клешни сквозь сочленения в несколько раз уже. Перед линькой из клешней отливает кровь, и они как бы ссыхаются, затем известь, находящаяся в сочленениях, растворяется, и они становятся мягкими, что облегчает крабам задачу.

Лишившись своей брони, крабы становятся особенно уязвимыми. Зачастую они прячутся в каком-нибудь убежище до тех пор, пока мягкая, сморщенная кожа не затвердеет, превратившись в защитную оболочку. В такой период они нередко поедают свой собственный панцирь, чтобы получить в себе материал для нового.

Вообще, крабы всеядны… Они поедают всё, что попадается на их пути, и живое, и мёртвое, и даже умирающее существо. Каннибалы по природе, крабы даже пожирают своих более слабых сородичей. Но подолгу на одном месте не задерживаются: крабы – извечные путешественники.

Все обитатели океана, в том числе - и крабы, непрерывно мигрируют. Так устроена их жизнедеятельность, и если размножаются они в одном месте, то линьку проводят совсем в другом, а питаются и вовсе - в третьем. Даже появившиеся на свет мальки увлекаются морскими течениями за сотни миль от родных берегов, так что невозможно с полной уверенностью сказать - возвратятся ли они обратно. Как недавно выяснилось, мальки обитают там, где нет взрослых крабов, и это раздельное существование детей и родителей, конечно, расширяет границы крабьей территории, предполагая огромные морские пространства.

Всю свою достаточно долгую для моря жизнь, а крабы живут порядка двадцати пяти-тридцати лет, они проводят в странствиях, совершая пешком по морскому дну значительные переходы. Не зря крабы имеют такие развитые ноги, потому и съедобной частью тела является только двигательная мускулатура, заключённая в них. Правда, скорость передвижения краба по прямой линии составляет 1 милю в час, но так как краб бегает и ходит зигзагообразно, то фактически он в течение суток продвигается вперёд 10-12 км. Общее же протяжение миграционных перемещений крабов в год достигает 100 миль!

А начинается всё с зимовки крабов, располагающейся далеко от берега, на глубине до 200 метров. Дело в том, что в местах зимовок наиболее высокие температуры воды наблюдаются, как ни странно, именно зимой – в ноябре-январе. Это происходит вследствие очень интересного явления – запаздывания «гидрологического лета», когда волна летнего нагрева воды до

этих глубин достигает только в указанные зимние месяцы. В это же время на местах летних миграционных полей температура воды понижается до минус 0,5 градуса, а на поверхности появляется лёд. Уход крабов на зимовку как раз и обуславливается постепенным перемещением оптимальных температур от мелководья на глубины.

Весной же наблюдается обратное явление. Когда прибрежные участки моря вскрываются ото льда и заливы очищаются, температура воды начинает повышаться. Теперь уже «гидрологическая зима» к этому времени доходит до зимовок краба, и вода здесь становится холодной, достигая 0 градусов. Холод гонит крабов к берегу.

Крабы любят жить на морском дне в одиночестве, но даже когда у них начинается пора спариванья, они направляются на мелководье раздельно: отдельно самки, отдельно самцы. Очень часто первыми у берегов оказываются самки, иногда особи обоих полов подходят одновременно, но всегда разными путями. Будучи ещё на довольно большой глубине, приблизительно, на половине пути к берегу, самки освобождаются от икры, которую вынашивали с прошлой весны 11 месяцев! Это намного дольше, чем у рыб, большинства наземных животных и даже у человека.

Из икринок сразу вылупляются крохотные стеклянные мушки – зоэа, скорее, похожие на креветок, чем на крабов, и с этого момента зоэа предоставлены самим себе. Только к началу четвёртого месяца они обзаводятся всеми положенными крабам по штату конечностями и колючим панцирем шириной всего в 2 миллиметра. Но как долго им ещё предстоит расти! Если крабикам повезёт, то только через год их панцирный щит увеличится до 8 миллиметров, а потом понадобится ещё десять лет, чтобы краб достиг 10 сантиметров.

И вот, наконец, и самцы и самки встречаются на мелководье, и в преддверии своего скорого таинства, на короткое время замирают: что-то происходит там, под водой? Однажды мне привелось увидеть такое крабовое столпотворение, только это были не тельмессусы, и не камчатские крабы, а колючий литодес… Колючий краб литодес водится в Японском море, на больших глубинах, но весной, и в начале лета передвигается на литораль, поближе к берегу, где между крабами и происходит спариванье.

Литодес, кстати, не настоящий краб, а всего лишь крабоид, как принято, в науке, называть ракообразных, или – рак мягкохвостый. У настоящих крабов четыре пары ходильных ножек, пятая пара – клешни. Литодес же имеет только три пары ходильных ножек, а задняя пара скрыта под панцирем и приспособлена для очистки жабр от грязи. Камчатские крабы, между прочим, их ближайшие родственники, они также относятся к отряду мягкохвостых раков.

В самом начале лета мы пробирались на стареньком «трумэне» по юго-западному побережью Сахалина к мысу Крильон, и по пути останавливались там, где нас заставала ночь. В тот раз мы заночевали у перевала Кузнецова, в устье речки Шистама, и утром решили искупаться, поскольку день выдался

тёплый и солнечный, что летом в здешних местах большая редкость из-за постоянных туманов.

К тому времени, как солнце поднялось к своему зениту, налетел лёгкий ветерок, принеся ощущение открытости и свободы. Морские запахи и тишина были приятны и не сбивали с толку, убегающие за спиной нежно-салатного цвета склоны сопок лишь немного кружили голову, и море, бесконечно близкое и пустынное, не отягощало своей беспредельностью.

Солнце сияло, море ослепительно синело, и, забредя по пояс в воду, я, к своему удивлению, обнаружил на дне какие-то странные расплывчатые пятна. Вернувшись на берег, взял с собой подводную маску, а когда опустил голову в воду, то пятна сразу начали приобретать более чёткие контуры, и ещё через мгновение я понял, что перед моим взглядом возникают сотни и тысячи крабов, которые, раскинув в стороны ноги, тихо сидели на песчаном дне. В основном это были крабы с диаметром панциря, примерно, в 15 сантиметров. Все крабы сгрудились в отдельные живые лепёшки, достигающие в окружности пяти-шести метров. Можно даже сказать, что это были целые кучи, в которых крабы сидели вплотную один к другому, причём, в несколько слоёв, кажется, совершенно друг другу не мешая, и таких скопищ было очень много, а располагались они на глубине не более полутора-двух метров.

Вглядываясь в преломляющуюся прозрачность воды, я с необъяснимым чувством восхищения приближался к затаившимся крабовым нагромождениям, стараясь не волновать водную поверхность. Крабы же сидели, не двигаясь, только изредка какой-нибудь из них начинал медленно шевелиться, неуклюже запинаясь о колючки своих собратьев. Это – не какое-то сонное умопомрачение, а вынужденная природная потребность на время затаиться, чтобы потом ещё более украсить наш мир.

Присмотревшись лучше, я вдруг заметил, что не все крабы одинакового цвета. Те из них, которые находились в самом низу, имели нежно-розовый, с матовым отблеском оттенок спинки, они, видимо, только что сбросили старые панцири, а новые ещё достаточно не окрепли. Панцири были мягкими, свободно продавливались под пальцами, и от этой крабьей оголённости - у самого на коже начинали появляться неприятные мурашки.

Свою незащищённость крабы прятали под ещё не сброшенными панцирями тех, кто находился наверху. Как могли, они оберегали друг друга от подстерегающей под водой опасности, и именно с этой целью перемещались с глубин поближе к берегу.

Но избавив себя от одной угрозы, крабы в тоже время подвергали себя прямой вероятности побывать в кипящем котле. Несколько заторможенные в период смены своего хитинового покрова, и, потому, легкодоступные, крабы почти не сопротивлялись, вяло потягивая ослабевшими ножками, когда я подцеплял их крючком, изготовленным тут же на берегу, из проволоки. Клешни их утеряли свою коварную цепкость, не заострившиеся колючки лишь мягко покалывали ладошку, и крабы безропотно падали один за другим

в плывущую за моей спиной капроновую корзину, тотчас переворачиваясь в ней навзничь.

Помню, как приятно было быть сопричастным происходящему: ты шёл, освещённый солнцем, по пояс в воде, и собирал в корзину ни в чём не повинных крабов. Скоро они зарумянятся в кипящем казане, сытный горячий дух разнесётся по всему берегу, а день по-прежнему будет стоять такой же ясный и солнечный…

Несколько крабов, отваренных целиком, мы закопали в порядком нагревшийся на солнце песок, и пока чистили остальных в дорогу, они превратились в настоящие погремушки, совершенно высохнув в тех позах, которые им изначально придали. Это были дорогие сердцу экспонаты, драгоценные дары, без которых мы никак не могли обойтись, работая в море. Тем более, что ранее таких крабовых скоплений нам встречать не приходилось, а поймать красивого большого краба удаётся не всегда.

Так вот, прежде, чем крабам спариться, самки обязательно линяют, а перед линькой в крабовых взаимоотношениях происходит так называемое «рукопожатие» или некие «любовные объятия», напоминающие, к тому же, неповоротливый подводный танец. Найдя самку, самец схватывает её клешнями за клешни и удерживает так в течение недели, дожидаясь, когда она слиняет. Видимо, охваченный важностью происходящего, самец начинает чуть-чуть раскачиваться, словно пританцовывая, и когда я впервые увидел это, то подумал, что самцы дерутся между собой из-за самок.

Правда, меня насторожила замедленность поведения крабов, они будто находились во сне, и лишь изредка оживали, воинственно поднимая перед собой клешни, вскоре лениво и безучастно опуская их. Я никак не мог объяснить подобного поведения, а оказалось, что это – крабовые свадьбы, происходящие уж как-то очень необычно, даже загадочно до величественности, и замедленность их определяется, наверное, опять же, очень необычным характером этих животных, которые когда-то, всё же, должны на время успокоиться и отдохнуть. И почему бы им для этого не воспользоваться периодом линьки и спариванья, чтобы стать ещё крепче для своей подводной жизни?!

Я ещё с большим интересом стал относиться к крабам, когда обнаружил, что сразу после линьки самки, самец отбрасывает её пустой хитиновый панцирь – экзувий, очень по-хозяйски готовясь к серьёзному для него прохождению процесса оплодотворения, и вскоре спаривается с ней. При этом он прикрепляет к брюшным ножкам самки свою сперму, и оплодотворённая икра, которая, кстати, имеет фиолетовый цвет, опять вынашивается 11 месяцев. Вылупление маленьких крабиков произойдёт следующей весной, когда самки направятся к берегу для размножения, и всё повторится вновь.

Чуть позднее происходит линька и у самцов… Они как-то оживают после того, как оплодотворили самку, и начинают перемещаться в более

глубокие места, где и приступают к линьке. Самки же продолжают всё лето бродить у берега.

Самцы сбрасывают свой панцирь там, где им ничто не мешает. Ведь чтобы выбраться из старых хитиновых оков, нужно приложить достаточно усилий, и краб проделывает это на открытой площадке, так как малейшее препятствие при судорожных движениях может привести к защемлению в старом покрове конечности и к потере её или даже гибели всего животного. В момент линьки хитин лопается поперечной щелью на спине между головогрудью и брюшком, и через образовавшееся отверстие вылезает краб, уже облечённый новым хитиновым панцирем. Пустая шкурка, положенная рядом с перелинявшим крабом, примерно на четверть меньше животного. Наблюдая за линькой, невозможно понять, как это такой большой краб прежде помещался в маленьком панцире…

Размеры слинявшего краба по сравнению с оставленной скорлупой, действительно, резко увеличиваются. Набухшие ткани освобождаются от давившего на них панциря, и краб сразу на глазах вырастает. Сбрасывание старого панциря продолжается минут пятнадцать, но ещё в течение трёх дней хитин остаётся мягким. Этим никогда не преминут воспользоваться осьминоги – главные враги крабов. Головоногие загодя выбираются в места линьки крабов, и просто пируют.

Что поделать: линька имеет своим последствием значительное ослабление мускулатуры и накопление жидкости в теле, почему мясо краба становится дряблым. Таких крабов называют «пустыми», и для консервного производства они, конечно, не годны. Происходит это вследствие сильного ослабления организма краба из-за потери энергии во время трудного процесса линьки, а также за счёт всасывания воды тканями тела.

Крабы сильно оголодали, сразу после линьки они начинают кочёвку в поисках пищи, и тут подходит косяками треска, с удовольствием поедающая крабов в их беспомощном состоянии. Ещё в течение двух недель крабы остаются мягкими, так, что бёдра их ног легко сдавливаются пальцами. Хищные рыбы обламывают крабам ноги, отдирают панцири и поедают внутренности, а вслед им двигаются полчища кеты и горбуши, подбирая сладкие останки. Как крабам себя обезопасить?

Крабы в этот период своей жизни вынуждены быть беззащитными… Они бы и желали верховодить, да природа определила им ретироваться куда подальше: в каменные россыпи, скалистые ущелья, или они наползают друг на друга в несколько слоёв и лежат неподвижно, совершенно сливаясь со скалой и илом, и только на песке, в солнечный день, можно хорошо различить эти крабовые нагромождения, в которых, между тем, ощущается замершая жизнь. Нередко эти скопления напоминают какое-то гигантское кладбище ракообразных, и от этого становится не по себе… Но чаще же всего крабы уползают на большие глубины, где их никто уже не сможет тронуть, а сами они вскоре будут вооружены затвердевшими клешнями,

панцирем и шипами. Крабы опять станут самими собой, возмужают, и их укрепившаяся разноцветная скорлупа украсит подводное царство.

Доспехи крабов всегда вызывали у меня молчаливое уважение, а при виде того, как эти доспехи меняются, постепенно преобразуясь из мягкого хитинового покрова в крепкую броню, и вовсе восхищали. Тайна крабовых скоплений долгое время занимала меня, несмотря на завораживающее разнообразие окружающей сахалинской природы, что каждый миг присутствовала повсюду, и я так проникся этой подводной сосредоточенностью крабов, что впредь стал воспринимать их как родных, относясь к ним по-особенному. Мне хотелось быть близким со всем, что меня окружало под водой, и главными возбудителями моего воображения с некоторых пор стали именно крабы.

Как чудесно было сознавать, что крабы есть, и ты можешь их увидеть, если очень захотеть. Непохожие ни на кого животные, с такими непоколебимыми амбициями, красивыми клешнями и изощрёнными повадками просто завораживали моё внимание. Запах крабов, выброшенных в шторм, их формы панциря, какие могли принадлежать только морю, - всё это придавало им какую-то очень привлекательную особенность. Хотелось брать их в руки и рассматривать, угадывая в них что-то неведомое, принадлежащее только им, а через понимание крабовой сути – может быть, попытаться понять и само море. Крабы были его маленькими стражниками, которых оно, впрочем, оберегало.

Маленькие крабы напоминали древние монетки, оказавшиеся на дне моря, куда их когда-то кто-то обронил… Более крупные - походили на причудливые пряники, выпеченные в неведомой морской кухне. Румяные, будто облитые разноцветной глазурью, крабы выглядели очень привлекательно. Хотелось потрогать их пальцем, посмотреть, как они прореагируют на прикосновение: затаятся, убегут или ощетинятся… А может быть, предпримут что-нибудь совсем неожиданное, и ещё более озадачат?

Иногда крабы, поднятые из-под воды, воспринимались так, будто они были уже сварены. Такой аппетитный дух от них исходил, заваренный на аромате морской воды и пряных водорослях. Но как только какой-нибудь краб начинал шевелить клешнями, он сразу весь преображался, излучая жизнь каждым бугорком и шипом.

Зачастую в крабах обнаруживается даже некоторое озорство, присущая им некая весёлость, и, то, что краб изобретателен, хорошо угадывается в его повадках. Когда крабу требуется выесть внутренность какой-нибудь раковины – устрицы, гребешка, либо мидии, он сначала искусно вставляет в её створки маленький камешек… Возможно ли совершить подобное без особенного лукавства, и разве это не маленькое морское чудо, которое, даже при частом столкновении с ним, никогда не надоедает?!

Про хитроумных крабов, что будто бы вставляют в створку раковины камешек, чтобы искусно выесть вкусное и сочное мясо устрицы, я уже слышал, и почему-то сей факт из морской науки не заставил в нём

усомниться, а лишь подтвердил ум и находчивость морских обитателей. Я сам, очень отчётливо, будто сам подобное уже видел, представил, как краб это лёгкое действие совершает, наслаждаясь от проделываемого им фокуса. Воображение моё рисовало краба так отчётливо, что я даже разглядел на панцире краба довольную улыбку, когда он одной клешнёй раздвинул створки, а другой – закатил внутрь ракушки камешек.

До чего же умные эти ракообразные, подумал я тогда, и, конечно, не сомневался, что так оно и есть на самом деле. Море дарит много диковинных историй, если относиться к нему с большим вниманием, уважительно, и ты не раз восхитишься сокрытыми в его глубинах тайнами.

Этот хитроумый краб долго не выходил из моей головы… Я представлял его, взгромоздившегося на большой морской камень, на глубине, во всей своей красе – с залихватски воздетыми клешнями, будто он играет на кастаньетах. Широко расставленные циркули ног острые и быстрые, готовые с лёгкостью переносить краба по дну в любом направлении, шарики глаз чутко вращаются вокруг своей оси на тонюсеньких ниточках, но от этого они только более подвижны. Ничего не минует их цепкого внимания, а шипы по всему его телу воинственно нацелены на окружающее краба водное пространство, всем своим видом показывая: глазами гляди, но руками меня трогать не смей!

Краб бывает ещё очень занимателен, когда, усердно орудуя клешнями, насаживает себе на спину камешки, раковинки, кусочки полипов или губки… Не сразу разберёшь – для чего он это делает: может быть играет, пытается замаскироваться или устраивает кладовую с запасом пищи на несколько дней? В любом случае такая странная привычка выказывает в нём очень забавное существо, что, как будто, всё время пытается что-либо изобретать.

И на берегу, у самого прибоя, и на воздухе краб чувствует себя так же хорошо, как и в воде. Это ещё одна из его любопытных особенностей. Будучи лишён лёгочного дыхания, он дышит с помощью жабр или мышечного покрова, выбрасывая через него углекислый газ. Краб вылезает из воды и не задыхается благодаря тому, что жабры его остаются влажными и продолжают усваивать содержащийся в воде кислород. Некоторые виды крабов углубляются далеко в сушу, и даже забираются на деревья!

Одно из самых изысканных блюд жителей островов Фиджи в Тихом океане приготавливается именно из такого краба, называемого пальмовым вором. Размах клешней этого гигантского кокосового краба иногда достигает более полуметра, а сами клешни, усеянные острыми шипами, вполне способны отхватить у человека палец. Самые крупные экземпляры имеют более тридцати см в длину и достигают трёх килограмм весом.

Сзади у этого краба имеется круглая пластинка величиной с кулак, и островитяне пропускают под неё лиану, подвешивая краба к потолку хижины, где он ожидает своей участи. Повиснув головой вниз, краб становится совершенно беспомощным. Живёт кокосовый краб вблизи кокосовых пальм, питаясь упавшими с них орехами, и даже, говорят,

умудряется забираться на деревья, перегрызая ветви и сбрасывая орехи наземь. Впрочем, это, скорее, слухи. Обнаруженные под пальмами орехи краб очищает от кожуры, а особенно крепкие ухитряется разбить, после чего высасывает молоко и поедает сочную мякоть.

Сначала животное освобождает орех от волокон, причём, начиная, всегда, с основания ореха, где находится зародышевое отверстие. Это зародышевое отверстие протыкается коготковым члеником ноги, и орех вращается на нём до тех пор, пока образовавшееся отверстие не станет достаточным для того, чтобы разломать скорлупу большой клешнёй. Затем животное размельчает ядро ореха и подносит его кусочки ко рту маленькой правой клешнёй, тогда как большой крепко держит сам орех.

Сила большой клешни этого краба поразительна. Ведь он легко раскусывает орех, который только с большим трудом можно разбить молотком. А ещё перерезает ветки деревьев в 2-3 см в диаметре и разрывает проволочную сетку клетки. Описан случай, когда крупный кокосовый краб ушёл из клетки, проделав клешнёй большое отверстие в деревянной стенке толщиной в несколько сантиметров. Местные жители уверяют, что пальмовый вор может, защищаясь, схватить клешнёй ногу ребёнка и ампутировать её, что очень возможно, так как он весьма активно отражает нападения врага, если застигнут им вдали от своего убежища.

Ловля пальмового вора производится следующим образом. Привязанный к длинной нити кокосовый орех опускают в расщелину или норку, в которой сидит краб. Краб хватает орех клешнями и держит его так крепко, что его вытягивают осторожно за нитку и овладевают им. Такая ловля практикуется с незапамятных времён и производится безлунной ночью, при свете факелов.

Жители некоторых островов в качестве приманки употребляют поджаренные кусочки кокосового ореха, которые привязываются к колышку, крепко вбиваемому в землю возле норки пальмового вора. Ночью крабы выходят из убежищ – и объедают приманку на месте, не будучи в силах унести её. Тут их внезапно освещают факелами и быстро хватают.

Пальмовый вор издавна ценится как лакомое блюдо. Белого мяса такого гигантского краба вполне достаточно, чтобы накормить трёх здоровых мужчин. Оно гораздо вкуснее, чем мясо омара. Островитяне обычно жарят этого краба на горячих углях, своеобразный же «мешочек», расположенный у краба сзади, содержит острый сок, который служит превосходной приправой к мягкому сладковатому мясу.

Кроме вкусного мяса ног, клешней и брюшка, пальмовый вор даёт ценный прозрачный жир. Из крупного краба вытапливают до 1,5 л жира. Промышляется пальмовый вор почти на всех островах, где он имеется, кроме некоторых мелких необитаемых островов и немногих местностей, где его не едят из-за религиозных предрассудков. Так, в Амбоне магометане считают грехом есть животное, которое «подносит пищу ко рту руками, подобно человеку». Стоит задуматься…

Жители многих островов содержат крабов-разбойников в больших количествах в клетках и откармливают их кокосовыми орехами, от которых они сильно жиреют. В неволе краб ест так же белый хлеб, размельчённый в кокосовом масле, бананы и рис. Откормленные крабы поступают на рынки, куда в прежние времена они привозились в живом виде по морю нередко из очень отдалённых мест.

Я так тщательно описал повадки пальмового вора и торговлю им только потому, что ему нет равных среди всех наших дальневосточных крабов. Крабы, а это могут быть и литодес, и волосатый краб тельмессус, конечно, выбираются на сушу, но недалеко: они чувствуют, что море может надолго уйти, оставив их без спасительной влаги, и держатся поблизости прибойной полосы, совершая лишь редкие вылазки.

Однажды, я застал такого краба за поеданием останков полуразложившейся нерпы… Жалко было упускать возможность проследить за происходящим, тогда как крабу не хотелось прекращать своего пиршества, и он взобрался на её бок, выставив вперёд свои клешни. Я не стал ему мешать…

У народов северной части Тихого океана краб вообще считался священным морским животным. Обнаружив в сетях живого краба, люди немедленно выпускали его обратно, а если вылавливали краба мёртвым или его выбрасывало в шторм море, то предавали прах животного земле и оплакивали, «как одного из своих». Иногда из панциря такого краба изготавливали ритуальные маски…

Подобное отношение, в большей степени, было связано с довольно редким крабиком дориппе, обитающим в водах Японского моря, чаще – среди островов Японского архипелага, а порой встречающегося и в Приморье, даже у берегов Сахалина. Замечателен этот краб тем, что имеет на спине своеобразный рисунок, напоминающий рассерженное лицо самурая. По крайней мере, природный узор его очень схож с чертами сурового японского облика, которые краб всегда усердно прячет в зарослях травы. Многие находят эти черты даже свирепыми, а оттого, что краб стыдливо хоронится от чужих взоров, его ещё прозвали «стыдливым крабом»…

Конечно, краб не скрывает свою маску на панцире, схожую с изображением самурая на старинных японских гравюрах, и скорее всего он именно прячется в зарослях зостеры и филлоспадикса от врагов. Но люди привыкли находить самые невероятные объяснения удивительному своеобразию природы, и сколько бы я ни общался с этими людьми - ни от кого из них я так и не получил убедительного ответа: случайное ли это сходство, прихотливая игра многообразной природы, либо этот узор крабу дориппе на самом деле зачем-то нужен?

На деле, какая разница для самого краба – разрисована ли его спина каким-либо узором или он вынужден просто прятать свой серовато-лиловый панцирь? У неповторимой природы на этот вопрос, наверное, невозможно

найти ответа, поскольку тщета его вполне очевидна, но крабы не перестают удивлять нас.

Когда величественный ритуал спариванья и линьки у крабов завершается, они рассеиваются по обширным морским пространствам. Теперь их уже не встретишь у берега, и отыскать их оказывается почти невозможным. Точно так же, как движимые неведомым инстинктом крабы собирались недавно в огромные популяции, теперь они дружно покинули мелководье, чтобы, преодолевая неисчислимые трудности морского пути, через год там опять появиться.

Но как крабы определяют эти места, умудрившись не затеряться в бескрайних океанских просторах? Способность ориентироваться – ещё одна загадка существования подводных отшельников, и эта проблема разрешена у многих крабов очень оригинальным способом: краб вставляет себе в ухо песчинку, которая действует как жидкость в каналах человеческого уха. Эта песчинка помогает крабу ориентироваться в вертикальной плоскости. Когда краб во время линьки сбрасывает панцирь, песчинка теряется, но потом немедленно восстанавливается. В значении этой песчинки для ориентировки можно легко убедиться, поместив краба в аквариум. Если заменить песок железными опилками, то одна из них после линьки краба обязательно окажется у него в ухе. Если затем на аквариум положить сильный магнит, краб будет вести «перевёрнутый» образ жизни.

Само море помогает крабам в способности находить верные пути, предоставляя им в пользование свою крохотную частицу, и эта их особенность лишь подтверждает истину, что разнятся они в мелочах, тогда как в основном очень схожи. А создать окончательный портрет этих великолепных животных лучше всего, наверное, по самому заметному из тех, что обитают в дальневосточных морях, - камчатскому. Помимо того, что всё тело краба усыпано многочисленными острыми шипами, оно ещё одето в очень твёрдый хитиновый покров.

Крепость наружного панциря краба, в свою очередь, обусловлена пропитывающей его известью. Подобно всем членистоногим, наружный скелет защищает животное и одновременно служит опорой для мускулатуры. Внутренний скелет сведён только к сухожильным пластинкам и решётке внутренних перегородок, расположенной в основании ног. Кроме того, хитиновый покров выстилает пищевод и желудок, но эта внутренняя часть хитинового покрова лишена извести, она мягкая и гибкая. Однако внутри желудка имеются твёрдые образования – зубы, приспособленные для перетирания пищи.

Под щитом у краба находятся жабры, желудок, сердце с околосердечной сумкой, а так же – печень и выделительные органы. Брюхо краба всегда подоткнуто под грудь и на своей наружной поверхности, обращённой к грунту, покрыто многочисленными пластинками: у самцов оно

– треугольное, а у самок – округлое. Под брюхом краба скрыты половые органы. Ценное же мясо, представляющее двигательную мускулатуру краба, располагается лишь в лапках.

Из пяти пар ног передняя снабжена клешнями: правая крупнее левой и служит для раздавливания раковин моллюсков и скелета морских ежей, а левой краб разрезает добычу. Три пары ног приспособлены к бегу, задние же спрятаны под щитом. Каждая нога краба состоит из шести члеников и заключает в себе два мускула, один из которых сгибает, а другой разгибает следующий членик. При беге, быстро перебирая ногами, краб подтягивает своё тело вперёд или в сторону. Работа производится при сгибании, холостой ход – при разгибании конечностей, поэтому мускул-сгибатель во много раз крупнее мускула-разгибателя.

По сухопутным меркам обитатели подводных глубин – крабы, считаются животными благородных кровей, поскольку кровь у них … голубая. Соединения меди обуславливают такой цвет крови крабов, точно так же как соединения железа обуславливают красный цвет крови позвоночных. Именно соединения меди у краба связывают кислород, когда кровь ракообразного проходит через жабры, и отдают его всем омываемым кровью частям тела.

Господствуя на морском дне, крабы не остановились в своей непохожести на других представителей животного мира, подтверждая это ещё и необычными свойствами печени… Дело в том, что пищеварительный фермент печени краба обладает большой разрушительной силой, и даже после смерти краба переваривает стенки печени и начинает действовать на мускулатуру. Если пойманного краба положить спиной кверху, пищеварительный фермент проникнет по панцирному покрову ног как по трубкам к ходильной мускулатуре и переварит её. Такое самопереваривание называется в промысловой практике «вытеканием» краба, и чтобы этого не происходило, пойманных крабов укладывают спинной стороной вниз и пищеварительный фермент стекает в опрокинутый панцирный щит, как в блюдце. Пищеварительный фермент краба до такой степени сильный, что попадая на руки человека, разъедает их, отчего обработка краба всегда производится в перчатках.

Крабов добывают сотнями сетей, которые попеременно спускают с моторных ботов, выставляя их одну за другой, в линию, на пути движения крабовых косяков. Встречая при своём движении сетное полотно, крабы стараются перелезть через него как через забор, проваливаются в ячеи сети и запутываются ногами в её нитях. Для того, чтобы не истреблять большого количества молодых крабов, сети вяжутся с очень крупной ячеёй – 24 см от узла до узла. Через сутки или двое, а иногда и более, боты разыскивают сети в море по прикреплённым к ним вешкам, подымают и доставляют на плавбазу – плавучий крабоконсервный завод, где и выполняются все операции от выпутывания крабов из сетей до закатывания крабьего мяса в широко известные всем белые или синие с красным баночки.

Когда мы добывали минтай у западного побережья Камчатки, нам часто попадали в трал большущие камчатские крабы. Запутавшись колючими ногами в ячеях, они отрешённо повисали в медленно ползущем по слипу трале, и меня всегда трогала эта их вынужденная обречённость. А ещё более задевала бездушность, вернее, то равнодушие, с которым рыбаки, как заведённые, выпутывали крабов, и с таким же безразличием отбрасывали их в сторону. Затем, упёршись одной ногой в тело краба и, прижав его к палубе, обеими руками, с хрустом, отрывали клешни и лапы, смывая за борт ненужные им теперь фиолетово-красные панцири.

Я, конечно, понимал, что лов рыбы и морепродуктов, из-за присущего ему высокого напряжения сил, имеет своей особенностью некоторую монотонность, со стороны обычно воспринимаемую несведущими в этом деле людьми как бездушность… Понимал, что без этой оправданной при промысле жёсткости не обойтись, но никак не мог избавиться от неприятного ощущения в душе, наблюдая каждый раз за этими отрешёнными, кажется, совершенно безучастными действиями рыбаков. Точно так же меня задевал в лесу вид охотников, устало и как-то равнодушно бредущих в болотных сапогах со своими ружьями и рюкзаками, тяжело свисающих за спиной. Их красные лица казались даже растерянными, не осознающими до конца – зачем они это делают: идут в лес, мучают себя бессонными ночами и изнурительно долгой ходьбой, убивают птиц и зверей…

Так вот, производство крабов – увлекательный и непростой процесс. Какой путь проходит крабье мясо, прежде чем попасть в аккуратную жестяную баночку с вложенным в неё розоватым пергаментом? Начинается всё с обыкновенного распутывания…

Когда катера доставляют крабов на плавучий крабозавод, их клешни и ноги оказываются так запутаны, что не различишь – где какой. Тут никакая машина не поможет, и крабов приходится расцеплять вручную. Затем у крабов просто отрывают ноги от щита и брюха вместе с жабрами и решёткой внутренних перегородок, на специальных рочатках стаскивают панцири и варят, отправляя в охладитель. Щит с оставшимися на нём желудком и сердцем, а так же брюхо идут на приготовление тука. Крабовый тук – прекрасное удобрение, и изготавливаемый из щита состав для цементации стали считается одним из самых удобных в небольших производствах.

Следующая операция - разбивка ножек и клешней, причём, в работу идёт только правая клешня, а левая мелка, и не обрабатывается… Рубщица ножом отделяет членики, взрезает их ножницами и вытряхивает мясо. Поскольку крабятина делится на несколько видов, то в консервные банки мясо укладывается по сортам: в одну – только клешни, рядом – коленца, затем – тонкое и толстое мясо, отдельно – «розочка», мускулатура ближайшего к туловищу членика ноги, и, наконец, разная мелочь – «лапша».

Ещё крабятина очень боится трёх вещей: солнца, ветра и пресной воды. От солнца и ветра её приходится прятать, мыть же обязательно в морской воде. Воду насосы качают прямо из моря, а чтобы наборы мяса получились

одного и того же веса, ими заняты наборщицы и весовщицы. Тут в дело идёт резка пергамента, так как мясо не должно соприкасаться с жестью.

Жесть и пергамент тоже нужны особые: пергамент – без запаха и без красящих веществ, а жесть – покрытая специальным лаком. От простой жести и простой бумаги крабы чернеют. В цехе, куда поступают банки, называемому почему-то портомойкой, они выстилаются нарезанным пергаментом и в них укладывается мясо, после чего банки закупориваются герметически, то есть – с прекращением доступа воздуха, и направляются в автоклав на стериализацию, чтобы высокой температурой убить попавшие в банки бактерии. Именно это и предохраняет консервированное мясо от порчи.

Но и на этом консервация крабов не заканчивается… После автоклава и охлаждающей ванны почти готовые баночки поступают на разного рода проверки: браковщики выстукивают банки на звук, смотрят, не вздулись ли донца банок, слушают, нет ли бульканья, проверяют их на вес. Ещё одно испытание – термостатная камера, где банки держат десять дней, как в инкубаторе, при температуре тридцать пять-сорок градусов. Всё дело не в мясе, а в бактериях, которые могли случайно уцелеть после прогревания банки в автоклаве, и тридцать пять-сорок градусов – лучший климат для их размножения. Если только бактерия выжила, она очнётся, размножится, пойдёт порча мяса и банка вспучится. В случае, когда банка и за десять дней не вздулась, бактерий она не имеет и только такой товар отправляется на рынок. Производство крабового мяса завершено…

Стоит добавить, что в последние годы краболовные суда ведут добычу крабов в основном при помощи ловушек различных типов с приманкой внутри, обычно – это ящик с рыбой. Поиск промысловых скоплений осуществляется контрольной постановкой ловушек. Суда-постановщики ловушек ежедневно расставляют их по нескольку десятков на расстоянии 300-400 метров между ними, и отмечает их положение буйками. На борт поднимается улов за предыдущий день. Из поднятых ловушек крабов перекладывают в корзины, при этом самок и маломерных особей живыми сбрасывают за борт.

Кстати, самцы камчатских крабов – очень крупные особи, и консервы изготавливаются в основном из них. Сросшиеся у крабов голова и грудь образуют тело, покрытое твёрдым панцирем, ширина которого у наиболее внушительных по размерам экземпляров достигает 25 см, размах ног – 1,5 метра и вес 7 кг. Средняя же масса самца, добываемого в Охотском море, значительно меньше – всего 2 кг, при ширине панциря 17-18см.

Известно только два краба, значительно крупнее камчатского. Один из них водится у берегов Австралии,в лагуне Большого барьерного рифа, и обладает самым большим щитом, ширина которого доходит до 60 см. Другой вид распространён вдоль Тихоокеанского побережья Японии от Токийского залива до острова Кю-Сю, он уступает австралийскому размером туловища, достигая лишь тридцати пяти сантиметров, но вот размах его ног имеет

наибольшую величину, какую бы встречающуюся у крабов, - три метра. Однако оба эти гиганта являются редкими животными, добываются только для музеев и не образуют плотных скоплений, пригодных для промышленного лова.

Если вы живёте на Сахалине или Курилах, неподалёку от моря, и вам захотелось вдруг отведать свежих крабов, то наловить их очень просто. Для этого используется обычная рачня – металлический обруч, затянутый обрывком рыболовной сети. В середине рачни привязывают кусок протухшей рыбы или мяса, и оставляют ловушку в море на время прилива. Крабы непременно соберутся к приманке, запутавшись колючими конечностями в сетке, а когда в отлив вода уйдёт, вы обнаружите у приманки добрую дюжину крабов.

Вытащив рачню на берег, вы не спеша выпутаете крабов из сетки, и, осторожно прихватывая их за колючий панцирь, опускаете в кипящую воду. Лёгкий ветерок порывами задувает над песчаной косой, но день продолжает быть ясным и солнечным. Рядом, прямо на берегу, жарко дымит в костре выбеленный плавник, в котле бурлит круто засоленная природой морская вода, и сладкий запах крабьего мяса дурманит вам голову, выжимая во рту липкую слюну. Всё так просто и хорошо, что ни о чём не хочется говорить и думать, а только вдыхать приятный солёный дымок, переживая радостную связь с дорогими сердцу крабами и морем.

«МЕДУЗЫ»

Качающиеся на волнах медузы всегда необыкновенно завораживают обывателей. Во-первых, тем, что пришли из неведомой глубины, куда – как ни старайся, не заглянешь, и это - и ужасает, и зачаровывает… Во-вторых, жемчужные купола медуз, отливающие перламутром, повергают в какой-то тихий восторженный гипноз, присущий, несомненно, только морю.

Нежные края куполов плавно колышутся, щупальца медленно развеваются, - медузы, вроде бы, и не живые, но очень восприимчивые, чуткие. Они прибиваются к берегу как будто только за тем, чтобы именно очаровывать и завлекать, обращая взор человека в притягательные морские глубины. Но приходят медузы к берегу, причём, в большом количестве, как правило, после шторма.

После шторма медузы собираются у береговой полосы, и как будто радуются этому событию, играют, если можно так о них сказать. Происходит это у медуз, конечно, очень своеобразно, и поначалу подумаешь, что они просто безвольно отдаются на волю мерно набегающего прибоя, где их только и можно видеть, наслаждаясь неземной красотой. Но постепенно замечаешь, как медузы подстраиваются под лёгкую качку на волнах, словно пританцовывают, а когда волнение совсем успокаивается – возвращаются в морскую пучину, в своё тёмно-синее, фиолетовое или чёрное одиночество, становясь опять холодными, равнодушными и немножко величавыми. Попробуй, извлеки их теперь на поверхность! Это подвластно только могучему шторму.

Похоже, именно шторм выносит из морских глубин необыкновенную аурелию – одну из самых необычных дальневосточных медуз. К тому же, она самая безобидная из всего медузового сообщества: при её касании можно лишь иногда почувствовать лёгкое жжение. У неё большой, мощный зонтик, который всегда хочется потрогать, полюбоваться им. Он вздувается и сокращается, создавая впечатление равномерного дыхания, отчего напоминает существующее само по себе «морское лёгкое», которое, кажется, вырвалось из глубины моря на волю и не знает, куда себя деть.

А если попытаться поиграть с этим «морским лёгким», то можно ускорить ритм его дыхания: достаточно тихонько коснуться края голубовато-белого зонтика. Тогда медуза наклоняется и начинает раскрываться и закрываться, ускоряя своё движение. Вскоре оно превращается в однообразную пульсацию, и медуза быстро перемещается. Как только период возбуждения проходит, движения медузы замедляются, на мгновение и вовсе останавливаются, а затем возвращается её обычный ритм.

Медуза эта очень чувствительна, она – маленькое отражение бесконечно чувственного моря: оно - то открывается, то замыкается в себе, как и пульсирующая медуза, и, наверное, не воображает, что может жить

иначе. С помощью подобного чувствительного восприятия медуза, вероятно, получает информацию о своём положении в толще воды, то есть – равновесии, о том, кто к ней приближается, о различных запахах и степени освещённости. Всё это помогает аурелии выжить, сделав её пребывание под водой во всех отношениях приятным.

Радостно видеть аурелию, которая ни чуть не менее волшебна, чем цианея, корнерот или ризостома… Встретить её, вроде бы, не редкость, но всегда приятно. Причём, она попадается и в северных морях, и в Тихом океане, и даже в Чёрном море.

Если присмотреться внимательнее, то по краю диска медузы видны восемь бугорков, или ропалий, - краевых телец. Они-то и являются органами чувств, которые воспринимают свет, анализируя свойства воды, управляют равновесием и ритмом сокращения купола. Эти органы воспринимают также колебания воды, которые возникают при воздействии ветра на поверхности моря и его глубинное волнение.

Аурелия… Слово совершенно необыкновенное, присущее только медузе, происходящее, кажется, от такого же непередаваемого по своей таинственности морского ветерка, лёгкого дуновения, именуемого в древности «аурой»… Слегка голубоватая, дымчато-прозрачная, она напоминает одинокую льдинку, что отрешённо и загадочно продвигается у поверхности воды. Подхватишь такую «льдинку» в руку и, кажется, она тотчас переломится, истает, и ничего от неё не останется. Может быть, только еле уловимое воспоминание, - такое же лёгкое, невесомое, вскоре забывающееся.

И всё равно, медузы – необыкновенно свободные существа! Медленно, почти незаметно перемещаются они в бесконечной морской толще, кажется, куда угодно и безо всякой цели, но никому и ничем их не остановить. Медузам зачем-то надлежит быть здесь, насыщать собой необъятную плоть моря, и ты даже не задумаешься об этом свойстве нежных морских существ – находиться там, где им хочется, не испытывая каких-либо препятствий…

Медузы – удивительные создания, у них даже нет крови. Нужный для дыхания кислород они получают прямо из морской воды: она омывает их снаружи и проникает внутрь тела через многочисленные поры, наполняя все ткани. Оттого медуза и выглядит такой водянистой и прозрачной: она «налита» водой… Море омывает её, наполняет, и от этого медуза, кажется, только ещё более преображается.

Медузу не определишь в музей, как коралл, морскую раковину или звезду, и можно только самому видеть и наслаждаться её красотой. Медуза хороша в своей родной стихии, и человек должен добиваться её расположения, чтобы овладеть счастьем нахождения рядом. Что напоминает нам медузу в нашей обыкновенной жизни? Конечно, ничего. Нужно прийти к ней, обрадоваться встрече и проникнуться местом её обитания, даже если медуза обожжёт тебя своим загадочным морским прикосновением.

Мне с детства нравились медузы, и я их почему-то никогда не боялся. Я даже любил играть с ними, дотрагиваться до них, чуть подталкивая, но стараясь особо не докучать. Так, раз-другой ткнёшь пальцем, посмотришь, как медуза взволнуется вся, затрепещет, и оставишь её в покое. Но из поля зрения не выпускаешь: что-то связывает тебя с нежными морскими существами, за которыми хочется наблюдать, пока не появилось нечто более завораживающее твоё внимание.

Прозрачно-студенистые медузы всегда привлекают своим таинственным существованием, несомненно, разумным и даже пытливым, но вызывающим у всех купальщиков больше раздражение и опаску, нежели интерес. Без медуз невозможно представить себе морское побережье, так же как невозможно представить его без тошнотворного запаха перепрелых на солнце водорослей, резко ударяющей в нос морской свежести и затаенного предвкушения чего-то несбыточного, витающего только у моря, но которое, верится, обязательно сбудется, если будешь делать всё правильно в отношении себя и окружающих. Море, ты просто убеждён, не обделит тебя своей тайной, а голубовато-нежные, совсем безобидные на вид медузы лишь дополняют ощущение прекрасной загадки, порождаемой морской стихией.

Медленно плывут по воле волн маленькие голубоватые зонтики, напоминающие шляпки неведомых грибов, время от времени сокращаются и будто отталкиваются от воды. На первый взгляд, кажется, что медузы отрешены от всего, ничего не замечают и подчиняются какому-то неведомому для них самих инстинкту, во имя которого медленно путешествуют по морю, не ведая его границ. Но безразличие медузы обманчиво…

Когда мимо неё проплывает то, что она способна посчитать своей добычей, поведение медузы резко изменяется. Движения медузы ускоряются и она мгновенно направляется в сторону того объекта, который возбудил её интерес. Обычно замечаешь медузу, когда она уже приблизилась, а попытавшись оторваться – только убыстряешь момент соприкосновения: медуза уже задела руку, и ожог, вызванный множеством стрекательных клеток, поразил кожу. А ведь можно было вовремя поостеречься и предупредить эту встречу, после которой в течение дня возникает сильная лихорадка, повышение температуры и общее недомогание.

Наиболее страшная медуза – херонекс, часто называемая «морской осой», обитает в южных морях и имеет купол величиной с голову ребёнка, от которого отходят толстые и достаточно длинные щупальца. Это прозрачное создание, по-видимому, самое ядовитое животное, обитающее в океане. Водится она у берегов Северной Австралии. Соприкосновение с её щупальцами оставляет страшные рубцы и может быстро привести к смерти. Особенно эти медузы опасны тем, что их очень трудно заметить в мутной воде, а ведь именно в такой воде после шторма, пригнавшего их к берегу, наиболее вероятна встреча с этими существами.

Интересно, что стрекательные капсулы медуз обладают «автономностью». Из-за этого можно получить тяжёлые ожоги во взмученной штормом воде, соприкоснувшись с носимыми волнами обрывками щупалец. Опасны и мёртвые медузы. Этой «автономностью» стрекательных капсул пользуются некоторые животные. Например, голожаберные моллюски, которые, закусив медузой, «присваивают» её грозное оружие: стрекательные клетки попадают в кожу нового хозяина и исправно служат ему для защиты от врагов.

От медузы «морская оса» погибло больше людей, чем от акул. «Морской осой» её назвали именно за очень тяжёлые и часто смертельные ожоги. Содержащийся в её щупальцах яд по составу аналогичен яду кобры, а инъекция её яда, разбавленного в пропорции 1:10000, убивает лабораторное животное через несколько секунд. Действие яда заключается в разрушении кровяных телец, в результате чего наступает смерть от удушья.

У Франко Проспери в одной из книг о подводном мире Коморских островов описывается, как они с приятелем, увлёкшись подводной охотой, угодили в скопище физалий – одной из гигантских тропических медуз, чьи щупальца достигают иногда 30 метров в длину. Физалии – самые большие медузы в мире, тоже обладают смертоносным оружием – ядовитой жидкостью, которой они оглушают или убивают свою добычу. Потрясённые увиденным зрелищем, ныряльщики забыли об осторожности, тогда как плавали без гидрокостюмов…

За красоту и парусность физалий, моряки называют их «португальскими кораблями», которые целыми флотилиями уносят в моря сильные и смелые течения… Надувной пузырь-мантия у физалий бывает прекрасного голубого, пурпурного или лимонного цвета, увенчанный гребешком. Когда невидимый «подводный ветер» наполняет этот «парус», медуза мчится, словно быстрокрылый чудесный корабль.

Под «килем» у «кораблика» развевается множество щупалец, отсвечивающих всеми цветами радуги, и вот именно они и очаровали подводных охотников, так что они забыли об опасности, а когда медузы окружили их, то было уже поздно. Туловища студенистых созданий были настолько непрочными, что когда незадачливые подводники пытались оттолкнуть их ружьём, они тут же разваливались на куски… Вода кишела обрывками медузьих щупальцев и жгучее вещество расплывалось по воде, усиливая болезненные ощущения. Постепенно пощипывание по всему телу становилось всё сильнее, а в паху и под мышками сделалось просто невыносимым. Вот где бы пригодился неопреновый гидрокостюм, но ныряльщики оставались нагишом наедине с жалящими медузами, и только благодаря самообладанию им удалось покинуть опасную зону. Ныряльщики попытались поднырнуть под медуз, минуя их глубиной, и это им благополучно удалось.

Юрий Сенкевич в своей книге «На Ра через Атлантику» также описывает знакомство с физалией, которое закончилось для него мало

приятными ощущениями. Он потрошил на корме кур, когда увидел, как вдоль борта движется фиолетовый пузырь, прямо ему в руки, и, недолго думая, схватил его, тотчас взвыв от боли. Причём, липкая слизь долго не отставала, когда он пытался смыть её морской водой. Руки горели и ныли, пальцы сгибались с трудом. Пульверизатор с анестезирующим средством утолил боль лишь на короткий период, руки вообще вскоре отказывались двигаться, в области сердца появилась боль, самочувствие ухудшалось. Только приняв анальгин, валидол и пирамидон, он попытался успокоиться, лёг, укутавшись в тепло, и ему постепенно полегчало. Полное выздоровление наступило лишь через пять часов.

Яд, выделяемый физалией, относится к нейропаралитическому и можно себе представить, каково попасть в её лапы маленькой рыбёшке!

Так вот, Юрий Сенкевич, пострадав от ожога физалии, упоминает, что Тур Хейердал, пытаясь помочь ему, вспомнил, что от ожогов этой медузы хорошо помогает аммиачный раствор, которого на борту «Ра», конечно, не имелось, но его можно было восполнить мочой, что и было сделано… По свидетельству Сенкевича, смачивая ватку в таком естественном снадобье, и протирая места ожогов, можно скоро добиться улучшения. Вывод, сделанный врачом, был таков: в плавание следует брать с собой нашатырный спирт, а фабричный аммиак, по его мнению, должен действовать ещё лучше.

Кстати, мы часто пользовались мочой при подводных работах, как радикальным средством против разного рода кожных раздражений, и это очень помогало.

У нас на Дальнем Востоке у берегов Японского моря иногда в большом количестве появляется маленькая медуза – гонионемус, величина которой 2-3 сантиметра в поперечнике. Вызываемые ею ожоги, особенно при повторном действии, способны вызвать даже смерть. Яд гонионемуса парализует дыхательные мышцы грудной клетки, и человек может погибнуть от удушья.

Люди, постоянно связанные с морем, привыкли называть этих опасных медуз крестовичками. Такое народное название связано с крестообразным расположением на их зонтике четырёх тёмных пищеварительных каналов. Вдоль них тянутся четыре, тоже тёмных, но более широких половых железы. Крест хорошо виден на полупрозрачно-зеленоватом фоне зонтика, по краям которого расположено до 80 тонких щупалец, каждое с присоской посередине. Щупальца густо усажены поясками стрекательных клеток – грозного оружия крестовичка.

Медузы эти живут на мелководных участках пляжей в зарослях морских трав зостеры и филлоспадикса, а также среди водорослей саргассум. Они повисают на растениях, прикрепившись к ним своими присосками. Так крестовички обычно подстерегают добычу.

Главную пищу крестовичков составляют маленькие рачки, которых они ловят из-за засады, распустив и вытянув часть своих смертоносных щупалец. Едва рачок случайно коснётся одного из щупалец, как хищник

протягивает к нему все остальные. Захваченная и умерщвлённая добыча препровождается в широко раскрытый рот.

Реакция крестовичка на всякое прикосновение, в общем, одинакова. Достаточно купающемуся человеку задеть щупальца медузы, как она устремляется вперёд и пытается прикрепиться при помощи присосок. В этот момент купальщик ощущает сильный «ожог». Через несколько минут кожа на этом месте краснеет и покрывается волдырями, а затем появляются признаки общего отравления – слабость, затруднение дыхания, боли в пояснице, обмороки.

В массовых количествах крестовички появляются далеко не каждый год. В дождливые годы они почти не встречаются, зато в конце жаркого засушливого лета их оказывается очень много, и опасность поражения ими увеличивается. Дело в том, что крестовичок чрезвычайно чувствителен к понижению солёности и при самом незначительном опреснении воды, например, в результате дождей, погибает.

Часто эти медузы собираются такими значительными скопищами, что море кажется похожим на стёганное одеяло из атласа самых нежных тонов, и тогда крестовички начинают восприниматься чуть ли ни божественными существами, настолько они покойны и прекрасны. Словно мысли моря, размеренно движутся они в невесомой толще воды, время от времени замирают, порой – куда-то и вовсе теряются, и трудно заподозрить в них какую-либо злонамеренность. Беззаботно и доброжелательно, по воздушному легко несут они в себе глубинную морскую тайну, которая, между тем, не так уж сложна.

Полупрозрачные зонтики, медленно дрейфующие у поверхности воды, каждый хотя бы раз в жизни видел, если бывал на море. Тело медузы состоит из двух слоёв – наружного и внутреннего, соединённых студенистой прослойкой. Постепенно разрастаясь, она и образует куполообразный зонтик, на нижней стороне которого расположено ротовое отверстие, ведущее в пищеварительную полость. Многочисленные каналы, расходясь от неё, пронизывают весь зонтик.

У медуз, обладающих внушительными размерами, пищеварительные каналы многократно ветвятся, а поскольку ротовой стебелёк у них изначально короткий, то края рта вытягиваются в длинные, хорошо заметные ротовые лопасти, унизанные стрекательными клетками, - универсальным оружием защиты и нападения многих кишечнополостных. Каждая такая клетка наполнена сильно действующим ядом, и внутри неё находится спирально свёрнутая нить. Стоит коснуться такой клетки, как нить распрямляется, прорывает оболочку и как отравленная стрела вонзается в тело. Бесчисленное множество таких стрел убивает или парализует жертву медузы – мелких животных, но иногда ими может быть повергнут и человек, причём, со смертельным исходом.

Как-то так происходило, что судьба миловала меня от столкновения с медузой-крестовичком, и мало того, я даже не подозревал – какая она

ядовитая. Мы всегда работали в неопреновых костюмах, полностью изолирующих тело от соприкосновения с водой, и медуза никак не могла коснуться голой руки или ноги, они были надежно закрыты перчатками и носками, лицо же спасала маска. Но однажды я всё-таки поплатился за своё незнание, причём, в совершенно безобидной ситуации.

Обследуя один из прибрежных районов юго-западного побережья Сахалина на предмет нахождения там зарослей морской капусты, я увлёкся этими маленькими голубоватыми медузками, которые привлекли меня своим крестообразным рисунком, и осторожно пожонглировал одной из них на ладошке, после чего поправил маску и поплыл дальше. Этого прикосновения оказалось достаточно для того, чтобы вскоре я почувствовал на щеке сильное жжение, а поднявшись на поверхность, ребята обнаружили на моём лице красный рубец, который не сходил пару дней. В подобных случаях рекомендуется поражённое место протереть нашатырным спиртом, но его у нас не оказалось, и мне пришлось в полной мере переболеть очень неприятными ощущениями: сначала я почувствовал сильное головокружение, слабость, а затем подступила тошнота. Плохое самочувствие не покидало меня два дня, а ведь всего лишь одно лёгкое прикосновение! Что же может случиться с человеком, попавшим в окружение этих медуз обнажённым?!

И что ещё интересно, иммунитет после столкновения с медузой-крестовичком не приобретается, и повторное поражение, наоборот, бывает тяжелее и нередко приводит к смерти. Больше уж я не заигрывал с медузами, предпочитая держаться от них подальше.

Способна доставить неприятные ощущения и ещё одна дальневосточная медуза – цианея, которая вызывает своим прикосновением сильное жжение, возвращающее тебя в детство, когда ты оказывался в окружении зарослей крапивы, что нещадно жалила, доводя до слёз. Лучше не сталкиваться с такой странной, чаще плавающей на поверхности воды шевелюрой, напоминающей львиную! Зато зонтик этой красивой, крупной медузы окрашен в ярко-жёлтый, синий и даже пурпурный цвета.

Когда смотришь на цианею, то невольно приходит сравнение с чудесным огромным цветком, ведь в диаметре эта медуза достигает порой полутора-двух метров. Сходство с цветком усиливается не только благодаря яркой окраске, но и разнообразным отросткам, отходящим от тела медузы и напоминающим кружевные лепестки… «Цветок-великан» и плывёт торжественно, на десятки метров распустив в воде багряно-фиолетовые щупальца.

Редко когда увидишь, что медуза висит в воде неподвижно, а чаще всего движется толчками, сокращая края купола, словно гигантская бабочка. За ней тянутся гирлянды щупалец, которые образуют как бы ядовитую сеть, ведь щупальца её действительно достигают в длину более десяти метров, беззвучно шарящих в глубине в поисках добычи. Эти щупальца усеяны ядовитыми стрекательными клетками, они улавливают мелких рыбёшек и

рачков, а иногда маленькие рыбки сами забираются в гущу этих ядовитых щупалец и умело лавируют там, чтобы спрятаться от охотящихся за ними хищников.

Цианея, кажется, даже не подозревает о существовании таких соседей, и, не теряя своей величественности, плывёт размеренно, то сжимая, то разжимая края купола. Даже подраненная, попавшая под винт корабля, она сохраняет достоинство, если о ней можно так сказать, ведёт себя так, как будто с ней ничего не случилось, уверенно продолжая своё горделивое, неспешное движение. Глядя однажды на такую подраненную медузу, я вдруг вспомнил где-то прочитанное о циане: о её необыкновенной выносливости, что будто бы она оживает после того, как вмёрзнув в лёд, пробудет там в течение нескольких часов… Такая нежная, плоть из плоти – одна вода, но обладающая невероятной силой! Медуза цианея – истинное украшение моря, его непревзойдённая краса, встречающаяся далеко не каждому.

Медузы – цветы моря, но названы по имени одной из трёх мифических горгон – крылатых женщин-чудовищ, взгляд которых превращал всё живое в камень. Трудно представить, что на подобное способны полупрозрачные студенистые существа, кажется, совершено безвольно парящие в необъятном водном пространстве. Когда медузе надоедает передвигаться толчками в толще воды, она пристраивается в подводное течение и путешествует по морям на большие расстояния. Невольно позавидуешь ей за эту способность к странствиям, для которой она, вроде бы, ничего не предпринимает: плывёт тихонько, отдавшись на волю волн.

Радостно наблюдать медуз у самого берега, что предвещает спокойное море. Они очень чутко улавливают приближение шторма, и в его преддверие уходят на глубину. В тихую же погоду медузы держатся у берега, привлекая к себе внимание даже нелюбознательного человека. Медузы порхают в воде, будто осязая её всеми органами чувств, очень гармонично поддерживая равновесие и ритм сокращений купола. Смотришь на эти голубые, зелёные и белоснежные создания, и душу охватывает какое-то непередаваемое возбуждение: будто вспоминаешь про себя что-то давнее-давнее, связанное с морем…

На Дальнем Востоке уже давно практикуется прогноз погоды «по медузе», и это не шутка. Кто мог предупредить о шторме рыбаков, промышляющих сахалинскую сельдь ставными неводами у берега? А предупредить надо, ибо сельдь подходила к берегам Южного Сахалина всегда почти перед самым штормом, и связь с районным центром у рыбаков, как правило, отсутствовала. Вот и приходилось порой использовать, что называется – «подручные» средства, наблюдая за поведением медузы. По ней можно было предсказать шторм почти за 12 часов, а иногда и больше: чувствуя приближение непогоды, медузы начинали прятаться за скалы, чтобы не быть выброшенными на берег, если не успели уйти подальше в море.

Гуляя по берегу моря, нетрудно встретить выброшенных приливом медуз. Сначала заметишь поблескивающее влажное пятно и поначалу примешь его за небольшую лужицу, но подойдя поближе – обнаружишь уже порядком расплывшуюся по песку зеленовато-голубую, с фиолетовыми отсветами, медузу. Имея несколько десятков сантиметров в диаметре, медуза действительно напоминает задержавшуюся на берегу воду, или ещё примешь её за переливающийся жирным боком лохматый кусок морской капусты, а то и в самом деле натолкнёшься на небольшое углубление, заполненное изумрудной пеной…

Но нет, это – медуза-ризостома, она уже не движется, не открывает и не закрывает свой прозрачный зонт, и лежит неподвижно, будто маленькое зеркальце, обращённое в неизвестность, у самого моря… Что-то привидится там, если пристально в него заглянуть? Взглянув же в посверкивающую выпуклость медузового бока, разглядишь лишь мелкие разноцветные камешки, затаенно покоящиеся под ним. Медуза абсолютно прозрачна…

Когда день выдаётся пасмурным, и солнце сокрыто за низкими серыми облаками, медузы не выдают своего вынужденного присутствия на пустынном берегу, потому как их просто не видно. Слившись с серовато-лиловым песком, они будто всасываются в него, постепенно растворяясь, и ты не заметишь, как наступишь на слизкую медузу, отчего на душе сразу становится как-то неопрятно, будто сам погубил беззащитное животное, хотя бы и по неосторожности. А всего-то – состоящая из одной воды медуза, пусть и очень красивая!

Кстати, тело тихоокеанских медуз почти на 99 % состоит из воды… Но вот их выловили, высушили, спрессовали в таблетки, и получился экстракт, содержащий комплекс витаминов, благоприятно действующих на нервную систему. По мнению японских врачей, людям, живущим в суете больших городов, полезно принимать пилюли, приготовленные из этих прозрачных существ, о которых большинство людей даже не помышляют. Как это всё-таки символично!

В водах дальневосточных морей крупная медуза ризостома – одна из самых известных. Её голубовато-зелёный «колокол» иногда достигает в диаметре, как уже говорилось, семидесяти-восьмидесяти сантиметров. Медленно передвигается медуза: сожмёт свой зонтик-колокол – вода из-под него выйдет и медуза переместится вперёд. Распустит зонтик – вода войдёт в него, и медуза остановит движение. Снова сожмёт – опять продвинется. Конечно, далеко медузе не уплыть, таким образом, и чаще её двигает волна или течение.

Своими щупальцами ризостома не ловит добычу, как, допустим, тот же крестовичок. Они имеют другое назначение – медуза выпускает через них жидкость. Этой жидкости боятся даже крупные хищники. Мелкие рыбки, спасаясь от преследования врагов, прячутся под зонтик медузы, как это происходит и у цианеи. Ризостома, таким образом, непроизвольно является защитницей многих маленьких подводных обитателей.

А ещё ризостому называют «съедобной медузой», потому что пойманная сачками – она идёт в переработку. В пищу используют зонтик-колокол, а иногда и мясистые части тела, расположенные около рта. Чего я никогда не пробовал на Дальнем Востоке – так это медузу! Даже не знал, что из неё можно приготовить необычное и очень изысканное блюдо.

Именно эту медузу издавна добывали для употребления в пищу китайцы. Сушёная медуза, оказывается, вкусное лакомство, и готовят её, используя метод солнечной сушки. У медузы при помощи ножа отделяют приротовые придатки и тщательно промывают колокол в морской воде для полного удаления слизи и загрязнений. Затем колокол медузы укладывают на плотные циновки или даже на чистую гальку наружной стороной вниз. Сушку производят в ясные солнечные дни и следят за тем, чтобы медуза не присыхала к подстилочному материалу, для чего её время от времени переворачивают, подставляя действию солнечных лучей внешнюю и внутреннюю сторону, добиваясь равномерной просушки.

Высушенную медузу иногда обжаривают, и в таком виде её тонкие «стружки» напоминают лук и одновременно мягкий мясной хрящ. В каждый большой отлив к морю для сбора медуз выходит много людей с плетёными корзинами. Промысел и медуз, и ракушек привлекателен и доступен даже детям. На Дальнем Востоке он всегда практиковался как у нас сбор грибов.

Но чаще всего медуз употребляют, всё же, в солёном виде, ибо, учитывая влажный дальневосточный климат, таким способом можно заготавливать их впрок. Сперва, медуз погружают на 10 часов в пресную воду, затем, промыв, пересыпают солью с квасцами. Иногда их перекладывают распаренными дубовыми листьями и держат под лёгким прессом. В результате получается пищевой продукт, несколько напоминающий солёные огурцы. Перед приготовлением блюда, медузы полчаса вымачиваются в воде и затем, после хорошей промывки, разрезаются на кусочки и сдабриваются пряностями.

Даже некоторые рыбки лакомятся медузами, откусывая кусочки с их купола, а в Тихом океане медуз поедает громадная луна-рыба. Кстати, китайцы и японцы, в отличие от арабов, сравнивающих медуз с морскими фонарями, называют их не иначе как «морская луна», что, несомненно, более поэтично и ближе к истине.

Свободно и легко передвигаются медузы по бескрайним просторам океана… Какие-то сверхутончённые существа, не имеющие веса, можно даже сказать – безтелесные, хотя это и не так, и всё же медузы – удивительно воздушные животные, вернее – совершенно невесомые, на которые смотришь – и сам становишься невесомым, готовым лететь, плыть, парить таким же утончённым, изящным существом, позабывшим в этом волшебном полёте себя самого. Медузы, действительно, волшебны, они - неподражаемо чудесны, словно танцовщицы, позабывшие себя на неопределённое время и наслаждающиеся этим невесомым танцем. Парят в глубине до самозабвения,

будто ничего не воспринимая кроме этого парения, и ни к чему не стремятся, застигая добычу лишь от случая к случаю…

А потом опять куда-то устремляются, неизвестно для чего существующие, но такие привлекательные, притягивающие этим своим волшебным существованием под водой… Они – повисшие в прозрачной толще моря разноцветные хрустальные колокола, будто издающие под водой чистый мелодичный звон. Восхитительные балерины, которым не суждено никогда приземлиться, а только плыть, парить, лететь, будто во сне. Медузы – и сами сны: голубые, изумрудные, оранжевые и фиолетовые, и мы любим их за непередаваемую грацию и изящество, незаметно созидающие собой ещё одну удивительную подводную сказку.

«ГУБКИ»

Когда я впервые увидел губки, которыми был усеян нескончаемый песчаный пляж курильского острова Уруп, я был ошарашен открывшимся мне незабываемым зрелищем… Докуда можно было дотянуться взору, вдоль всей береговой полосы, простирался белый ослепительный песок, а по нему рассыпаны ярко-красные перчатки, или даже – варежки, будто разбросанные непослушными, озорными детьми, что, вот, только-только бегали у самого моря, играли и вдруг куда-то исчезли. Впечатление было ещё такое, что это алеют неизвестно откуда взявшиеся здесь настенные подушечки для иголок, воздушно покоящиеся на груди необитаемого острова… В конце концов, их можно было принять за пурпурные губки для мытья, в обилии покрывающие укатанный гигантскими волнами берег. А рядом – бушующий, тёмно-синий океан…

В сильный шторм губки оказываются выброшенными на песок, и, глядя на них, создаётся ощущение, будто это – подарок океана людям, подтверждающий его великую мощь и щедрость. Но редко кому удаётся увидеть такую непередаваемую картину, тем более – ходить по плотному, упругому песку, брать понравившиеся губки в руки, с интересом разглядывать их, любоваться. Губки, несомненно, стоят того, чтобы посвятить им хотя бы маленький рассказ.

У большинства людей при слове «губка», скорее всего, возникает в памяти именно поролоновая подушечка, которой моются в бане, такая она мягкая, да и само название её ассоциируется с чем-то приятным. Кстати, в образовании скелета губки принимает участие органическое вещество спонгин, а spongia с латинского означает не иначе как … «губка», - вот и простое объяснение названия, о происхождении которого я долгое время и не догадывался, впрочем, не особо и желая допытаться сути. Губка – и губка, к тому же, наибольшее количество представителей этого вида были действительно очень схожи с хорошо известными всем губками, используемыми для наведения туалета.

Те губки, что обладают мягким органическим скелетом, вылавливают в огромном количестве именно для мытья. Они хорошо впитывают влагу, поскольку пронизаны пустотами-порами, что и роднит их с привычными банными «губками». А так как в остове тела губки содержится йод, во время мытья она оказывает ещё и обеззараживающее действие.

Кстати, система пор у губки выстроена таким образом, что, захватывая с водным потоком всё мало-мальски съедобное, ей достаточно небольшого течения, чтобы она заработала, выстреливая очищенную воду подальше вверх. Иначе одна и та же вода будет попадать в губку снова и снова,

оставляя её голодной. Если не можешь добраться до пищи, остаётся ждать, пока она приплывёт сама.

Не все губки, обитающие на дне моря, конечно, мягкие: так называемые «банные» или «туалетные» губки можно встретить лишь в Средиземном море. Губки же, попадающиеся в дальневосточных морях, не годятся для мытья. Дело в том, что почти у всех у них имеется внутренний скелет, состоящий из микроскопических кремнеземных или, реже, известковых игл.

Но глядя на губки, всегда хочется взять какую-нибудь наиболее симпатичную в руки и помять, хотя бы просто погладить, подержав за воздушный бочок. Невозможно миновать под водой разноцветную колонию губок, не заглядевшись на них. Не мокра бы красочная губка, была бы добрая шубка!

Учёные долгое время оставались в недоумении, не зная, к кому отнести губок – растениям или животным? Тому, кто брал впервые в руки высушенную губку – трудно было представить, что это животное. Но совсем другое впечатление производила губка в родной среде, под водой, когда она была полна жизни, привлекая внимание своей формой и цветом. Вполне естественно также было принять губку за какое-то необыкновенное, чуть ли не волшебное растение!

Что же на самом деле представляет из себя губка? У неё нет ни мозга, ни нервов, ни глаз, ни ушей, ни лёгких, ни желудка, ни крови, а есть только студенистое тело, обрамлённое в пористый яркий скелет… Любая губка состоит из живой ткани, окружающей полость, стенки же её образуют три слоя: внешний – защитные клетки, внутренний – захватывающие пищу, а между ними, как в сэндвиче, помещается то самое студенистое вещество.

Все губки живут на дне моря колониями, обычно прочно прикрепляясь к подводным камням или раковинам, поражая восприятие наблюдателя цветом и размерами. Одни из них столь малы, что поместятся в ракушке улитки, а другие так велики, что могут служить креслом. В водах, омывающих Антарктиду, на глубине в несколько десятков метров, «стоят» губки в рост человека, похожие на громадные пунцовые кувшины. Вообще, существует великое множество губок, отличающихся и по цвету и по форме: серые грушевидные массы или просто наросты на камнях и раковинах; жёлто-оранжевые ветви, похожие на оленьи рога; иные напоминают идеально круглые золотистые апельсины; встречаются и бледно-зелёные, тонкие, как бумага; есть ярко-пунцовые, мохнатые, представляющие из себя «красные бороды»; некоторые губки имеют чёрный цвет и бывают размером с корову… А ещё губки, помимо кувшинов, напоминают бочонки и чаши, бокалы и вазы, трубки, блюдечки и самые обыкновенные, чуть выгнутые плошки, которыми пользовались и пользуются простолюдины до сих пор… Может быть, действительно, без губок человеку со своими житейскими заботами и не обойтись?

Бытующее мнение, что губки – организмы примитивные, преобладало давно, чаще всего их принимали за растения, но уже Аристотель относил губок к животному царству, правда, очень необычному. У них нет органов чувств, а взрослые губки помимо того лишены умения передвигаться. К тому же, это единственный вид многоклеточных животных, не имеющий ротового отверстия: губки процеживают морскую воду, проникающую в поры, каналы и лабиринты, которыми испещрены их жёсткие тела, и извлекают из неё органические вещества. Ко всему прочему они практически неуязвимы: губку можно разорвать на кусочки - и частицы её потом снова соберутся в новое жизнеспособное тело. Многие губки не подвержены болезням, потому как химическая защита их организма справляется с любыми носителями заболеваний. Словом, губки представляются поистине бессмертными существами!

К необычности губок можно добавить и то, что они обладают неприятным запахом и, по-видимому, содержат и выводят в воду какие-то ядовитые вещества. Это обстоятельство, а также скелет из известковых игл делают губок весьма непривлекательной добычей для хищников, поэтому врагов у них почти нет. Весьма значительна их роль, как очистителей воды от распадающихся органических веществ. Установлено, что известковая губка около 7 см высотой за сутки процеживает 22,5 литра воды, а в среднем губки пропускают за сутки около 5 л воды на 1гр массы тела.

Известно, что губками пользовались ещё с древности. Пропитанные пресной водой, они заменяли римским солдатам фляги. Их употребляли и ныряльщики. Погружаясь в море, они держали во рту губки, пропитанные маслом. Под водой ныряльщики надавливали на них зубами, чтобы масло, всплыв на поверхность, уменьшило волнение и, тем самым, прекратило танец солнечных бликов, которые мешали разглядеть жемчужины, так же тускло поблескивающие на дне.

Промысел же самих губок был известен издревле, ещё Гомер в «Илиаде» и «Одиссее» упоминает об их употреблении для мытья тела. Из Древней Греции обычай пользоваться туалетными губками проник в Египет. Широкое использование они имели и в Древнем Риме.

Добывались губки ловцами-ныряльщиками, тело которых обвязывалось верёвкой. Ловец в одной руке держал груз, облегчавший погружение на дно, а в другой – кривой нож для срезания губок. Оставаясь под водой до двух-трёх минут, ныряльщик стремился набрать наибольшее количество губок, а вся добыча складывалась в мешок, подвешенный на плечо.

Когда ныряльщик чувствовал, что уже не может больше оставаться на дне, то он дёргал верёвку, привязанную к камню, и его вытаскивали из воды. Совершенно истощённый ныряльщик, наверное, еле цеплялся за борт барки, и товарищи вытаскивали его на палубу. Нередко изо рта, носа и ушей такого ловца лилась вода, смешанная с кровью, и бедняга падал в изнеможении на

дно барки. Но через какое-то время ему вновь приходилось идти на погружение…

С тех пор как появились маска и акваланг, позволяющие человеку дышать под водой и всё достаточно ясно видеть, труд ныряльщиков стал намного легче и эффективнее. Опустившись на дно, где растут губки, ныряльщик срывает их столько, сколько сможет. Потом, живыми, губки поднимаются на судно, где с них снимают верхнюю оболочку, и при помощи специального пресса удаляют под давлением студенистое вещество, пронизывающее внутреннюю часть губки – её основу. Если этого не осуществить немедленно, губки затвердевают и оказываются испорченными. Затем губки развешивают на мачтах, где они сушатся на солнце. При окончательной обработке губку последовательно пропускают через ряд ванночек, наполненных серной кислотой и марганцовокислым калием, пока она не станет достаточно чистой, мягкой и белой, чтобы соблазнить любого покупателя.

Раньше, в отсутствие каких-либо механизмов и химикатов, обработка губок представляла ещё более простую процедуру: прямо на палубе судна их топтали ногами, промывали водой, а затем нанизывали на верёвку и вывешивали на день на солнце. После чего снова мяли, ещё раз промывали водой и окончательно высушивали. В результате такой обработки живые ткани губки разрушались, смывались водой, и оставался только органический скелет красивого золотистого или алого цвета.

Благодаря своему примитивному строению губки обладают чрезвычайной способностью к восстановлению: из мельчайших их частиц может вырасти крупная губка. Такое свойство издавна было подмечено, и этим стали пользоваться водолазы – ловцы губок. Искрошив губки на мелкие кусочки, они рассеивают их в местах, удобных для роста этих животных. Если губки нарезать на части, нанизать на проволоку, а затем эти гирлянды натянуть между шестами на дне моря, то губки тоже вырастают, и когда достигают большого размера – их поднимают на поверхность. Подобным образом восстанавливаются и расширяются запасы промысловых губок.

Находя довольно широкое применение как туалетные, губки употреблялись и для мытья стен, полов, статуй и посуды, а также для промокания письма на папирусе и пергаменте и, наконец, для процеживания различных жидкостей. В средние века губки получили распространение главным образом в медицине для остановки кровотечений или, напитываясь соками растений мака, мандрагоры и цикуты, их использовали как средство для усыпления и анестезии. Пережжённые губки принимались внутрь как средство против зоба, что не лишено некоторых оснований, так как они содержат йод.

Из губок делают фильтры, через которые пропускается вода. Они используются для тепловой изоляции, а в некоторых армиях солдатские шлемы имеют прокладки из губок. Сплошь и рядом губки употребляют в ювелирном и зеркальном производстве, ими очищают винные и пивные

бочки, увлажняют табачные листы для выдерживания табака. Ещё губки служат прекрасным набивочным материалом при производстве подушек, матрацев, кукол и сидений в автобусах.

В царской России высушенные и размельчённые в порошок губки, так называемые – бадяги, добываемые в пресной воде, издавна употреблялись народом как средство для массажа тела, а женщины пользовались губкой для получения искусственного багрянца. Народная медицина применяла прежде порошок бадяги, как втирание против ревматизма, при ушибах, при глазных болезнях и внутрь как средство против лёгочных болезней и холеры. В русских аптеках бадяги были в обиходе для составления мазей. Обычно на Руси губки собирали в августе, при низкой воде, а затем высушивали, размельчали в порошок и употребляли по назначению.

На Дальнем Востоке, в частности – в Японии, некоторые губки служат для изготовления украшений и безделушек. Формы этих губок необычайно разнообразны, они отличаются красотой и причудливостью. Наиболее богаты ими океанские глубины, где на глубине до 1000 метров встречаются такие же гигантские тела губок длиной до 1-2 метров, но встречаются губки в дальневосточных морях и на более мелких местах, вплоть до 10-15 метров. Эти губки предпочитают мягкие, илистые и песчаные грунты.

Чаще мелководные губки достигают 30 см, стенки их покрыты правильно расположенными отверстиями, на нижнем конце имеется густой пучок игл, которыми губка укрепляется в мягком грунте, а в противоположном конце расположена тонкая сеточка, защищающая губку от попадания внутрь крупных мёртвых животных, что попадая – разлагаются, и могут отравить губку. Но, однако, это незначительное природное «сито» и неприятный запах губки не в силах обезопасить её от мелких беспозвоночных, например, креветок, что обычно забираются в губку ещё в состоянии личинок и находят приют в её полостях.

Тихонько передвигаясь по её зловонным тоннелям, животные эти соскабливают с их стенок пищу. В одной губке величиной с лохань было обнаружено около 2000 мелких креветок, вовсю там орудовавших. Отдельные креветки, проникнув во внутреннюю полость губки, вырастают там и становятся настолько большими и жирными, что уже не могут выбраться наружу.

В Японии скелет такой губки издавна является традиционным украшением, которое используют в торжественных народных церемониях, когда жених берёт себе в дом невесту. Поводом служит не только красота и изящество самого скелета губки, но и постоянное наличие внутри неё парочки креветок. По этой причине у японцев такая губка считается символом высокой и постоянной любви. Название её по-японски означает – «вместе стать старыми, вместе быть похороненными». Такие губки продаются повсюду в японских лавочках украшений и пользуются большим спросом, имея, ко всему прочему, красивый ярко-красный цвет. Иностранцы же покупают эти губки просто как память о посещении Японии.

Употребляются эти губки и просто как комнатные украшения наряду с причудливыми раковинами.

Кстати, помимо креветок, губка может сожительствовать с раком-отшельником, это интересное явление я нередко наблюдал в Тихом океане. Сама по себе губка ведёт неподвижный образ жизни, но вот один из её видов – пробковая, имеющая ярко-красный или оранжевый окрас, является исключением. Часто можно видеть, как эта красивая губка бежит по дну, а иногда и выбирается на берег. Виной тому оказывается именно рак-отшельник…

Всем известно, что этот рак обычно обитает в спирально закрученной раковине, и когда на неё селится губка, она постепенно разрастается, охватывает раковину и растворяет её полностью. Если такую губку разрезать, то в центре её будет виден точный отпечаток раковины со всеми её завитками. В этой полости и живёт рак-отшельник. Разрастаясь дальше, губка продолжает сохранять спиральную форму внутренней полости, являясь для рака домиком, и благодаря ему ещё и путешествует.

Как-то так получалось, что за время моей работы на Дальнем Востоке, губки попадались мне только под водой, я знал о них многое, но никак мне не удавалось обнаружить их на берегу, чтобы подержать в руках. И вот, только раз в жизни, желание это осуществилось. Ярко-красные губки, во множестве покрывающие береговую полосу острова Уруп, были совершенно доступны, и я поднимал их, разглядывал, дивясь красочной простоте неведомых ранее подводных существ, а затем оставлял на песке, и устремлял своё внимание к другим, почти таким же, но всё-таки иным, содержащим в себе какую-то глубинную тайну, которую хотелось разгадать. И я её разгадывал, не только тайну губок, но и самого моря, которое было для меня тогда роднее самых близких людей.

«ОСЬМИНОГ»

Впервые я познакомился с осьминогами в свой первый морской рейс, когда отправился на полгода в штормовое зимнее море, на добычу минтая. Порой в медленно тянувшийся в толще воды донный трал, помимо крабов и рыбы, заплывали и любопытные осьминоги. Запутавшись в сетях, они сразу поникали, и их мешковидные тела свисали, уже не оказывая никакого сопротивления…

… Надсадно гудит лебёдка, натянутые, как струны, ваера, вздрагивая прозрачными хрусталиками ломающейся на солнце воды, неторопливо вытягивают за собой неподвижные гирлянды глубинных обитателей. Пурпурные от бессильной натуги, уже безвольно поникшие и одрябшие, осьминоги безропотно плывут над мокрой палубой. Но в их видимой покорности – затаенная жизненная сила.

Отлучённые от родной стихии, осьминоги вынуждены смириться, но как только их щупальца будут высвобождены из накрепко сковывающей сети, а сами они будут предоставлены, хотя бы на короткий отрезок времени, самим себе, от них неминуемо следует ждать каких-либо сюрпризов. Моллюски безошибочно определяют присутствие поблизости воды, и при первой возможности стараются удрать. Даже отнесённые на камбуз и помещённые в глубокие оцинкованные ванны под посуду – осьминоги не оставляют попыток к бегству.

Однажды я застал совершенно пустой бачок, из которого неугомонный головоногий успел в моё отсутствие, каким-то образом, выбраться, лихо преодолел по кафельному полу полдюжины метров и, взобравшись на стол, прилепился несколькими щупальцами к переборке. До распахнутого иллюминатора ему оставалось проползти какой-нибудь метр… Осьминогу, наверное, очень не хотелось быть съеденным.

Осьминоги очень безобидны, если их понапрасну не тревожить. Распластанные по палубе и бочком, незаметно подбирающиеся поближе к бортам, они вызывают необъяснимое чувство жалости. Но больше всего в осьминогах поражают их печальные глаза… Кажется, будто давно-давно злой волшебник превратил чей-то людской род в морских чудищ, и с тех пор они обречены на подводное обитание.

Неприкаянно скитаются осьминоги по морскому дну в поисках чего-то несуществующего и, не обретая его, останавливают свой печальный взор на небольших укромных пещерках. В них осьминоги переживают свою тоску, прячась от вездесущих, надоедливых рыб. Никто не в силах помочь им, и животные это понимают…

В дальнейшем, наблюдая за осьминогами уже во время своих погружений под воду, меня поражала, в первую очередь, их экзотическая внешность в отличие от других подводных обитателей. Рядом с маленькими

серебристыми рыбками, устрицами, многочисленными морскими звёздами, любопытными нерпами существовало и такое неповторимое, казалось бы, совсем не похожее на подводного жителя животное с множеством щупалец и очень выразительными глазами.

Ещё с раннего детства, при рассматривании иллюстраций к любимому Жюль Верну, запомнился ужасающих размеров спрут с холодным глубинным взглядом выпученных глаз, обхвативший щупальцами рубку судна. В неосознанности своего случайного пребывания вне привычной среды, он, кажется, был способен в мгновение расправиться с любым возникшим препятствием. И вот увлекала именно эта невообразимая мощь и невероятность существования такого морского чудища, против его воли поднятого из жутких неведомых глубин, которые, по своей тайне, представлялись ещё более невероятными… Темнота этих неизведанных глубин никак не поддавалась воображению.

Образ могущественного животного, запечатлённый в сознании с детства, сохранился, но не вязался с увиденным во время нашей работы под водой, на добыче морских ежей, ламинарии и трепанга… Восемь больших щупалец, снабжённых присосками, морщинистое студенистое тело, остановившийся неживой взгляд – всё это присутствовало в осьминоге на самом деле, и в тоже время в нём не было устрашающей необъяснимости. Осьминога можно было потрогать, слегка потянуть за щупальце, испытав на себе силу его многочисленных присосок, просто поиграть с ним.

Правда, не всегда осьминог поддерживал такое отношение к себе. Скорее всего, он не испытывал подобного желания вовсе, и допускал какие-либо вольности, лишь находясь в благодушном настроении. В этом случае нельзя было оставаться слишком назойливым, можно было, лишь слегка подзадоривая животное, стараться понаблюдать за ним подольше, стараясь ничем ему не докучать.

Чаще всего осьминог забирался в какой-нибудь каменный грот или расщелину и, выставив кончики щупалец, недовольно шевелил ими, вздымая со дна песочные облачка. Если поблизости от его убежища находились мелкие камни, осьминог прихватывал их, ловко подволакивая к входу, и тогда я убеждался, как точно устроено его восприятие, сложность ответных реакций и поведения. Не было никакой возможности извлечь осьминога из его укрытия, и требовалось приложить немало усилий, чтобы расшевелить безобидное животное, вынуждая довериться тебе.

Однажды я долго не мог выманить осьминога из его каменного убежища, куда он с удивительной ловкостью спрятался от меня. Вроде бы, отверстие в груде камней было небольшое, да и сама куча, находящаяся, как ни странно, посреди голого песчаного дна, не превышала в диаметре 60-70 см, но метровый осьминог, спасаясь бегством, удивительно легко и быстро проник в неё, выставив наружу кончики двух щупалец, явно выказывая своё недовольство. Как он там мог поместиться?

Осторожно ухватившись за эти извивающиеся щупальца, я попытался вызволить осьминога на белый свет, но у меня ничего не получилось: осьминог накрепко прилип всем телом к внутренним стенкам пещерки, и вытащить его не представлялось никакой возможности. Тогда я решил разобрать каменную горку, и это мне вскоре удалось, тогда как осьминог, почувствовав, что я до него добираюсь, мгновенно выскочил наружу. Вытянувшись в струнку и, раздув мантию и выпустив через воронку струю воды, он плавными толчками устремился от меня, чуть шевеля кончиками щупалец, будто подправляя ими курс своего подводного парения. Не знаю, уж, как так получилось, но я неожиданно для самого себя тоже устремился за ним, успев ухватиться за щупальца осьминога, как за вожжи, и к своему большому удивлению ощутил, что осьминог меня тихо буксирует. Я попробовал не подгребать ластами, и опять отчего-то с радостью обнаружил, что осьминог вполне справляется с моим весом.

Правда, вскоре осьминог всё же «выдохся», мантийная щель его открывалась вовсю ширь, с силой втягивая воду, и было видно, что долгое напряжение ему не под силу. Преодолели мы с ним метров двадцать, осьминог как-то весь сжался и выбросил небольшое чернильное облако, а когда я его отпустил, он тотчас прильнул ко дну, обессилено распластавшись на нём, и, полежав несколько секунд, медленно пополз к берегу, то и дело, меняя окрас. Явно, он был недоволен всем произошедшим, но сил сопротивляться, это было хорошо видно, у него совсем не осталось. Мне даже стало жаль осьминога, и я подплыл к нему и слегка погладил неопреновой перчаткой по самой макушке, отчего осьминог зажмурился, щупальца его заиграли, вздыбливаясь колесом, и он весь покраснел… Я, наконец, оставил осьминога в покое.

Что же касается быстрой утомляемости осьминогов, то учёные единодушно дают этому простое объяснение: у осьминогов нет в крови гемоглобина, а перенос кислорода по телу осуществляет пигмент, содержащий медь, - гемоцианин. Он, как оказалось, не справляется с подобной задачей, и хотя у осьминога имеется мощная кровеносная система с дополнительными сердцами, способная работать крайне экономно, при длительной нагрузке кислорода обычно не хватает. Да осьминогу и не нужно длительное напряжение, так как его вполне удовлетворяют короткие перемещения, в течение которых он успевает и поохотиться, и поменять своё месторасположение. Осьминога, по природе его, удовлетворяет размеренный образ жизни, поскольку больше всего он предпочитает уединение и покой.

И между тем, осьминог является хищником. Питается он главным образом ракообразными и моллюсками, которых разрывает ротовыми челюстями, по форме напоминающими клюв попугая. Подстерегая добычу или спасаясь от врагов, осьминог способен быстро менять окраску и фон его мешковидного тела варьируется обычно от светло-серого до коричневато-пурпурного.

Обычно не составляло большого труда отыскать осьминогов, поскольку все они придерживались более или менее определённой территории, и мы, работая в одном и том же районе, заранее знали, где их встретим. Даже в мутноватой зелёной воде, когда и камни, и песок тоже казались зелёными, можно было разглядеть распластавшихся на дне осьминогов, если не торопиться и быть внимательнее.

Как только руки дотрагивались до осьминога, тело его вздымалось тугими буграми, из бледно-розового он окрашивался в интенсивный багровый цвет, и щупальца начинали сердито извиваться, стараясь за что-нибудь ухватиться. Как правило, таким предметом оказывалась маска или трубка лёгочного автомата, что, само по себе, было не безопасным. Только оторванный от дна и поднятый на поверхность осьминог выглядел совершенно безвольным, вялым.

Когда мы извлекали осьминога из морской среды, почему-то всегда не покидало ощущение, что именно его не следует лишать своего дома. Что-то живое, трепетное и тайное было заключено в нём, словно осьминог сам не понимал, в силу чего он оказался пленником этой зелёной тишины, в тоже время ставшей для него родной. Однажды мне даже показалось, что осьминог чувствует и понимает всё не хуже человека, но по какой-то неведомой ошибке природы вынужден в одиночестве переживать своё никому не нужное знание.

Но может быть, природа вовсе не ошиблась, а только собрала в мире тишины всех тех, кто не смог быть удостоен лучшей участи на земле. Она благоволила к нашим меньшим братьям, уготовив им более достойную долю. Там, в морской глубине, вместе с китами, тюленями и дельфинами, осьминоги должны были обрести для себя покой. Правда - временный, ибо деликатесное мясо животных всегда пользовалось у людей спросом.

Мясо осьминога очень необычно на вкус, и к нему непременно нужно привыкнуть. По моему мнению, оно отдалённо напоминает сочную нежность телятины, не имеющей, конечно, присущего осьминогу своеобразного привкуса, не похожего ни на какие другие. Осьминог, во всех отношениях, особенное произведение морской стихии, и относиться к нему следует с таким же особенным почтением.

Гурманы античного мира, например, разрезали щупальца осьминога на части, голову начиняли специями и запекали в больших пирогах. Такие мастера были эти повара, что, приготовляя блюдо из осьминога, они употребляли вместо ножей бамбуковые палочки, так как железные ножи придают тонкому кушанью другой привкус. Излюбленным блюдом у них был тушёный осьминог с молодым картофелем, к которому добавляли чеснок, гвоздику и лавровый лист. Блюдо это подавалось с белым вином.

Осьминог, действительно, очень хорош с картошкой, особенно – с пюре. Но чтобы сделать мясо осьминога особенно нежным, считают завзятые гастрономы, нужно поднять пойманного животного над головой, потрясти им и бить его о каменный пол так, чтобы щупальца распластывались и

ударялись о каменный настил сочным шлепком. Отбивают осьминога ещё для того, чтобы избежать долгой варки.

После такой операции осьминога ненадолго бросают в кипяток, и потом минут пятнадцать держат над паром. Бульон при этом окрашивается в тёмно-красный цвет, и в него рекомендуется добавить пучок сельдерея и побольше перца. Затем с отпаренного осьминога снимается мягкая розоватая плёночка, и очищенная тушка нарезается на небольшие кусочки, которые можно потушить ещё минут десять-пятнадцать в масле, выжав в него лимонного сока и добавив чуточку острого соуса. Приготовленный по этому рецепту, осьминог обладает нежным вкусом, сравнимым с омаром, отдалённо – с приморским гребешком. Мясо его нарезается на дольки, в каждую дольку вставляется зубочистка – и всё это кушанье можно подавать в качестве закуски вместе с чашкой горячего бульона из осьминога.

Для японцев, например, нет более вкусного и лакомого кушанья, чем поджаренные в масле на углях ломтики осьминога. Зная повадку осьминогов охотиться ночью, а днём прятаться под камнями и в пещерках, японские рыбаки придумали особую снасть. Она состоит из верёвки с привязанными через определённые промежутки глиняными горшками и кринками, в которые осьминоги забираются днём. Рыбаки ежедневно поднимают эту снасть в лодку, и из горшков-капканов извлекают осьминогов. Когда добыча упирается и не хочет вылезать из ловушки, рыбак бросает в ловушку щепотку соли, и тогда упрямый моллюск немедленно покидает убежище.

На Кубе для ловли осьминогов, или, как их там называют, пульпо, на дно моря опускают связанные верёвкой раковины улитки стромбуса. За день примерно половина раковин становится жилищем осьминогов. Жители побережья Средиземного моря с давних пор на мелководьях, во время отлива, бьют осьминогов острогой, а из глубоких мест выманивают их яркими кусками материи.

Во Франции молодые осьминоги всегда славились лакомым кушаньем не только для высших слоёв населения, но составляли стол и простолюдинам. На набережной Ниццы, в прекрасные летние вечера, по утверждениям очевидцев, часто можно было увидеть нищих, на нехитрую снасть вылавливающих осьминогов, а производится эта ловля следующим образом: к бечёвке со свинцовым грузом прикрепляется кусок пробки, утыканный множеством крючков и сверху покрытый растрёпанным кусочком красного сукна. Бечёвку забрасывают, как можно дальше, и затем спокойно тянут к берегу. Осьминог бросается на сукно, и тогда бечёвку быстро дёргают, вследствие чего животное крепче насаживается на приманку. Такая охота не только очень добычлива, но и составляет одно из любимых развлечений обитателей всего морского побережья. Так как осьминог очень увёртлив и легко может ускользнуть из рук врага, то из предосторожности надо убивать пойманное животное тут же, на месте, и обыкновенные бродяги, якобы, сами прокусывают голову мелким осьминогам, а крупных убивают ножом.

Полинезийцы сушёных осьминогов вываривают в кокосовом молоке или пекут в листьях торо в земляной печи. А в Японии даже жарят на сковородке глаза и присоски осьминогов, и затем едят вместо орехов. Говорят, что по вкусу они и на самом деле похожи на орех.

В. К. Арсеньев, путешествуя по дальневосточному краю, попробовал однажды приготовленного китайцами жареного осьминога и нашёл, что вкусом он напоминает белые грибы. А вот Тур Хейердал, командор бессмертного «Кон-Тики», пишет, что головоногий моллюск по вкусу похож на помесь омара с резиной. Один специалист по кулинарным шедеврам рекомендовал даже класть осьминога на серебряное блюдо, полить бренди и зажечь, отчего головоногий становится непередаваемо вкусным!

У многих известных подводников в их книгах описывается охота на осьминогов с помощью ружья и гарпуна, даже ножа, но на деле опытные ныряльщики не пытаются убивать осьминогов, они не стреляют в них, а вылавливают голыми руками. Зная повадки осьминога и места его обитания, можно достаточно успешно действовать под водой, если соблюдены все меры предосторожности. Следует также не бояться осьминогов, воспринимая себя в их среде таким же подводным обитателем, способным даже поиграть с ними, затем ловко и уверенно хватая осьминога за колпачок, который прикрывает хрящевой череп, легко поддающийся разрыву. Можно ухватить осьминога и за щупальцу, когда он небольшой и глубина позволяет быстро подняться вместе с ним на поверхность. Наверху, в боте, товарищи помогут тебе отделить прилепившиеся к костюму присоски, правда, не без определённых усилий. Опасно связываться с осьминогом на глубине, с каменистым, насыщенным гротами грунтом, куда защищающийся осьминог способен затянуть своего обидчика, сорвать с него маску или вырвать изо рта загубник с лёгочным автоматом. Осьминог тогда превращается в «живой мешок», способный засосать в себя самого опытного ныряльщика.

Освободиться от прилипшего осьминога бесполезно, если пытаться хватать его за щупальца и мантию беспорядочно: сил для этого всё равно не хватит. Но если осторожно ухватиться за самый кончик щупальца и медленно потянуть в противоположную сторону, то можно легко его отодрать. Присоски в этом случае отделяются поочерёдно, одна за другой.

Одно из самых слабых мест осьминога – колпачок между глазами, за который можно сразу ухватиться одной рукой и тем самым на короткое время несколько обезоружить осьминога, другой при этом лучше всего удерживаться за какие-нибудь камни или выступы. Но всё это возможно проделывать при условии, что осьминог не крупный, не более полутора метров в длину вместе со щупальцами, в противном случае подводный пловец рискует быть захваченным осьминогом надолго, тогда как воздух в его баллонах может закончиться.

Есть и ещё очень простой способ освободиться от хватки осьминога и даже лишить жизни после того, как вы подняли его на поверхность… Нащупав в нижней части живота осьминога сумку, где находятся его

внутренние органы, следует неожиданно рвануть осьминога на себя - и животное, скорее всего, подастся, а это уже шанс, что вы успеете оторвать его щупальца от камня или вашего тела. Затем, если вам удалось оторвать осьминога, и вы устремились с ним наверх, ловким движением нужно быстро проникнуть несколькими пальцами в отверстие сумки и резким рывком вывернуть органы наружу, стараясь оторвать их напрочь. При этом необходимо обязательно убедиться, что вы захватили и жёсткий чернильный мешок, расположенный близ отверстия. Не следует забывать и о том, что даже когда осьминог потерял все действующие органы, щупальца его ещё долгое время продолжают действовать, намертво присасываясь ко всему, что им подворачивается.

Один знаменитый ныряльщик с островов Пилау охотился на осьминогов в гротах. Воткнув в животное гарпун, он его никогда не выдёргивал, так как осьминог цепляется щупальцами за стенки грота, и вытащить его невозможно. Ныряльщик обычно брал кусок коралла и начинал стучать по древку гарпуна. Колебание древка разрушает нервные узлы осьминога, его мускулы расслабляются, и он вялым комком отваливается от стены.

А вот какой хитроумный способ добывания со дна моря предметов искусства был изобретён японцами более ста лет назад с помощью осьминогов. В то время в Японском море затонула открытая лодка, нагруженная драгоценными вазами – собственностью императора, и он приказал водолазам спасти их. Ныряльщики, не имевшие никакого водолазного снаряжения, не могли добраться до лодки. Однако, боясь прогневать своего владыку, они стали думать, что же всё-таки можно сделать, и, в конце концов, нашли выход. Они поймали несколько осьминогов, привязали их к верёвке и спустили в затонувшую лодку. Эти головоногие, которые, как кошки, любят уютные места, конечно, забирались в вазы. Моряки дёргали верёвки, осьминоги расправляли щупальца, ещё более присасываясь к внутренним стенкам ваз, и после этого их вместе с вазами вытягивали на поверхность.

Не догадываясь о том, как использовали осьминогов японцы, или как ловили осьминогов китайцы, опуская под воду глиняные горшки, мы сами пришли к идее охотиться на осьминогов подобным образом, и употребили в качестве орудия лова … отрезок трубы. Привычка осьминогов забираться в разного рода пустые полости была подмечена нами после того, как однажды, из обнаруженной на дне автомобильной покрышки, мы извлекли на свет двух небольших осьминожков. А отрезок трубы, с помещёнными в ней в качестве приманки раздавленными морскими ежами, мы опускали на фале, неподалёку от берега, наверху устанавливая цветной буй, по которому легко было отыскать на следующий день место охоты на осьминогов. Любопытные головоногие, обычно, не заставляли себя долго ждать, и наш повар никогда не оставался без дела.

У Кусто в «Мире безмолвия» описан необычный способ добычи осьминогов на оливковую ветку и шест. Инициатором его оказался араб-рыбак, который срезал на берегу ветку с оливкового дерева и привязал её на конец длинной жерди. Затем он прошёл на пристань, опустил это устройство в воду и принялся крутить серебристые листья перед расщелиной в каменном устое. Засевший там осьминог принял листья за рыбок и схватил ветку своими длинными щупальцами. Араб выждал, когда спрут окончательно запутается, и вытянул его на пристань. Таким способом он выловил за двадцать минут тройку маленьких осьминогов.

На островах Гилберта, в Микронезии, местные жители охотятся на осьминогов с помощью человека-приманки. Охота у островитян ведётся вдвоём: один служит живой приманкой, другой должен в решающий момент убить осьминога, когда тот намертво присасывается к его приятелю. Эта мёртвая хватка подводного обитателя и становится, в конце концов, причиной его гибели.

Обнаружив животное, один из островитян ныряет со скалы в воду и подплывает к норе, где прячется осьминог. Иногда осьминог никак на это не реагирует, но чаще всего он сразу же выбрасывает щупальца, стараясь захватить добычу.

В то время, когда осьминог начинает подтаскивать жертву к скале, всё крепче сжимая её в смертельных объятиях, второй охотник тоже ныряет в воду, хватает сзади своего товарища и с силой отрывает его от скалы, а с ними осьминога. Осьминог ещё крепко обвивает свою жертву, но человек-приманка резким толчком ноги всплывает на поверхность и старается лечь на спину. Его приятель хватает сзади мягкую голову осьминога, рывком поворачивает её к себе и впивается зубами в межглазье. Смерть наступает молниеносно. Присоски постепенно отпускают жертву, щупальца опадают, и охотники беспрепятственно подплывают с добычей к берегу, водружают её на шест и отправляются на поиски следующего осьминога.

Вообще, львиная доля историй о том, что осьминоги представляют серьёзную опасность для ныряльщика – во многом весьма преувеличены. Не всегда, даже проплывая мимо осьминога, можно догадаться о его близком нахождении, потому, что обитатель скалистых мест умело прячется в камнях, используя под водой самые незначительные скалистые нагромождения. Большинство осьминогов, которых нам доводилось встречать под водой, не превышали четырёх-пяти футов в длину от макушки до кончиков щупалец, и они не могли оказать серьёзного сопротивления при их ловле. Как правило, всё поведение осьминога сводилось к тому, чтобы как можно меньше показываться подводному пловцу на глаза и быстрее укрыться в какой-нибудь щели. На худой конец – прилепиться к скале, поменяв окрас и притворившись безжизненным. Словом, всем своим поведением осьминог стремится убедить вас, что он не стоит внимания и готов убраться куда угодно, лишь бы его не беспокоили.

При непосредственном соприкосновении с осьминогом, он, конечно, постарается вас отпугнуть, но будет осуществлять свои действия миролюбиво. Меняясь в окраске, осьминог попытается придать себе грозный вид и начнёт извиваться, то и дело, раздувая своё тело. Стремясь показаться огромным, он будет то сжимать, сокращая свои щупальца, то выбрасывать их в стороны, как будто намеревается напасть. Его большие, округлые глаза при этом становятся ещё более округлыми и выпуклыми, в них, кажется, не умещается ничего кроме холодного кровожадного ужаса…

Два пустотелых отростка на его брюхе тоже раздуваются, вместе со всем телом, и меняются в окрасе. Глядя на них, становится ясно, что осьминог дошёл до точки, и вот-вот сорвётся с насиженного места, что делать ему вовсе не хочется. Может быть, осьминог только пообедал, а вы его потревожили, тогда, как он приготовился вздремнуть. Последнее, на что способен потревоженный в своей подводной обители осьминог, это – обдать вас чернильной струёй и с невероятной быстротой исчезнуть.

Подводные охотники Средиземноморья, например, вооружаются при добыче осьминога длинным древком, с прочно укреплённой на его конце столовой вилкой, но часто встречаясь при своей работе под водой с такими замечательными животными, и по-своему полюбив их, мне всегда как-то неловко было доставлять им боль и длительные мучения. Интереснее было выманить осьминога из его укрытия, перехитрить, и уже без особых трудностей для себя и самого осьминога поднять его на поверхность. Достаточно обладать терпением и знанием повадок этого животного.

Занятно просто играть с осьминогом, слегка поддразнивая его и не особо докучая, соблюдая при этом все меры предосторожности, и тогда тебя не покидает ощущение, что ты как будто поздоровался с ним за руку, ни в чём не уступая этому прекрасному животному и считая себя равным с ним в подводном мире.

Где лучше искать осьминога? Добывая по весне морского ежа и ламинарию вдоль юго-западного побережья Сахалина, легко было встретить этих занятных животных на небольших глубинах, неподалёку от берега. Осьминоги попадались порой прямо на чистом песчаном дне, свободном от каких-либо каменных нагромождений, и очень просто можно было догнать удирающего от тебя осьминога, когда ему некуда спрятаться.

Малейшее неосторожное движение с вашей стороны обычно вынуждает осьминога тотчас ретироваться, но иногда он проявляет удивительное спокойствие и невозмутимость, несмотря на то, что давно вас заметил. Порой мне даже начинало казаться, будто осьминог сам приглашает тебя к активным действиям, после чего, правда, он быстро возбуждался и стремился спрятаться или всё же поскорее улизнуть.

Когда осьминог смотрит на вас из-под нависшего скалистого уступа, кажется, будто он всё давно про тебя знает и ничего не предпринимает, надеясь, что ты всё же не доставишь ему хлопот и оставишь в покое.

Кончики его щупальцев мягко выкручиваются, вздымают маленькие облачка песка, но сам осьминог остаётся недвижим.

Мы ничуть не боялись ловить осьминогов руками, охотясь за ними во время своей подводной работы по добыче морских продуктов. Может быть, кому-то это занятие покажется неприятным, когда он представит себе слизкое, изгибающееся тело и щупальца осьминога с множеством присосок, но мы совершенно не обращали на это внимание. Осьминоги казались нам очень милыми и безобидными существами, несмотря на то, что были способны причинить назойливому ныряльщику вынужденный вред.

Если всё же случилось так, что осьминог оплёл вас своими хваткими щупальцами, а вы не желаете причинять ему боли – лучше какое-то время ничего не предпринимать и дать ему немножко успокоиться. Пытаться сразу отделаться от осьминога бесполезно, потому что хватка у него – каменная. Присоски, как живые кнопочки на музыкальном инструменте, постепенно расширяются, бегут и прилепляются так мгновенно и плотно, что даже не пытаешься от них освободиться. В первую очередь, поражает сила, с какой осьминог это делает. К голому телу осьминог присасывается так крепко, что отдирая присоски, подводный пловец рискует приобрести значительные шрамы…

Лучше охотиться на осьминога вдвоём, потому, что если ему удалось намертво обхватить вашу руку щупальцами, а у вас при этом осталось мало воздуха в баллонах, - одному справиться с сильным животным бывает не под силу. Никогда не стоит относиться к осьминогу с пренебрежением или презрительным превосходством: он этого не заслуживает. Осьминог имеет право на то, чтобы к нему относились с уважением, но что вызывает в вас уважение к этому необыкновенному головоногому?

В первую очередь, замечательно то, что осьминог не равнодушен к камням и ущельям, в которых может прятаться часами, так что ты его и не заметишь, и только по останкам добычи у входа в его обиталище без ошибки можно определить – где скрывается загадочный отшельник… Как правило, это – кучи раковин моллюсков, расколотые скелеты морских ежей или панцири крабов с разорванными клешнями, хотя в собственном домике осьминог – признанный чистюля.

Его склонность забираться в скалистые гроты и использовать камни для постройки своего домика заметили ещё Кусто с Дюма, когда обнаружили, что осьминог не только собирал стройматериал, но и соорудил каменную плиту на подпорках в качестве дверей. Трудно сказать, зачем он это делает, если можно найти пещерку в камнях… Вероятно, домики эти – временные, где осьминог находит для себя достаточно корма. Например, скопления моллюсков, которые осьминог очень любит.

Кажется, осьминога не зря называют царём подводной акватории, где он безнаказанно совершает набеги на мидиевые и устричные банки, парит свободно в своём сумрачном царстве и никто ему не помеха. На самом же деле осьминог совсем не является владыкой глубин, и выглядит скорее

осторожным животным, обычно предпочитая небольшие подводные терраски, где и устраивает свои домики, представляющие из себя нагромождение камней, которые он тщательно стаскивает со всей округи. К тому же, владелец домика всегда принимает надлежащие меры для спокойного пребывания в нём и камуфлируется так, что его совершенно не видно.

Осьминоги – большие хитрецы… Запасшись терпением и камнями, они подолгу дежурят у закрытой раковины, ожидая – когда она раскроется, после чего тотчас бросают внутрь камень… Створки уже не могут сомкнуться и осьминог без труда съедает моллюска. Эти действия осьминога, конечно, служат свидетельством его удивительной сообразительности.

Океанический аквариум в Брайтоне, например, приобрёл известность благодаря именно своей коллекции осьминогов, даже, скорее, в результате произошедшего с ними несчастного случая… Однажды ночью один из осьминогов отвернул клапан, выпустил всю воду, и к утру почти все осьминоги … погибли. Итог, конечно, плачевный, но это ли не доказательство ума необычного животного, его изобретательности?!

Ко всему прочему осьминоги и любопытны… Работая на добыче морского ежа у юго-западного побережья Сахалина, мы по две-три недели обследовали отдельные участки, посещая их каждый день, и осьминоги, обитающие здесь на мелководье, похоже, к нам привыкли. Завидев тебя, они уже не прятались в своё каменное укрытие, а даже приближались… Сначала неуверенно, потом всё смелее, подплывая зачастую вплотную, и осторожно протягивали щупальца, шевеля их кончиками, будто приветствуя.

Кстати, вкус пищи осьминоги распознают, в первую очередь, «руками», то есть – щупальцами… Вся внутренняя поверхность щупалец и каждая присоска участвуют в дегустации блюда. Чтобы узнать, соответствует ли его вкусу встреченный им на дне продукт, осьминог пробует его кончиками щупалец на ощупь, что со стороны выглядит очень изящно, словно осьминог прикасается к клавишам неведомого музыкального инструмента, ожидая услышать нечто чарующее…

Прячась в камнях, осьминог любит выставлять наружу одно-два щупальца, но не с целью оценить ситуацию, а будто только ради забавы, свидетельствующей о его доброжелательном расположении духа, и именно эти-то щупальца, бывает, часто подвергаются нападению хищников, или человек, завидя скрывающегося в укрытии осьминога, пытается вытащить его, ухватившись за них… Но осьминог, помимо всех своих заслуг, обладает ещё и искусством автотомии. Мышцы попавшего в плен щупальца мгновенно начинают сокращаться, и происходит это с такой силой, что оно само себя разрывает: щупальце отваливается и остаётся у хищника в качестве выкупа осьминогу за свою жизнь. Осьминог способен отбрасывать большую часть своей «руки», причём, может оторвать щупальце в любом месте, рана на вторые сутки полностью заживает и вместо утерянного начинает расти новое щупальце, через два-три месяца достигая первоначального размера.

Когда осьминог спокоен, он полностью сливается с окружающими камнями и водорослями, даже когда находится в движении. Если же его напугать, он бледнеет, а затем быстро покрывается багровыми пятнами, которые волной распространяются по всему его телу. Неотрывно наблюдая за переменами, которые происходят с осьминогом, постепенно начинает казаться, что это под его эластичной кожей играют мышцы.

Бывает, потревоженному осьминогу некуда скрыться и он распластывается на грунте, прижимаясь к нему так плотно, словно стремится в него внедриться. Глаза осьминога закрываются, видны только две щелочки, а сам он, будто в нерешительности, замирает. В таком положении животное подпускает к себе очень близко, и его можно, вы не поверите, погладить.

Осторожно поднеся руку к осьминогу, с некоторым недоверием взираешь на расслабленное и вялое тело, но чуть прикоснувшись, сразу ощутишь, как мощно сокращаются и распрямляются мышцы. Щупальца начинают загибаться, незлобиво виться вокруг твоей руки, и почему-то захочется почесать животное между глазами. Широко раскрыв их, осьминог, будто от удовольствия, опять зажмурится и на мгновение впадёт в прострацию, но тотчас встрепенётся, уже более настороженно ощупывая ладонь, запястье и, наконец, всю руку. В его движениях ещё присутствует некая нерешительность, он лишь осторожно обследует, изучает, чтобы в следующее мгновение со всею силою припасть к жертве своими присосками, скрутить её и может быть пустить в ход мощный клюв, расположенный над ротовым отверстием между восемью щупальцами. Всё дружелюбие осьминога молниеносно улетучивается, и теперь перед тобой – комок переливающейся энергии и силы.

Но, несмотря на эту силу, чаще всего, осьминогу удобнее ретироваться, совершив своё бегство эффектно, с резкими сокращениями мантии, являющей собой в этот момент подводные крылья. Осьминог мощно выталкивает воду из сифона и движется как ракета, какой-то идеальный морской снаряд, способный покрывать под водой любые расстояния, при этом неожиданно выбрасывая чернильное облако, повергающее противника в полную растерянность. Умение пускать «чернила» в глаза – одно из замечательных достижений природы, которым овладели осьминоги. В минуту крайней опасности из воронки осьминога вдруг вылетает струя чёрной жидкости, расплывающейся в воде густым облаком, и под прикрытием этой «чернильной завесы» моллюск уходит от погони, оставляя сбитого с толку врага в вынужденных потёмках. Причём, осьминог способен пользоваться своим оружием несколько раз подряд, а через полчаса уже полностью восстанавливает весь израсходованный запас чернил, как их очень точно называют.

И вот ещё что интересно: наблюдения учёных показали, что выброшенные осьминогами чернила растворяются не сразу, они несколько секунд висят в воде компактной тёмной каплей, пока на что-нибудь не наткнутся. Но самое поразительное, что форма капли напоминает очертания

выбросившего её животного! Хищник, вместо убегающей жертвы, хватает эту каплю – и сразу его окутывает тёмное облако, а осьминог, очень умело пользуясь этим, молниеносно растворяется в зарослях разнообразных водорослей, либо исчезает в первой попавшейся ему на пути скалистой расщелине. Даже заприметив место, где осьминог спрятался, будет уже очень нелегко выманить его оттуда.

Осьминоги, предпочитающие жить в одиночестве, плохо переносят общество даже своих сородичей. Встретившись, они нередко вступают между собой в ожесточённые схватки, сердито выбрасывая щупальца и стараясь нанести сопернику жестокую травму своим мощным клювом. Как будто осьминоги знают о себе какую-то страшную тайну, не переносят её при виде соплеменников, которые о ней своим появлением напоминают, и стараются поскорее забыться, устраняя их с пути. Побеждённый осьминог, если ему удаётся вырваться, часто лишаются одного, а то и нескольких щупалец, тело его покрывают многочисленные раны, и может быть, поэтому животные и предпочитают уединение, находя в нём истинную отраду.

Так, спрятавшись в какой-нибудь пещерке, среди камней, осьминог проводит большую часть жизни в полном довольствии, лишь изредка выбираясь из своего укрытия на охоту. Порой ему достаточно высунуть краешек светлого щупальца с чуть вздрагивающими присосками, и проплывающая мимо рыбка становится его лёгкой добычей. Рыбка трепещет, извивается, не в силах отлепиться, а осьминог хладнокровно взирает на неё остановившимися глазными яблоками с горизонтальными зрачками, в нём нет и тени беспокойства, и за маленьким эпизодом охоты следует мгновенное пиршество, после которого остатки лакомства выкидываются из логовища и хищник вновь устраивается в засаде.

Осязание для осьминога играет, наверное, наиважнейшую роль в его подводном существовании. Мало того, осьминог способен распознать с помощью него различные формы, а значит – склонен ориентироваться в любом лабиринте, быстро приобретая опыт и уже не совершая в дальнейшем ошибок. Осьминог нигде не пропадёт, в какой бы непредсказуемой ситуации он не оказался.

Ну, и уж всем хорошо известно, что осьминоги удивительно быстро и гармонично окрашиваются под цвет окружающей их местности. Цветовые оттенки могут быть самые разнообразные. Здесь уместно будет ещё раз вспомнить книгу английского писателя Джеймса Олдриджа «Подводная охота», где он описывает случай с пойманным им осьминогом, которого он положил на газетный лист для разделки: осьминог моментально изменил окраску, сделавшись полосатым, в белую и чёрную полоску!

По всему кожному покрову осьминога рассеяны звёздообразные ячейки, содержащие мельчайшие сумочки с пигментом. В каждой ячейке заключён пигмент одного цвета – красный, синий, желтый, чёрный или белый. Осьминог по желанию может наполнять свои клетки окраской, снимать её, так что тело становится почти невидимым, или непрерывно

менять цвет, подобно тому, как мерцают в небе весной цветовые волны зарницы.

Такая замечательная защитная окраска у осьминогов управляется их сложной нервной системой, имеющей ответвления, ведущей к каждой клеточке. Эта нервная система в сочетании с глазом, развитым не хуже человеческого, позволяет осьминогу мгновенно приспосабливаться к цвету дна, над которым он проплывает. Более того, она реагирует на настроение, переживаемое осьминогом, и может изменяться в мгновение, превращаясь из пурпурно-коричневого в чёрный, либо из белого в зелёный. Всё зависит от того – что ощущает в данный момент чуткое животное, и если осьминог спокоен, то он, наверняка, имеет серый невзрачный цвет.

Смена окраса – одна из самых замечательных способностей осьминога. Маскироваться и шокировать этим врагов, а за одно - и свою добычу, он настоящий мастак. Вдобавок, осьминог не только меняет окраску, но и структуру кожи, превращая её в колючую, например, как панцирь у краба, в точности воспроизводя его шипы… Распластается рядом с крабом, превратив часть своего тела в такого же ракообразного, и тихонько подобравшись щупальцами – схватит его и затянет в мантийную полость, в мгновение раздавив крепким клювом. Словом, осьминог – мастер мгновенных перевоплощений, способный затеряться на любом фоне.

Известно, что осьминог убивает и больших камчатских крабов, достигающих в диаметре, вместе с ногами, метра и более. Взгромоздившись им на панцирь, осьминог прокусывает его и впрыскивает туда яд. Вероятно, такой приём входит в боевой арсенал осьминога. Учитывая силу щупалец осьминога, ему, видимо, легче вскрывать панцирь краба как крышку, подцепив её снизу, самому находясь наверху. К тому же, сверху ему удобнее напасть на краба неожиданно, когда тот не успеет встать вертикально, выставив вперёд свои грозные клешни.

Наблюдая за тем, как осьминог лакомится мелкими крабами, невольно подумаешь о нём как о существе весьма деликатном, потому как совершает он свои действия степенно, не спеша отрывая одну за другой ножки у пойманного краба, чтобы выудить из них мясо. Другой бы морской хищник, наверное, не жеманничал подобным образом, не обставлял свой обед с такой основательной неторопливостью, а вмиг бы разодрал краба на части. Но осьминог иначе просто не может себя вести и, кажется, получает от этой неспешности удовольствие.

Правда, ночью, когда плотные слои планктона поднимаются к поверхности, чтобы поглотить свою порцию микроорганизмов, они привлекают за собой множество глубинных обитателей, в том числе – и осьминогов, превращая поверхностный слой в своеобразный морской суп, в котором животные просто преображаются. Тур Хейердал в середине своего путешествия на «Кон-Тики» через Тихий океан обратил внимание, что каждую ночь на палубу плота стали падать … осьминоги. Они выбрасывались из воды, словно реактивные снаряды, видимо, охотясь за

планктоном. Долго эта картина стояла у меня перед глазами, и я никак не мог себе представить довольно миролюбивых и спокойных животных летающими над водой, пусть даже в порыве охоты…

Поразительно и то, что у осьминога три сердца: одно гонит кровь по телу, а два других проталкивают её через жабры. Главное сердце бьётся 30-35 раз в минуту. У осьминога и кровь необычная, как уже упоминалось выше - она у головоногих голубая, ибо вместо гемоглобина, дающего красный цвет в сочетании с железом, она содержит гемоцианин, с медью в качестве металла. Медь и придаёт крови осьминога синеватый или голубоватый оттенок.

Ещё один интересный факт: глаза человека и осьминога очень похожи. Единственное небольшое отличие в том, что роговица у осьминога не сплошная, а с широким отверстием в центре, и установка зрения на разные дистанции у человека достигается изменением кривизны хрусталика, а у осьминога – удалением или приближением его к сетчатке. И ещё веки осьминога снабжены кольцевой мускулатурой и, закрывая глаз, они затягивают его словно занавеской.

Кстати, у гигантского спрута глаза величиной с небольшое колесо – сорок сантиметров в диаметре! Но спрутом, вероятнее всего, называют гигантского кальмара, обитающего на значительных глубинах, а никак ни осьминога. Хотя, по утверждениям опытных водолазов, долгое время проработавших в Японском море, им порой попадались внушительные экземпляры, достигающие в длину пяти метров… Это были гигантские осьминоги, вид – наиболее распространённый в водах Приморья, Южного Сахалина и Японии. Обычный его представитель – длиной до метра, весит около пяти килограммов, полутораметровый – где-то восемь-девять, а двухметровый тянет на все двадцать. И всё же: какова реальность существования очень крупных осьминогов, настоящих подводных чудищ, способных повергнуть одним своим видом?!

Описанная в «Тружениках моря» Виктором Гюго сцена борьбы осьминога с зашедшим в воду по пояс человеком, конечно, неправдоподобна, но иное дело – возможность встречи осьминога с водолазом, который неожиданно натолкнулся на большого осьминога, потревожив его без злого умысла, и тот обхватил его всеми щупальцами, которые очень жёсткие и мускулистые. Здесь недалеко и до паники, если человек внутренне не подготовлен к подобному столкновению, а ещё хуже, когда своими огромными щупальцами осьминог повреждает дыхательные шланги скафандра водолаза, находящегося на значительной глубине. Несомненно, такое единоборство может оказаться не в пользу человека, ведь осьминог в пылу защитной реакции способен причинить ему большие проблемы. Водолазу в этой ситуации следует оставаться удивительно хладнокровным, чтобы сохранить себе жизнь.

При работах по подъёму затонувших судов или ремонту портовых сооружений водолазы иногда действительно встречаются с осьминогами в их

временных жилищах. Необходимость завести трос или просверлить железо в том месте, где сидит осьминог, приводит водолаза к столкновению с ним. Осьминог, естественно, вступает в борьбу, думая, что его притесняют, и в такие моменты может быть очень агрессивным. Так может ли он на деле быть огромным, ну, хотя бы, очень большим?!

Истоки известности об удивительных животных-осьминогах уходят в глубокое прошлое. Не зря они обросли легендами одна другой ужасней, в которых описывались леденящие душу сцены, в которых осьминоги хватали зазевавшихся водолазов и высасывали присосками из них кровь. Бытовало и утверждение, что осьминоги нападают на шлюпки, а наиболее кровожадные даже выползают на берег, преследуя человека… Ясное дело, подобного рода страсти слагались из-за незнания, но были и не далеки от истины.

Достоверно известны добытые в Приморье осьминоги весом до 50 кг и длиной, как уже говорилось, до пяти метров. По словам же очевидцев, как правило - водолазов, они достигают 100 кг и более. Так, в 1986 году в заливе Петра Великого поймали гиганта, которого с трудом затолкали в водолазную рубаху – «трёхболтовку». А вот известный канадский водолаз Джок Мак Лин зарегистрировал осьминога весом около трёхсот килограммов и длиной порядка девяти метров. Что это: пустые вымыслы людей, пожелавших приукрасить специфику подводной работы и заодно набить себе цену?

Тут необходимо заметить, что гигантский осьминог отнюдь не эндемик вод Японии, то есть – животное, распространённое только в определённом географическом районе. Ареал этого вида, точнее – зона его обитания, тянется дальше на северо-восток вдоль Курильских островов, захватывая Восточную Камчатку, Командоры и Алеуты, и затем спускается на юг, охватывая побережье Северной Америки от Аляски до Калифорнии. Именно там вышеупомянутый Джок Мак Лин и натолкнулся на своего гигантского осьминога…

Дело в том, что большие осьминоги, конечно, предпочитают значительные глубины, и увидеть их неподалёку от берега, где в основном и производятся все водолазные работы, маловероятно, но два раза в год они подходят к берегу на глубины до 20-50 метров и способны образовывать там промысловые скопления. Происходит это в апреле-июне и в ноябре-январе. Во время второй миграции осуществляется спаривание, а через несколько месяцев, в мае-июле, самки нерестятся в прибрежных районах, самцы же держатся неподалёку. Вот когда, возможно, создаются те условия, при которых гигантский осьминог и человек сталкиваются нос к носу, и для обеих эта встреча, как правило, оказывается неожиданной.

Но всё-таки агрессивность гигантских осьминогов сильно преувеличена. В этом убеждены те, кто достаточно часто с ними встречался. Да и мне самому не раз приходилось быть свидетелем того, что животные всегда избегают конфликтов с человеком, стараясь благоразумно ретироваться. Правда, это были небольшие осьминоги, но вряд ли и у гигантских экземпляров со временем портится характер. Всё, что нужно

осьминогам – у них под боком, и они живут неизвестно сколько лет отшельниками в какой-нибудь пещере, постепенно превращаясь в многопудовые чудовища.

Только откровенно враждебные или очень неосторожные действия в отношении осьминогов могут вызвать неадекватную реакцию с их стороны. Но даже если осьминог, скорее – защищаясь, всё же, опутал вас своими щупальцами и вы почувствовали на себе их мощь, то самое разумное – не сопротивляться, и уж ни в коем случае не нападать! Лучше всего – замереть, попытавшись восстановить ровное дыхание, и осьминог вскоре ослабит хватку, ещё через какое-то время и вовсе потеряв к вам интерес. Надо помнить, что осьминог – очень сильное животное, и порой, сам того не желая, может стать опасным, удерживая человека под водой. Как бы вы ни старались, вам всё равно не сравниться с ним по мощи!

А есть среди осьминогов и карлики, помещающиеся в спичечном коробке. Обитающий в водах Индийского океана и у австралийского побережья осьминог из рода хапалохлена свободно может разместиться на ладони ребёнка, а весит он всего около 50 граммов. Тем не менее, рыбаки, ныряльщики и просто купающиеся в этих местах боятся этого малыша не меньше огромных хищных акул. Дело в том, что крохотный осьминог обладает весьма страшным оружием – сильнодействующим ядом, который пускает в ход в минуты опасности. Особенно страшно, что укус этого, пожалуй, единственного головоногого, способного убить человека своим ядом, почти не ощущается.

Вначале у жертвы начинается сильное головокружение, затем яд парализует нервную систему, и, наконец, наступает паралич органов дыхания. Только немедленное медицинское вмешательство может предотвратить беду. Правда, осьминог этот никогда не нападает первым и при опасности старается удрать.

Интересно, почему в нём тогда так много яда, когда сам он довольно маленький и не нападает первым? Да ещё и предпочитает побыстрее удрать… Наверное, этот осьминог – напоминание всем, как нужно ценить малое. Если ты не будешь этого понимать, жизнь обязательно напомнит о себе, однажды неожиданно тебя наказав.

Своеобразен осьминог и в продолжении рода… Во время размножения самец одним из щупалец достаёт из мантийной полости упакованную в трубочки сперму и осторожно переносит её в мантию самки. Точнее, струи воды выносят эти трубочки через воронку наружу, осьминог подхватывает их одной из своих «рук» и преподносит осьминожихе… Сплошное подводное благородство и участие!

Самка осьминога – очень заботливая мать! Высиживая яйца, напоминающие сочные гроздья винограда, она в течение многих недель голодает. Обычно самка ничего не ест и месяц, и два, и более, пока длится насиживание. Аскетизм этот вызван стремлением предохранить яйца от загрязнения, так как пищевые остатки могут привнести гнилостные бактерии,

способные оказаться гибельными для икры. Мало того, самка непрерывно, через небольшие интервалы, обдаёт икру струёй чистой воды, выпускаемой через воронку: благодаря этому личинки получают достаточное количество кислорода.

После икрометания и ухода за икринками, преодолев напряжение всех сил по продлению потомства, самки осьминогов погибают… Живут они всего один-два года, что очень немного для таких продвинутых подводных обитателей, которые способны решать сложные задачи. Наблюдая долгое время за осьминогами, я уверил себя в том, что для них не существует предела в совершенствовании!

Всё у осьминогов происходит как-то необычно, даже для подводного мира, и если уж их созревшие икринки напоминают благодатные виноградные лозы, вернее – кисти, подвешенные осьминожихой под сводами какого-нибудь таинственного подводного грота, то только что народившаяся икра представляется белоснежными тюльпанчиками, ласково покачивающимися на тоненьких стебельках, прикреплённым к камням. Осьминожиха бережно их охраняет, стережёт свой подводный сад, ни на минуту его не покидая. Вообще, осьминоги, действительно, очень умные существа, и потому, наверное, очень заботливые родители, отдающие на дань процветания удивительного мира природы свои не менее чудесные жизни.

Само строение тела осьминога идеально приспособлено к условиям его подводного существования, оно необыкновенно рационально, несмотря на видимую бесформенность и неловкость, которую он обретает на поверхности. Стоит осьминогу соскользнуть в водную толщу, как он мгновенно преображается, превратившись из безвольного существа в необычайно гармоничное и ловкое. Осьминог очень чутко реагирует на любое изменение рядом со своим обтекаемым телом, кажется, приобретая текучесть самой воды.

Осьминогов, конечно, трудно назвать красавцами… У этих головоногих - обрюзгшее тело, бугристая дряблая кожа, до которой далеко не каждый даже решится дотронуться, и нет, кажется, ничего, что бы соответствовало человеческому представлению о красоте, на какую способна, скажем, голубая улитка, изящная рыбка, воинственный краб или утончённый морской конёк, скрывающийся в подводных зарослях. И всё же, осьминог чаще всего вызывает именно симпатию, а когда понаблюдаешь за ним длительное время, достаточно хорошо познакомишься с его образом жизни, то и вовсе проникнешься его обаянием. В чём причина этого?

Наверное, в восприимчивости осьминога, в его умении быстро принимать решения и верно реагировать на создавшуюся ситуацию, в тонкости восприятия непростой подводной жизни, отчего он, должно быть, и ведёт по большей части отшельнический образ существования. Притягательна именно эта завораживающая замкнутость, и возможность осьминога перевоплощаться, и особенная способность быть ни на кого не похожим, заключая в себе эту обаятельную тайну необыкновенного

подводного жителя, призванного ещё и по-хорошему обескураживать. Осьминог – неподражаем, он удивительно гармоничен в своём самозабвенном нахождении в этом отрешённом царстве тишины и покоя.

Неторопливо, и в тоже время очень легко планирует осьминог над самым дном, чуть касаясь его кончиками щупалец, будто пританцовывая на цыпочках. Тело его очень гибко, оно послушно отзывается на малейшие изменения вокруг, и всё же, продвигаясь короткими, еле приметными толчками, осьминог, на первый взгляд, воспринимается неповоротливым животным. Глаза его неподвижны, и только зрачки открываются, округлившись, или суживаются до тонкой чёрной полоски. Со стороны осьминог представляется каким-то отрешённым существом, позабывшим причину своего нахождения в таком же отрешённом подводном царстве, но оно ему, кажется, уже давно по нутру, и он ничего не желает менять в своей полной загадок жизни. Так бы и плыл за осьминогом, зачарованный его плавными движениями, в надежде обрести вместе с ним великую тайну моря.

«ЗУБАТКА»

В повестях о подводном мире тропиков настоящим пиратом глубин всегда выступает мурена, в наших же дальневосточных водах её успешно заменяет зубатка. Люди, связанные с морем, неслучайно прозвали эту рыбу «волко-рыба», «морской волк» или просто – «рыба-собака», а среди подводников она именуется не иначе, как «мурена северных морей», и это не лишено основания. Зубатка – настоящий хищник!

Зубатка почти не отличается от своей широко известной хозяйки подводных глубин в тропиках, ибо повадки её сродни своей южной соплеменнице: зубатка, как будто, действительно стоит на страже каких-то неведомых подводных кладов. Всегда прячется в водорослях, и появляется так же неожиданно, как и исчезает, а оказавшись пойманной – хватает своими страшными челюстями всё без разбора. Не разобрать: защитная ли это реакция или агрессивность?! Зубатка в приступе ярости способна перехватить зубами хорошее прочное весло, и что уж при этом говорить о человеческой руке!

Но не одни лишь страшные зубы обеспечили этому «морскому волку» его грозное имя. Рыбаки издревле причисляли этой рыбе ещё и отчаянное бешенство, глаза её , по их утверждению, всегда, якобы, выражают нечто коварное, и будучи поймана, она остервенело мечется в сетях, стараясь разорвать их, кусает всякий предмет, который держат перед нею, словом, проявляет необыкновенное буйство. Рыбаки остерегаются брать её руками, но заметя, что злобное животное попало в сеть, тотчас хватаются за весло, чтобы поскорее заколотить её до смерти. В противном случае зубатка ещё полдня бьётся на дне лодки, так как она без особого вреда для себя может долгое время жить вне воды, сохраняя свою удивительную свирепость.

Среди подводных обитателей, как и среди людей, встречаются такие, которые часто проявляют боязливость, беспокойство, даже непоседливость, и именно эти качества делают их порой агрессивными, но порой сама природа, кажется, производит такое существо, один вид которого уже предназначен устрашать, не говоря про характер. Вот и внешность этой рыбы очень необычна, она и на рыбу-то не похожа – длинное, мягкое, колышущееся тело, впрочем, часто очень красиво окрашенное, имеет змеиную головку с оскаленными зубами и крохотными злобными глазками, а во всём облике – какая-то необъяснимая непредсказуемость, даже – затаенная угроза. Зубатка таится в укрытии, и неожиданно нападает, как только выдаётся случай. Кажется, вся её сущность нацелена на нападение: главное её оружие – решительный быстрый выпад, призванный именно повергнуть!

Не раз наблюдая эту рыбу, у меня сложилось мнение, что нападая, зубатка не подвержена панике, даже находясь в непосредственной близости от человека, но ей трудно отказать в подозрительности. Ощущая свою силу,

зубатка будто призвана природой постоянно её проявлять, кого бы это ни касалось. Перед человеком у зубатки определённо нет страха, поскольку она считает себя в своей среде неуязвимой. Мало того, зубатка, видимо, любит нападать, и её ничто при этом не пугает.

Обычно зубатка хоронится в густых зарослях водорослей, это – её излюбленное место. Всем своим существом она призвана к стремительному броску и сложно миновать её зубов, если ты, хотя бы и случайно, потревожил её в своём убежище. Зубатка, кажется, спит и видит, чтобы в кого-нибудь или во что-нибудь вцепиться, не взирая на размеры того, кто её потревожил. Но на самом деле зубатка, как и её тропическая соплеменница – мурена, редко нападает первой, если только её не потревожить. Раненная или чем-либо разъярённая – она смело атакует своего врага, и тогда её крепкие челюсти наносят подводному пловцу жестокие раны.

Если всё-таки зубатка вцепилась вам в руку, нужно попытаться нанести ей удар по голове, выше глаз, где у неё расположен мозг, и лучше это сделать ножом. Что же касается ядовитости зубов этого подводного хищника, то исследования не обнаружили у зубатки желез, выделяющих яд. Просто зубы этих рыб покрыты слоем грязи и слизи, содержащих болезнетворные микробы, к тому же, раны от укуса зубатки, сами по себе рваные, долго не заживают.

Словом, зубатка опасна, скорее всего, только в обороне. Убедившись в этом на практике, быстро привыкаешь к её присутствию рядом и не обращаешь особого внимания. Однако постоянно помнишь о силе её челюстей.

К слову сказать, мурены не так страшны, как принято о них думать. Известные австралийские фотографы-маринисты супруги Валери и Рон Тэйлоры, неутомимые исследователи подводного мира, в течение многих лет наблюдавшие за муренами, утверждают, что это довольно миролюбивые и совершенно беззлобные существа, склонные к играм, а если и атакуют, то только когда их к этому спровоцировали или напугали. Но ведь так поступает любое существо и на суше и под водой.

Зубатка же отличается именно кровожадностью, каким-то порой остервенелым поведением. Её жуткие корявые зубы не идут ни в какое сравнение с пастью мурены, которая хотя и держит её постоянно открытой, но не потому, что готова кого-нибудь ухватить, а просто – это её способ дышать. Зубатка – настоящее подводное чудище!

В Австралии существует клуб укушенных акулами… Как только в печати сообщается о нападении акулы на человека, клуб посылает жертве приглашение вступить в члены клуба, если, конечно, она осталась жива. Существуй на Сахалине клуб укушенных зубатками, я бы непременно стал его полноправным членом, ибо до сих пор ношу на себе следы её укуса.

Однажды зубатка вцепилась в мою руку, резко и быстро встряхивая её, будто это была тряпичная кукла, и словно разбудила от той задумчивой сосредоточенности, с которой я осуществлял подводную работу. Это

прозвучит странно, но я почему-то не почувствовал тогда боли, ощущая лишь онемение, и только позже, оказавшись наверху, осознал серьёзность раны: на левой руке, ниже локтевого сустава, обильно кровоточила рваная, величиной чуть ли не с кулак рана…

Известно, что начиная с июля до самой осени, у зубаток происходит нерест, вблизи берега. Самки откладывают икру в виде крупных шаров в какой-нибудь пещерке или зарослях водорослей, а самцы охраняют её. Период развития икринок длится два-три месяца, и всё это время самцы зубатки дежурят у них, не в силах покинуть. Видимо, именно на такого самца, находящегося на страже своего потомства, и натолкнулся я при добыче морской капусты, которую мы тогда добывали у берегов Южного Сахалина, и он бесстрашно ринулся на меня, невзирая на моё превосходство в размерах. За что же мне на него было сердиться?!

Оказавшись в густых зарослях капусты, немудрено было встретиться там с хищником, обитающим именно в таких местах. Я неоднократно наблюдал под водой, прямо перед собой, змеевидное, серовато-белое тело зубатки, покрытое чёрными полосами, и всегда удачно избегал с ней столкновения, замечая её заранее, но в этот раз всё-таки не разглядел спрятавшуюся в траве рыбу, за что поплатился изуродованной рукой и порванным неопреновым костюмом. Теперь я каждый день гляжу на шрам, и невольно вспоминаю море, Сахалин и свою зубатку, испытывая к ней за это благодарность.

Каких максимальных размеров достигает этот подводный хищник, сказать трудно, но, видимо, метровая длина для него далеко не предел. Однажды, при выборе трала на одном из научно-исследовательских судов, когда мы работали у острова Монерон, в улове была обнаружена зубатка, которую я держал на вытянутых вверх руках, а хвост её касался палубы. Я хорошо тогда рассмотрел пасть этого хищника, и помню, как поразили меня его зубы: грязноватые, неровные, с очень острыми краями, благодаря которым эта рыба и получила, вероятно, своё название.

Забравшись в самую гущу водорослей и высовывая наружу одну голову, поджидает зубатка свою жертву. Круглые, подёрнутые холодной голубой поволокой глаза её вглядываются во что-то пристально, даже злобно. Жаберные отверстия напряжённо пульсируют, изредка вздрагивают: всё в этой рыбе свидетельствует о стремлении напасть, причём, из засады, неожиданно, а усугубляет мрачный облик зубатки её мощная голова грязновато-серого цвета.

Зубатка привержена осёдлому образу жизни, она – домоседка, и редко покидает место своего обычного пребывания. Предпочитая скалистые расщелины или густые островки ламинарии вперемешку с ульвой и фукусами, зубатка, наверное, наслаждается своим неприметным образом жизни, в любой момент готовая кого-либо ухватить. Редко увидишь всё её змеевидное мощное тело, а когда неожиданно обнаружишь перед собой, поразишься, как она ловко передвигается волнообразными сильными

движениями. Сливаясь своей неопределённой окраской с такой же неясной подводной средой, зубатка всё время таится и зловещей морской тенью бесследно исчезает, чтобы появиться там, где её совсем не ждут.

«БЫЧОК»

Бычки – существа весьма миролюбивые. Во всяком случае, по отношению к нам, аквалангистам, они не проявляли какой-либо агрессии, когда мы постоянно сталкивались при работе с этими медлительными обитателями морского дна, хотя и приветливости с любопытством от них тоже не исходило. Скорее всего, им было глубоко всё равно наше близкое присутствие, и они, как можно долго, терпели его, но уж если мы переступали всякие допустимые границы, бычки с неудовольствием срывались с лёжки, впрочем, чаще всего, не отплывая и двух-трёх метров. С рук они у нас не ели, как этого можно добиться от многих рыб, но я сохранил о бычках самые трогательные воспоминания, изредка за ними наблюдал и даже забавлялся, играя.

Вся забава сводилась к одному: подплыв к какому-нибудь задремавшему бычку как можно ближе – щёлкнуть ему слегка по носу, или, наоборот, проявить неназойливое внимание, выражающееся, как правило, в нежном поглаживании лба или пощипывании плавников. Бычок почти всегда реагировал однозначно – страшно пугался и в мгновение исчезал, или грузно шлёпался в ил неподалёку, поднимая облако мути. Причём, происходило это очень смешно, что, собственно, нас и забавляло, и лишь в крайних случаях бычок отчего-то оставался на месте, настороженно или даже вопросительно взирая на тебя в ожидании твоих последующих действий.

Напуганный бычок обычно широко раскрывал свою пасть и страшно таращил круглые глаза. Такой его испуганный и, видимо, крайне недовольный вид никогда не пугал, несмотря на то, что некоторые бычки достигали в длину более метра, а наоборот – веселил. Бычок, таким образом, наверное, желал казаться более внушительным, и всем своим видом как бы говорил: «Это возмутительно!» Но такое поведение бычка всегда вызывало только улыбку.

Бычок, по своей натуре склонный к сладостной послеобеденной дрёме, видел в нас нарушителей своего спокойствия, мы были чужаками на его территории, но по миролюбивости характера он не предпринимал против нас никаких агрессивных действий. Однако его мощные челюсти и внушительных размеров пасть всё же порой изрядно смущали. Всё время не покидала мысль: а вдруг бычок, несмотря ни на что, возьмёт и заглотит твою руку? Даже, если эту пасть не украшали жуткие зубы, и она служила бычку только для того, чтобы удержать добычу в глотке, пока она не проглочена, всё-таки полной уверенности в своей безопасности у тебя не было. Но это и побуждало, как ни странно, завязать с ним игру…

А между тем, бычки не проявляют ни любопытства, ни дружелюбия. Они ведут под водой замкнутый образ жизни и, наверное, не желают выказывать какое-либо внимание или неудовольствие по отношению ко

всему, что их окружает. Кроме объекта для своей охоты, коими являются мелкие рыбёшки, рачки с червями и водоросли. Поохотившись, бычок обычно выбирает себе убежище, удобно устраивается в нём, и оставляет его, только достаточно проголодавшись. Лишь голод и более сильный обитатель морского дна могут вынудить бычка покинуть свои владения.

Иногда, если сильно досадить отдыхающему бычку, он, что случается увидеть крайне редко, не спешит ретироваться, наоборот – пытается устрашить нарушителя спокойствия! Причём, не своими внушительными размерами, которых порой достигает, ни страшно выпученными глазами или раскрытой пастью, а неожиданно выпущенным изо рта пузырём воздуха! Бычок прибегает к такому приёму явно осознанно, видно, как он готовится к этому, будто всем видом вразумляя противника удалиться.

Сначала по телу бычка пробегает мелкая дрожь, будто его охватывает лихорадка. Затем колыхание тела учащается, вздрагивание становится отрывистым, резким и завершается судорогой, сопровождающейся так же лихорадочно растворяемой пастью, из которой вдруг вырывается звук-пузырь: «Блюм-уокк-к!» В подводной тишине – это почти взрыв, устрашающе воздействующий на нападающего, своеобразное подводное оружие для рыбы, не способной иными способами прогнать недоброжелателя.

Завораживает в этом приёме сложность совершаемого действия: ведь легче было бы просто, взмахнув хвостом, исчезнуть! Но бычок, собравшись с духом, долго тужится, копит в себе напряжение и, на тебе, рявкнет! Именно так можно охарактеризовать совершаемое им действие. Глаза бычка при этом наливаются кровью, соловеют, затягиваясь плёнкой необычайно отрешённого возбуждения, и будто готовы вот-вот лопнуть!

Увидев хотя бы однажды перед самым лицом такую устрашающую рожу, почему-то сразу осознаёшь, что это не вспышка гнева, а именно оружие, не раз, видимо, опробованное и воспринимаемое самим бычком как нечто естественное, даже беззлобное. И ты вдруг понимаешь, что с бычком, будь для этого больше времени и собственного терпения, вполне возможно было бы найти общий язык, довольно легко убедив рыбу в своих добрых намерениях. Бычок уже не кажется таким тупым, каким ты привык воспринимать его во время постоянных погружений, и тебе хочется установить с ним приятельские отношения.

Однажды, находясь в добром расположении духа, я решил поиграть с одним бычком, который привлёк меня своим умиротворённым состоянием и внушительными размерами. Такого огромного бычка я ещё никогда не встречал! Бычок лежал прямо на открытом дне, слегка зарывшись в песок, и солнечные лучи, пронизывающие толщу воды, мягко освещали его тёмно-синюю мощную голову, толстые сизые губы и остановившиеся бледно-голубые глаза. Бычок уставился ими в одну точку, будто задумался или уснул, и я, проплывая мимо, захотел расшевелить его и понаблюдать – что бычок после этого предпримет?

Приблизившись к бычку вплотную, стараясь двигаться плавно, я осторожно протянул к нему руку - и погладил пальцем его лоб. Бычок даже ни шелохнулся. Может, не почувствовал моего прикосновения, а скорее всего - притворился, что ничего не замечает, выжидая – что последует дальше.

Обычно потревоженный чем-либо бычок, которого впору назвать быком из-за его неуклюжих и очень внушительных габаритов, на мгновение, как будто, уходит в себя, сжимается, иногда даже начинает казаться, что он зажмуривается, но в следующий миг - широко раскрывает пасть, глаза его мутнеют и, обернувшись вокруг себя, он молниеносно исчезает, подняв огромное облако взбаламученной донной смеси… Но мой бычок лежал смирно: хоть и торчат во все стороны иголки, обтянутые кожей, и губищи толстенные очерчивают огромный хищный рот, и глаза выкачены так жутко, будто на самом деле он тебя пугает, а не боишься этого подводного чудища!

Вскоре, осмелев, я стал уже поглаживать лоб бычка всей ладонью, и вдруг обнаружил, что бычку это нравится. Настороженно раскрытые глаза его медленно прикрываются, и я принимаюсь тихонечко щекотать его вздутые массивные щёки: бычок никак не реагирует. Тогда я пробую осторожно обхватить морду бычка обеими ладошками, и бычок принимается помахивать хвостом, а два его плавника по бокам переливаются мелкой дрожью.

И тут мне приходит в голову мысль покататься на бычке: пристроиться над ним сзади, как можно не навязчивее, но крепко ухватившись за его крепко сбитое туловище, и чтобы он непременно потянул за собой, как это обычно делают дельфины, когда возят на себе взрослых и детей. Стараясь не потревожить бычка, я заплыл к нему с обратной стороны, обхватил руками и, прижавшись грудью к его спине, сразу погрузился в непроницаемую тьму: бычок зарылся в грунт, а затем принялся судорожно изгибаться, поднимая тучи песка. Всё поплыло перед глазами, сначала ничего не было видно, но вот мы двинулись, и постепенно вокруг прорисовались очертания небольших островков зостеры, тёмно-коричневые трепанги на белом песке и, наконец, вздрагивающее тело самого бычка. Он, видимо, не понимал – что с ним происходит, отчего движения его были хаотичными, какими-то кривообразными, и я отцепился от бычка, после чего он мгновенно растворился в зеленовато-голубой водяной толще. Как-то сразу стало ясно, что бычок, несмотря на то, что он такой большущий, дельфина заменить не в силах, и я отступился, внутренне пожелав бычку долгой подводной жизни.

Бычки часто встречались нам во время проведения подводных работ по добыче морских продуктов, особенно много их попадалось в заливе Буссе, и всегда они вели себя очень доброжелательно, даже мило. Плывёшь над самым дном, собирая трепанг, и вдруг натыкаешься взглядом на чьи-то застывшие в подводных сумерках глаза, вызывающие интерес своей отрешённостью от всего. Бычки будто находятся в забытьи, когда мирно покоятся на дне, часто зарываясь по самые глаза в песок. Вид, вроде бы,

рассеянный, но в тоже время настороженный. Если же бычка потревожить, он, кажется, уплывает - сам не зная куда, чтобы, наверное, в скорости опять зарыться в грунт или улечься в какую-нибудь ямку, прикрытую водорослями.

Крупному бычку присуща некоторая леность, и объясняется она отсутствием врагов на небольшой глубине, обилием пищи и достаточно прогретой водой, видимо, располагающей бычков к сладостной дрёме. Такого бычка трудно согнать с облюбованного им места, для этого следовало приложить немалые усилия, но вот бычки поменьше, вспугнутые подводным пловцом, сильно взбаламучивали воду, тем самым сбивая нас с залежей трепанга, и приходилось порой длительное время кружить в поисках утерянной полянки с голотуриями, проклиная про себя этих непутёвых рыб. Все бычки воспринимались именно непутёвыми, будто позабывшими – для чего они существуют. Весь вид бычка чаще всего отображает в нём необъяснимое раздумье, в которое он надолго впадает.

Взгляд бычка также выражает некую заторможенность, пронизывающую тебя своим отрешённым холодом. Но вскоре до тебя доходит, что бычок не следит за тобой, а просто застывает в одном положении, причём, движения руки перед самым его носом даже не выводят бычка из странного оцепенения. Только дотронувшись до бычка, иной раз это необходимо сделать неоднократно, можно его расшевелить, после чего бычок очумело бросается в сторону и исчезает. Но надолго ли?

В скором времени ты натыкаешься точно на такого же бычка, может быть, даже на того самого, и в этом нет ничего необычного. Бычок вряд ли уплывает далеко, скорее всего, залегая где-нибудь неподалёку: у него нет причин беспокоиться, и он только сменяет место, чтобы избавиться от чьего-либо надоедливого присутствия. Скорее всего, бычок даже не понимает – что его потревожило, и в скором времени опять погружается в своё сладостное забытье, ничего и никого толком не воспринимая.

Да ему того и не надо, ибо нет, кажется, среди рыб более покойного обитателя, чем бычок. Он не вносит в жизнь подводного царства никакого смятения, если только его опять же конкретно не потревожить. Порой даже начинает казаться, что бычки с каким-то определённым намерением изображают из себя довольно покладистых актёров, в чём тоже сказывается их незлобивость, некое природное обаяние.

И всё-таки один бычок меня как-то сильно напугал… Морда его сразу показалась мне подозрительной, вернее, она выражала необъяснимые чувства. Первое впечатление, особенно в непривычной для тебя среде, обычно самое верное, но я не прислушался к внутреннему голосу. Холодный, остановившийся взгляд бледно-голубоватых глаз, выпяченная толстая нижняя губа, надувшиеся щёки могли смутить любое хладнокровие, если вы столкнулись с подобным чудищем нос к носу, да ещё впервые, но я уже имел достаточный опыт работы под водой, и грозный вид бычка меня не устрашил. Мало того, я решил поиграть с ним, и только потянулся к нему, чтобы погладить его большущий лоб, как бычок изогнулся, молниеносно,

чего раньше за ним не наблюдалось, разинул пасть, и заглотил руку чуть ли ни целиком, прихватив толстыми губами выше локтя…

Хотя рука моя и была облачена в толстую неопреновую перчатку, я тотчас испытал неприятное чувство от шероховатых внутренностей бычка. Рука будто очутилась в капкане, и я сразу ощутил тщётность собственных усилий, поскольку глотка бычка представляла настоящий наждак, где мелкие заострённые шипы располагались, как и зубы у щуки, под углом, вглубь его объёмной утробы. К тому же, бычок очень сильно сжал своими челюстями моё предплечье и, попытавшись высвободиться, я понял, что попал: такой мощи от обычно миролюбивого бычка я не ожидал. А бычок, как обезумевший, начал мотать головой, и не думая выпускать руку, подняв огромное облако ила, и эта борьба грозила сбить мне дыхание, чего никак нельзя было допустить. И тогда я свободной рукой изо всех сил ударил бычка по широкому скользкому лбу, после чего пасть неожиданно открылась. Больше уж я не допускал никаких вольностей по отношению к этим занятным рыбам, которые, конечно, не заслуживали подобного обращения.

Так ведут себя, в основном, крупные бычки, достигающие порой метра в длину при толщине туловища в хорошее дерево. Но вот маленькие бычки, которые ещё не достигли внушительных размеров и не обрели некую монументальную леность, очень вездесущи, и то и дело снуют над самым дном, чертят в воде невидимые зигзаги, а завидев в скалистом грунте укромные пещерки или расщелины, стремглав бросаются к ним и, совершив крутой полуоборот, влезают в них хвостом вперёд, так что из отверстия торчит только пучеглазая головка. Из своего укрытия бычки внимательно наблюдают за каждой проплывающей мимо рыбкой или движением аквалангиста, их зоркие, хотя и неподвижные глаза не упускают ни единой мелочи, а чуть что – они мгновенно исчезают, как будто их и не было. Совсем маленькие и юркие напоминают в такой момент кукушку в стенных часах, что беспрестанно выскакивает из своей норки-домика и прячется обратно, вместо призывной песенки выпуская в воду несколько серебристых пузырьков…

Не составляет труда поймать бычка на лесу, намотав её на палец. Не нужно никакого грузила и поплавка. Насадишь кусочек рыбьего мяса на крючок и закидывай в заросли колышущейся у берега морской капусты: мгновенно следует поклёвка! Может, конечно, попасться терпуг, камбала или краснопёрка, но чаще всего приманку хватает именно бычок: не успеешь закинуть – уже дёргает!

Ловля бычков не отличается сложностью потому, что бычок всеяден и не брезгует ничем: он легко и бесхитростно идёт на любую приманку, попадает в тралы и сети, плетёные корчажки, его без особого труда вылавливают даже руками, когда бычок покидает убежище под камнями…

Один из представителей этого рыбьего рода – бычок-подкаменщик, именно так и делает: он держится преимущественно на каменистом грунте,

часто на значительной глубине, где и лежит неподвижно на камнях или под ними, прижавшись всем телом и подкарауливая добычу. Когда добыча приблизится, бычок, быстро ударяя своими сильными круглыми плавниками, не слишком стремительно, но ловко подплывает к ней снизу и, открыв свою чудовищную пасть, погребает в ней животное почти такой же величины, как он сам. Прожорливость бычка удивительна, он проглатывает буквально всё съедобное: рыб, крабов, раковины, червей, и кроме того – всякие отбросы с кораблей.

Словом, бычок вездесущ и неприхотлив, отчего, наверное, все и воспринимают его за простофилю. Простое дело, конечно, не мудрёное, без затей, всякому оно доступно, и хотя никто и нигде собственно не охотится за этой ненавистной многим рыболовам добычей, бычок, однако, попадается в большом количестве помимо воли рыбаков, чем кого-то из них, порою, наверное, и радует. Мясо бычка нигде не считается вкусным, но вот печень ценится высоко, и потому эта невзрачная рыба употребляется в пищу знатоками морской кухни, которые не нахвалятся её целебной силой. Ко всему прочему, из печени бычка добывается превосходный жир…

Что же касается размеров головы этой необычной рыбы, составляющей самую значительную её часть, то причину этого следует искать опять же в ненасытности бычка, хватающего в свой широкий рот что попало… Для чего рыбе, не отличающейся ценностью мяса, такая большая голова, ко всему прочему украшенная многочисленными шипами? Разве ей стоит кого-то так бояться?!

Вероятно, только в большой голове может располагаться внушительная пасть, призванная хватать и глотать, не пропуская ни единой живности. Некоторые исследователи даже утверждают, что бычки не только пожирают всевозможную пищу, но и себе подобных: большие – меньших… Вот и называют бычков часто «головёшками» не из-за того, что они и длиной и окрасом напоминают потухшие в печи или костре головни, а потому что голова у них необычайно велика. Лежи себе в полусонном состоянии, разинув рот, да без особого труда хватай проплывающих мимо морских обитателей! При лености бычка огромная пасть для него – истинное спасение!

И ничего, что бычок не ценится в продаже и употребляется, скорее, как приманка на удочках: замечательно уже то, что он есть. Вроде бы, и не благородных кровей рыба, но значительна своим внешним видом и обаятельным поведением. Бытует даже мнение, что простой народ в России употреблял этих рыбок как хорошее противоядие от укусов гадюки, а высушенную голову бычка носили на шее как талисман. И головастый бычок, и губастый, и глядит косо исподлобья, и весь в колючих шипах и иголках, но как без него было бы скучно! Поживёшь, как говорится, на морском веку – поклонишься и бычку!

«МАСЛЮК»

В дальневосточных морях нередко попадается непохожий на других рыб маслюк, тело которого очень вытянуто, приплюснуто с боков, и более напоминает змею, нежели рыбу. Тем он, в первую очередь, и обращает на себя внимание. Держится маслюк по весне и в начале лета в прибрежных водах, преимущественно – в зостере или филлоспадиксе, иногда – в зарослях морской капусты, но предпочитает каменистые грунты, с расщелинами.

Маслюк ловок, быстр и, кажется, очень смышлён, ибо во всём его облике угадывается спокойная настороженность ничего не боящегося, но находящегося всегда настороже животного. Гладкой змейкой скользит он в толще воды, замирая там, где ему того захочется, либо когда подкрадывается к добыче. Плавные движения его гибкого тела завораживают, маслюк, будто, убаюкивает сознание, а затем молниеносно исчезает.

Но что странно, изредка он позволяет с собой поиграть, при этом – не прячется, не убегает, а ровно отдаётся на твою волю, стелясь под рукой изгибающимся вёртким телом и выделывая самые неописуемые коленца. Чуть коснёшься его гладкой спинки, и он даже не вздрогнет, будто подластится под твою руку, ожидая внимания, и ты уже более уверенно проведёшь ей по его масленой коже, норовя украдкой обхватить маслюка плотнее, пропустив его в сжатой ладони от головы до хвоста. Если маслюк позволяет подобное обращение, он вытягивается в струнку, но придя в себя – мгновенно собирается в пружинистый гладкий комочек и, распрямившись, тотчас исчезает в траве, правда, ненадолго…

При общей длине в тридцать-сорок сантиметров, под водой маслюк воспринимается чуть ли ни метровой рыбой, даже, скорее, змеёй, и когда неожиданно столкнёшься в зарослях водорослей с его изгибающимся длинным телом, то сначала напугаешься. Хотя полное имя этой рыбы и звучит как «маслюк обыкновенный», но несомненно, что правильнее было бы именовать её как «маслюк необыкновенный». При красивом ловком теле, своеобразном передвижении и повадках, маслюк, ко всему прочему, обладает замечательным окрасом, представляющим смешение ярко-красного, даже пурпурного цвета с жёлто-бурым, чёрным и белым. Когда маслюк изгибается и перекручивается вокруг себя, то переливается всеми цветами радуги, приобретая чудесную по тонам радужную облачность. Вдобавок, вдоль всей спины маслюка тянется плавник, включающий в себя несколько десятков лучей, которые окаймляют опаловые пятна… Маслюк не только необыкновенный, он – удивительный!

Несмотря на гибкое тело и неуловимость маслюка, его преследуют многие хищные рыбы, птицы и звери. Один из самых опасных врагов – зубатка, что обитает там же, где и маслюк, и весьма мало церемонится с ним; бакланы, которые держатся обычно на прибрежных камнях, ловко

выхватывают маслюка из воды во время отлива; чайки не пропустят возможности полакомиться доступной в эту пору рыбкой; песцы и лисы выбрасывают в малую воду извивающихся маслюков на берег, поедая их в большом количестве.

Человек же почти не употребляет маслюка в пищу, ибо рыба не велика в размерах, да и держится особняком, так что ловить её специально никто не будет, хотя мясо его и недурно на вкус. Если только маслюк попадётся случайно в трал, сеть или какое-либо прибрежное орудие лова, рассчитанное, скажем, на крабов… Рыбаки обычно пользуются маслюком, когда не находят лучшей приманки для больших рыб.

Легче всего поймать маслюков, когда отлив только начинается. Интересно наблюдать за ними в эту пору: все рыбы и другие подводные обитатели, за исключением многочисленных моллюсков и мелких крабиков, норовят ускользнуть на глубину, чего не сказать о маслюках. Течение в сторону моря усиливается, оно способно сбить с ног даже человека, а вёрткие рыбки изо всех сил рвутся на мелководье… Эти их устремления на первый взгляд покажутся странными, если не знать о любви маслюков скользить на беловатом брюхе по таким же, как и они, разноцветным камешкам, выхватывая из под них между делом попадающихся рачков и червей. По мере приближения прилива – выходи на берег, и обязательно увидишь красивых, с поблескивающими спинками рыбок, воспринимаемых как очередной маленький сюрприз моря.

Что ещё можно написать о маслюках? За время сильного отлива нередко случается увидеть, как маслюки, чаще, всё-таки, это небольшие рыбки, не только устремляются к берегу, но и затаиваются в маленьких лужицах, под камнями, по-видимому, не без удовольствия ожидая прилива. И могут находиться в таком положении довольно долго: маслюки легко переносят продолжительное отсутствие воды, хотя и не подвергают себя открытому сухому воздуху, стараясь добыть необходимую влагу. Имея скользкое, маслянистое тело, за что маслюк и получил своё название, его очень сложно поймать, даже когда он оказывается почти оголённым, на виду. Но даже если вы изловчились и всё-таки прихватили маслюка, удержать его в руках невероятно трудно. Маслюк рано или поздно всё равно вырвется, оставив на ладонях и одежде изрядную порцию слизи.

Извиваясь, скользят по каменистому и песчаному дну маслюки, напоминающие небольших змеек – полозов. У полоза и окраска очень схожая с такой же вёрткой подводной рыбкой, и повадки, и длина. Смотришь на маслюка, а вспоминается наш уральский лес, каменистые взгорья и россыпи, где в обилии обитают эти змеи…

И всё-таки, в отличие от таких же неповторимых змей, маслюк более подвижен, красив, можно даже сказать – элегантен. Его гибкое тело позволяет ему легко скрываться среди камней и слоёвищ морской капусты, так что порой и не отличишь: где пёстрая увёртливая рыбка, а где колышущийся пучок филлоспадикса или зостеры. Даже свою икру маслюк

норовит припрятать в пустые раковины двустворчатых моллюсков, и самка с самцом вместе её охраняют.

Не часто можно увидеть под водой маслюка… Скорее попадётся желтовато-пурпурная цианея с длинным шлейфом тонких фиолетовых щупалец, маленький шустрый осьминожек или стая голубовато-прозрачных медуз-крестовичков. В серо-зелёной дымке выплывают перед тобой красновато-бурые трепанги, тёмно-синие, с алыми пятнышками патирии, сиреневые амурские звёзды, и бог весть, что ещё приведётся встретить тебе под водой, пока вдруг не покажется между камней радужно окрашенный, изящно извивающийся маслюк…

И что любопытно: маслюк совершенно лишён страха. Подпустит близко, но не уплывает, а уляжется на камнях, свернувшись колечком, и приподнимет голову, как бесстрашная змейка. Можно взять его в руки, правда, он всё равно выскользнет: удержать маслюка сложно.

Сразу приходит на ум вопрос: в чём причина такой особенности маслюка, как гладкость? Вблизи дна северных морей всегда преобладают рыбы со змеевидным телом, имеющие мелкую чешую или лишённые её совсем, а всё дело в том, что чешуя рыб защищает их кожу от грибковых организмов и мелких паразитов. В тёплых водах опасность таких заражений велика, так как там на дне изобилуют подобные организмы, в холодных же водах количество их резко уменьшается и поэтому надобность в твёрдом покрытии у рыб снижается. Но вот почему маслюкам, имеющим достаточно врагов, не присуща осторожность, - для меня остаётся загадкой. Может быть, именно благодаря своей маслянистости?!

Однажды я коснулся такого маслюка голой рукой и очень удивился, что тело его не прохладно: оно было тёплое! И захотелось ещё дотронуться до рыбы, и я опять прикоснулся к её спинке, и мне это сошло гладко: маслюк только принялся играть, извиваться, прячась в камнях, будто выглядывая на меня из-за них. Отчего маслюк так гладок в отличие от других рыб, так масленист, думал я? Ведь живёт в одной и той же с ними среде, однако, до невероятности скользкий, юркий, хотя и не скажешь, что он достаточно быстр. Масляная рыбка, а для чего – неизвестно.

Видать, маслюку надобно там проскользнуть, куда другой морской обитатель и не сунется. Где же это? И почему, всё-таки, тело у него маслянистое, неухватное, готовое в любой момент выскользнуть, просочиться, словом, всех обойти, от любого хищника удрать, а появиться там, где его никто и не ожидает. Маслюк-маслюк, от чего ты масляный такой?

Так или иначе, а быть масляным, да ловким маслюку на руку. Гладок, как змея, но не гадок. Бог морской его таковым создал и дарованной рыбе маслянистостью её от чего-то, и кого-то оберёг. Чего тут скажешь, кроме того, что маслюку судьба быть гладким и увёртливым?! Скользок маслюк, вёрток как счастье, не ухватишь, но как говорится – жить вёртко, да помирать терпко.

«МОРСКОЙ КОНЁК»

У песчаных берегов живёт маленькая занятная рыбка – морской конёк, и его невозможно не узнать сразу. Держится конёк только там, где роскошная прибрежная растительность покрывает морское дно, так как между водорослями он отыскивает себе пищу, и, обернув свой цепкий хвост вокруг листьев зостеры, похож на задремавшую на привязи маленькую лошадку. Заросли морской травы – излюбленное место обитания этой необычной рыбки.

Мордочка у конька относительно короткая, маленький рот несколько открыт посередине, голова украшена бородатым хрящевидным отростком, а хвост усажен по краям иглами. Изогнутое туловище покрывают широкие щиточки, хвост – четыре плоских колечка и пучки нитей, и всё это – при общей пепельно-бурой окраске, которая при известном отражении света слегка отливает синим, зеленовато-жёлтым и красным цветом. В спинном плавнике конька насчитывается два десятка лучей, в грудном – чуть меньше, длина же тела колеблется между пятнадцатью и двадцатью сантиметрами: крохотная морская «лошадка»…

Помню первое впечатление, когда мне попался на глаза морской конёк. Он валялся неподалёку от прибойной полосы в камнях, уже порядком подсох и пах морем. Я очень удивился его будто выточенной фигурке: что-то шахматное угадывалось в нём, он был, как красивый деревянный конёк, загадочно замерший на игровой доске для того, чтобы в скором времени разгромить своих противников, но и присутствовало в нём нечто особенное, только морское. Изящно вздёрнутая головка, гордо выпяченная грудь, а лёгкие грациозные линии спинки и хвостика только добавляли ему изящества. Трудно сразу вообразить, что такая игрушечная морская «лошадка» способна ужиться в отчаянно бушующей водной стихии. Наверное, ей удаётся это из-за какой-то неведомой никому волшебной ловкости, даже прыткости, с которой она преодолевает буруны и волны.

И ведь что интересно – морской конёк удивительно напоминает сухопутное, всеми любимое животное, вместо быстрых ног обладающего упругим хвостиком, юрко передвигаясь с помощью него в совершенно непроницаемой толще водорослей. Чаще всего конёк встречается в комке водорослей, оказавшегося после шторма на берегу, в котором он застревает высохшим, ярко-золотистым силуэтом. Иногда попадаются коньки тёмно-красного, жёлтого и даже чёрного цвета, но всегда, любого из них, хочется взять в руки…

В море нет более странного существа, чем морской конёк. По внешнему виду и по образу действий он похож на что угодно, но только не на рыбу, а морской конёк – именно рыба! Голова конька напоминает лошадиную, волосики на макушке – гриву, вечно колышущиеся плавнички

по обе стороны головы можно принять за уши, гибкий и цепкий хвост – словно маленький хобот слона, мордочка и вытянутый носик с утолщением на конце – какая-то замысловатая морская дудочка, через которую волшебный стеклодув выдувает сказочно красивые сосуды, вращающиеся независимо друг от друга глаза – как драгоценные камешки… И всё это умещается в маленьком морском существе, которое ещё носит молодых коньков в сумке под хвостом!

Морской конёк поражает своими формами человека, только начавшего открывать для себя тайны подводного царства. И уж тем более эта странная рыбка радует детей, которые находят её на песчаном берегу, присаживаются рядом и с любопытством разглядывают. Тот, кто в первый раз увидит морского конька, непременно станет в тупик, не зная - куда причислить это странное животное, совершенно непохожее на рыбу.

Отсутствие хвостового плавника, как у других рыб, конечно, лишает конька быстрого передвижения, он почти недвижимо сидит в водорослях, зацепившись за них крючкообразным хвостом и высматривая добычу, которая, главным образом, состоит из маленьких, незаметных для невооружённого глаза ракообразных, но если ему приходится передвигаться, конёк, тем не менее, проявляет необыкновенную прыткость. С замечательным проворством бросается он на свою добычу, а овладев ей, опять замирает, быстро обмотавшись хвостом вокруг водоросли.

При плавании морской конёк всегда держится отвесно, чаще всё же проявляя медлительность. Благодаря своеобразному виду и заманчивости своей окраски, а также какой-то присущей ему торжественности движений, морской конёк служит украшением … аквариумов. Никакой другой пользы он, кажется, не приносит.

На первый взгляд морской конёк и сам не ведает – для чего он существует, такой маленький и неприметный в необъятных океанских просторах, но понаблюдав за ним – понимаешь: он – как намагниченная стрелочка компаса, повиснув в тёмно-синей водной толще, неспешно обозначает для подводных обитателей какие-то только им ведомые направления, и что удивительно – сознавая своё неприметное, но нужное назначение… Это хорошо видно по его чёткому, вернее даже – очень взвешенному поведению. При этом конёк не преисполнен какой-либо важности, он при всей своей горделивой и независимой «конной» осанке, в самом названии обозначенной, обаятелен и скромен, лишь неприхотливо исполняя природную миссию: удивлять и радовать, порой – совершенно зачаровывая.

Впрочем, в старину бытовало мнение, что если повесить морского конька на шею, то развивается … похоть. Кроме того, высушенное и истолчённое в порошок мясо его употребляли как лекарство против разных болезней, в том числе – от укусов бешеной собаки. Пепел этого животного, смешанный с лежалым салом и селитрою или с крепким уксусом, составляет хорошую мазь для лысых или для тех, у кого лезут волосы. Порошком

высушенного морского конька можно ещё успокоить боль в боку или покалывания, а употребление внутрь помогает тем, кто страдает недержанием мочи. Чего только не причислишь бесконечной на чудесные тайны морской стихии!

Кстати, в водах Австралии попадается вид, очень напоминающий морского конька, так называемый тряпичник, отличающийся от него лишь необыкновенным обилием разных отростков и придатков, которые болтаются по сторонам тела своеобразной рыбы точно лоскутья от платья, некоей неведомой морской одёжки. Благодаря этим болтающимся придаткам, животное издали необыкновенным образом напоминает морские растения, среди которых, в основном, и держится. Только постановка тела у тряпичника в воде не отвесная, как у конька, а наклонённая вперёд. В этой наклонённой позе тряпичник и есть настоящая морская «лошадка», постоянно развевающимися лоскутками создающая впечатление устремлённости её вперёд, к каким-то неведомым подводным целям. Но и конёк, и тряпичник в своём движении всё равно загадочно задумчивы.

Обычно встречаешь под водой только одного конька, зацепившегося хвостом за стебель морской травы и плавно покачивающегося в такт колышущимся зарослям водорослей, и отчего-то воспринимаешь коньков как одиноких, никогда не общающихся между собой животных. Да и на берегу тебе всегда попадается какой-нибудь одиноко завалявшийся в песке или запутавшийся в траве конёк… От всего этого подумаешь о коньках как о замкнутых в себе, таинственных существах, встречающихся, к тому же, реже других морских обитателей. Конёк, решаешь ты, предоставлен только самому себе, и отчего-то даже пожалеешь его.

Но однажды, проплывая вдоль самого края целого луга из филлоспадикса, я отчего-то поднял голову и на фоне светлеющей поверхности заметил, как два морских конька предаются замысловатому ухаживанию в виде танца, во время которого, по-видимому, это были самец и самка, кружили один вокруг другого, причём, совершая это попеременно. Они кружились вокруг друг друга и одновременно вокруг себя, чуть пританцовывая на месте, и выглядело это очень завораживающе, как какое-то подводное колдовство или заклинание, не несущее в себе ничего плохого.

Зачастую коньки перевиваются друг с другом хвостами, после чего принимаются дёргать и тянуть, чтобы распутаться. При этом они прикрепляются подбородком к водоросли, стараясь держаться как можно крепче. Глаза их двигаются, как у хамелеона, независимо друг от друга, и эта особенность их, вместе с изменчивостью цвета, сильно привлекает к ним внимание.

В завершение такого танца самка обычно откладывает несколько сотен кирпично-красных икринок в сумку самца, и он заботится о них до тех пор, пока они не проклюнутся. Сумка, в сущности, представляет собой матку, и икринки получают питание из крови самца. И именно отец должен испытывать «родовые муки». Так необычно происходят у морских коньков

свадьбы, медовый месяц и переживание счастливых во всех отношениях брачных уз, в которых конёк – мама, а его любимая «лошадка» - папа. Чудные морские существа – славные гонцы моря, радостно разносящие повсюду его глубинные вести и несгибаемую удаль!

И что ещё удивительно: в каком положении морской конёк находится в течение всей своей жизни, в таком – и умирает, долгое время не теряя загадочной привлекательности и не поддаваясь гниению. Поистине – морской василиск, в которого морской бог вдохнул частицу своего волшебства, призванного очаровывать и по-хорошему покорять.

Положишь такого конька на ладошку, и любуешься сходством неподражаемого морского мира с удивительной сушей. А ещё дивишься необыкновенной лёгкости конька, вернее – его невесомости, в тоже время заключающей в себе какую-то морскую необузданность, обаяние моря, которое оно зачем-то вложило в маленькую морскую «лошадку». Конёк, действительно, как будто скачет, играет в глубине моря, и любим мы его за то, что он напоминает нам любимого с детства сказочного «конька-горбунка»… У каждого, как говорится, свой конёк, а у меня – морской!

«КАМБАЛА»

Кто не знает камбалу?!

Камбала, пожалуй, чаще других рыб попадается аквалангисту под водой, и когда она неожиданно срывается со дна, на фоне которого была совершенно не отличима, то напоминает вспугнутую птицу: бесполезно пытаться её догнать… «Полёт» камбалы, вроде бы, не скорый, рыба будто преодолевает в себе какие-то сдерживающие её силы, изгибаясь всем телом и трепеща боковыми плавниками, и ты сначала попытаешься догнать рыбку, имеющую необычную форму, чтобы поиграть с ней. Рыбка начнёт ещё более извиваться, как змейка, и вдруг неожиданно устремится, продолжая парить надо дном невесомой мозаичной лепёшкой, и ты поймёшь, что камбалу тебе не достичь. В видимой доступности рыбы, её неповоротливости, скрыта необыкновенная лёгкость: кажется, что камбала не имеет веса.

Но самое привычное для себя пристанище камбала обнаруживает на дне, где с головой зарывается в песок. Бывает, на поверхности всё же торчат её настороженные глаза, да только разве разглядишь их среди разного рода осадочных отложений? Если камбалу слегка потревожить, и она ещё не ощущает особой опасности, то рыба только чуть обозначает свой силуэт, беспокойно поводя концами плавников, расположенных по краям своего округлого тела.

Камбала лежит, чутко улавливая любое движение вокруг, и как только опасность приближается, неожиданно срывается и лёгкими взмахами, амплитуда которых постепенно увеличивается, перемещается на несколько метров, окутанная облаком осадочных пород. Камбала никогда не поднимается высоко, а приземляется немного поодаль и потом снова удирает. Так, небольшими скачками, она может передвигаться достаточно долго, пока не обретает покой, и тогда вновь закапывается в донный грунт. Камбала – донная рыба и её невозможно представить парящей в толще воды, как селёдку или терпуга.

Пёстрое дно благоприятствует маскировке этой рыбы и, чаще всего, камбалу невозможно разглядеть, когда она находится в засаде или просто желает вздремнуть. Свой защитный камуфляж она обретает в зависимости от цвета дна и окружающей её обстановки, принимая окраску ила, песка или скал, облепленных моллюсками. Порой камбала сама способна менять раскраску, и встречаются такие красивые виды, что их начинаешь воспринимать как удачно раскрашенные тарелки или даже блюда.

Когда, в часы отлива море отступает от кромки берега, в лужицах, между камней, остаются маленькие плоские камбалы, которые не успели улизнуть. Для маскировки они немного заиливаются и закапываются в песочек, так что виден лишь бугорок в воде. Даже на берег выбираются, а назад вернуться не могут. Чем это вызвано? Трудно сказать…

В этих лужицах камбалы оказываются для всех лёгкой добычей. Мы ходили в отлив с палочками, на конце с гвоздём, и накалывали их, бросая в сумку, висящую на плече. Если камбала пыталась удрать – можно было слегка наступить на неё ногой, чуточку попридержав, а когда ты брал изгибающуюся рыбку в руки, она неожиданно замирала, будто теряя в себе жизнь. Но стоило бросить её в отливающую от берега воду, и камбала тотчас оживала, мгновенно прижимаясь к оголяющемуся дну и принимая его окраску.

Совсем малюсенькие камбалы напоминали при этом живые разноцветные монетки, имеющие разную ценность, но, тем не менее, каждая сохраняла свою бесценность. Сделаешь шаг, и брызнут в стороны будто рассыпавшиеся весёлые денежки, составляющие богатство моря… Залюбуешься им, конечно, неизвестно чему обрадуешься, и опять подумаешь о своём неслучайном пребывании рядом с родной стихией, дарящей тебе силы, знания и счастье.

Японцы, не представляющие своей жизни без моря, ловят камбал без всяких приспособлений… В лунные ночи, когда рыба, как завороженная, выбирается на мелководье, крестьяне с корзинами забредают по колено в воду, и время от времени приподнимаются на цыпочках: какая-нибудь мелкая камбалка обязательно сунется под пятки, видимо, привлекаемая образовавшейся тенью, и следует только быстро опуститься на все ступни, прижав рыбу ко дну, после чего она летит в корзину. За ночь можно наполнить её рыбой почти с верхом, а камбала всё подлазит и подлазит под пятки, приятно щекоча их своими трепетными крылышками.

Камбала необычна во всём: в своём поведении – то игривом, то отрешённо затаивающимся; в форме постоянно изгибающегося тела, за которое рыбаки называют её «морским языком»; в том, как камбала умело меняет окраску, и, наконец, в расположении глаз. Многие считают, что камбалы – одноглазые, но это не так: камбалы, как и все рыбы, имеют два глаза…

Дело в том, что молодые камбалы плавают прямо и имеют, как обыкновенные рыбы, по глазу с каждой стороны головы. Однако вскоре они начинают наклоняться в ту или другую сторону. Одновременно глаз, упирающийся в дно, перемещается с одной части головы на другую, пока не оказывается возле второго глаза. Рыба всё больше времени находится на одном боку, плавательный пузырь у неё исчезает, и она совсем опускается на дно. Лишённая теперь глаз нижняя сторона становится бледной, и верхняя приобретает окраску в тон грунту, на котором лежит рыба. Все эти превращения происходят в течение первых 6-12 недель жизни, когда камбала не достигает в длину и трёх сантиметров. Повторяется порядок изменений, которые претерпевали предки камбалы во время эволюционного развития, длившегося миллионы лет.

Но, несмотря на сдвинутые глаза, тело у камбалы удивительно симметрично, оно не нарушено никакими искривлениями, сужениями или

утолщениями. Камбала обладает идеальной ромбовидной формой, призванной свободно пронизывать водную толщу, паря в ней. Вот-вот, кажется, сольётся с водой, перетекая в неё трепещущим серо-голубым облачком, совершенно растворившись. Также неуловимо камбала и ускользает от тебя под водой, стоит только к ней приблизиться: заструится нежным невесомым островком, и – будто её и не было. Плавая при помощи колебательных движений своих длинных боковых плавников, камбала – как сама морская волна, плавно набегающая на берег и стекающая с него.

Работая под водой, никогда не упустишь случая поиграть с этой симпатичной рыбкой. Плывёшь над каким-нибудь песчаным участком дна, где чаще всего встречается камбала, и то там, то здесь поднимаются мутноватые вихри песка: это плоские рыбки, совершая волнообразные движения плавниками, выбиваются из грунта. Точно так же, подрагивая всем телом и боковыми плавниками, обрамляющими их овальное тело, они и закапываются, забрасывая себя сверху песком. На поверхности остаются только глаза и рот рыбы, так что различишь камбалу, лишь, когда подплывёшь к ней чуть ли не вплотную…

Камбала очень чутко улавливает малейшее колебание воды, и не всегда тебе удаётся дотронуться до её спинки. Но иногда она как будто засыпает, ничего не воспринимая, и ты можешь погладить её, после чего камбала только переметнётся на небольшое расстояние и опять уляжется на песок, чуть подрагивая хвостом. Ухватив рыбку обеими руками, слегка зажав между ладоней, переворачиваешь её вверх белоснежным гладким животом, белизна которого неожиданно поразит своей нежностью, и подбрасываешь: камбала, как птица, затрепещет всем телом, замечется в поисках спасительного дна, а обнаружив его – стремительно бросается прочь, стараясь по пути свернуть в густые заросли водорослей, или скрыться между камнями… Смотришь ей вслед - и сердце, как и рыбка, радостно затрепещет в груди, так что отчего-то забудешь: где ты и чем здесь занят…

… Всё поглотит собой слияние с удивительной стихией, где всякому её обитателю найдётся необходимое для жизни пространство. Даже – человеку, с его неугасимым желанием превращать мечты в реальность, после чего свет совершенства рано или поздно озарит его, и все морские обитатели станут для него по-настоящему родными.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ «К У Р И Л Ы»

«ОСТРОВА»

По поводу названия Курильских островов существовало много споров, но все они сводятся, в общем-то, к двум противоположным мнениям. Кругосветный мореплаватель В. М. Головнин был убеждён, что первые русские землепроходцы назвали их «Курилами» по дымящим или «курящимся» вулканам, а жители островов – айны, по этой причине получили название «курильцев». Однако русские учёные – Крашенинников, Штеллер, Миллер, Шренк и Берг утверждали, что это название островов происходит от самого населения Курил.

В одном был прав Василий Михайлович Головнин – айны и курильцы не два единоплемённых народа, а один и тот же. По словам Л. С. Берга, на языке айнов «кур» или «куру» - означает человек. Камчадалы-ительмены называли население Курильского архипелага «кужи», что переводится как «живущие на юге». По указанию же академика Шренка обитающие на Сахалине и в низовьях Амура гиляки называли айнов «куги». Таким образом, по мнению Л. С. Берга, установившееся с лёгкой руки Василия Михайловича Головнина мнение о том, что «Курильские острова» прозваны так за «курящиеся вулканы», неправильно, они несут своё имя от населяющего их народа – курильцев, то есть – айнов.

К тому же, почти все острова Курильской гряды, в соответствии с установившейся в русской картографии номенклатурой, носят айнские названия, то есть – данные им «курильцами», «курилами»: Шикотан, Кунашир, Итуруп, Уруп, Симушир, Чирпой, Шиашкотан, Онекотан, Парамушир, Шумшу, и многие другие. И лишь некоторые из них – наши, русские: Чёрные братья, Ловушки, Атласова, Полонского, Зелёный, Танфильева и Анучина. По японски Курильские острова – «тисима рэтто», в переводе – архипелаг тысячи островов, что на самом деле далеко от истины, и применимо, скорее, к самой Японии, включающей собственно Японские или Большие острова – Хоккайдо, Хонсю, Сикоку, Кюсю, острова Рюкю или Нансей и свыше 900 небольших островков, общая площадь которых составляет около четырёхсот тысяч квадратных километров. Самих же Курил насчитывается всего 56, из которых – тридцать более или менее значительные, и ещё целый рой мелких скал, островков и рифов. Все они рассыпаны вокруг и вдоль гряды, чётко очерчивающей изящный островной изгиб, протянувшийся с юго-запада на северо-восток.

Океан будто оберегает эти острова, иногда даже кажется, что он с ними играет, не зная, куда девать свою силу. А то начинает отчего-то сердиться, бушевать, но вскоре успокаивается и опять заигрывает, обнимает со всех сторон, словно они - его дети, которым он время от времени дарит игрушки, выбрасывая на берег красивые водоросли, причудливую медузу, либо загадочную раковину. Океан, явно, любит острова, и, кажется, не представляет без них своего существования.

Когда я слышу или читаю названия - Чиринкотан, Кунашир, Итуруп или Матуа, я уношусь в далёкую и несравнимую ни с какими другими краями страну. Имя которой – Курильские острова… Меня так не прельщают даже тропические острова, какие-нибудь Каролинские, Маршаловы, Туамоту, или острова Кука, Санта-Крус, Фиджи и Новые Гебриды. Курилы – нечто особенное по климату и географическому расположению, какому-то внутреннему, очень глубокому содержанию. Тот, кто хотя бы раз побывал в этом неподражаемом мире, не забудет его никогда. Неизмеримо богата и красива эта суровая земля, и именно в этом сочетании красоты и силы – прелесть Курильских островов.

Для кого-то Курильская гряда – это просто цепочка островов, протянувшихся с северо-востока на юго-запад от мыса Лопатка до Японского архипелага, кто-то отметит в ней нитку жемчужного ожерелья или огромную рыбину, напоминающую неутомимую кету, направляющуюся на нерест… Иные же готовы углядеть в строгой островной линии обнажённую саблю самурая, готовую к стремительному взмаху… А если взглянуть на них сверху, острова напоминают цепочку кораблей, выстроившихся, друг за другом, в кильватерную колонку. Что они несут в себе, к чему ведут, чего желают?!

В таком чудесном краю, среди бескрайней сини океана и таинственных островов никак не обойтись без воображения. Всё, что открывается здесь взору – поражает необычностью и величавой красотой. Попав сюда однажды – уже не хочется покидать этот край никогда, и если вдалеке, у горизонта, загадочно вырисовываются в лучах восходящего или заходящего солнца силуэты далёких и безлюдных Курильских островов, они необыкновенно зачаровывают твой взор. Острова манят чем-то необъяснимым, зовут идти ещё дальше, в необъятный Тихий океан, и ты переживаешь в сердце благодарность ему за то, что он однажды их породил.

На первый взгляд, кажется, что природа здесь, словно, ещё не решила – что же делать с этой землёй: или оставить такой, какой она получилась изначально, или всё переделать заново? Может быть, погасить вулканы, срезать скалы, разровнять горы и покрыть их лесами и лугами? Нет, со временем понимаешь: этот мир тем и хорош, что он именно такой, какой есть! На любом из Курильских островов у меня создавалось впечатление, будто мы являемся их первооткрывателями – такой покой и первозданность царили вокруг.

Каждый остров – нечто особенное, неповторимое, что сотворила природа в результате вулканического извержения, да не одного… Многие из островов – сами вулканы. Величественно дышат дымом таинственные конусы, у подножий которых шумит океанский прибой.

Курилы именно завораживают своей загадочностью. С моря вид у них суровый: небольшие острова похожи на готические соборы, а скалистые громады больших, протяжённостью в несколько десятков километров, напоминают сказочных великанов… Но острова – только вершины

погружённого в океан грандиозного Курильского хребта, отделяющего Охотское море от Тихого океана.

Склоны его очень крутые и достигают 20-30 градусов. К северу от Курильской гряды, к примеру, находится глубоководная впадина Охотского моря с ровным дном на глубине до 3374 метров, а приблизительно в 180 км к юго-востоку от пролива Фриза, разделяющего острова Итуруп и Уруп, зарегистрирована наибольшая глубина в этом регионе – 10382 метра, названная глубиной «Витязя». Здесь расположена третья из самых глубоких впадин земли – Курило-Камчатская.

Когда судно проходит над ней, и ты видишь, как вырисовывается на эхолоте узкая, клинообразно сужающаяся вниз щель, то дух захватывает. На севере Курило-Камчатская впадина подходит к Алеутской, а на юге – к Японской. Трудно вообразить себе эту необозримую водную толщу, полную неведомой жизни!

Страшно даже подумать, как там всё, в глубинной темноте, устроено, где никто никогда не бывал! Нелегко представлять эту глубину, но отчего-то до жути сладостно погружаться туда в воображении. Глубина неизмеримо тёмная, подавляющая своей непроглядной чернотой, и всё же живая и почему-то родная. Подводные скалы уходят вниз громоздкими валами, и валы эти нескончаемы… Некая древняя пирамида, оказавшаяся под водой, будто по ней кому-то зачем-то суждено спуститься в неведомую глубину.

Японские географы до 1945 года насчитали на всей Курильской гряде лишь 18 действующих вулканов, советские же экспедиции, сразу после войны, удвоили это число. Оказалось, что на островах находится более сотни вулканов, а действуют – сорок один. Большинство из них дымится сейчас, некоторые, вроде бы, притихли, но известно, что они извергались совсем недавно, до этого также долгое время не проявляя никаких признаков жизни.

Не все курильские конусы курятся вершинами, прямо из кратеров, и не все испускают горячие газы явно. Есть вулканы, что «покуривают» исподтишка. Их кратеры плотно забиты лавовыми пробками, и горячие газы находят себе выход через расселины в склонах или даже в подножиях конусов. Из этих трещин неистощимыми струями бьют горячие пары серы, которые, окисляясь, оседают на окружающих камнях чистым самородным «золотом», порой образуя столбы очень причудливой формы.

Такое месторождение серы нам удалось увидеть в кратере вулкана Эбеко на Парамушире, где серные столбы достигали в высоту трёх метров. Подобное же посчастливилось встретить в кальдере действующего вулкана Головнина на юге Кунашира, напоминающего каску кайзеровского солдата, и в кратере вулкана Берутарубе на Итурупе. Ослепительно-жёлтый цвет этих выходов поражает неожиданной яркостью и многочисленными серебристо-искрящимися вкраплениями. Какую необыкновенную чистоту дарит из своих недр щедрая курильская природа!

На Курилах можно встретить вулканы самых различных форм, но преобладают правильные или усечённые конусы и купола. Склоны вулканов

– прямые или вогнутые, в верхней части они, как правило, крутые. Самый высокий из таких вулканов – Алаид, его конус с усечённой вершиной возвышается над уровнем моря на 2334 метра.

Часто встречаются и нагорья, образованные основаниями нескольких вулканов, сближенных между собой. На всех островах широко распространены застывшие лавы, которые образовали особенный макрорельеф. Местами вулканический пепел неоднократно погребал почвенные горизонты, в силу чего образовалась своеобразная слоистость в строении почвенного покрова островов, так называемые террасы, имеющие уклон в сторону береговой линии, которая на большинстве островов представляет тип низинного, выровненного песчаного пляжа, и только изредка прерывается склонами гор и прибрежными рифами.

Вообще, курильский пейзаж так необыкновенно завораживает, что тотчас просится на бумагу. Есть в нём нечто от тропиков, некая пышность, неповторимость неожиданных береговых линий… Даже цвет и запах здесь - особенные, южные, но ты знаешь, что до настоящего юга отсюда далеко.

Курильский пейзаж построен по принципу неожиданного слияния явных несовместимостей… Как в зоопарке, где собраны звери и птицы со всего света, на воле явно не ужившиеся бы вместе, но здесь вполне сносно соседствующие. Этакая казуистика и магия в чистом виде, что и очаровывает в Курилах. Этого не может быть, но оно есть.

Прелесть слияния несовместимого на Курилах, прежде всего, проявляется в береговой линии, в которой неожиданно сочетаются самые невероятные взлёты и падения: совершенно отвесные, до сотни метров высоты скалы, увитые всевозможными лианами, и ровненькие, покрытые многочисленными травами, ягодниками и цветами низины; грозные горные вершины, шапками под облака, и километровые плато; непроходимые, густо заросшие распадки с огромными яркими бабочками и совершенно бесцветные голые камни, безрадостно сменяющие друг друга на протяжении целых милей нескончаемой прибрежной полосы… А какие тут попадаются лагуны! Таинственные и дикие в своей первозданности, тишина их, кажется, никогда не была потревожена, а чистота и ясность воды просто божественная.

Век бы скользил взглядом по этим заветным местам и не останавливался. Есть в них нечто, непонятно зачаровывающее, чего, скажем, в той же, неподалёку располагающейся Японии, не наблюдается. Необъяснимое волшебство рельефа, красок и некоей бездонности приморской тишины, так часто встречающейся только на Дальнем Востоке, присуще именно Курилам.

На Курилах меня поразила доступность невиданного, чего не передать словами: оно встречается здесь на каждом шагу. Например, я долго не мог привыкнуть к тому, что побывав утром на берегу Охотского моря, к вечеру, или даже к обеду можно оказаться на тихоокеанской стороне. Каких-нибудь десять-двенадцать километров, а то и пять-шесть – и уже гремит прибой

океана, а не моря. Так легко, свободно ты можешь менять свои впечатления об острове, и при этом тебе никто и ничто не мешает! Курилы – почти необжитые острова, и это придаёт им особую неповторимость.

Ещё одно своеобразие курильской природы – незабываемый, какой-то диковинный лес охотского побережья. Очаровывают его зеленеющие склоны, усыпанные нежно-оранжевыми и лиловыми ирисами, таинственные бухты, скалы, и по-южному солнечное синее небо, сливающееся на горизонте с таким же ясным, даже ласковым морем… Поражённый, недоумеваешь: действительно ли ты на суровом Дальнем Востоке?

Вся природа здесь, особенно осенью, играет яркими красками, и покажи цветные слайды здешних мест несведущему человеку, как он, не задумываясь, назовёт увиденное «Крымом». Только опытный глаз отличит присущую Дальнему Востоку жёсткость, которая, между тем, мягка; отрешённость, что на самом деле лишь приглашение к обретению новых знаний; упругость горных линий и диковинные цветовые пятна; всю дикую необъяснимую устремлённость курильской природы к чему-то тёплому, раздольному, в то же время не способную именно здесь быть размытой, расслабленной… Отсюда - и сочетание, казалось бы, не сочетаемого: кедровый стланик покрывает крутолобые сопки рядом со строевым лесом, но этот лес не обычная тайга, а сказочный лес с лианами. В нём есть не только хвойные деревья, но и лиственные – клёны, дубы, даже знаменитый пробковый бархат. Их оплетает дикий виноград, чьи деревянистые стебли к осени достигают толщины в руку, и скорее, они напоминают тропики, чем Курилы. Ещё более поразительно, что лианы эти, обвивающие и дубы, и ясени, и ели, украшают цветы гортензии, которые мы привыкли видеть лишь в горшках на подоконниках наших квартир.

Щедрая необычность, даже богатство встречающихся здесь природных сочетаний дополняют общую картину удивительной неповторимости этого края. Неповторимость эту придаёт ему тёплое течение Соя, омывающее охотоморские берега Курильских островов, которое поступает сюда из Японского моря. Вдоль же южных берегов островов, с севера, несёт свои воды холодное Курильское течение, от которого охотоморский берег защищён барьерами вулканических островных кряжей. На северной стороне Курил, таким образом, получается теплее, чем на юге.

К тому же, благодаря тёплому течению, море у южных островов не всё замерзает, а не замерзающая вода зимой для морского воздуха, даже если её температура близка к нулю, это - как печка: она умеряет мороз, смягчая климат. Поэтому на Курилах и не бывает больших морозов.

Для всех Курильских островов характерны черты морского климата. Зимы здесь метельные, вьюжные и несравненно мягче, чем на тех же широтах на материке; лето прохладное: средняя температура августа, даже когда лето считается очень жарким, не превышает 18 градусов. Только на островах, которые находятся на крайнем юге Курильской гряды, летняя температура выше. Не зря там, как и на Хоккайдо, растёт бамбук, а на

Кунашире цветёт магнолия. Когда сходишь с судна на Курильскую землю, она отдаёт каким-то скрытым теплом и не покидает ощущение, будто ты попал в северные тропики…

Погода на Курильских островах капризна, не предсказуема. Очень часто в разгар зимы наступает оттепель, а летом в хороший солнечный день любой остров вдруг окутывается сплошной пеленой тумана, и сырой холодный воздух моря приходит на смену тёплому, напоённому запахом земли. Дело ещё в том, что из-за присутствия огромных масс воды - весьма высока в весеннее и летнее время влажность воздуха. В некоторые дни воздух находится в состоянии полного насыщения водяными парами. Следствием этого и является частый и продолжительный туман. Количество дней с туманом местами доходит до 26-28 дней в месяц, то есть туман бывает почти ежедневно, а во второй половине лета обычны частые дожди и ливни, связанные с приходом тайфунов…

Переломным месяцем становится, как правило, сентябрь, когда происходит «слом» муссонов. Южные летние ветры с океана начинают сменяться северными и западными холодными ветрами из Сибири. Поэтому погода становится неустойчивой, ветры дуют то с юга, то с севера, ясных дней больше, туманов меньше, но и штормы не редкость, и всё чаще и чаще со стороны Японии жалуют целые хороводы ураганов – тайфуны, самые катастрофические из циклонов.

Осень на Курилах незабываема, в эту пору не перестаёшь дивиться открывающимся курильским картинкам… Морские воды, прогревшись за лето и ещё не успев охладиться, к этому времени становятся достаточно тёплыми. Поэтому вечная дымка и низовые туманы курильского лета сменяются в эту пору чудесной прозрачностью морской атмосферы и кристальной видимостью на многие десятки километров. Осенью на Курилах не покидает ощущение, что такая погода будет здесь стоять вечно. Временами, она действительно сохраняется чуть ли не до середины декабря, причём, с буйством красок и без снега!

Словом, климат Курильских островов во многом определяется их расположением между двумя огромными водными пространствами – Охотским морем и Тихим океаном. Точнее, близостью холодного течения Ойясио/Курильского/, идущего из Берингова моря, и наличием ветви тёплого течения Куросио – Соя, подходящего к Южным Курильским островам. А также – муссонным характером ветров, перемещающих огромные воздушные массы над необозримыми пространствами воды и суши.

Ойясио – виновник холодного и туманного курильского лета… Курильское солнце не в силах справиться с этим постоянным потоком ледяных северных вод. А отсюда – и холодные летние ветры, и долго не тающие снега, и простирающаяся почти до середины гряды скудная растительность: ничто другое не растёт у берегов Тихого океана, омываемых этими ледяными водами.

Совсем другое дело – тёплое течение Соя, проходящее в южной части Охотского моря. Отдалённая веточка великого тихоокеанского течения Куросио, Соя проделала долгий путь, прежде чем оказаться у курильских побережий. Обогнув по Японскому морю всю Японию, Соя проникает в Охотское море через пролив Лаперуза, и ласкающим влиянием своих тёплых вод просто преображает юго-запад Курильской гряды. Вот поэтому здесь и появились, однажды, бамбуковые джунгли и высокоствольные леса с лианами, словно перенесённые из тропиков.

Летом северные берега в этих местах оказываются теплее южных, а вулканы, протянувшиеся через все острова, надёжно охраняют согреваемый тёплым течением северный берег от холодных и туманных дыханий юга. Но острова разделяют холодное и тёплое течения, а проливы с приливами и отливами их перемешивают, и от этого происходят многие странности с местным климатом. Мимо двух-трёх южных проливов тёплое течение ещё проносит часть своих вод в сохранности, но чем дальше – тем больше они расходуются на смешение с холодной водой Ойясио.

Район Курил подвержен многим опаснейшим затруднениям для мореплавания. Во-первых, это, как уже говорилось, частые туманы, становящиеся порой просто губительными из-за невозможности подойти к берегу. Во-вторых, присутствие чрезвычайно быстрых течений, особенно – в проливах, между островами. В-третьих, значительная глубина подле самых берегов Курильских островов, отчего невозможна близкая к берегу стоянка на якоре. В-четвёртых, наличие сильных и частых ветров с западной стороны… Всё это создаёт весьма ощутимые препятствия для плавания по здешним водам.

Следует, пожалуй, ещё добавить, что приливо-отливные течения в Курильских проливах доставляют мореплавателям гораздо больше хлопот, нежели перечисленные выше ветра, тайфуны и туманы. О силе приливо-отливных течений можно судить по следующим фактам. 30 мая 1805 года И. Ф. Крузенштерн, проходя цепь Курильских островов, встретил такое сильное течение, что при скорости хода около восьми узлов/15 км в час/ его судно понесло назад на подводный риф. Только с большим трудом Крузенштерну удалось выбраться в Охотское море.

Даже большие океанские суда могут быть отнесены в сторону от курса с риском натолкнуться во время тумана на многочисленные здесь рифы. Что же говорить о небольших судах каботажного плавания? Приливо-отливные течения, достигающие в проливах обычно скорости 10 км в час, как щепку выносят такое судно либо в океан, либо в Охотское море, в зависимости от того, во время прилива или отлива вошло судно в пролив. Чтобы привести судно в заданное место, надо хорошо знать время смены течений.

Курильские острова, протянувшиеся с юго-запада на северо-восток на 1200 километров, образовали между собой множество проливов, семнадцать из которых – главные! Курильские проливы – это тоже одно из чудес

природы. Два великана – Охотское море и Тихий океан сталкиваются и спорят в этих воротах долгие тысячелетия.

Подъём и опускание уровня воды происходят в океане и в Охотском море не в одно время и неравномерно. В океане уже наступил прилив, а в Охотском море ещё нет. И вот избыток океанской воды устремляется в соседнее море через проливы в Курильском барьере. Проливы превращаются в мощные реки, вода в которых движется с большой скоростью. Наступает отлив, убывает вода в океане, и теперь через проливы в океан мчатся реки лишней воды из Охотского моря. Эти регулярные, ежедневные перетекания вод и называются приливо-отливными течениями.

Интересно, что в старину русские мореходы называли Курильские проливы «переливами», наверное, потому, что проливы пересекали путь вдоль островов. Но и в другом смысле проходы между Курильскими островами – это настоящие переливы: каналы, по которым ежесуточно переливаются туда и обратно многие миллионы тонн солёной морской и океанской воды.

Каково же было ходить через проливы тем первым русским морякам, которые имели только утлые парусные и гребные байдары? Сколько умения и отваги нужно было проявлять, пускаясь в путь с острова на остров вдоль всей Курильской гряды, вступая в единоборство с могучими струями «переливов»! А ещё проливы были опасны сулоями, возникающими при резкой смене приливных течений отливными, при встрече двух противоположно направленных мощных водяных струй.

Сулои – это стоячие всплески сталкивающихся волн. Они появляются даже среди спокойного моря, без видимого порядка, поодиночке, точно выталкиваемые снизу вверх. При ветрах, встречных течению, высота этих водяных гор с пенными, клокочущими вершинами достигает нескольких метров. Бесчисленные водовороты, завивающиеся вокруг сулоя, могут опрокинуть не только шлюпку, но и судно…

Неподражаемо красивы Курилы… И теперь ещё, по прошествии двадцати лет, как я вернулся с Дальнего Востока, не могу забыть совершенно поразившую меня однажды картину чужих курильских берегов! Прекрасная и дикая, она вставала из моря сказочными каменными изваяниями, которые, это не было сном/!/, оказывались совершенно реальными. Долго я не мог привыкнуть к подобному наивному состоянию духа и, пожалуй, так и не привык, то и дело, восхищаясь в душе простоте созидаемого природой величия.

Величие и обаяние этих неизведанных морских берегов производило на меня непередаваемое впечатление! И я всё не мог поверить в реальность происходящего, в то, что нахожусь здесь, на краю света, где на горизонте простирается ещё не тронутая человеком гряда таинственных островов, и взгляд беспомощно теряется в безграничности океанских вод, в которых изредка показывается плавник касатки, или вдруг взлетает фонтан брызг,

выпускаемый китом. Не мог никак постичь, что я – на Курилах, в потаённом уголке неповторимой дикой природы!

«ШИКОТАН»

За всю свою экспедиционную морскую жизнь мне неоднократно приходилось бывать на Итурупе и Урупе, Кунашире, Симушире и Матуа, Парамушире и Шумшу, и только на Шикотане – один раз, хотя курсировали мы неподалёку от этого острова в разных рейсах постоянно многие годы. Так получалось, что больше всего, почему-то, я и слышал именно о нём, когда кто-либо упоминал в разговоре Курилы, и Шикотан действительно начинал мне казаться каким-то особенным островом, который айны, наверное, не зря назвали – «лучшее место».

Почему? Вероятно, по причине непохожести на своих соседей – небольшую группу мелких островков-скал, включающих Дёмина, Полонского, Зелёный, Анучина, Танфильева, Юрий и островки Лисьи и Шишки. При плавании в районе Малой Курильской гряды, Шикотан хорошо приметен с моря, и при подходе к его берегам всегда почему-то представлялось, будто в его недрах таится нечто необъяснимое и таинственное, глубоко скрытое от людских глаз. Даже невозможно было сразу передать – что такое необычайное отличает Шикотан от других Курильских островов, но я, всё же, попытаюсь…

Во-первых, остров этот очень зелёный, какой-то даже особенный в своей нежной зелени, зеленей которой, кажется, и быть не может. Конечно, и Кунашир можно назвать зелёным, и рядом находящийся Зелёный, и Матуа, но Шикотан зелен по-особенному. Он незабываемо красив, и кажется – смотрит на окружающий его морской мир ласково, с добродушной зелёной улыбкой.

Во-вторых, на острове поражают удивительные бухты – Анама и Крабозаводская, Малокурильская и Отрадная… Все они – словно застывшие в думах укромные озёра, которые почти всегда окружены высокими, покрытыми причудливой растительностью склонами. Вход в них – скалистые, узкие ворота, подобные коридору, и когда восходит из-за моря солнце, оно, в первую очередь, проникает в эти бухты, через вылепленные природой ворота, в лёгкой туманной дымке скользя по воде и передавая свою потаённую нежность суровым берегам. В штормовую погоду, когда за входом в бухту бушует волна, в неё саму непогода не проникает, и там всегда тихо.

У Шикотана, в отличие от других Курильских островов, очень своеобразные очертания берегов… Они чаще всего обрывисты, прорезаны глубокими выемками со стороны моря, и спускаются внутрь острова травянистыми, изумрудными скатами. Вообще, для Шикотана характерна холмистость, редкие островки лесов и степь: приятный, но однообразный пейзаж, будто уготованный природой для спокойного времяпрепровождения, где взору не утомительно скользить, изредка отмечая нечто занятное, и вновь без напряжения продолжать свои непритязательные наблюдения. Может

быть, поэтому местные жители – айны, и назвали этот остров «лучшее место».

В сравнении с другими островами Курильской гряды Шикотан, несомненно, прекрасен в многообразии своих бухт и в необычности обрывистых берегов, и даже несколько выделяется своей непохожестью на остальные острова, но хотя эта успокоенность форм Шикотана и не вяжется с духом Курил, остров, скорее, дополняет своеобразие Курильского ожерелья, нежели выделяется из него. На большинстве островов, в том числе, и на находящемся по соседству Кунашире, природа значительнее… Там стоят нетронутые дикие леса, обвитые лианами, присутствуют неповторимое, ни с чем, высокотравье, непроходимые заросли кедрового стланика и бамбука, грозные вулканы… Шикотан же, не только лучшее место для того, чтобы сгладить бурные впечатления от других Курильских островов, особенно – северных, он, к тому же, на удивление, уютен.

Но не всем айнам в своё время приглянулся этот остров. Многих из них японцы переселили сюда насильственно с тех самых северных Курил, и некоторые айны вымерли в чуждой им среде, несмотря на все прелести Шикотана.

Ещё одна достопримечательность Курил, в том числе – Шикотана, это – кекуры. Они здесь встречаются повсюду, особенно много их у мыса, прозванного, наверное, за свою таинственность, Край света… Тёмно-коричневые и чёрные скалы-одиночки всегда вызывают интерес, мгновенно приковывая к себе внимание. Нет скалы, похожей одна на другую, нет конца разнообразию их форм. То монолитные и сплошные, то с пробитыми волнами отверстиями, то плоские, невысокие, похожие на обеденный стол, то зубчатые, с зигзагообразными острыми верхушками, наподобие средневековых замков, то напоминающие пирамиды, то с мрачными навесами, даже нагромождениями, то убегающие ввысь – все они придают незабываемую романтику и строгость загадочному курильскому острову.

Моё знакомство с Шикотаном началось с знаменитой по всему Дальнему Востоку Малокурильской бухты. Она и расположилась как-то удобно, гостеприимно приглашая все проходящие мимо суда в свои объятия. Покатые холмы, окружившие её с трёх сторон, застыли в строгом молчании, словно чего-то ожидая. Может быть – эти самые суда, приход которых они величественно стерегут уже многие-многие годы. Среди бывалого морского люда бухта давно известна своим удачным расположением.

Рыбакам, наверное, всегда было приятно заходить сюда для сдачи рыбы, ощущать внимание этих покатых холмов, будто втайне ото всех решивших охранять бухту, с удовольствием угадывать запах разделки, в полную грудь вбирая дух работы у моря… И ещё видеть бесчисленное количество желанных женщин, отправившихся на край света по вербовке со всех уголков страны с желанием подзаработать. Сколько здесь состоялось этих незабываемых морских знакомств, продлившихся на годы, а может быть даже и на всю жизнь!

Малокурильская бухта – один из наиболее приветливых уголков острова. Как, впрочем, и сам Шикотан, что производит это приятное впечатление мягко
обтекаемыми формами рельефа, и почему-то манящими к себе долинами ручьёв и рек… В длину Шикотан тянется на двадцать восемь километров, тогда как средняя ширина его – всего лишь девять. С моря вид острова странно трогает, а расстилающийся по его склонам тёмно-зелёный, салатный и изумрудный травяной покров просто завораживает.

Малокурильская бухта – самая северная на острове. Раньше на её месте было, по-видимому, озеро. Берега его, сложенные неустойчивыми породами, постепенно размывались равномерно во все стороны, а затем, по трещинам в береговом обрыве острова, вода озера проникла к морю, прорезав проход.

С судна, стоящего в этой закрытой со всех сторон бухте, очень хорошо рассматривать её отлогие и округлые, как в чаше, берега, в спокойных голубоватых водах которой отражаются отвесные стены утёсов у узкого горла. Тёмно-зелёные перелески ровно разбросаны по склонам крутых холмов, а над ними, на фоне светлого курильского неба чётко вырисовывается плоская вершина горы Шикотан, возвышающейся над морем на четыреста двенадцать метров. У её подножия и раскинулась бухта.

Время поджимало, и только раз нам удалось выбраться в сопки, где мы собирали клубнику. На вкус она оказалась кисловатой, хотя и была спелая. Виной тому – малое количество солнечных дней и частые туманы.

Нас предупредили, что следует быть осторожнее и не углубляться с троп в заросли, где можно обжечься «ядовиткой», так на острове называют сумах ядовитый. Японцы прозвали её ещё «ипритная» трава, почти легендарное растение на Курилах. Если притронешься к нему, то кожа покрывается болячками, очень трудно поддающимися лечению. Опасность заключается в том, что поначалу прикосновение к этому растению не вызывает ощущения ожога и поэтому не замечается.

Ядовитка приносит много неприятностей жителям Курильских островов. Растёт она в виде кустарника высотой около 1,5 метров, который образует небольшие заросли в вершинах оврагов. Существует мнение, что опасно не только прикосновение к растению, но и пыльца его цветов, разносимая ветром. Единственным средством, помогающим при ожогах ядовиткой, местные жители считают обработку поражённых мест горячими углями. Правда, иногда прикосновение к листьям сумаха вызывает не только сильное поражение кожи, в последующем она даже покрывается струпьями, но и общее заболевание организма.

На следующий день после прихода на Шикотан к нам на судно пожаловали военные моряки с весьма необычной просьбой: помочь набрать из резервуара, находящегося на берегу, судовое топливо. Топливо предназначалось для сторожевых кораблей, которым необходимо было выходить в море на задание, но загвоздка заключалась в том, что топливный сток внутри резервуара каким-то образом перекрыл деревянный чоп в

металлической оправе, видимо, его под давлением развернуло, и он оказался прямо напротив отверстия, по которому поступает жидкость. По воле случая вышло так, что топливо тянулось из патрубка лишь тонкой струйкой, и с внешней стороны не представлялось возможным этот чоп, прикреплённый цепочкой к стенке резервуара изнутри, сдвинуть. Выход оставался один: лезть во внутрь водолазу, спускаться по трапу в полной темноте, а достигнув дна - на ощупь двигаться вдоль стенки, и, обнаружив чоп, надёжно его закрепить, придав ему правильное положение…

Такого в нашей практике ещё не случалось, и было от чего задуматься, военные же умоляли чуть ли не на коленях, обещая «море» тушёнки и спирта, объясняя при этом, что все подводники на базе заняты – кто в походах, другие в отпусках, а единственный, оставшийся на берегу специалист загремел на больничную койку. Делать нечего, бросили жребий, и из четверых аквалангистов, присутствовавших на борту нашего научно-исследовательского судна, выпало именно мне. Старшина водолазной станции Саша Бедненко, отличающийся не стандартным подходом к любой жизненной ситуации, не удержался от возможности в очередной раз сострить:

- Да, в топливо даже лучше лезть: тишь да гладь, Божья благодать!

Я только криво усмехнулся.

Ребята на меня костюм надевают, а я принюхиваюсь к непривычному запаху, совсем не напоминающему морской, и сам себе удивляюсь: неужели я сейчас туда залезу? Но виду не подаю, что сомневаюсь, вроде, как мне и дела нет до этого резервуара, под завязку накаченного топливным маслом. Молодой матросик, вызвавшийся оказывать нам помощь, стоит рядом как вкопанный и оторопело наблюдает за происходящим. В его глазах я, наверное, смертник, добровольно подписывающий себе жуткий приговор. Он не может постичь нашего спокойного отношения к происходящему, и невпопад бросается помогать там, где и без него всё уже сделано.

В конце концов, я облачён в гидрокомбинезон, на мне – водолазный аппарат, грузы, боты свинцовые, к поясу привязан сигнальный конец, и я направляюсь к люку, ведущему внутрь загадочного резервуара. На прощание ребята шлёпнули меня ещё по макушке, мол, давай, подводная твоя голова, полезай в родную стихию, с Богом! А стихия-то как раз и не родная: тяжёлая маслянистая темень вмиг сомкнулась вокруг, будто пытается задушить, жуть!

Только я в открытый люк спустился, как замер на трапе, схватившись за поручни обеими руками: так меня эта жуткая жидкость сдавила со всех сторон. Топливо – не вода, в нём крутиться надо во все стороны, чтобы погрузиться, руками разводить. Заковало оно меня сразу, намертво, так обжало грудь, спину и ноги, что не пошевелиться.

Запах неприятный даже в костюме слышно, кажется, вот-вот задохнёшься. С непривычки страх немножко берёт – как-то там, внизу, в этой

сплошной маслянистой массе, охватившей будто ночь? Но делать нечего, надо лезть к чёрту в дышло, такая у нас, водолазов, работа!

Шагнул я по трапу раз, другой, - вижу, ничего со мной не происходит, только костюм мёртвой хваткой облепил всё тело. Со страховкой тоже, вроде бы, всё в порядке – конец к поясу привязан. Когда вода мутная, водолазы используют оттяжку – верёвку, один конец которой привязывают к боту, а другой, на дне, к затонувшему объекту, чтобы водолаз придерживался её в тёмной воде или на быстром течении. Хотя в резервуаре видимости не было никакой, оттяжка мне не потребовалась, поскольку матросы объяснили – как добраться до контрольной заглушки…

Спустившись на дно, я дёрнул сигнальный конец один раз. Это означало: «Я на грунте, то есть – на месте, чувствую себя хорошо». В ответ тоже дёрнули сигнальную верёвку, - мол, поняли, приступай к работе.

Двинувшись в кромешной темноте вдоль стенки, на ощупь, я слышал только громкие удары своего сердца и глухое шипение вытравливаемого воздуха. Скольжу по стенке, как по маслу, ищу отверстие. Продвигаюсь сравнительно свободно благодаря тому, что наверху спасительный конец вовремя отпускают и слабины лишней не дают, как раз по ходу травят, облегчая мне действия.

Иду, а сам думаю: «Куда ж это я залез?» Никогда ещё такого со мной не бывало. Но большой разницы между водой и топливом, всё же, не наблюдаю: также под гидрокомбинезоном поддето стягивающее тело шерстяное водолазное бельё – штаны, свитер и шапочка, а плотный прорезиненный комбинезон и в море, на глубине, сдавливает порой с не меньшей силой.

И всё-таки, не покидает ощущение, что топливо разъело костюм и внутрь проникает, ползёт по телу неприятным теплом. При этом не покидает мысль: а если шланги проест?! Стараюсь ползти вдоль стены побыстрей, тороплюсь, шарю в темноте руками… Вроде, от запаха голова начала кружиться, не хватало ещё запаниковать, а костюм с бельём сдавливают всё сильнее и сильнее.

Не раз я уже сменил водолазное шерстяное бельё, которое выдаётся на два года. Все подводные костюмы в работе перепробовал: и в трёхболтовке спускался, и в шведском «Посейдоне», и в наших отечественных гидрокомбинезонах – ГКП-4, ГКП-3, и в «Садко», и в японском неопреновом… Погружался на затонувшие корабли, японские шхуны, торпедные катера, где можно было зацепиться за рваные края железа или перерезать воздушный шланг, просто застрять в узких запутанных ходах, даже – заблудиться. Промыл с товарищами тонны подводного грунта, вперемешку с камнями и ракушками, когда заводили стальные ленты для понтонов, перевернул неисчислимое количество валунов при замене труб, идущих в море от мареографов, даже утопленников порой приходилось вылавливать, а уж сколько винтов рыбакам размотали – не перечесть! Но вот чтобы в солярное масло опускаться – такого ещё не приходилось… Глубина,

конечно, не ахти какая, и десятка метров не будет, но очень неприятна эта обступающая маслянистая темнота, готовая, кажется, тебя поглотить. Как бы в ней навсегда не остаться!

Пока я так размышлял, не заметил, как достиг заглушки, которую прижало к отверстию по диагонали, как раз в месте её утолщения, а рядом на стене пустовали зажимы, в которых чоп должен был находиться. Видимо, перед закачкой масла, чоп был закреплён ненадёжно, и в какой-то момент сорвался, а многотонная масса жидкости притянула его накрепко к стене, перекрыв всякое поступление топлива… С внешней-то стороны отверстие было задраено!

С момента моего спуска минуло минут пять-семь, а чудится, будто полчаса как не бывало. Потом обливаюсь, руки дрожат и в горле перехватывает, но мысль, что товарищи наверху ждут, переживают, - постоянно присутствует. Не дай, Бог, не выполнить работу, сраму не оберёшься!

Наконец чоп водружён на место, но я ещё решаю проверить – пошло ли в отверстие топливо. Сунул туда руку - и чуть её не оторвало: с такой силой хлынула тягучая жидкость. За стеной слышно, как матросы обрадовано что-то закричали, а я сигналю три раза: «Всё, баста! Выхожу наверх!» Сверху ответили на сигнал и, вскоре, я выбрался на свет божий, не веря, что осуществил подобное. Всё оказалось довольно просто, пугала, как всегда, только неизвестность.

Как-то легко прошло у меня это необычное погружение, и более меня озаботило то, что последовало за ним, а не тьма, в которую я довольно быстро проник и также беспрепятственно из неё выбрался. Мне хочется пропеть маленькую оду водолазному белью, с которым за долгие годы работы под водой будто срастаешься незаметно, таким оно оказывается необходимым даже на суше. Что греха таить – повсюду на Дальнем Востоке видишь светло-коричневые водолазные свитера и шапочки, их носят и моряки, и рыбаки, не говоря уже о водолазах, для которых это шерстяное бельё что-то вроде ежедневной спецовки. Но этому явлению есть простое объяснение – водолазное бельё довольно практично, можно даже сказать, что оно рассчитано на все времена года, включая лето, и легче не снимать его вовсе в богатой на приключения экспедиционной жизни, чем облачаться в него при каждом случае, что не всегда может оказаться удобным.

Постоянно нося и свитер и шапочку, ты как будто всегда готов к погружению, это – твоё дело, которому ты посвятил лучшие годы своей жизни, и ты верен всему, что это дело и выбранная однажды жизнь могут от тебя потребовать. Водолазная шапочка и свитер будто становятся продолжением тебя, оставаясь неотъемлемым атрибутом твоего туалета в любое время суток. Скажем, обыкновенная тельняшка такого эффекта, как водолазный свитер, не производит, хотя и распространена на флоте ещё больше. Спасительную теплоту этого водолазного белья я до сих пор

ощущаю в родном уральском лесу, ночью, когда отправляюсь на глухариный ток…

Так вот, история с погружением в топливный резервуар имела забавное продолжение, связанное именно с водолазным бельём, которое до такой степени пропахло, что я никак не мог вытравить из него едкий масляный дух. Стирал и раз, и два, но ничего не помогало: от белья, по-прежнему, крепко шибало в нос мазутом, носить его было невозможно. В третий раз тщательно простиранное, оно тоскливо болталось на баке олицетворением уже моего не сломленного духа, начиная вызывать в экипаже откровенные усмешки. И только оказавшись на острове Парамушир, лавинщики с метеостанции Севкура выделили мне маленькую стиральную машинку, куда я заложил всё своё многострадальное шерстяное бельё и … позабыл о нём: по приходу мы отмечали встречу с друзьями, с которыми не виделись два года.

Вина было много, накопившихся рассказов ещё больше, и мы не заметили, как пролетел день. Вспомнил я про свой свитер лишь под вечер, а когда вынул его из машинки, то обнаружил спереди, в районе живота, совершенно правильный круг от вертушки. Видимо, свитер угодил на неё брюхом, так крутился долгое время, и до такой степени измочалился, что шерсть вздыбилась на несколько сантиметров, превратившись в тончайший и густой пух. После того, как свитер был высушен, место это на нём и вовсе необыкновенно распушилось, и каждый, проходя мимо, норовил поворошить мой живот, непременно отпуская какую-нибудь шуточку. Вскоре, мне это осточертело, и я пошёл просить у начальства новое водолазное обмундирование…

Потом я это вытертый на животе свитер, вроде бы, совсем поизносившийся, но всё же тёплый, подарил одной художнице из Ленинграда, она в гостинице Александровск-Сахалинского вязала гобелен для фойе – свою дипломную работу, а мы там работали под водой у мыса Жонкиер, и, встретившись неожиданно, быстро привязались к друг другу. Художницу эту звали Наташа, и она умелой рукой вышила на вытертом месте разноцветных бабочек, после чего свитер будто ожил, обретя уже совсем иную, какую-то неведомую для меня жизнь. Надеюсь, он и сейчас дарит этой замечательной девушке тепло.

Когда мы пришли в Малокурильскую бухту, снег ещё не выпал, светило солнце и сопки застыли в многоцветном молчании. Всё, кажется, предполагало нескончаемую золотую осень, и так оно и было. Но уже через несколько дней над островом вдруг без удержу заметался оголтелый ветер, и на душе становилось как-то тревожно и пустынно. Нашему судну спешно пришлось оставить гостеприимную Малокурильскую бухту по воле капитана, чтобы вскоре угодить в жестокий, не утихающий в течение четырёх дней шторм.

Пролив Лаперуза вот-вот мог покрыться льдом, и поэтому следовало торопиться. Огибать японский остров Хоккайдо по Сангарскому проливу было бы делом нелёгким и продолжительным, и капитан нашего «Дальневосточника» принимает решение, несмотря на надвигающийся циклон, идти на север, по проливу Екатерины, прямо навстречу не на шутку разгулявшейся непогоде. Все мы вынуждены были ему подчиниться, по непреложному закону, выработанному многочисленными поколениями моряков, посвятивших свою жизнь морю.

А между тем этот неукоснительный порядок определяет сама морская стихия, которая не терпит безответственности, и кто как не капитан обязан, в первую очередь, призывать к нему?! Всё, любая мелочь на флоте, проникнута простым смыслом приведения жизни к чётко заведённому ритму, отступать от которого недопустимо. Строгость и порядок – залог успеха любой экспедиции, а не стремление командного состава к уничижению подчинённых, которые, в свою очередь, также должны быть проникнуты достижением на судне мудрой простоты. Особенно прочно была взята эта линия поведения на русском флоте, где как основа основ морской жизни служила чёткость команд и такое же чёткое их выполнение, опрятность матросов и безукоризненная чистота корабля.

Вот маленький отрывок из приказа по шлюпу «Диана», который отдал Василий Михайлович Головнин перед отходом его в кругосветное плавание: «Всякий день, кроме чрезвычайно ненастных, койки выносить наверх в семь часов поутру и раздавать за четверть часа до захождения солнца. В очень ненастные дни коек наверх не выносить, однакож с планок снимать и складывать посредине судна на сундуки и в гротлюк». Не предполагалось даже малейшего праздного отношения к экспедиционной морской жизни, которая на деле была по-настоящему сурова и требовала, в хорошем смысле, подобной же строгости и отчаянной храбрости для всего экипажа. Для человека несведущего эти усилия капитана покажутся несущественными, но если хорошо представлять себе суровую жизнь моряка, тем более – в стародавние времена, таковая забота об экипаже воспринимается манной небесной.

Безукоризненно чёткие и ясные нормы морского устава, впервые разработанного ещё Петром 1 и изданного в 1720 году, представляют нам капитана судна, как должностное лицо, ответственное за его действия, имеющее судоводительское образование и звание морское капитана/штурмана/ дальнего плавания или капитана/штурмана/ малого плавания. Капитан судна является представителем судовладельца и грузовладельцев в отношении договоров и исков, вызываемых нуждами судна, груза и плавания, если на месте нет их иных представителей. Например, капитан судна вправе продать часть груза или судового имущества, чтобы купить в иностранном порту топливо, необходимое для завершения рейса.

В морском праве по-прежнему действует принцип: судно представляет собой территорию, подвластную юрисдикции того государства, гражданином которого является его владелец. Судно – это часть той страны, чей флаг оно носит. А капитан считается представителем государственной власти. Его приказ – право и закон на судне. Ещё и теперь он исполняет, например, функции чиновника бюро записи актов гражданского состояния, если во время плавания на корабле родится ребёнок или найдутся желающие вступить в брак. Для поддержания дисциплины он проводит дознание в случае совершения преступления на борту, имеет право арестовать отказавшегося выполнить приказ или нарушившего закон. Как и раньше, ему принадлежит право казнить и миловать, попытайся экипаж взбунтоваться и захватить судно. Ведь ещё и в наши дни мятежи нет-нет да случаются…

Капитан судна отвечает за управление судном, обеспечение безопасности плавания и предотвращение всякого вреда судну, людям и грузам. Распоряжения капитана судна в пределах его полномочий обязательны для всех лиц, находящихся на судне. Он контролирует приём и увольнение членов экипажа, организует аварийно-спасательные работы при получении сигнала бедствия с другого судна, возглавляет борьбу за живучесть своего судна, а при необходимости оставляет его последним, захватив судовой, машинный и радиотелеграфный журналы, карты рейса, документы и ценности. Капитан судна сохраняет свои права и после гибели судна, вплоть до возвращения экипажа на родину. Он так же принимает все необходимые меры для предотвращения захвата судна врагами в военное время и пиратами – в мирное.

В прежние времена, когда капитан во время дальнего плавания не имел связи с судовладельческой компанией, его власть была почти неограниченной. Вследствие этого во Франции его и называли «maitre après dieu» - «первый после Бога». Но в этой сверхконцентрации власти в одних руках заключалась всегда и опасность злоупотреблением ею. Лишь немногие капитаны уважали в членах экипажа человеческое достоинство и были справедливы. Иные же своим произволом и корыстолюбием превращали жизнь экипажа на корабле в ад. Простой матрос был бессилен противостоять произволу капитана, поскольку за ослушание полагалось строгое наказание. Для защиты от злоупотребления властью имелось только одно средство: подача жалобы задним числом, после возвращения корабля на родину. Однако суд, разбиравший заявления обиженных моряков в порту приписки, как правило, выносил решения в пользу капитана. Чаще же дело до суда вовсе не доходило, а заявления попадали прямо в корзину для бумаг.

В моём же понимании, морской капитан и был, действительно, первым после Бога, поскольку не существовало, как мне казалось, более мужественной и достойной профессии, остающейся для многих таинственной и недоступной. Капитан и по сей день, когда я уже давно не хожу в море, остаётся для меня единственной профессией, перед которой я преклоняюсь, совершенно искренне полагая, что морской капитан по своей

значимости несравним с какой-либо иной должностью, пусть бы она была связана с самым отчаянным напряжением и подвигом. Авторитет и роль морского капитана не подлежат обсуждению, они – непререкаемы, не допускающие никаких сомнений и возражений – незыблемы, как небосвод и морская твердь, ближе которой для капитана ничего не существует. Морской капитан – это непоколебимый столп, опора для всего экипажа, на который они рассчитывают в самый последний, отчаянный момент, беспрекословно веря в него и надеясь, когда на собственные силы полагаться уже не приходится.

Единственное, что могло совладать с непререкаемым авторитетом капитана – верность морскому распорядку, как бы это странно ни звучало. Она, эта верность, так же, как и капитанское звание, была незыблема и могла, как мы увидим, повлиять даже на положение такой неприкасаемой на любом судне фигуры, как капитан. На первый взгляд это кажется противоречивым, но море накладывает на взаимоотношения людей особую печать…

Раньше на флоте офицеры, недовольные поведением капитана за определённый срок, по обыкновению не приглашали его в кают-компанию. Так сильны были морские традиции, и даже безоговорочное превосходство положения капитана на судне не могло обеспечить ему в данной ситуации какой-либо привилегии. Обычно эти приглашения капитана в кают-компанию делались офицерами по большинству голосов, сам же капитан, по своей воле, не имел права сойти к ним. Этот пример лучше какого-либо другого свидетельствует о необыкновенной крепости морского порядка.

Мне по душе флотский порядок, так же с давних времён принятый на морских судах, когда офицеры собираются в кают-компании за две-три минуты до начала завтрака, обеда или ужина, но не садятся за сервированные столики – ждут капитана. По традиции капитан первый наливает себе суп. Только после него за это дело принимаются другие. Если кто-нибудь опоздал, то сесть к столу спрашивает разрешения у капитана. Тот, кто поел раньше капитана и хочет выйти по каким-либо делам, тоже спрашивает у него разрешения встать из-за стола. Был и такой порядок!

В кают-компании большого судна не сядешь там, где тебе вздумается. Места за каждым столом строго распределены. Во главе первого стола сидит капитан, справа от него располагается старпом, по морскому – «чиф», слева – второй штурман. Дальше по рангу усаживаются другие штурманы. За соседними столами старшинствуют «дед» - старший механик, начальник радиостанции – «маркони». С ними – тоже по рангам и занимаемым должностям, сидят их подчинённые. На малом рыболовном флоте весь этот церемониал почти изжил себя. Где уж там будешь следовать флотским традициям, если на судне, как говорится, хлопот и забот полон рот, но и здесь традиции до сих пор живы, и капитанское место, независимо от того – приходит капитан в кают-компанию обедать или нет, всегда остаётся за ним, его никто не занимает.

Слово «капитан» происходит от латинского «caput», что означает «глава», «начальник». Хотя сведения о корабельных начальниках, сохранившиеся с античных времён, весьма скудны, из того немного, чем мы располагаем, совершенно ясно, что профессия капитана относилась к наиболее авантюрным из всех известных в то время профессий. Нигде, кроме моря, не существовало большего риска и большей ответственности.

Капитану вменялось в обязанность доставить судно и груз к месту назначения целым и невредимым. А меж тем, в море нетрудно было и заблудиться: навигационные средства тогда у моряков были не так уж совершенны. Кроме непогоды капитана подстерегали пиратские нападения и мятежи. Недаром в одной старинной рукописи говорится: «Ни один человек не попадает чаще в трудные положения, чем моряк», а уж о капитане - и говорить нечего.

Капитан единолично должен был принимать решение о том, что надо делать в той или иной обстановке. В открытом море он не мог позволить себе, как некоторые сухопутные начальники, прикрыться решением вышестоящего начальства или из страха перед ответственностью вообще уклониться от решения. На море судьбы корабля и людей часто зависят от быстроты и правильности решений, принятых капитаном. Слабовольным людям не место на капитанском мостике. Если же такие капитаны и появлялись, то вскоре они сами оставляли своё место.

Море всегда было жестоким полигоном для испытания мужского характера, школой для отсева и отбора лидеров. Поэтому опытных капитанов высоко ценили и за пределами морской службы, нередко приглашая на посты, где для принятия ответственных решений требовалось мужество.

Хорошие бесстрашные капитаны стали пользоваться большим спросом во времена средневековья, по мере роста объёма перевозок ценных грузов и в пору расцвета итальянских морских республик, когда море просто кишело грабителями. Особенно доброй репутацией пользовались венецианские судовладельцы… На венецианских торговых судах капитан содержал прямо-таки королевский двор, кушанья подавались ему на серебре, а трапезу сопровождала игра музыкантов, и когда испанцы с португальцами решили искать пути в Индию, им не оставалось ничего другого, как обратиться к итальянским капитанам: вот отчего Америка была открыта генуэзцем Колумбом, а названа по имени флорентийца Америго Веспуччи.

Христофор Колумб, как никто другой, являл собой наиболее яркий пример настоящего капитана! Благодаря своему невероятному упорству и терпению он сумел подняться до титула «Великого адмирала океана, вице-короля и генерального наместника островов и материка Азии и обеих Индий, генерал-капитана королевы и короля»!

Его девизом было: «Всё или ничего!» Человек с таким характером мог достичь звёздных высот лишь в том случае, если ему благоприятствовали необыкновенные времена, и такие времена наступили в конце 15 столетия, когда Европу начала трясти лихорадка географических открытий. Отыскание

морского пути в Индию стало настоятельной необходимостью, продиктованной нуждами развивающейся торговли. При этом требовался не столько отличный моряк, сколько человек с душой игрока, не боящийся самой высокой ставки.

Колумб обладал замечательной способностью держать экипажи судов под своим влиянием. В таком рискованном предприятии – отыскании неизвестной земли за океаном, когда всё покоилось на чистых предположениях и догадках, трудно удержать от мятежа и нормальную команду, не говоря уже о том отчаянном сброде, с каким он встретился на своих трёх каравеллах. Силой здесь ничего нельзя было добиться, на такую команду можно было воздействовать только психологически, что и делал Колумб. Он сообщал неправильные данные о пройденных расстояниях и постоянно рассказывал матросам небылицы о сказочных возможностях обогащения, которые якобы ожидают их в Индии.

К тому же, как это стало известно из недавно обнаруженных документов, Колумб, чтобы запугать экипаж, тем самым успокоив всё более нарастающее в нём недовольство, вёл не один штурманский журнал, а два… Вероятно, что-то всё-таки он знал, имея на руках приблизительные карты, которые ему передал один известный пират, исходивший Атлантику вдоль и поперёк. Но, тем не менее, это не умаляет заслуги Колумба и его личные качества, способствующие благополучному завершению экспедиции. «Всё или ничего!»

Если благодаря капитану Колумбу мир узнал об американском континенте, то другому легендарному капитану – Нельсону, прославившемуся своей беспримерной отвагой, моряки многих флотов обязаны тем, что и поныне носят на груди чёрный галстук – вечный траур по нему, а на плечах – матросский воротник с тремя белыми каёмками, ознаменовавшими три его великие победы на море при Абукире, Кап-Финистерре и Трафальгаре… Именно в этом последнем сражении у мыса между Гибралтаром и Кадисом, 21 октября 1805 года франко-испанский флот был разбит эскадрой английских линейных кораблей, а сам адмирал Нельсон погиб.

Встречались среди известных морских капитанов и такие, как Уильям Дампир, морской разбойник, в чьём лице мир потерял исследователя, учёного и первооткрывателя. Семнадцати лет он нанялся на английский парусник. В 1679 году двадцатисемилетний Дампир примкнул к карибским «береговым братьям», и под командой лихих корсаров постепенно выбился во флибустьерские капитаны.

В этом качестве он на своём корабле покинул Карибское море и пустился в кругосветное плавание. Никогда не участвовал он в пирушках своей команды по случаю каперских побед. Его свободное время было заполнено изучением … природы, наблюдениями за распределением ветров и течений в океане и описаниями исследований. Складывается впечатление,

что морским разбоем он занимался лишь для того, чтобы обеспечить себе средства к существованию и удовлетворить жажду к открытиям и науке!

Когда в 1691 году он пришёл в Плимут, самым дорогим сокровищем на его корабле было не золото и не серебро. Это был его морской дневник. Используя свои путевые записи, Дампир развил в последующие годы оживлённую литературную деятельность. Незадолго перед сменой столетий он вызвал интерес несколькими своими книгами, особенно «Новым путешествием вокруг света». Вслед за этим он выпустил ещё одну книгу о путешествиях и исследование о ветрах и течениях, к которым прилагались его собственноручные рисунки и навигационная карта, выполненные с поразительной для того времени осведомлённостью.

Этой работой ему удалось привлечь к себе внимание английских учёных. Пользуясь возникшими таким образом связями, он сумел добыть себе корабль и каперский патент, чтобы снова идти дорогой открытий. В конце 17 столетия он крейсировал в южной части Тихого океана. У берегов Новой Гвинеи он открыл проход из Тихого океана к Молуккским островам, который по сей день носит название пролива Дампир. Остров Новая Британия и архипелаг Дампир у западных берегов Австралии – также его открытия. На обратном пути возле острова Вознесения в Атлантике он потерпел кораблекрушение, но сумел добраться до скалистого берега на спасательной шлюпке.

И снова этот необычный исследователь, дилетант с «Весёлым Роджером» на мачте, последовал зову моря. В начале 18 века он с двумя кораблями находился в Южных морях. В 1708 году, когда Вуд Роджерс отправился в кругосветное плавание, его корабли вёл Дампир. Во время этого похода и был снят с одного из островов Хуан-Фернандес Александр Селкирк, явившийся прототипом Робинзона Крузо в книге Даниэля Дефо.

Современный капитан, в отличие от своих предшественников времён парусного флота, живёт в комфорте, особенно – на больших судах. У него отдельная каюта, а точнее – целая квартира на судне: кабинет, спальня, ванная. У капитана есть свой холодильник, радиоприёмник, телефон, и каждое утро к нему приходит матрос-стюарт, делая в каюте уборку. А сколько прав у капитана, о которых уже вкратце упоминалось! Капитан на судне – царь и Бог!

Но вместе с тем, ни одна профессия, ни одна должность не накладывает на человека такого бремени ответственности. Прежде всего, капитан – это штурман высшего класса, и он лично отвечает за безопасность судовождения. Как только возникает трудная ситуация: нужно проходить канал, шлюз, узкий проход, произвести швартовку, разойтись с близко идущим судном – капитан обязан находиться на мостике и лично руководить манёвром. В любое время дня и ночи его помощники обязаны поднять капитана и пригласить его в ходовую рубку, если возникает хоть малейшая

угроза безопасности судна. На чьей бы вахте ни произошла авария, кто бы ни был в ней виновен – ответственность, в первую очередь, несёт капитан, и с него всегда взыскивают строже, чем с других.

Но капитан – это не только штурман. Капитан рыболовного судна – это и опытный рыбак, который лично руководит промысловой работой траулера или сейнера. Видел бы кто-нибудь, как работает капитан во время замёта! Ведь это настоящий главнокомандующий на поле боя, держащий в своих руках все нити боевых операций. Матросы и командный состав, определяясь на то или иное судно, прежде всего интересуется - кто капитан. Попадёшь к хорошему капитану – значит, будет богатый улов, хороший заработок, слава и почёт.

Итак, капитан нашего времени – это высококлассный специалист и эрудит, превосходно знающий штурманское, а на рыболовных судах – и промысловое дело. Он хорошо разбирается во всех технических вопросах – теории и устройстве корабля, радиотехнике, электронике, имея основательную подготовку в юридических, экономических и хозяйственных вопросах. И, кроме того, унаследовав от капитанов старинных парусников такие замечательные качества, как мужество, решительность и чувство высокой ответственности, капитан умеет подчинить своей воле большой и очень самобытный коллектив моряков, поведя его за собой.

Ещё будучи студентом университета, и уже зная, наверное, что после окончания его отправлюсь работать на Дальний Восток, к морю, я часто рисовал в своём воображении капитана корабля – очень мужественного, красивого человека, наделённого множеством самых разнообразных добродетелей. Вспоминались, конечно, и Жюль Верн, и Роберт Льюис Стивенсон, и Штильмарк – авторы всех тех приключенческих романов, в которых обязательно присутствовали, в качестве главных героев, отчаянные и находчивые капитаны, отстаивающие справедливость. И всё это происходило не на берегу, а в море, где с капитанами случались самые удивительные истории, когда они один на один с кораблём и экипажем, во время жесточайшего шторма, проявляли чудеса героизма. Благодаря этим книгам ты словно сам оказывался участником происходящего, и оно производило на тебя неизгладимое впечатление.

Капитаны чайных клиперов и каравелл, шхун и бригантин – все они представлялись почему-то с бородами и трубками, и непременно – с обветренными мужественными лицами, цепкий взгляд прищуренных глаз пронизывает насквозь, так что пробирает дрожь, а жилистые руки крепко сжимают штурвал. Да в эпоху парусного флота и не могло быть иначе. На утлых судёнышках капитаны уходили в полную неизвестность, не имея элементарных навигационных приборов, нормальной пищи, они жестоко страдали от жажды, от отсутствия примитивных жизненных благ и удобств, действительно постоянно вступали в яростные схватки то с ветрами, то с пиратами, а порою и с мятежниками на собственном судне. Безусловно, в

этих условиях капитан должен был обладать поистине необыкновенными, сверхъестественными качествами.

Так кто же он такой, этот загадочный и, кажется, совершенно недостижимый для простых людей человек, что однажды, в силу каких-то, опять же таинственных причин, становится капитаном, как будто по велению самого Бога оказавшегося у руля корабля? Что выделило его из массы не менее преданных морю матросов и штурманов, почему именно он становится в какой-то момент своей жизни вершителем судеб всего экипажа, а экипаж безоговорочно его принимает? Какие свойства отличают только капитана, для других представляющиеся просто невероятными?

Как гласит древняя морская пословица: в капитане всегда должна оставаться тайна, которую подчинённые разгадать не в силах. Когда солёные морские волны и ветер проникают в отважного морехода так глубоко, что кажется – заменяют собой кровь, образ жизни его совсем изменяется, и он становится настоящим морским волком, это ещё не означает, что он стал капитаном. Важно, как раз, не потерять связи с землёй, не пропустить без внимания этот ответственный в своей жизни момент, когда отчаянная отвага и безудержный порыв, соединив тебя на какое-то время с морем, способны в тоже время повергнуть в его губительную бездну. Настоящий моряк – это тот, кто почувствовал свою неразрывную связь и с морем, но не отдался ей полностью, без остатка, а лишь обрёл силу воды, оставшись по-настоящему земным человеком. Вот именно этим качеством, в первую очередь, должен обладать капитан, ибо, не понимая, что море невозможно без суши, долго в нём не протянешь, и уж на капитанский мостик никогда не поднимешься.

Когда я впервые в своей жизни встретился с настоящим морским капитаном, то был обескуражен его простотой и, одновременно, какой-то невероятно глубинной недосягаемостью. Влияние, которое он вокруг себя распространял, ощущалось во всём его облике: и в выражении глаз, и в неприхотливой, но в тоже время собранной позе, и даже в золотых нашивках на рукавах. И я тогда почему-то сразу для себя осознал, на примере именно морского капитана, которого видел первый раз в жизни, что власть – это не только неограниченная воля над кем-либо, полная свобода собственных действий и распоряжений, но и великая ответственность.

Потом, по истечении многих лет работы в море, когда с разными капитанами были пройдены Охотское, Берингово и Японское море, моё зародившееся перед самым первым рейсом убеждение, что благотворное воздействие на экипаж капитан способен оказать только, когда он по-настоящему заботится о людях, лично отвечая за каждого, подтверждалось неоднократно. С любым заданием справится тот капитан, понял я, что верит в людей, а вере в себя можно научиться по-настоящему только тогда, когда чувствуешь на себе всю ответственность за порученное дело и других. Поэтому истинный капитан всегда предоставляет самостоятельность своим помощникам, чтобы они работали раскрепощено и творчески. Постоянный контроль и опека зажимают человека, не дают ему свободы, а привыкнув к

подобному положению вещей, человеку уже трудно бывает в дальнейшем себя переделать. Без веры в себя и тех, кто находится рядом с тобой – в море не обойтись. Капитан должен всегда смотреть вперёд, принимать решения быстро и не бояться ответственности, в тоже время, являясь воспитывающим примером для всего экипажа. Всякая власть в море – от Бога, и ответ она Ему даёт в лице капитана. Таково его нелёгкое бремя.

При этом капитан должен быть так силён, чтобы из любого, самого разношёрстного экипажа, может быть, встретившегося ему в рейсе впервые, сколотить прочную команду. Причём, без окриков, а умело используя самих людей, их личные и профессиональные качества. Капитан никогда ни под кого не подлаживается и выдерживает свою линию, приемлемую для всего экипажа. Но уж если капитан появляется, то любое его замечание должно быть к месту. И не важно – несёт ли оно в себе менторский тон или уважительно произнесённую просьбу: замечание должно выглядеть убедительным, как единственно верное и доступное для исполнения.

Для всего этого капитану необходимо иметь достаточный мореходный опыт. Он должен быть не видим команде, но сильно ей ощущаем. Как утверждали древнеяпонские мудрецы, лучшее правительство то, чьё правление незаметно для народа, до такой степени оно ненавязчивое и мудрое. Так и капитан: хорошо, если он будет оставаться незамеченным, а членам команды было бы так легко работать на этом судне, что они порой даже забывали бы о существовании капитана.

Любой член экипажа может расслабиться на какое-то время, но этого не может себе позволить капитан. Он всегда внутренне напряжён, чтобы быть готовым преодолеть любую, самую неожиданную трудность. Ведь за ней, тотчас, может последовать другая, и так - в течение всего рейса, а капитану надлежит как можно скорее предпринять единственно верный шаг.

Конечно, со временем, любой капитан становится несколько замкнутым по сравнению с тем, каким он был раньше. И это вполне естественно при его постоянной загруженности и ответственности, которую он на себе несёт. После длительной работы в море, капитан невольно оказывается похожим на одинокого волка, которому ни с кем нельзя посоветоваться: всю тяжесть принятия решения в безвыходной ситуации он возлагает только на себя.

Быть одиноким волком непросто, как непроста и судьба морского капитана, прозванного за свою отрешённость тем самым зверем, которому суждено быть всегда одному. Но отчуждение это вынужденное, иначе капитану на своём мостике не выстоять, и отстраняется он от экипажа невольно, в душе, конечно, не отвергая никого. Его видимое отторжение от экипажа - это лишь дань служения людям и морю, в котором невозможно быть для всех хорошим. Капитан – тайна, которую никому не суждено разгадать, а его одиночество – единственное, самое главное в жизни дело. Тот и господин, кто всё может сделать один, говорят и в море, и капитан

достойно все возложенные на него морские обязанности исполняет. Одному за всех легче!

Делай дело за семерых, а слушайся только себя – это про морского капитана сказано. Управлять коллективом, да ещё в море, значит соблюдать особенное искусство, располагающее множеством средств, и ведомо оно только капитану. Хороший капитан доподлинно знает: когда и на какую душевную точку человека нажать, очень умело пользуясь этим тонким инструментом, которым он должен владеть в совершенстве.

Капитана беспокоит всё: его ответственность перед экипажем, море, состояние судна, члены команды и их быт, погода, но он, по возможности, всегда вежлив и деликатен, хотя и заметно порой, чего ему стоит не давать волю нервам и не сорваться. Огромная духовная прочность – вот непременное отличие капитана от любого члена команды. А что её слагает?

Почему-то всегда так получалось, что все капитаны, с которыми мне приходилось работать в море, были по-человечески обаятельны, но обаяние обаянием, а в долгом рейсе на одних симпатиях командиру не продержаться. Авторитет – капитал, наживаемый годами, и он постоянно находится в обращении, причём, неустанно должен преумножаться. Этот не прекращающийся рост, тогда как многие члены экипажа давно достигли своей наивысшей планки и, вроде бы, не видят необходимости расти дальше, - незыблемое правило для капитана, оно и есть залог его надёжности. Он – светоч для каждого члена команды, пусть хотя бы это даже первый помощник, авторитет капитана неизмерим и никогда не подвергается сомнению.

Настоящий капитан всегда убеждён: опыт без риска не приобретается, и он должен быть оправдан, а капитан, зачастую, идёт на него, тогда как экипаж даже ничего не подозревает. Высочайшая ответственность и осознание не прекращающейся учёбы у океана пронизывает капитана до мозга костей, но он решает эту проблему один на один с собой. На то он и капитан.

Брать горлом, железной хваткой – для капитана не проблема, истинный же мастер, скорее, пренебрежёт этими простейшими методами и продемонстрирует мягкость, понимание, например, возьмёт на себя исполнение чьих-либо обязанностей, не чураясь ими. Собственным примером покажет необходимость отказа от немедленного достижения какой-либо личной цели ради осуществления, прежде всего, общей.

Всё в море учит жизни… Учит и капитан. То, на что и как он решается в рейсе – помогает другим руководить собой, направляя энергию в верное русло, а когда ты обретаешь уверенность в своих силах, то благодаря следованию правильным путём становишься неуязвимым. Хорошо ощущать себя хозяином судьбы и настоящим моряком, и всё это чаще всего случается вследствие невидимых, но постоянных усилий капитана. Всегда верится, глядя на него: то, что делает и говорит капитан, до самых последних мелочей пропущено через его сердце.

Преодолев во многих плаваниях формальное стремление к лидерству, капитан постепенно становится изобретателен и гибок, и лидерство его уже воспринимается как неоспоримый факт. Пусть он даже подолгу не появляется на палубе: эмоциональные устремления капитана ни в коем случае не должны быть для экипажа основополагающими, а лишь – производными, так сказать, в интересах дела. Лучше пойти в море с угрюмым, не разговорчивым, но настоящим капитаном, чем с весёлым и плохим. Порой отчуждённо ведущий себя мастер достигает успеха, именно проявляя незаурядный подход к решению любой проблемы, да и любимчики у такого капитана тоже на судне отсутствуют: там есть команда и голова её – капитан.

То, что капитану должен быть присущ высокий профессионализм – даже не обсуждается! Недаром на флотском жаргоне, помимо прозвища «чифа», подразумевающего должность старшего помощника, «деда» - являющегося главой всех судовых механиков, «дракона» - обозначающего в своём лице старшину палубной команды – «боцмана», употребляется и понятие «мастер» - значит, капитан.

Все капитаны – разные, но объединяет их одно: они ими стали, и это, независимо от личных и профессиональных качеств, уже определяет каждого капитана как особенного человека в морской иерархии. Меня поймёт многочисленная армия старпомов и вторых помощников, которым нечто непостижимое всё же не позволило достичь желанной должности мастера, даже в независимости от отличного послужного списка. Если же ты всё-таки стал капитаном, обретя звание «первого после Бога», значит, произошло это заслуженно. Ведь Бог есть самая истина и самое добро, тогда как морской капитан назван первым после Него именно за то, что говорит Его словами и ведёт себя всегда достойно.

Первый после Бога – это всё равно, что сам Бог для моряков, искренне преклоняющихся перед знанием, опытом и божественной искрой, коей наделён каждый капитан. Не однажды мне приводилось слышать, работая уже на суше, что даже про самого достойного руководителя кто-нибудь из подчинённых да отзывался нелицеприятно, и только про морского капитана никто себе не мог позволить подобного: это было просто недопустимо. «Один Бог без греха и наш капитан!» - так говорят моряки. Само море, кажется, своей чистотой сохраняло неприкосновенной эту недосягаемую для большинства людей должность от житейской грязи, полную загадок и романтики.

Существует не мало профессий, способных захватить тебя полностью, когда отдаёшь им себя без остатка, но, несмотря на то, что я нашёл дело своей жизни – творчество, я всё же не оставляю в душе надежду взойти когда-нибудь на капитанский мостик. Писательство этому не только не мешает, но даже способствует, ибо можно представить себя в своём творчестве кем угодно, не чувствуя какой-либо ограниченности в выбираемых возможностях… Как будто ты пытаешься проникнуть в суть

явлений, и обязательно всё объяснить для себя и людей, отдавая жизнь ради поиска истины, и это почти никогда не находит понимания, но, тем не менее, ты остаёшься непреклонен в своём подвижническом труде. Как капитан, который всегда одинок во имя других, и потому ты тоже заслуженно считаешь себя первооткрывателем, в силу выбранного в жизни нелёгкого писательского дела становясь … капитаном. Как и капитан, ты готов в любой момент отправиться по нескончаемому жизненному пути, напоминающему необъятное море.

Я помню каждого капитана из всех, с кем мне привелось работать в море, и каждый из них достоин отдельного рассказа… Но Иван Данилович Кулеш - был тот самый капитан, который решился провести нас через бушующий пролив Екатерины, разделяющий острова Кунашир и Итуруп, ведь иначе бы нам пришлось зазимовать у берегов Шикотана, что было недопустимо, и я хочу поведать эту маленькую историю именно о нём, о его отношении к людям, жизни и морю.

А непогода уже неудержимо неистовствовала там, в проливе, где вообще не редкость сильные шквальные ветры, и мы устремились туда на свой страх и риск. Огромные валы волн, тягуче переваливаясь, в немыслимой вышине вздымались и ухали вниз с сокрушающей силой. Свет померк, так что казалось – вся земля скрылась под водой. Над обезумевшей стихией, как будто, нависла вечная ночь…

До невероятного отчаянной представлялась идея отправиться в эту бушующую морскую бездну, когда все остальные суда решили отстаиваться под покровительственным вниманием бухты. Втайне, про себя, все, должно быть, кляли неустрашимого капитана, который обрёк их на совершенно неопределённое существование. Невозможно было даже перебежать с носовых кают в кают-компанию, где собиралась на обед остальная часть команды: так беспрестанно и неистово захлёстывали многочисленные волны всю седловину верхней палубы.

И мы лежали пластом и день, и второй, все, кроме вахты, которая каким-то непостижимым образом проделывала свою работу, и судно кабельтов за кабельтовым всё же перебиралось носом через очередную волну, и незаметно двигалось вперёд, в эту умопомрачительную ревущую черноту. О ней было страшно даже вообразить, о том, что может ждать тебя там, и ещё, не переставая, думалось: будет ли когда-нибудь всему этому конец?!

В спутанных мыслях выплывали из неведомого прошлого древние викинги, которые хоронили себя в своих боевых судах - драккарах, вытаскивая их на берег и заваливая камнями. Лучше бы они топили эти суда вместе с собой в море, как это делал наш капитан! Ведь слово «викинги» означает «люди битвы», «люди бухт», а значит и моря, и мы сейчас были, как

никогда, морские, но никто из нас тогда почему-то не помышлял о том, ч т о/!/ переживает капитан, ответственный за всех людей и судно.

В один из смешавшихся от штормового напряжения дней, кажется, под вечер, мощная волна срезала запасной винт, приваренный к носовой надстройке, вдавила его одной лопастью глубоко в палубу, и в каюту хлынула загустевшая ледяная пена. Вскоре сорвало контроллер, расположенный также в носовой части и предназначенный для стравливания и подъёма якорной цепи, а вода всё поступала и поступала…

Судно, кое-как переваливаясь с волны на волну, взлетало и ухало в нескончаемую воздушную глубину, кажется, совсем не касаясь воды, неожиданные удары сокрушали его корпус, и крупповская сталь только мужественно постанывала, время от времени взвизгивая и тотчас замолкая. Как будто стыдилась своей мимолётной слабости - и тут же вновь брала себя в руки, обретая былую твёрдость. Было сыро, страшно, холодно и неимоверно тоскливо.

Нескольким матросам всё-таки удалось прорваться к полубаку, но с каким неимоверным трудом! Руки и лица их были разбиты в кровь о такелаж и палубные надстройки, а матросы, ухватившись за брезентовый рукав, сжимали его оцепеневшими пальцами, тянули, что-то невообразимое кричали матом. Мы, водолазы, встретили их, поскольку располагались в носовых каютах, но долго не могли подсоединить второй конец, потому как в распахнутые двери ежесекундно окатывало всех ледяной водой, швыряло, что было сил, о железные переборки, не давало возможности друг за друга зацепиться. И всё же соединили, обнялись, откачали…

А потом шлёпали опять в непроглядной темноте, переборки гудели, редкие льдины противно, до боли в зубах, скрежетали о борт, и всё же вера в благополучный исход плавания, кажется, возвращалась… Но грозная Екатерина по-прежнему наваливалась на судно всей своей чугунной грудью, и не давала дышать. Будто глухое безвременье обволакивало тогда нас, какое-то чёрное пустое забытье, до конца не покидающее людские души.

И вот, когда мы через пару дней жесточайшей борьбы со стихией преодолели свою отрешённость от земли, эту застигшую нас водную темень, и стали подходить к заливу Анива, мне вдруг захотелось заглянуть в лицо не угасающему, не желающему сдаваться шторму. Долго выжидая момент, я после нескольких неудачных попыток, наконец-то, преодолел со всех сторон захлёстываемую волнами палубу и поднялся в рубку. Предполагая увидеть отчаянное напряжение от переживаемой ситуации, я был поражён, когда обнаружил там тишину и спокойствие. Вахтенный матрос, штурман и капитан судна Иван Данилович … травили друг другу анекдоты.

В первую очередь меня подкупило то спокойствие, даже можно сказать равнодушие, с каким капитан стоял за штурвалом на мостике, между тем, внимательно, но опять же спокойно вглядываясь в бушующие впереди судна волны. Была тут, конечно, и привычка испытанного в штормах человека, и, благодаря выработанному в море опыту, уверенность в своих силах, и

надежда на родное судно, которое, как это уже не раз случалось, не подкачает в трудную минуту, обшивка выдержит натиск непогоды, а машина не откажет, не захлебнётся…

Солнце еле угадываемым бельмом просачивалось сквозь низкие облака. Мутновато-зелёные маслянистые волны тяжело разбивались о смотровые стёкла, и было удивительно, как они остаются целы. Переборки при этом звонко стонали на разные голоса, а машина истошно ревела, то и дело заглушаемая неистовыми штормовыми порывами.

Вот, думал я, эта волна неминуемо сметёт нас сейчас, и все мы будем погребены ею, не успев дотянуть до желанного берега. Но громада воды разбивалась о неприступное судно, с устрашающим рёвом скатывалась куда-то в тартарары, и ничего не происходило. И, тем не менее, при каждом ударе волн о рубку, я не в силах был сдержать себя и закрывал глаза.

А Иван Данилович спокойно стоял за штурвалом, не мигая, глядел сквозь разбивающиеся у его носа многотонные зелёные волны и рассказывал о том, с каким трепетом он в Ялтинском Доме-музее Чехова прикасался к плащу, в котором писатель совершил свою поездку на остров.

- Это знаменитое кожаное пальто Чехова, что спасало его от погодных сюрпризов в дороге, почему-то больше всего привлекает людей! – с не скрываемым удивлением заметил он.

Ивану Даниловичу, вынужденному по роду своей профессии неоднократно совершать открытия и подвиги, так что они вошли в привычку и всерьёз им никак не воспринимались, путешествие скромного Чехова на Сахалин представлялось, в сравнении со своей полной тревог морской жизнью, чем-то необыкновенным. Старый морской волк выглядел ребёнком, вспоминая солнечную Ялту, и как там, совсем по-другому, пахнет морем.

- На этих черноморских морячков-каботажников без смеха смотреть невозможно, - с улыбкой горячился он. – Брючки отутюжены, мичманки белоснежные… Ха-а! Ты как, штурман, перевёлся бы туда?

Молодой третий штурман Володя, только третий год, как после мореходки, искренне недоумевает, краснея:

- Иван Данилович, ну, вы скажете… Да я без Дальнего Востока - никак! Вот тоже…

А капитан, с прищуром вглядываясь в беснующиеся впереди волны, только скалится:

- Ещё помню, как там было оживлённо, шумно, и женщины красивые в лёгких платьях ходят…

Вахтенный матрос, переняв у Ивана Даниловича управление, тоже, неизвестно отчего, смущается, стараясь не отвлекаться от приборов.

- Все торопятся жить красиво и счастливо, - задумчиво добавляет капитан. – Ну-ка, возьми правее. Видишь, что большой волны нет, и судно хорошо слушается тебя – не надо перекладывать много руля, тогда оно сразу рыскнет. Судно пошло влево, а ты его одерживай, возьми руль немного вправо… Остановилось судно – положи руль прямо. И не спеши. Главное –

внимание… Покатилось вправо – придержи на курсе. Вращать штурвал следует так: больше пяти градусов руль перекладывать не надо, спокойнее веди себя, но следи за обстановкой зорко.

И уже более благодушно:

- Ничего, со временем уразумеешь. Море любой камешек обточит!

- А вообще-то, скучно там, - через какое-то время возобновляет он свой разговор о Ялте. – Море ненастоящее, веселье отдыхающих быстро надоедает, и чувствуешь себя лишним. Если бы не жена, бросил бы этот юг, едри его мать. Это жена меня в дом Чехова-то повела…

В этот миг огромный вал мутновато-зелёной пенящейся воды навис над судном, замер на мгновение, и рухнул всей своей мощью на судовую надстройку, отчего показалось, что мы на самом деле погрузились под воду. Через смотровые иллюминаторы было видно, что вода никуда не уходит, так её много, а мы продолжаем находиться в ней, вглядываемся в бурлящие за переборкой водные потоки, и не покидает ощущение, что находимся в батискафе. Волны, одна за другой, неотступно наваливаются на судно, оно никак не может выбраться на поверхность, а Иван Данилович, упершись лбом в холодное стекло над лобовой переборкой, беззлобно бормочет в адрес наседающих волн:

- Не плачь по правде, мать твоя каракатица, обживайся с кривдой!

Вахтенный матрос со штурманом вцепились во все доступные выступы ходовой рубки, упираются, что было сил, ногами в палубу, с любовью взирая на своего капитана.

- С какой целью Антон Павлович к нам на остров-то пожаловал, знаете? – неожиданно разряжает он обстановку.

- Это ведь тогда был кандальный остров, - со знанием дела замечает штурман. – Он из себя ничего не представлял, кроме природы, конечно. Для того времени – рисковое дело: это ж надо, через всю Россию, на перекладных, по бездорожью!

- Да… А ему – всего лишь 30 лет, он – в расцвете творческих сил, и уже написал «Каштанку» и «Степь». Друзья отсоветовали ему ехать, многие не понимали выбранного им решения, а он всё же решился.

- Как оно родилось у него? – неожиданно озадачивается штурман. – Интересно было бы узнать.

Еле приметным движением головы капитан даёт ему понять, чтобы он не оставлял без внимания вахтенного матроса, и подходит к карте. Штурман сразу примолкает, и какое-то время сосредоточенно всматривается в кипящее море, будто стараясь разглядеть в нём причину его бурного негодования.

- Люблю шторм, - немного подумав, задумчиво замечает он. – Свободное от всего море, и небо огромное… Оно такого же цвета, как и вода. А мы, совсем маленькие люди, противостоим ему.

- Товарищ, капитан, - включается в разговор вахтенный матрос. – А правда, что Антон Павлович огромный револьвер с собой вёз, пока до нашего острова добирался?

- Следи-ка лучше за курсом, грамотей. И держи больше правого борта. А действительно, был у него револьвер, Иван Данилович?

- Ну, ты посмотри, что вытворяет! – обращаясь неизвестно к кому, досадует капитан, с деланным неудовольствием поглядывая на дыбящиеся за бортом волны. – Огромный! Что без нас было слышали, что при нас есть не знаем: слухи ветром носит.

- Люди говорят, так люди и слушают. А язык, что лопатка, не ведает – где горько, где сладко, - подстраивается под настроение капитана штурман.

- Всякого слушать, так ни в гостях, ни дома не кушать. Что касается личного оружия, то в ящике письменного стола, а тем более – в путешествии на Сахалин, Антон Павлович всегда держал при себе дорожный револьвер «Смит и Вессон».

- Знатный пистоль!

- К слову будет замечено, что револьвер «Смит и Вессон» до 1895 года состоял штатным оружием русской армии. После уже его сменил револьвер системы «Наган». По воспоминаниям брата Чехова, когда Антон Павлович прощался с родными и друзьями на Ярославском вокзале, один знакомый капитан, будто бы, посоветовал ему всё время держать в кармане наготове револьвер, чтобы успеть покончить с собой, когда пароход пойдёт ко дну.

- Шутка-та ряд делу! – довольно ухмыляется штурман.

- Антон Павлович был большой охотник до неё, - тут же, с воодушевлением, подхватывает капитан. – После возвращения с Сахалина он искренне полагал, что его московская жизнь до такой степени мещанская и скучная, что ему хотелось кусаться. «Во мне теперь всё просахалинено!» - вот он как говорил.

С лица капитана не сходит довольная улыбка.

- Мы, сахалинцы, Чехова своим считаем! – в удовлетворении заключает он.

- А главное, он над собой всегда не стеснялся подшучивать! – радостно подхватывает Володя. – Здорово, когда человек не боится этого делать.

- Это верно. Нет лучше шутки, как над собою.

- А вот со стихией не побалагуришь: кто её уймёт?!

И верно, что ожидает нас впереди – одному Господу известно. По всему видать, что черти ещё на кулачках не дрались. Все предыдущие дни шторм бил нам навстречу, а теперь к нему добавился и ураганный ветер.

Всё на судне кажется промокшим, холодным, скользким, ничего не хочется делать, и это хуже всего. В такой шторм нужно обязательно занять себя. Чем угодно, и если занятие помогает, то у вас остаётся шанс не свихнуться. Можно, конечно, быть замученным усталостью и бессонницей, чтобы только ни о чём не думать, но лучше не терять остатки разума. Капитан со штурманом и вахтенным матросом находят спасение в беседе об Антоне Павловиче Чехове…

Так и подмывает порой упереться лбом в холодное стекло окна, как это делает капитан, и смотреть туда, вперёд, откуда надвигается это

умопомрачительное штормовое действо. Судно послушно ныряет носом в водную бездну, и ты, затаив дух, и не разбирая времени, тоже устремляешься в глубину этого бездонного водного колодца. Уу-ух! Уу-ух! Ууу-ух!!!

Но вот оно опять нерешительно выкарабкивается, с упорством, присущим самой стихии, задирает нос, взлетая высоко над морем, и ты, набирая в лёгкие воздуху, взметаешься в свинцовую небесную хмарь, а вокруг – валы, валы, валы. Они распушают белопенные рваные косы, рушатся, бесконечно куда-то проваливаясь, и судно зависает на одинокой водяной горе, оголяя вращающиеся винты. Великолепная медитация, если научился совладать с собой, и тогда штормовые громады волн и мрачные тучи тебе не помеха.

Стенки рубки со стоном содрогаются под напором стихии, всё, что можно было погнуть, исковеркать и оторвать, уже давно оторвано и смыто за борт, но ветру со штормом этого мало, и они безудержно и неотступно напирают, крепнут. Прямо по курсу – по-прежнему нескончаемо выматывающий душу, оголтелый шторм…

Час за часом, сутки за сутками, одно и тоже… Кажется, шторм никогда не кончится, ничем и никем не сдерживаемое волнение закрыло собой всю землю, вокруг – одна вода: бурлит, клокочет, переваливается через судно с одного борта на другой, и всё неистовствует, ревёт, словно грозится нас уничтожить. Но Иван Данилович спокоен, ему не даёт покоя пребывание Антона Павловича Чехова на сахалинской земле. И действительно, зачем он попёрся через всю Россию на самый край света?!

А он-то сам, капитан, отдаёт себе отчёт в том, зачем повёл судно навстречу разбушевавшейся стихии? Наверное, чтобы экипаж, отработав в море, в течение четырёх месяцев, к Новому году вернулся в родной порт приписки, не иначе… А вот Антон Павлович уезжал из дома, за тысячи километров, даже не ведая – что ожидает его на всём этом пути…

- Я читал его письма, - твёрдо проговорил Иван Данилович, - что написаны перед самым отъездом на Сахалин, и меня не покидало чувство, вернее, оно сразу пришло ко мне: Антон Павлович стоял выше на сто голов по человечности, душевной глубине и мужеству всех тех, кто отговаривал его от «безумного» шага. Конечно, в нём изредка пробивалась тревога, и его не покидало чувство, будто он собирается на войну. Как он был одинок! Но в тоже время – какое осознанное решение, выношенное в спорах и сомнениях с самим собой…

- Просто он не мог быть непричастным к бедам русских людей – к каторжанам, погибающих на сахалинских рудниках! – добросердечно и просто, как будто давно ждал этого, промолвил вахтенный матрос, и нежный румянец выступил на его веснушчатом лице.

- Не мог не прислушаться к голосу совести, - утвердительно заключил штурман Володя. – Она не давала ему покоя…

- Всё так… Скорее даже – глубоко личный осознанный порыв, желание сменить рутину надоевшей московской жизни с её заведомыми скучными

обедами, дачами и ужением рыбы. Вероятно, он понимал всю непереносимость для себя такого существования, и невозможность изменить что-либо в своём образе жизни… Желание встряхнуться, хотя бы на полгода сменить опостылевшую обстановку, - вот что двигало им!

- И где? – с оживлением, запальчиво воскликнул опять штурман. – На кандальном, жутком острове?!

- Но ведь там были люди, которые более всего нуждались в человеческом отношении, тепле, - робко произнёс матрос.

- Свежего воздуха ему, в общем, не хватало. Верно, Иван Данилович?

- И это тоже. Что-то неуловимое, чеховское присутствует в его поездке, и ведь только он, один, решился на неё… Главное, наверное, Чехов хотел возвратить себе самого себя.

А ветер крепчал, давил в скулы судна, и когда оно зарывалось носом в очередную гигантскую волну, двигатель, казалось, ещё более набирал обороты, и весь судовой корпус пронизывала душераздирающая дрожь. Рубка опять на какое-то время оказывалась под водой, разговоры притихали, и все мучительно ожидали, когда в лобовых иллюминаторах затеплится свет блёклого курильского неба. Осенние шторма уже вошли в свою полную силу, а до порта приписки ещё идти и идти.

- Почитаешь Чехова, и действительно приходит на ум мысль: а делом ли я занимаюсь или пустяками? Никто из писателей не бывал таким порядочным искренним, - задумчиво произносит капитан. – Штурман, ты Чехова-то читал?

- Обижаете, Иван Данилович. Мне у него больше всего нравится про то, как нужно перестать верить тому, что говорят и пишут люди, а наблюдать жизнь самому, и вникать в неё. Не бояться ничего.

- Всё достойное есть в самом человеке, Чехов, как никто, это понимал. Нёс в себе и несчастье, и счастье, и не представлял одно без другого.

- Я, наверное, благодаря именно Чехову и осознал, как много в нашей жизни совершенно ненужного, ничтожного, что волнует нас, а надо-то всего лишь довольствоваться тем, что у тебя есть.

- Слова не юноши, но мужа! А я вот такое приметил… Всегда, когда читаешь какого-нибудь известного писателя, ловишь себя на мысли, что ты – не такой умный, как он, поражаешься высказанной им мысли, а с Чеховым всё иначе: он удивительно понятен, тебе начинает нравиться его обаятельная простота, и ты не замечаешь, как Чехов становится тебе дорог.

На какое-то время в рубке опять воцарилось молчание, все присутствующие, должно быть, задумались о сказанном. Было хорошо идти навстречу шторму со светлыми думами о Чехове, его чудесных рассказах и о том, как он преодолевал нелёгкую дорогу на Сахалин, решился на неё, и написал замечательную книгу про остров, к которому мы пробивались четвёртые сутки…

Перед тем, как отправиться в рейс по Курилам, я как раз перечитывал Чехова, и сейчас передо мной отчётливо встают его слова: «Если бы все

люди сговорились и стали вдруг искренни друг с другом, то всё бы у них пошло к чёрту прахом». А надо бы наоборот, но для этого необходимо без устали трудиться над собой, чтобы при проявлении искренности в нас возобладало только устремление к правде, и всего хорошего бы мы желали не от кого-либо, а от самих себя.

- Мне кажется, Чехов любил обыкновенных людей, - осторожно, но твёрдо произнёс вахтенный матрос.

- А больше всего он любил эту жизнь, и всегда верил в то, что человек может стать лучше, если ему показать, каков он есть.

- Такова уж человеческая судьба, - с горечью замечает Иван Данилович, - что если не ошибёшься – никогда не постигнешь главного, и настоящую правду, наверняка, возможно достичь только самому. И дело тут не в переживаемом счастье, а в том – есть ли в твоей жизни смысл и достойная цель. Это и есть истинная радость.

Приняв от вахтенного матроса управление судном, штурман весело провозглашает:

- Необыкновенный то был человек, лучше не сыскать!

Иван Данилович усмехается.

- На сахалинской каторге он, кстати, встречался со знаменитой воровкой – Сонькой «Золотая ручка», закованной в кандалы из-за трёх попыток бегства. А после долгой поездки на Сахалин побывал ещё на Цейлоне, откуда привёз с собой в Москву симпатичного зверя мангуста!

- Ух ты! Славный зверёк, хоть и ростом с вершок. Зубы покажет – никто его не накажет.

- У него даже жили две таксы, и они получили свои имена по названию двух самых известных лекарств того времени, к которым Антон Павлович присовокупил отчества: Бром Исаевич и Хина Марковна. Он всегда подолгу разговаривал с ними, передавал им приветы, когда отсутствовал дома, и брал с собой на рыбалку.

- Из двух такс выбирают обоих, а то одна вырастет эгоисткой, - со знанием дела заключает штурман. – Я где-то читал, что хоть у них и короткие лапы, но они не чувствуют себя ущербными, и будто бы любят спать под одеялом…

- А ещё Антон Павлович, после покупки мелиховской усадьбы, посадил у себя в саду сто кустов сирени! Говорил про себя: «Если бы не литература, я мог бы быть садовником».

- Он крыжовник любил, я знаю, даже рассказ такой написал. Я когда с морями завяжу, тоже сад возводить стану. Буду расти духовно вместе со своими деревьями.

- Смотри только корнями вверх их не посади, - улыбается капитан. – Когда император Николай 2 подписал указ о том, что Чехову жалуется титул потомственного дворянина и орден Святого Станислава третьей степени, то Антон Павлович его не принял, оставил без внимания…

- Я и говорю: человек! Не для себя, а для всех родился. Он ведь, по сути, открыл для России наш остров. До этого о нём мало, что знали. Недаром в его честь назван вулкан на планете Меркурий!

Все опять притихли, и стало отчётливо слышно, как из каких-то неведомых чертогов морской пучины взметнулся над ней неистовый ветер – сигнал к тому, что погода меняется, и волнение будет уходить всё дальше, на юго-запад, к берегам Японии… А пока – по-прежнему бушует шторм, с грохотом и рёвом море наваливается на судно, терзает его надстройки и такелаж, и не собирается успокаиваться. Кажется, ему не будет конца, и море, в итоге, поглотит под собой всё.

Когда волны накатывают на судно беспрестанно, постепенно привыкаешь к ним, воспринимая спокойно, но если такая катавасия с нескончаемой качкой длится и день, и два, и три, но во всём теле появляется нервный зуд, сон не идёт, и ты начинаешь чувствовать какую-то безысходность. Смотришь сквозь иллюминатор на приближающуюся водяную гору, как на какое-то сказочное чудовище, что норовит погрести тебя под собой, но даже не прикрываешь глаза, когда гора эта обрушивается и вдавливает судно в такую же, бездонную водную толщу. Летишь куда-то вниз, не чувствуя тела, оно – невесомо, и лишь дрожь в кончиках пальцев на руках и ногах свидетельствует о том, что ты ещё жив, а падение в бездну всё продолжается… Когда же всему этому безумству конец?!

- По нормам регистра нам нельзя находиться в море при ветре сильнее девяти баллов, а начавшиеся шторма в северо-западной части Тихого океана поздней осенью редко бывают меньше десяти.

- А у нас – все двенадцать! Разве, что выйти на палубу?!- пытается острить штурман.

Без юмора в море, тем более – в штормовую погоду, конечно, не обойтись. Все моряки хорошо это знают. И разве не занятно, что присутствующие сейчас в рубке люди с самым серьёзным видом разглагольствуют о судьбе и творчестве Антона Павловича Чехова!

В такие моменты с необыкновенной, очень отчётливо, понимаешь: тебе удивительным образом повезло, что ты оказался вот именно здесь, в проливе Екатерины, и десятибалльный шторм, не меньше, своим свирепым напором угнетает и тебя тоже. Что может быть лучше?!

- Полборта вправо! – слышится глухой голос капитана, и в ответ, еле слышно:

- Есть полборта вправо!

- Так держать!

- Есть так держать!

- Держи судно вразрез волне.

- Есть держать судно вразрез волне.

Лицо вахтенного матроса, кажется, не выражает ничего, кроме желания закрыть глаза и забыться, но это – обманчивое впечатление. Его крепкие

руки уверенно сжимают колесо штурвала, не дрогнут, простое веснушчатое лицо сосредоточено от важности происходящего.

- Я, товарищ капитан, ещё спросить хотел… Можно?

- Не зябнут ли ноги у гуся?

Но матрос даже не изменился в лице. Видать, давно готовился что-то сказать.

- Я это, про Чехова всё думаю…

- Ну, валяй. Спрос не бьёт в нос.

- У Антона Павловича были дети?

- Нет… Он мечтал о ребёнке, но мечтам не суждено было сбыться. У его жены, актрисы Ольги Леонардовны Книппер, случился выкидыш. По воспоминаниям близких – много работала и не берегла себя.

- От такого человека, и … не удержала, - с горечью произнёс матрос.

В рубке снова повисло напряжённое молчание. Штурман включил рацию. Эфир сразу заполнился потрескиванием магнитных полей и короткими электрическими разрядами, изредка прорывались отголоски далёких мелодичных напевов, слышалась отрывистая японская речь…

- Антон Павлович же ещё и доктором был! – вдруг радостно восклицает вахтенный матрос, желая, видимо, хоть как-то показать свою эрудицию. – А умер от чахотки, совсем молодым… Жалко его.

- Да… И по этому поводу опять шутил: медицина – моя законная жена, а литература – любовница. Когда надоедает одна, ночую у другой.

- Мне кажется, он очень хорошим был, человечным…

- Даже когда Антон Павлович стал известным писателем, он продолжал лечить приходящих больных и посещать тяжёлых на дому, а на дверях своей квартиры поместил табличку «Доктор А. П. Чехов». К слову сказать, умирал он в Германии, куда уехал на лечение, и перед самой смертью, впервые в жизни, сам попросил послать за доктором.

- А известно, как он уходил?

- Удивительно он умирал… По словам жены, сначала попросил шампанского, сел на кровати, и так значительно говорит доктору: «Я умираю». Затем взял бокал, улыбнулся жене и сказал: «Давно я не пил шампанского…»

- И всё?!

- Да. Спокойно выпил вино до дна, тихо лёг на левый бок, и умолк навсегда.

- Героический был человек! – растроганно заявил штурман.

- И чувство юмора не оставляло его даже после смерти! Гроб с телом писателя был доставлен в Москву в вагоне с надписью «Устрицы». В нём были оборудованы холодильные установки…

- Скорее, горькая усмешка судьбы…

- Всё не могу забыть его выражение про то, как сотни вёрст пустынной, однообразной выгоревшей степи не могут нагнать такой скуки, как один человек…

- Умница Антон Павлович… В точности нашего чифа описал.

- Чего стоит одно его замечание: если человек не курит и не пьёт, то невольно задумываешься, а не сволочь ли он?

- Да… Никогда человек не бывает доволен тем, что у него есть. Чехову, наверное, тоже многого не доставало?

- Именно поэтому ему, должно быть, принадлежат такие слова: как приятно лежать неподвижно на диване и сознавать, что ты один в комнате. Истинное счастье невозможно без одиночества.

- Ему даже одиночества не доставало!

- Но Антон Павлович всегда старался думать о человеке хорошо: человек прекрасен, говорил он, пока его не разбили, не обманули и не растоптали.

- Люди всегда ждут чего-то хорошего извне, а человек должен мыслить и жить от самого себя.

Иван Данилович как-то сразу загрустил, лицо его показалось осунувшимся – четвёртые сутки бушевал уже шторм, и он тихонько произнёс:

- Жаль, что многие моменты никогда больше не повторятся: ни Антона Павловича больше не будет, не поедет он уже через всю Россию на Сахалин, и Бунина с Толстым тоже не будет… Даже этот безудержный шторм не повторится, потому как всё ценное в жизни имеет своё время и место, и мы должны ценить и его.

Привяжешься вот к этой экспедиционной жизни, иной раз проклинаешь её почём зря, а уйдёт она – и ты начинаешь грустить. Тебе её, выходит, не хватает. Порой становится даже невыносимо: всё бы отдал – только оказаться в открытом море, и чтобы баллов побольше, тогда с каким удовольствием жуёшь чёрствую ржаную корочку…

- А на меня волнение никак не влияет, только веселее становится, - задорно заявляет штурман. – Иной раз, наблюдая, как какой-нибудь бедолага сходит с ума от этой болтанки, мне даже совестно за себя становится: нормальный ли я?

- Пока человек чувствует боль – он живой, - угрюмо заявляет капитан. – Штурман, ты смотри, не попускай волне сбивать ход, клади руль покойно и давай задержку, не спеши переводить…

- Иван Данилович, я чужую боль всегда чувствую, - доверчиво замечает Володя. И будто извиняясь, добавляет:

- Это всегда большое удовольствие доставляет.

- Интересно, как бы Антон Павлович такой шторм переносил? – напоминает о себе вахтенный матрос.

- Чем выше человек по умственному и нравственному развитию, - менторским тоном провозглашает штурман, - тем он сильнее к житейским перипетиям. Верно, Иван Данилович?

- Каждый человек – отражение собственного внутреннего мира, как он руководит собой – такой он и есть.

- Значит, Антон Павлович обязательно бы справился. Я бы ему компот в каюту носил!

Капитан со штурманом заулыбались, а море вокруг, по-прежнему, неистовствовало, всё гудело, стонало и со скрежетом вытягивалось, вот-вот оборвётся, но затем вновь вкручивалось в единый рокочущий хаос, на который уже не было сил обращать внимание, и так – без конца…

Под бурлящим потоком нескончаемых волн, как под покровом ночи, таилась неизведанная, наверное, страшно интересная, настоящая жизнь, а перед нами, кажется, раскрывалась лишь её малая, незначительная часть, что по своей мощи всё-таки представляла нечто неописуемое… Какие же тогда тайны хранят глубины океана?!

И тут Иван Данилович неожиданно говорит:

- Я вот вдруг сейчас подумал, что Антон Павлович был удивительно искренним, а значит – правым, потому как обладал в себе силой, о которой никто, даже его самые близкие люди, и не подозревали.

И помолчав раздумчиво, тихонечко произнёс:

- Необыкновенной души был человек… Люблю его, знаете ли.

Для меня же необыкновенными оказались эти дни, что прибавили седых волос и обогатили недостающим знанием. Шторм, изнывая, сходил на нет, угасали натрудившие судно волны, и мы возвращались домой, полные ещё необозримым для себя временем, таким же необъятным морским пространством и свежим воздухом. Жизнь впереди опять воспринималась радостной и бесконечной, и вскоре все думать забыли про капитана, благодаря которому судно, может быть, и вернулось благополучно в родной порт приписки, и члены команды могли встретить Новый год со своими близкими…

Глядя тогда перед собой на мутновато-зелёное послештормовое море, которое по цвету было самым любимым, я думал о многом… Думал о своих друзьях, которых невзгоды экспедиционной жизни только ещё более сплотили, о чудесном, любимом айнами острове Шикотан, об Антоне Павловиче Чехове, совершившем своё беспримерное путешествие на Сахалин, и о том, что если ты хоть однажды пережил миг, который резко изменил твою жизнь, то рано или поздно придёт время измениться и тебе самому. Внешне это может проявиться, наверное, очень неожиданно: как-то незаметно вдруг оформится горбинкой нос, лицо станет более тонким, обтянутым, и у переносицы засядут галочкой морщины, а размытая ясность глаз, так часто привлекающая внимание случайных прохожих, когда-то непонятная и тревожащая, приобретёт спокойную твёрдость, напоминая всякому о глубоко скрытой в тебе внутренней силе и возможности никак не демонстрировать её… В этом просто не будет необходимости, потому как глаза скажут всё сами за себя.

В отношении к себе людей - ты с удовольствием уловишь некоторую приятную новизну… Как будто все они когда-то были твоими закадычными друзьями, ты надолго уезжал в дальние странствия, и время текло неприметно. А потом, возвратившись, ты запросто встретился с ними, чувствуя, что они тебя помнят, понимают и, по-прежнему, добро относятся.

Ты уже, конечно, знаешь, что жизнь твоя отныне неотделима от моря. Благодаря прожитой в нём жизни, ты начинаешь видеть смысл собственного существования на земле, даже если иногда тебе кажется, особенно во время длительной экспедиции, что он бесследно ускользает. Но ничто так не утоляет не прекращающуюся жажду постижения, как работа в море, вот в таких удивительных местах, как Курилы, посреди Тихого океана…

Ведь настоящий характер появляется у того, кто жертвует всем ради обретения истины. И ещё когда не боишься отличаться от других, осуществляешь свои мечты, стремишься, несмотря ни на что, к знаниям, и никого зазря не обижаешь, а если и судишь, то по праву, которое завоевал в борьбе за то, чтобы стать лучше. Ну, как твой капитан, роднее которого для тебя нет никого на всём белом свете!

«КУНАШИР»

Кунашир, в отличие от Шикотана, названного айнами «лучшим местом», да и Итурупа с Урупом, обозначенными как крупный и не такой уж большой «лосось», поначалу несколько обескураживает тем, что переводится, как «Чёрный остров»… Тем более, что и располагающиеся севернее острова имеют сравнительно миролюбивые и спокойные наименования: Ушишир – «бухтовая земля», Чирпой – «мелкие птицы», Онекотан – «старое поселение», Парамушир – «большой» или «широкий остров». И вдруг – «чёрный», несмотря на то, что Кунашир – остров с пышной и очень богатой природой!

А дело вот в чём: Кунашир покрыт изумрудными хвойными лесами, действительно кажущимися с моря чёрными, порой – несколько устрашающими, и именно это, наверное, и послужило его названию. Даже, несмотря на то, что среди этих чёрных хвойных лесов попадаются и вовсе диковинные, совсем не мрачные растения – магнолия и лианы, обвивающие пихты и ели… Сочетание представителей южной породы – бархатное дерево, дуб, магнолия, с представителями севера – кедровым стлаником и лиственницей, может быть, главное своеобразие Курил, и именно – Кунашира. Причина столь оригинального природного богатства заключена в сложной геологической истории этого района – в былой связи его с материком Азии, Японскими островами, Сахалином, Камчаткой и Северной Америкой.

Необычность растительности на Курилах, в частности – на Кунашире, и в малом количестве на островах эндемичных видов, то есть - растений и животных, которые встречаются только в этом регионе. Это малое количество эндемиков свидетельствует о сходстве климатических условий Курильской гряды и соседних с нею территорий. Слабый эндемизм говорит о том, что Курилы возникли сравнительно недавно и эндемики ещё не успели развиться. Появлению эндемиков препятствовала и бурная вулканическая деятельность, уничтожившая на больших площадях всё живое. Речь идёт о геологической молодости Курил, то есть о времени отделения от материка, о молодости Охотского моря и Курильских проливов, фундамент же всех этих геологических образований – древен.

Ещё одно своеобразие курильских лесов – лианы… Тут и гортензия, и актинидия, и лимонник китайский, и княжник охотский, и самые разнообразные виноградники… Голые толстые стебли лиан кольцами поднимаются вверх по деревьям, плотно обвивая ствол чуть ли не до самой верхушки, другие же их ответвления, свешиваясь над дорогой, оплетают перегораживающие её сухие надломленные и наискось наклонившиеся стволы, придавая им нарядный и праздничный вид.

Лиана, носящая местное название «кишмиш» за очень сладкие съедобные плоды, раскидывается поверх тёмной хвои лесного подроста роскошным покрывалом из листьев, изменяющих цвет так, что половина листа становится густо-розовой или белой. Такие листья похожи на крупные цветы. Они привлекают насекомых, необходимых лиане для опыления её незаметных скромных цветочков, которые свешиваются на черенках с ветвей под пёстрым нарядом листьев.

В начале лета, в период цветения лиан, лес превращается в ряды бело-зелёных колонн, увенчанных тёмными кронами. Почти на каждое дерево взбирается по 2-3 экземпляра этого дикого растения. Мелкие цветы гортензии белой и розовой окраски образуют крупные соцветия, которые волшебными бликами разбросаны на фоне светло-зелёной листвы, а вскоре, по мере роста, драпируют собой и стволы. Ощущение – непередаваемое, так что даже забываешь думать о родных уральских лесах, в которых хмурая и таинственная строгость могучих ельников начинает представляться однообразной, даже скучной.

Начнёшь разбирать – какое дерево сокрыто под обвившими его со всех сторон лианами, и запутаешься от обилия самых необыкновенных представителей… Здесь и тис, который нередко рубят на топливо, поскольку он хорошо горит, и большелистые красавцы дубы, и раскидистые белые сахалинские берёзы, каких в средней полосе России и не встретишь, и «белый орех», по-местному – «чёрное дерево», с листьями, похожими на кленовые, но с большими острыми шипами на стволе, и бесчисленное разнообразие ольхи, и бархат сахалинский с продолговатыми, заострёнными, к концу, листочками, соединёнными в сложные листья, и с пробкой на стволе… Не удивляйся, ты – на Кунашире!

Но вот уж что поистине очаровывает здесь, так это магнолия… Магнолии – на Курилах! Есть чему удивиться, если не знаком с местным своеобразным климатом. Великолепное высокое дерево с глянцевитыми, словно навощёнными, листьями, увенчано огромными белоснежными цветами, источающими аромат дальних странствий и неведомых земель.

Диковинное растение обычно связывают с субтропическим поясом Кавказа. Там это дерево с великанами-цветами испускает одурманивающий дух. Жёсткие, кожистые листья магнолий так огромны и гладки, что на их лакированной поверхности можно писать письма. Растение это – вечнозелёное.

Курильская магнолия не вечнозелёная, и цветёт гораздо мельче, да и аромат слабее, но всё же присутствие её на Курилах, которые бывают так суровы, поражает, и ты чувствуешь себя счастливым, что всё это увидел. На Кунашире магнолии растут в лесу среди других деревьев, и попадаются довольно часто. Это единственное место, где у нас в России встречается магнолия в диком состоянии. На Кавказе она разведена искусственно.

Удивительно на Кунашире и разнотравье… Кроме Курил, травы-гиганты встречаются ещё на Сахалине и Камчатке, и лишь частично на

Алеутских островах и на острове Хоккайдо, то есть в районах, сходных по климату. Обилие влаги и большая облачность создают в этих местах как бы гигантский парник: растениям не хватает света, и они усиленно тянутся к солнцу. Травы поднимаются на Курилах выше человеческого роста и образуют такие густые заросли, что через них часто не только трудно пройти, но можно потерять ориентировку и заблудиться.

Вот над твоей головой свешивает с высоты двухметрового роста кисти нежно-розовых цветов лабазник камчатский. За ним стеной стоит цветущий пышными метёлками сахалинский горец-гречиха. Дальше, словно свечки, вытягивают прямые стебли копьевидная какалия, и трёхметровый дудник мерно раскачивает зонтики мелких белых цветочков. Ну, а гигантский лопух-белокопытник, хорошо известный ещё по Сахалину, своими сдвинутыми листьями, доходящими в диаметре до метра и даже несколько больше, создаёт ощущение воздушности и трепета, когда ты оказываешься в его зарослях. Чудится, будто почва уходит из-под ног куда-то вниз, и ты со следующим шагом вот-вот полетишь в неведомые недра курильских вулканов, где, не переставая, кипит огнедышащая лава…

Но более, чем какие-либо другие растения, на Кунашире, пожалуй, распространён кедровый стланик, и занимает обширные площади. Отсутствует он только на островах Малой Курильской гряды, а также на Матуа и Алаиде. Кедровый стланик – это типичное растение горного пояса северной таёжной зоны, и под тенистым сплетением ветвей этого самого известного на Курилах хвойного кустарника всегда царствует тень.

Стланик обладает удивительной способностью приспосабливаться к неблагоприятным условиям жизни. С наступлением зимы ветви его пригибаются к земле и скрываются под снежной толщей. Другое его интересное свойство – способность создавать придаточные корни. С их помощью кустарник укрепляется в защищённых от ветра участках и затем, постепенно, отделяется от материнского ствола. Такая высокая приспособляемость позволяет кедровому стланику распространяться от уровня моря до самых значительных высот.

На участках с мощным снежным покровом стланик имеет прямые ветви, чашеобразно расходящиеся от нижней части ствола. Наибольшая высота его достигает трёх метров. По крутым склонам ствол кустарника тянется параллельно поверхности земли, от него почти под прямым углом поднимаются ветви. Крона стланика направлена в сторону господствующих ветров. В зарослях стланика редко что-либо растёт, кроме курильского бамбука. Вместе они, как будто, дополняют друг друга, создавая непроходимые заросли, но кто же решится их преодолеть?!

Есть, правда, стланик совсем приземистый, ниже метра, так что стелется своими коротенькими стволами прямо по склонам. В таких местах он повсюду кажется угнетённым, приниженным, - и не деревья и не кустарник, какие-то древесные уродцы. По такому стланику какое-то время можно даже передвигаться, прямо поверх кустов, качаясь и подпрыгивая на

пружинящих ветках. Да только недолго. Не за что держаться, бросает то в одну, то в другую сторону, в конце концов – валишься, и если при этом нога угодила между стволов, поднимешься уже не сразу, тем более, с рюкзаком.

Но когда начинается стланик повыше – приходится просто лезть напролом, даже ползти, и вскоре становится ясно – это гиблое дело. Кривые коленчатые стволы стланика, который повыше, невозможно преодолеть: стволы его перевиваются, высота чуть ли не с рост человека, по верху пробираться тоже нельзя… Если бамбук путника изнуряет, то стланик ставит в безвыходную ситуацию.

Словом, борьба со стлаником бесполезна: ветви, толщиною в руку, сильно пружинят, рвут одежду, царапают лицо и руки, ноги же намертво застревают между стволами… А бывает, раздвинешь ветви руками, а ступить некуда: внизу глубокие расщелины. Попытаешься перебраться по верху, ветви опять спружинят - и ты окажешься с перевёрнутыми ногами, да ещё застрявший в очередном живом капкане. Там, внизу стволов, часто попадаются заострённые глыбы, и ты используешь их, когда вскарабкиваешься наверх, подтягиваешься руками за перепутанные ветви и понимаешь, что стланика тебе никогда не одолеть, тем более, что он тянется километрами. По нему удобно ходить только зимой или ближе к весне, на лыжах, когда снег заполняет между стволами всё пространство, уплотняется, а ветви как бы создают надёжный фундамент снежного покрова.

Кстати, к осени на стланике созревают мелкие, но вкусные кедровые орешки. Их очень любят бурундуки, в обилии водящиеся как на Сахалине, так и на Курилах. Шишек – море, вернее – целый океан, можно даже организовать промысел, но никто на острове этим не занимается, и становится жалко, что неоценимое природное богатство – орехи, ягоды, лекарственные травы, в огромном количестве пропадает… Не покидает горькое ощущение, что эта непередаваемая красота Курил, которую почти никто не видит, куда-то безвозвратно утекает, и ты можешь только рассказывать о ней своим друзьям и знакомым.

Если добавить ко всему этому горячие пляжи с кипящими озёрами и источниками, чудесные вулканы и водопады, то остров и вовсе покажется вам волшебным. Да, нигде кроме Кунашира, имея в виду Курилы, не встретишь такие высокоствольные еловые и пихтовые леса, лианоподобные гортензии на хвойных стволах, дикий виноград в тенистых лощинах и бамбук, а местами – луга! Но больше всего поражает тёмный хвойный лес, из-за своей густоты воспринимаемый ещё темнее, порой, действительно, до черноты, и эта его чёрная потаённость необыкновенно затягивает. Её хочется постигнуть, утонуть в ней, забраться в самую глубину этих хвойных курильских хитросплетений, процветающих только здесь, на Кунашире.

Кунаширскую тайгу нельзя сравнить ни с лесами нашей средней полосы, ни с сибирской тайгой, ни с дремучими отрогами Алтая. Она своеобразна и таинственна в своей необычной красоте. Стройные сахалинские пихты, густые серебристые ели и лиственницы до 30 метров

высотой, с густыми изумрудными кронами, с достоинством уходят ввысь, как будто не торопятся устремиться ещё выше. Им, видимо, не хочется покидать приглянувшийся остров, и они замерли в ублажающем их души довольстве нахождения на рубеже моря и океана, ощущая в своих могучих верхушках очищающие солёные ветры.

Вообще, лес на Кунашире приносит много неожиданного, он напоминает большой заросший парк, с необычным, очень красивым ландшафтом, облик которого всё время меняется, и даже обилие в нём проторённых медвежьих троп почему-то не пугает. Тропы, как правило, тянутся со склонов гор к реке и дальше к берегу моря, а начинаются где-то в распадках, в густых, трудно проходимых для человека местах. Часто попадаются и следы недавнего пребывания медведя – развороченный гнилой пень, свежие отпечатки лап или кучи помёта. Чудесные папоротники, будто из глубокой древности, величаво раскидывают свои гигантские ветви, умудряясь даже забираться высоко на деревья. По выходу же из леса поражают обильные луга со сплошными зарослями функии, сиреневые крупные колокольчики которой напоминают по своему строению огромные ландыши…

Русские люди открыли Кунашир и Малую Курильскую гряду задолго до того, как тут обосновались японцы. Сделали это русские моряки под командованием Мартына Шпанберга, плававшие здесь в 1742 году в составе экспедиции Беринга. Именно Шпанберг впервые нанёс на карту остров «Коносир» и открыл Малую гряду, назвав, по-видимому, нынешний Шикотан выразительным именем Фигурный. Название одного из Плоских островов, также данное Шпанбергом, Зелёный, теперь восстановлено, а «Коносир» постепенно преобразовался в привычный слуху «Кунашир» - «чёрный остров», остров и настораживающий и манящий своей потаённостью.

Жители Кунашира называют самым лучшим местом на острове кальдеру вулкана Головнина и располагающееся неподалёку Горячее озеро, которое часто меняет цвета. В самом же кратере вулкана находится маленькое кипящее озеро, где, якобы, можно заживо свариться. Это недалеко от истины, ибо озеро непрерывно клокочет, бьёт ключом под напором газов, и над ним постоянно клубится облако душного пара. Насыщенные серой газы с шипением и свистом вырываются из расщелин на берегу, осаживаясь вокруг них ярко-жёлтыми игольчатыми кристаллами. Ступив на берег озера впервые, поостережёшься к нему приблизиться, и только наблюдаешь с безопасного расстояния за этой бурлящей природной чашей: что-то там внутри?!

Термин «кальдера» происходит от испанского слова «caldera», что означает в переводе на русский язык большой котёл. Кальдерой называют овальную или круглую котловину с крутыми стенами и более или менее ровным дном, образовавшуюся во время извержения в результате взрыва или провала вершины вулкана, а иногда и части прилегающей к нему местности.

В первом случае взрыв как бы срывает вершину вулканического конуса. Если же происходят обильные излияния лавы или очень сильное выбрасывание колоссальных количеств рыхлого обломочного материала и газов, то при недостаточных поступлениях новых порций вулканического материала из глубин в вулкане могут возникнуть пустоты, в которые проваливается верхняя часть его конуса. Это приводит к образованию огромной котловины – кальдеры.

Размеры кальдеры могут достигать нескольких километров/10-15 и в редких случаях 20-30/ в поперечнике, в глубину же – несколько сотен метров.

После появления кальдеры вулканическая деятельность может возобновиться, причём в кальдере могут сформироваться новые вулканические конусы, в других случаях она затухает и проявляется лишь в виде фумарол, сольфатар, гейзеров, горячих, кипящих и грязевых котлов.

Вулкан Головнина возвышается до 550 метров, и его кальдера как раз и представляет обширную котловину – более 5 км в поперечнике, которая однажды оказалась местом провала вершины в пустоту, образовавшуюся после излияния магмы. Озеро Горячее – бирюзово-голубое, местами белое, и когда выходишь к нему сквозь пар курящихся сольфатар и фумарол, то от расцветивших прибрежные глины пёстрых узоров оно начинает казаться каким-то муарово-переливчатым, мозаичным, очень сказочным. В кипящем же озере вода свинцово-серая, мрачноватая, глинистый берег – тусклый, а из самого озера выбрасывается чёрный клейкий ил и песок. Зато уж вода урчит и пенится, причём – везде, и не сразу решишься окунуться в это природное чудо.

Но познакомившись со старожилами – узнаёшь, что кипит-то озеро, кипит, но купаться в нём можно, надо только знать где, и мы всё-таки решились, после чего у всех заболела голова и подступила тошнота. В гостинице все в истощении повалились на кровати, и идти на источники знаменитого по Курилам Горячего Пляжа, расположенного в семи километрах от Южно-Курильска, на следующий день уже никто, кроме меня, не пожелал. Начальник экспедиции подсказал, что транспорт туда ждать бесполезно, его может и не быть, и лучше идти пешком, прямо по берегу, вкруговую огибая Южно-Курильскую бухту. И ещё предупредил: хорошо бы взять с собой паспорт, на случай проверки погранцами, чьи схроны располагаются вдоль береговой линии. Времени до отхода судна оставалось мало, и рано утром я отправился в свой первый маршрут по Кунаширу…

Горячий Пляж – главная достопримечательность ближайших окрестностей Южно-Курильска, и не побывать на нём, значило, не ощутить все прелести Кунашира. С одной стороны – обрывистые берега, а с другой – пляж как пляж, то широкий, то узкий, в зависимости от наступающего и отступающего прилива с отливом, утрамбованный накатами волн. На Курилах он даже имеет своё название – «курильский асфальт», и никак иначе, поскольку именно по нему на острове, да и на других Курильских островах, и осуществляется чаще всего сообщение, летят прямо в прибойной

полосе грузовики, поднимая фонтаны солёных брызг. Такова неподражаемая курильская экзотика, хоть и удалённая от удобств цивилизации, но родная сердцу любого курильчанина.

Как раз начался отлив, и плотный, искрящийся радужными переливами песок был усеян пучками водорослей и мелкими раковинами, а в устьях впадающих в залив рек и ручьёв тихонько копошились на камнях дисталостерии – чёрно-белые изящные звёзды. Питание рек и ручьёв на Курилах происходит за счёт атмосферных осадков, таяния снега, а также родниковых вод, в составе которых немаловажную роль играют горячие и тёплые минерализованные источники. На некоторых мелких островах-вулканах все водотоки минерализованы и пресной воды нет совсем. Да она оказывается и не нужна: источник вкусен и полезен, это – изюминка Курил.

На многих Курильских островах бьют из земли горячие источники. В их целебных водах, согретых подземным жаром, лечатся курильчане. Суровая природа Курил не случайно подарила людям, проживающим на них, эту возможность восстановить свою энергию.

Жить и работать на Курилах не просто: постоянно одолевают дожди и туманы, а то пожалует с юга какой-нибудь разрушительный тайфун… Я уж не говорю про подводную работу, когда промёрзнешь до костей, да продует тебя отчаянный северо-западный ветер. Где согреться?! Вот тут и помогают чудесные источники: выкупавшись в естественных природных ваннах, где горячая вода просачивается через песок и удерживается между камнями, образуя небольшие бассейны с разной температурой, совершенно избавляешься от усталости.

К тому же, здесь всегда можно подкрепить силы, разогрев завтрак или чай прямо на горячем песке. На Горячем Пляже, в царстве кипящих сольфатар и фумарол, местные жители варят крабов, яйца и разогревают суп. В горячих источниках, благодаря содержащейся в них кислоте, за несколько дней разъедаются даже брошенные в них гвозди!

Подземное тепло – заманчивый источник энергии и для промышленности. У итальянцев в Лярдерелло на этом тепле работает крупная электростанция. В Исландии горячие воды недр отапливают её столицу – Рейкьявик, позволяя цвести южным культурам в оранжереях. Кое-где на Курилах, в том числе – и на Кунашире, горячую воду источников используют в качестве своеобразного парового отопления. В песок на известной глубине вкапывают бочки, и в них собирается пар, который затем по отводным трубам проходит в помещения. Такое отопление долгое время не требует почти никакого ремонта или присмотра, и курильчане в шутку называют его «нарзанным».

Идти по укатанному волнами песку легко и приятно. Слева – Тихий океан, справа – морские террасы, впереди – вулкан Менделеева. Берег вершины бухты низкий, пологий и песчаный, он порос кустарником и луговыми травами, в одном месте, у самого уреза воды, два выброшенных судна. Изредка берега бухты окаймлены грядой надводных, обсыхающих и

подводных камней и скал. Между ними всегда попадается что-нибудь интересное, и я задерживаюсь, разглядываю, но надо торопиться.

Вот и Горячий Пляж… Неширокий участок песчаного берега океана на протяжении трёхсот метров сильно нагрет и постоянно курится. Уже издали видно, что посреди этого пляжа поднимаются белеющие клубы – не то дыма, не то пара, а иногда пробивается лишь жиденькая сероватая струйка, но подойдя вплотную – следует поостеречься: в любой момент вырвется горячее облако и ошпарит! Можно закопать в песок только что пойманного краба – и через десяток минут он из тёмно-бордового - превращается в розового, им можно закусывать. Здесь уже ощущается близость вулкана Менделеева…

Среди песка повсюду разбросаны небольшие сольфатары – источники, выделяющие сернистые газы и пары с температурой сто градусов. Своё название сольфатары получили от вулкана Липарских островов – Сольфатара, который отличается более или менее интенсивным выделением газов с преобладанием сернистого, углекислого и паров воды. Наступает прилив – они скрываются под водой, будто их и нет вовсе, но когда вода отступает – в оплывающем песке тотчас начинают пыхтеть и куриться паром подземные источники.

Лисы на Курилах нередко появляются на сольфатарных полях. Местные жители считают, что они приходят сюда лечиться. Сера будто бы спасает их от чумы, и после такого лечения животные или вовсе не болеют, или легко переносят своё заболевание.

Было замечено, что лисы приходят на озеро Кипящее в кальдере вулкана Головнина. Они сидят там даже в присутствии людей, неподалёку от уреза воды, не убегают, и только насторожены… Вероятно, болезни сильно донимают животных, шкуры их облезлы, но уже через день-другой лисы исчезают с берега озера, по-видимому, полностью избавляясь от своих недугов.

Сольфатары можно встретить не только на берегу, они подступают и выше, к самой водолечебнице – небольшому двухэтажному коттеджу, рассчитанному на несколько десятков мест. Правда, попасть сюда не просто, люди приезжают даже с материка, ибо воды Горячего Пляжа творят чудеса: за считанные часы вылечивают запущенные кожные и желудочные заболевания, восстанавливают энергию тела.

Впрочем, необязательно пользоваться услугами врачей. В часы отлива, под береговой скалой, можно принять ванну в специально приготовленном местными жителями водоёме. Его окутывают сернистые пары и газы, вода серовато-коричневая, иногда отдающая сероводородом, а ил на дне шелковистый, тёплый. Рядом сооружён маленький домик для переодевания, где я знакомлюсь с местным жителем, бодреньким дедом, только что совершившим целительное омовение.

- Не переусердствуй, - заботливо наставляет он меня, обтираясь полотенцем. – Если первый раз, то выдерживай полчасика, не более… Лучше – минут двадцать.

- А если час? – подлаживаюсь я под интонацию деда.

- Сердце выпрыгнет! Ужо не понимаешь? Сероводород!

В насыщенной чудодейственными свойствами воде я просидел ровно полчаса, но ничего не почувствовал. Сердце толкалось в груди мерно, а я не мог сдержать радости: я – на Кунашире, на знаменитых источниках! В нескольких шагах от меня синеет океан, за спиной вздымается к небу настоящий вулкан, правда, постепенно затухающий, и вокруг слышится несмолкаемое бульканье и шипение: это – курильская баня!

- Сказочна водичка необычайно! – покряхтывая, возглашает дед, и, удаляясь, на прощание бросает: - Не переборщи, паря!

Я по-прежнему чувствую себя хорошо, лежу – и в удовлетворении посапываю. Да и погода выдалась на загляденье: небо над океаном чистое, солнце слепит, и покидать ванну не хочется. Как-то незаметно проходит час, голова начинает слегка кружиться, и я нехотя выбираюсь, ощущая во всём теле необыкновенную приподнятость.

Весь обратный путь мне пришлось буквально пролететь, пребывая в состоянии необычайного транса. Не покидало ощущение, что ноги не касаются земли, тело полностью потеряло свой вес, и воспринимал я себя до чрезвычайности невесомым. Всё происходящее со мной совершенно переменилось: я и без того был счастлив от всего, что переживал на островах, а тут такое перевоплощение! Есть - отчего по-настоящему возрадоваться, и, кажется, я даже перестал трезво оценивать ситуацию. Только в гостинице почувствовал, что у меня есть сердце, оно явно не одобряло подобного надругательства, и билось учащённо, готовое вот-вот выскочить, и вся кожа необыкновенно зудилась, даже горела. Сбывались предсказания сердобольного деда, которые я опрометчиво проигнорировал!

До отхода судна оставались сутки, и я решил на следующий день, рано поутру, идти к вершине вулкана Менделеева. Меня предупредили, что тропа к нему вьётся лишь внизу, по сальфаторному полю вулкана, обрамлённому тёмно-зелёной хвоей стланика и бамбуком. Поле это занимает дно сильно разрушенного и расширенного бокового кратера, расположенного на склоне вулкана. Потом оно переходит в ущелье с жёлтыми обрывами, обильно насыщенными серой. Когда-то здесь функционировал японский серный завод.

Многие исследователи считают, что все вулканы обязательно имеют коническую форму с кратером-воронкой на вершине. Но так бывает далеко не всегда. Правильные одиночные конусы встречаются в природе довольно редко, и чаще преобладают другие формы.

На Курильских островах, например, одиночные конусы составляют лишь треть всех действующих вулканов. Подавляющее же большинство имеют другие контуры. Так, нередко в результате очень сильного или несколько раз повторяющегося извержения первоначально правильный конус вулкана взрывается, и на месте его вырастает конус вновь насыпанного, так сказать «юного», вулкана.

Вулкан Менделеева именно такого типа, но он сильно сглажен и имеет несколько вершин, одна из которых, наиболее высокая и обрывистая, достигает в высоту 886,9 метров. От гребня его сомы – дугообразного зубчатого вала, сохранилась лишь часть. Центральный конус тоже сильно повреждён. Кроме того, кратер вулкана Менделеева, как пробкой, закрыт выжатой из него вязкой лавой, образовавшей так называемый экструзивный купол с очень крутыми стенами и плоской вершиной.

Купол этот ясно можно видеть издали, при подходе к Южно-Курильску со стороны океана. Он весь зарос травой, бамбуком и стлаником, а на восточном склоне имеется утёс светло-коричневого цвета. К какой из вершин мне удастся подняться – одному Богу было известно.

Нужно заметить, что вулканы называются спящими или находящимися в состоянии покоя, когда в промежутках между извержениями их жизнь ограничивается деятельностью фумарол. Фумаролы выделяются из трещин на склонах конуса вулкана, а также внутри кратера, и состоят из различных газов, преимущественно из сернистого ангидрида, хлористого водорода, аммиака, углекислого газа, щелочных соединений хлора, серы, азота и особенно – водяных паров. Температура фумарольных газов колеблется от ста градусов до девятисот, и выделяются они, то медленно и спокойно, то очень бурно. Слово «фумарола» происходит от итальянского «fumare»/дымить/.

Когда я выбрался к кипящим фумаролам, то голова у меня порядком кружилась. Было душно, густо пахло распаренным стлаником и серой, а тропа давно где-то затерялась. Когда я до своего похода на вулкан узнал, что высота его всего лишь около девятисот метров, то был разочарован, но сейчас он уже легкодоступным мне не казался. Одолевать сплошные заросли бамбука и стланика, особенно когда они растут на склонах, дело почти не осуществимое, если, конечно, вы не преисполнены непреодолимым желанием во что бы то ни стало подняться на вершину. И всё-таки – лезть вверх, навстречу бамбуковым пикам и узловатым упрямым ветвям стланика, когда они рвут одежду, ранят лицо, руки и выкалывают глаза, безутешное дело. Да, и зачем? Но я, помнится, подумал, что лезу на эту вершину неслучайно, несмотря на множество существующих ей подобных в целом мире, а меня почему-то привлекла именно эта, и вот я упираюсь, кляну себя за собственное упрямство, и продолжаю своё безумное восхождение…

Вскоре бамбук закончился, и дальше по склону потянулся тёмно-зелёной полосой кедрач. Воображаемая вершина вулкана сразу отодвинулась далеко-далеко, её теперь даже не было видно. Она была скрыта буйной растительностью.

Тот, кто не карабкался сквозь частые заросли стланика, не поймёт меня, если не охвачен страстью открытий. Именно эта страсть поддерживала, когда всё в тебе молило отказаться от подъёма. Но я решил не искать обходных путей, а двигаться к вершине напрямик.

Название «стланик» полностью не отражает природу этого растения, поскольку оно не стелется на самом деле, а тянется в стороны и вверх. Большие раскорячившиеся кустарники с узловатыми ветвями толщиной в руку переплетаются между собой, и идти напролом в таких зарослях просто немыслимо, но я постепенно приноровился… Взгромоздившись на очередной кедрач, я пытался осторожно перешагивать с ветки на ветку, попеременно подтягиваясь обеими руками, и иногда это у меня получалось. Чаще же сучки неожиданно пружинили, я проваливался между кустов и подолгу искал ступеньку-ветвь, на которую можно было бы опереться. Раздвигать упругие ветви руками было бесполезно, но я не сдавался.

Вскарабкиваясь в очередной раз наверх, я, наконец, решил попробовать не перешагивать с ветки на ветку, а прыгать, что, собственно, не спасало меня от падения. Вымотавшись, таким образом, окончательно, я постепенно пришёл к выводу, что победить стланик возможно лишь обладая крепкими руками, ногами и тренированным сердцем. Но даже наличие вышеперечисленных заслуг не гарантирует, что мытарства твои, рано или поздно, благополучно прекратятся…

Мне повезло, заросли кедрача вскоре закончились и я выбрался к краю глубокого ущелья. Спустившись по его покатому склону и взобравшись на пологий противоположный, медленно преодолел узкую верхнюю горловину, удерживаясь за торчащие повсюду валуны, и очутился на каменном выступе вулкана, где кратер, как таковой, почему-то отсутствовал. Передо мной раскинулась объёмная выемка с обрывистыми краями и наклонным дном.

Впоследствии оказалось, что это был своего рода небольшой дополнительный кратер, образовавшийся в результате взрывов газов, не сопровождающихся излиянием лавы. Но, тем не менее, я чувствовал удовлетворение, ибо мой путь наверх был пройден честно. Немного отдышавшись, я залюбовался на раскинувшийся внизу океан и переживал какое-то восторженное и в тоже время простое ощущение счастья. Даже погода, с утра туманная, вместе со мной, кажется, отмечала это событие: она сменилась на совершенно безоблачную и ясную, впрочем, подтверждая представление о курильском климате как об очень переменчивом и капризном.

Я сидел на каменном гребешке вулкана Менделеева и думал о Курильских островах… Слева от меня, на северо-восток, развернулись в строгую линию их гористые, тёмно-зелёные оазисы скрытой от глаз людей загадочной жизни. А над самим Кунаширом царственно возвышался двухъярусный вулкан Тятя, вулкан-красавец, более, чем вдвое превышающий вулкан Менделеева. Я сидел, смотрел на его верхушку, теряющуюся в лёгких облаках, и пытался представить себе внутреннюю работу Земли…

Строение её подобно яйцу, в котором скорлупа – тонкий покров, составляющий в толщину 60-80 км, а внутри желток – твёрдое ядро, и белок

– магма, которая находится в полужидком состоянии и местами, в силу разных причин, образует потоки. Потоки эти постоянно развивают течения и из-за вязкости магмы оказывают огромное давление на земную кору. Если, действительно, толщина поверхностной оболочки Земли по отношению ко всей планете не больше, чем скорлупка по отношению к яйцу, и если эта оболочка подвергается давлению, равному до 10 тысяч килограммов на квадратный сантиметр, то не удивительно, что она имеет тенденцию растягиваться, а когда натяжение превышает предел эластичности – трескается. Так образуется сеть разломов, иногда рассекающих целые континенты, и эти гигантские разломы обязательно отмечаются происхождением вулканов…

В точках пересечения этих трещин глубинная магма медленно поднимается кверху. По мере уменьшения давления обильные газы, растворённые в этой своеобразной жидкости, начинают выделяться. С течением времени этот процесс ускоряется: давление извне уменьшается, газы освобождаются, магма делается всё более жидкой и тем самым облегчается её поднятие.

Наконец, магма проникает сквозь кору и подступает к поверхности Земли. Выделяющиеся в виде пузырьков газы делают её лёгкой и приводят в состояние кипения. Они действуют абсолютно так же, как углекислота, растворённая в шампанском и появляющаяся в виде пены, когда с бутылки срывают пробку.

Последние метры, вернее, последние десятки метров и может быть даже сотни магма проходит быстро вследствие почти полного освобождения от давления уже в совершенно жидком состоянии. В конце концов, она извергается на поверхность, и тогда мы называем её лавой. И так, в результате течения, возникшего в глубинах Земли, магма поднялась к поверхности, а газы явились основной движущей силой вулканического извержения.

Последний раз извержение вулкана Тятя происходило в 1973 году. Оно продолжалось с 14 по 28 июля почти с равномерной интенсивностью. При этом было извергнуто около 2-10 в восьмой степени метров кубических пепла. Высота пеплово-газовой тучи достигала 8 км. Чрезвычайно характерным явлением были почти беспрерывные молнии, прорезавшие тучу. Из всего этого представляется несомненным, что учитывая высокие температуры и температурные градиенты, наэлектризованность тучи и беспрерывные мощные электрические разряды, воздействовавшие на смесь газов и пепла, вызывают многочисленные специфические реакции, приводящие к образованию аминокислот, то есть тем веществам, которые, в своё время, явились основой зарождения жизни…

Что и говорить: Кунашир сразу приковывает к себе всё внимание именно природной насыщенностью, им приятно любоваться и в солнечный ясный день, и сквозь голубоватую туманную завесу. Издали Кунашир кажется разделённым на множество островков, между которыми пролегают

проливы. Но приблизившись, понимаешь, что весь он, даже при кажущейся разобщённости, всё-таки воспринимается спаянным и происходит это благодаря изумительному двухъярусному конусу вулкана Тятя, расположенному в его северо-восточной части. Тятя удивляет и размерами, и формой, и именем, он возглавляет все остальные кунаширские пики, будто увлекая их за собой в туманную тихоокеанскую даль…

Вулкан Тятя… Столько я о нём слышал, воспринимал в своём воображении как-то по особенному, а когда увидел – замер без слов, наслаждаясь этим величием природы… И ещё поражало имя, данное вулкану. Оно к нему удивительно подходило, было на своём месте, как будто вулкан родился с ним и ненавязчиво внушил это знание всем людям, океану и Курильским островам. В первую очередь – Кунаширу, вместе с которым, наверное, появился. После Алаида на самом северном острове Большой Курильской гряды – Атласова, Тятя – второй по высоте и величавости вулкан: он достигает 1822 метра над уровнем моря.

Словно сказочный чудо-богатырь, с широкими мощными плечами и остроконечным шлемом на голове, возвышается он над прибрежными равнинами острова. Особенно красив вулкан в весеннее время, когда трещины в его склонах ещё заполнены снегом. Они рассекают склоны белыми лучами, расходящимися всё шире книзу и, подчёркивая правильную конусообразную форму сомы, напоминают ещё гигантский волшебный шатёр, зачем-то прекрасно возникший на этом участке Кунашира…

Диаметр кратера сомы превышает 2,5 км. В чаше кратера, в центре атрио, расположен ещё юный конус, высотой около 400 метров. Наиболее высокий юго-восточный край вулкана является наивысшей точкой Тяти, этот край отделён от более низкого северо-западного края глубокой выемкой. При наблюдении издалека создаётся впечатление, как будто конус имеет две обособленные вершины. Через пониженный юго-западный край кратера спускаются лавовые потоки очень свежего вида, излившиеся во время извержения 1812 года. С тех пор признаков активности вулкана не отмечалось, кроме 1973 года, когда вулкан выбрасывал в атмосферу только газ и пепел.

Все вулканы на Курилах величественны, будто старцы, что за своими глубокими думами курят трубки… Тятя на Кунашире, Алаид на Атласова, Сарычева на Матуа, Креницына на Онекотане, Эбеко на Парамушире, - все они чем-то очень похожи. Наверное, тем, что вулканы, и омывает их Великий Тихий океан.

Ничто, кажется, не поколеблет их мудрого спокойствия. Если хотя бы однажды увидел эти строгие горные силуэты, они навсегда врезаются в память. Когда же вулкан действующий, то яркость воспоминания о нём значительно возрастает.

Тятя среди всех вулканов Курильских островов отличается особым изяществом правильных форм. Очерчивая своей подошвой и склонами идеальную окружность, он плавно возносится над морем, более всего

очаровывая молодым «соском» - внутренним конусом, утонувшим во внешнем, более древнем. Тятя – классический пример двухэтажного вулкана, который никогда не забыть. Ни одного человека не оставит он равнодушным к своей красоте, невольно вызывая удивление даже у людей, далёких от геологии, географии и океанологии. Казалось, его изваяли чьи-то богатырские руки, и тем более удивительно, что возник Тятя волею самой природы.

Кстати, имя вулкана, казалось бы, исконно русское, таковым не является и имеет не простую историю. Принадлежало оно в своей первооснове коренным жителям острова – айнам. У них эта гора называлась Чача-нупури, что переводится как «старик-гора». А образоваться русскому слову «тятя» помогли японцы. На их языке нет слога «ча», а есть только «тя», вот и превратился «Чача» в «Тятю», вернее – в Тятя-яму, где «яма» означало «гору»… Но русские люди отбросили японскую «яму», и вулкан стал именоваться Тятей, подразумевая под собой доброго удалого богатыря, наделённого невиданной мудростью и силой…

Однажды мне удалось пролетать над вулканом Тятя на самолёте, мы тогда возвращались на Сахалин после экспедиции по Курилам, и моё восприятие действительности на какое-то время остановилось, благодаря грандиозности всего увиденного. Всматриваясь в открывшийся кратер, проплывающий прямо под нами, я не думал о том, что передо мной представилась просто красивая картина – не больше: я переживал непередаваемые чувства, воспринимая увиденное как околдовывающее зрелище. Заглянуть сверху в вулкан, несколько лет назад вновь заговоривший после длительного молчания, да ещё имеющего такие чудесные природные формы, было целым событием. Вряд ли оно когда-нибудь повторится, и я был благодарен судьбе за то, что на моём жизненном пути однажды возникла неподражаемая Курильская гряда, таинственный Кунашир и незабываемо-величественный Тятя…

Из-за надвигающегося шторма отход судна откладывался, и я наметил на следующий день новый поход: на этот раз – прямо через остров, к охотскому побережью. День выдался пасмурный, Охотское море тяжело переворачивало свои свинцовые воды, и на берег слоями наползал липучий туман. Но я испытывал радость от ходьбы, переживаемого на этих пустынных берегах одиночества, лёгкого солёного ветерка, набегающего с моря, и шелеста переваливающихся под ногами волн. Этот совершено чужой диковинный берег был мне отчего-то дорог, и я воспринимал суровую красоту здешних мест как нечто родное. Я шёл к очередному чуду Кунашира – мысу Столбчатый…

Мыс Столбчатый высотой 26 метров является южным входным мысом бухты Первухина, вдающейся в северо-западный берег острова. Он образован склонами холма высотой 105 метров и имеет вид скалистого утёса

шестиугольной формы. Некогда излившаяся лава при остывании как бы раскололась здесь на шестигранные столбы, плотно пригнанные друг к другу, и образовала единую скалу. Геологи называют подобную структуру камня столбчатой отдельностью, ибо столбы, хотя они и вместе, чётко разделены. Причём, что удивительно, острота их граней сохранилась безупречно: не помешали ни разрушительные шторма, ни остервенелые ветра, ни постоянная влажность, разрушающая даже камень.

За нескончаемые века море, конечно, стесало это поразительное кварцовое изваяние, но торцы столбов стали ещё чётче. Их как будто выложили руки человека, к тому же – очень искусно. Не покидало впечатление, что это редкостное явление природы – её гигантский каменный орган, в котором ветер пытается выдувать волшебные звуки, а камень чутко отзывается на его глубинные устремления, отчего-то болеет вместе с ветром душой за созидаемую гармонию.

Серовато-дымчатая стена столбов, не теряющаяся даже в тумане, очень выразительно отмечала мыс, невозможно было пропустить её мимо своего внимания, и мне захотелось сфотографировать эту достопримечательность острова, потому что словами передать мощь Столбчатого мыса не получится. Даже качественный снимок, как оказалось впоследствии, не выражал вулканического творчества Земли, и я только держу в памяти тот пасмурный день, пустынный берег и необычный мыс, какой не встречался мне больше ни на одном курильском острове.

Налюбовавшись на выточенные природой столбы, я уже было хотел повернуть назад, как заметил впереди зеленовато-белёсые причудливые скалы. Образуя самые замысловатые береговые кручи, они представляли из себя ещё одно природное изваяние – целые толщи пемзы, выдутые ветром и выбитые морем. Эти причудливые нагромождения тянулись и вдоль берега и вглубь острова, достигая в высоту десятки метров. Пемза залегала здесь в своём первозданном виде, наверное, и глубоко под землёй.

Пемзовый камень – единственный в своём роде, он способен плавать в воде, пока вода не заполнит его внутренние пустоты. Несмотря на то, что пемза ноздревата и легка, она достаточно прочна и может выдержать значительную нагрузку. Не зря пемза считается надёжным строительным материалом, благодаря своей лёгкости очень удобным для перевозки.

Но всё-таки пемза не в силах противостоять морскому прибою, и именно поэтому пляж в этом месте такой широкий, в нём почти отсутствуют выходы кварца. Разрушительная мощь морских волн не оставляет пемзовым образованиям никакой надежды на длительное существование, и под их напором они отступают. Бесчисленные рифы и скалистые выступы из твёрдых пород здесь крайне редки, а перемытые прибоем пористые кусочки пемзы истачиваются до состояния вязкого песка: идёшь, вроде бы, по чистому песку, который должен быть плотным, но сапоги, то и дело, засасывает. Как объяснить свойства этого удивительного камня?

Дело в том, что пемза – это одна из разновидностей лавы, извергнутой когда-то из земных недр в расплавленном виде, но особенность её заключена в условиях остывания. Расплавившаяся до жидкого состояния масса раскалённого камня, остывая, естественно освобождается от газов и становится цельнокаменной, и только на внешней корке её остаются многочисленные поры – то есть, газовые пузырьки, переполнявшие лаву и затем лопнувшие. Но так происходит на суше, а вот когда лавовый поток попадает в море, или происходит подводное извержение лавы, то раскалённая каменная масса оказывается в холодной воде, где она остывает настолько быстро, что не успевает «выжать» из себя газы, и множество запёкшихся резервуаров и придают пемзе присущую ей в дальнейшем воздушность.

Впоследствии происходит поднятие недр, и остывшие массы лавы появляются над поверхностью моря, обсыхают и пустоты заполняет воздух. Затем море обтачивает поднятые со дна моря горы пемзы, создавая из них обрывистые скалы и широкие береговые полосы. Так, постепенно, и возникают серовато-зелёные, белые и даже жёлтые пемзовые кручи, изрезанные мелкими оврагами, острыми пиками и гребешками, притягивающими внимание.

Опустившись на колени у самого уреза воды, посреди сплошных россыпей пемзы, я невольно насобирал в рюкзак охапку лёгких камешков, размером с кайровое яйцо, и, идя обратно, с удовольствием ощущал за спиной их шероховатое крокотание. Невозможно было не захватить их на память, тем более что тяжести никакой они в себе не заключали. Почти невесомые, камни из пемзы пополнили мою коллекцию морских камней, а потом я подарил их своим знакомым, на хозяйственные нужды, оставив только один – голубоватый и бархатный, навсегда сохранивший в себе древнее вулканическое тепло.

Шёл отлив, и перед тем, как отправиться обратно, я по каменистой отмели приблизился к двум кекурам, вырастающим из моря в трёх кабельтовых от восточного берега бухты. Такими «чёртовыми пальцами», как их называют местные жители, особенно славится посёлок Отрадное, неподалёку от Южно-Курильска. Постепенно они «отмылись» - то есть, отделились от берега и образовали каменные изваяния, достигающие в высоту десятки метров.

Эти скалы стоят на покрытых водой каменных плитах, составляющих продолжение берега. Сразу за краем плиты начинается большая глубина и подойти к кекурам можно только в отлив. Тогда в прозрачной воде, на плитах, можно различить разноцветные актинии с венцами из нескольких рядов щупалец, окружающих их ротовое отверстие. Эти щупальца напоминают лепестки цветов, распустившиеся под водой. Так на Курилах повсюду: всё необычное находится рядом, сменяя сразу одно другое…

Я постоял какое-то время рядом с этими изумительными природными образованиями, и в который раз за сегодняшнее утро ощутил, как

неподражаемо всё, что встречается на Курилах, и как оно влечёт к себе, отчего непременно соберёшься и отправишься в поход, с замиранием сердца постигая тайны островной земли. Чего стоят одни курильские пейзажи с одинокими «чёртовыми пальцами», будто охраняющими подступы к неведомой сокровищнице! Курилы – целый мир, удивительная планета загадок, куда мне всё-таки посчастливилось проникнуть.

Я стоял, как вкопанный, медленно окидывая взглядом строгие скалы, голубовато-сизый пемзовый берег, успокаивающий мягкостью неброских красок, задумчивое Охотское море, и чувствовал свою чудесную слитность с окружающим пространством. Кунашир втекал в меня потихоньку, заполняя своей красотой и силой, и не покидало ощущение, что я обретаю в душе ещё один драгоценный камешек, составляющий волшебное курильское ожерелье… Очень приятно было сознавать свою причастность к этому почти не заселённому острову и Тихому океану, чувствуя себя первооткрывателем-землепроходцем, которому подвластны любые мечты и расстояния.

Ночью подошло наше судно, мы быстро погрузили подводное оборудование и к рассвету встали на якорь в бухте Водопадная, известной своим водопадом Птичий. Водопад Птичий шириной десять метров низвергается с высоты двенадцать метров непосредственно к S от мыса Водопадный, являющегося северо-западным входным мысом бухты Водопадная, вдающейся в северный берег острова Кунашир и образующий озеро, которое соединено с бухтой Водопадная широкой протокой. Водопад напоминает белый парус и приметен с больших расстояний. В тихую погоду из водопада можно принять пресную воду при помощи шлангов и мотопомпы, и капитан решил пополнить её запасы перед тем, как идти на Северные Курилы. Нам предстояло побывать ещё на Итурупе, Урупе, Матуа, Парамушире, Шумшу и острове Атласова.

Для приёма воды с водопада обычно рекомендуется становиться на якорь против мыса Водопадный на глубинах 9-11 метров. Затем надлежит завести швартовы с кормы на берег и, потравливая якорную цепь, подтянуть корму на расстояние полкабельтова от протоки, наблюдая за тем, чтобы глубины под кормой были 5-7 метров. Помпу при этом следовало установить на берегу или на катере в самой протоке, что мы и осуществили, и пока шёл забор воды, отправились к водопаду…

Водопады уже не раз встречались мне на Сахалине и Курилах, но каждый раз это зрелище безотчётно околдовывает. Туча брызг от ниспадающего водопада на фоне синего неба вызывает впечатление от рассыпанных белых жемчужин, только что поднятых со дна моря. Но брызги эти всё-таки ниспадают с головокружительного скалистого отвеса, сверху, с мощной струёй горной воды, которая, впрочем, скоро превращается в морскую. Вода вырывается из лощины над обрывом с сильным напором, почти горизонтально, затем плавно изгибается в воздухе и ниспадает. Летит так свободно, что, кажется, будто она задерживается на мгновение, давая

насладиться её парением со стороны, а самой продлить чудесное состояние этого зависания.

Получается своеобразный затяжной слой рушащейся воды, отступающей от скалы на полтора-два метра. Он словно живой, сверкающий, и ты неотрывно любуешься им, ощущая лёгкими всю его природную свежесть. И ещё зачаровывает бесконечность чистого потока, который, каждое мгновение обновляясь, не надоедает.

Если дует ветер, он завихряет края струящейся воды, но овладеть ей до конца, всё же, не может: струящимся потоком повелевает весь остров, горы и океан. Океан ждёт эти чистые, развевающиеся на ветру струи, будто ему самому не хватает чистоты, и падающая вода, под порывами ветра, изгибается то правее, то левее, словно оттягивая этот момент соединения, представляясь живой.

Но обрыв высок, падающая вода не встречает на своём пути препятствий, и летит, летит, скоро исчезая в нижней части водопада, где он завершается каменной ванной. Вода от столкновения с камнями рассыпается, часть её поднимается обратно, она – действительно живая, и опять превращается в хрустальную тучу брызг, с которой всё началось несколько мгновений назад вверху. Водопад безотчётно притягивает к себе всё твоё внимание и, захватывая с собой, уносит затем с нескончаемыми водяными струями в бескрайний океан, навстречу новым открытиям.

«ИТУРУП»

Все мы, наверное, представляем в своих детских мечтах далёкие острова и приключения на них, до которых, как нам кажется, мы всё равно когда-нибудь доберёмся. Мы верим, что рано или поздно они откроются нам своей скрытой красотой, и мы станем обладателями этой чудесной и необыкновенной тайны, стоит лишь однажды устремить к ней всё своё внимание. В общем, мы знаем: что-то такое, очень важное и нужное, обязательно случится в нашей жизни, и оно самым невероятным образом перевернёт её.

И действительно, то, что предполагает в будущем настоящие открытия, уже давно живёт в тебе, с самого детства. Ты плывёшь в своих мечтах на Дальний Восток, отрешённо, с замиранием сердца задумываешься обо всём, что тебя может там ожидать, и не знаешь пока – какие знаки предвосхитят эти важные для тебя открытия в воздухе, на воде или на позабытом всеми берегу. Вот ты уже и не мальчишка, но ещё не настоящий мужчина, и так много хочется узнать, а потом всем об этом рассказывать… В душе твоей – только любовь и вера в великие обретения, жажда увлекательных странствий и незабываемых встреч.

А начиналось всё, оказывается, действительно в детстве, когда восьмилетним юнцом повела тебя бабушка в маленький кинотеатр. По-своему уютный, даже родной, он создавал атмосферу доверительности и теплоты, какой бы фильм ты ни смотрел. Особенно о четырёх героях-моряках, чью баржу оторвало в сильный шторм от пирса в заливе Касатка, на далёком курильском острове Итуруп, и носило по морю сорок восемь суток…

Сначала жестокий штормовой ветер и течение погнали судёнышко на юго-восток от Курильских островов, а выйдя из холодного течения Ойя-Сио, баржа была подхвачена одним из потоков уже тёплого течения Куро-Сио, которое понесло судно в океан, всё дальше и дальше от берега. Такие баржи, водоизмещением около сотни тонн и с двумя двигателями, обычно использовались для перевозки грузов вдоль побережья, когда волнение моря не превышает четырёх баллов, но, тем не менее, они снабжались морскими картами и другими мореходными пособиями. В ходовой рубке находился один компас, другой – на верхнем мостике, и это помогло морякам в дальнейшем хотя бы приблизительно ориентироваться.

Баржа стояла у бочки в бухте, недалеко от берега, в ожидании прибытия парохода с материка – она должна была принять участие в разгрузке. Но сильный шторм в ночь на 16 января 1960 года оторвал баржу от причала и понёс в открытый океан. Когда шторм немного стих и моряки провели ревизию судовых запасов и питьевой воды, то оказалось, что они располагают одной буханкой хлеба, килограммом крупы, шестью пачками

чая и банкой кофе. Немного картофеля было сильно забрызгано соляркой, солёная морская вода попала так же в запасной бак с пресной водой. Сохранились лишь 2 килограмма мясных консервов и 1,5 кг жира. Вот с такими продуктовыми запасами начался дрейф четырёх парней на небольшой барже по зимним просторам Тихого океана.

Моряки мужественно боролись с захватившей их стихией, не поддаваясь ей даже тогда, когда нечего было есть. Они варили в морской воде обрезки своих кожаных ремней, чтобы те стали мягче и напоминали, хоть отдалённо, запах живой плоти, а потом жевали, подолгу не выпуская измочаленные кусочки изо рта, и, в конце концов, проглатывали. Для питья уже давно собиралась дождевая вода, но из-за зимнего периода дождей выпадало мало. Понемногу в еду пошла кожа с сапог, а потом - и с гармошки.

Всё, что потребовало от моряков в эти дни разбушевавшееся море, они с честью выполнили и не ожесточились. Каждый бесконечный день моряки доказывали ему и самим себе, казалось бы, невозможное, и оно их отпустило. Продрейфовав в юго-восточном направлении более тысячи миль, на сорок девятые сутки дрейфа баржа была замечена американскими морскими службами, к ней подошёл авианосец «Кирсардж» и с вертолёта на палубу исстрадавшегося судёнышка спустили подъёмные тросы с крепёжными поясами. Для четырёх мужественных людей суровое испытание океаном благополучно завершилось.

Помню, каким устрашающим и грозным выглядело море даже в безобидной темноте притихшего кинозала! Серое, колючее, чужое, несущее только разрушения и несчастья, море было совершенно неприступно. А что же оно представляет из себя на самом деле, на этом недостижимом краю земли, куда, казалось, ни за что и никогда тебе не попасть?!

Так думалось в своём маленьком понимании неведомого мира, очень остро переживалось за отважных людей, и ещё обдавало всего каким-то неясным теплом, вернее даже – предощущением, будто ты сам с этими моряками противостоял бурному морю, неустрашимо боролся с ним и случившейся с моряками неудачей, и чувствовал, что всё равно останешься в живых. И разве мог ты знать, как через пятнадцать лет попадёшь на Курилы, и будешь работать под водой именно в заливе Касатка, и зимние шторма будут угнетать своей безысходностью и тебя тоже…

Ты, конечно, не вспомнишь тогда захудалый старенький кинотеатр со скрипучими вытертыми креслами, бабушку в поношенном выцветшем пальто, и то удивительное ощущение слитности с предстоящей жизнью, что, казалось, обязательно сбудется. Всё приключившееся в ней потом, как и бережно хранимое с раннего детства – с неимоверной силой захватит тебя, понесёт над необъятным курильским ожерельем, и ты позабудешь себя. Проникновенно и властно повергнет собой всё увиденное, и уже больше не отпустит никогда.

Так же необыкновенно поразит тебя и каменный крест на пустынной скале безымянного курильского островка, ранним утром неожиданно

выплывшего из тумана, когда все на судне ещё спали. Помнится, не хотелось даже узнавать, что это за крест, откуда он взялся, - ни тогда, ни потом. Просто почему-то нужно было встать ранним туманным утром, выйти на покрытую холодной изморосью палубу и тихо удивиться всему увиденному, ещё не понимая, что тебя по-настоящему ожидает.

Сейчас мне думается, что всё это было только моей жизнью, которую я себе выбрал, и крест показался, как данный Богом знак. Ненадоедливо присутствующий на пустынном берегу, и даже узнаваемый в чём-то, он, ничего не обещая, в тоже время, магнетическим образом притягивал к себе и завораживал. Не судовая рында, своим пронзительным и гулким звоном, могла вывести тебя из такого непредсказуемого оцепенения, а ты сам, когда пробрался сюда затем, чтобы разбудить это первое в своей жизни курильское утро, на далёком острове Итуруп…

Холодно и тоскливо на курильском берегу поздней осенью. Всё в человеке как будто сжимается, и он уходит в себя, будто в спячку, на какое-то время отказываясь воспринимать впечатления от невыразительного, серо-коричневого берега, густого промозглого тумана и ледяных вод, уныло плещущихся под бортом. Поневоле делается грустно от всего того, что тебя здесь окружает: и осенью, и зимой, и весной – одно, и тоже!

Кажется, нет ничего, что бы предвещало в природе возобновление жизни со всеми радостями, которые она иной раз приносит. Членам экипажа даже не хочется сходить на берег, до того он представляется скучным и нелюдимым. Тем более, что всё необходимое находится под боком: провиант, игральные кости или книги. Можно разобрать подводные экспонаты и камни, но вскоре это надоедает, а порой и вовсе нет желания что-либо делать. Лежал бы целыми днями, мерно покачиваясь в уютной шконке, не показывая носа на палубу, и без особого внимания вслушивался в однообразную музыку судовых звуков, в глубине души, всё же, желая угадать то, что ещё не успело надоесть.

Вот в носовом трюме что-то побежало, натянулось и заскрипело, потом вдруг замерло, будто сейчас лопнет, но отпустило. А это в изрядно повидавшую на своём веку судовую скулу гулко ударила льдина, со скрежетом завертелась у борта, затем нырнула под днище и куда-то провалилась. В соседней каюте хлопнула о переборку раскрывшаяся дверца шкафа, протяжно заныла, где-то далеко в тумане захлебнулся гудок старого парохода, перевозящего уголь на северную оконечность острова, и грохотанье стравливаемой якорной цепи несколько отрезвило твоё задремавшее восприятие.

Ничего нового, чего бы не было вчера или неделю назад – не происходит, и утомлённое однообразием воображение, вроде бы, спит. Но именно так, постепенно, даже неожиданно для себя в какой-то момент начинаешь вдруг вникать в скрытую жизнь моря и омываемых им диких курильских берегов.

Неожиданный порыв ветра ударит в судовые надстройки и нагонит ещё более холодный дождь и туман, берегов совсем как не бывало, но ты отчего-то встрепенёшься и поднимешься на палубу. В десяти метрах не видно ничего, даже пролетающих чаек, которые изредка вскрикивают то с одного борта, то с другого. Само судно разглядишь едва ли вполовину: всё затянуто серовато-белёсой, водянистой мглой. Стоишь, и уже с пробудившимся интересом вслушиваешься в проистекающую рядом жизнь, благодаря которой он только усиливается. Что же такое происходит с тобой?

Это позвали тебя Курилы, растянувшиеся с юго-запада на северо-восток более чем в тысячу морских миль, и мы неспешно движемся вдоль этой островной линии с океанской стороны, осторожно выискивая удобные для якорной стоянки бухты. Давно пройден пролив Лаперуза, острова Шикотан и Кунашир, и по левому борту виднеется в туманной дымке мыс Рикорда – южная оконечность острова Итуруп, образованный юго-восточным склоном вулкана Берутарубе, поднимающегося пологим, сильно усечённым конусом до высоты 1223, 5 метра. Все заворожено смотрят на плавные очертания вулкана с загадочным названием и тёмно-красные отвесные утёсы, окаймлённые узкой грядой прибрежных камней.

Капитан стоит на мостике и рассказывает, что на вершине вулкана расположена глубокая кальдера диаметром 2, 5 км, а склоны его расчленены глубоко прорезанными ущельями, по дну которых протекают многочисленные ручьи, часто образующие водопады. Где-то там, среди них, вьётся крутая тропа, прорубленная в зарослях кедровника. По ней японцы переправляли вниз вьюками самородную серу, разрабатываемую на дне кратера.

«Берутарубе…» - тихонько произносишь ты про себя, и воображение мгновенно уносит тебя куда-нибудь в Африку, и только потом ты ловишь себя на мысли, что находишься на Курилах. Странное ощущение вызывают местные названия, но хуже от этого не становится: наоборот, они придают окружающей первозданной природе ещё более диковинную загадку.

Ветер дует упруго, но ненавязчиво, волна же - совсем не большая, зато настырная: судно испытывает неприятную качку, которая устраивает под его днищем сущую толчею. В противоположность недавней тоске и отсутствию каких-либо душевных устремлений, неожиданно приходит желание вглядываться, впитывать и запоминать.

«Прямо! Куда право кладёшь? Так держать!» - слышится с мостика обращение старпома к вахтенному, и ты вдруг подбираешься, и тоже обнаруживаешь в себе потребность двигаться верным курсом, помешать которому никто не в силах. Крутые, будто обрубленные берега молчаливо поддерживают тебя в этом устремлении, как в русле, и даже редкие берёзки в распадках, трава и песок вторят им немым согласием. Невыразительные, они и не пытаются заинтриговать, но то, с каким достоинством и камни, и деревца пытаются противостоять северной природе, - завораживает и внушает уважение.

«Входим!» - опять бесстрастно доносится с мостика, а на баке уже кто-то, наблюдая за происходящим, спрашивает: «Что за бухта?» В ответ: «Львиная пасть…»

Кажется, всё-таки, что в море в здешних местах гораздо уютнее, лучше, чем на суше. Берег чужой, необжитый, замкнувшийся в себе ещё десятки тысяч лет тому назад. Какое печальное тут может быть плавание, что за суровый, непреклонный климат! Лета почти нет, оно лишь угадывается на короткий период, и вскоре опять и утром, и днём, и вечером – промозглый холод, не говоря уже о ночи. Взгляд теряется в тоскливой бесконечности серых каменных нагромождений…

И опять бестолковым кажется само пребывание в этих краях… Здесь ничто ничему не мешает, не преобладает над чем-либо за счёт какой-то своей необыкновенной черты, а как бы, наоборот, смазывается, перетекает из одного в другое, затем – в третье, и так до бесконечности, не имея собственного лица. Да и много ли тут самостоятельного, свободного от однообразных, повторяющихся вулканических воплощений?

Нет, только мрачные и почти всегда мутные воды, угрюмые каменистые берега, незаметно сменяемые длинными и еле угадываемыми песчаными, и - туманы, туманы, туманы, так, что не видно собственного носа, а ветра пронизывающие, ледяные, хоть бы и стоял июнь. Полнейшая тишина и беспробудность, если не считать шума набегающего на отвесные скалы прилива, да редкого гарканья морских птиц. И птицам в этих просторах, наверное, неуютно, чего уж говорить о человеке!

Но человек устроен так, что ему не терпится, во что бы то ни стало, попасть в такие необжитые места, куда его неизъяснимо влечёт какая-то извечно волнующая мечта, не дающая покоя, может быть, с самого детства, но добившись своего – он уже желает поскорее покинуть их, чтобы через какое-то время вновь устремиться за очередными приключениями. А места, действительно, нелюдимые, на краски скупые, ведь это – северо-западная, самая холодная часть Тихого океана, угрюмее которой, кажется, ничего больше и не сыщешь… Холодное и дикое Охотское море с севера и безудержные океанские валы с юга воплощают здесь собой и неуёмную гордыню, и странную печаль, и завораживающую загадку неповторимости сурового дальневосточного края… И вот именно на рубеже двух этих стихий, на пустынном скалистом острове, ты вдруг однажды обнаруживаешь одиноко стоящий крест, который вынуждает обо всём позабыть.

Сколько их, таких одиноких каменных крестов разбросано по необозримым берегам дальневосточных морей, приводя путешественников в какой-то парализующий трепет. Обычно кресты возникают перед тобой неожиданно из тумана и повергают в молчаливое раздумье: во имя чего и кем поставлены они здесь?

Идёшь на судне вдоль неизведанного курильского берега, и не покидает мысль, будто при усмотрении каждой, вновь открывающейся скалистой оконечности – она есть последняя, но затем сиё заключение

оказывается ошибочным, и ты опять через какое-то время лицезреешь очередной угрюмый мыс, постепенно выступающий из тумана. Редко удаётся пройти эти берега, чтобы тебя не мочил нескончаемый мелкий дождь – мгычка, или не пронизывал насквозь промозглый ветер, и всё кажется, что вот за этим утёсом, наконец, откроется что-то необыкновенное, такое же туманное, как всё окружающее, но что это будет – ты не знаешь.

Высадившись на боте в какой-нибудь укромной бухте, сразу ощутишь необыкновенно замершую тишину… Все звуки здесь вязнут, прерываясь где-то рядом с тобой, онемевшие ноги скользят на жёлто-бурых водорослях, устилающих прибрежные камни, кажутся ватными, и всё происходящее создаёт впечатление, будто ты оказался в каком-то удалённом от всей остальной жизни мирке, который, между тем, необычайно насыщен и содержателен. А посреди – безымянный крест, в два человеческих роста, из серовато-коричневого, шероховатого камня. Весь он, конечно, подёрнут седой тайной, олицетворяя собой дикость этого сурового края.

Вокруг море и камни, а за спиной – чёрные скалы с мрачными расщелинами, сырой туман жмётся к ним, одним своим видом пронизывая тело отрешённой промозглостью… И тебя не покидает ощущение первозданности и этого берега, и моря, и камней, а ещё закрадывающейся в душу убеждённости, что до тебя тут, кроме того, кто установил крест, никого не было, и ты воочию прикоснулся к чьей-то неизведанной, но очень притягательной судьбе.

Часто моряки устанавливали каменные глыбы или кресты, выбивая на них какие-либо надписи, желая просто обозначить своё местонахождение, год, месяц и число, но если была возможность водрузить сооружение из дерева – устанавливали крест деревянный, что было делом более простым. Обычно его изготавливали из плавника, в обилии покрывающего пустынные морские берега дальневосточных морей, но деревянные кресты со временем подгнивали, падали и оттого были ненадёжны. Верным делом считалось у мореплавателей всё же оставить после себя каменный знак.

Крест из камня или дерева был одной из самых интересных особенностей диких дальневосточных берегов, являясь доказательством несгибаемости совершённого моряками подвига во имя обретения знаний. Он напоминал о чём-то важном, что произошло с ними, и они хотели об этом кому-то сообщить, может быть, увековечить приключившееся событие, повлиявшее на их плавание, воздав должное Всевышнему за своё спасение.

А порой на крестах вырезали изречение… Большая правда есть в таких словах, запечатлённых однажды моряками-поморами на простом деревянном кресте, что и поныне стоит на скалистом берегу острова Шпицберген: «Тот, кто бороздит море, вступает в союз со счастьем».

Крест свидетельствовал, что здесь, на краю света, побывали люди, добрались, несмотря ни на что, и утвердили своё пребывание на этих никому неведомых берегах своеобразным памятником, памятником тому, что составляло суть жизни любого православного человека, и чему он всегда

поклонялся. Водружённый крест мог означать границы государства, которые узаконили своим пребыванием отважные первопроходцы, а иногда и могилу того, кто нашёл здесь свой последний приют. В любом случае, подобное каменное сооружение зачаровывает внимание мореплавателей, но более всего поражает то, что человек зачем-то забрался в такую даль и погиб.

Могила эта необыкновенно притягивает к себе своей тайной, которую непременно хочется разгадать. И ещё рядом с ней не покидает ощущение обездоленности, невыразимой горечи за человека, чьи останки покоятся вдали от родного порога, среди промозглых туманов, ветров и неприкаянных суровых камней. Один из таких камней, хоть и в форме креста, теперь увековечивает его пристанище…

А иной раз подобная могила или знак считаются святым местом. Все моряки об этом знают и, проходя мимо, должны непременно помолиться о благополучном пути, в противном случае им придётся, так или иначе, задержаться. Обычно рассказывают при этом, будто какой-то капитан проходил однажды мимо, не помолившись, после чего, конечно, разразилась непогода, судно было унесено обратно и оказалось разбитым о скалы, неподалёку от каменной могилы.

Поначалу я так и думал, что все кресты – это могилы погибших моряков, потерпевших страшное бедствие. Может быть, когда-то, судно выбросило штормом на берег, или здесь погиб какой-нибудь храбрый матрос, спасая своих товарищей, и они сохранили о нём память.

Но дело это очень просто разъяснил мне один капитан. Он рассказал об охотниках за каланьим и котиковым мехом, что издавна промышляли в этих местах морского зверя. И если судно выносило к берегам с богатой добычей, то там и ставили крест, полагая, что это лишь по божественному промыслу открыты были отважному промышленнику бесценные котиковые или каланьи лежбища…

И так, поставленному на пустынном берегу кресту с благодарностью молились, отдавали присягу, клялись служить верой и правдой и Богу, и государю, и самому себе. И этот душевный призыв, возможно совершаемый на коленях, где-нибудь у кромки бушующего Тихого океана, которому внимают только голые скалы и редкие птицы, выглядел, наверное, странным, если даже не сказать – диким, но лишь на первый взгляд… Крест, которому эти же отважные путешественники, прежде чем отправиться в неизведанные земли, присягали на подданство у себя на родине, теперь возникал перед ними свидетельством их верного пути на чужбине, где их никто не ждал. Мало того, они сами должны были утверждать собственную веру, возводя эти кресты на далёких таинственных берегах как знак причастия к великому подвигу, совершаемого во имя самого лучшего в себе – Бога, а Он только по силе крест налагает. Тяжёл крест, да надо несть, и водружать его повсюду, куда бы ни завела тебя подвижническая судьба первооткрывателя.

Как знать, может быть, именно здесь, а не в родной вологодской или ярославской церкви, эти отважные землепроходцы и моряки, под

впечатлением невыносимых тягот дальней дороги, обретали в себе желание брататься, обмениваясь нательными крестами. После мужественно вынесенных вместе тревог и бед, пройдя тысячи отчаянных морских миль, у них естественно возникала потребность совершить зарок вечной дружбы: обняться на чужом голом берегу, почувствовав себя людьми, и поставить свой крест, который они вынесли в душе. Именно такой крест правит, где бы он ни появился, и оказывает самое благотворное воздействие на тех, кто к нему пришёл.

Порой крест представляет из себя обыкновенное бревно с набитыми поперёк брусками, а иногда и вовсе столб: деревянный, каменный или даже железный, что, впрочем, случалось редко. Чаще всего в суровый каменный грунт вкапывался столб из дерева, к которому прибивали табличку с немногословной надписью. Сам не видит, а другим указывает, словом, нем и глух, но счёт времени и подвигам знает, которыми в этих местах проникнуто всё пространство. Стоит такой столб на каменистом или песчаном берегу – и, значит, есть здесь порядок, а кому-то, может быть, указано верное направление в следовании опасной морской дорогою.

Начиная с великих географических открытий у всех мореплавателей вошло в традицию оставлять на открытых ими землях разного рода знаки, оповещающие будущих открывателей о том, что здесь уже побывали люди. Чаще всего это был, действительно, крест, в каких-то случаях - столб или каменная глыба, а вот, к примеру, наш российский мореплаватель Василий Михайлович Головнин, который в 1807, 8 и 9 годах осуществил первое в истории русского флота плавание/на судах российской постройки, в отличие от Крузенштерна, совершившего кругосветное плавание в 1803-1805 годах на судах английской постройки/ вокруг света, и в 1811-1812 годах побывал в плену у японцев, оставлял на всех островах, им посещаемых, как на обитаемых, так и на тех, где жителей не было – медные пластинки, прибивая оные к деревьям или прикрепляя к скалам. Делал он это для того, чтобы в случае кораблекрушения и гибели экипажа со временем было открыто, где они были, и где последовало с ними несчастье. Японцы долго пытали Головнина – не являются ли такие дощечки свидетельством того, что русские хотят присвоить себе во владение острова Итуруп и Кунашир, на которых эти дощечки были японцами найдены? Ответ Головнина был таков, что доски о коих японцы говорят, оставлять есть у европейцев обыкновение, всё только зависит – какова на них надпись.

Кстати, японцы, пытаясь отстоять за собой в 18 столетии Южные Курильские острова – Уруп, Итуруп, Кунашир и Шикотан, где русские появились значительно раньше – в конце 17 столетия, высаживались на них и уничтожали русские кресты и другие знаки, обозначавшие принадлежность острова России, устанавливая свои, японские столбы, изготавливая их, предпочтительно, из камня. По свидетельству самих же японцев, в частности об этом упоминает Синтаро Накамура в книге «Японцы и русские. Из истории контактов», их на этих островах встречало местное население –

айны, которые собирались на берегу большой толпой и падали на колени, ибо были уже обращены ранее русскими в христианскую веру. Некоторые из них уже свободно владели к тому времени русским языком и могли быть даже переводчиками.

Опрокидывая русские указательные кресты, японцы ставили свои столбы с соответствующей короткой надписью. Например, на Итурупе надпись на столбе гласила: « Эторофу/Итуруп/ - владение великой Японии». А на Урупе, где уже давно существовали русские поселения, они поставили столб, на котором вырезали надпись из девяти иероглифов: « Остров издревле принадлежит великой Японии».

Что же касается аборигенов Курильских островов – айнов, то они до такой степени прониклись русской верой, что сами, когда кресты, установленные русскими падали, сооружали свои и молились рядом с ними утром и вечером. Японцы, узнав об этом, сваливали такие кресты, а аборигены острова плакали и звали на помощь Бога. В своём горе их могли успокоить только рис и соль, коими японцы их угощали. Но, тем не менее, айны продолжали подправлять русские знаки, искренне принимая их как свои собственные.

Вот и в наставлении «Государственной Адмиралтейств-коллегии государева флота капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу, начальствующему над географическою и астрономическою экспедициею, назначенною в северо-восточные части России», в частности, говорилось следующее: «Когда же местные жители будут доведены до того, что полюбят вас за вашу ласковость и щедрость и узнаете, что они никому из европейцев не принадлежат, то сказав им, что вы хотите ехать ещё к некоторым вашим, таким же, как они сделались, друзьям своим для свидания с ними, и для того не позволят ли они вам поставить, так же как то ваши друзья вам и в других местах позволили, на берегу на каком-нибудь из высоких мест знак, по которому бы вперёд, когда приедете назад, узнали, что там живут российские искренние друзья, и чтоб это сделать по вашему обычаю с торжественным обрядом… Когда сие будет от них позволено, то велите один из заготовленных в Охотске, заклеймённый российским императорским гербом, столб надписать вырезанными словами, означающими время обретения сего острова или берега, описание людей вкратце, добровольное их присоединение к Российской державе и, что оное учинено при славном царствовании Екатерины Второй, через старание ваше.

Вам даётся власть называть обретённые вами земли и острова, как заблагорассудите, если оные ещё не имеют своего наименования. Изготовив столб, дайте знать жителям, что вы прибыли на берег для водружения знака, что с приличным торжеством, а паче с осторожностию и должны будете сделать. После раздайте жителям по нескольку больше любимых ими мелочей, а старшинам повешенные на цепочках медальоны. В заключение всего уговорить жителей, дабы они, ежели хотят навсегда остаться друзьями россиянам, не дозволяли никому вырыть или портить тот поставленный знак,

ни своим, ни приезжающим, и берегли бы оный в целости так, как и медали, повешенные им на шею.

Таковые мелочные обряды всегда имели у непросвещённых народов наилучшие успехи, и чрез такие ласковые способы учинённые покорения народов всегда были прочнее других…»

Подобным образом, с витиеватой, но неукоснительною правдой, упреждала себя Россия на далёких от столицы Курилах.

Доживают свой век одинокие кресты, представляющие собой остатки чьей-то былой славы и памяти… Тех моряков, что соорудили на пустынном берегу крест, уже давно нет в живых, будто их и не было, а крест сохранился. Стоит непреклонно, свидетель давнишних событий, когда-то ожививших эти дикие места, хранитель неимоверного терпения людей и их отваги.

Неугомонные волны будто норовят низвергнуть крест, рассержено рокочут у его подножия, обдавая нескончаемыми потоками солёных брызг, но крест остаётся непримирим: он – символ веры, надежды и преданности моряков своему делу, их отношению к простой и суровой жизни. Для русских моряков это был ещё и крест христианский, подтверждение присутствия Бога на неприютных дальневосточных берегах для каждого, кто решился изведать свою судьбу. Здесь, на краю света, эти одинокие кресты – оплот русского духа, вознамерившегося, несмотря ни на что,отправиться за горизонт…

Если бы в моей жизни не было Японского, Охотского и Берингова моря, Курильских островов, Тихого океана, то я бы при всём своём богатом воображении не смог их даже представить. Нужно было самому решиться на подобное путешествие, чтобы однажды на неизвестном скалистом берегу увидеть крест, навсегда вошедший в душу провозвестием будущего неугасимого труда над собой.

Когда я оказался на этом окутанном туманом берегу, осторожно ступая по скользким камням и скрипучему песку, и крест неожиданно возник передо мной как божественное знамение, я сразу почувствовал, что оказался на своём месте, где особый воздух, слагающий необыкновенное пространство, и только тут можно дышать и жить по-особому. И ещё именно здесь, на краю света у одиноко стоящего каменного креста, я понял, что никогда не узнаешь о себе и жизни самого лучшего, если не отправишься в дальнюю, дальнюю дорогу!

Бог всё дал человеку, да не всё открыл, и воздвигаемые человеком кресты по таким гиблым, казалось бы, совершенно не предназначенным для житья местам, есть свидетельство человеческого роста, желание до всего дознаться и хоть как-то себя в своём обретенном знании утвердить. Это знак, подразумевающий возможность сберечь в себе душу, способную пожертвовать собой во имя благого дела и товарищей своих. Богу хвала, а первооткрывателям – честь и слава!

Иные верят в божественное откровение через сны или видения, а я - через одинокие каменные кресты, оставленные в этих диких местах простыми и мужественными людьми – первооткрывателями. Безропотно замерли поставленные ими на хмурых дальневосточных берегах кресты, но значительно их молчание, вернее, присутствие среди этих необъятных морских пространств!

Некоторые из крестов простояли век и более, и им в достатке привелось наполниться диким простором и силой. Их шероховатые спины гладили бесконечные ветра, холодные дожди пытались остудить непреклонный нрав, а мятущееся у подножия суровое море, казалось, готово было эту непреклонность низвергнуть. Волны смыкали свои взлохмаченные гривы над натруженными телами крестов, но судьбе было угодно, чтобы они, всё же, продолжали тянуться к небу, будто поднимаясь из морских глубин провозвестниками какой-то иной, более достойной и необыкновенной жизни. Как было радостно прикоснуться к ней хотя бы мельком!

Предоставленные собственной несгибаемой воле, кресты невольно образовали вокруг себя свой небольшой обособленный мир, простой и ясный, где всё было понятным. Находясь в спокойном и мудром уединении, кресты не утратили своей силы по сей день, а только ещё более её упрочили. Солёные ветра и бури – неудержимые посланники природы, помогли им в этом.

Именно изоляция, в прямом смысле слова, сделала кресты необычными, ни на что непохожими, и потому подразумевающими в себе не только своеобразный колорит, но и не достающую человеку веру в осуществление задуманного. Такие одинокие кресты, как и острова, всегда невероятно волнуют, своим безмолвным существованием свидетельствуя о стойкой, неведомой для многих людей жизни. Вольный воздух, морской простор и покойное пребывание в умудрённом одиночестве вдыхают в них что-то неизмеримо важное, дороже которого, кажется, нет ничего на свете. Видимые немногими людьми, да и то лишь изредка, кресты своим присутствием на дальневосточных берегах источают завораживающее наваждение, оказывая на очутившегося рядом с ними человека незабываемое по силе воздействие. Как иноки стойко несут они в мир пример истинной веры и мужества, будто охраняя наши дальневосточные рубежи.

А вот курильский вечер на Итурупе подарил мне однажды большое красное солнце над одиноким остроконечным островком Камень-Лев, затмившее всё живое, поразившее своей неземной одичалостью, какой-то тупой и великой радостью, почти, между тем, невыразимой и неизведанной… И всё же видимой однажды, в детстве, когда так же самозабвенно и отрешённо смотрел ты на это солнце в окно, лёжа напротив, в своей маленькой кроватке, и было тебе от роду два года, и летний

безучастный покой вливался в комнату таким же неизведанным, но завораживающим ясным теплом…

И я думал обо всём этом, вспоминая ощущения детства, глядел на красное тёплое солнце, и оно непонятно влияло на меня, и о чём-то рассказывало. Не покидала твёрдая уверенность, будто я был его сыном, а солнцу радостно было это признавать: оно знало про себя и про меня какую-то важную тайну, и я чувствовал, что её непременно следует разгадать.

Я умиротворённо спал в своей каюте, судно неслышно двигалось в окутанной им морской синеве, и над морем мягко опускался вечер. Что-то необъяснимое опять разбудило меня, заставило встать и выйти на палубу, и поразило… Это был тот же сон из детства, то же солнце, только более приближенное к твоей душе и теперешней взрослой жизни, такой ощутимой, по настоящему близкой и дорогой.

Солнце смотрело на меня с любопытством внимательного человека. Казалось, всё замерло вокруг, застыло, чтобы только ты мог видеть это солнце, и ещё огромную чёрно-коричневую скалу посреди моря, над остроконечной верхушкой которой задержалось загадочное светило. Оно словно зацепилось за неё и пристально вглядывалось в мою душу…

Солнце, так тогда воспринималось, будто специально пришло ко мне навстречу, или я сам плыл к нему в своих очерчивающихся теперь грёзах, - таких неожиданных и в то же время долгожданных… Ему, наверное, просто хотелось убедиться в том, что я всё-таки добрался до края света и готов отправиться дальше.

Поразительное, огромное, - солнце царило над успокоенным морем, и море безмятежно ухало у подножия одинокой скалы, по-кошачьи облизывая её отвесные уступы. А солнце медленно перекатывалось через её чернеющую остроконечную вершину, и как будто улыбалось тебе всем своим алым кругом. На душе становилось так легко, и покой за будущую дорогу охватывал всё твоё существо, и ты чувствовал себя сильным и счастливым, готовым идти по этому пути до самого конца, как бы далёк он ни был.

А очертил его лёгким изгибом косаткиного плавника тот самый залив острова Итуруп, по невероятно счастливому совпадению увиденный ещё в детстве, в кинотеатре с бабушкой. Остров Итуруп, вместе с заливом Касатка, оказался первым курильским островом, представшим перед тобой во всей своей неожиданной красе, ещё раньше, чем Шикотан. Именно с него началось твоё долгожданное открытие таких загадочных и неотступно притягивающих к себе Курил…

Ты уже не раз проходил на судах мимо их пустынных берегов, но ступать по этой древней неведомой земле тебе ещё не приходилось. Сколько удивительных рассказов успел услышать ты от моряков о самых невообразимых чудесах Курил, составляющих их суть! Только Курильские острова с некоторых пор манили твоё взбудораженное воображение, и ты не мог унять своего нетерпения, болел их ещё не разгаданными тайнами и мечтал о встрече.

И она, конечно, состоялась, и предстала зимней сказкой без снега, потому что стоял декабрь, а снег ещё не выпал. Это было так необычно, что мы даже не заметили, как миновали тринадцатимильный пролив Екатерины, разделяющий острова Кунашир и Итуруп. На рейд встали в бухте Касатка, на траверзе посёлка Буревестник. В этой главе я часто буду упоминать имя животных, послуживших названию этой бухты, - «косатка», но на всех морских картах, в том числе – и в «Лоции Охотского моря», она обозначается именно как «Касатка», где начальное «о» почему-то заменено на «а».

Если глядеть на бухту с воздуха или у вас под рукой имеется карта острова Итуруп, то хорошо становится видно, что залив действительно напоминает плавник этого сильного и загадочного животного. Правда, постепенно линия его приобрела несколько иную форму, поскольку время вымыло и изменило берег, но неуловимое присутствие китов, всё же, осталось. А может быть косатки здесь просто частые гости, им нравится резвиться в изумрудных водах залива, которые не замерзают и зимой, и они, вполне возможно, вообще никогда его не покидают. Моряки же, постоянно наблюдавшие над водой грозный плавник, окрестили это место именем великолепного морского зверя.

Дух его почему-то, не переставая, витает над бухтой, чем-то неизъяснимым тревожит, но не пугает. Он словно зовёт за собой, приглашая к заманчивой игре, и в тоже время ничего не обещает. Поддавшись искусу обернуться в замечательного животного, надеешься обрести дикую свободу…

Стоя на рейде, охватываешь всю бухту медленным взором, распростёршуюся между мысом Добрыня Никитич на юго-востоке и мысом Буревестник на северо-западе, и от раскрывающегося шестимильного пространства в душу неминуемо закрадывается желание отправиться ещё дальше, вглубь острова, где из туманной дымки возникают вершины двух гор – Стокап и Буревестник. Что-то там, за ними? Но свобода заливной линии, напоминающей косаткин плавник, вновь притягивает твоё внимание, и ты невольно представляешь этих чудесных животных – истинное олицетворение силы океана.

Косатки на самом деле встречаются в этих водах довольно часто. Они вообще распространены по всем морям и океанам, за исключением Чёрного моря, а в высоких широтах проникают даже к кромке арктических льдов. Косатки – самые крупные представители семейства дельфиновых, из подотряда зубатых китов, и их трудно перепутать с какими-либо морскими животными, ибо они имеют ярко выраженный чёрный цвет, в который окрашены спина, голова и частично бока, а горло и брюхо – белые. Иногда белые пятна имеются над глазами, позади них и под спинным плавником, но встречаются, так же, и тёмные особи, не имеющие пятен. Размеры самцов достигают в длину десяти метров, весом – восьми тонн, высота же спинного плавника косовидной формы – полтора метра, и всё это при великолепной манёвренности, гибкости, проворстве и мощи, сметающей на своём пути

любое препятствие. Не зря моряки называют этих красивых и сильных животных «волки морей», а иногда – киты-убийцы.

Древние нивхи – исконные жители Сахалина, даже наделяли косаток человеческими свойствами, и когда в лодке по морю плыли, то, встречая их, бросали в море рукоятку ножа, кусочек кремня или трута, и просили: «Пожалуйста, тюленя дай!» Тогда косатка прямо около лодки живого тюленя целиком выбрасывала, и нивхи сразу же его гарпуном убивали и себе забирали. Из поколения в поколение передавалась у нивхов такая легенда.

Давным-давно древние люди думали, что косатка – животное. Они её словом «хозяин» тогда не называли. Но через какое-то время древние нивхи стали говорить, что косатка – это человек. Вот как это случилось…

Однажды один человек по берегу моря шёл. Вдруг на берегу людей полно увидел. Все в белую одежду одеты: и рубашки, и трусы, и наколенники, и обувь – всё белое. Наблюдая за ними, понял – люди ему неведомы. Потом к ним шёл подкрадываясь. Подойдя поближе, услышал, что они по-нивхски говорят, увидел, что они играют: в длину прыгают, в высоту к поднимаемому вверх ремню прыгают, через верёвку, которую вертят, борются. Все их игры подобны нивхским играм. Но откуда эти люди? Тогда с берега он к ним спускаться стал. Когда близко подошёл, один из них его увидел, к морю быстро побежал и в него вошёл. Его товарищи следом за ним побежали. Войдя в море, они нырнули. Потом недалеко от берега вынырнули, в косаток превратясь.

Тогда человек к месту их игры пошёл. Там одна сабля лежала. Он эту саблю взял.

Косатки то вглубь ныряли, то наружу выскакивали – у них у всех на спине были плавники. Лишь у одной косатки плавника не было. Она то ныряла, то из моря выпрыгивала, и неотступно следом за нивхом плыла…

Все косатки в море уплыли, но косатка без плавника не уплыла. Когда этот человек к своему селению пришёл, косатка вместе с ним к нивхскому селению приплыла. Уплывать не хочет. Целых три дня возле селения она находилась. Тогда нивхи стали говорить: «Беда! Мы нивхи в море ходим. Если мы эту саблю возьмём, принесёт ли это нам добро? Не лучше ли эту саблю снести в море? Если со своим счастьем на примирение пойти, это лишь хорошо будет». Так они говорили.

Тогда нивхи саблю на берег снесли, у самого края моря положили. Затем море кормили, а саблю в море кинули. После того косатка с брызгами из моря выпрыгнула, и потом уже с плавником на спине в море уплыла.

С того времени до сих пор нивхи косаток «хозяевами» называть стали, а их плавник – саблей. Так древние нивхи поняли, что косатки – это морские люди.

Отождествляя этого морского хищника с человеком, нивхи, конечно, очень чутко представляли окружающий мир по образу своему и подобию. Люди, только начинающие осознавать его, оказались как бы в центре Вселенной, и совершенно естественно стали наделять её всеми свойствами,

которые были присущи им самим. Люди – это было то известное, из чего они исходили в своих суждениях о неизвестном: иного пути при первых шагах осмысления природы у них не было и не могло ещё быть. И ничто так легко не объяснялось из аналогии с поведением людей, как поступки животных. Поэтому-то нивхи, живущие в условиях охотничьего быта, и наделяли косаток человеческими свойствами.

А косатки и на самом деле были как люди, даже хитрей и изворотливей. Сколь веселы, любознательны и в меру деловиты их собратья – дельфины, сивучи или тюлени, столь коварны, сильны и неумолимы по отношению к ним косатки. Впрочем, основу питания косаток составляют сначала рыбы – лососи, треска, мойва, сельдь и кальмары, а затем уже – млекопитающие. Косатки действительно любят лакомиться тюленями и дельфинами, и часто даже играют со своими жертвами, как кошки с мышью: они подбрасывают ввысь тюленей, забавляясь с ними, прежде чем убить. Мёртвенно-бледное брюхо и горло косаток при этом совершенно завораживают своей нереальной белизной, тюлени и сивучи, при виде её, на какое-то мгновение впадают в оцепенение, и этим молниеносно пользуются безжалостные хищники.

У самой поверхности моря мчатся косатки наперерез добыче, выстроившись, ряд за рядом: вот-вот ударят всем фронтом! Столько в этих животных заключено безмерного нахальства и силы, но, между тем, они – очень красивы. Невозможно не любоваться стройностью их тел, отточенными скупыми движениями, захватывающими каким-то безудержным природным стремлением лететь по волнам и настигать, вскоре, всё с такой же необъяснимой устремлённостью, продолжая рваться вперёд.

Косатки всегда в пути, они неустанно рыщут по морю в поисках добычи. Грозные плавники торчат над водой, упруго разрезают волны как косой. Котики и сивучи, завидев косаток, нередко переворачиваются на спину, поднимают вверх лапы и, дрожа, ждут, пока минует опасность. Наверное, надеются, что косатки не обратят внимание на неподвижный предмет. А может быть, и в самом деле падают в обморок или «обмирают» от страха, безвольно качаясь кверху брюхом на волнах. Но косаток так просто не проведёшь: настигнут - и в считанные секунды разорвут. На то они и косатки – волки моря, призванные вечно странствовать по необъятным морским просторам.

Умным и сильным животным не может противостоять даже кит, потому что действуют они всегда сообща. Принято думать, что нападая на крупного кита, косатки охотятся, якобы, только за вкусным языком, а выев его – оставляют огромное животное подыхать, но это далеко не всегда соответствует истине. Просто косатки порой, по необъяснимой причине, проявляют обычную кровожадность, присущую всем хищникам, причём, не только в отношении китов, но и акул.

Известен даже описанный случай нападения косаток на кашалотов, произошедший к югу от Японии. Его наблюдали участники экспедиции

ТИНРО на одном научно-поисковом судне в восьмидесятых годах прошлого столетия. Восемь косаток быстро сблизились с группой кашалотов из семи самок и четырёх детёнышей, окружили их и без разведки бросились на медлительных гигантов, отчего вода сразу окрасилась кровью. Шести самкам и трём детёнышам удалось всё-таки вырваться из этого смертоносного кольца, а вот одной самке с детёнышем не суждено было спастись: хищники с остервенением терзали их, отрывая от тела большие куски, и было понятно, что кашалоты обречены. Интересно отметить тот факт, и об этом свидетельствовали китобои Курильской флотилии, что киты, преследуемые косатками, стараются укрыться у борта судна, которое они находят по шуму, производимому вращающимся винтом.

Косатки также действуют совместно, выбивая лёд из-под тюленей и пингвинов. Одна за другой они бьются спиной об лёд, пока жертва не падает в море. Как ни странно, косатки не наделены обонянием. Таким большим и сильным животным оно, должно быть, ни к чему. Кстати, сходным образом косатки атаковали ездовых собак антарктической экспедиции Скотта, и даже едва не сбросили в воду с льдин фотографа экспедиции, упорно его преследуя.

Эскимосы и чукчи в своих утлых каяках и байдарах очень остерегаются косаток, которые при своей силе, быстроте и страшных зубах могут в одно мгновение погубить их вместе с лодочкой. Даже для большого вельбота косатка опасна, и эта опасность тем значительнее, что косатки нападают часто парами или стаями. Так, на стальной вельбот одной океанографической экспедиции напала пара косаток, пытавшихся сначала раздавить, а затем - перевернуть его, общими усилиями приподнимая вельбот из воды на своих боках!

Но как бы ни были грозны косатки, это не мешает и эскимосам и чукчам отважно бороться рядом с ними за своё пропитание, и даже использовать животных в своём нелёгком труде. На Чукотке охотники на морского зверя иногда пользуются своеобразными звуковыми эффектами: если раненый зверь затаился под поверхностью моря, его заставляют вынырнуть, ударяя по воде пластиной китового уса. Так эскимосы имитируют удары хвоста косаток – злейших врагов всех ластоногих.

Работая на Курилах, нам нередко приходилось видеть, как неподалёку от судна, нахально, кружат косатки… Их торпедовидные, стройные, с вытянутой вперёд головой тела, отливая притягательной глубинной чернотой, обычно воздействовали на человека как гипноз. В каждом движении животных чувствовалась завораживающая мощь, и можно было часами стоять у борта и смотреть на пугающе очаровательные силуэты зверей, в тайне остро желая дотронуться рукой до их глянцевито-поблескивающих упругих спин.

Неохватно покатые, красивые тела косаток не спеша вздымались над водой и, перевернувшись на бок, всей своей сбитой тяжестью бесшумно продавливали её холодящую маслянистость. Получалось это у них изящно,

легко, и вода спокойно смыкалась за гибкими хвостами, как будто никто и не нарушал её первозданной девственности и тишины. Потом косатки, все одновременно, стремительно выбрасывались высоко в воздух, и ты оторопело застывал, когда могучее, всё в искрящихся блёстках животное вдруг выпрыгивало из воды у самого борта - и через мгновение всей своей восьмитонной тушей шлёпалось обратно. Вызванное таким зрелищем потрясение долгое время не покидало, будоража воображение. Перед самым уходом на север, где нас ожидала очень ответственная и сложная работа, нам всё же посчастливилось увидеть этих великолепных животных и в заливе, названном в их честь.

Косатки помахали нам напоследок своими плавниками, вернее, еле качнули ими, как будто действительно попрощались. Косаток была пара. Они плавно кружили в маслянистой густоте волн, в каких-нибудь двадцати метрах от судна, ни на секунду не отдаляясь друг от друга, а день стоял пасмурный, но какой-то по-особенному хороший, успокоенный и тёплый. И все, кто смотрели на косаток, были тоже по-хорошему невозмутимы, настраиваясь на нелёгкую экспедицию. Наверное, потому, что чувствовали исподволь, благодаря сильным и свободным животным, что и они сами свободны и сильны, и все жизненные сомнения у людей постепенно исчезали, и они, наконец, переставали чего-либо опасаться, лишь радуясь предстоящей дальней дороге.

Косатки внезапно возникали из-под воды в самом неожиданном месте, и мы восторгались их красотой, и забывали про свои экспедиционные трудности и усталость, и опять были готовы, несмотря ни на что, идти вперёд. Дорога уже не казалась нам столь изматывающей, шторма – такими изнурительными, подводная работа – бессмысленной, а жизнь – пустой и никчёмной. В тебе самом пробуждалось желание стать на время китом, упруго разрезать морскую поверхность иссиня-чёрной косой и знать, как ты силён и великолепен, и нет тебе равных в этом огромном океане удивительной жизни. Взмах плавника косатки не был угрозой, а скорее – провозвестием счастливого грядущего для всех увидевших его людей, которое благодаря этому замечательному животному представлялось необозримо прекрасным, полным радостных открытий.

Как ни странно, это счастливое грядущее заключалось, оказывается, и в том самом обыкновенном физическом труде, под водой, который был, тем не менее, необыкновенен. Ему тебя никто не учил, ты сам выбрал его и затвердил в себе без каких-либо обязательств и ненужных душевных надломов: этот труд просто жил в тебе преодолением всего, казалось бы, непреодолимого, как цветок, не перестающий расти и цвести, пробивая себе дорогу сквозь упрямый скалистый грунт…

Труд под водой дарил и пробуждал в душе какое-то своё, особенное, не похожее ни на какое другое счастье. Им можно было делиться со своими товарищами, которые стояли рядом незаметно и надёжно, и именно поэтому, наверное, ты не чувствовал изнуряющей усталости, а только радость, и

боготворил этих людей, - надёжных, всегда и во всём помогающих, отдающих себя, но бессильных порой обустроить собственную судьбу.

Таким был Саша Бедненко, старшина нашей водолазной станции… Весёлый, кажущийся всем открытым, он держал про себя много людского непонимания, переживая его в своей душе, и всегда улыбался в усы, даже когда злился. Но сердиться по-настоящему не умел, тотчас отходил, и был, собственно, выше этого.

В нём жила натура горячая, большинством людей не замечаемая и очень справедливая. Пройти мимо чьего-либо малейшего неустройства он был не в силах, помогал всегда как отрешённый, и заливисто смеялся потом, не ожидая никакого вознаграждения. Его могли дать ему только люди, закованные вместе с ним в непосильной подводной работе, которая, по мере выполнения, становилась лекарством ото всех бед. А ещё - океан, шум курильского бамбука на ветру и отрешённые вскрикивания чаек…

Сашка… Тебя я помню лучше всех, и больше чем кого-либо люблю. За твоё мужество и волю, настоящее радушие и доброту, которую ты безоглядно дарил всем. Твоё большое сердце всегда желало осуществления достойной мечты…

Правда, напряжённая экспедиционная жизнь, извечные мытарства дальней дороги с её неустроенностью, штормами, холодом и полной самоотдачей привели тебя, в конечном итоге, к полному бездействию – параличу… Такая беда случилась с нашим другом, но всё это было потом, а пока нас объединила и сплотила бухта Касатка, на незабываемом острове Итуруп.

Работая в этой самой бухте, в ноябрьские и декабрьские шторма, мы, кажется, мечту свою тогда, всё-таки, осуществили. Трудились, как черти, без оглядки веря в собственные силы и плечо друга, в эту, казалось бы, ускользающую каждый день, но прекрасную жизнь. И знать не знали, что правда её способна обернуться ещё и кривдою, что жизнь порой может быть необъяснима в своей несправедливости и постоянных потерях. Сашка, как не хватает мне сейчас тебя, Курильских островов, всех этих скал и бухт, великого океанского простора!

Косатки, океан и ветер были мне тогда друзьями, и я так радовался жизни, не ведая про какой-либо страх. Он затерялся где-то в глубине сердца, изрядно притупился от постоянно переживаемых приключений, а мне выпадала лишь жалость по утраченному другу, которому уже больше не взлететь, не погрузиться в глубину, - для всего этого следовало бы заново родиться.

Его тело навсегда сковало бездействие, тогда как душа оставалась живою, и, как мне тогда казалось, всё не переставала ждать чего-то, тем не менее, угасая. Когда я приходил к нему в больницу, он, молча, заглядывал в меня своими печальными глазами, и я ненавидел эту его злую хворобу… Но, несмотря на свою бессильную тоску, он не собирался жаловаться или каяться

в грехах, и всё, похоже, был готов отдать, как и раньше, во имя счастья другого. Сашка…

Только сейчас я понимаю, каким невообразимо тяжёлым был тогда этот труд в холодной глубине залива Касатка… Погружались мы с берега, и это поздней осенью, особенно в местах, открытых всем океанским ветрам и течениям. Море студёное, колючее, прибойная волна яростно разбивается о прибрежные камни, гладко отполированные и скользкие от водорослей, а обдаваемые нескончаемыми шквалами отвесные утёсы усеяны острыми балянусами.

Входить в воду и выходить из неё приходилось во время откатывающейся волны. Если зазеваешься, того и гляди подхватит гребень водяного вала и потащит к скалам. Преодолеть все эти препоны и успеть погрузиться в клокочущую стихию – было очень не просто.

Сложность ещё состояла в том, что, несмотря на постоянные выматывающие шторма, плохую видимость и холод, приходилось осуществлять изнурительную работу по освобождению подводной части трубы мареографа от огромных валунов, которыми она была завалена. Мне это постоянно напоминало сизифов труд, когда валуны день ото дня становились всё тяжелее, и при этом не кончались. Чем ближе к берегу, тем их становилось больше, потому что труба выходила в море глубоко под землёй.

Мы работали тогда только по ночам, в пору наибольшего отлива, а чтобы легче было раскатывать валуны, военные из посёлка Буревестник подгоняли нам на берег вездеходы и фарами освещали чёрную водную поверхность. Всё вокруг бушевало, кипело, рвалось, мы не слышали ничего, всё как будто потонуло в этом ревущем кошмаре, и только какой-то внутренний неугасаемый огонёк поддерживал твои силы, и мышцы, подчиняясь ему, мужественно напрягались, руки тянули, катили, и жилы почему-то не рвались. В этом нет сейчас никакого преувеличения, а есть лишь отражение обыкновенной и простой сути нашего морского труда, который почему-то, опять же, не хотелось бросать. В глубине души ты был убеждён, что всё делаешь правильно, находишься там, где должен находиться, и тебя окружают неслучайные люди, подобные по духу тебе.

И ещё, несмотря на безумствующую стихию, меня все два месяца, пока мы находились в посёлке Буревестник, не покидало ощущение, что океан по-настоящему не злится, а испытывает нас на крепость. И при этом, как ни странно, любит нас, в своём отрешённом наступлении скорее воспитывая и обучая, нежели желая повергнуть. Удивительно было переживать здесь, на краю света, его мудрую науку, суть которой до нас доходила лишь позже. Тогда же мы старались всеми способами выстоять, и сами, незаметно, наполнялись, как и океан, несгибаемой силой.

Как мы вообще умудрялись всё это делать, постоянно сшибаемые с ног накатными волнами, не чувствуя рук и тела от пронзающего насквозь холода, обезумевшие от воя не стихающего сутками ветра? Когда же нужно было

размывать подводный грунт помпой, мы с Сашкой надевали тяжёлые свинцовые пояса и галоши, обвязывались прочно верёвкой и, ухватившись одной рукой за пипку, а другой – обнявшись, болтались так слившимся комком терпения и воли, и чувствовали только ответственность и заботу друг перед другом. Ничто не могло нас разъединить, мы знали это и были горды своим трудом и братством. Не выполнить работу - мы просто не имели права, а все муки нелёгкого труда под водой покрывала наша спаянная дружба и молодость. Море же наблюдало за нами и величаво хранило молчание.

Перед всем этим я готов сейчас встать на колени. Ради моего дорогого Сашки, штормов, дикой напряги, счастья нахождения рядом с друг другом, нехитрой обстановки нашего тогдашнего жилища, тьмы моря, неумолчного гомона чаек и первозданной тишины диких островов… Обо всём этом хочется написать, не упуская ни единой детали, чтобы море захватило тебя с собой так же, как когда-то, унесло в свою безмерную нескончаемость и не отпустило, а ты бы почувствовал себя при этом могущественным, как и оно, и счастливым.

Но и на берегу было немало интересного, что могло поразить своей необыкновенной красотой. Окутанные голубоватой дымкой скалы острова Итуруп с охотской стороны, лихо завихряющиеся, сталкивающиеся и расходящиеся у их основания течения вольного пролива Фриза, отделяющего остров Итуруп от острова Уруп, незабываемая стоянка в бухте Консервная, в двух кабельтовых от отвесной скалы, с которой ниспадали хрустальные потоки воды. Водопад, словно, вываливался с почти отвесного западного берега бухты, высотой в сорок метров, и мощным занавесом величественно низвергался вниз. С судна казалось, что всё это происходит в замедленном действии, как в театре, когда огни медленно гаснут, и музыканты осторожно вступают со своей завораживающей мелодией…

Приятно и немного жутковато было стоять под самой стеной, почему-то представляющейся живой. Взгляд бесконечно скользил по зелёному склону, ничего не выделяя, и всё же невозможно было отвести его. Склон притягивал к себе своей сказочностью, и я с трепетом осознавал, что сбывается задуманное – побывать вот в таких местах, которые, кажется, находятся где-то бесконечно далеко, и если досягаемы, то только в собственном воображении.

Помнится, в бухте Консервная находился ещё песчано-галечный пляж протяжённостью около двухсот метров, на который было выброшено судно. Когда много путешествуешь по дальнему Востоку, бываешь на сахалинских и курильских берегах, то нередко встречаешь эти мрачные памятники служения морю – остовы погибших кораблей. Когда-то они потерпели в море крушение, были принесены прибоем или приливными водами к берегу, и выброшены на него. Штормовые волны и ветер изрядно обглодали их, и постепенно суда стали выглядеть жалко или даже зловеще.

Едешь на машине по отливной полосе или идёшь вдоль берега на судне – и вдруг из тумана возникает огромный ржавый остов, он поднимается

перед тобой как привидение, вышедшее из моря, и поначалу ты только зачарованно взираешь на эту безрадостную картину, не находя ни слов, ни мыслей от увиденного. Просто скользишь взглядом по жалким останкам корабля, который когда-то рассекал своим форштевнем морские волны, и у тебя никак не укладывается в голове, что сейчас это огромное судно брошено и никому не нужно. Мрачное впечатление…

Не менее удручающие чувства вызывают и повсеместно встречающиеся на Курилах корявые хвойные деревья, так что не сразу отличишь – какая это порода? Как будто обглоданные кем-то, с кривыми ветвями, они почти всегда вытянуты в какую-нибудь одну сторону, как правило – к морю. Это – лиственницы, иногда – пихты, так как ни на одном из Курильских островов нет ни единой сосны.

Высокоствольные пихты и лиственницы, произрастающие в наших уральских лесах, вспоминаются только как островерхие стройные красавицы, достигающие семидесяти-восьмидесяти метров. Деревья, достойные уважения, а не эти кургузые уродцы, напоминающие какой-то обглоданный жалкий стяг, что вот-вот будет сорван и унесён в необозримые океанские дали. Местные хвойные представители легко перепутать между собой, они невыразительны и не вызывают ничего кроме жалости. Кто же их так изуродовал?

Но приглядевшись, всё же, отметишь в них отчаянную несгибаемость, как бы их не угнетал и не причёсывал под единый гребень океанский ветер, срезая целые верхушки. Деревья же мужественно распластывают в стороны боковые ветви, на всех из них – следы его неугомонных безудержных порывов. И всё-таки, как бы ни был неукротим ветер, и пихты, и лиственницы, и редкие берёзки, прозванные здесь каменными, изо всех сил стараются удержаться, вжаться в каменистую почву.

Иногда каменная берёза начинает расти от самого берега, на каменистых террасах, и чаще встречается на Южных Курильских островах, а к северу – исчезает. Нередко, по всему океанскому берегу, нам приходилось находить совершенно окаменевшую каменную берёзу: вернее - её куски, на вид представляющие из себя камень, но в которых на изломе хорошо прослеживается структура дерева. Море обкатало обломленные ветви и стволы, может быть даже захваченные когда-то расплавленной вулканической массой, но не сожжённые до конца, и благодаря этой самой лаве, вероятнее всего, и сохранившиеся.

Или, предположим, взять мелкосеменную ель Глена… Высокая на материке, на Сахалине и Курилах она выглядит совсем иначе. Ствол у неё имеет форму конуса, значительно утолщаясь к основанию, а сучья начинают расти на небольшой высоте от земли. Таким путём нижняя часть дерева утяжеляется, и поэтому, несмотря на неглубокую, горизонтально идущую корневую систему, ель становится устойчивой под напором сильных ветров. Так дерево приспособляется к особым условиям, характерным для сурового тихоокеанского климата.

Дело ещё в том, что своеобразие почв Курильской гряды сложилось в условиях часто повторяющихся извержений вулканов. Это не раз приводило к гибели растительности, и тогда развивались новые растительные сообщества. Очень нарушало процесс почвообразования неоднократно повторяющееся засыпание поверхности земли вулканическим пеплом. Почва покрывалась свежими выбросами, перегнойный горизонт погребался, и процесс почвообразования начинался вновь. Это явление послужило причиной того, что на островах под лесной растительностью нет настоящих подзолистых почв, хотя характер климата – обилие осадков и относительное тепло, создаёт необходимые условия для формирования именно таких почв – подзолов.

На некоторых островах встречаются почвы, в разрезе которых можно насчитать до трёх погребённых перегнойных горизонтов, а число различных прослоев достигает двух-трёх десятков. Эти прослои не являются почвенными горизонтами, то есть – не несут в себе характерные свойства здоровой почвы, что, естественно, и влияет на худосочность древесных стволов, их болезненную изогнутость, низкорослость. Глядя на все эти измождённые непрестанной борьбой деревья, сначала хочется выдрать их с корнем, прекратив нескончаемые отчаянные усилия выжить любой ценой, но потом вдруг застыдишься своих мыслей, поняв, что и сам ты здесь, на этих диких островах, подобен несгибаемому дереву, у которого надлежит учиться.

А ещё на Итурупе, в верховьях реки Высокотравной, текущей среди отлогих холмов, поросших тисом, курильским бамбуком и лиственницей, я впервые увидел ход кеты на нерест. Правда, был уже декабрь месяц, и кета в основном отошла. Встречались лишь отдельные экземпляры, обессилевшие в борьбе с течением, измочаленные, с лохматыми ссадинами на боках, в свалявшихся струпьях, распластавшиеся среди гальки на мелких местах. Уткнув головы в воду и чуть шевеля хвостами, рыбины всё же продвигались к верховью, и эта природная страсть поражала более всего.

Именно таких, почти метровых рыбин мне и довелось застать под вечер тёплого декабрьского дня. Они были уже без икры и плавников, но, всё же, ползли на брюхе, разъединённые меж собой, но не отчаявшиеся. Им, видно, очень нужно было добраться до места своего рождения и, в предсмертной судороге совершая этот неистребимый ход, забыться и лечь, там, на дно, чтобы, растворившись в каждом его камешке, вновь возродиться когда-нибудь маленьким отражением своей былой красоты и силы.

Кто хоть раз видел это неподражаемое по страсти рыбье устремление, во что бы то ни стало, достичь своего родимого источника, тот будет вспоминать его беспрестанно, в течение всей жизни, как пример истинного подвижничества, непроизвольно неся в себе скрытую, но обозначенную именно ходом рыбы неутомимость. Незримо находясь теперь в твоём сердце, рыбы не раз помогут преодолеть тебе собственную лень и усталость.

Мчась с неудержимой силой против течения, вперёд, до самых верхних истоков, кета, помимо восхищения, вызывает ещё какие-то смешанные,

необъяснимые чувства, поскольку неминуемо гибнет, в отличие от любой другой представительницы рыбьего царства, которая, отметав икру, возвращается к прежней размеренной жизни. Но кете почему-то суждено пропасть, угаснуть полностью в этой изматывающей борьбе со своей природой. Река переполнена рыбьими телами, поверхность её кипит и вода принимает рыбий вкус, а кета безостановочно всё устремляется в устье, создавая невообразимую тесноту, даже давку. Если вы вздумаете проехаться по такой реке на лодке, то у вас вряд ли это получится: вёсла просто завязнут, постоянно переворачивая рыбу и подкидывая её в воздух.

Сама же рыба стоически терпит быстрое течение, голод, трение и ушибы. Удары о коряги и камни истощают её, силы покидают красивую рыбу, и вскоре мясо её превращается в дряблые безвкусные волокна, зубы оскаливаются, а сама она становится страшной, похожей, скорее, на зубатку. Мало-помалу она совершенно ослабевает и, уже не в силах сопротивляться течению, безвольно выползает на берег, уткнувшись мордой в камни. Так кета оказывается лёгкой добычей животных и человека, берега в верхнем течении бывают усеяны мёртвой рыбой, издающей сладкое зловоние, и все эти страдания переживает обыкновенная рыба, совсем недавно передвигающаяся по океану сильной, изящной, красивой. Только ли это неодолимые любовные порывы, неминуемо ведущие к издыханию?! Старожилы называют их «кочеванием к смерти»…

Та же страсть, только к открытиям, должно быть, повлекла вверх по реке и нас. К неиссякаемой живительности драгоценного источника, которого, оказывается, не гнушался когда-то сам микадо, верховный правитель Японии. По рассказам местных стариков, приближённые относили его туда на своих плечах, в паланкине, а микадо при этом, наверное, сохранял величавое спокойствие…

Был ли он болен и стар, а может молод и осторожен, но, тем не менее, пожелал совершить целительное омовение и, конечно, тоже наблюдал эти заросшие бамбуком берега, называемые в посёлке «медвежьим углом», смотрел сверху, как струится под ногами его слуг прозрачная вода и изредка всплескивается в ней неудержимый лосось… О чём думал он при этом и чего желал, на что надеялся в своём недолговечном правлении и как относился к диким берегам этой загадочной для себя земли? Его невидимое присутствие витало в размытом воздухе реки, и пасмурный курильский день становился от того красочнее и богаче.

Нужно было только присмотреться ко всему окружающему, и руки мои непроизвольно потянулись к камере, объектив которой выхватил из курильского пейзажа, кажущегося всегда почему-то затаившимся, маленький кусочек реки: с одной стороны – голые склоны пологих сопок и камни, а с другой – заросли бамбука и берёзки. Это был небольшой перекат, рыба на нерест уже шла редко, лишь последние экземпляры отчаянно пробивали себе дорогу к неминуемой гибели, и весь этот отмеченный моим вниманием участок реки с пасмурным, но светлым небом, необыкновенно приковывал к

себе. И я запечатлел его нажатием кнопки, пожелав навсегда оставить с собой, и он сейчас стоит передо мной в застеклённой квадратной рамке, и мне кажется, что я никогда не покидал это место, сохраняя его в своей душе.

Что-то покойное стояло в воздухе над водой, растениями и камнями, и воздух был недвижим, и надо всей этой совершенной дичью висела какая-то необъяснимая теплота, я бы даже сказал – чья-то нежность, что ненавязчиво касалась лица, рук, тихо ложилась на плечи, и было удивительно хорошо всё это ощущать, идти в поднятых болотных сапогах вдоль берега, по самому руслу, неспешно передвигая ноги… С таким зачаровывающим внимание журчанием текла хрустально-чистая вода, будто даже не отсюда, и разноцветные камни лежали на дне будто бы только для того, чтобы околдовать. И, тем не менее, всё происходящее вокруг выглядело просто, доступно, хотя и таинственно.

Солнце то выглядывало, то пряталось, и было радостно переживать это необыкновенно затянувшееся предзимье: ведь стоял декабрь, а снега не было и в помине. Мы шли тихонько вверх по течению, камешки чуть слышно крокотали под сапогами, и было так хорошо на душе, что никуда больше не хотелось стремиться. Сама река, распадок, по которому она текла, склоны холмов, всё это удивительное пространство - подсказывали: ты на правильном пути, но сейчас, пока, отдохни, ни о чём не думай, сам стань этой струящейся хрустальной водой…

Источник чудесных вод, где действительно можно было набраться сил, находился в четырёх километрах от устья, на вершине небольшой чёрной скалы. Мы тогда не знали, что всего этого раздолья природной мощи следовало опасаться, ибо в источниках, бьющих из земли, находилась большая концентрация родона – газа, возникающего из распада радия. Испускаемое радием излучение применяется в медицине для лечения рака, волчанки и других болезней. Но ведь следовало знать дозу, быть осторожным, а мы просто верили своему чутью непременно окунуться в неведомые лечебные источники после тяжёлой работы, которая нас обессилила, и даже в какой-то мере обезобразила, и наша вера и молодость растекались над рекой Высокотравной с такой же жизнеутверждающей благодатью, с какой над ней растеклась божественная благодать…

Кто-то когда-то пришёл в верховья этой дикой реки, взорвал скалу и устроил в ней уютную каменную ванну, которую местные жители стали использовать для лечения кожных заболеваний, суставов и просто в качестве омолаживающей процедуры. Но прежде, чем погрузиться в ванну, требовалось выгрести со дна ил, что значительно повышало температуру воды и улучшало её целебные свойства. Человек приходил сюда с лопатой и палаткой, размещался в ней на несколько дней, утром и вечером совершая небольшое омовение, а потом в течение двух-трёх лет не имел никаких проблем со здоровьем, что на продуваемом всеми ветрами и тайфунами острове было делом необыкновенным.

Стояли уже крепкие холода, и мы не рискнули искупаться целиком, но, всё же, испробовали на себе целительные свойства источника. У самого подножия скалы бил ещё один тёплый родник, и, умывшись в нём, мы к вечеру не узнали друг друга: кожа лица у всех стала нежная и белая. За два месяца работы в море, на снегу и ветру, под дождём, днём и ночью, словом, в любую погоду, лица наши загрубели до неузнаваемости, покрывшись ссадинами и коростами, а тут такая перемена… И мы позавидовали жителям острова, ради которых природа распорядилась так справедливо, щедро наделив столь изменчивые и суровые в климатическом отношении условия существования этой живой водой.

Неожиданности поджидали даже в самом посёлке, где мы жили в барачного типа гостинице. Полдюжины номеров её вряд ли хоть раз заселялись полностью, и это одиночество мы ощутили первой же ночью, когда наши припасы стали предметом пристального внимания многочисленных крыс. С наступлением темноты крысы теряли всякую осторожность, устраивая под кроватями сущий бедлам.

Ведь крыс на Курилах, особенно на Южной гряде, тьма! Среди старожилов бытует мнение, что грызунов в таком количестве развели японцы. Будто бы они для интендантских складов, своим солдатам, завезли в своё время сотни тысяч тонн риса, отчего крысы и размножились. Или же животные были завезены когда-то заходящими сюда разными судами, и крысы, почувствовав для себя полное раздолье, обосновались на островах как дома, и теперь от них нет никакого житья.

Заснуть в таких условиях оказывается делом совершенно невозможным, если ты только не обладаешь завидным хладнокровием и не валишься с ног от усталости. Нас спасало именно последнее, и, выполняя тяжёлую подводную работу в заливе Касатка, мы приходили в маленькую гостиницу абсолютно вымотанными. Свои продукты мы хранили в номере гостиницы, в плотных бумажных кулях, подвешивая их высоко на стены, но это не спасало нас от нашествия крыс. Крысы, эти удивительно хитрые твари, чувствовали – где находится наш провиант, и умудрялись бегать даже по стенам.

Их неуловимые тела метались по всей комнате и с противным грохотом брякались откуда-то сверху об пол. Не смолкающая крысиная возня, их топот, писк и взвизгивание, а главное – это неприятное ожидание, что крыса вот-вот пробежит по тебе, может быть, даже по лицу/!/, и ещё не дай Бог вцепится, совершенно лишало всякого покоя и держало в напряжении. И так оно и было: закрывшись с головой одеялом, ты вынужден был терпеть, когда животные перебегали через тебя, утробно пищали, даже замирали, роясь носами и лапками в одеяле, и эта наглость крыс не знала границ. Крысы как будто злились на свою незавидную судьбу, и не было никакой возможности совладать с этими тварями, так что мы страшно не высыпались, а крысы унимались только с рассветом.

Впрочем, и днём крысы так же никого и ничего не боялись. Они сновали прямо под ногами по улицам посёлка, безбоязненно перебегая из дома в дом, и, что было уж совсем необъяснимым – просто кишели на берегу моря… Чем привлекала их его пустынность с осклизлою солёною галькой – понять было невозможно, но эти снующие повсюду существа составляли часть окружающей нас курильской экзотики. Где-нибудь в обыкновенной среднерусской деревушке подобное зрелище, наверное, не вызвало бы столько недоумения, как здесь, и в то же время это массовое появление животных просто повергало восприятие!

Никакой потравы против грызунов, конечно, не было, но даже если бы она и присутствовала – это вряд ли бы что-то изменило. Крыс было – полчище, несметное неприятельское войско, и на месте одной погибшей появилось бы, наверняка, в несколько раз большее количество особей. Однажды я сам видел, как несколько крыс, перебежав передо мной дорогу, зашмыгнули в открытую дверь магазинчика, и никто из присутствующих посетителей не обратил на это никакого внимания. Зверьки, по-видимому, действительно стали неотъемлемой частью островной жизни, и их воспринимали как неминуемое зло. Крысы же от этого только ещё более наглели, уже давно не прятались от человека, только с неохотой отскакивая в сторону, когда кто-либо проходил мимо или желал заехать по ним камнем, а то и сапогом. При этом крысы вызывающе поглядывали, как-то именно по-крысиному смотрели на «недоброжелателя», и по спине пробегал неприятный холодок.

Но что с ними было поделать? Конечно, такое соседство приносило мало удовольствия, и мы продолжали выполнять свою морскую работу, стараясь не замечать отвратительных зверьков, а вскоре и вовсе привыкли к ним. В этом нам очень помогло одно обстоятельство: в старой деревянной гостинице, насчитывающей всего каких-нибудь пять-шесть номеров, неизвестно откуда объявился ободранный, без хвоста и ушей, кот, который оказался совершенно бесстрашным.

- Это что за невидаль? Наши лепёшки – поели кошки! – озадачился наш начальник экспедиции Валера Шустин. – Вроде – кот, а без хвоста?!

- Бобтейл! – с гордостью объявляет администратор, - наших, курильских кровей котище!

И действительно, такого чуда мы ещё не наблюдали, но особенность бобтейла, как раз, в неполной длине хвоста, либо в полном его отсутствии, что и создаёт ему неповторимый облик. Но, то не порок, что хвост короток: он голове не указ. Изначально эта порода кошек жила на Курильских островах Итуруп и Кунашир, и может быть именно поэтому, если посмотреть на бобтейла не сзади, а спереди или сбоку, сразу становится заметно сходство с рысью, настолько его поджарая фигура напоминает эту дикую кошку.

На самом деле прародителями этих кошек являются японские короткохвостые бобтейлы и наши сибиряки, перевезённые на Курилы русскими переселенцами, а бобтейлы попали на острова вместе с японцами в составе исследовательских или военных экспедиций. В Японии принято считать, что бобтейлы имеют священное происхождение: их предками будто бы были белые храмовые кошки, которые охраняли святыни последователей Будды, они были символом процветания императорской семьи. Зачастую бобтейлов использовали и в качестве сторожей императорских ферм, где разводили пушных зверей. Но повинуясь природным инстинктам, многие бобтейлы сбежали в дикую природу, а суровый климат Курил наградил их роскошной густой шерстью и повадками дикого зверя, и однажды увидев такого зверюгу, ты поначалу даже засомневаешься – кошка ли это?

Но, несмотря на то, что кошки эти дикие, и происхождение их уходит корнями в глубокую древность, они более привязываются не к дому, а к человеку. Обладая от природы развитым охотничьим инстинктом, они отличаются дружелюбным нравом и преданы своему владельцу. А ещё – это очень энергичные кошки, и они безумно любят активные игры.

Наш куцехвостый кот был активен сверх всякой меры. Мы не знали – как поймать этого кота в гостинице, где по ночам крысы устраивали сущий кавардак. Номеров в гостинице было шесть, и обитатели каждого из них пытались заманить кота всякими окольными путями. Это был по-настоящему бесстрашный кот, он без тени сомнений вступал с обезумевшими грызунами в схватку, и они его остерегались. Если кот оставался на ночь в какой-нибудь комнате, покой ей был обеспечен.

Именно благодаря куцему хвосту мы и прозвали кота Куцым, а приваживали его докторской колбасой, от которой отрезали по кусочку перед его носом, таким образом, проводя потихонечку по всему коридору гостиницы до самого номера. Подобные козни в отношении отважного кота, пытаясь переманить его на свою сторону, совершали и другие обитатели гостиницы, им очень хотелось подружиться с Куцым. Но мы строго следили за тем, чтобы колбаса у нас не переводилась, задабривая ею кота, а дверь в комнату была всегда заперта. Наш «куцый капитан» платил нам старицею, изводя оголтелых крыс напрочь.

Обычно смирный днём, по ночам кот совершенно преображался, становился диким, и бесстрашно носился по столам и койкам, иногда даже запрыгивая на стены, во всём следуя за крысами. Порой, на миг остановившись, он замирал на месте, слегка присев и нервно подрагивая своим коротким помпончиком, а затем вновь бросался в драку. Глаза его горели, из нутра вырывалось сдавленное шипение, и вскоре он начинал истошно выть, отчего мы старались плотнее завернуться в одеяла, только бы ничего не видеть и не слышать.

Кот рвал когтями всё, что подворачивалось ему на пути, и совершал по комнате такие отчаянные прыжки, что мы только диву давались. Он, явно, чувствовал себя в своей тарелке, кажется, ему эта возня с крысами даже

нравилась, и кот, наверное, был очень доволен собой. Для него это была, скорее всего, увлекательная охота, мы же только молили Бога о скором приближении утра. Как коту удавалось справляться с этой крысиной сворой – для нас оставалось загадкой.

Но, тем не менее, кот здорово выручал нас, поскольку работа в море выматывала необыкновенно. Мы боготворили нашего спасителя, надеясь, что кот нас не покинет. Такой отчаянной храбрости мы от него никак не ожидали, потому как крысы не уступали коту в размерах, по количеству же – целая армия, их невозможно было перечесть, а ему – хоть бы хны!

Кот этот вызывал в нас искреннее уважение, поскольку сами мы очень опасались этих жутких животных. Особенно, когда они бегали по ночам и утробно пищали, отчего хотелось самому завопить от охватывающего холодного ужаса. Ужас этот таился у нас в самой глубине души, должно быть ещё с тех незапамятных времён, когда человек остерегался всего непонятного, воинственного и страшного, что окружало его.

Да и сами по себе крысы не вызывали ничего, кроме отвращения, ибо приносили одни пакости. Ну, если только, по известной пословице, они не одолевали скопидомку, с коей не было ни какого сладу. Крыситься крысиная порода готова вечно, и гневаться на неё бесполезно: её, по тем же народным приметам, только девятая смерть одолевает. Поклониться мы должны были нашему коту в ножки!

«Куцого» невозможно было спутать ни с какой другой кошкой – в нём присутствовала какая-то природная независимость и свобода, ему даже не приходилось её демонстрировать, она была его сутью. Природа поведения бобтейла источала полнейшую неприхотливость, но стоило рядом показаться какому-нибудь грызуну или птице, и кота невозможно было узнать. По рассказам той же администраторши гостиницы, местные жители нередко встречали бобтейла в лесах острова, и этому отчаянному коту ничего не стоило поймать и вытащить на берег крупного лосося весом в несколько килограммов…

Не всё коту масленица, будет и великий пост: это - не про бобтейла сказано. Ему, как раз, природою его предопределено всё время находиться в полном одиночестве, потому как лучше охотника не сыскать. Охота – главная страсть бобтейла, когда в нём просыпается природный дух, и тогда хот сотню крыс представь перед его носом, он от забавы такой не отмахнётся: целиком отдастся на волю своего охотничьего нутра. Охота – природа бобтейла!

А крысы, между тем, в огромном количестве обитали в посёлке… Присутствию крыс не находилось никакого объяснения, пока мы не выяснили – отчего оно на самом деле происходит: виной тому были островные травы. Когда в сопках поднимались высокие душистые растения и бамбук, их венчики, качаясь, рассыпали повсюду жёлтую цветочную пыль, а ветер разносил её по всему острову, крысы покидали леса и приходили в дома людей, потому как цветочная пыльца была для них ядовита.

Местные жители постепенно привыкли к своему проклятию, относясь к нему совершенно спокойно, и даже – с юмором. Впрочем, так же, как они относились ко всем случающимся на острове недоразумениям. Но, тем не менее, от крысиной напасти не было никакого спасения…

Злобные и агрессивные, эти хищники не уживаются ни с кем. Живя огромными семьями, и даже – кланами, они соблюдают в своих рядах строгую иерархию, где самки предпочитают лидирующих самцов, и это способствует закреплению и передаче из поколения в поколение признаков, важных для выживания вида. А поскольку крысы ведут, преимущественно, сумеречный образ жизни, покидая свои убежища вечером и возвращаясь у них утром, то пик их нашествия приходится на полночь.

Учитывая, что время отливов, то есть – наименьшая вода, когда удобнее всего было разбирать валуны, укрепляющие под водой трубу мареографа, приходилось на вечерние часы, мы возвращались в гостиницу, как раз, к началу крысиного бесчинства. Как мы уставали от их нашествия! А завоевать курильские острова, в основном – Кунашир и Итуруп, крысам удалось благодаря пассивному расселению на морских судах. Не зря название «Итуруп» с японского языка переводится, как «остров крыс»!

Беря во внимание невероятную живучесть этих животных, они очень быстро расселились по островам, укоренившись на них, кажется, навечно. Сила сжатия челюсти крысы сопоставима с сжатием челюсти акулы. Пройдя какую-то дорогу хотя бы единожды, крыса запоминает её на всю жизнь. Она никогда не теряется, легко находя выход из любых лабиринтов. У неё – очень высокий порог обучения, а крысиный иммунитет – поразителен.

Крысы практически ничем не болеют, у грызунов даже есть ген, защищающий их от заражения половыми болезнями. Они хорошо плавают и ныряют, легко переносят голодание, а перемещаются со скоростью 10 километров в час. В момент наивысшего возбуждения крысы прыгают в высоту до двух метров. Одна пара крыс в течение года способна произвести на свет полчища в две тысячи голов, и вот эти неугомонные чудовища заполонили собой не только гостиницу, но и посёлок, вообще, весь остров!

Крысы грызут, рвут, жрут, пакостят, и опять всё грызут и уничтожают. Как это соотносится с удивительной красотой курильской природы? Как воспринимать это бесовское нашествие, когда повсюду на острове – чудесные водопады, в водах которых летят серебристые лососи, в многочисленных распадках струятся хрустальные ручьи, сочная зелень сопок и холмов переливается с густой синевой океана, а древние вулканы, словно мудрые старцы, величественно попыхивают жаркими кратерами в лазурное курильское небо, но не затуманивают его, а будто подкрепляют неспешным истечением времени… При нашем чутком сосуществовании с островными красотами его, вроде бы, и вовсе нет, и тогда о крысах, конечно, забываешь.

Кстати, за всю историю флота крысы, несомненно, сыграли в ней свою животную низменную роль, поскольку ни одно плавание не обходилось без их надоедливого присутствия. Обычно на борту старинных парусных

кораблей водились полчища крыс, и из трюмов поднималась густая вонь застоявшейся воды и крысиных испражнений. Сырые трюма просто кишели ими… Вечно голодные, крысы постоянно опустошали продовольственные кладовые, пожирали не только сухари, но прогрызали бочки, рвали паруса и пеньковые канаты. Они быстро размножались, несмотря на периодическую охоту, устраиваемую на них, и сорокавосьмичасовое окуривание, производимое при всех закрытых люках. Как только издохших крыс собирали и выбрасывали за борт, они вновь мгновенно нарождались, создавая для людей адские условия.

На атаки этой оравы «безбилетных пассажиров» жаловались все выдающиеся мореплаватели, великодушно подтверждая: «Не они жили среди нас, а мы среди них!» Крысы были настолько дерзки, что забирались даже в самые, казалось бы, недоступные уголки, где моряки хранили сахар и другие ценные припасы. Если крысы не находили ничего съестного, то, случалось, обгрызали у спящих матросов пальцы на ногах. Герман Мелвилл, написавший замечательную книгу «Моби Дик», отмечал в своём дневнике: «Ничуть не боясь людей, крысы стояли в норах и смотрели на вас, как старый дедушка с порога своего дома. Нередко они бросались на нас и принимались грызть нашу еду».

Было только два радикальных средства против этих паразитов: кораблекрушение или жажда. Но какой матрос мог желать этого? Ведь в таком случае вопрос шёл и о его собственной жизни. Если с водой становилось туго, крысы от жажды делались бешеными.

Влияние крыс на жизнь людей, особенно на старом флоте, было настолько ощутимым, что они порой даже оказывались спасением, ибо в отсутствие провианта, которое случалось переживать нередко, моряки употребляли крыс … в пищу. Человек ложился на палубу, зажав в губах кусочек сухаря, и замирал, будто мёртвый. Долго ждать не приходилось, так как какая-нибудь крыса, учуяв лёгкую добычу, обязательно появлялась в скором времени рядом, и следовало только половчее ухватить животное, когда оно приближалось к самому телу. Добытая таким образом крыса оценивалась среди экипажа в золотой, при этом важно было обладать хотя бы одним сухариком…

Кстати, боцман Александр Селькирк, явившийся прототипом Робинзона Крузо, оказавшись в одиночестве на архипелаге Хуан Фернандес, тоже столкнулся с проблемой крыс, ранее завезённых на остров кораблями, которые заходили сюда пополнить запасы свежей воды. Крысы стали воистину бедствием для всего живого на острове, но моряк нашёл средство против них. Дело в том, что корабли завезли на остров не только этих грызунов, но и кошек. Селькирк выставлял у своей хижины миски с молоком коз, которых он умудрился приручить, тем самым «заключив союз» со всеми кошками острова…

Но вернёмся к стойким курильчанам, что ко всем случающимся с ними происшествиям относились всегда с доброжелательной хитринкой, вернее

даже будет сказать – мудро. Встанет, скажем, небезызвестный всем дизель, и тогда уже не обойтись без парафиновых свечей, которых при частых перебоях электроэнергии за долгую курильскую зиму не напасёшься. А сметливый курильский народец тут как тут со своими не иссякающими догадками… Берут обычную стеклянную банку объёмом в литр, наливают в неё до самого верха воды и затем опускают туда свечу, заблаговременно прилепив к её нижнему концу кусок пластилина с таким расчётом, чтобы он держал свечу наплаву, а фитиль приходился вровень с поверхностью воды. Такое, никогда не достигающее друг друга, соприкосновение, оказывается, замедляет горение в несколько раз, в чём просматривается очевидная экономия, а твоему восхищению неунывающим курильчанином нет предела…

Как нет предела радости, вообще, за всё, что окружает на этом острове… Вместе с редким солнечным днём, ясно просматривающейся сахарной вершиной вулкана на противоположном берегу и широким выходом из бухты в океан, сияющим светлой синевой, что сливается где-то там, в необозримом пространстве с небом… Зимнее море удивительно спокойно, обкатанная прибоями галька приятно похрустывает под сапогами, и вспоминается сразу что-то хорошее…

В одном месте ты останавливаешься перед огромным каменным языком, далеко вдающимся в море… Целый сад из округлых валунов серого, чёрного, бордового и коричневого цвета простирается перед тобой, и по ним, наверное, можно добраться до середины бухты, прыгая с одного на другой. И, вот тут, к тебе вдруг приходит понимание значимости всего, что ты делаешь, и ещё какой-то внутренней цельности, с которой так хорошо становится жить. И ты совершенно забываешь о том, каким неприветливым и даже жестоким было совсем недавно море, и, конечно, перестаёшь думать о нём с неприязнью.

«УРУП»

Давно замечено, что место, куда неудержимо притягивает людей, всегда предполагает их отсутствие, одним словом – не вспугнутую тишину. Независимо от того, заброшенная ли это на далёком берегу таёжной сибирской реки деревушка, какое-нибудь необыкновенное озеро, завораживающее потаённостью своих чёрных невозмутимых вод, или одинокий таинственный остров, затерявшийся посреди величественного океана… Все они, в конечном итоге, являются в той или иной мере воплощением очаровывающей душу первозданности, тем местом, где тебе хочется остаться одному, наедине с Богом.

Многие люди, совершенно искренне полагая, что это непременно их дорога, целеустремлённо рвутся туда, вдумчиво и планомерно готовятся к отъезду и, преодолевая любые встающие на пути преграды, всё же осуществляют давно задуманное. Но, добившись желаемого и обретя, как им кажется, необходимые знания и себя, долго не задерживаются на этом и непременно возвращаются, чтобы похвастаться перед своими друзьями достигнутыми в походе успехами и открытиями. У некоторых из них увиденное сохраняется надолго, время от времени беспокоит память, и опять зовёт в путь, кому-то ностальгия по полюбившемуся напоминает о себе лишь изредка, едва ощутимо трогая душу и так же легко и быстро её отпуская, а кто-то и вовсе обо всём случившемся тотчас забывает, и уж больше никогда к нему не возвращается.

Чаще всего люди не в состоянии покинуть насиженное место по причине своего служебного положения, обременённости семейными заботами или ещё какими-либо делами, отложить которые не представляется возможным. Бывает, что обстоятельства складываются не в твою пользу, заедает текучка, некогда по-настоящему обдумать глубоко скрытое желание, а подчас – просто не хватает решимости. Встречаются и такие, что вообще никуда и никогда не уезжают, даже не помышляя о каких-либо изменениях в собственной жизни. Но, не будучи совсем равнодушными к ней, ничуть не стыдятся этого и откровенно ставят подобное поведение себе в заслугу, провозглашая леность и покой самыми добродетельными мерилами. А иногда желаемое оказывается просто не настоящей мечтой, или же, если решение собраться и уехать затягивалось слишком долго, мечта, хотя она и была стоящей, успевает постепенно иссякнуть, и человек о ней забывает.

Всему этому, в конце концов, можно найти оправдание, если никого строго не судить и попытаться понять. Понять человека – это значит помочь увидеть ему в себе самом то, что давно было от него скрыто и о чём он, быть может, только догадывался… Хуже, когда человеку, вообще, ничего не надо.

Фёдору Назаровичу Цветкову – начальнику метеостанции на острове Уруп, было, во что верить и к чему стремиться. Когда к нему приходило

обычное горе или неудача, из которых, тем не менее, трудно и порой, кажется, даже невозможно выбраться, он оставался стойким, несмотря ни на что сохраняя при этом благородство, великодушие и доброжелательность. Его собственная нелёгкая жизнь тогда становилась ему наградой, потому что был он всегда неутомим и делал всё возможное, чтобы она стала лучше, а это, в итоге, главное.

Тогда не беда, что многое у тебя не получалось. Важно, что ты не сворачивал с пути и не поддавался собственным слабостям. А отсутствие безразличия – есть, вопреки всему, сама добродетель, может быть, та душевная простота, которая в полной мере присуща по-настоящему чистым и мудрым людям.

Фёдор Назарович обладал этой добродетелью, поскольку добросовестно и осознанно всю жизнь трудился, потребность к чему была заложена в нём с детства. Строгость и порядок при выполнении обязанностей, касающихся любого мало-мальски необходимого дела, уважение к старшим и ответственность по отношению, в первую очередь, к самому себе – вот что отличало его прямой характер. Вместо того, чтобы устремлять своё обострённое внимание к заоблачным далям, реальнее для него было произнести слово в защиту собственных возможностей перед людьми и жизнью, ответив, наконец, на вопрос: что есть моя душа и почему я не такой, каким могу быть? Именно это представлялось наиболее насущным, и только поэтому для него отсутствовала извечная дилемма: быть или не быть, то есть – оставаться ли ему, несмотря на все жизненные перипетии, человеком?

Фёдор Назарович несомненно был им. Был, когда по вербовке, после войны, уехал на Диксон и проработал там радистом многие годы. Там и потерял верхние фаланги пальцев на руках, но профессии своей не бросил. Более того, даже научился играть на баяне…

Несведущий в жизненных перипетиях слушатель вряд ли мог поверить в подобное, пока сам не убеждался после увиденного… Как и всё остальное, игра на инструменте получалась у Фёдора Назаровича виртуозно и с настроением. Футляр же для дорогой сердцу забавы необыкновенный начальник метеостанции и использовал тоже необыкновенно: он хранил в нём … многочисленные двадцатипятирублёвые купюры. Лихие заработки, восемь надбавок с двойным коэффициентом и долгая выслуга, к тому же – невозможность реализовать на острове деньги, были тому причиной.

Вообще, к деньгам на острове относились довольно сдержанно, совершенно искренне полагая, что они – не самое главное в жизни, по крайней мере – уж точно не единственная цель, а может быть только средство, с помощью которого можно сделать собственную жизнь и жизнь своих близких гораздо интереснее, лучше. На берегу непредсказуемого огромного Океана, в царстве метровых кижучей, водопадов, вулканов и прочих красот дальневосточной природы, все эти денежные знаки представлялись чем-то очень обыденным и даже, можно сказать, не нужным.

Однажды приехавшие сюда за длинным заработком – надолго, как правило, не задерживались, но Фёдор Назарович, было похоже, укоренился тут навечно.

И это при том, что жизнь в здешних местах отнюдь не дышала для него покоем и теплом, но в ней всегда находилось всё, что заслуженно их предполагает. Он жил так, что, казалось, не зависел от каких-либо посторонних обстоятельств, внешние условия, вроде бы, не оказывали на него своего тяжёлого давления, и с присущим ему добродушием он искренне верил: иначе просто и быть не может. Трагедия же многих других людей, остающихся в успокоительном для себя неведении на материке, где большинство из них даже не подозревали об удалённой от них суровой островной действительности, заключалась в том, что ничто в жизни не задевало их достаточно глубоко, чего нельзя было сказать о Фёдоре Назаровиче. Как бы это странно ни звучало, но он был счастлив.

Конечно, счастье у каждого своё, правда, у некоторых, даже самых выносливых, оно со временем становится похожим на горе, если человеку приходится долго ограничивать себя в самых обыденных житейских вещах… Таких, например, как семья, которая однажды оставила тебя один на один со снежными буранами, тоской и необходимостью каждодневно выполнять свою нелёгкую работу, при этом лишив обыкновенной заботы. Изо дня в день, несмотря ни на что, в думах своих Фёдор Назарович не расставался с двумя дочерьми и женой, поселившимися где-то на далёком материке, и ставшими, вроде как, чужими… Как вынести это закравшееся в душу одиночество, которое, ты знаешь, никогда теперь тебя не покинет и будет только год от года острее? Со временем оно предательски медленно и неумолимо убивает, как бы ты не любил своё дело и людей, находящихся рядом.

Ему порой становилось обидно и жалко себя за то, что он обязан, по чьей-то неведомой воле, жить, как будто потерявшись на этом отрезке земли, не находя нужных своему сердцу родных людей. А ведь эти люди, в глубине души, где-то так же страдали, наверное, от отсутствия не достающих с ним родственных уз, в этом он почему-то ничуть не сомневался. Безотчётная тяга к близким людям, оказавшимся сейчас от него далеко, неотступно огорчала его душу.

Втайне ему очень желалось, чтобы эти близкие, но навсегда, казалось бы, потерянные для него сердца, не только бы иногда вспоминали его, но и сами, хотя бы изредка, встречались с ним. Вообще, все забытые другими люди, наконец, избавились бы от беспрерывной и иссушающей печали, приобретя взамен не менее глубокое и неиссякаемое чувство взаимопонимания и любви.

Ото всех этих невесёлых мыслей Фёдора Назаровича отвлекали бесчисленные островные заботы. На работу он уходил с рассветом, а возвращался уже под самый вечер. Крупный, чуть лысоватый, с прямой редкой чёлкой на лбу и глазами навыкате, он напоминал почему-то учтиво-

подобострастного партикулярного чиновника, но, вглядевшись тщательнее в его большие серые глаза, невозможно было не подметить живое внимание ко всему. Особенно к людям, которые за глаза любовно прозвали его «президентом».

Капитан научно-исследовательского судна «Анабар», что постоянно доставляло на остров провиант и оборудование, заблаговременно предупреждал экипаж по трансляции о приближении к «Демократической Республике Уруп». Но на самом деле таковой эта выдуманная им «Республика Уруп» становилась только по прибытии судна на остров, потому как во всё остальное время её «президент» был строг и требователен, не спуская малейшей оплошности и разгильдяйства никому, независимо от заслуг… Он лучше, чем кто-либо, понимал, что выдержать здесь возможно только следуя незыблемым законам, нигде не записанным, но не раз выверенным суровым островным бытом.

И всё-таки, в те самые редкие заходы судна на остров, Фёдор Назарович позволял себе отрываться на любимом коньяке, ящик которого ему неукоснительно доставляли с каждым рейсом. Однажды, в наше очередное прибытие на Уруп, Фёдор Назарович затягивать со своим «расслаблением» не стал и, опорожнив, сходу, целый стакан, тут же взялся за баян… А потом, уже изрядно захмелевший, отчего-то затеял душещипательную беседу именно со мной, пригласив в свой маленький, но уютный домик.

Жил Фёдор Назарович отдельно от других сотрудников метеостанции, с каждым годом всё более и более утверждаясь в этом своём вольном затворничестве, и становясь в глазах подчинённых ему людей, по меньшей мере, «странным» человеком, в упоминании о котором среди метеорологов было принято покручивать у виска пальцем. Для начала продемонстрировав мне свой знаменитый футляр из-под баяна, изрядно уже потёртый, даже – облезлый, он широким жестом, с достаточно равнодушным выражением лица, раскрыл его, небрежно придерживая за ручку, и на пол выскользнула толстенная кипа новеньких сиреневых двадцатипятирублёвок…

- Живи по полной, чтобы смерть была праздником! – не без гордости заявил он при этом, и в удовлетворении осклабился… Видно было, что вино возымело своё действие.

Но и то было верно, что в нём проснулось нечто трогательное, глубоко сокровенное и затаенное: очевидно, что выпитое неминуемо разбередило его исстрадавшуюся душу.

- Знаешь, что в жизни важнее всего? – с детской непосредственностью потянулся он ко мне, и вдруг показалось, что совершенно отрезвел при этом. Выпученные глаза его ещё более округлились, на лысине выступила испарина, и он, не морщась, хватанул ещё полстакана коньяка.

- И что же?

- Быть в пути. - Он со знанием дела, серьёзно, посмотрел на меня, и утвердительно добавил: - Нужно быть человеком пути, и когда я тебя увидел, сразу понял: ты – в дороге!

- ?

- Люди пути не похожи ни на кого. Глаза у вас, что ли, особенные… Как вы говорите, двигаетесь. Словом, вы знаете что-то такое, чего не знают другие. Несёте в себе какое-то знание, уверенность, что каждый шаг человека стерегут боль и радость, и в этом – счастье жизни.

- Люди пути… И кто они на самом деле?

- Те, кто отправились однажды к своему Отцу, на небо…

- По ступенькам?

Он улыбнулся.

- Можно сказать и так.

- И я смогу по ним пойти?

- Думаю, ты уже делаешь это.

- А долго нужно туда подниматься?

- Всю жизнь.

- И даже останавливаться нельзя?

- Можно.

- Надолго?

- Насколько ты захочешь.

- А потом опять вверх?

- Да. Как можно выше.

- И что за это будет?

- Радость великая.

- Только всего?

- Это – необыкновенная радость, она умиротворяет и объединяет всех, даже тех, кто не стремился познавать мир, но оказался рядом с идущим. - Он задумался. - А вообще-то, радость и умиротворение – естественные состояния для человека. Надо только знать, как их достигнуть, достигнув же – можно найти покой где угодно, подобно тишине в центре тайфуна.

- И как же его достигнуть?

- Нужно просто иметь твёрдое намерение и точное понимание того, чего ты желаешь. Ведь выбирающий начало пути уже внутренне предполагает место назначения своего движения. В нём всё это присутствует. И ещё твоё желание должно восприниматься так, как будто оно уже осуществилось.

- Со стороны всё это выглядит достаточно просто.

- Простота мира – это его изначальная сущность. Но чтобы обрести мудрость, приходится порой преодолевать немало сложностей. На это уходит не одна жизнь.

- Нужно, наверное, просто решиться на что-то достойное, и приложить все усилия для его осуществления?

- Верно.

- Одну и ту же замечательную истину ты можешь слушать и повторять про себя неоднократно, но пока не осознаешь её – ничего не добьёшься?

- Осознание не бывает избирательным. Это – абсолютное пространство, в котором может случиться всё, что угодно, но многое, конечно, зависит только от тебя.

- От твоего терпения, настойчивости, отваги?

- Да. От осознания себя, что в конечном итоге подразумевает понимание и себя и то, куда ты идёшь. Нет ничего лучше этой дороги…

- Ведущей к познанию самого себя?

- Да.

- Целый огромный мир – и ты… Разве ты – больше мира?

- Весь мир в тебе, так устроил для нашей пользы Бог.

- Как это?

- Ну, это когда твоя жизнь подчинена служению всем живым существам, являющимся, вместе с тобой, частью огромного организма, и твоя любовь к нему безусловна, потому что часть целого не может работать только на себя.

- И Бог помогает при этом?

- Очень редко.

- Почему?

- Потому что Он хочет, чтобы ты сам научился быть великим.

- Зачем?

- Это самое достойное и интересное, чего ты способен ощутить в жизни.

- А когда Бог тебе всё же помогает?

- Он помогает уже тем, что живёт в твоём сердце, предоставляя тебе возможность самому устроить всё лучшим образом. И всё всегда видит.

- Бог всегда во мне…

- Да.

- Я хочу Его увидеть…

- Это возможно только когда ты этого по-настоящему захочешь и будешь готов к этому.

- К этому нужно очень долго идти?

- Всё зависит от силы твоей устремлённости.

- К Богу?

- И к Нему. И ещё к своему предназначению, к высокой цели, которую ты должен для себя определить, к другим людям.

- Совсем чужим?

- Гармония – это когда ты живёшь в согласии не только с самим собой, но и с другими людьми, когда ты добросердечен к чужому человеку, как если бы он был тебе родным. Ведь все мы – взаимосвязаны, и являемся частью единого целого.

- И при этом можно стать счастливым?

- Нужно не бояться делать то, что подсказывает тебе внутренний голос.

- Несмотря ни на что?

- Когда тебя никто не заставляет делать то, что ты делаешь, и это дело даже не приносит каких-либо материальных ценностей, а ты всё равно его делаешь, потому что не в силах без него обойтись, - это и есть, наверное, единственно правильный жизненный выбор.

- Как только его осуществить?

- Вот стал бы ты заниматься тем, чем ты занят сейчас, если бы у тебя всё было? В смысле – материального достатка…

- Конечно.

- Значит, можешь считать себя счастливым.

- Не верится, что всё, опять же, так просто, но это, пожалуй, недалеко от истины. Сама дорога, следование ей, уже – не сравнимая ни с чем ценность… Да?!

- И понимаешь это, чаще всего, уже в конце пути.

- А раньше невозможно?

- Не рано, конечно, кому дано, а не дано – и век рано. Всякому своё счастье, в чужое не заедешь. Оно – в нас, не вокруг да около.

- Как вам удаётся жить здесь год за годом? Ведь вы совершенно оторваны ото всех.

- Когда осознаёшь окружающую тебя жизнь, ты не думаешь о том, чтобы просто выжить. В твоей жизни появляется смысл.

- И в чём он заключён?

- Ну, скажем, почему бы не попытаться распознать свою уникальность, то, в чём ты не похож ни на кого другого? Что вообще такое – это твоё «Я»? Здесь для этого есть всё необходимое – время, уединение, неповторимая природа… Если не изучать жизнь и себя, то и жить не стоит.

- Почему же, всё-таки, познание своего «Я» настолько важно?

- Потому что когда ты придёшь к пониманию своего истинного «Я» как чего-то безграничного и неизменного, ты уже не будешь зависеть от бренного тела и со временем угасающего ума. Когда осознаешь, что за пределами всех вещей ты существуешь вечно, это избавит тебя от страхов и наполнит повседневную жизнь радостным изобилием.

- А здорово бы было в течение всей жизни сохранять чувство удивления!

- Я живу на этом острове много лет, пристально всматриваюсь порой в одно и то же, что меня окружает, но оно каждый раз становится невыразимо таинственным, величественным миром, заключённым в себе самом. Здесь есть всё, что необходимо душе. Труднее устанавливать и поддерживать связь с людьми, к которым не всегда испытываешь симпатию…

- А мне казалось, что в таких ограниченных условиях легче вверять друг другу секреты?

- Если вкладываешь в отношения любовь…

- Разве возможно иначе?

Фёдор Назарович задумался.

- Когда вынужден общаться с одними и теми же людьми, и некуда уйти от этих отношений, суть человека незаметно от тебя ускользает… И чем больше за ней гонишься, тем быстрей она удаляется. В конце концов, как-то теряешь человека. И тогда человек исчезает для тебя совсем, и это самое сложное при такой работе. Тут важно оставаться спокойным и не пытаться что-либо делать. Пусть всё происходит так, как должно быть. Это избавит от многих разочарований.

- Но ведь это знание приходит не сразу?

- Верно. Нужно научиться отпустить свой ум, который чаще всего оказывается беспокойным… Пусть всё течёт своим чередом. Только хорошо рассуждать об этом, сложнее – следовать. Вообще, живя на пустынном острове, в сообществе трёх-четырёх людей, очень важно полагаться на свою интуицию, а любое напряжение только мешает. Оказывается, что твоё внутреннее «Я» знает всё. Нужно его слушать.

- Радость не в вещах, а в нас?

- Но понимаешь это только не раз пережив тяжёлую утрату или боль. Что-то оборачивается не так, как тебе хотелось, а надо это принять. Тогда твою душу не захлестнёт злоба. Есть только один способ жить: воспринимать жизнь как чудо, а себя в ней – неотъемлемой частью.

- И всё?

- Кажется, конечно, невероятным, но это так. Выбирая свой жизненный путь, не забывай об этом.

В тот вечер мы допоздна просидели у Фёдора Назаровича на кухне, а увидеться ещё раз нам привелось только через несколько лет, когда после длительной душевной болезни, он, перед самым отъездом на материк, зашёл к нам со своим маленьким чемоданчиком и пообтёртым футляром в водолазку, попрощаться. Присел скромно на табурет, положив на колени свои изуродованные короткие пальцы, посмотрел почти равнодушным взглядом на выцветшую карту Курильских островов, и, вздохнув, тихонько проговорил: «Вот, отробился…»

Во всём его неловком облике, простенькой и, видно, давно уже не ношенной и вышедшей из моды одежде, порядочное время провисевшей без дела в таком же стареньком шифоньере, угадывалась мудрая отрешённость от всего, что его сейчас окружало. Этот человек, кажется, достиг того умиротворения и покоя, о котором мы беседовали с ним когда-то на пустынном острове, нас с любовью обнимала курильская ночь, и был он – «Президентом Демократической Республики Уруп», про которого в те годы слагали на Курилах легенды. А потом, смутившись неизвестно чего, и подняв обе руки, с робкой улыбкой, добавил: «Делай дело не по конец пальцев!» Добрая тебе память, Фёдор Назарыч…

Само слово «уруп», кстати, означает айнское название красной рыбы. Она так же, как и везде, идёт в реки из моря на нерест, преодолевая

невообразимые, казалось бы, преграды, одной из которых оказываются водопады… Они на острове большей частью многоступенчатые, с огромными каменистыми ваннами, постоянно заполняемыми хрустальной водой.

Водопады на Курилах не редкость, поскольку на многих островах вдоль берега тянутся террасы, с которых и струятся водопады. Каждая терраса – свидетель поднятия берега, водопады же – показатели того, что эти поднятия происходили сравнительно недавно. Когда-то речки, низвергающиеся теперь с уступов, впадали в море прямо на уровне нынешней террасной площадки. Затем произошло воздымание суши: оно совершилось так быстро и так недавно, что с тех пор речки ещё не успели пропилить своими течениями приустьевые участки русел, поднятые вместе с террасами. Устья рек как будто повисли в воздухе, и воде пришлось падать с образовавшегося при этом уступа. Такая падающая вода, в некоторых местах чуть ли не прыгающая, и образует водопады.

Геоморфологи, изучающие геологию моря, называют такие долины висячими, а поскольку все реки Курильских островов имеют малую протяжённость и крутой склон, то текут с большой скоростью. Этому ещё способствуют узкие, порожистые русла, загромождённые глыбами камней, и образующиеся водопады при впадении рек в море довольно обычны на Итурупе, Урупе и Кунашире. Например, на Итурупе водопад Раккебецу низвергается со ста сорокаметровой высоты, с горы Камуй. На Кунашире имеются водопады Сокобол и Токаисарабецу, высота последнего – почти восемьдесят метров, а на Урупе – водопад Такатаки.

На Такатаки многотонная масса воды с неумолкающим гулом вырывается с высоты полтора десятка метров и неудержимо обрушивается в глубокие каменные котлы, промытые у подножия скалы. Вспученные потоки бурлят, вздымаются ослепительными фонтанами брызг и растекаются, закручиваясь пенными водоворотами по галечному ложу. Тут покоятся и валуны, в обхват – по три-четыре метра, целые вулканические бомбы, о которых думаешь, только когда ступаешь по ним, ощущая дремлющую в них древнюю энергию.

Очень важно – какие породы выстилают ложе водопада, вырабатываемые многовековым падением струй. Совершенно очевидно при этом, что порода должна обладать твёрдостью в той степени, в которой материал способен выдержать длительное воздействие водных масс, иначе водопад выработает русло и исчезнет. Когда, скажем, ложе какого-либо водопада выстлано песчаником, содержащим титан и марганец, оно под воздействием воды твердеет подобно бетону. Таковыми, кстати, являются многие водопады на острове Итуруп, на котором зарегистрировано свыше шестидесяти водопадов.

Так вот, вода непроницаемой плотной стеной валится сверху, будто замирая в воздухе, и в эти без конца ниспадающие с высоты водяные струи со всего ходу врезаются неудержимые серебристые рыбины, исступлённо

извиваются в них, то и дело срываясь, и вновь устремляясь наверх. Их невероятная неутомимость и порыв при этом поражают, и ты неотступно всматриваешься в эти метущиеся тела и не в силах поверить тому, что предстаёт твоему взору. Таким непостижимым представляется это рыбье наваждение, совершенно неправдоподобным… Это – лосось!

Должен заметить, что ход лосося в стремнине водопада незабываем… Я много раз слышал про летящих по струям ниспадающей со скалы воды лососей, но, честно признаться, не верил в подобное. Я ещё мог себе вообразить, что рыбы отчего-то пытаются совершать прыжки, может быть – на два-три метра в высоту, а вот чтобы они летели через весь водопад и заскакивали в реку, такое представлялось невероятным. На Урупе, острове, означающем на айнском языке именно красную рыбу, я, наконец, увидел это чудо.

Пенится, ревёт ниспадающая со скалы вода, вокруг клубится водяная пыль, и в этой искрящейся влаге то и дело возникают откуда-то красивые сильные рыбы. На солнце брызги переливаются радугой, и в этом мелькании красок спинные плавники лососей представляются необычными цветами. Всё происходящее – будто сон, и я лечу мысленно вместе с этими прекрасными лососями вверх по реке, и чувствую себя счастливым от того, что вижу подобное.

Во всём здесь ощущается звучание величественной природы: в шумовых вибрациях океана, гнущегося под ветром бамбука, низвергающихся струй водопада… Из-за океанского не прекращающегося наката неслышно, как грохочут водяные струи, устремляющиеся с высоты. Не всегда угадаешь эти звуки падающей воды, пока не подойдёшь к ним вплотную. Говорят, Лао-цзы – китайский мудрец, часто беседовал с водопадами. Он пристально вслушивался в размеренные звуки, издаваемые падающей водой, и тем самым обострял чуткость своего восприятия до различения тончайших звуковых вибраций, пребывая в гармонии с окружающим миром.

До сих пор стоит перед глазами, как бешено работают хвосты огромных рыбин, словно ввинчивая серебристые тела в самую водную толщу. Всё кажется невозможным это неукоснительное движение вперёд, навстречу мощно бьющей струе, но лососи, всё же, её проходят! Помнится, меня даже охватило сомнение: не обман ли зрения переживаю я в данный момент у подножия дикого курильского водопада?

Но нет, рыбы по-прежнему целеустремлённо рвутся вверх, в бешено мчащуюся, пенящуюся воду, напор которой запросто бы сбил с ног человека. Неутомимые, напружинив выгнутые спины, рыбы будто замирают на мгновение в потоках воды, но не сваливаются, а каким-то неимоверным усилием остаются наплаву. Сколько изящества и силы в их телах, сколько неугасающего упорства!

Водопад ниспадает к морю ступенями, на каждой образуя каменную вазу, и вода там просто вскипает, а в месте «приземления» обращается в водяную пыль, которая оседает на гальки студёным дождём. На скалистых

уклонах, по обеим сторонам водопада, растёт золотой корень… Собирая его, мы постепенно поднимаемся к самому краю, где взору открывается ещё более впечатляющая картина. Прямо над бурлящим потоком, из-за шума которого неслышно рядом стоящего человека, с силой взметаются в воздух сверкающие тела лососей и, прочертив дугу в несколько метров, плюхаются в реку, мгновенно устремляясь к верховьям уже против обычного течения. Какие-то рыбины, переворачиваясь в воздухе, срываются вниз, но большинство минуют опасные участки и, не теряя своей грациозности и красоты, несгибаемо продвигаются вперёд. Постепенно от вида этих прыгающих, вернее - летящих лососей в глазах начинают мельтешить изгибающиеся серебристые линии и блики, а ты всё равно не в силах отвести взгляд.

Вот она, несравнимая ни с чем сила природы! Какая невероятная страсть нужна, чтобы разогнаться в стремительно несущемся навстречу потоке воды, выпрыгивать из неё и продолжать движение дальше… Это поразительно и совершенно непередаваемо, и ради всего увиденного стоит, так же, как лососям, преодолеть долгую морскую дорогу, наконец оказавшись на острове Уруп, на берегу великого Тихого океана.

Лосось проводит большую часть своей жизни в океане, возвращаясь в реки и озёра для нереста, и учёных давно интересует вопрос: как лосось находит место, где он родился, долгое время находясь за тысячи миль от него? Практически это неизвестно до сих пор. Проплыв огромное расстояние, лосось безошибочно находит ту самую реку, где он появился на свет. Зато – как лосось, попав в «свою» реку, находит именно тот приток, который ему нужен, учёным удалось узнать. Эксперименты показали, что лосось находит «свой» приток по специфическому запаху донных осадков.

Придя на нерестилище, самцы-лососи начинают борьбу за самку, пока самый крупный не оттеснит других, а она, тем временем, выбирает место для гнезда, очищает его от мусора, и продолжается это порой целый день. Затем самка становится головой вверх по течению и, резко изгибая тело, разбрасывает гальку в разные стороны, выкапывая довольно глубокую ямку. Помещаясь над ямкой, самец и самка приступают к нересту: они совершают конвульсивные движения, выпуская порциями икру и молоки, после чего икра засыпается в гнезде песком и галькой. Как только самка вымечет икру, самец покидает её и переходит к другой.

Весь процесс нереста у одной самки продолжается три-пять дней, а закопанная рыбами в ямке икра называется – «заложенная в бугор». Дело в том, что после нереста самка ещё какое-то время остаётся у гнезда, подсыпает над ним песок и гальку, и некоторое время, пока у неё хватает сил, охраняет, усиленно отгоняя других подходящих к гнезду лососей. Вскоре, вконец истощённая, она сносится вниз по течению и погибает. Гибнут после нереста и все самцы. Мальки в том же году, по выходе из икры, скатываются вниз по течению, и уходят в море, где скитаются до наступления половой зрелости пять-шесть лет, а потом опять всё повторяется.

Кому-то покажется странным, что лосось идёт из морской воды в пресную, но тысячелетиями складывающийся инстинкт у лососевых действует лучше любого компаса. Дело в том, что в чистой пресной воде истоков и ручьёв привольнее жить беспомощным малькам, здесь у них меньше врагов. Чем выше по течению заберётся рыба, чем выше вымечет икру, тем более долгий путь к морю проделают её потомки-мальки, и тем более крепкими и целыми выплывут они на простор океана.

Помнится, когда я впервые узрел ход красной рыбы на Южном Сахалине, то был поражён, скорее даже, не её обилием, вода только что не выходила из берегов, так лосося было много, сколько одним обстоятельством: на берегу кишащей от рыбы реки стоял рыбак с удочкой и, выискивая островки спокойной воды, забрасывал туда крючок с поплавком, ко всеобщему удивлению выуживая оттуда … краснопёрок! Эта картина просто повергла в изумление, а позже мне объяснили, что лов рыбы во время её хода запрещён и нещадно штрафуется, что, впрочем, не мешает местному населению совершать обильные заготовки.

Кстати заготовка солёной лососины связана с появлением … рабства. Ещё древние греки, к примеру, избегали использовать в пищу рыбу, и её никогда не приносили в жертву богам. Однако, чтобы содержать многочисленных рабов, которых первоначально кормили в основном лососевыми, рыбу для большей сохранности солили, а уже потом, постепенно, солёная рыба заняла видное место в торговле.

Так вот, заготовки заготовками, но в реке рыба становится уже не та, и ловить её надо в море. Да и перегораживать русло нельзя: перекроешь пути к нерестилищам – негде будет рыбе икру выметать, а не будет нового поколения из этой реки, не вернётся через несколько лет и рыба в эту же реку. Самое верное дело – вставные сети до подхода рыбы к устьям, тогда всё же часть её войдёт во все речки и нерестилища не опустеют.

Легионы лососей, обуреваемые единым желанием – проникнуть выше по течению и принести потомство, так или иначе, погибают. Трагедия рыб в том, что это последнее плавание в их жизни. Они только раз приносят потомство и умирают.

Но смерть, когда сделано главное – продолжен род, оправдывает себя. Рыба проделала сотни и тысячи километров пути по океану и бурным рекам, вся изранилась и истощала, неузнаваемо преобразившись: на спине у неё появляется горб, удлиняется нос, отрастают зубы, так что рот перестаёт закрываться и превращается в страшное, оскаленное рыло, а мясо становится дряблым и настолько не вкусным, что уже не годится в пищу… Даже медведи, для которых ход рыбы – лакомая пора, не очень ценят умирающую горбушу и кету, предпочитают отгрызать у них одну голову и бросают туловище догнивать на берегу. Порой такими обезглавленными рыбами – медвежьими объедками, усыпаны все берега глухих дальневосточных речек.

Пока рыба жива и здорова, она несёт в себе поистине драгоценное вещество – икру. Туго набитые ею лососи – желанная добыча и для птиц, и

для человека, и для медведей. Вспоров брюхо одной рыбины – можно наполнить огненно-красной отборной икрой глубокую миску, а подлив в неё морской воды, и с помощью небольшой деревянной «вертушки» очистив икру от ястыка – тоненькой плёночки, заключающей все икринки в прозрачный мешочек, получаешь готовый к употреблению продукт, так называемую «пятиминутку», икру скорого приготовления. «Вертушка» - это небольшая расщеплённая палочка, поперёк неё, на самом конце, вставляется тоненькая лучинка, и, зажав такую искусственную веточку между ладоней, и опустив в миску с икрой, мерно покручиваешь её, пока вся плёнка не будет удалена.

Свежая, только что вынутая из рыбы икра имеет еле уловимый, чудесный аромат, и очень нежный, приятный вкус, таящий во рту. Слегка солоноватая, она очень аппетитна, и обычно ещё не отведавшие такую икру люди, относящиеся с большим недоверием к ней, попробовав хотя бы раз – уже не в силах от неё отказаться в дальнейшем. Икра «пятиминутка» - это великодушный подарок моря человеку, его драгоценный сюрприз.

Икра на Дальнем Востоке – всё равно, что у нас на Урале хлеб, но много её не съешь – сытная очень. Хотя, поначалу, когда ты ещё икрой не насытился, она – любимое блюдо: ешь её и сплошь и рядом, на завтрак, обед и ужин. Тонким слоем на бутерброд здесь икру никто не мажет, хлебают ложками, будто это и не икра вовсе, а каша. С такой же открытой удалью и работают: знай, крепкий курильский народец, что как ест – такова у него и честь!

Однажды на Итурупе капитан одной МРС-ки в полной мере продемонстрировал нам широту своей души. Мы размотали винт на его сейнере, и он, не зная – как отблагодарить, в возбуждении пропал куда-то, а появился вскоре на грузовике и, отбросив задний борт, великодушным взмахом руки представил, еле сдерживая чувства, свой подарок – двухсоткилограммовую бочку кетовой икры. Не взять – значило сильно обидеть, но до отхода нашего судна остаются минуты, и мы находимся в полной растерянности: что с ней делать?! Успеваем только сгрузить бочку на причал и в спешке выхватить из неё пару совков янтарной липучей массы, завернув её в ломкий кусок пергамента, остальное же остаётся на пирсе, как памятник неисчислимому богатству курильской земли, щедро отдающей его таким же отчаянным и красивым, как она, людям.

Судно удаляется от причала, а перед глазами у меня – великолепные серебристые рыбины, ухитряющиеся противостоять безудержному напору студёных курильских вод. Подобно рыбам, мне тоже хочется идти по непроторённой дороге, а не повторять уже пройденный путь. Однако последний бывает неизмеримо сладок, и не перестаёт притягивать, если он был пройден достойно. Точно также не отпускает меня Уруп, на котором нам посчастливилось побывать, прикоснувшись к его нетронутой первозданной природе. Именно на нём я впервые в жизни почувствовал и осознал присутствие Бога…

Трудно вообразить, но я нахожусь на курильском острове Уруп, в переводе с айнского языка означающего «лосось», и на карте действительно напоминающего рыбу, по крайней мере – нечто вытянутое, завершающееся на обоих концах удлинёнными острыми мысами. Здесь почти нет людей, только небо, горы, многочисленные ручьи и водопады, безмолвные скалистые утёсы и заросли стланика с бамбуком, и ещё – океан… Океанский прибой выровнял острые мысы острова, образовав ступенчатые террасы, и поскольку остров не широк, в шторм гигантские волны свободно гуляют по его берегам.

Помнится, мне захотелось уйти на самый край острова, остаться совершенно одному, наедине с морем, камнями и каким-то нереальным маяком. Это была северо-восточная оконечность Урупа – мыс Кастрикум, никого рядом со мной не было, и лишь разноцветные кухтыли валялись повсюду, оживляя своими яркими боками пустынный мыс. В какой-то момент даже показалось, что над этими местами когда-то пролетала моя древняя душа, до того всё было узнаваемо, и были они такими же первозданными. Может быть, поэтому я и ощутил, постепенно, во всём окружающем нечто Божественное. Ведь Бога невозможно познать, его можно только почувствовать, и почувствовал я Его именно на острове Уруп.

Сидишь вот так, на каком-нибудь шероховатом тёплом камне, и чувствуешь, ровно что-то входит в тебя… Не сразу и разберёшь поначалу – что именно, но скоро понимаешь – то, что окружает: эти загадочные камни, морская бирюза, солнце, отражённое в её прозрачной густоте, и необычайный простор. Простор этот прикасается к тебе как бы исподволь, осторожно, но уже через мгновение бьёт откровенно наотмашь, ослепляет, так что ты и сам начинаешь изливаться в нём, и как бы ни пытался объяснить это удивительное состояние – ничего не получается, а на душе – покойно и сладостно.

Понимаешь сразу, что никогда и не переставал стремиться к этой чистоте, которую дарит море и всё, что его окружает. Чудится даже: вот оно вздохнёт, перевернёт в тебе что-то невидимое, и сам ты рядом с ним станешь морем. Веря в своё замечательное перевоплощение, тоже будешь торжественно и радостно бушевать, ибо всё здесь предполагает только мужество и отвагу.

Мыс Кастрикум назван так в честь судна голландца Фриза, открывшего когда-то этот остров, он доступен всем ветрам, и в нём, действительно, есть что-то свободное, напоминающее движение корабля, неустрашимо раздвигающего форштевнем упрямые океанские волны. Только одинокий маяк, как мачта, украшает его палубу-скалу, и так получилось, что именно здесь, за тысячи вёрст от родного дома, я впервые поговорил с Богом. Выбрав свой жизненный путь, как мне казалось – правильный, я через него неожиданно пришёл к Богу, и встреча эта состоялась ни где-нибудь, а на

Курилах, рассекающих своей саблевидной цепочкой островов Тихий океан и Охотское море.

Никому нельзя увидеть нашего Творца, и я Его, конечно, не увидел, но очень остро почувствовал чудесное Присутствие. Пребывая в чуде дальневосточных красот, ещё с большим чудом соприкоснулся, внутренне готовый к общению с ним. Такую встречу невозможно предугадать, к чуду вообще нельзя привыкнуть, ибо оно всегда случается вдруг, когда ты занят каким-либо делом, и вот, по какой-то причине, оказываешься ошарашен: к тебе приходит сам Господь… Есть отчего прийти в волнение, но я всё происходящее воспринял спокойно, как будто был к этому, действительно, давно готов.

То, для чего живёт каждый человек на свете, обычно ему неизвестно, а мне вмиг стало совершенно понятно: я родился, оказывается, для того, чтобы увидеть Океан, работать в нём и встретиться на его пустынном берегу с Богом, чтобы утвердиться в правильности выбранной дороги и рассказать об этом людям. И ещё о многих замечательных вещах, до которых дошёл сам, вернее, они уже находились, оказывается, в моей душе, и нужно было только подобрать к ним ключик, чтобы открыть.

Стоял тёплый сентябрьский день, светило солнце, и лёгкий морской ветерок беззаботно перебегал с океанской стороны на охотскую. Чем занять себя в такой благословенный день, на почти пустынном острове, когда ты уже сходил к дремлющему вулкану, посмотрел игры каланов, водопад и восходящее по его струям стадо лососей, а все подводные работы по ремонту мареографа уже выполнены? Всякое занятие скоро наскучивает, так же, как и прогулки по берегу в поисках диковинных даров моря, которых мной за несколько лет работы на Дальнем Востоке было собрано огромное количество. И я решил просто побыть в одиночестве, с самим собой, к тому же – в таком замечательном месте, где взору открывается и Охотское море, и Тихий океан, и красивые горные кряжи острова Уруп. Сам же мыс Кастрикум покрыт голыми камнями, изредка – травой, и иногда, как о том говорится в Лоции, здесь появляется морской зверь – калан, сивуч и нерпа, и почти всегда гуляют ветра, находящие для себя в этих местах полный простор.

Я сидел на небольшом валуне неподалёку от уреза воды, смотрел перед собой, и вдруг - почувствовал Его… Новое ощущение было совсем не таким, что я недавно переживал при встрече с Океаном, хоть оно и оказывалось по-настоящему не передаваемым. Нет, вновь возникшее чувство обладало ещё более удивительной природой.

Эта всё превышающая в мире Энергия была совершенно неизведанна, но абсолютно понятна и более близка, чем что-либо иное. Внезапное соприкосновение души с неведомым, но очень ощутимым бытием было не сравнимо ни с чем, что когда-либо я испытывал. И всё это, казалось бы, не осуществимое для человека переживание, вернее – состояние души, оказывается, было вполне осуществимо и необыкновенно радостно.

Поначалу я чуть не закричал от охватившего восторга и присутствия такой чудесной и в тоже время доступной Силы. При этом я не уподоблял Его себе, не пытался видеть обязательно в человеческом обличье, словом, на этот счёт не заблуждался, как многие, персонифицирующие образ Господа люди. Он, Творец, просто был необыкновенно близок мне сейчас, и Его Сущность заключалась во всём, что окружало – в море, камнях, маяке, бездонном небе, будто растворившимся в бескрайней поверхности воды, и ещё в неуловимом, но чётко угадываемом Присутствии Великой Сущности, Благостном Состоянии, которое беспрепятственно проникало в меня. Не надо было отвергать или признавать Существо Бога: Оно пребывало рядом и переживалось так просто и явно, как ни один, реально существующий на этом острове, предмет.

В то утро, сидя на камне у самой воды, я повернулся лицом к чуть пробивающемуся сквозь облака солнцу, и ощутил необыкновенное тепло. Никто сейчас не видел мир таким, каким его видел я, и в то мгновение я даже почувствовал себя особенным. «Без тебя можно обойтись, но тебя никто не заменит», - как будто прошептали небеса, а океан отразил еле уловимые слова, и мягко прибил их к моим ногам…

И что интересно, я не ощущал потребности в молитве, несмотря на это Божественное Присутствие, в ней совсем не было необходимости. Естественным было только нахождение в этом самом месте, в это самое время, и как приятно тогда морской ветерок овевал моё лицо! Он будто разговаривал со мной, по-приятельски, ненавязчиво, и я не сразу понял, что через него со мной общается Само Божество. Я чувствовал себя совершенно свободным наравне с океаном, скалами и ветром.

Здесь, на мысе Кастрикум, открытом всем ветрам, солнцу и необъятному морскому простору, душа моя, как ни странно, впервые вспомнила о Боге, и Он тотчас отозвался. Поначалу это было удивительное ощущение покоя, что охватило и остров, и море, и маяк вдалеке, и всё окружающее в природе расступилось, будто распахнув на небе окно… Воцарилась такая тишина, что грех было пошевелиться.

Я сидел покойный, чувствуя, что совесть моя чиста, и сердце было поглощено блаженством от созерцания происходящего. А Бог подступал осторожно, конечно, понимая, что созданная Им душа жива, с ней нужно лишь заговорить, чтобы она по-настоящему проснулась, и это случилось. Присутствие Бога изгладило все худые воспоминания и тяжесть морского труда, наполнив меня беспредельной радостью и силой. Всё вокруг обещало только любовь, предощущение великого знания, которое вот-вот должно было открыться.

У Ивана Сергеевича Тургенева есть размышления о вдохновении, вернее – об особенном настроении, напоминающем это удивительное состояние. Суть их в том, что у каждого настоящего художника подступают такие минуты, когда чувствуешь необычайное желание писать, ещё не знаешь – о чём именно, но сознаёшь, что непременно будешь творить. Поэты

это настроение называют «приближением Бога», оно заключает в себе чуть ли не главное наслаждение художника, и если бы его не было, никто бы, наверное, и писать не стал. Уже после, когда приходится формулировать всё прочувствованное на бумаге – и начинается истинное мучение, но вот момент зарождения чувства Божественного Присутствия незабываем.

То же ощутил и я, когда вдруг почувствовал себя и с Ним, и со всем на свете равным, и было мне необыкновенно, так, как никогда не было. Полное слияние со Всем Сущим было непередаваемо, а Он ощущался наиболее близко, пребывая и в океанских водах, и в туманной дымке над ними, и в не успевающих обсыхать камнях, и в воздухе, который был совершенно удивительный. Если бы пришлось выбирать – в чём Всевышний воспринимался мною наиболее проникновенно и полно в это утро, то, не задумываясь, обратился бы всем своим существом именно к воздуху. Воздух был просто пронизан чудесным ожиданием, и тут Бог произнёс:

- Мне по нраву, что ты всегда обнаруживаешь в себе верное решение, и тотчас воплощаешь его в действие. Это большого стоит.

- И Ты каждый раз был рядом, во всех моих морских путешествиях?

- Именно так.

- У меня хватает только сил проявлять настойчивость… Да и то не всегда.

- Настойчивость сильнее судьбы, и это качество тоже Мне по душе. Ты уже чувствуешь – кем можешь стать?

- Мне порой кажется, что все мои жизни были одной… Вернее, я старался неотступно, из жизни в жизнь, делать одно и то же. Что-то во мне вынуждало следовать именно этому. Я как будто чувствовал, что иначе жить было бы неправильно.

- Каждую душу, при появлении её на свет, Я наделяю чем-то особенным, так что она не похожа ни на какую другую. Не сыскать во Вселенной двух одинаковых духовных субстанций. И каждой душе определено это своё «я» нести достойно, непременно его развивая. Несмотря ни на что.

- И это есть самое главное? Но во имя чего, зачем?

- Затем, чтобы каждому пройти неповторимым путём, ещё более расширяя созидательные возможности бесконечных и удивительных миров. Вся Вселенная – это единство и разнообразие нескончаемых душ, призванных пребывать в неминуемом соседстве, но со своим неподражаемым содержанием. Мне нравится планета, которую ты создаёшь… Ты – есть божественный канал, через который Я желаю выразить Себя ещё полнее, и ты помогаешь Мне в этом, а значит – нужен Миру!

О чём, после этого, ещё можно спросить Бога, если Он появляется перед тобой, почувствовав твою искреннюю потребность в Нём? На все вопросы, наверное, ты обязан ответить сам, в первую очередь, попытавшись обнаружить Бога в своей душе. Но Бог, всё же, способен снизойти к тебе, если сочтёт это в данный момент необходимым, и Бог снисходит, и

происходит это тогда, когда ты действительно в Нём нуждаешься, чаще всего не замечая Его Присутствия в себе.

- Господи, неразумно, должно быть, пытаться искать Тебя, ибо Ты приходишь по Своему Усмотрению, когда в этом появляется потребность. Не разумно, наверное, и спрашивать, что Ты приготовил для каждого из нас в будущем, ибо все мы определяем его своими поступками?

- Достичь гармонии с самим собой – значит почувствовать Меня в своей душе.

- По-моему, это невозможно, если не побывал в океанской купели…

- Да, на создание океана у меня ушло немало сил, и он, как ничто, благотворно омывает каждую душу своей мощью. Но Я присутствую везде, и если про какое-то место говорят, что в нём Меня нет, то это лишь свидетельствует о духовной незрелости, отсутствии видения.

- Мудрость, видимая в природе, - повсюду, особенно – здесь, на диких Курильских островах… Я так это остро ощущаю. И именно здесь приходишь к выводу, что Ты, Отец, существуешь, и оттого хочется идти туда, куда даже не долетают птицы…

- Верно, Меня в этих местах встретить легче, чем человека. А кто сам будет светить, до всего дойдёт.

Мудрецам давно было известно, что Присутствие Бога можно ощутить, используя свою жизненную силу. Когда наше тело максимально связано с душой, то есть – мы находимся в гармонии с собой и окружающим миром, создаются эффективные возможности почувствовать Бога рядом, осознать, что Он с тобой – видит тебя, чувствует, понимает и даже может поговорить. Но ты должен поэтапно прийти к этому чудесному состоянию, ставя себя в самые разнообразные условия, потихоньку приближаясь к совершенству. Когда ты достигаешь в себе единения тела, сознания и духа, находясь в окружении божественно-чистой природы, где тебе ничего не мешает, а только доставляет истинное удовлетворение от происходящего, может, действительно, появиться Он.

Меня, конечно, спросят и, быть может, даже осудят: как можно разговаривать с Богом, если Его никто никогда не видел и толком даже не знают – как Он выглядит? Как, вообще, такое может случиться, если человек находится в здравом уме и в полной памяти, словом, здоровый, не ущербный какой-нибудь? Даже вообразить подобное не представляется резонным, а уж тем более рассказывать другим людям, которые почему-то должны всему этому верить, ни капли не сомневаясь. И, тем не менее, я пытаюсь это делать.

У вас не будет необходимости звать Господа, когда вы будете сильно нуждаться в Нём: Он сам объявит Себя, если вы того заслужили. Бог придёт к вам, и вы поймёте: Бог здесь, Он разговаривает с вами, словом, вы Его видите и чувствуете душой, потому что Он всегда пребывал в ней.

- Я – Твой ученик и душа, преданная Тебе, - опять решился я произнести. – Я счастлив, что могу ощущать Твоё Всевышнее Благо. Господи, наставляй меня.

И Творец ответил:

- Продолжай быть Преданным. И знания, и силы, и любовь должны быть совершенны. Стремись к этому, и тогда наставления будут исходить непосредственно от Меня.

- Благоговею и верую, - тихо промолвил я. – Не верится, что Ты слышишь меня…

- Слышу и вижу всё.

- И между нами нет никаких посредников?

- Да. Потому что Я – и в твоём сердце, и всюду. Но ты молодец, что услышал Меня, добился. Я всегда жду этого ото всех душ, и ведаю всё, о чём они мыслят.

- Я думаю о многих вещах очень серьёзно. Вроде как это – моя обязанность. Так я осознаю жизнь.

- Я даю всё, и даю всем, если души того заслуживают. А пищи моей хватает для каждого.

- Господи… Благодарю Тебя за то, что Ты есть, что пребываешь в моём сердце. Мне так хорошо с Тобой, что я даже не хочу узнать о Тебе больше, ещё сильнее ощущая Твоё Присутствие…

- Я тебя понимаю. Но жизнь не имеет смысла, если ты не растёшь.

- Я хочу в полной мере воспользоваться жизнью на Земле, чтобы прийти к Тебе, Господи.

- У тебя неплохо это получается. Ты можешь узнавать всё больше и больше.

- Я стараюсь, и мне так нравится всё, как Ты устроил.

- Будь предан выбранному тобой пути, и никогда с него не отклоняйся: преодолевай и достигай, преодолевай и достигай, только и всего, так достигнешь блага.

- Получается, я ничего не значу без Тебя, Господи?

- Абсолютно ничего. Но ты установил со Мной связь, и в этом – ценность твоей жизни. Сделай её теперь совершенной, у тебя всё для этого есть. Всё, чтобы чувствовать себя счастливым всегда. Для этого нужно просто следовать определённым принципам, регулировать свою жизнь, постоянно очищаясь и становясь мудрее.

- Как чисто всё здесь, на острове: и растения, и камни, и удивительные лососи, и воздух… А Океан просто поразил меня своей лучезарной мощью, в нём нет ничего худого, только первозданная чистота. Я сразу почувствовал, что он меня ждал… И ещё я ощутил, Господи, Твоё Присутствие, и что я стал к Тебе ближе. Оказывается для этого, действительно, нужно было просто быть собой.

- Если ты серьёзно относишься к жизни, то будешь оставаться чистым везде и всегда, следуя этим путём неукоснительно. А это значит, что ты

должен совершать духовные усилия ради будущего, пребывая здесь и сейчас: чем больше таких усилий, тем большее открывается благо. Когда-нибудь оно станет постоянным и полным.

- Благодарю Тебя, Господи. Я чувствую, как всё это прекрасно.

- Ты Мне доставил удовольствие, когда отправился в дальнюю дорогу и не свернул с неё. Это признак замечательной состоятельности человека, когда он не стремится только получать взамен, а отдаёт себя. Ты стремишься к знаниям и помогаешь людям: что может быть лучше? Получая только удовольствие – не сможешь обрести счастье. Важно свои усилия направлять на то, чтобы мир стал лучше, именно это – по-настоящему достойный и интересный выбор, он не может не приносить радость. А приносящий радость – благостен. Для Меня радостно, что ты уже давно совершаешь духовные усилия добровольно. Тому, кто этого не делает, придётся терпеть большие лишения. Но пока не намучаешься, ничего не узнаешь.

- Недавно я понял, как приятно совершать эти духовные усилия…

- Если ты будешь и дальше совершать их, Вселенная пошлёт тебе ещё много чудесного: вот как сегодняшнюю встречу с Океаном, которую ты никогда не забудешь. Отправляйся к нему, не мешкая. Важно не бояться утвердиться в своём изначальном состоянии, в том, к чему ты предназначен, а для этого необходимы волевые усилия, чтобы начать действовать в правильном направлении. Знание приходит к ищущим, и только познавший – находит. Так, постепенно, ты овладеешь полным знанием, и у тебя не будет необходимости понимать что-либо ещё. Твоё знание станет совершенным.Оно принесёт непрекращающееся удовлетворение и радость.

- А терпение?!

- Терпение – святое свойство. Оно должно стать безграничным.

- А если терпеть невозможно?

- Нет такой беды, которую бы нельзя было душе человеческой превозмочь, и нет такого испытания, которое душа человеческая не в силах вынести.

- Не замечать, что оскорбили и проявлена несправедливость? Не отвечать, когда издеваются, насильничают?

- Сам для себя реши – подставлять ли щёку, или лучше самому нанести удар. На внутреннем уровне - необходимо желать всем благости, на внешнем же – мудро реагировать по ситуации… И помни: решил бить – так стой до победного конца, не допуская в себе разрушающей озлобленности. Не заталкивай обиду в душу, не копи раздражение, а давай им выход. Труд на воздухе, в море ли – на земле, трансформирует агрессию в состояние, которое уже не убивает и не проходит внутрь.

- А что следует освоить в себе в первую очередь?

- Решимость сердца, способность сделать шаг, другой, третий… И, в конце концов, проявлять божественную волю постоянно.

- И всё?!

- Быть искренним с любым человеком, помогать тому, кто в этом нуждается. Помнить, что любовь, ниспосланная Небом, - изначальное состояние души, и следует увеличивать её, отдавая обратно.

- Всему миру, каким бы он ни был?

- Нужно абсолютно принять мир, любые его проявления, как части единого целого, и не уставать познавать его.

- Мне это нравится больше всего, когда максимально проникаешь в суть вещей, и так радостно осуществлять всё это в море.

- Но чтобы человеку выйти на принятие Вселенной, на смирение перед Ней, нужно снять то, что мешает ему это сделать: ненависть, осуждение, презрение и обиду. Меняя своё восприятие мира, ты меняешь своё мировоззрение, и именно мировоззрение меняет твою судьбу.

- Значит, нужно научиться принимать любую боль, радуясь?

- Да, потому что она спасает душу и тело! Чем больше страданий примет душа, тем меньше их останется телу. Следует научиться использовать каждую ситуацию, унижающую тебя, для очищения.

- Как?!

- Познавай самого себя.

- Познать самого себя – значит также самозабвенно и любить?

- Обрести земное счастье в полной мере можно лишь тогда, когда целью и смыслом жизни станет чувство любви ко всей Вселенной, а всё остальное, земное – средством для увеличения этой любви. Много зла минуют люди, если обратят взор, в первую очередь, к своей душе, которая есть отражение всего Божественного, но разве можно любить себя за собственное несовершенство? Не лучше ли начать работать над собой, расти и, обретая знание, которое у тебя уже никто не сможет отнять, великодушно отдать его любому нуждающемуся?!

Мысленно я бил нижайшие поклоны, но происходило это естественно, без надрыва. На душе было удивительно покойно, так же, как и в окружающей природе.

В какой-то момент я вдруг чётко осознал, что окончательно поверил в выбранный путь. И что путь этот – полное признание Бога, понимание, что я всё более уверенно по нему иду. Добровольно отказываясь от привязанности только к материальному, я почувствовал ранее неведомую мне чистую радость… Всё пришло как будто само собой, и глубина переживаемой жизни захватила меня полностью. Думаю, что появление Всевышнего вселило в меня недостающую уверенность. Он пришёл как раз вовремя.

- Постарайся научиться понимать свою жизнь. Это очень важно. Ты не знаешь – что ждёт тебя в последующем, но от твоего поведения здесь и сейчас зависит – каким оно будет. Нынешняя жизнь – это подготовка к будущему.

- И его можно прогнозировать?

- Да, это возможно. Приняв решение – нужно просто осуществлять его, определив, что для тебя по-настоящему значимо и чего бы ты хотел изменить

и добиться. Всё зависит от твоего желания, от того, как ты его реализуешь. Ты должен осуществить обдуманный выбор, взяв на себя полную ответственность за своё будущее.

- Всё так просто…

- Именно. Но если ты не примешь решения и не воплотишь его – ничего хорошего из этого не получится. Не осуществлённые мечты и желания разрушают душу. Используй возможности, которыми обладаешь. Ты должен чётко представлять – в чём цель твоей жизни, и в соответствии с этим выстраивать её. Разве не такой путь достоин человека?

Я, конечно, был согласен. Несмотря на то, что Творец не находился в материальном теле, в силу каких-то неведомых для меня причин я всё-таки был способен видеть его духовную форму. Вернее, Он милостиво предстал в образе, доступном моему восприятию: это были еле уловимые очертания высокой фигуры в длинных одеждах, объявившейся над морем. В фигуре Творца не было ничего материального, а я Её всё же угадывал чуть-чуть, чувствуя, что и мне и всему окружающему оказывается величайшая любезность и расположение. Образ Господа был не отличим на фоне облаков, синего неба, искрящегося до ослепительности океана, но, тем не менее, я Его видел, потому что всё существующее было Им.

Им были и камни, и бамбук, и трава, и даже маяк на голом мысу, и постепенно мне начинало казаться, что и я сам… Природа моих мыслей, кажется, создавала всё вокруг происходящее, а океан и остров с охотой способствовали тому. То, о чём я думал, воплощалось, и ничто в окружающем мире мне не препятствовало. Я находился в удивительном согласии с собой и природой, и это создавало Любовь.

- Господи, - тихо произнёс я. – Постараюсь не сбиваться с верного пути. Ты в моём сердце направляешь меня, и я хочу однажды вернуться обратно, к Тебе Всевышний, потому что Ты – Всё!

Я понял, что не хочу находиться во власти ложных представлений, строить одну за другой всё новые иллюзии, а желаю обрести освобождение. Быть естественным – как это свободно и радостно! Постоянно переживать своё естественное положение в мире – цель моих устремлений.

- Сын Мой… Ты достигнешь, чего желаешь.

- Благодарю Тебя, Господи! Я буду стремиться следовать Твоим наставлениям. Всё, что Ты говоришь – соответствует истине, но редко найти человека, которым бы, действительно, руководила Твоя Воля.

- Я готов вести за Собой всех, да беда в том, что никто не хочет идти… Вернее, лишь немногие следуют заповедям, но Я рад и им. Посмотри – как прекрасен Океан! Даже нахождение рядом с ним учит многому: например, желанию не потворствовать своим низменным чувствам и служить самому лучшему в себе. Он в любого вдохнёт жизнь, но не всякий к нему придёт, неустанно преодолевая нелёгкий путь. Какие ощущения испытал ты, ступив на его пустынный берег?

- Я был счастлив просто от того, что оказался здесь, даже не помышляя о каком-либо вознаграждении. Само то, что это случилось, и Океан принял меня – уже божественно. Океан мог бы меня и не заметить…

- Но ведь принял, поверил в тебя, и, к тому же, очень боготворил?

- Да, Океан, при всей его величественности, просто поразившей, удивил тем, что встретил меня как родной человек, несмотря на свою мощь, - очень проникновенно. Океан приветствовал моё появление, я это почувствовал, и в какой-то миг даже показалось, что он заботится обо мне. Так обрадовано и трогательно катил он свои мощные валы. Океан просто прочитал мои мысли задолго до того, как я появился у его берегов, и они не затерялись в его бескрайних водах. Он меня ждал. Но ждал меня, оказывается, и Ты, Господи…

Конечно, трудно любить того, кого ты никогда не видел, и даже не помышляешь – какой образ Всевышнего себе вообразить, но тем-то и уникален Господь, что может быть Всем. Он способен явиться в любом обличье, и ты угадаешь сердцем Его истинные черты. Трудно было бы предположить, что Господь ими не обладает. Он, естественно, превосходит нас во взаимодействии со всем и отношении к нему, и несёт в Себе великие качества, вмещающиеся в безгранично могущественную духовную форму! Ведь и мы созданы по Его образу и подобию!

Только Бог – вечен, а значит – всегда молод. Он обладает совершенно необычайными свойствами, слагающими неописуемое по своей силе воздействия Благо, вмещающее и бесконечную мудрость, и величайшую отрешённость от сотворённых дел, и неповторимую красоту. Бог для всех хорош, потому что абсолютно духовен, и всё, что вступает в соприкосновение с Ним, становится также абсолютно чистым и духовным. Да и разве возможно представить себе всю очищающую силу Господню, если и Океан, и Солнце несут в себе эту волшебную способность, чего уж говорить о Боге, однажды их создавшем?!

Но Бог не может быть сложен, Он именно доступен для каждого и прост. Всякий может ощутить Господа своего, задать ему вопросы и получить ответ. Бог милостив, а значит - достижим для общения. Нужно только быть преданным и благодарным Господу за то, как Он всё устроил, и Бог услышит любое обращение и выкажет Свою огромную Любовь. Любовь Бога безмерна, потому что Он необыкновенно самостоятелен и безусловен, и нам остаётся выражать Ему свою благодарность, становясь хотя бы чуть-чуть лучше.

Думается, что Бог терпеливо ждёт от всех нас некоего духовного настроя, в общем, такого состояния души, когда мы уже ни в коем случае не будем добиваться власти, своего превосходства над другими людьми, желать, во что бы то ни стало, успеха, денег, любви женщин или даже спасения человечества, а будем только кропотливо работать над собой,

открывая этому миру, наполненному чудесными тайнами, и свою душевную крепость и чистоту. Открыв же себя, положим все силы на развитие только своего, пусть хотя бы крохотного таланта, что постепенно, незаметно для всех, внесёт в жизнь надёжное и непередаваемое по красоте содержание.

Ведь инстинкт поиска равновесия, раскрытие своей истинной природы – так же естественен для человека, как инстинкт самосохранения и продления рода. Свободу человек может обрести только тогда, когда всё глубже и глубже проникает в свою внутреннюю природу, лишая себя какого-либо недовольства, позволяя быть собой в чистом виде, как устроено его чистое сознание, его изначальная природная суть, то, чем наградил нас Господь.

После того, как я поговорил с Богом, я пришёл к самому себе. В моём восприятии всего произошло истинное откровение, а взгляды на жизнь совершенно изменились. Я узнал перед собой новые обязательства, но при этом они меня не порабощали и не пугали. Я почувствовал, что следование этим путём будет радостным, хотя и нелёгким.

Я понял: когда бы ты ни услышал истину, знай, что она не приходит извне, истина спрятана внутри тебя. Эта истина – присутствие в душе каждого из нас Божественного, о котором ты просто забыл, а теперь, после общения с Всевышней Силой, вспомнил, что она там, в тебе. И когда ты слышишь истинное, то всё в твоём сердце откликается на него. Твоё собственное божественное изменяет тебя, твоё отношение ко всему, и всё это – благодаря Богу, который слышит каждого, понимает и всегда готов к общению.

Существование Всесильного Господа – это не препятствие для свободы человека, а наоборот – пример следования путём просветления. И всё же, человек не свободен. Что мешает ему в этом?

То, что Бог могущественнее любого человека – не должно стать для него преткновением, ибо быть свободным и по-настоящему сильным – значит нести в своём сознании ответственность, однако многие предпочитают вседозволенность, которая не подразумевает никакого роста, то есть – усилий. Ответственность же предполагает наличие решимости, дисциплины и неутомимости. Кто решится на подобное без явной гарантии на вознаграждение? И, тем не менее, способность быть собой заложена в самой природе человека, это его изначальная сущность, которая постепенно была утеряна, и нужно обрести её во имя будущего совершенства.

Исследовать мир и самые сокровенные части своего существа – вот единственно достойный путь движения каждой души к Богу. Ведь каждый человек может быть чем-то гораздо большим, чем он себе это представляет, и как интересно постигать свой потенциал! Возможность расти - уже давно живёт в нас, нужно только приложить усилия для взращивания этого семени. И разве это не замечательно – постигать и развиваться, быть правдивым, искренним и настоящим, в первую очередь, по отношению к самому себе?

Путь, конечно, не близкий, но ведь можно останавливаться на отдых, когда устал, радоваться возможности подводить итоги, а затем отправляться дальше, сознавая, что никто тебе не помешает, ты силён и свободен, и такое прекрасное странствие вечно, но из-за этого оно не теряет своего очарования. Замечательно то, что твоя свобода возлагает ответственность за все поступки только на тебя самого: кем ты был, кто ты есть сейчас и каким станешь в будущем, зависит от твоего выбора. Этот чудесный аромат ответственности, всё, что ты переживаешь в дороге и твои мечты – заставляют тебя идти вперёд, постепенно поднимаясь всё выше и выше.

Огромная радость сознавать, что жизнь не случайна, в ней существует скрытый смысл, а для каждого человека – своё предназначение. Бог уготовил его для всех людей, Он придумал что-то абсолютно замечательное, за чем присматривает постоянно, управляет, и знает наверняка многое про всех, ожидая от них ответственного отношения к собственной жизни. Одного Он не может ведать: что принесёт каждая отдельная индивидуальность, ибо всякая – уникальна. Ведь на Земле не зря не существует и двух людей с похожим рисунком пальцев, и при миллиардном населении планеты это подтверждает уникальность возможностей любого человека, когда бы он жил только сообразно со своими представлениями, интуицией и сознанием. Тогда он и обретает гармонию с Мирозданием, оставляя свой след, вернее, плоды, как это происходит у дерева, живущего в полном согласии со своей природой, ничего не придумывая. Только принимай мир таким, какой он есть, будь самим собой и не сомневайся, что мир этот создан для тебя.

И ещё я понял важную вещь: когда ты решился направить свою жизнь в единственно верное русло, Бог помогает тебе. Как бы тебе ни было тяжело – Он рядом. Ты время от времени ощущаешь Его Присутствие, и это вдохновляет тебя. Но вот когда дорога твоя определится, то есть – предназначение своё ты осознаешь, помощь Божественная прекращается.

Правда, на первых порах, по каким-то еле уловимым деталям, ты всё же Присутствие Бога до конца не теряешь, и, тем не менее, всё меньше и меньше угадываешь внимание Вселенной, понимая: теперь и ответственность в принятии решений, и осуществление их, и достижение чего-то важного для себя лежит только на твоих плечах. Так было и раньше, но сейчас всё переменилось: ты остался один на один с собой. Как сделаешь – так и будет. Даже страшно становится – чем я провинился перед Господом нашим, что Он совсем меня не замечает?!

А между тем всё, что ты делаешь, как мыслишь, воплощаешь ли задуманное благо в дела или отдаёшься не оправданному покою, тревоге либо тоске, видимо и чувствуемо Всевышним. Он, каким бы неправдоподобным это ни казалось, по-прежнему остаётся рядом, и ты рано или поздно ощущаешь Его, догадываясь, наконец, что Господь тебя и не покидал, оставляя за тобой право надеяться лишь на себя, ибо ты сам способен достойно нести в душе божественное, непреклонно продвигаясь к великому благу – сопереживать всему живущему, а значит – быть.

И тогда ты вдруг начинаешь верить, что совершенство Творца поддерживается и тобой, потому как Он делится с нами возможностью совершенствовать себя и это является абсолютным расширением Его Самого, как и нас, когда мы стараемся наполнить этот жестокий мир более совершенными мыслями и поступками. Что же нам мешает быть лучше, как ни мы сами? Стоит, наверное, хотя бы попробовать поверить в свои возможности, чтобы когда-нибудь проявить себя в полной мере. Воспитывать себя и развиваться – вот что по-настоящему достойно для человека, который только ради этого и существует. А если рядом присутствует Океан, то всё происходящее дарит ещё и неописуемую радость.

На Урупе я впервые увидел Океан, каким его можно представить себе только в бурном воображении и, пожалуй, это было самое мудрое и величественное из всего, что я встречал в жизни. Немногочисленные жители острова, в основном – обитатели метеостанции, называют океанскую сторону «тихой», что, конечно, далеко от истины. Она – совершенно непредсказуемая, дикая, как будто и не земная вовсе. Океан беспрестанно омывает её своей мощью, держит в объятиях и не отпускает. Береговая полоса никуда и не убегает, она привыкла к постоянному присутствию этой силы, и, быть может, даже более довольна, в сравнении с охотоморской стороной, за свою судьбу.

Океан великодушно дарит земле свою силу, наверное, нисколько не думая о людях. Облик его для этого слишком глубок, велик и грозен. В нём находятся начала самых удивительных вещей, которые незаметно распространяются по всему свету. В недрах его – источник неистощимых возможностей.

Вот и сам Уруп тоже производит очень волнующее впечатление. Сильно гористый, загадочный и даже мрачный, он этой своей мрачноватостью и красив. Всю его поверхность загромождают горные вершины, которые разрознены, некоторые из них покрывает кедровый стланик и бамбук, но в большинстве своём склоны слагают россыпи из розового, красноватого и тёмно-коричневого камня. Все вершины почти отвесны, они таинственно просвечивают сквозь частый на острове туман, и чем-то безотчётно привлекают.

На Урупе много кедрового стланика, но ещё больше встречается зарослей бамбука, что и отличает Уруп от других Курильских островов. Зеленовато-жёлтыми пятнами разбросаны они по склонам гор, и были бы совершенно непроходимы, не проложи по ним в своё время японцы тропы. Они хорошо потрудились над этим, вернее – их военнопленные, расчищающие дороги на каждую сопку. Подневольный труд был очень распространён в стране восходящего солнца, и в качестве рабов японцы использовали китайцев и корейцев, которых затем расстреливали или топили в море на баржах.

Тропы были вырублены и местами выложены булыжником так тщательно, что ими можно пользоваться до сих пор. Сколько трагедий заключено в этих осыпающихся тропах! А если добавить к ним бесчисленные доты, рвы, вкопанные по башню танки на сопках, оставшиеся артиллерийские орудия и ангары с небольшими аэродромами на горных плато, в особенности – на Северных Курилах, не трудно представить себе – какое количество людей было уничтожено на островах, и как была исковеркана их неповторимая красота природы.

Я хочу, хотя бы отчасти, прикоснуться к этому дикому природному торжеству и, расспросив начальника метеостанции – как пройти на океанскую сторону, не спеша пробираюсь на юго-восточную оконечность острова через густые бамбуковые заросли. Бамбук в эту пору шероховатый, сухой, и листья его недовольно шелестят о чём-то над моей головой и за спиной, но получается это у них беззлобно. К этому шелесту быстро привыкаешь, если думать только о той картине, что ждёт тебя впереди.

Нужно заметить, что бамбук чрезвычайно солнцелюбив и, занимая сколько-нибудь свободные от леса открытые места и развивая в таких условиях мощную дернину, напрочь глушит подрост и вытесняет любой лес. Но курильский бамбук – род sasa не надо смешивать с родом bambusa – бамбуком тропических и субтропических областей. Род «саса» - это северная ветвь бамбука, при своём максимальном развитии на островах Уруп и Итуруп, он поднимается до трёх с половиной метров в вышину и достигает четырёх сантиметров в диаметре, тогда как тропический образует настоящие леса в высоту до 40 метров и в толщину ствола 30 см в диаметре.

Высота бамбука связана с мощностью снежного покрова зимой, степени увлажнения почвы и освещённости летом. Бамбук чрезвычайно разрастается, образуя наиболее густые заросли там, где имеется достаточно мощный снежный покров, и где отсутствует заболачивание и затемнение. В местах, подверженных сильному ветру, сметающему снег, бамбук угнетён и высота его невелика. После малоснежной зимы бамбук обычно к началу лета полностью или частично засыхает, приобретая желтовато-серую окраску. Зависимость степени развития бамбука от мощности снежного покрова настолько велика, что в летний сезон по его высоте можно легко судить о мощности снега, а зимой, наоборот, по количеству снега можно угадать, в каких местах и насколько развит бамбук.

Корни бамбука глубоко и прочно укореняются в почву, создавая очень плотную чащу, и в его густых зарослях трудно поселиться каким-либо другим растениям. Соседствует он чаще всего лишь с кедровым стлаником, с которым переплетается, образуя сплошную стену. Эти два дремучих вида как будто осознанно находят друг друга, никого к себе не допуская.

Если на Сахалине сквозь бамбук ещё можно ходить, раздвигая стебли руками, то на Урупе с ним приходится бороться, порой – безрезультатно. Путнику, передвигающемуся по этим зарослям, приходится уподобляться пловцу, рассекающему воду стилем «брасс». Особенно трудно подниматься

по склону, заросшему бамбуком. Его стебли всегда наклонены вниз и здесь уже приходится, согнувшись в три погибели, нырять головой вперёд, рискуя наколоть глаза. Зато вниз по склону можно съехать в сидячем положении по скользким упругим стеблям.

Здешний бамбук, конечно, не сравнить с рослым тропическим, он изрядно выродился, притерпевшись к ветрам, холоду и снегу, и больше всего похож на камыш, да и густота его зарослей напоминает тростниковую чащу самого глухого болота… На картах Сахалина можно увидеть даже надпись: «Камышовый хребет». Это результат ошибки, которую совершили ещё первые русские поселенцы на Сахалине, посчитавшие бамбук за камыш. Путешествующий по Курильским островам в 1766 году Иван Чёрный тоже сообщал о «прегустом камышнике».

Стебли и листья бамбука нежно-зелёные, на вид совсем травянистые. Молодые верхушки с удовольствием поедают лошади. Мы и сами попробовали бамбуковых верхушек: вкус такой же, как у водянисто-сладкого кончика стебля многих злаков. Но если вы попытаетесь переломить стебель бамбука пониже, даже когда удастся согнуть стебель в кольцо, у вас вряд ли что-либо получится. Стебель и не хрустнет. Бамбук упруго пружинит, частые его стебли образуют сплошную, отталкивающую вас толщу, пробраться сквозь которую нет никакой возможности. И так, по нескольку десятков стволов на каждом квадратном метре, а в итоге эти заросли превращаются в нескончаемые километры.

Пройти внутри бамбука можно только тропой, прорубить которую стоит огромных усилий. Идёшь, словно в ущелье, между отвесными стенами. Бамбук можно сравнить с непроницаемой щетиной природы, которая выращена ей как будто специально, чтобы не допустить никого к островным тайнам.

Твёрдые заострённые пеньки способны легко пропороть вам сапог и идти нужно очень осторожно. Хорошо, если тропа поддерживается и идёт по ровному месту, но даже в этом случае обе руки должны быть постоянно вытянуты вперёд, чтобы раздвигать гущу стеблей, причём делать это нужно не останавливаясь, потому как упругие стебли пружинят, бьют по лицу и плечам, не поддаются. Через несколько минут подобного напряжения выматываешься напрочь, тогда, как преодолел каких-нибудь пару десятков метров.

Вдобавок, бамбук растёт так тесно, что некуда поставить ногу, ноге приходится втискиваться между железных стержней, а потом выдёргивать её. Ступни то и дело подворачиваются, оказываются зажатыми, когда ты продолжаешь движение, и всё это невероятно выматывает. А склон становится круче, стебли бамбука растут не вертикально, а наклонно – вниз по склону, чему, видимо, способствует снежный покров зимой, который сильно пригибает стебли, и получается, что теперь ты уже идёшь навстречу нескончаемым пикам, нацеленным тебе в лицо. Пот застилает глаза, ни о чём

другом, кроме бамбука, уже не думаешь. Растению с гордым и неприступным названием «бамбук», скорее, подходит неприглядное имя – «бамбучник».

И, тем не менее, не перечесть той пользы, которую бамбук приносит там, где родится! Каких только услуг он не оказывает восточному человеку: ведь это, почти, основная древесина в Юго-восточной Азии. Наверное, невозможно перечесть, как и где употребляют его те же японцы. В Японии из него строят дома, стены, заборы, лодки, изготовляют разного рода посуду, трости, веера и прочие мелочи. Бамбуковые палки используются в качестве наказания – ими бьют по пяткам. Удилищами из бамбука ловят рыбу. Из молодых веток бамбука даже варят варенье…

И вот, я продираюсь сквозь бамбуковые заросли, а океан уже угадывается по ударяющей в лицо невероятной свежести, которую ощущаешь по запаху, и понимаешь, что подобного аромата тебе не дарила даже женщина. Потом вдруг заслышится чуть отдалённый гул, рождаемый из каких-то неведомых глубин, и он всё силится, растёт, так что даже пугает тебя этой своей неукротимостью. И уже всё внутри поджимается от ужасающего восторга, и хочется лететь навстречу этой стихии и ничего не бояться. Гул же, тем временем, незаметно перерастает в рёв, повергающий все земные звуки.

Именно океан подарил мне первое переживание настоящего страха. Я наконец-то узнал, как он выглядит. Страх беспрепятственно витал над пустынной палубой, забирался в узкие проходы между кают, под столы оставленной всеми кают-компании. Он был тишиной, которая, вроде бы, никому и не навязывалась, но незаметно забиралась в душу каждого. Она сковывала её каким-то неведомым холодом, и оттого непринуждённость речи сразу представлялась вычурной, спокойный взгляд на деле оказывался напряжённым, а размеренные движения рук, так или иначе, становились судорожными, и вся эта дисгармония, конечно, скоро начинала бросаться в глаза. Страх повергал собой, кажется, даже металлические переборки, но с ним нужно было бороться.

Укладываясь ночью в свою шконку, трудно было заснуть, и ты только погружался в тревожную дрёму, силясь представить себе бушующий рядом океан и то, от чего он так свирепеет. Пытался осторожно постичь его безудержную силу, угадывая в ней - то необузданную алчность, то расчётливый порыв. Эта неописуемая сила и порождала страх, а кромешная темнота вокруг лишь увеличивала его. В какой-то момент начинало казаться, будто медленно пробивающееся сквозь эту невообразимую свистопляску судно уже давно перевернулось от отчаянного напряжения, и страх из напряжённой судовой тишины постепенно перетекал в неподдающуюся описанию и воображению океанскую черноту, где что-то урчало, хлюпало и ревело, сметая всё на своём пути.

Страх явно пробивался к тебе снаружи, ухитрялся протиснуться сквозь почти не существующие щели в иллюминаторе, который был накрепко задраен, но он не переставал присутствовать и рядом, тихонько замирая у

самого изголовья. Тысячи раз ревущие волны обрушиваются на палубу, надсадно стонут судовые надстройки и что-то с грохотом валится за переборками, а страх безропотно остаётся в каюте, витает под подволоком, своевольно и холодно заглядывает в душу. В какой-то момент он становится даже твоими мыслями, если ты его не прогонишь. В короткое затишье лучше всего зажечь лампу и взять в руки томик Бунина…

Но на палубе слышатся чьи-то быстрые шаги, крики и все звуки опять тонут в нескончаемом рёве. Твоё положение тотчас начинает казаться тебе не соответствующим относительно окружающей обстановки и, совершив отчаянный прыжок, ты вдруг присоединяешься к мятущемуся вокруг пространству. Чем можешь ты помочь судну и стойко несущей вахту команде, когда качка достигает наибольшего размаха? Зачем нужны твои пустые старания, если и так делается всё возможное? Это страх гонит тебя из каюты наверх, к людям, которые борются с ним на своём рабочем месте, и ты устремляешься туда, где, вероятно, и должен находиться в подобной ситуации, и, пребывая в сильном волнении, в тоже время достигаешь гармонии с самим собой. Тебе нужно было только подняться, начать действовать…

И так, если тебя обуял в океане страх, отнесись к нему с уважением. Ни в коем случае не разукрашивай его своими разнообразными настроениями, а прислушайся к самому океану и представь его бесконечную волю. Ты очень удивишься, когда, разглядев его пугающий поначалу образ, вдруг сразу успокоишься. Это, оказывается, твоё собственное воображение не знало границ и, соответственно, непомерно увеличивало зависимость от всепожирающего страха. Страх на деле оказался невидимой воздушной струйкой, еле угадываемым существом, которое легко можно загнать в угол, но лучше, предполагая в нём достойного соперника, великодушно его не заметить. Страх есть, но он тебе не страшен, потому как ты способен преодолеть боязнь и почувствовать себя от всего происходящего счастливым. Важно ясно представлять: ради чего ты решился на это небезопасное путешествие по Тихому океану, что тобой движет, и если – жажда познания, то тебе нечего страшиться.

Так я воспринимал океан изнутри, находясь непосредственно в его утробе, и совсем другое впечатление пережил, очутившись на его берегу. Нужно заметить, что для меня существует всего лишь три великих явления в природе, что вызывают непередаваемое никакими словами благоговение: бесконечная тайна звёздного неба, вселенские завывания ветра в глухом лесу и нескончаемый гул океана, который из всех перечисленных стихий – самый дорогой, любимый.

Глядя на океан, создаётся впечатление, что он не атакует берег, при всей своей видимой мощи не сражается с ним, а просто наслаждается своей силой, никому, между тем, не желая вреда. Любому же существу, вынужденному находиться по соседству с этой неиссякаемой энергией -

приходится принимать её таковой, не пытаясь противостоять. Я смотрю на этот мир дикой природы и радуюсь тому, как мудро всё в нём устроено.

В первобытные времена вся наша планета, наверное, была океаном, и постепенно отступая, он повсюду оставлял свидетельства своего величия: окаменелые скелеты рыб и животных, мёртвые раковины, солёные озёра и высокие горы. И всё же, обретая свои современные границы, океан оставался для человека бескрайним… Именно поэтому, вероятно, человеку хотелось его покорить, вернее – освоить.

Тихий океан – самый большой и самый глубокий на земле, он занимает почти целое полушарие. Как он возник?

Некоторые учёные придерживаются гипотезы катастроф и считают, что круглый тихоокеанский бассейн – это рана, оставшаяся после того, как из расплавленной Земли был вырван огромный клок её тела. Вызвано это было, по их мнению, сильным приливным действием Луны.

Несколько лет назад некоторые географы, пытаясь объяснить происхождение огромной впадины, заполненной водами Тихого океана, высказали даже предположение, что она образовалась в связи с отрывом Луны от нашей планеты. По мнению этих учёных, на месте современного Тихого океана много сотен миллионов лет назад находился материк, на котором вздымались высочайшие горы. Мощная дислокация земной коры высвободила из недр Земли этот гигантский массив, который отделился от нашей планеты и превратился в её спутника.

Другие исследователи полагают, что в Тихоокеанском бассейне происходили медленные и непрерывные изменения, обусловленные движением жидких подкорковых масс.

Существует ещё одна любопытная гипотеза: возможно земная кора была вмята и разорвана в результате столкновения Земли с астероидами? Очень давно, между Марсом и Юпитером, видимо, существовала какая-то планета, но она по неизвестной причине разлетелась на части и образовала пояс астероидов, или малых планет, со своими круговыми орбитами. Некоторые из них, в результате процессов, происходящих на Солнце, меняли эти орбиты и были разрушены после столкновения с Землёй и Луной. Большинство астрономов полагают, что, например, Море Дождей на Луне появилось в результате именно столкновения с астероидами. Не исключено, что и на Земле Тихий океан образовался подобным же путём, только на Земле эрозия уничтожила все видимые следы этих бурных межпланетных встреч.

Большинство океанографов склоняются к мнению, что когда-то Тихий океан занимал большую площадь и был, собственно говоря, единственным мировым океаном, то есть – первичным, тогда как более «молодые» Индийский и Атлантический образовались, так сказать, за его счёт. С разъединением континентов для них выделилась свободная площадь, в то время как происходило уменьшение ширины Тихого океана в его восточной части, вызванное надвиганием американских континентов в мезозое, две

сотни миллионов лет назад. В те далёкие древние времена Тихий океан, наверное, можно было назвать Мировым, или Великим.

Первый европеец, увидевший его воды, Васко Нуньес де Бальбоа, назвал этот великий океан Южным морем. С неимоверными трудностями преодолев джунгли и горы Панамского перешейка, Бальбоа и его отряд 29 сентября 1513 года увидели величайший океан планеты. Впоследствии Бальбоа был по ложному доносу повешен, а не вознаграждён, как того на самом деле заслуживал.

Но как далеко на запад простираются воды Южного моря? Какие неведомые земли и острова скрыты в его безбрежной дали? И действительно ли открытый океан имеет название, данное ему Бальбоа? Словом, Южное море необыкновенно волновало воображение европейцев.

Одним из тех, кто руководствовался идеей открытия Нового Света - был Фернан Магеллан. 20 сентября 1519 года с флотилией из пяти кораблей он отправляется в свой беспримерный путь. Почти год тянулось плавание вдоль берегов Нового Света, пока, наконец, не был найден вход в пролив, связывающий Атлантику и Тихий океан, - пролив, впоследствии справедливо названный Магеллановым.

А 28 ноября 1520 года три уцелевших корабля эскадры выходят в Южное море. Во время плавания судов Магеллана через него, севернее 34 параллели ветер совершенно ослабевает, в течение более двух месяцев стоит полный штиль с великолепными звёздными ночами, и именно тогда Магеллан выбирает для Южного моря название, которое сразу укрепляется за ним и остаётся до наших дней – «Пасифико» - Мирный, или Тихий.

Но какие испытания претерпели моряки, отважившиеся первыми пересечь Великий океан?! Спутник Магеллана итальянец Антонио Пигафетта в своей книге «Путешествие Магеллана» поведал о тех трудностях, которые довелось испытать первым европейским мореплавателям, преодолевшим Тихий океан. Плыли они по нему три месяца и двадцать дней, страдая неимоверно. «Питались мы сухарями, вернее – сухарной пылью, потому что сами сухари пожрали черви. Пахла эта гадость крысиной мочой. Чтобы утолить жажду, мы пили жёлтую, гнилую воду, а главной нашей едой была воловья кожа, покрывающая грот-грей, чтобы не перетирались ванты. Она была твёрдая, как камень, от солнца, дождя и ветра. Приходилось держать её четыре-пять дней в воде, и уж только потом её клали на горячие угли и съедали. А когда кончилось и это «мясо», мы стали есть древесные опилки».

Когда срок экспедиции перевалил за год, провиант полностью закончился. Были съедены все остатки солёной рыбы и пингвиньего мяса. Над морем, спасаясь от акул, то и дело мелькали стайки летучих рыб. Порой они шлёпались на палубу, и тогда люди хватали их и ели прямо сырыми. Некоторые матросы затевали удивительную охоту, которая долгое время была в ходу на старых парусниках: с кусочком заплесневелого сухаря в зубах матрос ложился в затемнённом месте и, когда к нему подбегала крыса, хватал

её руками. Крысу можно было продать за полдуката золотом за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать…

И так, четыре сотни лет назад, самый великий на земле океан стал называться Тихий, и это название, как ни странно, ему очень подошло. Говоря – «Тихий», каждый, хотя бы отдалённо представляющий для себя воображаемое водное пространство, подразумевает, между тем, его мощь и думает о том, какой он огромный и величественный. Тот же, кто достаточно хорошо знаком с описываемой океанической бескрайностью, воспринимает её и как громкой, очень зычной реальностью, отчего океан не перестаёт быть «тихим». «Тише едешь, дальше будешь», - казалось бы, совершенно сухопутная поговорка, как нельзя лучше подходит к такому бесконечно открытому состоянию природы, как океан. Тихий ход корабля для моряков всегда подразумевал долгую благополучную дорогу, а тихий ветер – удачу и доброе настроение. Бойкий, как говорится, сам наскочит, на тихого Бог нанесёт.

Вот и добро не лихо, бродит по миру тихо, и тихо укачивает своей силой. Так и Тихий океан: убаюкивает одним своим названием, а его тихое могущественное молчание - чем не ответ? Словом, и тих да лих, но не беспутностью, - величественной тайной.

Тихая погода стоит над океаном, безветрие, но все моряки знают о бесконечных тысячах чертей, вольно обитающих в его недрах. Да только находясь среди океана – беда лишь догоняет, на суше же сам к неприятностям бежишь. Что лучше?! Нет, потише – значит к делу поближе, а если океан тебе не брат, сам украдкою в лапы к чертям пойдёшь, где и згинешь. Тихие океанские воды жизненной правды не замутят!

Таков Тихий океан, но что бы вам ни захотелось рассказать о нём, даже – вообразить, прежде всего, следует не забыть о его величине, ибо любое воспоминание о тихоокеанских красотах не обойдётся без неё. Это она определяет мощь океана, направление его ветров и течений, особенности климата, черты характера, присущие жителям тихоокеанских побережий, и уж, конечно, оказывает воздействие на тех, кто решился однажды отправиться в эти нескончаемые водные просторы, чтобы, благодаря им, отыскать в себе правду.

Необъятность Тихого океана своеобразна, и это своеобразие водного могущества невозможно выразить каким-то одним эпитетом. Вся его цельность, казалось бы, в совершенно несопоставимых чертах, но именно соединение их и создаёт истинное лицо Тихого океана. Он может быть разрушительным, страшным, и в то же время – необычайно нежным, затем коварным – и вновь кротким, ну а уж зачаровывающая таинственность океана не знает границ. И вот что странно: Тихий океан почему-то вполне заслуживает названия, данного ему Фернаном Магелланом. А может быть - мы просто к нему привыкли?

Протяжённость Тихого океана – 11000 миль, что составляет почти половину окружности Земли. О его величине свидетельствуют такие рекордные данные: наиболее отдалённая от суши точка находится в южной части Тихого океана на 48 градусах 30 минутах южной широты и 125 градусах 30 минутах западной долготы, на расстоянии примерно 1660 миль от ближайшей земли, а именно – от острова Питкерн, острова Дюси и мыса Дарт в Антарктиде… Следовательно, эта точка лежит в центре водного пространства площадью 8657000 квадратных миль.

Острова Тихого океана занимают пространство, на котором могли бы разместиться более трёхсот таких государств, как Франция, а сам Тихий океан в 17 раз превосходит то полушарие Луны, которое постоянно обращено к Земле. В недрах Тихого океана существует неведомая жизнь, и водные пучины кажутся куда привлекательнее холодной лунной поверхности. Вот и ширина Тихого океана в три тысячи раз превосходит его глубину. Но в сущности тихоокеанская водная оболочка, при всех её скрытых тайнах, это лишь тонкая жидкая плёнка на теле Земли, учитывая необозримые пространства Вселенной… И всё же, по земным понятиям, Тихий океан огромен.

Но солёное дыхание океана не проникает далеко вглубь материков, лучше ему быть подверженным на его берегах, в непосредственной близости с источником жизни, открывающим бескрайние морские пути, когда, отправляясь в плавание, твоё дыхание сливается с дыханием океана, и хочется с радостью познавать его тайны.

Океану всегда не достаёт от человека духа независимости, живости воображения и жажды неизведанного, только тогда он готов к общению. Отсутствие же этих качеств у человека не способствует завоеванию океана, даже – возможности приблизиться к нему.

Безмерность океана так же несравненна, как и его умудрённое величие. А неисчерпаемая сокровищница всех веществ, которые он в себе таит? Океан зачаровывает той изумительно разнообразной жизнью, которую поддерживает на всём своём протяжении, вплоть до самых больших глубин. Он заботливо обволакивает нашу планету неподражаемой красотой и единством всего живого, превращая обычные песчинки в драгоценные перламутровые жемчужины.

В глубинах Тихого океана обитают такие замечательные существа, как синий кит и гигантский кальмар… Синий кит имеет в длину 100 футов, а весит 150 тонн. Он в 35 раз превышает по размерам слона и куда больше динозавра или любого другого ископаемого животного. Один его язык весит 3,5 тонны. Благодаря 20 тоннам мускулов у основания спинного хребта, синий кит развивает энергию в 500 лошадиных сил и двигается со скоростью 22 узла.

Длина гигантского кальмара – 60 футов. Это диковинное чудовище ещё ни разу не удавалось поймать специально. Раз или два гигантский кальмар случайно попадал в сети рыбаков, а иногда его выносит волной на берег.

Только поэтому мы знаем, что у гигантского кальмара колоссальные глаза, с пластинку грамзаписи, десять щупалец, каждое толщиной с бедро человека, вооружённые присосками. Гигантский кальмар весит до 2 тонн. Это очень грозное животное, и его сражения с 70-футовыми кашалотами, наверное, относятся к самым кровопролитным на земле. Происходят они на большой глубине, и мы догадываемся о них только по остаткам кальмаров в желудках кашалотов и шрамам на теле последних от щупалец и мощного клюва.

Тихий океан… Сколько ему посвящено восторженных эпитетов и как глубоко поклонение им! Но при всём своём многообразии, океан постоянен: ни с чем не сравнимое по масштабам водное пространство накапливает тепло и медленно его отдаёт, так что на большинстве его островов – великолепный климат. Совершенно удивительная атмосфера, поистине чудесная, красочная и волшебная, создаваемая миллионами лет в содружестве воздуха, воды и суши.

Люди уже давно поняли, что погода и климат зарождаются в океане, точнее, определяются его состоянием. Именно океаны увлажняют и согревают ветры, веющие над ними, способствуя образованию дождя и регулируя температуру. По ним тепло распространяется от экватора на север и на юг, к полюсам, согревая околополярные воды! Они смягчают зимнюю стужу и летнюю жару, и сглаживают переходы от широты к широте. Океаны в прямом смысле определяют нашу жизнь.

Существование такого огромного водного резервуара, как Тихий океан, конечно, обусловлено режимом его ветров. К северу от экватора существует полоса штилей, наводившая некогда страх на парусные корабли. Там почти всегда стоит изнурительная духота. Плотное марево висит над водой – облачное кольцо, как говорят моряки, и оно заволакивает весь горизонт. В чудном рассеянном свете мерцает ровная поверхность океана. Редко в такие дни шальной ветерок всколыхнёт это оцепенение, и опять всё застынет.

Но восходящее движение воздуха в полосе штилей вызывает постоянный приток туда воздушных масс с севера и с юга из зон высокого давления, вращением же Земли они преобразуются в пассаты. Происходит перемещение колоссальных воздушных масс от поверхности океана до ледяных высот, где дуют антипассаты. Не встречая на своём пути никакого препятствия, циклоны/в западной части Тихого океана и в Китайском море они называются тайфуны/ достигают скорости внутреннего вращения 180 км/в час. Зарождаясь между 10 и 15 градусом северной широты и устремляясь по большой дуге на северо-запад и затем к северу, то есть – через Сахалин и Курильские острова, тайфуны оказывают опустошительное воздействие почти на все архипелаги в этом районе, они – лицо Тихого океана.

«Тайфун» по-китайски означает «большой ветер». Опасно встретиться с тайфуном в открытом море, а ещё опаснее у берегов. Порывы ветра до 40-50 метров в секунду и огромные волны могут сломать надстройки и вскрыть

люки у любого современного большого корабля, а маленькие суда просто перевернуть.

Тайфун представляет собой относительно небольшую, но очень интенсивную область низкого давления; система ветров образует здесь спиральный вихрь вокруг центральной зоны. Диаметр тайфуна колеблется от 20 до нескольких сот миль. Сила урагана увеличивается от периферии к центру, но в центральной зоне господствует почти полный штиль. Бывалые моряки рассказывают, что в центре тайфуна всегда голубое ясное небо – «глаз бури». Но мало кому удаётся рассказать про это. Здесь на злосчастный корабль обрушиваются гигантские крутые волны: тысячи тонн воды, взлетающей выше труб, ломают надстройки, лючины трюмов и, в конце концов, топят судно.

К счастью, тайфуны, с бешеной силой крутящиеся вокруг своей оси, имеют поступательное движение небольшой скорости: 8-10 миль в час. А сеть метеорологических станций на островах Тихого океана сообщает по радио о рождении нового тайфуна. В этом, в частности, очень помогают мареографы, подводную часть которых мы обслуживали на Курилах, работая от Сахалинского Управления Гидрометеослужбы. Что же касается тайфунов, то каждому новому давалось обычно именно женское имя по латинскому алфавиту: Аделаида, Барбара, Кармен, и под этими именами они становились известны мореплавателям. Редкий случай, если среди них встречалось мужское… Почему? Должно быть, исходя из непостоянства женской натуры, качества, присущего всем тайфунам.

Ещё в Тихом океане, близ экватора, с востока на запад устремлён огромный пассатный поток. Он разделён на два почти параллельных экваториальных течения: южное и северное. В результате перемещения этим потоком больших количеств воды - уровень океана у западных его окраин почти на полметра выше, чем у восточных, а разница уровней поверхности океана порождает, в свою очередь, отток воды – противотечение, которое проходит между южным и северным руслами пассатного потока в сторону восхода солнца.

На экваторе под влиянием разнонаправленных течений поднимаются к поверхности глубинные воды, богатые питательными солями, создающими хорошо удобренную, плодороднейшую океанскую «почву» - основу бурного развития жизни. Вода там настолько насыщена планктоном, что её нередко сравнивают с зелёным супом.

Этот, казалось бы, достаточно изученный район Тихого океана преподнёс учёным сюрприз, оказавший большое влияние на развитие океанологии. В начале 60-х годов прошлого века под южным экваториальным течением на глубинах сто-двести пятьдесят метров обнаружили мощную подводную реку шириной примерно в 60 миль. Она несёт с запада на восток океанские воды со скоростью трёх миль в час. Этот могучий глубинный поток, следующий в одном направлении, с обозначенным на всех картах поверхностным противотечением, оказался

совершенно от него обособленным. По предварительной оценке он переносит примерно тридцать миллионов кубометров воды в секунду.

Обнаруженная в толще вод река без берегов была названа течением Кромвелла, в честь нашедшего её американского океанолога. Открытие глубинного течения явилось для учёных неожиданностью, поскольку ни одна распространённая до того теория циркуляции океанских вод не содержала даже намёка на возможность его существования.

Внимание океанологов привлекает ещё одно необычное явление природы – так называемые океанические вихри. Зарождение некоторых из них можно проследить на примере Куросио, русло которого похоже на извилистую реку, вьющуюся среди долин и холмов. По краям потока возникают огромные водовороты. Со временем они отделяются от течения и существуют самостоятельно, перемещаясь по океану. Это и есть вихри, называемые ещё рингами. Диаметр таких образований достигает десятков и даже сотен километров, причём их нижняя часть лежит на значительных глубинах.

В центре этих вихрей происходит подъём глубинных вод, и, наоборот, на периферии – погружение поверхностных. Эти вертикальные движения способствуют водообмену между разными слоями океанских вод, что создаёт благоприятные условия для развития жизни. Ряд океанических вихрей существует длительное время. Есть даже утверждение, что такие образования иногда не распадаются в течение нескольких сотен лет. Поэтому они могут быть временными оазисами бурной жизни в пустыне открытого океана, в которых способны смениться и прожить несколько поколений его обитателей.

Тихий океан полон неожиданностей и загадок, и его жизнь состоит в вечном движении вод. В этом нескончаемом круговороте каждая малость имеет значение. Есть, например, такие участки, где океан кажется чёрным, словно чернила, и всегда бурлит ключом. Это действует могучий подводный источник, каких немало в безбрежных голубых просторах океана. Такие источники не всегда заметны, но они подобны колодцам в песчаных пустынях.

В засушливых, жарких странах, где испокон веков было трудно с пресной водой, и сейчас на многоголосых базарах можно увидеть снующих среди разношёрстной толпы юрких торговцев: они громко расхваливают свой товар – холодную пресную воду, глоток которой делает менее ощутимым изнурительный зной палящего солнца.

Ещё издревле рыночные торговцы из Бахрейна в Персидском заливе добывали свой жидкий и холодный товар … на морском дне. Туда они ныряли с мешками из козьих шкур, наполняя их поступающей из недр дна пресной водой. В тихую погоду ныряльщики вставляли в этот источник длинные тростниковые трубки, и из них начинали бить над поверхностью моря фонтанчики родниковой влаги.

В старину подобные источники пресной воды нередко играли решающую роль в обороноспособности городов и крепостей. Древнегреческий географ и историк Страбон, живший примерно 20 столетий до нас, рассказывал об удивительном острове-городе, расположенном в засушливом восточном Средиземноморье. Это была застроенная домами скала, омываемая со всех сторон волнами. В военное время жители города снабжались водой из идущего от побережья канала, питающегося мощным пресным подводным морским источником.

Полагают, что подводные источники большей частью возникают в результате выхода через разломы и трещины в донных породах потоков пресных грунтовых вод, которые движутся вследствие разницы гидростатических уровней по водопроницаемым пластам от суши к морю. Ряд специалистов, объясняя природу источников, отдаёт предпочтение влиянию тепловых потоков, направленных из недр Земли к поверхности дна, которые должны вызвать циркуляцию грунтовых вод. При этом принимают во внимание, что воды суши и моря связаны между собой гидравлически по водопроницаемым породам.

Тихий океан очень богат железо-марганцевыми конкрециями, которые образуют на его дне крупные скопления, где они располагаются большей частью на глубинах примерно от двух до шести тысяч метров. Местами конкреции лежат на дне настолько плотно, что на подводных фотографиях они похожи на булыжную мостовую. По оценке учёных, запас конкреций в Тихом океане в тоннах выражается в буквальном смысле астрономической цифрой. Согласно научным данным, эти соединения образуются со скоростью около 6 млн. тонн в год. Не зря своё название – «Океан», он получил по имени одного из титанов древнегреческой мифологии – сына Бога неба – Урана и Богини Земли – Геи.

Океан, поистине – Бог водной стихии, и материки, между которыми он созидает своё пространство, ему не помеха. Им кажется, что океан на них сердится, когда разбивает о плотный песок свои могутные волны, но он просто не в силах сдерживать живущую в нём энергию. Она кипит, переливаясь через край, и океан только тешится у вжавшихся в себя берегов, может быть, немножко на что-то негодует… Ему забавно, наверное, наблюдать, как настораживаются перед ним несгибаемые утёсы, в которых в эти мгновения сосредотачивается, кажется, весь дух земли.

Когда стоишь на берегу Тихого океана, взгляд способен охватить лишь немногую его часть, остальное же пытаешься представить: размеры Тихого океана в натуральную величину всё-таки невообразимы! Одно осознание того, что перед тобой простирается двенадцать тысяч километров океанского пространства – уже необычайно волнительно. Но разглядывая прибрежную полосу океана, ты почему-то не в силах хотя бы попытаться угадать всё его невидимое величие, мысленно летишь над необьятными водными

просторами, и дух захватывает от ощущения бесконечной океанской мощи. Это ощущение ещё более усиливается, когда знаешь, что глубина у берегов не увеличивается постепенно, а убегает вниз сразу, одним стремительным скачком, в необозримую океанскую тьму.

И действительно, Тихий океан, в отличие от других океанов, ещё и наиболее глубокий. Самое глубокое место в нём находится к востоку от острова Гуам и составляет 11000 метров. Это на 2000 метров больше высоты Эвереста.

Знаменит Тихий океан и своими подводными горами, число которых очень велико: их в нём насчитывается около 10 тысяч. Иногда они разбросаны на большом удалении друг от друга, а в некоторых районах, наоборот, образуют целые горные провинции.

В зависимости от формы вершины различают два типа подводных гор: подводные пики – с остроконечными вершинами, и гайоты – плосковершинные горы с глубинами более 200 метров, названные по имени первооткрывателя – американского географа и геолога Арнольда Гийо. Если же глубина над вершиной подводной горы составляет менее 200 метров, то она обычно называется океанической банкой.

Геологами доказано, что все подводные горы имеют вулканическое происхождение и возникли при извержении лавы, поднимающейся по трещинам из недр Земли. Каждое извержение постепенно надстраивает подводные вулканы, а когда они достигают поверхности океана, их появление в качестве островов обычно знаменуется катаклизмами. При вулканических взрывах вода покрывается пемзой, воздух, загрязнённый пеплом, сотрясается от ударов, а волны цунами, пройдя большие расстояния, обрушиваются на тихоокеанский берег.

У океанских берегов почти никогда не прекращается величественный прибой, потому что в широких океанских просторах всегда где-нибудь да бушует буря, а её гонцы – волны метровой зыби бегут от неё во все стороны на сотни и тысячи миль. У берега, вступив на мелководье, зыбь делается короче, выше и круче, образуя мощный нескончаемый прибой.

Волны пробегают эти огромные расстояния быстрее самого быстроходного судна. Накопив энергию ветра, они с равнодушной яростью обрушивают её на пустынные берега. В таких условиях просто спустить на воду лодку оказывается очень не просто, а для тех, кто никогда не имел дела с океаном – и вообще всё происходящее со стороны будет представляться не иначе, как настоящий подвиг или безумие. Могучие океанские валы, рокоча и пенясь, накатывают на берег, перед самым столкновением с ним круто вздымаются, обретая пик своей силы, а затем подгребают под себя всё, что оказывается рядом с ними. Приходится обычно долго стоять на берегу, ожидая «подходящей» волны. «Подходящая» волна, вроде бы, похожа на остальные, сразу её не отличишь, и волну эту можно только угадать, имея к тому достаточный опыт.

Люди стоят на безопасном расстоянии от прибоя, ожидая такой волны, руки в напряжении лежат на бортах лодки, готовые в нужный миг подхватить её и бежать с ней в воду, прямо на подворачивающуюся, ту самую волну… Глядя в первый раз со стороны, страшно становится за них, бросающихся прямо в пенный рокочущий хаос, говорить и даже кричать друг другу что-либо бесполезно, и все действия должны быть слаженны, давно отработаны и проверены. Люди, даже не знакомые между собой, должны быть связаны морем.

Достигнув воды, смельчаки ловко прыгают в лодку и лихорадочно начинают работать вёслами, чтобы как можно дальше отойти от берега, пока их не накрыло следующим исполинским валом… Несколько сильных гребков, и лодка очутилась на гребне, который всей своей мощью взметнулся вверх, застыл на мгновение и стремительно покатил к берегу, затем неожиданно ухнул вместе с лодкой куда-то вниз, в глубокую воронку, чудом возникшую между волн. Гребцы вновь ловко заработали, стали взбираться на очередную накатывающую волну, и волна в какое-то мгновение будто подхватила эту утлую скорлупку и перебросила через себя, дальше в море, в более безопасную зону. Так лодке удаётся пробиться за полосу прибоя, который у берегов океана нескончаем.

При всём неописуемом величии и необозримых пространствах могучего океана, способного своею силою свести на нет любые усилия человека и даже уничтожить его самого, живущие на его берегах люди испокон веков относились к нему с величайшим почтением, мудро. Так полинезийцы, чьим учителем всегда был океан, по своему богатому опыту хорошо знали, что нарушить равновесие в природе способно малейшее вмешательство в неё, даже обыкновенная кровь рыбы, пойманной удочкой или острогой. Капли крови начинают постепенно гнить, ведь вода между островами, в лагуне, почти стоячая, а это приводит к бегству в океан самых чувствительных к гибели рыб. Поэтому во внутренних водах рыбу нужно ловить, не раня её, и убивать её следует на берегу, подальше от лагуны. Тех, кто нарушал этот закон, ждало суровое наказание.

Мексиканцы говорят про Тихий океан, что у него нет памяти… Так он велик. «Не хватает слов, чтобы рассказать, и рук, чтобы описать все чудеса океана», - с великим уважением отзывался о нём человек, без которого невозможно себе представить мир самых чудесных открытий. Это - Христофор Колумб. «Океан заслуживает, чтобы о нём писали так же, как о человеке» - а эти слова принадлежат американскому писателю Эрнесту Хемингуэю, произнесённые им в момент вручения ему Нобелевской премии.

От себя добавлю: океан даже более заслуживает внимания, в отличие от большинства людей. Лишь немногие из них искренне положили свои жизни, чтобы только оказаться на его берегу, однажды прийти к нему и замереть в восторге. Что жизнь человека в сравнении с этой непостижимой мощью и всесокрушающей энергией?!

Оказавшись в бушующем океане, человек воображает, будто океан намеренно обрушивается на него всей своей мощью и старается уничтожить. Чувствуя своё ничтожество перед лицом исполинских сил стихии, очень нелегко уверить себя мыслью, что океан не пристрастен к тебе и просто не может быть иным. Но, тем не менее, для кого-то, как например, для американца Джона Колдуэлла, Тихий океан не оказался препятствием из-за … любви. Ему предстояло проплыть от Панамы до Австралии восемь с половиной тысяч миль по различным морям, через экватор, мимо тропических островов и рифов, сквозь ураганы и штили, и всё это в одиночестве, на маленьком парусном тендере, купленном за пару недель до отплытия в Бальбоа.

Как раз только закончилась вторая мировая война, и Джон Колдуэлл не мог найти другого способа, чтобы вернуться в Австралию, где за год перед тем в Сиднее состоялась его свадьба. Пароходы ходили редко и безо всякого расписания, а он застрял на Американском континенте. К тому же, хотя он и работал до этого три года на различных транспортах в море, но никогда не пытался освоить яхту. С собой в плавание он взял небольшую брошюрку – «Как управлять парусным судном». Любовь вела молодого человека в этом отчаянном путешествии, которая была так сильна, что его даже не страшил океан… И, конечно, он достиг своей цели.

Вообще, всё, что даже отдалённо касается Тихого океана, может быть поучительно, интересно, и наделено обаянием. Взять хотя бы такой, мало известный, случай…

Когда итальянский яхтсмен Алекс Кароццо на своём «Золотом льве» вышел в октябре 1965 года из Токио, чтобы в одиночку пересечь Тихий океан, долгое время о нём не поступало никаких известий. По истечении двух месяцев моряка считали пропавшим без вести. Этот рейс проходил без какой-либо рекламы, и о нём знало всего лишь несколько человек. На родине Кароццо о его рейсе вообще никто ничего не слышал. И вот в редакцию журнала «Эпока»» приходит такое письмо: «Не можете ли вы, - писала читательница по имени Вирджиния Кароццо, - опубликовать прогноз погоды в северо-восточной части Тихого океана?» Сотрудники редакции были удивлены, но прогноз опубликовали: «Море спокойное, ветры умеренные», и только потом до них дошло – кто эта Вирджиния…

Так тихо, ненавязчиво может любить только настоящая женщина, и неброская женская милость, невольно коснувшаяся необъятной океанской мощи, для меня оказалась необыкновенно трогательна, а океан стал ещё более дорогим и близким.

Тихий океан не раз являлся свидетелем переживания в своей утробе истинных героев, которыми он, наверное, иногда даже восхищался… Ну, хотя бы радовался тому, что они в нём появились. Может быть, он изредка и негодовал от их неустрашимой настырности, какой-то неистовости, схожей порой с безумством, но, всё же, не мог не проникнуться уважением к тем, кто

поставил мечту выше собственной жизни, а единение с Океаном – её смыслом.

И так, кто они, эти отчаянные смельчаки, в одиночку бросившие вызов не управляемой стихии? Вот имена тех, кто на свой страх и риск отправились в отчаянное путешествие по Тихому океану…

Бернард Джилбой – тридцатилетний американец ирландского происхождения, на яхте «Пасифик» в августе 1882 года решился первым пересечь Тихий океан, направившись из Сан-Франциско в Австралию. За 164 дня плавания «Пасифик» потерял грот-мачту с парусом, руль, компас, хронометр, лишился большей части провианта, залитого керосином, корпус его лодки был пробит меч-рыбой, встречные западные ветры у островов Фиджи и Новой Каледонии не позволяли яхте, практически лишённой управления, продвигаться на юго-запад, днище яхты было повреждено подводным рифом, и пройдя 6500 миль, он капитулирует всего в 40 милях от австралийского мыса Санди-Кейп, попав с сильным истощением в больницу на несколько месяцев. Можно было бы ожидать от столь мужественного человека, что в будущем он станет капитаном крупного корабля и будет бороздить океаны, но, как ни странно, Бернард становится … вагоновожатым трамвая, мирно преодолевающего живописные холмы родного Фриско, но непременно, должно быть, вспоминающего воинствующие тихоокеанские волны.

В 1895 году от причала американского порта Глостер отходит парусный шлюп «Спрей»/Брызги/, на его борту находится 51-летний капитан американского парусного флота Джошуа Слокам, задавшийся целью совершить в одиночку кругосветное плавание, и он, конечно, не мог не миновать Тихий океан.

В соответствии с бытовавшими в те времена предрассудками длительное молчание могло привести к утрате речи и расстройству психики. Опасаясь этого, Слокам громко отдавал самому себе команды, докладывал об их выполнении и пел, используя в качестве слушателей Луну, морских черепах, дельфинов, а также птиц, с любопытством круживших над шлюпом.

Правда, Слокам заходил в порты, в частности, в Сиднее он простоял 2 месяца, во время которых его парусник был приведён в полный порядок после двух океанов, а в Мельбурне, в целях пополнения своей кассы, он вынужден был разрешить многочисленным желающим осматривать своё судно, взимая по 6 пенсов с каждого посетителя. Минуя участок пути вдоль Большого Барьерного рифа, Слокам завернул в несколько портов, даже выступал там с лекциями, и местные газеты широко освещали плавание одинокого моряка. Вообще, Слокам был, наверное, первым из мореходов, кто по-умному, очень деловито организовал своё путешествие, написав, вдобавок, о своих морских похождениях увлекательную книгу.

Путешествие Слокама длилось 3 года, 2 месяца и 2 дня на собственноручно построенном им судне. Примечательно, что великий мореплаватель ещё раз, уже в возрасте 65 лет, поднял паруса «Спрея». Никто

не знает точно, какими были его намерения. Последний человек, повстречавший яхту Слокама, на вопрос, куда он плывёт, получил ответ: «Далеко». С тех пор его больше никто не видел…

Возможно, человек, влюблённый в океан, решил, таким образом, уйти из жизни, навсегда слившись с дорогой для него морской стихией. Слава и века веков его мужественному духу!

Чего только не случается с мореплавателями-одиночками, совершающими свои беспримерные морские подвиги! Тем более, если на самоотверженный поступок решается … женщина, как, например, 38-летняя английская журналистка Энн Дэвисон, преодолевшая в одиночку океан за два с небольшим месяца… И это после того, как накануне своего рейса она потеряла мужа, с которым намеревалась вместе перейти океан, и отказываясь давать интервью, избегая людей и сенсаций 25 ноября 1952 года всё-таки вышла в море. По-видимому, представляя, что рядом с ней – её любимый мужчина…

Правда, это была Атлантика, но подвиг Энни повторила в 1965 году американка Шарон Сайтс, совершив одиночный переход через Тихий океан. Во время плавания она сломала кисть правой руки и до конца рейса ничего не могла ею делать, но всё же сошла на берег, причём – улыбающейся и в безупречно белых брюках. Когда Шарон во второй раз, уже в 1969 году, пересекла Тихий океан, то встречающие её овациями не могли не отметить её … великолепного вечернего платья. Разве могла эта удивительная женщина разочаровать неподражаемый Тихий океан!

Невозможно не упомянуть и отчаянного покорителя морской стихии - Уильяма Уиллиса. Этот удивительный человек уже с 15 лет совершал морские путешествия и испытал не мало приключений: был охотником на Аляске, лесорубом, фельдшером, старателем, докером, дорожным мастером и автором нескольких сборников стихов. В 1954 году он принимает твёрдое решение осуществить океанский рейс на плоту, несмотря на то, что к этому времени ему исполнилось 60 лет. Плот его назывался «Семь сестричек», состоящий из 7 бальсовых стволов, покрытых бамбуковой палубой, и в июне 1954 года он покидает порт Кальяо с кошкой и попугаем на борту. За 115 дней своего отчаянного путешествия он доходит до Самоа, где его встречает патрульная служба, жители острова оказывают ему почести, назвав Капитаном Великих морей, а плот его помещается в специальный павильон, где он и стоит, по сей день.

В 1963 году, будучи семидесятилетним человеком, Уиллис повторяет свой переход через Тихий океан из Кальяо до Австралии, уже на новом плоту, сооружённом им из листовой стали, преодолевая огромные трудности… Достаточно упомянуть, что в ходе плавания, после удара о мачту, его тело сковывает паралич, не отпускающий отважного моряка в течение нескольких дней, и всё же мужественный Уиллис доводит свой переход до логического конца.

Капитану Уиллису было 72 года, когда он предпринял третье путешествие, правда, уже через Атлантику, на микрояхте «Малютка» длиной всего лишь в 3,5 метра, но о нём невозможно не упомянуть. «Малютка» вышла в океан 22 июня 1966 года из Нью-Йорка, и Уиллис намеревался за 70 дней дойти до Англии, в частности, он планировал завершить свой рейс в Плимуте. Ему опять не везёт – у него происходит ущемление грыжи, и он лишается сил, лёжа без движения на палубе несколько дней. В итоге – Уиллис был доставлен в больницу в Ньюфаундленде. Восстановив силы, вновь, 30 июня 1967 года, он вышел из Нью-Йорка в океан. Вскоре, Уиллис опять изнурён и в бессознательном состоянии его подбирает польский траулер. Но престарелый мореплаватель не сделал выводов из прошлых неудач и в 1968 году в третий раз выходит в океан на «Малютке». 75-ю годовщину он хотел встретить в водах океана. Выйдя из Нью-Йорка в мае, он пропал, не было долго никаких вестей, и лишь 20 сентября советский траулер обнаружил разбитую и полузатопленную яхту Уиллиса в 312 милях от Ирландии. В шкатулке с документами обнаружили календарь с перечёркнутыми датами до 20 июля…

Во второй половине 20 века, когда одиночные океанские рейсы перестали быть сенсацией, трудно было рассчитывать привлечь внимание ещё одним подобным плаванием, но американский яхтсмен Роберт Ли Грэхем всё-таки привлёк его, поскольку совершил свой рейс аж через 3 океана, в том числе – и через Тихий, в … 16-летнем возрасте, на шлюпе «Голубка», который подарил ему отец. Для покорения океана, пусть это даже Тихий, все возрасты, как говорится, покорны, главное, ты получаешь удовлетворение от сознания, что плывёшь в одиночку, преодолевая тысячи морских миль, и разве не пропоёшь при этом гимн торжества человеческому духу, вознамерившемуся поспорить с непредсказуемой тихоокеанской стихией! Природа создала человека таким, что его переполняет ничем неискоренимое желание пересечь океан в одиночку, на шлюпе или байдарке, а то и на плоту только за тем, чтобы попробовать свои силы. Океан оказывается для него тем истинным преодолением, которого человеку, видимо, очень не достаёт!

Многие мореплаватели отмечали, что Тихий океан пустыннее других морей, просторы его кажутся безграничными, а самое заурядное плавание по нему обещает необычайное приключение. Длинное, не прекращающееся приключение, зовущее тебя в неведомые морские дали, которые хочется сделать своими. И они рано или поздно становятся твоими, если ты однажды соприкоснулся с Тихим океаном и долгое время не прерывал с ним эту связь.

Тихий океан… Медленно и проникновенно простирается над ним твоя душа, пытающаяся всё постичь и охватить, вернее – радующаяся за его существование и жаждущая слиться с тихоокеанской синевой. Синева эта особенна, не сравнима с бескрайним простором воды, какому бы морю он не

принадлежал, и так безоговорочно располагает к себе, что ты не в силах противиться её завораживающей глубине. Летишь, любишь всё происходящее с тобой в этом необозримом пространстве, притягательность которого не можешь объяснить, и незаметно наполняешься огромной силой.

Сила эта тоже бескрайна, как и тихоокеанская синева, которая, собственно, и предполагает её. Ты даже не представляешь – что в тебя входит и как замечательно всё, происходящее с тобой. Понимаешь это позже, может быть через много лет, и когда постигнешь и почувствуешь, то не обрадуешься, как раньше, в молодости, а поразишься мощи, уже давно, оказывается, поддерживающей тебя в жизни и привносящей в неё самое необыкновенное. Это – Тихий океан, только он мог так смутить твои чувства и возвратить тебя себе. Благодаря ему ты однажды обретаешь то, что не могли дать ни звери, ни птицы, ни даже вселенский ветер… Тихий океан предопределяет собой твою судьбу, незаметно становясь ей: ты сам превращаешься в океан – кипучий, могущественный и очень земной.

И вот я выхожу к нему… Пробираюсь сквозь заросли бамбука, дикость которых тоже не случайна. Это последнее препятствие, очень важное, дополняющее всё происходящее, и я иду, думаю обо всём этом и мысли мои ясны, радостны. Как так могло получиться, что я оказался сейчас здесь, на краю света, до конца осознать невозможно, но, всё же, я неутомимо продвигаюсь к своему открытию, и немало волнуюсь. Что там откроется и как всё это будет?

Весь в возбуждённом ожидании, чуть нетерпеливый, пробираюсь я сквозь похрустывающие упругие стебли, иной раз больно ударяющие по лицу и рукам, но не замечаю боли, только спешу. Вот, сейчас, что-то такое важное откроется в моей жизни, примет меня всего, какой я есть, и успокоит, почему-то думаю я. Вернее, необыкновенно обрадует, озарит своим присутствием и вознесёт, так что ты сам останешься на земле, на этом необыкновенном острове Уруп, а душа твоя полетит к океану, к его необыкновенному простору, и, наверное, сольётся с ним. Этого слияния, должно быть, надо заслужить, и ты, конечно, заслуживаешь его, потому что пришёл сюда из далёкого далека, которое, на деле, оказалось очень близким, соприкоснулся со всем, с чем должен был связать свою судьбу, и … немножко подрос. Ты остался верен себе, а значит, благодаря опыту, утвердился в знании мира, и как радостно было осознавать, что ты сопричастен Тихому океану, ощущая себя его маленькой частью.

Остров Уруп… Мыс Китовый, образующий юго-восточную оконечность острова и представляющий собой крутой утёс… Вдоль всего юго-восточного берега на 15 миль к юго-западу от мыса Китовый простирается песчано-каменистая отмель, и именно отсюда, с этой точки берега, когда я выбрался из зарослей бамбука, океан предстал передо мной во всей своей мощи и красе.

Выйдя, наконец, к нему, в первую минуту я почувствовал себя растерянным, был чуть ли не раздавлен увиденным, не в силах что-либо

говорить. Только смотреть и быть околдованным, чувствуя себя жалкой частицей, всё-таки пробравшейся, несмотря ни на что, к этому необъятному простору. Людей, добравшихся сюда, океан, наверное, не может не замечать, и он радуется за них, и люди это, несомненно, понимают… Они чувствуют, что всё происходящее на их глазах – случилось неспроста, океан за что-то благодарит их и надеется, что они так же, как и он, останутся непоколебимы в своих устремлениях, не боясь при этом переживать очередную утрату или поражение.

Океан дышит вместе с ними, взметается всей своей необъятной волей в небеса и вновь возвращается на землю. Всё это проделывает он и со мной, и я забываю обо всём и бреду навстречу этому сверкающему простору, а в ушах шумит что-то неизбывное, вечное, но не святое. На последнее у Бога воды не хватает терпения и смирённости, он рождён неудержимо метущимся и вольным.

Огромные валы накатывают на берег, закручиваясь в белоснежно-изумрудные буруны, надо всем этим висит многометровая толща проникновенной сини, солёной пыли, брызг и какого-то истошного вопля, не прошибаемого ничем. Небо не сливается с безудержной водной силой в единое синеющее крыло, как это происходит у него с морем, а лишь продолжает этот не прекращающийся лазурный вой, его почти не видно, - во всём преобладает океан. И только песчаная полоса пляжа желтеет широко и покойно, на километры устланная пурпурными губками, что лежат на ней неестественно напружиненные и гордые своим родством с восхитительной силой… Как богата эта необыкновенная стихия, что выбрасывает столь драгоценные дары, и нисколько об этом не жалеет!

Ничего подобного я в жизни ранее не видел, и, может, этот метущийся океан был первым, что поразило больше всего. Неимоверно захватывающе, навсегда, до какой-то всё время притягивающей сладостной жути. Потом он часто вспоминался, и казался уже таким недостижимым, что было больно до слёз. Про себя, втайне, я будто знал: больше мне его никогда таким не увидеть, как бы я к этому ни стремился. Океан только однажды распахнул свою душу, чтобы я мучился им и любил всю жизнь.

В моей памяти живо встаёт только этот день, когда я увидел океан таким, какой он есть на самом деле, хотя к тому времени проработал в нём уже три года. Океан будто ждал, когда я к нему приду, буду готов к этой встрече, которая, конечно, окажется незабываемой, и такой день настал. Только сейчас, на Урупе, океан показался мне особенно огромным, и хотя у моря тоже не видно ни конца, ни края, беспредельность океана поразила.

Какой простор был здесь! Какое необыкновенное океанское приволье! Океан окаймил весь остров тёмно-синей, лиловой и белопенной полосой, и будто ластился к каменным утёсам. Неопытному глазу могло показаться, что он скорее угнетает прибрежные скалы, пытаясь оторвать от них хоть что-то и унести в свою ненасытную утробу. Слишком грозен океан в обладаемой им мощи, и даже в такой солнечный, небесный день, вроде бы умиротворённый

в себе, хоть и пышущий неограниченной свободой, он в изливаемой им ласке представлялся суровым и непреклонным. Какой он всё-таки необыкновенный, совсем отличный от обычного моря!

Придя к океану, глядя на него и восхищаясь им, ты понимаешь: всё по-настоящему хорошее и достойное случается в жизни только раз, и его нужно умудриться не пропустить, непременно заслужив. Выйдя к океану и охватив взглядом всю его неохватность, я тогда вмиг почуял, что у него есть свой язык – могучий, звучный, святой, как мне потом показалось, доносящий до земли такую же могучую, глубинную молитву. Согласный гимн гармоничных звуков, подобно божественной увертюре, предваряющей не менее чудесное и величественное действие, объединяющее в одно великое целое и землю, и океан, и божественные небеса.

Стоя у океана, начинает мниться, будто его звуки и думы принимают видимую форму, и весь этот неизмеримый, разнообразный мир дарует неописуемое блаженство. Внимая неземной музыке океана, ты незаметно воображаешь, что всё это торжество совершается для тебя одного. Какое счастье разом обнять душою всю океанскую жизнь и почувствовать все заботы океана как свои!

Прибой пенистыми волнами взбегает по песку далеко вверх, к террасам, на какое-то время задерживается там и нехотя откатывается, перемешиваясь со вновь набегающими валами. Какая-то головокружительная первозданность, дичь всего происходящего – повергает сразу, пляж с яркими губками тянется, кажется, бесконечно вдаль, теряясь в сизо-матовой дымке, и невозможно оторвать взгляд от раскинувшейся перед тобой картины. Плотно утрамбованный накатом волн, песок, после того, как я ступил на него, показался крепче асфальтовой дороги, так что захотелось идти по нему без устали, всё дальше и дальше.

Хотя океан бушевал, и гул его волн глушил все звуки, но это не было штормом, скорее, шёл мощный прилив. Валы прибоя всё ближе подбирались к более крутой части пляжа, к тому месту, откуда начинались горы. А в отлив океан удаляется, кажется, совсем: будто бездна открывается взгляду, которая и манит, и страшит. В такую пору лучше забраться на какое-нибудь высокое место и сверху наблюдать за тем, как величественно дышит океан.

Песчаный пляж только подчёркивает своей желтизной густоту океанской сини, и выглядит необыкновенно живописно. В отличие от знаменитых пляжей, всё здесь проникнуто первозданной дикостью, которую принимаешь, между тем, более естественно. Я сразу почувствовал, что на этом пустынном берегу мне никогда не будет одиноко: океан, песок, скалы и растительность на них воспринимались родными, они излучали интерес и внимание к человеку, и все мои мысли тоже устремлялись к ним. Так хорошо мне не было нигде и никогда, и я ощущал себя счастливым.

Но наблюдать за океаном с палубы судна – тоже увлекательно, и ты тогда, конечно, уже не думаешь о прибое. Вообще, о земле. Всё внимание устремлено к гигантским, безостановочно сменяющим друг друга волнам,

устраивающим величественную толчею так же упорядоченно, как и у берега. Ветер не спадает, пенистые буруны приобретают высоту прибрежных скал, и ты живёшь только этой соединённостью с океаном.

Когда таким же беснующимся случается прибой, что доводится увидеть не часто, ты воспринимаешь океанскую стихию ещё ближе… Прибой разбивает о прибрежные камни могучую водную твердь, кажется, возмущена вся глубина океана, до самого дна, и в своей душе ты преобразуешь его рёв в глубокое знание: добравшись заслуженно до океана, ты знаешь, что никогда в нём не пропадёшь.

Идя по плотно утрамбованному морскими волнами песку, почти не обращаешь внимания на взбаламученную пену: тобой движет удивительная приподнятость этого пути у океана, его открытость и доступность. То, как легко продвигаться на краю этой непостижимой и радостной стихии – неописуемо. С восторгом переживая окружающий тебя мир, тебе становятся понятны самозабвенные устремления океана проявлять свою суть как можно более отчаянно, даже - с вызовом, пытаясь донести до всего земного мира свою не высказанную до конца мощь и красоту.

Время, проведённое рядом с океаном, это - как совершение грандиозного ритуала. Для того, чтобы приобщиться к нему – следует сюда прийти, после чего остаётся с радостью проникнуться особым чувством сопричастности с бесконечностью океанских пределов. Ритуал незаметно совершается в твоей душе, и ты так же незаметно овладеваешь пониманием всех начал. Ведь жизнь среди природы, тем более – рядом с океаном, обостряет чувства, а если ты какое-то время при этом остаёшься один, такая жизнь вырабатывает проникновенную наблюдательность, когда ни одна мелочь не проходит мимо тебя бесследно, и ты становишься очень чутким в восприятии мира.

Здесь, на этих диких островах, океан живёт во исполнение своих величественных законов, обходясь без какого-либо вмешательства человека, совершенно свободный от него, но человек может всегда обратиться к его сокровенной и в тоже время открытой жизни, сделав её и своей. Для этого следует обречь себя на одиночество в принятии и осуществлении важных жизненных решений, внутренне быть готовым ко всему и ничего не бояться. Однажды необходимо просто распахнуть своё сердце и взглянуть на Океан, отдавшись тому, что увидел в нём, до конца.

Широким вольным жестом океан вовлекает тебя в круговорот великой жизненной силы, не подчиниться которой невозможно. Даже если ты просто прогуливаешься рядом с ним по пустынному пляжу. Ты сразу ощутишь, что получаешь от океана тайную питающую энергию, и наступает миг, когда эта энергия начинает переживаться так же реально, как и воздух. Ты посвящаешь себя океану, а он мгновенно вмешивается в твою жизнь, соединяя тебя со всей Вселенной. Именно рядом с океаном ты воспринимаешь её пространство и красоту, и, конечно, забываешь о своём одиночестве, которое

в основе своей предполагает только необходимую работу над собой, во имя ещё более крепкой взаимосвязи с бескрайними мирами.

И так, я стоял на юго-восточном берегу острова Уруп, очарованный увиденным, и не мог отвести взгляд от простирающихся повсюду океанских объятий. Любой, самый большой парусник, появись он вдруг сейчас на горизонте, воспринимался бы, наверное, крохотной чайкой, белопенным буруном в его тёмно-синей, густой и глубокой плоти, величественно перемогающей свои бескрайние просторы. Океан жил, думал, дышал всей своей несокрушимой энергией, но не оказывал давление: в какой-то момент даже почудилось, будто он опять заметил тебя, почувствовал все твои душевные устремления и принял. В один миг, сразу, а потом долго радовался и приветствовал тебя в накатывающих на берег огромных валах, что ты всё-таки, несмотря ни на что, пришёл к нему, так же почувствовал его и тоже стал свободным и неудержимым. Ты, наконец-то, осознал себя частью океана, вот только сейчас, тогда как мудрый океан всегда был твоей судьбой.

Длинный песчаный пляж, усеянный пурпурными губками, тёмно-синие безбрежные дали, серо-голубые террасы скал, умудрено покоящиеся под ослепительным солнцем, - всё это было дико, необыкновенно просторно и в то же время очень близко, доступно. И за всем этим неотступно следил океан, ни на секунду не утихая. Способность его, особенно в прибрежной полосе, никогда не успокаиваться, но и не биться впустую, а жить, заставляла взволнованно биться сердце. Нельзя было просто так смотреть на океан, к нему следовало повернуться всей душой, которая, распахнувшись парусом, вобрала бы всю его силу, наполнила жизнью до краёв и увлекла бы в полёт-плавание по его нескончаемому простору, навстречу самому себе.

Таинственное дыхание океана ощущается даже тогда, когда его не видно, а воздух вблизи него такой чистый, что, кажется, будто его вовсе нет. Просто – некое живое пространство, очищающее собой всё, к чему прикоснётся, а поскольку океан здесь всюду, то везде на острове ощущается некая первозданная чистота, которую нигде уже не обретёшь.

Здесь океан, как и в глубокой древности, по-прежнему дышит своими неизведанными устремлениями, которые так же ничем не нарушены и чисты. И именно здесь убеждаешься, что нет на земле ничего лучше океана, его неукротимой и неистребимой свежести, мощи и ещё чего-то необъяснимого, составляющего его замечательную тайну. Океан начинает представляться даже таинственнее звёзд, далёких и недостижимых миров, в которых душам приходится бывать лишь изредка, между нашими наполненными событиями жизнями, а океан всегда рядом, к нему можно прийти, если вы того пожелаете и ничего не боитесь.

Нет нигде и такого свежего ветра, как у океана… Ветер ластится своею упругою силою об океанскую натруженную спину, образуя на ней пенящиеся барашки, и они весело играют на зелёных монолитных волнах, насыщая собой восторженный воздух. Резвящиеся дельфины, белоснежные птицы у горизонта и неутихающий гул – тоже его простирающаяся повсюду

бескрайняя воля, к которой быстро привыкаешь, хотя и глохнешь поначалу, очарованный множеством впечатлений. Ничего не заслоняет твоего взора, воздух пьянит, а нескончаемый шум воды убаюкивает. Ветер и океан едины, они сотканы из неограниченных ничем божественных устремлений.

Порой день на океане выдаётся таким горячим и пронзительным, что на синеву океана лучше не глядеть – глазам больно. Стоит полный штиль – редкая для океана благодать, которая вольно растекается повсюду, захватывая в своём проникновенном умиротворении всё жизненное пространство, и ты как-то по-новому начинаешь оценивать и небо над океаном, и сам океан, когда плывёшь по нему. Не ощущаешь ни борта судна, ни его надстройки с иллюминаторами, ни саму палубу, то уходящую из-под ног, то вновь откуда-то вырастающую, так что океан, кажется, плещется прямо под подошвами. И начинает вдруг представляться, будто это не вода вовсе, а нечто большее, какая-то чудесная глубинная сила, встречу с которой ты совершенно естественно воспринимаешь чуть ли ни главным событием в жизни, затмившим все остальные, и она готова повернуться к тебе самыми невероятными открытиями…

Невозможно было не делать в этом удивительном мире открытия. Например, ты постепенно начинал уяснять для себя, что с приближением шторма – оживаешь. Становишься собраннее, лучше, начинаешь замечать то, что раньше утекало мимо, будто просачиваясь невидимыми струйками в многочисленные шпигаты, потом вновь заливало палубу и исчезало, уже не возвращаясь.

Или вдруг ветер утихнет, а затем совершенно изменит направление, и тогда будь готов – в следующий раз он захватит с собой тебя вместе с судном. Древние мореплаватели, наверное, предугадывали это мгновение, когда судно переставало слушаться руля, но они выдерживали его коварные заигрывания, оставаясь верными ему. Ветер за это был им благодарен, и, проявив свою неуправляемую сущность, благосклонно уступал отваге и чуткому сердцу человека.

А ещё ты к изумлению своему открывал, что прозрачность океанской воды - превосходит морскую. Способ визуального наблюдения её прозрачности придумал наш соотечественник – великий мореплаватель О. Е. Коцебу, когда опускал на тросе за борт обыкновенные столовые тарелки и следил за глубиной их погружения в разных местах Тихого океана. Затем, вместо тарелок, исследователи морей стали использовать стандартный белый диск Секки диаметром 30 см, который по праву следовало бы назвать диском Коцебу. К примеру, наибольшая глубина видимости белого диска в Белом море – 8 м, в Балтийском – 13, в Баренцевом – 18, в Чёрном – 25, а в Тихом океане – 52 метра.

Находясь в окружении океана, я мог целыми часами простаивать на баке, таким образом, знакомясь с ним. Пристально вглядываясь в это необозримое водное пространство, хотелось, помнится, сразу познать его безбрежность. Неизмеримость океана и пугала, и манила, и, конечно, при

этом ясно осознавалось, - до какой степени он неукротим. Жадно вглядываясь в относительно спокойные воды океана, во власть которого я отдавался на долгое время, я как в человеке пытался разглядеть в нём его истинное лицо. Какой же он на самом деле, и что таится в его беспредельных глубинах?

Длительное время океан может быть покоен, так что даже задумаешься: в чём же его неукротимость? Посмотришь вокруг – повсюду вода, но, правда, не такая как в море: в необозримости океана есть что-то огромное и жуткое, чего не выразишь словами. Вглядываешься в его бесконечные мили то в одну то в другую сторону, и как будто ощущаешь океанскую ёмкость, вернее – непоколебимую водную твердыню. Могуч, но не мрачен океан, величественно поводит плечами, постепенно даже убаюкивает твоё восприятие. За мелкими делами во время перехода к месту работы ненароком и забудешь про него, а он, не желая с этим смириться, хотя бы изредка прогремит мощным водяным валом, захлестнув борт судна – вздыбится и ухнет, так что ветер отчаянно взыграет и страшно завоет. Но что с того моряку, однажды связавшему свою судьбу с непредсказуемой водной стихией: на то он и океан!

Океан – очень строгое и яркое пространство, пронизанное невидимой мощью. Наиболее умудрённым, а значит расположенным к общению, он выглядит осенью, когда на курильскую землю приходят благословенные солнечные дни. Весь он подобран, полон сил и в тоже время – не замкнут в себе, но никогда не разберёшь – что у него на уме! К океану в эту пору вполне можно подступиться, если шёл к нему достойным путём.

Зимой и весной океан как будто пресыщается своей силой и, в волю насладившись ею, к лету успокаивается. Не то, чтобы он утихомиривается совсем, подобное с ним случается крайне редко, но летом океан будто чего-то выжидает. Неподготовленному человеку в летнюю пору ни за что не разобрать его сути, и времена года должны не раз сменить друг друга, прежде чем ты научишься чувствовать самую великую на земле стихию.

Когда я вышел к океану, была осень, и океан предстал передо мной во всей своей красе. Благодаря океанскому накату, пространство будто расступилось и высвободило какую-то неописуемо величественную мощь, сравнить которую было не с чем. Для этого просто ничего не приходило на ум.

Я стоял, растерянный и счастливый, совершенно один, и не мог поверить, что всё это реально, и происходит со мной наяву… Смотреть в раскрывшееся океанское величие было и страшно, и до головокружения сладостно, и я, видимо, потерял ощущение времени, которое, между тем, бесконечно изливала великая стихия. Вернее, его вовсе не было, поскольку океан далёк от иллюзий, порождённых беспокойным умом человека.

В какой-то миг мир будто пронзила ярко-фиолетовая, густая вспышка! Простор стал ещё более необъятным, песчаный берег и скалы за ним словно сжались, и надо всем будто распростёрлись гигантские крылья, охватившие и

небо. Шум океана перекрывал любые звуки, не было слышно ничего кроме него, и всё живое здесь приспосабливалось только к его жизни.

Волны океана глухо рокотали и будто выносили на поверхность, вместе с белопенными завитушками, свои глубинные думы, чем и будоражили и успокаивали. Океан ровно нарочно говорил о своих переживаниях, чтобы поделиться ими, то с отчаянием неистовствовал, то чем-то неизъяснимым терзался. Он явно переживал какие-то особые минуты, чувствуя появление вблизи себе человека, и, наверное, не мог объяснить – чего ему не хватает? Только много позже осознал я, что океану не доставало общения, и он точно разговаривал со мной, даже, кажется, звал. Может, я невольно тогда его услышал…

И надо всем этим торжеством океана, как бы зачарованное происходящим, задержалось солнце. Казалось, оно остановилось. Ослепительно яркое, приветливо и восхищённо смотрело оно с такой же ослепительно голубой и прозрачной выси, по которой стелились белые, как куски океанской пены, облака. Причудливо узорчатые, кудрявые, они словно сорвались с верхушек тёмно синих густых валов, тяжело кативших себя к пустынному берегу, и так же неспешно нагоняли друг друга в высоком синем небе, будто удивляясь прелести происходящего, и одновременно любуясь на себя и проистекающий повсюду океанский пейзаж.

Горячие солнечные лучи переливались с волнами, заливали своим золотистым блеском весь сияющий горизонт, и ветер, весело подгоняющий эти тёмно-густые синие волны, будто умерял солнечную чистоту. Солнце сияло над океаном ярко, но зноя не было: дышалось легко и свободно, и всей душой ощущалось дикое чудесное приволье здесь, на краю света, среди этого бескрайнего океанского простора.

Как умиротворённо, в сравнении с Океаном, вело себя Охотское море, у противоположной стороны Урупа… Оно не пенилось так страстно, рассержено не урчало, а просто было собой у этих загадочных берегов, несло себя бесконечно и уверенно, почти невидимо, очень сдержанно колыхалось. Более заметными, значительными выглядели здесь берега, и дикие скалистые утёсы только сильнее оживляли этот первозданный вид.

В 1775-80 годы предприимчивые сибиряки Антипин и Шабалин возглавили большую экспедицию по изучению Южных Курил. Они подолгу жили на Урупе, бывали на Итурупе и Кунашире, ездили к японцам на Хоккайдо. Название их корабля – «Наталия», было присвоено заливу на Урупе, именно с охотской его стороны, а их именами были названы вулканы на этом острове. Впоследствии, бригантина «Наталия» была выброшена на берег моретрясением, то есть – в результате действия цунами.

Залив Наталии вдаётся в берег острова между мысом Шаутен и мысом Якорь, окружающие его берега скалисты и изрезаны значительным количеством небольших бухт. В эти бухты впадают многочисленные ручьи и

небольшие реки, вода в которых пригодна для питья. За ней мы и подошли на боте, тогда как судно встало на якорь в миле от побережья.

По берегам залива разбросано много надводных камней, а вдоль них полукругом высятся горы, многие из которых хорошо приметны и они надёжно защищают залив от всех ветров. Глубины во входе в залив Наталии составляют пятьсот метров, но к берегам они резко уменьшаются, что, вместе с камнями затрудняет подход. И вот, в одной из расщелин, глубоко вдающейся в скалы, куда с шумом ударялась крутая зыбь, мы заприметили какое-то существо, всё перепачканное мазутом. Им оказался орлан-белохвост, каким-то образом, угодивший в разлитое по поверхности воды топливо, и нам пришлось порядком повозиться с огромной птицей, пока мы её вызволили из липкого плена.

Орлан выглядел жалко, перья его слиплись, а кожу на лапах покрывали кровоточащие язвы. Он безропотно отдался в наши руки, будто понимая, что без помощи людей ему не справиться. Но ещё большего труда стоило отмыть его великолепный наряд.

Кстати, курильцы или айны, помимо многих товаров, которые они продавали японцам, а это были, в основном, бобровые и нерпичьи шкуры, лисицы, обменивали и пользующиеся у японцев большим спросом орлиные крылья и хвосты. Японцы употребляли их для своих стрел, и потому они у них были очень ценны, за что курильцы получали деревянную лакированную посуду, курительные трубки, бумажные материи и табак. И, конечно, эти перья и хвосты принадлежали именно орлану-белохвосту – самому крупному представителю пернатых, в обилии устраивающему свои гнёзда по берегам дальневосточных морей.

Часто можно было видеть, как отрешённо кружат в небе эти птицы, на границе суши и моря. Обычно орланы выбирают для своих гнёзд высокие прибрежные скалы, у самого моря, ибо основную их пищу составляет рыба. Их парящие силуэты отражаются в зеркальной воде, будто величественные птицы плывут где-то под водой, у самого дна. Вероятно, именно в пылу охоты, бросившись с вышины, этот орлан и угодил в беду, сильно испачкав крылья, а взлететь уже не смог.

С лёгкой руки стармеха - орлана на судне тотчас окрестили Кешей. Все мы любим, чтобы животные относились к нам хорошо, и любим хвастаться этим, но, может быть, только однажды нам предоставляется возможность быть любимым каким-либо живым существом, например, птицей, и Кеша отчего-то, с самого начала, допускал к себе только старшего механика. Впоследствии к воспитанию Кеши присоединился боцман и, наконец, я, так что в течение целого месяца мы все вместе, можно даже сказать - с самоотречением, ухаживали за орланом, что было, действительно, очень не просто.

Дело в том, что взрослого орла почти невозможно приручить, ибо он совершенно сложился как хищник, причём, абсолютно свободный в своём восприятии жизни, дикий, у которого есть одна строгая обязанность,

дарованная ему природой: отрешённо парить в вышине, выискивая добычу, и затем – молниеносным броском осуществлять смертельную хватку. Орлану-белохвосту предназначено постоянно находиться в отдалении ото всех, оставаясь ни для кого недосягаемым, да и кто ему, при его возможностях, может угрожать? Жить только по его собственным законам – это значит находиться в полной отрешённости, допуская существование только своей воли, несущей и для морских птиц, и для всего рыбьего царства лишь страх.

Кешу поместили в трюм, заблаговременно привязав к его лапе капроновый конец, и каждый день осторожно выдворяли его на свет божий, вооружившись прежде плотными брезентовыми рукавицами. Обычно эту процедуру проделывал «дед», сходу взявший шефство над орланом, именно ему Кеша давался в руки, но вот пищу птица не принимала ни в какую, и только через неделю начала брать мясо, которое ей подавал на длинной палке опять же «дед». Ещё через неделю ему удалось добиться того, что Кеша стал позволять кормить его с рукавицы, а вскоре и вовсе «подобрел», так, что птицу можно было брать в руки и даже фотографироваться с ней.

«Дед» очень гордился своими достижениями с этой большой и величественной птицей, характер у него заметно изменился в лучшую сторону, и всем членам экипажа тоже постепенно захотелось приобщиться к воспитанию грозного пленника. Первым к Кеше стал подбираться боцман, делать это он старался тогда, когда его никто не видел, припасая для своего новоиспечённого питомца свежую рыбку. Но Кеша почему-то предпочитал только сырое мясо, и как-то так получилось, что я тоже попробовал подружиться с Кешей, но через «деда», и что удивительно – орлан сразу взял у меня из рук корм. Видимо, он достаточно привык к стармеху, доверяя и тому, кто находился с ним рядом, и уже достаточно скоро я общался с Кешей наедине.

Больше всего орлану нравилось, когда я почёсывал ему перышки на макушке, он блаженно закрывал глаза и утробно клёкал, раздувая горло. Но однажды Кеша всё-таки ухватил меня за палец, да так сильно, что прокусил его насквозь. Когда-то мне пришлось пережить хватку рака-отшельника, после чего пришлось основательно прослезиться, но то, с какой мощью сдавил палец орлан-белохвост – сравнить было не с чем. Мне показалось, что птица своим грозным клювом его раздавит. Какую же мощь представляли из себя когти хищника, сжимающего ими свою жертву?!

В общем, несмотря ни на что, а кусал орлан ни одного меня, мы все полюбили Кешу. Свободные от вахты члены экипажа всегда не без интереса наблюдали, как он прогуливается по палубе, когда его вызволяли из трюма, с удовольствием обсуждали все его действия, а самые отчаянные норовили подойти к птице поближе, чтобы почувствовать себя с ней, как говорится, на короткой ноге. Человеку отчего-то остро не достаёт такого общения с животными, даже если это может быть опасно для его жизни, и он, пренебрегая осторожностью, а порой – и самым настоящим благоразумием, идёт на непосредственный контакт с представителями животного мира,

наверное, переживая при этом в глубине души какие-то первозданно родственные чувства.

На церемонию выпуска Кеши на волю собралась вся команда. Все, затаив дыхание, наблюдали, чего будет делать птица? Сразу полетит, как только с её лапы снимут капроновый конец, или не решится и предпримет нечто неожиданное? Ведь, что ни говори, а Кеша всё-таки привязался к своему новому дому и людям, спасшим его, стал нам почти родным.

Вот Кеша прошёлся вразвалочку по выщербленной палубе, выхватил клювом из рук «деда» кусочек мяса и, на мгновение, задрав голову, проглотил его, удовлетворённо клёкнув. Затем наклонил голову на бок, как будто к чему-то прислушиваясь, и вдруг высоко подпрыгнул, тотчас опустившись на палубу. Среди экипажа такие действия птицы вызвали оживление, все ждали – что будет дальше. Пройдясь ещё несколько шагов, орлан опять подпрыгнул, но теперь уже уселся на фальшборт, повернулся к людям и пронзил всех холодными жёлтыми глазами.

Он сидел, несколько нахохлившись, поглядывал то на нас, то на море, и словно не решался подняться в воздух. Отвык, должно быть… Стармех решил приблизиться к нему, желая погладить ещё раз и подбодрить птицу, но Кеша, не дождавшись его, чуть присел и, мягко оттолкнувшись, повис над ослепительно синеющим морем, величественно и просто взмахнув мощными крыльями.

Какое-то время в его полёте чувствовалась некоторая неловкость, давно уже не отдавался он привычному для себя парению, но и радость от возвращения в необъятную, как и море, родную воздушную стихию. Глядя на удаляющегося орлана, я вдруг почувствовал, что вместе с ним улетает к диким курильским берегам часть меня самого, которую уже трудно было удержать: она, эта часть, осталась с птицей. И ещё я подумал, что уже никогда не узнаю: что сделается с этой частью меня здесь, на острове Уруп, во что она превратится?

Поначалу, помнится, мне было без неё как-то одиноко, но постепенно, по мере того, как орлан удалялся, а потом и вовсе исчез, я ни о чём уже не жалел. Я вдруг осознал, что это «моё», в орлане, останется здесь навсегда, среди диких Курильских островов и заливов, и, понимая это, я успокоился, будто обретя свой маленький дом. Прощай, бухта Наталия!

А с островом Уруп мы попрощались в заливе Двух Близнецов, где море породило одновременно два совершенно одинаковых острова, которые были настолько похожи, что их можно было путать бесконечно. Как удалось природе вылепить их с такой потрясающей точностью?! И если бы только это…

Между островами возникала из воды ещё и каменная «пивная кружка», перевёрнутая кверху днищем, с безукоризненно выделанными природой ровными краями, до невероятности напоминая настоящий сосуд с ручкой.

Моряки угадали в скале именно её, то есть – именно «пивную кружку», и в течение долгих лет передавали из уст в уста об увиденном здесь природном чуде…Так, постепенно, это обычное житейское название крепко укоренилось за скалой, и её никак по-другому уже не воспринимали. Море гораздо на подобные каменные воплощения, не стало исключением и это природное место. Вообще, что-то колдовское чудилось в этом заливе, где, конечно, не обошлось без присутствия Бога.

Незабываемую картину дополнила стая косаток… Животные, неспешно, двигались вдоль борта судна, в каких-нибудь десяти метрах от него, и были так красивы, что оживили своим присутствием эти похожие друг на друга скалы, что, кажется, тоже, как и мы, в восхищении воззрились на чудесных животных. Стоял мягкий, пасмурный день, на море – почти полный штиль, а чёрные скользкие спины косаток плавно возникали из моря, и так же плавно в него погружались.

Грозные обитатели моря не казались таковыми, когда ты смотрел на них с палубы судна. Они будто и не замечали нас, находясь в полном согласии между собой и морем, и их шестиметровые веретенообразные тела воспринимались лишь как свидетельство ловкости и силы, кажется, никому не угрожающей. Но косатки, конечно, чувствовали всё, знали и даже предугадывали, наверное, наши мысли.

Косатку всегда легко отличить по её «косе» - тёмному спинному плавнику, устрашающе устремлённой вверх сабле. Некоторые зоологи считают, что само слово «косатка» произошло от этой спинной «косы». Другие думают, что животные эти названы так за сходство с ласточками-касатками, и что поэтому следует писать не «косатка», а «касатка» - через «а». И, правда, косатки действительно похожи на чудесных ласточек и окраской, и обтекаемостью тела, и устремлённостью движений. Плавники их распахнуты в воде как маленькие ласточкины крылья в воздухе… При всём своём не малом весе, косатки – очень подвижные существа, свободно парящие в морской стихии.

Косатки – изумительно быстрые животные, но при этом поражает их способность на большой скорости сохранять в своих рядах строжайшее равнение. Как слаженно у них это получается!

Время от времени косатки выдыхают отработанный воздух и вдыхают свежий. Плавно поднимаясь из воды и описывая в воздухе красивую дугу, они вновь мягко погружаются, разрезая поверхность своими тёмными «косами». Все движения в стае согласованы, чувствуется, что каждая косатка проникнута всеобщим устремлением вперёд, к добыче. Эта устремлённость сохраняется даже тогда, когда косатки ни за кем не гонятся, а просто играют.

Я смотрел на этих удивительных животных, думал о том, что мне привелось увидеть и пережить на этом острове, и было мне так, будто всё произошедшее – не случайно. И ещё показалось, что косатки качнули мне на прощание своими плавниками, словно напутствуя: дорога твоя будет долгой и нелёгкой, но ты не забывай нас, как и Господа, и летящих по ниспадающим

струям водопада лососей, и заросли упрямого бамбука, и красивого орлана-белохвоста, и Океан, и когда-нибудь - мы все тебе поможем.

«МАТУА»

Подойдя к острову Матуа, мы встали на якорь в южной части бухты Двойная, называемой так потому, что от западного берега бухты на 3,5 кбт по направлению к острову Топорковый, располагающемуся в 6 кбт на восток от Матуа, выступает риф, густо поросший водорослями. Этот риф и делит бухту на две части: северную и южную, и из одной части бухты в другую ведёт фарватер, который проходит вблизи западного берега острова Топорковый. Сам остров Топорковый, несмотря на небольшую высоту в 70 метров, хорошо приметен, и с расстояния 6-7 миль имеет вид невысокого холма, но его, конечно, не сравнить с вулканом Сарычева, что возвышается на полтора километра в высоту в самом центре острова Матуа, и имеет форму конуса, чаще всего скрытого в тумане.

Если быть точнее – Пик Сарычева достигает в высоту 1497 метров, а диаметр его кратера – около 6 км. В целом - вулкан имеет сложное строение и является одним из наиболее активно действующих вулканов в пределах Курильской гряды, так что ему даже приписывается самый свирепый характер… Вот как описывал его русский первопроходец сотник Иван Чёрный ещё в середине 18 века: «На нём/острове Матуа – Б.П./ сопка, коя, по объявлению курильцев, в недавних годах преужасно горела, причём по всему острову разметало каменья так, что и летающих птиц во многом числе оными убивало». Не зря верхняя часть вулкана засыпана толстым слоем лапилли и бомб.

Назван так этот вулкан двести лет назад известным русским мореплавателем Крузенштерном в честь другого путешественника – Сарычева Гавриила Андреевича, русского гидрографа и географа, который в 1785-1794 годах был помощником И. И. Биллингса в правительственной экспедиции по исследованию Северо-Восточной Азии и островов северной части Тихого океана. Он произвёл съёмку берегов Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова моря, Аляски, описал острова Прибылова и Алеутские, дал характеристику их природы и населения, и именем его, помимо вулкана на Матуа, названы мыс на Алеутских островах, остров в Чукотском море и пролив в Тихом океане.

За историческое время вулкан Сарычева извергался несколько раз. Наиболее раннее из известных извержений происходило в начале 60-х годов семнадцатого столетия. Зимой 1878/79 годов наблюдалось спокойное стекание лавы по северо-восточному склону. В феврале 1928 года произошёл взрыв с выбрасыванием бомб и лапилли в окрестностях кратера. В феврале 1930 года в течение 13 часов из кратера извергались камни и пепел, они образовали у основания конуса слой мощностью три метра и нарастили берег в южной части острова на 30 метров. Также большое количество пепла

выделялось из кратера весной 1946 года, но самое сильное извержение вулкана случилось в ноябре этого года…

Три дня над кратером висела тёмная туча, изредка содрогалась земля от подземных ударов, слышался рокот и гул. Затем начались вспышки летящих ввысь вулканических бомб, оглушительная канонада взрывов, каменным градом забросало остров Топорковый, находящийся в полутора километрах к востоку от Матуа. Вскоре по склонам потекла лава, заполнившая три бухточки. В результате образовалось три новых мыса высотой до двадцати метров.

Выбросы из кратера прекратились только через неделю после начала извержения. Эвакуированные жители острова вернулись в свои дома, и жизнь маленького посёлка потекла прежним порядком. Пепел, выброшенный из кратера вулкана, был отнесён на далёкое расстояние и выпал даже на улицах Петропавловска-на-Камчатке. Небольшие извержения были замечены ещё под осень 1952 и 1954 года.

Такова неполная статистика поведения вулкана Сарычева за два прошлых столетия, и, отправляясь на остров, я втайне вынашивал надежду застать извержение, хотя бы небольшое, чтобы прочувствовать на себе настоящее трясение земли, наблюдать выброс из кратера камней и пепла, и, конечно, низвергающиеся по склонам вулкана потоки огнедышащей лавы. Побывать на Курилах, где из ста вулканов почти треть действующие, и не увидеть ни разу извержения – было бы обидно. Тем более, если ты работал на Курильских островах не один год, а вулкан Сарычева, к тому же, отличается столь строптивым нравом.

Поначалу трудно было представить, что чётко вырисовывающийся на фоне синего неба остроконечный прекрасный пик может окутаться зловещим чёрным дымом, а земля вдруг содрогнётся и разверзнется, превратится в огнедышащее жерло, и из её глубоких недр послышится глухой угрожающий рокот. Японцы, в свою бытность на Матуа, даже уважительно переименовали вулкан Сарычева в Фуё – название, равнозначное японскому вулкану Фудзи, олицетворяющему для них красоту, величие и грозную активность неведомых для восприятия недр. После освобождения Курил от японцев, вулкану было возвращено прежнее русское имя, но на его внешней красоте это не отразилось. Вулкан, по-прежнему, притягивает к себе восхищённые взгляды оказавшихся с ним рядом людей, как, впрочем, и вулкан Креницына на Онекотане, и Тятя на Кунашире, и Алаид на Атласова.

Глядя на вулкан Сарычева не покидает ощущение, что высота его не 1497 метров, а гораздо больше: такими неудержимо красивыми, стремительными линиями взлетают к небу его крутые склоны, вытягиваясь к самой вершине чуть ли не вертикально. Когда мы попали на остров, выдался на редкость ясный солнечный день, и прекрасная видимость позволяла во всей красе наблюдать восхитительно правильный силуэт огромного усечённого конуса и зацепившиеся за его вершину лёгкие облака. Остров почти на три четверти занят великолепно сложенной природой горой, очень

симметричной, и не верилось, что он имеет одиннадцать километров в длину и всего лишь шесть в ширину. Весь Матуа воспринимался вулканом, да, собственно, так оно и было, и мне захотелось обойти остров по кругу, чтобы представить себе его мысленно со всех сторон.

Занимая почти всю площадь Матуа, могучий усечённый конус вулкана Сарычева когда-то образовал береговые террасы, которые получились очень похожими на поля огромной шляпы, что-то наподобие сомбреро, вызывающего улыбку. Но образ вулкана, тем не менее, грозен и, величественно возвышаясь из глубины острова, иногда даже представляется нереальным. Он чем-то напоминает Джомолунгму, может быть именно вот этой загадочной необычностью своей формы здесь, посреди Тихого океана, а так же покоряет неповторимой, даже идеальной красотой, что притягивает, пожалуй, ещё больше.

Изредка вулкан по-прежнему курится серовато-белым столбом горячих сернистых газов, и когда над островом повисает туманная дымка, что случается часто, вулкан начинает казаться призрачным, будто повисшим в воздухе. Вулкан только изредка попыхивает, словно у него пока не хватает духу заявить о себе во всеуслышание, время от времени выбрасывая пепел, и на этом всё завершается.

Я почему-то сразу подумал, что когда вулкан начнёт извергаться, то отступать будет некуда… Ну, если только на судне, словом, на каком-нибудь плавсредстве, и осознание этого предполагаемого извержения ощутимо будоражило воображение, молниеносно рисуя совершающуюся катастрофу. Хорошо любоваться извергающимся вулканом издалека, здесь же - в сотнях метров на восток накатывают на берег неудержимые валы Тихого океана, а с западной стороны омывает остров Охотское море. От соседних же островков – Расшуа, Ушишир, Райкоке и Скалы ловушки, Матуа отделён широкими и беспокойными проливами. Хотелось верить, что извержение, хоть и случится, не будет таким разрушительным, и всё обойдётся благополучно.

Нужно заметить, что в момент высадки, пока у гидрометеорологов шла разгрузка, для нас высвободилось два-три часа свободного времени, и можно было побродить по склонам вулкана. Остров Матуа замечателен тем, что на нём совершенно отсутствуют заросли кедрового стланика, и это позволяет относительно свободно передвигаться по его куртинам. Только на нижней части восточного и юго-восточного склонов вулкана Сарычева, среди травяного покрова, имеются островки карликовой берёзки, да ещё встречаются редкие заросли ольховников. Все эти растения – грубые, непритязательные, но очень выносливые, они первыми вступают в бой с камнями, разрушают их поверхность и гибнут в расщелинах, но изредка побеждают каменную породу, подготавливая условия для более высокоразвитых видов. Они являются авангардом будущей пышной армии растений, которая рано или поздно вторгнется во владения магмы и победит застывшую лаву.

Зато – обычное дело на островах, в том числе – и на Матуа, низкорослые заросли мелких вересковых: поляны шикши, толокнянки, голубики, морошки, брусники и жимолости тянутся здесь нескончаемыми километрами… Все эти ягодные шикшовники очень распространены по морским террасам и горным плато Курильских островов, а также – речным долинам, не находящимся в низинах. Наибольшие же сообщества ягодников возникают на местах растаявших снежников.

Морошка с брусникой, ясное дело, не вызывают удивления, поскольку привычны, как и на материке, их здесь – пропасть. Толокнянки – меньше, ягоды у неё, правда, более крупные, чем у той же шикши, тоже чёрные, но совсем безвкусные. Голубика – ягода мясистая, сочная, синевато-голубого цвета, и заполняет своим нежно-матовым покровом всё свободное пространство. Весьма распространена по соседству с другими ягодами и жимолость съедобная: она встречается то в луговой растительности, то чистыми зарослями-лужайками, но всегда – обильна. Вообще, все ягоды по склонам перемешаны, растут сплошным, густо-переплетённым ковром, и, опустившись среди них на колени, не сходя с места, можно набрать за пять минут трёхлитровую банку, чем мы увлечённо и занялись, то и дело, вспугивая беловато-коричневых, упитанных куропаток.

В сравнении с другими ягодами, и без того легковесными, жимолость как-то ещё более необыкновенно легка… Синевато-сизые продолговатые ягоды её соперничают по вкусу с голубикой. Порой их даже трудно различить. В долгие зимние вечера на чайном столе у жителей Курил появляется местное лакомство – варенье из жимолости.

Но более всего распространена шикша – мелкая чёрная ягода, довольно водянистая и слегка сладковатая на вкус. Местное население на Курильских островах называет шикшу водяницею, за то, что она действительно напоминает воду. Правда, эта ягодная вода ароматна и прохладна, она хорошо утоляет жажду.

Ел бы и ел эту ягоду горстями, и хоть вкуса так и не распробуешь – ощущение приятное, и кажется, что можешь съесть её сколько угодно. Вяжущий аромат шикши во рту дарит лишь ускользающее ощущение сытости, тем не менее, наполняя утомлённое тело вкусом к жизни. Вкус ягоды незаметно возвращает к действительности, и ты начинаешь воспринимать нескончаемую вереницу экспедиционных дней по-другому, более осознанно и радостно.

Название ягоды как нельзя удачно ей подходит, правда, оно не поэтично. Просто отражает истинную суть, не такую уж и глубокую, но всё-таки верную. «Шикша» - название загадочное, как будто данное ягоде для того, чтобы задуматься и увидеть в ней нечто скрытое и диковинное. Да в ней и на самом деле угадывается неуловимая прелесть, оттого, наверное, и ешь эту ягоду долго, не в силах постичь – что тебя в ней так привлекает?

Вероятнее всего – еле угадываемый аромат, нежность такой же тончайшей прохлады, и поглощая шикшу – обнаруживаешь в себе радостную

ненасытность. Ешь необыкновенную ягоду, стоя в нескончаемо простирающемся повсюду ягоднике прямо на коленях, и пьянеешь, одновременно впитывая и чистоту курильского неба, и дикую тишину, объявшую всё вокруг, и густую синь Тихого океана. А всего-то – водяница!

Ягоды вокруг так много, что даже про вулкан позабудешь за её сбором, но только приподнимешь голову и увидишь курящийся из его кратера белёсый столб, как всё внутри перевернётся от осознания таящейся в глуби земли мощи. Вот где-то тут, под тобой, клокочет огнедышащая масса, в любой момент готовая вырваться на поверхность, по воздуху полетят огромные вулканические бомбы и поднимутся тучи пепла, покрывая собой и Охотское море, и Тихий океан, и даже проходящие у горизонта океанские суда. Волнующее зрелище, наверное, не позволяющее спокойно следить за тем, что происходит на самой вершине горы! И уж тем более – представить себе подземный ад, кухню одноногого великана Гефеста, огласившего несмолкающим рокотом работы на своей волшебной наковальне всю округу на тысячи километров.

Расположившись к вечеру в домике метеостанции, мы и помыслить не смели, что вулкан всё-таки разбудит нас, и произойдёт это под утро… Не зря он накануне выпускал свои пары, а ночью ошарашил обитателей станции глухим прерывистым гулом, временами усиливаясь и перемежаясь со звуками, напоминающими беспорядочную ружейную пальбу. Затем стали ощутимы подземные толчки, в окнах задребезжали стёкла, и мы уже не могли не выйти наружу, где на нас сначала посыпалась мучнистая пыль, но вскоре её сменил светло-серый вулканический пепел. Невероятно, думал я, неужели вулкан по-настоящему извергнется? И что ещё примечательно: страха отчего-то совершенно не чувствовалось, переживалось лишь еле сдерживаемое возбуждение, необычайный интерес к происходящему, я бы даже сказал – глупый восторг. Вулкан Сарычева пробудился!

Ветра почти не ощущалось, и постепенно над островом сгустился туман, скрывая всё происходящее. Эта неопределённость ещё более усиливала впечатление, так как видимость полностью пропала, а сверху на нас густой завесой опускался пепел, отчего сразу потемнело, в воздухе распространился неприятный запах калёной извести и гул несколько усилился. И всё же, пробуждение вулкана проистекало как-то монотонно, невыразительно, хотя начальник метеостанции и предупредил всех, что с судна радировали о готовности в любой момент принять на борт людей.

В этой ситуации мы чувствовали себя пока только как зрители, но не участники, и потому не торопились эвакуироваться, надеясь увидеть что-нибудь более интересное. Забеспокоились только военные, у них был какой-то важный груз, и, не желая ожидать милости от сердито настроенного вулкана, боясь того, что поведение его изменится к худшему, они принялись перетаскивать вещи на плашкоут, тогда как с океанской стороны к этому времени уже появилась основательная зыбь. Похоже, что разбуженный вулкан разбередил и океанские воды, а это свидетельствовало лишь о том,

что не за горами и настоящее извержение, как, впрочем, и беспорядочное, неизвестно к чему способное привести волнение.

Нужно заметить, что у всякого вулкана извержение протекает по-разному. Например, извержение вулкана Анчакчак на Аляске произошло совершенно неожиданно, без всяких предупреждений, и за довольно короткий отрезок времени в воздух было выброшено свыше 20 кубических миль каменной породы. При этом нужно помнить, что одна кубическая миля весит около 12 млрд. тонн. Каким же могуществом обладают вулканы! Вулкан острова Матуа разгорался постепенно, и должно быть – уже давно.

Так мы просидели у метеостанции ещё часа два, в глухом объятии серого тумана, который временами разрывали порывы ветра, с неожиданным воем поднимавшегося снизу, с океана, и замиравшего в вышине. Никто не произносил ни слова – все, молча, глядели на пробивающиеся сквозь дымку чадные испарения, надеясь, что вот-вот видимость прояснится и из вулкана вырвется огненная лава. Внезапно туман действительно улетучился, и глазам нашим открылось зрелище, до той минуты не доступное взору: вся верхушка была объята чёрной клубящейся тучей пепла, а жерло кратера освещало зарево… Из него с пульсирующим шипением вылетали раскалённые брызги и падали обратно в кратер. Это уже было нечто более близкое к тому, чего мы ожидали, и каждый, наверное, не без гордости воображал себя бесстрашным первооткрывателем, по собственной воле оказавшимся на краю света, в недоступном для многих царстве огненных стихий. От конуса, тем временем, дохнуло жаром, так что ощутимо загорячило кожу на руках и лице…

И тут вдруг раздался оглушительный взрыв, вмиг переменив наблюдаемую нами картину, и сквозь клубы дыма и пара, уносимые в небо порывами ветра, мы, наконец, увидели кипящую огненную магму и услышали утробное дыхание земли. Ещё вчера изящно вытянутый пик вулкана сейчас казался незнакомым, он сгорбился под огромным столбом чёрного дыма, и сам стал напоминать вулкан. Правда, гораздо более внушительных размеров, да ещё в перевёрнутом виде, ведь раскалённый пепел и газы поднялись на высоту в несколько километров!

Все стояли неподвижно, испытывая странное чувство робости. Такое волнующее зрелище, как огромный огнедышащий кратер, затерянный среди океанских просторов, вызывает в человеке необъяснимый подъём чувств, нуждающихся в выходе, и я не нашёл ничего лучше, как заснять происходящее. Одержимо нажимая на спуск, с разных ракурсов пробуя подступиться к сути пробудившегося вулкана как можно ближе, я и не заметил, когда закончилась плёнка.

А вулкан всё более разгорался, кратер уже ревел, вышвыривая раскалённые камни, и те, взлетая всё выше и выше, отклоняемые ветром, исчезали где-то за вулканом, на его северо-восточных склонах. Стоило, наверное, предпринять что-либо для собственного спасения, но мы, как прикованные, не в силах были оторваться от происходящего. По-прежнему

оставаясь неуязвимыми, самонадеянно всё-таки полагали, что нас ни извержение, ни его последствия не коснутся, и мы увидим всё до самого конца. Да только разве можно за действующий вулкан поручиться, когда даже небольшая перемена ветра способна была отклонить траекторию полёта камней в нашу сторону?!

Каждая деталь развернувшегося перед нами пейзажа вызывала ощущение глубочайшей древности, поскольку во всём совершающемся действии просматривались следы тех событий, которые происходили на земле в необозримо давние, невесть когда миновавшие геологические эпохи. Временами мы не видели неба, а воздух был насыщен газообразными испарениями, обволакивающими землю ещё в первые дни её сотворения. Не было слышно ни звука, ни крика живых существ, многочисленные птицы куда-то подевались, и только изрыгаемый из глубин земли грохот, с бульканьем, шипением и свистом, повергал собой всё вокруг.

В океане тоже было неспокойно. Штормовая погода усиливалась, и в довольно защищённом проливе между Матуа и соседним островком Топорковый уже вскипали не шуточные буруны, остервенело накатывающие на пологие берега бухты. Как-то там военные, не опрокинуло бы их плашкоут, пока он достигнет/!/ ожидающий его за мысом сторожевой корабль?

У нас же всё продолжало содрогаться, грохотать, выплёскивались новые потоки лавы, но более сдержанно и без нарастающего напряжения, будто земля сердилась на своё бессилие. Становилось ясно, что вулкан не преподнесёт ничего нового, похоже, он иссяк на сюрпризы, и, тем не менее, выбрасывание несчётного количества вулканических бомб не прекращалось в течение всего дня. С высокого склона, где мы находились, было хорошо видно, как раскалённые бомбы с грозным шипением падали в океан и на островок Топорковый, который весь уже был покрыт серо-коричневым пеплом. Небо даже не угадывалось за низко нависшими над водой и островом грязными тучами.

То, что мы наблюдали сейчас – никак не сообразовалось со вчерашним днём, когда вулкан был открыт для восприятия во всём своём великолепии, вернее – его внешнем виде. Глядя на ярко-красную полосу лавы, наискось пересекающую самую верхушку конуса, я вдруг вспомнил картину Кацусика Хокусаи «Ясный Фудзи». Вулкан Сарычева или Фуё, как его именовали японцы, действительно очень напоминал знаменитую Фудзи. В солнечный день вулкан на Матуа представлял из себя копию священной для японцев горы.

Я стою, смотрю на извергающийся чёрно-красный конус, и опять думаю: что такое «вулкан»? Тем более, такой красивый, с правильными формами и линиями, гармоничное воплощение глубинных переживаний Земли. А может быть - это выход её накопившихся эмоций, нечто, не поддающееся объяснению, но почему так плавно и ровно, действительно, чуть ли не идеально, и не везде?

Если обратиться за помощью к словарю, то «вулкан», по имени древнеримского бога огня Вулкана, означает геологическое образование, возникающее в земной коре и на поверхности Земли, где происходят извержения лавы, пепла, горячих газов, паров воды и других веществ, поднимающихся из недр Земли по трещинам или каналам. Чаще всего вулканы представляют собой конусообразную или куполообразную гору, на вершине которой обычно имеется кратер или впадина в виде воронки.

Земля сама для себя и, наверное, для всех других существ находит безошибочные места выплеска своей энергии, и если где-то извержение происходит – оно неслучайно. Земля точно определяет место, время и силу выхода своих переживаний, и когда они превышают допустимую норму, она во всеуслышание заявляет о себе, нисколько ни кичась при этом своей силой, а лишь довольно сдержанно, если можно так заметить, негодует. Земле что-то не по нутру в деяниях человека, и она ему об этом сообщает: прислушайся, человек, к своему материнскому, родному, иначе что же будет, когда Я по-настоящему осерчаю, или ещё того хуже – серьёзно заболею?!

Мне хочется верить, что извергаясь через вулкан Сарычева, Земля не сердится, а только выпускает накопленный пар. Она переводит своё глубинное дыхание, и при её размерах этого невозможно проделать незаметно для всех. При её-то возможностях нет ничего странного в том, что пепел, заброшенный извержением в высокие слои атмосферы, был разнесён далеко в океан и вдоль всей Курильской гряды. На самом Матуа из нагромождений пепла, вулканического песка и бомб образовались насыпи высотой выше метра!

Я смотрел, как выглядит извергающаяся лава, огненные языки которой, выплёскиваясь из кратера, сползали по лощине, к самому океану, теряясь в тучах горячего пара, и во мне самом будто вскипало нечто неведомое, как оказалось, необходимое для жизни, что проявилось позднее. Последующие потоки уже замирали на склонах, в средней и самой верхней части вулкана, в чём проявлялся признак перелома в ходе извержения. Первая же лава въехала всей своей пылающей массой в штормящие океанские воды, и будто даже на время усмирила волнение. Тучи пара от вскипевшей воды скрыли от нас происходящее в проливе, где, как мы узнали позднее, военные всё же утопили часть своего груза, причём – самое ценное.

Лавовые потоки, сошедшие к океану, образовали новые мыски, несколько изменив географию острова. Когда лава перестала вытекать из кратера вулкана, бомбы из него уже не вылетали, почва под ногами не сотрясалась, и подземный грохот сменил приглушённый рокот, - пришло радостное осознание от пережитого. Извержение вулкана свершилось, и мы его увидели!

Весь оставшийся день мы потом осматривали и исследовали близлежащую местность – восточный и северо-восточный склоны вулкана, пробирались между огромными глыбами по обнажённым каменным площадкам, ходили по краю ущелья, представляющего из себя чуть ли не

пропасть, задыхались в удушливых серных испарениях, всем своим существом ощущая жар успокаивающейся Земли. Под ногами хрустел рассыпчатый серый-коричневый шлак, приятно горяча ступни, повсюду из трещин струился серный пар, и каждый, нет-нет, да взглядывал осторожно на медленно выползающий из кратера, ещё плотно клубящийся столб. Здесь, в низине, когда ты лишён перспективного обзора, всё происходящее представлялось значительней и опасней, а серо-коричневый пепел покрывал всё кругом: камни, редкую травку, выжженный ольховник. Хорошо, что начальник метеостанции посоветовал нам взять собой по основательному берёзовому дрыну с заострённым концом, без него пройти по осыпающемуся вулканическому песку было бы невозможно.

В самом низу лощины замечаем лису, сидящую совершенно неподвижно под чудом уцелевшей каменной берёзкой, и только когда подходим к ней чуть ли не вплотную, лиса как-то нехотя поднимается и, спотыкаясь и постоянно оглядываясь, медленно удаляется в сторону берега, на горку, где плешинками сохранилась травка. Мы же для чего-то лезем выше, вокруг только бомбы и пепел, а из жерла кратера вдруг с шипящим резким пыхом вырывается облако вулканической белёсой пыли. Оно поднимается на километровую высоту и расползается там огромным пухлым грибом. Мог ведь вулкан ещё и не сказать своего последнего слова! Но нет, похоже, его силы иссякают, и этот выброс – лишь свидетельство угасания дремучих подземных недр.

«Мои глаза видели всё» – говорил японский поэт Басё… Я сейчас тоже мог бы с полным правом повторить его слова, поскольку пережить настоящее извержение, находясь в непосредственной близости от проснувшегося вулкана, и видеть огнедышащий внутренний жар Земли, - значит прикоснуться к её истинной жизни… Ведь Земля – наша мать, мы на ней появились и существуем благодаря её дыханию.

Для меня это извержение было открытием Вселенной через проснувшийся вулкан Сарычева, громогласное подтверждение ей моих поисков, точно так же как и на Урупе мне чудесным образом явилось Божественное Присутствие. Понимание этого пришло позже, а тогда я лишь переживал нахождение поблизости от жерла Земли, через которое Она разговаривала, что-то сообщала, может быть негодовала и даже приветствовала?! И ведь что интересно: вулкан проснулся на следующий день после нашей высадки, будто подтверждая правильность моих духовных устремлений и выбранного пути. И Природа, и Бог, и Океан, а теперь - и Земля, почему-то помогали мне… Я, конечно, был счастлив.

Но приключения наши на этом не завершились… В проливе, разделяющем Матуа и, полную противоположность высокому остроконечному вулкану Сарычева, равнинный островок Топорковый, не имеющий никакой растительности, кроме травы и ягод, мне со своим старшиной водолазной станции Сашей Бедненко, суждено было отыскивать на тридцатиметровой глубине утопленный военными ценный груз – сейф с

документами и табельным оружием. Волнение несколько успокоилось лишь к утру следующего дня, взбаламученная вода чуть просветлела и приобрела мутновато-зелёный оттенок, но почти по всему проливу с самого дна к поверхности воды протянулись гирлянды морской капусты, саргассума и макроцистиса. Они переплелись между собой после шторма, образуя целые колонны в несколько десятков метров, а некоторые кусты оторвало и они повисли в толще воды, затрудняя продвижение на боте и ориентацию под водой. К тому же, всё дно было усеяно вулканическими бомбами, многие из которых достигали размеров утопленного военными сейфа, и в мутной воде приходилось постоянно путаться, принимая валуны за искомый контейнер, но мы всё-таки довольно быстро отыскали его, завели стропы и вытянули на поверхность.

Прежде, чем опуститься под воду, сразу договорились разыграть вояк, это была Сашкина идея: мол, не нашли, старались как могли, и, главное, хотели посмотреть на их реакцию… Сашка был добрым, но всегда проверял людей – на что они способны? И когда убеждался в том, что человек правильный, по его разумению, счастливо утирал усы и делал всё от себя возможное, чтобы помочь этому человеку, если в том возникала потребность. Причём, делал это совершенно искренне.

Ещё раз благодарю судьбу, что свела меня с этим человеком, ничем особым, вроде бы, не выделяющимся. Но все мы должны жить так, чтобы благодаря нашим невидимым усилиям – кто-то в жизни становился бы чуточку счастливее. Так вот Сашка, постепенно, без всякого, казалось бы, напряжения, делал меня таким счастливым человеком, принося только радость.

Очень важно в жизни принимать любую ситуацию, всех живых существ, всё, что преподносит нам жизнь, и если человек не принимает чего-то или кого-то, то у него сразу возникает сопротивление и напряжение, а этого не должно быть. Внутренне нужно учиться принимать всё, что дарует тебе судьба, просто наблюдая за происходящим, эмоционально ни во что не вовлекаясь. И Сашка был именно таким: он никогда не утрачивал в себе энтузиазма, но при этом принимал всех и всё, не проявляя никакой агрессии.

В общем, радости военных не было предела, ведь в противном случае старшему из офицеров грозил бы трибунал, и в порыве чувств они преподнесли нам два ящик тушёнки и флягу спирта, что в те времена было самой ходовой разменной монетой на Дальнем Востоке. Но нас уже манил маленький остров Топорковый, где располагалось настоящее птичье царство… Неисчислимое количество чаек, кайр, буревестников, чистиков, тупиков, а главное – топорков, в честь которых, собственно, и был назван остров, витало в воздухе, оглашая пространство в проливе несмолкаемым криком. Накануне, в момент извержения вулкана, птиц не было видно, они куда-то исчезли, а сейчас объявились и наполнили всё вокруг неудержимым и неописуемым столпотворением.

Мне приходилось уже бывать на птичьих базарах острова Тюленьего, на Монероне и островке Малая Выдра, где птицы сидят и выводят птенцов на высоких скалах, но вот здесь, рядом с совершенно плоским островком, птицы устраивали оглушительный базар прямо на воде, в самом проливе. Птицы плавали, ныряли, летали, и весь пролив казался от этого двигающимся, живым. Невысокие отвесные берега острова Топорковый были все испещрены норками топорков, это было заметно даже с Матуа, и уж тем более – с борта судна, вода же была усеяна птицами на километр, что можно было объяснить, наверное, ходом в тот момент какой-то рыбы.

После непродолжительного извержения вулкана как-то незаметно выглянуло солнце, птицы горланили на все лады, так что не было слышно рядом говорившего человека, но, помнится, это только придавало весёлого настроения, и весь этот базар, иначе не назовёшь, ничуть не надоедал и даже нравился нам. Такой курильский островок, без единого человека, окружённый величественным и грозным Тихим океаном, представлял из себя символ природной чистоты и первозданного целомудрия, оазис посреди водной пустыни для морских птиц, то место, к которому всегда устремлены помыслы и взгляды человека, долгое время находящегося в окружении морских волн.

Что же касается топорков, то на Дальнем Востоке их называют не иначе как морскими попугаями, вероятнее всего – за броский вид. Оперение у топорков, само по себе, не примечательное – тёмно-бурое, без каких-либо отличительных пятен и полосок, крылья – исчёрна-серые, но вот клюв сразу привлекает внимание: он мощный, действительно, как у попугая, ярко-красный, а у основания – жёлтенький. Маленькие настороженные глазки аккуратно обведены ярко-белыми перышками, образуя своеобразные белоснежные щёчки, которые хочется почесать пальчиком, и с макушки свисают на затылочек две лимонные косички, несколько же неловкие лапки – карминовые. Чудо-птица!

Курильцы, или как их ещё называли – айны, использовали шкурки этих птиц, благодаря крепости, для пошива мужских парок, а носы топорков женщины употребляли для украшения платья, нося на груди гирлянды из них в несколько рядов. Если представить себе такого древнего жителя Курил в сшитой из птичьих шкурок парке, на спине и груди – гирлянды из ярко-красных носов топорков, на голове – бумажный японский платок, а на ногах – торбаса, наподобие русских бахил, сшитых из горл сивучей, то вы поймёте ту замечательную неповторимость, что присутствовала когда-то на далёких тихоокеанских островах… Она ощущается здесь и сейчас, и почувствовав её однажды, вы уже не в силах будете изменить в душе этим неповторимым местам, куда хочется возвращаться вновь и вновь.

Северные народности, живущие у моря, могли использовать в своих житейских нуждах только то, что их постоянно окружало, в частности, птиц, в обилии присутствующих рядом. Так, например, из костей чаячьих ног люди выделывали иголки разной величины, смотря по шитью, а для вышивания

самых тонких узоров использовали особое перо, выдернутое из птичьего крыла. Интересно, что если парку – верхнюю одежду мужчин, шили всегда только из птичьих кож, то женское простое платье, одинакового покрою с мужским, отчего-то изготавливали из котиковых кож, то есть – из морского зверя… Впрочем, подобные, не всегда объяснимые тонкости быта северных народов соблюдались ими, наверное, в глубокой древности, сейчас же такие различия, должно быть, не принципиальны, и вряд ли имеют место.

У Гавриила Андреевича Сарычева, в его описании быта алеутов, приводится любопытное упоминание о том, как они, выменяв у русских железные иголки, всегда обламывали ушки и вместо них, обтачивая тупой конец на камне, делали зарубку, чтоб можно было привязывать нитку. Вероятно, подобные исправления объяснялись более простым и привычным способом изготовления народами севера орудий труда. К тому же, все работы, связанные с шитьём одежды, при общей загруженности людей, происходили, по-видимому, в вечернее или даже ночное время, когда видимость была ограничена, и вдевать нить в маленькое ушко было сложнее, чем прицепить её за зазубренный конец.

Кстати, подстрелить морскую птицу, тем более, топорка, довольно нелегко: помимо крепкой шкурки, перья на нём лежат очень плотно, так что дробь по ним соскальзывает. Мы хотели заготовить для краеведческого музея несколько шкурок топорков на изготовление чучел, но с большим трудом добыли пару птиц. При этом, топорки очень часто ныряют вводу и долго держатся там, что тоже затрудняет охоту на них. В солнечный день с борта судна хорошо видно, что топорки, плавая под водою, употребляют крылья точно так же, как и на воздухе. В зелёной прозрачной воде, оставляя за собой маленькие облачка искрящихся пузырьков, они кажутся подводными обитателями, которые, вроде бы, и не мечтают о воздушной стихии, наслаждаясь невесомой глубиной.

Ловко продвигаясь при помощи своих коротких крыльев под водой, над самыми водорослями, топорки так же ловко ловят рыбу, а затем относят её своим птенцам, в береговые норки. Будучи отличными пловцами, топорки ловят добычу только под водой, а плавающую на поверхности живность за добычу не считают. Но поймав рыбку, они не спешат с нею к птенцам. Добыча зажимается между надклювьем и языком, и охота продолжается. Только после того, как вылавливается 5-7 рыбок, а иногда и десяток, свисающих по бокам клюва, как борода, птицы следуют восвояси. Не летать же туда-сюда за одной рыбёшкой!

Топорки летят с рыбой в клюве над морем, золотые косички на солнце отливают, и носы, как маленькие аккуратные топорики, загадочно алеют. Действительно, яркие морские попугайчики, но только очень озабоченные! С короткими крылышками, да ещё с добычей, им сложно поворачивать в воздухе, и топорки тормозят в полёте … лапками. Усиленно загребают, загребают, загребают ими, будто отталкиваясь от воздуха как от воды, и, развернувшись, шустро заныривают в свои длинные норки. Топорки не такие

неприхотливые птицы, как кайры, и не оставляют свои яйца открытыми на карнизах и уступах скал, а прячут их в норах, пол в которых выстлан чаячьими перышками и рыбьими костями.

Чайки привыкли воровать у них рыбу, особенно грешат этим поморники, охотящиеся на топорков прямо воздухе, когда те летят к птенцам с добычей. Они нападают на топорков сверху, вынуждая птиц выпустить рыбу из клюва, да только топорки так просто рыбу никогда не выбрасывают, прячут её в зобу, чтобы обязательно принести птенцам, и скорее усядутся среди чаек или кайр, растолкав их, чем откажутся от добычи. Вроде бы, несуразен с виду топорок, но импозантен и мил.

Иногда клюв этого забавного коротыша сравнивают со спущенным забралом или даже со страшной секирой, что, конечно, не соответствует истине. Да и вид его, несмотря на довольно внушительный клюв, совсем не выглядит грозным. Скорее, топорок – стойкий маленький рыцарь, действительно не лишённый выдержки и храбрости. Недаром эту птицу прозвали решительным и довольно определённым именем – «топорок»!

Странно, но, тем не менее, у топорка, среди всех чистиков, очень неуживчивый, сварливый характер. Сам нередко подвергающийся нападению других птиц, топорок даже может насмерть забивать маленьких белобрюшек, при этом проявляя терпимость к хрупким качуркам. Драки у топорков случаются и между собой - из-за нор в гнездовой период, а нередко они происходят прямо в норах.

У них даже отмечены позы угрозы. Слабая: стоящий или сидящий топорок просто пригибает голову, наклоняя клюв вертикально вниз. Эта поза может иметь место и в движении – топорок идёт так с раскрытыми крыльями. Более сильная: клюв вытягивается вперёд и поднимается вверх, при этом он раскрыт, а косицы выпрямлены. В такой позе топорки обычно находятся несколько секунд. Агрессивная поза: при приближении соперника птица наклоняет голову и начинает быстро двигать клювом из стороны в сторону вверх-вниз. Со стороны всё это выглядит очень забавно…

Правда, даже когда топорки чем-то недовольны, они редко издают какие-либо звуки: топорки – молчаливые птицы. В период размножения топорки иногда всё же производят низкочастотные «ворчащие» звуки, но в местах, где плотность гнездования топорков низка, они почти не используют звуковые сигналы в контактах между собой. Более оживлённо ведут себя птицы там, где их селится очень много, и часто можно видеть, как топорки стремительно носятся по кругу, постепенно образовав большое кольцо, и озабоченно покряхтывают. Так они, наверное, выражают своё возбуждение.

Но чаще топорки всё-таки ходят и бегают, причём, на прямых ногах, не опираясь на цевку и хвост в отличие от большинства видов семейства чистиковых, к которому принадлежат. Недаром им присуще наличие множества тропинок, которые ведут к «взлётным площадкам» - обрывистому берегу или высоким камням. При коротких крыльях топоркам необходимо возвышение для взлёта.

Когда на острове Матуа располагалась резиденция японского микадо, который был молод, ему, наверное, было занятно наблюдать за топорками, чему не мешали даже государственные дела и то, что резиденция его находилась под землёй, и он не всегда мог видеть, как беспрепятственно вылетают топорки из своих нор на добычу в море, и вскоре, отяжелённые ей, вновь возвращаются… Уж больно забавными представляются топорки, и микадо, должно быть, забывал обо всём, любуясь маленькими неприхотливыми птицами. Но, несмотря на своё обаяние, топорки – заботливые птицы, им нужно кормить детей, и если при этом, каким-то образом, топорок попадает человеку в руки, он обязательно поведёт себя воинственно и непременно ударит своим «топориком» по пальцу, возбуждённым ворчанием выражая всё своё негодование.

Топорок удивительным образом сочетает в себе бойцовскую удаль, обаяние, трудолюбие и чуть ли не благообразность, иной раз всем своим видом напоминая, помимо присущего рыцарю настроя, и лицо духовного звания. В этом повинны оперение топорка и косички, будто напоминающие чёрную мантию с каким-то священным головным убором. Совершенно определённо, что природа не оплошала в создании этой птицы, соединив в ней, кажется, не сочетаемое!

Несмотря на то, что топорки прилетают на острова северо-западной части Тихого океана ещё в мае, едва только море освобождается ото льда, и покидают их лишь осенью, они, всё-таки, птицы открытых морей. Приступив к гнездованию весной, выведя птенцов летом и дождавшись, когда они встанут на крыло и начнут самостоятельную жизнь, топорки оставляют сушу и улетают от мест гнездования к югу. Всю зиму они теперь держатся вдали от берегов, и на островах не показываются…

Видно, пришло время отлёта и наших топорков, с острова Топорковый. Осеннее извержение вулкана Сарычева на Матуа как будто отрезвило птиц и подтолкнуло их в дальнюю дорогу. Да и мы засобирались в путь, поскольку из-за изменившейся конфигурации острова предполагаемые работы по профилактике мареогафа выполнить не представлялось возможным, и было решено перенести их на следующий год: пора было уходить на Северные Курилы. До свидания, Матуа!

Я тогда, конечно, не думал, что буду когда-нибудь размышлять о том, как одинокие острова могут влиять на человека. Этот рассказ – моё уважительное отношение к маленькому, почти никому не известному, но очень почитаемому среди морских обитателей островку. И я желаю этим удалённым от нас землям, с их сокровенной обустроенной жизнью, милым топоркам и всем морским птицам, вулканам и Океану – одного: оставаться самими собой, точно так же, как величие человека проявляется в том, насколько он может бескорыстно служить всем живым существам.

Мы удалялись от удивительного места в Тихом океане, которого мне никогда не забыть… Вскоре скрылся из виду остров Топорковый, затем исчезли за горизонтом обрывистые берега Матуа, и только конус вулкана

ещё виднелся вдалеке. Он точно так же дымил, и клубы выползающих из его кратера паров теперь, казалось, выходили из моря. И всё-таки я чувствовал, что в сердце моём, как посреди океана, по-прежнему возносится к небу огненная верхушка незабываемого Фуё, где долгое время жили японцы, и находилась резиденция микадо.

Истинный японский поэт, наверное, сказал бы о вулкане Сарычева:

«Фуё – гора,
Осеннее небо пронзая,
Вздымается ввысь».

Я бы подытожил:

«Отправившись однажды в путешествие,
длиною в жизнь, -
отыскал, наконец, свой чудесный вулкан-остров,
где почувствовал на себе благостное внимание Вселенной…
Знакомое мне состояние счастья!»

«ОНЕКОТАН»

Остров Онекотан, называемый айнами «старое поселение», наверное, когда-то и на самом деле был таковым, но сейчас он пустынен. Онекотан вытянут в северо-восточном направлении на сорок с лишним километров, наибольшая ширина его равна 17,5 километров, а наименьшая, в середине, семь с половиной километров. На острове нет хорошо укрытых бухт, так как береговая линия слабо изрезана. Есть лишь две небольших бухты: на севере по охотскому побережью – Немо, и в южной половине на берегу Тихого океана – Муссель. К северу от неё слабо вдаётся в берег залив Блакистон.

Славится Онекотан своим знаменитым вулканом Креницына. Вулкан в южной части острова является одним из наиболее красивых горных сооружений в пределах Курильской гряды, и достигает в высоту 1327 метров. Древний кратер вулкана, до семи километров в диаметре, занят тёплым лазоревым озером, сияющим среди мрачных обрывистых берегов, а юный центральный конус высится среди этого озера коническим «островом в острове», и кажется небольшой, словно игрушечной, кем-то искусно раскрашенной в зелёные и бурые цвета пирамидкой, поставленной им же, этим неведомым великаном, на голубоватую поверхность плоского блюдца… Зеленоватое при ясном небе и голубовато-серое в пасмурную погоду, озеро безмолвно и недвижимо застыло в этой гигантской природной чаше, обнимая пик со всех сторон, как пояс, и вполне заслуженно носит своё русское имя – Кольцевое.

Разглядывая озеро с высокого обрыва, не покидает ощущение чего-то неземного, будто ты находишься на другой планете, и даже близость Тихого океана не рассеивает этого впечатления. Какое таинственное озеро, загадочный вулкан, и ещё эта дикая неприступность, тишина, даже безжизненность, - думаешь ты. Хочется и смотреть, не отрываясь, и в то же время побыстрее покинуть это место, тем не менее, не переставая вспоминать о нём.

Совсем недавно вулкан Креницына считали не действующим, но в ноябре 1952 года, после нескольких сильных землетрясений, он проснулся и произвёл настоящее извержение: три дня метал бомбы и пепел, а из центрального конуса в озеро стекала лава… Затем вулкан затих, но продолжал дымиться, и с проходящих кораблей было видно, как из-за внешнего края кратера долго ещё поднимались белые столбы пара из вскипевшего озера.

Сейчас вулкан спит. Что-то ждёт нас в эту высадку на столь загадочном острове?!

Если вы, хоть раз, высаживались промозглой весенней ночью на один из островов Курильской гряды, когда на небе господствует полная жёлтая луна, и до вашего слуха доносится мерно разбивающийся о скалы прибой, а таинственный островной берег возвышается на фоне звёздного неба высоко-высоко, так что, попадая в простирающуюся от него темноту, у вас сладостно захватывает дух, то вы словно погружаетесь в чудесный сказочный сон… В штиль, особенно ночью, море покоряет подступающим покоем, который здесь, у диких курильских берегов, кажется необычайно глубоким. Впечатление от этой необыкновенной тишины дополняет судно, замершее на якоре посреди зеркальной бухты, будто на нём нет ни одного человека, а свет луны привносит в ночной пейзаж у моря ещё большее волшебство.

Нигде я больше не ощущал такой глубокой, полной и совершенной тишины, как у этого далёкого от жизни больших городов курильского острова. Всё здесь было поглощено таинственным мраком и молчаливым мерцанием каких-то необыкновенных звёзд, совсем, кажется, не таких, какими воспринимал я их в своих ночных бдениях на глухариных токах, у нас на Урале. Это чёрное небо, чёрная вода в заливе и чёрные скалы были черны по особенному…

Чёрная вода за бортом удивительно покойна и тяжела, и благодаря отражённым в ней звёздам, она сама представляется небом, до которого можно дотянуться рукой. Тишина не нарушается ни одним звуком присутствия человека, как это бывает, когда рядом находится какое-либо жильё: на острове никого нет. Только скалы, звёздное небо и море, изредка так же отрешённо всхлипывающее у прибрежных камней или под судовым бортом, но эти редкие звуки только ещё более усугубляют воцарившуюся повсюду тишину, даже подчёркивают её. Всем своим существом ощущаешь себя частью этой глубочайшей, кажется, неземной тишины, безбоязненно вверяя и тело, и душу молчаливому, чёрному объятию звёздной ночи у загадочного острова Онекотан.

И вот ещё что было необыкновенно: ты не чувствовал себя раздавленным этой огромной мрачной тишиной, мощью и красотой курильской ночи, у Тихого океана, а наоборот – будто даже приподнимался в себе самом благодаря окружающему тебя дикому миру.

На Онекотане нам нужно было попасть на лежбище нерп и сивучей, расположенное у подножия Скалы Камень Ясной Погоды, на северо-восточной оконечности острова. Скала Камень Ясной Погоды возвышается на высоту 88 метров и издали напоминает маячное здание. Подойти к ней возможно только ночью, используя не смолкающий крик морских птиц, во множестве гнездящихся на Скале и соседнем мысу Иван-Малый. Встав в полумиле от берега на якорь, мы решили осуществить высадку на небольшом боте, не включая двигателя и передвигаясь на вёслах.

Как только бот спустили на воду, он оказался в полосе света, отбрасываемого луной по всей водной поверхности покойно и ровно, и от этого вид морской темноты не представлялся жутковатым. Огромная полная

луна светила высоко в небе, но не казалась недостижимой и воспринималась так, будто находилась совсем рядом, как нечто родное, составляющее этот ночной уют у моря. Луна разливала по поверхности воды мягкие и в то же время насыщенные собой блики, отчего сама становилась ещё более доступной.

Лёгкий ветерок чуть шевелил волны, которые почти не ощущались и, изредка всплескиваясь под бортом, тотчас утихали. Голубовато-зелёные звёзды едва мерцали, и море, казалось, с удовольствием пробуждалось от вынужденного ночного отдыха, и неподвижно замирало в ожидании восхитительного рассвета. Был тот самый ранний час, когда всё в природе пребывает в своём наилучшем, за всё утро, предрассветном состоянии… Сумеречного освещения хватает как раз на то, чтобы показались подробности, не замечаемые днём, но таинственность ночи не прекращается, оставаясь нетронутой. Может быть, именно в этом и заключалась особая прелесть нашей высадки…

Вокруг ни льда, ни снега, тёплые дуновения ветерка изредка доносятся с берега и приятно обдувают лицо, а весна, между тем, только принимается за своё пробуждение. Стоит конец апреля, над морем свежо, и всего лишь пять градусов мороза. Звёздное небо ясно, и от того повсюду светло. Вода, кажется, даже искрится, но хлюпает под пластиковым бортом лениво; в такую ночь она, должно быть, отдыхает, и мы радуемся, что не приходится преодолевать уже изрядно надоевший на Курилах береговой накат.

Всё дело в больших глубинах, начинающихся у самой береговой полосы. Ведь Курильские острова – это результат мощных вулканических преобразований, когда в короткое время произошло поднятие из воды целой каменной гряды, протянувшейся с юго-запада на северо-восток, на сотни километров. Огромные океанские валы всей своей тяжестью набрасываются на приглубый берег, который сразу, почти отвесно, ускользает под воду, и он не успевает их погасить.

Сегодня море благосклонно отнеслось к нашей высадке, и почти не волнуется. Если б не лёгкий морозец, то можно было бы подумать, что ты где-нибудь на юге. И звёздное небо, и бархатная ночь, и пронизанный доносящимися с берега растительными испарениями воздух, - всё напоминает это уютное, давно забытое ощущение. И только тайна неведомой земли, раскинувшейся в какой-нибудь полумиле, отрезвляет: ты – на бескрайних просторах Тихого океана, у загадочной Курильской гряды, неподалёку от чудесного острова Онекотан. Даже не верится!

Какая ночь, что за вид! Поверхность моря и наш бот полностью облиты лунным светом, а судно, замершее на якоре, кажется привидением, от которого хочется поскорее удалиться к долгожданному берегу. Суровая безбрежность океана как-то незаметно теряется от лунного сияния, свет луны ласково тает в морском воздухе и от всего этого чудится, будто повсюду звучит прекрасная музыка.

Тайна и красота курильской ночи, её безмятежность и бесконечность всех этих неведомых океанских пространств – удивительно поэтичны. Невозможно было не прочувствовать эту ночь, хорошо представляя её характер, и ещё безумно радостно было ощущать своё слияние с загадочным ночным естеством, омываемым самым таинственным океаном. И ночь, и океан сливались, и выходили тихонько на берег, потому что всё здесь было взаимосвязано и не могло существовать друг без друга.

И совершенно естественно были восприняты нами, в этой сказочной тишине, играющие неподалёку от берега нерпы… Весело пофыркивая, они показывались из воды чуть ли не под самым бортом, и от их присутствия становилось совсем уютно. И что интересно – ни звёзды, ни бесконечность водного пространства, ни скрытая от нас таинственная островная жизнь не волновали так, как эти очаровательные морские животные, чьи мокрые макушки, словно резиновые мячики, весело отражали лунные блики, и от этого играющие в ночи звери приобретали какой-то загадочный вид, совершенно завораживая наше восприятие.

И звёзды, и океан были только фоном, на котором так обаятельно и просто разворачивалась эта ночная морская картинка, почти что ещё зимняя: предвесенний пейзаж на холодной поблескивающей воде, кажется, не имеющей дна… Да оно, кажется, даже не занимало воображение, всё заполняли собой резвящиеся нерпы. Их присутствие в этом удивительном уголке природы, на краю света, было тем самым удивительным дополнением, которого ему недоставало. Нерпы, по-видимому, радовались такой жизни, это чувствовалось по их игривому настроению, и не покидало чудесное ощущение, что, вот, ты оказался Бог весть где, а между тем не чувствуешь себя здесь лишним.

Океан же напоминал о своём присутствии только лёгким всплескиванием волн под самым бортом, а шум прибоя у береговой кромки и вовсе не угадывался. Ты словно плыл в межпланетном пространстве – и поддерживали тебя в нём океанские воды, что в темноте казались неподвижными. От звёзд к тебе будто протянулись световые нити, они мягко опутывали и, вроде бы, чего-то нашёптывали. Темнота порой становилась непроглядная, особенно, когда луна скрывалась за невидимыми тучами, но нерпичьи головы почему-то угадывались даже на значительном расстоянии, я их различал каким-то внутренним зрением, которое, кажется, только обострялось из-за присутствия океана. Наверное, первобытные мореходы владели им в совершенстве, наравне с шестым чувством. Ведь как бы темно ни было, на поверхности океана всё же сохраняется немного света, точно так же, как и в ночном лесу.

Когда светят звёзды и над океаном всплывает луна, нерпам, должно быть, ещё более радостно плескаться неподалёку от берега. Им ничто не мешает, они находятся в полном довольствии, и озарённый светом луны и звёзд, океан служит вольным животным желанной колыбелью. Под утро

нерпы, наверное, даже засыпают в его заботливых объятиях, и океан укачивает их потихоньку, стараясь не потревожить короткий звериный сон.

Когда же нерпы не спят, они всегда пребывают в прекрасном расположении духа. Нерпы резвятся, выпрыгивают из воды и так же легко и бесшумно входят в неё, не оставляя кругов, а затем вновь появляются в самом неожиданном месте, так что никогда его не угадаешь. Морская стихия – родной дом этих чудесных животных, и они всегда, должно быть, чувствуют себя счастливыми. Наблюдая за играющими нерпами, и сам начинаешь казаться себе таким же вольным морским зверем, совершенно забывая, что ты – человек.

Как ни странно, но именно такой ночью со звёздами и лунным светом, величественно покоящимся в темноте океаном и морскими животными – ты и получаешь возможность заглянуть в глубины себя, оказавшегося по своей воле в этом чудесном мире вечного пространства и времени. И ночь, и ты, и океан составляют единое целое, и, осознав это, в твоей душе словно растворяется дверь в тайники самого сокровенного. Как ни краток век человека, его душа, соприкоснувшись с океаном, успевает, вот за один такой раз, очиститься необыкновенно. С этих самых пор на этом человеке лежит печать более достойных помыслов и устремлений.

Глядя на это благостное состояние природы, даже не верится, что вот прямо под нами жизнь насыщена первобытной жестокостью и напряжённой борьбой, где многие обитатели морских глубин спасаются от преследования более сильных пожирателей, и как и те, так и другие подвержены великой мощи океана. Беззвучная война жаждущих крови существ непреходяща, а морская стихия прекрасна в своём могучем ритме. Временами из глубины необозримого тёмного океана вдруг выкатится на поверхность крутая волна, какой-то неведомый бурун, возникший в подводных недрах, и от неожиданности своего появления он, поначалу, напоминает какое-то неведомое подводное чудовище, но и оно, кажется, норовит поиграть с нерпами.

Во время нашей высадки на лежбище морского зверя, этим ранним апрельским утром, было удивительно тихо, лишь редкие чайки отрешённо вскрикивали в темноте, а на галечных отмелях и банках неслышно прогуливались лисы. Нерпы же, словно обкатанные морем валуны, лежали у самого уреза воды в изобилии, некоторые – лениво выгнувшись, наподобие полумесяца, но при нашем приближении тотчас настораживались и бесшумно ускользали в воду. Приятно было ощущать эту простую и цельную жизнь дикого острова, воспринимая её и своей.

«Животные располагают прирождёнными умениями: одни быстро бегают, другие высоко летают, третьи плавают в воде; человек ничего не умеет, пока с трудом не выучится…» - писал Плиний Старший, и был, конечно, прав, но тем и хорош человек в отличие от замечательных животных, что способен выучиться всему и пойти дальше своих меньших собратьев, развиваясь бесконечно… Вот о чём думал я, когда наблюдал, как

играют за бортом свободные, красивые нерпы, как они лениво возлежат у океанского прибоя, наслаждаясь покоем, и всё равно завидовал им.

Что, кажется, может потревожить покой этих доброжелательных, милых животных, вольготно плещущихся в чистых прибрежных водах, где полно корму, а если появятся косатки – можно спастись от них в мелких бухточках, которыми изобилуют Курилы?! Ни тревог тебе, ни забот, в пору, действительно, позавидовать такой полной довольства жизни и человеку, постоянно обременённому массой экспедиционных забот. Но учёные установили, что и тюлени ведут далеко не беспечный образ жизни: им приходится очень мудро распределять районы обитания и сферы питания, что помогает им полнее использовать не такие уж обильные кормовые ресурсы, уменьшая межвидовую конкуренцию. Таким образом, морской заяц когда-то вынужден был спуститься на дно в поисках пропитания, кольчатая нерпа и ларга освоили поверхностные глубины, крылатка заняла промежуточное положение между морским зайцем и кольчатой нерпой, а котики с сивучами предпочли проводить почти половину жизни на берегу.

Тому, кто никогда не был связан с морем, особенно – с дальневосточным, все тюлени кажутся на одно лицо: у них маленькие ушки, симпатичные усатые морды, большие выразительные глаза, передние плоские ласты, с помощью которых тюлени передвигаются по льду и суше, и обтекаемые, вытянутой формы тела, одетые в красивые пятнистые шкуры… В общем-то, всё верно, и всё-таки учёные подразделяют тюленей на ушастых, к которым относятся хорошо известные котики, сивучи, морские львы, и безухих, в Охотском море их пять видов – акиба, или кольчатая нерпа, ларга – она же нерпа пятнистая, лахтак – морской заяц, крылатка – полосатый тюлень, и островной тюлень – антур… Не умаляя достоинства всех вышеперечисленных ластоногих, я остановлюсь лишь на пятнистом тюлене – ларге, широко распространённой в наших дальневосточных водах, но нигде потом я больше не видел, чтобы нерпа залегала в таком большом количестве, как на острове Онекотан.

Для ларги характерна пятнистая окраска: на жёлтом или сером фоне туловища и ласт располагаются многочисленные чёрные или бурые пятна. Длина тела в редких случаях может превышать два метра, чаще – метр с небольшим… Нерпа обитает в лагунах, бухтах и маленьких заливах, питается преимущественно рыбой, а в летнее время лососевыми, и в погоне за этими рыбами, во время их хода, иногда заходит далеко в реки.

Конечности тюленей как бы скрыты в туловище, наружу выступают у передних конечностей только часть предплечья и кисть, а у задних – часть голени и стопа. Пальцы соединены перепонкой, и таким образом кисть и стопа преобразовались в ласты. Передние из них - выполняют роль горизонтальных и вертикальных рулей, и служат для управления телом. С помощью задних ласт тюлень плавает. При этом ласты совершают колебательные движения вправо-влево, одновременно изгибаясь сверху вниз. Плавает ларга очень быстро: редкая рыба может ускользнуть от неё.

Интенсивно нагуливаясь летом, к осени нерпы сильно жиреют и начинают образовывать береговые залёжки, а с февраля, когда устанавливаются тихие солнечные дни – перебираются на лёд. Глядя на нерп осенью и зимой - создаётся впечатление, что они постоянно отдыхают. Эту особенность животных используют досужие охотники, организуя весной их промысел.

При забое котиков на острове Тюленьем, бывалые охотники на морского зверя рассказывали мне, как нерпам приходится всего опасаться. Можно без преувеличения сказать, что нерпа относится к самым беззащитным видам морских животных, поскольку не обладает ни острыми зубами, ни большой массой тела, нет у неё и каких-либо особых природных приспособлений, способных оказать ей поддержку. Жизнь нерпы всё время находится в опасности.

В море нерпу преследуют морские хищные звери – косатки и полярные акулы, а на льду её подстерегают белые медведи. Приходится нерпе опасаться и охотников. Оберегает нерпу только хорошо развитый у неё инстинкт самосохранения.

Мало того, что нерпа замечает приближение опасности на значительном расстоянии, но у неё ещё и сон часто прерывается, продолжаясь всего несколько секунд, после чего она некоторое время бодрствует, потом снова засыпает на несколько секунд, и так дальше. В противоположность моржам, которые при выходе на лёд или на берег засыпают «мертвецким» сном, продолжающимся у них непрерывно, иной раз до двух суток, нерпа необыкновенно восприимчива. К тому же, нерпу отличает отменная зоркость, с какой она осматривает пространство льда вокруг залёжки.

Однако все эти предосторожности не всегда спасают нерпу от белого медведя, который, заметив лежащую у лунки нерпу, начинает подползать к ней с подветренной стороны. Распластавшись на льду и прикрыв, словно для маскировки, лапой свой чёрный нос, медведь продвигается в течение тех нескольких секунд, когда нерпа спит; когда же нерпа просыпается и поднимает голову, медведь моментально замирает на месте, становясь очень похожим на сугроб.

Промышленники так же стараются перехитрить нерпу. Они в моменты сна нерпы передвигают впереди себя установленный на лыжах щит из белого полотна, с проделанным в нём небольшим круглым отверстием, через которое стреляют в нерпу из карабина с возможно близкого расстояния. Благо, на отстрел нерпы давно наложен запрет, и милым зверькам сейчас ничего не угрожает.

Если вы заметите в сильный мороз на ледяном поле лежащих нерп и внимательно осмотрите место залёжки в бинокль, то к своему удивлению нигде поблизости не обнаружите отверстий во льду, через которые нерпы могли бы выбраться на его поверхность. Как же могли нерпы оказаться среди гладкого ледяного поля, если оно иногда простирается до горизонта?

Неужели они могли проползти от его кромки при помощи своих ласт? Ведь насколько нерпа быстро и ловко плавает в воде, настолько медленно и неуклюже передвигается она по льду и суше, и человек, идущий нормальным шагом, свободно может догнать нерпу, передвигающуюся по льду. А дело в том, что хитрые нерпы, вылезая на ледяное поле, ложатся спать не в стороне от лунки, а прямо на неё, оберегая её от замерзания, и заслышав скрип шагов, мгновенно исчезают подо льдом.

Не меньшую находчивость проявляют нерпы и при выращивании своих щенков, или, как их принято называть, бельков. Такое название присвоено им потому, что они рождаются покрытыми белыми пушистыми волосами, которые сохраняются у них до конца молочного питания, продолжающегося в среднем до трёх-четырёх недель, после чего белые волосы начинают постепенно выпадать и заменяться жёсткой, короткой шерстью серебристо-серого цвета. С дальнейшим ростом шерсть тюленей принимает различные оттенки и рисунки окраски в зависимости от вида и пола тюленей. Из всех тюленей название белька не вполне подходит только к щенку морского зайца – лахтака, так как у этого вида тюленей щенки рождаются не с белым волосом, а с пепельно-серым или буроватым.

Рождение детёнышей у нерп бывает в различные сроки зимних и весенних месяцев, в основном он растянут от начала февраля до конца марта, и происходит как на дрейфующих льдах вдали от берегов, так и на неподвижном льду берегового припая и в проливах между островами. Но где на открытом льду спрятать беззащитных детёнышей, которые до смены белого пушистого эмбрионального волоса не входят в воду, а остаются всё время на поверхности льда совершенно беспомощные? В этот период на бельков охотятся не только хищные звери, но и многие виды птиц, как, например, крупные чайки, полярные совы и чёрные вороны. Птицы обычно выклёвывают у бельков выпуклые не мигающие глаза, резко выделяющиеся своим тёмным цветом на фоне белого волоса.

Так вот нерпы, привыкшие жить в условиях неподвижного льда, щенятся в закрытых снежных «чумах» - своеобразных «домиках» в сугробах, где пологая длинная нора заканчивается расширенной камерой со сквозным круглым отверстием во льду, через которое нерпа вылезает на поверхность льда, либо совершенно закрытую с поверхности снежную камеру, в которой так же имеется лунка во льду и достаточно свободная площадка для лежания… Вокруг лунки и над ней снег расчищается так, чтобы в образовавшейся закрытой со всех сторон снежной камере могли свободно поместиться нерпа и её один или два детёныша. Правда, такие снежные «чумы» защищают бельков лишь от сильных ветров и морозов, так как полярные хищники – песцы и белые медведи, постоянно передвигающиеся во льдах в поисках пищи, быстро обнаруживают нерпичьи «домики». Человек же может натолкнуться на подобное хитроумное сооружение только случайно, если наступит и провалится в него.

Однажды меня заинтересовал вопрос: каким образом небольшая по размерам нерпа устраивает в тяжёлых льдах продушины для дыхания, то есть – лунки? На это оказываются порой не способны даже такие мощные звери, как моржи, к тому же наделённые длинными клыками, при помощи которых они цепляются за неровности почвы, лёд и трещины в скалах, и ловко орудуя ими, поднимаются по крутой скале или же взбираются на вершину айсберга. Ответ как всегда оказался прост…

Там, где мелководные арктические моря граничат с большими глубинами центрального полярного бассейна, над подводными хребтами и к северу от архипелагов – особенно сильны приливно-отливные течения. Дважды в месяц, с переменами фаз луны, благодаря действию приливов арктический лёд взламывается, и появляются разводья с трещинами, которые тут же затягиваются свежим, но более тонким льдом. В нём тюлени и пробивают себе лунки-отдушины.

Свои лунки-отдушины животные регулярно навещают, поддерживая достаточную ширину, чтобы просунуть морду для дыхания. Если лунка замёрзла, нерпа снизу грызёт лёд зубами, отчего в льдине образуется коническая полость, на вершине которой остаётся отверстие около 5 сантиметров. Однако для доступа воздуха этого вполне достаточно. Каждая нерпа готовит себе несколько продушин и периодически расширяет их. По мере утолщения льда конус всё увеличивается и может достигать трёхметровой высоты. К весне самка нерпы расширяет отверстие одной из своих продушин и через лаз выбирается на лёд, где в глубоком снегу, закрывающем лунку, и проминает пещерку, принося там своего детёныша.

С наступлением летних месяцев, когда детёныши подрастают, сменив свой мех на более жёсткую серую шерсть, и получают возможность погружаться в море, нерпы опять принимаются резвиться в прибрежных водах, изредка выходя на берег. Но если калан, котик и сивуч – дневные прибрежные звери, то нерпа любит поиграть в воде именно ночью, особенно – под луной, когда ей ничто не мешает. Она, наверное, чувствует себя в эту пору по-особенному свободной, и ещё поверхность моря так чудесно освещена волшебными отсветами небесного светила, по-видимому, совершенно завораживая животных, что ты непременно позавидуешь нерпам, когда они резвятся под луной, и, кажется, им ни до чего в этот момент нет дела…

На берегу нерпы ведут себя очень чутко, и нужно иметь немалую сноровку, чтобы подкрасться к ним на довольно близкое расстояние. Сейчас я ужасаюсь при мысли, что когда-то охотился на этих чудесных животных, стрелял в их аккуратные головки, которые всегда, как мячики, показывались из воды, усатые мордочки внимательно вглядывались в то, что их потревожило, и опять мягко исчезали под воду. Если нерпы лежат на берегу, распластав на камнях свои серебристо-серые тушки, они тоже чутко вздрагивают при малейшем приближении к ним, ловко шлёпаются в воду и уплывают.

До их серебристо-золотистых шкурок, с чудесным природным орнаментом пегих, коричневых и чёрных пятен, всегда хочется дотронуться, погладить. Они притягивают к себе своей гладкостью и блестящим ворсом. Шкурки нерпы – лучшее средство для подбивки охотничьих лыж, их плотный и частый волосяной покров позволяет охотнику легко подниматься в гору без палок, держа в руках ружьё. На равнине же такой камус из нерпы способствует хорошему скольжению, которое отсутствует, когда лыжи подбиты камусом с лосиных ног, ибо он гораздо тяжелее нерпы и не так гладок. Народы севера использовали нерпу в качестве камуса более охотно, чем шкурки других зверей.

Чем ещё полезна нерпа? Печень морских животных, населяющих полярные моря, - нерпы и моржа, заслуженно считается большим лакомством. Печень этих животных отличается высокими вкусовыми качествами и питательностью, и кроме того, она является прекрасным средством против цынги. Местное береговое население, в том числе и нивхи с орочами, коренные жители Сахалина, употребляют печень в пищу как в сыром, так и в варёном виде, а перетопленный из неё жир залечивает любые колотые и рваные раны, в том числе – ожоги.

Тюлений или нерпичий жир у северных народов на вес золота, без него в суровых климатических условиях никак не обойтись. Отправляясь в зимнюю поездку по острову, нивх или ороч всегда брал с собой мешок из нерпы с её жиром. Во-первых, меньше груза – легче собакам или оленям; во-вторых, поел, так уж действительно ощутил сытость; в-третьих, жир выделил в организм дополнительную тепловую энергию, человеку стало теплее; в-четвёртых, нерпичий жир, как и многих других тюленей, спасает организм от нехватки витаминов и, как уже говорилось, не позволяет развиться цынге; в-пятых, если в дороге случится какая-либо травма – порез или ожог, жир в считанные часы заживляет поражённое место.

Однажды и мне привелось быть спасённым нерпой, вернее – её жиром, более живительного средства на Дальнем Востоке не сыскать. Мы тем летом работали на Крильоне, обслуживая подводную часть мареографа, а жили в маленьком домике метеостанции, прямо на берегу залива Анива. Сами готовили себе пищу, в основном – из морепродуктов: морской капусты, крабов, осьминогов, брюхоногих моллюсков и рыбы. Всегда кто-нибудь оставался дежурным по кухне, он и занимался сбором даров моря. Тем же, кто работал под водой, каждый день попадалось что-нибудь съестное – маленькие осьминожки, ежи или мидии, целыми друзами прицепляющиеся к камням. Как-то в отлив косатки даже загнали на отмель подраненную ларгу, и пока мы до неё добрались – она погибла, после чего нам ничего не оставалось, как засолить её мясо в бочке, а сало перетопить на жир.

В тот день я как раз остался дневалить по кухне, высушенный до состояния кости плавник разгорался в печке плохо, и я решил поддать жару, замахнув в огонь плошку бензина. Но консервная банка с горючкой при этом выскользнула у меня из рук, ударившись о дверцу печки, и пока я её

подхватывал – пламя через расплёсканное топливо переметнулось на рукава моей рубашки, вмиг охватив живот, грудь и плечи, а затем – и колени. Рядом стояло ведро с водой, но окатив себя ей, пламя удалось сбить лишь со штанов, и я выскочил из дома, что было сил рванувшись к морю…

Рубашку, застёгнутую на все пуговицы, расстегнуть не представлялось возможным, я бежал, как очумелый, а пламя на мне только ещё более разгоралось под встречным потоком воздуха, и со стороны всё происходящее выглядело, наверное, очень забавно, скорее даже – странно. Но остановиться было никак нельзя, и пока я преодолевал сотню метров до прибойной полосы – обгорел весь с головы до ног. Бухнувшись в солёную воду, сначала ощутил облегчение, но затем тело будто опять обожгло огнём, захотелось всё сорвать с себя, и когда мне это удалось сделать, обнаружилось, что кожа вздулась пузырями, местами – висела лохмотьями, из тела же сочилась слизистая сукровица. Особенно пострадал живот, грудь и ноги выше колен, я стоял в растерянности, не зная – что предпринять, а обед так и не был приготовлен.

Вскоре вернулись с работы ребята, кто-то вспомнил про котелок с нерпичьим жиром, вытопленным хозяйской рукой нашего плотника – Петра Ефимовича, и весь вечер я провёл за обработкой ран, наложив на них затем чистую марлевую повязку. Казалось, о подводной работе не могло быть никакой речи, во влажном климате сахалинского лета мечтать о скором выздоровлении не приходилось, и я стал уже подумывать о возможности возвращения в город, постаравшись как можно быстрее попасть в больницу. Кто бы мог тогда предположить, что через несколько дней я буду париться в бане!

В это трудно поверить, но после снятия повязок – кожа оказалась чистой, на ней не было заметно никаких рубцов, осталось лишь небольшое покраснение, а главное – ничего не болело и не жгло, как в первый день. Я ещё для верности смазывал какое-то время слегка воспалённые места, но вскоре прекратил за ненадобностью, и уже через неделю натягивал на голое тело неопреновый костюм, не испытывая какого-либо неудобства. Это было удивительно, и все, воочию, убедились в целительных свойствах нерпичьего жира, который мне, не иначе, даровал владыка морских глубин. Спасибо и матушке-нерпе, спасшую меня от страшных ожогов! Уезжая через год на материк, в отпуск, я прихватил с собой бутылочку чудесного дальневосточного снадобья, восторженно рассказывая о его силе всем своим близким и знакомым.

Нам повезло, что раненая нерпа, спасаясь от косаток, выбросилась на камни и оказалась такой лёгкой добычей, на деле же промышлять её не просто, и как не таись на берегу, за камнями, а нерпы ни за что не подпустят тебя близко. Нужно быть таким же чутким, как морские звери, учитывать ветер, погоду, время дня, чтобы подобраться к лежбищу зверей, не дав себя обнаружить.

Известно немало историй, повествующих о том, как на нерпу охотятся с помощью музыкального инструмента, однажды это был, якобы, даже

патефон/!/, поскольку животные очень любят приятную мелодию. Музыка будто привораживает чутких животных, и те чуть ли не лезут из воды слушать музыку, погибая от руки безжалостных охотников. Вполне возможно, что нерпам нравится какая-то необычная мелодия, может быть, это будут волшебные звуки симфонии Рахманинова или Чайковского, и звери высовывают свои головы из воды и с интересом посматривают: что это такое?

Но вот на свист нерпы реагируют неоднозначно. Сначала незнакомый для них звук тоже завораживает зверей, но вскоре они утрачивают к нему интерес и продолжают наслаждаться покоем. При повторном свисте нерпы лишь вздрагивают, чуть приподняв голову, а если вы попробуете удивить животных в третий раз – они даже не обратят внимания. Свисти – не свисти, нерпам уже всё едино.

Когда небольшие волны заплёскиваются на прибрежные скалы, где в непогоду залегают нерпы, их можно принять за округлые, продолговатые камни, лежащие у самой воды. Особенно трудно различить животных в пасмурный день, когда они всё же подпускают к себе на близкое расстояние, и, подойдя к ним чуть ли не вплотную, вдруг поразишься спокойствию зверей и их красоте. Рисунок на ворсистых нерпичьих шкурах напоминает плывущие по низкому курильскому небу крошечные радужные облака или дымчатые колечки, выпускаемые только что пробудившимся вулканом, у самого горизонта…

Одни нерпы лежат на брюхе, другие – на боку, потешно сложив на животе передние ласты, а иные – на спине, загнув хвост кверху. Очнувшись от забытья, нерпы настороженно поднимают головы и изредка зарёвывают, так что не разберёшь: либо они испуганы и ещё не поняли толком – что им делать, либо с интересом пытаются разглядеть своими чёрными глазами то, что их обеспокоило. После того, как две-три нерпы подадут трубные ноты, остальные просыпаются, прогибая при этом спины, и становятся похожи на маленькие лодочки, которым остаётся только плюхнуться в воду, чтобы отправиться в плавание. И они действительно ловко подползают к воде, опираясь на грудь, а затем подтягивают туловище. Спина их выгибается горбом, и животные напоминают больших гусениц. Достигнув берега, нерпы соскальзывают в родную стихию, но не покидает ощущение, что проделывают они это как будто с неохотой.

В воде нерпы какое-то время ныряют, изредка с удовольствием пофыркивая, после чего ложатся на спину или становятся столбиком и, задрав кверху носы, втягивают воздух. Стоит сделать на берегу шаг или даже пошевелиться, как все звери с сильным всплеском разом скрываются под водой, а появляются через несколько секунд почти неслышно. Выпуклые красивые глаза нерпы смотрят на тебя в упор, ноздри раздуваются и усы шевелятся: животное недоумевает – кто же это перед ней?!

Порой такое пристальное наблюдение со стороны зверя может продолжаться минуту-другую, но затем нерпа опять ныряет. Пытаешься

предположить – где она покажется вновь, и почти никогда этого не угадываешь. Нерпы свободны в своих волеизъявлениях, в их действиях – лишь любопытство, грациозность и может быть только лёгкая настороженность. Никогда я за все годы работы в море не видел, чтобы нерпы проявляли какие-либо злые намерения, и оттого возникает непередаваемое желание обнять их и поплавать рядом.

Но иногда попадаются пуганные звери, видимо, попадавшие когда-то в рыболовецкие сети, словом, у них, хотя бы однажды, уже произошло знакомство с человеком, и нерпы проявляют невероятную осторожность, не подпуская к себе и на сотню метров. Впрочем, если животных не тревожить какое-то время, они опять перестают опасаться и не выказывают страха. Их вновь переполняет восторженно-отрешённое состояние, они радостно плещутся в прибрежных водах, и у них живо блестят глаза, так что невозможно им не позавидовать. Если долго наблюдать за нерпами, то обязательно обнаружишь, что каждое животное имеет свой характер.

А ещё очень интересно следить, как нерпы выбираются на берег. Нерпы при этом, кажется, нисколько не напрягаются, вода сама выплёскивает их на сушу. Лёгкая волна приподнимает тело, тихо подносит к берегу и отбегает, ласково опуская животное на камни. Происходит это очень гармонично, море будто заботится о нерпах, считая их своими подопечными. Да так оно и есть: во всём поведении нерп, когда они оказываются вынесенными волнами на сушу, чувствуется уверенность в своей беззащитности – нерпы будто точно знают, что море их никогда не оставит и беды не допустит.

Ощущение, когда находишься на залёжке среди зверей, совершенно особенное. Звери лежат повсюду, но не так, чтобы очень плотно, и на душе становится необыкновенно от их задремавших у моря душ. Море – рядом, за скалами, на другой стороне острова, распростёрся океан, а в нескольких километрах южнее дымит вулкан… Воздух удивительно чистый, такой чистоты, кажется, не бывает нигде, и ещё ты чувствуешь, что нерпы тебя не зря подпустили так близко, и ты живёшь с ними в эти мгновения одной жизнью.

Быть тюленем или нерпой – это значит постоянно вливаться своим гладким, гибким телом, всем своим нерпичьим существом в морскую пучину, будто пытаясь проникнуть в самую её суть, а проникнув – радоваться этому, потому что ничего другого нерпе не остаётся. Она сама определяет себя в этом водном мире своим плавным скольжением, то покачиваясь на волнах, то плавно планируя в морской толще, а иной раз оставит родную среду и выбирается на берег, чтобы проявить себя в ином, казалось бы, непривычном для неё поведении. Но и другие тюлени – котики и сивучи, и прибрежные камни, и вездесущие чайки, и океан,

присутствующие рядом, воспринимают её своей, может быть даже – самой дорогой и близкой, кому они почему-то выражают трогательную преданность и симпатию.

Вот и мне, находясь на нерпичьем лежбище острова Онекотан, было так, словно я – лёгкий морской ветерок, неслышно прокрадывающийся среди забывшихся на время животных. Я любуюсь их поблескивающими в лунном свете телами, ощущаю непередаваемый запах, ласково трусь о влажные скалы, и мне не хочется покидать этот отрешённый от жизни людей мир, где всё напоминает мне о моём далёком-далёком, но не утраченном прошлом.

«ПАРАМУШИР И ШУМШУ»

Нигде не видел я такого синего моря, как у берегов Парамушира… Солнце там светило как будто из-за противоположной стороны острова, и вода оттого находилась в густой тени, становясь ещё насыщеннее, глубже. Светло-зелёной, с белыми завихрениями, она оставалась только под бортом судна и в его кильватере, когда оно разворачивалось и уходило в открытое море, которое в осеннюю пору всегда было покойно, ясно и солнечно.

От лёгкого берегового бриза по утрам вода становилась упругой, как молодая кожа, что твердеет от прикосновения к ней холода, и ещё более наливается силой, тая в себе сгусток неисчерпаемой энергии. Так свежеет и напрягается под дыханием любви девическая грудь, и осеннее море у Парамушира было схоже с ней – зовущее, волнующее, кажется – совсем молодое.

Сам остров напоминал, скорее, роскошную женщину, вольготно и в то же время с достоинством раскинувшуюся в этом бескрайнем торжестве любви, что щедро дарила природа. Да и на языке когда-то проживающих здесь айнов «парамушир» означал «большое» или «широкое место», предполагающее, по-видимому, много радости, воздуха и света. Такое сочетание, когда с трепетом ждёшь только необыкновенного, всегда оправдывает его появление. Но происходит это неожиданно, а слившись со всем, окружающим тебя торжеством жизни, можно просто растеряться. От обилия и неисчерпаемости увиденного, что даже не допускает поначалу какого-либо пристального внимания по отношению к нему, - всё окружающее сразу повергает своим очевидным обаянием и новизной.

На Парамушире меня сразу поразили дали! Какая чистота пронизывала здесь воздух, особенно в ясные, солнечные дни! Горные хребты важно разлеглись в тысячелетнем молчании, долины переливаются радостной озёрной гладью, красно-рыже-лиловые ягодники, будто шкуры неведомых зверей, кем-то великодушно раскинуты между ними… И вокруг – потрясающая тишь!

Даже шумно вспархивающие белые куропатки не нарушали эту тишину. Чуточку неповоротливые птицы, отъевшиеся на морошке и шикше, подпускали близко, взлетали тяжело, и по ним совсем не хотелось палить из ружья. Стоишь, замерев, впитываешь эту красоту, и ничего больше не желаешь.

Парамушир, действительно, очень привольное место, притягивающее к себе разных людей, и первым, с кем нам суждено было познакомиться, оказался шофёр-венгр Йосиф Биро, проработавший на Северных Курилах более двадцати лет и знающий здесь, по его словам, каждый камень. Столкнулись мы с ним в помещении Северо-Курильской метеостанции, для которой он завозил какое-то оборудование. Его красивое, задубелое, в тонких

складках лицо, кирпичного цвета шею и бездонные серые глаза, неистовые и рассудительные, хотелось видеть постоянно, и мы почему-то сразу сошлись. А ещё с удовольствием было слушать его речь, акцентом напоминающую цыганскую. Он так хотел, чтобы кто-нибудь из нас, новых для него людей, сразу отгадал его национальность, здесь, на далёком острове Парамушир, представляющуюся, по его мнению, несуразной, точнее – неуместной. Ему, переполненному восхищением от своей второй родины и не забывшему первую, это было, оказывается, до безумия необходимо, важно, и мы его не разочаровали…

- Мадъяр, - глухо ответил я на его молчаливый интерес, чем сразил наповал. Для меня это было не сложно, поскольку увлекаясь футболом, я давно болел за киевское «Динамо», где играл Йосиф Сабо, а зная, что он венгр, просто сопоставил имя и фамилию, высказав предположение нашему новому знакомому. Йосиф преданно воззрился на меня.

- Потолкуем, - скромно предложил он, по всему своему виду просто переполняемый желанием что-то рассказать, поведать о наболевшем. Ему явно не хватало на острове собеседников.

- Давайте поговорим. Интересно было бы больше узнать про остров.

Йосиф аж крякнул от удовольствия, и глаза его загорелись.

- Что ж сказать, положение ваше – радостное, можно даже заметить – счастливое, ибо Парамушир – удивительный остров.

- И, тем не менее, я очень удивлюсь, если вы сюда однажды приехали за романтикой. На романтика вы не смахиваете.

- Это уж точно, биография моя не годится в святцы, но чего у меня не отнять, так это того, что нет нелёгкой работы без Йосифа Биро, и нет Йосифа Биро без нечаянных происшествий. Нескончаемое кручение баранки по Богом забытым курильским перевалам, или двигать рычаги вездехода, это, видимо, и есть моя судьба. Жёстко стелет курильская дорожка, но я без неё не могу. А приехал я сюда двадцать лет назад за женой…

Он почему-то изменился в лице.

- Я вам завтра вулкан покажу. Потом и поговорим. Эбеко называется. Прямо в кратер полезем…

- Ну-у, - развёл я руки.

- Забодай меня комар, если я не Биро!

Он серьёзно подмигнул мне и вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Я подумал о том, что всё, по-прежнему, идёт как надо, по чьему-то неведомому волшебному благословению, не оставляющему нас на всём пути по Курилам.

- Кто это? – спросил я начальника местной метеостанции, кивнув вслед вышедшему Биро.

- Старые кадры… Он за женой сюда давно когда-то приехал, а она в первую же зиму, в пургу, беременная замёрзла… Йосиф тогда в рейс уехал. Шла с почты и заплутала. У нас тут целое кладбище существует для тех, кто замёрз в пургу. Вон, там, на горке… Он каждый год, весной, к ней на могилку ходит. Видел столбы по краям дороги?

- Да, обратил внимание, но не понял – для чего. Провода, вроде бы, отсутствуют…

- Такие сугробы наметает, Бог ты мой, под самую макушечку этих столбов. Между ними – канаты натягиваем, по ним люди и следуют – от магазина к почте, от почты к дому, от дома в порт и обратно. Бабёнка-то неопытная оказалась, растерялась…

- А на крышах домов что за «скворечни» сооружены?

- Пурга задувает по нескольку дней кряду, заносит дома под самую печную трубу. Хозяева выбираются через запасной ход на крыше и отрывают двери с окнами. На чердаках для этого всегда лопаты заготовлены. Чтоб тебя, чахотка!

- Да-а…

- С лавинщиками нашими познакомитесь – они вам не такое порасскажут. Та ещё братия! – загадочно подытожил он.

Чего-чего, а на Парамушире я сразу ощутил течение жизни: вроде бы, ничего и не происходит, жизнь струится медленно и плавно, как невидимая большая река, но ты подспудно понимаешь: под её гладкой спокойной поверхностью скрыты очень опасные круговороты, а когда ты можешь переступить допустимую черту – одному Богу известно. В кратере вулкана мы на следующий день всё-таки, на свой страх и риск, побывали, правда, без Йосифа Биро, срочно отправленного в рейс, а с вулканологами из Южно-Сахалинска, которым понадобилась наша помощь.

Нужно было спуститься на дно озера, располагающегося в самом кратере, за пробами, для чего пришлось поднимать с собой на вершину костюм и акваланг. На это раз я сам изъявил желание нырнуть в лазурные, кажущиеся безжизненными воды, чего мне по-настоящему захотелось, но меня при этом предупредили особо там не задерживаться: набрал что нужно – и сигай наверх, обратно. Кто знает – чего ожидать от этих загадочных испарений, которыми пропитан здесь каждый камень?!

Ведь нашей главной крепостью была работа, которую мы стремились выполнять как можно лучше, а всё остальное, о чём свидетельствовал опыт, рано или поздно прикладывалось. Работа никогда не подведёт, если ты сам остаёшься верен себе и тем, кто находится рядом. Иначе – зачем жить, думали мы. Всё шло так, как мы сами планировали, правильно, решительности и желания выполнять свою работу у нас было в достатке, а курильская осень дарила нам чудесную погоду. Чего ещё желать?!

В Северо-Курильске с утра светило солнце, небо было безоблачно, но это ещё не означало, что такая же погода и на Эбеко. На метеостанции нам объяснили, что погоду, какая установилась на вулкане, хорошо видно снизу, с Севкура. Если седловину Эбеко, через которую переваливают ветра с Охотоморья на «тихую» сторону и обратно, прикрывает облачность, значит, там туман, сырость, промозглый ветер и, быть может, изрядный холод.

Но даже над Эбеко в тот день раскинулось ясное небо… Кстати, когда стоит такая хорошая видимость, в дрожащей синеве проступает вдали

Камчатка, не говоря уже о находящемся за Вторым Курильским проливом пёстро-зелёном и плоском острове Шумшу, чем-то напоминающим Шикотан. А уж сахарную голову вулкана Алаид на острове Атласова, можно различить даже в ненастную погоду…

Сам Парамушир особенно интересен тем, что только на нём из всех островов Курильской гряды были обнаружены ясные признаки оледенений четвертичного периода. Следы древнего оледенения помогают определить возраст вулканов при сопоставлении залегания потоков лавы. Самый крупный из северной группы островов, и четвёртый по длине во всей Курильской гряде, Парамушир простирается с юго-запада на северо-восток более чем на сотню километров. В его строении ясно различаются три хребта, состоящие из тесно спаянных между собой потухших и действующих вулканов – хребет Карпинского, Левинсон-Лессинга и Вернадского. Число же вулканов на острове достигает двадцати, и пять из них – действующие.

Вулкан Эбеко относится к третьему хребту – Вернадского, который протянулся в северной части острова, и таким же образом по одной линии размещены на его вершине три кратера. Вулкан Эбеко – действующий, высота его – около 1200 метров, и он имеет пологие, сглаженные склоны. Внешний древний конус вулкана разрушен почти полностью текучими водами и ледниками.

Обычно местные жители оборачиваются к вершине и назад за день по своим лечебным заботам. Торопятся принять ванну в серном озере среднего кратера, образовавшегося после извержения вулкана в 1935 году, успевая до захода солнца спуститься в город. Но не всегда этому сопутствует погода…

На склонах Эбеко чаще всего свирепствует порядочный ветер, пахнет серой и – никакой растительности. На Парамушире нет лесов, суровый климат острова исключает их развитие, и потому его горы, немного зелёные у моря, чем дальше, тем всё более утрачивают растительный покров и превращаются в голые серые вершины. Вокруг, сколько хватает глаз, простирается лишь раскисшая глина и камни. А внизу, под обрывами, белеют снежные заносы, не таявшие и летом. Снег лежит на склонах, спускаясь чуть ли не до самого посёлка. Если отсутствует солнце, то место это навевает уныние.

Прежде, чем подняться на Эбеко, нужно было преодолеть старую дорогу, вымощенную ещё при японцах тщательно обкатанным булыжником, удивительно сохранившуюся, гладкую, от чего сразу представилось, каким обустроенным и уютным был ранее остров. Дорога вела к богатым залежам серы, вздымающимся на горном плато ослепительно-лимонными, искрящимися головами: японцы добывали её здесь в обилии, а у подножия этих диковинных столпов рассыпались яркими пятнами киновари мёртвые камни… Мёртвые камни совершено мёртвой долины с ударяющим в нос запахом тухлого яйца. И кругом – облака, туман, да непроглядные испарения загадочного чрева преисподней, где-то там, в глуби, накапливающей невообразимую и грозную силу.

Сила эта извергается бесчисленными фумаролами, то взрываясь неожиданно в захлёбывающемся хрипе, то удручённо и коварно затухая. Ни в коем случае нельзя склоняться над этими каменисто-глинистыми отверстиями, недовольно урчащими что-то про себя: в любой момент стремительная струя пара может предательски вырваться наружу. Только с опаской обходить и чувствовать, как жарко дышит наша огромная земля, и как она решительно передаёт это дыхание океану.

Фумаролы на склонах вулкана Эбеко не зря названы ревущими, ибо действительно выбрасывают насыщенный серой пар с рёвом и свистом. Вокруг пестреют богатые отложения серы, пышно инкрустированные поблескивающими кристаллами. Сера облицовывает собой близлежащие камни, и в ясный день они ослепительно горят на солнце жаркой желтизной. Японцы накрывали такие фумаролы корзинами, и внутри корзин через некоторое время осаждалась чистая самородная сера. Нескончаемые кубические метры готовой продукции! Кое-где сохранившаяся на склонах вулкана японская дорога когда-то вела к целому серному заводу…

Скопления самородной серы и сейчас ещё достаточно обильны. Здешняя серная руда отличается высокой чистотой: более 99% в ней приходится на серу, оттого и скопления эти, чаще в форме столбов, имеют чисто-жёлтый, ослепительно солнечный цвет. Образуется сера при окислении поднимающегося из глубины сероводорода кислородом воздуха.

Диаметр отверстий, через которые вырываются серные пары, разный: несколько сантиметров и полметра, с жёлтыми от серы стенками. Душный тяжёлый запах парообразной серы, смешиваясь с острым духом сернистого газа - сразу немного одуряет. Конечно, значительная часть серы сгорает в неведомых недрах земли, но её так много, что она, выходя на поверхность, и образует эти удивительные, повергающие своими размерами и яркой желтизной столбы.

Несколько жутковато первое время находиться в окружении вырывающихся из-под земли горячих паров, сама местность – необычная, она напоминает поверхность какой-то неизведанной планеты, на которую тебя вдруг занесло, и океан где-то там внизу кажется нереальным. Живёшь только окружающим тебя сейчас вулканическим пейзажем, всё рассматриваешь, поражаешься и, конечно, обо всём тут же забываешь, так как через несколько шагов тебя поражает нечто ещё более впечатляющее. Нет никакого желания совать в отверстия фумарол пальцы, чувствуется, какая здесь температура, в которой яйцо, наверное, сварится быстрее, чем на газовой плите.

Иногда фумарол может и не быть, но грунт на этом месте очень горячий, на нём даже невозможно сидеть. Отвернёшь буквально один камень, а из-под него начинает бить струёй пар: благодаря тебе образовалась ещё одна фумарола! Но нужно быть осторожным: переворачивая камень - легко можно обжечь лицо и руки.

Мощные столбы белоснежного пара со свистом вырываются в воздух, вокруг высятся ослепительно-жёлтые серные идолы, сквозь мутновато-молочную туманную дымку ярко синеет небо: такое способна создать только природа! И всё это – в кратере действующего вулкана, который может вот-вот проснуться. Ощущения от этого серного царства, в вулкане, что существует тысячи лет, - незабываемы.

На вулкане ты чувствуешь себя не только бесконечно далёким от лихорадочной жизни нашего городского мира, но и совершенно счастливым. Пора былых извержений для Эбеко давно миновала - и на дне глубокого кратера образовалось небесно-голубое озеро, подёрнутое лёгкой опаловой дымкой. Словно голубой карбункул, аккуратно вставленный неведомым ювелиром в только для него приготовленную оправу, красуется оно себе и вулкану на радость, никто его больше не видит.

Загадка здесь ощущается во всём… В лунном, кажется, безжизненном ландшафте, в воздухе, насыщенном таинственностью. Тайна глядит на тебя из-за каждого камня, который хочется взять в руки, а рядом - ещё лучше, загадочней…

Чаша вулкана – как колыбель, таинственное ложе, которое, чувствуется, ещё возродится. Его только на время покинула огромная созидательная сила, и вулкан, и камни в нём, и даже туманная дымка будто знают, что сила эта вернётся. И так оно и получилось через много лет, когда я уже вернулся домой, на Урал, и мне представляется необыкновенным то время, когда мы работали в самом кратере вулкана, даже не подозревая, что он может когда-нибудь пробудиться. Совсем недавно вулкан Эбеко извергался несколько раз…

Только здесь можно увидеть такой характерный для кратеров серовато-бордовый, с карминными вкраплениями цвет, подёрнутый молочной пеленой извергающихся фумарол… А в который раз натыкаясь в туманной дымке на ярко-жёлтые столбы, вроде бы, совершенно не подходящие для этой среды, ты опять не в силах не восхититься… Ты – на Парамушире, в кратере вулкана Эбеко!

Приятно было находиться здесь, бродить среди фантастического пейзажа, еле различая расплывчатые силуэты своих товарищей, и думать о том, что ты – на Курилах, в самых недрах этой загадочной земли, а рядом – раскинулся океан… Восхищённые товарищи твои не менее тебя, наверное, переживали и поражались всему увиденному, позабыв о море. К действительности нас вернул спуск к тому самому озерцу, сокровенно голубеющему в чаше кратера своим мутноватым завораживающим глазом.

И тут вдруг выглянуло солнце, показалось ненадолго из-за низких серых облаков, будто позволяя нам насладиться голубизной кратерного озера, но вскоре, словно раскаявшись в содеянном, опять скрылось: гигантская тёмная туча опустилась прямо над кратером Эбеко. Плато вновь погрузилось в унылые краски, и от этого ещё печальнее показались бесплодные склоны, заволакиваемые то ли облаками, то ли туманом, то ли

парными испарениями… Тягучая влажная хмарь закрыла вулкан от сияющего моря, и стало как-то одиноко.

У озера уже почти ничего не было заметно, только ощущаемо. Вода тихонечко бурлила, скорее, не от высокой температуры, а по причине вырывающихся из недр газов, двигалась бирюзовыми кругами, и воздух, казалось, тоже ходил ходуном. Вода обволакивала протянутую к ней ладонь каким-то нереальным теплом, и хотелось вернуться к настоящей, морской, чтобы погрузиться в её умиротворяющую прохладную глубину, как чудилось – вновь обретая при этом себя. Сказывались, по-видимому, удушливые серные пары…

Я даже не заметил, как быстро объяла нас эта вулканическая действительность: всё тут напоминало о былых извержениях. Неизвестно – сколько лет назад возник вулкан, а словно вчера упали на его склоны эти вулканические бомбы, застывший вулканический гравий, каменные брызги покрупнее, называемые ляпилями, застыла могучими языками окаменевшая лава… Встречаются бомбы величиной с грузовик, а самые мелкие – с грецкий орех. И почти все, и маленькие и большие, - в дырках, ноздреватые, как заводской шлак. Дыры в вулканических камнях – следы лопнувших горячих газовых пузырей. Разнообразит это обилие разных по форме и размеру камней их цвет: ярко-красный, чисто кармин, фиолетовый, с сиренью, серовато-дымчатый, тёмно-коричневый, жёлтый, угольно-чёрный. Только представьте себе град из всех этих каменьев, да ещё тонны пепла, что сыплется порой за сотни километров от вулкана…

Озеро обдаёт лицо горячей, испаряющейся серой, лёгкий ветерок обносит тебя этим крепким запахом, и какой-то скрытый подземный дух таинственно затаивается под сердцем. Это прокрадывается в тебя завораживающее дыхание вулкана. А за краем кратера, где-то там, внизу, открывается безграничная синь океана! Всё тут вместе, рядом, и так это сочетание необычно, что ты никак не можешь к нему привыкнуть, но именно это ощущение от слияния необычного, вроде бы, друг другу не подходящее, больше всего и радует. Что же там, в самом кратере вулкана, на не воображаемом пока дне?!

Глубина в озере кажется нереальной, повисаешь в ней как во сне, голубыми кажутся склоны, камни на них, твои руки… Сразу становится очень жарко: вдобавок к прорезиненному костюму «Садко» и шерстяному белью под ним, тебя принимает в свои горячие объятия вулкан. Не помню, как я набрал в питомзу нужные вулканологам образцы пород, у меня, кажется, помутилось сознание, я впал в какое-то временное забытье. Парил в нефритово-молочной бездонности и не понимал – что мной происходит: я и у океана, и под водой, и в недрах Земли… Чудеса!

Но сколько ещё чудесного, в лице людей, вещей и событий захватило нас на Парамушире, то и дело отвлекая от моря, и мы нисколько этому не противились. В свободное время мы мечтали попутешествовать в глуби острова, чтобы можно было половить нерку и кижуча, поохотиться на белую

куропатку или даже обнаружить где-нибудь в горах склад с оружием, оставшийся после японцев. Для всего этого, конечно, требовался проводник, и он вскоре появился в лице молодого симпатичного парня по имени Женя…

Женя был обыкновенным студентом-третьекурсником одного из дальневосточных вузов, будущий кораблестроитель. Он родился и вырос в Севкуре, а приехал домой на каникулы с целью порыбачить, поохотиться и, быть может, тоже что-нибудь найти, отыскать, обнаружить. Женя, как и мы, был переполнен жаждой странствий и постижения, и ему не терпелось показать свой родной остров. Остров этого стоил, в чём мы уже убедились.

До сих пор покоятся у меня в душе те чёрные озёра в долине, у подножия Озёрного плато… Гладкие, как зеркало, красивые и немые. Я их запомнил такими навсегда. Прямо от озёр громоздится до самого плато кривой отлогий хребет, и чуть заметно вьётся по его вершине узенькая тропка… Смотришь туда в бинокль, а сам думаешь о том, как ты счастлив.

Если набраться смелости и терпения, то можно потихоньку забраться на плато и увидеть бескрайние морские и океанские дали. И ещё – необъятные ягодники, разноцветным ковром устилающие весь остров. Шикша, голубика, жимолость, морошка, костяника – сладкое благолепие, пир во век жирующим на них пернатым… У тебя же из-под ног с диким кхерканьем взрываются потревоженные куропатки, как на Матуа, и, сложившись в бело-пегое, трепетное пятно, заворожено протягивают над озером, горами, куда-то к морю, на другую сторону острова. Только ступишь шаг – взметаются в воздух уже другие и, рассыпавшись, рассаживаются у края плато, а ты, залюбовавшись их полётом, забываешь сделать выстрел.

Не забыть и путь до тепляка на мысе Рифовый… Сначала по осклизлым валунам, жирно облепленным листьями морской капусты, затем – по сыпучей гальке диких речек, полных рыбы, и, наконец, по плотному прибрежному песчанику, привольно растянувшемуся в лазурных пузырящихся разводах. Как хорошо было шагать тогда, поначалу не чувствуя своей поклажи, и вглядываться в выплывающие перед тобой утёсы, постепенно оставляя каждый из них за спиной. И так - до полного изнеможения, когда уже не чувствуешь ни рук, ни ног, ни онемелой спины. И нет сил напиться воды из чистого ручейка, на берегу которого валишься с рюкзаком на спину и только слышишь, как ударяют в висках хрустальные молоточки. Вода в ручье до того прозрачна, легка, что её даже не видно.

Потом отходишь, начинаешь неспешно шевелиться, жить… Особенно, когда вспоминаешь увиденных накануне серебристых кижучей, повстречавшихся нам в одной изогнутой речной горловине, прозванной Медвежкой. Рыбины были неторопливые, какие-то неправдоподобно огромные, и стояли тихо под берегом, чуть-чуть подрабатывая себе хвостами, и почти так же незаметно шевеля спинными плавниками.

Оливково-зелёные спины кижучей лоснились жарким лососевым соком, были так толсты и доступны, что верилось: тронь их легонько рукой, и они, как поросята, ткнутся тебе тёплыми губами в ладонь и не исчезнут. И

в то же время трудно было осознать, что совсем рядом, в каких-нибудь двух шагах от тебя, совершенно открыто существует нетронутая природа, вокруг никого нет, и от этой насыщенности свободных пространств, ни кем не нарушаемых, становилось даже трудно дышать. Дух перехватывало от простоты происходящего, от того, что тебе посчастливилось ко всему этому торжеству жизни прикоснуться, каким-то образом сделав его навсегда и своим.

Кстати, кижуч начинает заходить в реки для нереста достаточно поздно, как правило – с началом осени, и иногда заход затягивается даже до февраля. Из-за этого, наверное, гибель икры в гнёздах намного ниже, чем у других дальневосточных лососей, а сроки нереста и выход из икры чрезвычайно растянуты. Выход мальков из гнёзд может продолжаться до конца июля, и живут они в реке обычно два года. Питаясь планктоном, а затем переходя на питание рыбой, в море молодые кижучи, предположительно, уходят недалеко от родной реки и осуществляют нагул поблизости от своего места рождения. Такая особенность рыб выказывает в них какую-то внутреннюю размеренность и спокойствие, как будто им не нужно после длительной разлуки с родной рекой рваться к верховьям, как симе, кете и горбуше. Кижучи уже с рождения понимают обретённое достоинство своего вольного существования в чудесной природной чистоте, объединяющей реку и море, и так же достойно, размеренно несут его в себе.

Я долго потом вспоминал этих серебристых, с оливково-зелёными спинками кижучей, как олицетворение неповторимости курильской природы, и когда думал о них, то мне становилось покойно и хорошо. Как покойно струились воды далёкой курильской речушки, как она не спешно поворачивала их вдоль извилистых берегов, как плавно замирали над рекой линии покатых сопок, как лениво взмывали над ягодниками, покрывающими собой чуть ли не весь остров, упитанные белые куропатки. И представлялось, что я опять на Парамушире, по утверждениям айнов являющегося большим местом для радостной жизни и рыб, и птиц, и людей.

Налитая рубиновым цветом нерка, в отличие от кижучей, выглядит более устремлённой, хотя и стоит в воде тоже, почти не двигаясь. Только происходит это не под берегом, а против течения, и лёгкие буруны у наших болотных сапог свидетельствуют о том сопротивлении, которое ей приходится преодолевать. Но по слегка извивающимся рыбьим телам нельзя сказать, что нерке приходится совершать значительные усилия… В видимой успокоенности рыб таится скрытая сила, способная молниеносно бросить их в зеркальной толще воды вперёд, так что мгновенно теряешь рыб из виду, будто их и не было. Нерка, вроде бы, только приснилась тебе в чудесном сне о неведомых курильских землях!

Нерка как будто чего-то выжидает перед очередным броском, а может быть – она просто живёт этим речным течением, иногда играет с ним, чаще, наверное, всё-таки не замечая. Чувствуется неизбывная слитность водных потоков и рыбы, которая наслаждается обтекающей её стихией. В море

такого сопротивления она, должно быть, не испытывает, но держа в своей природной памяти стремительные речные струи, по которым, ещё не окрепшими малышами, нерка когда-то скатывалась, рыба будто обретает для себя что-то исконное, так ей не достающее.

Окрасив в своём восприятии нерку в рубиновый цвет, я не сильно покривил душой, поскольку слово «нерка» в переводе означает – «красная». Но и тот будет прав, кто посчитает нерку янтарной, яшмовой, может быть – даже яхонтовой, и уж тем более – малиновой или вишнёвой. Для любого цветового вкуса, с оттенком, конечно, только красного, уместно будет чьё-либо воображение, околдованное красотой этой рыбы, будто пронизанной природой насыщенным сочным светом.

Интересно, что красная нерка приурочена главным образом к тем рекам, в верховье которых есть озёра, где она и мечет икру. Обилием таких озёр богаты именно Северные Курильские острова – Парамушир и Шумшу. В озёрах нерест происходит, как правило, с начала октября по конец декабря, а молодь выходит из гнезда в мае и живёт в пресной воде до 2-3 летнего возраста, развиваясь значительнее медленнее, чем в море, поскольку в меньших по размеру водоёмах быстрее уничтожается гольцом. Может быть поэтому нерка имеет такой необычный для лососевых цвет, неописуемо красочный, броский, я бы даже сказал – диковинный для северных вод. Прежде, чем скатиться в море, она копит в себе будущую яркую красоту, компенсируя тем самым вынужденную потребность какое-то время быть менее свободной и не такой привлекательной.

А вот камчадалы, стараясь найти объяснение красному цвету и нерки и других лососей, давно утвердились в суеверном убеждении, что рыба, поднимаясь вверх по стремительно текущим рекам, совершает чрезвычайно напряжённые усилия, этим прогоняет кровь наружу, и благодаря этому – получает свою ярко-красную окраску. Камчадалы, как и другие народы севера, были искренни в своём понимании природы, и если их умозаключения и нельзя принять без улыбки, то смысл, составляющий жизнь лосося, они хорошо постигали. А он был заключён для рыб в сочетании царства морской стихии и пресной воды: море кормит их, а река даёт возможность размножаться. Лососи прекрасно в себе всё это совмещают, одаривая всех чудесным вкусным мясом, нежной икрой и несравнимой ни с чем рыбьей красой!

Приятно было, замерев, стоять по колено в бегущих чистых струях реки, кишащей превосходной неркой, спокойно всматриваться в эту чистоту, и самому воображать себя прекрасной рыбой. Радостный озноб пробивал от таких мыслей, и хотелось плыть вместе с неркой в самые верховья, к чудесным озёрам, потаённо замершим между гористых холмов. Хрустальная вода плотно обвивала сапоги, вспенивалась, изредка по ним проскальзывали холодные упругие рыбины, и в душе всё сжималось от переживаемого простого счастья.

Не составляло труда резким взмахом ноги или руки выбросить одну такую красивую рыбину на берег или наколоть на острогу: при несметном количестве лососевых это не выглядело чем-то безжалостным. Местные рыбаки и охотники издавна так и делали: в долгий и утомительный поход по острову, когда нет времени налаживать спиннинг или удилище, брали с собой небольшую острожку, завёрнутую в суконную тряпочку, и на привале для неё быстро выделывали древко… Конечно, рыба при таком способе её добычи мучилась, но разве меньше мучений она испытывает попав на коварную блесну? Тем более, что рыбы так много!

Мы идём с набитыми до отказа рюкзаками, и названия речек мелькают одна за другой – Левашовка, Северянка, Безымянная, а Женька всё больше молчит, иногда улыбается чему-то про себя, а то вдруг становится непередаваемо весел. На одном из привалов он быстро достаёт из рюкзака две метровые деревянные палки, соединённые между собой коротенькой, с небольшой мотнёй сеткой, подводит меня к неглубокому, шириной сантиметров в пятьдесят ручейку, вытекающему из скал, и указывает место, где я должен ими перегородить узковатое русло. Сам же поднимается чуть выше.

Журчащая вода еле дотягивает до щиколотки, а ноги я могу раздвинуть только на ширину плеч. Честно говоря, не верится, что здесь может что-то водиться, и я с любопытством наблюдаю за своим приятелем, который с самым серьёзным видом, не спеша, начинает спускаться в мою сторону, ударяя сапогами то по одному, то по другому берегу. Берега немного подмыты, так что не разглядеть – стоит ли там рыба или нет.

Струящаяся в ручейке вода чуть закрывает лодыжки, на дне ясно просматриваются разноцветные камешки, и ничего кроме воды я не вижу. Хочется рассмеяться от кажущейся пустой затеи: ну, откуда бы тут чему-либо взяться?! И вдруг я ощущаю в сетке две метущиеся крупные рыбы: ими оказываются гольцы…

По образу жизни все гольцы, как и нерка, делятся на проходных и озёрно-речных, связанных с морем, не потерявших с ним связи. Такие гольцы гуляют из озера вниз по ручью и обратно, и именно подобных рыб мы и застали. Достигали они в длину, каждая, почти пятидесяти сантиметров, а по весу тянули килограмм с лишним.

Раньше я никогда не встречал таких рыб – они были очень красивые, плотные и сильные. В них сразу угадывалось что-то необыкновенное, не присущее только речной рыбе, или которая обитает исключительно в море. Да и само имя – «гольцы», говорило о их гольной нацеленной силе, необычайной лёгкости и молниеносной реакции. По всему было видно, что по своему образу жизни гольцы должны быть очень ловкими, даже изящными в этой своей хищной изворотливости, оставаясь совершенно неуязвимыми.

Рыбины так неистово изворачивались в руках, что не было никакой возможности тщательно их разглядеть. Только оглушённые о камень, гольцы

покойно растянулись в траве, подставив свету серенького курильского утра свои тёмно-синие, с переливающимися красными пятнышками бока, и я сразу представил, будто лечу ночью в самолёте, а внизу, в этой необозримой звёздной черноте, таинственно мелькают огоньки приближающегося неизвестного города, где преобладают ярко-красные, лиловые и бордовые… Даже голова на миг закружилась от этой красочной глубокой палитры – синь, кармин, опалово-жемчужное брюшко, а на ощупь – непередаваемая гладкость. Одно слово – гольцы!

Убрав рыбин в рюкзак, мы трогаемся в путь. И снова потянулись бесконечные мысы и горы, каменистые дикие пляжи, неспокойное море и ещё какая-то солнечная трава с красновато-рыжим оттенком. До чего же нелегко подмечать всё окружающее, прекрасное, если на плечах у тебя спальный мешок, рюкзак, ружьё, ноги то и дело норовят угодить в какую-нибудь расщелину, сердце работает как мотор и кровь судорожно ударяет в виски. Воздух начинает казаться разгорячённым, его безумно не хватает, а ты всё равно прёшь вверх, вперёд, несмотря ни на что, и с каждым шагом ощущаешь, каким окрылённым становишься в душе, в тебе просыпается удивительная воодушевлённость. Ты чувствуешь, что её хватит не только до тепляка, может быть даже – на всю жизнь.

Тепляк, хоть и полуразрушенный, но годный для житья, одиноко ожидает нас на обрывистом берегу. Раньше это была казарма пограничников, из-за нехватки на острове дерева перевезённая с Сахалина почти в собранном состоянии. Сейчас тут останавливаются охотники да прочий лихой люд, которого застигает в дороге ночь или непогода. В сохранившемся крыле имеется всё, чтобы переждать её: нары с соломой, печка и неиссякаемый запас чая, сахара и соли, аккуратно пополняемый всеми, кому приходилось здесь заночевать.

К дому тянется узкая тропка, но прежде чем добраться до неё, нужно преодолеть крутой обрыв в несколько метров, для чего мы карабкаемся по привязанному к его краю толстому выбеленному канату. Нижний конец заботливо привязанного кем-то каната порядком разлохматился по мокрому песку, но постоянно разбиваемый прибоем и не успевающий просохнуть от приливных вод, он всё ещё крепок. Сначала наверх забирается Женька, я подаю ему рюкзаки и ружья, а затем поднимаюсь и сам. Уже в темноте мы устало усаживаемся на ступеньки покосившегося крыльца, любуясь на малиновые облака у самого горизонта.

Пока Женька ходит за водой, я успеваю растопить печь, и, всматриваясь во вспыхивающие синие огоньки потрескивающего плавника, будто тихонько чего-то жду. Прислонившись спиной к бревенчатой стене тепляка, почти ощущаю лопатками порывы ветра и мерный рокот раззадоренного непогодой моря. Время от времени вздрагивая, покойно горит на столе свеча. От печки по всему телу растекается расслабляющее тепло.

Сизые хвосты гольцов неловко торчат из котелка, огонь мерно вспыхивает в печи, а мы едим галеты, запивая их вкусной родниковой водой. Говорим о том, какие настроения вызывает невидимое сейчас море, и что оно воспринимается порой почти как шум леса, но возможное присутствие его рядом с лесом кажется само собой разумеющимся. Женька вспоминает, как он в детстве жил какое-то время на материке и, уезжая, запомнил это шум высоких деревьев. Здесь такого леса нет, и Женька забыл – какой он. Вернее, лес перестал его тревожить, но полузабытое воспоминание осталось.

Я ему рассказываю, как у себя дома, на Урале, любил забираться в самую лесную гущу, где ветви с листвой закрывали даже небо, образуя полог, ложился спиной на упругий слой сосновых иголок и лежал с закрытыми глазами, слушая ветер в стволах и листве. Он доносился всегда плавно налетающей музыкой сверху, внизу его было еле слышно. Страшно не хотелось при этом вставать. Земля давала силы и спокойную уверенность, и всё окружающее становилось тогда невероятно простым и ясным. А теперь я нахожусь на берегу океана, о величине которого не перестаёшь думать с необыкновенным почтением, и всё переживаемое воспринимается так же просто и радостно.

Варёное мясо гольца просто разваливается в руках на душистые, розовато-белые ломти. Ароматный пар от печки жарко клубится под закопченным потолком, приятно щекочет ноздри. Тишину нарушают лишь дружные удары деревянных ложек о котелок, да наши редкие восклицания от переживаемого наслаждения. Уха из только что выловленного таким первобытным способом лосося непередаваемо хороша!

Много разной рыбы перепробовал я за свою бытность на Дальнем Востоке, но ни с чем несравнимо удовольствие, когда впервые отведал чавычу: пожалуй, самого благородного представителя отряда лососевых. Особое положение чавычи среди остальных лососей ясно выражено в её американском названии – «кинг сэмэн», королевский лосось, достигающего в длину метра, а веса – до трёх пудов. Однажды, меня накормили чавычей на Камчатке, на рыболовецком стане, и когда я взял в руки нежно-оранжевый, пронизанный солнцем кусочек солёной рыбы, чуть ли не тающий в руках, то даже поперхнулся от выступившей во рту слюны. Чавыча заполнила собой весь рот и тотчас куда-то растворилась, но ощущение трудно передаваемого довольства и сладостного блаженства просто затмило собой все вкусовые предпочтения. С рассыпчатой варёной картошкой – это была поистине божественная пища!

Мясо чавычи проходит в пределах одного и того же цвета все оттенки – от нежно-розового и оранжевого, до насыщенного янтарного. Мясо у любого лосося отличается прекрасным цветом, не костляво, вкусно и легко переваривается, так что даже больные могут его есть, но у чавычи оно – особенное. Это даже не мясо, а какое-то невообразимо вкуснейшее лакомство. Раньше женщинам северных народностей даже запрещалось

разделывать лососей железным ножом, так как считалось, что иначе эти рыбы навсегда оставили бы берега, обидевшись на людей.

Как нежно мясо чавычи, как, впрочем, и других лососей, так же чутко реагирует она на чистоту воды, что, по-видимому, проявляется в лососях во всём. Наверное, ни одна рыба не способна на подобное. Можно даже задержать движение лососей вверх по ручью, опустив в него руку, отчего в нём появляются аминокислоты, известные под названием эль-серин, на которые рыба реагирует, даже если эти химические вещества растворены в количестве одной восьмимиллиардной части на одну часть воды. Становится неудивительным, что лососи чувствуют запах родного ручья: они угадывают его по наличию в нём знакомо пахнущих составляющих. Такое удивительно тонкое восприятие жизни не может не повлиять и на саму рыбу, и она становится более нежной и сочной, пока не отнерестится.

Целый день мы почти ничего не ели, и уха из гольца, не идущего, конечно, ни в какое сравнение с чавычей, показалась нам царской! Всё это время Женька, не отрываясь, пристально смотрел из темноты в огонь. Знали мы друг друга совсем немного, а потребность в общении возникла сразу, без всякой разведки.

Просто ты понимаешь, что этот человек живёт многим из того, чем живёшь ты сам: он всегда почувствует то, что дорого тебе, и никогда не засмеётся там, где следует промолчать, внимательно выслушает. Несмотря на то, что мы были почти незнакомы, нам легко было, не обременяя друг друга, молчать. Полная свобода для каждого, в тоже время - переживая искреннюю потребность находиться вместе.

- Обо всём этом я мечтал три года, лёжа на жёсткой общежитской койке, - с расстановкой тихо проговорил он.

- Только ни слова сегодня о женщинах. Договорились?

- Как ты думаешь: зачем мы живём?

- Наверное, ради того, чтобы встретиться.

- И ловить гольца?

- Да. Мне очень понравилось. Так просто, до необычности…

- А сколько рыбы пропадает впустую…

- Я думаю не зря. Не тебе говорить – какие здесь чистые речки.

- Ты хочешь сказать, что нарождающиеся мальки в этой чистоте вод ничего, кроме останков своих умерших родителей не находят, чтобы прокормиться?

- Ну, сам посуди: холодные водные струи, камни и голые берега… Чем здесь можно поживиться?!

- Значит, мудрая круговерть природы?

- Она самая, родная. Мы когда подошли к этому обрывистому берегу Медвежки, под которым стояли серебристые кижучи, я вдруг почувствовал себя счастливым. Вообще, на Курилах у меня это состояние почему-то не прекращается, но и не мешает. Почему?

- Потому что здесь всё ограничено, и в то же время насыщено. На этой земле родились мои отец и мать. Я тут вырос. Она притягивает к себе. Нет, ты ещё ничего, толком, не видел…

- А мне она, эта курильская земля, несмотря на всё увиденное и пережитое, представляется чужою… Прекрасной, неизведанной, и всё-таки – какой-то не родной. Может быть – это из-за вулканов, поднявшихся из неведомых океанских глубин?! Ведь все эти острова – вулканические образования?

- Когда мы сидим в этом тепляке на мысе Рифовый, и жарко потрескивает печка, и сладко попахивает остывающей ухой, - разве ты не чувствуешь заботу, которую проявляет к нам эта земля?

- Да, пожалуй, и ни о чём не хочется говорить. Только чувствовать всё и понимать, не переходя в этом восприятии допустимой черты.

- Готов поклясться, что ты бы стал настоящим курильчанином… Тебе ведь многое здесь по душе?

- Не то слово.

- Когда-либо кто-то рассказывал тебе о Курилах?

- Не помню. Но я всегда мечтал познакомиться с этими островами. Как-то подспудно это жило во мне.

- Откуда в тебе эта уверенность?

- Словами я ничего не смогу выразить. Можно ли любить тишину у океана, долгое созерцание в воде красивых рыб, медленное опускание солнца за горизонт, если ты этого никогда не видел? Я по-хорошему повержен всем этим торжеством природы, хотя понимаю, что нужно жить, работать, и нет ничего удивительного в том, что жизнь прекрасна, и солнце на какое-то время замирает у самой поверхности моря, чтобы затем быстро скатиться за горизонт. Не ради пустого повтора, а во имя удивительной возможности не повториться.

Здесь, на краю России, на этом диком курильском берегу, где кроме нас сейчас никого нет, я понимаю, что время живёт со мной в ладу, я его вполне устраиваю, и оно никак не препятствует устремлениям моей души. Именно здесь и сейчас.

- На островах к тебе приходит нечто другое, особенное, и лишь когда ты остаёшься один. Я ещё не могу дать этому точное определение.

- У меня такое чувство возникает после того, как ты хорошо сделал какое-нибудь дело. Всё, что тебя здесь окружает – будто поддерживает, радуется вместе с тобой и подтверждает важность происходящего. Такой мощной поддержки от природы я почему-то не ощущал на материке.

- Точно. Вот, ты у моря один, а будто со всеми. Такого не переживаешь нигде.

- И острова, и океан – такие древние, что это представляется самым ценным в жизни.

- У всего хорошего есть своя загадка.

- И здорово, когда существует возможность её разгадать. По крайней мере, попытаться это сделать.

- Если всё правильно выстроишь – обязательно получится!

- Ты когда-нибудь задумывался о том, почему красота разлита повсюду, и так чудесно многообразна?

- Нет, просто воспринимал всегда всё таким, каким оно существует.

- Наверное, привычным для всех этот прекрасный мир кажется потому, что он создан Богом, который и в нас. Бог – всё сущее, и существует Он повсюду только потому, что многие люди не хотят Его искать. И Он открывает им Себя в каждом цветке, птице и её песне, в каждом вздохе моря, во всей его величественной необъятности, в малейшей капельке: только бы дотронуться человеческой души, заставить её раскрыть свои объятия навстречу открывающейся чудесной жизни. Бог входит в нашу жизнь ежесекундно, потому что Он необычайно великодушен, и мы должны быть благодарны этому замечательному состоянию, в котором обретаем самих себя, а значит – любовь.

- И сейчас Он с нами…

- Конечно.

- А ведь кому-то надоедает жить, всё такого человека почему-то не устраивает.

- Это значит, что он ещё не жил. Ничего не сделал, не совершил, тебя просто нет. Ведь невозможно потерять то, чем и не обладал.

- Посоветовать тут, наверное, можно одно: стать собой?!

- Да, тогда и проблемы все разрешатся, и всё засветится радостью вокруг и в тебе, и ты будешь, конечно, удовлетворён своей жизнью и окружающим миром, считая себя его частью.

- А мир будет считать тебя своим, ведь всё во Вселенной взаимосвязано и едино?

- Но чтобы стать самим собой, нужно совершить много усилий, решаясь, порой, на самые невероятные поступки, которые, в конце концов, оказываются не достающими, несомненно – самыми верными шагами на пути твоего роста.

- Кто-то совершать их не желает. Ведь легче пользоваться тем, что приносит хоть и маленький, но верный доход.

- Нет… Обрести единение со всем миром и с самим собой, это означает одно: несмотря ни на что именно осуществить рост в самом себе, в своей душе, ибо без него – никак. В противном случае будет только продолжаться круг бесконечных жизней, повтор одних и тех же ситуаций!

- Нужно прервать этот круг, когда от известного в одной жизни – идут к известному в другой!

- Да, пойти от известного к неизвестному – единственно верно.

- И достойно.

- А как интересно!

- Интересно, что мы встретились, и произошло это не случайно. За такими встречами всегда, наверное, стоит наше прошлое.

- Откуда мы оба пришли?

- Важно не место, где начался наш путь, а то, что мы именно с тобой встретились: у тебя было своё прошлое, у меня – своё. Главное, что два прошлых сложились в одно настоящее.

- Я часто слышал выражение, что люди везде одинаковые. Но это не правда. После приезда на Сахалин и Курилы я сразу заметил, что люди здесь отличаются от тех, что живут на материке. Только я никак не мог понять – чем? Может быть, какой-то сосредоточенной отрешённостью, спокойным небрежением к тому, что в больших городах имеет значение превыше всего, или им присуща особая любознательность, отсутствие злорадства и зависти, заинтересованность во всём, что касается моря и земли, вообще – жизни?

- У тебя есть все основания так думать. Душе здесь, наверное, действительно труднее очерстветь, чем на материке.

- Когда живёшь на одном месте, без напряжения дальних походов, штормов и постоянных открытий, жизнь, наверное, блёкнет, и ты постоянно ощущаешь, что нечто главное проходит мимо тебя.

- Это просто ты такой. А другие люди живут своими интересами. Но лично мне - тоже не достаёт малиновых облаков, исчезающих вечером за морем, надрывного крика кайр, хмурого курильского неба. Возможно, в этом и заключается радость жизни, когда сердце вдруг отчего-то сжимается, и ты понимаешь, что до сих пор жил не так, как надо. Там, где необходимо, не проявлял характера, шёл на компромиссы с совестью, не ставил перед собой достойные цели.

- Женька… Ты всё чувствуешь, понимаешь.

- Мы сейчас будто братья… Дух у нас общий. Где-то там, далеко, рокочут города, а мы сидим у печки на краю света, наблюдаем малиновые закаты над хмурым морем, и, наверное, воспринимаем жизнь немножко иначе, по-другому?

- Почему-то не каждый решается отправиться в неизведанное… Не было ничего лучше в моей жизни, чем Парамушир.

- Может быть, он поможет тебе ответить на многие вопросы.

- Такое бурное сочетание стихий присутствует здесь, что именно и привлекает, а душа покорена какой-то неземной тишиной.

- Послушай, как шумит море… И как стонет в скалах конюга… И вот ещё ветер задувает в расщелинах… И горы тоже завораживают, с чёрных утёсов которых струятся чистые ручьи. Всё это сейчас принадлежит нам. Море твоё и моё…

- Море моё, море моё, море моё, - тихонечко шепчу я про себя, и чувствую, как в такт этим словам толкается в груди сердце, а на берег с шипением накатывают волны.

- Шумит твоё море, Борька, совсем рядом, ты столько раз пропадал в его просторах и возвращался обратно. Скоро вы уйдёте на север, а я уеду во Владивосток, и может быть, мы уже никогда не увидимся.

- Грустную ты нарисовал картину.

Порыв ветра, с урчанием, зацепился за крышу тепляка, и в печи что-то заухало, заныло.

- Хорошо, всё-таки, делать самые простые вещи, - закинув руки за голову и будто не слыша меня, задумчиво произносит Женька. - Ловить рыбу, варить из неё уху, разводить костёр.

- И шагать по берегу моря с тяжёлым рюкзаком, за каждым следующим мысом ожидая что-то новое, неизведанное…

Тишина у моря, прерываемая гудением ветра, окружила тепляк, а вместе с ним - и нас, и стало ещё более хорошо, покойно. Изредка вскрикивали в горах какие-то птицы. На остров опустилась ночь.

Господи, - думал я. – Как же замечательно всё то, что Ты сотворил. И я имею возможность это видеть, переживать и радоваться. Века веков Тебе мощи и энергии нескончаемой!

Что значит в моей жизни этот бревенчатый тепляк, занимаемый когда-то погранцами, на краю океана, продуваемый всеми ветрами, но такой надёжный, будто вросший в землю? Я провёл в нём всего лишь ночь, ночь на Северных Курилах, объявшую нас с Женькой своей заботливой теплотой, и больше я этот тепляк никогда не увижу. Правда, он остался у меня на фотографии, только вход в него, но я помню – какая у него была крыша, потолок, пол, нары и печка. Окна не помню, потому что было темно, и ещё, как тогда, физически ощущаю обрывистые скалы, горланящих морских птиц и будто чуть недовольное, но, всё же, милостивое к нам море…

Море… Оно шумело тихонько совсем рядом, такое загадочное и доступное, всегда желанное и пугающее. Море как-то незаметно вошло в мою жизнь, став в ней чем-то неотъемлемым, но это его присутствие почти не ощущалось. В любой момент можно было отправиться к нему, а проводя большую часть времени в экспедициях, ты и подавно сливался с ним в одно целое. Море становилось твоей судьбой, его просторы – мечтами, шквалы и ветер – мыслями.

В детстве и юности я пережил немало увлечений, которыми постепенно переболел, но только тяга к морю, его удивительным и заманчивым таинствам, осталась неизменной. И вот оно, это море, плещется за стенами тепляка, неотступно тревожит и манит. Всё в жизни проходит, куда-то бесследно утекает, остаётся лишь море… Оно будто заботливо склоняется над тобой, завораживающе ухает и пахнет, пробуждая в памяти нечто очень знакомое, и с каждым годом становится роднее, хотя и студёное. А здесь, у океана, можно даже воздух есть: такой он целительный, здоровый и чистый.

- Жень, не спишь?

- Не было ничего лучшего в моей жизни, чем эта ночь у моря.

- А я чувствую себя счастливым от того, что однажды отправился в своё путешествие. Застиг момент, когда огромные таинственные рыбины – чудесные кижучи и чавычи, просто восхитительные на вкус, входят в чистые курильские речки и растворяются в них. И никого здесь нет кроме этих замечательных рыб, белых куропаток, дымящихся вулканов, и нашего счастливого присутствия. Видеть всё это - и есть счастье. И ещё я думаю о своём счастье как о чём-то привычном, давно вошедшем в мою жизнь, но не наскучившем.

- Если не честен с самим собой, жизнь теряет свой смысл, - тихо говорит Женька.

- И счастье, наверное, невозможно, если в твоей жизни отсутствуют решающие события.

- Только не верящий в себя человек надеется на удачу.

- Все плохие мысли рождаются от незнания себя и окружающего мира, от нежелания познавать его и расти.

- А ведь нужно непременно!

- Да. Ставь себе задачи самые высокие, какими бы недостижимыми они ни казались, и мир обернётся к тебе своей глубиной. Я в каждой экспедиции в этом убеждаюсь. Так страшно порой становится, и пусто, а только начался рейс – и всё как-то утрясается, входит в рабочий распорядок, и, несмотря на тяжесть экспедиционной жизни, приходит радость. Тебя окружают необыкновенные люди, острова, море…

- И даже воздух здесь особенный.

- Я только под водой, на Дальнем Востоке, научился правильно дышать. Это так удивительно просто пришло ко мне однажды… Конечно, не сразу, и что-то перевернулось во мне.

- Когда ты почувствовал это в себе?

- Точно не помню… Но я сразу осознал: ты никогда не узнаешь – чего можешь, если не попробуешь этого. Такое удивительное время для постижения и тайн, и моря, и жизни пришло ко мне.

- Стоит просто решиться оставить на время дом, приехать на край света и оформиться на любое рыболовецкое судно? – смеётся Женька.

- Да! Так у меня всё и происходило, но ещё что-то как будто помогало, присутствовало всегда рядом, не оставляло… Правда, если только ты осуществляешь свои желания, не боишься этого.

- Я поражаюсь твоей способности так легко осуществлять свои мечты.

- Чтобы жизнь не проходила впустую, человек должен стремиться себя проявить. Вероятно, меня позвали в дорогу былые, не исполненные стремления души, связанные с морем. А может я скучал по тому, что когда-то, в одной из прошлых жизней, накрепко соединил себя с морской стихией. Одно знаю точно: в этой жизни я почему-то не мог обойтись без моря.

Не только желание проверить себя двигало мной, но и найти свою жизнь, а обнаружив её – увеличить собственные возможности. Это была выбранная мною жизненная программа, и то, что она оказалась связанной с

морем, лишь обогатило её, а вместе с ней – и меня, обыкновенного молодого человека. Я пережил в море самое счастливое время в своей жизни.

- А я большую часть детства и юность провёл на Парамушире, рядом с Охотским морем и Тихим океаном, и воспринимал это как-то естественно. Выходит, мне для своей душевной гармонии нужно отправиться в Сибирь или к вам, на Урал?

- Разве мало мест на Курилах, где можно почувствовать себя счастливым? Но никто тебя от возможности путешествовать, вроде бы, не удерживает.

- Кого не спроси, - смеётся Женька, - все любят путешествовать, преимущественно – в своих мечтах! А если серьёзно, то лучше, наверное, осуществлять задуманное именно в молодости, когда ты полон сил, многого ещё не видел, ничего почти не знаешь, и тогда дорога поистине обогащает.

- Но даже оказавшись в самых неожиданных и замечательных во всех отношениях местах, ты понимаешь, что от себя не уйти, то есть – от необходимости отыскать, в первую очередь, своё предназначение, и главное путешествие в жизни следует совершить к собственному «я». Только тогда любая поездка окажется незабываемой, ты ничего не упустишь и вернёшься из неё обогащённым знаниями, утвердившись в открытиях, на которые решился именно в молодости… Как это правильно и важно всё в жизни открывать самому.

- Всё в мире разговорами не обсудишь.

- Да, и ничего нам не даёт жизнь бесплатно. Хочешь увидеть настоящее море, не с берега и не на картине Айвазовского, имей мужество оставить неизвестно на сколько времени родной дом и близких, привычные и доставляющие радость занятия, может быть даже – любимую девушку, которая не совсем понимает, а зачем ты её оставляешь?

- Что же за сила вынуждает тебя рисковать, решаясь в корне изменить свою жизнь?

- Сам не знаю. Просто интуитивно чувствуешь – что именно следует делать. Да и топит, как известно, не море, а лужа.

- Ты уже столько успел за свои тридцать, а я ещё ничего не видел, кроме своего Севкура и Владивостока.

- Ты живёшь на Курилах, это само по себе большого стоит… Время здесь течёт по-особому. Оно – враг людей, которые предпочитают безмятежную, спокойную жизнь. Рано или поздно это время начинает их запутывать, будто издевается над ними.

- Но мы-то с ним в ладу?

- И в согласии со своей судьбой!

- А что такое судьба?

- Может быть, это совсем не то, что происходит в твоей жизни само собой, а та линия, которую ты сам на небе с богами проложил, и здесь, на земле, должен ей неукоснительно следовать?

- Как было бы хорошо, если бы каждый пожелал себе того, чего он мечтает достичь и, несмотря ни на что, сделал бы всё для осуществления этого.

- Мог бы ты, во имя обретения истины, оставить себе только утрату и поражение, а победу и добычу предложить другим?

- Попробовать так жить хотелось бы. Странное дело, но я убеждаюсь всё больше, что в добре безмятежного существования человек становится только хуже, а когда ему плохо, то есть, он достойно преодолевает всякие жизненные неустройства, - обретает энергию и благо.

- Да уж… Если хочешь понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и во всё вникай.

- Не передать, как преображается человек, когда ему ясной становится его судьба!

Ах, Женька, до чего же я рад, что встретил тебя на своём пути, думаю я. Ты говоришь, что пишешь стихи… Я хочу прочесть их, но не прошу. Я уже знаю, что у тебя за душой.

Твоё усталое и честное лицо при ровном свете свечи становится ещё более чистым. Только не уставай никогда, Женька, и оставайся таким всегда. Мне нравится открывать Курилы вместе с тобой, слушать твои рассказы про Парамушир, коротать ночь в этом тепляке.

Ты чётко знаешь, что будешь делать, и это хорошо. Закончишь судостроительный институт, чтобы строить красивые океанские корабли, но страсть к путешествиям и стихам не оставишь. Завтра утром мы отправимся с тобой в поисках того неизведанного, что так влечёт нас к себе. И пройдём там, где до нас, быть может, никто не проходил.

Это будет завтра, завтра… А теперь - только мутный свет свечи, шум океана за бревенчатой стеной тепляка, твои стихи и нескончаемый поток незабываемых минут. Я слушаю тебя, дружище…

Кто-то верит в судьбу.
Кто-то верит в приметы.
Я же верю в случайные встречи.
И случайно от встреч
Узнаю я ответы
Тех загадок, что сам не отвечу.
Мне б набраться терпенья
И выслушать тихо
Тех людей, что душою красивы,
Что стоят монолитно
На палубе лихо
Споря с ветром и штормом,
С самим Куросио.
Сколько мощи и силы в фигурах рыбацких,
Сколько мудрости, счастья и горя во взгляде.
Сколько встреч, расставаний, застолья по-братски…

Сколько ранних морщин…
Поседевшие пряди…
Сколько было всего, что не всё и упомнишь.
Остаётся с тобой лишь душа человека.
Память… Может, меня ты и вспомнишь,
Беспокойного парня, беспокойного века.
Кто-то верит в судьбу.
Кто-то верит в приметы.
Я же верю в случайные встречи…

Перед самым отходом судна мы ещё успели сходить к заливу Банжоу, где наши матросы штурмовали полстолетия назад неприступные укрепления японцев. Шли навалом, закусив в зубах ленточки от бескозырок, пока у прикованных цепями к пулемётам камикадзе не иссякали патроны – они не успевали перезаряжаться. Много лет прошло с тех пор, но не настолько, чтобы эти береговые склоны, изрезанные окопами, позабыли о происходящих здесь когда-то событиях. Кажется, что души наших бойцов белокрылыми чайками витают над островом, а горы, сопки и долины рек, будто и сейчас остаются суровыми и выдержанными свидетелями того, чего невозможно забыть.

Чудится, будто время не коснулось этих пустынных берегов: всё так же зловеще нацелены в небо жерла мощных орудий, глубоко вкопанных в землю, устрашающе зияют узкими амбразурами бетонные доты. Кое-где в них можно обнаружить каски, а нам даже посчастливилось отыскать в горах засыпанный камнями склад с боеприпасами, из которого мы извлекли на свет ящик с пулемётом и гранатами. Трудно было вообразить себе, чего стоило взять эти укрепления со стороны моря, поднимаясь под шквалом огня по крутым островным склонам. Сколько же здесь полегло наших парней, прежде чем кому-то удалось миновать огневой заслон!

Низкие серые облака навалились всей грудью на высокое горное плато, где у японцев располагался аэродром. Здесь застыли молчаливыми памятниками тех лет безликие бетонные ангары. В предзимней гулкой тишине они кажутся бесцветным монолитным кладбищем самолётов, однажды взлетевших и не вернувшихся назад.

Ангары располагаются в две линии, по краям взлётной полосы, на которую и выруливали японские лётчики, прежде чем подняться в воздух над Вторым Курильским проливом. В наше время ангарам никак не могут найти применение, поскольку аэродром располагается далеко от города, и использовать их в качестве складов невыгодно. К тому же, в них холодно, а отопление таких больших сооружений влетит в копеечку. Наконец, военные пробовали ангары взорвать, но крепость империалистического бетона оказалась для отечественной взрывчатки неодолима, и местные власти на нахождение по соседству этих бетонных монстров просто закрыли глаза.

В сумрачном свете курильского дня на северо-востоке отчётливо виднеются хмурые берега ещё одного острова, за которым уже лежит Камчатка. Это – Шумшу. В кратком айнском названии острова звучит нечто загадочное. Я часто смотрел карту острова – самого северного из всей Курильской гряды, исключая маленький островок Атласова, и мне почему-то очень хотелось побывать на нём.

Остров Шумшу всегда казался мне таким далёким и недостижимым, что не верилось, будто я когда-нибудь достигну его берегов. Сколько раз воображение рисовало мне таинственные очертания Шумшу, но я никак не мог представить себе этот остров. От других островов Большой Курильской гряды Шумшу отличается тем, что не имеет высоких гор и рельеф его равнинный. Зато на острове известно до сотни озёр…

Самое большое из них имеет название Беттобу. Площадь этого озера - около шести квадратных километров, а глубина – четыре метра, и когда ты слышишь это название, то воображение мгновенно уносит тебя куда-нибудь в Африку, и только потом ты ловишь себя на мысли, что находишься на Курилах. Странное ощущение вызывают местные названия, но хуже от этого не становится: наоборот, они придают окружающей тебя первозданной природе диковинную загадку. Только увидев берега Шумшу с высокого плато юго-восточной части Парамушира, я понял – в чём ошибался в своём восприятии острова, а в чём оказался не далёк от истины.

Чем-то Шумшу напоминает один из самых южных островов Курильской гряды – Шикотан. Оба эти острова более или менее плоские, низменные и зелёные. Только, конечно, растительность существенно отличается, да и климат не совпадает. Во всяком случае, в пределах всей Курильской гряды они выражают собою некую уравновешенность, даже гармонию, начиная Курилы на юге и завершая их на севере. Вернее, сами острова служат неким естественным балансом, сохраняя во всей Курильской дуге, выгнутой наподобие коромысла, природную плавную линию, изгибающуюся изящно и верно.

Уже покидая Севкур и медленно минуя Второй Курильский пролив, мы, помнится, молча разглядывали рыжевато-охристые скалистые берега Шумшу. Кое-где по ним торчали белые деревянные остовы домов, перекорёженное железо, прогнившие крыши, сорванные целиком и густо заросшие травой. Здесь когда-то был посёлок Козыревское, жили рыбаки, ловили рыбу…

Цунами 1952 года не пощадил ничего. Памятником ему остались эти развалины, ещё уцелевшие за десятилетия. Сейчас океан спокоен и на острове никого нет. Над ним только гуляет ветер, и протяжно вскрикивают чайки, отрешённо зависая в невидимых воздушных потоках.

На светло-синюю воду, залитую солнечными лучами, трудно глядеть. У горизонта, окаймлённого обрывистыми скалами, она приобретает ещё более синие, почти тёмно-густые, даже – фиолетовые оттенки. Скалы Парамушира, в отличие от равнинного Шумшу, возвышаются из воды

фантастическими очертаниями, склоны их покрыты ослепительным снегом, а выше – стройные конусы вулканов. Облака цепляются за их вершины, будто пытаясь скрыть от взоров людей величественную красоту. Можно часами любоваться этой первозданной дичью, слушая упрямый накат океанских волн, шум от которых кажется неизменным.

Но однажды этот покой был нарушен безжизненной тишиной. Вдруг не стало слышно размеренного рокота волн, дно как-то незаметно обнажилось, вода быстро отступила и замерла где-то вдали от берега, а на сушу надвинулась тревога. Люди не знали – что думать? Подобного им ещё не приходилось видеть.

Постепенно со стороны океана начал доноситься отдаленный, но мощный, не прекращающийся гул. Он быстро нарастал, всё более усиливаясь, приближался, так что становилось жутко. Вскоре гул превратился в сокрушающий рёв, всё пространство над ушедшей водой застлала серая пелена, а на горизонте появилась тёмная полоса, которая стремительно неслась к берегу.

Полоса чернела, росла, быстро превращаясь в огромную водяную стену, и на вершине её летела к берегу огромная шапка пены. На минуту могло показаться, что это лёд, вокруг стало совершенно темно, волна же молниеносно высилась, приближалась, а сопровождающий её рёв уже перешёл в умопомрачительный вой. Как быстро эта водяная, чудовищная по размерам стена достигла береговой полосы: в какие-то считанные мгновения!

И вот эта гигантская волна, сокрушая всё на своём пути, безжалостно обрушилась на берег, опрокинула, как щепки, рыболовные сейнеры и боты, неумолимыми языками слизнула и дома, и людей, и животных, не успевших убежать. Быстро наползая на долину, в которой раскинулся маленький приморский городок Северо-Курильск, волна докатилась до самых отвесных скал на его окраине, мощно ударилась в них и, отступив на миг, с новой силой ринулась на возникшую перед ней преграду.

Волна достигла высокого плато, раскинувшегося над городом, перехлестнула его ещё на несколько метров вверх и так же стремительно, как появилась, скатилась в океан, унося с собой обломки строений, судов, разбитые лодки. Мало, кто успел осознать происходящее, потому как разрушения были колоссальны: ничего подобного никто из местных жителей не мог припомнить. И когда волна ушла, а напряжение, охватившее всех своей неожиданной сокрушительностью, несколько схлынуло, так что некоторые из уцелевших жителей стали спускаться в долину, через какое-то время на берег обрушилась вторая, а затем - третья волна…

Немало жертв принесли люди из-за своего незнания океану, а океан вскоре по-прежнему оставался спокоен, ярко засветило солнце и чайки всё так же возбуждённо вскрикивали в вышине, отрешённо кружа над разрушенной береговой полосой. Прибой мягко накатывал на прибрежные камни, донося до них глубинное дыхание океана, и океан, как ни в чём не

бывало, взирал на землю и людей, обдавая их своей безграничной свежестью и синевой…

О цунами написано множество статей и книг, проведено бесконечное количество исследований, и потому только кратко напомню, что возникает цунами в результате внезапного опускания или поднятия больших площадей морского дна, падения масс грунта в море с прибрежных склонов материка или оползней, образующихся на склонах подводных каньонов. В результате - начинают действовать подводные вулканы, и от колебаний океанского дна происходит моретрясение. Огромные водные массы разбегаются в стороны от эпицентра взрыва со скоростью, превышающей 800 км/час, и имеют длину, измеряющуюся иногда сотнями метров.

Появившись, волны пробегают огромные расстояния, докатываясь до берегов, удалённых от места их возникновения на десятки тысяч километров. Пока волны движутся в открытом океане на больших глубинах, корабли могут даже не заметить их прохождение, лишь изредка ощущая резкий толчок, схожий с посадкой на мель. Но при приближении к берегу в результате перестройки волны начинает образовываться водяной вал, высота которого достигает огромных размеров.

Началу цунами 1952 года, обрушившегося на побережье Камчатки и Северных Курильских островов, послужило извержение и поднятие из моря в двухстах пятидесяти милях к югу от Токио нового вулкана Миодзин/Сверкающий бог/, в момент которого погибло японское исследовательское судно «Кайо-Мару» с девятью учёными и двадцатью двумя членами экипажа, а высота волн достигала 20 метров…

Цунами с огромной силой наползают на сушу и смывают целые города и поселения, расположенные на берегу. Причём, гибнут тысячи людей, за несколько минут до этого даже не подозревающих об ожидающей их участи. К тому же, разрушительная сила цунами зависит не только от интенсивности породивших его землетрясений и расстояния от эпицентра образования волн, но и от того, какими особенностями обладает рельеф дна и побережья, к которым они подошли, а потому наиболее опасными являются низменные берега.

Я всё время пытался представить себе эту невообразимо разрушительную волну, родившуюся из недр моря и незаметно крадущуюся неровной зыбью длиною в несколько сот километров. Только у самой земли, пробудившись, рождается её губительное коварство в виде двадцатиметровой, а то и более громады, обрушивающейся всей своей мощью на берег. Ко всему прочему, все посёлки на Парамушире и Шумшу находились в небольших бухтах-долинах, очень располагающих к наступлению на них страшной волны.

Но самое главное – это люди. Нужно было заплатить морю страшную жертву, чтобы познать это явление и найти средство противоборства с ним. В жутких сгущающихся сумерках, нежданно, возникло оно, наверное, серой холодной массой, и покрыло собой всё вокруг…

Вообще, незабываемым на Парамушире оказывалось всё, даже такие мелочи, как вкус шикши – хрустящей и прохладной чёрной ягоды, хорошо удаляющей жажду, которую мы в достатке наблюдали на Матуа, но здесь, на Парамушире, её произрастало великое множество, и чтобы вволю насладиться этой необычной ягодой - достаточно было просто присесть на землю и, не сходя с места, есть горстями… Или то, как при входе в Северо-Курильский залив нас сопровождали многочисленные дельфины, будто встречая дорогих и давно знакомых гостей. Гладкие и плотные спины дельфинов посверкивали в маслянистой воде у самого борта судна, и хорошо были видны их весёлые добродушные морды. Можно было до бесконечности наблюдать за милыми животными, вызывающими только добрые чувства.

Не менее восхищали и неожиданно вспархивающие из-под форштевня кругленькие морские курочки, и то радостное ощущение, когда они не взлетали, а только ныряли, оставляя после себя струйки белых пузырьков в прозрачной зелёно-голубой воде. Вся её поверхность в заливе была усеяна птицами. День предвещал быть солнечным, но туман ещё не разошёлся, и солнечный свет с трудом пробивался сквозь густую молочную завесу. Было такое чувство, будто ты плывёшь в лодке по глади спокойного озера, в розоватой от восходящего солнца туманной дымке, как когда-то в детстве, с отцом, и только любишь и радуешься за всех людей и жизнь.

А как радовала не прекращающаяся цепочка чудесных айнских названий – Симушир, Ушишир, Кетой, Матуа, Шиашкотан, Маканруши, Расшуа, Райкоке предшествующая большому и сильному Парамуширу! Верилось, что остров не обделит тебя своим вниманием и любовью, и так оно и произошло. Парамушир оказался для меня тем необыкновенным пространством, куда я для чего-то должен был непременно попасть, запомнив на всю оставшуюся жизнь.

На Парамушире я почувствовал необыкновенную наполненность временем и пространством, и понял, что простор моря, как и жизни, это постоянно предоставляемая Богом нам, людям, возможность выбирать свой путь… Когда невнятная тоска по дальним местам и знаниям не даёт успокоиться сердцу, нужно непременно последовать его устремлениям. Всё время колеблющаяся и переливающаяся поверхность моря – это напоминание о тщётности жизни: не сделаешь сейчас – потом уже ничего никогда не наступит. Принимая этот мир, нужно обязательно откликнуться на его существование, собственными усилиями осуществив то, чего до тебя никто ни совершал. И именно после Парамушира для меня стала простой и ясной моя судьба.

«ОСТРОВ АТЛАСОВА»

Посвящается лавинщикам Севкура

Туманное и короткое лето в этих местах совсем не ощущается. Осень, кажется, приходит из затянувшейся весны, которая точно так же, незаметно, зарождается из зимы, под неугомонный крик подлетающих бесчисленных птиц, облюбовавших прибрежные склоны, когда воздух становится уже прозрачным и звонким, а первый солнечный луч, весело отражённый от воды, мягко растворяется над пустынной бухтой, так что всё, наконец, оживает. Природа здесь непременно устраивает свои причуды, и в длинной череде лет они представляются делом обыденным, раз и навсегда устоявшимся.

Человеку, привыкшему к размеренной и ясной смене времён года, на первый взгляд всё это покажется очень странным и даже, быть может, диким, но только не старожилам. Суровый быт курильской экзотики для них понятен и близок: он содержит в себе то, что делает их здесь в полной мере людьми, что заставляет порой превзойти самих себя. В этом достойном общении с неповторимой курильской природой души людей неминуемо сливаются и сердца начинают биться в едином ритме, обретая великий смысл существования – смысл человеческой жизни.

Сквозь мутноватую плёнку, натянутую на небольшое окошко, невозможно разглядеть: идёт уже снег или нет. Видно только, что пасмурно: хмурые тучи тяжело навалились на море, остров, тепляк, и даже бесприютно метущийся в скалах ветер не в силах развеять их. Ничуть не ослабевая, он монотонно задувает в щель над почерневшей дощатой дверью, и от этого в избушке холодно.

Ветер дует давно, но под его тугими ударами старые стены тепляка немилосердно сотрясаются, и кажется, что они вот-вот не выдержат. Но тепляк, крепко и основательно сложенный из целых шпал, под бременем лет, снегов и бесчисленных дождей, насыщающих дерево давящей влагой, так мёртво врос в берег, что разрушить его без посторонней помощи не просто.

По углам закоптившихся стен сохранились глубоко врезанные порядковые номера, свидетельствующие о том, что шпалы когда-то были доставлены сюда морем и собраны уже непосредственно на месте: леса на острове совсем нет. Есть только такой же древний, как море, вулкан Алаид, скалистые и обрывистые берега, неудобные для подхода судов, длинные пологие мысы – угрюмые, неприютные, океан, выдолбивший в них глубокие пещеры и гроты, в которых в плохую погоду беснуется прибой, и шумные бакланьи гнёздовья.

Остров Атласова является самым высоким из Курильских островов и в ясную погоду открывается с расстояния до 80 миль. Остров представляет собой величественный вулканический конус высотой 2339 метров – Алаид,

поднимающийся прямо из воды. Из кратера вулкана, венчающего остров Атласова, временами струится столб белого дыма. Вершина его раздвоена и большую часть года, а иногда и в течение всего года, покрыта снегом.

В некоторых местах островной берег тянется узкой туфовой полосой, гулко сотрясаясь в шторм от мощных безудержных накатов. Ещё есть раскорячившаяся по склону четырьмя металлическими ножищами и убого напоминающая давно заброшенную голубятню наблюдательная вышка, да жалкие останки былых строений. Когда-то здесь стоял рыбацкий посёлок, была погранзастава, но посёлок со временем изжил себя, заставу перенесли на ближайший остров Шумшу, и теперь всё заброшено и пустынно. По острову гуляет холодный ветер, кричат неповоротливые на вид сивучи, волны лижут береговые обрывистые камни, на которых неподвижно сидят, глядя в море, отрешённо-задумчивые бакланы, - всё течёт так же, как сотни и тысячи лет назад.

Кстати, своё имя остров получил благодаря русскому землепроходцу Владимиру Владимировичу Атласову, чья колоритная фигура заинтересовала даже Александра Сергеевича Пушкина. Он первым назвал его Камчатским Ермаком. Если настоящий Ермак положил начало объединению Сибири с Россией, то Атласов сыграл решающую роль в освоении, в составе нашего государства, всего гигантского полуострова Камчатка. И Пушкин собирался написать об Атласове то ли статью, то ли новое литературное произведение. Но дуэль на Чёрной речке помешала осуществлению этого замысла.

Атласов был первым русским землепроходцем, рассказы которого ещё при его жизни были опубликованы за границей. Его знаменитые «Скаски» 1701 года, записанные в Москве в Сибирском приказе, впервые в сокращённом виде были напечатаны в 1705 году в известной книге голландского географа Николая Витсена «Северная и Восточная Татария». В 1730 году известный шведский географ Ф. И. Страленберг вторично опубликовал сообщения Владимира Атласова о Камчатке на немецком языке в своей книге «Северные и восточные части Европы и Азии». А уже после Великой Отечественной войны в Ленинграде знаток староголландского языка Вильгельмина Герардовна Трисман перевела на русский язык голландскую публикацию сообщений Владимира Атласова, благодаря чему удалось весьма существенно уточнить биографию Камчатского Ермака.

Владимиром Атласовым был составлен один из ранних подробных чертежей полуострова Камчатка, а его действия по освоению дальневосточных земель были замечены в Москве, где он и оказался зимой 1701 года, но с Петром Первым, как полагают некоторые исследователи, он всё-таки не встречался. Пётр Первый проявлял огромный интерес ко всем географическим открытиям, но встреча, тем не менее, не состоялась, поскольку именно в период пребывания Атласова в Москве Пётр Первый ездил на свидание с польским королём Августом. Несмотря на свои заслуги перед российским государством, Атласов обладал довольно крутым нравом, что проявлялось ещё в былые годы при взимании им ясака с якутов, а будучи

направленным в 1701 году на Камчатку с неограниченными полномочиями Камчатского приказного, он и вовсе своими суровыми действиями способствовал волне восстаний казаков, недовольных его грубым обхождением… В конце концов, Атласов сам стал жертвой всеобщего возмущения казаков, и в 1711 году был заколот ударом ножа в спину.

Мы лежим втроём в расслабленных позах на нарах и прислушиваемся к надоевшему за многие дни, но уже не вызывающему, как раньше, раздражения ветру. Ветер не приносит ничего, кроме неясного разочарования и гнетущего холода, но иногда, непонятно отчего, на душе, всё же, становится легко, и в сердце закрадывается надежда, что он способен даже для людей на добрый отчаянный поступок. Чувство это на какое-то время успокаивает, но вскоре понимаешь, что как и море, и всё созданное природой, ветер беспристрастен, а потому человеку ждать от него подмоги неразумно.

Когда мы оказались на острове Атласова, нам ещё не было ничего известно об открытиях знаменитого русского землепроходца, но сами мы, несомненно, чувствовали себя первооткрывателями. Трое – это лучше, чем один, потому что, когда приходит беда, можно переложить её на чужие плечи и в самый последний момент взять на свои. Можно острее ощущать жизнь, когда она уходит из тебя, или разогнать своим присутствием чей-то гибельный сон, хотя бы тебя самого неумолимо влекло в него. Двое могут отдать свой последний кусок третьему и тем самым вложить ему в душу своё дыхание. Можно стерпеть любые лишения только потому, что ты не один.

Когда ты один и некому встать рядом, надо надеяться только на себя. Если нет в твоей жизни того, что могло бы поддержать и помочь выстоять несмотря ни на что, - гибель твоя неизбежна. Как бы опытен ты ни был, многое в несчастье, если не всё, порождается волею случая, а его легче переносить не в одиночку. Трое – это лучше, чем один, когда приходит беда, а она настигла в этот раз как всегда неожиданно и даже глупо.

Им – двум лавинщикам с метеорологической станции Севкура на острове Парамушир, не раз приходилось попадать в различные ситуации, складывающиеся далеко не в их пользу, и это выработало у них определённые правила и характер. Характер никогда не подводил, правила поведения, когда обстоятельства складываются не в твою пользу, они неукоснительно стремились выполнять, но эти самые обстоятельства порой были выше везения, сил, желания, и это было всего страшнее. Случайности в их работе быть не могло, как не могло быть халатности, которую они заведомо и негласно считали между собой главным злом и причиной всех бед, но на сей раз судьба-злодейка подкинула им именно такой случай, с не зависящей от них халатностью других, и это вызывало раздражение, даже – обиду.

Остров Парамушир был конечной точкой нашей экспедиции на Курилах, вся подводная работа была выполнена, а до прихода судна оставалась уйма времени. Отправившись однажды утром в горы, к потухшему кратеру вулкана Эбеко, мы повстречали двух уверенных в себе парней, обладателей редкой профессии лавинщиков, и я сразу понял – они и есть то, чего мне, на самом деле, не доставало, чтобы с пользой заполнить вынужденное пребывание на острове. Возвратившись вечером в гостиницу, я разыскал их, мы разговорились и вскоре так сдружились, что они не предприняли ничего, чтобы оградить себя от моего присутствия. Им, не избалованным людским вниманием, наверное, было интересно побыть с новым человеком. А мне, тем более, было привлекательно всё то, что составляло их работу и жизнь.

Предполагалось, что судно, высадившее нас на остров Атласова для проведения лавинных работ, зайдёт обратно не позже, чем через неделю. Все эти дни стояла ясная погода: ослепительные солнечные блики весело вспыхивали над водой, мягко переливаясь в бодрящем свежестью воздухе, притихший Алаид чётко высвечивался огромной сахарной головой на фоне ярко-синего холодного моря, матово-поблескивающая пена с пронзительным шипением накатывалась на камни и тут же опадала. Погода благоприятствовала нам…

Несмотря на достаточно не продолжительную и несложную работу, мы выполняли её чётко, слаженно и уверенно, не представляя, что судьба в состоянии преподносить сюрпризы именно тогда, когда светит яркое солнце, грозный, но красивый вулкан молчит, всё обстоит как нельзя лучше, а тебя окружают люди, к которым ты испытываешь если не любовь, то глубокое уважение.

В мире этом всё просто, но чтобы достичь понимания этой простоты, требуется преодолеть немало сложностей, из которых не каждому суждено выбраться. Эти двое, вернее всего, выбрались, приобретя необходимый жизненный опыт. Каждый из них уже стал при этом настоящим мужчиной. Но почувствовать себя настоящим - состояние ещё не достаточное для того, чтобы ничего уже не делать в утверждении и сохранении этого звания. Жизнь постоянно преподносит свои неожиданности, в которых порой теряешь себя и вновь обретаешь, только уже совсем другим – более глубоким, умудрённым. Если, опять же, не опустил руки, не прекратил над собой работы и не устал от жизни.

Срок давно истёк, а судно всё не появлялось. Один день сменял другой, более безрадостный. Погода ухудшалась – зачастили холодные, опустошающие душу проливные дожди вперемежку со снежными зарядами. Кончились продукты.

Патронов было немного, и их приходилось экономить. Стреляли, в основном, «кочегаров» - пепельно-чёрных, с бутылкообразным неловким туловищем безответных бакланов и чаек, сильно отдающих рыбой. Утки, как

назло, уже не попадались, все улетели на юг. Силы постепенно убывали, и на охоту выходили по одному, часто возвращаясь ни с чем.

Всего на троих у нас было два ружья и к ним дюжина патронов, охотничьи ножи, плащ-накидки, полное отсутствие горючего, завалящий свёрток со свечками, обнаруженный в тёмном, запылившемся углу, коробка стрелянных гильз и целый мешок окаменевшей соли – жалкой насмешки над нашими пустыми желудками. Почти пятнадцатимильный пролив отделял остров от северной оконечности Парамушира – мыса Землепроходец, и не было ни малейшего намёка на появление какой-нибудь посудины, хотя бы издали напоминающей плавсредство. К тому же, в результате извержений вулкана за последнее столетие конфигурация береговой линии и глубины на подходе к острову резко изменились, что в значительной степени затрудняло плавание в этом районе, из чего следовало, что подойти к острову могло только судно, целенаправленно направляющееся к нему.

По каким-то причинам судно вынуждено было неожиданно изменить курс. Радист дал предупредительную радиограмму в Севкур о нахождении на острове трёх человек, но, по халатности принимающего радиста, она не была занесена в журнал. Радист через пару дней уехал на материк в отпуск, и, таким образом, радиограмма повисла в воздухе. Ребята были уверены, что если что-либо произошло с судном, забьют тревогу родные, которые были оповещены о их скором возвращении и, конечно, не будут сидеть сложа руки. Но фортуна в этот раз была окончательно и бесповоротно жестока в отношении к ним: длительные и не запланированные задержки в их бродячей жизни приучили близких родственников к терпению, и в своём ожидании последние руководствовались девизом – если никого нет, значит, так и нужно.

Эти неутешительные обстоятельства, к счастью, не были нам известны. Нас питала надежда – путеводная звезда всех когда-либо терпящих бедствие и нуждающихся в помощи, неизменная во все времена подруга страждущих и несломленных. Никто из нас ничего не знал и не понимал – что происходит, но каждый ловил в любой окружающей мелочи хоть какие-либо добрые предвестия: старался угадать их в своих тревожных бдениях длинными, холодными вечерами у незамысловатого очага или в спутанных провалах нездорового сна, уповая на долгожданную удачу.

Такие спасительные попытки, возможно, лишь отдаляя конец, всё-таки приближали к счастливому откровению или обретению, которое, в свою очередь, сближало нас, а кажущаяся никчёмной и выматывающая бесконечность упорной борьбы за выживание только ещё более укрепляла наш дух. Настоящая удача никогда не даётся легко и просто: она приходит долгожданной наградой не устающим надеяться, верить в себя и других.

- Чего, ради, мы торчим в этой дыре вторую неделю? – запальчиво произнёс Мишка.

- Этого нам знать не дано, - глухо изрёк в ответ из тёмного угла Володя. Он был самый старший из нас, более опытный и бесспорно становился главным, когда требовалось принять быстрое и единственно верное решение.

- Ты всегда нравился мне глубиной и тонкостью своей натуры, - проговорил Мишка. – Но хотел бы я повидаться сейчас, братцы, с капитаном нашего родного корвета в одной из укромных бухт этого обетованного клочка земли.

- И что бы ты такое ему поведал?

- Подстрелил бы шельмеца, - без должного для такого серьёзного дела запал провозгласил Мишка.

- Сдаётся мне, джентельмены, - не слушая завязавшейся в очередной раз беззлобной перебранки, сказал я, - что капитан тут не причём. Лично я стараюсь подбодрить себя.

- Чем же это, если не секрет?

- Весёлыми мыслями о нашем скорейшем избавлении из этого каменного плена. Там явно что-то случилось, и люди сделают всё возможное, чтобы снять нас отсюда. Нужно только потерпеть.

- Похоже, скоро нам этого не понадобится, - с угрюмой ехидцей в голосе сказал Мишка.

- Как тебе нравится его настроение? – обернувшись к Володе, спросил я. – По-моему, оно ему по душе.

- Ничего нового от него я не услышал. Он и существует-то на свете только потому, что никогда не отходил от своей нормы.

- Чего вы взъелись?! Просто я позволил себе рассуждение о нашем положении…

- Может быть, хватит каркать? – взвился доведённый далеко не утешительными доводами Мишки Володя.

- Ладно, - не спеша проговорил я, и, усевшись на нарах, стал неуклюже наматывать портянки. – Пойду, поброжу по берегу, позабочусь о вашем пропитании.

- Ничего не имею против. Прогулка на свежем воздухе тебя только взбодрит, - примирительно взглянув на Володю, сказал Мишка.

Они, молча, наблюдали, как я, не торопясь, натягиваю сапоги.

- Смотри, будь осторожным, - сказал Володя.

- Под ноги гляди: хоть ничего не найдёшь, так не зашибёшься, - не удержался от очередной реплики Мишка.

- Не злись. Сам хотел быть с нами, а осмотрительность не помешает, - ласково проговорил Володя и, повернув голову, сурово взглянул на Мишку.

Мишка только закатил глаза и, не проронив ни слова, остановившимся взглядом уставился в закопченный потолок.

Медленно одеваясь, я думал о том, что удерживает таких людей в этих отдалённых краях, когда, даже уезжая на материк, в отпуск, их неумолимо начинает тянуть обратно. Может, это привычка к экстремальным условиям, в

отличие от сравнительно спокойной жизни на материке, привлекает их? А может быть, потребность в утверждении себя, когда ты вынужден быть в постоянном напряжении, обретая необходимую тебе энергию?

Этой энергии тебе, почему-то, всегда не достаёт, ибо потом, однажды обретя, её уже невозможно потерять. Сознательно следуя по жизненному пути, такому человеку зачем-то необходимо изучать себя, то и дело, проверяя на крепость. Ему хочется жить настоящей жизнью, открывая своё предназначение и возможности, и тогда жизнь, как правило, не разочаровывает его. Очень важной задачей при этом остаётся умение построения отношений с другими людьми, которые тоже должны быть открытыми и отважными. Причём, происходить всё это должно взаимно, с глубокой преданностью друг другу.

Многие совершенно ошибочно полагают, будто бы в таких, удалённых от большой жизни, местах круглый год приходится осуществлять авральную работу в усложнённой обстановке, а на самом деле людьми движет здесь аритмия, то есть – отсутствие строго заведённого ритма. Нужно только научиться не расхолаживать себя, незаметно теряя рабочий настрой, когда приходится долгое время сидеть без дела, и уметь моментально собраться, если этого требует от тебя ситуация.

На деле, скорее всего, происходит наиболее верное приложение своего труда, сил и способностей, что, в конце концов, и приносит удовлетворение, и если кому-то подходит такой образ жизни – он его для себя выбирает. Но в первую очередь людей привлекает здесь нужность именно твоих духовных и физических затрат, которые почему-то не были востребованы раньше. К тому же, в подобных условиях ты приобретаешь в друзья немало хороших и сильных людей, ибо только такие выдерживают проверку временем в этих Богом забытых местах, и именно ради них хочется жертвовать собой.

Где-то там, в далёких городах на материке, люди чаще всего забывают о настоящей жизни, связанной с природой и собственной сутью, но некоторые из них оставляют самое привычное и дорогое, и приезжают сюда. Здесь они, наконец, обретают не достающую истину, благодаря которой приближаются к Богу, и, обрекая себя, таким образом, на самовольное отречение от жизненного комфорта, становятся самими собой. Незачем было спрашивать себя – в чём заключена эта не достающая для жизни истина, поскольку моя собственная дорога тесно соприкасалась с дорогой ребят, и именно это соединило нас на время.

Натянув, наконец, сапоги и притопнув ими, я накинул коробящийся плащ с капюшоном и, взявшись за ствол ружья, спросил:

- Какие ещё будут наставления?

Пара вытянувшихся на нарах тел ответила дружным молчанием.

- Годится, - с улыбкой пробормотал я и, с глухим скрипом распахнув дверь, вышел навстречу ветру.

Светлые утренние сумерки стояли над морем, когда я осторожно начал спускаться по каменистому склону к самому берегу. Впереди, на юго-востоке, небо чуть приметно отливало тусклым холодным золотом, но когда я обернулся, то увидел серые неприветливые склоны и низко свисающий над островом тёмный небосклон. Эта разница между маленьким, тихонько светлеющим над морем радужным пятном, и неприютно объявшей остров темнотой была так ощутима, что настроение мгновенно изменилось, и окружающий мир вдруг показался всеобъемлюще значимым и загадочным.

Мне вдруг пришло в голову, что всё происходящее с нами могло показаться кому-то забавным, а мне самому даже глубоко желаемым раньше, когда я ещё не знал моря и только слышал его шум в глубине души. Тогда я мечтал о таких увлекательных приключениях и всем сердцем стремился к ним в своём неудержимом воображении, и жизнь действительно подарила мне немало по-настоящему захватывающих и не забываемых впечатлений, о которых раньше можно было лишь желать. Но теперь я уже почему-то больше не задумывался о происходящем в моей жизни, хотя бы это и было нечто необычное, и воспринимал всё естественно, как будто так оно и должно было происходить.

Все извлечённые из-под спуда забвения воспоминания о произошедших когда-то приключениях казались неимоверно далёкими и ненужными теперь, когда во мне уживалось только спокойное желание, несмотря ни на что, жить. Жить, с минимальной тратой отдавая свою энергию и с максимальной пользой воспринимая всё то, чему поклонялись земля, ветер и море, о чём неустанно кричали неугомонные птицы, что неугасимым огнём поблескивало в глазах старого сивуча, или угадывалось в величественно-неторопливом взмахе китового хвоста. Тусклый золотой отблеск неба, еле касаясь лица, будто нечаянно напомнил о скрытом смысле всего живого, осветил равнодушную бездну, отделяющую силу от слабости, и неслышно вдохнул в меня спокойную, мудрую веру в то, что всё будет хорошо.

Обогнув мыс, я оказался в небольшой долине. Здесь было темнее, и ненадоедливо и гулко звучали бесчисленные ручьи, стекающие в море. Ноги мгновенно утопали в заиленном песке, подмываемом быстрой водой, и я время от времени переступал на месте, озираясь вокруг.

Небо предвещало длительную непогоду: в горах, наверное, будет обильный снег, предшествующий скорой зиме, а здесь, внизу, польют нескончаемые дожди и, подгоняемые метущимися ветрами, заполнят собою землю и воздух, напитав их чрезмерной влагой, которую набежавший с вершин холод превратит в скором времени в лёд.

Местами всю береговую полосу загромождали каменные завалы. Камни были разные по высоте, обкатанные и мокрые. Скользкие бурые листы морской капусты, налипшие на них, мешали ступать всей тяжестью тела, и приходилось прыгать, еле улавливая центр тяжести, чтобы не

свалиться в глубокие, с рваными краями расщелины. Ничего не стоило сломать в них ногу.

По левую сторону без устали бушевали волны, с холодным гулом наваливаясь на берег и обдавая солёными брызгами, справа возвышались на десятки метров отвесные скалы, на оголённых срезах которых отчётливо были видны различные по толщине и цвету слои горных пород. Чтобы сберечь силы на обратный путь и не сбить дыхания, я старался меньше прыгать и медленно пробирался в узких просветах между камнями, то и дело останавливаясь и переводя дух.

Несмотря на то, что было утро, свет совершенно посерел, и теперь скалистые склоны, в некоторых местах густо поросшие ольхой и орешником, слились воедино с сумеречным небом. Часто изрезанные широкими расщелинами и распадками, они изредка притягательно поблескивали ягодниками, сплошным бархатистым ковром устилая их покатые изгибы, и оттого на душе становилось теплее. Какая-никакая, а это была пища.

Поднявшись наверх, к тому месту, откуда, тихо журча, вытекал чистый ручей, и, усевшись на круглый камень, я стал быстро собирать ягоду, тут же отправляя её в рот. Ягода была хрустящая, прохладная и лёгкая на вкус, и казалось, её можно съесть сколько угодно. Лучше всего было есть её большими горстями, отчего вяжущий аромат во рту дарил ускользающее ощущение сытости и возвращал к действительности, вызволяя из нескончаемой вереницы замерших дней.

Я огляделся. Угрюмые склоны и редкий кустарник словно затаили дыхание. Всё, кроме неповоротливо колышущегося внизу моря, оставалось недвижимым. Низко над морем парила плохо различимая птица, и птица эта казалась мне частицей того же неправдоподобного затишья, что опустилось на остров.

Кувыркаясь в серых облаках, птица с неожиданной решимостью вдруг взмывала в беспредельное, чуть светлеющее над облаками пространство и, сложив крылья, плавно устремлялась вниз. У самого уреза воды птица невероятным образом изворачивалась и вновь взлетала в небеса. Делала она это так неподражаемо просто, что захватывало дух, и я забыл на миг обо всём, что произошло с нами, и, не отрываясь, следил, как птица в который раз повторяет свои удивительные взлёты и падения.

Постепенно я различил в ней несгибаемого маленького буревестника-глупыша, которого моряки прозвали так за его поразительные воздушные броски, кажущиеся им глупыми. Находясь длительное время в отрыве от земли, среди бескрайних морских вод, когда за целый месяц, порой, не встретишь ни одного проходящего мимо судна, невольно начинаешь более внимательно относиться ко всему, что тебя окружает и может приносить хоть какое-то разнообразие. Одно из достаточно распространённых развлечений – наблюдение за птицами, что само по себе даже полезно.

На тех же Курилах, например, в туманную погоду о близости островов можно судить по появлению птиц, которые иногда удаляются от берега на

расстояние до 25 миль. Если чайки летят высоко над водой, быстро и по прямой линии, то это значит, что они приближаются к берегу, если же они летят низко, бросаются то в одну, то в другую сторону и временами опускаются к воде, то это уже обозначает, что они удаляются от него. Топорки и кайры, как было замечено, удаляясь от берега – всегда летят низко над водой, а возвращаясь к берегу, летят высоко. А вот быстрое возвращение к берегу глупышей означает приближение шторма…

Мой глупыш взмывал и падал почти у самого берега, да и волнение моря приближалось к штормовому, что подтверждало давнюю морскую примету. Внешне глупыш не блистает красотой, и в отличие от тех же чаек выглядит достаточно скромно: серовато-белое оперение с таким же грязновато-серым брюшком и сероватыми шейными перьями оттеняют только черные маховые. Глаза карие, клюв – опять же серо-зеленоватый, а спинка – слегка желтовата. В одёжке своей глупышу похвастаться особо нечем!

К тому же, все буревестники, в том числе – и малые, к которым принадлежат и глупыши, почти не умеют ходить, плавают, хотя легко и, по-видимому, без напряжения, но редко, да и нырцы они, из всех остальных морских птиц, достаточно непутёвые, хотя всё-таки и умеют погружать в воду своё густо оперённое тело. Но чего у них не отнять, так это способности неустанно парить над бескрайними морскими просторами. Наблюдая за глупышами с судна, легко отличить их от других морских птиц, так как глупыши в продолжение целого дня находятся в беспрерывном движении, носясь между волн и высоко над ними, лишь изредка опускаясь к самой воде, чтобы схватить добычу.

Глупыш свободно скользит над бушующими волнами с распростёртыми, почти недвижимыми крыльями, держась по возможности на значительном расстоянии от воды, и всегда неутомимо борется со штормом, будто получая от этого наслаждение. Кажется, глупышу совершенно не нужен отдых. Возникает даже ощущение, что глупыш возбуждён круглый год, будто постоянно находясь в переживании … тока.

Глупыми этих птиц нарекли, вероятно, за то, что глупыши бросаются за кормом, когда он насажен на крючок удочки, причём даже в случае, если они бывают очевидцами гибели от этого крючка своего собрата. Но не проявляют ли птицы при этом отвагу, пытаясь овладеть хоть какой-либо добычей? Морских птиц – бесчисленное количество, и всем им, для поддержания жизни, необходима пища, отчего всякое живое существо, плавающее на поверхности моря, оказывается для них объектом нападения, если оно отчего-то погибло, ранено или больное. Ведь не секрет, что любая морская птица не погнушается и мёртвою рыбою, и при этом не нужно забывать, что приписываемая птицам жадность и ненасытность являются прямым следствием их неустанной деятельности, когда они неутомимо витают весь день над морем, чаще всего преодолевая сильные ветровые потоки.

Глупышу, при его особой приверженности к неустанному полёту приходится, видимо, затрачивать ещё большие усилия, чем другим птицам, и потому даже в приёме всегда необходимой для жизнедеятельности пищи глупыши выказывают своеобразие: существует мнение, что они нападают даже на медуз! В их желудках находили не только останки рыб или китовое сало, но и кости, паклю, кожу, капустные листья, сухари и щепки, даже табачную жеванину, то есть – выплюнутый табак, который жевали матросы. Трудно объяснить – как сочетается в этой маленькой морской птице подобная кровожадность и склонность к отрешённому высокому парению, предполагающему головокружительное падение в волны?!

Кстати, поэтическое название – «буревестники», птицы получили не потому, что они заранее предупреждают корабль о близящейся буре своим появлением возле него, а потому, что в бурю этим птицам легче добывать себе пищу на гладкой воде оставляемого идущим кораблём кормового следа, и они держатся там группами. И если есть в ком-то из морских птиц поэтичность, так это, конечно, в глупыше - малом буревестнике морей, над которыми он витает под самыми небесами, а потом, стремглав, бросается вниз, к водной поверхности, достигнув которую, вновь устремляется к заоблачным далям. Он словно бросает всем вызов, редкими возгласами сея вокруг необъяснимую и восхитительную тревогу.

Глупыш – таинственный маленький романтик океанских просторов, и его безумный окрик и неизъяснимая надежда на что-то несбыточное, даже не океанское и не морское, а только то, на что способен замахнуться именно он, бесстрашный и очаровательный храбрец, восхитительны! Будь его оперение более ярким, он мог бы сравниться с прекрасной морской бабочкой, совершенно очаровательной в своей недосягаемости. Пустынный скиталец морских поднебесий, глупыш чем-то сродни самозабвенному отшельнику, который целыми днями благочестиво и очень усердно несёт свою непонятную никому службу, не желая иной доли. Трудно не засмотреться на него, позабыв обо всём, но и непросто постигнуть.

Правда, есть и в глупыше, при всех его положительных и даже забавных склонностях нечто необъяснимое, даже порой пугающее. У берегов Ирландии, например, а также на Гебридах и Фарерах глупыши совсем не пользуются популярностью среди местного населения. Из всех морских птиц именно они имеют здесь наименьшую симпатию. На этих островах численность глупышей растёт за счёт других птиц…

Глупыши прогоняют пернатых с их гнездовых полочек на скалах, пользуясь некрасивым приёмом: они отрыгивают на кайру, конюгу или тупика зелёную слизь, которая разрушает водонепроницаемый покров на их оперении, так что птицы тонут при очередной посадке на воду. Трудно сказать – делают ли это глупыши специально, так как мне самому ни разу не доводилось этого видеть. Но даже зная об этом, мне почему-то хочется думать, что глупыши, таким образом, развлекают себя, играют, на самом деле не причиняя никому особого вреда.

Птица эта всегда нравилась мне, и я не видел в её действиях ничего глупого. В стремительном полёте глупыша была заключена только радость от переполняющей его крохотное сердце жизни. И ещё - неистребимое желание забраться как можно выше, чтобы в прекрасном парении пронестись над вольной морской стихией.

Ведь по-настоящему птица познаётся только в полёте и, глядя на свободно парящего над поверхностью моря малого буревестника-глупыша, вдруг сложившего крылья и отважно устремившегося вниз, в бушующие волны, лично я проникаюсь к нему уважением. В этом воздушном броске облик маленького буревестника разительно отличается от птицы, спокойно сидящей на земле, и, вообще, всю жизнь связанной с сушей, пусть даже это берег моря. Кажется, что это два совершенно разных создания, потому что только в воздухе, над морем, проявляется индивидуальность птицы, а она у глупыша – особенная.

Бывает, вы не против иной раз понаблюдать за какой-нибудь камнешаркой, озабоченно перебегающей по земле и что-то постоянно склёвывающей, какое-то время любоваться её оперением и повадками, но способны ли вы наслаждаться её видом бесконечно, боясь вспугнуть? На глупыша же можно действительно засмотреться, позабыв обо всём на свете, так как он обращает на себя внимание даже среди беспрестанно перелетающих вокруг чаек, кайр, гагарок и чистиков с топорками.

Именно глупыша ты отмечаешь в многоголосом птичьем круговороте, в котором каждая птица хранит свои легковесные тайны, но малый буревестник, прозванный моряками глупышом, волнует больше всех. Он словно специально создан природой для головокружительных полётов, с короткими крепкими крыльями, маленьким сильным тельцем и какой-то очень возвышенной мечтой, которую глупыш стремится, несмотря ни на что, осуществить, бесстрашно забираясь всё выше и выше в небеса, а затем срываясь в кипящую под ними бездну. Непроизвольно оказываешься захваченным его умопомрачительным парением, и начинаешь вдруг завидовать маленькой отважной птице за её несгибаемость и волю.

Работая в море, в минуты отдыха я всегда любил наблюдать за неутомимым глупышом. Его легко было отличить от других морских птиц, поскольку он – небольшой, плотненький, с короткими крыльями, и тогда, как взбалмошные чайки устраивают невообразимый гвалт вблизи добывающих рыбу кораблей, глупыш безудержно взмывает в небеса, без устали подымаясь всё выше и выше, так что порой его совсем уже становится не видно. Думая о том – зачем он это делает, я прихожу к выводу, что глупышу просто нравится так летать.

Забираться в высоту и нестись оттуда во весь дух до самого моря, а потом всё повторять сначала. Как будто это самое лучшее, что он нашёл для себя в жизни, и, обнаружив подобную потребность, уже не в состоянии ей изменить. Что-то вынуждает глупыша вновь и вновь повторять эти

умопомрачительные взлёты и падения, и они, кажется, будят в сердце птицы нечто неизведанное.

В общем, глупыш стал мне дорог, он ещё более оживил моё восприятие моря, и в экспедициях я действительно постоянно ищу его глазами, а найдя – будто успокаиваюсь и обретаю среди морской стихии себя. Своим присутствием птица помогает мне справляться со многими трудностями, как это ни странно звучит – я учусь у неё жизни и очень ей признателен.

Мне и самому хочется точно так же, как птице, рваться ввысь, удаляясь от моря, а потом нестись с высоты вниз, выходя из пике у самой поверхности воды. В этом, кажется, совершенно ненужном действии, не несущем в себе никакого смысла, между тем заключалось нечто притягивающее и завораживающее. Приятно было даже просто смотреть на парящего над морем глупыша, восхищаясь его ловкими манёврами и неустрашимостью, и за долгие годы работы в море я искренне полюбил эту маленькую птицу, заключающую в себе какую-то необъяснимую, несгибаемую силу.

Сейчас, когда глупыша мне не хватало, он неожиданно появился передо мной, и, глядя на него, я, конечно, понимаю, что ни какой он не глупыш, но имя его мне всё-таки нравится. Глупыш как будто восклицает своим полётом: думайте обо мне – что хотите, но я счастлив, что имею возможность наслаждаться парением над морской пустыней, и если вам нравится называть меня глупышом, то пусть так оно и будет, и это никак не сможет повлиять на ту радость, которую я переживаю.

Подобные мысли посетили меня, пока я наблюдал за кружащим неподалеку глупышом, и я как-то незаметно успокоился. Держа ружьё между колен, так что приклад его упирался в выбеленные бесчисленными ветрами и водой камни, я вдруг заметил в чистом ручье отражение лисьей морды… Прямо за моей спиной отвесно возвышался скалистый откос, на вершине которого стояла лиса, вытянув голову и с любопытством рассматривая, что делается внизу. Стараясь не вспугнуть её неосторожным движением и не глядя вверх, я взвёл курок, медленно повернул ствол в сторону лисы и нажал спуск.

Выстрел прозвучал сухим коротким щелчком, который, не отдаваясь ни на секунду в широких склонах долины, тотчас завяз в мглистом, плотном воздухе. Как будто его и не было – только голубоватый пахучий дымок небольшим клубком взвился над ручьём и, смешавшись с серым цветом курильского утра, незаметно растворился в нём. Голова лисы исчезла.

Это было очень непредусмотрительно с моей стороны – стрелять наугад, когда оставались считанные патроны, и всё же, подчиняясь внутреннему чувству – необъяснимому, но такому неукоснительно-требовательному в определённые минуты, в миг захватывающему всё твоё существо, я спокойно, без страха за последствия, нажал на спусковой крючок.

Когда, вконец вымотавшись и оцарапавшись об острые края камней, я поднялся на скалу, лиса лежала, неестественно закинув голову и вывалив

язык. Лёгкий ветерок неслышно и мягко копошил её огненную шерсть, осклабившаяся пасть застыла притягательной белизной зубов, а одна половина черепа была снесена начисто: заряд угодил прямо в глазницу.

Я стоял какое-то время, не в силах поверить глазам. Безмерная усталость охватила меня. Чуть пошатываясь, я опустился на землю – ноги были как ватные, они не держали. Мерные звуки плещущейся морской воды доносились откуда-то снизу и, пробиваясь сквозь затуманивающую мозг тупую дурноту, ненавязчиво убаюкивали сознание.

Я вдруг провалился в дурманящий сон, в котором одно неспокойное видение сменяло другое. Вернее, это был не сон, а липкая, сковавшая члены дремота, из которой время от времени приходилось изредка выбираться. Сознание в такие минуты почти прояснялось, и тогда я возвращался ко всему, что меня окружало, но пошевелиться не мог. Долго лежал вот так, в плотно обволакивающей тело тишине, и смотрел, как кружат в низком небе одинокие чайки. Глупыша не было видно.

Неизвестно, сколько продолжалась эта темнота, но мой собственный стон, наверное, обращённый неведомо к кому, вывел наконец из тяжёлого забытья. Море по-прежнему глухо всхлипывало у подножия девственных скал, солнце желтоватым бельмом перекатилось за мутной пеленой облаков ближе к западу. Задул неприятный, пронизывающий ветерок.

Размяв затёкшие члены, я перевернулся набок, встал на колени и, обернув голову лисы куском брезента, аккуратно уложил её в рюкзак. Затем поел немного шикши, напился ледяной, до боли в скулах, воды из ручья, и начал спускаться.

Дело шло к вечеру, и нужно было торопиться: ребята не знают, что со мной, наверняка волнуются и уже, должно быть, ищут. Надо спешить, даже если нет сил: так уж заведено в этих краях, где невозможно не думать о других людях, находящихся рядом. По крайней мере, сейчас, когда мы живём вместе, и каждый друг за друга в ответе. Судьба, зловеще подставив свою ловушку, в тоже время ещё раз подарила нам счастливую возможность по-настоящему ощутить неисповедимые и радостные пути мужской сплочённости.

Оба ждали неподалёку от тепляка, сильно исхудавшие – я только сейчас это заметил, не на шутку обеспокоенные и невесёлые.

- Выглядите вы лучше некуда, - ещё не отдышавшись, проговорил я. – Так и брызжите здоровьем.

Доброжелательные слова, сказанные, чтобы подбодрить или порадовать, выражающие не то, что есть на самом деле, а то, чего хотелось бы видеть. Простые замечательные слова и удивительная возможность подставить другому человеку своё плечо: вместе, всё это, предназначено для сохранения тепла и сил.

В таких ситуациях сначала всегда приходит страх, потому, как до этого всё шло своим привычным чередом, и ты никак не мог допустить, что смерть в скором времени может настигнуть и тебя. Твой разум не способен

охватить, со всей остротой, эту необъяснимо ускользающую связь с суровой действительностью. Что-то как будто случается с тобой против твоей воли, а ты не в силах принять правильного решения: в тебе ещё слишком много остаётся живого.

Но часть этого живого - почему-то должна умереть, может быть, ради того, чтобы оставшееся – выжило, и если ты выстоишь, то переживания, вызванные возможным приближением гибели, принесут тебе необходимую смелость и знание. Правда, только до следующего раза, пока ты вновь не останешься один на один со своим опытом, интуицией, жаждой справедливости и темнотой жизни, когда холодящая волна её неумолимого притяжения настигнет тебя так же неожиданно, посреди светлого дня.

Так бывает всегда, когда решаешься на что-то достойное и совершаешь над собою усилия. Так непременно будет, если ты не отступишь, и если всё же удастся не погибнуть при этом, не очерстветь, а возродиться на пепелище былых потерь и тревог твоей несгибаемой судьбы. И тогда, быть может, жизнь ещё порадует тебя своим непревзойдённым величием.

Такую жизнь не променяешь ни на что, даже на те молодые дни своей незамутнённой юности, из которой вспоминается только радость от первой маленькой победы над собой, тогда как страх преодоления себя стараешься поскорее забыть, будто его и не было. Но страх, по сути, это ожидание того, что только может случиться, а потому поддаваться ему не имеет смысла. Правда, на понимание такой, вроде бы, доступной и простой истины порой уходит целая жизнь.

Глядя сейчас на ребят, нельзя поверить, что это конец, подумал я. Слишком много хорошего, конечно, осталось позади, но сколько ещё, без сомнения, достойного и радостного ожидает?! Впавшие глаза радостно сияют. Стало быть, они тоже считают, что с этим не совсем весёлым делом неверия в собственные силы следует повременить.

Что ж, я не против. Хрупкий лёд незнания себя и жизни надломился: неиссякаемый источник энергии вновь обрёл спасительную свободу.

- Джентельмены, вы когда-нибудь пробовали отварную лисятину? – с вымученной улыбкой проговорил я и, ощутив сковывающую тело слабость, опустился в жухлый осенний мох.

Очнулся я, когда уже рассвело. Мишка сосредоточенно колдовал у печки. В избушке пахло каким-то варевом. Приподнявшись на локте и обернувшись к запотевшему окну, я увидел, как Володя, балансируя под бременем небольшой, но вместительной фляги с водой, медленно идёт по узкой тропинке к дому.

Я опять улёгся и закрыл глаза: хорошо лежать вот так и знать, что жизнь не кончилась – она продолжается. Мне показалось, что дом наш внутри принял более живой вид, в нём даже чувствовался уют.

- До чего же ты деловит, - вполголоса проговорил я, глядя, как Мишка орудует над котелком.

Дверь жалобно скрипнула, и на пороге появился Володя.

- Наш охотничек, кажется, ожил и даже пытается острить, - обращаясь к нему, сказал Мишка. – С чего бы это?

Володя поставил флягу в угол, опустился на нары и устало улыбнулся.

- Как чувствуешь себя, дружище? – спросил он.

- Пустяки, - ответил я. – Полезно пройтись пешком десяток километров. Ведь так редко удаётся вырваться на природу.

- Ну-ну, - снисходительно кивнул головой Володя. – Спасибо, что хоть притащился сам, а то мы уж не знали, где тебя искать.

- Прогулка, видать, действительно пошла тебе на пользу, - сказал Мишка. – Спал ты словно убитый, к тому же на обед у нас сегодня мясной бульон из лисьих лапок. Как ты к этому относишься?

- Положительно.

- Иначе и быть не может, - щурясь от пара, плотными клубами вырывающегося из котелка, удовлетворённо произнёс он. – Лично мне здесь даже начинает нравиться.

- Что-то ты опять не на шутку развеселился, - сурово произнёс Володя.

- Это всё из-за того, что он не может примириться с моими кулинарными способностями, - обращаясь ко мне, проговорил Мишка. – Завидует, ясное дело.

Приподняв крышку, Мишка зачерпнул ложкой бульон и попробовал на вкус. Лицо его перекосилось.

- Перцу не хватает, - с серьёзным видом подытожил он.

- Есть будешь первым, - спокойно сказал Володя. – Как самый вульгарный лавинщик из всех, которых я знаю.

- Пожалуйста. Мне же больше достанется. На вашем месте я бы поостерёгся давать такие советы.

- Вот мы и поостережёмся.

- А-а, все эти разговоры ни к чему, - сказал Мишка. – Как только вы попробуете моё блюдо, вы сразу поймёте: кухня – моя стихия.

- Не верю я тебе, - угрюмо проговорил Володя.

Мишка снял крышку и попробовал ножом белые куски мяса, плавающие в бурлящей воде. Комната наполнилась сладковато-приторным запахом, отдалённо напоминающим мясной.

- Ну как? – приподнявшись на нарах, осторожно спросил я.

- Во всяком случае, она мягкая.

Володя молчаливо наблюдал за всеми манипуляциями Мишки.

- Ну, скоро? – в нетерпении спросил он.

- Готово, - наконец объявил Мишка о своей стряпне и, громыхнув крышкой, снял котелок с печи.

Мы вопросительно посмотрели на него.

- Тарелок, к сожалению, нет, - объявил он. – И вилок тоже.

- Ничего, на этот раз обойдёмся без них, - сдерживая себя, сказал Володя.

Обжигаясь, Мишка выудил из дымящегося котелка одну лапку и, тщательно подув на неё, начал есть. Делал он это сосредоточенно, время от времени показывая вздёрнутыми бровями, как это невообразимо вкусно, всем видом стараясь убедить нас в том, что обед удался на славу.

Пока он ел, мы всё время, не отрываясь, смотрели на него. Покончив с одним куском и блаженно поглаживая живот, Мишка потянулся за вторым. Недоверчиво поглядывая на него, Володя тоже достал себе лапку. Уже через минуту, позабыв обо всех предосторожностях, мы за обе щёки уплетали содержимое котелка, не обращая внимания на непреодолимо муторный, повисший над столом запах псины.

- Ну, как вам лисятина-то, ничего? – умиротворённо ковыряясь в зубах, осведомился разомлевший от еды Мишка.

- Мясо что надо. Жаль только, без гарнира, - сказал я. – Мишка, ты настоящий повар.

- Это у нас просто аппетит с голодухи разыгрался, - сказал Володя.

- Ты что?! – На лице Мишки появилось неподдельное оскорбление. – Разве тут дело только в этом?

- Может, на руках его донесём до кроватки? – спросил я.

- Много чести. Убил-то лису ты – тебе и все почести.

- Хоть бы раз от тебя доброе слово услышать. Не дождёшься, наверное.

- Ну ладно, - примирительно проговорил Володя. – Без тебя бы мы околели с голоду, и в поварском деле тебе нет равных… Это ты хотел услышать?

Мишка расплылся в улыбке.

- А теперь слушайте внимательно, - сказал он. – Есть идея.

- Ого! – с интересом воскликнул Мишка. – Сейчас, я только всё уберу.

- Подождёт твоя посуда, - спокойно глядя на него, проговорил Володя. – Не велико дело. Тут задачка особого подхода требует. Сегодня я случайно обнаружил на заброшенной заставе бочку с соляркой. Старая наблюдательная вышка находится как раз с той стороны, откуда её могут заметить с Шумшу. План прост: кому-нибудь из нас забраться наверх, облить всё соляркой, поджечь и быстро спуститься по заранее привязанной верёвке. Хотя опоры у вышки и металлические, полыхать ей не меньше часа. Остаётся выбрать ясный солнечный день, чтобы уж действовать наверняка. Что скажете?

- Вот это да! – восхищённо произнёс Мишка.

- Ловко придумано, - подтвердил я.

- Всё займёт минут пять, не более, - сказал Володя. – Главное – забраться и вовремя успеть спуститься. Тебе, Миш, как самому шустрому, тогда и придётся это сделать.

- Это для меня всё равно, что мыльные пузыри пускать, - ответил Мишка.

- Но-но, - предупредительно кивнул Володя. – Не храбрись. Ты сейчас не такой, как раньше. Как ты себя чувствуешь?

- Лучше некуда.

Мишка был неисправим: славный, чистый парень, дьяволу душу заложит, но подлости не сотворит, страху - ни за что не поддастся, а уж веселья ему не занимать. На лице Володи написано одно: лучшего друга у него никогда не было и, наверное, уж больше не будет.

- Тогда всё насквозь становится ясным, - сказал он. – Мы будем стараться обеспечить по возможности твою безопасность и следить за тем, чтобы всё шло гладко. Надо это дело тщательно рассчитать. Ошибки быть не должно.

- Можешь на меня положиться. Я – крупный специалист по всякого рода хитроумным задумкам. Такой костёр запалю, что целая флотилия сбежится к нам на подмогу. Это я вам обещаю.

- Ладно. Хватит трепаться, - сказал Володя. – Лучше, действительно, подумай о деле. Как не хитри, а правды не перехитришь.

- Хорошо, - примирительно проговорил Мишка. – Я всё сделаю так, как нужно.

День выдался холодный, но ясный. Природа великодушно подарила нам его: всё же она была благосклонна.

Тепло декабрьского солнца почти не ощущалось, и спины наши обдувал пронизывающий северо-западный ветер. Казалось, всё, что сейчас происходит, уже когда-то было в нашей жизни, давным-давно: и эти изрезанные студёной водой скалы, и открытое море, и тёмное бездонное небо. Было и прошло, и вот теперь вновь возникло, так что время остановилось вместе и со скалами, и с морем, и с бездонным небом, желая понаблюдать, что предпримут люди на этот раз, а потом опять потекло над землёй, беспристрастно взирая на нас с вершины своего недосягаемого величия. Хмурое, неприступное, неуловимое, совсем иное, чем мы его воспринимали тогда, когда оно несло с собой удачу.

- День будет ничего, если только не затянет после обеда. Надо торопиться, - задумчиво проговорил Володя. – Сколько тебе понадобится, чтобы забраться наверх?

- Без поклажи – четверть часа, если повезёт, а то и больше, - прикинув, ответил Мишка.

- Канистру с горючкой мы подадим тебе потом, когда ты уже заберёшься и спустишь оттуда конец. Ты уверен, что у тебя хватит сил?

- Ни в чём нельзя быть уверенным.

- У тебя, значит, тоже такое бывает?

- И у меня тоже.

- Ну, хорошо. Не будем об этом.

- Значит, не будем.

- Что с тобой? Ты, я вижу, не в себе?

- Со всяким может случиться, если он через каждую минуту будет выслушивать твои незаменимые распоряжения.

- Не злись. Я ведь хотел как лучше.

- Я понимаю.

- Ты только не торопись, и всё будет в порядке. Главное – не сбей дыхание.

Мишка глубоко вздохнул и, повернувшись к опоре, начал осторожно подниматься, медленно передвигаясь от одного выступа к другому.

- Как ты думаешь, нас заметят? – озабоченно посмотрев в сторону моря, спросил я.

- При таком ветре эта голубятня не прогорит и часа, - ответил Володя.

- Чёрт бы побрал этот ветер!

- Теперь это не имеет значения, - сказал Володя. – Надо использовать любую возможность.

- Да, верно, - согласился я. – Не мешало бы перекинуть спусковой конец на наветренную сторону: вдруг ветер усилится. Так будет спокойнее.

- Вот дьявол, - сказал Володя. – Я об этом не подумал.

- Не огорчайся. Это ещё не поздно сделать.

- Я и не огорчаюсь. Просто злюсь на себя и тревожусь за него.

- Всего не предусмотреть.

- А я должен был предусмотреть. Миша! – крикнул он вверх.

- Да?! – откликнулся тот.

- Когда заберёшься – перебрось конец с подветренной стороны. Ты меня понял?

Мишка понимающе кивнул головой и полез дальше. Видно было, с каким трудом это ему удаётся, но расстояние до площадки постепенно сокращалось.

- Сил уже совсем нет, - тихо сказал я, глядя, как Мишка пытается уцепиться за выступ на крышке, ведущей наверх.

- Давай помолчим, - сказал Володя.

- А если у него ничего не выйдет, тогда что делать?

- Многих людей беда незаслуженно возвышает в собственных глазах, когда опасность благополучно минует их, некоторые на какой-то миг действительно обретают бодрость духа, и это позволяет им по-настоящему почувствовать, чего они стоят на самом деле. Мишка скроен из особого теста – он впитал всю эту петрушку с молоком матери, развил в себе спокойно, и незаметно для себя стал для других человеком без изъяна.

- Если, конечно, не принимать бесхитростную отвагу за убыток?

- Мишка не для себя родился, а для людей.

- А значит, и для Бога…

Мы стояли на солнце, и ветер пронизывал нас насквозь. Каждый неотрывно наблюдал за всем, что происходило наверху. Прямо над нами, в холодной синеве неба, застыли две птицы. Они только изредка покачивали

кончиками крыльев, и ветер плавно нёс их в глубокой вышине, будто два затерявшихся пёрышка, - частички недостижимого тепла и покоя.

Долгое время Мишки не было видно, но затем из-за перегородки показались голова, плечи, и он помахал нам рукой.

- Миша! – крикнул Володя. – Как ты там?

- Хорошо, - еле слышно донёсся его голос. – Отсюда открывается великолепная панорама. Никогда не видел ничего такого.

- Надеюсь, от всего, что ты там увидел, у тебя не закружится голова?

- Нет, дружище. Вот только отдышусь и примусь за дело.

- Тебе там никакого судна не видать? – задрав голову, что было сил, прокричал я.

Мишка, приложив сжатые в кулаки руки к глазам, как будто бы у него был бинокль, медленно повёл ими и сказал:

- Нет, ничего не видно. До самого горизонта одна вода, а ветер, кажется, усиливается.

- Сейчас подадим тебе канистру, факел, и дело с концом. Ты только не волнуйся. Давай! – крикнул Володя.

Мы стояли и, задрав головы, наблюдали, как Мишка, не спеша, подтягивает излохмаченный конец с грузом.

- Как только подожжёшь, собирай манатки, и сразу сигай вниз. Ну, как у тебя там, всё готово?

- Полный порядок.

- Тогда удачи тебе.

Всё произошло в какие-то мгновения: налетевший порыв ветра молниеносно подхватил тотчас зашедшееся пламя, и бесплотными, почти невидимыми лоскутами бросил его в подветренную сторону. Пламя весело схватилось, зашелестело и вдруг с треском ухнуло, будто огромное шёлковое покрывало, разошедшееся по шву, потом внезапно взметнулось к дырявой дощатой крыше и закружило под ней ярким безудержным жаром. Густой, пахучий дым тёмно-серебристым живым хвостом чернобурки потянулся низко над островом.

- Ну, как твоё самочувствие, герой? – обнимая благополучно спустившегося по верёвке Мишку, радостно проговорил Володя.

Одежда на нём была изодрана в клочья, ресницы и волосы сильно опалены, руки стёрты в кровь, но чумазое лицо излучало ослепительную улыбку.

- В ушах только шумит, а так – всё в порядке. Я сегодня словно заново родился, - не успев ещё отдышаться, объявил Мишка. – Совсем молодой.

- По тебе этого сейчас не скажешь, - весело сказал я.

- За товарный вид не ручаюсь, но душа у меня поёт: может быть, сегодня уже будем дома!

- Повезёт – не повезёт, дело случая, - сказал Володя, глядя в сторону соседнего острова. – Надеюсь, им придёт в голову мысль проверить, всё ли тут в порядке. На это весь расчёт.

- Да, остаётся только надеяться и ждать, - устало проговорил Мишка.

- Вот что, дружище, - сказал, обращаясь ко мне, Володя. – Останешься здесь с ружьём и будешь караулить, пока не появится на горизонте какая-нибудь посудина. Стреляй только в крайнем случае, когда понадобится. Годится?

- Сколько у нас осталось патронов? – спросил я.

- Не больше пяти, - ответил Мишка. – К тому же, ветер дует совсем в противоположную сторону. Они могут не услышать.

- Пусть даже они не услышат, - сказал Володя, - но ведь наверняка кто-нибудь заметит огонь, и тогда они, так или иначе, будут вынуждены подойти сюда. Вот на этот случай кто-то из нас и должен находиться здесь. Сменяться будем через три часа.

- Пожалуй, ты прав, - сказал я.

- Как ты думаешь, - озабоченно обратился к Володе Мишка, - хорошо видно оттуда невооружённым глазом наш костёр?

- Я об этом столько же знаю, сколько и ты, а тебе должно быть лучше известно, что и как, ведь ты у нас крупный специалист по такого рода делам.

- Ладно, не заводитесь, - сказал я. – Отправляйтесь-ка лучше отдыхать, я уж тут как-нибудь обойдусь.

- Вот это дело, - успокоено проговорил Володя и, обернувшись к Мишке, добавил: - Чего у тебя там сегодня на обед?

- По куску варёного баклана под собственным соусом с брусникой и черничный отвар.

- От такого соблазна трудно удержаться.

- А этого и не требуется, - ответил Мишка. – Пойдём и попробуем.

- Пойдём, - сказал Володя. – Именно этого мне сейчас и не хватает.

Итак, всё, что мы могли сделать, уже сделано, но необходимое время прошло, и ничего не случилось. Один день, не оправдывая надежд, сменял другой, а утро, сулившее долгожданное спасение, не наступало. Серая мгла поглотила всё вокруг, и море монотонно билось о мрачные скалы, не в силах отступить даже в своём бессилии.

Вспениваясь мутновато-зелёной с серыми гребнями волной, море тяжело хлюпало в тёмных холодных расщелинах, в своём неудержимом порыве постепенно подтачивая недра застывших гор. Узкие лощины повсюду прорезали берег, и от этого он казался безрадостным, неприветливым. Снег уже толстым слоем лежал на скалистых склонах, и это общее тяжёлое состояние в природе стало тем фоном, который с каждым днём всё больше подрывал наши силы.

Попеременно приходя в себя, мы глотали густой ягодный отвар, жалкие остатки которого бережно хранились на самый крайний случай, и вновь погружались в сонливо-гнетущее, пустое состояние. Засыпали, обычно, молча, убаюканные монотонным шумом океана.

Пахло парафином и сухой холодной соломой.

Погружаясь в сон, я улетал в какие-то, ещё неведомые мне края, в глубине души желая уже поскорее куда-нибудь попасть. Приходя же в сознание, краешком глаза наблюдал в небольшой просвет оконца ярко светящиеся, вздрагивающие звёзды или низкое серое небо. Всё смешалось…

Но иногда сон не шёл, и мы подолгу говорили о разных вещах. Почему, например, люди, уезжая совсем на материк, всё-таки возвращаются обратно. О том, как хитры и неуловимы куропатки, которые, впрочем, в определённое время года становятся глупыми и легкодоступными, и когда лучше стрелять утку на озёрах в предгорье. Нас занимало всё: как быстро прижились на островах зайцы, завезённые сюда лет двадцать назад, почему шумит морская раковина, отчего горбуша возвращается однажды в места своего рождения, чтобы, продолжив род, именно здесь и погибнуть?

О чём мы только не говорили долгими вечерами. То и дело вспыхивающие воспоминания приносили массу неразрешимых вопросов и ответов, в которых мы утопали с головой, забывая о нашем бедственном положении. Так иногда бывает при встрече людей, которых почему-то перестаёт тяготить иссушающее тело и душу бездействие, когда даже становится слышно, как мерно отбивает свой невидимый ход опостылевшее своим однообразием время.

Временами мы выбирались из тепляка и, пошатываясь, брели к заснеженному берегу, чтобы набрать немного дров. Выходили по одному, нетвёрдой походкой, невыносимо озябшие от холода, падали, поднимались и вновь, с трудом ступая по рыхлому снегу, брели в поисках пищи, хотя и с затуманившейся верой в возможность выбраться из этого каменного котла, но всё-таки не сломленные.

Что-то важное, еле угадываемое происходило сейчас, но чем дальше – тем менее остро ощущали мы приключившуюся с нами беду. Скорее даже, приходило понимание своей слитности с окружающим миром, и наше, вроде бы, незавидное положение, постепенно начинало казаться не таким уж никчёмным. То, что с нами случилось – являлось неотъемлемой частью жизни, которую мы сами выбрали, а значит – не должны были обижаться на судьбу, уповая только на свои силы и Бога.

Но безжалостно настигнувшая зима словно вмёрзла в мозг, опалив его смертоносным холодом, и только в редких просветах, на какой-то миг возвращаясь к действительности, мы чувствовали, что ещё живы. Страха за собственную жизнь у нас не было, и каждый, выплывая из тягостно-вяжущей темноты, не мог не ощутить в себе естественного состояния общности и сострадания с находящимися рядом друзьями.

Я думал: неужто - это тот самый день, когда у нас не получилось с поджогом вышки? Нет, этого не может быть. Вчера или позавчера Володя обнаружил Мишку у самых дверей тепляка, когда хотел набрать немного дров, чтобы растопить печь. Мишка лежал лицом вниз, и, казалось, не дышал. Он привёл его в чувство, помог добраться до нар и напоил отваром.

Потом, что было потом? Я не помнил. Я потерял счёт времени: теперь для меня всегда был день, ночей не существовало. Только белёсый, серовато-мерцающий свет в маленьком окошке, ничего кроме него и бесконечного снега под высоким небом.

Всё было без начала и без конца: наша утихающая жизнь, снег и тишина. Тишина тягучая, в ту самую пору даже временами сладостная, приятная. Время дышало безжизненно и застыло, казалось, оно не несло ничего, на что можно надеяться, и было беспристрастно к нам в своей пугающей безжалостности.

Всё повторяется, думал я, лёжа на нарах, и вслушивался в метущийся за окном ветер. Студёный зимний вихрь вздымался и безумствовал где-то там, у самой вершины Алаида, а затем бросался вниз, пронизывая ледяным дыханием тепляк, гулко ударялся в стёкла и стены. Будто мощный, невидимый зверь, зажатый в глухом ущелье, метался он, вбирая в себя все запахи и звуки кем-то отторгаемой от острова жизни, и рассыпал их над морем. Ветер уносил память в прошлое, и в такие минуты я думал о том, сколько было упущено драгоценного времени впустую, растрачено бездумно понапрасну, словом, безвозвратно утеряно. Оно неслышно утекло сквозь пальцы, оставив после себя лишь горькое ощущение не использованных собственных возможностей.

Дальше теперешней жизни никто из нас не смел загадывать. Мы лежали, обессиленные голодом, стужей и собственным вынужденным бездействием, сквозь вязкую дрёму прислушиваясь к себе и к тому, что происходило за стенами тепляка. Там, в сырой холодной мгле, растёкшейся над необъятными океанскими просторами, творилось то, о чём мы могли лишь догадываться. Порой мы забывали и об этом – силы были уже не те, и сковывающая усталость незаметно прокрадывалась в тело и душу, чтобы затем уже прочно поселиться там.

Человеку подчас так остро не достаёт удачи, что уже почти не ожидаемое спасение всё-таки приходит к нему. Сплошная непогода, простирающаяся над ним, вдруг расступается в какой-то неприметный день, и сковывающий холод постепенно рушится под напором невидимого, но уже ощущаемого тепла, хотя ещё и налетает временами ледяной северный ветер. Повсюду – в шуме ветра, в гудящем замирании моря слышится не однообразно роящийся и надоевший за бесконечно томительные дни гул холодной тишины, а смутный звук надежды, сливающийся с песнью моря и неба, чётко угадываемый в притихшем свете курильского дня.

Какое-то далёкое жужжание сначала тоже почудилось мне в порыве прилетевшего ветра, и я с замиранием сердца лежал, вслушиваясь в мгновенно загустевшую тишину, всеми оставшимися силами стараясь не потерять этого звука, не упустить трепетного огонька, не дать ему затухнуть или провалиться в холодную бездну. Чутко прислушиваясь к этому новому, раздающемуся где-то вдалеке отголоску грядущих перемен, то

наплывающему, то снова тонущему в почти обезумевшем от отчаяния сознании, я не в силах был поверить, что это спасение.

Судорожно цепляясь за стол, за холодную печку и все выступы, попадающиеся под руку, я кое-как выбрался на свет и, прислонившись спиной к бревенчатой стене тепляка, посмотрел в сторону моря. Вспышка света тотчас ослепила, и я устало заслонил рукой глаза, и побрёл так, с поднятой рукой, упираясь плечом в тепляк вдоль стены, потом упал на колени – силы совсем оставили меня, и уже не мог идти, только полз понемногу вперёд с долгими передышками. Я знал наперечёт все эти заснеженные расщелины и склоны, обрывистые скалы и укромные бухточки, тот безжизненный холод, который они несли в себе, и теперь уже не боялся ничего. Только бы хватило сил…

Лёжа на снегу, я чувствовал, как сырость просачивается сквозь одежду. Справа от меня, в небольшой каменной нише, устроился с ружьём Володя. Его запрокинутое к холодному небу лицо не выражало ничего, кроме опостылевшей настороженности. Оно было почти свободным.

Перед нами огромным пятном синел океан, медленно кативший свои воды на берег под бледным солнцем, и в этой бесконечной сини мы увидели чёрную точку – бот, огибающий мыс и направляющийся к нам. Бот высоко поднимал нос над водой, и не было возможным заметить, сколько человек у него на борту.

Я не услышал, а только ощутил, как громыхнувший выстрел гулко прокатился над бухтой и утонул в мягкой морской дали. Ружьё беспомощно забрякало по камням, и вязкая тишина неприятно навалилась на грудь. Вот и всё, только и успел подумать я, проваливаясь в пронизанную холодными лучами пустоту. Ничто не тщётно, если не посчитать его таковым.

В последний миг мне ещё почудился неясный крик, который лёгким эхом отозвался в скалах и мягко толкнулся в сердце. Невидимые крылья оторвали тело от земли и понесли, не скованное ничем, в неподражаемо чудесном полёте над необъятной далью. Взмывая в недосягаемые выси и, с наслаждением, падая камнем к пенящимся волнам, я превращался в маленькую морскую птицу – глупыша, бесстрашного провозвестника необузданной стихии, которым уже, наверное, был когда-то в своей давней полузабытой жизни.

Уходя, уносясь, исчезая, всё рано или поздно возвращается, чтобы с чуть ощутимым преимуществом отправиться на следующий круг, и только холодный ветер, как сотни и тысячи лет назад, гуляет над землёй, кричат неповоротливые на вид сивучи, могучий океан неизменно шумит и бьётся о береговые обрывистые камни, на которых неподвижно сидят, глядя в море, отрешённо-задумчивые бакланы… Это инстинкт, наверное, заставляет их жить и угадывать собственное существование, инстинкт, который неумолимо влечёт к полёту, движению, действию, инстинкт, превращающийся от одного витка к другому в более осмысленное и достойное состояние, с каждым

разом всё неотвратимее захватывая тебя в своей безудержной жажде к жизни…

Да, на этот раз всё обошлось, и это было не главное. Матросы втащили нас по трапу, обвязывая каждого верёвкой, накормили макаронами по-флотски, и долго расспрашивали, не понимая от радости, что у нас нет никаких сил отвечать на их самые простые вопросы. Затем пересказывали вновь подходящим членам экипажа всё на разный лад, не переставая, удивлялись – как это мы остались живы, и доставили в Севкур, где мы были вместе ещё три недели, прежде, чем подошло наше судно.

Отойдя от перенесённого, мы ушли в горы с Фомичём - старым лошаком, которого ребята использовали для перевозки оборудования в горах. Володя просил меня обязательно написать когда-нибудь о нём, вообще - обо всём, что с нами произошло на острове. Мы пили водку за нашу работу и молодость, радовались не обманувшей нас жизни, а потом - расстались, как это всегда приходится делать полюбившимся друг другу мужчинам.

Я часто вспоминал, как при знакомстве, когда они вдвоём с Мишкой только что спустились с гор, Володя нашёл меня своими светло-серыми глазами, подошёл и, положив руку на плечо, словно мы были знакомы целую вечность, с улыбкой спросил: «Ну что, дружище, скажи что-нибудь настоящее…». Я тогда в растерянности посмотрел на горы, и не нашёл – что ответить. Мне почему-то было совестно, и в тоже время хорошо, и я не заметил, как этот человек сразу стал мне дорог.

А через год я узнал, что они оба погибли в пургу, не дойдя трёхсот метров до тепляка у мыса Рифовое, куда мы когда-то уходили на несколько дней с Женькой, чтобы ощутить рядом с океаном радостную привязанность к друг другу. Володю нашли скрючившимся у рюкзаков, с ободранными руками и лицом, неподалёку от обрывающихся к морю скал. Одного. Более молодой и выносливый Мишка, почувствовав близость жилища, должно быть, отправился на поиски его и, блуждая в снежном мраке, сорвался со скалы в расступившееся перед ним небытие.

Душа его, как и у Володи, улетела к будущей жизни, не пожелав расстаться с телом, и моя память о них незаметно оказалась беспредельной. И хотя не умерли Парамушир, все острова Курильского ожерелья, и люди, встреченные мною на этих островах, они так же стали мне бесконечно близки и дороги.

Я часто вспоминал обо всём, что подарили они мне в жизни, зная, что уже никогда не увижу ребят, не поеду с ним на прогулку в горы, не буду больше голодать и перебиваться одной надеждой. Ничего этого никогда не будет.

Только через год придём мы на Парамушир, и я зайду в гости к забытому всеми Фомичу, которого пожалели из-за былых заслуг и оставили доживать свой недолгий век, отведя уголок в старой пожарке. И Фомич встретит меня безрадостно, он вообще никак не прореагировал на моё появление, хотя у лошадей – отменная память. Еле поддерживая

вздрагивающий круп на хилых трясущихся ногах, теперь он был обречён на отрешённое воспоминание былых и дорогих его сердцу образов. Ничего не воспринимая, и, кажется, ни в чём, уже, не нуждаясь, Фомич медленно, может быть, с затаенной робкой надеждой увидеть когда-нибудь своих хозяев, без которых он не мог, как лошадь, существовать на этой земле, уходил за ними.

И я вспомнил, как два года назад лихо и напористо Фомич мчал меня по ровному, вольно распростёршемуся в горах плато, так что замирало в груди сердце. И я чувствовал, как конь заботится обо мне, узнавая друга своих хозяев и, желая показать всю прелесть будто оторванного от земли бега, бережно и сильно несёт на себе. Я даже не испугался, когда увидел впереди обрывистый край плато, совсем рядом, так что внизу стали заметны острые камни…

В каких-нибудь трёх метрах от пропасти конь резко развернулся и, возвратившись рысью к ожидающим нас ребятам, долго перетаптывался, потягивая морду к Володе, и возбуждённо всхрапывал, словно вопрошая – хорошо ли он исполнил порученное ему дело. А Володя, прищурившись, так что морщинки густой волной прокатились от серых глаз к седеющим вискам, тихо проговорил: «Лошадь всегда чувствует человека, иногда подсказывает ему что-то, вроде, как вежливо поправляет, порой отрешённо замыкается, если ей что-либо не по нутру, впрочем, не оставляя без внимания несомого на себе ездока, но очень редко подчиняется беспрекословно, воспринимая наездника как своего хозяина и друга. Фомич тебя полюбил…»

Так когда-то относился Фомич к самому Володе и, наверное, очень любил Мишку – весёлого, неунывающего и великодушного, в шутку называющего себя «самым вульгарным на свете лавинщиком». И помогал им так, как это может делать только преданная лошадь, ничего не требуя взамен. И вот теперь он выглядел таким жалким, никому не нужным. Я даже не смог прикоснуться к нему, а только стоял как вкопанный, не в силах проглотить солёный, застрявший в горле комок, глядел на коня и плакал.

Больше я не бывал ни на Парамушире, ни на острове Атласова, и, думается, уже не побываю никогда. Слишком сильно опалили они меня своей любовью, возобновлять которую просто не было сил и необходимости. Острова целиком вошли в меня однажды, поздней осенью, так же как и вся Курильская гряда с Тихим океаном, его невидимым течением Куросио, бесчисленными чайками и ветром, поднимающим их на неутомимых белоснежных крыльях. Они и сейчас часто встают у меня перед глазами из моря, освещённые солнцем, и тогда сердце, словно трепещущая в вышине птица – малый буревестник-глупыш, переворачивается в груди, и я никак не могу его успокоить.

«ПОСЛЕ ШТОРМА»

Стояла глубокая ночь. Липковато-тягучий промозглый туман опустился над морем. В небольшой курильской бухте, почти приткнувшись к крутому скалистому берегу, одиноко замерло наше судно.

Плавно покачиваясь на волнах, оно размеренно поскрипывало и тут же успокоено затихало. Ничто не напоминало о недавно произошедшем с нами на острове, и о только что пронёсшемся жестоком шторме. Шторм бушевал несколько дней кряду, вымотал всех, и, неожиданно захлебнувшись, на последнем издыхании утих. Была такая тишина, что в растворённые двери каюты отчётливо слышно доносилось, как лёгкий прибой накатывает на берег.

Тусклый свет тревожно и тихо лился через квадратный иллюминатор в подволоке, и окружающие предметы, неясными очертаниями выплывая отовсюду, казались недоступными и загадочными. Я лежал в тёплой темноте каюты и мысленно пытался представить, какие они на самом деле. Затаив дыхание, я, как в сладкий сон, погружался в эту наполненную обволакивающей густотой тишину и еле ощутимые, ненавязчиво звенящие в насыщенной темноте каюты, звуки. Хорошо было лежать вот так, не замечая неслышно ускользающего времени, и спокойно наблюдать за всеми ровными переменами ночи.

Мне вдруг страшно захотелось оказаться на открытом воздухе, но я боялся даже изменить положение тела. Казалось, что на всём судне не сплю я один: такая вокруг стояла тишина. Лёжа без сна, и позабыв на неопределённое время – зачем я здесь, кто меня окружает и что происходило со мной и моими друзьями совсем недавно, в душе моей воцарялся удивительный покой. Охваченный в своей приятной дремоте этим безмятежным состоянием, я всё-таки решил подняться на палубу и вдохнуть свежего воздуха.

Весь экипаж спал, и только сигарета вахтенного на баке изредка взлетала метущимся нетвёрдым огоньком. Тишина над морем была наполнена множеством хорошо угадываемых и давно привычных звуков, и всё же некоторые из них были незнакомы. Стоя на пустой отсыревшей палубе, я кротко вслушивался в чёрную, непроглядную тьму, пытаясь разгадать их.

Протяжное и чуть приятное поскрипывание якорной цепи, тяжеловатое всхлипывание под бортом таинственной тёмной воды, редкий вскрик невидимой птицы, жалобно-далёкий гудок теплохода, затерявшегося в неведомой морской дали, - всё это было очень близко и знакомо. Но звук, доносящийся с берега, было не так легко определить. Каждый раз, как только судно затихало на воде, а волны, отпрянув, бесшумно откатывались от

берега, раздавалось невнятное тявканье и вкрадчивый хруст битой ракушки: это выходили на охоту лисы…

Завороженный этим необыкновенным присутствием зверей у моря, я позабыл обо всём, а ночь, на миг остановившись и подхватив с собой, медленно потекла дальше, спокойно поблескивая каплями обильной сырости, выступившей на фальшборте. И вот тогда, плавно и безмолвно ускользая куда-то вместе со своей чёрной попутчицей, еле ощутимо подёрнутой туманной пеленой, у меня, непонятно почему, приятно и волнующе защемило сердце.

Всё было прежним, и в тоже время - стало другим в эту ночь, после жестокого шторма: возникло необыкновенное, редко случающееся состояние, что вдруг изменило обыденное, не насыщенное таким искренним волнением и любовью. Глубоко скрытая в душе тайна снова всплыла на поверхность, и это на какое-то время приятно обезоружило сердце, безотчётно оголив его в бесконечной ночной тиши. В такие минуты обычно невольно вспоминаешь что-либо очень дорогое или же ещё не сбывшееся, но о котором так сладостно хорошо было мечтать. Стараясь не вспугнуть возникшее видение, я окружил его нежным вниманием и бережно, будто это была маленькая слепая девочка, взял за руку и повёл его через своё ожившее воображение.

Но иногда это была женщина… Её неясный, но вполне ощутимый облик слагался из множества встреченных за жизнь женщин, прекрасных и привлекательных, но не несущих в себе эту долгожданную таинственность и чистоту, что несла воображаемая незнакомка. Она вставала перед моим мысленным взором, тихо сияя и чуть улыбаясь над зелёной водой, и воздушные капельки морской воды поблескивали на её спокойно вздрагивающих ресницах. Уголки губ сдержанно шевелились в лёгкой задумчивой улыбке, ласково взлетая и незаметно растворяясь в очищенном морском воздухе.

Не было никакого контраста в чертах её лица: нежный овал подбородка и тёплый, внимательный взгляд мягко напоминали о твёрдой, весёлой силе, зелёные глаза неотрывно приковывали к себе внимание тихим ласковым светом и простотой, а чистый открытый лоб свободно оттеняли тонкие льняные волосы. На меня тотчас повеяло невыразимой свежестью их лёгкого аромата, и, наверное, можно было дотронуться до них, если только протянуть руку, но я не сделал этого.

В её лице была видна изысканность незавершённой камеи, ещё далёкой от совершенства, и всё же – это было изумительное лицо. Лёгкий, еле уловимый изъян в линии подбородка лишь подтверждал невинность женщины, и при малейшем намёке на нежную улыбку ускользал. Когда же её трепетные губы, кажется, пытались прошептать какое-то душевное признание, чувствовалось, что они сразу обретают обворожительную твёрдость.

Миниатюрно вылепленный нос, изящно закруглённый внизу, неожиданно терял свою привлекательность в выразительной и милой ямочке над верхней губой. Но в следующий миг это недоумённое очарование неискушённой девственности, не знающей тёмных сторон жизни и не изведавшей ещё горечи невосполнимых потерь, уже замирало в неуловимом для глаз взметнувшемся разлёте соболиных бровей, подчёркивая созданное природой мимолётное совершенство.

А глаза – раскосые, лукавые, задумчиво замерев в спокойствии своей прекрасной густой синевы, мягко проникали в самую душу. Красота и привлекательность женщины исчезают, когда она перестаёт любить, но эта девушка вся светилась предощущением любви, ив тоже время была необыкновенно покойна и мудра.

Глаза её не переставали быть такими, какими они и должны были быть. По крайней мере, я представлял их себе так, а не иначе, и носил их свет где-то в глубине души всю предшествующую жизнь, ни секунды не сомневаясь в истинности даруемого ей взгляда. Порой в моё сердце закрадывалась тревога, что глаза когда-нибудь изменят отношение ко мне, но они по-прежнему оставались спокойными и любящими.

На ней было тёмно-синее платье, прохладное, как утренняя морская вода, с трепетными, чуть приметными складками, и волосы слегка шевелились от лёгкого дуновения душистого ветерка. И я на мгновение поверил, мне вдруг почудилось, что я в состоянии вырваться из сковывающего плена еле ощутимых видений и мечты в этот близкий и такой реальный сейчас мир необузданных счастливых желаний.

Что это был за мир, наполняющий всю мою жизнь неясным ускользающим смыслом, что неотступно преследовал меня, и в реальное существование которого я сам себе не признавался до конца? Неудержимо продвигаясь от одной душевной привязанности к другой, я часто терял веру в свою любовь, и заходился в неизбывной тоске, в тоже время, не отвергая обыкновенную влюблённость, что повторялась из года в год. Но, накопив в себе всю эту боль ожидания, однажды всё-таки срывался с головой в губительную волну неумолчного забвения, надолго замыкаясь в себе. Это состояние никак не было предусмотрено моей способностью к самозащите: просто, после каждого увлечения, на какое-то время всегда сковывала обезоруживающая неопределённость, и тогда пустота невесомым грузом тихо и незаметно ложилась на плечи.

Вот тогда, неизменно застигая врасплох, передо мной возникала та, от которой я не смел и не мог отстранить своего лица, губ, руки. К этой минуте я подсознательно стремился все долгие месяцы и даже годы, проведённые в несуществующей разлуке, всё же надеясь на долгожданную встречу, и она приходила, всегда только ночью, вот в такие минуты отрешённости и покоя после какого-то длительного напряжения. Особенно – в море.

Эта женщина была радостью от внутреннего сопереживания чудесной божественной беспредельности и слитности со всем существованием. Какая-

то неизъяснимая награда, что обескураживала в своей преходящей кратковременности, но была глубоко ожидаемой и желанной.

Сон у моря, кажется, действительно смешивался с явью, и его хотелось хранить в себе, втайне ото всех, и нести долго, никогда не забывая. Это, скорее, даже был не сон, а какое-то, почти свершившееся предзнаменование, когда ты уже проснулся и ещё не успел разочароваться в нереальности того, что пережил и увидел. Впрочем, о разочаровании я даже и не помышлял, до такой степени всё происходящее представлялось реальным.

Незнакомая женщина во сне казалась давно знакомой, но вспомнить её я почему-то никак не мог. Силился возобновить в памяти то удивительно дорогое, что было связано с ней, и ничего не получалось. Утраченные воспоминания отражали, по-видимому, моё теперешнее острое желание, наконец-то, встретить свою любимую женщину, и это помогало ощущать жизнь более полно и глубоко. Порой просто не верилось, что я на самом деле смогу когда-нибудь коснуться губами её тёплой руки, и больше уже не потеряю эту женщину никогда.

Я не мог сказать, сколько это наваждение продолжалось, боясь вспугнуть навеянные неведомо кем чары. Не осмеливаясь до конца поверить во вновь свершившееся чудо, я полностью и безотчётно погружался в свои хрупкие грёзы, не позволяя хотя бы даже малейшим проявлением нежности со своей стороны разрушить их. Я был полон всемогущего ожидания и, страшась нарушить пребывание рядом с собой этой прекрасной незнакомки, каждый раз держал свою душу в сладостном плену молчаливого восторга. Тихо всматриваясь друг в друга, и неуловимо сжимая руки, мы бродили с ней, в этом недолговечном благостном сне, по синим волнам собственных догадок и признаний.

Её лицо, неизменно хранящее проницательное и ласковое выражение, мягко выступало из туманной темноты над водой таким живым и оголённым в своём страстном предназначении только любить, что я тут же ощущал нерасторжимые узы между собой и этим желанным женским образом. Переживая свою душевную связь с ним, ко мне неминуемо приходило понимание: эта женщина – непрекращающаяся цепь всех моих былых и грядущих потрясений и поисков, моя непреходящая любовь, мой трепещущий, переполненный жизнью отважный глупыш, как сотни тысяч лет назад, взмывающий в небеса и с головой бросающийся к бушующим волнам.

Потом, незаметно, лицо её исчезало. Силясь, я никак не мог вспомнить её глаз, улыбки, голоса, что совсем недавно нашёптывал мне что-то очень хорошее, от чего всё начинало казаться близкой и ощутимой реальностью. Ничего этого не оставалось с зарождением длинного и такого же многообещающего дня, но сердце, тихо затаившись в своём терпеливом ожидании, надёжно оберегало это ощущение приподнятости и счастья, что я переживал ночной тишиной в этом сладостном состоянии одиночества и гармонии.

И я, пытаясь ненароком не разрушить этого краткого, но такого сладостно-щемящего мгновения свершившегося чуда - старался уже заранее защитить его в себе перед всем, что могло как-то нарушить и осквернить его. Как в зачарованном сне, наяву, пытался уберечь о нём воспоминание, чтобы пронести его до следующей, такой же чудесной и неожиданной встречи.

Счастье в любви, тем более привидевшееся, такое короткое, что лишь память о нём сохраняется на долгие годы, пока безразличие не настигнет своим студёным, замораживающим душу дыханием, и не ляжет на плечи тяжёлой ношей возраст, когда ты уже остался совсем один, затерявшись где-то в далёких отголосках былых побед, поражений и людских судеб… Так хочется не пропустить свой черёд, заведомо догадываясь о его неминуемом конце, но не печалясь по этому поводу, а лишь спокойно осознавая его неизбежность и переживая смиренную радость за возможность, хотя бы раз, переболеть этот сладостно ускользающий сон – свою любовь, наяву.

Мне было хорошо и немного грустно. Привыкнув к жизни в море, я никак не мог отвыкнуть от всего, что нёс с собой берег, не научился вовремя избавляться от его зависимости. Это не мешало работе, но временами не давало покоя, особенно вот в такие промозглые туманные ночи над морем, когда сон не идёт, и в голову лезут не совсем весёлые думы о том, что не сбылось, но о чём глубоко желалось.

Я стоял в слабо освещённом участке палубы, усыпанной моросью стелющегося над водой тумана, и ждал чего-то, что казалось сейчас, здесь, в эту промозглую ночь, таким далёким и неосуществимым, а время равнодушно бежало куда-то мимо, и не было сил его остановить. С несокрушимой непререкаемостью оно утопало в туманной дымке, и только тёмная вода, тягуче всхлипывая, тихо колыхалась у борта.

Время уходило бесследно, кажется, ничего не оставляя в душе, а когда время не приносит ничего нового и лучшего, чем у тебя есть сейчас, это тяжело, но ещё не значит, что нужно отрекаться от него. Как знать, что ожидает тебя впереди, если бесконечный бег времени не опустошил твою душу, не убил сердце и не иссушил разум. Сейчас время, цепляясь за рваные края тумана, как будто задержалось, позволяя на мгновение вглядеться в настоящее, в сердце тотчас затеплилась светлая надежда, и я вдруг почувствовал себя неуязвимым в своём стремлении к любви, что уже никто и никогда, я это знал, не сможет у меня отнять.

И ещё я тогда подумал: суждено ли моей душе успокоиться после такого видения-сна, где прекрасная и таинственная женщина просто находится рядом, необыкновенно ублажая одним своим присутствием, и лучше этого трогательного соприкосновения нет ничего на свете! Она ничего у тебя не просит, ни в чём не упрекает, а только ненавязчиво, с проникновенной заботой выслушивает все твои душевные излияния. Достоин ли ты этой бескорыстной и трогательной самоотдачи?

Кажется, после такого чудесного сна уже не сможешь уснуть. Заботливому человеку, как говорится, и сон не в руку. Но нет: ещё слаще, наверное, забудешься ты в своих сновидениях, чтобы только вновь увидеть эту прекрасную незнакомку.

Даже если этого не случится, сон по-прежнему будет богатить тебя, независимо от постели: находится ли она на берегу или в судовой каюте. В нём ты будешь тихо радоваться своему, пока неуловимому счастью, и так же спокойно молить Господа о скором свидании с дорогой для тебя женщиной. Сон тогда, по велению Господа, милостиво уляжется на твою душу.

Ведь правду сон скажет не всякому, а только тому, кто этот сон заслужил, и потому верит в него, как в явь. И хорошо во сне видеть всё так, чтобы наяву не прозевать, и тогда твои чудесные грёзы рано или поздно сольются с жизнью, и, наконец, приблизится к тебе долгожданное томление духа, твоя любовь.

В состоянии счастья переживания времени не существует, оно – сплошная радостная бесконечность, непрерывное настоящее, не имеющее ни начала, ни конца: в этом я был убеждён. Ощущение времени возникает только тогда, когда человека покидает счастье и радость, а счастье покидает человека, если он начинает жить только для себя, прекращая отдавать своё сердце другим. У каждого человека в душе есть Бог, и к нему он когда-нибудь да придёт, а всё, что определил тебе Господь, ты обязан угадать и успеть отразить в собственных поступках во имя того, чтобы стать лучше, встретив свою единственную любовь, ибо человеческой жизни для этого вполне хватает.

Море же во сне не только приносит добрые вести, что предвещают приятные перемены, но ещё, быть может, и настоящую встречу с твоей очаровательной незнакомкой. На это хотелось надеяться, оживляя в памяти её волшебные черты, и втайне поклоняясь им. И она этому не противилась, а спокойно принимала всё, что ты мог себе позволить ей подарить. Женщина как будто только и ждала твоего прикосновения, чтобы уже больше никогда тебя не покидать.

Под утро подул ветерок. Туман зашевелился и, мгновенно разрываясь на мягкие клочья, медленно пополз над водой. Стали видны очертания незнакомого берега, и вода уже не казалась такой пугающе таинственной, чужой. Она была мутновато-зелёной, мягкой и пахла сырой свежестью, резко ударяющей в нос.

На фальшборте и вантах серебрились бледновато-упругие капли росы, а обычно неугомонные чайки неслышно парили в сероватом воздухе, лишь изредка оглашая морскую тишину своим безразлично плачущим криком. Над бухтой тонкой дымкой поднимался мглистый курильский рассвет.

ЭПИЛОГ

Вот и завершил я свою книгу, которую мечтал написать ещё 44 года назад, когда на свой страх и риск отправился в путь, у которого, к счастью, не существует конца. Тогда я даже не мог вообразить, что меня ожидает, но, тем не менее, стремился постигнуть жизнь, отдавшись на её волю полностью, без остатка. Я был переполнен жаждой познания, и готов был принять всё, что уготовила мне судьба.

Сидя в кресле самолёта, уносящего меня на неведомый Сахалин, одновременно и пугающий и необыкновенно манящий, я, конечно, ещё не знал, что Вселенная учит нас каждую секунду, а ты сам, с каждым шагом, если он был совершён осознанно, приближаешься к Богу. Не знал я и того, что победа – это правильное отношение к поражению, к безвестности и отсутствию признания, когда ты идёшь к Богу, честно относишься к своей судьбе, а никто из людей этого не замечает. Многие из людей вообще тебя не понимают, и греет твою душу только вера в Божественное создание мира, в то, что Отец твой Небесный всегда с тобой. Он благоволит предназначению Своего возлюбленного сына, и никогда тебя не оставляет, терпеливо наблюдая - что ты предпримешь, когда у тебя всё начнёт получаться, и может быть даже, наконец, ты добьёшься признания в выбранном тобою деле?

Тогда я мечтал стать писателем, чтобы написать самую лучшую и правдивую в мире книгу, которая бы всё могла объяснить, ответив на любые вопросы. Конечно, мне ещё не было известно, что наиболее богат тот, кто доволен малым, ибо такое довольство свидетельствует о настоящем богатстве натуры. И отправлялся я в свою дорогу по жизни, совершенно не предполагая, какой она окажется далёкой.

Мне хотелось глубже заглянуть и в жизнь и в собственную душу, не боясь ничего и воспитывая в себе несгибаемость, ибо ноша, которую я взвалил на свои плечи, как это мне уже виделось, была очень не легка. Но ни одно искреннее усилие не пропадает напрасно, и пройдёт немало времени, прежде чем я пойму, что всё истинно великое совершается медленно, почти незаметно.

Мечтая о написании интересной книги, способной открыть реалии более достойного существования и для себя и для людей, мне не терпелось обрести жизненный опыт, с которым, я чувствовал, обязательно приходит спокойствие, и ты становишься сильнее. Но как обрести его без возможности путешествовать, а значит – необходимости рисковать?!

Когда решаешься на какое-либо действие, все сомнения и сожаления следует оставить. Для них не должно быть места в твоём сердце. Только – вера и ясное понимание, что ты живёшь в согласии с самим собой, и всё, что ты делаешь – обоснованно. Ты должен быть ответственен за принятие своих решений и их осуществление, чего бы тебе это ни стоило. Быть здесь и

сейчас, никому не надоедая, брать столько – сколько нужно и не более, вглядываться в мир, но оставаться при этом незаметным: вот малейшие основы поведения человека, пытающегося жить в согласии со всей Вселенной.

И все мои последующие приключения только подтвердили то истинное, единственно верное обстоятельство, что мы здесь находимся для борьбы, в первую очередь, со своими страхами и несовершенством, чтобы постепенно становиться такими, какими нас задумал Господь. И нам остаётся лишь уяснить свою принадлежность к Божественному миру, проявив себя наилучшим образом, как можно надёжнее и вернее. Ведь мы живём и на земле и на небе, и всё нам подвластно, если того пожелать по-настоящему, и мы просто призваны исследовать жизнь, все миры, и на этом пути нам обязательно откроются новые, глубинные знания, которые поведут нас ещё дальше. Разве это не прекрасно?!

И разве не открытие, что всё, о чём я сейчас пишу, не есть воспоминание о прошлом, потому как самого прошлого просто не существует? Воспоминания – это мысли о прошлом, которое ты переживал когда-то в настоящем, жил им, и потому это уже совсем иное состояние в отличие от того, чем оно представляется сейчас. Но разве становятся такие воспоминания, о которых ты думаешь в настоящем, от этого хуже? Может быть, как раз они и достойны на существование, потому что оказываются более зрелыми, а значит – приближенными к истине?

Только теперь, по прошествии 44 лет, я почувствовал себя тем, кем страстно желал быть. Вернее, я уже был им в глубине души ещё тогда, когда отправился на Сахалин, и даже раньше, в детстве, когда рассматривал, сидя на полу, отцовские книжки про море из картонной коробки в кладовке, к которой мне родители почему-то запрещали приближаться. Но я тянулся к этой запретной тайне, она была для меня, что называется, преткновением чувств, необъяснимо притягивающая к себе. Каждый день я с нетерпением ожидал момента, когда родители уйдут на работу, в общем, дома никого не окажется, и я смогу держать в руках свои любимые книги, любуясь желанными картинками про китов и дельфинов, отображающими неведомую морскую жизнь.

Я ждал встречи с полюбившимися книгами и, наверное, именно тогда обретал в своём маленьком сердце решимость. И уж позже, со всей ясностью, осознал, что решимость – есть исходная точка в любой дороге, и ей надо назначить цель, чтобы мечты не оказались бесплодны. Только тогда человек оживает духовно, когда душа его начинает трудиться, поскольку Бог создал нас по образу и подобию Своему, потому что благоволил успокоиться только в человеке, наделив его способностью к творчеству и созидательному труду на благо мира, любовью ко всем живым существам.

Мне потребовалось пройти очень дальнюю дорогу, чтобы только сейчас ощутить себя истинным, тем, кем я когда-то мечтал стать. И вот, наконец,

мечта моя осуществилась: я стал им - жизненною правдой просветлённым, исполненным любви и преданности к Господу.

В Прологе к этой книге я пояснил, что она посвящается людям, встреченным мною на протяжении всей моей дальней дороги постижения и себя и мира: морякам, рыбакам, ихтиологам, вулканологам и подводникам. Но не может быть не посвящена она и Тому, о Ком я больше всего думаю, последнее время, и Кого больше всех люблю. К Кому чаще всего устремлял свои думы, искренне полагая поначалу, что Он где-то далеко, но ещё более полюбил Его, когда понял, что Он всегда рядом, Он – во мне.

Итак, книга «Путешествие в душу моря» посвящается Господу Богу моему, кем являюсь отчасти и я сам, если постоянно думаю о Нём, не устаю идти к Нему, и с благодарностью принимаю весь путь, которым Он вёл меня к Себе, Бог мой, чтобы, любя, испытать и узнать – храню ли я Его заповеди.

Во мне давно пробудился интерес к жизни, и я, конечно, давно был увлечён ей, но то, что когда-то только отпечаталось в моём подсознании, теперь выразилось в моей душе и окружающем меня мире. В мою жизнь пришло осознанное счастье, даже ещё лучше – тёплый, радостный и необыкновенно умиротворяющий покой. Я стал тем, кем страстно желал быть.

«Я Есмь! – в глубоком удовлетворении, наконец, произнёс я. - Моя молитва не осталась без ответа: я достиг того, к чему стремился – осуществил мечту, и в мою жизнь пришло понимание слитности со всем сущим. Я Есмь, а значит – я нашёл своё подлинное место в жизни, которое предназначено только для меня. Я нахожусь там, где я хочу быть. Я делаю то, что люблю делать. И меня окружают родственные души. Я счастлив, потому что выражаю себя так, как бы мне этого хотелось. Я Есмь. Я Есмь Сущий».

Научитесь внимательно прислушиваться к зову своего сердца, и рано или поздно оно откроет вам Божественный призыв: «Ты Мне нужен». Ответ на ваше желание уже есть в вас, осознание необходимости нескончаемой дороги – тоже в вас самих, потому как ваша душа – божественна, она есть свидетельство того, что Бог пребывает в вас, и, значит, все ваши мечты воплотятся в реальность. Важно, несмотря на обстоятельства, сохранять в себе убеждённость, что всё будет хорошо. Упорно стойте на своём, и вы отыщите пути, чтобы достичь желаемого. И Созидательная Сила вас не оставит, потому что не знает ограничений.

Но каждый из нас при этом уникален. Нет во всей Вселенной никого, подобного вам. Вы – единственный и неповторимый человек со своими особыми наклонностями, которые непременно следует отыскать. Уникальность каждой души, сошедшей на землю, - закон жизни. Не исполнив его, подтвердив свою уникальность, вы не осознаете ни сути Бытия, ни себя. А ведь Царствие Божие уже находится в нас, и разве можем мы не поверить этой Созидательной Силе, являющейся невидимой частью нашего существа?!

«У самого синего моря» - так я сначала хотел назвать свою книгу, и название это, по моему убеждению, должно было подразумевать то место, где тебе по-настоящему хорошо, ты нашёл его на земле и живёшь здесь в согласии с самим собой и окружающим миром: ты оказался у порога своей мечты. Вернее, мечта твоя воплотилась в действительность, а родилась она ещё в детстве, когда я обнаружил в тумбочке у своей бабушки – Александры Панфиловны, альбом её сына и моего дяди, Володи, который погиб на войне, ему едва исполнилось 18 лет. Он, видимо, мечтал о дальних странствованиях и морях, рисовал эти моря и корабли в своём альбоме, никогда их не увидев, только воображая себе, и его мечта так и не осуществилась.

Альбом был из грубой, пожелтевшей бумаги, и все корабли в нём, в основном это были парусники, выдвигались из глубины рисунка носовой частью – форштевнем, как будто проникновенно обращаясь ко мне. Разглядывая эти рисунки, не покидало ощущение, что они призывают именно меня, внука бабушки, матери моего дяди и его племянника, которого он никогда не видел, осуществить когда-нибудь задуманное им. А может быть, для этого в меня воплотилась его душа, не успевшая из-за войны исполнить то, о чём, по-видимому, ей очень мечталось.

И вот, через сорок лет после гибели дяди, я осуществил его мечту, а главное – свою собственную, чем, вероятно, восстановил допущенную жизнью несправедливость. Правда, я не стал художником-маринистом, но долгое время проработал в море рыбаком, ловцом морских продуктов и водолазом, побывал почти на всех Курильских островах, Сахалине, Ионе, Монероне и Тюленьем, прошёл Берингово, Охотское и Японское моря, всю северо-западную часть Тихого океана. Несмотря на трудности, что встретились на моём пути, я полюбил море и корабли, по-настоящему проникся этой замечательной стихией, которая до краёв наполнила меня своей неугасающей энергией, и написал о своих морских путешествиях большую книгу из четырёх частей. И ничего, что название книги я со временем изменил и остановился на другом – «Путешествие в душу моря», которое мне показалось наиболее точным. Главное, что это ничего не поменяло в моей судьбе, даже наоборот – оделило ещё более верным смыслом, и всё в ней окончательно стало на место. На то самое – моё, родное, означающее единственно верную географическую точку в моей судьбе, миновать которую для меня было недопустимо.

Да, вроде бы, книга завершена, я выполнил намеченное, достиг своей цели, всё вышло именно так, как мне и хотелось. Пора попрощаться с тобой, дорогой читатель, ведь сказано так много, а сколько пережито во взаимоотношениях с разными людьми, в мыслях наедине с собой, когда ты решался на важные поступки в своей жизни, преодолевая порой не шуточные испытания. Но вот, почему-то, меня не покидает ощущение, что я чего-то важного не досказал, и возникает передо мной образ меня самого, того

маленького пятилетнего мальчишки, что сидит на полу, у картонной коробки с отцовскими книжками, и рассматривает в одной из них фотографии китов, как они пускают фонтаны…

И мне вдруг начинает видеться, что какой-нибудь любознательный мальчишка так же, как и я, однажды заберётся в отсутствие родителей в их книжный шкаф, и обнаружит там мою книгу – «Путешествие в душу моря». Взяв её осторожно в руки, он замрёт от какого-то непонятного ощущения, заполнившего всю его душу, раскроет книгу и сразу погрузится в свою родную стихию. Оказывается, эта стихия живёт в его душе, и мало того – она зовёт его, и он не в силах ей противиться. Мальчишка будет зачарованно листать страницы, впитывать их запах и мечтать о дальних увлекательных путешествиях. Это именно я зародил в маленьком человеке интерес к истинной природе вещей, привлёк его своими усилиями к собственной судьбе, и всё остальное теперь зависит только от него.

Мой юный друг, думаю я, мне сейчас хочется обратиться именно к тебе… Перед тобой открывается удивительная возможность интересно и достойно прожить свою жизнь, а ни одно искреннее усилие не пропадает напрасно. Не бойся думать, что всё на этом свете предопределено: нет, жизнь – удивительное чудо, наполненное созиданием, и в этом созидании человек становится схож с Богом. Проживи свою жизнь по-настоящему, так, как суждено только тебе, а что тебе суждено – можешь узнать лишь ты сам.

Для этого требуется проявить решимость, волю и неиссякаемое терпение, и это тебе по силам. Нужно только поверить в себя, слушая своё сердце, и оно никогда тебя не обманет, если ты сам себя не предашь. Думай о настоящем, верь в то, что Бог всегда с тобой, и не сожалей никогда, если что-то у тебя не получается. Просто для этого не пришло время, которое обязательно придёт, когда ты к этому будешь готов.

Так бы я обратился к этому, наверняка, любознательному мальчишке. Я ясно вижу, что он не сидит, играясь, за компьютером, а держит в руках книжку про историю Земли, Океана или открытия в Космосе, совершаемые людьми во имя обретения знаний. Постепенно представляется, что этот неизвестный мальчишка становится для меня очень дорогим и близким человеком, растёт на глазах, превращаясь в юношу, молодого сильного человека, желающего познавать жизнь и не оставляя свои мечты о дальних странствиях. Я воображаю, что он всё-таки прочёл мою книгу и хочет поговорить со мной, посоветоваться, обращаясь за помощью, и я не могу ему отказать.

Давайте посмотрим, что может из этого получиться, когда человек, вроде меня, прошедший и лес, и море, и любовь с её утратой и обретением, потерю друзей, а до этого – бесконечные счастливые встречи с ними, разговоры, работу, радость совместного постижения божественной жизни и себя в ней, вдруг повстречается с таким молодым мечтателем, жаждущим самых невероятных открытий… И этот молодой человек поверит тебе, обратится всей своей открытой душой к твоей умудрённой душе, чтобы ты

помог ему обрести свою неповторимую судьбу. Что скажешь ты ему, готов ли ты сам открыть всего себя без остатка, а главное – подарить ему знание, способное изменить его жизнь к лучшему? Способен ли ты светить?!

Я пытаюсь представить себе этот диалог молодого, несомненно, очень вдумчивого и стремящегося к знаниям человека со мной, с тем, кто уже преодолел в себе незнание и боль, и выстроил свою жизнь. И при этом ответил на многие вопросы, не переставая определять для себя всё новые, ещё более высокие цели. Попробуем осуществить ещё одну мечту, так не достающую многим людям во имя их собственного счастья и любви?! Когда ты не можешь не творить, и несмотря ни на что следуешь самому главному в себе, а все находящиеся рядом люди, ты это понимаешь, твои близкие, и все мы взаимосвязаны между собой невидимой чудесной нитью Божества, которое породило этот прекрасный мир. Помечтаем?!

- В чём же заключён смысл этой дальней, дальней дороги, которую вы преодолевали всю свою жизнь? – наверное, задаст мне свой первый вопрос этот любознательный юноша. – Что ждёт человека там, куда она его ведёт?

- Это – сама жизнь, наше привычное существование, благополучие которого зависит от того, как ты им распорядишься. Вот и всё.

- Как-то уж всё очень обыкновенно.

- Да, всё обстоит именно очень просто. А идёт эта простота от Бога, и ведёт обратно к Нему, к осознанию себя в этом мире, к тому пониманию, что ты ответственен за всё происходящее в нём. Ты – неотъемлемая частица этого мира, от которой зависит его здоровье, и ты обязан трудиться на всеобщее благо.

- По мере того, как ты всё более приближаешься в себе к истинному знанию, всякие переживания, должно быть, совсем ослабевают, и ничего уже на тебя не давит?

- Абсолютно ничего.

- А время от времени возникающая неуверенность в собственные силы? Она ведь всё равно присутствует.

- Нерешительность изменить свою жизнь к лучшему – это признак того, что ты должен от неё избавиться. Только и всего. Вспоминая себя молодого, такого же, как и ты, вдумчивого и стремящегося к знаниям человека, я вижу и понимаю, что преодолевать нерешительность – это единственно верный путь, когда ты ставишь для себя в жизни важные вопросы и, несмотря ни на что, отвечаешь на них.

- И рано или поздно то и дело ускользающая от тебя истина открывается?

- Вся наша жизнь есть путь, поиск того, чего нам не хватает. У каждого он свой… Кто-то стремится оставить свой след в сердцах людей добрыми делами, а кому-то важнее сколотить состояние. Один приносит миру четырёх детей и воспитывает их порядочными и умными людьми, другой же

оставляет за собой право овладения глубокими знаниями. А как важно и интересно совершать внутреннее духовное путешествие в поисках смысла и красоты!

- Я чувствую себя на земле гостем, не ведающим – куда идти.

- Все мы рождены с изначально заложенной в нас способностью к осознанности.

- Только прибегают к ней почему-то очень немногие. Да и как ко всему этому в себе подступиться?!

- Такие чувства знакомы большинству из нас, но в том-то и весь интерес, что какая-то часть нашего существа содержит неземное бытие. В каждом будто заключён другой, неизвестный ему человек, несущий ощущение, будто он уже бывал здесь не раз, только в другом теле.

- Но если мы совершаем такие удивительные путешествия, то почему многих не покидает неуверенность в каждом воплощении?

- Отсутствие опыта, отсюда – неверие в себя. Только непосредственно переживаемый опыт максимально способствует росту нашего сознания. Опыт, который ты переживаешь в настоящий момент. Как, например, сейчас.

Когда ты интуитивно угадываешь в себе бессмертие, возможность появления в этом мире может быть ещё не раз, тебе легче принять верное решение. Даже, несмотря на знание, что это - не твой истинный дом, и что ты здесь – только на время. Родившись где-то в неведомом вселенском месте, ты пришёл именно сюда неслучайно, знай это, и тебе непременно надлежит отыскать свой путь, иначе ты никогда не поймёшь великую тайну той истинной сути, которая намного превосходит твоё теперешнее тело и жизнь.

- Значит, родился я где-то на других звёздах, но мне обязательно нужно побывать на Земле?!

- И не просто побывать, а исполнить только тебе уготованную роль. Своего рода – это богослужение, отдача дани за удивительное появление во Вселенной, переполненной чудесами. Надо очень постараться не ударить перед Богом лицом в грязь, потому что устремление к Нему – главная цель жизни, и пройти этот путь следует достойно, стараясь улучшить себя, а значит – и мир.

- Святое дело…

- Бороться с темнотой бесполезно, нужно просто светить. По сути своей, вся жизнь должна быть устремлением к свету, к тому, к чему мы предназначены.

- Только как это разгадать?

- Когда человек не знает – что ему в жизни предпринять, лучше всего для него обратиться к душе, постоянно размышляя о своём назначении. Внимательно слушая внутренний голос – невозможно ошибиться. Рано или поздно верное решение придёт. Когда человек поймёт, что душа – это его истинное «Я», и она несёт в себе самое важное знание, он обретёт постоянно ускользающий от него смысл жизни, и она превратится в духовный поиск. Если он найдёт себя, то обязательно достигнет желаемой гармонии и покоя, и

вернётся «домой» невероятно обогащённым, приблизившись к своему Небесному Отцу.

- К сожалению, многие из нас не ведают собственных душ и, тем более, не представляют для себя истинной цели.

- Чтобы узнать истинный смысл своей жизни, человек должен, просто обязан вспомнить то, откуда он пришёл в этот мир, место, которое не перестаёт двигать им в его поиске, не оставляя без внимания, даже ведя, если он прикладывает усилия в отыскании истины. В самом себе человек несёт тайну своего путешествия по нескончаемой дороге жизни, дальней-дальней, но преодолимой, и мало того – необыкновенно радостной.

- Важнее всего отправиться в эту дорогу?

- Очень важно для всего окружающего мира знать, что ты сам из себя в нём представляешь, и словами это, как правило, не выразишь. За всем стоит твоя базовая натура, твоё «Я», истинная сущность, и проявляется она в излучаемой от тебя энергии, наполняющей всех любовью. В результате – люди чувствуют удовлетворение, хотя, может быть даже и не общаются с тобой. Ты просто приветствуешь людей и готов доброжелательно заговорить с каждым, если он того пожелает: истинное чувство, пропущенное через твоё сердце, возымеет своё действие. Ты спокойно нацелен на отдачу, и это обезоруживает любого человека, потому что он понимает, что им не хотят воспользоваться, он только получает, и вскоре обескураженность от этого незаметно и быстро переходит в доверие. Людям становится комфортно с тобой и у них возникает ощущение, что они нужны, после чего у любого человека всегда появляется чувство взаимной признательности.

- Я ни с кем ещё не переживал подобного…

- Попробуй сам отдавать, и ты увидишь, как преобразится твоя жизнь. Мир предстанет перед тобой в прекрасном, волшебном свете, всё в нём необыкновенным образом преобразится, а ты сам почувствуешь себя неизмеримо богатым.

- Просто от того, что ты отдаёшь?

- И получаешь при этом огромную радость! Ты спросишь: как такое возможно? Просто в этом – наша суть. Потребность делиться – подразумевает здоровую клетку, работающую на весь организм, и если ты жертвуешь собой, вся сила единого Целого когда-нибудь отзовётся великой благосклонностью и в твоём сердце. Помогая другим – ты как будто возвращаешься к своему истинному месту рождения, где изначально существовала только любовь. Многие забыли об этом, но во власти каждого – вернуться домой, и это благотворно скажется как на теле, так и на душе.

- Так, скорее всего, отыщешь любовь?

- Да. И наполнишь ей своё сердце. Ты начнёшь более пристально, но без напряжения, всматриваться в жизнь, и, несомненно, обнаружишь в ней то, о чём ранее и не догадывался. Всё это позволит тебе охватить внутренним взглядом глубь и ширь Вселенной, обращая пристальное внимание не только на то, что ты видишь, но и на то, что чувствуешь. Душа твоя непременно

напомнит о себе, и сердце необыкновенно возрадуется от осознания своей нужности. Тебя посетит и внутренняя тишина, и ощущение бесконечности пространства, и Божественное Присутствие, и всё это будет происходить без усилий, с чувством беспредельной радости.

- А что представляет из себя жизнь каждого человека сейчас?

- Жизнь каждого из нас – это сумма позитивных и негативных действий, которые исходят из нашего сознания, а выживание человечества зависит от готовности каждого понять и почувствовать – как работает этот механизм! Великое Мироздание повсюду окружает нас и обнимает, мы не в силах от него отделиться, потому, как оно составляет с нами одно Целое, и всякий человек способен понимать язык животных, птиц и растений, и чувствовать сердцем ритм приливов и отливов. Умение подключаться к этому потоку, почти в любой момент, означает возможность обрести глубокое удовлетворение и внутренний покой.

- Так значит, отправившись в дальнюю дорогу, ещё более важно обрести в конце её покой?

- Когда ты способен ощущать невероятное чувство умиротворения и силы, которое, оказывается, заключено в тебе, это помогает подняться очень высоко в понимании мира, и получать наивысшее удовлетворение.

- И тогда проблемы перестают существовать?

- Ты обязательно поднимешься над многими из них, обретая возможность быть собой, и способен будешь непринуждённо делать то, что тебе нравится, максимально переживая полноту жизни.

- Самое главное – отыскать свою душу и наполнить сердце умиротворённым покоем?

- Да. Развивая душу, вглядывайся в неё, словно перед тобой прячется высокая цель, которую ты силишься разглядеть. Охватывай своим внутренним взором всю глубь и ширь душевного пространства, уделяя пристальное внимание не только тому, что находится перед тобой, но и то, что ты переживаешь. Ищи там свою радость и любовь.

- Это как будто возвращение к себе?

- Верно. Осознавая свою душу, мы будто возвращаемся домой, к месту, где ты родился, и при этом чувствуешь себя непередаваемо счастливым.

- А нужно, всего лишь, только осознать?

- Осознавая собственную душу, а значит – и Божественное пространство, из которого всё произошло, ты не только переживаешь незабываемые чувства и возможности, которые открываются перед тобой, но и ощущаешь, как здоровеешь телом.

- Найти свою душу…

- И твоё сердце перевернётся, и устремится за ней. А в душе ты обязательно угадаешь Божественное Присутствие, начисто смывающее с неё все приключившиеся с тобой в дороге невзгоды.

- Это можно сравнить, наверное, с любовью?

- Только – не земной. Земная любовь обусловлена, ей всегда сопутствуют какие-либо причины, которые её порождают. Но находятся другие причины, сводящие любовь на нет… Мы же все рождены для чего-то более цельного и необходимого для всех нас, что не может умереть.

- Это что-то … выше любви?

- Нет… Это тоже любовь, только она ничем не обусловлена. Такая любовь пронизывает сердца всех и всех объемлет. Она – намного более важное чувство, вернее даже – состояние, которое приходит в результате долгого духовного поиска, и преисполнено глубочайшего сердечного благоговения.

- Любовь … к Богу?

- Да. И это – вселенское чувство, оно, конечно, выходит за пределы плотской любви между мужчиной и женщиной.

- Как долго, должно быть, следует идти к нему.

- Как раз наоборот… Никакой путь не может привести туда, где ты и так находишься. Ведь это – вселенское чувство, а значит – оно уже должно присутствовать везде и всегда.

- И оно есть и во мне?

- Конечно. Безграничность этой любви уже живёт в твоём сердце, и нужно лишь научиться открыть её и принять. Осознай это.

- А в чём преимущество этой вселенской любви от земной?

- Обычная земная любовь, как я уже говорил, приходит и уходит, когда изменяются какие-то условия, вселенская же – ничего не обещает, она только даёт. Эта любовь уже необыкновенна в том виде, в котором существует, и она переполняет твоё сердце покоем и радостью, что существуют независимо от каких-либо условий. С такой любовью ты каждый миг переживаешь совершенство, и этот миг раскрывает тебе жизнь во всей красе.

- И земная любовь, наверное, неотделима от неё?

- Всё сущее принадлежит единому неохватному чувству Вселенской любви, где всякая человеческая судьба – есть часть этого единого Целого, которая необходима для его здоровья и чистоты. В этом – гармония Целого, призванного безмятежно существовать без каких-либо условий. В этой Вселенской любви всё происходит радостно, без страданий, а каждая человеческая душа должна реализовать для её совершенства заложенную в себе божественную искру.

- Только как разжечь её в себе?

- Когда ты имеешь дело с истинной реальностью, почти не присутствующей в наших городах, с реальностью во всей её глубине, с которой я столкнулся на диких Курильских островах, восприятие твоё переживает такой мощный эффект, что оно абсолютно меняется. Ты полностью сосредотачиваешься на настоящем, и вдруг открываешь, что ясно мыслишь и при этом ощущаешь удивительный покой. Ты испытываешь, наконец, мгновение истинного счастья, - и выходя за пределы повседневности, и, в тоже время, находясь в ней. Твоя жизнь обретает

совсем иное качество, хотя ты, вроде бы, ничего особого не сделал: просто позволил себе быть собой и осуществить свои мечты.

- Ты воплощаешь их в реальность?!

- И для этого тебе, по правде, не приходится совершать каких-то особых усилий! Неожиданно ты замечаешь, что стал думать, говорить и действовать благодаря открывшемуся внутреннему видению, пропуская каждое решение и поступок через сердце. Ты обнаружил свою связь с чем-то неизмеримо большим, что отсутствовало в предыдущей жизни. Окунувшись в этот океан ни с чем несравнимых чувств, ты смог разглядеть в себе и окружающем мире то, что существует на самом деле, тогда как раньше твоё восприятие было ограниченным, очень иллюзорным.

- И, наверное, такое восприятие не может быть окончательным?

- Да, умение видеть истинное - будет развиваться. Ты будешь проникать в открытии окружающих тебя вещей и явлений всё глубже и глубже, пока не познаешь суть, принимая её такой, как есть.

- Я понял: ты перестанешь оценивать окружающий мир!

- И тогда тебе откроется истинное волшебство жизни…

- В тебе всё воссоединится и встанет на своё место?

- Умница… И тело, и сердце, и разум, и дух, и все противоположности обретут единство, противоречия исчезнут, и ты войдёшь в контакт с величайшей истиной. Через встречи со всеми этими чудесами на Курилах, созданными Богом, я, в конце концов, встретился и с Ним Самим. И нужно было именно понять всё, каждую мелочь, созданную Вселенной, принять и соприкоснуться непосредственно, чтобы Господь однажды появился в твоей жизни, а произошло это, почему-то, на острове Уруп… Именно там я впервые вдохнул жизнь всем сердцем, и начал проживать её по-настоящему.

- Творец, наверное, не может допустить, чтобы усилия, совершённые человеком во славу добра, оставались не вознаграждёнными?

- Вселенная изобильна, и она щедро отблагодарит всякого, кто ступил на путь личного роста. Вся проблема этого мира в том, что люди, содержащие в себе божественные души, не понимают – до какой степени они божественно сильны.

- Что же предпринять?

- Свобода выбора – это не дар, который может принять только избранный, это – данность, ей способен воспользоваться каждый.

- Но не всегда решается на это?

- Я никогда не сужу о человеке, пока не стану на его место.

- Хорошо, наверное, иметь право так говорить.

- Да, и его нужно завоевать, а это не просто.

- Совсем недавно вы утверждали обратное, что всё в понимании мира обстоит достаточно просто, сложности лежат лишь на пути к этой простоте.

- Верно. Но эти сложности, всё-таки, необходимо преодолеть, тогда и объявит себя замечательная, мудрая простота. Любое жизненное

неустройство – это как дождь: он – просто вода, с неё ничего не убудет. Дождь кончится, и всё скоро высохнет.

- Но ведь эта простота, если быть последовательным и честным, лишь этап на пути к дальнейшему постижению чудесной Вселенной?

- И всё же, без неё – никуда. Просто осознай, что так устроен мир. Когда поймёшь главное, остальное не будет иметь никакого значения.

- В этом мире хватает интересных вещей.

- Да. И они очень просты в своей чудесной красоте. Простота их прекрасна.

- Сколько должно пройти времени, чтобы её почувствовать!

- Время – это иллюзия, значение имеет обыкновенная бесконечность, и то, что мы её проживаем.

- А смерть?

- В смерти, по сути, нет ничего такого, отчего бы можно было её опасаться. Вот только умирать не совсем весело.

- Почему?

- Тебе кажется, что ты ещё не всё изведал, а чего-то просто не успел совершить. Главное, быть готовым к смерти, уж если она пришла, ни о чём не сожалеть.

- Просто принять её?

- Верно. Смерть есть, но её как бы и нет, ты уже ничего не боишься, потому как сделал всё, чтобы стать осознанным. Ты знаешь, что это только смена одежды, и тебе ещё выпадет шанс совершить что-нибудь достойное. Правда, это будет уже в другой жизни, ни в этой…

- Печально, наверное, сознавать, что ты чего-то не успел. Ведь всегда чего-нибудь, да не так в твоей судьбе?

- Вот для этого нам жизненная дорога и даётся, чтобы пройти её верно.

- Значит, всё зависит только от тебя?

- Смерть – не самое худшее в этом мире.

- Что же ещё тогда?

- Равнодушие к собственной жизни, ведь она может стать неповторимой. Уже то, что ты появился на свет – не случайно.

- Как только во всём этом разобраться?

- Для начала – именно не быть равнодушным к себе. Не пускать свою жизнь на самотёк.

- Хочется вам верить.

- Но одним отсутствием безразличия к своим возможностям не обойтись.

- ??

- От тебя потребуется терпение. Причём, безграничное.

- И всё?

- Ну, ещё неплохо было бы обзавестись решительностью.

- Простой решительностью?

- Она не так проста.

- Можно подробнее?

- А чего тут кашу по столу размазывать: сначала – решись, а потом – действуй!

- На первый взгляд всё и на самом деле выглядит без особых излишеств.

-Так оно и есть.

- Тогда, я думаю, стоит попытаться стать настоящим.

- Правда, для этого ещё понадобится и отвага. Если у тебя имеется терпение с решительностью, то грех будет отказаться от неё.

- Обидно, наверное, прожить жизнь, ничего достойного в ней так и не попробовав!

- Вот и проживи её интересно. У тебя всё для этого есть.

- Согласен.

- Живи, радуйся и осуществляй свои мечты. А ещё – копи в себе любовь. Это принесёт тебе истинное счастье. Потом ты всё это кому-либо подаришь. Ведь должно же после человека что-то остаться…

- А вы когда-нибудь видели свою смерть?

- Всякое случалось, но это была не она…

- Главное, чтобы не было страха?

- Нет, страх присутствует всегда, важно уметь пользоваться им.

- Как это?

- Ты его не гонишь, и сам никуда не бежишь от него, просто принимаешь. Страх есть, но он – твой помощник, страх предупреждает о приближении опасности, и тебе нужно собраться, и быть готовым к встрече с ним.

- Вроде бы, опять ничего сложного?!

- И так – во всём.

- А удача? Она ведь посещает человека иногда!

- Без удачи, конечно, жизнь не обходится, но и её, пожалуй, необходимо заработать. Очень полезно для этого находиться иногда одному.

- Для чего?

- Чем чаще ты остаёшься наедине с собой, тем лучше понимаешь окружающий тебя мир. Ты начинаешь замечать то, чему до этого не уделял никакого внимания, а какие-то вещи вообще не замечал.

- Наверное, нужно захотеть одиночества? Но ведь быть одному не просто…

- Если только не пришёл к нему осознанно. Одиночество должно приносить тебе радость. К чему, скажем, разговаривать, даже если тебе есть, что сказать. В любом случае, в словах твоих будет присутствовать ложь, а если не произносить их – ты будешь более честен. Правда обитает только в тишине, и когда ты сохраняешь молчание – ты её чувствуешь и понимаешь.

- Значит, слова могут усложнять жизнь?

- Да… Они чаще всего застилают собой правду, и жизнь скудеет от этого.

- Получается, что лучше не говорить, только думать?

- Просто, было бы неплохо, время от времени, практиковать молчание. Тогда ты научишься передавать правду иными средствами, не словами.

- И что это может быть?

- Что угодно. Главное, чтобы ты это делал с удовольствием.

- А если уж заговоришь, то слова должны быть содержательными?

- Именно так. Когда ты ценишь молчание, слова потом становятся полновеснее, и с помощью их, наверное, можно менять взгляды людей на важные жизненные вопросы. А значит – и жизнь.

- Так, когда можно и лучше всего говорить?

- Если говоришь – радуй, не хватает для этого сил – молчи. Пусть люди говорят, не мешай им этого делать, если хочешь оставаться с ними в добрых отношениях. Как правило, они врут, но это не должно касаться тебя. Слова, по своей природе, как это чаще всего бывает, лживы…

- А что тогда правдиво?

- Сердце… Оно исподволь подсказывает, на своём правдивом языке, самые истинные вещи. К нему следует прислушиваться, научиться доверять. Чем чаще обращаешься к своему внутреннему «я», тем вернее. Сердце никогда не обманет, если подружился со своей истинной природой. Да и эту внутреннюю природу тебе суждено познать с помощью чуткого сердца: только оно – путь к открытию божественного сознания.

- А это сознание – в нас?

- Да, каждый из нас его счастливый обладатель. Без обнаружения в себе этого сознания, без проникновенного отношения к нему, ничего достойного в жизни человека не случится. Отнесёшься к заложенному в тебе сознанию с уважением – прольёшь на свою жизнь свет. Ведь оно – божественно, и только ждёт, чтобы мы все обратили на него внимание.

- Как почувствовать эту грань? Грань, между тобой и божественным сознанием?

- Она практически отсутствует: мы постоянно находимся душой и там, и здесь, душа – наш проводник в божественный мир, и чем чаще мы к нему обращаемся, тем она сильней.

- И как определить эту силу?

- По энергии, которой ты обладаешь. Уровень её определяется совершёнными тобой душевными усилиями. Они должны стать привычными для тебя, как вдыхаемый воздух.

- А разве в сердце не существуют тёмные уголки?

- Обласканное божественным сознанием – оно непогрешимо. Мир и мудрость сопутствуют ему. Сердце человека – инструмент Бога.

- И этот инструмент невозможно испортить?

- Если обращаешь на него внимание, и придаёшь ему должное значение. Его необходимо пробудить и тесно взаимодействовать с ним. Но большинство людей смотрят на мир так, как будто в состоянии обойтись одним разумом, и из-за этого теряют свои жизни, проживая их напрасно.

И ещё одно: способности сердца, живущего в согласии с божественным сознанием, нельзя игнорировать вечно. Подобная беспечность и равнодушие к нему не повлияют на его возможности, но это всё дальше отбрасывает тебя от понимания в себе Бога.

- Это и есть самое ценное?

- Ценна сама жизнь. Возможность устроить в ней всё так, как тебе хочется.

- Это мне понятно. Но ведь есть какие-то привычные для каждого ценности, без которых человеку трудно обойтись?

- Под ценностью следует предполагать то, что не имеет цены.

- И что же бесценно?

- Для меня это – возможность пробовать всё на вкус. То есть – постигать суть вещей.

- А любовь, верность и плечо друга?

- Всё это придёт к тебе, если ты занят чем-то достойным. Самое ценное то, без чего тебе неинтересно будет жить, и его нужно найти.

- В этом поможет решительность, терпение и отвага?

- Да.

- Разве их нельзя назвать ценными?

- Это, конечно, важные вещи, но они уже присутствуют в каждом человеке, их нужно только разбудить. По-настоящему ценное требует работы над собой, его можно только заслужить.

- Словом, создать?

- Именно так. Говорят, что можно изменить свои цели, но никогда не стоит менять свои ценности. Так вот, ценность невозможно изменить, если она есть, то есть – достигнута.

- Трудно вообразить, что многие этого достигают, заняты поиском в своей жизни чего-то достойного.

- Если быть точным, то весь мир сейчас пребывает в свободном падении…

- Куда?!

- В тартарары! Но это не страшно, если удерживаешь себя от этого падения, а вернее – летишь.

- Смею допустить, что к нашим родным истокам, в царство небесное?

- Не совсем так… Вернее будет сказать – к самому себе.

- Но ведь дом наш находится именно там.

- Где бы ты ни был, ты должен оставаться самим собой, ибо божественное, которое ты в себе осознал, не покидало тебя, оно всегда с тобой, и главное, что бы ты не предавал его в себе.

- А если человек когда-нибудь осознает себя, он становится лучше? То есть – способен изменяться?

- Этим мы и должны быть заняты на Земле, и если кто-то этому не уделяет внимания, даже вообще не задумывается, это ничего не меняет:

каждому человеку необходимо расти, для этого и существует душа. Разве это не интересно? По крайней мере, достойно…

- Если однажды решишься на этот путь, отступать уже, наверное, не получится?

- А смысл? Ведь ты столько откроешь для себя, если отправишься по нему однажды. Научишься понимать людей, животных, птиц, тебе станут подвластны все природные стихии…

- Но как научиться искренности, отправившись в эту дорогу?

-Прислушиваясь к сердцу: это и позволит быть искренним. Зачем обманывать себя, если это непродуктивно! Почувствовал, что ты в своём устремлении искренен, и решайся. Тогда решительность с отвагою рождается в тебе совершенно естественно, без какой-либо натуги.

- Много, наверное, вещей рождается в сердце, если ты ему поверил?

- Конечно, среди них – нежность и любовь. Тебе ничего не будет стоить отдать себя за неё, если твоя сердечная чакра превратилась в цветок. Ведь невозможно влюбиться на половину, а любить всем сердцем возможно только, когда ты целостен, а значит – искренен по отношению к божественному в себе.

- А как относиться в жизни к мелочам?

- Их нет, они слагают целое, и если ты хочешь его обрести – цени жизнь всю, целиком. Важна каждая её капля. Кто малого не ценит, того и Бог не бережёт.

- Разве возможно всё так тонко чувствовать, видеть, слышать?

- К этому ты начнёшь приближаться, если будешь внимателен и честен по отношению к своему сердцу. Непосредственно пережитый тобой опыт обогатит тебя, всё это придёт незаметно, и оно неотвратимо. Ты до такой степени когда-нибудь будешь переполнен энергией, что вместишь в свою душу весь мир, и он никак не обременит её. Великое благо тогда снизойдёт на тебя, поверь мне.

- Вы так и живёте?

- Да. Мне радостно, и я полон сил. Но даже если какие-то важные вещи ты узнаёшь под самый занавес жизни – это не страшно. Твоё место под солнцем и звёздами у тебя никто не отнимет. Наслаждайся жизнью, цвети и дари радость другим. Отправляйся, пока ты молод, в честное путешествие по жизни, это себя оправдает.

- А вы всегда хотели путешествовать?

- Нет, до того момента, пока не осознал, что не могу не отправиться на край света.

- Прямо, на край света?

- Сначала – в море, но потом понял, что без дальней дороги тут не обойтись.

- И сразу всё получилось?

- Так и бывает, когда долго ищешь себя. Должно пройти немало времени, пока ты не почувствуешь в своей душе верный позыв к действию. Всему нужен срок.

- Как бы мне хотелось всё это пережить!

- Всё зависит от тебя.

- С чего мне начать?

- С вдумчивых размышлений о своей персоне.

- Я серьёзно.

- И я не шучу. Пока ты не разберёшься – чего тебе нужно, не сдвинешься с мёртвой точки. Важно тронуться с места, и тогда каждый твой шаг будет приносить тебе открытия.

- В этом всё дело?

- Сам путь – есть радость.

- И только?

- Это не мало. Ты даже не представляешь, что тебя ждёт.

- Хочется верить.

- Вот и поверь, и никогда не прекращай в себе этого устремления. Оно приведёт тебя к самому главному в себе…

- К чему же?

- К божественному присутствию, что живёт в каждом, и только ждёт, когда мы к нему прикоснёмся… Попробуй найти то, чего нельзя потерять!

- Разве такое существует?

- Оно всегда с каждым из нас, никто об этом просто не знает. Не думает, что так всё в жизни может быть замечательно устроено.

- Это – то самое, таинственное, начало начал?

- И оно – бесконечно, необъятно, и всё же – всегда с нами.

- Это как-то связано с нашей внутренней природой?

- В какой-то мере – да. Нам подарена эта ценная возможность становиться лучше и интереснее.

- Для чего, конечно, нужно приложить усилия?

- Без этого ничего не получится. Такие внутренние усилия – наш неминуемый и единственно верный удел.

- Но с чего-то всё должно начаться?

- Вот это нам великодушно и предоставлено разузнать самим. Та самая отправная точка, и её необходимо в себе обнаружить. Впрочем, эта сила сама, время от времени, даёт о себе знать.

- Кто-то эту силу в нас вложил?

- Бог, Небо, - называй, как знаешь.

- Как же всё это в себе угадать? Это должен быть внутренний голос?

- Что-то вроде того… Скрытая в нас энергия подвига, настраивающего нашу душу на подвижническую жизнь.

- На неё просто необходимо решиться?

- Только и всего. Но однажды решившись – отступать уже не стоит.

- И это – далёкий путь…

- Очень далёкий, можно даже сказать – бесконечный. Но он стоит того. Если ты по нему не отправишься – жизнь твоя будет безрадостна.

- Значит, радость превыше всего?

- И она тоже.

- Но что тогда главное?!

- Способность созидать, сливаясь с этим божественным миром. И идти, идти бесконечно по этой дальней божественной дороге, что неповторимо прекрасна… Всегда можно найти ответ, если вдумываться в жизнь. В любую мелочь, которая, сама по себе, есть вся Вселенная. Люди должны понять, что путь к гармонии лежит через осознание нашего внутреннего совершенства, которое изначально заложено в нас.

- А разве достижение этого умиротворяющего душевного покоя возможно только через взаимосвязь с Творцом?

- Все мы здесь, на Земле, являемся Его Божественным продолжением. Мы есть божественный канал, с помощью которого Творец желает ещё полнее выразить Себя, и значит, собственными душевными усилиями подтверждаем свою нужность для Вселенной. Осознание этой удивительной взаимосвязи способно принести ей, как и всему человеческому миру, самые благотворные результаты.

- Все люди должны поднять своё сознание на более высокий уровень? Возможно ли такое?

- Если подобное произойдёт, то это будет великий прорыв к всеобщей радости, потому что душевный подъём всегда вызван усилением потока жизненной энергии, который, в свою очередь, возможен, лишь когда ты стремишься улучшить себя и мир. Не важно – как ты это делаешь: высаживаешь деревья, пишешь хорошие, добрые книги, или просто даришь людям улыбку, свою доброжелательность. Главное – ты создаёшь своими действиями то, чего до тебя в подобной форме не существовало, ты – сподвижник Господа в великом процессе сотворчества.

- Осознавая свою истинную природу, ты пребываешь в состоянии радости?

- Важна готовность чувствовать и воспринимать, постоянно ощущая в себе чистую жизненную энергию, струящуюся по телу. Разреши ей это делать! При этом сразу начинаешь понимать, как важна самоотдача, дарующая гармонию, а значит – единение со всем окружающим. Выпуская на волю свою истинную суть – ты ощущаешь энергию всей Вселенной каждой клеточкой своего тела. Твоё истинное «Я» обладает бесконечной мудростью, осознавая это – ты обретаешь связь с жизненной энергией, которая течёт по твоим жилам и ждёт, чтобы ты обратил на неё внимание.

- Но чаще всего этого не происходит…

- Человек не сразу осознаёт, что весь его опыт – это лучшее и самое важное, что только можно было получить в жизни. Именно благодаря этому опыту он и познаёт свою истинную суть. Сама жизнь – вот единственный и настоящий учитель, благодаря которому растёт наша душа.

- Человеку, наверное, сложно любить себя, принимая таким, какой ты есть, а гораздо проще требовать внимания и любви от окружающих?

- Вернее было бы даже говорить об уважении, и не к себе, а к той божественной природе, что составляет твою суть. Сам человек, действительно, пока не достоин того, чтобы можно было относиться к себе с любовью, ведь подобное состояние подразумевает огромную и очень длительную внутреннюю работу, на которую большинство не решаются, просто не желают этого. Стоит, пожалуй, говорить лишь о внимательном отношении к заложенным в тебя Вселенной возможностям, которые ещё, к тому же, необходимо обнаружить и развить. Позволь энергии жизни свободно течь в твоём теле!

- Только из-за неспособности осуществить своё предназначение – мы страдаем от физической и душевной боли?

- Без веры, что можно изменить себя – человеку не прожить.

- И без знания: как это сделать?!

- Без веры в сердце, что всё, и мы тоже, происходит от Бога, и пытаться не стоит. Трепетное биение сердца указывает нам на единение его с божественным началом.

- В этом суть происходящего повсюду кризиса, в том числе – и в душах людей?

- В отсутствии сознания, возникшего из-за забвения души, божественного присутствия внутри и вокруг нас.

- Осознанности того, кто мы и куда идём?

- И этого тоже, а главное – утраты понимания своего предначертания светить, улучшая жизнь. Мы – проводники внутреннего света Вселенной, её инструменты в создании просветлённых душ, способных в конечном итоге отыскать в себе Бога. И нужно помнить, что это особое положение и высокая задача не столько дают нам привилегии, сколько обязывают трудиться на благо великой Вселенной.

- Значит, подлинно человеческая суть заключается, всё-таки, ни в теле, ни в генах и ни в нашем социальном поведении, а в душе?

- Да, в её свете, в способности отдавать и ощущать единство со всем Сущим.

- Как Солнце…

- Можно сказать и так.

- Не покидает ощущение, что мы кем-то задуманы… Но с какими великими возможностями!

- Многие люди даже не догадываются о них, о том, какое благо они способны изливать в этот мир. Божественное в душах должно пробудиться через нас. Смотря нашими глазами, чувствуя нашими сердцами и думая нашим умом, душам необходимо вспомнить своё рождение на небе и осознать своё путешествие на землю, где им предстоит в полной мере выразить свою внутреннюю природу.

- Не человеческую?!

- В своих человеческих качествах, лучших из них, мы отражаем суть великой Вселенной, Самого Бога, который любит всех нас.

- И чтобы реализовать все эти чудесные способности, человеку надлежит всего лишь отказаться от чрезмерной гордыни и эгоизма, которые сводят на нет предрасположенность к созиданию, уродуют наше божественное сознание?

- Мы должны с уважением относиться и к нему, и к Богу, к самому, казалось бы, обыкновенному существованию, что, между тем, полнит собой всё живое на Земле. Нам нужно научиться видеть свою божественную душу во всех живых существах, чтобы эти существа стали нами самими. Осознав, что всё, на что мы смотрим, тоже смотрит на нас божественными глазами, человек однажды увидит в любом проявлении природы собственное лицо.

- Я где-то читал, что само путешествие важнее цели. Почему?

- Потому что можно обойти хоть весь мир в поисках красоты и истины, но ничего не найдёшь, если изначально не несёшь их в себе, хотя бы ростки.

- Мне кажется, что путешествие, само по себе, не может не приносить радость.

- А кому-то оно доставляет сплошные неудобства, и даже пугает.

- Наверное, путешествие дарит радость только тогда, когда ты к нему готов?

- Несомненно. И все дорожные невзгоды тебя не обременяют, ты встречаешь их непринуждённо, где-то находя даже приятными. Так вот ростки сознания должны вырасти и укрепиться, а это возможно только в дороге, когда ты сталкиваешься с разными энергиями и вынужден приспосабливаться к ним. Тебе не миновать их, и мужество путешественника заключается в том, чтобы выходить с наименьшими потерями из любых ситуаций, в которых приходится преодолевать свой страх, а вернее – незнание того, что они могут тебе принести.

Так закаляется характер, и приобретаются знания, способность осознавать себя в этом мире. Ты начинаешь пребывать в гармонии со всем, что происходит вокруг, какую бы опасность оно тебе не сулило. Стрессы, способные кого-то уничтожить, проходят сквозь тебя, не вызывая сбоев в заданном жизненном ритме.

- Но ведь путешествие всё равно отнимает жизненную энергию?!

- А разве ты при этом вступаешь в конфликт с собой? Всё происходящее только способствует твоему росту, и затраченная энергия впоследствии компенсируется многократно.

- Нужно не отворачиваться от страха, а смотреть прямо в него?

- И стараться сохранять при этом осознание каждого момента. Вскоре в твоём сердце утвердится уверенность и покой, а тревоги и беспокойство отступят. Не надо воспринимать мир как нечто отдельное от себя, от своей души. Когда ты утвердился в истинной ценности жизни, твоё восприятие не предполагает боязни чего-либо. Она, конечно, присутствует в какой-то степени, но по мере развития ситуации – сходит на нет. Утвердившееся в

своей силе сознание безгранично в своих возможностях, и способно творить чудеса.

- Значит, неудовлетворённое сознание сориентировано на страх, тревогу, даже панику?

- Неудовлетворённость наша проистекает из незнания себя, вернее – источника, из которого душа черпает эти самые безграничные силы. Человек же, осознанно отправляющийся в путешествие, несомненно открывает их для себя, от того оно и важнее цели. Ведь когда ты её достигаешь - ты перестаёшь расти, и это уже оказывается не интересным.

- В общем, человек всегда будет стоять перед выбором: либо использовать ограниченные ресурсы своего беспокойного ума и жить в вечном страхе потери, либо позволить себе обратиться к безмерным возможностям Вселенной, и стоит решиться именно на последнее?

- И лучше всего осознание этого приходит именно тогда, когда мы отправляемся в дорогу. Прими эту простую и светлую истину, которая поможет тебе воплотить в жизнь твоё самое заветное желание.

- Не сразу понимаешь, что истинные драгоценности изначально спрятаны именно в тебе.

- Да, и их нужно только обнаружить.

- И что же это?

- Покой и радость, свободная от проблем и конфликтов жизнь, постоянная удовлетворённость от неё. Мы должны быть лишены какого-либо недовольства. Нам всем следует посмотреть на самих себя и на свою жизнь с позиции осознанности, которая, опять же, присутствует в каждом, но далеко не всякий ею пользуется.

- В этом может помочь человеку вера?

- Нет, вера здесь не причём. Осознанность способна обойтись и без неё. И ум тоже не должен управлять человеком: сам человек способен управлять своим умом. Всё это – давние заблуждения людей, которые всегда мешали им реализовывать свои самые заветные желания.

- С чего же необходимо начинать?

- Учись по-новому смотреть на жизнь, чтобы видеть в ней только гармонию. Нужно осознать совершенство каждого момента жизни, её неповторимость, воспринимая как в детстве, только через удивительные открытия, которые доступны каждому. Каким ты желаешь видеть мир, таков он и есть.

- Да, совсем недавно, пока не минуло моё отрочество, и ещё не утвердилась юность, я переживал подобные ощущения, оставаясь самим собой, и это было изумительное состояние. Меня постоянно охватывало чувство благоговения перед самыми обычными, казалось бы, вещами, но куда же всё пропало? Вы тоже переживали в моём возрасте подобное?

- Нет, я не переставал самозабвенно относиться к жизненным событиям.

- А сейчас?

- И сейчас тоже.

- Как же вам это удавалось?

- Я всегда осознавал ценность жизни: и в детстве, и в юности, и в зрелом возрасте. Очень неправильно, даже несправедливо считать, что радоваться человек должен только в детстве, а в старости – предаваться мрачным размышлениям, сожалея о неудачно прожитой жизни или её бренности. Я не боялся так относиться к жизни всегда. Даже когда детство минуло, мне нравилось обустраивать свою жизнь интересно, постоянно ставя перед собой, вроде бы, невыполнимые задачи, а достигая их осуществления, я переживал всё то, что мы переживаем в детстве.

- Но детства всё равно не вернуть…

- Детство вернуть, конечно, невозможно, но вот вернуть радостное возбуждение, переживаемое когда-то от укуса пчелы в ладошку или пребывания на запылённом чердаке бабушкиного дома, с кипами старых журналов на нём, ты способен. Ведь ты не отказывался от всего этого? Просто радостные воспоминания, со временем, незаметно перестали посещать тебя, ты поменял их на какие-то другие вещи, представляющиеся наиболее важными, и, тем не менее, непосредственная красота детства по-прежнему живёт в твоём сердце. Её можно возродить в любой момент, и вновь наполнить свою жизнь непередаваемыми ощущениями. Всё зависит от тебя.

- Важно сохранить в себе способность удивляться?

- Конечно, тем более, что удивление свойственно и взрослому человеку. Если в глубине души тебе хочется отправиться в дальнюю дорогу, почему ты должен отказываться от этого желания в угоду, скажем, респектабельному положению в обществе? То благоговение, которое ты испытываешь от своего путешествия, вряд ли сможет сравниться, по глубине переживаемых ощущений, с обычным накоплением денег. Радость, восторженность от переполняющих душу эмоций и вера в то, что ты будешь жить вечно – никуда не уходили, и их нужно только опять испытать, по крайней мере – решиться на это.

- С возрастом люди просто переключают своё внимание на вещи, которые кажутся им наиболее важными, а это оказывается не всегда верным?

- Никто не мешает тебе отказываться от возможности становиться зрелым человеком, но зачем прощаться со всем тем, что дарило детство? Наоборот, ты должен воспользоваться всеми преимуществами, присущими любому возрасту. Совсем не обязательно предпочитать что-то одно, жертвуя другим.

- Значит, люди неправильно понимают жизнь?

- Проблема в том, что люди очень скоро перестают расти, в то же время, сохраняя в душе ребёнка, и полагают при этом, что уже достигли зрелости. Они ведут себя так, как, по их мнению, и должен вести себя взрослый человек. На самом деле они как раз демонстрируют отсутствие роста, приближая себя, таким образом, скорее, к исчезновению.

- Человеку нужно постоянное развитие?

- Без этого невозможно, потому что жизнь – это нечто гораздо более значительное, чем о ней, чаще всего, принято думать. Многие из людей, обзаведясь к сорока-пятидесяти годам всем желаемым, не зря вдруг начинают чувствовать в душе отсутствие полноты. Это внутренний голос пытается подсказать им нечто очень важное, но проблемы повседневной жизни вновь захлёстывают их глубинные устремления, и люди по-прежнему продолжают накапливать материальное богатство, добиваясь почестей и власти. Но когда приходит старость, человека опять, с ещё большей силой, одолевают дорогие сердцу воспоминания, когда казалось, что жизнь тебя не обманет.

- Получается, что человек довольствуется надеждой на счастье, которое, на деле, никак ему не даётся?

- Получается, что так, а всевозможные земные удовольствия, которых он с таким напряжением в течение всей жизни добивается, лишь видимость желаемого удовлетворения.

- Отчего это происходит?

- Человек, в первую очередь, не реализует свой истинный потенциал, заложенный в него Богом, ту необъятно восхитительную суть, преисполненную великого Вселенского смысла: изменяться к лучшему и становиться совершенным. И ведь всё для этого у человека есть, а проявляется больше всего именно в детстве. Только повзрослев, он не должен отказываться от его удивительных преимуществ.

- Наверное, само по себе понимание, что в жизни существует нечто неизменное, а значит - надёжное, оказывает своё успокаивающее воздействие?

- Да, как бы этого кто-то ни хотел признавать. Но человек, действительно, чувствует себя в некоторой степени защищённым, интуитивно понимая, что определённые силы заботятся о его безопасности. По большому счёту, этой силой оказывается даже часть тебя, хотя многие не знают – как это объяснить, или доказать другим. Главное, ты знаешь, что оно, это твоё истинное «Я», есть, и жизнь от этого становится более возвышенной, несущей в себе скрытый смысл.

- А можно жить в этом возвышенном состоянии всегда?

- Жизнь так устроена, что в ней далеко не всегда получаешь то, о чём мечталось, она, как правило, даёт только то, в чём мы нуждаемся. Нужно с благодарностью принимать её дары, тем более, что они оказываются вполне приемлемыми, если не сказать большего. Но люди чаще всего не ценят и не замечают то, что благосклонно преподносит нам Природа, ищут какие-то свои, обходные пути, сопротивляются естественному течению вещей, и в итоге обрекают себя на страдания, создавая ненужные препятствия.

- А в основе всего лежит восприятие жизни такой, какой она является в настоящее время?

- Да. Если ты следуешь этому простому правилу, Вселенной ничего не остаётся, как быть расположенной к тебе, ко всем твоим начинаниям, оставаясь всегда щедрой и любящей. Может быть, кому-то это покажется чем-то непостижимым или даже странным, но, тем не менее, это так.

- Я начинаю во всё это верить.

- И правильно делаешь, потому что путь к совершенству – абсолютно естественный процесс, и его очень легко принять, если поверить в себя, в свою неразрывную связь с бесконечной Вселенной, в то, что она только и ждёт, когда ты обратишь к ней своё внимание.

- И всё-таки, не так уж просто, должно быть, осуществить переход к этому возвышенному состоянию, да ещё и продолжать жить в нём?

- Если ты однажды решишься, Вселенная не разочарует тебя. Восприятие возможности собственного совершенствования снизойдёт на тебя так же легко, как приливы сменяют отливы. Тебе непременно захочется творить, и твоему внутреннему взору откроется суть человеческой жизни, и ещё знание, что можно переживать гармонию каждый миг, начиная это делать прямо сейчас.

- Я понял: самое важное – это то, что мы есть, что составляет нашу суть – душа, и она всегда права, если чутко прислушиваться к ней. А для того, чтобы чувствовать её, нужно…

- Вот что ты чувствуешь прямо сейчас?

- Радость…

- А почему ты используешь именно это чувство, что является тому причиной?

- Мм-м… Может быть, моя вера в то, что вы говорите, желание надеяться на лучшее?

- Но ведь это всё относительно. А если я ошибаюсь? В таком случае – вера твоя развеется в прах.

- Тогда эта истина так неуловима, даже начинает казаться ошибочным её существование…

- А между тем, это - самая сильная часть нас. Всё зависит от собственной самооценки.

- Что же порождает радостное чувство?

- Уровень этой самооценки, когда ты знаешь, даже уверен, что на самом деле – всё хорошо, так, как оно есть, и стоит просто принять это не несущее тебе ничего плохого положение. Ты защищён какой-то Великой Силой, которая не желает причинения тебе зла, Она и не подразумевает этого, обладая, между тем, неисчерпаемыми возможностями. А когда ты ощущаешь себя в безопасности – в тебе рождается радость, спокойная уверенность, что она никогда не прекратится.

- Я так и чувствовал!

- Почему же не сказал?

- Наверное, у меня ещё не тот уровень самооценки?!

- Да. Люди обычно не осознают эту заботу о нас всей Вселенной, а сосредотачивают своё внимание на более близких и понятных материальных устремлениях. Они, в основном, господствуют над нашим поведением, а Божественную поддержку Мироздания мы не ощущаем.

- Так что же вынуждает чувствовать нас себя неуверенными?

- Ответ один: отсутствие осознания себя частью этого удивительного Божественного Мира.

- А когда сокровенное желание выполнено, не ощущаете ли вы опустошённости?

- После того, как мечта достигнута – не остаётся ничего, но это не означает наличие пустоты. Наоборот, отсутствие чего-либо по исполнению задуманного - само по себе хорошо, если ты удовлетворён и полностью принимаешь произошедшее, всё, что к тебе пришло. Когда ты живёшь в согласии с самим собой – «ничего», а вернее – удовлетворённость, оставшаяся после содеянного, является главным итогом и началом для осуществления нового желания. И исполняется оно гораздо легче предыдущего, потому что великие и вечные возможности уже изначально находятся в тебе, ты в этом уже убедился, и остаётся только радостно принимать то, что уготавливает на твоём пути жизнь.

Могут, конечно, возникать тревоги и волнения, но в глубине себя ты знаешь, что обязательно достигнешь желаемого, поскольку его уже невозможно не достичь. Тебя переполняет радость даже тогда, когда небо затянуто непогодой и бушует неудержимый шторм. Ты знаешь: тучи рассеются, шторм прекратится, и ты благополучно вернёшься в родную гавань.

- К своей душе, которая всегда и везде с тобой?

- И главное, чтобы она радовалась за тебя, отправившегося в дальнее путешествие, в котором ты хочешь совершать открытия, пусть и относительных, но прекрасных вещей. Они гораздо восхитительнее, чем материальный достаток или власть. Да, леса за деревьями не увидишь, но можно прийти туда и обнаружить нечто удивительное: например, как поднимаются по ниспадающим струям водопада стремительные серебристые лососи, а на дне океана устраивают свои танцы осьминоги. Если ты считаешь, что существует путь к тому, где извергаются таинственные вулканы, то почему бы им не проследовать?

Можно мечтать об этом снова и снова, но прикладывая массу только воображаемых усилий, ничего достойного в жизни не узнаешь. Нужно обязательно самому отправиться в дальнюю дорогу, чтобы душа твоя возрадовалась. Я знаю, потому как осуществлял это вновь и вновь на самом деле, и всегда добивался своей цели. Живя активно, сердце моё в тоже время купалось в благостном покое от переживаемых встреч и событий, оно было переполнено неописуемой радостью, достичь которой можно лишь в согласии души и тела.

- А не может быть так, что переживание этой внутренней радости наступает только потому, что больше не нужно … напрягаться?

- Да, покой радостен, когда мы достигаем желаемой цели, но разве так плоха напряжённая, дальняя дорога, полная незабываемых приключений?! Ценность её – именно в неожиданных препятствиях, и их приходится преодолевать, чаще всего вместе с неизвестными тебе людьми, многие из которых впоследствии становятся твоими друзьями. Каким бы богатым воображением ты ни обладал, истинного благополучия никогда не испытать даже в самом благостном ничегонеделании: жизнь может быть наполнена радостью только в состоянии осознанного движения, когда ты знаешь – кто ты, куда идёшь и зачем. И ничего, что после достижения цели нас опять тянет в дорогу, и мы вновь переживаем в сердце беспокойство от предстоящего, и нам необыкновенно радостно ощущать рядом плечо друга, который так же, как и ты, осознанно отправился в дальнее путешествие.

- Но в жизни, действительно, столько препятствий…

- Если всё-таки кто-то причиняет тебе вред, не нужно даже знать точно – следствия каких именно поступков приводят к этому. Что-то такое в этой или прошлой жизни ты сделал не так, чем и заслужил подобные последствия, и поэтому любой, кто доставляет тебе какие-либо неприятности, оказывается всего лишь инструментом в твоей собственной судьбе. Ты должен понять простой принцип ответственности за свои поступки или отсутствие их, и, конечно, ты не должен отвечать на оскорбление – оскорблением, ибо такое поведение убивает в тебе достойные качества и приводит в итоге к страданиям. Ты будешь всегда здоровым, если научишься с пониманием относиться к людям. Сила человека оценивается по тому, насколько он способен выносить трудности, и это, в первую очередь, имеет отношение к готовности прощать, а страдания – лишь признак того, кто не имеет контакта с истиной.

- А что делать, если судьба всё же не благоволит к тебе?

- Часто можно услышать жалобы от людей об их нелёгкой судьбе, о том, что им что-то постоянно мешает в жизни. Что им можно посоветовать? Лишь слова древнего мудреца: если у тебя есть слабость, избавься от неё. В этом – суть свободной воли.

- Но ведь человек может попасть в сложную ситуацию?

- Неважно, в какой ситуации находится человек, и через какие опасности ему приходится пройти. Если в любой из этих ситуаций и опасностей человек помнит о Господе, находящемся в нём, такой человек всегда будет чист внутри и снаружи.

- И добьётся своего?

- В жизни далеко не всегда можно получить то, о чём мечтаешь, у неё, как это ни странно, существуют другие расклады относительно нас. Помнишь, что я говорил? Парадокс: мы стремимся к тому, чего хотим, а жизнь даёт нам то, в чём мы нуждаемся. Она всегда предоставляет нам

вполне приемлемый выбор, и если мы сопротивляемся, жизнь ставит препятствия. Нужно с благодарностью принимать всё, что она предлагает.

- Значит, ничего не стоит бояться?

- Не бойся начинать с нуля, проявляй энтузиазм, и Вселенная покажет тебе чудеса. Природа этого мира такова, что для того, чтобы позаботиться о благополучном будущем, мы должны претерпеть определённые неудобства в настоящем. Если ты хочешь познать тайны Вселенной и приблизиться к Богу, то тебе надлежит оставлять множество удобств и наслаждений этого мира, проявляя терпение и отвагу.

- Чего бы это ни касалось?

- В соответствии с законами природы на нас всегда влияет то, с чем мы соприкасаемся. Если это – Океан, то и душа твоя рано или поздно переполняется его чистотой и мощью…

- В это не сразу можно поверить.

- Душа наша по своей природе исполнена знания и блаженства, следовательно, в соответствии с нашей внутренней природой – мы должны быть постоянно счастливы. Но мы страдаем. Почему? Коренная и единственная причина – лень, опутывающая нашу душу. Этот грязный покров вынуждает забыть нас о своей истинной природе. Как очиститься от этой грязи? Думать о том, что Бог – повсюду, обращаться к Нему, как можно чаще, произносить слова благодарности – главное лекарство, чтобы избавиться от страданий.

- Насколько ты предан Богу, настолько Он тебе Себя открывает?

- Когда ты не боишься вмешиваться в жизнь, и неминуемо при этом пробуешь изменять свой угол зрения на неё, ты к великой радости для себя вдруг обнаруживаешь, что свободен от страданий, что мир только и ждёт твоего вмешательства, и он, это удивительно/!/, содержит бесконечное число путей постижения себя, которое, опять же, зависит от твоего выбора… Если ты не боишься взглянуть на мир по-своему, он соответственно реагирует на твоё внимание к нему, и какой бы путь ты ни выбрал, жизнь в любом случае наполняется для тебя смыслом и осуществляются твои самые заветные желания.

- Невероятно…

- Это кажется неправдоподобным, но только не для того, кто был честен и не побоялся обратить свой взор к окружающей тебя Вселенной, частью которой ты являешься. Тот, кто не наблюдает мир, не желает познать его и себя в нём, никогда не познает истинного духовного подъёма, при котором можно самому создавать Вселенную, осуществляя любые желания.

- Получается, что нужно не бояться по своему взглянуть на окружающий тебя мир и верить в себя?

- Верно. И ты увидишь, как он многогранен: каждый может найти в нём свою дорогу… Прелесть текущего момента возможно прочувствовать только тогда, когда ты находишься в покое, то есть – в согласии с собой, если ты управляешь собственной жизнью. А управлять ей можно только

когда ты делаешь выбор в сторону равновесия со своим внутренним «Я». Ты знаешь – насколько легко тебе следовать радостным устремлениям своей души, в полной мере переживая богатство и красоту жизни, и ты следуешь своим желаниям и мечтам. Ничто и никто тебя не ограничивает.

- Неудовлетворённость, тревога и разочарование не касаются тебя, если ты верен себе?

- Ты найдёшь всё, если обратишься к своему внутреннему «Я», к своей изначальной истинной природе. Когда человек осознаёт свою истинную природу, проблемы сами собой растворяются, неминуемо приходят ответы на все вопросы, и наступает тот покой, который соединяет тебя с миром, из которого ты произошёл. Повторяю: покой – это не праздная беспечность, а именно согласие с самим собой.

- Значит, главное – это когда ты познаёшь себя?

- Опыт всех твоих земных воплощений приводит тебя к этому, и он даже, оказывается, не нужен, когда ты осознал себя, познал своё истинное «Я». Ты – вернулся домой, и дом этот надёжно защищает тебя.

- Ничто уже не может поколебать твоей уверенности в себе? Ты свободен от страхов и напряжения?

- Да. Твои чувства становятся сильными и созидательными, а мышление – ясным. Всё твоё восприятие мира приобретает новую остроту и яркость, ты уже не стареешь, и готов к принятию самых невероятных открытий.

- Это можно назвать противостоянием жизни? Именно так её нужно воспринимать?

- Надо не противостоять жизни, а принимать её. Не склоняться к борьбе, а отдавать предпочтение покойной и непринуждённой работе над собой.

- И всё это возможно только при осознании себя?

- Да, ибо это – движущий поток самой жизни. Осознать своё истинное «Я» - это значит быть. Познание своего истинного «Я» растворяет любые проблемы и сопутствующие им страдания. Результат – внутренняя безмятежность и неугасающая радость.

- Как в детстве…

- Именно так. Не давай чуду жизни тускнеть в твоём сердце, помня, что детство не должно соперничать со зрелостью. Мы уже говорили об этом. Не соблазняйся силой, которую тебе, якобы, подарит только взрослость. Если ты будешь продолжать относиться к жизни по-детски, с присущей ей чистотой восприятия, то добьёшься того, чего тебе никогда не видать, если ты усиленно будешь стараться стать взрослым.

- А как же тогда становиться сильным, опытным, в конце концов, мудрым?

- Невинная радость детского бытия – сродни мудрости просветлённого мастера. Оставайся верен тому чудесному, счастливому покою, что всегда таится в твоей душе. Свет изнутри сделает тебя всемогущим, и потому не

изменяй ему. Делая то, что ты хочешь, не забывай: ты ещё должен совершать нужные поступки, а совершая их – никогда не останавливайся на достигнутом.

- Всё чудится: когда-нибудь что-то такое хорошее произойдёт в твоей жизни само собой, обязательно, и всё изменится к лучшему…

- Будущего не существует, это ещё одна наша иллюзия.

- Но ведь будущее определяет наши действия и цели?

- Будущее, обычно, это – точная копия прошлого, а вернее – неотъемлемая часть твоего нынешнего состояния.

- То есть: важно присутствовать только в этом, проживаемом моменте?

- Да. И только тогда в твоей жизни возможны истинные изменения к лучшему. Нужно прийти к пониманию, что целостное ощущение себя, а именно – действительное восприятие своих возможностей, есть не цель, а реальность, доступная тебе каждый миг твоей жизни!

- Значит, только настоящее обладает истинной силой?

- Прожить жизнь, не изведав боли, не дано никому. Поэтому, надо учиться, доверенными тебе Божественной Природой инструментами, избегать её. А инструменты просты: совесть, дыхание, речь, память, и, конечно, ум. Его нельзя оставлять без присмотра, им нужно управлять.

- Как же без него?

- Не без него, а с ним! Ум всегда пытается отвергнуть то, что происходит сейчас, и начинает судить тебя за прошлое, метаться по-пустому в будущее, и ты, незаметно, начинаешь отождествлять себя с ним. Отсюда – страдания!

- Можно избежать их?!

-Прими и оцени «сейчас», вот только этот миг, который не будет отнимать у тебя энергию, и ты почувствуешь себя более счастливым.

- Отбросить и прошлое, и будущее?!

- Если не сейчас, то когда?

- ??

- Не лишай себя шанса разглядеть красоту жизни за житейскими трудностями. Будь там, где ты есть. Оглянись по сторонам: мир прекрасен. Просто смотри и радуйся, осознавай тихое присутствие всего, что тебя окружает, погрузись с головой в настоящий момент, не упускай его, и так – всю жизнь.

- Выходит, не упуская происходящее с тобой в данный момент – ты сохраняешь свою энергию?

- И мало того – преумножаешь её. Это весьма эффективная духовная практика: не заботясь о результате – ты просто сосредотачиваешься на деле, которым занят, наполняя сознанием самые обыкновенные ситуации, когда, скажем, готовишь пищу или колешь дрова. Всегда важно «как», а не «что», и уделяя больше внимания процессу, ты исподволь обретаешь желаемое: и в тебе, и вокруг создаётся энергия, в которой не выживают негативные мысли

или какие-либо разногласия. Осознавая ценность настоящего – ты слагаешь собственное счастье.

- Счастье – главное?!

- Счастье, конечно, приятное чувство, которое ощущаешь, когда всё идёт по-твоему, но как только что-то начинает происходить наперекосяк, ты уже его не ощущаешь. Счастье невозможно контролировать, оно зависит от множества условий.

- Как же сделать так, чтобы счастье было стабильно, но в то же время не оставалось статично? Как обрести это состояние?

- Даже тогда, когда нам кажется, что мы счастливы, на заднем фоне нашего сознания не утихает тихий голосок, вещающий о том, что это ненадолго, и надо быть готовым к тому, что счастье рано или поздно улетучится.

- Разве это справедливо? И значит – страдание неизбежно? Именно для этого мы появились на свет и живём?

- Я так не думаю. Настоящее счастье – это влюблённость в своё истинное «Я», в дарованную тебе Богом душу, в истинное блаженство, радость и покой, и они - вечны. Истинное «Я» - есть Высший Разум, а проблема заключена в ограниченности нашего ума в сравнении с вечной душой. Нам нужно, чтобы именно она озарила наши действия, и тогда Вселенная поддержит нас в любой ситуации, потому что она изобильна, и Вселенский порядок пребывает за пределами проблем, в состоянии нескончаемой радости.

- А как нужно постигать Бога?

- Это просто. Гораздо проще, чем люди думают по этому поводу. Очень важно понять, что Бога можно увидеть только своими глазами. У каждого – свой путь к Нему.

- Наверное, Богу хочется, чтобы мы все видели Его одинаково?

- Есть древнее высказывание, что Бог говорит разным людям разное в надежде, что мы перескажем друг другу Его слова… Он, действительно, хочет, чтобы мы все были едины в понимании созданного Им мира, и поэтому проявляет Свою Любовь ко всем людям одинаково, но вот люди не пытаются постигнуть Его, а те, кто желают этого – не делятся своим видением с другими.

- Почему?

- Потому что не хотят этого, не видят в подобном устремлении какого-либо выгодного для них толка. Большинство людей не верят в Божественное Присутствие в своей душе, в то, что во Вселенной есть совершенный порядок, который может касаться каждого из нас. Но никакое слово не может описать Бога или помочь тебе постичь Его. Это можешь сделать только ты сам, на своём собственном опыте.

- То есть, моё или чьё-то иное восприятие Бога может являться одним из Его проявлений?

- Да. Но оно может быть ценно и для других, если твоё восприятие покажется кому-то очень близким и понятным.

- А как постигается Бог именно на собственном опыте?

- Да, Бога может познать каждый, важен личный опыт… Как он обретается? Часто люди не знают – чему следовать в жизни, и посоветовать им можно одно: живите осознанно, и всё приложится. Из этого совета проистекает главная жизненная цель – работа над собой, то есть – познание своего истинного «Я», Бога в себе, того, чем Он наделил каждого человека – душой, призванной трудиться, становясь лучше.

- Но почему люди невежественны, и нет конца их страданиям?

- Потому что они не видят истину такой, какая она есть: в каждом из нас присутствует Бог. И мы, на самом деле, являем собой не тело, и не ум, а вечную душу, которая должна посвятить себя деятельности, присущей только ей, то есть – она должна определить своё предназначение и бескорыстно исполнять его, не ставя никаких условий.

- Но с чего нужно начинать?

- Для начала найди в себе силы осуществить необходимое, затем – возможное, и постепенно не заметишь, как уже делаешь невозможное.

- И на это способен любой?

- Да. Нужно только найти в себе силы противостоять собственной нерешительности. Инстинкт поиска в себе божественного равновесия, раскрытие своей истинной природы – так же естественен для человека, как инстинкт самосохранения и продления рода.

- А если человек, всё-таки, запутался, пал духом, не поверив в свои силы?

- Ресурсы нашего организма колоссальны, и он бесконечно долго способен помогать человеку, чтобы тот вернулся к изначальному состоянию радости, уготованному ему Богом. Скажем, клетка уже отмерла, а память её сохраняется в организме, она пережила саму клетку! Для того, чтобы больной клетке измениться к лучшему, то есть – выздороветь, ей нужно свериться со своей внутренней здоровой программой, ещё при рождении заложенной в ней. Так и человеку: ему надлежит отыскать больший источник удовлетворения, сознание его должно получить такое искомое начало начал, но его могут дать только собственные душевные усилия… Нужно по-настоящему захотеть стать лучше!

- Иного пути не существует?

- Очень важно при этом – найти своё дело, занятие, которое дарит внутреннее удовлетворение и избавляет от разбазаривания драгоценной энергии, сохраняет силы. Если ты правильно проходишь напряжённые ситуации – не обижаешься ни на кого, не падаешь духом и не предаёшься унынию по каким-либо утратам, энергия только добавляется!

- А ещё?

- Надо жить так, чтобы ты был способен решить любую проблему, а вернее – вообще их не создавать. Чем больше мы испытываем единение с

самими собой, со своей изначальной природой, тем больше у нас энергии. Свободу, способность управлять своей жизнью, человек может обрести только тогда, когда проникает всё глубже и глубже в себя, позволяя себе быть таким, каким создал нас Господь. Никакое слово или действие не способно описать или постичь Его, но ты можешь совершить путешествие к Нему тем путём, который выберешь сам.

- А разве понятие «Бог» ощущаемо или познаваемо?

- Да, понятие Бога непознаваемо, но всё равно Присутствие Его всех окружает и объединяет, и иногда эта Вибрирующая Пустота, из которой всё появилось, источает невероятно мощные и ощущаемые волны энергии. Этого вполне достаточно, чтобы, не ограничивая себя самыми разными представлениями о Боге, не пытаться втиснуть Его в какие-либо мысленные рамки. Ты просто чувствуешь Его, не в силах объяснить, и понимаешь, что Он – Есть.

- Зачем тогда человек постоянно обращается к Господу, приносит Ему дары и воздвигает в Его Честь храмы, неустанно поклоняется?!

- Да, человек молит Бога снизойти к нему, чтобы Он стал на время инструментом его воли, но подумай: зачем Богу, исполненному Великой Гармонии и Космического Порядка, опускаться до несовершенного уровня человека и использовать для этого Свою Силу? В лице Бога человек ищет поводыря, тогда как должен подкрепить свои претензии собственными успешными действиями, которые на деле отсутствуют.

- Безрадостная ситуация, и она, конечно, по большому счёту, удручает, выявляя человека как безвольное, потакающее себе всевозможными слабостями существо, в итоге – ни на что не способное?!

- Человек просто жаждет, чтобы его направили, будто сам он выбор своего пути осуществить не в состоянии. Без поддержки Сверху он чувствует себя жалким и неудовлетворённым, решиться на что-то самостоятельное для него недопустимо, он такой попытки даже не рассматривает, и когда смотрит в будущее, то почему-то ожидает, что там дела пойдут лучше, тогда как лучше можно сделать только здесь и сейчас, максимально проявив свои возможности и без помощи Бога.

Но тут проясняется интересный момент: решаясь на самостоятельные действия, без помощи Всевышнего, ты как раз и достигаешь единения с Богом, и твоими мыслями теперь руководит ничто иное, как Вселенский Разум, в итоге – Сам Господь! Он ждал от тебя этого, и ты двинулся с Мирозданием в одном направлении.

- Значит, Бог поддерживает далеко не всякого и не сразу, а чтобы отправиться в эту дорогу и идти по ней – нужно много энергии?

- Бог свободен от границ, но проникает во всё… И терпеливо ждёт твоего смирения, чтобы начать обучение. Смиренен и скромен должен быть ты, чтобы однажды, внезапно, перед твоим внутренним взором появился Он. Но смирение – это не робость, а принятие жизни такой, какая она есть, и если

ты её принимаешь - для тебя начинается непринуждённое восприятие мира, а его течение – безмятежным и радостным.

- Как же накопить в себе энергию?

- Для этого есть немало способов, и самый неоценимый, опять же, цель… Ты должен определить её в себе, проникнуться своей выношенной в душе мечтой и сделать всё, чтобы реализовать задуманное. Тот энтузиазм, который ты переживёшь при её достижении – перекроет все твои потуги на пути постижения жизни, когда тобой движет одно несгибаемое терпение.

- Но разве его недостаточно, чтобы всё в твоей жизни стало на место, обустроилось?

- Воля и терпение способствуют открытию в себе иного, более глубокого мира, только эту волю непременно должна подпитывать сила, которую вдыхает в тебя Вселенная, а её возможно обрести лишь имея перед собой достойную цель.

- А что такое энергия?

- Сочетание удивительно гармоничных жизненных форм, с помощью определённого способа проникающих в любое существование, и проникновение это тем глубже и насыщеннее, чем гармоничнее настроено это существование, например, человек. Если в нём присутствует единение тела, сознания и духа, то жизненная энергия входит в него беспрепятственно, и с максимальной силой.

- Но помимо этого мы производим энергию сами, в собственном теле?

- В Священных книгах даны чёткие и простые советы, как оставаться здоровым, накапливая энергию.

- Например?

- Не думать ни о ком и ни о чём плохо, никого не осуждать. Быть искренним, открытым, доброжелательным. Не должно быть никакой корысти – жадности, гордыни, высокомерия. Только любовь к Богу и людям, ко всему окружающему миру. Когда всё это исполняется – активизируется тонкая жизненная энергия, наполняя тебя невероятной силой.

- И всё?!

- Хорошо было бы вставать из-за стола слегка голодным, а один день в неделю пить только воду. Ложиться отдыхать с заходом солнца, и с восходом вставать. Весной отказываться по мере сил от удовольствий. Осуществлять мечты: не исполненные – они разрушают, воплощённые в жизнь – заряжают энергией. Разве этого мало?

- Возможно ли всё это сразу усвоить и применять?!

- Любому человеку нужно научиться отдавать энергию в любом направлении и форме, испытывая истинное счастье при этом, тогда и энергия возвратится в троекратном избытке. Главное, чтобы душа не ожидала одних удовольствий.

- А что ещё может принести силу?

- Очень очищает физический труд на земле, вообще, общение с природой. В городе у человека существует искушение потратить энергии

больше, чем надо. Пребывая же на природе, мы ограничиваем свой духовный и физический комфорт, помогая, тем самым, душе ожить. Чем больше мы отдаём физической энергии, чем меньше в голове мыслей и переживаний, тем спокойнее и радостней становится на душе. Наш иммунитет, например, напрямую связан с внутренней энергетикой души: душа в порядке – и защита организма не даёт сбоев. Общение с природой – один из источников здоровья нашей души.

- Получается, что пища – не главное?!

- Пища даёт человеку грубую энергию, тонкую, более действенную, порождает энтузиазм, возникающий при постановке высоких и долгосрочных планов, неукоснительном следовании им. Именно высокая, значительная цель определяет наш здоровый и счастливый образ жизни, когда подсознание удивительно активизируется и помогает: всё начинает работать на идущего к своей цели человека. Чем выше цель, тем больше энергии.

- А какая самая сильная энергия?

- Самая сильная энергия во Вселенной – это энергия Чистой Любви и осознанное следование Божественной Мысли. Всё это в избытке находится на Земле. Нужно только этим правильно воспользоваться…

- Как?!

- В любом из нас заложена огромная информация, но чтобы извлечь её на свет – нужны, не устаю об этом говорить, собственные не прекращающиеся усилия, готовность к её восприятию и чистые помыслы.

- Но ведь каждый человек изначально имеет в себе жизненную энергию?

- Да. Только если он не проявит силу воли и решимость изменить свою жизнь к лучшему, энергии этой не суждено пробудиться. Над любой энергией нужно работать, неустанно достигая своей цели.

- Получается: чтобы обрести – нужно постоянно отдавать?

- Это один из основополагающих жизненных законов: когда ты что-то отдаёшь – у тебя этого становится больше. Этот закон подтверждает другой: наши возможности безмерны, мы все – безбрежный океан любви, радости и здоровья. Не скупись быть щедрым, ибо если ты не отдаёшь, то у тебя будет отнято последнее.

- Я понял: отдавая – человек радуется, значит – приобретает энергию, а страдает он только от переживания в себе низшей природы, призванной брать, хватать, хранить для себя одного?

- И потому цель страдания – освободить человека от неведения, внести смысл в его существование. Таким образом, и радость, и страдание ведут к познанию. Всё это – опыт, и не важно, что он может быть скорбным, как и приносящим удовлетворение; опыт дарит знание, знание преображается в мудрость, которая руководит душой, и так сила её увеличивается, постепенно сменяя преходящее счастье на вечное благо. Очевидно, что причина страдания – в неведении, а познание рождает радость.

- Значит, любые неприятные ситуации в жизни даются именно для того, чтобы ты развивался, учился и накапливал свою личную силу?

- Не реагируй на раздражение раздражением, а только спокойствием, ибо этого на подсознательном уровне от тебя хотят. Или на ревность – ревностью, дари только любовь! Очень чистая энергия идёт при бескорыстной заботе. Именно – бескорыстной, жертвенной, когда ты отдаёшь себя не за вознаграждения.

- Скажем, забота о близком родственнике, испытывающем тяжёлый недуг?

- Не обязательно это должен быть очень близкий тебе человек… И ты правильно заметил, что в преодолении длительного напряжения, трудностей, энергию даёт состояние радости. Любые трудности нужно принимать, радуясь. Тогда трудности закаляют, развивают и укрепляют. Всё от Бога, любая ситуация работает на любовь, и человек не должен отказываться от любого испытания.

- В общем, энергию снижает всё отрицательное…

- Именно так: ругательство, излишнее увлечение алкоголем и любовными похождениями. А ещё агрессия, ссоры, обиды, - всё это обесточивает организм. Даже – работа, если это не творчество и не труд с минимальным вознаграждением, когда ты, несмотря ни на что, верен своему предназначению.

- В смысле, что тебя не должна прельщать одна награда?

- Когда ты готов посвящать ему, то есть – творчеству, львиную долю своего времени, не требуя за эти занятия какой-либо материальной выгоды, оно наполняет необыкновенной энергией! Ты должен быть в своём творческом проявлении бескорыстен.

- А переедание отнимает силы?

- Конечно, воздержание, скажем, пост в весеннюю пору, когда организм наиболее заострён на устремления к удовольствиям, и он, несомненно, наделяет энергией, потому что еда даёт силы на внешнем плане, но забирает их на внутреннем. Именно поэтому, когда человек заболевает, он прекращает есть. Кстати, уединение, когда человек ограничивает себя от привязанностей к удовольствиям, тоже наделяет энергией. А вот переживание в себе любви ко всему миру, причём – непрерывное, один из самых больших источников силы. Даже само по себе стремление к Богу наполняет нас высшей энергией: благодари Бога за то, что Он есть, молись и понимай, что нет ничего выше, радостней и чище Его, и ты наполнишься заботливой божественной любовью, то есть – энергией.

- Но любой человек подвержен энергетическим спадам, в его жизнь рано или поздно приходят не желательные испытания и перемены…

- Когда что-то исчезает в твоей жизни из того, к чему ты успел сильно привязаться, нужно спокойно это принять, по крайней мере – учиться этому. Не противится жизни тот, у кого на душе покойно и радостно. Достигай этого состояния!

Нет - «хорошо» или «плохо», есть - «здесь» и «сейчас»! Это надо просто принять с сердечным теплом. Избавься от зависимости к прошлому и будущему, и перестань бояться потерь. Даже если мир обрушится – твой глубинный энергетический покой не прекратится, ты останешься силён. Мало того, ещё и приумножишь силы!

А осознавать своё настоящее, опять же, лучше всего наедине с природой, особенно – с морем. Когда разум молчит, личные проблемы забыты, воспоминаний прошлого и видения себя в будущем нет, и есть только абсолютное присутствие здесь и сейчас – во всём начинает проглядывать твоя внутренняя божественная сущность. Вот когда понимаешь, что ты един с ней, что вы и мир – одно целое.

- Мы все, находящиеся здесь, на Земле, - едины, одна Сущность вместе с Богом?

- И Он, вероятно, за этим всех нас сюда и определил, чтобы мы друг другу напоминали о своей нерушимой взаимосвязи с божественным миром, и нашли, наконец, взаимопонимание между собой.

- Именно этим определяется наше количество?

- Скорее – непониманием простых истин, отчего население планеты и увеличивается. Богу, по-видимому, приходится создавать дополнительные души, так как Он полагает, что это облегчит взаимопонимание между людьми. По крайней мере, вырастет вероятность подобного. Или увеличатся шансы на то, что появится больше душ, осознавших в себе божественное присутствие…

- Но воз и ныне там?

- Каждый из нас должен обрести в душе желание, вернее, побуждение к собственному росту. Эта простая истина никак не укладывается в головах многих людей. Мы все должны обрести способность пребывать всегда в гармонии с Миром, а для этого нужно всего лишь жить осознанно, то есть – управлять своей жизнью, ставить себе задачи – и осуществлять их, быть способным достигать любых целей, овладевая самыми сокровенными знаниями. Это очень просто – нужно только захотеть.

- Я хочу очень…

- Именно поэтому я сейчас с тобой. Мне нравится, что ты получаешь радость от наблюдения за жизнью. Ты – ребёнок, не научившийся разочаровываться в ней, твоему уму по-настоящему интересно всё, что его окружает, и это – прекрасно.

- Только в таком отношении к жизни обретаешь достойные цели и смысл?

- Да, жизнь уже сама по себе наполнена им, и радостно осознавать это, в удовлетворении переживая каждый миг. Человеку не должно быть дела до того, что могло бы быть или что было: созерцай то, что есть, этим ты избавишь себя от разного рода разочарований.

- Нужно обращать внимание на всё, что предлагает нам жизнь?

- Да. Дует ли ветер, идёт ли снег, бушует ли за окнами буря – мы должны пристально, с любовью вглядываться во всё, что она дарит. Это удивительно, но нам не нужно ничего больше, кроме как сохранять осознанность, и если ты будешь осознанно относиться ко всему, что тебя окружает – скука тебе не грозит. Ведь жизнь – интересна!

- Выходит, для того, чтобы быть счастливым, нужно осознать свою целостность, а это возможно только, когда ты относишься к жизни с интересом, как творец?

- Важно твоё искреннее, не прекращающееся, внимание ко всему, что несёт нам жизнь. И твоя жизнь тогда будет обустроена именно так, как должно, с естественным к ней отношением.

- Почему же люди всё время путаются?

- Нужно понять, что глобальные проблемы человечества порождены индивидуальным умом – метущимся, страдающим, беспокойным, не живущим осознанно, а неустанно придумывающим для себя различные игры, уводящие его от прекрасной действительности. Человек достойно не переживает текущий момент своей единственной и неповторимой жизни, не обращает внимания на её ценность, а бессознательно отправляет себя в бездонную пропасть не участия, не делания, не сотворения, ища только развлечений. Он, по сути, не присутствует в этом прекрасном, щедром мире, в то же время, находясь в его объятиях и продолжая своё сонное блуждание.

- Какой же способ всё-таки ощущать жизнь полнокровно?

- Настоящее – вот что есть реальный источник радости и любви. Когда мы наблюдаем – ничто не может помешать нашему счастью постижения себя. Нужно просто обращать внимание на всё происходящее: только и всего!

- А чему мы обязаны в этом? Уму?!

- Ум – это наш инструмент, не устаю говорить об этом, который создан для анализа, по крайней мере – чтобы мы могли рационально мыслить и находить верные объяснения происходящего с нами в жизни. Он призван трудиться в поисках ответов на важные жизненные вопросы. Ум помогает нам стать, в итоге, разумными, то есть – способными постигать высшие истины.

- А чтобы мечта осуществилась, её нужно чётко представить?

- Создавая отчётливое представление желаемого, ты, вероятнее всего, ограничиваешь возможные решения на пути его осуществления, а если задуманное тобой не вписывается в общую мировую гармонию, оно может и не реализоваться.

- Как же тогда сформулировать желаемое?

- Вселенная гармонична изначально, и никакого зла и добра вообще не существует. Дела обстоят ровно так, в каком состоянии они находятся, и тебе лишь остаётся принять это и стремиться к тому, чтобы задуманное тобой решение так же было гармонично. Принимай только то, что дано, этим ты

себя избавишь от бесплодных попыток ублажить своё жаждущее наслаждений эго.

- То есть, если тебя переполняет неуёмное желание заработать денег – оно может и не исполниться?

- Вероятнее всего. Ты должен быть свободен от ограничивающих твои возможности желаний и находиться в безмятежной гармонии с Вселенной. Гармонируя с Вселенской мудростью – ты максимально открываешь себя для осуществления любой достойной мечты, не идущей в разрез с раз и навсегда установленным миропорядком.

- Значит, всё в жизни получается так, как мы хотим, если находиться в гармонии с Мирозданием?

- Чаще всего в жизни не приходит всё именно так, как мы ожидали, но мы, тем не менее, обретаем то, ради чего подвергались многочисленным испытаниям – осознание себя, и это огромная радость. Нам только кажется, вернее, мы пытаемся себя убедить, что контролируем результаты своих действий, однако, если быть до конца честным, совсем немногое в жизни складывается соответственно задуманному нами. Важно просто жить в гармонии с собой, а значит – и со всей Вселенной, и тогда тебе не придётся приписывать себе заслуги за то, чего ты в жизни добиваешься: ты просто будешь радоваться этому чудесному миру и всему, что в нём происходит.

Ведь если ты не вглядываешься в самого себя, не пытаешься познать свою истинную суть, то невозможно постичь и то, какой ты есть, не говоря уже о том, чтобы быть самим собой. Но как только узнаешь и примешь себя, ты научишься любить и принимать других людей, весь окружающий мир. Ты обретёшь силу, способную спокойно прощать даже тех, кто тебя обижает.

- Так обретается искусство жить?

- Оно состоит в том, чтобы воспринимать любую жизненную ситуацию как отражение своих поступков, своего душевного состояния. Это самый полезный опыт, который ты способен получить, смиренно и терпеливо принимая всё, что уготавливает тебе жизненный путь.

- Принимая всё происходящее с тобой – ты не можешь не переживать энтузиазм и не испытывать радость от выполняемых в жизни действий?

- Когда ты не сопротивляешься происходящему, принимаешь всё, что дарует тебе жизнь, она сама усиливает твои возможности. Нужно быть благодарным за то хорошее, что уже есть в твоей жизни, и не видеть лишь то, чего тебе, будто бы, не достаёт.

- Получается, что изобилие приходит только к тем, у кого оно уже есть, то есть – кто, признавая полноту жизни, всё время отдаёт, потому что у него всего изначально много?

- Очень важно – как человек реагирует на людей или какие-либо ситуации, потому что это лучший показатель того, как глубоко он себя знает. Наилучшее состояние, это когда ты не реагируешь и остаёшься крайне бдительным, принимая ситуацию и сливаясь с ней, не отделяя себя от неё.

- А познание жизни и способность развиваться взаимосвязаны?

- Конечно. Ты изучаешь жизнь, наблюдая её со стороны, и учишься воспринимать всё, как отражение себя самого, постепенно беря ответственность за происходящее. Эта взаимосвязь дарует необыкновенную силу.

- Истинное освобождение, значит, можно найти только в себе самом?

- Да, источник жизни находится внутри тебя. Обрети своё истинное «Я» - и ты обнаружишь, что пребываешь во всём, и всё пребывает в тебе. Твоя бесконечная истинная сущность не подвластна ни времени, ни пространству. Но обладание такой неограниченной свободой не означает отсутствия единства с окружающим миром: ты оказываешься свободен только от собственных страхов, лени и равнодушия. Без преодоления их - в познании себя не обойтись.

- Освобождению от всего ненужного неминуемо предшествует собственное пробуждение?

- А его порождает только решимость сердца, которое должно быть неутомимо. Мужество – прекрасный подарок, который ты можешь преподнести самому себе. Вместе с ним сразу исчезает отчуждение от мира и людей. Постепенно ты начинаешь смотреть на жизнь и на всё, что с тобой происходит совершенно другими глазами.

- И тогда ты становишься способным на действие, связанное с любой переменой в жизни, когда ради обретаемого чувства всеобъемлющей любви к Миру ты готов отпустить в ней всё то, что тебе дорого, а это могут быть дорогие тебе люди и дорогие твоему сердцу занятия, даже – вещи?

- Если ты решишь отправиться в путь, я советую жить как можно более осознанно, обращая внимание на любую мелочь, каждую секунду помня о том, что Вселенная необыкновенно изобильна, а центр её находится в твоём сердце. Все твои победы и поражения – это неописуемое богатство, без которого не познаешь самого себя, не обретёшь целостности. Если не испугаешься и устремишься вверх – перед тобой раскроются неограниченные возможности, ты прикоснёшься к великим истинам, и словно заново родишься, обнаружив единение со всем миром, со всем Сущим. Прибежище всех этих тайн, оказывается, твоя душа, конечный пункт путешествия в поисках смысла жизни и гармонии, и если ты осознал это – внутреннее знание обо всём самом глубинном и неизведанном откроется тебе. Оно всегда было, есть и будет, а пробудится благодаря тебе, твоим усилиям, и вырвется неудержимо на волю.

- Мне очень хочется познать – как устроен мир?

- Учёные дошли в своих изысканиях до того, что пустота, которая существовала, наверное, всегда, является сущностью всех вещей, а, скажем, плотность материи – это просто иллюзия.

- Наши тела… Они – тоже пусты?

- То, что нам представляется плотной материей, включая и физическое тело человека, в основном состоит из пустого пространства: так велики,

оказывается, расстояния между атомами. Точно так же, как и между людьми…

- А что же в этом случае важнее всего?!

- Душа… Наша истинная взаимосвязь с Источником всего живого, и всё – именно живое, включая даже камни. Но при этом то, что нам кажется совершенно твёрдым – пустое пространство.

- Оно ничем не наполнено?!

- Согласно последней научной теории это пространство, на самом деле, вовсе не пустое, оно заполнено некоей неизведанной субстанцией, а между атомами существуют невероятно огромные расстояния, и вообще – такие понятия, как «пространство» и «время» отсутствуют.

- На что же всё это похоже?

- Похоже на какие-то тонкие энергетические вибрации, сквозь которые свободно могут проходить более грубые, и суть их никому неизвестна…

- Кроме учёных об этом никто, наверное, и не догадывается?

- Очень продвинутые, просветлённые люди, думаю, знали об этом уже давно.

- Выходит, Божественный Замысел Вселенной заключён в том, что она зачем-то произвела на свет множество форм жизни, чтобы они, в свою очередь, проявляли её неизведанную природу, которую человеку, вероятнее всего, никогда не познать?

- Да. Эта не проявленная энергия как-то должна себя проявить, чтобы о ней узнали и задумались, для этого нужно было создать проявленное, то есть - все известные формы жизни, одной из которых является и человек. Мы – это способ не проявленной силы проявить себя и выразить наиболее полно, к чему всегда стремились лучшие представители человечества. Проявленный мир необходим для того, чтобы осознать не проявленные энергии. Эти не проявленные энергии, таким образом, способны объявить себя только через проявленные формы, в итоге – через всех нас, и через тебя... Ты, по какой-то причине, нужен Богу, вот как важна твоя жизнь.

- А как выражается эта не проявленная энергия в нашей жизни?

- Даже создав бесчисленное множество разнообразных форм жизни, эта не проявленная сила воспринимается нами как неуловимое пространство и тишина. Что-то там таится невиданное и непознанное, угадывать его способны лишь самые продвинутые души, а учёные пока только установили существование квантов – частиц, в миллионы раз меньше атомов. Да и они, тем не менее, лишь производное этой загадочной энергетической субстанции… Может быть, это и есть Тело Бога, но что – Сам Бог, нам никогда не будет ведомо.

- А так хотелось бы всё это познать!

- Никто, кроме тебя самого, не может помешать наполнить свою жизнь радостью открытий.

- Так, оказывается, много сокрыто в этом понятии – «радость»!

- Вернее будет сказать – в состоянии, когда ты полон жизни, и ничто чудесное в ней не минует тебя. Радость – это открытие в себе тех самых свойств, точнее – каналов, через которые энергия Вселенной циркулирует беспрестанно, наполняет твоё тело и жизнь, и при этом нисколько не иссякает.

-А разве не приносят радость вещи и обстоятельства?

- Они, конечно, могут быть приятны, но разве не способны эти обстоятельства и вещи принести тебе боль? Нет, ничто не может дать тебе радость, потому что она не обусловлена какими-либо причинами, она возникает в тебе как нечто, изначально заложенное в тебя Вселенной. Радость – твоё естественное состояние, а не то, чего нужно добиваться тяжелейшим трудом. Ты в этом состоянии живёшь, и ничто тебя не беспокоит.

- Это не означает безмятежность, когда тебя ничего не трогает?

-Нет, наоборот, радостное восприятие всего происходящего с тобой – удивительная реальность, и ты почему-то точно знаешь, что её не в силах что-либо нарушить. Эта радость навсегда поселилась в твоей душе и в твоей жизни, и, поняв это, ты вдруг становишься ещё более сильным и … радостным.

- Научиться бы всё это так же, как и вы, понимать и жить им, ни на что не жалуясь, никого не осуждая и не предъявляя ни к себе ни к другим претензий!

- Ты только начни с чего-нибудь, соверши один шаг, именно с него начинается путь длиною в тысячу ли. Так говорил Лао-дзы, великий китайский мудрец.

- Каким простым и счастливым кажется мне всё в вашей жизни, что вы выбрали, будто она существовала именно для вас!

- Я всегда ощущал в душе канал, по которому мог проникать куда угодно. Такая способность начинала порой казаться мне даже неестественной, но так получалось, что я держал душу открытой, и точно также старался относиться к миру.

- Очень важно, чтобы каждый человек себя узнал… А ещё – чтобы его узнали и приняли другие люди?

- Надо всегда помнить, что в жизни есть и сладкое и горькое. И нужно быть готовым пробовать и то и другое, принимая одинаково. Не бойся ничего и воспитывай в себе радостную несгибаемость, ибо путь твой может быть очень далёк, но стоит ли это страданий? Лучше, как говорится, слава Богу, нежели дай Бог, и только в радости тебя отыщут, а в горести забудут.

- Словом, делай в каждой ситуации то, что от тебя требуется, и всё будет в порядке?!

- Я уже говорил, что у каждого из нас есть своя роль в установленном не нами миропорядке, свой уникальный талант, и если мы его не используем, то рано или поздно начинаем чувствовать дисгармонию, нам чего-то не хватает, и мы понимаем, что движемся не туда, куда бы следовало.

- Что же в этом случае делать?

- Нельзя уступать давлению окружающего тебя мира, которому почему-то хочется, чтобы ты жил здраво и практично, то есть – зарабатывал бы себе достаточное количество денег, обеспечивая себя и своих близких.

- Но что в этом плохого?

- По-настоящему плохо – идти в расхождение со своим предназначением, отчего со временем и возрастает неудовлетворённость, когда забываешь о своих не использованных возможностях. Потом она неминуемо выливается в болезни и душевное расстройство, постепенно разъедая нашу жизнь и окружающий мир. Представь себе мир людей с неиспользованными возможностями… Это будет больной мир, где все только внешне живут «долго и счастливо», а на самом деле создают проблемы для себя и других.

- Почему же так происходит?

- Ответ опять прост: мы оторваны от Источника, питающего наши души, мы не живём по удивительно простым и мудрым законам Мироздания, теряя глубинную связь с Вселенной. В ней каждому предопределено быть самим собой, то есть – проявить присущие только тебе навыки, способные, при их развитии, подарить радость другим. Одна такая счастливая душа способна зажечь истинный свет в сердцах тысяч людей.

- И если мы делимся счастьем, то его становится только больше?

- Уж точно – не меньше, и совершенно определённо, что в таком мире души будут пребывать в гармонии друг с другом. Вместо того, чтобы распалять свои силы понапрасну, каждый человек будет испускать только живительный свет, а это и есть согласованность с собственным внутренним миром, в конечном итоге – с Богом.

- Эта простота мироустройства просто потрясает, но люди не следуют подобному пути!

- Да, на деле оказывается легче манипулировать доступной тебе реальностью, чем навсегда обрести для себя сердечный покой. Не допусти соблазна поверить во всемогущество денег, когда тебя начинают манить прелести «здравого» смысла, не оставляй безропотно попыток сделать свою жизненную дорогу по-настоящему счастливой…

Открывая в себе свою уникальность, ты обнаруживаешь себя в центре жизни, вокруг которой она, кажется, только и вращается. Так тебе становится хорошо от осознания того, что жизнь твоя обрела смысл. Когда ты осознаёшь это, жизнь твоя прочно соединяется с Богом, с неограниченной сутью Его творений, находящихся вне времени. Без осознания своей сопричастности с Единым Божественным Миром – жизнь неустойчива, а если ты пробудился – она совершенно преображается.

Вернее, она и была такой чудесной, преисполненной неограниченных возможностей, но ты этого до конца не осознавал, а теперь тебе стало удивительно легко, свободно. Правда, приходится потратить немало усилий, чтобы реализовать себя, да только всё это в радость, к твоему необычайному

удовольствию, и собственная ценность уже не вскружит тебе голову. Ты обрёл внутреннее глубокое удовлетворение, и успехи в твоей жизни не заставят себя ждать!

- Как же долог этот путь…

- Да, слишком многое необходимо преодолеть, чтобы стать человеком от Бога.

- Наверное, поэтому люди всегда ищут короткие дорожки, предпочитая наименьшее сопротивление?

- Чтобы не поддаться искушению пойти коротким путём, необходима недюжинная отвага. Мы уже говорили об этом. А ещё, несомненно, терпение, потому что обретение опыта никогда не давалось легко. Только в преодолении себя и множества препятствий можно двигаться вперёд, в итоге – расти. Внутренняя борьба тут неизбежна, а умение владеть собой приобретается в результате длительных усилий.

- Я уже знаю, как могущественен этот внутренний голос, что постоянно нашёптывает: «Зачем тебе куда-то стремиться? Вполне достаточно того, что у тебя есть!»

- Это и вправду непросто – решиться быть свободным от каких-либо догм, оставаясь твёрдо стоять на ногах. Но решившись – ты сразу начинаешь излучать совсем иную энергию. Только пережив всё на собственном опыте, ты перестанешь создавать какие-либо иллюзии относительно того, что ты и так уже достаточно самостоятелен.

- За настоящую зрелость приходится платить своей жизнью, поставив на кон всё?

- Но самое большое испытание, какое только можно представить – это преодоление собственного одиночества. По-настоящему верующему человеку, не предающему в себе Бога, а наоборот – укрепляющего Его в своём сердце, предстоит всё это пройти.

- ??

- Да-да… Ведь быть верующим, веря и в себя и в окружающий тебя мир, это и означает, что ты остаёшься один. Без всякой поддержки. Один на один с собственными страхами.

- Человеку, наверное, всегда привычнее за что-либо держаться, чтобы можно было на кого-то положиться?!

- Да, в одиночестве страшно, потому что не на кого переложить ответственность за собственную жизнь, и тебе хочется оказаться в окружении любых людей, ринуться куда угодно, только бы - не оставаться одному.

- Нужно научиться радоваться быть одному?

- Именно уметь это делать, принимать своё одиночество как должное, но это не означает, что такой человек никого не любит. Напротив, он только тогда и способен любить по-настоящему, понимая, что главное – это он, его душа, а когда ты оказываешься среди людей – тебя, вроде бы, и нет. Вся сила – в потаённости твоей души, когда ты не пугаешься своего одиночества.

- Важно, входя в мир людей, не забывать себя?

- И помнить: никто в твоём одиноком труде души помочь тебе не может, и полагаться приходится только на себя. Труд одиночки, несомненно, подвижнический труд, и человек не способен в своей жизни обойтись без подвига, дорожа изначально дарованной тебе свободой.

- Каждый человек по сути своей одинок?

- Несмотря на то, что все мы существа общественные, и не можем представить своей жизни вне мира людей, душа наша, тем не менее, вынуждена принимать самые важные и ответственные для себя решения именно в состоянии одиночества. Это состояние необходимо принять как вполне естественную данность, совсем, между тем, не предполагающую, чтобы человек замыкался. Быть среди людей, но при этом постоянно оставаться наедине со своими мыслями и уметь принимать решения – есть неотъемлемое условие жизни, которое следует просто принять, а жить полной жизнью – это значит максимально честно и строго использовать отпущенное тебе время, и большую его часть, как ни крути, тебе необходимо находиться именно один на один с собой.

В одиночестве, если оно воспринимается верно, мы растём и становимся сильнее, ничуть, при этом, не отдаляясь от других людей, и то, что человек ничего не может сделать один – неправда. Только один он и должен показать всем, и в первую очередь – себе, что способен на очень многое. Человек может всё, если не опустит руки, а наоборот – проявит отвагу и решимость именно тогда, когда ему одиноко. Человеку вообще не следует преодолевать своё одиночество, а следует только правильно им распорядиться, и не нужно бежать от него, тогда как необходимо всего лишь научиться жить с ним, ибо одиночество даровано человеку Творцом, который сам мужественно прошёл и проходит через него.

Только в одиночестве человеческая душа способна, наконец, осознать собственные достоинство и силу, и даже если ты упал, идя по дороге жизни, ты должен ясно отдавать себе отчёт в том, что подниматься тебе суждено самому, так же как и продолжать путь дальше. Ты обязан приучить себя к мысли, что более полезным положением для души будет не прекращающаяся возможность и желание преодоления препятствий, а не безоблачное переживание счастья, которое само по себе ничему не учит: оно – статично. Лишь находясь в состоянии постоянной борьбы, ты сможешь выработать необходимые навыки в овладении энергией, которая способна себя восстанавливать. Дальше всех по дороге постижения уходит тот, кто имеет мужество отправиться в путь один, не рассчитывая на чью-либо помощь.

Одиночество не должно пугать человека своей видимой неестественностью или ущербностью, потому как все мы, по земным меркам, одиноки. Но это - не обречённое состояние, а необходимое для нашей души, чтобы она могла проявить себя с самой выгодной для неё стороны именно в некоей ограниченности, когда никто, кроме тебя, не в силах подтвердить собственную решимость и правоту.

- Получается, что совершая свой невидимый подвиг и преодолевая все тяготы этого нелёгкого подвижнического пути, человеческие души способны образовать сплочённый и развитый народ, которому по силам решать самые высокие задачи, достигая, в конце концов, великого блага?

- Да, а всего лишь каждый человек жил честно, в первую очередь, по отношению к себе, несмотря ни на что развивал в себе самое лучшее, достигая гармонии души и тела, но, достигнув её, не остановился и пошёл дальше, обретая гармонию с окружающим миром. Не зря в народе исстари ведётся пословица: «Тот и господин, кто всё может сделать один!»

- И, тем не менее, одиночество не устраивает большую часть людей, они боятся быть одинокими в своих верованиях, потому что это ко многому обязывает?

- А свои обязанности эти люди привыкли перекладывать на плечи других. Они никак не могут понять, что чувствовать себя одиноким – это не значит оставаться одному, а лишь только идти достойным путём к истинному объединению с теми, кто и сам в полной мере и с достоинством прошёл его. Но человек одиночества не переносит, дичится его и не ведает своей сокровенной судьбы, когда можно ежеминутно, пусть и не видимо ни для кого, но с радостью её слагать.

И ещё: не бойся быть одиноким, и научись мириться с таким жизнеутверждающим состоянием. Научись жить с этой, удивительно покойной, тишиной, миром внутри тебя, чтобы навсегда обрести в своём сердце любовь, мудрую способность просто «быть».

- А правду говорят, что если часто чем-то заниматься, станешь одержимым?

- Это происходит повсеместно, но не надо ник чему привязываться. Стремясь к истине – оставайся чистым, не боясь быть обременённым какими-либо преградами. Стоит только осознать – кто ты, откуда появился в этом мире и куда идёшь, как все неудачи и неприятности исчезнут. Проблемы возникают, прежде всего, потому, что человек сам себя избегает. Люди даже не ведают, чего себя лишают.

- Чего же?

- Они теряют в себе Царство Божие, великий душевный покой и радость, утрачивая в себе нечто вечное, с чем не может сравниться никакой земной успех. Беда в том, что большинство видят только материальное, их души – не зрячи.

- Откуда она, эта слепота?

- Редко, кто разрешает себе жить сердцем и душой. Ведь душевные дела ни к чему хорошему в мире вещей не приводят, гораздо выгоднее – расчётливый изворотливый ум, именно он приводит к гарантированному достатку. Тот, кто живёт душой – вечный изгой, неудачник, он слишком хорош для того, чтобы обманывать и убивать. Легче поступать из расчётливых и корыстных побуждений, вот где проторённая дорожка, а куда

заведут стремление к красоте, любовь?! Только душа способна увидеть истинную радость и обрести рост.

- Нет, наверное, ничего хуже, чем потратить жизнь впустую.

- Хорошо, когда, по крайней мере, это осознаёшь, и такое сознание очищает. Только покаяться должно всё твоё существо, твоя душа, способная после этого стать бессмертной. В ней – Царствие Божие.

- Ощущать собственную целостность… Как это, наверное, непередаваемо чудесно!

- Мало того, ты – не подвержен каким-либо негативным эмоциям, способным поразить твой ум. Ничто не может иметь над тобой власти, если ты обрёл себя: ты – в безопасности. Ум твой спокоен, тогда как жизнь - переполнена событиями! Это – неограниченная полнота, которую только можно себе представить.

- И в то же время эта безграничная полнота вносит порядок в твою жизнь?!

- Без всякого напряжения. В гармонии с самим собой и окружающим миром ты постигаешь Бога во всём Его Величии.

- И это так естественно…

- Это – единственно верный путь постижения бытия, который предназначен нам Господом изначально. Это – самое чистое восприятие и Бога и жизни, когда никакое эго не разрушает выражения чистоты, и эта чистая осознанность делает тебя творцом собственной судьбы. Беспокойству и тревоге нет места, неверие не обескураживает твоего сердца: ты чувствуешь свою внутреннюю силу, которая только терпеливо ждала пробуждения, и она … просыпается!

- Если ты захочешь чего-то, что соответствует законам природы, ты этого непременно достигнешь?

- Именно так. Жизнь предлагает тебе величайшие дары, и почему бы ими не воспользоваться? Блага жизни предназначены для этого.

- Но ведь эти самые блага, в скором времени, оказываются для многих людей лишь относительно привлекательными, а вскоре и вообще теряют свою ценность, как и связанные с их приобретением чувства? Почему так происходит?

- Любые цели в жизни не должны отвлекать тебя от её реальности, и направлять их следует на открытие в себе Божественного, на собственную, несравнимую ни с чем ценность, тогда они не уведут тебя от глубокой внутренней удовлетворённости.

И ещё очень важно обращать внимание только на настоящее, как я уже говорил тебе, не проявляя какую-либо озабоченность прошлым и будущим, что чаще всего вызывают вину или тревогу. Ведь прошлое наше было когда-то каждый миг настоящим, а будущего вообще не существует, оно – плод нашего взбудораженного проблемами ума.

- Но ведь реальная жизнь существует?

- Однако она не такая, какой мы её себе представляем, и это ошибочное восприятие часто приносит людям страдания. Течение времени порождено беспокойным умом, тогда как ум должен оставаться постоянно в покое, но при этом человек просто обязан вести активный образ жизни.

- Не витать в облаках, а решаться воплощать в жизнь свои желания? Здесь и сейчас?

- Да. Самореализация является главным свойством человека, его наиважнейшей потребностью, без которой ему не обойтись, если он желает полно прожить жизнь.

- Но как достичь её?

- Опять же, стоит лишь осознать себя… Ты должен постичь, что это не ты на самом деле порождаешь позитивную энергию, которая незаметно вытесняет негативную, не ты призываешь какие-то неведомые силы, которые исполняют твои приказания, а некий совершенный порядок, уже существующий задолго до тебя, и именно он порождает всё живое. Ты только осознаёшь его в себе и себя в нём, создаёшь благотворную атмосферу для себя и других, и всё происходит само собой.

- Удивительно, как просто.

- Это факт, основанный на наблюдаемом опыте: всё происходящее во Вселенной – твоя собственная сущность, отражённая через истинное чувство сопричастности с ней.

- Можно только поражаться той мощи, которой мы все наделены.

- Однако не забывай: ты ей не владеешь, просто – ты и есть она. К этому нужно прийти и, убедившись в наличии этой силы, принять её. Ты и не заметишь, как легко выйдешь за те рамки, что долгое время ограничивали твои природные возможности. Ты обретёшь истинную свободу, способность управлять своей жизнью, не допуская в ней каких-либо страданий.

- Но сколько же их нужно пережить, чтобы достичь этого желаемого состояния свободы?!

- Жизнь – не борьба, и не тяжкое бремя, а непринуждённая радость, и безмятежный покой. Если ты не ощущаешь этой радостной лёгкости, значит, просто ничего ни сделал для её присутствия в твоей жизни, либо делал, но не так, как это следовало. Всегда важен процесс, а не результат. Живи настоящим моментом, фокусируй всё своё внимание на нём, и ты неожиданно для себя обнаружишь, что напряжения и печали нет, они отсутствуют, а есть только радость, осознанное восприятие своей жизни – как нечто качественное и пронизанное любовью.

- Совсем, значит, не думать о том, что может когда-нибудь произойти?

- Не надо заботиться о результате, переживать по поводу того, чего ещё нет. Сосредоточь своё внимание на деле. Но имея цель – не отдавайся ей полностью, не замечая того, что происходит вокруг. Если ты будешь честен по отношению и к себе, и к окружающей жизни, всё придёт само собой.

- Трудно поверить в простоту всего сказанного, вернее – в его действенность.

- И, тем не менее, отсутствие привязанности к результатам собственных действий – есть путь к здоровью и счастью.

- Счастье… Сколько всего вмещено людьми в это понятие, или – состояние?

- Сосредотачивая внимание только на нём – не обрести в душе рая. Ты будешь переживать тишину и покой в душе, когда перестанешь искать спасение в будущем. Тогда даже неудачи не смогут изменить твоё внутреннее состояние, и все житейские обстоятельства, какими бы тяжёлыми они ни воспринимались, не повлияют на твою судьбу.

- Каким простым и доступным опять же всё это кажется.

- В тебе созреет спокойная потребность быть тем, кем ты должен быть. Ты это вдруг ясно осознаешь. И самое главное – ты поймёшь, что вся эта целостность восприятия мира уже давно находится в твоей душе. Ты просто о ней позабыл.

- Очень важно для человека, как я уже понял, научиться жить осознанно, присутствовать в настоящем. Это ключ к свободе?

- Лишать себя шанса разглядеть красоту жизни за житейскими трудностями – это значит обречь себя на постоянные проблемы. Стоит ли этого отпущенная тебе Господом исключительная жизнь?

- Но трудности не минуешь, и всё равно приходится жить в мире, что чаще всего - жесток по отношению к человеку.

- Чтобы осознать истину – нужно её пережить, и лучший показатель уровня твоего сознания – умение справляться с жизненными трудностями. Если живёшь неосознанно – обстоятельства жизни гнетут тебя, в то время как осознанный человек переживает лёгкость и радость. Трудности даны для того, чтобы пробудить сознание.

- Проверка на прочность?!

- Именно так. И только когда у тебя на душе легко и покойно, даже если в твоей жизни что-то идёт не так, ты избежишь серьёзных потерь, без которых, впрочем, тоже не обойтись.

- Как же, всё-таки, избежать этого ненужного в жизни напряжения?

- На первых порах это может даже показаться невозможным, настолько неосознанное поведение укоренилось в нашей жизни… Но нужно попытаться выработать в себе привычку наблюдать за собственными мыслями и поведением. Если тебе удастся вглядываться в себя, намного легче будет разобраться в том, что происходит в мире. Не надо ничему сопротивляться. Сопротивляясь – ты напрягаешься. Принимай с достоинством всё с тобой происходящее, и вскоре ты обнаружишь, что получаешь от переживаемого удовлетворение.

- Очень важно при этом, наверное, заниматься своим делом?

- Да, занимаясь тем, к чему не лежит душа, ты выхолащиваешь её. Ведь в глубине души при этом ты всё равно испытываешь недовольство, а это – опять совершенно ненужное тебе сопротивление. Так, изменяя себе, может

быть, длительное время, ты лишаешь себя энергии. Мало того, ты негативно влияешь, тем самым, на окружающих тебя людей.

- А энергия не должна тебя покидать?

- Это легко обнаружить, если будешь честен, в первую очередь, по отношению к себе. На самом деле верный выбор сделать гораздо проще, чем человек себе представляет. Просто он сопротивляется действительности, боится поверить внутреннему зову, сам, произвольно, создавая своё несчастье. Если же повёл себя осознанно, энергия никуда не денется.

- Человек, наверное, просто боится создать своё внутреннее пространство, в котором бы он смог стать счастливым?

- Верно. Ему следует перестать заниматься тем ненужным, не приносящим удовлетворения делом, которое он ошибочно для себя избрал.

- Осознание этого для многих кажется совершенно невозможным. И даже если они это понимают, то ничего не делают, чтобы исправить положение дел.

- Ну, конечно, легче цепляться за приносящие временное спокойствие догмы, никак не воспринимая реальность! Но разве возможно, без ощутимого ущерба для себя, от неё отказаться? Рано или поздно нужно решить: чем полезным ты в жизни занят? Ты в ответе за свою душу, имеющую божественные корни, и от твоей внутренней чистоты зависит красота внешнего мира. Что внутри, то и снаружи.

- Значит, необходимо отбросить ненужное, и всё?!

- Да. Просто откажись, как бы ты избавился от бесполезной ноши. Выпусти её из рук, забудь! Ты не хочешь иметь дело с тем, что не приносит тебе удовлетворения. Зачем оно тебе?

- Это и значит – жить осознанно?

- Осознай себя, и всё, что с тобой происходит.

- Только сейчас?

- Каждый миг, и всё, что находится вокруг тебя – ты воспринимаешь самым родным. Но важно осознавать и своё дыхание, речь, память, тело, даже – свою тишину…

- А энергия?!

- Энергия наполнит тебя своей силой лишь после того, как ты осознаешь всего себя в настоящем времени, задумаешься о том, что есть в твоей жизни сейчас. Главное, чтобы в тебе родилось устремление к Богу, к нашему Истинному Источнику, с желанием проникнуть в тайны Вселенной. Осознай, что этот настоящий миг ничем не плох, он именно хорош, в нём ничего худого не происходит, и все жизненные страхи, скорее, ожидаемы, они – искажённое и неверное восприятие действительности, а происходит это в силу того, что ты не живёшь тем, чем располагаешь на данный момент.

- Находиться в будущем, конечно, бессмысленно…

- Это просто невозможно, и стремясь, всё время, «туда» - ты расходуешь колоссальную энергию, причём, впустую. Имея же любимое дело, которым увлечён в настоящее время, ты не можешь жить неосознанно,

незаслуженно лишая себя радости. Зачем ждать, чтобы зажить по-настоящему?! Делай это сейчас.

- Не так уж мало тех, кто всю жизнь ждёт начала настоящей жизни.

- Это, как раз, и означает, что этих людей не удовлетворяет то, что у них есть, и они хотят завладеть тем, чего не заслужили.

- И это снижает качество их жизни?

- Надо ценить её, полностью принимая нынешнюю реальность.

- Это – залог твоего здорового существования?

- Верно, и открывается красота жизни в те мгновения, когда ты живёшь только тем, что есть сейчас. Многие люди не способны воспринимать красоту природы именно потому, что не в состоянии, хотя бы на краткий миг, освободиться от беспокойных и совершенно ненужных мыслей. Им недоступно переживание тишины, они её не замечают, и потому не видят деревья, горы и море как таковыми, не ощущают их прекрасной сущности. Точно так же они не понимают и не знают себя, свою подлинную глубину, живущую в каждом душу. Ведь в ней и рождается святость, одухотворяющая всё, что тебя окружает.

- Как не потерять её, а вернее – открыть в себе?

- Нет ничего важнее этого, потому что ты – это не твоё тело и ум, а вечная и нерушимая душа. Худшее, что ты можешь сделать в жизни, это привязаться к своему телу, окружающим тебя вещам, посчитать их самым главным. В конце концов, побеждает именно душа, только она приносит человеку не достающий внутренний покой, который он отчаянно ищет в течение всей жизни, и далеко не всегда находит. Жить с душой – значит обрести радость безграничного существования.

- Когда мы осознаём, что в нас живёт такая вечная и нерушимая душа, беспокойство и страх неминуемо покидают наше сердце?

- Да, страдание и боль исчезают, когда мы живём истинным чувством сопричастности всему живому, и без души здесь не обойтись. Нужно чаще обращаться к ней, чтобы открывать для себя простые радости жизни. Душа всегда с нами, как родная мать, и она следит за тем, чтобы мы о ней не забывали, и осознавали, что она существует.

- Каждый из нас родился наполненным ею?

- Да, но многие об этом забывают, и потом долго пытаются вернуть себе цельность от переживания её в себе. Как только мы обращаемся к ней, наши мысли и дела отражают глубокую искренность, а сами мы становимся сильнее. Тебе не требуется ничьё разрешение, чтобы это сделать. Ты должен сам открыть и исследовать собственную душу, и когда ты это осуществишь – ничто не помешает другим присоединиться к твоей радости, тоже открывая для себя возможность быть сильными и счастливыми.

- Значит, утверждение, что лучшие дни впереди, не верное?

- Конечно. Ведь ты не живёшь в будущем, ты находишься в настоящем, и только это состояние определяет твою жизнь, именно сейчас, а не когда-нибудь потом.

- А все только и твердят про надежду!

- Это очень свойственно человеку, когда он не живёт по душе… С одной стороны -ему хочется удовлетворить все свои материальные потребности, а с другой – попробовать стать святым.

- И где же истина?

- Если то и дело сажать и откапывать зерно – оно никогда не прорастёт. Надо не чураться всех прелестей жизни, но и не забывать о том, что существуют на свете другие таинственные миры, и как бы было замечательно в них побывать.

- Я вас люблю.

- Это очень естественное чувство. Но оно подразумевает и боль. Ты готов к ней?

- В каком смысле?

- Не пугайся… Боль – это самоотдача, забота о другом человеке, искреннее желание взять на себя его трудности, с которыми он сталкивается.

- А я думал, что любовь это всегда радость, наслаждение.

- Да, так оно и есть, пока к твоему родному человеку не приходит испытание. И тогда ты должен понимать, что оно приходит и к тебе.

- Постепенно мне открывается очень многое, и это так радостно.

- Живи в согласии с собой, со своим внутренним «Я», и всё будет хорошо.

- А что такое – «твоё внутреннее Я»?

- Как угодно можешь понимать это состояние, вернее – положение каждого из нас во Вселенной, но это – душа, та энергетическая субстанция, которая связывает нас с Богом, как пуповина. Им она создана и вложена в человеческое тело, и обрываться эта связь не должна. Ты не должен этого допустить.

- Наверное, она и не может оборваться?

- Молодец. Всё, что тебя окружает в этом мире, просто кричит, призывает: обрати внимание на самого себя, свою суть, то есть – душу! Всё подсказывает тебе – не пропусти соприкосновения в себе с Богом.

- И многие, получается, минуют её, эту встречу? Не замечают?!

- Да. Чаще всего случается так, что люди не прислушиваются к внутреннему голосу, и совершают при этом самую главную ошибку в своей жизни.

- Какую?

- Не видят в себе своей неповторимой сущности, удивительной, способной на невероятные открытия.

- Как мне хочется во всём разобраться…

- Ты сейчас переживаешь самые счастливые моменты своей жизни, тебя переполняет жажда открытий и желание проникнуть в подлинного себя.

- Как и вас, когда-то, в вашу душу?

- Меня и сейчас завораживает полнота радостного существования. Я пишу, стараюсь проникнуть в суть вещей и явлений, и в этом устремлении,

наверное, и следую своему предназначению. Это странно звучит, но человеку к зрелым годам, повторюсь, очень важно сохранить чистоту и невинность ребёнка, без этого ему не видать внутреннего покоя.

- Человек просто должен осознать, что это состояние было с ним всегда, и, осознав, начинает поддерживать его в себе?

- Да, если оно в течение жизни было однажды утеряно, то очень терпеливо ожидает, когда человек обратит на него внимание. Именно – обратит, и сделает для себя это привычкой.

- То есть, Царствие Божие, всё-таки, находится в нас, и нам нужно только убедиться в этом? Видимо, ради этого и стоит совершить длительное путешествие к самому себе? Сколько же за этот путь приходится пережить…

- Зато потом наступает удивительное наслаждение, которое уже больше никогда не прекратится. Человек почувствует, что всё в природе связано единой цепью, и мир этот очень целостен. Разве после этого отвергнешь его?

- А правда, что всё на свете – живое, оно полно жизни?

- Да, и это чудесно. И камень, и пожухлый лист, - всё проникнуто мерцанием живительного света. И оно тоже только ждёт твоего внимания, чтобы ответить расположенностью на доброжелательность. Не бойся, смело открывай новую страницу в своей жизни!

- Чтобы обрести счастье?

- И счастье, и надежда, и будущее – всё это иллюзии, они уводят ум из настоящего, которое единственно ценно. Зачем? Чтобы обрести себя на очередные страдания? И счастье, и надежда, и будущее – обусловлены, потому что не постоянны: они всегда, от чего-либо, зависят. Настоящее же означает свободу от всех вещей и эмоций, так же, как покой и радость. Настоящее не порождает иллюзию жизни, оно – сама жизнь.

- А вера?

- Вера, как и надежда, нелепа! Ты просто хочешь гарантий от того, чего ещё не совершил, значит, ты не доверяешь себе, и, соответственно, не готов. Кто ж тебе твёрдо пообещает, что ты непременно станешь когда-нибудь Мастером? Или обязательно достигнешь желаемого, однажды отправившись в путешествие? Такое возможно вообразить лишь в мечтах.

- Ну, а если у тебя существуют накопленные за жизнь проблемы?

- По крайней мере, ты сможешь принимать их спокойно, как трудности, которые необходимо преодолеть, не обременяя себя никчёмными надеждами, что в будущем всё изменится к лучшему. Безмятежное существование тебе сможет подарить только принятие всего, как оно есть. Всей жизни целиком! Разве это не прекрасно?

- Значит, любой человек может пережить этот опыт чистого восприятия, несмотря на совершённые когда-то ошибки?

- Это самое естественное состояние для человека. Из него можно сотворить всё, что угодно. И ещё: нельзя отворачиваться от совершённых в нашей жизни ошибок. И вина, и беспокойство, и печаль, если мы принимаем

их, раз и навсегда избавляют нас от напряжения. Не надо им объявлять войну, не следует бежать от них, а только принять и жить ими, используя во благо.

- И всё это хранится в нашей душе?

- Загляни спокойно и внимательно в неё, только и всего… Божественная душа полностью защищена от эмоциональных переживаний, она преисполнена блаженства. Поняв это, и твой ум становится лёгким, чистым и бодрым.

- Стоит задуматься обо всём этом…

- И если это произошло – значит, к тебе зачем-то пришли идеи и мысли из всеобщего творческого источника, откуда родилось однажды всё Мироздание.

- Значит, мы сами не думаем?

- Очень многие полагают, будто они как раз и думают, на деле лишь просто перебирают свои иллюзии.

- Но ведь можно, наверное, приблизиться к этому Великому творческому потенциалу, которым располагает Мироздание?

- Да, и люди чаще всего думают, что этого можно достичь благодаря самой активной деятельности. Так думал когда-то и я, и посвятил всю свою жизнь движению, но, как ни странно это звучит, именно состояние покоя вывело меня на понимание самых важных в мире вещей. Правда, без всех этих лет, наполненных действием, я бы не смог обрести, наверное, состояния полного и абсолютного осознания великой простоты этого божественного мира.

- И в чём простота его устройства?

- В самой простоте этого устройства, в том, что весь огромный потенциал Вселенной – в нас, и мы можем достигать любых своих желаний, только сосредоточившись на этой простой и необъятной глубине, пронизывающей собой Мироздание. Просто осознай в себе её, и ты позволишь огромной творческой энергии проистекать через тебя бесконечно и плодотворно.

- Хочется привнести в свою жизнь больше творчества…

- Всё в твоих руках. И единственное, что тебе нужно – сформулировать чёткое намерение. Потом только наблюдай за всем происходящим в твоей жизни, и жди. Тебя удивит состояние переживаемой полноты.

- А как всё происходит?

- Сначала к тебе приходит решение… Мы уже говорили об этом. Как правило, не сразу. Придётся какое-то время потерпеть, но всё равно цель не заставит себя ждать. Она будет почти достигнута, когда только появится в твоём сердце, и придётся лишь потратить усилия на её осуществление. И всё же знай: с этих пор ты уже твёрдо уверовал в своё направление, и ничего тебя не собьёт с дороги. Никто тебе не помешает достичь желаемого. Пока не прочувствуешь всё это, не убедишься – как просто обустроено бытие. Вернее, ты его обустраиваешь таким, каким пожелаешь.

- Значит, всё протекает, вроде бы, как само собой?

- Можно сказать и так.

- А как оно приходит – это самое важное для тебя решение? Что в человеке позволяет ему совершить свой первый шаг, то есть – решиться? Ведь он, до этого, ни на что такое, вероятнее всего, ещё и не отваживался…

- А вот тут, как раз, и происходит самое главное: ты совершаешь душевное восхождение к тому моменту, когда оказываешься готов, наконец-то, решиться. Этому способствовали, быть может – очень долгое время, твои думы: думы о том, что совершить желаемый поступок должен, конечно, ты сам. Нескончаемыми размышлениями о предполагаемом решительном действии ты просто готовишь себя к нему. Что называется – собираешься с духом, и когда для решающего шага всё готово – энергетический бросок происходит сам собой.

Это – именно бросок, иначе его не назвать, и когда нерешительность преодолена – перед тобой открывается иной мир. Ты будто совершаешь восхождение на недоступную тебе ранее гору, откуда открывается непередаваемо восхитительный вид: такого в своей жизни ты ещё не видел.

- Значит, предвосхищают твою решительность долгие и неотступные мысли о предстоящем подвиге?

- Да. Только это не беспокойные блуждания ума, а вкрадчивые размышления сердца. Вернее даже – поиск себя, когда ты перебираешь все, доступные для себя варианты собственного пути, понимая, что ты должен обнаружить самый главный, и его невозможно будет не почувствовать. А когда убедишься, что это и есть твоя жизненная программа, принятая к осуществлению ещё в Мире Душ, остаётся одно: реализовать её!

- Выходит, прежде, чем решиться на что-то, необходимо проявить внимание к себе, к своей душе?

- Совершенно верно. Человек должен быть сам себе рад. Пока он не обратился к своей внутренней природе, и не выяснил – кто он и чего желает от жизни, он не целостен, ему не интересно окружающее его существование. Вывод один: узнай себя!

- Тогда и происходит этот решающий бросок?

- Как я уже говорил – не тотчас, но всегда это как вспышка озарения, причём, в самый неожиданный момент. Его можно сравнить с таким радостным душевным всплеском, которого ты никогда не переживал. В общем, можно с полной уверенностью сказать, что ты впервые, порой – в очень неожиданной форме, открываешь себя. И это, пожалуй, самый счастливый миг в твоей жизни.

- А в какой форме это произошло у вас?

- Это случилось ещё до отъезда на Сахалин, на Чёрном море… Мы в тот год с друзьями много купались и загорали. Это были последние каникулы перед окончанием университета.

В то утро я поднялся раньше всех и долго нырял с невысокой скалы, как будто пытаясь отыскать что-то на дне, где было очень покойно, и отблески от

первых лучей солнца мягко закрадывались в укромные каменистые гроты. Усталый, я, помнится, выбрался на берег, когда солнце только поднималось над морем, повалился навзничь и долго лежал с закрытыми глазами, чувствуя, как сердце гулко ударяется в обкатанную прибоем гальку. Ресницы слиплись от солёной влаги, и сквозь прикрытые веки угадывались весёлые радужные блики, которые приятно слепили, и открывать глаза не хотелось…

И вот тут вдруг наступило то самое озарение, радостная вспышка в мозгу, которая даже, скорее, поразила сначала важностью и простотой происходящего, а уже потом – обрадовала: впервые в жизни мне захотелось написать рассказ, и при этом я совершенно определённо осознал, что творчество – главное дело моей жизни, вернее – судьба. А в следующий миг сердце толкнуло другое, не менее поразительное откровение: я понял, что должен отправиться в море, в длительное морское путешествие, и написать об этом книгу.

- Здорово…

- Вот и мою душу тогда переполнило неописуемое счастье, и с тех пор, мысленно, я постоянно возвращался к своему намерению стать писателем и, одновременно, путешественником. Я то и дело обращался к своему глубинному открытию, будто желая проверить – не проросло ли обнаруженное однажды семя, и чувствовал себя при этом невероятно богатым.

- И оно проросло…

- Иначе и быть не могло. Но для этого потребовалось время, и немало усилий. Впрочем, я всегда, не переставая, наслаждался удивительными откровениями дороги.

- И вас никогда не охватывало раздражение, или, скажем, жизненное неустройство не омрачало настроения?

- Когда тебя охватывает гнев, негодование – не надо с ними бороться или стараться выплеснуть без остатка: просто найди любое укрытие, хотя бы – ту же судовую каюту, и жди, когда улягутся эмоции, которые, обычно, раскручиваются быстро. Скоро тучи расступятся – и выглянет солнце. Так же - и в случае отыскания необходимого решения или идеи, чтобы найти выход из затруднительного положения. Нужно только обратить внимание на благостный покой Мироздания в себе, отыскать в душе чувство безмятежности, что изначально существует в ней, и недостающее искомое придёт, порой – мгновенно. А поскольку ты постоянно несёшь в себе цель жизни, то проделывать всё это и вовсе оказывается делом вполне доступным.

- Если только цель высока?

- Довольно часто, когда дорога становилась действительно очень нелёгкой, я просто ложился в каюте на койку и слушал океан, самую лучшую песню на земле. Это помогало. Единственная проблема, что не успевают отдохнуть руки и спина, и тогда я просто мечтал о физическом отдыхе. Едва ли не больше, чем о достижении цели. И мечтая, вернее, представляя, как ощущение тяжести покидает тебя, усталость, действительно, уходила.

- Не устаю поражаться: сколько же всего нужно пережить, чтобы так ясно и просто научиться выражать свои мысли?!

- На самом деле – не так уж много. Такие моменты истинной усталости приходят редко, они – проверка, и нужно только правильно её пройти.

- Вы думаете – у меня получится?

- Конечно, если захочешь. Чаще заглядывай в свою душу, обращайся к ней, и многие сильные желания беспокойного ума можно будет утолить. А вот совсем не многие, спокойные мысли будут в удовлетворении направлены на всеобщее благо, на то, как именно его наиболее плодотворно следует осуществить. В этом устремлении, как раз, и проявится суть твоего истинного «Я», самое лучшее и уникальное, что отличает только твою душу.

- То есть, сначала нужно всё как следует обдумать, а потом лишь выполнить, и задуманное обязательно получится?

- Верно. Осознав свою душу как нечто бесконечное и нерушимое, являющуюся частью ещё более необъятного Целого, нужно спокойно сформулировать своё намерение, и со временем, а быть может даже сразу – получить желаемое.

- Добиваясь полноты отображения своего истинного «Я», ты, несомненно, помогаешь ещё и окружающим?

- Именно. Своими поступками, являющимися продолжением своих мыслей, вернее – душевных устремлений, ты помогаешь людям выйти из кризиса, отыскать верное решение. Глядя на твои достижения, они обязательно сначала подумают о том, чего хотят сделать сами, а затем – сделают. Важно пробудить в них желание целенаправленно осознать своё истинное «Я» и войти в него. Великий поток неиссякаемых возможностей, заложенных в каждом, неминуемо подхватит при этом всякого. Твоя душа разумна сама по себе, к ней лишь нужно обратить свой внутренний взор.

- И это невозможно без того, чтобы отправиться в дальнюю дорогу, чего бы тебе это ни стоило?

- Часто люди отправляются в путь не ради познания жизни, а просто потому, что на том месте, где они находятся сейчас, им не очень хорошо, и они хотят оказаться там, где им будет лучше. Они только хотят изменить нынешнее положение вещей, которое их не устраивает, считая свою жизнь несовершенной. Меня позвала в дорогу жажда открытий и приключений, я страстно желал жить полной жизнью, и мне это удалось.

- И всё-таки, долго вы себя искали!

- Вовсе нет… Обычно, решения приходят, когда их не ищут, и так было у меня: я просто жил, делал то, что хотел делать, и радовался всему, а решения приходили сами, и как только они приходили – я их осуществлял. Решения, как правило, рождались неожиданно, ты, вроде бы, даже и не напрягался, а выход из любого положения всегда находился. Человек сам создаёт себе проблемы, когда очень старается их разрешить.

Живи осознанно, в согласии с самим собой, и любое заблуждение рассеется. Рано или поздно ты обретёшь себя, то есть – Бога в своей душе,

который желает пробуждения для всех нас. Он надеется на то, что мы все всё-таки когда-нибудь проснёмся, и окунёмся в этот удивительный океан возможностей, который предоставляет нам Вселенная.

- Именно поэтому совесть считают главной проблемой человека, причём – единственной?

- В основе созидания души Творцом – наличие проблем не предполагается, ибо у Бога их быть не может. Скорее – проблемы возникают по вине самого человека, не решающегося осуществлять шаги по пути совершенствования души после её воплощения в его тело. Совесть при этом – тот механизм, производимое душой состояние, что помогает человеку соответствовать Божественному в себе, и если этого не происходит, чуткий душевный механизм постоянно напоминает человеку, что он делает что-то не так, или не совершает необходимых усилий вообще. Совесть – это тончайший камертон души, улавливающий в нашем поведении малейшие изъяны. Выражение «спит совесть» в основе своей изначально неверно, в противовес истинному пониманию - «совесть чиста»: в первом случае она не работает, а в противном - жива, поскольку человек всё делает правильно, устремляясь к лучшему в себе…

- На каком же уровне всё это происходит в человеке? На химическом? Или происходящее в тебе связано с какой-то энергией?

- Да, по-видимому, определённые вибрации энергетического поля вызывают в нас неудовлетворённость и вынуждают обеспокоиться отсутствием в нашей душе недостающей гармонии, и мы, что называется – «маемся», не находя себе места, пока не обретём его в результате собственных душевных усилий. Совесть, несомненно, механизм приведения в норму нашего нравственного сознания. Это – нравственное чутьё человека, его внутреннее восприятие жизни. Можно даже сказать, что «совесть» - некий неизведанный «тайник души», в котором отзывается её одобрение или осуждение каждого собственного поступка, способного распознать его качество, и оно, это качество, в свою очередь, побуждает нас к верному поведению, отвращающему от неверного.

- Получается, что совесть – это прирождённый душевный инструмент, которым мы наделены для своего развития?

- Можно назвать и некоей душевной правдой… В народе не даром говорили: совесть – это Бог, от Него ничего не утаишь, и у кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится. Но чаще всего совесть, в полном смысле, нападает на человека, когда он отведает полена!

- Что же всё-таки представляет собой источник появления совести: вероятно, религия?

- Религия – не есть приверженность какому-либо из учений, а существующее, ещё задолго до их появления, знание, что Творец – совершенная реальность, и только Он несёт в Себе нерушимую духовную суть, наделяя ей людские души… Наука же всегда отрицала существование души, а совесть – её производное, и скорее всего – она не дар Божий, а

результат опыта непосредственного переживания её в себе человеком, что накапливается из жизни в жизнь. Совесть – это потребность с каждым воплощением быть более ответственным перед собой и окружающим миром, в конечном итоге – перед Богом.

- А как вести себя, когда на тебя наседают безо всякой причины, посреди белого дня, и ты, вроде бы, никак не заслужил подобного обращения, но тебе необходимо защищаться, как-то заявлять о себе, а агрессию ты проявлять не желаешь?

- Надо привыкнуть к тому, что многие люди просто не ведают, что творят. Нужно всегда об этом помнить, никогда не забывать и не обижаться на них. Лучше – помочь, если готов к этому. По крайней мере – сказать что-то хорошее, достойное сложившейся ситуации, и вообще – самой жизни. Ведь у каждого и для каждого в душе найдётся доброе слово. Это – его духовное право.

- Часто слышишь от людей, скорее, растерянное или, того хуже, ругательное… Люди полны непонимания от переживаемых чувств и мыслей, не в силах распознать, наконец, давно одолевающий всех вопрос – что есть любовь?

- Любовь, вероятнее всего, это твоё проникновенное отношение к жизни, ко всему, что она из себя представляет. Осознание единства в мире противоположностей, их единого и мудрого сосуществования. И, в первую очередь, вера в Бога и любовь к Нему, создавшему возможность всем нам рождаться, искать, заблуждаться и … любить, теряя и находя на этом пути самое важное в мире – себя, свою душу, способную совершить нечто замечательное, чего до неё ещё не совершали.

- Я постоянно думаю обо всём: и о любви, и о том, как нужно вести себя в жизни, но чаще всего не могу ничего понять.

- Нужно быть честным перед собой… Это только кажется, что подобное Божественному – невозможно: важно решиться, и уже никогда не отступать от намеченного.

- Держать своё слово, несмотря ни на что?

- Не надо никому ничего обещать… Хочешь делать – делай. Никто кроме тебя не сделает того, что должен сделать ты сам.

- Трудно поверить в то, что надежда при этом не важна для человека… Ведь порой ему приходится уповать, кажется, только на неё?!

- Мы уже говорили, что и вера, и надежда не так уж и ценны, ибо переключают внимание на будущее, перемещая тем сознание в такое состояние, которое только предполагает осуществление задуманного когда-нибудь, но если это желаемое не происходит сейчас, оно не произойдёт никогда, и потому в надежде, как таковой, нет необходимости. Это просто красивый миф, используемый людьми во все времена для собственного успокоения. Важно проникновение в свою сущность здесь и сейчас, её необходимо открывать и развивать постоянно, а это невозможно без необходимости отправиться в путешествие, хотя, как гласит японская

мудрость, и в уединении можно всего достигнуть. Но к этому мудрому состоянию ведёт длительная работа над собой, так или иначе предполагающая дальний путь. Без дороги в жизни не обойтись, тем более – без терпеливого и вдумчивого движения к намеченной высокой цели.

- И совесть на этом пути один из инструментов развития души?

- Да, и ещё такое состояние, когда человек достигает уровня, при котором уже не может не работать над собой: ему совестно этого не делать. Совесть подхлёстывает его быть лучше, то есть уровень души достиг такой степени, что человеку хочется становиться значительнее, причём, постоянно, и если человек движется к Богу, она становится добрым и неотъемлемым качеством души.

- И что во всём этом движении главное?

- Работа… Тот, кто не хочет работать, счастливым быть не может. Счастье достигается в не прекращающемся труде души. Чтобы развиваться, нужно постоянно отдавать энергию, переживая непрерывное устремление к Богу. И тем самым – обретать её, обретать самого себя. Есть такой закон: достойное появляется только после того, как на него хватает энергии. Благие дела требуют огромной энергии, и делиться с кем-либо начинаешь только тогда, когда энергии – в достатке, ты отдаёшь её - сколько захочешь, потому что её просто не удержать.

- А если возникает нечто неразрешимое?

- Разве такое может быть? Любая непонятная и, казалось бы, неразрешимая ситуация проясняется без слов для тех, у кого время жизни потрачено на то, чтобы стать уравновешенным, то есть – научиться во всём принимать соединение противоположностей. Нельзя предпочитать в жизни только хорошее… Чтобы обрести в себе недостающую силу или какую-то вещь, ты должен ослабить связь с ней. Но это не означает, что ты отказываешься от намерения осуществить своё желание.

Нужно ещё научиться быть свободным от ожидания желаемого, это ожидание не должно поглощать тебя всецело, и положительный результат не заставит себя ждать. Если что-то не приходит в твою жизнь, оно просто ещё не готово проявиться: всё придёт во время к тому, кто умеет ждать, ждать спокойно, не сосредотачиваясь на одной цели, тогда и все вещи научишься называть своими именами, и уже никогда не нанесёшь никому урона, в первую очередь – себе.

- Часто можно слышать выражение – «стать самим собой»… Что оно означает?

- Каждый человек, а главное – воплощённая в него душа, индивидуальна. Она наделена только ей присущими свойствами, которыми не обладает ни одна другая во всём свете. Подтверждение этому в теле – рисунок на пальцах рук, ни на какой другой не похожий, а ещё более точно отображает индивидуальность тембр голоса. Задача человека не только в том, чтобы открыть в себе Бога, но и чтобы выявить неповторимые свойства своей души и развить их. Это и означает – «стать самим собой». В конечном итоге

– прийти к Богу тем, кем Он тебя задумал и кем ты в силу своего роста стал. Или ещё станешь. Вполне вероятно, что для Бога это всего лишь игра, но разве можно отказать ей в увлекательности, и лучше ли было сохраняться во всём свете одной божественной пустоте, без единой жизненной формы?

- Мне всегда хотелось постигать себя, ведь это, действительно, очень интересно!

- Единственный способ всё в жизни постичь – это самому во всём разобраться, индивидуально, честно приложив для этого максимальные усилия. Конечно, не отказываясь, в то же время, от опыта постижения мира другими людьми, и жизненных примеров самой Природы.

- Но большинство людей верят в Бога только потому, что какой-то духовный учитель или святой сказал, что Бог существует!

- Важно самому установить сознательное единство с Богом, однажды почувствовав Его во всём, в первую очередь – в себе, и может быть даже заговорить с Ним, совершенно отчётливо ощущая Божественное Присутствие. При этом Бог может иметь облик, а может не иметь.

- Всё зависит от тебя самого, каким ты являешься в данный момент?

- От того, что ты думаешь о мире, какие цели перед тобой стоят, куда ты идёшь… Чаще всего Божественное Присутствие переживалось мной на Дальнем Востоке, во время морских экспедиций, когда было очень нелегко. Именно тогда Господь снисходил ко мне, и я чувствовал, что Он – рядом.

- Выходит, когда ты видишь, что обстоятельства не благоприятствуют тебе, то ты не должен им сопротивляться, а нужно предоставить их течение естественному ходу?

- Кто идёт против обстоятельств, делается их рабом, а кто покоряется им, делается их господином. Если бы Бог захотел нас скрутить в бараний рог, это давно бы уже произошло. Нет, Его основная функция, чтобы мы сами научились быть Богами, и для этого у нас есть все возможности.

- И в этом – истинный смысл существования?

- Смысл жизни заключается в том, чтобы найти собственную правду, осуществляя в течение всего земного пути своё предназначение. Только следование такой собственной дорогой приведёт нас к Богу, что означает, в конечном итоге, обретение смысла жизни. Ведь у каждого человека в душе есть Бог, к Нему он когда-нибудь да придёт, нужно только ежеминутно открывать Его в своём сердце, познавать Его, уподобляться Ему, постепенно и незаметно становясь Им.

- Но ведь не всем суждено подняться до подобных вершин?

- Очень важно в жизни научиться принимать себя и других людей, какие мы есть, и тогда, по крайней мере, мы практически решим все свои проблемы. Не предъявляй ни к себе, ни к другим каких-либо претензий: каждый поступает во всякий миг так, как не способен поступить иначе, именно к этому он сейчас и здесь готов, и было бы неразумно обвинять себя и других в том, что не повёл себя лучшим образом. Ты был готов лишь к подобному поведению, иначе бы ты распорядился своей энергией по-

другому, но ведь этого не произошло. К тебе пришло то знание, которое ты заслужил, и всё произошедшее следует лишь принять как единственно верное и возможное. Не сожалей ни о чём, радуйся тому, что жив и можешь творить и любить.

- Счастье, как я понимаю его сейчас, это – возможность жить, каждый день идти к Богу и становиться лучше?

- Каждый человек уже создан Богом как душа, которая непередаваемым образом должна проявить свои особенные грани, ибо они, как я уже говорил, божественно индивидуальны, и, несомненно, очень дороги Господу. При этом для каждого Бог должен стать целью, а не средством для своего духовного укрепления. Будешь всё делать правильно, верно направляя свои душевные усилия, Бог поможет тебе, ты, главное, оставайся верен своей судьбе, с радостью прими её и, несмотря ни на что, следуй ей.

- В этом наше замечательное предназначение?

- Приумножая знания о Вселенной – твори прекрасное, а самое важное для любого человека – это самореализация, то есть – осуществление внутренней цели. Именно она приносит человеку истинное счастье, которое несравнимо ни с какими внешними, пусть даже самыми успешными достижениями. Осознание, что ты состоялся как божественная душа – наиважнейший результат для любой жизни. И оно, это осознание, либо есть – либо нет, то есть – либо оно достигнуто, либо не достигнуто.

Это мы и должны проявить в жизни помимо того, что просто существуем, а именно – свою свободную творческую волю. Мы все способны, как и Бог, участвовать в несравнимом ни с чем созидании, достигнув осознанного бессмертия. А это и означает возможность духовно реализовать себя. Не упусти её!

- И всё-таки, человек стремится к познанию того, чего ему никогда не постичь: к тайне Божественного Сотворения Мира.

- Но сотворение это заключено в нём самом, он сам может во имя радости и любви творить и быть счастливым, так не лучше ли ему этим и заниматься: любить, творить и расти, тем самым незаметно приближая себя к Богу. Для этого у человека всё имеется.

- И ещё человек наделён, ко всему прочему, свободой выбора!

- Человек изначально свободен, и он может в любой момент взять на себя ответственность за свою жизнь. У него всегда имеется право на свободу выбора, после чего он неминуемо становится хозяином своей жизни. Закон выбора предполагает для каждого человека возможность быть здоровым и счастливым, а поскольку всё в мире взаимосвязано, каждый должен внести свой уникальный вклад во вселенский процесс созидания.

Человеку полагается думать так: «Я – клетка в организме всей Вселенной, и должен прожить так, чтобы она процветала и радовала весь организм. Я должен внести в жизнь Вселенной своё, несравнимое ни с каким

другим творение. Моё предназначение – отдавать всего себя во имя всеобщего душевного здоровья!»

- Именно эта функция приносит истинное удовлетворение?

- Удовлетворение не в том, чтобы все вокруг считали тебя счастливым, а чтобы ты сам был счастлив, и главное оружие на пути достижения этого – высокая цель.

- Это я тоже усвоил…

- Причём, чем она достойней и сложней, тем большей энергией ты обладаешь, а если ты имеешь достаточно большую энергию, значит, уже переживаешь необыкновенные чувства: ты понимаешь, что владеешь какой-то замечательной силой, способной осчастливить и себя, и других.

- А когда стремишься к цели – неминуемо приходится преодолевать возникающие преграды, которые закаляют тебя, и ты становишься сильнее, в итоге – растёшь?

- Тут возникает ещё одна интересная подробность: чтобы достичь цели, нужно, как это ни странно, отказаться от привязанности к её достижению, и просто оставаться искренним в своём поиске. Постепенно осознавая в себе Бога, мы сумеем увидеть внутреннюю реальность любого явления или предмета, и рано или поздно нам откроется истина, давным-давно находящаяся для всеобщего обозрения на рыночной площади.

Главное, что могло бы порадовать Бога в действиях любого из нас, это именно рост, собственные усилия на пути к Абсолютному Благу, ибо Бог создал души и воплотил их в тела только для того, чтобы они развивались, а не изводили себя самоистязаниями и наслаждениями. Бога бы более привлекло бесстрашие людей отправиться в дальнюю дорогу постижения и развития самих себя, чем возведение ими в Его Честь пусть и красивейших, но не нужных Ему архитектурных сооружений.

- Если Бог создал наши души, значит, Он нуждается в нас?

- Конечно, Бог заинтересован в том, чтобы мы могли исполнить своё предназначение, и из этого следует, что мы очень ценны для Него. Ценна именно твоя, ни на кого не похожая и особенная душевная грань, с помощью которой ты способен осуществить нечто замечательное, до этого не существующее. Разве это не удивительно? Задумайся об этом!

- И вокруг себя мы можем видеть только то, что заключено внутри нас?

- Да, если мы не встречаем Бога, то это происходит только потому, что мы не обнаружили Его в себе. Не совершили на этом пути каких-либо духовных обязанностей. Решили, что можно обойтись в жизни без духовных усилий, а это не приносит личного счастья, которое предполагает постоянные открытия на своём пути.

Нельзя приближаться к Воротам Истины и проходить сквозь них без размышления сердца: важна постоянная работа над собой, желание обрести себя. Иначе Вселенная не откроет нам карты. Не действуя, мы никогда не одолеем своих сомнений, и уж, конечно, не научимся принимать решения, неукоснительно следуя их исполнению. Осуществление желаний тогда

превращается в привычку, а достижение мечты – в заслуженное переживание блага.

- Нелегко, наверное, на этом пути оставаться в ладу с собой?

- Быть в ладу с собой, на самом деле, и означает единение с находящейся в тебе божественной силой, которая, между тем, всеведуща и вездесуща. Человеку остаётся только глядеться в неё, ни на секунду не забывая, что она – повсюду. Исследуй природу своей души, а Бог тебя никогда не оставит. Единственно верная реальность – надежда на самого себя, что являет ответственность перед Богом. У любой души достаточно возможностей для укрепления доверия к жизни и развития своей индивидуальности. И кстати культура предполагает почитание света, в первую очередь, в своей душе, и уже потом – в окружающем мире.

- Неудачи, конечно, неминуемы при этом?

- Не стоит впадать в уныние из-за постигшей тебя неудачи, если ты знаешь, что сделал всё возможное. Не переставай терпеливо продолжать свои поиски высшего смысла и собственного предназначения в этой жизни, и тогда Высшие Силы помогут тебе распознать его. Ответ на твой вопрос рано или поздно придёт, ты ясно определишь свой духовный путь, и провидение поведёт тебя по нему. Рано или поздно ты найдёшь этот долгожданный приют, располагающийся, оказывается, в твоей душе.

- В ней заключено всё твоё богатство?

- Быть богатым – значит стать самостоятельным во всём, осознающим себя человеком, что стоит и за себя, и за других. Он безусловен в своих мыслях и поступках, которые просты и правдивы, а твердыня убеждения его – божественна. Кого Бог накажет, тот сам помрёт, а такого – любя примет, до того он осознан во всём, что с ним происходит, он всегда реализует свои божественные возможности. Причём, во всех ипостасях: и в духовном плане, и в материальном, и в друзьях, и в семейных отношениях, и в том месте, где живёт человек, и в высокой, достойной цели, стоящей перед ним.

Богатство человека – это тот мир, который он сотворил. И нужно сделать так, чтобы каждый, кто соприкоснётся с ним, был бы счастлив. Быть по-настоящему богатым, значит, проявить в жизни наибольшую гармонию. Настолько, насколько это получится. Ведь во всех нас содержится божественная суть, и мы должны максимально её раскрыть. Истинно богатый – это тот, кто в полной мере реализовал себя, и его личные желания совпали со стремлениями души, а это невозможно без отдачи.

Задумайся: что ты дал этому Миру? Это ли не истинное счастье, когда вместо потребителя - ты становишься дарующим? Как это ни странно, через отдачу и приходит богатство.

- Здорово!

- Но богатство не должно быть целью жизни: оно должно приходить к человеку естественно, как следствие его постоянного развития, самосовершенствования. Только тогда оно принесёт радость и его невозможно будет потерять.

- Значит, истинное богатство – это наши способности, в полной мере реализованные?

- Радость жизни – в постоянном развитии. Успех заканчивает наш путь, по крайней мере, способствует в большей степени, чтобы он приостановился. Совершенствование же не имеет границ. Если ты достиг поставленной цели – не останавливайся, и намечай новые, ещё более высокие рубежи, тогда ты будешь постоянно развиваться, получая величайшее удовлетворение. Поэтому не следует удовлетворяться одним успехом, нужно стремиться к совершенствованию, смотреть с каждым разом ещё глубже и подниматься ещё выше.

- Всё это кажется таким завораживающе притягательным и надёжным, когда вы об этом говорите!

- Самое поразительное, что есть только настоящее, и именно здесь и сейчас ты должен научиться совершать правильные вещи.

- Всегда следуя тому Божественному, что заложено в тебе?

- Да. Таким должно быть твоё отношение к жизни, ибо каждый день является одинаково важным, и каждый день нам неоднократно предоставляется возможность быть здоровым и счастливым. Если ты думаешь, что такая возможность постучится в твои двери завтра, когда сегодня ты её не использовал, то это – заблуждение.

- А что такое долг? Должен ли человек что-либо обязательно осуществить при жизни или нет? Несёт ли он на себе подобную моральную ответственность? И вообще, должен ли он что-то кому-либо, даже – себе?

- Оказывается, должен… Его наиглавнейший и наиважнейший долг – быть удовлетворённым своей жизненной деятельностью. Это не простая задача. Она требует огромного напряжения, но если тебе всё-таки удалось понять свой талант и предназначение, и ты их успешно реализовал, признание непременно придёт.

- Выходит, долг означает обретение правды в себе?

- И когда это происходит – не только ты, но и многие вокруг тебя спасутся. Вот как важно, в первую очередь, заниматься собой, развитием своих способностей. И что интересно: любой, даже, казалось бы, самый незначительный случай при этом всегда оказывается для нас уроком. Каждое дерево, птица или порыв ветра, уж не говоря про штормовое волнение и океанские просторы, готовы поделиться с нами своей мудростью, и нужно быть чутким, имея внутреннее зрение, чтобы услышать её и с благодарностью воспользоваться для собственного роста и осознания в себе Господа.

То, что предназначено человеку, должно стать его священной целью, к которой ему следует двигаться несмотря ни на что, но если человек не делает этого – жизнь его будет прожита зря. Тот, кто подавляет свою внутреннюю природу, разрушает самого себя.

- А что вы можете пожелать мне?

- Если хочешь, чтобы твоя жизнь стала значительной – обрети свою душу, и она тебе всё подскажет. Не устаю говорить об этом.

- А что такое - радость, как передать словами – что это за состояние?

- Я определяю радость как постоянное переживание чувства удовлетворённости от всего, что ты совершаешь. Это какое-то нескончаемое ощущение внутреннего умиротворения и благополучия, чего бы ты ни делал.

- Согласие с собой и окружающим миром?

- И это, как производное подобного состояния, но, всё же, нечто более глубинное, значимее которого для человека ничего и нет. Переживая радость, ты соединяешься с неограниченными возможностями Вселенной, будто находясь вне времени, и даже твоя обычная повседневная деятельность озаряется маленькими чудесами.

- Не говоря уже о больших?!

- Радостью должен быть написан каждый наш день, и всё будущее. А ум не должен быть загромождён пустыми мыслями и эмоциями, - только жизнеутверждающими, созидательными. Радость – это наша основная природа, она приводит в движение мощные силы, чтобы осуществились все наши желания.

- А чего же тогда человек всё время ищет? Если жизнь – это не только обладание какими-то материальными плодами, и лишь одна радость, тогда что она такое на самом деле?

- Жизнь – это тот самый радостный свет, о котором мы уже не раз говорили. Это способность принимать то, что есть – таким, каким оно существует. Именно тогда наступает умиротворение, а жизнь представляется неописуемо прекрасной.

- Такова реальность?

- Чтобы быть счастливым, достаточно просто созерцать жизнь во всей её полноте и красоте, с радостью участвовать в жизненном процессе, осознавая и воспринимая мир как единое целое.

- И оно, это целое, называется гармонией, пронизывая всё сотворённое...

- Осознание целостности – вот основная и совершенная цель человечества! Неудовлетворённость от возможности воспользоваться лишь частью - побуждает человека добиваться чего-то ещё и ещё.

- Наверное, поэтому, чтобы облегчить человеку его нелёгкий путь, Господь и создал мир таким разнообразно чудесным?

- Красота помогает наполниться светом, стать таким же прекрасным, как цветок, распространяющим непревзойдённый аромат. Человек должен быть естественным в своих действиях и изъявлениях чувств, а не стараться производить впечатление. Так ты будешь по-доброму влиять на людей, не прилагая при этом каких-либо усилий. Всё будет происходить само собой.

Красота учит не властвовать над людьми, не подчинять их себе, лишая свободы, а приносить пользу без всяких условий. Ты живёшь, как цветок, и естественно распускаешься для всех. Цвести – твоё самое важное и в то же время простое призвание. Ты даже не стремишься делать добро, оно у тебя

просто получается, и всему причиной – красота, от которой мир становится лучше. Обретя секрет красоты, ты приносишь благо другим людям, хочешь того или нет.

- А слова о красоте чаще всего разрушают её… Да? Лучше, наверное, молчать, и через созерцание красивого – увидеть себя таким, какой ты есть!

- Очень верная мысль. Вообще, переживание красоты должно развивать человеческое сознание. Красота готовит почву для духовного пробуждения человека. Иисус, не зря, призывал людей созерцать цветы и учиться у них мудрости жизни. То же самое можно сказать и о камнях, и о птицах, и о величественной океанской стихии…

- А в чём заключена главная беда человека?

- Причина, по которой человек не может создать для себя более совершенную жизнь в том, что она уже и так совершенна. Он просто не распознаёт эту совершенную истину. Человек бесконечно жаждет накопления материальных благ, мечтая достигнуть когда-нибудь удовлетворения, и это стремление, основанное на ощущении собственной неполноты, чрезвычайно губительно.

- Жизнь совершенна такой, какой она есть?!

- Наконец-то! И понимание её целостности – это и есть самое совершенное отношение к жизни. Если бы восприятие всех людей стало чистым!

- А зависит это от каждого в отдельности?

- Конечно. Ведь целое ведёт себя так же, как ведут себя его части. Каждый из нас способен внести свой вклад в нерушимую сокровищницу Вселенной, если будет оставаться честен по отношению и к ней и к себе, к самой сути жизни. Нужно просто осознать истинного себя.

- Это, наверное, должно стать самым главным желанием человека.

- Стремление реализовать подобное желание заставляет людей совершать самые немыслимые подвиги и мечтать о далёких мирах. Оно вдохновляет разбудить в себе огромные возможности, заложенные Богом.

- Желание нужно обнаружить и выполнить, несмотря ни на что… Это понятно. Но вот только что поделать с таким нашим качеством: когда мы утоляем одно желание, на его место приходит другое?

- Желание должно быть настоящим, единственно достойным, самым сокровенным. И тогда удовлетворение от достижения его сохраняется долгое время, быть может – всегда. Ты не отрываешься от жизни, а именно живёшь, сохраняя внутренний покой. Тебе ничего не нужно, кроме того, что у тебя есть, а если и возникают какие-то самые обыденные желания, то они не имеют над тобой власти. Волны бесконечных, испепеляющих душу желаний больше не захлёстывают тебя.

- Ощущая собственную целостность, ты не досягаем для них?

- Имея больше самого большего разве можно в чём-либо нуждаться? И ведь всё это было предназначено человеку изначально, он только не решался

к нему подступиться. Осознай себя, и все творения мира лягут к твоим ногам. Но только одни добрые дела не открывают нам путь на небеса…

- Что же ещё тогда?

- Ты должен обрести себя, и уже не быть подверженным влиянию звёзд… Всевышние Силы больше не управляют тобой, ты – сам хозяин своей судьбы!

- Как такого достичь?

- Да, с человечеством из века в век происходит одно и то же: оно никак не может докопаться до истинных причин всего Сущего. А познавать себя – это значит искать и найти внутренний свет в пределах собственной души.

- Значит, всё есть в нас самих?

- Да. Нужно только это открыть в себе… Не идти на поводу беспокойного ума, а быть разумным, вернее – слушать сердце.

- А что такое разум?

- Разум – это способность осознавать и следовать высокой цели. Доступ к знаниям открывается лишь тому, кто способен быть смиренным, то есть – иметь спокойный ум, которым человек в состоянии управлять. Ещё нужно быть свободным от привязанностей, и при этом сосредоточенно трудиться, проявляя истинную самоотверженность. Всё это должно стать для тебя нормой.

- А что значит быть смиренным? Подобное состояние воспринимается на первый взгляд слабостью…

- Смирение – это полное принятие ситуации, в которой ты оказываешься. Ты принимаешь всё, что уготавливает тебе жизнь и относишься к этому так: раз пришло – значит так и надо. Но всегда остаёшься ответственным за свою жизнь, понимая истинную цену времени.

- И это позволяет внутренне спокойно принимать любого человека и любое развитие событий?

- Всё верно. Умение видеть всех на одном уровне – это и есть единственно правильный божественный взгляд на мир. Если у тебя что-либо получается лучше, чем у других, - это не повод для гордыни. Будь благостен, спокоен, твёрд, и помни, что последнее слово всегда остаётся за Богом.

- Главное – быть сосредоточенным на настоящем, на собственной жизни? Это делает нас живыми?

- Когда ты начинаешь понимать, что всё хорошо уже так, как оно есть – значит, тебя посетило ощущение благополучия, которое уже невозможно потерять. Ты интуитивно знаешь, что жизнь тебе удалась, ты живёшь уже не только по человеческим, но и по божественным законам, и если жизнь твоя не совсем совершенна – это не причина считать, что она в скором времени не станет лучше. Душевная боль тебя уже не беспокоит, если ты устремляешься к познанию своей сути. Ворота в твоё собственное «Я» никогда не заперты, и человек всегда богат, если Бог – в его сердце. Нужно обязательно прийти к пониманию этого, и именно это сделает твои чувства совершенными по отношению к Миру, всем людям. Все мы интуитивно ощущаем его

правильность, и надо научиться следовать этому верному восприятию, совершенно естественному и простому, отображающему прекрасную обыденность жизни.

- А в чём цель взаимоотношений? Почему они существуют? Без них никак не обойтись?

- Трудно… Ведь многие вступают в отношения в надежде что-либо получить, исключительно – ради выгоды, желая извлечь пользу, а если не видят её, то тут же проявляют безразличие. Но всё это не укрепляет отношения людей. Истинная причина взаимоотношений – в осознании себя и в возможности отдавать другим всё богатство собственной души. Я в своих путешествиях пришёл именно к этому.

- А ещё к чему?

- Прежде всего, к тому, что все мы, каждый человек, должны постичь свою душу, её предназначение здесь, на Земле, чтобы слиться потом с безграничной Вселенной, за пределами страданий, где живёт только безмятежная радость и любовь. Преисполниться внутренней силой, заложенной в нас Богом, - вот единственно достойная цель, ради которой стоит жить.

- Я тоже буду к этому стремиться…

- Только не забывай, что важна каждая секунда, именно сейчас, и наше настоящее не должно незаметно проходить мимо, будто его и не было. Не упусти свою жизнь.

Человек должен жить так, чтобы у него было настоящее лицо, постоянно, одно и то же, в противном случае – это всего лишь маска. Ведь знание приходит только из твоих собственных глубин, иного пути нет, и почему бы не попытаться однажды узнать: кто ты? А, узнав, стать им, самим собой. У тебя обязательно получится, ты только попытайся.

Люди так и не научились жить в одиночестве, а значит – быть самими собой, они привыкли зависеть друг от друга, им обязательно нужно, чтобы кто-то был рядом. Так вот, не бойся быть собой, никто ничего тебе не сделает, когда узнает – кто ты есть на самом деле. Скорее, позавидует, что не в силах так же уважать и любить себя, видеть и в себе и во всём Бога. Так что - ни к чему притворяться: пусть тебя заботит только твоя глубинная суть, непрерываемая связь с Великим Источником. Вот что самое главное.

И так, мой дорогой читатель, наше путешествие завершено, и пришла пора прощаться. Я достаточно долго вёл тебя по страницам этой большой книги – «Путешествие в душу моря», своей дальней, дальней дороге длиною в целую жизнь. Многое в ней, наверное, можно было бы опустить, оставив самое главное, но дорога ведь тем и хороша, что она не всегда увлекает, порой она становится ничем не примечательной и однообразной. И, тем не менее, именно это однообразие пути, порядком наскучившее, протекающее, вроде бы, незаметно, слагает будущие важные события. Неприметное, не

бросающееся в глаза, то, что, кажется, и не запоминается вовсе, имеет потенциал когда-нибудь превратиться в нечто достойное. В этом – секрет пути, несмотря ни на что стремящегося к постижению и открытиям.

Я завершил своё главное в жизни путешествие, но мне уже хочется отправиться дальше, и побывать во всех иных мирах, созданных Богом, а затем оказаться рядом с Ним, в Первопричине Сущего, на волнах Вечного Мудрого Океана, в полной мере ощутив Его Благо и Мощь. И в этом благостном сотворчестве учиться у Него тоже становиться Божеством, создавая по образу своему и подобию разные миры, в которых будут рождаться удивительные существа, может быть похожие на людей. Иначе, ради чего люди служат Богу и приносят Ему в жертву свои наилучшие устремления души?!

Без открытий невозможно познание. Познание – это удивительное состояние нашего сознания, которое жаждет постижения Божественного Мира, его непоколебимого единства в своём волшебном разнообразии. Оно неустанно вглядывается в космическое пространство и, ощущая великую тайну, постепенно понимает, что никогда не сможет его постичь. Но в то же время не оставляет попыток объяснить необъяснимое, испытывая невыразимую потребность роста в собственных исканиях.

Без непосредственно переживаемого опыта невозможно постичь, что наивысшая сложность – в простоте, и прийти к ней можно только осознанно, со способностью видеть в своей жизни единственно верный смысл и цель, все свои возможности и необходимость их раскрытия, то есть – познание самого себя. А познав самого себя, ты сможешь познать что угодно, обретая бессмертную сущность Вселенной, дарующую безмятежную радость: ты готов принять всё только потому, что оно существует. Принятие себя и Мира - есть ясное понимание того, кто ты, куда и зачем идёшь, воспринимаешь ли сущность всего окружающего мира целиком, при этом чётко осознавая, что Бог пребывает во всём, и значит ты – тоже Бог.

2008 – 2024 гг.
г. Пермь.

Оглавление

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ «И ДАЛЬНЯЯ, ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА» 10
ПРОЛОГ 12
«ЗНАК СУДЬБЫ» 16
«СНЫ НАЯВУ» 33
«БЕЛЫЕ ХОЛМЫ» 60
«СТАРЫЙ КУДЕСНИК» 72
«У САМОГО МОРЯ» 95
«ПОЧЕМУ НЕРОН БЫЛ КРОВАВЫМ?» 135
«ЛИЦА НОВЫЕ – ЛИЦА СТАРЫЕ» 146
«РЫЖИЕ, РОЗОВЫЕ, ГОЛУБЫЕ» 176
« ПОД ЗНАКОМ РЫБЫ» 195
«АВРАЛ» 249
«КТО СМОТРИТ В МОРЕ» 280
«ВЕЛИКАЯ ЧАША ЖИЗНИ» 303
«РОДНАЯ СТИХИЯ» 327
«ЛАГУНА БУССЕ» 347
«ВДАЛИ ОТ МОРЯ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ И БЛАГОТВОРНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЙ» 362
«ОСТРОВ – КАК ОН ЕСТЬ» 399
« О РОМАНТИКЕ» 412
«ТАТАРСКИЙ ПРОЛИВ» 417
«СТАН» 437
«НИВХИ» 446
«ИОНА» 467
«О ЧЁМ МОЛЧАЛ КОЛОКОЛ ПОЛУОСТРОВА ШМИДТА» 480
«ОТКРОВЕНИЯ КРИЛЬОНА» 510
«ЛЕДЕНЯЩИЕ ТУМАНЫ» 546
«ЭТО – САХАЛИН!» 574
ВТОРАЯ ЧАСТЬ «МОРЕ МОЁ» 582

«ДЫХАНИЕ МОРЯ» 583
«БЕРЕГА» 599
«КРАЙ СВЕТА» 608
«ДОРОГИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ» 617
«ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО» 656
«ОДИНОКИЕ УТЁСЫ» 664
«КАМНИ МОРЯ» 669
«ШТОРМА» 680
«ЛЬДЫ» 715
«О ЯПОНИИ» 729
«КИТЁНОК» 762
«КАЛАНЫ» 780
«СИВУЧИ» 796
«БЕЛУХА» 807
«МАТУШКА-НЕРПА» 818
«СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА» 831
«ПТИЧИЙ БАЗАР» 842
«БАКЛАН» 872
«КАЧУРКИ» 880
«МОНЕРОН» 885
«КАЙРЁНОК» 891
«ПРИБОЙ» 897
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ «ПОД ВОДОЙ» 901
«МИР ВДОХНОВЕНИЯ 902
«ВРЕМЯ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ДЛЯ ЛОВЦОВ ЛАМИНАРИИ И МОРСКИХ ЕЖЕЙ» 969
ДАРЫ МОРЯ 1026
«УСТРИЦЫ» 1029
«ГРЕБЕШОК» 1035
«МИДИИ» 1044

«МОРСКОЕ БЛЮДЕЧКО» 1049
«ГАЛИОТИС» 1054
«НАТИКА» 1058
«БУКЦИНИИ И НЕПТУНИИ» 1062
«ХИТОН СТЕЛЛЕРА» 1066
«РАК-ОТШЕЛЬНИК» 1072
«ЗВЁЗДЫ» 1078
«АСЦИДИИ И АКТИНИИ» 1085
«КРАБЫ» 1090
«МЕДУЗЫ» 1106
«ГУБКИ» 1117
«ОСЬМИНОГ» 1123
«ЗУБАТКА» 1142
«БЫЧОК» 1146
«МАСЛЮК» 1152
«МОРСКОЙ КОНЁК» 1155
«КАМБАЛА» 1159
ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ «К У Р И Л Ы» 1162
«ОСТРОВА» 1163
«ШИКОТАН» 1172
«КУНАШИР» 1203
«ИТУРУП» 1221
«УРУП» 1252
«МАТУА» 1309
«ОНЕКОТАН» 1324
«ПАРАМУШИР И ШУМШУ» 1338
«ОСТРОВ АТЛАСОВА» 1364
«ПОСЛЕ ШТОРМА» 1390
ЭПИЛОГ 1396